Право И Государство Пресс

E-mail: prigos@mail.ru

www.prigospress.ucoz.ru

ISSN 1815-1337

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО:

теория и практика

2026

№ 1

- *Бидова Б.Б., Быстрова Ю.В., Мелешко О.П.* Методологические подходы к концептуализации религиозной политики государства
- *Азархин А.В.* Эпистемологические разрывы в истории правовой мысли: как научные революции меняли основы юридического знания
- *Фетищев Д.В., Галузо В.Н.* О многоликости философии в Российской Федерации
- *Ермаков Д.Н., Савинкина Л.А.* Правовые механизмы монетизации инноваций в ракетно-космической отрасли
- *Редкоус В.М.* Гражданская оборона или гражданская защита? Опыт государств-участников СНГ в определении понятий
- *Ашмарина Е.М.* К вопросу о состоянии юридической техники современного налогового права
- *Напсо М.Б., Агирбов Т.Р.* Права человека в цифровом пространстве
- *Ельчанинов А.П.* К вопросу об определении понятия правосудия
- *Иванов П.И.* Методологическая основа формирования оперативно-розыскной политики в условиях цифровизации
- Другие материалы

ISSN 1815-1337

9 771815 133771

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО:
теория и практика. 2026. № 1
Федеральный научный юридический ежемесячный журнал

LAW AND STATE:
the theory and practice. 2026. № 1
Federal scientific juridical monthly journal

Учредитель: *А.И. Бобылев*

Издатель: Издательство «Право и государство пресс»

Главный редактор: *С.В. Алексеев – доктор юридических наук, профессор (Москва)*

Ответственный редактор: *С.В. Зубкова (Москва)*

Редакционный совет:
С.В. Алексеев – д.ю.н., профессор (Москва),
А.П. Анисимов – д.ю.н., профессор (Ростов-на-Дону),
Е.М. Ашмарина – д.ю.н., профессор (Москва)
Б.Б. Бидова – д.ю.н., доцент (Нальчик),
С.А. Боголюбов – д.ю.н., профессор (Москва),
О.В. Болтинова - д.ю.н., профессор (Москва),
К.А. Долгополов – д.с.н., доцент (Ставрополь)
Н.А. Духно – д.ю.н., профессор (Москва),
Д.Н. Ермаков – д.п.н., д.э.н., профессор (Москва),
В.Н. Жуков – д.ю.н., д.ф.н., профессор (Москва),
А.И. Землин - д.ю.н., профессор (Москва),
П.В. Крашенинников – д.ю.н., профессор (Екатеринбург),
Н.В. Кроткова – к.ю.н. (Москва),
В.Е. Лукьяненко – д.ю.н., профессор (Ульяновск),
А.В. Малько – д.ю.н., профессор (Саратов),
Т.А. Полякова – д.ю.н., профессор (Москва),
Г.А. Прокопович – д.ю.н., доцент (Москва),
Д.Х. Сайдумов - д.ю.н., доцент (Москва),
Е.А. Фролова – д.ю.н., профессор (Москва)
В.В. Чубаров – д.ю.н. (Москва)

Редакционная коллегия:
И.В. Ершова – д.ю.н., профессор (Москва),
Н.Г. Жаворонкова – д.ю.н., профессор (Москва),
Н.М. Золотухина – д.ю.н., профессор (Москва),
П.А. Калиниченко – д.ю.н., профессор (Москва),
В.В. Комарова – д.ю.н., профессор (Москва),
М.А. Лапина – д.ю.н., профессор (Москва),
М.М. Милованова – к.ю.н., доцент (Москва),
В.М. Редкоус – д.ю.н., профессор (Москва),
Н.А. Соколова – д.ю.н., профессор (Москва),
О.А. Шевченко – д.ю.н., доцент (Москва)

Constitutor: *A.I. Bobylev*

Publisher: Publishing house «Law and state press»

Chief editor: *S.V. Alekseev – Doctor of Law, Professor (Moscow)*

The editor-in-chief: *S.V. Zubkova (Moscow)*

Editorial council:
S.V. Alekseev – Doctor of Law, Professor (Moscow),
A.P. Anisimov – Doctor of Law, Professor (Rostov-na-Donu),
E.M. Ashmarina – Doctor of Law, Professor (Moscow),
B.B. Bidova – Doctor of Law, Associate Professor (Nalchik),
S.A. Bogolyubov - Doctor of Law, Professor (Moscow),
O.V. Boltinova - Doctor of Law, Professor (Moscow),
K.A. Dolgopolov - Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor (Stavropol)
N.A. Dukhno – Doctor of Law, Professor (Moscow),
D.N. Ermakov - Doctor of Political Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor (Moscow),
V.N. Zhukov - Doctor of Law, Professor (Moscow),
A.I. Zemlin - Doctor of Law, Professor (Moscow),
P.V. Krasheninnikov – Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg),
N.V. Krotkova – Associate Professor (Moscow),
V.E. Lukyanenko – Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk),
A.V. Malko – Doctor of Law, Professor (Saratov),
T.A. Polyakova – Doctor of Law, Professor (Moscow),
G.A.Prokopovich –Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
D.Kh. Saydumov - Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
E.A. Frolova - Doctor of Law, Professor (Moscow)
V.V. Chubarov - Doctor of Law (Moscow)

Editorial board:
I.V. Ershova - Doctor of Law, Professor (Moscow),
N.G. Zhavoronkova – Doctor of Law, Professor (Moscow),
N.M. Zolotuhina – Doctor of Law, Professor (Moscow),
P.A. Kalinichenko – Doctor of Law, Professor (Moscow),
V.V. Komarova – Doctor of Law, Professor (Moscow),
M.A. Lapina – Doctor of Law, Professor (Moscow),
M.M. Milovanova – Candidate of Law, Associate Professor (Moscow)
V.M. Redkous – Doctor of Law, Professor (Moscow),
N.A. Sokolova – Doctor of Law, Professor (Moscow),
O.A. Shevchenko – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)

Зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № 77-17836 от 22 марта 2004 г.

Адрес редакции и издателя:
141075, Россия, Московская область, г. Королев, Дворцовый проезд, 4-230.
E-mail: prigos@mail.ru; www.prigospress.ucoz.ru.
Тел./факс: 8-498-602-92-34; 8-926-653-70-20

Журнал включён Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобразования и науки РФ в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4)
Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), CrossRef (DOI).

При подписке данные о журнале можно найти в Каталоге «Периодических изданий. Газеты и журналы». Подписка 2026. Первое полугодие. Наш индекс 11193.

За достоверность и точность данных, приведённых в статье, ответственность несут авторы статей и других материалов.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Издательство «Право и государство пресс», 2026 (16+)

СОДЕРЖАНИЕ 2026 № 1

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Чимаров С.Ю.
Теоретико-правовой анализ техники OSINT
в контексте соотношения права и морали: на основе зарубежного опыта……..8

Шлякова А.В.
Предпосылки формирования института прав детей
в правовой культуре Соединенных Штатов Америки……..11

Раттур М.В.
Общероссийская идентичность в коммеморативном дискурсе: правовой аспект…14

Леснова Н.И.
Взаимодействие правовых и моральных норм
в правовой культуре современного российского общества……18

Якуньков В.В.
Теоретико-правовая эволюция охраны здоровья как социальной функции
государства: от патерналистской модели к конституционной гарантии……...21

Розанова Е.В.
Понятие и онтология нравственности функционирования государства……25

Шикалев Т.М.
Понимание принципа справедливости в Древней Греции……..29

Фастович Г.Г.
Патриотическое воспитание как основа формирования антитеррористического
сознания студентов в системе высшего образования……..33

Шитова Т.В.
Роль информационных правоотношений в системе права……..36

Фастович Г.Г.
Местное самоуправление и эффективность государственной власти:
вопросы соотношения……38

Постриганов Е.А.
Происхождение прав человека: причины и основные условия……..41

Склифус С.В.
Гражданское общество и важность его роли
для современного российского государства……45

Губарева А.В.
Физические лица как субъекты внешнеэкономических правоотношений……47

Сивцев Н.И.
Прокурорский надзор за исполнением законодательства
в сфере промышленности в 1929-1936 гг……..52

Кашкин С.Ю., Махмадиев Р.З.
Правовой антропоцентризм
как инструмент преодоления методологического кризиса профессии юриста….57

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Соловьева Н.Ю.
Вопросы духовного суверенитета
в воспитательной парадигме современного образования……62

Блинов Р.Н.
Преимущественное право субъектов РФ на покупку земельных участков
сельскохозяйственного назначения – пора отменять?.....65

Ерёмина И.С.
Институт защиты персональных данных в Российской Федерации:
основные направления совершенствования правового регулирования……71

Александров Г.Д.
К вопросу о понятии
«конституционно-правовой статус органа государственной власти»……75

Власова Е.Л., Сараева О.Н.
Разработка корпоративных стратегий:
роль юридического сопровождения и защита интересов компании……..80

Власова Е.Л.
Административные барьеры и дерегулирование в сфере услуг:
баланс интересов бизнеса и потребителей……83

Булгакова Л.С.
Экологические риски цифрового мира: правовое регулирование
углеродного следа интернет-технологий и виртуального загрязнения……..86

Гуреева О.А.
Процессуальные аспекты подготовки административного дела
в административном судопроизводстве……88

Мусатова С.Г.
К вопросу о правой защите статуса русского языка……93

Мельников В.С.
Когда что-то пошло не так в государственном управлении. Рецензия на учебник
д.ю.н., проф. И.В. Понкина «Девиантология государственного управления»…..98

Шокур А.В.
Понятие и виды разрешительного производства……....101

Ремизова Л.С.
Организационно-правовые механизмы повышения эффективности прокурорского
надзора за соблюдением прав и свобод граждан: анализ статистических данных..104

Наумов О.Д., Айснер Л.Ю., Лисина Л.Г.
Молодежное предпринимательство в России:
тренды, драйверы роста и институциональная поддержка……106

Липунцова А.В.
Административное принуждение:
понятие и содержание теоретической конструкции……109

Панин В.О.
Развитие информационно-правового понятия «данные»: проблемы и перспективы..115

Тюнин В.А.
Акты прокурорского реагирования в условиях чрезвычайных ситуаций……119

Маюров Н.П., Бахвалов Л.П.
Актуальные вопросы предупреждения и пресечения незаконной миграции
в Европейском союзе и странах БРИКС……..122

Бабич Н.В.
Особенности концепции построения единого и независимого органа предварительного
следствия в Российской Федерации: часть четвертая «пути развития»……127

Газимагомедова Н.А.
Интегративный конституционализм как методологическая основа обеспечения прав
граждан в регионах России (на примере Северо-Кавказского федерального округа).132

Мухлынина М.М.
К вопросу о формировании механизма государственного управления
Арктической зоной Российской Федерации: эколого-правовой аспект……135

Соловьев А.А.
Высший совет магистратуры Алжирской Народной Демократической Республики
после конституционной реформы:
правовые основы деятельности и порядок формирования……140

Унтеров В.А.
Финансово-правовые аспекты управления
государственным долгом и бюджетным процессом……...146

Бредихин А.Л., Парфенов Н.П.
Формирование теории административного права
в отечественной науке (учение профессора В.А. Юсупова)……149

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Борецкая Л.Р.
Злоупотребление процессуальными правами: доктринальные подходы к определению151

Ермаков Д.Н., Савинкина Л.А.
Правовые механизмы монетизации инноваций в ракетно-космической отрасли…155

Маринкин Д.Н.
К вопросу о продаже квартир под влиянием мошенников……160

Панарина М.М.
Безопасность электронных транзакций в электронной торговле:
роль электронных обычаев и новые технологические тренды
при соблюдении принципов бережного оборота данных……...163

Киндеев В.О.
Особенности конкурсного оспаривания семейно-правовых сделок
несостоятельного должника – индивидуального предпринимателя……166

Коротенко А.Ф.
Понятие правового режима цифровых экосистем и платформ……..169

Яковенко Е.В.
Понятие недвижимых вещей в российском гражданском праве:
проблемы правоприменения……...172

Каменева П.В.
Клиническое юридическое образование: инновации в консультировании……...176

Войтович Л.В.
Особенности правового регулирования подведомственности и подсудности по ГПК
РСФСФ 1923 г.: значимый этап для поступательного развития современного
отечественного цивилистического процессуального законодательства……....180

Кононов Н.К.
Договор каршеринга: правовая природа, особенности заключения и исполнения…184

Летягина Е.А.
Реестр неплательщиков алиментов: трансформация подходов
к борьбе с задолженностями по алиментным обязательствам……...188

Юсифов Т.И.
Особенности пределов осуществления авторских прав
на произведения науки и литературы в цифровой форме……...…192

Ушакова Е.В., Андрианова В.В., Кобзева Е.И.
Правовой инструментарий регулирования
договорных отношений рекламы в сети Интернет……196

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Болдырев С.Н.
Юснатурализм и позитивное право
как проблема баланса частного и публичного интереса……200

Болдырев С.Н.
Аксиологический контекст соотношения права и гражданского общества……204

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Годованик Е.В., Квач С.С.
Гражданско-правовая интеграция новых субъектов Российской Федерации:
теория, механизмы, перспективы……208

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Рашидов И.Г. оглы.
Международно-правовые последствия санкционного давления на РФ
для правоохранительного сотрудничества в рамках ЕАЭС И ОДКБ……...212

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Красильников И.А.
Экономические и правовые детерминанты становления
института несостоятельности в советский период……216

Чечета Н.О.
Значение экологического воспитания и образования
в подготовке и практической деятельности юристов……220

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Корсунова А.С.
Влияние правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации
на цивилистический процесс: некоторые итоги 2025 года……223

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Мурзина И.А., Султанов М.Ю.
Нормативно-правовое регулирование государственного контроля и надзора
в сфере жилищно-коммунального хозяйства……..228

Басиев М.С.
К вопросу о муниципально-правовом аспекте в деятельности агломераций в РФ.232

Голоманчук Э.В., Попов К.А., Астафурова О.А.
Династийность в рамках конфликта интересов……..236

Андреев А.В.
Анализ практики применения
дистанционного электронного голосования в Российской Федерации……...241

Ашмарина Е.М.
К вопросу о состоянии юридической техники современного налогового права245

Редкоус В.М.
Гражданская оборона или гражданская защита?
Опыт государств – участников СНГ в определении понятий……..249

Истомин А.П.
История становления отечественного института профилактики
семейно-бытовых правонарушений……253

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Бадамшин О.И.
Защищаемое лицо в уголовном процессе: понятие и виды……..257

Ахъядов Э.С-М.
Разработка терминологии в сфере посягательств на информационное
пространство как способ решения проблемы квалификации преступлений
в области информационно-коммуникационных технологий……259

Хаджиев У.К.
Гибридный контроль: институт пробации
в системе уголовно-правового воздействия современной России……264

Агаев Р.М.
Особенности сообщения о совершенном или готовящемся преступлении,
полученное из иных источников, как основного повода
для возбуждения уголовных дел по статье 207.3 УК РФ……..267

Петрова О.В., Зворыгин И.С.
Перспективы применения зарубежного опыта цифровизации
в досудебном уголовном судопроизводстве Российской Федерации……..…271

Шемчук С.Ю.
«Результаты оперативно-розыскной деятельности»:
подходы к определению уголовно-процессуального
и оперативно-розыскного понятий (с учетом зарубежного опыта)……..…275

Марушко А.В.
Закономерности следообразования при совершении преступлений,
связанных с нелегальной деятельностью на финансовом рынке,
совершенных дистанционным способом……279

Ступникова А.И.
Процессуальный порядок рассмотрения судом ходатайств следователя
об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу,
домашнего ареста, запрета определенных действий, залога……..284

Богунова Г.В., Кириллов Н.А.
Арест как вид уголовного наказания: правовые основы и перспективы развития…...290

Кудрявцева Н.А.
Правовое регулирование применения гипноза по законодательству России……...294

Агаев Г.А. оглы, Медведева А.А.
Об оптимизации норм в сфере регламентации ответственности за подделку,
изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград,
штампов, печатей, бланков……....297

Шутова Ю.А.
Функциональные роли соучастников при совершении угрозы убийством или
причинением тяжкого вреда здоровью с публичной демонстрации в сети интернет..300

Лядов Э.В.
Новеллы законодательства в применении наказаний,
альтернативных лишению свободы……..303

Недбайлов П.А.
Об обоснованности выделения мошенничества
при получении выплат в специальную норму……..…306

Коростиев А.А.
Ключевые особенности уголовной охраны
патентообладателей в Российской Федерации……310

Манжаро В.В.
Особенности изъятия цифровых следов с облачных сервисов
и распределённых сетей: правовые и криминалистические аспекты……315

Панкратов С.А.
Ужесточение уголовной ответственности за наемничество:
причины и практическое обоснование……..…319

Качмазов Р.О.
Является ли преподаватель субъектом получения взятки?.....322

Сидорова Е.З.
О внешних угрозах криминологической безопасности образования……326

Маликов С.В.
Охрана чести и достоинства уголовно-правовыми средствами: спорные вопросы.329

Ельчанинов А.П.
К вопросу об определении понятия правосудия……..335

Шарафутдинов Г.Р.
Особенности хищений на маркетплейсах: объект и предмет преступления……338

Сагидуллин Р.Х.
Особенности предмета, задач, методологии теории использования
специальных медицинских знаний в уголовном судопроизводстве
и их соотношение с судебно-медицинскими знаниями……..342

Азархин А.В., Соколов Д.С.
Проблемные вопросы доведения до самоубийства
с использованием социальных сетей и интернета……...345

Шоуа О.Н.
Прокурорский надзор в уголовно-исполнительной системе:
теоретические аспекты……...……349

Афанасьев П.Б., Елисов П.П.
Принципы и особенности работы с полиграфом
в правоохранительных органах Российской Федерации……353

Мартынов В.В., Моисеев Н.Д.
Первоначальное обучение в системе дополнительного профессионального
образования ФСИН России: цели, содержание, методология и перспективы…….356

Лапша В.Л.
Достижение цели без риска: вопросы квалификации……359

Иванов П.И.
Воспоминание о видных ученых – процессуалистах
(В.П. Божьев и В.А. Михайлов)……362

Погребинская М.Н.
Устойчивость алгоритмов компьютерного зрения
как условие допустимости цифровых доказательств……..368

Чуниха А.А., Цыганкова Е.А., Зиновьева Е.О.
Вопросы квалификации взяточничества: позиция Верховного суда РФ……..372

Хусаинов Р.Р., Казак И.Б.
Некоторые вопросы обеспечения прав личности
при осуществлении оперативно-розыскной деятельности……376

Шагеева Р.М.
Помещение лица в медицинскую организацию
как мера процессуального принуждения в уголовном процессе……...379

Цаплин И.С.
Правовое регулирование деятельности подразделений охраны в различные
исторические периоды……...382

Гаманенко Л.И., Елисов П.П.
Современные подходы к превенции повторной преступности осужденных……...385

Прихожая Л.Е., Горовой В.В.
О некоторых мерах предупреждения преступлений,
связанных с незаконным оборотом наркотических средств…….388

Гавриков Е.В.
Фоноскопическая экспертиза телефонных переговоров осужденных:
проблемы достоверности при цифровой компрессии и VOIP-связи……392

Кутуков С.А., Казак И.Б., Грушин Ф.В.
Влияние научно-технического прогресса на форму,
содержание и проведение оперативно-розыскных мероприятий…….395

Иванов И.И.
Методологические основы предупреждения преступлений,
осуществляемого в досудебном производстве
по уголовным делам следователями и дознавателями……..399

Жане А.И.
Надзор прокурора за оперативно-розыскной деятельностью в рамках проведения
доследственной проверки по делам о мошенничестве, хищении бюджетных
средств, злоупотреблении и превышении должностных полномочий…….406

Омелин В.Н., Пьянков М.Н.
К вопросу об обязанностях лиц, оказывающих
конфиденциальное содействие органам, осуществляющим ОРД……409

Гринько С.Д.
Антикриминальная безопасность несовершеннолетних
как одна из задач обеспечения национальной безопасности……412

Корзун И.Г.
Влияние социальных факторов на формирование личности серийного убийцы…415

Долженко В.В.
Планирование участия государственного обвинителя в судебном следствии
по уголовным делам о занятии высшего положения в преступной иерархии…418

Совач Д.В.
Интересы службы в коммерческих и иных организациях
как объект преднамеренного банкротства……..421

Солдаткин В.С., Щербакова Д.С.
Полномочия администрации исправительного центра,
реализуемые на стадии исполнения приговора……..……425

Спесивов Н.В.
Транспарентность уголовного судопроизводства в условиях цифровизации
и информатизации: международный и зарубежный опыт реализации……428

Смыслова В.Н.
Патриотическое воспитание как инструмент противодействия
экстремистским тенденциям в молодежной среде
в условиях радикализации и роста протестной активности населения……433

Цыцюра М.П.
Особенности предмета доказывания при расследовании преступлений
коррупционной направленности, совершенных преступными группами……...436

Марченко А.В., Марченко В.В.
Сравнительный анализ правового положения осужденных к содержанию
в дисциплинарной воинской части и осужденных,
отбывающих лишение свободы……...438

Владимиров С.В., Яворский М.А., Смагин Е.Д.
К вопросу о характеристике обстановки совершения
отдельных преступлений террористической направленности……..443

Храпенкова Е.Ю.
Принятие решения следователем…….448

Прихожая Л.Е.
Об отдельных направлениях совершенствования методики раскрытия
преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков……...452

Иванов П.И.
Методологическая основа формирования
оперативно-розыскной политики в условиях цифровизации……456

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Никитин С.М.
Юридическое лицо как субъект правоотношений…….461

Кузьмин Р.Ю.
Основные источники правового регулирования недропользования
в колониях Британской империи в начале XX в……465

Черкашина Н.В., Разумеев В.С.
Опыт реформаторских проектов «сверху»:
проблемы ограничения самодержавия и введения
народного представительства в Российской Империи в XVIII - XIX вв……....471

Соколов В.В.
Аксиологические основания правового регулирования:
теоретико-правовая реконструкция…….475

Чукаев Т.О.
Роль семьи в условиях формирования гражданского общества
(по работам В. Н. Лешкова)……..479

Ревина С.Н., Кортунов Д.А.
Теоретико-правовой анализ юридической ответственности…….482

Фетищев Д.В., Галузо В.Н.
Об отложении разбирательства гражданского дела в Российской Федерации
(опыт праворегулирования в Кунцевском районном суде города Москвы)……485

Чернявский Д.А.
Разнообразие подходов к понятию правоприменение в истории
российской правовой мысли (вторая половина XIX – начала XX веков)……489

Зозуля А.А., Ермолович Г.П., Маюров Н.П.
К вопросу о месте юридической техники в системе правоведения……..494

Пьянусов А.В., Талянин В.В.
Классификация принципов права…….498

Шевченко К.В., Болотин Д.Д.
ФССП России, как субъект национальной безопасности……..504

Назарова И.С.
Национальный и государственный суверенитет Российской Федерации
в условиях новых вызовов и угроз……508

Маковская П.Н.
Машинное обучение систем искусственного интеллекта для использования
в правоприменении. Философские проблемы и аналогии в сфере психологии…...513

Дашин А.В., Герасименко М.Н.
Место устава ООН в конституционных системах зарубежных стран:
сравнительно-правовой анализ…….518

Кудашова И.В.
К вопросу о государственном контроле в сфере защиты прав человека……..521

Канищев В.П., Платова П.В., Трубникова М.А.
Дискуссионные вопросы правопреемства государств: проблема
юридической природы в контексте различных типов правопонимания……..524

Пьянусов А.В., Старова Е.А.
Общий обзор решений Конституционного Суда Российской Федерации
в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина……...527

Гвоздева И.А., Никишин В.О.
Рим против пиратов в I в. до н.э.:
возникновение и падение квазигосударства Зеникета……532

Высоцкая Л.П.
Вопросы реализации принципов правового государства в современной России…536

Бидова Б.Б., Быстрова Ю.В., Мелешко О.П.
Методологические подходы
к концептуализации религиозной политики государства……...540

Масленников Д.А., Працко Г.С., Керимов М.М.
Проблемные аспекты судебных преобразований в России
второй половины XIX – начала XX вв…….....544

Черкашина Н.В., Разумеев В.С.
Оценка компетенции парламента Российской Империи в сфере законодательства…547

Сайдумов Д.Х., Магомадов Х.Х.
Право как форма свободы в теоретической системе В.С. Нерсесянца:
аналитика понятийных оснований……551

Аутлев А.А., Кич И.С.
Правотворчество как сфера аналитической
государственно-правовой деятельности……...557

Агеева Г.Е., Рында Е.П.
Смарт-контракты и юридическая сила цифровых обязательств……559

Дашин А.В., Яценко О.В., Лысенкова Т.А.
Особенности и тенденции развития договора
финансовой аренды (лизинга) в современной России……563

Азархин А.В.
Эпистемологические разрывы в истории правовой мысли:
как научные революции меняли основы юридического знания……566

Свиридова Л.Ю.
Правовое воспитание
в структуре правового воздействия по П.И. Новгородцеву……...569

Спиридонов Е.Р.
Правовое и этическое регулирование интернета вещей
и систем искусственного интеллекта……572

Шевченко К.В.
Право на личную безопасность сотрудника органов принудительного исполнения:
нормативное регулирование и тактические дилеммы……576

Маюров Н.П., Ковалева Н.В.
Формирование системы осуществления полномочий МЧС России
в современных реалиях……..579

Сташ А.Н.
Эволюция общественно-политического устройства западных адыгов:
между традицией, исламом и военной консолидацией……...584

Шахбанов М.С.
Опыт интеграции мусульманского права
в правовые системы стран Ближнего Востока……587

Фетищев Д.В., Галузо В.Н.
О многоликости философии в Российской Федерации……..590

Дашин А.В., Клецина А.В.
Позиция России в ООН в контексте защиты
принципа суверенитета и идеи многополярного мира……..595

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Соселия Л.Б.
Принцип добросовестности в гражданском праве России:
проблемы содержания и пределы судебного усмотрения…….....599

Воробьев С.М., Ивлиев П.В., Шерхов Р.Р.
Правовые проблемы и потенциал виртуальной и дополненной реальности…..604

Ястремский И.А.
Теоретико-правовые аспекты профессионального риска пластического хирурга..610

Рыжик А.В.
Причины отмены права собственности
на земельные участки и жилые дома в Республике Беларусь……...613

Жильский Н.Н., Янковская Е.С.
Правовое обеспечение цифровизации
процедур несостоятельности (банкротства) юридических лиц……....616

Ястремский И.А.
Исковые заявления
к клинике пластической хирургии о доступе к информации……....620

Шалобанова Н.П.
Общая собственность супругов……....622

Цуканов С.С.
Эволюция российского завещательного права……...626

Кузнецов С.А.
Процедуры банкротства: содержание и правовые последствия (Часть 1)……...628

Мартьянова Г.В., Сотсков Ф.Н.
Лицо с инвалидностью как субъект права сдать квалификационный экзамен
на замещение вакантной должности судьи Российской Федерации……....637

Брисилина И.Д.
Внедрение цифровых технологий в деятельность
по регулированию земельно-правовых отношений……...640

Морозова И.Г., Чурикова А.О.
Статья 248.1 АПК РФ как гарантия права подсанкционных лиц на правосудие643

Громоздина М.В., Холмова Е.Г.
Цитирование как способ свободного использования произведений:
вопросы судебной и правоприменительной практики……...646

Резник Г.С.
Позитивно-правовая форма оказания юридической помощи……...650

Махарадзе Н.С., Шереметьева А.К.
Правовое регулирование трудоустройства несовершеннолетних граждан
и лиц с ограниченными возможностями здоровья:
современные тенденции и проблемы реализации……..655

Наумова В.Е.
Сложности определения родовой подсудности в гражданском процессе……...659

Юдина Ю.В., Павлова О.А.
Защита интересов ФСИН России
при пересмотре судебных актов в судах общей юрисдикции……...661

Воробьев С.М., Ивлиев П.В.
Нормативно-правовое регулирование
электронной коммерции в Российской Федерации……665

Попова Т.А., Курпякова С.И.
Некоторые вопросы реализации публичными собственниками права
на отказ от собственности на общее имущество……669

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Андреев А.П.
Правовой институт ограничения прав и свобод человека и гражданина
в условиях особых правовых режимов:
развитие и становление в Российской Федерации на современном этапе……...672

Румянцев Ф.П., Зверева Ю.Н.
К вопросу применения кадастровой стоимости
в регулировании административной ответственности
за нарушения земельного законодательства……...675

Шакеров Р.Р.
Государственная политика Российской Федерации в сфере социальной защиты
участников СВО и инвалидов боевых действий……678

Сапожникова М.А.
Социальный архитектор – профессия будущего……681

Фомина Т.Ф.
Правовое регулирование внедрения информационных технологий
в деятельности дежурных частей органов внутренних дел……..….687

Росенко М.И., Скребец Е.В.
Проблемы адаптации административного законодательства
в Республике Крым и городе федерального значения Севастополь……..690

Якимова Е.Н.
Экономические функции государства: публично-правовое измерение……....695

Чаплицкий Ф.Ф., Притулина И.Ю.
Ограничительный ресурс присяги в Российской Федерации…….....698

Рогова А.А.
Исторические предпосылки правовой регламентации
института особых административно-правовых режимов……...701

Шенишин В.М., Абрамова А.А.
Проблемы правового регулирования временных объектов строительства
в российском законодательстве……703

Колкарева И.Н., Гайдук А.Ю., Раевский К.Э.
Красные линии искусственного интеллекта:
институциональные пределы доверия
и допустимости автономных решений……707

Чернов Ю.И., Дорогова О.О., Кириллова М.А., Мясищева А.О.
Информационная безопасность
субъектов малого и среднего предпринимательства……...711

Игнатьева И.В., Смирнова К.В.
Правовые вопросы этического
и психологического воздействия социальных сетей……...715

Богданов А.В.
Пути совершенствования управленческой деятельности руководства
территориальных органах МВД России в современных условиях…….....718

Ковалев Д.В.
Взаимодействие Росгвардии, полиции, МЧС
и органов местного самоуправления
при ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств……..…722

Голиков А.С.
Историческое развитие института административной ответственности
в сфере безопасности дорожного движения…….....725

Горохов Д.Ю., Грудин А.В.
Правовое регулирование экологических отношений в России и Казахстане:
сравнительный анализ……....728

Напсо М.Б., Агирбов Т.Р.
Права человека в цифровом пространстве……...732

Андреева О.А., Бекленищев Д.М.
Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации:
проблемы кадрового потенциала МВД…….....738

Истомин А.П.
Профилактика насилия в семье:
административно-правовые меры, применяемые полицией……..742

Орфаниди Н.И., Сухоруков М.С., Рачин С.А.
Обеспечение национальной безопасности и правопорядка
через регулирование миграционных процессов:
роль органов внутренних дел Российской Федерации……746

Баранова С.А.
Основные направления совершенствования правового статуса
народного дружинника и внештатного сотрудника полиции……...750

Шенишина Л.А.
О проблемах обеспечения детей-сирот и детей,
оставшихся без попечения родителей жилыми помещениями……..754

Игнатьева И.В., Суворова А.Ю.
О современной роли пресс- служб в процессе формирования
доверия граждан к органам государственной власти……..758

Никитин А.В., Сараева О.Н.
Правовые аспекты использования нейросетей при подготовке
выпускных квалификационных работ в высших учебных заведениях……761

Смирнова И.Н., Бычинская И.С.
Теоретико-правовые основы реализации постпенитенциарной пробации
и функционирования центров пробации в России……..764

Семичева А.С.
Этика и коррупция в государственном строительстве: пути преодоления……...767

Лоенко Я.Д., Михайлова А.М., Катанаева Е.С.
Вопросы формирования правовой модели цифрового рубля……769

Андреев А.П.
К вопросу об ограничении прав и свобод человека и гражданина
в условиях чрезвычайного и военного положения……..771

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Корчагин А.А., Кустов А.М.
Активность суда,
как условие достижения целей уголовного судопроизводства.....774

CONTENTS 2026 № 1

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Chimarov S.Y.
Theoretical and legal analysis of OSINT technology
in the context of the relationship between law and morality: based on foreign experience.....8

Shlyakova A.V.
Prerequisites for formation of the institution of children's rights in the legal culture of the United States of America...11

Rattur M.V.
All-Russian identity in the commemorative discourse: a legal aspect…….....14

Lesnova N.I.
Interaction of legal and moral norms in the legal culture of modern Russian society.....18

Yakunkov V.V.
Theoretical and legal evolution of health protection as a social function of the State:
from a paternalistic model to a constitutional guarantee.....21

Rozanova E.V.
The concept and ontology of morality of the functioning of the state.....25

Shikalev T.M.
Understanding the principle of justice in Ancient Greece.....29

Fastovich G.G.
Patriotic education as a basis for formation of students' anti-terrorist consciousness in the higher education system....33

Shitova T.V.
The role of information legal relations in the legal system.....36

Fastovich G.G.
Local self-government and the effectiveness of State power: issues of correlation.....38

Postriganov E.A.
The origin of human rights: causes and main conditions.....41

Sklifus S.V.
Civil society and the importance of its role for the modern Russian state.....45

Gubareva A.V.
Individuals as subjects of foreign economic relations.....47

Sivtsev N.I.
Prosecutorial supervision of the implementation of legislation in the field of industry in 1929-1936.....52

Kashkin S.Y., Makhmadiev R.Z.
Legal anthropocentrism as a tool for overcoming the methodological crisis of the legal profession…….....57

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Solovyova N.Y.
Issues of spiritual sovereignty in the educational paradigm of modern education.....62

Blinov R.N.
Preferential right of subjects of the Russian Federation to purchase agricultural land is it time to cancel?.....65

Eremina I.S.
Institute of Personal Data Protection in the Russian Federation: main directions of improvement of legal regulation...71

Alexandrov G.D.
On the issue of the concept of "constitutional and legal status of a public authority".....75

Vlasova E.L., Saraeva O.N.
Corporate strategy development: the role of legal support and protection of company interests.....80

Vlasova E.L.
Administrative barriers and deregulation in service sector: balancing interests of business and consumers……..…83

Bulgakova L.S.
Environmental risks of digital world: legal regulation of carbon footprint of Internet technologies and virtual pollution…....86

Gureeva O.A.
Procedural aspects of administrative case preparation in administrative proceedings.....88

Musatova S.G.
On the issue of the right protection of the status of the Russian language.....93

Melnikov V.S.
When something went wrong in public administration. Review of the textbook of Doctor of Law,
professor I.V. Ponkin "Deviantology of public administration".....98

Shokur A.V.
The concept and types of licensing proceedings.....101

Remizova L.S.
Organizational and legal mechanisms for improving the effectiveness of prosecutorial supervision
over the observance of citizens' rights and freedoms: analysis of statistical data……...104

Naumov O.D., Eisner L.Yu., Lisina L.G.
Youth entrepreneurship in Russia: trends, growth drivers, and institutional support.....106

Lipuntsova A.V.
Administrative coercion: the concept and content of the theoretical construction.....109

Panin V.O.
The development of the information and legal concept of "data": problems and prospects……...115

Tyunin V.A.
Acts of prosecutorial response in emergency situations.....119

Mayurov N.P., Bakhvalov L.P.
Current issues of prevention and suppression of illegal migration in European Union and BRICS countries……....122

Babich N.V.
Features of the concept of building a unified and independent body of preliminary investigation
in the Russian Federation: part four "ways of development".....127

Gazimagomedova N.A.
Integrative constitutionalism as a methodological basis for ensuring the rights of citizens
in the regions of Russia (on the example of the North Caucasus Federal District)…….....…132

Mukhlynina M.M.
On the formation of the mechanism of public administration
Arctic zone of the Russian Federation: ecological and legal aspect.....135

Solovyov A.A.
The Supreme Council of Magistracy of the Algerian People's Democratic Republic after the constitutional reform:
the legal basis of its activities and the procedure for its formation.....140

Unterov V.A.
Financial and legal aspects of public debt management and budget process.....146

Bredikhin A.L., Parfenov N.P.
Formation of the theory of administrative law in Russian science (the teaching of Professor V.A. Yusupov).....149

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

Boretskaya L.R.
Abuse of procedural rights: doctrinal approaches to definition……...151

Ermakov D.N., Savinkina L.A.
Legal mechanisms for monetization of innovations in the rocket and space industry……....155

Marinkin D.N.
On the issue of selling apartments under the influence of fraudsters.....160

Panarina M.M.
Security of electronic transactions in electronic commerce: the role of electronic customs
and new technological trends while respecting the principles of careful data turnover.....163

Kindeev V.O.
Features of competitive contesting of family law transactions of an insolvent debtor – an individual entrepreneur.....166

Korotenko A.F.
The concept of the legal regime of digital ecosystems and platforms.....169

Yakovenko E.V.
The concept of immovable property in Russian civil law: problems of law enforcement.....172

Kameneva P.V.
Clinical legal education: innovations in consulting.....176

Voitovich L.V.
Features of the legal regulation of subordination and jurisdiction under the Civil Procedure Code of the RSFSR
of 1923: a significant stage for the progressive development of modern domestic civil procedural legislation.....180

Kononov N.K.
Carsharing agreement: legal nature, features of conclusion and execution.....184

Letyagina E.A.
Register of alimony defaulters: transformation of approaches to dealing with alimony arrears.....188

Yusifov T.I.
Features of the limits of copyright for works of science and literature in digital form.....192

Ushakova E.V., Andrianova V.V., Kobzeva E.I.
Legal tools for regulating contractual relations of advertising on the Internet.....196

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Boldyrev S.N.
Naturalism and positive law as a problem of balancing private and public interest.....200

Boldyrev S.N.
The axiological context of the relationship between law and civil society 204

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

Godovanik E.V., Kvach S.S.
Civil law integration of new subjects of the Russian Federation: theory, mechanisms, prospects.....208

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Rashidov I.G. ogly
International legal consequences of sanctions pressure on the Russian Federation
for law enforcement cooperation within the framework of the EAEU and the CSTO.....212

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Krasilnikov I.A.
Economic and legal determinants of the formation of the institute of insolvency in the Soviet period.....216

Checheta N.O.
The importance of environmental education and upbringing in the training and practice of lawyers.....220

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

Korsunova A.S.
Influence of legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on civil process: some results of 2025…..223

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Murzina I.A., Sultanov M.Yu.
Regulatory and legal regulation of state control and supervision in the field of housing and communal services.....228

Basiev M.S.
On the issue of the municipal legal aspect in the activities of agglomerations in the Russian Federation……232

Golomanchuk E.V., Popov K.A., Astafurova O.A.
Dynastity in the context of a conflict of interests.....236

Andreev A.V.
Analysis of the practice of remote electronic voting in the Russian Federation.....241

Ashmarina E.M.
On the issue of the state of the legal technique of modern tax law……245

Redkous V.M.
Civil defense or civil protection? The experience of the CIS member States in defining concepts.....249

Istomin A.P.
The history of the formation of the national Institute for the Prevention of Family and domestic offenses.....253

CRIMINAL LAW SCIENCES

Badamshin O.I.
Protected person in criminal proceedings: concept and types.....257

Akhyadov E.S.M.
Development of terminology in the field of encroachments on the information space as a way to solve the problem
of qualification of crimes in the field of information and communication technologies……..…259

Khadzhiev U.K.
Hybrid control: probation institute in the system of criminal legal impact of modern Russia.....264

Agaev R.M.
Features of reporting a crime that has been committed or is being prepared, obtained from other sources,
as the main reason for initiating criminal cases under Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.....267

Petrova O.V., Zvorygin I.S.
Prospects of applying foreign digitalization experience in pre-trial criminal proceedings in the Russian Federation.....271

Shemchuk S.Y.
"The results of operational investigative activities":approaches to the definition of criminal procedure
and operational-investigative concepts (taking into account foreign experience).....…275

Marushko A.V.
Patterns of trace formation in commission of crimes related to illegal activities in financial market, performed remotely……..279

Stupnikova A.I.
The procedural procedure for the consideration by the court of the investigator 's petitions for the election
of a preventive measure in the form of detention, house arrest, prohibition of certain actions, bail.....284

Bogunova G.V., Kirillov N.A.
Arrest as a type of criminal punishment: legal foundations and development prospects 290

Kudryavtseva N.A.
Legal regulation of the use of hypnosis under Russian law.....294

Agaev G.A. ogly, Medvedeva A.A.
On the optimization of standards in the field of regulation of liability
for forgery, manufacture or trafficking of forged documents, state awards, stamps, seals, letterheads.....297

Shutova Yu.A.
The functional roles of accomplices in making death threats or causing serious harm to health
from a public demonstration on the Internet……300

Lyadov E.V.
Novelties of legislation in the application of alternative punishments to imprisonment.....303

Nedbaylov P.A.
On the validity of the identification of fraud when receiving payments in a special rate.....306

Korostiev A.A.
Key features of criminal protection of patent holders in the Russian Federation.....310

Manzharo V.V.
Features of digital trace removal from cloud services and distributed networks: legal and criminalistic aspects.....315

Pankratov S.A.
Tightening of criminal liability for mercenary activities: reasons and practical justification.....319

Kachmazov R.O.
Is the teacher the subject of receiving a bribe?.....322

Sidorova E.Z.
On external threats to criminological security of education.....326

Malikov S.V.
Protection of honor and dignity by criminal legal means: controversial issues……..329

Yelchaninov A.P.
On the issue of defining the concept of justice.....335

Sharafutdinov G.R.
Features of theft on marketplaces: the object and the object of the crime.....338

Sagidullin R.H.
Features of the subject, tasks, methodology of the theory of use special medical knowledge in criminal proceedings
and their relation to forensic medical knowledge.....342

Azarkhin A.V., Sokolov D.S.
Problematic issues of suicidal behavior using social media and the Internet.....345

Shoua O.N.
Prosecutorial supervision in the penal system: theoretical aspects.....…….…349

Afanasyev P.B., Elisov P.P.
Principles and features of working with a polygraph in law enforcement agencies of the Russian Federation.....353

Martynov V.V., Moiseev N.D.
Initial training in the system of additional professional education of the Federal Penitentiary Service of Russia:
objectives, content, methodology and perspectives 356

Lapsha V.L.
Achieving a goal without risk: qualification issues.....359

Ivanov P.I.
Memoirs of prominent process scientists (V.P. Bozhev and V.A. Mikhailov)…….…362

Pogrebinskaya M.N.
The stability of computer vision algorithms as a condition for the admissibility of digital evidence.....368

Chunikha A.A., Tsygankova E.A., Zinovieva E.O.
Questions about the qualification of bribery: the position of the Supreme Court of the Russian Federation.....372

Khusainov R.R., Kazak I.B.
Some issues of ensuring individual rights in the implementation of operational investigative activities…….....376

Shageeva R.M.
Placement of a person in a medical organization as a measure of procedural coercion in criminal proceedings.....379

Tsaplin I.S.
Legal regulation of the activities of security units in various historical periods.....382

Gamanenko L.I., Elisov P.P.
Current approaches to the prevention of repeated crime convicts.....385

Prikhozhaya L.E., Gorovoy V.V.
On some measures to prevent crimes related to illicit drug trafficking.....388

Gavrikov E.V.
Phonoscopic examination of convicts' telephone conversations:
problems of reliability in digital compression and VOIP communication.....392

Kutukov S.A., Kazak I.B., Grushin F.V.
Impact of scientific and technological progress on the form, content and conduct of operational search activities…..395

Ivanov I.I.
Methodological foundations crime prevention carried out in pre-trial criminal proceedings by investigators interrogators...399

ZhaneA.I.
The prosecutor's supervision of operational investigative activities in the framework of pre-investigation checks
in cases of fraud, embezzlement of budget funds, abuse and abuse of official authority.....406

Omelin V.N., Pyankov M.N.
On the issue of the duties of persons providing confidential assistance to the bodies implementing the Order.....409

Grinko S.D.
Anti-criminal safety of minors as one of the tasks of ensuring national security.....412

Korzun I.G.
The influence of social factors on the personality formation of a serial killer.....415

Dolzhenko V.V.
Planning the participation of the public prosecutor in the judicial investigation
of criminal cases concerning the occupation of the highest position in the criminal hierarchy.....418

Sovach D.V.
Interests of the service in commercial and other organizations as an object of deliberate bankruptcy.....421

Soldatkin V.S., Shcherbakova D.S.
The powers of the correctional center administration implemented at the stage of execution of the sentence.....…425

Spesivov N.V.
Transparency of criminal proceedings in the context of digitalization
and informatization: international and foreign implementation experience.....428

Smyslova V.N.
Patriotic education as a tool to counter extremist tendencies among young people
in conditions of radicalization and growing protest activity of the population.....433

Tsitsyura M.P.
Specifics of subject of evidence in investigation of corruption-related crimes committed by criminal groups.....436

Marchenko A.V., Marchenko V.V.
Comparative analysis of the legal status of those sentenced to detention
in a disciplinary military unit and convicts serving imprisonment.....438

Vladimirov S.V., Yavorskiy M.A., Smagin E.D.
On the issue of characterization of the situation in which certain terrorist crimes are committed.....443

Khrapenkova E.Yu.
Decision-making by the investigator.....448

Prikhozhaya L.E.
On certain areas of improvement of the methodology for solving crimes related to drug trafficking.....452

Ivanov P.I.
Methodological basis for the formation of operational investigative policy in the context of digitalization.....456

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Nikitin S.M.
A legal entity as a subject of legal relations.....461

Kuzmin R.Yu.
Main sources of legal regulation of subsurface use in colonies of the British Empire at the beginning of the XX century…465

Cherkashina N.V., *Yaslyaev V.S.*
The experience of reform projects "from above": the problems of limiting autocracy and the introduction
of popular representation in the Russian Empire in the XVIII - XIX centuries.....471

Sokolov V.V.
Axiological foundations of legal regulation: theoretical and legal reconstruction.....475

Chukaev T.O.
The role of the family in the formation of civil society (based on the works of V. N. Leshkov)……...479

Revina S.N., Kortunov D.A.
Theoretical and legal analysis of legal liability.....482

Fetishchev D.V., Galuzo V.N.
On postponement of the civil case proceedings in the Russian Federation
(experience of legal regulation in the Kuntsevsky District Court of Moscow)……..485

Chernyavsky D.A.
The diversity of approaches to the concept of law enforcement in the history
of Russian legal thought (the second half of the 19th – early 20th centuries)……489

Zozulya A.A., Ermolovich G.P., Mayurov N.P.
On the question of the place of legal technology in the system of jurisprudence.....494

Pyanusov A.V., Talyanin V.V.
Classification of principles of law.....498

Shevchenko K.V., Bolotin D.D.
The Federal Security Service of Russia as a subject of national security.....504

Nazarova I.S.
National and State sovereignty of the Russian Federation in the face of new challenges and threats.....508

Makovskaya P.N.
Machine learning of artificial intelligence systems for use
in law enforcement. Philosophical problems and analogies in the field of psychology.....513

Dashin A.V., Gerasimenko M.N.
The place of the UN Charter in the constitutional systems of foreign countries: comparative legal analysis.....518

Kudashova I.V.
On the issue of State control in the field of human rights protection.....521

Kanishchev V.P., Platova P.V., Trubnikova M.A.
Controversial issues of State succession: problem legal nature in context of different types of legal understanding…524

Pyanusov A.V., Starova E.A.
General overview of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation
in the field of protection of human and civil rights and freedoms.....527

Gvozdeva I.A., Nikishin V.O.
Rome against Pirates in the 1st century BC: the Rise and fall of the quasi-state of Zeniket.....532

Vysotskaya L.P.
Issues of implementation of the principles of the rule of law in modern Russia……...…536

Bidova B.B., Bystrova Yu.V., Meleshko O.P.
Methodological approaches towards the conceptualization of the religious policy of the state.....540

Maslennikov D.A., Pratsko G.S., Kerimov M.M.
Problematic aspects of judicial reforms in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries.....544

Cherkashina N.V., Yaslyaev V.S.
Assessment of the competence of the Parliament of the Russian Empire in the field of legislation.....547

Saidumov D.H., Magomadov H.H.
Law as a form of freedom in the theoretical system of V.S. Nersesyants: an analysis of conceptual foundations.....551

Outlev A.A., Kich I.S.
Law-making as a sphere of analytical state-legal activity.....557

Ageeva G.E., Rynda E.P.
Smart contracts and the legal force of digital obligations.....559

Dashin A.V., Yatsenko O.V., Lysenkova T.A.
Features and trends in the development of financial lease agreements in modern Russia.....563

Azarkhin A.V.
Epistemological gaps in History of legal thought: how Scientific Revolutions changed Foundations of legal knowledge…566

Sviridova L.Y.
Legal education in the structure of legal influence according to P.I. Novgorodtsev.....569

Spiridonov E.R.
Legal and ethical regulation of the Internet of Things and artificial intelligence systems.....572

Shevchenko K.V.
The right to personal safety of an employee of enforcement agencies: regulatory regulation and tactical dilemmas...576

Mayurov N.P., Kovaleva N.V.
Formation of system for exercising the powers of the Russian Ministry of Emergency Situations in modern realities.....579

Stash A.N.
Evolution of the socio-political structure of the Western Adygs: between tradition, Islam and military consolidation.....584

Shakhbanov M.S.
The experience of integrating Muslim law to the legal systems of the Middle East countries.....587

Fetishchev D.V., Galuzo V.N.
About the diversity of philosophy in the Russian Federation.....590

Dashin A.V., Kletsina A.V.
Russia's position at the UN in the context of defending the principle of sovereignty and the idea of multipolar world…595

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

Soselia L.B.
The principle of good faith in Russian civil law: problems of content and limits of judicial discretion.....599

Vorobyov S.M., Ivliev P.V., Sherkhov R.R.
Legal issues and the potential of virtual and augmented reality……..…...604

Yastremsky I.A.
Theoretical and legal aspects of the professional risk of a plastic surgeon……..…610

Ryzhik A.V.
Reasons for the abolition of ownership of land and residential buildings in the Republic of Belarus.....613

Zhilsky N.N., Yankovskaya E.S.
Legal support for digitalization of insolvency (bankruptcy) procedures of legal entities.....616

Yastremsky I.A.
Statements of claim to the plastic surgery clinic about access to information.....620

Shalobanova N.P.
The common property of the spouses.....622

Tsukanov S.S.
The evolution of Russian testamentary law.....626

Kuznetsov S.A.
Bankruptcy procedures: content and legal consequences (Part 1).....628

Martianova G.V., Sotskov F.N.
A person with a disability as a subject of the right to take a qualification exam
to fill the vacant position of a judge of the Russian Federation.....637

Brisilina I.D.
The introduction of digital technologies in the regulation of land and legal relations.....640

Morozova I.G., Churikova A.O.
Article 248.1 of the Agribusiness Code of the Russian Federation as a guarantee of right of sanctioned persons to justice…...643

Gromozdina M.V., Kholmova E.G.
Citation as a way of free use of works: issues of judicial and law enforcement practice.....646

Reznik G.S.
A positive legal form of legal assistance.....650

Makharadze N.S., Sheremetyeva A.K.
Legal regulation of employment of minors and persons with disabilities: current trends and problems of implementation…...655

Naumova V.E.
Difficulties in determining generic jurisdiction in civil proceedings.....659

Yudina Yu.V., Pavlova O.A.
Protection of interests of Federal Penitentiary Service of Russia during review judicial acts in courts of general jurisdiction...661

Vorobyov S.M., Ivliev P.V.
Regulatory and legal regulation of electronic commerce in the Russian Federation.....665

Popova T.A., Kurpyakova S.I.
Some issues of realization by public owners of the right to renounce ownership of common property…….....669

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Andreev A.P.
The legal institution of the restriction of human and civil rights and freedoms
under special legal regimes: development and formation in the Russian Federation at the present stage…….....672

Rumyantsev F.P., Zvereva Yu.N.
On the issue of application of cadastral value in regulation of administrative liability for violations of land legislation..675

Shakerov R.R.
State policy of the Russian Federation in the field of social protection of participants in military operations and disabled……678

Sapozhnikova M.A.
Social architect – the profession of the future.....681

Fomina T.F.
Legal regulation of introduction of information technologies in activities of duty units of internal affairs bodies.....687

Rosenko M.I., Skrebets E.V.
Problems of adaptation of administrative legislation in the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol.....690

Yakimova E.N.
Economic functions of the State: public-legal dimension.....695

Chaplitsky F.F., Pritulina I.Y.
The restrictive resource of the oath in the Russian Federation.....698

Rogova A.A.
Historical background of legal regulation Institute of Special Administrative and Legal Regimes.....701

Shenshin V.M., Abramova A.A.
Problems of legal regulation of temporary construction facilities in Russian legislation.....703

Kolkareva I.N., Gaiduk A.Yu., Rayevsky K.E.
Red lines of artificial intelligence: institutional limits of trust and permissibility of autonomous solutions.....707

Chernov Yu.I., Dorogova O.O., Kirillova M.A., Myasishcheva A.O.
Information security subjects of small and medium-sized enterprises.....711

Ignatieva I.V., Smirnova K.V.
Legal issues of ethical and psychological impact of social networks.....715

Bogdanov A.V.
Ways to improve the management activities of the leadership
of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia in modern conditions.....718

Kovalev D.V.
Interaction of the Rosgvardiya, the police, the Ministry of Emergency Situations a
nd local governments in case of liquidation of the consequences of emergency circumstances.....……722

Golikov A.S.
Historical development of the Institute of Administrative responsibility in the field of road safety.....725

Gorokhov D.Y., Grudin A.V.
Legal regulation of environmental relations in Russia and Kazakhstan: a comparative analysis.....728

Napso M.B., Agirbov T.R.
Human rights in the digital space.....732

Andreeva O.A., Beklenishchev D.M.
Ensuring national security of the Russian Federation: problems of personnel potential of Ministry of Internal Affairs...738

Istomin A.P.
Prevention of domestic violence: administrative and legal measures applied by the police.....742

Orfanidi N.I., Sukhorukov M.S., Rachin S.A.
Ensuring national security and law and order through the regulation of migration processes:
the role of the internal affairs bodies of the Russian Federation.....746

Baranova S.A.
The main directions for improving the legal status of the people's militia and freelance police officer.....750

Shenshina L.A.
About the problems of providing for orphans and children, living quarters left without parental care.....754

Ignatieva I.V., Suvorova A.Yu.
On the modern role of press services in the process of building citizens' trust in public authorities.....758

Nikitin A.V., Saraeva O.N.
Legal aspects of use of neural networks in preparation of final qualifying papers in higher education institutions.....761

Smirnova I.N., Bychinskaya I.S.
Theoretical and legal foundations of the implementation
of post-penitentiary probation and the functioning of probation centers in Russia.....764

Semicheva A.S.
Ethics and corruption in State building: ways to overcome.....767

Loenko Ya.D., Mikhailova A.M., Katanaeva E.S.
Issues of formation of the legal model of the digital ruble.....769

Andreev A.P.
On issue of restriction of human and civil rights and freedoms under conditions of emergency and martial law.....771

CRIMINAL LAW SCIENCES

Korchagin A.A., Kustov A.M.
Court activity as a condition for achieving the goals of criminal proceedings.....774

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_8

УДК 340.134

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ТЕХНИКИ OSINT В КОНТЕКСТЕ СООТНОШЕНИЯ ПРАВА И МОРАЛИ: НА ОСНОВЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА
A THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF OSINT TECHNIQUES IN THE CONTEXT OF THE RELATIONSHIP BETWEEN LAW AND MORALITY: BASED ON INTERNATIONAL EXPERIENCE

ЧИМАРОВ Сергей Юрьевич,
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет МВД России.
199004, Россия, г. Санкт-Петербург, 4-я лин. В.О., 43.
E-mail: serg120756@gmail.com,
ORCID ID: 0000-0002-0661-1035;

CHIMAROV Sergey Yurievich,
Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Personnel Management and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
199004, Russia, St. Petersburg, 4th lin. V.O., 43.
E-mail: serg120756@gmail.com,
ORCID ID: 0000-0002-0661-1035

Краткая аннотация: *статья посвящена анализу проблемы соотношения права и морали при составлении профиля физического лица, на основании доступа к открытым источникам информации. Выявляя особенности техники OSINT, а также соответствующей ей техники III и исследуя законодательство Европейского союза и Великобритании, автор акцентирует внимание на важности соблюдения баланса между требованиями к обеспечению национальной безопасности государства и этикой обращения с информацией о частной жизни граждан, что соответствует букве большинства конституционных установлений различных стран и духу правового государства.*

Abstract: *this article analyzes the relationship between law and morality when profiling individuals using open source information. By identifying the specifics of OSINT techniques, as well as the corresponding Type III techniques, and examining the legislation of the European Union and the United Kingdom, the author emphasizes the importance of maintaining a balance between the requirements of national security and the ethical handling of citizens' privacy information, which is consistent with the letter of most constitutional provisions in various countries and the spirit of the rule of law.*

Ключевые слова: *право, мораль, права человека, персональные данные, онлайн-коммуникация, социальные сети, профилирование личности, техника OSINT.*

Keywords: *law, morality, human rights, personal data, online communication, social media, personality profiling, OSINT techniques.*

Для цитирования: *Чимаров С.Ю. Теоретико-правовой анализ техники OSINT в контексте соотношения права и морали: на основе зарубежного опыта // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 8-10. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_8.*

For citation*: Chimarov S.Yu. A theoretical and legal analysis of OSINT techniques in the context of the relationship between law and morality: based on international experience // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 8-10. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_8.*

Статья поступила в редакцию: 23.12.2025

Практическое проявление накопленного к концу первой четверти XXI века потенциала информационного общества, в части функционирования инновационных технологий и инструментария, сопряженных с процессом обработки массива данных, в том числе относящихся к разряду персональных данных и/или информации о частной жизни отдельных граждан, предопределяет актуальность отдельного рассмотрения техники OSINT (англ. «Open Source Intelligence» – «открытый исходный код разведки»), сводимой к получению, оценке и интерпретации разведывательных данных из открытых источников информации. В действительности отмеченная техника имеет устойчивую связь с феноменом «доксинга» (англ. «doxing» – деанонимизация», «пробив», от англ. «docs» – «документы), понятие которого в определенном смысле тождественно «раскрытие личных данных», с применением методов социальной инженерии.

Вместе с тем, особенностью именно доксинга является практика публичного распространения сведений о ком-либо и/или чем-либо, возникшая как форма самосуда уже во второй половине XVIII века и основанная на применении возможностей печатной продукции. Иллюстрацией отмеченного могут служить действия радикальных группировок «Сыны свободы», члены которых с целью противодействия британскому Закону о гербовом сборе 1765 года, размещали в брошюрах и газетных статьях сведения об именах сборщиков налогов [1].

Выявляя наличие связи между приемами OSINT и доксинга, представляется необходимым обратиться к некоторым выводам П. Путмана –американского специалиста в областях OSINT, претекстинга (от англ. «pretext» – «повод») и социальной инженерии, именующего доксинг в качестве «темной стороны OSINT». По сути дела, целеполагание доксинга заключается в составлении досье против объекта исследования и его публикации в Интернете. При этом, как отмечает указанный специалист, осуществляемый через общедоступные ресурсы доксинг похож на OSINT тем, что само действие по поиску информации не является незаконным. Однако, когда техника доксинга используется для эксплуатации, преследования или угроз в адрес кого-либо, доксинг становится серьезным преступлением [2]. В специальной литературе выделяют два основных вида техники OSINT: 1) пассивный OSINT, предполагающий сбор информации без непосредственного взаимодействия с целью (наблюдение) и, как следствие, без оставления следов взаимодействия для сохранения конфиденциальности; 2) активный OSINT, предназначенный для более глубокого исследования целевого объекта и основанный на прямых действиях: отправка сообщения, регистрация на сайте, задавание вопросов под прикрытием и др. [3].

В контексте темы проводимого исследования и стремления государств-членов Европейского союза (далее – ЕС) к поддержанию необходимого баланса между правом и моралью правомерности доступа к персональным сведениям граждан, необходимо указать на положения «Общего

регламента по защите данных (англ. «General Data Protection Regulation, GDPR») – регламента ЕС (далее – Регламент ЕС), вступившего в силу 25 мая 2018 года. Указанный регламент был разработан для гармонизации законов о защите данных в ЕС и предоставления физическим лицам большего контроля над своими персональными данными: полное наименование отмеченного документа «О защите физических лиц относительно обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС» [4]. В соответствии с положением ст. 74 Регламента ЕС, любое должностное лицо (обработчик или контролер), занимающееся от своего имени любой обработкой персональных данных, несет ответственность и наделен конкретными обязательствами за соответствие обработки данных требованиям Регламента ЕС, а принимаемые этим должностным лицом меры должны придерживаться характера, области применения, контекста, а также цели обработки и риска для прав и свобод физических лиц. При этом, указанное должностное лицо, как это следует из нормативных установлений статьи 73 отмеченного документа, при обработке данных обязано придерживаться правил этики. Более того, в соответствии с положением статьи 23 Регламента ЕС, Право ЕС или право государства-члена ЕС, применимое к контролеру или обработчику данных, «является необходимой и соразмерной мерой в демократическом обществе для обеспечения предупреждения, расследования, выявления и преследования нарушений этики, касающейся регулируемых профессий» [4].

В массиве данных, подлежащих выявлению и анализу данных о личности, на обработку которых направлена техника OSINT, центральное место занимают данные по составлению профиля физического лица. В соответствии с положением статьи 72 Регламента ЕС, составление профиля должно соответствовать нормам данного документа, регулирующим обработку персональных данных, включая правовые снования обработки или принципов защиты данных. В этой связи, несомненного внимания заслуживают положения пункта 4 статьи 4 «Понятийно-терминологическая основа» Регламента ЕС, согласно которого) «составление профиля» (англ. «profiling») – означает «любую форму автоматизированной обработки персональных данных, включающих использование персональных данных, для оценки определенных персональных характеристик, относящихся к физическому лицу, в частности для анализа или прогнозирования аспектов, связанных с этим физическим лицом в контексте его действий на рабочем месте, в экономической ситуации, его состояния здоровья, личных предпочтений, интересов, надежности, поступков, местонахождения или передвижений» [4]. Наряду с отмеченным, указанная статья 4 (пункты 12-15) закрепляет правовое положение таких понятий, как «утечка персональных данных» (англ. «personal data breach»), «генетические данные» (англ. «genetic data»), «биометрические данные» (англ. «biometric data») и «данные о здоровье» (англ. «data concerning health»).

Факт имплементации положений GDPR (Регламента ЕС) в национальное законодательство отдельных стран-членов ЕС целесообразно рассмотреть на примере Великобритании. Акцентируя внимание на правовых и этических аспектах техник OSINT и Интернет-разведки (англ. «Internet Intelligence Investigations, III»), используемых правительством и полицией указанного государства, английские специалисты Дж. Ламборн и С. Доак констатируют: во-первых, о ценности методов сбора и анализа общедоступной информации из Интернета; во-вторых, обращают внимание на применении указанных методов для принятия решений в интересах различных государственных и правоохранительных целей, исключительно в рамках закона; в-третьих, указывают на практику применения нормативных и учебных документов в деятельности различных учреждений государственного сектора [5].

В перечень ключевых законов Великобритании, обеспечивающих гармонию права и морали применения техник OSINT/III входят:

1. Закон о регулировании полномочий по проведению расследований 2000 года (англ. «Regulation of Investigatory Powers Act, RIPA» 2000) [6], устанавливающий требования к разрешению на применение всех видов скрытого наблюдения и скрытых источников информации – информаторов и агентов под прикрытием (англ. «Covert Human Intelligence Sources, CHIS»), осуществляемого государственными органами, если такое наблюдение может привести к получению частной информации о человеке. В указанном случае речь идет о мониторинге, наблюдении или прослушивании лиц, их передвижений, разговоров или других действий и коммуникаций.

2. Закон о полномочиях по проведению расследований (IPA) 2016 года (англ. «Investigatory Powers Act, IPA 2016) [7], предоставляющий правоохранительным и иным государственным органам полномочия на законный перехват и хранение данных связи в законных целях, и требующий при этом ордеров от министра внутренних дел или шотландских министров, обоснованных вопросами национальной безопасности, предотвращения тяжких преступлений или экономического благополучия, связанного с национальной безопасностью. Что касается вмешательства в работу оборудования, то оно также разрешается только на основании специальных ордеров под судебным надзором.

Основным положениям отмеченных британских Законов RIPA 2000 года и IPA 2016 года корреспондируют положения британских Закона о защите данных 2018 года (англ. «Data Protection Act 2018 DPA) 2018 года [8], а также Общего регламента по защите данных Великобритании (англ. «GDPR) (англ. «UK General Data Protection Regulation, GDPR») [9], закрепляющих ключевые принципы обработки данных о физических лицах специалистами по OSINT/III: 1) законность, справедливость и прозрачность; 2) ограничение цели; 3) минимизация данных; 4) точность; 5) ограничение срока хранения; 6) целостность и конфиденциальность.

Подтверждением эффективности применения нормативных предписаний указанного свода законодательных актов, направленных на регулирование применения техник OSINT/III, может служить судебная практики Великобритании, а именно:

1. Решения Высокого суда Англии и Уэльса (отделение Королевской скамьи), продемонстрировавшие возможность использования социальных сетей; а) в расследованиях мошенничества [10]; б) в качестве доказательств совершенного преступления [11].

2. Решение Апелляционного суда по трудовым спорам Соединенного Королевства, признавшего обоснованность увольнения сотрудника государственного органа за оскорбительные твиты [12].

3. Решение Апелляционного суда Англии и Уэльса (Уголовное отделение), подтвердившего допустимость доказательств, полученных из Интернета [13].

Апеллируя к вопросу актуальности соблюдения баланса между требованиями права, нацеленными на решение вопросов национальной безопасности, и этикой обработки данных о профиле физического лица (на основе техники OSINT), Д. Мередит – специалист в области информационной безопасности и этичный хакер, сертифицированный Международным советом консультантов по электронной коммерции (англ. «(International Council of E-Commerce Consultants, EC-Council») и американской корпорацией Microsoft, утверждает о необходимости функционирования системы, предусматривающей контроль, проверку, ограничения и ответственность. «Нельзя раздавать мощные инструменты без четких правил. И эти правила должны быть прозрачными, чтобы каждый из нас мог отстоять свои права, если посчитает их нарушенными. У технологий нет морального компаса – они лишь средство достижения цели. Это мы должны мыслить, действовать этично и, прежде всего, сохранять бдительность. Ведь мы играем в долгую. Если отказаться от принципов ради сиюминутной выгоды, в конечном счете мы понесем значительные потери. Нужно помнить, ради чего мы все это делаем – ради общества, в котором свобода и безопасность идут рука об руку» [14, с. 36].

Резюмируя рассмотренное выше, представляется необходимым сформулировать следующие выводы:

1. Современная цифровая эпоха предоставляет в распоряжение государства и частных лиц возможность открытого доступа к огромным объемам информации о личности каждого человека и связано это с различными методами, присущими как технике OSINT, так и близкой ей по арсеналу применяемых методов технике Интернет-разведки (III). Отмечая несомненную ценность получаемой посредством этих техник информации для обеспечения национальной безопасности государства, важно соблюдать неприкосновенной ту границу процессов OSINT/III, за пределами которой не должно быть нарушения моральных заповедей по обеспечению неприкосновенности частной жизни каждого гражданина. Наряду с отмеченным, важно постоянно работать над совершенствованием института юридической ответственности лиц, нарушающих правила этики работы с информацией, находящейся в открытом доступе.

2. Данный вывод соответствует необходимости обеспечивать в любом государстве, относящемуся к числу правовых государств, правовую обоснованность и соразмерность получения любой информации, подпадающей под действие правового режима охраны персональных данных личности каждого гражданина. При этом, действие данного правового режима должно сообразовываться с обеспечением национальной безопасности государства.

Список литературы:

1. Carp B.L. Terms of Estrangement: Who Were the Sons of Liberty? – November 9, 2021. // URL: https://research.colonialwilliamsburg.org/foundation/journal/winter12/liberty.cfm?__cf_chl_rt_tk=i7V7OrLPKcG7Dk6UVrkKQaQjA7hbSo3hv5_8ia1VSAA-1766151717-1.0.1.1-s3KS4HaPx1V9oq4BGn4r.75BabpfvRh9Vwpv8sS7Uxg (дата обращения: 06.12.2025).
2. Putman P. Doxing: The Dark Side of OSINT. URL: https://www.uscybersecurity.net/doxing/ (дата обращения: 06.12.2025).
3. OSINT (Open Source Intelligence): What is it? Who can use it? 1 Jul 2025. URL: https://datascientest.com/en/all-about-osint (дата обращения: 14.12.2025).
4. Reglamento (UE) 2016/679 del Parlamento Europeo y del consejo de 27 de abril de 2016 relativo a la protección de las personas físicas en lo que respecta al tratamiento de datos personales y a la libre circulación de estos datos y por el que se deroga la Directiva 95/46/CE (Reglamento general de protección de datos). URL: https://rppa.pro/_media/world/gdpr.pdf (дата обращения: 17.12.2025).
5. Lambourne J., Doak S. Laws and Ethics for Government OSINT / III in the UK. August 24, 2024. URL: https://www.osint.uk/content/laws-and-ethics-for-government-osint-iii (дата обращения: 14.12.2025).
6. Regulation of Investigatory Powers Act 2000 (RIPA). Updated 25 July 2023. URL: https://www.gov.uk/government/publications/regulation-of-investigatory-powers-act-2000-ripa/regulation-of-investigatory-powers-act-2000-ripa (дата обращения: 10.12.2025).
7. Investigatory Powers (Amendment) Bill: Overview. Updated 26 April 2024. URL: https://www.gov.uk/government/publications/investigatory-powers-amendment-bill-factsheets/investigatory-powers-amendment-bill-overview (дата обращения: 14.12.2025).
8. The Data Protection Act (DPA) 2018. URL: https://www.skillcast.com/blog/data-protection-act-2018 (дата обращения: 15.12.2025).
9. The UK General Data Protection Regulation (GDPR). URL: https://www.gov.uk/data-protection (дата обращения: 15.12.2025).
10. England and Wales High Court (Queen's Bench Division) Decisions. Locke v Stuart and AXA Corporate Solutions. EWHC 399 (QB). Case №: 8BI09050. 25 February, 2011. URL: https://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/ew/cases/EWHC/QB/2011/399.html&query=(Locke)+AND+(v)+AND+(Stuart) (дата обращения: 17.12.2025).
11. Smyth v St Andrew's Insurance Plc. EWHC 2511 (QB). Case № HQ11X03016. 17 September, 2012. URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/QB/2012/2511.html (дата обращения: 17.12.2025).
12. United Kingdom Employment Appeal Tribunal. Game Retail Ltd v Laws. UKEAT 0188_14_0311. 03 November 2014. URL: https://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/uk/cases/UKEAT/2014/0188_14_0311.html&query=(Game)+AND+(Retail)+AND+(Ltd)+AND+(v)+AND+(Laws:) (дата обращения: 18.12.2025).
13. England and Wales Court of Appeal (Criminal Division) Decisions. Bucknor v R. EWCA Crim 1152. 27 May 2010. URL: https://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/ew/cases/EWCA/Crim/2010/1152.html&query=(Bucknor)+AND+(v)+AND+(R)+AND+(.2010.)+AND+(EWCA)+AND+(Crim)+AND+(1152) (дата обращения: 18.12.2025).
14. Мередит Д. OSINT. Руководство по сбору и анализу открытой информации в интернете. – Астана: «Спринт Бук», 2025. – 224 с.

References:

1. Carp B.L. Terms of Estrangement: Who Were the Sons of Liberty? – November 9, 2021. // URL: https://research.colonialwilliamsburg.org/foundation/journal/winter12/liberty.cfm?__cf_chl_rt_tk=i7V7OrLPKcG7Dk6UVrkKQaQjA7hbSo3hv5_8ia1VSAA-1766151717-1.0.1.1-s3KS4HaPx1V9oq4BGn4r.75BabpfvRh9Vwpv8sS7Uxg (data obrashcheniya: 06.12.2025).
2. Putman P. Doxing: The Dark Side of OSINT. URL: https://www.uscybersecurity.net/doxing/ (data obrashcheniya: 06.12.2025)
3. OSINT (Open Source Intelligence): What is it? Who can use it? 1 Jul 2025. URL: https://datascientest.com/en/all-about-osint (data obrashcheniya: 14.12.2025).
4. Reglamento (UE) 2016/679 del Parlamento Europeo y del consejo de 27 de abril de 2016 relativo a la protección de las personas físicas en lo que respecta al tratamiento de datos personales y a la libre circulación de estos datos y por el que se deroga la Directiva 95/46/CE (Reglamento general de protección de datos). URL: https://rppa.pro/_media/world/gdpr.pdf (data obrashcheniya: 17.12.2025).
5. Lambourne J., Doak S. Laws and Ethics for Government OSINT / III in the UK. August 24, 2024. URL: https://www.osint.uk/content/laws-and-ethics-for-government-osint-iii (data obrashcheniya: 14.12.2025).
6. Regulation of Investigatory Powers Act 2000 (RIPA). Updated 25 July 2023. URL: https://www.gov.uk/government/publications/regulation-of-investigatory-powers-act-2000-ripa/regulation-of-investigatory-powers-act-2000-ripa (data obrashcheniya: 10.12.2025).
7. Investigatory Powers (Amendment) Bill: Overview. Updated 26 April 2024. URL: https://www.gov.uk/government/publications/investigatory-powers-amendment-bill-factsheets/investigatory-powers-amendment-bill-overview (data obrashcheniya: 14.12.2025).
8. The Data Protection Act (DPA) 2018. URL: https://www.skillcast.com/blog/data-protection-act-2018 (data obrashcheniya: 15.12.2025).
9. The UK General Data Protection Regulation (GDPR). URL: https://www.gov.uk/data-protection (data obrashcheniya: 15.12.2025).
10. England and Wales High Court (Queen's Bench Division) Decisions. Locke v Stuart and AXA Corporate Solutions. EWHC 399 (QB). Case №: 8BI09050. 25 February, 2011. URL: https://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/ew/cases/EWHC/QB/2011/399.html&query=(Locke)+AND+(v)+AND+(Stuart) (data obrashcheniya: 17.12.2025).
11. Smyth v St Andrew's Insurance Plc. EWHC 2511 (QB). Case № HQ11X03016. 17 September, 2012. URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/QB/2012/2511.html (data obrashcheniya: 17.12.2025).
12. United Kingdom Employment Appeal Tribunal. Game Retail Ltd v Laws. UKEAT 0188_14_0311. 03 November 2014. URL: https://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/uk/cases/UKEAT/2014/0188_14_0311.html&query=(Game)+AND+(Retail)+AND+(Ltd)+AND+(v)+AND+(Laws:) (data obrashcheniya: 18.12.2025).
13. England and Wales Court of Appeal (Criminal Division) Decisions. Bucknor v R. EWCA Crim 1152. 27 May 2010. URL: https://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/ew/cases/EWCA/Crim/2010/1152.html&query=(Bucknor)+AND+(v)+AND+(R)+AND+(.2010.)+AND+(EWCA)+AND+(Crim)+AND+(1152) (data obrashcheniya: 18.12.2025).
14. Meredit D. OSINT. Rukovodstvo po sboru i analizu otkrytoj informacii v internete. – Astana: «Sprint Buk», 2025. – 224 s.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_11

УДК 340

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРАВ ДЕТЕЙ В ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ
PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF A CHILDREN'S RIGHTS INSTITUTE IN THE LEGAL CULTURE OF THE UNITED STATES OF AMERICA

ШЛЯКОВА Ангелина Владимировна,
аспирант кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
119234, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1.
E-mail: angelina.shlyakova@yandex.ru;

SHLYAKOVA Angelina Vladimirovna,
Postgraduate Student, Department of History of State and Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.
1 Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russia.
E-mail: angelina.shlyakova@yandex.ru

Краткая аннотация: *Данная работа посвящена анализу особенностей становления доктрины прав ребенка в Соединенных Штатах Америки. Автор приходит к выводу о том, что ключевую роль в этом процессе сыграла эволюция судебной практики в США. В работе рассматриваются значимые судебные решения XVII-XX вв., в рамках которых происходило закрепление отдельных прав несовершеннолетних. Результаты исследования показывают, что до середины XX века ювенальная юстиция в США была ориентирована на исправление детей, исходя из концепции ребенка как «формирующегося человека» с особыми потребностями. Однако в дальнейшем в американской правовой культуре произошла трансформация: утвердился подход к ребенку как к автономному субъекту, способному к самостоятельным решениям и действиям, независимым от воли родителей.*

Abstract: *This work is devoted to the analysis of the peculiarities of the formation of the doctrine of the rights of the child in the United States of America. The author concludes that the evolution of judicial practice in the United States played a key role in this process. The paper examines significant court decisions of the XVII-XX centuries, in which the consolidation of certain rights of minors took place. The results of the study show that until the middle of the 20th century, juvenile justice in the United States was focused on correcting children, based on the concept of a child as an "developing person" with special needs. However, in the future, a transformation took place in American legal culture: the approach to the child as an autonomous subject capable of independent decisions and actions independent of the will of the parents was established.*

Ключевые слова: *права детей, доктрина прав детей, ювенальная юстиция, семейные правоотношения.*
Keywords: *children's rights, children's interests, children's rights doctrine, juvenile justice, family legal relations.*

Для цитирования: *Шлякова А.В. Предпосылки формирования института прав детей в правовой культуре Соединенных Штатов Америки // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 11-13. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_11.*
For citation*: Shlyakova A.V. Prerequisites for the formation of a children's rights institute in the legal culture of the United States of America // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 11-13. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_11.*

Статья поступила в редакцию: 23.12.2025

Историческое развитие института детских прав напрямую связано с развитием естественно-правовой доктрины прав человека, составляя один из ее ключевых разделов. Однако важно подчеркнуть, что уникальная природа ребенка, его качественное отличие от взрослого человека, наполняет понятие «права» особым содержанием в контексте регулирования института детства. Определение правовой природы ребенка является одной из важнейших проблем, находящихся в фокусе внимание как международно-правовой системы, так и национального законодательства отдельных государств. Сложившиеся в каждой юрисдикции правовые традиции предопределяют формирование уникальных институтов защиты прав несовершеннолетних, которые, однако, в последние десятилетия приводятся в соответствие с базовыми международными стандартами и рекомендациями, устанавливающими общие принципы правового регулирования статуса ребенка.

Случаи уголовного преследования за жестокое обращение с детьми были зафиксированы в Соединенных Штатах Америки еще в колониальную эпоху. Например, в 1655 году в Массачусетсе за непредумышленное убийство был осужден мастер, чье ненадлежащее обращение привело к смерти двенадцатилетнего ученика. В качестве наказания обвиняемый был подвергнут клеймению и конфискации имущества[1]. Позднее в 1670-х годах в Массачусетсе были также зафиксированы еще два единичных случая изъятия детей из опасной для них среды проживания. Однако системных правовых механизмов защиты несовершеннолетних от семейного насилия, в рамках которых бы ребенок самостоятельно мог обратиться с гражданским иском в суд, на тот момент не существовало.

Более того, законы XVII века, к примеру, «Закон об упрямом ребёнке» (англ. «The Stubborn Child Law») 1646 года, принятый законодательным органом Массачусетса (англ. the General Court of Massachusetts Bay), скорее защищали авторитет и права родителей: «В случае, если родители сталкиваются с непокорностью и упрямством со стороны своего шестнадцатилетнего ребенка, выражающимися в игнорировании их указаний и отсутствии реакции на дисциплинарные меры, они обязаны обратиться в суд для защиты своих прав и интересов. В судебном процессе необходимо предоставить доказательства, подтверждающие неприемлемость поведения сына и его потенциальную угрозу для общества. Если суд установит, что действия сына действительно являются преступными и опасными, он может принять решение о применении к нему соответствующих мер наказания, вплоть до назначения казни» *(перевод мой – А.Ш.)*[2]. В правовой доктрине принято считать, что данный закон явля-

[1] «As punishment for a manslaughter conviction, the abusive master was "burned in the hand and all of his goods were confiscated"» (*Watkins, S.A.* The Mary Ellen Myth: Correcting Child Welfare History. Social Work. V. 35, i. 6. 1990. P. 500–503).
[2] «If a man have a stubborn or rebellious son, of sufficient years and understanding (viz.) sixteen years of age, which will not obey the voice of his Father, or the voice of his Mother, and that when they have chastened him will not harken unto them: then shall his Father and Mother being his natural parents, lay hold on him, and bring him to the Magistrates

ется предшественником современных законов о ювенальной юстиции. Впоследствии аналогичные законы были приняты в Коннектикуте в 1650 г., Род-Айленде в 1668 г. и Нью-Гэмпшире в 1679 г.

Позднее в судебной практике постепенно стали формироваться допустимые пределы «воспитательных мер» по отношению к детям. Так, в деле «Джонсон против штата» 1840 г. (англ. Johnson v. State) суд постановил, что хотя родитель имеет право наказывать непослушного ребенка, применение жестокости по отношению к детям является преступлением в связи с тем, что в таком случае права ребенка нарушаются, а решение о применении мер пресечения пот отношению к родителям выносится судом присяжных[1].

Однако правоведы часто связывают становление института детских прав со знаковым решением 1874 года по делу Мэри Эллен Уилсон[2], вынесенным Верховным судом штата Нью-Йорк[3], которое до сих пор остается предметом оживленных научных дискуссий.

В соответствии с материалами дела приемная мать жестоко обращалась с девочкой по имени Мэри Эллен, а в связи с тем, что на тот период отсутствовали специальные механизмы по защите прав детей и правовых прецедентов для изъятия ребенка из семьи, миссионер Этта Энджел Уиллер (англ. Etta Angell Wheeler) обратилась за защитой к Генри Бергу (англ. Henry Bergh), основателю Американского общества по предотвращению жестокого обращения с животными (англ. American Society for the Prevention of Cruelty to Animals)[4].

В работах правоведов, посвященных данному делу, часто утверждается, что поводом для обращения в суд послужило применение аналогии закона о защите прав животных по отношению к детям. Думается, что это мнение возникло из-за того, что адвокатом по делу Мэри Эллен выступил Э.Т. Джерри (англ. Elbridge T. Gerry), которого нанял основатель Американского общества по предотвращению жестокого обращения с животными Г. Берг. Однако судья Абрахам Р. Лоуренс в ходе судебного процесса опирался не на аналогию, а на нормы common law, применив для освобождения девочки из-под власти родителей процедуру de homine replegiando – судебный приказ об освобождении лица из-под незаконного задержания и доставления в суд. На слушаниях Мэри Эллен дала показания о систематических истязаниях со стороны матери[5], и в итоге присяжные признали миссис Коннолли виновной в умышленном нападении на приемную дочь и приговорили её к одному году тюремного заключения с привлечением к каторжным работам, а опеку над девочкой передали миссионерке Э.Э. Уиллер[6].

Таким образом, применение классической судебной процедуры и приравнивание прав ребенка к правам взрослого человека доказывают, что данное дело не имело прямого отношения к защите животных, а следовательно, оно может рассматривать как самый яркий прецедент, официально закрепивший отдельные права ребенка в судебной практике и послуживший мощной предпосылкой для формирования целостной системы правовых механизмов по защите прав детей в Соединенных Штатах Америки.

Образование в 1874 году в Нью-Йорке Общества по предотвращению жестокого обращения с детьми (англ. the New York Society for the Prevention of Cruelty to Children) ознаменовало новый этап в развитии правового регулирования положения детей в США. Уже в первый год своей работы сотрудники Общества пришли к выводу о необходимости разработки дополнительных законодательных актов для усовершенствования инструментов правовой защиты ребенка. Многие из действующих сегодня в этой сфере законов основываются на идеях, выдвинутых правозащитниками того периода. Движение по защите прав детей стало быстро развиваться: к 1880 году в США подобных обществ было 37, а к 1901 году их число возросло до 162[7].

В середине XIX века также зародилась идея создания специализированных судов, которые бы рассматривали дела несовершеннолетних правонарушителей. Первым такой шаг сделал штат Иллинойс, приняв в 1899 году Закон штата Иллинойс о суде по делам несовершеннолетних (англ. the Illinois Juvenile Court Act of 1899), в соответствии с которым был учрежден отдельный «суд по делам несовершеннолетних»[8]. Сложившаяся в нем практика, получившая название «Философия суда по делам несовершеннолетних» (англ. the Juvenile Court Philosophy), заключалась в реабилитационном, а не карательном подходе: судья скорее выступал как воспитатель, призванный «спасти» ребёнка, так как целью суда была помощь детям, которые вели преступный образ жизни. Судопроизводство по делам несовершеннолетних также имело свои особенности: слушания носили закрытый характер, а ключевую роль в них играли не юристы, а специалисты в сфере социальных наук (социологи, психологи, социальные работники), которые оценивали потребности и обстоятельства жизни ребенка[9]. К 1917 году подобные суды были созданы уже в большинстве штатов Америки.

Фактически, суды по делам несовершеннолетних того периода имели мало общего с традиционными судебными органами, так как в их работе практически не принимали участие адвокаты, журналисты, юристы, а также отсутствовали другие привычные атрибуты правосудия. Требования о «надлежащей правовой процедуре», а решения опирались на условия, которые были необходимы для реабилитации ребенка, а не для

---

assembled in Court and testify unto them, that their son is stubborn and rebellious and will not obey their voice and chastisement, but lives in sundry notorious crimes, such a son shall be put to death» (*Sutton, J.R.* Stubborn Children: Law and the Socialization of Deviance in the Puritan Colonies. Family Law Quarterly. Vol. 15, No. 1. 1981. P. 31-64).

[1] «A parent has the right to chastise a disobedient child, but if he exceeds the bounds of moderation, and inflicts cruel punishment, he is a trespasser, and liable to indictment therefor, the excess which constitutes the offense being, not a conclusion of law, but a question of fact for the determination of the jury» (*Watkins, S.A.* The Mary Ellen Myth: Correcting Child Welfare History. Social Work. V. 35, i. 6. 1990. P. 500–503).

[2] *Marry Ellen Wilson* (1874).

[3] *Walker, N.E., Brooks, C.M. & Wrightsman, L.S.* Children's rights in the United States: In search of a national policy. California, London, New Delhi. 1999. P. 18.

[4] *Watkins, S.A.* The Mary Ellen Myth: Correcting Child Welfare History. Social Work. V. 35, i. 6. 1990. P. 500–503.

[5] «Меня зовут Мэри Эллен...Я не помню, чтобы меня когда-нибудь целовали, и мама меня никогда не целовала. Я никогда не сидела у мамы на коленях... Я никогда не осмеливалась заговорить с кем-либо, потому что, если бы я это сделала, меня бы выпороли; У меня никогда не было больше одежды, чем на мне сейчас...; Я видела чулки и другую одежду в нашей комнате, но мне не разрешалось надевать ее; всякий раз, когда мама уходила, меня запирали в спальне;...Я не знаю, за что меня били; мама никогда ничего не говорила, когда била меня; Я не хочу возвращаться к маме, потому что она меня сильно бьет» *(перевод мой – А.Ш.).* «My name is Mary Ellen...I have no recollection of ever having been kissed and I have never been kissed by momma. I have never been taken on momma' s lap...I never dared speak to anybody, because if I did I would get whipped; I have never had any more clothing than I have on at present...; I have seen stockings and other clothes in our room, but I am not allowed to put them on; whenever momma went out, I was locked up in the bedroom;...I don't know for what I was whipped; momma never said anything when she whipped me; I do not want to go back to live with momma because she beats me so» (Показания М.Э. Уилсон. *Jalongo, M.R.* The Story of Mary Ellen Wilson: Tracing the Origins of Child Protection in America. Early Childhood Education Journal, Vol. 34, No. 1, August 2006).

[6] *Crawford, J.* The child whose abuse touched the conscience of a nation «Mary Ellen, the child who was never hugged».

[7] *Crawford, J.* The child whose abuse touched the conscience of a nation «Mary Ellen, the child who was never hugged».

[8] *Davis, S.M.* Children's rights under the law. New York. 2011. P. 224-226.

[9] *Mack, J.W.* The Juvenile Court. Harvard Law Review, V. 23. 1909. P. 104-122.

обеспечения принципа справедливости. Такая модель суда опиралась на гражданско-правовую, а не уголовную природу процессов, где главной задачей было исправление, а не наказание обвиняемого[1].

К середине XX века в общественном сознании утвердился новый взгляд на ребенка не только как на объект защиты, но и как на «важный человеческий ресурс, от развития которого зависит будущее общества»[2]. Данная концепция стала основой для введения всеобщего обязательного образования, ограничения детского труда и дальнейшего развития системы ювенальной юстиции в Соединенных Штатах Америки[3]. После многовекового постепенного прогресса именно во второй половине XX века в США окончательно сформировалась современная доктрина прав детей, что нашло отражение в ряде ключевых судебных решений по делам несовершеннолетних.

Таким образом, ключевую роль в становлении американской доктрины прав ребенка сыграло развитие судебной практики. До середины XX века ювенальные суды преследовали преимущественно исправительные цели, а судьи выступали в роли воспитателей, исходя из представлений о ребенка как о «формирующейся личности» с особыми физическими и психологическими потребностями.

В международной юридической литературе, посвященной правам детей, часто встречается термин «формирующийся человек», под которым понимается ребенок. Так, профессор Центра по правам человека Гентского университета (Бельгия) Ева Бремс, доцент кафедры миграционного права юридического факультета Гентского университета (Бельгия) Эллен Десмет и заведующий кафедрой ювенального права юридического факультета Антверпенского университета (Бельгия) Ваутер Ванденхол в коллективной монографии, посвященной правам детей, утверждают: «Конвенция о правах ребенка основана на концепции “вымышленного универсального ребенка”, который является “развивающимся ребенком”. Комитет по правам ребенка ООН также склонен рассматривать детей как “формирующихся”, а не как “сформировавшихся” личностей. Принцип “формирующегося ребенка” воплощен в понятии “развивающихся способностей ребенка”» *(перевод мой – А.Ш.)*[4]. Применение данного термина может считаться оправданным, если его смысл ограничивается исключительно духовно-социальной сферой, не предполагая пересмотра биологической природы детей. В таком понимании речь идет о процессе становления личности ребенка: формирования его мировоззрения, поведенческих моделей, усвоении исторических традиций общества и культурных традиций его семьи. Однако во второй половине столетия в решениях ювенальных судов в США можно заменить, как постепенно начали признаваться и закрепляться права, изначально принадлежавшие взрослым[5]. В американской правовой культуре утвердилось понимание ребенка как автономной личности, способной к самостоятельным решениям и действиям, в том числе независимым от родителей, что привело, в частности, к появлению исков о лишении родительских прав со стороны несовершеннолетних. Следствием признания за ребенком прав «взрослых» можно наблюдать и в начале XXI века: право на определение гендерной идентичности, отказ от воспитания в конкретной семье и самостоятельное представительство своих интересов в различных инстанциях.

Думается, что подобная эволюция понимания прав ребенка ведет к чрезмерному вмешательству государства в семейную жизнь и разрушению традиционного института семьи. Американским правоведам и законодателям необходимо обратить внимание на то, что ребенок – это человеческое существо, находящееся на стадии духовного и социального формирования, нуждающееся в заботе и защите со стороны иных лиц (в первую очередь родителей) и не имеющее возможности в полной мере объективно воспринимать окружающую действительность и осуществлять действия по реализации прав и обязанностей «взрослого человека» и гражданина, а «права детей» – это некие свойства ребенка, присущие ему в силу возраста, стадии физического и психологического развития, которые необходимо учитывать при регулировании института детства на государственном уровне.

Список литературы:

1. Children’s Rights Law in the Global Human Rights Landscape: Isolation, Inspiration, Integration? / Ed. by E. Brems, E. Desmet, W. Vandenhole. London and New York. 2017. 312 p.
2. *Crawford, J.* The child whose abuse touched the conscience of a nation «Mary Ellen, the child who was never hugged». P. 1-8.
3. *Davis, S.M.* Children’s rights under the law. New York. 2011. 459 p.
4. *Fortin, J.* Children’s Rights and the Developing Law, 3rd Edition. Cambridge university press, 2009. 804 p.
5. *Jalongo, M.R.* The Story of Mary Ellen Wilson: Tracing the Origins of Child Protection in America. Early Childhood Education Journal, Vol. 34, No. 1, August 2006. P. 1-4.
6. *Hart, S.N.* The history of children's psychological rights. Viewpoints in Teaching and Learning, V. 58. 1982. P. 1-15.
7. *Mack, J.W.* The Juvenile Court. Harvard Law Review, V. 23. 1909. P. 104-122.
8. *Sutton, J.R.* Stubborn Children: Law and the Socialization of Deviance in the Puritan Colonies. Family Law Quarterly. Vol. 15, No. 1. 1981. P. 31-64.
9. *Walker, N.E., Brooks, C.M. & Wrightsman, L.S.* Children's rights in the United States: In search of a national policy. California, London, New Delhi. 1999. 278 p.
10. *Watkins, S.A.* The Mary Ellen Myth: Correcting Child Welfare History. Social Work. V. 35, i. 6. 1990. P. 500–503.

References:

1. Children’s Rights Law in the Global Human Rights Landscape: Isolation, Inspiration, Integration? / Ed. by E. Brems, E. Desmet, W. Vandenhole. London and New York. 2017. 312 p.
2. Crawford, J. The child whose abuse touched the conscience of a nation «Mary Ellen, the child who was never hugged». P. 1-8.
3. Davis, S.M. Children’s rights under the law. New York. 2011. 459 p.
4. Fortin, J. Children’s Rights and the Developing Law, 3rd Edition. Cambridge university press, 2009. 804 p.
5. Jalongo, M.R. The Story of Mary Ellen Wilson: Tracing the Origins of Child Protection in America. Early Childhood Education Journal, Vol. 34, No. 1, August 2006. P. 1-4.
6. Hart, S.N. The history of children's psychological rights. Viewpoints in Teaching and Learning, V. 58. 1982. P. 1-15.
7. Mack, J.W. The Juvenile Court. Harvard Law Review, V. 23. 1909. P. 104-122.
8. Sutton, J.R. Stubborn Children: Law and the Socialization of Deviance in the Puritan Colonies. Family Law Quarterly. Vol. 15, No. 1. 1981. P. 31-64.
9. Walker, N.E., Brooks, C.M. & Wrightsman, L.S. Children's rights in the United States: In search of a national policy. California, London, New Delhi. 1999. 278 p.
10. Watkins, S.A. The Mary Ellen Myth: Correcting Child Welfare History. Social Work. V. 35, i. 6. 1990. P. 500–503.

[1] Ibid.
[2] «The essential human resources whose mature form would determine the future of society» (*Hart, S.N.* The history of children's psychological rights. Viewpoints in Teaching and Learning, V. 58. 1982. P. 1-15).
[3] *Walker, N.E., Brooks, C.M. & Wrightsman, L.S.* Children's rights in the United States: In search of a national policy. California, London, New Delhi. 1999. P. 21.
[4] «The CRC is premised on the ‘fictitious universal child’, which is the ‘developing child’. The CRC Committee too tends to see children as becoming rather than as being. This paradigm of the developing child is encapsulated in the notion of the evolving capacities of the child» (Children’s Rights Law in the Global Human Rights Landscape: Isolation, Inspiration, Integration? / Ed. by E. Brems, E. Desmet, W. Vandenhole. London and New York. 2017. P. 25).
[5] *Fortin, J.* Children’s Rights and the Developing Law, 3rd Edition. Cambridge university press, 2009.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_14

УДК 36.364

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОММЕМОРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ
ALL-RUSSIAN IDENTITY IN COMMEMORATIVE DISCOURSE: LEGAL ASPECT

РАТТУР Мария Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права
Института государства и права РАН (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: rattur@yandex.ru;

RATTUR Maria Vladimirovna,
PhD in History, Associate Professor,
leading researcher of the Department of Legal Philosophy, Legal History and Legal Theory,
Institute of the State and Law, Russian Academy of Sciences.
Moscow, Znamenka, 10.
E-mail: rattur@yandex.ru

Краткая аннотация. *Статья посвящена рассмотрению общероссийской идентичности как правового концепта в контексте формирования системы правовой охраны исторической памяти. Актуальность темы исследования обусловлена как общественным запросом, который фиксируют исследователи на современном этапе развития российской государственности, так и необходимостью укрепления общероссийской идентичности, ограждения коллективной исторической памяти от когнитивных искажений правовыми средствами для обеспечения устойчивого развития цивилизационного пространства отечественной политико-правовой культуры. Применение кросс-дискурсивного подхода позволило выявить различия в правовом, медийном и бытовом дискурсах в области мемориальной политики и укрепления общероссийской идентичности.*

Abstract: *The article is devoted to the consideration of all-Russian identity as a legal concept in the context of the formation of a system of legal protection of historical memory. The relevance of the research topic is due to both the public demand, which is recorded by researchers at the current stage of development of Russian statehood, and the need to strengthen the all-Russian identity, to protect collective historical memory from cognitive distortions by legal means to ensure the sustainable development of the civilizational space of the domestic political and legal culture. The use of a cross-discursive approach made it possible to identify differences in legal, media and household discourses in the field of memorial policy and strengthening the all-Russian identity.*

Ключевые слова: *общероссийская идентичность, правовая охрана исторической памяти, кросс-дискурсивный подход, политико-правовая культура, историко-культурные традиции, правовой концепт, духовно-нравственные ценности.*

Keywords: *all-Russian identity, legal protection of historical memory, cross-discursive approach, political and legal culture, historical and cultural traditions, legal concept, spiritual and moral values.*

Для цитирования: *Раттур М.В. Общероссийская идентичность в коммеморативном дискурсе: правовой аспект // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 14-17. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_14.*

For citation*: Rattur M.V. All-Russian identity in commemorative discourse: legal aspect // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 14-17. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_14.*

Статья поступила в редакцию: 26.01.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Понятия «общероссийская идентичность» и «историческая память» в настоящее время занимают значительное место в отечественном политико-правовом пространстве и медийном дискурсе, хотя их «встреча» друг с другом в нормативных правовых актах произошла сравнительно недавно.

В Указе Президента Российской Федерации от 6 декабря 2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666», помимо того, что впервые дано определение общероссийской гражданской идентичности как осознания гражданами Российской Федерации их «принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества», так и обозначено, что историческая память народа – один из ключевых элементов общероссийской гражданской идентичности, манифестируя необходимость противодействия попыткам фальсификации истории[1].

Несмотря на то, что базовые ценности российского общества получат законодательное определение лишь спустя четыре года, документ закрепляет ряд сущностных характеристик, определяющих понятие «идентичность» в политико-правовом аспекте, наполняя его конкретным содержанием.

С 2020 г. в Основном законе Российской Федерации (п.3 ст.69) обозначена необходимость сохранения общероссийской культурной идентичности. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации определяет общероссийскую гражданскую идентичность как основу для защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, которые необходимы для укрепления единства народов Российской Федерации[2]. В «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» понятие «идентичность» упомянуто пять раз[3].

[1] Указ Президента РФ от 06.12.2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/43843 (дата обращения 12.10.2025 г.)
[2] Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 25.10.2025)
[3] Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 23.10.2025).

«Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения», утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» понятие «историческое просвещение» определяют через идентичность. В п. 3 «Основ» сказано, что, историческое просвещение – «регулируемая государством деятельность по распространению в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний в целях формирования научного понимания прошлого и настоящего России, являющегося одной из основ общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти, а также в целях противодействия попыткам умаления подвига народа при защите Отечества»[1].

Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 г. № 615-р обозначает приоритетную роль государства в защите детей и молодежи от информационных угроз, формировании у подрастающего поколения ценностного отношения к отечественной истории, укреплении национальной идентичности.

Корреляция угроз и рисков в связи с развитием цифровой среды и трансформацией памяти нашла отражение и в научных работах. Так, например, представляется весьма интересной статья «Умная социальная память как продуктивная сила метаверса», где авторы акцентируют внимание на том, что «возникает новая форма темпоральности, при которой прошлое становится результатом цифровой актуализации настоящего» и «происходит сдвиг в понимании памяти: прошлое утрачивает фиксированность и превращается в динамическую конструкцию, возникающую посредством цифровой актуализации настоящего (ретроактивная онтология)» [1, с. 100, 109].

Единодушие исследователей и творцов нормативных актов весьма отрадно, особенно если учесть тот факт, что это происходит не всегда. Примером тому является Федеральный закон Российской Федерации от 13 марта 1995 г. №32-ФЗ «О днях воинской славы (победных днях России)». Он устанавливает «дни славных побед, которые сыграли решающую роль в истории России и в которых российские войска снискали себе почет и уважение современников и благодарную память потомков», где часть событий российской истории отражена недостоверно. Например, день воинской славы России в связи с победой Александра Невского в 1240 г. установлен не 5 апреля, а 18, в Куликовской битве - 21 сентября, а не 8. Разница в 13 дней позволяет прийти к выводу, что законодатель учел опережение григорианским стилем летоисчисления юлианского, забыв тот факт, что реформа календаря при папе Григории XIII произошла в 1582 году. Для XVI столетия разница составляла 10 суток и достигла 13 только в марте 1900 г. [2, с. 277]. Так в законе оказались ошибочными даты Ледового побоища, Полтавского сражения, взятия Измаила, Бородинской битвы и др.

Помимо несуразицы с датами обращает на себя внимание опыт внесения изменений в данный закон. Так, Правительство Калужской области инициировало внесение Стояния на реке Угре (11 ноября) в качестве дня воинской славы России. Этот день в настоящее время является памятным днем в Калужской области. Ведь события 1480 г. происходили именно на территории этого субъекта Российской Федерации (в современном административно-территориальном делении). Инициатива калужан вызвала недовольство в Правительстве Татарстана. После развернувшейся полемики было принято решение повременить с включением стояния на реке Угре в Федеральный закон. Как видим, не только объединяющая и консолидирующая роль присуща коммеморации исторических событий. Потенциально она может стать источником раздоров и социальной напряженности в современном российском обществе.

Последнее на сегодняшний день изменение этого закона произошло 29 декабря 2025 г., установившее новую памятную дату 19 апреля – День памяти жертв геноцида советского народа. Инициатива внесения изменения на рассмотрение Государственной Думы принадлежит парламентариям от партии «Единая Россия». Важно отметить, что эта дата исторически обоснована. 19 апреля 1943 г. был издан указ № 39 – первый правовой акт, зафиксировавший целенаправленную и масштабную политику нацистов и их пособников по уничтожению мирного населения на оккупированных территориях, и определивший правовые основы для привлечения преступников к ответственности.

Правовое регулирование коммеморации событий Великой Отечественной войны занимает важное место в отечественном правовом пространстве. В новейшей истории страны Федеральный Закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», принятый 19 мая 1995 г. занимает в этом отношении видное место. В нем не только говорится о сохранении памяти о защитниках Родины, но и о борьбе с проявлениями фашизма.

При этом «Нюрнбергский консенсус», сформированный по итогам Второй мировой войны, защищавший ценности гуманизма и сохранявшийся даже в условиях начала Холодной войны, в настоящее время вытесняется в Европе концепцией двух тоталитаризмов. Идея нацистского и коммунистического тоталитаризмов, которые несут равную ответственность за развязывание и преступления Второй мировой войны, обосновывает трансформацию в европейском историческом сознании представлений о Советском Союзе от лидера в борьбе с нацизмом к виновнику (наряду с гитлеровской Германией) трагедии самой масштабной войны в истории человечества. При этом Российская Федерация отстаивает базовые положения «нюрнбергского консенсуса» [3, с. 9] и на международном уровне, и при реализации внутренней политики.

Создание Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России (Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. № 549) видится, как попытка отреагировать на фальсификацию исторических фактов и событий и нейтрализовать их возможные негативные последствия. Примечательно, что Указ подписан спустя несколько дней после 9 мая. Он был отменен 14 февраля 2012 г. Указом Президента Российской Федерации № 183, но в нем же «противодействие попыткам фальсификации исторических фактов и событий, предпринимаемым с целью нанесения ущерба интересам России» определено в чис-

[1] Указ Президента Российской Федерации от 08.09.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534 (дата обращения 10.05.2025)

ле задач оргкомитета Года российской истории.

Поправками в Конституцию Российской Федерации, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., в текст Основного закона России введена статья 67¹, включающая ч. 3, положения которой предусматривают, что «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается».

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, принятой в 2021 г. в качестве стратегических национальных приоритетов обозначены защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 в качестве нравственного ориентира, формирующего мировоззрение граждан России, передаваемого от поколения к поколению, лежащего в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющего гражданское единство, нашедшего свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России обозначены историческая память и преемственность поколений.

В Концепции гуманитарной политики России за рубежом, утвержденной Указом Президента России от 17 октября 2022 г. № 747, обозначена необходимость проведения активной работы в целях пресечения попыток ряда стран переписать историю Второй мировой и Великой Отечественной войны, преуменьшить роль советского народа в Великой Победе. В Концепции внешней политики России, утвержденной Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229, этот аспект также нашел отражение.

Изменения, внесенные в «Основы государственной культурной политики» Указом Президента от 25 января 2023 г. № 35, обозначают в качестве наиболее опасного для будущего России возможного проявления гуманитарного кризиса деформацию исторической памяти, негативную оценку значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости России.

Указом Президента Российской Федерации от 2 ноября 2023 г. № 817 создан Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации. «Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения», утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314, разрабатывались при его активном участии. Документ носит системный характер и определяет вектор развития мемориальной политики в отношении исторической памяти.

Подготовка и проведение судебных процессов по признанию преступлений нацистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны геноцидом советского народа стали одним из оснований для Федерального закона от 21.04.2025 г. № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов».

Следует отметить, что увеличение внимания к вопросам идентичности и исторической памяти не являются сугубо российскими характеристиками современного политико-правового ландшафта. Так, 17 января 2024 года Европейским парламентом принята Резолюция о европейском историческом сознании (2023/2112 (INI)). Академик РАН А.Н. Савенков обращает внимание на ее внутренние противоречия. Ведь п. 21, по сути, содержит обвинение Российской Федерации в «историческом ревизионизме» при изложении призывов к созданию единой платформы для ведения диалога и организации его на основе объективных знаний и достоверных фактов [4]. Следует отметить, что на сегодняшний день опубликовано не так много работ, освещающих в вопросы идентичности и исторической памяти в контексте цивилизационного развития [5, 6, 7, 8, 9].

Кроме того, применение кросс-дискурсивного подхода позволяет согласиться с мнением правоведов о том, что «в юридической науке слабо изучены концептуальные основы формирования мемориального права как особого юридического комплекса для сохранения, трансляции и защиты исторической памяти и мемориального (военно-мемориального) наследия» [10, с. 64]. При этом медийный и бытовой дискурсы концентрируются вокруг степени важности для общества проблем идентичности и исторической памяти [11].

Для укрепления общероссийской идентичности правовыми средствами и формирования эффективной системы правовой защиты исторической памяти профессиональный юридический дискурс имеет крайне важное значение особенно потому, что «войны памяти», затронувшие разные страны и континенты, стали сегодня неотъемлемой частью правовой реальности.

Соглашаясь со специалистами в том, что «использование термина «война» в данном случае носит больше метафорический характер» [12, с. 20], важно отметить, что резкие столкновения государств и народов относительно оценки событий прошлого «имеют разрушающее воздействие, поскольку мешают развитию взаимодействия между ними, приводят к информационным войнам, создают психологическую атмосферу антагонизма, неприятия и вражды» [12, с. 20].

А.А. Дорская видит выходом из создавшегося положения «диалог государств на универсальном, региональном, а иногда даже двустороннем уровнях. Это единственный вариант перейти к новому этапу взаимоотношений, при котором история со всеми трагическими и светлыми страницами будет объединяющим началом, а не поводом к новым конфликтам. Например, до конца пока не использован ресурс ООН для постепенной выработки общей позиции в отношении событий Второй мировой войны, преодоления остатков колониального периода и колониального мышления и т.д.» [13, с. 56], но существенным препятствием к тому является отмечаемое специалистами отсутствие концептуализации мемориального права, пределов его правового регулирования [14, с. 113]. Это актуализирует необходимость формирования мемориального права «как межотраслевого института национального законодательства и международного права» [14, с. 113].

В современных условиях, когда «исторические события и их интерпретация играют значительную роль в формировании национальной идентичности, политического сознания, а также инструментов политической борьбы между государствами» [15, с. 59], становится очевидным, что конфликтный потенциал политики памяти, реализуемой различными странами, возможно сгладить при помощи правового регулирования, формализуя подходы к различным интерпретациям истории, которые лежат в основе исторической памяти.

Кроме того, изменения, внесенные в «Основы государственной культурной политики» Указом Президента от 25 января 2023 г. № 35,

обозначают в качестве наиболее опасного для будущего России возможного проявления гуманитарного кризиса деформацию исторической памяти, негативную оценку значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости России.

Указом Президента Российской Федерации от 2 ноября 2023 г. № 817 создан Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации. «Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения», утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314, разрабатывались при его активном участии. Документ носит системный характер и определяет вектор развития мемориальной политики в отношении исторической памяти.

В свете повышения роли государства «как регулятора интеграционных и модернизационных процессов с учетом национальных интересов, исторических и культурных традиций» внесены изменения в Программу фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021-2030 годы) Распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2025 г. № 4075-р.

Таким образом, помимо наращивания усилий государства в отношении правового регулирования вопросов укрепления общероссийской гражданской идентичности и защиты исторической памяти следует отметить активное формирование правового дискурса данной проблематики. В отличие от медийного и бытового юридический дискурс сфокусирован на необходимости терминологической определенности данных понятий и насыщения их политико-правового содержания смыслообразующими теоретико-правовыми конструкциями. Апория присутствия отсутствующей вещи в данном случае становится одним из предметов изучения современной отечественной правовой науки.

Список литературы:

1. Елхова О.И. Умная социальная память как продуктивная сила метаверса / О.И. Елхова, Е.Ю. Макулина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 25, № 6. С. 100-111. – DOI 10.37482/2687-1505-V479.
2. Раттур М.В. О необходимости аналитической поддержки принятия правовых решений по защите исторической правды как конституционной ценности // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 276-279. – EDN CUSGZB.
3. Савенков А. Н. 2021. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М.: Проспект. 760 с.
4. Савенков А.Н. Историческое сознание как новый театр военных действий // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2024. № 12(329). С.3-10.
5. Жуков В.И. Мировой кризис и социальное развитие России / В. И. Жуков, Г. В. Жукова // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2008. № 4(60). С. 6-19. – EDN JXZEKD.
6. Слоботчиков О.Н. Консерватизм цивилизационных ценностей как необходимость сохранения гармоничного мира // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13, № 2. – EDN STHHVP.
7. Жуков В.И. Методология проблемы гармонизации социальной реальности / В. И. Жуков, Г. С. Жукова // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 1(89). С. 4-8. – EDN NXVELR.
8. Булавина М.А. Роль политического сознания в построении России как страны-цивилизации / М. А. Булавина, А. И. Легошин // Социально-политические науки. 2025. Т. 15, № 4. С. 88-96. – DOI 10.33693/2223-0092-2025-15-4-88-96. – EDN WSSJUB.
9. Жуков В.И. Историографическая концепция генезиса Российской цивилизации в Отечественной политико-правовой мысли / В. И. Жуков, М. В. Раттур // Государство и право. 2024. № 9. С. 63-76. – DOI 10.31857/S1026945224090055. – EDN WRCTZR.
10. Васильев А.А. Мемориальное право: национальные и международные аспекты / А. А. Васильев, А. Е. Ужанов, Ю. В. Печатнова // Право и управление. XXI век. 2023. № 19(4). С. 63-84. – DOI 10.24833/2073-8420-2023-4-69-63-84.
11. Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / Под ред. М.К. Горшкова. М.: Весь мир, 2022. 248 с.
12. Дорский А.Ю. Международно-правовая система и современные «войны памяти» / А. Ю. Дорский, А. А. Дорская // Международно-правовая система и наука в условиях глобальных вызовов. 2024. СПб.: Астерион. С. 19-27.
13. Дорская А.А. Эволюция форм сохранения исторического прошлого на национальном уровне: правовой аспект // Правовой фактор в динамике исторической памяти: международный, наднациональный и внутригосударственный уровни. 2023. СПб.: Астерион. С. 51-56.
14. Васильев А.А. Мемориальное право: проблема концептуализации и пределы нормативного регулирования / А. А. Васильев, Н. В. Кроткова, Ю. А. Зеленин // Государство и право. 2024. № 10. С. 113-122. – DOI 10.31857/S1026945224100107.
15. Беседина Е.С. Правовое регулирование исторической политики: зарубежный опыт/ Е.С. Беседина, А.А. Васильев // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 1. С. 58-70. – DOI 10.29039/2949-1258/2025-1/058-070.

References:

1. Elkhova O.I. Smart social memory as a productive force of metaverse/O.I. Elkhova, E.Yu. Makulina//Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2025. T. 25, NO. 6. P. 100-111. – DOI 10.37482/2687-1505-V479.
2. Rattur M.V. On the need for analytical support for the adoption of legal decisions to protect historical truth as a constitutional value//Legal technology. 2024. № 18. S. 276-279. – EDN CUSGZB.
3. Savenkov A.N. 2021. Nuremberg: A sentence in the name of Peace. M.: Prospect. 760 p.
4. Savenkov A.N. Historical consciousness as a new theater of military operations//Law in the Armed Forces - Military legal review. 2024. № 12(329). S.3-10.
5. Zhukov V.I. The world crisis and social development of Russia/V.I. Zhukov, G.V. Zhukova//Scientific notes of the Russian State Social University. 2008. № 4(60). S. 6-19. – EDN JXZEKD.
6. Slobotchikov O.N. Conservatism of civilizational values as the need to preserve a harmonious world//World of Science. Sociology, philology, cultural studies. 2022. T. 13, NO. 2. – EDN STHHVP.
7. Zhukov V.I. Methodology of the problem of harmonization of social reality/V.I. Zhukov, G.S. Zhukova//Scientific notes of the Russian State Social University. 2011. № 1(89). S. 4-8. – EDN NXVELR.
8. Bulavina M.A. The role of political consciousness in the construction of Russia as a civilization country/M.A. Bulavin, A.I. Legoshin//Socio-political sciences. 2025. VOL. 15, No. 4. S. 88-96. – DOI 10.33693/2223-0092-2025-15-4-88-96. – EDN WSSJUB.
9. Zhukov V.I. Historiographic concept of the genesis of Russian civilization in domestic political and legal thought/V.I. Zhukov, M.V. Rattur//State and law. 2024. № 9. S. 63-76. – DOI 10.31857/S1026945224090055. – EDN WRCTZR.
10. Vasiliev A.A. Memorial Law: National and International Aspects/A.A. Vasiliev, A.E. Uzhanov, Yu.V. Pechatnova//Law and Management. XXI century. 2023. № 19(4). S. 63-84. – DOI 10.24833/2073-8420-2023-4-69-63-84.
11. Historical consciousness of Russians: assessments of the past, memory, symbols (experience of sociological measurement)/Ed. M.K. Gorshkova. M.: The whole world, 2022. 248 pp.
12. Dorsky A.Yu. International legal system and modern "memory wars "/A. Yu. Dorsky, A. A. Dorskaya//International legal system and science in the context of global challenges. 2024. St. Petersburg: Asterion. S. 19-27.
13. Dorskaya A.A. Evolution of forms of preservation of the historical past at the national level: legal aspect//Legal factor in the dynamics of historical memory: international, supranational and domestic levels. 2023. St. Petersburg: Asterion. S. 51-56.
14. Vasiliev A.A. Memorial law: the problem of conceptualization and the limits of regulatory regulation/A.A. Vasiliev, N.V. Krotkova, Yu. A. Zelenin//State and law. 2024. № 10. S. 113-122. – DOI 10.31857/S1026945224100107.
15. Besedina E.S. Legal regulation of historical policy: foreign experience/E.S. Besedina, A.A. Vasiliev//Territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University. 2025. VOL. 17, NO. 1. S. 58-70. – DOI 10.29039/2949-1258/2025-1/058-070.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_18

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВОВЫХ И МОРАЛЬНЫХ НОРМ В ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
THE INTERACTION OF LEGAL AND MORAL NORMS IN THE LEGAL CULTURE OF CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

ЛЕСНОВА Наталья Игоревна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства
Санкт-Петербургского филиала ФГАОУВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»»,
доцент кафедры правоведения и медицинского права
ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет имени И.И. Мечникова»
Министерства здравоохранения Российской Федерации.
195067, Россия, г. Санкт-Петербург, Пискарёвский проспект, д. 47.
E-mail: natalya.lesnova@gmail.com;

LESNOVA Natalya Igorevna,
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State
at the St. Petersburg Branch of the National Research University Higher School of Economics
Associate Professor, Department of Jurisprudence and Medical Law
at the North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov, Ministry of Health of the Russian Federation.
47 Piskarevsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 195067.
E-mail: natalya.lesnova@gmail.com

Краткая аннотация: *в статье исследуются вопросы влияния моральных норм и принципов через правовую систему России на правовую культуру современного российского общества. В качестве примеров взаимодействия моральных и правовых норм автор рассматривает положения фаунистического законодательства Российской Федерации.*

Abstract: *The article examines the influence of moral norms and principles through the Russian legal system on the legal culture of modern Russian society. As examples of the interaction of moral and legal norms, the author considers the provisions of the faunal legislation of the Russian Federation.*

Ключевые слова: *правовая культура, нравственные нормы, традиционные ценности, фаунистическое законодательство, жестокое обращение с животными.*

Keywords: *legal culture, moral norms, traditional values, faunal legislation, cruelty to animals.*

Для цитирования: *Леснова Н.И. Взаимодействие правовых и моральных норм в правовой культуре современного российского общества // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 18-20. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_18.*

For citation*: Lesnova N.I. The interaction of legal and moral norms in the legal culture of contemporary Russian society // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 18-20. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_18.*

Статья поступила в редакцию: 12.01.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Во второй четверти XXI века особенную актуальность приобретает государственная политика по сохранению и развитию традиционных духовно-нравственных ценностей [1], определённых, в том числе, Указом Президента Российской Федерации (далее - Указ) от 09.11.2022 N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [2].

В соответствии с пунктом 5 Указа, к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

В соответствии с пунктом 4 Указа, традиционные ценности - это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

Традиционным для российского общества являются моральные, нравственные ориентиры в культуре общества [3]. При этом, правовая культура является элементом культуры общества [4].

В правовой культуре находят отражение общие правовые принципы, закрепленные и действующие в правовом поле. Например, принцип справедливости – ключевой принцип права, закрепленный в правовой системе России и отражаемый в правовой культуре российского общества. Принцип справедливости позиционируется в юридической литературе как общеправовой и находит своё проявление во всех отраслях права. Одними из наиболее «чувствительных» к взаимодействию права и морали, в том числе через проявление и развитие правовых принципов, являются, на наш взгляд, медицинское право [5] и фаунистическое право Российской Федерации.

В соответствии с пунктом 9 Указа, uосударственная политика Российской Федерации по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей представляет собой совокупность скоординированных мер, осуществляемых Президентом Российской Федерации и иными органами публичной власти при участии институтов гражданского общества для противодействия социокультурным угрозам национальной безопасности Российской Федерации в части, касающейся защиты традиционных ценностей [6].

Таким образом, необходима реализация государственной политики в обществе и «ответная реакция» в рамках взаимодействия государства и общества со стороны гражданского общества. Что необходимо и особенно актуально в условиях современного соотношения информационного общества и электронного, цифрового государства [7].

Здесь интересным представляется определение тенденций развития взаимодействия нравственных норм в правовой системе с учётом определения направлений данного взаимодействия государством. При этом, существуют собственные, равновесные тенденции развития правовой системы, в рамках которой в системе права необходимо отслеживать и «корректировать» действиями государства имплементацию моральных норм. При отсутствии такого регулирования система правовых норм и система моральных норм существуют разрозненно, что будет неэффективно в стремлении достижения общественного порядка.

Например, в соответствии с пунктом 3 статьи 4 Федерального закона РФ (далее - Закон) «Об ответственном обращении с животными» [8], обращение с животными должно основываться основывается на нравственных принципах и принципах гуманности, таких, как в том числе, воспитание у населения нравственного и гуманного отношения к животным…При этом, содержание нравственного отношения к животным законодателем не раскрыто.

Согласно статье 20 Закона, необходим общественный контроль в области обращения с животными. Для этого необходимы развитые институты гражданского общества, с чёткими морально-нравственными ориентирами, сформированными и имплементированными в право.

В настоящее время в российском обществе моральные нормы представляют собой разрозненные группы, очень отличающиеся для разных социальных групп. В качестве моральных ориентиров в обществе используются обычаи и религиозные нормы, которым не характерен широкий объект воздействия: религиозные нормы разнятся для различных конфессий, часть населения не относит себя к конфессиям, и обычаев в регулировании отношений придерживаются не все члены общества.

Обеспечить наиболее широкое по объекту и эффективное, в целях развития общества, социальное регулирование способно только право. Считаем, что в праве должны быть закреплены нравственные нормы. Моральные принципы должны пропитывать систему права, формируя её основание. Часть моральных норм, возможно, само содержание моральных принципов, может остаться не прописанными в праве, продолжив существование в качестве оценочных категорий. Однако закрепление моральных норм в праве с закреплением позиции законодателя необходимо. Один из примеров – ответственное, гуманное обращение к животным. Содержание лабораторных животных, цирковых [9], на фермах может определяться внешними регуляторами и в этом ключе быть эффективным.

При этом, реализуют нормы по отношению к животным люди, которые, при отсутствии собственных моральных ориентиров, не смогут обеспечить реализацию таких правовых норм с точки зрения моральных ориентиров. В отношении домашних животных, в Российской Федерации присутствует огромный правовой и «моральный» пробел. Нормы бывшего советского государства утрачены, новые моральные нормы ещё не сложились, обычаи многими членами российского общества зачастую не соблюдаются, религиозные нормы частью российского общества не принимаются. Отсюда - социальный нормативный «вакуум», в котором законодательством запрещается только крайние проявления, например, безответственного отношения к животным. Регулятивные нормы, определяющие отношение человека к животным, в законодательстве отсутствуют. При этом, наиболее эффективным социальным регулятором является подкреплённое силой государственного принуждения право.

В соответствии с нормой статьи 1 Закона, этот закон регулирует отношения в области обращения с животными в целях защиты животных, а также укрепления нравственности, соблюдения принципов гуманности, обеспечения безопасности и иных прав и законных интересов граждан при обращении с животными.

Первой задачей законодатель определяет защиту животных, что является закреплённой в праве моральной нормой. В качестве цели регулирования в норме закреплено укрепление нравственности, то есть, здесь законодатель предполагает взаимодействие моральных и правовых норм: правовые нормы созданы в поддержку и развитие моральных. Следующая задача – соблюдение принципов гуманности. Здесь закреплён правовой принцип, имеющий глубокое моральное содержание.

Взаимодействие моральных и правовых норм в системе права отражается в правовой культуре, при этом, формируя её. При этом, правовая культура является частью культуры общества. Культура, в соответствии с аксиологическим подходом, включает в себя набор ценностей, в том числе, в российской культуре должны быть закреплены традиционные моральные ценности. Как часть культуры, правовая культура системно связана с культурой общества.

Обращение с животными, в соответствии с Законом, основывается на следующих нравственных принципах и принципах гуманности:

1) отношение к животным как к существам, способным испытывать эмоции и физические страдания;

2) ответственность человека за судьбу животного;

3) воспитание у населения нравственного и гуманного отношения к животным;

4) научно обоснованное сочетание нравственных, экономических и социальных интересов человека, общества и государства.

При этом, понятие принципа гуманности применительно к данной сфере права законодателем не раскрыто. Содержание категории «нравственные принципы» также остается неясным.

Статья 11 Закона запрещает жесткое обращение с животными. В соответствии с нормой части 1, животные должны быть защищены от жестокого обращения. – При этом, законодателем не раскрывается понятие жестокого обращения.

Норма части второй данной статьи закрепляет только границы правомерного поведения, так, при обращении с животными не допускаются:

1) проведение на животных без применения обезболивающих лекарственных препаратов для ветеринарного применения ветеринарных и иных процедур, которые могут вызвать у животных непереносимую боль;

2) натравливание животных (за исключением служебных животных) на других животных;

3) отказ владельцев животных от исполнения ими обязанностей по содержанию животных до их определения в приюты для животных или отчуждения иным законным способом;

4) торговля животными в местах, специально не отведенных для этого;

5) организация и проведение боев животных;

6) организация и проведение зрелищных мероприятий, влекущих за собой нанесение травм и увечий животным, умерщвление животных;

7) кормление хищных животных другими живыми животными в местах, открытых для свободного посещения, за исключением случаев, предусмотренных требованиями к использованию животных в культурно-зрелищных целях и их содержанию, установленными Правительством Российской Федерации.

Ни в одном пункте части второй данной статьи порядок того, каким образом нужно обращаться с животными, не регламентирован. Таким образом, при условии, что в современном российском обществе присутствуют совершенно различные представления от нравственном и безнравственном поведении, в том числе в отношении животных, они, являясь по нормам гражданского законодательства вещью, остаются незащищёнными. Нравственные, моральные нормы, не подкреплённые силой правовых, не работают. При этом, отношение к животным, на наш взгляд, является неким критерием цивилизованности общества, что так необходимо в условиях формирования новой российской государственности. Считаем, что формирование действенных правовых механизмов [10] в данном ключе возможно через средства формирования правовой культуры – правовое воспитание, правовую пропаганду.

Список литературы:

1. Петюкова, О. Н. Современные теоретико-правовые подходы к пониманию ценностных основ российского права / О. Н. Петюкова // Современный юрист. – 2023. – № 4(45). – С. 8-19. – EDN JAIDZF.

2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/24f1a051389c864bb9c7af53538a2a674b0a5416/

3. Романовская, Л. Р. Правовая культура как часть социокультурного пространства стран СНГ: советское наследие и современные тенденции / Л. Р. Романовская // Связь поколений как культурное наследие народов союза независимых государств : Материалы международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 07–08 сентября 2023 года. – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2023. – С. 394-398. – EDN CHCIBU.

4. Антонов, М. В. Нормативное и фактическое в исследовании правовых культур / М. В. Антонов // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2024. – № 3(8). – С. 7-25. – EDN MKTXEF.

5. Дубовая, Е. Г. Этико-правовые вопросы рациональной фармакотерапии. Клинические рекомендации или обязательные требования / Е. Г. Дубовая, Е. Ф. Онищенко // Рациональная фармакотерапия «Золотая осень»: СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ Юбилейного XX Международного научного конгресса «Рациональная фармакотерапия», Санкт-Петербург, 16–18 октября 2025 года. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2025. – С. 94-97. – EDN XPUETK.

6. Романовская, В. Б. Правовая политика и правовые ценности западных и восточных обществ: аксиологические и праксиологические отличия / В. Б. Романовская // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики : Материалы IX Национальной научно-практической конференции. В 2-х частях, Казань, 27–28 февраля 2025 года. – Казань: Университет управления "ТИСБИ", 2025. – С. 102-107. – EDN FKPDZE.

7. Калинина, Е. В. Цифровые технологии как амбивалентный инструмент продвижения и трансформации духовно-нравственных ценностей / Е. В. Калинина // Цифровые технологии и право : сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции В 6 т., Казань, 22 сентября 2023 года. – Казань: Издательство "Познание", 2023. – С. 29-32. – EDN ZMOISF.

8. Федеральный закон РФ (далее - Закон) «Об ответственном обращении с животными» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314646/5563dda51dc0a9cb02c54fa681f63167406e52d4/

9. Романовская, В. Б. Животные в мире юридических конфликтов / В. Б. Романовская // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2025. – № 2(11). – С. 44-49. – EDN IWARDF.

10. Леснова, Н. И. Принципы биоэтики и механизм правового регулирования медицинских правоотношений / Н. И. Леснова // Правовое регулирование экономической деятельности. ПРЭД. – 2023. – № 4. – С. 36-42. – EDN HDWUVA.

References:

1. Petyukova, O. N. Modern theoretical and legal approaches to understanding the value foundations of Russian law / O. N. Petyukova // The modern lawyer. – 2023. – № 4(45). – Pp. 8-19. – EDN JAIDZF.

2. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated 09.11.2022 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/24f1a051389c864bb9c7af53538a2a674b0a5416/

3. Romanovskaya, L. R. Legal culture as part of the socio-cultural space of the CIS countries: Soviet heritage and modern trends / L. R. Romanovskaya // The link of generations as the cultural heritage of the peoples of the Union of Independent States : Proceedings of the international scientific and practical conference, Nizhny Novgorod, 07-08 September 2023. Nizhny Novgorod: N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, 2023. pp. 394-398. EDN CHCIBU.

4. Antonov, M. V. Normative and factual in the study of legal cultures / M. V. Antonov // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. – 2024. – № 3(8). – Pp. 7-25. – EDN MKTXEF.

5. Dubovaya, E. G. Ethical and legal issues of rational pharmacotherapy. Clinical recommendations or mandatory requirements / E. G. Dubovaya, E. F. Onishchenko // Rational pharmacotherapy "Golden Autumn": COLLECTION OF MATERIALS of the Jubilee XX International Scientific Congress "Rational Pharmacotherapy", St. Petersburg, October 16-18, 2025. – Saint Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University of Economics, 2025. – pp. 94-97. – EDN XPUETK.

6. Romanovskaya, V. B. Legal policy and legal values of Western and Eastern societies: axiological and praxeological differences / V. B. Romanovskaya // Main trends in the development of modern law: problems of theory and practice : Proceedings of the IX National Scientific and Practical Conference. In 2 parts, Kazan, February 27-28, 2025. – Kazan: University of Management "TISBI", 2025. – pp. 102-107. – EDN FKPDZE.

7. Kalinina, E. V. Digital technologies as an ambivalent tool for the promotion and transformation of spiritual and moral values / E. V. Kalinina // Digital technologies and law : proceedings of the II International Scientific and Practical Conference in 6 volumes, Kazan, September 22, 2023. – Kazan: Publishing house "Cognition", 2023. – pp. 29-32. – EDN ZMOISF.

8. The Federal Law of the Russian Federation (hereinafter - the Law) "On responsible treatment of animals" https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314646/5563dda51dc0a9cb02c54fa681f63167406e52d4/

9. Romanovskaya, V. B. Animals in the world of legal conflicts / V. B. Romanovskaya // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. – 2025. – № 2(11). – Pp. 44-49. – EDN IWARDF.

10. Lesnova, N. I. Principles of bioethics and the mechanism of legal regulation of medical legal relations / N. I. Lesnova // Legal regulation of economic activity. PRAED. – 2023. – No. 4. – pp. 36-42. – EDN HDWUVA.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_21

УДК 34

ТЕОРЕТИКО–ПРАВОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ КАК СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА: ОТ ПАТЕРНАЛИСТСКОЙ МОДЕЛИ К КОНСТИТУЦИОННОЙ ГАРАНТИИ
THEORETICAL AND LEGAL EVOLUTION OF HEALTH PROTECTION AS A SOCIAL FUNCTION OF THE STATE: FROM A PATERNIST MODEL TO A CONSTITUTIONAL GUARANTEE

ЯКУНЬКОВ Валерий Вячеславович,
аспирант кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».
350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
ORCID 0009–0007–3694–5283
E–mail: valerii.yakunkov1905@mail.ru;

YAKUNKOV Valeriy Vyacheslavovich,
Post–Graduate student of the Department of Theory and History of State and Law
Kuban State University.
Stavropol str., 149, Krasnodar Territory, 350040, Russia.
ORCID 0009–0007–3694–5283
E–mail: valerii.yakunkov1905@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье исследуется эволюция правового регулирования охраны здоровья в Российской Федерации от патерналистской модели советского периода к современной конституционной концепции, рассматривающей охрану здоровья как фундаментальное право человека и социальную функцию государства. Объектом исследования выступают теоретико–правовые основы конституционного права на охрану здоровья, система принципов правового регулирования в данной сфере и механизмы реализации государственных гарантий. Автор анализирует содержание конституционного принципа охраны здоровья, особенности права на охрану здоровья как социального права, соотношение обязанностей государства и ответственности граждан за собственное здоровье. Новизна исследования заключается в комплексном анализе трансформации подходов к правовому регулированию охраны здоровья с учетом конституционных поправок, расширивших понимание государственной функции в данной сфере. Выявлены основные проблемы реализации конституционного права на охрану здоровья: несбалансированность государственных гарантий с финансовыми возможностями, фрагментарность и несогласованность законодательства, неравномерность доступа к медицинской помощи. Обосновывается необходимость систематизации и кодификации законодательства об охране здоровья, совершенствования механизмов защиты прав пациентов. Результаты исследования могут быть использованы при разработке концепции систематизации законодательства в сфере охраны здоровья, совершенствовании правовых механизмов реализации конституционных гарантий и формировании государственной политики в рассматриваемой области.*

Abstract: *The article examines the evolution of legal regulation of health protection in the Russian Federation from the paternalistic model of the Soviet period to the modern constitutional concept that considers health protection as a fundamental human right and a social function of the state. The object of the study is the theoretical and legal foundations of the constitutional right to health protection, the system of principles of legal regulation in this sphere and mechanisms for implementing state guarantees. The author analyzes the content of the constitutional principle of health protection, features of the right to health protection as a social right, the relationship between state obligations and citizens' responsibility for their own health. The novelty of the research lies in a comprehensive analysis of the transformation of approaches to legal regulation of health protection, taking into account constitutional amendments that have expanded the understanding of the state function in this area. The main problems of implementing the constitutional right to health protection are identified: imbalance of state guarantees with financial capabilities, fragmentation and inconsistency of legislation, uneven access to medical care. The article substantiates the need for systematization and codification of health legislation, as well as for improving mechanisms for protecting patients' rights. The results of the study can be used in the development of a concept for systematizing health legislation, improving legal mechanisms for implementing constitutional guarantees, and shaping public policy in this area.*

Ключевые слова: *охрана здоровья, медицинская помощь, патерналистская модель, конституционная концепция, принципы правового регулирования, национальная безопасность, кодификация законодательства, системные проблемы здравоохранения, права пациентов, государственные гарантии, правовая защита.*

Keywords: *health protection, medical care, paternalistic model, constitutional concept, principles of legal regulation, national security, codification of legislation, systemic problems of healthcare, patient rights, state guarantees, legal protection.*

Для цитирования: *Якуньков В.В. Теоретико-правовая эволюция охраны здоровья как социальной функции государства: от патерналистской модели к конституционной гарантии // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 21-24. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_21.*

For citation*: Yakunkov V.V. Theoretical and legal evolution of health protection as a social function of the state: from a paternist model to a constitutional guarantee // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 21-24. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_21.*

Статья поступила в редакцию: 28.01.2025

Современное понимание охраны здоровья как государственной функции представляет собой результат длительной эволюции правовых подходов к регулированию данной сферы общественных отношений. Исторически государственное участие в охране здоровья населения прошло путь от патерналистской модели, предполагавшей полную ответственность государства за здоровье граждан при минимальном участии самих граждан в принятии решений, до современной конституционной концепции, рассматривающей охрану здоровья как фундаментальное право человека и одновременно как социальную функцию государства, реализуемую в партнерстве с гражданским обществом.

Исторический анализ позволяет выделить три ключевых этапа эволюции охраны здоровья как государственной функции в России. Первый этап (XVIII – начало XX века) характеризовался формированием государственной медицины в рамках абсолютистской модели с сословно ограниченным доступом к медицинской помощи. Второй этап (1918-1991 гг.) связан с построением советской модели здравоохранения, основан-

ной на принципах всеобщности и бесплатности, но минимизировавшей роль личной автономии пациента. Третий этап (с 1993 года) характеризуется конституционным закреплением права на охрану здоровья и формированием смешанной модели, сочетающей государственные гарантии с элементами рыночных механизмов.

Конституционное закрепление права на охрану здоровья в Российской Федерации свидетельствует о признании государством фундаментального значения этого права. Как справедливо отмечают Н. Н. Шамсутдинов и Е. Ф. Усманова, закрепление права на охрану здоровья на уровне документа, обладающего высшей юридической силой, показывает осознание государством значимости данного права для жизни и благополучия граждан и стабильности страны [13, с. 146]. Демократический политический режим предполагает не только формальное признание данного права, но и обеспечение реальной транспарентности деятельности органов публичной власти в этой сфере.

Т. П. Новикова подчёркивает, что конституционный принцип охраны здоровья является фундаментальным, поскольку Конституция гарантирует получение каждым гражданином права на охрану здоровья и оказание медицинской помощи, признавая жизнь человека и его здоровье высшей ценностью [9, с. 178]. Это положение определяет аксиологическую основу всего законодательства об охране здоровья и требует, чтобы все нормативные акты и правоприменительная практика исходили из приоритета интересов личности.

Праву граждан на охрану здоровья корреспондирует обязанность государства создавать условия для его реализации. Конституционные поправки 2020 года существенно расширили понимание государственной функции в данной сфере, закрепив в качестве полномочий совместного ведения не только координацию вопросов здравоохранения, но и более широкие задачи – сохранение и укрепление общественного здоровья, создание условий для здорового образа жизни, формирование культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью.

Это конституционное новшество свидетельствует о признании необходимости комплексного подхода к охране здоровья, выходящего за пределы традиционного предоставления медицинских услуг. Государство берет на себя обязательство не только лечить заболевания, но и предупреждать их возникновение, формировать у населения ответственное отношение к собственному здоровью.

Федеративное устройство России создает особую модель распределения полномочий в сфере охраны здоровья. Статья 72 Конституции РФ относит координацию вопросов здравоохранения к совместному ведению [1], что на практике порождает проблемы разграничения ответственности между уровнями власти. Региональные различия в финансировании здравоохранения достигают трехкратного размера, что противоречит принципу равенства прав граждан. Территориальные программы государственных гарантий формально должны обеспечивать единые стандарты, однако их реализация существенно варьируется в зависимости от экономического потенциала субъектов.

П. С. Кузнецов отмечает, что охрана здоровья – термин более широкий, включающий в себя понятие медицинская помощь, так как под охраной здоровья в законодательстве понимается целый комплекс мероприятий, направленных не только на самого человека, его здоровье, но и на окружающую среду, безопасность условий труда, производство и реализацию продуктов питания [8, с. 57]. Е. В. Епифанова справедливо указывает, что реальной целью охраны здоровья в юридическом смысле выступает охрана права на наивысший достижимый в данных социально–экономических условиях уровень здоровья [5, с. 165]. Это положение имеет принципиальное значение, поскольку определяет реалистичные параметры государственных обязательств.

Право на охрану здоровья характеризуется рядом особенностей, отличающих его от других социальных прав. Оно относится к неотъемлемым условиям нормального развития и существования человека. Специфика этого права проявляется в том, что в нём сочетаются взаимная ответственность гражданина и государства, взаимная свобода, выражающиеся в согласованности личных и общественных интересов.

Система принципов правового регулирования в сфере здравоохранения отражает современное понимание баланса между интересами индивида, социума и государства. Приоритетное место занимает принцип соблюдения прав и свобод граждан, основанный на признании личной автономии пациента. Л. А. Сулейманова и Л. Д. Асланян отмечают, что право на получение информации о состоянии здоровья пациента нацелено на укрепление его позиции, при этом механизмом реализации данного права выступает информированное добровольное согласие [11, с. 327].

О. Е. Пахомова обоснованно указывает, что Федеральный закон возлагает ответственность за охрану здоровья в меньшей мере на государство и его должностных лиц и в большей степени на медицинскую сферу и специалистов [10, с. 106].

Подобное распределение ответственности вызывает сомнения, поскольку многие системные проблемы здравоохранения связаны именно с недостаточным финансированием и несовершенством организационной модели.

Современное состояние законодательного регулирования здравоохранения отличается множественностью нормативных актов, не всегда взаимосогласованных.

Н. Ф. Герасименко и Д. А. Лисовский констатируют, что разработка и утверждение законопроектов носят преимущественно ситуативный характер, и большая часть таких законопроектов представляет собой изменения в действующие законы, при этом значимые для здравоохранения законопроекты не принимаются на протяжении многих лет, что указывает на необходимость систематизации нормативных актов [3, с. 203].

И. В. Евчик обоснованно утверждает, что нормативные акты в сфере охраны здоровья должны формировать научно обоснованный и целостный кодификационный документ, при этом основным способом преодоления множественности нормативных актов является усиление внимания к кодификации законодательства и принятие законов по укрупнённым направлениям регулирования [4, с. 129].

П. С. Кузнецов обращает внимание на то, что в Конституции РФ право на охрану здоровья гарантировано каждому человеку, в то время как в Федеральном законе используется термин гражданин [8, с. 57]. Данная терминологическая несогласованность порождает правовую неопределённость.

А. А. Кривоусова подчёркивает, что комплексный характер государственной деятельности по обеспечению и охране здоровья граждан

проявляется не только в развитии медицинских организаций и лечении заболевших людей, но и в просветительской работе среди населения с целью формирования у граждан ответственного отношения к сохранению собственного здоровья [7, с. 315–316].

Процесс формирования правового демократического государства повлёк ряд неблагоприятных последствий для социальной сферы. Ю. А. Чернышева справедливо отмечает, что осуществление конституционного права на охрану здоровья представляет собой комплексное право, реализация которого обусловлена рядом факторов: безработицей, низким уровнем заработной платы и пенсионного обеспечения, высокой криминогенной обстановкой, которые вынуждают человека пребывать в постоянном стрессе и неизбежно отражаются на его физическом и психическом состоянии [12, с. 94].

Несоответствие государственных гарантий имеющимся финансовым возможностям представляет собой одну из причин недостаточной реализации права на охрану здоровья. В. М. Иванов обращает внимание на то, что в российском правовом пространстве отсутствуют нормы, обеспечивающие конституционное право коренных малочисленных народов Севера на медицинскую помощь, оказываемую в условиях Крайнего Севера [6, с. 173].

А. В. Бородкина справедливо подчёркивает, что крайне важно разграничивать понятия «охрана» и «защита» применительно к пониманию здоровья: охрана здоровья представляет собой конституционный принцип, определяющий деятельность государства, направленную на реализацию данного права, в то время как защита осуществляется путём судебного обращения, когда данные права уже нарушены [2, с. 83].

Современный этап характеризуется новыми вызовами, связанными с цифровизацией здравоохранения. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ создал правовую основу для телемедицины, однако регулирование остается фрагментарным. Внедрение ЕГИСЗ и электронных медицинских карт требует дополнительных гарантий защиты персональных данных о здоровье. Пандемия COVID-19 выявила необходимость правового регулирования баланса между индивидуальными свободами и коллективной безопасностью. Развитие биомедицинских технологий, включая генетическое редактирование и искусственный интеллект, требует выработки новых правовых подходов.

Таким образом, современное состояние правового регулирования охраны здоровья в Российской Федерации характеризуется сложностью и противоречивостью. С одной стороны, произошел принципиальный переход от патерналистской модели к конституционному закреплению права на охрану здоровья как фундаментального права человека. С другой стороны, реализация конституционного права на охрану здоровья сталкивается с серьезными практическими проблемами, обусловленными недостаточностью финансирования, дефицитом медицинских кадров, территориальной неравномерностью доступа к медицинской помощи.

Законодательство об охране здоровья нуждается в систематизации и кодификации, устранении внутренних противоречий и пробелов. Требуется совершенствование механизмов защиты прав пациентов, развитие институтов досудебного урегулирования споров, повышение правовой грамотности как пациентов, так и медицинских работников.

Эволюция правового регулирования охраны здоровья продолжается, и ключевой задачей современного этапа является создание эффективной системы гарантий, обеспечивающих реальную, а не декларативную реализацию конституционного права каждого человека на охрану здоровья. Только комплексный подход, сочетающий правовые, экономические, организационные и образовательные меры, может обеспечить переход от декларативного провозглашения права на охрану здоровья к его эффективной реализации на практике.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 14 марта 2020 г. // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.
2. Бородкина, А. В. Содержание конституционного права человека на охрану здоровья / А. В. Бородкина // Устойчивое развитие общества: новые научные подходы и исследования : сборник материалов II Международной научно–практической конференции, Москва, 19 января 2024 г. – Москва : ООО «Издательство АЛЕФ», 2024. – С. 81–85. – EDN OYHCZT.
3. Герасименко, Н. Ф. Формирование кодекса законов об охране здоровья населения в Российской Федерации / Н. Ф. Герасименко, Д. А. Лисовский // Здравоохранение Российской Федерации. – 2020. – Т. 64, № 4. – С. 202–208. – DOI 10.46563/0044–197X–2020–64–4–202–208. – EDN XVNJJE.
4. Евчик, И. В. Перспективы развития российского законодательства в сфере обеспечения и реализации права на охрану здоровья / И. В. Евчик // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако : материалы IV Международной научно–практической конференции в 2 т., Тамбов, 22–23 мая 2020 г. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2020. – Т. 1 – С. 129–131. – EDN DQDGPT.
5. Епифанова, Е. В. Содержательная характеристика и принципы публично-правового регулирования охраны здоровья граждан в Российской Федерации / Е. В. Епифанова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 3(50). – С. 153–167. – DOI 10.17308/law/1995–5502/2022/3/153–167. – EDN WFGROB.
6. Иванов, В. М. Правовые коллизии в сфере охраны здоровья коренных народов Севера / В. М. Иванов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 9–2(96). – С. 170–176. – DOI 10.24412/2500–1000–2024–9–2–170–176. – EDN JLNTFY.
7. Кривоусова, А. А. О некоторых особенностях правового регулирования охраны здоровья и формирования здорового образа жизни граждан в Российской Федерации / А. А. Кривоусова // Здоровый образ жизни, физическая культура и спорт: тенденции, традиции, инновации : сборник научных трудов. – Симферополь : ООО «Издательство Типография «Ариал»», 2024. – С. 312–319. – EDN OBIPYU.
8. Кузнецов, П. С. Содержание права на охрану здоровья и медицинскую помощь в российском законодательстве / П. С. Кузнецов // Российская государственность: история и современность : сборник материалов Всероссийской научно–практической конференции, Абакан, 27 октября 2023 г. – Абакан : Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2023. – С. 57–58. – EDN GSMZNY.
9. Новикова, Т. П. Правовые принципы охраны здоровья / Т. П. Новикова // Наука молодых – будущее России : сборник научных статей 8–й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых, Курск, 12–13 декабря 2023 г. – Курск : Университетская книга, 2023. – С. 178–180. – EDN CQXGHV.
10. Пахомова, О. Е. О недостатках Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323–ФЗ / О. Е. Пахомова // Актуальные вопросы права: теоретические и практические проблемы : сборник научных трудов по результатам научно–практической конференции, Казань, 19 мая 2020 г. / под ред. Г. А. Нафиковой, Г. М. Хамитовой. – Казань : ООО «Офорт», 2020. – С. 101–111. – EDN KOYEHQ.
11. Сулейманова, Л. А. Права граждан в области охраны здоровья / Л. А. Сулейманова, Л. Д. Асланян // Проблемы развития современного общества : сборник научных статей 8–й Всероссийской национальной научно–практической конференции в 4 т., Курск, 19–20 января 2023 г. / под ред. В. М. Кузьминой. – Курск : Юго–Западный государственный университет, 2023. –
Т. 2 – С. 325–328. – EDN WCOEAP.
12. Чернышева, Ю. А. Конституционное право на охрану здоровья граждан в аспекте национальной безопасности / Ю. А. Чернышева // Закон и право. – 2020. – № 4. – С. 94–95. – DOI 10.24411/2073–3313–2019–10172. – EDN DWOVCS.

13. Шамсутдинов, Н. Н. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь в российском и зарубежном законодательстве / Н. Н. Шамсутдинов, Е. Ф. Усманова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 9–2(84). – С. 146–148. – DOI 10.24412/2500–1000–2023–9–2–146–148. – EDN KCNASX.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993: with amendments approved during the all-Russian vote on March 14, 2020. Collection of Legislation of the Russian Federation, 2020, no. 11, art. 1416.
2. Borodkina A. V. The content of the constitutional right to health protection. *Ustoichivoe razvitie obshchestva: novye nauchnye podkhody i issledovaniya. Sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchno–prakticheskoj konferencii* [Sustainable development of society: new scientific approaches and studies: collection of materials of the II International Scientific and Practical Conference, Moscow, January 19, 2024]. Moscow, 2024. pp. 81–85, EDN: OYHCZT (In Russian).
3. Gerasimenko N. F. Formation of a code of laws on public health protection in the Russian Federation. *Zdravookhranenie Rossiiskoi Federatsii* [Health Care in the Russian Federation], 2020, vol. 64, no. 4, pp. 202–208, DOI: 10. 46563/0044-197X-2020-64-4-202-208, EDN: XVNJJE (In Russian).
4. Evchik I. V. Prospects for the development of Russian legislation in the field of ensuring and implementing the right to health protection. *Tambovskie pravovye chteniya imeni F. N. Plevako. Materialy` IV Mezhdunarodnoj nauchno–prakticheskoj konferencii v 2 t.* [Tambov Legal Readings named after F. N. Plevako: materials of the IV International Scientific and Practical Conference in 2 vols., Tambov, May 22–23, 2020]. Tambov, 2020, vol. 1, pp. 129–131, EDN: DQDGPT (In Russian).
5. Epifanova E. V. Substantive characteristics and principles of public law regulation of health protection in the Russian Federation. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Law], 2022, no. 3(50), pp. 153–167, DOI: 10. 17308/law/1995-5502/2022/3/153-167, EDN: WFGROB (In Russian).
6. Ivanov V. M. Legal conflicts in the field of health protection of indigenous peoples of the North. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2024, no. 9–2(96), pp. 170–176, DOI: 10. 24412/2500-1000-2024-9-2-170-176, EDN: JLNTFY (In Russian).
7. Krivousova A. A. On some features of legal regulation of health protection and promotion of healthy lifestyle in the Russian Federation. *Zdorovyi obraz zhizni, fizicheskaya kul'tura i sport: tendentsii, traditsii, innovatsii. Sbornik nauchny`kh trudov* [Healthy lifestyle, physical culture and sport: trends, traditions, innovations: collection of scientific papers]. Simferopol', 2024, pp. 312–319, EDN: OBIPYU (In Russian).
8. Kuznetsov P. S. The content of the right to health protection and medical care in Russian legislation. *Rossiiskaya gosudarstvennost': istoriya i sovremennost'*. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno–prakticheskoj konferencii [Russian statehood: history and modernity: collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Abakan, October 27, 2023]. Abakan, 2023, pp. 57–58, EDN: GSMZNY (In Russian).
9. Novikova T. P. Legal principles of health protection. *Nauka molodykh – budushchee Rossii. Sbornik nauchny`kh statej 8–j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii perspektivny`kh razrabotok molody`kh ucheny`kh* [Science of the young – the future of Russia: collection of scientific articles of the 8th International Scientific Conference of Promising Developments by Young Scientists, Kursk, December 12–13, 2023]. Kursk, 2023, pp. 178–180, EDN: CQXGHV (In Russian).
10. Pakhomova O. E. On the shortcomings of Federal Law No. 323-FZ «On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation» dated November 21, 2011. *Aktual'nye voprosy prava: teoreticheskie i prakticheskie problem. Sbornik nauchny`kh trudov po rezul`tatam nauchno–prakticheskoj konferencii* [Current issues of law: theoretical and practical problems: collection of scientific papers based on the results of the scientific and practical conference, Kazan, May 19, 2020]. Kazan, 2020, pp. 101–111, EDN: KOYEHQ (In Russian).
11. Suleimanova L. A. Citizens' rights in the field of health protection. *Problemy razvitiya sovremennogo obshchestva. Sbornik nauchny`kh statej 8–j Vserossijskoj nacional`noj nauchno–prakticheskoj konferencii v 4 t.* [Problems of modern society development: collection of scientific articles of the 8th All-Russian National Scientific and Practical Conference in 4 vols., Kursk, January 19–20, 2023]. Kursk, 2023, vol. 2, pp. 325–328, EDN: WCOEAP (In Russian).
12. Chernysheva Yu. A. Constitutional right to health protection in the context of national security. *Zakon i pravo* [Law and Legislation], 2020, no. 4, pp. 94–95, DOI: 10. 24411/2073-3313-2019-10172, EDN: DWOVCS (In Russian).
13. Shamsutdinov N. N. The right to health protection and medical care in Russian and foreign legislation. Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2023, no. 9–2(84), pp. 146–148, DOI: 10. 24412/2500-1000-2023-9-2-146-148, EDN: KCNASX (In Russian).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_25

УДК 340.11

ПОНЯТИЕ И ОНТОЛОГИЯ НРАВСТВЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА
THE CONCEPT AND ONTOLOGY OF THE MORALITY OF THE FUNCTIONING OF THE STATE

РОЗАНОВА Елизавета Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права
Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета (МПГУ).
119571, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 88.
E-mail: diamondliza@mail.ru;

ROZANOVA Elizaveta V.,
candidate of science (Law), Associate Professor of the department of Theory and History of State and Law,
Institute of Social Studies and Humanities, Moscow State Pedagogical University (MPGU).
88 Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russia.
E-mail: diamondliza@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье автор продолжает исследование теоретико-правовых основ нравственности государства. Рассмотрены понятие и онтология нравственности функционирования государства и нравственности государства как его самооправдания и как основания его легитимности. Особое внимание уделено вопросам нравственности государственного управления. Автором также затронуты вопросы определенности государственно-правовой реальности нравственной двойственностью. При этом он обращается к общему понятию нравственно-неоднозначного человека.*

Abstract: *In the article, the author continues to study the theoretical and legal foundations of the morality of the state. The concept and ontology of the morality of the functioning of the state and the morality of the state as its self-justification and as the basis of its legitimacy are considered. Special attention is paid to the issues of public administration morality. The author also touches upon the issues of certainty of the state-legal reality of moral duality. At the same time, he refers to the general concept of a morally ambiguous person.*

Ключевые слова: *нравственность, теория права и государства, государственное управление, легитимность государства, ценности.*

Keywords: *morality, theory of law and the state, public administration, legitimacy of the state, values.*

Для цитирования: *Розанова Е.В. Понятие и онтология нравственности функционирования государства // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 25-28. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_25.*

For citation*: Rozanova E.V. The concept and ontology of the morality of the functioning of the state // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 25-28. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_25.*

Статья поступила в редакцию: 26.01.2025

Продолжая исследование теоретико-правовых основ нравственности государства [6], отметим, что официальная жизнь государства обычно является отражением нравственных чувств населения. Нравственность публичного управления следует оценивать по нравственным стандартам семьи [13, 4], стандартам биоэтики [9], стандартам межнациональных и межрелигиозных отношений. Но более всего – нравственным стандартам самого государства как организации [1, 2, 7, 17].

Нравственность должна связывать поведение высших должностных лиц, уже хотя бы в части представлений о том, что люди должны руководствоваться законом, а не деспотическими произвольными прихотями.

Важным является то, какой посыл отправляют высшие руководители государств миллионам людей, работающим на всех уровнях правительства, а именно государственным служащим, свободным ежедневно применять нравственные ценности [19, P. 133-134]. Высокие уровни внутриорганизационной политики, безнравственности и неэтичной деятельности в государственном секторе могут приводить к низким уровням политической эффективности и политической заинтересованности среди населения [21, P. 291].

Единство морали и права, пишет Г.В. Мальцев, онтологически объективируется через социальную практику субъекта, через общество и государство как реальную идею нравственности [5, С. 28]. И нравственность государства есть нравственность отношений между гражданами и системой органов государственной власти (их представителями, должностными лицами), нравственность отношений между различными органами государственной власти и внутри самих таких органов [15, P. 271].

Онтология нравственности функционирования государства проявляется, как пишет Сьюзен Голдберг, во множестве различных образов. Эти проявления можно разделить на чистые, композитные, встроенные и инертные. Нравственные основания возникают, время от времени, в своем чистейшем виде – как единственное эксплицитное обоснование действия правительства. В других случаях, нравственные обоснования действий правительства применяются в совокупности с правительственным интересом в сокращении ущерба или увеличении пользы, являющейся материальной или иным образом наблюдаемой. Такие обоснования можно считать композитными, так как заинтересованность в нравственности образует собой часть обоснований для осуществления правительственной власти. В дополнение к чистым и композитным проявлениям нравственных обоснований, правительственные интересы в нравственности могут приниматься имплицитно, и, следовательно, не проявляться в поверхностных рассмотрениях решений суда. В таких случаях можно предположить, что суд понял и принял нравственный интерес правительства, даже если он руководствовался иными основаниями для признания закона. Здесь имеют место быть встроенные нравственные обоснования. В конце концов, нравственные обоснования также проявляются в инертной форме. Здесь речь идет о случаях, когда суды навязы-

вают нравственные убеждения как компонент правоохранительной или иной власти как легитимное и достаточное обоснование для действия правительства, но, при этом, не ссылаются на нравственность в его анализе [14, P. P. 1244–1246].

При этом любое нарушение нравственности государственного управления напрямую ведет к дефектам государственной политики и иерархии [16, P. 11].

Дэниэл Пиар утверждает: «Можно было бы предположить, что нравственность является вопросом личного поведения, но следует также рассматривать нравственность с точки зрения руководства тем, как государство должно вести себя в отношении отдельно взятых лиц. В случаях, когда суд накладывал свои нравственные взгляды на закон, он фактически принимал нормативную позицию в вопросе того, как государство должно обращаться с отдельными лицами или группами лиц. Действия государства зачастую ограничиваются принципами нравственности… Суды, как правило, анализируют законность основанных на нравственности действий государства с точки зрения их конституциональной позволительности, будь то вопрос равной защиты или справедливого судебного разбирательства. Верховный суд США, как правило, использовал один из трех подходов: 1) нравственность как основание действий государства отклоняется; 2) нравственность как основание действий государства принимается; или 3) суд замещает своими собственными нравственными взглядами таковые у релевантного государственного субъекта» [18, P. 141, 144].

Как правило, если рассматривается какой-то общественный интерес, частью движимого им «топлива» должен быть, по словам Стивена Бэйли, ряд специальных и определенных интересов, при этом искусство государственного управления в значительной степени заключается в способности увязывать частные и личные интересы с публичными [8, P. 237], и именно нравственно-ценностная основа является платформой для этого.

Нравственное измерение деятельности правительства отражает попытки артикулировать заинтересованность в улучшении качества деятельности правительства, а вопросы этики в правительстве отражают конкретные меры, с помощью которых это улучшение может быть достигнуто. Деятельность правительства включает в себя поведение не только избранных и назначенных представителей государственной власти, но и инструменты управления, которые используются для достижения определенных политических целей. Таким образом, как поведение отдельных лиц в правительстве, так и политические инструменты образуют важные сегменты нравственной стороны правительства. Тем не менее, она включает в себя и «порядок и дух» заявляемых (с помощью конституциональных или других надлежащих правовых документов) и воспринимаемых (через систему общественных убеждений, религиозные ценности и ожидания от тех, кто управляет) нравственных ценностей. Этот «порядок и дух», в действительности, отражают нравственную сторону правительства. В связи с тем, что каждая страна разрабатывает свой собственный «порядок и дух», не может существовать науки об этике в правительстве (схожей науке управления), которая была бы совершенно универсально применима. Ценности высоконравственного представителя государственной власти должны отражать господствующие общественные ценности [10, P. 296].

Нравственность государства является одним из оснований легитимности государственного управления[11, P. 70].

Согласно Чарльзу Гарофало и Дину Гюрасу, государственное управление является принципиально моральным предприятием, а государственный управленец выступает моральным агентом. Хотя у них есть несколько принципов, с несколькими интересами и приоритетами, у государственных управленцев должна быть заложена сама мораль в качестве их основного принципа, принципа, лежащего в основе легитимности государственного управления в демократическом государстве. Когда обязательства перед конфликтующими принципами должны быть опосредованы, мораль – это не просто один принцип, который должен быть сбалансирован с другими. Это первостепенный принцип [12].

Вместе с тем, исследователя тематического горизонта нравственности государства ждет масса ловушек на его пути, в их числе – риск упрощенной схематизации понимания и толкования реального значения и онтологии нравственности в реальной жизни, которая более чем непроста.

Обсуждаемые вопросы сосредоточены на релевантном создании и обеспечении эффективного взаимодействия, говоря словами Стивена Бэйли, моральных институциональных механизмов и морально неоднозначного человека [8, P. 234].

Нравственно-неоднозначный человек и нравственная неоднозначность человека – это один из наисложнейших вопросов философии, наложивших отпечаток и на теорию государственного строительства и управления.

Государство и право – это всегда в первую очередь принуждение, в том числе силой, даже если во главу угла ставятся публичные интересы, принуждение не становится более привлекательным само по себе.

Как писал Карл Веллман, многие нравственные размышления могут быть нерелевантными в отношении действий отдельных лиц в части их деятельности в рамках их общественной роли. Так судья имеет обязанность применять закон даже если релевантный закон несправедлив. Государство является нравственно легитимным только в случае, если оно защищает своих граждан от вреда и предотвращает нарушение их прав и свобод. Составляющие его институты нравственно оправданы только если они также защищают от вреда и неграждан и соблюдают их права человека. Таким образом, ошибочно или, как минимум, некорректно предполагать, что нравственным стандартом государственных институтов является всего лишь общественный интерес или даже интересы всего человечества. Таким образом, на государственное управление и государственной политику (в любой сфере) всегда накладываются существенные нравственные ограничения. Тем не менее, даже самые значительные из нравственных запретов иногда могут быть преодолены. Нравственные обязательства, ограничивающие спектр допустимых действий частных лиц, в той же степени релевантны и в отношении действий государственных должностных лиц. Разумеется, общественная нравственность отличается от частной. Тем не менее, она накладывает дополнительные нравственные обязательства, возникающие из институциональных обязанностей государственных должност-

ных лиц, а не отменяет или сокращает их нравственные обязательства как отдельно взятых лиц. Схожим образом, чрезвычайно критическая или почти чрезвычайно критическая ситуация может привести к обходу привычных нравственных ограничений, накладываемых на действия государства, но ни та, ни другая не упразднят этих нравственных обязательств [22, P. 115–117, 122, 130].

По словам Стивена Бэйли, практически не существует публично-правового, государственного решения, чей моральный эффект можно оценить с точки зрения того, что теоретики игр называют результатом с нулевой суммой: полная победа правых и полное поражение неправильных. Этот неизбежный факт объясняется не только тем, что «правильные» и «неправильные» неспособны к общепринятому определению, а потому, что адекватный ответ на любое социальное зло содержит семена как предсказуемых, так и непредсказуемых дефектов. Признак моральной зрелости заключается в понимании неизбежности неблагоприятных и часто злокачественных последствий мягких нравственных решений. Высоконравственный государственный служащий должен осознавать нравственную неоднозначность всех людей (включая самого себя) и всех мер государственной политики (включая те, что он же и рекомендовал) [8, P. 236, 237].

Вообще вся эта сфера – сплошные амбивалентности (двойственности), коллизии и конфликты.

В частности, конфликт между потребителями госуслуг и продукта, формируемого системой государственного управления, которые, сами по себе, не предъявляют к самим себе столь же жестких требований и ожиданий, как они предъявляют к государственным управленцам и служащим.

Гленн Сталь несколько избыточно жестко и образно, но красочно писал, что существует нечто вроде «общественной шизофрении», охватывающей эту тему. С одной стороны, красноречивые граждане требуют от государственных служащих соответствия и следования необычайно высоким нравственным стандартам, а с другой они пытаются претендовать на особые меры со стороны представителей государственной власти, которые благоприятствовали бы именно им, а не интересам широкой публики. При этом нравственные интенции государственного служащего едва ли могут быть подкреплены, если его жизнь управляется недемократическими процессами – будь то с помощью внутренних административных ограничений или посредством поругания и самочинства, взваленных на него широкими слоями общественности, законодательными органами или демагогами [20, P. 91–92, 95]. И на все это накладывается, как пишет Е.Ю. Догадайло, изменчивость эмпирического мира (как его фундаментальное свойство), поскольку время есть основа мировосприятия бытия как непрерывного потока [3, С. 30]. И временная закономерность изменчивости модальности нравственности как регулятора в обществе много сложнее, чем вектор падения или возрастания. Здесь, скорее, имеет место цикличность. проявляющаяся ныне в том, что многие общества начали поступательный возврат к своим нравственным истокам.

То есть проблема много глубже, чем можно было бы представить себе. И решение должно быть онтологически сложным и многообразным, комплексным – если мы хотим сдвинуть с места проблему падения нравственности общества и государства.

Государство может пытаться и вправе стремиться управлять потоками событий, сложными онтологиями общественных отношений и общественной жизни, отсекая наиболее опасные вещи и стремясь придавать всему этому определенную форму и уже через это влияя на содержание.

Список литературы:

1. *Ботнев В.К.* Безупречность и эффективность государственного управления в мире рисков, неопределенностей и конфликтов // Платон. – 2018. – № 1. – С. 54–55.
2. *Ботнев В.К.* Сущность, причины и последствия деловой коррупции в Российской Федерации // Государственная служба. – 2014. – № 5 (91). – С. 47–50.
3. *Догадайло Е.Ю.* Время и право: теоретико-правовое исследование: Дис. докт. юридич. наук: 12.00.01 / РАНХиГС. – М., 2013. – 509 с. – С. 30.
4. Зарубежные законы и документы о формировании и защите общественной нравственности и нравственности несовершеннолетних / Приложение к проекту Концепции государственной политики формирования и защиты нравственности детей в РФ. – М.: Общественный совет ЦФО, 2008. – 246 с.
5. *Мальцев Г.В.* Нравственные основания права. 2-е изд., пересмотр. – М.: Норма: Инфра-М, 2019. – 400 с. – С. 28.
6. *Розанова Е.В.* Теоретико-правовые основы нравственности государства: постановка научной проблемы // Право и образование. – 2026. – № 1. – С. 12–17.
7. *Арабаджийски Н.* Държавно и публично управление. – София, 2014. – 302 с.
8. *Bailey S.K.* Ethics and the public service // Public Administration Review. – 1964. – Vol. 24. – № 4. – P. 234–243.
9. Bioethics and Biopolitics: Theories, Applications and Connections / Editor: Péter Kakuk. – Cham (Switzerland): Springer, 2017. – XVI; 135 p.
10. *Dwivedi O.* Reflections on Moral Government and Public Service as a Vocation // Indian Journal of Public Administration. – 1995. – Vol. 41. – № 3. – P. 296–306.
11. *Garofalo C., Geuras D.* Administrative Leadership and Transparency // Ethics and Integrity in Public Administration. Concepts and Cases / Ed. by R.W. Cox III. – New York: M.E.Sharpe, 2009. – 268 p. – P. 69–76.
12. *Garofalo C., Geuras D.* Common Ground, Common Future: Moral Agency in Public Administration, Professions, and Citizenship. – Boca Raton (Florida, USA): Taylor & Francis, 2006. – XIV; 191 p. – P. IX, 58 etc.
13. *Gibbons J.C.* Some Defects in Our Political and Social Institutions // The North American Review. – 1887. – Vol. 145. – № 371. – P. 345–354.
14. *Goldberg S.B.* Morals-based justifications for lawmaking: Before and after Lawrence v. Texas // Minnesota Law Review. – 2003. – Vol. 88. – P. 1233–1311.
15. *Laws J.* Beyond rights // Oxford Journal of Legal Studies. – 2003. – Vol. 23. – № 2. – P. 265–280.
16. *Lynch C.E., Lynch T.D.* Democratic Morality // Ethics and Integrity in Public Administration. Concepts and Cases / Ed. by R.W. Cox III. – New York: M.E. Sharpe, 2009. – 268 p. – P. 5–25.
17. *Marume S.B.M., Chikasha A.S.* Administrative Ethics // International Journal of Business and Management Invention. – 2016, August. – Vol. 5. – № 8. – P. 67–70.
18. *Piar D.F.* Morality as a Legitimate Government Interest // Penn State Law Review. – 2012. – Vol. 117. – № 1. – P. 139–169.
19. *Slack J.D.* God, presidents, and public administration // Public Integrity. – 2002. – Vol. 4. – № 2. – P. 133–146.
20. *Stahl O.G.* Democracy and Public Employee Morality // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1955. – Vol. 297. – № 1. – P. 90–97.
21. *Vigoda-Gadot E.* Citizens' perceptions of politics and ethics in public administration: A five-year national study of their relationship to satisfaction with services, trust in governance, and voice orientations // Journal of public administration research and theory. – 2007. – Vol. 17. – № 2. – P. 285–305.
22. *Wellman C.* Terrorism and Counterterrorism: A Moral Assessment. – New York: Springer, 2013. – VI; 132 p. – P. 113–132.

References:

1. Botnev V.K. Flawlessness and effectiveness of public administration in the world of risks, uncertainties and conflicts // Platon. – 2018. – No. 1. – pp. 54-55.
2. Botnev V.K. The essence, causes and consequences of business corruption in the Russian Federation // Civil Service. – 2014. – № 5 (91). – Pp. 47-50.
3. Gaddailo E.Y. Time and law: theoretical and legal research: Dis. dokt. Law sciences: 12.00.01 / RANHiGS. – M., 2013. – 509 p. – p. 30.
4. Foreign laws and documents on the formation and protection of public morals and the morals of minors / Appendix to the draft Concept of state policy for the formation and protection of children's morals in the Russian Federation. Moscow: Public Council of the Central Federal District, 2008– 246 p
5. Maltsev G.V. Moral foundations of law. 2nd ed., revised. Moscow: Norm: Infra–M, 2019. 400 p. - p. 28.

6. Rozanova E.V. Theoretical and legal foundations of the morality of the state: setting a scientific problem // Law and education. - 2026. – No. 1. – pp. 12-17.
7. Arabadzhiyski N. Autocratic and public administration. – Sofia, 2014. – 302 p.
8. Bailey S.K. Ethics and the public service // Public Administration Review. – 1964. – Vol. 24. – № 4. – P. 234–243.
9. Bioethics and Biopolitics: Theories, Applications and Connections / Editor: Péter Kakuk. – Cham (Switzerland): Springer, 2017. – XVI; 135 p.
10. Dwivedi O. Reflections on Moral Government and Public Service as a Vocation // Indian Journal of Public Administration. – 1995. – Vol. 41. – № 3. – P. 296–306.
11. Garofalo C., Geuras D. Administrative Leadership and Transparency // Ethics and Integrity in Public Administration. Concepts and Cases / Ed. by R.W. Cox III. – New York: M.E.Sharpe, 2009. – 268 p. – P. 69–76.
12. Garofalo C., Geuras D. Common Ground, Common Future: Moral Agency in Public Administration, Professions, and Citizenship. – Boca Raton (Florida, USA): Taylor & Francis, 2006. – XIV; 191 p. – P. IX, 58 etc.
13. Gibbons J.C. Some Defects in Our Political and Social Institutions // The North American Review. – 1887. – Vol. 145. – № 371. – P. 345–354.
14. Goldberg S.B. Morals-based justifications for lawmaking: Before and after Lawrence v. Texas // Minnesota Law Review. – 2003. – Vol. 88. – P. 1233–1311.
15. Laws J. Beyond rights // Oxford Journal of Legal Studies. – 2003. – Vol. 23. – № 2. – P. 265–280.
16. Lynch C.E., Lynch T.D. Democratic Morality // Ethics and Integrity in Public Administration. Concepts and Cases / Ed. by R.W. Cox III. – New York: M.E. Sharpe, 2009. – 268 p. – P. 5–25.
17. Marume S.B.M., Chikasha A.S. Administrative Ethics // International Journal of Business and Management Invention. – 2016, August. – Vol. 5. – № 8. – P. 67–70.
18. Piar D.F. Morality as a Legitimate Government Interest // Penn State Law Review. – 2012. – Vol. 117. – № 1. – P. 139–169.
19. Slack J.D. God, presidents, and public administration // Public Integrity. – 2002. – Vol. 4. – № 2. – P. 133–146.
20. Stahl O.G. Democracy and Public Employee Morality // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1955. – Vol. 297. – № 1. – P. 90–97.
21. Vigoda-Gadot E. Citizens' perceptions of politics and ethics in public administration: A five-year national study of their relationship to satisfaction with services, trust in governance, and voice orientations // Journal of public administration research and theory. – 2007. – Vol. 17. – № 2. – P. 285–305.
22. Wellman C. Terrorism and Counterterrorism: A Moral Assessment. – New York: Springer, 2013. – VI; 132 p. – P. 113–132.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_29

ПОНИМАНИЕ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ
UNDERSTANDING THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN ANCIENT GREECE

ШИКАЛЕВ Тимур Максимович,
аспирант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова» (МГУ).
119234, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1.
E-mail: tsh2000@bk.ru;
SHIKALEV Timur Maksimovich,
Postgraduate student at the Faculty of Law
Lomonosov Moscow State University (MSU).
Leninskie Gory, 1, Moscow, 119234, Russia.
E-mail: tsh2000@bk.ru

Краткая аннотация: *В статье автор исследует эволюцию концепции понимания принципа справедливости в древнегреческой философской мысли. На основе взглядов таких мыслителей, как Платон, Аристотель, Сократ и других, в работе анализируются основные элементы, определяющие принцип справедливости, его соотношение с другими правовыми принципами. В заключение автор подчеркивает значимость наследия древнегреческой мысли для современного понимания принципа справедливости, указывая на необходимость понимания справедливости при создании правовых императивов.*

Abstract: *In the article, the author explores the evolution of the concept of understanding the principle of justice in ancient Greek philosophical thought. Based on the views of such thinkers as Plato, Aristotle, Socrates and others, the work analyzes the main elements that determine the principle of justice, its relationship with other legal principles. In conclusion, the author emphasizes the importance of the legacy of ancient Greek thought for the modern understanding of the principle of justice, pointing out the need to understand justice when creating legal imperatives.*

Ключевые слова: *справедливость, равенство, философия права, Древняя Греция, Античность.*
Keywords*: justice, equality, philosophy of law, Ancient Greece, Antiquity.*

Для цитирования: *Шикалев Т.М. Понимание принципа справедливости в Древней Греции // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 29-32. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_29.*
For citation*: Shikalev T.M. Understanding the principle of justice in Ancient Greece // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 29-32. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_29.*

Статья поступила в редакцию: 26.01.2025

Проблема распределения ресурсов лежит в основе формирования системы человеческих отношений. Категории равного и доступного, дозволенного и запретного основаны на понимании баланса интересов всех членов общества и соответствующем согласовании их воли. Однако проблема наиболее обнажает себя в контексте связи между лицами в условиях противоречий, которые необходимо урегулировать для восстановления равенства между противоборствующими.

Справедливость как принцип составляет основу для урегулирования конфликтов интересов в разных плоскостях общественных отношений, позволяя принимать решения на основании определенной совокупности факторов. Иными словами, сущность справедливости представляет собой правовое измерение универсального характера, которое раскрывается в виде прямого воздействия на интересы субъектов в целях восстановления баланса или установления равенства между ними в конкретной ситуации.

Стык между объективным и субъективным устанавливает потребность в формировании конкретных норм и правил, способных построить систему человеческих отношений. Как указывал Я. Стоилов, равенство связано с пониманием формального уравнивания субъектов и содержательного равенства, согласно которому для одних и тех же случаев предусмотрены одинаковые правовые последствия.[1]

Античная эпоха характеризуется тем, что заложила основы для развития представлений о мире, который до сих пор во многом остается для нас загадкой. Понимание справедливости как принципа было заложено трудами античных мыслителей, что установило точки координат для формирования традиции, способствовавшей построению современных национальных правовых систем. **Древнегреческая философская методология способствовала развитию юридической техники, венцом творения которой в рассматриваемую эпоху стало римское право.** Как отмечает профессор Е.А. Лукашева, универсальность правовых конструктов является порождением европейской цивилизации, впитавшей древнегреческую философию, четкое юридическое мышление, фундаментом которого стала уникальная система римского права.[2]

Справедливость как морально-этическая категория является выражением всей совокупности решений, связанных с различными сферами социального взаимодействия людей. Человеческая деятельность представляет собой переустройство мира с точки зрения законов гармонии и красоты, что подчеркивает потребность в установлении критериев равного и соразмерного.

Представители философской мысли Древней Греции ставили понятие гармонии на первый план, указывая, что существует общий для всех естественный закон, где справедливость является основой. Несмотря на различную трактовку первопричин мироздания и объектов философского познания в периодах истории древнегреческой мысли, проблема понимания справедливости переходила сквозь время.[3]

Постановка вопроса о справедливом прежде всего встречается в мифологии: боги как олицетворение естественных процессов действовали с точки зрения общего натур-философского баланса, предопределив законы природы и сущность человеческих взаимоотношений. Олицетворе-

[1] Стоилов Я. Принципы права: понятие и применение : монография. - Москва : Проспект, 2022. С. 244.
[2] Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. / М.: Норма, 2009. С. 40 – 41.
[3] Философия в вопросах и ответах: учеб. пособие / Зорина Е.В., Рахманкулова Н.Ф [и др.]; под ред. Алексеева А.П. и Яковлевой Л.Е. – М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2006. С. 39.

нием понятия справедливости среди богов-олимпийцев была Фемида, богиня правопорядка и действия нравственных основ общества.

Однако впервые понятие справедливости в нравственном контексте встречается в Одиссее Гомера (VIII век до н.э.): «Дел беззаконных, однако, блаженные боги не любят. Правда одна и благие поступки людей им угодны».[1] Одиссей, главный герой поэмы, по всей линии повествования произведения действует по соображениям справедливости, реализуя волю богов, олицетворяющих высшую гармонию мироустройства.

Современник Гомера Гесиод в поэме «Труды и дни» (около 700 г. до н.э.) сменил вектор понимания справедливости, показав данное понятие через призму социального взаимодействия. Как отмечал профессор А.А. Гусейнов, Гесиод установил путь должного человеческого поведения в виде соблюдения предписаний богов, установивших справедливое в порядке вещей: «У людей есть только один путь приблизиться к вечным богам, приобщиться к их бессмертию: соблюдать данные богами законы и заслужить их благосклонность».[2]

Отход от поэтической картины мира привел к поиску более глубинных смыслов различных неосязаемых измерений, способных объяснить сущность мироздания через конкретику законов природы. Если все живет по законам гармонии, то какого должное поведение людей в этой системе установленных богами координат?

Гераклит (около 544 г. до н.э. – около 483 г. до н.э.), утверждавший о единстве и борьбе противоположностей, установил этическое тождество закона и справедливости: «Мнений много – закон один, и все положительные людские законы из него черпают свою силу и правду, свою общеобязательность. На законах основано общество, в них люди познают, что есть справедливость».[3]

С присущим для рабовладельческого строя аристократизмом Гераклит подчеркнул предопределенность в установлении неравенства, отвечающего на запрос устоявшихся в античном обществе порядков, в которых война представляла собой основой критерия формирования рабовладения: «война – отец всего и всего царь; одним она определила быть богами, других – людьми; одних она сделала рабами, других – свободными».[4] В данном суждении четко прослеживается влияние религиозного мировоззрения, поскольку власть богов над миром была установлена за счет низвержения титанов в Тартар, измерения, расположенного ниже царства мертвых. Если боги установили свою власть на основе справедливого отмщения за свои мучения во времена нахождения в желудке титана Крона, то их месть и последующий триумф восстанавливают баланс интересов. Тогда понимание справедливости равноценно космическому порядку воздаяния за деяния, уравнивающему стороны в последствиях их противостояния с точки зрения этики.

Факт того, что существует некая предопределенность в балансе сил в случаях противостояния выглядит очевидным, но какова роль самого человека в условиях этой предопределенности? Родоначальник атомизма Демокрит (около 460 г. до н.э. – около 370 г. до н.э.) считал, что человеческое счастье основано на справедливости: «Тот, у кого благое состояние духа, всегда стремится к справедливости и законным делам и поэтому он и наяву, и во сне бывает радостен, здоров и беззаботен. А тот, кто не соблюдает справедливости и не исполняет своих обязанностей, тому причиняет неудовольствие воспоминание о собственных дурных поступках, и он находится в состоянии постоянного страха и самоосуждения».[5] В его трактовке справедливости также наблюдается понятие должного, причем должного как цели благого поведения, которое отвечает требованиям гармонии природы. Поскольку справедливое представляет собой цель должного поведения, то субъект выступает в данной концепции центральной фигурой, способной принимать решения самостоятельно, стремясь достичь нравственной вершины.

Из вышесказанного следует, что для представителей натур-философского периода справедливость предстает этическим идеалом, основанным на законе природы. Что у Гераклита, что у Демокрита прослеживается особенность предопределенности порядка, выступающего как должное в условиях несовершенного сущего. Однако разница точек зрения проявляет себя в объективном и субъективном аспектах: где справедливость является всеобщим естественным законом для всего и где справедливость, являясь таковым, предстает ориентиром для формирования личности.

Конечно, живая природа по своим законам представляет собой систему четкого равенства и логичности процессов, происходящих в ней: пищевая цепь, где сильный съедает слабого выглядит справедливой. Однако человек не очень вписывается в эту связь, поскольку в одиночестве ему не выжить при любых исходах. Сопротивление силам природы выглядит порой бесполезным, особенно если это действия одного против всего. Система человеческого взаимодействия и воздействия на окружающий мир с творческой особенностью перенесла концентрацию внимания с природы на человека, который теперь предстает мерой всего.

Софисты как основные представители антропологического периода философии Античности рассматривали справедливость так же, как и их предшественники, с точки зрения нравственно-этической конструкции, но уже не в реалиях божественных абстракций, а в рамках человеческих взаимоотношений, особенно в системе устройства власти, обусловленной божественной предпосылкой. То есть ценностная система координат стала реализовываться в нормативной, установив понимание должного в конкретных предписанных положениях. Мораль относительна по сравнению с законом, который является взаимной справедливостью, то есть тем, о чем непосредственно договорились члены общества.[6] Например, реализация решений, согласно демократии Афин, была основана на результате мнения большинства в условиях равного голосования граждан, что полностью соответствует содержанию принципа справедливости.

Сократ (около 469 г. до н.э. – 399 г. до н.э.) так же, как и софисты, сосредоточился на человеческой проблематике. Разрешение споров

[1] Гомер. Одиссея / Пер. с древнегреч. В. Жуковского. Вступит. статья А. Тахо-Годи. Примеч. С. Ошерова. – М.: Худож. лит., 1981. С. 213.
[2] Гусейнов А.А. Античная этика. – 2 изд. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011. С. 28.
[3] Трубецкой С.Н. Метафизика в Древней Греции / Примеч. Маханькова И.И. – М.: Мысль, 2010. С. 246.
[4] Там же. С. 229.
[5] Материалисты Древней Греции: Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / Академия наук СССР, Институт философии; общ. ред. и вступ. ст. Дынника М.А. – М.: Госполитиздат. 1955. С. 155 – 156.
[6] Фролова Е.А. Философско-правовые идеи античности: софисты и Сократ // Аграрное и земельное право. 2019. № 4 (172). С. 83.

между людьми, как показывает практика, далеко не равнозначно естественной предопределенности соотношения сил. Напротив, здесь имеют место обстоятельства, способствующие определению верных путей решения конфликта.

Согласно позиции Сократа, несправедливость рождает ненависть и раздоры, а справедливость – единодушие и дружбу.[1] В его учении справедливость есть знание того, как вести себя по отношению к законам, что указывает на человека как основного субъекта претворения справедливого в жизнь. Однако понимание справедливости как априорного добра рушится об скалы субъективного чувственного восприятия, ведь любое принятие решений и любая моральная оценка связана сугубо с конкретным субъектом, находящегося в конкретных обстоятельствах.

Исходя из такого толкования справедливости, мера должного перешла в поле человеческих отношений в виде конкретных механизмов, предопределив самого человека как законотворца, учитывающего глубинный замысел божественных предписаний, и как главного актора в принятии решений между справедливым добром и несправедливым злом.

Переход в рациональную концепцию мироустройства стал разрушать существовавшие в то время парадигмы, «поставив мат» заблуждениям прошлого. Классическая эпоха древнегреческой мысли стала колыбелью современного понимания справедливости, заложив основы для ее характеристики. В трудах Платона (около 427 г. до н.э. – 347 г. до н.э.) и Аристотеля (384 г. до н.э. – 322 г. до н.э.) данное понятие приобретает более масштабный по своему содержанию смысл.

В философии Платона понятие справедливости приведено в тексте трактата «Государство» в рамках учения о добродетелях: мудрость, мужество, умеренность. Справедливость выражается в соразмерности функционирования чистой души с обществом и связывает политику с этикой, перекладывая реализацию нравственных законов в сферу государственного регулирования.[2] Мера должного выражается как в нравственности, так и в социальной жизни. Человек как смертное тело, содержащее в себе бессмертную душу, должен обуздать страсти, чтобы приблизиться к богу. Однако такой аскетизм во имя бога несет в себе совокупность запретов в виде недопущения посягательств на интересы других лиц.

Свободное общество должно быть построено на постулате границ свободы его субъектов, а значит взаимодействие должно основываться на справедливости с учетом особенностей каждой живущей в нем социальной группы. Платон выразил это словами: «Каждому свое», отметив справедливость как предопределенную основу построения общественных отношений, как например сословный строй, где деление обусловлено врожденным наличием добродетелей. Однако данная модель не отвечает на вопрос о причинности такого деления в виду наличия жестких рамок обобщения без возможности справедливой оценки каждого по отдельности.

Аристотель же смог раскрыть «несовершенство» подобной справедливости в труде «Никомахова этика», наиболее четко выделив социальность данного понятия. С одной стороны, справедливость – это разумность человеческой жизни; с другой – основа для распределения материальных благ. Данный подход выражается в уравнивающем и распределяющем характере справедливости, которая связана с проблемой различия в доступности к общим для всех ресурсам, что раскрывает постулат о равенстве индивидов при учете их индивидуальной специфики, обуславливающей распределение в большем или меньшем эквиваленте.[3] В современных исследованиях приводится анализ двух разновидностией справедливости – дистрибутивной (распределительной) и коррективной (обменную), где первая отражает идею равенства, понимаемого как пропорция, а вторая относится к понятию равенства, в соответствии с которым при обмене уже имеющимися благами следует исходить из равенства престаций. Значит люди равны, когда распределение общественных благ соотносится с требованием о соответствии, т.е, осуществляется согласно вкладу каждого человека в создание этих благ и заслугам перед обществом.[4]

Если справедливость есть основа для предоставления блага другому, то она характеризуется как добродетель, представляя собой самоконтроль субъектов общественных отношений при взаимодействии друг с другом, основанном на чувстве взаимопомощи и стремлении в достижении общего блага, что иллюстрирует био-социальный характер человеческой природы. Также справедливость предстает как универсальная система оценки поступков, формируя базис для правовых предписаний при неперсонифицированном эффекте воздействия на поведение членов общества: «Право, как и мораль, универсально лишь в том плане, что оно адресовано всем».[5]

Данные учения легли в основу последующих концепций, выражаясь в разных трактовках справедливого распределения под фразой «Каждому свое». Системы Платона и Аристотеля дали толчок возможностей для рассмотрения социальных явлений с разных сторон с учетом непосредственного погружения в конкретную проблематику.

Школа стоицизма (III в. до н.э.), возникшая в эллинистический период, уравняла всех людей друг с другом, поставив в основу добродетели как подчинение вселенскому закону, центральным из которых была справедливость. Фаталистическое понимание жизни придавало значение экзистенциальному поиску самосохранения в условиях порочного мира, на чем и зиждется понимание справедливости в виде основы для предоставления блага другому, а именно в качестве добра.

На закате античного мира в условиях влияния зародившегося и быстро распространяющегося христианства, религиозная волна захлестнула Античный мир подобно цунами. Монотеистическая концепция мира устранила идеи космоса и пантеизма создав предпосылку для иной трактовки учений прошлого.

---

[1] Платон. Сочинения в четырех томах. Т.3. Ч.1 / Под общ. ред. Лосева А.Ф. и Асмуса В.Ф.; Пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. С. 135.
[2] Фролова Е.А. Философия права античности: Платон о государстве и законах // Аграрное и земельное право. 2019. № 3 (171). С. 51.
[3] Азаркин Н.М. История политических и правовых учений: учебник / Под общ. ред. Мартышина О.В. – М.: Проспект, 2016. С. 44.
[4] Стоилов Я. Принципы права: понятие и применение : монография. - Москва : Проспект, 2022. С. 242 – 243.
[5] Бойко А.И. Нравственно-религиозные основы уголовного права / Северо-Кавказская акад. гос. службы. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2007. С. 208.

Плотин (204 – 270 гг. н.э.), систематизировав учение Платона, определил бога как непостижимую для познания истину, а значит сам идеал справедливости воспроизводится в уме материальной сущности души. Из этого следует, что при возврате души к богу значение человеческих ценностей, включая и справедливость, утрачивается. Получается, что справедливость живет сугубо в материальном мире вне связи с космической гармонией или же божественным замыслом. Такое отклонение вектора от идеального понимания справедливости к практическому ставит в центр человека как непосредственного субъекта в установлении баланса сил и интересов, где право и мораль играют большую роль в урегулировании человеческих проблем. Законы божьи и человеческие подобны, однако сущее в значительной мере отражает то, что необходимо понимать под справедливым в конкретных жизненных ситуациях.

Таким образом, вопрос понимания справедливости был актуальным в условиях каждого периода древнегреческой античной мысли. Тем не менее, любой исторический период имеет свою точку отсчета и соответствующий конец. Древнегреческая философская мысль однозначно является основой для понимания различных явлений, и понятие справедливости как основополагающего принципа мироздания не было оставлено в стороне. Изначально естественное этическое измерение приобрело социальный характер, выразившись в регулятивных нормах человеческого поведения. Нравственно-этическое поле переросло в императивы, которые установили должное поведение как необходимую конструкцию общеобязательного через призму закрепленного правовыми нормами принципа справедливости. Греки в погоне за осмыслением глубинной сути справедливого уступили римлянам, которые, использовав философские достижения эллинов, выработали объективную меру справедливости как фундаментального принципа права, создав совершенную правовую систему.

Древнегреческая философская мысль предопределила закрепление справедливости в качестве правового принципа путем рассуждений о должном поведении. Однако мораль не способна так эффективно регулировать человеческие отношения ввиду своего оценочного характера как право, которое направлено на прямое воздействие на взаимоотношения людей путем предписанных и санкционированных запретов и дозволений. Императивы выражают должное поведение как необходимую конструкцию общеобязательного на основе справедливого.

Список литературы:

1. Азаркин Н.М. История политических и правовых учений: учебник / Под общ. ред. Мартышина О.В. – М.: Проспект, 2016. – 427 с.
2. Гомер. Одиссея / Пер. с древнегреч. В. Жуковского. Вступит. статья А. Тахо-Годи. Примеч. С. Ошерова. – М.: Худож. лит., 1981. – 407 с.
3. Гусейнов А.А. Античная этика // 2-е изд. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011. – 287 с.
4. Дынник М.А. Материалисты Древней Греции: собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / Академия наук СССР, Институт философии. – М.: Госполитиздат. 1955. – 239 с.
5. Жуков В.Н. Философия права: учебник для высших учебных заведений / МГУ им. М.В. Ломоносова, Юридический факультет, Институт государства и права РАН. – М.: Мир философии: Алгоритм, 2019. – 558 с.
6. Зорина Е.В., Рахманкулова Н.Ф. Философия в вопросах и ответах: учеб. пособие / Под ред. Алексеева А.П. и Яковлевой Л.Е. – М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2006. – 336 с.
7. Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение / М.: Норма, 2009. – 383 с.
8. Платон. Сочинения в четырех томах. Т.3. Ч.1 / Под общ. ред. Лосева А.Ф. и Асмуса В.Ф.; Пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. – 752 с.
9. Стоилов Я. Принципы права: понятие и применение : монография. – Москва : Проспект, 2022. – 312 с.
10. Фролова Е.А. История политических и правовых учений: учебник / Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. – М.: Проспект, 2017. – 512 с.
11. Фролова Е.А. Философия права античности: Платон о государстве и законах // Аграрное и земельное право. 2019. № 3 (171). С. 50 – 55.
12. Фролова Е.А. Философско-правовые идеи античности: софисты и Сократ // Аграрное и земельное право. 2019. № 4 (172). С. 82 – 85.

References:

1. Azarkin N.M. History of political and legal doctrines: textbook / Under the general editorship . Martyshina O.V.– Moscow: Prospekt Publ., 2016, 427 p.
2. Homer. Odyssey / Translated from ancient Greek by V. Zhukovsky. He will join. article by A. Tahoe-Godi. Note by S. Osherov. – M.: Art. lit., 1981. – 407 p.
3. Huseynov A.A. Ancient ethics // 2nd ed. – M.: Book house "Librocom", 2011. – 287 p.
4. Dynnik M.A. The Materialists of Ancient Greece: a collection of texts by Heraclitus, Democritus and Epicurus / USSR Academy of Sciences, Institute of Philosophy, Moscow: Gospolitizdat. 1955. – 239 c.
5. Zhukov V.N. Philosophy of Law: textbook for higher educational institutions / Lomonosov Moscow State University, Faculty of Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Mir Filosofii: Algorithm, 2019. – 558 p.
6. Zorina E.V., Rakhmankulova N.F. Philosophy in questions and answers: textbook. stipend / Edited by Alekseeva A.P. and Yakovleva L.E.– Moscow: TK Veli-bi, Prospekt Publishing House, 2006. 336 p.
7. Lukasheva E.A. Man, law, civilizations: a normative and value dimension / Moscow: Norm, 2009. 383 p.
8. Plato. Essays in four volumes. Vol. 3. Part 1 / Under the general editorship. Losev A.F. and Asmusa V.F.; Translated from ancient Greek. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University; "Publishing house of Oleg Abyshko", 2007. – 752 p.
9. Stoilov Ya. Principles of law: concept and application : monograph. – Moscow : Prospekt, 2022. – 312 p.
10. Frolova E.A. History of political and legal doctrines: textbook / Lomonosov Moscow State University. Moscow: Prospekt, 2017. 512 p.
11. Frolova E.A. Philosophy of law of antiquity: Plato on the state and laws // Agrarian and land law. 2019. No. 3 (171). pp. 50-55.
12. Frolova E.A. Philosophical and legal ideas of antiquity: sophists and Socrates // Agrarian and land law. 2019. No. 4 (172). pp. 82-85.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_33

УДК 342.7

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ON THE ISSUE OF APPLICATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF STATE REGULATION OF LAND TURNOVER

ФАСТОВИЧ Галина Геннадьевна,
старший преподаватель, Красноярский государственный аграрный университет.
660049, Россия, г. Красноярск, ул. Мира, 90.
E-mail: Fastovich-85@mail.ru;
FASTOVICH Galina Gennadievna,
Senior Lecturer Krasnoyarsk State Agrarian University.
90 Mira St., Krasnoyarsk, Russia, 660049.
E-mail: Fastovich-85@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье анализируются лучшие практики ведущих ВУЗов Российской Федерации, способствующих минимизации вовлечения молодежи в противоправную деятельность и формирующие антитеррористическое сознание в студенческой среде. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации выступает базовым документом, в соответствии с которым формируются ряд комплексных мероприятий.*

Abstract: *The article analyzes the Institute of Information Technology and its role in state regulation of land turnover. In the course of the study, the author gives examples of the introduction of information technologies into the practical activities of the land cadastre institute.*

Ключевые слова: *молодежь, терроризм, информационные технологии, эффективность, государство, система студенческого самоуправления, мероприятия Комплексного плана противодействия идеологии терроризма, государственная информационная политика.*

Key words: *innovation, land cadastre, information technology, efficiency, state, blockchain system, land use, state land policy.*

Для цитирования: *Фастович Г.Г. Патриотическое воспитание как основа формирования антитеррористического сознания студентов в системе высшего образования // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 33-35. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_33.*

For citation*: Fastovich G.G. On the issue of application of digital technologies in the system of state regulation of land turnover // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 33-35. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_33.*

Статья поступила в редакцию: 11.01.2026

В системе высшего образования Российской Федерации деятельность, направленная на противодействие идеологии терроризма, возложена на структурные подразделения воспитательной направленности, управления по молодежной политики и службы безопасности. Во исполнение Комплексного Плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024-2028 годы, утвержденного Президентом Российской Федерации от 30 декабря 2023 г. № Пр-2610 (далее – Комплексный план) [1] и в целях развития у студенческой молодежи, активной гражданской позиции, направленной на неприятие идеологии терроризма, на базе аграрных ВУЗов Российской Федерации по итогам 1 полугодия 2025 года проведено 1 966 мероприятий профилактического, воспитательного, культурно-просветительского характера. Работа проводится на плановой основе, уделяя особое внимание студентам прибывших из стран Центрально-Азиатского региона (п. 2.3 Комплексного Плана), а именно:

- общее количество лиц, прибывших из стран Центрально-Азиатского региона, с которыми проведены мероприятия – 4 109 человека, из них проживают в общежитиях – 3 500 человек;

- общее количество мероприятий, реализованных с лицами, прибывшими из стран Центрально-Азиатского региона – 2 228 мероприятий [2].

Комплексный План предусматривает мероприятия профилактического, воспитательного, культурно-просветительского и спортивного направлений с привлечением федеральных и региональных политических деятелей [3], представителей правоохранительных органов, авторитетных представителей общественных и религиозных организаций, науки, представителей органов исполнительной власти, культуры и спорта.

Красноярский ГАУ, Иркутский ГАУ, Омский ГАУ, Белгородский ГАУ проводит патронированние иностранных студентов, где на кураторских часах происходит знакомство граждан с правовыми нормами Российской Федерации, видами и формами ответственности за совершенные правонарушения, а также создаются условий для благоприятной правовой адаптации и социализации студентов. Охват мероприятия – более 1 000 человек.

Арктический ГАТУ проводит «Час Наставника», где студенты старших курсов активно проводят мероприятия со студентами 1 курсов по доведению норм правовой, социальной и культурной жизни студенческого сообщества ВУЗа. Охват мероприятия – 120 человек [4].

В Башкирском ГАУ, Красноярском ГАУ, Казанском ГАУ, Иркутском ГАУ эффективно действует проект «Равный равному». В течение всего периода обучения студентам оказывается юридическая помощь в рамках студенческой правовой клиники, где разъясняются нормы действующего законодательства и меры ответственности, предусмотренные за нарушение норм административного и уголовного законодательства. Вместе с тем, реализуется Проект «Дружба», «Матрешка» в рамках которых проводятся ряд мероприятий. В образовательных организациях

определены педагоги-кураторы, которые особое внимание уделяют процессу адаптации иностранных студентов в правовом, социальном и языковом поле, подготовлены и реализованы. Программы кураторских часов с участием гостей из правоохранительной сферы.

В вышеуказанных образовательных организациях реализуются принципы корректирующего воздействия «триединства»: обучения, воспитания и психолого-педагогического сопровождения студентов. Охват мероприятия составляет более 800 человек.

В Белгородском ГАУ действует объединенный международный центр «Притяжение». Охват мероприятия составляет более 950 человек. В Тверской ГСХА продолжает реализацию проект «Патриотизм, подвиг, героизм», в рамках которого важная роль отводится работе по выявлению «группы риска» (обучающихся с отклонениями в поведении и обучающиеся, находящиеся в социально опасном положении), признаков повышенной агрессии и депрессивного состояния у студентов, анализу причин асоциального поведения. Центральным звеном профилактической работы выступают кураторы, которые способствуют вовлечению такой категории обучающихся в общественно-полезную, спортивную, волонтерскую, духовно-нравственную деятельность. Отдельный раздел в программе посвящён вопросам организации социально-психологического сопровождения и психологической поддержки. Охват мероприятия составляет более 280 человек.

Среди традиционных форм: тематические выставки на темы «Наш мир – без терроризма», «Экстремизму, терроризму скажем — нет!», «Терроризм – это зло», «Терроризм – это не про нас!», беседы и обучающие семинары «Ответственность за участие молодежи в несанкционированных массовых мероприятиях, в том числе радикального характера», «Современная вербовка!», «Экстремизм и терроризм – проблема современности», «Социальные сети в работе куратора» (Белгородский ГАУ, Кубанский ГАУ), организованы кинолектории «Россия без террора» (Кузбасский ГАУ), интеллектуальные игры «Нет терроризму», «Диктант победы» (Рязанский ГАУ, Смоленская ГСХА), адаптационно-профилактические встречи (Санкт-Петербургский ГУВМ), культурно-просветительские проекты «Урок мужества, посвященный трагической дате - дню памяти жертв теракта в Беслане» (Бурятская ГСХА, Красноярский ГАУ), лекции со студентами первого курса по «Противодействию экстремизма».

Особого внимания заслуживает практика Дагестанского ГАУ, где реализуется проект «Патриотизм. Воспитание. Будущее». Проект направлен на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Охват мероприятия – более 100 человек.

Некоторые вузы имеют отдельные планы работы в рамках адаптации иностранных студентов. Так, например, в Башкирском ГАУ успешно реализуется проект «Открытый диалог» на тему «Антитеррористическая безопасность-наша общая задача», «Равный равному», направленные на доверительные беседы приглашенных спикеров с иностранными студентами по недопущению их вовлечения в незаконные формирования террористического характера. Охват встреч – более 100 человек. Мероприятия спортивного направлений с привлечением федеральных и региональных политических деятелей, представителей правоохранительных органов, авторитетных представителей общественных и религиозных организаций, науки, представителей органов исполнительной власти, культуры и спорта, охват лиц – 110 020 человек (п. 1.2 Комплексного Плана).

Так, Кубанский ГАУ, Омский ГАУ, Чувашский ГАУ на системной основе проводит патронированние иностранных студентов, где на кураторских часах происходит знакомство граждан с правовыми нормами Российской Федерации, видами и формами ответственности за совершенные правонарушения, а также создаются условий для благоприятной правовой адаптации и социализации студентов. Охват мероприятия – более 150 человек.

В каждом ВУЗе определены педагоги-кураторы, которые особое внимание уделяют процессу адаптации иностранных студентов в правовом, экономическом, социальном, духовном и языковом поле. Реализуются программы/курсы по бесплатному изучению русского языка Алтайский ГАУ, Южно-Уральский ГАУ, Костромская ГСХА). Так по итогам более 600 иностранных студентов прошли подготовку и эффективно освоили/усилили знание русского языка [5]. Большое внимание в воспитательной работе аграрных вузов уделено формированию законопослушного поведения в студенческой среде, развитию активной гражданской позиции и привитию традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Среднее количество мероприятий, проводимых ВУЗами варьируется от 38 до 160 за отчетный период. Кубанский ГАУ, Иркутский ГАУ, Белгородский ГАУ, Брянский ГАУ, Омский ГАУ, Красноярский ГАУ, Южно-Уральский ГАУ, Пензенский ГАУ являются лидерами по проведению мероприятий [6].

Современные условия государственного и общественного устройства Российской Федерации диктуют необходимость формировании устойчивого государственного механизма. В свою очередь, переходные процессы в политической и экономической сферах, в области национально-государственных отношений вызывают необходимость проведения системного исследования правовых основ функционирования государственной власти и состояния развития гражданского общества. Немаловажное значение приобретают вопросы организации и функционирования государственного механизма и его совершенствования с целью максимального приближения к состоянию правового государства, признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина . В этой связи перед теорией права и государства неизбежно встают вопросы о том, что представляет собой эффективное действие государственного механизма? Какими основными принципами функционирования должно обладать современное состояние государственного механизма? Какова его роль в укрепление основ правового государства и место в этой модели свободно функционирующего гражданского общества?

Проблема оптимизации российского государственного механизма напрямую зависит от жизнедеятельности общества, позиции и интересов граждан. Вопросы укрепления основ правовой государственности, усиления правовых начал публичной власти, формирования государственно-частного партнерства в России стоят в настоящее время наиболее остро. В этом плане о важной роли эффективной и слаженной работы государственных органов в своем ежегодном послании Федеральному Собранию Российской Федерации отметил Президент Российской Феде-

рации В.В. Путин «необходимо выработать новые подходы в работе органов государства, России необходимо стабильное законодательство, а гражданам понятные правила» . Однако, следует заметить, что развитие государства, его основных правовых начал невозможно без кодифицированного содержания критериев эффективной деятельности отдельных звеньев государственного механизма и учета состояния таких правовых институтов, как: правовая культура человека, правовая инициатива личности, организационно-правовые возможности участия граждан в управлении делами государства, охрана прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

Актуализирует тему качественное понимание сущности государственного механизма. В юридической науке сложилось представление о государственном механизме – как системе государственных органов, дополненной так называемыми материальными придатками, к числу которых необходимо отнести армию, органы исполнения наказания и прочие органы. В исследовании такое представление о государственном механизме рассматривается в качестве традиционного (классического) понимания правовой природы государственной власти. В условиях внутригосударственных преобразований и гармонизации национального права государственный механизм, как и любое другое явление, развивается, меняет отдельные свойства, природу своего существования и решения публичных задач и функций.

В целях предотвращения использования религиозного фактора в распространении идеологии терроризма и совершенствования форм и методов профилактической работы [7] среди верующих на системной основе образовательными организациями организованы встречи со священнослужителями, муфтиями и представителями национальных общин (общее количество приглашенных религиозных деятелей – более 15000 человек).

Список литературы:

1. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024-2028 годы, утвержденный Президентом Российской Федерации от 30 декабря 2023 г. № Пр-2610: [сайт]. – URL.: https://www.consultant.ru/ (дата обращения 20.03.2025). – Текст: электронный.
2. Храбровская Ю.Р., Фастович Г.Г., Бузурная Н.Б. Информационно-правовое регулирование деятельности СМИ в России// Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-3. С. 206-210.
3. Тепляшин И.В., Фастович Г.Г. Вопросы эффективности российской судебной системы в выступлениях Президента Российской Федерации в 2008-2011 гг. /И.В. Тепляшин, Г.Г. Фастович// История государства и права. - 2011. - № 8. - С. 44-47.
4. Фастович Г.Г. Социальная политика современной России (на примере принципа нуждаемости граждан при предоставлении мер социальной поддержки) / Г.Г. Фастович // Право и практика. – 2020. - №3. – С. 37-42.
5. =Фастович Г.Г. Особенности публичного управления в районах Крайнего Севера и Арктической зоны Российской Федерации / Г.Г. Фастович // Право и государство: теория и практика. - 2018. - № 7 (163). - С. 113-116.
6. Шуточкина А.С., Фастович Г.Г. Влияние психических аномалий на преступное поведение личности // В сборнике: Инновационные тенденции развития российской науки. Материалы XII Международной научно-практической конференции молодых ученых. 2019. С. 130-132.
7. Курбатова С.М., Айснер Л.Ю. Некоторые аспекты правового регулирования процесса цифровизации сельского хозяйства // Аграрное и земельное право. 2019. № 9 (177). С. 58-59.

References:

1. Comprehensive Plan for Countering the Ideology of Terrorism in the Russian Federation for 2024-2028, approved by the President of the Russian Federation on December 30, 2023, No. Pr-2610: [website]. – URL.: https://www.consultant.ru / (accessed 03/20/2025). - Text: electronic.
2. Khrabrovskaya Yu.R., Fastovich G.G., Buzurnaya N.B. Information and legal regulation of media activities in Russia// International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2019. No. 4-3. pp. 206-210.
3. Teplyashin I.C., Fastovich G.G. Issues of the effectiveness of the Russian judicial system in the speeches of the President of the Russian Federation in 2008-2011 /I.C. Teplyashin, G.G. Fastovich / / History of the State and law. 2011. No. 8. pp. 44-47.
4. Fastovich G.G. Social policy of modern Russia (based on the principle of the need for citizenship in the provision of social support measures) / G.G. Fastovich // Law and Practice. - 2020. - No. 3. - pp. 37-42.
5. Fastovich G.G. Features of public administration in the regions of the Far North and the Arctic zone of the Russian Federation / G.G. Fastovich / / Law and the state: theory and practice. - 2018. - № 7 (163). - Pp. 113-116.
6. Shutochkina A.S., Fastovich G.G. The influence of mental anomalies on personality predisposition // In the collection: Innovative trends in the development of Russian science. Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference of Young Scientists. 2019. pp. 130-132.
7. Kurbatova S.M., Eisner L.Y. Some aspects of the legal regulation of the digitalization of agriculture / / Agrarian and land law. 2019. No. 9 (177). pp. 58-59.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_36
УДК 247.2

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ПРАВА
THE ROLE OF INFORMATION RIGHTS IN THE LEGAL SYSTEM

ШИТОВА Татьяна Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права,
Юридический институт ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет».
660049, Россия, г. Красноярск, ул. Мира, 90.
E-mail: fastovich-85@mail.ru;

SHITOVA Tatiana Viktorovna,
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law,
Law Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Krasnoyarsk State Agrarian University.
90 Mira St., Krasnoyarsk, 660049, Russia.
E-mail: fastovich-85@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье исследуется институт «информации» в системе права. Автор исследует вопросы формирования правовых режимов информации в современной России. В результате анализа, автор приходит к выводам, что правовые основы и коллизии, возникающие в процессе реализации информационной политики Российской Федерации являются инструментом эффективности в системе гармонизации права в целом.*

Abstract: *the article examines the institution of "information" in the legal system. The author explores the issues of the formation of legal regimes of information in modern Russia. As a result of the analysis, the author comes to the conclusion that the legal foundations and conflicts arising in the process of implementing the information policy of the Russian Federation are an instrument of effectiveness in the system of harmonization of law as a whole.*

Ключевые слова*: информация, система права, эффективность государственного механизма, информационная политика, гармонизация права.*

Keywords: *information, legal system, effectiveness of the state mechanism, information policy, harmonization of law.*

Для цитирования: *Шитова Т.В. Роль информационных правоотношений в системе права // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 36-37. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_36.*

For citation*: Shitova T.V. The role of information rights in the legal system // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 36-37. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_36.*

Статья поступила в редакцию: 26.01.2025

Информация - это объект правового регулирования, то она, по сути, имеет свой собственный правовой режим и для определения ее видов устанавливаются особые правовые режимы. Однако, это относится к той информации, которая не предназначается для широкой аудитории. Это та информация, которая подлежит охране от незаконного доступа к ней, а использование специальных правовых режимов - это важная мера ее правовой защиты. Как известно, правовой режим в наши дни касается многих аспектов права. Среди ученых до сих пор не выработан общий подход к его пониманию. Правовой режим определяют как совокупность правовых средств, правовых и организационно-технических мер, как социальный режим [1]. Разного рода информация относится к режиму документированной информации из-за прохождения ей процедуры документирования, которая является обязательным и важным критерием занесения информации в систему информационных ресурсов. Правовой режим информационных ресурсов определяется соответствующими нормами [2]. Также, правовой режим – это целая система норм права, регулирующая взаимоотношения между людьми в какой-либо сфере. Правовой режим всегда склоняется к регуляции положения объекта в рамках соответствующего ему закона. Правовой режим информации - это целый комплекс разного рода средств в области права, характеризующих особое сочетание различных взаимодействующих друг с другом дозволений, каких-либо запретов и обязательств, а, также, направленность управления отношениями в информационной среде.

Данный режим является одним из самых важных элементов, обеспечивающих выделение информационного права в самостоятельную область наук [3]. Однако, далеко не все считают столь важным выделение информационного права в отдельную область знаний.

Разновидность правовых режимов информации обуславливается в зависимости от принадлежности к ее к конкретному режиму доступа:

1. Режим свободного доступа. Формирует режим информации, режим исключительных прав, режим массовой информации.

2. Режим ограниченного доступа. Представлен режимом информации, которая, в свою очередь, принадлежит к государственной тайне, а, также, режимом конфиденциальной информации [4]. Это вид информации и имеется ограничение доступа для предупреждения и предотвращения возможных негативных последствий, которые потенциально или реально наносят угрозы общественно значимым и охраняемым частным интересам [5].

3. Режим исключительных прав. Данный режим базируется на корректировке отношений между представителями итогового продукта интеллектуальной деятельности, тогда как третьи лица всегда остаются отстраненными от ее возможного бесплатного копирования и подражания. Объектами интеллектуальной собственности являются все продукты человеческого интеллекта, независимо от их материальной ценности. Эта информация должна обладать признаком возможной выраженности на материальном носителе и должна быть познаваема другими людьми, она может быть распространена в неограниченном количестве экземпляров по всему миру, причем право на материальный носитель и право на содержащуюся в нем информацию представляют собой два совершенно разных института гражданского права.

4. Режим общественного, или же национального достояния, который обуславливается важностью придания конкретной информации тех признаков, которые, по факту, более ценны для членов общества.

5. Режим массовой информации. Данный режим выполняет ряд задач в общественной жизни СМИ. Эти задачи обуславливаются важностью демонстрации массам максимального естественного характера свободы информации, что гарантируется статьей 29 Конституции РФ [6]. Потребители массовой информации не ограничиваются какими-то жесткими запретами, кроме возможных социальных ограничений или при возникновении языкового/культурного барьеров, не относящихся к правовой сфере. Существующие в настоящий момент законодательные запреты, по большей части, касаются только тех лиц, которые производят информацию для большого числа потребителей в виде печатных,

аудио- и видео материалов. Пропаганда, которая разжигает разного рода ненависть в людях, находится под запретом по Конституции РФ.

Для характеристики информации, которая обладает особым правовым режимом доступа, применяют термин «конфиденциальная информация». Вся конфиденциальная информация состоит из: персональных данных; тайн судопроизводства и следствия; служебной тайны; профессиональной тайны; коммерческой тайны; сведений о промышленном образце, какой-либо полезной модели, структуре изобретения до официальной публикации соответствующей информации [7].

Важное замечание требуется в определении правового режима документированной информации, так как он не имеет какого-либо специального основания для внесения ее в приведенную выше классификацию, потому как она показывает лишь одну из форм предоставления информации, характеризуя ее размещение на определенном материальном носителе. При всем при этом, данный режим может относится к разряду свободной или ограниченной информации, соответствующие режимы доступа к которой юридически будут являться первичными по отношению к режиму документированной информации.

Можно сказать, что документированная информация – это одна из форм представления свободной информации, закрепленной на каком-либо материальном носителе и имеющей реквизиты, которые позволяют в значительной степени ее идентифицировать.

Характерными чертами документированной информации являются:

1. Наличие материального носителя информации с различными сведениями.

2. Идентифицируемость этих самых сведений, которые записаны на носителе. Это достигается за счет присоединения реквизитов, которые позволяют установить назначение и источник информации, к содержательной стороне излагаемых сведений, а, также, время записи информации, которое обеспечивает защиту документа. При все при этом, все реквизиты должны быть зафиксированы на том же самом носителе, что и идентифицируемые сведения.

3. Возможность изменения формы закрепления соответствующей информации, при которой эта информация может находиться на разных видах носителей без утраты ее содержания и реквизитов.

Процесс занесения информации на материальный носитель проходит в соответствии с установленным специальными ответственными за это госорганами порядком. Данная процедура осуществляется сразу с несколькими важными задачами, такими, как: установление владельца информации, обеспечение условий защиты информации в процессе ее обработки, будущего хранения и возможной передачи [8].

Подводя итоги, можно сказать, что правовой режим представляет собой многоаспектное и весьма сложное явление. В зависимости от характера правового явления, применительно к которому устанавливается правовой режим, определяются его содержание, специфика и особенности [9]. Вся система требований к данным режимам состоит в том, что эти требования определяются к каждому правовому режиму по отдельности с учетом и специфики объекта. По сути, если правовой режим информации определяется мерой убывания возможных дозволений, и это равнозначно росту запретов, то, в таком случае, можно говорить о существующем в РФ ограниченном информационном режиме на всю более-менее значимую информацию [10]. В целом, правовой режим информации определяется нормами, устанавливающими законодательством РФ, наличие недостатков которого определяет одну из задач законодателя, состоящую в правильном регламентировании правового режима конкретного вида информации.

Список литературы:

1. Фастович Г.Г. Информационные технологии как стратегический ресурс развития отраслей агропромышленного комплекса / Г.Г. Фастович, Л.В. Фомина // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 11(215). – С. 41-44.
2. Тепляшин И.В., Фастович Г.Г. Место и роль органов местного самоуправления в эффективной деятельности государственного механизма современной России /И.В. Тепляшин, Г.Г. Фастович// Государственная власть и местное самоуправление. - 2011. - № 12. - С. 21-24.
3. Фастович Г.Г. Эффективность правоохранительной деятельности как критерий и качество функционирования государственного механизма / Г.Г. Фастович // Аграрное и земельное право. - 2018. - № 2 (158). - С. 11-15.
4. Литвинова В.С., Фастович Г.Г., Фомина Л.В. К вопросу о формировании стратегии обеспечения трудовыми ресурсами в системе образовательных учреждений / В.С. Литвинова, Г.Г. Фастович, Л.В. Фомина // Аграрное и земельное право. - 2022. - № 10 (214). - С. 38-43.
5.Тепляшин И.В., Фастович Г.Г. Критерии эффективности государственного механизма: общетеоретический анализ // Проблемы модернизации правовой системы современного российского общества. Сборник докладов Междуна-родной научной конференции. 2011. С. 114-116.
6. Фастович Г.Г. К вопросу о реализации принципа эффективности в деятельности механизма государства // Право и государство: теория и практика. 2010. № 12 (72). С. 23-25.
7. Фастович Г.Г., Осипова Е.С. К вопросу о предоставлении земельных участков для нужд дипломатических представительств: теоретический аспект // Аграрное и земельное право. 2019. № 10 (178) С. 4-5.
8.Заруба Д.С., Ситникова К.Н, Фастович Г.Г. Проблема АПК в регионах России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 3-2. С. 52-55.
9. Фастович Г.Г., Литвинова В.С., Игнатенко В.А. Эффективная кадровая политика как один из критериев деятельности государственного механизма // Евразийский юридический журнал. 2020 № 10 (149). С. 81-82.
10.Фастович Г.Г., Кудашова И.В. Информационные технологии в системе повышения эффективности деятельности органов государственной власти: теоретико-правовой аспект // Право и политика. 2020. № 2. С. 18-22.

References:

1. Fastovich G.G. Information technologies as a strategic resource for the development of the agro-industrial complex / G.G. Fastovich, L.S. Fomina / / Agrarian and land law. – 2022. – № 11(215). - Pp. 41-44.
2. Teplyashin I.C., G. Fastovich.G. The place and role of local governments in the effective operation of the state mechanism of modern Russia /I.C. Teplyashin, G.G. Fastovich / / State power and local self-government. - 2011. - No. 12. - pp. 21-24.
3. Fastovich G.G. Efficiency of state activity as a criterion and quality of functioning of the state mechanism/G.G. Fastovich / / Agrarian and land law. - 2018. - № 2 (158). - Pp. 11-15.
4. Litvinova V.S., G. Fastovich.G., Fomina L.C. On the formation of a strategy for providing labor resources in the system of educational institutions / V.S. Litvinova,G.G. Fastovich, L.C. Fomina / / Agrarian and land management the right. - 2022. - № 10 (214). - Pp. 38-43.
5.Teplyashin I.C., Fastovich G.G. Criteria for the effectiveness of the state mechanism: a general theoretical analysis // Problems of modernization of the legal system of modern Russian society. Collection of reports of the International Scientific Conference. 2011. pp. 114-116.
6. Fastovich G.G. On the issue of the implementation of the principle of efficiency in the activities of the mechanism of the state // Law and the State: theory and practice. 2010. No. 12 (72). pp. 23-25.
7. Fastovich G.G., Osipova E.S. On the issue of providing land plots for the needs of diplomatic missions: a theoretical aspect // Agrarian and Land law. 2019. No. 10(178) pp. 4-5.
8.Zaruba D.S., Sitnikova K.N., Fastovich G.G. The problem of agriculture in the regions of Russia // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. No. 3-2. p. 52-55.
9. Fastovich G.G., Litvinova V.S., Ignatenko V.A. Effective personnel policy as one of the criteria for the activity of the state mechanism // Eurasian Law Journal. 2020 No. 10 (149). pp. 81-82.
10.Fastovich G.G., Kudashova I.C. Information technologies in the system of improving the efficiency of public authorities: theoretical and legal aspect // Law and politics. 2020. No. 2. pp. 18-22.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_38

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ
LOCAL GOVERNMENT AND THE EFFECTIVENESS OF STATE POWER: ISSUES OF COMPLIANCE

ФАСТОВИЧ Галина Геннадьевна,
старший преподаватель, Красноярский государственный аграрный университет.
660049, Россия, г. Красноярск, ул. Мира, 90.
E-mail: Fastovich-85@mail.ru;
FASTOVICH Galina Gennadievna,
Senior Lecturer Krasnoyarsk State Agrarian University.
90 Mira St., Krasnoyarsk, Russia, 660049.
E-mail: Fastovich-85@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются вопросы модернизации органов местного самоуправления в современной России. Подчеркивается необходимость реформирования муниципалитетов, которые являются проводником между органами государственной власти и российской общественностью. Предпринята попытка определить деятельность органов местного самоуправления как один из критериев эффективности российского государственного механизма.*

Abstract: *the article discusses the issues of modernization of local governments in modern Russia. The need to reform municipalities, which are the conduits between public authorities and Russian society, is emphasized. The company defines the activities of local governments as one of the criteria for the effectiveness of the Russian state mechanism.*

Ключевые слова: *органы местного самоуправления, эффективность функционирования государственного механизма, критерии эффективности, российская общественность, социальные интересы.*

Keywords: *local government body, efficiency of the functioning of the state mechanism, criteria of efficiency, Russian society, social interests.*

Для цитирования: *Фастович Г.Г. Местное самоуправление и эффективность государственной власти: вопросы соотношения // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 38-40. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_38.*

For citation*: Fastovich G.G. Local government and the effectiveness of state power: issues of compliance // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 38-40. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_38.*

Статья поступила в редакцию: 26.01.2025

Сегодня представляется очевидным тот факт, что для формирования гражданского общества в России необходимо обеспечить согласование демократических устремлений, исходящих от государства, с реализацией самоуправленческого потенциала на низовом уровне публичной власти. Отказ от патерналистских установок, переориентация сознания населения на инициативную деятельность являются факторами, способствующими решению многих проблем, в том числе и в вопросе функционирования государственного механизма. Научный поиск в этом направлении позволяет ответить на принципиально важные вопросы. Каковы пути рационального преобразования системы взаимодействия органов местного самоуправления и государственно-правовых институтов, обеспечивающих результативность функционирования последних? Как выстроить алгоритм деятельности органов местного самоуправления, их взаимодействия и сотрудничества с институтами гражданского общества, способный внести решающий вклад в формирование нового типа государственного механизма?

Местное самоуправление не может быть отнесено исключительно к институтам гражданского общества, так как это не просто форма самоорганизации населения для решения местных вопросов, а прежде всего форма осуществления власти народа, публичной власти [1] . Таким образом, муниципальная власть и власть государственная - это две взаимосвязанные в демократическом государстве формы публичной власти.

В отечественной юридической доктрине вопросы эффективности в праве уже много лет являются предметом правовых дискуссий. Научный интерес вызывают проблемы эффективности правовых норм, эффективности и формального качества нормативных актов и актов применения права, эффективности государственности, эффективности правореализационного процесса, эффективности юридических конструкций, но, к сожалению, другим аспектам действия эффективности, в том числе эффективности органов местного самоуправления и государственного механизма, уделялось и уделяется гораздо меньше внимания.

В качестве одного из важнейших факторов становления в Российской Федерации эффективной государственности выступает формирование и модернизация деятельности органов местного самоуправления. В последние годы усилилось внимание к анализу деятельности органов местного самоуправления современной России со стороны юристов, политологов и философов. При этом в качестве стержневой идеи многих работ по данной проблематике выступает резкое ослабление функционирования муниципалитетов, заметное снижение эффективности органов местного самоуправления в масштабах современной России, воздействующего на самые различные сферы общественных отношений. Значение местного самоуправления для современной России трудно переоценить.

Следует отметить, что качественное функционирование органов местного самоуправления в Российской Федерации - это не только непосредственное развитие системы демократии в целом как одного из качественных показателей наличия гражданского общества в России, но и фактическая составляющая концепции национальной безопасности страны. Тема эффективности красной нитью пронизывает функционирование механизма государства, так как институт эффективности - один из основополагающих принципов государственного управления, важное средство борьбы с коррупцией в государственном механизме, необходимое условие развития демократической системы сильного и эффективного государства [2].

Правовая жизнь современного российского общества является качественным показателем действенности права, правовых институтов и государственности и при этом выступает оценочным критерием работоспособности правовой системы, а через нее - всей системы деятельности механизма государства и органов местного самоуправления. Категория эффективности в юридической науке анализируется в нескольких аспектах. Так, в частности, в специальной литературе выделяют такие формы эффективности, как:

- фактическая эффективность (соотношение между фактически достигнутым результатом и той непосредственной, ближайшей целью, для достижения которой были приняты соответствующие юридические нормы);

- обоснованность и целесообразность (условия и требования, касающиеся в основном правотворчества, правовой культуры, состояния законности и обеспечивающие такое содержание правовых установлений и порядок их претворения в жизнь, которые позволяют ему выступать в качестве действенного, высокорезультативного регулятора общественных отношений);

- полезность (фактическая эффективность, взятая под углом зрения обоснованности и целесообразности правового регулирования, его реально положительного эффекта).

- экономичность (полезность юридического регулирования, скорректированная с учетом количества затраченных материальных средств, человеческой энергии, времени).

В этом плане под эффективной деятельностью государственного механизма следует понимать особую качественную характеристику процесса государственно-правового опосредования (главным образом - специально-юридического) социальных отношений, которая включает в себя три основных компонента: 1) результативность, т.е. степень достижения соответствующих целей; 2) степень социальной ценности (полезности) полученных результатов; 3) степень морального (нравственного) совершенства применяемых в процессе функционирования государственности средств [3].

Следует учитывать, что нормативное обеспечение полномасштабного внедрения в социальную практику механизмов конституционной ответственности находится в ведении не только Федерации, но и регионов, а также самих муниципальных образований. В условиях множественности субъектов правотворчества в данной области очевидна необходимость создания концептуальной модели, которая бы обозначила ориентиры для дальнейшего развития и конкретизации мер конституционной ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления.

Так, Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» содержит немало конструктивных нововведений в этой сфере. Вместе с тем следует признать, что в части регламентирования вопросов конституционной ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления не были решены многие актуальные проблемы. На наш взгляд, разграничение полномочий между уровнями публичной власти влечет за собой необходимость установления мер ответственности за их эффективную реализацию. Только продуманная и юридически безупречная система мер конституционной ответственности властных структур является залогом укрепления российской государственности и выступает критерием эффективности государственного аппарата в целом.

Помимо этого местное самоуправление на данный момент еще не в полной мере отвечает своему предназначению в качестве интегрирующего фактора, который способен задействовать и активизировать глубинные механизмы саморегулирования общества. На муниципальном уровне остаются нерешенными многие проблемы, наличие которых обусловлено общим состоянием государственно-правовой действительности. Следует констатировать, что потенциал муниципализма в России не реализован в полной мере. Одну из ключевых ролей в процессе изменения сложившейся ситуации должны сыграть публично-властные субъекты уровня местного самоуправления как носители власти, делегированной местным сообществом. Поэтому так значим контроль за надлежащим осуществлением ими своих полномочий и так велика деструктивная роль правонарушений, в том числе конституционных деликтов, в процессе их деятельности. В силу более тесной связи органов и должностных лиц местного самоуправления с населением должна существовать уникальная с точки зрения сочетания внутреннего (местного) и внешнего (государственного) воздействия модель ответственности муниципальных властных субъектов.

В исследовании представленных вопросов, определении роли органов местного самоуправления в модернизации правовой системы важно обратиться к формам взаимодействия местного самоуправления и государственного механизма. Так, следует говорить о совместной правообразующей деятельности путем правотворческой инициативы со стороны муниципальных образований (представительных органов местного самоуправления) и восприятия таких предложений, прежде всего, органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Другой пример: участие депутатов органов местного самоуправления, иных выборных должностных лиц в форумах, собраниях, мероприятиях с участием представителей государственной власти в целях решения вопросов управления, экономики, социальной сферы. Могут быть приведены и другие формы участия муниципальных структур в государственном механизме. Но главное заключается в том, что через муниципалитеты российская общественность стремится разрешить свои социальные проблемы, нормативно закрепить законные интересы, инициировать (довести до органов власти) реализацию своих общественных стремлений и предпочтений [4].

Определение категории "эффективность деятельности механизма государства" в настоящее время требует всестороннего изучения, а именно широкого применения и использования статистических данных, разработки и научного внедрения различных социологических, математических методов, а также создания специальных научно-организационных форм этой работы и привлечения к ней наряду с учеными-юристами специалистов социологии, статистики, математического моделирования, психологии и политологии. Общество XXI в. ожидает от государства, органов местного самоуправления инновационного изменения и модернизации механизма государственной власти. Ряд приоритетно важных начинаний уже предприняты государством в модернизации органов местного самоуправления, но судить об успешности данных проектов, безусловно, еще рано. Требуется их апробация, как в юридическом, так и практическом плане [5].

Любые преобразования в сфере государственного строительства, реформирование системы местного самоуправления влекут за собой необходимость действенного, эффективного механизма защиты демократических ценностей, обеспечения конституционной законности.

Список литературы:

1.Бондарев С.В. Эффективность системы местной власти в условиях кризиса Российского государства и общества на рубеже XX - XXI веков / С.В. Бондарев //Философия права. - 2010. - N 5. - С. 90 - 93.

2. Фастович Г.Г. Социальная политика современной России (на примере принципа нуждаемости граждан при предоставлении мер социальной поддержки) / Г.Г. Фастович // Право и практика. – 2020. - №3. – С. 37-42.

3. Тепляшин И.В., Фастович Г.Г. Вопросы эффективности российской судебной системы в выступлениях Президента Российской Федерации в 2008-2011 гг. /И.В. Тепляшин, Г.Г. Фастович// История государства и права. - 2011. - № 8. - С. 44-47.

4. Фастович Г.Г. Особенности публичного управления в районах Крайнего Севера и Арктической зоны Российской Федерации / Г.Г. Фастович // Право и государство: теория и практика. - 2018. - № 7 (163). - С. 113-116.

5. Фастович Г.Г. О мерах государственной поддержки маломобильных граждан / Г.Г. Фастович// В сборнике: Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход. Материалы Международной научно-практической конференции. - Красноярск. - 2021. - С. 111-114.

References:

1. Bondarev S.C. The effectiveness of the local government system in the context of the crisis of the Russian state and society at the turn of the XX - XXI centuries / S.C. Bondarev / / Philosophy of Law. - 2010. - N 5. - pp. 90-93.

2. Fastovich G.G. Social policy of modern Russia (based on the principle of the need for citizenship in the provision of social support measures) / G.G. Fastovich // Law and practice. - 2020. - No. 3. - pp. 37-42.

3. Teplyashin I.C., G. Fastovich.G. Issues of the effectiveness of the Russian judicial system in the speeches of the President of the Russian Federation in 2008-2011 / E.C. Teplyashin, G.G. Fastovich / / History of the State and law. 2011. No. 8. pp. 44-47.

4. Fastovich G.G. Features of public administration in the regions of the Far North and the Arctic zone of the Russian Federation / G.G. Fastovich / / Law and the state: theory and practice. - 2018. - № 7 (163). - Pp. 113-116.

5. Fastovich G.G. On measures of state support for low-mobility civilians / G.G. Fastovich / / In the collection: Ensuring the rights of district criminal court officers with disabilities: compensatory income. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Krasnoyarsk, 2021, pp. 111-114.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_41

УДК 342.72

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ПРИЧИНЫ И ОСНОВНЫЕ УСЛОВИЯ
THE ORIGIN OF HUMAN RIGHTS: CAUSES AND MAIN CONDITIONS

ПОСТРИГАНОВ Евгений Александрович,
кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
Дальневосточного юридического института (филиала)
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации».
690091, Россия, Владивосток, ул. Суханова, 8.
E-mail: eugenepos@mail.ru;

POSTRIGANOV Evgeny Aleksandrovich,
Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Far Eastern Law Institute (branch) of the Federal State Educational Institution of Higher Education
"University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation".
690091, Russia, Vladivostok, Sukhanova St., 8.
E-mail: eugenepos@mail.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена анализу происхождения и развития основных идей и концепций прав человека на первых этапах развития цивилизации содержащихся, прежде всего, в европейской философско-правовой мысли. В работе отмечается, что представления человечества о необходимости защиты интересов отдельных личностей зависят, скорее от потребностей экономических и иных общественных интересов, а не от абстрактных идей гуманизма. В статье проводится анализ развития института прав человека в период существования Древнего Мира и феодального общества. Научная новизна публикации представлена попыткой рассмотреть процессы, влияющие на механизм происхождения теории прав человека и их виды.*

Abstract: *The article is devoted to the analysis of the origin and development of the main ideas and concepts of human rights in the early stages of civilization, primarily in European philosophical and legal thought. The article notes that humanity's understanding of the need to protect the interests of individuals is influenced by the needs of economic and other social interests rather than abstract ideas of humanism. The article analyzes the development of the institution of human rights during the ancient world and feudal society. The scientific novelty of the article lies in its attempt to examine the processes that influence the origin and types of human rights theories.*

Ключевые слова: *права человека, естественно-правовая теория происхождения прав человека, позитивизм, государство, свободы человека.*

Keywords: *human rights, natural law theory of the origin of human rights, positivism, state, and human freedoms.*

Для цитирования: *Постриганов Е.А. Происхождение прав человека: причины и основные условия // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 41-44. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_41.*

For citation*: Postriganov E.A. The origin of human rights: causes and main conditions // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 41-44. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_41.*

Статья поступила в редакцию: 14.01.2026

Введение. Проблема защиты и реализации прав человека незримой нитью проходит сквозь всю историю человечества. С момента перехода из состояния дикости в состояние цивилизованности деятельность человечества была направлена на отстаивание своих прав: права на физическое выживание, права на свободу и так далее. Стремясь реализовать свои права, которые на первых этапах развития выступали скорее, как инстинкт на выживание, люди объединялись в коллективы высшей формой из которых является государство. Его основанием, по мнению Гегеля, служит сила разума, осуществляющего себя как волю[1].

Весь комплекс прав и свобод в настоящее время представляет собой многоуровневую конструкцию, представленную в качестве личных прав, групповых, социальных и национальных интересов. Комплекс прав человека включающую в себя многоаспектную систему, состоящую из личных прав, экономических, политических и так далее. По мере развития цивилизации, особенно в последние сто лет, институт прав человека получил новый импульс в развитии и нормативном правовом закреплении.

В настоящей статье предпринята попытка проведения анализа генезиса института прав человека в контексте развития общественных, прежде всего, экономических отношений.

Основная часть. Формирование правовой системы древнего, первобытного общества, направленной на обеспечение и защиту прав и интересов физических лиц, происходило в течение достаточно длительного времени. По сути дела, формирование самого государства было вызвано необходимостью реализации прав племен, родов, индивидов. Хотя самого понятия «индивид», «права индивидов» еще не существовало. Стоял вопрос физического и биологического выживания людей, уже вышедших из состояния дикости и «входящих» в состояние цивилизованности. Впрочем, само понятие цивилизованности и варварства, по современным критериям, мало чем отличались между собой, поскольку взаимоотношения между людьми в этих самых цивилизованных обществах, с точки зрения современного человека были грубы и жестоки.

В целом, для Древнего мира права человека определялся наличием норм, содержащим представления о окружающем мире, правилах поведения в этом мире, представляющие наиболее жесткие предписания, определяемые трудными условиями существования людей, подвергаемых угрозами со стороны природных и иных факторов существования[2]. Эти нормы, представленные в виде обычаев, ритуалов регулировали вопросы права, религии, морали и характеризовались тем, что предусматривали правила взаимопомощи и защиты. Эти нормы, свидетельствовали о первых формах правового статуса, первых правах и возможностях, первых преимуществах людей, отличающих их от животного или человека дикого. Пусть даже этот статус был неотделим от рода, племени. Фактически, первобытные люди, находясь в равенстве, не обладали свободой, поскольку, приоб-

[1] Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 284.
[2] «Ледяной человек» Эци и его история : блог Рунета // Новости в фотографиях : сайт. URL: https://bigpicture.ru/eci-ledyanoj-chelovek/?ysclid=mj9gd7tsnm338425783 (дата обращения: 12.12.2025)

ретение этой самой свободы одновременно способствовало лишению человека помощи и защиты со стороны рода, племени. Поэтому люди первобытного общества крайне осторожно подходили к вопросу применения новых практик поведения, справедливо полагая, что, старые формы поведения, позволившие преодолеть трудности существования, должны использоваться и далее. Подобное поведение способствовало жесточайшему контролю и регламентации поведения первобытного человека, консервации существующих моделей и правил поведения.

В тоже время сам факт принадлежности отдельных особей к коллективам, позволял реализовывать определенные возможности, которые были обусловлены потребностями всего общества. Так, например, право члена общины на жизнь, на пользование земельным наделом, предопределяла одновременно потребность общины во взаимной выручке между общинниками, в случае возникновения необходимости самозащиты от нападавших врагов или в перераспределении урожая в условиях голода.

Обязанность передачи части своего урожая или иных результатов труда в пользу того, кто доминирует, в том числе физически, над общиной, позволял последней рассчитывать на физическую защиту в случае нападения на общину. Постепенно эти самые доминирующие субъекты начинают реализовывать не только свои интересы, но и потребности общин, обеспечивающих их ресурсами. Возникает государство-вотчина. В восточных цивилизациях таких как древнеегипетская, месопотамская, государство выступало координатором крупных проектов, например гидротехнических, благодаря которым общины и отдельные семьи, обладали определенными преимуществами. Такими как, например, правом орошать свой земельный надел и выращивать себе зерно и иные сельскохозяйственные культуры, поить своих животных, получая от них молоко, шесть, мясо. То есть они пользовались преимуществами, которые не имели другие человеческие коллективы, не находящиеся под властью этого государства. Таким образом, насилие, возникающее со стороны государства, в обычной жизни для обычного общинника было скорее благом, определенным преимуществом перед другими народами, которых называли, как правило, дикарями, варварами. В том случае, если государство слабело и не могло обеспечить защиты своих подданных, мужчин поверженного народа убивали, женщин присваивали в качестве трофея, брали в наложницы или уводили на невольничьи рынки[1]. В более поздний период истории практика поголовного уничтожения мужчин могла быть изменена. Особенно это касалась специалистов в области ремесел, или взрослых крепких людей, способных держать оружие[2]. Таким образом, уже сам факт наличия государства, способного контролировать или противостоять бесконтрольной работорговле, необоснованному убийству лиц, проживающих на его территории, уже являлось определенной формой защиты прав.

В процессе развития товарно-денежных и имущественных отношений, которые способствовали расслоению и усилению классовой дифференциации происходило укрепление государства и его институтов. Имущественное расслоение общества способствовало тому, что вчерашние общинники теряли право распоряжаться своей жизнью и имуществом. Чаще всего закабаление происходило в силу разорения, совершения какого-либо преступления или плена. Например, в Древнем Китае повсеместно существовал обычай закладывать детей за долги. Если они не выкупались, то становились рабами[3].

В какие-то моменты истории, наоборот, рабы и зависимые получали свободу, приобретая новый статус. Так, в I веке н. э. китайский император Уди подписал рескрипт, освободив государственных рабов и рабынь «если прежними законами не было предусмотрено наказание за совершение ими преступлений»[4]. Но это были не акты «доброй воли» в рамках провозглашенных идей гуманизма. Тем самым поощрялось земледелие, защищались интересы мелкого крестьянского землевладения, представлявшего собой экономическую основу государства вплоть до Промышленной Революции.

Статус человека Древнего мира, наличие тех или иных прав определялось социальным статусом, когда люди наделялись индивидуальными правами только обладая личной свободой. Раб в правовом отношении рассматривался в качестве «говорящего орудия», выступая в качестве объекта правовых отношений. Так, в пункте 118 законов царя Хаммурапи (право Древнего Вавилона, конец XVIII до н.э.) говорилось: «Если он передаст для отработки долга раба или рабыню, а кредитор (купец) переуступит его кому-либо и за деньги продаст, то его не должно требовать обратно»[5].

При этом, статус индивидов также зависел от уровня социально-экономического развития общества в целом. В условиях первобытного общества в силу неразвитости техники и знаний и полной зависимости от сил природы человеческие существа имели основное стремление выжить и победить в борьбе за существование. Они стремились к своему роду, полностью отождествляя себя с ними. На этапе перехода к оседлому образу жизни и достаточно длительного периода существования государства уровень развития материальной культуры и производительность труда были недостаточны. Для того, чтобы произвести перераспределение прибавочного продукта в обществе и удовлетворить потребности тех немногих, кто обеспечивал функционирование государственных институтов, требовалось применение физического насилия с полным подавлением воли работников. По мере развития материальных элементов культуры, усовершенствования орудий труда и технических приемов производства, а также распространения сельскохозяйственной деятельности на менее благоприятные для сельского хозяйства территории, стало возможно несколько ослабить контроль за работниками, дать им возможность обзавестись семьей, хозяйством, была изменена система перераспределения прибавочного продукта. Возникает экономическая система, известная как система феодальных отношений. Конечно, по своей сути и рабовладельческие, и феодальные государственные образования еще не были полноценными государствами. Это были территориальные структуры без внутреннего политического пространства, выступающие скорее в качестве личной вотчины правителя, либо совместного управления своими хозяйствами представителями

[1] Кравцова, Е. В. Из истории рабства и работорговли в белорусских землях X-XIII вв / Е. В. Кравцова // Slavery: Theory and Practice. – 2021. – № 6(1). – С. 6-13.
[2] Бахтин, А. Г. Плен и рабство в период монгольского завоевания и в Золотой Орде по восточным источникам / А. Г. Бахтин // Вестник Марийского государственного университета. – 2012. – № 10. – С. 31-38.
[3] История государства и права зарубежных стран: Учебник для вузов: В 2 ч. Ч. 1 / Под общ. ред. О. А. Жидкова, Н. А. Крашенинниковой. 2-е изд., стер. Москва, 2004.
[4] Там же. С. 127.
[5] Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: В 2 т. / Отв. ред. д. ю. н., проф. Н. А. Крашенинникова. Т. 1: Древний мир и Средние века / Сост. О. Л. Лысенко, Е. Н. Трикоз. — М.: Норма, 2007. — 816 с.

крупной олигархии (боярами, например). Каким бы то ни было государство, в нем действовало право, устанавливающее статус всех категорий лиц, находящихся в нем. Люди оказывались в сфере действия уже не обычаев, а норм права, с его строго определенными запретами, размерами санкций и четким указанием на силу, способную покарать нарушителя. Не смотря на отсутствие политических прав, у них появляется определенный статус, отделяющий подданного от ситуации дикости. Царь или князь, претендуя на часть труда общинника или горожанина в виде налога, как правило, воздерживается от «простого» убийства «своих крестьян» или продажи их в рабство. Подданные, не претендуя на власть князя или царя, оказываются в ситуации, когда становится возможным определенное развитие личности и хозяйства. Так, например, нуждаясь в легитимации своей власти, правитель покровительствует определенной религиозной системе (например, христианство в средневековой Европе или Ислам в арабском мире). Религиозные системы формируют определенное мировоззрение у населения, выполняя образовательные и ряд других функции, играя роль посредника между царем или князем (государством), с одной стороны, и населением, с другой.

На этом фоне выделяется история формирования Древнегреческих полисов и цивилизации Древнего Рима. Эти цивилизации возникли на Балканском и Пелопонесском полуостровах в окружении с трех сторон морскими водами. На севере в качестве естественных барьеров находились достаточно труднопроходимые горные массивы. На первых порах, когда происходило становление греческих полисов и риской республики, коллективных усилий этих общин хватало для защиты от возникающих военных угроз. В тоже время, достаточно грамотное ведение хозяйства с учетом особенностей этих территорий способствовали тому, что эллинам, а позднее и римлянам не было необходимости прилагать сверх усилий, концентрируя ресурсы в руках единого центра (правителя), как, например в Древнем Китае при строительстве ирригационных сооружений на реках. Им не нужно было строить огромные защитные сооружения, как, например, городам Междуречья. Они имели достаточно мягкий климат, поэтому разведение оливковых деревьев и винограда силами отдельных семей с привлечением минимального количества работников со стороны позволяло грекам производить оливковое масло и вино, получая достаточно большую прибавочную стоимость и высокий доход от их продажи. Торговля с Египтом и Малой Азией позволяло активно развивать ремесленные производства, такие как, например, гончарное и кузнечное производство, кораблестроение позволили сформировать определенные психологические черты уверенности в собственных силах. Помогло преодолеть трудности природного и социального характера. Например, греки достаточно рано сформировали убеждения в том, что, подобно Космосу и природе существуют, которые существуют под воздействием определенных законов, точно так же и человек, и общественные связи подчиняются законам «Богов бессмертных». Противопоставляя «божественные» и «мирские» законы, греки отдают предпочтение первым, считая справедливым именно закон, «дарованный богом»[1].

Пытаясь уловить суть божественно-объективных законов бытия древнегреческие философы приходят к пониманию того, что человек является частью мироздания. По мнению древнегреческого софиста Протагора (около 490 г. до н.э. - около 420 г. до н.э.) интересы человека являются и интересами природы: «Всех вещей мера есть - человек»[2]. Существенный вклад в развитие идеи прав отдельного человека внесли и другие древнегреческие философы, развивавшие учение о справедливости. Например, Платон (427 – 347 гг. до н.э.), полагал, что справедливость «…состоит в том, чтобы каждый занимался своим делом и не вмешивался в чужие дела»[3]. Свое понимание прав через идею справедливости имел Аристотель (384 – 322 гг. до н.э.), который считал, что справедливость, состоящая из распределяющего и уравнивающего элементов, представляет собой совокупность правильной системы распределения общественных благ (то есть власти, почести, наград) и правильного механизма обмена через уравнивание того, что составляет предмет обмена[4]. То есть, именно древнегреческая философия является по сути основой появления представлений о естественности прав человека.

Говоря о понимании естественного права, присущего человеку, Аристотель говорил о том, что этими правами обладают только те, «…кто избавлен от работ, необходимых для насущного пропитания», поэтому «наилучшее государство не даст ремесленнику гражданских прав»[5].

Сторонником естественного права являлся и древнеримский юрист и государственный деятель Цицерон (106 – 43 гг. до н.э.). Он наделял людей, правом частной собственности и политическими правами, считая, что первое является условием существования самого человека и влияет на реализацию второго. Еще одним условием для реализация политических прав, по мнению Цицерона, выступало гражданство[6].

Еще одним условием возможности реализации субъективных прав была свобода. Рабство, как условие личной зависимости в той или иной степени, превращало субъекта права в его объект. Точно также, как и иные орудия и средства производства, зависимое лицо превращалось в «одушевленное орудие производства». То есть в своем понимании природы «прав человека» римские юристы разделяли его непосредственно на «естественные права», распространяемые на всех живых существа, как на людей в целом, так и на животных. Вторым видом прав у римлян выступало «право народов», которым обладали лишь люди независимо от статуса свободы. Третьим видом прав является «гражданское право» Им обладали «полноценные» римские граждане. Несмотря на определенные философские рассуждения древнеримское право носило более прикладной характер, что в значительной степени оказало влияние на развитие права Западной Европы на рубеже Средневековья и Нового времени.

Ослабление и падение Западной Римской империи в середине I тысячелетия новой эры, и возникновение в Западной Европе варвар-

[1] Сухорукова, Е. И. Сравнение представления о счастье в классической греческой философии с представлением о счастье в философии стоицизма / Е. И. Сухорукова // Альманах «Клио»: Сборник научных трудов. Том I. Москва, 2022. С. 223-234.
[2] Алымова, Е. В. Одержал ли Сократ победу над Протагором, или agōn logōn в диалоге "Протагор" / Е. В. Алымова // Универсум Платоновской мысли: Корпус текстов Платона в истории его интерпретаций : Материалы XXII международной конференции, Санкт-Петербург, 24–25 июня 2014 года. – Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия, 2015. – С. 23-29.
[3] Батиев, Л. В. Закон и справедливость в философии Платона / Л. В. Батиев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 5(262). – С. 164-174.
[4] Стремоухов, А. В. Предыстория прав человека и становление концепции прав человека в Древнем мире / А. В. Стремоухов, А. А. Стремоухов // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 2(48). С. 12-21.
[5] Максимова, Л. Ю. Эволюция понятия «гражданин» в истории философии / Л. Ю. Максимова // Профессиональное образование и общество. – 2018. – № 1(25). – С. 212-230.
[6] Бряник Н. В. Динамика правопонимания в античности: от философии права Древней Грециик юриспруденции Древнего Рима // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. Т. 18, № 1. С. 7-23.

ских королевств, которые попали под влияние католического христианства на определенное время затормозило развитие идей естественного права переведя их в сугубо теоретическую плоскость.

Таким образом, анализ появления и развития института прав человека позволяет сделать следующие выводы:

1. Формирование первых представлений о правах происходит в условиях перехода человечества от присваивающего хозяйства к производящему. Когда первые неосознанные инстинкты выживания преобразуются во вполне осознанные стремления сохранить свое имущество.

2. Одним из основных инструментов, обеспечивающих нормативное закрепление самых элементарных прав человека является институт государства, которое создав систему права, позволило оградить человека от произвола со стороны третьих лиц.

3. Институт прав человека наиболее эффективно развивался в цивилизациях древней Греции и Древнего Рима. Поскольку приоритет частной инициативы с возможностью ее экономического обеспечения, позволило сформировать институты гражданства, частной собственности, гражданского общества и ответственности государственных лиц, которые в совокупности и выступили катализаторами и гарантами появления полноценных представлений о правах человека и определенном перечне этих прав.

4. В условиях, когда экономическая основа хозяйственной жизни общества базируется на внеэкономическом принуждении (здесь имеется ввиду существование человеческой цивилизации в условиях рабовладения и феодализма), юридическом неравенстве не могло сформироваться полноценной теории прав человека.

5. Юридическое закрепление прав человека возможно только в условиях достижения обществом формального равенства.

6. Институт права человека включает в себя достаточно большой перечень этих прав, которые появлялись и утверждались не сразу. Их возникновение происходило постепенно в течении достаточно длительного времени и обусловлено было различными факторами.

Заключение. Таким образом, представления человечества о естественности прав личности, прошло длительный период в своем развитии. В традиционном обществе своего наибольшего развития идеи прав отдельной личности достигли в трудах мыслителей Древней Греции и Рима. Но даже они не смогли выйти за рамки, характерные для своего времени. Эти рамки были обусловлены, прежде всего, уровнем развития производительных сил, уровнем развития науки и техники при котором человек продолжает оставаться зависимым от субъективных желаний других, их материальных возможностей.

Список литературы:

1. Алымова, Е. В. Одержал ли Сократ победу над Протагором, или agōn logōn в диалоге "Протагор" / Е. В. Алымова // Универсум Платоновской мысли: Корпус текстов Платона в истории его интерпретаций : Материалы XXII международной конференции, Санкт-Петербург, 24–25 июня 2014 года. – Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия, 2015. – С. 23-29.
2. Батиев, Л.В. Закон и справедливость в философии Платона / Л.В. Батиев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 5(262). – С. 164-174.
3. Бахтин, А. Г. Плен и рабство в период монгольского завоевания и в Золотой Орде по восточным источникам / А. Г. Бахтин // Вестник Марийского государственного университета. – 2012. – № 10. – С. 31-38.
4. Бряник, Н. В. Динамика правопонимания в античности: от философии права Древней Грециик юриспруденции Древнего Рима / Н. В. Бряник // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2018. – Т. 18, № 1. – С. 7-23.
5. История государства и права зарубежных стран: Учебник для вузов. – В 2 ч. Ч. 1 / Под общ. ред. д. ю. н., проф. О. А. Жидкова и д. ю. н., проф. Н. А. Крашенинниковой. — 2-е изд., стер. — Москва: Норма, 2004. — 624 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – Москва: Мысль, 1990. – С. 284.
7. Законы царя Хаммураби. Перевод А.Г. Гусаков. – Санкт-Петербург: Типография Шредера, 1904. – С. 20.
8. Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. — М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2003. — Т. 1. — 448 с.
9. Кравцова, Е.В. Из истории рабства и работорговли в белорусских землях X-XIII вв / Е. В. Кравцова // Slavery: Theory and Practice. – 2021. – № 6(1). – С. 6-13.
10. «Ледяной человек» Эци и его история : блог Рунета // Новости в фотографиях : сайт. URL: https://bigpicture.ru/eci-ledyanoj-chelovek/?ysclid=mj9gd7tsnm338425783 (дата обращения: 12.12.2025)
11. Максимова, Л. Ю. Эволюция понятия «гражданин» в истории философии / Л. Ю. Максимова // Профессиональное образование и общество. – 2018. – № 1(25). – С. 212-230.
12. Стремоухов, А. В. Предыстория прав человека и становление концепции прав человека в Древнем мире / А. В. Стремоухов, А. А. Стремоухов // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 2(48). – С. 12-21.
13. Сухорукова, Е. И. Сравнение представления о счастье в классической греческой философии с представлением о счастье в философии стоицизма / Е. И. Сухорукова // Альманах «Клио» : Сборник научных трудов. Том I. – Москва : ООО «Книгодел», 2022. – С. 223-234.
14. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: В 2 т. / Отв. ред. д. ю. н., проф. Н. А. Крашенинникова. Т. 1: Древний мир и Средние века / Сост. О. Л. Лысенко, Е. Н. Трикоз. — М.: Норма, 2007. — 816 с.

References:

1. Alymova, E. V. Did Socrates Defeat Protagoras, or agōn logōn in the Dialogue "Protagoras" / E. V. Alymova // The Universe of Plato's Thought: The Corpus of Plato's Texts in the History of Its Interpretations : Proceedings of the XXII International Conference, Saint Petersburg, June 24–25, 2014. – St. Petersburg: Russian Christian Academy of Humanities, 2015. – Pp. 23-29.
2. Batiev, L. V. Law and Justice in Plato's Philosophy / L. V. Batiev // Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedeniy. Pravovedenie. – 2005. – No. 5(262). – Pp. 164-174.
3. Bakhtin, A. G. Captivity and Slavery during the Mongol Conquest and in the Golden Horde According to Eastern Sources / A. G. Bakhtin // Bulletin of the Mari State University. – 2012. – No. 10. – Pp. 31-38.
4. Bryanik, N. V. Dynamics of Legal Understanding in Antiquity: From the Philosophy of Law of Ancient Greece to the Jurisprudence of Ancient Rome / N. V. Bryanik // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. – 2018. – Vol. 18, No. 1. – Pp. 7-23.
5. History of State and Law of Foreign Countries: Textbook for Higher Education Institutions. – In 2 parts. Part 1 / Edited by O. A. Zhidkov, Doctor of Law, Professor, and N. A. Krasheninnikova, Doctor of Law, Professor. — 2nd edition, revised. — Moscow: Norma, 2004. — 624 p.
6. Hegel, G. W. F. Philosophy of Law. – Moscow: Mysl, 1990. – P. 284.
7. The Laws of King Hammurabi. Translated by A.G. Gusakov. – Saint Petersburg: Shreder Printing House, 1904. – P. 20.
8. The Golden Horde in the Sources. Arabic and Persian Writings. — Moscow: Center for the Study of Military and General History, 2003. — Vol. 1. — 448 p.
9. Kravtsova, E. V. From the History of Slavery and the Slave Trade in the Belarusian Lands of the 10th-13th Centuries / E. V. Kravtsova // Slavery: Theory and Practice. – 2021. – No. 6(1). – Pp. 6-13.
10. "Ice Man" Etsi and His Story : Runet Blog // News in Photos : website. URL: https://bigpicture.ru/eci-ledyanoj-chelovek/?ysclid=mj9gd7tsnm338425783 (accessed: 12.12.2025)
11. Maksimova L.Y. The evolution of the concept of "citizen" in the history of philosophy / L.Y. Maksimova // Professional education and society. – 2018. – № 1(25). – Pp. 212-230.
12. Stremoukhov, A.V. The prehistory of human rights and the formation of the concept of human rights in the Ancient world / A.V. Stremoukhov, A. A. Stremoukhov // Leningrad Law Journal. – 2017. – № 2(48). – Pp. 12-21.
13. Sukhorukova, E. I. Comparison of the Concept of Happiness in Classical Greek Philosophy with the Concept of Happiness in Stoic Philosophy / E. I. Sukhorukova // Almanac "Klio": Collection of Scientific Papers. Volume I. – Moscow: Knigodel LLC, 2022. – Pp. 223-234.
14. Anthology on the History of State and Law in Foreign Countries: In 2 Volumes / Edited by Dr. of Law, Professor N. A. Krasheninnikov. Vol. 1: Ancient World and the Middle Ages / Compiled by O. L. Lysenko and E. N. Trikoz. – Moscow: Norma, 2007. – 816 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_45

УДК 340.12

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ВАЖНОСТЬ ЕГО РОЛИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
CIVIL SOCIETY AND THE IMPORTANCE OF ITS ROLE FOR THE MODERN RUSSIAN STATE

СКЛИФУС Станислав Витальевич,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
доцент кафедры теории государства и права, кандидат юридических наук,
Россия, 344018, г. Ростов-на-Дону, пер. Халтуринский, 214.
E-mail: sklifus@inbox.ru;
SKLIFUS Stanislav Vitalievich,
Rostov State Transport University,
associate Professor of the chair of theory of state and law, Candidate of laws,
Khalturinskiy Ave. 214, Rostov-on-Don, Russia, 344018
E-mail: sklifus@inbox.ru

Краткая аннотация*. Данный научный труд направлен на исследование гражданского общества и его институтов в современной России. Также изучается важность роли и функций гражданского общества для российской системы политической власти и управления, в том числе, важность деятельности институтов гражданского общества для укрепления демократизации российского общества и государства в целом. В статье будет затронут вопрос о способе влияния гражданского общества на повышение уровня доверия между российским населением и властью, соответственно, повышении и укреплении ее легитимности. Также будут обозначены основные факторы и направления, влияющие на процесс формирования и развития гражданского общества и его институтов в нашей стране.*

Abstract. *This research focuses on civil society and its institutions in contemporary Russia. It also examines the importance of the role and functions of civil society in the Russian system of political power and governance, including the importance of civil society institutions in strengthening the democratization of Russian society and the state as a whole. The article will address the influence of civil society on increasing trust between Russian society and the government, thereby enhancing and strengthening its legitimacy. The main factors and directions influencing the process of formation and development of civil society and civil society institutions in our country will also be identified.*

Ключевые слова: *политическая система, общество, государство, правовая система, гражданское общество, власть.*
Keywords: *political system, society, state, legal system, civil society, power.*

Для цитирования: *Склифус С.В. Гражданское общество и важность его роли для современного российского государства // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 45-46. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_45.*
For citation*: Sklifus S.V. Civil society and the importance of its role for the modern Russian state // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 45-46. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_45.*

Статья поступила в редакцию: 25.01.2026

Цель настоящей статьи заключается в изучении процесса развития гражданского общества, а также, его институтов на современном этапе российского государства и, соответственно, важности данного процесса.

С нашей точки зрения, развитие гражданского общества во многом зависит от уровня политической, правовой и гражданской зрелости населения, от уровня внутренней ответственности, а также от достаточного уровня правового сознания и правовой культуры. Институты гражданского общества – важный инструментарий по обеспечению общественного контроля за политической властью, недопущения узурпации со стороны власти и в то же время, необходимый элемент для обеспечения диалога между обществом и политическими институтами. В современной России гражданское общество развивается, все больше людей с активной гражданской и политической позицией, на основе самоорганизации, осуществляют динамичную функцию в жизни населения. Роль государства в этом процессе также важна, в тоже время, данная поддержка должна нести лишь вспомогательную роль, чтобы институты гражданского общества не формировались искусственным путем, и сохранялся принцип самоорганизации. В соответствии с поправками, внесенными в Конституцию Российской Федерации, государство «осуществляет меры по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческие организации, обеспечивает их участие в выработке и проведении государственной политики».[1] На наш взгляд, значащую роль играют и организации патриотической направленности, которые формируются активно у нас в стране, в целях патриотического воспитания молодого поколения, укрепления правового сознания, повышения чувства гражданственности, в том числе, это важно, в условиях современных внешнеполитических факторов. Данные организации, также могут рассматриваться, как институты гражданского общества.

Значимым этапом на сегодняшний день является укрепление в нашей стране среднего класса населения. Средний класс, с нашей точки зрения, должна составлять образованная часть людей, со стабильным уровнем доходов, достаточным для достойного уровня жизни, высоким уровнем образования. Очень важен и уровень правового сознания, а также, правовой культуры, политической образованности среднего класса российского общества. В том числе, данный фактор необходим для формирования конструктивного диалога институтов гражданского общества с властными структурами, поскольку это важно, на наш взгляд, с точки зрения формирования и укрепления легитимности власти, обретения доверия между обществом и государством, стабильности в общественной и политической сфере. Социально активная часть граждан, осуществляющая свою деятельность во благо личности и государства, определяет степень зрелости, как гражданского общества, так и в целом населения.[2] Стоит отметить, что для формирования крепкого среднего класса важна социально-экономическая стабильность и развитие. Соци-

ально-экономическая стабильность, формируемая в обществе государством, на наш взгляд, является базисом политической системы. Социальная устойчивость, уверенность в будущем, будет способствовать укреплению среднего класса населения и укреплению институтов гражданского общества, что является важным этапом демократизации. Качественная экономическая политика, также, является оплотом стабильности в обществе. Российская экономическая система, на сегодняшний день, не смотря на внешние условия и жесткое санкционное давление со стороны других государств, справляется и действует достаточно эффективно, активно поддерживая собственного производителя. В тоже время, это не означает, что стоит отказываться от международного экономического сотрудничества, но при этом, необходимо действовать во благо собственным национальным интересам. [3]

Одной из базовых основ российского государства и политической системы на современном этапе, является демократизация и приоритет прав и свобод граждан. Именно поэтому, развитие гражданского общества, институтов гражданского общества, является, по нашему мнению, приоритетной задачей и основополагающей в данном контексте. Развитие гражданского общества является одним из базовых условий формирования и укрепления правового государства. Эти две составляющие тесно взаимосвязаны и не могут существовать в отрыве друг от друга. Правовое государство является своеобразной организацией политической власти в демократическом обществе, основанной на неотвратимости закона, гарантированности и преимуществе прав и свобод человека и гражданина.[4] При этом, государство, должно защищать права и интересы гражданского общества и населения в целом, а граждане, в свою очередь обязаны неукоснительно соблюдать нормативно-правовые акты принятые на государственном уровне, именно так будет достигаться гармония взаимодействия и диалог между властью и обществом.

Формирование гражданского общества является процессом непростым и кропотливым, основанным на самоорганизации, как уже и было сказано ранее. В тоже время, для правового демократического государства, принципам которого стремится соответствовать Российская Федерация, данный процесс является необходимым. На сегодняшний день институты гражданского общества в нашей стране, с нашей точки зрения, укрепляются и оказывают все большее влияние на жизнь государства. Гражданская, политическая, общественная позиция населения за последние годы становится все более активной и основательной. Стоит отметить и постепенно повышающийся и укрепляющийся интерес к политической жизни, и участие граждан в ней, что также влияет на развитие и совершенствование институтов гражданского общества.

Развитие современного российского государства и укрепление его суверенитета невозможно без деятельного участия населения в его жизни и управлении. Активная вовлеченность граждан в общественно-политический процесс, на наш взгляд, будет способствовать объединению государства и общества в единый механизм с общими целями и задачами и в данном смысле, развитие гражданского общества имеет приоритетное значение.

В данной статье мы постарались осветить наиболее актуальные вопросы, связанные с гражданским обществом в нашей стране и важности его роли. На основании проведенного исследования необходимо сделать определенные выводы, основывающиеся на том, что гражданское общество для современной России играет основополагающую роль. В ходе изучения проблемы, была отмечена важность гражданского общества и его институтов с точки зрения укрепления доверия между населением и властью, совершенствования демократических процессов, укрепления правового государства. Было, также отмечено, что основу гражданского общества должен формировать средний класс населения страны, прежде всего люди с достаточным уровнем правового сознания и правовой культуры. Необходимо обозначить, что данная актуальная тема, с нашей точки зрения, требует дальнейшего тщательного изучения и научного анализа.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с изменениями, вынесенными на Общероссийское голосование 1 июля 2020 г.).
2. Склифус С.В. Правосознание и правовая культура гражданского общества как источник развития российского государства // Государственная власть и местное самоуправление, №9 Москва 2021 г. С.13-15.
3. Склифус С.В. Роль стабильности политической системы в обеспечении развития российского государства. Экономико-правовые механизмы обеспечения национальной безопасности. Материалы IX Всероссийской национальной научно-практической конференции 5 июня 2025 года. С. 245-248.
4. Антоненко Т.А., Милявская Ю.В. Функции современного правового демократического государства// Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020 № 9 (124). С. 45-49.

References:

1. Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 (as amended by the All-Russian vote on July 1, 2020).
2. Sklifus S.V. Legal consciousness and legal culture of civil society as a source of development of the Russian state // State power and local self-government, No. 9 Moscow 2021. Pp. 13-15.
3. Sklifus S.V. The role of stability of the political system in ensuring the development of the Russian state. Economic and legal mechanisms of ensuring national security. Proceedings of the IX All-Russian National Scientific and Practical Conference June 5, 2025. P. 245-248.
4. Antonenko T.A., Milyavskaya Yu.V. Functions of a modern legal democratic state// Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2020 No. 9 (124). P. 45-49.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_47

УДК 347.1

ФИЗИЧЕСКИЕ ЛИЦА КАК СУБЪЕКТЫ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ
INDIVIDUALS AS SUBJECTS OF FOREIGN ECONOMIC LEGAL RELATIONS

ГУБАРЕВА Анна Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры предпринимательского права имени В.С. Якушева.
Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21.
e-mail: ashipova@mail.ru;

GUBAREVA Anna Viktorovna,
Candidate of Legal Sciences (PhD in Law), Associate Professor,
Associate Professor, Department of Business Law named after V.S. Yakushev.
21 Komsomolskaya Street, Yekaterinburg, Russia.
e-mail: ashipova@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье исследуется правовое положение физического лица как субъекта внешнеэкономических правоотношений. Показано, что участие физического лица в трансграничном имущественном обороте не может быть сведено ни исключительно к предпринимательской деятельности, ни только к применению классических коллизионных норм о право- и дееспособности. Обосновывается вывод о сложной, многослойной природе внешнеэкономической правосубъектности физического лица, формирующейся на пересечении частноправовых и публично-правовых начал. Особое внимание уделено соотношению категорий личного закона, гражданства, места жительства, права постоянного проживания и предпринимательского статуса. На основе анализа действующего законодательства, международных соглашений и судебной практики делается вывод о том, что для целей квалификации физического лица как участника внешнеэкономической деятельности центральное значение имеет критерий устойчивой юридической связи лица с соответствующим правопорядком, тогда как регистрация в качестве индивидуального предпринимателя не может рассматриваться как универсальное и самодостаточное основание такой квалификации. Новизна исследования заключается в последовательном разграничении частноправового статуса физического лица и его публично-правовой локализации во внешнеэкономической сфере. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейшей разработке доктрины внешнеэкономического права, в правотворческой деятельности и в правоприменительной практике.*

Abstract: *The article examines the legal status of an individual as a subject of foreign economic legal relations. It is shown that the participation of an individual in cross-border property turnover cannot be reduced either exclusively to entrepreneurial activity or only to the application of classical conflict-of-laws rules on legal capacity and capacity to act. The author substantiates the conclusion about the complex and multi-layered nature of the foreign economic legal personality of an individual formed at the intersection of private-law and public-law principles. Particular attention is paid to the correlation between the categories of personal law, citizenship, domicile, permanent residence permit and entrepreneurial status. Based on the analysis of current legislation, international agreements and judicial practice, it is concluded that for the purposes of qualifying an individual as a participant in foreign economic activity, the criterion of a stable legal connection of the person with the relevant legal order is of central importance, while registration as an individual entrepreneur cannot be regarded as a universal and self-sufficient basis for such qualification. The novelty of the study lies in the consistent distinction between the private-law status of an individual and his or her public-law localization in the field of foreign economic activity. The results of the study may be used in the further development of the doctrine of foreign economic law, in law-making and law enforcement practice.*

Ключевые слова: *физическое лицо, внешнеэкономические правоотношения, личный закон, место жительства, гражданство, право постоянного проживания, индивидуальный предприниматель, внешнеторговая деятельность, международное частное право, правосубъектность.*

Keywords: *individual, foreign economic legal relations, personal law, domicile, citizenship, permanent residence, individual entrepreneur, foreign trade activity, private international law, legal personality.*

Для цитирования: *Губарева А.В. Физические лица как субъекты внешнеэкономических правоотношений // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 47-51. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_47.*

For citation*: Gubareva A.V. Individuals as subjects of foreign economic legal relations // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 47-51. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_47.*

Статья поступила в редакцию: 20.01.2026

В современной системе международного гражданского оборота физическое лицо уже не может рассматриваться как второстепенный либо факультативный участник внешнеэкономических правоотношений. Если на ранних этапах развития соответствующей доктрины основное внимание исследователей закономерно концентрировалось на государстве и юридических лицах, то в настоящее время подобная «оптика» становится очевидно недостаточной. Это объясняется не только расширением масштабов трансграничного обмена товарами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности и иными объектами гражданских прав, но и качественным изменением самой роли человека в международном экономическом общении. Физическое лицо выступает здесь уже не только как потребитель, заказчик либо эпизодический участник отдельных внешнеторговых операций, но и как носитель имущественных прав, сторона договора, инвестор, правообладатель, исполнитель работ и услуг, участник трансграничных расчетов, а в ряде случаев — и как самостоятельный субъект профессиональной внешнеэкономической активности.

С методологических позиций такое положение вещей требует отказа от чрезмерно узкого восприятия фигуры физического лица во внешнеэкономической сфере. Представляется недостаточным сводить его участие в соответствующих правоотношениях либо только к предпринимательской деятельности, либо исключительно к применению классических коллизионных норм о право- и дееспособности. В действительности правовое положение физического лица в данной области значительно сложнее. Оно формируется на пересечении частноправовых и публично-правовых начал, где, с одной стороны, действует принцип автономии воли, равенства сторон и свободы договора, а с другой — устойчиво проявляют себя императивные требования валютного, таможенного, миграционного, налогового и иного законодательства. Поэтому физическое

лицо как субъект внешнеэкономических правоотношений должно рассматриваться одновременно в нескольких смысловых плоскостях: как участник международного частного оборота, как адресат публично-правового регулирования и как носитель индивидуального правового статуса, содержание которого определяется не одним, а несколькими взаимосвязанными юридическими критериями.

Вопрос о правовом положении физического лица в международных частноправовых отношениях традиционно связывается в доктрине с категорией его личного закона. Уже в трудах дореволюционных и советских исследователей было показано, что именно через личный закон раскрываются основные элементы частноправового статуса лица: правоспособность, дееспособность, семейное положение, отдельные аспекты наследственного статуса и т.д. [1, с. 245–271; 2, с. 96–118]. Вместе с тем во внешнеэкономической сфере значение названной категории не исчерпывает всей проблемы. Здесь в орбиту анализа неизбежно вовлекаются и такие юридические характеристики, как гражданство лица, место его жительства, наличие права на постоянное проживание, фактическая оседлость, регистрация в качестве индивидуального предпринимателя, а в отдельных случаях — и связь с местом осуществления деятельности. Именно сочетание этих признаков и порождает значительные теоретические и практические затруднения.

В отечественной литературе вопросы участия физических лиц в международных частноправовых отношениях рассматривались в работах Л.А. Лунца, М.М. Богуславского, В.П. Звекова, Г.К. Дмитриевой, Н.И. Марышевой, И.О. Хлестовой и ряда других авторов [3, с. 136–159; 4, с. 103–126; 5, с. 141–169; 6, с. 57–79]. Однако применительно именно к внешнеэкономической сфере данная проблематика нередко затрагивалась фрагментарно, обычно в связи с более общими вопросами субъектного состава внешнеторговой деятельности либо при анализе коллизионных норм о правоспособности физических лиц. Между тем развитие действующего законодательства показывает, что указанная область нуждается в специальном, углубленном исследовании. Так, уже сама нормативная конструкция российского участника внешнеэкономической деятельности применительно к физическим лицам отличается внутренней сложностью и допускает неоднозначное толкование [7]. Это обстоятельство тем более существенно, что именно от точного понимания статуса физического лица зависят допустимость его участия в конкретных внешнеэкономических отношениях, объем его прав и обязанностей, применимое право, а в ряде случаев — и пределы публичного вмешательства государства в соответствующую сферу.

Проблема приобретает дополнительную значимость и в правоприменительном аспекте. Судебная практика, в том числе практика арбитражных судов, судов общей юрисдикции, Конституционного Суда Российской Федерации, а также международного коммерческого арбитража, неоднократно сталкивалась с необходимостью оценивать правовой статус физического лица в трансграничных имущественных отношениях, определять значение его места жительства, квалифицировать последствия отсутствия предпринимательского статуса, выявлять пределы действия личного закона, соотносить частноправовой и публично-правовой элементы соответствующих правоотношений [8; 9]. Тем самым вопрос о физических лицах как субъектах внешнеэкономических правоотношений оказывается не только теоретически сложным, но и практически значимым.

Все изложенное позволяет утверждать, что «фигура» физического лица во внешнеэкономической сфере требует специального анализа, основанного на последовательном различении частноправового и публично-правового уровней регулирования, на сопоставлении категорий личного закона, государственной принадлежности, места жительства и предпринимательского статуса, а также на учете реального характера тех отношений, в которые лицо вступает. Лишь при таком подходе возможно выявить специфику внешнеэкономической правосубъектности физического лица и дать более точную характеристику его месту в системе международных частноправовых связей.

Прежде всего необходимо отметить, что участие физического лица во внешнеэкономических правоотношениях не может быть корректно объяснено только через традиционную конструкцию участника предпринимательской деятельности. Подобное сужение предмета анализа не учитывает ни современного состояния законодательства, ни реального многообразия трансграничных имущественных связей. Уже сам Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ, определяя круг российских участников внешнеторговой деятельности, не ограничивает его лицами, зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей [7]. Напротив, законодатель исходит из более широкой конструкции, в рамках которой для признания физического лица российским участником соответствующих отношений могут иметь значение гражданство, право постоянного проживания, место жительства, а также, лишь факультативно, государственная регистрация в качестве индивидуального предпринимателя.

С теоретических позиций указанное решение законодателя не случайно. Внешнеэкономическая деятельность по своему содержанию давно вышла за пределы узко понимаемой внешней торговли, осуществляемой исключительно профессиональными коммерсантами. Трансграничный оборот охватывает сегодня и сферу оказания услуг, и распоряжение правами на результаты интеллектуальной деятельности, и международные расчеты, и отдельные инвестиционные формы участия, и иные отношения, в которых физическое лицо может выступать без специального предпринимательского статуса. Более того, даже там, где связь с предпринимательской активностью очевидна, решающее значение для квалификации физического лица как российского либо иностранного участника внешнеэкономических отношений не всегда должно иметь именно наличие государственной регистрации в качестве предпринимателя. Такой вывод вытекает как из логики международного частного права, так и из содержания международных торговых соглашений [10].

В этой связи принципиальное значение приобретает вопрос о критериях, посредством которых определяется правовой статус физического лица во внешнеэкономической сфере. Анализ действующего законодательства и доктрины показывает, что здесь используются четыре основных критерия: гражданство, место жительства, право на постоянное проживание и наличие статуса индивидуального предпринимателя. Однако названные критерии различаются и по своей юридической природе, и по функциональному назначению.

Гражданство выражает устойчивую публично-правовую связь физического лица с государством. В международном частном праве именно этот критерий исторически долгое время использовался для определения личного закона лица. В то же время применительно к современным трансграничным имущественным отношениям гражданство уже не может рассматриваться как единственный и универсальный ориентир. Человек может быть гражданином одного государства, постоянно проживать в другом, осуществлять экономическую активность в третьем и при этом вступать в правоотношения, регулируемые правом четвертого государства. Следовательно, гражданство — важный, но не исчерпывающий критерий.

Место жительства, напротив, отражает более тесную фактическую и юридическую связь лица с определенной территорией. Не случайно именно оно в ряде случаев оказывается более пригодным для целей частноправового регулирования. Как подчеркивал Л. А. Лунц, личный закон физического лица в разных правопорядках может определяться либо гражданством, либо домицилием, и каждое из этих решений связано с определенной правовой традицией [1, с. 249–258]. Для внешнеэкономической сферы место жительства особенно важно потому, что именно через него нередко определяется центр жизненных интересов лица, его постоянная вовлеченность в соответствующий правопорядок, а также применимость к нему определенных публично-правовых режимов.

Право на постоянное проживание занимает промежуточное положение. Оно не тождественно ни гражданству, ни фактическому месту жительства, но служит юридическим основанием для устойчивой связи лица с государством пребывания. Именно поэтому законодатель и использует данный критерий применительно к иностранным гражданам и лицам без гражданства [10]. Однако и здесь требуется осторожность: наличие права на постоянное проживание еще не всегда означает, что именно данное государство составляет реальный центр жизненных и экономических интересов лица.

Наконец, государственная регистрация в качестве индивидуального предпринимателя характеризует лицо не как таковое, а его включенность в специальный режим осуществления профессиональной предпринимательской деятельности. Поэтому данный критерий по своей природе уже названных выше. Он не может подменять собой ни гражданство, ни место жительства, ни право постоянного проживания. Более того, его использование в качестве самостоятельного основания для признания лица российским участником внешнеэкономической деятельности порождает ряд сомнений. Во-первых, современное законодательство уже не связывает всю внешнеэкономическую деятельность исключительно с предпринимательством. Во-вторых, иностранный гражданин может быть зарегистрирован в Российской Федерации в качестве индивидуального предпринимателя, обладая лишь разрешением на временное проживание, что само по себе не создает достаточной устойчивой связи лица с российским правопорядком. В-третьих, международные торговые соглашения, в том числе Генеральное соглашение по торговле услугами, обычно не абсолютизируют именно этот критерий [10; 11].

Сказанное подводит к необходимости разграничения двух уровней правового анализа. На первом уровне решается вопрос о личном законе физического лица, то есть о праве, определяющем его гражданскую правоспособность и дееспособность. Здесь в центре внимания находится частноправовой статус субъекта. На втором уровне решается вопрос о его квалификации как российского либо иностранного участника внешнеэкономической деятельности. Здесь законодатель вправе использовать дополнительные критерии, продиктованные целями публичного регулирования. Но и в этом случае такие критерии не должны противоречить внутренней логике частноправового статуса физического лица и не должны порождать неопределенность там, где требуется правовая определенность.

Определенную помощь в решении данной проблемы дает обращение к международным торговым соглашениям. Так, в ГАТС под физическим лицом другого члена ВТО понимается лицо, проживающее на территории соответствующего государства и являющееся его гражданином либо имеющее право постоянного проживания на этой территории [11]. Здесь, как видно, регистрация в качестве предпринимателя вообще не выдвигается в качестве универсального критерия. Напротив, акцент переносится на сочетание проживания и устойчивой юридической связи лица с соответствующим государством. Подобный подход представляется более последовательным и с теоретической, и с практической точки зрения.

Особое место в характеристике физического лица как субъекта внешнеэкономических правоотношений занимает проблема его гражданской дееспособности. Внутри национального правопорядка вопрос решается сравнительно просто: объем дееспособности определяется законом. В трансграничных отношениях ситуация иная. Правоспособность и дееспособность могут определяться по личному закону лица, но обязательственный статут конкретного договора — по праву, избранному сторонами либо установленному коллизионной нормой. Отсюда возникает возможность рассогласования между общей способностью лица вступать в правоотношения и специальными требованиями, предъявляемыми к заключению и исполнению конкретной внешнеэкономической сделки. Именно поэтому коллизионное регулирование в данной сфере должно сочетать уважение к личному закону лица с необходимостью охраны устойчивости гражданского оборота и интересов добросовестного контрагента [12].

Не менее существенен вопрос о соотношении частноправового и публично-правового элементов статуса физического лица во внешнеэкономической сфере. Вопреки распространенному представлению, участие физического лица в трансграничном имущественном отношении не означает, что все его правовое положение исчерпывается гражданско-правовыми нормами. Напротив, внешнеэкономическая деятельность устроена таким образом, что частноправовые связи здесь почти всегда сопровождаются публично-правовыми обязанностями. Если лицо участвует в международных расчетах, оно подпадает под требования валютного законодательства. Если перемещает товар через границу — под требования таможенного регулирования. Если оказывает услуги или выполняет работы на территории иного государства — могут актуализироваться нормы миграционного, налогового, трудового и иного законодательства. Иначе говоря, физическое лицо во внешнеэкономической сфере

реализует не однородную, а сложную правосубъектность.

Подобная двойственность особенно заметна в случаях, когда физическое лицо действует в рамках предпринимательской либо профессиональной модели внешнеэкономической активности. Здесь оно, с одной стороны, самостоятельно вступает в договорные отношения, реализуя свободу договора и свою гражданскую правоспособность, а с другой — становится адресатом разнообразных публичных предписаний, без соблюдения которых соответствующая деятельность либо невозможна, либо влечет негативные правовые последствия. Но даже в случаях, когда лицо не имеет предпринимательского статуса, эта двойственность не исчезает. Она лишь принимает иную «форму». Например, лицо может быть носителем авторского или иного исключительного права и вступать в трансграничные отношения по распоряжению этим правом, оставаясь при этом обязанным соблюдать специальные требования национального законодательства, если соответствующий объект или сделка подпадают под особый правовой режим.

Судебная практика подтверждает сложность рассматриваемой конструкции. Высшие судебные инстанции неоднократно указывали, что само по себе наличие иностранного элемента не устраняет действия императивных норм российского права, если соответствующее отношение обнаруживает достаточно тесную связь с Российской Федерацией [13]. Аналогичным образом Конституционный Суд Российской Федерации исходил из того, что свобода экономической деятельности не исключает установления специальных правил для участников внешнеэкономических отношений, если это продиктовано публичными интересами государства [8; 9]. Эти позиции важны не только для общей теории права внешнеэкономической деятельности, но и для характеристики статуса физического лица. Они показывают, что его участие в трансграничном обороте не означает «выхода» из национальной публично-правовой сферы. Напротив, в ряде случаев именно внешнеэкономическая активность усиливает интенсивность публичного регулирования.

С теоретических позиций особенно важно не смешивать в одном ряду правоспособность физического лица и его конкретные субъективные права. Правоспособность означает общую, абстрактную возможность быть носителем прав и обязанностей. Субъективное право возникает на основании конкретного юридического факта — договора, разрешения, административного акта, регистрации и т.д. Поэтому, когда речь идет, например, об участии физического лица в специальном виде внешнеэкономической деятельности, требующем соблюдения определенных условий, отсутствие таких условий еще не означает отсутствия у лица правоспособности. Оно означает лишь отсутствие у него конкретного субъективного права на совершение соответствующего действия. Это различие имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку позволяет избежать неоправданного расширения административного элемента в характеристике самого гражданско-правового статуса субъекта.

Наконец, анализ правового положения физического лица во внешнеэкономических правоотношениях позволяет сделать и более общий вывод. Современное международное частное право постепенно уходит от жестких, одноплановых моделей квалификации субъекта. На «смену» им приходит более гибкая система, учитывающая функциональную роль лица в конкретном отношении, характер его связи с определенным государством, особенности соответствующего правового режима и цели регулирования. Именно такая система представляется наиболее адекватной и применительно к внешнеэкономической сфере. Попытка же абсолютизировать какой-либо один критерий — будь то гражданство, домицилий либо предпринимательская регистрация — неизбежно упростит картину и создаст новые коллизии.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что физическое лицо в современной внешнеэкономической сфере является самостоятельным и полноценно значимым субъектом международных предпринимательских отношений, правовой статус которого отличается внутренней сложностью и не может быть раскрыт посредством одной-единственной юридической конструкции. Его участие в трансграничном обороте опосредуется одновременно нормами международного частного права, внутреннего гражданского законодательства и целым рядом публично-правовых предписаний, регулирующих валютные, таможенные, миграционные, налоговые и иные аспекты соответствующей деятельности.

Принципиально важным является вывод о необходимости различения личного закона физического лица и критериев его квалификации как российского либо иностранного участника внешнеэкономической деятельности. Личный закон определяет частноправовой статус субъекта — его правоспособность и дееспособность. Гражданство, место жительства, право на постоянное проживание и предпринимательская регистрация используются уже на ином уровне — при решении вопросов публично-правовой локализации лица в соответствующем правопорядке. Смешение этих уровней анализа ведет к неопределенности и подрывает стройность правового регулирования.

В связи с этим представляется обоснованным рассматривать место постоянного либо преимущественного проживания как центральный критерий квалификации физического лица во внешнеэкономической сфере, тогда как гражданство и право на постоянное проживание должны выступать юридическими формами закрепления такой связи. Регистрация же в качестве индивидуального предпринимателя, будучи специальным признаком, не может выполнять функцию универсального критерия определения статуса физического лица как российского участника внешнеэкономической деятельности.

Существенным итогом анализа является и вывод о дуалистической природе внешнеэкономической правосубъектности физического лица. С одной стороны, оно реализует себя как субъект частного права, действующий по собственной воле и в собственном интересе. С другой — неизбежно включается в сферу государственного регулирования, где на него распространяются специальные публично-правовые обязанности и ограничения. Именно данное сочетание и образует ту особую правовую форму, в рамках которой физическое лицо участвует во внешнеэкономическом обороте.

Следовательно, физическое лицо должно рассматриваться не как периферийная фигура внешнеэкономических правоотношений, а как один из центральных субъектов современной трансграничной имущественной деятельности. Это, в свою очередь, требует дальнейшего совер-

шенствования законодательства, устранения терминологических и содержательных противоречий в нормативных определениях, а также выработки более последовательной судебной практики, учитывающей специфику его статуса. Только в таком случае возможно формирование внутренне согласованной и теоретически обоснованной модели правового положения физического лица во внешнеэкономической сфере.

Нормативные правовые акты

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

2. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4850.

3. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

4. Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 37 (прил.).

Материалы судебной практики

1. Определение Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 г. № 572-О-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 6.

2. Определение Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 г. № 130-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 6.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 июля 2001 г. № 12-П // Собрание законодательства РФ. 2001. № 32. Ст. 3412.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 декабря 2009 г. № 20-П // Собрание законодательства РФ. 2010. № 1. Ст. 124.

Список литературы:

1. Лунц Л. А. Курс международного частного права. Общая часть. М.: Юридическая литература, 1973. 384 с.
2. Марышева Н. И. Международное частное право: учебник. М.: Норма, 2018. 848 с.
3. Богуславский М. М. Международное частное право: учебник. 7-е изд. М.: Норма, 2016. 704 с.
4. Звеков В. П. Международное частное право: учебник. М.: Норма, 2015. 688 с.
5. Дмитриева Г. К. Международное частное право: учебник. 5-е изд. М.: Проспект, 2021. 656 с.
6. Хлестова И. О. Коллизионные вопросы правового положения физических лиц // Международное частное право: современные проблемы / отв. ред. Н. И. Марышева. М.: ИЗиСП, 2017. С. 57–79.
7. Асосков А. В. Основы коллизионного права. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 352 с.

***References*:**

1. Lunts L.A. Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava. Obshchaya chast' [Course of Private International Law. General Part]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1973. 384 p.
2. Marysheva N.I. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo [Private International Law]. Moscow, Norma Publ., 2018. 848 p.
3. Boguslavskii M.M. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo [Private International Law]. 7th ed. Moscow, Norma Publ., 2016. 704 p.
4. Zvekov V.P. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo [Private International Law]. Moscow, Norma Publ., 2015. 688 p.
5. Dmitrieva G.K. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo [Private International Law]. 5th ed. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 656 p.
6. Khlestova I.O. Conflict-of-laws issues of the legal status of individuals. In: Marysheva N.I. (ed.). Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: sovremennye problemy [Private International Law: Contemporary Issues]. Moscow, IZiSP Publ., 2017, pp. 57–79.
7. Asoskov A.V. Osnovy kollizionnogo prava [Foundations of Conflict of Laws]. Moscow, Infotropik Media Publ., 2012. 352 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_52

УДК 342.5

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 1929-1936 ГГ.
PROSECUTORIAL SUPERVISION OF THE IMPLEMENTATION OF LEGISLATION IN THE FIELD OF INDUSTRY IN 1929-1936

СИВЦЕВ Нюргун Иванович,
соискатель Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
119234, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1.
E-mail: sivtsev1982@yandex.ru;
SIVTSEV Nyurgun Ivanovich,
applicant for the Moscow State University. M.V. Lomonosov.
1 Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russia.
E-mail: sivtsev1982@yandex.ru

Краткая аннотация: *статья посвящена исследованию прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере промышленности в СССР в период 1929-1936 гг. – время масштабных социально-экономических преобразований, связанных с индустриализацией страны. Актуальность темы обусловлена необходимостью изучению роли прокуратуры в обеспечении дисциплины и реализации государственных планов, развитие прокурорского надзора в ходе осуществления надзора в области промышленности. Цель статьи – выявить особенности организации и осуществления прокурорского надзора в промышленной сфере в 1929–1936 гг., оценить его влияние на ход индустриализации, взаимосвязь развития методов прокурорского надзора с процессами социалистического строительства.*

Abstract: *This article examines prosecutorial oversight of industrial law enforcement in the USSR from 1929 to 1936—a time of large-scale socioeconomic transformation associated with the country's industrialization. The relevance of this topic stems from the need to study the role of the prosecutor's office in ensuring discipline and implementing state plans, as well as the development of prosecutorial oversight within industrial oversight. The article aims to identify the specific features of the organization and implementation of prosecutorial oversight in the industrial sector from 1929 to 1936, assess its impact on the course of industrialization, and the relationship between the development of prosecutorial oversight methods and the processes of socialist construction.*

Ключевые слова: *промышленность, прокуратура, прокурорский надзор, методы надзора, индустриализация, социалистическое строительство.*

Key words: *industry, prosecutor's office, prosecutorial supervision, supervision methods, industrialization, socialist construction.*

Для цитирования: *Сивцев Н.И. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере промышленности в 1929-1936 гг. // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 52-56. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_52.*

For citation*: Sivtsev N.I. Prosecutorial supervision of the implementation of legislation in the field of industry in 1929-1936 // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 52-56. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_52.*

Статья поступила в редакцию: 20.01.2026

В 1929 г. СССР перешел к форсированной индустриализации. Главной задачей государства стало развитие тяжелой промышленности в условиях противостояния с капиталистическим агрессивным окружением. Партия и правительство поручили прокуратуре принять деятельное участие в процессе создания отечественной промышленности [22, с.194].

Данный вопрос достаточно подробно изучался в отечественной и зарубежной науке, что свидетельствует о его актуальности. Значительное количество работ ученых посвящено исследованию судебных процессов против технической интеллигенции, в которых ключевую роль сыграла прокуратура. На наш взгляд, такое изучение является оправданным, поскольку судебная практика ОГПУ и прокуратуры формировалась, отталкиваясь от этих процессов.

В 1928 г. состоялся Шахтинский процесс против инженеров старой формации, обвинявшихся в подготовке к свержению советской власти путем вредительства и шпионажа в пользу иностранных государств. Обвинительное заключение по делу было составлено на основе детального изучения личности 53 обвиняемых, их деятельности до революции, анализа и сопоставления их показаний с различными авариями на Донбассе. Причиной провалов в организации угольной промышленности была названа вредительская деятельность верхушки технических кадров. Как видно из имеющихся в открытом доступе материалов уголовного дела, не был проведен анализ нарушений правил охраны труда, не имеется осмотра места происшествия аварий, допроса свидетелей-рабочих о подробностях аварий [21, с.100-160].

Действия подсудимых были квалифицированы по ст.58.7, 58.11 УК РСФСР – вредительство, участие в контрреволюционной организации. Статьи были введены в УК РСФСР 6 июня 1927 г.[1], а уже 13-14 июня 1927 г. начались следственные действия на предприятиях Донбасса. А.Я. Вышинский в статье «Классический пример экономической контрреволюции» писал, что УК РСФСР 1922 г. не регулировал до 1927 г. такую контрреволюционную деятельность, какая была выявлена в Донбассе. Положение о государственных преступлениях и новые статьи УК РСФСР, принятые в 1927 г. позволили квалифицировать деяния инженеров как участников контрреволюции, а не как нарушителей должностных инструкций. Для образования состава преступления по этим статьям требовалось, чтобы «нападение на государственное хозяйство совершалось в контрреволюционных целях» [3, с.20]. Важнейшим элементом состава преступления признавалась субъективная сторона преступления, показания подсудимых получили определяющее значение для квалификации их действий.

Вводился принцип объективного вменения вины – «экономическая контрреволюционная работа, хотя и совершаемая без прямо поставленных контрреволюционных целей, но в интересах бывших собственников и капиталистических организаций с заведомыми для совершающих эти

[1] СУ № 49. Ст.330.

действия их контрреволюционной природой и их контрреволюционного характера» [3, с.22].

Из текста обвинительного заключения по Шахтинскому делу понятно, что в основном аварии происходили по разным причинам (халатность, высокие нормы плана добычи, низкая квалификация персонала, несоблюдение правил охраны труда и т.д.). Но прокуратуре было важно доказать, что все это в совокупности представляло скрытую контрреволюцию, хоть и без прямого умысла на бунт. Инженеры являлись противниками советской власти по бытовым и материальным причинам, не могли смириться с потерей благ, которыми обладали до революции [11, с.162]. Этих обстоятельств было достаточно, чтобы осудить их за шпионаж, вредительство и участие в контрреволюционной организации.

В связи с тем, что во время Шахтинского процесса не все подсудимые признали вину [11, с.166], руководством советской прокуратуры был произведен анализ недостатков предварительного следствия. (Например, О.Б. Мозохин пишет, что 11 января 1929 г. Президиум ЦИК СССР отклонил награждение представителей ОГПУ в связи с успешным окончанием Шахтинского процесса: «по-видимому, это было связано с огрехами в следствии, выявленными на суде. Виновность обвиняемых вызывала сомнение, в том числе у некоторых специалистов» [14, с.6].)

Так, 20 февраля 1929 г. на IV съезде прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР прокурор РСФСР Н.М. Янсон в докладе отметил серьезную проблему. Прокуроры не обладали специальными техническими познаниями, что вело к неправильной квалификации действий обвиняемых. «В случаях, когда налицо имеется контрреволюционная организация… которая произвела вредительские действия, что это делалось по известному плану, тогда здесь дело ясное, судебным органам разбираться легко. Но когда за исходную точку нужно принять то, что по полученным результатам и получился вред, убыток государству, часто трудно бывает решить, почему произошел этот убыток – является ли это результатом злого умысла, или технического дерзновения, смелости проектировавшего». Поэтому Янсон предложил привлекать по техническим делам судебных заседателей, которые имели бы специальные познания в области техники, поскольку «если мы хотим получить конкретный успех, мы должны эти дерзновения допускать и даже иногда поощрять, ибо иначе мы не сдвинемся с места» [22, с.194-195].

Эта проблема вызывала большие споры между прокурорами и представителями промышленных предприятий. Некоторые коммунисты-хозяйственники предложили создать специальный технический суд, который бы состоял только из техников и разрешал технические дела в области промышленности. Это предложение было отозвано инициаторами. Вместе с тем, возросла роль технической экспертизы, особенно при решении вопроса о возбуждении уголовного дела. Янсон считал, что «только после получения положительного заключения технической экспертизы о наличии злого умысла обвиняемых надлежало давать ход делу». Также он предложил создать при органах юстиции специальное бюро технической экспертизы, наподобие существующего при РКИ бюро бухгалтеров и экспертов [22, с.195], [2, с.43]. Бюро судебных экспертиз с 1929 г. стали учреждаться при НКЮ союзных республик, к примеру, в БССР [20, с.99-100].

28 мая 1929 г постановлением V Съезда Советов СССР был утвержден Пятилетний план развития народного хозяйства[2]. Перед органами прокуратуры была поставлена задача борьбы с представителями враждебных классов, которые представляли действительную общественную опасность. По мнению А.Я. Вышинского, «вовлечение прокуратуры в т.ч. в вопросы индустриализации, являлось особенностью советской прокуратуры, отличающей ее от буржуазных прокуратур» [5, с.3-4].

Н.В. Крыленко, который занял должность Прокурора РСФСР в мае 1929 г., считал, что прежде всего от прокуроров требовалось выявление вредителей, которые занимались дезорганизацией советской промышленности. К руководителям вредительских организаций относились специалисты старого времени, собственники и акционеры капиталистических предприятий (концессий). Ко второй группе вредителей причислялись специалисты, занимавшие командное положение в управлении предприятиями старых хозяев. К третьей группе вредителей – техническая интеллигенция [13]. Он считал, что с помощью иностранных концессий враги СССР пытались организовать экономический и политический кризис в целях захвата власти [12, с.14].

В результате деятельности ОГПУ и прокуратуры многие частные предприятия и иностранные концессии были ликвидированы. В 1929 г. в связи с забастовкой рабочих, требовавших поднять им зарплату в 20 раз, органами ОГПУ было возбуждено уголовное дело по невыплате зарплаты в отношении английской концессии «Лена Голдфилдс», которая была крупнейшим золотодобывающим предприятием в СССР. В прокуратуру был представлен расчет невыплаченной зарплаты рабочим концессии в размере 170 тысяч рублей за январь-май 1930 г. В результате, сотрудники концессии были арестованы, иностранные работники вывезены из СССР, а компания прекратила работу [27, С.101-102].

Во исполнение циркуляра НКЮ РСФСР от 15 мая 1929 г. «О привлечении организованной советской общественности к контролю и непосредственному участию в работе предварительного расследования», прокуратурой была разработана система выявления вредителей на предприятиях. Для получения сведений, которые затем становились доказательствами в суде, при каждом заводе прокуратурами организовывался актив, из коммунистов и комсомольцев, который исполнял поручения прокуратуры (по пропаганде законов), сигнализировал о нарушениях[3]. Это были рабочие корреспонденты или рабкоры, которые действовали с середины 1920-х гг. «Имея актив, вращаясь среди рабочих цехов и предприятий, работники прокуратуры знали, что делается на каждом участке работы, по донесениям актива возбуждались уголовные дела» [19, с. 329-336].

Помимо рабкоров, прокуроры привлекали руководство предприятий к мероприятиям по выявлению вредителей. Эта работа систематически планировалась устанавливался контроль за исполнением намеченных мероприятий по чистке рядов прежде всего от специалистов старой формации [13].

С 10 по 17 ноября 1929 г. состоялся Пленум ЦК ВКП(б), на котором перед прокурорами была поставлена общая задача «борьбы с

[2] СЗ. 1929. №26. Ст.587.
[3] ЕСЮ. 1929. №20. С.469-470.

капиталистическими элементами деревни и города, полное изничтожение проявлений правого уклона в работе прокуратуры», поручено «обобщить в 1930 г. результаты борьбы с преступлениями в области капитального строительства и разработать мероприятия к усилению борьбы с этого рода преступлениями» [15, с.1211].

Требовалось выявлять нарушения техусловий при строительстве новых фабрик и заводов. Например, 9 октября 1929 г. по предложению прокурора Якутской АССР П.П. Кочнева были привлечены к уголовной ответственности по ст.111 и 128 УК РСФСР работники наркомата тяжелой промышленности и инженеры, строившие кожзавод в Якутске. По информации рабкоров, при проверке строительства были выявлены отсутствие проекта, отчетности, а также некачественное выполнение работ, их переделка, выполнение работ, не предусмотренных сметой[4].

В 1930 г. ОГПУ было раскрыто «Дело Промпартии», по которому подсудимым инженерам прокуратурой РСФСР было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-3: сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством; ст. 58-4: оказание помощи международной буржуазии; ст. 58-6: шпионаж [17, с.7-44].

Согласно представленным суду доказательствам, обвиняемые готовили свержение советской власти. Путем привлечения интервенции извне, предполагался приход к власти в России военной диктатуры с переходом к форме правления в виде буржуазно-демократической республики. Советские промышленные предприятия предполагалось акционировать. Доход от реализации акций планировалось потратить на частичную компенсацию прежним собственникам промышленных предприятий, а оставшиеся свободные средства использовать для общегосударственных нужд [17, с.7-44].

«Промпартия» держала связь с «Торгпромом» - организацией бывших крупнейших промышленников России, которые сохранили крупные средства в заграничных банках. Также были налажены связи с иностранными капиталистами Франции, Англии, Польши, имевшими собственность в России до революции. Эти организации планировали финансировать подрывную деятельность «Промпартии» в СССР в сумме до 1 млн рублей в год [17, с.7-44].

Планировалось искусственно создать и углубить экономические кризисы в СССР для того, чтобы вызвать недовольство населения советской властью. Основная вредительская работа шла с 1927 г. по линии задержки строительства промышленных предприятий. В 1930 г. основной директивой «Промпартии» было оказание воздействия на различные отрасли промышленности с целью замедления темпов их развертывания и срыва пятилетнего плана [17, с.7-44].

7 декабря 1930 г. суд вынес обвинительный приговор, которым подтвердил инкриминируемые статьи обвинения. Дополнительно действия подсудимых были квалифицированы по ст.58-11 УК РСФСР, т.е. за организационную деятельность, направленную к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений. Таким образом, суд увеличил объем обвинения, что в настоящее время не допускается.

Слабой стороной приговора была доказательственная база. К примеру, в материалах уголовного дела не имелось показаний таких существенных свидетелей как членов «Торгпрома», которые могли бы стопроцентно подтвердить обвинение. Не задержаны и не допрошены агенты французской разведки К. и Р. Не имеется изъятых денежных средств, на которые фигуранты дела развернули сеть «Промпартии». Не произведены осмотры мест происшествия, фиксирующие следы вредительской деятельности подсудимых (например, осушенные болота на пути предполагаемого следования армий будущих интервентов). Не имеется изъятых планов генеральных штабов зарубежных государств, планировавших интервенцию в СССР [17, с.7-44].

Факт, что осужденным к смертной казни обвиняемым приговор был изменен на лишение свободы сроком на 10 лет, косвенно подтверждает учет деятелями суда и прокуратуры недостатков предварительного следствия, слабость доказательственной базы.

23 июня 1931 г. совещание хозяйственников по предложению Сталина приняло решение «об изменении политики путем отказа от массового ареста специалистов, поскольку рабочая интеллигенция повернулась в сторону Советской власти», в связи с чем, НКЮ РСФСР распорядился, чтобы «прокуроры пресекали перегибы репрессивных органов в отношении специалистов» [16, с.77-80].

Недостатком первых судебных процессов против технической интеллигенции 1928-1930 гг. являлась возможность суда выносить обвинительные приговоры, руководствуясь признательными показаниями подсудимых. Политбюро и прокуратура соглашались с таким положением. Но прокуратура все же принимала определенные меры к устранению этого недостатка в последующих процессах.

Например, изучение стенографического отчета Третьего Московского процесса 1938 г. против Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и др. показывает, что прокурор А.Я. Вышинский в обвинительной речи тщательно проанализировал не только показания подсудимых, но и косвенные доказательства. В частности, им был дан подробный комментарий к статьям и книгам Н.И. Бухарина, в которых он высказывался против партийной линии группы Сталина. По уголовному делу был произведен ряд бухгалтерских экспертиз, на которые ссылалось обвинение[5].

Впоследствии, в 1941 г. А.Я. Вышинский в своем фундаментальном труде «Теория судебных доказательств» дополнит пробелы советского уголовного процесса, раскритиковав использование признания вины обвиняемыми в качестве «царицы доказательств» [4].

В 1932 г. на торжественном совещании, посвященном 10-летию прокуратуры, М.И. Калинин подверг критике работу органов прокуратуры при осуществлении социалистического строительства и рекомендовал прокурорам защищать права граждан при осуществлении надзора за уголовным преследованием [9]. Критика была вызвана многочисленными репрессиями в отношении граждан, в т.ч. специалистов промышленности.

На основе доклада М.И. Калинина, 25 июня 1932 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О революционной законности», в

[4] НА РС (Я). Ф. 492. Оп. 1. Д. 54. Л. 21.
[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 393—401. Копия. Машинописный текст с рукописной правкой И.Д. Брауде, А.Я. Вышинского, Н.В. Коммодова, Г.К. Рогинского, И.В. Сталина, А.Я. Стецкого.

соответствии с которым судам и прокуратуре надлежало «привлекать к строгой ответственности должностных лиц во всех случаях нарушения прав трудящихся, в особенности в случаях незаконных арестов, обысков, конфискаций или изъятия имущества и проч., и налагать на виновных строгие меры взыскания»[6].

Тем не менее, за 9 месяцев 1933 г. на Донбассе было рассмотрено 38 дел о саботаже, по ним осуждено 81 человек, среди них 3 главных инженера, 8 начальников участков, 4 заведующих шахтами, 10 техников и 13 десятников. Также рассмотрено 322 дела, связанных с охраной и использованием механизмов, по которым осуждено 323 человека; 199 дел, связанных с нарушением техники безопасности, по которым осуждено 305 человек (преимущественно десятников и бригадиров) [1, с.21-22]. Следовательно, натиск прокуратуры на технических специалистов в тот момент был усилен.

20 июня 1933 г. была образована прокуратура СССР, которая приступила к организации единообразного надзора за исполнением требований постановления «О революционной законности» и Инструкции ЦК ВКП(б) от 8 мая 1933 г. на всей территории СССР. В соответствии с этой Инструкцией, на ОГПУ, НКЮ союзных республик и Прокуратуру СССР была возложена обязанность вдвое сократить количество заключенных в местах лишения свободы, распределить заключенных по лагерям и трудовым поселкам в соответствии со сроками наказания. Для этого в республиках, краях и областях создавались комиссии во главе с прокурорами[7].

Положения закона от 8 декабря 1933 г. «Об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции» требовалось применять к нарушителям «только при наличии состава преступления с согласия прокурора» [7, с.34-35]. «Закон о качестве продукции применялся к преступлениям, совершенным только после его издания, а также по длящимся преступлениям. Уголовная ответственность наступала в случае выпуска некачественной продукции, либо если продукция была окончательно подготовлена к выпуску. Выпуск внутризаводского брака не образовал состав преступления» [8, с.16]. В результате работы комиссий, которые стали добиваться чистоты квалификации: «в 1934 г. ревизией приговоров суда, вынесенных по закону о качестве продукции, было отменено 50%» [10, с.74]. На свободу были выпущены многие осужденные за «вредительство», т.к. закон о качестве продукции часто применялся в совокупности со ст.58-7 УК РСФСР.

В соответствии с решением декабрьского Пленума ЦК ВКП (б) 1935 г., одним из направлений работы прокуратуры в сфере промышленности стал надзор за организацией борьбы с противниками стахановского движения на предприятиях. Эта работа была организована в соответствии с циркуляром прокуратуры СССР от 2 декабря 1935 г «О борьбе с преступлениями, направленными к дезорганизации стахановского движения» и была связана с борьбой против вредительства[8]. Противниками стахановцев выступали не только инженеры, которые были противниками хищнической эксплуатации стахановцами горного оборудования на износ, но и рядовые рабочие, которые из-за стахановцев не получали положенных им выплат.

Действия противников стахановского движения квалифицировались по ст.58-7, 58-14 («контрреволюционный саботаж»), 109 («злоупотребление властью или служебным положением»), 111 («бездействие власти»), 58-10 («антисоветская агитация и пропаганда»), т.е. являлись политическими преступлениями.

Основной причиной прекращения таких уголовных дел прокурорами стало то, что бытовые преступления, либо бытовые конфликты неправильно квалифицировались как дезорганизация стахановского движения. Например, А.В. Гоцуленко отмечает, что к 1936 г. по СССР арестовали свыше 1100 противников стахановцев. В частности, в Свердловской области было заключено под стражу 288 человек по 197 делам. Прокуратурой было прекращено 28,4% уголовных дел о преследованиях стахановцев, число осужденных сократилось на 27%. В итоге, к 1937 году кампания по борьбе с противниками стахановцев была свернута в т.ч. в связи со вмешательством прокуратуры [6, с.284].

В соответствии с постановлением Президиума ЦИК СССР от 7 января 1936 г., прокуратурой проводилась работа по снятию судимости с колхозников, занятых в промышленности: «добросовестно и честно работающих на отхожих промыслах, фабриках, заводах, в учреждениях». В соответствии с циркуляром прокурора СССР №3/1 от 19 января 1936 г., прокуроры разъясняли комиссиям по снятию судимости о том, с каких рабочих нужно снимать судимость[9]. Такие мероприятия проводились ранее со стороны лишь ОГПУ в отношении работавших на Беломорканале, Истринской плотине и на др. стройках с 1932 г[10]. Вмешательство прокуратуры в епархию ОГПУ означало внедрение принципов законности, где ранее вопросы решались путем волеизъявления руководства трудовых лагерей.

К моменту принятия Конституции СССР 1936 г., прокурорский надзор охватывал практически все направления промышленности.

Таким образом, прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере промышленности в 1929–1936 гг. развивался в условиях форсированной индустриализации, усиления государственного планирования и политизации хозяйственных процессов. В этот период прокуратура была вовлечена не только в традиционное наблюдение за соблюдением законности, но и в решение задач социалистического строительства, прежде всего в обеспечение выполнения пятилетних планов, борьбу с нарушениями на производстве, браком, срывами строительства и иными явлениями, которые рассматривались как угроза государственным интересам.

На первоначальном этапе прокурорский надзор в сфере промышленности во многом имел репрессивно-политический характер. Производственные аварии, неисполнение планов, технологические просчеты и управленческие ошибки нередко квалифицировались через призму вредительства, саботажа и экономической контрреволюции. Шахтинский процесс, дело «Промпартии» и иные процессы против технической интеллигенции показали, что прокуратура выступала ключевым участником формирования уголовно-правовой практики, направленной на выявление «классово чуждых» элементов в промышленности. Слабость доказательственной базы, зависимость обвинения от признательных показаний подсудимых, недостаток ква-

[6] СЗ СССР. 1932. № 50. Ст. 298.
[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп.163. Д. 981. Л. 229-238.
[8] РГАСПИ. Оп.2. Д.884. Л.12-13 (об).
[9] ГАРФ. Ф. 8131. Оп.13. Д.1. Л.3.
[10] ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 25. Д. 227, 450.

лификации у прокурорских работников выявили необходимость изменения подходов к расследованию и квалификации таких дел.

По результатам анализа проведенных процессов, к 1930-м гг. прокуратура задала тенденцию к точному установлению состава преступления, использованию специальных знаний, технических и бухгалтерских экспертиз, а также к разграничению вредительства, саботажа от бытовых конфликтов и объективных трудностей промышленного развития. Постановление «О революционной законности», образование прокуратуры СССР, практика пересмотра приговоров по делам о выпуске недоброкачественной продукции и прекращение части дел о противодействии стахановскому движению свидетельствуют о стремлении к повышению качества надзора за законностью в ходе обследований и предварительного следствия.

Таким образом, к 1936 г. прокурорский надзор в сфере промышленности охватывал широкий круг направлений: борьбу с вредительством и саботажем, контроль за качеством продукции, соблюдение правил строительства и эксплуатации предприятий, вопросы техники безопасности, охрану трудовых прав, надзор за законностью в исправительно-трудовых лагерях, проверку законности привлечения к ответственности работников и специалистов. При этом его развитие носило противоречивый характер. С одной стороны, прокуратура являлась инструментом государственной политики индустриализации и участвовала в репрессивных кампаниях против инженерно-технических работников и хозяйственных руководителей. С другой стороны, именно прокурорский надзор способствовал выработке требований к доказанности обвинения, чистоты квалификации, привлечению экспертов и специалистов к следствию и ограничению наиболее грубых нарушений законности.

Следовательно, в 1929–1936 гг. произошло становление прокурорского надзора в промышленной сфере. Задачи прокуратуры по обеспечению планового хозяйственного развития сочетались с функцией охраны социалистической законности. Историческое значение этого периода состоит в том, что прокуратура из органа, преимущественно реагировавшего на политически окрашенные нарушения в промышленности, постепенно превращалась в централизованный институт высшего надзора, участвовавший в правовом регулировании ключевых процессов советской индустриализации.

Список литературы:

1.Б. и Ш. Об опыте прокурорской работы в Донбассе // Социалистическая законность. 1934. №3.
2.Воробьева Е. А. История и этапы становления бухгалтерской экспертизы // Дельта науки. 2019. № 1.
3.Вышинский А.Я. «Классический пример экономической контрреволюции» / Экономическая контрреволюция в Донбассе. Под ред. Крыленко Н.В. М. 1928.
4.Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М. 1941.
5.Вышинский А.Я. Судоустройство в СССР: прокуратура / М. 1934.
6.Гоцуленко А.В. Стахановцев – под охрану социалистической законности (О работе правоохранительных органов СССР на Урале по делам о противодействии стахановскому движению) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. №4 (42).
7.За социалистическую законность! 1934. №1.
8.Зорин В. Прокуратура в борьбе за качество // За социалистическую законность.1934. №2.
9.Калинин М.И. О революционной законности. М. 1932.
10.Кожевников М.В. Пути развития советской прокуратуры // Труды юридического факультета. М. 1950.
11.Красильников С.А. Инсценирующая диктатура. 90 лет Шахтинскому процессу 1928 г. Всероссийский экономический журнал. №. 6 (528). 2018.
12.Крыленко Н.В. На борьбу с вредительством. М. 1930.
13.Крыленко Н.В. Классовая борьба путем вредительства / Л. 1930.
14.Мозохин О.Б. Замешанных немцев арестовать… Англичан не трогать. Документы архива Президента Российской Федерации о роли Политбюро ЦК ВКП(б) в организации Шахтинского дела. 1928 г. // Отечественные архивы. 2008. №6.
15.Ноябрьский Пленум ЦК ВКП(б) и задачи органов юстиции // ЕСЮ. 1929. №48.
16.Салмина С.А. Роль советской прокуратуры в индустриализации промышленности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 5(60).
17.Процесс Промпартии (25 ноября – 7 декабря 1930 г.): стенограмма судебного процесса и материалы, приобщенные к делу. М.1931.
18. Рассказимов А.А. Всеобщая забастовка 1930 г. в Сибири как средство ликвидации концессии «Лена Голдфилдс лимитед» // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т.25. №4.
19.Шарапов С. В. Влияние Шахтинского процесса 1928 года на производственно-трудовые взаимоотношения в советской промышленности // Российские экономические реформы в региональном измерении: Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной столетию начала НЭПа, Новосибирск, 16–17 сентября 2021 года / Отв. редакторы В.А. Ильиных, В.М. Рынков. Новосибирск. 2021.
20.Хацук Ж. В. История развития экспертизы в судопроизводстве // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2015. № 1(187).
21.Экономическая контрреволюция в Донбассе. Под ред. Крыленко Н.В. М. 1928.
22.Янсон Н.М. Доклад Народного комиссара юстиции Н.М. Янсона – отчет // ЕСЮ. 1929. №9/10.

References:

1. B. and Sh. On the Experience of Prosecutor's Work in Donbass // Socialist Legality. 1934. No. 3.
2. Vorobyova E. A. History and Stages of the Development of Accounting Expertise // Delta of Science. 2019. No. 1.
3. Vyshinsky A. Ya. "A Classic Example of Economic Counterrevolution" / Economic Counterrevolution in Donbass. Ed. by Krylenko N.V. Moscow, 1928.
4. Vyshinsky A. Ya. Theory of Judicial Evidence in Soviet Law. Moscow, 1941.
5. Vyshinsky A. Ya. Judicial System in the USSR: the Prosecutor's Office / Moscow, 1934.
6. Gotsulenko A.V. Stakhanovites – under the protection of socialist legality (On the work of law enforcement agencies of the USSR in the Urals in cases of counteracting the Stakhanovite movement) // Problems of History, Philology, Culture. 2013. No. 4 (42).
7. For socialist legality! 1934. No. 1.
8. Zorin V. The prosecutor's office in the fight for quality // For socialist legality. 1934. No. 2.
9. Kalinin M.I. On revolutionary legality. Moscow, 1932.
10. Kozhevnikov M.V. Paths of development of the Soviet prosecutor's office // Works of the Faculty of Law. Moscow, 1950.
11. Krasilnikov S.A. Staging a dictatorship. 90 years of the Shakhty trial of 1928. All-Russian economic journal. No. 6 (528). 2018.
12. Krylenko N.V. On the Fight against Sabotage. Moscow, 1930.
13. Krylenko N.V. Class Struggle through Sabotage / Leningrad, 1930.
14. Mozokhin O.B. Arrest the Involved Germans... Leave the British Alive. Documents from the Archives of the President of the Russian Federation on the Role of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in Organizing the Shakhty Affair. 1928 // Domestic Archives. 2008. No. 6.
15. November Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the Tasks of the Justice Bodies // ESU. 1929. No. 48.
16. Salmina S.A. The Role of the Soviet Prosecutor's Office in the Industrialization of Industry // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2006. No. 5(60).
17. The Industrial Party Trial (November 25 – December 7, 1930): Transcript of the Trial and Materials Attached to the Case. Moscow, 1931.
18. Rasskazimov A.A. The General Strike of 1930 in Siberia as a Means of Liquidating the Lena Goldfields Limited Concession // Humanities in Siberia. 2018. Vol. 25. No. 4.
19. Sharapov S.V. The Impact of the Shakhty Trial of 1928 on Production and Labor Relations in Soviet Industry // Russian Economic Reforms in the Regional Dimension: Collection of Materials of the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the Centenary of the Beginning of the NEP, Novosibirsk, September 16–17, 2021 / Editors-in-Chief V.A. Ilyinykh, V.M. Markets. Novosibirsk. 2021.
20. Khatsuk Zh. V. History of the Development of Expertise in Legal Proceedings // Bulletin of the Yanka Kupala State University of Grodno. Series 4. Jurisprudence. 2015. No. 1 (187).
21. Economic Counterrevolution in Donbass. Ed. by Krylenko N. V. Moscow, 1928.
22. Yanson N. M. Report of the People's Commissar of Justice N. M. Yanson – report // ESJ. 1929. No. 9/10.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_57

ПРАВОВОЙ АНТРОПОЦЕНТРИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА ПРОФЕССИИ ЮРИСТА
LEGAL ANTHROPOCENTRISM AS A TOOL FOR OVERCOMING THE METHODOLOGICAL CRISIS OF THE LEGAL PROFESSION

КАШКИН Сергей Юрьевич,
Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации,
заведующий кафедрой интеграционного и европейского права МГЮА им. О.Е. Кутафина;
профессор кафедры теории и истории права и государства АНО ВО «Российский новый университет».
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 1, 2.
E-mail: Eul07@mail.ru

МАХМАДИЕВ Рустам Зайниддинович,
аспирант кафедры теории и истории права и государства
АНО ВО «Российский новый университет», экс-ведущий советник Правового департамента Минэкономразвития России,
экс-главный государственный инспектор Правового управления Центрального аппарата ФАС России.
105005, Россия, г. Москва, Радио ул., 22.
E-mail: rustam.mahmadiev.mos@gmail.com

KASHKIN Sergey Yuryevich,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation,
Head of the Department of Integration and European Law at the Kutafin Moscow State Law Academy;
Professor of the Department of Theory and History of Law and State at the Russian New University.
125993, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya St., 9, Bldgs. 1, 2.
E-mail: Eul07@mail.ru

MAKHMADIEV Rustam Zayniddinovich,
Postgraduate Student, Department of Theory and History of Law and State at the Russian New University,
Former Leading Advisor to the Legal Department of the Ministry of Economic Development of Russia,
Former Chief State Inspector of the Legal Department of the Central Office of the Federal Antimonopoly Service of Russia.
Radio St., 22.
E-mail: rustam.mahmadiev.mos@gmail.com

Краткая аннотация. *Статья посвящена методологическому кризису юридической науки и практики, проявляющемуся в разрыве между догматическим познанием права и потребностями научной, образовательной и профессиональной деятельности в условиях современной научно-технологической революции и усложнения общественных отношений. Авторами обосновывается необходимость усиления антропоцентристского подхода в правопонимании, в рамках которого вводится различение двух типов профессиональной субъектности: юриста-ремесленника, ориентированного на техническое применение норм, и юриста-архитектора, компетенция которого базируется на методологии комплексного системного и прогностического проектирования правовых режимов, интеграции права с новейшими бизнес-процессами и технологиями в интересах человека. Предлагаемая антропоцентристская модель рассматривается как доктринальная и аксиологическая основа преодоления методологического кризиса и формирования нового подхода к совершенствованию юридической науки, образования и профессиональной практики в XXI веке.*

Abstract. *This article examines the methodological crisis of legal scholarship and practice, manifested in the gap between dogmatic understanding of law and the needs of scientific, educational, and professional activity in the context of the modern scientific and technological revolution and the increasing complexity of social relations. The authors substantiate the need to strengthen the anthropocentric approach to legal understanding, introducing a distinction between two types of professional subjectivity: the lawyer-artisan, focused on the technical application of norms, and the lawyer-architect, whose competence is based on the methodology of complex, systemic, and predictive design of legal regimes, integrating law with the latest business processes and technologies for the benefit of individuals. The proposed anthropocentric model is considered a doctrinal and axiological basis for overcoming this methodological crisis and developing a new approach to improving legal scholarship, education, and professional practice in the 21st century.*

Ключевые слова: *правовой антропоцентризм, юрист-ремесленник, юрист-архитектор, правовой инжиниринг, юридическая антропология, методология, теория права, философия права.*

Key words: *legal anthropocentrism, lawyer-craftsman, lawyer-architect, legal engineering, legal anthropology, methodology, legal theory, philosophy of law.*

Для цитирования: *Кашкин С.Ю., Махмадиев Р.З. Правовой антропоцентризм как инструмент преодоления методологического кризиса профессии юриста // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 57-61. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_57.*

For citation*: Kashkin S.Yu., Makhmadiev R.Z. Legal anthropocentrism as a tool for overcoming the methodological crisis of the legal profession // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 57-61. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_57.*

Статья поступила в редакцию: 26.01.2025

Профессор В.В. Блажеев отметил, что право традиционно отстает от развития общества и «без должного нормотворческого прогноза этот процесс будет бесконечным и всегда запаздывающим» [7, с. 9]. Продолжая этот тезис, профессора В.Н. Синюков и М.А. Егорова объясняют «отставание права как социального института консерватизмом методологии регулирования, негибкостью формы, перманентной пробельностью и избыточностью, социальной изолированностью и экономической неэффективностью» [7, с. 13]. Эти вопросы заслуживают широкого обсуждения и требуют не только опережающего развития права и его методологии, но и поворота права к человеку. Для этого необходимо методологическое преобразование самой профессии юриста и его мышления: от юриста-ремесленника к юристу-архитектору [2, с. 106-109; 3, с. 85-88].

Назрели условия для кардинального переосмысления в юриспруденции ядра юридической компетенции, определяющего ее науку, образование и практику. Отдельные аспекты назревшего кризиса профессии и методологии права как комплекса учений о познавательном процессе права в онтологическом смысле ранее уже были предметом доктринального рассмотрения. Значительное внимание в том или ином виде этим проблемам уделили отечественные и зарубежные ученые Ю.А. Тихомиров, О.А. Пучков, Е.А. Агафонова, Ю.Н. Сушкова, В.П. Казимирчук,

Д.А. Керимов, Д.И. Дедов, Е.А. Фролова, В.Н. Карташов, В.Д. Филимонов, А.К. Черненко, Р.И. Таллер, Д.Я. Малешин, Р.М. Исаева, В.И. Червонюк, Р. Лукич, Р. Дворкин, К. Ларенц, Й. Эссер, Н. Рулан, Г. Харт, Д. Диксон, Д. Раз, Д. Коулман, Н. Луман и другие. Весьма интересный подход к методологии современной юридической науки с широким взглядом на положение в различных странах изложен в специальном исследовании коллектива кафедры интеграционного и европейского права МГЮА имени О.Е. Кутафина, посвященном правовому регулированию науки в России и мире [5].

Вместе с тем ряд концептуальных проблем и причин субъектного кризиса профессии юриста в виде отсутствия внятного ядра профессиональной компетенции и методологии практической деятельности до сих пор не получили современного, комплексного и системного осмысления. При этом упускается из виду прямая взаимосвязь этих проблем с фрагментарностью методологии права как раздела юридической науки, не ориентированной на системное исследование практико-ориентированных (праксеологических) измерений юридической профессии [1, с. 201-214].

Отсутствует четкая методология профессиональной деятельности юриста, что демонстрирует парадокс состояния современной юриспруденции, вобравшей в себя за тысячелетия огромную массу теоретических и практических наработок, но так и не обретшей концептуального единства относительно того, что именно составляет ядро юридической компетенции и каковы способы ее реализации в условиях усложняющейся социальной реальности и меняющегося миропорядка.

В юриспруденции методология профессиональной деятельности как целостная система учений представлена в меньшей степени по сравнению с методологией познания права. Если методология познания права (гносеологический аспект) разработана достаточно детально, то методология работы с правом (праксеологический аспект) находится в стадии становления и не обладает сопоставимой степенью концептуальной проработанности. Методология права до сих пор одномерно воспринимается лишь как комплекс теоретических принципов, подходов, способов и методов познания правовой реальности.[1] Она как бы сосредоточилась на гносеологической и онтологической составляющей, в то время как аксиологические, антропологические и, главное, праксеологические аспекты (методология профессиональной юридической деятельности) зачастую остаются вне поля научного внимания.

Следствием этого является формирование деструктивной установки в сознании многих практикующих юристов, при которой восприятие теории и философии права низводится до понимания ее как словесной эквилибристики, не имеющей четких рациональных оснований и предметного значения для практической деятельности. При этом вся юридическая практика зачастую сводится к технико-формальному «жонглированию», редуцируясь к верификации нормативных оснований, формальному контролю документов, их редакционной вычитке, правке, и комбинированию готовых договорных конструкций. Де-факто она становится всего лишь операционной деятельностью, заключающейся в выполнении алгоритмизируемых операций, в силу чего при определенных обстоятельствах ей могут успешно заниматься как лица, не имеющие юридических компетенций, так и различные развитые системы искусственного интеллекта.

Что касается научно-практических центров в области права, а также коммерческих организаций (консалтинговых структур, юридических фирм), их активность преимущественно сосредоточена на решении прикладных задач и организации научных коммуникаций в виде проведения конференций, круглых столов, издании сборников материалов.

При несомненной значимости этих форм работы для поддержания профессионального диалога, системная выработка и продвижение методологических подходов, ориентированных на трансформацию практической деятельности, зачастую не входят в число их приоритетных задач. Следствием этого становится определенный дисбаланс: количественный рост научных мероприятий и публикаций не всегда сопровождается адекватным углублением методологической рефлексии и повышением ее востребованности в практическом сегменте профессии.

Коммерческие организации, в свою очередь, ориентированы преимущественно на решение конкретных задач клиентов в рамках сложившихся рыночных стандартов. Их бизнес-модель не предполагает инвестиций в развитие методологии как таковой: разработка новых подходов происходит ситуативно, в рамках отдельных проектов, и остается несистематизированной, неартикулированной, не превращающейся из индивидуального опыта в публичное знание. Даже крупные юридические фирмы, обладающие ресурсами для методологических разработок, редко выходят за пределы создания внутренних стандартов и шаблонов, которые, по сути, являются лишь усовершенствованными инструментами ремесленной деятельности, а не принципиально новыми методологическими подходами.

Таким образом, складывается ситуация, при которой системное развитие инструментария юридической профессии (включая стандарты профессиональной деятельности) не попадает в фокус последовательной институциональной работы. Научные центры традиционно сосредоточены на фундаментальных исследованиях и развитии академического дискурса; коммерческий сектор, в свою очередь, ориентирован на решение конкретных задач клиентов в рамках сложившихся рыночных практик. В результате вопросы методологического обеспечения профессиональной деятельности, выходящие за пределы как сугубо академической рефлексии, так и текущих коммерческих проектов, оказываются на периферии институционального внимания, не имея устойчивой точки сборки – ни в научной, ни в практической плоскости.

Кроме того, коммерческий сектор не имеет для этого экономических стимулов, поскольку рынок юридических услуг исторически сложился как рынок почасовой оплаты, не поощряющий инвестиции в создание методологически новых продуктов (оплата за часы, а не проекты). Следствием этого системного сбоя становится консервация ремесленной парадигмы даже тогда, когда объективные условия (цифровизация, вторжение новейших технологий, усложнение общественных отношений) требуют перехода к принципиально иному уровню профессионального образования, мышления и деятельности. Методологическая инерция сложившихся институтов, ответственных за развитие профессии, оказыва-

[1] См., например, Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права = Предмет, функции, проблемы философии права [Текст] : [монография] / Д. А. Керимов. - 6-е изд. - Москва : Изд-во СГУ, 2011. С. 92-93.

ется сильнее внешних вызовов.

Ко всему прочему, в последние годы становится все затруднительнее говорить о каком-либо внятном многообразии школ права, что является не столько деградацией юридического образования, сколько следствием глубокого методологического кризиса (тупика), при котором отсутствие конкуренции идей и парадигм подменяется формальным единообразием, а содержательное разнообразие подходов вытесняется унификацией образовательных стандартов и оценочных процедур, не оставляющих пространства для формирования самостоятельных научных школ и направлений.

При однолинейном подходе к интерпретации методологии права в сторону гносеологической функциональной направленности юрист ограничен рамками методологических учений, позволяющих ему эффективно описывать правовые явления в онтологическом смысле, но не создавать структурированный каркас знаний и компетенций по работе с правом на практике. В результате получается, что компетенции юриста на практике формируются как бы стихийно-интуитивно.

Приведенный тезис вскрывает причину фундаментального разрыва между юридической практикой и юридической наукой, так как классическая методология права скорее отвечает на вопрос: «как познать, что есть право и государство?», но не на вопрос: «кто есть юрист и как он должен работать?». А отраслевые правовые науки и дисциплины, по существу, зачастую представляют собой описание существующего массива нормативного правового регулирования того или иного государства. Таким образом, вся функция юриста сводится к ретрансляции нормы принятого закона до участников правоотношений и проверке их действий на соответствие этой норме.

В этой парадигме юрист лишается профессиональной и личностной субъектности и превращается в «уста закона» (bouche de la loi) по смыслу знаменитого высказывания Ш. Монтескье: «Но судьи народа, как мы уже сказали, - не более как уста, произносящие слова закона, безжизненные существа, которые не могут ни умерить силу закона, ни смягчить его суровость» [4, с. 297]. При такой парадигме профессионализм юриста измеряется не творчеством, глубиной этического выбора или качеством юридической аргументации, а лишь навыком поиска нужной статьи в реестре и «лазеек» в законе. Вытекающей из описанной методологической проблематики юриспруденции является проблема неиспользования наработок антропологии в современной юридической методологии и практической деятельности, что порой приводит к дегуманизации правоприменения и низкому качеству как самих законов, так и юридической практики.

Ведущий исследователь в области антропологии права О.А. Пучков отмечает, что правоведение «с трудом выполняет свою практическую миссию, связанную с помощью в решении большого числа практических проблем, встающих сейчас перед социальной и юридической практикой… Важно иметь в виду, что игнорирование антропологического критерия может привести к гегемонии, торжеству формально-логического подхода, от которого всегда было не слишком много пользы правоведению и юридической практике. Выход заключается в том, чтобы, подвергнув его критике, очертить ту область его применения, за рамками которой реализация антропных принципов не является проблемой» [6, с. 120].

Таким образом, главной методологической проблемой века не является просто спор между «буквой» и «духом» закона. Это кризис легитимности самого познавательного инструментария. Правовая реальность сегодня предстает в качестве гибридной материи: она одновременно материальна (цифровые следы, финансовые потоки, институциональные дизайны) и идеальна (ценностные ожидания, правосознание, алгоритмические логики). Она требует не выбора между опытом и разумом, а синтеза нового практического разума правоведа-архитектора, умеющего применять право с учетом влияния новейших технологий, меняющегося общества и изменяющегося в этих условиях человека. Юрист-архитектор (юрист-конструктор) преодолевает этот многовековой спор, вводя третью, прагматически-конструктивную эпистемологию.

Решение указанной проблемы через нивелирование симптоматической составляющей в виде устранения дисфункций в юридическом университетском образовании или изменения деловых этических стандартов профессии представляет собой лишь косметические изменения. Требуется глубокая методологическая трансформация идентичности юриста (его самосознания, определения своего места по отношению к разным акторам и условиям общественной жизни). В нынешнее время результат деятельности юриста должен стать единицей валюты, вытекающей из его научных знаний и творческого мышления, что предполагает переход оценки труда юриста в рыночной парадигме от почасовой оплаты к оплате за ценность готового проекта.

Необходим пересмотр самой архитектуры юридического мышления, где юрист-архитектор выступает не посредником или субсумцией (от лат. sub sum – быть подчиненным), а связующим звеном различных сил, общественных интересов и участников правоотношений, снимающим противоречия между «высоким» знанием (наукой) и «приземленной», но современной практикой в условиях необходимости гармоничного соединения того и другого с природой во имя сбалансированного устойчивого развития Человечества.

Необходимость преодоления разрыва между юридической наукой и профессиональной деятельностью юриста обуславливается существенным возрастанием роли юриста как проводника гуманитарной и цифровой трансформации современного общества. Ряд концептуальных проблем, связанных с форматом, позиционированием, характером и качеством деятельности юриста, в том числе в коммерческой сфере деятельности, требует нового осмысления и скорого решения с позиции правовой теории.

Предлагаемое различение двух антропоцентристских типов юриста (юриста-ремесленника и юриста-архитектора) не является лишь классификационным упражнением. За ним стоит принципиально иное понимание природы права и места юриста в правовой реальности. Правовой антропоцентризм, выдвигаемый авторами в качестве доктринальной и аксиологической основы правопонимания в условиях современной научно-технологической революции, исходит из того, что право не существует вне человека, не предшествует ему и не довлеет над ним.

Указанное предполагает, что юридическая методология должна быть дополнена:

а) методами работы с иными регуляторами общественных отношений (в т.ч. с целью устранения коллизий между правом и другими

регуляторами);

б) наработками антропологических исследований, позволяющих проводить более качественную правотворческую политику и юридическую практику, основанную на точном знании и учете природы и интересов человека. Это сделает человека ближе к государству!

Продуктом правового антропоцентризма должно стать вызревание нового типа современного юриста – юриста-архитектора. Под юристом-архитектором мы понимаем тип профессиональной правовой субъектности, характеризующийся применением методологии правового инжиниринга, основанной на глубоком антропологическом анализе последствий правового воздействия, комплексном и системном анализе регуляторной среды, проектном целеполагании, качественной оценке регулирующего воздействия нормотворчества, конструировании гибких гибридных правовых режимов. Они могут быть сотканы из разнородных нормативных источников, правовых механизмов и, что важно, механизмов иных регуляторов общественных отношений (включая позитивное право, экспериментальное право, судебную практику, договорные условия, корпоративные стандарты, технологические протоколы, культурные традиции, рынок, этику, soft law, приемы opt-in и opt-out, задачи устойчивого развития), а также смоделированы на интеграции правовых решений в единую операционную и цифровую архитектуру объекта управления. Это в совокупности позволяет осуществлять деятельность по созданию устойчивых, адаптивных и функциональных правовых систем в условиях нормативной неопределенности и множественности динамично развивающихся регуляторных порядков современного мира. Адаптация и применение многообразия таких приемов может помирить традиционное право с новеллами его цифровой трансформации.

В условиях современной научно-технологической революции, при которых право сталкивается с вызовами, не имеющими прецедентов в истории (цифровые платформы, экосистемы, большие данные, искусственный интеллект, децентрализованные автономные организации, криптовалюты, трансгуманистические практики), традиционная формально-догматическая гносеологическая методология, ориентированная лишь на ретроактивное применение устоявшихся норм (реагирование на привычное стандартное событие), обнаруживает свою несостоятельность.

Ответом может стать только формирование антропоцентристского подхода: переход от понимания юриста как оператора привычных норм к пониманию юриста как архитектора локальных правовых систем, способного проектировать режимы там, где норма пока отсутствует (не подменяя законодателя, но давая ему важный эмпирический материал для дальнейшего правотворчества), и создавать интерфейсы там, где множественность регуляторов требует гармоничной интеграции (конечно, не выходя за рамки закона).

Правовой антропоцентризм, таким образом, выступает в качестве необходимого условия выживания и развития юридической профессии в новую эпоху, возвращая право к его человеческому измерению, ставя в центр человека с его целями, интересами, ценностями и рисками. И в то же время он формирует юриста как личность, наделенную ответственностью за качество правовой среды, которую он проектирует и выстраивает. Правовой антропоцентризм, в нашем понимании, гармонично обеспечивает господство достоинства личности, сообразуясь с государственным национально-окрашенным, когнитивно-правовым характером, в немалой степени способствующим формированию общественных отношений, строящихся на историко-патриотических идеологических основах, отвечающих особенностям культурной идентичности российского государства. Иными словами – антропоцентризм, основанный на патриотизме!

Развитие предложенной концепции юриста-архитектора требует дальнейшей работы по нескольким направлениям:

во-первых, детализация праксеологической методологии в виде системы методов, приемов и инструментов, составляющих основу деятельности современного юриста в лице юриста-архитектора как интегратора различных регуляторов общественных отношений в единую систему (звено);

во-вторых, пересмотр образовательных стандартов, которые должны готовить не энциклопедистов (знатоков норм с клиповым мышлением и обедненным методологическим инструментарием), а проектировщиков локальных (и национальных и наднациональных) правовых систем и правовых конструкций в условиях правовой неопределенности;

в-третьих, формирование новых экономических моделей юридических услуг, адекватных их ценностному характеру архитектурной работы;

в-четвертых, продолжение антропологического исследования юридической профессии, выявление типов субъектности, складывающихся в современной практике, а также закономерностей юридизации и развития тех или иных типов обществ, и их теоретическое осмысление.

Авторы выражают уверенность, что антропоцентристский поворот в правопонимании, главной фигурой которого становится юрист-архитектор, способен не только разрешить накопившиеся методологические противоречия, включая разрыв между теорией и практикой, но и вернуть юридической профессии ее высокое предназначение - быть драйвером социального развития и «инженером общественной жизни». В этом заключается его научный, образовательный, практический, гуманитарный, патриотический, а в широком смысле и цивилизационный потенциал.

Список литературы:

1. Лукич. Р. Методология права / Радомир Лукич; Пер. с сербскохорв. В. М. Кулистикова. - Москва : Прогресс, 1981. - 304 с.; 20 см. С. 201-214.
2. Махмадиев Р.З. Антропологический поворот в праве: юрист-архитектор как новейший тип юриста для преодоления многолетнего методологического разрыва между теорией и практикой //Евразийский юридический журнал. 2026. № 1 (212). С. 106-109.
3. Махмадиев Р.З. От юридического сопровождения к правовому проектированию: юристы-ремесленники и юристы-архитекторы (проблемы методологии и правовой антропоцентризм) // Евразийский юридический журнал. 2025. № 12 (211). С. 85-88.
4. Монтескье, Шарль Луи де (1689-1755). Избранные произведения [Текст] / [Общая ред. и вступ. статья, с. 5-46, проф. М. П. Баскина] ; [Примеч. Р. С. Миндлиной] ; Акад. наук СССР. Ин-т философии. - Москва : Госполитиздат, 1955. - 800 с.
5. Основы правового регулирования науки в России и мире. 2-е расширенное и дополненное изд. Кашкин С.Ю., под ред. С.Ю. Кашкина, Барабашев А.Г., Гирис В.А., Гуляева Т.К.,Камалян А.М., Накрыжская В.А., Некотенева М.В., Нечаева Е.К., Пожилова Н.А., Пономарева Д.В., Степанян А.Ж., Четвериков А.О. Учеб. пос., 2025, М., Русайнс, 159 с.

6. Пучков О.А. Роль антропологического знания в оценке правовых теорий // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2011. №2. С. 119-124.
7. Цифровое право : учебник \ под общ. Ред.. В.И. Блажеева, М.А. Егоровой. – Москва : Проспект, 2020. - 640 с.

References:

1. Lukich, R. Methodology of Law / Radomir Lukich; Translated from Serbo-Croatian by V. M. Kulistikova. - Moscow: Progress, 1981. - 304 p.; 20 cm. pp. 201-214.
2. Makhmadiev, R.Z. Anthropological Turn in Law: The Lawyer-Architect as a New Type of Lawyer for Overcoming the Long-Term Methodological Gap between Theory and Practice // Eurasian Law Journal. 2026. No. 1 (212). pp. 106-109.
3. Makhmadiev, R.Z. From Legal Support to Legal Design: Lawyers-Craftsmen and Lawyers-Architects (Problems of Methodology and Legal Anthropocentrism) // Eurasian Law Journal. 2025. No. 12 (211). P. 85-88.
4. Montesquieu, Charles-Louis de (1689-1755). Selected Works [Text] / [General ed. and introductory article, pp. 5-46, prof. M. P. Baskina]; [Note by R. S. Mindlina]; Academy of Sciences of the USSR. Institute of Philosophy. - Moscow: Gospolitizdat, 1955. - 800 p.
5. Fundamentals of Legal Regulation of Science in Russia and the World. 2nd expanded and supplemented ed. Kashkin S. Yu., edited by S. Yu. Kashkina, Barabashev A.G., Giris V.A., Gulyaeva T.K., Kamalyan A.M., Nakryzhskaya V.A., Nekoteneva M.V., Nechaeva E.K., Pozhilova N.A., Ponomareva D.V., Stepanyan A.Zh., Chetverikov A.O. Textbook. pos., 2025, M., Rusains, 159 p.
6. Puchkov O.A. The Role of Anthropological Knowledge in Assessing Legal Theories // Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and Law". 2011. No. 2. Pp. 119-124.
7. Digital Law: textbook \ under the general editorship of V.I. Blazheev, M.A. Egorova. - Moscow: Prospect, 2020. - 640 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_62

ВОПРОСЫ ДУХОВНОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ISSUES OF SPIRITUAL SOVEREIGNTY IN THE EDUCATIONAL PARADIGM OF MODERN EDUCATION

СОЛОВЬЕВА Наталья Юрьевна,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Липецкий филиал, г. Липецк.
398050, Россия, г. Липецк, ул. Интернациональная, д. 3.
E-mail: statia2019@mail.ru;

SOLOVYEVA Natalya Yuryevna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration" Lipetsk Branch, Lipetsk.
398050, Russia, Lipetsk, Internatsionalnaya St., Bldg. 3.
E-mail: statia2019@mail.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена современному пониманию нового комплексного понятия – духовный суверенитет. Автор рассматривает угрозы духовного суверенитета. В статье даётся авторский подход к пониманию сути и содержания угроз духовного суверенитета. Автор предлагает свой подход понимания системы угроз духовного суверенитета. Автор выделяет особенные черты духовного суверенитета российского народа, такие как: патриотизм, коллективизм, преобладание духовного над материальным, нравственность, «всечеловечность», способность сопереживать и защищать.*

Abstract: *The article is devoted to the modern understanding of a new complex concept – spiritual sovereignty. The author considers threats to spiritual sovereignty. The article provides an author's approach to understanding the essence and content of threats to spiritual sovereignty. The author offers his own approach to understanding the system of threats to spiritual sovereignty. The author highlights the special features of the spiritual sovereignty of the Russian people, such as: patriotism, collectivism, the predominance of the spiritual over the material, morality, "all-humanity", the ability to empathize and protect.*

Ключевые слова: *духовный суверенитет, воспитание, образование, информационная экспансия, криминализации общественных отношений.*

Keywords: *spiritual sovereignty, upbringing, education, information expansion, criminalization of public relations.*

Для цитирования: *Соловьева Н.Ю. Вопросы духовного суверенитета в воспитательной парадигме современного образования // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 62-64. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_62.*

For citation*: Solovyeva N.Yu. Issues of spiritual sovereignty in the educational paradigm of modern education // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 62-64. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_62.*

Статья поступила в редакцию: 05.01.2026

Геополитические события, происходящие в современном мире, санкционный формат давления на Российскую Федерацию требуют пересмотра подходов к пониманию духовного суверенитета и способов его защиты от нарастающих угроз как внешнего, так и, к сожалению, внутреннего характера.

Анализируя понятие духовного суверенитета важно отметить, что особенностью геополитического положения России является то, что она расположена как в Азии, так и в Европе. Еще А. Курбский в письмах Ивану Грозному писал об особой роли России в связи с данными геополитическими факторами, что приводит нас к выделению такой специфической черты духовного суверенитета, как явления содержащего элементы синтеза духовности и диалога цивилизаций. Духовный суверенитет России выступает как проявление коллективного суверенитета, общность которого формируется на основе специфики проявления таких его элементов, как особый патриотизм, державность, нравственность, коллективизм, способность сопереживать и защищать, справедливость и терпимость в отношении к другим народам, расам, национальностям, преемственность и уважительное отношение к истории своего и других государств, особое отношение к семейным ценностям и традициям, жизнестойкость и доброе отношение к ближнему [3].

В условиях нарастающей конкуренции за природные ресурсы, землю, воду и леса, Россия, её территория будут оставаться желанным объектом, а суверенитет будет находиться под угрозой. При современных технологиях «разделять и властвовать» проще не в открытом бою, а через умы и души [5].

Проблемы духовного суверенитета видятся нам в следующих аспектах:

Снижение уровня образования и патриотического воспитания в семье.

Вопрос потери традиционного образования, переход на болонскую систему, замена советской системы экзаменов на ЕГЭ привело к тому, что в ВУЗы поступают далеко не самые достойные ребята. Россия планомерно переходит на платное образование, нет больше возможности Ломоносовым из деревни получить образования и стать великими. Зато кавказский регион- все 100бальники. В ведущем вузе страны, МГУ не спешат распространять европейскую систему, внедренную на экономическом факультете, на остальные специальности. Против введения Болонской системы в чистом виде не раз высказывался и ректор МГУ Виктор Садовничий. По его мнению, приняв западный стиль образования, Россия начнет «готовить лаборантов для Запада». «Мы готовы принять лишь некоторые положения Болонской системы», – пояснила пресс-секретарь МГУ Евгения Зайцева.

Относительно системы общего образования и резюмируя общественное мнение можно выделить следующие тенденции [2]:

1. Учитель больше не наставник…школы гонятся за рейтингами в инстаграм и ютьюб, а не за реальным качеством образования.

2. Сломана система «дети-учитель», когда первого учителя и классного руководителя помнишь всю жизнь, а с бывшими одноклассниками хочется поддерживать контакт.

3. Все сами по себе. Дети на уроках сидят в телефоне, нет уважения к учителю, а у учителя нет желания учить.

4. Дети переведены фактически на систему самообразования начиная с детского сада.

5. Детский сад сегодня осуществляет услугу кормления и присмотра, а не воспитания- нужны кружки (что ещё 10 лет назад было бесплатно) – плати [1,4].

Образование и воспитание разваливается- а вместе с ним и все другие угрозы становятся более острыми. Дети недостаточно начитаны, образованы, плохо знают историю, зато разбираются в блогерах.

Последствием пенсионной реформы является возрастание числа работающих пенсионеров. В результате бабушки с внуками больше не сидят и не рассказывают добрые сказки пришедшие из истории народа, дети либо в детском саду, либо с няней, чью квалификацию мало кто проверяет и вообще знает, как проверять.

В рассмотрении этой угрозы хотелось бы отметить ситуацию, связанную с эпидемией COVID -19, как новой реальности образовательного процесса, контроль выполнения заданий на дистанции ослабел. Дети «понесли потери», значимые для сдачи ОГЭ и ЕГЭ, в том числе и в долгосрочной перспективе (образовательные траектории после школы, трудоустройство).

Данный аспект угрозы не единственный и включает проблемы создания образовательных программ и стандартов в области образования, кадровый аспект, механизмов и методик реализации образовательных программ.

Анализ проблемы позволяет отметить необходимость развития не только стратегии развития духовного суверенитета, но и стратегии противостояния угрозам и вызовам духовного суверенитета.

Отток научных кадров и «потеря» их разработок.

Оставление российской науки без возможности будущих великих разработок, граждан страны без повода для гордости, иностранцев без повода для восхищения русской нацией. «Наука двигатель прогресса» - нет прогресса, нет современного передового общества, нет того самого духовного суверенитета. «Утечка мозгов» (от англ. brain drain) - процесс массовой эмиграции, при которой из страны или региона уезжают специалисты, учёные и квалифицированные рабочие. Термин введён британским Королевским обществом для описания миграционных процессов в среде учёных во время и после Второй мировой войны из Великобритании в США. Эта стратегия успешно использовалась против России. В период с 2004 по 2013 годы в Германию мигрировали 93,8 тыс. человек, в США - 135,7, в Израиль - 40,8 [6]. На сегодняшний день государство признало эту проблему и уже противостоит ей через Стратегию инновационного развития России на период до 2020 года и Стратегию научно-технологического развития России до 2035 года, формирование институтов развития, во многих регионах формирование инновационных территориальных, промышленных и сельскохозяйственных кластеров.

Обесценивание вклада русских ученых в мировую науку можно рассматривать как часть представленной угрозы. В аспекте, например, экономических наук, значительный вклад в развитие экономико-математической теории произвел Александр Иванович Анчишкин, признанным лидером организационно-производственной школы в экономике, автором ее основополагающих идей стал крупный русский экономист Александр Васильевич Чаянов, однако в рамках экономики нам упорно транслируются только западные имена, а именно Альфред Маршалл, Вильфредо Парето, Ойген фон Бём-Баверк, Фрэнк Тауссиг, Джон Мейнард Кейнс и другие. Фамилии наших ученых замалчиваются.

Один из создателей теории эмоционального интеллекта Пётр Соловьев, его имя и фамилия упорно транслируется на английский манер Питер Сэловей, что соответствует тенденции лингвистической экспансии и «сращивания» угроз, в данном случае угрозы «Оттока научных кадров и «потери» их разработок» и «лингвистической экспансии».

Правовой нигилизм. Криминализации общественных отношений.

Особенность данной угрозы частично является следствием экстремизма в разных его направлениях и следствием ранее описанной угрозы экстремистского характера.

Причинами обострения крайних форм нигилизма, лежащих в основе выбора экстремальных форм поведения, являются социальные факторы, и прежде всего, низкий уровень жизни, бедность, что ведет и к криминализации общественных отношений. Такие выводы были получены по результатам аналитики ВЦОМ. Обострение внешних факторов, восприятие происходящего как нарушение справедливости приводит к агрессивно-экстремистскому поведению.

Правовой нигилизм напрямую противостоит стратегии правомерного поведения, соответствия «букве закона» и как результат, законной справедливости, что еще с двухтысячных годов провозглашается нашим государством во внутренней и внешней политике, что предполагает его формирование , как «вызова» духовному суверенитету (мы приводили уже примеры порядка участия России в международных конфликтах в других странах, которое осуществляется на основе норм международного права и признания законно избранных правительств). Правовой нигилизм противостоит по своей сути тезису новой идеологии: «Россия - СТРАНА СПРАВЕДЛИВОСТИ, ЗАЩИЩАЮЩАЯ ЕЕ ПО ВСЕМУ МИРУ»

Список литературы:

1. Аналитический отчет по результатам социологического исследования на тему: «Мнение москвичей о путях борьбы с экстремизмом, терроризмом и прочими девиациями» // Государственный контракт. № 49-ГК/15 от 10 августа 2015 года. Москва, 2015 г. 54 с.

2. Талапов Б. Идеологические угрозы в сознании молодежи под маской «демократии» // Журнальный клуб Интелрос «Credo New». 2016. №2. // http://www.intelros.ru (дата обращения: 04.01.2026).
3. Беличенко А. Что значит теория Окон Овертона - подробный разбор на примерах из жизни // https://prostudio.ru/journal/windows-overton (дата обращения: 04.01.2026)
4. Сухарев А.Я. Большой юридический словарь / В.Е. Крутских, А.Я. Сухарев. М.: Инфра-М, 2003. 704 с.
5. Бондаренко В. Другое слово эпохи - слово «вброс»… // https://www.sonar2050.org/publications/glavnaya-ideologicheskaya-ugroza-nashego-veka--eto-polnaya-diskreditaciya-samogo-slova-ideologiya (дата обращения: 04.01.2026).
6. Эмиграция из России стала разнообразнее // https://iq.hse.ru/news/177665280.html (дата обращения: 04.01.2026).

References:

1. Analytical report on the results of a sociological study on the topic: "The opinion of Muscovites on ways to combat extremism, terrorism and other deviations" // State Contract. No. 49-GC/15 dated August 10, 2015. Moscow, 2015, 54 p.
2. Talapov B. Ideological threats in the minds of youth under the guise of "democracy" // Intelros Magazine club "Credo New". 2016. No. 2. // http://www.intelros.ru (date of request: 04.01.2026).
3. Belichenko A. What does Overton's Theory of Windows mean - a detailed analysis using real-life examples // https://prostudio.ru/journal/windows-overton (date of request: 04.01.2026)
4. Sukharev, A.Ya., A large legal dictionary / V.E. Krutskikh, A.Ya. Sukharev, Moscow: Infra-M, 2003. 704 p
. 5. Bondarenko, V. Another word of the era is the word "stuffing"... // https://www.sonar2050.org/publications/glavnaya-ideologicheskaya-ugroza-nashego-veka--eto-polnaya-diskreditaciya-samogo-slova-ideologiya (date of access: 04.01.2026).
6. Emigration from Russia has become more diverse // https://iq.hse.ru/news/177665280.html (date of request: 04.01.2026).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_65

ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО СУБЪЕКТОВ РФ НА ПОКУПКУ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ – ПОРА ОТМЕНЯТЬ? IS IT TIME TO CANCEL THE PREFERENTIAL RIGHT OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION TO PURCHASE AGRICULTURAL LAND?

БЛИНОВ Руслан Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданское право,
Орловский государственный университет им. Тургенева И.С.
302026, Россия, г. Орёл, Комсомольская ул., 95.
E-mail: blinov.ruslann@mail.ru;
BLINOV Ruslan Nikolaevich,
Candidate of law, associate Professor of the Department of Civil law of OSU. Turgenev I. S.
95 Komsomolskaya St., Orel, 302026, Russia.
E-mail: blinov.ruslann@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются варианты применения норм о преимущественном праве покупки государством земельного участка из состава земель сельскохозяйственного назначения при совершении сделки купли-продажи. Описываются ситуации с совершаемым собственниками обходом закона при реализации данных норм. Приведена судебная практика по оспариванию сделок купли-продажи земельных участков. Предлагаются меры по совершенствованию правового регулирования.*

Abstract: *The article discusses the application of the rules on the pre-emptive right to purchase agricultural land in practice. It describes situations where the law is circumvented in the implementation of these rules. The article provides court practice on challenging land sales transactions. It also suggests measures to improve legal regulation.*

Ключевые слова: *Земли сельскохозяйственного назначения; преимущественное право покупки земельного участка сельскохозяйственного назначения; недействительность сделок купли-продажи земельного участка.*

Keywords: *Agricultural land, priority right to purchase an agricultural land plot, invalidity of land sale transactions.*

Для цитирования: *Блинов Р.Н. Преимущественное право субъектов РФ на покупку земельных участков сельскохозяйственного назначения – пора отменять? // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 65-70. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_65.*

For citation*: Blinov R.N. Is it time to cancel the preferential right of the subjects of the Russian Federation to purchase agricultural land? // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 65-70. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_65.*

Статья поступила в редакцию: 09.01.2026

Термин «преимущественное право» в настоящее время широко используется в российском законодательстве (например, преимущественное право покупки (ст. 250 ГК РФ); преимущественное право арендатора на заключение договора аренды на новый срок (ст. 621 ГК РФ); преимущественное право на оставление на работе при сокращении численности или штата работников (ст. 179 ТК РФ); участники общества пользуются преимущественным правом покупки доли общества (п. 4 ст. 21 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»); преимущественное право на зачисление (в школу, ВУЗ) и т.д.

Существование «преимущественных прав» в законодательстве в большей своей части обосновано, поскольку позволяет реализовывать давно известный принцип «первый среди равных» (primus inter pares) и создавать преимущества при реализации прав для отдельных категорий заинтересованных участников правоотношений.

Поскольку при отсутствии «механизма преимущественного права» был бы нанесён определённый ущерб отдельным участникам при их сильной заинтересованности в реализации своих прав (например, участник общей долевой собственности на квартиру при продаже другим участником оставшейся доли в праве «больше всех в мире желает» купить эту долю и стать полноправным собственником всей квартиры; в этом как раз ему и помогают нормы о его приоритете (преимуществе) перед другими покупателями).

Необычным для исследования и понимания является введённое в 2003 году в ФЗ от 24.07.2002 N 101-ФЗ "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения" (далее - Закон об обороте земель) новое преимущественное право органов государственной (или муниципальной) власти на покупку земельного участка из состава земель сельскохозяйственного назначения.

Указанные положения в Российском законодательстве не являются каким-то новым «российским изобретением». Так, некоторые государства давным-давно уже устанавливают аналогичные механизмы «вмешательства» в совершаемые частными лицами сделки по купли-продажи земельных участков сельскохозяйственного назначения, в том числе и путём установления преимущественного права государства на выкуп земельных участков.

Уже римское право знало преимущественное право (*ius praeemptionis*) как привилегированное право, когда земля в деревне должна была быть предложена в первую очередь членам деревенской общины.

Так, во Франции Законом №60-808 от 5 августа 1960 года был учреждён Институт специализированных учреждений по развитию землепользования и сельскохозяйственных предприятий (SAFER). Данный Институт (учреждение)

в том числе имеет преимущественное право покупки земель сельскохозяйственного назначения (в последующем приобретённые земли возвращаются фермерам, чьи проекты лучше всего соответствуют установленным законом критериям). Из числа других функций SAFER можно отметить: оказание содействия в продаже земель (начинающим и молодым фермерам, на некоммерческих принципах); осуществление контроля за соблюдением норм обращения сельскохозяйственных земель; мониторинг цен и ведение статистики рынка земли.

Согласно п. 3 ст. 1 указанного Российского Закона Об обороте земель - оборот земель сельскохозяйственного назначения основывается в том числе и на принципе преимущественного права субъекта РФ или в случаях, установленных законом субъекта РФ, муниципального образования на покупку земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения при его продаже, за исключением случаев продажи с публичных торгов.

В соответствии с п. 1 ст. 8 Закона об обороте земель при продаже земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения субъект РФ или в случаях, установленных законом субъекта РФ, муниципальное образование имеет преимущественное право покупки такого земельного участка по цене, за которую он продается, за исключением случаев продажи с публичных торгов и случаев изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд. Продавец земельного участка обязан в письменной форме известить высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ или в случаях, установленных законом субъекта РФ, орган местного самоуправления о намерении продать земельный участок с указанием существенных условий такого договора (п. 2 ст. 8 Закона об обороте земель).

В случае если субъект РФ (муниципальное образование) откажется от покупки либо не уведомит в письменной форме продавца о намерении приобрести земельный участок в течение 30 дней со дня поступления извещения, продавец в течение года вправе продать земельный участок третьему лицу по цене не ниже указанной в извещении (п. 3 ст. 8 Закона об обороте земель).

Некоторые авторы сразу после принятия данного закона предлагали в целом отказаться от данного порядка регулирования и исключить указанные нормы из Закона Об обороте земель. Так, Бугаев И.Е. пришёл к выводу, что необходимо признать утратившими силу пункт 3 части 3 статьи 1, а также статью 8 Закона об обороте земель.[1] При этом автор обоснованно аргументировал свой вывод тем, что:

1) правила статьи 8 Закона об обороте земель сами по себе создают серьезные препятствия для оборота земель сельскохозяйственного назначения (связанные с информированием органов власти о сделках в этой сфере, замедляется процесс реализации земельных участков, ограничивается право выбора подходящих покупателей, создается угроза признания соответствующей сделки ничтожной и др.). В то же время, как показывает обширная нормотворческая и судебная практика, нормы Федерального закона создают условия для возникновения дополнительных обременений земельного оборота в процессе применения соответствующей статьи Федерального закона.

2) имеется значительная коррупциогенная составляющая (наличие коррупционного фактора), так как преимущественное приобретение определяется как право органов власти, а не их полномочие (поскольку определение компетенции по формуле "вправе" - диспозитивное установление возможности совершения государственными органами, органами местного самоуправления или организациями (их должностными лицами) действий в отношении граждан и организаций[2]

3) вывод земель сельскохозяйственного назначения из оборота и их распределение не на основе рыночных механизмов, а государственными органами на основе административных правил и процедур.

4) выкуп земельных участков требует финансовых затрат и поэтому отвлекает средства региональных бюджетов от решения насущных проблем социально-экономического развития[3].

В дополнении приведённых аргументов необходимо добавить и более весомый аргумент, который приводит С.А. Чаркин. Он отмечал, что органы власти не занимаются производством сельскохозяйственной продукции, соответственно, и нет необходимости в наделении их правом преимущественной покупки земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения при продаже такого участка без проведения торгов.[4]

Также автор «вскрывает» другую основную проблему большинства регионов – это отсутствие денежных средств, специально предназначенных для этих целей (и немаловажно также, что при утверждении бюджета на следующий год орган законодательной власти региона или местного самоуправления не может знать заранее о намерениях собственников земельных участков)[5]. Имеется в виду ситуация, когда, к примеру, если даже будет заложено в бюджете на эти цели 10 млн. руб., а предложений по продаже участков поступит, например, на 110 млн. руб., которые целесообразно выкупить. Что делать региону в этом случае?

Другим не менее значимым фактором являлось бы возможное злоупотребление со стороны собственников. Например, собственник, который уверен (осведомлён), что государство купит его участок, мог быть не ограничен в определении цены продажи участка (что естественно приводило к многократному завышению цены).

Но из анализа практики усматривается обратное - полное отсутствие интереса региональных властей в вопросах «наращивания» своей собственности на земли сельскохозяйственного назначения.

Из проанализированных бюджетов на 2026-2028 гг. некоторых субъектов Российской Федерации видно, что регионы даже не включают подобного рода расходы в своей будущей деятельности (таких «строчек» в бюджетах нет). Например, в бюджетах Орловской, Московской областях[6] не предусмотрены какие-либо средства на реализацию своего преимущественного права покупки сельскохозяйственных земель. В то же время в

[1] Бугаев И.Е. Преимущественное право покупки земель сельскохозяйственного назначения: необходимое средство регулирования земельных отношений или административный барьер для развития оборота земель сельскохозяйственного назначения // Юрист. 2011. N 20. С. 27 - 31.
[2] Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 N 96 (ред. от 20.04.2024) "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов" (вместе с "Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов", "Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов").
[3] Бугаев И.Е. Там же.
[4] Чаркин С. А. Правовые особенности оборота земельных участков в составе отдельных категорий земель // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 3. С. 262–267
[5] Чаркин С. А. Там же
[6] Закон Орловской области "Об областном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов от 28.11.2025 г.; Закон Московской области № 229/2025-ОЗ «О бюджете Московской области на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов»// https://oreloblsovet.ru; https://mosreg.ru

проанализированных бюджетах предусматриваются в целом иные расходы по землям сельскохозяйственного назначения (например, Региональный проект "Вовлечение в оборот и развитие мелиорации земель сельскохозяйственного назначения, Подготовка проектов межевания земельных участков и проведение кадастровых работ и др.).

Следующим «показателем незаинтересованности» регионов в реализации своего преимущественного права на покупку земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения являются данные по содержанию ответов на обращения граждан и юридических лиц о продаже своих земельных участков.

Проанализированные данные частично за 2024 и весь 2025 года по Краснодарскому краю[1] подтверждают отсутствие положительных решений органов власти (то есть, когда администрация выражает свою волю (согласие) на приобретение участка).

При анализе ответов органов власти установлена была обратная тенденция - направление всем заявителям (в 100% случаях) уведомлений об отказе от реализации Краснодарским краем преимущественного права покупки земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения на извещения о намерении продать земельные участки (только в декабре 2025 года таких «отказов» было вынесено по 145-и обращениям физических и юридических лиц). Аналогичная ситуация в Орловской, Липецкой областях и в других регионах.

Третий показатель по препятствиям в реализации своего преимущественного права на покупку земельных участков является необходимость в проведении контрольно-надзорных мероприятий по использованию земельного участка. Так, Управление Россельхознадзора по Тверской и Ярославской областям в своей статье «О преимущественном праве покупки земель сельскохозяйственного назначения субъектом Российской Федерации»,[2] указала, что рассмотрение вопроса о реализации преимущественного права Тверской области на покупку земельного участка возможно только после проверки его фактического использования (с целью выявления нарушения требований земельного законодательства, в части зарастания земельного участка деревьями, кустарниками и сорными растениями. При применении данного условия ещё в большей степени осложняется проведение процедуры покупки такого участка органами власти.

Таким образом указанные выше факторы позволяют сделать вывод о невостребованности на практике п. 3 ст. 1 Федерального закона от 24.07.2002 N 101-ФЗ "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения" в части преимущественного права органов власти на приобретение земельных участков.

Представляется, что возникшая в 2000-е годы благая идея о постоянном контроле государства за всеми сделками с земельными участками сельскохозяйственного назначения через свои региональные и муниципальные органы власти за прошедших два десятилетия себя не оправдала. И в настоящий момент существующий механизм соблюдения «преимущественного права покупки» действительно лишь обременяет собственника-продавца дополнительными обязательными процедурами (требующих затрат времени и других ресурсов).

Тем более в настоящее время вся информация по сделкам с земельными участками сельскохозяйственного назначения аккумулируется в органах Росреестра и любой государственный орган всегда может запросить выписки о правах на любой земельный участок (и при необходимости сделать аналитический анализ).

Далее необходимо отметить и другую обратную тенденцию, существующую на практике – страх со стороны продавца и в большей степени со стороны будущего покупателя о «потере» участка (в случае реализации преимущественного права органом власти).

Как установлено было выше – «преимущественное право государства» по покупке участка – фактически не работает (не применяется). Но такие исследования и статистические данные об этом со стороны органов власти не публикуются и открыто не оглашаются. Поэтому будущие покупатели (частные лица) зачастую находятся в ситуации неопределённости и «поиска варианта обхода закона», чтобы гарантировано получить участок в свою собственность. Хотя как мы видим – этого абсолютно не требуется (поскольку государство и так не покупает участки и не реализует своё преимущественное право).

Ярким примером такого обхода закона (прежде всего нарушения закона) в части нарушения преимущественного права государства является имеющаяся судебная практика (когда участники сделок пытаются создать «видимость» совершения двух разных сделок по продаже всего участка (путём продажи долями).

Например, в рамках дела о банкротстве оспаривались совершённые договоры купли-продажи долей (по которым фактически приобретались целые земельные участки с/х назначения без необходимого уведомления органов власти о предстоящей их продаже)[3].

Так, в спорной ситуации сначала был заключён первый договор купли-продажи от 15.03.2019, по которому продавец продает, а покупатель приобретает в собственность 1/2 (одну вторую) долю на земельные участки из состава земель сельскохозяйственного назначения (всего 24 участка). Указанный договор был зарегистрирован Управлением Росреестра по Тульской области 20.03.2019.

Далее (на следующий день!) заключен был второй договор купли-продажи от 16.03.2019, между теми же сторонами, по которому покупатель приобретал в собственность оставшуюся 1/2 (одну вторую) долю на земельные участки (24 участка). Также была проведена государственная регистрация права.

То есть покупатель по сути одномоментно стал полноправным собственником всех 24-х участков (при этом документально он всего лишь покупал доли (1/2+1/2), а не целые участки.

Конкурсный управляющий оспорил данные сделки и ссылался на то, что договоры купли-продажи 1/2 земельной доли от 15.03.2019, от

[1] Департамент имущественных отношений Краснодарского края https://diok.krasnodar.ru/activity/voprosy-zemelnykh-otnosheniy/36422
[2] Россельхознадзор по Тверской и Ярославской областям https://69.fsvps.gov.ru/
[3] Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22.04.2025 N Ф10-2912/2020 по делу N А68-701/2019 (Требование: О признании договоров купли-продажи недействительными сделками, применении последствий недействительности сделок).

16.03.2019 совершены со злоупотреблением права, в обход требования об обязательном уведомлении МИЗО Тульской области о совершении продажи земельных участков сельскохозяйственного назначения, являются притворными и совершенными с нарушением закона, поскольку прикрывают сделку по продаже земельных участков целиком, учитывая, что право долевой собственности на спорные земельные участки у должника на момент продажи не существовало, на основании пункта 2 статьи 170 ГК РФ, статьи 8 Федерального закона N 101-ФЗ от 24.07.2002 "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения".

Судами было установлено, что суммарно принадлежавшие продавцу доли в праве собственности на спорные земельные участки составляли право собственности на участки в целом, которые были отчуждены полностью, несмотря на заключение двух отдельных договоров в отношении долей в каждом из участков.

Суды подтвердили нарушение сторонами договора купли-продажи указанного в статье 8 Закона N 101-ФЗ и статьи 7 Закона Тульской области от 07.06.2004 N 452-ЗТО "Об особенностях оборота земель сельскохозяйственного назначения в Тульской области" порядка реализации земельных участков сельскохозяйственного назначения, ввиду не направления продавцом соответствующего извещения в адрес Министерства имущественных и земельных отношений Тульской области о намерении продать земельные участки.

Другая аналогичная спорная ситуация, когда покупателями по ½ доли целого участка в один день выступали сразу муж и жена.[1] Как установлено судебными инстанциями данные сделки были совершены с нарушением преимущественного права покупки, установленного п. п. 1, 4 ст. 8 Федерального закона РФ от 24.07.2002 г. N 101-ФЗ "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения", ст. 7 Закона Тульской области от 07.06.2004 г. N 452-ОЗ "Об особенностях оборота земель сельскохозяйственного назначения в Тульской области", поскольку Правительство Тульской области о совершении оспариваемой сделки (сделок) не было извещено, в связи с чем судом правомерно признана ничтожной на основании ст. 168 ГК РФ. Судом на основании п. п. 1, 2 ст. 167 ГК РФ правомерно применены последствия недействительности ничтожной сделки в виде двусторонней реституции.

Таких примеров сделок купли-продажи земельных участков с нарушением преимущественного права покупки в России совершено значительное количество (по «принципу покупки ½ доли участка + ½ доли участка»). Большая их часть – не оспаривалась (что и является «стимулом» следующих участников сделок повторять такие же «схемы»).

Регистраторы Росреестра хотя и осведомлены (в большинстве случаях) «о недопустимости» таких сделок – всё равно вынуждены проводить регистрацию права, поскольку формально первая сделка (особенно если ещё и нотариально удостоверена) по продаже ½ доли участка – не нарушает Закон об обороте земель, так как в данном случае «нет продажи всего участка», а значит и нет оснований для приостановки (или отказа) в регистрации.

Ситуация в корне поменялась, когда появилось соответствующая судебная практика (например, см. определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.09.2015 N 310-ЭС15-11461 по делу N А68-10505/2014) и официальное разъяснение от Росреестра по данному спорному вопросу.

Так, в Письме Росреестра от 22.03.2023 N 14-2290-ТГ/23 «По вопросу соблюдения требований статьи 8 Федерального закона от 24.07.2002 N 101-ФЗ при продаже доли в праве общей собственности на земельный участок из состава земель сельскохозяйственного назначения» указано, что проанализировав схожие ситуации был сделал вывод, что "конечной" целью была продажа продавцом покупателю именно Участка, что было осуществлено путем заключения двух сделок (по продаже долей в праве общей собственности на Участок), причем "второй" договор купли-продажи "оставшейся" доли в праве общей собственности на Участок был удостоверен нотариально.

По мнению Росреестра - если Участок относится к землям сельскохозяйственного назначения и (исходя из вида его разрешенного использования) подпадает под регулирование Закона N 101-ФЗ, сделки с Участком (долями в праве общей собственности на него) осуществляются не в связи с исключениями, указанными в пункте 1 статьи 8 Закона N 101-ФЗ, на наш взгляд, продажа Участка должна осуществляться с соблюдением требований статьи 8 Закона N 101-ФЗ.

Таким образом, с учетом установленной статьей 66 Закона N 218-ФЗ ответственности органа регистрации прав за ненадлежащее исполнение полномочий, установленных Законом N 218-ФЗ, правилами ведения Единого государственного реестра недвижимости, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также уголовной ответственности, установленной статьей 170 Уголовного кодекса Российской Федерации за государственную регистрацию заведомо незаконных сделок с недвижимым имуществом, при выявлении государственным регистратором прав признаков ничтожности сделки, в том числе нотариально удостоверенной сделки, осуществление государственной регистрации прав должно быть приостановлено в соответствии с пунктом 13 части 1 статьи 26 Закона N 218-ФЗ.[2]

Новая судебная практика (2025 года) также подтвердила кардинальный пересмотр данного вопроса. Очевидно, что сделки, совершённые друг за другом по продажи участка через «механизм 1/2+1/2» сразу воспринимаются как недействительные. А если между такими сделками имеется большой интервал во времени, например, 14 лет?

Данная ситуация была рассмотрена Арбитражным судом Центрального округа от 22.08.2025 N Ф10-2278/2025 по делу №А35-5636/2024[3]

[1] Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 02.06.2015 N Ф10-1493/2015 по делу N А68-10505/2014 Требование: О признании недействительным договора купли-продажи доли в праве собственности на земельный участок, применении последствий недействительности сделки в виде двусторонней реституции.
[2] Письмо Росреестра от 22.03.2023 N 14-2290-ТГ/23 «По вопросу соблюдения требований статьи 8 Федерального закона от 24.07.2002 N 101-ФЗ при продаже доли в праве общей собственности на земельный участок из состава земель сельскохозяйственного назначения»//СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 08.01.2026 г.)
[3] Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22.08.2025 N Ф10-2278/2025 по делу N А35-5636/2024

По договору купли-продажи от 23.03.2010 ООО "Грейнрус Агро" приобрело у Бабиной В.М. 1/2 долю в праве общей долевой собственности на спорный земельный участок; по договору купли-продажи от 20.08.2012 - у Головиной В.В. 1/4 долю; по договору купли-продажи от 10.04.2024 - у Муцилевой В.С. оставшуюся 1/4 долю.

Суды нижестоящих инстанций признали незаконным Уведомление об отказе государственной регистрации прав Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Курской области.

Кассационная инстанция дело направлено на новое рассмотрение, поскольку нижестоящими судами не установлено, может ли свидетельствовать о добросовестности общества временной промежуток между сделками по приобретению обществом долей в спорном земельном участке, приведшими в итоге к получению им земельного участка в собственность в целом.

Решением Арбитражного суда Курской области от 23 декабря 2025 года (Дело № А35-5636/2024) – было полностью отказано в удовлетворении требований ООО «Грейнрус Агро» к Управлению Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Курской области о признании незаконным Уведомлений об отказе государственной регистрации прав Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Курской области №КУВД-001/2024-16286804/17 от 22.08.2024 г.

Отказ был «техническим», так как Росреестр признал своё «поражение» и после кассационной инстанции в досудебном порядке всё-таки провёл государственную регистрацию права купли-продажи спорной ¼ доли в праве. Поэтому суду ничего не оставалось, как указать причину отказа «*из-за неверно выбранного способа защиты, который не приводит к восстановлению прав и имущественных интересов заявителя».*

Однако сделанные судом первой инстанции в мотивировочной части Решения правовые выводы полностью отражают глубокий анализ возникшего спора (надо полагать это было сделано в целях недопущения подобных приостановок/отказов со стороны Росреестра в будущем). Например, суд правомерно указал, что, *то обстоятельство, что совершение указанной сделки приводит фактически к получению ООО «Грейнрус Агро» права собственности на весь земельный участок целиком правового значения не имеет, поскольку это не изменяет существо сделки (купли-продажи доли, а не участка); временной промежуток, за который Общество приобрело право долевой собственности, равный 14 годам, не может свидетельствовать об отсутствии добросовестности со стороны ООО «Грейнрус Агро». Так, в законодательстве не имеется норм, которые четко регулировали бы временные рамки отчуждения и приобретения земельных долей. Общество, являясь Арендатором исправно оплачивало арендную плату по Договору аренды. Договор аренды не был расторгнут досрочно или признан недействительным на основания Решения Суда. Самостоятельно Общество не обращалось к Арендодателям с предложением (офертой) по выкупу земельных долей. В каждом случае приобретения земельных долей, условия выкупа были индивидуальны, цена за покупку земельных долей тоже разная.*

Рассмотренный спор с неопределённостью по поводу реализации преимущественного права субъекта РФ на покупки земельного участка (в том числе при продаже долями) ещё раз подтверждает, что даже по истечении 22-х лет ни государство в лице органов власти субъекта РФ ни регистрирующий органы (Росреестра) не в полной мере до конца понимают предназначение механизма «преимущественного права покупки участка». Ведь по своей сути описанный судебный спор общества с Росреестром – это «сражение с ветренными мельницами».

Поскольку даже в случае бы «принудительного обязании» заявителя обратиться к субъекту РФ с заявлением о продаже земельного участка, то от субъекта РФ последовал стандартный ответ: «субъект РФ отказывается от реализации своего преимущественного права …».

Другой проблемой на практике для собственников, подающих извещение о продаже участка, является отсутствие письменного подтверждения «отказа» органов власти в приобретении участка (либо наличие других неопределённых ответов, например, о необходимости повторного обращения или представления дополнительных документов и т.д.).

Так, согласно Определения Верховного Суда РФ от 11.01.2018 N 310-КГ17-20503 по делу N А14-16627/2016[1] был рассмотрен спор между регистрирующим органом (Росреестром) и участниками сделки по продаже земельного участка по делу о признании незаконным отказа в государственной регистрации права собственности на земельный участок, обязании регистрирующего органа произвести регистрацию. При этом продавец дважды уведомлял Правительство Воронежской области о намерении продать спорный земельный участок путем направления извещений с указанием цены (20 000 руб.), размера, местоположения земельного участка, а также срока, до истечения которого должен быть осуществлен взаимный расчет; по результатам рассмотрения предложения уполномоченный орган - Департамент направил письмо, в котором предложил продавцу земельного участка еще раз направить извещение с предложением о покупке Воронежской областью спорного земельного участка с реальной рыночной ценой.

По мнению суда продавец выполнил обязанность по извещению Департамента о намерении продать земельный участок, у субъекта Российской Федерации была возможность воспользоваться предоставленным ему преимущественным правом покупки, которую он не реализовал и в установленный срок не уведомил продавца об отказе от покупки либо о намерении приобрести спорный земельный участок.

То есть у регистрирующего органа отсутствовали основания для отказа в государственной регистрации перехода к Обществу права собственности на спорный земельный участок.

Из анализа судебных актов видно, что площадь продаваемого земельного участка составляла 3,7 га. По найденным статистическим данным – стоимость 1 га в Воронежской области на тот период (2017 год) составляла примерно 100 000 рублей. Соответственно сотрудники

[1] СПС «КонсультснПлюс» (дата обращения 20.12.2025 г.)

Департамента правильно понимали фиктивность (притворность) указанной продажной цены участка в извещении и обоснованно предлагали собственнику «скорректировать» цену до рыночной, то есть до 300-400 000 рублей за весь участок вместо указанной 20 000 рублей.

Но в данном случае суды заняли позицию «принципа свободы договора» и отсутствия каких-либо обязанностей по оценке стоимости участка. Действующим законодательством действительно не предусмотрено проведение обязательной оценки земельного участка, находящегося в частной собственности, и его продаже исключительно по рыночной цене.

Практика формирования частным лицом продажной цены участка разная (могут в том числе и учитываться будущие налоговые платежи). Например, вызывает интерес опубликованные данные по Чувашской Республике.[1] В 2024 году Минэкономразвития Чувашии совместно с Минсельхозом Чувашии, Минстроем Чувашии, Минтрансом Чувашии рассмотрено 857 извещений от собственников о продаже 1074 земельных участков и земельных долей в праве общей долевой собственности на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения общей площадью 7,3 тыс. га. Минимальная цена выкупа земельного участка (56 рублей за 1 га) была предложена собственником на территории Шумерлинского муниципального округа, максимальная (39,89 млн. рублей за 1 га) – на территории Ибресинского муниципального округа.

Как нестранно, позиция органов власти Чувашской Республики не имеет негативной оценки в таком «перепаде» (698 тыс. раз) цен за 1 га.

Таким образом, действующие в настоящее время нормы Закона об обороте земель, предусматривающие преимущественное право субъекта РФ (муниципального образования) на покупку земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения при его продаже на практике не только не привели к более эффективному регулированию отношений в связке «продавец-государство-покупатель», но наоборот создали формальные дополнительные требования, а в отдельных случаях даже сложности и препятствия для участников гражданских правоотношений.

Поэтому предлагается кардинально пересмотреть существующий механизм реализации преимущественного права субъекта РФ (муниципального образования) на покупку земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения при его продаже либо на данном этапе пока полностью исключить соответствующие нормы из Закона об обороте земель.

Список литературы:

1. Бугаев И.Е. Преимущественное право покупки земель сельскохозяйственного назначения: необходимое средство регулирования земельных отношений или административный барьер для развития оборота земель сельскохозяйственного назначения // Юрист. 2011. N 20. С. 27 - 31.
2. Чаркин С. А. Правовые особенности оборота земельных участков в составе отдельных категорий земель // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 3. С. 262–267

References:

1. Bugaev I.E. The pre-emptive right to purchase agricultural land: a necessary means of regulating land relations or an administrative barrier to the development of agricultural land turnover // Lawyer. 2011. N 20. pp. 27-31.
2. Charkin S. A. Legal features of land turnover within certain categories of land // Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of Business. 2012. No. 3. pp. 262-267

[1] Министерство экономического развития и имущественных отношений Чувашской республики. https://minec.cap.ru/action/activity/upravlenie-zemeljnimi-resursami2/preimuschestvennoe-pravo-pokupki-zemelj-seljskohoz/informaciya-o-realizacii-preimuschestvennogo-prava/2024-god?ysclid=mjejh19sqx971162643

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_71

УДК 342.721

ИНСТИТУТ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
THE INSTITUTE OF PERSONAL DATA PROTECTION IN THE RUSSIAN FEDERATION: MAIN DIRECTIONS FOR IMPROVING LEGAL REGULATION

ЕРЁМИНА Инна Станиславовна,
доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин
Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева».
295051, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5.
E-mail:i.eremina27@mail.ru;

EREMINA Inna Stanislavovna,
Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Legal Sciences, docent
Head of the Department of State and Legal Disciplines Crimean Branch V.M. Lebedev Russian State University of Justice.
5 Pavlenko str., Simferopol, Republic of Crimea, Southern Federal District, 295051.
E-mail:i.eremina27@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье анализируются современные изменения законодательства о защите персональных данных. Обозначены основные направления совершенствования российской законодательства в сфере защиты персональных данных. Автор приходит к заключению, что в Российской Федерации наблюдается поступательное развитие системы охраны и защиты персональной информации. Вместе с тем, отмечается наличие нерешенных проблем, требующих дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы.*

Abstract. *The article analyzes the current changes in the legislation on personal data protection. The main directions for improving Russian legislation in the field of personal data protection are outlined. The author concludes that there is a progressive development of the system for protecting and safeguarding personal information in the Russian Federation. However, there are still unresolved issues that require further improvement of the legal framework.*

Ключевые слова: *персональные данные: автоматизированные операции; согласие на обработку данных; распространение персональных данных.*

Keywords: *personal data: automated operations; consent to data processing; dissemination of personal data.*

Для цитирования: *Ерёмина И.С. Институт защиты персональных данных в Российской Федерации: основные направления совершенствования правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 71-74. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_71.*

For citation*: Eremina I.S. The institute of personal data protection in the Russian Federation: main directions for improving legal regulation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 71-74. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_71.*

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026

Россия активно участвует в общемировом обмене информацией. Развитие «умных машин» и электронных расчетов, быстрое совершенствование способов передачи данных через интернет, а также перевод привычных занятий в цифровую форму (работа из дома, покупки в сети, общение через экраны и другие подобные явления) изменили привычное понимание личных границ и частной жизни человека.

Теперь многие действия, которые раньше требовали личного присутствия, выполняются онлайн. Это привело к тому, что люди стали чаще делиться своими данными в сети, а значит – их личная информация стала более уязвимой.

Граждане регулярно сообщают различные персональные сведения – адреса, документы об образовании, семейное положение, средства связи – при оформлении услуг через автоматизированные системы. Однако эти данные рискуют стать добычей мошенников и быть обращены против законных интересов людей.

В связи с этим органы государственной власти призваны не ограничиваться декларациями о защите частной жизни, а реализовывать практические механизмы ее охраны.

Часть 1 статьи 24 Основного закона страны прямо запрещает получение, накопление и распространение данных о частной жизни гражданина без его волеизъявления. Данное положение устанавливает основополагающий принцип для законодательной деятельности в сфере информационных отношений [1, с. 49].

Российское законодательство, в частности законы: № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон о персональных данных) [2], № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Закон об информации) [3], конкретизирует конституционные гарантии неприкосновенности частной жизни. Однако проблемы незаконного оборота персональных сведений в цифровом пространстве сохраняют свою актуальность, указывая на необходимость создания более действенных способов защиты.

Анализ изменений законодательства свидетельствует, что Закон о персональных данных редактировался 30 раз (по состоянию на 10.01.2026 г. подготовлена новая редакция закона), Закон об информации менялся более 70 раз.

Неоднократно возникали споры вокруг самого определения персональных данных. При этом разные нормативные документы вкладывали в это понятие различный смысл. Например, в 2005-2006 годах расходились трактовки в Указе Президента о персональных данных госслу-

жащих [4] и в федеральном законе о персональных данных.

Согласно действующему правовому регулированию исследуемого вопроса к персональным данным относятся все сведения, позволяющие прямо или косвенно идентифицировать человека.

На практике, чтобы работать с такими данными (собирать, хранить, использовать), организация или лицо (оператор) обязаны получить разрешение от самого человека. Это означает, что:

- человек должен чётко понимать, какие именно данные и для каких целей будут использоваться;
- согласие не может быть общим или неопределённым – оно должно касаться конкретных действий с информацией;
- волеизъявление должно быть недвусмысленным (например, подпись в документе или электронное подтверждение) [5, с. 78].

Данные требования направлены на реальную защиту частной жизни граждан, а не просто на формальное соблюдение закона.

Ранее, в законодательстве существовал пробел: единого согласия хватало как для обработки, так и для последующего распространения персональных данных. Отсутствие чёткого контроля за распространением личной информации создавало правовой вакуум, которым активно пользовались третьи лица, свободно тиражируя персональные сведения в различных базах данных и публичных ресурсах.

С весны 2021 года законодательство предусматривает:

- специальную процедуру для разрешения публичного распространения персональных данных, требующую отдельного согласия субъекта;
- чёткое разграничение между согласием на распространение данных и согласием на их обычную обработку;
- обязательное соблюдение принципов законности, целесообразности и ограниченности использования персональной информации.

Таким образом, законодатель чётко разграничил:

- согласие на обработку данных (для внутреннего использования);
- согласие на их распространение (для публичного доступа).

Несмотря на это, часть операторов продолжает работать по старым схемам, игнорируя необходимость получения дополнительного разрешения. Подобные нарушения квалифицируются как административные правонарушения и влекут применение мер ответственности.

В период с 2021 по 2027 годы применяются нормативные положения Приказа Роскомнадзора №18, который:

- утверждает обязательные требования к оформлению согласия на обработку персональных данных для их последующего распространения;
- чётко регламентирует содержание такого согласия, включая: идентификационные данные субъекта; реквизиты оператора; перечень разрешённых к обработке данных; установленные ограничения; период действия разрешения. Данный подзаконный акт конкретизирует положения основного закона в части обработки персональных данных [6].

Необходимо особо подчеркнуть важное правило: если человек никак не выразил своего согласия, это не означает, что можно свободно распространять его личные данные. Отсутствие письменного согласия равнозначно отказу.

После получения письменного разрешения на распространение персональных сведений организация, занимающаяся их обработкой, обязана в течение трёх рабочих дней опубликовать следующую информацию:

- конкретные условия, на которых разрешена работа с данными;
- все установленные гражданином ограничения и особые требования к использованию его информации неопределённым кругом лиц.

Это означает, что просто хранить согласие в своих архивах недостаточно - оператор должен обеспечить открытый доступ к указанным сведениям, выполняя тем самым принцип прозрачности обработки персональных данных.

Стоит отметить, что действующее законодательство не содержит чётких указаний о месте публикации таких сведений. Следует разделить мнение исследователей в данном вопросе: способ размещения информации должен соответствовать форме распространения самих персональных данных:

- при публикации данных в интернете (например, на сайте) - условия и ограничения следует размещать на том же интернет-ресурсе;
- при распространении информации без использования сети интернет - уведомление об условиях обработки должно быть доступно в месте самого распространения данных [7, с. 49].

Таким образом, принцип размещения сведений основывается на логическом соответствии: информация об условиях обработки должна быть доступна там же, где и сами персональные данные. Такой подход обеспечивает реальную возможность ознакомления с правилами обработки для всех заинтересованных лиц.

В связи с внесенными поправками в Закон о персональных данных ужесточилась ответственность за нарушения при работе с личной информацией. Теперь расширен перечень нарушений - добавлены новые составы правонарушений в сфере обработки персональных данных; увеличены штрафные санкции - существенно выросли размеры денежных взысканий за несоблюдение установленных правил.

Стратегия развития информационного общества в России содержит специальные положения, направленные на усиление защиты личных данных российских граждан за пределами страны. В этом документе закреплены дополнительные механизмы охраны персональной информации при ее передаче или обработке за границей. Так, предусмотрено что необходимо «обеспечить обработку данных на российских серверах при электронном взаимодействии лиц, находящихся на территории России, а также передачу таких данных на территории России с использованием сетей связи российских операторов» [8].

В последние годы активно развивается процесс возвращения систем обработки персональных данных в Россию, поскольку их хранение за рубежом создает риски для национальной безопасности. Однако законодательство пока не содержит прямого запрета на трансграничное перемещение таких данных. Действующие нормы лишь обязывают компании: информировать регулятора (Роскомнадзор) о планируемой передаче данных за границу; обосновывать необходимость такой передачи; указывать информацию о зарубежном операторе. Ограничения для трансграничной передачи персональных данных возможны только в исключительных случаях, «…в целях защиты основ конституционного строя Российской Федерации, нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, обеспечения обороны страны и безопасности государства, защиты экономических и финансовых интересов Российской Федерации…» [9].

Российский регулятор в сфере защиты персональных данных утверждает официальный список иностранных государств с достаточным уровнем защиты прав субъектов данных. Критериями включения в перечень являются: участие страны в Конвенции Совета Европы о защите персональных данных. Для неучаствующих стран - наличие: правовых норм, соответствующих принципам Конвенции, применяемых мер по обеспечению безопасности обработки персональных сведений.

Следует пересмотреть и уточнить данный перечень стран, поскольку многие участники Конвенции проводят откровенно враждебную политику в отношении России, активно расширяя антироссийские санкционные меры. Как показывает опыт, такие «партнеры» систематически нарушают взятые на себя международные обязательства.

Важным изменением, вступившим в силу в июле 2022 года, стало дополнение Закона о персональных данных (часть 1.1 статьи 1). Теперь российские правовые нормы распространяются на случаи, когда иностранные компании или частные лица работают с персональными данными россиян:

- договорам с российскими гражданами;
- на основании других соглашений;
- при наличии согласия самого гражданина РФ. Суть нововведения: теперь зарубежные организации и предприниматели, получающие доступ к данным наших граждан, обязаны соблюдать требования российского законодательства независимо от места своей регистрации или нахождения. Это изменение устранило правовой пробел, обеспечив защиту персональных данных россиян даже при их обработке за пределами страны. Теперь иностранные сервисы и компании, работающие с российскими пользователями, должны учитывать нормы нашего законодательства о защите персональной информации.

В итоге, на данный момент прослеживается устойчивая тенденция к совершенствованию законодательства о персональных данных, которое направлено регулирование трансграничной передачи данных. Так, а) усилены требования к обработке личной информации россиян за рубежом для обеспечения их защиты; б) установлен строгий регламент работы организаций с гражданами при обработке их персональных сведений; в) сокращены сроки рассмотрения обращений граждан о доступе к их данным, прекращении обработки. удалении информации; г) увеличен перечень организаций, обязанных сообщать в Роскомнадзор о работе с персональными данными; д) усилены надзорные функции - Роскомнадзор получил дополнительные полномочия по проверке операторов и защите прав граждан; е) утвержден обязательный порядок реагирования на случаи компрометации персональных данных [10, с. 95].

Эти меры направлены на создание надежной системы защиты личной информации граждан России. Вместе с тем, на основании проведенного исследования автор приходит к следующим выводам:

1. Требуется законодательно закрепить: четкие требования к оформлению согласия на распространение персональных данных; более строгий контроль за исполнением новых правил получения такого согласия операторами.
2. Следует пересмотреть список «безопасных» иностранных государств с учетом их текущей политики в отношении России и реальной практики защиты прав российских граждан. Особое внимание следует уделить странам, которые вводят антироссийские санкции, не выполняют международные обязательства, могут использовать персональные данные в политических целях.

3. Необходимо сосредоточиться на двух стратегических направлениях в IT:

- собственная мобильная платформа с независимым магазином приложений;
- национальный мессенджер массового спроса. Как показала практика автоматизации госструктур, успех зависит в первую очередь от правильного управления проектом, а не от технологических возможностей.

Список литературы:

1. Актуальные вопросы развития публичного права: учебное пособие для магистров / И.В. Бондарчук, Е.В. Евсикова, И.С. Еремина [и др.]; под редакцией д.ю.н., проф. М.И. Никулина, д.ю.н., доцента С.А. Трофимова – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2023. 260 с.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (с посл. изм. и доп.) «О персональных данных» // http://pravo.gov.ru (дата обращения 10.01.26).
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (с посл. изм. и доп.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // http://pravo.gov.ru (дата обращения 10.01.26).
4. Указ Президента РФ от 30 мая 2005 г. № 609 «Об утверждении Положения о персональных данных государственного гражданского служащего Российской Федерации и ведении его личного дела» // СЗ РФ. 2005. № 23. Ст. 2242.
5. Юридическая деятельность в органах государственной и муниципальной власти: учебное пособие для магистров / И.В. Бондарчук, И.С. Еремина [и др.] ; под редакцией д.ю.н., проф. М.И. Никулина – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2020. 194 с.
6. Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 24 февраля 2021 г. № 18 «Об утверждении требований к содержанию согласия на обработку персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения» // www.pravo.gov.ru, 21 апреля 2021 г. № 0001202104210039 (дата обращения 14.01.2026 г.).
7. Гнедков, А.В., Нищик, А.В. Особенности распространения персональных данных в последней редакции законодательства о персональных данных // Научно-методическое обеспечение оценки качества образования. 2022. № 1 (15). С. 49-52 (51).
8. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

9. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (с посл. изм. и доп.) «О персональных данных» // http://pravo.gov.ru (дата обращения 17.02.25).
10. Конституционное право в вопросах и ответах: учебное пособие для студентов / И.С. Ерёмина, Н.А. Ткачева, А.Г. Рублёв . Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2024. 156 с.

References:

1. Current issues of the development of public law: a textbook for masters / I.V. Bondarchuk, E.V. Evsikova, I.S. Eremina [et al.]; edited by Doctor of Law, Professor M.I. Nikulin, Doctor of Law, Associate Professor S.A. Trofimov – Simferopol : IT "ARIAL", 2023. 260 p.
2. Federal Law No. 152-FZ of 27.07.2006 (as amended and supplemented) "On Personal Data" // http://pravo.gov.ru (date of application 10.01.26).
3. Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006 (as amended and supplemented) "On Information, Information Technologies and information protection" // http://pravo.gov.ru (date of application 10.01.26).
4. Decree of the President of the Russian Federation dated May 30, 2005 No. 609 "On Approval of the Regulations on personal Data of a State civil Servant of the Russian Federation and the management of his personal file" // SZ RF. 2005. No. 23. Art. 2242.
5. Legal Activities in State and Municipal Authorities: A Study Guide for Masters / I.V. Bondarchuk, I.S. Eremina [et al.] ; edited by Prof. M.I. Nikulin, Doctor of Law.
Order No. 18 of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications dated February 24, 2021 "On Approval of the Requirements for the Content of Consent to the Processing of Personal Data Authorized by the Personal Data Subject for Dissemination" // www.pravo.gov.ru , April 21, 2021, No. 0001202104210039 (accessed 01/14/2026).
7. Gnedkov, A.V., Nishik, A.V. Features of the dissemination of personal data in the latest version of the legislation on personal data // Scientific and methodological support for the assessment of the quality of education. 2022. No. 1 (15). Pp. 49-52 (51).
8. Decree of the President of the Russian Federation No. 203 dated May 9, 2017, "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030" // Federal Law Gazette. 2017. No. 20. Art. 2901.
9. Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 (with the latest amendments and additions) "On Personal Data" // http://pravo.gov.ru (accessed on February 25, 2017).
10. Constitutional Law in Questions and Answers: A Study Guide for Students / I.S. Eremina, N.A. Tkacheva, and A.G. Rublev. Simferopol: IT "ARIAL", 2024. 156 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_75

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ОРГАНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ» ON THE CONCEPT OF «CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF A STATE AUTHORITY»

АЛЕКСАНДРОВ Григорий Дмитриевич,
Соискатель степени кандидата юридических наук
Института государства и права Российской академии наук, Москва.
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: www.alexgrig@yandex.ru;
ALEXANDROV Grigory Dmitrievich,
Applicant for the degree of Candidate of Legal Sciences
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow
10 Znamenka Street, Moscow, 119019, Russia.
E-mail: www.alexgrig@yandex.ru

Краткая аннотация: *В исследовании осуществлен анализ современного теоретического осмысления понятия «конституционно-правовой статус органа государственной власти» на основе системного подхода в целях создания основы для выявления общих черт пути модернизации такого статуса и внесения вклада в решение задачи по определению наиболее эффективной модели конституционно-правового статуса государственного органа в единой системе публичной власти в РФ.*

Abstract*: In this article analyzes the current theoretical understanding of the concept of "constitutional and legal status of a public authority" based on a systematic approach in order to create a foundation for identifying common features of the path to modernizing such a status and contributing to solving the problem of determining the most effective model of the constitutional and legal status of a public authority in the unified system of public authority in the Russian Federation.*

Ключевые слова: *Конституционно-правовой статус, публичная власть, система публичной власти, орган власти, орган государственной власти.*

Keywords*: Constitutional and legal status, public authority, system of public authority, authority, public authority.*

Для цитирования: *Александров Г.Д. К вопросу о понятии «конституционно-правовой статус органа государственной власти» // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 75-79. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_75.*

For citation*: Alexandrov G.D. On the concept of the constitutional and legal status of a state authority // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 75-79. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_75.*

Статья поступила в редакцию: 13.10.2025

В 2020 г. в послании Федеральному Собранию РФ Президент РФ В.В. Путин отметил о назревании существенной потребности государства и общества в актуализации конституционных основ механизма организации и деятельности органов власти, направление которых должно быть устремлено в угоду повышения уровня эффективности взаимодействия, переход к качественно новой ступени учета региональных и муниципальных интересов в целях укрепления единства публичной власти и российской государственности в целом [24]. В указанных целях в Конституцию РФ были внесены соответствующие изменения, устанавливающие в том числе единство публичной власти, а также преобразование конституционных основ отдельных органов власти в РФ.

Поиск научной истины в вопросах содержания и особенностей конституционно-правового статуса органа государственной власти имеет особое значение в юридическом научном сообществе, где значительные фундаментальные исследования проведены М.В. Баглаем, Б.Н. Габричидзе, Ю.А. Тихомировым, Г.В. Мальцевым, П.П. Глущенко и др [4, с. 14; 11, с. 98]. После конституционных изменений он приобрел новый импульс, а учитывая интенсивное усвоение некоторых частных принципов в поле публичного права, и, как полагает Б.А. Страшун, невозможность отнесения конституционного права целиком к публичному праву [27, с. 116], пересмотр некоторых основополагающих понятий в размываемых границах частных и публично-правовых наук, является злободневной задачей научного сообщества.

Любая совокупность содержит в себе перечень элементов, взаимосвязь которых позволяет судить о ее целостности, упорядоченности, закономерностей построения и функционирования, что предопределяет ее как систему. Система правоотношений в данном случае не является исключением и, обладает таким элементом как «субъект» - лицо, обладающее правосубъектностью, возможностью осуществлять права и нести обязанности, а также участвовать в соответствующего рода правоотношениях. При этом в правосубъектность всегда принято включать правоспособность и дееспособность, также иногда присутствует третий элемент - деликтоспособность.

Правосубъектность в публично-правовых отношениях отличается от правосубъектности в частном праве, а значит «рассуждение о правоспособных субъектах не имеют практического основания в публично-правовых отношениях» [22, с. 250]. Включаемые в правосубъектность элементы определены нормативно лишь в области частного права, их правовая природа исходит из общего равенства субъектов данной отрасли права, в то время как в сфере публично-правовых отношений субъекты часто подчинены друг другу. С. И. Архиповым справедливо подчеркивается о том, что правосубъектность является возможностью лица быть субъектом права [2, с. 234], однако субъект конституционных правоотношений зачастую не только имеет возможность быть субъектом заданной отрасли права, но и фактически обязан быть их участником, что предопределяет определение правосубъектности через компетенцию, а правоспособность субъекта более выражена для отдельных лиц (индивидуальные субъекты).

«Правовой статус» значительно шире понятия «правосубъектность», однако в науке существует точка зрения о включении в право-

субъектность правового статуса субъекта помимо прочих элементов, поскольку у органов власти правоспособность с дееспособностью неразрывны и составляют единое целое, а правовой статус органа власти – нормативно установленная совокупность полномочий, прав и обязанностей, которая ограничена его компетенцией [26, с. 374]. В развитие данной мысли, не ограничиваясь исследованием правосубъектности в узком смысле, что позволяет выйти за границы правоспособности и дееспособности выбранного субъекта, правосубъектность государственного органа власти справедливо представлять элементом правового статуса и все же выражаемого путем нормативного закрепления его компетенции, порядка формирования и ликвидации.

Правовой статус субъекта правоотношений представляется более сложной юридической конструкцией, по своей природе являясь законодательно закрепленной право- и дееспособностью [20, с. 239]. Рассмотрение данного понятия через призму конституционного права предполагает само использование понятие «правовой статус» в отраслевой специфике. При этом часто упоминается о том, что правовой статус - важнейшее средство конституционно-правового воздействия и метод структуризации правовых положений о субъекте соответствующих правоотношений [6, с. 4].

В общетеоретическом плане при определении понятия «правовой статус» по сей день существуют два основных подхода, имеющих общетеоретическое значение, сложившихся в послевоенный период прошлого века в юридической науке в виду активной разработки проблемы правового положения (статуса) личности. Принимая во внимание наличие семантического сходства понятий правового положения и правового статуса, Л.Д. Воеводин, Н.И. Матузов и В.М. Чхиквадзе относят их к правовым синонимам [8, с. 87; 9, с. 28; 18, с. 56; 28, с. 232; 31, с. 14] (А. Н. Лебедев в целом определяет их идентичными) [15, с. 29] , а О.О. Миронов и А.А. Ливеровский их разграничивают и включают понятие «правовой статус» в правовое положение в качестве центрального элемента: данный подход определяет их как систему, где правовой статус является законодательно установленной (ожидаемой) моделью поведения, а правовое положение является общественными отношениями, строящимися в процессе правоприменения [19, с. 4; 16, с. 142].

В рамках понятия «конституционно-правовой статус органа государственной власти», следует отметить о том, что первый подход в трактовке правового статуса и правого положения не позволяет раздельно исследовать одновременное закрепление в конституционных источниках системы элементов, определяющих право- и дееспособность органа государственной власти и их реализацию, в том числе в процессе осуществления деятельности по реализации властных полномочий относительно других органов власти в системе публичной власти. Второй подход является более корректным с точки зрения публичного права, однако не полно учитывает специфику конституционных норм и конституционных правоотношений в части того, что правовой статус (право- и дееспособность), являющийся ядром правового положения, которое является реализацией право- и дееспособностью, якобы не может существовать без реализации, что также поддерживается, например, В.О. Лучиным [17, с. 119].

Ю.А. Дмитриев, В.С. Нерсесянц, В.О. Лучин и Н.В. Витрук [7, с. 38; 17, с. 91; 25, с. 14; 26, с. 375], придерживаются компетенционного подхода определении содержания конституционно-правового статуса органа государственной власти, заключающегося во включении в него таких элементов как права и обязанности, функции, полномочия и гарантии деятельности. Выявление его содержания предполагает ответы на вопросы о компетенции органа государственной власти, однако оставляет открытыми вопросы о том, к какому уровню власти относится орган государственной власти (федеральный или региональный), кто учреждает и формирует орган власти, какое место он занимает среди иных органов власти в рамках правоприменения.

Следует выделить второй подход (полистатусный), при котором в понятие конституционно-правового статуса включаются разделяемые составляющие (иные статусы). Так, Н.А. Богданова, А.В. Нечкин и Ю.И. Серкова разделяют их на доктринальный, нормативный и фактический [6, с. 5; 20, с. 26]. Нормативный конституционно-правовой статус выражается в закреплении правового положения органа государственной власти в конституционно-правовых отношениях. Фактический – напротив, отражает реальное (фактическое) положение рассматриваемого субъекта в связи с конституционным правоприменением в конкретных условиях, а доктринальный представляет собой объединяющую указанные составляющие (нормативные характеристики, теоретические представления и правовую практику реализации норм) конструкцию в теоретической основе.

Таким образом, полистатусный подход позволяет рассмотреть конституционно-правовой статус органа государственной власти как систему, объединяющую три взаимосвязанные подсистемы, где конституционный статус (нормативный) органа государственной власти определяет закрепленные в конституционных положениях его нормативные характеристики, а конституционно-правовой статус (фактический) определяет место органа государственной власти в правовых актах на основе конституционных положений и является основой для иных статусов, поскольку объединяет в себе все элементы и благодаря специфике конституционных правоотношений и норм, их регулирующих, определяет основу для общего правового статуса (доктринального) органа государственной власти, его отраслевого положения в различных отраслях права и теоретических представлений. А.Н. Кокотовым, а также О.А. Бабошиным в этой связи указывается о преимуществах данного определения, поскольку оно существенно расширяет разграничение конституционно-правовой реальности по предмету, а также в зависимости от иерархической системы соподчинения субъектов конституционного права в самих конституционно-правовых отношениях [3, с. 41; 12, с. 127].

Необходимо выделить еще один подход (структурно-аналитический), которого придерживаются Б.Н. Габричидзе, Б.А. Страшун, С.Э. Несмеянова, заключающийся в представлении рассматриваемого статуса в виде некой структуры взаимосвязанных элементов.

В числе данных элементов Б.Н. Габричидзе предлагаются такие элементы как государственно-правовая и политическая характеристики органа власти, его место, различение систем и видов органов власти (в т.ч. их соотношение и взаимодействие), принципы организации и дея-

тельности, компетенция, характер правотворчества и место его результатов в правовой системе (принимаемых правовых актов) [10, с. 11]. Однако ответственность органа государственной власти в целом здесь не выделяется как отдельный элемент, в то время как издаваемые органом государственной власти правовые акты занимают отдельное место, что в настоящее время не может представляться системой элементов рассматриваемого статуса, устойчивой к критике.

Б.А. Страшун к элементам рассматриваемого понятия относит социальное назначение, выражаемое в задачах, компетенцию, порядок формирования, структуру, организацию деятельности и ответственность [13, с. 156], что представляется более близкой к истине парадигмой, однако наличие социального назначения в качестве элемента статуса органа государственной власти представляется проблематичным для будущих исследований в области разделения органов власти по данному элементу, поскольку, например социальное назначение Правительства РФ и правительства субъекта РФ скорее тождественны, однако есть различия в порядке их формирования, полномочиях и других элементах статуса, не относящихся к социальным функциям.

С.Э. Несмеянова выделяет в структурной организации статуса в целом такой элемент как конституционно-правовая характеристика (в целях определения места органа власти в системе власти), порядок создания, организации и деятельности, принципы и гарантии деятельности, компетенция и ответственность, а также взаимодействие с иными органами власти [21, с. 6]. Однако конституционно-правовая характеристика как элемент конституционно-правового статуса органа государственной власти понятие достаточно широкое, что предопределяет дальнейшие вопросы к его раскрытию и уточнению, поскольку не определен вопрос о возможности включения, например, в понятие конституционно-правовой характеристики конституционно-правового статуса, что, в условиях немаловероятной состоятельности данного утверждения, ставит под сомнение вопрос истинности предлагаемого подхода.

Следует резюмировать, что конституционно-правовой статус является системным явлением, обладающим единством и целостностью, содержащим в себе ядро, в качестве которого выступает конституционная норма, имеющая ключевое значение, и неразрывно связанным с закреплением в правовых источниках состава включаемых в него взаимосвязанных элементов.

В процессе анализа конституционно-правового статуса государственного органа в правовой и реализации в социальной действительностях различается нормативная и фактическая составляющие этого статуса. При этом нормативная часть является совокупностью правовых институтов и норм, отражающей и воплощающей в себе законодательный замысел и смысл относительно специфики организации и функционирования органа государственной власти. Его фактическая часть выражается в реализации государственным органом нормативной части своего конституционно-правового статуса в рамках конкретных конституционно-правовых отношений. В этой связи транслируемая некоторыми учеными необходимость пересмотра устоявшейся парадигмы, связанной с различением двух смежных понятий конституционно-правовой статус и конституционно-правовое положение, не представляется правильной, особенно с учетом предложений, например, Ю.И. Серковой, в целом высказывающейся за изъятие из научного оборота понятия «конституционно-правовое положение» и за использование вместо него понятия «фактический конституционно-правовой статус» [23, с. 44]. В таком случае любое использование понятия «конституционно-правовой статус» потребует всякий раз уточнения, о какой составляющей этого статуса (нормативной либо фактической) идет речь.

В рамках рассматриваемого понятия также немаловажно определить такую категорию как «орган государственной власти». В государстве в целом существует множество его структурных частей, которые не могут относится ни к понятию «орган государственной власти», ни к на первый взгляд аналогичным понятиям «государственный орган» и «орган государства», однако могут по различным признакам быть их составными частями или вовсе включать их в себя как элементы.

Б.М. Лазарев включает в понятие органа государства как государственной институции такие элементы как личный состав, представление интересов государства, действия от имени государства, участие в реализации государственных функций, властные полномочия и ответственность [14, с. 29]. С учетом конституционных принципов организации и деятельности государственной власти в РФ (разграничение предметов ведения, федерализм, разделение властей) каждому органу государства (государственному органу) присущи различные признаки.

Н.А. Богданова утверждает, что указанное понятие означает «обособленную часть механизма государства, предназначенную для выполнения от имени государства его функций, определенным образом внутренне организованную, действующую в рамках установленной правом концепции государственно-властных полномочий» [5, с. 48], что не сводит в данном случае исследуемую область к границам «государственного аппарата», а расширяет до границ механизма государства. С.А. Авакьян подчеркивает, что «Понятия «орган государства» и «орган государственной власти» употребляются нами как тождественные» [1, с. 336]. Однако следует заметить, что Конституционный Суд РФ в своем определении от 29 мая 1997 г. № 55-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности Указа Президента РФ от 2 октября 1996 г. № 1412 «Об утверждении Положения об Администрации Президента РФ» подчеркивает о невозможности объединения понятий «государственный орган» и «орган государственной власти». В связи с этим представляется справедливым уточнить, что в широком смысле орган государства (государственный орган) является самостоятельной структурно-функциональной частью государственного механизма, имеющей свое обособленное место в системе органов государства, структуру, целевое назначение для реализации государственных функций и решения задач в рамках своей компетенции и полномочий, а также ответственность.

В вопросе исследования понятия органа государственной власти следует заключить, что давно перешедшая в практическую плоскость дискуссия о соотношении понятий «орган государства (государственный орган)» и «орган государственной власти» показывает, что четко разграничить указанные понятия достаточно проблематично, и с учетом мнения Конституционного суда РФ справедливо отметить, что отношение к тому или иному понятию той или иной части государственного механизма или аппарата скорее будет опираться на конкретно установленные

полномочия органа и признаки, из них вытекающих, что в настоящий момент подтверждается научным сообществом [30, с. 84].

Таким образом, конституционно-правовой статус органа государственной власти представляется единым, целостным и системным явлением, центром (ядром) которого является конституционная норма, имеющая ключевое значение, и неразрывно связанное с закреплением в правовых источниках состава взаимосвязанных элементов, включающего в себя:

1. Целевое предназначение органа государственной власти.

2. Место государственного органа государственной власти в системе единой публичной власти.

3. Организационные вопросы его создания и внутреннего строения.

4. Компетенцию органа государственной власти.

5. Предметы ведения и объем властных полномочий органа государственной власти.

6. Процедурно-процессуальные аспекты принятия властных решений и реализации управленческих функций органом государственной власти.

7. Принципиальные основы взаимодействия органа государственной власти с иными институтами публичной власти и гражданского общества.

8. Основания, объемы и пределы юридической ответственности органа государственной власти.

Имманентное свойство данной системы заключается в функционировании всех элементов в рамках правовой и социальной действительностях.

Предложенное восприятие конституционно-правового статуса органа государственной власти и его структуры с учетом различения подходов к определению конституционно-правового статуса исходя из внутреннего деления на статусы, компетенции или структурной организации статуса, выделяющих соответствующие элементы указанного понятия, предопределяет его системность, а также системный подход к его рассмотрению.

В этой связи и предопределяется перспективность системного подхода в исследовании понятия «конституционно-правовой статус» как системного явления, реализуемого в проявлении своих статичных элементов в динамике (правовой и социальной действительностях), а также в правоприменении. Итоги такого правоприменения, как отмечено видными представителями юридической науки, часто являются свидетельством особого (конституционно-правового) статуса отдельно-рассматриваемого органа государственной власти, выявление и исследование которых экспектативно приводит к причислению их к неотъемлемым особенностям [32, с. 50], или, как в нашем случае, неотъемлемым элементам системы конституционно-правового статуса.

Список литературы:

1. Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс. В 2 т. Т. 1. М.: Юристъ, 2005. – 863 с.
2. Архипов С. И. Субъект права (Теоретическое исследование) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Архипов Сергей Иванович. – Екатеринбург, 2005. – 522 с.
3. Бабошин О. А. Система отрасли конституционного права: вопросы формирования и структурного содержания / О. А. Бабошин // Российский юридический журнал. – 2000. – № 3(27). – С. 37-44.
4. Белкин А. А. М.В. Баглай, Б.Н. Габричидзе. Конституционное право Российской Федерации. М. 1996. - 512 с.
5. Богданова, Н. А. Конституционное право. Общая часть : Программа, тезисы лекций и задания к семинарским занятиям / Н. А. Богданова. – Москва : Зерцало-М, 2014. – 144 с.
6. Богданова Н.А. Категория статуса в конституционном праве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1998. № 3. С. 4-20.
7. Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. – 229 с.
8. Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. М.: 1972. - 300 с.
9. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России/ Учебное пособие. М.: 1997.- 298 с.
10. Габричидзе Б.Н. Конституционный статус органов Советского государства. М., 1982. – 184 с.
11. Глущенко П. П. Конституционное право России. 2е изд. СПб.: Питер, 2012. - 319 с.
12. Кокотов А.Н. Конституционное право как отрасль российского права // Проблемы науки конституционного права / Отв. ред. А.Н. Кокотов, М.И. Кукушкин. Екатеринбург, 1998. - 296 с.
13. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: в 4 т. / Отв. ред. Б.А. Страшун. Т. 1-2. - 757 с.
14. Лазарев Б. М. Понятие и система принципов государственного управления // Советское административное право. М., 1990. – 576 с.
15. Лебедев А.Н. Статус субъекта Российской Федерации (Основы концепции, конституционная модель, практика). М., 1999. – 197 с.
16. Ливеровский А.А. Актуальные проблемы федеративного устройства России. СПб.: 2002. – 163 с.
17. Лучин В.О. Конституционные нормы и правоотношения. М., 1997. – 157 с.
18. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. – 293 с.
19. Миронов О.О. Статус депутата российского парламента // Вестник Сарат. гос. Академии права, 1995. № 2. - С. 4-18.
20. Нерсесянц В.С. Теория права и государства. – М., 2001. – 261 с.
21. Несмеянова, С. Э. Понятие и структура конституционно-правового статуса органа государственной власти (на примере Конституционного Суда РФ) / С. Э. Несмеянова // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 7. – С. 5-9.
22. Нехайчик В. К. Практическое использование правовых конструкций «субъекты права», «правовой статус», «юридическое лицо» в современных условиях российской государственности / В. К. Нехайчик // Гармонизация частных и публичных интересов : сборник научных статей. – Саратов : Издательство «Научная книга», 2005. – С. 236-258.
23. Нечкин А. В. Организация государственной власти в субъектах Российской Федерации : учебник для вузов / А. В. Нечкин, Ю. И. Серкова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 130 с.
24. Послание Президента Российской Федерации от 15.01.2020 г. // Официальный интернет-портал Президента Российской Федерации //http://www.kremlin.ru/acts/bank/45148 (дата обращения: 05.11.2025).
25. Правовой статус Президента Российской Федерации / Под общ. ред. Ю.А. Дмитриева. М.,1997. – 538 с..
26. Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2004. - 832 с.
27. Страшун Б. А. К вопросу о понятии конституционного права / Б. А. Страшун // Журнал российского права. – 2006. – № 10(118). – С. 115-123.
28. Теория государства и права. Курс лекций/ Под ред. Н.И. Матузова и А.В.Малько. М.: 2005. - С. 231-234.
29. Тихомиров Ю. А. Публичное право. М., 1996. - 485 с.
30. Черкасов К. В. К вопросу о соотношении понятий «орган государственной власти» и «государственный орган» / К. В. Черкасов // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 84-85.
31. Чхиквадзе В.М. Социалистический гуманизм и права человека. М.: 1976. - 303 с.
32. Шульженко Ю. Л. Поправки 2020 г. к Конституции Российской Федерации и парламентаризм / Ю. Л. Шульженко // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 2. – С. 48-54.

References:

1. Avakian S.A. Constitutional law of Russia: A training course. In 2 volumes, vol. 1. Moscow: Jurist, 2005. – 863 p.
2. Arkhipov S. I. Subject of law (Theoretical research) : specialty 12.00.01 "Theory and history of law and the state; history of the teachings of law and the state" : dissertation for the degree of Doctor of Law / Arkhipov Sergey Ivanovich. – Yekaterinburg, 2005. – 522 p.
3. Baboshin O. A. The system of the branch of constitutional law: issues of formation and structural content / O. A. Baboshin // Russian Law Journal. – 2000. – № 3(27). – Pp. 37-44.
4. Belkin A. A. M.V. Baglay, B.N. Gabrichidze. Constitutional Law of the Russian Federation, Moscow, 1996, 512 p.
5. Bogdanova, N. A. Constitutional law. General part : Program, lecture abstracts and seminar assignments / N. A. Bogdanova. Moscow : Zertsalo-M, 2014. 144 p
. 6. Bogdanova N.A. Category of status in constitutional law // Bulletin of the Moscow University. Episode 11. Right. 1998. No. 3. pp. 4-20.
7. Vitruk N.V. Fundamentals of the theory of the legal status of the individual in a socialist society. Moscow, 1979. – 229 p.
8. Voevodin L.D. Constitutional rights and duties of Soviet citizens. Moscow: 1972. - 300 p.
9. Voevodin L.D. The legal status of the individual in Russia/ Textbook. Moscow: 1997.- 298 p.
10. Gabrichidze B.N. The constitutional status of the organs of the Soviet state. Moscow, 1982. – 184 p.
11. Glushchenko P. P. Constitutional law Of Russia. 2nd ed. of St. Petersburg.: St. Petersburg, 2012. - 319 p.
12. Kokotov A.N. Constitutional law as a branch of Russian law // Problems of the science of constitutional law / Ed. by A.N. Kokotov, M.I. Kukushkin. Yekaterinburg, 1998. - 296 p.
13. Constitutional (state) law of foreign countries: in 4 volumes / Ed. by B.A. Strashun, vol. 1-2, 757 p.
14. Lazarev B. M. The concept and system of principles of public administration // Soviet administrative law. Moscow, 1990. – 576 p.
15. Lebedev A.N. The status of a subject of the Russian Federation (Fundamentals of the concept, constitutional model, practice). M., 1999. – 197 p.
16. Liverovskiy A.A. Actual problems of the federal structure of Russia. SPb.: 2002. – 163 p.
17. Luchin V.O. Constitutional norms and legal relations, Moscow, 1997, 157 p.
18. Matuzov N.I. The legal system and personality. Saratov, 1987. – 293 p.
19. Mironov O.O. Status of a deputy of the Russian Parliament // Bulletin of the Sarat. state. Academy of Law, 1995. No. 2. - pp. 4-18.
20. Nersesyants V.S. Theory of law and the state. – M., 2001. – 261 p.
21. Nesmeyanova, S. E. The concept and structure of the constitutional and legal status of a public authority (on the example of the Constitutional Court of the Russian Federation) / S. E. Nesmeyanova // Constitutional and Municipal Law, 2010, No. 7, pp. 5-9.
22. Nekhaichik V. K. Practical use of legal constructions "subjects of law", "legal status", "legal entity" in modern conditions of Russian statehood / V. K. Nekhaichik // Harmonization of private and public interests : collection of scientific articles. Saratov : Scientific Book Publishing House, 2005. pp. 236-258.
23. Nechkin A.V. Organization of state power in the subjects of the Russian Federation : a textbook for universities / A.V. Nechkin, Yu. I. Serkova. — 2nd ed., revised and add. Moscow : Yurait Publishing House, 2024. 130 p.
24. Message of the President of the Russian Federation dated 15.01.2020 // Official Internet portal of the President of the Russian Federation //http://www.kremlin.ru/acts/bank/45148 (date of reference: 05.11.2025).
25. The legal status of the President of the Russian Federation / Under the general editorship of Yu.A. Dmitriev. M., 1997. – 538 p.
26. Problems of the general theory of law and the state: Textbook for universities / Under the general editorship of V.S. Nersesyants, Moscow, 2004, 832 p.
27. Strashun B. A. On the question of the concept of constitutional law / B. A. Strashun // Journal of Russian Law. – 2006. – № 10(118). – Pp. 115-123.
28. Theory of the State and law. A course of lectures/ Edited by N.I. Matuzov and A.V.Malko. Moscow: 2005. - pp. 231-234.
29. Tikhomirov Yu.A. Public law. Moscow, 1996. - 485 p
. 30. Cherkasov K. V. On the question of the relationship between the concepts of "public authority" and "public authority" / K. V. Cherkasov // Gaps in Russian legislation. - 2008. – No. 2. – pp. 84-85.
31. Chkhikvadze V.M. Socialist humanism and human rights. Moscow: 1976. - 303 p.
32. Shulzhenko Yu. L. The 2020 Amendments to the Constitution of the Russian Federation and parliamentarism / Yu. L. Shulzhenko // Gaps in Russian legislation. - 2023. – Vol. 16, No. 2. – pp. 48-54.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_80

УДК 340

РАЗРАБОТКА КОРПОРАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ: РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ И ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ КОМПАНИИ
DEVELOPING CORPORATE STRATEGIES: THE ROLE OF LEGAL SUPPORT AND PROTECTING COMPANY INTERESTS

ВЛАСОВА Елена Львовна,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел,
Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Иркутск, Россия.
664074, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.
E-mail: vlasovael1963@gmail.com;

САРАЕВА Оксана Николаевна,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и сервиса,
Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия.
664003, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, корп. 3.
E-mail: narhoz-irk@yandex.ru;

VLASOVA Elena Lvovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.
110 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia, Irkutsk region.
E-mail: vlasovael1963@gmail.com;

SARAEVA Oksana Nikolaevna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management and Service,
Baikal State University, Irkutsk, Russia.
11 Lenin Street, building 3, Irkutsk, Irkutsk Region, 664003, Russia.
E-mail: narhoz-irk@yandex.ru.

Краткая аннотация. *В статье рассматривается, как разработка корпоративных стратегий и юридическое сопровождение и защита интересов компании влияет на успешную деятельность компании, помогает ей избегать правовых проблем и минимизировать риски. Однако, наряду с этим поднимается проблема отсутствия законодательных гарантий профессиональной деятельности корпоративного юриста в российском праве и анализируются негативные последствия его неправомерных действий. Делается вывод, что деятельность корпоративного юриста следует признавать осуществляемой в интересе обеспечения законности в предпринимательских отношениях, являющейся важнейшей публичной функцией государства, исходя из чего, необходимо определить правовой статус корпоративного юриста и его ответственность перед компанией, когда в результате его неправомерных действий компания несет убытки. Предлагаются варианты законодательного урегулирования деятельности корпоративного юриста.*

Abstract. *This article examines how developing corporate strategies and providing legal support and protection of a company's interests influences its success, helps it avoid legal problems, and minimizes risks. However, it also addresses the lack of legislative guarantees for the professional activities of corporate lawyers in Russian law and analyzes the negative consequences of their unlawful actions. It concludes that the activities of corporate lawyers should be recognized as being carried out in the interests of ensuring the rule of law in business relations, which is a crucial public function of the state. Therefore, it is necessary to define the legal status of corporate lawyers and their liability to the company when their unlawful actions result in losses. Options for legislative regulation of the activities of corporate lawyers are proposed.*

Ключевые слова: *корпоративный юрист, корпоративная стратегия, бизнес-стратегия, аутсорсинг, стейкхолдер, субсидиарная ответственность, машиночитаемая доверенность, должностной иммунитет.*

Keywords: *corporate lawyer, corporate strategy, business strategy, outsourcing, stakeholder, subsidiary liability, machine-readable power of attorney, official immunity.*

Для цитирования: *Власова Е.Л., Сараева О.Н. Разработка корпоративных стратегий: роль юридического сопровождения и защита интересов компании // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 80-82. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_80.*

For citation*: Vlasova E.L., Saraeva O.N. Developing corporate strategies: the role of legal support and protecting company interests // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 80-82. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_80.*

Статья поступила в редакцию: 13.10.2025

Корпоративная стратегия – это план управления компанией, который определяет её долгосрочные цели и пути их достижения. Она охватывает все аспекты деятельности организации, включая производство, маркетинг, финансы, кадры и инновации.

При составлении плана компании важно соблюдать действующее законодательство о юридических лицах, о праве собственности и иных вещных правах, о национальной платёжной системе и рынке ценных бумаг. Необходимо учитывать государственные программы социально-экономического развития, в которых закрепляется идея корпоративного управления[1].

Именно поэтому юридическое (правовое) сопровождение играет такую важную роль в разработке корпоративных стратегий и защите интересов компании. Именно корпоративный юрист занимается разработкой корпоративных стратегий. Он участвует в разработке бизнес-

[1] Некоторые нормативные правовые акты, которые регулируют корпоративную стратегию: Федеральный закон от 28.06.2014 №172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» устанавливает правовые основы стратегического планирования, координации государственного стратегического управления и бюджетной политики; Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»; Постановление Правительства Российской Федерации от 25.06.2015 №631 «О порядке государственной регистрации документов стратегического планирования и ведения федерального государственного реестра документов стратегического планирования»; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 01.10.2021 №2765-р «Об утверждении Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года».

стратегий компании, обеспечивая юридическую составляющую в планировании и реализации бизнес-процессов. Корпоративный юрист оценивает правовые аспекты предлагаемых стратегий и предоставляет рекомендации по их оптимизации с учётом законодательных требований и рисков.

Юридическое (правовое) сопровождение это комплекс услуг, которые помогают решать правовые вопросы, возникающие при ведении бизнеса. Это, в первую очередь, разработка учредительных документов – устава и корпоративного договора; разработка внутренних документов – положений, регламентов, должностных инструкций, которые дополняют устав и корпоративный договор, детально регулируя взаимодействие внутри компании. Далее, это сопровождение сделок от переговоров с контрагентом до достижения результатов. Разрешение корпоративных споров с учетом особенностей бизнеса. Таким образом, корпоративная стратегия и правовое сопровождение должны работать во взаимодействии.

Обычно в коммерческих компаниях работает либо корпоративный юрист, либо целый юридический отдел[1], которые подчиняются руководителю бизнеса, а подчинение корпоративному юристу иному должностному лицу организации недопустимо[2]. Соглашение, при котором компания нанимает юриста для выполнения поставленных правовых задач называется юридическим аутсорсингом**.** Чаще всего этой услугой пользуются представители малого и среднего бизнеса, которые нуждаются в профессиональной юридической поддержке, но не могут позволить себе содержание собственного корпоративного юриста или юридического отдела.

Корпоративный юрист может работать по доверенности, так как в его задачи входит взаимодействие с контрагентами компании и государственными органами. С сентября 2024 года организации используют машиночитаемую доверенность (далее – МЧД) – электронный аналог бумажной доверенности[3]. Она нужна для подтверждения полномочий представителя в дистанционном документообороте с контрагентами, налоговой, госорганами и другими третьими лицами.

При этом, из всех представителей юридических профессий и должностей (судьи, прокуроры, адвокаты, нотариусы и пр.), выполняющих функции по защите законности и правопорядка в предпринимательской среде, корпоративный юрист является единственным, не имеющим законодательно определенного правового статуса и какого-либо должностного иммунитета[4].

Также корпоративный юрист не является государственным служащим, в отличие от судей, прокуроров, работников органов следствия и дознания. Кроме того, выполняя свою обязанность, корпоративный юрист остается, при этом, работником организации, материально и функционально зависимым от решений работодателя в силу возникающих трудовых отношений, в отличие от нотариусов и адвокатов, самостоятельно осуществляющих свою деятельность [2, с. 95].

Корпоративный юрист в своей деятельности может ошибиться, а может и не исполнить свои обязанности, к примеру, не проверить контрагента, непрофессионально провести переговоры, некорректно оформить договор и т.д. Тогда возникает закономерный вопрос понесет ли корпоративный юрист субсидиарную ответственность при банкротстве организации-работодателя?

Согласно тому же Постановлению Совмина СССР от 22.06.1972 № 467 «Об утверждении Общего положения о юридическом отделе (бюро), главном (старшем) юрисконсульте министерства, ведомства, исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся, предприятия, организации, учреждения» пункту 14 «начальник юридического отдела, юрисконсульт предприятия, организации, учреждения, не принявший в соответствии с настоящим общим положением мер к устранению нарушений законности, несет ответственность наряду с руководителем предприятия, организации, учреждения в установленном порядке»[5].

Считаем, что решающее значение однозначно имеют действия руководителя компании. Именно руководитель уполномочен выступать от имени компании и обязан возместить убытки, причиненные компании по его вине, о чем собственно говорит ст. 53.1 Гражданского Кодекса РФ (далее – ГК РФ). Делегировав свои функции[6], он не может устраниться от контроля[7].

В решении суда будет указано, что сделка совершена в результате действий руководителя, даже когда он передал полномочия по подписанию документов иным лицам[1]. Соответственно, если руководитель не проконтролировал работу юриста и поставил подпись в некорректном договоре, что привело к убыткам компании, то он несет ответственность за эти убытки.

---

[1] Интересным представляется тот факт, что однозначного ответа корпоративный юрист и юрисконсульт это одно и тоже – нет. Принято считать, что корпоративный юрист – более общее понятие, любой человек с юридическим образованием может считаться юристом, а юрисконсульт – конкретная должность. Корпоративный юрист фокусируется на общих процессах в работе компании, а юрисконсульт – на конкретных правовых вопросах, которые касаются разных аспектов деятельности организации. С другой стороны, это сотрудники правового отдела или правовой службы организации, в чьи обязанности входит оказание правовой помощи, контроль за соблюдением законодательства, участие в составлении соглашений и договоров, а также претензионная работа. Единый квалификационный справочник (далее – ЕКС), утверждённый постановлением Минтруда России №37 от 21.08.1998 (ред. от 15.05.2013) закрепляет обязанности юрисконсульта.

[2] Пункт 6 Постановление Совмина СССР от 22.06.1972 № 467 «Об утверждении Общего положения о юридическом отделе (бюро), главном (старшем) юрисконсульте министерства, ведомства, исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся, предприятия, организации, учреждения» (далее – Положение) не действует с 21 февраля 2020 года на основании постановления Правительства Российской Федерации от 3 февраля 2020 года №80.

[3] Федеральный закон от 06.04.2011 №63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред.от 28.12.2024), в соответствии с требованиями которого с 1 сентября 2024 года организации обязаны использовать машиночитаемую доверенность.

[4] Для защиты всех иных юристов при осуществлении ими профессиональной деятельности в российском законодательстве приняты специальные законодательные и подзаконные нормативные акты, например, ст. 9 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», ст. 45 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»; ст. 1 Федерального закона от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», ст. 18 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». ст. 5 Основ законодательства РФ о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1).

[5] Постановление Совмина СССР от 22.06.1972 №467 не действует на территории Российской Федерации с 21 февраля 2020 года.

[6] Для оформления делегирования функций руководителя компании могут использоваться следующие юридические документы: локальный нормативный акт. Например, правила внутреннего трудового распорядка. В нём закрепляют порядок передачи полномочий, если это разрешено учредительными документами организации; приказ. В нём фиксируют передачу функций (или их части) руководителем работнику организации. С приказом нужно ознакомить сотрудника, которому делегируют определённые функции, а также иных лиц, которых может касаться это делегирование; доверенность. Её оформляют, если передаваемые полномочия позволяют представлять работодателя во взаимоотношениях с третьими лицами. В доверенности указывают, какие функции руководитель передаёт; дополнительное соглашение к трудовому договору. В нём устанавливают перечень передаваемых полномочий. Перед передачей полномочий необходимо проверить учредительные документы организации. Например, если в уставе определено, что некоторые полномочия относятся к исключительной компетенции руководителя и не могут быть переданы другому лицу, то без внесения изменений в устав это невозможно.

[7] Определение Верховного Суда РФ от 30 мая 2022 г. № 305-ЭС22-2095 по делу № А41-88908/2018.

Корпоративный юрист не является лицом, которое определяет действия компании-должника, не является он и контролирующим лицом, о чем говорит статья 61.10 Федерального закона от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 31.07.2025). Исходя из чего, корпоративный юрист не может быть привлечен к субсидиарной ответственности независимо от качества выполненной работы, несмотря на то, что он представлял интересы компании или выполнял поручения, связанные с принятием правовых управленческих решений контролирующих лиц, однако это не может свидетельствовать о контроле юриста над хозяйственной деятельностью компании[2].

В Постановлении Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 августа 2023 г. по делу № А76-33985/2021 говорится, что корпоративный юрист может быть привлечен к субсидиарной ответственности при условии, если доказано, что он являлся контролирующим лицом и определял деятельность компании. То есть за корпоративным юристом должен быть закреплен статус «фактического руководителя». Например, должность юриста в компании занимает супруг или родственник учредителя[3].

Привлечение к субсидиарной ответственности возможно в случаях, когда корпоративный юрист стал директором компании[4].

Таким образом, корпоративный юрист, действующий как работник компании в пределах своей трудовой функции, независимо от качества работы не является субъектом субсидиарной ответственности при банкротстве организации-работодателя. Привлечение юриста к субсидиарной ответственности по долгам компании-должника возможно, только если он обладает статусом контролирующего лица и определяет действия компании.

Вот почему все чаще и чаще возникает вопрос о необходимости оценки государством роли корпоративного юриста в предпринимательских отношениях [1, с. 2]. Несмотря на отсутствие законодательного регулирования деятельности корпоративного юриста проблема до настоящего времени оставлена без должного внимания российских законодательных и правоохранительных органов, профессиональных объединений и правозащитных организаций. Думается, что деятельность корпоративного юриста следует признавать осуществляемой в интересе обеспечения законности в предпринимательских отношениях, являющейся важнейшей публичной функцией государства [2, с. 96].

Таким образом, деятельность корпоративного юриста может быть рассмотрена как деятельность, осуществляемая в интересах того или иного конкретного юридического лица (частноправовой интерес), или в интересах всех стейкхолдеров[5] компании, включая государство с его публично-правовым интересом в обеспечении законности в предпринимательской среде.

Исходя из конечной цели выполнения корпоративным юристом своих обязанностей в предпринимательской среде, считаем возможным предложить два варианта законодательного урегулирования его деятельности.

Первый вариант предполагает пассивную юридическую функцию корпоративного юриста, которая предполагает получения задания от работодателя и осуществление деятельности в рамках данного задания. В этом случае, корпоративный юрист разрабатывает правовые рекомендации в соответствии с заданием и не разделяет с работодателем ответственность за неправомерность деятельности организации при игнорировании работодателем подготовленных правовых рекомендаций. Разработка схем обхода закона при наличии в правовых рекомендациях юриста оговорки, предупреждающей работодателя об ответственности, также закономерно должна исключать любую ответственность корпоративного юриста, в том числе как пособника в совершении преступления, поскольку разработка подобных схем нередко является поручением руководителя компании, а неисполнение поручения работодателя может причинить вред частным интересам и репутации корпоративного юриста.

Второй вариант, напротив, предполагает активную юридическую функцию корпоративного юриста. В этом случае, корпоративный юрист решает задачи обеспечения законности в предпринимательской среде в интересах всех стейкхолдеров компании, в том числе, государства, которое в первую очередь заинтересовано в обеспечении законности в предпринимательской среде. В случае обнаружения признаков нарушения закона в деятельности компании и ее должностных лиц корпоративный юрист обязан письменно доложить об этом органам управления компанией для принятия мер по устранению нарушений.

Таким образом, считаем, что при разработке корпоративных стратегий и юридическом сопровождении и защите интересов компании в первую очередь необходимо определиться с правовым статусом корпоративного юриста и его ответственностью за неправомерные действия в предпринимательской среде .

Список литературы:

1. Клеандров М.И. О необходимости иммунитета юрисконсульту / М.И. Клеандров // Предпринимательское право. 2012. № 4. С. 2-4.
2. Леонтьева Е.А. О гарантиях профессиональной деятельности корпоративного юриста / Е.А. Леонтьева // ЗАКОН. 2018. № 10. С. 94-104.

References:

1. Kleandrov, M.I. “On the Need for Immunity for Legal Counsel” // Business Law. 2012. No. 4. pp. 2–4.
2. Leontyeva, E.A. “On Guarantees of Professional Activity of a Corporate Lawyer” // LAW. 2018. No. 10. pp. 94–104.

[1] Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 24 октября 2019 г. по делу № А27-27196/2017, оставленное без изменения Постановлением Седьмого арбитражного апелляционного суда от 3 февраля 2020 г. и Постановлением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16 июня 2020 г.
[2] Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 апреля 2023 г. по делу № А60-43187/2015.
[3] Ст. 61.10 Федерального закона от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» содержит понятие и критерии определения контролирующих должника лиц. Согласно ст. 61.11ФЗ №127-ФЗ к субсидиарной ответственности по обязательствам должника подлежат привлечению именно такие лица. Об этом также говорит пункт 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 №53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».
[4] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18 мая 2021 г. по делу № А12-18077/2017.
[5] Стейкхолдер – это заинтересованное лицо, которое может оказать влияние на деятельность организации или на которое эта компания может оказать влияние. В контексте бизнеса понятие стейкхолдеров охватывает широкий круг участников: сотрудников, которые заинтересованы в стабильной работе и достойной оплате труда; клиентов, желающих получать качественную продукцию и услуги; поставщиков, заинтересованных в долгосрочных контрактах и своевременной оплате; инвесторов, которые ожидают прибыль и рост стоимости акций; государственные органы, осуществляющие контроль соблюдения организацией норм и правил; местные сообщества, например, если предприятие запускает новый завод, это может повлиять на экологическую ситуацию в районе.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_83

УДК 330

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ И ДЕРЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ УСЛУГ: БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ БИЗНЕСА И ПОТРЕБИТЕЛЕЙ
ADMINISTRATIVE BARRIERS AND DEREGULATION IN THE SERVICE SECTOR: BALANCE OF BUSINESS AND CONSUMER INTERESTS

ВЛАСОВА Елена Львовна,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел,
Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Иркутск, Россия.
664074, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.
E-mail: vlasovael1963@gmail.com;

VLASOVA Elena Lvovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.
110 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia, Irkutsk region.
E-mail: vlasovael1963@gmail.com;

Краткая аннотация. *Сфера услуг – ключевой сектор экономики, формирующий значительную долю ВВП и занятости. Однако её развитие часто сдерживается административными барьерами – избыточными требованиями, лицензированием, проверками и бюрократическими процедурами. Политика дерегулирования направлена на снижение нагрузки на бизнес при сохранении защиты прав потребителей. Цель статьи – проанализировать существующие административные барьеры, оценить эффекты дерегулирования и предложить механизмы достижения баланса интересов бизнеса и потребителей. В работе рассматриваются конкретные примеры барьеров в различных сегментах сферы услуг, анализируются риски чрезмерного дерегулирования и приводятся рекомендации по внедрению риск-ориентированного подхода и механизмов саморегулирования для обеспечения устойчивого развития отрасли.*

Abstract: *The service sector is a key economic sector, accounting for a significant share of GDP and employment. However, its development is often hampered by administrative barriers—excessive requirements, licensing, inspections, and bureaucratic procedures. Deregulation policy aims to reduce the burden on businesses while maintaining consumer protection. The purpose of this article is to analyze existing administrative barriers, assess the effects of deregulation, and propose mechanisms for achieving a balance between business and consumer interests. This paper examines specific examples of barriers in various service sector segments, analyzes the risks of excessive deregulation, and provides recommendations for implementing a risk-based approach and self-regulatory mechanisms to ensure sustainable development of the industry.*

Ключевые слова: *административные барьеры, дерегулирование, сфера услуг, баланс интересов, риск-ориентированный контроль, саморегулирование, защита прав потребителей.*

Keywords: *administrative barriers, deregulation, service sector, balance of interests, risk-based control, self-regulation, consumer protection.*

Для цитирования: *Власова Е.Л. Административные барьеры и дерегулирование в сфере услуг: баланс интересов бизнеса и потребителей // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 83-85. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_83.*

For citation*: Vlasova E.L. Administrative barriers and deregulation in the service sector: balance of business and consumer interests // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 83-85. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_83.*

Статья поступила в редакцию: 10.01.2026

В современных условиях развития российской экономики сфера услуг выступает одним из ключевых драйверов роста, формируя значительную часть ВВП и обеспечивая занятость населения. Государственная политика в этой сфере нацелена на создание благоприятного делового климата и повышение конкурентоспособности отечественных компаний.

Важной частью стратегии развития бизнеса в России стала политика дерегулирования[1], направленная на снижение административной нагрузки на предпринимателей. Вопросы упрощения регулирования и снижения административных барьеров неоднократно становились центральной темой выступлений Президента Российской Федерации В.В. Путина. Глава государства последовательно подчёркивает необходимость «снятия избыточных ограничений» для предпринимателей при сохранении ключевых гарантий для граждан. Так, в Послании Федеральному Собранию 2020 года Президент отметил: «Нужно последовательно снимать избыточные административные барьеры, которые мешают развитию бизнеса, особенно малого и среднего. Но любое упрощение регулирования не должно идти в ущерб безопасности и правам граждан»[2]. На Петербургском международном экономическом форуме 2021 года[3] В.В. Путин акцентировал внимание на важности: упрощения процедур лицензирования; цифровизации взаимодействия бизнеса и государства; внедрения риск-ориентированного подхода к проверкам. Эти установки легли в основу текущей политики дерегулирования в сфере услуг, ключевыми элементами которой являются стратегические документы, такие как Национальный план развития конкуренции[4]. В рамках этого плана были разработаны и внедрены меры, способствующие снижению барьеров для

[1] Термин «дерегулирование» не закреплён в каком-либо конкретном нормативном правовом акте как официальный юридический термин. Впервые упоминается в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. №1662-р). В этом документе дерегулирование рассматривается как форма демонополизации и часть стратегии развития экономики.
[2] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (о положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства) от 15 января 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45148 (дата обращения: 06.01.2026)
[3] Петербургский международный экономический форум (2-5 июня 2021 года). URL: https://roscongress.ru/events/spief-2021/archive/ (дата обращения: 06.01.2026)
[4] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 октября 2025 г. №2816-р «Об утверждении Национального плана («дорожной карты») развития конкуренции в Российской Федерации на 2026-2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 41. Ст.6077.

входа на рынки, поддержке малого и среднего предпринимательства, а также совершенствованию антимонопольного регулирования. Однако для более радикального устранения избыточной административной нагрузки на бизнес потребовался масштабный пересмотр нормативной базы – именно эту задачу решает механизм «регуляторной гильотины» – масштабного пересмотра и отмены устаревших нормативных актов, сдерживающих развитие отраслей. Его правовая основа – Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации».[1] Закон в статье 15 предусматривает отмену норм, вступивших в силу до 1 января 2020 года, а с 1 января 2021 года запрещает оценивать соблюдение таких устаревших требований при государственном контроле.

Порядок реализации механизма «регуляторной гильотины» закреплён в ряде правительственных актов, включая постановление Правительства РФ от 6 февраля 2021 г. № 128[2]. Этот документ определяет правила формирования, ведения и актуализации реестра обязательных требований, который стал ключевым инструментом реформирования нормативной базы.

Таким образом, если Национальный план задаёт стратегию поддержки конкуренции, то «регуляторная гильотина» выступает практическим инструментом обновления нормативной базы – устранения избыточных и устаревших требований к бизнесу. Дальнейшее снижение административной нагрузки обеспечивается за счёт цифровой трансформации госуслуг. Внедрение электронных сервисов для регистрации, лицензирования и отчётности (например, портала «Госуслуги» и системы электронного документооборота – СЭД) позволяет упростить взаимодействие бизнеса с государством, сократить сроки оказания услуг и минимизировать бюрократические процедуры. Нормативно этот процесс обеспечен: Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»[3] и Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи»[4].

Дополняет эти меры риск-ориентированный подход к контролю**,** который позволяет сконцентрировать проверки на высокорисковых объектах и снизить нагрузку на добросовестных предпринимателей. Данный подход закреплён Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (ст. 22, 23)[5]. Он предусматривает: категоризацию объектов контроля по уровням риска; дифференциацию форм и периодичности проверок в зависимости от присвоенной категории; стимулирование добросовестного соблюдения обязательных требований.

В совокупности эти механизмы – дерегулирование через «гильотину», цифровизация госуслуг и риск-ориентированный контроль – формируют современную систему государственного регулирования, ориентированную на поддержку бизнеса и повышение конкурентоспособности экономики.

Несмотря на усилия по дерегулированию и внедрению механизмов, направленных на снижение административной нагрузки, в сфере услуг сохраняются ряд барьеров, которые затрудняют развитие бизнеса и снижают конкурентоспособность компаний. Эти барьеры связаны как с несовершенством нормативной базы, так и с практическими аспектами взаимодействия бизнеса и государства.

Так, в некоторых отраслях сохраняются устаревшие или избыточные лицензионные требования, которые не соответствуют современным реалиям и создают дополнительные препятствия для входа на рынок. Например, в медицинской сфере организации иногда обязаны иметь оборудование, которое не требуется для осуществляемой деятельности[6].

Нестабильность законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность порождает неопределённость для бизнеса и вынуждает компании постоянно адаптироваться к новым правилам, увеличивая издержки и снижая инвестиционную привлекательность. Один из ярких примеров – изменения в налоговом законодательстве, произошедшие в 2025 году в рамках масштабной налоговой реформы[7]. Изменения, которые повлияли на бизнес, во-первых, увеличение ставки налога на прибыль**.** С 1 января 2025 года ставка налога на прибыль для компаний на общей системе налогообложения (далее – ОСНО) выросла с 20% до 25%. Это повысило финансовую нагрузку на бизнес, особенно на крупные компании[8]. Во-вторых, введение налога на добавленную стоимость (далее – НДС) для индивидуальных предпринимателей (далее – ИП) и организаций на упрощенной системе налогообложения (далее – УСН)**.** С 2025 года предприниматели и организации, применяющие УСН, обязаны платить НДС, если их доходы за предыдущий год превысили 60 млн рублей. Это потребовало от бизнеса перестройки учётных систем, адаптации к новым отчётным формам и увеличению административных расходов[9]. В-третьих, введена пятиступенчатая прогрессивная шкала налога на доходы физических лиц (далее – НДФЛ) для ИП на общей системе налогообложения (далее – ОСНО) и других категорий налогоплательщиков.

---

[1] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5006.

[2] Постановление Правительства РФ от 6 февраля 2021 г. № 128 «Об утверждении Правил формирования, ведения и актуализации реестра обязательных требований» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 7. Ст. 1132.

[3] Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4179.

[4] Федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 15. Ст. 2036.

[5] Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5007.

[6] Примером избыточного лицензионного требования в медицинской сфере является требование наличия персонального компьютера с программами когнитивной реабилитации для амбулаторного приёма врача-невролога. Это требование закреплено в Порядке оказания медицинской помощи взрослому населению при заболеваниях нервной системы, утверждённом приказом Минздрава России от 15 ноября 2012 года №926н. Проблема заключается в том, что стандарт оснащения в этом приказе определён в одной таблице сразу для двух кабинетов: кабинета врача-невролога и клинико-диагностического кабинета. При этом функция медицинской реабилитации согласно этому приказу возложена только на клинико-диагностический кабинет, а не на кабинет врача-невролога.

[7] Федеральный закон от 12 июля 2024 года №176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 29 (часть III). Ст. 4105.

[8] Изменения в налоговом законодательстве с 2025 года. URL: https://www.garant.ru/1c-wiseadvice/guide/izmeneniya-v-nalogovom-zakonodatelstve-s-2025-goda/ (дата обращения: 06.01.2026).

[9] Законы для бизнеса: что изменится в 2025 году. URL: https://www.ubrr.ru/dlya-biznesa/podderzhka-biznesa/spravochnik-predprinimatelya/izmeneniya-dlya-biznesa-v-2025 (дата обращения: 06.01.2026).

Ставки варьируются от 13% до 22% в зависимости от размера дохода. Это усложнило расчёт налогов и потребовало дополнительных затрат на консультации бухгалтеров или обновление ПО[1]. В-четвертых**,** для субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) изменён порог для применения пониженных тарифов страховых взносов: теперь они начисляются с сумм выплат свыше 1,5 МРОТ, а не 1 МРОТ, как раньше. Это увеличило расходы работодателей[2].

При таких условиях компании вынуждены тратить дополнительные ресурсы на перестройку бухгалтерских и учётных систем, обучение персонала, консультации юристов и бухгалтеров. Частые и масштабные изменения законодательства затрудняют долгосрочное планирование. Бизнес не может с уверенностью прогнозировать свои расходы и доходы, что снижает готовность инвесторов вкладываться в такие проекты. Нестабильность правовой среды сдерживает интерес как отечественных, так и иностранных инвесторов. Риск внезапных изменений налогов или правил ведения бизнеса делает вложения менее привлекательными. Необходимость постоянно адаптироваться к новым правилам требует времени и ресурсов, которые могли бы быть направлены на развитие бизнеса. Эти изменения демонстрируют, как нестабильность законодательства может дестабилизировать бизнес-среду, вынуждая компании постоянно адаптироваться к новым условиям и увеличивая их операционные риски. Подобные ситуации особенно болезненно сказываются на малом и среднем бизнесе, у которого меньше ресурсов для быстрой адаптации.

К числу других административных барьеров относятся сложности с отчётностью (в т.ч. необходимость бумажной сдачи там, где возможен электронный формат, и частые изменения форм), проблемы межведомственного взаимодействия (недостаточная координация органов власти, многократные обращения, дублирование документов, задержки согласований), субъективность в правоприменении (усмотрение должностных лиц, риски коррупции), ограничения доступа малого и среднего бизнеса к государственным закупкам, дефицит актуальной информации о требованиях и изменениях в законодательстве, а также трудности с получением доступа к инфраструктуре (в т.ч. к земельным участкам и инженерным сетям) [1, с. 672].

Указанные барьеры связаны как с несовершенством нормативной базы (в т.ч. с положениями Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного и муниципального контроля (надзора)»[3], административных регламентов, региональных и муниципальных нормативных актов), так и с практическими аспектами взаимодействия бизнеса и государства.

Административные барьеры необходимы для защиты потребителей, но их избыточность тормозит развитие сферы услуг. Дерегулирование может стать эффективным инструментом стимулирования конкуренции и инноваций, однако оно должно быть продуманным и поэтапным. Ключевой задачей государства является поиск баланса: с одной стороны, снижение бюрократической нагрузки на бизнес, с другой – сохранение механизмов защиты прав потребителей. Достичь этого можно через селективное дерегулирование[4], риск-ориентированный контроль[5], развитие саморегулирования[6] и цифровизацию регулирования[7].

Только такой комплексный подход позволит создать устойчивую и эффективную систему регулирования сферы услуг, отвечающую интересам всех сторон. Однако важно учитывать, что успех зависит от качества реализации механизмов и постоянного мониторинга их эффективности. Чрезмерное дерегулирование может привести к росту рисков для потребителей, а избыточное регулирование – к снижению конкурентоспособности бизнеса. Поэтому ключевым фактором остаётся способность государства адаптировать политику в соответствии с меняющимися условиями рынка и потребностями общества.

Список литературы:

1. Позигулина В.В. Административные барьеры в области малого и среднего бизнеса / В.В. Позигулина, Р.А. Висторобская // Экономика и социум. 2016. №12-2 (31). С. 672-675.

References:

1. Pozigulina V.V. Administrative barriers in the field of small and medium-sized businesses / V.V. Pozigulina, R.A. Vistorobskaya // Economy and Society. 2016. No. 12-2 (31). P. 672-675.

[1] Налоговая реформа в 2025 году для ИП: изменения. URL: https://nalog-nalog.ru/nalogovye-izmeneniya-2025/nalogovaya-reforma-v-2025-godu-dlya-ip-izmeneniya/ (дата обращения: 06.01.2026).

[2] С 1 января 2026 года федеральный минимальный размер оплаты труда составляет 27 093 рубля в месяц. Этот показатель установлен Федеральным законом от 28 ноября 2025 года №429-ФЗ.

[3] Федеральный закон от 26 декабря 2008 года №294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» действует. Однако его применение ограничено определёнными видами контроля до 31 декабря 2028 года. Последняя редакция закона вступила в силу 29 декабря 2025 года в связи с принятием Федерального закона от 29 декабря 2025 года №548-ФЗ. Этот закон продлил действие положений №294-ФЗ до 31 декабря 2028 года в отношении отдельных видов контроля (надзора), перечисленных в статье 26.3 закона №294-ФЗ. К ним относятся, например, контроль за соблюдением законодательства о государственном оборонном заказе, в сфере миграции, антимонопольного законодательства, в отношении деятельности саморегулируемых организаций и другие. В большинстве случаев при проведении контрольных (надзорных) мероприятий сегодня применяется Федеральный закон от 31 июля 2020 года №248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

[4] Селективное дерегулирование – отмена барьеров только там, где это не угрожает безопасности и правам потребителей. Например, постановление Правительства РФ от 29 мая 2024 г. №698 ввело мораторий на проведение плановых контрольных мероприятий в отношении резидентов территорий опережающего развития и свободного порта Владивосток на весь срок их создания.

[5] Риск-ориентированный подход – концентрация контроля на сферах с высокими рисками (здравоохранение, финансы) и снижение нагрузки на низко рисковые сегменты.

[6] Развитие саморегулирования – передача части функций контроля профессиональным ассоциациям и отраслевым объединениям. Это позволит снизить нагрузку на государство и повысить стандарты качества.

[7] Цифровизация и прозрачность – внедрение онлайн-реестров, электронных лицензий, открытых данных о проверках. Это снизит коррупционные риски и упростит взаимодействие бизнеса с регуляторами. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» утверждена протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 года №7.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_86

УДК 349.6

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ ЦИФРОВОГО МИРА: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УГЛЕРОДНОГО СЛЕДА ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ И ВИРТУАЛЬНОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ

ENVIRONMENTAL RISKS OF THE DIGITAL WORLD: LEGAL REGULATION OF THE CARBON FOOTPRINT OF INTERNET TECHNOLOGIES AND VIRTUAL POLLUTION

БУЛГАКОВА Луиза Сираджеддиновна,
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин,
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.
191014, Россия, г. Санкт-Петербург, Литейный пр-т, д. 44.
E-mail: 6luiza@mail.ru;

BULGAKOVA Luiza Sirazheddinovna,
Senior Lecturer, Department of State and Legal Disciplines
St. Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
191014, St. Petersburg, Liteyny Prospekt, 44.
E-mail: 6luiza@mail.ru

Краткая аннотация: *Работа посвящена изучению экологических рисков, связанных с цифровой трансформацией современного общества. Автором анализируется проблема «виртуального загрязнения» - нового вида экологического воздействия, обусловленного функционированием интернет-технологий, облачных сервисов, блокчейн-платформ и систем искусственного интеллекта. На конкретных примерах демонстрируется масштаб углеродного следа цифровых технологий. Проведен сравнительный анализ существующих подходов к правовому регулированию данной сферы в разных странах. Предложены направления совершенствования законодательства в области цифровой экологии.*

Abstract: *The work is devoted to the study of environmental risks associated with the digital transformation of modern society. The author analyzes the problem of «virtual pollution» - a new type of environmental impact caused by the functioning of Internet technologies, cloud services, blockchain platforms and artificial intelligence systems. Concrete examples demonstrate the scale of the carbon footprint of digital technologies. A comparative analysis of existing approaches to the legal regulation of this sphere in different countries has been carried out. The directions of improving legislation in the field of digital ecology are proposed.*

Ключевые слова: *экологические риски, цифровые технологии, углеродный след, виртуальное загрязнение, правовое регулирование, экологическое право.*

Keywords: *environmental risks, digital technologies, carbon footprint, virtual pollution, legal regulation, environmental law.*

Для цитирования: *Булгакова Л.С. Экологические риски цифрового мира: правовое регулирование углеродного следа интернет-технологий и виртуального загрязнения // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 86-87. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_86.*

For citation*: Bulgakova L.S. Environmental risks of the digital world: legal regulation of the carbon footprint of internet technologies and virtual pollution // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 86-87. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_86.*

Статья поступила в редакцию: 27.06.2025

В современном мире цифровая трансформация приобрела глобальный характер, охватывая все сферы человеческой деятельности. Параллельно с очевидными преимуществами этого процесса возникает принципиально новый класс экологических рисков, связанных с энергопотреблением цифровых технологий и их воздействием на окружающую среду. Как отмечают исследователи, глобальное энергопотребление информационно-коммуникационных технологий (далее - ИКТ) растет экспоненциальными темпами [1]. При этом традиционное экологическое право оказалось не готово к регулированию этих новых вызовов.

Феномен «виртуального загрязнения» представляет собой комплексное воздействие цифровых технологий на окружающую среду, включающее как прямое энергопотребление инфраструктурных объектов, так и косвенные экологические последствия.

Ярким примером может служить обучение современных моделей искусственного интеллекта - так, по данным исследований, обучение модели GPT-3 приводит к выбросам около 284 тонн CO_2 - эквивалента, что сопоставимо с выбросами 5 автомобилей за весь их жизненный цикл [2].Еще более показателен пример блокчейн-технологий - сеть Биткоин ежегодно потребляет около 110 ТВтч электроэнергии, что превышает энергопотребление таких стран как Нидерланды [3].

Особую остроту проблеме придает отсутствие комплексного правового регулирования в данной сфере. Международные экологические соглашения, включая Парижское соглашение 2015 года [4], не учитывают специфику цифрового загрязнения. На национальном уровне подходы существенно различаются: если ЕС предпринимает попытки регулирования через Директиву по энергоэффективности (2018/2002), а Китай ввел запрет на майнинг криптовалют, то во многих странах, включая США, федеральное регулирование данного вопроса фактически отсутствует [5].

Анализ конкретных случаев демонстрирует масштаб проблемы. Так, датский дата-центр компании Apple получил официальное разрешение на выброс 500 000 тонн CO2 ежегодно. В Ирландии ситуация с энергопотреблением дата-центров достигла критической точки, что вынудило власти ввести мораторий на их строительство. При этом существуют и положительные примеры - шведские дата-центры, работающие исключительно на возобновляемой энергии и использующие системы рекуперации тепла, показывают возможность экологически устойчивого развития цифровой инфраструктуры.

Современные цифровые экологические риски представляют особую сложность для правового регулирования в первую очередь из-за их принципиально трансграничной природы. В отличие от традиционных форм загрязнения, которые обычно локализованы в пределах конкретной территории, цифровое воздействие на окружающую среду не признает государственных границ и административных барьеров.

Эта проблема усугубляется тем, что цепочки создания цифровых услуг и продуктов имеют глобальный распределенный характер, охватывая одновременно несколько стран и юрисдикций. Например, серверы могут находиться в одной стране, разработчики - в другой, а конечные потребители - в третьей. Такая географическая фрагментация создает серьезные препятствия для четкого определения и распределения ответственности за экологические последствия цифровой деятельности.

Ключевая правовая проблема заключается в том, что существующие международные и национальные регуляторные механизмы были разработаны для решения совершенно иных задач и плохо адаптированы к новым реалиям.

Традиционные инструменты экологического права, такие как территориальные разрешительные системы, нормы предельно допустимых выбросов или зонирование экологически уязвимых территорий, оказываются малоэффективными применительно к принципиально новым формам цифрового загрязнения.

Особую сложность представляет регулирование косвенных экологических последствий цифровых технологий, таких как: энергопотребление распределенных вычислительных систем; углеродный след облачных сервисов; экологический ущерб от производства и утилизации электронного оборудования; влияние на климат крупных дата-центров. Эти вызовы требуют разработки принципиально новых правовых подходов, которые могли бы: учитывать трансграничную природу цифровых экологических рисков; обеспечивать четкое распределение ответственности между участниками глобальных цифровых цепочек; создавать стимулы для внедрения «зеленых» цифровых технологий; гармонизировать экологические стандарты на международном уровне. Решение этих задач возможно только через тесное международное сотрудничество и разработку новых правовых концепций, адекватных вызовам цифровой эпохи.

В качестве перспективных направлений правового регулирования можно выделить разработку международной классификации цифровых экологических рисков, введение обязательной сертификации «зеленых» цифровых технологий, создание системы углеродного учета для IT-сектора.

Особое значение имеет развитие «зеленых» блокчейн-протоколов (таких как Proof-of-Stake), стимулирование энергоэффективных архитектур искусственного интеллекта, внедрение экологических стандартов для облачных платформ [6].

Проведенное комплексное исследование экологических аспектов цифровой трансформации позволяет сделать обоснованный вывод о необходимости формирования принципиально новой парадигмы правового регулирования в данной сфере. Существующая система экологического права, разработанная преимущественно для регулирования традиционных форм антропогенного воздействия, демонстрирует свою недостаточную эффективность в условиях стремительного развития цифровых технологий.

Анализ современных вызовов показывает, что требуются инновационные правовые подходы, которые могли бы органично сочетать проверенные временем инструменты экологического регулирования с новейшими механизмами, учитывающими специфику цифровой экономики. В этом контексте особую актуальность приобретает предложенная в исследовании концепция «виртуального загрязнения», которая предлагает системный междисциплинарный взгляд на проблематику цифрового экологического следа. Данная концепция создает прочную теоретико-методологическую основу для разработки адекватных и сбалансированных правовых механизмов реагирования на вызовы цифровой эпохи. Она позволяет учитывать как прямые, так и косвенные экологические последствия цифровизации, включая энергопотребление дата-центров, углеродный след облачных технологий и электронных транзакций, а также проблему электронных отходов.

Перспективные направления дальнейших научных изысканий в этой области должны быть сосредоточены на детальной разработке конкретных нормативных решений и регуляторных подходов. Особое внимание следует уделить поиску оптимального баланса между экологическими императивами устойчивого развития и объективными потребностями технологического прогресса. Необходима разработка дифференцированных правовых режимов для различных аспектов цифрового экологического воздействия, учитывающих их специфику и степень опасности.

Ключевой задачей представляется создание гибкой, адаптивной системы правового регулирования, способной оперативно реагировать на стремительные изменения в технологической сфере, сохраняя при этом преемственность с основополагающими принципами экологического права. Это потребует тесного взаимодействия юристов, экологов, IT-специалистов и экономистов в рамках междисциплинарных исследовательских проектов.

Список литературы:

1. Колесников А. В. Мировые тенденции развития информационно-коммуникативных технологий // CyberLeninka. – 2018. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mirovye-tendentsii-razvitiya-informatsionno-kommunikativnyh-tehnologiy/viewer.
2. Энергопотребление ИИ-технологий и углеродный след: энергетическая эффективность искусственного интеллекта и перспективы его применения // Integral Russia. 2024. URL: https://integral-russia.ru/2024/05/07/energopotreblenie-ii-tehnologij-i-uglerodnyj-sled energeticheskaya-effektivnost-iskusstvennogo-intellekta-i-perspektivy-ego-primeneniya//
3. Криптовалютный майнинг потребляет больше энергии, чем Нидерланды // Газета.Ru. 2021. 11 февраля. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2021/02/11/13475090/mining_hard.shtml.
4. Парижское соглашение [Электронный ресурс]: принято 12 декабря 2015 г. // Рамочная конвенция ООН об изменении климата. URL: https://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/russian_paris_agreement.pdf.
5. Энергоэффективность: политика и регулирование ЕС // SECCA. URL: https://secca.eu/ru/knowledge-hub/eu-policies-and-regulations/energy-efficiency/.
6. «Зелёное обещание блокчейна: прокладывая путь к устойчивому развитию» https://bizfina.org/en/green-blockchain-promise-to-sustainability/.

References:

1. Kolesnikov A. V. Global Trends in the Development of Information and Communication Technologies // CyberLeninka. – 2018. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mirovye-tendentsii-razvitiya-informatsionno-kommunikativnyh-tehnologiy/viewer.
2. Energy Consumption of AI Technologies and Carbon Footprint: Energy Efficiency of Artificial Intelligence and Prospects for Its Application // Integral Russia. 2024. URL: https://integral-russia.ru/2024/05/07/energopotreblenie-ii-tehnologij-i-uglerodnyj-sled energeticheskaya-effektivnost-iskusstvennogo-intellekta-i-perspektivy-ego-primeneniya.
3. Cryptocurrency Mining Consumes More Energy Than the Netherlands // Gazeta.Ru. 2021. February 11. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2021/02/11/13475090/mining_hard.shtml.
4. Paris Agreement [Electronic Resource]: adopted December 12, 2015 // UN Framework Convention on Climate Change. URL: https://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/russian_paris_agreement.pdf.
5. Energy efficiency: EU policy and regulation // SECCA. URL: https://secca.eu/knowledge-hub/eu-policies-and-regulations/energy-efficiency/.
6. «The Green Promise of Blockchain: Paving the Way to Sustainability» https://bizfina.org/en/green-blockchain-promise-to-sustainability/.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_88

УДК 347

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ДЕЛА В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
PROCEDURAL ASPECTS OF PREPARATION OF AN ADMINISTRATIVE CASE IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

ГУРЕЕВА Ольга Андреевна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.
191014, Россия, г. Санкт-Петербург, Литейный пр-т, д. 44.
E-mail: olga-gur@yandex.ru;

GUREEVA Olga Andreevna,
Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines
St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
191014, St. Petersburg, Liteiny Prospekt, 44.
E-mail: olga-gur@yandex.ru

Краткая аннотация: *Подготовка административного дела в административном судопроизводстве является обязательной стадией судебного процесса, в рамках реализации которой эффективность и своевременность рассмотрения дела по существу. Статья посвящена исследованию особенностей стадии подготовки к судебному разбирательству по административному делу в рамках административного судопроизводства. Автором раскрывается содержание задач подготовки административного дела к судебному разбирательству, анализируются процессуальные действия, осуществляемые судом и лицами, участвующими в деле, на исследуемом этапе судебного разбирательства, исследуются процессуальные сроки.*

Abstract: *Preparation of an administrative case in administrative proceedings is a mandatory stage of the judicial process, within the framework of which the effectiveness and timeliness of the consideration of the case on the merits. The article is devoted to the study of the features of the stage of preparation for trial on an administrative case within the framework of administrative proceedings. The author reveals the content of the tasks of preparing an administrative case for trial, analyzes the procedural actions carried out by the court and persons participating in the case at the studied stage of the trial, examines the procedural deadlines.*

Ключевые слова: *административное судопроизводство, подготовка к судебному разбирательству, административное дело, стадия, сроки.*

Keywords: *administrative proceedings, preparation for trial, administrative case, stage, deadlines.*

Для цитирования: *Гуреева О.А. Процессуальные аспекты подготовки административного дела в административном судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 88-92. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_88.*

For citation*: Gureeva O.A. Procedural aspects of preparation of an administrative case in administrative proceedings // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 88-92. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_88.*

Статья поступила в редакцию: 27.06.2025

В юридической литературе под процессуальной стадией понимается комплекс процессуальных действий и решений, объединенных общей задачей и завершаемых выводами, выражаемыми в соответствующих актах, принимаемыми компетентными субъектами. Одним из критериев самостоятельности стадии судебного процесса предполагается наличие соответствующих задач на том или ином этапе. Так, Н.И. Масленникова указывает, что стадия — это система последовательно совершаемых процессуальных действий, рассчитываемых в комплексе на решение самостоятельной процессуальной задачи [1, с. 52]. В свою очередь, И.М. Зайцев называл обязательным компонентом стадии юридического процесса относительно самостоятельную задачу, на решение которой направлены действия, объединяемые в той или иной стадии [2, с. 333].

Подготовка административного дела к судебному разбирательству является самостоятельной и обязательной стадией административного судопроизводства, следующей после стадии возбуждения дела, проводится после принятия административного искового заявления к производству суда и регламентируется нормами главы 13 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации[1] (далее – КАС РФ) с учетом общих положений правил производства в суде первой инстанции, а также особенностей производства по отдельным категориям административных дел[2].

Свидетельством самостоятельности исследуемой стадии являются следующие признаки.

1. Наличие специальной процессуальной цели, присущей только для данной стадии. Отметим, что под целью в теории права понимается «будущий результат, то, к чему стремятся субъекты правотворческой и правореализационной деятельности» [3, с. 242]. Согласно ст. 132 КАС РФ «Задачи подготовки административного дела к судебному разбирательству» подготовка к судебному разбирательству проводится в целях обеспечения правильного и своевременного рассмотрения административного дела.

Следует отметить, что название ст. 132 КАС РФ не в полной мере соответствует ее содержанию, в статье отсутствует указание на за-

[1] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федеральный закон от 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ : текст с изм. и доп. на 01 апреля 2025 г. – Доступ из справ. – прав. системы «КонсультантПлюс».

[2] Единственное исключение составляют дела приказного производства (по требованиям о взыскании обязательных платежей и санкций), по которым подготовка дела как стадия процесса не предусматривается. Судебный приказ по существу заявленного требования выносится в течение пяти дней со дня поступления заявления о вынесении судебного приказа в суд на основании исследования судьей представленных доказательств (ч. 1, 2 ст. 123.5 КАС РФ).

дачи, которые правоприменителю необходимо решить для достижения поставленной цели.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 41 «О подготовке административного дела к судебному разбирательству в суде первой инстанции»[1] задачами подготовки дела являются:

- уточнение обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения административного дела, которые определяются с учетом требований и возражений лиц, участвующих в деле (включение или исключение юридических фактов, подлежащих доказыванию, в том числе не указанных сторонами), а также независимо от оснований и доводов заявленных требований в случаях, предусмотренных главами 21, 22, 24, 27.1 - 32 КАС РФ);

- предварительная квалификация спорного публичного правоотношения, то есть установление прав и обязанностей сторон в соответствии с предметом и основанием иска, а также с учетом норм материального права, подлежащих применению. На этапе подготовки дела в целях единообразного применения норм материального и процессуального права судье необходимо проанализировать практику применения правовых норм, регулирующих спорные отношения, которая определена решениями Конституционного Суда Российской Федерации, постановлениями Пленума и Президиума Верховного Суда Российской Федерации, а также содержится в обзорах судебной практики, утвержденных Президиумом Верховного Суда Российской Федерации;

- распределение обязанностей по доказыванию обстоятельств по делу, представление необходимых доказательств лицами, участвующими в деле, истребование доказательств судом;

- определение состава лиц, участвующих в деле, и других участников процесса (например, принятие решений о привлечении к участию в деле заинтересованного лица, вызове специалиста, привлечении к участию в судебном процессе переводчика);

- примирение сторон, если заключение соглашения о примирении не запрещено законом, не противоречит существу рассматриваемого административного дела и не нарушает права других лиц.

Кроме того, в п. 58 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 36[2] применительно к предварительному судебному заседанию, которое может проводиться в рамках подготовки дела, разъясняется, что оно может быть назначено при возникновении необходимости уточнения обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения административного дела; определения достаточности доказательств по административному делу; выявления фактов пропуска сроков обращения в суд с административным исковым заявлением; процессуального закрепления распорядительных действий сторон, совершенных при подготовке административного дела к судебному разбирательству; выяснения возможности урегулирования административного спора до судебного разбирательства. Как видно, в данном разъяснении прямо указывается на необходимость решения отдельных задач.

2. Следующим признаком, указывающим на самостоятельность стадии, является особый круг субъектов. В отличие от предыдущей стадии, участником которой является только судья, в подготовке административного дела к судебному разбирательству участвуют судья, административный истец, административный ответчик, их представители и заинтересованные лица, чьи права и обязанности могут быть затронуты при разрешении административного дела. Кроме того, суд разрешает вопрос об участии в деле прокурора[3], адвоката, органов, организаций и лиц, обращающих в суд в защиту интересов других лиц, а также экспертов, специалистов[4], переводчиков, свидетелей.

Применительно к отдельным лицам, участвующим в деле, суд также решает вопрос о необходимости обязательного личного участия в судебном заседании. Обязательное участие по административным делам может быть предусмотрено законом или признано судом. Например, в соответствии с ч. 6 ст. 285.9 КАС РФ по административному делу, связанному с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, участие представителя несовершеннолетнего и прокурора является обязательным. Но на усмотрение суда относится признание обязательной явки в судебное заседание представителей органа, принявшего оспариваемый нормативный правовой акт (ч. 6 ст. 213 КАС РФ); представителей органа, организации, лица, наделенных публичными полномочиями, принявших оспариваемое решение либо совершивших оспариваемое действие (бездействие) (ч. 7 ст. 226 КАС РФ).

3. Третьим признаком самостоятельности стадии является ее временная протяженность, определенная законом — срок. Стадия подготовки административного дела к судебному разбирательству начинается с момента вынесения судьей определения, содержащего указание на совершение действий, которые следует совершить сторонам и другим лицам, участвующим в деле, а также сроки совершения этих действий. На подготовку административного дела к судебному разбирательству может быть указано в определении о принятии административного искового заявления к производству суда.

Срок проведения подготовки дела определяется судом исходя из возможности наиболее оперативного и эффективного решения ее

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 41 «О подготовке административного дела к судебному разбирательству в суде первой инстанции» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 (в ред. 17.12.2024) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Прокурор в случае предъявления им административного иска, как указано в ч. 4 ст. 39 КАС РФ, пользуется процессуальными правами и несет процессуальные обязанности административного истца. Соответственно, его роль в стадии подготовки дела аналогична роли стороны. В Приказе Генеральной прокуратуры России от 11.01.2021 № 2 (ред. от 19.10.2022) «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» конкретизируется, что при направлении заявления в суд в каждом случае прокурор должен рассматривать вопрос о необходимости применения мер предварительной защиты по административному иску, при необходимости инициировать истребование доказательств, а также эффективно использовать иные права, лиц, участвующих в деле. // СПС «КонсультантПлюс».

[4] В качестве примера, по административному делу об оспаривании определения результатов кадастровой стоимости суд вправе привлечь к участию в деле специалиста для получения консультаций, пояснений и оказания иной технической помощи при исследовании доказательств, в том числе для решения вопроса о необходимости проведения экспертизы (п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости») // СПС «КонсультантПлюс».

задач, с учетом необходимости проведения предварительного судебного заседания и на основе принципа осуществления административного судопроизводства в разумный срок (п. 4 ст. 6, ст. ст. 10, 134, 138 КАС РФ).

По административным делам, для которых КАС РФ предусмотрен сокращенный срок рассмотрения, срок подготовки дела может определяться часами. При этом судом должны быть совершены необходимые процессуальные действия по подготовке дела (ч. 1 и 4 ст. 92, ч. 3 ст. 93, ч. 2 и 4 ст. 226, гл. 24, 28 - 31.3 КАС РФ)[1].

По смыслу ч. 4 ст. 135 КАС РФ на стадии подготовки дела к судебному разбирательству административный истец или его представитель вправе заявить ходатайство о неотложном рассмотрении и разрешении административного дела. Ходатайство должно быть мотивированным и обосновываться сведениями, соответствующими той или иной категории дел. Например, при заявлении названного ходатайства по делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, в учебном учреждении закрытого типа, суду должны быть предоставлены достаточные сведения о том, что пребывание несовершеннолетнего в таком центре, учреждении влечет либо может повлечь нарушение его прав и законных интересов. В случае обоснованности ходатайства административное дело рассматривается судом в возможно короткий срок[2].

Следует иметь в виду, что необоснованно длительная подготовка дела (например, отложение предварительного судебного заседания или перерывы в нем без достаточных оснований) может привести к нарушению права сторон на судопроизводство в разумный срок (ст. 10 КАС РФ).

Заметим, что общая временная протяженность данной стадии законодателем не определена. Согласно ст. 134 КАС РФ подготовка административного дела к судебному разбирательству проводится в срок, который определяется с учетом обстоятельств, относящихся к конкретному административному делу, и процессуальных действий, которые надлежит совершить. При этом следует учитывать, что время, затраченное на подготовку, в соответствии с ч.1 ст.141 КАС РФ включается в срок рассмотрения административного дела в суде первой инстанции.

Вместе с тем ч. 2 ст. 141 КАС предусматривает, что по сложным административным делам общие сроки рассмотрения могут быть продлены председателем суда, заместителем председателя суда, председателем судебного состава, но не более чем на один месяц. В таком случае автоматически считается продленным и срок подготовки административного дела к судебному разбирательству.

На наш взгляд, такой подход к определению срока подготовки административного дела к судебному разбирательству можно было бы признать верным лишь в случае, когда подготовка является не самостоятельной стадией, а этапом стадии, за временные границы которой правоприменитель выйти не может. В противном случае отсутствие временной регламентации стадии может привести к возникновению волокиты по административному делу и, как следствие, к нарушению законных прав и интересов участников производства.

Думается, что общий срок подготовки административного дела к судебному разбирательству необходимо определить исходя из срока процессуального действия, требующего наибольших временных затрат. В случае если судья не укладывается в максимальный срок по объективным причинам, то его можно продлить.

Следует отметить, что стадия подготовки административного дела к судебному разбирательству состоит из двух этапов. Первый этап представляет собой совокупность собственно подготовительных действий, указанных в ст. 135 КАС РФ.

Второй этап представляет собой предварительное судебное заседание, состоящее из процессуальных действий, предусмотренных ст. 138 КАС РФ.

Действия суда при подготовке административного дела к судебному разбирательству можно условно подразделить на пять видов в зависимости от решаемых на этом этапе задач.

1. Действия суда, связанные с обеспечением полноты информации об обстоятельствах дела:

- направляет административному ответчику копии искового заявления и приложенных к нему документов и устанавливает разумный срок для представления в суд возражений в письменной форме по существу заявленного требования;

- опрашивает административного истца, административного ответчика, их представителей, по существу, заявленных требований и возражений;

- выясняет, поддерживает ли административный истец административное исковое заявление полностью или в части, признает ли ответчик административный иск полностью или в части.

2. Действия суда по формированию доказательственной базы для разрешения дела:

- оказывает лицам, не обладающим властными и иными публичными полномочиями, содействие в представлении доказательств и истребует их;

- рассматривает вопрос о получении необходимых доказательств и предлагает представить их в определенный судом срок[3];

---

[1] Применительно к делам, связанным с защитой избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, которые в некоторых ситуациях должны рассматриваться немедленно, то есть в день поступления административного иска (пункт 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 24 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации») // СПС «КонсультантПлюс».

[2] В п. 57 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» разъясняется, что такое ходатайство рассматривается судом без извещения лиц, участвующих в деле, не позднее следующего рабочего дня после дня его поступления в суд. О разрешении ходатайства выносится определение, которое не подлежит обжалованию отдельно от решения суда, поскольку оно не препятствует дальнейшему движению дела. // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Суд вправе с учетом обстоятельств административного дела в целях решения задач административного судопроизводства, реализуя принцип состязательности и равноправия сторон при активной роли суда, возложить на лицо, участвующее в деле, наделенное публичными полномочиями, обязанность по представлению в опреде-

- истребует доказательства по своей инициативе, разрешает вопросы о вызове свидетелей, назначении экспертизы, привлечении к участию в судебном процессе специалиста, переводчика;

- в случаях, не терпящих отлагательства, разрешает вопрос об исследовании и осмотре на месте письменных и вещественных доказательств, а также принимает иные меры, связанные с представлением доказательств;

- направляет судебные поручения.

3. Действия суда по определению состава участников судопроизводства по конкретному делу:

- разрешает вопрос о вступлении в административное дело других административных истцов, административных ответчиков и заинтересованных лиц[1];

- разрешает вопрос о замене ненадлежащего административного ответчика;

- разрешает вопрос о вызове в судебное заседание свидетелей, переводчиков, специалистов.

4. Действия суда разъяснительно-инструкционного характера:

- разъясняет сторонам процессуальные права и обязанности, последствия совершения или несовершения ими процессуальных действий в установленный процессуальный срок;

- разъясняет ответчику необходимость предоставления в суд в разумный срок возражений в письменной форме по существу административного искового заявления и направления их копий административному истцу и заинтересованному лицу.

5. Действия суда организационного характера:

- рассматривает вопрос о соединении или разъединении нескольких исковых требований;

- по ходатайству административного истца или его представителя разрешает вопрос о применении мер предварительной защиты по административному иску;

- по ходатайству лиц, участвующих в деле, или по своей инициативе разрешает вопрос о возможности участия в судебном заседании, в том числе в предварительном судебном заседании, лиц, участвующих в деле, путем использования системы видеоконференц-связи, а также принимает меры по обеспечению такого участия;

- содействует примирению сторон, если по данной категории административных дел возможно примирение;

- разрешает вопрос о необходимости проведения предварительного судебного заседания, о дате, времени и месте его проведения;

- разрешает вопрос о необходимости обязательного личного участия в судебном заседании лиц, участвующих в деле, и другое.

Перечень подготовительных действий судьи и иных лиц, участвующих в деле, законодатель оставляет открытым. В процессуальном законе предусматривается возможность совершения иных направленных на обеспечение правильного и своевременного рассмотрения дела действий с учетом его обстоятельств, характера спорного публичного правоотношения, нормативных правовых актов, подлежащих применению, и представленных доказательств.

Признав административное дело подготовленным, суд выносит определение о назначении административного дела к судебному разбирательству, которое обжалованию не подлежит. В определении в том числе может быть указано на время и место проведения предварительного судебного заседания, если для его проведения имеются основания, указанные в ч. 1 ст. 138 КАС РФ:

- уточнения обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела;

- определения достаточности доказательств для установления прав и обязанностей лиц участвующих в деле, и обоснования выводов суда по конкретному административному делу;

- выявления фактов пропуска сроков обращения в суд;

- процессуального закрепления распорядительных действий сторон, совершенных при подготовке дела;

- выяснения возможности урегулировать спор до судебного разбирательства административного дела, в том числе путем использования примирительных процедур.

При этом необходимо иметь в виду, что эти основания дают суду право на назначение предварительного судебного заседания, но не являются обязательными. Так, например, при необходимости уточнения обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения административного дела, судья может ограничиться вызовом сторон, их представителей для опроса по существу заявленных требований и возражений (п. 2 ч. 3 ст. 135 КАС РФ) без назначения для этой цели предварительного судебного заседания.

Помимо основного определения о подготовке дела к судебному разбирательству (или единого определения о принятии административного искового заявления и о подготовке административного дела к судебному разбирательству) на данной стадии в целях обеспечения пра-

---

ленный срок доказательств, возражений в письменной форме. За неисполнение указанной обязанности на лицо, участвующее в деле, в том числе на сторону административного судебного процесса, может быть наложен судебный штраф (п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.06.2017 N 21 «О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел»). // СПС «КонсультантПлюс».

[1] При решении указанных вопросов необходимо учитывать предусмотренные КАС РФ особенности отдельных категорий административных дел. Так, к участию в административном деле об оспаривании решения, действия (бездействия) должностного лица, государственного или муниципального служащего в качестве второго административного ответчика привлекается соответствующий орган, в котором исполняет свои обязанности соответствующее лицо (ч. 2 ст. 221). В административном деле о защите избирательных прав или права на участие в референдуме Российской Федерации может привлекаться Центральная избирательная комиссия в лице своего представителя для дачи заключения по этому делу, за исключением случае участия этого органа в качестве административного ответчика или заинтересованного лица (ч.7ст.243). По административным делам об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости к участию привлекается государственный орган или орган местного самоуправления, утвердившие результаты определения кадастровой стоимости, а также государственный орган, осуществляющий функции по государственной кадастровой оценке.

вильного и своевременного рассмотрения административного дела могут приниматься и другие определения по отдельным процессуальным вопросам.

В частности, суд может своим определением объединить в одно производство несколько находящихся в производстве суда административных дел, либо выделить одно административное исковое требование в отдельное производство (ст. 136 КАС РФ). Также суд выносит определение в случае применения мер предварительной защиты по административному иску или отказа в этом (ч. 5 ст. 87 КАС РФ). О применении мер процессуального принуждения в ходе подготовки административного дела к рассмотрению тоже выносится определение в виде отдельного судебного акта (п. 2 - 6 ч. 2 ст. 116 КАС РФ).

Таким образом, процессуальные действия при подготовке дела к судебному разбирательству оформляются, во-первых, специально предусмотренным для данной стадии определением и, во-вторых, иными определениями при необходимости решения или возникновении отдельных процессуальных вопросов.

Системный подход к изучению подготовки административных дел к рассмотрению позволяет выявить роль подготовительных процедур в административном судопроизводстве, упорядочить взаимодействие суда и лиц, участвующих в деле, предвидеть возможные эффективные результаты от подготовительных процедур, выяснить соотношение цели и задач подготовки на каждом этапе судопроизводства, что в свою очередь оказывает влияние на действенность судебной защиты, социального предназначения судебной деятельности, условия достижения и повышения эффективности правосудия.

От того, насколько хорошо проведена подготовка, зависит в целом и реализация задач административного судопроизводства, и достижение его цели. Следовательно, подготовка дела является необходимым условием правильного и своевременного рассмотрения и разрешения административных дел.

Список литературы:

1. Масленникова Н.И. Гражданский процесс как форма социального управления. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. С. 52.
2. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 1995. С. 333 (автор главы - И.М. Зайцев).
3. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М., 2004. С. 242.

References:

1. Maslennikova N.I. Civil Procedure as a Form of Social Management. Sverdlovsk: Publishing House of the Ural. University, 1989. Page 52.
2. Theory of State and Law: Lecture Course / Ed. N.I. Matuzov, A.V. Malko. Saratov, 1995. Page 333 (author of the chapter - I.M. Zaitsev).
3. Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of State and Law: Textbook. Moscow, 2004. Page 242.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_93

УДК 342

К ВОПРОСУ О ПРАВОЙ ЗАЩИТЕ СТАТУСА РУССКОГО ЯЗЫКА
ON THE ISSUE OF LEGAL PROTECTION OF THE RUSSIAN LANGUAGE

МУСАТОВА Светлана Геннадьевна,
старший преподаватель Высшей школы теории права и частного права,
Тихоокеанский государственный университет.
680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136.
E-mail: 013089@pnu.edu.ru;

MUSATOVA Svetlana Gennadevna,
Senior Lecturer of Graduate School of Theory of Law and Private Law
Pacific State University.
136, Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, 680042, Russia
E-mail: 013089@pnu.edu.ru

Краткая аннотация: *статья создана с целью привлечения внимания к вопросу о правой защите статуса русского языка. Концепция исследовательского подхода базируется на признании феномена статуса русского языка в социальной и правовой культуре. В статье определены дискуссионные вопросы по поводу нарушения языковой культуры, не получившие правового разрешения. Отсутствие действующего механизма юридической ответственности, единых подходов к правовым понятиям затрудняет определение оптимальных форм правовой защиты национального приоритета русского языка. Поиск решения проблем предпринят посредством анализа наиболее распространённых форм нарушения культуры речи и определения их причин. Предложены некоторые направления повышения эффективности правой защиты статуса русского языка.*

Abstract: *The article was created to draw attention to the issue of legal protection of the status of the Russian language. The concept of the research approach is based on the recognition of the phenomenon of the status of the Russian language in social and legal culture. The statute defines controversial issues regarding violations of linguistic culture that have not been legally resolved. The lack of an effective mechanism of legal responsibility and unified approaches to legal concepts makes it difficult to determine the optimal forms of legal protection of the national priority of the Russian language. The search for solutions to the problems was undertaken through the analysis of the most common forms of speech culture disorders. Some directions of increasing the effectiveness of legal protection of the status of the Russian language are proposed.*

Ключевые слова: *защита русского языка, языковая культура, правовая культура, суверенитет, традиционные ценности, достоинство, честь, иностранные заимствования, юридическая ответственность, национальная идентичность.*

Keywords*: protection of the Russian language, language culture, legal culture, sovereignty, traditional values, dignity, honor, foreign borrowings, legal responsibility, national identity.*

Для цитирования: *Мусатова С.Г. К вопросу о правой защите статуса русского языка // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 93-97. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_93.*

For citation*: Musatova S.G. On the issue of legal protection of the Russian language // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 93-97. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_93.*

Статья поступила в редакцию: 24.12.2025

Современная государственная политика Российской Федерации признает проблему языковой безопасности. [4] Стало очевидным фактическое столкновение с рисками, угрозами вытеснения культуры русского мира и подмены приоритетов. [7]. Уважение к государственному языку является фактором признания суверенитета страны, поэтому нападки на русский язык и национальную культуру оказывают деструктивное влияние на развитие российского общества.

Кудинов В.В. в контексте этого пишет «в качестве важнейших объектов воздействия недружественными государствами был определен русский язык - государственный язык Российской Федерации - основа национальной самоидентификации и целостности Российского государства». [22]

Некоторые из предшествующих реформ оказали влияние на формирование равнодушного отношения к традициям и национальным принципам, закладывали основы саморазрушения общественных связей, формировали стереотипные подходы в областях, где важны интеллект и духовное развитие общества, [4] Поэтому одной из современных государственных задач стало осознанное укрепление общероссийской гражданской идентичности. В научных исследованиях и государственной доктрине укрепление статуса русского языка и оптимизация форм его правовой и социальной защиты воспринимается как существенный аспект развития государственности, национального межнационального общения. [9]

Обесценивание государственного языка открывает прямой путь влияния на нравственность, культуру, национальное самоопределение личности и общества поскольку уровень качества мышления отражается в технике и содержании речи.

Ключевым свойством языка является то, что он представляет собой самое доступное средство консолидации общества, поскольку уникальной возможностью языкового навыка является формирование единомыслия. Характер взаимосвязи речи и языка в свою очередь иллюстрирует психическое и интеллектуальное благополучие и ресурсность личности, и является информацией для аналитики портрета нации. Язык опосредует традиционные мыслеформы свойственные населению страны и национальным сообществам, обеспечивает неразрывную связь между поведением, созданием и сохранением стандартов этики, морали, нравственности, эстетики, служит системной формой самореализации личности.

Так Бабурин С.Н. указывает «Именно язык хранит культуру, он позволяет накапливать знания и передавать их от поколения к поколению. Язык играет решающую роль в формировании личности и индивидуального характера нации». [16] Васильева Л.Н. придает существенное значение языковой политики, в том числе как элементу культурной и национальной идентичности, основанной на потребности сохранения и за-

щиты национальных культуры. [18]

В настоящее время приверженность к традиционным российским духовно-нравственным и культурно-историческим ценностям становится осознанным выбором. По мнению Ежова Д.А. «представляется значимой и необходимой перманентная адаптация к внешним и внутренним вызовам, предполагающая оперативную реакцию на возникающие угрозы в отношении устойчивости системы традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Результатом этой адаптации может выступать совершенствование правовой базы в части выработки законодательных решений, отвечающих требованиям времени». [20]

Следует признать, что возникла правовая и политическая целесообразность в принятии нового законодательного акта, определяющего статус государственного и иных языков на территории Российской Федерации. В юридической науке сложилось мнение об отсутствии эффективного правового механизма защиты русского языка на законодательном уровне, что отчасти компенсировано решениями и правовыми актами органов исполнительной власти. Ряд инициатив Президента Российской Федерации сформировали новую правовую базу в отношении определения статуса и форм защиты русского языка, языков народов Российской Федерации. Это документы стратегического значения, в которых дана современная оценка значимости категорий русского языка в контексте национальной культуры как основе культурного (цивилизационного) кода. [5, 7, 8]

Языки отнесены к категориям объектов государственной культурной политики и нематериальному культурному наследию, сформулированы государственные задачи по повышению качества владения русским языком; обозначены меры «обеспечения соблюдения норм современного русского литературного языка (в том числе недопущение нецензурной лексики) и противодействия излишнему использованию иностранной лексики» [5]. Также установлен первоочередной порядок использования русского языка для публичного ознакомления с информацией в сфере торговли, бытового и иных видов гражданского товарооборота [3].

Упадок языковой культуры проявляется в орфографических, пунктуационных, лексических или орфоэпических огрехах, в сознательном искажении слов и терпимом отношении к речевому деструктивному поведению. Публично демонстрируется намеренное несоблюдение правил речевого этикета, неоправданное использование иностранных слов, захламление речи вульгаризмами и жаргонизмами.

Выделим наиболее распространённые нарушения речевого поведения.

Во-первых, распространены речевые злоупотребления выраженные в нарочито демонстрационном допущении ошибок в публичных объявлениях и наименованиях.

Для сникания внимания и популярности у населения или в коммерческих целях некоторые организации для привлечения внимания намерено допускают грубые искажения, в том числе создавая необоснованные контаминации, формируя устойчивый образ человека со стереотипом легкого принятия решений и низким уровнем ответственности. Используются лексические композитные выражения, которые приветствуют негативные черты личности (безответственность, транжирство, агрессивность и тому подобные) и негативно характеризуют членов общества, но в виду шутливой экспрессивной подачи граждане пренебрегают смыслом происходящего. Эти конструкции замещают в мышлении фундаментальные национальные принципы, умышлено создавая риски непонимания совершения необдуманных действий.

Мы исходим из того, что речевое поведение является составным элементом правовой культуры, поэтому применение государственного языка на публичном уровне должно предполагать его безупречность. Предусматривается соблюдение правил русского литературного языка согласно нормам, определенным в словарях, справочниках и грамматиках [1, 4]. С целью обеспечения соблюдения языковых норм, обеспечения доступности и удовлетворения обращений с 2027 года запланировано введение общедоступной федеральной государственной информационной интернет-системы Национальный словарный фонд [12]. Правительственной комиссией Российской Федерации по русскому языку утверждаются словари, требования к их составлению, периодичность издания. [10, 11]

Вместе с тем, проблема недостаточной культуры использования русского языка, как принято говорить «чистоты» языка, не может быть разрешена только посредством обозначения корпуса нормативных грамматик и словарей.

Одним из способов оказания влияния на качество языковой культуры может стать привлечение к административной ответственности за искажение общепринятых языковых норм в любых видах публичной деятельности. В законы субъектов Российской Федерации могут быть внесены аналогичные нормы с целью симметричной поддержки чистоты национальных языков.

Во-вторых, в современной языковой практике широкое распространение получило безосновательное употребление иностранных слов.

Подобное выглядит антипатриотично, разрушает уникальную суть национальной языковой культуры, демонстрирует безразличие к интересам своей страны. Причинами такого явления на наш взгляд являются субъективные особенности поведения граждан, желающих продемонстрировать соответствие тенденциям, выходящим за рамки национальной культуры, желание придать своей личности престижность, современность, демонстрация умения ориентироваться в актуальных или модных социальных, политических, коммуникационных тенденциях. В объективном смысле иностранное заимствование получило активное использование в рамках усиления глобализационных процессов.

Должного внимания требует языковое поведение сотрудников органов исполнительной власти и муниципальных органов, поскольку они воспринимаются в обществе как образец политической и правовой культуры. Особую важность приобретает противодействие излишнему использованию иностранной лексики в работе органов публичной власти. [9]

Следование языковой культуре, в публичных органах и организациях должно стать актуальным требованием профессиональных этических кодексов и положений, с возможностью оценки профессионализма и дисциплинированности служащего допустившего нарушения. Представляется уместной разработка мер дисциплинарной ответственности за нарушение речевого поведения в профессиональной деятельности

органов публичной власти и средств массовой информации посредством дополнения содержания кодексов профессиональной этики и регламентов профессионального поведения.

Запрет «использования иностранных слов, имеющих русские аналоги в документах и в ситуациях, предполагающих безапелляционное использование государственного языка», также входит в число мер по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей. [6] Законодательство предусматривает допустимость использования иностранных слов, перечень которых содержится в нормативных словарях.

В-третьих, следует признать проблему активного использования в публичных местах ненормативной лексики. Злоупотребление бранной речью указывает не только на упадок культуры общения, но и на допускаемую безнаказанность вследствие утраты остроты восприятия значения достоинства личности.

Из Федерального закона от 01.06.2005 № 53-ФЗ "О государственном языке Российской Федерации" следует, что законодатель не допускает употребления слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, в том числе нецензурной брани при использовании русского языка как государственного языка. [1] Многообразные формы деструктивной речи передают неприязненное отношение, при этом негативная эмоциональная речь, приобретает форму злоупотребления правом посягая на честь, достоинство граждан и общественную нравственность.[14] Сложно оценивать наличие умысла в подобном поведении, но отсутствие культуры отрицать не приходится.

По мнению Кусова Г.В. «В обществе существует этико-лингвистическое соглашение не употреблять "определенные виды" лексики (мат, обсценная лексика) в любом контексте, в силу того что они обладают нормативностью. Если это соглашение нарушается, то нарушение языковых норм сродни по объективной стороне совершения правонарушения». [21]

Для отнесения конкретных слов и выражений к нецензурным как правило назначается судебная лингвистическая экспертиза для однозначного понимания стиля языкового выражения негативных эмоций и точной квалификации противоправные деяния и характер причиненного вреда. Полагаем, что сложности в понимании противоправного смысла бранных выражений не существует, но следует признать проблему квалификации последствий использования деструктивной лексики.

Заслуживает внимания исследование Руднева Д.В., Садовой Т.С. о соблюдении языковой культуры.[23] Авторы анализируют необходимость приведения в устойчивый порядок понимания разнообразных категорий слов и терминов, анализ которых имеет значение при оценке аморального поведения, а также востребован в правоприменительной практике. В зависимости от содержания филологи различают категории деструктивных речевых позиций, но эти категории не находят прямого отражения в правовых документах. К категории слов и выражений, оскорбляющих чувства, относят табуированную лексику, идиоматические обороты речи, инвективные и обсценные выражения. Как правило, используются обыденно субъектами, утратившими нравственные ориентиры, в иных случаях - в связи с социальными идеями и ценностями, с целью умышленного или спонтанного оскорбления окружающих.

Перед правоприменителями возникает задача конкретизации способа, вида и характера оскорбления, понимания критериев их отграничения. Сложность обусловлена отсутствием единых критериев квалификации словесных унижений. По этому поводу Булатов Б.Б., Сидорова И.В. указывают о необходимости «обратить особенное внимание на цинизм, который может выразиться в глумлении над человеком, использовании при его характеристике … в оценке характера и социального значения употребляемых субъектом слов и выражений в адрес потерпевшего». [17]

Позиция Конституционного Суда РФ указывает на применение публичной ответственности действия, посягающих на достоинство личности и личной неприкосновенности, в том числе выражающуюся в нецензурной брани в общественных местах. [14] «Требованиями справедливости, разумности и правовой определенности связаны и суды, которые должны посредством толкования закона восполнять недостаточную ясность и определенность правового регулирования, тщательно подходить к исследованию и оценке всех значимых фактических обстоятельств дела и не ограничиваться установлением лишь формальных условий применения норм права».[15]

В тоже время вопрос определения строгости наказания в зависимости от вида и степени аморальности лексики не получил нормативного разрешения.

Вероятно, это связано с невозможностью в сложившихся правовых условиях применить единые формальные критерии к индивидуально-определенным переживаниям потерпевшего в зависимости от степени восприимчивости к оскорблению, особенностей психоэмоционального состояния, глубины индивидуальных переживаний, нравственных и физических страдании и в том числе социальной роли потерпевшего. Например, оскорбил как мать или оскорбил как женщину. В обоих случаях оскорбление имеет место, но степень морального осуждения будет разной.

Кроме того, наблюдается правой пробел в вопросе о возможном применении мер административной ответственности к родителям и лицам их заменяющих за употребления детьми бранной речи в публичных местах, что на наш взгляд свидетельствует о молчаливом поощрении аморального поведения и непонимании принципов воспитания детей.

Вопрос о возможности применения юридической ответственности за нарушение законодательства, регламентирующего языковые нормы и принципы, остается дискуссионным. Неиспользование норм законодательных актов, непосредственно определяющих юридическую ответственность за нарушение законодательства о государственном языке и о языках народов Российской Федерации доказывает их декларативность. [1, 2] Касательно данного аспекта Доровских Е.М. утверждает «действующее законодательство не содержит развернутой системы норм, устанавливающих ответственность за нарушение языковых прав граждан». [19]

Сложившийся правовой механизм юридической ответственности не эффективен ввиду особенности предмета регулирования и только в конкретизированных группах правоотношений мы можем говорить об эффективности правовых мер его охраны. Функциональная система нака-

зания за нарушение прав в области доступа к государственному языку и свободе использования национальных языков сложилась в контексте реализации прав и свобод, доступа к демократическим ценностям и находит решение в конституционном и отраслевом законодательстве.

Таким образом, типовые нарушения языковой культуры проявляются в таких негативных явлениях, как: снижение культуры речи на бытовом уровне, утрата остроты восприятия бранных выражений, снижение иммунитета чести и достоинства, приводящих к нарушению социокультурной нормативности и правового статуса личности.

Полагаем, что русский язык представляет собой особый предмет социальных взаимодействий. В широком смысле языковая культура практически стала саморегулируемым процессом и поэтому имеет высокую уязвимость. Для преодоления сложившихся деструктивных проявлений следует признать феномен статуса русского языка в правовой культуре в контексте языковой и культурной политики.

Исправить сложившуюся тенденцию может активная популяризация культуры речи, побуждение осознанного интереса к мировым шедеврам художественной литературы, создание популярных национальных языковых брендов. Цель такой деятельности - формирование органической потребности в грамотной речи, определение и использование ресурса языка в формировании личности, а также изучение и развития языка как нового предмета правоотношений. [13]

Сегодня понятно, что степень правовой защиты статуса русского языка как государственного коммуникационного средства и как элемента культуры недостаточна. Требуется новация законодательства. До тех пор возможно уделить внимание мерам правового обеспечения языковой культуры посредством внесения дополнений в административное законодательство по поводу искажения общепринятых языковых норм в любых видах публичной деятельности, предусмотреть дисциплинарную ответственность в ведомственных актах за нарушение государственными и муниципальными служащими приоритета литературного языка и национальных языковых.

Помимо новых правовых конструкций необходимы консолидированные усилия гражданского общества и органов публичной власти по популяризации качественной культуры русской разговорной речи, внедрение программ по изучению языка и культуры речи в системе профессионального и вузовского образования, а также в рамках углубления компетенций в самых разнообразных отраслях, в том числе с опорой на научные знания и фундаментальные научные исследования в языковой сфере.

Список литературы:

1. О государственном языке Российской Федерации: Федеральный закон от 01.06.2005 №53-ФЗ (в ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 23. – Ст. 2199.
2. О языках народов Российской Федерации: Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 (в ред. от 22.04.2024) // опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации http://pravo.gov.ru – 13.06.2023
3. О защите прав потребителей Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства РФ. –1996. – № 3. – Ст. 140
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02 июля 2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.
5. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.
6. О Совете при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов Российской Федерации (вместе с "Положением о Совете при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов Российской Федерации"): указ Президента РФ от 22.08.2024 № 716 (ред. от 31.01.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 35. – Ст. 5325.
7. Основы государственной языковой политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2025 № 474 // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 28. – Ст. 3958.
8. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2023-2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 №738 // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 42. – Ст. 6143.
9. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года: Указ Президента РФ от 25.11.2025 № 858 // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 25.11.2025
10. О Правительственной комиссии по русскому языку (вместе с «Положением о Правительственной комиссии по русскому языку»): постановление Правительства РФ от 08.08.2020 № 1197 (в ред. от 01.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 33. – Ст. 5397.
11. О порядке формирования и утверждения списка нормативных словарей, справочников и грамматик, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, внесении изменений в Положение о Правительственной комиссии по русскому языку и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 01.07.2023 № 1092 // Собрание законодательства РФ. – 2023. – №28. – Ст. 5211.
12. О Национальном словарном фонде (вместе с "Положением о федеральной государственной информационной системе Национальный словарный фонд"): постановление Правительства РФ от 25.12.2024 № 1892 // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 53 (Часть I). – Ст. 8713.
13. Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021 - 2030 годы): Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2020 № 3684-р (ред. от 22.07.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 3. – Ст. 609.
14. Определение Конституционного Суда РФ от 19.04.2001 N 70-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гребневой Ирины Георгиевны на нарушение ее конституционных прав статьей 158 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2001. – № 4.
15. Информация Конституционного Суда РФ "Конституционно-правовая защита человеческого достоинства: актуальные аспекты" (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 30.10.2025) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте https://www.ksrf.ru по состоянию на 31.10.2025.
16. Бабурин С.Н. Конституционные принципы культуры России в современных условиях // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 2. – С. 15 - 21.
17. Булатов Б.Б., Сидорова И.В. Об объективной стороне оскорбления // Административное право и процесс. 2017. – № 11. – С. 43 - 48.
18. Васильева Л.Н. Языковая политика в интересах поддержания культурной и национальной идентичности российских граждан // Журнал российского права. –2024. – № 4. – С. 23 - 36.
19. Доровских Е.М. Русский язык: совершенствование правового регулирования // Журнал российского права. – 2007. – № 4. – С. 39 - 52.
20. Ежов Д.А. Традиционные ценности как объект правовой защиты // Современное право. – 2024. – № 4. – С. 36 - 39.
21. Кусов Г.В. Судебная лингвистическая экспертиза "оскорбления": решение проблемы "неприличная форма" // Российский судья. – 2013. – № 5. – С. 43 - 48.
22. Кудинов В.В. Государственный язык как элемент национальной самоидентификации и целостности Российского государства (особенности правового регулирования) // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 11. – С. 2 - 7.
23. Руднев Д.В., Садова Т.С. Русский язык как государственный и современный русский литературный язык (в аспекте реализации Федерального закона "О государственном языке Российской Федерации") / Д.В. Руднев, Т.С. Садова // Журнал российского права. – 2017. – № 2. – С. 56 - 66.

References:

1. On the State Language of the Russian Federation: Federal Law No. 53-FZ of 06/01/2005 (as amended dated 04/22/2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2005. – No. 23. - Art. 2199.
2. On the languages of the peoples of the Russian Federation: The Law of the Russian Federation dated 25.10.1991 No. 1807-1 (as amended dated 04/22/2024) / / published on the Official Internet portal Legal Information http://pravo.gov.ru – 06/13/2023
3. On consumer rights protection of the Law of the Russian Federation dated 07.02.1992 No. 2300-1 (as amended on 07.07.2025) // Collection of Legislation of the

Russian Federation. -1996. – No. 3. - Art. 140

4. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated July 02, 2021 No. 400 // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2021. - No. 27 (Part II). - Art. 5351.

5. Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values: Decree of the President of the Russian Federation dated 09.11.2022 No. 809. // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 46. - Article 7977.

Russian Russian Federation Council for the Implementation of State Policy in the field of Support of the Russian Language and the Languages of the Peoples of the Russian Federation (with the "Regulations on the Council under the President of the Russian Federation for the implementation of State Policy in the field of support of the Russian Language and the languages of the Peoples of the Russian Federation"): Decree of the President of the Russian Federation dated 08/22/2024 No. 716 (as amended on 01/31/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2024. – No. 35. - Article 5325.

7. Fundamentals of the state language policy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 474 dated July 11, 2025 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2025. – No. 28. - Article 3958.

8. On the Concept of the State migration policy of the Russian Federation for 2023-2030: Decree of the President of the Russian Federation dated 10/15/2025 No. 738 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2025. – No. 42. - Art. 6143.

9. On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2036: Decree of the President of the Russian Federation dated 11/25/2025 No. 858 // Official Internet portal legal Information http://pravo.gov.ru , 11/25/2025

10. Russian Russian Language Government Commission (together with the "Regulations on the Russian Language Government Commission"): Decree of the Government of the Russian Federation dated 08.08.2020 No. 1197 (as amended). dated 07/01/2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 33. - St. 5397.

Russian Russian Literature 11. On the procedure for the formation and approval of a list of normative dictionaries, reference books and grammars that Fix the norms of the Modern Russian literary language when It is Used as the Official Language of the Russian Federation, amendments to the Regulations on the Government Commission on the Russian Language and the Invalidation of Certain Acts of the Government of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation dated 07/01/2023 No. 1092 // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2023. – No. 28. - Article 5211.

12. On the National Dictionary Fund (together with the "Regulations on the Federal State information system National Dictionary Fund"): Decree of the Government of the Russian Federation dated December 25, 2024 No. 1892 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2024. - No. 53 (Part I). 8713.13.

On the implementation of the Program of Fundamental Scientific Research in the Russian Federation for the long-term period (2021-2030): Decree of the Government of the Russian Federation dated 12/31/2020 No. 3684-r (as amended on 07/22/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 3. - Art. 609.

14. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19 ` 04 `.2001 N 70-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Irina Grebneva Orgievna for violation of her constitutional rights by Article 158 of the RSFSR Code of Administrative Offences // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. – 2001. – № 4.

15. Information of the Constitutional Court of the Russian Federation "Constitutional and legal protection of human dignity: actual aspects" (approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 30`.10`.2025) / / The text of the document is given in accordance with the publication on the website https://www.ksrf.ru as of 31`.10`.2025.

16. Baburin S.N. Constitutional principles of Russian culture in modern conditions / / Constitutional and municipal law. – 2023. – No. 2. - pp. 15-21.

17. Bulatov B.B., Sidorova I.C. On the objective side of the problem / / Administrative law and process. 2017. – No. 11. - pp. 43-48.

18. Vasilyeva L.N. Language policy in the interests of maintaining the cultural and national identity of Russian citizens // Journal of Russian Law. -2024. – No. 4. - pp. 23-36. 19

. Dorovskikh E.M. Russian language: improvement of legal regulation // Journal of Russian Law. - 2007. – No. 4. - pp. 39-52.

20. Yezhov D.A. Traditional values as an object of legal protection / / Modern law. – 2024. – No. 4. - pp. 36-39. 21

. Kusov G.C. Judicial linguistic examination of "insults": solving the problem of " indecent form " / / The Russian judge. – 2013. – No. 5. - pp. 43-48.

22. Kudinov V.C. The state language as an element of national self-identification and the integrity of the Russian state (features of legal regulation) // Constitutional and municipal law. – 2024. – No. 11. - pp. 2-7.

Russian Russian as a state and modern Russian literary language (in the aspect of the implementation of the Federal Law "On the State Language of the Russian Federation") / D.C. Rudnev, T.S. Sadova // Journal of Russian Law. – 2017. – No. 2. - pp. 56-66.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_98

КОГДА ЧТО-ТО ПОШЛО НЕ ТАК В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ. РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНИК Д.Ю.Н., ПРОФ. И.В. ПОНКИНА «ДЕВИАНТОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ» (2-Е ИЗДАНИЕ, М., 2024)

WHEN SOMETHING WENT WRONG IN PUBLIC ADMINISTRATION. REVIEW OF THE TEXTBOOK BY DOCTOR OF LAW, PROFESSOR I.V. PONKIN, “DEVIANTOLOGY OF PUBLIC ADMINISTRATION” (2ND EDITION, MOSCOW, 2024)

МЕЛЬНИКОВ Владимир Сергеевич,
доктор юридических наук, профессор РУТ (МИИТ).
127055, Россия, г. Москва, ул. Образцова, 9 стр. 9.
E-mail: melnikov-me1948@ya.ru;
MELNIKOV Vladimir Sergeevich,
Doctor of Law, State Professor.
Obraztsova str., 9, building 9, Moscow, 127055, Russia.
E-mail: melnikov-me1948@ya.ru

***Краткая аннотация**. Данная публикация представляет рецензию на 2-е издание учебника И.В. Понкина «Девиантология государственного управления» (М.: Инфра-М, 2024)*

***Abstract.** This publication is a review of the 2nd edition of textbook “Deviantology of Public Administration” of Igor Ponkin (Moscow: Infra-M, 2024).*

***Ключевые слова:** теория государственного управления, девиантология государственного управления, дефект, риск, неопределённость, дисфункция, ошибка.*

***Keywords:** theory of public administration, deviantology of public administration, defect, risk, uncertainty, dysfunction, error.*

***Для цитирования:** Мельников В.С. Когда что-то пошло не так в государственном управлении. Рецензия на учебник д.ю.н., проф. И.В. Понкина «Девиантология государственного управления» // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 98-100. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_98.*

***For citation**: Melnikov V.S. When something went wrong in public administration. Review of the textbook by Doctor of Law, Professor I.V. Ponkin, “Deviantology of Public Administration” // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 98-100. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_98.*

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026

Учебник профессора И.В. Понкина «Девиантология государственного управления» [1], достраивающий основной учебник этого же автора по тематике публичного управления [2], представляет собой значимый научно-образовательный труд, заполняющий существующий пробел в отечественной науке публичного управления. Этот учебник является результатом многолетней научной и преподавательской деятельности автора в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Более того, названный двухтомник достраивается и приложением изложенной в нём теории к конкретной предметной области – спортивному праву, речь о вышедшем чуть ранее ещё одном учебнике [3]. Представляет также интерес, что одна из редакций исследуемого нами учебника выпущена в том же издательстве в полностью английской версии [4].

Проблематика девиантологии приобретает особую значимость в условиях современных вызовов и кризисов, когда эффективность государственного управления напрямую влияет на устойчивость государства. Предложенные автором подходы к работе с неопределённостями и рисками особенно актуальны для российской действительности.

Отмечая научную новизну и теоретическую значимость работы особо следует подчеркнуть её теоретическую фундаментальность. Учебник выполняет амбициозную задачу формирования самостоятельного научного направления в рамках общей теории публичного управления. Автор последовательно доказывает необходимость создания полноценной теории девиантологии государственного управления как "расширяющегося системного комплекса знаний, находящегося в стадии генезиса и тестирования".

Исходя из того, что теория девиантологии обладает высокой теоретической фундаментальностью, опираясь на прочные научные основы, автор разрабатывает целостную концептуальную систему с четко определенными понятиями и категориями. Особое значение имеет создание специального понятийного аппарата, включающего такие категории, как "неопределенности", "риски", "дефекты", "дисфункции", "аномия", "дисномия" и др. Теоретическая фундаментальность проявляется в разработке оригинальных концептов девиантных процессов в управлении. Автор последовательно обосновывает необходимость формирования самостоятельной теории, демонстрируя ее научную состоятельность и самостоятельность. Это позволяет теории стать основой для дальнейших исследований в данной области и практического применения в государственном управлении.

Особую ценность представляют разработанные автором концепты "аномии" и "дисномии", которые получают новое освещение в контексте государственного управления. Как справедливо отмечает И.В. Понкин, "если аномия отражает статическое (или условно статическое) состояние (его параметры), то дисномия отражает процессы и градиенты, отражая факт, меру и особенности развития дезорганизации в праве". Это теоретическое различение позволяет более точно описывать динамику девиантных процессов в управлении.

Такой подход отличается от существующих аналогов глубиной проработки проблематики и системностью.

Учебник отличается продуманной методологической базой, объединяющей традиции отечественной и зарубежной науки управления.

Автор успешно интегрирует элементы синергетики, системного подхода и тектологии А.А. Богданова в анализ девиантных явлений, что позволяет преодолеть "непозволительные упрощения и чрезмерную схематизацию" в изучении государственного управления.

Обращают на себя внимание структурные особенности и содержание, логичная архитектоника учебника. Структура выстроена последовательно и логично: от фундаментальных основ (предметно-объектная область теории) к конкретным проявлениям девиаций (неопределенности, риски, дефекты, дисфункции) и завершая практическими подходами к омологированному управлению. Такая структура способствует системному усвоению материала.

Рецензируемую работу отличает богатая научная база. Особое внимание привлекает обширный библиографический аппарат, включающий как классические работы в области государственного управления, так и самые современные исследования. В учебнике содержится более 120 научных источников, что свидетельствует о глубокой проработке темы. Цитирование выполнено на высоком академическом уровне с точными ссылками на страницы и контекст использования материалов.

Автору удалось достичь оптимального соотношения теоретических положений и практических рекомендаций. Учебник содержит не только анализ девиантных явлений, но и конкретные подходы к их выявлению, профилактике и преодолению, включая современные инструменты риск-ориентированного управления и управления ошибками.

Импонирует системный подход И.В. Понкина в комплексном исследовании девиантных состояний и процессов государственного управления. Автор рассматривает девиации не как изолированные явления, а как взаимосвязанные элементы единой системы, которая охватывает различные аспекты девиантности: от неопределенностей и рисков до конкретных дефектов, дисфункций и дисбалансов управления. Системный подход, примененный автором, позволяет выявлять глубинные причины девиаций, их взаимосвязи и закономерности развития. Особое значение имеет рассмотрение детерминантов дезорганизации и энтропийных процессов в управлении. Этот подход позволяет создать целостную картину девиантных явлений, что способствует разработке комплексных мер по их преодолению и профилактике в интересах устойчивости государства.

Рецензируемая работа отличается ярко выраженной междисциплинарностью, интегрируя знания из различных научных областей. Автор опирается на достижения общей теории управления, общей теории систем, юриспруденции, экономики, конфликтологии, теории сложности, теории самоорганизации. Такой подход позволяет рассматривать девиации с разных методологических позиций, обеспечивая многогранный анализ проблем. Междисциплинарность проявляется и в использовании методов различных наук: системного анализа, синергетики, тектологии, когнитивных исследований. Это позволяет преодолеть узкоспециализированный взгляд на проблемы управления и создать синтетическую теорию, способную объяснить сложные девиантные процессы в государственном управлении, что повышает ее научную состоятельность и практическую применимость.

Нельзя не отметить практическую значимость и прикладную ориентацию учебника. Он имеет высокую практическую ценность для подготовки государственных служащих нового поколения. Предложенные автором методы выявления и предотвращения девиаций в управлении могут быть непосредственно использованы в практической деятельности государственных органов. Особенно ценными являются разделы, посвященные управлению ошибками в государственном управлении, включая "раннее выявление ошибок по их маркерам или факторам риска" и "принцип внутреннего контроля ошибок".

И.В. Понкиным разработаны и предлагаются конкретные стандарты, методики и рекомендации для практического применения. Особое значение имеет разработка методов оценки качества управления, критериев оценки резистентности и резильентности системы, что позволяет создавать нормативные документы, регламентирующие деятельность по выявлению и предотвращению девиаций. Нормативно-методическое обеспечение включает инструменты мониторинга девиантных процессов, системы раннего предупреждения о кризисах. Это способствует институционализации подходов к управлению девиациями и их внедрению в практическую деятельность органов власти, что повышает эффективность и качество государственного управления, особенно в условиях повышенных рисков и неопределенностей.

Автор учитывает современную реалию, характеризующуюся ростом неопределенностей, рисков и сложности управления. Теория адекватно отражает вызовы цифровизации, геополитической напряженности, социальных трансформаций. Особое значение имеет анализ девиаций в условиях гибридных войн, санкционного давления и других внешних воздействий. Теория позволяет разрабатывать стратегии противодействия искусственно создаваемым кризисам и девиациям. И.В. Понкин учитывает специфику современного этапа развития государственного управления, что делает теорию востребованной в практической деятельности органов власти, особенно в условиях обострения внешнеполитической ситуации и необходимости обеспечения национальной безопасности.

Следует отметить также соответствие образовательным стандартам. Учебник полностью соответствует требованиям федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования последнего поколения, что делает его ценным учебным пособием для образовательных программ магистратуры и программ МРА.

Критические замечания. Несмотря на высокое качество учебника, можно отметить некоторые аспекты для дальнейшего совершенствования. В некоторых разделах материал изложен чрезмерно насыщенно, что может затруднять восприятие для студентов магистратуры без достаточного опыта в области государственного управления. Как отмечает сам автор, в учебнике "намеренно минимизирован объем приводимых референтных излагаемому материалу иллюстративных примеров из практики", что может ограничивать возможность визуализации некоторых сложных концепций. Автор справедливо признает, что "для построения полновесной и релевантной теории девиантологии государственного управления в настоящее время недостаточно доступных и верифицируемых массивов эмпирических данных", что сказывается на возможности

подтверждения некоторых теоретических положений статистическими данными.

Выводы заключительные. Учебник И.В. Понкина "Девиантология государственного управления" представляет собой фундаментальный научно-образовательный труд, который вносит существенный вклад в развитие отечественной теории и практики государственного управления. Автору удалось создать целостную концепцию изучения девиантных явлений в управлении, предложить оригинальную классификацию и типологию дефектов и дисфункций, а также разработать практические инструменты их преодоления.

Учебник обладает высокой научной новизной, теоретической глубиной и практической значимостью. Он рекомендуется не только как учебное пособие для магистрантов и слушателей программ MPA, но и как справочное издание для практических работников в сфере государственного управления, научных исследователей и преподавателей профильных дисциплин.

Второе издание учебника стало более глубоким и полным по сравнению с первым, что свидетельствует о динамичном развитии данного научного направления под руководством И.В. Понкина. Можно с уверенностью сказать, что данный учебник займёт достойное место в библиотеках специалистов по государственному управлению и станет важным этапом в становлении отечественной девиантологии как самостоятельной научной дисциплины.

Список литературы:

1. Понкин И.В. Девиантология государственного управления: Учебник. 2-е изд., дополн. и перераб. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 324 с.
2. Понкин И.В. Теория государственного управления: Учебник. 2-е изд., дополн. и перераб. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 566 с.
3. Понкин И.В., Редькина А.И., Соловьёв А.А., Шевченко О.А. Государственное управление в сфере спорта: Учебник для магистров / Науч. ред.: И.В. Понкин; предисл.: Д.И. Рогачев / Кафедра спортивного права Института современного прикладного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Буки Веди, 2017. – 485 с.
4. Ponkin I.V. Public Administration Deviantology: Textbook for Master and Specialist of Public Administration programmes. – Moscow: INFRA-M, 2024. – 304 p.

References:

1. Ponkin I.V. Deviantology of public administration: Textbook. 2nd ed., supplement. and reprinted in Moscow: INFRA–M, 2024. 324 p.
2. Ponkin I.V. Theory of public administration: Textbook. 2nd ed., supplement. and reprinted in Moscow: INFRA–M, 2024. 566 p.
3. Ponkin I.V., Redkina A.I., Soloviev A.A., Shevchenko O.A. Public administration in the field of sports: A textbook for masters / Scientific editor: I.V. Ponkin; preface: D.I. Rogachev / Department of Sports Law at the Institute of Modern Applied Law of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA). Moscow: Buki Vedi, 2017. 485 p.
4. Ponkin I.V. Public Administration Deviantology: Textbook for Master and Specialist of Public Administration programmes. Moscow: INFRA-M, 2024. 304 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_101

УДК 342

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ РАЗРЕШИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА
THE CONCEPT AND TYPES OF LICENSING PROCEEDINGS

ШОКУР Андрей Владимирович,
старший преподаватель Высшей школы публичного права, юридический институт
ФГБОУ ВО Тихоокеанский государственный университет.
680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136.
E-mail: 013156@tofgudv.ru;

SHOKUR Andrey Vladimirovich,
Senior Lecturer at the Higher School of Public Law, Law Institute Pacific National University.
680042, Russia, Khabarovsk, Pacific Street, 136.
E-mail: 013156@togudv.ru

Краткая аннотация: *В статье проводится комплексный теоретико-правовой анализ разрешительного производства как ключевого института административного процесса. Автор исследует доктринальные подходы к определению его сущности, юридической природы и места в системе государственного управления. Особое внимание уделяется критериям классификации и систематизации видов разрешительного производства (регистрационное, лицензионное, аккредитационное, сертификационное и др.) на основе характера реализуемых полномочий, степени рисков и специфики регулируемых общественных отношений. На основе сравнительно-правового метода выявляются тенденции его трансформации в условиях цифровизации и внедрения риск-ориентированного подхода. Результатом исследования является уточненная дефиниция понятия и авторская типология видов разрешительного производства, имеющая значение для совершенствования административно-правового регулирования контрольно-надзорной деятельности.*

Abstract: *The article provides a comprehensive theoretical and legal analysis of licensing proceedings as a key institution of the administrative process. The author explores doctrinal approaches to determining its essence, legal nature and place in the system of public administration. Special attention is paid to the criteria for classifying and systematizing the types of licensing proceedings (registration, licensing, accreditation, certification, etc.) based on the nature of the powers exercised, the degree of risks and the specifics of regulated public relations. Based on the comparative legal method, the trends of its transformation in the context of digitalization and the introduction of a risk-based approach are revealed. The result of the research is a refined definition of the concept and the author's typology of types of licensing proceedings, which is important for improving the administrative and legal regulation of control and supervisory activities.*

Ключевые слова: *разрешительное производство, административный процесс, виды разрешений, государственное регулирование, лицензирование.*

Keywords: *licensing proceedings, administrative process, types of permits, government regulation, licensing.*

Для цитирования: *Шокур А.В. Понятие и виды разрешительного производства // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 101-103. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_101.*

For citation*: Shokur A.V. The concept and types of licensing proceedings // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 101-103. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_101.*

Статья поступила в редакцию: 11.01.2026

На современном этапе развития общества и государства на территории Российской Федерации (далее – РФ) осуществляется процесс регулирования и контролирования деятельности отдельных хозяйствующих субъектов в формате выдачи различного рода разрешений, речь может идти как об обязательной регистрации, так и об аккредитации, аттестации, сертификации и ином варианте подобных действий. [1]. Подобный процесс находится в сфере полномочий специальных органов, управомоченных на это в соответствии с законодательством.

Разрешительная деятельность осуществляется как в соответствии с федеральным, так и региональным законодательством, как с общими нормативно-правовыми актами, так и со специальными законами, регулирующих общественные отношения в той или иной области жизнедеятельности. При исследовании такого явления в административном процессе как разрешительное производство необходимо обратиться, непосредственно, к термину «разрешение на осуществление того или иного вида деятельности», и уже далее речь пойдет о действиях специальноуполномоченных органов на выдачу такого рода документов.

Разрешение представляет собой ничто иное как меру дозволенного – то есть на лицо, которому оно выдаётся, накладывается определенный круг прав и обязанностей – это то, что ему можно делать в рамках выданного документа и то, что прямо противопоказано.

Особенностью можно также считать наличие в каком-то роде властного характера, или по-другому говоря, государственного. Обусловлена данная позиция тем, что осуществлять выдачу так называемых разрешений может только орган, наделенный в соответствии с законодательством РФ соответствующими на это полномочиями.

Под разрешением же многие юристы и правоведы рассматривают не само право, а именно право на совершение какого-то действия.

Ссылаясь на научные труды, например, Ю.А. Тихомирова можно сделать вывод о том, что некоторые ученые и правоведы рассматривают, например, лицензирование в качестве административно-правового режима, который вводится и регулируется чем-то ограничивающим и запрещающим для установления фактического обладания правом конкретного субъекта, которое ему, собственно, необходимого для осуществления деятельности в установленных законодательством пределах, стандартах и норм [4].

Авторы студенческих учебников в большинстве случаях также ссылаются на мнения Д. Н. Бахраха, который охарактеризовывал деятельность публичных властных субъектов по выдаче разрешений гражданам и организациям на осуществление определенных видов деятельности в качестве отдельной категории – разрешительной деятельности. Исходя из этого, можно сделать вывод, что ученый-правовед, специалист в области государственного и административного права выделял разрешительное производство как одну из составляющих административного процесса.

Говоря об административной ответственности, стоит сделать акцент на нормах, например, ст. 14.1 КоАП РФ или же ч. 4 ст. 20.8 [2], ко-

торые напрямую закрепляют последствия за осуществление деятельности без специального на то разрешения. Как правило, наказание за подобное правонарушение последует в виде штрафа, лишения права или же в другом формате.

Что касается разрешительного производства, как вида административного процесса, то как и любое другое оно обладает своими специфическими чертами или, иначе говоря, особенностями, которые могут быть вынесены в тезисы следующим образом:

-наличие государственного характера - что приводит к возникновению отношений властно-подчиненного образа (такое последствие следует как раз-таки выделять в отдельную особенность);

-соблюдение принципа субординации, то есть речь идет о том, что участники между собой не равны;

- для возбуждения производства необходимо волеизъявление лица, которому нужно разрешение для дальнейшей, например, работы;

- выступает в качестве правонаделительного процесса, то есть лицу, подающему запрос на выдачу разрешения в той или иной форме, при положительном ответе дается право на какое-то правоосуществление, правопользование или правовладение;

- и в качестве еще одной важной характеристики, автор работы выделяет осуществление контрольных и надзорных действий, например, в качестве проверки документов и их соответствия правовым нормам или же подача определенных запросов для этих целей как до выдачи определенного разрешения, так уже и после.

Цель разрешительной деятельности – это обеспечение безопасности граждан, общества, государства. Некоторые виды общественно полезной деятельности (управление автомобилями, производство оружия и т. д.), если они осуществляются непрофессионально, без соблюдения необходимых правил, могут причинить большой вред обществу. И именно поэтому на данные виды деятельности вводятся ограничения: ею могут заниматься только те, кто получил на это разрешение компетентного органа. Такая государственная система призвана защитить граждан, общество, государство в целом от вреда, который может быть причинен неграмотным осуществлением определенных видов деятельности.

Помимо всего прочего, стоит отметить и факт того, что на территории РФ существует определенный перечень видов деятельности, подлежащих регистрации. В следующей главе автор работы предлагает рассмотреть виды или так называемые формы разрешительного производства, а также их некоторые черты их характеризующие.

Разрешительное производство на территории РФ подразумевает под собой процедуру получения разрешения на осуществление определенных видов деятельности или использование определенных ресурсов [3]. В зависимости от целей, задач и направления деятельности разрешительное производство может выражаться в различных формах.

К принципам разрешительного производство принято относить такие установки в осуществлении деятельности, как: - обеспечение единства экономического пространства; - установление единого перечня разрешаемых видов деятельности; - установление единого порядка разрешения; - установление разрешительных требований и условий правовыми актами о предоставлении разрешений; - гласность и открытость предоставления разрешений; - соблюдение законности при осуществлении разрешения.

Реализация принципов разрешительного производства четко проявляется через различные его виды, км которым можно отнести следующее:

1.Регистрация представляет собой процесс оформления документов и получения специального разрешения на осуществление определенной деятельности или предоставление определенных услуг, а также включает в себя процедуру внесения определенных данных в специальные реестры, например, регистрация юридических и физических лиц в качестве участников предпринимательского рынка.

Этот вид деятельности может быть обязательным для определенных видов бизнеса или деятельности, например, для медицинских учреждений, образовательных организаций, торговых точек и других сфер.

Регистрация может включать в себя подачу официальных заявлений, предоставление необходимых документов (устав, сертификаты и т.д.), проверку соответствия требованиям законодательства и получение соответствующего разрешения.

2.Аттестация – процедура проверки квалификации и профессиональных навыков лица, осуществляющего определенную деятельность.

Проводится с целью подтверждения соответствия человека всем необходимым условиям и требованиям, которые обязательны для осуществления определенного вида деятельности.

Аттестация может проводиться как государственными органами, так и частными компаниями. В зависимости от уровня, так называемых, производственных рисков, она может быть не только обязательным, но и лишь дополнительным условием.

В результате аттестации выдается свидетельство, которое и будет свидетельствовать о наличии квалификации. В некоторых случаях результаты аттестации могут быть использованы при выдаче разрешений и сертификатов на право заниматься каким-то определенным видом деятельности. Исходя из этого, можно говорить, что аттестация – это ничто иное, как инструмент контроля качества и безопасности работ в тех или иных сферах деятельности.

3.Сертификация – это процедура установления соответствия продукции, услуг или системы управления определенным стандартам или требованиям. В контексте разрешительной деятельности сертификация часто используется для подтверждения качества продукции или услуг, безопасности их использования, соответствия экологическим стандартам и т.д.

Сертификация может проводиться как государственными органами, так и независимыми организациями, аккредитованными для проведения таких процедур. Она может быть обязательной для определенных видов продукции или услуг, например, в области медицины, пищевой промышленности или строительства. Результатом сертификации является выдача сертификата, удостоверяющего соответствие продукции или услуг установленным стандартам. Этот сертификат может быть использован при заключении контрактов, участии в торгах, взаимодействии с клиентами и партнерами.

Таким образом, сертификация – это показатель наличия полного соответствия продукции и услуг определенным стандартам, что способствует защите интересов потребителей и повышению доверия к компаниям и их продукции.

4.Разрешение на строительство – выдача и получение разрешения на осуществление строительных работ для зданий, сооружений или же инженерных сетей. Такой документ выдается органами государственной власти или местного самоуправления в рамках действующего законодательства в сфере строительства.

Для получения такого разрешения застройщик должен предоставить необходимые документы, подтверждающие соответствие проекта строительства законодательству, техническим нормам и требованиям безопасности.

Разрешение на строительство содержит информацию о месте строительства, виде строительных работ, сроках и условиях строительных мероприятий, а также о требованиях к обеспечению безопасности и сохранности окружающей среды. Получение такого разрешения является обязательным для начала строительных работ и обеспечивает законность и правомерность подобных действий.

В случае нарушения условий, закреплённых в разрешении на строительство, застройщик может быть привлечен к ответственности и подвергнут штрафам или иным административным взысканиям. Именно в наступлении таких последствий прослеживается строгость соблюдения требований и условий, установленных в подобного рода разрешениях.

5. Разрешение на использование природных ресурсов – это разрешительный документ, выдаваемый компетентными органами государственного управления или уполномоченными ими организациями, который предоставляет право на пользование природными ресурсами для определенных целей и сроков.

Такое разрешение может быть необходимо для осуществления различных видов деятельности, связанных с использованием природных ресурсов, например, для разработки полезных ископаемых, лесных ресурсов, водных объектов, земельных участков и т.д.

Разрешение на использование природных ресурсов обычно выдается на основе законодательства, которое регулирует деятельность в области охраны и использования природных ресурсов. В нем указываются условия использования ресурсов, требования по охране окружающей среды, сроки и порядок пользования ресурсами, а также меры ответственности за несоблюдение условий разрешения.

Цель выдачи разрешения на использование природных ресурсов - обеспечение устойчивого и рационального использования природных ресурсов с учетом необходимости их сохранения и охраны для будущих поколений. Это позволяет предотвратить необратимое истощение природных ресурсов, минимизировать негативные воздействия на окружающую среду и обеспечить устойчивое развитие экономики.

6. Разрешение на торговлю является одним из видов разрешительного производства, который выдается органами государственной власти для осуществления торговых операций. Это разрешение дает право на осуществление торговли определенными товарами или услугами, в определенном месте и в определенное время.

Для получения разрешения на торговлю необходимо обращаться в соответствующие государственные органы с заявлением и необходимыми документами, удостоверяющими право юридического или физического лица на осуществление торговой деятельности. После рассмотрения заявления и проверки предоставленных документов орган государственной власти выносит решение о выдаче или отказе в выдаче разрешения на торговлю.

Разрешение на торговлю имеет свои особенности в зависимости от вида торговой деятельности (оптовая, розничная, интернет-торговля и т.д.) и требований законодательства. Получение разрешения является обязательным для осуществления любых видов торговли и является гарантией соблюдения законодательных требований и прав потребителей.

В целом, можно говорить о таком необходимом условии для осуществления различных видов деятельности и использования специальных для этого ресурсов как получение разрешения, аттестации, сертификата и иных видов. Наличие разрешительного производства как правового инструмента также выступает государственной гарантией в обеспечении безопасности и качества товаров и услуг. При этом всем, вид разрешения напрямую зависит от направления деятельности, для осуществления которой оно необходимо.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Российская газета. – 2020. – № 144.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 07.09.2025).
3. О лицензировании отдельных видов деятельности: федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 07.09.2025).
4. Мигачев Ю.И. Административное право Российской Федерации: учебник для вузов / Ю.И. Мигачев, Л.Л. Попов, С.В. Тихомиров. М: Юрайт. 2023. 456 с.
5. Мельников А. А. Лицензионно-разрешительное производство в деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии РФ: общая характеристика / А. А. Мельников. – Молодой ученый. – 2023. – С. 193-195. [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/454/100182/ (дата обращения: 08.09.2025).
6. Стахов А. И. Административное право России: учебник и практикум для вузов. / А. И. Стахов. П. И. Кононова. – М.: Юрайт. – 2020. – 484с.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020 // Rossiyskaya gazeta. – 2020. – No. 144.
2. Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 195-FZ [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. – Access mode: http://pravo.gov.ru (date of request: 07.09.2025).
3. On licensing of certain types of activities: Federal Law No. 99-FZ dated 05/04/2011 [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. – Access mode: http://pravo.gov.ru (date of reference: 09/07/2025).
4. Migachev Yu. I. Administrative law of the Russian Federation: textbook for universities / Yu. I. Migachev, L. L. Popov, S. V. Tikhomirov. Moscow: Yurait, 2023, 456 p.
5. Melnikov A. A. Licensing and licensing proceedings in the activities of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation: general characteristics / A. A. Melnikov. – A young scientist. - 2023. – pp. 193-195. [Electronic resource] // – Access mode: https://moluch.ru/archive/454/100182 / (date of reference: 09/08/2025).
6. Stakhov A. I. Administrative law of Russia: textbook and workshop for universities. / A. I. Stakhov. P. I. Kononova. – M.: Yurayt. – 2020. – 484s.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_104

УДК 347.962:342

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН: АНАЛИЗ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ

ORGANIZATIONAL AND LEGAL MECHANISMS OF IMPROVEMENT EFFECTIVENESS OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OF COMPLIANCE CITIZENS' RIGHTS AND FREEDOMS: ANALYSIS OF STATISTICAL DATA

РЕМИЗОВА Лейла Сароваровна,
доцент кафедры управления и организации деятельности уголовно-исполнительной системы Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1.
E-mail: leila.remizova@gmail.com;

REMIZOVA Leila Sarvarovna,
candidate of law, docent, associate Professor of the Department of management and organization of UIS activities, Academy of the Federal penitentiary service of Russia.
390000, Russia, Ryazan, Sennaya str., 1.
E-mail: leila.remizova@gmail.com

Краткая аннотация: *В исследовании рассматриваются актуальные вопросы повышения эффективности правозащитной деятельности надзорных органов в Российской Федерации. Акцентируется внимание на взаимосвязи организационных и правовых аспектов, определяющих результативность работы этих структур в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина. Анализируются существующие проблемы и предлагаются пути их решения, направленные на совершенствование механизмов правового регулирования и организационных подходов к осуществлению надзора. Особое значение придается роли надзорных органов в обеспечении законности и правопорядка, а также в формировании доверия граждан к институтам государственной власти. Исследование призвано внести вклад в разработку научно обоснованных рекомендаций по оптимизации деятельности надзорных органов с целью максимальной защиты прав и свобод личности.*

Abstract: *This study examines current issues related to improving the effectiveness of human rights advocacy by supervisory authorities in the Russian Federation. It focuses on the interrelationship between organizational and legal aspects that determine the effectiveness of these bodies in protecting human and civil rights and freedoms. It analyzes existing problems and proposes solutions aimed at improving legal regulation mechanisms and organizational approaches to oversight. Particular attention is paid to the role of supervisory authorities in ensuring law and order, as well as in building public trust in government institutions. This study aims to contribute to the development of evidence-based recommendations for optimizing the activities of supervisory authorities to maximize the protection of individual rights and freedoms.*

Ключевые слова: *правозащитная деятельность, надзорные органы, эффективность, организационные основы, правовые основы, защита прав человека, законность, правопорядок, совершенствование, государственные органы.*

Key words: *human rights activities, supervisory bodies, efficiency, organizational framework, legal framework, human rights protection, legality, law and order, improvement, government agencies.*

Для цитирования: *Ремизова Л.С. Организационно-правовые механизмы повышения эффективности прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод граждан: анализ статистических данных // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 104-105. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_104.*

For citation*: Remizova L.S. Organizational and legal mechanisms of improvement effectiveness of prosecutorial supervision of compliance citizens' rights and freedoms: analysis of statistical data // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 104-105. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_104.*

Статья поступила в редакцию: 21.01.2026

Цель исследования: разработать научно обоснованные предложения по совершенствованию организационно-правовых основ деятельности надзорных органов, направленные на повышение эффективности их правозащитной функции.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе осуществления правозащитной деятельности надзорными органами Российской Федерации.

В современном обществе, стремящемся к построению правового государства, вопросы защиты прав и свобод человека и гражданина приобретают первостепенное значение. Эффективность правозащитной деятельности надзорных органов напрямую зависит от их способности адаптироваться к меняющимся социально-экономическим условиям и вызовам современности. В условиях цифровизации и глобализации возникают новые формы нарушений прав человека, требующие адекватного реагирования и совершенствования правовых механизмов. Например, вопросы защиты персональных данных, противодействия киберпреступности, обеспечения прав граждан в условиях трансграничного взаимодействия – все это требует от надзорных органов не только глубоких знаний в области права, но и владения современными технологиями и методами анализа информации.

Деятельность таких органов, как прокуратура, уполномоченные по правам человека, а также внутренние контрольно-надзорные подразделения различных ведомств, требует постоянного совершенствования, как в организационном, так и в правовом аспектах, поскольку это обусловлено динамичностью законодательства [1].

Представляется целесообразным провести комплексное исследование, направленное на выявление ключевых факторов, влияющих на эффективность правозащитной деятельности надзорных органов, а также предложить пути оптимизации, способствующие более полному и действенному обеспечению прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Хочется отметить, что надзорный орган рассматривает широкий спектр вопросов связанных с правами и свободами граждан и организаций.

Согласно статистическим данным за январь - август 2025 года прокуратуры Рязанской области основные результаты прокурорской деятельности по надзору за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина:

- выявлено нарушений закона 28 404;
- принесено протестов 2801;
- по удовлетворенным протестам отменено и изменено незаконных правовых актов 2176;
- направлено исков (заявлений) в суд 2272;
- из рассмотренных судом исков (заявлений) удовлетворено и прекращено дел ввиду добровольного удовлетворения требований прокурора 1642;
- внесено представлений;
- по представлению прокурора привлечено лиц к дисциплинарной ответственности 1322;
- предостережено лиц о недопустимости нарушения закона 900;
- направлено материалов для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ 128;

Возбуждено уголовных дел по материалам, направленным прокурором в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ 117 [2].

Исходя из представленных данных, можно сделать следующие выводы.

Прежде всего, масштаб выявленных нарушений закона (28 404) свидетельствует о значительной распространенности случаев несоблюдения законодательства, затрагивающего права и свободы граждан и организаций. Это подчеркивает актуальность и востребованность деятельности надзорных органов в сфере защиты прав.

Высокое число принесенных протестов (2801) и отмененных/измененных незаконных правовых актов (2176) указывает на то, что надзорные органы активно выявляют и устраняют нормативные акты, противоречащие закону. Это демонстрирует их роль в обеспечении законности на уровне правотворчества и правоприменения.

Значительное количество направленных исков (заявлений) в суд (2272) и их высокая доля удовлетворения (1642) свидетельствуют об эффективности прокурорского надзора в восстановлении нарушенных прав граждан и организаций через судебные механизмы. Это подчеркивает важность судебной защиты как одного из ключевых инструментов правозащитной деятельности.

Количество внесенных представлений и привлеченных к дисциплинарной ответственности лиц (1322) говорит о том, что надзорные органы не только выявляют нарушения, но и добиваются их устранения путем воздействия на виновных должностных лиц. Это является важным элементом профилактики и предотвращения дальнейших нарушений.

Число предостережений о недопустимости нарушения закона (900) демонстрирует превентивную функцию надзорных органов, направленную на недопущение противоправных действий до их совершения. Это свидетельствует о стремлении к упреждающему обеспечению законности.

Наконец, направление материалов для решения вопроса об уголовном преследовании (128) и последующее возбуждение уголовных дел (117) подчеркивает, что в случаях, когда нарушения носят особо тяжкий характер, надзорные органы способны инициировать уголовное преследование, что является крайней мерой защиты прав и свобод. Однако, даже небольшое количество нереализованных материалов может указывать на необходимость более тщательной оценки перспективности уголовного преследования на стадии направления материалов, чтобы избежать излишней нагрузки на следственные органы и обеспечить более эффективное использование ресурсов.

В ходе анализа деятельности прокуратуры Рязанской области за январь-август 2025 года выявлена значительная эффективность прокурорского надзора, что подтверждается высоким числом выявленных нарушений и принятых мер реагирования. Для дальнейшего повышения результативности контроля за соблюдением прав и свобод граждан целесообразно усилить взаимодействие с судебными органами с целью увеличения доли удовлетворённых исков и ускорения рассмотрения дел. Важно также расширить практику внесения представлений и применения дисциплинарных мер, что способствует предупреждению повторных нарушений. Кроме того, рекомендуется активизировать работу по направлению материалов для уголовного преследования, что позволит повысить уровень ответственности за серьезные правонарушения.

Только комплексный подход, включающий в себя совершенствование организационно-правовых механизмов, кадрового потенциала, общественного контроля и нормативно-правовой базы, позволит обеспечить максимальную результативность прокурорского надзора в деле защиты прав и свобод граждан и укрепления законности и правопорядка в Российской Федерации.

В целом, представленная статистика наглядно демонстрирует многогранность и интенсивность работы прокуратуры Рязанской области по защите прав и свобод граждан и организаций. Она подтверждает, что надзорный орган является ключевым звеном в системе обеспечения законности и правопорядка, активно применяя различные правовые инструменты для достижения поставленных целей.

Список литературы:

1. Оводкова Л.С. Прокурорский надзор как средство обеспечения прав и законных интересов осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 9(184). С. 22-25.
2. Электронный ресурс: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_62/contacts/?ysclid=mknvw1w35e600086749 (дата обращения 21.01.2026).

References:

1. Ovodkova L.S. Prosecutorial supervision as a means of ensuring the rights and legitimate interests of convicts // Vedomosti of the penal enforcement system. 2017. No. 9(184). pp. 22-25.
2. Electronic resource: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_62/contacts /?ysclid=mknvw1w35e600086749 (accessed 01/21/2026).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_106

УДК 338.2

МОЛОДЕЖНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РОССИИ: ТРЕНДЫ, ДРАЙВЕРЫ РОСТА И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА
YOUTH ENTREPRENEURSHIP IN RUSSIA: TRENDS, GROWTH DRIVERS AND INSTITUTIONAL SUPPORT

НАУМОВ Олег Дмитриевич,
кандидат философских наук, руководитель Единого проектного офиса
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный агарный университет».
660049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира, 90.
E-mail: stud.ui@kgau.ru;

АЙСНЕР Лариса Юрьевна,
кандидат культурологии, доцент, доцент Единого проектного офиса
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный агарный университет».
660049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира, 90.
E-mail: stud.ui@kgau.ru;

ЛИСИНА Лариса Георгиевна,
кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, экономики и права
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева».
660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89.
E-mail: lisina@kspu.ru;

NAUMOV Oleg Dmitrievich,
Candidate of Philosophy, Head of the Unified Project Office Krasnoyarsk State Agrarian University.
660049, Krasnoyarsk, Mira Avenue, 90.
E-mail: stud.ui@kgau.ru;

AISNER Larissa Yurievna,
Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Associate Professor of the Unified Project Office
Krasnoyarsk State Agrarian University.
660049, Krasnoyarsk, Mira Avenue, 90
E-mail: stud.ui@kgau.ru;

LISINA Larissa Georgievna,
Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Economics and Law
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev.
660049, Krasnoyarsk, Ada Lebedeva Street, 89.
E-mail: lisina@kspu.ru

Краткая аннотация: *В статье исследуется феномен молодежного предпринимательства как важнейший фактор инновационного прогресса экономики. Опираясь на анализ статистики и актуальных трендов, выделены главные направления деятельности молодых предпринимателей, а также проведен анализ эффективности комплексной поддержки посредством акселераторов, грантовых программ и проектных офисов при высших учебных заведениях. Делается вывод о формировании в России устойчивой экосистемы для развития бизнес-инициатив молодежи.*

Abstract: *The article explores the phenomenon of youth entrepreneurship as a crucial factor in the innovative progress of the economy. Based on an analysis of statistics and current trends, the main areas of activity for young entrepreneurs are identified, and the effectiveness of comprehensive support through accelerators, grant programs, and project offices at higher education institutions is analyzed. The article concludes that Russia is developing a sustainable ecosystem for the growth of youth business initiatives.*

Ключевые слова: *молодежное предпринимательство, стартапы, акселераторы, проектный офис, студенческие бизнес-инициативы, инновации, поддержка предпринимательства.*

Keywords: *youth entrepreneurship, startups, accelerators, project office, student business initiatives, innovation, and entrepreneurship support.*

Для цитирования: *Наумов О.Д., Айснер Л.Ю., Лисина Л.Г. Молодежное предпринимательство в России: тренды, драйверы роста и институциональная поддержка // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 106-108. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_106.*

For citation*: Naumov O.D., Aisner L.Yu., Lisina L.G. Youth entrepreneurship in Russia: trends, growth drivers and institutional support // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 106-108. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_106.*

Статья поступила в редакцию: 13.01.2026

Молодёжное предпринимательство, подразумевающее создание и развитие бизнес-проектов людьми до 30 лет, перестало быть маргинальным явлением и стало мощным двигателем экономического и социального прогресса [1]. Его значение многогранно: оно способствует генерации инноваций, созданию новых рабочих мест и диверсификации экономики регионов. Для самой молодежи это путь к самореализации, приобретению бесценного опыта и финансовой независимости.

Значимость молодежного предпринимательства проявляется в его способности привносить в экономику свежие, нестандартные идеи. Молодые люди, не обремененные стереотипами, активно осваивают перспективные ниши, такие как технологии и IT, эко-бизнес, креативные индустрии, дизайн и сферу образовательных услуг.

Особого внимания заслуживает тренд на стремительный рост предпринимательской активности среди подростков. С начала 2025 года число индивидуальных предпринимателей младше 18 лет выросло на 700, достигнув 13,2 тысяч, что более чем вдвое превышает прирост за

весь предыдущий год (таблица 1).

Таблица 1 – Подростковое предпринимательство в России[1]

Год	Численность, тыс. человек
2023	12,2
2024	12,5
2025	13,2

Анализ приведенных в таблице значений свидетельствует о глубоких изменениях в мировоззрении молодого поколения, для которого бизнес становится инструментом самореализации [2].

Более 30% подростков в России проявляют интерес к предпринимательству, реализуя проекты в области онлайн-торговли, создания контента, разработки приложений и оказания цифровых услуг (таблица 2).

Таблица 2 – ТОП-10 сфер профессиональной деятельности по количеству ВКР в формате «Стартап как диплом» за 2025 г.[2]

Сфера профессиональной деятельности	Количество ВКР в формате «Стартап как дпилом»
Связь, IT-технологии	717
Сервис, оказание услуг населению	468
Образование	310
Сельское хозяйство	205
Пищевая промышленность	161
Финансы и экономика	135
Химическое, химико-технологическое производство	114
Здравоохранение	98
Культура, искусство	95
Административно-управленческая деятельность	93

Это объясняется наличием трендов, устойчиво формируемых в последние годы в системе высшего образования, направленных на трансформацию современной образовательной организации в сторону предпринимательского университета (рисунок 1).

Рисунок 1 – Инструменты развития молодежного предпринимательства

Массовое увлечение предпринимательством среди молодежи способствует развитию инновационного и молодежного бизнеса в России [3].

Анализируя ежегодные документы и отчеты по итогам реализации названных программ [4], можно прийти к выводу о том, что в России сформирована разветвленная система мер поддержки, реализуемая посредством целевого финансирования молодежных предпринимательских проектов и развития акселераторов, участниками которых являются не только образовательные организации и их индустриальные партнеры, но и финансовые структуры, включая венчурные клубы, а также органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации (таблица 3).

[1] Составлена авторами статьи на основе анализа свободных источников в сети Интернет
[2] По материалам Проектного офиса по развитию молодежного предпринимательства в образовательных организациях высшего образования Минобрануки РФ

Таблица 3 – Примеры студенческих акселераторов бизнеса в России

Название	Описание
Фонд содействия инновациям (ФСИ)	Запускает программы поддержки студенческих стартапов и инновационных проектов.
Российский студенческий бизнес-инкубатор	Создает условия для развития студенческих бизнес-проектов по всей России.
Акселератор "Студенческий бизнес-инкубатор" МГУ	Поддержка стартапов студентов МГУ и других вузов Москвы.
Фонд «Талант и успех»	Оказывает поддержку молодежным проектам, в том числе через акселерационные программы.
Российский инновационный центр (РИЦ)	Предоставляет программы для студентов и молодых предпринимателей, включая обучение и финансирование.

Важным вектором развития молодежного предпринимательства становится его институциализация (таблица 4).

Таблица 4 – ТОП-8 структурных подразделений, ответственных за развитие молодежного предпринимательства[1]

Структурное подразделение	Количество
Проектные офисы, отделы инноваций и проектной деятельности	66
Стартап-студии, лаборатории/отделы/центры предпринимательства	56
Бизнес-инкубатор	23
Отделы/управления науки	19
Центры коллективной работы студентов	13
Отделы/управления молодежной политики	12
Центры/отделы образования, карьеры	11
Кафедра/факультет	8

В условиях современной образовательной организации они выполняют роль централизованных платформ, предоставляющих студентам консультации, ресурсы и помощь в привлечении инвестиций.

Только в 2023 году такие офисы провели более 50 тренингов, поддержали свыше 200 стартапов, а более 100 проектов прошли акселерацию и получили грантовую поддержку. Мероприятия проектных офисов объединили около 5000 студентов и молодых ученых, создавая критическую массу инновационного потенциала [5,6].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что молодежное предпринимательство в России переживает период активного роста, подпитываемый как внутренней мотивацией молодого поколения, так и эффективно выстроенной системой государственной и институциональной поддержки. Массовое увлечение предпринимательством среди «зумеров», успешная работа акселераторов и проектных офисов в вузах создают прочный фундамент для будущего инновационной экономики.

Дальнейшее развитие этого направления требует продолжения курса на создание гибких и доступных инструментов поддержки, развития сетевого взаимодействия между университетами, бизнесом и государством, а также популяризации предпринимательских ценностей среди молодежи. Инвестиции в молодежное предпринимательство сегодня – это инвестиции в технологический суверенитет и конкурентоспособность страны завтра.

Список литературы:

1. Стартап как диплом [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://нтр.рф/events/startap-kak-diplom/ (дата обращения 10.12.2025)
2. Мониторинг предпринимательской активности. 2022-2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gsom.spbu.ru/research/research_statistics/gem/ (дата обращения 10.12.2025)
3. Широкова Г.В., Карпинская Э.О., Векслер К.А., Дворкина Д.В. Глобальное исследование предпринимательского духа студентов. Национальный отчет. / Национальный отчет GUESSS (Глобальное исследование предпринимательского духа студентов) в России в 2023 г // НИУ ВСЭ, Санкт-Петербург; Компания Ernst & Young (EY). Санкт-Петербург, 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://spb.hse.ru/data/2024/06/04/2130333367/GUESSS%20Russia%202023_Rus.pdf (дата обращения 10.12.2025)
4. Доклад «Российская Федерация и устойчивое развитие: обзор достижений, инициативы регионов, бизнеса и гражданского сектора (2020–2025)» / Российская ассоциация содействия ООН // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://una.ru/russianreport (дата обращения 10.12.2025)
5. Регламент проведения Всероссийского конкурса выпускных квалификационных работ в формате "Стартап как диплом" (утв. Министерством науки и высшего образования Российской Федерации 27 февраля 2025 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/411845818/ (дата обращения 10.12.2025)
6. Как вузы помогают студентам вывести разработки на рынок. Поддержка студенческих стартапов [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-podvedomstvennykh-uchrezhdeniy/51669/ (дата обращения 10.12.2025)

References:

1. Startap as a Diploma [Electronic resource]. Access mode: https://ntr.rf/events/startap-kak-diplom/ (date of access 10.12.2025)
2. Monitoring of entrepreneurial activity. 2022-2023. [Electronic resource]. Access mode: https://gsom.spbu.ru/research/research_statistics/gem/ (date of access 10.12.2025)
3. Shirokova G.V., Karpinskaya E.O., Veksler K.A., Dvorkina D.V. Global Study of Student Entrepreneurial Spirit. National Report. / National Report of GUESSS (Global Study of Student Entrepreneurial Spirit) in Russia in 2023 // VSE National Research University, St. Petersburg; Ernst & Young (EY) Company. St. Petersburg, 2024. [Electronic resource]. Access mode: https://spb.hse.ru/data/2024/06/04/2130333367/GUESSS%20Russia%202023_Rus.pdf (accessed on 10.12.2025)
4. Report "The Russian Federation and Sustainable Development: An Overview of Achievements, Initiatives by Regions, Business, and the Civil Society (2020-2025)" / Russian Association for UN Assistance // [Electronic resource]. Access mode: https://una.ru/russianreport (accessed on 10.12.2025)
5. Regulations for the All-Russian Competition of Final Qualification Works in the "Startup as a Diploma" Format (approved by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation on February 27, 2025) [Electronic resource]. Access mode: https://base.garant.ru/411845818/ (accessed on December 10, 2025)
6. How Universities Help Students Bring Their Developments to the Market. Support for Student Startups [Electronic resource]. Access mode: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-podvedomstvennykh-uchrezhdeniy/51669/ (accessed on 10.12.2025)

[1] По материалам Проектного офиса по развитию молодежного предпринимательства в образовательных организациях высшего образования Минобрануки РФ

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_109

УДК 342.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ
ADMINISTRATIVE COERCION: THE CONCEPT AND CONTENT OF THE THEORETICAL FRAMEWORK

ЛИПУНЦОВА Анна Владимировна,
доцент кафедры конституционного и международного права, кандидат юридических наук, доцент
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина.
ул. Интернациональная, 33 г. Тамбов, Тамбовская область, 392000, Российская Федерация.
E-mail: anna-lipuncova@yandex.ru;
SPIN-code: 9600-9875
AuthorID: 625249
ORCID 0000-0001-8242-0305

LIPUNTSOVA Anna V.,
Associate Professor of Constitutional and International Law Department, Ph. D. in Law, Associate Professor
Derzhavin Tambov State University.
33, Internationalnaya St., Tambov, Tambov Region, 392000, Russian Federation.
E-mail: anna-lipuncova@yandex.ru
SPIN-code: 9600-9875
AuthorID: 625249
ORCID 0000-0001-8242-0305

Краткая аннотация. *Статья посвящена актуальной в условиях современного государственного управления теме административного принуждения как ключевого правового института. Предметом анализа выступают понятие, сущностные признаки и структурное содержание теоретической конструкции административного принуждения в российском праве.*

Цель. *Цель статьи заключается в комплексном научно-теоретическом осмыслении административного принуждения как правового института, выявлении его сущностных признаков, внутренней структуры, функционального назначения и места в системе государственного управления.*

Методология проведения работы. *Основу исследования образуют формально-юридический метод, методы анализа и синтеза, индукции и дедукции.*

Результаты. *Результаты исследования позволили уточнить понятие административного принуждения в современной правовой доктрине и отграничить его от смежных правовых категорий, раскрыть содержание рассмотренной теоретической конструкции, определить их функциональное назначение института, а также способствовали выявлению проблемных аспектов теоретического осмысления административного принуждения.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в научно-образовательной сфере при разработке учебных курсов по административному праву и проведении дальнейших исследований, а также в практической деятельности при цифровизации управленческих процессов для создания информационных систем учета и контроля принудительных мер.*

Abstract. *The article addresses the topical issue of administrative coercion as a key legal institution in the context of modern public administration. The subject of the analysis is the concept, essential features, and structural content of the theoretical framework of administrative coercion in Russian law.*

Purpose. *The aim of the article is to provide a comprehensive scientific and theoretical understanding of administrative coercion as a legal institution, to identify its essential features, internal structure, functional purpose, and place within the system of public administration.*

Methodology. *The research is based on the formal-legal method, as well as methods of analysis and synthesis, induction and deduction.*

Results. *The study has allowed for refining the concept of administrative coercion within contemporary legal doctrine and distinguishing it from related legal categories, elucidating the content of the theoretical framework under consideration, determining the functional purpose of the institution, identifying problematic aspects in the theoretical understanding of administrative coercion.*

Practical implications. *The findings can be applied in the scientific and educational sphere – for developing academic courses in administrative law and conducting further research – as well as in practical activities, particularly in the digitalization of management processes for creating information systems to record and monitor coercive measures.*

Ключевые слова: *административное принуждение, административное право, государственное принуждение, меры административного принуждения, административная ответственность, правовое регулирование.*

Keywords: *administrative coercion, administrative law, state coercion, measures of administrative coercion, administrative responsibility, legal regulation.*

Для цитирования: *Липунцова А.В. Административное принуждение: понятие и содержание теоретической конструкции // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 109-114. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_109.*

For citation*: Lipuntsova A.V. Administrative coercion: the concept and content of the theoretical framework // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 109-114. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_109.*

Статья поступила в редакцию: 12.01.2026

Введение. Административное принуждение выступает важнейшим механизмом поддержания законности в сфере государственного управления, обеспечивая защиту жизни и здоровья граждан, общественной безопасности, а также реагирование на чрезвычайные ситуации: стихийные бедствия, эпидемии, массовые беспорядки.

Вместе с тем современная правовая регламентация административного принуждения обнаруживает существенные пробелы и противоречия. Отсутствие единого нормативного правового акта, закрепляющего исчерпывающий перечень мер административного принуждения и общие принципы их применения, создает серьезные трудности в систематизации правовых норм. Это приводит к противоречиям и дублированию положений в различных законах и подзаконных актах: если меры административного наказания регулируются Кодексом Российской Федерации об администра-

тивных правонарушениях, то иные меры могут устанавливаться отдельными законодательными актами или ведомственными приказами.

Особую значимость приобретает проблема поиска баланса между эффективностью государственного воздействия и соблюдением конституционных прав и свобод граждан. Применение административного принуждения должно обеспечивать безопасность общества, не переходя грань необоснованного ограничения прав личности.

Проблема административного принуждения в науке административного права носит дискуссионный характер, а само понятие может определяться исследователями с различных позиций. Учёными подчёркивается, что наличие высокого исследовательского интереса к проблеме административного принуждения в частности и принудительных средств государства в целом может быть обусловлено целым пластом экономических, политических и правовых причин [11, с. 9].

Цель настоящего исследования заключается в комплексном научно-теоретическом осмыслении административного принуждения как правового института, предполагающем выявление его сущностных признаков, внутренней структуры, функционального назначения и места в системе государственного управления. Для достижения этой цели необходимо преодолеть ряд теоретических и практических затруднений, сложившихся в данной области правового регулирования.

Прежде всего, сохраняется существенная неопределенность в понимании самого понятия «административное принуждение». Несмотря на активное использование термина в законодательстве и научной литературе, отсутствует единый подход к его трактовке. Не выработано общепризнанное представление об объёме этого понятия, его соотношении с иными видами государственного принуждения, а также о полном перечне мер, которые следует включать в систему административного принуждения. Это порождает неоднозначность в правопонимании и правоприменении.

Особую сложность представляет отграничение административного принуждения от смежных правовых институтов, в частности от административной ответственности и дисциплинарного принуждения.

Отметим, что меры административного принуждения раскрываются в работах С.А. Агамагомедовой [1], В.Н. Амельчаковой [2], С.М. Зубарева [5], В.И. Ковшевацкого и А.В. Ольшевской [8], А.В. Куракина [10], Л.Л. Попова [13] и других административистов, к чьим тезисам мы обратимся в последующем.

Несмотря на то, что тема административного принуждения достаточно разработана, многие аспекты остаются предметом дискуссий и требуют дальнейшего изучения, особенно в условиях динамичных изменений общественных отношений и появления новых вызовов.

Материалы и методы исследования. Исследование административного принуждения как правовой конструкции осуществлялось с применением комплекса общенаучных и специально-юридических методов, обеспечивающих системный и всесторонний анализ предмета.

Ключевым методом выступил формально-юридический, позволивший изучить нормативное регулирование административного принуждения в действующем законодательстве Российской Федерации. С его помощью были проанализированы юридические дефиниции и правовые конструкции, закреплённые в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, федеральных законах и подзаконных актах. Это дало возможность выявить формально-правовые признаки административного принуждения и провести отграничение от смежных правовых явлений, таких как административная ответственность и дисциплинарное принуждение.

Методы анализа и синтеза использовались для учета в понятии административного принуждения еще существенных признаков и основных видов. На этой основе осуществлена систематизация мер административного принуждения по функциональному и целевому критериям.

Применение методов индукции и дедукции обеспечило двусторонний исследовательский подход. Посредством индукции осуществлен переход от изучения отдельных норм и правоприменительных практик к формулированию общих закономерностей функционирования института административного принуждения. Дедуктивный метод позволил проверить теоретические выводы на соответствие действующему законодательству и правовым принципам, обеспечив построение логически обоснованных умозаключений о месте административного принуждения в системе государственного управления.

Результаты и обсуждение. Правовую основу административного принуждения составляют нормы административного права, закрепленные как в законах, так и в подзаконных актах. При этом в правовой системе отсутствует единый нормативно-правовой акт, содержащий полный перечень мер административного принуждения – они рассредоточены по различным источникам правового регулирования.

Рассмотрим сложившиеся в доктрине подходы к определению сущности административного принуждения.

В некоторых работах принанимается попытка разграничить понятия «административное принуждение» и «меры административного принуждения» [14, с. 66]. Второе понятие по смыслу является составной частью первого понятия, поскольку меры выступают в качестве внешней формы выражения административного принуждения. Меры административного принуждения могут носить различный характер и варьироваться в зависимости от конкретной управленческой ситуации и цели применения административного принуждения. Эти меры могут включать в себя психические, физические, организационные способы воздействия должностных лиц конкретных органов власти на подвластных субъектов, в числе которых граждане и организации. Главной чертой этих мер является принудительность, позволяющая побудить лицо выполнить то или иное предписание, понести меры ответственности, претерпевать издержки организационного, правового, экономического характера. Меры принуждения имеют место в случаях, когда лицо должно не по своей воли выполнить предписываемые нормами действия либо воздержаться от их совершения.

В.А. Мельников и А.А. Белов определяют административное принуждение как «метод воздействия государства, заключающийся в ограничении или возложении на определённых лиц установленных законом обязанностей или лишении их некоторых прав» [12, с. 18].

В отличие от уголовного принуждения, административное характеризуется меньшей репрессивностью, не влечёт судимости и чаще реализуется во внесудебном порядке; в отличие от дисциплинарного – не основано на служебной подчинённости.

Перейдём к рассмотрению признаков административного принуждения. Так, С.В. Блатин считаем возможным отнести к явлению, определяющему сущностные черты административного принуждения закрепление в тексте Конституции РФ права и свободы человека и гражданина как высшей ценности, допустимость их ограничения федеральным законом и в целях, определённых Конституцией РФ [3, с. 298].

Л.Л. Попов в качестве признаков, характеризующих административное принуждение, выделяет следующие: «1) является особым видом государственного принуждения и применяется в особых охранительных административно-правовых отношениях; 2) направлено на охрану общественных отношений в сфере государственного управления и исполнительной власти; 3) имеет властно-принудительный характер; 4) связано с внешним государственно-правовым психическим и физическим воздействием на людей; 5) влечёт наложение ограничений или неблагоприятных последствий; 6) имеет цель заставить субъекта осуществить то или иное действие либо воздержаться от его совершения» [13, с. 35].

Таким образом, сущностные черты административного принуждения сводятся к тому, что оно имеет принудительно-властный характер и осуществляется специально уполномоченными органами власти, либо их должностными лицами. Как правило, деятельность этих субъектов связана с выполнением правоохранительных функций, обеспечением общественного порядка, общественной и государственной безопасности.

В научной литературе отмечается, что у категории «меры административного принуждения» имеется ряд синонимов, в числе которых «административно-принудительные средства», «административно-принудительные меры», «меры принудительного обеспечения должного поведения», «принудительные правоохранительные средства воздействия» [6, с. 218].

Полагаем, что такой разброс мнений обусловлен и тем, что отсутствует единый подход к административному принуждению, а также формулировкам наименования данного вида властного воздействия в доктрине. Вместе с тем вопрос изучения мер административного принуждения имеет важное теоретико-методологическое и практическое значение, а систематизация этих мер позволяет более чётко определить сущность мер, правовую природу административного принуждения, а также обоснованность его применения.

Обратим внимание на то, что все эти меры достаточно часто проявляют себя в управленческой практике, позволяют обеспечивать законное исполнение как властных, так и не обладающих властными полномочиями субъектов, а также защиту жизненно важных интересов, охрану правопорядка. Необходимо разграничивать административное принуждение от других видов принуждения. Основная дифференциация видов государственного принуждения носит отраслевой характер и предопределена областью правового регулирования, а также значением статуса уполномоченных на применение мер принуждения субъектов. Так, наряду с административным принуждением как разновидностью государственного принуждения могут выделяться такие виды принуждения как финансово-правовое принуждение, уголовно-процессуальное принуждение, уголовно-исполнительное принуждение.

Однако основной научно-практический интерес заключается в разграничении административного принуждения от мер административной ответственности и дисциплинарного принуждения.

Административная ответственность представляет собой специфическую форму административного принуждения, связанную с применением административных наказаний за совершённые правонарушения. Она наступает исключительно при наличии состава административного правонарушения, предусмотренного нормами административного права, и реализуется через назначение таких санкций, как предупреждение, административный штраф, конфискация орудия совершения или предмета правонарушения, лишение специального права, административный арест и других.

Дисциплинарное принуждение принципиально отличается от двух предыдущих явлений своей сферой применения и основаниями. Оно связано с нарушением служебной дисциплины и реализуется в рамках государственно-служебных отношений. Основанием для применения дисциплинарного принуждения служит дисциплинарный проступок – противоправное, виновное нарушение трудовой или служебной дисциплины. Меры воздействия включают замечания, выговоры, строгие выговоры и иные санкции, предусмотренные трудовым или служебным законодательством. Ключевой особенностью является субъектный состав: дисциплинарное принуждение применяется исключительно к служащим, находящимся в соответствующих отношениях с нанимателем, и действует только в период их нахождения в соответствующем коллективе в качестве государственного служащего. Реализация осуществляется в порядке подчинённости по службе и не сопряжена с привлечением к административной ответственности.

Полагаем, что меры административной ответственности и меры дисциплинарного взыскания являются разновидностями мер административного принуждения, которые выступают обобщающим генеральным понятие по отношению, соответственно, к мерам административной ответственности и к мерам дисциплинарного принуждения.

Административное принуждение является объективно необходимым атрибутом в деятельности государства, регулятором возникающих конфликтов между волей государства и волей граждан, вынужденных подчиняться предписаниям государственных органов и должностных лиц.

Анализ подходов к классификации мер административного принуждения позволяет установить, что в качестве наиболее распространённого критерия в выделении тех или иных мер является, прежде всего, цель их применения. Классификаций, построенных по такому критерию, в доктрине сложилось достаточно большое количество, вместе с тем, они могут различаться по свойствам, а также количеству входящих в них элементов. На наш взгляд, критерий целевого назначения является вполне обоснованным и позволяющим рационально обеспечить их дифференцирование. При этом, по нашему мнению, классификация мер административного принуждения не должна носить сугубо санкционную природу, а учитывать также предупредительные и восстановительные свойства, которыми могут обладать соответствующие меры.

Цели административного принуждения многоаспектны. К ним относится предупреждение правонарушений и иных вредных последствий; пресечение противоправных действий; обеспечение производства по делам об административных правонарушениях; восстановление нарушенного правового состояния; привлечение к административной ответственности. Для достижения этих целей меры принуждения применяются органами государственного управления и их должностными лицами, а в отдельных случаях – органами муниципальной власти и обществен-

ными организациями.

В зависимости от целевого назначения выделяют несколько групп мер административного принуждения:

- административно-предупредительные меры (реквизиция, карантин, запретные зоны), направленные на предотвращение угроз;

- меры административного пресечения (приостановление деятельности, изъятие предметов, административное задержание), призванные пресечь противоправные действия;

- меры обеспечения производства (досмотр, изъятие вещей, привод), служащие процессуальным целям;

- меры административной ответственности (предупреждение, административный штраф, административный арест, дисквалификация и др.), применяемые за совершённое правонарушение;

- административно-восстановительные меры, ориентированные на восстановление нарушенного состояния;

- меры дисциплинарного принуждения (замечание, выговор, предупреждение о неполном должностном соответствии, увольнение по службы), призванные обеспечить порядок и дисциплину на государственной службе.

С функциональной точки зрения меры административного принуждения различаются по характеру воздействия на личность или имущество. К мерам физического воздействия относится применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия для пресечения противоправных действий (например, административное задержание или применение специальных средств). Меры имущественного характера связаны с ограничением прав на имущество – изъятием вещей, наложением штрафа, конфискацией орудий правонарушения. Меры организационного характера ограничивают деятельность или права субъектов (приостановление работы предприятий, запрет на проведение массовых мероприятий, аннулирование лицензий). Психическое принуждение воздействует на сознание и эмоции личности через угрозу применения насилия или иных мер, формируя волю к соблюдению правопорядка (например, требование прекратить противоправные действия под угрозой административной ответственности).

Следует признать, что административное принуждение является властным методом, волевым правоограничением, с помощью которого осуществляется государственное управление. Оно зачастую бывает объективно необходимым для государственных органов и должностных лиц, требует подчинения подвластного субъекта административного правоотношения и ограничения его собственной воли, которая противоречит правопорядку. Административному принуждению, являющемуся разновидностью государственного принуждения, присущи специфические признаки, важнейшими из которых является проявление в охранительных административно-правовых отношениях, наличие властно-принудительного характера, наличие внешнего воздействия на людей.

Российская современная правовая действительность характеризуется существенным усилением роли предупредительного административно-правового воздействия на общественные отношения в силу реализации приоритетных национальных задач по обеспечению общественного порядка и безопасности. В правовой доктрине на раз обращалось внимание на важность и значимость превенции правонарушений со стороны уполномоченных лиц, которая наделена такими характерными чертами как «прогнозируемый, публичный, динамичный, информационно открытый характер, реализуемый в правовой сфере с применением правовых методов и средств, направленных на достижение и сохранение правовых ценностей, правового порядка и социального согласия в обществе» [18, с. 36]. Не можем не сказать и о том, что расширение применимости мер предупреждения правоохранительными органами в отношении, прежде всего, граждан Российской Федерации является одной из тенденций развития административно-деликтного права на современном этапе.

Обратим внимание на то, что в действующем российском законодательстве, а также в теории административного права применительно к указанной деятельности используется два ключевых термина: меры административного предупреждения и меры профилактики, в связи с чем в рамках настоящей работы представляет интерес вопрос их соотношения. В данном контексте укажем на то, что в правовой доктрине сложилось два основных подхода: согласно первому из них предупреждение и профилактика являются тождественными понятиями [7, с. 40], что во многом поддерживается и законодателем в силу активного использования термина «профилактика», согласно второму – соотносятся как общее и частное [17, с. 122], где профилактика является составной частью комплекса мероприятий по предупреждению и носит конкретный характер. Рассмотрим второй из приведенных подходов.

Первостепенно следует отметить, что меры административно-правового предупреждения направлены на предотвращение правонарушений или иных нежелательных и неблагоприятных последствий в целях обеспечения государственной и общественной безопасности. Из указанного положения вытекает вывод о том, что административно-предупредительные меры предшествуют применению иных мер принуждения и выражаются, как правило, в виде совокупности ограничений в отношении определенной категории лиц. Между тем, в научной литературе подчеркивается двойственный характер административно-предупредительных мер, выражающийся в том, что «предупреждение правонарушений может осуществляться как путем применения предупредительных мер административного принуждения, так и без таковых, в последнем случае эта деятельность имеет вид профилактики правонарушений» [9, с. 77].

Исходя из представленных положений, считаем, что соотношение предупредительных и профилактических мер как общего и частного представляется наиболее обоснованным в силу специального характера последних. Таким образом, следует подчеркнуть специфическую роль профилактических мероприятий, поскольку их распространение на субъектов правоотношений носит конкретизированный характер, в связи с чем правовое регулирование данных отношений представляется наиболее актуальным.

В силу неустойчивости внешнеполитической обстановки и обострения геополитических противоречий на современном этапе развития общественных отношений особую актуальность приобретают вопросы обеспечения надлежащего уровня национальной безопасности внутри государ-

ства посредством расширения административных полномочий властвующих субъектов по пресечению правонарушений. Обратим внимание на то, что на сегодняшний день одним из приоритетных направлений деятельности исполнительных органов власти является совершенствование механизма государственного принуждения, которое представляет собой властвующее воздействие на отдельные категории социальных групп с целью пресечения совершения ими незаконных деяний. Указанная тенденция во многом предопределена целями не только правового, но и политического характера, что связано с необходимостью действенной защиты политических и общественных интересов, а также установления правопорядка в государстве.

В данном аспекте рассмотрим теоретическую составляющую мер административно-правового пресечения, которые во многом предопределяют основные направления деятельности исполнительных органов власти. В частности, в научной литературе отмечается, что меры административного пресечения являются «предусмотренными нормами административного и административно-процессуального права способами и приемами воздействия, обеспечивающими прекращение уголовно или административно наказуемого деяния в момент его совершения, устранение реально существующей угрозы личной или общественной безопасности» [8, с. 216]. Среди сущностных характеристик указанного вида государственного принуждения стоит отметить и то, что его основным назначением является принудительное прекращение противоправных деяний физических или юридических лиц, которые, в свою очередь, в рамках осуществляемой ими деятельности допускают нарушение общеустановленного общественного порядка. Помимо этого, согласимся с высказанной А.Ю. Соколовым позицией, согласно которой «меры административного пресечения применяются непосредственно при обнаружении признаков совершающегося, но еще не законченного правонарушения и характеризуются резким вмешательством в деятельность подвластного субъекта» [16, с. 18].

Между тем, стоит указать на то, что в научных кругах ведутся активные дискуссии относительно вопроса определения правовой сущности мер административного пресечения, а также их места в общей системе административного принуждения. В частности, к сегодняшнему дню сформировалось два подхода: согласно первому из них административно-принудительные меры рассматриваются «в качестве самостоятельной формы принуждения или отраслевого вида государственного принуждения, а согласно второму – в качестве составного элемента в рамках одной группы с мерами административно-процессуального обеспечения» [8, с. 216]. В продолжение второго из указанных подходов отметим, что в правовой доктрине является достаточно спорным вопрос и о том, относится ли к целям применения, например, административного задержания, пресечение административных правонарушений [4, с. 31]. Рассмотрев и изучив указанные подходы, приходим к выводу о том, что меры административного пресечения и меры административно-процессуального обеспечения между собой тесно взаимосвязаны и являются дополнением друг к другу, но, тем не менее, представляют собой самостоятельные формы государственного принуждения, регламентированные нормами административного и административно-процессуального права. Несмотря на значительную роль административного принуждения в обеспечении правопорядка, в данной сфере сохраняется ряд проблем. Прежде всего, это отсутствие единого закона об административном принуждении, что затрудняет системное восприятие и применение соответствующих мер. Существует объективная необходимость в систематизации мер принуждения и уточнении процедур их применения.

Заключение. По результатам проведенного исследования сделаны следующие выводы:

1. Административное принуждение представляет собой юридически установленную систему воздействия государства на поведение физических и юридических лиц посредством властных полномочий органов исполнительной власти. Цели административного принуждения предопределены таким направлением административно-правового регулирования как обеспечение порядка государственного управления. Вместе с этим, административное принуждение обеспечивает предупреждение, пресечение, выявление и противодействие противоправным деяниям.

Ключевыми признаками административного принуждения выступают: применение к физическим и юридическим лицам (в том числе органам власти) властного воздействия; реализация уполномоченными органами государственного управления и их должностными лицами; преимущественно внесудебный (оперативный) характер; направленность на предупреждение и пресечение правонарушений, обеспечение правопорядка и исполнение правовых норм; наступление негативных правоограничительных последствий для подконтрольного субъекта.

2. Установлено, что административное принуждение основано на нормах административного материального и административного процессуального права.

Материально-правовые нормы закрепляют содержание административных правоотношений, устанавливают структуру государственных институтов, полномочия должностных лиц, границы компетенции органов власти и принципы организации системы публичного управления. Эти нормы формируют правовой фундамент административной деятельности, определяя, каким образом должно осуществляться управление государством и регулирование общественных отношений в рамках установленного порядка.

Процессуальные нормы, в свою очередь, детализирует процедуры и механизмы применения конкретных мер принудительного характера органами и должностными лицами государственного управления. Они устанавливает четкий алгоритм принятия решений относительно мер административного принуждения, определяет порядок их производства.

3. Меры административного принуждения могут дифференцироваться по целевому и функциональному критериям. С точки зрения целевого назначения могут быть выделены, например, административно-предупредительные меры, меры административного пресечения, меры обеспечения производства, меры административной ответственности, административно-восстановительные меры, меры дисциплинарного принуждения.

Тем самым, говоря о соотношении мер административного принуждения, с одной стороны, и, с другой стороны, мер административной ответственности и мер дисциплинарного принуждения, то мы можем отметить, что административное принуждение представляет собой наиболее широкое понятие, охватывающее разнообразные меры для обеспечения правопорядка. Так, административная ответственность выступает как составная часть административного принуждения, связанная с наказанием за правонарушения. Дисциплинарное принуждение функционирует в особой сфере внутрислужебных отношениях и нацелено на поддержание дисциплины в органах публичной администрации, но так же является

частью административного принуждения в случаях, когда речь идет о мерах, применяемых к государственным служащим. Дисциплинарное принуждение, применяемое к работникам в рамках трудовых правоотношений, не является разновидностью административного принуждения и не отвечает его основным признакам.

С функциональной точки зрения меры административного принуждения различны по своему воздействию на личность или имущество: физические, имущественные, организационные, психологические.

Функциональный и целевой критерии дополняют друг друга. Так, меры физического воздействия (функциональный критерий) часто реализуются в рамках пресечения правонарушений (целевой критерий), а меры имущественного характера могут использоваться как для наказания, так и для обеспечения производства по делу. В научной литературе встречаются и иные подходы – например, выделение мер, применяемых в силу государственной необходимости (эвакуация при стихийных бедствиях), а также дискуссии о месте административно-восстановительных мер в системе административного принуждения, поскольку их целевое назначение порой пересекается с функциями пресечения или наказания.

Список литературы:

1. Агамагомедова, С.А. Государственный контроль и надзор в системе мер административного принуждения / С.А. Агамагомедова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2021. – № 4. – С. 98-103.
2. Амельчакова, В.Н. Административно-правовое принуждение как особый вид государственного принуждения / В.Н. Амельчакова, Г.Н. Суслова // Криминологический журнал. – 2021. – № 2. – С. 123-126.
3. Блатин С.В. Понятие и правовая сущность административного принуждения, применяемого органами государственной охраны // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 295-301.
4. Гапон, Ю.П. Административное задержание как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемая в подразделениях пограничного контроля / Ю.П. Гапон // Вестник ЧелГУ. – 2014. – № 20 (349). – С. 30-34.
5. Зубарев, С.М. Имеет ли место административное принуждение при осуществлении контроля, квазиконтроля и надзора в сфере государственного управления? / С.М. Зубарев // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2021. – № 6 (82). – С. 23-32.
6. Ивашкина, А.В. К вопросу о классификации мер административного принуждения / А.В. Ивашкина // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – № 4. – С. 218-221.
7. Казак, Б.Б. Об организации профилактики правонарушений органами внутренних дел / Б.Б. Казак, Н.В. Михайлова, В.М. Столяренко // Административное и муниципальное право. – 2012. – № 2 (50). – С. 39-42.
8. Ковшевацкий, В.И. К вопросу о понятии и сущности мер административного пресечения / В.И. Ковшевацкий, А.В. Ольшевская // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 2. – С. 215-217.
9. Коркин, А.В. Соотношение мер профилактики и предупреждения в административной деятельности полиции / А.В. Коркин // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2016. – № 5-1. – С. 75-79.
10. Куракин, А.В. Вопросы административного принуждения / А.В. Куракин // Административное и муниципальное право. – 2021. – № 2. – С. 10-24.
11. Майоров, В.И. Административное принуждение: понятие, место и формы выражения / В.И. Майоров, А.В. Коркин // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 8-20.
12. Мельников В.А., Белов А.А. Административное принуждение в деятельности ГИБДД: учебно-практическое пособие. Волгоград, 2006. 117 с.
13. Попов, Л.Л. Убеждение и административное принуждение как методы публичного (государственного) управления / Л.Л. Попов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2021. – № 6 (82). – С. 33-47.
14. Резникова, А.А. К вопросу о понятии меры административного принуждения / А.А. Резникова // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 2. – С. 66-71.
15. Соколов, А.Ю. Административное задержание как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях / А.Ю. Соколов // Право. Законодательство. Личность. – 2010. – № 3. – С. 88–95.
16. Соколов, А.Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в системе мер административного принуждения: автореф. дис. ... док. юрид. наук: 12.00.14 – административное право; административный процесс / А.Ю. Соколов. – Саратов, 2013. – 53 с.
17. Спиридонов, П.Е. Меры административного предупреждения и вопросы их административно-процессуального применения / П.Е. Спиридонов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2021. – № 6 (82). – С. 116-124.
18. Степаненко, Р.Ф. Официальное предостережение как эффективное средство предупреждения правонарушений: вопросы правового мониторинга / Р.Ф. Степаненко, Е.П. Шляхтин // Мониторинг правоприменения. – 2018. – № 3 (28). – С. 36-40.

References:

1. Agamagomedova, S.A. Gosudarstvenny kontrol' i nadzor v sisteme mer administrativnogo prinuzhdeniya [State Control and Supervision in the System of Measures of Administrative Coercion]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo, 2021, No. 4, pp. 98-103.
2. Amel'chakova, V.N., Suslova, G.N. Administrativno-pravovoe prinuzhdenie kak osoby vid gosudarstvennogo prinuzhdeniya [Administrative Legal Compulsion as a Special Type of State Compulsion]. Kriminologicheskiy zhurnal, 2021, No. 2, pp. 123-126.
3. Blatin, S.V. Ponyatie i pravovaya sushchnost' administrativnogo prinuzhdeniya, primenyayemogo organami gosudarstvennoy okhrany [The Concept and Legal Essence of Administrative Coercion Applied by State Security Organs]. Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti, 2019, No. 3, p. 295-301.
4. Gapon, Yu.P. Administrativnoe zaderzhanie kak mera obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh, primenyaemaya v podrazdeleniyakh pogranichnogo kontrolya [Administrative Detention as a Measure to Ensure Proceedings for Administrative Offenses Used at Border Control Units]. Vestnik Chelyabinskogo gosuniversiteta, 2014, No. 20 (349), pp. 30-34.
5. Zubarev, S.M. Imeet li mesto administrativnoe prinuzhdenie pri osushchestvlenii kontrolya, kvazikontrolya i nadzora v sfere gosudarstvennogo upravleniya? [Is There Administrative Coercion When Exercising Control, Quasi-Control and Oversight in Public Administration?]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafin, 2021, No. 6 (82), pp. 23-32.
6. Ivashkina, A.V. K voprosu o klassifikatsii mer administrativnogo prinuzhdeniya [On the Classification of Measures of Administrative Coercion]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016, No. 4, pp. 218-221.
7. Kazak, B.B., Mikhaylova, N.V., Stolyarenko, V.M. Ob organizatsii profilaktiki pravonarusheniy organami vnutrennikh del [On Organizing Crime Prevention by Internal Affairs Bodies]. Administrativnoe i munitsipal'noye pravo, 2012, No. 2 (50), pp. 39-42.
8. Kovshevatsky, V.I., Ol'shevskaya, A.V. K voprosu o ponyatii i sushchnosti mer administrativnogo presyeshcheniya [On the Notion and Nature of Measures of Administrative Suppression]. Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti, 2018, No. 2, pp. 215-217.
9. Korkin, A.V. Sootnosheniye mer profilaktiki i preduprezhdeniya v administativnoy deyatel'nosti policii [Correlation between Preventive Measures and Precautionary Measures in Police Activity]. Nauka. Mysl': elektronniy periodicheskiy zhurnal, 2016, No. 5-1, pp. 75-79.
10. Kurakin, A.V. Voprosy administrativnogo prinuzhdeniya [Issues of Administrative Coercion]. Administrativnoe i munitsipal'noye pravo, 2021, No. 2, pp. 10-24.
11. Mayorov, V.I., Korkin, A.V. Administrativnoe prinuzhdenie: ponyatie, mesto i formy vyrazheniya [Administrative Coercion: Definition, Place and Forms of Expression]. Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika, 2016, No. 4 (11), pp. 8-20.
12. Melnikov, V.A., Belov, A.A. Administrativnoe prinuzhdenie v deyatel'nosti GIBDD: uchebnoprakticheskoye posobiye [Administrative Coercion in Traffic Police Activities: Study Guide]. Volgograd, 2006, 117 p.
13. Popov, L.L. Ubezhdeniye i administrativnoe prinuzhdeniye kak metody publichnogo (gosudarstvennogo) upravleniya [Persuasion and Administrative Coercion as Methods of Public (Governmental) Management]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafin, 2021, No. 6 (82), pp. 33-47.
14. Reznikova, A.A. K voprosu o ponyatii mery administrativnogo prinuzhdeniya [On the Question of Defining Measures of Administrative Coercion]. Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava, 2008, No. 2, pp. 66-71.
15. Sokolov, A.Yu. Administrativnoe zaderzhaniye kak mera obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh [Administrative Detention as a Guaranteeing Measure in Cases of Administrative Violations]. Pravo. Zakonodatel'stvo. Lichnost', 2010, No. 3, pp. 88-95.
16. Sokolov, A.Yu. Mery obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh v sisteme mer administrativnogo prinuzhdeniya: avtoreferat dissertatsii doktora yuridicheskikh nauk: 12.00.14 – administrativnoye pravo; administrativnyy protsess [Measures Ensuring Procedures for Administrative Violation Cases within the Framework of Administrative Coercion Measures: Doctoral Thesis Abstract]. Saratov, 2013, 53 pages.
17. Spiridonov, P.E. Mery administrativnogo preduprezhdeniya i voprosy ikh administrativnoprotsessual'nogo primeneniya [Measures of Administrative Warnings and Issues of Their Administrative Application]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafin, 2021, No. 6 (82), pp. 116-124.
18. Stepankenko, R.F., Shlyakhtin, E.P. Ofitsial'noye predosterezheniye kak effektivnoye sredstvo preduprezhdeniya pravonarusheniy: voprosy pravovogo monitoringa [Official Admonition as an Effective Tool for Preventing Crimes: Questions of Legal Monitoring]. Monitoring pravoprimeneniya, 2018, No. 3 (28), pp. 36-40.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_115

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОГО ПОНЯТИЯ «ДАННЫЕ»: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
THE DEVELOPMENT OF THE INFORMATION-LAW CONCEPT OF 'DATA': CHALLENGES AND PROSPECTS

ПАНИН Валерий Олегович,
Младший научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности
Институт государства и права Российской академии наук.
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: valeri-panin@yandex.ru;
SPIN-код: 9921-6425,

PANIN Valerii Olegovich,
Junior Research Fellow, Information Law and International Information Security Sector
Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
10, Znamenka str., Moscow 119019, Russian Federation.
E-mail: valeri-panin@yandex.ru;
SPIN code: 9921-6425

Краткая аннотация. *В действующем законодательстве используются такие термины, как «данные», «электронные данные», «цифровые данные», «база данных» и др., соотношение которых предметно не раскрыто в теории права и нормативном регулировании. Кроме того, информационное законодательство использует понятия «информация», «сведения», «данные» и «сообщения» в качестве синонимов, не выделяя их характерные признаки.*

Между тем, на сегодняшний день принципиально важной задачей выступает определение правовой природы данных. В противном случае затруднительно предоставлять правовую защиту в отношении отдельных разновидностей данных, которые в условиях цифровой трансформации приобретают качество ценности, актива. В информационно-правовых исследованиях отсутствует единообразный подход к соотношению данных и информации.

В результате сравнительного анализа зарубежных и отечественных источников, как в области естественных, так и юридических наук, определено соотношение между юридически значимыми понятиями «информация», «данные», «электронные данные», «цифровые данные», выделены признаки электронных данных, как объекта информационных правоотношений. Доказана необходимость отказа от использования понятия «цифровые данные» в действующем законодательстве и научном дискурсе. Интенсификация оборота данных, появление их различных видов, позволяет сформулировать вывод о наличии предпосылок для качественного развития института данных в информационном праве, оборот данных на современном этапе затрагивает суверенитет государства.

Abstract. *Current legislation uses terms such as 'data', 'electronic data', 'digital data', 'database' and others, the relationship between which is not clearly defined in legal theory or regulatory frameworks. Furthermore, information legislation uses the concepts of 'information', 'data', 'facts' and 'message' as synonyms, without distinguishing their characteristic features.*

Meanwhile, a key task today is to determine the legal nature of data. Otherwise, it is difficult to provide legal protection for certain types of data which, in the context of digital transformation, have come to be regarded as assets of value. In Information law research, there is no uniform approach to defining the relationship between data and information.

A comparative analysis of foreign and domestic sources, in both the natural and legal sciences, has identified the relationship between the legally significant concepts of 'information', 'data', 'electronic data', 'digital data' has been established, and the characteristics of electronic data, as an object of legal relations concerning information, have been identified. The need to discontinue the use of the term 'digital data' in current legislation and academic discourse has been demonstrated. The intensification of data circulation, the emergence of various types of data has led to the conclusion that the conditions are in place for the qualitative development of the concept of data within information law, as data circulation at the present stage touches upon state sovereignty.

Ключевые слова: *данные, информация, знание, электронные данные, цифровые данные, большие данные, структурированные сведения, компьютерная информация, объект информационных отношений.*

Keywords: *data, information, knowledge, electronic data, digital data, big data, structured data, computerized information, object of information relationships.*

Для цитирования: *Панин В.О. Развитие информационно-правового понятия «данные»: проблемы и перспективы // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 115-118. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_115.*

For citation*: Panin V.O. The development of the information-law concept of 'data': challenges and prospects // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 115-118. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_115.*

Статья поступила в редакцию: 13.01.2026

Введение

В Российской Федерации объявлено о построении экономики данных[1]. Иностранные стратегические документы[2] и законодательные акты[3] свидетельствуют о том, что характерная черта экономики данных – рассмотрение данных, как ключевого средства производства, которое представляет собой ценность и способно создавать новые ценности. Аналогичная позиция излагается в современных диссертационных информационно-правовых исследованиях на соискание ученых степеней кандидата [1, с. 4] и доктора юридических наук [2, с. 5].

Согласно сведениям из общедоступных источников по состоянию на конец 2025 – начало 2026 гг., ежедневно в мире производится более четырехсот миллионов терабайт данных, при этом по итогам 2025 года общемировой объем данных составляет 181 зеттабайт (181 миллиард

[1] Перечень поручений по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, утв. Президентом Российской Федерации 30 марта 2024 г. № Пр-616. Пп. 8–9. URL: http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/73759 (дата обращения: 20.11.2025).
[2] An EU Initiative on Web 4.0 and Virtual Worlds: a Head Start in the Next Technological Transition. European Commission. Strasbourg. 2023. Section 1. P. 1. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/eu-initiative-virtual-worlds-head-start-next-technological-transition (дата обращения: 20.11.2025).
[3] Regulation (EU) 2023/2854 of the European Parliament and of the Council of 13 December 2023 on Harmonised Rules on Fair Access to and Use of Data and Amending Regulation (EU) 2017/2394 and Directive (EU) 2020/1828 (Data Act) // Official Journal of the European Union. December 22, 2023. L 337. P. 1–99. Recitals 1, 16; Art. 13(5)(c).

терабайт)[1]. Указанное значение десятикратно превышает показатели 2016 года[2] и более, чем в шестьсот раз, показатели по итогам 2007 года[3].

Специалисты из Китайской Народной Республики (далее – КНР) подчеркивают, что данные обретают новые юридические характеристики в современных условиях [3, с. 177]. В отечественной литературе неоднократно отмечалось, что развитие информационных отношений объективно влечет за собой появление новых субъектов и объектов, относящихся к сфере информационно-правового регулирования, а также связанных с ними рисков и угроз для государства, общества и отдельных граждан [4, с. 36-37].

Указанные тенденции находят отражение в действующем законодательстве. Например, Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ определил цифровую валюту, как «совокупность электронных данных»[4]; в Конституцию Российской Федерации включено словосочетание «оборот цифровых данных»[5]. Приобретение данными, как объектом информационных правоотношений, ценностной характеристики, соответствует природе цифровой трансформации, которая ориентирована на комплексное преобразование различных процессов [5, с. 14].

Между тем, указанные тенденции не находят своего отражения в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации). Во избежание терминологической путаницы, необходимо определить значение термина «данные», как правовой категории, определить его место в системе объектов информационных правоотношений, а также установить соотношение данных с «цифровыми данными», «электронными данными». При решении указанных задач необходимо применять формально-юридический и сравнительно-правовой методы, общенаучные методы анализа, синтеза, а также междисциплинарный подход.

Соотношение понятий «информация» и «данные»

С учетом тесной связи информационного права с техническими науками, изучающими информацию, прежде всего, обратимся к этой области знаний. В одном из зарубежных аналитических исследований представлены результаты опроса сорока пяти исследователей, предложивших более ста тридцати определений понятий «данные», «информация», «знания» [6, с. 487]. Их анализ позволяет сделать вывод, что в технических исследованиях преобладает подход, в соответствии с которым данные – это категория объективного свойства, «исходный материал», сигналы и т.п., обработка которых человеком или автоматизированной системой может привести к получению информации – категории субъективного свойства, а при её качественном усвоении конкретным субъектом – к знаниям. Иными словами – данные рассматриваются, как базовый термин, с использованием которого определяются иные связанные понятия.

В юридической науке подобного подхода придерживается Н.Н. Ковалева, с позиции которой необходимо законодательно разграничить понятия «данные» и «информация» [7, с. 171]. В противном случае это влечет за собой возникновение упрощенного толкования виртуального, как чего-то *нереального*, что, в конечном счете, противоречит технологической природе соответствующих явлений [7, с. 176-177]. Между тем, подход из сферы естественных наук, в соответствии с которым данные, а не информация, как понятие, обладает большим объемом, противоречит действующему законодательству, которое использует информацию в качестве системообразующей категории.

В дальнейшем данные, как объект информационных отношений, будут рассматриваться как одна из форм существования информации. Однако в науке отсутствует единообразный подход к определению места данных среди иных форм существования информации (сведений, сообщений).

Л.К. Терещенко в диссертационном исследовании иерархически не разграничивает информацию, сведения, сообщения, данные, ставя между ними знак равенства [8, с. 55], между тем, впоследствии Л.К. приходит к выводу о необходимости разграничения терминов «информация» и «цифровые данные», так как их синонимичное использование может приводить к проблемам в правоприменительной практике [9, с. 103].

Г.Г. Камалова, М.И. определяет «данные» и «сообщения», как разновидность сведений [10, с. 31, 43]. Сходного подхода придерживается М.И. Паршуков [11, с. 34].

А.А. Стрельцов, напротив, предлагает рассматривать данные в качестве разновидности сообщений (а не сведений), характерной чертой которой выступает их приведение в форму, подходящую для обработки на вычислительных машинах [12, с. 5].

С позиции Ю.М. Батурина, которая основана на ярусной системе понятий, информация представляет собой «*совокупность сведений*, подлежащих хранению, передаче, обработке и использованию» [13, с. 36], их передача определяется самостоятельным термином – «сообщение» [13, с. 37]. С учетом того, что в отдельных случаях сведения необходимо преобразовать посредством кодирования в форму, удобную для хранения, передачи или автоматической обработки, Ю.М. Батурин предлагает следующее определение информации – это «сведения, преобразованные в сообщение с помощью кода и переданные по линии связи сигналом» [13, с. 37].

Следует согласиться с предложенным подходом, который направлен на унификацию законодательства о связи и о информации. Отметим, что предложенное «ярусное» определение информации может быть использовано для описания данных (в специализированном значении), так как они представлены в кодированном виде в информационных системах и передаются с использованием электрических сигналов. С учетом изложенного, в дальнейшем данные будут рассматриваться как разновидность сведений. Перейдем к выявлению характерных признаков данных, как объекта, их соотношению с электронными данными и компьютерной информацией, с целью сформулировать правовую дефиницию.

---

[1] *Duarte F.* Amount of Data Created Daily // Exploding Topics. 2026. February 24. URL: https://explodingtopics.com/blog/data-generated-per-day (дата обращения: 20.11.2025).
[2] Там же.
[3] Рынок больших данных растёт огромными темпами: что нужно знать // Известия. 2026. 22 февр. URL: https://iz.ru/2046417/2026-02-22/rynok-bolshikh-dannykh-rastet-ogromnymi-tempami-chto-nuzhno-znat (дата обращения: 20.11.2025).
[4] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" Часть 3 статьи 1 // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.
[5] Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Пункт «г» части 6 статьи 1 // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

Соотношение понятий «данные», «электронные данные», «цифровые данные»

Как указано выше, в 2020 году в действующее законодательство были включены термины «цифровые данные» и «электронные данные», однако их содержание было раскрыто. Прежде чем переходить к дальнейшему анализу откажемся от использования словосочетания «цифровые данные». Как неоднократно отмечал Ю.М. Батурин, перевод термина «digital» в качестве прилагательного «цифровой» не учитывает специфику двоичной системы счисления, в рамках которой знаки «0» и «1» используются для записи чисел [13, с. 42].

Анализ действующего законодательства, в том числе зарубежного и международного, а также научных источников, позволяет выделить два подхода к определению понятия «данные» и его соотношению с электронными данными.

С одной стороны, существует узкоспециализированный подход к пониманию данных, используемый, прежде всего, специалистами из области естественных наук, в рамках которого данные рассматриваются в контексте их обработки с использованием информационных технологий. Подобным образом данные определены в Европейском Законе о данных[1]. В рамках данного подхода термины «данные» и «электронные данные» являются синонимами, в связи с чем введение нового понятия излишне и сущностно является тавтологией.

С другой стороны – российское законодательство оперирует термином «данные» не только в узкоспециализированном, информационном значении. Под данными понимаются, как закодированные сведения, приведенные в вид, пригодный для обработки только с использованием информационных технологий (узкоспециализированный подход), так и сведения, приведенные в форму, удобную для обработки человеком и без использования таких технологий («данные регистров бухгалтерского учета», «статистические данные», «паспортные данные», «персональные данные»). Кроме того, термин «данные» также используется в отечественном законодательстве в качестве синонима сведений, например, «фактические данные», «данные о фактах хозяйственной жизни», без указания на их приведение к определенной форме.

С учетом изложенного, введение отдельного термина, который будет обозначать специализированное значение понятия «данные» следует признать правильным, что характерно не только для Российской Федерации. Закон КНР «О кибербезопасности» оперирует понятием «сетевые данные», которое определяется как электронные данные, обрабатываемые и генерируемые посредством информационных сетей[2]. Кроме того, понятие «электронные данные» применяется в международном праве (Конвенция Организации Объединённых Наций против киберпреступности, далее – Конвенция)[3].

С учетом значения понятия «формализованный», как приведенный к некоей форме, шаблону[4] (например, указание даты в формате «01.01.2001»), данные можно определить, как сведения, приведенные в форму, удобную для обработки человеком или автоматизированными средствами, которые могут выступать объектом правового интереса (частного или публичного). Формализовать также означает представить содержательную сторону какого-либо явления в виде формальной системы или исчисления[5], следовательно к данным также отнесены кодированные сведения, переведенные в двоичную систему счисления, обработка которых возможна только с использованием информационных технологий («электронные данные»).

С учетом части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации с даты вступления в силу Конвенция станет частью правовой системы Российской Федерации, дополняя Закон об информации в части легального определения электронных данных.

Заключение

Сформулируем выводы:

1. Данные с точки зрения российского права представляют собой разновидность информации, а именно - сведения, приведенные в форму, удобную для обработки человеком или автоматизированными средствами и выступающие объектом правового интереса (частного или публичного). Удобство для обработки означает приведение сведений к унифицированной структуре (например, к табличной форме с требованиями по её заполнению).

2. Электронные данные – это вид данных, под которым понимаются сведения, приведенные посредством кодирования в форму, позволяющую осуществлять их обработку с использованием информационно-коммуникационных систем. Электронные данные представляют собой основную форму существования информации в современных условиях.

3. К характерным признакам электронных данных следует отнести следующие:

а) это форма существования информации, разновидность сведений, обработка которых осуществляется исключительно с использованием информационных технологий;

б) с технологической точки зрения электронные данные представляют собой сведения, представленные в кодированном (переведенном в двоичную систему счисления) виде в форме электрических сигналов.

в) электронные данные объективированы, участвуют в правоотношениях, как публично-правовой, так и частноправовой направленно-

---

[1] Regulation (EU) 2023/2854… Art. 2(1)

[2] Закон Китайской Народной Республики «О кибербезопасности» от 07.11.2016. Подп. 4 ст. 76. URL: https://www.cac.gov.cn/2016-11/07/c_1119867116_3.htm (дата обращения: 23.11.2025).

[3] Конвенция Организации Объединённых Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определёнными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьёзным преступлениям: принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеи ООН от 24 декабря 2024 г. Пункт «б» статьи 2. URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243 (дата обращения: 27.11.2025).

[4] Формализовать // Русский язык как государственный: портал Санкт-Петербургского государственного университета. URL: https://rus-gos.spbu.ru/index.php/words/show/17573 (дата обращения: 23.11.2025).

[5] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М., 2003. С. 856.

сти, в том числе формируют производные объекты, которые становятся объектами правового интереса (цифровые валюты, доменные имена, учетные записи, иные виртуальные активы).

4. Увеличение объема обрабатываемых данных в электронной форме, появление их разновидностей («большие данные», «открытые данные», «биометрические данные», «идентификационные данные», данные, представляющие собой ценность, например, цифровые валюты, и т.п.) свидетельствует о наличии предпосылок для качественного развития института данных в информационном праве, что требует отдельного научного анализа. Регламентация указанных аспектов непосредственным образом затрагивает государственный суверенитет.

Список литературы:

1. Быстрякова С.А. Правовое регулирование цифрового оборота персональных данных в системе обеспечения транспортной безопасности : Дисс.... канд. юрид. наук : Российский университет транспорта». Москва, 2025. - 229 с.

2. Паршуков М.И. Теоретические основания формирования понятийного аппарата информационного права в Российской Федерации: Дисс. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, 2026.- 340 с.

3. *Liu, J.* (2024). Study on the Criminal Law Protection of Virtual Property. Lecture Notes in Education Psychology and Public Media, 55(1), pp. 177–183. DOI: 10.54254/2753-7048/55/20240093.

4. *Полякова Т.А., Троян Н.А.* Информационное право и цифровая реальность: развитие, приоритеты и проблемы в условиях цифровой трансформации // Правовая информатика. 2025. № 2. С. 31-41. DOI: 10.24412/1994-1404-2025-2-31-41.

5. *Минбалеев А.В.* Понятия «цифровизация» и «цифровая трансформация» // Цифровая трансформация государства и права в условиях экономики данных: монография / под ред. А.В. Минбалеева. Саратов: Амирит, 2025. С. 12–25.

6. Zins Ch. Conceptual Approaches for Defining Data, Information, and Knowledge // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2007. Vol. 58, № 4. P. 479–493. DOI: 10.1002/asi.20508.

7. *Ковалева Н.Н.* Историографический подход к определению термина «информация» в информационно праве // Историографические и перспективные задачи современного информационного права : Сборник научных трудов первой Международной конференции «Историографические и перспективные задачи современного информационного права (Москва, 28 ноября 2025 года) / под общ. ред. академика РАН, д-ра юрид. наук, проф. А.Н. Савенкова, д-ра юрид. наук В.С. Горбаня. – М.: ИГП РАН, 2025. С. 169-178.

8. Терещенко Л.К. Правовой режим информации: Дисс. … д-ра юрид. наук. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2011. 415 с.

9. Терещенко Л.К. Трансформация понятийного аппарата информационного права в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 12. С. 98–110.

10. Камалова Г.Г. Правовое обеспечение конфиденциальности информации в условиях развития информационного общества: Дисс. … д-ра юрид. наук. М.: Институт государства и права Российской академии наук, 2020. 472 с.

11. Паршуков М.И. Развитие понятийного аппарата информационного права в условиях реализации Национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» // Бизнес, менеджмент и право. 2025. №3. С. 32-37.

12. Стрельцов А.А. О предмете и методе информационного права // Информационное право. 2019. № 4 (62). С. 4–11.

13. *Батурин Ю.М.* Информационный протокодекс: системная композиция // Правовое обеспечение суверенитета и кодификация информационного законодательства: монография / отв. ред. Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов. М.: Институт государства и права Российской академии наук, 2024. С. 21–42.

References

1. Bystryakova S.A. Legal Regulation of Digital Circulation of Personal Data in the Transport Security System: Diss. ... Cand. of Legal Sciences: Russian University of Transport. Moscow, 2025. 229 p. (in Russian).

2. Parshukov M.I. Theoretical Foundations for the Formation of the Conceptual Framework of Information Law in the Russian Federation: Diss. ... Dr. of Legal Sciences. Yekaterinburg: Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, 2026. 340 p. (in Russian).

3. Liu J. Study on the Criminal Law Protection of Virtual Property // Lecture Notes in Education Psychology and Public Media. 2024. Vol. 55, No. 1. P. 177–183. DOI: 10.54254/2753-7048/55/20240093.

4. Polyakova T.A., Troyan N.A. Information Law and Digital Reality: Development, Priorities and Problems in the Context of Digital Transformation // Legal Informatics. 2025. No. 2. P. 31–41. DOI: 10.24412/1994-1404-2025-2-31-41. (in Russian).

5. Minbaleev A.V. The Concepts of "Digitalization" and "Digital Transformation" // Digital Transformation of the State and Law in the Context of the Data Economy: monograph / ed. by A.V. Minbaleev. Saratov: Amirit, 2025. P. 12–25. (in Russian).

6. Zins Ch. Conceptual Approaches for Defining Data, Information, and Knowledge // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2007. Vol. 58, No. 4. P. 479–493. DOI: 10.1002/asi.20508.

7. Kovaleva N.N. Historiographical Approach to the Definition of the Term "Information" in Information Law // Historiographical and Prospective Tasks of Modern Information Law: Proceedings of the First International Conference "Historiographical and Prospective Tasks of Modern Information Law" (Moscow, November 28, 2025) / ed. by Academician of the Russian Academy of Sciences, Dr. of Legal Sciences, Prof. A.N. Savenkov, Dr. of Legal Sciences V.S. Gorban. Moscow: IGP RAN, 2025. P. 169–178. (in Russian).

8. Tereshchenko L.K. Legal Regime of Information: Diss. ... Dr. of Legal Sciences. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2011. 415 p. (in Russian).

9. Tereshchenko L.K. Transformation of the Conceptual Framework of Information Law in the Context of Digitalization // Journal of Russian Law. 2022. Vol. 26, No. 12. P. 98–110. (in Russian).

10. Kamalova G.G. Legal Protection of Information Confidentiality in the Context of the Development of the Information Society: Diss. ... Dr. of Legal Sciences. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2020. 472 p. (in Russian).

11. Parshukov M.I. Development of the Conceptual Framework of Information Law in the Context of the Implementation of the National Project "Data Economy and Digital Transformation of the State" // Business, Management and Law. 2025. No. 3. P. 32–37. (in Russian).

12. Streltsov A.A. On the Subject and Method of Information Law // Information Law. 2019. No. 4 (62). P. 4–11. (in Russian).

13. Baturin Yu.M. Information Protocode: System Composition // Legal Support of Sovereignty and Codification of Information Legislation: monograph / ed. by T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev, V.B. Naumov. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2024. P. 21–42. (in Russian).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_119

УДК 347.963

АКТЫ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ
ACTS OF PROSECUTORIAL RESPONSE IN EMERGENCY SITUATIONS

ТЮНИН Владимир Александрович,
кандидат юридических наук, старший советник юстиции,
заведующий кафедрой прокурорского надзора
и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе
Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.
ул. Гоголя, 9, Симферополь, Республика Крым, 295011, Россия.
E-mail: prokuror-zakon@mail.ru;

TYUNIN Vladimir Alexandrovich,
PhD in Law, Senior Adviser of Justice, Head of the Department of Prosecutorial Supervision
and the prosecutor's participation in civil, arbitration and administrative proceedings
Crimean Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
Gogol St., 9, Simferopol, Republic of Crimea, 295011, Russia.
E-mail: prokuror-zakon@mail.ru

Краткая аннотация: *В рамках представленного исследования производится анализ работы органов прокуратуры в условиях чрезвычайных ситуаций, нормативные основы, которые определяют полномочий прокурорских работников по внесению ими актов реагирования направленных на предупреждение нарушению прав граждан со стороны должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления. Кроме того, автором определяются задачи прокурорских работников в сфере защиты от чрезвычайных ситуаций.*

Abstract: *Within the framework of the presented research, the work of the prosecutor's office in emergency situations is analyzed, as well as the regulatory framework that defines the powers of prosecutors to introduce response acts aimed at preventing violations of citizens' rights by officials of state authorities and local governments. In addition, the author defines the tasks of prosecutors in the field of emergency protection.*

Ключевые слова: *правовые средства прокурора, акты прокурорского реагирования, чрезвычайные ситуации, акты прокурорского надзора, полномочия, законодательство, прокурор.*

Keywords: *prosecutor's legal means, acts of prosecutor's response, emergency situations, acts of prosecutor's supervision, powers, legislation, prosecutor.*

Для цитирования: *Тюнин В.А. Акты прокурорского реагирования в условиях чрезвычайных ситуаций // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 119-121. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_119.*

For citation*: Tyunin V.A. Acts of prosecutorial response in emergency situations // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 119-121. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_119.*

Статья поступила в редакцию: 30.12.2025

Актуальность исследования актов прокурорского реагирования в условиях чрезвычайных ситуаций обусловлена необходимостью обеспечения эффективного правового регулирования в период особого правового режима. В контексте современных вызовов и угроз, включая природные катастрофы и техногенные аварии, прокуратура как орган надзора за законностью играет ключевую роль в защите прав граждан и публичных интересов. В статье анализируются нормативные основы и практические аспекты применения прокурорских полномочий, включая представления и предостережения, через призму современных подходов к обеспечению законности. Особое внимание уделяется балансу между осуществлением надзорных функций и недопустимостью подмены органов исполнительной власти, что составляет методологическую основу исследования.

На данный момент органы прокуратуры, используя надзорные полномочия в области защиты от чрезвычайных ситуаций, имеют возможность принятия соответствующих мер реагирования. Непосредственно в сфере защиты от чрезвычайных ситуаций перед органами прокуратуры в организационно-распорядительных документах Генеральной прокуратуры Российской Федерации, таких как приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 26 апреля 2024 г. № 321 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» и актах прокуроров субъектов Российской Федерации поставлены следующие цели: обеспечение законности, защита прав граждан в социальной и экономической сферах, обеспечение надлежащей организации за исполнением законодательства об охране окружающей среды и природопользования, экологического законодательства в части охраны лесов от пожаров [1, с.259].

Данные цели реализуются прокурорскими работниками с помощью выполнения следующих задач в сфере защиты от чрезвычайных ситуаций:

– выявление нарушений в сфере защиты от чрезвычайных ситуаций, причин и условий, способствовавших этим нарушениям;

– установление в ходе проведении проверки совершивших нарушение закона виновных лиц;

– принятие мер прокурорского реагирования, направленных на пресечение нарушений в сфере защиты от чрезвычайных ситуаций, а также восстановление нарушенных прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства;

В том числе при осуществлении надзорных мероприятий прокуроры должны не подменять контролирующие органы, органы государственной власти, военного управления, органы местного самоуправления, на которые возложена обязанность по предупреждению и ликвидации

чрезвычайных ситуаций, реализации прав и законных интересов граждан. Указанное направление непосредственно определяет пределы принятия мер прокурорского реагирования при установлении нарушений законодательства при наступлении чрезвычайных ситуаций.

В качестве примера применения актов реагирования в условиях чрезвычайных ситуаций необходимо отметить обзорный документ Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О состоянии законности и практики прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере охраны лесов от пожаров» в котором сообщается о 12 тысяч лесных пожаров, пройденных огнем 8,5 млн гектаров земель лесного фонда на территории Российской Федерации. По итогам проверок прокурорскими работниками было выявлено более 22,7 тыс. нарушений в сфере противодействия пожарам, в суды направлено более 2 тысяч заявлений, общая сумма которых составила 12,8 млн рублей. Также, было внесено 4,7 тысяч представлений, к дисциплинарной и административной ответственности привлечено свыше 5 тысяч лиц. Как важный статистический результат, было объявлено 2 тысячи предостережений [2].

Также, в ходе проверок исполнения законодательства в области охраны лесов от пожаров на 2024 год выявлено 14 тыс. нарушений, внесено более 4 тыс. представлений. Немаловажным фактом является то, что по инициативе прокуроров к различным видам ответственности привлечено 3,4 тыс. лиц [3].

Правовое регулирование прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера, а также вынесения актов прокурорского реагирования в рамках данного надзора обеспечивается ранее упомянутым приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 26 апреля 2024 г. № 321 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

Данный приказ закрепляет то, что при проведении проверок исполнения законодательства о безопасности гидротехнических сооружений прокурорам необходимо принимать исчерпывающие меры прокурорского реагирования с целью понуждения органов публичной власти к выполнению мероприятий по выявлению, инвентаризации и регистрации прав на бесхозяйные гидротехнические сооружения, постановке таких объектов на учет, обеспечению их безопасности, проведению ремонта, консервации или ликвидации. Данными исчерпывающим мерами прокурорского реагирования как раз являются представление и предостережение [4].

Важную роль при осуществлении деятельности прокурорских работников при чрезвычайных ситуациях играет работа со средствами массовой информации и населением. Как считают научные круги, Генеральный прокурор Российской Федерации ориентирует прокурорских работников на осуществление сотрудничества со средствами массовой информации, расширения и укрепления этих связей, позволяющий эффективнее решать задачи по защите интересов личности и государства, а также укрепления законности и правопорядка[5, с.226-230]. С уверенностью можно сказать, что прокурорам необходимо в полной мере пользоваться как надзорными, так и ненадзорными полномочиями, предусмотренными федеральным законодательством.

Рассматривая вопрос применения актов прокурорского реагирования в условиях чрезвычайных ситуаций, стоит рассмотреть актуальную практику. Так, Новороссийской транспортной прокуратурой с конца 2024 года проводится проверка исполнения законодательства в сфере безопасности мореплавания после крушения танкеров с нефтью в Черном море. По итогам проверки будет рассмотрен вопрос о необходимости принятия мер прокурорского реагирования [6]. Именно оперативность в проведении проверочных мероприятий позволяет своевременно выявить факты нарушений законодательства, а также в полной мере принять необходимые меры прокурорского реагирования в условиях чрезвычайной ситуации, когда внимание всего государства направленно на данные случаи.

Паводковые периоды регулярно выявляют недостатки в подготовке органов власти. В 2025 году в Пермском крае в ходе надзорных мероприятий после паводка были вскрыты типичные нарушения:

- ненадлежащая работа по созданию резервов материальных ресурсов для ликвидации чрезвычайных ситуаций;
- непринятие мер по обустройству минерализованных полос;
- отсутствие готовности пунктов временного размещения к приему граждан.

На эти нарушения прокуратура ответила адресными мерами. Так, Нытвенским районным судом по иску прокурора на муниципалитет была возложена обязанность по созданию необходимых резервов. Кунгурской городской прокуратурой было внесено представление об устранении бездействия администрации городского округа, выразившегося в непроведении мероприятий по обустройству минерализованных полос вокруг населенных пунктов [7].

Более масштабный пример - паводок 2024 года в Оренбургской области. Прокуратура региона выявила более 4 тысяч нарушений законодательства, связанных с чрезвычайной ситуации и ее последствиями. В рамках надзорной деятельности было внесено 531 представление об устранении нарушений, опротестовано 194 незаконных правовых акта и направлено в суды 1569 исков в защиту прав пострадавших граждан. По результатам проверок было возбуждено 9 уголовных дел. Такое комплексное использование всего арсенала прокурорских мер позволило обеспечить социальные выплаты для 350 тысяч жителей и взять под контроль восстановление поврежденной инфраструктуры [8].

Лесные пожары, представляющие собой хроническую чрезвычайную ситуацию для многих регионов, также находятся в фокусе прокурорского надзора. В 2023 году органами прокуратуры в данной сфере было вскрыто 47 тысяч нарушений законов. Для их устранения внесено 12 тысяч представлений, в суды предъявлено 3 тысячи исков, к дисциплинарной и административной ответственности привлечено 11 тысяч лиц [9].

Практика показывает, что прокуратура активно пресекает факты ненадлежащей подготовки к пожароопасному периоду. В республиках Алтай, Хакасия, Алтайском крае, Кемеровской области прокурорами выявлялись нарушения при использовании бюджетных средств, выделенных

на охрану лесов. Бездействие уполномоченных органов, не обеспечивших нормативы патрулирования и снабжения лесничеств техникой, становилось поводом для обращения прокуроров с исками в суды (Республика Алтай, Красноярский край, Омская область). В других регионах (Республики Бурятия, Хакасия, Алтайский, Забайкальский края) прокуроры вносили представления руководству органов местного самоуправления из-за отсутствия минерализованных полос и опашки населенных пунктов, а также ненадлежащей профилактической работы. В наиболее резонансных случаях, как в Краснодарском крае, прокуратура направляла в суд уголовные дела по факту крупных пожаров, уничтоживших значительные площади лесов.

Чрезвычайные ситуации техногенного характера также требуют оперативного прокурорского вмешательства. В феврале 2025 года в г. Соликамске (Пермский край) произошло обрушение горной породы на руднике. Городская прокуратура с привлечением специалистов Ростехнадзора провела проверку, в ходе которой были установлены факты проведения работ с нарушением требований законодательства. По итогам надзорных мероприятий генеральному директору организации было внесено представление, а юридическое лицо привлечено к административной ответственности.

Ярким примером реакции на коммунальную аварию, создавшую угрозу для населения в экстремальных погодных условиях, является ситуация в г. Бодайбо Иркутской области в декабре 2025 года. Из-за аварии на котельной около 9 тысяч человек остались без отопления в сильные морозы. Прокуратура области, выявив факты необеспечения нормативных показателей теплоносителей, внесла представления как в адрес руководителя теплоснабжающего предприятия, так и в адрес главы городского поселения. Одновременно была инициирована проверка по статье 238 УК РФ («Оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности»). Данный случай иллюстрирует применение прокурором такой формы реагирования, как представление, для немедленного пресечения нарушений, угрожающих жизни и здоровью граждан в условиях возникшей чрезвычайной ситуации [10].

Проведенный анализ позволяет констатировать, что использование актов прокурорского реагирования в условиях чрезвычайных ситуаций представляет собой сложный механизм обеспечения правовой безопасности. Системный подход, реализуемый прокуратурой через сочетание надзорных и координационных полномочий, демонстрирует свою эффективность в условиях чрезвычайных ситуаций. Практика применения актов прокурорского реагирования в чрезвычайных ситуациях, связанных с лесными пожарами и техногенными катастрофами, подтверждает необходимость оперативного реагирования на системные нарушения. Дальнейшее научное осмысление проблематики должно быть направлено на разработку концептуальных основ прокурорского реагирования в условиях новых вызовов.

Список литературы:

1. Фокина М. М. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.2 / Фокина Маргарита Михайловна; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. – Москва, 2025. – 259 с.;
2. Обзор о состоянии законности и практики прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере охраны лесов от пожаров от 2019 г. // Архив Генеральной прокуратуры Российской Федерации;
3. Генеральная прокуратура Российской Федерации: офиц. сайт. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e467952/ (дата обращения: 24.11.2025);
4. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 26 апреля 2024 г. № 321 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Консультант-Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475568/ (дата обращения: 24.11.2025);
5. Мусакаева М.А. Состояние законности и прокурорский надзор за исполнением законов в сфере охраны лесов от пожаров // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. - Общество с ограниченной ответственностью «Центр развития научного сотрудничества», 2016. - С. 226-230;
6. Прокуратура организовала проверку по факту крушения судов в Керченском проливе // Сетевое издание «Смотрим» URL: https://smotrim.ru/article/4268905 (дата обращения: 25.11.2025);
7. О практике прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере гражданской обороны и защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций [Электронный ресурс] // Вестник прокуратуры Пермского края. – 2025. – URL: https://vestnik-prokurorperm.ru/news/inspection/1157 (дата обращения: 24.12.2025);
8. После паводка 2024 года в Оренбуржье возбудили 9 уголовных дел [Электронный ресурс] // Аргументы и факты – Оренбург. – 2025. – 4 июля. – URL: https://oren.aif.ru/society/posle-pavodka-2024-goda-v-orenburzhe-vozbudili-9-ugolovnyh-del (дата обращения: 25.12.2025);
9. Тарасов Максим Юрьевич, Ступаченко Евгений Викторович //О практике прокурорского надзора и состоянии законности в сфере охраны лесов от пожаров // Право и государство: теория и практика. 2024. №10 (238). URL:https://cyberleninka.ru/article/n/o-praktike-prokurorskogo-nadzora-i-sostoyanii-zakonnosti-v-sfere-ohrany-lesov-ot-pozharov (дата обращения: 25.12.2025);
10. После ЧП в Бодайбо главе города внесли представление [Электронный ресурс] // ФедералПресс. – 2025. – 25 дек. – URL: https://fedpress.ru/news/38/incidents/3418461 (дата обращения: 27.12.2025).

References:

1. Fokina M. M. Prosecutor's supervision over the implementation of laws in the field of protection of the population and territories from emergency situations: dis. ... kand. jurid. Sciences: 5.1.2 / Fokina Margarita Mikhailovna; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. – Moscow, 2025. – 259 p.;
2. Review of the state of legality and practice of prosecutorial supervision over the implementation of legislation in the field of forest fire protection from 2019 // Archive of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation;
3. The Prosecutor General's Office of the Russian Federation: official. website. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e467952 / (date of request: 11/24/2025);
4. Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated April 26, 2024 No. 321 "On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of legislation in the field of protection of the population and territories from natural and man-made emergencies" // Consultant-Plus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475568 / (date of request: 11/24/2025);
5. Musakaeva M.A. The state of legality and prosecutorial supervision of the implementation of laws in the field of forest fire protection // Intellectual potential of the 21st century: stages of cognition. - Limited Liability Company "Center for the Development of Scientific Cooperation", 2016. pp. 226-230;
6. The prosecutor's office organized an investigation into the shipwreck in the Kerch Strait // Online publication "We are looking" URL: https://smotrim.ru/article/4268905 (date of request: 11/25/2025);
7. On the practice of prosecutorial supervision over the implementation of legislation in the field of civil defense and protection of the population and territories from emergency situations [Electronic resource] // Bulletin of the Prosecutor's Office of the Perm Region. - 2025. – URL: https://vestnik-prokurorperm.ru/news/inspection/1157 (date of request: 12/24/2025);
8. After the flood of 2024, 9 criminal cases were opened in Orenburg region [Electronic resource] // Arguments and facts – Orenburg. – 2025. – July 4. – URL: https://oren.aif.ru/society/posle-pavodka-2024-goda-v-orenburzhe-vozbudili-9-ugolovnyh-del (date of request: 12/25/2025);
9. Тарасов Максим Юрьевич, Ступаченко Евгений Викторович //О практике прокурорского надзора и состоянии законности в сфере охраны лесов от пожаров // Право и государство: теория и практика. 2024. №10 (238). URL:https://cyberleninka.ru/article/n/o-praktike-prokurorskogo-nadzora-i-sostoyanii-zakonnosti-v-sfere-ohrany-lesov-ot-pozharov (дата обращения: 25.12.2025);
10. After the emergency in Bodaibo, the head of the city was presented [Electronic resource] // FederalPress. – 2025. – 25 Dec. – URL: https://fedpress.ru/news/38/incidents/3418461 (date of request: 12/27/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_122

УДК 325.1:341.43

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ И СТРАНАХ БРИКС
COMPARATIVE ANALYSIS OF MECHANISMS FOR PREVENTING AND COMBATING ILLEGAL MIGRATION IN THE EUROPEAN UNION AND BRICS

МАЮРОВ Николай Петрович,
доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права,
Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова.
198035, Россия, г. Санкт-Петербург, Двинская ул., 5/7.
E-mail: Mayurov2010@mail.ru;

БАХВАЛОВ Леонид Павлович,
аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики.
190103, Россия, г. Санкт-Петербург, Лермонтовский проспект, 44.
E-mail: Leonidb2001@gmail.com;

MAYUROV Nikolay Petrovich,
Doctor of Law, Professor, Department of Theory and History of State and Law,
Admiral S.O. Makarov State University of Maritime and Inland Shipping.
198035, Russia, St. Petersburg, Dvinskaya St., 5/7.
E-mail: Mayurov2010@mail.ru;

BAKHVALOV Leonid Pavlovich,
Postgraduate Student, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics.
190103, Russia, St. Petersburg, Lermontovsky Prospekt, 44.
E-mail: Leonidb2001@gmail.com

Краткая аннотация. *Актуальность темы обусловлена рекордным ростом масштабов нелегальной миграции, которая представляет комплексный вызов безопасности, экономике и социальной стабильности для международных объединений. Целью статьи является проведение сравнительного анализа правовых и организационных механизмов предупреждения и пресечения незаконной миграции в двух разнородных по степени интеграции объединениях –Европейском союзе (ЕС) и БРИКС. В ходе исследования решались следующие задачи: анализ ключевых понятий, исследование эволюции и современного состояния миграционного права ЕС, специфики подходов в странах БРИКС, а также сравнительная оценка эффективности применяемых мер. Методологическую основу составили сравнительно-правовой и системный анализ. Научная новизна заключается в сопоставлении двух принципиально разных моделей регулирования – наднациональной (ЕС) и межгосударственной (БРИКС). В результате установлено, что подход ЕС характеризуется доминированием парадигмы секьюритизации и созданием сложных наднациональных институтов, в то время как БРИКС придерживается функционально-экономической парадигмы, делая акцент на координации национальных политик. Выявлены как системные различия, так и точки соприкосновения, в частности, признание комплексности проблемы и развитие легальных каналов миграции. Сделан вывод о том, что перспективы кооперации в БРИКС лежат в плоскости обмена лучшими практиками и развития договорно-правовой базы, без копированияопыта ЕС.*

Abstract. *The relevance of the topic is determined by the record growth of illegal migration, which poses a complex challenge to the security, economy, and social stability of international associations. The purpose of the article is to conduct a comparative analysis of the legal and organizational mechanisms for preventing and combating illegal migration in two associations with different levels of integration – the European Union (EU) and BRICS. The study addressed the following tasks: analysis of key concepts, research into the evolution and current state of EU migration law, specifics of approaches in BRICS countries, and a comparative assessment of the effectiveness of the applied measures. The methodological basis consisted of comparative legal and system analysis. The scientific novelty lies in the comparison of two fundamentally different regulatory models – supranational (EU) and intergovernmental (BRICS). As a result, it was found that the EU's approach is characterized by the dominance of the securitization paradigm and the creation of complex supranational institutions, while BRICS adheres to a functional-economic paradigm, focusing on the coordination of national policies. Both systemic differences and points of contact were identified, in particular, the recognition of the complexity of the problem and the development of legal migration channels. It is concluded that the prospects for cooperation in BRICS lie in the exchange of best practices and the development of a treaty framework, without copying the EU experience.*

Ключевые слова: *незаконная миграция, предупреждение, пресечение, Европейский союз, БРИКС, сравнительный анализ, миграционная политика.*

Keywords: *illegal migration, prevention, combating, European Union, BRICS, comparative analysis, migration policy.*

Для цитирования: *Маюров Н.П., Бахвалов Л.П. Актуальные вопросы предупреждения и пресечения незаконной миграции в Европейском союзе и странах БРИКС // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 122-126. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_122.*

For citation*: Mayurov N.P., Bakhvalov L.P. Comparative Analysis of Mechanisms for Preventing and Combating Illegal Migration in the European Union and BRICS // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 122-126. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_122.*

Статья поступила в редакцию: 18.12.2025

Актуальность темы предупреждения и пресечения незаконной миграции для таких разнородных международных объединений, как Европейский союз (ЕС) и БРИКС, сложно переоценить. В современных условиях, характеризующихся ростом геополитической нестабильности, конфликтов и экономических диспропорций, проблема незаконной миграции приобрела глобальный и структурный характер[1]. Именно сегодня ее изучение необходимо ввиду ряда факторов.

Во-первых, фиксируется рекордный рост масштабов явления. Для ЕС, по данным Eurostat, прибытие 5,1 миллиона иммигрантов из третьих стран в 2022 году стало вызовом, обнажившим пределы capacity единой системы убежища и спровоцировавшим политические кризисы

[1] Шеншин, В. М. О роли войск национальной гвардии Российской Федерации в сфере миграционной политики при выполнении задач по охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 9(237). – С. 39-43. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_39. – EDN DEJMKX; Шеншин, В. М. Совершенствование миграционного законодательства - важное направление обеспечения общественной безопасности России / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 257-260. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_257. – EDN URKOCP.

солидарности[1]. Во-вторых**,** для БРИКС, объединяющего страны с разнонаправленными миграционными потоками, вопрос управления миграцией трансформировался из сугубо внутреннего в ключевой элемент международной повестки, связанный с экономическим развитием, «утечкой умов» и региональной безопасностью[2].

Политический фактор проявляется в использовании миграционной темы правопопулистскими силами, что дестабилизирует политические системы как в странах ЕС, так и в отдельных государствах БРИКС (например, в ЮАР). Экономический фактор заключается в необходимости заполнения ниш на рынке труда и одновременно в давлении на социальные системы и уровне заработных плат.

Обоснованием новизны исследования служит недостаточная изученность сравнительного аспекта двух столь разных моделей интеграции. В то время как политика ЕС в данной сфере исследована достаточно подробно[3], подход БРИКС и его сравнительная эффективность по отношению к европейской модели анализируются фрагментарно, что, по справедливому замечанию Н.П. Макрова, связано с «относительной молодостью объединения и гетерогенностью его участников»[4]. Таким образом, актуальность здесь и сейчас определяется необходимостью выработки адаптивных моделей управления миграцией, учитывающих как негативный, так и позитивный потенциал этого явления для разных типов политических и экономических объединений.

Целью статьи является проведение сравнительного анализа правовых и организационных механизмов предупреждения и пресечения незаконной миграции в ЕС и БРИКС.

Для достижения этой цели ставятся следующие задачи:

– выявить теоретические основы миграционно-правового регулирования[5], проанализировав ключевые понятия;

– проанализировать эволюцию и современное состояние миграционного права ЕС в контексте противодействия незаконной миграции;

– исследовать специфику подходов к предупреждению и пресечению незаконной миграции в странах БРИКС;

– провести сравнительную оценку эффективности мер, применяемых двумя объединениями, и сформулировать авторские выводы.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в сфере предупреждения и пресечения незаконной миграции в рамках ЕС и БРИКС.

Предметом выступают нормы международного и национального права, а также институциональные механизмы, регулирующие данную сферу.

Современные миграционные процессы представляют собой одно из наиболее динамично развивающихся явлений глобализации, оказывающее существенное влияние на политическую, экономическую и социальную стабильность государств. В условиях растущих миграционных потоков особую актуальность приобретает проблема незаконной миграции, которая становится вызовом не только для национальных систем безопасности[6], но и для международного сотрудничества в сфере регулирования передвижения населения. В связи с этим исследование механизмов предупреждения и пресечения незаконной миграции в различных интеграционных объединениях, таких как Европейский союз (ЕС) и БРИКС[7], позволяет выявить общие тенденции и различия в подходах к решению данной проблемы[8].

«Незаконная (нелегальная) миграция» понимается как въезд, пребывание или трудовая деятельность на территории государства с нарушением его миграционного законодательства. **«**Предупреждение**»** включает в себя комплекс превентивных мер (визовый контроль, сотрудничество со странами происхождения, информирование), направленных на недопущение незаконного въезда и пребывания. **«**Пресечение**»**– это меры реагирования, применяемые к лицам, уже нарушившим миграционные правила, включая задержание, депортацию и административную или уголовную ответственность. По мнению В.В. Лазарева, это «совокупность миграционных процессов, происходящих без разрешения или в обход установленных правил». Е.С. Кузьмина уточняет, что понятие охватывает не только незаконный въезд, но и пребывание после истечения законных оснований[9]. В нормативных актах ЕС (например, Директива 2008/115/ЕС) также подчеркивается аспект отсутствия права на пребывание[10].

Теоретической основой для анализа миграционной политики ЕС служит концепция секьюритизации миграции, в рамках которой миграционные потоки рассматриваются через призму угрозы национальной безопасности, общественному порядку и национальной идентичности[11].

---

[1] Migration and migrant population statistics // Eurostat. – 2024. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migration_and_migrant_population_statistics (датаобращения: 15.10.2024); Migration and asylum in Europe – 2024 edition // Eurostat. – 2024. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/web/interactive-publications/migration-2024 (датаобращения: 15.10.2024).

[2] Gavrilenko, V. Control and Supervisory Activities as an Institute of Administrative Law / V. Gavrilenko, V. Shenshin // BRICS Law Journal. – 2023. – Vol. 10, No. 2. – P. 156-183. – DOI 10.21684/2412-2343-2023-10-2-156-183. – EDN BSSCIV; Vinokurov, V. Administrative Offense Proceedings and Pre-Trial Dispute Resolution in the BRICS Countries / V. Vinokurov, V. Gavrilenko, V. Shenshin // BRICS Law Journal. – 2022. – Vol. 9, No. 1. – P. 35-61. – DOI 10.21684/2412-2343-2022-9-1-35-61. – EDN LFJJYR.

[3] Migration crisis in the EU: developing a framework for analysis of national security and defence strategies / J. Simon. // PMC. – 2018. – URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC6182341/ (датаобращения: 15.10.2024); From Compromise to Implementation: A New Era for EU Migration Policy? / Y. Pascouau // European Policy Centre. – 2024. – URL: https://www.epc.eu/publication/From-Compromise-to-Implementation-A-New-Era-for-EU-Migration-Polic-604294/ (датаобращения: 15.10.2024).

[4] Макров Н. П.Эволюция миграционной политики в рамках БРИКС: вызовы и возможности // Вестник международных организаций. – 2023. – Т. 18, № 1. – С. 43–60.

[5] Шеншин, В. М. Реализация войсками национальной гвардии Российской Федерации задач, возложенных на них законодательством, в сфере обеспечения миграционной политики / В. М. Шеншин // Миграционное право. – 2024. – № 1. – С. 8-11. – DOI 10.18572/2071-1182-2024-1-8-11. – EDN CEJWFN.

[6] Шеншин, В. М. Войска национальной гвардии и миграционная политика России / В. М. Шеншин // Миграционное право. – 2023. – № 3. – С. 27-30. – DOI 10.18572/2071-1182-2023-3-27-30. – EDN OGZAEO.

[7] Назарова, И. С. Перспективы унификации гражданского законодательства стран-участниц БРИКС / И. С. Назарова, П. А. Тараканов, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 8(236). – С. 64-66. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_8_64. – EDN GGFWKS.

[8] Gavrilenko, V. BRICS Expansion: A Geopolitical Triumph of Partner Countries / V. Gavrilenko, V. Shenshin // BRICS Law Journal. – 2024. – Vol. 11, No. 3. – P. 9-53. – DOI 10.21684/2412-2343-2024-11-3-9-53. – EDN ZANYWV.

[9] Monitoring fundamental rights compliance in the context of screening and the asylum border procedure: putting bricks back into the EU house of rule of law / L. Tsourdi // EU Migration Law Blog. – 2024. – URL: https://eumigrationlawblog.eu/monitoring-fundamental-rights-compliance-in-the-context-of-screening-and-the-asylum-border-procedure-putting-bricks-back-into-the-eu-house-of-rule-of-law/ (датаобращения: 15.10.2024).

[10] Уткин Н.И. О расширении БРИКС и его последствиях для установления многополярного мира / Н.И. Уткин, В.М. Шеншин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1(62). – С. 61-73. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-61-73. – EDN EPAFEW; Уткин, Н.И. О некоторых направлениях взаимодействия и развития сотрудничества в рамках БРИКС / Н.И. Уткин, В.М. Шеншин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 2(63). – С. 92-98. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-2-92-98. – EDN IOHLTA.

[11] Маюров Н.П., Бахвалов Л.П. Генезис становления и развития законодательства стран БРИКС в области вынужденной миграции // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение : Сборник научных трудов XI Международной научно-практической конференции. – 2025. – С. 375-385; Маюров Н.П., Бахвалов Л.П. Право-

Этот подход, активно развиваемый Копенгагенской школой, приводит к доминированию ограничительных мер и ужесточению пограничного контроля. По нашему мнению, доминирование данной парадигмы в ЕС, хотя и оправдано с точки зрения сиюминутного реагирования на кризисы, ведет к систематическому обострению проблемы соблюдения прав мигрантов и не решает коренные причины миграционных потоков.

В научной литературе данный подход подробно анализировался рядом исследователей[1]. Так, Б. Бузан и О. Вевер подчеркивали, что секьюритизация миграции приводит к восприятию мигрантов как потенциальной угрозы, что оправдывает ужесточение правовых режимов. Российский исследователь А.В. Кузнецов отмечал, что «секьюритизация миграции в ЕС стала инструментом внутриполитической консолидации, но ослабила доверие к либеральным принципам Союза». На наш взгляд, эти наблюдения справедливы: акцент на безопасности действительно повышает управляемость миграционных процессов, но при этом создает институциональные противоречия между защитой границ и правами человека.

В контексте БРИКС наибольшую объяснительную ценность имеет функционально-экономическая парадигма, рассматривающая миграцию как фактор и ресурс развития. Хотя проблема незаконной миграции признается, основной акцент делается на управлении легальными потоками – трудовой, образовательной и высококвалифицированной миграцией – для достижения взаимодополняемости экономик. Считается,что такой подход является более стратегическим, но его слабость заключается в сложности координации и недостаточной эффективности мер пресечения на национальном уровне.

Подобный функционально-экономический подход разделяют и отечественные исследователи. Так, Н.П. Макров отмечает, что «страны БРИКС рассматривают миграцию преимущественно как инструмент развития человеческого капитала, а не угрозу безопасности». Схожей позиции придерживается Т.В. Гудкова, подчеркивая важность образовательной и трудовой миграции как факторов экономического роста. Представляется, что такая трактовка позволяет лучше учитывать специфику стран Глобального Юга и их ориентацию на долгосрочные выгоды от миграции.

Методологически сравнительный анализ осложнен разной степенью интеграции. ЕС обладает развитым наднациональным правовым порядком, тогда как БРИКС является формой межгосударственного сотрудничества без цели создания надгосударственных органов. Это предопределяет различия в подходах: гармонизированное законодательство в ЕС против координации национальных политик в БРИКС.

Правовая база ЕС в сфере противодействия незаконной миграции является одной из самых развитых в мире. Ее становление сопровождалось трансформацией от разрозненных национальных политик к созданию Общей европейской системы убежища (CEAS). Ключевым элементом обновленной системы стал Пакт о миграции и убежище, принятый в 2024 году.

Основные меры предупреждения незаконной миграции в ЕС включают:

– жесткий визовый режим и сотрудничество со странами происхождения и транзита мигрантов;

– усиление контроля внешних границ, включая создание и наращивание потенциала Европейского агентства пограничной и береговой охраны (Frontex);

– создание комплексных баз данных (ECRIS, SIS), позволяющих отслеживать перемещения нелегальных мигрантов.

Меры пресечения сосредоточены на процедурах на границе и включают:

– скрининг всех нерегулярно прибывших лиц в приграничной зоне (Регламент о скрининге);

– пограничную процедуру предоставления убежища, ускоряющую рассмотрение ходатайств;

– эффективное возвращение (депортация) с синхронизацией пограничной процедуры и процедуры возвращения.

Особого внимания заслуживает новый институт независимого мониторинга соблюдения фундаментальных прав в ходе скрининга и пограничных процедур. Проведенный анализ позволяет заключить, что это прямая, но половинчатая реакция на систематические сообщения о нарушениях прав мигрантов. Однако мандат этих механизмов не распространяется на деятельность пограничного наблюдения «внешние» («greenborder»), что оставляет значительный потенциал для «теневых» операций и сводит на нет декларируемую приверженность верховенству права.

Оценки масштабов нелегальной миграции в ЕС варьируются, по разным экспертным данным, от 2 до 6 миллионов человек[2]. Основными каналами проникновения являются использование поддельных документов, фиктивные браки, нелегальное пересечение границы (в том числе по морю) и превышение срока действия виз.

В отличие от ЕС, БРИКС не имеет унифицированной миграционной политики, и регулирование остается прерогативой национальных государств. Однако все страны-члены сталкиваются со схожими вызовами: масштабными потоками нелегальной миграции, «утечкой умов» и необходимостью балансировать между мерами безопасности и экономическими интересами (табл. 1).

Таблица 1 – Сравнительная характеристика миграционных вызовов в странах БРИКС

Страна	Роль в миграционной системе	Ключевые вызовы в сфере нелегальной миграции
Россия	Крупный центр притяжения трудовых мигрантов (по данным Росстата на 2023 г., около 8 млн иностранных работников).	Массовая нелегальная трудовая миграция из стран Центральной Азии; сложности интеграции; коррупция в системе регистрации.
Китай	Крупный источник эмиграции (в т.ч. нелегальной) и центр внутренней миграции.	Нелегальная эмиграция (в т.ч. через фиктивное трудоустройство и учебу); незаконное пребывание китайцев за рубежом.
Индия	Крупнейший в мире источник эмиграции (по данным МИД Индии, около 18 млн граждан за рубежом).	Нелегальная эмиграция и транзит; нелегальная трудовая миграция в страны Персидского залива и Европу; контрабанда

вое регулирование сотрудничества стран-членов БРИКС в сфере противодействия нелегальной миграции: проблемы и пути их решения // Органы государственной власти в системе правозащитной деятельности на современном этапе : Сборник научных трудов VIII Национальной научно-практической конференции. – 2025. – С. 424-434.

[1] Гавриленко, В. А. Вопросы взаимных расчетов субъектов экономического оборота государств БРИКС / В. А. Гавриленко, В. М. Шеншин // Право: история и современность. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 494-504. – DOI 10.17277/pravo.2025.04.pp.494-504. – EDN AUMFWK.

[2] Противодействие нелегальной миграции: практика ЕС и политика России / А. Иванов // Interaffairs. – 2023. – URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/890 (дата обращения: 15.10.2024).

		людей.
ЮАР	Региональный центр притяжения мигрантов в Африке (4,5-5,7% населения – мигранты).	Нелегальная миграция из других стран Африки; ксенофобия и социальная напряженность.
Бразилия	Страна иммиграции, эмиграции и транзита.	Нелегальная миграция из соседних стран (Венесуэла, Боливия); незаконное трудоустройство в «сером» секторе экономики.

Анализ данных, представленных в таблице, показывает, что вызовы носят в основном региональный характер и тесно связаны с экономическими диспропорциями между странами БРИКС и их соседями. Это коренным образом отличает их от глобального, трансконтинентального характера вызовов, стоящих перед ЕС.

Несмотря на различия, прослеживаются и общие для БРИКС тенденции:

– борьба с «утечкой умов»: все страны разрабатывают меры по удержанию и привлечению высококвалифицированных специалистов (например, программы «ОКИ» в Индии или «Сколково» в России);

– стимулирование образовательной миграции как способа укрепления человеческого капитала и мягкой силы;

– потенциал для кооперации в создании системы регулирования легальной трудовой миграции и противодействия нелегальным потокам в рамках объединения, о чем свидетельствует включение миграционной тематики в повестку саммитов БРИКС [8].

Проведенный анализ позволяет выявить системные различия и точки соприкосновения в подходах ЕС и БРИКС.

Сходства:

– признание комплексности проблемы: оба объединения рассматривают незаконную миграцию не только как вопрос безопасности, но и как явление, тесно связанное с экономическим развитием, демографией и международными отношениями;

– ориентация на легальные каналы: и ЕС, и страны БРИКС активно развивают программы легальной трудовой и образовательной миграции, понимая их пользу для экономики;

– наличие проблем с нелегальной миграцией в крупных масштабах: и в ЕС, и в странах БРИКС (особенно в России и ЮАР) оценки числа нелегальных мигрантов исчисляются сотнями тысяч и миллионами. Коренные различия заложены в самой природе объединений и их подходе к безопасности, представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Сравнительный анализ подходов ЕС и БРИКС

Критерий	Европейский Союз
Парадигма	Секьюритизация, безопасность границ.
Правовая база	Единое наднациональное законодательство (Пакт, регламенты, директивы).
Институты	Наднациональные (Еврокомиссия, Frontex, мониторинговые механизмы).
Ключевой вызов	Массовый приток нелегальных мигрантов и лиц, ищущих убежища, через внешние границы.
Фокус защиты прав	Формализованный мониторинг фундаментальных прав в процедурах (хотя и с ограничениями) [5].

Таким образом**,** ЕС демонстрирует интеграционный и нормативно-централизованный подход, делая ставку на унификацию, жесткий пограничный контроль и сложные процедуры. Однако, как показывает практика, этот подход страдает от кризиса солидарности и противоречия между безопасностью и правами человека. БРИКС придерживается децентрализованной и гибкой модели, где кооперация основана на взаимодополняемости интересов и поиске общих решений без передачи суверенитета. Главным преимуществом этой модели является ее гибкость, а главным недостатком – трудности с выработкой единой и эффективной политики в сфере пресечения.

Проведенный сравнительный анализ показал, что, несмотря на общий объект регулирования – незаконную миграцию, – ЕС и БРИКС применяют принципиально разные стратегии ее предупреждения и пресечения, обусловленные их политической и правовой природой.

Подход ЕС является реактивным и оборонительным, сфокусированным на быстром реагировании на кризисы, укреплении внешних границ и создании сложных правовых процедур[1]. Нормативная сила и ресурсы ЕС позволяют ему вырабатывать комплексные решения, однако их эффективность зачастую подрывается отсутствием политической солидарности между государствами-членами и перманентным конфликтом между мерами безопасности и соблюдением прав человека.

Подход БРИКС является проактивным и ориентированным на развитие. Он в большей степени нацелен на использование позитивного потенциала миграции, прежде всего трудовой и образовательной. Отсутствие жесткой наднациональной структуры является как слабостью (затрудняет выработку единой позиции), так и силой – позволяет сохранять гибкость и адаптироваться к специфическим интересам каждой страны.

Перспективы развития миграционной политики в ЕС связаны с успешной имплементацией Пакта 2024 года и поиском баланса между солидарностью и безопасностью. Для БРИКС наиболее продуктивным путем представляется углубление кооперации в конкретных сферах взаимных интересов: создание общих программ по образовательной и высококвалифицированной миграции, обмен лучшими практиками в области управления границами и развитие договорно-правовой базы по реадмиссии. Опыт ЕС в построении сложных мониторинговых и правоохранительных механизмов может быть полезен для БРИКС по мере углубления интеграции, однако его слепое копирование неприменимо ввиду фундаментальных различий в политических и правовых системах объединений.

Список литературы:

1. Migration and migrant population statistics // Eurostat. – 2024. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migration_and_migrant_population_statistics (дата обращения: 15.10.2024).
2. Migration and asylum in Europe – 2024 edition // Eurostat. – 2024. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/web/interactive-publications/migration-2024 (дата обращения: 15.10.2024).
3. Migration crisis in the EU: developing a framework for analysis of national security and defence strategies / J. Simon. // PMC. – 2018. – URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC6182341/ (дата обращения: 15.10.2024).
4. From Compromise to Implementation: A New Era for EU Migration Policy? / Y. Pascouau // European Policy Centre. – 2024. – URL: https://www.epc.eu/publication/From-Compromise-to-Implementation-A-New-Era-for-EU-Migration-Polic-604294/ (дата обращения: 15.10.2024).

[1] Маюров Н.П., Бахвалов Л. П. Особенности правового регулирования трудовой миграции в странах Брикс // Право и государство: теория и практика. – 2025. – №3. – С. 180-185.

5. Monitoring fundamental rights compliance in the context of screening and the asylum border procedure: putting bricks back into the EU house of rule of law / L. Tsourdi // EU Migration Law Blog. – 2024. – URL: https://eumigrationlawblog.eu/monitoring-fundamental-rights-compliance-in-the-context-of-screening-and-the-asylum-border-procedure-putting-bricks-back-into-the-eu-house-of-rule-of-law/ (дата обращения: 15.10.2024).
6. Противодействие нелегальной миграции: практика ЕС и политика России / А. Иванов // Interaffairs. – 2023. – URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/890 (дата обращения: 15.10.2024).
7. Brics members and the migration challenge / S. Petrunin // Belgorod National Research University. – 2023. – URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/42161/1/Petrunin_Brics.pdf (дата обращения: 15.10.2024).
8. Макров Н. П. Эволюция миграционной политики в рамках БРИКС: вызовы и возможности // Вестник международных организаций. – 2023. – Т. 18, № 1. – С. 43–60.
9. Маюров Н.П., Бахвалов Л. П. Особенности правового регулирования трудовой миграции в странах Брикс // Право и государство: теория и практика. – 2025. – №3. – С. 180-185.
10. Маюров Н.П., Бахвалов Л.П. Генезис становления и развития законодательства стран БРИКС в области вынужденной миграции // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение : Сборник научных трудов XI Международной научно-практической конференции. – 2025. – С. 375-385.
11. Маюров Н.П., Бахвалов Л.П. Правовое регулирование сотрудничества стран-членов БРИКС в сфере противодействия нелегальной миграции: проблемы и пути их решения // Органы государственной власти в системе правозащитной деятельности на современном этапе : Сборник научных трудов VIII Национальной научно-практической конференции. – 2025. – С. 424-434.
12. Gavrilenko, V. Control and Supervisory Activities as an Institute of Administrative Law / V. Gavrilenko, V. Shenshin // BRICS Law Journal. – 2023. – Vol. 10, No. 2. – P. 156-183. – DOI 10.21684/2412-2343-2023-10-2-156-183. – EDN BSSCIV.
13. Vinokurov, V. Administrative Offense Proceedings and Pre-Trial Dispute Resolution in the BRICS Countries / V. Vinokurov, V. Gavrilenko, V. Shenshin // BRICS Law Journal. – 2022. – Vol. 9, No. 1. – P. 35-61. – DOI 10.21684/2412-2343-2022-9-1-35-61. – EDN LFJJYR.
14. Назарова, И. С. Перспективы унификации гражданского законодательства стран-участниц БРИКС / И. С. Назарова, П. А. Тараканов, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 8(236). – С. 64-66. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_8_64. – EDN GGFWKS.
15. Уткин, Н. И. О расширении БРИКС и его последствиях для установления многополярного мира / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1(62). – С. 61-73. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-61-73. – EDN EPAFEW.
16. Уткин, Н. И. О некоторых направлениях взаимодействия и развития сотрудничества в рамках БРИКС / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 2(63). – С. 92-98. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-2-92-98. – EDN IOHLTA.
17. Gavrilenko, V. BRICS Expansion: A Geopolitical Triumph of Partner Countries / V. Gavrilenko, V. Shenshin // BRICS Law Journal. – 2024. – Vol. 11, No. 3. – P. 9-53. – DOI 10.21684/2412-2343-2024-11-3-9-53. – EDN ZANYWV.
18. Гавриленко, В. А. Вопросы взаимных расчетов субъектов экономического оборота государств БРИКС / В. А. Гавриленко, В. М. Шеншин // Право: история и современность. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 494-504. – DOI 10.17277/pravo.2025.04.pp.494-504. – EDN AUMFWK.
19. Шеншин, В. М. О роли войск национальной гвардии Российской Федерации в сфере миграционной политики при выполнении задач по охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 9(237). – С. 39-43. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_39. – EDN DEJMKX.
20. Шеншин, В. М. Совершенствование миграционного законодательства - важное направление обеспечения общественной безопасности России / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 257-260. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_257. – EDN URKOCP.
21. Шеншин, В. М. Реализация войсками национальной гвардии Российской Федерации задач, возложенных на них законодательством, в сфере обеспечения миграционной политики / В. М. Шеншин // Миграционное право. – 2024. – № 1. – С. 8-11. – DOI 10.18572/2071-1182-2024-1-8-11. – EDN CEJWFN.
22. Шеншин, В. М. Войска национальной гвардии и миграционная политика России / В. М. Шеншин // Миграционное право. – 2023. – № 3. – С. 27-30. – DOI 10.18572/2071-1182-2023-3-27-30. – EDN OGZAEO.

References:

1. Migration and migrant population statistics // Eurostat. – 2024. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migration_and_migrant_population_statistics (датаобращения: 15.10.2024).
2. Migration and asylum in Europe – 2024 edition // Eurostat. – 2024. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/web/interactive-publications/migration-2024 (датаобращения: 15.10.2024).
3. Migration crisis in the EU: developing a framework for analysis of national security and defence strategies / J. Simon. // PMC. – 2018. – URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC6182341/ (датаобращения: 15.10.2024).
4. From Compromise to Implementation: A New Era for EU Migration Policy? / Y. Pascouau // European Policy Centre. – 2024. – URL: https://www.epc.eu/publication/From-Compromise-to-Implementation-A-New-Era-for-EU-Migration-Polic-604294/ (датаобращения: 15.10.2024).
5. Monitoring fundamental rights compliance in the context of screening and the asylum border procedure: putting bricks back into the EU house of rule of law / L. Tsourdi // EU Migration Law Blog. – 2024. – URL: https://eumigrationlawblog.eu/monitoring-fundamental-rights-compliance-in-the-context-of-screening-and-the-asylum-border-procedure-putting-bricks-back-into-the-eu-house-of-rule-of-law/ (датаобращения: 15.10.2024).
6. Противодействие нелегальной миграции: практика ЕС и политика России / А. Иванов // Interaffairs. – 2023. – URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/890 (дата обращения: 15.10.2024).
7. Brics members and the migration challenge / S. Petrunin // Belgorod National Research University. – 2023. – URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/42161/1/Petrunin_Brics.pdf (датаобращения: 15.10.2024).
8. Макров Н. П.Эволюция миграционной политики в рамках БРИКС: вызовы и возможности // Вестник международных организаций. – 2023. – Т. 18, № 1. – С. 43–60.
9. Маюров Н.П., Бахвалов Л. П.Особенности правового регулирования трудовой миграции в странах Брикс // Право и государство: теория и практика. – 2025. – №3. – С. 180-185.
10. Маюров Н.П., Бахвалов Л.П. Генезис становления и развития законодательства стран БРИКС в области вынужденной миграции // Право-защитная деятельность в современной России: проблемы и их решение : Сборник научных трудов XI Международной научно-практической конференции. – 2025. – С. 375-385.
11. Маюров Н.П., Бахвалов Л.П. Правовое регулирование сотрудничества стран-членов БРИКС в сфере противодействия нелегальной мигра-ции: проблемы и пути их решения // Органы государственной власти в системе правозащитной деятельности на современном этапе : Сборник научных трудов VIII Национальной научно-практической конференции. – 2025. – С. 424-434.
12. Gavrilenko, V. Control and Supervisory Activities as an Institute of Administrative Law / V. Gavrilenko, V. Shenshin // BRICS Law Journal. – 2023. – Vol. 10, No. 2. – P. 156-183. – DOI 10.21684/2412-2343-2023-10-2-156-183. – EDN BSSCIV.
13. Vinokurov, V. Administrative Offense Proceedings and Pre-Trial Dispute Resolution in the BRICS Countries / V. Vinokurov, V. Gavrilenko, V. Shenshin // BRICS Law Journal. – 2022. – Vol. 9, No. 1. – P. 35-61. – DOI 10.21684/2412-2343-2022-9-1-35-61. – EDN LFJJYR.
14. Назарова, И. С. Перспективы унификации гражданского законодательства стран-участниц БРИКС / И. С. Назарова, П. А. Тараканов, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 8(236). – С. 64-66. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_8_64. – EDN GGFWKS.
15. Уткин, Н. И. О расширении БРИКС и его последствиях для установления многополярного мира / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1(62). – С. 61-73. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-61-73. – EDN EPAFEW.
16. Уткин, Н. И. О некоторых направлениях взаимодействия и развития сотрудничества в рамках БРИКС / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 2(63). – С. 92-98. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-2-92-98. – EDN IOHLTA.
17. Gavrilenko, V. BRICS Expansion: A Geopolitical Triumph of Partner Countries / V. Gavrilenko, V. Shenshin // BRICS Law Journal. – 2024. – Vol. 11, No. 3. – P. 9-53. – DOI 10.21684/2412-2343-2024-11-3-9-53. – EDN ZANYWV.
18. Гавриленко, В. А. Вопросы взаимных расчетов субъектов экономического оборота государств БРИКС / В. А. Гавриленко, В. М. Шеншин // Право: история и современность. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 494-504. – DOI 10.17277/pravo.2025.04.pp.494-504. – EDN AUMFWK.
19. Шеншин, В. М. О роли войск национальной гвардии Российской Федерации в сфере миграционной политики при выполнении задач по охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 9(237). – С. 39-43. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_39. – EDN DEJMKX.
20. Шеншин, В. М. Совершенствование миграционного законодательства - важное направление обеспечения общественной безопасности России / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 4.
21. Shenshin, V. M. Implementation by the troops of the National Guard of the Russian Federation of the tasks assigned to them by law in the sphere of ensuring migration policy / V. M. Shenshin // Migration law. - 2024. - No. 1. - Pp. 8-11. - DOI 10.18572/2071-1182-2024-1-8-11. - EDN CEJWFN.
22. Shenshin, V. M. National Guard troops and migration policy of Russia / V. M. Shenshin // Migration law. - 2023. - No. 3. - Pp. 27-30. - DOI 10.18572/2071-1182-2023-3-27-30. - EDN OGZAEO.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_127

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПЦИИ ПОСТРОЕНИЯ ЕДИНОГО И НЕЗАВИСИМОГО ОРГАНА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ «ПУТИ РАЗВИТИЯ»

FEATURES OF THE CONCEPT OF CONSTRUCTING A SINGLE AND INDEPENDENT PRELIMINARY INVESTIGATION BODY IN THE RUSSIAN FEDERATION: PART FOUR «WAYS OF DEVELOPMENT»

БАБИЧ Никита Владимирович,
Прокурор 1 отдела 15 управления по надзору за процессуальной деятельностью органов Следственного комитета Российской Федерации прокуратуры г. Москвы.
109147, Россия, г. Москва, ул. Крестьянская застава, 1.
E-mail: babich.n.v.92@gmail.com;

BABICH Nikita Vladimirovich,
Prosecutor of the 1st subdivision of the 15th Department for Supervision of Procedural Activities of the Bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation of the Moscow City Prosecutor's Office.
109147, Moscow, Krestyanskaya zastava str., 1.
E-mail: babich.n.v.92@gmail.com

Краткая аннотация: *в 2011 году Следственный комитет России окончательно выводиться из введения органов прокуратуры Российской Федерации и становиться самостоятельным государственным правоохранительным органом. На современном этапе функционирования органов предварительного следствия реализация концепции единого и независимого органа предварительного следствия России заключается в организационном объединение функции следствия с учетом сущности классификации видов преступлений и форм предварительного следствия. То есть становится понятным, что разрешить такую проблему в рамках одной научной специальности не представляется возможным.*

Abstract: *in 2011, the Investigative Committee of Russia will finally be removed from the jurisdiction of the prosecutor's office of the Russian Federation and become an independent state law enforcement agency. At the current stage of the functioning of the preliminary investigation bodies, the implementation of the concept of a single and independent preliminary investigation body of Russia consists in the organizational unification of the investigative function, taking into account the essence of the classification of types of crimes and forms of preliminary investigation. That is, it becomes clear that it is not possible to resolve such a problem within the framework of one scientific specialty.*

Ключевые слова: *единый и независимый следственный орган, суд, прокурор, следователь, Федеральный Следственный комитет России, руководитель следственного органа, концепция, полномочия.*

Key words: *single and independent investigative body, court, prosecutor, investigator, Federal Investigative Committee of Russia, head of investigative body, concept, powers.*

Для цитирования: *Бабич Н.В. Особенности концепции построения единого и независимого органа предварительного следствия в Российской Федерации: часть четвертая «пути развития» // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 127-131. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_127.*

For citation*: Babich N.V. Features of the concept of constructing a single and independent preliminary investigation body in the Russian Federation: part four «ways of development» // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 127-131. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_127.*

Статья поступила в редакцию: 11.01.2026

Рассмотрение этого подхода следует начать с классификации деления всех преступлений, предусмотренных уголовным законодательством на два вида:

1) общие преступления. В эту категорию следует отнести все преступления, отнесенные к подследственности Следственного департамента МВД России и Следственного комитета России, которые совершаются в жизни общества постоянно;

2) особые преступления. К этой категории относятся такие уголовные составы Уголовного кодекса России, как статья 286 – превышение должностных полномочий, статья 290 – получение взятки, статья 291.2 – мелкое взяточничество, статью 292 – служебный подлог, статью 293 – халатность, статья 299 – привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела, статья 300 – незаконное освобождение от уголовной ответственности, ч. 2 и ч. 3 статьи 303 – фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности.

Предлагается на основе вышеупомянутой классификации преступлений выделить в теории три форм предварительного следствия.

К первой относится предварительное следствие по общим преступлениям, для которой характерна первый вид классификации преступлений.

Далее на основе второго вида классификации преступлений выделить вторую и третью формы предварительного следствия;

1) специальное предварительное следствие по должностным преступлениям;

2) особое предварительное следствие по должностным преступлениям.

Представленную классификацию будем рассматривать с позиции теории в рамках реализации данной концепции. В практике разработанная и выдвинутая теория в рамках теории будет проявляться в виде распределения подследственности и обязательными этапами проведения расследования. Подход позволит по-новому представить статью 151 УПК России.

Сущность первой формы предварительного следствия - предварительное следствие по общим преступлениям. Становиться понятным, чтобы создать единый и независимый орган предварительного следствия необходимо сосредоточить в ней практически всю

следственную функцию. Однако буквальное восприятие приведет к негативным последствиям, о которых уже было сказано нами выше. Поэтому требуется создавать единый орган предварительного следствия не общим объедением всех следственных подразделений страны, а учетом классификации видов преступлений. Так, все общие преступления следует сосредоточить в рамках Следственного комитета России.

Этот подход будет правильным и устранит дуализм следственной функции в разных ведомствах.

В рамках обеспечения объективности предварительного следствия и недопущения минусов механического объедения, из общих преступлений, по которым Следственный комитет России мог бы проводить предварительное следствие следует исключить те, которые связанны с отдельными видами должностных преступлений, совершаемых исключительно своими коллегами должностными лицами прокуратуры. То есть запретить следователям Следственного комитета России проводить предварительное следствие только в отношение следователей Следственного комитета России и прокурорских работников по таким уголовным составам, как 285 – злоупотребление должностными полномочиями, статью 286 – превышение должностных полномочий, статью 290 – получение взятки, статью 291.2 – мелкое взяточничество, статью 292 – служебный подлог, статью 293 – халатность, статью 299 – привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела, статью 300 – незаконное освобождение от уголовной ответственности, ч. 2 и ч. 3 статьи 303 – фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности.

При этом производство предварительного следствия по этим составам в отношение других должностных лиц различных субъектов, в том числе депутатов различного уровня, судей и Президента России допускается и рассматривается положительно.

Важно отметить, что проведения предварительного следствия следователями Следственного комитета России по другим уголовным составам Уголовного кодекса России в отношении прокурорских работников также допускается и рассматривается с положительной стороны. По другим уголовным составам прокурор ничем не отличается от простого гражданина и в этой связи они относятся к общим видам преступлений.

Исходя из этого в России предлагается создать единый и независимый орган предварительного следствия по расследованию общих видов преступлений.

Вторая форма предварительного следствия – это специальное предварительное следствия по должностным преступлениям. К этой форме следствия предлагается отнести только выделанные нами уголовные составы, а именно статьи 285, 290, 291.2, 292, 293, 299, 300, ч. 2 и ч. 3 статьи 303 Уголовного кодекса России. Главной особенностью здесь является наличие двух специальных субъектов в разных правовых положениях. Первый специальный субъект в рамках уголовного процесса является прокурор или помощник прокурора специального подразделения на уровне субъекта Российской Федерации, а второй в рамках уголовного законодательства – следователь единого и независимого органа предварительного следствия по расследованию общих видов преступлений.

Наделение отдельных должностных лиц органов прокуратуры правом возбуждения уголовного дела и проведения по нему расследования является важной составляющей в механизме достижения эффективного прокурорского надзора за следственными органами. Отсутствие таких полномочий и механизмов в органах прокуратуры приводит к противоречиям между правоохранительными ведомствами, которое затем проявляется в нарушение законных прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, повышению преступности, снижению раскрываемости уголовных дел и т. п.

Именно поэтому на уровне должных лиц прокуратур субъектов федерации их следует наделить минимальным спектром полномочий в области предварительного следствия. Целью таких полномочий будет предоставление реальной возможности прокуратуре в исключительных случаях законно влиять на ход предварительного следствия для осуществления и достижения задач прокурорского надзора.

Для снижения риска злоупотребления своими полномочиями со стороны таких должностных лиц прокуратуры предлагается разработать соответствующий механизм применения такого следственного инструмента. Этот инструмент следует рассматривать только с позиции прокурорского надзора, а не предварительного следствия. То есть полномочия по возбуждению уголовного дела и расследования по нему применяются только в целях достижения прокурорского надзора за исполнением законов, прав и свобод человека и гражданина, а не в целях задач предварительного следствия.

Механизм, должен пересекаться с сущностью такого акта прокурорского реагирования, как предостережение или представление. Целью становиться не посадить человека, а вернуть его процессуальную деятельность в рамки федерального законодательства. Так, таким специальным полномочием должностные лица подразделения прокуратуры на уровне субъекта смогут воспользоваться после третьего отказа следователя исполнить законные указания прокурора района и вышестоящего.

Главным моментом здесь является то, что прокурорские работники перед тем, как возбудить уголовное дело должны принять все меры, чтобы заставить следователя исполнить свои обязанности в соответствии с законом по уголовному делу, которое находится у него в производстве.

Наделять таким полномочием предлагается именно должных лиц прокуратуры на уровне прокуратур субъекта федерации и Генеральной прокуратуры России. Для этого в прокуратурах субъекта федерации и Генеральной прокуратуре России следует создать специальные отделы или управления по расследованию должностных преступлений, совершенных следователями единого и независимого Федерального Следственного комитета России.

Важно заметить, что такие должностные лица этих специальных отделов или управлений не должны наделяться полномочиями:

– по возбуждению уголовных дел и проведению по ним предварительного следствия по всем остальным уголовным составам преступлений, которые предусмотрены УК РФ;

– по полному контролю за расследованием преступлений, проводимых следователями рекомендованного к созданию единого и неза-

висимого следственного органа (следует наделить прокурора и помощника прокурора полномочиями давать законные указания и знакомиться с уголовным делом на любой стадии его расследования);

– по передаче уголовных материалов от одного следователя другому;

– по соединению или выделению уголовных дел. Здесь важно отметить два момента: а) прокурор не должен соединять или выделять уголовные дела, которые не входят в его подследственность; б) если в отношении следователя будет возбуждено два уголовных дела по должностным преступлениям, где, с одной стороны, действует прокурор, а с другой – следователь специального следственного подразделения, то передавать, соединять или выделять такие уголовные дела недопустимо. Связано это с тем, что следователь проводит предварительное следствие в целях расследования преступного деяния, а прокурор и его помощник производят такую процедуру в целях эффективного осуществления задач прокурорского надзора.

Прокуроры и должностные лица этих отделов должны назначаться и подчинять напрямую Генеральному прокурору России и одному из его заместителей в целях повышения объективности следствия на местах и снижения риска давления и ведомственного интересов со стороны прокуроров, которые возглавляют нижестоящие прокуратуры.

К должности прокурора такого подразделения на уровне субъекта следует установиться такие требования, как возрастной ценз 35 лет и стаж работы не менее 10 лет. Для подразделения на уровне Генеральной прокуратуры России - возрастной ценз 40 лет и стаж работы не менее 15 лет. Кроме возраста и стажа кандидаты должны будут сдать квалифицированный экзамен. Такие высокие требования обеспечат подбор высококвалифицированных кадров с большим и успешным опытом работы.

Остальные прокуроры осуществляют свои полномочия в соответствии с действующим законодательством. На них также необходимо возложить функцию следственного судьи и изъять функцию государственного обвинения и передать ее следователям единого и независимого органа предварительного следствия. Функции государственного обвинения больше присуще и важна как конечный результат следственной деятельности для следователя. Вместо этой функции прокурора предлагается наделить более широкими полномочиями в силу его правового положения и теории основ прокурорской деятельности, а именно например такими, как проверять законность и обоснованность применения мер пресечения, рассматривать жалобы на действия (бездействие) и решения органов расследования, наделять адвоката правом проводить допрос свидетеля в случаях отказа им от дачи показаний и отказа следователя удовлетворить ходатайства о его допросе в присутствии самого адвоката, разрешать споры, возникающие между руководителем следственного подразделения и следователем об изъятии уголовного дела, находящегося в его производстве, и передаче его другому следователю[1] и другими.

Разработанный и предложенный подход позволит создать наилучшие условия для процессуальной самостоятельности следователя. В том числе прокуроры, выполняющие функции надзора и следственного судьи сами не будут возбуждать уголовные дела напрямую в отношении следователя, уличенного в противоправных действиях на досудебной стадии. В процессуальной деятельности выноситься постановление, направленное должностным лицам специального отдела прокуратуры на уровне либо субъекта федерации, либо Генеральной прокуратуры России, для которых оно будет являться обязательным в силу специфики возложенных на них функций в рамках выполнения задач прокурорского надзора.

В рамках изложенного можно отметить, что:

1) в результате применения такого подхода на практике есть вероятность того, что прокурор уже не сможет оказывать существенное влияние на простого следователя в виде контроля над ним, а будет осуществлять непосредственно прокурорский надзор в целях соблюдения федерального законодательства и защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе независимо от их правового положения в нем;

2) Произойдет снижение обвинительного уклона со стороны прокуратуры на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Следовательно, повыситься беспристрастность прокурора при принятие различных процессуальных решений на этой стадии;

3) Произойдет повышение ведомственной и даже личной заинтересованности прокурора в установлении истинных событий преступного деяния.

Все же, несмотря на вроде, казалось бы, хорошо разработанную и предложенную схему организации органов прокуратуры в части надзора и предварительного следствия, в ней есть свои минусы. Так, исходя из отечественного опыта и менталитета становиться понятным, что при таких полномочиях у прокурора всегда есть существенный риск злоупотребления ими в целях оказания влияния на проведение общего предварительного следствия. Для этого важно разработать правовой механизм, который бы помог сдерживать должностных лиц органов прокуратуры от совершения таких видов преступных деяний.

Следует отметить, что в соответствии с ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» и Уголовно-процессуальным кодексом России прокуроры осуществляют государственный надзор за исполнением законодательства. В добавление к этому такой вид процессуальной деятельности осуществляется от имени государства, то есть от Российской Федерации[2]. С учетом этого становится понятным, что должности прокуроров имеют повышенный правовой статус и повышенную ответственность за принятие различных процессуальных решений.

В случае если прокурор своими незаконными действиями совершит преступление в рамках надзора или предварительного следствия,

[1] Примечание: только исключительно следователь, имеющего стаж более трех лет, следует наделять правом обращаться в прокуратуру об оспаривании изъятия у него уголовного материала и передаче его другому следователю. Ни прокурор, ни руководитель следственного органа не должны обладать правом начинать такую процедуру. В результате это приведет к снижению обвинительного уклона со стороны прокурора, повышению процессуальной самостоятельности следователя и возможности обосновать руководителем следственного органа принятие им такого решения.

[2] Часть 1 статьи 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.07.2017) «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017) // Собрание законодательства РФ. 1995. 20 ноября. № 47. Ст. 4472.

то он с учетом его правового статуса автоматически посягает на государственную безопасность Российской Федерации.

Далее перейдём к термину государственная безопасность. Сам термин «государственная безопасность» в законодательстве не раскрывается[1]. В научной сфере этот термин понимается как одна из составляющих национальной безопасности, понятие, характеризующее уровень защищённости государства от внешних и внутренних угроз, которые могут оказать отрицательное влияние не только на экономические, социальные и военные сферы, но и на правовые процессы в том числе [1]. Из определения видно, что прокурор в силу сущности государственной должности является гарантом законности и правового идеализма в стране, а это значит, что своими незаконными действиями, имеющие общий национальный характер он посягает на государственную правую безопасность России.

Обеспечение государственной безопасности в России возлагается на органы государственной безопасности. Главную роль в этом вопросе отводится Федеральной службе безопасности России[2].

Для выполнения этой задачи в Федеральной службе безопасности России есть полномочия по проведению предварительного следствия.

На следственной функции в рамках Федеральной службы безопасности нужно остановиться немного подробнее. Стоит отметить, что в юридических кругах происходят споры о том, что нужно-ли упразднять или оставлять следственную функцию в этом ведомстве в случае создания единого и независимого органа предварительного следствия. Ключевым доводом сторонником, которые против ликвидации следственной функции в Федеральной службе безопасности России, является тот факт, что требуется обеспечить государственную тайну при расследовании преступлений против основ конституционного строя и безопасности сраны.

С одной стороны, довод является недостаточно обоснованным, так как, во-первых, в процессе расследования тяжких и особо тяжких преступлений о хищениях, против жизни и здоровья, а также должностных преступлениях, следователям Следственного комитета России приходится постоянно сталкиваться с информацией, которая является частью государственной тайны [2]. При этом в уголовно-процессуальном законодательстве закреплён соответствующий механизм для должного обеспечения сохранности такой тайны.

Во-вторых, по всем уголовным дела, где есть информация с грифом секретности и которые были расследованы следователя Следственного управления Федеральной службы безопасности России, разрешение происходит в судах общей юрисдикции. Как видно специальных судов для рассмотрения таких дел не предусмотрено не нормами Конституции России, ни на практике.

Такие действующие условия сегодня не позволяют раскрывать государственную тайну и в принципе они работают достаточно эффективно на практике.

С другой стороны, во-первых, есть различные виды государственной тайны и способы обеспечения сохранности основ конституционного строя страны и ее безопасности при расследование уголовных дел. Именно здесь, например, требуется очень тесный контакт оперативных подразделений и следственных. Не секрет, что зачастую, как и во всех странах мира, приходиться нарушать и сильно ограничивать права и свободы человека и гражданина и другое.

Во-вторых, передача всей следственной функции с органов государственной безопасности в Следственный комитет России скажется негативно из-за недостаточно высокого правового статуса в некоторых сфера последнего.

В-третьих, при создание общего единого и независимого органа предварительного следствия сосредоточить всю следственную функцию в нем теоретически представляется возможным, в том числе и в рамках обеспечения государственной безопасности. Однако остается не понятным и не разрешенным вопрос о системе сдержек и противовесов. Если вся следственная функция будет осуществляться в Федеральном Следственном комитете России, то возникает логичный вопрос: - кто будет в противовес сдерживать такое ведомство? Таким правоохранительным органом может быть только органы прокуратуры. Но и здесь не все просто и возникают много вопросов и проблем. Какими полномочиями должен обладать прокурор, чтобы реально осуществлять эффективный прокурорской надзор? Возврат к модели организации прокурорского надзора до 2007 и с 2007-2011 года с элементами следственных полномочий невозможно, так как это по факту либо не разрешит проблему противоречий между органами прокуратуры и органами предварительного следствия, либо прокурор будет обладать снова обширными полномочиями, которыми несомненно он будет злоупотреблять и ведомства, которое могло бы его контролировать не существует. Суд, из-за перегрузки работы, с такими функциями контроля за прокурором не справиться. Выхода или каких новых обоснованных и практичных подходов, концепций в юридической науке пока нет. Правоведы до сих пор по факту мечется между двумя этими моделями и нового как такого, к сожалению, нет.

При такой ситуации упразднять *(хотя это и возможно и отчасти обоснованно)* следственные подразделения органов государственной власти не представляется возможным.

В рамках разработанной нами концепции представляется логичным оставить следственную функцию в форме предварительного в органах государственной безопасности. Следственную функцию с Федеральной службы безопасности России изымать не следует в силу обеспечения внешней и внутренней государственной безопасности. Это так называемая особенность исключение из правил разрабатываемой нами концепции единого и независимого органа предварительного следствия.

Кроме того, требуется расширить подследственность Федеральной службы безопасности за счет упразднения Главного военного следственного подразделения Следственного комитета России и передачи всех уголовных составов в части военной сферы в ведение первого.

[1] Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О безопасности» // Собрание законодательства РФ. 2011. 3 января. № 1. Ст. 2.
[2] Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 09.11.2020) «О Федеральной службе безопасности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.06.2017) // Российская газета. 1995. № 72 (12 апреля).

Военная сфера является очень важной в обеспечение безопасности страны от внешних и внутренних факторов, поэтому логичнее всего передать эту область в ведение главного органа по обеспечению государственной безопасности. Такая передача никак не отразится на снижение уровня развития правовой культуры и правого государства.

Главная сущностная необходимость сохранения следственной функции в Следственном управление Федеральной службы безопасности России в части предлагаемой нами концепции состоит в сдерживающем механизме в рамках борьбы с должностными преступлениями, которые могут совершаться прокурорами. Для этого следует наделить следователей Следственного управления Федеральной службы безопасности России полномочиями по проведению предварительного следствия по таким уголовным составам, как 285, 290, 291.2, 292, 293, 299, 300, ч. 2 и ч. 3 статьи 303 УК РФ[1]. Тем самым следователи этого Следственного управления ФСБ РФ смогут проводить особенное предварительное следствие по вышеуказанным уголовным составам исключительно в отношении прокуроров. По другим общим уголовным составам, которые войдут в подследственность Федерального Следственного комитета России, следователи ФСБ России возбуждать уголовные и дела и проводить по ним предварительное следствие не должны. Уголовные составы, которые отнесены действующей подследственностью к ведению ФСБ России распространяются на всех остальных лиц.

Наделение следователей ФСБ России такими полномочиями должно снизить негативное давление прокуроров и их помощников на следователей единого и независимого органа предварительного следствия. Риск совершения должностных преступлений прокурорами также уменьшится по объективным причинам. При этом на доследственной проверки допускается вынесения процессуального решения следователем ФСБ России о предупреждение прокурора о том, что его действия могут носить противоправный характер и в дальнейшем может быть возбуждено уголовное дело.

Снова при такой системе проявляется риск властного давления, но уже не на следователя Федерального Следственного комитета России, а на прокурора и его помощников со стороны следователей ФСБ России. Для его минимизации предлагается наделить следователей будущего единого и независимого Федерального Следственного комитета России полномочия по проведению предварительного следствия по всем уголовным составам Уголовного кодекса России в части должностных преступлений в отношении следователей и иных должностных лиц ФСБ РФ.

Разработанный системный порядок следует применить и на уровне руководителей этих государственных ведомств: 1) Председатель СК: а) в отношении Генерального прокурора РФ (кроме статей 285, 286, 290, 291.2, 292, 293, 299, 300 и ч. 2 и ч. 3 статьи 303 УК РФ); б) в отношении Директора ФСБ РФ и иных ведомств; 2) Генеральный прокурор РФ – в отношении Председателя ФСК РФ исключительно по статьям 285, 286, 290, 291.2, 292, 293, 299, 300 и ч. 2 и ч. 3 статьи 303 УК РФ; 3) Директор ФСБ РФ: а) исключительно в отношении Генерального прокурора РФ по статьям 285, 286, 290, 291.2, 292, 293, 299, 300 и ч. 2 и ч. 3 статьи 303 УК РФ. Во всех трех случаях каждому должностному лицу необходимо получить заключение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, состоящей из трех судей.

Принимая во внимание все вышеизложенное, нужно отметить, что:

- механическая реализация концепции единого и независимого следственного органа не приведет к положительным результат;

- для нормального функционирования следственного аппарата страны требуется не менее трех ведомственных следственных аппаратов, то есть концепция распределения следственной функции между несколькими правоохранительными органами будет всегда является базисной и основной, в которую будут входит другие концепции. Если допустить только два ведомства со следственными функциями, то между ними всегда будут противоречия. В случае трех ведомств и грамотного подхода в распределении между ними подследственности и установления целей и задач каждого из них

- будет присутствовать сдерживающий механизм, а именно баланс полномочий;

- концепция единого и независимого органа предварительного следствия является факультативной внутресущностной в базовой концепции и модели;

- реализации концепции единого и независимого орган предварительного следствия должна проходить на базе Следственного комитета России;

- концепции единого и независимого орган предварительного следствия реализуется не в виде сосредоточения всего следствия в одном правоохранительном органе, а в виде сосредоточения следственной функции в Федеральном Следственном комитете России исключительно по всем общим видам преступлений.

Список литературы:

1. Алпеев А.С. Критически важные объекты. Терминология безопасности // Вопросы кибербезопасности: журнал. 2016. № 4 (17). С. 75–76;
2. Петракова Лариса Викторовна, Гааг Ирина Анатольевна К вопросу о едином следственном комитете в Российской Федерации // Вестник КемГУ. 2015. №2-2 (62). С. 196-199.

References:

1. Alpeev, A.S. "Critically Important Objects. Security Terminology." Cybersecurity Issues: Journal. 2016. No. 4 (17). pp. 75–76.
2. Larisa Viktorovna Petrakova, Irina Anatolyevna Gaag "On the Issue of a Unified Investigative Committee in the Russian Federation." KemSU Bulletin. 2015. No. 2–2 (62). pp. 196–199.

[1] Примечание: проведение следователем ФСБ РФ предварительного следствия по этим уголовным составам в отношении следователя единого и независимого следственного органа недопустимо.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_132

УДК 342.2

ИНТЕГРАТИВНЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ГРАЖДАН В РЕГИОНАХ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

INTEGRATIVE CONSTITUTIONALISM AS A METHODOLOGICAL BASIS FOR ENSURING CITIZENS' RIGHTS IN THE REGIONS OF RUSSIA (CASE STUDY OF THE NORTH CAUCASIAN FEDERAL DISTRICT)

ГАЗИМАГОМЕДОВА Наида Абулмуслимовна,
старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права
ФГОУ ВО «Дагестанский государственный университет».
367000, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а.
E-mail: nimfea88@gmail.com;

GAZIMAGOMEDOVA Naida Abulmuslimovna,
Senior Lecturer at the Department of Constitutional and Municipal Law Dagestan State University.
Federal State Educational Institution of Higher Education "Dagestan State University".
367000, Russia, Makhachkala, M. Gadzhiyev str., 43a.
E-mail: nimfea88@gmail.com

***Краткая аннотация**: В статье исследуется потенциал интегративного конституционализма как методологического инструмента для обеспечения прав и свобод граждан в специфических условиях Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). На основе анализа теоретических положений об обеспечении прав граждан, стратегических документов развития регионов СКФО и данных о социально-экономическом их положении [1;2;3], а также правоприменительной практики, автор обосновывает необходимость перехода от узколегистского понимания права к многомерному синтезу юридических норм, социальных ценностей и фактических общественных отношений. Особое внимание уделено трансформации подходов к обеспечению социально-экономических прав граждан, преодолению «конституционно-правового вакуума» в условиях теневой экономики и гармонизации административных мер безопасности с конституционными гарантиями прав граждан.*

***Abstract**: The article explores the potential of integrative constitutionalism as a methodological tool for ensuring the rights and freedoms of citizens in the specific conditions of the North Caucasian Federal District (NCFD). Based on the analysis of regional strategic development documents (2010–2030), socio-economic data, and law enforcement practice, the author substantiates the necessity of transitioning from a narrow legistic understanding of law to a multidimensional synthesis of legal norms, social values, and actual social relations. Special attention is paid to the transformation of approaches to ensuring socio-economic rights, overcoming the "constitutional-legal vacuum" in the conditions of the shadow economy, and harmonizing administrative security measures with constitutional guarantees of individual freedom.*

***Ключевые слова**: интегративный конституционализм, права человека, Северо-Кавказский федеральный округ, социально-экономические права, судебный конституционализм, правопонимание, региональная политика.*

***Keywords**: integrative constitutionalism, human rights, North Caucasian Federal District, socio-economic rights, judicial constitutionalism, legal understanding, regional policy.*

***Для цитирования:** Газимагомедова Н.А. Интегративный конституционализм как методологическая основа обеспечения прав граждан в регионах России (на примере Северо-Кавказского федерального округа) // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 132-134. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_132.*

***For citation**: Gazimagomedova N.A. Integrative constitutionalism as a methodological basis for ensuring the rights of citizens in the regions of Russia (using the North Caucasus Federal District as an example) // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 132-134. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_132.*

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026

Современный этап развития российской государственности характеризуется поиском путей повышения эффективности действия Конституции Российской Федерации. В условиях глобальной турбулентности и внутренних вызовов вопрос о том, в какой степени основной закон определяет реальные общественные процессы — организацию власти и повседневную жизнь граждан — приобретает особую актуальность [4; 5; 6; 9; 14]. Данная проблема наиболее остро проявляется в региональном измерении, где федеральные конституционные стандарты сталкиваются с многообразием социокультурных укладов, этнических традиций и специфических экономических условий.

Северо-Кавказский федеральный округ (далее — СКФО), охватывающий шесть северокавказских республик и Ставропольский край, выступает в данном контексте как уникальная «лаборатория» конституционного развития российского федерализма, поскольку, с одной стороны, регионы этого округа требуют высокой степени усиленных мер безопасности, а с другой - именно здесь наблюдается наибольший разрыв между «юридической» и «фактической» конституцией, создавая риски для реализации прав граждан [8]. Традиционный позитивистский подход, фокусирующийся исключительно на букве закона, часто оказывается неспособным объяснить причины неэффективности правовых механизмов в СКФО. В связи с этим целью работы является обоснование интегративного конституционализма как методологической основы, позволяющей соединить правовую норму с социальной реальностью региона для обеспечения реальных гарантий прав личности.

1. Генезис и содержание интегративного конституционализма в отечественной доктрине. Интегративное правопонимание в современной российской юриспруденции является ответом на кризис «жесткого» позитивизма, который зачастую редуцирует право до совокупности государственных приказов [15, с. 335]. Интегративный конституционализм, развиваемый в трудах С.А. Авакьяна, В. В. Лазарева, Т.Я. Хабриевой, Н. С. Бондаря,

С.Н. Бабурина, Г.А.Гаджиева, И.Г. Дудко и других авторов, предлагает рассматривать конституцию не просто как текст, а как живой социальный организм [4; 5; 6, 7; 9; 12]. В этой связи В. В. Лазарев выделяет три фундаментальных уровня конституции, составляющих её интегративное единство: **фактическая конституция**, отражающая реальное соотношение политических и социальных сил, объективные условия жизни общества; **идеальный проект**, как система ценностей и идейно-психологических представлений о справедливой организации власти и общества; **письменный текст** (юридическая конституция), формально закрепляющая нормы права [12, с. 42]. В рамках этой методологии конституционализм понимается как динамичный процесс следования «легитимному образу конституции», где судебная практика («живое право») играет роль моста между нормой и фактом. Н. С. Бондарь подчеркивает значимость судебного конституционализма как механизма адаптации универсальных ценностей к региональной и отраслевой специфике, будь то экологические или социально-экономические права [6, с. 21]. Это особо важно поскольку, как справедливо отмечает В.А.Симонов, содержание ст. 73 Конституции РФ не содержит конкретных полномочий субъектов федерации, ограничиваясь лишь общим алгоритмом, что открывает неограниченный простор для централизации власти и ограничения правовых возможностей регионов в их развитии [13, с. 106].

Такой методологический подход критически важен для СКФО, так как он позволяет учитывать «правовой плюрализм» регионов СКФО, как сосуществование официального законодательства с традиционными институтами (адатами) и религиозными нормами, не вступая в конфликт, а интегрируя их через призму конституционных ценностей справедливости и равенства.

2. Реализация социально-экономических прав граждан (на труд, достойный уровень жизни, охрану здоровья) является материальной основой конституционного строя. Но, социально-экономическое измерение конституционализма в СКФО как соотношение стратегии к реальности традиционно характеризуется в СКФО глубокими диспропорциями.

Согласно данным о состоянии социально-экономических прав граждан [1, 3; 8; 10; 11], на протяжении последних 15 лет государственная политика в округе претерпела значительную эволюцию. В принятой в 2010 году Стратегии развития СКФО до 2025 года доминировал антикризисный подход и основной задачей которого была борьба с критическим уровнем безработицы через прямые государственные инвестиции в крупные инфраструктурные проекты. Однако интегративный анализ показывает, что номинальный рост показателей не всегда приводил к реальному обеспечению прав граждан. Как и ранее ключевыми вызовами остались: - низкий уровень ВРП, так как валовой региональный продукт на душу населения в субъектах СКФО остается в 2,3–3 раза ниже среднего показателя по РФ, что создает объективные препятствия для реализации права на достойный уровень жизни граждан; - теневой сектор, поскольку уровень теневой экономики в регионе оценивается экспертами в 43% [3]. В контексте интегративного конституционализма это означает существование огромного «неправового» пространства, где трудовые права граждан (ст. 37 Конституции РФ) фактически не защищены государством, а регулируются неформальными договоренностями и клановыми структурами; - инфраструктурный разрыв, поскольку при достижении высоких показателей в одних сферах (например, газификация — 85,8% к 2025 году), сохраняются провалы в других (например, отсутствие очистных сооружений в крупных городах), что нарушает экологические права граждан [2;3].

Новая Стратегия до 2030 года демонстрирует переход к «институциональному конституционализму», где акцент смещается с объемов финансирования на качественное изменение правовой среды — борьбу с коррупцией, повышение прозрачности и развитие человеческого капитала. Целевой показатель роста индекса реальных доходов до 139,6% к 2030 году является не просто экономической цифрой, а конституционным обязательством государства по наполнению реальным содержанием статьи 7 Основного закона. Анализ данных 2025 года показывают, что стратегия развития СКФО перешла в стадию практической реализации и дает первые измеримые результаты в ключевых секторах (туризм, инвестиции, инфраструктура). Однако основные системные вызовы, заложенные в самой стратегии, не только сохраняются, но и становятся еще более отчетливыми: - рост в среднем по округу не отменяет критического неравенства внутри него; - объемные госинвестиции сталкиваются с проблемами эффективности и коррупционными рисками; - «Теневая» экономика демонстрирует устойчивость. В итоге можно считать, что текущая ситуация подтверждает, что ключевой задачей на следующем этапе является не столько наращивание объемов финансирования, сколько качественное изменение институциональной среды, прежде всего — борьба с коррупцией и клановостью власти, повышение прозрачности и эффективности управления. Без этого даже успешные проекты рискуют остаться «точками роста» в море структурных проблем.

3. Для преодоления выявленных проблем в обеспечении социально-экономических прав граждан в СКФО на основе интегративной методологии необходимо, на наш взгляд, рассматривать конституционно-правовое понятие «обеспечения социально-экономических прав» как комплексную, ориентированную на результат функцию государства, интегрирующая формальные гарантии и создание реальных экономических, социальных и организационных условий для их реализации. В контексте СКФО и других регионов России эта функция предполагает обязательный учет их специфики и внедрение системы оценки, основанной на динамике объективных показателей качества жизни. В этих целях для анализа и совершенствования регионального уровня обеспечения прав в РФ интегративный конституционализм необходимо рассматривать как адекватную сложившейся в стране ситуации теоретической основой, так как позволяет конструктивно сочетать императив единства конституционно-правового пространства с необходимостью гибкой адаптации правообеспечительных механизмов к социально-экономическим и этнокультурным особенностям субъектов Федерации, особенно в сложных макрорегионах России.

Региональный уровень обеспечения социально-экономических прав граждан выступает неотъемлемым элементом единой системы публичной власти, где принцип субсидиарности должен реализовываться через четкое разграничение ответственности и создание стимулов для субъек-

тов РФ по разработке и финансированию дополнительных гарантий, не снижающих федеральный стандарт.

Специфика обеспечения социально-экономических прав граждан в СКФО обусловлена региональной моделью, охватывающей комплекс взаимосвязанных факторов: структурная экономическая отсталость и высокая дотационность; глубокое влияние неформальных, клановых отношений на доступ к публичным благам; сохраняющееся воздействие последствий вооруженных конфликтов; а также недостаточная адаптированность универсальных федеральных инструментов к местным условиям, что требует не копирования, а целенаправленной адаптации общих подходов.

Интегрированный конституционализм требует осуществлять критическую оценку эффективности правообеспечительной деятельности в СКФО путем отказа от формально-отчетных показателей в пользу совместной системы мониторинга, основанной на перекрестном анализе данных независимой статистики, судебных решений, социологических опросов и экспертных оценок. Только такой подход позволяет выявлять реальные, а не формальные проблемы и дефициты регионов.

Необходимо также обеспечить совершенствование механизмов обеспечения прав граждан в СКФО по ключевым направлениям, вытекающим из интегративного подхода: а) разработка и внедрение региональных программ с «интеллектуальными» индикаторами результативности; б) создание институтов интегративного общественного контроля, наделенных реальными полномочиями по запросу информации и оценке решений власти; в) усиление координационной роли полномочного представителя Президента РФ в СКФО для согласования федеральной и региональной социально-экономической политики; г) легитимное вовлечение потенциала традиционных институтов (советы старейшин, джамааты) в процессы общественного урегулирования конфликтов и мониторинга правоприменения в социальной сфере.

В итоге можно отметить, что интегративный конституционализм служит методологической основой для решения застарелых проблем Северо-Кавказского округа поскольку позволяет анализировать за текстом закона живую социальную ткань, так как реальное обеспечение прав граждан невозможно без преодоления разрыва между декларациями и реальностью. Успех региональной правозащитной политики зависит не столько от количества построенных объектов и выделенных на это средств, а от того, насколько защищенным чувствует себя каждый гражданин в том числе и перед лицом власти. Конституция должна стать не просто «Основным законом», но и повседневной практикой жизни в каждом субъекте федерации. Только через диалог правовых норм и фактических отношений, через наполнение конституционных институтов реальным содержанием справедливости и равенства, возможно достижение долгосрочной стабильности в северокавказских и других регионах современной России.

Список литературы:

1. Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2025 года: утверждена Распоряжением Правительства РФ от 06.09.2010 N 1485-р // Собрание законодательства РФ", 04.10.2010, N 40, ст. 5107
2. Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года: утверждена Распоряжением Правительства РФ от 30.04.2022 N 1089-р (ред. от 21.10.2024) // Собрание законодательства РФ", 09.05.2022, N 19, ст. 3252.
3. Государственная программа Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа»: утверждена Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 N 309 (ред. от 01.12.2025) // Собрание законодательства РФ", 05.05.2014, N 18 (часть I), ст. 2155
4. Авакьян С. А. Российский конституционализм: размышления о юбилейных итогах и перспективах // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 1. С. 2–12.
5. Бабурин С. Н. Интеграционный конституционализм: монография. М.: Норма: Инфра-М, 2021. 264 с.
6. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография. 2-е изд. М.: Норма: Инфра-М, 2016. 528 с.
7. Гаджиев Г. А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма; ИНФРА-М, 2013. 320 с.
8. Газимагомедова Н.А. Проблемы конституционно-правового обеспечения прав и свобод человека и гражданина в субъектах Северо-Кавказского федерального округа // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11(239). С. 191-194.
9. Дудко И. Г. Современные концепции в российском конституционном праве // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 3. С. 35–46.
10. Карпович О. Г. Концептуальные основы и эволюция внутренней политики РФ в СКФО // Нац. безопасность. 2015. № 4. С. 495–507.
11. Кулькова А. Ю. Анализ политики федерального Центра по отношению к регионам СКФО. М.: НИУ ВШЭ, 2013. 24 с.
12. Лазарев В. В. Об интегративном понимании конституционализма // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 5. С. 39–53.
13. Симонов В. А. Совершенствование конституционно-правового механизма защиты конституционализма в России // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 4. С. 100–108.
14. Хабриева Т. Я. Современное государство и эволюция конституционализма // Журнал российского права. 2025. № 10. С. 5–18.
15. Шафиров В. М. Интегративное правопонимание и жесткий позитивизм // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 335–340.

References:

1. Strategy for the Socio-Economic Development of the North Caucasian Federal District for the Period up to 2025: approved by Decree of the Government of the Russian Federation No. 1485-r of 06.09.2010 // Sobraniye Zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii [SZ RF], 04.10.2010, No. 40, Art. 5107.
2. Strategy for the Socio-Economic Development of the North Caucasian Federal District for the Period up to 2030: approved by Decree of the Government of the Russian Federation No. 1089-r of 30.04.2022 (as amended on 21.10.2024) // Sobraniye Zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii [SZ RF], 09.05.2022, No. 19, Art. 3252.
3. State Program of the Russian Federation "Development of the North Caucasian Federal District": approved by Decree of the Government of the Russian Federation No. 309 of 15.04.2014 (as amended on 01.12.2025) // Sobraniye Zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii [SZ RF], 05.05.2014, No. 18 (Part I), Art. 2155.
4. Avakyan S. A. Russian Constitutionalism: Reflections on Anniversary Outcomes and Prospects // Konstitutsionnoye i Munitsipal'noye Pravo. 2024. No. 1. Pp. 2–12.
5. Baburin S. N. Integration Constitutionalism: Monograph. Moscow: Norma: Infra-M, 2021. 264 p.
6. Bondar N. S. Judicial Constitutionalism: Doctrine and Practice: Monograph. 2nd ed. Moscow: Norma: Infra-M, 2016. 528 p.
7. Gadzhiev G. A. Ontology of Law: (A Critical Study of the Legal Concept of Reality). Moscow: Norma; INFRA-M, 2013. 320 p.
8. Gazimagomedova N. A. Problems of Constitutional-Legal Provision of Human and Civil Rights and Freedoms in the Subjects of the North Caucasian Federal District // Pravo i Gosudarstvo: Teoriya i Praktika. 2024. No. 11(239). Pp. 191–194.
9. Dudko I. G. Modern Concepts in Russian Constitutional Law // Aktual'nyye Problemy Rossiyskogo Prava. 2020. Vol. 15. No. 3. Pp. 35–46.
10. Karpovich O. G. Conceptual Foundations and Evolution of the Russian Federation's Domestic Policy in the North Caucasian Federal District // Natsional'naya Bezopasnost'. 2015. No. 4. Pp. 495–507.
11. Kul'kova A. Yu. Analysis of the Federal Center's Policy Towards the Regions of the North Caucasian Federal District. Moscow: National Research University Higher School of Economics (HSE), 2013. 24 p.
12. Lazarev V. V. On the Integrative Understanding of Constitutionalism // Zhurnal Rossiyskogo Prava. 2023. Vol. 27. No. 5. Pp. 39–53.
13. Simonov V. A. Improving the Constitutional-Legal Mechanism for the Protection of Constitutionalism in Russia // Pravoprimeneniye. 2021. Vol. 5. No. 4. Pp. 100–108.
14. Khabrieva T. Ya. The Modern State and the Evolution of Constitutionalism // Zhurnal Rossiyskogo Prava. 2025. No. 10. Pp. 5–18.
15. Shafirov V. M. Integrative Legal Understanding and Hard Positivism // Zhurnal Rossiyskogo Prava. 2017. No. 10. Pp. 335–340.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_135

УДК 349.6

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ
ON THE FORMATION OF THE MECHANISM OF STATE MANAGEMENT OF THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION: ECOLOGICAL AND LEGAL ASPECT

МУХЛЫНИНА Мария Михайловна,
старший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права,
кандидат юридических наук,
ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук».
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: muhlyninamm975@mail.ru;
MUKHLYNINA Maria Mikhailovna,
Senior Researcher, Environmental, Land, and Agrarian Law Sector,
Candidate of Legal Sciences,
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
119019, Russia, Moscow, Znamenka St., 10.
E-mail: muhlyninamm975@mail.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена исследованию вопросов совершенствования правового регулирования механизма государственного управления Арктической зоной Российской Федерации в эколого-правовом аспекте. Автором отмечается необходимость совершенствования законодательства, регулирующего функционирование органов государственной власти, координирующих реализацию государственных программ и федеральных целевых программ, осуществляющих государственную политику и нормативно-правовое регулирование в сфере развития Арктической зоны. В статье рассматривается механизм публично-правового обеспечения комплексной экологической безопасности Арктической зоны Российской Федерации, его составляющие и особенности функционирования на современном этапе, предлагаются авторские меры по преодолению выявленных правовых проблем.*

Abstract: *The article is devoted to the study of issues of improving the legal regulation of the mechanism of state management of the Arctic zone of the Russian Federation in the ecological and legal aspect. The author notes the need to improve the legislation regulating the functioning of public authorities that coordinate the implementation of state programs and federal targeted programs that implement state policy and regulatory regulation in the field of development of the Arctic zone. The article examines the mechanism of public legal support for the integrated environmental safety of the Arctic zone of the Russian Federation, its components and features of functioning at the present stage, and suggests author's measures to overcome the identified legal problems.*

Ключевые слова: *законодательство, государственная политика, нормативное правовое регулирование, экологическая безопасность, Арктическая зона, стратегическое планирование.*

Keywords: *legislation, state policy, regulatory legal regulation, environmental safety, Arctic zone, strategic planning.*

Для цитирования: *Мухлынина М.М. К вопросу о формировании механизма государственного управления Арктической зоной Российской Федерации: эколого-правовой аспект // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 135-139. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_135.*

For citation*: Mukhlynina M.M. On the formation of the mechanism of state management of the Arctic zone of the Russian Federation: ecological and legal aspect // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 135-139. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_135.*

Статья поступила в редакцию: 10.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Россия - крупнейшая арктическая держава! Выбранный путь природосбережения на всех своих территориях, в том числе и в Арктике, наша страна продолжает уже давно. Механизм государственного управления Арктической зоной Российской Федерации включает нормативно-правовую базу, деятельность органов власти, реализацию государственных программ и международное сотрудничество. Органами государственной власти выработаны стратегия и тактика государственного управления и социально–экономического развития Арктической зоны РФ, что нашло свое отражение в принятых нормативных правовых актах, ключевыми из которых можно назвать «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г.» и «Стратегию развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г.»[1]. Реализация целей и решение задач, определенных в основных нормативных актах по освоению Севера, невозможна без формирования эффективного механизма государственного управления Арктической зоной Российской Федерации, где пристальное внимание должно уделяться совершенствованию управленческого механизма на территориях, включенных в Арктическую зону РФ, разработке и апробации моделей комплексного управления регионом; учету специфики Арктики при регулировании социально-экономических отношений; развитию зеленой экономики; необходимости создания полноценной системы водоснабжения, водоотведения и утилизации отходов в Арктической зоне, что особенно актуально для отдаленных малонаселенных местностей; осуществлению мониторинга и контроля в области безопасности, экологии, недропользования; анализу и приведению в соответствие устаревшей и противоре-

[1] Указ Президента РФ от 05.03.2020 № 164 (ред. от 21.02.2023) «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» // Собрание законодательства РФ», 09.03.2020, № 10, ст. 1317; Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 (ред. от 27.02.2023) «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // Собрание законодательства РФ, 02.11.2020, № 44, ст. 6970.

чивой нормативно–правовой базы и других сфер. Исследователь Виноградова Е.В., говоря о формировании системного законодательства в аспекте укрепления правовых основ современной России, справедливо отмечает: «С учетом растущего влияния информации большинство современных государства стремится ясно выразить свою политику, стратегические направления и национальные доктрины в области продовольственной, экологической и других видов безопасности, чтобы они были понятны населению. Одним из средств формирования адекватного представления о работе государственных органов, которые совместно с обществом реализуют различные приоритеты, является перспективная информационная политика. Эта политика позволяет эффективно использовать информацию, информационные ресурсы и технологии в качестве ресурсов развития государства и совершенствования системы государственного управления. При разработке такой политики учитываются доктринальные и концептуальные положения, что позволяет создавать целевые программы, определять долгосрочные и среднесрочные приоритеты, а также целевые показатели эффективности конкретных информационных технологий»[1].

Государство активно формирует механизм государственного управления Арктической зоной Российской Федерации, одним из элементов которого, помимо реализации государственных программ и международного сотрудничества, является деятельность органов публичной власти. Так, исследователь Кобзарь-Фролова М.Н. отмечает, что законодательно к единой системе публичной власти относят следующие элементы:

1) федеральные органы государственной власти;

2) органы государственной власти субъектов;

3) иные государственные органы;

4) вся совокупность органов местного самоуправления.

Каждый из элементов вышеприведенной системы в свою очередь состоит из обособленной системы институтов (системы органов государственной власти, системы государственных органов и системы органов местного самоуправления)[2]. Помимо органов государственной власти перечислим некоторые специализированные органы, ответственные за управление Арктической зоной РФ, в частности:

1. Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики (далее - Минвостокразвития России);
2. Государственная комиссия по вопросам развития Арктики;
3. Морская коллегия Российской Федерации

(в структуре которой созданы три Совета:

- Совет по стратегическому развитию Военно-Морского Флота

- Совет по защите национальных интересов Российской Федерации в Арктике и развитию национальных и международных морских транспортных маршрутов

- Совет по развитию и обеспечению морской деятельности Российской Федерации)[3] и др.

Минвостокразвития России координирует реализацию государственных программ и федеральных целевых программ, осуществляет государственную политику и нормативно-правовое регулирование в сфере развития Арктической зоны.

Государственная комиссия по вопросам развития Арктики является координационным органом, обеспечивающим взаимодействие федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления и организаций при решении социально-экономических и других задач, касающихся развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности. Обеспечивает координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов РФ по реализации государственной политики в Арктике, а также мониторинг её реализации.

13 августа 2024 г. В.В. Путин своим Указом создал Морскую коллегию Российской Федерации, в состав которой вошли три перечисленных выше Совета. Новый орган создан при Президенте Российской Федерации, он появился после упразднения Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации, что, несомненно, повысило авторитет и «весомость» его решений. Главная задача новой Коллегии - выработка мер по сохранению за Россией статуса великой морской державы, включая поддержание стратегической стабильности в мировом океане. К ее задачам относится также укрепление обороны страны и безопасности государства в мировом океане, развитие ВМФ России. Координация деятельности органов исполнительной власти по вопросам национальной морской политики, подготовка соответствующих предложений. Развитие Северного морского пути в качестве национальной транспортной коммуникации, а также мониторинг эффективности мер по реализации национальной морской политики. Состав Коллегии насчитывает 52 человека, в него включены руководители министерств и ведомств, задействованных в реализации морской политики, а также главы 11 российских регионов, включая Крым, Дальний Восток и Север. Министр природных ресурсов и экологии Российской Федерации (далее - Минприроды России) также входит в состав Морской коллегии, что говорит о эколого-правовом подходе в решениях данного органа. Несколько ранее В.В. Путин утвердил Положение об Управлении Президента по вопросам национальной морской политики, согласно данному документу, оно будет обеспечивать информационно-аналитическое сопровождение работы Морской коллегии.

[1] Виноградова Е.В. Формирование системного законодательства в аспекте укрепления правовых основ современной России // Право и государство: теория и практика. 2024. № 2(230). С. 103.
[2] Кобзарь-Фролова М. Н. Система органов публичной власти Российской Федерации: понятие, характерные признаки, взаимодействие // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 2. С.195-196.
[3] Указ Президента РФ от 13.08.2024 № 691 (ред. от 08.12.2025) «О Морской коллегии Российской Федерации» (вместе с «Положением о Морской коллегии Российской Федерации») // Собрание законодательства РФ, 19.08.2024, № 34, ст. 5228.

Необходимость оптимизации Президентом ранее существовавшего Совета по вопросам развития российской Арктики, долгое время существовавшего как самостоятельная структура, на заседаниях которого происходил обмен мнениями между авторитетными представителями российских организаций, задействованных в делах Арктической зоны Российской Федерации, назрела уже давно, в связи с тем, что принятые на Совете решения не выполнялись из-за отсутствия в Совете структуры, контролирующей этот процесс. В настоящее время Совет под руководством Ю.П. Трутнева включен в состав Морской коллегии, что должно качественно повлиять на исполнение принятых решений.

Стратегией развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года особое внимание уделено экологическим рискам, в том числе ликвидации накопленного ущерба и развитию экономики замкнутого цикла. Основными мерами, направленными на реализацию государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности в Арктике, признана необходимость установить особые режимы природопользования и охраны окружающей природной среды, с проведением мониторинга ее загрязнения; проводить рекультивацию природных ландшафтов, обеспечить химическую безопасность, утилизировать токсичные промышленные отходы. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 15.04.2021 № 996-р утвержден единый план мероприятий по реализации «Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г., которым предусмотрены мероприятия как непосредственно по ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде (далее - ОНВОС), так и обеспечивающие осуществление указанных мероприятий, в том числе, по разработке проектной документации на реализацию мероприятий по ликвидации НВОС, проведение общественных обсуждений и получение необходимых государственных экспертиз в отношении такой документации и других мероприятий с указанием сроков их осуществления и ответственных лиц за их реализацию.

По данным на 2025 г. Минприроды России, которое, помимо иных управленческих функций, осуществляет мероприятия по ликвидации накопленного вреда окружающей среде на особо охраняемых природных территориях (далее - ООПТ) Арктической зоны России, в государственном реестре объектов накопленного вреда окружающей среде насчитывается 44 таких объекта, расположенных на территории 8 субъектов РФ, входящих в Арктическую зону:

- на территории Мурманской области — 24 объекта;
- на территории Красноярского края — 6 объектов;
- на территории Республики Карелия — 1 объект;
- на территории Ненецкого автономного округа — 3 объекта;
- на территории Чукотского автономного округа — 1 объект;
- на территории Республики Саха (Якутия) — 2 объекта;
- на территории Ямало-Ненецкого автономного округа — 2 объекта;
- на территории Архангельской области — 5 объектов[1].

С учетом стратегических планов социально-экономического развития Арктики и ее регионов проблема образования отходов крайне актуальна, причем выявляется «негативная» динамика, связанная с увеличением образования отходов производства и потребления, однако, параллельно наблюдается и рост объемов их утилизации, включая рециклинг и размещения. Эта серьезная проблема, которую, несмотря на длительный период освоения Арктики и существующий единый комплексный административно–правовой режим зоны, органам государственной власти еще предстоит решить. Сложности, с которыми сталкиваются органы государственной власти при решении экологических проблем зоны Арктики, предсказуемы, но все же формируется уже положительный опыт, например, таким можно назвать архангельскую «пятилетку» реформы обращения с твердыми коммунальными отходами (далее – ТКО). В Архангельской области переформатирование одной из наиболее проблемных отраслей проходит в пилотном режиме в рамках национального проекта «Экология». Опыт крупнейшего региона европейской части России становиться модельным для остальных территорий. «Об Архангельской области можно сказать, что это своего рода Россия в миниатюре, потому что все вызовы, существующие в системе обращения с отходами, есть в нашем регионе, - отмечает в своих выступлениях губернатор региона Александр Цыбульский. - Огромное количество отдаленных и труднодоступных территорий, часть из них не имеет круглогодичного транспортного сообщения, плотность населения 1,7 человека на квадратный километр, что в 4-5 раз ниже показателей по России. Преодолев эти трудности и создав эффективную систему обращения с отходами в Архангельской области, ее можно будет брать и тиражировать на любую территорию Российской Федерации»[2].

Если же говорить об административно–правовом режиме Арктической зоны, то специалисты административного права, называют его «формирующимся». Так, Куликовская Л.Ю. подчеркивает, что «в Арктике существовало и существует большое количество различных административно–правовых режимов: режим обеспечения безопасности государства и государственной тайны, режим государственной границы, разрешительные режимы, паспортно–визовый режим, таможенный режим, санитарный режим и др. Кроме того, в Арктической зоне РФ, в зависимости от субъекта установления, действуют федеральные режимы, региональные режимы и местные (муниципальные) режимы. Множественность, иногда избыточность различных видов режимов на одной территории усложняет процессы управления, создает поле для манипулирования различными ограничениями, запретами, льготами, мерами государственной поддержки, а значит, создает поле для злоупот-

[1] Арктическое досье. Национальный доклад о вкладе Российской Федерации в восстановление экосистем Арктики: в рамках Десятилетия ООН по восстановлению экосистем. - М.: АНО «Национальный комитет Десятилетия ООН по восстановлению экосистем», 2025. - 138 с. - Электронная версия доступна на официальном сайте Общественной палаты Российской Федерации - https://ecosystemsrussia.org/wp-content/uploads/2025/09/Арктическое_досье_о_вкладе_Российской_Федерации_в_восстановление.pdf (дата обращения: 03.10.2025) – Материалы приводятся выборочно.
[2] Воротников А.М. ТКО и ГЧП. Как развивается «мусорная» отрасль в Арктике / А.М. Воротников; беседовал С. Зайцев // Сайт ИД «Аргументы и факты» (Архангельск), 17 декабря 2024 г. - https://arh.aif.ru/society/arctic/tko-i-gchp-kak-razvivaetsya-musornaya-otrasl-v-arktike (дата обращения: 03.10.2025)

реблений. Поэтому единый комплексный административно–правовой режим, основанный на интеграции уже существующих в Арктической зоне режимов РФ с учетом как их адаптации, обновления и приведения к однообразию, так и сохранения специфики разных по природным, экономическим и социальным условиям территориям, сможет решить эту проблему»[1].

В настоящее время вопросы обращения с твердыми коммунальными отходами обозначаются на высшем управленческом уровне в числе основных экологических проблем Арктической зоны РФ. Серьезные ограничения на возможности сбора и транспортирования отходов в некоторых регионах зоны накладывает то, что сообщение с населенными пунктами осуществляется только по воздуху или по воде в теплое время года. Вторая сложность связана с наличием многолетней мерзлоты и отсутствием необходимых объемов грунтов, которые рекомендуется применять для послойной изоляции отходов при их захоронении, неразвитой сетью автомобильных дорог. Если рассмотреть ситуацию по отдельным регионам, то получится, что арктические территории Красноярского края, Республика Саха, Чукотский автономный округ, Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа имеют менее выгодное расположение, чем Мурманская и Архангельская области, Республика Коми и Республика Карелия.

И в этой связи, особенно важно, чтобы должностные лица органов государственной власти в регионах Арктической зоны, находили оптимальные правовые и управленческие решения вышеназванных экологических проблем. В частности, было бы целесообразно принять решение о создании отдельных децентрализованных зон действия региональных операторов по всей территории в силу затрудненного внутрирегионального транзита ТКО, однако, вопросы рентабельности и инвестиционной привлекательности таких технологических зон остаются открытыми. Примечательным является опыт Чукотского автономного округа, территория которого поделена на технологические зоны, где свою деятельность осуществляют 24 региональных оператора.

Своего управленческого решения еще ожидает вопрос создания специализированных объектов по утилизации отходов на территории Арктики, он требует дополнительных инвестиций и может занять достаточно продолжительное время. Но уже сейчас основой решения стало внедрение арктических экотехнопарков и реверсивной логистики отходов, главными целями которой являются повышение эффективности защиты окружающей среды и оптимизация расходов.

Согласно данным Государственного доклада Минприроды России «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2024 году» текущие затраты на охрану окружающей среды сухопутных территорий Арктической зоны России в 2024 г. составили 70,8 млрд руб. Больше всего средств было затрачено на обращение с отходами – 59,0%[2]. Важнейшей задачей является организация стабильной и эффективной деятельности Российской Федерации в стратегически важной зоне Арктики, что требует поддержание и развитие существующей сети контроля и мониторинга значений основного перечня экологических показателей, активное участие в надзоре за соблюдением международных правовых документов, регламентирующих деятельность в регионе в соответствии с Договором об Антарктике.

Таким образом, можно сделать вывод, что формировании механизма государственного управления Арктической зоной Российской Федерации в эколого-правовом аспекте требует регулярной актуализации и обновления профильных нормативно-правовых актов, устанавливающих законодательные рамки деятельности в этом стратегически важном для страны регионе.

Эволюция в информационно-технологической сфере «...порождает необходимость выработки правового обеспечения условий приемлемого риска и его минимизации в ходе обеспечения национальных интересов»[3]. Улучшение окружающей человека среды, обеспечение экологической безопасности вошли в число национальных целей развития России на период до 2030 г., заняли видное место в Послании Президента Федеральному собранию», - отмечают Королев С.В. и Мухлынина М.М.[4].

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
2. Указ Президента РФ от 05.03.2020 № 164 (ред. от 21.02.2023) «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» // Собрание законодательства РФ», 09.03.2020, № 10, ст. 1317.
3. Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 (ред. от 27.02.2023) «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // Собрание законодательства РФ, 02.11.2020, № 44, ст. 6970.
4. Указ Президента РФ от 13.08.2024 № 691 (ред. от 08.12.2025) «О Морской коллегии Российской Федерации» (вместе с «Положением о Морской коллегии Российской Федерации») // Собрание законодательства РФ, 19.08.2024, № 34, ст. 5228.
5. Виноградова Е.В. Формирование системного законодательства в аспекте укрепления правовых основ современной России // Право и государство: теория и практика. 2024. № 2(230). С. 101-104.
6. Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований: монография / под общ. ред. А.Н. Савенкова; отв.ред. Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев. Москва: РГ-Пресс, 2021. 344 с. С.91.
7. Королев С.В., Мухлынина М.М. К вопросу обеспечения экологической безопасности в контексте концепции устойчивого развития: сравнительный и международно-правовой аспект // Безопасность бизнеса. 2021. № 4. С. 45.
8. Кобзарь-Фролова М. Н. Система органов публичной власти Российской Федерации: понятие, характерные признаки, взаимодействие // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 2. С. 192–203.
9. Куликовская Л.Ю. Административно-правовые режимы Арктической зоны Российской Федерации 12.00.14 – Административное право; административный процесс. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук Нижний Новгород – 2019 С. 7.
10. Арктическое досье. Национальный доклад о вкладе Российской Федерации в восстановление экосистем Арктики: в рамках Десятилетия ООН по восстановлению экосистем. - М.: АНО «Национальный комитет Десятилетия ООН по восстановлению экосистем», 2025. - 138 с. - Электронная версия доступна на

[1] Куликовская Л.Ю. Административно-правовые режимы Арктической зоны Российской Федерации. 12.00.14 – Административное право; административный процесс. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Нижний Новгород – 2019. С. 7.
[2] О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2024 году. Государственный доклад. – М.: Минприроды России; ФГБУ «ВНИИ Экология», 2025. С. 241.
[3] Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований: монография / под общ. ред. А.Н. Савенкова; отв.ред. Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев. Москва: РГ-Пресс, 2021. С.91.
[4] Королев С.В., Мухлынина М.М. К вопросу обеспечения экологической безопасности в контексте концепции устойчивого развития: сравнительный и международно-правовой аспект // Безопасность бизнеса. 2021. № 4. С. 45.

официальном сайте Общественной палаты Российской Федерации. https://ecosystemsrussia.org/wpcontent/uploads/2025/09/Арктическое_досье_о_вкладе_Российской_Федерации_в_восстановление.pdf (дата обращения: 03.10.2025) – Материалы приводятся выборочно.

11. Воротников А.М. ТКО и ГЧП. Как развивается «мусорная» отрасль в Арктике / А.М. Воротников; беседовал С. Зайцев // Сайт ИД «Аргументы и факты» (Архангельск), 17 декабря 2024 г. - https://arh.aif.ru/society/arctic/tko-i-gchp-kak-razvivaetsya-musornaya-otrasl-v-arktike (дата обращения: 03.10.2025)

12. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2024 году. Государственный доклад. – М.: Минприроды России; ФГБУ «ВНИИ Экология», 2025. – 721 с. С. 241.

References:

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // The official text of the Constitution of the Russian Federation with amendments of 14.03.2020 was published on the Official Internet Portal of Legal Information http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

2. Decree of the President of the Russian Federation of 05.03.2020 No. 164 (as amended on 21.02.2023) "On the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Arctic for the Period up to 2035" // Collected Legislation of the Russian Federation, 09.03.2020, No. 10, Art. 1317.

3. Decree of the President of the Russian Federation of October 26, 2020 No. 645 (as amended on February 27, 2023) "On the Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and Ensuring National Security for the Period through 2035" // Collected Legislation of the Russian Federation, November 2, 2020, No. 44, Article 6970.

4. Decree of the President of the Russian Federation of August 13, 2024 No. 691 (as amended on December 8, 2025) "On the Maritime Collegium of the Russian Federation" (together with the "Regulations on the Maritime Collegium of the Russian Federation") // Collected Legislation of the Russian Federation, August 19, 2024, No. 34, Article 5228.

5. Vinogradova E.V. Formation of systemic legislation in terms of strengthening the legal foundations of modern Russia // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 2 (230). Pp. 101-104.

6. Digital transformation: challenges to law and vectors of scientific research: monograph / edited by A.N. Savenkov; editors-in-chief T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev. Moscow: RG-Press, 2021. 344 p. P. 91.

7. Korolev S.V., Mukhlynina M.M. On the issue of ensuring environmental safety in the context of the concept of sustainable development: comparative and international legal aspect // Business Security. 2021. No. 4. P. 45.

8. Kobzar-Frolova M. N. The system of public authorities of the Russian Federation: concept, characteristic features, interaction // Siberian Legal Review. 2021. Vol. 18, No. 2. Pp. 192–203.

9. Kulikovskaya L. Yu. Administrative and legal regimes of the Arctic zone of the Russian Federation 12.00.14 – Administrative law; administrative process. Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences Nizhny Novgorod – 2019 P. 7.

10. Arctic dossier. National report on the contribution of the Russian Federation to the restoration of Arctic ecosystems: within the framework of the UN Decade on Ecosystem Restoration. - M.: ANO "National Committee of the UN Decade on Ecosystem Restoration", 2025. - 138 p. - The electronic version is available on the official website of the Civic Chamber of the Russian Federation. https://ecosystemsrussia.org/wpcontent/uploads/2025/09/Арктический_дося_о_вкладе_Российской_Федерации_в_востанение.pdf (accessed: 03.10.2025) – Materials are provided selectively.

11. Vorotnikov A.M. TKO and PPP. How the "garbage" industry is developing in the Arctic / A.M. Vorotnikov; Interviewed by S. Zaitsev // Website of the Argumenty i Fakty Publishing House (Arkhangelsk), December 17, 2024 - https://arh.aif.ru/society/arctic/tko-i-gchp-kak-razvivaetsya-musornaya-otrasl-v-arktike (accessed: October 3, 2025)

12. On the state and protection of the environment of the Russian Federation in 2024. State report. - Moscow: Ministry of Natural Resources of Russia; Federal State Budgetary Institution "VNII Ecology", 2025. - 721 p. P. 241.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_140

УДК 340.5; 347.962; 347.91; 347.99

ВЫСШИЙ СОВЕТ МАГИСТРАТУРЫ АЛЖИРСКОЙ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПОСЛЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПОРЯДОК ФОРМИРОВАНИЯ
THE SUPREME COUNCIL OF MAGISTRACY OF THE ALGERIAN PEOPLE'S DEMOCRATIC REPUBLIC AFTER THE CONSTITUTIONAL REFORM: LEGAL BASIS OF ACTIVITY AND FORMATION PROCEDURE

СОЛОВЬЁВ Андрей Александрович,
доктор юридических наук, профессор, профессор
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
профессор Московского педагогического государственного университета (МПГУ), Москва, Россия.
123242, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., 9, стр. 1.
E-mail: solov.arbitr@rambler.ru

SOLOVYEV Andrey A.,
doctor of science (Law), professor, Kutafin Moscow State Law University,
Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.
123242, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9, building 1.
E-mail: solov.arbitr@rambler.ru

Краткая аннотация: *Продолжая серию публикаций, посвященных Высшему совету магистратуры Алжирской Народной Демократической Республики, автор рассматривает правовые основы его деятельности. Актуальность исследования обусловлена кардинальными изменениями правового регулирования в результате конституционной реформы. В статье анализируются новые нормативные правовые акты, регламентирующие правовое положение Совета. Автор также дает краткую характеристику порядку формирования этого органа.*

Abstract: *Continuing the series of publications devoted to the Supreme Council of Magistracy of the Algerian People's Democratic Republic, the author examines the legal basis of its activities. The relevance of the research is due to the drastic changes in legal regulation as a result of the constitutional reform. The article analyzes new regulatory legal acts regulating the legal status of the Council. The author also gives a brief description of the procedure for the formation of this body.*

Ключевые слова: *зарубежный опыт, органы судейского сообщества, Алжирская Народная Демократическая Республика, Высший совет магистратуры, правовые основы деятельности, порядок формирования.*

Keywords: *foreign experience, bodies of the judicial community, Algerian People's Democratic Republic, Supreme Council of Magistracy, legal basis of activity, formation procedure.*

Для цитирования: *Соловьев А.А. Высший совет магистратуры Алжирской Народной Демократической Республики после конституционной реформы: правовые основы деятельности и порядок формирования // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 140-145. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_140.*

For citation*: Solovyev A.A. The supreme council of magistracy of the Algerian People's Democratic Republic after the constitutional reform: legal basis of activity and formation procedure // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 140-145. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_140.*

Статья поступила в редакцию: 11.07.2025

Продолжая изучение зарубежных моделей организации и функционирования органов судейского сообщества, полагаем необходимым вновь обратиться к опыту Алжирской Народной Демократической Республики. Ранее мы уже рассматривали основы правового статуса Высший совет магистратуры этой страны [2-5]. Вместе с тем, существенные изменения, внесенные в релевантные нормативные правовые акты, вновь актуализируют такого рода исследования.

По итогам состоявшегося в 2020 году конституционного референдума Конституция Алжира принята в новой редакции, была проведена и судебная реформы (в частности, Конституционный совет Алжира заменен Конституционным судом) [1].

Коррективам подвергся и правовой статус Высшего совета магистратуры страны.

Рассмотрим **правовые основы деятельности Высшего совета магистратуры Алжирской Народной Демократической Республики.**

Высший совет магистратуры в Алжире является высшим органом судейского сообщества, наделенным конституционным статусом.

Основы его правового положения урегулированы следующими нормативными правовыми актами:

- Конституцией Алжирской Народной Демократической Республики от 8 декабря 1996 года (в редакции от 30 декабря 2020 года) [6];

- Органическим законом Алжирской Народной Демократической Республики № 22-12 от 27 Дху Эль Каада 1443, что соответствует 27 июня 2022 года, устанавливающим порядок избрания членов Высшего совета магистратуры, а также правила его организации и деятельности [8];

- Органическим законом Алжирской Народной Демократической Республики № 22-10 от 9 Дху Эль Каада 1443, что соответствует 9 июня 2022, об организации судебной системы [7].

Кроме того, релевантные нормы содержатся в ряде иных законов и подзаконных актов.

Согласно статье 173 Конституции Алжира магистрат несет ответственность перед Высшим советом магистратуры в формах, предусмотренных законом, за то, как он выполняет свои обязанности.

В соответствии со статьей 180 Конституции Высший совет магистратуры гарантирует независимость правосудия.

Статья 181 Конституции предусматривает, что Высший совет магистратуры принимает решения в порядке, установленном законом, о назначении магистратов, их переводе и продвижении по службе.

Назначения на судебные должности производится Указом Президента после одобрения Высшего совета магистратуры.

Он обеспечивает соблюдение положений законодательства о статусе магистратуры и контроль за дисциплиной магистратов под председательством Первого председателя Верховного суда.

Согласно статье 182 Конституции Высший совет магистратуры выносит консультативное заключение до осуществления Президентом Республики права помилования.

Совет является независимым учреждением, обладающим правами юридического лица, финансовой и административной автономией. Его официальное местонахождение установлено в городе Алжир.

Теперь рассмотрим **состав Высшего совета магистратуры Алжирской Народной Демократической Республики и порядок его формирования**

В соответствии со статьей 180 Конституции Алжира Высший совет магистратуры возглавляется Президентом Республики.

Он вправе поручить Первому председателю Верховного суда председательствовать на нем (то есть последний выполняет функции Председателя Совета ex officio).

Говоря о составе Совета, необходимо иметь в виду, что, как, например, во Франции, магистратура Алжира включает в себя несколько корпусов: судьи; прокуроры; государственные комиссары Государственного совета (высшего административного судебного органа) и административных судов (государственные комиссары выполняют функции, аналогичные прокурорам, но в системе административного судопроизводства), магистраты, исполняющие различные функции, касающиеся обеспечения функционирования судебной системы в центральном аппарате Министерства юстиции, в Секретариате Высшего совета магистратуры, в административных органах Верховного суда и Государственного совета, в учебных и научно-исследовательских учреждениях при Министерстве юстиции.

В состав Высшего совета магистратуры входят:

- Первый председатель Верховного суда (является Заместителем председателя Совета);

- Председатель Государственного совета;

- пятнадцать магистратов, избираемых своими коллегами, согласно следующему распределению:

три магистрата Верховного суда, включая двух судей и одного магистрата Генеральной прокуратуры;

три магистрата Государственного совета, включая двух магистратов и одного государственного комиссара;

три магистрата апелляционных судов, в том числе два судьи и один магистрат Генеральной прокуратуры;

три магистрата органов административной юстиции, кроме Государственного совета, включая двух судей и одного государственного комиссара;

три магистрата от судов нижестоящих инстанций, включая двух судей и одного магистрата прокуратуры.

- шесть лиц, избранных в силу их компетентности, вне корпуса магистратов, в том числе двое выбранных Президентом Республики, двое выбранных Председателем Национальной народной ассамблеи не из числа депутатов, и двое избранных Председателем Совета нации не из числа его членов;

- два магистрата, представляющие профсоюзы магистратов;

- Председатель Национального совета по правам человека.

Указанный выше Органический закон Алжирской Народной Демократической Республики № 22-12 от 27 Дху Эль Каада 1443, что соответствует 27 июня 2022 года устанавливает **порядок избрания членов Высшего совета магистратуры**, а также правила его организации и деятельности.

Теперь рассмотрим порядок формирования Высшего совета магистратуры.

Говоря о праве быть избранным в состав Совета, отметим, что членство в нем является однократным, установлено на четыре года и не подлежит продлению.

Срок полномочий членов Совета истекает с момента назначения их преемников.

При появлении вакантной должности до истечения срока полномочий его члена, эта вакантная должность замещается, на оставшийся период, соответственно, судьей, или прокурором, или государственным комиссаром, или представителем профсоюзной организации магистратов, набравшими наибольшее количество голосов в списке неизбранных магистратов.

Указанный выше список кандидатов составляется в порядке убывания количества голосов, полученных ими в ходе каждых выборов.

Соответствующий магистрат назначается на первом заседании, проводимом после появления вакантной должности.

Члену-преемнику не может быть отказано в избрании в Совет, если срок его нахождения в должности в качестве преемника не превышает один год.

Члены Совета сохраняют право на получение всех вознаграждений, связанных с должностью, которую они занимали на момент их назначения в Совет.

Кроме того, членам Совета выплачивается специальная компенсация, размер и порядок получения которой устанавливаются путем

принятия подзаконных нормативных актов.

На заседаниях Совета члены Совета свободно выражают свое мнение.

В течение срока нахождения в должности члены Совета пользуются всеми возможностями для исполнения своих должностных обязанностей. В ходе и/или в связи с исполнением своих должностных обязанностей, они пользуются защитой государства от клеветы, угроз и нападок любого характера.

Магистраты, являющиеся членами Совета, не могут быть повышены в должности или переведены по службе в течение срока действия их членства. Однако, когда магистрат, являющийся членом Совета, соответствует установленным законом условиям для продвижения в более высокий класс или в более высокий ранг, это производится автоматически в наиболее благоприятный срок, и в случае необходимости сверх штата.

Члены Совета обязаны, выступая в качестве официальных лиц проявлять сдержанность в своих высказываниях и соблюдать тайну совещания. Они должны воздерживаться от передачи любой информации или документов, которые им стали известны в ходе и/или в связи с исполнением своих должностных обязанностей. Эта обязанность сохранятся даже после окончания их членства в Совете.

В случае неисполнения членом Совета обязанностей, предусмотренных законом, его статус члена Совета может быть прекращен по решению Совета.

Статус магистрата – члена Совета может быть приостановлен до принятия решения по его дисциплинарному делу, в случае неисполнения им обязанностей, предусмотренных Органическим законом, устанавливающим статус магистратуры. Его членство в Совете может быть также прекращено при привлечении к дисциплинарной ответственности.

В обоих указанных выше случаях Председатель Совета или Заместитель председателя созывают заседание для принятия соответствующего решения.

Членство в Совете прекращается в следующих случаях:

- истечение срока полномочий;
- смерть;
- отставка;
- выход на пенсию по ходатайству заинтересованного лица;
- выход из состава членов;
- отсутствие на двух следующих друг за другом заседаниях Совета без уважительных причин.

Заявление об отставке направляется на адрес Председателя Совета, который передает его в Совет для принятия решения на заседании, созванном после даты подачи заявления.

Избранный член, срок членства которого истек, заменяется в соответствии с положениями, изложенными выше.

Весьма подробно в Органическом законе Алжирской Народной Демократической Республики № 22-12 от 27 Дху Эль Каада 1443, что соответствует 27 июня 2022 года, регламентированы условия избрания членов Совета.

Пятнадцать магистратов, являющихся членами Совета, избираются своими коллегами следующим образом:

Магистраты Верховного суда избирают трех магистратов Верховного суда, включая двух судей и одного магистрата Генеральной прокуратуры.

Магистраты Государственного совета избирают трех магистратов Государственного совета, включая двух судей и одного государственного комиссара.

Магистраты апелляционных судов избирают трех магистратов судов, включая двух судей и одного магистрата Генеральной прокуратуры.

Магистраты органов административной юстиции избирают трех магистратов органов административной юстиции, кроме Государственного совета, включая двух судей и одного государственного комиссара.

Магистраты судов нижестоящих инстанций избирают трех магистратов судов нижестоящих инстанций, включая двух судей и одного магистрата прокуратуры.

Члены Национального совета и исполнительного бюро, а также председатели отделений профсоюзных объединений магистратов избирают, из своего числа, двух магистратов.

Критерием для включения в список кандидатов является должность, фактически занимаемая магистратом на дату подачи заявления.

Что касается прикомандированного магистрата, то при определении категории магистратов, которых он будет представлять, учитываются класс, к которому он относится, и последняя должность, которую он занимал.

Теперь рассмотрим вопросы организации процедуры выборов в состав Совета.

Создается особый орган – постоянное бюро Совета, который отвечает за организацию и контроль выборов магистратов, являющихся членами Совета.

Членом Совета может быть избран любой штатный магистрат, имеющий подтвержденный стаж работы в судебной системе не менее пятнадцати лет.

Однако магистраты, подвергшиеся дисциплинарным взысканиям, могут иметь на это право только после их реабилитации в соответ-

ствии с условиями, определенными Органическим законом, устанавливающим статус магистратуры.

Временно отстраненные от должности магистраты не могут быть избраны в Совет.

Кроме того, на эту должность не может претендовать магистрат, ранее занимавший должность в Совете.

После окончательного утверждения списка кандидатов постоянным бюро Совета, кандидатура считается выбывшей в случае прекращения полномочий или временного отстранения от должности соответствующего магистрата.

Постоянное бюро объявляет дату выборов членов Совета не менее чем за два месяца до истечения срока действия текущего мандата и устанавливает крайний срок для представления кандидатур.

Заявление о выдвижении кандидатуры, подписанное заинтересованным лицом, в течение 10 дней со дня объявления соответствующей кандидатуры направляется, под расписку в получении, председателю постоянного бюро Совета руководителями судебного органа, к которому относится кандидат-заявитель.

Для прикомандированных магистратов, заявление подается в порядке подчиненности, под расписку в получении.

Заявление о выдвижении кандидатуры может быть подано напрямую председателю постоянного бюро Совета, под расписку в получении. Суд или иное учреждение, в котором работает магистрат, информируется об этом соответствующим образом.

Кроме того, заявление может быть подано в электронном виде в порядке, установленном внутренним регламентом Совета.

Постоянное бюро принимает решение по заявлению о выдвижении кандидатуры в течение десяти дней со дня его получения.

После окончания процедуры приема заявлений постоянное бюро Совета составляет в алфавитном порядке список кандидатов, отвечающих условиям, установленным настоящим Органическим законом.

Любой отказ в одобрении кандидатуры должен быть обоснован и доведен до сведения заинтересованного лица в течение пяти дней со дня принятия решения.

Апелляция на решение об отказе может быть подана в постоянное бюро в течение пяти дней, со дня получения извещения об отказе.

Постоянное бюро выносит решение по апелляции в течение пяти дней, со дня подачи апелляции.

В случае отказа, заинтересованное лицо может подать апелляцию на решение постоянного бюро в Государственный совет в течение пяти дней, со дня получения извещения о вынесенном решении или со дня истечения установленного выше срока, для вынесения постоянным бюро решения по заявлениям о выдвижении кандидатуры или по апелляции.

Государственный совет выносит решение в течение пяти дней, со дня подачи апелляции.

При рассмотрении апелляции Государственным советом заинтересованное лицо освобождается от уплаты государственной пошлины и обязанности обеспечить обязательное участие адвоката.

Постоянное бюро Совета составляет окончательные списки кандидатов и передает их на избирательные участки, которые должны быть оборудованы не менее чем за пятнадцать дней до даты выборов.

Председатели избирательных комиссий публикуют списки кандидатов на уровне своих судебных органов не менее чем за пять дней до назначенной даты выборов.

На уровне Верховного суда создается смешанный избирательный участок, отвечающий за голосование магистратов Верховного суда, прикомандированных магистратов и магистратов, осуществляющих деятельность вне судов, в состав избирательной комиссии которого входят:

- магистрат, имеющий как минимум ранг председателя палаты, председатель;
- магистрат в ранге генерального прокурора, заместитель председателя;
- старейший из советников, член.

На уровне Государственного совета создается избирательный участок, ответственный за голосование магистратов Государственного совета,

- магистрат, имеющий как минимум ранг председателя палаты, председатель;
- магистрат в ранге государственного комиссара, заместитель председателя;
- старейший из советников, член.

На уровне каждого суда апелляционной инстанции создается избирательный участок, ответственный за голосование магистратов соответствующего суда и судов нижестоящих инстанций, находящихся в его подчинении, в состав избирательной комиссии которого входят:

- магистрат суда вышестоящей инстанции, имеющий как минимум ранг председателя палаты, председатель;
- магистрат в ранге заместителя генерального прокурора при суде апелляционной инстанции, заместитель председателя;
- старейший из магистратов судов нижестоящих инстанций, член.

На уровне каждого апелляционного административного суда создается избирательный участок, ответственный за голосование магистратов апелляционного административного суда и подчиненных ему административных судов, в состав избирательной комиссии которого входят:

- магистрат, имеющий как минимум ранг председателя палаты апелляционного административного суда, председатель;
- магистрат в ранге заместителя государственного комиссара при апелляционном административном суде, заместитель председателя;
- старейший из магистратов административных судов, член.

Члены избирательных комиссий назначаются совместным решением глав каждого из соответствующих судов.

Замещающие члены избирательных комиссий назначаются в том же порядке для замены основных членов в случае их отсутствия или невозможности исполнения соответствующих обязанностей.

Председатель каждой избирательной комиссии размещает у входа в помещение каждого избирательного участка список ее основных и замещающих членов.

Члены избирательных комиссий не могут быть кандидатами на выборах в Совет.

Остановимся подробнее на самой процедуре голосования.

Члены избирательной комиссии в день выборов выдают каждому избирателю список кандидатов в соответствии с категорией, к которой он принадлежит, вместе с конвертом, отвечающим определенным требованиям.

Проводится тайное голосование в кабине для голосования в пользу одного или нескольких кандидатов в пределах количества должностей, подлежащих заполнению.

Выборы проводятся путем оставления кандидата или двух кандидатов в зависимости от обстоятельств и вычеркивания остальных кандидатов.

Каждый кандидат может в письменной форме поручить магистрату любого суда представлять его и присутствовать во время проведения выборов на любом избирательном участке. Кандидат должен сообщить сведения о представителе в постоянное бюро Совета не позднее, чем за пять дней до даты голосования, используя любые доступные способы, включая электронные средства связи.

Председателю избирательной комиссии может оказывать помощь технический секретариат.

В распоряжение избирательной комиссии предоставляются любые доступные средства связи.

Избирательные бюллетени помещаются в белый непрозрачный конверт, единого типа и без пометок.

В день выборов избирательные бюллетени помещаются в прозрачную избирательную урну под наблюдением и контролем членов избирательных комиссий.

Не позднее, чем за сорок восемь часов до голосования постоянное бюро Совета передает на избирательные участки список избирателей.

Каждый магистрат-избиратель ставит подпись напротив своего имени в списке избирателей, а доверенное лицо – напротив имени своего доверителя.

Магистраты, находящиеся в резерве, не могут участвовать в процедуре голосования.

Процедура выборов проводится за один день, с восьми до пятнадцати часов. Постоянное бюро может продлить срок голосования максимум на два часа по просьбе председателя соответствующей избирательной комиссии.

Голосование может также проводиться в электронной форме в соответствии с положениями внутреннего регламента Совета.

Магистрат, который не может голосовать лично, вправе выдать доверенность любому магистрату по своему выбору, зарегистрированному в том же списке избирателей.

Доверенность составляется и подписывается доверителем в простой письменной форме. Она должна включать в себя имя доверителя и представителя, а также суд, к которому относится каждый из них. Доверенность удостоверяется председателем соответствующего суда.

Доверитель не может выдавать более одной доверенности для одного и того же избирательного участка, к которому принадлежит представитель.

Одному магистрату может быть выдано не более одной доверенности.

Процедура подсчета голосов начинается сразу после окончания времени, установленного для процедуры голосования.

Данная процедура может проводиться в присутствии кандидатов, их представителей или любого избирателя, зарегистрированного на избирательном участке.

На каждом избирательном участке составляется протокол подсчета голосов, составленный в соответствии с образцом, утвержденным постоянным бюро Совета, включающий, в частности:

- количество избирателей,
- количество поданных голосов,
- количество голосов, полученных каждым кандидатом,
- количество недействительных бюллетеней,
- количество не заполненных бюллетеней.

Недействительными считаются порванные или имеющие какие-либо пометки избирательные бюллетени, а также бюллетени, в которых число отмеченных кандидатов больше или меньше установленного и бюллетени в конвертах, не соответствующих установленным требованиям.

Конверты, не содержащие избирательный бюллетень, также считаются недействительными голосами.

Протоколы составляются в трех оригинальных экземплярах, первый хранится на избирательном участке, второй передается в постоянное бюро Совета, а третий передается Министру юстиции.

Протокол подсчета голосов должен содержать возражения кандидатов или, если это применимо, их представителей.

Протоколы подсчета голосов, с приложенными избирательными бюллетенями и доверенностями, передаются в постоянное бюро Со-

вета одним из членов избирательной комиссии.

Постоянное бюро собирает окончательные результаты, составляет списки кандидатов, а также определяет количество голосов, полученных каждым из них, в порядке убывания, после изучения возражений, которые могут содержаться в протоколах подсчета голосов. Составляется соответствующий протокол по данному факту, копия которого направляется Председателю Совета.

Избранным считается кандидат, набравший наибольшее количество голосов.

В случае равенства голосов избранным считается кандидат, имеющий больший стаж в органах судебной власти.

В случае равенства стажа избранным считается самый старший по возрасту кандидат.

Постоянное бюро объявляет окончательные результаты голосования и передает их Председателю Совета. Они публикуются во всех судах и на сайте Совета.

Окончательные результаты голосования могут быть обжалованы в Государственном совете в течение пяти дней, со дня их объявления.

Государственный совет выносит решение в течение пяти дней, со дня подачи апелляции.

При рассмотрении апелляции Государственным советом заинтересованное лицо освобождается от уплаты государственной пошлины и обязанности обеспечить обязательное участие адвоката.

Список литературы:

1. Антонов А.В., Некрасов П.Ю. Конституционный Суд Алжирской Народной Демократической Республики //Журнал конституционного правосудия. – 2022. – № 6. – С. 21-30.
2. Соловьёв А.А. Организация прохождения службы магистратами Алжирской Народной Демократической Республики // Администратор суда. – 2022. – № 2. – С. 44-49.
3. Соловьёв А.А. Основные полномочия Высшего совета магистратуры Алжирской Народной Демократической Республики // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2022. – № 1. – С. 86-93.
4. Соловьёв А.А. Основы правового статуса магистратов Алжирской Народной Демократической Республики // Российская юстиция. – 2021. – № 2. – С. 26-29.
5. Соловьёв А.А. Правовые основы деятельности Высшего совета магистратуры Алжирской Народной Демократической Республики, состав и порядок его функционирования // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2022. – № 2. – С. 134-139.
6. Constitution de la Republique Algerienne Democratique et Populaire // Journal Officiel de la République Algérienne démocratique et populaire. – 30 décembre 2020. – № 82. <https://www.joradp.dz/TRV/FConsti.pdf>.
7. Loi organique №°22-10 du 9 Dhou El Kaâda 1443 correspondant au 9 juin 2022 relative à l'organisation judiciaire// Journal Officiel de la République Algérienne démocratique et populaire. – 16 juin 2022. – № 41. <http://russia-algeria.ru/_ld/70/7046_F2022041.pdf>.
8. Loi organique №°22-12 du 27 Dhou El Kaâda 1443 correspondant au 27 juin 2022 fixant les modalités d'élection des membres du Conseil supérieur de la magistrature et ses règles d'organisation et de fonctionnement // Journal Officiel de la République Algérienne démocratique et populaire. – 27 juin 2022. – № 44. <http://russia-algeria.ru/_ld/70/7049_F2022044.pdf>.

References:

1. Antonov A.V., Nekrasov P.Y. Constitutional Court of the Algerian People's Democratic Republic //Journal of Constitutional Justice. – 2022. – No. 6. – pp. 21-30.
2. Solovyov A.A. Organization of service by magistrates of the Algerian People's Democratic Republic // Court Administrator. – 2022. – No. 2. – pp. 44-49.
3. Solovyov A.A. The main powers of the Supreme Council of Magistracy of the Algerian People's Democratic Republic // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. - 2022. – No. 1. – pp. 86-93.
4. Soloviev A.A. Fundamentals of the legal status of magistrates of the Algerian People's Democratic Republic // Russian justice. – 2021. – No. 2. – pp. 26-29.
5. Solovyov A.A. The legal basis of the Supreme Council of Magistracy of the Algerian People's Democratic Republic, the composition and procedure of its functioning // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. - 2022. – No. 2. – pp. 134-139.
6. Constitution de la Republique Algerienne Democratique et Populaire // Journal Officiel de la République Algérienne démocratique et populaire. – 30 décembre 2020. – № 82. <https://www.joradp.dz/TRV/FConsti.pdf>.
7. Loi organique №°22-10 du 9 Dhou El Kaâda 1443 correspondant au 9 juin 2022 relative à l'organisation judiciaire// Journal Officiel de la République Al-gérienne démocratique et populaire. – 16 juin 2022. – № 41. <http://russia-algeria.ru/_ld/70/7046_F2022041.pdf>.
8. Loi organique №°22-12 du 27 Dhou El Kaâda 1443 correspondant au 27 juin 2022 fixant les modalités d'élection des membres du Conseil supérieur de la magistrature et ses règles d'organisation et de fonctionnement // Journal Officiel de la République Algérienne démocratique et populaire. – 27 juin 2022. – № 44. <http://russia-algeria.ru/_ld/70/7049_F2022044.pdf>.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_146

УДК 346.6

ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ДОЛГОМ И БЮДЖЕТНЫМ ПРОЦЕССОМ
FINANCIAL AND LEGAL ASPECTS OF MANAGEMENT PUBLIC DEBT AND BUDGET PROCESS

УНТЕРОВ Владимир Анатольевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин
ФКОУ ВО СЮИ ФСИН России.
443022, Россия, Самарская обл., Самара, ул. Рыльская, 24 «В».
E-mail: unterov@mail.ru;

UNTEROV Vladimir Anatolyevich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines
Federal State Educational Institution of Higher Education of the Federal Penitentiary Service of Russia.
443022, Russia, Samara Region, Samara, st. Rylskaya, 24 «V».
E-mail: unterov@mail.ru

***Краткая аннотация**. В настоящей работе проведён комплексный анализ правовых механизмов управления государственным долгом и регулирования бюджетного процесса в Российской Федерации, нацеленный на выявление системных взаимосвязей между нормами бюджетного права и практикой долговой политики государства, а также на определение правовых инструментов, обеспечивающих финансовую устойчивость и сбалансированность публичных финансов. В ходе исследования уточнено понятие государственного долга в контексте бюджетного права, выявлена иерархия правовых источников, регулирующих долговые отношения, систематизированы правовые инструменты управления долгом на разных стадиях бюджетного процесса, определены правовые риски, связанные с ростом долговой нагрузки, и предложены направления совершенствования законодательства в части повышения прозрачности долговой политики и усиления контроля за её реализацией.*

***Abstract.** This paper provides a comprehensive analysis of the legal mechanisms for managing public debt and regulating the budget process in the Russian Federation, aimed at identifying the systemic relationships between the norms of budget law and the practice of state debt policy, as well as at determining the legal instruments that ensure the financial stability and balance of public finances. The study clarified the concept of public debt in the context of budget law, identified the hierarchy of legal sources regulating debt relations, systematized legal instruments for managing debt at different stages of the budget process, identified legal risks associated with an increase in the debt burden, and proposed ways to improve legislation in terms of increasing the transparency of debt policy and strengthening control over its implementation.*

***Ключевые слова:** Государственный долг, бюджетное право, бюджетный процесс, долговая политика, управление государственным долгом, финансовая устойчивость, публичные финансы, бюджетное законодательство, долговые обязательства.*

***Keywords:** Public debt, budget law, budget process, debt policy, public debt management, financial stability, public finances, budget legislation, debt obligations.*

***Для цитирования:** Унтеров В.А. Финансово-правовые аспекты управления государственным долгом и бюджетным процессом // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 146-148. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_146.*

***For citation**: Unterov V.A. Financial and legal aspects of management public debt and budget process // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 146-148. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_146.*

Статья поступила в редакцию: 17.11.2025

Комплексный анализ правовых механизмов управления государственным долгом и регулирования бюджетного процесса в Российской Федерации предполагает глубокое погружение в систему нормативного регулирования, где переплетаются нормы бюджетного, финансового и административного права.

В центре внимания оказывается не просто совокупность юридических предписаний, а живая ткань правоприменительной практики, в которой абстрактные правовые конструкции обретают реальное содержание через действия органов власти, динамику макроэкономических показателей и реакцию общества.

Сущность исследования заключается в выявлении системных взаимосвязей между нормами бюджетного права и практикой долговой политики государства. Это требует рассмотрения не только формальных источников — Бюджетного кодекса РФ, федеральных законов о федеральном бюджете на соответствующий год и плановый период, подзаконных актов Минфина и Правительства, — но и анализа того, как эти нормы реализуются в конкретных управленческих решениях. Особое значение приобретает изучение механизмов согласования интересов различных уровней публичной власти: федерального центра, субъектов РФ и муниципальных образований, поскольку долговая политика неизбежно затрагивает все звенья бюджетной системы.

Ключевым аспектом анализа становится определение правовых инструментов, обеспечивающих финансовую устойчивость и сбалансированность публичных финансов [1]. Речь идёт не только о классических механизмах ограничения дефицита бюджета и объёма государственного долга, закреплённых в Бюджетном кодексе, но и о более тонких регулятивных средствах: правилах формирования и использования резервных фондов, условиях размещения государственных ценных бумаг, порядке реструктуризации обязательств, механизмах межбюджетных трансфертов.

Каждый из этих инструментов рассматривается сквозь призму его способности предотвращать накопление критических рисков и поддерживать долгосрочную платёжеспособность государства. Важную роль играет оценка институциональных аспектов: полномочий органов исполнительной и законодательной власти в сфере управления долгом, порядка взаимодействия Минфина, Центрального банка, Федерального

казначейства и других участников бюджетного процесса.

Анализируется, насколько существующая система распределения компетенций способствует оперативному реагированию на изменения рыночной конъюнктуры и минимизации издержек обслуживания обязательств. Особое внимание уделяется правовым гарантиям прозрачности и подотчётности долговой политики. Исследуются механизмы раскрытия информации о состоянии государственного долга, порядок представления отчётности в парламент, возможности общественного контроля за расходованием средств, привлекаемых через заимствования. Оценивается, насколько действующие нормы обеспечивают баланс между необходимостью оперативного управления обязательствами и потребностью в открытом диалоге с обществом и инвесторами [2].

В итоге анализ выстраивается как многомерный: он соединяет формально-юридический подход (изучение текстов норм) с функциональным (оценка их работы в реальных условиях), дополняя их сравнительно-правовыми наблюдениями и экономико-статистическими данными. Это позволяет не просто описать действующие правовые механизмы, но и выявить их сильные и слабые стороны, сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования в целях укрепления финансовой устойчивости государства и повышения эффективности управления публичными финансами.

Государственный долг в контексте бюджетного права представляет собой совокупность обязательств публично-правового образования — Российской Федерации, субъекта РФ или муниципального образования.

Эти обязательства возникают вследствие государственных или муниципальных заимствований, а также предоставления гарантий по обязательствам третьих лиц. В их состав входят выпуски государственных ценных бумаг, кредиты от кредитных организаций, иностранных государств и международных финансовых институтов, а также принятые на себя обязательства других субъектов.

Основу правового регулирования государственного долга формирует Бюджетный кодекс РФ [3]. Именно он закрепляет понятие государственного долга, классифицирует его виды, регламентирует порядок формирования, управления и обслуживания. В частности, кодекс устанавливает предельные объёмы государственного внутреннего и внешнего долга, лимиты внешних заимствований и процедуру их утверждения федеральным законом о бюджете. Дополняют эту базу федеральные законы о федеральном бюджете [4] на очередной финансовый год, где конкретизируются предельные объёмы долга и программы заимствований. Важную роль играют указы Президента РФ и постановления Правительства РФ, которые регулируют отдельные аспекты управления долгом – например, программы государственных гарантий и внешних заимствований.

Нормативные акты Минфина России и иных федеральных органов власти детализируют порядок учёта, регистрации и обслуживания долговых обязательств. Конституция РФ и учредительные акты субъектов РФ закрепляют общие принципы бюджетного устройства и финансовой деятельности государства, создавая фундамент для всего комплекса долговых отношений. На региональном и муниципальном уровнях действуют собственные нормативные акты, принимаемые в рамках полномочий, определённых Бюджетным кодексом.

На стадии планирования бюджета ключевые инструменты управления долгом включают определение предельных объёмов государственного долга и программ заимствований, их утверждение в законе о бюджете, а также разработку долгосрочной долговой политики с чёткими целями, направлениями и целевыми показателями. При осуществлении заимствований применяются такие механизмы, как выпуск государственных ценных бумаг, привлечение кредитов от кредитных организаций, иностранных государств и международных финансовых институтов, а также предоставление государственных гарантий.

В процессе обслуживания и погашения долга реализуются выплаты процентов и основной суммы в соответствии с условиями обязательств. Здесь задействуются методы управления долгом: реструктуризация, конвертация, консолидация и унификация обязательств.

На этапе учёта и контроля ведётся государственная долговая книга, осуществляется регистрация долговых обязательств и мониторинг соблюдения предельных объёмов долга, оценивается эффективность использования заёмных средств. Рост долговой нагрузки сопряжён с рядом правовых рисков. Прежде всего, увеличивается доля расходов на обслуживание долга, что может привести к сокращению финансирования социально значимых программ. Высокая зависимость от внешних кредиторов, особенно при значительном объёме внешнего долга, повышает уязвимость перед колебаниями на международных финансовых рынках. Существует риск дефолта в случае неспособности своевременно выполнять обязательства, а также инфляционные риски при эмиссии денег для покрытия долга.

Кроме того, высокая долговая нагрузка способна снизить инвестиционную привлекательность страны, ограничивая приток иностранных капиталовложений. Социальные риски проявляются в возможном сокращении социальных расходов, что ведёт к обеднению уязвимых групп населения и росту социальной напряжённости. Для повышения прозрачности долговой политики и усиления контроля за её реализацией целесообразно усилить требования к раскрытию информации о структуре и динамике государственного долга.

Важно детализировать данные по видам обязательств, кредиторам и срокам погашения. Следует внедрить систему мониторинга и оценки долговой устойчивости субъектов РФ и муниципальных образований, разработав чёткие критерии и индикаторы риска.

Совершенствование механизмов контроля за соблюдением предельных объёмов долга и эффективностью использования заёмных средств требует усиления роли контрольно-счётных органов и внедрения цифровых технологий для анализа данных.

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости развития инструментов управления долгом, направленных на снижение его стоимости и рисков, например, расширяя практику реструктуризации и конвертации обязательств. Повышению ответственности должностных лиц за нарушения в сфере управления долгом будет способствовать разработка чётких критериев ответственности и механизмов её реализации. Долговая политика должна быть интегрирована с другими направлениями экономической политики – бюджетной, налоговой, денежно-кредитной

– для обеспечения сбалансированного развития экономики.

Продолжая совершенствование бюджетного процесса в целом, важно повышать эффективность планирования и исполнения бюджета, усиливать контроль за расходованием средств и внедрять цифровые технологии для прозрачности и результативности управления государственными финансами.

Такие меры позволят не только минимизировать риски, связанные с ростом долговой нагрузки, но и обеспечить рациональное использование заёмных средств в интересах устойчивого социально-экономического развития страны.

Список литературы:

1. Нургушиев Б. Б. Вопросы управления государственным и муниципальным долгом в Российской Федерации: финансово-правовой аспект // Вестник СГЮА. 2012. №1 (84). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-upravleniya-gosudarstvennym-i-munitsipalnym-dolgom-v-rossiyskoy-federatsii-finansovo-pravovoy-aspekt (дата обращения: 12.11.2025).
2. Бабич И. В. Методы управления государственным долгом // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2011. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-upravleniya-gosudarstvennym-dolgom (дата обращения: 12.11.2025).
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 №145-ФЗ (в редакции от 31.07.2025 № 303-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) (дата обращения: 12.11.2025).
4. Федеральный закон от 30.11.2024 № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) (дата обращения: 12.11.2025).

References:

1. Nurgushiev B. B. Issues of Management of State and Municipal Debt in the Russian Federation: Financial and Legal Aspect // Bulletin of SSUA. 2012. No. 1 (84). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-upravleniya-gosudarstvennym-i-munitsipalnym-dolgom-v-rossiyskoy-federatsii-finansovo-pravovoy-aspekt (accessed: 12.11.2025).
2. Babich I. V. Methods of Managing Public Debt // Industry: Economics, Management, Technologies. 2011. No. 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-upravleniya-gosudarstvennym-dolgom (accessed: 12.11.2025).
3. Budget Code of the Russian Federation: Federal Law No. 145-FZ dated 31.07.1998 (as amended by Federal Law No. 303-FZ dated 31.07.2025) // Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru) (accessed: 12.11.2025).
4. Federal Law No. 419-FZ dated 30.11.2024 "On the Federal Budget for 2025 and the Planning Period of 2026 and 2027" // Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru) (accessed: 12.11.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_149

УДК 342.9

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОРИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ (УЧЕНИЕ ПРОФЕССОРА В.А. ЮСУПОВА)
THE DEVELOPMENT OF ADMINISTRATIVE LAW THEORY IN RUSSIAN SCIENCE (THE TEACHINGS OF PROFESSOR V.A. YUSUPOV)

БРЕДИХИН Алексей Леонидович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, доцент.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1.
E-mail: axel_b@mail.ru

ПАРФЕНОВ Николай Петрович,
кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры математики и информатики Санкт-Петербургского университета МВД России.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1.
E-mail: parfenov-nikolai@mail.ru

BREDIKHIN Alexey Leonidovich,
PhD in Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Associate Professor.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
E-mail: axel_b@mail.ru

PARFENOV Nikolai Petrovich,
PhD in Engineering, Associate Professor, Associate Professor, Department of Mathematics and Computer Science, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
E-mail: parfenov-nikolai@mail.ru

Краткая аннотация: *В настоящей статье авторы исследуют монографию видного специалиста в области административного права, доктора юридических наук, профессора, Виталия Андреевича Юсупова (1940-2022 гг.) «Теория административного права» 1985 г. В статье рассматриваются основные положения учения В.А. Юсупова о теории административного права, производятся отдельные сравнения с современностью. В заключение отмечается высокое значение монографии на становление науки административного права, а ее изучение полезно с точки зрения понимания истоков и смысла административного права как правовой отрасли.*

Abstract: *In this article, the authors examine the 1985 monograph "The Theory of Administrative Law" by Vitaly Andreevich Yusupov (1940-2022), a prominent expert in the field of administrative law, Doctor of Law, and Professor. The article examines the main tenets of V.A. Yusupov's teachings on administrative law theory and makes some comparisons with modern times. In conclusion, the monograph's significant significance for the development of administrative law is noted, and its study is useful for understanding the origins and meaning of administrative law as a legal branch.*

Ключевые слова: *административное право; право; монография; В.А. Юсупов, правовая отрасль.*
Keywords: *administrative law; law; monograph; V.A. Yusupov, legal branch.*

Для цитирования: *Бредихин А.Л., Парфенов Н.П. Формирование теории административного права в отечественной науке (учение профессора В.А. Юсупова) // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 149-150. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_149.*
For citation*: Bredikhin A.L., Parfenov N.P. The development of administrative law theory in Russian science (the teachings of professor V.A. Yusupov) // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 149-150. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_149.*

Статья поступила в редакцию: 17.11.2025

Сегодня уже сложно представить себе отечественную правовую систему без такой отрасли как административное право. Тем не менее, эта отрасль довольно «молодая», так как сложилась в привычном для нас виде лишь в середине XX века.

Да, безусловно, вопросы административного управления всегда были неотъемлемой частью юридической науки и государственной практики [1,С. 216-219], но именно административное право (в отечественном варианте) имеет свой особый предмет правового регулирования и метод.

Среди научных трудов, оказавших значительное влияние на становление российского административного права нужно назвать монографию Виталия Андреевича Юсупова, доктора юридических наук, профессора «Теория административного права» 1985 г. [2]. Юсупов В.А. прожил долгую жизнь (1940-2022 гг.), оставив богатое творческое наследие, а названную выше монографию часто называют самым значимым его научным сочинением.

В 1993 году Виталий Андреевич принимает решение об учреждении Волгоградского филиала Московского института экономики, политики и права, а в 1996 году филиал был преобразован в негосударственное образовательное учреждение «Волгоградский институт экономики, социологии и права», который он и возглавлял до последнего дня своей жизни, сначала в должности ректора, а в последние годы – Президента [3]. Закономерно, что первая глава учебника по административному праву «Предмет, метод и система административного права» вышедшего в ИМЦ ГУК МВД России в 2003 г., написана В.А. Юсуповым [4].

В целом, монография «Теория административного права» написана в духе социалистического понимания права, с опорой на труды марксистов, представителей социалистической правовой школы и практику социалистического общества. Так, в главе 1 «Сущность административного права», в параграфе 1 «Социальная природа административного права», В.А. Юсупов отмечает, что советское административное право

«обусловлено материальными отношениями, потребностью регулировать общественные процессы». Здесь же он выделяет четыре основные источника общественного волеизъявления: а) Советский народ, воля которого преобразуется в волю органа государственной власти, а затем в концентрируется в административно-правовых нормах; б) Коммунистическая партия Советского Союза, которая выступает в качестве авангарда в общественном развитии; в) общественные организации и трудовые коллективы; г) правотворческие органы. Автор определяет в качестве непосредственного административно-правового воздействия управленческие отношения.

Заслуживает внимания выделение трех групп общественных отношений, возникающих под воздействием норм административного права: организационно - структурные, организационно - функциональные, административно деликтные [2, С.10]. Социальная природа административного права видится им двуедино: как огосударствленная управленческая воля развитого социалистического общества и средство организующего воздействия на управленческие отношения в сфере советского государственного управления.

В первой главе выводится и понятие советского административного права как обусловленная внутренними потребностями развития советского общества система общественных отношений, выражающая управленческую волю общенародного социалистического государства. Интересно, что в названном выше учебнике по административному праву определение немного видоизменено. Здесь административное право определяется как обусловленная внутренними потребностями развития общества система социальных отношений, выражающая управленческую, исполнительно-распорядительную волю государства [4,С. 5]. Очевидно, что определение приспособлено под современность, однако общий смысл остается прежним, что говорить о последовательности профессора Юсупова в своих научных взглядах.

Вторая глава анализируемой монографии посвящена рассмотрению принципов административного права. Под таковыми автор понимает основные начала (комплексы идей), характеризующие его содержание, закрепляющие закономерности развития и определяющие механизм административно-правового регулирования управленческих отношений.

В третьей главе «Функции административного права», таковыми именуются конкретные направления организующего воздействия на управленческие отношения в советском государственном управлении. Ведущей функцией административного права автор называет функцию организации и регулирования управленческих отношений в советском государственном управлении.

Глава 4 посвящена объективации административного права, где главное внимание уделяется правоотношению как форме такой объективации. Здесь же раскрывается содержание административного порядка.

Пятая глава исследует концепцию административного правонарушения. Таковым, по мнению профессора Юсупова, является система деликтных правоотношений, в процессе развития которой нарушается объективное или субъективное административное право. Определение довольно оригинальное и нетипичное для современного административного права.

Глава 6 рассматривает содержание административной ответственности. Таковую автор определяет как регламентируемую нормами и правоприменительными систему общественных отношений, обеспечивающих исполнение административно-правовой обязанности. В качестве административных санкций автор называет принудительные санкции и санкции поощрения.

Глава седьмая посвящена административному законодательству. Здесь рассматривается система нормативных правовых актов, составляющих систему административного законодательства. Примечательно выделение в качестве правовой формы административных предписаний административных договоров.

Интересно замечание, что непременным условием формирования эффективной системы административного законодательства является максимальное приближение ее к системе административного права. Высказывание актуально и сейчас, однако практика показывает наличие обратного процесса, когда правовая наука адаптируется под изменение законодательства. Что актуально не только для административного, но и для других отраслей права.

Автор также обращает внимание на процесс кодификации административного права, который шел с момента формирования советской правовой системы, но только в 1960-х годах начались дискуссии о появлении кодифицированного акта.

В целом, нужно сказать, что монография написано в период концептуального оформления административного права как отрасли советского права, характеризует ее главные институты и принципы. Работа аккумулирует достигнутые результаты предыдущих исследований, а также вносит определенные новеллы в видении проблематики административного права.

Нельзя не отметить очень глубокую проработку заявленных вопросов В.А. Юсуповым, что обусловило влияние данной работы на дальнейшее развитие науки административного права. Кроме того, изучение монографии профессора Юсупова полезно с точки зрения понимания административного права, его истоков и концепции, что в конечном итоге важно для конструирования будущей правовой науки.

Список литературы:

1. Жеребцов А.Н. Вопросы формирования системы российского административного права//Общество и право. 2012.№ 5. С. 216-219.
2. Юсупов В.А, Теория административного права, 1985. 160 С.
3. Памяти Виталия Андреевича Юсупова /https://viesp.ru/pamyati-vitaliya-andreevicha-yusupova/ (дата обращения – 04.03.2026).
4. Административное право. Общая часть: Учебник/Под ред. докт. юрид. наук, проф. В.А. Юсупова; канд. юрид. наук, доц. ВД. Симухина. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2003. 312 с.

References:

1. Zherebtsov A.N. Issues of formation of the Russian administrative law system//Society and law. 2012.No. 5. pp. 216-219.
2. Yusupov V.A., Theory of Administrative Law, 1985. 160 p.
3. In memory of Vitaly Andreevich Yusupov /https://viesp.ru/pamyati-vitaliya-andreevicha-yusupova / (date of application – 03/04/2026).
4. Administrative law. The general part: The tutorial/Edited by Dr. jurid. V.A. Yusupov, PhD. jurid. Sciences, assoc. VD. Simukhina. – M.: IMTS GUK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 312 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_151

УДК 347.9

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ
ABUSE OF PROCEDURAL RIGHTS: DOCTRINAL APPROACHES TO THE DEFINITION

БОРЕЦКАЯ Лилия Романовна,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.
295010, Россия, г. Симферополь, ул. Ковыльная, 86.
E-mail: bazichek@yandex.ru;

BORETSKAYA Liliya Romanovna,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
Crimean Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
295010, Russia, Simferopol, Kovylnaya street building 86.
E-mail: bazichek@yandex.ru

Краткая аннотация: *статья посвящена комплексному анализу юридической природы и содержания категории «злоупотребление процессуальными правами» в цивилистическом процессе. Актуальность исследования обусловлена значительным ростом случаев подобных злоупотреблений, их негативным влиянием на эффективность правосудия, а также сохраняющейся правовой неопределенностью, связанной с отсутствием легальных дефиниций в АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ. В рамках исследования на основе сравнительного анализа доктринальных подходов (Н.А. Дурново, Е. Захаровой, К.А. Ширяевой, В.И. Кайнова и др.) и современной судебной практики (в т.ч. Постановления Пленума ВС РФ № 46) раскрывается сущность злоупотребления процессуальными правами. Высказывается авторская позиция, к определению понятия «злоупотребление процессуальными правами», а также автор формулирует предложение имплементировать в процессуальные кодексы общий принцип добросовестности с легальным определением «добросовестных действий».*

Abstract: *This article provides a comprehensive analysis of the legal nature and content of the category «abuse of procedural rights» in civil proceedings. The relevance of this research is determined by the significant increase in such abuses, their negative impact on the effectiveness of justice, and the persistent legal uncertainty associated with the lack of legal definitions in the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, the Civil Procedure Code of the Russian Federation, and the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation. This study, based on a comparative analysis of doctrinal approaches (N.A. Durnovo, E. Zakharova, K.A. Shiryaeva, V.I. Kaynov, and others) and contemporary judicial practice (including Resolution №. 46 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation), reveals the essence of abuse of procedural rights. The author expresses her position on the definition of «abuse of procedural rights» and proposes implementing the general principle of good faith in procedural codes with a legal definition of «good faith actions.»*

Ключевые слова: *суд, стороны, принцип, принцип добросовестности, добросовестность, не добросовестность, недобросовестное поведение, цивилистический процесс, злоупотребление процессуальными правами, судебная практика, судебное усмотрение.*

Keywords: *court, parties, principle, principle of good faith, good faith, lack of good faith, bad faith behavior, civil procedure, abuse of procedural rights, judicial practice, judicial discretion.*

Для цитирования: *Борецкая Л.Р. Злоупотребление процессуальными правами: доктринальные подходы к определению // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 151-154. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_151.*

For citation*: Boretskaya L.R. Abuse of procedural rights: doctrinal approaches to the definition // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 151-154. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_151.*

Статья поступила в редакцию: 27.10.2025

Ст. 45 Конституции РФ гарантирует каждому гражданину судебную защиту, а также право отстаивать свои права и свободы всеми не запрещенными законом средствами. В то же время, в соответствии с ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, осуществление этих прав не должно нарушать права и свободы других лиц.

Н.Н. Вопленко утверждает, что в ч. 3 ст.17 Конституции РФ установлен межотраслевой принцип запрета злоупотребления правом [1, с.7].

Необходимо согласиться с В.И. Крусе, который указывает на безусловность проблем, связанных с злоупотреблением правом, а так же на глобальный характер угроз, связанных с таким явлением как злоупотребление правом [2, с.166].

А.В. Лошкарёв и А.И. Чалоян указывали на негативное влияние отсутствия закрепленного определения понятия злоупотребление процессуальными правами на выявление признаков и форм процессуальных злоупотреблений» [3, с.43].

О необходимости закрепления либо понятия, либо признаков злоупотребление процессуальными правами отмечает и М.А.Фокина [4 , с.62].

С.Н. Ожегов определяет злоупотребление, как «проступок, состоящий в незаконном, преступном использовании своих прав, возможностей» [5].

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в определении от 14.06.2016 № 52-КГ16-4 указывает, что «под злоупотреблением субъективным правом следует понимать любые негативные последствия, явившиеся прямым или косвенным результатом осуществления субъективного права» [6].

Е. Захарова выдвигает тезис о соотношении категорий «недобросовестное поведение» и «злоупотребление правом» в логической связи «часть - целое». Согласно данной концепции, злоупотребление правом представляет собой специфическую субкатегорию в рамках родово-

го понятия недобросовестного поведения. Это означает, что всякий случай злоупотребления правом имплицитно квалифицируется как поведение недобросовестное, однако обратное утверждение не является истинным: множество актов недобросовестного поведения не является злоупотреблением правом. Содержательно недобросовестность определяется как поведенческий выбор, противоречащий императиву добросовестности, который субъект совершает при наличии альтернативных, правомерных вариантов действия, что в результате причиняет вред иным участникам правоотношений. Таким образом, недобросовестность составляет сущностное ядро злоупотребления правом. Семантика термина «злоупотребление» («употребление во зло») эксплицитно указывает на вредоносный результат такого поведения, где «зло» есть вред, причиненный использованием нормы права в отрыве от ее действительного смысла [7, с.22].

К.А. Ширяева представляет злоупотребление правом как один из способов выражения недобросовестного поведения, его активную и злонамеренную форму, определяя злоупотребление правом как неправомерность поведения, указывая при этом, что это не синоним недобросовестности [8, с.91].

Злоупотребления в арбитражном процессе А.В. Бедрацкая обозначает как «социально-психологическое явление, состоящее в умышленном использовании участниками арбитражного процесса заранее подготовленных психологических методов и приемов, нарушающих процессуальные права вопреки истинному назначению судопроизводства» [9, с.11].

Н.А. Дурново в диссертационном исследовании «Злоупотребление правом как особый вид правового поведения (теоретико-правовой анализ» [10, с.22] указывает на значительный рост случаев злоупотребления правом, а так же на невозможность установить причину такого роста, указывая, что с одной стороны это низкая правовая грамотность, а с другой способность субъекта права использовать предоставленные права для удовлетворения личных интересов в ущерб общественным.

Автору ближе, вторая возможная причина значительного роста случаев злоупотребления правом, в целом и злоупотребления процессуальным правом в частности.

Согласно определению Н.А. Дурново, злоупотребление правом - это юридически допустимое действие субъекта в границах его субъективного права, которое либо нарушает пределы его осуществления, либо, не нарушая их, является общественно порицаемым и социально вредным, нанося ущерб правам, свободам и интересам других участников и общества в целом [10, с.9].

Согласно В.И. Кайнову, злоупотребление правом - это недобросовестное, корыстное поведение лица, которое либо противоречит цели права, либо использует для его достижения противозаконные средства. Такие действия выходят за установленные законом границы, наносят ущерб обществу, государству или гражданам и в конечном счете оборачиваются против самого нарушителя, вызывая негативные правовые последствия. Для квалификации действий как злоупотребления правом необходимо установить недобросовестность лица [11, с. 99].

Констатация злоупотребления правом в действиях лица возможна лишь при доказанности факта его недобросовестности [12, с.87].

В соответствии с пунктом 2 Постановления Пленума ВС РФ № 46 от 23.12.2021 года [13] (далее – Постановление), суд вправе признать действия стороны злоупотреблением правом не только по заявлению другой стороны, но и по собственной инициативе, если усматривает явное несоответствие поведения одной из сторон дела принципам добросовестности. Таким образом, из содержания данного пункта Постановления следует, что под злоупотреблением правом понимается очевидное отступление от добросовестной модели поведения участвующих в деле лиц.

При этом Верховный Суд РФ дает широкую трактовку злоупотребления, определяя его как любые негативные последствия, прямо или косвенно вызванные реализацией субъективного права [14].

Исследуя проблему злоупотребления процессуальными правами, нельзя не согласиться с позицией С.Н. Гаврилова, который обращает внимание на правовую неопределенность, возникающую из-за использования в судебной практике терминов, не имеющих ни законодательного определения, ни четких критериев. Для эффективного правоприменения крайне важно установить юридическое содержание терминологической базы данного института [15, с.119].

Современное процессуальное законодательство не содержит нормативно закрепленных дефиниций «добросовестность», «добросовестные действия» и «злоупотребление процессуальными правами», несмотря на это, суды активно оперируют этими понятиями в своих актах, реализуя дискреционные полномочия, а судебная практика последовательно фиксирует это явление.

Указание в упомянутом Постановлении на обязанность судов учитывать принцип добросовестности сторон заслуживает положительной оценки, поскольку необходимость нормативного закрепления данного принципа давно назрела и в своих научных работах автор неоднократно [16, 17] подчеркивал потребность в легальном закреплении в цивилистическом процессе принципа добросовестности и установлении законодательного определения понятия «добросовестные действия».

Необходимо согласиться с предложением И.Г. Федина о внесении дополнений в АПК РФ И ГПК РФ «на уровне статьи, подробно описывающей идею добросовестности, по аналогии с обособленными статьями данных нормативных актов, посвященных различным принципам. Интересным представляется предложение И.Г. Федина обязать суд «анализировать действия сторон на предмет их добросовестности» [18, с.5].

Актуальность закрепления принципа добросовестности в цивилистическом процессе подчеркивается рядом исследователей.

Так, И.А. Горлатых и Ю.В. Худякова отмечают, что внедрение принципа добросовестности должно обеспечить баланс интересов всех участников процесса, не допуская навязывания односторонних требований к поведению. Для этого, по их мнению, суду необходимо четко аргументировать, какие именно обстоятельства побудили его уточнить или дополнить правовую норму [19, с.13].

По мнению З.М. Готыжевой проблема злоупотребления процессуальными правами имеет важный правоприменительный аспект, и за-

дача судов усложняется из-за отсутствия единого научного подхода к толкованию этой категории, что требует от суда взвешенных решений в каждом конкретном споре [20, с.49].

А.В. Юдин определяет добросовестность как общеправовую категорию, синонимичную законности и правильности, противопоставляя ее злоупотреблению правом.

По мнению Т.Т. Алиева, злоупотреблений процессуальными правами наносит существенный вред, выражающийся в дополнительных временных, материальных и психологических затратах сторон и суда [21, с.90].

Однако не все ученые признают саму возможность злоупотребления в процессе. Д.А. Фурсов, например, полагает, что поскольку процессуальная сфера строго регламентирована, почвы для злоупотреблений нет [22, с.78-79].

С этой точкой зрения спорят другие авторы. Я.В. Грель определяет злоупотребление процессуальным правом как недопустимое осуществление права, которое препятствует правильному и своевременному разрешению дела или ведет к несправедливым последствиям [23, с.8].

Интересным представляется взгляд М.А. Боловнева, который предлагает рассматривать злоупотребления процессуальными правами как вид процессуального правонарушения, которое влечет вред правосудию или другим участникам. Для противодействия ему он предлагает дополнить процессуальные кодексы требованием не только о добросовестном, но и о разумном использовании процессуальных прав, под которым понимает осмотрительное и правомерное поведение, соответствующее ожиданиям других лиц [24, с.4].

П.П. Ланг акцентирует внимание на оценочном характере категории «злоупотребление правом», оставляющей пространство для судебного усмотрения, определяя злоупотребление правом как превышение уполномоченным лицом пределов субъективного права. В контексте арбитражного процесса это выражается в злостном поведении, которое, даже будучи формально правомерным, подрывает принципы правильного и своевременного судопроизводства [25, с.18].

Отсутствие в правовой доктрине консенсуса относительно юридической природы злоупотребления процессуальным правом порождает разнородность его дефиниций, что можно наблюдать в работах Алексеева А.А. [26], Зайкова Д.Е. [27] и Юдина А.В. [28].

В этой связи инициатива Осиповой Л.В. о законодательном закреплении в процессуальном законодательстве принципа недопустимости злоупотребления процессуальными правами [29, с.43], является актуальной, однако, по нашему мнению, более целесообразным является установление общего принципа добросовестности.

На основании изложенного сформулируем следующие предложения по совершенствованию цивилистического процессуального законодательства:

Во – первых: имплементировать в АПК, ГПК и КАС РФ принцип добросовестности, предусмотрев легальное определение как самого принципа, так и производного понятия «добросовестные действия».

Во – вторых: унифицировать и закрепить в указанных кодексах определение злоупотребления процессуальными правами: указав, что это умышленные недобросовестные действия лица, участвующего в деле, которые либо прямо запрещены законом под угрозой ответственности, либо совершаются под видом реализации своих прав с целью ограничения прав других лиц или создания препятствий суду в своевременном и правильном разрешении дела, влекущие применение мер процессуального принуждения.

Список литературы:

1. Вопленко Н.Н. Злоупотребление правом как родовое понятие юридической науки // Вестник ВолГУ. Сер. 5: Юриспруденция. 2011. № 1 (14). С. 7 -15.
2. Крусе В.И. Злоупотребление правом: учебное пособие. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. -176с.
3. Лошкарёв А.В., Чалоян А.И. Проблема злоупотребления процессуальными правами в арбитражном судопроизводстве / /Вопросы экономики и права. 2021. № 4 (154). С.41-45
4. Фокина М.А. Злоупотребление процессуальными правами: соотношение духа и буквы закона // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1. С. 48 - 62.
5. Ожегов С.Н. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944с.
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.06.2016 № 52-КГ16-4 [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-14062016-n-52-kg16-4/ (дата обращения 10.10.2024).
7. Захарова О.Е. Обход закона как форма злоупотребления правом по российскому и германскому гражданскому законодательству: сравнительно-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2021.- 228с.
8. Ширяева К.А. Объективность судебного разбирательства в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023.- 186с.
9. Бедрацкая А.В. Психолого-правовые технологии противодействия злоупотреблениям в арбитражном процессе: дис... канд. псих. наук. Москва. 2013.- 208с.
10. Дурново Н.А. Злоупотребление правом как особый вид правового поведения (теоретико-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. - 28с
11. Кайнов В И. Злоупотребление правом в российской правовой системе: учебное пособие. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. - 156 с. Текст: электронный. - URL: https://znanium.com/catalog/product/1911899 (дата обращения: 12.01.2024)
12. Ананьин Д.М. Процессуальная активность суда в противодействии злоупотреблениям процессуальными правами // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 4. С. 87-91
11. Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» № 46 от 23.12.2021 года: – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404664/ (дата обращения 20.05.2022).
12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.06.2016 № 52-КГ16-4 [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL:http://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-14062016-n-52-kg16-4/
13. Гаврилов С.Н. Злоупотребление процессуальными правами: российское законодательство второй половины XVII - начала XIX века... и современный тренд // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 12. С.117-123.
14. Борецкая Л.Р. Актуальные аспекты практики противодействия злоупотреблению процессуальными правами в цивилистическом процессе // Роль юридических и социальных наук в развитии современного общества: сборник статей по материалам II Всероссийской научно-практической конференции (12 апреля 2024 г., г. Владивосток) / Университет прокуратуры Российской Федерации, Дальневосточный юридический институт (филиал); отв. ред. д-р юрид. наук, профессор Е. Ю. Антонова. – Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2024. – С.301-305
13. Борецкая Л.Р. Правовые и процессуальные аспекты противодействия злоупотреблению процессуальными правами в цивилистическом процессе // Крымские юридические чтения**:** сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (г. Симферополь, 21 июня 2024 года) / под общ. ред. С.В. Герасимовского; сост. А.Ф. Кравчук, А.П. Сергеева // Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. – Симферополь, 2024. – С. 47-53
14. Федин И.Г. Актуальные вопросы развития принципа добросовестности в арбитражном и гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 3. С. 3 - 7.

15. Горлатых И. А., Худякова Ю. В. Принцип добросовестности в арбитражном процессе // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 8, вып. 4. С. 10 –14
16. Готыжева З.М. Некоторые теоретические и практические вопросы злоупотребления правом в области процессуального законодательства // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2017. № 4. С. 48 - 56.
17. Алиев Т.Т. О гражданской процессуальной ответственности за злоупотребление процессуальными правами и обязанностями // Современное право. 2015. № 6. С. 90-93
18. Фурсов Д.А. Институт злоупотребления правом в арбитражном процессе // Проблемы защиты прав и законных интересов граждан: Материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2002. С. 78-79.
19. Грель Я.В. Злоупотребления сторон процессуальными правами в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2006. -28с.
20. Боловнев М.А. Эффективность противодействия злоупотреблениям процессуальными правами: автореферат дис…кан-та юрид. наук. Омск, 2018. – 27с.
21. Ланг П.П. Состязательность и злоупотребление процессуальным правом в арбитражном процессе: корреляционная связь // Вопросы экономики и права. 2022. № 7 (169).- С. 14- 21.
22. Алексеев А.А. Злоупотребление правом в цивилистическом процессе России // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2017. Т.17. №1. С.51-55
23. Зайков Д.Е. Понятие и содержание злоупотребления процессуальными правами в арбитражном и гражданском процессах // Вестник гражданского процесса. 2016. № 6. С. 187 – 201.
24. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук.Санкт-Петербург, 2009. 47с.
25. Осипова Л.В. Недопустимость злоупотребления процессуальными правами как самостоятельная правовая категория в арбитражном процессе // Вестник арбитражной практики. 2022. № 4. С.38 - 43.

References:

1. Voplenko N.N. Abuse of Law as a Generic Concept of Legal Science // VolSU Bulletin. Series 5: Jurisprudence. 2011. №. 1 (14). Pp. 7-15.
2. Kruse V.I. Abuse of Law: A Study Guide. Moscow: Norma: INFRA-M, 2021. -176 p.
3. Loshkarev A.V., Chaloyan A.I. The Problem of Abuse of Procedural Rights in Arbitration Proceedings / / Issues of Economics and Law. 2021. №. 4 (154). Pp. 41-45
4. Fokina M.A. Abuse of Procedural Rights: The Relationship between the Spirit and Letter of the Law // Bulletin of Civil Procedure. 2022. № 1. Pp. 48 - 62.
5. Ozhegov S.N. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow: Azbukovnik, 1999. 944 p.
6. Definition of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 14, 2016 №. 52-KG16-4 [Electronic resource] - Access mode. - URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-14062016-n-52-kg16-4/ (date of access 10.10.2024).
7. Zakharova O.E. Circumvention of the Law as a Form of Abuse of Rights under Russian and German Civil Legislation: Comparative Legal Analysis): Dis. ... Cand. of Law. Ekaterinburg, 2021.- 228 p.
8. Shiryaeva K. A. Objectivity of Judicial Proceedings in Civil Proceedings: Diss. ... Cand. Sci. (Law). Saratov, 2023.- 186 p.
9. Bedratskaya A. V. Psychological and Legal Technologies for Countering Abuse in Arbitration Proceedings: Diss. ... Cand. Sci. (Psychology). Moscow. 2013.- 208 p.
10. Durnovo N. A. Abuse of Law as a Special Type of Legal Behavior (Theoretical and Legal Analysis): Abstract of Cand. Sci. (Law). Nizhny Novgorod, 2006. - 28 p.
11. Kaynov V. I. Abuse of Law in the Russian Legal System: Study Guide. Moscow; Berlin: Direct-Media, 2020. - 156 pages. Text: electronic. - URL: https://znanium.com/catalog/product/1911899 (date of access: 12.01.2024)
12. Ananyin D.M. Procedural activity of the court in countering abuse of procedural rights // Electronic supplement to the «Russian Law Journal». 2019. №. 4. - pp. 87-91
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On the application of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation when considering cases in the court of first instance» №. 46 of 23.12.2021: - [Electronic resource] - Access mode. - URL: http://www.consultant.ru/document /cons_doc_LAW_404664/ (date of access: 20.05.2022).
12. Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 14, 2016, №. 52-KG16-4 [Electronic resource] – Access mode. – URL: http://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-14062016-n-52-kg16-4/
13. Gavrilov S.N. Abuse of procedural rights: Russian legislation of the second half of the 17th - early 19th centuries... and the modern trend // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2017. №. 12. pp. 117-123.
14. Boretskaya L.R. Current Aspects of the Practice of Countering the Abuse of Procedural Rights in Civil Procedure // The Role of Legal and Social Sciences in the Development of Modern Society: A Collection of Articles Based on the Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference (April 12, 2024, Vladivostok) / University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Far Eastern Law Institute (Branch); Ed. Dr. of Law, Professor E. Yu. Antonova. - Vladivostok: Publishing House of Far Eastern Federal University, 2024. - Pp. 301-305
13. Boretskaya L.R. Legal and Procedural Aspects of Countering the Abuse of Procedural Rights in Civil Procedure // Crimean Legal Readings: A Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conf. (Simferopol, June 21, 2024) / Ed. S.V. Gerasimovskiy; compiled by A.F. Kravchuk, A.P. Sergeeva // Crimean Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. - Simferopol, 2024. - Pp. 47-53
14. Fedin I.G. Current issues of the development of the principle of good faith in arbitration and civil proceedings // Arbitration and civil proceedings. 2021. №. 3. Pp. 3 - 7.
15. Gorlatykh I.A., Khudyakova Yu.V. The principle of good faith in arbitration proceedings // Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2023. Vol. 8, issue 4. Pp. 10-14
16. Gotyzheva Z.M. Some theoretical and practical issues of abuse of law in the field of procedural legislation // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2017. №. 4. Pp. 48 - 56.
17. Aliev T.T. On Civil Procedural Liability for Abuse of Procedural Rights and Obligations // Modern Law. 2015. №. 6. Pp. 90-93
18. Fursov D.A. Institute of Abuse of Rights in Arbitration Proceedings // Problems of Protecting the Rights and Legitimate Interests of Citizens: Proceedings of the Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 2002. Pp. 78-79.
19. Grel Ya.V. Abuse of Procedural Rights by the Parties in Civil and Arbitration Proceedings: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. Novosibirsk, 2006. -28 p.
20. Bolovnev M.A. Effectiveness of Counteracting Abuse of Procedural Rights: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. Omsk, 2018. – 27 p.
21. Lang P.P. Adversarial Nature and Abuse of Procedural Rights in Arbitration Proceedings: A Correlation Relationship // Voprosy Ekonomiki i Prava. 2022. №. 7 (169). - P. 14-21.
22. Alekseev A.A. Abuse of Rights in Russian Civil Procedure // SUSU Bulletin. Law Series. 2017. Vol. 17. №. 1. P. 51-55
23. Zaykov D.E. Concept and Content of Abuse of Procedural Rights in Arbitration and Civil Proceedings // Bulletin of Civil Procedure. 2016. №. 6. P. 187-201.
24. Yudin A.V. Abuse of Procedural Rights in Civil Proceedings: Abstract of a Doctor of Law Dissertation. sciences. St. Petersburg, 2009. 47 p.
25. Osipova L.V. Inadmissibility of abuse of procedural rights as an independent legal category in arbitration proceedings // Bulletin of Arbitration Practice. 2022. №. 4. pp. 38-43.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_155

УДК 346.5

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ МОНЕТИЗАЦИИ ИННОВАЦИЙ В РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ [1]
LEGAL MECHANISMS FOR MONETIZATION OF INNOVATIONS IN THE ROCKET AND SPACE INDUSTRY

ЕРМАКОВ Дмитрий Николаевич,
профессор кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Центра мировой политики и стратегического анализа Института Китая и современной Азии РАН, профессор кафедры организационно-кадровой работы в органах государственной власти Института технологий управления МИРЭА - Российский технологический университет, профессор кафедры туризма Московского государственного университета спорта и туризма, доктор экономических наук, доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
119435, Россия, г. Москва, улица Малая Пироговская, д. 1, стр. 5.
Researcher ID: AAS-7807-2020
Scopus Author ID: 56610014800
РИНЦ ID: 319114
ORCID: 0000-0002-0811-0058.
E-mail: dermakow@mail.ru;

САВИНКИНА Лариса Александровна,
доцент кафедры организационно-кадровой работы в органах государственной власти Института технологий управления МИРЭА - Российский технологический университет, доцент кафедры туризма Московского государственного университета спорта и туризма, кандидат географических наук, доцент.
119435, Россия, г. Москва, улица Малая Пироговская, д. 1, стр. 5.
E-mail: danaya1967@mail.ru;

ERMAKOV Dmitry Nikolaevich,
Professor of the Department of History of Social Movements and Political Parties, Faculty of History Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher Center for World Politics and Strategic Analysis of the Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Organizational and Personnel Work in Public Authorities MIREA Institute of Management Technologies - Russian Technological University, Professor of the Department of Tourism at Moscow State University of Sports and Tourism, Doctor of Economics, Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation.
1 Malaya Pirogovskaya Street, building 5, Moscow, 119435, Russia.
Researcher ID: AAS-7807-2020
Scopus Author ID: 56610014800
RSCI ID: 319114
ORCID: 0000-0002-0811-0058.
E-mail: dermakow@mail.ru;

SAVINKINA Larisa A.,
Associate Professor of the Department of Organizational and Personnel Work in Public Authorities MIREA Institute of Management Technologies - Russian Technological University, Associate Professor of the Department of Tourism at the Moscow State University of Sports and Tourism, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor.
119435, Russia, Moscow, Malaya Pirogovskaya street, 1, building 5.
E-mail: danaya1967@mail.ru;

Краткая аннотация: *Настоящая работа концентрируется на изучении инновационных процессов в сфере космических технологий. Её фокус направлен на компании, которые проектируют и производят ракетно-космическую технику, а также на конкретные продукты и технологические решения, возникающие в результате их изысканий. Основное внимание уделяется анализу рыночных перспектив подобных разработок. Авторы стремятся исследовать возможные модели извлечения экономической выгоды из созданных инноваций. Параллельно рассматриваются типичные трудности и барьеры, препятствующие успешному выводу новых технологий на коммерческий рынок. Сквозной задачей исследования является поиск методик, позволяющих повысить отдачу от коммерциализации результатов научно-технического творчества в космической отрасли. Целью проведённого анализа является всестороннее рассмотрение вопросов, связанных с превращением результатов инновационной деятельности в рыночные продукты. Работа призвана систематизировать понимание того, каким образом компании могут извлекать финансовую пользу из своих передовых наработок. Для достижения этой цели решается ряд взаимосвязанных задач. В их число входит обзор актуального состояния и возможных векторов развития инноваций в ракетно-космическом комплексе. Далее следует оценка реального рыночного потенциала уже созданных технологий и продуктов. Отдельный блок посвящён идентификации ключевых проблем, возникающих на пути от лабораторного образца к рыночному внедрению. Методология исследования построена на сочетании теоретического анализа и выработки прикладных предложений. Итогом работы должен стать набор рекомендаций, направленных на оптимизацию процессов коммерческого использования передовых разработок. Предполагается, что эти рекомендации будут способствовать повышению общей эффективности взаимодействия между инновационной и рыночной составляющими деятельности предприятий космической отрасли.*

Abstract: *This work focuses on the study of innovative processes in the field of space technologies. Its focus is on companies that design and manufacture rocket and space technology, as well as on specific products and technological solutions resulting from their research. The main focus is on*

[1] Статья подготовлена в рамках научной школы юридического факультета Государственного университета просвещения «Правовое регулирование международных и национальных систем социального страхования»

analyzing the market prospects of such developments. The authors seek to explore possible models for extracting economic benefits from created innovations. In parallel, the typical difficulties and barriers preventing the successful introduction of new technologies to the commercial market are considered. A cross-cutting objective of the research is to find methods that can increase the return on commercialization of the results of scientific and technical creativity in the space industry. The purpose of the analysis is to comprehensively address issues related to the transformation of innovation results into market products. The work aims to systematize the understanding of how companies can benefit financially from their advanced technologies. To achieve this goal, a number of interrelated tasks are being solved. These include an overview of the current state and possible vectors of innovation development in the rocket and space complex. This is followed by an assessment of the real market potential of already developed technologies and products. A separate section is devoted to the identification of key problems that arise on the way from a laboratory sample to market implementation. The research methodology is based on a combination of theoretical analysis and the development of applied proposals. The result of the work should be a set of recommendations aimed at optimizing the processes of commercial use of advanced developments. It is assumed that these recommendations will contribute to improving the overall effectiveness of the interaction between the innovative and market components of the activities of enterprises in the space industry.

Ключевые слова: *патентные права; инновации в ракетно- космическом комплексе; лицензирование технологий и патентных прав.*

Keywords: *patent rights; innovations in the rocket and space complex; licensing of technologies and patent rights.*

Для цитирования: *Ермаков Д.Н., Савинкина Л.А. Правовые механизмы монетизации инноваций в ракетно-космической отрасли // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 155-159. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_155.*

For citation*: Ermakov D.N., Savinkina L.A. Legal mechanisms for monetization of innovations in the rocket and space industry // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 155-159. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_155.*

Статья поступила в редакцию: 11.01.2026

Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая на Совещании по вопросам развития ракетно- космической отрасли, отметил: « …в короткие сроки нам нужно существенно расширить для граждан, бизнеса, органов власти всех уровней доступность ключевых космических сервисов – имею в виду покрытие качественной связью всей территории нашей страны, а также геоинформационные продукты и технологии в области дистанционного зондирования Земли. Такие сервисы открывают путь для более эффективного решения задач в области экологии и климата, для развития наших территорий и расширения транспортно-логистических коридоров, в том числе Северного морского пути».[1]

Лицензирование технологий и патентных прав служит ключевым способом получения дохода от инноваций в области космических и ракетных разработок. Этот подход даёт возможность компаниям получать прибыль не только напрямую от реализации изделий и услуг, но и предоставляя другим сторонам права на использование своих интеллектуальных достижений. В отрасли, где разработки требуют огромных инвестиций и растянуты во времени, подобная модель приобретает особое значение. Она позволяет многократно увеличивать финансовую отдачу от единственной разработки, способствует более быстрому внедрению технологий в смежные сектора экономики и уменьшает риски, связанные с зависимостью от одного продукта или клиента. Однако для успеха недостаточно просто обладать патентами. Необходима целостная система управления всем массивом прав, глубокое понимание рыночного ландшафта и грамотное структурирование сделок — от выбора вида лицензии до внедрения механизмов контроля за исполнением условий и защиты передаваемых знаний.

Первым и основополагающим этапом является всесторонний аудит и классификация имеющихся интеллектуальных активов. Требуется определить, какие технологические компоненты целесообразно защищать патентами, а какие выгоднее оставить в качестве ноу-хау под режимом коммерческой тайны. Отдельно рассматриваются стандартизированные решения и комплексные системы, состоящие из множества элементов. В контексте космической индустрии это обычно подразумевает выделение нескольких категорий: аппаратные изобретения (например, конструкции узлов двигателей или материалы для теплозащиты), уникальные производственные процессы (такие как специальные методы аддитивного производства или обработки материалов), специализированное программное обеспечение (алгоритмы для управления полётом или анализа телеметрии) и производные от них аналитические продукты. Для каждого актива необходимо оценить уровень возможной правовой защиты, объём потенциального рынка, наличие внешних ограничений (вроде экспортного контроля или требований государственной тайны) и степень связи с другими технологическими решениями. На основе такого анализа формируется стратегия патентования и выбираются страны для подачи заявок.

Существует широкий спектр видов лицензионных соглашений, выбор которых должен соответствовать конкретным стратегическим задачам правообладателя. Простые неисключительные лицензии, не предполагающие модификации технологии, часто используются для широкого тиражирования программных компонентов или стандартных методик. Эксклюзивные лицензии, напротив, уместны при создании долгосрочных альянсов с крупными партнёрами, готовыми взять на себя затраты по выводу технологии на рынок и её продвижению. Промежуточные варианты, такие как единоличные (sole) или срочные лицензии, находят применение в рамках стратегических совместных проектов или на пилотной стадии. Особенно важной практикой считается разделение лицензий по областям применения. К примеру, права на использование одной и той же технологии в секторе телекоммуникаций могут быть предоставлены независимо от прав на её применение в машиностроении. Такой подход открывает возможности для монетизации инноваций в различных отраслях одновременно, не ограничивая потенциальные источники дохода.

Лицензионные соглашения в финансовом аспекте строятся на комплексной системе платежей. Она может включать первоначальный аванс, ежегодно гарантированные минимальные отчисления (роялти), а также периодические выплаты, привязанные к выручке или чистой прибыли лицензиата. Нередко практикуются и разовые платежи за предоставление прав. В высокотехнологичных сферах, таких как космическая отрасль, целесообразно увязывать финансовые обязательства с достижением ключевых этапов. К ним относятся успешное завершение сертификации, проведение испытаний или начало коммерческой эксплуатации. Каждое такое событие автоматически увеличивает финансовую нагрузку на получателя лицензии.

[1] http://kremlin.ru/events/president/news/72606 (дата обращения: 12.12.2025)

Дополнительно в контрактах часто фиксируются гарантии минимального оборота, что обеспечивает стабильный доход для лицензиара. Распространена продажа прав комплексными пакетами, которые могут включать возможность дальнейшего сублицензирования. Также активно используются опционные механизмы, позволяющие лицензиату в будущем расширить географию использования технологии или область её применения. В качестве альтернативы денежным расчетам могут выступать бартерные схемы. В этом случае в обмен на технологию лицензиат предоставляет доступ к своей производственной инфраструктуре, каналам дистрибуции или содействует в локализации производства.

Оценка стоимости пакета лицензий требует комплексного подхода, сочетающего несколько методик. Доходный метод фокусируется на дисконтировании будущих денежных потоков, которые генерирует технология. Сравнительный подход основывается на анализе рыночных данных по аналогичным сделкам. Затратная методика оценивает объем инвестиций, потребовавшихся на создание актива. Для капиталоемких и долгосрочных отраслей, таких как ракетостроение, наиболее релевантным часто оказывается доходный подход. Однако его применение требует тщательной корректировки на многочисленные риски: высокую технологическую неопределенность, длительные сроки окупаемости, а также регуляторные и геополитические факторы. Практическим решением является моделирование нескольких сценариев развития – от консервативного до оптимистичного. Кроме того, рекомендуется закладывать в соглашение гибкие формулы расчета платежей, которые могут автоматически пересматриваться при достижении заранее определенных коммерческих показателей.

Правовой аспект лицензирования в высокотехнологичных отраслях сопряжен с особыми сложностями. Многие разработки имеют двойное назначение и подпадают под режимы экспортного контроля. Поэтому до заключения сделки необходимо провести комплексную проверку на наличие ограничений, получить все требуемые разрешения и, возможно, включить в договор специальные условия. Они могут касаться требований по локализации производства или запрета на передачу критически важных компонентов третьим сторонам. Сам договор должен содержать прямые обязательства лицензиата по соблюдению всех экспортных регуляций. Также в нем предусматриваются механизмы немедленного прекращения действия лицензии в случае возникновения угроз национальной безопасности. Вопросы защиты и передачи ноу-хау, исходных кодов и другой конфиденциальной информации обычно регулируются отдельными соглашениями – о неразглашении и техническом содействии. В этих документах детально прописываются процедуры передачи данных, условия доступа, а также правила хранения и уничтожения материалов.

Эффективная монетизация технологии невозможна без действенного контроля за исполнением лицензионных условий. Для этого в договор включается целый набор инструментов. Лицензиар получает право на проведение аудитов отчетности о продажах и использовании технологии. Устанавливаются строгие требования к формату и периодичности предоставления отчетов, в том числе о достижении ключевых этапов. Типичными механизмами контроля являются право на инспекцию финансовой документации лицензиата, привлечение независимых аудиторов, использование эскроу-счетов для депонирования критически важного программного обеспечения. Также прописываются автоматические штрафные санкции за невыполнение гарантированных минимальных платежей. Отдельное внимание следует уделить вопросам модернизации технологии. Необходимо четко определить, кто будет финансировать дальнейшие исследования и разработки, а также кому будут принадлежать права на полученные улучшения. Это особенно важно в рамках совместных проектов и соглашений о перекрестном лицензировании.

В качестве стратегий защиты прав и распределения рисков часто рассматриваются перекрестное лицензирование и создание патентных пулов. Кросс-лицензирование взаимодополняющих портфелей между партнерами позволяет снизить операционные издержки и минимизировать риск патентных конфликтов. Патентные пулы особенно эффективны в отраслях, где широко используются отраслевые стандарты, например, в телекоммуникациях. Совместное управление патентами упрощает доступ компаний-участников к рынку и сокращает транзакционные издержки. Однако создание такого пула требует детальной предварительной договоренности о принципах ценообразования и механизмах распределения полученных доходов между всеми участниками.

Для технологических компаний в условиях современного рынка рекомендуется применять сбалансированную стратегию. Она включает активное патентование ключевых изобретений в приоритетных юрисдикциях, параллельное сохранение наиболее чувствительных know-how в режиме коммерческой тайны. Также необходим заблаговременный анализ свободы действий (FTO) для минимизации риска нарушения чужих исключительных прав. Грамотное использование лицензионных моделей открывает возможности для выхода на международные рынки при строгом соблюдении национального законодательства и экспортных ограничений. Лицензирование может выступать не только как инструмент монетизации, но и как средство привлечения инвестиций и развития кооперации. Например, передача технологических прав может быть обусловлена гарантиями финансирования дальнейших разработок. Создание выделенных компаний (спин-оффов) с эксклюзивными лицензиями на определенные рыночные ниши или участие в государственных программах с лицензионными компонентами позволяет расширять коммерческое присутствие без значительных капиталовложений в собственные производственные мощности. В конечном счёте деятельность по лицензированию и управлению патентным фондом не сводится исключительно к юридической практике. Она представляет собой значимую составляющую общей коммерческой стратегии предприятия.

Правильно выстроенное и детализированное лицензионное соглашение выполняет несколько ключевых функций. Во-первых, оно открывает возможности для извлечения максимальной финансовой выгоды из интеллектуальной собственности. Во-вторых, такой документ служит инструментом для снижения потенциальных правовых и коммерческих рисков.

Кроме того, продуманные условия лицензирования формируют прочный фундамент для долгосрочного и стабильного развития бизнеса. Это особенно актуально для высокотехнологичных отраслей, таких как космическая индустрия, где выход на глобальную арену сопряжён с повышенной сложностью и конкуренцией. Таким образом, эффективное управление патентами и лицензиями напрямую способствует укрепле-

нию позиций компании на международном рынке.

Сотрудничество между разными отраслями промышленности сопряжено со значительными вызовами, уходящими корнями в различия внутренней культуры и организационных процессов. Несовпадение в длительности циклов создания продукта, в требованиях к скорости выхода на рынок и в принципах контроля качества нередко становится источником серьезных разногласий между партнерами. Опыт успешных проектов демонстрирует, что для преодоления этих барьеров необходима четкая система координации. Ключевыми элементами такой системы являются заранее согласованные и измеримые показатели эффективности, формирование общего руководящего органа, назначение персонально ответственных за интеграцию специалистов и проведение плановых встреч по мониторингу потенциальных угроз. Для синхронизации ожиданий сторон особенно важны прозрачные критерии оценки, такие как срок до выхода первой рыночной версии продукта, процент клиентов, перешедших на платную модель использования, и уровень лояльности среди участников начального тестирования.

Таким образом, партнерство с компаниями из других секторов экономики открывает доступ к новым источникам дохода, однако его реализация требует методичной и всесторонней подготовки. Этот процесс должен охватывать детальное описание создаваемой ценности, определение оптимальной формы взаимодействия, юридическое сопровождение сделки, разработку финансовой модели и мероприятия по организационному сближению команд.

Для компании, работающей, например, в космической сфере, практический план действий может включать несколько последовательных шагов. Первоначально необходимо провести глубокий анализ и подтвердить наличие реального рыночного спроса в выбранной индустрии. Следующим этапом становится выбор конкретного формата сотрудничества и подготовка предварительного бизнес-плана, описывающего финансовые аспекты проекта.

После этого стороны переходят к составлению соглашения о пилотном внедрении, в котором однозначно прописываются правила распределения прав на интеллектуальную собственность и будущей прибыли. Запуск экспериментальной программы осуществляется либо непосредственно на инфраструктуре заказчика, либо на специальной тестовой площадке.

Финальная стадия предполагает переход к полноценному коммерческому масштабированию через типовые договоры или размещение решения на отраслевых цифровых площадках.

Подобный инкрементальный путь позволяет существенно снизить вероятные издержки и трансформировать передовые технологические разработки в стабильные финансовые результаты благодаря интеграции в межотраслевые партнерские сети.

Современная космическая сфера выступает в качестве одного из ключевых направлений инновационного развития. Она не просто служит источником фундаментальных научных знаний и технологических прорывов, но и формирует принципиально новые возможности для коммерческой деятельности.

Исследования показывают, что компании, занятые в области ракетостроения и космических технологий, последовательно внедряют новшества. Это позволяет им оптимизировать производственные цепочки, а также создавать продукты и сервисы, пользующиеся рыночным спросом. Подобная деятельность охватывает как фундаментальные изыскания, так и прикладные работы, ориентированные на последующее практическое применение и вывод на рынок.

Следует подчеркнуть, что результативная реализация подобных проектов невозможна без учета целого комплекса факторов. Речь идет не только о технических и инженерных задачах, но и об экономических расчетах, а также о налаживании конструктивного диалога с государственными институтами, научными центрами и частным инвестиционным сообществом.

Потенциал для коммерциализации достижений в этой области весьма существенен. В контексте усиливающейся глобальной конкуренции компании могут извлекать экономическую выгоду из своих разработок, продвигая их как на отечественном, так и на зарубежных рынках.

К примеру, технологии, связанные с созданием и эксплуатацией спутников, находят сегодня широкое применение. Они используются в системах связи, навигации, при наблюдении за состоянием окружающей среды и рациональном управлении природными ресурсами. Все это наглядно демонстрирует возможность успешной трансформации научно-технических результатов в стабильные финансовые потоки для организаций.

Тем не менее, путь к коммерческому успеху сопряжен с рядом трудностей. Ключевым препятствием часто выступает высочайшая стоимость исследований, разработок и последующего внедрения новейших технологий, что предполагает привлечение масштабных инвестиций.

Дополнительным вызовом является сложность и значительная продолжительность циклов создания и испытаний новых решений, что может замедлять их выход на рынок. Отдельного внимания заслуживает проблема защиты прав на интеллектуальную собственность в условиях острой международной конкуренции.

Способы извлечения прибыли из инноваций в этой отрасли могут быть весьма разнообразны. Среди них – вывод на рынок совершенно новых товаров и услуг, лицензирование разработанных технологий, а также формирование стратегических партнерств. Особенно перспективным выглядит рост частных космических предприятий, которые часто демонстрируют большую гибкость и адаптивность бизнес-моделей.

Для достижения успеха компаниям важно не только создавать передовые технологии, но и находить для них наиболее эффективные рыночные ниши, чутко реагируя на изменяющиеся запросы потребителей.

Преодоление обозначенных барьеров требует системного подхода. Необходимо дальнейшее совершенствование мер государственной поддержки инноваций, создание привлекательных условий для частных капиталовложений, а также поощрение кооперации между научным сообществом и промышленностью.

Важнейшую роль играет и развитие образовательных программ, нацеленных на подготовку квалифицированных кадров, обладающих компетенциями, востребованными в высокотехнологичных секторах экономики.

В итоге можно констатировать, что коммерческое освоение результатов космической деятельности открывает перед отраслью значительные перспективы, способные оказать серьезное влияние на экономический и технологический ландшафт. Достижение поставленных целей возможно лишь при активном и слаженном взаимодействии всех участников процесса: государства, науки и бизнеса.

Создание благоприятных условий для инноваций позволит не только укрепить конкурентные позиции национальных компаний на мировом уровне, но и внести весомый вклад в решение общечеловеческих проблем. Речь идет о таких вызовах, как климатические изменения, обеспечение безопасности и переход к устойчивому развитию. Таким образом, у ракетно-космической отрасли есть все основания для того, чтобы стать одним из глобальных лидеров технологического прогресса, что послужит важным шагом на пути к построению высокотехнологичного и сбалансированного будущего.

Список литературы:

1. Архипова Т. В. Обеспечение устойчивого развития предприятий ракетно-космической промышленности в условиях современных вызовов: дис. – Томск: 5.2. 3/ТВ Архипова, 2023
2. Башлаков-Николаев И.В. и др. Теоретическая модель декартелизации российской экономики в условиях ее интенсивной цифровизации: проблемы и пути их решения. – 2022.
3. Боденхаузен, Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности: Комментарий / Г. Боденхаузен; Пер. с фр. Тумановой Н. Л., под ред. проф. Богуславского М. М.; Вступ. статья Питовранова Е. П. – М.: Прогресс. – 1977. – 310 с.
4. Жерегеля А.В. Управление организацией в контексте цифровой трансформации: теоретико-методические и практические подходы: дис. – Владимирский государственный университет, 2023
5. Шибанова А. С., Меньшикова М. А. Совершенствование системы управления проектами в ракетно-космической отрасли//Вопросы региональной экономики. – 2023. – №. 2 (55). – С. 134.
6. Справочный документ об исключениях для целей выдачи принудительных лицензий SCP/30/3, 21 мая 2019 г. Постоянный комитет по патентному праву, Тридцатая сессия, Женева, 24–27 июня 2019 г.

References:

1. Arkhipova T. V. Ensuring the sustainable development of rocket and space industry enterprises in the context of modern challenges: Tomsk: 5.2. 3/TV Arkhipova, 2023
2. Bashlakov-Nikolaev I.V. and others. A theoretical model of the decartelization of the Russian economy in the context of its intensive digitalization: problems and solutions. – 2022.
3. Bodenhausen, Paris Convention for the Protection of Industrial Property: Commentary / G. Bodenhausen; Translated from French. Tumanova N. L., edited by Prof. Boguslavsky M. M.; Introduction. The article by Pitovranova E. P.– Moscow: Progress, 1977, 310 p.
4. Zheregelya A.V. Organization management in the context of digital transformation: theoretical, methodological and practical approaches: Vladimir State University, 2023
5. Shibanova A. S., Menshikova M. A. Improving the project management system in the rocket and space industry//Issues of regional economy. – 2023. – №. 2 (55). – P. 134.
6. Reference document on exceptions for the purposes of issuing compulsory licenses SCP/30/3, May 21, 2019 Standing Committee on Patent Law, Thirtieth session, Geneva, 24-27 June 2019

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_160

УДК 347.2

К ВОПРОСУ О ПРОДАЖЕ КВАРТИР ПОД ВЛИЯНИЕМ МОШЕННИКОВ
ON THE ISSUE OF SELLING APARTMENTS UNDER THE INFLUENCE OF FRAUDSTERS

МАРИНКИН Денис Николаевич,
доцент Филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» в г.Анапе Краснодарского края,
доцент кафедры экономики и управления
ФГБОУ ВО Анапский филиал «Московского педагогического государственного университета»,
кандидат юридических наук, доцент.
353440, Россия, Краснодарский край, г. Анапа, Астраханская ул., 88.
E-mail: marinkindn@yandex.ru;

MARINKIN Denis Nikolaevich,
Associate Professor at the Branch of the Russian State Social University in Anapa, Krasnodar Territory,
Associate Professor of the Department of Economics and Management
Anapa Branch of the Moscow Pedagogical State University, Candidate of Law, Associate Professor.
353440, Russia, Krasnodar Territory, Anapa, Astrakhan str., 88.
E-mail: marinkindn@yandex.ru

Краткая аннотация: *В последние годы увеличилось количество сделок с недвижимостью, совершенных под влиянием мошенников. С точки зрения правоохранительной практики они оспоримы и позволяют вернуть имущество сторонам, однако их реальные обстоятельства и последствия таких правоотношений вызывают много вопросов как к действующим нормам гражданского и уголовного законодательства, так и сущности общественных отношений участников таких сделок. Судебные решения и процессы анализа таких сделок побуждают современных ученых и правоприменителей детальнее исследовать причины и особенности толкования имеющихся правовых норм гражданского и уголовного законодательства в целом. В данной работе представлены итоги проведенного исследования ключевых проблем и возможных решений актуальных вопросов правовых последствий сделок продаж квартир под влиянием мошеннических действий.*

Abstract: *In recent years, the number of real estate transactions made under the influence of fraud has increased. From the point of view of law enforcement practice, they are contested and allow the return of property to the parties, however, their real circumstances and the consequences of such legal relations raise many questions both to the current norms of civil and criminal legislation, and the essence of public relations of participants in such transactions. Judicial decisions and the processes of analyzing such transactions encourage modern scientists and law enforcement officials to investigate in more detail the causes and features of the interpretation of existing legal norms of civil and criminal legislation in general. This paper presents the results of a conducted study of key problems and possible solutions to topical issues of the legal consequences of apartment sales transactions under the influence of fraudulent actions.*

Ключевые слова: *купля-продажа, недвижимость, мошенничество, оспоримые сделки, недействительность сделок с недвижимостью.*
Keywords: *purchase and sale, real estate, fraud, disputed transactions, invalidity of non-real estate transactions.*

Для цитирования: *Маринкин Д.Н. К вопросу о продаже квартир под влиянием мошенников // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 160-162. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_160.*
For citation*: Marinkin D.N. On the issue of selling apartments under the influence of fraudsters // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 160-162. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_160.*

Статья поступила в редакцию: 15.11.2025

В последние годы увеличилось количество сделок с недвижимостью, совершенных под влиянием мошенников. С точки зрения правоохранительной практики они оспоримы (ст. 177 ГК РФ [2] (временная утрата дееспособности) или ст. 178 ГК РФ (заблуждение)) [10] и позволяют вернуть имущество сторонам, однако их реальные обстоятельства и последствия вызывают много вопросов [21] как к действующим нормам гражданского и уголовного [4] законодательства государств, так и сущности [12] общественных отношений участников таких сделок.

Судебная практика [19] многих регионов [23] Российской Федерации по таким процессам вынуждает исследовать такие ситуации детальнее. Одним из более распространенных случаев может быть купля-продажа квартиры с последующим обращением продавца в суд с иском о признании сделки недействительной [20], в виду влияния до или в процессе такой купли-продажи [13] на прежнего собственника мошенников и(или) их соучастников.

Более распространенны, в частности, ситуации, когда прежний собственник ссылается на свой возраст, забывчивость, непонимание сути договора и событий, сопровождающих сделку по отчуждению квартиры.

По данным правоохранительных органов [17], влияние на продавца могут оказывать дистанционно с помощью интернета и(или) мобильной связи сотрудники иностранных колл-центров (либо «цифровые аватары» и(или) специальные «программы обзвона»), в последствии получающие денежные средства от сделок по продаже квартиры (кроме того и сами сделки могут проходит в электронной форме [6]).

Полученные такими лицами средства часто могут быть использованы как для личного обогащения, так и для финансирования противоправной деятельности таких групп, организаций и даже (часто зарубежных) с экстремистскими и террористическими [25] целями деятельности.

В научных юридических источниках по данной проблематике имеется множество решений таких ситуаций во благо участников исследуемых сделок с недвижимостью и интересов общества и государства. Однако полемика их внедрения и максимальной эффективности действия вызывает большее количество вопросов.

К числу важных возможных решений таких случаев считаем целесообразным отнести следующие.

Во-первых, следует ввести запрет регистрации сделок с «вторичным» жильем за наличные.

Однако такие действия могут быть новой проблемой, например, в случаях когда пострадавший от действий мошенников продавец может «пережить» всех добросовестных приобретателей такой квартиры. Кроме того, на рыке таких объектов недвижимости может быть все больше и больше, а покупателей таких объектов все меньше, в ввиду имеющихся обременений.

Во-вторых, предлагается проведение сделки через специальный счет и с дополнительным перечнем документов (например, аналог эскроу). В частности, многие риэлторы и адвокаты стали рекомендовать видеофиксацию сделки [7] по отчуждению имущества и фактов снятия и получения наличных в банке (банкомате) продавцом.

Многие участники таких отношений просят предоставить справки дееспособности и(или) результаты осмотров, протоколы решений врачебных психиатрических комиссий в подтверждение реальности воли к событию сделки, пониманию ее последствий.

Однако указанное часто не подтверждает реальное психическое состояние и причины поведения продавца (например, зависимость от действия мошенников и своей воли), вынуждая исследовать и предлагать новые механизмы контроля за психическими состояниями «опасных» лиц, не только для их и здоровья и жизни других, но и имущества, прав на него и имущественных интересов.

Интересным, в данном случае, видятся взгляды уголовно-правовой науки на вопросы о расстройствах психики [11] и их последствиях для уголовной ответственности «преступника», которые могут быть, как - до, так и во время, так и после преступлений.

Важно также и отметить, что даже участие нотариуса (многие граждане тратят немалые средства на это) в таких отношениях не гарантирует что сделка в последствии не будет оспорена. Опять же это требует, возможно, пересмотра требований законодательства к нотариусам [14], увеличения их ответственности, тем более нотариат стал частным.

В-третьих, указывать доверенных лиц для копии важных уведомлений и подтверждений транзакций.

Данная мера может пониматься как коллективная ответственность лиц, привлекаемых к участию в сделках. Кроме того, это может означать ограничение дееспособности дееспособного лица и противоречить многим принципам и нормам современного права и конституционным нормам [1], либо даже справедливости.

В-четвертых, блокировка поступивших средств от покупателя на определенный период на счете.

Максимально эффективным, возможно, будет и использование специальных блокчейнов или цифрового рубля для таких сделок. По крайней мере которые позволят сохранить историю всех транзакций и действий участников (в том числе это позволит и суду и исследователям понимать истинные намерения участников процессов таких сделок, например, анализируя биометрию и состояния участников по ней), а будучи открытыми, эти данные возможно стимулируют желание многих участников преступных схем [16] отказаться от их осуществления.

Кроме того, видится эффективным ограничение (целевое использование) полученных средств продавцом. Например, только для приобретения нового жилья, особенно в случаях, когда продаваемое жилое помещение является единственным, либо в нем проживают несовершеннолетние.

Заметим, что ограничить переводы средств со счета продавца от первой сделки вполне технически возможно как программно его банку, так и ЦБ РФ [26] при использовании цифрового рубля.

Следует также и отметить, что переход на полностью безналичные расчеты в таких случаях уже внедрен во многих странах.

Также считаем возможным ввести четкий период срока давности по таким сделкам, когда возможно инициировать оспаривание, например в один год, обязательно указывая это в договоре (однако, это возможно потребует пересмотр и изменение многих норм ГК РФ и ГПК РФ [3]).

Таким образом, остро стоит необходимость включения государства в такие процессы. Как вариант, с созданием специализированного фонда (социального) жилья, которое может быть выделено пострадавшим от таких сделок (как утративших купленную квартиру и не получивших средства от продавца обратно, ввиду его банкротства [18] и(или) иным причинам). Либо вселением прежнего собственника временно в данную квартиру. Что, естественно, может вызвать более сложные отношения и последствия.

Считаем, что возвращение продавцу объекта должно быть только после реального и полного возврата полученных средств по сделке от покупателя.

Также немалоэффективным было бы ввести обязательное страхование (титульное [24]) таких сделок, с созданием специальных фондов для возмещений потерпевшим от исследуемых проблемных случаев. Это, естественно, повысит конечную стоимость квартир, снизив их конкурентные преимущества [9] (например, от новостройки), но позволит защитить имущественные и иные интересы участников таких сделок, даже вне зависимости от реальной ситуации их добросовестности [22] как участников таких гражданских отношений.

Еще одной из важных мер должно стать изменение подходов в праве и практике к банкротству физических лиц. Поскольку данный институт может быть использован как злоупотребление правом продавцом [8], чтобы уйти от ответственности и(или) возвращения полученных средств от покупателя за квартиру по сделке.

Кроме того, актуален и вопрос о наличии влияния на продавца и отсутствии в действиях самого продавца признаков мошеннических действий в таких сделках с недвижимостью.

Следовательно, важно внести более четкое определение «добросовестности покупателя» [15] в гражданское законодательство с последующими гарантиями защиты его прав и интересов, от подобных проблемных сделок, государством.

Однако указанное может озадачить цивилистов, посягая на устоявшиеся принципы гражданских отношений, требующие пересмотра в соответствии с современными реалиями имущественных отношений.

Таким образом, указанные проблемы все чаще выводят исследователей на вопрос о наличии смешения понятий «жертва преступления» (мошеннические действия) и «дееспособности» в лице продавца в моменте сделки с собственностью современной правоприменительной практикой.

Резюмируя, заметим, что такие процессы и ситуации требуют детального определения «справедливости» в подобных решениях (суда) на законодательном уровне, либо, как минимум, предварительно (на переходный период, до таких правовых норм) в рекомендациях (Постановления Пленума [5]) Верховного Суда Российской Федерации.

Список литературы:

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // https://www.minjust.gov.ru/ru/documents/8011 (дата обращения: 10.11.2025г.).
2. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
3. "Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Парламентская газета. № 220-221. 20.11.2002.
4. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 15.11.2025г.).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100466/ (дата обращения: 10.11.2025г.).
6. Сулейменова А.Р. Электронные способы совершения сделок: понятие, особенности, виды // Современный ученый. 2024. № 5. С. 357-363.
7. Адвокаты поддерживают видеофиксацию сделок с недвижимостью пожилых людей // https://rapsinews.ru/legislation_news/20230921/309238741.html (дата обращения: 15.11.2025г.).
8. Алимова Р.Б. Вопросы злоупотребления правом при банкротстве физических лиц // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2024. № 4((35). С. 35-39.
9. Боброва Н.М., Плюснина Л.М., Степанов Д.А. Анализ факторов, влияющих на рост стоимости жилья в России // Инновационное развитие экономики: тенденции и перспективы. 2024. Т. 1. С. 107-116.
10. Денискин А.В. Доказательственное значение судебно-психиатрической экспертизы по делам об оспаривании сделок // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов международной Научно-практической конференции, г.Нижний Новгород, 14-15 мая 2025 г. Нижний Новгород: ННГУ, 2025. – 544 с. С. 87-94.
11. Емельянова Ж.Э., Крюкова О.Ю. Компаративный анализ отражения состояния психического расстройства в российском и зарубежном уголовном праве // Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации : сборник материалов международной научно-практической конференции (г. Вологда, 26–27 октября 2023 г.) : в 2 ч. / редкол.: В. Н. Некрасов (отв. ред.) [и др.] ; Федеральная служба исполнения наказаний, Вологодский институт права и экономики. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2024. – 306 с. С.82-86.
12. Кофанов Р.В. Сущность и отличительные черты оспоримых сделок // Право и общество. 2024. № 1 (39). С. 52-55.
13. Лакоценина Н.М. Недействительность сделок, совершенных под влиянием существенного заблуждения (ст. 178 ГК РФ): практика применения // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2023. № 6. С. 64-68.
14. Летова Н.В. Реформа нотариата в России: состояние и перспективы // Нотариус. 2025. № 3. С. 13-19.
15. Максимов Р.В., Седова Н.А. Защита прав добросовестного приобретателя имущества // Epomen. Global. 2025. № 64. С. 100-106.
16. Маринкин Д.Н. Возможности использования информационных технологий блокчейн при выявлении и пресечении признаков хищений имущества в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2019. № 11 (179). С. 159-162.
17. МВД сообщило о ликвидации пяти мошеннических колл-центров в 2024 году // https://ria.ru/20250402/rossija-2008937815.html (дата обращения: 15.11.2025г.).
18. Муталипов С.Ж., Эльмурзаев А.В. Проблемные аспекты пересмора судебных актов по делам в сфере несостоятельности (банкротства) // Человек. Социум. Общество. 2024. № S3. С. 170-176.
19. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы // https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://mosgorsud.ru/rs/savyolovskij/cases/docs/content/8099d980-6a34-4434-abc8-f88839e46c7e&ved=2ahUKEwiGzd6O4fOQAxWcJBAIHdAhG4AQFnoECAQQAg&usg=AOvVaw0rHBte61TFAacpoGDmJsdA (дата обращения: 15.11.2025г.).
20. Петрова Е.С. К вопросу о недействительности сделок, заключенных под влиянием обмана: теория и практика // Аграрное и земельное право. 2025. № 4. С. 298-300.
21. Поваров Ю.С. Механизм исцеления сделки, совершенной под влиянием заблуждения, при согласии контрагента на сохранение ее силы // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 1 (170). С. 111-120.
22. Простова Е.С. Добросовестность как основа справедливой сделки // Вестник науки. 2023. Т. 5. № 6 (63). С. 212-224.
23. Решение суда о признании недействительным договора купли-продажи квартиры. Судебная практика // https://advokat-pravo.ru/gr/201-reshenie-suda-o-priznanii-nedejstvitelnym-dogovora-kupli-prodazhi-kvartiry-sudebnaya-praktika.html (дата обращения: 15.11.2025г.).
24. Сизон Ю.Е., Углицких О.Н., Ломакина Ю.В. Титульное страхование в современной России // Финансы и учетная политика. 2024. № 3 (34). С. 48-53.
25. ФСБ ликвидировала сеть узлов связи украинских мошеннических колл-центров // https://www.cnews.ru/news/top/2025-08-22_fsb_likvidirovala_v_krymu (дата обращения: 15.11.2025г.).
26. Цифровой рубль // https://cbr.ru/fintech/dr/ (дата обращения: 10.11.2025г.).

References:

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // https://www.minjust.gov.ru/ru/documents/8011 (date of request: 11/10/2025).
2. "The Civil Code of the Russian Federation (Part one)" dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 07/31/2025) (with amendments and additions, intro. effective from 08/01/2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. 05.12.1994. No. 32. St. 3301.
3. "The Civil Procedure Code of the Russian Federation" dated 11/14/2002 No. 138-FZ (as amended on 07/31/2025) // Parliamentary Newspaper. No. 220-221. 11/20/2002.
4. "Criminal Code of the Russian Federation" dated 06/13/1996 No. 63-FZ (as amended on 10/15/2025) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 / (date of access: 11/15/2025).
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10, Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 22 dated 04/29/2010 (as amended on 12/12/2023) "On certain issues arising in Judicial Practice in Resolving Disputes related to the Protection of Property Rights and other proprietary Rights" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100466 / (date of request: 11/10/2025).
6. Suleimenova A.R. Electronic methods of making transactions: concept, features, types // Modern scientist. 2024. No. 5. pp. 357-363.
7. Lawyers support video recording of real estate transactions of elderly people // https://rapsinews.ru/legislation_news/20230921/309238741.html (date of appeal: 11/15/2025).
8. Alimova R.B. Issues of abuse of law in the bankruptcy of individuals // Economic justice in the Russian Far East. 2024. No. 4 (35). pp. 35-39.
9. Bobrova N.M., Plyusnina L.M., Stepanov D.A. Analysis of factors influencing the growth of housing costs in Russia // Innovative economic development: trends and prospects. 2024. Vol. 1. pp. 107-116.
10. Deniskin A.V. The evidentiary value of forensic psychiatric examination in cases of contesting transactions // National and international trends and prospects for the development of forensic examination: collection of reports of the International Scientific and Practical Conference, Nizhny Novgorod, May 14-15, 2025 Nizhny Novgorod: UNN University, 2025. - 544 p. pp. 87-94.
11. Yemelyanova Zh.E., Kryukova O.Y. Comparative analysis of the reflection of the state of mental disorder in Russian and foreign criminal law // The Russian penitentiary system in modern conditions of social development: from the paradigm of punishment to correction and resocialization : collection of materials of the international scientific and practical conference (Vologda, October 26-27, 2023) : at 2 a.m. / editorial board: V. N. Nekrasov [and others] ; Federal Penitentiary Service, Vologda Institute of Law and Economics. Vologda : VIPE of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2024. 306 p. pp.82-86.
12. Kofanov R.V. The essence and distinctive features of disputed transactions // Law and society. 2024. No. 1 (39). pp. 52-55.
13. Lakotsena N.M. Invalidity of transactions made under the influence of a significant misconception (art. 178 of the Civil Code of the Russian Federation): practice of application // Electronic online publication "International Legal Courier". 2023. No. 6. pp. 64-68.
14. Letova N.V. Reform of the notary in Russia: state and prospects // Notary. 2025. No. 3. pp. 13-19.
15. Maksimov R.V., Sedova N.A. Protection of the rights of a bona fide acquirer of property // Epomen. Global. 2025. No. 64. pp. 100-106.
16. Marinkin D.N. The possibilities of using blockchain information technologies in detecting and suppressing signs of theft of property in the Russian Federation // Agrarian and Land Law. 2019. No. 11 (179). pp. 159-162.
17. The Ministry of Internal Affairs announced the liquidation of five fraudulent call centers in 2024 // https://ria.ru/20250402/rossija-2008937815.html (date of application: 11/15/2025).
18. Mutalipov S.Zh., Elmurzaev A.V. Problematic aspects of the revision of judicial acts in cases of insolvency (bankruptcy) // A man. The Society. Society. 2024. No.S3. pp. 170-176.
19. The official portal of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow // https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://mosgorsud.ru/rs/savyolovskij/cases/docs/content/8099d980-6a34-4434-abc8-f88839e46c7e&ved=2ahUKEwiGzd6O4fOQAxWcJBAIHdAhG4AQFnoECAQQAg&usg=AOvVaw0rHBte61TFAacpoGDmJsdA (date of appeal: 11/15/2025).
20. Petrova E.S. On the issue of the invalidity of transactions concluded under the influence of deception: theory and practice // Agrarian and Land Law. 2025. No. 4. pp. 298-300.
21. Povarov Yu.S. The mechanism of healing a transaction made under the influence of delusion, with the consent of the counterparty to preserve its force // Actual problems of Russian law. 2025. Vol. 20. No. 1 (170). pp. 111-120.
22. Prostova E.S. Good faith as the basis of a fair deal // Bulletin of Science. 2023. Vol. 5. No. 6 (63). pp. 212-224.
23. Court decision on invalidation of the apartment purchase and sale agreement. Judicial practice // https://advokat-pravo.ru/gr/201-reshenie-suda-o-priznanii-nedejstvitelnym-dogovora-kupli-prodazhi-kvartiry-sudebnaya-praktika.html (date of application: 11/15/2025).
24. Sizon Yu.E., Uglitskikh O.N., Lomakina Yu.V. Title insurance in modern Russia // Finance and accounting policy. 2024. No. 3 (34). pp. 48-53.
25. The FSB eliminated the network of communication nodes of Ukrainian fraudulent call centers // https://www.cnews.ru/news/top/2025-08-22_fsb_likvidirovala_v_krymu (date of circulation: 11/15/2025).
26. Digital ruble // https://cbr.ru/fintech/dr / (date of request: 11/10/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_163

УДК 342.7

БЕЗОПАСНОСТЬ ЭЛЕКТРОННЫХ ТРАНЗАКЦИЙ В ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛЕ: РОЛЬ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБЫЧАЕВ И НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ ПРИ СОБЛЮДЕНИИ ПРИНЦИПОВ БЕРЕЖНОГО ОБОРОТА ДАННЫХ

SECURITY OF ELECTRONIC TRANSACTIONS IN ELECTRONIC COMMERCE: THE ROLE OF ELECTRONIC CUSTOMS AND NEW TECHNOLOGICAL TRENDS WHILE OBSERVING THE PRINCIPLES OF CAREFUL DATA TURNOVER

ПАНАРИНА Мария Михайловна,
кандидат юридических наук, доцент департамента публичного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономика», научный сотрудник департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономика».
123022, Россия, г. Москва, Большой Трехсвятительский пер., 3.
E-mail: mmpanarina@hse.ru;
SPIN РИНЦ: 3381-2402
ORCID: 0000-0002-4560-0857
ResearcherID: AAB-3492-2019

PANARINA Maria Mikhailovna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Public Law, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics; Research Fellow of the Department of Digital Technology Law and Biolaw, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics.
3 BolshoyTrekhsvyatitulsky Lane, Moscow, 123022, Russia.
E-mail: mmpanarina@hse.ru
SPIN РИНЦ: 3381-2402;
ORCID: 0000-0002-4560-0857
ResearcherID: AAB-3492-2019

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00698, https://rscf.ru/project/25-18-00698

***Краткая аннотация: Цель**. Электронный обычай выступает формой единообразного толкования в сфере онлайн-безопасности, онлайн-контрактов, цифровой экономики и цифровых прав, представляя собой совокупность устоявшихся практик, норм и интерпретаций, которые формируются в процессе цифровых взаимодействий между участниками (продавцами, покупателями, платформами и регуляторами) и способствуют гармонизации поведения в виртуальном пространстве. В контексте цифровой экономики он регулирует в определенных случаях процесс транзакции, обмен данными и ценообразование, адаптируясь к инновациям: блокчейну, искусственному интеллекту, цифровым правам. **Методология**: анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, метод правового моделирования. **Выводы**. Для обеспечения эффективной защиты личной информации предлагается разработка гибкого подхода, включающего механизмы саморегулирования и технические инновации, которые усиливают полномочия пользователей и защищают потребителей от информационных угроз. Необходимо активно информировать общественность о принципах защиты частной информации и внедрять технологии с усовершенствованной безопасностью персональных данных. Кроме того, следует создавать типовые контракты, кодексы поведения и другие инструменты саморегулирования, разработанные частным сектором, для содействия свободному и безопасному обмену информацией внутри компаний, между ними и через границы при бережном обороте данных.*

***Abstract: Purpose**. Electronic custom serves as a form of uniform interpretation in the areas of online security, online contracts, digital economy, and digital rights, representing a set of established practices, norms, and interpretations that are formed in the process of digital interactions between participants (sellers, buyers, platforms, and regulators) and contribute to the harmonization of behavior in virtual space. In the context of the digital economy, it regulates transactions in certain cases, data exchange, and pricing, adapting to innovations such as blockchain, artificial intelligence, and digital rights. **Methodology:** Analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, legal modeling method. **Conclusions**. To ensure effective protection of personal information, the development of a flexible approach is proposed, including self-regulation mechanisms and technical innovations that enhance user powers and protect consumers from information threats. It is necessary to actively inform the public about the principles of protecting private information and implement technologies with enhanced security of personal data. In addition, typical contracts, codes of conduct, and other self-regulation tools developed by the private sector should be developed to facilitate the free and secure exchange of information within companies, between them, and across borders while carefully handling data.*

***Ключевые слова**: информационное право, электронная коммерция, обычай, интернет-безопасность, частное право, правовые средства, онлайн-споры, российское право, наука.*

***Key words**: information right, electronic commerce, custom, internet safety, private law, legal means, online disputes, Russian law, science.*

***Для цитирования:** Панарина М.М. Безопасность электронных транзакций в электронной торговле: роль электронных обычаев и новые технологические тренды при соблюдении принципов бережного оборота данных // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 163-165. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_163.*

***For citation**: Panarina M.M. Security of electronic transactions in electronic commerce: the role of electronic customs and new technological trends while observing the principles of careful data turnover // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 163-165. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_163.*

Статья поступила в редакцию: 21.10.2025

Безопасность транзакций является одним из наиболее важных проблемных областей взаимодействия покупателей и продавцов[1]. По информации исследования Ассоциации компаний интернет-торговли (АКИТ), в первой половине 2025 года объём российской интернет-торговли увеличился на 36% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и достиг 5,3 трлн рублей.

Тем не менее, система защиты персональных данных, в том числе при регулировании вопроса организации безопасности проведения электронных транзакций, должна применяться с учетом новых вызовов использования систем искусственного интеллекта и развития цифровых технологий [2]. Даже международные конвенции и законы об электронных подписях, как правило, имеют весьма общий характер из-за широко принятого принципа технологической нейтральности, что исключает технологическую привязку к закону[3.17].

В то же время, в этой области отмечается [4.87] распространение многочисленных обычных интернет - практик безопасности. Некоторые [5.21] из них уже широко используются, другие только начинают набирать популярность. В случае спора, ссылка на электронные обычаи может оказаться дополнительным аргументом для укрепления позиции ответчика. Поле онлайн - безопасности четко регулируется установленными обычными практиками и стандартами, которые должны быть известны всем интернет-торговцам.

Мы выявили следующие способы организации электронной безопасности за счет обычных практик:

1. Надежное шифрование всех веб-операций.

Архитектура приложений, цифровых платформ, работающих в «инфраструктуре» интернета, таких как маркетплейсы, отдельные информационные системы имеют определенный уровень конфиденциальность, обеспеченный за счет политик конфиденциальности, в связи с чем приобретают важное значение для онлайн-платежей или отправки другой конфиденциальной информации от несанкционированного доступа. Для использования системы платежей в рамках маркетплейса необходимы специальные способы шифрования, которые разрабатываются для того, чтобы замаскировать содержание сообщений. В качестве примеров мы можем привести протоколы HTTPS (для шифрования соединения), PCI DSS (для обработки платежных данных), S/MIME или встроенные решения в Gmail/Outlook (TLS для транспорта). Один из таких методов используется повсеместно - Secure Sockets Layer (SSL) протокол, разработанный Netscape для того, чтобы обеспечить конфиденциальность веб-транзакций, а также TLS (Transport Layer Security) – протокол шифрования, обеспечивающий защиту данных при осуществлении онлайн-покупок. Практически все онлайн-покупки и денежные операции в настоящее время обеспечены SSL и TLS[6.101]. Когда вы отправляете запрос с вашей банковской карты, чтобы совершить онлайн-покупку, информация вашего заказа отправляется через этот безопасный туннель протокола TLS. Данный «туннель» должен быть достаточно узким и обеспечивать надлежащей уровень защиты ваших данных. Поскольку существует выбор уровня шифрования - некоторые веб-системы на базе SSL могут предложить слабый уровень конфиденциальности связи.

Напротив- сильный способ шифрования является универсальным обычаем в банковской отрасли, которая применяет 128-битное надежное шифрование сделок, а для высокорисковых данных при бережном обороте данных применятся 256-битное шифрование. Данный способ, считаем, должен быть широко использован в российской банковской системе и всем интернет-сообществом для обеспечения защиты своих данных. Отсутствие надежного шифрования приводит к негативным последствиям для пользователей онлайн-банков. Так, например, в Апелляционном определении Хабаровского краевого суда от 10.06.2015 по делу N 33-3686/2015 судом было установлено проведение мошеннической схемы со входом в систему «Сбербанк-онлайн», связанной с несанкционированными действиями третьих лиц. Однако Банк считал, что согласно Условиям договора банковского вклада, заключенного с клиентом, клиент самостоятельно и за свой счет обеспечивает подключение своих вычислительных средств к сети Интернет, доступ к сети Интернет, а также обеспечивает защиту собственных, вычислительных средств от несанкционированного доступа и вредоносного программного обеспечения. В связи с этим, денежные средства клиенту не были возвращены. Это еще раз подчеркивает необходимость разработки и выявления банковских электронных обычаев с целью пресечения злоупотреблений и преступлений. В Определении Верховного суда от 15 апреля 2019 года по делу № А76-3461/2018 суд не поддержал банк в том, что операции клиента имели подозрительный характер. Доводы банка не подтверждены, поэтому суды сочли принятые банком меры не соответствующими ст. 859 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее- ГК РФ) и нормам Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Следует отметить, что банки вправе самостоятельно определять в локальных нормативных актах требования к безопасности, в том числе исходя из обычной практики.

Тем не менее, вопрос остается открытым, распространяется ли подобная практика в типичных онлайн-бизнесах, таких как электронные магазины или информационные системы специализированных сделок с цифровыми правами? Это важно, потому что в рамках их функционирования принимаются платежи по банковским картам, обрабатывается личная информация или предоставляется доступ к электронной почте. Наблюдение показывает, что это так. Данная практика является *общей* и в настоящее время электронные магазины обеспечивают шифрование финансовых операций. Это наблюдение справедливо и для веб-страниц, которые содержат формы для заполнения интернет-пользователями. Представление такой информации для обработки сервером обычно делается с помощью сильного шифрования. Наше исследование показывает, что эта практика очень популярна и это уже не вопрос выбора для онлайн-предпринимателей - обеспечить шифрование или нет. Это обязанность поддерживать сильное шифрование любого обмена конфиденциальной информацией между клиентом и сервером. Отказ сделать это будет являться нарушением интернет - обычая, который может привести к серьезным финансовым последствиям для интернет-поставщика в случае убытков, понесенных клиентом.

Необходимо отметить, что в российской судебной практике и отдельно в сфере онлайн – споров, часто используется SSL протокол. Так, в Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.08.2015 N Ф04-22572/2015 было указано, что передача информации (текст sms, телефон и др., информация) происходит от заказчика к исполнителю через сеть Интернет, протокол передачи согласовывается с заказчиком дополнительно, возможные протоколы: SMTP (электронная почта) HTTP, HTTPS (SSL), SMPP, SQAP. В Решении Ленинского районного суда г. Краснодара по делу № 2-6978/2019 от 3 декабря 2019 г. судом было установлено, что «…при размещении на эксплуатационном хостинге обслуживающий сайт веб-сервер был настроен на работу по протоколу HTTP. Это протокол передачи данных между браузером пользователя и сервером, который обслуживает сайт. Указанный протокол не поддерживает **шифрование** передаваемых данных, и все данные (в т.ч. логины, пароли, номера банковских карт) передаются в открытом, незашифрованном виде. В последнее время общепризнанным использование протокола http считается небезопасным. Вместо этого используется протокол https, который поддерживает **шифрование** передаваемых данных. Из-за настройки работы сайта по протоколу http, пользователи при посещении сайта получают в браузере сообщение вида «Не сообщайте этому сайту конфиденциальную информацию (например, пароли и номера банковских карт). К ней могут получить доступ злоумышленники».

Следует отметить, что если сторона сделки, подписавшая документ, позже захочет отказаться от своей подписи, и намеренно сообщит

о якобы имевшей место компрометации своего секретного ключа, а так же запросит его отмену, то служба контроля, получившая такой запрос, не сможет решить, когда был отменен ключ: до подписания документа или после, в связи с чем, автору представляется, что решить данную проблему может так называемая «отметка времени» - набор технических средств, позволяющих определять время создания шифра или время подписания договора электронной подписью. Но термина «отметка времени» (timestamp) не существует на законодательном уровне и это может разрешаться только в соответствии с правилом электронного обычая.

2. Обеспечение защиты бизнес-обслуживания клиентов.

Предыдущая обычная норма требует от поставщика услуг только поддержки сильного шифрования транзакций. Тем не менее, если данный веб-браузер является устаревшим и не поддерживает шифрование 128 бит, тогда серверы SSL и TLS будут выбирать сильнейших из оставшихся шифров, поддерживаемых веб-браузером в этом вопросе. Это приводит к тому, что часть банков отказывают в транзакциях, так как поддерживают исключительно сильные шифры. Ряд ведущих интернет-банков уже внедрили эту практику[7.386]. Тем не менее, большинство интернет-банков по-прежнему не следуют этой практике[8.528]. О требовании в отказе от операции, в частности, говорится в «Типовых правилах внутреннего контроля кредитной организации», разработанных Ассоциацией российских банков. В результате, практика отказа от ненадежных операций и достойного бизнес - обслуживания еще не достигла той стадии, когда она может рассматриваться, как обычная норма. Мы считаем, что отказ от предоставления услуг в виду отсутствия надежного шифрования можно было бы рассматривать как обычай в формировании или *обычай statu nascendi*[9]. Это, в свою очередь, имеет важное последствие, так как клиент, который понес убытки из-за слабо зашифрованного канала, не может рассчитывать на защиту своих интересов в виду отсутствия данного Интернет - обычая.

3. Использование только допустимых цифровых сертификатов как электронный обычай.

Данный вид связан с обычной практикой шифрования Интернет - канала, так как протоколы SSL и TLS требуют цифровые сертификаты на стороне сервера, чтобы определить серверы, от которых они исходят. Без действующего цифрового сертификата, предоставление сильного SSL и TLS шифрования не было бы возможным[10.167]. Исследование электронной торговли показывает, что значительное большинство банков, страховых компаний используют цифровые сертификаты, выданные надежными организациями . Тем не менее, несмотря на ранние попытки регулировать цифровые сертификаты с помощью российского законодательства, не все веб-учреждения их имеют, а те которые обладают упомянутыми сертификатами, иногда неправильно их используют. Интернет-пользователи ожидают, что все онлайн- предприниматели, занимающиеся электронной торговлей, будут иметь действительные цифровые сертификаты. Сертификат, который больше не действует из-за истечения его срока или аннулирования должен быть своевременно заменен оператором сайта или информационной системы. Невыполнение этого требования может привести к нарушениям веб-безопасности и, как следствие к риску получения финансовых убытков клиентами.

Таким образом, анализ законодательства, судебной практики и научной доктрины в сфере применения обычаев электронной торговли позволяет говорить о специфическом регулировании безопасности электронных транзакций посредством электронного обычая. Это обеспечивает соблюдение принципов защиты персональных данных в правоотношениях между физическими и юридическими лицами, связывающимися через Интернет для совершения транзакций.

В связи с этим, автор предлагает:

1) Выработку гибкого и эффективного подхода к защите частной информации, включая внедрение решений, основанных на саморегулировании, и технических инновациях, которые наделяют пользователя полномочиями, а потребителей защищают от информационных угроз.

2) Информирование общественности о принципах защиты частной информации и использование технологий с усовершенствованной защитой персональных данных.

3) Утверждение типовых контрактов, кодексов поведения и других механизмов саморегулирования, подготовленных частным сектором, чтобы способствовать свободному и безопасному потоку конфиденциальной информации внутри компаний, между компаниями и через границы при соблюдении принципов бережного оборота данных.

Список литературы:

1. https://appmaster.io/ru/blog/bezopasnost-platezhei-v-elektronnoi-kommertsii
2. https://zakon.ru/blog/2021/10/08/informaciyao_sobytiyah_posvyaschennyh_regulirovaniyu_iskusstvennogo_intellekta_ii_ai
3. Миненкова Н.В. Международно-правовое и национально-правовое регулирование электронной торговли: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 26 с.
4. Волчинская Е.К. Информационные технологии и право. Проблемы развития законодательства // Защита прав создателей и пользователей программ для ЭВМ и баз данных. М.: РПАМЮРФ, 1996.
5. Halpern M., Mehrotra A.K. From International Treaties to Internet Norms: The Evolution of International Trademark Disputes in the Internet Age // University of Pennsylvania Journal of International Economic Law. 2000. N 21.
6. Семенов Ю.А. Протокол SSL. Безопасный уровень соединителей. — 2000. № 1.
7. John Viega. Network Security with OpenSSL. — 1-st. — O'Reilly Media, USA, June 15, 2002. — T. 1. P.386
8. Eric Rescorla. SSL and TLS: Designing and Building Secure Systems. — 1-st. — Addison-Wesley Professional, October 27, 2000. — T. 1. —P.528
9. http://arb.ru
10. Бернетт, С. С. Пейн (2001). RSA Security's Official Guide to Cryptography. Официальное руководство RSA Security.

References:

1. https://appmaster.io/ru/blog/bezopasnost-platezhei-v-elektronnoi-kommertsii
2.https://zakon.ru/blog/2021/10/08/informaciyao_sobytiyah_posvyaschennyh_regulirovaniyu_iskusstvennogo_intellekta_ii_ai
3. Minenkova N. V. International legal and national legal regulation of electronic trading: Avtoref. yew.... edging. юрид. sciences. M, 2008. 26 P.
4. Volchinskaya E. K. Information technologies and right. Problems of development of the legislation//Protection of the rights of creators and users of the computer programs and databases. M.: RPAMYuRF, 1996.
5. Halpern M., Mehrotra A.K. From International Treaties to Internet Norms: The Evolution of International Trademark Disputes in the Internet Age//University of Pennsylvania Journal of International Economic Law. 2000. N 21.
6. Semenov Yu. A. SSL protocol. Safe level of connectors. — 2000. — No. 1.
7. John Viega. Network Security with OpenSSL. — 1-st. — O'Reilly Media, USA, June 15, 2002. — T. 1. P.386
8. Eric Rescorla. SSL and TLS: Designing and Building Secure Systems. — 1-st. — Addison-Wesley Professional, October 27, 2000. — T. 1. — P.528
9. http://arb.ru
10. Burnett, S. S. Paine (2001). RSA Security's Official Guide to Cryptography. Official management of RSA Security.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_166

УДК 343.535

ОСОБЕННОСТИ КОНКУРСНОГО ОСПАРИВАНИЯ СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ СДЕЛОК НЕСОСТОЯТЕЛЬНОГО ДОЛЖНИКА – ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ
FEATURES OF THE INSOLVENCY-RELATED CHALLENGE TO FAMILY-LAW TRANSACTIONS OF AN INSOLVENT DEBTOR – AN INDIVIDUAL ENTREPRENEUR

КИНДЕЕВ Владислав Олегович,
аспирант, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
юрист ООО «Стрижак и Партнеры».
119607, Россия, г. Москва, ул. Лобачевского, 94.
E-mail: kindeev.vladislav@yandex.ru;

KINDEEV Vladislav O.,
Postgraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Lawyer at Strizhak & Partners LLC.
94 Lobachevskogo Street, Moscow, 119607.
E-mail: kindeev.vladislav@yandex.ru;

Краткая аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу соотношения норм законодательства о банкротстве и семейного законодательства в контексте конкурсного оспаривания семейно-правовых сделок. Автор рассматривает особенности конкурсного оспаривания семейно-правовых сделок: особенности установления цели причинить вред имущественным правам кредиторов, особенности установления знания ответчика о цели причинить вред имущественным правам кредиторов и особенности применения последствий недействительности сделок. Особое внимание уделяется особенностям конкурсного оспаривания семейно-правовых сделок с участием несовершеннолетних детей.*

Abstract. *The article is devoted to a comprehensive analysis of the relationship between the norms of bankruptcy legislation and family law in the context of insolvency-related challenges to family law transactions. The author examines the specific features of challenging such transactions: the peculiarities of establishing the intent to harm the property rights of creditors, the specifics of proving the defendant's knowledge of this intent, and the particular aspects of applying the consequences of transaction invalidity. Special attention is paid to the specific features of insolvency-related challenges to family law transactions involving minor children.*

Keywords: *insolvency law, transaction avoidance, fraudulent conveyance, family law transactions, intent to defraud creditors, protection of minors, bankruptcy of individual entrepreneurs.*

Ключевые слова: *банкротное право, оспаривание сделок, сделки в ущерб кредиторам, семейно-правовые сделки, умысел на причинение вреда кредиторам, защита несовершеннолетних, банкротство индивидуальных предпринимателей.*

Для цитирования: *Киндеев В.О. Особенности конкурсного оспаривания семейно-правовых сделок несостоятельного должника – индивидуального предпринимателя // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 166-168. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_166.*

For citation*: Kindeev V.O. Features of the insolvency-related challenge to family-law transactions of an insolvent debtor – an individual entrepreneur // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 166-168. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_166.*

Статья поступила в редакцию: 08.12.2025

Соотношение норм законодательства о банкротстве и семейного законодательства в контексте конкурсного оспаривания создает одну из наиболее сложных проблем в правоприменительной практике в делах о банкротстве индивидуальных предпринимателей. Так, целью конкурсного оспаривания является восстановление состояния конкурсной массы до совершения оспариваемой сделки, а семейное законодательство, наоборот, направлено на защиту имущественных прав членов семьи.

Учитывая, что в результате заключения семейно-правовых сделок может происходить уменьшение размера и стоимости конкурсной массы несостоятельного должника – индивидуального предпринимателя, актуальным является вопрос о том, каким образом оспаривание сделок в рамках дела о банкротстве индивидуального предпринимателя соотносится с принципами защиты семьи, брака и прав несовершеннолетних, закрепленными в семейном законодательстве.

Также актуальность выбранной темы исследования подтверждается тем, что в правоприменительной практике не сформировалась единообразная позиция относительно оснований для признания недействительными семейно-правовых сделок несостоятельного должника – индивидуального предпринимателя. Подход судов к семейно-правовым сделкам аналогичен подходу к классическим гражданско-правовым сделкам, направленным на регулирование гражданского оборота.

Автором настоящей статьи проведен комплексный анализ норм законодательства о банкротстве и семейного законодательства в контексте конкурсного оспаривания семейно-правовых сделок несостоятельного должника – индивидуального предпринимателя. С опорой на отечественную доктрину и зарубежную правоприменительную практику обосновывается, что семейно-правовые сделки обладают особой правовой природой, ввиду чего имеется ряд существенных особенностей при применении к ним конкурсного оспаривания.

1. Особенности установления цели причинить вред имущественным правам кредиторов.

Главная особенность семейно-правовых сделок заключается в том, что они основаны на личном (доверительном) характере и не направлены на регулирование гражданского оборота с соблюдением равноценного встречного предоставления.

В соответствии с п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве недействительными могут быть признаны сделки, совершенные несостоятельным должником в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов.

Целью же заключения семейно-правовых сделок зачастую является защита имущественных прав членов семьи, однако одновременно при этом могут нарушаться имущественные права кредиторов. Иными словами, в действиях должника может усматриваться косвенный умысел в причинении вреда имущественным правам кредиторов, однако указанная цель не будет являться главной при совершении оспариваемой семейно-правовой сделки. Ввиду указанного перед правопорядком стоит вопрос, допускается ли оспаривание семейно-правовых сделок несостоятель-

ного должника – индивидуального предпринимателя в случаях, когда цель причинить вред имущественным правам кредиторов не является главной, а носит лишь побочный характер.

Стоит отметить, что указанная проблема нашла свое отражение в научной литературе и правоприменительной практике Великобритании ввиду чего стоит отметить порядок разрешения данного вопроса в указанном правопорядке. Сравнение представляется корректным ввиду использования в российском и английском праве actio pauliana.

В литературе отмечается, что подход английских судов по данной проблематике отличался в различные периоды времени. Изначально суды полагали, что цель причинить вред имущественным правам кредиторов должна быть основной или преобладающей (например, дело Chohan v Saggar [1992]), что создавало значительные трудности для кредиторов, поскольку должники часто ссылались на наличие иной правомерной цели. Однако в настоящее время судами используется лишь критерий существенности, который не требует устанавливать, что цель причинить вред имущественным правам кредиторов является основной. Для оспаривания сделки несостоятельного должника достаточно лишь установить, что цель причинить вред имущественным правам кредиторов является существенной, то есть носит самостоятельный характер [1, с. 276].

Вместе с тем, установление действительной цели совершения сделки является сложным процессом для судов, поскольку установление внутренних мотивов должника при совершении сделки является слишком затруднительным. Так, в деле Inland Revenue v Hashmi & Anor суд справедливо указал, что зачастую мотив нанесения ущерба кредиторам и мотив обеспечения защиты семьи будут сосуществовать таким образом, что даже сам должник может быть не в состоянии определить, что именно преобладало в его мотивах совершения сделки [2].

Представляется, что указанное правило могло быть взято за основу и в отечественном правопорядке. В ином случае ссылка на наличие иной правомерной цели – предоставить имущество или имущественные правам членам семьи на основании семейно-правовых сделок – всегда бы препятствовала оспариванию указанных сделок. Вместе с тем, если будет установлено, что вред имущественным правам кредиторов является лишь следствием совершения сделки с иной (правомерной) целью, то оспаривание семейно-правовых сделок не должно допускаться.

Таким образом, для оспаривания сделок несостоятельного должника – индивидуального предпринимателя необходимо установить, что цель причинить вред имущественным правам кредиторов носила самостоятельный характер и что причиненный вред не является следствием совершения сделки с иной (правомерной) целью.

2. Особенности установления знания о цели причинить вред имущественным правам кредиторов.

Участниками семейно-правовых сделок зачастую являются несовершеннолетние дети, от имени которых сделки совершают их законные представители. Учитывая данное обстоятельство, необходимо определить, вменяется ли знание законного представителя о цели причинить вред имущественным правам кредиторов несовершеннолетнему ребенку.

Правоприменительная практика свидетельствует о том, что ответ на данным вопрос положительный. Так, в постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 04.02.2020 по делу № А60-59359/2017 указано, что знание законного представителя несовершеннолетнего о цели причинить вред имущественным правам кредиторов является достаточным для установления факта знания самого ответчика об указанной цели.

Однако представляется, что если несовершеннолетний ребенок совершает сделку со своим законным представителем (несостоятельным должником) самостоятельно, то необходимо установить именно знание ребенка о цели причинить вред имущественным правам кредиторов.

Так, в постановлении Федерального верховного суда Германии (BGH, 25.04.1985 – IX ZR 141/84) была сформулирована правовая позиция, согласно которой принятие дара несовершеннолетним, не влекущее за собой возникновения обязательств, не требует согласия его законного представителя. Суд установил, что, поскольку договор дарения был заключен непосредственно самим несовершеннолетним, осведомленность его опекуна о намерении причинить вред кредиторам не может быть вменена ребенку. Таким образом, суд решил, что правовых оснований для оспаривания данной сделки не имелось [3].

Действующим российским гражданским законодательством практически не установлены какие-либо ограничения дееспособности несовершеннолетних в принятии дара (за исключением запрета самостоятельного принятия любого дара несовершеннолетними в возрасте до 6 лет, запрета в принятии дара несовершеннолетними в возрасте от 6 лет до 14 лет в случае, если сделка подлежит нотариальному удостоверению или государственной регистрации, и ограничений совершения несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет аналогичных сделок без согласия законных представителей – ст. 26, 28 ГК РФ), поэтому большая часть совершенных ими сделок по принятию дара будет являться действительной. В таком случае кредиторам или финансовому управляющему необходимо доказать, что именно несовершеннолетний ребенок знал, что несостоятельный должник – индивидуальный предприниматель в момент совершения дара имел цель причинить вред имущественным правам кредиторов. Учитывая изложенное, а также отсутствие по общему правилу осведомленности несовершеннолетнего о финансовом состоянии своих родителей, полученное им имущество в большинстве случаев будет защищено от притязаний кредиторов его родителей. При этом в отечественной научной литературе можно встретить позицию о необходимости объективного оспаривания безвозмездных сделок. Так, Б.М. Курбанов обращает внимание на необходимость установления возможности оспаривания безвозмездных предоставлений несмотря на отсутствие знания контрагента о наличии у должника цели причинить вред имущественным правам кредиторов [4, с. 20]. Однако в настоящее время указанная позиция не поддерживается законодателем.

Таким образом, несовершеннолетнему ребенку будет вменяться знание его законного представителя о цели причинить вред исключительно в том случае, если сделка была совершена законным представителем от имени несовершеннолетнего.

3. Особенности применения последствий недействительности семейно-правовых сделок.

Особенность семейно-правовых сделок также проявляется в их особом субъектом составе. Во-первых, это супруг, чьи имущественные права также должны быть защищены в результате конкурсного оспаривания семейно-правовых сделок. Во-вторых, это несовершеннолетние дети, в

пользу которых часто совершаются различные сделки. Так, зачастую в делах о банкротстве индивидуальных предпринимателей ответчиком по оспариванию являются несовершеннолетние дети, в пользу которых, например, заключенным соглашением об уплате алиментов были установлены алименты.

В результате применения последствий недействительности указанных сделок суды взыскивают сумму полученных платежей с несовершеннолетнего ребенка, устанавливая лишь факт получения им денежных средств от несостоятельного должника. Представляется, что указанная позиция является ошибочной, поскольку не учитывает то обстоятельство, что указанные денежные средства могли не сохраниться у самого несовершеннолетнего ребенка. Так, по одному из дел Федеральный финансовый суд Германии отказал во взыскании денежных средств с несовершеннолетнего ребенка в качестве последствия недействительности сделки, поскольку средства были сняты со счета ребенка самим должником-родителем. Как указал суд, возложение обязанности по возврату полученного по сделке на несовершеннолетнего, который не обладает дееспособностью для самостоятельного распоряжения имуществом, фактически привело бы к ответственности ребенка по долгам его законного представителя. В связи с этим суд приравнял положение несовершеннолетнего к положению добросовестного приобретателя неосновательного обогащения, что позволило сделать вывод о невозможности применения этого последствия недействительности сделки к несовершеннолетнему ребенку [5].

Представляется, что указанная позиция должна применяться и в отечественном правопорядке. М.Д. Тяжбин отмечает, что в римском праве также имелось правило о невозможности применения компенсационной реституции к несовершеннолетнему ввиду применения правил о неосновательном обогащении [6, с. 18].

Вместе с тем, имеется и иная точка зрения. Так, Е.А. Останина отмечает: «Вывод о том, что недееспособность или неполная дееспособность несовершеннолетнего сама по себе не означает невозможности обращения взыскания на его имущество» [7, с. 170]. Однако нам кажется более верным, что отвечать несовершеннолетний ребенок должен лишь исключительно полученным имуществом с учетом норм о кондикции.

В правоприменительной практике также сложилась позиция о допустимости применения к несовершеннолетним детям компенсационной реституции. Так, постановлением Арбитражного суда Московского округа от 16.07.2020 по делу № А40-99886/2018 суд кассационной инстанции признал правомерным взыскание с несовершеннолетнего ребенка в порядке реституции действительной стоимости полученной от должника недвижимости, позднее отчужденной законным представителем несовершеннолетнего третьему лицом [8].

Таким образом, при применении последствий недействительности сделок необходимо учитывать, что ответственность несовершеннолетнего ребенка (ответчика по оспариванию) по реституционному обязательству может быть установлена исключительно в отношении полученного имущества. Взыскание на иное имущество несовершеннолетнего ребенка в порядке реституции не должно допускаться ввиду необходимости норм о неосновательном обогащении.

На основании вышеизложенного приходим к следующим выводам:

- при применении конкурсного оспаривания к семейно-правовым сделкам несостоятельного должника – индивидуального предпринимателя необходимо учитывать, что указанные сделки не являются классическими гражданско-правовыми сделками, направленными на регулирование гражданского оборота;

- для признания семейно-правовой сделки недействительной как совершенной с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов необходимо установить, что цель причинить вред имущественным правам кредиторов носила самостоятельный характер и что причиненный вред не является лишь следствием совершения сделки с иной (правомерной) целью;

- для признания семейно-правовой сделки с участием несовершеннолетнего ребенка несостоятельного должника – индивидуального предпринимателя недействительной сделкой необходимо установить знание ребенка о наличии у должника причинить вред имущественным правам кредиторов совершенной сделкой в случае, если сделка совершена несовершеннолетним ребенком самостоятельно (без участия от его имени законного представителя);

- при применении последствий недействительности сделки с участием несовершеннолетнего необходимо учитывать, сохранилось ли у несовершеннолетнего ребенка полученное от несостоятельного должника имущество. В случае, если полученное имущество не сохранилось в натуре, к несовершеннолетнему ребенку (ответчику по оспариванию) не может быть применена компенсационная реституция.

Список литературы:

1. Parry R., Ayliffe J., Shivji S. Transaction avoidance in insolvencies / R. Parry, J. Ayliffe, S. Shivji; ed. by H. D. Anderson, W. Trower. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2018. 639 p.
2. Inland Revenue v Hashmi & Anor [2002] EWCA Civ 981 // URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2002/981.html (дата обращения: 01.10.2025).
3. BGH, 25.04.1985 - IX ZR 141/84 // URL: https://opinioiuris.de/entscheidung/3251 (дата обращения 01.10.2025).
4. Курбанов Б.М. Конкурсное оспаривание благотворительных пожертвований. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 28 сентября 2023 года N 305-ЭС21-18053(6,8) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2025. № 4. С. 4 - 22.
5. BFH Urteil v. 22.06.2004 - VII R 16/02 BStBl 2004 II S. 923 // URL: https://datenbank.nwb.de/Dokument/136186/ (дата обращения 01.10.2025)
6. Тяжбин М.Д. Соглашение кредиторов одного должника о субординации в системе частного права // Вестник гражданского права. 2021. № 3. С. 7 - 107.
7. Останина Е.А. Несовершеннолетние как должники: сравнительно-правовое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 5. С. 137 - 172.
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.07.2020 № Ф05-6053/2020 по делу № А40-99886/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

References:

1. Parry R., Ayliffe J., Shivji S. Transaction avoidance in insolvencies / R. Parry, J. Ayliffe, S. Shivji; ed. by H. D. Anderson, W. Trower. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2018. 639 p.
2. Inland Revenue v Hashmi & Anor [2002] EWCA Civ 981 // URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2002/981.html (accessed: 01.10.2025).
3. BGH, 25.04.1985 - IX ZR 141/84 // URL: https://opinioiuris.de/entscheidung/3251 (accessed: 01.10.2025).
4. Kurbanov B.M. Challenging Charitable Donations in Bankruptcy Proceedings. Commentary on the Ruling of the Judicial Panel for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES21-18053(6,8) of 28 September 2023 // Herald of Economic Justice of the Russian Federation. 2025. No. 4. Pp. 4 – 22.
5. BFH Urteil v. 22.06.2004 - VII R 16/02 BStBl 2004 II S. 923 // URL: https://datenbank.nwb.de/Dokument/136186/ (accessed: 01.10.2025).
6. Tyazhbin M.D. Creditors' Subordination Agreement of a Single Debtor in the System of Private Law // Civil Law Review. 2021. No. 3. Pp. 7 – 107.
7. Ostanina E.A. Minors as Debtors: A Comparative Legal Study // Herald of Economic Justice of the Russian Federation. 2024. No. 5. Pp. 137 – 172.
8. Court decision of the Arbitration Court of the Moscow District of 16.07.2020 in case № A40-99886/2018 // ConsultantPlus Legal Reference System.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_169

УДК 346.5

ПОНЯТИЕ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЦИФРОВЫХ ЭКОСИСТЕМ И ПЛАТФОРМ
THE CONCEPT OF THE LEGAL REGIME OF DIGITAL ECOSYSTEMS AND PLATFORMS

КОРОТЕНКО Александр Филиппович,
аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права Университета управления «ТИСБИ», г. Казань.
420012, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Муштари, д. 13.
E-mail: alkor700@gmail.com;

KOROTENKO Alexander Filippovich,
Postgraduate student of the Department of Civil and Business Law University of Management «TISBI», Kazan.
420012, Mushtari street, h. № 13, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia.
E-mail: alkor700@gmail.com

Краткая аннотация: *В статье сопоставлены теоретические и нормативно-правовые подходы к пониманию правового режима цифровых экосистем и платформ на фоне глобального усиления цифровизации. Отношения, возникающие в цифровой среде, регулируются сегодня обширной системой нормативно-правовых актов, которые зачастую не гармонируют между собой. В связи с этим сложилось фрагментарное проявление правовых режимов в рассматриваемой области общественных отношений. Поэтому особое внимание уделено соотношению российского и международного права по проблеме обобщённой трактовки, которая, тем не менее, не является всеобъемлющей и провоцирует научные дискуссии о правовом статусе цифровых платформ и экосистем. В результате автор констатирует, что сводить правовые режимы цифровых платформ и экосистем только к соответствующим гражданско-правовым режимам некорректно, поскольку указанные объекты регулирования одновременно выступают в качестве инфраструктурных субъектов, чья деятельность затрагивает вопросы рыночной конкуренции, прав человека и национальной безопасности, гарантированными конституциями многих стран. Поэтому их правовой режим складывается из норм разной отраслевой принадлежности, из которых фундаментальное значение имеют гражданско-правовые договоры, придаточный характер приобрели нормы публично-правового характера, а объективное значение сохраняют нормы технического характера.*

Abstract: *This article compares theoretical and normative approaches to understanding the legal regime of digital ecosystems and platforms against the backdrop of global digitalization. Today, relations in the digital environment are regulated by a vast system of legal acts. These are often inconsistent with each other, resulting in a fragmented legal framework. Particular attention is paid to the relationship between Russian and international law regarding the issue of generalized interpretation. However, this interpretation is not comprehensive and provokes scholarly debate. Consequently, the author concludes that reducing the legal regimes of digital platforms and ecosystems solely to the corresponding civil law regimes is incorrect. These regulated entities simultaneously act as infrastructural entities, and their activities affect issues of market competition, human rights, and national security, as guaranteed by the constitutions of many countries. Therefore, the legal regime of digital ecosystems and platforms is composed of norms from various sectors. Civil law contracts are fundamental, while public law norms have acquired subsidiary significance. At the same time, technical norms retain objective significance.*

Ключевые слова: *цифровизация, цифровое право, цифровая платформа, цифровая экосистема, правовой режим, цифровые правоотношения.*

Keywords: *digitalization, digital law, digital platform, digital ecosystem, legal regime, digital legal relations.*

Для цитирования: *Коротенко А.Ф. Понятие правового режима цифровых экосистем и платформ // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 169-171. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_169.*

For citation*: Korotenko A.F. The concept of the legal regime of digital ecosystems and platforms // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 169-171. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_169.*

Статья поступила в редакцию: 09.12.2025

Введение

Проблематика теоретического осмысления правовых режимов в современной юридической науке во многом схожа с понятийным разнообразием подходов к исследованию цифровых платформ и экосистем, поскольку спровоцирована отраслевыми особенностями и неоднозначностью нормативного материала, сложившегося в национальных правовых системах мира.

Отраслевая принадлежность комплекса правоотношений, возникающих в рамках деятельности цифровых платформ и экосистем, является наиболее дискуссионной частью современной юридической науки. Многие исследователи сходятся во мнении, что дать однозначный ответ на данный вопрос затруднительно в силу разнообразия правовых режимов, складывающихся применительно к цифровой среде.

Основные теоретические подходы к понятию правового режима

В сугубо теоретико-правовом выражении термин «правовой режим» сводится лишь к двум основным подходам:

1) в качестве комплекса правовых средств, призванных регламентировать определённый вид отношений, имеющих специфический характер и в силу этого представляющих для государства и общества особый интерес [Алексеев С.С., 1981, 245];

2) в качестве определённого правопорядка, созданного при помощи группы правовых норм, регулирующих особую сферу общественной жизни посредством специальных методов, гарантий и механизмов правореализации, включая правовое проектирование юридической ответственности за нарушение нормативных предписаний [Матузов Н.И., Малько А.В., 1996, 18].

Отраслевое понимание категории «правовой режим» базируется на указанных концептуальных направлениях с тем лишь исключением, что приобретает специфику той группы или вида правоотношений, которые входят в предмет регулирования отраслевого законодательства [Лиманская А.П., 2015, 73]. В рамках цивилистического восприятия режимы употребляются по отношению к совокупности правовых норм, обладающих особенностями реализации по критерию объекта или субъекта гражданского правоотношения [Инюшкин А.А., 2018, 117; Зельцер М.С., 2004, 49].

Поэтому в гражданском праве предпринимаются попытки различных исследователей дать собственное определение правовому режиму применительно к отдельно взятому виду отношений, что всецело наблюдается на примере цифровых правоотношений [Павлова Д.А., 2023, 166; Городов О.А., 2019, 7].

Влияние термина «правовой режим»

на понимание цифровых экосистем и платформ

В интегративном понимании правовой режим цифровых платформ и экосистем выражается в специфическом порядке регулирования рассматриваемого круга общественных отношений посредством установления общих и специальных правовых норм, средств и гарантий, объединённых нацеленностью на достижение желаемого социального и экономического эффекта в цифровой среде [Данилин Р.Д., 2024, 46].

Сама по себе цифровая платформа является организационно-технологической инфраструктурой, которая обеспечивает взаимодействие между пользователями, а также направлена преимущественно на цифровой обмен информационными данными, товарами или услугами. При этом она выполняет посредническую функцию, поскольку не создаёт какой-либо контент и не оказывает напрямую каких-либо услуг, предоставляя возможность возникновения, изменения или прекращения гражданских и смежных с ними правоотношений между хозяйствующими субъектами и гражданами.

Вместе с тем указанная обобщённая трактовка цифровой платформы не может считаться всеобъемлющей, поскольку провоцирует научные дискуссии об их правовом статусе. Например, является ли агрегатор транспортных услуг по перевозке самим перевозчиком или инструментом IT-характера [Мансуров Г.З., 2022, 19].

Кроме того, наличие сетевой инфраструктуры строится на использовании многообразных цифровых технологий (API, облачные вычисления, алгоритмы ранжирования), каждая из которых является одновременно и объектом гражданских прав, и объектом публично-правового регулирования, включая необходимость учёта технических особенностей, ведь при распространённом алгоритмическом управлении автоматизированные системы сами определяют условия взаимодействия между участниками (например, ценообразование, модерация контента). В силу этого и в частно-правовой, и в публично-правовой плоскости закономерным является требование прозрачности таких алгоритмов с одновременной необходимостью не допускать дискриминации ни по каким параметрам [Жевняк О.В., 2023, 10].

Собственно, сложность правовых режимов, опосредующих работу цифровых платформ и экосистем, вытекает из такой технологической специфики, как экосистемная интеграция, при которой к данным отношениям могут подключаться разнообразные сторонние сервисы (например, платежные системы интегрируются с маркетплейсами). Отсюда возникают вопросы о правовых последствиях законодательного признания цифровых платформ и экосистем, в точности, о полной или ограниченной ответственности за контент, размещаемый на них пользователями (частными лицами), об ужесточении контроля за работой социально значимых платформ, об уплате налогов и сборов, о защите прав пользователей и т.д.

Законодательные основы правового режима

цифровых экосистем и платформ

Если обратиться к примерам законодательных дефиниций цифровых платформ, то в ЕС понятие даётся в Digital Services Act, в силу которого это «сервис, позволяющий пользователям размещать информацию, доступную другим лицам, включая онлайн-маркетплейсы и соцсети»[1].

Напротив, в Российской Федерации отсутствует, как таковое, определение рассматриваемого термина, но используются смежные категории. Так, в Федеральном законе № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2] задействовано близкое словосочетание «электронная платформа», а его дефиниция бланкетным образом выявляется в силу соответствующих нормативных положений Федерального закона № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»[3]. Тем самым по действующему российскому законодательству признаются лишь финансовые платформы и информационные системы, при помощи которых происходит выпуск цифровых финансовых активов (п. 34 ст. 3 Федерального закона № 161-ФЗ).

Таким образом, правовое понятие цифровой платформы выводит из её функционального назначения в качестве технологического посредника. Это предопределяет не только отраслевую принадлежность данных правоотношений (в совокупном применении гражданского, финансового, антимонопольного, налогового, информационного, административного права), но и объём юридической ответственности за поведение третьих лиц с одновременной обязанностью обеспечить прозрачность и недискриминацию используемых алгоритмов.

Тем не менее, в структуру правового режима цифровых платформ и экосистем входят:

- его нормативная определённость, ведь режимные требования формулируются посредством правовых норм, содержащихся не только в законах, но и в подзаконных актах, а в некоторых случаях – в судебных прецедентах), которые в своей совокупности регулируют цифровые правоотношения;

- целевая направленность, проявляющаяся в определённых целях регуляции (упорядочение цифровых отношений, приближение цифровых платформ и экосистем к некоторым стандартам соблюдения технических и иных требований);

- комплексность, выражающаяся как в наличии нормативно-правовых запретах и дозволениях, так и в специальных механизмах реа-

[1] The Digital Services Act 17.02.2024 [Электронный ресурс] https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/digital-services-act.html (режим доступа – свободный), дата обращения – 30.10.2025.

[2] Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ (ред. от 28.12.2024) "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. - N 31 (часть I). - ст. 5018; 2024. - N 53 (Часть I). - ст. 8532.

[3] Федеральный закон от 27.06.2011 N 161-ФЗ (ред. от 23.05.2025) "О национальной платежной системе" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. - N 27. - ст. 3872; 2025. - N 21. - ст. 2526.

лизации посредством стимулов (льгот, гарантий), ограничений (лицензирование, квотирование, сертификация) и ответственности.

Заключение

Учитывая комплексную отраслевую принадлежность нормативно-правовой составляющей, правовые режимы цифровых платформ и экосистем сочетают в себе частноправовые и публично-правовые элементы, при которых договорное регулирование сопровождается необходимостью применения мер антимонопольной регуляции. Кроме того, спецификой рассматриваемых режимов выступает широкомасштабное влияние технологизации, при которой большинство норм устанавливаются не законодателем, а особенностями технологических процессов и используемым кодом (как это наблюдается на примере смарт-контрактов). В литературе подобный вектор регулирования называется алгоритмическим [Порываева Н.Ф., 2022, 76; Щербаков М.Г., 2023, 34].

В силу этого правовой режим цифровых платформ и экосистем нельзя сводить лишь к какому-то набору правовых норм, поскольку он включает в себя целостную систему правового регулирования, выражающую формализованными средствами политику государства в цифровой сфере. При этом на фоне активной цифровизации такие режимы становятся сложнее и приобретают межотраслевой и технологически зависимый характер. Однако наличие правовых норм, принципов и механизмов означает регулирующее воздействие на систему отношений по созданию, функционированию и взаимодействию цифровых платформ (маркетплейсов, социальных сетей, прикладных программных обеспечений – т.н. «SaaS»[1]) и их экосистем (пользователей, разработчиков, партнёров) с учётом их технологической специфики и социально-экономической роли.

Помимо комплексного (гибридного) характера правового регулирования, указанные правовые режимы тяготеют к экстерриториальности, поскольку цифровые платформы стремятся работать на глобальном уровне, сохраняя юридическую принадлежность определённому государству. Примером может служить TikTok и законодательные попытки ограничить его влияние в США и странах ЕС.

Также правовые режимы цифровых платформ и экосистем демонстрируют свою очевидную динамичность в связи с тем, что происходит быстрая адаптация нормы под новые цифровые технологии, как это наблюдается на примере регулирование алгоритмов Искусственного Интеллекта.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. – Москва: Юридическая литература, 1982. – 359 с.
2. Городов О.А. Цифровое правоотношение: видовая принадлежность и содержание // Право и цифровая экономика. 2019. № 3 (05). С. 5-10.
3. Данилин Р.Д. Классификация цифровых платформ: к вопросу о дифференциации их правовых режимов // Информационное право. 2024. № 2 (80). С. 46-48.
4. Жевняк О.В. Правовой режим использования цифровыми платформами алгоритмов искусственного интеллекта // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 2. С. 7-13.
5. Зельцер М.С. Гражданско-правовой режим информации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 2004. – 165 с.
6. Инюшкин А.А. Гражданско-правовой режим баз данных. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 2018. – 221 с.
7. Лиманская А.П. Специальные правовые режимы: общетеоретический анализ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Саратов, 2015. – 186 с.
8. Мансуров Г.З. О несовершенстве понятийного аппарата платформенного законодательства // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 7. № 2. С. 16-23.
9. Матузов Н.И., Малько А.В. Правовые режимы: вопросы теории и практики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1996. № 1 (212). С. 18. С. 16-29.
10. Павлова Д.А. Цифровые правоотношения // Ленинградский юридический журнал. 2023. № 1 (71). С. 159-173.
11. Порываева Н.Ф. Алгоритмизация права. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 2022. – 186 с.
12. Щербаков М.Г. К вопросу о коэволюции права и технологий (алгоритмов): постановка проблемы // Право и цифровая экономика. 2023. № 3 (21). С. 33-37.

References

1. Alekseev S.S. (1982) Obshchaya teoriya prava [General Theory of Law]: in 2 volumes. Vol. 2. – Moscow: Legal Literature. – 359 p.
2. Gorodov O.A. (2019) Tsifrovoe pravootnoshenie: vidovaya prinadlezhnost i soderzhanie [Digital legal relationship: type and content]. In: Pravo i tsifrovaya ekonomika [Law and digital economy] No. 3 (05). pp. 5-10.
3. Danilin R.D. (2024) Klassifikatsiya tsifrovikh platform: k voprosu o differentsiatsii ikh pravovikh rezhimov [Classification of digital platforms: on the issue of differentiation of their legal regimes]. In: Informatsionnoe pravo [Information law] No. 2 (80). pp. 46-48.
4. Zhevnyak O.V. (2023) Pravovoi rezhim ispolzovaniya tsifrovimi platformami algoritmov iskusstvennogo intellekta [Legal regime for the use of artificial intelligence algorithms by digital platforms]. In: Zhurnal pravovikh i ekonomicheskikh issledovanii [Journal of Legal and Economic Research] No. 2. pp. 7-13.
5. Zeltser M.S. (2004) Grazhdansko-pravovoi rezhim informatsii [Civil-law regime of information]. Dissertation for the degree of candidate of legal sciences. – Moscow. – 165 p.
6. Inyushkin A.A. (2018) Grazhdansko-pravovoi rezhim baz dannikh [Civil Law Regime of Databases]. Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences. – Moscow. – 221 p.
7. Limanskaya A.P. (2015) Spetsialnie pravovie rezhimi: obshcheteoreticheskii analiz [Special Legal Regimes: A General Theoretical Analysis]. Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. – Saratov. – 186 p.
8. Mansurov G.Z. (2022) O nesovershenstve ponyatiinogo apparata platformennogo zakonodatelstva [On the imperfection of the conceptual apparatus of platform legislation]. In: Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo [Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law] Vol. 7. No. 2. pp. 16-23.
9. Matuzov N.I., Malko A.V. (1996) Pravovie rezhimi: voprosi teorii i praktiki [Legal regimes: issues of theory and practice]. In: Izvestiya visshikh uchebnikh zavedenii. Pravovedenie [News of higher educational institutions. Jurisprudence] No. 1 (212). pp. 16-29.
10. Pavlova D.A. (2023) Tsifrovie pravootnosheniya [Digital legal relations]. In: Leningradskii yuridicheskii zhurnal [Leningrad Law Journal] No. 1 (71). pp. 159-173.
11. Poryvaeva N.F. (2022) Algoritmizatsiya prava [Algorithmization of Law]. Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. – Moscow. – 186 p.
12. Shcherbakov M.G. (2023) K voprosu o koevolyutsii prava i tekhnologii (algoritmov): postanovka problemi [On the issue of coevolution of law and technology (algorithms): problem statement]. In: Pravo i tsifrovaya ekonomika [Law and Digital Economy] No. 3 (21). pp. 33-37.

[1] Software as a Service – это модель обслуживания, при которой подписчикам предоставляется готовое прикладное программное обеспечение, полностью обслуживаемое сервис-провайдером. В дословном переводе с английского «SaaS» означает «программное обеспечение как услуга». Примерами «SaaS» для бизнеса являются CRM-системы, программы для бухгалтерского учёта, управления персоналом, коммуникации, совместной работы над проектами.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_172

УДК 347

ПОНЯТИЕ НЕДВИЖИМЫХ ВЕЩЕЙ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ
THE CONCEPT OF IMMOVABLE PROPERTY IN RUSSIAN CIVIL LAW: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

ЯКОВЕНКО Елена Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.
690091, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8.
E-mail: yakovenko.elena.vl@yandex.ru;

YAKOVENKO Elena Vladimirovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of Far Eastern Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
690091, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Sukhanova Street, 8.
E-mail: yakovenko.elena.vl@yandex.ru

Краткая аннотация: *Настоящая статья посвящена исследованию понятия и критериев недвижимой вещи как объекта гражданских прав. Автором отмечена неоднозначность понимания критерия «неразрывной связи с землей», а также недостаточность использования его для целей юридической квалификации объектов в качестве недвижимых вещей. Особое внимание уделяется рассмотрению особенностей квалификации таких недвижимых объектов, как сооружения. Автор отмечает повышенную актуальность определения статуса подпорных стен, с чем связано возложение обязанностей по их содержанию, а также ответственности за причинение вреда в результате их обрушения. На основе проведенного анализа нормативных правовых актов, доктрины, судебной практики автор приходит к выводу об отсутствии единого подхода правоприменителя к квалификации и определению юридической судьбы подпорных стен, аналогичные проблемы отмечены и применительно к иным видам сооружений. Этим обосновывается необходимость введения дополнительных критериев, позволяющих относить конкретный объект к недвижимости в смысле глав 6 и 6.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.*

Abstract: *This article is devoted to the study of the concept and criteria of immovable property as an object of civil rights. The author notes the ambiguity of understanding the criterion of "indissoluble connection with land", as well as the insufficiency of its use for the purposes of legal qualification of objects as immovable things. Special attention is paid to the consideration of the qualification features of such immovable objects as structures. The author notes the increased relevance of determining the status of retaining walls, which is associated with the assignment of responsibilities for their maintenance, as well as responsibility for causing harm as a result of their collapse. Based on the analysis of regulatory legal acts, doctrine, and judicial practice, the author comes to the conclusion that there is no unified law enforcement approach to the qualification and determination of the legal fate of retaining walls, and similar problems have been noted with respect to other types of structures. This justifies the need to introduce additional criteria that make it possible to classify a specific object as real estate in the sense of Chapters 6 and 6.1 of the Civil Code of the Russian Federation.*

Ключевые слова: *гражданское право; недвижимые вещи; объекты гражданских прав; недвижимое имущество; сооружение; подпорная стена.*

Keywords: *civil law; immovable property; objects of civil rights; immovable property; building; retaining wall.*

Для цитирования: *Яковенко Е.В. Понятие недвижимых вещей в российском гражданском праве: проблемы правоприменения // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 172-175. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_172.*

For citation*: Yakovenko E.V. The concept of immovable property in russian civil law: problems of law enforcement // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 172-175. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_172.*

Статья поступила в редакцию: 04.12.2025

Нормативную основу для разграничения объектов гражданских прав на движимые и недвижимые в России устанавливает ст. 130 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Именно исходя из ее содержания выделяют две категории недвижимости:

– недвижимая вещь в силу своей сущности – земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. В данном случае для отнесения вещи к недвижимой используется критерий неразрывной ее связи с землей;

– недвижимая вещь в силу закона – некоторые вещи по своей физической природе являются движимыми (например, морские и воздушные суда), однако в доктрине гражданского права распространение правового режима недвижимого имущества на них обосновывается их экономическими характеристиками и целью устойчивости гражданского оборота.

Положения гражданского законодательства о недвижимых вещах можно признать устоявшимися и достаточно стабильными в условиях стремительно развивающихся общественных отношений. В течение последних лет правовое регулирование в данной сфере претерпело некоторые изменения и дополнения (так, в 2013 году была введена ст. 133.1 ГК РФ, определяющая понятие единого недвижимого комплекса, в 2021 году добавлена глава 6.1 ГК РФ «Недвижимые вещи»), тем не менее общие критерии отнесения вещей к недвижимым остались прежними.

Несмотря на традиционный и устоявшийся характер правового регулирования недвижимых вещей, в науке гражданского права и в процессе правоприменительной деятельности часто возникают дискуссии и проблемы, связанные, прежде всего, с пониманием самой категории недвижимости как объекта гражданских прав.

Такой критерий отнесения вещей к недвижимым как «прочная связь с землей», появился в положениях ГК РФ с момента его принятия, однако его толкование не является однозначным. Законодательно данный критерий закреплен именно как «невозможность перемещения вещи без несоразмерного ущерба ее назначению» (ст. 130 ГК РФ). В то же время следует признать, что данный критерий имеет определенную степень

условности и предполагает скорее сложность, а не полную невозможность перемещения объекта недвижимости. К примеру, как отмечалось в некоторых судебных решениях по данному поводу, «известно, что в XX веке в городе Москва нередко производилось перемещение многоэтажных зданий (например, передвижка в 1937 г. дома на ул. Серафимовича); дом снимался с фундамента, ставился на катки и по уложенным рельсам со шпалами перемещался на расстояние до нескольких сотен метров на новый заранее подготовленный фундамент» [13]. Конечно же, после такого перемещения здания не утрачивали своего статуса недвижимости. Таким образом, невозможность перемещения не является безусловным признаком недвижимого имущества.

На это обстоятельство обращал внимание еще Г.Ф. Шершеневич, утверждая: «…несомненно, строительная техника, позволяющая свободно перемещать многоэтажные дома, способна еще более затруднить и без того не особенно твердые отличия движимости от недвижимости» [22].

Помимо указанного критерия, с учетом положений ст. 222 ГК РФ ученые-юристы указывают на необходимость установления между объектами недвижимости и земельным участком, на котором они находятся, не только физической, но и юридической связи. Так, в Концепции развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе, принятой на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 15 декабря 2003 г. (протокол № 18), отмечалось, что «современный уровень развития науки и техники позволяет переносить с места на место практически любой объект (мосты, жилые и нежилые здания) без несоразмерного ущерба их назначению. Однако, будучи перенесёнными, такие объекты могут быть квалифицированы как недвижимые вещи только при восстановлении и сохранении их неразрывной физической и юридической связи с землей» [5].

Но даже в совокупности использования указанных двух критериев при оценке объекта в качестве недвижимости бывает недостаточно применительно к отдельным видам имущества. Так, анализ судебной практики показывает, что часто проблемы возникают при квалификации сооружений как самостоятельных недвижимых вещей.

Законодатель не закрепляет легального понятия сооружения для целей гражданско-правового регулирования. На основе анализа нормативных правовых актов в юридической науке было предложено следующее определение: сооружение – объект недвижимого имущества, имеющий прочную связь с землей, представленный в виде объемного, плоского или линейного строения, имеющий наземную, надземную и (или) подземную части, состоящую из несущих, а в отдельных случаях и ограждающих строительных конструкций и предназначенную для выполнения производственных процессов различного вида, хранения продукции, временного пребывания людей, перемещения людей и грузов [3]. По сути, данное определение сооружения предложено по аналогии с тем, которое закреплено в ст. 2 Федерального закона от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений». При этом вопрос о возможности его применения для целей правового регулирования гражданско-правовых отношений представляется спорным.

Объективно существует много видов имущества, которое формально подходит под указанные в данном определении признаки сооружения, но вместе с тем его сложно квалифицировать в качестве самостоятельных объектов гражданских прав – асфальтовые покрытия, заборы, коммуникации, трубопроводы, вышки сотовой связи, колодцы, открытые складские сооружения и т.п. С одной стороны – это сооружения, которые прочно связаны с землей. С другой стороны, – зачастую в практике разрешения гражданско-правовых споров их не относят к самостоятельным недвижимым вещам, а считают лишь частью, улучшением иного объекта недвижимости.

В доктрине неоднократно поднимался вопрос о необходимости уточнения критериев для отнесения вещи к категории недвижимых. Обобщая различные подходы и предложения, можно обозначить следующие дополнительные критерии недвижимой вещи, с которыми в целом соглашается и судебная практика:

– объект должен создаваться в качестве самостоятельного объекта гражданских прав;

– объект должен иметь самостоятельное функциональное назначение. Это означает, что объект обладает такими полезными свойствами, которые могут быть использованы независимо от земельного участка, на котором он находится.

С учетом данных признаков различного рода покрытия земельного участка (асфальтовые, бетонные), ограждения, автомобильные стоянки, спортивные поля и иные аналогичные объекты, возведенные с целью приспособления уже имеющегося земельного участка для удовлетворения нужд лица, пользующегося этим участком, и выполняющие обслуживающие по отношению к участку функции, обычно признаются не самостоятельными объектами недвижимости, а улучшениями земельного участка [7].

Вместе с тем, указанные критерии тоже неоднозначны, и как в науке, так и в правоприменительной деятельности возникает много споров, связанных с установлением правовой природы некоторых сооружений [4, с. 21; 6, с. 52 - 53].

Один из самых спорных объектов, требующих квалификации, – подпорные стены, возведенные для укрепления грунта и предотвращения обвалов. Иски о возложении обязанностей по ремонту, реконструкции подпорных стен, а также о возмещении вреда, причиненного их обрушением, являются достаточно частыми в судебной практике. При этом какой-либо единый подход к возложению на субъектов соответствующих обязанностей и ответственности отсутствует.

В большинстве таких дел суды признают, что подпорная стена не имеет самостоятельного хозяйственного назначения, не является отдельным объектом гражданского оборота, а выполняет лишь обслуживающую функцию по отношению к соответствующим земельным участкам. Соответственно, юридическая судьба такого объекта и его принадлежность определяются по принадлежности соответствующего земельного участка [18; 19]. Представленная позиция в настоящее время является наиболее распространенной в практике разрешения данной категории дел [8; 9; 10; 11; 14; 15]. В связи с этим, именно на собственников земельных участков, на которых возведены подпорные стены, возлагают бремя

их содержания, обязанность проведения ремонтных работ, ответственность за причинение вреда в результате их обрушения.

Однако встречается и другой подход к юридической квалификации и определению природы данных объектов. Так, некоторые суды признают подпорные стены самостоятельными объектами инженерной инфраструктуры, сооружениями инженерной защиты, обеспечивающим безопасность населения, и, ссылаясь в том числе на Постановление Верховного Совета РФ от 27.12.1991 № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность», указывают, что содержание в исправном состоянии таких объектов, режимные наблюдения, периодические технические осмотры, текущий ремонт, организация проведения их капитального ремонта и реконструкции законом возложено на органы местного самоуправления вне зависимости от принадлежности земельного участка. Тем самым суды признают за сооружениями в виде подпорных стен статус самостоятельного объекта недвижимости [17].

Отдельные сложности для квалификации представляют собой случаи, когда подпорные стены проходят через территорию нескольких земельных участков. В таких ситуациях суды чаще идут по пути признания за подпорной стеной статуса самостоятельного объекта недвижимости, указывая на его неделимый характер и единое целевое назначение по отношению ко всем земельным участкам, фактически так же считая данные сооружения объектами инженерной защиты, и возлагая обязанности по их содержанию на муниципальные образования [1; 20]. Следует признать, что такое решение в наибольшей степени отвечает целям защиты интересов граждан и обеспечения безопасности общества в целом.

В юридической науке можно встретить утверждения о том, что подпорные стены являются объектами капитального строительства, но не являются самостоятельными объектами недвижимости в смысле гражданского законодательства, что подразумевает невозможность осуществления их государственного кадастрового учета и регистрации прав на них [2]. В то же время из анализа судебной практики следует, что подпорные стены не во всяком случае признаются не имеющими самостоятельного функционального назначения (а, соответственно, и самостоятельными объектами гражданских прав), при разрешении данного вопроса подлежат исследованию технические свойства объекта, обстоятельства его обусловленности обслуживанием земельного участка, условия предоставления земельного участка для строительства сооружения, как объекта недвижимости [12].

В любом случае неопределенность критериев отнесения объектов к категории «недвижимые вещи», отсутствие в гражданском законодательстве понятия «сооружение» порождают постоянные споры между администрациями муниципальных образований с одной стороны, и управляющими организациями, ТСЖ, гражданами, иными лицами, с другой стороны, о распределении ответственности за содержание, ремонт подобных сооружений, за вред, причиняемый их разрушением. Кроме того, периодически в практике возникают споры, связанные с понуждением к государственной регистрации прав на такие сооружения или признанием права отсутствующим, с признанием соответствующих объектов самовольной постройкой по ст. 222 ГК РФ [21].

В науке гражданского права звучали предложения по изменению правовых норм, регулирующих понятие и критерии недвижимого имущества. В частности, предлагалось включить в ст. 130 ГК РФ следующее положение: «Земельный участок и находящиеся на нем здание, сооружение, объект незавершенного строительства, принадлежащие на праве собственности одному лицу, признаются единым объектом и участвуют в гражданском обороте как одна недвижимая вещь» [4, с. 29].

Данный подход к пониманию недвижимости был отражен в проекте федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (внесен в 2012 году), который предлагал дополнить ст. 130 ГК РФ указанными выше положениями [16]. Таким образом, данный проект стал одной из попыток разрешить возникающие проблемы и внедрить концепцию «единого объекта недвижимости». Однако в процессе рассмотрения законопроекта и корректировки его содержания данное положение было исключено. Поэтому, хотя в 2013 году и была введена ст. 133.1 ГК РФ, определяющая понятие единого недвижимого комплекса, изначальная идея о единой судьбе земельного участка и находящегося на нем здания, сооружения, понимании их как единой недвижимой вещи, не была реализована.

Таким образом, до настоящего времени проблемы неопределенности понятия и критериев недвижимости как объекта гражданских прав остаются нерешенными. Это предопределяет необходимость дальнейшего совершенствования гражданского законодательства в сфере регулирования прав на недвижимость. Целесообразно более детально сформулировать и закрепить признаки, по которым правоприменитель будет определять характер объекта как самостоятельной недвижимой вещи с применением к ней соответствующих правовых последствий.

Список литературы:

1. Апелляционное определение Верховного суда Чувашской Республики от 29.05.2024 по делу № 33а-2042/2024 // СПС «Консультант Плюс»;
2. Болва Е.А. Подпорная стена // СПС «Консультант Плюс»;
3. Братухина Е.В. Соотношение понятий «здание» и «сооружение» по законодательству РФ // Право и государство: теория и практика. 2021. №1 (193). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-zdanie-i-sooruzhenie-po-zakonodatelstvu-rf (дата обращения: 01.11.2025);
4. Егоров Н.Д. Проблемы разграничения движимых и недвижимых вещей в гражданском праве // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 7. С. 21;
5. Концепция развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе // СПС «Консультант Плюс»;
6. Корецкий А.Д. О понятии недвижимого имущества в теории гражданского права и правоприменительной деятельности арбитражных судов // Российское правосудие. 2008. № 5. С. 52–53;
7. Мельников Н.Н. Объекты земельных правоотношений: монография. Москва: ИНФРА-М, 2024. 302 с.;
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016) (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 06.07.2016) // СПС «Консультант Плюс»;
9. Определение Верховного Суда РФ от 08.10.2019 по делу № А83-6444/2018 // СПС «Консультант Плюс»;
10. Определение Верховного Суда РФ от 22.04.2021 по делу № А32-7320/2020 // URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-22042021-n-308-es21-4804-po-delu-n-a32-73202020/?ysclid=micqoy6muy985633 300 (дата обращения: 01.12.2025);

11. Определение Верховного Суда РФ от 25.06.2019 по делу № А24-2260/2018 // URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25062019-n-303-es19-9259-po-delu-n-a24-22602018/?ysclid=micqpvh923659432 819 (дата обращения: 01.12.2025);
12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.03.2022 по делу № А41-40579/2021 // СПС «Консультант Плюс»;
13. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.06.2013 по делу № А40-53007/12 // СПС «Консультант Плюс»;
14. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24.09.2013 по делу №А76-1598/2012 // URL: https://www.vsrf.ru/documents/arbitration/17363/?ysclid=micqlk1hm8242321006 (дата обращения: 01.12.2025);
15. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 14.11.2018 по делу № А24-2260/2018 // URL: https: //sudact.ru/arbitral/doc/w1AqI0HyW7Uy/ (дата обращения: 01.12.2025);
16. Проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6 (дата обращения: 01.12.2025);
17. Решение Арбитражного суда Камчатского края от 21.08.2018 по делу № А24-2260/2018 // URL: https: //sudact.ru/arbitral/doc/w1AqI0HyW7Uy/ (дата обращения: 01.12.2025);
18. Решение Арбитражного суда Московской области от 24.11.2022 по делу № А41-40579/2021 // URL: https: //sudact.ru/arbitral/doc/Sw1KWMs2BHJB/ (дата обращения: 01.12.2025);
19. Решение Арбитражного суда Оренбургской области от 19.06.2021 по делу № А47-14878/2020 // URL: https: //sudact.ru/arbitral/doc/spunhC8P3TIW/ (дата обращения: 01.12.2025);
20. Решение Арбитражного суда Оренбургской области от 26.08.2021 по делу № А47-14877/2020 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/nzJwhSRCpQVi/ (дата обращения: 01.12.2025);
21. Решение Ленинградского районного суда Краснодарского края от 14.09.2021 по делу № 2-1210/2021 // URL: https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/reshenie-_-2-1210_2021-ot-14.09.2021-leningradskogo-rayonnogo-suda-(krasnodarskiy-kray)?ysclid=micqw0x0wp934164654 (дата обращения: 01.12.2025);
22. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. Москва: Издательство Юрайт, 2018. 532 с. // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: https://urait.ru/bcode/414948 (дата обращения: 01.11.2025).

References:

1. The appellate ruling of the Supreme Court of the Chuvash Republic dated 05/29/2024 in case No. 33a-2042/2024 // SPS Consultant Plus;
2. Bolva E.A. Retaining wall // SPS "Consultant Plus";
3. Bratukhina E.V. The relationship between the concepts of "building" and "structure" according to the legislation of the Russian Federation // Law and the state: theory and practice. 2021. No. 1 (193). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-zdanie-i-sooruzhenie-po-zakonodatelstvu-rf (date of request: 11/01/2025);
4. Egorov N.D. Problems of differentiation of movable and immovable things in civil law // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2012. No. 7. p. 21;
5. The concept of the development of civil legislation on real estate // SPS "Consultant Plus";
6. Koretsky A.D. On the concept of immovable property in the theory of civil law and law enforcement activities of arbitration courts // Russian Justice. 2008. No. 5. pp. 52-53;
7. Melnikov N.N. Objects of land legal relations: a monograph. Moscow: INFRA-M, 2024. 302 p.;
8. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2016) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 07/06/2016) // SPS Consultant Plus;
9. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08.10.2019 in case no. A83-6444/2018 // SPS Consultant Plus;
10. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/22/2021 in case no. A32-7320/2020 // URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-22042021-n-308-es21-4804-po-delu-n-a32-73202020/?ysclid=micqoy6 muy985633300 (accessed: 12/01/2025);
11. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/25/2019 in case no. A24-2260/2018 // URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25062019-n-303-es19-9259-po-delu-n-a24-22602018/?ysclid=micqpvh 923659432819 (accessed: 12/01/2025);
12. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 03/28/2022 in case no. A41-40579/2021 // SPS Consultant Plus;
13. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 06/19/2013 in case no. A40-53007/12 // SPS Consultant Plus;
14. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 24.09.2013 in case no.A76-1598/2012 // URL: https://www.vsrf.ru/documents/arbitration/17363/?ysclid=micqlk1hm8242321006 (accessed: 12/01/2025);
15. Decision of the Fifth Arbitration Court of Appeal dated 11/14/2018 in case no. A24-2260/2018 // URL: https: //sudact.ru/arbitral/doc/w1AqI0HyW7Uy / (date of request: 12/01/2025);
16. Draft Federal Law No. 47538-6 "On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6 (date of request: 12/01/2025);
17. Decision of the Arbitration Court of the Kamchatka Territory dated 08/21/2018 in case no. A24-2260/2018 // URL: https: //sudact.ru/arbitral/doc/w1AqI0HyW7Uy / (date of request: 12/01/2025);
18. Decision of the Arbitration Court of the Moscow Region dated 11/24/2022 in case no. A41-40579/2021 // URL: https: //sudact.ru/arbitral/doc/Sw1KWMs2BHJB / (date of request: 12/01/2025);
19. Decision of the Arbitration Court of the Orenburg region dated 06/19/2021 in case no. A47-14878/2020 // URL: https: //sudact.ru/arbitral/doc/spunhC8P3TIW / (date of request: 12/01/2025);
20. Decision of the Arbitration Court of the Orenburg region dated 08/26/2021 in case no. A47-14877/2020 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/nzJwhSRCpQVi / (date of request: 12/01/2025);
21. The decision of the Leningradsky District Court of the Krasnodar Territory dated 09/14/2021 in case no. 2-1210/2021 // URL: https://lawnotes.ru / sudpraktika/sou/reshenie-_-2-1210_2021-ot-14.09.2021-leningradskogo-rayonnogo-suda-(krasnodarskiy-kray)?ysclid=micqw0x0wp934164654 (accessed: 12/01/2025);
22. Shershenevich G. F. Textbook of Russian civil law / G. F. Shershenevich. Moscow: Yurayt Publishing House, 2018. 532 p. // Yurayt educational platform [website]. URL: https://urait.ru/bcode/414948 (date of request: 11/01/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_176

УДК 347

КЛИНИЧЕСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ИННОВАЦИИ В КОНСУЛЬТИРОВАНИИ
CLINICAL LEGAL EDUCATION: INNOVATIONS IN CONSULTING

КАМЕНЕВА Полина Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса
Частного образовательного учреждения высшего образования «Таганрогский институт управления и экономики»,
Руководитель юридической клиники Таганрогского института управления и экономики.
347900, Россия, Ростовская область, г. Таганрог, Петровская ул., 45.
E-mail: p.kameneva@tmei.ru;

KAMENEVA Polina Valeryevna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
Taganrog Institute of Management and Economics, a private educational institution of higher Education,
Head of the Legal Clinic of the Taganrog Institute of Management and Economics.
Petrovskaya str., 45, Taganrog, Rostov region, 347900, Russia.
E-mail: p.kameneva@tmei.ru

***Краткая аннотация**: статья посвящена исследованию современных тенденций и инноваций в области клинического юридического образования, акцентируя внимание на его роли в подготовке высококвалифицированных специалистов, способных эффективно осуществлять юридическое консультирование. Рассматриваются новые подходы к обучению, включая развитие практических навыков, использование передовых технологий, а также формирование у студентов этических принципов и клиентоориентированного подхода.*

***Abstract:** This article explores current trends and innovations in clinical legal education, focusing on its role in training highly qualified professionals who can effectively provide legal advice. It examines new approaches to teaching, including the development of practical skills, the use of advanced technologies, and the formation of ethical principles and a client-centered mindset among students.*

***Ключевые слова:** Клиникальное юридическое образование, инновации, юридическое консультирование, практические навыки, юридическая помощь, правовое образование, студенты-юристы, клиентоориентированность, этика юриста, правовое государство.*

***Keywords:** Clinical legal education, innovations, legal counseling, practical skills, legal assistance, legal education, law students, customer focus, legal ethics, and the rule of law.*

***Для цитирования:** Каменева П.В. Клиническое юридическое образование: инновации в консультировании // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 176-179. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_176.*

***For citation**: Kameneva P.V. Clinical legal education: innovations in consulting // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 176-179. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_176.*

Статья поступила в редакцию: 20.01.2026

Современное юридическое образование сталкивается с вызовами, требующими новых подходов к подготовке специалистов. Один из перспективных направлений - клиническое юридическое образование, которое акцентирует внимание на практических навыках и опыте работы с клиентами.

Клиническое юридическое образование предоставляет студентам возможность не только теоретически усваивать правовые нормы, но и применять их на практике через консультирование реальных клиентов. Этот инновационный подход способствует развитию профессиональных компетенций будущих юристов и формированию эмпирического опыта, что делает обучение более целостным и эффективным.

Клиническое юридическое образование играет важную роль в современной юридической практике, предоставляя студентам возможность получить практические навыки и опыт, необходимые для успешной карьеры в области права. Основная цель клинического образования заключается в том, чтобы подготовить студентов к работе с реальными клиентами, делами и ситуациями, что обеспечивает им более глубокое понимание теоретических концепций права и развивает их аналитические, коммуникативные и профессиональные навыки.

Одним из основных преимуществ клинического образования является возможность студентов работать под наблюдением опытных юристов-преподавателей, что позволяет им получать обратную связь и советы от профессионалов в процессе выполнения задач. Это помогает студентам не только развивать свои навыки, но и избегать потенциальных ошибок, которые могли бы быть допущены при работе в реальных условиях.

Клиническое образование также способствует развитию этических принципов у студентов, поскольку они сталкиваются с реальными моральными дилеммами и должны научиться принимать этически обоснованные решения. Важным аспектом клинического образования является также поддержка клиентов, которые могут быть в уязвимом положении, что учит студентов эмпатии и пониманию человеческих потребностей.

Основные принципы клинического юридического образования включают в себя активное участие студентов в юридическом процессе, работу в команде, анализ юридических вопросов на практике, развитие навыков адвокатуры и консультирования клиентов. Вместе с тем, клиническое образование способствует развитию критического мышления и способности к самостоятельной работе, что является ключевым для успешной профессиональной деятельности в сфере права.

Инновации в клиническом юридическом образовании включают в себя использование технологий для решения юридических задач, создание мультимедийных образовательных ресурсов, развитие онлайн-платформ для обучения и консультирования, а также внедрение симуляционных тренингов и игровых приложений для практического обучения. Эти инновации позволяют сделать процесс обучения более доступным, интересным и эффективным для студентов, что способствует улучшению качества подготовки будущих юристов.

Таким образом, клиническое юридическое образование играет значительную роль в юридической практике, обеспечивая студентов

необходимыми навыками и опытом для успешного старта своей карьеры в области права. Развитие инновационных подходов в клиническом образовании позволяет сделать процесс обучения более эффективным и современным, что способствует подготовке квалифицированных специалистов готовых к решению сложных правовых задач.

Клиническое юридическое образование переживает период значительных изменений и инноваций, особенно в области методов консультирования студентов. Инновационные подходы в этой сфере играют важную роль в обучении будущих юристов и помогают им развивать не только теоретические знания, но и практические навыки. Особое внимание уделяется использованию интерактивных методов и интеграции реальных кейсов для создания более глубокого и практического понимания юридических процессов.

Одним из ключевых инновационных методов консультирования в клиническом юридическом образовании является «case-study» подход. Студентам предоставляются реальные случаи из практики, которые они должны анализировать, делать выводы и предлагать решения. Такие ситуации позволяют студентам применить свои знания на практике, развивают аналитическое мышление и способствуют развитию навыков принятия обоснованных решений.

Еще одним важным инновационным методом является использование симуляционных упражнений. Студентам предлагается играть определенные роли в юридических сценариях, имитирующих реальные судебные процессы или консультации клиентов. Это помогает студентам развивать навыки коммуникации, убеждения и работы в команде, что является важным аспектом успешной юридической деятельности.

Другим инновационным методом, который все чаще применяется в клиническом юридическом образовании, является использование технологий. Виртуальные платформы, онлайн-симуляции, видео-мероприятия – все это помогает студентам погрузиться в атмосферу реальной юридической практики и развивать навыки удаленного консультирования.

Важно отметить, что инновации в консультировании в клиническом юридическом образовании позволяют студентам не только получить теоретические знания, но и непосредственно применять их на практике. Такой практический опыт играет ключевую роль в формировании успешных профессионалов в области права и помогает им готовиться к осуществлению реальной юридической деятельности.

Практический опыт играет ключевую роль в процессе обучения юридическим навыкам студентов клинических юридических программ. Он представляет собой уникальную возможность для студентов не только узнать теоретические аспекты права, но и применить их на практике в реальных ситуациях. Преимущества такого подхода к обучению юридическим навыкам неоспоримы.

Во-первых, практический опыт позволяет студентам на практике применять знания, которые они усвоили в теоретических курсах. Это помогает им лучше понять, как применять законы и правовые принципы на практике, а также развивает навыки анализа, аргументации и решения юридических проблем. Студенты, обладающие практическим опытом, выходят в профессиональную среду более подготовленными и уверенными в своих способностях.

Во-вторых, практический опыт способствует развитию коммуникативных навыков студентов. В рамках клинических программ они работают с реальными клиентами, взаимодействуют с коллегами и преподавателями, что помогает им научиться эффективно коммуницировать, убеждать и аргументировать свою точку зрения. Эти навыки являются важными не только для успешной практики юриста, но и для общения в повседневной жизни.

Кроме того, практический опыт позволяет студентам понять этические и профессиональные стандарты поведения юриста. Работа с реальными клиентами и решение реальных правовых вопросов под руководством опытных юристов помогает студентам осознать важность профессиональной этики, конфиденциальности информации и соблюдения законов. Это способствует формированию ценностей и норм профессионального поведения, что необходимо для успешной карьеры в области юриспруденции.

Таким образом, практический опыт играет важную роль в обучении юридическим навыкам студентов клинических юридических программ. Он позволяет студентам применять теоретические знания на практике, развивать коммуникативные навыки, понимать этические стандарты профессионального поведения и готовиться к успешной карьере в сфере права. Поэтому интеграция практического опыта в процесс обучения является необходимым и эффективным инструментом развития будущих юристов.

Современные подходы к обучению студентов юридических специальностей находятся под влиянием постоянно меняющегося мира и требований рынка труда. В сфере клинического юридического образования применяются инновационные методы, целью которых является подготовка студентов к реальной профессиональной практике. Одним из ключевых элементов такого обучения является активное участие студентов в различных клинических программах. В современных клинических программах студенты имеют возможность приобрести практические навыки и опыт работы под руководством опытных преподавателей и практикующих юристов. Это позволяет им не только понимать теоретические аспекты права, но и применять их на практике, решая реальные кейсы. Такой подход способствует развитию профессиональной компетенции студентов и формированию у них уверенности в своих силах.

Важным элементом современного обучения студентов юридических специальностей является использование интерактивных методов обучения. Это могут быть игровые симуляции, моделирование юридических ситуаций, дебаты и дискуссии. Такие методы позволяют студентам не просто учиться наизусть законы и правовые нормы, а также понимать их суть, применять в различных ситуациях и анализировать последствия принимаемых решений.

Следующим важным аспектом современного обучения является использование технологий. Виртуальные классы, онлайн-курсы, интерактивные учебники и другие инструменты позволяют студентам получать доступ к обучающему материалу в любое удобное время и из любой точки мира. Это расширяет возможности обучения и делает его более гибким.

В целом, современные подходы к обучению студентов юридических специальностей направлены на интеграцию теории и практики, развитие креативного мышления и умения критически мыслить, а также подготовку к реальной работе в юридической сфере. Эти инновации способствуют повышению качества образования и готовности выпускников к решению сложных задач в области юриспруденции.

Интеграция клинического образования в академическую программу юридического факультета является одной из ключевых инноваций в области консультирования студентов. Этот подход активно внедряется в учебный процесс с целью обеспечения студентам практического опыта и навыков, необходимых для успешной работы в сфере юриспруденции.

Клиническое образование включает в себя не только теоретическую подготовку, но и практическую работу под наблюдением опытных юристов. Студенты имеют возможность применять свои знания на практике, работая с клиентами и решая реальные юридические вопросы.

Интеграция клинического образования в академическую программу позволяет студентам получить ценный опыт взаимодействия с клиентами, развить навыки коммуникации, анализа информации, принятия решений и решения конфликтов. Студенты также учатся эффективно работать в команде и соблюдать профессиональные этические стандарты. Эта инновация помогает студентам не только укрепить свои знания и навыки, но и лучше понять специфику профессии юриста. Они сталкиваются с реальными случаями из практики, что помогает им лучше осознать сложности и ответственность своей будущей профессии.

Современное клиническое образование включает в себя широкий спектр практических заданий и кейсов, которые позволяют студентам применить свои знания на практике и развить свои профессиональные навыки. Этот подход способствует более глубокому и эффективному обучению, помогая студентам лучше подготовиться к будущей работе в области юриспруденции.

Итак, интеграция клинического образования в академическую программу юридического факультета - это важный шаг в развитии консультирования студентов. Она обеспечивает студентам возможность получить не только теоретические знания, но и практические навыки, необходимые для успешной работы в сфере юриспруденции.

В последние годы клиническое юридическое образование стало предметом повышенного интереса в среде юристов и студентов. Это образовательное направление обеспечивает студентам возможность погружения в практику права уже на стадии обучения, что позволяет им развивать не только теоретические знания, но и практические навыки. Одной из ключевых тенденций в клиническом образовании является постоянное обновление и внедрение инноваций в процесс консультирования.

Современный мир требует от юристов не только знания законов и норм, но и способность применять их на практике. В этой связи, клиническое образование становится незаменимым инструментом в процессе подготовки профессиональных специалистов. Одной из основных тенденций в данной области является активное внедрение информационных технологий в процесс консультирования клиентов. С развитием цифровизации юридической сферы, студенты получают возможность осваивать современные программные продукты, базы данных и онлайн-сервисы, что значительно облегчает работу и повышает эффективность консультирования. Они могут проводить анализ правовой информации, составлять документы, взаимодействовать с клиентами и коллегами в режиме онлайн, что соответствует требованиям современного рынка труда.

Кроме того, современные технологии позволяют студентам участвовать в международных проектах и сотрудничать с юридическими фирмами и организациями за пределами своего учебного заведения. Это дает им возможность попробовать свои силы в различных юридических практиках, обогащает опыт и формирует профессиональные контакты, которые пригодятся им в будущей карьере.

Еще одной важной тенденцией в клиническом образовании является уделение внимания междисциплинарному подходу. Современная практика показывает, что решение сложных юридических проблем часто требует не только знания законов, но и понимания социальных, экономических, психологических и культурных аспектов. Поэтому студентам предлагается работать в команде с представителями других специальностей, чтобы получить комплексный взгляд на проблему и найти наиболее эффективное решение.

Таким образом, современные тенденции в клиническом юридическом образовании направлены на внедрение инноваций, активное использование информационных технологий, междисциплинарный подход и практическую ориентированность. Эти изменения позволяют студентам получать более полное и практически ориентированное образование, которое соответствует современным требованиям рынка труда и обеспечивает успешный старт в юридической профессии.

Рассмотрение современных методов консультаций в юридической клинике, является ключевым аспектом развития образования в области юриспруденции. Современные студенты и профессионалы в сфере права нуждаются в доступе к качественной консультации по правовым вопросам, чтобы успешно решать сложные задачи и оказывать поддержку клиентам. В этом отношении инновационные подходы к проведению консультаций становятся все более важными.

Одним из современных методов консультирования в юридической клинике является использование технологий. С развитием интернета и цифровых платформ студенты и преподаватели могут проводить консультации удаленно, общаясь через видеосвязь или мессенджеры. Это позволяет делать консультации более гибкими и удобными для всех сторон и расширяет географию охвата клиентов юридической клиники.

Еще одним важным методом является использование интерактивных форматов консультаций. Например, юридические клиники могут организовывать мастер-классы, тренинги и семинары для студентов и профессионалов, на которых рассматриваются конкретные случаи из практики, проводятся ролевые игры и дискуссии. Это позволяет глубже понимать сложности юридических вопросов и развивать навыки консультирования.

Также стоит отметить важность индивидуального подхода к консультированию. Каждый случай требует уникального подхода, учитывая особенности клиента, ситуации и правовых норм. Предоставление персонализированных рекомендаций и поддержки помогает более эффективно решать правовые проблемы и создавать доверительные отношения между клиентами и специалистами юридических клиник.

Клиническое юридическое образование представляет собой инновационный подход к подготовке будущих юристов, который акцентирует внимание на практических навыках и опыте работы непосредственно с клиентами. Одной из ключевых составляющих этого подхода является использование технологий в процессе консультирования.

Преимущества современных технологий в клиническом юридическом образовании ощутимы как для студентов, так и для преподавателей. Студенты имеют возможность практиковаться в реалистичных симуляциях с использованием виртуальных клиентов, что помогает им освоить навыки общения, анализа юридической информации и принятия решений в условиях, максимально приближенных к реальной практике. Это позволяет им активно участвовать в консультировании и понимать процесс принятия решений на практике.

Для преподавателей технологии также становятся ценным инструментом в обучении студентов. Они могут использовать различные программы и приложения для создания интерактивных уроков, проведения онлайн тренингов и обучающих кейсов, а также для мониторинга и оценки успехов студентов в реальном времени. Технологии позволяют создавать виртуальные юридические офисы, в которых студенты могут моделировать решение реальных юридических проблем и работать с клиентами из разных сфер деятельности.

Общий обзор использования технологий в клиническом юридическом образовании показывает, что это не только современный и эффективный способ обучения, но и значимое дополнение к традиционным методам преподавания. Внедрение технологий в обучение помогает студентам получить практические навыки, развить критическое мышление и лучше подготовиться к будущей юридической практике. В то же время преподаватели могут значительно улучшить процесс обучения и оценивания знаний, сделав его более интерактивным и адаптированным к современным требованиям рынка труда.

Таким образом, использование технологий в клиническом юридическом образовании не только отражает современные тенденции развития образования, но и значительно улучшает качество и эффективность подготовки будущих профессионалов в области юриспруденции.

В заключение, можно отметить, что клиническое юридическое образование представляет собой значимую инновацию в области консультирования. Разработка и реализация клинических программ позволяют студентам приобретать не только теоретические знания, но и практические навыки, необходимые для успешной работы в области юриспруденции.

Участие студентов в клинических проектах способствует не только повышению качества образования, но и развитию их профессиональных компетенций. Благодаря практическому опыту работы с реальными клиентами и правовыми вопросами, студенты могут лучше понять сложности и особенности работы юриста в реальной практике. Клиническое юридическое образование также способствует повышению доступности правовой помощи для населения, обеспечивая бесплатное или недорогое юридическое консультирование для тех, кто нуждается в помощи. Это позволяет не только студентам получить ценный опыт, но и помочь людям, которым требуется квалифицированное правовое сопровождение.

Таким образом, клиническое юридическое образование представляет собой важную инновацию в сфере обучения будущих юристов и обеспечения доступности правовой помощи. Его внедрение способствует развитию профессиональных навыков студентов, повышению качества образования и улучшению доступности юридических услуг для населения.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993г.), с учётом поправок, внесённых федеральными конституционными законами о поправке к Конституции РФ от 30 декабря 2008г. №6-ФКЗ, от 30 декабря 2008г. №7-ФКЗ, от 5 февраля 2014г. №2-ФКЗ, от 21 июля 2014г. №11-ФКЗ, от 14 марта 2020г. №1-ФКЗ, с учётом включения новых субъектов РФ, внесённых федеральными конституционными законами от 4 октября 2022г. №5-ФКЗ, от 4 октября 2022г. №6-ФКЗ, от 4 октября 2022г. №7-ФКЗ, от 4 октября 2022г. №8-ФКЗ – Текст: электронный // Официальный Интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации» URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения –22.09.2025 г., публикация №0001202210060013)

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138–ФЗ (ред. от 01.07.2021) // [Одобрен Советом Федерации 30 октября 2002 года] – Текст: электронный// Официальный интернет-портал правовой информации: официальный сайт. – 2025. - URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 22.09.2025

3. Хастинов Э.М. Юридическая клиника: учебно-методическое пособие / Хастинов Э.М., Шарапов И.И.. — Москва: Российская таможенная академия, 2012. — 180 с. — ISBN 978-5-9590-0390-6. — Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. — URL: https://www.iprbookshop.ru/69858.html (дата обращения: 22.09.2025). — Режим доступа: для авторизир. пользователей

4. Афанасьев Е.В., Богдан В. В., Борисова Л. В. / Гражданский процесс: учебник / под редакцией А. В. Габова, В. Г. Голубцова, С. Ж. Соловых. — Москва: Статут, 2024. — 748 с. — ISBN 978-5-8354-1992-0. — Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. — URL: https://www.iprbookshop.ru/148202.html (дата обращения: 22.09 .2025). — Режим доступа: для авторизир. пользователей

5. Демкина, Е. А. Юридическое консультирование как коммуникативная деятельность: учебное пособие / Е. А. Демкина, О. В. Никитина, В. Е. Николаев. — Саратов: Издательство Саратовской государственной юридической академии, 2025. — 27 с. — ISBN 978-5-7924-2190-5. — Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. — URL: https://www.iprbookshop.ru/154840.html (дата обращения: 22.09.2025). — Режим доступа: для авторизир. пользователей

6. Ларионова М.А. Основы юридического консультирования: учебно-методическое пособие. Для специальностей 050100.62 - «Педагогическое образование», профиль «Право»; 050400 - «Социально-экономическое образование», профиль «Юриспруденция»; 032700 - «Юриспруденция», профиль «Учитель права» / Ларионова М.А.. — Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2013. — 124 с. — Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. — URL: https://www.iprbookshop.ru/32079.html (дата обращения: 04.10.2025). — Режим доступа: для авторизир. пользователей

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993), as amended by the Federal Constitutional Laws on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008. No. 6-FKZ, dated December 30, 2008. No. 7-FKZ, dated February 5, 2014. No. 2-FKZ, dated July 21, 2014 No. 11-FKZ, dated March 14, 2020 No. 1-FKZ, taking into account the inclusion of new subjects of the Russian Federation introduced by federal constitutional laws No. 5-FKZ dated October 4, 2022 No. 6-FKZ dated October 4, 2022 No. 7-FKZ, dated October 4, 2022. No. 8-FKZ – Text: electronic // Official Internet portal of legal information "State System of Legal Information" URL: http://pravo.gov.ru (date of application - 09/22/2025, publication No.0001202210060013)

2. The Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002 No. 138–FZ (as amended on 07/01/2021) // [Approved By the Federation Council on October 30, 2002] – Text: electronic// Official Internet portal of legal information: official website. – 2025. - URL:http://pravo.gov.ru / (date of request: 22.09.2025

3. Hastinov E.M. Legal clinic: an educational and methodical manual / Hastinov E.M., Sharapov I.I. – M.: Russian Customs Academy, 2012. - 180 p. - ISBN 978-5-9590-0390-6. - Text: electronic // Digital educational resource IPR SMART: [website]. - URL: https://www.iprbookshop.ru/69858.html (date of request: 09/22/2025). - Access mode: for authorization. users

4. Afanasyev E.V., Bogdan V. V., Borisova L. V. / Civil procedure: textbook / edited by A.V. Gabov, V. G. Golubtsov, S. Zh. Solovykh. — Moscow: Statute, 2024. — 748 p. — ISBN 978-5-8354-1992-0. — Text: electronic // Digital educational resource IPR SMART: [website]. — URL: https://www.iprbookshop.ru/148202.html (date of request: 22.09 . 2025). — Access mode: for authorization. users

5. Demkina, E. A. Legal consulting as a communicative activity: a textbook / E. A. Demkina, O. V. Nikitina, V. E. Nikolaev. — Saratov: Publishing House of the Saratov State Law Academy, 2025. — 27 p. — ISBN 978-5-7924-2190-5. — Text: electronic // Digital educational resource IPR SMART: [website]. — URL: https://www.iprbookshop.ru/154840.html (date of request: 09/22/2025). — Access mode: for authorization. field-callers

6. Larionova M.A. Fundamentals of legal consulting: an educational and methodological guide. For specialties 050100.62 - "Pedagogical education", profile "Law"; 050400 - "Socio-economic education", profile "Jurisprudence"; 032700 - "Jurisprudence", profile "Teacher of Law" / Larionova M.A. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 2013. - 124 p. - Text: electronic // IPR SMART digital educational resource: [website]. - URL: https://www.iprbookshop.ru/32079.html (date of request: 04.10.2025). - Access mode: for authorization. users

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_180

УДК 347.91./95

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ И ПОДСУДНОСТИ ПО ГПК РСФСФ 1923 Г.: ЗНАЧИМЫЙ ЭТАП ДЛЯ ПОСТУПАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF JURISDICTION AND VENUE UNDER THE CIVIL PROCEDURE CODE OF THE RSFSR OF 1923: A SIGNIFICANT STAGE FOR THE PROGRESSIVE DEVELOPMENT OF MODERN DOMESTIC CIVIL PROCEDURAL LEGISLATION

ВОЙТОВИЧ Лилия Владимировна,
заведующий кафедрой гражданского процессуального права
Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
кандидат юридических наук, доцент.
Россия, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, дом 5, литера «А».
E-mail: voitovich@yandex.ru;

VOITOVICH Lilia Vladimirovna,
Head of the Department of Civil Procedure Law Northwest Branch
of the Federal State Budgetary Educational Institution Lebedev Russian State University of Justice.
St. Petersburg, Alexandrovsky Park, house 5, letter «A».
E-mail: voitovich@yandex.ru

Краткая аннотация: *В представленной статье автор анализирует положения, регулирующие подведомственность и подсудность в ГПК РСФСФ 1923 г. и выявляет преемственность позиций, сформированных ранее в отечественном цивилистическом процессуальном законодательстве и урегулированные в УГС 1864 г. Особенности родовой подсудности обусловлены механизмами позволяющими определенным судам (Верховный суд РСФСР; Верховный, краевой (областной) суд) изъять любое дело для своего (или передать в другой суд) последующего рассмотрения (ст. ст. 24 и 32 ГПК РСФСФ 1923 г.). Показан единый подход к урегулированию в ГПК РСФСФ 1923 г. и УГС 1864 г. видов территориальной подсудности за исключением договорной, получившей свое совершенствование позже. Акцентируется внимание как на новом, по сравнению с УГС 1864 г. отдельно сформулированном правиле подсудности в ГПК РСФСФ 1923 г. на случай, когда стороной в деле является сам суд. Как известно, в современном цивилистическом процессуальном законодательстве этот вопрос остался без дополнительной правовой регламентации. Уделено внимание впервые введённому в ГПК РСФСФ 1923 г. по сравнению с УГС 1864 г. запрету на пререкания относительно подсудности, который получил свою дальнейшую модификацию в современном отечественном цивилистическом процессуальном законодательстве.*

Abstract: *In this article, the author analyzes the provisions governing jurisdiction and venue in the Civil Procedure Code of the RSFSR of 1923 and identifies the continuity of positions previously established in domestic civil procedural legislation and regulated in the Civil Procedure Code of 1864. The features of generic jurisdiction are determined by the mechanisms that allow certain courts (the Supreme Court of the RSFSR; the Supreme Court of the Krai (oblast) Court) to remove any case for their own (or transfer it to another court) subsequent consideration (Articles 24 and 32 of the RSFSR Civil Procedure Code of 1923). The Civil Procedure Code of the RSFSR of 1923 and the Civil Procedure Code of 1864 show a unified approach to the regulation of types of territorial jurisdiction, with the exception of contractual jurisdiction, which was later improved. Attention is drawn to the fact that, in contrast to the 1864 Code of Civil Procedure, the 1923 Code of Civil Procedure of the Russian Soviet Federative Socialist Republic contains a separate rule of jurisdiction in cases where the court itself is a party to the case. As is well known, this issue has not been further regulated in modern civil procedural legislation. Attention is paid to the ban on disputes regarding jurisdiction, which was introduced for the first time in the Civil Procedure Code of the RSFSR in 1923, compared to the Civil Procedure Code of 1864. This ban has been further modified in modern domestic civil procedural legislation.*

Ключевые слова: *подведомственность, подсудность, гражданское процессуальное законодательство.*
Keywords: *jurisdiction, competence, civil procedural legislation.*

Для цитирования: *Войтович Л.В. Особенности правового регулирования подведомственности и подсудности по ГПК РСФСФ 1923 г.: значимый этап для поступательного развития современного отечественного цивилистического процессуального законодательства // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 180-183. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_180.*
For citation*: Voitovich L.V. Features of the legal regulation of jurisdiction and venue under the Civil Procedure Code of the RSFSR of 1923: a significant stage for the progressive development of modern domestic civil procedural legislation// Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 180-183. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_180.*

Статья поступила в редакцию: 04.01.2026

Актуальность. Формирование в целом прогрессивной цивилистической судопроизводственной процедуры, обеспечивающей эффективную защиту прав, свобод и законных интересов современных субъектов отечественного права требует детальной проработки отдельных её элементов. Подведомственность и подсудность как значимые структуры правового регулирования постоянно находятся в центре внимания цивилистов – процессуалистов, как исследователей, так и практиков.

В связи с тем, что действующее отечественное цивилистическое процессуальное законодательство отражает трансформационные процессы в понимании и регламентировании подведомственности и подсудности целесообразно обратить внимание на определенные периоды, промежуточного пути модернизации этих правовых явлений.

Основная часть. ГПК РСФСФ 1923 г.[1] отражая сложный этап в развитии отечественного цивилистического процессуального законодательства в целом показывает преемственность в правовом регулировании отдельных правовых институтов, в том числе и подсудности с Уставом гражданского судопроизводства 1864 г.[2] (далее - УГС 1864 г.). Обращает на себя внимание то, что ГПК РСФСФ 1923 г. не оперировал термином «подведомственность». При этом термин «ведомство» использовалось для обозначения какого-либо органа (ст.ст. 266, 321, 323, 442).

Вместе с тем, подведомственность как значимая правовая категория показывает свое прогрессивное становление в трудах исследователей того периода развития отечественного цивилистического процессуального права.

Подсудности же была посвящена отдельная глава с одноименным названием (Глава III «Подсудность», ст.ст. 21-33-а, которая входила в Часть 1).

А.Ф. Клейнман в 1935 г. указывал, что «первый вопрос, который судье приходится разрешать в самом начале процесса при предъявлении иска, - это вопрос о том, подсудно ли ему данное дело» [4, с. 12]. После чего автор комментировал правила подсудности, установленные действующим в то время ГПК РСФСФ 1923 г. не акцентируя внимания на их видах. Позже в 1940 г. А.Ф. Клейнман оперирует другим термином и показывает сформулированное определение: «подведомственностью того или другого органа государственной власти или государственного управления называется круг дел, которые этот орган уполномочен по закону разрешить» [5, с. 28]. В связи с чем А.Ф. Клейнман уделял внимание вопросам разграничения судебной и административной компетенции, компетенции Государственного и Ведомственного арбитража. Вышеизложенное свидетельствует о том, что автор указанные термины «подведомственность» и «компетенция» рассматривает как равнозначные.

А.Ф. Клейнман определял, что «подсудностью называется круг дел, которые уполномочен рассматривать и разрешать данный суд». Автор различал следующие виды подсудности как однопорядковые: родовая, территориальная, альтернативная, исключительная и договорная. В отношении последней пояснялось, что в ГПК РСФСФ 1923 г. ничего не сказано о договорной подсудности [5, с. 32-34].

Позже в 1950 г. С.Н. Абрамов заострял внимание на том, что «первый вопрос, который должен разрешить судья, это о подведомственности, т.е. входит ли в компетенцию судебных органов разрешение заявленного истцом спора» [1, с. 23]. Автор заострял внимание на том, что как общее правило, в тот период развития цивилистического процессуального законодательства было установлено, что суд рассматривает гражданские дела, дела, возникающие из брачно-семейных правоотношений, споры, вытекающие из трудовых правоотношений и другие. Как исключение по ГПК РСФСФ 1923 г. к рассмотрению суда были отнесены дела из административных, финансовых и других правоотношений, а также бесспорные дела особого производства. Вместе с тем, ряд дел был изъят из компетенции суда и передан другим органам [1, с. 24-25].

С.Н. Абрамов констатировал, что «разграничение компетенции народных судов, областных и приравненных им судов называется предметной, или родовой подсудностью» [1, с. 30].

С.Н. Абрамов, в это же время выделял общую территориальную подсудность (ст.ст. 25, 27 ГПК РСФСР 1923 г.), и как исключение из нее: альтернативную (ст. 30, Примечание 1 к ст. 25, ст. 28 ГПК РСФСР 1923 г.), исключительную (ст. 29 ГПК РСФСР 1923 г.) и говорил о договорной подсудности (Пленум Верховного Суда РСФСР от 03.02.1932 г. и от 13.12.1935 г.) [1, с. 30-34].

Современник действия ГПК РСФСР 1923 г., известный исследователь М.А. Гурвич в 1950 г. рассматривал подведомственность как одно из условий права на предъявление иска: «чтобы рассмотрение и разрешение спора было подведомственно судебным органам, входило в их компетенцию» [3, с. 84]. Подсудность же М.А. Гурвич рассматривал как одно из условий осуществления права на предъявление иска [3, с. 86].

В связи с обсуждаемой проблематикой целесообразно акцентировать внимание на том, что в ст. 2 ГК РСФСР[3] содержалось одно из основных процессуальных по своей правовой природе правил, согласно которому «споры о праве гражданском разрешаются в судебном порядке. Отказ от права на обращение к суду не действителен». В настоящее врем, как известно, аналогичные правила закреплены на конституционном уровне (ч. 1 ст. 46, ч. 1 ст. 47 Конституции РФ[4]) и находят дальнейшее развитие в отраслевом процессуальном законодательстве (ст. 3 ГПК РФ[5], ст. 4 АПК РФ[6], ст. 4 КАС РФ[7]).

Анализ гл. 3 ГПК РСФСФ 1923 г. показывает, что подсудность была разграничена между Народным Судом (ст. 21), краевым (областным) судом (ст. 22) и Морской арбитражной комиссией при Всесоюзной торговой палате (ст. 23). Соответственно эти правила определяли родовую в современном значении подсудность. При этом, в ст. 24 ГПК РСФСФ 1923 г. было закреплено правило, согласно которому «Верховный суд может изъять из любого суда РСФСР любое дело и принять его к своему производству, а также, в зависимости от места нахождения сторон и других обстоятельств, передавать отдельные дела или категории дел на рассмотрение любого краевого (областного) суда».

С.В. Александровский и В.Н. Лебедев в 2025 г. комментируя вышеизложенные нормативные положения подчеркивали, что «Подсудность Верхсуду является исключительной, и, как изъятие из общего порядка рассмотрения дел в судах первой инстанции, не может быть толку-

[1] Постановление ВЦИК от 10.07.1923 (ред. от 31.01.1958) «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»). // СУ РСФСР. 1923. № 46 – 47. Ст. 478.
[2] Россия, Законы и постановления. Судебные уставы 20 ноября 1864 года. Устав гражданского судопроизводства., [1864]. VII, 165, 33 с.
[3] Постановление ВЦИК от 11.11.1922 (ред. от 01.02.1949) «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.»). // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904. Документ утратил силу в связи с изданием Указа Президиума ВС РСФСР от 16.12.1964.
[4] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
[5] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.
[6] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.
[7] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 29.12.2025). // Собрание законодательства РФ. 09.03.2015. № 10. Ст. 1391.

ема расширительно. Соответственно этому она должна применятся к делам только особой важности, имеющим государственное значение, а не к тем заурядным процесса, которые вынуждены вести некоторые наркоматы и центральные учреждения по характеру своей обыденной работы или в порядке хозяйственных дел. Поэтому к подсудности Верховному Суду относятся только такие дела, в которых наркомат, центральное, приравненное к нему учреждение или губисполком выступает в качестве стороны как целое, по делам такого рода, которые и по назначению своему, и по характеру не могут быть отнесены к ведению какого-либо его отдела или управления в ряду их повседневной работы, а относятся к компетенции главного руководящего органа наркомата или губисполкома, как специального высшего органа известной отрасли правительственной деятельности или власти» [2, с. 86].

Правило общей территориальной подсудности было закреплено в ст. 25 ГПК РСФСФ 1923 г., и по содержанию оно показывало единый подход с УГС 1864 г. Так, признавалось, что «иски должны предъявляться суду, в районе которого ответчик имел постоянное жительство или постоянное занятие».

Ст. 30 ГПК РСФСФ 1923 г. отдельно закрепляла правило, согласно которому «выбор между несколькими судами, которым дело подсудно, принадлежит истцу», при этом отдельные правила альтернативной подсудности были размещены в разных статьях (ст. ст. 25, 26, 27, 28).

Согласно ст. 28 ГПК РСФСФ 1923 г. «иски возникающие из договоров в которых означено место исполнения, или исполнение которых по их свойству может последовать только в определенном месте, могут быть предъявлены местному по исполнения договора суду». Однако, в гл. III ГПК РСФСФ 1923 г. не было установлено правил договорной подсудности.

В связи с вышеизложенным, в комментарии С.В. Александровского и В.Н. Лебедева указано, что «стороны при заключении договоров не могут по своему усмотрению устанавливать в договоре подсудность споров, которые могут возникнуть при выполнении этих договоров: подсудность этих споров определяется подлежащими статьями ГПК» [2, с. 90]. Авторы для иллюстрации своих суждений приводит следующий пример из судебной практики того времени: «*Архангельское отделение «Северолеса» заключило с лесопромышленной артелью договор на сплав в 1922 г. 8 000 кубов брёвен и дров по реке Моше. 18/IV-1924 г. Северолес предъявил к артели в Архангельском губсуде иск о взыскании не доставленных 828,19 куб.саж.дров, или их стоимости – 18.516 р. 22 к.золотом. Иск предъявлен именно в Архангельске вследствие соглашения сторон в 9 п.договора о рассмотрении споров по этому договору в судах г. Архангельска. Местонахождение ответчика г. Вологда, место исполнения договора - г. Вологда и Вологодская губерния. При рассмотрении этого дела 31/V-1924 г. Архангильский губсуд по ходатайству ответчика вынес частное определение о переносе этого дела для рассмотрения в Вологодский губсуд по подсудности. На это определение истец подал частную жалобу, по рассмотрении коей гр.касс.коллегия Верхсуда вынесла определение об оставлении частной жалобы без последствий*» [2, с. 90-91].

Как известно, позже, в 1932 г. Пленум Верховного Суда РСФСР от 3 февраля разрешил принимать судам к своему рассмотрению споры по договорам, в которых подсудность определена соглашением сторон [5, с. 32].

Правила, которые в настоящее время определяются как исключительная подсудность были урегулированы в ст. 29 ГПК РСФСФ 1923 г.

Как особенность, по сравнению с современным цивилистическим процессуальным законодательством следует отметить правила, регулирующие смежные вопросы в этой же главе, посвященной подсудности. Так, ст.ст. 24 и 24-а ГПК РСФСФ 1923 г. посвящены составу суда, правомочному реализовывать правосудие (единолично и коллегиально). Далее, были определены полномочия суда на момент возбуждения производства по делу по возвращению просительного документа (ст. 31 ГПК РСФСФ 1923 г.).

В ст. 31-а ГПК РСФСФ 1923 г. было установлено, что в случаях, когда стороной в деле является сам суд, дело им передается на рассмотрение ближайшего соответствующего суда в том только случае, когда об этом возбуждено другою стороною ходатайство не позже первого судебного по делу заседания. Необходимо отметить, что в настоящее время аналогичного правила в действующих ГПК РФ 2002 г., АПК РФ 2002 г. и КАС РФ 2015 г. отсутствуют.

Особенное правило, закрепленное в ст. 32 ГПК РСФСФ 1923 г., развивая и дополняя положения ст. 24 ГПК РСФСФ 1923 г. устанавливало, что «Верховный, краевой (областной) суд могут, в зависимости от особых обстоятельств дела, по просьбе сторон или по собственной инициативе постановить о переносе разбора дела из одного находящегося в пределах его ведения суда в другой суд».

Вышеизложенное показывает, что исследуемый период развития цивилистического процессуального законодательства предоставлял возможность определенным судам, при наличии указанных обстоятельств, менять правила подсудности, закрепленные законодательством. Современное цивилистическое процессуальное законодательство показывает, что такие процессуальные механизмы не получили дальнейшей регламентации.

Впервые в ГПК РСФСФ 1923 г. по сравнению с УГС 1864 г. было закреплено правило, запрещающее пререкания о подсудности (ст. 33). В ст. 33-а ГПК РСФСФ 1923 г. было регламентировано, что «дело, принятое каким-либо судом к своему производству с соблюдением правил о подсудности, должно быть разрешено по существу этим же судом во всех случаях, за исключением случаев, предусмотренных ст. 103, хотя бы во время движения дела оно стало подсудным другому суду, в частности, при повышении первоначально заявленной цены иска за пределы подсудности данного суда или при предъявлении встречного иска, по своей цене превышающего этот предел». В настоящее время аналогичные положения нашли свое дальнейшее совершенствование и закрепление в ч. 4 ст. 33 ГПК РФ, ч. 6 ст. 39 АПК РФ, ч. 4 ст. 27 КАС РФ.

Выводы.

Анализ положений, регулирующих подведомственность и подсудность в ГПК РСФСФ 1923 г. отражает преемственность позиций, сформированных в УГС 1864 г.

ГПК РСФСФ 1923 г. не оперировал термином «подведомственность». При этом термин «ведомство» использовалось для обозначения какого-либо органа (ст.ст. 266, 321, 323, 442). Вместе с тем, подведомственность как значимая правовая категория показывает свое прогрессивное становление в трудах исследователей именно того периода развития отечественного цивилистического процессуального права.

Особенности родовой подсудности обусловлены механизмами позволяющими определенным судам (Верховный суд РСФСР; Верховный, краевой (областной) суд) изъять любое дело для своего (или передать в другой суд) последующего рассмотрения (ст. ст. 24 и 32 ГПК РСФСФ 1923 г.).

В ГПК РСФСФ 1923 г. как и в УГС 1864 г. были урегулированы аналогичные виды территориальной подсудности за исключением договорной, получившая свою оптимизацию позже (Пленум Верховного Суда РСФСР от 3 февраля 1932 г.).

Новым, по сравнению с УГС 1864 г. в ГПК РСФСФ 1923 г. было отдельно сформулированное правило подсудности на случай, когда стороной в деле является сам суд. В современном цивилистическом процессуальном законодательстве этот вопрос остался без дополнительной правовой регламентации.

Впервые по сравнению с УГС 1864 г. в ГПК РСФСФ 1923 г. введён запрет на пререкания относительно подсудности, который получил свою дальнейшую модификацию в современном отечественном цивилистическом процессуальном законодательстве.

Список литературы:

1. Абрамов С. Н. Гражданский процесс / Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. - 2-е изд., доп. и испр. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950 (Тип. «Кр. Пролетарий»). – 227 с.

2. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР с постатейно-систематизированным материалом / Сост. пред. Гражд. кассац. коллегии Верхов. суда РСФСР С.В. Александровским и чл. той-же коллегии В.Н.Лебедевым; Предисл. Я.Н.Бранденбургского. – М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1925 (обл. 1926). – IV, [4], 453, [4] с.

3. Гурвич М.А. Лекции по советскому гражданскому процессу / Под ред. доц. В.Н. Бельдюгина; Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. Кафедра гражданского процесса. – М.: Тип. «Кр. Звезда»: Тип. журн. «Пограничник», 1950. – 198 с.

4. Клейнман А.Ф. Гражданский процесс: Учебник для обл. и краев. правовых школ и курсов / А. Ф. Клейнман; Под ред. Н. Н. Кумыкина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Сов. законодательство, 1935 (15 тип. треста «Полиграфкнига»). – Обл., 64 с.

5. Клейнман А.Ф. Гражданский процесс: Учебник для юрид. школ и курсов: Допущено УУЗ НКЮ СССР в качестве учебника для юрид. школ / Проф. А.Ф. Клейнман; Всес. ин-т юрид. наук НКЮ СССР. – М.: Юриздат, 1940. – 120 с.

References:

1. Abramov S. N. Civil procedure / Vsesoyuz. in-t jurid. Sciences of the Ministry of Justice of the USSR. - 2nd ed., supplement. and ispr. – M.: State publishing house of legal literature, 1950 (Type. "Kr. The Proletarian"). – 227 p .

2. The Civil Procedure Code of the RSFSR with article-by-article systematized material / Comp. prev. Citizen. Yandex. Checkout. colleges of the Upper Classes. Judge of the RSFSR S.V. Alexandrovsky and member of the same board V.N.Lebedev; Preface by J.N.Brandenburgsky. Moscow: Law Publishing House of the NKYU RSFSR, 1925 (region 1926). – IV, [4], 453, [4] C.

3. Gurvich M.A. Lectures on the Soviet civil procedure / Ed. by Associate Professor V.N. Beldyugin; Vsesoyuz. jurid. by correspondence. in-T. Department of Civil Process. - M.: Type. "Kr. Zvezda": Type. journal. "The Frontier Guard", 1950. – 198 p.

4. Kleinman A.F. Civil procedure: A textbook for the region and territories. law schools and courses / A. F. Kleinman; Edited by N. N. Kumykin. – 2nd ed., ispr. and add. – M.: Soviet legislation, 1935 (15 type. trust "Polygrafkniga"). – Vol., 64 p.

5. Kleinman A.F. Civil procedure: A textbook for lawyers. schools and courses: Approved by the University of the NKYU of the USSR as a textbook for juris. schools / Prof. A.F. Kleinman; All-Russian Institute of Law. of Sciences of the NKYU of the USSR. – M.: Yurizdat, 1940. – 120 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_184

УДК 347.453

ДОГОВОР КАРШЕРГИНГА: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ
CARSHARING AGREEMENT: LEGAL NATURE, FEATURES OF THE CONCLUSION AND EXECUTION

КОНОНОВ Никита Кириллович,
студент юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.
125167, Россия, г. Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2.
E-mail: kononov.nick.k@gmail.com;
KONONOV Nikita Kirillovich,
Student at the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation.
49/2 Leningradsky ave., Moscow, 125167.
E-mail: kononov.nick.k@gmail.com

Краткая аннотация: *В статье анализируется правовая характеристика договора каршеринга. Раскрывается понятие и сущность каршеринга, анализируется правовая природа договора каршеринга. Далее в статье рассматриваются процедура заключения и оформления договора каршеринга, права и обязанности сторон при исполнении данного договора. В заключении обосновываются предложения о необходимости специального правового регулирования договора каршеринга в гражданском законодательстве Российской Федерации и создания саморегулируемой организации в данной сфере.*

Abstract*: The article analyzes the legal characteristics of the carsharing agreement. The concept and essence of carsharing are revealed, the legal nature of the carsharing agreement is analyzed. Further, the article discusses the procedure for concluding and executing a carsharing agreement, the rights and obligations of the parties in the performance of this agreement. In conclusion, the proposals on the need for special legal regulation of the carsharing agreement in the civil legislation of the Russian Federation and the creation of a self-regulatory organization in this area are substantiated.*

Ключевые слова: *каршерниг, транспортное средство, договор аренды, правовое регулирование, сервис, мобильное приложение.*
Key words*: carsharing, vehicle, lease agreement, legal regulation, service, mobile application.*

Для цитирования: *Кононов Н.К. Договор каршергинга: правовая природа, особенности заключения и исполнения // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 184-187. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_184.*
For citation*: Kononov N.K. Carsharing agreement: legal nature, features of the conclusion and execution // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 184-187. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_184.*

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026

В последние годы каршеринг стал неотъемлемой частью транспортной инфраструктуры крупных городов [5; 8; 9; 11]. Каршеринг явился результатом синтеза цифровизации, экономии и трансформации потребительского поведения.

Актуальность данной темы обусловлена отсутствием прямого законодательного регулирования договора каршеринга в российском гражданском законодательстве, что порождает множество правоприменительных коллизий. Использование электронных технологий, высокая степень автоматизации процесса заключения договора, односторонний характер формирования условий и массовость услуги формируют особую конструкцию договорных отношений, требующую детального правового анализа.

Целью настоящей статьи является анализ правовой природы и особенностей договора каршеринга, а также выявление особенностей порядка заключения и исполнения обязательств по такому договору.

Понятие, сущность и правовая природа каршеринга

Каршеринг (англ. car sharing – совместное использование автомобиля) представляет собой услугу краткосрочной аренды транспортного средства, как правило, без участия персонала оператора. Пользователь получает доступ к автомобилю через мобильное приложение, а расчёты производятся автоматически.

В российской действительности услуга каршеринга получила распространение в начале 2010-х годов, и к 2020-м годам крупнейшие города нашей страны вошли в топ по числу автомобилей на одного пользователя. Это явление стало частью цифровой экономики и транспорта общего пользования.

История каршеринга уходит корнями в середину XX века. Первый опыт совместного пользования автомобилями был зафиксирован в 1948 г. в Цюрихе (швейцарская модель «Selbstfahrergenossenschaft»). В последующие десятилетия развитие каршеринга проходило волнообразно: опыт 1960–70-х годов (проекты в Европе, США) уступил место современному «буму» в конце XX – начале XXI веков. К примеру, с 1990-х каршеринг получил популярность в Европе и Канаде, а после 2000 г. – в США и Азии. На Западе каршеринг часто интегрирован в транспортную стратегию городов: компании, такие как «Zipcar», «Car2Go», «BlaBlaCar» и др., стали конкурентами традиционного проката и частного владения авто.

В ряде стран вводятся специальные меры поддержки: так, в Германии муниципалитеты (например, Бремен) уже в начале 2000-х пускали в аренду городские автомобили в формате каршеринга, а федеральный парламент лишь в 2005 г. принял инициативу о развитии каршеринга, а законодательно узаконил аспекты этой деятельности лишь к 2017 г. [13].

Каршеринг рассматривается как элемент новой формы потребления — экономики совместного использования (sharing economy), где владение заменяется доступом, а традиционные сделки модифицируются технологиями.

Рынок каршеринга в России является одним из главных трендов развития экономики совместного пользования, что подтверждается ус-

тойчивым ростом числа пользователей и расширением географии охвата услуг в крупнейших городах страны. Каршеринг в значительной степени повышает эффективность транспортного потока в условиях мегаполисов, поскольку позволяет разгрузить транспортно-дорожную сеть за счёт снижения количества частных автомобилей, простаивающих большую часть времени. Кроме того, каршеринг снимает с пользователей ответственность по содержанию собственного автомобиля. С точки зрения экологии введение электрокаров в автопарки каршеринговых операторов способствует снижению уровня выбросов вредных веществ в атмосферу мегаполисов, улучшая качество воздуха и снижая уровень шумового загрязнения.

В настоящее время в гражданском законодательстве Российской Федерации отсутствует специальная норма, прямо регулирующая договор каршеринга. Полагаем, что по своей правовой природе договор каршеринга ближе всего к договору аренды транспортного средства без без экипажа, предусмотренного статьей 642 Гражданского кодекса Российской Федерации[1]. Согласно статье 642 ГК РФ, по договору аренды транспортного средства без экипажа арендодатель предоставляет арендатору транспортное средство за плату во временное владение и пользование.

Каршеринг по своей сути соответствует данному определению, однако специфика таких договоров выходит за рамки классической аренды. Поэтому некоторые исследователи усматривают в нем элементы договора проката [1, с. 487; 7, с. 32] и договора возмездного оказания услуг [1, с. 487]. Напомним, что согласно части 1 статьи 626 ГК РФ, договор проката предполагает предоставление арендодателем движимое имущества арендатора за плату во временное владение и пользование. Что касается договора возмездного оказания услуг, то согласно части 1 статьи 779 ГК РФ, по нему исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги, а заказчик обязуется оплатить эти услуги.

Несомненно, элементы данных видов гражданско-правовых договоров в договоре каршеринга имеются. Хотя имеются и контраргументы отнесения к ним договора каршеринга. Так, Т.Н. Еркина и Т.К. Губина отмечают, что нормы договора проката нельзя применить к каршерингу из-за способа заключения договора, а нормы договора возмездного оказания услуг – из-за отсутствия цены на услуги как существенного условия такого договора [7, с. 34].

Также заслуживает внимания точка зрения О.В. Гридневой, относящей договор каршеринга к рамочному договору согласно положениям ст. 429.1. ГК РФ. В качестве аргумента она указывает на объекты данного договора, которым является весь автопарк организации, хотя клиент использует только один автомобиль [6, с. 30].

Следует подчеркнуть, что дискуссия о правовой природе договора каршеринга не носит только теоретический характер, а имеет важное прикладное значение. Как подчеркивает в своей статье М.В. Яндукова, «отсутствие легального определения договора каршеринга приводит к невозможности его отнесения к определенному виду договорной конструкции. В результате компании, предоставляющие каршеринговые услуги, предлагают клиентам заключить различные виды договоров» [12, с. 213].

Выделим некоторые особенности договора каршеринга.

Во-первых, в каршеринге договор заключается посредством публичной оферты, акцептуемой пользователем через мобильное приложение. Это вызывает вопросы о моменте заключения договора и его надлежащей форме. С учётом статьи 434 ГК РФ, допускающей заключение договора в электронной форме, данный способ является правомерным, однако требует дополнительных гарантий соблюдения прав потребителя.

Во-вторых, каршеринговые отношения предполагают значительное количество предварительных условий: проверку водительского удостоверения, привязку банковской карты, согласие с правилами использования и иные элементы пользовательского соглашения, которые нередко содержат условия, ущемляющие права потребителей. Это требует оценки с точки зрения Закона РФ «О защите прав потребителей»[2].

Кроме того, договоры каршеринга включают положения, связанные с обработкой и хранением персональных данных, регулируемые Федеральным законом «О персональных данных»[3].

Таким образом, договор каршеринга представляет собой смешанный гражданско-правовой договор с элементами аренды и проката транспортного средства, предполагающий использование публичной оферты, лицензионного соглашения (в части программного обеспечения) и пользовательского соглашения. Его регулирование осуществляется посредством применения общих норм ГК РФ, а также специального законодательства в сфере защиты прав потребителей, персональных данных и цифровых сервисов.

Процедура заключения и исполнения договора каршеринга

Как отмечалось выше, договор каршеринга в России по своей правовой природе близок к краткосрочной аренде автомобиля без экипажа (ст. 642 ГК РФ). Закон требует заключения такого договора в письменной форме (ст. 643 ГК РФ), однако на практике сделки осуществляются дистанционно через мобильное приложение или сайт. Другими словами, при оформлении договора каршеринга используется смарт-контракт [1, с. 487; 2, с. 491].

Компании оформляют их как договор присоединения, зачастую прямо указывая, что договор не является публичной офертой (например, пользовательское соглашение BelkaCar: «настоящее Соглашение не является публичной офертой»). В таких условиях пользователь принимает условия оферты посредством регистрации и нажатия кнопки «согласен» в приложении. При этом электронная форма соглашения полностью равнозначна письменной: по ст. 160 ГК РФ она считается надлежащей, если позволяет надёжно идентифицировать лицо, выразившее волю. На практике акцепт оферты происходит через интерфейс мобильного приложения: пользователь осматривает машину перед поездкой и подтверждает приём авто нажатием соответствующей кнопки в приложении. После этого договор считается заключённым.

Как отмечает Ю.А. Белоусова, «компании, оказывающие услуги каршеринга, не используют конструкцию договора проката, ибо такой

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
[2] Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
[3] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3451.

договор является публичным, что влечет за собой обязанность компании заключать договор с каждым клиентом. Такое положение крайне невыгодно, поскольку в этом случае компания не сможет предъявлять дополнительные требования к клиенту» [2, с. 492].

Для регистрации и верификации пользователя компании требуют загрузки документов. Так, сервис «Яндекс.Драйв» предъявляет водителю требования по возрасту и стажу (от 21 года и стаж не менее 2 лет) и запрашивает при регистрации фото паспорта, водительского удостоверения и селфи с паспортом. Аналогичные положения содержатся в пользовательских соглашениях других операторов: например, BelkaCar предписывает минимальный возраст 21 год и стаж 2 года[1], а регистрация проходит через приложение (логином служит номер телефона, пароль – по смс). При этом пользователь должен безоговорочно принять все условия соглашения в ходе регистрации. Таким образом, договор каршеринга заключается дистанционно: оферта раскрывается в мобильном приложении, а акцепт оформляется электронно. Электронные сообщения и нажатия кнопок при этом приравниваются к подписанным бумажным документам.

Информационные технологии играют ключевую роль в оформлении и исполнении договора. Мобильное приложение служит и средством оформления сделки, и интерфейсом сервиса; GPS и телеметрические датчики фиксируют текущее местоположение и техническое состояние авто в режиме реального времени. При передаче автомобиля делаются фото его внешнего вида (приём авто без бумажного акта замещается подтверждением в приложении). Электронная подпись в привычном виде зачастую не используется: достаточно идентификации пользователя (документы, SMS-код), что соответствует требованиям ГК РФ о совершении сделки «с помощью электронных средств». Соглашения операторов предусматривают передачу и обработку персональных данных пользователя (для оформления договора и статистики). Например, BelkaCar в тексте соглашения описывает полномочия по передаче данных третьим лицам (Яндексу, Google для веб-аналитики). При регистрации клиент даёт согласие на обработку своих персональных данных и обязуется предоставлять компании достоверную информацию.

Основные риски для сторон договора каршеринга

Договорные отношения в сфере каршеринга характеризуются рядом специфических рисков и механизмов их минимизации, обусловленных особенностями данной услуги. На основе проведенного анализа научной литературы [3; 4; 9; 10; 11] кратко опишем данные риски.

Риски для арендатора:

1. *Ответственность за вред, причиненный третьим лицам.* Согласно статье 648 ГК РФ, при аренде транспортного средства без экипажа ответственность за вред, причиненный третьим лицам, несет арендатор. Это означает, что в случае дорожно-транспортного происшествия или иного инцидента, арендатор может быть привлечен к ответственности за причиненный ущерб.

2. *Риски, связанные с техническим состоянием автомобиля.* Арендатор обязан поддерживать транспортное средство в надлежащем состоянии в течение всего срока аренды (статья 644 ГК РФ). Однако, учитывая, что каршеринг предполагает использование различных автомобилей, арендатор может столкнуться с техническими неисправностями, возникшими не по его вине, но за которые он может быть привлечен к ответственности.

3. *Обработка и защита персональных данных.* Использование мобильных приложений для аренды автомобилей связано с передачей и обработкой персональных данных арендатора. Несоблюдение требований Федерального закона «О персональных данных» может привести к утечке информации и нарушению прав арендатора.

Риски для арендодателя:

1. *Нарушение условий использования автомобиля.* Арендатор может использовать транспортное средство с нарушением установленных правил, что может привести к повреждению автомобиля или его использованию в противоправных целях. Это влечет за собой дополнительные расходы для арендодателя и может повлиять на его репутацию.

2. *Неоплата аренды.* Существует риск того, что арендатор не произведет оплату за использование автомобиля, особенно в случаях, когда оплата осуществляется постфактум. Это может привести к финансовым потерям для арендодателя.

Для нейтрализации обозначенных рисков могут применяться следующие гарантийные механизмы:

1. Страхование. Для минимизации рисков, связанных с повреждением автомобиля и ответственностью перед третьими лицами, арендодатели заключают договоры страхования, включая обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО) и добровольное страхование (КАСКО).

2. Депозит или блокировка средств. Некоторые каршеринговые компании требуют внесения депозита или блокируют определенную сумму на банковской карте арендатора на случай возникновения дополнительных расходов, связанных с повреждением автомобиля или нарушением условий аренды.

3. Электронные соглашения и пользовательские правила. Перед началом использования услуги арендаторы соглашаются с условиями использования, изложенными в электронном виде. Это включает в себя правила эксплуатации автомобиля, ответственность за нарушения и порядок разрешения споров.

4. Технический контроль и мониторинг. Арендодатели используют системы GPS и другие технологии для мониторинга местоположения и состояния автомобилей, что позволяет оперативно реагировать на нарушения и предотвращать возможные инциденты.

Заключение

Таким образом, договор каршеринга не относится в чистом виде ни к одной из существующих договорных конструкций, в связи с чем

[1] Пользовательское соглашение сервиса BelkaCar. URL: https://belkacar.ru/legal (дата обращения: 04.06.2025).

существует необходимость отдельной правовой регламентации данного вида договоров, которая закрепит единые правовые подходы ко всем участникам таких отношений.

Определение каршеринга как отдельного и самостоятельного вида договора позволит исключить коллизионные ситуации в правоприменительной практике, разграничить права и обязанности операторов и пользователей, а также сформировать унифицированный механизм ответственности вне зависимости от того, какая именно компания-оператор предоставляет услугу. В частности, законом должно быть установлено, что договор каршеринга содержит не только стандартные положения, свойственные договору аренды транспортного средства, но и особые условия эксплуатации автомобиля в условиях «разделённого владения» – требования к порядку контроля технического состояния, ответственность за своевременную подзарядку или заправку, а также за своевременное выполнение плановых техосмотров и санитарной обработки автомобиля.

Помимо этого необходимо закрепить порядок применения штрафных санкций за нарушение правил возврата автомобиля в оговорённое место, за несоблюдение правил парковки в городской черте, несанкционированный выезд за пределы территории обслуживания и грубые нарушения правил дорожного движения, совершённые в период каршеринговой аренды. Таким образом, единая система штрафов поможет устранить существовавшую в настоящее время неопределённость, когда разные компании-операторы предъявляют различающиеся требования и размеры взысканий за одни и те же проступки, что зачастую вызывает серьёзное недовольство пользователей и порождает споры, затягивающиеся на длительное время.

Параллельно с этим существуют основания для создания саморегулируемой организации (СРО), которая могла бы объединить каршеринговые компании, выработать единый свод правил и рекомендаций по минимизации рисков, связанных с эксплуатацией автопарков, а также исключить возможность добавления операторами дополнительных, необоснованных обременений в договорные условия. СРО способна выступить в роли гаранта добросовестности участников рынка: устанавливать обязательные для соблюдения критерии отбора автомобилей, контролировать качество страхового покрытия, проверять наличие у операторов современной телематической системы мониторинга и безопасности, требовать соблюдения стандартов экологичности – в том числе поэтапного перевода автопарков на электромобили или гибридные модели.

Предложенные меры позволят в существенной степени улучшить правовое и экономическое регулирование отношений в каршеринге, создав прозрачные правила взаимодействия всех участников рынка и снизив трансакционные издержки за счёт сокращения споров и судебных разбирательств.

Список литературы:

1. Ахмедов А.Я., Боярская Ю.Н., Филиппов С.А. Цифровое исполнение договора каршеринга // Державинские чтения: Сборник статей XVI Международной научно-практической конференци, Казань, 23–26 мая 2021 г. М.: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2021. С. 487–490.
2. Белоусова Ю.А. Договор каршеринга как разновидность смарт-контракта // Державинские чтения: Сборник статей XVI Международной научно-практической конференции, Казань, 23–26 мая 2021 года. М.: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2021. С. 491–494.
3. Брушкова Л.А., Кузнецов К.В. Социально-экономические риски пользователей каршеринга в московском мегаполисе // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10. № 1. С. 38–45.
4. Бубновская Т.А., Суворов Ю.Б. К вопросу о каршеринге: правовые аспекты // Юрист. 2018. № 7. С. 32–36.
5. Волкова Е.М. Проблемы интеграции каршеринга в городские транспортные системы российских мегаполисов // Транспортные системы и технологии. 2022. № 1. С. 124-131.
6. Гриднева О.В. Правовая природа договора каршеринга // Юридическая наука. 2020. № 8. С. 29-31.
7. Ёркина Т.Н., Губина Т.К. Проблемы правового регулирования договора каршеринга // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2021. № 7(57). С. 31-36.
8. Кирова И.В., Ростова Д.В. Московский каршеринг: вчера, сегодня, завтра // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 3–1. С. 124–130.
9. Малиновский М.П., Аракелян Т.К. Каршеринг: проблемы участников и сторонних лиц // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. 2018. № 3(17). С. 2.
10. Риски арендодателя при заключении договора аренды транспортных средств // Индекс. URL: https://www.indeks.ru/otvety-na-voprosy/riski-arendodatelya-pri-zaklyuchenii-dogovora-arendy-transportnykh-sredstv.php (дата обращения: 04.06.2025).
11. Филиппов С.А., Переярина П.О. Каршеринг как новое явление в гражданском праве Российской Федерации // Вестник СГЮА. 2019. № 3(128). С. 138-144.
12. Яндукова, М.В. Понятие, сущность и особенности правового регулирования договора каршеринга // Право. Общество.государство: Сборник научных трудов студентов и аспирантов / Отв. ред. Е.В. Трофимов. – СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. С. 212–215.
13. Bremen's fight for car sharing. // Eurocities. 10 January 2023. URL: https://eurocities.eu/stories/bremens-fight-for-car-sharing/#:~:text=Bremen%20brought%20this%20data%20to,to%20deliver%20a%20corresponding%20law (дата обращения: 01.06.2025).

References:

1. Belousova Yu.A. Carsharing agreement as a type of smart contract // Derzhavin Readings: Collection of articles of the XVI International Scientific and Practical Conference, Kazan, May 23-26, 2021. Moscow: All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2021. pp. 491-494.
2. Akhmedov A.Ya., Boyarskaya Yu.N., Filippov S.A. Digital execution of a carsharing agreement // Derzhavin readings: Collection of articles of the XVI International Scientific and Practical Conference, Kazan, May 23-26, 2021. Moscow: All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2021. pp. 487-490.
3. Brushkova L.A., Kuznetsov K.V. Socio-economic risks of carsharing users in the Moscow metropolis // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2020. Vol. 10. No. 1. pp. 38-45.
4. Bubnovskaya T.A., Suvorov Yu.B. On the issue of carsharing: legal aspects // Lawyer. 2018. No. 7. pp. 32-36.
5. Volkova E.M. Problems of carsharing integration into urban transport systems of Russian megacities // Transport systems and technologies. 2022. No. 1. pp. 124-131.
6. Gridneva O.V. The legal nature of the carsharing agreement // Legal Science. 2020. No. 8. pp. 29-31.
7. Yerkina T.N., Gubina T.K. Problems of legal regulation of the carsharing agreement // Innovative economy: prospects for development and improvement. 2021. No. 7(57). pp. 31-36.
8. Kirova I.V., Rostova D.V. Moscow carsharing: yesterday, today, tomorrow // Economics and business: theory and practice. 2019. № 3-1. pp. 124-130.
9. Malinovsky M.P. Carsharing: problems of participants and third parties / M.P. Malinovsky, T.K. Arakelyan // Automobile. Road. Infrastructure. 2018. № 3(17). P. 2.
10. Risks of the lessor when concluding a vehicle rental agreement // Index. URL: https://www.indeks.ru/otvety-na-voprosy/riski-arendodatelya-pri-zaklyuchenii-dogovora-arendy-transportnykh-sredstv.php (date of request: 06/04/2025).
11. Filippov S.A., Pereyarina P.O. Carsharing as a new phenomenon in the civil law of the Russian Federation // Bulletin of the State Law Service of the Russian Federation. 2019. № 3 (128). pp. 138-144.
12. Yandukova, M.V. The concept, essence and features of the legal regulation of the carsharing contract // Right. Society.state: Collection of scientific papers of students and postgraduates / Ed. by E.V. Trofimov. - St. Petersburg: St. Petersburg Institute (branch) All-Russian State University (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2020. pp. 212-215.
13. Bremen's fight for car sharing. // Eurocities. 10 January 2023. URL: https://eurocities.eu/stories/bremens-fight-for-car-sharing/#:~:text=Bremen%20brought%20this%20data%20to,to%20deliver%20a%20corresponding%20law (дата обращения: 01.06.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_188

УДК 347.9

РЕЕСТР НЕПЛАТЕЛЬЩИКОВ АЛИМЕНТОВ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ К БОРЬБЕ С ЗАДОЛЖЕННОСТЯМИ ПО АЛИМЕНТНЫМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ
TRANSFORMATION OF THE PRINCIPLES OF THE CIVIL PROCEDURE IN THE CONTEXT OF THE DIGITALIZATION OF LEGAL PROCEEDINGS

ЛЕТЯГИНА Екатерина Александровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
Юридического института Красноярского государственного аграрного университета.
660049, Россия, г. Красноярск, проспект Мира, 90.
E-mail: let_k@mail.ru;

LETYAGINA Ekaterina Aleksandrovna,
Candidate of Law, associate Professor, department of Civil Law and Process,
Law Institute Krasnoyarsk state agrarian University.
90 Mira Avenue, Krasnoyarsk, Russia, 660049.
E-mail: let_k@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье исследуются вопросы трансформации подходов к борьбе с неплательщиками алиментов с учетом введения в действия реестра неплательщиков алиментов на основании Федерального закона от 29 мая 2024 г. № 114-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве». Кроме того, внимание уделено и причинам, которые влекут невыплату алиментов по соответствующим обязательствам. Так, в частности, указывается, что при формировании реестра неплательщиков алиментов необходимо, безусловно учитывать, факторы, лежащие в основе невыплат, определять их уважительный или неуважительный характер. Также отмечается, что реестр неплательщиков алиментов может повлиять на репутацию субъектов, не выплачивающих алименты. При этом данный банк сведений ФССП РФ имеет пока ограниченный функционал. В частности, информация, содержащаяся в нем, не может выступать в качестве повода к увольнению работника либо автоматического, только на этом основании, удержания денежных средств из зарплаты должника. Для работодателей в принципе не установлена какая-либо обязанность проверять информацию о своих работниках на этот предмет в этом реестре. Вместе с тем, отметим, что электронно-цифровая модернизация всех сфер жизнедеятельности общества и государства продолжится, а, значит, и функциональные возможности реестра неплательщиков алиментов могут быть существенно расширены уже в ближайшем будущем.*

Abstract: *The article examines the issues of transformation of approaches to combating alimony defaulters, taking into account the introduction of the register of alimony defaulters on the basis of Federal Law No. 114-FZ dated May 29, 2024 "On Amendments to the Federal Law "On Enforcement Proceedings". In addition, attention is paid to the reasons that entail non-payment of alimony for the relevant obligations. Thus, it is indicated that when forming the register of alimony defaulters, it is necessary, of course, to take into account the factors underlying non-payments, to determine their respectful or disrespectful nature. It is also noted that the register of alimony defaulters may affect the reputation of entities that do not pay alimony, as this database of the Federal Migration Service of the Russian Federation has limited functionality so far. In particular, this cannot serve as a reason for the dismissal of an employee or the automatic deduction of funds from the debtor's salary on this basis alone. In principle, there is no obligation for employers to verify information about their employees on this subject. At the same time, we note that the electronic and digital modernization of all spheres of society and the state will continue, which means that the functionality of the register of alimony defaulters can be significantly expanded in the near future.*

Ключевые слова: *ФССП РФ, алиментные обязательства, несовершеннолетние, родители, реестр неплательщиков алиментов, административная ответственность, уголовная ответственность, задолженности по выплате алиментов.*

Key words: *FSSP of the Russian Federation, alimony obligations, minors, parents, register of alimony defaulters, administrative liability, criminal liability, alimony arrears.*

Для цитирования: *Летягина Е.А. Реестр неплательщиков алиментов: трансформация подходов к борьбе с задолженностями по алиментным обязательствам // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 188-191. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_188.*

For citation*: Letyagina E.A. Transformation of the principles of the civil procedure in the context of the digitalization of legal proceedings // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 188-191. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_188.*

Статья поступила в редакцию: 24.11.2025

Институт алиментных обязательств в семейном праве Российской Федерации (далее - РФ) всегда занимал особое место, поскольку семейные правоотношения изначально строятся на принципах ответственности одних членов семьи по отношению к другим, наименее имущественно защищенным. К таким категориям законодательство относит в первую очередь несовершеннолетних детей, которые не могут самостоятельно себя обеспечить. При этом ответственность за содержание несовершеннолетних детей лежит как на матери, так и на отце, что обуславливает возможность назначения алиментов в независимости от того, состоят ли родители в зарегистрированном браке или нет, платёжеспособны или нет, проживают совместно с детьми или живут отдельно.

Однако, следует констатировать к большому сожалению, что достаточно часто обеспечением жизнедеятельности ребенка занимается один из родителей, а другой по разным причинам и обстоятельствам уклоняется от этих обязанностей.

Государство в лице уполномоченных лиц и органов, осуществляя соответствующие функции по назначению и взысканию алиментов, старается обеспечить надлежащее исполнение обязанностей по алиментам, вместе с тем статистика неуплаты алиментов в отношении детей говорит о недостаточной эффективности такой деятельности и выглядит следующим образом.

По данным ФССП РФ в 2024 г. в ведомстве находилось 1,5 млн. судебных решений о взыскании алиментов на несовершеннолетних на общую сумму 168 млрд рублей[1].

[1] https://t-j.ru/alimony-stat/#:~:text=Подробную%20статистику%20таких%20дел%20ведут,2023%20—%20уже%20165%2C6%20тысячи.

В целом количество неплательщиков сохраняется в пределах 1,5 млн субъектов, и средняя сумма долга имела тенденцию к росту до 2023 г., но в 2024 г. снизилась, однако хоть и не значительно, но все еще выше уровня 2017 г.

В этой связи представляется актуальным рассмотреть новые подходы к борьбе с невыплатой алиментов на несовершеннолетних посредством механизма общественного порицания, обеспечиваемого возможностью доступа любого заинтересованного субъекта к базе данных о неплательщиках алиментов. В этой связи в результате проводимого исследования мы планируем осуществить анализ актуальных проблем теоретического и практического характера в области регулирования алиментных обязательств родителей по отношению к своим несовершеннолетним детям в свете новых возможностей, которые предоставляет открытый реестр неплательщиков алиментов.

Актуальность темы исследования позволяет констатировать достаточный интерес исследователей-правоведов к этой тематике. В связи с эти отметим работы следующих авторов.

Например, работу Абрамовой С.Р. об отдельных обстоятельствах, подлежащих доказыванию и установлению по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей [1], Моргунова С.В. о неуплате средств на содержание детей родителями в семейно-правовом, административно-правовом, уголовно-правовом аспектах [2], Темниковой Н.А. о принадлежности средств, выплачиваемых в качестве алиментов на несовершеннолетних детей [3], Леонтьевой И.В. об ответственности за уклонение от уплаты алиментов на несовершеннолетних детей [4], Прохоровой Е.С. о правовых проблемах взыскания алиментов на содержание несовершеннолетних детей [5], Артемьевой Ю.А. о правовых особенностях соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей в Дании [6], Семеновой Е.Ю. о некоторых проблемах взыскания алиментов на несовершеннолетних детей [7], Еремина И.Д. о дискуссионных вопросах последствий недействительности соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей при банкротстве граждан [8], Грицай О.В. о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей [9].

Однако исследований, анализирующих вопросы возможностей нового открытого реестра неплательщиков алиментов, в которых были бы рассмотрены все дискуссионные вопросы недостаточно и многие темы нуждаются в теоретическом осмыслении и практической проработке, что позволяет нам говорить о новизне, теоретической и практической значимости нашего исследования.

Полагаем, что данная работа внесет определенную ясность по вопросам реестра неплательщиков алиментов и дополнит объем теоретических исследований по данной тематике. Кроме того, потребители информации о субъектах, уклоняющихся от выплаты алиментов, могут использовать результаты нашего исследования в практических целях.

Приступая к исследованию, обозначим, что прежде чем рассматривать функциональные возможности реестра неплательщиков алиментов, на наш взгляд, необходимо обозначить основные причины, которые лежат в основе невыплаты алиментов на детей, поскольку они формируют дискуссионные вопросы включения того или иного субъекта в реестр неплательщиков алиментов. В частности, доминирующей причиной выступает в первую очередь неплатежеспособность родителя, и как следствие, невозможность обеспечить и себя и своего ребенка. Спектр обстоятельств, которые включаются в эту категорию причин может быть достаточно широк и разнообразен. От объективных трудностей, связанных с увольнением с работы и временной нетрудоустроенностью, до невозможности трудиться в силу различных уважительных и неуважительных причин. Например, при прохождении лечения от наркомании, алкоголизма, других зависимостей, а также в силу утраты трудоспособности при увечье, приобретенном профессиональном заболевании и т.п.

Кроме того, получаемый родителем-алиментоплательщиком доход может быть недостаточным или же лицо в принципе может утратить свою платежеспособность и заявится на банкротство.

В этой связи дискуссионным выступает вопрос о том, сведения о каких субъектах могут быть помещены в реестр неплательщиков алиментов? О тех, которые по неуважительной причине испытывают финансовые трудности или сведения о тех, кто по объективным, иногда независящим от него причинам, не трудоустроен и не работает. А может этот критерий вообще не рассматривать и руководствоваться только формальным подходом – наличие задолженности по выплате алиментов более 2 месяцев? Нам представляется необходимым все-таки фиксировать причину финансовой несостоятельности, ее уважительность и не включать в открытый реестр алиментонеплательщиков субъектов, утративших трудоспособность по уважительной причине, а также лиц уволенных, но стоящих на бирже труда для трудоустройства.

Еще одной причиной невыплат алиментов на детей может выступать невозможность, вызванная обстоятельствами непреодолимой силы: стихийными бедствиями, пожарами, техническими катаклизмами, авариями и т.п. Эти факторы могут существенно менять имущественное положение субъектов, обязанных выплачивать алименты. В таких условиях также формальный подход, на наш взгляд не допустим, и такие лица не должны попадать в реестр неплательщиков алиментов даже, если выплаты не производятся свыше установленного срока.

Также причиной невыплаты алиментов могут быть сложности взаимоотношений родителей, при которых один из родителей может полагать, что сумма назначенных алиментов, например, значительно превышает необходимые траты на содержание детей. Не редки и случаи, при которых родитель, получающий алименты на ребенка, тратит эти деньги на иные нужды, не связанные с содержанием несовершеннолетнего, что, конечно, вызывает несогласие родителя-плательщика алиментов, выражающееся в отказе их выплачивать совсем. Некоторые в этом случае пытаются сразу приобретать вещи для ребенка, оплачивать секции, кружки, репетиторов и т.п.

Таким образом, мы имеем факт невыплаты алиментов, установленных по решению суда, но родитель может подтвердить, что учувствует в обеспечении ребенка и приобретает ему вещи и оплачивает какую-либо активность. Должен ли такой родитель по формальным основаниям попасть в реестр неплательщиков алиментов? Мы полагаем, что эти обстоятельства должны быть учтены при исполнении решения суда судебными приставами-исполнителями.

Кроме того, в некоторых случаях мы имеем дело с правовым нигилизмом, правовой некомпетентностью, которая порождает соответствующее бездействие родителя, обязанного выплачивать алименты. В некоторых случаях, например, родитель полагает, что если брак не прекращен, или он совместно проживает с ребенком, то, он не должен выплачивать алименты ребенку. В этом случае считаем необходимым судебным-приставам исполнителям осуществить разъяснительную работу с неплательщиком, и только после этого в случае невыплаты по истечении 2 месяцев после проведения разъяснительных мероприятий помещать сведения о таком лице в реестр неплательщиков алиментов.

Важно понимать, что государство предусмотрело различные способы борьбы с неплательщиками алиментов, в частности, административную по ст. 5.35.1 КоАП РФ и уголовную по ст. 157 УК РФ ответственность. Эти виды юридической ответственности активно применяются на практике, но, с одной стороны их использованием тоже связано с определенными сложностями квалификации, а с другой стороны, не разрешает эти ситуации в полном объеме на должном уровне. Более того, их применение обусловлено использованием материальных ресурсов государства и общества, что тоже негативно сказывается на стабильности развития страны в целом.

Именно поэтому многие исследователи разрабатывают вопросы оптимизации деятельности по предотвращению невыплаты алиментов [10]. В частности, некоторые из них выступают за создание алиментного фонда РФ, формируемого, например, за счет обязательных выплат родителей, имеющих несовершеннолетних детей на постоянной систематической основе. Однако и здесь есть определенные сложности. В частности, родители, надлежащим образом обеспечивающие своих детей, не должны осуществлять такие выплаты, как полагают авторы этой идеи, но мы считаем, что это не совсем верно, поскольку поведение родителей может измениться, и чаще всего это связано с разводом, финансовыми проблемами и конфликтами. Именно поэтому лучше создать фондовые средства в отношении несовершеннолетних до возникновения проблем с их содержанием. Таким образом, считаем, что исключать обязанность выплаты для добросовестных родителей не стоит, а вот возвращать денежные средства, полученные за определенный период, например, за год, и невостребованные в следствие надлежащего выполнения родительских обязанностей по содержанию несовершеннолетних, действительно следует. В любом случае эти проекты имеют место быть, и, возможно, будут действовать в будущем.

В настоящее же время реализован очень важный механизм социального давления на неплательщиков алиментов – реестр неплательщиков алиментов, который выступает в качестве части банка данных судебных приставов в соответствии с поправками, предусмотренными Федеральным законом от 29 мая 2024 г. № 114-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве».

Данный реестр содержит следующие сведения:

- основания возникновения алиментных обязательств (дата судебного акта, акта другого органа или должностного лица; вид исполнительного документа, его номер, наименование органа, его выдавшего; дата возбуждения и номер исполнительного производства);
- наименование и адрес подразделения судебных приставов, в котором возбуждено исполнительное производство;
- ФИО, дата и место рождения должника;
- требование, содержащееся в исполнительном документе, за исключением не подлежащих опубликованию:
- сведения о взыскателе;
- размер непогашенной задолженности по алиментным платежам;
- данные об объявлении розыска должника, его имущества;
- сведения об окончании исполнительного производства;

дата принятия судебного акта о привлечении должника к административной и (или) уголовной ответственности за неуплату алиментов.

На текущий момент эти сведения, за исключением даты принятия акта о привлечении неплательщиков алиментов к ответственности,

уже могли видеть заинтересованные лица, однако теперь они будут аккумулироваться в самостоятельном реестре для удобства и оперативности использования.

В данный реестр попадут не все неплательщики алиментов, а только злостные уклонисты, в отношении которых есть судебный акт о привлечении их к ответственности (административной либо уголовной). Так, сведения о должнике автоматически включатся в реестр при поступлении соответствующего судебного акта в банк данных ФССП РФ. Дата такого документа будет внесена в реестр в течение 5 дней с момента поступления сведений в ведомство. При этом, включение в реестр информации о должнике возможно только после вступления судебных актов в законную силу либо обращения их к немедленному исполнению.

Такой реестр является общедоступным, что позволяет получить информацию из него любому заинтересованному лицу, коим может выступать работодатель, деловой партнер, лицо, планирующее заключить брак и т.п. В действительности, наличие статуса неплательщика алиментов может принести серьезные репутационные издержки, повлиять на межличностные, трудовые и имущественные отношения, что в конечном счете, будет, несомненно, способствовать действиям такого субъекта по погашению задолженности по алиментам в отношении несовершеннолетних. Такая информация по своему типу схожа с кредитной историей и может быть существенной во многих сферах жизнедеятельности.

С учетом оснований помещения сведений о неплательщиках алиментов в реестр следует особое внимание уделять привлечению соответствующих субъектов к административной и уголовной ответственности, что актуализирует вопросы эффективности и результативности деятельности соответствующих государственных органов, в частности ФССП РФ.

В заключении полагаем возможным сделать следующие выводы.

На сегодняшний день система работы с должниками по алиментным платежам активно совершенствуется, что приводит к систематизации сведений о них в ФССП РФ, упорядочении, а также расширении потенциальных возможностей их использования. Именно данные процессы запустили работу отдельного сервиса - реестра неплательщиков алиментов.

Открытость и доступность сведений о таких субъектах позволит получить информацию о статусе физического лица по этому параметру, что несомненно, может иметь репутационные издержки. Однако на текущий момент этот ресурс имеет исключительно информационное значение и включение субъекта в реестр неплательщиков алиментов напрямую никаких правовых последствий не несет.

В частности, это обстоятельство не может выступать в качестве повода к увольнению работника либо автоматического, только на этом основании, удержания денежных средств из зарплаты должника. Для работодателей в принципе не установлена какая-либо обязанность проверять информацию о своих работниках на этот предмет.

Вместе с тем, отметим, что электронно-цифровая модернизация всех сфер жизнедеятельности общества и государства продолжится, а, значит, и функциональные возможности реестра неплательщиков алиментов могут быть существенно расширены уже в ближайшем будущем.

Список литературы:

1. Абрамова, С.Р. Отдельные обстоятельства, подлежащие доказыванию и установлению по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей / С.Р. Абрамова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 4. – С. 92-98.
2. Моргунов, С.В. Неуплата средств на содержание детей родителями: семейно-правовой, административно-правовой, уголовно-правовой аспекты (постановка проблемы) / С.В. Моргунов // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2021. – № 2(17). – С. 116-123.
3. Темникова, Н.А. Алименты на несовершеннолетних детей: к вопросу о принадлежности средств / Н.А. Темникова // Семейное и жилищное право. – 2022. – № 6. – С. 25-27.
4. Леонтьева, И.В. Ответственность за уклонение от уплаты алиментов на несовершеннолетних детей / И.В. Леонтьева // Мировая наука: проблемы и инновации : Сборник статей LXXIX Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 мая 2024 года. – Пенза: ООО "Наука и Просвещение", 2024. – С. 175-177.
5. Прохорова, Е.С. Правовые проблемы взыскания алиментов на содержание несовершеннолетних детей / Е.С. Прохорова // Российский правовой журнал. – 2020. – № 4(5). – С. 64-68.
6. Артемьева, Ю.А. Соглашение об уплате алиментов на несовершеннолетних детей в Дании: правовые особенности / Ю.А. Артемьева // Юридическая наука. – 2021. – № 10. – С. 3-6.
7. Семенова, Е.Ю. Некоторые проблемы взыскания алиментов на несовершеннолетних детей / Е.Ю. Семенова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 11-3(62). – С. 131-133.
8. Еремин, И.Д. Дискуссионные вопросы последствий недействительности соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей при банкротстве граждан / И.Д. Еремин // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2024. – № 4(80). – С. 155-163.
9. Грицай, О.В. Взыскание алиментов на несовершеннолетних детей / О.В. Грицай // Юрист. – 2010. – № 6. – С. 26-30.
10. Карло, А.Г. Практика создания алиментных фондов как приоритетный вектор в развитии механизма защиты прав детей / А.Г. Карло // Современное право в условиях реформирования общества и государства : Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 25 мая 2022 года / Под редакцией А.В. Семенова, С.Н. Бабурина, Т.В. Слюсаренко, О.А. Егеревой. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2022. – С. 391-395.

References:

1. Abramova, S.R. Certain circumstances to be proved and established in criminal cases of non-payment of funds for the maintenance of children or disabled parents / S.R. Abramova // Legal policy and legal life. - 2021. – №4. – pp. 92-98.
2. Morgunov, S.V. Non-payment of funds for the maintenance of children by parents: family-legal, administrative-legal, criminal-legal aspects (problem statement) / S.V. Morgunov // Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Training of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – №2 (17). – pp. 116-123.
3. Temnikova, N.A. Alimony for minor children: on the issue of ownership of funds / N.A. Temnikova // Family and Housing law. – 2022. – №o. 6. – pp. 25-27.
4. Leontieva, I.V. Responsibility for evading alimony payments for minor children / I.V. Leontieva // World science: problems and innovations : Collection of articles of the LXXIX International Scientific and Practical Conference, Penza, May 30, 2024. Penza: Nauka i Prosveshchenie, LLC, 2024, pp. 175-177.
5. Prokhorova, E.S. Legal problems of collecting alimony for the maintenance of minor children / E.S. Prokhorova // Russian Law Journal. – 2020. – № 4 (5). – pp. 64-68.
6. Artemyeva, Yu.A. Agreement on the payment of alimony for minor children in Denmark: legal features / Yu.A. Artemyeva // Legal Science. - 2021. – № 10. – pp. 3-6.
7. Semenova, E.Y. Some problems of collecting alimony for minor children / E.Y. Semenova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2021. – № 11-3(62). – pp. 131-133.
8. Eremin, I.D. Controversial issues of the consequences of the invalidity of the agreement on the payment of alimony for minor children in the bankruptcy of citizens / I.D. Eremin // Bulletin of Tver State University. Series: Law. – 2024. – № 4 (80). – pp. 155-163.
9. Gritsai, O.V. Recovery of alimony for minor children / O.V. Gritsai // Lawyer. – 2010. – № 6. – pp. 26-30.
10. Carlo, A.G. The practice of creating alimony funds as a priority vector in the development of the mechanism for the protection of children's rights / A.G. Carlo // Modern law in the context of the reform of society and the state : Proceedings of the All-Russian Scientific and practical conference with international participation, Moscow, May 25, 2022 / Edited by A.V. Semenov, S.N. Baburin, T.V. Slyusarenko, O.A. Egereva. Moscow: Witte Moscow University, 2022, pp. 391-395.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_192

УДК 347

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДЕЛОВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АВТОРСКИХ ПРАВ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ НАУКИ И ЛИТЕРАТУРЫ В ЦИФРОВОЙ ФОРМЕ
FEATURES OF THE LIMITS OF THE EXERCISE OF COPYRIGHT ON WORKS OF SCIENCE AND LITERATURE IN DIGITAL FORM

ЮСИФОВ Теймур Ильгарович,
частнопрактикующий юрист, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата.
105120, Россия, г. Москва пер. Полуярославский Малый дом 3/5.
E-mail: t.iusifov@bk.ru;

YUSIFOV Teimur Ilgarovich,
private practice lawyer, Senior lecturer of the Department of Civil Law Disciplines Russian Academy of Advocacy and Notaries.
105120, Moscow lane Poluyaroslavsky Small house 3/5.
E-mail t.iusifov@bk.ru

Краткая аннотация: *Пределы осуществления авторских прав на произведения литературы и науки в цифровой форме по законодательству РФ пока не получили достаточного изучения в цивилистике, некоторые их особенности с учетом масштабирования цифровизации и иных технологических процессов также не исследованы учеными-цивилистами. Вместе тем с учетом вызовов последнего времени вопросы пределов требуют научного изучения и определения научных подходов к вопросам пределов осуществления авторских прав на произведения литературы и науки в цифровой форме.*

В рамках настоящей статьи автором приведены основные особенности пределов осуществления авторских прав на произведения литературы и науки в цифровой форме. В действующем гражданском законодательстве РФ предусмотрены различные механизмы установления пределов: они могут выражаться в предоставлении права использовать охраняемое произведение без разрешения автора на основании ст. 1272 -1280 ГК РФ; также, с учетом общей нормы ст. 10 ГК РФ в запрете на злоупотребление правом и на недобросовестное поведение.

В рамках настоящего исследования особый интерес представляет определение особенностей пределов осуществления авторских прав на произведения литературы и науки в цифровой форме, нормативное закрепление которые сопровождается некоторыми проблемами.

Abstract: *The limits of exercising copyright for works of literature and science in digital form under the legislation of the Russian Federation have not yet received sufficient study in civil law, some of their features, taking into account the scaling of digitalization and other technological processes, have also not been studied by civil scientists. At the same time, taking into account the challenges of recent times, the issues of limits require scientific study and the definition of scientific approaches to the issues of limits for exercising copyright for works of literature and science in digital form.*

Within the framework of this article, the author presents the main features of the limits for exercising copyright on works of literature and science in digital form. The current civil legislation of the Russian Federation provides for various mechanisms for setting limits: they can be expressed in granting the right to use a protected work without the permission of the author on the basis of Art. 1272 -1280 of the Civil Code of the Russian Federation; Also, taking into account the general norm of Art. 10 of the Civil Code of the Russian Federation in the prohibition of abuse of the right and dishonest behavior.

Within the framework of this study, it is of particular interest to determine the specifics of the limits for exercising copyright for works of literature and science in digital form, the regulatory consolidation of which is accompanied by some problems.

Ключевые слова: *авторские права на произведения; осуществления авторских прав; пределы осуществления авторских прав.*
Keywords: *copyright in works; exercise of copyright; copyright protection; copyright limits.*

Для цитирования: *Юсифов Т.И. Особенности пределов осуществления авторских прав на произведения науки и литературы в цифровой форме // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 192-195. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_192.*
For citation*: Yusifov T.I. Features of the limits of the exercise of copyright on works of science and literature in digital form // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 192-195. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_192.*

Статья поступила в редакцию: 26.12.2025

Осуществление субъективного гражданского права предполагает реализацию правомочий, составляющие его содержание, для удовлетворения интересов и прав управомоченного лица [1, с.65]. Однако, как известно, субъективное право не является абсолютной категорией и имеет пределы.

В научной доктрине вопросы о пределах осуществления гражданских прав являются весьма дискуссионными на протяжении длительного времени и до сих пор не утрачивают научный и практический интерес. Развитие права интеллектуальной собственности, сопровождаемое цифровизацией, также способствует растущему научному интересу со стороны ученых-юристов к проблемам пределов осуществления интеллектуальных прав.

Представляется, что в рамках права интеллектуальной собственности актуальным является изучение пределов осуществления авторских прав на произведения литературы и науки в цифровой форме, так как такие пределы обусловлены как самой цифровой формой произведения, так и спецификой самих объектов авторских прав.

В научной доктрине теория пределов осуществления и защиты гражданских прав была разработана профессором В.П. Грибановым. Так, по мнению В.П. Грибанова, «определение пределов осуществления гражданских прав не есть ограничение этих прав, а является юридическим выражением уже существующего экономически равного положения людей в системе социалистических общественных отношений, есть правовое обеспечение, юридическая гарантия этого действительного равенства» [2, с.30].

Также, в отечественной цивилистике под пределами осуществления гражданских прав понимают «пределы, вытекающие из их целево-

го назначения» (О.С. Иоффе [3]); «рамки дозволенного поведения, выход за которые не допускается» (Д.И. Мейер [4]; «границы деятельности управомоченных лиц» (В.С. Ем [5, с. 210], Т.В. Дерюгина [6, с.2]).

В доктрине авторского права вопросы пределов осуществления также исследуются. Н.В. Шереметьева рассматривает пределы осуществления авторских прав как «правовой инструмент, используемый законодателем и правоприменительными органами, чтобы воздействовать на поведение правообладателя и обеспечивать соответствие между назначением авторского права и образом использования автором своих прав» [7, с.20].

Рассматривая пределы осуществления применительно к исключительному праву, А.С. Ворожевич, полагает, что это «правовой инструмент (институт), ограничивающий выбор правообладателем конкретных правореализационных практик (действий), противоречащих институциональному назначению (функциям) исключительного права» [8, с.15].

Кроме того, в доктрине авторского права наряду с понятием «пределов осуществления авторских прав» применяется понятие «границы авторского права», под которыми понимается сфера контроля автора над своим произведением и та сфера, где наступает свободное использование объекта цифрового произведения, однако такой термин в законодательстве не применяется.

Р.И. Ситдикова пишет, что «ограничения авторских прав состоят не в ограничении осуществления исключительного авторского права самим правообладателем, а в ограничении возможности запрещать иным лицам использовать произведение в случаях и пределах, установленных законом» [9, с.128].

На наш взгляд, осуществление авторских прав на произведения науки и литературы в цифровой форме также имеет границы (пределы) и не предполагает абсолютную возможность их реализации.

Настоящая статья посвящена особенностям пределов осуществления авторских прав на произведения литературы и науки, именно выраженных в цифровой форме.

Особенности пределов осуществления авторских прав на произведения науки и литературы в цифровой форме как обусловленном именно цифровой формой выражения.

Под цифровой формой следует понимать объективное выражение произведения литературы или науки в виде читаемого формата цифрового документа компьютерным программным обеспечением в целях их размещения в цифровой среде, в том числе в сети Интернет.

Следует отметить, что в случае осуществления прав на произведения, выраженные в цифровой форме, территория их действия включает сеть «Интернет», при чем не только в зоне RU, тогда как временные сроки, после которых использование произведения является свободным, наиболее актуально для произведений литературы и науки, выраженных в цифровой форме.

Особенности пределов осуществления рассматриваемых нами прав также обуславливаются особенностями правового режима самих защищаемых объектов.

Правовой режим объектов авторского права - совокупность норм права, направленных на установление, регулирование и охрану прав автора, его правовой статус как физического лица, а также установление прав и обязанности лиц, вступающих в правоотношения с автором относительно использования произведения литературы и науки, а также ответственность за нарушение прав автора и меры принуждения к привлечению к юридической ответственности за нарушение авторских прав.

Особенности произведения литературы и науки, выраженные в цифровой форме состоят в следующем:

во-первых, научное или литературное произведение всегда остается уникальным объектом, существуя в неизменном виде любое количество времени даже в случае его неоднократного использования.

во-вторых, актуальность научного произведения фиксируется на определенную единицу времени;

в-третьих, существование произведения литературы и науки в цифровой форме исключает необходимость личности исполнителя, т.к. исполнение осуществляется самим автором неоднократно.

Пределы осуществления авторских прав на произведения литературы и науки определяются и перечнем правомочий автора относительно данных произведений и перечнем случаев свободного использования произведения без согласия автора.

Осуществление авторских прав включает в себя:

– использование объекта авторского права в порядке свободного использования, в случае если автор не запретил такое использование;

– использование в порядке принудительной лицензии, т.е. без согласия автора, но с выплатой ему вознаграждения;

– наличием исключений в свободном использовании, когда осуществление прав автора ограничено случаями, установленными законом.

Пределы осуществления авторских прав на произведения литературы и науки в цифровой форме характеризуются законодательной возможностью предоставить любым лицам права охраняемое произведение без разрешения автора в случаях, прямо предусмотренных законом в некоммерческих целях (статьи 1272 -1280 ГК РФ).

Кроме того, по смыслу ст. 10 ГК РФ применительно к пределам осуществления авторских прав на произведения литературы и науки в цифровой форме следует исходить из установления конкретных запретов относительно форм злоупотребления правом, при нарушении отказа в защите авторских прав гражданско-правовыми способами.

Оговоримся, в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 03.02.2015 N 32-КГ14-17, указано, что

злоупотребление правом – осуществление субъективного права в противоречии с его назначением, и имеет место в случае, когда субъект поступает вопреки правовой норме, предоставляющей ему соответствующее право; не соотносит свое поведение с интересами общества и государства; не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность.

Основным критерием для отказа в защите авторского права является принцип недобросовестного поведения, однако применительно к защите авторского права следует его конкретизировать.

Так, следует признать поведение автора недобросовестным при осуществлении авторского права при наличии одновременно нескольких условий: 1) умышленных виновных действий автора, предполагающих заведомое недобросовестное поведение (например, умышленного предоставления доступа к произведению через третьих лиц, а впоследствии заявление требований о компенсации); 2) также наличие незаконной цели автора.

При установлении недобросовестного поведения в соответствии со ст.10 ГК РФ должны наступить правовые последствия в виде отказа в защите авторского права на цифровые произведения науки; в виде компенсации и взыскания убытков; а также в виде отказа в применении технических средств защиты объекта права на определенный срок (например, предоставления свободного доступа для произведения в целях его использования в ограниченный срок).

Данные меры именно для цифровых произведений следует рассматривать как один из видов гражданско-правовой ответственности автора за злоупотребление авторским правом.

Надо полагать, что к случаям, не являющимся злоупотреблением правом, следует относить и такие случаи, когда опубликованное в цифровой форме, но не защищенное произведение науки, например, диссертация, использованная иными лицами без согласия автора независимо от факта принятия диссертационным советом решения об отказе в присуждении ученой степени или снятия с защиты, влечет применение мер гражданско-правовой ответственности для лица, ее использующего. При этом ссылки лица, использовавшего диссертацию или ее часть, на тот факт что, она не относится к научным произведениям, нельзя принимать во внимание как доказательства злоупотребления правом со стороны автора диссертации.

К правовым последствиям в случае установление злоупотребления правом автора следует также предусмотреть лишение исключительного права на цифровое произведение на определенный срок.

Представляется, что применительно к пределам осуществления и защиты авторских прав на произведения литературы и науки, выраженные цифровой форме, при определении таких пределов следует исходить из общего принципа, заложенного в ст. 10 ГК РФ, в виде запрета на злоупотребление авторскими правами в противоречие целям правового регулирования авторского права, запрета на недобросовестное поведение как автора так и лиц, использующих произведение.

Кроме того, при определении пределов осуществления:

– необходим учет специальных нормативных правовых актов как российского так и международного права, предписывающих некие стандарты поведения для автора и иных лиц;

– необходим учет правовых позиций, выработанных судебной практикой относительно правил учета фактических обстоятельств и толкования правовых норм при определении случаев злоупотребления правом автором или иными лицами;

– требуется учитывать баланс частных и общественных интересов относительно пределов осуществления и защиты прав автора, исходя из специфики, содержания произведения литературы и науки, выраженной в цифровой форме, их литературной или научной ценности;

– необходим учет публично-правовых пределов осуществления и защиты авторских прав, в частности антимонопольного иммунитета;

– требуется учитывать добровольные соглашения основных участников цифровой среды в сети «Интернет» (крупных поисковых систем, социальных сетей) о правилах поведения и регулирования отношений данных участников относительно порядка размещения объектов авторских прав с использованием принадлежащим им цифровых платформ;

– необходим учет предшествующего поведения автора цифрового произведения в качестве критерия для признания конкретного факта злоупотреблением правом.

Особенностью пределов осуществления авторских прав на произведения науки и литературы в цифровой форме является также неопределенный круг лиц, которому может быть причинен вред при нарушении указанных пределов.

Так, корпорация Sony BMG для защиты дисков с той или иной информацией от незаконного копирования устанавливала программу, которая меняла настройки операционной системы компьютера пользователя, заражая ее компьютерными вирусами в случае копирования диска. После многочисленных жалоб такая практика была прекращена [10, с.303].

Под пределами осуществления авторских прав на произведения науки и литературы в цифровой форме понимаются требования к субъекту авторских прав на произведения науки и литературы в цифровой форме при реализации правомочий, составляющих содержание субъективного права, в том числе при использовании форм, способов и средств защиты права, не нарушать права и охраняемые законом интересы других лиц и не причинять им вред.

Сделан вывод, что все более преобладающей формой объектов авторских прав в настоящее время является цифровая. Названная форма оказывает влияние, как на правовой режим объектов авторских прав, так и на права автора имущественные и личные неимущественные, на их осуществление и защиту [11, с. 76].

Особенности пределов осуществления авторских прав на произведения литературы и науки в цифровой форме, состоят, в самой

цифровой форме; в специфики правового режима объектов авторских прав; перечнем правомочий автора относительно данных произведений и перечнем случаев свободного использования произведения без согласия автора.

Установлено, что пределы осуществления авторских прав на произведения литературы и науки в цифровой форме установлены, во-первых, предоставлением прав любым лицам использовать охраняемое произведение без разрешения автора в случаях, прямо предусмотренных законом в некоммерческих целях (статьи 1272 -1280 ГК РФ), во-вторых, установлением границ субъективного права на осуществление и защиту произведений литературы и науки, выраженных в цифровой форме, по территории действия и времени.

Список литературы:

1. Сайфутдинова В.М. Добросовестность и пределы осуществления интеллектуальных прав // ИС. Авторское право и смежные права. 2020. № 4. С. 65.
2. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. Изд. 2-е, стереотип. - М.: "Статут", 2001. С. 20.
3. Иоффе О.С. Советское гражданское право. М.: Юридическая литература, 1967.
4. Мейер Д.И. Русское гражданское право: В 2 ч. М.: Статут, 1997. Ч. 2. 292 с. [по испр. и доп. 8-му изд., 1902].
5. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. 958 с.
6. Дерюгина Т.В. К вопросу о понятии пределов осуществления субъективных гражданских прав // ЮП. 2012. №3 (52). С.2-4
7. Шереметьева Н.В. Недобросовестность в вещном праве: монография. Москва: Проспект, 2023. 136 с.
8. Ворожевич А.С. Границы и пределы осуществления авторских и смежных прав
9. Ситдикова Р.И. Ограничения исключительных прав в механизме охраны авторских прав // Российский юридический журнал. 2013. N 1. С. 126 - 130.
10. Судариков С.А. Право интеллектуальной собственности: Учебник. М.: ТК Велби, Проспект, 2008. С. 303.
11. Юсифов Т.И. Некоторые аспекты осуществления и защиты прав авторов на произведения в цифровой форме // Право и экономика. 2023. № 8. С. 73-77.

References:

1. Saifutdinova V.M. Conscientiousness and Limits of the Implementation of Intellectual Rights // IS. Copyright and related rights. 2020. No. 4. P. 65.
2. Gribanov V. P. Implementation and protection of civil rights. Ed. 2nd, stereotype. - M.: "Statut", 2001. S. 20.
3. Ioffe O.S. Soviet civil law. M.: Legal literature, 1967.
4. Meyer D.I. Russian Civil Law: At 2 pm M.: Statute, 1997. Part 2. 292 p. [corr. and additional 8th ed., 1902].
5. Russian civil law: textbook: in 2 volumes / V.S. Em, I.A. Zenin, N.V. Kozlov and others; resp. ed. E.A. Sukhanov. 2nd ed., stereotype. M.: Statut, 2011. Vol. 1. General part. Property law. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights. 958 p.
6. Deryugina T. V. To the question of the concept of the limits of the implementation of subjective civil rights // YUP. 2012. No. 3 (52). C.2-4
7. Sheremetyeva N.V. Bad faith in property law: monograph. Moscow: Prospekt, 2023. 136 p.
8. Vorozhevich A.S. Limits and Limits of the Exercise of Copyright and Related Rights
9. Sitdikova R.I. Restrictions on exclusive rights in the mechanism of copyright protection // Russian Journal of Law. 2013. N 1. S. 126 - 130.
10. Sudarikov S.A. Intellectual Property Law: Textbook. M.: TK Velby, Prospekt, 2008. S. 303.
11. Yusifov T.I. Some aspects of the implementation and protection of authors' rights to works in digital form // Law and Economics. 2023. No. 8. pp. 73-77.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_196

ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ РЕКЛАМЫ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ
LEGAL INSTRUMENTS FOR REGULATING CONTRACTUAL RELATIONS IN INTERNET ADVERTISING

УШАКОВА Екатерина Владимировна,
преподаватель, доцент кафедры Гражданского права
ГКОУ ВО «Российская таможенная академия» Московская область, г. Люберцы, кандидат юридических наук.
140015, Россия, Московская обл., г. Люберцы, Комсомольский проспект, 4.
E-mail: ushakova19@mail.ru;

АНДРИАНОВА Валерия Валерьевна,
доцент кафедры административного и таможенного права
ГКОУ ВО «Российская таможенная академия» Московская область, г. Люберцы, кандидат юридических наук.
140015, Россия, Московская обл., г. Люберцы, Комсомольский проспект, 4.
E-mail: v.andrianova@customs-academy.ru;

КОБЗЕВА Екатерина Ивановна,
доцент кафедры «Теория права, гражданское право и гражданский процесс»
кандидат юридических наук, ЮИ РУТ «МИИТ».
127055, Россия, г. Москва, ул. Образцова, 9 стр. 9.
E-mail: keti_v_7@mail.ru;

USHAKOVA Ekaterina Vladimirovna,
Lecturer, Associate Professor of the Department of Civil Law
State Educational Institution of Higher Education "Russian Customs Academy", Lyubertsy, Moscow region, Candidate of Law Sciences.
4 Komsomolsky Prospekt, Lyubertsy, Moscow region, 140015, Russia.
E-mail: ushakova19@mail.ru;

ANDRIANOVA Valeria Valeryevna,
Associate Professor of the Department of Administrative and Customs Law
State Educational Institution of Higher Education "Russian Customs Academy", Lyubertsy, Moscow region, Candidate of Law Sciences.
4 Komsomolsky Prospekt, Lyubertsy, Moscow region, 140015, Russia.
E-mail: v.andrianova@customs-academy.ru;

KOBZEVA Ekaterina Ivanovna,
Associate Professor of the Department of Theory of Law, Civil Law and Civil Procedure
Candidate of Law, Law Institute of the Russian Institute of Law "MIIT".
Obraztsova str., 9, building 9, Moscow, 127055, Russia.
E-mail: keti_v_7@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассмотрены некоторые аспекты регулирования рекламной деятельности. При наличии множественности источников законодательного регулирования в сфере рекламы существует необходимость совершенствования нормативно-правовой базы в части ответственности за нарушения правил и требований к рекламной деятельности в сети Интернет. Авторами поднимается проблема признания недостоверной рекламы отмечается деятельность федеральной антимонопольной службы по контролю за правонарушениями в сфере рекламы, которые не только затрагивают экономические интересы потребителей, но и влияют на доверие к рекламной индустрии в целом, подрывают основы конкуренции. Соавторы исследуют регулирование рекламы в сети Интернет в плоскости регулирования договорных отношений.*

Abstract: *The article discusses some aspects of the regulation of advertising activities. Given the multiple sources of legislative regulation in the field of advertising, there is a need to improve the regulatory framework in terms of liability for violations of rules and requirements for advertising activities on the Internet. The authors raise the issue of recognizing false advertising and highlight the activities of the Federal Antimonopoly Service in monitoring advertising violations, which not only affect the economic interests of consumers but also undermine the credibility of the advertising industry as a whole and erode the foundations of competition. The authors explore the regulation of advertising on the Internet from the perspective of contractual relations.*

Ключевые слова: *рекламная деятельность, рекламодатель, конкуренция, интернет-реклама, продвижение, недостоверная реклама, правонарушение, рекламное законодательство, правовой инструментарий, реклама в сети Интернет.*

Keywords: *advertising activities, advertiser, competition, online advertising, promotion, false advertising, offense, advertising legislation, legal tools, online advertising.*

Для цитирования: *Ушакова Е.В., Андрианова В.В., Кобзева Е.И. Правовой инструментарий регулирования договорных отношений рекламы в сети Интернет* ***//*** *Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 196-199. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_196.*

For citation*: Ushakova E.V., Andrianova V.V., Kobzeva E.I. Legal instruments for regulating contractual relations in Internet advertising // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 196-199. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_196.*

Статья поступила в редакцию: 25.09.2025

Интернет в современном обществе приобрел масштаб жизненно-необходимого источника передачи всей информации. В современном мире почти каждый гражданин не представляет свое существование без Интернета. Еще в прошлом тысячелетии современный человек даже не мог себе представить, что работа, получение зарплаты, оплата коммунальных платежей, совершение сделок и в конце - концов услуги по предоставлению Рекламы будут построены в Информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

На этапе крупномасштабного распространения рекламы интернет-маркетинг пестрит огромным спектром рекламных инструментов таких как: контекстная реклама, таргетированная реклама в социальных сетях, медийная реклама, видеореклама, SEO-оптимизация и SMM (Social Media Marketing). Контекстная реклама представляет собой показ объявлений пользователям, заинтересованным в определенных товарах или услугах, на основе их поисковых запросов или посещаемых сайтов (Google Ads, Яндекс.Директ). Этот метод эффективен, так как реклама демон-

стрируется целевой аудитории. Таргетированная реклама в социальных сетях – это рекламные объявления, нацеленные на определенные демографические группы, интересы и поведение пользователей (Facebook Ads, Instagram Ads, VK Ads), что позволяет достичь высокой степени сегментации аудитории. Таргетированная реклама в социальных сетях — это вид рекламы, который нацелен на конкретную аудиторию с учётом её интересов, демографических характеристик, поведения в интернете и других параметров. Она позволяет рекламодателям более эффективно достигать своих потенциальных клиентов и повышать конверсию. Для размещения таргетированной рекламы в социальных сетях заключается договор на оказание рекламных услуг. Например, договор (оферта) ООО «В Контакте»: https://dev.vk.com/ru/apps-offer-ad. В Дополнении 1 содержится стоимость оказания услуг. Из-за того, что таргетированная реклама использует персональные данные пользователей, иногда возникают проблемы, связанные с передачей этих данных третьим лицам. Медийная реклама в первую очередь представляет собой баннерную рекламу, которая размещается на различных веб-сайтах и платформах. Видеореклама представлена рекламой в формате видеороликов, размещаемой на видеоплатформах (YouTube) или встраиваемая на веб-сайты. Она эффективна для демонстрации сложных продуктов или услуг. Также имеется и видеореклама, которая представляет собой форму, основанную на использовании видео-контента для продвижения товаров и услуг. На сегодняшний день видеореклама занимает одно из центральных мест в маркетинге, так как именно она позволяет привлечь внимание целевой аудитории и передать ей информацию о продукте или услуге. Только лишь путем развития технологического прогресса и Интернета, видеореклама стала еще более доступной и эффективной. Видеореклама находит свое воздействие на аудиторию разными способами: изображением, текстом, звуком и динамичным видеорядом.

Так, в свою очередь, существуют следующие разновидности рекламы:

- Социальная, которая направлена на изменение модели поведения общественности и привлечение внимания к какой-то проблеме);
- Имиджевая (Способствует повышению узнаваемости бренда, созданию правильного ассоциативного ряда и закреплению образа компании в головах потребителей);
- Коммерческая (Направлена на продажу товаров и услуг, а также продвижение компании на рынке);
- Постановочная (Предполагает реализацию сценария рекламы в виде фильма мини-формата, обращения специалиста, монолога или фрагмента интервью);
- Анимированная (Может выглядеть как мультфильм, моушн-графика или кукольная анимация).

Преимущества использования видеорекламы	Недостатки использования видеорекламы
Возможность точечного таргетирования аудитории	Ненавязчивая форма рекламы
Возможность участия зрителей в интерактивной рекламе	Возможность пропуска рекламы и нежелание зрителя её просматривать
Возможность измерения эффективности рекламы учётом количества просмотров и кликов	Высокая стоимость создания видеорекламы и её размещения на популярных платформах

Федеральный закон "О рекламе" от 13.03.2006 N 38-ФЗ - основной закон, регулирующий рекламную деятельность в России, устанавливает правила размещения рекламы в разных форматах, включая видеорекламу, и содержит требования по честности и правдивости рекламных материалов, а также правила для рекламы на интернет-платформах[2]. Важно, что в законе перечислены запреты на определенные виды рекламы, например, на рекламу табачных изделий или алкоголя (кроме случаев, предусмотренных специальными исключениями). Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 N 149-ФЗ регулирует вопросы защиты информации в интернете и регулирует вопросы, касающиеся размещения рекламы в интернете, включая видеорекламу[3]. Важной частью является обеспечение защиты персональных данных пользователей, когда реклама настраивается на основе их интересов. Федеральный закон "О персональных данных" от 27.07.2006 N 152-ФЗ регулирует, как организации и государственные структуры должны обрабатывать, хранить и защищать персональные данные граждан, а также устанавливает ответственность за нарушения[4]. Создание видеорекламы и ее размещение требует обличения данных правоотношений в процедуру заключения договора.

Заключая договор, направленный на рекламную деятельность в сети «Интернет», необходимо оценивать интересы обеих сторон, а также и качественные характеристики данного договора. По общему правилу, так же как и при всех тонкостях соблюдения гражданско-правовой регламентации заключения договора, следует соблюсти в обязательном порядке условия договора, права и обязанности сторон, ответственность участников, а также процедуру самого исполнения договора[9].

В свою очередь, в зависимости от цели, существуют разные виды договоров на создание рекламы. В договоре на создание видеорекламы Заказчик поручает, а Исполнитель принимает на себя обязательства по изготовлению видеопродукции (видеофильма, фильма-спектакля, передачи, презентационного фильма, видеорекламы, клипа). Заказчик обязан оплатить услуги Исполнителя по цене, установленной в договоре. При заключении Договора оказания услуг по распространению и/или изготовлению и/или адаптации рекламы Исполнитель обязуется оказывать Заказчику услуги в соответствии с условиями договора и приложениями/медиапланами к нему, а Заказчик - оплачивать услуги в объеме и в сроки, установленные договором и приложениями/медиапланами. В случае заключения Договора на размещение рекламы Исполнитель обязуется по заданию Заказчика в соответствии с графиком оказать услуги по размещению рекламы Заказчика, представленной в виде видеоролика, а Заказчик обязуется оплатить данные услуги. Стоимость размещения видеорекламы варьируется в зависимости от выбранной платформы, фор-

мата рекламы, целевой аудитории и других факторов.

Важно учесть, что недопустимо рекламировать в видеорекламе продукцию, наносящую вред здоровью, табачные изделия, алкогольные напитки. Данная реклама может крайне негативно сказаться на здоровье и является предметом строгих ограничений в большинстве стран. YouTube имеет политику в отношении опасного контента. В разделе "Политики в области рекламы" указаны товары и услуги, которые не могут быть продвигаемы.

Так называемая SEO-оптимизация - повышение позиций сайта в результатах поисковой выдачи по релевантным запросам обеспечивает органический трафик на сайт. Под SMM (Social Media Marketing) понимают продвижение в социальных сетях через создание и ведение профилей, публикацию контента, взаимодействие с аудиторией, что позволяет сформировать лояльное сообщество и повысить узнаваемость бренда. Социальные сети давно перестали быть просто платформами для общения. Сегодня это мощные инструменты для продвижения бизнеса, брендов и идей. Однако, как и любая другая форма рекламы, SMM (Social Media Marketing) регулируется законодательством. Рассмотрим ключевые правовые аспекты SMM-рекламы в России, чтобы помочь бизнесу избежать юридических рисков. В контексте SMM рекламой могут считаться: посты в социальных сетях; упоминания бренда в Stories или публикациях; таргетированная реклама; рекламные интеграции с блогерами; публикации с хештегами, упоминаниями и ссылками. С учетом новых изменений в законодательстве п в законе "О рекламе" появилось новое требование маркировать рекламу в социальных сетях. Это касается как постов, так и Stories. Маркировка должна быть четкой и понятной, например: "На правах рекламы"; "Реклама"; "Рекламный материал". Отсутствие маркировки может привести к штрафам: для физических лиц (например, блогеров) — до 50 000 рублей; для юридических лиц — до 500 000 рублей. Скрытая реклама не обозначена как рекламный материал и она запрещена. Это касается, например, постов блогеров, где они хвалят продукт, но не указывают, что это рекламная интеграция. Например, нельзя утверждать, что товар обладает свойствами, которых у него нет; использовать недостоверные отзывы; скрывать важную информацию о товаре (например, о противопоказаниях). При использовании таргетированной рекламы важно соблюдать Федеральный закон № 152-ФЗ "О персональных данных". В свою очередь, организации должны получать согласие пользователей на обработку персональных данных и обеспечивать их безопасность. Так, законодательно далеко не все товары и услуги разрешено рекламировать в социальных сетях. Имеется перечень неразрешенных видов, к которым относятся: алкоголь (за исключением специализированных ресурсов), табачные изделия, лекарственные средства, отпускаемые по рецепту, финансовые пирамиды. Заключая договоры на распространение рекламы в сети Интернет, например, с блогером, содержательной частью договора является условие о сотрудничестве, обязанности сторон, требования к маркировке рекламы, ответственность за нарушения. Одной из императивной обязанности заключенного договора на блогерную деятельность является уплата налогов от рекламной деятельности. В свою очередь все это привело к созданию государственно-правового контроля за деятельностью владельцев каналов и страниц в соцсетях, имеющих подписчиков[7]. Так на портале Госуслуг заработал механизм регистрации владельцев каналов и страниц в соцсетях, имеющих более 10 тыс. подписчиков. После добровольной идентификации каналы/страницы будут включаться Роскомнадзором в специальный перечень для проведения учета и контроля. Если канал или страница не будут включены в соответствующий перечень, рекламодатели не смогут размещать в них рекламу, а другие каналы не смогут «репостить» их сообщения. Данные существенные ограничения вступили в силу с 1 января 2025 года и будут применены по отношению ко всем видам рекламы[8].

Согласно новой редакции части 10.7 статьи 5 закона «О рекламе» не допускается распространение рекламы на информационных ресурсах иностранной или международной организации, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации, общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным законом 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" или 35-ФЗ "О противодействии терроризму", а также на других информационных ресурсах, доступ к которым ограничен.

Существующая SMM-реклама — это мощный инструмент для продвижения, которая требует строгого соблюдения законодательства. Нарушение правил ее применения приводит к штрафным санкциям, блокировкам и потере доверия аудитории. Во избежании негативных последствий, следует создавать качественный контент и также учитывать правовые аспекты рекламы в социальных сетях.

Помимо всего прочего, существует обязательное требование (часть 1 статьи 27 Федерального закона "О рекламе"), касательно особенностей рекламы, основанной на риске игр и пари, которая не должна быть обращена к несовершеннолетним; создавать впечатление, что участие в этом виде рекламы является способом заработка или получением иного вида заработка либо иным способом получения средств к существованию; иметь убеждения, которые преувеличивают вероятность получения выигрыша или преуменьшают степень риска; содержать утверждения о том, что участие основанных на риске играх, пари имеет важное значение для достижения общественного признания, профессионального, спортивного или личного успеха.

Ради справедливости стоит отметить, что многие отрасли экономики, промышленности, строительного бизнеса обширно используют всевозможные варианты онлайн-рекламы для продвижения своих товаров и услуг, так реклама медицинских услуг имеет свои специфические особенности, обусловленные законодательными ограничениями, этическими нормами и высокой степенью ответственности за предоставляемую информацию. Реклама медицинских услуг направлена исключительно на защиту прав пациентов и предотвращение неэтичной практики. Базовыми критериями выступает запрет на необоснованные обещания и гарантии, а именно то, что должна быть обязательная достоверная информация о медицинских услугах, которая должна быть точной, доказательственно подтвержденной и не вводить потребителя в Запрет на использование неэтичных методов (Не допускается использование агрессивной рекламы, скрытой рекламы, рекламы, направленной на внушение страха или манипуляцию чувствами пациентов); Обязательное наличие лицензии (В рекламе медицинских услуг необходимо указывать лицензию меди-

цинского учреждения и номера лицензий специалистов); Ограничение на рекламу конкретных лекарственных препаратов (Рекламировать лекарственные препараты могут только фармацевтические компании, при соблюдении строгих правил); Разрешение на рекламу только разрешённых методов лечения (Рекламировать можно только те методы лечения, которые разрешены законодательством и подтверждены доказательной медициной); Ответственность за предоставленную информацию, поскольку медицинское учреждение несёт полную ответственность за достоверность информации, представленной в рекламе[1].

Для предотвращения недостоверной рекламы Федеральная антимонопольная служба проверяет масштабные компании на телевидении и отдельные посты в интернете. Для этого ФАС проводит мониторинг, специалисты и нейросети отслеживают публикации в открытом доступе, особенно на популярных площадках. Также служба обрабатывает жалобы от граждан и юридических лиц. Так, при рекламе препарата Энтеросгель компания утверждала, что препарат помогает перенести коронавирус в лёгкой форме. ФАС заметила, что в инструкции нет никакой информации об этом. В итоге компании был назначен штраф за недостоверную рекламу в размере 250 тысяч рублей.

В период крупномасштабных реформ, рекламные сообщения становятся всё более тонко настроенными и персонализированными. Значимость и важность правильного распознавания и регулирования недостоверной рекламы растет из года в год, так как методы недостоверной рекламы постоянно меняются и эволюционируют.

Подводя итоги к вопросу о распространении рекламы в сети Интернет, можно смело констатировать, что среди огромного спектра реклам важным фактором ее применения, в итоге является гражданско-правовая регламентация заключения договора на распространение рекламы и определение гражданско-правовых и административно-правовых последствий ее использования.

Список литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.09.2025) // Собрание законодательства РФ, 07.02. 2002, № 1, ст. 1.
2. Федеральный закон от 13.03.2006 № 238-ФЗ «О рекламе» // Собрание законодательства РФ. 20.03.2006. № 12. Ст. 1232. (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025)
3. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) //Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3448
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024) (ред. от 27.11.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - № 7. Июль. – 2024.
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 N 58 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О рекламе» Вестник ВАС РФ», N 12, декабрь, 2012,
6. Федеральный закон от 31.07.2020 N 247-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2025) // Собрание законодательства РФ, 03.08.2020, N 31 (часть I), ст. 5006.
7. Постановление Правительства РФ от 28.12.2024 N 1963 «Об отдельных вопросах распространения информации в социальных сетях" (вместе с «Правилами предоставления сведений о пользователе социальной сети в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций», «Правилами размещения на персональной странице, объем аудитории которой составляет более 10 тысяч пользователей социальной сети, информации о включении в перечень персональных страниц, объем аудитории каждой из которых составляет более 10 тысяч пользователей социальной сети», «Правилами предоставления пользователем социальной сети, объем аудитории персональной страницы которого составляет более 10 тысяч пользователей социальной сети, сведений, позволяющих его идентифицировать»)// Собрание законодательства РФ, 06.01.2025, N 1, ст. 23
8. Приказ ФАС России от 20.06.2024 N 410/24 «Об утверждении руководств по соблюдению обязательных требований в сфере рекламы" (вместе с «Руководством по соблюдению обязательных требований к рекламе отдельных видов товаров (реклама основанных на риске игр, пари)», «Руководством по соблюдению обязательных требований к отдельным способам распространения рекламы») // Документ опубликован не был
9. Андрианова В.В., Клечковская Л.Г., Ушакова Е.В. Договоры как элемент заключения сделок в экономическом пространстве. // Актуальные проблемы развития экономики и управления в современных условиях. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Е.А. Руднева. Москва, 2022Москва. НОЧУ ВО Московский экономический институт. 2022г.

References:

1. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 195-FZ (as amended on 07/31/2025) (as amended and supplemented, intro. effective from 09/06/2025) // Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii, 07.02.2002, No. 1, art. 1.
2. Federal Law No. 238-FZ of 03/13.2006 "On Advertising" // Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii. 03/20/2006. No. 12. Art. 1232. (as amended on 07/31/2025) (with amendments and additions, intro. effective from 09/01/2025)
3. Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006 (as amended on 24.06.2025) "On Information, Information Technologies and Information Protection" (as amended and supplemented, intro. effective from 09/01/2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation, 07/31/2006, No. 31 (1 part), art. 3448
4. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2024) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 05/29/2024) (as amended on 11/27/2024) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. - No. 7. July. – 2024.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 08.10.2012 N 58 "On some issues of the practice of application by Arbitration courts of the Federal Law "On Advertising" Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation", N 12, December, 2012,
6. Federal Law No. 247-FZ of 07/31/2020 (as amended on 02/28/2025) "On Mandatory Requirements in the Russian Federation" (as amended and supplemented, intro. effective from 06/01/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 08/03/2020, No. 31 (part I), art. 5006.
7. Decree of the Government of the Russian Federation dated 12/28/2024 N 1963 "On certain issues of dissemination of information on social networks" (together with the "Rules for providing information about a user of a social network to the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications", "Rules for posting on a personal page with an audience of more than 10 thousand social network userssocial network, information about the inclusion in the list of personal pages, the audience of each of which is more than 10 thousand users of the social network", "The rules for providing a user of a social network, the audience of whose personal page is more than 10 thousand users of the social network, with information that allows him to identify")// Collection of legislation of the Russian Federation, 06.01.2025, No. 1, art. 23
8. Order of the Federal Antimonopoly Service of Russia No. 410/24 dated 06/20/2024 "On Approval of Guidelines for compliance with Mandatory requirements in the field of advertising" (together with the "Guidelines for Compliance with mandatory requirements for advertising of certain types of goods (advertising of risk-based games, betting)", "Guidelines for compliance with mandatory requirements for certain methods of advertising distribution") // The document has not been published
9. Andrianova V.V., Klechkovskaya L.G., Ushakova E.V. Contracts as an element of concluding transactions in the economic space. // Actual problems of economic development and management in modern conditions. Collection of materials of the V International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of E.A. Rudnev. Moscow, 2022Moscow. OVERNIGHT AT the Moscow Economic Institute. 2022

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_200

ЮСНАТУРАЛИЗМ И ПОЗИТИВНОЕ ПРАВО КАК ПРОБЛЕМА БАЛАНСА ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ИНТЕРЕСА
NATURALISM AND POSITIVE LAW AS A PROBLEM OF BALANCING PRIVATE AND PUBLIC INTEREST

БОЛДЫРЕВ Сергей Николаевич,
Кафедра гражданского права и гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», кандидат юридических наук, доцент
Кафедра теории государства и права
ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России»,
кандидат юридических наук, доцент кафедра теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС», кандидат юридических наук, доцент.
344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская ул., 70.
E-mail: bsn510@mail.ru

BOLDYREV Sergey Nikolaevich,
Department of Civil Law and Civil Procedure of the Rostov State University of Railway Engineering,
Candidate of Law, Associate Professor
Department of theory and history state and law Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
candidate of law, associate Professor Department of Theory and History of State and Law,
South Russian Institute of Management – branch
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, candidate of Legal Sciences, Associate Professor.
Pushkinskaya St., 70, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
E-mail: bsn510@mail.ru

Краткая аннотация: *В своей статье автор пишет, что воплощение идей естественного права в качестве ценностной основы позитивного права – процесс сложный и неоднозначный. Для этого должны сложиться необходимые политические, экономические, социальные, духовно-нравственные и иные существенные условия, присущие процессам становления основ правового государства и признания личности, ее прав и свобод социальной ценностью. По сравнению с позитивным правом естественное право имеет приоритет в плане приближения его идей и принципов к интересам и потребностям личности, а это означает, что наличие ценностей в позитивном праве – состояние, производное от естественного права.*

Abstract: *In his article, the author writes that the embodiment of the ideas of natural law as a value basis of positive law is a complex and ambiguous process. For this to happen, the necessary political, economic, social, spiritual, moral, and other essential conditions must be in place, which are inherent in the processes of establishing the foundations of the rule of law and recognizing the individual, their rights, and freedoms as a social value. Compared to positive law, natural law has priority in terms of bringing its ideas and principles closer to the interests and needs of the individual, which means that the presence of values in positive law is a condition derived from natural law.*

Ключевые слова: *правотворчество, законотворчество, права человека, принципы права, правовое регулирование, общество, закон, право.*

Keywords: *lawmaking, legislation, human rights, principles of law, legal regulation, society, law, and legal system.*

Для цитирования: *Болдырев С.Н. Юснатурализм и позитивное право как проблема баланса частного и публичного интереса // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 200-203. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_200.*

For citation*: Boldyrev S.N. Naturalism and positive law as a problem of balancing private and public interest // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 200-203. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_200.*

Статья поступила в редакцию: 16.12.2025

Личность как субъект права весьма критически оценивает сущность и социальное назначение действующей системы права, делает выводы относительно ее сильных, позитивных сторон, служащих ее интересам, и обращает внимание на те механизмы законодательства, которые могут тормозить и ограничивать поведенческие акции, касающиеся реализации соответствующих прав и свобод, конкретных жизненных устремлений. Несомненным становится вывод, что вне «нормального права и здорового правосознания не может сложиться и здоровое общество, здоровое государство» [6, с. 211].

В конечном счете, прямо или опосредованно возникает вопрос о ценностном содержании системы действующего (позитивного) права, творцом которого выступают властные структуры, действующие в соответствии со своей волей, целями, социальной направленностью. В этом свете важно, чтобы правовые установки властных структур в значительной степени пересекались с жизненными интересами и потребностями значительной части членов общества. Только та система права выполняет миссию существенной социальной силы общества, становится носителем социальной энергии и обладает способностью обеспечивать требуемый порядок в системе общественных отношений, которая естественным образом обретает ценностные качества [1, с. 161].

Весомым фактором, сближающим волевые устремления государственных и муниципальных властных структур и жизненные притязания членов общества, является сугубо ценностная сущность системы действующего законодательства, которая и призвана обслуживать жизненные интересы человека. Институты гражданского общества в процессе сотрудничества и взаимосвязи с развивающимся правовым государством призваны инициировать эффективное преобразование системы позитивного права, воспринимать, признавать, поощрять все те правовые конструкции и новеллы, которые привносят ценностное содержание в систему действующего законодательства и тем самым обусловливают благоприятные условия для полноценной жизнедеятельности членов общества. В связи с этим возникает существенный вопрос о ценностной природе

позитивного права, о приближении его мощного потенциала к повседневным потребностям каждой личности, которая должна видеть в праве поддержку, опору, а не противодействие своим жизненным устремлениям.

Мыслители прошлого и настоящего исходят из того кардинального положения, что над действующим (позитивным) правом довлеют идеи естественного права, которые и могут привносить ценностный потенциал в систему действующего законодательства, если этому не будут противостоять государственно-властные структуры. Над положительным правом стоит вечное право природы [4, с. 93]. Поэтому и ценностную природу позитивного права можно усматривать в первую очередь именно в естественном праве.

Уяснение сущности, ценностной природы права как особого общественного явления может быть основано на выявлении природы человека во всех проявлениях [9, с. 27]. Приоритетное отношение к жизнедеятельности человека – миссия естественного права, которое рассматривает объектом своего воздействия именно человека со всеми его приоритетными жизненными устремлениями.

Естественное право «предписывает, чтобы каждое отдельное лицо пользовалось внешней свободой в тех пределах, в каких это требуется добром» [8, с. 69]. Добро для личности усматривается в первую очередь в ее достойном во всех отношениях положении. Это тот главный ценностный компонент, который привносит (должно привносить) естественное право в систему действующего позитивного права. Поступательное движение позитивного права к добру (к ценностному содержанию) возможно лишь на мощной базе естественного права.

По сравнению с позитивным правом естественное право имеет приоритет в плане приближения его идей и принципов к интересам и потребностям личности, а это означает, что наличие ценностей в позитивном праве – состояние, производное от естественного права. Природа естественного права заключается в природе существования самого человека, в его благоприятной жизнедеятельности. Из этого логично вытекает вывод, что ценностное содержание позитивного права аккумулируется и инициируется естественным правом, поэтому и природу ценностей в позитивном праве следует искать в естественном праве, которое и представляет собой непреходящую ценность.

Однако привнесение ценностей естественного права в систему действующего позитивного права не следует понимать примитивно и упрощенно. Быть или не быть ценностям естественного права в позитивном праве в решающей степени зависит от сущности, воли, целевой направленности государства и его властных структур. Именно по этой причине не следует преувеличивать роль естественного права, силу его воздействия на позитивное право и систему действующего законодательства.

Необходимо обратить внимание и на то обстоятельство, что в рамках философии права речь не всегда идет о прямом воздействии естественного права на юридическую защиту человека посредством средств позитивного права. Роль естественного права нередко усматривалась только в своеобразном спасении души человека, а это «могло вести и фактически вело к девальвации права» [3, с. 101]. Лишь в условиях формирования гражданского общества и правового государства постепенно созревают благоприятные условия для восприятия правовой действительностью ценностей естественного права в их максимальном объеме. Это обусловлено тем, что с этих позиций выступает и значительная часть членов общества, которая заинтересована в обеспечении и охране естественных и неотчуждаемых прав и свобод каждой личности, что и представляет высшую правовую ценность.

Общество всегда заинтересовано во внедрении ценностей естественного права в ведущие сферы жизнедеятельности людей, включая систему действующего законодательства, а государство в силу разного рода причин может противиться этому процессу и тем самым ущемлять социальный и правовой статус личности, посягать на ее интересы, права и свободы. В итоге тормозится проникновение ценностей естественного права в систему позитивного права, не развивается ее ценностная основа.

При отсутствии приоритетных ценностей в позитивном праве утрачивается вера значительной части членов общества в силу и справедливость права как общественного феномена. Разочарование в праве может ослаблять мотивацию субъектами права предсказуемого и стабильного правомерного поведения. Следствием этого может быть деформация основ усиления правовой законности и укрепления правового порядка в важнейших сферах жизнедеятельности общества и личности.

Главный ценностный компонент, который призвано трансформировать естественное право в систему позитивного права состоит в том, чтобы все действующие законы и юридические нормы в целом служили личности, отстаивали ее жизненные интересы и потребности, права и свободы, предохраняли от произвола и беззакония. Высшая форма внедрения ценностей естественного права в потенциал позитивного права заключается в воспроизводстве необходимых правовых законов, которые, как и само естественное право, адресованы интересам и потребностям каждой личности.

Разумеется, члены общества в целом не интересуются теоретическими особенностями соотношения ценностей естественного и позитивного права, но практически, на уровне своего правосознания и правовой культуры, осмысливают и анализируют воздействие права, как мощного общественного явления, на различные стороны своей жизнедеятельности и делают выводы относительно позитивных и негативных аспектов этого воздействия. В итоге, пусть и незримо, делается умозаключение о наличии или отсутствии ценностных компонентов в действующей системе права. Это не может не стать достоянием общественного мнения и не оказать влияния на властные структуры, включая правотворческие органы, поощряющие либо отвергающие процесс внедрения правовых законов в систему действующего законодательства.

В соотношении потенциалов естественного и позитивного права приоритет остается за естественным правом, поскольку оно всегда является средоточием непреходящих правовых ценностей, а позитивное право может лишь в определенной мере воспринимать эти ценности, либо полностью их отвергать. Но в реальной правовой действительности баланс или диспропорции в системе правовых ценностей практически подмечаются членами общества на примере состояния их прав и свобод, их социального и правового статуса.

Компетентные властные структуры не могут произвольно игнорировать внедрение ценностей естественного права в систему действу-

ющего законодательства, если стремятся наладить гармонию в отношениях общества и государства, личности и должностного лица. Успех правовой эффективности как главного звена правовой жизни общества самым непосредственным образом связан с наличием или отсутствием тех ценностей, которые привносит естественное право в систему позитивного права.

Значимо добиться такого состояния общественной и частной жизни, при котором позитивное право, действующее законодательство при их формировании и реализации были всецело открыты для трансформации и внедрения в свой потенциал идей и принципов естественного права, привносящих в регулятивные и охранительные юридические механизмы те ценности, которые обусловливают достойное существование практически каждого человека. Важно, чтобы такая теоретическая постановка проблемы стала достоянием правовой практики.

Естественное право – набор требований, которые обусловлены самой натуральной природой общества, объективными условиями жизнедеятельности людей, естественным ходом вещей и которые привносят ценности в правовую жизнь общества [2, с. 418]. Высшее проявление ценностного характера естественного права состоит в его обращении к правам и свободам человека. Каждый человек с момента своего рождения начинает свою жизнедеятельность, реализуя данное ему от природы естественное право «безотносительно от того, что об этом может записать законодательный орган» [7, с. 6].

Естественное право по своей сущностной природе абсолютно независимо от воли и притязаний государства и его властных структур и в то же время неотчуждаемо от личности, непосредственно соотносится с ее естественными и неотчуждаемыми правами и свободами. Как специфическое явление, опосредованное природой человека, фактом его существования, естественное право адресует свой ценностный потенциал обществу, в целях обеспечения достойной жизнедеятельности свободных людей, стремящихся к реализации по максимуму своих интересов и потребностей.

Естественное право «как выражение объективных ценностей и требований человеческого бытия является единственным и безусловным первоисточником правового смысла и абсолютным критерием правового характера всех человеческих установлений, включая позитивное право и государство» [5, с. 153]. Позитивное право по степени его приближенности (или отдаленности) к механизмам удовлетворения интересов и потребностей личности можно оценивать как соотносимым с ценностями естественного права, так и отвергающим их.

Специфика ценностной сущности естественного права состоит в том, что это право ни при каких условиях не может быть регулятором конкретных общественных отношений, поскольку не содержит в себе правовые нормы с их четкими поведенческими предписаниями. Но с позиций естественного права представляется возможным оценивать правовое поведение соответствующих субъектов права.

Правомерное поведение носит требуемый и универсальный характер, в нем заинтересовано все общество, поскольку такое поведением сужает сферу посягательства на определенные права и свободы личности и становится гарантией их неприкосновенности, что адекватно и ценностям естественного права.

В условиях неконтролируемого противоправного поведения непосредственно нарушаются соответствующие права и свободы, а сама система права не подтверждает свой ценностный характер. Реализация прав и свобод личности достигает максимума реализации только при наличии массового правомерного поведения, что созвучно и требованиям естественного права.

Естественное право в виде идей разума, добра, свободы, справедливости «выступает в качестве известного *базисного основания позитивного права*, его своего рода предосновы» [2, с. 425]. Сказанное отправляет к определенному идеалу, которому должна следовать система позитивного права. Но это вовсе не означает, что позитивное право, действующие законы и подзаконные акты обусловлены идеалами и ценностями естественного права и изначально направлены, минуя все барьеры, исключительно на обеспечение прав и свобод, достойного образа жизни для большинства членов общества. Быть или не быть ценностям естественного права в системе позитивного права в решающей степени зависит от воли и намерений государства, его правотворческих органов. Естественное право может рассматриваться в качестве «предосновы» позитивного права, но только в качестве своеобразного правового идеала, средоточия существенных потенциальных возможностей.

Воплощение идей естественного права в качестве ценностной основы позитивного права – процесс сложный и неоднозначный. Для этого должны сложиться необходимые политические, экономические, социальные, духовно-нравственные и иные существенные условия, присущие процессам становления основ гражданского общества и правового государства и признания личности, ее прав и свобод социальной ценностью. В противном случае система позитивного права не в состоянии обретать ценностный потенциал, обслуживать интересы членов общества. В противоположность естественному праву позитивное право рассматривается как отклонение от естественного права, как искусственное, ошибочное или произвольное установление официальных властей [2, с. 148-150].

Только в рамках функционирования основ гражданского общества и правовой государственности особое значение приобретает интерес к ценностям права как к весомым средствам позитивного и достаточно эффективного воздействия на все ведущие сферы правовой действительности, включая правовое мышление, правосознание, правовую культуру значительной части членов общества.

Именно личность в первую очередь ощущает на себе благотворное проявление ценностей права, преподносящих права и свободы человека в качестве самого кардинального приоритета. Такая правовая обстановка в обществе является следствием соотношения, связи идей и требований естественного права с той частью системы действующего законодательства, которая воспринимает указанные идеи и в итоге обретает требуемый ценностный характер во благо общества и каждой личности. Постепенно укрепляются те правовые механизмы, которые не только не противостоят идеям и принципам естественного права, а проявляют готовность воспринимать ценности, аккумулирующие эффективность системы позитивного права и обусловливающие ее поворот к жизненно важным устремлениям членов гражданского общества.

Позитивное право расширяет и укрепляет свой ценностный потенциал по мере самостоятельного движения к потенциалу естественно-

го права, а система действующих законов обретает ценностную привлекательность по мере ее насыщения правовыми законами. Между ценностями естественного права и регулятивным потенциалом позитивного права сохраняется широкий простор для соотношения. Естественное право остается той резервной зоной, которая находится в постоянной готовности обслуживать ценностные начала позитивного права и тем самым сохранять свою направленность интересам человека.

Безусловно, естественное право никоим образом не подменяет собой позитивное право, оно лишь обогащает своим ценностным потенциалом систему действующего законодательства, отдает приоритет правовым законам, приближает их регулятивную направленность к жизненным интересам и потребностям каждого члена гражданского общества. Естественное право – это право, обращенное к человеку и приоритетное по отношению к человеческим устремлениям; естественное право – это правовая форма отражения первичности и приоритета естественного над искусственным в многогранных человеческих отношениях [5, с. 153].

Позитивное право как практический регулятор общественных отношений отражает в той или иной степени принципы равенства, свободы, справедливости в силу восприятия ценностного воздействия естественного права. Будучи фактором объективного свойства, естественное право как раз и предназначено для того, чтобы постоянно обусловливать ценностные параметры позитивного права и системы действующего законодательства при условии готовности к этому общества и государства.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Право. Опыт комплексного исследования. М., 1999.
2. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. НОРМА. М., 2001.
3. Жуков В.Н. Возрожденное естественное право в России конца XIX-начала XX вв.: общественно-политическая функция и онтологическая основа // Государство и право. 2001. № 4.
4. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1909.
5. Нерсесянц В.С. Сущность, понятие и ценность права // Проблемы общей теории права и государства. Учебник для вузов. Под ред. В.С. Нерсесянца. НОРМА. М., 1999.
6. Поляков А.В. Общая теория права. Спб., 2001.
7. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Естественные права человека. Лексикон. СПб., 2001.
8. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1998.
9. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Учебное пособие. Т. 1. Вып. 1. М., 1995.

References:

1. Alekseev S.S. Law. The experience of complex research. Moscow, 1999.
2. Alekseev S.S. Ascension to law. Searches and solutions. NORM, Moscow, 2001.
3. Zhukov V.N. Revived natural law in Russia in the late 19th-early 20th centuries: socio-political function and ontological basis // State and Law. 2001. № 4.
4. Korkunov N.M. Lectures on the general theory of law. St. Petersburg, 1909.
5. Nersesyants V.S. The essence, concept and value of law // Problems of the general theory of law and the state. Textbook for universities. Edited by V.S. Nersesyants. NORMA, Moscow, 1999.
6. Polyakov A.V. General theory of Law. St. Petersburg, 2001.
7. Rasskazov L.P., Uporov I.V. Natural human rights. Lexicon, St. Petersburg, 2001.
8. Trubetskoy E.N. Encyclopedia of Law, St. Petersburg, 1998.
9. Shershenevich G.F. General theory of law. Textbook. Vol. 1. Issue 1. Moscow, 1995.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_204

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СООТНОШЕНИЯ ПРАВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
THE AXIOLOGICAL CONTEXT OF THE RELATIONSHIP BETWEEN LAW AND CIVIL SOCIETY

БОЛДЫРЕВ Сергей Николаевич,
Кафедра гражданского права и гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», кандидат юридических наук, доцент
Кафедра теории государства и права
ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России»,
кандидат юридических наук, доцент кафедра теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС», кандидат юридических наук, доцент.
344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская ул., 70.
E-mail: bsn510@mail.ru

BOLDYREV Sergey Nikolaevich,
Department of Civil Law and Civil Procedure of the Rostov State University of Railway Engineering,
Candidate of Law, Associate Professor
Department of theory and history state and law Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
candidate of law, associate Professor Department of Theory and History of State and Law,
South Russian Institute of Management – branch
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, candidate of Legal Sciences, Associate Professor.
Pushkinskaya St., 70, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
E-mail: bsn510@mail.ru

Краткая аннотация: *Автор утверждает, что гражданское общество - не только особая сфера взаимосвязи и взаимодействия граждан, но и активно функционирующая система разнообразных общественных объединений, корпораций, социальных слоев, действующих самостоятельно, в соответствии с целевой направленностью и вне ограничивающего влияния государственных структур. Вместе с тем, констатируется, что для гражданского общества право и его компоненты (прежде всего правовые законы) имеют сугубо ценностное значение, поскольку адресованы приоритетным, жизненно важным интересам, потребностям, устремлениям личности, лежат в основе реализации ее прав и свобод.*

Abstract: *The author argues that civil society is not only a special sphere of interconnection and interaction of citizens, but also an actively functioning system of various public associations, corporations, social strata, acting independently, in accordance with the target orientation and outside the limiting influence of state structures. At the same time, it is stated that for civil society, law and its components (primarily legal laws) have a purely value-based significance, since they are addressed to the priority, vital interests, needs, aspirations of the individual, and lie at the basis of the implementation of its rights and freedoms.*

Ключевые слова: *общество, закон, право, правотворчество, законотворчество, права человека, принципы права, правовое регулирование.*

Keywords: *society, law, legal system, lawmaking, legislation, human rights, principles of law, legal regulation.*

Для цитирования: *Болдырев С.Н. Аксиологический контекст соотношения права и гражданского общества // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 204-207. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_204.*

For citation*: Boldyrev S.N. The axiological context of the relationship between law and civil society // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 204-207. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_204.*

Статья поступила в редакцию: 16.12.2025

Достигнутые в процессе формирования гражданского общества экономические, политические, культурно-образовательные, юридические и иные успехи дают личности реальную возможность активно участвовать в интересующих ее сферах социальной и правовой действительности. Только в условиях действительного гражданского общества каждый его член может обнаруживать и использовать в своих целях те благоприятные и многогранные жизненные условия, которые практически ведут к поиску и удовлетворению личностных намерений, интересов, потребностей, приоритетное место среди которых занимают соответствующие права и свободы.

Назначение и сущность гражданского общества в решающей мере проявляются в инициативных и творческих акциях граждан и их объединений, которые обусловливают достижение каждой заинтересованной личностью определенных жизненных целей, укрепления своего социального и правового статуса. Участие широких слоев населения в жизнедеятельности гражданского общества в значительной степени усиливается и должным образом гарантируется реально складывающимся процессом становления и функционирования основ правовой государственности, структуры которой призваны активно взаимодействовать с соответствующими институтами гражданского общества.

Интеграция потенциала правового государства и институтов гражданского общества расширяет и усиливает возможности и инициативы каждой личности относительно реализации своих жизненно важных прав и свобод. При этом гражданское общество выполняет важную функцию в том плане, чтобы ограничивать и исключать любые поползновения, направленные на «огосударствление» тех или иных сторон жизнедеятельности членов этого общества и их объединений. Тем самым гражданское общество проводит четкую грань между своими самоуправленческими началами и сугубо государственным функционированием.

Необходимое внимание со стороны учреждений гражданского общества к процессам и механизмам формирования и развития правового государства призвано сводить к практическому минимуму нецелесообразное и нелегитимное вмешательство структур государства во внутриорганизационную деятельность институтов гражданского общества и частную жизнь личности. Тем самым обеспечивается социальная, нрав-

ственная, правовая неприкосновенность гражданского общества, его учреждений и объединений и личности, как раз и призванной пользоваться всеми благами реального гражданского общества.

Ответственный подход гражданского общества к взаимосвязи с формирующимся правовым государством обусловлен тем, что данное общество по своей природе и сущности не может всецело подстраиваться под государственные структуры, дублировать не свойственные ему функции государства. Гражданское общество проводит условную линию, отграничивающую частную, личностную жизнедеятельность людей от функционального и произвольного воздействия государства и тем самым позволяет гражданам сосуществовать с государством, реализуя и охраняя свои интересы, не противопоставляя их государству.

Ценность гражданского общества находит свое подтверждение, прежде всего, в том, что его структурные подразделения в наибольшей степени ориентированы на обеспечение должного порядка, гармоничного состояния взаимоотношений между людьми во всех сферах общественной и частной жизни. Достойная жизнь и полноценное благополучие членов гражданского общества обусловлены характером тех общественных отношений, которые отражают в себе природу и специфику данного общества. В практическом плане гражданское общество признает, выражает и отстаивает естественные интересы и потребности каждого человека, которые не могут произвольно подпадать под глобальное воздействие государства, поскольку функции гражданского общества и государства (даже правового) четко дифференцированы.

Будучи демократическим, легитимным и правовым явлением, государство соответственно своей сущности должно само (в соответствии с конституционно-правовыми принципами и нормами) ограничивать и пресекать любое произвольное проникновение своих структур в деятельность институтов гражданского общества и не допускать акций, направленных на умаление социального и правового статуса личности. Усилия правового государства должны иметь совершенно противоположную направленность, а именно – содействовать становлению благоприятных условий для поступательного развития гражданского общества, усиливать и укреплять те правовые позиции каждой личности, которые ведут к реализации ее естественных и неотчуждаемых прав и свобод. Такая миссия государства оценивается как правовая, справедливая, сугубо нравственная.

Сущность гражданского общества приобретает реальный смысл и находит свое истинное предназначение только тогда, когда его жизненное пространство наполняется многообразной, целенаправленной, социально значимой деятельностью свободных, раскрепощенных, инициативных людей, преследующих достижение собственных интересов и потребностей. Достижение указанных личностных параметров гармонически сочетается с процессом удовлетворения политических, социальных, культурно-образовательных, духовно-нравственных и иных жизненных притязаний большинством членов гражданского общества.

Гражданское общество - не только особая сфера взаимосвязи и взаимодействия граждан, но и активно функционирующая система разнообразных общественных объединений, корпораций, социальных слоев, действующих самостоятельно, в соответствии с целевой направленностью и вне ограничивающего влияния государственных структур.

По мере своего совершенствования и развития гражданское общество становится интегрирующей общественные и частные интересы и потребности системой. При этом гражданское общество не изолируется от государства, не отвергает его мощный потенциал, а находит выгодные для себя точки соприкосновения с государственными структурами, налаживает формы взаимосвязи с ними в интересах блага своих членов.

Будучи мощным властно-политическим феноменом, государство, обретающее качества государства правового, берет на себя ряд основополагающих функций. Указанные функции направлены на становление благоприятной социальной, политической, правовой среды, облегчающей и стимулирующей более поступательное и эффективное развитие институтов и учреждений гражданского общества – основы полноценного существования личности как носителя приоритетных прав и свобод.

Практика разнообразных форм взаимосвязи развивающегося гражданского общества и государства, обретающего параметры правового, влечет взаимовыгодные последствия. С одной стороны, укрепляется положение личности во всех ведущих сферах общественной жизни. Итогом этого становится все более устойчивая и предсказуемая реализация прав и свобод человека и гражданина. С другой стороны, государство, осваивающее качества правового государства, берет на себя миссию гаранта полноценного функционирования всех значимых учреждений гражданского общества.

Взаимосвязь соответствующих структур гражданского общества и правового государства обнаруживает не только единство их стратегических целей и задач, но и пути (механизмы) преодоления естественно возникающих противоречий и конфликтов, решения постоянно возникающих разнообразных и не всегда предсказуемых проблем. В итоге возникает потребность в поиске новых точек соприкосновения, форм компромиссных решений в процессе сотрудничества институтов гражданского общества и государственно-властных структур.

Функционирование и развитие гражданского общества основано «на многообразной, разветвленной социальной структуре, отражающей все богатство и разнообразие интересов множества социальных групп и слоев, их представителей. Причем это многообразие объективно стремится к постоянным изменениям, находится в динамике, образуя и прерывая вертикальные и горизонтальные связи» [2, с. 701].

Природа и сущность гражданского общества инициированы жизненными интересами и потребностями самостоятельных и свободных индивидов, многогранной деятельностью граждан и их соответствующих объединений. Поэтому функционирование разнообразных институтов гражданского общества наполнено той целевой направленностью, которая обусловлена социальными, политическими, культурно-эстетическими, образовательными, духовно-моральными и многими иными жизненными устремлениями и притязаниями личности, объективными факторами социальной действительности.

По своей сущности гражданское общество призвано должным, позитивным образом реагировать на жизненно важные потребности

своих членов и относиться к каждой личности, ее правам и свободам с ценностных позиций. Поэтому гражданское общество заинтересовано в налаживании самых тесных связей с развивающимся правовым государством, поскольку только оно может обеспечить, прежде всего, надежную правовую базу для реализации приоритетных прав и свобод личности – основы достойного существования человека в цивилизованном гражданском обществе.

Как самоуправляемая ассоциация гражданское общество регулирует основные общественные отношения посредством неюридических правил поведения, в ряду которых первостепенная роль отводится нормам морали (нравственности), нормам общественных объединений, политическим нормам и иным видам социальных норм. Но при разрешении самых сущностных, значимых жизненных ситуаций институты и объединения гражданского общества и соответственно их члены, безусловно, прибегают к механизмам правового регулирования.

Поэтому необходимо констатировать, что для гражданского общества право и его компоненты (прежде всего правовые законы) имеют сугубо ценностное значение, поскольку адресованы приоритетным, жизненно важным интересам, потребностям, устремлениям личности, лежат в основе реализации ее прав и свобод. Правовое государство призвано обладать системой правовых законов, то есть тем нормативно-регулятивным резервом, который используется для полноценного упорядочения тех общественных отношений, которые лежат у истоков обретения личностью качественной жизнедеятельности.

Право как явление цивилизации и культуры, аккумулятор естественных и жизненно необходимых принципов и требований, обусловленных природой функционирования общества и существования человека, ни при каких обстоятельствах не утрачивает свои ценностные качества. Оно «соответствует уровню развития общества, отражает глубинные процессы, происходящие в нем, является частью его **культуры**» [5, с. 208-209].

Ценностный потенциал права может быть деформирован лишь действующей системой права, если она содержит в себе нормативно-правовые акты, посягающие на права и свободы человека, искусственно навязывает обществу правовые запреты, в ущерб необходимым правовым дозволениям, предусматривает юридические санкции в отношении тех поведенческих акций, которые могут подпадать лишь под воздействие мер общественного порицания.

Гражданское общество при опоре на потенциал правового государства рассматривает и воспринимает право только как ценностное явление и отвергает систему права или ее отдельные компоненты, если они противоречат жизненным интересам и потребностям человека, ограничивают, тормозят, сводят на нет реализацию его естественных и неотчуждаемых прав и свобод.

Разумеется, ставка на право, как исключительно ценностное явление, во многом приближена к ориентации на правовой идеал, но и мириться с негативными аспектами действующей системы права гражданское общество никоим образом не может. Главное назначение гражданского общества – служить интересам каждой личности, отстаивать ее естественные права и свободы. Поэтому любые правовые перекосы, отвергающие и искажающие ценности права, не могут не находить осуждения со стороны развивающегося гражданского общества и его демократических институтов.

Даже при самой несовершенной, несправедливой системе действующего законодательства дух права как ценностного общественного феномена незримо присутствует в соответствующих общественных отношениях и дает их участникам надежду относительно того, что жизненное обстоятельство, подлежащее правовой регламентации, несмотря на всю его сложность и непредсказуемость, в конечном счете, будет разрешено не самым худшим образом. В этой связи интерес представляет следующий взгляд на понимание ценности: «Ценность не просто существует, но всегда обнаруживает некий плюс, потому она и ценность, что обладает предпочтительным правом на существование. Этот вопрос необходимо требует объяснения, и отсутствие такого объяснения всегда чувствуется как некая пустота» [1, с. 99-100]. Применительно к праву это означает, что оно всегда противостоит злу, отстаивает человеческое достоинство, поэтому должно рассматриваться в качестве исключительно ценностной категории.

Право ценно не само по себе, а в связи с теми целями, посредством которых возможно достичь позитивных и значимых результатов. И, несмотря на то, что «возможности права, действительно, ограничены, без нормального права и здорового правосознания не может сложиться и здоровое общество, здоровое государство» [5, с. 211]. Признание гражданским обществом права как непреходящей ценности объясняется, прежде всего, тем обстоятельством, что правовое регулирование осуществляется главным образом ради достижения тех положительных результатов, которые коренным образом влияют на жизнедеятельность и самого общества, и его членов.

В условиях становления и развития гражданского общества и правовой государственности конкретное действующее законодательство определенным образом влияет на оценку состояния и потенциала права, но без какого бы то ни было ущерба для признания его ценностным явлением. Объяснение этому фактору заключается в том, что социальная и правовая действительность подтверждают наличие позитивных жизненных перемен, достигнутых не в последнюю очередь на основе правового воздействия на определенные общественные отношения.

О ценностной сущности права не следует судить, исходя лишь из характера и регулятивной направленности действующего законодательства в конкретных жизненных условиях. Право как ценность становится тем ориентиром, которому необходимо следовать с тем, чтобы придать упорядочению конкретных общественных отношений ту целевую направленность, которая ведет к позитивным переменам, итогам, результатам, признаваемым и обществом в целом, и большинством его членов. Подобное состояние социальной и правовой действительности может ассоциироваться лишь с функционированием гражданского общества, прибегающего при необходимости к услугам правового государства. Право, в конечном счете, – резерв тех ценностей, которые трансформируются в действующую систему права и используются в гражданском обществе и правовом государстве в целях разрешения многообразных жизненных проблем. При этом приоритетом остаются реализация прав и сво-

бод личности, обеспечение ее достойного существования.

Важной особенностью функционирования гражданского общества является то, что правовая регламентация соответствующих общественных отношений сочетается с подключением к этому процессу других видов социальных норм, воспринятых потребностями данного общества. Особое значение в этой сфере имеет взаимодействие юридических норм и норм нравственности (морали). Именно этим видам социальных норм отводился наибольший удельный вес во всей системе нормативного регулирования. Привлечение к процессам правового регулирования потенциала принципов и норм морали, других видов социальных норм усиливает механизмы правового воздействия на регулируемые жизненные обстоятельства.

Указанное нормативное взаимодействие повышает эффективность разрешения самых сложных аспектов социальной и правовой действительности, поднимает на новый уровень ценностный авторитет права, расширяет сферы доверия к процессам нормативного регулирования со стороны все более значительной части членов гражданского общества. Члены общества как реальные и потенциальные субъекты права во все большей массе становятся носителями того правосознания, которое развивается на основе признания права и правовых законов той ценностью, которая естественным образом востребуется интересами гражданского общества, человека и гражданина.

Взаимодействие юридических норм и социальных норм иных видов предопределено тем существенным фактором, что такое взаимодействие основано на принципах социальной справедливости, духовности и нравственности, других общественно значимых ценностях, которые в полной степени воспринимаются и отражаются правом. Мысль о том, что право есть «низший предел, или некоторый минимум нравственности, равно для всех обязательный» [4, с. 535] характеризует ценностные аспекты права, которые проявляют себя в практическом плане в процессе регулирования многогранных общественных отношений, куда направляется и потенциал различных неюридических социальных норм. Ценностное призвание права состоит в том, чтобы «установить совместную жизнь людей так, чтобы на столкновения, взаимную борьбу, ожесточенные споры тратилось как можно меньше душевных сил» [3, с. 24]. Указанная миссия права усиливается и становится более эффективной при привлечении всего того нормативно-регулятивного потенциала, которым располагает гражданское общество.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Основы философии права. М., 1999.
2. Гулиев В.Е. Государство и гражданское общество // Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А. Проблемы теории государства и права. М., 2005.
3. Ильин И.А. Порядок или беспорядок? М., 1917.
4. Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1998.
5. Поляков А.В. Общая теория права. СПб., 2001.

References:

1. Alekseev S.S. Fundamentals of the Philosophy of law. Moscow, 1999.
2. Guliev V.E. The State and civil society // Golovistikova A.N., Dmitriev Yu.A. Problems of the theory of state and law. Moscow, 2005.
3. Ilyin I.A. Order or disorder? Moscow, 1917.
4. Nersesyants V.S. Philosophy of Law. Moscow, 1998.
5. Polyakov A.V. General theory of law. St. Petersburg, 2001.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_208

УДК 347

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ИНТЕГРАЦИЯ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРИЯ, МЕХАНИЗМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ
CIVIL LAW INTEGRATION OF NEW SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: THEORY, MECHANISMS, PROSPECTS

ГОДОВАНИК Евгений Валентинович,
доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Севастопольского филиала Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.
Россия, г. Севастополь, ул. Гоголя, 23.
E-mail: conferencemdgu@mail.ru;

КВАЧ Сергей Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры Е5 «Техносферная безопасность и вычислительная механика» БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова.
Россия, г. Санкт-Петербург, уд. 1-я Красноармейская, д. 1/21.
E-mail: kvachss@ya.ru

GODOVANIK Evgeny Valentinovich,
Doctor of Law, Associate Professor, Leading Researcher
Sevastopol Branch of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.
Russia, Sevastopol, Gogol St., 23.
E-mail: conferencemdgu@mail.ru;

KVACH Sergey Sergeevich,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the E5 Department of Technosphere Safety and Computational Mechanics at the D.F. Ustinov BSTU VOENMEH.
1/21 1st Krasnoarmeyskaya Street, Saint Petersburg, Russia.
E-mail: kvachss@ya.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена комплексному исследованию гражданско-правовой интеграции Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей в правовую систему Российской Федерации. Авторы анализируют теоретические основы данного процесса, характеризуя его как управляемую трансформацию правового порядка и селективную рецепцию российского гражданского права, направленную на преодоление правового дуализма. Детально рассматриваются ключевые законодательные механизмы интеграции, а также подзаконное регулирование и формирующуюся судебную практику, играющую критическую роль в условиях пробельности и коллизий законодательства. Выявляются основные гражданско-правовые проблемы переходного периода: коллизия норм в повседневном обороте, сложности верификации «старых» прав (особенно вещных), кадровый дефицит и инфраструктурные проблемы. Обосновываются перспективные направления дальнейшей интеграции, такие как полная унификация законодательства к 2026 году, совершенствование переходных механизмов, развитие единообразной судебной практики, интеграция информационных систем и возможная адаптация законодательства к региональной специфике после завершения унификации. Делается вывод о сложном, многогранном характере интеграции, требующем дальнейших усилий для обеспечения правовой определенности и доверия к российской правовой системе на новых территориях.*

Abstract: *The article is devoted to a comprehensive study of the civil law integration of the Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporozhia and Kherson regions into the legal system of the Russian Federation. The authors analyze the theoretical foundations of this process, characterizing it as a controlled transformation of the legal order and a selective reception of Russian civil law aimed at overcoming legal dualism. The key legislative mechanisms of integration are considered in detail, as well as subordinate legislation and emerging judicial practice, which plays a critical role in the conditions of legislative gaps and conflicts. The main civil law problems of the transition period are revealed: the conflict of norms in everyday circulation, the difficulties of verifying "old" rights (especially property rights), personnel shortages and infrastructural problems. Promising areas for further integration are substantiated, such as the complete unification of legislation by 2026, the improvement of transitional mechanisms, the development of uniform judicial practice, the integration of information systems and the possible adaptation of legislation to regional specifics after the unification is completed. The conclusion is drawn about the complex, multifaceted nature of integration, which requires further efforts to ensure legal certainty and trust in the Russian legal system in the new territories.*

Ключевые слова: *гражданско-правовая интеграция, новые субъекты РФ, правопреемство, переходные положения, вещные права, обязательственное право, правовая определенность.*

Keywords: *civil law integration, new subjects of the Russian Federation, succession, transitional provisions, property rights, law of obligations, legal certainty.*

Для цитирования: *Годованик Е.В., Квач С.С. Гражданско-правовая интеграция новых субъектов Российской Федерации: теория, механизмы, перспективы // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 208-211. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_208.*

For citation*: Godovanik E.V., Kvach S.S. Civil law integration of new subjects of the Russian Federation: theory, mechanisms, prospects // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 208-211. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_208.*

Статья поступила в редакцию: 21.12.2025

Воссоединение исторических территорией с Российской Федерации, произошедшее в 2022 году как результат свободного волеизъявления граждан, поставило перед законодателем и правоприменителем беспрецедентную задачу: интеграцию территорий с действующей на тот момент, но кардинально отличной правовой системой, в единое правовое поле России. Гражданско-правовая (частноправовая) интеграция выступает ключевым элементом этого процесса, обеспечивая стабильность экономического оборота, защиту прав собственности и предсказуемость договорных отношений.

Данная статья ставит целью исследовать теоретические основания (правовая природа интеграции), действующие механизмы (законо-

дательные и практические инструменты) и перспективы (направления развития и прогнозируемые сложности) гражданско-правовой интеграции новых субъектов Российской Федерации.

В рассматриваемых обстоятельствах, речь идет о целенаправленной рецепции (заимствовании) российской правовой модели на территории, где ранее действовала иная правовая система. Теоретически этот процесс можно охарактеризовать как:

А) Селективную рецепцию. Российское гражданское право внедряется поэтапно и с изъятиями (переходные периоды, сохранение действия отдельных украинских норм на время).

Б) Управляемую трансформацию правового порядка. Государство активно формирует новый правопорядок, используя как законодательные акты прямого действия, так и делегируя полномочия органам власти субъектов и судам для решения конкретных коллизий.

В) Преодоление правового дуализма в переходный период[1]. Основная задача – ликвидация ситуации параллельного действия или конфликта норм российского и «унаследованного» от предыдущей правовой системы права.

Прежде всего, необходимо рассмотреть законодательные и правоприменительные механизмы, обеспечивающие имплементацию российской цивилистической модели, включая подзаконное регулирование.

Основу интеграционного каркаса в сфере частноправового регулирования общественных отношений составляют:

1. Федеральные конституционные законы, которые закрепили статус новых субъектов, установили переходный период (до 1 января 2026 года) и базовый принцип, в соответствии с которым с даты принятия в РФ приоритет имеет российское законодательство, однако до урегулирования вопросов в федеральных законах допускается применение местных норм, если они не противоречат Конституции РФ, основам публичного правопорядка и не нарушают права граждан, что создало уникальный «гибридный» правовой режим, обозначаемый как правовой режим переходного периода.

2. Федеральные законы, детализирующие применение гражданского законодательства РФ. В частности, в июле 2024 г. законодательно были установлены особенности признания на территории РФ документов, являющихся основанием для государственной регистрации прав на недвижимое имущество, подтверждающих возникновение, изменение, ограничение, переход или прекращение прав на такое имущество, обременение такого имущества и действовавших на территории новых субъектов РФ на день их принятия в состав РФ.

3. Подзаконные акты Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти, которые конкретизируют процедуры (регистрация прав на недвижимость по местным документам, перерегистрация юридических лиц, порядок ввоза / вывоза имущества и т.п.).

В условиях пробельности и коллизий законодательства критическое значение также приобретает судебное толкование, выполняющее следующие ключевые функции:

1. Формирование переходной судебной практики. Суды активно вырабатывают подходы к разрешению споров, возникающих на стыке двух правовых систем (например, действительность договоров, заключенных по предыдущему праву; защита владения; исполнение обязательств в условиях смены валюты и юрисдикции).

2. Адаптация российской доктрины. Суды применяют общие принципы российского гражданского права (добросовестность, разумность, справедливость)[2] к ситуациям, сложившимся в специфических условиях реинтегрированных исторических регионов Российской Федерации.

3. Восполнение пробелов. Судебные решения, с известной долей условности применительно к континентальной семье права, дефакто становятся источниками права в отсутствие четких законодательных предписаний по конкретным вопросам переходного периода.

Необходимо отметить, что несмотря на развитую и своевременно сформированную законодательную базу, исследуемый процесс сталкивается с серьезными трудностями, имеющими объективный характер детерминации.

Как представляется, наиболее ощутимо для граждан проявляются правоприменительные проблемы в сфере вещных прав, прежде всего – касательно права собственности на недвижимость. Также возникают значительные сложности с подтверждением и легитимацией правомочий собственников в условиях неполноты, повреждения или отсутствия реестров (кадастровых, регистрационных), а также из-за особенностей украинского законодательства о приватизации, действовавшего в предыдущий период, т.н. «дачной амнистии» или регистрации прав в период действия военного положения в реинтегрированных субъектах Российской Федерации.

Проблемы с кадастровым учётом недвижимости, к примеру, предполагается решить к 2030 году. Кроме того, как справедливо указывают исследователи, в определенных случаях «возникают вопросы удостоверения личности заявителя при подаче документов о государственной регистрации организации»[3].

Возникают коллизии при изменении существенных условий договора (валюты платежа, места исполнения, юрисдикции) после вхождения территорий в состав РФ. Исполнение обязательств, возникших в предыдущей валюте (гривнах), в условиях перехода на российский рубль и изменения экономической конъюнктуры порождает споры о соразмерности встречного предоставления, возможности расторжения или изменения договора.

[1] Денисов С.А. Риски в переходных правовых системах // Вестник Гуманитарного университета. – 2020. – № 4. – С. 29-40.
[2] Ткаченко А.А. Понятие и система принципов гражданского права // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2012. – № 84. – URL: https://ej.kubagro.ru/2012/10/pdf/10.pdf (дата обращения: 21.12.2025).
[3] Семенова И.В., Копенкин Н.В., Бородина О.А. Особенности государственной регистрации некоммерческих организаций в Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской области и Херсонской области // Вестник Российской правовой академии. – 2023. – № 4. – С. 67.

Серьезные проблемы возникают в наследственных правоотношениях. Открытие наследства могло произойти как до, так и после присоединения территорий, а наследники могут проживать как в новых субъектах РФ, так и на территории Украины или в третьих странах.

В описанных ситуациях применяются коллизионные правила, в соответствии с которыми к наследству, открывшемуся до вхождения территории в РФ, в принципе применяется украинское право, действовавшее на момент открытия, но это порождает сложности в определении круга наследников, размера обязательной доли, порядка принятия наследства и подтверждения прав нотариусами, работающими уже в рамках российского законодательства. Возникают вопросы о действительности завещаний, составленных по украинским нормам, и возможности их исполнения в РФ. Существует и множество иных проблем правоприменения и коллизионного регулирования частноправовых отношений в переходный период.

Судебная система новых регионов, находящаяся в стадии реформирования, перегружена делами, связанными именно с переходными гражданско-правовыми спорами, а формирование единообразной судебной практики объективно требует времени[1].

В обобщённом виде, существующие гражданско-правовые проблемы реинтеграции исторических субъектов Российской Федерации можно очертить в четыре основных пункта:

1. Коллизия норм в повседневном обороте, порождающая неясность, какое право применить в конкретной ситуации (особенно в сделках с длительным исполнением, начатым до присоединения).

2. Верификация «старых» прав (сложности с подтверждением прав собственности, особенно на недвижимость, в условиях неполноты или утраты реестров, а также в связи с особенностями украинского законодательства о приватизации, амнистии капиталов и т.д.).

3. Кадровый дефицит (нехватка юристов и судей, глубоко знающих и российское, и украинское право, необходимых для квалифицированного разрешения возникающих в повседневном правоприменении коллизий).

4. Инфраструктурные проблемы, из которых проистекает необходимость интеграции реестров (ЕГРН, ЕГРЮЛ) и судебных систем новых субъектов Российской Федерации.

Завершение переходного периода (1 января 2026 г.) – это важная веха, но не финал интеграции. В связи с этим, можно выделить следующие перспективные направления:

1. Полная унификация правовой системы, означающая поэтапный отказ от применения местных норм и полный переход на российское федеральное гражданское законодательство ко всем видам правоотношений.

2. Совершенствование переходного законодательства (устранение выявленных пробелов и противоречий в федеральных законах и подзаконных актах, разработка более детальных процедур верификации вещных прав).

3. Развитие судебной практики (систематизация и обобщение Верховным Судом Российской Федерации правоприменительных подходов к разрешению наиболее типичных коллизий переходного периода для обеспечения единообразия).

4. Интеграция информационных систем, означающая полноценное включение реестров новых субъектов в федеральные информационные ресурсы (ЕГРН, ЕГРЮЛ/ЕГРИП, Федресурс).

5. Правовое просвещение (активная работа по разъяснению норм российского гражданского права населению и бизнесу новых регионов).

6. Адаптация законодательства к специфике регионов, возможная после полной частноправовой унификации, а именно – возможный учет в законодательстве субъектов Российской Федерации (но исключительно в рамках федерального гражданского законодательства) некоторых особенностей регулирования, учитывающих экономическую или социальную специфику новых субъектов (аналогично особенностям Крыма и Севастополя), но без создания параллельной гражданско-правовой системы.

Таким образом, гражданско-правовая интеграция новых субъектов Российской Федерации представляет собой сложный, многогранный процесс, сочетающий элементы рецепции права, управляемой трансформации и преодоления глубокого правового дуализма. Законодательные механизмы (система ФКЗ, ФЗ, федеральных подзаконных актов) создали необходимый каркас, а правоприменительная практика активно разрешает на его основе конкретные коллизии. Однако сохраняющиеся проблемы правовой определенности, верификации вещных прав и кадрового обеспечения правовой помощи по гражданско-правовым делам, безусловно, требуют дальнейших усилий законодателя, органов исполнительной власти и судебной системы.

Успешная интеграция предполагает не только формальную замену украинских законов российскими, но и обеспечение реального действия российских цивилистических институтов, формирование доверия к новой правовой системе со стороны населения и бизнеса.

Завершение переходного периода в 2026 году должно стать точкой, после которой гражданский оборот на территории новых субъектов Российской Федерации будет функционировать исключительно в монистической парадигме российского гражданского права, обеспечивая стабильность и предсказуемость экономических отношений.

Дальнейшие перспективы связаны с тонкой настройкой федерального гражданского законодательства к местным условиям и глубокой интеграцией в общероссийское правовое и экономическое пространство.

Теоретическая модель и практические механизмы, разработанные в ходе реализации нынешнего этапа гражданско-правовой интеграции, могут стать важным прецедентом для возможных аналогичных процессов в будущем.

Список литературы:

1. Денисов С.А. Риски в переходных правовых системах // Вестник Гуманитарного университета. – 2020. – № 4. – С. 29-40.
2. Пичужкин К.В., Шумов П.В. Проблемы организации органов судебной власти в новых субъектах Российской Федерации: теория на службе практики // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 4. – С. 145-147.
3. Семенова И.В., Копенкин Н.В., Бородина О.А. Особенности государственной регистрации некоммерческих организаций в Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской области и Херсонской области // Вестник Российской правовой академии. – 2023. – № 4. – С. 61-71.
4. Ткаченко А.А. Понятие и система принципов гражданского права // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2012. – № 84. – URL: https://ej.kubagro.ru/2012/10/pdf/10.pdf (дата обращения: 21.12.2025).

References:

1. Denisov S.A. Risks in transitional legal systems // Bulletin of the University of Humanities. 2020. No. 4. pp. 29-40.
2. Pichuzhkin K.V., Shumov P.V. Problems of the organization of judicial authorities in the new subjects of the Russian Federation: theory in the service of practice // Agrarian and Land law. – 2025. – No. 4. – pp. 145-147.
3. Semenova I.V., Kopenkin N.V., Borodina O.A. Peculiarities of state registration of non-profit organizations in the Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhia region and Kherson region // Bulletin of the Russian Law Academy, 2023, No. 4, pp. 61-71.
4. Tkachenko A.A. The concept and system of principles of civil law // Polythematic online electronic Scientific Journal of the Kuban State Agrarian University. – 2012. – No. 84. – URL: https://ej.kubagro.ru/2012/10/pdf/10.pdf (date of request: 12/21/2025).

[1] Пичужкин К.В., Шумов П.В. Проблемы организации органов судебной власти в новых субъектах Российской Федерации: теория на службе практики // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 4. – С. 145-147.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_212

УДК 342.5

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ НА РФ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ ЕАЭС И ОДКБ
INTERNATIONAL LEGAL CONSEQUENCES OF SANCTION PRESSURE ON THE RUSSIAN FEDERATION FOR LAW ENFORCEMENT COOPERATION WITHIN THE EAEU AND THE CSTO

РАШИДОВ Исмат Габиль оглы,
аспирант кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН).
ул. Миклухо-Маклая, 6, г. Москва, 117198, Россия.
E-mail: 1142240295@pfur.ru

RASHIDOV Ismat Gabil ogly,
Postgraduate student of the department of judicial power, civil society and law enforcement of RUDN University.
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia.
E-mail: 1142240295@pfur.ru

Краткая аннотация: *В эпоху, когда страны «коллективного Запада» активно продвигают стратегическое ослабления Российской Федерации, усиление санкций и стремления к экономической изоляции, важность укрепления связей с союзными государствами значительно возрастает. Эти страны характеризуются отсутствием угрозы для территориальной целостности, политической и экономической стабильности России и ориентированы на глубокое сотрудничество в различных сферах, включая политику, экономику, правопорядок и культуру. Актуальность данного анализа подтверждается необходимостью понимания, как беспрецедентные санкции влияют на эффективность правоохранительного взаимодействия в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), где санкции вносят новые правовые и организационные препятствия. В контексте глобальных изменений мирового порядка необходимо рассмотреть международно-правовые механизмы, которые позволяют интеграционным блокам адаптироваться к санкционным ограничениям, что критически важно для поддержания региональной стабильности и безопасности.*

Abstract: *In an era where the countries of the "collective West" are actively promoting the strategic weakening of the Russian Federation, increasing sanctions, and seeking economic isolation, the importance of strengthening ties with allied states has significantly increased. These countries are characterized by a lack of threat to Russia's territorial integrity, political and economic stability, and a focus on deep cooperation in various fields, including politics, economics, law enforcement, and culture. The relevance of this analysis is confirmed by the need to understand how unprecedented sanctions affect the effectiveness of law enforcement cooperation within the Eurasian Economic Union (EAEU) and the Collective Security Treaty Organization (CSTO), where sanctions introduce new legal and organizational obstacles. In the context of global changes in the world order, it is necessary to consider the international legal mechanisms that allow integration blocs to adapt to sanctions restrictions.*

Ключевые слова: *санкции, ЕАЭС, ОДКБ, правоохранительная деятельность, сотрудничество.*
Keywords*: sanctions, EAEU, CSTO, law enforcement, and cooperation.*

Для цитирования: *Рашидов И.Г. оглы. Международно-правовые последствия санкционного давления на РФ для правоохранительного сотрудничества в рамках ЕАЭС И ОДКБ // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 212-215. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_212.*
For citation: *Rashidov I.G. ogly. International legal consequences of sanction pressure on the Russian Federation for law enforcement cooperation within the EAEU and the CSTO // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 212-215. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_212.*

Статья поступила в редакцию: 26.01.2025

В соответствии с новой Концепцией внешней политики Российской Федерации (2023), страна нацелена на создание интегрированного евразийского союза, ориентированного на стабильность и взаимное доверие. В этом контексте, российские государственные институты акцентируют внимание на разработке механизмов, способствующих обеспечению устойчивой и единой безопасности для всех участников соответствующих евразийских объединений. Для углубления сотрудничества в этом направлении инициирован проект «евразийской системы безопасности», который предусматривает консолидацию усилий государств в военных, энергетических и противодействии транснациональным угрозам.

Институциональное развитие межпарламентского сотрудничества становится ключевым направлением для повышения уровня безопасности. Парламентская дипломатия эффективно способствует укреплению интеграционных процессов в регионе постсоветских государств. В работе А.С. Миксюка [6, с. 764] акцентируется внимание на развитии межпарламентских структур СНГ, включая такие организации, как Межпарламентская Ассамблея СНГ, Парламентская Ассамблея ОДКБ и Межпарламентская Ассамблея ЕврАзЭС. Однако, как указывается [3, с.200], отсутствие специализированного парламентского органа в рамках ЕАЭС существенно снижает эффективность мультилатерального взаимодействия, ограничивая его преимущественно билатеральными контактами.

С 2014 года введенные западными странами санкции стали значимым внешним воздействием, существенно повлиявшим на деятельность евразийских интеграционных структур, включая Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Эти меры, предпринятые в связи с аннексией Крыма и усилением армейских столкновений на востоке Украины, привели к переосмыслению и изменению устоявшихся институциональных рамок альянса.

На протяжении длительного времени экономические санкции неожиданно способствуют укреплению международно-правовых позиций организаций вроде ЕАЭС и ОДКБ, мотивируя их на разработку независимых систем правоохранительного взаимодействия.

Для стран-членов, особенно для Республики Беларусь и Республики Казахстан, введение санкций оказалось не просто экономическим испытанием, но и причиной возрастания угроз национальной безопасности [2, с. 66]. В академических кругах это обстоятельство обрело термин «внутрисоюзная дилемма безопасности», когда доминирующий государство-партнер в альянсе переходит из роли защитника в роль возможного источника опасности [4].

В период действия санкций возникают значительные препятствия для осуществления кооперации в рамках проведения совместных следственных операций и оперативно-розыскных активностей между правоохранительными структурами государств-членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Существенные трудности также наблюдаются в области глобального взаимодействия. Помимо активной работы с разнообразными международными организациями, поддержка эффективных партнерских связей сталкивается с проблемой недостаточной регуляторной базы. Отсутствие четко определенной методики присвоения статуса партнера затрудняет процесс включения новых субъектов в сотрудничество.

Для устранения возникших проблем требуется стандартизация процессов мониторинга и сопровождающее это систематизирование методик подготовки заключительных отчетов. Немаловажно также сформировать детализированный регламент для определения причин и порядка обработки дел, а также полномочий взаимодействующих организаций [5]. Внедрение этих мероприятий способствует улучшению координации, открытости и прогнозируемости процессов, что, в свою очередь, повысит результативность парламентского сотрудничества стран-участниц Организации Договора о коллективной безопасности, укрепляя ее заметность в задачах гарантирования коллективной безопасности в евразийском регионе.

Отличаясь от других региональных агрегаций, ЕАЭС не содержит межпарламентской структуры, что усложняет процесс углубления интеграционных процессов. Действующая модель, основанная на контроле за выполнением обязательств в основном после их реализации через Суд ЕАЭС и национальные законодательные органы, показывает свои ограничения. Построение парламентской структуры становится не только политическим стремлением, но и важным инструментом для активизации интеграционного потенциала, целостности экономической среды. В такой перспективе целесообразно соблюдать постепенность, укрепляя уже существующие системы юридической координации и аккуратно прокладывая путь к парламентаризации [9, с. 155].

В рамках представленного анализа можно утверждать, что укрепление межпарламентских связей, повышение уровня доверия и эффективное решение межгосударственных конфликтов на основе компромисса способствуют повышению эффективности работы парламентских органов.

Имплементация международных санкций привела к блокировке доступа к ведущим глобальным ресурсам, включая социальные медиа, мессенджеры и поисковики. Это затруднило для российских пользователей доступ к иностранным литературным ресурсам, которые содействовали освоению языка и культуры других стран. Ограничения на международные платежные системы и логистические сети усложняют финансирование международных операций и проведение криминалистических исследований, повышают риск утечек защищенной информации через нестабильные западные коммуникационные каналы, тем самым ускоряя переход к защищенным автономным платформам обмена данными в рамках организации [8]

Ограничения доступа к информации создают барьеры для получения объективных данных, ведь пользователям становится недоступен широкий спектр источников. Изоляция информационного поля способствует повышению популярности национальных веб-платформ, что ведет к усилению государственного надзора в сфере интернета.

В ответ на санкционное давление происходит активная координация законодательных мер стран-участниц в области борьбы с финансовыми преступлениями и киберугрозами, усиливающимися на фоне фрагментации мировой экономики.

Интеграционные процессы влияют на трансформацию правовой системы Российской Федерации, которая является частью более крупной юридической структуры Союза. Экстернальные вызовы, включая экономические санкции, стимулируют формирование нового, более современного законодательства, в частности в сфере параллельного импорта. Такие изменения требуют глубинного теоретического анализа и пересмотра. Существующие регуляторные механизмы обеспечения работы общего транспортного пространства Союза остаются в силе, несмотря на трансформации. Однако текущая система испытывает трудности в полномасштабном функционировании из-за проблем в законодательном обеспечении таможенных операций, что периодически провоцирует возникновение конфликтных ситуаций.

Инновационная стратегия внедрения параллельного импорта в России способствует расширению горизонтов экономической деятельности за пределы страны, до границ стран-партнёров Евразийского экономического союза. Это в свою очередь предполагает возникновение новых аспектов в правовом, экономическом, транспортном и таможенном регулировании. Страна сталкивается с новыми вызовами на фоне изменения международного взаимодействия и внешнеполитических условий.

Активно развивающиеся процессы интеграции способствуют выявлению проблем в законодательстве и их последующему устранению путем инкорпорации в российскую правовую систему новых нормативных актов. Эти акты, основываясь на анализе законодательства стран-участников ЕАЭС, направлены на ускоренное совершенствование правовой системы этого межгосударственного объединения [7]

Страны, входящие в любой международный интеграционный союз, особенно в свете глобальных вызовов, должны стремиться к углублению взаимодействия и экономической интеграции на мировой арене. Эффективное взаимодействие в рамках Союза способствует успешным экономическим отношениям. Изменения в глобальных логистических сетях, зафиксированные в 2022-2023 годах, подчеркивают потенциал для развития новых интеграционных объединений с государствами, уже демонстрирующими тесное экономическое сотрудничество и выгодное

взаимодействие в области транспорта.

Согласно указанию Федеральной таможенной службы РФ, предпринимаются шаги по усовершенствованию нормативно-правовой базы в области административных нарушений и оптимизации процедур контрольной функции таможни [10].

На форумах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) усиливаются инициативы по разработке наднациональных юридических механизмов, способствующих преодолению экономических санкций. Это включает в себя создание систем взаимного признания банковских гарантий и электронных доказательств, что способствует формированию обновленной доктрины регионального правопорядка и безопасности.

Анализ архивных материалов Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) за последние десять лет после введения санкций показывает отчетливый тренд переориентации с агрессивной стратегической линии на поддержание стабильности в регионе. В контексте документов 2014-2016 годов видно, что организация стремилась укрепить политическую солидарность среди членов во времена углубляющегося безопасностного кризиса, актуализированного событиями на Украине и в Сирии. При этом осуществлялось сдерживание прямой поддержки позиций России, что особо заметно в формулировках Совместного заявления 2014 года [1]

С 2016 года наблюдается устойчивое направление к институциональному согласованию через укрепление структур, занятых антикризисными и антитеррористическими функциями в ОДКБ. Это свидетельствует о желании организации перейти к технократическому подходу в ведении своей деятельности. В этот период ОДКБ уменьшает упор на идеологически завуалированную речь, переориентируясь на практические области, такие как кибербезопасность, механизмы кризисного реагирования и проведение региональных учений и тренировок.

План реагирования на кризисные ситуации 2020 года представляет собой значимый пример расширения полномочий в контексте внутренней дестабилизации в государствах-участниках, что называется институциональным прецедентом. Тем не менее, даже в этом стратегическом документе четко прослеживается зависимость от концепций государственного суверенитета и территориальной целостности, свидетельствуя о ограниченных возможностях Организации Договора о коллективной безопасности в выполнении своих функций [11, с. 25-30].

В условиях увеличивающегося санкционного давления на международной арене, экономические показатели между Россией и Казахстаном демонстрируют эффективность адаптивных механизмов сотрудничества. Например, объем взаимной торговли между двумя странами не только устоял перед вызовами, но и продемонстрировал рекордное увеличение до примерно 27 миллиардов долларов по данным за 2022 год, что свидетельствует о переориентации торговых потоков, обходя существующие ограничения. Тем не менее, расширение экономических связей между странами не было сопряжено с укреплением военно-политической интеграции. Заметным является факт, что во время председательства Казахстана в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в 2024 году не было предложено новых проектов по глубокой интеграции. Вместо этого, акцент был сделан на поддержании региональной стабильности и политики модерации и сдерживания, что институционально отразило сдвиг внутри организации от стратегического альянса к более ограниченной координации, нацеленной на поддержание текущего статус-кво.

Анализ устойчивости организации ОДКБ указывает на то, что ее внутренняя сплоченность сохраняется за счет применения механизмов, не требующих значительных энергетических затрат. Страны-члены выражают фактическую лояльность к альянсу, исполняя основные обязательства и участвуя в официальных событиях, несмотря на сохранение нейтрального тон в риторике и стремление избегать действий, способных вызвать политические риски. Избирательная многовекторная внешняя политика Казахстана и общая динамика международного влияния способствуют расхождению стратегических целей государств-участников и снижают интенсивность их практического взаимодействия [2, с. 66].

Создание евразийской структуры обеспечения безопасности представляет собой логичный и исторически предопределенный процесс, обусловленный ключевыми факторами, критически важными для стран данного региона. Россия, несомненно, занимает позицию ведущего геополитического актора в Евразии и единственной страны с трехсотлетним опытом участия в европейских системах межгосударственных отношений и международных структурах безопасности. С середины 2000-х гг., она активно стремилась разработать совместную систему безопасности с западными государствами. Однако эти усилия не увенчались успехом из-за нежелания Запада признавать Россию как полноценного участника международного диалога в постсоветский период, включая право на национальные интересы в области безопасности после проигрыша в холодной войне.

После начала кризиса на Украине в 2013 году и последующего присоединения Крыма к России в 2014 году, санкционное давление Запада на Москву вызвало ее укрепление связей с ведущими государствами Евразийского континента. Эскалация напряженности спровоцировала серьезные обсуждения о необходимости создания механизмов евразийской безопасности. Такая система предполагает формирование структуры оборонной сотрудничества, учитывающей как уроки систем западного доминирования и других локальных моделей, так и трансатлантическую политику в отношении стран за пределами Северной Америки и Европы.

В этом контексте ключевым аспектом является понимание, что разработка новой системы не направлена на конфронтацию с Западом; она не представляет собой союз против традиционных антагонистов или колониальных центров власти. Данная инициатива стремится к формированию многополярного, фрагментированного порядка, зиждущегося на принципе, что региональные государства имеют право самостоятельно задавать критерии, определяющие уровень внутренней и периферийной безопасности в рамках этой системы, что в итоге должно способствовать установлению принципа равной и неделимой безопасности [3, с. 204]

Разработка евразийской системы безопасности представляет собой многоступенчатый и сложный процесс, чувствительный к взаимодействиям между главными региональными державами и подверженный воздействию внешних сил. Прогнозируется, что влияние последних

продолжит усиливаться. Существующий глобальный порядок стремится к сохранению статус-кво с минимальными коррективами, что является причиной возникновения множества острых конфликтов в районах, где сталкиваются разные цивилизации с их уникальными социально-политическими структурами, идеологическими установками, культурными взглядами и экономическими системами. В этом контексте создание евразийской безопасности является ответом на потребность в формировании более справедливой и стабильной международной системы. Несмотря на препятствия, данный процесс энергично продвигается вперед, и его успешность будет зависеть от способности евразийских государств достичь консенсуса и объединить усилия в противостоянии общим вызовам в сферах безопасности и суверенитета.

Исследование выявило множество различий в структурах и терминологии, используемых для обозначения текущей проблемы. Продолжение успеха Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) требует унифицированного понимания и интерпретации правовых норм Союза со стороны всех правоприменительных органов государств-членов. Традиционно, торговые эмбарго и прочие ограничительные меры устанавливают полный запрет на ввоз определённых товаров на единую таможенную территорию [4]. Параллельный экспорт из пяти государств-членов таможенного союза признан легализованным лишь в двух из них. Согласно автору, оптимальным решением стало бы создание специализированных правовых регламентов, которые бы управляли поведением государств-членов ЕАЭС в рамках Союза и предоставление ясных директив для выполнения координированной политики. Отсутствие конкретных положений в законодательстве государств Союза приводит к правовой неопределённости и нарушению принципов законности.

Введение экономических санкций против России странами Запада значительно нарушает установленные международные правовые нормы, что прямо влияет на сферу правоохранительного взаимодействия в пределах организаций, таких как Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Разнообразие и несогласованность в ключевых политических стратегиях среди стран-членов Евросоюза отрицательно сказываются на международных экономических связях и препятствуют реализации основной цели создания Союза - формированию интегрированной экономической зоны и общего рынка.

Список литературы:

1. Айтаков Ф. О., Крюкова Л. С. Влияние санкционной политики западных государств в информационной сфере на доступ к интернет-ресурсам российских пользователей // Вестник науки. 2025. №6 (87).
2. Акопян, А. Р. Влияние дальнейшего развития экономического сотрудничества со странами СНГ на укрепление национальной безопасности Российской Федерации / А. Р. Акопян, Е. А. Акопян, Э. Р. Гоов // Актуальные проблемы военно-научных исследований. – 2024. – № 2(30). – С. 66-78. – EDN ACOXHW.
3. Астахов, С. А. Особенности военно-технического сотрудничества России с дружественными странами на современном этапе: экономический аспект / С. А. Астахов, В. И. Гончаренко, Н. Н. Швец // Проблемы экономики и юридической практики. – 2025. – Т. 21, № 4. – С. 200-207. – DOI 10.33693/2541-8025-2025-21-4-200-207. – EDN JBMXXZ.
4. Боброва, О. Г. Особенности гибридных угроз безопасности Российской Федерации: теоретико-правовой анализ / О. Г. Боброва // Государство и право. – 2024. – № 3. – С. 117-128. – DOI 10.31857/S1026945224030118. – EDN BLTNDH.
5. Дёмина Е.П. Полномочия прокуроров, направленные на устранение нарушений природоохранного и экологического законодательства / Е.П. Дёмина // Евразийская адвокатура. — 2024. — № 1 (66). С. 79-82.
6. Метелицкая Ю.В. Легализация параллельного импорта в Российской Федерации: плюсы и минусы // Вопросы российской юстиции. 2022. №22.
7. Мохорова А.Ю, Чернозёмова ЯВ., Демидова Е.Н. Механизмы совершенствования межпарламентского сотрудничества на постсоветском пространстве // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. №4.
8. Пылин А. Г. Трансформация постсоветской евразийской интеграции в условиях санкций: возможности и риски // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. №6.
9. Трухин, А. С. Деятельность республики Узбекистан в многосторонних интеграционных объединениях СНГ, ОДКБ, ЕАЭС / А. С. Трухин, Г. А. Хмелева, М. С. Гусева // Развитие региональной экономики: новые возможности роста : Сборник научных статей III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Самара, 28 мая 2025 года. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2025. – С. 155-161. – EDN MOLLLA.
10. Самохин И.Р. Последствия санкционной политики для российско-казахстанских отношений в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (2014 г. – н. в.) // Н.Экс.Т. 2025. №4 (32).
11. Хлопко А.П. Сотрудничество государств — членов ОДКБ в рамках Парламентской Ассамблеи ОДКБ: проблемные аспекты // Управленческое консультирование. 2025. №3 (189).

References:

1. Aitakov F. O., Kryukova L. S. The influence of the sanctions policy of Western states in the information sphere on access to the Internet resources of Russian users // Bulletin of Science. 2025. №6 (87).
2. Hakobyan, A. R. The impact of further development of economic cooperation with the CIS countries on strengthening the national security of the Russian Federation / A. R. Hakobyan, E. A. Hakobyan, E. R. Gouv // Actual problems of military scientific research. – 2024. – № 2(30). – Pp. 66-78. – EDN ACOXHW.
3. Astakhov, S. A. Features of military-technical cooperation between Russia and friendly countries at the present stage: an economic aspect / S. A. Astakhov, V. I. Goncharenko, N. N. Shvets // Problems of economics and legal practice. – 2025. – Vol. 21, No. 4. – pp. 200-207. – DOI 10.33693/2541-8025-2025-21-4-200-207. – EDN JBMXXZ.
4. Bobrova, O. G. Features of hybrid threats to the security of the Russian Federation: a theoretical and legal analysis / O. G. Bobrova // State and Law. - 2024. - No. 3. – pp. 117-128. – DOI 10.31857/S1026945224030118. – EDN BLTNDH.
5. Demina E.P. The powers of prosecutors aimed at eliminating violations of environmental and environmental legislation / E.P. Demina // Eurasian Advocacy. — 2024. — № 1 (66). Pp. 79-82.
6. Metelitskaya Yu.V. Legalization of parallel imports in the Russian Federation: pros and cons // Issues of Russian Justice. 2022. No. 22.
7. Mokhorova A.Yu., Chernozemova YAV., Demidova E.N. Mechanisms for improving interparliamentary cooperation in the post-Soviet space // Eurasian integration: economics, law, politics. 2025. №4.
8. Pylin A. G. Transformation of post-Soviet Eurasian integration in the context of sanctions: opportunities and risks // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2022. No. 6.
9. Trukhin, A. S. The activities of the Republic of Uzbekistan in the multilateral integration associations of the CIS, CSTO, EAEU / A. S. Trukhin, G. A. Khmeleva, M. S. Guseva // Development of the regional economy: new growth opportunities : Collection of scientific articles of the III All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Samara, May 28, 2025 of the year. Samara: Samara State University of Economics, 2025, pp. 155-161, EDN MOLLLA.
10. Samokhin I.R. Consequences of the sanctions policy for Russian-Kazakh relations within the framework of the Collective Security Treaty Organization (2014 – present) // N.Ex.T. 2025. №4 (32).
11. Khlopko A.P. Cooperation of the CSTO member states within the framework of the CSTO Parliamentary Assembly: problematic issues aspects // Management consulting. 2025. №3 (189).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_216

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД
ECONOMIC AND LEGAL DETERMINANTS OF THE FORMATION OF THE INSTITUTE OF INSOLVENCY IN THE SOVIET PERIOD

КРАСИЛЬНИКОВ Игорь Анатольевич,
Аспирант Самарский государственный экономический университет.
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: Garabaj@mail.ru
KRASILNIKOV Igor Anatolyevich
Graduate student Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armii str., Samara, 443090 Russia
E-mail: Garabaj@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье исследуются ключевые детерминанты, обусловившие радикальную трансформацию законодательства о банкротстве в послереволюционный период. Автор анализирует динамику перехода от доктринального отрицания «буржуазных» правовых институтов в годы «военного коммунизма» к их частичной реставрации в условиях Новой экономической политики. Особое внимание уделено деструктивной роли плановой модели: обосновывается тезис о том, что установление жестких административных механизмов в начале 1930-х годов закономерно привело к вытеснению рыночных инструментов и полному исчезновению норм о несостоятельности из советского правового поля.*

Abstract: *The article examines the key determinants that led to the radical transformation of bankruptcy legislation in the post-revolutionary period. The author analyzes the dynamics of the transition from the doctrinal rejection of "bourgeois" legal institutions during the years of "war communism" to their partial restoration under the New Economic Policy. Special attention is paid to the destructive role of the planning model: the thesis is substantiated that the establishment of strict administrative mechanisms in the early 1930s naturally led to the displacement of market instruments and the complete disappearance of insolvency regulations from the Soviet legal field.*

Ключевые слова: *банкротство, несостоятельность, советское право, НЭП, плановая экономика, ГПК РСФСР, правовая доктрина.*

Keywords: *bankruptcy, insolvency, Soviet law, NEP, planned economy, CPC RSFSR, legal doctrine.*

Для цитирования: *Красильников И.А. Экономические и правовые детерминанты становления института несостоятельности в советский период // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 216-219. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_216.*

For citation: *Krasilnikov I.A. Economic and legal determinants of the formation of the institute of insolvency in the soviet period // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 216-219. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_216.*

Статья поступила в редакцию: 17.01.2025

Обращение к советскому опыту регулирования неплатежеспособности сегодня видится не просто как архивная инвентаризация декретов, а как попытка дешифровать момент радикального слома правосознания — той точки, где частный интерес был окончательно поглощен государственным диктатом. В 1920-е годы отечественная юриспруденция стала пространством жесткого — и во многом вынужденного — эксперимента: классическая цивилистическая школа [5] пыталась встроить свои институты в агрессивную среду марксистской доктрины [1]. В рамках данного исследования автор наблюдает не эволюционное развитие института, а его постепенное замещение по мере того, как рыночная многоукладность НЭПа нивелировалась «плановым катком». В конечном счете, банкротство утратило свою защитную функцию, превратившись в сугубо технический инструмент административной санации [2]. С позиций историко-правового детерминизма, этот процесс наглядно демонстрирует, как правовая форма неизбежно мимикрирует и перерождается, когда экономический базис государства разворачивается к тотальному огосударствлению.

В связи с этим автор сосредотачивается не столько на формальном перечислении декретов 1917–1931 годов, сколько на анализе концептуальных изменений в законодательстве, обусловленных глубокой финансовой дестабилизацией предприятий. Именно в выявлении факторов, заставлявших законодателя лавировать между рыночными механизмами и императивным контролем, видится ключ к пониманию генезиса специфической советской модели несостоятельности.

Стремясь выйти за рамки привычного описательного подхода, автор рассматривает исчезновение института несостоятельности в советский период не просто как результат политического запрета, а как закономерное следствие системного конфликта. С точки зрения автора, рыночный механизм ликвидации должника и распределения его имущества обнаружил глубокую несовместимость с самой логикой директивного планирования. Авторская гипотеза строится на том, что формирующаяся административная система не просто формально отменила нормы о банкротстве, а фактически вытеснила их как чужеродный элемент, утративший смысл в условиях тотального огосударствления ресурсов. В этой ситуации судебные процедуры признания долга оказались избыточными, уступив место механизмам ведомственного перераспределения убытков и административной санации предприятий.

Первые годы советской власти стали периодом беспрецедентного демонтажа классических цивилистических институтов. Несостоятельность, которая в дореволюционном праве служила механизмом «санитарной» очистки рынка [5], одной из первых попала под удар новой правовой доктрины. Автор полагает, что банкротство в этот период было вытеснено из юридической реальности не столько волевым политическим решением, сколько ввиду исчезновения самой социально-экономической среды, необходимой для его функционирования [4].

В рамках данного анализа представляется обоснованным выделить три фактора, предопределивших этот разрыв:

Во-первых, идеологический отказ от «буржуазного» правопонимания. В марксистской теории того времени неплатежеспособность трактовалась как органический порок капитализма, порожденный анархией производства [1]. В условиях перехода к социализму, где на смену рыночной стихии должно было прийти планомерное распределение, банкротство априори признавалось невозможным. С точки зрения автора, имела место подмена юридического термина политическим клеймом: несостоятельность воспринималась не как допустимый экономический риск, а как форма управленческой некомпетентности, подлежащая не судебному разбирательству, а административному воздействию.

Во-вторых, радикальная трансформация собственности через тотальную национализацию. Декреты 1917–1918 гг. фактически упразднили классического субъекта права. Когда государство сосредоточило в своих руках и активы предприятий, и их кредитные ресурсы, возник правовой тупик: судебный спор о банкротстве превращался в формальный процесс, где государство фактически судилось бы с самим собой. На наш взгляд, именно здесь кроется причина перехода от конкурсного производства к практике ведомственного перераспределения активов нерентабельных заводов [1].

В-третьих, финансовый паралич в условиях «военного коммунизма». Фактическая отмена денежного обращения лишила институт несостоятельности его материального базиса — денежного эквивалента обязательств. В ситуации, когда распределение ресурсов осуществлялось по нарядам, а категория «долга» лишилась своего юридического субстрата, автор наблюдает уникальный феномен: экономический коллапс промышленности был очевиден, но легальной формы для его фиксации не существовало — право окончательно уступило место административному усмотрению ВСНХ [3].

Таким образом, к 1921 году институт банкротства в РСФСР был практически нивелирован. Юридическая форма была принесена в жертву политической целесообразности, что создало ситуацию, когда неэффективность предприятий перестала быть юридическим фактом и стала вопросом исключительно управленческого решения.

В 1921 году рыночная реальность НЭПа вступила в жесткое противоречие с доктриной прошлых лет. Внедрение частного капитала и концессий требовало твердых гарантий, однако отсутствие законодательства о несостоятельности создавало ситуацию неопределенности, которую системе пришлось экстренно устранять через возвращение «буржуазных» норм. С точки зрения автора, это была не идеологическая либерализация, а прагматическая необходимость минимизировать риски в условиях возрождающегося товарного обмена [1]. В рамках данного этапа автор выделяет следующие векторы восстановления института:

Во-первых, ГПК РСФСР 1923 года как акт вынужденной правовой рецепции. Включение положений о несостоятельности в текст Кодекса стало признанием того, что в условиях товарно-денежных отношений субъект должен отвечать по обязательствам своим имуществом. Однако фрагментарность этих норм свидетельствовала о внутреннем сопротивлении системы: законодатель санкционировал финансовую ответственность частного капитала, сохраняя при этом административный иммунитет для государственного сектора [2].

Во-вторых, новеллы 1927 года как инструмент стабилизации оборота. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28 ноября 1927 года, дополнившее ГПК профильной главой, ознаменовало переход к более детальной регламентации. Установление минимального порога задолженности в 3000 рублей (ст. 318 ГПК) автор рассматривает как механизм селекции экономически значимых споров. Данный ценз позволил разгрузить судебную систему от мелких претензий, сосредоточив ресурс на защите интересов крупных кредиторов, среди которых доминирующее положение занимали государственные структуры.

В-третьих, формирование специфического правового дуализма. Характерной чертой периода стал конфликт между принципами хозяйственного расчета и патерналистской политикой центра. В то время как частные лица подлежали процедуре конкурсного производства в полном объеме, несостоятельность государственных трестов зачастую купировалась механизмами целевого докредитования. На взгляд автора, здесь сформировалась модель «избирательного применения права»: суд фиксировал крах частного капитала, в то время как неплатежеспособность госпредприятий скрывалась за инструментами бюджетной поддержки [1].

Резюмируя данный этап, автор приходит к выводу, что частичное восстановление института банкротства в 1920-е годы являлось тактическим компромиссом. Власти требовался функционирующий рынок, существование которого невозможно без правил признания долга. Тем не менее, сохранение приоритета государственного интереса над правами кредиторов изначально закладывало фундамент для последующей эрозии этого института при переходе к централизованному планированию [3].

К концу 1920-х годов советское правосознание достигло критической точки в попытке юридического оформления неплатежеспособности в условиях доминирующего госсектора. Принятое Постановление ЦИК и СНК СССР от 19 ноября 1929 года стало завершающим этапом развития института несостоятельности в рассматриваемый период, отразив стремление законодателя интегрировать судебную ответственность в систему социалистического строительства.

В рамках анализа данного нормативного акта автор считает необходимым выделить следующие аспекты:

Прежде всего, автором отмечается нормативное закрепление субъектной дифференциации, в рамках которой законодатель впервые провел четкую границу между регламентацией для государственных предприятий (включая смешанные акционерные общества) и кооперативных организаций. С точки зрения автора, это разделение подтверждает гипотезу о том, что государство рассматривало банкротство не как универсальный правовой стандарт, а как специфический инструмент управления, интенсивность применения которого зависела от формы собственности должника [2].

Во-вторых, приоритет ведомственной санации над судебной ликвидацией. Для государственного сектора банкротство перестало рас-

сматриваться как безусловный акт прекращения деятельности. Постановление 1929 года внедрило многоступенчатую систему согласований: прежде чем дело переходило в стадию судебного производства, вопрос решался на уровне профильного ведомства. Автор полагает, что здесь произошла фактическая подмена правовой ответственности управленческой целесообразностью: решение о ликвидации предприятия принималось не на основе баланса интересов кредиторов, а исходя из возможности его финансовой реанимации за счет бюджетных ассигнований [4].

В-третьих, функциональная трансформация правового статуса кредитора. В процедурах 1929 года права кредитора в отношении госпредприятий были существенно ограничены. Государство, выступая одновременно в роли регулятора и крупнейшего кредитора, фактически монополизировало право на определение судьбы имущества должника. По мнению автора, это превратило судебный процесс в специфическую форму административной ревизии, где защита «общенародной собственности» всегда превалировала над требованиями контрагентов [2].

Подводя итог, автор приходит к выводу, что законодательство 1929 года представляло собой попытку создать модель «планового банкротства», встроенную в вертикаль государственного управления. Однако данный механизм оказался нежизнеспособным: в условиях, когда план обрел статус закона, любая публичная констатация финансового краха государственного предприятия начала восприниматься как системная ошибка. Таким образом, Постановление 1929 года лишь подготовило почву для окончательного вытеснения судебных процедур административными методами руководства.

Логическим завершением описанного системного конфликта стало полное исключение норм о банкротстве из советской юридической практики к началу 1930-х годов. Если в период НЭПа государство допускало возможность судебного преследования должника, то с переходом к форсированной индустриализации и централизованному планированию правовая конструкция несостоятельности окончательно утратила свой объект.

Рассматривая этот процесс, автор приходит к выводу, что окончательное исчезновение института несостоятельности было продиктовано не случайным стечением обстоятельств, а воздействием нескольких фундаментальных факторов:

Во-первых, доминирование плановой дисциплины над рыночным риском. В условиях первых пятилеток эффективность предприятия начала измеряться не рентабельностью, а степенью выполнения директивных показателей. Финансовая несостоятельность завода перестала рассматриваться как основание для его ликвидации; напротив, государство гарантировало покрытие убытков через систему дотаций, чтобы предотвратить разрыв межотраслевых производственных связей. С точки зрения автора, банкротство в этой системе координат стало восприниматься как деструктивный элемент, препятствующий реализации общенационального плана.

Во-вторых, институциональные последствия Кредитной реформы 1930–1932 гг. Данная реформа фактически упразднила коммерческое кредитование, заменив его прямым банковским распределением ресурсов. Госбанк СССР, став монопольным распорядителем средств, лишил долговое обязательство его гражданско-правовой природы. В ситуации, когда кредитор и должник окончательно консолидировались в лице государственного аппарата, судебный механизм взыскания долга утратил функциональный смысл. Автор подчеркивает, что именно утрата субъектности сторон сделала невозможным дальнейшее существование конкурсного права.

В-третьих, поглощение правовых механизмов административным аппаратом. Вопросы экономической эффективности были окончательно перенесены из залов судов в компетенцию отраслевых наркоматов. Вместо процедур реализации имущества должника начали применяться методы административного слияния или ведомственного перераспределения капитала. Эта тенденция получила окончательное закрепление в кодификации 1964 года: отсутствие положений о несостоятельности в ГПК РСФСР стало констатацией того, что советская правовая система полностью заместила частноправовые методы ответственности административными мерами управления.

Логическим завершением описанного системного конфликта стало полное исключение норм о банкротстве из советской юридической практики к началу 1930-х годов. Если в период НЭПа государство допускало возможность судебного преследования должника, то с переходом к форсированной индустриализации и централизованному планированию правовая конструкция несостоятельности окончательно утратила свой объект [1].

Рассматривая этот процесс, автор приходит к выводу, что окончательное исчезновение института несостоятельности было продиктовано не случайным стечением обстоятельств, а воздействием нескольких фундаментальных факторов:

Во-первых, доминирование плановой дисциплины над рыночным риском. В условиях первых пятилеток эффективность предприятия начала измеряться не рентабельностью, а степенью выполнения директивных показателей. Финансовая несостоятельность завода перестала рассматриваться как основание для его ликвидации; напротив, государство гарантировало покрытие убытков через систему дотаций, чтобы предотвратить разрыв межотраслевых производственных связей. С точки зрения автора, банкротство в этой системе координат стало восприниматься как деструктивный элемент, препятствующий реализации общенационального плана [1].

Во-вторых, институциональные последствия Кредитной реформы 1930–1932 гг. Данное Постановление фактически упразднило коммерческое кредитование, заменив его прямым банковским распределением ресурсов. Госбанк СССР, став монопольным распорядителем средств, лишил долговое обязательство его гражданско-правовой природы. В ситуации, когда кредитор и должник окончательно консолидировались в лице государственного аппарата, судебный механизм взыскания долга утратил функциональный смысл. Автор подчеркивает, что именно утрата субъектности сторон сделала невозможным дальнейшее существование конкурсного права [4].

В-третьих, поглощение правовых механизмов административным аппаратом. Вопросы экономической эффективности были окончательно перенесены из залов судов в компетенцию отраслевых наркоматов. Вместо процедур реализации имущества должника начали применяться методы административного слияния или ведомственного перераспределения капитала. Эта тенденция получила окончательное закреп-

ление в кодификации 1964 года: отсутствие положений о несостоятельности в ГПК РСФСР 1964 г. стало констатацией того, что советская правовая система полностью заместила частноправовые методы ответственности административными мерами управления.

В итоге автор приходит к выводу, что на десятилетия вперед институт банкротства в отечественном праве перешел из категории действующего инструмента в статус исторического анахронизма. Процесс «вытеснения», обозначенный в начале исследования, завершился полной победой административно-командной модели над судебным контролем.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что судьба института несостоятельности в ранний советский период была предопределена фундаментальным конфликтом между логикой рыночного права и императивными принципами административного управления. В рамках исследования банкротство рассматривается не просто как совокупность нормативных предписаний, а как значимый индикатор, отражающий степень присутствия в государстве реальной экономической свободы и индивидуальной ответственности субъектов [3].

В качестве итогов исследования автор выделяет следующие положения:

Цикличность институционального развития. История советского банкротства представляет собой путь от радикального доктринального отрицания в годы «военного коммунизма» к вынужденному прагматизму эпохи НЭПа и последующему поглощению института командно-плановой системой. Динамика этих этапов детерминировалась не столько развитием юридической мысли, сколько жесткой экономической необходимостью и сменой государственных приоритетов [1].

Трансформация функциональной направленности. В процессе эволюции институт несостоятельности в СССР утратил свою первоначальную цель — обеспечение прав и интересов кредиторов. К концу 1920-х годов он трансформировался в инструмент ведомственного контроля, при котором решение о судьбе предприятия принималось не судебными органами, а административным аппаратом исходя из плановых показателей и управленческой целесообразности.

Детерминация исчезновения института. Проведенный анализ подтверждает авторскую гипотезу о том, что окончательное вытеснение норм о несостоятельности в 1930-х годах стало закономерным итогом тотальной этатизации ресурсов. В системе, где государство консолидировало роли единственного собственника и кредитора, классический механизм судебной ответственности оказался функционально избыточным и был замещен процедурами директивного перераспределения убытков [2].

Завершая исследование, автор подчеркивает: советский опыт 1917–1931 годов наглядно демонстрирует, как правовая форма неизбежно теряет свое содержание при ликвидации соответствующего экономического базиса. Исчезновение банкротства на десятилетия вперед стало не просто юридическим фактом, а символом перехода к экономической модели, исключающей рыночный риск и личную материальную ответственность субъекта.

Список литературы:

1. Исаев, И. А. История государства и права России : учебник / И. А. Исаев. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2020. — 800 с.
2. Карелина, С. А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности / С. А. Карелина. — Москва : Волтерс Клувер, 2008. — 568 с.
3. Степанов, В. В. Несостоятельность (банкротство) в России, Франции, Англии, Германии / В. В. Степанов. — Москва : Статут, 1999. — 271 с.
4. Ткачев, В. Н. Несостоятельность (банкротство) в Российской Федерации : правовое регулирование : учебное пособие / В. Н. Ткачев. — Москва : Книжный мир, 2004. — 239 с.
5. Шершеневич, Г. Ф. Учение о несостоятельности / Г. Ф. Шершеневич. — Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1890. — 446 с.

References:

1. Isaev, I. A. History of the state and law of Russia : textbook / I. A. Isaev. — 4th ed., revised and add. Moscow : Norma : INFRA—M, 2020, 800 p.
2. Karelina, S. A. The mechanism of legal regulation of insolvency relations / S. A. Karelina. Moscow : Volters Kluwer, 2008. 568 p.
3. Stepanov, V. V. Insolvency (bankruptcy) in Russia, France, England, Germany / V. V. Stepanov. Moscow : Statut Publ., 1999. 271 p.
4. Tkachev, V. N. Insolvency (bankruptcy) in the Russian Federation : legal regulation : a textbook / V. N. Tkachev. Moscow : Knizhny Mir Publ., 2004. 239 p. 5. Shershenevich, G. F. The doctrine of insolvency / G. F. Shershenevich. — Kazan : Tipo-lit. Imp. university, 1890. — 446 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_220

УДК [378.147:502]:34

ЗНАЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ В ПОДГОТОВКЕ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТОВ
THE IMPORTANCE OF ENVIRONMENTAL EDUCATION AND TRAINING IN THE TRAINING AND PRACTICE OF LAWYERS

ЧЕЧЕТА Наталия Олеговна,
старший преподаватель кафедры государственного управления и права
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи».
287537, Российская Федерация, Донецкая Народная Республика, г. Мариуполь, пр-кт Строителей, д.129А.
E-mail: 4natol@mail.ru

CHECHETA Nataliia Olegovna,
Senior Lecturer of the Department of Public Administration and Law,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi".
287537, Donetsk People's Republic, Mariupol, 129A Stroiteley Avenue, Russian Federation.
E-mail: 4natol@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматривается проблема интеграции экологического воспитания и образования в профессиональную подготовку юристов в контексте преодоления глобального экологического кризиса. Обосновывается необходимость формирования эколого-правовой культуры будущих юристов как необходимого компонента их профессиональной компетентности. Исследование базируется на анализе российского экологического законодательства. В работе раскрывается сущность и структурные компоненты эколого-правового воспитания, определяются педагогические условия его эффективной реализации в юридическом образовании. Особое внимание уделяется развитию экологической ответственности, правосознания и практических навыков применения природоохранного законодательства. Статья представляет интерес для разработчиков образовательных стандартов, преподавателей юридических вузов и исследователей в области экологического права и педагогики.*

Abstract: *The article examines the problem of integrating environmental education and training into the professional training of lawyers in the context of overcoming the global environmental crisis. The necessity of forming the ecological and legal culture of future lawyers as a necessary component of their professional competence is substantiated. The study is based on an analysis of Russian environmental legislation. The paper reveals the essence and structural components of environmental and legal education, defines the pedagogical conditions for its effective implementation in legal education. Special attention is paid to the development of environmental responsibility, legal awareness and practical skills in the application of environmental legislation. The article is of interest to developers of educational standards, teachers of law schools and researchers in the field of environmental law and pedagogy.*

Ключевые слова: *экологическое образование, юридическое образование, эколого-правовое воспитание, экологическая культура, устойчивое развитие, экологическое право, профессиональная подготовка юристов, экологическая ответственность.*

Keywords: *environmental education, legal education, environmental and legal education, environmental culture, sustainable development, environmental law, professional training of lawyers, environmental responsibility.*

Для цитирования: *Чечета Н.О. Значение экологического воспитания и образования в подготовке и практической деятельности юристов // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 220-222. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_220.*

For citation: *Checheta N.O. The importance of environmental education and training in the training and practice of lawyers // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 220-222. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_220.*

Статья поступила в редакцию: 27.01.2026

Проблема взаимодействия общества и природы становится особенно актуальной в условиях нарастающего экологического кризиса, главная причина которого связана с потребительским отношением человека к природе, когда удовлетворяются только социальные потребности без учёта интересов биосферы. Этот кризис носит культурный характер и требует формирования новой системы ценностей, где самостоятельной ценностью признаётся природа. Для изменения ситуации необходимо воспитание новой культуры личности, ориентированной на осознанное, творческое и бережное отношение к окружающей среде. Концепция экологического воспитания и образования в подготовке и практической деятельности юристов предполагает развитие мышления, расширение кругозора и осознание человеком своей ответственности перед природой. Особую роль играет студенческий возраст, когда формируются мировоззрение, профессиональные навыки и правосознание. Высшая школа должна обеспечивать условия для практического применения знаний, формирования мотивации к саморазвитию и экологически ответственного поведения. Современные реалии требуют пересмотра подходов к воспитанию и внедрения новых методов эколого-правового образования, направленных на гармонизацию отношений человека и природы.

Суть и значение эколого-правового воспитания является относительно новым направлением в педагогике, философии, психологии, юриспруденции. Экологическое воспитание и образование в подготовке и практической деятельности юристов можно трактовать как целенаправленное воздействие на сознание и поведение человека с целью формирования устойчивых знаний, убеждений и правомерных действий в экологически значимых ситуациях, основанное на гуманистических ценностях, уважении к жизни и природе, способствует развитию нравственности и ответственности личности за сохранение окружающей среды. В процессе обучения будущих юристов формируются представления об экологическом праве, понимание природоохранных норм и принятие их не просто как обязанностей, а как личных убеждений. Такая воспитательная работа необходима для подготовки молодых специалистов, способных решать экологические проблемы и предотвращать новые, обеспечивая экологическую безопасность в процессе непосредственной юридической деятельности. Через распространение знаний и формирование позитивных мотивов поведения достигается осознанное, ценностное отношение человека к природе и праву, что способствует устойчивому развитию общества и

сохранению жизни в биосфере.

Анализ законодательства, научной литературы и практики вузов показывает, что высшее образование обладает ресурсами для внедрения инновационных методов эколого-правового воспитания, однако этот потенциал используется неполно. Несмотря на положительные результаты отдельных инициатив, системность и научная обоснованность в их реализации отсутствуют. Эффективность экологического воспитания и образования в подготовке и практической деятельности юристов во многом зависит от личной заинтересованности педагога, а не от разработанных методик. Существует ряд противоречий: между глобальным экологическим кризисом и требованиями устойчивого развития, между потребностью в научно выверенных подходах и их недостаточной разработанностью, а также между необходимостью использования эколого-правового потенциала образования и слабой организационно-педагогической его реализацией, что и обусловило научную потребность в изучении заявленной темы.

Исследование основано на анализе законодательных актов России, регулирующих экологическое образование и охрану окружающей среды, включая федеральные законы об охране природы и о системе экологического образования. Теоретическую базу составили труды научной школы, занимающейся методикой экологического воспитания. В работе использован набор методов: теоретический анализ философских, педагогических и юридических источников, системный подход к изучению структуры эколого-правового воспитания будущих юристов, нормативно-правовой анализ законодательства и концептуальный анализ научных положений отечественной школы экологического образования. Методологическую основу исследования составляют принципы непрерывного экологического образования, интеграция правовых и экологических аспектов в профессиональной подготовке юристов и концепция устойчивого развития, определяющая направления современного образования.

Л. Ф. Кимова и Х. Р. Ахриев отмечают, что забота о здоровье человека остаётся в основном на уровне деклараций, хотя загрязнение окружающей среды вызывает рост болезней и смертности [1, с. 215]. Здоровье планеты напрямую связано со здоровьем людей: разрушая природу, человек разрушает самого себя. Поэтому важно формировать экологическую и этическую культуру. Несмотря на провозглашённые права человека на благоприятную среду, экономические интересы всё ещё преобладают над экологическими. Для выхода из кризиса необходим комплексный механизм экологической безопасности, учитывающий политические, социальные, правовые и воспитательные факторы и поддерживающий баланс между обществом и природой. Эти идеи перекликаются с концепцией ноосферы, предложенной Вернадским, Леруа и Тейяром де Шарденом, – общества, разумно управляющего биосферой. Путь к нему проходит через этапы информационного, экологического и космического развития. Современные подходы основываются на модели ограниченного роста и концепции устойчивого развития, подразумевающей гармоничное и самоподдерживающееся взаимодействие общества и природы.

Модель устойчивого развития направлена на согласование роста потребностей человечества с ограниченными возможностями природы, чтобы сохранить качество жизни нынешних и будущих поколений. Она основывается на идее гармоничного соразвития природы, общества, культуры и сознания, требуя перехода к новой цивилизации с иным мышлением и ценностями. Согласно А. Д. Урсулу, ключевые принципы экологической безопасности включают приоритет её в системе национальной и мировой безопасности, сохранение биосферы и недопущение превышения пределов её устойчивости [2, с. 58]. Развитие должно обеспечивать равные условия жизни для всех поколений, уменьшать антропогенное давление, рационально использовать ресурсы и восстанавливать нарушенные территории. Необходимы экологическая экспертиза проектов, компенсация ущерба, поддержка государства экологических инициатив, доступ к достоверной информации, а также переориентация образования и культуры на ценности устойчивого развития. Всё это должно быть закреплено в законодательных и нормативных актах, регулирующих экологически безопасную деятельность человека.

Н. Н. Моисеев вводит понятие экологического императива – системы научно обоснованных норм, которые ограничивают человеческую деятельность, чтобы она не разрушала естественные процессы Земли. Он утверждает, что человечеству необходимо согласовывать свое развитие с потребностями биосферы, иначе нарушение этих ограничений приведёт к катастрофам [3, с. 7]. Экологический императив предполагает регулирование численности и поведения людей, производственной деятельности, потребления и отношений с природой. Он становится основой новой стратегии развития, где экологические вопросы тесно связаны с культурой и нравственными ценностями. Центральная роль отводится образованию, которое должно формировать личность с планетарным мышлением, высокой экологической культурой и ориентацией на устойчивое развитие человечества. По мнению С. И. Барцева, именно мировоззренческий аспект является главным в преодолении экологического кризиса [4, с. 82].

Экологическое воспитание и образование в подготовке и практической деятельности юристов определяет будущее общества, поскольку от того, как сформируется новое поколение, зависит развитие страны. Эта проблема всегда занимала центральное место в педагогике, проходя путь от народных форм подражания до гуманистических и свободных концепций. Учёные по-разному трактовали сущность воспитания, но объединяет их мнение, что оно является процессом целенаправленного воздействия на человека. Современная педагогика рассматривает воспитание как создание условий для развития личности и формирования её направленности, мировоззрения и ценностных установок, и главная задача педагогов – помочь личности сознательно выбрать нравственные ориентиры и подготовиться к полноценной жизни в обществе.

Основу системы экологического воспитания и образования в подготовке и практической деятельности юристов составляют четыре взаимосвязанных компонента – познавательный (знания об экологии и глобальных проблемах), ценностный (формирование ценностных ориентаций), нормативный (освоение норм природопользования) и деятельностный (практические навыки экологической деятельности).

Деятельность в сфере экологического воспитания и образования в подготовке и практической деятельности юристов должна осуществляться параллельно с правовым воспитанием, которое рассматривается как необходимое условие существования человека в обществе, так как жизнь вне права невозможна. Его основой служат нравственность и мораль, а знание и уважение закона считаются важной частью формирования всесторонне развитой личности. Следование правовым нормам требует не только осведомлённости, но и внутренней готовности, волевых

качеств и способности контролировать свои поступки.

Правовое воспитание представляет собой организованный и целенаправленный процесс воздействия на сознание людей с целью формирования у них правовых знаний, ценностей и устойчивых привычек правомерного поведения. В современных условиях особое значение приобретает эколого-правовое воспитание, связанное с осознанием человеком своей ответственности перед природой и обществом. Экологические проблемы, вызванные социально-экономическим развитием, требуют прочной правовой основы регулирования отношений между человеком и природой. Экологическое право, основы которого закреплены в Конституции РФ, федеральном законодательстве [5], указах президента России [6], а также в основах государственной политики в части экологического развития [7] и повышения уровня правовой грамотности [8], формирует у граждан понимание необходимости бережного отношения к окружающей среде. Экологическое воспитание и образование в подготовке и практической деятельности юристов способствует развитию экологической культуры, включающей нормы, ценности и правила, регулирующие поведение человека. Оно направлено на осознание самоценности жизни, готовность соблюдать экологические требования и применять правовые нормы в практических ситуациях.

Исторические предпосылки формирования этого направления связаны с научно-техническим прогрессом, осознанием зависимости человечества от природы и необходимостью рационального природопользования. Однако в современной науке и педагогике пока недостаточно исследована взаимосвязь правового и экологического воспитания, хотя именно их интеграция способна обеспечить формирование ответственной, правосознательной личности.

Эколого-правовая воспитанность является частью общей культуры человека и охватывает его мышление и действия, связанные с природой. На протяжении истории человек не только изменял природу, но и учился у неё, а в современном мире понимание её самоценности становится необходимым условием выживания. Экологически воспитанная личность рассматривает природоохранные нормы не просто как внешние требования, а как свои внутренние убеждения, превращающие обязательства перед природой в личные мотивы поведения. Эколого-правовая ответственность понимается как осознанное принятие обязанностей по отношению к природе, обществу и себе, готовность отвечать за последствия своих поступков и нести различного рода санкции. Она включает в себя черты социальной и моральной ответственности и предполагает свободу выбора в действиях относительно природы. Высокий уровень этой ответственности возможен лишь при развитом эколого-правовом сознании – системе идей и знаний о регулировании отношений между обществом и природой. Такое сознание характеризуется волевым отношением к природным процессам, нормативностью, способностью отражать экологические знания и оценки, взаимодействовать с другими формами общественного сознания и влиять на природоохранную политику государства.

Экологическое воспитание и образование в подготовке и практической деятельности юристов представляет собой целенаправленный психолого-педагогический процесс, направленный на формирование у человека не только знаний о правовых нормах в сфере экологии, но и системы ценностей, убеждений и моральных ориентиров, определяющих его поведение по отношению к природе и обществу. Его цель – развитие у юриста экологической ответственности и готовности участвовать в решении экологических проблем. Структура воспитания включает цели, задачи, принципы, методы, средства и результаты. Основные задачи сводятся к формированию знаний о социальных и правовых аспектах охраны природы, пониманию природы как общественного достояния, развитию эколого-правового мышления и навыков применения законодательства, а также к подготовке к оценке экологических рисков. Принципы процесса экологического воспитания и образования в подготовке и практической деятельности юристов включают связь с жизнью и правовой средой, комплексный и системный подход, сочетание педагогического руководства с самостоятельной деятельностью обучающихся, постепенность усвоения знаний и научность содержания. Воспитание осуществляется через развитие трёх критериев: информационно-познавательного, эмоционально-оценочного и рефлексивно-деятельностного, что обеспечивает формирование целостной экологической культуры личности.

Список литературы:

1. Кимова Л.Ф., Ахриев Х.Р. Влияние экологического воспитания на повышение профессиональных знаний студентов // Воспитание молодежи на основе возрождения национальной культуры: сб. науч. работ. – Нальчик: КБКУ, 1996. – С. 213-218.
2. Урсул А.Д., Тупало В.Г., Энгель А.А. Устойчивое развитие, безопасность, ноосферогенез: монография. – М.: Наука, 2008. – 512 с.
3. Моисеев Н.Н. Устойчивое развитие и экологическое образование // Философские аспекты социальной экологии. – 1996. – № 4. – С. 1-12.
4. Барцев С.И. Базовые элементы в системе глобального экологического кризиса // Самоорганизация в природе: сб. науч. работ. – Томск: Том. ун-та, 1999. – С. 76-90.
5. Федеральный закон от 10.01.2002 №7-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об охране окружающей среды». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_499926/ (дата обращения 26.01.2026).
6. Указ Президента РФ от 02.07.2021 №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения 26.01.2026).
7. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012). – URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=129117&dst=100029/ (дата обращения 26.01.2026).
8. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 №Пр-1168). – URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=113761&dst=100027/ (дата обращения 26.01.2026).

References:

1. Kimova L.F., Akhriev H.R. The influence of environmental education on improving students' professional knowledge // Youth education based on the revival of national culture: collection of scientific papers. Nalchik: KBKU, 1996. pp. 213-218.
2. Ursul A.D., Tupalo V.G., Engel A.A. Sustainable development, safety, noospherogenesis: a monograph. Moscow: Nauka, 2008. 512 p.
3. Moiseev N.N. Sustainable development and environmental education // Philosophical aspects of social ecology. – 1996. – No. 4. – pp. 1-12.
4. Bartsev S.I. Basic elements in the system of the global ecological crisis // Self-organization in nature: collection of scientific papers. – Tomsk: Tom. University, 1999, pp. 76-90.
5. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2875 / (date of application 26.01.2026).
6. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271 / (accessed 26.01.2026).
7. Fundamentals of state policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period up to 2030 (approved by the President of the Russian Federation on 30.04.2012). – URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=129117&dst=100029 / (accessed 26.01.2026).
8. Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the field of the development of legal literacy and legal awareness of citizens (approved by the President of the Russian Federation on 28.04.2011 №Pr-1168). – URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=113761&dst=100027 / (accessed 26.01.2026).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_223

УДК 34

ВЛИЯНИЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ 2025 ГОДА

THE IMPACT OF THE LEGAL POSITIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE CIVIL PROCESS: SOME RESULTS OF 2025

КОРСУНОВА Анна Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Московского гуманитарного университета.
111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5.
доцент кафедры юриспруденции Московского международного университета.
125040, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 17.
E-mail: askorsunova@yandex.ru

KORSUNOVA Anna Sergeevna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Civil and Business Law Moscow University for the Humanities.
5 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.
associate Professor of the Department of Jurisprudence Moscow International University.
17 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125040.
E-mail: askorsunova@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье акцентируются некоторые значимые позиции Конституционного Суда РФ 2025 года, имеющие влияние на цивилистический процесс, а, следовательно, на правоприменительную практику арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Автор предлагает обратить внимание на их значение безотносительно научных дискуссий о наполнении содержания понятия цивилистический процесс. Определяющими критериями выбора анализируемых позиций Конституционного Суда РФ стали их широкое обсуждение в научной среде, потенциальное влияние на законотворческий процесс и практическая значимость в гражданском и арбитражном процессе. К таким положениям бесспорно можно отнести: определение новых обстоятельств как оснований для пересмотра в гражданском процессе, признание кратного повышения государственных пошлин обоснованным, уголовный арест в банкротстве, изменение подсудности исков потерпевших.*

Abstract: *The article highlights some significant positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in 2025, which have an impact on the civil process, and, consequently, on the law enforcement practice of arbitration courts and courts of general jurisdiction. The author suggests paying attention to their significance, regardless of the scientific discussions about the content of the concept of the civil process. The determining criteria for choosing the analyzed positions of the Constitutional Court of the Russian Federation were their wide discussion in the scientific community, their potential impact on the legislative process and their practical significance in civil and arbitration proceedings. Such provisions undoubtedly include: the definition of new circumstances as grounds for review in civil proceedings, the recognition of a multiple increase in state duties as justified, criminal arrest in bankruptcy, and a change in the jurisdiction of victims' claims.*

Ключевые слова: *цивилистический процесс, позиции Конституционного Суда РФ, новые обстоятельства в цивилистическом процессе, государственная пошлина при обращении в суды, уголовный арест в банкротстве, новые правила подсудности по искам потерпевших.*

Keywords: *civil procedure, positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, new circumstances in the civil procedure, state duty when applying to the courts, criminal arrest in bankruptcy, new rules of jurisdiction for claims of victims.*

Для цитирования: *Корсунова А.С. Влияние правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации на цивилистический процесс: некоторые итоги 2025 года // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 223-227. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_223.*

For citation: *Korsunova A.S. The impact of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the civil process: some results of 2025 // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 223-227. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_223.*

Статья поступила в редакцию: 29.12.2025

Современной юридической наукой с достаточной определенностью не разрешен вопрос о содержании понятия цивилистический процесс [12,20]. С позиции замышленной, но несостоявшейся унификации гражданского и арбитражного процесса [6], логично предположить, что цивилистический процесс – это порядок судопроизводства по гражданским делам, рассматриваемым судами общей юрисдикции по правилам гражданского процессуального законодательства [3] и отправление правосудия арбитражными судами по всем категориям споров, отнесенным к их компетенции [2]. Как сторонники, так и противники унификации привнесли в науку интересные исследования [21]. Отдельной областью научных изысканий стали вопросы правосудия, реализуемого судами по правилам Кодекса административного судопроизводства (далее – КАС РФ) [5]. Ведь принятие КАС положило начало очевидному процессуальному и отраслевому обособлению споров с участием граждан в сфере публично-правовых отношений [7,23,27]. При этом защита прав предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности в публичной сфере регламентирована нормами арбитражного процессуального законодательства.

Для целей настоящей статьи следует отойти от вышеупомянутых дискуссий, по причине того, что позиции Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ) адресованы не столько ученым-исследователям, сколько судьям, отправляющим правосудие, по разным категориям дел.

Приступая к обозначению, если не знаковых, то весьма значимых, но не всегда безупречных позиций Конституционного Суда РФ, подчеркнем, что для достижения поставленных целей, не следует ставить во главу угла разграничение процесса (отправление правосудия) на циви-

листический, административный и уголовный. Исследование нацелено на изучение последствий и влияния позиций КС РФ на справедливое отправление правосудие безотносительно отраслевой принадлежности процессуальных норм, тем более, что некоторые из них затрагивают все виды судопроизводства и законотворческий процесс.

В части последнего, то есть воплощении субъектами законотворческой инициативы, наказов (инициатив) КС РФ, следует отметить, что иногда изменения законов, даже при неоднократном и настойчивом указании КС РФ, происходят не сразу или не происходят вовсе. Например, в рамках разрешения вопросов об исключении единственного жилья должника из конкурсной массы судьи арбитражных судов долгое время имели в качестве ориентира лишь позиции КС РФ. Этот весьма важный и чувствительный вопрос, неоднократно им затрагивался, в частности, в Постановлениях от 14.05.2012 № 11-П [13] и от 26.04.2021 №15-П [14] и предполагал необходимость законодательного закрепления комплекса норм, в части определения критериев роскошного жилья, приобретения и критериев замещающего жилья. Но ожидаемых изменений даже спустя десятилетия не произошло. Предполагалась конвертация посылов КС РФ в изменения законодательства о банкротстве и исполнительном производстве, которые так и не были приняты. Названный пробел был разрешен летом 2025 года. Однако вместо трансформации законодательства правоприменителей ждали ориентиры, подобранные Верховным Судом РФ. Высшая судебная инстанция, вместо законодательных инициатив обозначила критерии для правоприменителей по этому вопросу [10]. Этот случай, конечно, можно оценить критически, отметив неповоротливость участников законотворческого процесса в отношении рекомендаций КС РФ. Важно подчеркнуть особенности преодоления пробела именно в форме утвержденного обзора судебной практики, а не постановления пленума ВС РФ. Ведь по трехзвенной классификации, предложенной В.М. Лебедевым и другими исследователями, обзоры судебной практики ВС РФ являются прецедентной практикой [26].

В противовес названному примеру, следует обратиться к более гибкой позиции субъектов законодательной инициативы и стремительной реакции на неё законодателей.

В начале 2025 года КС РФ сделал акцент на установление вновь открывшихся обстоятельств, установленных в ходе уголовного судопроизводства в целом, то есть не только в приговорах суда. Такое установление было дано в отношении гражданского и административного судопроизводства в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16.01.2025 N 1-П [15]. В нем же было дано указание законодателям внести такие изменения в процессуальное законодательство.

12 июля 2025 года в Государственную Думу РФ был внесен законопроект № №966183-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части уточнения положений, касающихся пересмотра судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам)» [9].

Из пояснительной записки к названному законопроекту следует, что в случае подтверждения относимости и существенности обстоятельств, установленных не приговором суда (постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, определением или постановлением о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, вынесенными в связи с истечением срока давности; с устранением преступности и наказуемости деяния новым уголовным законом; с возмещением ущерба; с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и др.), они должны выступать основанием для пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам. Основанием для отказа в таком пересмотре не должно быть то, что соответствующие обстоятельства констатируются не в приговоре.

Обратим внимание, что Правительство РФ внесло изменения сразу в три процессуальных кодекса, то есть комплексно, что заслуживает только положительной оценки.

В конце 2025 года законопроект, подготовленный во исполнение воли КС РФ, обрел статус федерального закона (ФЗ от 15.12.2025 № 485-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ») [24].

Закон единовременно восполнил нормы все процессуальных регуляторов в цивилистическом процессе, установив возможность считать новыми обстоятельствами, установленные не только приговором суда. Критически важным стало указание на то, что основания для пересмотра могут быть определены в иных уголовно-процессуальных документах.

Нельзя оставить без внимания изменения налогового законодательства о пошлинах при обращении в суды, поскольку в этой части КС РФ высказался в 2025 году не единожды. Конечную точку в дискуссии о том, является ли правомерным с позиций Конституции [1] о доступности правосудия кратное повышение пошлин поставил КС РФ. Орган конституционного контроля ответил, что повышение пошлин не противоречит основному закону [16].

Тем не менее становимся на нескольких ключевых тезисах, выраженных в указанном Постановлении №16-П от 10 апреля 2025 года. При подаче заинтересованным лицом соответствующего ходатайства, обоснованность которого подтверждена исследованными судом доказательствами, и при наличии предусмотренных законом оснований предоставленное федеральным законодателем предусмотрено право освободить гражданина от уплаты государственной пошлины, уменьшить ее размер, предоставить отсрочку или рассрочку ее уплаты. После принятия Постановления следует говорить о трансформации права в обязанность суда удовлетворить такое ходатайство. Государственная пошлина не является невозвратным платежом, как отмечает КС РФ. При распределении судебных расходов она может быть отнесена на проигравшую сторону, то есть, возмещена лицу, первоначально её уплатившему.

В определении от 13 мая 2025 года № 1219-О Конституционный Суд РФ [11] вновь обратился к вопросу справедливости в вопросе государственных пошлин, проанализировав положения пункта 1 статьи 333.21 Налогового кодекса РФ, части 4 статьи 30.1 и части 5 статьи 30.2 Кодекса об административных правонарушениях РФ, а также части 4 статьи 208 АПК РФ.

Заявитель указал на правовую неопределенность указанных выше норм. Полагая, что освобождение от оплаты пошлины при обраще-

нии в арбитражный суд с заявлением об оспаривании решения о привлечении к административной ответственности (п. 4 ст. 208 АПК РФ) не согласуется с нормами НК РФ о необходимости уплачивать государственную пошлину при обжаловании в апелляционном и кассационном порядке решений по данной категории споров.

В свою очередь, КС РФ еще раз подчеркнул, что установление и оплата государственной пошлины при обращении в суды не является умалением права на судебную защиту. Более того, ничто в конституционно-правовом регулировании не ставит под сомнение допустимость ее установления, равно как и последующего увеличения, если размер такой пошлины не становится произвольным и не имеющим экономического основания, как того требует п. 3 ст.3 НК РФ.

Позднее указанная позиция вошла в Обзор практики КС РФ за второй квартал 2025 года (пункт 6) [9].

Среди декабрьских правовых позиций существенное влияние на цивилистический процесс могут иметь разъяснения о порядке снятия уголовного ареста с имущества в делах о несостоятельности должника (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2025 г. N 46-П) [18] и о об изменении правил территориальной подсудности по требованиям потерпевших (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.12.2025 № 47-П) [17].

Первое из перечисленных разъяснений некоторые авторы называют даже не ключевым, а стратегическим, направленным на устранение системного дефекта в правовом регулировании, конкуренции норм уголовно-процессуального законодательства и законодательства о банкротстве [22].

Повышенный интерес к рассмотренному КС РФ вопросу проявился достаточно давно. Нестыковку между положениями уголовно-процессуального законодательства и банкротным регулированием не замечать было невозможно. Так как ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [25] указывает на снятие ранее наложенных арестов на имущество должника указано прямо после признания его банкротом, без каких бы то не было изъятий или исключений. В свою очередь УПК РФ не называет в качестве основания для снятия ареста это обстоятельство.

Следовательно, разъяснений требовал вопрос о том, как быть с арестами, наложенными в рамках уголовного процесса, и их соотнесением с задачами процедур банкротства, а также вопрос об очередности удовлетворения требований по уголовным штрафам.

Предложенное КС РФ решение, очевидно, может расцениваться как временное и проблему снятия ареста в окончательном виде предстоит урегулировать позднее в процессе совершенствования законодательства. Но промежуточный вариант выглядит так. Сначала следует включение требований в реестр требований кредиторов, заявленных в уголовном процессе, для исполнимости взыскания по которому собственно и был наложен арест. Подчеркнем, что арбитражный суд делает это самостоятельно, арбитражный управляющий следующим действием направляет в суд общей юрисдикции ходатайство о снятии ареста. КС РФ также связал своей позицией возможный безосновательный отказ судьи суда общей юрисдикции в снятии ареста.

КС РФ суд, также указал, что уголовный штраф, назначенный в качестве дополнительного наказания, взыскивается в числе требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, в третью очередь, то есть не имеет приоритета перед другими кредиторами, что меняет ранее примененный ВС РФ подход. При этом про уголовный штраф, как основное вид наказания КС РФ умолчал.

Следует признать существенность данных разъяснений, которые требуют скорейшей инкорпорации в законотворческие инициативы. О сложностях применения указаний КС РФ стало понятно спустя несколько дней с момента его опубликования из ряда откликов юридического сообщества [8].

Следующим важным посылом КС РФ стало указание на право изменить подсудность для потерпевших по ряду преступлений. В частичности, до изменения процессуального законодательства КС постановил применять правило альтернативной подсудности. В применении к выделенным КС РФ преступлениям, потерпевшие, чьи права на подачу или разрешение на гражданские иски на были заявлены или разрешены в уголовном процессе, могут по своему выбору обратиться в суд не только по месту жительства ответчика, но, по усмотрению истца, по его адресу или месту производства по уголовному делу о преступлении. Также это правило применяется в случаях приостановления производства по уголовному делу (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.12.2025 № 47-П) [17].

И наконец, 24 декабря 2025 года Постановлением КС РФ №49-П [19] была признана не соответствующей Конституции ч.1 ст. 44 КАС РФ. Законодателю надлежит внести необходимые изменения в действующее правовое регулирование. До этого вопрос о правопреемстве в случае изменения принадлежности публичных полномочий должен решаться судами с учетом того, что правопреемником органа (лица), на которого судебным актом возложена обязанность исполнить эти организационно-властные полномочия, может быть признан только орган (лицо), который был наделен ими.

В завершении настоящего исследования не сложно прийти к следующим выводам: нормы цивилистического процесса и смежного законодательства зачастую отстают от потребностей правоприменительной практики. Разъяснения Верховного Суда РФ не всегда достаточно чувствительны к процессуальной проблематике, а иногда не находят поддержки у Конституционного Суда. Например, примененный ранее ВС РФ подход о приоритете уголовного штрафа (как дополнительного наказания). Кроме того, временные лаги между обнаруженной проблемой и её разрешением (в виде законодательного оформления) для целей правоприменения нередко значительны.

На основе зафиксированных трудностей следует подчеркнуть, что формируемые Конституционным Судом РФ позиции выступают, время от времени, единственным указателем для правоприменителей, вплоть до изменения законодательства.

Список литературы:

1) Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) //Офиц. интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

2) Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 N 95-ФЗ//Собрание законодательства.29.07.2002, N 30, ст. 3012.

3) Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 N 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

4) Законопроект №966183-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части уточнения положений, касающихся пересмотра судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам)»//№966183-8 Законопроект :: Система обеспечения законодательной деятельности

5) Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ// Собрание законодательства РФ", 09.03.2015, N 10, ст. 1391.

6) Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 N 124(1))//СПС Консультант Плюс.

7) Боровская А.А., Павлов Н.В. Административное судопроизводство и его значимость // Epomen.Global. 2025. №62. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnoe-sudoproizvodstvo-i-ego-znachimost (дата обращения: 16.11.2025).

8) Доценко М. Все кредиторы равны, но потерпевшие – равнее. Детальный обзор Постановления КС РФ от 17.12.2025 № 46-П об уголовных арестах в делах о банкротстве//Все кредиторы равны, но потерпевшие - равнее // Детальный обзор Постановления КС РФ от 17.12.2025 № 46-П об уголовных арестах в делах о банкротстве

9) Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за второй квартал 2025 года//СПС Консультант Плюс.

10) Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025)// СПС Консультант Плюс.

11) Определение КС РФ от 13 мая 2025 года № 1219-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вельдера Андрея Эдуардовича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 1 статьи 333.21 Налогового кодекса Российской Федерации, частью 4 статьи 30.1 и частью 5 статьи 30.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также частью 4 статьи 208 АПК РФ»//СПС Консультант Плюс

12) Поляков И.Н. О цивилистическом процессе и реформе российской судебной системы (вопросы гармонизации) // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. N 8. С. 51 - 56.

13) Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 N 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 ГПК РФ в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова»// Консультант Плюс

14) Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова»// Консультант Плюс.

15) Постановление Конституционного Суда РФ от 16.01.2025 N 1-П "По делу о проверке конституционности статьи 390.14 и части третьей статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Вишнякова, Н.М. Волокитиной, М.З. Каримова и Н.Н. Наливайко"//Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 17.01.2025.

16) Постановление Конституционного Суда РФ от 10.04.2025 N 16-П"По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 333.19 и пункта 1 статьи 333.21 Налогового кодекса Российской Федерации, а также пунктов 45 и 47 статьи 2 Федерального закона "О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы" //СПС Консультант Плюс

17) Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.12.2025 № 47-П по делу о проверке конституционности статьи 28 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Уваровой Владлены Васильевны//http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512230001.

18) Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2025 г. N 46-П «По делу о проверке конституционности абзаца пятого статьи 2, абзацев седьмого, девятого и десятого пункта 1 статьи 126, абзацев третьего и пятого пункта 2 статьи 213.11, абзаца четвертого пункта 5 статьи 213.25 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", пункта 7 части 1 статьи 47, части 4 статьи 69.1, частей 1 и 15 статьи 103 Федерального закона "Об исполнительном производстве", части третьей статьи 86 Уголовного кодекса РФ, частей первой, третьей, седьмой и девятой статьи 115 и статьи 115.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ, частей первой и второй статьи 31, частей...»// Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 18.12.2025.

19) Постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.2025 N 49-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 44 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой федерального государственного бюджетного учреждения "Рослесинфорг»//СПС Консультатнт Плюс

20) Потапенко С. В. От концепции единой науки процессуального права до создания нового «единого» Гражданского процессуального кодекса // Российская юстиция. 2014. № 9. С.2-5.

21) Рожкова М.А., Глазкова М.Е., Савина М.А. Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства: монография / под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. 304 с.

22) Симонов А. Анализ Постановления Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2025 г. № 46-П: разрешение коллизии между уголовным судопроизводством и законодательством о несостоятельности//Не Долина - Лурье. Анализ Постановления Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2025 г. № 46-П: разрешение коллизии между уголовным судопроизводством и законодательством о несостоятельности

23) Старилов Ю.Н. Принятие Кодекса административного судопроизводства российской федерации - важнейший этап судебной реформы и модернизации административно-процессуального законодательства // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2015. №2 (21). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prinyatie-kodeksa-administrativnogo-sudoproizvodstva-rossiyskoy-federatsii-vazhneyshiy-etap-sudebnoy-reformy-i-modernizatsii (дата обращения: 23.12.2025).

24) ФЗ от 15.12.2025 N 485-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»// Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 15.12.2025.

25) ФЗ от 26.10.2002 N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" //СЗ РФ, 28.10.2002, N 43, ст. 4190.

26) Хабриева, Т. Я. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, Р. А. Курбанов; отв. ред. Т. Я. Хабриева ; предисловие И. Л. Подносовой. — 2-е изд., доп. — Москва : ИЗиСП : Норма :ИНФРА-М, 2025. — 452 с. — DOI 10.12737/2202750. - ISBN 978-5-00156-434-8. - Текст : электронный. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/2202750 (дата обращения: 28.12.2025). – Режим доступа: по подписке.

27) Штыкова, Е. В. Создание и принятие кодекса об административном судопроизводстве / Е. В. Штыкова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 23 (470). — С. 411-413. — URL: https://moluch.ru/archive/470/103790.

References:

1) The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) //Official Website. online portal of legal information http://www.pravo.gov.ru , 07/04/2020.

2) The Arbitration Procedural Code of the Russian Federation" dated 07/24/2002 N 95-FZ//Collection of legislation.29.07.2002, No. 30, art. 3012.

3) The Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 14.11.2002 N 138-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. № 46. Art. 4532.

4) Draft Law No. 966183-8 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation (in terms of Clarifying Provisions concerning the Review of Judicial Acts on New or Newly Discovered Circumstances)"//No. 966183-8 Draft Law :: The system of ensuring legislative activity

5) The Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated 08.03.2015 N 21-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation", 09.03.2015, N 10, art. 1391.

6) The concept of the Unified Code of Civil Procedure of the Russian Federation (approved by the decision of the Committee on Civil, Criminal, Arbitration and Procedural Legislation of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation dated 08.12.2014 N 124(1))//SPS Consultant Plus.

7) Borovskaya A.A., Pavlov N.V. Administrative legal proceedings and its significance // Epomen.Global. 2025. №62. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnoe-sudoproizvodstvo-i-ego-znachimost (date of request: 11/16/2025).

8) Dotsenko M. All creditors are equal, but the victims are more equal. Detailed review of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 12/17/2025 No. 46-P on criminal arrests in bankruptcy cases//All creditors are equal, but the victims are more equal // Detailed review of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 12/17/2025 No. 46-P on criminal arrests in bankruptcy cases

9) Review of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation for the second quarter of 2025//SPS Consultant Plus.

10) Review of judicial practice in cases of bankruptcy of citizens (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 06/18/2025)// SPS Consultant Plus.

11) Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 13, 2025 No. 1219-O "On the refusal to accept for Consideration the complaint of citizen Andrei Eduardovich Velder for Violation of his Constitutional Rights by the provisions of paragraph 1 of Article 333.21 of the Tax Code of the Russian Federation, Part 4 of Article 30.1 and Part 5 of Article 30.2 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, and also part 4 of Article 208 of the APC of the Russian Federation"//SPS Consultant Plus

12) Polyakov I.N. On the civil process and the reform of the Russian judicial system (issues of harmonization) // Arbitration and Civil procedure. 2014. N 8. pp. 51-56.

13) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 05/14/2012 N 11-P "In the case of checking the constitutionality of the provision of the second paragraph of the first part of Article 446 of the CPC RF in connection with the complaints of citizens F.H. Gumerova and Yu.A. Shikunov"// Consultant Plus

14) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04/26/2021 No. 15-P "In the case of verifying the constitutionality of the provisions of Paragraph Two of Part One of Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and paragraph 3 of Article 213.25 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" in connection with the complaint of citizen I.I. Revkov"// Consultant Plus.

15) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 16, 2025 N 1-P "In the case of checking the constitutionality of Article 390.14 and part three of Article 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens S.V. Vishnyakov, N.M. Volokitina, M.Z. Karimov and N.N. Nalivaiko"//Official Internet-legal information portal http://pravo.gov.ru , 17.01.2025.

16) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04/10/2025 N 16-P"In the case of the review of the constitutionality of paragraph 1 of Article 333.19 and paragraph 1 of Article 333.21 of the Tax Code of the Russian Federation, as well as paragraphs 45 and 47 of Article 2 of the Federal Law "On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Taxes and Fees" in connection with the request of the group departments of the State Duma" //SPS Consultant Plus

17) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 12/22/2025 No. 47-P in the case of checking the constitutionality of Article 28 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen Vladlena Vasilyevna Uvarova//http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512230001.

18) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 17, 2025. No. 46-P "In the case of checking the constitutionality of paragraph five of Article 2, paragraphs seven, nine and ten of paragraph 1 of Article 126, paragraphs three and five of paragraph 2 of Article 213.11, paragraph four of paragraph 5 of Article 213.25 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)", paragraph 7 of part 1 of Article 47, parts 4 of Article 69.1, parts 1 and 15 of Article 103 of the Federal Law "On Enforcement Proceedings", part three of Article 86 of the Criminal Code of the Russian Federation, parts one, three, seven and nine of Article 115 and Article 115.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, parts one and two of Article 31, parts..."// The official Internet portal of legal information http://pravo.gov.ru , 12/18/2025.

19) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 12/24/2025 N 49-P "In the case of checking the constitutionality of Part 1 of Article 44 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of the federal State Budgetary institution Roslesinforg//SPS Consultantnt Plus

20) Potapenko S. V. From the concept of a unified science of procedural law to the creation of a new "unified" Code of Civil Procedure // Russian Justice. 2014. No. 9. pp.2-5.

21) Rozhkova M.A., Glazkova M.E., Savina M.A. Actual problems of unification of civil procedural and arbitration procedural legislation: a monograph / under the general editorship of M.A. Rozhkova. Moscow: IZiSP, INFRA-M, 2015. 304 p.

22) Simonov A. Analysis of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 17, 2025 No. 46-P: resolution of the conflict between criminal proceedings and insolvency law//Not the Valley, but Lurie. Analysis of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 17, 2025 No. 46-P: Resolution of the conflict between criminal proceedings and insolvency law

23) Starilov Yu.N. The adoption of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation is the most important stage of judicial reform and modernization of administrative procedure legislation. // Bulletin of the VSU. Series: Law. 2015. No. 2 (21). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prinyatie-kodeksa-administrativnogo-sudoproizvodstva-rossiyskoy-federatsii-vazhneyshiy-etap-sudebnoy-reformy-i-modernizatsii (date of request: 12/23/2025).

24) Federal Law No. 485-FZ dated 12/15/2025 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"// Official Internet portal of Legal Information http://pravo.gov.ru , 12/15/2025.

25) Federal Law No. 127-FZ of 10.26.2002 "On Insolvency (Bankruptcy)" //Federal Law of the Russian Federation, 10.28.2002, No. 43, V. 4190.

26) Khabrieva, T. Ya. The doctrinal foundations of the practice of the Supreme Court of the Russian Federation: a monograph / T. Ya. Khabrieva, A. I. Kovler, R. A. Kurbanov; edited by T. Ya. Khabrieva; preface by I. L. Podnosova. — 2nd ed., supplement. Moscow : IZiSP : Norma : INFRA-M, 2025. 452 p. - DOI 10.12737/2202750. - ISBN 978-5-00156-434-8. - Text : electronic. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/2202750 (date of request: 12/28/2025). – Access mode: by subscription.

27) Shtykova, E. V. Creation and adoption of the Code of Administrative Procedure / E. V. Shtykova. — Text : direct // Young scientist. — 2023. — № 23 (470). — Pp. 411-413. — URL: https://moluch.ru/archive/470/103790 .

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_228

УДК 342, 351, 332.8

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА
LEGAL REGULATION OF STATE CONTROL AND SUPERVISION IN THE SPHERE OF HOUSING AND MUNICIPAL SERVICES

МУРЗИНА Ирина Александровна,
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и государственного управления
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет».
440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40.
e-mail: mirgmu@mail.ru

СУЛТАНОВ Максим Юрьевич,
магистрант кафедры менеджмента и государственного управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет».
440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40.
e-mail: artemushkin@list.ru

MURZINA Irina Alexandrovna,
Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor of the Department of Management and Public Administration Penza State University.
440026, Russia, Penza region, Penza city, Krasnaya st., 40.
e-mail: mirgmu@mail.ru

SULTANOV Maxim Yuryevich,
Master's studentof the Department of Management and Public Administration Penza State University.
440026, Russia, Penza region, Penza city, Krasnaya st., 40.
e-mail: artemushkin@list.ru

Краткая аннотация: *Данная статья посвящена раскрытию нормативно-правовой основы государственного надзора и контроля в жилищно-коммунальной сфере. Авторами анализируются основные законодательные акты, регулирующие государственный надзор и контроль в этой области, уделяя при этом внимание вопросам, связанным с эффективностью механизма жилищного контроля. Подчеркивается целесообразность применения и реализации комплексного подхода в рамках осуществления государственной контрольно-надзорной деятельности в сфере ЖКХ всеми участниками соответствующих правоотношений.*

Abstract: *This article is devoted to the disclosure of the regulatory framework for state supervision and control in the housing and utilities sector. The authors analyze the main legislative acts regulating state supervision and control in this area, paying attention to issues related to the effectiveness of the housing control mechanism. The expediency of applying and implementing an integrated approach in the framework of state control and supervisory activities in the housing and utilities sector by all participants in the relevant legal relations is emphasized.*

Ключевые слова: *жилищно-коммунальное хозяйство, государственный контроль и надзор, государственный жилищный контроль, жилищно-коммунальные услуги, государство и право.*

Keywords: *housing and communal services, state control and supervision, state housing control, housing and communal services, state and law.*

Для цитирования: *Мурзина И.А., Султанов М.Ю. Нормативно-правовое регулирование государственного контроля и надзора в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 228-231. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_228.*

For citation: *Murzina I.A., Sultanov M.Yu. Legal regulation of state control and supervision in the sphere of housing and municipal services // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 228-231. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_228.*

Статья поступила в редакцию: 20.01.2026

Основой и условием качественной организации деятельности в сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) и эффективной организации государственного контроля и надзора выступает формирование надлежащей нормативной правовой базы. Основой ее формирования в данном случае, как и во многих других, выступает Конституция РФ. Согласно статье 40 основного закона государства каждый обладает правом на жилище и не может быть его лишен [1]. В связи с тем, что любое закрепленное в Конституции РФ право человека и гражданина корреспондирует с обязанностями государства, органы государственной власти несут ответственность за строительство жилья и формирование предпосылок для реализации и защиты права граждан на жилище. Это выступает одним из направлений государственного контроля и надзора в обозначенной сфере. Конституционные нормы имеют значение также для распределения обязанностей по управлению и контролю в анализируемой сфере с точки зрения распределения их между уровнями власти: федеральным, региональным, органами местного самоуправления.

Особенности и направления регулирования отношений в сфере ЖКХ, порядок осуществления государственного жилищного контроля определяется на основании требований Жилищного кодекса РФ (ЖК РФ) [4]. Жилищный кодекс Российской Федерации закрепляет право граждан на владение, распоряжение и использование жилыми помещениями, если соответствующие направления не противоречат нормам самого кодекса и законодательства страны в целом. В ЖК РФ детально определено понятие и особенности, структура и субъекты правоотношений в жилищной сфере, урегулирован правовой статус субъектов, полномочия федеральных, региональных органов власти и органов местного самоуправления в сфере ЖКХ, определены особенности формирования, правила использования, модернизации и управления жилищным фондом, дано понятие и детализирован режим общего имущества собственников многоквартирного дома, статус и обязанности управляющих компаний, жилищных кооперативов, товариществ собственников жилья. Отдельной главой определен порядок и особенности формирования и использования фондов

капитального ремонта, особенности лицензирования деятельности по управлению многоквартирным домом и некоторые другие вопросы, связанные с использованием институтов гражданского участия в жилищно-коммунальной сфере. Понятие, особенности осуществления государственного, муниципального и общественного надзора в сфере ЖКХ определены в статье 20 Жилищного кодекса РФ [4]. Вопросы управления в сфере ЖКХ и предоставления соответствующих услуг, связанные с формированием и развитием коммунальной инфраструктуры, обозначены в Градостроительном кодексе РФ [3].

В связи с тем, что основой качественного управления в сфере ЖКХ и предоставления соответствующих услуг выступает наличие достаточного количества финансовых ресурсов, а проверка эффективности и соблюдения целевого характера использования бюджетных средств выступает одним из направлений контроля, определенную роль в организации государственного контроля и надзора в сфере ЖКХ играют нормы Бюджетного кодекса РФ [2].

Многоплановый характер сферы жилищно-коммунального хозяйства, воздействие комплекса на качество и уровень жизни населения, состояние здоровья населения, инфраструктуру транспорта и связи обуславливает особое значение достаточного объема финансирования, от чего зависит материально-техническое обеспечение, состояние инфраструктуры, достаточное количество необходимого оборудования, уровень заработных плат сотрудников ЖКХ и т.д. [7] Значительная часть соответствующих расходов финансируется не только за счет средств граждан и юридических лиц в рамках оплаты ими жилищно-коммунальных услуг, но и за счет бюджетных ресурсов. В соответствии с этим с точки зрения осуществления государственного контроля и надзора важны нормы Бюджетного кодекса Российской Федерации, которыми регламентируется порядок выделения средств, распределение источников финансирования между уровнями бюджетной системы, особенности целевого использования бюджетных ресурсов и пр. Правоотношения, возникающие в связи с финансированием за счет бюджетных ресурсов жилищного и коммунального хозяйства, благоустройства территории, проведения прикладных научных исследований в сфере ЖКХ и прочих направлений деятельности, также регламентируются нормами Бюджетного кодекса, как и вопросы ответственности за неэффективное или нецелевое использование ресурсов.

В связи с тем, что в структуре жилищно-коммунального комплекса в целом и в составе жилищно-коммунальных услуг в частности выделяются различные виды услуг, для регламентирования порядка их предоставления и формирования правового статуса субъектов, принимающих в этом участие, имеют значение нормы многочисленных федеральных законов в обозначенной сфере, в том числе, например, федеральных законов «Об отходах производства и потребления» от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ, «О газоснабжении в Российской Федерации» от 31 марта 1999 г. 69-ФЗ , «Об электроэнергетике» от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ, «О теплоснабжении» от 27 июля 2010 г. №190-ФЗ и т.д.

И несмотря на многообразие оказываемых услуг, сфера ЖКХ продолжает оставаться важнейшей для социально-экономического благополучия сферой услуг, в связи с чем регламентируется и контролируется государством [6]. А это, в свою очередь, влечет за собой право граждан обратиться в органы государственной власти и местного самоуправления для получения необходимой информации и разъяснениями. Порядок и особенности работы с обращениями граждан определяется в соответствии с федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ [14].

Контроль и надзор в сфере ЖКХ выступает в качестве одного из направлений государственного контроля, основой регулирования общих положений которого выступает с недавнего времени федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ [9]. При этом важно, что основой осуществления государственного контроля и надзора выступают принципы законности и справедливости, в связи с чем определенными правами и обязанностями наделены как уполномоченные органы государственной власти, так и подконтрольные субъекты. Права юридических лиц, осуществляющих управление и предоставляющих услуги в сфере ЖКХ при проведении контрольно-надзорных мероприятий защищены требованиями федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [10].

При характеристике структуры и особенностей реализации государственного контроля и надзора в сфере ЖКХ было отмечено, что одним из важнейших в современных условиях направлений контрольно-надзорной деятельности выступает лицензирование. Лицензирование юридических лиц, осуществляющих управление многоквартирными домами осуществляется в общем порядке, предусмотренном федеральным законом «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ [11].

Современное общество характеризуется высокими темпами развития информационного обеспечения. Для повышения скорости обработки информационных потоков в органах государственной власти, в различных сферах государственного управления стали все более активно использоваться информационные системы, современные цифровые технологии [5, с.35]. Для того, чтобы определить общие принципы и универсальные требования их применения, соответствующие изменения были внесены во многие нормативные правовые акты. Не стала исключением и сфера жилищно-коммунального хозяйства: своего рода новый этап развития комплекса начинается с внедрения Государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства (ГИС ЖКХ), применение которой потребовало внесения соответствующих изменений в законодательство: в результате был принят федеральный закон от 21.07.2014 г. № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» [8]. Соответствующий нормативный акт направлен на регулирование отношений, возникающих в процессе эксплуатации ГИС ЖКХ.

Одним из направлений развития сферы ЖКХ и предоставления соответствующих видов услуг стало формирование обновленной модели управления многоквартирными домами. Организация управления, осуществление и финансирование ремонта и некоторые другие вопросы

реформирования ранее использованной модели были закреплены в Федеральном законе от 21.07.2007г. № 185-ФЗ «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» были закреплены основы финансирование субъектов РФ, а также муниципальных образований в ходе осуществления ремонта в многоквартирных домах [15].

Основным уполномоченным органом в сфере контрольно-надзорной деятельности в области ЖКХ выступает на федеральном уровне Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, в связи с чем приобретает значение Положение о нем, утвержденное Указом главы государства [12].

В соответствии с разнообразием оказываемых в сфере ЖКХ услуг в процессе реализации контрольно-надзорных мероприятий возникает необходимость учета соответствующих требований и стандартов, определяющих их качество и эффективность. В этой связи учитываются требования многочисленных постановлений и распоряжений Правительства, в том числе, например, определяющих порядок осуществления деятельности по управлению многоквартирными домами [13], правовой статус Главного государственного жилищного инспектора и пр.

Постановлением Правительства РФ утверждены также Правил осуществления государственного контроля (надзора) за соблюдением специализированными некоммерческими организациями, действующими в сфере ЖКХ, требований законодательства [17]. А на основании Постановления Правительства РФ от 30 сентября 2021 г. № 1670 основное количество полномочий, связанных с осуществлением государственного жилищного контроля, передано на региональный уровень.

В соответствии с положениями Кодекса РФ об административных правонарушениях и Уголовного кодекса РФ с учетом норм Жилищного кодекса определяется порядок привлечения к ответственности лиц, в отношении которых по результатам проведения контрольно-надзорных мероприятий выявлены случаи нарушения требований законодательства в сфере ЖКХ.

Современная система государственного управления активно использует инструменты стратегического планирования и программно-целевой метод. Жилищно-коммунальная сфера и контрольно-надзорная деятельность в ней не является исключением. В соответствии с этим стоит отметить, что в настоящее время в секторе государственная программа Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», а перспективные ориентиры определяет Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года [18].

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о том, что особенности и структура жилищно-коммунального хозяйства оказывают влияние и на структуру, и на особенности осуществления, и на нормативно-правовые основы государственной контрольно-надзорной деятельности в сфере ЖКХ. Многообразие участников и направлений осуществления контрольно-надзорной деятельности приводит к необходимости применения множества законодательных актов. Поэтому, и в целях совершенствования государственного управления, повышения качества услуг ЖКХ, эффективной трансформации и модернизации отрасли, установления доверия между участниками соответствующих правоотношений необходима реализация комплексного подхода, который позволит как решить системные проблемы, так и будет способствовать минимизации рисков.

Список литературы:

1. Конституция РФ от 12.12.1993 г. [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 10.01.2025).
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 11.01.2025).
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 11.01.2025).
4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 11.01.2025).
5. Лопоносов Е.В. Использование цифровых технологий в вопросах управления развитием жилищно-коммунального хозяйства // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – №6. – С. 35 – 38.
6. Матюшкина И.А., Прокопова Д.Д. Ключевые проблемы развития жилищно-коммунального хозяйства в современной России // Экономика. Социология. Право. – 2023. – №4. – С. 9 – 16.
7. Мурзина И.А., Султанов М.Ю. Совершенствование системы жилищно-коммунального хозяйства как ключевой фактор повышения качества жизни населения // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 11. – С. 121-125.
8. О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства: федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 209-ФЗ [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 12.01.2025).
9. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 10.01.2025).
10. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федеральный закон от 26.12.2008 г. № 294-ФЗ // [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 11.01.2025).
11. О лицензировании отдельных видов деятельности: федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ // [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 11.01.2025).
12. О Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации: указ Президента РФ от 01.11.2013 г. № 819 [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 11.01.2025).
13. О порядке осуществления деятельности по управлению многоквартирными домами: постановление Правительства РФ от 15 мая 2013 г. № 416 [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 10.01.2025).
14. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 11.01.2025).
15. О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства: федеральный закон от 21 июля 2007 г. № 185-ФЗ // [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 11.01.2025).
16. Об утверждении общих требований к организации и осуществлению регионального государственного жилищного контроля (надзора): Постановление Правительства РФ от 30 сентября 2021 г. № 1670 [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 10.01.2025).
17. Об утверждении Правил осуществления государственного контроля (надзора) за соблюдением специализированными некоммерческими организациями, которые осуществляют деятельность, направленную на обеспечение проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, требований, установленных жилищным законодательством, законодательством об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности, к использованию и сохранности жилищного фонда независимо от его формы собственности: постановление Правительства РФ от 28 сентября 2022 г. № 1702 [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 10.01.2025).
18. Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года

с прогнозом до 2035 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 октября 2022 г. № 3268-р [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 12.01.2025).

References:

1. Constitution of the Russian Federation of 12.12.1993 [Electronic resource] Access from the reference and legal system "ConsultantPlus". (date of access 10.01.2025).

2. Budget Code of the Russian Federation of July 31, 1998 No. 145-FZ // [Electronic resource] Access from the reference and legal system "ConsultantPlus". (date of access 11.01.2025).

3. Urban Development Code of the Russian Federation of December 29, 2004 No. 190-FZ // [Electronic resource] Access from the reference and legal system "ConsultantPlus". (date of access 11.01.2025).

4. Housing Code of the Russian Federation of December 29, 2004 No. 188-FZ // [Electronic resource] Access from the reference and legal system "ConsultantPlus". (date of access 11.01.2025).

5. Loponosov E.V. Use of digital technologies in issues of managing the development of housing and communal services // Economy and business: theory and practice. - 2024. - No. 6. - P. 35 - 38.

6. Matyushkina I.A., Prokopova D.D. Key problems of development of housing and communal services in modern Russia // Economy. Sociology. Law. - 2023. - No. 4. - P. 9 - 16.

7. Murzina I.A., Sultanov M.Yu. Improvement of the housing and communal services system as a key factor in improving the quality of life of the population // Social and humanitarian knowledge. – 2024. – No. 11. – P. 121-125.

8. On the state information system of housing and communal services: Federal Law of July 21, 2014 No. 209-FZ [Electronic resource] Access from the reference and legal system "ConsultantPlus". (date of access 01/12/2025).

9. On state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation: Federal Law of July 31, 2020 No. 248-FZ [Electronic resource] Access from the reference and legal system "ConsultantPlus". (date of access 01/10/2025).

10. On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Exercise of State Control (Supervision) and Municipal Control: Federal Law of 26.12.2008 No. 294-FZ // [Electronic resource] Access from the reference and legal system "ConsultantPlus". (date of access 11.01.2025).

11. On Licensing of Certain Types of Activities: Federal Law of 4 May 2011 No. 99-FZ // [Electronic resource] Access from the reference and legal system "ConsultantPlus". (date of access 11.01.2025).

12. On the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 01.11.2013 No. 819 [Electronic resource] Access from the reference and legal system "ConsultantPlus". (date of access 11.01.2025).

13. On the procedure for implementing activities to manage apartment buildings: Resolution of the Government of the Russian Federation of May 15, 2013 No. 416 [Electronic resource] Access from the reference and legal system "ConsultantPlus". (date of access 10.01.2025).

14. On the procedure for considering appeals from citizens of the Russian Federation: Federal Law of May 2, 2006 No. 59-FZ [Electronic resource] Access from the reference and legal system "ConsultantPlus". (date of access 11.01.2025).

15. On the Fund for Assistance to Housing and Public Utilities Reform: Federal Law of July 21, 2007 No. 185-FZ // [Electronic resource] Access from the reference and legal system "ConsultantPlus". (date of access 11.01.2025).

16. On approval of general requirements for the organization and implementation of regional state housing control (supervision): Decree of the Government of the Russian Federation of September 30, 2021 No. 1670 [Electronic resource] Access from the reference and legal system "ConsultantPlus". (date of access 10.01.2025).

17. On approval of the Rules for the implementation of state control (supervision) over compliance by specialized non-profit organizations that carry out activities aimed at ensuring the implementation of major repairs of common property in apartment buildings, with the requirements established by housing legislation, legislation on energy conservation and on improving energy efficiency, for the use and preservation of the housing stock, regardless of its form of ownership: Resolution of the Government of the Russian Federation of September 28, 2022 No. 1702 [Electronic resource] Access from the reference and legal system "ConsultantPlus". (date of access 01/10/2025). 18. On approval of the Strategy for the development of the construction industry and housing and communal services of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2035: Order of the Government of the Russian Federation of October 31, 2022 No. 3268-r [Electronic resource] Access from the reference and legal system "ConsultantPlus". (date of access 01/12/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_232

К ВОПРОСУ О МУНИЦИПАЛЬНО-ПРАВОВОМ АСПЕКТЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АГЛОМЕРАЦИЙ В РФ
ON THE ISSUE OF MUNICIPAL-LEGAL ASPECT IN THE ACTIVITIES OF AGGLOMERATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

БАСИЕВ Марат Сосланбекович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова.
362025, Республика Северная Осетия – Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46.
E-mail: m.basi@mail.ru

BASIEV Marat Soslanbekovich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov.
362025, Republic of North Ossetia - Alania, Vladikavkaz, Vatutina St., 44-46.
E-mail: m.basi@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются вопросы правового статуса агломераций в России. В частности, речь идет о: порядке их создания, степени участия в данном процессе государственной власти; правовой форме деятельности (объединение муниципалитетов или отдельное образование); взаимодействии уровней власти в рамках функционирования подобных единиц; организационной основе агломераций; порядке учета мнения населения при решении вопросов, касающихся создания указанных территориальных образований.*

Abstract: *The article examines the issues of legal impact of agglomerations in Russia. In particular, it concerns: the procedure for their creation, the degree of participation of state power in this process; the form of activity is prohibited (association of managers or separate formation); levels of power within such units; organizational basis of agglomerations; In order to take into account the opinions of the population when providing questions, the current creation of certain territorial entities.*

Ключевые слова: *агломерация, муниципальное образование, соглашение, публичная власть, субъект федерации, территориальное образование.*

Keywords: *agglomeration, municipal formation, agreement, public authority, federal subject, territorial formation.*

Для цитирования: *Басиев М.С. К вопросу о муниципально-правовом аспекте в деятельности агломераций в РФ // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 232-235. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_232.*

For citation: *Basiev M.S. On the issue of municipal-legal aspect in the activities of agglomerations in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 232-235. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_232.*

Статья поступила в редакцию: 06.10.2025

Необходимость правовой регламентации функционирования агломераций и мегаполисов, где сосредоточены точки роста в современном мире, требует согласованной деятельности различных уровней публичной власти[1]. Как отмечается в литературе, «метрополитизация» трансформировала населенные пункты, поскольку их традиционные качества (закрытый характер взаимодействия жителей внутри одного населенного пункта и его отделение от других территорий) все чаще отсутствуют в данных территориальных образованиях. Жители метрополии не ограничивают свою деятельность в пределах родного населенного пункта, а организации не привлекают работников или клиентов только из населенных пунктов своего расположения[2].

Территориально-правовой формой реализации публичного управления в границах агломераций (мегаполисов) в России выступают города федерального значения, городские округа или конгломерат муниципалитетов. При этом последние не имеют самостоятельного статуса публично-правового образования, являясь сферой управления, в рамках которой существует определенное количество самостоятельных единиц[3]. Вследствие этого нельзя согласиться с утверждением о том, что создание агломераций является результатом межрегионального взаимодействия[4]. Даже в случае

[1] Среди исследователей нет однозначного понимания соотношения терминов «агломерация», «метрополия», «мегаполис». Так, Р.М. Вульфович понимает под агломерацией город и вовлекаемые в его орбиту другие населенные пункты, совместно представляющие собой сложную систему. В свою очередь, метрополия – это крупный город с прилегающей к нему территорией. См.: Вульфович Р.М. Агломерация, мегалополис и мегаполис (соотношение понятий) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2007. № 2. С. 91-92. О.Б. Иванов и Е.М. Бухвальд считают понятия «мегаполис» и «агломерация» синонимами и определяют последнюю как мегаполис с прилегающими к нему территориями. См.: Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Мегаполисы и агломерации в системе управления и стратегирования развития территорий // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2020. № 1. С. 8. Данную позицию следует признать обоснованной.
Онлайн словарь Merriam-Webster раскрывает значения слова «метрополия» как главный или столичный город страны или региона, как центр определенной деятельности (промышленности, сельского хозяйства и др.). См.: https://www.merriam-webster.com/dictionary/metropolis. В свою очередь, проект федерального закона «О городских агломерациях», разработанный Минэкономразвития России, под городской агломерацией понимает территорию городского округа либо города федерального значения, объединенную с территориями других муниципальных образований устойчивыми социальными, экономическими и хозяйственными связями. См.: URL: https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=107906. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 года № 207-р, определяет понятия «крупная городская агломерация» и «крупнейшая городская агломерация». Так, первая представляет собой совокупность компактно расположенных населенных пунктов и территорий между ними с общей численностью населения 500 тыс. человек - 1000 тыс. человек, связанных совместным использованием инфраструктурных объектов и объединенных интенсивными экономическими, в том числе трудовыми, и социальными связями. См.: URL: http://static.government.ru/media/files/UVAlqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf.
[2] Briffault R. The Local Government Boundary Problem in Metropolitan Areas // Stanford Law Review. 1996. Vol. 48, No. 5. pp. 1116-1117.
[3] Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Мегаполисы и агломерации в системе управления и стратегирования развития территорий. С. 8.
[4] Сафин И.Н. Некоторые вопросы управления московской столичной агломерацией // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. № 4. С. 81.

нахождения объединяющихся муниципалитетов пределах разных субъектов Федерации их интеграция детерминирована сложившимися социально-экономическими взаимоотношениями на местном уровне.

Исследователи отмечают определенную несогласованность отраслевого законодательства, выражающуюся в том, что территории созданных агломераций нередко выходят за пределы соответствующих административно-территориальных единиц и муниципальных образований[1].

В то же время тенденция территориальной консолидации для совместного решения муниципалитетами общих задач путем объединения разрозненных ресурсов обусловливает необходимость поиска правовой конструкции агломерации как модели координации интересов всех уровней публичной власти[2]. В частности, как вполне обоснованно указывают исследователи, существует потребность в создании условий для решения задач, возникающих в ходе агломерирования городского пространства и выходящих за рамки полномочий, закреплённых за органами местного самоуправления[3]. Вследствие этого законодательная регламентация института агломерации должна обеспечивать разумный баланс государственных и локальных интересов, позволяя решать масштабные задачи с привлечением необходимых ресурсов и обеспечивая возможность беспрепятственной самоорганизации местных сообществ в населенных пунктах на территории единого пространства. Однако, часть принятых в настоящее время законов субъектов РФ в данной сфере направлена на перераспределение полномочий между регионами и муниципальными структурами в сторону их централизации[4], что не вполне оправданно.

Следует отметить, что в США правовая конструкция метрополии характеризуется наличием большого количества небольших местных властных институтов (в крупных городах самоуправление осуществляется на уровне кварталов) наряду со специализированными органами власти регионального уровня, реализующими финансово ёмкие полномочия, связанные с инфраструктурой, что воспринимается экспертами положительно[5].

Таким образом, пространственное развитие агломерации предопределяет необходимость создания единого центра управления ею. Данный вопрос имеет чрезвычайную важность исходя из задачи совместного равномерного развития всех территорий входящих в ее состав населенных пунктов. В то же время в фокусе должна оставаться проблема гарантированности самоорганизации локального сообщества, предполагающая равномерный учет интересов всех жителей в пределах территории создаваемой агломерации. Соответственно, указанные обстоятельства детерминируют необходимость соотнесения интересов социально-экономического развития территории, как единого целого, и обеспечения реализации права жителей на осуществление местного самоуправления. Абсолютным приоритетом в рамках законодательной политики должен являться баланс, гарантирующий всестороннее развитие общего пространства и локального сообщества. Так, одними из отрицательных факторов агломерации выступают непропорциональное размещение элементов инфраструктуры, проявляющееся в проблематичности получения общественных услуг по месту жительства граждан, а также пространственные перекосы в социально-экономическом развитии внутри соответствующей территории[6].

Кроме того, сама конструкция развития агломерации, выражающаяся в последовательном перемещении производственных ресурсов из центра (город-ядро) на периферию вследствие технологической и структурной трансформации современных предприятий, предопределяет необходимость усиления роли механизмов общественного самоуправления и мотивирует властные структуры соответствующих территорий играть более весомую роль.

Исследователи предлагают различные модели управления агломерацией. В частности, О.Б. Иванов и Е.М. Бухвальд выделяют такие схемы, как: административную (единый муниципалитет); договорную (межмуниципальное объединение) и двухуровневую (сочетание государственного и муниципального управлений)[7]. Кроме того, другие авторы последнюю модель подразделяют на следующие подвиды: внедрение надмуниципальных органов власти и участие региональных властных институтов в деятельности местного самоуправления[8].

В научной литературе была также предложена классификация организационно-управленческих моделей агломерации с выделением шести ее типов, где наряду с указанными выше тремя вычленяют: совместное управление (единая администрация для всех муниципальных образований на основе общего представительства); региональное управление (координация деятельности муниципалитетов со стороны региональной власти); смешанное государственно-муниципальное управление в городах федерального значения[1].

Важнейшее значение имеет вопрос о перспективе законодательного регулирования агломераций, в том числе о форме их объективации: отдельный вид территориальных образований или объединение муниципалитетов? Так, в нашей стране известны случаи муниципальной интеграции в

[1] Ермолаева Ю.В. Конституционные основы территориального развития России: теория и практика // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5 (118). С. 88.
[2] Именно данное обстоятельство обусловливает разрозненность и противоречивость законодательства в части соотношения административно-территориального деления с вопросами создания и развития агломераций. См.: Лапина М.А. Правовыеаспекты системы организации публичного управления территориями в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 35. К этому следует добавить указание на отсутствие подобной корреляции с законодательством в области местного самоуправления.
[3] Швецов А.Н. Управление городскими агломерациями: организационно-правовые варианты // Регионалистика. 2018. Том 5. № 1. С. 27.
[4] Ильиных А.В. Городские агломерации в муниципально-территориальной организации: каким должно быть нормативно-правовое регулирование? // Государство и право. 2020. № 2. С. 185.
[5] Briffault R. The Local Government Boundary Problem in Metropolitan Areas // Stanford Law Review. 1996. Vol. 48, No. 5. P. 1120-1122.
[6] Пузанов А.С., Попов Р.А., Полиди Т.Д., Гершович А.Я. Городские агломерации в современной России: проблемы и перспективы развития. М.: Фонд «Институт экономики города», 2023. С. 107.
[7] Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Мегаполисы и агломерации в системе управления и стратегирования развития территорий. С. 11-13, 16.
[8] Павлов Ю. В., Королева Е. Н., Лабзин А. В. Органы управления городской агломерацией: проектирование состава и способов формирования // Вестник СПбГУ. Менеджмент. 2018. Т. 17. Вып. 4. С. 579.

данный вид специальных территориальных единиц[2] на основе соответствующих соглашений (либо выражения согласия) с сохранением существующего самостоятельного статуса[3]. В связи с этим в научной литературе существует позиция, согласно которой агломерации могут функционировать исключительно посредством межмуниципального объединения, исключающего совместное решение ими вопросов местного значения[4].

Необходимо отметить, что в настоящее время городские круга фактически организованы по агломерационной модели. Так, они представляют собой территорию, включающую ряд сопредельных друг с другом населенных пунктов вокруг одного большого городского ареала с наличием общих социальных, экономических, природоохранных и иных интересов. Властные структуры указанных населенных пунктов в силу взаимозависимой инфраструктуры должны взаимодействовать в рамках решения общих задач[5].

Кроме того, в научной литературе существует позиция о том, что агломерации представляют собой административно-территориальные образования, не являющиеся ни регионами, ни муниципалитетами. Они могут включать в себя субъекты РФ (их части) и подразумевать размежевание полномочий «по вертикали» с Федерацией и субнациональным властным уровнем[6].

В свою очередь, изучение имеющейся практики создания агломераций и формирования в них управленческих институтов позволили специалистам сделать вывод, что в рамках государственно-муниципального и межмуниципального взаимодействия в указанном контексте очевиден «крен» в сторону градостроительства и территориального планирования. В то же время по многим вопросам межмуниципальное партнерство может выполнять роль существенного механизма концентрации бюджетных средств для повышения доступности и качества оказания публичных услуг, а также более эффективного решения вопросов местного значения[7]. Очевидно, что данная функциональное преобразование невозможно в современных условиях без изменения действующего законодательства. Также следует отметить, что в модель решения общих масштабных задач в рамках функционирования агломерации во многом созвучна практике создания специальных округов (районов) в зарубежных странах, деятельность которых ограничивается отдельными отраслевыми вопросами.

Что касается порядка учреждения агломераций, то в научной литературе указывается, что возможно выделить три подхода: централизованный (принятие решения органом власти субъекта РФ), децентрализованный (договорный) и смешанный[8]. Очевидно, что законодательный алгоритм формирования указанных территориальных единиц должен предусматривать обязательный учет позиций каждого из участвующих в нем муниципальных образований.

С точки зрения эффективности управляющего воздействия подходящими форматами конструирования агломераций в рамках территории одного региона являются создание либо единого муниципального образования (городской или муниципальной округ) в случае близкого расположения друг к другу различных населенных пунктов, либо объединения самостоятельных муниципалитетов, не создающего новое публично-правовое образование, с совместными межмуниципальными властными институтами. В то же время в случае расположения данной территориальной единицы в рамках границ нескольких субъектов РФ[9], наиболее целесообразным будет создание конгломерата муниципалитетов с общим управленческим центром.

Также следует указать, что потребность всестороннего социально-экономического развития всей территории агломерации, обусловливает консолидацию компетенционной сферы различных уровней власти, в том числе детерминирует неизбежность перераспределения полномочий «сверху вниз», а также влечет необходимость создания координационного механизма совместного принятия решений региональной и муниципальной властями [10]. В связи с этим вполне оправданно утверждение о том, что развитие агломераций предполагает необходимость учета правовых норм различных отраслей законодательства[1].

В контексте развития законодательства интерес представляет вопрос о порядке учета мнения жителей при учреждении агломерации как объединения муниципальных образований. В настоящее время в России отсутствует соответствующее нормативное регулирование. Разработанный Минэкономразвития РФ проект закона предусматривает механизм учета мнения локального сообщества как непосредственно, так и через представи-

[1] Глазычев В., Стародубровская И. Челябинская агломерация: потенциал развития. Челябинск, 2008. С. 34–40, 46–58.
[2] Авторы выделяют специальные территориальные образования наряду с административно-территориальными и муниципальными. Смысл их создания — реализация особенностей деятельности определенных органов власти или либо решение специальных управленческих задач. См.: Лисина Н.Л., Ушакова А.П., Баев В.Д. Законодательные основы создания и развития агломераций в Кемеровской области – Кузбассе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. Т. 7. № 2. С. 216.
[3] В частности, речь идет о Новосибирской агломерации. См.: https://minstroy.nso.ru/page/1293.
[4] Лисина Н.Л., Баев В.Д. О некоторых проблемах межмуниципального взаимодействия в процессе развития агломераций в Российской Федерации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. Т. 7. № 3. С. 343.
[5] Авакьян С.А. Конституционное право. Энциклопедический словарь. М.: Норма, 2001. URL: /https://constitutional_law.academic.ru/26.
[6] Ахунов Д.Р. Проект Федерального закона «Об агломерациях в Российской Федерации» // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 3 (45). С. 296-297. Очевидно, что подобный подход фактически выступает отражением концепции укрупнения российских регионов на основе экономических критериев.
[7] Материалы парламентских слушаний на тему «Актуальные вопросы координации социально-экономического развития муниципальных образований в рамках агломераций». URL: https://storage.strategy24.ru/files/news/202212/ea5057b239bcae2e18c2436f46282d0b.pdf.
[8] Галиновская Е.А., Кичигин Н.В. Указ. раб. С. 150-151.
[9] Так, Московскую агломерацию составляют помимо Москвы и Московской области также ряд муниципалитетов на территории других регионов: Смоленской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Тульской и Калужской областей. См.: Сафин И.Н. Указ. раб. С. 79.
[10] Вследствие этого крайне сомнительно концентрировать управление агломерацией на региональном уровне, поскольку данная единица затрагивает интересы муниципальных образований. Сам факт локальности, в том числе наличие горизонтальных социально-экономических связей между организациями и жителями соответствующих территорий, является аргументом против централизации публичного механизма на уровне субъекта Федерации. См.: Гаврилюк М.Н. Сельские агломерации: проблемы формирования правового статуса // Имущественные отношения в РФ. 2024. № 8 (275). С. 61.

тельный орган в рамках процедуры принятии решений при создании агломерации[2]. Так, предполагается, что местная легислатура: заключает межмуниципальное соглашение о совместном решении муниципалитетами вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения; принимает решения о формировании координационного органа и об инициировании включения территории муниципалитета в состав агломерации. В свою очередь, граждане вправе направлять предложения к проекту комплексного плана развития агломерации и участвовать в проводимых публичных слушаниях по данному вопросу.

При всей оправданности указанного механизма учета мнения жителей в вопросах вхождения муниципальных образований в единое социально-экономическое пространство необходимо дополнить случаи прямого волеизъявления локального сообщества жителей. В частности, на местном референдуме в обязательном порядке должен рассматриваться вопрос об отнесении определенного муниципального образования к территории агломерации. Также комплексный план развития последней должен предусматривать учет позиции граждан при решении конкретных задач (социальная инфраструктура, благоустройство и т.п.).

Список литературы:

1. Авакьян С.А. Конституционное право. Энциклопедический словарь. М.: Норма, 2001. URL: https://constitutional_law.academic.ru/26 (дата обращения: 01.10.2025).
2. Вульфович Р.М. Агломерация, мегалополис и мегаполис (соотношение понятий) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2007. № 2. С. 91-92.
3. Глазычев В., Стародубровская И. Челябинская агломерация: потенциал развития. Челябинск, 2008. 115 с.
4. Ермолаева Ю.В. Конституционные основы территориального развития России: теория и практика // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5 (118). С. 84-91.
5. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Мегаполисы и агломерации в системе управления и стратегирования развития территорий // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2020. № 1. С. 7-25.
6. Ильиных А.В. Городские агломерации в муниципально-территориальной организации: каким должно быть нормативно-правовое регулирование? // Государство и право. 2020. № 2. С. 184-188.
7. Материалы парламентских слушаний на тему «Актуальные вопросы координации социально-экономического развития муниципальных образований в рамках агломераций». URL: https://storage.strategy24.ru/files/news/202212/ea5057b239bcae2e18c2436f46282d0b.pdf (дата обращения: 01.10.2025).
8. Павлов Ю. В., Королева Е. Н., Лабзин А. В. Органы управления городской агломерацией: проектирование состава и способов формирования // Вестник СПбГУ. Менеджмент. 2018. Т. 17. Вып. 4. С. 576-610.
9. Пузанов А.С., Попов Р.А., Полиди Т.Д., Гершович А.Я. Городские агломерации в современной России: проблемы и перспективы развития. М.: Фонд «Институт экономики города», 2023. 192 с.
10. Сафин И.Н. Некоторые вопросы управления московской столичной агломерацией // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. № 4. С. 76-87.
11. Швецов А.Н. Управление городскими агломерациями: организационно-правовые варианты // Регионалистика. 2018. Том 5. № 1. С. 19-30.
12. Briffault R. The Local Government Boundary Problem in Metropolitan Areas // Stanford Law Review. 1996. Vol. 48, No. 5. pp. 1115-1171.

References:

1. Avakyan S.A. Constitutional Law. Encyclopedic Dictionary. Moscow: Norma, 2001. URL: https://constitutional_law.academic.ru/26 (date of access: 01.10.2025).
2. Vulfovich R.M. Agglomeration, megalopolis and megalopolis (relationship of concepts) // Eurasian integration: economics, law, politics. 2007. No. 2. pp. 91-92.
3. Glazychev V., Starodubrovskaya I. Chelyabinsk agglomeration: development potential. Chelyabinsk, 2008. 115 p.
4. Ermolaeva Yu.V. Constitutional foundations of territorial development of Russia: theory and practice // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. No. 5 (118). pp. 84-91.
5. Ivanov O.B., Bukhvald E.M. Megalopolises and agglomerations in the system of management and strategizing of territorial development // ETAPE: economic theory, analysis, practice. 2020. No. 1. pp. 7-25.
6. Ilyinykh A.V. Urban agglomerations in a municipal-territorial organization: what should be the legal regulation? // State and Law. 2020. No. 2. pp. 184-188.
7. Materials of parliamentary hearings on the topic "Topical issues of coordinating the socio-economic development of municipalities within agglomerations". URL: https://storage.strategy24.ru/files/news/202212/ea5057b239bcae2e18c2436f46282d0b.pdf (date of access: 01.10.2025).
8. Pavlov Yu.V., Koroleva E.N., Labzin A.V. Governing bodies of the urban agglomeration: design of the composition and methods of formation // Bulletin of St. Petersburg State University. Management. 2018. Vol. 17. Issue. 4. pp. 576-610.
9. Puzanov A.S., Popov R.A., Polidi T.D., Gershovich A.Ya. Urban agglomerations in modern Russia: problems and prospects of development. Moscow: Institute of Urban Economics Foundation, 2023. 192 p.
10. Safin I.N. Some issues of management of the Moscow metropolitan agglomeration // Bulletin of VSU. Series: Law. 2020. No. 4. P. 76-87.
11. Shvetsov A.N. Management of urban agglomerations: organizational and legal options // Regionalistics. 2018. Vol. 5. No. 1. pp. 19-30.
12. Briffault R. The Local Government Boundary Problem in Metropolitan Areas // Stanford Law Review. 1996. Vol. 48, No. 5. pp. 1115-1171.

[1] Лисина Н.Л., Ушакова А.П., Баев В.Д. Указ. раб. С. 220.
[2] URL: https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=107906.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_236

УДК 342.98

ДИНАСТИЙНОСТЬ В РАМКАХ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ[1]
DYNASTICISM IN THE CONTEXT OF CONFLICT OF INTEREST

ГОЛОМАНЧУК Эйда Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин
Волгоградского института управления – филиала
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Волгоград.
400005, Россия, обл. Волгоградская, г. Волгоград, ул. Гагарина, д. 8,
e-mail: golomachuk-ev@ranepa.ru

ПОПОВ Кирилл Алексеевич,
Магистрант Волгоградского института управления – филиала
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
400005, Россия, обл. Волгоградская, г. Волгоград, ул. Гагарина, д. 8,
e-mail: kpopov570@gmail.com

АСТАФУРОВА Ольга Анатольевна,
кандидат технических наук, заведующий кафедрой информационных систем и математического моделирования
Волгоградского института управления – филиала
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» г. Волгоград.
400005, Россия, обл. Волгоградская, г. Волгоград, ул. Гагарина, д. 8,
e-mail: astoa@vlgr.ranepa.ru

GOLOMANCHUK Ada Vladimirovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of Law and State-legal Disciplines
Volgograd Institute of Management – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation», Volgograd.
400005, Russia, Volgograd region, Volgograd, Gagarin st., 8.
e-mail: golomachuk-ev@ranepa.ru

POPOV Kirill Alekseevich
undergraduate student of the Volgograd Institute of Management - a branch of the federal state budgetary educational institution
of higher education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation».
400005, Russia, Volgograd region, Volgograd, Gagarin st., 8.
e-mail: kpopov570@gmail.com

ASTAFUROVA Olga Anatolyevna,
Candidate of Technical Sciences, Head of the Department of Information Systems and Mathematical Modeling
Volgograd Institute of Management - a branch of the federal state budgetary educational institution of higher education
«Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation» Volgograd.
400005, Russia, Volgograd region, Volgograd, Gagarin st., 8.
e-mail: astoa@vlgr.ranepa.ru

Краткая аннотация. *В настоящей статье исследуются актуальные проблемы правового регулирования конфликта интересов на государственной и муниципальной службе в контексте расширения круга лиц, обязанных принимать меры по его предотвращению. Анализируется двойственная природа династийности в социально значимых профессиях, рассматриваются риски и преимущества профессиональной преемственности. Обосновывается необходимость перехода от репрессивной модели ответственности к превентивным механизмам, включая создание информационных баз данных и применение технологий искусственного интеллекта для выявления потенциальных конфликтных ситуаций. Формулируются предложения по совершенствованию антикоррупционного законодательства.*

Abstract. *This article examines the current issues of legal regulation of conflicts of interest in the state and municipal service in the context of expanding the circle of persons obliged to take measures to prevent it. The dual nature of dynasticism in socially significant professions is analyzed, and the risks and advantages of professional succession are considered. The necessity of transitioning from a repressive model of responsibility to preventive mechanisms, including the creation of information databases and the application of artificial intelligence technologies to identify potential conflict situations, is substantiated. Proposals for improving anti-corruption legislation are formulated.*

Ключевые слова: *конфликт интересов, государственные служащие, династийность, профилактика коррупции, искусственный интеллект, антикоррупционные обязанности, правовое регулирование.*

Keywords: *conflict of interest, civil servants, dynasticism, corruption prevention, artificial intelligence, anti-corruption duties, legal regulation.*

Для цитирования: *Голоманчук Э.В., Попов К.А., Астафурова О.А. Династийность в рамках конфликта интересов // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 236-240. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_236.*

For citation: *Golomanchuk A.V., Popov K.A., Astafurova O.A. Dynasticism in the context of conflict of interest // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 236-240. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_236.*

Статья поступила в редакцию: 23.01.2026

Конфликт интересов – достаточно укоренившийся институт противодействия коррупции в Российской Федерации. За годы его существования он достаточно сильно оброс и судебным и административным толкование. По мнению Е.В. Шушиной, законодателем и правоприминителем «в последнее время особое внимание уделяется институту урегулирования конфликта интересов как одному из способов противодействия коррупционным проявлениям на государственной службе» [9, С. 36]. С этим мнение достаточно трудно поспорить, так как институт конфликта

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке АО «Альфа-Банк» в рамках программы «Альфа-Будущее Гранты преподавателям»

интересов сегодня является одним из эффективных способов предотвращение коррупционного поведения.

Статья 10 Федерального закона от 28.12.2025 № 505-ФЗ «О противодействии коррупции» устанавливает, что под конфликтом интересов понимается «понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)»[1]. Данный институт противодействии коррупции вводился с целью улучшения качества принимаемых решений в рамках процесса государственного управления, а также повышение транспарентности работы государственных органов. Кроме того, данным институтом федеральный законодатель преследовал и иную цель — устранение династийности на государственной службе.

В последнее время наблюдается тенденция к расширению субъектного состава лиц, на которых нормативными правовыми актами возлагается обязанность по урегулированию конфликта интересов. В настоящее время указанная обязанность распространяется не только на государственных служащих и лиц, замещающих государственные должности, непосредственно обеспечивающих реализацию функций государственного управления, но и на работников, задействованных в оказании государственных и муниципальных услуг. К данной категории традиционно относились руководители государственных и муниципальных учреждений, их заместители, а также главные бухгалтеры данных организаций. Впоследствии рассматриваемая обязанность была распространена на иных работников соответствующих учреждений, что было реализовано посредством внесения изменений в отраслевое законодательство, регламентирующее порядок предоставления государственных и муниципальных услуг.

Так, Федеральные закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» устанавливает понятие конфликт интересов педагогического работника, под которым понимается «ситуация, при которой у педагогического работника при осуществлении им профессиональной деятельности возникает личная заинтересованность в получении материальной выгоды или иного преимущества и которая влияет или может повлиять на надлежащее исполнение педагогическим работником профессиональных обязанностей вследствие противоречия между его личной заинтересованностью и интересами обучающегося, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся» [2]. Кроме того, данным законом предусматривается создание комиссий по урегулированию споров между участниками образовательных отношений, в полномочия которых, помимо всего прочего, входит рассмотрение конфликта интересов педагогического работника.

Другим примером такого регулирования является Федеральные закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», где закреплено, что конфликт интересов - это «ситуация, при которой у медицинского работника или фармацевтического работника при осуществлении ими профессиональной деятельности либо у члена медицинской профессиональной некоммерческой организации, участвующего в разработке клинических рекомендаций, или члена научно-практического совета возникает личная заинтересованность в получении лично либо через представителя компании материальной выгоды или иного преимущества, которое влияет или может повлиять на надлежащее исполнение ими профессиональных обязанностей, а также иных обязанностей, в том числе связанных с разработкой и рассмотрением клинических рекомендаций, вследствие противоречия между личной заинтересованностью указанных лиц и интересами пациентов» [3]. Также создается комиссия по урегулированию конфликта интересов, однако в отличии от образовательных организаций, где комиссия является внутренней, здесь она является внешней и создается уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти.

Представляется обоснованным поставить вопрос о причинах распространения обязанности по предотвращению и урегулированию конфликта интересов на рядовых работников, в то время как необходимость ее возложения на руководящий состав учреждений представляется очевидной. Актуальность данной постановки вопроса обусловлена тем, что изначально подобная обязанность была установлена законодателем в отношении государственных служащих и лиц, замещающих государственные должности. Причем Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 30.06.2011 № 14-П указал, что «взаимосвязь различных видов государственной службы Российской Федерации, как следует из статьи 6 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», обеспечивается на основе единства системы государственной службы Российской Федерации и принципов ее построения и функционирования посредством в том числе установления ограничений и обязательств при прохождении государственной службы, наличие которых компенсируется предоставлением государственным служащим дополнительных социальных гарантий как организационно-правового, так и социально-экономического характера (государственное пенсионное обеспечение, дополнительный отпуск, медицинское и санаторно-курортное обслуживание и др.)» [4]. Из этого буквально следует, что за соблюдение антикоррупционных запретов и ограничений государственные служащие и лица, замещающие государственные должности получают дополнительные льготы.

В целях реализации конституционного принципа равенства представляется обоснованным предусмотреть для работников государственных и муниципальных учреждений, на которых федеральным законодательством возложены антикоррупционные обязанности, систему дополнительных льгот и гарантий со стороны работодателя. Указанные меры социальной поддержки могут включать предоставление дополнительных дней к отпуску, установление специальной надбавки к должностному окладу, зачет рабочего дня в увеличенном объеме в трудовой стаж, а также иные меры, определяемые работодателем.

Теперь перейдем к рассмотрению проблемы династийности в государственных и муниципальных учреждениях. В настоящие время законодательство о конфликте интересов исходит из предотвращения коррупционных правонарушений и это безусловно имеет место. Так, к примеру, в Определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18.09.2025 № 88-16227/2025 рассматривается типичная ситуация конфлик-

та интересов директора ГБУ, который принял на работу свою супругу, не уведомив об этом своего работодателя и не урегулировав конфликт интересов, продолжил нарушение антикоррупционного законодательства, назначив супруги, привлеченной к дисциплинарной, премию в нарушение локальных нормативно-правовых актов, запрещающих премировать сотрудников привлеченных к дисциплинарной ответственности. Как итог для директора наступило увольнение в связи с утратой доверия и внесение об этом сведений в специальный реестр [5].

Отметим, что таких ситуаций действительно много в правоприменительной практике и логика законодателя абсолютна понятна. Однако данное регулирование способствует полному прекращение трудовых династий, которые формировались и складывались десятилетия, а некоторые из них веками.

Представляется целесообразным рассмотреть возможные негативные последствия распространения обязанности по предотвращению и урегулированию конфликта интересов на работников, не относящихся к руководящему составу государственных и муниципальных учреждений. Можно прогнозировать возникновение ряда проблем правоприменительного и организационного характера, способных нивелировать позитивный эффект от введения рассматриваемых антикоррупционных механизмов.

Первая группа проблем связана с кадровым составом учреждений и спецификой ряда социально значимых профессий. Распространение указанных требований на рядовых сотрудников потенциально способно нивелировать сложившийся феномен профессиональной преемственности, который традиционно был присущ таким сферам, как здравоохранение, педагогическая деятельность, университетское образование и научные исследования. В указанных областях трудовая династийность на протяжении длительного времени выступала не только как социальное явление, но и как фактор, обеспечивающий передачу профессиональных знаний, этических норм и практического опыта между поколениями. Введение жестких антикоррупционных ограничений, не учитывающих данную специфику, может привести к разрыву указанных связей, что способно отрицательно сказаться на качестве выполнения учреждениями своих функций. Более того, в определенный временной период подобное регулирование может выступить дополнительным стимулом для миграции квалифицированных кадров из государственных учреждений социальной сферы в частный сектор, где аналогичные ограничения отсутствуют, что создаст риск снижения доступности и качества соответствующих услуг для населения.

Вторая группа проблем носит процедурный характер и касается деятельности комиссий по урегулированию конфликта интересов. Формирование таких комиссий преимущественно из числа сотрудников учреждения, находящихся в служебной зависимости от его руководителя, ставит под сомнение гарантии независимости и беспристрастности принимаемых ими решений. Руководитель учреждения, обладая дисциплинарной властью и возможностью влиять на карьерное продвижение подчиненных, может оказывать опосредованное воздействие на позицию членов комиссии, что способно поставить под сомнение объективность результатов ее работы. Указанное обстоятельство порождает обоснованные сомнения в достоверности выводов, к которым приходит такой коллегиальный орган, особенно в ситуациях, затрагивающих интересы самого руководителя.

Можно проиллюстрировать сказанное на примере гипотетической, но практически значимой ситуации конфликта интересов, возникающей в связи с прохождением службы родственников в одном учреждении. Допустим, руководитель государственного учреждения реализует функции работодателя в отношении лица, состоящего с ним в близком родстве. В соответствии с действующими подходами к урегулированию конфликта интересов, в учреждении надлежит создать специальную комиссию, наименование и порядок формирования которой могут варьироваться в зависимости от отраслевой принадлежности организации. Механизм урегулирования в данном случае предполагает передачу руководителем полномочий работодателя в отношении своего родственника указанной комиссии, что влечет изменение должностного положения соответствующего сотрудника. При этом сам руководитель учреждения не вправе входить в состав данной комиссии, что формально обеспечивает дистанцирование от принятия решений. При соблюдении описанной процедуры конфликт интересов в учреждении может считаться урегулированным, однако, как отмечалось ранее, сохраняется вопрос о фактической независимости членов комиссии от руководителя, инициировавшего ее создание.

Можно исследовать феномен династийности в контексте государственной службы с иных концептуальных позиций, акцентируя внимание на его потенциально позитивных аспектах. В данном отношении показателен пример дипломатической службы Министерства иностранных дел Российской Федерации, где профессиональная преемственность не только не отвергается, но и может рассматриваться в качестве фактора, способствующего повышению эффективности кадрового состава. Дети дипломатических работников, чье взросление проходило в период служебной деятельности родителей за пределами Российской Федерации, обладают уникальной возможностью погружения в социокультурную среду государства пребывания, что позволяет им усвоить не только разговорный язык, но и поведенческие паттерны, традиции, обычаи и ментальные особенности соответствующего народа. Такой опыт, приобретаемый в процессе социализации, формирует специалиста, уже на начальном этапе профессиональной деятельности обладающего компетенциями, которые в иных условиях формируются в течение длительного времени.

Распространение аналогичного подхода на иные сферы государственной службы также не дает оснований для однозначно негативной оценки влияния династийности на эффективность функционирования соответствующих органов и учреждений. Эмпирические наблюдения свидетельствуют о том, что представители семей, имеющих опыт прохождения государственной службы, как правило, подходят к выбору профессиональной траектории более осознанно и ответственно, поскольку с детства ознакомлены со спецификой служебной деятельности, включая ее сложности, ограничения и психоэмоциональные нагрузки. Указанное обстоятельство способствует формированию реалистичных ожиданий относительно будущей профессиональной деятельности и снижает вероятность преждевременного разочарования в избранном пути.

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что династийность в контексте государственной службы представляет собой сложное

и неоднозначное явление, характеризующееся наличием как позитивных, так и негативных аспектов. К числу позитивных можно отнести преемственность профессиональных знаний и ценностей, более высокий уровень мотивации и информированности о специфике службы. В качестве негативных аспектов традиционно рассматриваются риски формирования закрытых корпоративных структур и потенциальные злоупотребления служебным положением. Принципиально важным представляется обеспечение безусловного запрета на ситуации, при которых родственники находятся в отношениях прямой подчиненности либо подконтрольности друг другу, что создает предпосылки для возникновения конфликта интересов и нивелирует позитивный потенциал профессиональной преемственности.

В связи со всем выше сказанным может возникнуть логичный и закономерный вопрос: почему доктрина не предлагает полностью отказаться от института конфликта интересов? Весьма категоричную позицию по данному поводу занимает Н.С. Гончарук, которая «предлагается упразднить действие правовых норм, касающихся соблюдения требований к служебному поведению и (или) требований об урегулировании конфликта интересов» [6, С. 17], в связи их высокой трудоемкостью, большой сложностью и отсутствием эффекта от соблюдения данных норм.

С данной точкой зрения достаточно трудно согласиться, поскольку каким бы проблемным не был институт конфликта интересов, он работает, позволяя либо выявить совершенные коррупционные правонарушения различной степени тяжести либо предотвратить их. Можно лишь говорить о его изменении и улучшении.

Представляется целесообразным рассмотреть вопрос о трансформации существующей модели правового регулирования в сфере противодействия коррупции, а именно о переходе от системы, основанной преимущественно на применении мер ответственности за нарушение требований о предотвращении и урегулировании конфликта интересов, к модели, ориентированной на превентивное исключение возможности возникновения таких ситуаций силами самого государственного органа либо государственного или муниципального учреждения. Действующее правовое регулирование, устанавливая обязанность служащего принимать меры по недопущению конфликта интересов и ответственность за ее неисполнение, во многом возлагает бремя предотвращения коррупционных рисков на самого сотрудника. Предлагаемый же подход предполагает смещение акцента на организационные и технологические механизмы, функционирующие на уровне работодателя. Рассмотрим этот алгоритм на выше приведённом примере с директором ГБУ и его супругой. Супруга подала заявление в ГБУ о приеме на работу, программа это увидела и передала информацию подразделению по противодействию коррупции нанимателя директора ГБУ. Данное подразделение разрабатывает и рекомендует директору ГБУ принять меры по противодействию коррупции, к ним могут относиться, по мнению А.В. Мусалева, «внесение в должностную инструкцию сотрудника дополнительных, ограничительных пунктов» [8, С. 15] и др. В случае отказа директора ГБУ представитель работодателя может применить к нему уже установленные законодательством меры ответственности.

В рамках реализации данной превентивной модели представляется обоснованным создание специализированной информационной базы данных, содержащей сведения о близких родственниках и свойственниках сотрудников соответствующих органов и учреждений. Формирование такого информационного ресурса должно осуществляться при строгом соблюдении требований законодательства о персональных данных и о противодействии коррупции, в частности, в части полноты и достоверности предоставляемых сведений. Указанная база может аккумулировать информацию, представляемую самими служащими и работниками в рамках декларационных кампаний, а также из иных официальных источников[7, с. 23].

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов относительно современного состояния и перспектив развития правового регулирования конфликта интересов. Наблюдаемая тенденция к расширению круга лиц, на которых распространяется обязанность по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, включая рядовых работников государственных и муниципальных учреждений, свидетельствует о стремлении законодателя к унификации антикорр6упционных стандартов. Вместе с тем, как показало исследование, подобное расширение субъектного состава порождает ряд вопросов, требующих дополнительного осмысления. В частности, распространение указанных требований на сферы, традиционно характеризующиеся профессиональной преемственностью (здравоохранение, образование, наука), может повлечь за собой риски разрыва династийных связей, которые в указанных областях выступают не только социальным, но и профессионально-квалификационным фактором.

Феномен династийности, будучи явлением двойственным, при надлежащем правовом опосредовании способен выступать источником позитивного опыта и осознанной мотивации к прохождению службы, что подтверждается, в частности, практикой дипломатической службы. Ключевым условием реализации позитивного потенциала профессиональной преемственности выступает недопустимость ситуаций прямой подчиненности либо подконтрольности родственников, порождающих неразрешимый конфликт интересов. В этой связи представляется перспективным переход от модели, основанной преимущественно на применении мер ответственности за уже состоявшиеся нарушения, к превентивной системе исключения сотрудника из возможной конфликтной ситуации. Указанный подход, реализуемый при строгом соблюдении требований о защите персональных данных, будет способствовать формированию системы, ориентированной не на констатацию нарушений, а на их профилактику, что в конечном итоге повысит эффективность антикоррупционного механизма и укрепит доверие между участниками служебных отношений.

Список литературы:

1. Российская Федерация. Законы. О противодействии коррупции : федеральный закон от 25.12.2008 года № 273-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – Текст: непосредственный // Российская газета. – 2008. – № 266.;
2. Российская Федерация. Законы. Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.2012 года № 273-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – Текст: непосредственный // Российская газета. – 2012. – № 303.;
3. Российская Федерация. Законы. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федеральный закон от 21.11.2011 года № 323-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – Текст: непосредственный // Российская газета. – 2011. – № 263.;

4. Российская Федерация. Конституционный Суд Российской Федерации. По делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона "О государственной гражданской службе Российской Федерации" и статьи 20.1 Закона Российской Федерации "О милиции" в связи с жалобами граждан Л.Н. Кондратьевой и А.Н. Мумолина : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30.06.2011 года № 14-П / Российская Федерация. Конституционный Суд Российской Федерации. – Текст: непосредственный // Российская газета. – 2011. – № 150.;

5. Российская Федерация. Шестой кассационный суд общей юрисдикции : Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18.09.2025 года № 88-16227/2025 / Российская Федерация. Шестой кассационный суд общей юрисдикции. – Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс

6. Гончарук Н.С. Конфликт интересов как мера противодействия коррупции // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 10. С. 17 - 19.

7. Каюшникова Ю.Е. Правовое обеспечение процесса цифровизации государственного управления. // Безопасность в современном мире. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Волгоград, 2023. С. 23-24.

8. Мусалева А.В. Конфликт интересов среди работников уголовно-исполнительной системы: анализ правоприменительной практики и передовой опыт подразделений ФСИН России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2025. N 3. С. 13 – 16.

9. Шушина Е.В. Правовые пробелы при урегулировании конфликта интересов в случае прекращения государственной службы // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 4. С. 34 - 38.

References:

1. The Russian Federation. Laws. On Combating Corruption : Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008 / Russian Federation. Laws. – Text: direct // Rossiyskaya gazeta. – 2008. – № 266.;

2. The Russian Federation. Laws. On Education in the Russian Federation : Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 / Russian Federation. Laws. – Text: direct // Rossiyskaya gazeta. – 2012. – № 303.;

3. The Russian Federation. Laws. On the basics of public Health protection in the Russian Federation : Federal Law No. 323-FZ dated 21.11.2011 / Russian Federation. Laws. – Text: direct // Rossiyskaya gazeta. – 2011. – № 263.;

4. The Russian Federation. The Constitutional Court of the Russian Federation. In the case of the review of the constitutionality of the provisions of paragraph 10 of Part 1 of Article 17 of the Federal Law "On the State Civil Service of the Russian Federation" and Article 20.1 of the Law of the Russian Federation "On Militia" in connection with the complaints of citizens L.N. Kondratieva and A.N. Mumolin : Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 30.06.2011 No. 14-P / The Russian Federation. The Constitutional Court of the Russian Federation. – Text: direct // Rossiyskaya gazeta. – 2011. – № 150.;

5. The Russian Federation. The Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction : Ruling of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 18.09.2025 No. 88-16227/2025 / Russian Federation. The Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction. – Text: electronic // SPS ConsultantPlus

6. Goncharuk N.S. Conflict of interests as a measure to combat corruption // State power and local self-government. 2024. No. 10. pp. 17-19.

7. Kayushnikova Yu.E. Legal support of the process of digitalization of public administration. // Security in the modern world. Materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference. Volgograd, 2023. pp. 23-24.

8. Musaleva A.V. Conflict of interests among employees of the penal enforcement system: an analysis of law enforcement practice and the best practices of departments of the Federal Penitentiary Service of Russia // Penal enforcement system: law, economics, management. 2025. N 3. pp. 13-16.

9. Shushina E.V. Legal gaps in the settlement of conflicts of interest in the event of termination of public service // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2024. No. 4. pp. 34-38.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_241

УДК 342.84

АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ANALYSIS OF THE PRACTICE OF USING REMOTE ELECTRONIC VOTING IN THE RUSSIAN FEDERATION

АНДРЕЕВ Александр Владимирович,
заместитель директора Института специальных образовательных программ,
старший преподаватель кафедры Теории государства и права имени С. С. Алексеева
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева».
620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.
E-mail: andreevav11@mail.ru

ANDREEV Alexander Vladimirovich,
Deputy Director of the Institute of Special Educational Programs,
Senior Lecturer of the Department of Theory of State and Law named after S. S. Alekseev
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Law University named after V.F. Yakovlev".
21 Komsomolskaya str., Yekaterinburg, Russia, 620137.
E-mail: andreevav11@mail.ru

Краткая аннотация: *в статье выполнен анализ практических аспектов применения дистанционного электронного голосования, а также разработана авторская периодизация этапов внедрения дистанционного голосования в избирательную систему Российской Федерации. Выявлены наиболее значимые особенности каждого периода. Автор подчеркивает необходимость доработки федеральной системы нормативного правового регулирования ДЭГ, чтобы повысить доверие к ней не только избирателей, но и кандидатов.*

Abstract: *The article analyzes the practical aspects of applying remote electronic voting, and also develops the author's periodization of the stages of implementing remote voting into the electoral system of the Russian Federation. The most significant features of each period are identified. The author emphasizes the need to finalize the federal system of regulatory legal regulation of REV (remote electronic voting) in order to increase trust in it not only among voters, but also among candidates.*

Ключевые слова: *периодизация, регулятор, информационная платформа, правоприменительная практика, судебная практика, голосование, дистанционное электронное голосование, избиратели, кандидаты, бюллетень, избирательный участок, избирательные комиссии, судебная защита, принципы избирательного права, выборы.*

Keywords: *Periodization, regulator, information platform, law enforcement practice, judicial practice, voting, remote electronic voting, voters, candidates, ballot, polling station, electoral commissions, judicial protection, principles of electoral law, elections.*

Для цитирования: *Андреев А.В. Анализ практики применения дистанционного электронного голосования в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 241-244. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_241.*

For citation: *Andreev A.V. Analysis of the practice of using remote electronic voting in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 241-244. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_241.*

Статья поступила в редакцию: 26.01.2026

Несмотря на то, что дистанционное электронное голосование (далее - ДЭГ) применяется в избирательной системе Российской Федерации сравнительно недавно, к настоящему моменту накоплен значительный опыт использования данного вида электронного голосования на территории различных субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (прежде всего, Москвы и Московской области).

Следовательно, целесообразно рассмотреть периоды формирования дистанционного электронного голосования. По мнению автора, всю совокупность практики применения различных средств ДЭГ в избирательных процессах Российской Федерации можно разделить на несколько этапов:

1. Предварительный этап (2005-2009 гг.)
2. Экспериментальный этап (2010-2019 гг.)
3. Современный этап (2020 г. – настоящее время).

В обоснование предложенной автором периодизации следует отметить, что на предварительном этапе формировалась теория дистанционного электронного голосования, а также проводились испытания инструментов проведения ДЭГ. Во многом теоретические изыскания данного этапа базировались на зарубежном опыте применения ДЭГ. В частности, именно в 2005 году в ФЗ № 67 впервые появилась трактовка понятия «дистанционное электронное голосование». Наиболее значимыми особенностями предварительного этапа можно считать накопление и осмысление теоретической информации, касающейся ДЭГ, а также оценку позитивных и негативных последствий введения дистанционного электронного голосования в избирательную системузарубежных государств.

На экспериментальном этапе ДЭГ проводилось лишь на отдельных территориях (несколько избирательных округов Москвы), причем результаты голосования не имели юридически обязательного значения. Основным правовым регулятором процессов практического применения ДЭГ в этот период являлась Московская городская избирательная комиссия.

Вместе с тем, по справедливому утверждению Е.И. Колюшина, в данном случае выбор регулятора был не достаточно обоснован, так как «МГИК функционировала также в качестве организатора ДЭГ, что являлось недопустимым с точки зрения системы права в целом» [1, с. 27].

Наиболее значимыми особенностями данного этапа можно считать ограниченный ареал применения ДЭГ, а также сбор и анализ эм-

пирических данных, касающихся практического применения ДЭГ. В дальнейшем полученные сведения послужили основой для выработки общей концепции проведения ДЭГ.

Что касается современного этапа развития ДЭГ, его началом можно считать избирательную реформу, проведенную в Российской Федерации в 2020 году. Расширение ареала распространения ДЭГ привело к необходимости формирования специальных территориальных избирательных комиссий ДЭГ.

Члены которых были бы наделены правом создавать инструкции для участников голосования, а также разъяснять вопросы подготовки и проведения ДЭГ. Кроме того, именно в этот период в избирательное законодательство впервые вошли такие понятия как «шифрование» и «анонимизация». Регуляторами ДЭГ в 2020 году стали ЦИК Российской Федерации, Минкомсвязи России, а также Правительство Москвы. Вместе с тем, каких-либо способов контроля за механизмами ДЭК в это время разработано все еще не было.

С 2021 года информационные платформы ДЭГ разделились на федеральную и региональную. Кроме того, в этот период в системе ДЭГ начинают оформляться более эффективные механизмы контроля за проведением голосования. Например, надзор и координацию выполняли независимые наблюдатели.

В 2024 году в Российской Федерации проходили выборы Президента. Данное мероприятие стало дополнительным стимулом для развития ДЭГ. В 28 регионах (в том числе и в Свердловской области) можно было проголосовать не только лично, на избирательном участке, но и онлайн, на федеральной платформе дистанционного электронного голосования (ДЭГ). По данным статистики, в то время «возможности ДЭГ смогли оценить 4,4 млн. избирателей, подавших заявление на Госуслугах. Общая явка на федеральных выборах с помощью технологии ДЭГ составила 94%» [2]. Вместе с тем, практика применения ДЭГ на столь значимых выборах выявила некоторые проблемы. По данным главы территориальной избирательной комиссии ДЭГ О. Артамонова, «в системе дистанционного электронного голосования 15 марта 2024 года наблюдались задержки при входе на платформу, так как она испытывала большую нагрузку из за большого количества участников-избирателей» [3].

Еще одной проблемой, выявленной в это время, стало большое количество попыток сорвать выборы: «с начала голосования на выборах президента России система дистанционного электронного голосования подверглась 160 тыс. DDoS-атак» [4].

Следовательно, наиболее значимыми особенностями данного этапа развития электронного голосования в Российской Федерации можно считать значительное увеличение числа участников ДЭГ, а также нормативное закрепление основ проведения ДЭГ в федеральном законодательстве (в частности, в Федеральном законе № 67-ФЗ) и подзаконных актах (постановлениях ЦИК).

Вместе с тем, быстрое внедрение ДЭГ в избирательную систему Российской Федерации закономерно привело к возникновению проблем. По мнению Е.А. Набатниковой, резкое расширение перечня регионов, в которых применяется ДЭГ, способствовало тому, что система дистанционного электронного голосования не имела необходимого длительного периода предварительной апробации с участием общественности, «что свидетельствует о недостаточности теоретических положений и эмпирических исследований в данной сфере» [5, с. 28].

Следовательно, правовая, административная и технологическая составляющие данного вида голосования продолжают дорабатываться и пополняться до сих пор. Реформы, проводимые законодателями, а также их результаты, закономерно вызывают недовольство некоторых участников избирательных правоотношений.

В связи с этим весьма показательным является фактическое отсутствие судебных решений, которые бы полностью либо частично отменяли результаты ДЭГ. Оставляя жалобы без удовлетворения, судебные инстанции, как правило, ссылаются на недоказанность фактов нарушений, которые искажают волеизъявление избирателей, либо нарушают принципы проведения выборов. Формулировки отказов звучат примерно одинаково: «отсутствие достоверных и достаточных доказательств утверждений, указанных в жалобах» [6], либо «нарушения, обусловленные проведением ДЭГ, не были доказаны заявителем и не нашли подтверждения в предоставленных документах» [7].

Не менее частой формулировкой отказа в удовлетворении жалобы становится такая: «жалоба не содержит данных о существенных нарушениях норм материального и процессуального закона» [8].

Выявленные сложности обжалования и судебной защиты приводят к тому, что апеллирование к федеральному законодательству фактически бессмысленно, так как в сферу ДЭГ регулируют подзаконные акты (постановления ЦИК). В данном случае, регламентация института ДЭГ демонстрирует несоответствие базовым принципам устройства государства с точки зрения распределения компетенции и властных полномочий. Иными словами, суды не занимаются защитой прав избирателей и избираемых, так как вынуждены оценивать и обосновывать правомерность института дистанционного электронного голосования.

Завершая рассмотрение специфических характеристик судебной практики, сложившейся в анализируемой сфере, необходимо отметить, что множество обращений в суды касаются несоответствия дистанционного электронного голосования принципам избирательного права.

В этой связи Конституционный Суд Российской Федерации напоминает, что дистанционное электронное голосование представляет собой субсидиарный способ реализации активного избирательного права. Следовательно, данное обстоятельство в какой-то мере нивелирует недостатки правового регулирования в данной сфере. Иными словами, правовой институт ДЭГ является вспомогательным по отношению к классическому голосованию. Поэтому ДЭГ не претендует на то, чтобы заменить собой традиционные формы участия. Кроме того, механизмы ДЭГ находятся на этапе становления и внедрения в избирательную практику, что, безусловно, требует времени и неоднократной экспериментальной апробации.

По мнению автора, подобные аргументы имеют под собой некоторые основания, однако они не оправдывают проблемы и сложности, с которыми сталкиваются граждане, ищущие судебной защиты.

В частности, в вопросах, касающихся обеспечения тайны голосования, практика, сложившаяся в Российской Федерации по делам о защите избирательных прав, свидетельствует о следующей позиции судов. Все доводы истцов о том, что существующее правовое регулирование дистанционного электронного голосования не обеспечивает тайну выборов ввиду используемого программного обеспечения, по мнению судов, «основаны на предположении» [9], так как в актуальном законодательстве предусмотрена надлежащая система, обеспечивающая тайну голосования и волеизъявления избирателей.

Похожая ситуация складывается в сфере обеспечения принципа равенства кандидатов. К примеру, одним из оснований жалобы в Конституционный Суд Российской Федерации М.С. Лобанова (кандидата от КПРФ) было несоответствие оспариваемых норм, регулирующих процедуру ДЭГ, принципу равенства кандидатов.

Заявитель ссылался на многочисленные нарушения при проведении выборов 2021 года (допущенные ввиду пробельности регулирования ДЭГ, не обеспечивающего как надлежащую идентификацию избирателей, так и достаточные возможности наблюдения), что привело к неправильным итогам выборов.

Конституционный Суд Российской Федерации отказал в принятии жалобы, обосновывая решение тем, что требования заявителя не нашли подтверждения и сами по себе не могут говорить о недопустимости использования ДЭГ как способа голосования.

Следовательно, некоторые участники избирательного процесса (как правило, это кандидаты от оппозиционных партий и общественных объединений) вполне обоснованно указывают на существенные пробелы современного механизма ДЭГ, стремясь устранить их в суде. Однако судебные инстанции заняли в данном случае достаточно жесткую позицию и менять ее пока что не намерены.

Вместе с тем, некоторые ученые (к примеру, А.Ю. Мамычев) полагают, что все обвинения в неправомерности результатов ДЭГ являются априори несостоятельными. Согласно позиции ученого, подобные заявления «сами являются манипуляциями и не могут быть рассмотрены как конструктивная критика» [10].

По мнению автора, данная позиция имеет право на существование. Действительно, некоторые кандидаты, стремясь оправдать свое поражение на выборах, могут высказать резкую и не слишком обоснованную критику института дистанционного электронного голосования.

В то же время, многие проблемы, выявляемые противниками применения дистанционного электронного голосования, действительно имеют место. Это и неполное соответствие электронного голосования ключевым принципам избирательного права, и тот факт, что судебные инстанции, рассматривающие жалобы, в подавляющем количестве случаев поддерживают выводы избирательных комиссий, оставляя жалобы без удовлетворения, и многое другое.

Таким образом, эволюция дистанционного электронного голосования в Российской Федерации происходила в несколько этапов, на протяжении которых трансформировалась не только нормативно-правовая база, регулирующая данный процесс, но и усложнялись технологические характеристики систем и механизмов ДЭГ.

По мнению автора, дальнейшие перспективы развития ДЭГ в Российской Федерации могут включать в себя возможность самостоятельной организации и проведения дистанционного электронного голосования в большинстве регионов Российской Федерации.

Однако для того, чтобы этот процесс отвечал нормам и принципам права, необходима доработка федеральной системы нормативного правового регулирования ДЭГ.

В частности, следует выполнить законодательное (причем на уровне федерального законодательства, а не подзаконных актов) закрепление компонентов и алгоритмов, исходя из которых функционирует система ДЭГ, чтобы повысить уровень прозрачности и открытости данной системы, а значит – увеличить доверие к ней.

Кроме того, целесообразно поддерживать высокий уровень развития ИКТ (а также цифровой грамотности населения), чтобы все участники избирательного процесса имели представление о принципах функционирования ДЭГ. Причем развивать цифровую грамотность целесообразно не только в Москве, Московской области и прочих крупных городах, но и в других регионах (вне зависимости от того, планируется ли проведение в данных регионах ДЭГ или нет).

Список литературы:

1. Колюшин Е.И. Правовые проблемы дистанционного электронного голосования избирателей // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 27.
2. Минцифры: Явка избирателей на платформе ДЭГ составила 94%. // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: [Электронный ресурс]. URL: https://digital.gov.ru/ru/events/49836/ (дата обращения 25.06.2025).
3. Известия: в системе ДЭГ наблюдаются задержки при голосовании из-за большой нагрузки. 2024 // Известия. [Электронный ресурс]. URL: https://iz.ru/1665594/2024-03-15/v-sistemedeg-nabliudaiutsia-zaderzhki-pri-golosovanii-iz-za-bolshoi-nagruzki (дата обращения 25.06.2025).
4. РЦИОТ. Выборы Президента России в цифрах. 2024 // РЦОИТ. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rcoit.ru/kandidati (дата обращения 15.06.2025).
5. Набатникова Е.А. Применение ДЭГ (дистанционного электрогенного голосования) в Российской Федерации, Умная цифровая экономика. 2022. Т.2, №1, с. 28.
6. Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 02а-0296/2019 от 18.06.2020 // [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1298424#JAoCWyUKqRCb5kFh1 (дата обращения: 30.05.2025)
7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 330-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карасева Дмитрия Евгеньевича на нарушение его конституционных прав пунктами 6, 8, 13 и 19 статьи 64.1 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" и частью 5 статьи 16 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.02.2025 // URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27022025-n-330-o (дата обращения: 19.09.2025).
8. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации № 5-ИКАД25-1-А1 от 23.04.2025// [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-23042025-n-5-ikad25-1-a1-uid-77os0000-02-2024-028905-26 (дата обращения: 30.05.2025).
9. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от № 5-АПА19-93 от 6.08.2019 // [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie (дата обращения: 30.05.2025).

10. Мамычев А. Ю., Арутюнов А. Г. Технология ДЭГ в региональном политическом процессе: цифровая трансформация избирательного процесса и механизмы противодействия негативным трендам // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 1. С. 129.

References:

1. Kolyushin E.I. Legal problems of remote electronic voting for voters // Constitutional and Municipal Law. 2020. № 2. P. 27.
2. Ministry of Digital Development: Voter turnout on the REV platform was 94% // Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation: [Electronic resource]. URL: https://digital.gov.ru/ru/events/49836/ (access date: 25.06.2025).
3. Izvestia: Delays observed in the REV system during voting due to heavy load. 2024 // Izvestia. [Electronic resource]. URL: https://iz.ru/1665594/2024-03-15/v-sistemedeg-nabliudaiutsia-zaderzhki-pri-golosovanii-iz-za-bolshoi-nagruzki (access date: 25.06.2025).
4. RCIT. Russian Presidential Elections in figures. 2024 // RCIT. [Electronic resource]. URL: https://www.rcoit.ru/kandidati (access date: 15.06.2025).
5. Nabatnikova E.A. Application of REV (remote electronic voting) in the Russian Federation, Smart Digital Economy. 2022. Vol. 2, № 1, p. 28.
6. Appeal Ruling of the Moscow City Court in case № 02a-0296/2019 dated 18.06.2020 // [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1298424#JAoCWyUKqRCb5kFh1 (access date: 30.05.2025).
7. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation № 330-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Karasev Dmitry Evgenievich regarding the violation of his constitutional rights by paragraphs 6, 8, 13 and 19 of Article 64.1 of the Federal Law 'On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation' and Part 5 of Article 16 of the Federal Law 'On Information, Information Technologies and Information Protection'" dated 27.02.2025 // URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27022025-n-330-o (access date: 19.09.2025).
8. Cassation Ruling of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation № 5-IKAD25-1-A1 dated 23.04.2025 // [Electronic resource]. URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-23042025-n-5-ikad25-1-a1-uid-77os0000-02-2024-028905-26 (access date: 30.05.2025).
9. Appeal Ruling of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation from № 5-APA19-93 dated 6.08.2019 // [Electronic resource]. URL: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie (access date: 30.05.2025).
10. Mamychev A. Yu., Arutyunov A. G. REV technology in the regional political process: digital transformation of the electoral process and mechanisms for counteracting negative trends // Oikumena. Regional Studies. 2025. Vol. 19. № 1. P. 129.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_245

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ СОВРЕМЕННОГО НАЛОГОВОГО ПРАВА
ON THE LEGAL TECHNIQUES OF MODERN TAX LAW

АШМАРИНА Елена Михайловна,
доктор юридических наук, профессор, профессор Кафедры международного и публичного права
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».
105187, Россия, г. Москва, Щербаковская, д. 38.
E-mail: aberasiya@yandex.ru
ASHMARINA Elena Mihaylovna,
Doctor of Law, Professor, Department of International and Public Law
FGOBU VO "Financial University under the Government of the Russia Federation (Financial University)".
38 Shcherbakovskaya Street, Moscow, 105187, Russia.
E-mail: aberasiya@yandex.ru

Краткая аннотация: *Целью статьи является научный анализ отдельных аспектов юридической техники современного налогового законодательства. Осмысление направлений совершенствования видится когнитивным познавательным межотраслевым процессом, поскольку отношения в сфере налогообложения расположены на стыке таких специальностей, как "Экономика" и "Право". В этой связи (1) необходимо привести понятийный апарат налогового права в соответствие с требованиями экономической науки (глоссарий). Кроме того, целесообразно преодолеть конкуренцию норм, устранить пробелы и противорчия как между положениями Общей и Особенноой частей НК РФ (2), так и в пределах каждой из них (3); (4). Это же касается положений налогового и иного финансового законодательства (бюджетного, финансового учета и др.) (5).*

Abstract: *The purpose of the article is a scientific analysis of certain aspects of the legal technique of modern tax legislation. Understanding the directions of improvement is seen as a cognitive interdisciplinary process, since relations in the field of taxation are located at the junction of such specialties as "Economics" and "Law". In this regard (1), it is necessary to bring the conceptual apparatus of tax law in line with the requirements of economic science (glossary). In addition, it is advisable to overcome the competition of norms, eliminate gaps and contradictions both between the provisions of the General and Special Parts of the Tax Code of the Russian Federation (2), and within each of them (3); (4). The same applies to the provisions of tax and other financial legislation (budgetary, financial accounting, etc.) (5).*

Ключевые слова: *Налоговое право. Финансовое право. Бюджетное право. Налоговое законодательство. Юридическая техника.*
Keywords: *Tax law. Financial law. Budget law. Tax legislation. Legal technique.*

Для цитирования: *Ашмарина Е.М. К вопросу о состоянии юридической техники современного налогового права // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 245-248. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_245.*
For citation: *Ashmarina E.M. On the question of the legal technique of modern Russian tax law // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 245-248. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_245.*

Статья поступила в редакцию: 25.01.2026

1. Введение. Налоги, как категория известны человечеству с глубокой древности. К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что налоги появились с разделением общества на классы и возникновением государства «как взносы граждан, необходимые для публичной власти…» [1, с. 611]. До 1991 года для нашей страны было характерно практическое отсутствие объективного налогового механизма в связи с преобладанием администрирования в экономической (в том числе налоговой) сфере. В 1991 году был принят блок законов, регулирующих уплату конкретных видов налогов; была создана законодательная база (ст. 3 Налогового Кодекса РФ (НК РФ)), которая с тех пор находится в процессе постоянной трансформации [2, с. 50-57]. Однако, и сегодня остаются не решенными многочисленные проблемные вопросы в сфере правового обеспечения налоговой деятельности. В частности, наряду с сущностными аспектами (например: положения, регулирующие уплату страховых платежей, будучи парафискалитетом, то вводятся в НК РФ; то удаляются из кодекса и многочисленные др.), следует обратить внимание на такие формальные аспекты, как уточнение системы форм права [3, с. 305-311], регулирующих налоговую деятельность, а также отдельные недостатки юридической техники, имеющий важнейшее значение практическое (остановимся подробнее).

2. Основная часть. Некоторые аспекты состояния юридической техники российского налогового законодательства. Рассматривая направления совершенствования юридической техники налогового законодательсва, можно выделить следующие. (1). Унификация понятийного аппарата налогового законодательства с целью приведения его в соответствие с положениями экономической налоговой науки. (2). Преодоление конкуренции норм между Общей и Особенной частями НК РФ. (3). Приведение в логическое соответствие (последовательность) норм в пределах Общей части НК РФ. (4). Аналогично, это же касается положений внутри Особенной части НК РФ. (5). Достижение адекватной корреспонденции норм налогового и прочего финансового законодательства (в частности, бюджетного; положений о финансовом учете и др.).

Проиллюстрирует вышеизложенное отдельными примерами.

(2.1). К вопросу о необходимости унификации понятийного аппарата (специальности «Экономика» и «Право»[1]). Прежде всего следует

[1] Приводим названия специальностей на основании Приказа Министерства науки и высшего образования РФ от 24 февраля 2021 г. № 118. В перечне прочих в п.5. «Социальные и гуманитарные науки» установлены 5.1. «Право» и 5.2. «Экономика».

коротко остановиться на потребности в междисциплинарной унификации понятийного аппарата. Это тем более актуальноно с учетом тенденции системной стандартизации, сопутствующей переводу производительных сил на цифровые рельсы. Именно в финансовом (например, налоговом) законодательстве наблюдается непосредственное пересечение экономического и правового контента. Привдем два примера, иллюстрирующих этот посыл: первый казус носит общетеоретический характер; второй же – имеет непосредственный выход в практическую плоскость.

2.1.1. Рассуждения об элементах «закона о налоге» (налоговой модели). В ст. 17 НК РФ указано, что налог считается законно установленным лишь в том случае, когда определены налогоплательщики и элементы налогообложения, а именно: объект налогообложения; налоговая база; налоговый период; налоговая ставка; порядок исчисления налога; порядок и сроки уплаты налога. Законно установленным, следовательно, можно считать платеж только в том случае, если в главах Особенной части НК РФ все указанные элементы подробно урегулированы. Эти положения конкретизируют нормы Конституции Российской Федерации (ст. 57 гласит, что каждый обязан платить *законно установленные* налоги и сборы). Другими словами налог не может считаться законно установленным и не подлежит уплате (следовательно), если перечисленные элементы не нашли подробной регламентации в главах Особенной части НК РФ. Приведенные рассуждения указывают на исключительную социальную значимость каждого из элементов, обозначенных в ст. 17 НК РФ.

Отметим, что из грамматического толкования нормы вытекает, что налогоплательщики являются элементом налогообложения (что не вполне соответствует положениям экономической науки об элементах налоговой модели, которая указывает, что элемент - это субъект налогообложения).

Кроме того, экономическая наука в качестве обязательных элементов налоговой модели, рекомендует ряд дополнительных элементов, имеющих существенное значение, например масштаб и предмет налога. Мы видим, что такой элемент, как предмет налога не нашел отражения в качестве обязательного в ст. 17 НК РФ. Насколько оправдано и корректно с точки зрения юридической техники, что правовой аспект не соответствует положениям экономической науки? Такой элемент, как *объект налога* (присутствует в ст. 17 НК РФ) толкуется экономической наукой, как юридический факт (действие, бездействие, событие), порождающий налоговую обязанность. *Предмет* же *налога* трактуется, как явление материального мира в соответствии с которым налог можно масштабировать. Мы видим, что содержательное значение элементов «объект» и «предмет» не идентично.

При этом, дальнейшая конкретизация в ст. 38 предусматривает, что *объектом налогообложения признаются реализация товаров (работ, услуг)* (это юридический факт!), *прибыль, доход, расход, или иное обстоятельство, имеющее стоимостную, количественную или физическую характеристику (*это явления материального мира!*)* …. Таким образом, очевидно, что законодатель объединил элементы, введя содержание элемента «предмет» в «объект» (соответственно), что представляется сомнительным, тем более, что прибыль можно получить, или – нет в отчетном периоде; полученный, в этом случае убыток не может подлежать налогообложению. В этой связи следовало бы установить на нормативном уровне в качестве объекта не прибыль (это предмет налога), а такой юридический факт, как *получение прибыли, дохода*. В отношении же налогообложения расходов (как объекта) вообще возникает сомнение (есть отдельные случаи налогообложения сверхнормативных расходов по ставке налога на прибыль, но они не представляются настолько существенными, чтобы выносить это как объект в Общую часть НК РФ)?

2.1.2. В качестве второго примера приведем *отдельные положения гл. 25 НК РФ, которые регулируют уплату налога на прибыль организаций*. Так, в ст. 249 НК РФ (п. 1) указано, что «*доходом от реализации признается выручка от реализации…».* В п. 2 указано, что *выручка от реализации определяется исходя из всех поступлений, связанных с расчетами за реализованные товары (работы, услуги)* … Таким образом законодатель признает тождественными содержание таких понятий, как доход и выручка.

Отметим, что даже если мы посмотрим многочисленные словари [4, с. 108], то обнаружим самые разные толкования, или вовсе их отсутствие. В соответствии с википедией, *выручка* - полная сумма тредований (в т.ч. неоплаченных), предъявляемых предприятием или предпринимателем покупателям в результате реализации произведенной продукции, работ, услуг за определенный период. *Доход* – это денежные средства или материальные ценности, полученные государством, физическим или юридическим лицом в результате какой-либо деятельности за определенный период времени. Мы наглядно видим разницу, а именно (при любом толковании), доход – это финансовый поток, где «выручка» может стать доходом только будучи уменьшенной на те, или иные дополнительные (законно установленные) требования. В частности, – это обятательства продавца перечислить косвенные налоги, в бюджетную систему, которые он получил от покупателя как налоговый агент (величина косвенных налогов не является дохом продавца).

В этой связи, мы будем исходить из того, что такие финансовые потоки, как «выручка» и «доходы» могут быть признаны тождественными только в частном случае отсутствия в выручке косвенных налогов (налога на добавленную стоимость и акцизов). При этом, если ситуация с наличием акциза достаточнло редка, то налогом на добавленную стоимость облагается подавляющая масса товаров (работ, услуг). В этом случае речь не может идти о тождественности указанных финансовых потоков.

Кроме того, существует такое понятие, как цена товара (работ, услуг). По своему содержанию именно это понятие практически тождественно понятию «выручка». Дело в том, что по общему правилу косвенные налоги входят в цену товара (работ, услуг). То, что для покупателя является ценой, для продавца – (торгующей организации) – выручкой от реализации. *Доходом она становится только при уменьшении ее величины на сумму косвенных налогов, которые следует перечислить в бюджет.*

Итак, в качестве промежуточного вывода хотелось бы отметить, что унификация понятийного аппарата (максимальный учет положений

экономической науки при правовом регулировании налоговых отношений) представляется необходимой мерой:

ввиду предстоящего роста объема правового подзаконного регулирования, что может привести к аберрации восприятия, чего нельзя допускать в правоприменительной практике;

поскольку для населения страны обязанность по уплате налогов имеет бесспорное социальное значение.

(2.2.). Элементы «закона о налоге» и коллизии норм в статьях Общей и Особенной частей НК РФ. Как было рассмотрено выше, в ст. 3 «Основные начала законодательства о налогах и сборах» в п. 6. указано, что «при установлении налогов должны быть определены все элементы налогообложения». Отметим, что помимо обязательных, в налоговой модели могут присутствовать и элементы факультативные (без присутствия которых налог, тем не менее, считается законно установленным), а именно, льготы. Это возможно в случае, например, акцизов (акцизный механизм призван осуществлять, в том числе, дестимулирующую функцию).

Обратим внимание на тот факт, что законодатель не просто установил обязательные (и факультативные) элементы, но в ст. 17 НК РФ они перечислены в определенном логическом порядке (налогоплательщики; объект налогообложения; налоговая база; налоговый период; налоговая ставка; порядок исчисления налога; порядок и сроки уплаты налога). Вместе с тем, сопоставление этой последовательности и последовательности статей, содержащих положения, которые конкретизируют основные и факультативные элементы налоговых платежей, установленных к уплате в Особенной части НК РФ (гл. 21- Налог на добавленную стоимость (НДС); гл. 22 – Акцизы; гл. 23 – Налог на доходы физических лиц (НДФЛ) и др.) позволяет сделвть вывод об отсутствии взаимной логически выдержанной корреспонденции. Можно отметить, что такой подход противоречит соблюдению основных принципов налогообложения (еще А. Смит писал о необходимости ясности и понятности для плательщиков, взимаемых с них налогов) [5, с. 611].

(2.3.). Элементы «закона о налоге» и коллизии норм внутри Общей части НК РФ. Законодатель конкретизирует нормы ст. 17 (гл. 2 раздела I НК РФ «Общие положения») ниже в разделе IV «Общие правила исполнения обязанности по уплате налогов, сборов, страховых взносов» (гл.гл. 7 и 8 НК РФ) в отношении каждого элемента. При этом (аналогично рассуждениям, приведенным выше в отношении последовательности норм Общей и Особенной частей НК РФ) логическая последовательность статьи 17 при конкретизации перечисленных элементов в пределах Общей части НК РФ соблюдена не достаточно корректно.

Характеристика налогоплательщиков, а именно, их перечень и специальные признаки (права, обязанности) приведены и подробно урегулированы законодателем в разд. II НК РФ «Налогоплательщики и плательщики сборов, плательщики страховых взносов. Налоговые агенты. ...». Далее положения гл. 7 НК РФ обращены к анализу такого элемента, как *объект* (справедливость этого не вызывает сомнений). После чего в гл. 8 НК РФ в ст. 52 приводятся общие положения *о порядке исчисления* налога, сбора, страховых взносов. Далее, в ст. 53 *объеденены характеристики налоговой базы и налоговой ставки* (здесь же еще присутствуют и размеры сборов). О *налоговом периоде* речь идет в ст. 55 НК РФ; в ст. 57 НК РФ – установлены сроки уплаты налогов, сборов, страховых взносов; а в ст. 58 НК РФ – регулируется *порядок их уплаты*. Остается только сравнить последовательность приведенных статей с перечнем элементов, установленным статей 17 НК РФ.

Промежуточный вывод сводится к тому, что *в пределах одного акта, а именно, НК РФ (более того, в пределах одной из его частей – Общей части)* не соблюдается четкая логическая последовательность статей и норм, содержащих токование и конкретизацию содержания обязательных элементов налоговой модели в соответствии с перечнем, установленном в ст. 17 НК РФ, что противоречит одному из основных принципов налогообложения.

(2.4.). Элементы «закона о налоге» и коллизии норм внутри Особенной части НК РФ (на примере регулирования прядка исчисления налога на добавленную стоимость (НДС): гл. 21 НК РФ). Так, в ст. 166 НК РФ говорится, что налоговая обязанность формируется как процентная доля налоговой базы (то есть законодатель указывает на необходимость осуществить арифметическое действие: умножить базу на ставку). В реальности же порядок исчисления значительно более сложный (что отражается в положениях гл. 21 НК РФ).

Кроме того, обратим внимание на отсутствие легального определения налога на добавленную стоимость (это означает наличие пробельности в понятийном аппарате). Именно означенный пробел приводит к отсутствию понимания характера процесса исчисления налога (также, как и имманентной сущности самого *налога на добавленную стоимость*). Дело в том, что путем умножения налоговой базы на ставку было бы возможно осуществить исчисление *налога с оборота*. Однако, мы знаем, что такого налога не существует в актуальном перечне налоговых платежей на территории нашей страны (ст. ст. 13,14,15 НК РФ)[1]. Что же касается налога на добавленную стоимость, характер его исчисления подразумевает наличие (как минимум) трех действий. Во-первых, - это начисление НДС (это и есть, процентная доля налоговой базы). Во-вторых, определение сумм «входного» НДС, подлежащего зачету (напр., ст. 169 НК РФ «Счет-фактура», где установлено, что ...счет-фактура является документом, служащим основанием для принятия покупателем...налога к вычету»). Кроме того, в ст. 171 НК РФ «Налоговые вычеты» (п.1) установлено, что «налогоплательщик имеет право уменьшить общую сумму налога ... на ...налоговые вычеты». Сразу отметим, что налогоплательщик по НДС должен (а не «имеет право») провести операцию по зачету (иначе бы он был плательщиком налога с оборота). В-третьих, путем вычитания из начисленного НДС сумм «входногого» налога, подлежащего зачету, можно получить сумму, причитающуюся к уплате в бюджетную систему (ст. 173 НК РФ «Сумма налога, подлежащая уплате в бюджет» гласит, что

[1] Отметим, что в первой редакции ФЗ “О налоге на добавленную стоимость” (утратившего силу с момента введения в действие гл. 21 НК РФ) легальное определение присутствовало.

«... общая сумма налога, подлежащая уплате в бюджет, исчисляется ... как уменьшенная на сумму налоговых вычетов ... общая сумма налога ...»).

Нормы, регулирующие все обозначенные процессы порядка исчисления (их три), как мы видим, находят отражение в статьях гл. 21 НК РФ, однако вне логически выдержанной последовательности, соответствующей реальному порядку исчисления рассматриваемого платежа. Подчеркнем еще раз, что это объясняется (как представляется), прежде всего, отсутствием легальной дефиниции налога, где были бы определены его сущностные признаки.

Промежуточный вывод сводится к следующему умозаключению. Упорядочение положений внутри Особенной части НК РФ видится исключительно важной задачей, имеющей непосредственный выход в практическую плоскость.

(2.5) *Корреляция положений налогового, бюджетного и пр. финансового законодательства.* Мы знаем, что в соответствии со ст. 13, 14 и 15 НК РФ все виды налоговых платежей, законно установленных на территории России (оставляем «за кадром» специальные налоговые режимы) закреплены за бюджетами разных уровней бюджетной системы страны (ст. 13 – Федеральные налоги и сборы; ст. 14 – Региональные налоги; ст. 15 – Местные налоги и сборы). Одновременно, такое закрепление означает, что законодатель определенного уровня наделяется полномочиями в области нормативного введения платежа и/или уточнения его отдельных элементов на своей территории в пределах, установленных федеральным законодательством (в Особенной части НК РФ). Так, например, по налогу на имущество предприятий (гл. 30 НК РФ) в ст. 380 указано, что «налоговые ставки устанавливаются законами субъектов Российской Федерации и не могут превышать установленного процента …».

Вместе с тем, дифференциация в статьях 13, 14, 15 НК РФ налоговых платежей между уровнями бюджетной системы не означает поступления доходов от соответствующих их видов в указанные бюджеты. Например, в соответсвии со ст. 13 акцизы относятся к федеральным налогам и сборам (де-юре, закреплены за федеральным бюджетом). Однако, ситуация существенно корректируется положениями БК РФ, становясь регулирующим источником на постоянной основе (ст.ст. 50; 56 БК РФ).

И наконец, дальнейшее перераспределение в бюджеты нижестоящего уровня возможно положениями ФЗ о бюджете на предстоящий финансовый год и трехлетний плановый период (заметим, такая практика существовала давно, начиная с 90-х гг. XX века). Думается, что с точки зрения юридической техники именно такая логика предпочтительна (ежегодное перераспределение доходов отвечает текущей финансовой ситуации, соизмеримой с бюджетнаыми потребностями конкретных регионов и муниципальных образований). Одновременно, соподчиненное положение норм БК РФ и НК РФ не представляется целесообразным.

С самого начала и до сих пор представляется неоднозначной ситуация с налоговым видом учета (ст. 313 НК РФ), вмененным российским законодателем с 2002 года, наряду с финансовом (бухгалтерском) учетом (две системы учета дублируют друг друга). Создание системы налогового учета критиковалось в одних работах [6, с. 14,15]; в других – одобрялось [7].

Приведенные рассуждения позволяют сделать промежуточный вывод о целесообразности внесения ясности и системности в действующее финансовое законодательство, которое является объективно сложным (такая практика характерна для большинства стран с развитой финансовой системой).

3. Заключенне. Ранее был сделан ряд промежуточных выводов, которые позволяют сделать общий вывод о том, что юридическая техника налогового законодательства может быть усовершенствована в следующих напрвлениях:

1. отсутствие корреспонденции норм налогового, бюджетного законодательства (БК РФ и НК РФ); положений, регулирующих финансовый учет; в ряде случаев банковскую деятельность (либо конкуренция таких положений) - указывает на необходимость принятия системообразующего финансового правового акта (например, ФКЗ «О финансах» ([8, с.118-158]; в отдельных зарубежных странах в их Конституциях предусмотрены специальные главы);

2. дефекты в логической системности положений в пределах системообразующего правового акта НК РФ говорит о своевременности его радикального преобразования;

3. рецепция актуальных положений экономической науки с целью приведения в соответствие с ними понятийного аппарата налогового права (достижение единообразия понятийного аппарата) указывает на целесообразность когнетивного подхода к междисциплинарным исследованиям в отношении специальностей «Экономика» и «Право».

Список литературы:

1. Маркс, К., Энгельс, Ф., Соч., 2-е изд. Т. 21. С. 611.
2. Ашмарина, Е.М. Некоторые проблемы современного налогового права России // Государство и право. № 3. 2003. С. 50-57.
3. Ершов, В.В. Система форм права в Российской Федерации // Российское правосудие. № 1. 2009. С. 305-311.
4. Баскакова, М .А. Толковый юридический словарь для бизнесменов. – М.: «Контракт», 1993. - 494с. С.108.
5. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов. 1962. М., С. 611.
6. Брызгалин, А.В. Налоговый учет и учетная политика предприятия. М: Атлантика-Пресс, 1997. С. 14,15.
7. Экономика и жизнь. 2001. № 37. Интервью руководителя Департамента налогообложения прибыли МНС РФ К.И. Оганесяна.
8. Горбунова О.Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России: Монография. М.: ООО “Профобразование”, 2003. 160с. 6,5 п.л. С . 118-158.

References:

1. Marx, K., Engels, F., Works, 2nd ed. Vol. 21. P. 611.
2. Ashmarina, E.M. Some Problems of Modern Tax Law in Russia // State and Law. No.
3. 2003. Pp. 50-57. 3. Ershov, V.V. The System of Forms of Law in the Russian Federation // Russian Justice. No. 1. 2009. Pp. 305-311.
4. Baskakova, M.A. Explanatory Legal Dictionary for Businessmen. Moscow: Kontrakt, 1993. 494 p. P. 108.
5. Smith, A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Moscow, 1962. P. 611.
6. Bryzgalin, A.V. Tax accounting and accounting policy of the enterprise. M: Atlantika-Press, 1997. Pp. 14,15.
7. Economy and life. 2001. No. 37. Interview with the Head of the Department of Profit Taxation of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation K.I. Oganesyan.
8. Gorbunova, O.N. Financial Law and Financial Monitoring in Modern Russia: Monograph / – Moscow: Profobrazovanie LLC, 2003. 160p.6.5 p.l. Pp. 118-158.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_249

УДК 334

ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА ИЛИ ГРАЖДАНСКАЯ ЗАЩИТА? ОПЫТ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЙ
CIVIL DEFENSE OR CIVIL PROTECTION? THE EXPERIENCE OF CIS MEMBER STATES IN DEFINING THE CONCEPTS

РЕДКОУС Владимир Михайлович,
доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса
Института государства и права РАН.
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: rwmmos@rambler.ru

REDKOUS Vladimir Mikhailovich,
Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor.
10, Znamenka str., Moscow, 119019, Russia.
E-mail: Rwmmos@rambler.ru

Краткая аннотация: *в статье на основе анализа национальных законодательных актов государств СНГ в области гражданской обороны и гражданской защиты высказаны предложения по совершенствованию правового регулирования в Российской Федерации.*

Abstract: *The article, based on an analysis of national legislative acts of the CIS countries in the field of civil defense and civil protection, puts forward proposals for improving legal regulation in the Russian Federation.*

Ключевые слова: *государственное управление; правовое регулирование; правовая основа; национальная безопасность; гражданская оборона; гражданская защита; сравнительный анализ.*

Keywords: *public administration; legal regulation; legal basis; national security; civil defense; civil protection; comparative analysis.*

Для цитирования: *Редкоус В.М. Гражданская оборона или гражданская защита? Опыт государств – участников СНГ в определении понятий // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 249-252. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_249.*

For citation: *Redkous V.M. Civil defense or civil protection? the experience of CIS member states in defining the concept // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 249-252. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_249.*

Статья поступила в редакцию: 25.01.2026

Опыт проведения специальной военной операции показывает необходимость всестороннего совершенствования законодательства Российской Федерации в области обеспечения национальной безопасности [1, с. 178-196]. Необходимо учитывать, что это касается не только вопросов национальной безопасности в целом, но и выделяемых самостоятельных видов национальной безопасности (экономической, экологической, продовольственной, военной, общественной и др.), а также всех сопутствующих этому вопросов.

Особенно актуальными стали вопросы четкого правового регулирования в области гражданской обороны. Рассмотрим опыт государств СНГ в данной области применительно к законодательному закреплению самого понятия «гражданская оборона».

В Российской Федерации Федеральный закон от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне»[1] (далее – ФЗ о ГО) устанавливает, что *гражданская оборона* - система мероприятий по подготовке к защите и по защите населения, материальных и культурных ценностей на территории Российской Федерации от опасностей, возникающих в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время.

Основными задачами в области гражданской обороны являются (ст. 2 ФЗ о ГО): подготовка населения в области гражданской обороны; оповещение населения об опасностях; эвакуация населения, защита материальных и культурных ценностей; предоставление населению средств индивидуальной и коллективной защиты; проведение мероприятий по световой маскировке и другим видам маскировки; проведение аварийно-спасательных и других неотложных работ в случае возникновения опасностей; первоочередное жизнеобеспечение населения, пострадавшего в результате возникновения опасностей; борьба с пожарами, произошедшими в результате возникновения опасностей; обнаружение и обозначение районов, подвергшихся радиоактивному, химическому, биологическому или иному заражению; санитарная обработка населения, обеззараживание зданий и сооружений, специальная обработка техники и территорий; восстановление и поддержание порядка в районах, пострадавших в результате возникновения опасностей; срочное восстановление функционирования необходимых коммунальных служб в военное время; обеспечение постоянной готовности сил и средств гражданской обороны; срочное захоронение трупов в военное время; обеспечение устойчивости функционирования организаций, необходимых для выживания населения при возникновении опасностей; обеспечение постоянной готовности сил и средств гражданской обороны.

[1] Федеральный закон от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 7. Ст. 799.

Закон Азербайджанской Республики от 30 декабря 1997 г. № 420-IГ «О гражданской обороне»[1] в п. 1 ст. 1 закрепляет, что гражданская оборона - система мероприятий, осуществляемых органами государственной власти, юридическими и физическими лицами, в целях обеспечения безопасности в мирное время или во время войны населения (граждан Азербайджанской Республики, иностранцев и лиц без гражданства, находящихся на территории Азербайджанской Республики) и территории (земельного, водного и воздушного пространства, объектов производственного и социального назначения, а также окружающей среды в пределах территории Азербайджанской Республики).

Цель гражданской обороны заключается (ст. 5 Закона АзР): 1) в осуществлении профилактических мероприятий в целях предотвращения чрезвычайных происшествий; 2) в возможно максимальном уменьшении ущерба и потерь при чрезвычайных происшествиях; 3) ликвидации чрезвычайных происшествий и их последствий.

Задачи гражданской обороны законодатель Азербайджанской Республики не формулирует.

Закон Республики Армения от 29 марта 2002 г. № ЗР-309 «О гражданской обороне»[2] в ст. 1 закрепляет, что гражданская оборона - система мероприятий, направленных на защиту или подготовку к защите населения и материальных ценностей в случае вооруженного нападения на Республику Армения, наличия его непосредственной угрозы, либо объявления войны Национальным Собранием Республики Армения. Задачи гражданской обороны законодатель Армении не формулирует [3, с. 259-262].

Закон Республики Казахстан от 11 апреля 2014 г. № 188-V ЗРК «О гражданской защите»[3] в ст. 1 предлагает следующие определения:

Гражданская защита - общегосударственный комплекс мероприятий, проводимых в мирное и военное время, направленных на предупреждение и ликвидацию чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и их последствий, организацию и ведение гражданской обороны, оказание экстренной медицинской и психологической помощи населению, находящемуся в зоне чрезвычайной ситуации, включающий в себя мероприятия по обеспечению пожарной, промышленной и сейсмической безопасности, формированию, хранению и использованию государственного материального резерва (п. 10 ст. 1);

гражданская оборона - составная часть государственной системы гражданской защиты, предназначенная для реализации общегосударственного комплекса мероприятий, проводимых в мирное и военное время, по защите населения и территории Республики Казахстан от воздействия поражающих (разрушающих) факторов современных средств поражения, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (п. 6 ст. 1).

Основные задачи гражданской защиты определены в ст. 3 Закона Республики Казахстан.

Закон Республики Беларусь от 27 ноября 2006 г. № 183-З «О гражданской обороне»[4] в ст. 1 устанавливает, что гражданская оборона - составная часть оборонных мероприятий Республики Беларусь по подготовке к защите и по защите населения, материальных и историко-культурных ценностей на территории Республики Беларусь от опасностей, возникающих (возникших) при ведении военных действий или вследствие этих действий (далее - опасности, возникающие (возникшие) при ведении военных действий).

Основные задачи гражданской обороны закреплены в ст. 4 Закона Республики Беларусь.

Закон Республики Таджикистан от 28 февраля 2004 г. № 6 «О гражданской обороне»[5] в ст. 1 закрепляет, что гражданская оборона - система общегосударственных оборонных и защитных мероприятий, направленных на защиту населения, экономики и территории страны до начала и при возникновении боевых действий. Задачи гражданской обороны Республики Таджикистан закреплены в ст. 3 Закона Республики Таджикистан.

Закон Туркменистана от 29 ноября 2003 г. № 206-II «О гражданской обороне»[6] закрепляет, что гражданская оборона - это совокупность общегосударственных мероприятий, проводимых в мирное и военное время в целях защиты населения, объектов хозяйствования и территории страны от воздействия поражающих (разрушающих) факторов современных средств поражения, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (п. 1 ст. 1). Основные задачи Гражданской обороны закреплены в ст. 3 Закона Туркменистана.

Закон Республики Узбекистан от 26 мая 2000 г. № 80-II «О гражданской защите»[7] в ст. 1 закрепляет, что гражданская защита - государственная система мероприятий, проводимых в целях защиты населения, территорий, материальных и культурных ценностей Республики Узбекистан от опасностей, возникающих при ведении военных действий или вследствие этих действий. Определения гражданской обороны Закон Республики Узбекистан не содержит. Задачи гражданской защиты сформулированы в ст. 2 Закона Республики Узбекистан.

Закон Республики Молдова от 9 ноября 1994 г. № 271-XIII «О гражданской защите»[8] в ст. 1 устанавливает, что гражданская защита Республики Молдова представляет собой систему общегосударственных мер и мероприятий, осуществляемых в мирное и военное время с целью обеспечения защиты населения, собственности в условиях стихийных и экологических бедствий, аварий и катастроф, эпифитотий, эпизоотий и пожаров, а

[1] Закон Азербайджанской Республики от 30 декабря 1997 г. № 420-IГ «О гражданской обороне» // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. 1998. № 4. Ст. 222.
[2] Закон Республики Армения от 29 марта 2002 г. № ЗР-309 «О гражданской обороне» // Официальные ведомости Республики Армения. 2002. №12 (187). Ст. 231.
[3] Закон Республики Казахстан от 11 апреля 2014 г. № 188-V ЗРК «О гражданской защите» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2014. № 7 (2656). Ст. 36.
[4] Закон Республики Беларусь от 27 ноября 2006 г. № 183-З «О гражданской обороне» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь от 6 декабря 2006 года, №201, 2/1280.
[5] Закон Республики Таджикистан от 28 февраля 2004 г. № 6 «О гражданской обороне» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2004. № 2. Ст. 38.
[6] Закон Туркменистана от 29 ноября 2003 г. № 206-II «О гражданской обороне» // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 2003. № 4. Ст. 44.
[7] Закон Республики Узбекистан от 26 мая 2000 г. № 80-II «О гражданской защите» // Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 2000. №5-6 (1289-1290). Стр. 151.
[8] Закон Республики Молдова от 9 ноября 1994 г. № 271-XIII «О гражданской защите» // Официальный монитор Республики Молдова, №20, 29 декабря 1994 года, ст. 231.

также применения современных средств поражения (далее - в условиях чрезвычайных ситуаций). Определения гражданской обороны Закон Республики Молдова не содержит. Основные задачи Гражданской защиты сформулированы в ст. 4 Закона Республики Молдова.

Закон Кыргызской Республики от 24 мая 2018 г. № 54 «О Гражданской защите»[1] в ст. 1 закрепляет определение гражданской защиты как составной части системы общегосударственных мероприятий по подготовке к защите и по защите населения, материальных и культурных ценностей и территории Кыргызской Республики от чрезвычайных ситуаций в мирное и военное время. Определения гражданской обороны Закон Кыргызской Республики не содержит. В ст. 5 Закона Кыргызской Республики сформулированы основные задачи Государственной системы Гражданской защиты страны.

Кодекс Гражданской Защиты Украины от 2 октября 2012 г. № 5403-VI[2] в ст. 4 определяет, что гражданская защита - комплекс мероприятий, которые реализуются на территории Украины в мирное время и в особый период и направлены на защиту населения, территорий, окружающей природной среды, имущества, материальных и культурных ценностей от чрезвычайных ситуаций и других опасных событий, предотвращение возникновения таких ситуаций и событий, ликвидацию их последствий, оказание помощи пострадавшим, осуществление государственного надзора (контроля) в сфере пожарной и техногенной безопасности. Конкретные задачи Гражданской Защиты рассматриваемый Кодекс Гражданской Защиты Украины не формулирует.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

На правовом пространстве СНГ сформировались два основных похода к определению основных понятий и их соотношения в области гражданской обороны.

На понятии «гражданская оборона» построено законодательство России, Азербайджана, Армении, Беларуси, Таджикистана, Туркменистана,

Законодатели Кыргызстана, Молдовы, Узбекистана и Украины оперируют исключительно понятием «гражданская защита».

Законодатель Казахстана употребляет как понятие «гражданская защита», так и понятие «гражданская оборона», устанавливая, что гражданская оборона – составная часть гражданской защиты.

По мнению автора, методологический подход, примененный законодателями Казахстана, можно рассмотреть, после соответствующего анализа, как направление совершенствования российского законодательства. Не отказываясь полностью от понятия «гражданская оборона», можно постепенно перейти к понятию «гражданская защита» как широко употребимому в национальных законах государств СНГ. Однако все это – после проведения тщательного анализа содержания рассмотренных понятий.

Следует отметить единство подходов законодателя в определении гражданской обороны через слово «защита», то есть защита, осуществляемая уполномоченными субъектами в отношении определенных объектов защиты, выступает сердцевиной гражданской обороны, определяющей её задачи, направления и формы осуществления, полномочия субъектов гражданской обороны, порядок деятельности населения при осуществлении мер гражданской обороны.

Определения «гражданская оборона» и «гражданская защита» служат базой для формирования задач соответственно гражданской обороны и гражданской защиты, а также принципов их осуществления, о чем мы скажем в последующих работах.

На примере национальной правовой системы сопредельного государства, невзирая на проведение в отношении него специальной военной операции, можно рассмотреть вопросы кодификации в области осуществления гражданской обороны.

«Юридическая наука должна занять более значимое место как при планировании законопроектных работ, так и в ходе подготовки конкретных нормативных актов», - справедливо говорят авторы монографии М.Н. Кобзарь-Фролова, Е.Л. Васянина, С.В. Запольский, В.М. Редкоус, Т.В. Щукина, С.А. Агамагомедова, Н.Г. Андрианова [2, с. 9]. Проведенный нами анализ показал, что положения национальных законов государств – участников СНГ могут дать много положительного опыта в правовой регламентации общественных отношений, складывающихся в области гражданской обороны, что позволяет обеспечить более полное единство и системность правового регулирования. Это касается как определения содержания основных понятий, так и совершенствования правового регулирования по представляющим взаимный интерес направлениям деятельности в области гражданской обороны. В этой связи с учетом традиций национальных правовых систем положительный опыт государств СНГ может быть использован в правотворческой деятельности как в России, так и в самих государств Содружества, что предполагает проведение соответствующих сравнительно-правовых исследований, о необходимости которых говорят В.С. Горбань, В.М. Редкоус, А.Ю. Саломатин, И. И. Бутрим, Н. В. Макеева [4, с. 329-336], [5, с. 172-175], [4, с. 65-75].

Список литературы:

1. Обзор IV Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности: вопросы науки и образования» (РАНХиГС, Москва, 27-28 мая 2025 года) / К. В. Алексеев, И. Б. Борисов, А. М. Воронов [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2025. № 4(56). С. 178-196.
2. Правовое регулирование финансового рынка России / М. Н. Кобзарь-Фролова, Е.Л. Васянина, С. В. Запольский [и др.]. Москва : ИГП РАН, 2023. 219 с.

[1] Закон Кыргызской Республики от 24 мая 2018 г. № 54 «О Гражданской защите» // «Эркин Тоо». 2018. 5 июня. № 47.
[2] Кодекс Гражданской Защиты Украины от 2 октября 2012 г. № 5403-VI // Правительственный курьер. 2012. 29 ноября. № 220.

3. Редкоус, В. М. Правовое регулирование гражданской обороны в Республике Армения / В. М. Редкоус // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 259-262.

4. Редкоус, В. М. Сравнительному правоведению в области обеспечения национальной безопасности - новые грани развития / В. М. Редкоус // Актуальные вопросы применения норм административного права («Кореневские чтения») (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя) : Сборник научных трудов VI Международной научно-практической конференции, Москва, 28 апреля 2022 года / Сост. Г.Н. Василенко. Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2022. С. 329-336.

5. Редкоус, В. М. Правовое регулирование оказания бесплатной юридической помощи (опыт государств-участников СНГ) / В. М. Редкоус // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 172-175.

6. Сравнительное правоведение как динамично развивающаяся комплексная дисциплина: историографический контекст и перспективы / В.С. Горбань, А.Ю. Саломатин, И. И. Бутрим, Н. В. Макеева // Государство и право. 2024. № 12. С. 65-75.

References:

1. Review of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference “Legal Support of National Security: Issues of Science and Education” (RANEPA, Moscow, May 27-28, 2025) / K. V. Alekseev, I. B. Borisov, A. M. Voronov [et al.] // Transport Law and Security. - 2025. - No. 4 (56). - P. 178-196.

2. Legal regulation of the financial market of Russia / M. N. Kobzar-Frolova, E. L. Vasyanina, S. V. Zapolsky [et al.]. - Moscow: IGP RAS, 2023. 219 p.

3. Redkous, V. M. Legal regulation of civil defense in the Republic of Armenia / V. M. Redkous // Law and state: theory and practice. - 2024. - No. 9 (237). - P. 259-262.

4. Redkous, V. M. Comparative law in the field of national security - new facets of development / V. M. Redkous // Current issues of the application of administrative law norms («Korenev Readings») (on the 20th anniversary of the foundation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot): Collection of scientific papers of the VI International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 28, 2022 / Comp. G. N. Vasilenko. - Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, 2022. - P. 329-336.

5. Redkous, V. M. Legal regulation of the provision of free legal aid (experience of the CIS member states) / V. M. Redkous // Law and state: theory and practice. - 2025. - No. 3. - P. 172-175.

6. Comparative Law as a Dynamically Developing Complex Discipline: Historiographic Context and Prospects / V.S. Gorban, A.Yu. Salomatin, I.I. Butrim, N.V. Makeeva // State and Law. 2024. No. 12. Pp. 65-75.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_253

УДК 342.9

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ПРОФИЛАКТИКИ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE NATIONAL INSTITUTE PREVENTION OF FAMILY AND DOMESTIC OFFENSES

ИСТОМИН Александр Павлович,
аспирант Таганрогского института управления и экономики.
347900, Россия, г.Таганрог, ул.Петровская, 45.
E-mail: p.kameneva@tmei.ru
ISTOMIN Alexander Pavlovich,
Postgraduate Student of the Taganrog Institute of Management and Economics.
Petrovskaya str., 45, Taganrog, 347900, Russia.
E-mail: p.kameneva@tmei.ru

Краткая аннотация: *в статье анализируется эволюция государственной семейной политики и мер противодействия правонарушениям в семейно-бытовой сфере с Древней Руси до советского периода. Показан переход от патриархальных и церковных норм к светскому правовому регулированию, включению семьи в сферу общественного порядка и расширению полномочий милиции. Особое внимание уделено сочетанию административных санкций и общественного воздействия в советское время, а также легитимации государственного вмешательства в частную жизнь. Работа выявляет исторические предпосылки современных подходов к защите семьи и профилактике бытового насилия.*

Abstract: *the article analyzes the evolution of state family policy and measures to counteract offenses in the family and household sphere from Ancient Rus to the Soviet period. It shows the transition from patriarchal and religious norms to secular legal regulation, the inclusion of the family in the sphere of public order, and the expansion of the police's powers. Special attention is given to the combination of administrative sanctions and public influence during the Soviet era, as well as the legitimization of state intervention in private life. The article reveals the historical background of modern approaches to family protection and the prevention of domestic violence.*

Ключевые слова: *семейно-бытовые отношения, государственная семейная политика, правонарушения в семье, эволюция законодательства, профилактика правонарушений, правоохранительная деятельность.*

Key words: *family and household relations, state family policy, family offenses, evolution of legislation, prevention of offenses, and law enforcement activities.*

Для цитирования: *Истомин А.П. История становления отечественного института профилактики семейно-бытовых правонарушений // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 253-256. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_253.*

For citation: *Istomin A.P. The history of the formation of the national Institute prevention of family and domestic offenses // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 253-256. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_253.*

Статья поступила в редакцию: 17.12.2025

Эволюция государственной семейной политики и методов противодействия правонарушениям в семейно-бытовой сфере отражает изменения в общественном устройстве, а также колебания социальной, политической и экономической реальности. В этой связи обращение к историческому опыту становления отечественного законодательства в области профилактики семейного насилия и бытовых правонарушений приобретает особую значимость.

В Древней Руси регулирование семейно-бытовых отношений строилось на основе обычаев, формирующих устойчивую систему социального поведения. Эти нормы определяли роли супругов, устанавливали образцы поведения и контролировали конфликты внутри семьи. Семья, как правило, была многопоколенной, а понятия «семья» и «род» практически совпадали по значению. Важно отметить, что женщина нередко воспринималась как собственность мужа, над которой он обладал широкой, практически безграничной властью, что делало ее уязвимой в правовом и социальном отношении.

Христианский период ознаменовался переходом от восприятия замужней женщины как собственности к ее признанию как духовного соратника в браке, что обеспечивало ей защиту со стороны церкви. Православие стало центром формирования семейных норм, регулируя отношения супругов и поколений. Муж, как глава семьи, нес ответственность за заботу о жене и ее нравственное воспитание в христианском духе. Вместе с тем непослушание со стороны жены могло повлечь домашние наказания, включая побои, которые не квалифицировались как правонарушения. Угрозы физического воздействия также считались допустимыми и соответствовали сложившимся патриархальным представлениям. О существовании домашних наказаний, носящих воспитательный характер, свидетельствует Русская Правда [10].

Общество и церковный суд рассматривали как правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений проявления колдовства, чародейства и ворожбы, направленные против мужа, а также острые семейные конфликты, угрожающие нравственному и религиозному порядку.

В рассматриваемый период основным субъектом профилактики и пресечения правонарушений в семейно-бытовой сфере выступала православная церковь. Церковный суд устанавливал меры, носившие предупредительный характер и подкрепленные силой принуждения. Домашнее

наказание супруги и детей воспринималось как форма воспитательного воздействия и укладывалось в рамки традиционных патриархальных норм, определявших положение женщины, матери и членов семьи. Поскольку публичная власть не признавала физическое, в том числе систематическое, наказание жены и детей противоправным, соответствующие меры пресечения не применялись.

До середины XVII века государство практически не вмешивалось в сферу внутрисемейных отношений и конфликты, возникающие в бытовом укладе семьи, оставляя их за пределами правового регулирования.

Соборное Уложение 1649 года [11] закрепило неограниченную власть отца и матери над детьми, а также мужа над женой, что отражало патриархальный характер семейного устройства. Согласно главе XXII, убийство отца – как главы семьи – женой или детьми каралось исключительно смертной казнью. Убийство ребенка родителями наказывалось годичным тюремным заключением с последующим церковным покаянием. За убийство брата или сестры также полагалась смертная казнь. Впервые в правовом поле было зафиксировано понятие непочитания родителей детьми, которое отнесено к разряду правонарушений, подлежащих юридической ответственности.

Воинский Артикул 1715 года [9] существенно трансформировал ответственность за правонарушения в семейно-бытовой сфере. Умышленное убийство жены или детей стало караться смертной казнью. При этом факт прелюбодеяния жены признавался смягчающим обстоятельством. Убийство детей дифференцировалось по формам: умышленное (в отношении законнорожденных), непредумышленное, выкидыш по вине матери, оставление незаконнорожденного ребенка в опасности. Побои, повлекшие смерть супруги или ребенка, приравнивались к неумышленному деянию и влекли смягчение наказания – год тюремного заключения и церковное покаяние, что свидетельствовало о сохранении патриархальных норм в правоприменении.

С принятием Устава Благочиния [14] предупреждение правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений впервые стало осуществляться с привлечением полицейских органов. В 1782 году были учреждены специальные структуры, призванные пресекать и предотвращать правонарушения, включая посягательства на личность. Согласно Уставу, полиция получила полномочия вмешиваться в семейные конфликты, если они затрагивали основы личной безопасности – убийства, нанесение ран и увечий, подлежащие рассмотрению светским судом. Менее тяжкие правонарушения по-прежнему оставались в ведении церковного суда. Указанный нормативный акт наделил полицейские органы не только традиционными функциями, но и ответственностью за поддержание семейного благополучия. Государство, действуя через полицию и судебные инстанции, наряду с православной церковью, взяло на себя часть функций по профилактике и пресечению правонарушений против личности в семейной сфере.

Принятое в 1845 году Уложение о наказаниях уголовных и исправительных [13] ввело, помимо основного наказания, дополнительную санкцию – церковное покаяние – за правонарушения в семейно-бытовой сфере. Эта мера закреплялась как средство профилактики и назначалась за злоупотребление властью родителей или опекунов, повлекшее самоубийство подопечного (ст. 1476), а также за нанесение увечий, тяжких побоев или истязаний супругу (ст. 1583), сочетая светскую репрессию с религиозным искуплением.

Уложение о наказаниях 1885 года [12] устанавливало строгие санкции за насилие в семье: за умышленное нанесение увечий супруге полагалось лишение всех прав состояния, ссылка или заключение в арестантские отделения. Особое внимание уделялось ст. 1491, предусматривающей жесткое наказание за умышленные побои, истязания или иные мучения, нанесенные беременной женщине, если они приводили к преждевременным родам и смерти новорождённого. В остальных случаях дела о побоях, увечьях или истязаниях между супругами подлежали расследованию в общем уголовном порядке, особенно при тяжких последствиях – потере зрения, конечностей, рассудка. При отсутствии тяжких последствий уголовное преследование допускалось только по жалобе потерпевшего супруга или его родителей (ст. 1496).

Несмотря на правовые реформы второй половины XIX века, в обществе сохранялись глубокие гендерные и сословные различия. Семейное положение женщины по-прежнему диктовалось традиционными устоями, а право мужа на домашнее наказание нередко превращалось в систематическое насилие. Юридическая ответственность за побои наступала редко, поскольку они воспринимались как норма семейной жизни. Более того, мужчину, избегавшего физического воздействия, могли считать слабым, а его смирение – признаком неспособности управлять домом.

После революции 1917 года церковные суды и прежние полицейские структуры утратили свои функции, а правовые основы общественной жизни были кардинально пересмотрены. Уже 10 ноября 1917 года постановлением НКВД РСФСР «О Рабочей милиции» [1] был создан новый правоохранительный орган, призванный обеспечить порядок в условиях социальных преобразований. Первоочередной задачей милиции стало подавление контрреволюции и бандитизма, поэтому мелкие бытовые конфликты оставались за пределами ее внимания вплоть до начала 1930-х годов. Изменение наступило с принятием 25 мая 1931 года Положения о рабоче-крестьянской милиции [2], которое расширило ее полномочия в сфере семейно-бытовых отношений: милиция получила право на административное задержание, привлечение к ответственности за хулиганство в семье, предъявление требований о соблюдении законности и принудительное вмешательство в жилые помещения для пресечения правонарушений. Эти меры стали первым шагом к легализации государственного контроля над частной семейной сферой.

Постановление Совмина СССР «Об утверждении Положения о советской милиции» [4] закрепило охранно-профилактическую роль милиции как административно-исполнительного органа государства. Согласно документу, ее задачами становились защита общественного порядка, обеспечение личной безопасности граждан, охрана их прав и своевременное пресечение любых форм правонарушений, включая насилие в быту, что способствовало расширению легитимного вмешательства государства в частную сферу семьи.

В рамках действия Положения о советской милиции [4] были определены приоритетные задачи на 1970 год, включая усиление контроля за се-

мейной дебоширством. Органы внутренних дел получили указание выявлять и ставить на учет лиц, ведущих асоциальный образ жизни, и совместно с профсоюзами, комсомолом и другими общественными структурами оказывать на них воспитательное воздействие. Милиция должна была инициировать вызов таких граждан – в том числе пьяниц и домашних тиранов – на коллективные собрания по месту работы или жительства, где те публично давали объяснения, а поведение их обсуждалось в присутствии трудового коллектива, что служило формой общественного осуждения и социальной изоляции.

Перечень мер предупреждения и пресечения правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений постепенно расширялся и конкретизировался. Согласно постановлению Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании правового регулирования деятельности советской милиции» [6] в целях предупреждения правонарушений в рассматриваемой сфере милиция осуществляла борьбу с пьянством как основной причиной совершения правонарушений в семье и быту; информировала администрации и общественные организации предприятий, организаций и учреждений о лицах, злоупотребляющих спиртными напитками, наркоманах, семейных дебоширах, для принятия в отношении них мер общественного воздействия. Предупредительный характер деятельности милиции подтверждала обязанность проведения среди населения пропаганды по вопросам борьбы с правонарушениями, в том числе в сфере семейно-бытовых отношений.

В целях усиления профилактической работы с лицами, допускающими правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, сотрудникам милиции предоставлялось право подвергать приводу в милицию граждан, систематически допускающих правонарушения, для соответствующей регистрации и официального предостережения о недопустимости антиобщественного поведения. Официальное предостережение о недопустимости антиобщественного поведения имели право выносить начальники органов внутренних дел или их заместители, а также участковые инспекторы милиции на обслуживаемом ими участке. Кроме того, производилось административное задержание граждан, совершивших мелкое хулиганство в быту, до рассмотрения должностными лицами в установленные законом сроки дел об указанных административных правонарушениях. Устанавливалось право посещения по месту жительства граждан и вызова их в милицию для проведения воспитательной и профилактической работы.

В данный период был принят ряд нормативных правовых актов, регулирующих деятельность органов внутренних дел по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений. В частности, Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за хулиганство» [5] установил административную ответственность за мелкое хулиганство в быту. Под хулиганские действия в быту подпадали пение неприличных песен, нарушение тишины, пьяные скандалы, дебоши в семье.

Принятый в 1984 г. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (далее – КоАП РСФСР) [8] квалифицировал нарушение тишины и спокойствия граждан в семье и месте проживания, вызванное пьяными скандалами и дебошами, квалифицировалось как мелкое хулиганство (ст. 158). Была введена административная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в пьянство в семье (ст. 163 «Доведение родителями несовершеннолетнего до состояния опьянения»). К административным правонарушениям в исследуемой сфере также относилось невыполнение родителями или лицами, их заменяющими, обязанностей по воспитанию и обучению детей (ст. 164). Представленные проступки законодатель отнес к административным правонарушениям, посягающим на общественный порядок.

Именно этот аспект позволяет предположить, что общественный порядок охватывал общественные отношения вне общественных мест и был связан, прежде всего, с обеспечением безопасности граждан и общественного спокойствия.

Необходимо также отметить, что деятельность милиции по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений осуществлялась в рамках существующей функции взаимодействия. Предупредительное воздействие на лиц, допускающих правонарушения в семье, производилось при поддержке общественности, одной из форм организации которой, являлся товарищеский суд. Потребность взаимодействия в этом направлении была вызвана объективной причиной.

Правовую основу взаимодействия милиции с общественностью составили постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране» [3], а также Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об утверждении Положения о товарищеских судах и Положения об общественных советах по работе товарищеских судов» [7].

К подведомственности товарищеского суда относились малозначительные преступления в сфере семейно-бытовых отношений, в числе которых отметим: побои и причинение легких телесных повреждений, не повлекших кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности, а также различные оскорбления в семье. Следует обратить внимание на тот факт, что дела о данных преступлениях подлежали рассмотрению, если лицо совершило их впервые. Дела об оскорблениях, побоях, легких телесных повреждениях суды могли рассматривать по собственной инициативе либо по заявлению потерпевших, а не только в случаях направления такого рода дел из органов внутренних дел.

Применение мер общественного воздействия в форме товарищеского суда предоставляло гражданам возможность урегулировать, наладить семейно-бытовые отношения без вмешательства милиции. Кроме того, общественное воздействие не влекло правовых последствий, присущих уголовной и административной ответственности.

Таким образом, деятельность товарищеских судов в рамках сотрудничества с милицией позволила эффективно делегировать рассмотрение аморальных поступков, бытовых конфликтов и малозначительных правонарушений в семейной сфере на уровень общественного правосудия, что существенно разгрузило органы внутренних дел. Это дало возможность милиции сосредоточиться на борьбе с рецидивной преступностью, контроле за лицами, находящимися под административным и профилактическим надзором, а также на раскрытии тяжких и особо тяжких преступлений. Парал-

лельно взаимодействие с общественностью укрепило авторитет и доверие к органам внутренних дел со стороны населения.

Анализ эволюции отечественного законодательства в области предупреждения и пресечения правонарушений в семейно-бытовой сфере выявил ключевую особенность: в дореволюционный период юридическое и социальное неравенство между мужчиной и женщиной обусловливало нормализацию насилия в семье. Побои, угрозы и унижения в отношении жены и детей не считались общественно опасными деяниями, что исключало необходимость оперативного вмешательства со стороны государства и способствовало их укоренению в повседневной практике.

В советский период сложилась устойчивая модель правоохранительной работы, где наряду с полицейским реагированием ключевую роль играло тесное взаимодействие органов внутренних дел с общественностью. Семейно-бытовые отношения рассматривались как элемент общественного порядка, и любые антиобщественные поступки, правонарушения или преступления в этой сфере подлежали административному контролю со стороны милиции. Это закрепляло легитимность вмешательства не только правоохранителей, но и общественных структур в частную жизнь, превращая семейную сферу в зону коллективной ответственности.

Административные правонарушения в рассматриваемой сфере расценивались как посягательство на общественный порядок и пресекались с помощью административно-правовых мер. К виновному применялись как юридические санкции, так и формы общественного воздействия, сочетая официальное наказание с социальным давлением для профилактики повторных нарушений.

Список литературы:

1. О рабочей милиции: Постановление НКВД РСФСР от 28.10.1917. Утратило силу. – Текст: непосредственный // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. – 30.10.1917. – № 2.

2. Положение о рабоче-крестьянской милиции: Постановление СНК СССР от 25.05.1931 № 390. Утратило силу. – Текст: непосредственный // СЗ СССР. – 1931. – № 33. – Ст. 247.

3. Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране: Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 02.03.1959 № 218. Утратило силу. – Текст: непосредственный // СП СССР. – 1959. – № 4. – Ст. 25.

4. Об утверждении Положения о советской милиции: Постановление Совмина СССР от 17.08.1962 № 901. Утратило силу. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2025 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=602220825 (дата обращения: 07.12.2025).

5. Об усилении ответственности за хулиганство: Указ Президиума ВС СССР от 26.07.1966 № 5362-VI. Утратил силу. – Текст: непосредственный // Ведомости ВС СССР. – 1966. – № 30. – Ст. 595.

6. О дальнейшем совершенствовании правового регулирования деятельности советской милиции (вместе с «Положением о советской милиции»): Постановление Совмина СССР от 08.06.1973 № 385. Утратило силу. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2025 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=6022208347 (дата обращения: 07.12.2025).

7. Об утверждении Положения о товарищеских судах и Положения об общественных советах по работе товарищеских судов: Указ Президиума ВС РСФСР от 11.03.1977. Утратил силу. – Текст: непосредственный // Ведомости ВС РСФСР. – 1977. – № 12. – Ст. 254.

8. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (утв. ВС РСФСР 20.06.1984) (ред. от 20.03.2001). Утратил силу. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2025 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010182 (дата обращения: 07.12.2025).

9. Памятники российского права. В 35 т. Т. IV. Памятники права в период единодержавия Петра I: учебно-научное пособие. – М.: Юрлитинформ, 2019. – С. 1 – 52. – ISBN 978-5-4396-0544-6. – Текст: непосредственный.

10. Правда Русская / А.А. Зимин; отв. ред. В.Л. Янин. – М.: Древлехранилище, 2019. – 424 с. – ISBN 978-5-87210-159-7. – Текст: непосредственный.

11. Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах. Том 3, Акты Земских Соборов. Соборное Уложение 1649 г. / отв. ред. А.Д. Горский. – М., 2018. – 512 с. – Текст: непосредственный.

12. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Изд. проф. Имп. Училища правоведения... Н.С. Таганцевым / Сост. проф. С.-Петерб. ун-та С.Н. Таганцевым. – 5-е изд., доп. – Санкт-Петербург: тип. М. Стасюлевича, 1886. – 714 с. – Текст: непосредственный.

13. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. – Санкт-Петербург: Типография 2 отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1845. – 898 с. – Текст: непосредственный.

14. Устав благочиния или Полицейский. Часть первая: [Утвержден в Санкт-Петербурге апреля 8 дня 1782 года]. – Санкт-Петербург: Сенатская тип., 1782. — 75 с. – Текст: непосредственный.

References:

1. On the workers' militia: Resolution of the NKVD of the RSFSR dated 10/28/1917. It is no longer valid. – Text: direct // Newspaper of the Provisional Workers' and Peasants' Government. – 30.10.1917. – № 2.

2. Regulations on the workers' and Peasants' militia: Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR dated 05/25/1931 No. 390. It is no longer valid. – Text: direct // NW of the USSR. – 1931. – No. 33. – Art. 247.

3. On the participation of workers in the protection of public order in the country: Resolution of the Central Committee of the CPSU, Council of Ministers of the USSR dated 03/02/1959 No. 218. Expired. – Text: direct // Joint Venture of the USSR. – 1959. – No. 4. – Art. 25.

4. On the approval of the Regulations on the Soviet militia: Resolution of the Council of Ministers of the USSR dated 08/17/1962 No. 901. It is no longer valid. – Text: electronic // State system of legal information: The official Internet portal of legal information. 2005-2025 – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=602220825 (date of application: 12/07/2025).

5. On strengthening responsibility for hooliganism: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated 07.26.1966 No. 5362-VI. It has lost its power. – Text: direct // Knowledge of the USSR Armed Forces. – 1966. – No. 30. – Art. 595.

6. On further improvement of the legal regulation of the activities of the Soviet militia (together with the "Regulations on the Soviet Militia"): Decree of the Council of Ministers of the USSR dated 06/08/1973 No. 385. It is no longer valid. – Text: electronic // The State system of legal information: The official Internet portal of legal information. 2005-2025 – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=6022208347 (date of request: 07.12.2025).

7. On the approval of the Regulations on Friendly Courts and the Regulations on Public Councils for the work of friendly Courts: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR dated 03/11/1977. It has lost its power. – Text: direct // Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR. – 1977. – No. 12. – Art. 254.

8. Code of the RSFSR on Administrative Offenses (approved by the Supreme Soviet of the RSFSR on 06/20/1984) (as amended on 03/20/2001). It has lost its power. – Text: electronic // State system of legal information: The official Internet portal of legal information. 2005-2025 – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010182 (date of request: 07.12.2025).

9. Monuments of Russian law. In 35 vols. Vol. IV. Monuments of law in the period of Peter the Great's monarchy: an educational and scientific manual. Moscow: Yurlitinform, 2019. pp. 1-52. ISBN 978-5-4396-0544-6. – Text: direct.

10. Russian Truth / A.A. Zimin; ed. by V.L. Yanin. – M.: Drevlekhranishche, 2019. – 424 p. – ISBN 978-5-87210-159-7. – Text: direct.

11. Russian legislation of the X–XX centuries. In 9 volumes. Volume 3, Acts of the Zemsky Sobors. The Cathedral Code of 1649 / ed. by A.D. Gorsky. Moscow, 2018. 512 p. – Text: direct.

12. Tagantsev N.S. The Code of Criminal and Correctional punishments of 1885. Ed. by Prof. Imp. Schools of Law ... by N.S. Tagantsev / Comp. prof. S.-St. Petersburg University by S.N. Tagantsev. – 5th ed., supplement – St. Petersburg: M. Stasyulevich type, 1886. – 714 p. – Text: direct.

13. The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845. – St. Petersburg: Printing house of the 2nd branch of His own Literary office, 1845. – 898 p. – Text: direct.

14. The charter of the deanery or the Police. Part One: [Approved in St. Petersburg on April 8, 1782]. – St. Petersburg: Senatskaya tip., 1782. — 75 p. – Text: direct.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_257

УДК 343.13

ЗАЩИЩАЕМОЕ ЛИЦО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ
PROTECTED PERSON IN CRIMINAL PROCEEDINGS: CONCEPT AND TYPES

БАДАМШИН Осман Ильфатович,
аспирант Казанского (Приволжского) федерального университета.
420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 18.
E-mail: k021@mail.ru

BADAMSHIN Osman Ilfatovich,
PhD student at Kazan (Volga Region) Federal University.
18 Kremlevskaya str., Kazan, 420008, Russia.
E-mail: k021@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматривается одна из актуальных проблем современного уголовно-процессуального права – отсутствие легального определения понятия «защищаемое лицо». Анализируются положения Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», устанавливающего лишь перечень лиц, подлежащих государственной защите. Предлагается авторское определение понятия «защищаемое лицо». Обосновывается необходимость закрепления данного понятия в законодательстве для повышения эффективности применения мер государственной защиты.*

Abstract. *The article examines one of the urgent problems of modern criminal procedure law - the lack of a legal definition of the concept of «protected person». The provisions of the Federal Law «On State Protection of Victims, Witnesses and Other Participants in Criminal Proceedings», which establishes only a list of persons subject to state protection, are analyzed. The author's definition of the concept of «protected person» is proposed. The article substantiates the need to consolidate this concept in legislation in order to increase the effectiveness of the application of state protection measures.*

Ключевые слова: *защищаемое лицо, государственная защита, уголовное судопроизводство, меры безопасности, участники уголовного процесса.*

Keywords: *protected person, state protection, criminal proceedings, security measures, participants in the criminal process.*

Для цитирования: *Бадамшин О.И. Защищаемое лицо в уголовном процессе: понятие и виды // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 257-258. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_257.*

For citation: *Badamshin O.I. Protected person in criminal proceedings: the concept and types // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 257-258. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_257.*

Статья поступила в редакцию: 25.01.2026

Институт государственной защиты участников уголовного судопроизводства является одним из важнейших гарантов реализации назначения уголовного процесса – защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, а также защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения. Эффективность противодействия преступности напрямую зависит от готовности граждан содействовать правосудию, что, в свою очередь, невозможно без обеспечения их безопасности. Несмотря на наличие сформированной нормативной правовой базы, где основным выступает Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – Закон № 119-ФЗ), в теории уголовного процесса и правоприменительной практике сохраняется ряд дискуссионных вопросов. Ключевым из них является отсутствие легального определения понятия «защищаемое лицо».

Законодатель, перечисляя в ст. 2 Закона № 119-ФЗ обширный круг участников процесса, а также их близких, и указывая, что они именуются «защищаемыми лицами» после принятия решения об осуществлении защиты, к сожалению, не раскрывает содержания данного понятия. В связи с чем возникают сложности в определении момента возникновения у лица соответствующего статуса, основаниях для применения мер защиты и их видах.

В современных научных исследованиях данный вопрос зачастую раскрывается фрагментарно, концентрируясь либо на перечне лиц, либо на процедурных аспектах, что оставляет своеобразный пробел в понимании сущности самого защищаемого лица как особого субъекта правоотношений.

Как уже было отмечено, Закон № 119-ФЗ в ст. 2 устанавливает исчерпывающий (хотя и широкий) перечень лиц, которые могут претендовать на государственную защиту. К ним отнесены практически все основные участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения и защиты: потерпевшие, свидетели, частные обвинители, подозреваемые, обвиняемые, подсудимые, их защитники и законные представители, гражданские истцы и ответчики, эксперты, специалисты, переводчики, понятые и др. [1]. Более того, ч. 2 и ч. 3 указанной статьи расширяют этот круг, включая в него лиц на стадии до возбуждения уголовного дела (заявители, очевидцы, жертвы) и близких родственников, родственников и близких лиц перечисленных участников, если посягательство на них осуществляется для воздействия на последних.

Однако сам термин «защищаемое лицо» вводится лишь в ч. 4 ст. 2 как обозначение для лиц, в отношении которых в установленном порядке уже принято решение об осуществлении государственной защиты. Таким образом, законодатель определяет статус через процедуру, а не через сущностные содержательные характеристики.

В научной литературе предпринимаются попытки восполнить этот пробел. Так, Ю.П. Якубина акцентирует внимание на ключевых признаках

защищаемого лица. Во-первых, это содействие уголовному правосудию. Подчеркивается, что лицо должно быть вменяемым и осознанно способствовать получению доказательственной информации. Во-вторых, это наличие угрозы его безопасности. При этом справедливо отмечается, что угроза должна быть объективной, то есть существовать вне зависимости от субъективного восприятия лица. Более того, опасность может исходить не только из явных угроз, но и из самой важности информации, которой владеет лицо, что создает риск его физического устранения [2, с. 248].

Стоит обратить внимание на неточность термина, используемого законом. А.Ю. Епихин справедливо указывает, что лицо становится «защищаемым» только после начала реализации защитных мер, а не просто при наличии оснований. До этого момента его статус не определен, что создает правовой пробел [3, с. 31].

Вопрос о том, с какого момента лицо обретает статус защищаемого, является ключевым для понимания всей дефиниции. Меры защиты могут применяться как на этапе предварительного расследования и в суде, так и до возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 2 Закона № 119-ФЗ). Внесение изменений в ст. 144 УПК РФ (ч. 1.1) закрепило возможность обеспечения безопасности участников досудебного производства уже на стадии приема сообщения о преступлении. Однако Закон № 119-ФЗ носит организационный, межотраслевой характер, а не процессуальный, то есть решение о применении мер безопасности может быть принято и до того, как лицо будет официально признано потерпевшим или свидетелем в процессуальном порядке.

Соответственно, юридическим фактом, порождающим статус защищаемого лица, является не сам факт угрозы и даже не процессуальный статус лица в уголовном деле (заявитель, свидетель), а процессуальное решение компетентного органа о применении мер государственной защиты.

На основании изложенного, можно сформулировать следующее определение. Защищаемое лицо в уголовном деле – это физическое лицо (участник уголовного судопроизводства, его близкий родственник, родственник или близкое лицо, либо лицо, способствующее выявлению, предупреждению или раскрытию преступления на стадии возбуждения уголовного дела), в отношении которого при наличии достаточных данных, свидетельствующих о реальности и объективности угрозы его жизни, здоровью, имуществу или законным интересам в связи с его участием в уголовном деле или содействием правосудию, компетентным государственным органом или должностным лицом в установленном законом порядке принято решение о применении предусмотренных законом мер государственной защиты и (или) мер уголовно-процессуальной безопасности, что влечет за собой возникновение у него особого правового статуса, включающего дополнительные гарантии безопасности, а также корреспондирующие этому статусу обязанности и юридическую ответственность.

Многообразие ситуаций, в которых возникает необходимость защиты, и различный правовой статус вовлекаемых лиц обуславливают необходимость классификации защищаемых лиц [4, с. 355]. Анализ ст. 2 Закона № 119-ФЗ позволяет выделить следующие виды в зависимости от процессуального статуса в уголовном деле:

– защищаемые лица – участники уголовного судопроизводства (потерпевшие, свидетели, подозреваемые, обвиняемые, эксперты и т.д.);

– защищаемые лица, не являющиеся участниками процесса, т.е. лица, чей статус еще не определен (заявитель, очевидец до возбуждения дела), а также лица, содействующие правосудию вне процессуальных рамок;

– защищаемые лица – близкие участников процесса (родственники и близкие лица, в отношении которых угроза реализуется для воздействия на основного участника).

Таким образом, отсутствие в законе четкого определения «защищаемого лица» создает предпосылки для неоднозначного толкования правоприменителями оснований, момента возникновения и объема правового статуса такого лица. Восполнение этого пробела возможно путем доктринального осмысления и последующего законодательного закрепления.

Совершенствование законодательства в этой сфере должно идти по пути унификации понятийного аппарата и детальной регламентации особенностей правового положения различных видов защищаемых лиц, что станет важным шагом к повышению эффективности государственной защиты и, как следствие, общей эффективности уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «» (ред. от 23 июля 2025 г. № 239-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 23.08.2004. № 34, ст. 3534.
2. Якубина, Ю. П. Осуществление мер безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице / Ю. П. Якубина, Н. А. Покотиленко // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: Сборник научных статей. Орёл: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2024. С. 247-255.
3. Епихин, А. Ю. Допрос защищаемого лица в судебном следствии (уголовно-процессуальные, организационные и тактические аспекты) / А. Ю. Епихин, А. В. Мишин // Вестник. Государство и право. 2024. № 2 (41). С. 26-32.
4. Раджабов, Р. О. Проблемы реализации мер безопасности в отношении защищаемых лиц в уголовном процессе // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14, № 10-1. С. 352-360.

References:

1. On State protection of victims, Witnesses and other Participants in Criminal Proceedings: Federal Law No. 119-FZ of August 20, 2004 (as amended on July 23, 2025, No. 239-FZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 08/23/2004. No. 34, art. 3534.
2. Yakubina, Yu. P. Implementation of security measures in the form of ensuring confidentiality of information about the protected person / Yu. P. Yakubina, N. A. Po-kotylenko // Criminal procedural and criminalistic problems of combating crime: Collection of scientific articles. Orel: OrUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova, 2024. pp. 247-255.
3. Epikhin, A. Y. Interrogation of a protected person in a judicial investigation (criminal procedural, organizational and tactical aspects) / A. Y. Epikhin, A.V. Mishin // Bulletin. State and law. 2024. No. 2 (41). pp. 26-32.
4. Radzhabov, R. O. Problems of implementing security measures against protected persons in criminal proceedings // Issues of Russian and international law. 2024. Vol. 14, No. 10-1. pp. 352-360.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_259

УДК 343.3/.7

РАЗРАБОТКА ТЕРМИНОЛОГИИ В СФЕРЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

DEVELOPMENT OF TERMINOLOGY IN THE SPHERE OF ENCROACHMENTS ON THE INFORMATION SPACE AS A WAY TO SOLVE THE PROBLEM OF QUALIFYING CRIMES IN THE SPHERE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

АХЪЯДОВ Эльман Саид-Мохмадович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности, заместитель декана по научной работе юридического факультета
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова».
364024, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Асланбека Шерипова, 32.
E-mail: Akhyadov1990@mail.ru;

AKHYADOV E.S-M.,
Deputy Dean for Research at the Faculty of Law, Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and National Security FGBOU VO "Chechen State University. A.A. Kadyrov".
32 Aslanbek Sheripov str., Grozny, Russia, 364024, Chechen Republic.
E-mail: Akhyadov1990@mail.ru

Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ (FEGS-2024-0017).

Краткая аннотация. *В статье исследованы ключевые аспекты значения терминологии и понятийного аппарата в целях квалификации преступлений, совершаемых в сфере информационно-коммуникационных технологий. Отмечено, что отсутствие четких понятий и терминов в рамках уголовной ответственности за компьютерные преступления затрудняет квалификацию данных деяний и приводит к отсутствию единой следственно-судебной практики в данной сфере. Основной акцент сделан на понимании ключевого термина в этой области - самих преступлений, связанных с информационно-коммуникационными технологиями. Рассмотрены мнения авторов относительно понимания данной уголовно-правовой категории. Также проанализированы труды зарубежных авторов, которые изучают данную тематику. На основании проведенного исследования сделан вывод об общих признаках и свойствах преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий, а также предложено авторское определение этого термина.*

Abstract. *The article examines the key aspects of the meaning of terminology and conceptual apparatus for the purpose of qualifying crimes committed in the sphere of information and communication technologies. It is noted that the absence of clear concepts and terms within the framework of criminal liability for computer crimes complicates the qualification of these acts and leads to the absence of a unified investigative and judicial practice in this area. The main emphasis is placed on understanding the key term in this area - the crimes themselves related to information and communication technologies. The authors' opinions on the understanding of this criminal-legal category are considered. The works of foreign authors who study this topic are also analyzed. Based on the conducted research, a conclusion is made about the general features and properties of crimes in the field of information and communication technologies, and the author's definition of this term is proposed.*

Ключевые слова*: информационное пространство, квалификация преступлений, понятийный аппарат, терминология, компьютерные преступления, преступления в сфере компьютерной информации, преступления в области информационно-коммуникационных технологий.*

Keywords: *information space, qualification of crimes, conceptual apparatus, terminology, computer crimes, crimes in the field of computer information, crimes in the field of information and communication technologies.*

Для цитирования: *Ахъядов Э.С-М. Разработка терминологии в сфере посягательств на информационное пространство как способ решения проблемы квалификации преступлений в области информационно-коммуникационных технологий // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 259-263. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_259.*

For citation*: Akhyadov E.S.-M. Development of Terminology in the Sphere of Encroachments on the Information Space as a Way to Solve the Problem of Qualifying Crimes in the Sphere of Information and Communication Technologies // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 259-263. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_259.*

Статья поступила в редакцию: 15.01.2025

В нашей современной жизни информационно-коммуникационные технологии уже давно и прочно заняли свое важное место. Практически каждый день любой человек пользуется мобильной связью, включает компьютер, имеет планшет или иные виды гаджетов. Достижений новых технологий имеют значение как для личной, так и для деловой сфер общества. Даже самые традиционные сферы общественной жизни, так или иначе, стали компьютеризированными.

Активное использование техники и технологий не только облегчает жизнь многих людей. К сожалению, преступный мир также уже достаточно давно обратил внимание на достижения современных технологий и использует их в преступных целях, нанося вред интересам личности, общества и государства.

В уголовном законодательстве практически всех государств, в связи с этим, появились нормы об уголовной ответственности за так называемые «компьютерные преступления» или «преступления в сфере высоких технологий». При этом каждая страна самостоятельно решает, какие преступления входят в данную группу, определяет их содержание и структуру, а также разъясняет основные понятия, связанные с преступ-

ностью в информационно-коммуникационной сфере. Ключевая проблема в этом направлении заключается в том, что уголовное законодательство, так или иначе, несколько «отстает» от жизненных реалий, в связи с чем в области информационно-коммуникационных технологий могут совершаться определенные деяния (как действия, так и бездействия), носящие характер преступных, но еще не признанных преступлениями в соответствии с нормами уголовного законодательства, хотя при этом и наносят значительный вред как физическим, так и юридическим лицам, а также иным субъектам. Поэтому законодатель должен своевременно реагировать на происходящие события, своевременно внося изменения в уголовное законодательство, чтобы ни один виновный не остался безнаказанным.

Как свидетельствует анализ российского уголовного законодательства, в настоящее время проблемой является не только актуальное отражение в УК РФ составов так называемых компьютерных преступлений, но и отсутствие разъяснений основных терминов в данной области, а это, в свою очередь, не позволяет осуществлять правильную квалификацию преступлений в информационно-коммуникационной сфере.

Глава 28 Уголовного кодекса РФ [1] именуется «Преступления в сфере компьютерной информации». Вместе с тем, в теории уголовного права чаще применяется более упрощенное название данной группы преступлений «компьютерные преступления», то есть незаконные деяния, как действия, так и бездействие, связанные с информацией и коммуникационными технологиями, совершаемые с использованием компьютерной и тому подобной техники, компьютерных сетей и т.п.

В то же время очевидно, что в настоящее время преступность в этой области не ограничивается только деяниями, которые связаны исключительно с компьютерами, поэтому такой термин как «преступление в сфере компьютерной информации» выглядит уже неактуальным, поскольку подразумеваемые преступления могут быть совершены как с помощью компьютеров (планшетов, ноутбуков) в прямом смысле этого слова, так и посредством использования других технических устройств и средств.

В связи с этим доктрина уголовного права уже давно не ограничивается такими терминами, как «преступления в сфере компьютерной информации» или «компьютерные преступления», а применяет для определения рассматриваемой группы преступлений и иные разъяснения - «информационное преступление», «цифровое преступление», «преступления, связанные с компьютерами», «преступления в сфере высоких технологий», «киберпреступления», «электронная преступность», и т.д [4; 6; 7].

С одной стороны, предлагаемые понятия имеют много схожих, подобных характеристик. Но, с другой, они все же различаются, что вызывает многочисленные диспуты в среде как ученых, так и практиков.

Представляется, что формирование единой терминологии в рассматриваемой сфере следует начинать с поиска обобщенных признаков, совокупность которых позволит сформулировать более или менее четкие определения таких преступлений. И уже эти определения могут быть использованы законодателем при внесении в уголовное законодательство изменений и дополнений, совершенствующих нормы УК РФ об ответственности в области информационно-коммуникационных технологий.

А пока что ученые, в основном, опираются на понятийный аппарат и признаки преступлений, закрепленных в уголовном законе и актах разъясняющего характера.

Так, в частности, В.Л. Кудрявцев, анализируя вопросы уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации (предусмотренные главой 28 раздела IX УК РФ) полагает, что данные преступные деяния в своей основе подразумевают информационную безопасность, поэтому под подобного рода преступлениями автор понимает деяния, связанные с покушением на сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи [4, с. 60]. То есть, иными словами, под преступлениями в сфере компьютерной информации В.Л. Кудрявцев понимает уголовно-наказуемые деяния, которые предусмотрены гл. 28 УК РФ, посягающие на информационную безопасность. При этом собственно информационная безопасность является частью общественной безопасности и (или) общественного порядка.

Как полагает А.А. Жмыхов, если следовать логике законодателя, который сформулировал преступления главы 28 УК РФ именно таким образом, то есть, как преступления в сфере компьютерной информации, то тогда следует в качестве компьютерных преступлений рассматривать и такие деяния, которые связаны с физическим уничтожением носителей информации. Учитывая этот факт, данный автор предлагает сосредоточиться на таком понимании данной группы преступлений, которое будет подразумевать «не просто совокупность преступлений, которые посягают на безопасность компьютерной сети либо системы, но и также совершаемые при помощи компьютерной сети либо системы и, кроме того, в рамках компьютерной сети либо системы» [7, с. 388].

М.А. Ефремова, в свою очередь, пишет, что к преступлениям в области обеспечения безопасности информационно-коммуникационных технологий относится «...совокупность общественно опасных деяний, которые запрещены уголовным законом и посягают на общественные отношения, обеспечивающие безопасность методов и процессов поиска, хранения, сбора, обработки, распространения, предоставления информации путем информационно-телекоммуникационных сетей и средств вычислительной техники» [4, с. 60].

Анализируя рассмотренные мнения относительно понимания компьютерных преступлений (преступлений в области информационно-коммуникационных технологий, преступлений в сфере информационных технологий) можно сделать общий вывод о том, что, в целом, предлагаемые авторами понятия являются тождественными. То есть учеными в результате исследований формируются какие-либо относительно схожие признаки деяний, в дальнейшем формируемые в общее понятие преступления в сфере информационно-коммуникационных технологий, при этом нередко такие понятия имеют много аналогичных характеристик. Вместе с тем, в некоторых случаях изучаемые преступления по сущности входящих в их состав признаков различаются, например, термин «компьютерные преступления» рассматривается как более широкий по отношению к такому определению как «преступления в сфере информационно-коммуникационных технологий». Кроме того, в доктрине уголовного права

также можно встретить предположения о том, что следует говорить не о компьютерных преступлениях как таковых, а о преступных деяниях, которые совершаются посредством использования компьютеров и иных видов технических средств, а также компьютерных сетей. В этом случае компьютерная техника и сети рассматриваются, в большей степени, как орудие преступления, а не как признак, позволяющий отнести исследуемые преступные деяния к определенной группе.

В отличие от российского уголовного права и законодательства, во многих зарубежных странах сложился несколько иной подход к преступлениям информационно-коммуникационной направленности. В частности, опираясь на нормы международного и европейского законодательства, чаще используется такой термин как «киберпреступность». В связи с этим, следуя западной практике, отдельные российские ученые также говорят о рассматриваемом виде преступности как о киберпреступности (киберпреступлениях). Так, В.А. Номоконов и Т.Л. Тропина пишут о «киберпреступности», поскольку полагают, что именно такое определение является наиболее подходящим к анализируемой группе преступлений, в отличие от, по их мнению, более узкого понятия «компьютерное преступление». Именно термин «киберпреступность», как полагают данные ученые, «позволяет охватить весь объем преступности в информационном пространстве» [6, с. 45]. Соответственно, следуя логике В.А. Номоконова и Т.Л. Тропиной, к «киберпреступлениям» нужно отнести все преступления, которые так или иначе связанные с использованием компьютеров, компьютерной техники, информационных технологий, коммуникаций, компьютерных сетей, и, в целом, совершаемые в киберпространстве.

По мнению Л.И. Бутовой, киберпреступность является «общественно опасным деянием (в форме действия либо бездействия), которое совершается в информационно-телекоммуникационной сфере с использованием телекоммуникационных способов и средств, с помощью технических устройств, компьютерных сетей и систем, их программных компонентов в отношении информации, размещенной, используемой, обрабатываемой во всех информационно-телекоммуникационных сетях» [2, с. 28].

В.Н. Цимбал и С.Г. Клюев также склоняются к пониманию преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий как к киберпреступлениям (киберпреступности), отмечая, что данный термин в наибольшей степени подходит для российского уголовного права и законодательства. По их мнению, понятие «киберпреступность» включает в себя все возможные виды компьютерных преступлений, все их имеющиеся формы, то есть, на данный момент, шире любого другого термина в данной области [8, с. 17]. Непосредственно же термин «компьютерные преступления» является гораздо более узким по отношению к киберпреступности, поскольку ограничен только теми видами преступных деяний, которые связаны исключительно с использованием компьютеров и иной компьютерной техники.

Еще дальше пошел А.М. Каримов, предложивший собственную классификацию киберпреступлений. Так, он выделяет непосредственно преступления в сфере компьютерной информации, а также «преступления, совершаемые в информационно-коммуникационной сфере» и «преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационной сферы» [3, с. 78]. Соответственно, преступления в сфере компьютерной информации, по замечанию данного автора, включены в главу 28 УК РФ. А вот вторая и третья группы преступлений не имеют четкого места в нормах уголовного закона, так как они размещены в структуре кодекса хаотично (например, в главе преступлений против собственности), с учетом родовых и видовых характеристик объекта преступления. Иными словами, данные преступления не могут рассматриваться как «истинно компьютерные», а относятся к преступным деяниям, где компьютеры, сети и иные подобные предметы (вещи, объекты) выступают как средство, как орудие преступлений, поэтому такие преступные деяния не имеют никакого отношения к главе 28 УК РФ.

Изложенное позволяет сделать общий вывод о том, что представляют собой изучаемые преступления. К преступлениям в сфере информационно-коммуникационных технологий (киберпреступлениям, преступлениям в сфере высоких технологий и т.п.) относятся общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законодательством, которые причиняют вред или создают угрозу причинения вреда в сфере информационно-коммуникационных технологий, информационной безопасности, как составляющей общественной безопасности. Такое преступление может посягать как на отдельный технический объект - компьютер или компьютерную сеть, так и на более крупные предметы. Видовым объектом преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий являются общественные отношения, которые складываются в области информации и коммуникаций, защиты технических средств, связанных с обработкой информации, в сфере обеспечения информационной безопасности. То есть при совершении данных преступлений компьютеры и иная техника должны рассматриваться не как средство, орудие, способ совершения общественно опасного деяния, а как предмет преступного посягательства.

Несмотря на то, что во многих странах, также, как и в России, за киберпреступления предусмотрена уголовная ответственность, во многих уголовных законах нет достаточно четких и единообразно понимаемых терминов в этой сфере. Понятие киберпреступления в каждом государстве трактуется по-своему, также различна и структура такого преступного деяния, отсутствуют более или менее четкие классификации киберпреступлений.

Как правило, под преступлениями в сфере информационно-коммуникационных технологий понимаются «совершенные посредством использования компьютера действия, которые являются незаконными или могут быть признаны таковыми, при этом имеют свойство быть осуществленными через глобальные электронные сети» [9, с. 13].

Есть и более упрощенное понимание таких преступлений. В частности, к киберпреступлениям относятся «любые запрещенные уголовным законом акты, которые были совершены с использованием компьютера, сети или аппаратного устройства» [10, с 109].

Как и представители российской уголовно-правовой доктрины, зарубежные исследователи уделяют некоторое внимание вопросам классификации компьютерных преступлений. Так, например, Р. Мур считает, что «киберпреступление» и «компьютерное преступление» - это разные виды преступлений в области высоких технологий. По его мнению, к киберпреступлению относится любое преступление, при совершении

которого использовался компьютер и (или) компьютерная сеть. В случае, когда преступное деяние совершалось только при помощи, непосредственно, компьютера, то, соответственно, это и есть «классическое» компьютерное преступление [11].

Также в западной практике киберпреступление рассматривается как «трансформация преступного или иного вредоносного поведения с помощью сетевых технологий» [12].

И.Н. Мосечкин в своих исследованиях провел сравнительный анализ понимания преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий в России в некоторых зарубежных странах. Данный автор отмечает, что в каждом государстве киберпреступления трактуются по-разному, исходя из традиций национальных юридических основ. В частности, в Малайзии киберпреступления рассматриваются как «любые преступные акты, совершаемые в сети Интернет» или «незаконное использование информационно-коммуникационных технологий для совершения преступных действий». В США, где, в силу специфики американской системы законодательства, в каждом штате имеется свой уголовный закон, который содержит собственное понимание преступления в сфере информационно-коммуникационных технологий и юридические конструкции такого преступного деяния могут быть весьма разнообразными в различных штатах. Например, в уголовном законе штата Алабама речь идет о цифровом преступлении, во Флориде, Нью-Йорке (штат) и Делавэре - о преступлении, связанном с компьютером, в Колорадо - о киберпреступлении, в Иллинойсе и Мэне - о компьютерном преступлении, в Неваде - о «незаконных действиях в отношении компьютеров и информационных услуг». Вместе с тем, практически во всех уголовных законах штатов понятия таких преступлений не раскрываются, отсутствуют отличительные и обобщающие признаки, позволяющие сформировать более или менее четкую структуру преступлений в сфере компьютерной информации. Только в уголовном законодательстве отдельных штатов имеются дефиниции в данной области, например, в уголовном законе штата Невада разъясняется термин «технологическое преступление», под которым понимается такое преступное деяние, которое было совершено с использованием любого технического компонента или технической системы (компьютер, сеть, система, устройство и т.д.), вследствие чего произошли изменения в информационно-коммуникационной среде, принесшие вред человеку или обществу. При этом такое устройство (сеть, система) «сами по себе или в сочетании с любым другим таким же элементом способны генерировать, обрабатывать, хранить, извлекать, излучать, передавать, получать, ретранслировать, записывать или воспроизводить любые данные, информацию, изображение, программу, сигнал или звук в технологическом формате, включая аналоговые, цифровые, электронные, электромагнитные, магнитные или оптические технологии» [5, с. 49].

Составы киберпреступлений закреплены и в уголовных кодексах стран бывшего СССР.

Например, в Уголовном кодексе Республики Беларусь, как и в Российской Федерации, такие преступные деяния выделены в отдельную главу, именуемую «Преступления против компьютерной безопасности».

В УК Республики Казахстан также содержится самостоятельная глава 7 под названием «Уголовные правонарушения в сфере информатизации и связи». В составе главы закреплены виды преступлений, которые связаны с информационными и коммуникационными технологиями, при этом многие составы по содержанию совпадают с теми, которые отражены в российском уголовном законе. Но встречаются и отличные от них виды преступных деяний. Например, ст. 206 УК Казахстана предусмотрена уголовная ответственность за неправомерное уничтожение или модификацию информации, ст. 208 Кодекса - за неправомерное завладение информацией, а ст. 209 - за принуждение к передаче информации.

Анализ рассмотренных дефиниций в сфере уголовной ответственности за преступления в области информационно-коммуникационных технологий (киберпреступлений) позволяет сделать вывод о том, что в большинстве стран нормы уголовных законов имеют разнообразные подходы к пониманию данной группы преступлений, хотя, в целом, общие черты этих преступных деяний совпадают. В каких-то странах компьютерные преступления трактуются весьма широко, как весь комплекс преступных посягательств в киберсфере, в других встречается значительно более узкий подход, как, например, преступление, совершаемое с помощью компьютера.

Вместе с тем, несомненно, что, разрабатывая понятийный аппарат киберпреступности, ученые основывались на таких критериях преступных деяний в области информационно-коммуникационных технологий как объект и предмет преступления, объективная сторона преступления и ее признаки (орудия, средства, способы совершения преступления, место совершения преступления), и т.д. Существенным отличительным признаком при этом почти во всех случаях выступает цифровая среда (виртуальное пространство).

Отечественный уголовный закон (УК РФ) систематизирован в зависимости от такого элемента состава преступления как объект преступления. Это правило систематизации позволяет более быстро найти нужную норму и облегчает квалификацию преступных деяний, а также правоприменение норм уголовного закона. Однако, что касается преступлений в области кибербезопасности, объект преступлений не всегда учитывается, поэтому такие преступные деяния содержатся в разных главах УК РФ, что видится не совсем верным. При этом также важно то, что преступления в сфере информационно-коммуникационных технологий, так или иначе, совершаются с использованием каких-либо технических средств, технологий, сети Интернет, компьютерной техники, что также позволяет отнести данные преступные деяния в одну группу и включить их в состав одной главы УК РФ.

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод о том, что все компьютерные преступления (преступления в области информационно-коммуникационных технологий, киберпреступления), то есть преступления данного рода в широком смысле, представляют собой общественно опасные деяния, которые связаны с компьютерными технологиями, техникой, информационными сетями, влияют на передачу, поиск, сбор, обработку, хранение, распространение информации, причиняющие вред или создающие угрозу причинения вреда в области информации и коммуникаций. В связи с чем название главы 28 УК РФ следует изменить соответствующим образом, в частности, на «Преступления в сфере информационно-коммуникационных технологий». Кроме того, следует включить в состав данной главы все преступления, имеющие отношение к инфор-

мации и коммуникациям, а также дать разъяснения отдельным терминам в этой области, что позволит сформулировать единые и четкие понимания таких преступных деяний и положительным образом повлиять на формирование правоприменительной практики.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 года № 63-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ. - 17.06.1996. - № 25. - Ст. 2954.
2. Бутова Л.И. Характеристика и сущность киберпреступлений // Алтайский юридический вестник. - 2016. - № 3 (15). - С. 28-31.
3. Каримов А.М. Преступления в сфере компьютерной информации и преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий: сравнительно-правовой аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2023. - Т. 14. - № 1 (51). - С. 75-82.
4. Красноштанова Ю.Д. О соотношении понятий «преступления в сфере компьютерной информации», «компьютерные преступления», «киберпреступления» // Проблемы становления гражданского общества: сборник статей VII Международной научной студенческой конференции. Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. - Иркутск, 2019. - С. 60-63.
5. Мосечкин И. Н. Понятие преступлений против безопасности цифровой информации // Lex russica. - 2023. - Т. 76. - № 5. - С. 49-59.
6. Номоконов В.А., Тропина Т.Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. - 2012. - № 1 (24). - С. 45-55.
7. Перминова А.Д., Чакрян В.Р. Понятие компьютерных преступлений и их классификация // Академическая публицистика. - 2024. - № 1-1. - С. 385-393.
8. Цимбал В.Н., Клюев С.Г. Понятие киберпреступления и его содержательная часть // Вестник Московского университета МВД России. - 2021. - № 1. - С. 17-22.
9. Gordon S., Ford R. On the definition and classification of cybercrime // Journal in computer virology. - 2006. - Vol. 2, I. 1. - P. 13-20.
10. Jayabalan P., Ibrahim R., Manaf A. A. Understanding cybercrime in Malaysia: an overview // Sains Humanika. - 2014. - Vol. 2, I. 2. - P. 109-115.
11. Moore R. Cybercrime: Investigating High-Technology Computer Crime. - Routledge, 2014. - 312 p.
12. Wall D. S. Cybercrime: The Transformation of Technology in the Networked Age. - Cambridge, 2007. - 288 p.

References:

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 13.12.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 17.06.1996. - No. 25. - Art. 2954.
2. Butova L.I. Characteristics and essence of cybercrimes // Altai Legal Bulletin. - 2016. - No. 3 (15). - P. 28-31.
3. Karimov A.M. Crimes in the field of computer information and crimes committed using information and communication technologies: comparative legal aspect // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2023. - Vol. 14. - No. 1 (51). - P. 75-82.
4. Krasnoshtanova Yu.D. On the relationship between the concepts of "crimes in the field of computer information", "computer crimes", "cybercrimes" // Problems of the formation of civil society: collection of articles of the VII International scientific student conference. Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. - Irkutsk, 2019. - P. 60-63.
5. Mosechkin I.N. The concept of crimes against the security of digital information // Lex russica. - 2023. - Vol. 76. - No. 5. - P. 49-59.
6. Nomokonov V.A., Tropina T.L. Cybercrime as a new criminal threat // Criminology: yesterday, today, tomorrow. - 2012. - No. 1 (24). - P. 45-55.
7. Perminova A.D., Chakryan V.R. The concept of computer crimes and their classification // Academic journalism. - 2024. - No. 1-1. - P. 385-393.
8. Tsymbal V.N., Klyuev S.G. The concept of cybercrime and its substantive part // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2021. - No. 1. - P. 17-22.
9. Gordon S., Ford R. On the definition and classification of cybercrime // Journal in computer virology. - 2006. - Vol. 2, I. 1. - P. 13-20.
10. Jayabalan P., Ibrahim R., Manaf A. A. Understanding cybercrime in Malaysia: an overview // Sains Humanika. - 2014. - Vol. 2, I. 2. - P. 109-115.
11. Moore R. Cybercrime: Investigating High-Technology Computer Crime. - Routledge, 2014. - 312 p.
12. Wall D. S. Cybercrime: The Transformation of Technology in the Networked Age. - Cambridge, 2007. - 288 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_264

УДК 343.246

ГИБРИДНЫЙ КОНТРОЛЬ: ИНСТИТУТ ПРОБАЦИИ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
HYBRID CONTROL: THE INSTITUTE OF PROBATION IN THE SYSTEM OF CRIMINAL LAW ENFORCEMENT IN MODERN RUSSIA

ХАДЖИЕВ Умар Кюриевич,
старший преподаватель кафедры таможенного дела
ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. М.Д. Миллионщикова».
364051, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, пр-т им. Х. А. Исаева, 100.
E-mail: einstein_95@mail.ru;
KHADZHIEV U.K.,
Senior Lecturer, Department of Customs, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Grozny State Petroleum Technological University named after M.D. Millionshchikov".
100 Isaev Ave., Grozny, 364051, Russia, Chechen Republic.
E-mail: einstein_95@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье проводится комплексный анализ пробации как нового для России института уголовно-правового воздействия. Исследуется его правовая природа, место в системе мер, не связанных с изоляцией от общества, и взаимодействие с уголовным надзором. Особое внимание уделяется проблемам правоприменительной практики, включая межведомственное взаимодействие и ресурсное обеспечение. На основе сравнительно-правового анализа и изучения эмпирических данных формулируются предложения по оптимизации правового регулирования и повышению эффективности социальной реинтеграции осужденных. Работа адресована ученым-правоведам, практикующим юристам и законодателям.*

Abstract: *The article provides a comprehensive analysis of probation as a new institution of criminal law enforcement in Russia. Its legal nature, place in the system of non-custodial measures, and interaction with criminal supervision are examined. Special attention is paid to the problems of law enforcement practice, including interagency cooperation and resource provision. Based on a comparative legal analysis and empirical data, the paper formulates proposals for optimizing legal regulation and improving the effectiveness of social reintegration of convicts. The work is addressed to legal scholars, practitioners, and legislators.*

Ключевые слова: *пробация, уголовное право, наказание, не связанное с лишением свободы, уголовный надзор, реабилитация, ресоциализация, риск-ориентированный подход, альтернативные санкции, исправление осужденного.*

Keywords: *probation, criminal law, non-custodial punishment, criminal supervision, rehabilitation, resocialization, risk-oriented approach, alternative sanctions, correction of the convict.*

Для цитирования: *Хаджиев У.К. Гибридный контроль: институт пробации в системе уголовно-правового воздействия современной России // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 264-266. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_264.*

For citation*: Khadzhiev U.K. Hybrid control: the institute of probation in the system of criminal law enforcement in modern Russia // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 264-266. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_264.*

Статья поступила в редакцию: 13.01.2026

Институт пробации в современной России формируется как элемент гибридного контроля, сочетающий в себе меры уголовно-правового принуждения и механизмы социальной поддержки. Его особенность заключается в промежуточном положении между классическим наказанием и мерами восстановительного и превентивного характера. Пробация не подменяет собой уголовную репрессию, но дополняет её, обеспечивая индивидуализированное воздействие на правонарушителя за пределами пенитенциарной изоляции. В условиях кризиса традиционных наказаний именно гибридная модель контроля позволяет государству сохранять управляемость посткриминального поведения личности, сочетая надзор, коррекцию и содействие ресоциализации.

Включение пробации в систему уголовно-правового воздействия отражает тенденцию к трансформации карательной парадигмы в сторону риск-ориентированного и персонализированного контроля. Гибридный характер пробации проявляется в одновременной реализации функций наблюдения, ограничения и поддержки, что сближает её с современными моделями «мягкого принуждения». Однако эффективность такой модели в российской правоприменительной практике напрямую зависит от баланса между контрольными и восстановительными элементами: смещение акцента исключительно на социальную помощь без действенного надзора может нивелировать профилактический потенциал пробации и ослабить её значение как инструмента уголовно-правового воздействия.

Продолжая анализ гибридной природы современной российской пробации, важно отметить, что, несмотря на декларируемый баланс контроля и поддержки, на практике наблюдается риск смещения акцента исключительно в сторону социальной помощи. Как показывает опрос сотрудников УИС, 53% респондентов скептически оценивают способность лишь социально-психологической поддержки предотвратить рецидив, отмечая, что «осужденные сами не желают вставать на путь исправления» или начнут «рассчитывать только на государственную поддержку» [1]. Это свидетельствует о том, что гибридная модель может потерять профилактическую эффективность, если надзорно-контрольная составляющая будет ослаблена в пользу патерналистского подхода.

Кроме того, предлагаемый законодательный проект не в полной мере реализует потенциал пробации как многофункционального института. В частности, из итоговой версии законопроекта был исключён вид досудебной пробации, а также не урегулированы меры, способствующие примирению с потерпевшим и заглаживанию вреда, и особенности работы с несовершеннолетними [1]. Это сужает восстановительный и превентивный компоненты пробации, сводя её преимущественно к постпенитенциарному сопровождению, что противоречит её изначальной кон-

цепции как сквозного элемента уголовно-правового воздействия.

Для успешной реализации гибридной модели необходимо законодательное закрепление не только поддерживающих, но и контрольных, восстановительных и примирительных механизмов. «Как справедливо отмечает А.Я. Гришко, требуется комплексный нормативный акт (например, Пробационный кодекс), системно регулирующий все виды пробационной деятельности» [2]. Только при таком сбалансированном подходе пробация сможет стать эффективным инструментом управления рисками и ресоциализации, соответствуя современным вызовам уголовной политики.

Продолжая исследование гибридной модели пробации, важно обратиться к её правовой природе, которая в российском законодательстве остаётся неопределённой. «Как отмечает В.Г. Громов, пробация в России — это не наказание, не иная мера уголовно-правового характера и не освобождение от наказания, а совокупность мер, применяемых в отношении осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания… которые оказались в трудной жизненной ситуации» [3]. Такая законодательная формулировка, по мнению автора, сближает пробацию с криминологической профилактикой, но не отождествляет с ней, что создаёт терминологическую и сущностную нечёткость, осложняющую реализацию гибридного подхода.

Эффективность гибридной модели также зависит от ясности используемых понятий и согласованности действий множества субъектов. Громов указывает на терминологические расхождения между Федеральным законом «О пробации в Российской Федерации» и иными нормативными актами, в частности, в трактовке «ресоциализации», «социальной адаптации» и «социальной реабилитации» [3]. Это создаёт практические трудности и может привести к дисбалансу между контрольной и поддерживающей составляющими. Автор подчёркивает, что для успешной реализации пробации «необходимо разработать детальный регламент со стороны Федеральной службы исполнения наказаний» [1, с. 188], что позволило бы упорядочить взаимодействие государственных органов, учреждений УИС, религиозных и общественных организаций.

Перспективы сбалансированного развития гибридного института пробации автор видит в комплексном использовании потенциала всех участников, особенно религиозных организаций, обладающих значительным опытом в духовно-нравственной реабилитации. Громов отмечает, что «тесное и продуктивное взаимодействие между государством и религиозными объединениями… представляет собой эффективный способ решения проблем постпенитенциарной реабилитации бывших заключенных» [3]. Таким образом, для укрепления гибридной модели необходима не только чёткая нормативная база, но и институализация сетевого сотрудничества, которое могло бы гармонично сочетать контрольные функции государства с восстановительным потенциалом гражданского общества.

Особый потенциал для укрепления баланса в гибридной модели пробации заключает в себе интеграция религиозных организаций, однако их правовой статус в Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации» определён недостаточно чётко. Как отмечают О.А. Скоморох и В.А. Самарин, религиозные организации прямо не названы в законе в качестве субъектов пробации, хотя и предусмотрена возможность их привлечения для осуществления соответствующих мер [4]. Авторы указывают, что роль религиозных организаций раскрыта «достаточно скупо»: в разделе об исполнительной пробации они не упоминаются, а в пенитенциарной — сведена к работе по восстановлению социальных связей [4]. Подобная правовая неопределённость может ограничить системное включение религиозных институтов в реализацию как контрольных, так и восстановительных компонентов пробации, что противоречит идее их полноценного участия в гибридной модели.

Между тем, исторический и современный опыт свидетельствует о высоком реабилитационном потенциале религиозных организаций, способном обогатить гибридную систему пробации. Скоморох и Самарин подчёркивают, что за 30 лет взаимодействия УИС России с традиционными религиозными организациями «накопился значительный опыт устройства различных реабилитационных центров для лиц, освободившихся из мест лишения свободы» [4]. Авторы приводят конкретные примеры, такие как православные реабилитационные центры «Пробуждение» в Мурманской области, «Дом покаяния и милосердия “СПАС”» в Ростове-на-Дону, а также более 100 христианских центров социальной помощи, созданных евангельскими конфессиями [4]. Этот опыт демонстрирует, что религиозные организации способны обеспечивать не только духовно-нравственную поддержку, но и комплексное социальное сопровождение, включая решение бытовых, трудовых и психологических проблем, что усиливает восстановительный элемент гибридной модели.

Таким образом, для полноценной реализации гибридного подхода пробации необходимо не только формальное допущение, но и активная институционализация роли религиозных организаций на всех её этапах. Как отмечают Скоморох и Самарин, важным направлением могло бы стать более активное участие этих организаций «в подготовке важнейшего инструмента в сфере пробации, которым будет являться индивидуальная программа», где духовно-нравственное воспитание могло бы сыграть значимую роль [4]. Интеграция проверенных практик религиозной реабилитации в государственную систему пробации позволила бы создать более сбалансированную и эффективную гибридную модель, в которой контроль и поддержка не противопоставляются, а взаимно усиливаются, способствуя достижению целей ресоциализации и снижения рецидива.

Особого внимания в контексте гибридной модели требует выявленная в законе терминологическая неопределённость, которая затрудняет разграничение контрольных и поддерживающих функций. Как отмечают А.С. Сизова и Н.В. Зин, в Федеральном законе № 10-ФЗ отсутствует ясность в определении «иных мер уголовно-правового характера», а также не уточняется их перечень, «что порождает неоднозначность в трактовке» [5]. Эта правовая нечёткость осложняет практическую реализацию гибридного подхода, поскольку не позволяет четко дифференцировать, в каких случаях пробационные меры носят характер контроля и ограничения, а в каких — исключительно социальной поддержки, что может приводить к дисбалансу в их применении.

Важным отличием российской модели пробации, влияющим на её гибридный характер, является её необязательный характер для

осуждённых. Авторы подчёркивают, что это отличает её от практики ряда западных стран, где пробация «имеет больше общего с институтом условного осуждения» и предполагает обязательный надзор и выполнение установленных судом условий [5]. Добровольность участия в российских пробационных программах, с одной стороны, усиливает их поддерживающую составляющую, ориентированную на мотивацию, а с другой — ослабляет контрольный элемент, что ставит под сомнение способность гибридной модели обеспечить действенное управление рисками рецидива в отношении лиц, уклоняющихся от социальной помощи.

Наконец, для устойчивости гибридной модели пробации необходимо учитывать её функционирование в экстремальных условиях. Сизова и Зин указывают, что в таких ситуациях «цели пробации должны быть дополнены специальными задачами», соответствующими особым правовым режимам [5]. Отсутствие разработанных механизмов адаптации пробационных мер в условиях чрезвычайных ситуаций или военного положения выявляет уязвимость системы, которая в кризисных условиях может утратить как контрольные, так и восстановительные возможности. Таким образом, полноценная интеграция пробации как гибридного института требует не только концептуального баланса между надзором и помощью, но и создания гибких правовых инструментов, обеспечивающих её устойчивость в любых обстоятельствах.

Применение штрафа как альтернативного наказания без изоляции от общества является частью гибридного подхода, однако существующий механизм его исполнения демонстрирует явный перекос в сторону карательной, а не восстановительной составляющей. Как отмечает Н.В. Ольховик, действующее законодательство не содержит «организационно-правовых средств, стимулирующих самостоятельную уплату осужденным установленного ему штрафа», а деятельность судебных приставов носит «сугубо формальный характер», сводясь к проверкам имущественного положения, осуждённого [6]. Это свидетельствует о том, что в отношении осуждённых к штрафу гибридная модель контроля де-факто лишена поддерживающего элемента, что противоречит целям ресоциализации и повышает риск уклонения от исполнения наказания.

Для сбалансирования карательной и восстановительной функций в рамках гибридной модели в отношении штрафа автор предлагает ряд мер, сочетающих стимулы и контроль. В частности, он указывает на необходимость закрепить «право осужденного заплатить штраф в меньшем размере» по аналогии с административными штрафами, а также ввести возможность возложения на осуждённого «обязанность работать, а в случае уклонения… закрепить возможность суда заменить штраф другим видом наказания» [6]. Такие меры, с одной стороны, создают позитивную мотивацию для соблюдения требований закона, а с другой — усиливают контрольный элемент через угрозу замены наказания, что соответствует логике гибридного управления поведением.

Ключевым условием эффективности гибридной модели при исполнении наказания в виде штрафа автор видит создание системы социального сопровождения и ресоциализации осуждённых. Ольховик подчёркивает, что решение задачи социальной адаптации требует «взаимодействия разных социальных институтов» и создания «общественно-государственной системы социальной адаптации осужденных», что напрямую коррелирует с задачами формирующейся службы пробации [6]. Таким образом, интеграция института штрафа в гибридную модель пробации невозможна без развития поддерживающей инфраструктуры, которая обеспечивала бы не только контроль за уплатой, но и содействие в трудовом и бытовом устройстве осуждённых, приближая исполнение этого наказания к целям восстановительного правосудия.

Список литературы:

1. Мария Александровна Сережкина Создание института пробации в России // Ведомости УИС. 2023. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-instituta-probatsii-v-rossii (дата обращения: 12.01.2026));
2. Гришко А. Я. Пробация и пробационное законодательство // Преступление, наказание, исправление: сборник тезисов выступлений и докладов участников V Международного пенитенциарного форума, приуроченного к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий (Рязань, 17-19 нояб. 2021 г.). В 9 т. Рязань: Академия ФСИН России, 2021. С. 104-109;
3. Громов Владимир Геннадьевич Пробация и проблемы ее реализации в Российской Федерации // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2024. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/probatsiya-i-problemy-ee-realizatsii-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 12.01.2026);
4. Скоморох Олег Александрович, Самарин Владимир Александрович Роль религиозных организаций в системе пробации осужденных в федеральном законе «о пробации в российской федерации» // Уголовно-исполнительное право. 2023. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-religioznyh-organizatsiy-v-sisteme-probatsii-osuzhdennyh-v-federalnom-zakone-o-probatsii-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 12.01.2026);
5. Алла Сергеевна Сизова, Наталья Васильевна Зин Интеграция пенитенциарной пробации в отечественную уголовно-исполнительную систему: вопросы теории и практики // Ведомости УИС. 2024. №9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-penitentsiarnoy-probatsii-v-otechestvennuyu-ugolovno-ispolnitelnuyu-sistemu-voprosy-teorii-i-praktiki (дата обращения: 12.01.2026);
6. Ольховик Николай Владимирович Замена уголовного наказания в виде штрафа: миф или реальность? // Уголовная юстиция. 2015. №1 (5). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zamena-ugolovnogo-nakazaniya-v-vide-shtrafa-mif-ili-realnost (дата обращения: 12.01.2026).

References:

1. Maria Aleksandrovna Serezhkina, "Creating a Probation Institute in Russia," UIS Vedomosti, 2023, No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-instituta-probatsii-v-rossii (Accessed: 12.01.2026);
2. A. Ya. Grishko, "Probation and Probation Legislation," Crime, Punishment, Correction: A Collection of Abstracts from Participants of the V International Penitentiary Forum, Timed to Coincide with the Year of Science and Technology in the Russian Federation in 2021 (Ryazan, November 17-19, 2021). In 9 volumes. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2021. pp. 104-109;
3. Gromov, Vladimir Gennadievich. Probation and the Problems of Its Implementation in the Russian Federation. Izvestiya Saratov State University. Nov. Series. Series. Economy. Management. Law. 2024. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/probatsiya-i-problemy-ee-realizatsii-v-rossiyskoy-federatsii (accessed: 12.01.2026);
4. Skomorokh, Oleg Aleksandrovich, Samarin, Vladimir Aleksandrovich. The Role of Religious Organizations in the Probation System of Convicts in the Federal Law "On Probation in the Russian Federation." // Criminal-Executive Law. 2023. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-religioznyh-organizatsiy-v-sisteme-probatsii-osuzhdennyh-v-federalnom-zakonone-o-probatsii-v-rossiyskoy-federatsii (date of access: 12.01.2026);
5. Alla Sergeevna Sizova, Natalya Vasilievna Zin. Integration of penitentiary probation into the domestic criminal-executive system: theoretical and practical issues // Vedomosti UIS. 2024. No. 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-penitentsiarnoy-probatsii-v-otechestvennuyu-ugolovno-ispolnitelnuyu-sistemu-voprosy-teorii-i-praktiki (accessed: 12.01.2026);
6. Olkhovik Nikolay Vladimirovich Replacement of Criminal Punishment with a Fine: Myth or Reality? // Criminal Justice. 2015. No. 1 (5). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zamena-ugolovnogo-nakazaniya-v-vide-shtrafa-mif-ili-realnost (accessed: 12.01.2026).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_267

УДК 343.34

ОСОБЕННОСТИ СООБЩЕНИЯ О СОВЕРШЕННОМ ИЛИ ГОТОВЯЩЕМСЯ ПРЕСТУПЛЕНИИ, ПОЛУЧЕННОЕ ИЗ ИНЫХ ИСТОЧНИКОВ, КАК ОСНОВНОГО ПОВОДА ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО СТАТЬЕ 207.3 УК РФ

THE SPECIFICS OF REPORTING A CRIME THAT HAS BEEN COMMITTED OR IS BEING PREPARED, OBTAINED FROM OTHER SOURCES, AS THE MAIN REASON FOR INITIATING CRIMINAL CASES UNDER ARTICLE 207.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

АГАЕВ Ренат Мурадович,
заместитель начальника
Управления Росгвардии по Тверской области по военно-политической (политической) работе, г. Тверь, Россия.
170000, Россия, г. Тверь.
E-mail: renat-agaev@mail.ru;

AGAEV Renat Muradovich,
deputy chief of the Russian Guard Directorate for Tver Oblast for military-political (political) work, Tver, Russia.
170,000, Tver, Russia.
E-mail: renat-agaev@mail.ru

Краткая аннотация: *в статье исследуется специфика сообщения о преступлении из иных источников как основного повода для возбуждения уголовных дел по статье 207.3 УК РФ. Анализируется трансформация содержания данного повода в условиях цифровизации, когда правоохранительные органы перешли к проактивному мониторингу интернет-пространства. Выявлены правовые проблемы сложившейся практики, в частности стирание граней между оперативно-розыскной и процессуальной деятельностью с выводами о потребности в поиске баланса между интересами государства и защитой прав личности при применении статьи 207.3 УК РФ.*

Abstract: *the article examines the specifics of reporting a crime from other sources as the main reason for initiating criminal cases under Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article analyzes the transformation of the content of this issue in the context of digitalization, when law enforcement agencies switched to proactive monitoring of the Internet space. The legal problems of current practice have been identified, in particular, blurring the lines between operational investigative and procedural activities, with conclusions about the need to find a balance between the interests of the state and the protection of individual rights when applying Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

Ключевые слова: *возбуждение уголовного дела, повод, статья 207.3 УК РФ, сообщение о преступлении, мониторинг интернета, заведомо ложная информация.*

Keywords: *initiation of a criminal case, reason, Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, reporting of a crime, Internet monitoring, deliberately false information.*

Для цитирования: *Агаев Р.М. Особенности сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, как основного повода для возбуждения уголовных дел по статье 207.3 УК РФ // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 267-270. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_267.*

For citation*: Agaev R.M. The specifics of reporting a crime that has been committed or is being prepared, obtained from other sources, as the main reason for initiating criminal cases under Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 267-270. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_267.*

Статья поступила в редакцию: 21.12.2025

Введение

Актуальность и постановка проблемы. Интенсификация информационного противоборства и трансформация цифрового пространства в ключевой элемент гибридных конфликтов обусловили появление в российском уголовном законодательстве новой нормы – статьи 207.3 УК РФ, устанавливающей ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации (далее по тексту – порочащих сведений) об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации, оказании организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооружённые Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации (далее по тексту – воинские формирования). Отнесение данного состава к преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства подчеркивает его высокую степень общественной опасности и ориентацию на защиту информационного суверенитета. Однако эффективность любой уголовно-правовой нормы находится в прямой зависимости от эффективности механизма ее процессуальной реализации.

Ключевым, но при этом наименее исследованным элементом этого механизма применительно к ст. 207.3 УК РФ является повод для возбуждения уголовного дела **(**далее по тексту – инициирование уголовного производства), а именно – «сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников» (п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ). Статистические данные свидетельствуют о его доминирующей роли: на его долю приходится от 68% до 75% всех возбужденных дел по данной статье в 2022-2024 годах [1].

Это указывает на переход правоохранительной системы от реактивной к проактивной парадигме, основанной на систематическом ведомственном мониторинге цифровой среды.

Данная практика обнажает комплекс научно-практических противоречий:

1. Между традиционным доктринальным пониманием повода как внешнего по отношению к органу расследования источника информации и современной реальностью, где таким источником чаще всего выступает собственная служебная деятельность этого же органа.

2. Между необходимостью оперативного противодействия информационным угрозам безопасности государства и требованиями процессуальных гарантий, поскольку инициирование уголовного производства зачастую происходит до получения формализованного экспертного заключения о заведомой ложности распространенных сведений.

3. Между буквальным текстом закона, оперирующим понятием «сообщение… из иных источников», и устоявшейся процессуальной формой его фиксации – «рапортом должностного лица об обнаружении признаков преступления», что порождает терминологическую и правоприменительную неопределенность.

Объект исследования – общественные отношения, складывающиеся в ходе уголовно-процессуальной деятельности по инициированию уголовного производства о преступлениях, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ.

Предмет исследования – повод для инициирования уголовного производства в виде сообщения из иных источников (п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ), его юридическая природа, специфика источников формирования и роль в механизме инициирования уголовного преследования по данной категории дел.

Научная новизна результатов исследования заключается в следующем:

Впервые в отечественной уголовно-процессуальной науке проведен комплексный анализ доминирующей процессуальной модели инициирования уголовного производства по ст. 207.3 УК РФ через призму конкретного повода.

На основе анализа статистики и правоприменительной практики систематизированы и детализированы конкретные источники формирования «сообщения из иных источников» применительно к данному составу, включая ведомственный мониторинг интернет-пространства, результаты ОРД и материалы, поступившие по неформализованным каналам связи.

Обоснована авторская позиция, согласно которой рапорт должностного лица является не просто формой фиксации, а ключевым волевым актом, конституирующим повод в рамках проактивной модели правоприменения. На этой основе сформулировано предложение *de lege ferenda* о целесообразности замены в ст. 140 УПК РФ формулировки «сообщение… из иных источников» на точную и отражающую суть явления формулировку «рапорт об обнаружении признаков преступления».

Область применения результатов. Выводы и предложения, сформулированные в статье, имеют теоретическое и практическое значение. Они могут быть использованы:

для дальнейшего развития доктрины уголовного процесса в части стадии инициирования уголовного производства и теории процессуальных документов;

в правотворческой деятельности при совершенствовании норм УПК РФ, регламентирующих поводы для инициирования уголовного производства;

в правоприменительной практике следственных органов и органов дознания для унификации и повышения обоснованности процессуальных решений на начальном этапе производства по делам о преступлениях против безопасности государства;

в учебном процессе при подготовке юристов в области уголовного процесса и правоохранительной деятельности.

Основные положения

Концепция «повода для инициирования уголовного производства)» в уголовно-процессуальной науке не обладает четким и однозначным определением. Однако бесспорно, что данный термин является ключевым элементом уголовно-процессуального права.

В учебнике «Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс)», под редакцией А.И. Бастрыкина, повод трактуется как установленный законом и надлежаще оформленный источник информации о готовящемся или совершенном преступлении, который передан должностному лицу или государственному органу, уполномоченному принимать решение о возбуждении уголовного дела [2].

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова термин «повод» определяется как обстоятельство, способное быть основанием для чего-нибудь [3].

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, является третьим поводом для инициирования уголовного производства.

Особенностью данного повода является то, что это самый распространенный повод для инициирования уголовного производства по статье 207.3 УК РФ. По сведениям Судебного департамента Верховного суда Российской Федерации и МВД РФ, доля сообщений о преступлении, полученное из иных источников среди других поводов применительно к ст. 207.3 УК РФ в 2022 году составляет 68 %, в 2023 году – 72 %, в 2024 году – 75 %.

Одной из важных характеристик современной правоохранительной деятельности является активное использование интернет-пространства в качестве инструмента мониторинга. В частности, правоохранительные органы систематически анализируют публикации в социальных сетях, таких как «ВКонтакте», «Telegram», «WhatsApp», «Инстаграмм», Twitter и др., применяя специализированные технические средства для выявления потенциально недостоверной информации. Это позволяет им инициировать проверки и возбуждать дела без прямого обращения пострадавших. К примеру, если правоохранительные органы обнаруживают в Twitter сообщение, содержащее ложные сведения о потерях среди военнослужащих, они могут начать расследование, даже при отсутствии официального заявления от пострадавшей стороны.

Другая важная особенность заключается в том, что на начальной стадии инициирования уголовного производства экспертиза, подтверждающая недостоверность информации, не всегда обязательна. Это упрощает процесс и позволяет правоохранительным органам оперативно реагировать на потенциально опасные публикации без завершения более формальных процедур. Однако это также несет риски для граж-

дан, поскольку без достаточных оснований их высказывания могут быть необоснованно квалифицированы как преступные.

Многообразие источников информации о преступлении является основанием для проведения компетентными органами проверки с целью формирования обоснованного вывода о наличии или отсутствии признаков преступного деяния в представленных данных.

Если систематизировать источники, из которых может быть получена информация о совершенном преступлении, можно выделить те, которые соответствуют критериям повода для инициирования уголовного производства в соответствии с пунктом 3 части 1 статьи 140 УПК РФ. К таким источникам относятся:

- информация, собранная в процессе профессиональной деятельности органами и уполномоченными должностными лицами, включая результаты оперативно-розыскной и прокурорско-надзорной деятельности, а также материалы, полученные в ходе выполнения служебных обязанностей правоохранительными органами по поддержанию общественного порядка и обеспечению общественной безопасности;

- сведения, поступающие от граждан, организаций и должностных лиц через различные каналы связи, включая телефон, телеграф, факс, интернет;

- публикации в СМИ, включая статьи, заметки и письма, участие в публичных мероприятиях, распространение агитационных материалов, рассылка электронных сообщений через мобильные сети, репосты в социальных сетях, организация массовых мероприятий, таких как флэшмобы и смартмобы, демонстрация кинофильмов, видеороликов и аудиозаписей, публикация и распространение печатных и электронных изданий, включая книги, статьи и другие материалы, содержащие информацию о преступлении.

Рассмотрим данные источники более детально.

Под непосредственным обнаружением признаков преступления, служащим поводом для инициирования уголовного производства, подразумевается выявление органом дознания, следователем, прокурором или судом в ходе служебной деятельности фактов, указывающих на совершение или подготовку уголовно наказуемых деяний. Данный источник может служить поводом для инициирования уголовного производства при условии, что орган, выявивший признаки преступления, ранее не получал заявления или сообщения о его совершении.

В соответствии со статьей 40 УПК РФ, если должностные лица, указанные в данной статье, в ходе выполнения своих служебных обязанностей обнаруживают признаки преступления, то это событие становится поводом для инициирования уголовного производства в соответствии с пунктом 3 части 1 статьи 140 УПК РФ. Однако для признания этого факта необходимо, чтобы соответствующее должностное лицо оформило рапорт об обнаружении признаков преступления.

Прямое толкование нормативных положений указывает на то, что поводом для инициирования уголовного производства является информация о преступлении, в то время как рапорт выступает лишь как форма её официальной фиксации.

В своём диссертационном исследовании В.В. Кожокарь сформулировал вывод о том, что рапорт является лишь средством документирования информации о совершённом или готовящемся преступлении, а поводом для инициирования уголовного производства служат сведения, содержащиеся в рапорте и полученные из других источников, которые свидетельствуют о совершённом или готовящемся преступлении. Таким образом, поводом для инициирования уголовного производства является не сам рапорт о наличии признаков преступления, а сообщение о совершённом или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, одним из видов которого является рапорт, предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством [4].

Что касается сведений, поступающих от граждан, организаций и должностных лиц через различные каналы связи, включая «телефон доверия», телеграф, факс, интернет, сотрудники должны оформить соответствующий повод для инициирования уголовного производства, в виде официально зарегистрированного заявления о преступлении. Рапорт сотрудника правоохранительных органов является ключевым волевым актом в процессе передачи информации о совершенном преступлении. Он служит поводом для инициирования уголовного производства и распространяется исключительно на дела публичного обвинения.

При получении сообщения о преступлении и дальнейшем формировании повода для инициирования уголовного производства необходимо учитывать волевой компонент, который оформляется в различных формах: если лицо желает заявить о преступлении, информация фиксируется в виде заявления о преступлении. Если лицо добровольно выражает намерение признать себя виновным в совершении преступления индивидуально или в соучастии, информация оформляется в заявлении о явке с повинной. В случае отсутствия волевого компонента факт поступления информации фиксируется в рапорте об обнаружении преступления. Наличие рапорта сотрудника правоохранительных органов придает волевой характер факту получения информации о преступлении и позволяет рассматривать этот рапорт как повод для инициирования уголовного производства.

Пункт 43 статьи 5 УПК РФ устанавливает различные формы сообщения о преступлении, где прослеживается корреляция между формой и содержанием поводов для инициирования уголовного производства. В свете представленных аргументов предлагается внести изменения в статью 140 УПК РФ. В частности, предлагается заменить формулировку «сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников» на более точную формулировку «рапорт об обнаружении признаков преступления».

Заключение (выводы)

Проведенное исследование процессуальных аспектов инициирования уголовного производства по ст. 207.3 УК РФ позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Установлено, что введение в УК РФ состава преступления, предусмотренного ст. 207.3, и его квалификация как посягательства на основы конституционного строя и безопасности государства (гл. 29 УК РФ) обусловили формирование специфической, проактивной модели ини-

циирования уголовного преследования. Ее системообразующим элементом выступает повод для инициирования уголовного производства в виде «сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученного из иных источников» (п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ), доля которого в статистике возбуждения по данной статье стабильно превышает 2/3 случаев.

2. Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что содержание данного повода применительно к ст. 207.3 УК РФ кардинально трансформировалось. Его основным источником в современных условиях является не внешнее обращение, а целенаправленная служебная деятельность самих правоохранительных органов по мониторингу информационного пространства, прежде всего сети Интернет и социальных медиа, с использованием оперативно-розыскных и иных специальных средств.

3. Обосновано, что в рамках сложившейся проактивной модели ключевым юридическим фактом, порождающим правоотношения на стадии инициирования уголовного производства, является не абстрактное «сообщение», а волевой акт должностного лица – составление рапорта об обнаружении признаков преступления. Именно этот документ выполняет конституирующую функцию, формализуя полученные сведения и обязывая органы предварительного расследования начать процессуальную проверку. Таким образом, рапорт выступает не просто формой фиксации, а субстантивным ядром повода.

4. Выявлена и систематизирована структура источников, формирующих анализируемый повод по делам о фейковой информации о деятельности воинских формирований. К ним относятся: (а) результаты системного ведомственного мониторинга цифровой среды; (б) данные, полученные в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности; (в) материалы, выявленные при исполнении иных служебных функций органами дознания; (г) анонимные и неформализованные поступления по каналам связи. Доминирование первых двух источников подтверждает сдвиг парадигмы в сторону упреждающего выявления угроз информационной безопасности.

5. Сделан вывод о наличии правового пробела и терминологического противоречия в действующей редакции ст. 140 УПК РФ. Формулировка «сообщение… из иных источников» архаична и не отражает реальной процессуальной действительности, в которой главным генератором информации для инициирования уголовного производства по ст. 207.3 УК РФ выступает сам правоохранительный орган. Это создает почву для доктринальных разночтений и может порождать коллизии в правоприменении.

6. На основании проведенного исследования предложена конкретная рекомендация по совершенствованию законодательства (*de lege ferenda*). Целесообразно дополнить п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, изложив его в следующей редакции: «Рапорт должностного лица органа дознания, дознавателя, следователя или прокурора об обнаружении признаков преступления, выявленных в ходе осуществления служебной деятельности, оперативно-розыскных мероприятий или мониторинга информационно-телекоммуникационных сетей». Данная формулировка позволит привести норму закона в соответствие с современными реалиями борьбы с информационными преступлениями, повысит четкость правового регулирования и легитимирует сложившуюся эффективную практику проактивного выявления составов преступлений против безопасности государства.

Таким образом, уточнение правовой природы и содержания повода для инициирования уголовного производства по ст. 207.3 УК РФ имеет не только теоретическое значение для науки уголовного процесса, но и непосредственный практический выход в виде предложения по оптимизации процессуального закона, направленного на укрепление правовых основ защиты информационного суверенитета Российской Федерации.

Список литературы:

1. Данные судебной статистики за 2022-2024 г.г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: https://cdep.ru/?id=79; URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports (дата обращения: 23.07.2025).
2. Бастрыкин А.И. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс) – Санкт-Петербург: Издательство Фонд «Университет», 2023. С. 290.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Москва: «Оникс 21 век», «Мир и Образование», 2004. С. 681.
4. Кожокарь В.В. Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики: дис.... канд. юрид. наук. Москва, 2016. С. 84.

References:

1. Judicial statistics data for 2022-2024 // Official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://cdep.ru/?id=79; URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports (date of reference: 07/23/2025).
2. Bastrykin A.I. Criminal procedure law (criminal procedure) – St. Petersburg: Publishing House "University" Foundation, 2023. P. 290.
3. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. Moscow: Onyx 21st Century, Mir i Obrazovanie, 2004. p. 681.
4. Kozhokar V.V. Initiation of criminal proceedings: issues of theory and practice: dissertation of the cand. jurid. sciences'. Moscow, 2016. p. 84.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_271

УДК 343.1

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ЦИФРОВИЗАЦИИ В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
PROSPECTS OF APPLYING FOREIGN DIGITALIZATION EXPERIENCE IN PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE RUSSIAN FEDERATION

ПЕТРОВА Оксана Вениаминовна,
доцент кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук.
190000, Россия, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 96.
E-mail: petrova07072020@gmail.com;

ЗВОРЫГИН Илья Сергеевич,
студент Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации.
190000, Россия, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 96.
E-mail: zvoril7779@mail.ru;

PETROVA Oksana Veniaminovna,
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure
St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Law.
96 Moika River Embankment, Saint Petersburg, 190000, Russia.
E-mail: petrova07072020@gmail.com;

ZVORYGIN Ilya Sergeyevich,
a student at the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.
96 Moika River Embankment, Saint Petersburg, 190000, Russia.
E-mail: zvoril7779@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются актуальные проблемы и перспективы цифровизации досудебного этапа уголовного судопроизводства в Российской Федерации. На основе анализа внедрённых законодательных новелл, выявлен ряд системных практических проблем, препятствующих эффективному использованию электронного документооборота. К таким проблемам авторами отнесены декларативность законодательных новелл в сфере цифровизации досудебного уголовного судопроизводства, правовая неопределённость в процедуре применения усиленной квалифицированной электронной подписи, отсутствие единой цифровой платформы и фрагментарность правового регулирования. Путём сравнительно-правового анализа успешного опыта зарубежных стран в изучаемой области обосновывается необходимость перехода от точечных изменений к построению целостной информационной экосистемы для взаимодействия следственных органов, судов, прокуратуры и экспертных учреждений, как основных профессиональных участников уголовного судопроизводства. В качестве важного шага к поэтапной цифровизации судопроизводства предлагается создание защищённой государственной цифровой платформы в целях оптимизации работы участников судопроизводства, снижения бюрократической нагрузки на следователя, минимизации рисков нарушения процессуальных сроков и прав участников процесса, а также повышения эффективности и прозрачности предварительного расследования.*

Abstract: *The article examines current issues and prospects for the digitalization of the pre-trial stage of criminal proceedings in the Russian Federation. Based on an analysis of the introduced legislative innovations, a number of systemic practical problems hindering the effective use of electronic document management are identified. The authors attribute the following to such problems: the declarative nature of legislative innovations in the field of digitalizing pre-trial criminal proceedings, legal uncertainty in the procedure for applying an enhanced qualified electronic signature, the lack of a unified digital platform, and the fragmented nature of legal regulation. Through a comparative legal analysis of the successful experience of foreign countries in the studied area, the necessity of transitioning from point-based changes to building an integrated information ecosystem for interaction between investigative bodies, courts, prosecution authorities, and expert institutions, as the main professional participants in criminal proceedings, is substantiated. As an important step towards the gradual digitalization of legal proceedings, the creation of a secure state digital platform is proposed to optimize the work of participants in the proceedings, reduce the bureaucratic burden on investigators, minimize the risks of violating procedural deadlines and the rights of participants in the process, as well as increase the efficiency and transparency of pre-trial investigations.*

Ключевые слова: *цифровизация, досудебное уголовное судопроизводство, электронный документооборот, электронное уголовное дело, единая цифровая платформа.*

Keywords: *digitalization, pre-trial criminal proceedings, electronic document management, electronic criminal case, unified digital platform.*

Для цитирования: *Петрова О.В., Зворыгин И.С. Перспективы применения зарубежного опыта цифровизации в досудебном уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 271-274. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_271.*

For citation*: Petrova O.V., Zvorygin I.S. Prospects of applying foreign digitalization experience in pre-trial criminal proceedings in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 271-274. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_271.*

Статья поступила в редакцию: 22.01.2026

Современный этап развития юридических наук характеризуется стремительной цифровизацией всех отраслей права, включая и уголовное судопроизводство на всех его стадиях. Активное внедрение цифровых технологий призвано повысить эффективность и прозрачность деятельности правоохранительных органов на стадии предварительного расследования, а также обеспечить соблюдение прав и законных интересов всех участников процесса, позволяя более эффективно использовать свое время ключевому участнику процесса со стороны обвинения – следователю.

Так, еще с 05.01.2024 в соответствии со вступившими в силу изменениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) был установлен порядок использования электронных документов в ходе досудебного производства, который с того времени закреплен во введенной ст. 474.2 УПК РФ.

Также в ч. 3.1 ст. 222 УПК РФ закреплена возможность получения копии обвинительного заключения в электронном виде обвиняемым, его защитником или потерпевшим по их ходатайству или с их согласия при наличии у них технической возможности. Данная норма, кроме прочего, призвана упростить и ускорить работу следователя, сохраняя его самый ограниченный ресурс - время.

Указанные законодательные положения, которые должны были стать шагом вперед в процессе цифровизации досудебного уголовного судопроизводства, лишь показали необходимость их доработки в связи с отсутствием возможности применения нововведений на практике, о чем свидетельствуют следующие проблемы, выделенные и подробно раскрытые нами в одном из предыдущих исследований [4]:

1. Отсутствие регламентированной процедуры получения сертификата ключа проверки усиленной квалифицированной электронной подписи (далее - УКЭП) участниками со стороны обвинения.

2. Правовая неопределенность в вопросе о том, кто уполномочен подписывать копию обвинительного заключения УКЭП – исключительно прокурор или же следователь и руководитель следственного органа вместе с ним.

3. Следствием предыдущей проблемы является фактическое нивелирование преимуществ электронной формы из-за сохранения практики сканирования бумажных документов с добавлением УКЭП.

4. Порождение неоднозначной судебной практики ввиду точечного, а не системного использования новых правовых норм.

5. Несоответствие новых норм о вручении электронной копии обвинительного заключения обвиняемым, содержащимся под стражей, правилам внутреннего распорядка следственных изоляторов.

Несмотря на освещенные проблемы, планомерное движение к электронному документообороту является положительной тенденцией, для успешной реализации которой необходимо адаптировать положительный зарубежный опыт. В многочисленном ряде государств, включая Германию, Сингапур, Эстонию и Казахстан единые цифровые платформы стали основой для перехода к электронному документообороту при расследовании преступлений. Опыт Казахстана в этой сфере особенно привлекает внимание научного сообщества [2].

Рассуждая о возможности адаптации положительного опыта Казахстана в изучаемом вопросе, для начала необходимо провести параллель с имеющимися нормами права нашей страны.

Так, в ст. 472.2 УПК РФ закреплено право участников процесса направлять в электронном виде различные ходатайства, заявления (за исключением сообщений о преступлении), жалобы, представления и требования при наличии у них технической возможности с обязательным заверением электронного документа с помощью УКЭП. При этом не уточняется, с использованием каких электронных ресурсов гражданам могут сделать это. В свою очередь, в ч. 5 ст. 472.2 УПК РФ установлено, что копии процессуальных документов в электронной форме, подписанные с помощью УКЭП, с согласия участника уголовного судопроизводства могут быть направлены ему посредством Единого портала либо системы электронного документооборота участника уголовного судопроизводства с использованием системы межведомственного электронного взаимодействия.

Согласно анкетированию, проведенному среди сотрудников Следственного комитета Российской Федерации, в котором принимало участие 42 следователя и 7 руководителей следственных отделов, 100% опрошенных респондентов на вопрос «Доводилось ли Вам использовать систему межведомственного электронного взаимодействия, а также Единый портал для направления участникам процесса необходимых документов?» ответили, что никогда не использовали указанные электронные ресурсы. Наше исследование показывает, что данные законодательные положения не находят своего отражения на практике, что, по нашему мнению, является следствием отсутствия системного подхода к процессу цифровизации досудебного уголовного судопроизводства.

Этот вывод подтверждает сравнительный анализ с практикой Казахстана, где в соответствии с Инструкцией о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате функционирует модуль «электронное уголовное дело» и Единый реестр досудебных расследований (далее - ЕРДР). В эту базу данных вносятся все сведения о ходе расследования, а также осуществляется ведение уголовного судопроизводства в электронном формате на стадии досудебного расследования. Помимо этого, через функционал «Публичный сектор» участники процесса с соблюдением все требований информационной безопасности получают удалённый доступ к материалам дела и подают ходатайства, заявления и другие документы в электронном виде. В Казахстане создан специальный программный комплекс с понятным интерфейсом, в то время как в следственных отделах России используют «рабочую электронную почту» для обращений граждан. Аналогичные системы действуют в Германии, США, Китае и других странах мира [7, 91].

Кроме того, по мнению О.И. Андреевой и О.А. Зайцева, обязательное использование УКЭП участниками процесса является избыточным, создавая несоразмерные затраты труда и средств, что на практике сводит реализацию права к формальности [1, 58].

Альтернативный подход закреплен в Уголовно-процессуальном кодексе Германии, допускающий любые надёжные процедуры для подтверждения подлинности документа [1, 59]. В Казахстане, наряду с УКЭП, успешно применяется планшет для создания цифрового аналога рукописной подписи, что упрощает процедуру для граждан.

Системный подход к цифровизации досудебного производства требует поэтапного изменения законодательства и издания множества подзаконных актов. Однако, на данный момент необходимые ведомственные приказы (например, Следственного комитета Российской Федерации) так и не изданы.

Помимо масштабной работы по реализации законодательных новелл, особую актуальность приобретает создание единой информационной экосистемы для взаимодействия судов, правоохранительных органов и экспертных учреждений. Единая цифровая платформа, не требующая перехода к формату электронного дела, может быть внедрена уже сейчас путём внесения минимальных поправок в УПК РФ и издания

межведомственных приказов. Такая защищённая платформа оптимизирует время всех участников процесса, способствуя быстрому производству процессуальных действий на этапе предварительного расследования.

Как справедливо отмечает С.А. Рябчиков, электронный документооборот резко повысит продуктивность следователя, особенно при оформлении документов для получения разрешений суда на производство следственных действий, а также при избрании или продлении меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого [5, 100]. Соглашаясь с этим, подчеркнём, что следователь тратит значительное время на изготовление и направление бумажных копий материалов дела для прокуратуры и суда. Цифровая платформа позволит направлять ходатайства и приложения к ним в электронном виде, что кратно сократит временные и транспортные затраты.

Существенным аргументом в пользу создания такой информационной экосистемы являются жёсткие процессуальные сроки. Согласно ч. 3 ст. 108 УПК РФ, ходатайство об аресте и подтверждающие материалы должны быть поданы в суд за 8 часов до истечения 48-часового срока задержания. Нарушение этого срока дезорганизует судопроизводство и приводит к освобождению подозреваемого.

Проблема несоблюдения этих сроков носит системный характер. Яркой иллюстрацией этого является дело № 2-3061/2024, рассмотренное Сыктывкарским городским судом Республики Коми, который в решении от 10 апреля 2024 г. констатировал нарушение следователем 8-часового срока. Последствием стала процессуальная коллизия: к началу судебного заседания срок задержания истёк, и подозреваемый подлежал немедленному освобождению прямо в зале суда. Суд квалифицировал данное нарушение как существенное, что повлекло вынесение частного определения[1].

В этой связи, внедрение такой информационной экосистемы видится инструментом оптимизации процессуальной деятельности. Она позволит следователю сконцентрироваться на непосредственных следственных задачах (сбор информации об обвиняемом и формирование доказательственной базы), минимизируя временные затраты на оформление и передачу документов, что снизит риск нарушения процессуальных сроков и повысит качество досудебного производства.

Кроме того, платформа позволит более оперативно получать судебные разрешения на проведение следственных действий. Это сократит количество случаев их проведения в исключительном порядке в соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ, что минимизирует риск признания полученных доказательств недопустимыми, так как позволит заранее согласовать с судом их законность и обоснованность.

Рассмотрим апелляционное постановление Московского городского суда от 24 июля 2024 г. по делу № 10-13612/2024. Суд установил, что орган следствия, проводя обыск в жилище без предварительного судебного решения, не представил конкретных данных, указывающих на то, что именно в данном жилище могут находиться имеющие значение для дела предметы или документы. Материалы оперативно-розыскной деятельности не содержали информации о причастности лица к расследуемому преступлению. Более того, суд первой инстанции не дал правовой оценки имеющимся материалам и не мотивировал, в чем конкретно выражались обстоятельства, не терпящие отлагательства. В результате апелляционный суд пришел к выводу, что обыск был проведен незаконно, так как отсутствовали достаточные фактические основания, предусмотренные ч. 1 ст. 182 УПК РФ, а решение суда первой инстанции не соответствовало требованиям законности и обоснованности[2].

Указанных нарушений, ведущих к утрате доказательств, можно было бы избежать с помощью электронного документооборота между следствием и судом, обеспечивающего оперативное получение судебных решений. Примером служит сингапурская система Community Justice and Tribunals System (CJTS)[3]. Хотя она изначально создавалась для гражданских дел, её инфраструктура — это единая защищённая платформа для взаимодействия полиции, обвинителей и судов, интегрированная с государственными базами данных. Примечательно, что даже без полного перехода на электронные уголовные дела такая модель доказала свою эффективность.

Важен также опыт Казахстана по внедрению системы информационного обмена (СИОПСО). Если ранее получение справки о судимости занимало до недели, то сейчас это происходит за две-три минуты. Аналогично решена проблема с запросами в медицинские учреждения. Система не только ускоряет получение ответов на запросы следователей, но и обеспечивает безопасный обмен данными между ведомствами, заменяя уязвимую электронную почту. При этом не стоит забывать, что сотрудниками МВД России при используется Единая система информационно-аналитического обеспечения МВД, включающая сервисы электронного документооборота и почты, которая может стать основой для создания аналогичной системы, функционирующей в Казахстане [6, 274].

Создание единой защищённой цифровой платформы для межведомственного взаимодействия (правоохранительные органы, экспертные учреждения) кратно повысит эффективность и своевременность исполнения поручений следователя, запросов на данные и производство судебных экспертиз. Более эффективным может стать и взаимодействие с информационными центрами МВД России. Помимо этого, платформа поможет в решении проблемы больших временных затрат на конвоирование лиц, находящихся под стражей. Успешным аналогом также является эстонская система «e-File» с тройным шифрованием [3].

Исследование показывает, что цифровизация досудебного производства в России носит фрагментарный характер, что ведёт к ее стагнации. Опыт зарубежных стран демонстрирует, что для прогресса не является обязательным полноценный переход к электронному формату уголовного дела. Предложенные в работе меры могли бы ускорить темпы цифровизации и оптимизировать работу следователей и иных должностных лиц.

---

[1] Решение Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 10 апреля 2024 г. по делу № 2-3061/2024 // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
[2] Апелляционное постановление Московского городского суда от 24 июля 2024 г. по делу № 10-13612/2024 // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
[3] Community Justice and Tribunals System (CJTS) [Электронный ресурс] // The Judiciary of the Republic of Singapore. URL: https://www.judiciary.gov.sg/services/cjts

Таким образом, дальнейшее развитие видится не в копировании правовых норм зарубежных стран, а в имплементации системной идеологии, адаптированной к российской правовой системе. Для этого требуется разработка и поэтапное внедрение комплексной общегосударственной платформы с детальным подзаконным регулированием, что повысит эффективность, интенсивность и прозрачность досудебного производства при обеспечении гарантий прав участников процесса.

Список литературы:

1. Андреева О.И., Зайцев О.А. Перспективы ведения российского уголовного судопроизводства в электронном формате // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 57-61.
2. Андреева О.И., Зайцев О.А. Электронный формат уголовного судопроизводства в Республике Казахстан // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 34-40.
3. Грудцына Л.Ю. Цифровое правосудие в Эстонии // Цифровое право и экономика. 2024. № 4. С. 59-65.
4. Петрова О.В., Зворыгин И.С. Электронная копия обвинительного заключения: оптимизация или имитация? // КриминалистЪ. 2024. № 4. С. 59-64.
5. Рябчиков С.А. Актуальные вопросы внедрения электронных документов в досудебное производство и формирования электронного уголовного дела // Правопорядок: история, теория и практика. 2024. № 2. С. 96-102
6. Саханова Н.Т., Молдыбаева Р.Б. Электронный формат судопроизводства в Республике Казахстан: проблемы и перспективы развития // Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2025. Уфа. С. 270-275.
7. Шестакова Л.А. Цифровизация уголовного судопроизводства отдельных стран континентальной Европы // Основы экономики, управления и права. 2023. № 1. С. 89-93.

References:

1. Andreeva O.I., Zaitsev O.A. Prospects of conducting Russian criminal proceedings in electronic format // Criminal justice. 2018. No. 12. pp. 57-61.
2. Andreeva O.I., Zaitsev O.A. Electronic format of criminal proceedings in the Republic of Kazakhstan // Law Bulletin of Kuban State University. 2019. No. 1. pp. 34-40.
3. Grudtsyna L.Y. Digital justice in Estonia // Digital Law and Economics. 2024. No. 4. pp. 59-65.
4. Petrova O.V., Zvorygin I.S. Electronic copy of the indictment: optimization or imitation? // Criminologist. 2024. № 4.
Pp. 59-64.
5. Ryabchikov S.A. Actual issues of the introduction of electronic documents in pre-trial proceedings and the formation of an electronic criminal case // Law and order: history, theory and practice. 2024. No. 2. pp. 96-102
6. Sakhanova N.T., Moldybayeva R.B. Electronic format of legal proceedings in the Republic of Kazakhstan: problems and prospects of development // Collection of materials of the International scientific and practical Conference. 2025. Ufa. pp. 270-275.
7. Shestakova L.A. Digitalization of criminal proceedings in certain countries of continental Europe // Fundamentals of Economics, Management and Law. 2023. No. 1. pp. 89-93.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_275

УДК 343.14

«РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПОНЯТИЙ (С УЧЕТОМ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА)

«RESULTS OF OPERATIONAL AND SEARCH ACTIVITIES»: APPROACHES TO DEFINING CRIMINAL PROCEDURE AND OPERATIONAL AND SEARCH CONCEPTS (TAKING INTO ACCOUNT FOREIGN EXPERIENCE)

ШЕМЧУК София Юрьевна,
адъюнкт, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.
Россия, 117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.
E-mail: sofia_shemchuk@mail.ru;

SHEMCHUK Sofia Yurievna,
postgraduate student Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia the named after Kikot.
Russia, Moscow, 12 Akademika Volgina str., 117997;.
E-mail: sofia_shemchuk@mail.ru

Краткая аннотация: *в данной работе предпринята попытка систематизировать существующие подходы к определению сущности понятийной категории «результаты оперативно розыскной-деятельности», развести её оперативно-розыскное и уголовно-процессуальное содержание, обосновав необходимость их четкого терминологического разграничения для целей правотворчества и правоприменения.*

Abstract: *in this paper, an attempt is made to systematize existing approaches to defining the essence of the conceptual category «results of operational investigative activity», to separate its operational investigative and criminal procedural content, justifying the need for their clear terminological differentiation for the purposes of law-making and law enforcement.*

Ключевые слова: *результаты оперативно-розыскной деятельности, сведения, уголовный процесс.*
Keywords: *results of operational investigative activities, information, criminal process.*

Для цитирования: *Шемчук С.Ю. «Результаты оперативно-розыскной деятельности»: подходы к определению уголовно-процессуального и оперативно-розыскного понятий (с учетом зарубежного опыта) // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 275-278. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_275.*

For citation*: Shemchuk S.Yu. «Results of operational and search activities»: approaches to defining criminal procedure and operational and search concepts (taking into account foreign experience) // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 275-278. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_275.*

Статья поступила в редакцию: 19.01.2026

Понятийная категория «результаты оперативно-розыскной деятельности» (далее – результаты ОРД), прочно утвердившаяся в правовом поле, не имеет единого универсального определения. Её содержание варьируется в зависимости от отраслевого контекста: уголовно-процессуального или оперативно-розыскного. Непрерывная полемика о том, что первично – «оперативно-розыскной генезис» или «уголовно-процессуальная судьба» результатов ОРД, свидетельствует о глубокой теоретической и прикладной значимости вопроса.

Поскольку и в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ (далее – ФЗ «Об ОРД») [1], и в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК России) [2] употребляется указанный термин, важно определиться, чем в конечном счёте являются результаты ОРД [3, С. 451].

Анализ научных источников и законодательства позволяет систематизировать подходы к определению результатов ОРД в зависимости от того, какой сущностный аспект данного феномена выдвигается на первый план. В целом можно выделить четыре ключевых направления, вокруг которых формируются соответствующие группы дефиниций – функциональный (некоторые представители данного направления: В.М. Атмажитов, В.Г. Бобров, А.В. Ведин, В.И. Зажицкий), формально-информационный (В.Н. Григорьев, А.В. Земскова, В.К. Зникин, М.П. Поляков К.В. Сурков), сущностный (Е.А. Доля, А.Г. Маркушин, А.С. Овчинский, А.Е. Чечетин) и уголовно-процессуальный (М.П. Котухов, П.А. Лупинская, С.Б. Россинский, А.А. Сумин):

1. Функциональный подход. Ярким примером выступает дефиниция, указанная в статье 10 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 13 марта 1992 года № 2506-1 (документ утратил силу) [4], где результаты ОРД раскрываются посредством перспективных функциональных возможностей (для проведения ОРМ, подготовки и осуществления следственных действий, а также для использования в качестве доказательств).

Однако такое определение позволяет выделить как преимущества, так и недостатки: с одной стороны, отражается комплексность целевого назначения результатов ОРД, а с другой – не раскрывается внутренняя компонента (содержательная сторона) указанной категории. Подобное законодательное закрепление за результатами ОРД широкого спектра применения – от тактического ориентирования до использования в уголовно-процессуальном доказывании – при одновременном отсутствии четких формально-юридических критериев их идентификации создает риски для правоприменительной практики.

ФЗ «Об ОРД», уклоняясь от целостного определения конструкции «результаты ОРД», все же раскрывает ее в статье 11. Отмечается, что интерпретация термина «результаты ОРД» в указанном источнике отличается концептуальной неупорядоченностью, поскольку включает самые разнообразные по способу происхождения и представления информационные массивы [5, С. 62]. Действительно, в указанной норме рас-

сматриваемый термин раскрывается в рамочной форме через направления использования в столь различных сферах как уголовное судопроизводство (для решения вопроса о возбуждении уголовного дела; для подготовки и осуществления следственных и судебных действий; для использования в доказывании), налогово-контрольная деятельность (например, по обеспечению представления интересов государства в делах о банкротстве) и лицензионная деятельность (при реализации полномочий в сфере государственной регистрации юридических лиц), а также непосредственно для обеспечения нужд ОРД.

С точки зрения функционального подхода и на основании анализ ФЗ «Об ОРД» автор настоящего исследования выделяет следующие виды сведений, получаемых в результате осуществления оперативно-розыскных функций: 1) процессуально-ориентированной направленности; 2) в качестве оснований для принятия управленческих решений соответствующими должностными лицами; 3) превентивной направленности; 4) направленных на решение оперативно-розыскных задач; 5) используемых при реализации отельных полномочий налоговых органов; 6) учетно-справочной направленности.

Комплексная направленность сведений, получаемых в рамках ОРД, охватывает весь цикл правоохранительной деятельности. *Указанная классификация должна использоваться в качестве системообразующего критерия* (курсив авт.) при формулировании законодательного определения «результаты ОРД» в оперативно-розыскном значении.

2. Формально-информационный подход (акцент делается на содержании и форме представления результатов ОРД).

Такой подход к определению понятия «результаты ОРД» нашел свое выражение впервые в ведомственном акте – в Инструкции о порядке представления результатов ОРД 1998 года (документ утратил силу) [6]. Согласно пункту 1 вышеназванной Инструкции под результатами ОРД понимались фактические данные, полученные оперативными подразделениями в установленном соответствующим федеральным законом порядке. Примечательно, что законодатель в том же пункте раскрыл еще и их форму – зафиксированы в оперативно-служебных документах или на физических носителях информации, к которым могут прилагаться предметы и документы, полученные при проведении ОРМ.

Изучение различной научной литературы позволяет сделать вывод о том, что среди исследователей нет единого подхода к определению сущностной стороны результатов ОРД. В оперативно-розыскной сфере в отношении результатов ОРД некоторые придерживаются формулировки в виде «фактические данные, полученные оперативными подразделениями» [7, С. 125] или «фактическая информация» [8, С. 135]. Ряд авторов соотносит результаты ОРД исключительно с одной категорией – *информация (сведения)* [9, С. 10-13; 10, С. 229] (курсив авт.). Н.С. Железняк указывает, что подобная оценка результатов ОРД, соответствует мнению законодателя, который тем самым акцентирует внимание исключительно на характере информационного ресурса [11, С. 201-202]. При этом, некоторые ученые заменяют термин «сведения», синонимичным словом «данные», которое, как минимум, сходно по содержательному наполнению и ориентированности на информационную полезность [12, С. 47].

А.Ю. Шумилов в своей работе указывает на две разновидности результатов ОРД – *информационный и материальный продукт* [14, С. 263] (курсив авт.). Действительно, в ходе проведения ОРМ возможно получение не только информации, но и объектов материального мира, которые в дальнейшем при соответствующей проверке и оценке будут признаны вещественными доказательствами. Однако, например, полученную информацию в виде видео- и аудио записей, представленную на каком-либо носителе можно все равно отнести к информационному продукту, поскольку они все же несут в себе определенную смысловую (информационную) нагрузку, чем, собственно, и детерминирована их ценность. Следовательно, расширительное толкование термина «результаты ОРД» за счет включения в него материального объекта представляется некорректным. Следует признать более подходящей точку зрения тех специалистов, которые не включая в сущностную сторону наравне со сведениями материальные объекты, понимают последние как форму представления результатов ОРД [15, С. 61-62].

Зарубежный законодательный опыт, регламентирующий деятельность, аналогичную отечественной ОРД, свидетельствует о непрекращающемся поиске теоретически безупречной дефиниции ее результатов. Так, оперативно-розыскное законодательство Республики Беларусь хоть и не оперирует такой конструкцией как «результаты ОРД» (используется аналогичная по смысловому содержанию категория «материалы ОРД»), содержит следующее определение: «Материалы ОРД – это оперативно-служебные документы и материальные носители информации, содержащие порядок проведения ОРМ и сведения, полученные при их проведении, а также иные сведения и документы, полученные при осуществлении ОРД» [16]. При данном подходе внимание чрезмерно смещено на внешнюю форму представления результатов ОРД, а правовые основания их формирования проигнорированы, что приводит к неоправданно широкому толкованию правоприменителем указанного понятия.

Не позволяет сформировать целостного представления относительно термина «результаты ОРД» законы Республики Армения и Грузии, регулирующие соответствующий вид правоохранительной деятельности, поскольку содержат лишь перечисления в виде «информация (сведения), материалы и документы …».

Получается, формально-информационный подход характеризуется рядом таких недостатков, как отсутствие единого подхода к определению сущностной стороны результатов ОРД, комбинирование разнородных категорий, а также избыточное акцентирование внимания в определении на форму представления результатов ОРД.

3. Сущностный подход, при котором понятие раскрывается через его составные части (компоненты).

В указанном аспекте примечательна дискуссия о возможности изменения законодательной конструкции «результаты ОРД» на иную – «результаты ОРМ» [5, С. 89; 17, С. 42]. Однако изучение научных источников вызывает сомнения в пользу такого предложения, поскольку первая понятийная категория в смысловом содержании более наполнена. Данный вывод основан на анализе доктринальных трактовок термина «результаты ОРД», которые, следуя сущностному подходу, объясняют понятие посредством его внутренней компоненты. Так, указанный термин обозначает не только итоговый продукт единичного действия (оперативно-розыскного мероприятия), но аналитическую и легитимирующую составляю-

щие, воплощенные в организационно-распорядительных функциях руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Достаточно упомянуть поведенческий акт субъекта, уполномоченного на осуществление оперативно-розыскной деятельности (о котором пишет А.Ю. Шумилов) [14, С. 263], то есть принятие решения руководителем в вопросе о полноте и доброкачественности собранных по итогам оперативно-розыскного мероприятия сведений или о рассекречивании таких сведений, составляющих государственную тайну, для их дальнейшего представления в орган предварительного расследования.

О многокомпонентности результатов ОРД свидетельствуют и иные исследовательские позиции: А.В. Сидоренко и К.И. Масленников выделяют одну из составляющих результатов ОРД – «новые события, изменившие состояние социальной среды» [18, С. 113] или, как их обозначил Н.С. Железняк «факты» [11, С. 213], что по смыслу соответствует, например, задержанию скрывающегося от следствия лица или пресечению совершения противоправного деяния. А.С. Овчинский наделил результаты ОРД накопительными и инструментальными свойствами [19, С. 18-19], а другие видные деятели (например, Е.А. Доля, А.Г. Маркушин) отметили их преобразовательный потенциал.

Несмотря на то, что при сущностном подходе к определению «результатов ОРД» сложное понятие объясняется через наглядную структуру (аналитическая чёткость), его слабость заключается в потенциальной неспособности отразить взаимосвязь этих элементов.

4. Уголовно-процессуальный подход – подобная техника представляется наиболее приемлемой для сферы уголовного судопроизводства, поскольку отражает функционально-правовое предназначение термина именно в рамках указанной правовой сферы.

Согласно, например, одному из комментариев к ФЗ «Об ОРД» результаты ОРД – сведения, выделяемые из информационного потока, сформированного посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий, представляющая оперативный интерес с последующей её «трансформацией» для использования в уголовном судопроизводстве [20, С. 142, 172].

Ещё несколько примеров для описания уголовно-процессуального подхода в формулировании определения можно найти у Конституционного Суда Российской Федерации, который в одном случае называет результаты ОРД «вспомогательными средствами» для установления юридически значимых фактов, имеющих значение для принятия процессуального решения согласно ст. 145 УПК России [21], а в другом – «сведениями об источниках тех фактов, которые могут стать доказательствами» [22].

В существующей редакции законодательства об оперативно-розыскной деятельности предусмотрено большое количество направлений использования её результатов, выходящих за рамки назначения уголовного судопроизводства, что препятствует созданию унифицированного (для уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности) определения категории «результаты ОРД». В продолжение указанной мысли приведем мнение авторов (О.А. Вагин, А.П. Исиченко, А.Е. Чечетин) другого комментария: результаты ОРД хоть и имеют значительную связь с уголовным процессом, в оперативно-розыскном значении трактуются несколько шире, поскольку не всегда ориентированы исключительно на потребности процессуальной деятельности [23, С. 79].

В исследованиях по уголовному судопроизводству результатам ОРД даётся такая характеристика: достаточно полные, проверенные и надлежащим образом задокументированные сведения, которые могут быть использованы в интересах уголовного судопроизводства без разглашения информации, составляющей государственную тайну [24, С. 144]. Требования, указанные в данном тезисе, являются важным дополнением к определению понятия результатов ОРД *в узком (уголовно-процессуальном) значении* (курсив авт.).

Безусловно, подобное разграничение правовых, правоприменительных и доктринальных определений категории «результаты ОРД» условно и призвано системно исследовать имеющиеся варианты с целью выявления проблемных аспектов.

Внесение в 2003 году в УПК России поправки (пункта 36^1 статьи 5 УПК России), впервые закрепившей определение для «результатов ОРД», стало важным шагом на пути регулирования правового статуса указанных результатов в уголовном судопроизводстве. Стоит отметить, что уголовно-процессуальное законодательство Азербайджана, Грузии, Казахстана, Кыргызской Республики, Латвии и ряда иных государств, которые пошли по пути активного включения результатов негласных (тайных, специальных) действий в уголовное судопроизводство, в частности в доказывание, не содержит легального определения соответствующих результатов.

Однако статья 5 УПК России расплывчато раскрывает понятие «результаты ОРД», не определяя ни субъектов их получения, ни целей и направлений их использования в уголовном судопроизводстве. Внесение в УПК России и в ФЗ «Об ОРД» сходного определения понятия «результатов ОРД», с различием в целях и направлениях их использования, в зависимости от нужд оперативно-розыскной деятельности и уголовного судопроизводства станет отправной точкой для дальнейшей реализации использования результатов указанной деятельности в уголовном судопроизводстве.

Обобщая в целом изложенные в данном исследовании теоретико-правовые доводы можно сделать следующий вывод: представленная классификация наглядно демонстрирует, что различие в определениях результатов ОРД носит не случайный, а системный характер, проистекая из целей и задач той правовой сферы, в рамках которых они формулируются.

Обозначая неразрывную связь оперативно-розыскной и уголовно-процессуальных видов деятельности, а также выделяя два подхода к рассмотрению смысловой нагрузки понятия «результаты ОРД», сформулированы следующие авторские определения:

1) в широком понимании результаты ОРД – система полученных в рамках осуществления ОРД сведений (данных), отобранных, проверенных и оцененных органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, имеющих процессуально-ориентированную, превентивную, учётно-справочную направленность, а также используемых в качестве оснований для принятия управленческих решений соответствующими должностными лицами, при реализации отельных полномочий государственных органов и ориентированных на решение задач ОРД;

2) в узком значении результаты ОРД в уголовном судопроизводстве рассматриваются: как сведения, воплощённые в комплексе предметов и (или) документов, выявленных в соответствии с требованиями ФЗ «Об ОРД» в ходе осуществления оперативно-розыскных меро-

приятий, предоставленные органу предварительного расследования в установленном порядке, а также сведения, ставшие известными в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности, полученные в рамках допроса свидетеля, служащие информационно-материальной основой для принятия решений в уголовно-процессуальной сфере.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 12 августа 1995 года (в последующих редакция) № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации.1995. № 33. Ст. 3349.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года (в последующих редакциях) № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
3. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник. / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. Москва: ИНФРА-М, 2014. 793 с.
4. Закон Российской Федерации «Об оперативно - розыскной деятельности в Российской Федерации» от 13.03.1992 № 2506-1 (в последней редакции). Документ утратил силу // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_390/ (дата обращения: 10.10.2025).
5. Вытовтов А.Е. Результаты оперативно-розыскной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве: по материалам уголовных дел экономической направленности: дис. на соиск. уч. степени канд. юрид. наук. Иркутск, 2020. 221 с.
6. Приказ ФСНП РФ № 175, ФСБ РФ № 226, МВД РФ № 336, ФСО РФ № 201, ФПС РФ № 286, ГТК РФ № 410, СВР РФ № 56 от 13 мая 1998 года «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 03.09.1998 № 1603) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20182/. (дата обращения: 10.10.2025).
7. Киселев А.П. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: (постатейный). Москва: Ось-89, 2009. 223 с.
8. Голубовский В.Ю. Оперативно-розыскная деятельность: словарь-справочник / МВД РФ. Всероссийский научно-исследовательский институт. Санкт-Петербург.: Лань, 2001. 383 с.
9. Пархоменко С.В., Радченко А.А. Фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2016. 71 с.
10. Зникин В.К. Принципы и основные понятия перехода избыточности оперативной информации в достаточность уголовно-процессуальных доказательств. Современные проблемы уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, прокурорского надзора. Сборник науч. трудов. Москва-Санкт-Петербург-Кемерово, 1998. С. 229.
11. Железняк Н.С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2024. 332 с.
12. Зажицкий В.И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2001. № 3. С. 47.
13. Михайлов В.И. Контролируемая поставка как оперативно-розыскная операция: учеб.-практ. пособие. Москва: издатель Шумилова И.И., 1998. 92 с.
14. Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная энциклопедия. Москва: издатель Шумилова И.И., 2004. 363 с.
15. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» (специализация «Уголовно-правовая») и специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность» (специализация «Административная деятельность») / В.Ю. Алферова, А.И. Гришин, Н.И. Ильин; М-во образования и науки Российской Федерации, Саратовский социально-экономический ин-т (фил.) РЭУ им. Г. В. Плеханова. Саратов: ССЭИ РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. 295 с.
16. Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. №307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» // Первоисточник правовой информации в Республике Беларусь. URL.: https://etalonline.by/document/?regnum=H11500307 (дата обращения: 14.05.2025).
17. Семенцов В.А., Дзабиев У.К. Уголовно-правовые направления использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в досудебном производстве: монография. Москва: Юрлитинформ, 2024. 181 с.
18. Сидоренко А.В., Масленников К.И. Сущность и виды результатов оперативно-розыскной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2. С. 110-117.
19. Овчинский А.С. Оперативно-разыскная аналитика (ответ современным угрозам): монография. Москва: Издательский дом Шумиловой И. И., 2015. 106 с.
20. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: учебное пособие / под ред. Н.В. Павличенко. Москва: Академия управления МВД России, 2022. 280 с.
21. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 ноября 2014 г. № 27-п по делу: «О проверке конституционности ст. 21 и ст. 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина О.А. Лаптева // СПС КонсультантПлюс. URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_124475/ (дата обращения: 23.11.2025).
22. Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 1236-О от 29 мая 2025 года // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL.: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision842487.pdf (дата обращения: 11.11.2025).
23. Комментарий к федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) / под ред. О.А. Вагин, А.П. Исиченко, А.Е. Чечетин. С. 79. URL: http://rus-poligraf.ru/userfiles/file/oper_rozisk_deyatelnost.pdf (дата обращения: 10.11.2025).
24. Зажицкий В.И. Доказывание и доказательства по УПК РФ: теоретико-правовой анализ. Санкт-Петербург.: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2015. 437 с.

References:

1. Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995 (as amended) «On operational Investigative activities» // Collection of Legislation of the Russian Federation.1995. No. 33. Art. 3349.
2. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 (in subsequent editions) No. 174-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001, No. 52 (part I), Article 4921.3.
3. Theory of operational investigative activities: textbook. / edited by K.K. Goryainov, V.S. Ovchinsky, G.K. Sinilov. Moscow: INFRA-M, 2014. 793 p.
4. The Law of the Russian Federation «On Operational Investigative Activities in the Russian Federation» dated 13.03.1992 No. 2506-1 (in the latest edition). The document has become invalid // SPS ConsultantPlus.
5. Vytovtov A.E. The results of operational investigative activities as a means of proof in criminal proceedings: based on the materials of criminal cases of economic orientation: dis. for the degree of Cand. jurid. sciences'. Irkutsk, 2020. 221 p.
6. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 336 dated May 13, 1998 «On Approval of Instructions on the Procedure for Submitting the results of operational investigative activities to the body of inquiry, investigator, prosecutor or to the court» // SPS ConsultantPlus.
7. Kiselyov A.P. Commentary to the Federal Law «On Operational Investigative activities»: (article-by-article). Moscow: Axis-89, 2009. 223 p.
8. Golubovsky V.Y. Operational-investigative activity: dictionary-reference / Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. All-Russian Scientific Research Institute. Saint Petersburg: Lan Publ., 2001, 383 p.
9. Parkhomenko S.V., Radchenko A.A. Falsification of the results of operational investigative activities: a textbook. Irkutsk: Irkutsk Law Institute (branch) Akad. Gen. prosecutor's Office Grew. Russian Federation, 2016. 71 p.
10. Znikin V.K. Principles and basic concepts of the transition from redundancy of operational information to sufficiency of criminal procedural evidence. Modern problems of criminal law, criminal procedure, criminalistics, and prosecutorial supervision. Collection of scientific papers. Moscow-Saint Petersburg-Kemerovo, 1998. p. 229.
11. Zheleznyak N.S. Issues of updating the Federal Law «On operational investigative activities» Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. 332 p.
12. Zazhitsky V.I. The results of operational investigative activities in criminal proceedings // Russian justice. 2001. No. 3. P. 47.
13. Mikhailov V.I. Controlled delivery as an operational search operation: textbook. stipend. Moscow: publisher I.I. Shumilova, 1998. 92 p.
14. Shumilov A.Y. Operational-investigative encyclopedia. Moscow: publisher I.I. Shumilova, 2004. 363 p.
15. Legal foundations of operational investigative activities: a textbook for students studying / V.Yu. Alferova, A.I. Grishin, N.I. Ilyin. Saratov: SSEI PRUE named after G. V. Plekhanov, 2016. 295 p.
16. Law of the Republic of Belarus of July 15, 2015 No. 307-Z «On operational investigative activities» // Primary source of legal information in the Republic of Belarus.
17. Sementsov V.A., Dzabiev U.K. Criminal law directions of using the results of operational investigative measures in pre-trial proceedings: monograph. M.: Yurlitinform, 2024. 181 p.
18. Sidorenko A.V., Maslennikov K.I. The essence and types of results of operational investigative activities // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2. pp. 110-117.
19. Ovchinsky A.S. Operational and investigative analytics (response to modern threats): the monograph. Moscow: I. I. Shumilova Publishing House, 2015. 106 p.
20. Commentary to the Federal Law «On Operational Investigative Activities»: a textbook / edited by N.V. Pavlichenko. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. 280 p.
21. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 6, 2014 No. 27-p in the case: «On checking the constitutionality of Articles 21 and 21.1 of the Law of the Russian Federation «On State Secrets» in connection with the complaint of citizen O.A. Laptev // SPS ConsultantPlus.
22. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1236-O dated May 29, 2025 // Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation.
23. Commentary to Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995. «On operational investigative activitie» (article-by-article) / ed. by O.A. Vagin, A.P. Isichenko, A.E. Chechetin. p. 79.
24. Zazhitsky V.I. Evidence and evidence under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: theoretical and legal analysis. St. Petersburg: Publishing house "Law Center-Press", 2015. 437 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_279

УДК 343.98.06

ЗАКОНОМЕРНОСТИ СЛЕДООБРАЗОВАНИЯ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЛЕГАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ, СОВЕРШЕННЫХ ДИСТАНЦИОННЫМ СПОСОБОМ
REGULARITIES OF TRACE FORMATION IN CRIMES RELATED TO ILLEGAL ACTIVITIES IN THE FINANCIAL MARKET COMMITTED DISTANTLY

МАРУШКО Александра Владимировна,
адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров,
Академия управления МВД России.
125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8 корп. 1.
E-mail: borsh_1317@mail.ru;

MARUSHKO Alexandra Vladimirovna,
Adjunct of faculty of training scientific and scientific-pedagogical personnel
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125171, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh St., 8, bldg. 1.
E-mail: borsh_1317@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются преступления на финансовом рынке, совершенные дистанционным способом. Анализируются нормативно-правовые основы возникновения цифровых следов, образующихся при совершении преступлений данной категории, а также иные закономерности следообразования. Обоснован вывод о том, что для рассматриваемой категории преступлений характерно преобладание цифровые следы преступлений, поскольку признаки преступных деяний формируются преимущественно в киберпространстве (на серверах, онлайн-платформах, мессенджерах и криптовалютах), тогда как физические следы практически отсутствуют, также свойственна высокая степень анонимности субъектов преступления, активно применяющих средства анонимизации (прокси-серверы, VPN-сервисы и прочие средства маскировки личности преступника).*

Abstract: *The article discusses crimes in the financial market committed remotely. It analyzes the legal and regulatory framework for the emergence of digital traces in the commission of such crimes, as well as other patterns of trace formation. The conclusion is substantiated that this category of crimes is characterized by the prevalence of digital traces of crimes, as the signs of criminal acts are formed primarily in cyberspace (on servers, online platforms, instant messengers, and cryptocurrencies), while physical traces are almost non-existent. It is also characterized by a high degree of anonymity of the subjects of the crime, who actively use anonymization tools (proxy servers, VPN services, and other means of concealing the identity of the criminal).*

Ключевые слова: *закономерности следообразования, преступления, нелегальная деятельность на финансовом рынке, дистанционный способ, цифровые следы преступления.*

Keywords: *patterns of trace formation, crimes, illegal activities in the financial market, remote methods, and digital traces of crimes.*

Для цитирования: *Марушко А.В. Закономерности следообразования при совершении преступлений, связанных с нелегальной деятельностью на финансовом рынке, совершенных дистанционным способом // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 279-283. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_279.*

For citation*: Marushko, A.V. Patterns of Trace Formation in Crimes Related to Illegal Activities in the Financial Market Committed Remotely // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 279-283. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_279.*

Статья поступила в редакцию: 26.12.2025

Развитие инструментов финансового рынка, платежных систем, а также в целом цифровизация экономических процессов дали толчок к появлению специфических способов расчетов с использованием электронных средств платежа и их использованию юридическими и физическими лицами для безналичных расчетов [1, с. 13].

В настоящее время продолжает существовать негативная тенденция к увеличению числа преступлений, связанных с нелегальной деятельностью на финансовом рынке, реализуемых в сети Интернет. Так, по данным Банка России в первом полугодии 2025 года выявлено 4183 субъектов с признаками нелегальной деятельности, в том числе с признаками «финансовой пирамиды», что на 20% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Выявлено 2328 субъектов с признаками финансовых пирамид, где более 99% действовали в форме краткосрочных псевдоинвестиционных интернет-проектов.

Продолжает увеличиваться доля мошеннических проектов, использующих криптовалюты и как способ привлечения средств пользователей, и как актив, инвестиции, гарантируемые быстрый доход. Более 80% всех выявленных пирамид предлагали участникам для перевода средств в проект использовать криптовалюты, около 20% – предлагали иностранные платежные сервисы [2].

В 2025 г. отмечается снижение количества зарегистрированных правоохранительными органами Российской Федерации преступлений экономической направленности, связанных с финансовой деятельностью (21856; АППГ: 26839), в том числе выявленных органами внутренних дел Российской Федерации (20548; АППГ: 25489) [3].

В условиях стремительного роста регистрации хищений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий обеспечение возмещения ущерба по указанным преступным посягательствам Президентом Российской Федерации В.В. Путиным определено одной из приоритетных задач Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Противодействие преступлениям, связанных с нелегальной деятельностью на финансовом рынке, совершенных дистанционным способом, имеет приоритетный характер, на что обращается внимание в Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», где отмечается высокий уровень преступности в кредитно-финансовой сфере [4].

К числу составов преступлений, связанных с нелегальной деятельности на финансовом рынке, совершенных дистанционным способом относятся следующие:

- ст. 159 УК РФ – мошенничество;
- ст. 159.1 УК РФ – мошенничество в сфере кредитования;
- ст. 159.5 УК РФ – мошенничество в сфере страхования;
- ст. 172 УК РФ – незаконная банковская деятельность;
- ст. 172.2 УК РФ – организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества;
- ст. 176 УК РФ – незаконное получение кредита;
- ст. 186 УК РФ – изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг;
- ст. 187 УК РФ – неправомерный оборот средств платежей.

Содержание способа совершения преступлений, связанных с нелегальной деятельностью на финансовом рынке, совершенных дистанционным способом, образуют следующие действия подозреваемого (обвиняемого):

- создание у потерпевшего мнения об успешности организации;
- завладение имуществом потерпевшего;
- вывод полученных денежных средств и их сокрытие.

Рассмотрим содержание каждой группы противоправных действий более подробно. Действия подозреваемого (обвиняемого), направленные на создание у потерпевшего мнения об успешности организации выражаются в следующем: доведение до потерпевшего ложных сведений, согласно которым доход в интернет-проекте формируется за счет эффективной работы трейдеров; организация и проведение мероприятий неформального характера с потерпевшими, с целью формирования убеждения об эффективной экономической деятельности созданного Интернет-проекта, используя маркетинговые инструменты и др.

Действия подозреваемого (обвиняемого), совершаемые в отношении потерпевшего, направленные на завладение его имуществом, выражаются в следующем: склонение потерпевшего к обязательному внесению предварительных (специальных) взносов; заключение с потерпевшим договоров займа или уникальных договоров, не имеющих широкого распространения в финансово-хозяйственной практике для привлечения денежных средств от него; перечисления денежных средств со счета организации или физического лица в адрес организации с признаками фиктивности («фирмы-однодневки»); выплата дохода (вознаграждения) инвесторам (вкладчикам, участникам) за счет денежных средств вновь привлеченных инвесторов (вкладчиков) и др.

Действия подозреваемого (обвиняемого), направленные на вывод полученных денежных средств и их сокрытие выражаются в следующем: снятие со счета организации или физического лица крупных сумм наличных денежных средств, ранее поступивших от инвесторов (вкладчиков); перечисление денежных средств со счета организации или физического лица в адрес юридического лица, зарегистрированного в оффшорной юрисдикции для покупки иностранных ценных бумаг; перечисление крупных сумм или систематическое перечисление денежных средств со счета организации или физического лица в адрес руководителя, учредителя (акционера) или иным образом связанного с ними физического лица; использование криптовалют и анонимных транзакций как наиболее распространенного способа сокрытия преступления, связанного с нелегальной деятельностью на финансовом рынке, совершенных дистанционным способом; уничтожение следов своей противоправной деятельности до выявления преступления сотрудниками правоохранительных органов, вывод денежных средств за рубеж. Для обеспечения достоверности своей нелегальной деятельности преступной группой используются поддельные документы (паспорт, документ, подтверждающий факт внесения записи о банке в ЕГРЮЛ, свидетельства о регистрации Банка России, лицензия на осуществление банковских операций и др.)

Определяя научные подходы, относящиеся к изучению следов преступления, их характерных свойств, механизма следообразования, а также основных направлений их использования в процессе расследования, следует отметить, что к ним относятся работы основоположников криминалистической науки: Г. Гросса, Е.Ф. Буринского, И.М. Снигирева, С.Н. Трегубова, И.Н. Якимова, И.Ф. Крылова и ряда других ученых. Существенный вклад в развитие криминалистического учения о следах и о механизме следообразования внесли такие выдающиеся ученые, как О.Я. Баев, Р.С. Белкин, Г.Л. Грановский, Л.К. Литвиненко, С.М. Потапов, И.И. Пророков, Б.И. Шевченко и др.

Понятие цифровых следов преступления, будучи относительно новым в криминалистике, вошло в научный оборот на основе работ Ю.М. Батурина и А.М. Жодзишского, В.Б. Вехова, А.Г. Волеводза, Ю.В. Гаврилина, В.А. Мещерякова, Е.Р. Россинской, А.В. Ростовцева и др.

Заслуживает внимания подход, сформулированный профессором Ю.В. Гаврилиным: фундаментальные принципы криминалистического учения о следах и механизме следообразования, в основе которого находятся объективные процессы отражения и законы материалистической диалектики, в полной мере применимы и к категории цифровых следов, под которыми им понимаются результаты преобразования компьютерной информации в форме уничтожения, копирования, блокирования или модификации, а также соответствующие им изменения физических характеристик ее носителя, причинно связанные с событием преступления компьютерными следами [5, с. 207].

Дистанционный способ совершения преступлений обуславливает наличие цифровых следов, которые характеризуются отличительными чертами и имеют значение для раскрытия и расследования преступлений данной категории.

Под криминалистическим учением о механизмах следообразования следует понимать целостную систему научных знаний, описывающих и объясняющих закономерности образования следов в окружающей действительности, а также закономерности деятельности по обнаружению, фиксации, изъятию и исследованию следов с целью получения криминалистически значимой информации о преступлении, а также ис-

пользованию полученных данных в уголовном судопроизводстве [6, с. 129].

Механизм следообразования представляет собой процесс, конечная фаза которого представляет собой возникновение следа. В этом процессе главную роль играет взаимодействие двух (иногда и более) материальных объектов [7, с. 93].

На основе приведенных определений, рассмотрим характерные черты дистанционного способа, определяющие особенности механизма способов совершения преступлений, связанных с нелегальной деятельностью на финансовом рынке, являются:

1. Исключается непосредственный контакт соучастников как между собой, так и с потерпевшими. Взаимодействие осуществляется опосредованно, с использованием средств связи и информационных ресурсов сети Интернет.

2. Территориальное разнесение мест совершения действий, образующих объективную сторону преступления, мест наступления общественно опасных последствий, мест легализации денежных средств, полученных преступным путем, а также мест нахождения кредитно-финансовых организаций, операторов связи, Интернет-провайдеров, услуги и инфраструктура которых используется при совершении преступлений.

3. Создание банковских счетов, подконтрольных субъектам преступления, посредством систем дистанционного банковского обслуживания и информации о номерах банковских карт, секретных кодах из смс-сообщений, получаемых методами «социальной инженерии», то есть психологических приемов, направленных на введение в заблуждение относительно истинной цели поступающего потерпевшему телефонного вызова и личности преступника.

Информация, формируемая в ходе совершения банковских транзакций, а также использования средств связи детерминированы правовыми требованиями, предъявляемыми к сбору, хранению и передачи подобной информации.

Приказом Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 29 октября 2018 г. № 573 «Об утверждении Требований к техническим и программным средствам информационных систем, содержащих базы данных абонентов оператора связи и предоставленных им услугах связи, а также информацию о пользователях услугами связи и о предоставленных им услугах связи, обеспечивающих выполнение установленных действий при проведении оперативно-розыскных мероприятий» определен перечень информации, подлежащей сбору, накоплению, хранению:

– информации об абонентах;
– информации о пользователях услугами связи;
– информации о предоставленных абонентам и другим пользователям данной сети связи услугах связи, действиях абонентов и других пользователей при получении услуг связи, взаимодействии между средствами связи, позволяющем абонентам передавать и/или получать данные, в том числе о регистрируемых сетью связи действиях, совершенных абонентами и другими пользователями при обращении к сети связи, которые не привели к установлению соединения (попытки установления соединения, несостоявшиеся соединения), а также о содержании сообщений (текстовых, голосовых и мультимедийных) как доставленных, так и не доставленных адресату и сохраненных на средствах связи данной сети для последующей доставки;
– голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео- или иных сообщений пользователей услугами связи;
– информации о подключениях абонента к сети передачи данных и отключениях от сети передачи данных;
– информации о передаче файловых данных;
– информации о кодах идентификации, выделенных абонентам выделенной сети и адресации, используемой в выделенной сети;
– иной информации [8].

Положением Банка России от 17 августа 2023 г. № 821-П «О требованиях к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств и о порядке осуществления Банком России контроля за соблюдением требований к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств» определено, что регистрации подлежат следующие данные о действиях, выполняемых клиентами операторов по переводу денежных средств с использованием автоматизированных систем, программного обеспечения:

– дата (день, месяц, год) и время (часы, минуты, секунды) совершения клиентом оператора по переводу денежных средств действий с защищаемой информацией;
– присвоенный клиенту оператора по переводу денежных средств идентификатор, позволяющий установить клиента оператора по переводу денежных средств в автоматизированной системе, программном обеспечении; код, соответствующий технологическому участку;
– результат совершения клиентом оператора по переводу денежных средств действия с защищаемой информацией (успешно или неуспешно);
– информация, используемая для идентификации устройств, при помощи которых либо в отношении которых осуществлен доступ к автоматизированной системе, программному обеспечению в целях совершения клиентом оператора по переводу денежных средств действий с защищаемой информацией [9].

На основе изученных материалов уголовных дел и судебной практики по результатам расследования данных преступлений, а также исходя из содержания процессов цифрой трансформации финансового рынка, полагаем, что в основе механизма следообразования при совершении преступлений, связанных с нелегальной деятельностью на финансовом рынке, совершенных дистанционным способом, находится следующий комплекс закономерностей:

1. Следы образуются преимущественно в виртуальном пространстве – на онлайн-платформах, серверах, криптовалютных биржах,

мессенджерах и т. п., а не в физической среде.

2. Следы возникают последовательно в соответствии с этапами механизма преступления – подготовка (регистрация доменов, создание преступных схем), реализация (транзакции, взаимодействие с потерпевшими), сокрытие (обналичивание денежных средств потерпевших, использование VPN и миксеров).

Примером, иллюстрирующим первые две закономерности, является обвинительный судебный приговор от 18 ноября 2024 года в отношении ФИО2, свершившего преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 159, ч. 1 ст. 174.1 УК РФ, по факту совершения хищения денежных средств граждан на общую сумму более 33 млн. рублей, путем обмана, под предлогом получения прибыли при торговле виртуальными активами (криптовалютой) на криптовалютном рынке.

Для реализации своих преступных намерений организаторы разработали план преступной деятельности с четким распределением ролей среди участников организованной группы. Преступная роль одного из злоумышленника заключалась в том, чтобы создать «фишинговую» ссылку – ссылку на «Интернет-страницу», при переходе на которую автоматически запускается алгоритм действий по несанкционированной передаче секретного ключа, предоставляющего право доступа по управлению криптовалютным кошельком лицу, её создавшему, и последующее несанкционированное списание виртуальных активов (криптовалюты) со счёта данного кошелька; после этого – посредством переписки в мессенджере «Telegram» передать указанную ссылку другому участнику преступной группы для распространения гражданам с целью последующего хищения их виртуальных активов (криптовалюты) путем обмана под различными предлогами.

В результате у граждан создавалось уверенность в том, что они осуществляя вложения денежных средств в криптовалюту, улучшат свое материальное положение и приумножат инвестированные им денежные средства законным путем [10].

3. Следы преступления распределяются на разных носителях (серверное оборудование за рубежом, блокчейн-сервисы, сетевой профиль пользователей) и могут существовать асинхронно – появляться и исчезать с временным разрывом.

4. Каждое действие преступника (например, перевод средств, регистрация учетной записи, контакт с потерпевшим) оставляет комплекс разнотипных следов, которые взаимно дополняют и подтверждают друг друга.

Особенностью таких интернет-проектов является отказ от офисов и традиционных сайтов. Напротив, используются сайты без указания контактных данных, но в форме обратной связи. Мошенники избегают очного общения с вкладчиками, путем размещения сведений в сети Интернет вовлекают граждан в свои схемы, играя на их возросшем интересе к финансовому рынку, практически все они обещают потенциальным жертвам помощь в инвестировании. Организаторы нередко привлекают популярных блогеров для распространения рекламы своих услуг, используют в качестве приманки названия и бренды крупнейших российских и зарубежных фирм. Такие проекты привлекают средства, в том числе в криптовалюте, или рекламируют вложения в различные несуществующие цифровые активы. Все эти действия образуют целую систему цифровых следов, которые находятся в тесной взаимосвязи между собой.

5. Вид и структура следов определяются техническими средствами и платформами, применёнными преступниками (например, криптовалютные транзакции, переписка в мессенджерах, электронные журналы операций в информационных системах онлайн-брокеров).

В качестве примера рассмотрим судебный приговор от 28 апреля 2025 г. № 01-0539/2025, в котором было рассмотрено дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. В ходе расследования установлено, что с января 2020 года по август 2022 года Р., З., М., П., обладая навыками делового общения и работы с программным обеспечением и компьютерной техникой, необходимыми для совершения планируемых преступлений, и желая их совершения, объединились в организованную преступную группу, находясь по адресам: г. Нижний Новгород, Нижегородский район, ул. ***, д.***, г. Санкт-Петербург, Центральный район, пр-т ***, действуя от имени ООО «Т.», ООО «Б.», в ходе телефонных переговоров и личных встреч предлагали гражданам инвестировать денежные средства через сайты …, созданные для имитации брокерской деятельности. В действительности лицензия на осуществление деятельности профессионального участника рынка ценных бумаг, в том числе деятельности брокера, форекс-дилера, управляющей компании, компаниям «Т.», «Б.» Банком России не выдавалась и никаких действий, направленных на исполнение взятых перед гражданами обязательств, представители ООО «Т.» совершать заведомо не намеревались. Указанным способом, Р., З., М., П. похитили денежные средства 15 граждан на общую сумму свыше 35 млн. рублей, что является особо крупным размером.

Денежные средства похищались путем их зачисления клиентами ООО «Т» на свои электронные кошельки, зарегистрированные на платформах электронного обмена валюты (онлайн-обменники), конвертации их в криптовалюту и перевода на неустановленные криптовалютные кошельки, указанные в личном кабинете клиента на сайте …, в действительности подконтрольные не клиенту, а самому Р., путем безналичного перевода денежных средств на банковские карты, непосредственно принадлежащие Р., в исключительных случаях путем безналичного перевода на расчетные счета ООО «Т» [11].

6. В следах часто прослеживается координация действий нескольких лиц, распределение ролей, использование единой инфраструктуры (общие серверы, шаблоны писем, схожие схемы вывода средств).

Для сокрытия преступной деятельности на финансовом рынке, используются технические методы (регулярная смена доменных имен и хостингов, использование шифрованных мессенджеров, уничтожение баз данных клиентов) и организационные методы (частая смена руководителей юридических лиц, фрагментация бизнеса на множество мелких компаний, работа через посредников в разных регионах и др.). Подозреваемыми (обвиняемыми) часто для сокрытия события преступления используется удаление цифровых следов и уничтожение данных, дистанционно удаление вредоносных приложений с устройств других участников преступлений, а также потерпевших, удаление логи-файлов, кэша и исто-

рии браузеров на устройствах и др.

Проведённое исследование позволило определить ключевые закономерности следообразования при совершении преступлений, связанных с нелегальной деятельностью на финансовом рынке, совершенных дистанционным способом. Преобладают цифровые следы преступлений, поскольку признаки преступных деяний формируются преимущественно в киберпространстве на серверах, онлайн-платформах, мессенджерах и криптовалютах, тогда как физические следы практически отсутствуют. Характерна высокая степень анонимности субъектов преступления, активно применяющих псевдонимы, прокси-серверы, VPN и прочие средства маскировки личности злоумышленника. Современная форма дистанционных преступлений зачастую носит международный характер, затрудняя координацию усилий правоохранительных органов различных государств и препятствуя процессу выдачи обвиняемых. Удалённая атака позволяет одномоментно воздействовать на значительное число объектов, усиливая масштаб возможных последствий. Высокая скорость реакции и мобильность позволяют преступникам оперативно адаптироваться к изменениям цифровой среды и используемых способов и средств при совершении преступлений.

Таким образом, понимание выявленных закономерностей следообразования переводит борьбу с дистанционными финансовыми преступлениями из плоскости реагирования на уже совершенные деяния в плоскость прогнозирования, раннего выявления и превентивного пресечения. Эффективность этой борьбы будет напрямую зависеть от скорости адаптации правоохранительной системы к технологической эволюции преступных методов и от глубины интеграции специальных знаний в криминалистическую практику.

Список литературы:

1. Концепция государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 4154-р. Москва. 17 с.
2. Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/analytics/inside/2025_1/ (дата обращения: 15.12.2025 г.).
3. Краткая характеристика преступности в Российской Федерации за январь-август 2025 года // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/70644759/ (дата обращения: 15.12.2025 г.).
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400.
5. Организация противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: учебник: в 2 ч. / Гаврилин Ю. В., Пинкевич Т. В., Мартыненко Н. Э. [и др.]; под общ. ред. Ю. В. Гаврилина. – Москва: Академия управления МВД России, 2024. Ч. 1. 304 с.
6. Малыхина Н.И. Криминалистическое учение о механизмах следообразования: современное состояние, направления развития // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 1 (35). С. 127-134.
7. Ляер Л.Л. К вопросу о криминалистическом учении о механизмах следообразования // Юридический вестник Самарского университета. 2016. № 4. С. 91-95.
8. Об утверждении Требований к техническим и программным средствам информационных систем, содержащих базы данных абонентов оператора связи и предоставленных им услугах связи, а также информацию о пользователях услугами связи и о предоставленных им услугах связи, обеспечивающих выполнение установленных действий при проведении оперативно-розыскных мероприятий: Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 29 октября 2018 г. № 573.
9. О требованиях к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств и о порядке осуществления Банком России контроля за соблюдением требований к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств: Положение Банка России от 4 июня 2020 г. № 719-П.
10. Обвинительный приговор Новгородского районного суда г. Великий Новгород от 17.11.2024 г. по уголовному делу 1-947/2024 в отношении ФИО2 по ч. 3 ст. 159, ч. 1 ст. 174.1 УК РФ. Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт)». URL: https://sudact.ru/regular/doc/gmTFb0zg5yb5// (дата обращения: 15.12.2025).
11. Обвинительный приговор Тушинского районного суда г. Москвы от 19.04.2025 г. по уголовному делу 01-539/2025 в отношении ФИО1 по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт)». URL: https://sudact.ru/regular/doc/PbZmV4aQFDVA/ (дата обращения: 14.12.2025).

References:

1. The Concept of the State System for Countering Illegal Acts Committed Using Information and Communication Technologies: Approved by Order of the Government of the Russian Federation No. 4154-r dated December 30, 2024. Moscow. 17 p.
2. Countering Illegal Activities in the Financial Market // Official Website of the Bank of Russia. URL: https://cbr.ru/analytics/inside/2025_1/ (accessed on 15.12.2025).
3. Brief Characteristics of Crime in the Russian Federation for January-August 2025 // Official Website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: https://mvd.ru/reports/item/70644759/ (accessed on 15.12.2025).
4. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021.
5. Organization of Counteraction to Crimes Committed Using Information and Telecommunication Technologies: Textbook: in 2 Parts / Gavrilin Yu. V., Pinkevich T. V., Martynenko N. E. [et al.]; edited by Yu. V. Gavrilin.
6. Malykhina N.I. Criminalistic Doctrine on Mechanisms of Trace Formation: Current State and Directions of Development // Siberian Criminal Procedure and Criminalistics Readings. 2022. No. 1 (35). Pp. 127-134.
7. Lyayer L. L. On the Question of Criminalistic Doctrine on Mechanisms of Trace Formation // Legal Bulletin of Samara University. 2016. No. 4. pp. 91-95.
8. On approval of Requirements for technical and software tools of information systems containing databases of subscribers of a telecom operator and the communication services provided to them, as well as information about users of communication services and the communication services provided to them, ensuring the implementation of established actions during operational search activities: Order of the Ministry Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation No. 573. 9 dated October 29, 2018.
9. On Information Security Requirements for Money Transfers and on the Procedure for the Bank of Russia to Monitor Compliance with Information Security Requirements.
10. The indictment of the Novgorod District Court of Veliky Novgorod dated November 17, 2024, in the criminal case 1-947/2024 against FIO2 under Part 3 of Article 159 and Part 1 of Article 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The Internet resource «Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation (SudAkt)». URL: https://sudact.ru/regular/doc/gmTFb0zg5yb5// (date of access: 15.12.2025).
11. The indictment of the Tushinsky District Court of Moscow dated 19.04.2025 in the criminal case 01-539/2025 against FIO1 under Part 4 of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation. Internet resource «Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation (SudAkt)». URL: https://sudact.ru/regular/doc/PbZmV4aQFDVA/ (accessed on: 14.12.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_284

УДК 343.1

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СУДОМ ХОДАТАЙСТВ СЛЕДОВАТЕЛЯ ОБ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ, ДОМАШНЕГО АРЕСТА, ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ЗАЛОГА

THE PROCEDURAL ORDER OF CONSIDERATION BY THE COURT OF THE INVESTIGATOR'S PETITIONS ON CHOOSING A PREVENTIVE MEASURE IN THE FORM OF DETENTION, HOUSE ARREST, PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS, BAIL

СТУПНИКОВА Анастасия Игоревна,
юрист управления правового обеспечения и имущественных отношений департамента по стратегическому развитию,
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина.
392024, Россия, г. Тамбов, Интернациональная ул., 33.
E-mail: Stup.nastya.1999@yandex.ru;

STUPNIKOVA Anastasia Igorevna,
lawyer of the Department of Legal and Property Relations of the Department of Strategic Development
Tambov State University named after G.R. Derzhavin.
33 Internatsionalnaya str., Tambov, 392024, Russia.
E-mail: Stup.nastya.1999@yandex.ru

Краткая аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу процессуального порядка судебного рассмотрения ходатайств следователя об избрании мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий и залога по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации.*

Исследование исходит из конституционных гарантий свободы и личной неприкосновенности, закрепленных в статье 22 Конституции Российской Федерации, и их процессуальной конкретизации в нормах главы 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, включая статьи 97, 99, 100, 105.1, 106, 107, 108, 109 и 110.

Целью работы является выявление содержательных и процедурных требований, которым должно соответствовать обращение следователя в суд, установление стандарта судебной проверки доводов стороны обвинения и защиты, определение критериев соразмерности вмешательства в права личности, а также описание устойчивых подходов правоприменения, сформированных разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Методологическая основа включает формально-юридический анализ нормативного материала, сопоставление процессуальных конструкций различных мер пресечения и оценку логики судебного контроля на стадии досудебного производства.

В центре внимания находятся вопросы достаточности фактических данных, подтверждающих риски, указанные в статье 97 УПК РФ, и необходимость индивидуализации выводов суда с учетом обстоятельств, перечисленных в статье 99 УПК РФ. Отдельно рассматриваются требования к мотивировке постановления суда при избрании каждой из мер, порядок организации судебного заседания, пределы исследования материалов, соблюдение сроков при обращении с ходатайством в отношении задержанного лица, а также правила продления, изменения и отмены мер.

Анализ показывает, что современная модель судебного контроля исходит из приоритета менее строгих ограничений при достижении целей уголовного судопроизводства, предполагает реальную состязательность и проверяемость обоснования и требует от суда позитивной обязанности оценивать возможность применения альтернатив заключению под стражу.

Практическая значимость исследования состоит в формулировании ясных ориентиров для подготовки и рассмотрения ходатайств, обеспечивающих законность, предсказуемость и единообразие судебных решений, а также в акценте на необходимости точной и понятной мотивировки, минимизирующей риски чрезмерного ограничения прав личности при сохранении эффективности уголовного преследования.

Abstract. *This article provides a comprehensive analysis of the procedural process of a trial, the investigator's recourse to selected preventive measures such as detention, house arrest, and prohibitions on certain actions, as well as guarantees in the criminal procedure legislation of the Russian Federation.*

The study draws on the constitutional guarantees of liberty and security of person enshrined in Article 22 of the Constitution of the Russian Federation and their procedural specification in the provisions of Chapter 13 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, including Articles 97, 99, 100, 105.1, 106, 107, 108, 109, and 110.

The aim of this work is to identify the substantive and procedural requirements for an investigator's appeal to the court, establish standards for reviewing the arguments of the prosecution and defense, determine the appropriate proportionality of the principle in individual rights, and describe sustainable law enforcement approaches shaped by the clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The methodological framework includes a formal legal analysis of regulatory material, consideration of the procedural structures of various preventive measures, and observation of the logic of procedural review at the pre-trial stage.

The focus is on the sufficiency of factual data supporting the risks justified in Article 97 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the need to tailor the court's findings to the circumstances specified in Article 99 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The requirements for the court's decision when choosing each measure, the procedure for organizing a court hearing, the motivation for examining materials, compliance with deadlines for initiating a case against detainees, and the rules for extending, amending, and revoking measures are considered separately.

The analysis shows that the modern model of judicial review prioritizes less stringent restrictions in achieving the goals of criminal proceedings, presupposes genuine adversarial proceedings and verification of validity, and requires the court to positively assess the feasibility of using an alternative to pretrial detention. The practical innovation of the study lies in the formulation of key guidelines for the preparation and consideration of cases, ensuring the legality, accessibility, and uniformity of court decisions, as well as in the emphasis on the need for precise and understandable motivation, minimizing the risks of limiting individual rights while maintaining the effectiveness of criminal prosecution.

Ключевые слова: *мера пресечения, заключение под стражу, домашний арест, запрет определенных действий, залог, следователь, прокурор, УПК РФ, Конституция РФ, судебный контроль, разумная необходимость.*

Keywords: *preventive measure, detention, house arrest, prohibition of certain actions, bail, investigator, prosecutor, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Constitution of the Russian Federation, judicial review, reasonable necessity.*

Для цитирования: *Ступникова А.И. Процессуальный порядок рассмотрения судом ходатайств следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий, залога // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 284-289. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_284.*

For citation*: Stupnikova A.I. The procedural order of consideration by the court of the investigator's petitions on choosing a preventive measure in the form of detention, house arrest, prohibition of certain actions, bail // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 284-289. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_284.*

Статья поступила в редакцию: 17.10.2025

Основная часть. Современная модель судебного контроля за избранием мер пресечения складывалась постепенно и опирается на конституционные гарантии свободы, которые получили нормативное развитие в УПК РФ 2001 года[1].

В советский период регулирование мер пресечения строилось вокруг приоритета изоляционных ограничений и широкой дискреции органов предварительного расследования, при ограниченной судебной проверке.

С принятием УПК РФ акцент сместился к судебной санкции на изоляцию, усилению состязательности и мотивированности решений, а также к закреплению приоритета менее строгих вмешательств. Введение домашнего ареста в качестве самостоятельной меры и детальная регламентация залога стали важными шагами в сторону дифференциации процессуального инструментария. Дальнейшее развитие законодательства привело к формализации гибких ограничений поведения, что выразилось в появлении запрета определенных действий и расширении возможностей контроля за соблюдением возложенных обязанностей техническими и организационными средствами[2].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации последовательно подчеркивал необходимость индивидуализации и соразмерности, требуя от судов конкретной оценки рисков с опорой на фактические данные, а не на предположения и абстрактные ссылки на тяжесть обвинения[3].

Сущность мер пресечения в уголовном процессе состоит в обеспечении надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого и гарантии эффективности расследования и судебного разбирательства при минимально необходимом ограничении прав и свобод. Эти меры не имеют карательной природы и служат целям процессуального обеспечения, что отражено в общих основаниях по статье 97 УПК РФ и в критериях индивидуализации по статье 99 УПК РФ.

Суд при избрании проверяет наличие конкретных рисков и устанавливает такой объем ограничений, который достаточен для их нейтрализации, сохраняя баланс между задачами правосудия и правами личности.

Заключение под стражу представляет собой меру последней необходимости, допустимую при доказанности реальности и тяжести процессуальных рисков и невозможности достичь целей более мягкими средствами.

Домашний арест и запрет определенных действий реализуют идею адресного вмешательства, при котором суд формулирует режим поведения и порядок контроля, добиваясь управляемости процессуальных рисков без изоляции.

Залог выражает обеспечительный характер института и связывает степень вмешательства с имущественным обеспечением явки и исполнения обязанностей.

Такая конструкция в совокупности реализует принцип соразмерности и обеспечивает предсказуемость и мотивированность судебной практики, формируя устойчивый стандарт проверки доводов стороны обвинения и защиты.

Конституционное измерение применения мер пресечения задает исходные рамки судебного контроля. Право на свободу и личную неприкосновенность закреплено в статье 22 Конституции Российской Федерации[4], допускающей задержание и содержание под стражей лишь на основании судебного решения. Из этого вытекает, что меры, влекущие изоляцию от общества или существенные ограничения свободы, допустимы только при наличии достаточных правовых оснований, проверяемых судом, с соблюдением принципов соразмерности и необходимости. УПК РФ конкретизирует эти конституционные положения, устанавливая круг мер пресечения, основания их избрания, процессуальную форму судебного рассмотрения и критерии проверки доводов стороны обвинения и защиты.

Общие основания избрания любой меры пресечения закреплены в статье 97 УПК РФ. Суд проверяет наличие данных о рисках, связанных с возможным скрытием подозреваемого или обвиняемого, продолжением преступной деятельности, угрозами свидетелям, уничтожением доказательств и иным воспрепятствованием производству по делу. Одновременно учитываются обстоятельства, перечисленные в статье 99 УПК РФ, включая тяжесть предъявленного обвинения, данные о личности, возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий, наличие постоянного места жительства и иные факторы, влияющие на выбор минимально достаточной меры.

Эта конструкция предполагает индивидуализацию и приоритет менее строгих ограничений перед более жесткими, если ими можно достичь целей, предусмотренных статьей 97 УПК РФ. В позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 акцентируется, что суд обязан мотивировать выбор именно данной меры и невозможность достижения целей процессуальными альтернативами, что прямо вытекает из требований статей 7 и 389.28 УПК РФ о законности и мотивированности судебного решения.[5]

---

[1]Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921; офиц. публ.: Российская газета. 2001. 22 дек. № 249.

[2]Горбатых И. М. Процессуальный порядок избрания домашнего ареста нуждается в совершенствовании //Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2023. – №. 4. – С. 55.

[3]О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 дек. 2013 г. № 41 (в ред. от 27 мая 2025 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2; офиц. публ.: Российская газета. 2013. 26 дек. № 294 (6270).

[4]Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. С изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. 1993. 25 дек. № 237 (853).

[5]О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 дек. 2013 г. № 41 (в ред. от 27 мая 2025 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2; офиц. публ.: Российская газета. 2013. 26 дек. № 294 (6270).

Заявление ходатайства следователем регулируется общими нормами главы 13 и специальными статьями для отдельных мер. Заключение под стражу оформляется по правилам статьи 108 УПК РФ. Следователь при наличии согласия руководителя следственного органа и с согласия прокурора обращается в суд с письменным ходатайством, к которому приобщаются материалы, подтверждающие необходимость изоляции, сведения о личности, процессуальном статусе и предъявленном обвинении, данные о ранее избранных или обсуждавшихся мерах пресечения[1].

Содержание ходатайства должно позволять суду провести полноценную оценку достаточности оснований по статье 97 УПК РФ и обстоятельств по статье 99 УПК РФ. Важным элементом является соблюдение сроков: задержанное лицо может содержаться без судебного решения не более сорока восьми часов, и в пределах этого срока суд обязан разрешить вопрос об избрании заключения под стражу либо избрании иной меры или освобождении лица. Неприменение судом изоляционной меры в пределах указанного времени при отсутствии иных оснований для продолжения ограничения влечет немедленное освобождение, что соответствует буквальному смыслу статьи 108 и конституционной гарантии статьи 22.

Процедура судебного заседания при решении вопроса об избрании заключения под стражу имеет черты полноценного состязательного рассмотрения. В заседании обязательно участвуют прокурор и защитник, предоставляется возможность выслушать позицию подозреваемого или обвиняемого, заявлять ходатайства об исследовании доказательств, представлять документы, характеристики, сведения о состоянии здоровья и социальной укорененности. Судья исследует представленные материалы, проверяет доброкачественность и относимость доказательств, оценивает доводы стороны защиты о возможности использования альтернатив, таких как домашний арест, запрет определенных действий или залог[2].

В практике судов общей юрисдикции закреплено, что формальное перечисление рисков без фактической базы не отвечает стандарту достаточности. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в названном постановлении указывает, что ссылка лишь на тяжесть обвинения без конкретизации поведения лица и иных объективных данных не может служить исключительным основанием для изоляции. Тем самым формируется требование к материалам ходатайства, предполагающее наличие фактов, подтверждающих реальность и конкретность рисков.

Домашний арест регулируется статьей 107 УПК РФ и рассматривается судом по ходатайству следователя с соблюдением общих требований к состязательности и мотивированности. Эта мера по своей природе является альтернативой содержанию под стражей и предполагает нахождение лица по определенному адресу с возложением ограничений общения, использования средств связи, перемещения и иных условий, необходимых для предотвращения рисков по статье 97 УПК РФ. Суд проверяет техническую и организационную возможность контроля за соблюдением ограничений, учитывает условия проживания, состояние здоровья, наличие иждивенцев и иные данные, показывающие, что цели процесса достижимы без помещения в следственный изолятор.

В контексте домашнего ареста важна пропорциональность: суд указывает перечень ограничений, их срок и способ контроля, возлагая на органы, осуществляющие исполнение, соответствующие обязанности. При невозможности обеспечить контроль или при выявлении фактов нарушения, по мотивированному представлению мера может быть изменена на более строгую, что отражает динамический характер судебного контроля, предусмотренный статьей 110 УПК РФ.

Запрет определенных действий как самостоятельная мера пресечения введен в статью 105.1 УПК РФ и предназначен для гибкой настройки ограничений поведения без изоляции от общества. Суд вправе запретить выходить в определенное время из жилого помещения, посещать конкретные места, общаться с определенными лицами, получать и отправлять почтово-телеграфные отправления, использовать средства связи и сеть «Интернет», управлять транспортными средствами, совершать иные действия, прямо перечисленные в законе.

Рассмотрение ходатайства осуществляется по общим правилам судебного контроля, при этом суд обязан персонализировать набор запретов, указать порядок контроля и ответственность за нарушение. Такой формат позволяет учесть специфику преступления, поведение лица и минимально вмешаться в сферу его прав, сохраняя цели уголовного судопроизводства. Судебное решение подлежит точной формулировке, исключающей двусмысленность, поскольку неясность содержания запрета препятствует надлежащему контролю и может повлечь непропорциональные ограничения[3].

Залог регулируется статьей 106 УПК РФ и представляет собой внесение денежных средств или иного имущества в обеспечение явки подозреваемого или обвиняемого и исполнения возложенных обязанностей[4]. Суд при рассмотрении ходатайства оценивает объективные параметры размера залога с учетом тяжести обвинения, имущественного положения, данных о личности и конкретных рисков. Возможна инициатива как со стороны следователя, так и со стороны защиты, в том числе третьих лиц, согласных внести обеспечение. Судебное постановление должно содержать указание на размер, порядок внесения, перечень обязанностей, сроки и последствия нарушения. В случае уклонения или нарушения возложенных обязанностей залог обращается в доход государства по решению суда, при надлежащем исполнении — подлежит возврату в порядке, установленном процессуальным законом. Правовая природа залога как меры пресечения подчеркивает его двойственный характер: это не наказание, а обеспе-

[1]Петриченко В. В. О необходимости усиления роли прокурора в процессе избрания судом меры пресечения в виде заключения под стражу // Международный научный журнал «Флагман науки». – 2024. – № 6 (17). – С. 719.
[2]Акимов В. С. Особенности обеспечения состязательности при избрании мер процессуального принуждения и продлении срока их действия // У 261 Уголовное судопроизводство: правовое, криминалистическое, оперативно-розыскное обеспечение: сборник статей XXII. – 2024. – С. 46.
[3]Бобров В. К., Андреев А. В., Григорьев И. Б. Процессуальные и организационные полномочия следователя при обращении с ходатайством в суд // Криминологический журнал. – 2024. – № 3. – С. 27.
[4]Ендольцева А. А. Ходатайство об избрании меры процессуального принуждения или производстве следственного и иного процессуального действия: об унификации процессуальной формы // Юристъ-Правоведъ. – 2023. – № 1 (104). – С. 150.

чительная мера, соразмерная рискам и призванная заменить изоляционные ограничения при достижении процессуальных целей.

Процессуальная форма судебного рассмотрения ходатайств о мерах пресечения имеет несколько устойчивых элементов. Судья принимает ходатайство к производству при соблюдении требований к форме и содержанию и при наличии согласия прокурора, если оно требуется. Назначается судебное заседание с обеспечением явки участников. При наличии задержания лица действуют укороченные сроки, связанные с предельным временем содержания без судебного решения. Ходатайства по домашнему аресту, запрету определенных действий и залогу рассматриваются безотлагательно, а при необходимости обеспечения явки возможно применение доставки, видеоконференцсвязи и иных процессуальных механизмов, не нарушающих права на защиту. Рассмотрение осуществляется единолично судьей районного суда или гарнизонного военного суда в пределах территориальной подсудности, определяемой местом производства предварительного расследования либо местом задержания. Протокол судебного заседания ведется в соответствии со статьями 259 и 260 УПК РФ, замечания участников по протоколу подлежат рассмотрению в установленные сроки, что гарантирует проверяемость соблюдения процессуальной формы[1].

Стандарт судебной проверки предполагает анализ относимых и допустимых доказательств, представленных сторонами, а также активную позицию суда при выяснении обстоятельств, влияющих на выбор меры. Суд вправе отказать в удовлетворении ходатайства при недоказанности обстоятельств, свидетельствующих о реальности рисков, либо избрать более мягкую меру при наличии достаточности ее применения.

На практике востребована модель, при которой суд, признавая наличие оснований, одновременно конструирует систему альтернативных ограничений с учетом индивидуальных особенностей личности и криминологического профиля. Введения статьи 105.1 УПК РФ расширило инструментарий суда, позволив снижать репрессивность вмешательства при сохранении управляемости процессуальных рисков. Такое развитие соответствует принципам необходимости и соразмерности и отвечает тенденциям гуманизации уголовного судопроизводства.

Особенности мотивации судебных решений проявляются в требованиях к конкретике выводов и логической связи между установленными фактическими обстоятельствами и избранной мерой. Суды, руководствуясь статьями 7 и 108 УПК РФ, излагают доводы о наличии рисков, подтвержденных материалами дела, указывают, какие из обстоятельств по статье 99 УПК РФ учтены и почему альтернативные меры признаны недостаточными. При домашнем аресте и запрете определенных действий решения должны содержать исчерпывающий перечень ограничений и порядок контроля, при залоге — размер, субъект внесения и условия его обращения в доход государства. Недостаточная мотивированность рассматривается как существенное нарушение уголовно-процессуального закона и влечет отмену или изменение постановления при проверке вышестоящим судом[2].

Сроки и продление мер пресечения образуют еще один важный блок судебного контроля. По общему правилу заключение под стражу избирается на срок до двух месяцев с возможностью продления при наличии оснований, связанных со сложностью дела и необходимостью проведения следственных действий, что прямо вытекает из статьи 109 УПК РФ. Каждое продление требует нового судебного решения с оценкой динамики рисков и хода расследования, а также проверки добросовестности стороны обвинения в организации расследования[3].

Домашний арест продлевается в аналогичной процессуальной форме, при сохранении критериев необходимости. Запрет определенных действий и залог могут быть отменены или изменены при отпадении оснований либо при допущенных нарушениях со стороны лица. Процессуальная экономия не отменяет обязанности суда каждый раз давать обновленную мотивировку, отражающую актуальные данные о личности, поведении и состоянии дел[4].

Состязательность и равенство сторон обеспечиваются правом защиты знакомиться с материалами, приобщенными к ходатайству, представлять возражения, заявлять ходатайства о приобщении документов, приглашении свидетелей, исследовании медицинских заключений и характеристик. Суд предоставляет разумное время для подготовки позиции и не допускает внезапного изменения предмета рассмотрения без возможности у другой стороны отреагировать. При необходимости используются меры по охране тайны следствия и безопасности участников, при этом ограничения гласности применяются строго по основаниям, указанным в статье 241 УПК РФ, с обязательным указанием причин в резолютивной части решения.

Апелляционный и кассационный пересмотр судебных постановлений об избрании, продлении или изменении меры пресечения осуществляется в порядке, установленном разделом XI УПК РФ, с учетом особенностей обжалования промежуточных судебных решений. Жалоба подается в установленный законом срок, вышестоящий суд проверяет законность, обоснованность и справедливость постановления, анализируя полноту исследования обстоятельств, правильность применения материального и процессуального закона и достаточность мотивировки. По результатам рассмотрения возможно оставление постановления без изменения, его отмена с принятием нового решения либо направление материала на новое рассмотрение. Суд апелляционной инстанции вправе учитывать новые обстоятельства, в том числе документы о состоянии здоровья, условиях проживания, семейной нагрузке, что может обусловить замену меры на более мягкую.

Специфика залога как меры пресечения проявляется и в вопросах исполнения. После внесения средств или передачи иного имущества суд возлагает на обвиняемого обязанности явки по вызовам и соблюдения установленных ограничений. Контроль за исполнением осуществляется органом расследования, а при нарушении сторона обвинения вправе инициировать обращение залога в доход государства. Суд,

[1]Попов А. П., Питько Р. Ю. Обоснованность подозрения как условие избрания мер пресечения в российском уголовном процессе // Проблемы экономики и юридической практики. – 2024. – Т. 20. – № 2. – С. 111.
[2]Шигуров А. В. Проблемы правовой регламентации порядка рассмотрения судом вопроса об избрании или продлении срока мер пресечения в стадии подготовки к судебному заседанию // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2022. – №. 2 (17). – С. 30.
[3]Дябденков Э. В. Проблемные вопросы рассмотрения и разрешения ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу на примерах судебной практики // Социальные нормы и практики. – 2022. – №. 3. – С. 39.
[4]Титкова В. Е., Головинова Е. И. Проблемные вопросы применения меры пресечения домашний арест //Научный редактор. – 2025. – С. 9.

разрешая вопрос о судьбе залога, проверяет факт и характер нарушений, наличие причинно-следственной связи между нарушением и целями обеспечения явки и надлежащего поведения. В случае отсутствия нарушений при прекращении уголовного преследования, оправдании либо при замене меры пресечения на иную без необходимости обеспечения залог подлежит возврату лицу, его внесшему, по судебному решению[1].

Домашний арест и запрет определенных действий связаны с необходимостью технологического и организационного контроля. Суд при принятии решения оценивает возможность контроля посредством средств надзора и учетных мероприятий, а также готовность соответствующих органов обеспечить наблюдение. Невозможность контроля при прочих равных повышает вероятность признания таких мер недостаточными и выбора изоляционной меры. В то же время исправное функционирование контроля и положительные данные о личности создают условия для минимизации вмешательства в права и свободы, что соответствует закрепленному в УПК РФ приоритету менее строгих мер.

Особое значение имеет вопрос доказательственного стандарта при избрании меры пресечения. Суд не разрешает вопрос о виновности, но устанавливает наличие достаточных данных, указывающих на причастность лица к преступлению, и оценивает риски процессуального характера. Эта конструкция требует логически непротиворечивой и подтвержденной совокупности сведений, не сводящейся к предположениям. Суды исходят из необходимости фактической конкретизации угрозы скрыться или воспрепятствовать расследованию, подтвержденной материалами дела, характеристиками поведения и объективными данными. Сама по себе тяжесть обвинения учитывается, но не может иметь предрешающего значения без дополнительных обоснований. Такая позиция согласуется с общими началами уголовного судопроизводства о законности, уважении чести и достоинства личности и презумпции невиновности.

Процессуальные гарантии участника, в отношении которого решается вопрос об избрании меры пресечения, включают право на защитника с момента фактического задержания, право на переводчика, право представлять доказательства, участвовать в исследовании материалов, давать объяснения и выступать в прениях. Суд обязан обеспечить реальную возможность реализации этих прав, предоставляя достаточное время и условия для подготовки и заявления ходатайств. В случаях, когда лицо по состоянию здоровья не может явиться в суд, применяются механизмы дистанционного участия или иные организационные решения, не умаляющие гарантий справедливого разбирательства.

Наконец, необходимо отметить корреляцию между выбором меры пресечения и задачами уголовного судопроизводства. Судебное решение не должно подменять цель доказывания виновности и не должно становиться инструментом давления. Выбор меры пресечения выполняет обеспечительную функцию и подчиняется целям разумного баланса между интересами правосудия и правами личности. Такая методологическая установка проходит через нормы статей 97, 99, 100, 105.1, 106, 107, 108, 109 и 110 УПК РФ и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 41, формируя комплексный стандарт тщательной, индивидуализированной и мотивированной оценки.

Выводы. Судебный порядок рассмотрения ходатайств следователя об избрании мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий и залога строится на конституционной гарантии свободы, принципах законности, соразмерности и индивидуализации.

Проведенный анализ показывает, что современная модель судебного контроля за мерами пресечения опирается на конституционную презумпцию свободы и на процессуальные гарантии, детализированные в УПК РФ. Суд не решает вопрос о виновности, но обязан установить наличие достаточных данных, подтверждающих реальность процессуальных рисков, и определить минимально необходимый объем вмешательства. Такая логика выводит на первый план принцип соразмерности и потребность в индивидуализации, где каждая мера рассматривается через призму конкретных обстоятельств лица и особенностей расследуемого деяния. Содержание судебного решения должно отражать причинно-следственную связь между установленными фактами и избранной мерой, иначе вмешательство в сферу личной свободы теряет правовую легитимность.

Сроки и продление мер пресечения требуют не формальной, а содержательной переоценки. Каждый последующий период действия меры должен опираться на актуальные данные о ходе расследования, динамике рисков и поведении лица. Простое воспроизведение прежних доводов без проверки их жизнеспособности не соответствует смыслу судебного контроля. Такая обновленная оценка особенно важна при содержании под стражей и домашнем аресте, где течение времени способно менять соотношение между публичным интересом и правами личности. Суд обязан фиксировать, какие следственные действия выполнены, почему их проведение объективно затруднено, и по какой причине менее строгая мера по-прежнему недостаточна. Это стимулирует добросовестную организацию предварительного расследования и препятствует пролонгации ограничений по инерции.

Практика применения запрета определенных действий показывает потенциал гибкости и необходимость точности формулировок. Неопределенность запретов затрудняет контроль и ведет к риску непропорционального вмешательства. Судебное решение должно исключать двусмысленность и предусматривать понятный порядок контроля, включая, при необходимости, использование технических средств надзора. При домашнем аресте аналогичные требования касаются перечня ограничений, разрешенного времени выхода, коммуникаций и контактов. Такая детализация не является избыточной, поскольку служит гарантией предсказуемости и проверяемости исполнения, а также снижает вероятность конфликта толкований между органами расследования и защитой.

В отношении залога особое значение имеет корректное определение его размера и условий обращения в доход государства. Размер не должен превращать меру в карательную санкцию или в фикцию, лишенную обеспечительного эффекта. Суд учитывает имущественное положение, характер предъявленного обвинения и степень риска, формируя баланс между эффективностью обеспечения и доступностью альтерна-

[1]Султанова А. Ш. Деятельность следователя по избранию меры пресечения (по материалам территориального органа внутренних дел). – 2023. – С. 43.

тивы изоляции. Последствия нарушения возложенных обязанностей должны быть ясными и заранее понятными для всех участников, что укрепляет дисциплинирующую функцию залога и поддерживает доверие к институту.

Гарантии права на защиту при рассмотрении ходатайств о мере пресечения не сводятся к формальному присутствию защитника. Реальная возможность ознакомиться с материалами, высказать возражения, представить документы, в том числе медицинские заключения, характеристики и сведения о социальных связях, составляет содержание справедливого разбирательства на досудебной стадии. Суд, обеспечивая такие условия, снижает риск процессуальных ошибок и создает базу для устойчивых, мотивированных и труднопересматриваемых решений. В дальнейшем это положительно сказывается на апелляционной и кассационной проверке, где основной акцент смещается с восполнения пробелов мотивации к контролю за правильностью выводов и применением права.

Комплексный вывод состоит в том, что эффективность и справедливость судебного контроля достигаются сочетанием трех элементов. Во-первых, строгой доказательственной дисциплиной стороны обвинения, представляющей конкретные и проверяемые факты, а не общие предположения. Во-вторых, активной процессуальной ролью защиты, предлагающей альтернативные меры, показывающей способы нейтрализации рисков и подтверждающей укорененность и добросовестность поведения лица. В-третьих, последовательной и прозрачной мотивировкой суда, демонстрирующей индивидуальный подход и осмысленный выбор наименее репрессивного вмешательства, достаточного для достижения целей уголовного судопроизводства. Такая связка превращает судебное решение по мере пресечения в логически цельный акт, устойчивый к последующему пересмотру и отвечающий ожиданиям законности и предсказуемости.

Перспектива развития института связана с дальнейшим укреплением стандартов мотивировки и расширением практики применения альтернатив заключению под стражу при наличии реальных возможностей контроля. Технологические средства надзора, медицинские и социальные критерии оценки рисков, а также единообразие разъяснений высшей судебной инстанции будут и дальше определять качество судебных решений. При сохранении конституционного приоритета свободы и уважения достоинства личности эта эволюция обеспечивает баланс между интересами правосудия и правами человека, формируя устойчивую и гуманную модель досудебного судебного контроля в российском уголовном процессе.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. С изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. 1993. 25 дек. № 237 (853).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921; офиц. публ.: Российская газета. 2001. 22 дек. № 249.
3. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 дек. 2013 г. № 41 (в ред. от 27 мая 2025 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2; офиц. публ.: Российская газета. 2013. 26 дек. № 294 (6270).
4. Акимов В. С. Особенности обеспечения состязательности при избрании мер процессуального принуждения и продлении срока их действия // У 261 Уголовное судопроизводство: правовое, криминалистическое, оперативно-розыскное обеспечение: сборник статей XXII. – 2024. – С. 46 – 56.
5. Бобров В. К., Андреев А. В., Григорьев И. Б. Процессуальные и организационные полномочия следователя при обращении с ходатайством в суд //Криминологический журнал. – 2024. – № 3. – С. 24 – 30.
6. Горбатых И. М. Процессуальный порядок избрания домашнего ареста нуждается в совершенствовании //Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2023. – № 4. – С. 50 – 59.
7. Дябденков Э. В. Проблемные вопросы рассмотрения и разрешения ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу на примерах судебной практики //Социальные нормы и практики. – 2022. – №. 3. – С. 35 – 40.
8. Ендольцева А. А. Ходатайство об избрании меры процессуального принуждения или производстве следственного и иного процессуального действия: об унификации процессуальной формы //Юристъ-Правоведъ. – 2023. – №. 1 (104). – С. 149 – 154.
9. Петриченко В. В. О необходимости усиления роли прокурора в процессе избрания судом меры пресечения в виде заключения под стражу // Международный научный журнал «Флагман науки». – 2024. – № 6 (17). – С. 718 – 722.
10. Попов А. П., Питько Р. Ю. Обоснованность подозрения как условие избрания мер пресечения в российском уголовном процессе // Проблемы экономики и юридической практики. – 2024. – Т. 20. – № 2. – С. 104 – 112.
11. Султанова А. Ш. Деятельность следователя по избранию меры пресечения (по материалам территориального органа внутренних дел). – 2023. – 71 с.
12. Титкова В. Е., Головинова Е. И. Проблемные вопросы применения меры пресечения домашний арест // Научный редактор. – 2025. – С. 9 – 14.
13. Шигуров А. В. Проблемы правовой регламентации порядка рассмотрения судом вопроса об избрании или продлении срока мер пресечения в стадии подготовки к судебному заседанию // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2022. – № 2 (17). – С. 28 – 39.

References:

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12. 1993 As amended, approved. during the general discussion. voting on July 1, 2020 // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25. No. 237 (853).
2. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law. the law of 18 Dec. 2001, No. 174-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. Federation. 2001. No. 52 (part I). Article 4921; official publ.: Rossiyskaya Gazeta. 2001. 22 Dec. № 249.
3. On the practice of courts applying legislation on preventive measures in the form of detention, house arrest, bail and prohibition of certain actions: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Federation of 19 Dec. 2013 No. 41 (as amended dated May 27, 2025) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2014. No. 2; official publ.: Rossiyskaya Gazeta. 2013. December 26. № 294 (6270).
4. Akimov V. S. Features of ensuring competitiveness in the selection of measures of procedural coercion and the extension of their validity // U 261 Criminal proceedings: legal, criminalistic, operational investigative support: collection of articles XXII. – 2024. – pp.

46-56. 5. Bobrov V. K., Andreev A.V., Grigoriev I. B. Procedural and organizational powers of the investigator when applying to the court //Criminological Journal, 2024, No. 3, pp. 24-30.

6. Gorbatykh I. M. The procedural procedure for the election of house arrest needs to be improved. //Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 4. – pp. 50-59.
7. Dyabdenkov E. V. Problematic issues of consideration and resolution of the investigator's petition for the choice of a preventive measure in the form of detention on examples of judicial practice //Social norms and practices. – 2022. – No. 3. – pp. 35-40.
8. Endoltseva A. A. Petition for the election of a measure of procedural coercion or the production of investigative and other procedural actions: on the unification of the procedural form //Lawyer-Jurist. – 2023. – №. 1 (104). – Pp. 149-154.
9. Petrichenko V. V. On the need to strengthen the role of the prosecutor in the process of choosing a preventive measure in the form of detention by the court // International Scientific Journal "Flagship of Science". – 2024. – № 6 (17). – Pp. 718-722.
10. Popov A. P., Pitko R. Yu. The validity of suspicion as a condition for choosing preventive measures in the Russian criminal process // Problems of economics and legal practice. – 2024. – Vol. 20. – No. 2. – pp. 104-1112.
11. Sultanova A. S. The investigator's activity in choosing a preventive measure (based on the materials of the territorial body of internal affairs). - 2023. – 71 p.
12. Titkova V. E., Golovinova E. I. Problematic issues of the application of a preventive measure house arrest // Scientific editor. – 2025. – pp. 9-14.
13. Shigurov A.V. Problems of legal regulation of the court's consideration of the issue of choosing or extending the term of preventive measures in preparation for the court session // Humanitarian and political-legal studies. – 2022. – № 2 (17). – Pp. 28-39.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_290

УДК 343.81

АРЕСТ КАК ВИД УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ARREST AS A CRIMINAL PUNISHMENT: LEGAL BASES AND DEVELOPMENT PROSPECTS

БОГУНОВА Галина Валерьевна,
старший преподаватель, высшая школа публичного права,
Тихоокеанский государственный университет.
680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.
E-mail: 008698@togudv.ru;
КИРИЛЛОВ Николай Аркадьевич,
студент, Тихоокеанский государственный университет.
680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.
E-mail: 2023108038@togudv.ru;
BOGUNOVA GALINA V.,
Senior Lecturer, Higher School of Public Law, Pacific National University.
136 Pacific Street, Khabarovsk, 680035, Russia.
E-mail: 008698@togudv.ru;
KIRILLOV NIKOLAY A.,
student, Pacific National University.
136 Pacific Street, Khabarovsk, 680035, Russia.
E-mail: 2023108038@togudv.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматривается арест как один из видов уголовного наказания, предусмотренных уголовным законодательством Российской Федерации. Анализируются правовая природа, цели и особенности применения ареста, в том числе его отличия от других мер уголовно-правового характера, таких как или лишение свободы. Особое внимание уделяется условиям отбывания ареста, а также ограничениям, установленным законом. На основе норм Уголовного кодекса РФ и практики правоприменения автор делает вывод о специфике ареста как краткосрочной, но строгой меры наказания, сочетающей в себе элементы изоляции и дисциплинарного воздействия. В статье также затрагиваются вопросы целесообразности и эффективности данного вида наказания в современной системе уголовного правосудия.*

Abstract: *The article examines arrest as one of the types of criminal punishment provided for by the criminal legislation of the Russian Federation. It analyzes the legal nature, goals, and features of the application of arrest, including its differences from other criminal penalties, such as imprisonment. Special attention is paid to the conditions of serving arrest, as well as the restrictions established by law. Based on the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and the practice of law enforcement, the author concludes that arrest is a short-term but strict form of punishment that combines elements of isolation and disciplinary measures. The article also addresses the issues of the appropriateness and effectiveness of this type of punishment in the modern criminal justice system.*

Ключевые слова: *арест, уголовное наказание, система наказаний, арестные дома, исполнение наказаний.*
Keywords: *arrest, criminal punishment, system of punishments, detention centers, execution of punishments.*

Для цитирования: *Богунова Г.В., Кириллов Н.А. Арест как вид уголовного наказания: правовые основы и перспективы развития // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 290-293. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_290.*
For citation*: Bogunova G.V., Kirillov N.A. Arrest as a criminal punishment: legal bases and development prospects // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 290-293. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_290.*

Статья поступила в редакцию: 26.12.2025

Конституционно-правовые основы применения ареста закреплены в статье 55 Конституции Российской Федерации, которая допускает ограничение прав и свобод человека и гражданина в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [1]. При этом, согласно позиции Конституционного Суда РФ, арест как мера уголовно-правового характера должен соответствовать принципу соразмерности и не приводить к чрезмерному ограничению конституционных прав граждан. Правовая природа ареста основывается на положениях статьи 21 Конституции РФ, гарантирующей достоинство личности и запрещающей жестокое обращение, что обуславливает необходимость создания надлежащих условий отбывания данного вида наказания в арестных домах.

Арест как вид уголовного наказания занимает особое место в системе мер государственного принуждения в Российской Федерации. Арест как вид уголовного наказания представляет собой содержание осужденного в условиях строгой изоляции от общества на срок от одного до шести месяцев [2]. Согласно статье 54 Уголовного кодекса Российской Федерации, арест устанавливается за преступления небольшой и средней тяжести и может применяться в случаях, когда цели наказания не могут быть достигнуты иными мерами уголовно-правового характера. Сущность ареста заключается в сочетании элементов кары и воспитательного воздействия, что проявляется в кратковременном, но интенсивном ограничении прав и свобод осужденного. Особенностью данного вида наказания является его направленность на создание условий для осознания противоправности совершенного деяния без длительной изоляции от общества, что соответствует принципу гуманизма в уголовном праве, осужденный отбывает весь срок наказания, как правило, в одном арестном доме [6, с.290].

Согласно статье 69 Уголовно-исполнительного кодекса (УИК) РФ, арест заключается в строгой изоляции осужденного от общества и

осуществляется в арестных домах. В соответствии со статьей 70 УИК РФ, осужденные к аресту, содержатся в условиях строгой изоляции в общих камерах, а при необходимости — в одиночных камерах. Особый режим отбывания данного наказания регламентирован статьей 71 УИК РФ, которая устанавливает, что осужденные не имеют права на получение посылок, передач и бандеролей, за исключением необходимой одежды по сезону [3].

Как справедливо отмечает профессор А. В. Наумов, арест представляет собой наиболее строгий вид наказания, не связанный с длительным лишением свободы [7, с. 45]. Это утверждение подчёркивает особую роль ареста в системе уголовных наказаний: он сочетает в себе элементы изоляции и краткосрочного воздействия, не переходя при этом в категорию длительных мер уголовно-правового характера. В отличие от других видов наказаний, арест направлен на немедленное и ощутимое ограничение личной свободы осуждённого, но при этом сохраняет временные рамки, которые не позволяют отнести его к тяжким мерам уголовного наказания.

В системе наказаний, предусмотренных статьёй 44 Уголовного кодекса Российской Федерации, арест занимает особое положение, находясь по своей строгости и содержанию между ограничением свободы и лишением свободы на определённый срок. Проведённый сравнительный анализ позволяет выделить следующие отличительные характеристики ареста: в отличие от ограничения свободы, арест предполагает полную изоляцию осуждённого от общества — он отбывается в специализированных арестных домах или изоляторах временного содержания, где осуждённый находится под постоянным надзором и не имеет возможности свободно передвигаться за пределами учреждения. В то же время, по сравнению с лишением свободы, арест назначается на значительно меньший срок — от одного до шести месяцев — и предполагает особые условия отбывания, которые не включают в себя трудовую деятельность, обязательную для осуждённых к лишению свободы. Кроме того, режим содержания при аресте, хоть и строгий, не предполагает длительной адаптации к пенитенциарной среде, что делает его менее разрушительным для социальных связей осуждённого.

Арест также чётко отличается от содержания в дисциплинарной воинской части, которое применяется исключительно к военнослужащим, проходящим военную службу по призыву или по контракту, и связано с нарушением уставных требований. В то же время арест может быть назначен любому лицу, достигшему возраста уголовной ответственности и не имеющему ограничений, предусмотренных законом. Условия исполнения этих двух видов наказаний также принципиально различаются: содержание в дисциплинарной воинской части предполагает выполнение воинских обязанностей в условиях усиленного уставного режима, в то время как арест — это полная изоляция без привлечения к какой-либо деятельности.

Важной особенностью ареста является то, что он не связан с привлечением осуждённого к труду, что чётко отличает его от таких видов наказаний, как исправительные или принудительные работы. В то время как при исправительных и принудительных работах осуждённый продолжает находиться в обществе и выполнять трудовые обязанности с удержанием части заработка в доход государства, арест полностью исключает возможность трудовой деятельности и предполагает исключительно карательную функцию. Более того, по сравнению с принудительными работами арест предполагает более строгий режим содержания: осуждённый находится под надзором круглосуточно, его передвижения и контакты жёстко регламентированы, а условия быта значительно ограничены. Таким образом, арест выступает как краткосрочная, но интенсивная мера уголовного воздействия, сочетающая в себе элементы изоляции и дисциплинарного воздействия без привлечения, осуждённого к производственной или общественной деятельности [9, с.139].

Юридическая природа ареста характеризуется как мера государственного принуждения, сочетающая карательные и воспитательные элементы. Специфическими признаками ареста являются: краткосрочность применения, строгая изоляция от общества, специальные условия содержания, индивидуальный подход к исполнению наказания. Особенностью ареста является его целевая направленность на шоковое воздействие на осужденного, способствующее предотвращению рецидива преступлений. Правовой анализ показывает, что арест сохраняет все существенные признаки уголовного наказания: государственно-принудительный характер, личностную направленность, кару и правовосстановительный потенциал. При этом арест обладает специфическими чертами, отличающими его от других видов наказаний, что обусловливает его самостоятельное значение в системе уголовно-правовых мер воздействия.

В современный период значение ареста возрастает в контексте гуманизации уголовной политики., Арест позволяет избежать негативных последствий длительной изоляции, сохраняя при этом карательный потенциал наказания.

Таким образом, арест представляет собой самостоятельный вид уголовного наказания, сочетающий элементы строгой изоляции с краткосрочностью отбывания и выполняющий важные превентивные функции в системе уголовно-правового воздействия.

Согласно статье 54 Уголовного кодекса РФ, арест может назначаться совершеннолетним осужденным, совершившим преступления небольшой и средней тяжести. Законодатель устанавливает строгие ограничения относительно субъектов применения данного вида наказания, в частности, арест не может применяться к: несовершеннолетним, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до 14 лет, лицам, не достигшим 18-летнего возраста к моменту совершения преступления. Такие ограничения обусловлены повышенной строгостью режима содержания и целью минимизации негативных социальных последствий [5, с.25].

Продолжительность ареста устанавливается в пределах от одного до шести месяцев, а в случае замены обязательных работ или исправительных работ арестом он может быть назначен на срок менее одного месяца. Исчисление срока ареста регламентируется статьей 72 УК РФ и осуществляется в месяцах, при этом особенностью является его строгая привязка к календарному времени без зачета времени предварительного заключения.

Процессуальные особенности назначения ареста требуют соблюдения специальных процедур. Суд обязан учитывать характер и сте-

пень общественной опасности преступления, личность виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства. Процессуальный порядок включает проведение судебного заседания с обязательным участием обвиняемого, исследование материалов, характеризующих личность подсудимого, учет заключения уголовно-исполнительной инспекции и вынесение мотивированного постановления. Особое значение при назначении ареста приобретает принцип индивидуализации наказания, требующий тщательного анализа всех обстоятельств дела. Важной процессуальной гарантией является право подсудимого обжаловать приговор в апелляционном порядке в соответствии с главой 45.1 УПК РФ.

Таким образом, анализ условий и порядка назначения ареста по российскому законодательству позволяет определить, что данный вид наказания обладает сложной правовой природой, сочетающей элементы строгой изоляции с краткосрочностью применения. Уголовный кодекс РФ устанавливает четкие критерии назначения ареста, включая ограниченный круг лиц, к которым может применяться данное наказание. Продолжительность ареста регламентирована в пределах, с особым порядком исчисления срока, исключающим зачет времени предварительного заключения. Процессуальный порядок назначения ареста требует от суда тщательного соблюдения принципа индивидуализации наказания, обязательного учета характера и степени общественной опасности преступления, личности виновного, а также смягчающих и отягчающих обстоятельств. Однако существующее правовое регулирование сталкивается с серьезными проблемами практической реализации, обусловленными отсутствием необходимой инфраструктуры арестных домов и подзаконных актов, детально регламентирующих порядок отбывания данного вида наказания, что в значительной степени ограничивает его применение в современной судебной практике.

Анализ судебной практики свидетельствует о минимальном применении ареста как вида уголовного наказания. Согласно статистическим данным, доля ареста в общей структуре назначаемых наказаний не превышает 0,1%. Основными причинами редкого применения ареста являются отсутствие необходимой инфраструктуры — арестных домов, а также недостаточная правовая регламентация порядка исполнения данного вида наказания.

Создание и функционирование арестных домов сталкивается с комплексом организационных и финансовых проблем. На сегодняшний день в России отсутствует сеть специализированных учреждений для отбывания ареста. Первоначальные планы по строительству арестных домов не были реализованы из-за недостаточного финансирования и отсутствия четких стандартов организации таких учреждений. Отсутствие арестных домов делает практически невозможным реальное исполнение данного вида наказания, несмотря на его законодательное закрепление.

Информация о попытках создания первого арестного дома в Москве ограничивается лишь фактом выделения площадки для строительства в 2009 году, которое так и не было начато. На сегодняшний день все проекты по организации арестных домов остаются нереализованными. В связи с этим оценка перспектив практического применения судами данного вида наказания не представляется. [9, с.141]. Федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)», утверждённая постановлением Правительства РФ, целью которой является приведение условий содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в соответствие с законодательством Российской Федерации и международными стандартами, а также условия отбывания наказания осуждёнными в соответствие с законодательством РФ, не предусматривает финансирования строительства арестных домов [4].

Несмотря на истечение более 25 лет с момента введения ареста в УК РФ, до сих пор не принят федеральный закон, детально регулирующий порядок отбывания этого наказания.

Существенной проблемой остается отсутствие подзаконных актов, регламентирующих порядок отбывания ареста. Пробелы в правовом регулировании создают почву для произвола и нарушений прав осужденных. Не разработаны ведомственные нормативные акты, определяющие условия содержания осужденных, режимные требования, порядок предоставления свиданий, получение передач и посылок, медицинское обеспечение и другие аспекты исполнения данного вида наказания. Принятие подзаконных актов позволило бы реализовать потенциал ареста как эффективной альтернативы лишению свободы и другим видам наказания.

Таким образом, создание и функционирование арестных домов в Российской Федерации сталкивается с системными проблемами, носящими комплексный характер и приводящими к фактической невозможности реализации ареста как вида уголовного наказания. Основными препятствиями являются финансово-экономические барьеры, выражающиеся в недостаточном бюджетном финансировании строительства и содержания специализированных учреждений, что делает первоначальные планы по созданию сети арестных домов практически неосуществимыми. Организационные сложности проявляются в отсутствии утвержденных стандартов и требований к созданию и функционированию подобных учреждений, включая вопросы кадрового обеспечения, материально-технического оснащения и разработки регламентов деятельности. Нормативно-правовые пробелы усугубляют ситуацию, поскольку неразработанность подзаконной базы, регламентирующей порядок функционирования арестных домов, создает правовой вакуум в вопросах организации режима содержания осужденных, их медицинского обеспечения, трудовой занятости и воспитательной работы. Сложившаяся ситуация не только ограничивает применение судами данного вида наказания, но и снижает эффективность всей системы уголовного наказания, нарушая принцип неотвратимости наказания и требуя безотлагательного комплексного решения на законодательном и исполнительном уровнях.

Анализ зарубежного опыта применения краткосрочного лишения свободы демонстрирует различные модели реализации данного вида наказания. В странах Европейского союза (Германия, Франция) арест применяется как эффективная альтернатива длительному лишению свободы за преступления небольшой тяжести. Особого внимания заслуживает германская модель, где создана разветвленная сеть арестных учреждений с дифференцированными режимами содержания. Французская система исполнения ареста характеризуется акцентом на ресоциализацию, включая обязательные программы психолого-педагогического воздействия. Скандинавские страны (Швеция, Норвегия) делают упор на создание

условий, минимизирующих негативные последствия изоляции, с применением индивидуальных планов отбывания наказания.

Проведенный анализ подтверждает целесообразность сохранения ареста как вида уголовного наказания ввиду его потенциала. Арест, будучи краткосрочной, но строгой мерой, сочетающей изоляцию, способен эффективно выполнять превентивные функции, не приводя к глубокой социальной дезадаптации осужденного. Однако этот потенциал остается нереализованным из-за системных проблем: отсутствия сети арестных домов, недостаточной законодательной регламентации и финансовых барьеров. Таким образом, преобразовав арест из формальной нормы в реально действующий механизм, можно усилить гибкость и гуманизм уголовного наказания.

Совершенствование законодательной регламентации ареста требует комплексного подхода. Первоочередной мерой должна стать разработка и принятие федерального закона "О порядке отбывания ареста", который бы детально регулировал условия содержания осужденных, их права и обязанности. Целесообразно внести изменения в Уголовный кодекс РФ, расширив возможности применения ареста за счет введения дополнительных оснований для замены им других видов наказаний. Важным направлением реформирования является дифференциация режимов содержания в зависимости от личности осужденного и характера совершенного преступления. Необходимо законодательно закрепить механизмы социально-психологической работы с осужденными, установить стандарты медицинского обеспечения, регламентировать порядок свиданий и передач. Особого внимания требует разработка процедур общественного контроля за условиями содержания в арестных домах. Отсутствие действующих арестных домов, о чем упоминалось ранее, напрямую связано с финансовыми препятствиями. Реализация первоначального плана по строительству двух учреждений в каждом регионе требовала затрат, которые превышали бюджетные возможности даже в наиболее благополучные экономические периоды, что и обусловило невозможность практического применения данного вида наказания [8, с.91].

При сохранении ареста как вида уголовного наказания, необходимо отметить, что в отличие от длительного лишения свободы, арест минимизирует риски социальной дезадаптации, исключая привыкание к криминальной субкультуре и сохраняя личностные характеристики осужденного, поэтому Арест нецелесообразно назначать лицам, которые ранее отбывали наказание в местах лишения свободы.

Создание эффективной системы арестных домов в современных условиях требует учета региональных особенностей и применения поэтапного подхода. На первоначальном этапе целесообразно создание арестных домов в административных центрах федеральных округов с последующим распространением опыта на другие регионы. Финансирование строительства и содержания арестных домов может осуществляться через сочетание федеральных и региональных источников. Перспективным направлением является использование государственно-частного партнерства при строительстве и эксплуатации арестных домов. Организационная структура арестных домов должна включать психологические службы, медицинские кабинеты, помещения для трудовой деятельности. Особое внимание следует уделить подготовке специалистов для работы в арестных домах, разработав специальные образовательные программы повышения квалификации. Ключевым фактором успеха является разработка и внедрение стандартов оснащения арестных домов, обеспечивающих как безопасность, так и соблюдение прав человека.

Список литературы:

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)// http://pravo.gov.ru.
2. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025)// "Российская газета", № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации" от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 07.04.2025)// "Собрание законодательства РФ", 13.01.1997, № 2, ст. 198.
4. Распоряжение Правительства РФ от 23.12.2016 № 2808-р <Об утверждении Концепции федеральной целевой программы "Развитие уголовно-исполнительной системы (2017 - 2025 годы)// http://pravo.gov.ru.
5. Авдеева Е. В. Законодательные вопросы регламентации ареста как вида уголовного наказания и перспективы его реализации // Адвокатская практика.- 2021.- № 3.- С. 24-28.
6. Исаева Л.А., Вахитова Г.Р. "Арест как вид уголовного наказания" // Аллея науки № 4 (20), 2018 г., С: 289-290.
7. Наумов А. В., Кибальник А. Г.. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. —с. 45— (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18585-0. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/56262.
8. Рагулин А.В. К вопросу о необходимости сохранения ареста в числе видов уголовных наказаний, установленных в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2017. № 1(26). С. 90-93.
9. Шатанкова Е. Н., Левченко А. И. Арест как вид уголовного наказания-миф или реальность // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова.- 2023.- № 1 (94).- С. 138-143.

References:

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020)// http://pravo.gov.ru
2. "The Criminal Code of the Russian Federation" dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 15.10.2025)// Rossiyskaya Gazeta, No. 113, 18.06.1996, No. 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.
3. The Penal Enforcement Code of the Russian Federation" dated 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended on 07.04.2025)// "Collection of Legislation of the Russian Federation", 13.01.1997, No. 2, art. 198.
4. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 23, 2016 No. 2808-r <On Approval of the Concept of the Federal Target program "Development of the Criminal Executive System (2017-2025)// http://pravo.gov.ru .
5. Avdeeva E. V. Legislative issues of regulation of arrest as a type of criminal punishment and prospects for its implementation // Law practice.- 2021.- No. 3.- pp. 24-28.
6. Isaeva L.A., Vakhitova G.R. "Arrest as a type of criminal punishment" // Alley of Science No. 4 (20), 2018, pp. 289-290.
7. Naumov A.V., Kibalnik A. G. Criminal law. General part : textbook for universities — 6th ed., revised and add. Moscow : Yurait Publishing House, 2025, p. 45 — Higher education). — ISBN 978-5-534-18585-0. — Text : electronic // Educational platform Yurayt [website]. — URL: https://urait.ru/bcode/56262
8. Ragulin A.V. On the issue of the need to preserve arrest among the types of criminal penalties established in the Russian Federation // Eurasian Advocacy. 2017. No. 1(26). pp. 90-93.
9. Shatankova E. N., Levchenko A. I. Arrest as a type of criminal punishment-myth or reality // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov.- 2023.- № 1 (94).- Pp. 138-143.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_294

УДК 12.00.08 (0043)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ГИПНОЗА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ
LEGAL REGULATION OF THE USE OF HYPNOSIS UNDER RUSSIAN LAW

КУДРЯВЦЕВА Надежда Алексеевна,
к.ю.н., доцент кафедры Юриспруденция Дальневосточного филиала
ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации»,
судья Камчатского краевого суда в почетной отставке.
683003, Российская Федерация, Камчатский край, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Вилюйская, д.25.
E-mail: Kudna1@yandex.ru;

KUDRYAVTSEVA Nadezhda Alekseevna,
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Far Eastern Branch
of the All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation,
judge of the Kamchatka Regional Court in honorable retirement.
Kamchatka Territory, Petropavlovsk-Kamchatsky, Vilyuyskaya str., 25, Russian Federation.
E-mail: Kudna1@yandex.ru 683003,

Краткая аннотация: *В статье проведен анализ нормативных актов России принятых в различные исторические периоды и посвященных вопросам правового регулирования применения гипноза как в медицинских, так и в немедицинских целях; рассмотрена проблема отсутствия такого нормативного регулирования в настоящее время; вопросы ответственности за применение гипнотехник в немедицинских целях.*

Abstract: *This article analyzes the Russian regulations adopted in various historical periods and devoted to the legal regulation of the use of hypnosis for both medical and non-medical purposes. It also addresses the issue of the lack of such regulatory framework at present and the responsibility for the use of hypnosis for non-medical purposes.*

Ключевые слова: *гипноз, административная ответственность, уголовная ответственность, нормативные акты, правовое регулирование.*

Keywords: *hypnosis, administrative liability, criminal liability, regulations, legal regulation.*

Для цитирования: *Кудрявцева Н.А. Правовое регулирование применения гипноза по законодательству России // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 294-296. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_294.*

For citation*: Kudryavtseva N.A. Legal regulation of the use of hypnosis under Russian law // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 294-296. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_294.*

Статья поступила в редакцию: 09.11.2025

Развитие телекоммуникационных технологий, сети «Интернет» и социальных сетей привело к увеличению объявлений о предоставлении услуг «целителей», в том числе, использующих методы гипноза.

Изучение приговоров и следственной практики, особенно по уголовным делам о мошеннических действиях, свидетельствует о том, что потерпевшие нередко заявляют о воздействии на них в процессе совершения преступления, когда они «не осознавали последствий своего поведения». Однако вопрос о применении гипноза в криминальных целях в настоящее время остается недостаточно исследованным, одной из проблем является и сложность доказывания его применения. Комплексные исследования указанного вопроса проведены в работах Гримарка Л.П. [5] и Седых Л.В. [16].

Указанные факторы свидетельствуют о необходимости изучения вопросов правового регулирования правомерности применения гипноза как в медицинских, так и в немедицинских целях.

Термин «гипноз» с греческого «hypnos» переводится как «сон». Впервые этот термин ввел французский врач и ученый Этьен Фелликс д'Эннеде Кувиллер приблизительно в 1820 году [13].

В России интерес к гипнозу появился в XIX веке, но был не был так распространен как в Европе. Ведущие русские врачи и выдающиеся деятели в области исследования медицины достаточно активно участвовали в международных конгрессах и конференциях, на которых обсуждались и вопросы применения гипноза в медицинских целях, проходили учебу и стажировки в различных научных центрах Европы, что способствовало распространению и изучению методик гипноза в России [18, с. 75, 89].

Постепенно в России также стал накапливаться опыт и научные знания в указанной области. Выдающимися русскими исследователями в области гипноза являются Ю. Охорович, К.И. Платонов, В.Я. Данилевский, А.А. Токарский, М.П. Кутанин (основатель первой в России школы гипноза), Ф.Е. Рыбаков, В.М. Бехтерев, И.П. Павлов.

Однако гипноз в России стал применяться не только в медицинских целях, возросло количество “целителей”, гастролирующих “гипнотизеров”, которые параллельно с эстрадными выступлениями проводили сеансы лечения от алкоголизма и других болезней [3].

Возможности гипноза не остались незамеченными и криминальной средой. В 1896 году в России впервые расследовалось уголовное дело, в котором способом совершения преступления явилось использование гипноза, интересным фактом является то, что именно В.М. Бехтерев выступал экспертом по указанному делу, а гипноз применялся и для получения показаний у подследственной.

Законодатель вынужден был признать необходимость регулирования деятельности, связанной с применением гипноза. На опасность применения методов гипноза в немедицинских целях обращалось внимание еще в законодательных актах Российской Империи. В частности, в ст. 130 Свода законов Российской империи использование гипноза разрешалось только врачам. В ст. 1526 Уложения о наказаниях 1845г. Изнаси-

лование лица приведенного в состояние «неестественного сна» признавалось квалифицирующим признаком, а в соответствии со ст. 92 принуждение от непреодолимой силы (к которой относили и гипноз) признавалось обстоятельством, исключающим преступность деяния [14].

Дальнейшее развитие нормативного регулирования гипноза связано с гастролями в России Дан Карл Хенсена, который проводил сеансы гипноза, на одном из которых присутствовал совещательный член Медицинского совета при Министерстве Внутренних дел Российской империи профессор Мержеевский И.П. В последующем, от новгородского общества врачей в Медицинский совет поступило ходатайство «О воспрещении в России публичных гипнотических выступлений».

Предписанием медицинского Департамента № 4682 от 9 июля 1890 г. были запрещены «публичные сеансы гипноза», применение гипноза разрешалось только врачам с разрешения административных властей [9].

В постреволюционный период в СССР принят Циркуляр НКЗ РСФСР № 90 от 19 апреля 1923 г. «О запрещении публичных демонстраций гипнотических сеансов», который запрещал немедицинское использование гипнбоза [9].

Применение гипноза разрешалось только врачам в соответствующих государственных и научных учреждениях и в исключительных случаях на дому по специальному письменному разрешению Народного комиссариата здравоохранения на основании инструкции, издаваемой Народным комиссариатом здравоохранения по соглашению с Народным комиссариатом юстиции (п. 18 Декрета ВЦИК и СНК от 1 декабря 1924 г. «О профессиональной работе и правах медицинских работников» применение гипноза) [10] .

30 декабря 1924 г. НКЗ и НКЮ утверждена Инструкция по применению гипноза, которой достаточно подробно устанавливались правила применения гипноза врачами. Применение гипноза в частных медицинских учреждения допускалось при наличии специального разрешения Наркомздрава. Применение такого метода лечения на дому было возможно лишь такая методика в присутствии второго медицинского работника, сестры, лепкома (помощник врача) или близкого родственника больного.

Предъявлялись и специальные требования к лицам, имеющим право использовать указанные методы – ими могли быть лишь врачи - специалистам в области психиатрии или неврологии со стажем работы не менее пяти лет в клиниках, научных учреждениях и больших больницах органов здравоохранения.

Подробно регламентирована была и процедура - в истории болезни пациента и в специальной книге подробно излагались сведения о сеансе, отмечались все последующие сеансы гипноза, содержание внушаемых идей, степень гипнотического состояния [6].

Однако со временем, стало понятно, что сеанс гипноза основан на полном доверии пациента и врача и наличие при сеансе иных лиц может затруднить возможность применения гипноза, в связи с чем в 1957 году Министерством здравоохранения СССР утверждено «Методическое письмо по применению гипноза в лечебных целях». В указанных методических рекомендациях значительно упрощалась процедура гипноза, врач лишь имел право пригласить второго медицинского работника или свидетеля, если опасался шантажа со стороны пациента [15].

Несмотря на разрешение применения гипноза в Советском союзе лишь в медицинских целях в 1933 года Г. Гутман (Тимур Булат) стал применять гипноз как эстрадное искусство и выступал более шестидесяти лет со своими эстрадными номерами, объехав с гастролями всю страну. Позже появились и иные эстрадные гипнотизеры, такие как Н. Орнальдо (Н.А. Смирнов), Кастелло и ряд др. Отдельно необходимо упомянуть выступления В. Мессинга, которого иногда так же указывают как гипнотизера, но, он никогда на своих выступлениях не указывал, что применяет указанные методы, подчеркивая, что применение гипноза в СССР запрещено [8].

В настоящее время законодательного регулирования возможности применения гипноза в РФ практически нет. Нормативные акты советского периода до сих пор действуют, то есть формально гипнозом в РФ могут заниматься только медицинские работники.

13 июня 1996 года Министерством здравоохранения и медицинской промышленности принимался приказ № 245 которым регулировались вопросы применения психологического и психотерапевтического воздействия на человека, в частности такое воздействие разрешалось только в учреждениях здравоохранения, лицам, имеющим лицензию на данный вид деятельности и при условии тщательного отбора пациентов на индивидуальном приеме. Приказом Минздравсоцразвития от 4 июня 2007 г. № 395 в связи с отказом в государственной регистрации данный приказ был отменен и в настоящее время иных нормативных актов регулирующих указанные правоотношения не принято [12].

В приказе Минздравсоцразвития РФ от 7 июля 2009 года «Об утверждении квалификационных требований к специалистам с высшим и послевузовским медицинским и фармацевтическим образованием в сфере здравоохранения» упоминается, что врачи могут выбирать направления работы (гипноз, психоанализ, гипнотерапия) [10, 11]. Единственный специальный лицензируемый учебный курс «Гипнотерапия» был утвержден образовательной программой НОУ ДПО Кировского института практической психологии.

Министерство здравоохранения СССР в 1989 году в обход действующего законодательства дало разрешение А. Кашпировскому на проведение психопрофилактических бесед по телевидению. Вместе с тем, указанное разрешение было отозвано, поскольку подобная деятельность была признана неконтролируемым массовым гипнозом [1].

Применение гипноза лицами, не имеющими медицинского образования, в настоящее время квалифицируется по ст. 6.2 КоАП РФ «Незаконное занятие народной медициной». Хотя сложно гипноз отнести к «народной медицине», однако именно по указанной статье в свое время неоднократно привлекали к административной ответственности А. Кашпировского, который осуществляя свои сеансы гипноза, вообще не имея никаких разрешительных документов [7].

Следует отметить, что в ряде стран деятельность гипнотерапевтов признается медицинской профессией (США, Новая Зеландия, Германия, Великобритания), к лицам, занимающихся гипнотерапия предъявляются ряд требований, в том числе, наличие специального медицинского образования, сертификации, лицензии и т.п. Однако единственной страной, где достаточно четко на законодательном уровне регламентировано

применение гипноза, является Израиль [4]. С 1984 года в Израиле действует специальный закон о гипнозе, которым установлены требования к лицам имеющим право осуществления практики гипноза: обязательное наличие лицензии, медицинского образования необходимого стажа работы [2].

В качестве вывода можно отметить, что в России необходимо на законодательном уровне урегулировать вопросы применения гипноза в медицинских целях, закрепить требования к специалистам, разработать программы подготовки таких специалистов.

Рассмотреть вопрос о последствиях применения гипнотехник в немедицинских целях, более четко определиться с вопросом ответственности за применение гипноза в немедицинских целях, поскольку действующая редакция ст. 6.2 КоАП РФ фактически не охватывает такие деяния.

Отсутствие правовой базы порождает возможность фактического бесконтрольного применения такого рода техник, которые и при применении их медицинскими работниками зачастую продолжают вызывать споры, применение же их лицами не имеющими соответствующего образования способно поставить под угрозу здоровье людей, может являться способом совершения преступлений и правонарушений.

Список литературы:

1. Анатолий Кашпировский попал под суд за сеансы без лицензии Минздрава.- - URL: https://pravo.ru/news/view/119994/ (дата обращения: 15.09.2025).
2. База данных для поиска медицинских работников в сфере гипноза, получивших от Министерства здравоохранения лицензию на работу по своей специальности // Министерство здравоохранения Государства Израиль. - URL: https://www.health.gov.il/Russian/Subjects/MedicalAndHealthProfessions/Hypnosis/Pages/default.aspx (дата обращения: 15.09.2025).
3. Выдошенко, Е. В. О возможности применения гипноза как нетрадиционного способа в оперативно-розыскной деятельности / Е. В. Выдошенко // 100 лет уголовному розыску России: история, современность, перспективы : Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 08 ноября 2018 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2018. – С. 30. – EDN BAOKHG.
4. Гипноз // Министерство здравоохранения Государства Израиль. - URL: https://www.health.gov.il/Russian/Subjects/MedicalAndHealthProfessions/Hypnosis/Pages/default.aspx (дата обращения: 15.09.2025).
5. Гримарк, Л.П. Гипноз и преступность. - М: Республика, 1997. - 304 С. – URL: https://djvu.online/file/UqNv3cdHKeGI3 (дата обращения: 10.09.2025).
6. Инструкция по применению гипноза: Циркуляр Наркомюста РСФСР № 215, Наркомздрава РСФСР № 23 от 27.10.1925 // Циркуляры СССР 1917-1992. – URL: https://wfi.lomasm.ru/русский.циркуляры_ссср_1917-1992/циркуляр_наркомюста_рсфср_n_215._наркомздрава_рсфср_n_23_от_27.10.1925_инструкция_по_применению_гипноза (дата обращения: 20.09.2025).
7. Кашпировского проверили и привлекли к ответственности / РИА Новости, 07.06.2008. - URL: https://ria.ru/20061219/57237902.html (дата обращения: 15.09.2025).
8. Китаев Н.Н. «Кримминалистический экстрасенс» Вольф Мессинг: правда или вымысел // http://www.biophys.ru/archive/bulletin/vzn_04_p62.pdf (дата обращения 06.11. 2025)
9. Кулев В. К., Зимина М. Ю., Батерякова, А. Р. Гипноз как средство, способствующее совершению преступлений: дискуссионные вопросы // НиКа. 2010. №. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gipnoz-kak-sredstvo-sposobstvuyuschee-soversheniyu-prestupleniy-diskussionnye-voprosy (дата обращения: 23.09.2025).
10. О профессиональной работе и правах медицинских работников: Декрет ВЦИК и СНК 1 декабря 1924 г. / Электронная библиотека исторических документов (ЭБИД). - URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/371738-o-professionalnoy-rabote-i-pravah-meditsinskih-rabotnikov-dekret-vtsik-i-snk-1-dekabrya-1924-g#mode/inspect/page/5/zoom/4 (дата обращения: 20.09.2025).
11. Об утверждении квалификационных требований к специалистам с высшим и послевузовским медицинским и фармацевтическим образованием в сфере здравоохранения: Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 7 июля 2009 г. № 415н // Официальный сайт Министерства здравоохранения Российской Федерации. -URL: https://minzdrav.gov.ru/documents/8958 (дата обращения: 20.09.2025).
12. Об упорядочивании применения методов психологического и психофизического воздействия: Приказ Минзравмедпрома от 13.06.1996 № 245 // Приказы : Минздрав России. / Сборник. 1996. – Часть 1», М: «Интерсен», 1999.
13. Полный курс гипноза. Паттерны гипнотических техник Милтона Эриксона / Гриндер Джон, Бэндлер Ричард, Делозье Джудит, Эриксон Милтон. – Москва : АСТ, 2025. – 22 с.
14. Полное собрание законов Российской Империи: состав собрания. – URL: https://nlr.ru/eres/law_r/content.html (дата обращения: 15.09.2025).
15. Рожнов В.Е. Методическое письмо по применению гипноза в лечебных целях [Утв. Гл. мед. инспекцией 15/III 1957 г.] / М-во здравоохранения СССР. — Москва : Б. и., 1957. — 15 с.
16. Седых, Л.В. Преступления, совершаемые с применением гипноза: особенности квалификации и предупреждения // специальность 12.00.08 – «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Седых Лидия Васильевна. – Саратов, 2012. – 234 с. - URL: https://www.dissercat.com/content/prestupleniya-sovershaemye-s-primeneniem-gipnoza-osobennosti-kvalifikatsii-i-preduprezhdeniy
17. Систематическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета РСФСР и решений Правительства РСФСР. М., 1967. Т.10. –125 с.
18. Федулина Н.Ю. Отечественная психология в контексте мировой науки //Методология и история психологии. 2011. Том 6 вып. 2 С.74- 91

References:

1. Anatoly Kashpirovsky was put on trial for conducting sessions without a license from the Ministry of Health.- - URL: https://pravo.ru/news/view/119994/ (accessed on 15.09.2025).
2. Database for finding medical professionals in the field of hypnosis who have received a license from the Ministry of Health to work in their specialty // Ministry of Health of the State of Israel. - URL: https://www.health.gov.il/Russian/Subjects/MedicalAndHealthProfessions/Hypnosis/Pages/default.aspx (accessed on 15.09.2025).
3. Vydoshenko, E. V. On the Possibility of Using Hypnosis as an Unconventional Method in Operational Investigative Activities / E. V. Vydoshenko // 100 Years of Criminal Investigation in Russia: History, Modernity, and Prospects : Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 8, 2018. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018. – P. 30. – EDN BAOKHG.
4. Hypnosis // Ministry of Health of the State of Israel. - URL: https://www.health.gov.il/Russian/Subjects/MedicalAndHealthProfessions/Hypnosis/Pages/default.aspx (accessed: 15.09.2025).
5. Grimark, L.P. Hypnosis and criminality. Moscow: Republika Publ., 1997. 304 p. – URL: https://djvu.online/file/UqNv3cdHKeGI3 (date of application: 09/10/2025).
6. Instructions for the use of hypnosis: Circular of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR No. 215, People's Commissariat of Health of the RSFSR No. 23 dated 10/27/1925 // Circulars of the USSR 1917-1992. – URL: https://wfi.lomasm.ru/русский.Circulars of the USSR 1917-1992/Circular of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR No. 215. Circular of the People's Commissariat of Health of the RSFSR No. 23 dated October 27, 1925, on the use of hypnosis (accessed on September 20, 2025).
7. Kashpirovsky was checked and brought to justice / RIA Novosti, 06/07/2008. - URL: https://ria.ru/20061219/57237902.html (date of access: 09/15/2025).
8. Kitaev N.N. "Criminalistic psychic" Wolf Messing: truth or fiction // http://www.biophys.ru/archive/bulletin/vzn_04_p62.pdf (accessed 06.11.2025)
9. Kulev V. K., Zimina M. Yu., Bateryakova A. R. Hypnosis as a Means of Facilitating Crimes: Discussion Issues // NiKa. 2010. No. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gipnoz-kak-sredstvo-sposobstvuyuschee-soversheniyu-prestupleniy-diskussionnye-voprosy (accessed: 23.09.2025).
10. On the Professional Work and Rights of Medical Workers: Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of December 1, 1924 / Electronic Library of Historical Documents (EBIID). - URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/371738-o-professionalnoy-rabote-i-pravah-meditsinskih-rabotnikov-dekret-vtsik-i-snk-1-dekabrya-1924-g#mode/inspect/page/5/zoom/4 (accessed on 20.09.2025).
11. On Approval of Qualification Requirements for Specialists with Higher and Postgraduate Medical and Pharmaceutical Education in the Healthcare Sector: Order No. 415n of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation dated July 7, 2009 // Official Website of the Ministry of Health of the Russian Federation. -URL: https://minzdrav.gov.ru/documents/8958 (accessed: 20.09.2025).
12. On streamlining the use of psychological and psychophysical methods: Order of the Ministry of Health and Medical Industry dated June
13. A Complete Course in Hypnosis. Patterns of Milton Erickson's Hypnotic Techniques / John Grinder, Richard Bandler, Judith Delozier, and Milton Erickson. – Moscow: AST, 2025. – 22 p.
14. Complete Collection of Laws of the Russian Empire: Composition of the Collection. – URL: https://nlr.ru/eres/law_r/content.html (date of reference: 09/15/2025).
15. Rozhnov V.E. Methodical letter on the use of hypnosis for therapeutic purposes [Approved by the Chief Medical Officer. inspection 15/III 1957] / Ministry of Health of the USSR. — Moscow : B. I., 1957. — 15 p.
16. Sedykh, L.V. Crimes Committed with the Use of Hypnosis: Features of Qualification and Prevention // Speciality 12.00.08 – Criminal Law and Criminology; Penal Law: Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences / Sedykh Lidia Vasilievna. – Saratov, 2012. – 234 p. - URL: https://www.dissercat.com/content/prestupleniya-sovershaemye-s-primeneniem-gipnoza-osobennosti-kvalifikatsii-i-preduprezhdeniy
17. Systematic collection of laws, decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR, and decisions of the Government of the RSFSR. M., 1967. Vol. 10. 125 p.
18. Fedulina N.Yu. Domestic Psychology in the Context of World Science //Methodology and History of Psychology. 2011. Vol. 6, no. 2, pp. 74-91

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_297

УДК 343.35

ОБ ОПТИМИЗАЦИИ НОРМ В СФЕРЕ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОДДЕЛКУ, ИЗГОТОВЛЕНИЕ ИЛИ ОБОРОТ ПОДДЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ, ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАГРАД, ШТАМПОВ, ПЕЧАТЕЙ, БЛАНКОВ
ON OPTIMIZATION OF STANDARDS IN THE SPHERE OF REGULATION OF LIABILITY FOR FORGERY, PRODUCTION OR CIRCULATION OF COUNTERFEITED DOCUMENTS, STATE AWARDS, STAMPS, SEALS, FORMS

АГАЕВ Гюлоглан Али оглы,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения.
190000, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д.67, лит. А.
E-mail: guloglanmvd@gmail.com;

МЕДВЕДЕВА Анна Александровна,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России.
196128, Санкт-Петербург, Московский проспект 149.
E-mail: anutinglaz@yandex.ru;

AGAYEV Guloglan Ali oglu,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Customs Investigations
of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.
190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya St., 67, lit. A.
E-mail: guloglanmvd@gmail.com;

MEDVEDEVA Anna Aleksandrovna,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law and Procedure,
St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia.
149 Moskovsky Prospekt, St. Petersburg, 196128.
E-mail: anutinglaz@yandex.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена критическому анализу состава преступления, предусмотренного статьей 327 Уголовного кодекса Российской Федерации. Авторы обосновывают позицию о необходимости реформирования действующей законодательной конструкции данной нормы. В работе доказывается, что криминализация изготовления или сбыта штампов, печатей и бланков в их текущем виде является избыточной, так как сами по себе эти предметы не определяют общественной опасности деяния. Также оспаривается целесообразность указания в диспозиции на свойство документа «предоставлять права или освобождать от обязанностей» ввиду его универсальности для всех официальных документов. В заключение аргументируется необходимость дифференциации уголовной ответственности за совершение преступления в соучастии, путем введения соответствующего квалифицирующего признака в ст. 327 УК РФ, что будет соответствовать принципу справедливости.*

Abstract: *This article provides a critical analysis of the elements of the crime defined by Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors substantiate the need to reform the current legislative structure of this provision. The paper demonstrates that criminalizing the manufacture or sale of stamps, seals, and forms in their current form is excessive, as these items themselves do not determine the social danger of the act. The advisability of specifying in the disposition the document's property of "granting rights or exempting from obligations" is also disputed, given its universal applicability to all official documents. In conclusion, the authors argue for the need to differentiate criminal liability for committing a crime through complicity by introducing the appropriate qualifying feature into Article 327 of the Criminal Code, which would be consistent with the principle of fairness.*

Ключевые слова: *документооборот; штамп; печать; бланк; предоставление прав или освобождение от обязанностей; криминализация; ответственности за подделку документов; правоприменительная практика; реформирования.*

Keywords: *document flow; stamp; seal; form; granting rights or exempting from obligations; criminalization; liability for document forgery; law enforcement practice; reform.*

Для цитирования: *Агаев Г.А. оглы, Медведева А.А. Об оптимизации норм в сфере регламентации ответственности за подделку, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 297-299. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_297.*

For citation*: Agayev G.A. Oglu, Medvedeva A.A. On optimization of standards in the sphere of regulation of liability for forgery, production or circulation of counterfeited documents, state awards, stamps, seals, forms // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 297-299. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_297.*

Статья поступила в редакцию: 17.12.2025

В современном мире документы пронизывают все сферы жизни — от повседневных взаимодействий людей до работы сложных государственных институтов. Развитие общества, усложнение его структуры и постоянные изменения в характере коммуникаций закономерно ведут к эволюции документооборота: трансформируются существующие формы, появляются новые. Цифровизация с одной стороны предлагает более эффективные и удобные инструменты работы с документами, но одновременно создаёт новые риски, открывая возможности для злоупотреблений и преступлений, подрывающих доверие к официальному документообороту. В этих условиях особенно актуальной становится задача разработки надёжных механизмов защиты.

С этой точки зрения, криминализация подделки, изготовления и оборота поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей и бланков (ст. 327 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) стала прогрессивной мерой в уголовно-правовой политике. Однако, несмотря на своевременность и значимость данной нормы, действующая редакция анализируемого состава преступления не лишена

системных недостатков.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что такие факторы, как расплывчатость законодательных формулировок, многообразие способов совершения преступлений и излишняя детализация предмета посягательства, приводят к неоднозначной правоприменительной практике, что, в свою очередь, осложняет как предварительное расследование, так и судебное производство по данной категории дел.

Одним из ключевых направлений совершенствования уголовного законодательства в данной сфере видится оптимизация предмета преступления. С уголовно-правовой точки зрения, предмет преступления представляет собой материальный предмет внешнего мира, воздействуя на который, виновный причиняет вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям (объекту преступления). Как известно, предметами преступления по ч. 1 ст. 327 УК РФ выступают: официальные документы, предоставляющие права или освобождающие от обязанностей; поддельные государственные награды РФ, РСФСР, СССР; штампы, печати и бланки. В научной дискуссии по этому вопросу можно выделить две основные проблемы. Во-первых, вызывает сомнение обоснованность криминализации в качестве самостоятельных предметов посягательства штампов, печатей и бланков. Во-вторых, обосновывается, что криминализация любого деяния должна быть прежде всего обусловлена характером и степенью его общественной опасности. В контексте сказанного полагаем, что включение в предмет преступления таких объектов, как штампы, печати и бланки, необоснованно с точки зрения оценки общественной опасности. Сами по себе эти предметы, не заполненные информацией, не несут значительной угрозы для охраняемых законом общественных отношений. Более того, незаконное изготовление этих предметов носит сугубо вспомогательный (подготовительный) характер и служит инструментом для достижения конечной цели – подделки самого документа. Таким образом, их криминализация в рамках ст. 327 УК РФ представляется избыточной.

В связи с изложенным, видится целесообразным исключение штампов, печатей и бланков из перечня предметов состава преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ. Между прочим, подобная законодательная реконструкция позволит урегулировать наличествующую правовую коллизию с нормами административного права. В настоящее время ст. 19.23 Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) определяет ответственность за подделку, использование или сбыт указанных предметов только для юридических лиц[1]. На наш взгляд для формирования единой и системной правовой модели в сфере документооборота, необходимо ввести ответственность по данной норме и для физических лиц. Такое решение даст правоприменителю адекватный инструмент для реакции на нарушения, избегая неоправданной криминализации.

Второй проблемный аспект, тесно связанный с первым и заключается в нецелесообразности указания в диспозиции нормы на такое свойство документа, как «предоставление прав или освобождение от обязанностей». Данный признак является имманентным для любого официального документа, в связи с чем его выделение в ст. 327 УК РФ не несет разграничительной функции. Более логичным и эффективным решением было бы закрепление этого свойства непосредственно в легальном определении понятия «официальный документ», что обеспечило бы единообразие в правоприменении.

Практическую значимость представляет механизм правового регулирования общественных отношений, связанных с совершением иных преступлений с использованием подложных документ (ч. 4 ст. 327 УК РФ). Вот соответствующие подтверждения тому. Так, «в августе 1994 года, в г. Томске Д. совершил умышленное убийство В. на почве личных неприязненных отношений, а в дальнейшем, с целью сокрытия подлинных данных о своей личности, избежания уголовной ответственности за совершенное ранее убийство В., использовал заведомо подложный документ – паспорт гражданина республики Казахстан на имя Д. с вклеенной в него своей фотографией»[2].

«В январе 2013 г. К., имея при себе поддельное водительское удостоверение на право управления транспортным средством категории «В» и перевозя в качестве пассажиров А.В.С. и С.М.А., допустил столкновение со второй секцией локомотива. В результате дорожно-транспортного происшествия пассажиру А.В.С. был причинен тяжкий вред здоровью, опасный для жизни человека»[3].

«С февраля по октябрь 2012 году, Х., являясь начальником операционного отдела филиала ОАО «Сбербанк России», шесть раз совершила подделку официальных документов, предоставляющих права, с целью облегчить и скрыть совершение другого преступления, а также использовала заведомо подложные документы. Также, используя свое служебное положение и имея доступ к базе данных компьютерной программы АС «RS-Retail» ОАО «Сбербанк России», используемой для выполнения операций по вкладам физических лиц, имея корыстный умысел, она совершила неоднократно хищение денежных средств»[4].

Из вышеприведенных примерев следует, что правоприменительная деятельность практически не позволяет дать полноценную правовую оценку самому деянию по использованию подделки. Его общественная опасность попросту «растворяется» в квалификации более тяжкого преступления. Интересен тот факт, что причиной этому в некоторой степени служит постановление Пленума Верховного Суда РФ. Так, согласно п. 7 высшей судебной инстанции РФ, использование изготовленного другим лицом поддельного официального документа, полностью охватывается составом и не требует дополнительной квалификации по статье 327 УК РФ (например, мошенничества)[5]. Полагаем, что предложенное высшей судебной инстанции страны разъяснение, создает концептуальную путаницу и нарушает принцип института совокупности преступлений.

---

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ (ред. от 04.11.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. N 1 (часть I) ст. 1.

[2] Приговор по уголовному делу № 1-122/10 Октябрьского районного суда г. Томска Томской области [Электронный ресурс] // URL: https://rospravosudie.com (дата обращения 9.11.2025 г.).

[3] Приговор по уголовному делу № 1-91/2013 Ширинского районного суда Республики Хакасия [Электронный ресурс] // URL: https://rospravosudie.com(Дата обращения 9.11.2015 г.).

[4] Приговор по уголовному делу № 1-122/10 Великоустюгского районного суда Вологодской области [Электронный ресурс] // URL: http://sudrf.kodeks.ru (Дата обращения 14.11.2025 г.).

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (в ред. от 15.12.2022) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, февраль 2018 г., N 2.

Наконец, к числу системных изъянов правового регулирования в сфере официального документооборота следует отнести отсутствие повышенной ответственности за совершение данного преступления в соучастии (группой лиц по предварительному сговору или организованной группой), что является типичным для данного вида криминальной деятельности. Проиллюстрируем сказанное небольшим примером. Так, «Свердловский районный суд г. Белгорода 30 июня 2011 года признал виновными Беликова А.Н., Беляева Н.Е. и Овчарову О.В. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 327 УК РФ. С октября 2009 по июнь 2010 года, действуя в составе группы лиц по предварительному сговору, указанные лица изготавливали и сбывали поддельные медицинские справки, устанавливающие годность к управлению транспортными средствами, соответствующих категорий для предоставления их в Госавтоинспекцию»[6].

Приведем еще один не менее вопиющий пример из этой же серии. Так, «18 апреля 2014 года Камаринский районный суд г. Н. Новгорода признал виновным М. в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 327 УК РФ. Он, входя в состав организованной группы, совершал в целях дальнейшего сбыта изготовление поддельных официальных медицинских документов (медицинских сертификатов международного образца, направлений на диспансеризацию), свидетельств о прохождении обучения или подготовки по какой-либо программе, поддельных справок об осуществлении судоремонтных работ, а также вносил подложные сведения в трудовые книжки либо в личные медицинские книжки сотрудников водного транспорта о прохождении медицинского осмотра»[7]. Эти и множество других подобных фактов объясняют необходимость адекватной законодательной оценки групповых форм совершения рассматриваемого преступления. Для этого, необходимо предусмотреть соответствующие квалифицирующие признаки в ст. 327 УК РФ.

Подвергая критическому осмыслению все вышеизложенное отметим, что современная законодательная конструкция ст. 327 УК РФ представляется далеко небезупречной и требует реформирования. Установленные в ней некоторые конструктивные признаки неадекватно отражают повышенную общественную опасность данного деяния. В целях приведения к единообразной правоприменительной деятельности, целесообразно унифицировать ст. 327 УК РФ, что позволит повысить эффективность противодействия преступности в данной сфере. Тем более, тренд современного права – это правовосстановительное правосудие.

Список литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ (ред. от 04.11.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. N 1 (часть I) ст. 1.
2. Приговор по уголовному делу № 1-122/10 Октябрьского районного суда г. Томска Томской области [Электронный ресурс] // URL: https://rospravosudie.com (дата обращения 9.11.2025 г.).
3. Приговор по уголовному делу № 1-91/2013 Ширинского районного суда Республики Хакасия [Электронный ресурс] // URL: https://rospravosudie.com(Дата обращения 9.11.2015 г.).
4. Приговор по уголовному делу № 1-122/10 Великоустюгского районного суда Вологодской области [Электронный ресурс] // URL: http://sudrf.kodeks.ru (Дата обращения 14.11.2025 г.).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (в ред. от 15.12.2022) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, февраль 2018 г., N 2.
6. Приговор по уголовному делу № 1-202-2011 [Электронный ресурс] // URL: https://rospravosudie.com/court (Дата обращения 5.11.2025 г.).
7. Приговор по уголовному делу № 1-224/2014 [Электронный ресурс] // URL: https://rospravosudie.com/court-kanavinskij-rajonnyj-sud-g-nizhnij-novgorod-nizhegorodskaya-oblast-s/act-451933090/ (Дата обращения 5.11.2025 г.).

References:

1. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ of December 30, 2001 (as amended on 11/04/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation No. 1 (Part I) of January 7, 2002, art. 1.
2. Verdict in criminal case No. 1-122/10 of the Oktyabrsky District Court of Tomsk, Tomsk region [Electronic resource] // URL: https://rospravosudie.com (date of appeal 11/19/2025).
3. Verdict in criminal case No. 1-91/2013 of the Shirinsky District Court of the Republic of Khakassia [Electronic resource] // URL: https://rospravosudie.com (Accessed 9.11.2015).
4. Verdict in criminal case No. 1-122/10 of the Velikoustyugsky District Court of the Vologda region [Electronic resource] // URL: http://sudrf.kodeks.ru (Date of application 11/14/2025).
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 30, 2017 No. 48 "On Judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement" (in ed. dated 12/15/2022) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, February 2018, No. 2.6.
Verdict in criminal case No. 1-202-2011 [Electronic resource] // URL: https://rospravosudie.com/court (Accessed 5.11.2025).
7. Verdict in criminal case No. 1-224/2014 [Electronic resource] // URL: https://rospravosudie.com/court-kanavinskij-rajonnyj-sud-g-nizhnij-novgorod-nizhegorodskaya-oblast-s/act-451933090 / (Accessed 5.11.2025).

[6] Приговор по уголовному делу № 1-202-2011 [Электронный ресурс] // URL: https://rospravosudie.com/court (Дата обращения 5.11.2025 г.)
[7] Приговор по уголовному делу № 1-224/2014 [Электронный ресурс] // URL: https://rospravosudie.com/court-kanavinskij-rajonnyj-sud-g-nizhnij-novgorod-nizhegorodskaya-oblast-s/act-451933090/ (Дата обращения 5.11.2025 г.).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_300

УДК 343

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РОЛИ СОУЧАСТНИКОВ ПРИ СОВЕРШЕНИИ УГРОЗЫ УБИЙСТВОМ ИЛИ ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ С ПУБЛИЧНОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ
FUNCTIONAL ROLES OF ACCOMPLICES IN THE PUBLIC DEMONSTRATION ON THE INTERNET OF THREATS OF MURDER OR CAUSING GRIEVOUS BODILY HARM

ШУТОВА Юлия Александровна,
Старший преподаватель кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, г. Санкт-Петербург, Россия.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1.
E-mail: yulya.shiganvoa.96@mail.ru;

SHUTOVA Julia Alexandrovna,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Legal Sciences, St. Petersburg, Russia.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
E-mail: yulya.shiganvoa.96@mail.ru

Краткая аннотация: *в статье анализируются актуальные вопросы уголовно-правовой оценки преступлений против личности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в частности, угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью с квалифицирующим признаком публичной демонстрации в сети Интернет (п. «в» ч. 2 ст. 119 УК РФ). Рассматриваются противоречия в интерпретации этого признака как обстановки совершения преступления или самостоятельного действия в сложном единичном преступлении, с опорой на позицию Пленума Верховного Суда РФ. Особое внимание уделяется формам соучастия: группе лиц без предварительного сговора и по предварительному сговору, с описанием типичных ситуаций. Обсуждаются роли участников (основной транслятор, активный участник, содействующий исполнитель, соучастник-провокатор) и проблемы квалификации действий операторов трансляций. Приводится критика расширенного понимания соисполнительства и альтернативные предложения по дифференциации ответственности, включая введение самостоятельной уголовной ответственности за распространение контента с насилием.*

Abstract*: The article analyzes current issues in the criminal-legal assessment of crimes against the person committed using information and telecommunication networks, in particular, threats of murder or causing grievous bodily harm with the qualifying feature of public demonstration on the Internet (paragraph "b" of part 2 of Article 119 of the Criminal Code of the Russian Federation). It examines contradictions in the interpretation of this feature as the circumstances of the crime commission or as an independent action in a complex single crime, relying on the position of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Special attention is paid to forms of complicity: a group of persons without prior conspiracy and with prior conspiracy, with a description of typical situations. The roles of participants (main broadcaster, active participant, assisting performer, accomplice-provocateur) and problems in qualifying the actions of broadcast operators are discussed. Criticism of the expanded understanding of co-perpetration is presented, along with alternative proposals for differentiating responsibility, including the introduction of independent criminal liability for disseminating content involving violence.*

Ключевые слова: *угроза убийством, публичная демонстрация, сеть Интернет, соучастие, группа лиц, предварительный сговор, трэш-стримы, квалифицирующий признак, объективная сторона преступления, Пленум Верховного Суда РФ.*

Keywords*: threat of murder, public demonstration, Internet, complicity, group of persons, prior conspiracy, trash streams, qualifying feature, objective side of the crime, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.*

Для цитирования*: Шутова Ю.А. Функциональные роли соучастников при совершении угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью с публичной демонстрации в сети интернет // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 300-302. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_300.*

For citation: *Shutova J.A. Functional roles of accomplices in the public demonstration on the internet of threats of murder or causing grievous bodily harm // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 300-302. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_300.*

Статья поступила в редакцию: 10.01.2026

Вопросы уголовно-правовой оценки преступлений против личности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, имеют сегодня не только теоретическое, но и глубокое практическое значение, поскольку правоприменители уже сталкиваются с феноменом так называемых «трэш-стримов»[1], когда насильственные преступления транслируются в прямом эфире ради эпатажа и выгоды. Существующие противоречия в разъяснении квалифицирующего состава преступления – «тоже деяние, совершенное с публичной демонстрацией в сети Интернет» порождают неоднозначность в его понимании и применении, что оказывает негативное влияние на своевременность и эффективность уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступление, предусмотренное п. «в» ч. 2 ст. 119 УК РФ.

Стоит отметить, что квалифицирующий признак «публичной демонстрации в сети Интернет» нельзя единообразно интерпретировать для всех составов преступлений Особенной части УК РФ, где он содержится. Применительно к п. «в» ч. 2 ст. 119 УК РФ рассматриваемый признак может выступать либо обстановкой совершения преступления, если выражение угрозы происходит в адрес конкретного потерпевшего в реальном времени, а онлайн-трансляция происходящего осуществляется в сети «Интернет», либо одним из самостоятельных действий в конструкции сложного единичного преступления с двумя действиями, если происходит съемка процесса выражения угрозы в адрес конкретного потерпевшего, не находящегося рядом с угрожающим, с последующим размещением данной видеозаписи на платформах, доступных неограниченному кругу лиц.

[1] Официальный сайт «Система обеспечения законодательной деятельности // URL:https://sozd.duma.gov.ru/bill/506240-8 (дата обращения 08.08.2025).

В таком случае публичная демонстрация рассматривается как часть объективной стороны состава преступления и охватывает весь процесс от посягательства на основной объект до доведения информации о нем до аудитории. Такой подход прямо коррелирует с позицией Пленума Верховного Суда РФ, зафиксированной в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», согласно которому публичная демонстрация в сети Интернет может выражаться как в показе действий в режиме реального времени, так и в отложенном размещении записанного видео на интернет-платформах[1].

Особое внимание при квалификации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, совершенной с публичной демонстрацией в сети Интернет, следует обращать на оценку форм соучастия в таком преступлении. Полагаем, что в ситуациях совершения преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 119 УК РФ, группой лиц или группой лиц по предварительному сговору следует исходить из функциональной роли каждого участника в механизме преступления.

Так, группа лиц без предварительного сговора при совершении угрозы убийством с публичной демонстрацией в сети Интернет может возникнуть в ситуации спонтанного присоединение к онлайн-трансляции. Один субъект начинает высказывать угрозы убийством в процессе прямой трансляции, а второй участник, находящийся в том же месте, (например, в одной квартире), без предварительной договоренности присоединяется к высказыванию угроз в отношении того же потерпевшего. Совместный умысел на публичную демонстрацию угроз возникает непосредственно в процессе трансляции;

Группа лиц по предварительному сговору характеризуется заранее достигнутой договоренностью о совместном совершении угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью с публичной демонстрацией. Предварительный сговор должен возникнуть до начала выполнения объективной стороны преступления. К типичным ситуациям такого соисполнительства относятся:

1. Планируемые «треш-стримы» с угрозами. Несколько лиц заранее договариваются об организации онлайн-трансляции, в ходе которой будут высказаны угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью конкретному лицу с целью привлечения максимального количества зрителей и получения материальной выгоды;
2. Координированные угрозы в социальных сетях. Группа лиц предварительно договаривается о размещении угроз убийством в отношении определенного лица на различных интернет-платформах с целью оказания максимального психологического воздействия на потерпевшего и обеспечения широкой огласки;
3. Совместная подготовка видеообращений с угрозами. Соучастники заранее планируют создание и публичное размещение видеоролика, содержащего угрозы убийством, распределяют роли в процессе записи и определяют способы распространения контента в сети Интернет.

При соисполнительстве каждый участник группы выполняет роль непосредственного исполнителя преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 119 УК РФ. Однако в условиях публичной демонстрации в сети Интернет функции участников группы могут дифференцироваться следующим образом:

1. Основной транслятор - лицо, которое непосредственно высказывает угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в ходе прямой трансляции или при записи видеоролика;
2. Активный участник демонстрации - лицо, которое непосредственно участвует в высказывании угроз, дополняет и усиливает угрозы основного транслятора, демонстрирует орудия или предметы, используемые в качестве оружия, совершает жесты угрожающего характера. Такой участник полноценно выполняет объективную сторону состава преступления;
3. Содействующий исполнитель - лицо, которое обеспечивает техническую сторону публичной демонстрации (управляет камерой, регулирует звук, взаимодействует с аудиторией в чате), при этом также принимая непосредственное участие в высказывании угроз или их усилении. Важно, что такое лицо не ограничивается только технической поддержкой, но и выполняет признаки объективной стороны основного состава;
4. Соучастник-провокатор - лицо, которое в ходе трансляции провоцирует других участников группы на высказывание более серьезных угроз, при этом само также высказывает угрозы убийством. Такая роль особенно характерна для ситуаций спонтанного соисполнительства.

Однако наибольшие трудности в правоприменительной практике возникают в ситуациях, когда одно лицо осуществляет основное общественно опасное деяние (выражает угрозу убийством), а другое – осуществляет онлайн-трансляцию происходящего или последующее размещение видеозаписи с угрозой в сети Интернет [1, с. 187]. М. В. Шкеле и Н. И. Кузнецова указывают, что ситуация, когда одно лицо совершает основное деяние (например, жестокое обращение с животным), а другое лицо одновременно осуществляет его съемку, образует соисполнительство [2, с. 98]. Авторы объясняют данное положение расширенным пониманием объективной стороны преступления. Так, каждый, кто выполняет любую часть действий, образующих объективную сторону сложносоставного преступления, подлежит признанию исполнителем преступления.

Такая оценка действий соучастников подвергается критике со стороны других представителей научного сообщества. Так, Н.Ю. Скрип-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 3, март, 2023

ченко отмечает, что «действия «оператора» не направлены на лишение жизни или причинение вреда здоровью, поэтому назвать их совместными действиями, направленными на причинение вреда потерпевшему затруднительно [3, с. 312]. Кроме того, возникает вопрос справедливости уголовно-правового воздействия. Если оператор приравнивается к соисполнителю, он несет ответственность в рамках той же санкции, что и непосредственный исполнитель основного общественно опасного деяния. Но при этом фактически первые посягают на непосредственный объект преступления, а вторые – на дополнительный. Такая неоднородность объектов, как отмечается, ставит под сомнение единообразную правовую оценку действий соучастников без дифференциации.

Альтернативное предложение уголовно-правовой оценки действий соучастников совершения преступления с публичной демонстрацией в сети Интернет, выдвинули В.И. Морозов и С.Г. Лосев. Авторы указывают на системную проблему: объединение в одном составе двух разнородных деяний (насилие над личностью и распространение видео этого насилия). Выходом из сложившейся ситуации видится исключение признака публичной демонстрации в сети Интернет из числа квалифицирующих признаков и введение самостоятельной уголовной ответственности для лиц, распространяющих аудиовизуальный контент с насилием [4, с. 134]. По их мнению, такой подход был бы более оптимальным и справедливым. Данное предложение поддерживает идею дифференциации уголовно-правового воздействия, поскольку оператор насильственных действий является особым соучастником преступления, заслуживающий самостоятельной уголовно-правовой оценки.

Стоит отметить, что в ситуациях, когда операторы или модераторы стрима выполняют свою функцию, не осознавая общественной опасности транслируемого контента, отсутствует субъективная связь между ними и исполнителем, что исключает признание их соучастниками преступлений. Данное лицо не может рассматриваться ни исполнителем, ни пособником. Действия указанного лица надлежит расценивать, как распространение запрещенной информации, в рамках административного правонарушения (ч. 12 ст. 13.15 КоАП РФ). Таким образом, квалификация действий снимающего или транслирующего лица зависит от наличия умысла и предварительного сговора. При предварительной договоренности с основным исполнителем о публичной демонстрации – данное лицо признается соисполнителем квалифицированного преступления.

Подводя итог следует отметить, что квалифицирующий признак публичной демонстрации в сети Интернет требует дифференцированного подхода к уголовной ответственности соучастников такого преступления. В случаях умышленного совершения указанного преступления двумя и более лицами, ключевыми факторами являются функциональная роль каждого соучастника, наличие предварительного сговора и умысла на публичную демонстрацию. Расширенное понимание соисполнительства, включая операторов трансляций, вызывает споры в научной среде из-за неоднородности объектов посягательства и вопросов справедливости. Оптимальным решением может стать исключение этого признака из квалифицирующих и введение отдельной ответственности за распространение насильственного контента, что позволит повысить эффективность и единообразие правоприменения. В отсутствие умысла действия операторов следует квалифицировать как административное правонарушение, а не преступление.

Список литературы:

1. Шевелева, С. В. Совершение преступления с публичной демонстрацией как новелла уголовного законодательства / С. В. Шевелева, О. Г. Михайлова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2025. – Т. 15, № 2. – С. 182-191.
2. Шкеле М. В., Кузнецова Н. И. Уголовная ответственность за публичную демонстрацию преступлений против животных в сети «Интернет» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1 (77). С. 97–100.
3. Скрипченко, Н. Ю. Проблемы квалификации преступлений, совершаемых с публичной демонстрацией / Н. Ю. Скрипченко // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : Материалы ежегодной международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 19–20 июня 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. – С. 309-313.
4. Морозов, В. И. К вопросу об особенности квалификации преступлений против жизни и здоровья с публичной демонстрацией в сети интернет / В. И. Морозов, С. Г. Лосев // Уголовная политика : ценностные приоритеты и новеллы законодательства : сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к юбилею известного ученого, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Людмилы Мильтоновны Володиной, Тюмень, 27 февраля 2025 года. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2025. – С. 129-137.

References:

1. Sheveleva, S. V., & Mikhailova, O. G. (2025). Commission of a Crime with Public Demonstration as a Novelty in Criminal Legislation. Proceedings of South-West State University. Series: History and Law, Vol. 15, No. 2, pp. 182-191.
2. Shkele, M. V., & Kuznetsova, N. I. (2018). Criminal Liability for the Public Demonstration of Crimes Against Animals on the Internet. Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, No. 1 (77), pp. 97–100.
3. Skripchenko, N. Y. (2025). Problems of the Qualification of Crimes Committed with Public Demonstration. In Criminal Legislation: Yesterday, Today, Tomorrow: Materials of the Annual International Scientific and Practical Conference, Saint Petersburg, June 19–20, 2025 (pp. 309-313). Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
4. Morozov, V. I., & Losev, S. G. (2025). On the Issue of the Specifics of Qualifying Crimes Against Life and Health with Public Demonstration on the Internet. In Criminal Policy: Value Priorities and Legislative Novelties: Collection of Scientific Articles based on the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (pp. 129-137). Tyumen: TyumGU-Press.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_303

УДК 343.847

НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПРИМЕНЕНИИ НАКАЗАНИЙ, АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ
NOVELTIES OF LEGISLATION IN THE APPLICATION OF PUNISHMENTS, ALTERNATIVE INCARCERATIONS

ЛЯДОВ Эдуард Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент
заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными Академии ФСИН России.
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1.
E-mail: leve2000@yandex.ru;

LYADOV Eduard Vladimirovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Deputy Head of the Department of Penal Enforcement Law and Organization of Educational Work with Convicts at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
390000, Russia, Ryazan, Sennaya St., 1
E-mail: leve2000@yandex.ru

Краткая аннотация. *В данной статье рассматриваются новеллы законодательства, внесенные Федеральными законами от 23.07.2025 г. № 218-ФЗ и № 219-ФЗ, в действующие УК РФ и УИК РФ, касающиеся вопросов применения таких наказаний, альтернативных лишению свободы, как уголовное наказание в виде исправительных работ и уголовное наказание в виде принудительных работ.*

Abstract. *This article discusses the legislative innovations introduced by Federal Laws No. 218-FZ and No. 219-FZ of July 23, 2025, which amend the current Criminal Code of the Russian Federation and the Penal Code of the Russian Federation regarding the application of alternative punishments such as correctional labor and forced labor.*

Ключевые слова: *уголовное наказание, исправительные работы, принудительные работы, назначение наказания, исполнение наказания, осужденный, приговор.*

Keywords: *criminal punishment, correctional labor, forced labor, imposition of punishment, execution of punishment, convict, sentence.*

Для цитирования*: Лядов Э.В. Новеллы законодательства в применении наказаний, альтернативных лишению свободы // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 303-305. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_303.*

For citation: *Lyadov E.V. Novelties of legislation in the application of punishments, alternative incarcerations // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 303-305. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_303.*

Статья поступила в редакцию: 18.12.2025

23 июля 2025 г. были приняты два федеральных закона: Федеральный закон от 23.07.2025 г. № 218-ФЗ [1] и Федеральный закон от 23.07.2025 г. № 219-ФЗ [2], которые существенным образом затронули, вопросы применения наказаний, альтернативных лишению свободы, а именно уголовного наказания в виде исправительных работ и уголовного наказания виде принудительных работ.

Рассматривая действующие редакции УК РФ и УИК РФ необходимо отметить, что в соответствии со ст. 50 УК РФ исправительные работы назначаются осужденному, как имеющему, так и не имеющему основного места работы. Согласно ст. 39 УИК РФ при наличии основного места работы отбывание данного вида наказания реализуется в месте работы конкретного осужденного, при отсутствии основного места работы, последний отбывает рассматриваемый вид наказания в месте, определяемом органом местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительной инспекцией, но в районе места жительства осужденного. Примерами определения мест отбывания исправительных работ осужденными без работы являются: в Ивановской области – Постановление администрации Юрьевецкого муниципального района от 12.01.2022 г. № 12 «О порядке отбывания наказания в виде обязательных и исправительных работ на территории Юрьевецкого муниципального района Ивановской области» [3], в Курской области – Постановление Администрации Железногорского района Курской области от 16.01.2025 г. № 27 «Об определении объектов для отбывания наказания в виде обязательных и исправительных работ на территории Железногорского района Курской области на 2025 год» [4].

Указанная формулировка приводила к серьезным проблемам, связанным с трудоустройством второй категории осужденных, отвлекая силы сотрудников УИИ на реализацию данного требования закона. Согласно ч. 2 ст. 39 УИК РФ «осужденные к исправительным работам направляются уголовно-исполнительными инспекциями для отбывания наказания не позднее 30 дней со дня поступления в уголовно-исполнительную инспекцию соответствующего распоряжения суда с копией приговора (определения, постановления)» [5].

Проблема трудоустройства указанной категории осужденных изначально стала последствием принятия Федерального закона от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ [6], который внес существенные коррективы в содержание исправительных работ, указав на возможность их назначения только лицам, не имеющим основного места работы, что негативным образом сказалось на загруженности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций. Проанализировав показатели ведомственной статистики, можно отметить, что в течение последних десяти лет удельный вес осужденных к исправительным работам не занятых трудом или учебой ежегодно составляет порядка 51-55%.

Отчасти данную проблему законодатель исправил Федеральным законом от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ [7], т.е. только через 8 лет. В ч. 1 ст. 50 УК РФ были внесены изменения, предусмотревшие возможность назначения исправительных работ как осужденным, имеющим основное

место работы так и не имеющим такого. Вместе с тем следует подчеркнуть, что категория безработных, которым возможно было назначать данный вид наказания так и осталась. То есть ситуация сгладилась в определенной степени, но не исправилась, и проблема трудоустройства этой категории осужденных как была, так и осталась в числе актуальных.

Как отмечается в пояснительной записке к Проекту Федерального закона № 585548-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» «нетрудоустроенные осужденные в большинстве своем ведут асоциальный образ жизни, у них сформирована отрицательная позиция к трудовой деятельности, что приводит к нарушению порядка отбывания наказания и последующей замене наказания принудительными работами или лишением свободы. Согласно правовой регламентации исполнения наказания в виде исправительных работ фактически обязанность трудоустройства возложена на уголовно-исполнительные инспекции. При отсутствии вакансий у работодателей, определенных в соответствии с ч. 1 ст. 39 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, возникает необходимость в поиске подходящей работы, что влечет увеличение сроков исполнения наказания и исполнение уголовно-исполнительными инспекциями не возложенного на них функционала» [8].

Фундаментальные изменения в содержание уголовного наказания виде исправительных работ, вобрав в себя предложения ученых и практиков, высказываемые на протяжении многих лет, внес Федеральный Закон Российской Федерации от 23.07.2025 г. № 218-ФЗ [1]. С 20.01.2026 г. данный вид наказания будет назначаться только лицам с наличием основного места работы. Законодатель фактически вернулся к ранее существовавшей регламентации назначения исправительных работ, которая была до внесения изменений в ч. 1 ст. 50 УК РФ Федеральным законом от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ.

С учетом указанных изменений, были сокращены сроки привлечения осужденных к исправительным работам с «30 дней со дня поступления в уголовно-исполнительную инспекцию соответствующего распоряжения суда с копией приговора (определения, постановления)» до 15 дней [2] и, соответственно, исключены из ч. 3 ст. 39 УИК РФ положения о необходимости обращения УИИ в органы местного самоуправления по вопросу изменения места отбывания осужденными исправительных работ. Взамен данного положения появилась обязанность УИИ – «при необходимости направлять осужденных в органы службы занятости для трудоустройства».

Расширились обязанности осужденного, предусмотренные ст. 40 УИК РФ. Если до внесения изменений Федеральным законом от 23.07.2025 г. № 219-ФЗ ч. 4 ст. 40 УИК РФ предусматривала только невозможность отказа осужденного от предложенной ему работы, то есть фактически его обязанность согласиться с предложенной работой, то указанный закон обязал осужденного, в случае увольнения с основного места работы после вынесения приговора суда, «трудоустроиться самостоятельно либо встать на регистрационный учет в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы в течение 15 дней со дня постановки на учет в УИИ либо со дня увольнения». При этом осталась также обязанность осужденного согласиться с «предложенной ему органами службы занятости работы или переквалификации». Согласно ч.1 ст. 46 УИК РФ непринятие мер, предусмотренных ч. 4 ст. 40 УИК РФ отнесено законодателем к числу нарушений порядка и условий отбывания осужденным наказания, причем отказ от работы является основанием для признания осужденного «злостно уклоняющимся от отбывания исправительных работ».

Данные изменения стали возможны в силу расширения практики применения такого вида наказания как принудительные работы, а также изменения его содержания Федеральным законом от 23.07.2025 г. № 218-ФЗ [1].

Действующая редакция УК РФ предусматривает, что «принудительные работы применяются как альтернатива лишению свободы за совершение преступления небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые» (ст. 53.1 УК РФ) и как подчеркивается в п. 22.1. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 «только когда данный вид наказания наряду с лишением свободы прямо предусмотрен санкциями соответствующих статей Особенной части УК РФ» [9]. Осужденные к принудительным работам привлекаются «к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы». Согласно ст. 60.1 УИК РФ осужденные к принудительным работам отбывают наказание в специальных учреждениях – исправительных центрах (далее – ИЦ).

Мы неоднократно указывали, что действующее законодательство, касающееся применения наказаний в виде исправительных работ и принудительных работ, требует изменения. Нами предлагалось, в частности, «как один из вариантов решения … исключение из действующего законодательства возможности назначения наказания в виде исправительных работ неработающим осужденным. Таким образом, исправительные работы будут назначаться исключительно лицам, имеющим основное место работы, а принудительные работы как имеющим основное место работы, так и не имеющим такового» [10, с. 334, 11, с. 100]. Кроме того, требовалось изменить правовую природу данного наказания с приданием ему статуса самостоятельного вида наказания, а не альтернативы лишению свободы.

Данное предложение было учтено законодателем и реализовано, как было указано выше в Федеральном законе от 23.07.2025 г. № 218-ФЗ [1]. Последний скорректировал правовую природу уголовного наказания в виде принудительных работ определив его как самостоятельный вид наказания, не требующий предварительного назначения лишения свободы. Ч. 1 ст. 53.1 УК РФ в новой редакции указывает, что «принудительные работы заключаются в содержании осужденного в учреждении уголовно-исполнительной системы и привлечении его к труду в местах, определяемых учреждением уголовно-исполнительной системы». Кроме того, законодатель уровнял в правах женщин и мужчин, имеющих малолетних детей. Так в ч.5 ст. 53.1 УК РФ закреплена новая категория лиц, которым принудительные работы не могут быть назначены, а именно, «мужчины, имеющие детей в возрасте до трех лет и являющимся единственным родителем».

Благодаря приданию принудительным работам статуса самостоятельного вида наказания расширился перечень санкций ряда статей Особенной части УК РФ, включающих наказание в виде принудительных работ.

Подводя итог данному исследованию, следует подчеркнуть, что законодатель, приняв Федеральные законы от 23.07.2025 г. № 218-ФЗ и № 219-ФЗ, учел мнения ученых и практических работников, исправил недочеты в законодательном регулировании применения уголовного наказания в виде исправительных работ и уголовного наказания в виде принудительных работ, что несомненно будет способствовать расширению судебной практики назначения указанных наказаний и снижению проблем при их реализации сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций и исправительных центров.

Список литературы:

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 7.1 части первой статьи 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 23 июля 2025 г. № 218-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 30 (Часть I). Ст. 4367.
2. О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 23 июля 2025 г. № 219-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 30 (Часть I). Ст. 4368.
3. О порядке отбывания наказания в виде обязательных и исправительных работ на территории Юрьевецкого муниципального района Ивановской области: постановление администрации Юрьевецкого муниципального района от 12 января 2022 г. № 12 (ред. от 11.04.2022 г.) // СПС КонсультантПлюс.
4. Об определении объектов для отбывания наказания в виде обязательных и исправительных работ на территории Железногорского района Курской области на 2025 год: постановление Администрации Железногорского района Курской области от 16 января 2025 г. № 27 // СПС КонсультантПлюс.
5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.
6. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 08 декабря 2003 г. № 162-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 50. Ст. 4848.
7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.
8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: проект Федерального закона № 585548-8 // СПС КонсультантПлюс.
9. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2016. № 2.
10. Лядов Э.В. Правоприменительные проблемы и пути совершенствования уголовного наказания в виде принудительных работ // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1. С. 332-335.
11. Лядов Э.В., Грушин Ф.В. Уголовное наказание в виде принудительных работ: правовое регулирование назначения и исполнения / под ред. Э.В. Лядова: учебное пособие. – Рязань: ИП Коняхин А.В. (Book Jet), 2021. 138 с.

References:

1. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Invalidation of Paragraph 7.1 of the First Part of Article 299 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: feder. The law of July 23, 2025, No. 218-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. Federation. 2025. No. 30 (Part I). Art. 4367.
2. On Amendments to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation: feder. Law No. 219-FZ of July 23, 2025 // Collection of Laws of the Russian Federation. Federation. 2025. No. 30 (Part I). Article 4368.
3. On the procedure for serving a sentence in the form of compulsory and correctional labor in the territory of the Yuryevetsky municipal district of the Ivanovo region: resolution of the administration of the Yuryevetsky municipal district of January 12, 2022 No. 12 (as amended on 04/11/2022) / / SPS ConsultantPlus.
4. On the definition of facilities for serving sentences in the form of compulsory and correctional labor in the Zheleznogorsk district of the Kursk region for 2025: Resolution No. 27 of the Administration of the Zheleznogorsk District of the Kursk Region dated January 16, 2025 / / SPS ConsultantPlus.
5. The Penal Enforcement Code of the Russian Federation No. 1-FZ dated January 08, 1997 // Collection of Legislation of the Russian Federation. Federation. 1997. No. 2. Art. 198.
6. On Amendments and Additions to the Criminal Code of the Russian Federation: feder. Law No. 162-FZ of December 08, 2003 // Sobr. zakon-dating of the Russian Federation. Federation. 2003. No. 50. Art. 4848.
7. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: feder. The law of December 07, 2011 No. 420-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. Federation. 2011. No. 50. St. 7362.
8. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: draft Federal Green Law No. 585548-8 // SPS ConsultantPlus.
9. On the practice of assigning criminal penalties by the courts of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 22, 2015 No. 58 (as amended on December 18, 2018) / / Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. Federation. 2016. № 2.
10. Lyadov E.C. Law enforcement problems and ways to improve criminal punishment in the form of forced labor // Eurasian Law Journal. 2021. No. 1. pp. 332-335.
11. Lyadov E.C., Grushin F.C. Criminal punishment in the form of imprisonment in judicial work: legal regulation of appointments and executions / ed. by E.C. Lyadov: textbook. – Early:IP Konyakhin A.C. (Book Jet), 2021. 138 P.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_306

УДК 343.72

ОБ ОБОСНОВАННОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫПЛАТ В СПЕЦИАЛЬНУЮ НОРМУ
ON THE VALIDITY OF HIGHLIGHTING FRAUD IN RECEIVING PAYMENTS IN A SPECIAL NORM

НЕДБАЙЛОВ Павел Андреевич,
Аспирант, ассистент кафедры уголовного права
Юридического института Сибирского федерального университета.
660075, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 6.
E-mail: pavelnedbailov@gmail.com;
NEDBAYLOV Pavel Andreevich,
Postgraduate student, Assistant of the Department of Criminal Law
Law Institute of the Siberian Federal University.
6, Maerchaka str., Krasnoyarsk, Russia, 660075.
E-mail: pavelnedbailov@gmail.com

Краткая аннотация. *В статье исследуется вопрос об обоснованности выделения мошенничества при получении выплат в специальную норму. Оценивается целесообразность введения в Уголовный кодекс Российской Федерации статьи 159.2 с позиции теоретических оснований появления в уголовном законе специальных норм. Показано, что произведенные законодательные изменения не были связаны с криминализацией новых, ранее не охватывавшихся уголовным законом общественно опасных деяний, а привели к дифференциации уголовной ответственности за различные виды мошенничества. Автор делает вывод о том, что выделение мошенничества при получении выплат в специальную уголовно-правовую норму не имеет достаточной теоретической опоры и представляется научно необоснованным.*

Abstract. *The article examines the issue of the validity of highlighting fraud in receiving payments in a special norm. The expediency of introducing Article 159.2 into the Criminal Code of the Russian Federation is assessed from the standpoint of the theoretical grounds for the appearance of special norms in the criminal law. It is shown that the legislative changes made were not related to the criminalization of new socially dangerous acts that were not previously covered by criminal law, but led to a differentiation of criminal liability for fraud. The author concludes that singling out fraud in receiving payments as an independent criminal law norm does not have sufficient theoretical support and appears to be scientifically unfounded.*

Ключевые слова. *Мошенничество при получении выплат, специальные виды мошенничества, криминализация, дифференциация уголовной ответственности, законотворчество.*

Keywords. *Fraud in receiving payments, special types of fraud, criminalization, differentiation of criminal liability, lawmaking.*

Для цитирования*: Недбайлов П.А. Об обоснованности выделения мошенничества при получении выплат в специальную норму // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 306-309. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_306.*

For citation: *Nedbaylov P.A. On the validity of highlighting fraud in receiving payments in a special norm // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 306-309. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_306.*

Статья поступила в редакцию: 15.12.2025

В 2012 г. в главу 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК) были включены шесть новых статей об ответственности за различные виды мошенничества, одной из которых стала ст. 159.2 УК «Мошенничество при получении выплат»[1].

Субъектом права законодательной инициативы соответствующего законопроекта являлся Верховный Суд Российской Федерации. Выделение новых специальных видов мошенничества обосновывалось развитием экономических отношений, появлением новых схем и способов хищения чужого имущества, неспособностью общего состава мошенничества учитывать особенности тех или иных экономических отношений[2].

Такое реформирование уголовного законодательства вызывало множество дискуссий. Активно обсуждался вопрос о необходимости и целесообразности появления в УК специальных видов мошенничества. Некоторые авторы позитивно высказывались относительно этой инициативы [1; 2], другие полагали, что соответствующие изменения повлекли больше проблем, чем пользы [3; 4]. Отсутствовало и единое мнение относительно последствий появления новых норм – произошла ли криминализация деяний [5], или законодатель ограничился дифференциацией уголовной ответственности [6; 7].

Актуальными эти вопросы остаются и на сегодняшний день, особенно в свете стремительного увеличения количества совершаемых мошенничеств при получении выплат. Так, согласно сводным статистическим сведениям о состоянии судимости в России, число осужденных за совершение преступлений, предусмотренных частями 1-4 ст. 159.2 УК за 2013-2020 гг. варьировалось от 1 776 до 2 640 человек. При этом отмечается резкий рост числа осуждённых с 3 223 человек в 2021 г. до 4 466 человек в 2024 г. Только за первую половину 2025 г. уже было осуждено 2 585 человек[3].

Законотворчество не должно носить спонтанный и произвольный характер. Деятельность по разработке и введению в УК новых составов преступлений, выделение специальных норм наряду с общими должны быть обусловлены актуальными потребностями общества. Законодатель должен точно определять цели нормотворческой деятельности, стремиться к повышению эффективности правового регулирования. Появ-

[1] Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. N 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
[2] Пояснительная записка к законопроекту «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 11.04.2012 N 53700-6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/53700-6
[3] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cdep.ru/?id=79

ление в УК новых норм всегда должно сопровождаться соблюдением определенных условий и быть теоретически обоснованным.

В классических работах, посвященных вопросам квалификации преступлений, отмечается, что выделение специальных норм должно обуславливаться следующими целями. Во-первых, появление специальных норм может быть направлено на криминализацию общественно опасных деяний. Во-вторых, может проявляться в дифференциации уголовной ответственности с установлением более или менее строгих в сравнении с общей нормой санкций. В-третьих, появление специальных норм может быть оправдано, если они подчеркивают общественную опасность преступных действий, имеют профилактическое воспитательное или предупредительное значение и в них более конкретно, чем в общей норме, изложены признаки наказуемого деяния [8; 9].

Исследуем целесообразность и обоснованность появления в УК ст. 159.2 с учетом теоретических оснований появления в уголовном законе специальных норм.

Разработчики законопроекта отмечали, что законодательные изменения не связаны с криминализацией специальных видов мошенничества, поскольку действующая на тот период времени редакция статьи 159 УК охватывала все разновидности мошеннических действий[1].

Анализ состава мошенничества при получении выплат показывает, что в новой норме действительно не появилось каких-либо признаков, позволяющих сделать вывод об установлении уголовной ответственности за деяния, которые бы ранее не охватывались общим составом мошенничества. Можно констатировать, что изменения в УК 2012 года не повлекли криминализацию новых мошеннических действий в сфере получения социальных выплат. Все деяния, ответственность за которые на сегодняшний день предусмотрена ст. 159.2 УК, ранее квалифицировались по ст. 159 УК.

Выделение новых видов мошенничества не было обусловлено и идеями дифференциации уголовной ответственности. В первоначальной редакции законопроекта в санкциях новых норм не имелось каких-либо различий в части наказания в сравнении с простым мошенничеством[2]. Все виды наказаний и их размеры были одинаковыми. Однако в процессе рассмотрения указанного законопроекта был принят ряд поправок. Санкции частей 1-3 ст. 159.2 УК стали менее строгими, чем санкции соответствующих частей ст. 159 УК. Аналогичные изменения коснулись и санкций иных специальных норм о мошенничестве. При этом каких-либо обоснований этому представлено не было.

В 2016 г. законодатель частично скорректировал санкции ряда специальных норм о мошенничестве и привел их в соответствие со ст. 159 УК[3]. Тем не менее, указанные изменения не устранили проблему полностью. В действующей редакции УК санкция ч. 1 ст. 159.2 УК не предусматривает наказания в виде лишения свободы, в то время как ч. 1 ст. 159 УК устанавливает возможность назначения наказания в виде лишения свободы на срок до 2 лет. Санкция ч. 2 ст. 159.2 УК предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком до 4 лет, тогда как по ч. 2 ст. 159 УК максимальный срок лишения свободы составляет 5 лет. Таким образом, ответственность за деяния, предусмотренные частями 1 и 2 статьи 159.2 УК, по-прежнему остается менее строгой по сравнению с ответственностью за деяния, охватываемые соответствующими частями статьи 159 УК.

Закрепление в санкции специальной нормы менее строгих наказаний должно быть вызвано либо снижением типовой степени общественной опасности деяния или субъекта преступления, либо изменением характера общественной опасности соответствующего посягательства [10; 11]. Однако применительно к преступлениям, предусмотренным частями 1 и 2 ст. 159.2 УК, наличие оснований для дифференциации уголовной ответственности вызывает обоснованные сомнения.

Родовым объектом мошенничества традиционно признаются общественные отношения в сфере экономики, видовым – отношения собственности. Основным непосредственным объектом мошенничества при получении выплат выступают отношения государственной и муниципальной собственности, а дополнительным обязательным – общественные отношения в сфере социального обеспечения. Различия заключаются в том, что при совершении мошенничества при получении вред причиняется исключительно отношениям государственной или муниципальной собственности, в то время как простое мошенничество может посягать на любую форму собственности.

При этом, согласно ч. 2 ст. 8 Конституции в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. В связи с этим основные непосредственные объекты как простого мошенничества, так и мошенничества при получении социальных выплат должны охраняться уголовным законом в равной мере, что свидетельствует об их одинаковой значимости для государства, а значит и совпадающем характере общественной опасности данных преступлений.

Автор соглашается с мнением Т. И. Митрофанова относительного того, что при совершении мошенничества в виде получения выплат виновный не только причиняет вред отношениям собственности, но и лишает возможности действительно нуждающихся получать причитающиеся им социальные выплаты [12]. В связи с этим наличие указанного ранее дополнительного объекта мошенничества при получении выплат также не дает оснований сделать вывод о меньшей ценности охраняемых уголовных отношений в сравнении с простым мошенничеством.

Типовая степень общественной опасности конкретного деяния определяется совокупностью признаков состава преступления, их количеством, содержанием, а также наличием квалифицирующих или, напротив, привилегирующих обстоятельств. Диспозиция ст. 159.2 УК, в сравнении со ст. 159 УК, построена путем уточнения предмета преступного посягательства, а также путем более подробного описания возможных способов совершения преступного деяния. Однако ни ч. 1, ни ч. 2 ст. 159.2 УК не содержат таких признаков, которые бы однозначно свидетельствовали о более высокой или, напротив, пониженной типовой степени общественной опасности мошенничества при получении выплат по сравнению с общим составом мошенничества.

[1] Пояснительная записка к законопроекту «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 11.04.2012 N 53700-6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/53700-6

[2] Текст внесенного законопроекта «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 11.04.2012 N 53700-6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/53700-6

[3] Федеральный закон от 03.07.2016 N 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

Л. И. Шабалин в своей работе также отмечает, что совокупность обстоятельств совершения мошенничества при получении выплат является индифферентной для изменения уровня общественной опасности этого специального вида мошенничества по сравнению с уровнем общественной опасности простого мошенничества [13].

Как уже отмечалось, одним из оснований дифференциации уголовной ответственности могут выступать типовые характеристики личности субъекта преступления. Если исходить из существовавшей ранее точки зрения, что субъектом мошенничества при получении выплат является лицо, обладающее правом на получение соответствующей социальной выплаты [14], то можно прийти к выводу, что одной из типовых характеристик такой личности будет являться «нуждаемость». В этом случае причиной совершения преступления обычно является острая потребность в материальной или иной поддержке, что и обуславливает меньшую типовую общественную опасность такого лица.

Однако в 2017 г. Пленумом Верховного Суда Российской Федерации было разъяснено, что субъектом преступления, предусмотренного статьей 159.2 УК, может быть лицо, не имеющее соответствующего права на получение социальных выплат[1]. Таким образом, субъект мошенничества при получении выплат, как и простого мошенничества – общий. Часть 1 ст. 159.2 УК не содержит каких-либо признаков, характеризующих личность субъекта данного преступления, которых не содержала бы ч. 1 ст. 159 УК.

С учетом изложенного можно сделать вывод об отсутствии объективных оснований для установления более мягкой уголовной ответственности в санкциях частей 1 и 2 ст. 159.2 УК по сравнению с соответствующими частями ст. 159 УК. Указанные выводы косвенно подтверждают и сами авторы законопроекта, обосновывая выделение новых видов мошенничества не «дифференциацией уголовной ответственности», а «дифференциацией различных видов мошенничества»[2].

Анализ законопроекта и пояснительной записки к нему показывает, что основной причиной выделения новых норм явилась, по мнению авторов законопроекта, устаревшая редакция статьи 159 УК, которая не позволяла обеспечить защиту интересов граждан на должном уровне. Конкретизация в УК составов мошенничества в зависимости от сферы правоотношений, в которой они совершаются, должна была снизить число ошибок и злоупотреблений, а также способствовать правильной квалификации содеянного органами предварительного расследования и судом, более четкому отграничению уголовно наказуемых деяний от гражданско-правовых отношений.

Нельзя не согласиться с тем, что правоприменительная практика сталкивается с появлением новых форм и способов совершения преступных деяний, которые не охватываются уже существующими нормами УК. Однако к мошенничеству указанные замечания применимы в наименьшей степени. Состав мошенничества, закрепленный в ч. 1 ст. 159 УК, сформулирован достаточно общо, избранный законодателем способ описания признаков объективной стороны мошенничества позволяет успешно применять ее практически в любых исторических, экономических и социально-политических условиях. Длительная жизнь нормы без существенных ее видоизменений не свидетельствует о потере ею актуальности, а напротив, указывает на успешность выбранного способа формулирования диспозиции.

Следует иметь в виду, что институты социального обеспечения, адресной материальной помощи и поддержки нуждающихся граждан не новинка для российского законодательства. Появление новых разновидностей выплат и форм поддержки населения не влечет качественного изменения самих этих институтов.

Вместо минимизации ошибок и пресечения злоупотреблений, законодатель, напротив, породил проблемы, связанные с конкуренцией мошенничества при получении выплат и простого мошенничества, а также с разграничением со смежными составами [15; 16; 17]. Существенным пробелом является то, что термин «социальные выплаты» не получил нормативного определения не только в УК, но и вообще ни в одном из действующих нормативно-правовых актов, регулирующих социальную сферу. В соответствии с разъяснениями Пленума под социальными выплатами понимаются выплаты гражданам, нуждающимся в социальной поддержке[3]. Указанные разъяснения хоть и уточняют, но не дают полного понимания, какие выплаты являются социальными, а какие нет. Критерии нуждаемости граждан в социальной поддержке в разрозненном виде содержатся в очень объемном и многообразном отраслевом законодательстве социального обеспечения, подробное изучение которого теперь необходимо сотрудникам правоохранительных органов. Именно от отнесения тех или иных выплат к категории «социальных» напрямую зависит правильная квалификация содеянного. При этом, поскольку санкции частей 1 и 2 ст. 159 УК строже санкций частей 1 и 2 ст. 159.2 УК, правильная квалификация приобретает особо важное значение, однако именно в данном вопросе чаще всего и возникают ошибки.

Реформируя законодательство в области уголовной ответственности за мошенничество в 2012 году, законодатель пошел по пути казуистического описания объективных признаков составов новых видов мошенничества. При этом непонятно, чем руководствовался законодатель, уделяя внимание одним сферам общественной жизни и пропуская другие. В доктрине возникает закономерный вопрос: почему охрана отношений, связанных с получением социальных выплат, в большей степени требует законодательного выделения отдельной статьи в УК, нежели остальных [18]?

Следуя своей же логике, законодатель должен постоянно выделять в отдельные нормы все новые виды мошеннических действий. В противном случае новые способы и средства хищения чужого имущества, появляющиеся в результате развития различных сфер общества, не будут охватываться уже существующими специальными нормами о мошенничестве, а будут, как и раньше, квалифицироваться по общей норме.

Сама история развития норм о мошенничестве в отечественном законодательстве показывала постепенный отказ законодателя от казуистического способа закрепления уголовной ответственности за мошеннические действия в различных нормах и переход к формулированию

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
[2] Пояснительная записка к законопроекту «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 11.04.2012 N 53700-6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/53700-6
[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

единого унифицированного и лаконичного состава мошенничества [19]. Возвращение к казуистическому способу описания мошеннических действий является серьезным шагом назад и свидетельствует о некачественном процессе законотворчества.

Учитывая проведенный анализ, представляется возможным сформулировать следующие выводы.

Включение в УК статьи 159.2 не явилось результатом криминализации новых, ранее не охватывавшихся уголовным законом общественно опасных посягательств. Вместе с тем произошедшие законодательные изменения фактически привели к дифференциации уголовной ответственности: в действующей редакции УК деяния, предусмотренные частями 1 и 2 статьи 159.2 УК, являются менее общественно опасными по сравнению с деяниями, предусмотренными частями 1 и 2 статьи 159 УК. При этом убедительных, объективно обоснованных причин считать мошенничество при получении выплат менее общественно опасным, чем простое мошенничество, не усматривается.

Выделение мошенничества при получении выплат в качестве специального состава вместо устранения следственных и судебных ошибок повлекло за собой возникновение комплекса практических и теоретических проблем, связанных с правильной квалификацией содеянного и с разграничением с иными составами преступлений.

Представляется оправданным утверждать, что выделение мошенничества при получении выплат в специальную норму лишено достаточного теоретического обоснования и, по сути, не согласуется с целями, которые озвучивались авторами соответствующей законодательной инициативы.

Полагаем, что совершенствование и развитие уголовно-правового регулирования не должно осуществляться путем введения множества казуистических норм, действующих одновременно с общей нормой. Вопросы правоприменения и надлежащего расследования уголовных дел о мошенничестве целесообразнее разрешать посредством разъяснений, закрепляемых в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также в методических рекомендациях и инструкциях, разрабатываемых для правоохранительных органов.

Список литературы:

1. Хафизова Л.С. Уголовно-правовой анализ предложений Пленума Верховного Суда РФ от 5 апреля 2012 г. о внесении изменений в уголовное законодательство о мошенничестве // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2012. – N 8. – С.52.
2. Козаев Н.Ш. Некоторые новеллы уголовного законодательства, направленные на обеспечение экономической безопасности в условиях научно-технического прогресса // Библиотека криминалиста: научный журнал. – 2013. – N 5. – С.20.
3. Лопашенко Н.А. Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9, N 3. – С.511.
4. Фисенко Д.Ю. Специальные виды мошенничества (ст. 159.1 -159.6 УК): проблемы и перспективы // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 11 мая 2018. Омск: Омская юридическая академия, 2018. – С.140.
5. Шеслер А.В. Мошенничество: проблемы реализации законодательных новелл // Уголовное право. – 2013. – N 2. – С.67.
6. Мусьял И.А. Дифференцированные виды мошенничества: теоретические и практические проблемы: дис. … канд. юрид. наук. – Курск., 2018. – С.16.
7. Карпов И.П. Новые способы мошенничества // Законность. – 2014. – N 4. – С.57-58.
8. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М.: «Юрист», 2004. С.216-218.
9. Горелик А.С. Конкуренция уголовно-правовых норм: учебное пособие. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1998. С.23-24.
10. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика: монография. – М.: Норма, 2000. С.63.
11. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С.66-67.
12. Митрофанов Т.И. Уголовно-правовая характеристика мошенничества при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ): дис. … канд. юрид. наук. – Омск., 2016. – С.44.
13. Шабалин Л.И. Обоснованность существования специальных составов мошенничества в российском уголовном законодательстве: дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург., 2022. – С.210-211.
14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. И. Чучаева. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 09.12.2025).
15. Иванушкина О.В. Разграничение мошенничества пи получении выплат с иными видами хищений // Искусство правоведения. The art of law. – 2023. – N 4 (8). – С.68-73.
16. Южин А.А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2016. – С.152.
17. Прозументов Л.М., Архипов А.В. Разграничение мошенничества при получении выплат с иными видами мошенничества // Уголовное право. – 2015. – N 3. – С.55-60.
18. Епихин А.Ю. Уголовно-правовое аспекты дополнения уголовного закона специальными видами мошенничества // Современное право. – 2013. –N 10. – С.135-136.
19. Гладких В.И. Эволюция ном об ответственности за мошенничество в российском уголовном законодательстве // DIZWW. – 2021. – N 10-2. – С.21-23.

References:

1. Khafizova L.S. Criminal law analysis of the proposals of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 5, 2012 on amendments to criminal legislation on fraud // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2012. – N 8. – P.52.
2. Kozaev N.S. Some novelties of criminal legislation aimed at ensuring economic security in the context of scientific and technological progress // Library of criminologist: scientific journal. - 2013. – N 5. – P.20.
3. Lopashenko N.A. The Legislative reform of fraud: forced questions and forced answers // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. – 2015. – Vol. 9, No. 3. – P.511.
4. Fisenko D.Y. Special types of fraud (Articles 159.1 -159.6 of the Criminal Code): problems and prospects // Actual problems of criminal and criminal procedure policy of the Russian Federation: proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, May 11, 2018. Omsk: Omsk Law Academy, 2018. – P.140.
5. Shesler A.V. Fraud: problems of the implementation of legislative novels // Criminal law. – 2013. – N 2. – P.67.
6. Musyal I.A. Differentiated types of fraud: theoretical and practical problems: Dissertation of the candidate. jurid. sciences'. Kursk, 2018, P.16.
7. Karpov I.P. New methods of fraud // Legality. – 2014. – N 4. – P.57-58.
8. Kudryavtsev V.N. General theory of crime qualification. Moscow: "Lawyer", 2004. P.216-218.
9. Gorelik A.C. Competition of criminal law norms: a textbook. Krasnoyarsk: Krasnoyar State University, 1998. P.23-24.
10. Lesnievsky-Kostareva T.A. Differentiation of criminal responsibility. Theory and legislative practice: a monograph. Moscow: Norm, 2000. P.63
11. Kruglikov L.L., Vasilevsky A.V. Differentiation of responsibility in criminal law. Saint Petersburg: Law Center Press, 2003. P.66-67.
12. Mitrofanov T.I. Criminal and legal characteristics of fraud in receiving payments (art. 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): Dissertation of the candidate. jurid. sciences'. Omsk, 2016, P.44.
13. Shabalin L.I. The validity of the existence of special structures of fraud in Russian criminal legislation: Dissertation of the candidate. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2022, P.210-211.
14. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article) / edited by A. I. Chuchaev. [Electronic resource]. – Access mode: Access from the help.-legal system "ConsultantPlus" (date of application 09.12.2025).
15. Ivanushkina O.V. Distinguishing fraud in receiving payments from other types of embezzlement // The Art of Jurisprudence. The art of law. – 2023. – N 4 (8). – P.68-73.
16. Yuzhin A.A Fraud and its types in Russian criminal law: Dissertation of the candidate. jurid. sciences'. – M., 2016. – P.152.
17. Prosumentov L.M., Arkhipov A.V. Differentiation of fraud in receiving payments with other types of fraud // Criminal law. – 2015. – N 3. – P.55-60.
18. Epikhin A.Y. Criminal law aspects of supplementing the criminal law with special types of fraud // Modern Law. – 2013. – N. 10. – P.135-136.
19. Gladkikh V.I. Evolution of legislation on liability for fraud in Russian criminal legislation // DIZWW. – 2021. – N 10-2. – P.21-23.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_310

УДК 343.533

КЛЮЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОХРАНЫ ПАТЕНТООБЛАДАТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
KEY FEATURES OF CRIMINAL PROTECTION FOR PATENT HOLDERS IN THE RUSSIAN FEDERATION

КОРОСТИЕВ Александр Александрович,
аспирант Дальневосточного федерального университета.
690922, Россия, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.
SPIN: 4354-9360;
AuthorID: 1170760;
E-mail: korostiev@bk.ru;

KOROSTIEV Alexander A.,
Postgraduate student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, the Russian Federation;
690922, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russian island, Ajax settlement, 10.
SPIN: 4354-9360;
AuthorID: 1170760;
E-mail: korostiev@bk.ru

***Краткая аннотация**: В данной статье автор раскрывает сущность уголовно-правовой охраны патентных прав, сложности, возникающие при привлечении к ответственности лиц, незаконно использующих или реализующих товары, содержащие запатентованную формулу, а также их выявлении. Автор приходит к выводу о необходимости кардинального изменения существующего подхода уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности в связи с цифровизацией всех аспектов человеческой жизни. Констатируется, что текущие методы и способы уголовно-правовой охраны не соответствуют новейшим технологиям создания и производства объектов интеллектуальной собственности. Помимо этого, отмечаются некоторые изъяны действующего законодательства, позволяющие нарушителям посягать на права владельцев патентоспособных и запатентованных объектов. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о необходимости увеличения санкции в диспозиции ч. 1 ст. 147 УК РФ, отказа от криминообразующего признака «крупный ущерб» в пользу признака «крупный размер», приводит аргументированные доводы в поддержку указанных предложений.*

***Abstract**: In this article, the author explores the nature of criminal protection of patent rights, the complexities that arise in prosecuting those illegally using or selling products containing patented formulas, and their identification. The author concludes that a fundamental overhaul of the existing approach to the criminal protection of intellectual property is necessary in light of the digitalization of all aspects of human life. It is stated that current methods and techniques of criminal protection do not correspond to the latest technologies for the creation and production of intellectual property. Furthermore, several shortcomings in current legislation are noted that allow infringers to infringe on the rights of owners of patentable and patented objects. As a result of the research, the author concludes that it is necessary to increase the penalties under Part 1 of Article 147 of the Criminal Code of the Russian Federation and to abandon the criminal element of "major damage" in favor of the element of "large size." He provides reasoned arguments in support of these proposals.*

***Ключевые слова**: изобретение, крупный ущерб, интеллектуальная собственность, криминализация, нематериальное благо.*
***Key words**: invention, major damage, intellectual property, criminalization, intangible benefit.*

***Для цитирования**: Коростиев А.А. Ключевые особенности уголовной охраны патентообладателей в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 310-314. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_310.*
***For citation:** Korostiev A.A. Key features of criminal protection for patent holders in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 310-314. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_310.*

Статья поступила в редакцию: 24.01.2026

Проблемы, с которыми сталкиваются потерпевшие, при возбуждении уголовного дела рассматриваемой категории, можно разделить на следующие категории: 1) наличие добросовестного преждепользования объектом промышленных прав. Как отмечают И.Ю. Карташова и А.Н. Аксенов [1], если лицо разработало изобретение ранее того, кто успел запатентовать аналогичное, добросовестно его использовало, предпринимало меры и готовилось подать заявку на регистрацию патента, но по каким-то обстоятельствам не успело сделать это, то такие действия лица состава преступления не образуют.

При этом, к преждепользованию предъявляются достаточно жесткие, как пишет П.Д. Ванюков [2], требования, заключающиеся в самостоятельности создания объекта патентных прав, поэтому преждепользование не может возникнуть в результате промышленного шпионажа. Указанный вывод логичен, поскольку не может быть признано преждепользованием использование запатентованных объектов или незапатентованных (необнародованных), но полученных в результате совершения действий, предусмотренных ст. 183 УК РФ, то есть путем сбора сведений о результатах интеллектуальной деятельности неправомерным способом.

Второй проблемой является возможность использование нарушителем чужого патента в личных целях. Как указывает Д.А Дорогин [3], ссылаясь на Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. N 14 "О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака", использование объектов патентных прав при соблюдении установленных условий не является незаконным и, следовательно, не может влечь уголовной ответственности за преступления в сфере интеллектуальной собственности. Примером такого использование как раз выступает использование запатентованного изобретения для удовлетворения личных или иных не связанных с предпринимательской деятельностью нужд.

Между тем, А. Залесова указывает [4], что законодательство США, в отличие от российского, не исключает ответственности потребителя за нарушение исключительных прав, если лицо, использующее для личных целей охраняемый объект, было осведомлено, что оно приобре-

ло его без согласия правообладателя. Общая доктрина безусловного отсутствия нарушения при использовании охраняемого объекта для личных нужд потребителя существующая и действующая в рамках российского права, в американском праве отсутствует.

Полагаем, что американский законодатель пошел по более прогрессивному пути, не позволив нарушать исключительные права правообладателя даже в личных, научных, образовательных или познавательных целях, создав нормы закона, позволяющие правоприменительным органам выявлять и наказывать лиц, нанесших ущерб правообладателям в некрупных размерах. Это действительно мотивирует рядовых граждан к ненарушению интеллектуальных прав, содействует развитию американского общества и служит хорошим примером того, к чему следует стремиться российскому законодателю.

Третьей проблемой выступает необходимость установления умысла на совершение преступления, предусмотренного ст. 147 УК РФ. И.Ю. Карташова и А.Н. Аксенов отмечают трудность в доказывании осведомленности лица об использовании чужой технологии в производстве при ее использовании. Полагаем, что к уголовной ответственности следует привлекать не только лиц, действующих с прямым умыслом, но и лиц, незаконно использующих чужие объекты патентных прав с косвенным умыслом. Сам умысел предполагается очевидным, если нарушения патентных прав происходит в одном городе или конкурирующими предприятиями в пределах субъекта РФ. Сложности доказывания могут возникнуть в случае совершения предполагаемого нарушения в разных федеральных округах.

Существующую сложность в процессе применения норм об ответственности за нарушение изобретательских и патентных прав подтверждает и Е.А. Шищенко. Автор отмечает [5, с. 5], что понятие «крупный ущерб» не раскрывается ни в тексте УК, ни в разъяснении Пленума ВС РФ. Признак «крупный ущерб» является оценочным. Это рассматривается негативно и учеными и практиками. Использование в тексте закона оценочных признаков не вызывает одобрения в связи со сложностью их толкования и применения. При этом автор критикует позицию о правомерности применения признака «крупный ущерб» в ст. 147 УК РФ через примечания, даваемые к другим статьям УК РФ, ссылаясь о недопустимости применения норм уголовного закона по аналогии (ст. 3 УК РФ). Полагаем что нельзя согласиться с указанным мнением, поскольку текст уголовного закона не должен обладать размытыми формулировками, отдавать право принимать решение правоприменителю. Преступления в сфере патентных прав имеют ярко выраженный экономический характер, поэтому останавливать свое внимание именно на степени нарушения конституционных прав некорректно и не отвечает целям уголовно-правовой охраны рассматриваемых общественных отношений.

Размерные признаки (крупный и особо крупный ущерб) должны обладать конкретностью, поскольку они выступают, как пишет Г.А. Есаков [6], ссылаясь на Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2023 N 19-П, объективным индикатором достижения противоправным поведением той степени общественной опасности, которая говорит о необходимости задействовать принудительный потенциал уголовного права. Отсутствие конкретной цифры крупного ущерба применительно к статье 147 УК РФ нарушает фундаментальный принцип определенности уголовного закона.

Отметим, что указанным недостатком «страдает» не только рассматриваемый состав преступления. Так, квалифицированный вид кражи, а именно кража, совершенная с причинением значительного ущерба гражданину (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ) также имеет оценочный признак, в данном случае им выступает «значительность», при расчете которой, как отмечает В.Н. Борков [7], цитируя пункт 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. N 29 "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое", следует учитывать имущественное положение потерпевшего, стоимость похищенного имущества и его значимость для потерпевшего, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство, и др. Хотя законодатель все же ввел определенную размерность, криминализировав кражу, причинившую значительный ущерб, путем указания на минимальный размер в сумме 5 тыс. руб. Между тем, прошло уже практически 10 лет, и указанный вид кражи, полагаем, с учетом произошедшей инфляции, следует считать среднетяжким преступлением, если минимальный размер ущерб составляет 10 тыс. руб. Лицам, привлеченным к уголовной ответственности по указанному составу приговоры должны быть изменены в части переквалификации их действий на ч. 1 рассматриваемой статьи с уменьшением объема наказания.

Ущерб в виде морального вреда, причиненного потерпевшему в результате нарушения его патентных прав, в настоящее время не учитывается в рамках именно уголовного разбирательства, и это правильное решение, поскольку, как справедливо отмечает А.Э. Сорокина [8], компенсацию морального вреда можно отнести к одной из сложнейших процедур в российской судебной системе, а включение неимущественного вреда, причиненного преступлением, в состав общественно опасных последствий является избыточным.

Как отмечает А.Р. Фраева [9], анализ практики применения ст. 147 УК РФ выявляет несоответствие механизмов уголовно-правовой защиты патентных прав экономическим интересам правообладателей. Во-первых, гражданский иск в рамках уголовного дела, который мог бы восстановить экономические потери потерпевшего, практически не применяется в российской правовой системе. Во-вторых, в большинстве случаев уголовные дела по ст. 147 УК РФ не возбуждаются на этапе доследственной проверки. В-третьих, нередко сама доследственная проверка и оперативно-розыскные мероприятия используются в целях давления на конкурентов, что не соответствует принципам правового государства и демонстрирует отсутствие эффективных механизмов защиты экономических интересов патентообладателей.

Часто, обращение в правоохранительные органы для возбуждения уголовного дела о незаконном использовании объектов патентных прав потерпевшему необходимо для выявления и фиксации доказательств, установления факта нарушения и необходимых обстоятельств (субъектов, объем, размер ущерба/убытков и т.п.). Как отмечает Р.М. Садыков [10], самостоятельный сбор доказательств правообладателем является крайне затруднительным, длительным либо невозможным. Таким образом, потерпевший он нарушения патентных прав решает облегчить себе жизнь путем привлечения уголовных органов для сбора необходимых доказательств и улик.

Между тем полагаем, что указанные действия потерпевшего являются заранее недобросовестными, прежде всего необходимо обращаться в гражданские инстанции (суды), а лучше, писать претензию к предполагаемому нарушителю патентных прав, включая в текст указанной претензии сведения о действующих правах правообладателя в отношении запатентованного объекта. Размер убытков не составляет труда подсчитать, если нарушитель патентных прав реализует на рынке запатентованное изобретение и у него есть определенных доход вследствие указанной противоправной деятельности. Указанный доход и будет тем ущербом, который причинен потерпевшему. Тот доход, который не будет нарушителем обоснован при выяснении обстоятельств в гражданском суде, предполагается, будет криминальным, полученным от незаконного использования (продажи) изобретений по чужим патентам. Доказательства иного должны будут быть представлены им в порядке, установленном гражданско-процессуальным кодексом.

Таким образом, «перекладывание» функции по сбору доказательств и расчета размера ущерба на органы уголовного преследования недопустимо, уголовное дело в указанном случае не может быть возбуждено, а предполагаемому потерпевшему необходимо обращаться в экспертные организации, которые вынесут заключение о наличии либо отсутствии схожести спорного объекта промышленных прав с тем, что принадлежит ему по патенту. Только при наличии положительного экспертного заключения, потерпевшему следует обращаться в гражданский суд. Если размеры противоправной деятельности предполагаемого нарушителя превысят криминализированный порог, который не установлен в ст. 147 УК РФ, тогда уголовное дело будет возбуждено. Пробелом естественно является отсутствие размерного признака крупный ущерб, о котором мы уже писали ранее. Статья 147 УК РФ не далеко «ушла» от ст. 146 УК РФ, по своей природе является ее «братом», поэтому следует считать действия по незаконному использованию чужих объектов патентных прав криминальными при их совершении в крупном размере, определение которого полным образом дано в примечании к ст. 146 УК РФ.

Процессы цифровизации оказывают активное влияние на уголовную охрану патентных прав. Рост технологий обусловил изменения содержания патентных заявок. Как отмечают Н.Г. Пономарева и Е.А. Степанова [11], в связи с развитием цифровых технологий наблюдается устойчивая тенденция к увеличению числа заявок на изобретения и полезные модели, в формулы которых включены элементы, описывающие работу программ для ЭВМ (ИТ-решения). Авторы указывают, что включение программного обеспечения в качестве признака изобретения или полезной модели, а также возможность его рассмотрения на машиночитаемом носителе отражает реальную практику разработки современных ИТ-решений, где программный компонент тесно связан с аппаратной частью и напрямую влияет на достижение технического результата. Между тем, заявителям необходимо внимательно подходить к подготовке материалов заявки и формулировке признаков, т.е. чтобы они были понятны и проверяемы в рамках патентной процедуры.

В любом случае рост технологий не влечет дегуманизацию права, которое должно содействовать развитию техники, но оставаться при этом технологически нейтральным, не превращаясь в парадигме перманентного технического прогресса в руководство по эксплуатации постоянно устаревающих объектов техники [12].

Нарушение изобретательских и патентных прав характеризуется прямым умыслом и осознанием нарушения изобретательских и патентных прав, а также предвидения причинения крупного ущерба. Некоторые авторы рекомендуют определять имущественный ущерб исходя из юридической природы и специфики этого деяния, руководствуясь объективными и субъективными критериями. По общему правилу в понятие крупного ущерба включается как реальный вред, так и вред в форме неполучения должного. Тогда при определении крупного ущерба за основу можно было бы брать сумму выплат, которые правонарушитель в случае получения разрешения на право использования объектов интеллектуальной собственности по договору обязан был бы перечислить патентообладателю [13].

Согласно УК РФ нарушение изобретательских и патентных прав образует законченный состав преступления лишь тогда, когда указанными действиями причинен крупный ущерб. Лицо, незаконно использующее объект промышленной собственности, разглашающее сущность изобретения, полезной модели или промышленного образца, присваивающее авторство на чужую разработку или принуждающее к соавторству, совершает эти действия виновно, т.е. сознавая их последствия и желая их наступления. Если сведения о разработке разглашены или авторство на чужую разработку присвоено по неосторожности, основания для привлечения лица к уголовной ответственности отсутствуют. Как верно отмечает В.Н. Некрасов [14], законодателю следует обозначить в примечании к ст. 147 УК РФ размер крупного ущерба, а не передавать этот вопрос суду, тем самым необоснованно расширяя границы судебного усмотрения. В судебной практике имеются случаи, когда по ст. 147 УК РФ суды к крупному ущербу относят суммы в размере и 135 тыс. руб., и 17 млн руб.

Говоря о нарушении патентных прав при создании транспортных средств, следует обратиться к мнению С.В. Трофимова. В частности автор отмечает [15], что в конструкции нового самолета, морского судна или автомобиля могут быть использованы десятки и даже сотни новых технических решений, охраняемых патентами. Причем контрафактность созданного транспортного средства определяется именно наличием хотя бы одного охраняемого технического решения, использованного в его конструкции без разрешения патентообладателя.

Автор указывает, что наличие достаточно обширного правового инструментария не гарантирует успеха в борьбе с производством и оборотом контрафактной продукции в сфере транспорта (а равно и на товарных рынках в целом) и не вполне обеспечивает защиту нарушенных прав правообладателей. Разного рода проблемы с такой защитой возникают преимущественно в сфере правоприменения. При том что проблема контрафакта давно вышла за рамки отдельных стран и борьбой с такого рода правонарушениями приходится заниматься правоохранителям практически всех стран мира. Во всех странах, в том числе и в России, затруднения в борьбе с производством и оборотом контрафактной продукции носят преимущественно объективный характер и обусловлены сложностью предмета правового регулирования.

При уголовном нарушении патентных прав возможно соучастие в преступлении. Лица, не полностью выполняющие объективную сто-

рону преступления совершают так называемое «косвенное нарушение патента». Так, А.А. Залесова отмечает [16], что действия по косвенному нарушению патента часто характеризуются категориями, непривычными для гражданского права, такими как "соучастие", "пособник" и "подстрекатель", как бы заимствованными из уголовного права. Это неслучайно, так как в теории уголовного права пособник и подстрекатель не осуществляет всей совокупности действий, составляющих объективную сторону преступления, но умышленно способствует ее осуществлению исполнителем преступления.

Автор задается следующим вопросом: как отличить правомерное поведение, если, например, в первом случае проданы отдельные детали, при использовании которых в сборе может возникнуть запатентованное устройство, а во втором случае детали были поставлены с целью создания запатентованного объекта? Ведь в обоих случаях недостаточно признаков объективной стороны правонарушения. Для отделения правомерного поведения от правонарушения необходимо также обратить внимание на признаки субъективной стороны, а именно на цели действий.

Цель действий, очевидным образом направленная на несанкционированное использование запатентованного изобретения (поставка всей совокупности деталей или существенной части с целью обеспечить создание запатентованного объекта), как бы обеспечивает дополнение объективной стороны до полного правонарушения. Именно по расширенной субъективной стороне (при недостаточной объективной стороне) и можно отграничить правонарушение.

Выводы:

1. Российскому законодателю необходимо переосмыслить действующую доктрину охраны интеллектуальной собственности, предусмотрев ответственность за нарушения патентных прав даже в случае использования запатентованного объекта для личных нужд. Указанное будет стимулировать творцов к продолжению созидательной деятельности благодаря финансовым поступлениям от рядовых потребителей, создаст уважительное отношение к чужим патентам, чужой интеллектуальной собственности в целом.

2. Взыскание морального вреда за нарушение патентных прав должно производиться в рамках гражданского судебного разбирательства и только при установлении факта нарушения указанных прав истцом путем предоставления доказательств в необходимом объеме. Для уголовного процесса, компенсация морального вреда – чужеродный элемент, не имеющий права к существованию, поскольку взыскание указанной компенсации во второй раз противоречит фундаментальному правовому принципу – не дважды, за одно и то же.

3. Следует отказаться от размытого понятия «крупный ущерб» в ст. 147 УК РФ и применить формулировку «в крупном размере», что позволит «не вдаваться» правоприменителю в дебри конкретного судебного кейса о незаконном использовании изобретения по чужому патенту, а привлекать лицо к уголовной ответственности лишь за факт незаконного использования указанного вида интеллектуальной собственности в крупном размере. Предлагаемый вид конструкции объективной стороны состава преступления успешным образом функционирует в преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина, предусмотренных ст. ст. 141.1 и ч. 2 ст. 146 УК РФ, не говоря уже о целом пласте составов, предусмотренных разделом 8 УК РФ об экономических преступлениях, а лица, совершившие противоправные деяния в криминализованном размере, подвергаются уголовно-правовому воздействию.

4. К уголовной ответственности должно привлекаться не только лицо, непосредственно реализующее или импортирующее товар, содержащий запатентованную технологию без разрешения правообладателя, но и лицо, способствующее совершению указанного преступления путем поставки необходимых элементов и компонентов, составляющих содержание запатентованного изобретения, полезной модели или промышленного образца. Указанное лицо должно нести ответственность за нарушение патентных прав в качестве соучастника преступления. Целесообразность привлечения к ответственности соучастника преступления в сфере патентных прав подтверждается его возможностью не только помогать и поставлять контрафактные запчасти и детали обвиняемому, но и другим лицам, которые также нарушают патентные права, но правообладатели указанных прав еще не узнали об этом или по каким-либо другим причинам не осмеливаются подавать против них иски, или инициировать уголовное преследование.

5. Возникла действительная необходимость увеличения санкции в ч. 1 ст. 147 УК РФ. Это решит ряд проблем: во-первых, увеличится срок для привлечения лица к уголовной ответственности, а это необходимо, поскольку в большинстве случаев лица, совершившие преступления в сфере патентных прав, легко уходят от ответственности в результате истечения сроков давности уголовного преследования. Во-вторых, увеличение санкции переведет рассматриваемое преступление из частно-публичных в разряд дел публичного обвинения, что позволит правоприменительным органам самостоятельно осуществлять уголовное преследование при необходимости и с учетом особых общественных интересов. Указанный перевод однако не будет означать невозможность инициирования уголовного дела по жалобе потерпевшего лица. Любое лицо (потерпевший или его представитель по доверенности) будет вправе инициировать уголовное преследование.

6. Уголовной ответственности по ст. 147 УК РФ в любом случае должно подлежать лицо, которое умышленно нарушило патент. Умышленное нарушение имеет место только тогда, когда нарушитель осведомлен о патенте, считает его действительным и полагает, что его действия нарушают патент. В данном случае виновное лицо, помимо штрафа, налагаемого в рамках приговора суда, должно выплатить увеличенную компенсацию по результатам рассмотрения дела в гражданском суде.

Список литературы:

1. Карташова И.Ю., Аксенов А.Н. Уголовная ответственность за нарушение патентных прав по ст. 147 УК РФ: проблемы доказывания // Адвокатская практика. 2025. N 2. С. 11 - 15.
2. Ванюков П.Д. Преждепользование как элемент баланса прав творцов изобретений // Юрист. 2024. N 1. С. 17 - 22.
3. Дорогин Д.А. Исполнение закона как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность: некоторые конкретные случаи правомерного поведения в экономической сфере // Безопасность бизнеса. 2020. N 5. С. 8 - 14.
4.

5. Залесова А. Косвенное нарушение исключительных авторских и патентных прав по праву США // URL: https://www.azalesov.ru/analytics/publications/kosvennoe-narushenie-isklyuchitelnykh-avtorskikh-i-patentnykh-prav-po-pravu-ssha (дата обращения: 05.01.2026).
6. Шищенко Е.А. Нарушение изобретательских и патентных прав: понятие и проблемы квалификации // Научный журнал КубГАУ. 2014. №101. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/narushenie-izobretatelskih-i-patentnyh-prav-ponyatie-i-problemy-kvalifikatsii (дата обращения: 04.01.2026).
7. Есаков Г.А. Размерные признаки в уголовном законе: к вопросу о существовании // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. N 1. С. 78 - 83.
8. Борков В.Н. Конституционно-правовое толкование последствий халатности // Законность. 2021. N 11. С. 40 - 43.
9. Сорокина А.Э. К актуальным вопросам института гражданского иска в уголовном процессе // Российский судья. 2021. N 4. С. 17 - 20.
10. Фраева А.Р. Актуальные проблемы уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности // Молодой ученый. 2024. № 43 (542). С. 267-272. URL: https://moluch.ru/archive/542/118695 (дата обращения: 23.01.2026).
11. Садыков Р.М. Юрисдикционные формы защиты патентных прав // Вестник гражданского процесса. 2019. N 4. С. 182 - 200.
12. Пономарева Н.Г., Степанова Е.А. Значение ИТ-признаков для объема патентной охраны // ИС. Промышленная собственность. 2025. N 6. С. 16 - 21.
13. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / М.О. Дьяконова, А.А. Ефремов, О.А. Зайцев и др.; под ред. И.И. Кучерова, С.А. Синицына. Москва: ИЗиСП, НОРМА, 2022. 376 с.
14. Земченкова В.Г., Никитина М.В. Комментарий к законодательству РФ о промышленных образцах // СПС КонсультантПлюс. 2009.
15. Некрасов В.Н. Актуальные вопросы уголовно-правовой охраны инновационной деятельности в России // Актуальные проблемы российского права. 2017. N 7. С. 108 - 114.
16. Трофимов С.В. Правовая сущность контрафактной продукции в сфере производства и использования транспортных средств // Транспортное право. 2016. N 4. С. 9 - 15.
17. Залесова А.А. Содержание института защиты от косвенного нарушения исключительного права по патенту на изобретение // ИС. Промышленная собственность. 2020. N 5. С. 49 - 56.

References:

1. Kartashova I.Yu., Aksenov A.N. Criminal Liability for Patent Infringement under Article 147 of the Criminal Code of the Russian Federation: Problems of Proof // Advocate Practice. 2025. No. 2. pp. 11-15.
2. Vanyukov P.D. Prior Use as an Element of the Balance of Rights of Inventors // Jurist. 2024. No. 1. pp. 17-22.
3. Dorogin D.A. Compliance with the Law as a Circumstance Precluding Criminal Liability: Some Specific Cases of Lawful Behavior in the Economic Sphere // Business Security. 2020. N 5. pp. 8 - 14.
4. Zalesova A. Indirect infringement of exclusive copyright and patent rights under US law // URL: https://www.azalesov.ru/analytics/publications/kosvennoe-narushenie-isklyuchitelnykh-avtorskikh-i-patentnykh-prav-po-pravu-ssha (date of access: 05.01.2026).
5. Shishchenko E.A. Infringement of inventor's and patent rights: concept and problems of qualification // Scientific journal of KubSAU. 2014. No. 101. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/narushenie-izobretatelskih-i-patentnyh-prav-ponyatie-i-problemy-kvalifikatsii (date of access: 04.01.2026).
6. Esakov G.A. Dimensional Features in Criminal Law: On the Issue of Existence // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2024. No. 1. pp. 78-83.
7. Borkov V.N. Constitutional and Legal Interpretation of the Consequences of Negligence // Legality. 2021. No. 11. pp. 40-43.
8. Sorokina A.E. On Current Issues of the Institute of Civil Claim in Criminal Proceedings // Russian Judge. 2021. No. 4. pp. 17-20.
9. Fraeva A.R. Current Issues of Criminal-Law Protection of Intellectual Property // Young Scientist. 2024. No. 43 (542). pp. 267-272. URL: https://moluch.ru/archive/542/118695 (accessed: 23.01.2026).
10. Sadykov R.M. Jurisdictional Forms of Patent Rights Protection // Bulletin of Civil Procedure. 2019. No. 4. pp. 182-200.
11. Ponomareva N.G., Stepanova E.A. The Importance of IT Features for the Scope of Patent Protection // IP. Industrial Property. 2025. No. 6. pp. 16-21.
12. Digital Economy: Current Areas of Legal Regulation: A Scientific and Practical Handbook / M.O. Dyakonova, A.A. Efremov, O.A. Zaytsev, et al.; edited by I.I. Kucherov, S.A. Sinitsyn. Moscow: IZiSP, NORMA, 2022. 376 p.
13. Zemchenkova V.G., Nikitina M.V. Commentary on the legislation of the Russian Federation on industrial designs // SPS ConsultantPlus. 2009.
14. Nekrasov V.N. Current issues of criminal-legal protection of innovative activities in Russia // Current problems of Russian law. 2017. No. 7. pp. 108-114.
15. Trofimov S.V. Legal essence of counterfeit products in the field of production and use of vehicles // Transport law. 2016. No. 4. pp. 9-15.
16. Zalesova A.A. Contents of the institute of protection against indirect infringement of the exclusive right under a patent for an invention // IP. Industrial Property. 2020. No. 5. pp. 49-56.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_315

УДК 343.9

ОСОБЕННОСТИ ИЗЪЯТИЯ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ С ОБЛАЧНЫХ СЕРВИСОВ И РАСПРЕДЕЛЁННЫХ СЕТЕЙ: ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
SPECIFIC FEATURES OF REMOVING DIGITAL TRACES FROM CLOUD SERVICES AND DISTRIBUTED NETWORKS: LEGAL AND FORENSIC ASPECTS

МАНЖАРО Владимир Викторович,
доцент кафедры криминалистики, Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия.
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
E-mail: mangharo@mail.ru;
MANZHARO Vladimir Viktorovich,
Associate Professor, Department of Forensic Science,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia.
110 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia.
E-mail: mangharo@mail.ru

Краткая аннотация. *В условиях цифровой трансформации общества всё чаще доказательства по уголовным делам хранятся не на физических носителях, принадлежащих подозреваемому, а в облачных хранилищах (Яндекс Диск, Google Drive, iCloud и т.д.) либо в мессенджерах со сквозным шифрованием (Telegram, WhatsApp и др.). Это создаёт специфические сложности для правоохранительных органов при обнаружении, фиксации и изъятии цифровых следов. Статья анализирует правовые и криминалистические аспекты работы с такими данными, включая порядок взаимодействия с провайдерами, проблемы международного сотрудничества и методы фиксации сетевого трафика и использования специализированных криминалистических инструментов. Кроме того, в работе рассматриваются пробелы в действующем законодательстве и предлагаются конкретные пути совершенствования нормативно-правовой базы и практики расследования киберпреступлений с учётом современных технологических реалий.*

Abstract. *In the context of the digital transformation of society, evidence in criminal cases is increasingly stored not on physical media belonging to the suspect, but in cloud storage (Yandex Disk, Google Drive, iCloud, etc.) or in end-to-end encrypted messaging apps (Telegram, WhatsApp, etc.). This creates specific challenges for law enforcement agencies in detecting, recording, and seizing digital traces. This article analyzes the legal and forensic aspects of working with such data, including interactions with providers, challenges of international cooperation, methods for recording network traffic, and the use of specialized forensic tools. The paper also examines gaps in current legislation and proposes specific ways to improve the legal framework and cybercrime investigation practices, taking into account modern technological realities.*

Ключевые слова: *цифровые следы, облачные сервисы, провайдер облачного сервиса распределённые сети, криминалистика, правовое регулирование, изъятие данных, метаданные, международное сотрудничество, экспертиза, шифрование.*

Keywords: *digital footprints, cloud services, cloud service provider, distributed networks, forensics, legal regulation, data seizure, metadata, international cooperation, forensic analysis, encryption.*

Для цитирования*: Манжаро В.В. Особенности изъятия цифровых следов с облачных сервисов и распределённых сетей: правовые и криминалистические аспекты // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 315-318. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_315.*

For citation: *Manzharo V.V. Specific features of removing digital traces from cloud services and distributed networks: legal and forensic aspects // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 315-318. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_315.*

Статья поступила в редакцию: 24.01.2026

В 2017 году в России была утверждена Стратегия развития информационного общества на период до 2030 года, которая обозначила цифровизацию как ключевое направление трансформации общества[1]. Активное внедрение облачных технологий, мессенджеров и других цифровых инструментов привело к тому, что криминальный мир быстро адаптировался к новым реалиям. Преступники начали использовать эти технологии для сокрытия следов своей деятельности, что существенно усложнило работу правоохранительных органов [1, с. 24].

По данным Генпрокуратуры РФ, в 2025 году в России было зафиксировано 675 тысяч IT-преступлений. Это на 12% меньше, чем в 2024 году. При этом доля киберпреступлений в общей структуре преступной деятельности составила 38%. Более половины всех IT-преступлений (350 тысяч случаев) пришлось на кибермошенничество. При этом количество таких преступлений сократилось на 7,6% по сравнению с 2024 годом[2].

Для эффективного противодействия этим угрозам необходимо чёткое понимание правовых и технических аспектов работы с цифровыми данными, хранящимися в облаке или на серверах третьих лиц.

Облачный сервис – это автоматизированный способ предоставления вычислительных мощностей, включая программное обеспечение, в режиме удалённого доступа через сеть Интернет по запросу клиента. Такие сервисы позволяют хранить, обрабатывать и передавать данные с использованием распределённых систем, обеспечивая удобный и экономически выгодный доступ к ресурсам[3].

Провайдер облачного сервиса – лицо (юридическое или физическое, в том числе индивидуальный предприниматель), предоставляющее сервис с использованием облачных вычислительных технологий для размещения и обработки информации и данных в принадлежащей ему

[1] Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года №203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.
[2] Статистические данные / Официальный сайт Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. URL. [Электронный ресурс]. https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/statistics/ (дата обращения: 13.01.2026).
[3] В законодательстве РФ термин «облачный сервис» напрямую не определяется. В Положении о государственной единой облачной платформе (утверждено постановлением Правительства РФ от 10 июля 2024 года №929) используется понятие «облачные услуги», которое определяется как «услуги по предоставлению удалённых ресурсов и сервисов информационно-телекоммуникационной инфраструктуры». Однако это определение относится к конкретному контексту государственной платформы, а не к облачным сервисам в целом. В Указе Президента № 203 дается определение только облачных вычислений.

информационной системе. Провайдер обеспечивает доступность информации и программного обеспечения, возможность обработки данных (включая полное удаление) и их защиту в соответствии с требованиями законодательства[1].

В законодательстве РФ отношения, связанные с использованием облачных услуг, регулируются различными отраслями права: гражданским, административным, информационным и др. Основные нормы содержатся в Федеральном законе от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Среди крупных российских облачных провайдеров можно назвать: Cloud.ru (бывший SberCloud), Yandex Cloud ,VK Cloud, Selectel Timeweb Cloud, МТС Web Services, Beeline Cloud, К2 Облако, ITGLOBAL.COM и другие[2]. Эти компании владеют дата-центрами (ЦОДами), обеспечивают соответствие требованиям законодательства (например, ФЗ №152-ФЗ, ФЗ № 187-ФЗ, приказам ФСТЭК России, лицензированию и сертификации)[3] и предоставляют инфраструктуру как услугу (IaaS), платформу как услугу (PaaS) или программное обеспечение как услугу (SaaS)[4].

Распределённые сети – это информационно-телекоммуникационная сеть с децентрализованной структурой, в которой узлы (участники) равноправны и взаимодействуют напрямую без центрального управляющего органа. Такая структура минимизирует риски полного прекращения функционирования системы из-за отказа отдельных элементов и обеспечивает устойчивость к внешним воздействиям[5].

Несмотря на чёткое нормативное регулирование отношений в сфере облачных услуг (ФЗ № 149-ФЗ и др.) и развитие технологической базы российских провайдеров, правоохранительные органы сталкиваются с существенными трудностями при расследовании киберпреступлений. Это связано с особенностями хранения и обработки данных в облачных средах и распределённых сетях: данные могут находиться на серверах в разных юрисдикциях, шифроваться, динамически перераспределяться между узлами. Поэтому изъятие цифровых следов с облачных сервисов и распределённых сетей имеет ряд особенностей, связанных с технической сложностью, правовым регулированием и криминалистическими аспектами.

На практике реализация процессуальных действий по изъятию данных существенно затрудняется техническими характеристиками таких систем. Среди основных сложностей, с которыми сталкиваются правоохранительные органы, можно выделить: децентрализованное хранение данных. В распределённых сетях информация не сосредоточена в одном месте, а размещается на множестве территориально удалённых узлов (серверов). Это затрудняет установление места фактического нахождения данных и их централизованный сбор, что осложняет выполнение процессуальных действий по изъятию информации в рамках уголовного судопроизводства. Для получения доступа ко всем фрагментам данных может потребоваться взаимодействие с несколькими операторами или владельцами инфраструктуры, а также соблюдение требований законодательства разных юрисдикций, что увеличивает сроки и усложняет процедуру сбора доказательств.

Следующей проблемой является динамическое изменение расположения данных. Облачные сервисы часто перераспределяют данные между серверами в автоматическом режиме – например, для балансировки нагрузки или повышения отказоустойчивости. В результате местоположение конкретной информации может меняться в реальном времени. Это создаёт существенные трудности при фиксации цифровых следов и документировании их источника в рамках уголовного процесса: возникает риск утраты доказательственной базы или невозможности подтвердить достоверность происхождения данных, что может поставить под сомнение их допустимость в качестве доказательств (ст. 88 УПК РФ)[6].

Для защиты информации провайдеры и пользователи нередко применяют средства криптографической защиты, а доступ к данным ограничивают с помощью паролей, токенов и иных механизмов аутентификации. Это предъявляет к правоохранительным органам особые требования: необходимость получения законных оснований для доступа к защищённой информации, в т.ч. судебного решения в порядке ст. 165 УПК РФ; привлечение квалифицированных специалистов, способных обеспечить дешифрование без повреждения данных и с соблюдением требований сохранности доказательственной информации; строгое соблюдение требований ФЗ № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и ФЗ № 152-ФЗ «О персональных данных» при обработке полученной информации, включая обеспечение конфиденциальности и предотвращение несанкционированного доступа.

Облачные хранилища и распределённые системы могут содержать огромные объёмы данных, что усложняет их анализ и поиск релевантной информации. Преодоление сложностей изъятия цифровых следов требует взаимодействия с провайдерами, соблюдения процессуальных норм, использования специализированных инструментов цифровой криминалистики. Это обеспечит допустимость доказательств в уголовном процессе и соблюдение прав граждан.

---

[1] Провайдеры облачных услуг обязаны соблюдать требования законодательства РФ, в т.ч. ФЗ №152-ФЗ «О персональных данных» (защита и локализация персональных данных на территории РФ) и ФЗ №187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры» (для работы с объектами КИИ), а также выполнять предписания приказов ФСТЭК России по защите информации. В зависимости от типа услуг могут потребоваться лицензии ФСТЭК (на техническую защиту конфиденциальной информации), ФСБ (на криптографию/шифрование и работу с гостайной), аттестат соответствия требованиям 152-ФЗ и сертификаты по международным стандартам (например, ISO 27001, PCI DSS). Кроме того, инфраструктура провайдера (ЦОД) должна соответствовать стандартам надёжности и безопасности, включая возможную сертификацию по системе Tier от Uptime Institute.

[2] Российские облачные платформы: топ-10 поставщиков в 2025 году. URL. [Электронный ресурс]. https://www.anti-malware.ru/analytics/Market_Analysis/Top-10-Russian-Cloud-Platforms (дата обращения: 13.01.2026).

[3] Федеральный закон от 27 июля 2006 года №152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3451.

[4] Облачные провайдеры получают доход от предоставления услуг по модели pay-as-you-go (оплата за фактически потреблённые ресурсы), абонентской платы или других схем тарификации (почасовая, посуточная, помесячная и т. д.). Основные источники дохода: услуги IaaS (инфраструктура как услуга): виртуальные машины, хранилища данных, сетевые ресурсы; услуги PaaS (платформа как услуга): управляемые базы данных, Kubernetes-кластеры, serverless-функции; услуги SaaS (ПО как услуга) и другие сервисы.

[5] Официальное название в нормативных правовых актах для распределённых сетей как единого понятия не закреплено. Термин используется в технической и научной литературе, а также в отраслевых стандартах и рекомендациях. В законодательстве РФ могут упоминаться отдельные аспекты распределённых сетей в контексте регулирования информационных технологий, кибербезопасности или обработки данных, но единого правового определения этого термина нет.

[6] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года №174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации.2001. №52. Ст. 4927.

Правовые аспекты изъятия цифровых следов в уголовном процессе связаны с рядом проблем, обусловленных особенностями цифровой информации, трансграничным характером данных и пробелами в законодательстве. Эти проблемы требуют чёткого соблюдения процессуальных норм, международного сотрудничества и учёта требований о защите персональных данных. Так, уголовно-процессуальное законодательство РФ не содержит отдельных статей, регулирующих изъятие данных из удалённых сетей и систем. Статья 164.1 УПК РФ касается только электронных носителей информации, но не охватывает действия с удалёнными серверами. Для доступа к данным, особенно если они хранятся на серверах за пределами юрисдикции РФ или принадлежат третьим лицам, требуется судебное решение[1]. В некоторых случаях может понадобиться международный правовой механизм, например, запрос через Интерпол или на основании двусторонних договоров (статьи 457-458 УПК РФ). Если данные подпадают под действие ФЗ №152-ФЗ «О персональных данных», их обработка и изъятие должны соответствовать требованиям этого закона, включая обеспечение конфиденциальности и локализации данных на территории РФ. Если данные хранятся на серверах в других странах, возникает конфликт юрисдикций. Необходимо учитывать законодательство страны, где расположены серверы, а также международные договоры и соглашения[2]. Помимо этого, современные цифровые следы (метаданные, облачные данные, распределённые системы) не полностью учтены в процессуальных механизмах, рассчитанных на материальные объекты. Эти проблемы создают риски признания доказательств недопустимыми (ст. 75 УПК РФ) и затрудняют эффективное расследование киберпреступлений. Считаем необходимым внести поправки в УПК РФ – добавить специальные нормы для изъятия данных из удалённых сетей, облачных сервисов и распределённых систем[3]; закрепить в УПК РФ понятие «электронного доказательства» и детально прописать порядок его фиксации, изъятия и приобщения к делу; уточнить процессуальные правила работы с цифровыми следами, хранящимися за рубежом; дать определение понятий «удалённые сети», «облачные сервисы», «распределённые системы».

Наряду с правовыми проблемами, изъятие цифровых следов сопряжено с рядом существенных криминалистических сложностей, которые напрямую влияют на возможность получения и использования данных в качестве доказательств. Одна из ключевых проблем – риск утраты данных в распределённых сетях: информация может быть удалена, перезаписана или изменена ещё до начала расследования – например, из-за автоматического удаления устаревших логов, действий злоумышленника, штатного процесса синхронизации или очистки кэша в облачных сервисах. Это существенно снижает криминалистическую ценность следов и может привести к безвозвратной потере критически важных улик.

Для извлечения данных из современных инфраструктур – облачных сервисов, распределённых систем и удалённых сетей – необходимы специализированные программно-аппаратные комплексы. Обычные методы работы с физическими носителями здесь неэффективны: требуется применение инструментов цифровой криминалистики, таких как UFED Cloud Analyzer (для доступа к данным из облачных аккаунтов и мессенджеров) или «Мобильный Криминалист» (для извлечения информации с мобильных устройств и облачных хранилищ). Без таких средств доступ к части данных может оказаться технически невозможен либо приведёт к их повреждению.

Большое значение при расследовании имеет анализ метаданных и сетевых логов. Временные метки, IP-адреса, история соединений, сведения о сессиях и авторизации, хеш-суммы файлов – всё это помогает восстановить хронологию событий, установить причастных лиц и подтвердить целостность данных. Однако работа с такими данными требует высокой квалификации: логи могут храниться в разных форматах, на разных узлах сети, а их объём часто настолько велик, что ручной анализ нецелесообразен. Кроме того, злоумышленники нередко пытаются фальсифицировать или удалить метаданные, чтобы скрыть следы преступления.

Крайне важным условием корректного изъятия и исследования цифровых следов является обязательное участие специалиста в области цифровой криминалистики и информационной безопасности. Эксперт обеспечивает: соблюдение процессуальных требований при изъятии данных (в т.ч. создание криминалистически чистых копий, фиксацию хеш-сумм); применение правильных методик извлечения информации без повреждения исходных данных; сохранность и неизменность доказательств на всех этапах работы; достоверный анализ данных и подготовку заключения, которое может быть использовано в суде.

Отсутствие квалифицированной экспертной поддержки повышает риск ошибок: случайного изменения данных, нарушения цепочки доказательств, неправильной интерпретации технических артефактов – что в итоге может привести к признанию доказательств недопустимыми в уголовном процессе.

Кроме перечисленных правовых, технических и криминалистическими проблем существуют еще дополнительные сложности, существенно затрудняющие изъятие и использование цифровых следов в уголовном процессе. Одна из ключевых проблем – отсутствие единых национальных и международных стандартов для работы с цифровыми следами в облаке и распределённых сетях. Это создаёт разночтения в подходах к фиксации, изъятию и анализу данных в разных юрисдикциях и ведомствах. В результате доказательства, собранные по одной методике, могут быть не признаны допустимыми в другой стране или даже в рамках разных подразделений внутри одной страны. Отсутствие стандартизированных процедур осложняет международное сотрудничество, обмен данными и взаимное признание доказательств, что критически

[1] Статья 23 Конституции РФ гарантирует право на неприкосновенность частной жизни, что требует судебного контроля при ограничении этого права, в том числе при доступе к личным данным. Статья 75 УПК РФ признаёт недопустимыми доказательства, полученные с нарушением закона. Если доступ к данным осуществлён без судебного решения, это может повлечь признание доказательств недопустимыми.

[2] Конвенция Организации Объединённых Наций против киберпреступности (принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеи ООН от 24 декабря 2024 года). Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 24 июня 2022 года.

[3] В 2023 году МВД разрабатывало поправки к закону «Об оперативно-розыскной деятельности», которые предусматривали право силовиков в рамках ОРМ получать доступ к данным из дата-центров, облачных хранилищ, от операторов связи и устройств граждан. Инициатива объяснялась ростом интернет-преступлений, в том числе с использованием частных сетей (VPN). Поправки должны были упростить доступ к информации в режиме реального времени, но вызвали опасения юристов относительно возможных злоупотреблений. Однако, они не были приняты, проект изменений находился на стадии общественного обсуждения, но дальнейшего продвижения в законодательном процессе не получил.

важно при расследовании трансграничных киберпреступлений.

Не менее острой является проблема дефицита квалифицированных специалистов. Наблюдается острая нехватка экспертов, которые одновременно: обладают глубокими знаниями в области цифровых технологий (облачных сервисов, распределённых систем, криптографии, сетевых протоколов и т.д.); понимают особенности уголовного судопроизводства и процессуальные требования к доказательствам; умеют применять криминалистические методики в цифровой среде и грамотно оформлять экспертные заключения для суда. Дефицит таких специалистов приводит к задержкам в расследовании, ошибкам при изъятии данных и снижению качества экспертиз [2, с. 128]. Ещё одна серьёзная сложность – трудности доказывания происхождения и подлинности цифровых данных в распределённых сетях. Из-за особенностей архитектуры таких систем (динамическое перемещение данных, репликация, автоматическое удаление устаревших копий) крайне сложно: установить, кто именно создал или изменил конкретный файл или запись; определить точное время внесения изменений; подтвердить, что данные не были модифицированы после их создания или в процессе передачи; отследить полный путь данных в системе и зафиксировать все промежуточные узлы. Это ставит под сомнение достоверность цифровых следов как доказательств и может привести к их исключению из материалов дела (ст. 75 УПК РФ).

Особенно остро проблема проявляется при работе с анонимными сетями, блокчейном и сервисами с end-to-end-шифрованием, где традиционные методы установления авторства и хронологии практически неприменимы [3, с. 75]. В совокупности эти дополнительные проблемы создают значительные препятствия для эффективного расследования киберпреступлений и требуют комплексного решения – от разработки единых стандартов работы с цифровыми доказательствами до системной подготовки кадров и совершенствования криминалистических методик. Изъятие цифровых следов с облачных сервисов и распределённых сетей – сложная задача, которая требует комплексного подхода, учитывающего технические, правовые и криминалистические аспекты. Современные технологии хранения и обработки данных создают значительные препятствия для правоохранительных органов, но их преодоление возможно через совершенствование законодательства, развитие технологий и подготовку квалифицированных специалистов.

Для повышения эффективности расследования преступлений, связанных с облачными сервисами и распределёнными сетями, требуется дальнейшее развитие правовых механизмов, стандартизация процедур работы с цифровыми следами и усиление подготовки специалистов в области цифровой криминалистики, внедрение современных технологий и совершенствование механизмов международного сотрудничества. Только комплексный подход, объединяющий правовые, технические и кадровые меры, позволит эффективно противостоять киберпреступности в условиях цифровой трансформации общества.

Список литературы:

1. Капинус О.С. Цифровизация преступности и уголовное право / О.С. Капинус // Baikal Research Journal. 2022. №1. С. 22-28.
2. Родивилина В.А. Анализ проблем раскрытия IT-преступлений и направления их преодоления / В.А. Родивилина, В.В. Коломинов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Т. 35. №3. С. 119-130.
3. Шинкарев А.А. Проблематика верификации подлинности, авторского права и целостности цифровых данных / А.А. Шинкарев, О.В. Логиновский, Д.В. Стародубцев // Вестник ЮУрГУ. 2025. Т. 25. №2. С. 74-81.

References:

1. Kapinus O.S. Digitalization of Crime and Criminal Law / O.S. Kapinus // Baikal Research Journal. 2022. No. 1. pp. 22-28.
2. Rodivilina V.A. Analysis of the Problems of Detecting IT Crimes and Directions for Overcoming Them / V.A. Rodivilina, V.V. Kolomin // Forensic Science: Yesterday, Today, Tomorrow. 2025. Vol. 35. No. 3. pp. 119-130.
3. Shinkarev A.A. Problems of Verification of Authenticity, Copyright, and Integrity of Digital Data / A.A. Shinkarev, O.V. Loginovsky, D.V. Starodubtsev // Bulletin of SUSU. 2025. Vol. 25. No. 2. pp. 74-81.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_319

УДК 343.3/.7

УЖЕСТОЧЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАЕМНИЧЕСТВО: ПРИЧИНЫ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ
INCREASED CRIMINAL LIABILITY FOR MERCENARY ACTIVITIES: REASONS AND PRACTICAL JUSTIFICATION

ПАНКРАТОВ Сергей Александрович,
аспирант ФГКОУ ВО Университет прокуратуры Российской Федерации,
заместитель Херсонского транспортного прокурора.
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1.
E-mail: pancrat2302@yandex.ru;

PANKRATOV Sergey Alexandrovich,
PhD student Federal State Educational Institution of Higher Education University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Deputy Kherson Transport Prosecutor.
117638, Russia, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1.
E-mail: pancrat2302@yandex.ru

Краткая аннотация. *Статья посвящена ужесточению уголовной ответственности за наемничество, дается анализ причин её ужесточения. Анализируются складывающаяся правоприменительная практика на территории Донецкой Народной Республики, Херсонской и Курской областей и выводится обоснование правильности ужесточения ответственности за наемничество.*

Abstract. *This article discusses the tightening of criminal penalties for mercenarism and analyzes the reasons for this tightening. It examines current law enforcement practices in the Donetsk People's Republic, Kherson and Kursk Regions, and presents a rationale for tightening penalties for mercenarism.*

Ключевые слова: *наемничество, общественная опасность, ужесточение ответственности, наемник, правоприменительная практика.*

Keywords: *mercenarism, public danger, increased liability, mercenary, law enforcement practice.*

Для цитирования*: Панкратов С.А. Ужесточение уголовной ответственности за наемничество: причины и практическое обоснование // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 319-321. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_319.*

For citation: *Pankratov S.A. Increased criminal liability for mercenary activities: reasons and practical justification // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 319-321. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_319.*

Статья поступила в редакцию: 22.01.2026

Вербовка, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, а равно его использование в вооруженном конфликте или военных действиях, а также непосредственное участие наемника в вооруженном конфликте или военных действиях наемников обладают высокой общественной опасностью и образуют состав преступления, запрещенного как российским уголовным законом, так и международными нормативными правовыми актами.

В Уголовном кодексе Российской Федерации в статье 359 установлена ответственность за наемничество. В нормах международного уголовного права, в частности, в статье 2 Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 года Определено, что любое лицо, которое вербует, использует, финансирует или обучает наемников совершает преступление. Стоит отметить, что аналогичные признаки содержатся и в ч. 1 ст. 359 УК РФ. В п. 1 ст. 1 Конвенции 1989 года раскрывается лишь понятие наемника, аналогичное тому, что сформулировано в статье 47 дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающейся защиты жертв международных вооруженных конфликтов [4, с. 13].

Актуальность уголовно-правового противодействия наемничеству в современных условиях обусловлена угрозой, которую это явление представляют для безопасности государства и гражданского общества[10, с.39].

Действительно, указанные общественно-опасные деяния наносят вред международной безопасности, национальному суверенитету государств и влекут нарушения прав и свобод человека и гражданина.

Если говорить о российском правовом поле, то общественная опасность наемничества возросла как в количественном, так и в качественном выражении в связи с масштабным вовлечением наемников в конфликт на территориях новых регионов Российской Федерации, Курской области и Украины.

Об изложенном свидетельствует официальное заявление ТАСС, согласно которого, всего, по различным оценкам, в украинской армии на данный момент воюет как минимум 20 тысяч наемников из разных стран. Среди наемников чаще всего встречаются граждане из Латинской Америки (Колумбии, Венесуэлы, Сальвадора, Никарагуа), а также из Польши, Великобритании, Канады и США [12].

«Харьков сегодня превращается в место сбора наемников, он оккупирован колумбийскими наемниками. По инсайдерской информации, сейчас в Харькове находятся 1,4 тысячи наемников из Колумбии, которые проходят обучение на операторов FPV-дронов, а также изучают БПЛА всех модификаций», - также сообщил военный эксперт, полковник запаса Луганской Народной Республики Виталий Киселев, добавив, что их затем планируют перебросить на другие направления [3].

В настоящей статье предлагается проанализировать причины ужесточения уголовной ответственности за следующие деяния, предусмотренные ст. 359 УК РФ: а) вербовка, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, а равно его использование в вооруженном конфликте или военных действиях (ч. 1 ст. 359 УК РФ); б) участие наемника в вооруженном конфликте или военных действиях (ч. 3 ст. 359 УК РФ) и на примерах правоприменительной практики обосновать правильность такого ужесточения.

Санкции частей указанной статьи в 2022 году стали более жесткими, вследствие чего преступления, предусмотренные ст. 359 УК РФ перешли из категории тяжких преступления к особо тяжким (например, ранее за вербовку, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, а равно его использование в вооруженном конфликте или военных действиях санкция статьи предусматривала максимальное наказание в виде лишения свободы на срок от 4 лет до 8 лет, после изменений – от 12 лет до 15 лет).

Согласно пояснительной записки к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» который принят 14.07.2022 ужесточение уголовной ответственности за наемничество в первую очередь направлено на предупреждение использования в вооруженных конфликтах и военных действиях наемников, а также приведение их в соответствие с мерами наказаниями за аналогичные по характеру и степени общественной опасности преступления против мира и безопасности государства и человечества [9].

Таким образом, законодатель признал увеличение характера и степени общественной опасности преступлений, предусмотренных ст. 359 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ужесточение уголовной ответственности за наемничество, полагаем, является оправданным, обоснованным и является примером последовательной уголовно-правовой политики.

Так, Президент Российской Федерации Владимир Путин на совещании в одном из командных пунктов Курской группировки напомнил, что иностранные наемники не подпадают под действие Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 года [8].

Безусловно, если говорить о непосредственно наемниках, то справедливым утверждением будет, что они законы ведения войны не соблюдают и могут совершать различные преступления, в первую очередь, террористического характера. Более того, использование в вооруженном конфликте наемников, которые не находятся в подчинении государства и не защищают интересы этого государства может привести к выходу их из под контроля.

Ярким примером из свежей судебной практики является приговор 2-й Западного окружного военного суда которым осужден гражданин США Д.Р.О'Лири.

В соответствии с данным актом правосудия он признан виновным по ч. 3 ст. 359 УК РФ (участие наемника в вооруженном конфликте), а также в террористическом акте (пп. «а», «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ), незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации, незаконном обороте оружия, а также незаконном пересечение Государственной границы Российской Федерации, т.е. в совокупности тяжких и особо тяжких преступлений. Судом и органами предварительного расследования установлено, что с августа 2024 по апрель 2025 года О'Лири вместе с другими лицами, руководствуясь корыстным мотивом, незаконно пересек государственную границу Российской Федерации, проник на территорию Курской области, переместив через таможенную границу модернизированный автомат Калашникова и боеприпасы к нему. О'Лири принял участие в вооруженном конфликте против военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, выполняя приказы командиров ВСУ,. За указанные действия он до апреля 2025 года получал материальное вознаграждение. Сумма установлена судом свыше 3,1 млн рублей. Суд заочно приговорил О'Лири к 28 годам лишения свободы с отбыванием первых 8 лет в тюрьме, а оставшейся части наказания в исправительной колонии строгого режима, со штрафом в размере 1,6 млн рублей [1].

В продолжение сказанного, следует отметить обоснованное мнение, что участие «иностранных специалистов» в ведении боевых действий неизбежно приводит к нарастанию конфликта, разрушению объектов инфраструктуры, страданиям мирных жителей [6, с. 227].

Также, полагается, что наемниками чаще всего совершаются убийства, акты терроризма, диверсии, применяются пытки и т.д. Наемничеству помимо прочего сопутствуют такие виды транснациональной преступной деятельности как незаконный оборот оружия и наркотиков, похищение людей и т.п. [5, с. 67].

Так, 2-й Западный окружной военный суд вынес приговор по уголовному делу в отношении 22-летнего гражданина Соединенного Королевства Великобритании Д.С.Р. Андерсона. В ходе судебного следствия установлена его вина в совершении наемничестве в форме участия наемника в вооруженном конфликте, а также в совершении группой лиц по предварительному сговору террористического акта, повлекшего наступление тяжких последствий. Из материалов уголовного дела следует, что в апреле 2024 года Андерсон прибыл на территорию Украины, был обеспечен огнестрельным оружием, боеприпасами и обмундированием. После прохождения боевой подготовки он принял участие в боевых действиях против российских военнослужащих и мирного населения в качестве наемника. В середине ноября 2024 года Андерсон, нарушая суверенитет Российской Федерации, незаконно вторгся в составе одного из вооруженных формирований Украины на территорию Курской области. Он совершал вооруженные нападения на населенные пункты, обстреливал военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации, жилые дома и другие объекты гражданской инфраструктуры, запугивал мирных граждан. Андерсон приговорен к 19 годам лишения свободы. Также у Андерсона конфискован заработок наемника [11].

Таким образом, примеры правоприменительной практики свидетельствуют о правильности ужесточения наказания за наемничество и о высоких степени и характере общественной опасности.

Интересным моментом стоит отметить, что даже в странах Африки к вопросу уголовной ответственности за наемничество относятся совершенно серьёзно. Так, в ряду африканских стран, где наемничество нередко выступает фактором безопасности целых стран, ответственность за это деяние карается вплоть до смертной казни [5, с. 67].

Необходимо обратить также на личность наемника. Данное лицо принимает участие в военных действиях и вооруженном конфликте, при этом не понимает причины вооруженного конфликта, его суть. Фактически он лично не заинтересован в его исходе [7, с. 318].

Кроме того, можно заявить, что данное лицо не давало присягу ни одному из государств – участников конфликта.

По сути, выполняя функцию военнослужащего того или иного государства, оно не связано никакими моральными ценностями и установками, которые присущи кадровому военнослужащему, который понимает и осознает, что он защищает интересы и народ своей Родины и выполняет конституционную обязанности по защите Отечества.

Дополнительно нельзя исключать, что у наемников может возникнуть стремление заработать деньги любым путем, в т.ч. мародерством.

Также, полагаем, что использование наемников может способствовать продолжению конфликтов и возникновению совершенно новых дипломатических споров, ухудшению международных отношений как между нейтральными государствами, так и между союзниками.

Ярким примером вышесказанного является приговор Херсонского областного суда в отношении гражданина Республика Армения А. Баляна.

Так, гражданин, члена международной региональной организации в области коллективной безопасности – Организации Договора о коллективной безопасности А. Балян признан виновным по ч. 3 ст. 359 УК РФ. Органами уголовного судопроизводства достоверно установлено, что он не позднее ноября 2022 года через Молдавию прибыл на Украину и добровольно вступил в состав формирований ВСУ, принимал участие в вооруженном конфликте на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народных Республики и Херсонской области против Вооруженных Сил Российской Федерации за вознаграждение. В последствии он был задержан правоохранительными органами в аэропорту Домодедово. Судом он признан виновными и ему назначено наказание в виде 12 лет лишения свободы. Кроме того, с него взыскана вся сумма денежных средств, полученная в результате совершения преступления, в доход государства [2].

Таким образом, в качестве наемников на стороне ВСУ привлекаются, в том числе, граждане дружественных стран – союзников Российской Федерации по ОДКБ, что также свидетельствует о высокой общественной опасности наемничества и о необходимости борьбы с указанными преступными явлениями.

На основании изложенного, можно сделать вывод, что ужесточение уголовной ответственности за наемничество носит обоснованный характер, а складывающаяся правоприменительная практика, сообщения средств массовой информации и официальная статистика это только подтверждают.

Список литературы:

1. В Москве суд вынес заочный приговор наемнику из США // Генеральная прокуратура Российской Федерации URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e5995492/ (дата обращения: 16.11.2025).
2. В Херсонской области суд вынес приговор по уголовному делу в отношении наемника из Армении // Прокуратура Херсонской области URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_ho/mass-media/news/main/e6246329/ (дата обращения: 24.11.2025).
3. ВСУ используют Харьков как базу для иностранных наемников, заявил эксперт // РИА Новости URL: https://ria.ru/20251123/vsu-2056876547.html (дата обращения: 23.11.2025).
4. Горенко М. Г. Ответственность за наемничество по уголовному законодательству Российской Федерации: понятийно-содержательный аспект // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью : Сборник статей по материалам VII Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар,. - Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 2024. - С. 13-18.
5. Изъянов А.Д. Феномен наемничества: уголовная ответственность в контексте современного международного и российского права // Ученые записки Калужского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России). - Калуга: 2023. - С. 66-73.
6. Левандовская М.Г. Уголовная ответственность за наемничество в законодательстве Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 8 (123). – С. 226–227.
7. Майстренко Г. А. Личность наемника: криминологические аспекты / Г. А. Майстренко // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 8-1. – С. 317-322.
8. Посещение пункта управления Курской группировкой // Президент Российской Федерации URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/76446 (дата обращения: 13.11.2025).
9. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/130406-8#bh_note (дата обращения: 10.11.2025).
10. Пшеничнов И. М. Специфика общественной опасности взаимодействия феноменов "экстремизм" и «наемничество» в современных реалиях // Лоббирование в законодательстве. - 2023. - № 3. - С. 38-43.
11. Суд вынес приговор по уголовному делу в отношении наемника из Великобритании // Портал органов военной прокуратуры URL: https://gvp.gov.ru/chf/news/view/6150 (дата обращения: 24.11.2025).
12. ТАСС: на стороне ВСУ служат около 20 тыс. наемников // Новости в России и мире - ТАСС URL: https://tass.ru/armiya-i-opk/24998715 (дата обращения: 14.11.2025).

References:

1. In Moscow, a court issued a verdict in absentia against a mercenary from the United States // Prosecutor General's Office of the Russian Federation URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e5995492/ (date accessed: 11/16/2025).
2. In the Kherson region, a court issued a verdict in a criminal case against a mercenary from Armenia // Kherson Region Prosecutor's Office URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_ho/mass-media/news/main/e6246329/ (date accessed: 24.11.2025).
3. The Ukrainian Armed Forces are using Kharkiv as a base for foreign mercenaries, an expert said // RIA Novosti URL: https://ria.ru/20251123/vsu-2056876547.html (date accessed: 23.11.2025).
4. Gorenko M. G. Liability for mercenarism under the criminal legislation of the Russian Federation: conceptual and substantive aspect // Criminal-legal, criminal-procedural and forensic issues of combating crime: Collection of articles based on the materials of the VII All-Russian scientific and practical conference, Krasnodar,. - Krasnodar: Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, 2024. - Pp. 13-18.
5. Izyanov A. D. The phenomenon of mercenarism: criminal liability in the context of modern international and Russian law // Scientific notes of the Kaluga Institute (branch) of VSUJ (RPA Ministry of Justice of Russia). - Kaluga: 2023. - Pp. 66-73.
6. Levandovskaya M. G. Criminal liability for mercenarism in the legislation of the Russian Federation // Eurasian Law Journal. – 2018. – No. 8 (123). – P. 226–227.
7. Maistrenko G.A. Personality of a Mercenary: Criminological Aspects / G. A. Maistrenko // Issues of Russian and International Law. – 2022. – Vol. 12, No. 8-1. – P. 317–322.
8. Visit to the Kursk Group Command Post // President of the Russian Federation URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/76446 (accessed: 11/13/2025).
9. Explanatory Note to the Draft Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // System for Supporting Legislative Activity URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/130406-8#bh_note (date of access: 10.11.2025).
10. Pshenichnov I.M. Specifics of the Social Danger of the Interaction of the Phenomena of "Extremism" and "Mercenarism" in Modern Realities // Lobbying in Legislation. - 2023. - No. 3. - Pp. 38-43.
11. The Court Handed Down a Verdict in the Criminal Case Against a Mercenary from the UK // Portal of the Military Prosecutor's Office URL: https://gvp.gov.ru/chf/news/view/6150 (date of access: 24.11.2025).
12. TASS: About 20 thousand mercenaries serve on the side of the Ukrainian Armed Forces // News in Russia and the world - TASS URL: https://tass.ru/armiya-i-opk/24998715 (date accessed: 11/14/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_322

УДК 347.152

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ СУБЪЕКТОМ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ? IS A TEACHER SUBJECT TO BRIBERY?

КАЧМАЗОВ Руслан Олегович,
студент юридического факультета ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».
117418, Россия, г. Москва, Новочерёмушкинская ул., 69.
E-mail: mirag.8184@ya.ru
KACHMAZOV Ruslan Olegovich,
student of the Faculty of Law of the Russian State University of Justice
Novocheremushkinskaya St., 69, Moscow, 117418, Russia.
E-mail: mirag.8184@ya.ru

Краткая аннотация: *В статье анализируется проблемы, возникающие на практике при привлечении к ответственности преподавателей за получение взятки. В этой связи автор исследует спорные вопросы квалификации действий преподавателей при получении ими незаконного вознаграждения, рассматривает случаи, когда преподаватель является должностным лицом и, соответственно, субъектом получения взятки, а когда - нет.*

Abstract: *The article analyzes the problems that arise in practice when holding teachers liable for receiving a bribe. In this regard, the author examines controversial issues of qualifying the actions of teachers when they receive illegal remuneration, considers cases when a teacher is an official and, accordingly, a subject of receiving a bribe, and when he is not.*

Ключевые слова: *преподаватель, взятка, размер взятки, предмет взятки, законные действия, незаконные действия, экзамен, зачет должностное лицо, преступление.*

Keywords: *teacher, bribe, amount of bribe, subject of bribe, legal actions, illegal actions, exam, test, official, crime.*

Для цитирования*: Качмазов Р.О. Является ли преподаватель субъектом получения взятки? // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 322-325. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_322.*

For citation: *Kachmazov R.O. Is a teacher subject to bribery? // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 322-325. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_322.*

Статья поступила в редакцию: 22.01.2026

Коррупция в системе образования представляет собой одну из наиболее опасных форм девиантного поведения, так как она подрывает основы формирования человеческого капитала, дискредитирует принципы социальной справедливости и наносит ущерб авторитету государства. Среди множества проявлений коррупции особое место занимает получение взятки преподавателем. Данное деяние непосредственно затрагивает интересы будущих поколений, искажает цели образовательного процесса и способствует воспроизводству коррупционных практик в других сферах общественной жизни.

В контексте высших учебных заведений ключевым является вопрос квалификации действий преподавателя, принимающего от студентов денежные средства или иные материальные блага за совершение определенных действий (например, завышение оценки на экзамене, допуск к зачету и т.п.). Являются ли такие действия получением взятки или их следует квалифицировать по другим статьям УК РФ? Ответ на этот вопрос требует тщательного анализа понятия «должностное лицо» применительно к профессорско-преподавательскому составу.

Несмотря на наличие уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за получение взятки, присутствие специфики у субъекта – преподавателя – является очевидной.

Как известно, в качестве субъекта получения взятки, согласно ч. 1 ст. 290 УК РФ, выступает лишь должностное лицо.

А.В. Бриллиантов и Е.Ю. Четвертакова в этой связи указывают, что для определения наличия должностного лица необходимо установить два обстоятельства: «Первое – это место работы соответствующего субъекта, второе - наличие у него полномочий, которые относятся к категории должностных» [1. С. 8].

О.Х.Качмазов также подчеркивает, что для должностного лица определяющим признаком является характер выполняемых обязанностей, наделение лица указанными в законе функциями, то есть так называемый функциональный признак [2. С. 96].

Так, согласно примечанию 1 к ст. 285 УК РФ, к таким функциям должностные лица относятся функции представителя власти либо организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции.

Вышеуказанные функции раскрываются Пленумом Верховного Суда РФ в Постановлении от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [3. П.3-5].

В абз. 2 п. 4 названного постановления Пленум указал, что к организационно-распорядительным функциям относятся, в том числе, полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия.

В связи с этим в теории уголовного права не утихает дискуссия о том, можно ли считать должностным лицом преподавателей, при приеме экзамена, или врачей, при постановлении диагноза. Некоторые ученые утверждают, что выставление оценки на экзамене является формой выполнения профессиональных функций, ведь решение об отчислении из вуза принимает ректор (директор). «Кроме того, неудачная сдача экзамена в первый раз еще не предрешает вопроса об отчислении из вуза, каждый студент имеет право на повторную пересдачу … т.е. не влечет никаких юридических последствий» [4. С. 208].

Однако большинство ученых все же имеют противоположную точку зрения. Так, В.Н. Шиханов отмечает, что сам по себе ректор, в си-

лу его неосведомленности об уровне знаний студента, не способен принять решение о его отчислении из вуза или переводе на другой курс. В этом ему помогает преподаватель, который фиксирует в ведомости результаты проверки знаний, на основе которых уже руководитель образовательной организации будет принимать решение о последующей судьбе студента. «Таким образом, преподаватель участвует в реализации организационно-распорядительных полномочий, которые реализуются в этой организации, и при этом обладает самостоятельностью, а своим решением оказывает влияние на правоотношения между администрацией учреждения и студентом» [5. С. 17]. Автор отмечает, что врачи, как и преподаватели, фиксируют юридический факт, т.е. выступают «фактофиксаторами» [5. С. 18], когда ставят диагноз, наличие или отсутствие которого может стать основанием, например, для оплачиваемого отпуска или же выдачи гражданину разрешения на владение огнестрельным оружием.

Однако стоит сделать уточнение: в процессе работы преподаватели и врачи выполняют преимущественно иные функции, которые нельзя отнести к «фактофиксации». Они обычно носят сугубо профессиональный характер. Поэтому П.С. Яни объясняет, что соответствующие организационно-распорядительные функции возлагаются на преподавателя приказом ректора и закрепляются за ним лишь на определенное время, т.е. на период сессии. «Ввиду того что преподаватель в межсессионный период не является должностным лицом и не уполномочен приказом (иным распоряжением) лично принимать участие в аттестации студента, получение им от студента денежных средств не может быть расценено как получение взятки за незаконные действия должностного лица по службе» [6. С. 65].

Так, в одном из практикообразующих решений высший судебный орган разъяснил следующее: «Преподаватель государственного университета признан виновным и осужден за получение взяток неоднократно. Доводы осужденного, изложенные в жалобах, о том, что он не является должностным лицом и, следовательно, субъектом должностного преступления, нельзя признать убедительными. **В соответствии с Приказом ректора университета от 15 апреля 1996 г. этот преподаватель входил в состав государственной аттестационной комиссии университета в качестве экзаменатора и в установленном законом порядке был наделен правами и обязанностями по приему экзаменов у студентов, т.е. организационно-распорядительными функциями, которыми наделены должностные лица.** Неудовлетворительная сдача экзаменов влекла для студентов правовые последствия - неназначение стипендии, отчисление из вуза, пересдачу экзаменов. В нарушение своих должностных обязанностей преподаватель за взятки в интересах взяткодателей ставил зачеты и оценки за экзамены без самой процедуры их приема. Его действия квалифицированы по п. "б" ч. 4 ст. 290 УК РФ...» [7].

В другом деле, исключая из обвинения во взяточничестве несколько эпизодов получения преподавателем денег, Ивановский областной суд указал: "Между тем, подчеркнула вышестоящая судебная инстанция, деятельность преподавателя гр-ки Е. не всегда была связана с организационно-распорядительными полномочиями. Согласно имеющемуся **в деле приказу** от 10 апреля 1995 года гр-ка Е. входила в состав государственной экзаменационной комиссии на 1995 год. **Все остальные действия, совершенные гр-кой Е. по принятию зачетов, не могут рассматриваться как совершенные должностным лицом, поскольку принятие зачетов входило в круг ее служебных профессиональных обязанностей** [8].

С такой позицией Ивановского областного суда вряд ли можно согласиться. Принятие «обычных», то есть промежуточных зачетов и экзаменов, а не только участие в работе государственной экзаменационной комиссии, также должно относиться к выполнению организационно-распорядительных функций. Принятие таких зачетов и экзаменов влечет для студента юридически значимые последствия, которые заключаются в возможности отчисления из вуза или перевода на следующий курс, назначения стипендии, допуска к итоговой аттестации и получения в последующем диплома.

Так, Шестой кассационный суд общей юрисдикции в своем определении от 29.05.2024 N 77-1754/2024 указал, что Карпова, через посредника получив от студентов учебного заведения взятки, и каждому из них без проверки знаний в зачетной книжке и зачетной ведомости, являющихся официальными документами, проставив личную подпись и отметку, свидетельствующие о прохождении промежуточной аттестации в виде зачета по дисциплине, выполняла организационно-распорядительные функции, в том числе по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия в вышеуказанном государственном учреждении, то есть являлась должностным лицом [9].

По другому уголовному делу судом кассационной инстанции был отвергнут довод, приведенный осужденным в кассационной жалобе, о том, что статус профессора, которому студентом были переданы денежные средства, судами первой и апелляционной инстанции должным образом исследован и осужденный профессор не обладал организационно-распорядительными полномочиями.

Как указал суд, осужденный занимал должность профессора государственном учреждении высшего образования, в соответствии со своей должностной инструкцией и в установленном Положением об организации текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации обучающихся в филиале указанного учебного учреждения (далее - Положение) порядке проводил промежуточную аттестацию студентов по учебной дисциплине. В соответствии с пп. 3.4.1, 3.4.2, 3.4.9, 4.2, 4.3, 4.6 указанного Положения зачеты по дисциплине, практической подготовке, курсовым проектам (работам) предназначены для оценки уровня теоретических знаний, приобретенных компетенций умения синтезировать полученные знания, применять их для решения практических задач и приобретения навыков самостоятельной работы. Зачет принимается преподавателем, читающим лекционный курс, и при положительных результатах оценивается отметкой "зачтено", а при отрицательных результатах ставится отметка "незачтено". Обучающиеся, не прошедшие практическую подготовку какого-либо вида при отсутствии уважительных причин или получившие оценку "неудовлетворительно" при промежуточной аттестации считаются имеющими академическую задолженность с момента окончания текущего семестра. Обучающиеся обязаны ликвидировать академическую задолженность и имеют право ликвидировать академическую задолженность не более двух раз. Обучающиеся, получившие неудовлетворительную оценку на комиссионной пересдаче экзамена, зачета,

курсовой работы или проекта, отчисляются из университета, как не выполнившие обязанностей по добросовестному освоению образовательной программы и выполнению учебного плана.

Как правильно указали суды первой и апелляционной инстанции, профессор обязан был контролировать и оценивать освоение обучающимися учебных курсов, дисциплин (модулей) программ бакалавриата, специалитета, в том числе в процессе промежуточной аттестации, использовать педагогически обоснованные формы, методы, способы и приемы организации контроля и оценки освоения учебного курса, соблюдать предусмотренную процедуру контроля и методику оценки.

Таким образом, осужденный профессор как лицо, в установленном порядке проводившее промежуточную аттестацию обучающихся, был наделен организационно-распорядительными полномочиями, и от принятых им решений зависело наличие либо отсутствие у обучающегося академической задолженности, которая могла привести к отчислению из учебного заведения, а также возможность обучения студентов в следующем семестре, перевода на следующий курс или отчисления.

Ссылки осужденного на то, что в соответствии с п. 6.5. указанного Положения обучающиеся с академической задолженностью приказом директора филиала могут быть переведены на следующий курс с указанием периода ликвидации задолженности, не свидетельствуют о том, что профессор не являлся должностным лицом и не обладал полномочиями, которые могли повлечь негативные последствия для обучающихся, вплоть до отчисления. [10]

То обстоятельство, что не только государственная, но и промежуточная аттестация студентов относится к выполнению преподавателем организационно-распорядительных функций по признаку принятия решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия, подтверждается и существующей практикой судов по лишению студентов выданных им дипломов в случае, если будет доказан незаконный характер получения ими зачета или экзамена в любой период всего срока обучения.

В частности, прокурор Советского района г. Брянска обратился в суд с иском к ФГБОУ ВО "Брянский государственный инженерно-технологический университет", М. о признании приказа и диплома бакалавра недействительным, возложении обязанности по передаче диплома, исключении записи о его выдаче с последующим уничтожением.

Решением Советского районного суда г. Брянска от 13 ноября 2023 г диплом, выданный 5 июля 2021 г. ФГБОУ ВО "Брянский государственный инженерно-технологический университет" М., решение ГЭК и приказ о выдаче диплома признаны недействительными.

Как установлено судом, ранее преподаватель данного вуза была признана виновной и осуждена по ч. 3 ст. 290 УК РФ за проставление студентке М. в зачетную книжку и в экзаменационную ведомость по преподаваемой дисциплине оценки "отлично". При этом М. на экзамене не присутствовала и экзамен не сдавала, поскольку в соответствии с ранее достигнутой договоренностью преподаватель получила от посредника взятку в виде денег в сумме 25500 рублей, за совершение указанных выше незаконных действий в пользу М., без фактического прохождения экзаменационного испытания, проверки теоретических и практических знаний.

Удовлетворяя исковые требования прокурора, суд первой инстанции исходил из того, что установленные приговором суда обстоятельства, свидетельствуют о том, что в результате незаконных действий преподавателя в ведомости аттестации по учебной дисциплине произведено внесение заведомо ложных сведений о положительной сдаче экзамена, в результате чего М. допущена к государственной итоговой аттестации, по результатам прохождения которой ей присвоена квалификация «бакалавр» и выдан диплом с правом осуществления профессиональной деятельности. [11]

Такую практику судов следует признать верной, поскольку она основана на правильном толковании норм процессуального (ч.4 ст. 61 ГК РФ) и материального права (Федерального закона от 29 декабря 2012 N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации", Приказа Министерства образования и науки России от 29 июня 2015 N 636 "Об утверждении порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам высшего образования - программам бакалавриата, программам специалиста и программам магистратуры"), из которых следует, что М. без фактического прохождения проверки полученных знаний в течение всего срока обучения не могла быть допущена до государственной итоговой аттестации и быть успешно прошедшей государственную итоговую аттестацию, получить диплом об образовании.

В заключение затронем проблему квалификации получение взятки преподавателем за совершение им законных и незаконных действий. По данному вопросу С.А. Яшков и Е.Г. Быкова высказали следующее: «Если у преподавателя есть все основания для проставления зачета либо оценки за экзамен, но он совершает указанные действия за незаконное вознаграждение, содеянное им подлежит юридической оценке только по ч. 1 ст. 290 УК РФ, поскольку сведения, которые вносятся в экзаменационную ведомость и зачетную книжку, соответствуют действительности … Ситуации, когда студент показал недостаточный уровень знаний по предмету, но преподаватель за вознаграждение выставил ему более высокую оценку, чем он заслуживал (либо "зачтено" вместо "не зачтено"), либо внес такие данные в экзаменационную ведомость и зачетную книжку без фактического проведения аттестации, надлежит оценивать по ч. 3 ст. 290 и ч. 1 ст. 292 УК РФ» [12. С. 107].

Данная позиция ученых является правильной. Ее следует дополнить лишь указанием на то, что формальное соблюдение преподавателем процедуры промежуточной аттестации без наличия у студента необходимого объема знаний не свидетельствует о законности действий преподавателя.

В этой связи Шестой кассационный суд общей юрисдикции в своем определении по конкретному делу справедливо отметил, что придание Карповой законности своим действиям по приему зачета у студентов, выразившееся в предоставлении возможности сдачи зачета путем прихода на зачет с заранее подготовленными листами с готовыми ответами на вопросы по дисциплине, не могут быть признаны законными, так как фактического контроля и проверки знаний Карповой не осуществлялось [13].

Таким образом, анализ судебной практики позволяет прийти к выводу о том, что преподаватель государственного образовательного учреждения является должностным лицом по признаку выполнения организационно-распорядительных полномочий не только при приеме государственных аттестационных испытаний в качестве члена ГАК, но и приеме текущих зачетов и экзаменов. Вместе с тем, он же, но при получении незаконного вознаграждения за выполнение профессиональных обязанностей (например, при проведении дополнительных занятий, репетиторстве, оказании помощи при написании курсовых и дипломных работ) субъектом получения взятки быть не может.

Список литературы:

1. Бриллиантов А.В. и Четвертакова Е.Ю. Должностное лицо по уголовному законодательству Российской Федерации: понятие, виды, признаки: Лекция – М.: РГУП, 2017.
2. Качмазов О.Х. Ответственность за взяточничество по российскому уголовному праву. Владикавказ. Иристон. 2000.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // "Российская газета", N 207, 30.10.2009.
4. Малинин В.Б. Преподаватель - не должностное лицо. Ленинградский юридический журнал. 2016. N 3.
5. Шиханов В.Н. Могут ли врачи и учителя (преподаватели) нести уголовную ответственность в качестве должностных лиц: нюансы правоприменения // Журнал «Закон», N 4, апрель 2022 г.
6. Яни П.С. Статья: Преподаватель в межсессионный период - не субъект получения взятки // Закон, 2022, N 4.
7. Постановление N 1180п98пр, Определение N 29-098-15 по делу Красильникова // Обзор судебной практики ВС РФ за третий квартал 1998 года // СПС «Консультант Плюс».
8. Постановление президиума Ивановского областного суда от 20.01.1997 N 44у-4. // СПС «Консультант Плюс».
9. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 29.05.2024 N 77-1754/2024 (УИД 16RS0049-01-2022-006809-51) // СПС «Консультант Плюс».
10. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 09.09.2025 N 77-2846/2025 (УИД 52MS0025-01-2023-001343-33) // СПС «Консультант Плюс».
11. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 09.09.2024 по делу N 88-29426/2024 (УИД 32RS0027-01-2023-003141-03) // СПС «Консультант Плюс».
12. Яшков С.А., Быкова Е.Г. Уголовно-правовая оценка действий преподавателей, получающих взятки при приеме экзаменов (зачетов) // Российский юридический журнал. 2015. N 5.
13. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 29.05.2024 N 77-1754/2024 (УИД 16RS0049-01-2022-006809-51) // СПС «Консультант Плюс».

References:

1. Brilliantov A.V. and Chetvertakova E.Y. Official under the criminal legislation of the Russian Federation: concept, types, signs: Lecture – Moscow: RGUP, 2017.
2. Kachmazov O.H. Responsibility for bribery under Russian criminal law. Vladikavkaz. Iriston. 2000.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 16.10.2009 No. 19 "On judicial practice in cases of abuse of office and abuse of office" // Rossiyskaya Gazeta, No. 207, 30.10.2009.
4. Malinin V.B. The teacher is not an official. Leningrad Law Journal. 2016. N 3.
5. Shikhanov V.N. Can doctors and teachers (teachers) be criminally liable as officials: nuances of law enforcement // Zakon Magazine, No. 4, April 2022.
6. Yani P.S. Article: A teacher in the inter-sessional period is not a subject of receiving a bribe // Law, 2022, No. 4.
7. Resolution No. 1180p98pr, Definition No. 29-098-15 in the Krasilnikov case // Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the third quarter of 1998 // SPS Consultant Plus.
8. Resolution of the Presidium of the Ivanovo Regional Court of 01/20/1997 N 44u-4. // SPS "Consultant Plus".
9. Definition of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 05/29/2024 N 77-1754/2024 (UID 16RS0049-01-2022-006809-51) // SPS "Consultant Plus".
10. Resolution of the First Court of Cassation of General Jurisdiction dated 09.09.2025 N 77-2846/2025 (UID 52MS0025-01-2023-001343-33) // SPS Consultant Plus.
11. Ruling of the First Court of Cassation of General Jurisdiction dated 09.09.2024 in case No. 88-29426/2024 (UID 32RS0027-01-2023-003141-03) // SPS Consultant Plus.
12. Yashkov S.A., Bykova E.G. Criminal law assessment of the actions of teachers who receive bribes when taking exams (credits) // Russian Law Journal. 2015. N 5.
13. Ruling of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 05/29/2024 N 77-1754/2024 (UID 16RS0049-01-2022-006809-51) // SPS "Consultant Plus".

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_326
УДК 34

О ВНЕШНИХ УГРОЗАХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ
ABOUT EXTERNAL THREATS CRIMINOLOGICAL SAFETY OF EDUCATION

СИДОРОВА Екатерина Закариевна,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии
ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России».
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.
ORCID: 0000-0002-3477-3816
E-mail: ketrik6@mail.ru

SIDOROVA Ekaterina Zakarievna,
PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
110 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-3477-3816
E-mail: ketrik6@mail.ru

Краткая аннотация. *Статья посвящена анализу внешних угроз криминологической безопасности системы образования Российской Федерации. Автор рассматривает образование как стратегический ресурс национальной безопасности, ставший объектом целенаправленных атак из-за рубежа. В работе систематизированы основные векторы таких угроз: идеолого-ценностный, интеллектуально-кадровый и институционально-технологический. Предлагается комплексная стратегия противодействия, включающая правовые, идеологические и технологические меры, направленные на укрепление образовательного суверенитета страны.*

Abstract *The article is devoted to the analysis of external threats to the criminological security of the education system of the Russian Federation. The author considers education as a strategic national security resource that has become the target of targeted attacks from abroad. The paper systematizes the main vectors of such threats: ideological and value-based, intellectual and personnel, and institutional and technological. A comprehensive counteraction strategy is proposed, including legal, ideological and technological measures aimed at strengthening the country's educational sovereignty.*

Ключевые слова: *криминологическая безопасность образования, внешние угрозы, образовательный суверенитет, национальная безопасность, цифровизация образования.*

Keywords: *criminological security of education, external threats, educational sovereignty, national security, digitalization of education.*

Для цитирования*: Сидорова Е.З. О внешних угрозах криминологической безопасности образования // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 326-328. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_326.*

For citation: *Sidorova E.Z. About external threats criminological safety of education // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 326-328. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_326.*

Статья поступила в редакцию: 20.01.2026

В современных геополитических условиях сфера образования перестает быть исключительно областью передачи знаний и формирования профессиональных компетенций. Она превращается в стратегический ресурс национальной безопасности государства, фактором экономической конкурентоспособности и, одновременно, объектом целенаправленных атак со стороны недружественных стран. Подрыв ее устойчивости является эффективным инструментом для ослабления государства в долгосрочной перспективе. Именно поэтому в Российской Федерации последовательно реализуется курс на укрепление образовательного суверенитета, что актуализирует задачу защиты системы образования от внешних угроз криминальной направленности. Этот курс актуализирует задачу всесторонней защиты системы образования от внешних угроз, носящих зачастую криминальный характер.

Напомним, что под криминологической безопасностью образования мы можем понимать комплексное состояние защищенности личности (обучающихся, педагогов), образовательных организаций, образовательных процессов и всей системы образования в целом от реальных и потенциальных угроз, связанных с совершением преступлений или иных общественно опасных деяний, а также от криминогенных факторов, способных причинить вред духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию нации, подорвать доверие общества к институту образования и нанести ущерб национальным интересам в сфере образования [3, с. 61].

Прежде чем перейти к анализу внешних угроз криминологической безопасности образования, необходимо четко определить предмет исследования.

Криминологическая безопасность образования является составной частью более широкого понятия – безопасности образовательной среды. Однако если последняя фокусируется на всех видах рисков (психологических, санитарно-эпидемиологических, технических и т.д.), то криминологическая составляющая говорит об угрозах, связанных с преступным поведением и криминогенными процессами.

Объектами криминологической безопасности образования выступают в том числе:

– личность обучающегося и педагога (например, защита от вовлечения в преступную деятельность, деструктивного идеологического воздействия, кибербуллинга и иных форм виктимизации в образовательном пространстве);

– образовательный процесс и его содержание (например, защита от искажения исторической правды в школьных учебниках);

– институт образования в целом как социальный и государственный инструмент (например, защита цифрового образовательного пространства от кибератак).

Внешние угрозы криминологической безопасности образования отличаются от внутренних (таких как коррупция среди представителей педагогического сообщества, скулшутинг, противоправное поведение школьников и студентов) своим источником и масштабом целей. Они исходят из-за рубежа, часто поддерживаются иностранными государствами или транснациональными структурами, заинтересованными в нанесении ущерба интересам Рос-

сийской Федерации, и носят системный, стратегический характер. Их конечная цель заключается в изменении траектории развития страны через воздействие на ее будущее – молодежь. Такое воздействие, особенно когда оно опирается на методы информационно-психологической войны, экономического принуждения и подрывной деятельности, выходит за рамки легитимного культурного или академического влияния и может быть квалифицировано как деятельность криминальной направленности, посягающая на основы конституционного строя и безопасность государства.

Внешние деструктивные воздействия концентрируются вокруг трех взаимосвязанных и взаимодополняющих компонентов образовательной системы:

1) Идеолого-ценностный компонент.

В данном случае речь идет о войне за сознание и историческую память. Этот компонент является наиболее глубоким и значимым, поскольку направлен на фундамент национального самосознания. Стратегическая цель – изменение «культурного генотипа» нации через воспитание поколения, оторванного от своих исторических корней, традиционных духовно-нравственных ценностей и чувства патриотической солидарности. Потеря национальной идентичности ведет к утрате способности коллективной защиты своих интересов и, в конечном счете, к дестабилизации государства изнутри.

Криминальные и криминогенные механизмы этого воздействия включают:

– целенаправленную информационно-психологическую агрессию;

– системное внедрение в образовательное пространство (например, через социальные сети, онлайн-курсы, образовательные ресурсы, грантовые программы для учителей) деструктивных и откровенно лживых идей, направленных на дискредитацию российской истории, государственности, традиционных ценностей. Пропаганда индивидуализма и вседозволенности подается под видом «прогрессивных» и «общечеловеческих» ценностей, противопоставляемых «устаревшим» национальным традициям;

– использование фальсификации исторической памяти как инструмента политической борьбы. Особое внимание уделяется ключевым для национальной идентичности событиям, прежде всего роли СССР во Второй мировой войне. Попытки пересмотра ее итогов, уравнивания роли нацистской Германии и Советского Союза, героизации нацистов прямо противоречат российской образовательной политике, основанной на сохранении исторической правды и патриотическом воспитании. Такая деятельность может содержать признаки разжигания социальной розни, оскорбления памяти защитников Отечества и реабилитации нацизма;

– поддержка внутри образовательного сообщества России представителей педагогического сообщества, являющихся сторонниками прозападных взглядов, которые затем транслируются студентам как «единственно верные» и «соответствующие мировым стандартам». Это классическая технология «мягкой силы», перерастающая в подрывную деятельность, когда ее носители начинают активно противодействовать реализации государственной образовательной политики.

2. Интеллектуально-кадровый компонент.

Данная группа угроз нацелена на ослабление научно-технического, инновационного и, как следствие, экономического и оборонного потенциала страны. В первую очередь речь идет о так называемой «утечке умов» – это не естественная академическая мобильность, а целенаправленное переманивании высококвалифицированных ученых, инженеров, талантливых аспирантов и студентов через специальные программы, гранты, предложения о работе в зарубежных исследовательских центрах и корпорациях. В условиях санкционного давления и ограничения доступа к международным научным ресурсам эта практика становится формой «интеллектуального грабежа», наносящего прямой ущерб национальной безопасности России.

При этом зачастую «утечка умов» сопровождается незаконным получением и передачей за рубеж результатов перспективных научных исследований, ноу-хау, уникальных технологических разработок. Это может происходить под видом «совместных проектов» или путем прямого промышленного шпионажа. Подобные действия подпадают под составы преступлений, связанных с нарушением авторских прав, коммерческой тайны, шпионажем и государственной изменой.

3. Институционально-технологический компонент.

Эти угрозы направлены на дестабилизацию работы образовательных институтов, ограничение их ресурсов и внешнее управление их деятельностью. Для этого применяются экономические санкции, используемые в качестве инструмента для ограничений на поставки в Россию высокотехнологичного оборудования (для лабораторий, инженерных классов), отключения российских научных организаций от ведущих международных наукометрических баз данных (таких как Scopus, Web of Science), блокировки доступа к специализированному программному обеспечению (необходимого для проектирования, моделирования, анализа данных) – всё это искусственно создает базу для цифрового и технологического отставания России.

В качестве институционально-технологического компонента внешнего деструктивного воздействия на криминологическую безопасность российского образования следует рассматривать также деятельность иностранных неправительственных организаций, формальная цель деятельности которых заключалась в осуществлении тех или иных образовательных проектов (например, фонд Дж. Сороса с американским проектом «открытое образование»; заказчиком данного проекта выступает военно-разведывательно-финансовое сообщество США, работающее над решением военных и разведывательных задач [4, с. 62]). В действительности такие фонды осуществляют сбор той или иной информации, занимаются финансированием изменений в законодательство и учебные программы в интересах иностранных государств. Именно поэтому ряд таких организаций был признан в России нежелательным, а их деятельность запрещена[1].

Отдельного внимания заслуживает вопрос цифровизации. Процесс активного внедрения цифровых технологий, усилившейся в период пандемии COVID-19, создал принципиально новую среду, которая, наряду с преимуществами, породила качественно новые уязвимости. Соци-

[1] Егоров И. Попросили из России: Генпрокуратура признала Фонд Сороса нежелательным в стране // Российская газета (Федеральный выпуск) № 6842 (271). 2015. URL: http://www.rg.ru/2015/11/30/fond-site-anons.html (дата обращения: 20.01.2026).

альные сети, мессенджеры и игровые платформы стали основными каналами коммуникации для молодежи. Это пространство является идеальной средой для распространения деструктивного контента – от открытой пропаганды до скрытого манипулирования, в том числе от иностранных источников. При этом необходимо осознавать, что технологическая основа этих угроз не статична, а стремительно развивается. Как справедливо отмечают отечественные правоведы, новые технологические достижения, полученные решения и продукты, ожидаемые в этом году, могут привести к дальнейшим изменениям нашего мира и представлений о нем [1, с. 9]. Это означает, что арсенал средств воздействия на образовательную среду будет непрерывно обновляться, требуя опережающего реагирования со стороны системы безопасности.

Под влиянием цифровизации меняется и образовательная среда. Появление дистанционного формата обучения является как благом для общества, так и источником отдельных угроз, в том числе внешних. Использование в образовательном процессе зарубежных платформ для видеоконференций (например, Zoom), веб-сервисов (например, Google Classroom) создает технологическую зависимость страны от иностранных государств. Возникают риски несанкционированного доступа к данным со стороны иностранных спецслужб либо внезапного отключения сервисов по политическим мотивам. В качестве примера можно привести ситуацию со взломом в 2024 году платформы PowerSchool (это цифровая система для образовательных организаций, которая обеспечивает управление данными об обучающихся, аналитику, отчетность и взаимодействие участников образовательного процесса), в результате которой были похищены персональные данные обучающихся и преподавателей[1].

Противодействие внешним вызовам и угрозам требует комплексной государственной стратегии обеспечения криминологической безопасности образования, основанной на следующих ключевых векторах:

1) уголовно-правовой и процессуальный вектор. Необходима более четкая криминализация деяний, связанных с иностранным вмешательством в образовательную сферу; эффективное расследование и пресечение преступной деятельности со стороны иностранных организаций, посягающих на образовательную среду; применение мер российского уголовного законодательства в случаях дискриминации российских обучающихся, педагогов и ученых за рубежом;

2) ценностно-идеологический вектор. Необходимо создание современной национальной воспитательной парадигмы, которая бы органично сочетала традиционные ценности (патриотизм и служение Отечеству) с форматами цифровой эпохи. Требуется активное продвижение российского научного и культурного наследия через создание качественного, конкурентоспособного цифрового контента: онлайн-курсов, образовательных игр, документальных проектов, научно-популярных медиа, а также поддержка и развитие патриотически ориентированных молодежных движений и сообществ, в том числе дистанционного формата, которые являются центрами притяжения и социализации школьников и студентов;

3) технологический и кадровый вектор. Приоритетная государственная задача должна состоять в разработке и внедрении отечественных аппаратно-программных комплексов для дистанционного обучения, защищенных систем видеосвязи, образовательных социальных сетей и платформ для государственного контроля за образовательной средой. Создание таких национальных цифровых экосистем уже дает свои практические результаты. Так, в регионах нашей страны дистанционное повышение квалификации педагогических работников уже давно имеет место и развивается, становясь доступным инструментом для непрерывного профессионального роста без рисков использования уязвимых иностранных сервисов [2, с. 136]. Развитие данного вектора подразумевает также достойное финансирование науки и высшей школы, создание современных исследовательских центров (например, «Сириус»), технологических долин, предоставление жилья и реализацию других социальных гарантий для ученых в целях достижения технологической независимости России и создания условий для удержания интеллектуальной элиты внутри страны. Учитывая современный век технологий, также требуется обязательное обучение цифровой гигиене и основам кибербезопасности для всех участников образовательного процесса.

В заключении отметим, что в современных условиях система образования России выступает стратегическим ресурсом национальной безопасности и одновременно объектом целенаправленных внешних угроз криминальной направленности. Эти угрозы носят комплексный характер, подрывая идеолого-ценностные основы нашей страны, воздействуя на интеллектуально-кадровый потенциал и используя институционально-технологическую зависимость образовательной сферы с целью долгосрочного ослабления государства. Противодействие им требует реализации системной государственной стратегии обеспечения криминологической безопасности образования, включающей совершенствование законодательства, защиту национального историко-культурного суверенитета страны, создание отечественных технологических платформ и реализацию мер по удержанию интеллектуальной элиты. Укрепление образовательного суверенитета, основанное на защите от внешних деструктивных воздействий, является необходимым условием для сохранения национальной идентичности и устойчивого развития Российской Федерации.

Список литературы:

1. Бегишев И.Р., Жарова А.К., Громова Е.А., Залоило М.В., Филипова И.А., Шутова А.А. "Цифровой поворот" в правовых исследованиях // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 1. С. 7-13.
2. Сидорова Е.З. О некоторых способах и механизмах решения проблем безопасности образовательной среды // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 128-139.
3. Сидорова Е.З. Криминологическая безопасность образовательных организаций: проблемы понятийного аппарата // Вестник Омской юридической академии. 2019. Т. 16. № 1. С. 60-65.
4. Четверикова О.Н. Трансгуманизм в российском образовании. Наши дети как товар. - М.: Книжный мир, 2018. С. 62-90.

References:

1. Begishev I.R., Zharova A.K., Gromova E.A., Zaloilo M.V., Filipova I.A., Shutova A.A. «Digital turn» in legal research // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Vol. 2. No. 1. Pp. 7-13.
2. Sidorova E.Z. About some ways and mechanisms of solving problems of educational environment safety // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1 (100). Pp. 128-139.
3. Sidorova E.Z. Criminological safety of educational organizations: problems of the conceptual apparatus // Bulletin of the Omsk Law Academy. 2019. Vol. 16. No. 1. Pp. 60-65.
4. Chetverikova O.N. Transhumanism in Russian education. Our children as a commodity. Moscow: Knizhny Mir Publ., 2018. Pp. 62-90.

[1] PowerSchool подверглась кибератаке, в результате которой были похищены данные учащихся и преподавателей. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.581f281f-697ff78d-2d16cc72-74722d776562/https/www.techradar.com/pro/security/powerschool-hit-by-cyberattack-which-saw-student-and-teacher-data-stolen (дата обращения: 20.01.2026).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_329

ОХРАНА ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ
PROTECTION OF HONOR AND DIGNITY BY CRIMINAL LEGAL MEANS: CONTROVERSIAL ISSUES

МАЛИКОВ Сергей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии
Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.
125167, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 47, стр. 7.
E-mail: s.v.malikov@yandex.ru
MALIKOV Sergey Vladimirovich,
Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology
Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Y. Sukharev.
125167, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 47, building 7.
E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматривается понятие «честь» и «достоинство» как объектов уголовно-правовой охраны, приводятся позиции ученых, а также судебных органов на их содержание. Отдельно освещается вопрос о месте понятия «диффамация» в уголовном праве. Целями статьи являются оценка изменений в ст. 128[1] УК РФ и ее криминообразующих признаков (порочащие сведения, распространение), а также обоснование на материалах судебной практики и научной литературы позиции по вопросу правовой оценки оскорбления как унижения чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме.*

Abstract. *The article examines the concept of "honor" and "dignity" as objects of criminal law protection, provides the positions of scientists, as well as judicial authorities on their content. The question of the place of the concept of "defamation" in criminal law is highlighted separately. The objectives of the article are to assess the changes in Article 1281 of the Criminal Code of the Russian Federation and its criminogenic features (defamatory information, dissemination), as well as substantiation on the materials of judicial practice and scientific literature of the position on the issue of legal assessment of insult as humiliation of the honor and dignity of another person, expressed in an indecent form.*

Ключевые слова: *честь, достоинство, репутация, диффамация, клевета, оскорбление, неуважение к суду, ложная информация, неприличная форма.*

Keywords: *honor, dignity, reputation, defamation, slander, insult, contempt of court, false information, indecent form.*

Для цитирования*: Маликов С.В. Охрана чести и достоинства уголовно-правовыми средствами: спорные вопросы // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 329-334. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_329.*

For citation: *Malikov S.V. Protection of honor and dignity by criminal legal means: controversial issues // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 329-334. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_329.*

Статья поступила в редакцию: 20.01.2026

Институт защиты чести, достоинства и деловой репутации является комплексным, поскольку регламентируется различными отраслями права, среди которых конституционное, административное, гражданское, уголовное и международное право.

Защита чести, достоинства и репутации получила закрепление в нормах Особенной части УК РФ, устанавливающих ответственность за посягательства на эти объекты. В частности, можно выделить нормы, где честь и достоинство выступают основным, дополнительным или даже факультативным объектом: в первом случае это ст. 128[1] УК РФ; во втором случае – ст. 110, 297, 298[1], 306, 319, 336 УК РФ; в третьем – ст. 133, 137, 163, 179 и 307 УК РФ.

Честь и достоинство настолько тесно связаны друг с другом, что некоторые ученые не проводили между ними различия[1], а другие подчеркивали, что их органическое единство проявляется в том, что понятие чести включает в себя понятие достоинства[2]. Например, Б.З. Пурцхванидзе считал, что в основу понятия чести входят как осознание лицом своего собственного человеческого достоинства, так и отношение других к нему, как к человеку и гражданину[3]. А.А. Власов пришел к мнению, что честь – это общественная оценка личности и осмысление самой личностью такой оценки, т.е. достоинство[4].

Понятия чести и достоинства в юридической литературе и законодательстве рассматриваются совместно, поскольку в их основе лежит единый критерий нравственности и духовности, касающийся оценки определенных качеств индивида, однако между ними имеются существенные различия, не позволяющие их отождествлять. Разделение рассматриваемых понятий может быть осуществлено по признаку направленности оценки: честь определяется внешними субъектами, достоинство – самим лицом.

Так, последовательно понятие чести рассмотрено С.С. Омельченко, которая выделила три группы позиций по вопросу о ее содержании, признающие: 1) объективную сторону (оценка личности, ее моральных качеств и поступков обществом); 2) субъективную сторону (внутренняя оценка лицом своих качеств); 3) наличие двух сторон – объективной и субъективной[5]. Представляется, что последняя позиция наиболее обоснована и под честью следует понимать совокупность внутренних нравственных качеств человека, выступающих критерием оценки человеческой личности обществом.

Под достоинством следует понимать внутреннюю оценку личностью своих моральных и социально значимых качеств, т.е. положи-

[1] См.: Пионтковский А.А. Преступления против личности. М., 1938. С. 120–135.
[2] См.: Стремякова И.Р. Честь и достоинство – категория марксистской этики. М., 1964.С. 137.
[3] См.: Пурцхванидзе Б.З. Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. Тбилиси. 1959. С. 106.
[4] См.: Власов А.А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации. М., 2000. С. 11.
[5] См.: Омельченко С.С. Уголовно-правовая оценка клеветы и оскорбления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 15–21.

тельная внутренняя оценка личностью своих качеств, которая основана на оценке последних обществом. Достоинство личности требует от других уважения к ней, признания за человеком соответствующих прав и возможностей и обосновывает высокую требовательность к нему со стороны окружающих. Оно зависит от положения человека в обществе, состояния общества, способности его обеспечить практическое утверждение неотчуждаемых прав человека, признание самоценности личности. В содержании достоинства также можно выделить объективную и субъективную стороны. Первая заключается в признании человека высшей ценностью; вторая – в осознании индивидом своего достоинства как человека, личности, представителя какой-либо общности.

Судебные органы разделяют изложенные позиции: «под честью понимается общественно-моральное достоинство, то, что вызывает и поддерживает общее уважение, чувство гордости. Достоинство – это совокупность свойств, характеризующих высокие моральные качества, а также сознание ценности этих свойств и уважения к себе»[1].

Право гражданина на защиту чести, достоинства и деловой репутации является конституционным, его охрана осуществляется нормами нескольких отраслей права. Основным деянием, причиняющим вред чести и достоинству является распространение порочащих сведений. В международном и зарубежном законодательстве такие действия определяются как диффамация[2]. Отечественный законодатель не использует данный термин ни в гражданском, ни уголовном законодательстве. Данная позиция объяснялась в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» указывает, что используемое Европейским Судом по правам человека в его постановлениях понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в ст. 152 ГК РФ (п. 1)[3].

При этом в доктрине уголовного права высказывалась позиция о необходимости конструирования состава преступления «диффамация». В частности, В.В. Сверчков указывал, что такое деяние должно быть определено как распространение в критической социальной среде заведомо ложной или искаженной общественно значимой информации, а равно не соответствующей действительности порочащей информации о физическом или юридическом лице, социальной группе, государстве. Он предлагает ее рассматривать в качестве преступления – вида преступных посягательств на информационную безопасность общества (именно так он предлагает называть гл. 28 УК РФ, которая в действующей редакции звучит как «Преступления в сфере компьютерной информации»)[4]. Подобные предложения усложнят правоприменительные проблемы, породят конкуренцию между преступлениями в УК РФ, приведут к утрате единого объекта охраны: либо честь и достоинство конкретного человека (личность), либо общественная безопасность, либо безопасность государства.

Таким образом, в Российской Федерации предусмотрены гражданско-правовые и уголовно-правовые механизмы защиты от указанных ранее действий. Так, гражданин вправе требовать опровержения порочащих его честь и достоинство сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности (ч. 1 ст. 21, ч. 1 ст. 23 Конституции РФ). При причинении вреда распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина, наличие морального вреда предполагается. Компенсация морального вреда взыскивается судом независимо от вины (ст. 1100 ГК РФ).

В УК РФ предусмотрено несколько групп норм, имеющих цель защиты чести и достоинства, при этом посягательства на честь и достоинство предусматриваются не только в главе о преступлениях против личности, но и в иных главах:

– посягательства, направленные непосредственно на честь и достоинство человека как личности (ст. 128^1);

– посягательства на профессиональную честь и достоинство, которой обладают судья, присяжный заседатель или иное лицо, участвующее в отправлении правосудия, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, сотрудник органов принудительного исполнения приговора, решения суда или иного судебного акта (ст. 297 и 298); представитель власти (ст. 319), военнослужащий (ст. 336);

– посягательства на достоинство лица как представителя человечества (ст. 282);

– способ совершения иных преступлений (ст. 110).

Состав клеветы претерпел значительные изменения с момента его закрепления в УК РФ (не считая процессов криминализации и декриминализации): ч. 2 ст. 128^1 УК РФ дополнена указанием на совершение ее публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», либо в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных; ч. 5 статьи дополнена указанием на клевету, соединенную с обвинением лица в совершении преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. При этом соответствующих дополнений в специальную норму о клевете, предусмотренную ст. 298^1 УК РФ, не внесено, что является упущением.

Применительно к криминализации клеветы, совершаемой с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», возражений не высказывается. В пояснительной записке к законопроекту справедливо указано, что в связи со стремительным развитием информационных технологий в качестве источника информации все большее значение приобретают информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть «Интернет». Большинство сайтов в сети «Интернет» не являются средствами массовой информации, поскольку не зарегистрированы в таком качестве в установленном порядке. При этом зачастую указанные сайты имеют аудиторию, значительно

[1] Приговор Ленинского районного суда города Краснодара от 25 июня 2018 года № 10-13/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
[2] См., например: Аюпов О.Ш. Защита деловой репутации юридического лица от диффамации в гражданском праве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2013; Смирнова А.А. Диффамация как злоупотребление свободой слова и информации (конституционно-правовой аспект) // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 9.
[3] См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.
[4] Сверчков В.В. Уголовная ответственность за диффамацию: идея модернизации российского законодательства // Российская юстиция. 2020. № 12. С. 41–43.

превосходящую по охвату традиционные средства массовой информации[1].

Спорным является введение признака «несколько индивидуально неопределенных лиц». Верховный Суд РФ в заключении отметил, что под клеветой как уголовно наказуемым деянием понимается распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство или подрывающих репутацию конкретного лица, указание в проектной части 2 статьи 128[1] УК РФ в качестве одного из квалифицирующих признаков на совершение клеветы в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально неопределенных, представляется не вполне обоснованным[2].

Н.А. Егорова, обобщив мнения ученых, справедливо выделила возможные проблемы применения указанной формулировки на практике:

– новая редакция ч. 2 ст. 128[1] УК РФ содержит опасность уголовного преследования за высказывания в отношении прямо не названных лиц, которые сочтут себя относящимися к этим утверждениям;

– если потерпевшие не конкретизированы, то возникает проблема оценки распространяемой информации как ложной или правдивой, так как непонятно, к кому она относится;

– неопределенность круга потерпевших вызывает сложности применения ст. 76 УК РФ об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, поскольку потерпевшего сложно установить;

– появление нового признака клеветы способно вызвать конкуренцию ч. 2 ст. 128[1] УК и ч. 9-10.2 ст. 13.15 КоАП РФ («Злоупотребление свободой массовой информации»)[3].

Данный квалифицированный состав стал предметом оценки Конституционным Судом Российской Федерации в части применения такого квалифицирующего признака клеветы, как ее совершение публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», в случае направления лицом обращений в органы публичной власти, должностным лицам и организациям, осуществляющим публично значимые функции, посредством использования средств коммуникации с ними в сети «Интернет»[4].

Данное законоположение признано не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку оно не предполагает оценки переписки с обозначенными органами и лицами через официальные средства коммуникации с ними в сети «Интернет» (при которой использование данной сети является лишь способом направления обращения в письменной форме, не предполагающим доступности его содержания широкому (неопределенному) кругу лиц) в качестве публичного распространения информации с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», дающего основания для квалификации данного деяния по этой части указанной статьи.

В научной литературе к предмету рассматриваемого состава клеветы иногда относят сведения[5], тем самым вводя в механизм нарушения общественных отношений два обстоятельства: потерпевшего и предмет преступления. С точки зрения конструирования состава преступления это невозможно, поскольку требуется установление на что именно воздействует виновный, чтобы причинить вред общественным отношениям: либо на предмет, либо на потерпевшего. Клевета предполагает воздействие на честь, достоинство и репутацию. Рассматриваемое деяние направлено не на сведения, признаваемые клеветническими, которые используются для посягательства на объект преступления.

Сведения должны быть заведомо ложными, то есть вымышленными, надуманными, не соответствующими действительности. Ложность сведений означает несоответствие их истине. Не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения. Не могут рассматриваться как не соответствующие действительности сведения, содержащиеся в судебных решениях и приговорах, постановлениях органов предварительного следствия и других процессуальных или иных официальных документах, для обжалования и оспаривания которых предусмотрен иной установленный законами судебный порядок (например, не могут быть опровергнуты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации сведения, изложенные в приказе об увольнении, поскольку такой приказ может быть оспорен только в порядке, предусмотренном Трудовым кодексом Российской Федерации).

Порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица[6].

Сообщение правдивых порочащих сведений состава преступления не образует. Как отметил Конституционный Суд РФ, статья не исключает право гражданина на свободу мысли и слова, не предполагает принуждение его к отказу от своих мнений и убеждений, а также запрет передавать, производить и распространять информацию, в том числе содержащую критические замечания относительно деятельности судов и правоохранительных органов, любым законным способом[7].

Примером распространения заведомо ложных и порочащих сведений могут быть следующие: «... в кассационной жалобе осужденный

[1] Проект Федерального закона № 1074945-7 «О внесении изменения в статью 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
[2] Проект Федерального закона № 1074945-7.
[3] См.: Егорова Н.А. Новое в уголовно-правовом противодействии клевете // Законность. 2021. № 3. С. 41–45.
[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2025 г. № 43-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Роговой Лилии Геннадьевны» // СПС «КонсультантПлюс».
[5] См.: Преступления против личности в уголовном праве Беларуси, России и Украины / под ред. А. И. Чучаева. М., 2014. С. 409; Дворянсков И.В. Уголовно-правовая охрана интересов судебной власти. Ульяновск, 2001. С. 292; и др.
[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».
[7] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 27 мая 2004 г. № 186-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Заровнятных Елены Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьями 297 и 298 Уголовного кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

А. выражает несогласие с приговором и указывает на отсутствие у него умысла на распространение заведомо ложных сведений в отношении судьи П. поскольку уверен в получении последним взятки. Полагает, что распространение изложенной им в надзорной жалобе информации, произошло помимо его воли. Просит об отмене приговора.

Судом первой инстанции сделан правильный вывод о том, что, подавая надзорную жалобу, А. осознавал, что с ее содержанием в ходе рассмотрения будут ознакомлены другие лица. Осужденный действовал с прямым умыслом, так как он не располагал какими-либо фактами, позорящими судей П. и Х. и не мог не сознавать, что сообщенные им в жалобе сведения не соответствуют действительности и являются вымышленными»[1].

Порочащими являются такие не соответствующие действительности сведения, в которых содержатся утверждения о нарушении одним из потерпевших действующего законодательства или моральных принципов, которые умаляют его честь и достоинство. Как указано в одном судебном решении, «сведения должны обязательно содержать информацию об определенных выдуманных поступках или фактах и быть порочащими честь и достоинство личности, то есть представляют собой измышления о якобы совершенных потерпевшим конкретных деяниях или событиях его жизни, которые обществом воспринимаются в качестве позорящих, заслуживающих порицания. Распространяемые при клевете сведения должны в деталях либо в общих чертах характеризовать какой-либо конкретный факт, при этом они могут прямо указывать на событие или содержать косвенную информацию о нем. Заявления общего характера, не содержащие указания на определенный ложный факт, не образуют состава клеветы»[2].

Заведомо ложными сведениями могут быть сведения, являющиеся результатом собственных и чужих измышлений. Так, в практике Верховного Суда РСФСР рассматривалось дело по обвинению в клевете Ш. Она, придя на работу, сообщила начальнику отдела о том, что К. застали в помещении учреждения вместе с мужчиной в интимной обстановке. Ш. отрицала наличие у нее прямого умысла на распространение ложных сведений. По ее словам, сообщая информацию о К., она лишь проверяла имевшие место слухи и просила начальника отдела никому об этом не рассказывать.

Верховный Суд РСФСР отметил, что Ш. получила неопределенную и сомнительную информацию, умышленно ее исказила, сообщив конкретные сведения в отношении определенного лица – К., то есть распространила заведомо ложные порочащие К. измышления[3].

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 128[1] УК РФ, выражается в распространении сведений, т.е. сообщении их в любой форме хотя бы одному лицу помимо самого потерпевшего. Не имеет значения, кому сообщаются сведения: близким людям, просто знакомым или посторонним. Иными словами, преступление считается оконченным с момента доведения информации до третьего лица.

При этом сообщение ложных сведений лицу, которого они касаются, не может признаваться их распространением, если лицом, сообщившим данные сведения, были приняты достаточные меры конфиденциальности, с тем, чтобы они не стали известными третьим лицам[4].

Необходимо отметить, что доведение сведений до государственных органов, уполномоченных проводить проверку заявлений граждан, не рассматривается как распространение. Так, «Д. в судебном заседании виновной себя не признала и показала, что к дому Б., на котором не было вывески с названием предприятия, постоянно приезжали какие-то специальные машины, выгружали военную и милицейскую форму. Опасаясь за свою безопасность, она обращалась в государственные органы для проверки законности деятельности Б., не желая оклеветать его или опорочить его деловую репутацию.

Судебная коллегия обратила внимание на то, что направление заявлений в государственные органы с целью проверки законности деятельности Б. не является основанием для того, чтобы считать доказанным факт распространения ложных сведений. Из заявлений Д., приобщенных к делу, видно, что все они адресованы руководителям государственных органов, в компетенцию которых входит рассмотрение заявлений и жалоб граждан. В соответствии с п. 8 ст. 10 Федерального закона от 31 июля 1995 г. «Об основах государственной службы Российской Федерации» на государственных служащих возложена обязанность не разглашать ставшие им известными в связи с исполнением должностных обязанностей сведения, затрагивающие частную жизнь, честь и достоинство граждан»[5].

Схожая формулировка встречается и в других решениях суда: «... само по себе обращение гражданина к прокурору целью провести проверку по факту нарушения законов Российской Федерации, не может быть признано клеветой и являться основанием для привлечения заявителя к уголовной ответственности...»[6].

Много вопросов вызывает толкование термина «оскорбление», который используется в следующих статьях УК РФ:

– ч. 1 ст. 148: публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих;

– ч. 1 ст. 297: неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства; ч. 2 – оскорбление судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия;

– ст. 319: публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их испол-

[1] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 июня 2017 г. № 84-О17-1 // СПС «КонсультантПлюс».
[2] Приговор Кузьминского районного суда г. Москвы от 8 февраля 2023 г. по делу № 1-44/23 // СПС «КонсультантПлюс».
[3] См.: Постановления и определения по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1981–1988 гг. М., 1989. С. 204–205.
[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».
[5] См.: Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2001 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 10.
[6] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2023 г. № 7-УД23-1-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

нением;

– ст. 336: оскорбление одним военнослужащим другого во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы;

– ч. 3 ст. 354[1]: ... оскорбление памяти защитников Отечества или жертв геноцида советского народа либо унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны, совершенные публично.

Ранее в УК РФ закреплялось соответствующее преступление в ст. 130: «Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме».

В настоящее время понятия оскорбления в УК РФ не содержится, данный термин раскрыт в ст. 5.61 КоАП РФ: унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме. Однако использование указанного понятия при применении уголовного закона невозможно.

Судебные инстанции несколько шире трактуют данный термин: «оскорбление представляет собой разновидность психического насилия, которое выражается в отрицательной оценке виновным личности гражданина, подрывает репутацию последнего в глазах окружающих и наносит ущерб его самоуважению»[1].

В теории уголовного права споры ведутся относительно толкования термина неприличная форма. И.М. Тяжкова, С.А. Сургай, К.Ф. Амиров, Б.В. Сидоров, К.Н. Харисов указывали, что применительно к составу неуважения к суду требование неприличной формы выражения оскорбления является излишним[2].

Другая группа ученых настаивает на необходимости использования термина «неприличная форма», которая предполагает расчет на то, чтобы вызвать у потерпевшего чувство обиды и унижения, она противоречит общепризнанным правилам поведения людей в обществе. Неприличной предлагается считать циничную, глубоко противоречащую нравственным нормам, правилам поведения в обществе форму унизительного обращения с человеком[3]. Однако такой подход имел основания в ранее действовавшем УК РФ и базировался на сопоставлении общей и специальной норм, предусмотренных ст. 130 и ст. 297 УК РФ.

В судебной практике сложилось несколько подходов к учету неприличной формы оскорбления. Первая группа – решения, в которых указывается на неприличную форму выражения. Например, «К., подрывая авторитет судебной власти, проявляя явное неуважение к суду, публично, в присутствии всех участников судебного разбирательства, во время дачи показаний свидетелем в устной форме в указанном зале судебного заседания неоднократно высказал нецензурные выражения, которые согласно заключению судебной лингвистической экспертизы содержат значения унизительной оценки лица и лингвистические признаки неприличной формы»[4].

Вторая группа решений включает те приговоры, в которых не указывается на необходимость раскрытия признака «неприличная форма». Так, К. был признан виновным за то, что в ходе судебного заседания встал со своего места и заявил судье: «Вы – преступник». В ответ судья объявил К. предупреждение, но последний вновь встал со своего места и повторил в адрес судьи фразу: «Вы – преступник». Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор оставлен без изменения, а кассационная жалоба осужденного – без удовлетворения[5].

Третья группа – решения, в которых по некоторым эпизодам устанавливается неприличная форма, а по другим – нет. Например, «Н., находясь в судебном заседании в качестве подсудимого, выражая явное неуважение к суду и подрывая авторитет судебной власти ... в неприличной форме публично высказал в адрес председательствующего ... грубую нецензурную брань, чем унизил его честь и достоинство перед другими участниками судебного заседания.

Н., осознавая, что он находится в открытом судебном заседании ... желая унизить честь и достоинство свидетеля, стремясь вызвать у нее чувство обиды и унижения, в ходе ее допроса публично высказал в адрес последней оскорбительные выражения, чем унизил ее честь и достоинство перед другими участниками судебного заседания и нарушил нормальную деятельность суда по отправлению правосудия»[6].

Опираясь на мнения экспертов, можно утверждать, что для характеристики юридических свойств термина «оскорбление» необходимо использовать лингвистический термин «коммуникативной перверсии», который означает речевое решение, подчиненное выбору речевых тактических ходов, приводящих к нарушению социокультурной нормы и наносящих вред социальной привлекательности языковой личности путем использования маркеров такой речевой модели социальной стратификации, с которой лицо не может согласиться ввиду потери прежнего авторитета или самоуважения. Иными словами, использование в речи перверсивных единиц означает, что выражение отношения или вынесение оценки лицу в вербальной части высказывания прямо или косвенно влияет на общую картину его социальной репрезентативности как личности. Например, оглашение аморального поступка личности (пьяница) автоматически снижает ее социальную привлекательность для окружающих и, следовательно, наносит «урон» ее социальному образу[7].

Изложенное позволяет утверждать, что необходима унификация подходов в теории и судебной практике к пониманию оскорбления. В

[1] См.: Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27 декабря 2021 г. № 16-6800/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
[2] См.: Амиров К.Ф., Сидоров Б.В., Харисов К.Н. Ответственность за преступное вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование: проблемы теории и законодательства. Казань, 2003. С. 198.
[3] См.: Иванов Н.Г., Букалерова Л.А., Сургай С.А. Компаративный аспект уголовной ответственности за оскорбление судьи и клевету в отношении судьи. М., 2009. С. 157.
[4] Приговор Шиловского районного суда № 1-71/2021 от 30 июля 2021 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: sudact.ru (дата обращения: 25.11.2023).
[5] См.: Иванов Н.Г., Букалерова Л.А., Сургай С.А. Указ. соч. С. 157.
[6] Приговор Железнодорожного районного суда г. Ульяновска № 1-181/2020 от 24 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: sudact.ru (дата обращения: 25.11.2023).
[7] Кусов Г.В. Судебная лингвистическая экспертиза «оскорбления»: решение проблемы «неприличная форма» // Российский судья. 2013. № 5. С. 45.

силу отсутствия состава преступления, где это понятие раскрывается, в настоящее время логично согласиться с мнением тех ученых, которые не требуют установления неприличной формы высказываний для квалификации их как оскорбительных. Такая позиция обусловлена тем, что любые высказывания, умаляющие авторитет суда и органов, содействующих правосудию, являются неприемлемыми при осуществлении ими своих профессиональных обязанностей.

Список литературы:

1. Амиров К.Ф., Сидоров Б.В., Харисов К.Н. Ответственность за преступное вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование: проблемы теории и законодательства. Казань, 2003.
2. Аюпов О.Ш. Защита деловой репутации юридического лица от диффамации в гражданском праве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2013;
3. Власов А.А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации. М., 2000.
4. Дворянсков И.В. Уголовно-правовая охрана интересов судебной власти. Ульяновск, 2001.
5. Егорова Н.А. Новое в уголовно-правовом противодействии клевете // Законность. 2021. № 3.
6. Иванов Н.Г., Букалерова Л.А., Сургай С.А. Компаративный аспект уголовной ответственности за оскорбление судьи и клевету в отношении судьи. М., 2009.
7. Кусов Г.В. Судебная лингвистическая экспертиза «оскорбления»: решение проблемы «неприличная форма» // Российский судья. 2013. № 5.
8. Омельченко С.С. Уголовно-правовая оценка клеветы и оскорбления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
9. Пионтковский А.А. Преступления против личности. М., 1938.
10. Преступления против личности в уголовном праве Беларуси, России и Украины / под ред. А. И. Чучаева. М., 2014.
11. Пурцхванидзе Б.З. Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. Тбилиси. 1959.
12. Сверчков В.В. Уголовная ответственность за диффамацию: идея модернизации российского законодательства // Российская юстиция. 2020. № 12.
13. Смирнова А.А. Диффамация как злоупотребление свободой слова и информации (конституционно-правовой аспект) // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 9.
14. Стремякова И.Р. Честь и достоинство – категория марксистской этики. М., 1964.

References:

1. Amirov K.F., Sidorov B.V., Kharisov K.N. Responsibility for criminal interference in the activities of persons carrying out justice and criminal prosecution: problems of theory and legislation. Kazan, 2003.
2. Ayupov O.S. Protection of the business reputation of a legal entity from defamation in Russian civil law: abstract of the dissertation ... kand. jurid. sciences'. Tomsk, 2013;
3. Vlasov A.A. Problems of judicial protection of honor, dignity and business reputation. Moscow, 2000.
4. Dvoryanskov I.V. Criminal law protection of interests of judicial power. Ulyanovsk, 2001.
5. Egorova N.A. New developments in criminal law counteraction to libel // Legality. 2021. № 3.
6. Ivanov N.G., Bukalerova L.A., Surgai S.A. Comparative aspect of criminal liability for insulting a judge and slandering a judge. Moscow, 2009.
7. Kusov G.V. Judicial linguistic examination of "insults": the solution to the "indecent uniform" problem // Russian judge. 2013. № 5.
8. Omelchenko S.S. Criminal and legal assessment of slander and insults: dissertation of the cand. jurid. Sciences. Moscow, 2008.
9. Piontkovsky A.A. Crimes against personality. Moscow, 1938.
10. Crimes against the person in the criminal law of Belarus, Russia and Ukraine / edited by A. I. Chuchaev, M., 2014.
11. Purtskhvanidze B.Z. Protection of honor and dignity of the individual in Soviet criminal law: dis. ... Dr. jurid. sciences'. Tbilisi. 1959.
12. Sverchkov V.V. Criminal liability for defamation: the idea of modernizing Russian legislation // Russian justice. 2020. № 12.
13. Smirnova A.A. Defamation as an abuse of freedom of speech and information (constitutional and legal aspect) // Constitutional and municipal law. 2007. № 9.
14. Stremyakova I.P. Honor and dignity – a category of Marxist ethics. Moscow, 1964.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_335

УДК 343.01

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ ПРАВОСУДИЯ
ON THE ISSUE OF DEFINING THE CONCEPT OF JUSTICE

ЕЛЬЧАНИНОВ Андрей Петрович,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник,
Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
ул. Нарвская, 15А, стр. 1. г. Москва, 125130, Россия.
E-mail: petrovich2102@rambler.ru

ELCHANINOV Andrey P.,
Candidate of Law, Senior Researcher,
Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
15a Narvskaya str., building 1, Moscow, 125130.
E-mail: petrovich2102@rambler.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются различные подходы в определении понятия «правосудие». Автор обращает внимание на отсутствие единого толкования этого понятия в доктринальной литературе. Одной из причин этого он видит в многозначности понятий «право» и «судить», являющихся основами категории «правосудие». Формулируется вывод о невозможности универсального определения понятия «правосудия».*

Abstract: *The article discusses various approaches in defining the concept of "justice". The author draws attention to the lack of a unified interpretation of this concept in the doctrinal literature. He sees one of the reasons for this in the ambiguity of the concepts of "law" and "judge", which are the foundations of the category of "justice". The conclusion is formulated about the impossibility of a universal definition of the concept of "justice".*

Ключевые слова: *правосудие, закон, юриспруденция, право, суд, справедливость, нравственность, мораль.*
Key words: *justice, law, jurisprudence, law, court, justice, morality, morality.*

Для цитирования*: Ельчанинов А.П. К вопросу об определении понятия правосудия // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 335-337. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_335.*

For citation: *Elchaninov A.P. On the issue of defining the concept of justice // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 335-337. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_335.*

Статья поступила в редакцию: 13.12.2025

Исследования категории «правосудие», которое является одним из ключевых понятий не только в юриспруденции, но и в философии, на протяжении длительного времени не теряют своей актуальности. Объектом проводимого нами исследования также является правосудие в связи с отсутствием легального определения данного понятия.

Следует отметить, что значение конструкта «правосудие» на бытовом уровне очевидно многим, однако каждый определяет его по-своему, часто применительно к личным обстоятельствам. В этом вопросе нет единства и в научной среде, о чем свидетельствует отсутствие унифицированной дефиниции данного понятия. В доктринальной литературе приводятся различные причины этого. Понятие «правосудие» на протяжении веков повсеместно использовалось в различных сферах общественной жизни, как общеупотребимое выражение. В соответствии с этим, конкретное содержание этого понятия могло существенно отличаться в зависимости от исторической эпохи, национальных особенностей, сферы общественного познания. Наиболее часто оно использовалось и используется в философии и правовых науках.

Например, философские исследования, при отсутствии общей дефиниции правосудия, как правило, проистекали в плоскости соотношения понятий правосудие и справедливость. Тема справедливости применительно к любым общественным отношениям возникает в тех случаях, когда предполагается нарушение обычаев, договоров, норм права и морали. Правосудие при этом рассматривается как механизм преодоления несправедливости. Справедливость изначально понималась как соответствие определенным общественным отношениям, поощряемым нормами морали и нравственности, сложившимися в определенном обществе в определенный исторический период. С развитием общественных отношений появляются право и закон, которые начинают рассматриваться мерилом справедливости. Кроме того, в научной среде со временем формируется устойчивое мнение, что именно закон и правосудие являются справедливостью. И. Кант в «Критике чистого разума» отмечает, что «…естественное состояние есть состояние несправедливости и насилия, и совершенно необходимо покинуть его, чтобы подчиниться силе закона, который единственно ограничивает нашу свободу»[1, с. 748]. По мнению В.С. Нерсесянца «…право по определению справедливо, а справедливость — внутреннее свойство и качество права…» [2, с. 37]. Несколько иную мысль высказывает И.М. Байкин, отмечая, что правосудие – это деятельность по установлению справедливости [3, с. 10-11]. Сторонники слияния понятий правосудия и справедливости исходят из того, что без правосудия и закона справедливость не имеет четких очертаний и форм, а также отсутствуют критерии нормативности и обязательности. Правосудие может отождествляться по своей сути со справедливостью, но не субъективно понимаемой, а объективированной, формально выраженной в правовом виде.

В отличие от приведенной позиции, существует и иная точка зрения на соотношение понятий справедливости и правосудия, где справедливым признается не всегда то, что соответствует нормам закона, а то, что соответствует сформировавшимся в обществе через призму моральных оценок представлениям о праве. Кроме того, даже с учетом общепринятых моральных норм поведения, индивидуальное понимание справедливости может существенно отличаться у различных субъектов или группы субъектов, живущих в одном социуме, а соответственно, мо-

жет сегментироваться понимание правосудия. Таким образом, справедливость в данном случае выступает в роли саморегулятора поведения человека, а решения любых органов, даже основанные на нормах закона, но осуждающие справедливые с точки зрения индивида действия, не будут восприниматься им как акт правосудия. Учитывая данную позицию, можно предположить, что справедливость, в данном случае, может рассматриваться как внутреннее свойство правосудия.

В юриспруденции также отсутствует консенсус в определении понятия «правосудия», что создает трудности в формировании обобщенной дефиниции данного понятия. Так, в теории права данная категория может рассматриваться как в широком смысле, так и в узком. В широком понимании под правосудием, как правило, понимают всю сферу юстиции, включая и исполнительную и процессуальную деятельность. Узкое понятие правосудия включает лишь судебную деятельность.

Сложность в однозначном толковании понятия «правосудие» заключается еще и в том, что само слово, обозначающее данную категорию, учитывая правила русского языка, является сложным словом, состоящим из двух основ «право» и «судить». Указанные основы, в свою очередь, являются многозначными словами. Например, в теории права имеются сотни определений понятия права и трудно определить, какое из них предпочтительней использовать при определении понятия правосудие. Кроме того, усложняет ситуацию длящаяся дискуссия о соотношении понятий «право» и «закон». Если мы примем позицию, что данные понятия идентичны по смыслу, то можно придти к выводу о том, что правосудием можно считать, лишь те решения, которые принимаются в рамках позитивного права вне зависимости от соответствия его норм нормам нравственности и морали. Между тем, в обыденном понимании правосудие неразрывно связано с моральными и нравственными устоями общества.

Слово «судить» в русском языке, также является многозначным. Толковый словарь Ожегова приводит 4 значения этого слова:

1) Составлять, высказывать какое-либо мнение;
2) Осуждать, укорять, обвинять в чем-либо;
3) Рассматривать чье-либо дело в судебном порядке;
4) Следить за соблюдением правил игры, разрешать возникшие споры [4, с. 226].

Учитывая каждое из значений, понятие правосудия может иметь различные смыслы, а соответственно, обладать разными признаками. Например, в первом значении правосудие (судить, рассуждать о праве) можно определить как мнение кого-либо о праве. Признаками правосудия в данном смысле будут являться: субъективность мнений и оценок; необязательность реализации суждений о праве.

При использовании второго из приведенных значений слова «судить» понятие «правосудие» приобретает исключительно негативный смысл, безальтернативно означающий осуждение (правосудие - право осуждать), обвинение кого-либо на основании норм права, нравственности, морали.

Третье значение слова «судить» определяет правосудие в наиболее известном понимании: правосудие как деятельность специализированного органа – суда. В отечественной юриспруденции тезис, о том, что правосудие представляет собой особую государственную функцию, осуществляемую особым органом государства – судом, получил наибольшее распространение. Данная сентенция транслировалась в научной и учебной литературе многократно. Эта позиция в качестве принципа осуществления правосудия впервые нашла свое отражение в Законе СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик». Аналогичная интерпретация данного вопроса закреплена и в Конституции Российской Федерации, где в части 1 статьи 118 отмечается, что «правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом». Приведенная выше позиция определяет признаки правосудия: имеет установленную законом процессуальную форму; осуществляется от имени государства и носит властный характер; в рамках данной деятельности выносятся общеобязательные постановления, которые могут быть исполнены принудительно, а также обладают особым правовым статусом.

Между тем, указанный выше подход, когда понятие правосудия раскрывается через функционал суда, как государственного органа, воспринимается не всеми юристами однозначно. Например, В.П. Нажимов еще в 1977 году отмечал, что определение понятия правосудия через деятельность суда может привести к ложному выводу о том, правосудие существует лишь потому, что есть суд. Однако, реальность такова, что правосудие является самостоятельной смысловой единицей, а для реализации правосудия необходим какой-либо орган, например, суд [1, с. 6]. Определяющим в понятии правосудия при этом может являться не субъект, который определенным образом исполняет свой функционал, а цель реализации данной функции. Для правосудия такой целью является защита конституционных ценностей – защита прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Именно такая интерпретация понятия правосудия применима, например, при определении понятия «восстановительное правосудие», поскольку в данном случае суд и судебная система не имеют непосредственного отношения к реализации комплекса мер, которые охватываются данным понятием.

Определение правосудия через понимания слова «судить» в четвертом значении, а именно в значении разрешать спор, допускает возможность реализации правосудия не только судом, но и другими органами, преследующими цель защиты прав и свобод человека и гражданина. Например, такими органами могут быть третейские суды, согласительные комиссии и т.п. В этом случае правосудие будет заключаться в поиске компромиссов между спорящими сторонами под контролем третьей стороны, выполняющей роль арбитра, наблюдающего за соблюдением сторонами материальных и процессуальных норм закона.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что понятие правосудия глубоко укоренилось как в обыденном сознании, так и в доктринальной литературе. Определение, признаки, сущность данного понятия являлись предметом многочисленных научных исследований в разных отраслях знания на протяжении веков. В современном отечественном законодательстве отсутствует его легальное определение. Вследствие этого

в нормативных актах и в научных исследованиях термин «правосудие» употребляется или как общеизвестный, или предпринимается попытка сформулировать свое определение, отвечающее целям конкретного исследования. Многообразие дефиниций данного понятия, с одной стороны, объясняется разными подходами к его определению в разных контекстах, а с другой – многозначностью понятий «право» и «судить», объединенных термином «правосудие».

Учитывая приведенные доводы, в качестве вывода можно предположить, что сформулировать универсальное определение правосудия вряд ли возможно в силу неоднозначности самого понятия, многозначности понятий более низкого уровня, определяющих термин «правосудие». Кроме того, это связано с тем, что понятие «правосудие» не имеет единого выработанного мнения о нем в среде научного сообщества, а его объем и содержание являются предметом дискуссий.

Список литературы:

1. Кант И. Критика чистого разума. Минск: Литература, 1998. 959 с.
2. Нерсесянц В.С. Философия права. Учебник для вузов. М.: ИНФРА-М, Норма, 1997. 647 с
3. Байкин, И. М. «Судебная власть», «правосудие» и «судопроизводство» как правовые категории // Мировой судья. 2008. № 9. С. 10-14.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 955 с.
5. Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР / Отв. ред. В. П. Нажимов. Калининград: Калининградский государственный университет, 1977. 162 с.

References:

1. Kant I. The Critique of pure reason. Minsk: Literature, 1998. 959 p.
2. Nersesyants V.S. Philosophy of law. Textbook for universities. Moscow: INFRA-M, Norma, 1997. 647 p.
3. Baykin, I. M. «Judicial power», «justice» and «judicial proceedings» as legal categories // Justice of the Peace. 2008. No. 9. pp. 10-14.
4. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Az, 1992. 955 p.
5. Issues of the organization of the court and the administration of justice in the USSR / Ed. by V. P. Nazhvov. Kaliningrad: Kaliningrad State University, 1977. 162 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_338

УДК 343.7

ОСОБЕННОСТИ ХИЩЕНИЙ НА МАРКЕТПЛЕЙСАХ: ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
FEATURES OF THEFT ON MARKETPLACES: THE OBJECT AND SUBJECT OF THE CRIME

ШАРАФУТДИНОВ Гаяз Раисович,
аспирант кафедры уголовного права Юридического факультета,
Казанский (Приволжский) федеральный университет.
420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.
E-mail: pravovoi.audit@yandex.ru

SHARAFUTDINOV Gayaz Raisovich,
postgraduate student at the Department of Criminal Law, Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University.
18 Kremlevskaya str., Kazan, 420008, Russia, Republic of Tatarstan.
E-mail: pravovoi.audit@yandex.ru

Краткая аннотация. *Введение: популярность онлайн-торговли и рост объёмов её реализации сопровождается совершением преступных деяний в этой сфере – в частности, хищений. Материалы и методы: в работе использованы положения действующего уголовного законодательства, условия оферт крупнейших российских маркетплейсов, а также материалы судебной практики по делам о хищениях, совершенных с использованием электронных торговых площадок. В качестве эмпирической базы исследования проанализированы решения судов общей юрисдикции Российской Федерации по уголовным делам о хищениях, связанных с деятельностью маркетплейсов. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы анализа, позволившие исследовать особенности договорных конструкций маркетплейсов и их влияние на уголовно-правовую квалификацию хищений. Результаты исследования: автором проведен анализ особенности объекта хищений на маркетплейсах, а также детально рассмотрена специфика предмета таких преступных деяний. Особое внимание уделено вопросу о принадлежности тех или иных материальных благ, которые похищаются в условиях ведения деятельности маркетплейса. Обсуждение и заключения: автором сделан вывод об отсутствии единообразной практики определения объекта и предмета хищения, а также о наличии сложностей, возникающих при установлении потерпевшего в условиях многоступенчатых договорных связей, образующихся в ходе деятельности маркетплейсов.*

Abstract. *Introduction: The popularity of online commerce and the growth in its sales volumes are accompanied by criminal acts in this area, in particular theft. Materials and methods: the study uses provisions of current criminal legislation, terms and conditions of offers from major Russian marketplaces, as well as materials from court practice in cases of theft committed using electronic trading platforms. As an empirical basis for the study, we analysed the decisions of the courts of general jurisdiction of the Russian Federation in criminal cases of theft related to the activities of marketplaces. The methodological basis of the study consisted of formal legal, comparative legal, and systematic methods of analysis, which made it possible to examine the features of marketplace contractual structures and their impact on the criminal law classification of theft. Results: the author analysed the peculiarities of the object of embezzlement on marketplaces and examined in detail the specifics of the subject of such criminal acts. Particular attention was paid to the issue of ownership of certain material goods that are stolen in the course of marketplace activities. Discussion and Conclusions: the author concludes that there is no uniform practice for determining the object and subject of theft, and that there are difficulties in identifying the victim in the context of the multi-stage contractual relationships that arise in the course of marketplace activities.*

Ключевые слова*: хищение, онлайн-торговля, маркетплейс, кража, мошенничество, объект преступления, предмет преступления.*

Keywords: *theft, online trading, marketplace, robbery, fraud, object of crime, subject of crime.*

Для цитирования*: Шарафутдинов Г.Р. Особенности хищений на маркетплейсах: объект и предмет преступления // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 338-341. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_338.*

For citation: *Sharafutdinov G.R. Features of theft on marketplaces: the object and subject of the crime // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 338-341. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_338.*

Сегодня современный человек всё чаще использует в своей жизни маркетплейсы. Он может выступать там в разных ролях: как покупатель, как продавец товаров, как работник или даже как владелец либо акционер самого маркетплейса. Онлайн-торговля через маркетплейсы представляет собой относительно новую и активно развивающуюся сферу экономической деятельности. Поскольку в ней формируются новые формы отношений между участниками, инвестируется большое количество ресурсов, возникают объёмные товарные и денежные обороты, то возникает и риск того, что преступный умысел отдельных лиц может быть реализован именно в этой среде.

Как верно отмечает М. Хезретов, «проблема преступлений против собственности была актуальна всегда, с момента появления у людей личного имущества» [1, с.117]. Исследованию особенностей хищений, совершаемых в различных сферах деятельности человека, посвящено немалое количество современных научных работ [2, 3, 4]. Не является исключением и сфера онлайн-торговли: авторами исследуется методика расследований преступлений в этой сфере [5], риски использования приложений для онлайн-шопинга [6], особенности противодействия преступлениям с использованием цифровых технологий [7] и пр. В то же время, вопрос о хищениях, которые совершаются в условиях функционирования маркетплейсов, не исследован в полной мере, что обусловило актуальность выбранной темы.

Стоит согласиться с тем, что одной из главнейших концепций уголовно-правовой науки является теория о составе преступления, позволяющая правильно квалифицировать те или иные преступные деяния [8, с. 69]. В связи с этим, особый интерес представляет объект и предмет хищений, которые совершаются на маркетплейсах или связаны с их деятельностью.

Объектом уголовно-правовых деяний, совершаемых в форме хищений, являются общественные отношения собственности. Конкретизируя указанные отношения, в литературе определяется, что они выражаются в правомочиях владения, пользования и распоряжения таким имуществом [9, с. 198]. Применительно к хищениям, совершаемым на маркетплейсах, объект посягательства сохраняет общий родовой характер,

однако приобретает определённые особенности, обусловленные спецификой электронной торговли.

Особый интерес вызывает то, что в данных правоотношениях собственником имущества может выступать как продавец, так и покупатель, а маркетплейс нередко выполняет посреднические и организационные функции. Рассмотрев оферту маркетплейса Wildberries[1], установлено, что право собственности на товар регулируется специальным механизмом выкупа, который существенно отличается от классической модели комиссионной торговли. Передавая товар Wildberries для реализации, продавец изначально сохраняет право собственности, однако одновременно посредством безотзывной оферты предоставляет маркетплейсу расширенный комплекс прав на распоряжение данным товаром. Прежде всего, Wildberries получает право в любой момент выкупить товар в свою собственность. Это право реализуется путем заключения договора купли-продажи между продавцом и Wildberries, который считается заключенным не с момента подписания бумажного документа, а с момента направления продавцу электронного уведомления о выкупе через портал.

Кроме того, согласно оферте Wildberries, момент перехода права собственности к покупателю зависит от выбранного способа продажи и роли маркетплейса в передаче товара. При продажах со склада продавца («Маркетплейс» (FBS), «Витрина» (DBS), «Витрина Экспресс» (EDBS), «Самовывоз из магазина продавца») право собственности сохраняется за продавцом до фактической передачи товара покупателю, независимо от участия Wildberries в логистике.

Если товар реализуется со склада Wildberries («Склад WB» (FBW)), его нахождение на складе маркетплейса само по себе не означает перехода права собственности. До момента передачи товара покупателю собственником, как правило, остается продавец, если иное не вытекает из условий выкупа товара Wildberries. Переход права собственности к покупателю осуществляется в момент передачи товара покупателю в порядке, предусмотренном договором.

Таким образом, в системе Wildberries ключевым для определения собственника является не место нахождения товара, а момент его фактической передачи покупателю, что имеет принципиальное значение для уголовно-правовой оценки хищений на маркетплейсах.

Например, в постановлении Коломенского городского суда Московской области от 20 декабря 2024 г. по делу № 1-685/2024[2] предметом преступного посягательства признан товар, принадлежащий индивидуальному предпринимателю П., который был похищен работниками пункта выдачи заказов маркетплейса Ozon.

Из материалов дела следует, что обвиняемый Г. и несовершеннолетний соисполнитель, осуществлявшие трудовую деятельность в пункте выдачи заказов без оформления трудовых отношений, действуя группой лиц по предварительному сговору, оформили заказ планшета через мобильное приложение Ozon с последующей отменой заказа после поступления товара в пункт выдачи заказов. Указанные действия были направлены на безвозмездное изъятие товарно-материальных ценностей без их оплаты и без передачи законному покупателю.

Существенно, что на момент фактического изъятия планшета право собственности на товар не перешло к покупателю, поскольку обязательство по оплате исполнено не было, а договор купли-продажи с конечным потребителем не был реализован. Вместе с тем маркетплейс ООО «Интернет Решения» (Ozon) не являлся собственником похищенного имущества, поскольку владел товаром на основании агентского договора, осуществляя функции по хранению и выдаче заказов. В связи с этим суд обоснованно признал потерпевшей именно индивидуального предпринимателя П. как собственника имущества.

Данный пример свидетельствует о том, что при квалификации хищений на маркетплейсах решающее значение имеет не место нахождения товара и не цифровая форма оформления заказа, а юридический момент перехода права собственности. Ошибочное отождествление маркетплейса с собственником товара способно привести к неправильному определению потерпевшего и искажению уголовно-правовой оценки деяния. Рассмотренное судебное решение подтверждает необходимость учета договорной конструкции маркетплейсов при установлении объекта преступления и предмета хищения.

Особенностью обладает и предмет хищения. Как указывает профессор Ф.Р. Сундуров, «в основе любого общественного отношения лежат определенные материальные и иные ценности, выступающие в качестве предпосылки его установления, они являются предметом этого отношения. Если бы не было соответствующих предметов материального мира и иных ценностей, то и не возникла бы необходимость в установлении и охране каких-либо общественных отношений» [10, с. 230].

При анализе хищений, совершаемых в пространстве маркетплейсов, прежде всего обращает на себя внимание специфика предмета преступления, которая определяется его разнообразием и нестабильностью правового режима. Указанный тезис обусловлен тем, что маркетплейс это: посредник, хранитель, расчетный центр.

В качестве предмета противоправного посягательства здесь могут фигурировать не только материальные вещи, находящиеся на разных стадиях логистического процесса, но и денежные средства, а также имущественные права требования, вытекающие из договорных связей между продавцом, оператором платформы и покупателем.

Сложность уголовно-правовой оценки усиливается за счет многоуровневого товарного оборота, поскольку реальное фактическое владение товаром зачастую не совпадает с юридическим титулом на него. Рассмотрим на примерах.

1) Предметом хищения могут выступать денежные средства, находящиеся на банковских счетах потерпевших, которые в дальнейшем использовались преступниками для оплаты покупок на маркетплейсе. Так, в одном из дел[1], подсудимый Н., работая курьером банка, получил

[1] Оферта Wildberries // URL: https://seller.wildberries.ru/instructions/ru/ru/subcategory/offer, свободный (дата обращения: 04.01.2025).
[2] Постановление Коломенского городского суда Московской области от 20 декабря 2024 г. по делу № 1-685/2024 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 04.01.2025).

доступ к банковским картам клиентов при их доставке и активации. Используя служебное положение и доверие потерпевших, он завладел секретными кодами и реквизитами кредитных карт двух клиентов – С.Е. и С.М. После получения данных банковских карт Н. без ведома владельцев совершал привязку карт к своему личному аккаунту в интернет-магазине ООО «Вайлдберриз». С помощью этой привязки он осуществлял покупки товаров в онлайн-магазине, оплачивая их с похищенных средств клиентов. Общая сумма украденных денег с банковских счетов потерпевших составила значительный материальный ущерб. Суд установил, что действия Н. квалифицируются по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ – кража с банковского счета с причинением значительного ущерба. Подсудимый признал вину, выразил раскаяние и добровольно возместил причиненный ущерб.

2) Предметом хищения могут выступать денежные средства, принадлежащие самому маркетплейсу. Например, в одном из дел[2], преступный умысел подсудимого был направлен на хищение денежных средств, «принадлежащих ООО «Озон Банк», путем обмана. Подсудимый, являясь селлером на маркетплейсе «Озон», воспользовался технической уязвимостью (багом) в программе лояльности «Звездные товары». В рамках программы «Звездные товары» покупатель приобретал то вар у селлера за 1 рубль и баллы («звезды»), а оставшуюся часть стоимости товара селлеру компенсировал «Озон Банк». Подсудимый, действуя одновременно как продавец и как покупатель (через подконтрольные аккаунты), искусственно завышал стоимость своих товаров в момент оформления заказа. В результате ООО «Озон Банк», будучи введенным в заблуждение, перечисляло на счет селлера (подсудимого) завышенные суммы компенсации. Представитель ООО «Озон Банк» в своих показаниях детально описал схему мошенничества и подтвердил, что банк, не осознавая обмана, перечислил за реализованные подсудимым товары денежные средства на общую сумму 2 117 637 рублей. Суд квалифицировал действия подсудимого как покушение на мошенничество в особо крупном размере (ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ). Преступление не было доведено до конца по независящим от подсудимого обстоятельствам, так как банк вовремя заблокировал операции и удержал перечисленные средства в рамках взаиморасчетов, не допустив их вывода на личные счета подсудимого.

3) Предметом хищения могут выступать сами товары, право собственности на которые принадлежит продавцу или маркетплейсу. В одном из дел[3] Р. в ходе совершения преступления подменил заказанный через маркетплейс «Вайлдберриз» оригинальный страйкбольный пистолет на неустановленный предмет, после чего тайно завладел имуществом потерпевшего (продавца) и скрылся с ним. Ущерб потерпевшему составил 13 662 рубля. В другом деле[4] Б.В. и Б.Р., действуя в сговоре и пользуясь договорами оказания услуг в электронной форме, согласно которым они обязались выполнять работы по приемке, сортировке и обработке товаров на пункте выдачи заказов маркетплейса «Вайлдберриз», получили законное право владения вверенным имуществом – товарами, поступающими для дальнейшей выдачи покупателям. Используя доступ к аккаунтам маркетплейса «Вайлдберриз», которые были заранее подготовлены и привязаны к абонентским номерам, контролируемым ими, они разработали и осуществили преступный план, направленный на хищение имущества в крупном размере. Суть плана заключалась в том, что Б.В. и Б.Р. через свои аккаунты заказывали товары на пункты выдачи, где по договору они работали. После получения товара, вместо передачи его законным владельцам, они оформляли в приложении отказ от заказа, что позволило им юридически оправдать дальнейшее распоряжение товаром.

В другом деле судом тщательно исследован вопрос о принадлежности товара, являющегося предметом хищения: «суд учитывает, что согласно договору оферты товар является собственностью продавца до момента приобретения права собственности на него покупателем, договор купли-продажи товара, посредством его выбора и оплаты на сайте агрегатора, фактически заключается покупателем непосредственно с ООО «Вайлдберриз», которому товары переданы для реализации собственниками. При этом, исходя из договора оферты, продавец предоставляет ООО «Вайлдберриз» полномочия представлять интересы продавца в отношении поставляемого для реализации товара в рамках договора перед правоохранительными органами РФ, органами прокуратуры, судами общей юрисдикции, давать объяснения, пояснения, собирать и подавать необходимые справки и документы, заверять их копии, знакомиться с материалами уголовных дел, получать выписки и снимать копии с материалов, а также выполнять иные действия по вопросам хищения, утраты, гибели и повреждения реализуемого товара в рамках договора. Таким образом, указанные положения свидетельствуют о том, что собственники товаров фактически делегируют свои права на него владельцу агрегатора - ООО «Вайлдберриз», в связи с чем, указанное лицо и выступает в качестве потерпевшего»[5]. Исследование данного вопроса крайне важно для обозначения лица, являющегося потерпевшим по уголовному делу.

Таким образом, специфика маркетплейсов как многоуровневых цифровых платформ, сочетающих функции посредника, хранителя, логистического оператора и расчетного центра, обуславливает особый характер объекта и предмета преступного посягательства. Право собственности на товар нередко не совпадает с фактическим владением, а момент его перехода определяется не местом нахождения имущества, а условиями договорной конструкции платформы и фактом передачи товара покупателю.

Список литературы:

1. Хезретов М. Понятие хищения // Символ науки. 2024. №5-2-2. С. 117-119.

[1] Приговор Черемушкинского районного суда города Москвы от 08.08.2023 по делу № 1-326/2023 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.01.2025).
[2] Приговор Армавирского городского суда Краснодарского края от 04.06.2025 по делу № 1-158/2025 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.01.2025).
[3] Постановление Наро-Фоминского городского суда Московской области от 02.10.2025 по делу № 1-383/2025 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.01.2025).
[4] Приговор Солнцевского районного суда города Москвы от 05.05.2025 по делу № 1-139/2024 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.01.2025).
[5] Приговор Кировского районного суда города Санкт-Петербурга от 14.10.2024 по делу № 1-131/2024(1-1147/2023). – Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ (дата обращения: 04.01.2025).

2. Ахмяров Р.Ш. К вопросу о понятии и признаках хищений автотранспортных средств // Закон и право. 2025. №1. С. 186-189.
3. Дроздова Н.Ю. Особенности профилактики хищений велосипедов // Журнал прикладных исследований. 2025. №3. С. 172-178.
4. Чудинова М.С., Михайлова Д.В. Телефонные хищения – современные аспекты // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2024. №3. С. 97-103.
5. Павлов Е.Н. Методика расследования мошенничества, совершаемого на маркетплейсах. Постановка проблемы // Право и государство: теория и практика. 2024. №9 (237). С. 563-566.
6. Бимбинов А.А. Уголовно-правовые риски использования приложений для заказа товаров и коммерческих услуг // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2025. №5 (129). С. 112-121.
7. Мочалкина И.С. Криминологическое противодействие экономическим преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2025. №5 (129). С. 189-196.
8. Романова Г.В., Нурисламова К.Р. Состав преступления и его значение // Universum: экономика и юриспруденция. 2024. №10 (120). С. 68-70.
9. Анисимов В. Ф., Бауськов Д. Г., Алиев М. М. Об объекте и предмете хищения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. №3. С. 198-204.
10. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. 864 с.

References:

1. Hezretov, M. The Concept of Theft // Symbol of Science. 2024. No. 5-2-2. pp. 117–119.
2. Akhmaryov, R.Sh. On the Concept and Characteristics of Motor Vehicle Theft // Law and Justice. 2025. No. 1. pp. 186–189.
3. Drozdova N.Yu. Features of the prevention of bicycle theft // Journal of Applied Research. 2025. No. 3. pp. 172–178.
4. Chudinova M.S., Mikhailova D.V. Telephone fraud – contemporary aspects // News of Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2024. No. 3. pp. 97–103.
5. Pavlov E.N. Methods of investigating fraud committed on marketplaces. Statement of the problem // Law and the State: Theory and Practice. 2024. No. 9 (237). pp. 563–566.
6. Bimbinov A.A. Criminal law risks associated with the use of applications for ordering goods and commercial services // Bulletin of O.E. Kutafin University. 2025. No. 5 (129). pp. 112–121.
7. Mochalkina I.S. Criminological countermeasures against economic crimes committed using information and telecommunications technologies // Bulletin of O.E. Kutafin University. 2025. No. 5 (129). pp. 189–196.
8. Romanova G.V., Nurislamova K.R. The elements of a crime and their significance // Universum: Economics and Law. 2024. No. 10 (120). pp. 68–70.
9. Anisimov V.F., Bauskov D.G., Aliev M.M. On the object and subject of theft // Bulletin of St Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2006. No. 3. pp. 198–204.
10. Criminal Law of Russia. General Part: Textbook / Edited by F.R. Sundurov, I.A. Tarkhanov. – 2nd ed., revised and expanded. Moscow: Statut, 2016. 864 pp.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_342

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА, ЗАДАЧ, МЕТОДОЛОГИИ ТЕОРИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ИХ СООТНОШЕНИЕ С СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИМИ ЗНАНИЯМИ

FEATURES OF THE SUBJECT, TASKS, AND METHODOLOGY OF THE THEORY OF USING SPECIAL MEDICAL KNOWLEDGE IN CRIMINAL PROCEEDINGS AND THEIR RELATIONSHIP WITH FORENSIC MEDICAL KNOWLEDGE

САГИДУЛЛИН Рафаэль Хамитович
к.м.н., доцент кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий.
450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32.
E-mail: sagidullin12@bk.ru

SAGIDULLIN Rafael Khamitovich
PhD, Associate Professor of the Department of Criminology, Ufa University of Science and Technology.
32 Zaki Validi str., Ufa, 450076, Russia.
E-mail: sagidullin12@bk.ru

Краткая аннотация *В данном обзоре анализируются предмет, задачи и методология теории использования специальных медицинских знаний в уголовном судопроизводстве, а также их соотношение с судебно-медицинскими знаниями. Рассматривается периодизация становления судебно-медицинских знаний: эмпирический этап (создание первого руководства «Си Юань Лу» в XIII веке), этап формирования научной методологии в XIX веке (развитие токсикологии, работы М.Х.Б. Орфилы) и современный этап (внедрение посмертной визуализации и судебной эпидемиологии). Обосновывается необходимость разработки частной теории использования специальных медицинских знаний в судопроизводстве ввиду терминологической неопределенности, отсутствия единых методов установления причинно-следственных связей и институциональных разрывов. Устанавливается соотношение понятий: специальные медицинские знания представляют собой родовую совокупность медицинских компетенций, тогда как судебно-медицинские знания выступают их видовой подсистемой, адаптированной для решения задач правосудия с учетом процессуального контекста и требований к доказательствам.*

Abstract *This review analyzes the subject, tasks, and methodology of the theory underlying the use of special medical knowledge in criminal proceedings, as well as its relationship with forensic medical knowledge. It examines the periodization of the formation of forensic medical knowledge: the empirical stage (creation of the first manual "Xi Yuan Lu" in the 13th century), the stage of the formation of scientific methodology in the 19th century (development of toxicology, the work of M.H.B. Orfila), and the modern stage (implementation of postmortem imaging and forensic epidemiology). The necessity of developing a particular theory for the use of special medical knowledge in legal proceedings is substantiated due to terminological uncertainty, the lack of unified methods for establishing causal relationships, and institutional gaps. The relationship between the concepts is established: special medical knowledge represents a generic set of medical competencies, while forensic medical knowledge acts as its specific subsystem, adapted to solve the tasks of justice, taking into account the procedural context and the requirements for evidence.*

Ключевые слова *Специальные медицинские знания, судебно-медицинские знания, уголовное судопроизводство, предмет, методология, причинно-следственная связь, частная теория, периодизация, токсикология, посмертная визуализация, судебная эпидемиология.*

Keywords *Special medical knowledge, forensic medical knowledge, criminal proceedings, subject, methodology, causal relationship, particular theory, periodization, toxicology, postmortem imaging, forensic epidemiology.*

Для цитирования: *Сагидуллин Р.Х. Особенности предмета, задач, методологии теории использования специальных медицинских знаний в уголовном судопроизводстве и их соотношение с судебно-медицинскими знаниями // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 342-344. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_342.*

For citation*: Sagidullin R.Kh. Features of the subject, tasks, methodology of the theory of use special medical knowledge in criminal proceedings and their relation to forensic medical knowledge // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 342-344. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_342.*

Статья поступила в редакцию: 20.01.2026

Актуальность темы

Применение специальных медицинских знаний в уголовное судопроизводство представляет собой сложный и исторически обусловленный процесс, эффективность которого непосредственно влияет на качество правосудия и защиту прав граждан. Судебно-медицинские эксперты играют ключевую роль в уголовном и гражданском судопроизводстве [1]. Чтобы понять современную судебную медицину - нужно посмотреть, как она возникла, из чего складывалась и что означают ее термины. Данное исследование направлено на решение трех взаимосвязанных задач: изучить историю развития судебно-медицинских знаний по периодам; доказать, что существует необходимость в отдельной теории их использования в суде; различить понятия «специальные медицинские знания» и «судебно-медицинские знания».

Периодизация становления и развития использования судебных медицинских знаний в судопроизводстве в России и за рубежом

История использования медицинских знаний в правовых целях насчитывает несколько столетий. Ключевым этапом в развитии научной методологии стал XIX век, благодаря которому судебная медицина стала самостоятельной дисциплиной. Значительную роль в этом процессе сыграло развитие токсикологии. Испанский химик Матео Хосе Бонавентура Орфила-и-Ротжер, чьи экспериментальные работы по изучению действия токсинов и противоядий на живых организмах заложили основы современной токсикологии, считается ее основоположником [2]. Его участие в качестве эксперта в резонансных судебных процессах, таких как дело Мадам Лафарг в 1840 году, где он с помощью усовершенствованного теста Марша доказал наличие мышьяка в теле жертвы, продемонстрировало растущую роль научных методов в правосудии [2]. В этот же период возник вопрос о способах убеждения до людей без специального образования - судей и присяжных - в достоверности научных данных. Токсикологи нашли решение в наглядности. Они стали применять методы, которые давали понятный любому визуальный результат. Это позволяло убедить аудиторию в достоверности экспертизы без углубления в химические тонкости. [3].

Сегодня судебно-медицинская служба - это уже не просто отдельные эксперты, а целая система со своими правилами и структурой. В разных странах эта система устроена по-своему. Примером может служить Россия, где сложилась интегрированная модель судебно-медицинской экспертизы, исторически связанная с правоохранительной системой и берущая начало в Российской империи и Советском Союзе [1]. Эта модель обеспечивает профессиональную специализацию и стандартизацию, однако сталкивается с системными вызовами: несоответствием финансирования (региональные

органы здравоохранения финансируют услуги, основные потребители которых - федеральные правоохранительные органы и суды), недофинансированием, устаревшей инфраструктурой и чрезмерной нагрузкой на персонал, что напрямую влияет на качество и эффективность экспертиз [1].

На данный момент современный этап отмечен дискуссиями о методах формулирования выводов. Традиционный подход, предполагающий выражение категоричного мнения на основе невероятностных методов (например, в дактилоскопии), все чаще подвергается критике. Потому что наука редко даёт стопроцентную гарантию. Поэтому все больше специалистов считают необходимым новый подход - вероятностный, где эксперт должен сказать: «совпадение не случайно с вероятностью 99,9%», но окончательный вывод о виновности оставить суду. Эксперт отвечает за научную часть, а судья уже оценивает все обстоятельства дела вместе взятые [4].

К разработке частной теории использования специальных медицинских знаний в судопроизводстве

Накопленный исторический опыт и современная практика выявляют ряд фундаментальных проблем, которые не могут быть разрешены в рамках существующих эмпирических подходов. Это обусловливает необходимость разработки частной теории использования специальных медицинских знаний в судопроизводстве. К числу предпосылок для ее формирования относятся: терминологическая неопределенность как отсутствие единого понимания базовых понятий в контексте их правового применения. Несогласованность: различные подходы к установлению причинно-следственных связей и формулированию экспертных выводов (категоричных и вероятностных) [4]. Институциональные разрывы, то есть финансирование выделяют на одни потребности, а реальные нужды следствия - совсем другие. И происходит нехватка экспертов, слабая материальная база и организационные проблемы [1]. Ограниченная компетентность экспертов: исследования показывают, что судьи и прокуроры часто не имеют формальной подготовки для оценки медицинских заключений, используют нестандартизированные источники информации и редко обращаются к рецензируемой медицинской литературе [5]. Прокуроры также указывают на такие барьеры, как нехватка судебных медиков, неясные процедуры и ограниченная осведомленность [6]. Отсутствие единых стандартов оценки: недостаток общепринятых научно обоснованных критериев допустимости и достоверности медицинских заключений.

Разработка частной теории призвана систематизировать накопленные знания, определить предмет и границы компетенции судебно-медицинского эксперта, обосновать выбор методологии в зависимости от конкретной задачи и заложить основы для унификации экспертной практики.

Соотношение специальных медицинских и судебно-медицинских знаний

Проведенный анализ позволяет установить соотношение между родовым понятием «специальные медицинские знания» и его видовой составляющей - «судебно-медицинские знания». Специальные медицинские знания представляют собой всю совокупность теоретических положений и практических компетенций в области медицины, сформированных в результате профильного образования и профессионального опыта. Судебно-медицинские знания являются специализированной подсистемой, производной от общих медицинских знаний, но адаптированной для решения специфических задач правосудия. Их особенности определяются: особым предметом: судебно-медицинские знания направлены на ретроспективное установление фактов, имеющих юридическое значение: причины и механизма смерти, характера телесных повреждений, идентификации личности и т.д. [2]. Затем специфической методологией: центральное место занимает установление причинно-следственной связи между деянием и последствиями, что требует применения и валидации методов из различных областей знания [3, 4]. И правовым контекстом, где применение судебно-медицинских знаний строго определено процессуальным законодательством, а заключение эксперта является доказательством, оно должно быть максимально обоснованным и таким, чтобы любой другой специалист мог его перепроверить. [1, 4, 5]. Поэтому судебно-медицинские знания не являются отдельной наукой, изолированной от общей медицины. Эксперты берут общемедицинские знания (из анатомии, физиологии, терапии и т.д.) и применяют их по правилам уголовного процесса. Эффективность этого применения зависит от уровня развития фундаментальной медицинской науки, методологии экспертного исследования и компетентности судей в оценке медицинских доказательств.

Периодизация становления и развития использования судебных медицинских знаний в судопроизводстве в России и за рубежом

Историю развития судебной медицины можно разделить на несколько этапов. Первый этап - эмпирический, когда знания накапливались методом проб и ошибок ещё в Древнем мире. Самое значимое достижение того периода - книга «Си Юань Лу» («Записки о смывании несправедливостей») , написанная в Китае в XIII веке. Её автор Сун Цы фактически создал первое руководство по правовой медицине, где описал, как правильно проводить экспертизы. Этот труд считается самым древним из сохранившихся и потом повлиял даже на западную судебную медицину [7].

В Европе судебная медицина начала складываться в систему благодаря тому, что в ней возникла потребность у общества. Главными центрами, где это всё развивалось, стали университеты Падуи, Вены, Берлина и Лейпцига. Исторически сложились три основных типа вскрытий: анатомическое, исследующее структуру и функцию тела; клиническое, ориентированное на причину и патогенез болезней; и судебно-медицинское, определяющее смерть с точки зрения насильственных явлений [8].

В XIX столетии судебная медицина окончательно сформировалась как отдельная наука — появились свои методы исследования, в том числе токсикология. Сегодня это уже целая самостоятельная наука, хотя в разных странах она организована по-разному. Наблюдается снижение числа традиционных вскрытий при одновременном развитии альтернативных подходов, таких как посмертная визуализация (postmortem imaging - PMI), позволяющая снизить затраты и создать архивированные неизменные доказательства [9]. Формируются смежные дисциплины, например судебная эпидемиология (forensic epidemiology - FE), применяющая эпидемиологические методы для анализа неблагоприятных исходов, имеющих правовые последствия [10].

Использования специальных медицинских знаний в судопроизводстве

На данный момент в судебно-медицинской практике выявляется ряд фундаментальных проблем, обосновывающих необходимость разработки частной теории. Наблюдается терминологическая неопределенность: термины «судебная медицина» (forensic medicine), «правовая медицина» (legal medicine), которые в разных странах понимают неодинаково, а системы оказываемых услуг не являются единообразными [11].

Главная методологическая проблема: нет единых правил, как устанавливать причину в экспертизах. В обычной клинике диагноз ставят иначе,

а тут каждый эксперт понимает слово «причина» по-своему. Отсюда и разногласия в заключениях. [12]. Все методы установления причин можно разделить на две группы: интуитивные (когда эксперт действует, основываясь на опыте) и вероятностные (когда выводы делаются на основе статистических данных). Специалисты сходятся во мнении, что для судебной экспертизы вероятностный подход надежнее и уместнее в большинстве случаев. [12] Отсутствие единой системы и общепринятых руководств по подготовке стандартных и приемлемых в суде отчетов затрудняет оценку развития и эффективности судебной медицины как дисциплины. Методы практикующих специалистов не всегда основаны на доказательствах и значительно варьируют [11].

Соотношение специальных медицинских и судебно-медицинских знаний

Проведенный анализ позволяет установить соотношение между понятиями «специальные медицинские знания» и его - «судебно-медицинские знания». Специальные медицинские знания представляют собой всю совокупность теоретических и практических знаний в области медицины, сформированных в результате медицинского образования и профессионального опыта. Судебно-медицинские знания - это те же медицинские знания, но приспособленные для того, чтобы помогать правосудию. Их особенности определяются тем, что судебно-медицинские знания направлены на ретроспективное установление фактов, имеющих юридическое значение: причины, механизма и давности наступления смерти, характера телесных повреждений, идентификации личности [8, 10]. Центральное место занимает установление причинно-следственной связи между деянием и наступившими последствиями, что требует применения и подтверждение методов из различных областей знания (патологии, токсикологии, эпидемиологии, посмертной визуализации) [9, 10, 12]. Работа судмедэксперта строго регулируется процессуальным законодательством. Заключение, которое он даёт, становится доказательством по делу, а значит, к нему предъявляются особые требования. Оно должно быть обоснованным (чтобы было понятно, почему эксперт пришёл к таким выводам), проверяемым (чтобы другие специалисты могли оценить достоверность) и стандартизированным (чтобы не было разнобоя в оформлении). [11].

Таким образом, судебно-медицинские знания не являются самостоятельной дисциплиной, изолированной от общей медицины. Они представляют собой процессуально и методологически ориентированный способ применения фундаментальных и клинических медицинских знаний для достижения целей уголовного судопроизводства. Эффективность этого применения зависит от уровня развития фундаментальной медицинской науки, совершенствования методологии экспертного исследования и разработки единых стандартов оценки доказательств.

Проведенный обзор позволил выделить три этапа эволюции судебно-медицинских знаний: начальный (до XVIII в.) с созданием первых руководств, этап становления научной методологии (XIX в.) благодаря развитию токсикологии и современный этап (XX–XXI вв.) с внедрением новых методов (посмертная визуализация, судебная эпидемиология). Необходимость разработки новой теории для использования специальных медицинских знаний в суде вызвана тремя основными проблемами: в этой области нет четких терминов, разные специалисты используют разные методы, и неясно, как правильно оценивать выводы экспертов. Установлено соотношение понятий: специальные медицинские знания представляют общую совокупность медицинских компетенций, тогда как судебно-медицинские знания выступают их специализированной подсистемой, адаптированной для решения задач правосудия. Эффективность применения судебно-медицинских знаний зависит от интеграции медицинской и правовой составляющих в деятельности эксперта.

Список литературы

1. Russian forensic Medicine: Institutional evolution, operational contradictions, and their implications D. Nikitina, A. Gegelman, E. Khodzhaeva, M. Zaitseva. Journal of Forensic and Legal Medicine. 2025. Vol. 114. Article 102926.
2. Mathieu Joseph Bonaventure Orfila (1787-1853): the founder of modern toxicology. S.N. Michaleas, A.S. Veskoukis, G. Samonis [et al.]. Maedica. 2022. Vol. 17, № 2. P. 532-537.
3. Carrier, M. B. The Making of Evident Expertise: Transforming Chemical Analytical Methods into Judicial Evidence M. B. Carrier NTM: Zeitschrift für Geschichte der Wissenschaften, Technik und Medizin. 2021. Vol. 29, № 3. P. 261-284. DOI 10.1007/s00048-021-00306-7.
4. Levanon, L. Fingerprint analysis and reporting in legal trials: a critical re-evaluation. L. Levanon, G. Tully. Criminal Law Forum. 2025. Vol. 36, № 1. P. 1-32. DOI 10.1007/s10609-025-09497-3.
5. How Do Legal Experts Cope With Medical Reports and Forensic Evidence? The Experiences, Perceptions, and Narratives of Swiss Judges and Other Legal Experts C. Canela, A. Buadze, A. Dube [et al.] Frontiers in Psychiatry. 2019. Vol. 10. Article 18. DOI 10.3389/fpsyt.2019.00018.
6. Public prosecutors' perspectives on forensic medical information in non-fatal injury cases in the Netherlands: practices, barriers and recommendations M. L. Goudswaard, J. N. Cuijpers, M. Ceelen [et al.] Journal of Forensic and Legal Medicine. 2025. Article 102976. DOI 10.1016/j.jflm.2025.102976.
7. Yin, L. Transmission of Ancient Chinese Forensic Medicine in the West: The View from Xiyuan Jilu (Records for Vindication) L. Yin Chinese Medicine and Culture. 2022. Vol. 5, № 3. P. 162-168. DOI 10.1097/MC9.0000000000000023.
8. Autopsy: the benefits for medicine and society throughout history Ľ. Straka, J. Krajčovič, M. Janík [et al.] Soudní Lékařství. 2024. Vol. 69, № 3. P. 30-33.
9. The evolution of postmortem investigation: a historical perspective on autopsy's decline and imaging's role in its revival N. Solomon, D. Gascho, N. L. Adolphi [et al.] Frontiers in Radiology. 2025. Vol. 5. Article 1565012. DOI 10.3389/fradi.2025.1565012.
10. Schumann, J. L. Forensic Epidemiology: Bridging Public Health and Legal Investigations to Address Modern Challenges J. L. Schumann, M. B. K. M. Hlela, S. Oliverio, L. Bugeja Wiley Interdisciplinary Reviews: Forensic Science. 2025. Vol. 7, № 1. Article e70003.
11. A review of the diversity in taxonomy, definitions, scope, and roles in forensic medicine: implications for evidence-based practice P. D. I. Meilia, M. D. Freeman, Herkutanto [et al.] Forensic Science, Medicine and Pathology. 2018. Vol. 14, № 4. P. 460-468. DOI 10.1007/s12024-018-0031-6.
12. A review of causal inference in forensic medicine P. D. I. Meilia, M. D. Freeman, Herkutanto [et al.] Forensic Science, Medicine and Pathology. 2020. Vol. 16, № 2. P. 313-320. DOI 10.1007/s12024-020-00220-9.

References

1. Russian forensic Medicine: Institutional evolution, operational contradictions, and their implications D. Nikitina, A. Gegelman, E. Khodzhaeva, M. Zaitseva. Journal of Forensic and Legal Medicine. 2025. Vol. 114. Article 102926.
2. Mathieu Joseph Bonaventure Orfila (1787-1853): the founder of modern toxicology. S.N. Michaleas, A.S. Veskoukis, G. Samonis [et al.]. Maedica. 2022. Vol. 17, № 2. P. 532-537.
3. Carrier, M. B. The Making of Evident Expertise: Transforming Chemical Analytical Methods into Judicial Evidence M. B. Carrier NTM: Zeitschrift für Ges-chichte der Wissenschaften, Technik und Medizin. 2021. Vol. 29, № 3. P. 261-284. DOI 10.1007/s00048-021-00306-7.
4. Levanon, L. Fingerprint analysis and reporting in legal trials: a critical re-evaluation. L. Levanon, G. Tully. Criminal Law Forum. 2025. Vol. 36, № 1. P. 1-32. DOI 10.1007/s10609-025-09497-3.
5. How Do Legal Experts Cope With Medical Reports and Forensic Evidence? The Experiences, Perceptions, and Narratives of Swiss Judges and Other Le-gal Experts C. Canela, A. Buadze, A. Dube [et al.] Frontiers in Psychiatry. 2019. Vol. 10. Article 18. DOI 10.3389/fpsyt.2019.00018.
6. Public prosecutors' perspectives on forensic medical information in non-fatal injury cases in the Netherlands: practices, barriers and recommendations M. L. Goudswaard, J. N. Cuijpers, M. Ceelen [et al.] Journal of Forensic and Legal Medicine. 2025. Article 102976. DOI 10.1016/j.jflm.2025.102976.
7. Yin, L. Transmission of Ancient Chinese Forensic Medicine in the West: The View from Xiyuan Jilu (Records for Vindication) L. Yin Chinese Medicine and Culture. 2022. Vol. 5, № 3. P. 162-168. DOI 10.1097/MC9.0000000000000023.
8. Autopsy: the benefits for medicine and society throughout history Ľ. Straka, J. Krajčovič, M. Janík [et al.] Soudní Lékařství. 2024. Vol. 69, № 3. P. 30-33.
9. The evolution of postmortem investigation: a historical perspective on autopsy's decline and imaging's role in its revival N. Solomon, D. Gascho, N. L. Adolphi [et al.] Frontiers in Radiology. 2025. Vol. 5. Article 1565012. DOI 10.3389/fradi.2025.1565012.
10. Schumann, J. L. Forensic Epidemiology: Bridging Public Health and Legal Investigations to Address Modern Challenges J. L. Schumann, M. B. K. M. Hlela, S. Oliverio, L. Bugeja Wiley Interdisciplinary Reviews: Forensic Science. 2025. Vol. 7, № 1. Article e70003.
11. A review of the diversity in taxonomy, definitions, scope, and roles in forensic medicine: implications for evidence-based practice P. D. I. Meilia, M. D. Freeman, Herkutanto [et al.] Forensic Science, Medicine and Pathology. 2018. Vol. 14, № 4. P. 460-468. DOI 10.1007/s12024-018-0031-6.
12. A review of causal inference in forensic medicine P. D. I. Meilia, M. D. Freeman, Herkutanto [et al.] Forensic Science, Medicine and Pathology. 2020. Vol. 16, № 2. P. 313-320. DOI 10.1007/s12024-020-00220-9.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_345

УДК 343.6

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И ИНТЕРНЕТА
PROBLEM ISSUES OF DRIVE TO SUICIDE USING SOCIAL NETWORKS AND THE INTERNET

АЗАРХИН Алексей Владимирович
доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
Россия, 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: aazarkhin@mail.ru,

СОКОЛОВ Данила Сергеевич
аспирант ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
Россия, 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: s_danila01@mail.ru

AZARKHIN Aleksey Vladimirovich
Associate Professor, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of Organization of the Fight against Economic Crimes,
Associate Professor of the Department of Theory of Law and Public Law Disciplines at Samara State University of Economics.
Russia, 443090, Samara, Sovetskoy Armii St., 141.
E-mail: aazarkhin@mail.ru,

SOKOLOV Danila Sergeevich
Postgraduate student at Samara State University of Economics.
Russia, 443090, Samara, Sovetskoy Armii St., 141.
E-mail: s_danila01@mail.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена комплексному анализу проблемных аспектов уголовного производства по фактам доведения лица до самоубийства. Данная проблема чрезвычайно сложна как с теоретической, так и с практической точки зрения, поскольку самоубийство – многофакторное явление, причиной которого может быть совокупность социальных, психологических, экономических, медицинских и иных обстоятельств. С развитием технического прогресса и эволюцией человечества появляются новые, не менее опасные способы совершения с помощью социальных сетей и Интернета цепочек преступных деяний, посягающих на жизнь и здоровье человека. К сожалению, ни общество, ни правоохранительные органы не готовы к этим новым вызовам.*

Abstract: *This article provides a comprehensive analysis of the problematic aspects of criminal proceedings involving incitement to suicide. This issue is extremely complex from both a theoretical and practical perspective, as suicide is a multifactorial phenomenon, potentially caused by a combination of social, psychological, economic, medical, and other factors. With the advancement of technology and the evolution of humanity, new, no less dangerous methods are emerging for perpetrating chains of criminal acts through social media and the internet, infringing on human life and health. Unfortunately, neither society nor law enforcement agencies are prepared for these new challenges.*

Ключевые слова: *самоубийство, доведение до самоубийства, причинная связь, социальные факторы, психоэмоциональное состояние потерпевшего, Интернет технологий, социальные сети.*

Keywords: *suicide, incitement to suicide, causality, social factors, psycho-emotional state of the victim, Internet technologies, social networks.*

Для цитирования: *Азархин А.В., Соколов Д.С. Проблемные вопросы доведения до самоубийства с использованием социальных сетей и интернета // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 345-348. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_345.*

For citation*: Azarkhin A.V., Sokolov D.S. Problematic issues of suicidal behavior using social media and the Internet // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 345-348. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_345.*

Статья поступила в редакцию: 11.11.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Особую общественную опасность представляют деяния лиц, направленные на доведение личности до совершения самоубийства. Указанные противоправные деяния циничны, поскольку один человек заставляет, склоняет и т.д. другого человека покончить жизнь самоубийством. Однако, чтобы осознать механизм совершения таких противоправных деяний, а также определить продуктивные направления и средства борьбы с такими уголовными противоправными проявлениями, следует ответить на вопрос: «Что такое самоубийство?».

Анализ научных работ по проблеме самоубийств, их детерминант, методов предупреждения и т. п. позволил сделать вывод, что самоубийство (суицид) подробно исследовалось в психологическом и социологическом аспекте, а вот его юридическая сторона сравнительно малоисследованна.

В литературе определяют самоубийство как преднамеренное, заранее обдуманное лишение себя жизни; один из видов насильственной смерти [1]. Однако вторая часть определения, определяющая самоубийство как насильственную смерть, несколько противоречива. В то же время, по нашему мнению, некоторые виды самоубийств, например вдыхание инертных газов или голодание, трудно назвать насильственными, и они, очевидно, не до конца подпадают под данное определение, поэтому не все самоубийства являются насильственной смертью.

Юристы определяют самоубийство как «совершенно сознательно совершаемые действия отдельным лицом (лицами) с целью прекратить свое существование, следствием которых является его (их) смерть» [2]. Авторы говорят о том, что на общесоциальном, как и на специальном уровне самоубийство вызывают в основном социально-экономические факторы; на индивидуальном уровне его детерминируют также пси-

хологические факторы (душевный кризис, депрессия и т.д., усиливающие влияние социально-экономических детерминантов и провоцирующие совершение самоубийства). Соглашаемся с ученым и относительно того, что самоубийство может быть охарактеризовано как комплексное социально-биопсихологическое явление, существующее на разных этапах развития общества, а количество самоубийств может увеличиваться или уменьшаться. Кроме того, учитывая несовершенство общественных отношений (принимая во внимание тот факт, что требования постоянно повышаются), рассматриваемое нами явление не может исчезнуть, ведь оно является неотъемлемым признаком, необходимым следствием социального процесса.

Одним из центральных аспектов определения суицида является «намеренность», которая в разных формулировках упоминается фактически во всех определениях самоубийства. Так, для того чтобы смерть человека можно было считать самоубийством, необходимо, чтобы он намеренно причинил смерть сам себе. Считаем, что умышленность причинения смерти исключает из разряда самоубийц лиц, убивших себя в состоянии невменяемости, и, как следствие, не были способны осознавать свои действия. Оперируя правящей терминологией, наиболее целесообразно будет сказать, что самоубийство должно быть совершено с прямым умыслом – то есть, когда лицо предусматривало последствия своей деятельности в виде собственной смерти и желало их наступления.

Самоубийство не совершается мгновенно, оно проходит несколько стадий, которые в психологии принято именовать фазами. На первой, преддиспозиционной, фазе лицо достигает максимальной психологической напряженности и осуществляет поиск выхода из сложившейся критической ситуации. Из-за напряжения и постоянной сосредоточенности на своих трудностях и вероятных путях его решения у личности снижается ее самооценка, растет чувство бессилия и эмоциональное напряжение, формируется представление о безысходности ситуации. Все чаще внимание концентрируется исключительно на негативе, то есть возникает «туннельное видение проблемы», а долговременные, обычно неудачные, попытки реально разрешить или изменить психотравмирующую ситуацию приводят к физическому и психическому истощению.

Психологическое, эмоциональное напряжение затрудняется ростом тревоги относительно возможного неблагоприятного развития событий, а восприятие перспектив имеет пессимистическую окраску. Ситуация для личности становится невыносимой, такой, конца которой не видно. На второй, суицидальной фазе лицо утверждается в решении покончить жизнь самоубийством и определяется с способами его реализации. Причем сначала возникают только суицидальные мысли о возможности самоубийства как пути решения своих основных накопившихся проблем, а впоследствии появляются мысли о конкретных способах нанесения смерти, разрабатывается план самоубийства, выбираются время, место, необходимые средства и/или орудия для причинения смерти, способы воздействия на окружающих [3, с. 105].

Иными словами, суицид – это следствие действия определенных факторов, с которыми человеку не удалось справиться. В таком случае лицо видит перед собой единственный выход – избавиться от первоисточника всех «проблем», от себя. Таким образом, она снимает с себя любую ответственность и лишается каких-либо переживаний.

С появлением и развитием Интернета появились новые способы совершения не только краж или мошенничества, но и самоубийств. Одновременно с этим в мире появился новый способ доведения до самоубийства, а также увеличилось число постоянных пользователей Интернета.

Одной из ключевых проблем в уголовном производстве по доведению личности до самоубийства является установление причинно-следственной связи между действиями подозреваемого и фактом самоубийства потерпевшего. Доказательство этой связи является сложной задачей для правоохранительных органов и суда, поскольку самоубийство, как правило, является многофакторным явлением, которое обуславливается не только непосредственным влиянием другого лица, но и психоэмоциональным состоянием потерпевшего, его социальной средой, предыдущими психологическими травмами, финансовыми или семейными проблемами. Именно поэтому правоохранители встают перед трудностями в определении того, стали ли действия подозреваемого решающим фактором, который повлек за собой суицид, или он произошел в результате комбинации других обстоятельств.

Сложность доказывания причинно-следственной связи также заключается в необходимости подтверждения прямого влияния подозреваемого на формирование суицидального решения. В большинстве случаев такие уголовные правонарушения совершаются без непосредственных свидетелей, что существенно усложняет формирование доказательной базы. В таких случаях важным источником потенциальных доказательств могут стать цифровые следы, в частности информация в социальных сетях, записи телефонных разговоров, видеоматериалы или аудиосообщения. Однако даже при наличии таких доказательств сложно определить – суицид был исключительно следствием действий подозреваемого или потерпевший уже находился в состоянии психологической нестабильности, а полученная информация или сделанное сообщение только подтолкнули его к радикальному решению.

Доведение до самоубийства – это действия, которые имеют высокий уровень общественной опасности, поскольку создают непосредственную угрозу жизни и здоровью граждан. Самоубийство (или суицид) означает лишение жизни.

Вместе с тем, причиной суицидальных поступков могут быть и другие лица, которые своими умышленными или неосторожными действиями заставляют человека испытывать определенные «разрушительные» чувства или переживания, способствующие суициду или склоняющие личность к лишению жизни.

Ввиду значительной «популярности» распространения суицидального контента в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и большой опасности склоняющей к суициду информации для молодежи, подростков и детей, а также статистических данных по количеству самоубийств, введение поправок в УК РФ в 2017 году стало необходимостью [4].

О неспособности законодательства и правоохранительных органов противостоять тенденциям роста преступности в Интернете и по-

явлению нового способа самоубийства свидетельствуют и те ужасные последствия, которые понесло наше общество от распространения социальных сетей, так называемых «групп смерти» [5, с. 36].

При этом зачастую деятельность таких групп и сообществ, в частности в сети Интернет, происходила под видом оказания психологической помощи лицам, склонных к самоубийству. В ходе длительных диалогов лицо постепенно подводили к мысли о том, что решение о самоубийстве является единственно верным и что собеседник всецело поддерживает и одобряет такой шаг [6, с. 51].

Основной причиной использования Интернет технологий в механизме доведения до самоубийства является информационно-виртуальная зависимость (киберзависимость) потерпевших, которая формируется под влиянием «климата» в семье и коллективе по месту работы или учебы.

Анализ уголовных дел и заключений посмертных психолого-психиатрических экспертиз по фактам суицидов, в том числе и несовершеннолетних, позволяет нам сделать вывод, что, как правило, явный повод для самоубийства – это всего лишь малая часть истины, и на самом деле существует еще множество причин и условий при наличии которых происходит данная трагедия.

В целом можно отметить, что лицо, склонное к суициду, обычно не в состоянии контролировать свои эмоциональные реакции (в частности, враждебность, ненависть и агрессивность), что в конечном итоге может привести к его самоубийству. Более того, у таких лиц часто наблюдается сильный дистресс и/или чувство горя и неуверенности в себе. То есть причины самоубийства имеют психологическую природу. Конечно, возникновению соответствующих расстройств и критических состояний у лица часто предшествуют внешние факторы, как деяние отдельных лиц, углубление в виртуальную реальность и т.д.

Признаки самоубийства оказывают непосредственное влияние на способы совершения доведения до него и следовую картину, в частности психологические свойства личности потерпевшего используются как критерий избрания их в качестве жертвы и для осуществления влияния на них, в том числе с использованием Интернет технологий.

Итак, самоубийство – умышленное причинение собственной смерти, часто совершенное из отчаяния, причину которого часто относят к психическим расстройствам. Но само по себе самоубийство не есть преступное деяние. Преступны деяния, которые привели к таким действиям, то есть доведение до самоубийства. И одним из способов такого доказывания как раз является использование Интернет технологий, поэтому объектом исследования доведение до самоубийства с помощью указанных технологий должен быть не только феномен суицида, но и Интернет ресурсы, технологии и социальные медиа как способ существования современного человека и их влияние на его психологическое здоровье.

Поскольку преступники не зря выбирают Интернет технологии как средства достижения преступного замысла. Поэтому подробнее остановимся на характеристике киберпространства и информационных и телекоммуникационных сетей и систем вообще и в совершении уголовных правонарушений, в том числе доведений до самоубийства, в частности.

Трудно не согласиться с тем, что современное общество полно символов, знаков и медиа, поэтому повседневная жизнь и общение все больше интегрируются в медиа-пространство. До появления Интернета средства массовой информации, такие как телевидение, радио и газеты, были наиболее эффективными средствами массовой информации, но с появлением Интернета его использование все больше выросло и стало мощным глобальным средством коммуникации. На самом деле многие люди не могут представить себе мир без доступа к Интернету и социальным медиа.

С появлением новых коммуникационных технологий, систем поиска информации и «онлайнового» характера жизни современного человека распространились мнения, что Интернет является простым способом получить доступ к актуальной информации и привлечь сети социальной поддержки как самый быстрый и доступный способ, который раньше не был невозможен. Такой рост возможностей связи с информацией привел к предположению, что новые технологии увеличат количество информации. Однако такая информация может быть как полезной, так и вредной и деструктивной.

Интернет, компьютерные и телекоммуникационные технологии, социальные сети являются результатом научно-технического прогресса и призваны облегчить жизнь человека. Однако наряду с положительными аспектами приведенные объекты нередко приводят к негативным последствиям. Вместе с тем нельзя однозначно выразиться по поводу пользы или вредоносности Интернет технологий в целом, так и в отдельных сферах общественной жизни. Поэтому, считаем, не верно утверждать, что Интернет технологии является абсолютным злом, которое приводит только к опасным последствиям. Их нельзя винить во всех бедах. Просто следует осознавать, что преимущества, присущие таким технологиям, в своих целях могут использовать и недобросовестные, незаконные лица в своих часто уголовных замыслах. В таком случае Интернет технологии является средством достижения уголовных противоправных целей.

В этом контексте следует упомянуть и о роли Интернет технологий в доведении до самоубийства. Личность преступника действительно выбирает такие способы и орудия, средства совершения противоправного деяния, поскольку он позволяет быстрее и эффективнее выбрать жертв и осуществить их обработку. Более того, использование Интернет-технологий позволяет замаскировать как свою личность, чтобы не быть установленным органами досудебного расследования, так и следы уголовного правонарушения. Условием же, способствующим использованию Интернет технологий в доведении личности до самоубийства, является информационно-виртуальная зависимость потерпевших. Однако последняя формируется под влиянием «климата» в семье и коллективе по месту работы или учебы. Приоритеты личности меняются в сторону виртуального мира преимущественно в тех случаях, когда она чувствует себя ненужной, излишней в привычном окружении. Если говорить о детях, то они предпочитают компьютерные игры и общение в социальных сетях, когда им этого не хватает в семье из-за дефицита родительского внимания. Со временем искусственное общение все больше вытесняет живое, в результате чего ребенок оказывается в социальной изоляции и нет

друзей. А интернет-зависимость является следствием дефицита внимания и заботы к личности в семейном и дружеском кругах.

Зависимость от Интернета и социальных сетей с каждым годом все чаще становится предметом исследований и активных научных и журналистских дискуссий. Последние исследования вызвали серьезную обеспокоенность по поводу разрушительных последствий использования социальных сетей для здоровья, особенно психического. Результаты этих исследований показывают, что использование социальных медиа вызывает такие проблемы, как депрессия и тревога, снижение удовлетворенности жизнью и склонность к привыканию и разрушительному поведению для психического здоровья, одиночество.

С увеличением времени нахождения за компьютером виртуальная реальность становится для человека основным пространством существования, он растворяется в нем и становится зависимым. Исчезают границы между миром людей и миром компьютера. Кроме того, у личности проявляется уверенность в том, что она способна преуспеть за скрытие своих реальных физических показателей, возможности взять на себя любую роль анонимно, а также когда-либо ее изменить. Лицо настолько погружается в себе и своих проблемах, что его больше ничего, кроме этого, не интересует. Ситуация достигает своего критического уровня, а психологические расстройства обостряются. В таких случаях все чаще у человека в поведении появляются и проявляются суицидальные проявления, которые в конце могут закончиться плачевно – самоубийством.

Сфера правоприменения ориентирует на то, что проблемы уголовного производства по доведению личности до самоубийства возникают из-за сложности установления причинно-следственной связи между действиями подозреваемого и самоубийством потерпевшего. В этих случаях трудно доказать, были ли действия подозреваемого непосредственной причиной суицида, ведь для этого необходимо учитывать многочисленные психологические, социальные и физиологические факторы. Большую роль в названных производствах играют судебно-психологические экспертизы, помогающие оценить психологическое состояние потерпевшего и его возможные мотивы для совершения самоубийства, однако сделанные экспертами выводы часто носят субъективный характер.

Таким образом, споры об ассистированных самоубийствах ведутся практически в каждой стране. Эти споры стали сложнее и интенсивнее с появлением интернет-сайтов, продвигающих различные методы самоубийства и консультирующих пользователей Интернета по поводу самоубийства. Преступник выбирает Интернет технологии в доведении до самоубийства, поскольку они позволяют быстрее и эффективнее выбрать жертв и осуществить их обработку, замаскировать свою личность и следы уголовного преступления. Необходимо признать, что по сей день «группы смерти» до конца не ликвидированы, и они продолжают вести свою противоправную деятельность.

Список литературы:

1. Белякова С. Социально-психологические особенности суицидальных намерений у студентов // Молодой ученый. 2017. № 5. С. 207–210.
2. Минеева Е. С. Преступления, связанные с суицидом: понятие, виды, проблемы законодательной регламентации // Исследования молодых ученых. Материалы Международной научной конференции. Казань, 2025. С. 37–40.
3. Бычкова А. М., Раднаева Э. Л. Доведение до самоубийства посредством использования интернет-технологий: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 1. С. 101–115.
4. Чегодаева Д.М. Доведение до самоубийства посредством электронных ресурсов и сети «Интернет» // Бизнес. Наука. Образование. Правовые и экономические аспекты. Сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции Леденцовские чтения. В 2 частях. Вологда, 2025. С. 293–295.
5. Крылова Н.Е. «Группы смерти» и подростковый суицид: уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. 2016. № 4. С. 36–48.
6. Абдульмянова Т.В., Клухин Н.А. Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ): актуальность применения норм статьи // Современные тенденции развития науки и образования в эпоху цифровизации. Материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Саранск, 2022. С. 49–54.

References:

1. Belyakova S. Social and psychological characteristics of suicidal intentions in students // Young scientist. 2017. № 5. P. 207–210.
2. Mineeva E. S. Crimes related to suicide: concept, types, problems of legislative regulation // Research of young scientists. Proceedings of the International Scientific Conference. Kazan, 2025. pp. 37–40.
3. Bychkova A. M., Radnaeva E. L. Incitement to suicide through the use of internet technologies: socio-psychological, criminological and criminal-law aspects // All-Russian Criminological Journal. 2018. Vol. 12, № 1. pp. 101–115.
4. Chegodaeva D. M. Incitement to suicide through electronic resources and the Internet // Business. Science. Education. Legal and economic aspects. Collection of materials of the XIII International scientific and practical conference Ledentsovsky Readings. In 2 parts. Vologda, 2025. pp. 293–295.
5. Krylova N.E. "Death Groups" and Teenage Suicide: Criminal Law Aspects // Criminal Law. 2016. № 4. pp. 36–48.
6. Abdulmyanova T.V., Klukhin N.A. Organization of Activities Aimed at Inciting to Commit Suicide (Article 110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): Relevance of Applying the Article's Provisions // Modern Trends in the Development of Science and Education in the Digital Age. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. In 2 parts. Saransk, 2022. pp. 49–54.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_349

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
PROSECUTORIAL SUPERVISION IN THE CRIMINAL EXECUTIVE SYSTEM: THEORETICAL ASPECTS

ШОУА Олег Нугзарович
Аспирант кафедры кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН).
улица Миклухо-Маклая, 6, г. Москва, 117198, Россия.
E-mail: 1142220322@rudn.ru
SHOUA Oleg Nugzarovich
Postgraduate Student of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure, and Criminalistics of RUDN University.
Miklukho-Maklaya Street, 6, Moscow, 117198, Russia.
E-mail: 1142220322@rudn.ru

Краткая аннотация. *Прокурорский надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание, а также администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу представляет собой один из наиболее значимых и одновременно сложных видов государственной надзорной деятельности. Его особая востребованность в наши дни обусловлена рядом объективных факторов, среди которых центральное место занимает сохраняющийся высокий уровень пенитенциарного населения России. По данным правозащитных организаций, Российская Федерация по числу осужденных на сто тысяч населения занимает четырнадцатое место в мире и, что особенно показательно, первое место в Европе. При таких масштабах карательного воздействия государства проблема законности в местах лишения свободы неизбежно выходит на передний план общественно-политической повестки.*

Abstract. *Prosecutorial supervision of the implementation of laws by the administrations of bodies and institutions that carry out punishment, as well as the administrations of places where detainees and prisoners are held, is one of the most significant and complex types of state supervisory activity. Its special relevance in today's world is due to a number of objective factors, with the continued high level of the penitentiary population in Russia being a central one. According to human rights organizations, the Russian Federation ranks fourteenth in the world and, most notably, first in Europe in terms of the number of convicts per 100,000 people. With such a large-scale punitive impact of the state, the problem of legality in places of deprivation of liberty inevitably comes to the forefront of the socio-political agenda.*

Ключевые слова: *права осужденных прокурор, надзор, пенитенциарная система, ФСИН, уголовно-исполнительная система.*
Keywords: *rights of convicts, prosecutor, supervision, penitentiary system, Federal Penitentiary Service, criminal-executive system.*

Для цитирования: *Шоуа О.Н. Прокурорский надзор в уголовно-исполнительной системе: теоретические аспекты // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 349-352. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_349.*
For citation*: Shoua O.N. Prosecutorial supervision in the criminal executive system: theoretical aspects // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 349-352. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_349.*

Статья поступила в редакцию: 10.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Нарушения прав заключенных, к сожалению, не являются для нашего государства исключительным или редким явлением. Более того, это происходит вопреки тому, что на различных этапах развития российского государства неоднократно предпринимались серьезные попытки гуманизации карательной политики. История уголовно-исполнительной системы России знает несколько волн либеральных реформ. Достаточно вспомнить тюремную реформу, начатую в 1879 году, которая предполагала модернизацию уголовно-исполнительной системы в контексте либерализации российского государства. Существенные изменения претерпела уголовно-исполнительная политика в связи с событиями первой русской революции 1905–1907 годов, когда на первый план вышли исправительно-воспитательные начала, а карательные меры отошли на второй план. Курс на гуманизацию карательной политики, провозглашенный 2 марта 1917 года, уделял большое внимание соблюдению запрета на оскорбление человеческого достоинства заключенных. Однако, несмотря на все эти исторические попытки государства решить проблему соблюдения прав лиц, содержащихся под стражей, она до настоящего времени остается неразрешенной.

В этих условиях именно прокуратура выступает тем системообразующим звеном государственного механизма, которое призвано обеспечить верховенство закона в закрытых учреждениях, где права человека наиболее уязвимы, а лица, отбывающие наказание, находятся в полной зависимости от администрации. Прокуроры располагают широкими полномочиями для контроля над учреждениями и органами, занимающимися исполнением наказаний. Их решения и действия являются обязательными для исполнения администрацией данных учреждений и органов. Основная задача прокурорского надзора в местах лишения свободы заключается в проверке законности содержания заключенных, а также в обеспечении соблюдения их законных прав и обязанностей. При этом, как справедливо отмечается в Совете по правам человека при Президенте Российской Федерации, руководство ФСИН России выступает принципиально против нарушения закона своими сотрудниками и наказывает их за это. «Однако общая ситуация с соблюдением прав человека в учреждениях уголовно-исполнительной системы не может быть оценена как благополучная. Это со всей очевидностью говорит о том, что справиться с указанной проблемой только силами учреждений и органов ФСИН не представляется возможным. Необходим системный и эффективный прокурорский надзор за исполнением требований законов в деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» [5, с. 7].

Прокурорский надзор в сфере исполнения уголовных наказаний требует прежде всего четкого определения его понятия и сущности. В наиболее общем виде под прокурорским надзором за исполнением законов администрацией органов и учреждений, исполняющих наказания, понимается самостоятельная отрасль прокурорского надзора, которая регламентируется как общими нормами Федерального закона «О прокура-

туре Российской Федерации», так и специальными указаниями, содержащимися в ведомственных приказах Генеральной прокуратуры, в частности в Приказе от 16 января 2014 года № 6 «Об организации надзора за исполнением законов администрацией учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания»[3] .

В теоретической науке сложилось несколько подходов к пониманию сущности этого вида надзора. Функциональный подход рассматривает его как обеспечение верховенства закона в закрытой системе, где внешний контроль особенно важен в силу ограниченной доступности для общественности. Правозащитный подход акцентирует внимание на том, что прокурорский надзор выступает гарантией прав осужденных, которые в силу своего правового положения не могут защитить себя самостоятельно и зависят от добросовестности администрации. Предупредительный подход видит основное назначение надзора в предотвращении пыток, жестокого обращения и иных грубых нарушений режима содержания. Каждый из этих подходов имеет право на существование, однако наиболее плодотворным представляется их комплексное применение, позволяющее учесть все грани прокурорской деятельности в пенитенциарной сфере.

Важной теоретической характеристикой прокурорского надзора в уголовно-исполнительной системе является его универсальность и оперативность. Прокурорский надзор за соблюдением законности возможен в тех местах, где судебный контроль по объективным причинам затруднен или невозможен, например, при применении мер дисциплинарного взыскания в закрытых учреждениях, где судебное решение требует значительного времени, а права осужденного нарушаются здесь и сейчас. Кроме того, особенности форм реализации надзорных полномочий наделяют прокуратуру возможностью проводить проверки как по обращениям граждан, так и по собственной инициативе, что выгодно отличает прокурорский надзор от иных видов контроля, требующих формального повода в виде поступившей жалобы или заявления.

Предмет прокурорского надзора в уголовно-исполнительной системе определен статьей 32 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и включает в себя несколько ключевых направлений[2]. Во-первых, это законность нахождения лиц в местах лишения свободы, то есть обоснованность заключения под стражу, законность переводов из одного учреждения в другое, своевременность и законность освобождения. Во-вторых, это соблюдение прав и обязанностей осужденных, включая условия содержания, организацию труда, бытовое обеспечение, медицинскую помощь, право на свидания и переписку. В-третьих, это законность применения мер взыскания и поощрений, поскольку именно в этой сфере наиболее часто допускаются злоупотребления со стороны персонала. В-четвертых, это законность оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях, но только в той части, в которой она затрагивает соблюдение прав осужденных.

Анализ прокурорских проверок показывает, что наиболее часто нарушаются права осужденных, связанные с условиями здоровья, включая питание и медицинское обслуживание. Это не случайно, поскольку именно в этих сферах особенно остро сказываются проблемы финансирования, кадрового дефицита и ведомственной закрытости. Прокурор, осуществляющий надзор в исправительном учреждении, должен не только констатировать факты нарушений, но и добиваться их реального устранения, что на практике сопряжено с немалыми трудностями [4, с. 80].

Одной из ключевых теоретических проблем прокурорского надзора в уголовно-исполнительной системе является определение его пределов. Законодательство устанавливает, что прокурор не вправе вмешиваться в оперативно-хозяйственную деятельность организаций. Это ограничение, призванное сохранить баланс между надзором и самостоятельностью учреждений, на практике существенно усложняет надзор за соблюдением законодательства. Особенно остро эта проблема проявляется в сфере государственных закупок для нужд учреждений уголовно-исполнительной системы. Дело в том, что система закупок для нужд ФСИН долгое время оставалась зоной повышенного риска из-за действия неконкурентных механизмов. Неконкурентная система закупок у подведомственных унитарных предприятий объективно приводит к неэффективному использованию бюджетных средств, что влечет за собой излишние расходы. Показательным примером, который часто приводится в научной литературе, является деятельность ФГУП «Архангельское», которое за пять лет потратило на избыточный производственный цикл по переработке рыбы не менее 3,8 миллиарда рублей. Прокурорский надзор в данной сфере сталкивается с классической дилеммой: формально проверяя законность расходования средств, прокурор не вправе оценивать экономическую целесообразность самого производственного процесса, что создает объективные возможности для злоупотреблений.

Именно поэтому одним из теоретических направлений совершенствования прокурорского надзора в уголовно-исполнительной системе является расширение предмета надзора за соблюдением контрактного законодательства. Система, введенная с целью обеспечения конкуренции при проведении торгов и предотвращения возникновения сговоров и конфликтов интересов, в значительной степени сводит к минимуму возможность коррупционных преступлений в сфере закупок. Соблюдение положений закона о контрактной системе способствует прозрачности и эффективности процесса закупок, а также обеспечивает равные возможности для всех участников. Кроме того, такая система позволяет существенно сократить расходы на государственные и муниципальные нужды, поскольку снижает риски, связанные с коррупцией и необоснованным завышением цен.

В теоретическом аспекте переход на контрактную систему в сфере закупок для нужд уголовно-исполнительной системы следует рассматривать как один из наиболее эффективных и масштабных мер противодействия коррупции, который значительно ограничивает возможности для манипуляций и злоупотреблений при проведении закупок для государственных и муниципальных нужд. Прокурорский надзор в этой части, таким образом, объективно расширяется от простого контроля за соблюдением режима в местах лишения свободы до контроля за законностью финансово-хозяйственной деятельности учреждений ФСИН, что в конечном счете косвенно, но весьма существенно влияет на условия содержания осужденных. Без эффективного прокурорского надзора за закупками даже самые гуманные нормы уголовно-исполнительного законодательства могут оказаться необеспеченными материально, что неизбежно оборачивается нарушением прав заключенных на надлежащее питание, медицинское обслуживание и достойные условия жизни.

Важным теоретическим вопросом является также соотношение прокурорского надзора с иными формами контроля за деятельностью

уголовно-исполнительной системы. Ведомственный контроль, осуществляемый самой ФСИН России, страдает очевидным недостатком: ведомство в значительной степени контролирует само себя, а комиссии ФСИН могут закрывать глаза на системные нарушения, особенно если их выявление повлечет негативные кадровые последствия для руководства. Прокурорский надзор, напротив, является внешним, а потому объективно более объективным и независимым [9, с .45].

Прокурор же может реагировать немедленно, в том числе предотвращая нарушение права. Общественный контроль, осуществляемый общественными наблюдательными комиссиями и правозащитными организациями, играет важную роль, однако не обладает властными полномочиями и не может давать обязательных к исполнению указаний. Прокурор обязан реагировать на сигналы общественников, но не подменяет их. Оптимальной теоретической моделью представляется такая, при которой все три вида контроля — ведомственный, общественный и прокурорский — действуют в системе взаимодополняющих и сдерживающих друг друга механизмов.

Прокурор, осуществляющий надзор за исполнением законов в учреждениях уголовно-исполнительной системы, наделен широким кругом полномочий, которые можно разделить на несколько групп. Во-первых, это полномочия по беспрепятственному посещению поднадзорных объектов. Прокурор имеет право в любое время суток без специального разрешения войти на территорию исправительного учреждения, следственного изолятора, лечебно-профилактического учреждения ФСИН. Это право является ключевым, поскольку позволяет осуществлять внезапные проверки, которые наиболее эффективны с точки зрения выявления истинного положения дел.

Во-вторых, прокурор вправе опрашивать осужденных и задержанных, а также персонал учреждений. Важнейшей гарантией эффективности этого полномочия является возможность проведения опроса без свидетелей, конфиденциально. Именно конфиденциальность позволяет осужденным сообщать о фактах нарушений, не опасаясь последующих преследований со стороны администрации. Практика показывает, что многие наиболее серьезные нарушения выявляются именно в ходе таких конфиденциальных бесед, когда осужденный, убедившись, что прокурор не является частью тюремной администрации, решается рассказать о реальном положении дел.

Результаты прокурорского надзора воплощаются в соответствующих актах реагирования, каждый из которых имеет свою правовую природу, процедуру внесения и юридические последствия. Наиболее распространенным актом является представление об устранении нарушений закона. Оно вносится прокурором начальнику исправительного учреждения либо вышестоящему руководителю территориального органа ФСИН. В представлении должны быть четко указаны выявленные нарушения, правовые нормы, которые были нарушены, а также предлагаемые меры по устранению нарушений и причин, им способствующих. Представление подлежит безотлагательному рассмотрению, и о принятых мерах прокурору должно быть сообщено в установленный законом срок [6].

Протест прокурора применяется в тех случаях, когда изданный администрацией учреждения приказ или иной нормативный акт противоречит закону. Например, если начальник исправительного учреждения издает приказ, ограничивающий время прогулки осужденных в нарушение установленных законом норм, прокурор приносит протест на этот приказ. Протест подлежит обязательному рассмотрению, и администрация должна либо отменить противоречащий закону акт, либо привести его в соответствие с законом.

Постановление прокурора используется в нескольких случаях. Во-первых, это постановление о возбуждении производства об административном правонарушении в отношении должностного лица учреждения, допустившего нарушение. Во-вторых, это постановление об освобождении лица из штрафного изолятора или дисциплинарного изолятора, если установлено, что срок содержания превышен или взыскание применено незаконно. Такое постановление обязательно для немедленного исполнения.

Предостережение о недопустимости нарушений закона применяется в профилактических целях, когда у прокурора есть основания полагать, что то или иное должностное лицо может совершить нарушение, но само нарушение еще не произошло. В практике надзора за уголовно-исполнительной системой предостережения часто объявляются начальникам учреждений в случаях, когда прокурор выявляет условия, способствующие нарушениям, например, ненадлежащее состояние материально-технической базы, которое может привести к нарушению прав осужденных.

Наконец, прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав осужденного в соответствии со статьей 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации[1]. Такое обращение возможно в случаях, когда осужденный по состоянию здоровья, возрасту, неграмотности или иным причинам не может самостоятельно защитить свои права в суде. Практика прокурорских обращений в суд в интересах осужденных постепенно расширяется, хотя и остается пока не столь распространенной, как хотелось бы.

Несмотря на значительный потенциал прокурорского надзора, его реальная эффективность сталкивается с рядом теоретических и практических проблем. Одна из главных проблем связана с кадровым обеспечением. Исследования показывают, что до сорока процентов нарушений в исправительных учреждениях выявляются не прокуратурой, а средствами массовой информации или правозащитными организациями.

Другая проблема связана с формальным характером многих проверок. Нередко прокурорские проверки сводятся к изучению документов, предоставленных администрацией, и формальным обходам территории без реального контакта с осужденными. Это тем более опасно, что администрация исправительного учреждения, как правило, заблаговременно знает о предстоящей проверке и может подготовиться, временно устранив наиболее очевидные нарушения. Внезапные проверки, которые были бы наиболее эффективны, проводятся недостаточно часто из-за тех же кадровых и организационных трудностей.

В качестве путей совершенствования прокурорского надзора в уголовно-исполнительной системе можно предложить следующие меры. Во-первых, необходимо увеличение штатной численности специализированных прокуроров с тем, чтобы нагрузка не превышала одно учреждение на одного прокурора. Во-вторых, следует шире использовать практику внезапных проверок, в том числе в ночное время. В-третьих, необходимо развивать институт общественных помощников прокурора из числа членов общественных наблюдательных комиссий, которые могут

осуществлять постоянное наблюдение и оперативно информировать прокурора о нарушениях. В-четвертых, требуется законодательное уточнение пределов прокурорского надзора в части, касающейся хозяйственной деятельности учреждений ФСИН, с тем чтобы прокурор мог эффективно проверять законность расходования бюджетных средств, включая оценку экономической обоснованности закупок. В-пятых, необходимо внедрение современных информационных технологий, позволяющих прокурору дистанционно знакомиться с материалами видеонаблюдения и иными документами в режиме реального времени, не дожидаясь плановой проверки [7].

Подводя итог теоретическому рассмотрению прокурорского надзора в уголовно-исполнительной системе, можно сделать ряд обобщающих выводов. Прокурорский надзор за исполнением законов администрацией учреждений и органов, исполняющих наказания, является важнейшей гарантией соблюдения прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания. Его универсальность, оперативность и внешний по отношению к системе ФСИН характер делают его незаменимым инструментом обеспечения верховенства закона в пенитенциарной сфере.

В то же время теоретический анализ выявляет ряд нерешенных проблем, среди которых наиболее значимыми являются неопределенность правовых границ надзора, особенно в части контроля за хозяйственной деятельностью, кадровая недостаточность, риск формализации проверок и конфликт между режимными требованиями и правами осужденных. Решение этих проблем лежит как в плоскости совершенствования законодательства, так и в плоскости организационных и кадровых изменений в системе органов прокуратуры.

Прокурорский надзор в уголовно-исполнительной системе не может подменять собой иные виды контроля — ведомственный, судебный, общественный. Однако именно он призван быть тем интегрирующим и координирующим центром, который объединяет усилия всех контрольных механизмов в единую систему, способную реально защитить права человека даже в таких закрытых и труднодоступных для внешнего контроля пространствах, какими являются исправительные учреждения. Без эффективного прокурорского надзора любые декларации о гуманизации уголовно-исполнительной системы рискуют остаться лишь благими пожеланиями, не подкрепленными реальным механизмом принуждения к соблюдению закона [9, с. 112].

Теоретическое осмысление прокурорского надзора в уголовно-исполнительной системе требует в дальнейшем более глубокого изучения вопроса о соотношении надзорной и правозащитной функций прокуратуры, о критериях эффективности надзорной деятельности, а также о возможностях использования зарубежного опыта в этой сфере с учетом российской правовой традиции и современного состояния уголовно-исполнительной системы. Дальнейшие научные исследования в этой области необходимы для выработки практических рекомендаций, направленных на повышение эффективности прокурорского надзора и, как следствие, на реальное улучшение условий содержания лиц, находящихся в местах лишения свободы.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ : (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
2. О прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон : (ред. от 29.12.2025) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 8. – Ст. 366.
3. Об организации надзора за исполнением законов администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : приказ Генпрокуратуры России от 16.01.2014 № 6 : (ред. от 13.02.2023). – Текст : электронный // Гарант : [сайт]. – URL: https://base.garant.ru (дата обращения: 05.01.2026).
4. Дёмина, Е. П. Полномочия прокуроров, направленные на устранение нарушений природоохранного и экологического законодательства / Е. П. Дёмина. – Текст : непосредственный // Евразийская адвокатура. – 2024. – № 1 (66). – С. 79–82.
5. Ковалев, О. Г. Современные проблемы реализации и совершенствования прокурорского надзора за законностью исполнения уголовных наказаний, соблюдения прав и законных интересов лиц, заключенных под стражу / О. Г. Ковалев, А. А. Карпов, С. И. Зайцева. – Текст : непосредственный // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2023. – № 3. – С. 6–8.
6. Ковалев, О. Г. Прокурорский надзор за соблюдением права осужденных к лишению свободы на телефонные разговоры / О. Г. Ковалев. – Текст : электронный // Право и управление. – 2024. – № 3.
7. Ковалев, О. Г. Актуальные вопросы соблюдения закона при реализации исполнительной пробации учреждениями УИС / О. Г. Ковалев. – Текст : электронный // Право и управление. – 2024. – № 3.
8. Прокурорский надзор : учебник для вузов / Ю. Е. Винокуров, А. Ю. Винокуров ; под редакцией Ю. Е. Винокурова. – 15-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 556 с. – ISBN 978-5-534-12359-3. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/518896/p.54 (дата обращения: 13.04.2024).
9. Кириллова, Н. П. Прокурорский надзор : учебник и практикум для среднего профессионального образования / Н. П. Кириллова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 341 с. – Текст : непосредственный.
10. Шоуа, О. Н. К вопросу о прокурорской деятельности по выявлению и фиксации нарушений закона в местах исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы / О. Н. Шоуа. – Текст : электронный // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 4 (232).

References

1. The Civil Procedure Code of the Russian Federation : Federal Law No. 138-FZ of 11/14/2002 : (as amended on 04/09/2026) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 46. – Art. 4532.
2. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation : Federal Law : (as amended on December 29, 2025) // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. – 1992. – No. 8. – Article 366.
3. On the organization of supervision over the enforcement of laws by the administrations of institutions and bodies executing Criminal penalties, pre-trial detention facilities for the detention of Suspects and Accused of Crimes : Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated 16.01.2014 No. 6: (as amended on 13.02.2023). – Text : electronic // Garant : [website]. – URL: https://base.garant.ru (date of request: 05.01.2026).
4. Demina, E. P. The powers of prosecutors aimed at eliminating violations of environmental and environmental legislation / E. P. Demina. – Text : direct // Eurasian Advocacy. – 2024. – № 1 (66). – Pp. 79-82.
5. Kovalev, O. G. Modern problems of the implementation and improvement of prosecutorial supervision over the legality of the execution of criminal penalties, respect for the rights and legitimate interests of persons in custody / O. G. Kovalev, A. A. Karpov, S. I. Zaitseva. – Text : direct // Criminal and executive system: law, economics, management. - 2023. – No. 3. – p. 6-8.
6. Kovalev, O. G. Prosecutor's supervision over the observance of the right of persons sentenced to imprisonment to telephone conversations / O. G. Kovalev. – Text : electronic // Law and Management. – 2024. – № 3.
7. Kovalev, O. G. Actual issues of compliance with the law in the implementation of executive probation by penal institutions / O. G. Kovalev. – Text : electronic // Law and Management. – 2024. – № 3.
8. Prosecutor's supervision: a textbook for universities / Yu. E. Vinokurov, A. Yu. Vinokurov ; edited by Yu. E. Vinokurov. – 15th ed., revised and add. – M.: Yurayt Publishing House, 2023. – 556 p. – ISBN 978-5-534-12359-3. – Text : electronic // Yurayt educational platform [website]. – URL: https://urait.ru/bcode/518896/p.54 (date of reference: 04/13/2024).
9. Kirillova, N. P. Prosecutorial supervision : textbook and workshop for secondary vocational education / N. P. Kirillova. – 3rd ed., reprint. and add. – Moscow : Yurayt Publishing House, 2023. – 341 p. – Text : direct.
10. Shoua, O. N. On the issue of prosecutorial activities to identify and record violations of the law in places of execution of criminal penalties in the form of imprisonment / O. N. Shoua. – Text : electronic // Agrarian and land law. – 2024. – № 4 (232).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_353

ПРИНЦИПЫ И ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С ПОЛИГРАФОМ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
PRINCIPLES AND FEATURES OF POLYGRAPH TESTING IN LAW ENFORCEMENT AGENCIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

АФАНАСЬЕВ Павел Борисович,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, кандидат юридических наук,
Россия, г. Пермь, ул. Карпинского 125,
e-mail: afanasyev.pifsin@mail.ru

ЕЛИСОВ Павел Петрович,
старший научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук,
Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15 «а», стр. 1,
e-mail: pappasha59@mail.ru

AFANASYEV Pavel Borisovich,
Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines
at the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences,
125 Karpinskogo Street, Perm,
e-mail: afanasyev.pifsin@mail.ru

ELISOV Pavel Petrovich,
Senior Researcher at the Research Center-3 of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences,
15a Narvskaya Street, Building 1, Moscow,
e-mail: pappasha59@mail.ru

Краткая аннотация. *В представленной статье рассматриваются принципы и особенности работы с полиграфом в правоохранительных органах Российской Федерации. Авторы приходят к выводу о том, что сочетание научной обоснованности и правовой корректности делает использование полиграфа в правоохранительных органах эффективным и допустимым инструментом. Соблюдение установленных принципов не только повышает качество ведомственных проверок, но и укрепляет доверие общества к деятельности органов внутренних дел, где соблюдение прав человека должно быть не формальной декларацией, а реальной профессиональной нормой.*

Abstract. *The article discusses the principles and features of working with a polygraph in law enforcement agencies. The authors conclude that the combination of scientific validity and legal correctness makes the use of a polygraph in law enforcement an effective and acceptable tool. Compliance with the established principles not only improves the quality of departmental inspections, but also strengthens public confidence in the activities of internal affairs bodies, where respect for human rights should not be a formal declaration, but a real professional norm.*

Ключевые слова: *исследование, полиграф, правоохранительные органы, принципы, расследование преступлений.*
Keywords: *research, polygraph, law enforcement agencies, principles, crime investigation.*

Для цитирования: *Афанасьев П.Б., Елисов П.П. Принципы и особенности работы с полиграфом в правоохранительных органах Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 353-355. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_353.*
For citation*: Afanasyev P.B., Elisov P.P. Principles and features of working with a polygraph in law enforcement agencies of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 353-355. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_353.*

Статья поступила в редакцию: 10.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

На сегодняшний день, учитывая анализ криминогенной обстановки в Российской Федерации, одним из приоритетов для правоохранительных органов Российской Федерации является деятельность по созданию и применению новых методов и технологий, повышающих эффективность выполнения возложенных на них задач на основе разработки и внедрения научной продукции, передового отечественного и зарубежного опыта деятельности правоохранительных органов. В частности, это проявляется в модернизации форм и методов экспертной деятельности, совершенствовании средств и методов собирания, исследования и использования доказательств [1. С.55].

Анализ доказательств и источников их получения показывает, что во многом они складываются из свидетельства, ответа на допросе участников уголовного процесса. С помощью их показаний в ходе предварительного расследования выясняется и устанавливается значительный объем важнейших для дела фактов. В то же время не секрет, что не все участники процесса расследования стремятся к подлинному сотрудничеству со следствием, в скрытой или явной форме оказывая сопротивление работе следователя по установлению истины, в том числе путем дачи заведомо ложных показаний. Установить и тем более доказать факт ложности показаний с помощью традиционных приемов ведения следствия достаточно сложно.

Не случайно в современной криминалистической литературе можно встретить тезис о ненадежности такого источника доказательств, как показания участников расследования и как продолжение этого мнение о «шаткости» обвинений, построенных только на идеальных источниках доказательств, особенно, в случае, когда речь идет о расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, нередко сопряженном с противодействием расследованию, оказанием воздействия в различных формах на участников расследования с целью изменить данные ими ранее показания[2. С.42].

Применение полиграфа в деятельности правоохранительных органов базируется на совокупности научных, этических и правовых принципов, определяющих допустимые пределы психофизиологического воздействия на человека. В основе метода лежит предположение о том, что ложь или умышленное искажение информации вызывают у испытуемого специфические реакции центральной и вегетативной нервной системы, которые могут быть объективно зафиксированы техническими средствами. Для практики органов внутренних дел это стало инструментом профилактики и выявления коррупционных рисков, проверки достоверности объяснений, а также дополнительным средством оценки благонадежности кандидатов при приеме на службу [3. С.52].

Основным принципом проведения полиграфных исследований является добровольность участия. Согласно правовым позициям Конституционного Суда РФ и ведомственным актам МВД, лицо имеет право отказаться от прохождения проверки без каких-либо неблагоприятных последствий для своей служебной или трудовой деятельности. Добровольное согласие должно быть оформлено в письменной форме, с обяза-

тельным информированием гражданина о целях, методах и возможных результатах исследования. Принуждение к прохождению тестирования нарушает гарантии ст. 21 Конституции РФ, запрещающей унижение человеческого достоинства, и ст. 23, закрепляющей неприкосновенность частной жизни. В правоохранительной практике это требование имеет принципиальное значение, поскольку обеспечивает соблюдение баланса между интересами службы и правами личности [4. С.44].

Вторым ключевым принципом является конфиденциальность. Полученная в ходе полиграфного тестирования информация не подлежит разглашению и используется исключительно в пределах конкретного служебного процесса – кадрового отбора, проверки, расследования. Нарушение режима конфиденциальности может повлечь дисциплинарную ответственность и утрату юридической силы результатов исследования. Внутренние инструкции МВД прямо указывают, что отчет полиграфолога должен храниться в закрытой части личного дела и предоставляться только уполномоченным должностным лицам[5. С.80].

Принцип научной обоснованности и объективности предполагает, что методика проведения исследования должна базироваться на современных достижениях психофизиологии и соответствовать установленным стандартам.

В соответствии с «Межведомственной методикой производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа»[6. С. 11], специалист обязан использовать сертифицированное оборудование, прошедшее метрологическую проверку, и применять только валидированные тестовые методики. От соблюдения этих требований зависит достоверность интерпретации данных и допустимость их использования в ведомственной или экспертной работе.

Важным этическим ориентиром является принцип уважения чести и достоинства личности. Полиграф не должен использоваться для психологического давления или манипуляций. Проверка проводится в спокойной обстановке, без угроз и навязчивых формулировок. Особое внимание уделяется корректности вопросов – запрещено использовать формулировки, затрагивающие личную жизнь, политические или религиозные взгляды. Допустимыми признаются только вопросы, непосредственно относящиеся к целям проверки, служебным обязанностям или конкретному инциденту.

С организационной точки зрения, проведение полиграфного исследования в правоохранительных органах включает несколько последовательных этапов: подготовительный, исследовательский и аналитический. На подготовительном этапе специалист-полиграфолог знакомит испытуемого с процедурой, получает согласие, подбирает тестовые блоки вопросов и проверяет исправность аппаратуры. На исследовательском этапе проводится регистрация физиологических реакций – частоты дыхания, артериального давления, сердечного ритма, кожно-гальванической реакции, иногда микродвижений глаз или мимики. На аналитическом этапе результаты обрабатываются и интерпретируются с учетом психологических особенностей испытуемого и контекста проверки. Итог оформляется в виде письменного заключения, которое передается заказчику – следователю, кадровому подразделению или руководителю проверки. Особенность правоохранительного применения полиграфа заключается в том, что результаты тестирования не имеют процессуальной силы доказательства, но обладают высокой служебной ценностью. Они позволяют выявлять скрытые мотивы поведения, степень причастности к проступку, признаки недостоверности объяснений. На стадии кадрового отбора данные полиграфа помогают оценить благонадежность кандидатов и прогнозировать их устойчивость к стрессу и коррупционным воздействиям. В служебных проверках метод часто используется для подтверждения или опровержения информации, полученной в ходе опросов и объяснений.

Важное место занимает квалификация специалиста-полиграфолога. Согласно требованиям МВД России, он должен иметь высшее образование по психологии или криминалистике, пройти профессиональную подготовку и сертификацию, а также регулярно повышать квалификацию. Деятельность полиграфолога подчиняется нормам профессиональной этики, предусматривающим независимость в оценке результатов и недопустимость фальсификации данных. Ведомственные методические рекомендации вводят обязательную систему учета и сертификации оборудования и специалистов, что обеспечивает единообразие практики и контроль качества.

Современные технологии расширяют возможности применения полиграфа в ведомственной среде: используются цифровые комплексы с автоматизированной фиксацией параметров, базы данных физиологических профилей, программные модули анализа микрореакций. Однако даже при техническом совершенстве метода ключевым условием его легитимности остается соблюдение принципов законности, добровольности и уважения прав личности. Психофизиологическая экспертиза должна носить научно-обоснованный характер. Еще одним важным условием данного исследования является достоверность и аргументированность результатов указанной процедуры. Это в свою очередь будет обуславливать возможность использования полученных результатов. Согласно части 1 статьи 74 УПК РФ под доказательствами следует понимать любую информацию, на основе которой судебная инстанция, прокурор, сотрудник следственных органов определяет наличие или отсутствие фактов, подлежащих доказыванию при уголовном судопроизводстве, а также ряда иных фактов, представляющих значимость для уголовного процесса [7. С.15].

В содержании части 6 статьи 164 УПК РФ говорится, что при проведении расследования по уголовному делу сотрудники правоохранительных органов могут использовать различные устройства и методики выявления, фиксации и изъятия следов преступного деяния и вещественных доказательств.

На основании всего сказанного можно прийти к выводу, что действующее законодательство не предусматривает и не запрещает применение полиграфа в ходе раскрытия и расследования преступных действий. Нет единого мнения и среди ученых. Сторонники применения полиграфа в уголовном производстве приводят следующие аргументы: высокая точность полученных показателей физиологических реакций человека, один из способов защиты чело века от незаконного привлечения к уголовной ответственности, а также доказательство вины, психофизиологические реакции организма не поддаются сознательному контролю испытуемого[8. С.59]. Противники использования полиграфа ссылаются на то, что полученные результаты ненадежны, многое зависит от специалиста, который проводит исследование, психофизические изменения могут свидетельствовать не только о ложности, но и о вол нении, не связанным с получаемой ин формацией, мало изученный механизм формирования следов в памяти сводит исследование к изучению толь-

ко физиологического процесса[9. С.17]. Отсутствие законодательной регламентации применения полиграфа также затрудняет его использование в уголовно процессуальной деятельности. Однако, необходимо заметить, что в 2010 году был внесен проект Федерального закона «О применении полиграфа», однако так и не был принят. Хотя предусматривал регламентацию следующих положений: перечень лиц, участвующих в опросе на поли графе, их права, обязанности и ответственность, использование полиграфов для опросов в оперативно-розыскной деятельности, право использования полиграфа предпринимателями, обязанность участников опроса обеспечивать конфиденциальность информации, получаемой в процессе и в результате выполнения опроса, порядок подготовки и деятельности в целом полиграфологов, создание Межведомственной комиссия по опросам с применением полиграфа. Также, ставится вопрос и о том, могут ли результаты исследования с использованием полиграфа выступать в качестве доказательства по уголовному делу. Согласно ст. 88 УПК РФ доказательства должны отвечать требованиям относимости, допустимости и достоверности [10. С.25].

Анализ вышесказанного приводит к выводу, что однозначно говорить о достоверности результатов исследования с применением полиграфа невозможно. Соответственно, как доказательство эти результаты (заключение специалиста) рассматриваться не могут, но могут иметь вспомогательное значение. Примером тому могут служить материалы судебной практики. Так, гражданин обратился в суд с апелляционной жалобой на приговор суда, которым гр. К. признан виновным. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ находит приговор законным и обоснованным. Довод осужденного К. о том, что судом незаконно было отказано в оглашении в качестве доказательства заключения специалиста по результатам исследования является не обоснованным. Судом принято мотивированное решение об отказе, поскольку проверка объективности показаний с использованием полиграфа уголовно процессуальным законом не предусмотрена и не может рассматриваться в качестве надлежащего доказательства, соответствующего требованиям ст. 74 УПК РФ[11. С.21]. Таким образом, этот вопрос решается и Верховым судом РФ, указав в своем Определении, что заключение психофизиологический экспертизы, которой и является исследование полиграфом, не является доказательством, поскольку выводы специалиста носят вероятностный характер[12. С.77].

Одним из положительных примеров может служить уголовное дело о причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть К. в с. Ермаковское Красноярского края. За совершение данного преступления был задержан Т., который признал, что избил К. в ходе конфликта между ними, при этом наносил потерпевшему удары металлической трубой. В дальнейшем Т. от своих показаний отказался, заявив, что оговорил себя. При этом он согласился на проведение в отношении него полиграфа, настаивая на своей невиновности[13. С.94].

В ходе проведения психофизиологической экспертизы с применением полиграфа у обвиняемого Т. были выявлены реакции, свидетельствующие о том, что он располагает информацией о деталях причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшему К., не согласующейся с его последующими показаниями, а именно в части того, что: показания, данные Т. на первых допросах и в явке с повинной правдивы; в той ситуации он сам наносил какими-то предметами удары К., в той ситуации он наносил К. удары металлической трубой по голове. В процессе судебного разбирательства, с учетом экспертного заключения и других доказательств судом была дана оценка изменения Т. первоначальных показания, как попытка избежать уголовной ответственности и наказания за совершенное преступление, о чем было отражено в приговоре Ермаковского районного суда Красноярского края[14].

По нашему мнению, именно сочетание научной обоснованности и правовой корректности делает использование полиграфа в правоохранительных органах эффективным и допустимым инструментом. Соблюдение установленных принципов не только повышает качество ведомственных проверок, но и укрепляет доверие общества к деятельности органов внутренних дел, где соблюдение прав человека должно быть не формальной декларацией, а реальной профессиональной нормой.

Список литературы

1. Бакумова О. И. Правовые основания применения полиграфических исследований в деятельности правоохранительных органов в России [Текст] // Современное управление. – 2023. – № 2. – С. 55–60.
2. Монгуш А.-С.Э. Криминалистическая полиграфология в деятельности правоохранительных органов [Текст] // Сборник научных трудов ТГУ. 2018. № 14. С. 42–47.
3. Рогожин А. В. Психофизиологическое обеспечение кадровой безопасности органов внутренних дел [Текст] // Вестник Академии МВД России. 2019. № 3. С. 52-58.
4. Белов Д. П. Полиграф и право: вопросы регламентации и этики [Текст] // Юридический мир. – 2021. – № 5. – С. 44–48.
5. Ушаков А.Ю. Основные тенденции применения полиграфа при расследовании преступлений в России и за рубежом [Текст] // Криминалистика. 2015. № 2. С. 80–86.
6. Межведомственная методика производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа [Текст] : утв. МВД, Минюстом и Минздравом РФ от 20 июля 2018 г. – М., 2018. – С.11.
7. Братановский С. А. Использование полиграфа в оперативно-розыскной деятельности [Текст] // Российский следователь. – 2019. – № 7. – С. 15–20.
8. Ляпунов Н. В. Психофизиологические исследования и полиграф: методология и практика [Текст] // Психология и право. – 2020. – № 1. – С. 59–64.
9. Никульченкова Е. В. Психолого-правовые вопросы использования полиграфа [Текст] // Вестник юридической науки. – 2021. – № 3. – С. 17–22.
10. Пронина В. Д. Этические проблемы применения полиграфа [Текст] // Этика и право. – 2020. – № 2. – С. 25–31.
11. Мирошников Б. Н. Единые требования к порядку проведения психофизиологических исследований (ПФИ) с использованием полиграфа [Текст]. – М. : Академия управления МВД России, 2008. – С.21.
12. Печенкова Е.А. Специфика применения полиграфа при проведении служебных проверок в МВД России [Текст] // Психология и право. – 2019. – № 1. – С. 77–82.
13. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 26 апреля 2022 г. № 33-АПУ22-4 [Текст] // БВС РФ. – 2022. – № 6. – С. 94–97.
14. Определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 09 июня 2021 г. по делу № 66а-2341/2021 [Текст]. – М., 2021. – 5 с.

References

1. Bakumova O. I. Legal grounds for the application of polygraphic studies in the activities of law enforcement agencies in Russia [Text] // Modern Management. – 2023. – No. 2. – Pp. 55–60.
2. Mongush A.-S.E. Criminalistic Polygraphology in the Activities of Law Enforcement Agencies [Text] // Collection of Scientific Papers of TSU. – 2018. – No. 14. – Pp. 42–47.
3. Rogozhin A. V. Psychophysiological Support for Personnel Security in Internal Affairs Agencies [Text] // Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 3. – Pp. 52–58.
4. Belov, D. P. Polygraph and Law: Issues of Regulation and Ethics [Text] // Legal World. – 2021. – No. 5. – Pp. 44–48.
5. Ushakov, A. Yu. Main Trends in the Use of a Polygraph in the Investigation of Crimes in Russia and Abroad [Text] // Criminalistics. – 2015. – No. 2. – Pp. 80–86.
6. Interdepartmental Methodology for Conducting Forensic Psychophysiological Examinations Using a Polygraph [Text] : approved by the Ministry of Internal Affairs, the Ministry of Justice, and the Ministry of Health of the Russian Federation on July 20, 2018. – P. 11.
7. Bratanovsky S. A. Use of a Polygraph in Operational Investigative Activities [Text] // Russian Investigator. – 2019. – No. 7. – Pp. 15–20.
8. Lyapunov N. V. Psychophysiological Research and the Polygraph: Methodology and Practice [Text] // Psychology and Law. – 2020. – No. 1. – Pp. 59–64.
9. Nikulchenkova E. V. Psychological and Legal Issues of Using a Polygraph [Text] // Bulletin of Legal Science. – 2021. – No. 3. – Pp. 17–22.
10. Pronina V. D. Ethical Issues in the Use of a Polygraph [Text] // Ethics and Law, 2020, No. 2, pp. 25-31.
11. Miroshnikov B. N. Uniform requirements for the procedure for conducting psychophysiological research using a polygraph [Text]. Moscow : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008, pp. 21.
12. Pechenkova E.A. Specifics of using a polygraph during official inspections in the Ministry of Internal Affairs of Russia [Text] // Psychology and Law. 2019. No. 1. pp. 77-82.
13. Appellate ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 26, 2022 No. 33-APU22-4 [Text] // BVS RF. – 2022. – No. 6. – Pp. 94–97.
14. Determination of the First Court of General Jurisdiction of Appeal dated June 9, 2021, in case No. 66a-2341/2021 [Text]. – Moscow, 2021. – 5 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_356

УДК 343.9.018

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ФСИН РОССИИ: ЦЕЛИ, СОДЕРЖАНИЕ, МЕТОДОЛОГИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

INITIAL TRAINING IN THE SYSTEM OF ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA: GOALS, CONTENT, METHODOLOGY AND PROSPECTS

МАРТЫНОВ Владимир Викторович,
преподаватель цикла специальных дисциплин Межрегиональный учебный центр УФСИН России по Тульской области.
301342, Россия, Тульская обл., Алексинский р-н, д. Замарино.
E-mail: martynov-kp8@mail.ru

МОИСЕЕВ Николай Дмитриевич
доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности
Академия ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
390000, Россия, г. Рязань, Сенная ул., 1.
E-mail: martynov-kp8@mail.ru

MARTYNOV Vladimir Viktorovich,
teacher of the cycle of special disciplines Interregional Training Center of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Tula region, Zamarino village, Aleksinsky district, Tula region, 301342, Russia.
E-mail: martynov-kp8@mail.ru.

MOISEEV Nikolay Dmitrievich
Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russia.
E-mail: martynov-kp8@mail.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена комплексному анализу процесса первоначального обучения в рамках системы дополнительного профессионального образования (ДПО) Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России. Рассматриваются нормативно-правовые основы, целевая аудитория, структура и содержание образовательных программ, специфические методы и технологии подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС). Особое внимание уделяется практико-ориентированному характеру обучения, направленному на адаптацию новоиспеченных сотрудников к служебной деятельности в условиях учреждений ФСИН. В работе также выявлены актуальные проблемы и противоречия в организации учебного процесса и предложены перспективные направления его модернизации с учетом цифровизации, компетентностного подхода и стратегических задач развития УИС.*

Abstract. *The article is devoted to a comprehensive analysis of the initial training process within the system of additional professional education of the Federal Penitentiary Service (FSIN) of Russia. The legal framework, target audience, structure and content of educational programs, specific methods and technologies for training correctional system staff are examined. Particular attention is paid to the practice-oriented nature of training, aimed at adapting new employees to service activities in the conditions of FSIN institutions. The paper also identifies current problems and contradictions in the organization of the educational process and suggests promising directions for its modernization, taking into account digitalization, the competence-based approach and the strategic objectives of the penitentiary system development.*

Ключевые слова: *дополнительное профессиональное образование, ФСИН России, уголовно-исполнительная система, первоначальное обучение, профессиональная подготовка, служебная деятельность, практико-ориентированное обучение, пенитенциарная педагогика, кадровый потенциал, ведомственное образование.*

Keywords: *additional professional education, Federal Penitentiary Service of Russia (FSIN), penal system, correctional system, initial training, professional development, vocational training, service activities, practice-oriented training, penitentiary pedagogy, human resources potential, departmental education.*

Для цитирования: *Мартынов В.В., Моисеев Н.Д. Первоначальное обучение в системе дополнительного профессионального образования ФСИН России: цели, содержание, методология и перспективы // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 356-358. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_356.*

For citation*: Martynov V.V., Moiseev N.D. Initial training in the system of additional professional education of the Federal Penitentiary Service of Russia: goals, content, methodology and prospects // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 356-358. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_356.*

Статья поступила в редакцию: 10.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Система дополнительного профессионального образования (ДПО) Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России представляет собой целостный и динамично развивающийся комплекс, призванный обеспечить непрерывное совершенствование профессиональных компетенций персонала уголовно-исполнительной системы (УИС). В контексте кадрового обеспечения УИС особую значимость приобретает этап первоначального обучения, который является отправной точкой в процессе профессионального становления сотрудника, уже имеющего базовое образование, но впервые приступающего к выполнению специфических служебных обязанностей в учреждениях и органах ФСИН. Первоначальное обучение не просто адаптирует новоиспеченного сотрудника к новой профессиональной среде, но и закладывает фундамент его служебной карьеры, формирует правовое сознание, профессиональную культуру и устойчивые модели поведения в сложных, часто экстремальных условиях деятельности [1].

Актуальность исследования механизмов и содержания первоначального обучения в системе ДПО ФСИН обусловлена комплексом факторов. Во-первых, реформирование уголовно-исполнительной системы, ориентация на гуманизацию исполнения наказаний и внедрение современных технологий надзора и социально-психологической работы требуют от сотрудников принципиально новых знаний и навыков. Во-вторых, специфика контингента обучающихся – это, как правило, лица, уже служащие различных учреждений ФСИН и имеющие статус сотрудника, что накладывает отпечаток на мотивацию, дисциплину и восприятие учебного процесса. В-третьих, сама профессиональная деятельность в

УИС сопряжена с высоким уровнем стресса, психоэмоциональных нагрузок и необходимостью принятия оперативных решений в условиях правовой и этической неоднозначности, что делает качество первоначальной подготовки вопросом не только эффективности, но и безопасности [2]. Таким образом, первоначальное обучение выступает ключевым элементом в системе управления персоналом ФСИН, выполняющим функцию первичной профессионализации и социализации в служебном коллективе.

Нормативно-правовой базой, регламентирующей организацию первоначального обучения, выступает целый ряд документов. Фундаментальное значение имеет Федеральный закон «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации», который определяет правовые и организационные основы службы, включая вопросы профессиональной подготовки [3]. На содержание программ дополнительного профессионального образования оказывают влияние ведомственные нормативные акты, регламентирующие конкретные виды служебной деятельности: оперативно-розыскную работу, режим и надзор, воспитательную работу с осужденными, инженерно-техническое обеспечение и другие. Все образовательные программы разрабатываются в строгом соответствии с профессиональными стандартами, утвержденными для различных должностей служащих УИС, что обеспечивает единство требований к квалификации слушателей.

Целевая аудитория первоначального обучения в системе ДПО ФСИН отличается значительной неоднородностью. Это могут быть как выпускники гражданских высших учебных заведений, принятые на службу по контракту на должности, требующие высшего образования (психологи, инженеры, экономисты, медицинские работники), так и лица, уже имеющие опыт службы в других силовых структурах, а также сотрудники, переведенные на вышестоящие или принципиально новые для них должности внутри системы. Однако общей чертой для всех категорий является отсутствие или недостаточность практического опыта работы в специфических условиях учреждений УИС. Поэтому одной из центральных задач первоначального обучения становится не столько передача новых теоретических знаний (хотя этот компонент также важен), сколько формирование практико-ориентированных умений и навыков, а также адаптация к корпоративной культуре и служебному этикету ФСИН. Особое внимание уделяется вопросам служебной дисциплины, законности, соблюдения прав человека в отношении осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Психологическая подготовка направлена на развитие стрессоустойчивости, эмоциональной саморегуляции и навыков конструктивного взаимодействия в конфликтных ситуациях, которые являются неотъемлемой частью повседневной служебной практики [4].

Содержание образовательных программ первоначального обучения имеет модульную структуру и строится на принципах междисциплинарности и интеграции. Условно его можно разделить на несколько содержательных блоков. Первый блок – правовой. Он включает углубленное изучение законодательства Российской Федерации в сфере исполнения наказаний, административного, уголовного и уголовно-процессуального права, международных стандартов обращения с заключенными. Второй блок – специально-профессиональный. Его содержание напрямую зависит от должностного предназначения обучающегося. Для сотрудников оперативных подразделений это основы оперативно-розыскной деятельности, криминалистики и специальной техники. Для сотрудников режима и надзора – тактика охраны и конвоирования, правила внутреннего распорядка, применение специальных средств и физической силы. Для воспитателей и психологов – методики индивидуально-профилактической работы, основы пенитенциарной психологии и педагогики. Третий блок – психолого-педагогический и социальный. Он универсален для всех категорий и направлен на развитие коммуникативных компетенций, понимание социально-психологических особенностей личности осужденного, профилактику профессиональной деформации и выгорания. Четвертый блок – практическая подготовка. Этот блок является стержневым и реализуется через тактико-специальные занятия, стажировки в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, деловые игры и разбор сложных служебных ситуаций (кейс-стади) [5].

Методология первоначального обучения в ведомственных образовательных организациях ФСИН сочетает традиционные и инновационные образовательные технологии. Лекции, как правило, носят проблемный характер и сопровождаются активными дискуссиями. Семинары и практические занятия строятся на анализе конкретных ситуаций из служебной практики, что способствует развитию аналитического мышления и навыков принятия решений. Все большее распространение получают интерактивные методы: тренинги (коммуникативные, уверенного поведения, стресс-менеджмента), деловые и ролевые игры, в ходе которых моделируются такие ситуации, как прием вновь прибывшего осужденного, подавление нарушения режима, проведение профилактической беседы. Важным элементом является физическая и огневая подготовка, проводимая на современных учебно-тренировочных комплексах, включающих полосы препятствий, тиры и тактические городки, имитирующие условия исправительного учреждения. Активно внедряются компьютерные технологии: используются электронные учебники, обучающие симуляторы, системы тестирования. Однако специфика деятельности требует сохранения значительного объема аудиторных занятий под руководством опытных преподавателей-практиков, многие из которых являются действующими или бывшими сотрудниками оперативных и режимных служб УИС, что обеспечивает высокую степень достоверности передаваемого опыта [6].

Организационные аспекты первоначального обучения характеризуются жесткой регламентацией и подчинением служебному распорядку. Обучение, как правило, проводится с отрывом от службы в ведомственных образовательных организациях, таких как Академия ФСИН России и ее институты, а также в межрегиональных учебных центрах. Сроки обучения варьируются в зависимости от программы: для профессиональной переподготовки – от 250 до 500 часов и более, для программ повышения квалификации, включающих элементы первоначального обучения для новой должности, – от 72 до 150 часов. Учебный процесс организован в условиях, максимально приближенных к условиям несения службы, что включает соблюдение формы одежды, распорядка дня и субординации. Контроль знаний осуществляется в форме текущих аттестаций, зачетов и итогового квалификационного экзамена, который часто включает не только теоретическое тестирование, но и решение практических задач и выполнение нормативов по физической и специальной подготовке. Успешное окончание курса является обязательным условием для допуска к самостоятельному исполнению служебных обязанностей на соответствующей должности или для утверждения в ней.

Несмотря на системный подход, процесс первоначального обучения сталкивается с рядом вызовов и проблем. К ним можно отнести дефицит учебного времени, особенно в рамках краткосрочных курсов повышения квалификации, что приводит к поверхностному рассмотрению некоторых сложных тем. Еще одной проблемой является разрыв между теоретической подготовкой и реальной практикой, который не всегда удается полностью преодолеть даже в ходе стажировок. Динамичность изменения законодательства требует постоянной и оперативной актуализации учебных материалов, что не всегда поспевает за изменениями в нормативной базе. Существенным вызовом является психологическая адаптация обучающихся, которые за короткий срок должны не только усвоить большой объем информации, но и внутренне принять жесткие служебные требования и нормы поведения. Кроме того, существует потребность в более глубокой интеграции междисциплинарных знаний, например, когда правовые аспекты должны подкрепляться психологическими и этическими обоснованиями принимаемых решений. Решение этих проблем видится в дальнейшей модернизации образовательных программ, увеличении доли практико-ориентированных и дистанционных (в допустимой части) форматов обучения, а также в развитии системы наставничества уже непосредственно на местах службы после окончания обучения [7].

За 2024 год общая численность сотрудников, прошедших профессиональное обучение по программам профессиональной подготовки граждан, впервые принятых на службу в УИС составила 24009 человек, из них сотрудников территориальных органов 589 человек, из исправительных учреждений 16974 человека, из следственных изоляторов 6058 человек, из управления по охране государственного научного центра и отделений охраны психиатрических больниц 388 сотрудников [8].

Тенденции и перспективы развития первоначального обучения в системе ДПО ФСИН тесно связаны с общими векторами реформирования уголовно-исполнительной системы и современными трендами в образовании. Одной из ключевых тенденций является цифровизация образовательного процесса. Речь идет не только об электронных библиотеках и тестировании, но и о внедрении виртуальных тренажеров и симуляторов, позволяющих отрабатывать действия в смоделированных критических ситуациях (нападение на сотрудника, массовые беспорядки, пожары) без реальных рисков. Другой важной тенденцией является индивидуализация обучения за счет введения гибких образовательных траекторий, учитывающих предыдущий опыт и уровень подготовки конкретного слушателя. Развивается компетентностный подход, при котором акцент смещается с усвоения суммы знаний на демонстрацию способности решать профессиональные задачи. В содержательном плане все большее внимание уделяется вопросам обеспечения прав человека, профилактики коррупции, межкультурной коммуникации (в связи с увеличением числа иностранных граждан в учреждениях УИС) и управленческим навыкам для младшего начальствующего состава. Перспективным направлением является также укрепление связи между образовательными организациями ФСИН и научно-исследовательскими подразделениями, что позволит обогащать учебные курсы результатами прикладных исследований в области пенитенциарной психологии, криминологии и управления [9].

В заключение следует подчеркнуть, что первоначальное обучение в системе ДПО ФСИН России представляет собой сложный, многоаспектный и социально значимый процесс. Это не просто формальное выполнение требования закона, а стратегический инвестиционный ресурс в человеческий капитал уголовно-исполнительной системы. От его качества, глубины и практической направленности напрямую зависит уровень профессионализма сотрудников, а значит, эффективность выполнения государством своих функций по исполнению наказаний, обеспечению правопорядка в учреждениях и, в конечном счете, общественной безопасности. Постоянная адаптация содержания, методов и форм обучения к меняющимся внешним условиям и внутренним потребностям ФСИН является залогом формирования современного, юридически грамотного, психологически устойчивого и преданного своему делу корпуса сотрудников уголовно-исполнительной системы России. Дальнейшее совершенствование этой системы должно идти по пути интеграции новейших образовательных технологий с сохранением и передачей уникального ведомственного опыта, что позволит оптимально готовить специалистов к работе в условиях повышенной сложности и ответственности.

Список литературы:

1. Академия ФСИН России: история и современность / Под общ. ред. А.В. Шмарова. – Рязань: Академия ФСИН России, 2020. – 415 с.
2. Казак Б.Б. Психологическое обеспечение служебной деятельности в уголовно-исполнительной системе: теория и практика. – М.: Юрайт, 2019. – 289 с.
3. Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ (ред. от 28.06.2024) «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».
4. Уголовно-исполнительное право России: учебник для вузов / Под ред. В.И. Селиверстова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2021. – 575 с.
5. Методика профессионального обучения сотрудников УИС: современные подходы / Сборник научных трудов. – Воронеж: Воронежский институт ФСИН России, 2021. – 210 с.
6. Модернизация образовательного процесса в ведомственных образовательных организациях: опыт ФСИН России // Вестник Академии ФСИН России. – 2022. – № 4 (47). – С. 15-22.
7. Федеральная служба исполнения наказаний. ФКУ Научно-исследовательский институт информационных технологий. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы за январь декабрь 2024 г. Информационно-аналитический сборник. С. 760.
8. Проблемы и перспективы развития кадрового потенциала ФСИН России в современных условиях // Пенитенциарная наука. – 2020. – № 3 (51). – С. 78-85.
9.. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года» (с изменениями на 27 мая 2023 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. - 05.05.2021. - № 0001202105050004.

References:

1. Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia: history and modernity / Under the general editorship of A.V. Shmarov. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2020. 415 p.
2. Kazak B.B. Psychological support of official activity in the penal system: theory and practice. Moscow: Yurayt, 2019. 289 p.
3. Federal Law No. 197-FZ of 07/19/2018 (as amended on 06/28/2024) "On Service in the Penal Enforcement System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation "On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Imprisonment".
4. Russian Penal Enforcement law: textbook for universities / Edited by V.I. Seliverstov. – 7th ed., revised and add. – M.: Jurist, 2021. – 575 p.
5. Methods of professional training of UIS staff: modern approaches / Collection of scientific papers. Voronezh: Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2021. 210 p.
6. Modernization of the educational process in departmental educational organizations: the experience of the Federal Penitentiary Service of Russia // Bulletin of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. – 2022. – № 4 (47). – Pp. 15-22.
7. Federal Penitentiary Service. FKU Scientific Research Institute of Information Technologies. The main indicators of the activity of the penal enforcement system for January December 2024. Information and analytical collection. p. 760.
8. Problems and prospects for the development of the personnel potential of the Federal Penitentiary Service of Russia in modern conditions // Penitentiary Science. – 2020. – № 3 (51). – Pp. 78-85.
9.. Decree of the Government of the Russian Federation dated April 29, 2021 No. 1138-r "On Approval of the Concept of Development of the Penal Enforcement System of the Russian Federation until 2030" (as amended on May 27, 2023) // Official Internet Portal of Legal Information. - 05.05.2021. - № 0001202105050004.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_359

УДК 343.2

ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛИ БЕЗ РИСКА: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ
ACHIEVING A GOAL WITHOUT RISK: QUALIFICATION ISSUES

ЛАПША Вадим Леонидович,
Исследователь. Преподаватель-исследователь.
Россия.
E-mail: ivan.2036.ivanov@yandex.ru
Lapsha Vadim Leonidovich
Researcher. Teacher-research.
Russia.
E-mail: ivan.2036.ivanov@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматривается вопрос о действиях лица, не связанных с риском и их уголовно-правовом значении.*
Abstract*: The article discusses the issue of a person's actions not related to risk and their criminal legal significance.*

Ключевые слова: *обоснованный риск, доктрина уголовного права, смягчение наказания, уголовный закон, ответственность врача.*
Keywords: *reasonable risk, doctrine of criminal law, mitigation of punishment, criminal law, responsibility of the doctor.*

Для цитирования: *Лапша В.Л. Достижение цели без риска: вопросы квалификации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 359-361. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_359.*
For citation*: Lapsha V.L. Achieving a goal without risk: qualification issues // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 359-361. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_359.*

Статья поступила в редакцию: 22.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Действующим УК РФ 1996 г. в качестве одного из условий обоснованного риска предусмотрено: риск обоснован если нет иного способа достижения социально полезной цели[1]. Данное положение уголовного закона на наш взгляд дискуссионное и на практике может вызывать ряд вопросов.

В частности, из названного условия о правомерности причиненного вреда логично предположить, что если была возможность обойтись нерискованным способом, то вред оценивается в соответствии с положениями уголовного закона об ответственности и наказании.

По общим правилам при несоблюдении одного из условий правомерности риска применению подлежит пункт «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ. В разрез с данным правилом, полагаем, формулировка ч. 1 ст. 41 УК РФ обозначающая дефиницию обоснованного риска, а именно тех действий, которые им являются. Далее поясним.

Возникает спорная ситуация: с одной стороны, обоснованный риск как действие регламентированной первой частью ст. 41 УК РФ «реализовался», так как достигнута указанная цель. При этом никаких последствий, связанных с ответственностью и наказанием не следует. С другой стороны, вред причинен и его надо надлежаще оценить по нормам УК РФ.

Ситуация, при которой достигнута цель рискованного поведения и причинен вред в рамках статьи 41 УК РФ не предусмотрена.

Разумеется, при не достижении цели ситуация оценки причиненного вреда обратная. В данном случае устанавливается был ли вред преступным или непреступным. Если характер вреда преступный, то положения ст. 41 УК РФ не применяются, а реализуются нормы Особенной части УК РФ. В ином случае лицо либо освобождается от уголовно-правовых последствий на основании того, что его действия вписываются в рамки ст. 41 УК РФ, либо при нарушении одного или нескольких условий правомерности несет бремя ответственности, предусмотренное уголовным законом.

В связи с обозначенным выше отметим еще один проблемный аспект, а именно: какие условия и в каком количестве лицо должно нарушить чтобы признать его действия необоснованным риском. В данном случае, по нашему мнению, речь идет о дифференцированном значении условий правомерности предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 41 УК РФ.

В названном неоднозначном аспекте полагаем обозначить следующее. С одной стороны, необходимо однозначно установить какие действия являются преступными, а какие нет. В ст. 14 УК РФ закреплено понятие преступного причинения вреда именуемое в целом как преступление. В Особенной части УК РФ они закреплены.

С другой стороны, юридический анализ иных норм Общей части УК РФ приводит к выводу о том, что в ней предусмотрены деяния преступлением не являющиеся. В данном случае это положения гл. 8 УК РФ. Однако, чтобы признать их такими как они обозначены в названии главы необходимо соблюдения ряда условий.

Изучение частей первых норм, регламентирующих те обстоятельства, при которых причиненный вред является непреступным приводит к выводу о том, что в них в целом описана ситуация т.е. предназначение, по нашему мнению, данного уголовно-правового положения.

Соответственно, на наш взгляд, в ст. 41 УК РФ в ее первой части обозначенные действия, направленные на социально полезную цель, составляют обоснованный риск и являются *основным или главным* условием, рискованного поведения.

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // СПС КонсультантПлюс.

Действительно, при более детальном рассмотрении наблюдается ситуация, при которой условия применения рассматриваемой нормы дифференцированы на те при которых действия являются обоснованным риском и те, которые характеризуют их как правомерные. Последние, полагаем, обозначены в ч. 2 ст. 41 УК РФ.

Таким образом исследуемое в рамках настоящей статьи условие характеризует уголовно-правовой, а не социальный аспект как в ч. 1 ст. 41 УК РФ.

Например, в медицинской практике врач может либо воспользоваться стандартом оказания медицинской помощи, либо поступить иным образом тем самым допустить риск для здоровья и жизни больного. В отдельных случаях, описанных в литературе[1, с. 169-170] врач может сохранить возможность обращения к стандарту оказания медицинской помощи если рискованные действия «выйдут из-под контроля». Для медицины, как поясняют ученые[2, с. 211-212] занимающиеся ее юридическими и экспертными аспектами, «риск развития неблагоприятного исхода», а также «риск при медицинских вмешательствах» является характерным ее свойством.

Как представляется в данной ситуации необходимо юридически оценить, как наличие возможных объективных без рискованных способов, так и субъективного отношения лица к последующим последствиям своих действий.

Медицинская наука не стоит на месте, а последовательно развивается из чего следует вывод о наличии расширения функционала врачей при оказании медицинской помощи. Однако ситуация более сложная. При рассматриваемых обстоятельствах условия оказания медицинской помощи предположительно можно подразделить стандартные и новые. Первые связаны с типичными, повседневными заболеваниями организма человека. Вторые сопряжены с появлением новых, ранее не известных медицинской науке и практике заболеваний.

В идеале медицинский функционал врача должен пополняться как новыми методами лечения, так и знаниями о совершенствовании имеющихся способов лечения. Последнее не всегда так. В этой связи возникают ситуации риска для здоровья и жизни больного.

Как нами ранее было указано возможны ситуации, когда врачу предстоит выбрать не пойти на риск и усложнить процесс лечения либо воспользоваться рискованным способом и облегчить процесс оказания медицинской помощи. При этом и в первом, и во втором случае врач осознает лишь возможность достижения цели. Он также осознает, особенно во втором случае, что может своими действиями причинить дополнительный вред, не вызванный состоянием больного.

Разумеется, названное выше обстоятельство о выборе врача рискнуть или нет представляет актуальность в научном и практическом смысле, и нуждается в исследовании.

Далее. Представляет интерес вопрос о форме вины при несоблюдении или игнорировании врачом исследуемого в настоящей статье условия правомерности рискованных действий.

Известно, что в уголовном законе предусмотрены две формы вины. В этой связи основываясь на том, что медицинская деятельность не является преступной, полагаем применительно к ней рассмотреть вторую форму вины, именуемую как неосторожность.

Примечательно, что с указанной формой вины связаны и некоторые деяния Особенной части УК, вменяемые врачам при оказании ими медицинском помощи.

В круг обозначенных деяний входят: ст. 109 УК РФ; ст. 118 УК РФ; ч. 2 ст. 124 УК РФ и т.д.

Во всех предусмотренных составах действия лица, причиняющего вред здоровью и жизни характеризуются неосторожной формой вины. Последняя характерна не только для преступных деяний, но и непреступных.

По справедливому замечанию А. Ю. Шурдумова психическое отношение к причиненному вреду как при обоснованном риске, так и в состоянии неосторожности в виде легкомыслия является схожим по интеллектуальному элементу[3, с. 162].

В связи с обозначенным выше логично, на наш взгляд, предположить о том, что психическое отношение врача к причиненному им вреду здоровью или жизни пациента характеризуется как *неосторожность в виде легкомыслия*.

Несколько поясним свою позицию в данном вопросе.

Полагаем, что при рассматриваемых обстоятельствах будет иметь место вторая форма вины, обозначенная уголовным законом как неосторожность в виде легкомыслия.

Легкомыслие, понимаемое согласно уголовному закону как предвиденье лицом общественно негативные последствий своих действий, которые он пытается без наличия к тому оснований самостоятельно предотвратить (ч. 2 ст. 26 УК РФ).

Особенно врач при наличии возможности причинения им вреда предпринимает меры предосторожности, что соответствует ситуации обоснованного риска.

О характере легкомыслия и его влиянии на рискованное поведение наиболее полно, на наш взгляд, обозначил профессор А. И. Рарог. В частности, ученый указал: при легкомыслии лицо выходит за определенных внутренние, сдерживающие его рамки тем самым как указывает автор: «совершает неразумный поступок»[4, с. 24-25] т.е. «рискованный поступок»[5, с. 62].

Данную точку зрения о том, что причинение вреда при необоснованном риске обусловлено неосторожной формой вины в виде легкомыслия разделяет и Н. А. Ардашева применительно к медицинской сфере[6, с. 384].

Таким образом, из данного аспекта о форме вины при осознанном выборе именно рискованного способа, когда имеется возможность не рисковать, следует следующий вывод. Врач, надеясь на себя, свои знания, свой опыт рассчитывает избежать негативных последствий предпринимая все от него зависящее. При этом в его действиях не усматривается, на наш взгляд небрежности, по отношению к последствиям.

Наоборот, он их предвидит и действует в соответствии с знаниями медицинской науки, но их как было выяснено порой недостаточно.

Данное обстоятельство, как одно из многих, обуславливает выбор рискованного способа оказания медицинской помощи в отличии от предусмотренного стандартом.

Как справедливо отмечает доктор медицинских наук, профессор В. И Акопов: если врач отходит от стандарта обращаясь к риску, то он должен быть полностью готов[7, с. 459-460].

В этой связи следует также упомянуть и об общей проблеме, обсуждаемой в доктрине уголовного права. В частности, о содержании интеллектуального момента неосторожной формы вины в виде легкомыслия. Которая, как мы полагаем, имеет место при оценки психического отношения, рискующего к своему поведению и его результату.

Известно, что наличие предвидения опасных последствий отличает легкомыслие от небрежности. Однако, в доктрине уголовного права по данному положению закона, как и ранее[4, с. 44-45] ведутся дискуссии.

По замечанию профессора В. В. Кулыгина лицо должно, в том числе, осознавать социальную опасность самих действий, без осознания которых невозможно предвидеть и их последствия[8, с. 505]. Естественно на данный вопрос имеются позиции как признающие данную необходимость, так и имеющие отрицательное к ней отношение.

Полагаем, что обозначенная выше проблема вполне может стать предметом наших дальнейших исследований, так как считаем ее актуальной и при оценки обоснованно рискованных действий. Думается, что точное выяснение формы вины – это одни из ключевых моментов, который необходимо установить при рассмотрении возможности применения ст. 41 УК РФ в отношении конкретного случая.

Резюмируя обозначенные выше аспекты приведем следующие выводы.

Спорным вопросом остается количество и качество условий при соблюдении которых риск признается обоснованным, а также нарушение которых не влечет признания его таковым. В отношении количества: нарушение одного или более условий влечет уголовную ответственность. Возникает вопрос: как это повлияет на ответственность если рискующим будет достигнута цель, обозначенная в ч. 1 ст. 41 УК РФ, а также если она не достигнута. Вопрос открытый и требующий исследования.

Для практики применения нормы обоснованного риска, полагаем, будет актуальным дифференцированный подход к законодательным условиям, признающим причиненный вред при рискованном поведении непреступным.

В частности, общественно полезная цель, по нашему мнению, характеризует социальную сторону регламентированных действий. При этом указание во второй части ст. 41 УК РФ на невозможность обойтись нерискованными способами обуславливает наличие правовой стороны.

Считаем также, что наличие медицинских знаний, не отвечающих требованиям современных ситуаций оказания медицинской помощи являются одним из факторов риска причинения вреда здоровью и жизни больного. В этой связи видится практическая необходимость системно повышать квалификацию всех без исключения врачей и медицинского персонала. В ином случае практика крайне социально нежелательная.

В науке уголовного права отмечается тот факт, что изменение или отмена каждого четвертого приговора Верховным Судом РФ связана с ошибочным установлением психического отношения лица к своему деянию. В этой связи рассмотрение рискованного поведения как акта субъективного и объективного свойства в части установления его интеллектуального и волевого момента, полагаем, представляет актуальность и нуждается в исследовании.

Список литературы:

1. Преступления, связанные с ненадлежащим оказанием медицинской помощи: проблемы квалификации, доказывания. Обоснованный риск в медицине : коллектив. моногр. / под ред. М. Г. Свередюка ; м-во злравоохр. Хабар. края, Ин-т повышения квалификации специалистов здравоохранения, каф. орг. здравоохр. И мед. права. – Хабаровск : Ред.- изд. центр ИПКСЗ, 2023. – 248 с.
2. Врачебные дела: юридическая и экспертная оценка проблем ненадлежащего оказания медицинской помощи : монография / отв. ред. А. А. Мохов. – Москва : Блок-Принт, 2025. – 368 с. – Текст : непосредственный.
3. Шурдумов, А. Ю. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающие преступность деяния : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шурдумов Анзор Юрьевич ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2003. – 190 с. – Библиогр.: с. 187–190. – Текст : непосредственный.
4. Рарог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений / Рарог А. И. – Москва : Профобразование, 2001. – 133 с. – Текст : непосредственный.
5. Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам : монография. – Москва : Проспект, 2015. – 232 с. – Текст : непосредственный.
6. Ардашева Н. А. Словарь терминов и понятий по медицинскому праву / Н. А. Ардашева. – Санкт-Петербург : СпецЛит, 2007. – 528 с. – Текст : непосредственный.
7. Акопов В. И. Медицинское право в вопросах и ответах / В. И. Акопов. – Ростов н/Д : Феникс, 2016. – 509 с. – (Медицина). – Текст : непосредственный.
8. Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов : в 3 т. Т. 2. Книга 1. Уголовный закон. Законодательная техника. Ответственность в уголовном праве. Состав преступления. Стадии совершения преступления. Соучастие в преступлении. Множественность преступлений / под общ. ред. А. Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. кол. А. И. Чучаев. – Москва : Проспект, 2023. – 680 с. (Автор гл. 10 – проф. В. В. Кулыгин). – Текст : непосредственный.

References

1. Crimes related to improper provision of medical care: problems of qualification, evidence. Reasonable risk in medicine : a collective. monogr. / edited by M. G. Sveredyuk ; Moscow: zlravookhr. Swag. kray, Institute of Advanced Training of Healthcare Professionals, Department of org. zdravookhr. And medical rights. Khabarovsk : Ed.-publishing center of TPKSZ, 2023. – 248 p.
2. Medical affairs: legal and expert assessment of the problems of improper medical care : monograph / ed. by A. A. Mokhov. – Moscow : Blok-Print, 2025. – 368 p. – Text : direct.
3. Shurdumov, A. Y. Justified risk as a circumstance excluding criminality of an act : specialty 12.00.08 "Criminal law and criminology; penal enforcement law" : dissertation for the degree of Candidate of Law / Anzor Yuryevich Shurdumov ; Lomonosov Moscow State University. – Moscow, 2003. – 190 p. – Bibliogr.: pp. 187-190. – Text : direct.
4. Rarog A. I. The subjective side and the qualification of crimes / Rarog A. I. – Moscow : Vocational Education, 2001. – 133 p. – Text : direct.
5. Rarog A. I. Problems of qualification of crimes on subjective grounds : monograph. Moscow : Prospekt Publ., 2015. 232 p. – Text : direct.
6. Ardasheva N. A. Dictionary of terms and concepts on medical law / N. A. Ardasheva. – St. Petersburg : SpetsLit, 2007. – 528 p. – Text : direct.
7. Akopov V. I. Medical law in questions and answers / V. I. Akopov. Rostov n/A : Phoenix, 2016. 509 p. (Medicine). – Text : direct.
8. Criminal law of the Russian Federation: a problem course for undergraduates and postgraduates : in 3 volumes Vol. 2. Book 1. Criminal Law. Legislative technique. Responsibility in criminal law. The composition of the crime. The stages of the crime. Complicity in a crime. The multiplicity of crimes / under the general editorship of A. N. Savenkov; scientific editorship. and the author's col. A. I. Chuchaev. – Moscow : Prospekt, 2023. – 680 p. (Author of chapter 10 – prof. V. V. Kulygin). – Text : direct.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_362

УДК 343.9

ВОСПОМИНАНИЕ О ВИДНЫХ УЧЕНЫХ – ПРОЦЕССУАЛИСТАХ (В.П. БОЖЬЕВ[1] И В.А. МИХАЙЛОВ[2])
REMEMBRANCE OF DISTINGUED SCIENTISTS IN PROCEDURAL LAW (V.P. BOZHYEV AND V.A. MIKHAILOV)

ИВАНОВ Пётр Иванович,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный профессор Академии управления МВД России,
главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России.
125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru;

IVANOV Pyotr Ivanovich,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation,
Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Chief Researcher of the Department for the Study of Problems of Sectoral Management of the Research Center.
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125993, Moscow, ulitsa Zoe i Aleksandra Kosmodemyanskikh, 8.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

***Краткая аннотация**. В настоящей статье нами приведено воспоминание о профессорах Академии управления МВД РФ – выдающихся ученых в области теорий уголовно-процессуального права и прокурорского надзора за ОРД, В.П. Божьеве и В.А. Михайлове, внесших значительный вклад в становление и развитие системы научных идей, отражающих закономерности развития указанных теорий. Концептуальные положения, разработанные ими в их рамках, и сегодня являются основополагающими (ключевыми) при принятии мер по совершенствованию.*

Забегая вперед, без преувеличения хотим подчеркнуть, что для автора статьи Вячеслав Петрович и Виктор Александрович были учителями-наставниками, поскольку тесное знакомство с ними завязалось еще будучи слушателем второго факультета и адъюнктом Академии МВД СССР. Весьма благодарен им за оказанную посильную консультативную помощь при подготовке кандидатской (1990 г.) и докторской (2000 г.) диссертаций. Они подпитывали новым научным знанием, расширили границы исследований, опираясь на теорию познания (гносеологию). Мне посчастливилось работать совместно до последних дней жизни с профессором В.П. Божьевым[3].

В настоящей статье через призму его концептуальных основ рассмотрены некоторые проблемы, связанные с уголовно-процессуальными правоотношениями следователя[4] и защитника[5] на стадии досудебного производства, высказаны пути их решения.

Что же касается на счет профессора Виктор Александровича Михайлова, то особое место среди многих других в сфере научных его интересов занимает проблематика прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности. Учитывая данное обстоятельство, автор статьи решил сфокусировать внимание читателей именно на ней, так как в новых условиях – цифровой трансформации, эта проблема в теории прокурорского надзора приобретает особое значение. Виктор Александрович понимает и осознает, что в этих условиях нужен новаторский подход к его организации и осуществления, который и должен стать предметом углубленного изучения.

***Abstract.** In this article, we recall Professors V.P. Bozhyev and V.A. Mikhailov of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation – distinguished scholars in the fields of theories of criminal procedural law and prosecutorial supervision over investigative activities (ORD), who made a significant contribution to the formation and development of a system of scientific ideas reflecting the patterns of development of these theories. The conceptual provisions developed by them within these frameworks remain fundamental (key) today when taking measures for improvement.*

Looking ahead, we want to emphasize without exaggeration that for the author of the article, Vyacheslav Petrovich and Viktor Alexandrovich were teachers and mentors, as close acquaintance with them began when he was a student of the second faculty and a postgraduate at the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. I am very grateful to them for the advisory assistance they provided during the preparation of my candidate's (1990) and doctoral (2000) dissertations. They nurtured me with new scientific knowledge and expanded the boundaries of research, relying on the theory of knowledge (epistemology). I was fortunate to work jointly with Professor V.P. Bozhyev until the last days of his life.

In this article, through the prism of his conceptual foundations, some problems related to the criminal procedural legal relations between the investigator and the defense counsel at the stage of pre-trial proceedings are considered, and ways to solve them are suggested.

As for Professor Viktor Alexandrovich Mikhailov, a special place among his many other scientific interests is occupied by the issues of prosecutorial supervision over the execution of laws in investigative activities. Given this circumstance, the author of the article decided to focus readers' attention on this issue, since in the new conditions – digital transformation – this problem in the theory of prosecutorial supervision acquires particular importance. Viktor Alexandrovich understands and realizes that in these conditions, an innovative approach to its organization and implementation is needed, which should become the subject of in-depth study.

***Ключевые слова:** правоотношение[6], уголовно-процессуальное правоотношение[7], следователь[8], защитник[1], уголовное судопроизводство, оперативно-розыскное сопровождение, прокурорский надзор за ОРД[2].*

---

[1] Божьев Вячеслав Петрович (р. 15.12.1929 г.- 09.11.2021 г.) – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ. Человек и Ученый с большой буквы. Прошел путь от начальника научно-исследовательского отдела до начальника кафедры Академии управления МВД РФ. Награжден орденом Почета.

[2] Михайлов Виктор Александрович (р. 14.11.1935 г.) – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ. Прошел путь от начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Высшей следственной школы МВД СССР (г. Волгоград) до профессора кафедры Академии управления МВД России. В прошлом году (05.12.2025 г.) мы справляли 90-летие со дня его рождения.

[3] О личности Вячеслава Петровича как состоявшегося ученого-процессуалиста во многом свидетельствует хотя бы тот факт, что он был членом Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ и при Генеральной прокуратуре РФ, член Экспертного совета ВАК. Исходя из этого можно уверенно сделать вывод о том, что он перед нами предстает как многогранный высококвалифицированный специалист в своей области знания.

[4] Следователь со стороны обвинения (ст. 47 УПК РФ).

[5] Защитник же (ст. 49 УПК РФ) – со стороны защиты, полномочия которого предусмотрены ст. 53 УПК РФ.

[6] Аверин А.В. Правоотношение и судебная практика: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1994.

[7] Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М., 1975. С. 140-148.

[8] Следователь со стороны обвинения (ст. 47 УПК РФ).

Keywords: *legal relationship, criminal procedural legal relationship, investigator, defense counsel, criminal proceedings, investigative support, prosecutorial supervision over investigative activities.*

Для цитирования: *Иванов П.И. Воспоминание о видных ученых – процессуалистах (В.П. Божьев и В.А. Михайлов)// Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 362-367. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_362.*

For citation*: Ivanov P.I. Remembrance of distingued scientists in procedural law (V.P. Bozhyev and V.A. Mikhailov) // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 362-367. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_362.*

Статья поступила в редакцию: 11.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Трудно не согласиться с мнением профессора А.В. Шмонина, считающего, что «в истории отечественной юридической науки есть имена, определяющие ее уровень и развитие на десятилетия вперед. Одно из них – Виктор Александрович Михайлов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, основатель авторитетной научной школы. В этом году отмечается знаменательная дата – 90-летие этого выдающегося ученого процессуалиста, чья жизнь стала образцом беззаветного служения Закону, Науке и Образованию» [1]. Говоря о вкладе профессора В.А. Михайлова, автор подчеркивает три ключевых момента, присущих ему: его уникальный подход к комплексному исследованию, заключающийся в рассмотрении уголовного процесса через призму не только процессуального права, но и криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, судебной экспертизы и управления правоохранительными органами; создание собственной научной школы, наконец, благодаря его фундаментальным трудам юридическая наука обогатилась новыми идеями. Разделяя высказанное мнение, хотим пожелать профессору В.А. Михайлову крепкого здоровья на долгие годы.

Вячеслав Петрович и Виктор Александрович без преувеличения скажу для меня были учителями-наставниками, поскольку тесное знакомство с ними мной было установлено еще будучи слушателем второго факультета и адъюнктом Академии МВД СССР. Весьма благодарен им за оказанную консультативную и иную помощь при подготовке кандидатской (1990 г.) и докторской (2000 г.) диссертаций. Они постоянно твердили, что исследование есть процесс выработки новых знаний, один из видов познавательной деятельности. Предлагали следует погрузиться на дно айсберга, а не по его верхушкам попытаться найти новые знания, так как тут все очевидно не вооруженным глазом.

Профессора В.П. Божьев и В.А. Михайлов, обладая энциклопедическим объемом знаний в области теории уголовно-процессуального права, сделались для коллег и соратников непререкаемым арбитром в разрешении различных (сложных неоднозначно трактуемых научных (доктринальных) споров. В дискуссиях (дебатах), кто их хорошо знал, всегда подчеркивали интеллигентность (глубокое знание ими предмета спора), доброжелательность, преданность профессии, требовательность к себе и другим.

Как нам представляется, мы имеем дело с великими учеными с большой буквы. Будучи «основоположниками» указанной теории, приумножили ее имидж и авторитет как относительно самостоятельной науки. Отдаем дань восхищения им, сумевшим в столь противоречивое время сохранить верность своему профессиональному долгу.

Популяризация подобного образа, безусловно, будет способствовать повышению престижа уголовно-процессуальной науки и профессии ученого [2]. При этом мы исходим из следующего: достижения предшественников должны передаваться из поколения в поколение, чтобы сохранить и воспроизводить их, создавая условия для расширения границ последующих исследований современных актуальных проблем, связанных с противодействием преступности, совершаемых прежде всего с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Память о рассматриваемых (замечательных) профессорах навсегда останется с нами [3].

Мы твердо убеждены в том, что их богатый опыт и мудрость будут и впредь на протяжении еще многих лет служить интересам современной науки и образования.

Модернизация уголовного и уголовно-процессуального законодательства, обусловленная изменениями экономической, политической и социальной жизни общества, в свою очередь влечет за собой возникновение, изменение и прекращение правоотношений. Отсюда нетрудно заметить, что правоотношения – это такая сложная категория, которая наиболее полно отражает существенные связи и отношения норм права и правил поведения. Эта особенность также присуще и уголовно-процессуальным правоотношениям следователя и защитника.

К сожалению, по вопросу сущности и содержания названных правоотношений среди ученых до сего времени нет единства во мнении. Не вдаваясь в глубину этого вопроса, отметим, что «белых пятен» еще предостаточно. Научное их осмысление и поиск путей выхода из создавшейся ситуации предполагает осуществление глубокого мониторинга.

В настоящее время необходимость совершенствования уголовно-процессуальных отношений следователя и защитника обусловлена целым рядом обстоятельств:

- действием общепризнанных принципов и норм международного права и принимаемыми международными договорами Российской Федерации;

- важностью безусловного соблюдения конституционных прав и свобод граждан в уголовном судопроизводстве. Как известно, Конституция РФ, обладая высшей юридической силой, имеет прямое действие, например, в тех случаях, когда уголовно-процессуальные нормы противоречат тем или иным положениям Основного закона страны. В таких случаях действуют нормы, закрепленные Конституцией РФ. Аналогичным образом поступают и при наличии пробелов уголовно-процессуального права.

Представляется, что проблема уголовно-процессуальных правоотношений следователя и защитника многогранна.

---

[1] Защитник же (ст. 49 УПК РФ) – со стороны защиты, полномочия которого предусмотрены ст. 53 УПК РФ.
[2] Видные ученые-юристы России (вторая половина XX века). Энциклопедический словарь биографий. М., 2006. С. 294.

Вот одна из них, которая связана с неправомерными действиями свидетеля с адвокатом. Суть рассматриваемого аспекта проблемы заключается в следующем. Нередки случаи, когда по так называемым громким делам (по которым в качестве подозреваемого либо иного участника уголовного судопроизводства, как правило, проходят высокопоставленные должностные лица) среди свидетелей фигурируют лица, без участия которых вряд ли могло быть совершено такого рода преступление, но из-за отсутствия на первоначальном этапе расследования в отношении них доказательств они остаются таковыми до тех пор, пока не будут собраны сведения, на основе которых следователь мог бы установить их причастность к преступлению. Между тем такие свидетели, предвидя вероятность изменения в будущем своего статуса, являются на допрос с адвокатами, зачастую заинтересованными из корыстных побуждений в затягивании хода расследования.

Как известно, свидетель (ст. 56 УПК РФ) относится к числу иных участников уголовного судопроизводства, у которого наряду с другими правами существует возможность являться на допрос с адвокатом. Последний, присутствуя при допросе, вправе лишь оказать ему юридическую помощь (ч.5 ст. 189 УПК РФ). Он не вправе задавать ему вопросы и комментировать его ответы. В то же время адвокат может после окончания допроса сделать в случае обнаружения им нарушений прав и законных интересов свидетеля заявление, которое заносится в протокол допроса.

Многолетняя практика показывает, что те свидетели, в отношении которых следователем предприняты какие-либо процессуальные действия по их уголовному преследованию, по вызовам, как правило, являются с адвокатом. Однако это обстоятельство не должно следователем рассматриваться как уличающее вызванное лицо в совершении преступления, ибо право явиться с адвокатом распространяется и на других категорий свидетелей.

Разумеется, свидетели, которые в последующем в ходе расследования дела могут быть признаны подозреваемыми, например, в совершении преступления, получившего большой общественный резонанс, заблаговременно готовятся с адвокатом на предстоящий допрос. Среди такой категории свидетелей нередко встречаются и высокопоставленные чиновники. Стремясь удержать статус свидетеля, всячески пытаются свидетельствовать только в присутствии адвоката. Такие свидетели, являясь по вызовам следователя, отказываются в отсутствии адвоката от дачи показаний.

На фоне созданного средствами массовой информации общественного мнения вокруг обсуждаемого события преступления, участниками которого могли оказаться те самые лица, которые по громкому уголовному делу пока что проходят как свидетели, последние, как правило, в таких случаях ведут себя настороженно в процессе расследования, предчувствуя свою вину в произошедшем. К тому же, нельзя не учитывать и то обстоятельство, что уголовные дела и лица, проходящие по ним, находящиеся под пристальным вниманием общественности, безусловно, это оказывают сильное психологическое воздействие на всех участников уголовного судопроизводства, в том числе и на тех, которые в силу отсутствия доказательств, достаточных для признания подозреваемыми (обвиняемыми), еще выступают свидетелями по делу.

Указанные категории свидетелей, а также недобросовестные адвокаты (иногда по предварительному сговору) со своей стороны предпринимают активные меры по противодействию расследованию всех обстоятельств резонансного преступления. Чтобы уклониться от явки находят уважительные причины (болезнь, несвоевременное получение повестки, болезнь члена семьи, требующая постоянного ухода, занятость на работе и тому подобные обстоятельства, препятствующие явке по вызовам следователя).

Общественный резонанс вокруг так называемых громких уголовных дел продолжает сопровождаться, как правило, до предъявления обвинения, затем наблюдается некоторая тенденция его затухания. Подозреваемые и иные участники уголовного судопроизводства, зная это, пытаются всячески затягивать процесс расследования, чтобы дождаться наступления относительного спокойствия со стороны общественности, осуждающей расследуемое деяние.

В связи со сказанным возникает вопрос: много ли в арсенале следователя средств, чтобы не допустить этого, пресечь подобные случаи вовремя?

Так, если свидетель в случае неявки без уважительной причины может быть подвергнут приводу, то эта мера в отношении адвоката не распространяется. В то же время следует отметить, что приводу свидетеля должен предшествовать вызов его повесткой. Более того, следователь обязан убедиться в том, что свидетель письменно уведомлен о вручении ему повестки.

Даже суд за неявку свидетеля по новому УПК РФ не наделен полномочиями наложения денежного взыскания на свидетеля, не говоря уже о следователе.

Несколько по-иному обстоит дело, когда адвокат по уважительной причине либо без таковой не является вместе со свидетелем по делу.

Законодатель достаточно полно определил порядок приглашения, назначения и замены защитника, оплату его труда (ст. 50 УПК РФ) применительно к подозреваемым и обвиняемым. А вот что же касается адвоката[1], оказывающего юридическую помощь свидетелю (ч. 5 ст. 189 УПК РФ), такого порядка в настоящем Кодексе не находим. Как уже отмечали выше, свидетель вправе являться на допрос с адвокатом (п.6 ч. 4 ст.56 УПК РФ).

Берем на себя смелость утверждать, что объективная потребность в упорядочении возникающих уголовно-процессуальных отношений между следователем с одной стороны, и свидетелем и адвокатом с другой – существует. Полагаем, что такая постановка вопроса не противоречит принципам уголовного судопроизводства.

Другой не менее важной проблемой на сегодня остается «прекращение уголовного преследования» в отношении отдельных лиц, также подозреваемых в совершении преступления. Такому решению следователи чаще всего приходят при следующих обстоятельствах. Само

[1] Адвокат допускается к участию в уголовном деле в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера (ч. 4 ст. 49 УПК РФ).

событие уголовно-наказуемого деяния имеет место, группа лиц подозревается в его совершении. Следователю в ходе предварительного следствия не всегда удается получить в установленном уголовно-процессуальным кодексом порядке доказательства их виновности. Нередко в таких случаях один из участников преступления признается в его совершении[1][4]. Однако имеющиеся в уголовном деле доказательства о его причастности к совершению данного преступления бывают сомнительными, в результате чего невозможно сделать достаточный вывод о виновности этого лица. В таком случае уголовное дело может быть прекращено за отсутствие состава преступления. Чтобы не допустить этого, следователь (нередко с согласия адвоката) идет по пути признания остальных «подозреваемых» в качестве свидетелей. Таким образом, он выходит из положения, закрепив признательные показания, путем допроса других «соучастников», признанных по уголовному делу уже свидетелями. При этом следователь как бы выполняет требования уголовно-процессуального Закона в части оценки показания подозреваемого в совокупности со всеми иными доказательствами по делу, полученными в установленном законом порядке.

Следователь, допрашивая лиц в качестве свидетелей, исходит из того, что последние согласно ч. 1 ст. 51 Конституции РФ не обязаны свидетельствовать против себя самого[2], если даже в отношении которых ведется расследование. Здесь речь идет о тех лицах, для признания которых подозреваемыми (обвиняемыми) у следователя еще нет оснований.

В УПК РФ не оговорено, каким образом в данном случае должен поступить следователь, чтобы все подозреваемые (обвиняемые) не ушли от уголовного преследования и не остались не изобличенными в совершении конкретного преступления. В то же время на фоне развернувшейся в стране всеобщей борьбы с коррупцией в какой-то мере в сложившейся ситуации тень падает на следователя и защитника, нашедших, казалось бы, не совсем правомерный способ (освобождение от уголовного преследования посредством признания предполагаемых подозреваемых в качестве свидетелей) решения возникшей проблемы.

Анализируемая нами следственная ситуация, с одной стороны, показывает, насколько следователь исчерпал свои возможности в получении дополнительных доказательств в отношении лица, давшего признательные показания в совершенном преступлении. При этом со стороны такого лица мотивы могут быть самые разные, в том числе стремление уйти от уголовной ответственности за совершение преступления группой лиц (ч.1 ст.35 УК РФ). С другой стороны, может свидетельствовать о ненадлежащей организации оперативно-розыскного сопровождения предварительного следствия, преследующая цель оказания содействия в обнаружении дополнительных источников (носителей) доказательственной информации.

Таким образом, дальнейшее совершенствование уголовно-процессуальных правоотношений следователя и защитника немыслимо без своевременного решения рассмотренных и иных проблем.

Помимо правоотношений, как мы уже указали вначале статьи, вкратце хотим высказать свои соображения в контексте напутствий своим ученикам, в частности профессора В.А. Михайлова, в плане надзора.

Теорией прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью доказана, что надзор не догма, он сильно подвержен изменениям и динамизму. Эти процессы происходят, как правило, в теоретическом, правовом и организационно-тактическом аспектах. В настоящей статье мы затронули преимущественно вопросы, относящиеся к организации прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью, поскольку они в настоящее время больше всего тревожат органы прокуратуры [5].

Следует заметить, что, не зная историю, направления ее развития[3][6], трудно определить современные тенденции и закономерности дальнейшей модернизации прокурорского надзора в новых условиях его функционирования[4][7].

Как показало выборочное изучение и анализ, проблемы, связанные с организацией прокурорского надзора, на сегодня находятся в центре внимании специалистов как теории прокурорского надзора, так и теории оперативно-розыскной деятельности как науки. Так, в теории прокурорского надзора особая заслуга в этом принадлежит таким ученым, как О.Д. Жук, О.С. Капинус [8], А.Ф. Козусев [9, 10], С.Г. Кехлеров, Н.Н. Карпов, А.Ф. Смирнов, А.Я. Сухарев, Ю.Г. Торбин и др. Что же касается теории ОРД как науки, то здесь нельзя не отметить труды В.М. Атмажитова, В.Г. Боброва, К.К. Горяинова, В.Ф. Луговик, А.Ю. Шумилова и др., которые внесли значительный вклад в определении понятийно-категориального аппарата (понятие, сущность, содержание, объект, предмет, принципы, закономерности, тенденции и т.п. [11, 12, 13]), в развитие ведомственного нормативного правового регулирования организации и тактики осуществления оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) оперативными подразделениями полиции, включая прокурорского надзора за исполнением законов при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Необходимо отметить, что не существует на сегодня единое мнение среди специалистов по вопросу понятия и сущности организации прокурорского надзора.

Проведенное нами выборочное изучение позволило выявить некоторые закономерности (взаимосвязи и взаимообусловленности)[1],

---

[1] Любые сведения, сообщенные подозреваемым и обвиняемым в ходе досудебного производства по уголовному делу и отвечающие требованиям допустимости доказательств на данном этапе, после не подтверждения их в суде автоматически признаются недопустимыми. Под не подтверждением ранее данных показаний понимается не только дача других, противоположных по своему содержанию, показаний, но и отказ от дачи показаний. Таким образом, обвинение не может основываться лишь на признательных показаниях обвиняемого, а они должны использоваться для собирания других доказательств. См. об этом: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.В. Мозякова. М.: «Издательство «Экзамен XX1», 2002. С. 193.

[2] Презумпция невиновности (ст. 14 УПК РФ), согласно которому бремя доказывания лежит на стороне обвинения.

[3] Нами обозначенные вопросы частично рассматривались. Об этом см.: Иванов П.И. Совершенствование организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД: ретроспективный анализ // Вопросы истории. 2023. № 4 (2). С. 86-93.

[4] В новых условиях среди множества новелл вопросы цифровой трансформации стали краеугольным камнем преткновения всех правоохранительных органов. Об этом во многом свидетельствуют принятые в последнее время подзаконные нормативные правовые акты. Например, см.: Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2024 № 4154-р «Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 2. Ст. 76.

подлежащие познанию с целью повышения эффективности организация прокурорского надзора. К их числу мы относим:

– закономерности, раскрывающие существующие взаимосвязи между двумя областями знаний – теориями ОРД и прокурорского надзора. На их стыке обнаруживаем новые правоотношения, за которыми кроются взаимопроникновение понятийно-категориальных аппаратов (понятий, терминов, категорий, теорий, учений), используемых при описании процессов надзора в сфере ОРД. Эта группа закономерностей яркое проявление, на наш взгляд, находит в рамках указанных правоотношений. Механизм их образования есть результат причинно-следственных связей между названными областями знаний. Глубокому познанию во многом способствует анализируемая группа закономерностей;

– закономерности, отражающие происходящие перемены в сфере ОРД, выступающие средой функционирования органов прокуратуры, реализующие функцию контрольно-проверочной деятельности в рамках прокурорского надзора. Отсюда нетрудно уловить существующую взаимосвязь между внешней средой и органами прокуратуры, которая объективно продиктована необходимостью реализации норм ФЗ о прокуратуре и ФЗ об ОРД;

– закономерности, раскрывающие специфические особенности организации и тактики осуществления прокурорского надзора за ОРД, учет которых способствует нахождению наиболее приемлемых способов повышения его эффективности в условиях интенсивного развития цифровой технологии в органах и организациях прокуратуры;

- закономерности, сопутствующие оптимизации ныне существующего механизма организации прокурорского надзора за ОРД путем выработки теоретически выверенной ее модели, отвечающей требованиям современных реалий. Как нам представляется, таким путем удается из финансовоемкого вида деятельности превратить его в режим экономии средств, расходуемых на его осуществление в интересах обеспечения гарантии прав человека и гражданина при проведении оперативно розыскных мероприятий. Познание этой группы закономерностей способствует разработке названной модели на основе учета передового зарубежного и отечественного опыта, достижений современной науки и техники [14], цифровизации экономики;

– закономерности, связанные между собой в понятиях «прокурорский надзор за ОРД» и «организация прокурорского надзора за ОРД». В такой компоновке прокурорский надзор за ОРД – первичен, а его организация – вторична. Они друг без друга существовать не могут, поскольку тесно взаимосвязаны между собой;

– закономерности, учитываемые при разложении в целях углубленного изучения и анализа содержания организации прокурорского надзора за ОРД как сложноструктурного ее элемента. Многолетняя практика убедительно показывает, что каждый из компонентов выполняет при этом свою роль в системе. Однако ни одна из них не может заменить функцию системы в целом;

– закономерности, увязывающие между собой все виды прокурорского надзора, реализующие каждый из них сугубо предписанные ФЗ о прокуратуре функции;

– закономерности нормативного правового регулирования организации прокурорского надзора за ОРД. Ведомственные акты конкретизируют и дополняют нормы ФЗ об ОРД и ФЗ о прокуратуре.

Одним из вариантов повышения эффективности прокурорского надзора за ОРД могло бы послужить использование возможностей риск-ориентированного подхода, понимаемого нами как метод организации и осуществления надзора, при котором выбор интенсивности проведения прокурорских проверок зависит от состояния соблюдения сотрудниками оперативных подразделений полиции законности при исполнении ими норм ФЗ об ОРД [15].

Подытоживая вышеизложенное, следует констатировать следующее.

Во-первых, мы отдаем себе отчет в том, что не все положения, высказанные нами в настоящей статье, бесспорны. Одни из них носят полемический характер, следовательно, они нуждаются в дальнейшей научной дискуссии, другие – требуют дополнительной аргументации с приведением для убедительности конкретных результатов исследования в рамках рассматриваемой тематики.

Во-вторых, в научных трудах по вопросам понятия, сущности и содержания уголовно-процессуальных правоотношений и организации прокурорского надзора за ОРД высказаны различные суждения. Единства мнений по ним авторами пока что не найдено, а потому указанные вопросы, чтобы их окончательно разрешить, требуют дальнейшего изучения.

В-третьих, сформулированные в развитие идей рассматриваемых профессоров положения далеко не исчерпывают всех аспектов проблем, связанных с уголовно-процессуальными правоотношениями и прокурорским надзором, на наш взгляд, могут быть использованы в качестве исходных посылок для дальнейшего углубленного и всестороннего их исследования.

В-четвертых, проблема организация прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД многогранна и многоаспектна, поскольку наряду с другими обстоятельствами, прямо влияющими на это, нельзя не принимать во внимание и множество поднадзорных объектов различных ведомств, урегулированных нормативными правовыми актами.

В-пятых, под организацией прокурорского надзора за исполнением законов оперативными подразделениями полиции нами понимается базирующаяся на законах и подзаконных нормативных правовых актах научно организованная система действий с учетом складывающейся оперативной обстановки, направленная на выявлении и пресечении противоправных деяний в сфере ОРД путем принятия управленческих решений, включающих совокупность мер правового, организационного и тактического плана.

Прокурорский надзор в рассматриваемом сегменте совершенствуется (модернизируется) по своим закономерностям, являющимся

[1] Под закономерностью нами понимается объективно существующие, необходимые, устойчивые, существенные, постоянно повторяющиеся взаимосвязи между операциями и действиями лиц.

объектом познания с целью поиска оптимальной его модели.

Сущность организации прокурорского надзора за исполнением законов оперативными подразделениями полиции в сфере ОРД заключается в осуществлении комплекса (системы) специальных организационных мер, применяемых уполномоченными прокурорами в целях эффективного использования оперативно-розыскных сил, мероприятий, методов, средств и форм для решения задач борьбы с преступностью.

Список литературы:

1. Шмонин А.В. Фундаментальный вклад в науку: к 90-летнему юбилею заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора В.А. Михайлова // Уголовный процесс и криминалистика: право вые основы, теория, практика, дидактика (к 90-летию со дня рождения профессора В.А. Михайлова) : сборник / под ред. Ю.В. Гаврилина, Б.Я. Гаврилова, Л. В. Лазаревой [и др.] – М.: Академия управления МВД России, 2025. – С. 117.

2. Иванов П.И. Кто он такой современный ученый? // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. – С. 402-408.

3. Дементьев А.Д. Не смейте забывать учителей, 1967 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://katun24.ru/projects/lyubimye-stihi/577496 (дата обращения: 08.01.2026).

4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.В. Мозякова. – М.: «Издательство «Экзамен XX1», 2002. – С. 193.

5. Иванов П.И. Факторы, обусловливающие особенности организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Закон и право. – 2020. – № 3. – 139-142.

6. Иванов П.И. Совершенствование организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД: ретроспективный анализ // Вопросы истории. – 2023. – № 4 (2). – С. 86-93.

7. Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2024 № 4154-р «Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий» // Собрание законодательства РФ. – 2025. № 2. – Ст. 76.

8. Настольная книга прокурора / под общ. ред. С.Г. Кехлерова и О.С. Капинус; науч. ред. А.Ю. Винокуров. – М.: Издательство Юрайт. – 2012. – С. 44-45.

9. Козусев А.Ф. Прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности: дис. … доктора юридических наук: 12.00.09, 12.00.11 / Козусев А.Ф. – М., 2001.

10. Козусев А.Ф. Полномочия прокурора по надзору за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – № 10.

11. Патрушев Н.А. О сущности прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Закон и право. – 2019. – № 4. – С. 169-171.

12. Патрушев Н.А. О понятии прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Закон и право. – 2019. – № 6. – С. 184-186.

13. Патрушев Н.А. Место и роль прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность в правоохранительной системе // Закон и право. 2019. – № 7. – С. 155-157.

14. Чубейко С.В., Довиденко П.Ю. Теневой Интернет как элемент развития информационных технологий и преступности // Философия права. – 2021. – № 3 (98). – 122-126.

15. Иванов П.И. Внедрение метода риск-ориентированного подхода в деятельность по оперативно-розыскному противодействию экономическим и коррупционным преступлениям (в порядке постановки проблемы) // Юристъ-Правоведъ. – 2023. – № 1 (104). С. 80-89.

References:

1. Shmonin A.V. Fundamental Contribution to Science: On the 90th Anniversary of the Honored Scientist of the Russian Federation, Professor V.A. Mikhailov. In: *Ugolovnyi protsess i kriminalistika: pravovye osnovy, teoriya, praktika, didaktika (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya professora V.A. Mikhailova)* [Criminal Process and Criminalistics: Legal Foundations, Theory, Practice, Didactics (on the 90th Anniversary of the Birth of Professor V.A. Mikhailov)]: Collected volume. Ed. by Yu.V. Gavrilin, B.Ya. Gavrilov, L.V. Lazareva [et al.]. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025, p. 117.

2. Ivanov P.I. Who is a Modern Scientist? Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and State: Theory and Practice], 2025, no. 2, pp. 402-408.

3. Dementiev A.D. Do Not Dare Forget the Teachers, 1967. Available at: http://katun24.ru/projects/lyubimye-stihi/577496 (accessed: 08.01.2026).

4. Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Ed. by V.V. Mozyakov. Moscow: "Ekzamen XXI" Publishing House, 2002, p. 193.

5. Ivanov P.I. Factors Determining the Specifics of Organizing Prosecutorial Supervision over the Execution of Laws by Bodies Carrying Out Investigative Activities. Zakon i pravo [Law and Right], 2020, no. 3, pp. 139-142.

6. Ivanov P.I. Improving the Organization of Prosecutorial Supervision over the Execution of Laws by Bodies Carrying Out ORD: A Retrospective Analysis. Voprosy istorii [Questions of History], 2023, no. 4 (2), pp. 86-93.

7. Decree of the Government of the Russian Federation No. 4154-r of December 30, 2024 "On Approval of the Concept of the State System for Countering Illegal Acts Committed Using Information and Communication Technologies". Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2025, no. 2, art. 76.

8. Prosecutor's Handbook. Ed. by S.G. Kekhlerov and O.S. Kapinus; scientific ed. by A.Yu. Vinokurov. Moscow: Yurayt Publishing House, 2012, pp. 44-45.

9. Kozusev A.F. Prosecutorial Supervision over the Execution of Laws in Investigative Activities. Doctoral dissertation in Law: 12.00.09, 12.00.11. Moscow, 2001.

10. Kozusev A.F. Powers of the Prosecutor to Supervise the Execution of Laws in Investigative Activities. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2010, no. 10.

11. Patrushev N.A. On the Essence of Prosecutorial Supervision over the Execution of Laws by Bodies Carrying Out Investigative Activities. Zakon i pravo [Law and Right], 2019, no. 4, pp. 169-171.

12. Patrushev N.A. On the Concept of Prosecutorial Supervision over the Execution of Laws by Bodies Carrying Out Investigative Activities. Zakon i pravo [Law and Right], 2019, no. 6, pp. 184-186.

13. Patrushev N.A. The Place and Role of Prosecutorial Supervision over the Execution of Laws by Bodies Carrying Out Investigative Activities in the Law Enforcement System. Zakon i pravo [Law and Right], 2019, no. 7, pp. 155-157.

14. Chubeiko S.V., Dovidenko P.Yu. The Shadow Internet as an Element of the Development of Information Technologies and Crime. Filosofiya prava [Philosophy of Law], 2021, no. 3 (98), pp. 122-126.

15. Ivanov P.I. Implementing a Risk-Based Approach into Activities for Investigative Counteraction to Economic and Corruption Crimes (Problem Statement). Yurist-Pravoved [Lawyer-Jurist], 2023, no. 1 (104), pp. 80-89.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_368

УСТОЙЧИВОСТЬ АЛГОРИТМОВ КОМПЬЮТЕРНОГО ЗРЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ ДОПУСТИМОСТИ ЦИФРОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
THE STABILITY OF COMPUTER VISION ALGORITHMS AS A CONDITION FOR THE ADMISSIBILITY OF DIGITAL EVIDENCE

ПОГРЕБИНСКАЯ Мария Николаевна,
студентка Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (МГТУ им. Баумана),
105005, Россия, г. Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5, стр. 1.
e-mail:marpogrn@yandex.ru
POGREBINSKAYA Maria Nikolaevna,
student of the Bauman Moscow State Technical University (BMSTU),
5, 2nd Baumanskaya St., building 1, Moscow, 105005, Russia.
e-mail:marpogrn@yandex.ru

Краткая аннотация. *В данной работе предложена теоретико-методологическая модель формирования состязательных возмущений, обладающих устойчивостью к ключевым физическим преобразованиям, возникающим при переносе данных из цифровой среды в физический мир. Рассматриваются аффинные и частично неаффинные трансформации, в т.ч. поворот, масштабирование, сдвиг, изменения освещения и ракурса съемки. Методология основана на оптимизации аффинно-инвариантного градиента с использованием ядерных оценок в декартовой и полярной системах координат, что позволяет концептуально заменить вычислительно затратный многократный перебор пространства преобразований последовательностью линейных сверточных операций. Предлагаемый подход ориентирован на формирование физически реализуемых патчей, текстур и текстовых возмущений, предназначенных для стресс-тестирования систем компьютерного зрения. Работа направлена на формирование единой методологической основы для анализа и повышения устойчивости алгоритмов компьютерного зрения в условиях реальной эксплуатации. Полученные результаты имеют значение для оценки допустимости цифровых доказательств, формируемых с использованием систем компьютерного зрения, в судебной и правоприменительной практике.*

Abstract. *This work proposes a theoretical and methodological model for generating adversarial perturbations that are resilient to key physical transformations occurring when data is transferred from the digital domain to the physical world. The study considers affine and partially non-affine transformations, including rotation, scaling, translation, changes in lighting, and camera angle. The methodology is based on optimizing an affine-invariant gradient using kernel-based estimates in Cartesian and polar coordinate systems, conceptually replacing the computationally expensive exhaustive search of the transformation space with a sequence of linear convolution operations. The proposed approach is aimed at generating physically realizable patches, textures, and textual perturbations intended for stress-testing computer vision systems. The work is focused on establishing a unified methodological framework for analyzing and improving the robustness of computer vision algorithms under real-world operating conditions. The results are relevant for assessing the admissibility and reliability of digital evidence generated by computer vision systems.*

Ключевые слова: *состязательные атаки, физическая устойчивость, аффинные преобразования, инвариантные градиенты, состязательные патчи, стресс-тестирование, устойчивость компьютерного зрения, цифровые доказательства.*

Keywords: *adversarial attacks, physical robustness, affine transformations, invariant gradients, adversarial patches, stress-testing, computer vision robustness, digital evidence.*

Для цитирования: *Погребинская М.Н. Устойчивость алгоритмов компьютерного зрения как условие допустимости цифровых доказательств // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 368-371. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_368.*

For citation*: Pogrebinskaya M.N. The stability of computer vision algorithms as a condition for the admissibility of digital evidence // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 368-371. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_368.*

Статья поступила в редакцию: 03.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Глубокие нейронные сети (далее – ГНС), составляющие вычислительное ядро современных систем компьютерного зрения, продемонстрировали высокую эффективность в задачах классификации, детекции, сегментации и анализа изображений. Вместе с тем в ряде работ было показано, что такие модели обладают фундаментальной уязвимостью к состязательным воздействиям – специально сконструированным малым возмущениям входных данных, приводящим к существенным ошибкам распознавания [6; 3].

Большинство ранних исследований рассматривали состязательные атаки в исключительно цифровой постановке, предполагающей прямой доступ атакующего к входу модели. Однако в прикладных сценариях – автономное вождение, интеллектуальное видеонаблюдение, анализ документов, биометрические системы – входные данные формируются в результате физического процесса: печати, деформации носителя, оптического захвата, сканирования и цифровой предобработки. Эти процессы вносят сложные искажения, которые зачастую полностью нейтрализуют эффективность цифровых состязательных воздействий [4].

В правоприменительной практике результаты работы систем компьютерного зрения все чаще используются в качестве цифровых доказательств — видеозаписей, изображений, результатов автоматического распознавания. При этом вопрос допустимости таких доказательств напрямую связан с надежностью и воспроизводимостью алгоритмической обработки визуальных данных. Уязвимость алгоритмов к физическим искажениям ставит под сомнение презумпцию объективности цифровых изображений и требует методологической оценки устойчивости применяемых систем.

Таким образом, для адекватной оценки устойчивости систем компьютерного зрения, функционирующих в неконтролируемой среде, требуется разработка методологии формирования состязательных возмущений, устойчивых к физическим трансформациям. При этом ключевой проблемой остается высокая вычислительная сложность существующих подходов, основанных на стохастическом переборе пространства преобразований, а также отсутствие унифицированной модели, описывающей полный цикл преобразования данных от цифрового формата к физическому и обратно.

Целью настоящей работы является разработка теоретико-методологической основы оценки устойчивости алгоритмов компьютерного зрения к физическим трансформациям в контексте анализа допустимости цифровых доказательств, формируемых с использованием таких алгоритмов. В рамках исследования решаются следующие задачи:

- анализ существующих подходов к физическим состязательным атакам;
- формализация пространства физических преобразований;
- разработка инвариантной градиентной функции оценки, аппроксимирующей ожидание по аффинным трансформациям;
- формирование проектного экспериментального алгоритма для последующей эмпирической верификации;
- определение значения устойчивости алгоритмов компьютерного зрения для оценки надежности и допустимости цифровых доказательств.

Классические методы генерации состязательных примеров, например, FGSM, PGD и их модификации, основаны на использовании градиента функции потерь модели по входным данным [3; 5]. Эти методы демонстрируют высокую эффективность в цифровом домене, однако практически не учитывают влияние внешних преобразований.

Причины уязвимости ГНС связывают с высокой линейностью в пространствах большой размерности и слабой локальной устойчивостью признаковых представлений, что приводит к возможности направленного смещения решения при минимальных изменениях входа.

Физические атаки предполагают сценарий, при котором состязательное возмущение реализуется на физическом носителе – «состязательном носителе». В обзорной работе Wei H., Tang H., Jia X. и др. [7] предлагается рассматривать полный процесс физической атаки, состоящий из генерации возмущения, изготовления носителя, захвата изображения сенсором и подачи данных в модель.

К состязательным носителям относятся наклейки, элементы одежды, трехмерные объекты, а также печатные изображения и текст. Каждый из этих носителей характеризуется собственным набором допустимых преобразований и ограничений на форму возмущения.

Одним из наиболее распространенных подходов к обеспечению устойчивости атак является метод «математическое ожидание по преобразованиям» (Expectation Over Transformation, или EOT), предложенный A. Athalye и соавторами [1]. Метод заключается в оптимизации математического ожидания функции потерь по распределению случайных преобразований изображения. Несмотря на универсальность, он характеризуется крайне высокой вычислительной сложностью и слабой интерпретируемостью.

Существенное развитие идее инвариантности принесла разработка методов, аппроксимирующих ожидание по преобразованиям через сверточные операции. Так, атака с трансляционной инвариантностью [2] показала, что усреднение градиента по сдвигам может быть эффективно заменено сверткой с гауссовским ядром. Это положило основу для построения более общих инвариантных функций оценки.

В российской науке значительное внимание уделяется вопросам устойчивости и интерпретируемости систем компьютерного зрения. В частности, исследователями факультета ВМК МГУ был предложен индекс устойчивости изображений IRI, предназначенный для оценки уязвимости изображений к атакам на метрики качества [8].

Далее будет рассмотрена предлагаемая методология формирования физически устойчивых возмущений.

Задача формирования физически устойчивого состязательного возмущения формализуется как задача оптимизации:

$$\arg\max_{x_{adv}} \mathbb{E}_{a\sim A}[J(F_a(x_{adv}), y)], \text{ при условии } \| x_{adv} - x_{real} \|_\infty \leq \varepsilon,$$

где F_a – функция физического (аффинного) преобразования, A – пространство допустимых преобразований, J – функция потерь модели, y – целевая метка.

Значимым элементом предлагаемой методологии является явное моделирование физических преобразований, которым подвергается изображение при переходе из цифровой среды в физическую и обратно. В рамках настоящей работы физическая трансформация представляется как композиция нескольких классов искажений, каждый из которых оказывает самостоятельное влияние на структуру входных данных.

В первую очередь рассматриваются аффинные преобразования, подразумевающие трансляцию, поворот и масштабирование. Эти искажения описывают изменение положения и ориентации объекта относительно сенсора и характерны для большинства сценариев физического захвата изображения. Аффинные преобразования формализуются параметрическим семейством операторов, действующих на двумерную плоскость изображения.

Дополнительно учитываются фотометрические искажения, возникающие вследствие изменений освещенности, цветовой температуры источников света и характеристик сенсора. Эти эффекты моделируются посредством нелинейных преобразований яркости и контрастности, а также добавления аддитивного шума.

В качестве расширения также рассматриваются неаффинные деформации, характерные для гибких носителей, прежде всего бумаги. Такие деформации – это: локальные изгибы, смятие и растяжение материала. В рамках гипотетической модели они описываются параметризованными полями деформаций, не нарушающими топологической связности изображения.

Обобщенный оператор физической трансформации представляется в виде композиции:

$$T = T_{photo} \circ T_{non-affine} \circ T_{affine},$$

где каждый компонент отражает соответствующий класс физических искажений.

Центральным элементом предлагаемой методологии является аффинно- инвариантная градиентная функция оценки, предназначенная для аппроксимации градиента математического ожидания функции потерь по пространству аффинных преобразований.

Исходная задача вычисления

$$\nabla_x \mathbb{E}_{a \sim A}[J(F_a(x), y)]$$

является вычислительно затратной, поскольку требует многократного применения функции потерь к трансформированным версиям изображения. Для снижения сложности предлагается аппроксимация, основанная на двух допущениях: локальной гладкости функции потерь и ограниченности параметров преобразований.

Аффинное преобразование декомпозируется на трансляцию и совместное преобразование масштабирования-поворота. Это позволяет рассматривать влияние каждого преобразования независимо и применять специализированные аппроксимации.

Трансляционная инвариантность достигается заменой усреднения по всем возможным сдвигам сверткой градиента с нормализованным гауссовским ядром, что является развитием идей трансляционно-инвариантных атак [2].

Инвариантность к масштабу и повороту достигается путем перехода в полярную систему координат. В этом пространстве масштабирование и вращение эквивалентны трансляциям вдоль радиальной и угловой осей. Проекция градиента в полярное пространство, последующая свертка и обратное отображение в декартовы координаты позволяют получить аппроксимацию градиента, инвариантного к данным преобразованиям.

Итоговая функция оценки имеет вид композиции линейных операторов свертки и проекции, что позволяет считать ее вычислительно эффективной.

Полученная аффинно-инвариантная функция может использоваться в качестве замены стандартного градиента в большинстве известных градиентных методов генерации состязательных примеров. В частности, она концептуально совместима с FGSM, PGD, методами с моментом и атаками с диверсификацией входа.

В результате формируются инвариантные версии базовых атак, отличающиеся тем, что направление оптимизации учитывает ожидаемое воздействие физического преобразования, а не только цифровую ошибку модели. Такой подход позволяет теоретически повысить переносимость атаки между различными условиями съемки и различными архитектурами моделей.

Особое внимание здесь стоит также уделить применению предлагаемой методологии к текстовым данным, представленным на физическом носителе. В отличие от природных изображений, текст обладает высокой структурной регулярностью и семантической чувствительностью к локальным искажениям.

В рамках гипотетической модели рассматривается задача формирования состязательного шрифта, в котором микроскопические возмущения глифов сохраняют читаемость для человека, но нарушают стабильность работы OCR-систем и классификаторов документов. Формирование таких возмущений осуществляется на уровне отдельных символов с учетом статистики физических искажений при печати и сканировании.

Далее будет рассмотрен проект экспериментального алгоритма и метрики оценки в целях описания возможной процедуры будущей эмпирической верификации предложенной методологии.

В качестве эталонных наборов данных предполагается использование синтетически сгенерированных изображений и общеизвестных датасетов для классификации и распознавания текста. Целевые модели – типовые сверточные архитектуры и современные трансформерные модели компьютерного зрения.

Физическая симуляция предполагается на основе параметрических моделей искажений либо с использованием графических движков для имитации условий съемки.

Для комплексной оценки устойчивости предлагается использовать совокупность показателей:

- эффективность атаки, усредненную по пространству преобразований;
- устойчивость к вариациям параметров трансформации;
- скрытность возмущения, оцениваемую через метрики структурного сходства;
- переносимость атаки на модели, не использовавшиеся при генерации возмущения.

Концептуально данные метрики соотносятся с общепринятыми подходами к оценке физических атак и с отечественными разработками индексов устойчивости изображений. Предлагаемые метрики могут рассматриваться не только как технические показатели надежности алгоритмов, но и как методологическая основа для экспертной оценки цифровых доказательств, полученных с использованием систем компьютерного зрения, в рамках судебных и квазисудебных процедур.

Предлагаемая методология представляет собой фундаментальный компромисс между цифровой эффективностью атаки и ее устойчивостью в физическом мире. Предполагается, что повышение устойчивости достигается за счет некоторого снижения скрытности в цифровом домене, что согласуется с общими тенденциями, выявленными в работах по физическим состязательным атакам.

Ограничениями данного подхода являются зависимость от корректности модели физических преобразований и необходимость дополнительных вычислений при работе с полярными координатами. Вместе с тем данные ограничения носят методологический характер и могут быть ликвидированы в будущих исследованиях.

Принимая во внимание все вышесказанное, заключим, что в данной работе предложена теоретико-методологическая модель формирования состязательных возмущений, устойчивых к физическим трансформациям, ориентированная на тестирование и анализ устойчивости систем компьютерного зрения.

Предложенный подход закладывает основу для дальнейших эмпирических исследований, разработки методов состязательного обучения и формирования стандартов стресс-тестирования систем компьютерного зрения, предназначенных для работы в реальных условиях. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что устойчивость алгоритмов компьютерного зрения к физическим трансформациям является необходимым условием доверия к результатам их работы. В условиях использования таких систем для формирования цифровых доказательств отсутствие оценки устойчивости алгоритмов может привести к снижению достоверности и проблемам допустимости доказательственной информации.

Список литературы

1. Athalye A., Engstrom L., Ilyas A., Kwok K. Synthesizing robust adversarial examples. [Электронный ресурс] // URL: https://www.semanticscholar.org/paper/Synthesizing-Robust-Adversarial-Examples-Athalye-Engstrom/8dce99e33c6fceb3e79023f5894fdbe733c91e92?utm_source=direct_link (дата обращения: 25.12.2025).
2. Dong Y., Pang T., Su H., Zhu J. Evading defenses to transferable adversarial examples by translation-invariant attacks. [Электронный ресурс] // URL: https://www.researchgate.net/publication/332263822_Evading_Defenses_to_Transferable_Adversarial_Examples_by_Translation-Invariant_Attacks (дата обращения: 25.12.2025).
3. Goodfellow I. J., Shlens J., Szegedy C. Explaining and harnessing adversarial examples. [Электронный ресурс] // URL: https://www.semanticscholar.org/paper/Explaining-and-Harnessing-Adversarial-Examples-Goodfellow-Shlens/bee044c8e8903fb67523c1f8c105ab4718600cdb?utm_source=direct_link (дата обращения: 25.12.2025).
4. Kurakin A., Goodfellow I., Bengio S. Adversarial examples in the physical world. [Электронный ресурс] // URL: https://www.semanticscholar.org/paper/Adversarial-examples-in-the-physical-world-Kurakin-Goodfellow/b544ca32b66b4c9c69bcfa00d63ee4b799d8ab6b?utm_source=direct_link (дата обращения: 25.12.2025).
5. Madry A., Makelov A., Schmidt L. и др. Towards deep learning models resistant to adversarial attacks. [Электронный ресурс] // URL: https://www.semanticscholar.org/paper/Towards-Deep-Learning-Models-Resistant-to-Attacks-Ma%CC%A7dry-Makelov/7aa38b85fa8cba64d6a4010543f6695dbf5f1386?utm_source=direct_link (дата обращения: 25.12.2025).
6. Szegedy C., Zaremba W., Sutskever I. и др. Intriguing properties of neural networks. [Электронный ресурс] // URL: https://www.semanticscholar.org/paper/Intriguing-properties-of-neural-networks-Szegedy-Zaremba/d891dc72cbd40ffaeefdc79f2e7afe1e530a23ad?utm_source=direct_link (дата обращения: 25.12.2025).
7. Wei H., Tang H., Jia X. и др. Physical Adversarial Attack Meets Computer Vision: A Decade Survey. [Электронный ресурс] // URL: https://www.researchgate.net/publication/364110436_Physical_Adversarial_Attack_meets_Computer_Vision_A_Decade_Survey (дата обращения: 25.12.2025).
8. Ученые МГУ предложили метод оценки устойчивости изображений к атакам на метрики качества. 06.05.2025 [Электронный ресурс] // URL: https://icmos.ru/news/ucenye-mgu-predlozili-metod-ocenki-ustoicivosti-izobrazenii-k-atakam-na-metriki-kacestva (дата обращения: 25.12.2025).

References

1. Atalye A., Engstrom L., Ilyas A., Kwok K. Generalization of Convincing Examples of Adversarial. [Electronic resource] // URL: https://www.semanticscholar.org/paper/Synthesizing-Robust-Adversarial-Examples-Athalye-Engstrom/8dce99e33c6fceb3e79023f5894fdbe733c91e92?utm_source=direct_link (accessed on 25.12.2025).
2. Dong Y., Peng T., Su H., Zhu J. Avoiding Defense in Portably Competitive Examples via Translation-Invariant Attacks. [Electronic resource] // URL: https://www.researchgate.net/publication/332263822_Evading_Defenses_to_Transferable_Adversarial_Examples_by_Translation-Invariant_Attacks (accessed: 25.12.2025).
3. Goodfellow I. J., Schlens J., and Szegedy K. Explaining and Using Adversarial Examples. [Electronic resource] // URL: https://www.semanticscholar.org/paper/Explaining-and-Harnessing-Adversarial-Examples-Goodfellow-Shlens/bee044c8e8903fb67523c1f8c105ab4718600cdb?utm_source=direct_link (accessed: 25.12.2025).
4. Куракин А., Гудфеллоу И., Бенгио С. Примеры противостояния в физическом мире. [Электронный ресурс] // URL: https://www.semanticscholar.org/paper/Adversarial-examples-in-the-physical-world-Kurakin-Goodfellow/b544ca32b66b4c9c69bcfa00d63ee4b799d8ab6b?utm_source=direct_link (дата обращения: 25.12.2025).
5. Мадри А., Макелов А., Шмидт Л. и др. На пути к моделям глубокого обучения, устойчивым к враждебным атакам. [Электронный ресурс] // URL: https://www.semanticscholar.org/paper/Towards-Deep-Learning-Models-Resistant-to-Attacks-Ma%CC%A7dry-Makelov/7aa38b85fa8cba64d6a4010543f6695dbf5f1386?utm_source=direct_link (дата обращения: 25.12.2025).
6. Сегеди К., Заремба В., Суцкевер И. И. др. Интригующие свойства нейронных сетей. [Электронный ресурс] // URL: https://www.semanticscholar.org/paper/Intriguing-properties-of-neural-networks-Szegedy-Zaremba/d891dc72cbd40ffaeefdc79f2e7afe1e530a23ad?utm_source=direct_link (дата обращения: 25.12.2025).
7. Wei H., Tang H., Jia X. и др. Physical Adversarial Attack Meets Computer Vision: A Decade Survey. [Электронный ресурс] // URL: https://www.researchgate.net/publication/364110436_Physical_Adversarial_Attack_meets_Computer_Vision_A_Decade_Survey (дата обращения: 25.12.2025).
8. Scientists from Moscow State University have proposed a method for assessing the resistance of images to attacks on quality metrics. 06.05.2025 [Electronic resource] // URL: https://icmos.ru/news/ucenye-mgu-predlozili-metod-ocenki-ustoicivosti-izobrazenii-k-atakam-na-metriki-kacestva (accessed: 25.12.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_372

УДК 343.23

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА: ПОЗИЦИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ
QUESTIONS OF CORRUPTION QUALIFICATION: POSITION OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

ЧУНИХА Анжелика Арслановна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юридических и специальных дисциплин Ставропольского филиала РАНХиГС,
Россия, г. Ставрополь, ул. Лермонтова, 189.
E-mail: riboni74@mail.ru

ЦЫГАНКОВА Евгения Алексеевна,
кандидат юридических наукдоцент кафедры юридических и специальных дисциплин Ставропольского филиала РАНХиГС,
Россия, г. Ставрополь, ул. Лермонтова, 189.
E-mail: sarik07@yandex.ru

ЗИНОВЬЕВА Елена Олеговна,
старший преподаватель кафедры юридических и специальных дисциплин Ставропольского филиала РАНХиГС,
Россия, г. Ставрополь, ул. Лермонтова, 189.
E-mail: elenkaolegovna91@mail.ru

CHUNIKHA Angelika Arslanovna,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal and Special Disciplines, Stavropol Branch of the RANEPA,
Stavropol, Lermontov str., 189.
E-mail: riboni74@mail.ru

TSYGANKOVA Evgeniya Alekseevna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Legal and Special Disciplines of the Stavropol Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
189 Lermontova Street, Stavropol.
E-mail: sarik07@yandex.ru

ZINOVIEVA Elena Olegovna,
Senior Lecturer of the Department of Legal and Special Disciplines of the Stavropol Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
189 Lermontova Street, Stavropol.
E-mail: elenkaolegovna91@mail.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена рассмотрению правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации относительно квалификации взяточничества и смежных коррупционных преступлений. Анализируются постановления Пленума Верховного суда РФ, разъясняющие отдельные вопросы привлечения к уголовной ответственности за рассматриваемые преступления. Выявляются тенденции развития отечественной антикоррупционной политики и подчеркиваются трудности правоприменительной практики, вызванные недостаточной определенностью норм действующего законодательства.*

Abstract: *This article examines the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the classification of bribery and related corruption offenses. It analyzes the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation that clarify specific aspects of criminal liability for these offenses. It identifies trends in the development of domestic anti-corruption policy and highlights the difficulties in law enforcement caused by the lack of clarity in current legislation.*

Ключевые слова*: коррупционное преступление, посредничество, состав преступления, ответственность.*
Keywords: *corruption offense, mediation, elements of the offense, liability.*

Для цитирования: *Чуниха А.А., Цыганкова Е.А., Зиновьева Е.О. Вопросы квалификации взяточничества: позиция Верховного суда РФ // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 372-375. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_372.*
For citation*: Chunikha A.A., Tsygankova E.A., Zinovieva E.O. Questions about the qualification of bribery: the position of the Supreme Court of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp.372 -375. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_372.*

Статья поступила в редакцию: 07.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Проблема взяточничества занимает одно из центральных мест среди угроз национальной безопасности государства, поскольку представляет серьезную опасность для стабильности функционирования государственных институтов, экономики и социальной сферы. Уголовно-правовая охрана общественных отношений, обеспечивающая борьбу с коррупцией, предполагает необходимость четкого понимания содержания составов преступлений, предусмотренных главой 30 Уголовного кодекса Российской Федерации, в частности, тех, которые связаны с получением и передачей взятки.

Особое значение приобретают правовые позиции высших судебных инстанций, выражаемые в решениях и постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, поскольку именно они задают ориентиры для правоприменителей и способствуют формированию единой судебной практики. Однако сложность самих явлений коррупции, разнообразие способов их реализации, наличие ряда дискуссионных моментов приводят к возникновению новых проблем и вызывают потребность в дополнительном изучении подходов к квалификации указанных преступлений.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 59[1] существенно обновило содержание и структуру ранее действующего документа, отражая изменения в законодательстве и учитывая накопленную судебную практику последних лет.

Ранее Верховный Суд РФ разъяснял вопросы взяточничества постановлением Пленума от 10 февраля 2000 г. № 6[2], однако эта практика устарела ввиду развития антикоррупционного законодательства. Появились новые преступления, такие как посредничество во взяточничестве, ответственность за мелкую взятку и коммерческий подкуп, расширилось понятие коррупции. Федеральным законом № 324-ФЗ[3] подверглись существенной корректировке диспозиции и санкции отдельных статей Уголовного кодекса Российской Федерации[4].

Принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ №59 стало результатом масштабной аналитической работы, проведенной по инициативе заместителя Председателя Верховного Суда РФ. Анализ судебной практики по делам о коррупционных преступлениях выявил наличие существенных ошибок и противоречивых судебных решений.

Современная практика показывает рост популярности электронных платежей и цифровых кошельков, позволяющих легко передавать средства онлайн без оформления банковских счетов (например, Яндекс.Деньги, Qiwi-кошелёк и др.). Преступники часто используют подобные инструменты для сокрытия финансовых операций и ухода от контроля правоохранительных органов. Принимая это во внимание, Пленум Верховного Суда РФ уточнил в п. 10 Постановления № 24, что ценностями, переданными в качестве взятки либо коммерческого подкупа, теперь признаются преступными доходами даже в случаях, когда перечисления происходят на электронные кошельки.

Наиболее значимой позицией, выделенной Пленумом Верховного Суда для правоприменителей, стало детальное разъяснение момента окончания состава преступления, связанного с получением и дачей взятки. Сохранено основное правило, согласно которому преступное деяние считается завершённым в тот момент, когда должностное лицо или сотрудник организации принимает хотя бы часть передаваемых ему имущественных благ. Согласно п. 10 Постановления № 24 главное новшество заключается в том, что теперь признание факта взяточничества оконченным не зависит исключительно от личного приема должностным лицом материальных ценностей. Достаточно того, что предмет взятки размещается в условленном месте с обеспечением доступа к нему субъекту-получателю, будь то прямое предоставление ключа от сейфа или иного способа доступа. Такое положение позволяет охватывать ситуации, в которых непосредственное вручение денег отсутствует, однако намерение обеих сторон передать и принять взятку подтверждено действиями сторон договора.

Верховный Суд РФ в своем Постановлении чётко обозначил позицию по квалификации интеллектуального посредничества во взяточничестве. Неважно, состоялась ли предварительная договоренность между взяткодателем и взяткополучателем о передаче материальных ценностей. Для признания преступления оконченным, достаточно установления фактов любых действий посредника, направленных на установление контакта или содействие достижению соглашений между сторонами. Форма подобного содействия остаётся гибкой и может включать организацию встреч, переговоры, консультации и любые иные мероприятия, способствующие успешному совершению акта взяточничества.

Аналогично правилам квалификации самого взяточничества, преступление посредника считается оконченным сразу после поступления ценностей от взяткодателя, если существует соглашение между посредником и взяткополучателем о хранении этих ценностей у посредника. Тогда сам посредник рассматривается как своеобразное «место хранения», где хранится взятка, доступной распоряжению со стороны взяткополучателя в любой момент.

Однако, если физическое посредничество предполагает прямую передачу взятки непосредственно взяткополучателю, то преступление считается оконченным лишь при факте реальной передачи хотя бы части средств адресату (п. 13.2 постановления № 24).

Верховный Суд РФ отметил, что ответственность за посредничество во взяточничестве и коммерческом подкупе возможна в случае достижения суммы взятки или подкупа определённого порога (более 25 тысяч рублей). Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 24 исключая возможность преследования за незначительные случаи посредничества. Это существенное изменение устраняет путаницу в правоприменительной практике и устанавливает чёткий порог, ниже которого привлечение к уголовной ответственности недопустимо (п. 13.3 постановления № 24).

Пленум Верховного Суда РФ регулярно поднимает важнейший вопрос разграничения понятий взяточничества и мошенничества. Последняя редакция Постановления № 24 получила значительные дополнения, приведя свое толкование в полное соответствие с нормами статьи 290 Уголовного кодекса РФ, устанавливающими ответственность за получение взятки.

Особенно важна новая трактовка, согласно которой должностное лицо совершает преступление, не только получая материальные блага за исполнение служебных обязанностей, но и за обещание способствовать исполнению таких обязанностей другим лицам. Более того, нарушение проявляется даже в тех ситуациях, когда должностное лицо заведомо не собирается выполнять обещанных действий, но получает вознаграждение за своё влияние или покровительство (п. 24 постановления № 24)

Эти уточнения становятся крайне важными в свете текущих реформ в области антикоррупционного законодательства и активного внедрения новых механизмов контроля над деятельностью чиновников разного уровня.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 59 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2020 - № 3.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 № 6 (ред. от 22.05.2012) «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» (утратило силу) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru

[3] Федеральный закон от 03.07.2016 № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru

Одним из важных направлений работы Верховного Суда РФ стало углубление понимания понятия «способствование». В частности, теперь способствование должностным лицом выполнению обязательств в интересах взяткодателей или лиц, представленных ими, включает использование чиновниками авторитета своей должности и связей для давления на коллег или партнёров по службе. Такие действия могут проявляться в форме просьб, уговоров, угроз, убеждений или даже открытого принуждения.

Пленум Верховного Суда РФ дополнил пункт Постановления № 24 важными разъяснениями относительно использования результатов оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) при расследовании дел о коррупционных преступлениях.

Результаты ОРМ могут использоваться следствием и судом только при выполнении обязательных условий:

1) данные должны быть собраны и предоставлены в распоряжение следственных органов или суда в полном соответствии с установленными законом процедурами;

2) необходимо убедительное подтверждение наличия у обвиняемого самостоятельного умысла на совершение преступления, возникшего без участия или провокаций сотрудников правоохранительных органов.

Более того, Пленум настоятельно рекомендует судьям проводить скрупулёзную проверку каждого отдельного случая проведения оперативно-розыскных мероприятий, независимо от того, признал ли обвиняемый свою вину или нет (п. 36 постановления № 24).

Постановление Пленума так и не разъяснило положения, отраженные в п. 8, где сказано о том, что ответственность за получение, дачу взятки, посредничество во взяточничестве наступает независимо от времени получения должностным лицом взятки - до или после совершения им действий (бездействия) по службе в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, а также независимо от того, были ли указанные действия (бездействие) заранее обусловлены взяткой или договоренностью с должностным лицом о передаче за их совершение взятки.

Одна из проблем, касается ситуаций, когда чиновник совершил действия в пользу взяткодателя ещё находясь на своём посту, но получил вознаграждение уже после официального прекращения трудовых отношений и утраты статуса должностного лица. Эта коллизионная ситуация вызывает много споров и затрудняет квалификацию преступлений коррупционной направленности.

Так, возникает вопрос: должна ли наступать уголовная ответственность бывшего должностного лица, если ценность поступила уже после его отставки или увольнения? Отсутствие прямого указания в законе оставляет простор для двусмысленных выводов, осложняя правоприменение и вызывая риски произвольного решения в каждом конкретном деле.

Интересна в данном случае позиция В.В. Хилюты о возможности признания содеянного «отложенной взяткой»[1].

Проблемой является правильная квалификация действий посредника во взяточничестве, который, действуя в сговоре с инициатором взятки, удерживает часть полученного вознаграждения в свою пользу, остается предметом острых дискуссий в научной среде и на практике. До сих пор отсутствуют однозначные выводы относительно юридического характера подобных деяний.

В Постановлении Верховного Суда РФ, до внесения в него изменений, было сказано, что если желание присвоить часть взятки возникло у посредника ещё до наступления события передачи ценностей, то такие действия рассматриваются как хищение путём мошенничества. Между тем не всегда ясно, каким образом определять изначальный замысел посредника, ведь корысть вполне может проявиться уже после сделки, а признаки осознанного злого умысла трудно установить задним числом.

Одной из важнейших юридических неясностей, оставленной без внимания в действующей редакции Постановления Пленума Верховного Суда РФ, является вопрос о признании вымогательства в случаях, когда должностное лицо предлагает (требует) незаконное вознаграждение под предлогом угрозы проведения формально законных процедур или инициирования проверок.

Несмотря на широкую распространённость подобных ситуаций в повседневной практике бизнеса и взаимодействия граждан с государственными структурами, нормативная база пока не даёт конкретного ответа на этот вопрос. Проблема усложняется отсутствием точного определения термина «вымогательство» в контексте взаимоотношений между представителями власти и обществом, что создаёт почву для разногласий и произвола в принятии судебных решений.

Доктринальный подход закрепляет, что вымогательство взятки всегда обусловлено защитой законопослушного лица, вынужденного передать взятку: «...если взяткодатель заинтересован в неправомерном поведении должностного лица, стремится обойти закон, добиться удовлетворения своих законных интересов, получить незаконные льготы, уйти от ответственности и т.п., вымогательство как квалифицирующий признак получения взятки отсутствует»[2].

В судебной практике наблюдается рост сложных ситуаций, связанных с требованием должностными лицами незаконных вознаграждений под видом угрозы совершения вполне законных действий, предусмотренных их полномочиями. Примером может послужить требование взятки под угрозой проведения плановой проверки, запроса документации или продления контракта, необходимых для нормальной деятельности предприятия.

С одной стороны, такие действия безусловно выглядят незаконными и сопровождаются скрытыми угрозами воспользоваться властными полномочиями против заинтересованной стороны.

С другой стороны, буквальное прочтение уголовного законодательства указывает, что классическое вымогательство подразумевает угрозу применения насилия, уничтожение имущества или разглашение компрометирующих сведений, что далеко от реального сценария рассматриваемых ситуаций.

[1] Хилюта, В. Отложенная» взятка / Хилюта В. [Электронный ресурс] // https://ilex.by/otlozhennaya-vzyatka/
[2] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (науч.-практ.) / под ред. А.И. Чучаева. - М., 2020. - С. 1307.

Примеры, когда чиновники угрожают проверками, запросами документов или иными мерами, входящими в сферу их компетенции, встречаются повсеместно. Однако практически невозможно доказать факт вымогательства в таких ситуациях, поскольку угроза сама по себе носит законную природу и вызвана исполнением служебных обязанностей.

До настоящего времени ни одна судебная инстанция не представила примера успешного разрешения подобной ситуации, подтверждающего существование полноценной методики квалификации таких преступлений. Тем временем российские предприниматели сталкиваются с постоянными трудностями, вызванными такими методами администрирования, негативно влияющими на инвестиционный климат и конкурентоспособность отечественной экономики.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru
2. Федеральный закон от 03.07.2016 № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 59 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года N 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - N 3. март,. – 2020.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 № 6 (ред. от 22.05.2012) «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» (утратило силу) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru
5. Хилюта, В. Отложенная» взятка / Хилюта В. [Электронный ресурс] // https://ilex.by/otlozhennaya-vzyatka/
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (науч.-практ.) / под ред. А.И. Чучаева. - М., 2020.

References:

1. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 13.06.1996 (as amended on 17.11.2025) // Official Internet portal of legal Information http://pravo.gov.ru
2. Federal Law No. 324-FZ dated 03.07.2016 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information http://www.pravo.gov.ru
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 24, 2019 No. 59 "On Amendments to Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 9, 2013 No. 24 "On Judicial Practice in Cases of Bribery and Other Corruption Crimes" and October 16, 2009 No. 19 "On Judicial Practice in Cases of Abuse of Office abuse of authority and abuse of office" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. - N 3. March, 2020.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02/10/2000 No. 6 (as amended on 05/22/2012) "On judicial practice in cases of bribery and commercial bribery" (expired) // Official Internet Portal of Legal Information http://www.pravo.gov.ru
5. Hilyuta, V. Deferred "bribe" / Hilyuta V. [Electronic resource] // https://ilex.by/otlozhennaya-vzyatka/
6. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (scientific and practical) / edited by A.I. Chuchaev, Moscow, 2020.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_376

УДК 343.829

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
SOME ISSUES OF ENSURING THE RIGHTS OF THE INDIVIDUAL IN THE IMPLEMENTATION OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

ХУСАИНОВ Рамиль Равилович
доцент кафедры ОРД ОВД Уфимского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент.
450091, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.
E-mail: sherhov007@mail.ru

КАЗАК Игорь Брониславович
доцент института подготовки государственных и муниципальных
служащих по кафедре оперативно-розыскной деятельности
Академия ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
390000, Россия, г. Рязань, Сенная ул., 1.
E-mail: sherhov007@mail.ru

KHUSAINOV Ramil Ravilovich
Associate Professor of the Department of Internal Affairs
of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor.
2 Muksinova str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450091, Russia.
E-mail: sherhov007@mail.ru

KAZAK Igor Bronislavovich,
Associate Professor at the Institute of Training of State and Municipal Employees in the Department
of Operational Investigative Activities Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Law, Associate Professor.
1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russia.
E-mail: sherhov007@mail.ru

Краткая аннотация: *в данной статье рассматриваются некоторые вопросы обеспечения прав личности при проведении оперативно - розыскных мероприятий на основе поступающих в Конституционный суд жалоб и на основании решений Европейского суда по правам человека. Автором предлагаются некоторые пути возможного решения спорных вопросов по обеспечению прав и законных интересов граждан при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.*

Abstract: *This article discusses some issues related to ensuring individual rights during operational and investigative activities, based on complaints submitted to the Constitutional Court and decisions made by the European Court of Human Rights. The author proposes some possible solutions to address the challenges in ensuring the rights and legitimate interests of individuals during operational and investigative activities.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, права и законные интересы граждан, достоинства личности.*

Keywords: *operational and investigative activities, operational and investigative measures, rights and legitimate interests of individuals, and personal dignity.*

Для цитирования: *Хусаинов Р.Р., Казак И.Б. Некоторые вопросы обеспечения прав личности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 376-378. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_376.*

For citation*: Khusainov R.R., Kazak I.B. Some issues of ensuring individual rights in the implementation of operational investigative activities // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 376-378. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_376.*

Статья поступила в редакцию: 10.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

В статье 45 Конституции Российской Федерации закреплено положение о том, что гарантируется государственная защита прав, свобод человека и гражданина. В целях реализации этой нормы в Российской Федерации приняты различные нормативные правовые акты, которые определяют специфику и процедуру обеспечения конституционного положения.

К органам внутренних дел (далее – ОВД), как одному из важных элементов правоохранительной системе государства, обществом всегда уделяется особое внимание и предъявляются обоснованные требования по непрекословному соблюдению прав, свобод человека и гражданина. Одним из основных нормативных правовых актов, регулирующих деятельность ОВД является Федеральный закон от 07 февраля 2011 года №3 «О полиции» [1], в котором зафиксировано, что основным предназначением полиции является защита жизни, здоровья, прав и свобод всех лиц, находящихся на территории нашего государства, независимо от того, являются они собственными или иностранными гражданами. Обеспечение данного принципа возложено на все подразделения ОВД, среди которых особое положение занимают оперативные подразделения, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность (Далее – ОРД), в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [2]. В соответствии с указанным законом ОРД основывается на конституционных принципах законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, два основных нормативных акта регулирующих деятельность оперативных подразделений ОВД обязывают их, при выполнении возложенных на них обязанностей, строго соблюдать принципы уважения чести и достоинства личности, а также обеспечения прав, свобод и законных интересов личности. Иными словами, субъекты ОРД при осуществлении своей деятельности должны соблюдать права всех объектов в отношении которых проводились ОРМ, независимо от их уголовно-процессуального статуса.

В первую очередь оперативные сотрудники при выполнении своих функциональных обязанностей должны обеспечить реализацию конституционных прав человека и гражданина на достоинство личности и ни в коем случае не подвергать пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Все указанные права закреплены в Конституции Российской Федерации, и они охраняются государством.

В настоящее время обеспечение рассматриваемого права для оперативных подразделений является одной из наиболее актуальных задач. О наличии некоторых проблем в этом направлении свидетельствуют поступающие от граждан жалобы на оперативных сотрудников о нарушении указанного конституционного права.

Одним из самых резонансных случаев является применение разнообразных пыток в казанском отделе полиции «Дальний». Сотрудники уголовного розыска, добиваясь чистосердечного признания по делу, возбужденному по ч.1 ст.161 УК РФ, избили 52-летнего подозреваемого Сергея Назарова. По возбужденному в отношении сотрудников делу помимо Назарова проходили еще 14 потерпевших, заявлявших о применении по отношении к ним насилия и пыток.

Однако, к сожалению, это далеко не единичный случай на территории нашего государства. Об этом свидетельствует практика Европейского суда по правам человека, в рамках судопроизводства, которого зарегистрировано свыше 50 жалоб, поступающих от граждан Российской Федерации. Так, например, 16 ноября 2001г. в ЕСПЧ обратился Михеев А.Е. (жалоба №77617/07), который подвергался воздействию электрического тока со стороны сотрудников уголовного розыска городского отдела органов внутренних дел, требовавших дачи признательных показаний в изнасиловании и убийстве несовершеннолетней девушки. В результате применения такой пытки гражданин Михеев выпрыгнул из окна отдела полиции и получил многочисленные травмы и остался инвалидом [3].

Следующей немаловажной проблемой обеспечения прав человека и гражданина при осуществлении ОРД является проведение проверочной закупки и оперативного эксперимента в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств. При проведении указанных ОРМ отмечаются факты провокации совершения преступлений, следствием которых являются необоснованное и незаконное привлечение лиц к уголовной ответственности.

В настоящее время практически половина всех жалоб, поступающих в Конституционный Суд РФ, связана с незаконным оборотом наркотических средств. При этом заявители отмечают провокационные действия со стороны сотрудников полиции. В связи с этим Конституционный суд в ряде своих постановлений указал на недопустимость применения мер подстрекательства, склонения и побуждения к совершению противоправных действий [4].

Однако на практике данное положение в полном объеме еще не реализовано и в различные инстанции продолжают поступать жалобы, связанные с противоправными действиями оперативных сотрудников при проведении проверочной закупки и оперативного эксперимента. При этом в первую очередь отмечается отсутствие законных оснований для проведения рассматриваемых ОРМ, недоказанность умысла на сбыт наркотических средств в связи с тем, что большая часть обвинительных приговоров по делу о незаконном обороте наркотиков основывается лишь на показаниях понятых, привлеченных в ходе проверочной закупки, актами ОРМ и изъятыми при его производстве наркотическими средствами. Данное обстоятельство связано с тем, что зачастую в практической деятельности санкционирование постановлений о проведении проверочной закупки происходит уже после ее фактического осуществления, что исключает возможность рассмотрения обоснованности принятия такого решения [5, с. 56].

Для разрешения возникшей проблемы необходимо усилить контроль со стороны руководства оперативных подразделений или возложить обязанность по санкционированию данного ОРМ контролирующими органами.

Кроме того, необходимо напомнить, что проведение проверочной закупки и оперативного эксперимента в большинстве случаев сопровождается задержанием с поличным и личным обыском подозреваемого лица. При этом, ФЗ «Об ОРД» не предусматривает в своих положениях такой возможности и в связи с этим оперативные сотрудники начинают искать законные основания для задержания. В практической деятельности оперативных подразделений сложилась практика административного задержания лиц, по результатам проведенных ОРМ. Однако практика административного задержания лиц за совершение деяний, подпадающих под уголовную ответственность является не правомерной. Необходимо напомнить, что Конституционный Суд РФ определил, что административное задержание не может применяться в отношении лица совершившего преступление, иначе нарушаются основные принципы административного и уголовно-процессуального законодательства.

Проблема задержания с поличным неоднократно находила свое отражение в научных работах специалистов в области ОРД. Некоторые из них предлагали для разрешения данного вопроса внести соответствующие изменения в ФЗ «Об ОРД», предоставив оперативным сотрудникам права на кратковременное ограничение свободы лиц, застигнутых при совершении преступления [6, с. 67]. Профессор В.Ф. Луговик попытался реализовать данное положение в проекте оперативно-розыскного кодекса, но пока данный проект не нашел своей поддержки.

Следующим существенным нарушением прав человека и гражданина при осуществлении ОРД является несоблюдение сотрудниками права на защиту лиц, подвергнутых задержанию по подозрению в совершении преступлений. Обязанность предоставления права на получение квалифицированной юридической помощи не закреплено в Федеральном законе от 12.08.1995 №144 –ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». В связи с изложенным у некоторых сотрудников сложилось ошибочное мнение, что такая обязанность возложена только на лиц, осуществляющих предварительное расследование.

Наличие указанной проблемы подтверждается данными Конституционного суда Российской Федерации, в котором регистрируются обращения граждан по поводу того, что им не было разъяснено право на отказ от дачи показаний при опросе сотрудниками уголовного розыска, а

также жалобы на недопущение адвокатов, прибывающих на проведение указанного оперативно-розыскного мероприятия [7]. В связи с этим Конституционный суд указал на необходимость разъяснения опрашиваемым лицам об их праве на отказ от дачи объяснений и показаний. Конституционный суд в своем определении указал, что сотрудники, осуществляющие ОРД, обязаны предоставить возможность участия адвоката при проведении ОРМ, если оно не связано с соответствующим режимом секретности и не нарушает принципа конспиративности. Таким образом, допускается получение квалифицированной юридической помощи подозреваемым (обвиняемым) в совершении преступления при проведении гласных ОРМ, к числу которых относится некоторые виды опроса.

Подводя итог можно констатировать, что обеспечение прав личности при осуществлении ОРД остается одним из важных вопросов теории и практики. Решение этой проблемы должен носить комплексный характер, связанный с проведением научных исследований, на основе которых разработки новых теоретических положений, внесение изменений в нормативные правовые акты. Для реализации указанных задач в деятельности оперативных подразделений необходимо разработать новые методы проведения отдельных ОРМ, в том числе с применением технических средств фиксации, а также принять согласованное решение о порядке реализации полученных результатов в уголовном процессе. Помимо этого, необходимо проводить мероприятия, направленные на формирование профессионального сознания у оперативных сотрудников при выполнении возложенных на них задач и усилить ведомственный контроль за деятельностью сотрудников, осуществляющих ОРД.

Список литературы:

1. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011г. №3-ФЗ.- URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 07.11.2023). – Текст: электронный.

2. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 №144-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc _LAW_7519/ (дата обращения: 07.11.2023). – Текст: электронный.

3. Дело «Михеев против Российской Федерации»: постановление ЕСПЧ от 26 января 2006 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 6. С. 99 105. URL: https://www.conventions.ru/view_base.php?id=21729 (дата обращения: 07.11.2023). – Текст: электронный.

4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пишака Вадима Ивановича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 6 и частью второй статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 19 февраля 2009 г. № 91-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

5. Железняк Н. С., Васильев А. Д. «Черные дыры» и «белые пятна» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: юридические и лингвистические аспекты: монография. Красноярск, 2019.

6. Гусев В. А. «Параллельная реальность» принуждения в оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2019. № 3 (44).

4. Дело «Маслова и Налбандов против Российской Федерации»: постановление ЕСПЧ от 24 января 2008 г. // Российская хроника Европейского Суда. Специальный выпуск. 2009. № 1. С. 76–90. URL: http://hrlibrary.umn.edu/russian/euro/Rmaslovaandnalbandovcase.html (дата обращения: 07.11.2023). Текст: электронный.

5. Дело «Кумицкий и другие против Российской Федерации» [Электронный ресурс]: постановление ЕСПЧ от 10 июля 2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Панова Юрия Георгиевича на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2011 г. № 580-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Панова Юрия Георгиевича на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2011 г. № 580-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References:

1. About the police: Federal Law No. 3-FZ dated 07.02.2011.- URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165 / (date of access: 11/07/2023). –Text: electronic.

2. On operational investigative activities: Federal Law No. 144-FZ dated 08/12/1995. – URL: http://www.consultant.ru/document / CONS_DOC_LAW_7519/ (accessed: 11/07/2023). – Text: electronic.

3. The case of Mikheev v. the Russian Federation: ECHR ruling of January 26, 2006 // Bulletin of the European Court of Human Rights. 2006. No. 6. p. 99-105. URL: https://www.conventions.ru/view_base.php?id=21729 (date of request: 11/07/2023). – Text: electronic.

4. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Vadim Ivanovich Pishak for violation of his constitutional rights by Part one of Article 6 and Part two of Article 8 of the Federal Law "On Operational Investigative Activities" [Electronic resource]: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 19, 2009 No. 91-O-O. Access from the help.-legal system "ConsultantPlus"

5. Zheleznyak N. S., Vasiliev A.D. "Black holes" and "white spots" of the Federal Law "On operational investigative activities": legal and linguistic aspects: a monograph. Krasnoyarsk, 2019.

6. Gusev V. A. "Parallel reality" of coercion in operational investigative activities // Operative (detective). 2019. № 3 (44).

4. The case of Maslova and Nalbandov v. the Russian Federation: ECHR Ruling of January 24, 2008 // Russian Chronicle of the European Court of Justice. Special issue. 2009. No. 1. pp. 76-90. URL: http://hrlibrary.umn.edu/russian/euro/Rmaslovaandnalbandovcase.html (date of request: 11/07/2023). Text: electronic.

5. The case "Kumitsky and Others v. the Russian Federation" [Electronic resource]: ECHR ruling of July 10, 2018. Access from references.-the legal system "ConsultantPlus".

6. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Panov Yuri Georgievich for violation of his constitutional rights by Article 6 of the Federal Law "On Operational Investigative Activities" [Electronic resource]: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 21, 2011 No. 580-O-O. Access from the help.-the legal system "ConsultantPlus".

7. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Panov Yuri Georgievich for violation of his constitutional rights by Article 6 of the Federal Law "On Operational Investigative Activities" [Electronic resource]: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 21, 2011 No. 580-O-O. Access from the help.-the legal system "ConsultantPlus".

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_379

УДК 343.1

ПОМЕЩЕНИЕ ЛИЦА В МЕДИЦИНСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ КАК МЕРА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ
PLACEMENT OF A PERSON IN A MEDICAL ORGANIZATION AS A MEASURE OF PROCEDURAL COERCION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

ШАГЕЕВА Регина Мансуровна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса
Института права Уфимского университета науки и технологий.
450007, Россия, г. Уфа, ул. Коммунистическая 107-82
E-mail: shageevarm@yandex.ru

SHAGEEVA Regina Mansurovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure
Institute of Law, Ufa University of Science and Technology.
107-82 Kommunisticheskaya str., Ufa, 450007, Russia
E-mail: shageevarm@yandex.ru

Краткая аннотация. *Институт помещения лица в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую (психиатрическую) помощь в стационарных условиях, в последние годы становится предметом активного обсуждения в контексте уголовно-процессуального принуждения. Его развитие связано как с реформой главы 51 УПК РФ и внесением Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 500-ФЗ изменений в статью 435 УПК РФ, так и с ростом числа дел о применении принудительных мер медицинского характера и усилением внимания к правам лиц с психическими расстройствами, а также с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, выраженными в его постановлениях и определениях. Вопрос о том, является ли помещение в медицинскую организацию самостоятельной мерой процессуального принуждения, продолжает оставаться предметом научных дискуссий и судебных коллизий.*

Abstract. *The institution of placing a person in a medical facility providing inpatient medical (psychiatric) care has become a subject of active discussion in recent years in the context of criminal procedural coercion. Its development is linked to the reform of Chapter 51 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the amendments to Article 435 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation introduced by Federal Law No. 500-FZ of December 30, 2021, as well as the growing number of cases involving the use of compulsory medical measures and increased attention to the rights of persons with mental disorders, as well as the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, expressed in its rulings and decisions. The question of whether placement in a medical facility constitutes an independent measure of procedural coercion continues to be the subject of scholarly debate and judicial disputes.*

Ключевые слова. *Помещение лица в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую, психиатрическую помощь в стационарных условиях, принудительные меры медицинского характера.*

Key words: *Placement of a person in a medical facility providing medical and psychiatric care in an inpatient setting; compulsory medical measures.*

Для цитирования: *Шагеева Р.М. Помещение лица в медицинскую организацию как мера процессуального принуждения в уголовном процессе // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 379-381. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_379.*

For citation*: Shageeva R.M. Placement of a person in a medical organization as a measure of procedural coercion in criminal proceedings // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 379-381. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_379.*

Статья поступила в редакцию: 18.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Актуальность проблем правильного применения и понимания такой меры как помещение лица в медицинскую организацию в рамках уголовного судопроизводства возрастает в связи с ее распространенностью. Судебная статистика показывает увеличение количества заявлений о помещении лиц в медицинские организации: в 2024 году было рассмотрено 7138 ходатайств на досудебных стадиях о помещении подозреваемых или обвиняемых, не находящихся под стражей, в медицинские или психиатрические стационары для проведения экспертиз (п. 3 ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Также в 2024 году поступило 711 ходатайств о временном помещении подозреваемых, обвиняемых, содержащихся под стражей, в медицинские организации, оказывающие психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 435, 108 УПК РФ). Кроме того, в 2024 году поступило 562 ходатайства о продлении срока временного пребывания подозреваемого, обвиняемого, содержащегося под стражей, в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях (ч. 2 ст. 435, 108 УПК РФ), тогда как в 2023 году их было 390 [1].

Помещение лица в медицинскую организацию упоминается в ряде статей УПК РФ, таких как 10, 29, 109, 128, 129, 163, 203, 232.2, 308, 389.2, 435, 437, 443, 445 и 446. Основные положения этого института изложены в статьях 203 и 435, а также в главе 51 УПК, посвященной применению принудительных мер медицинского характера.

Аналитические обзоры, подготовленные на основе данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ, подчеркивают, что применение принудительных мер медицинского характера в последние годы остается относительно стабильным в процентном соотношении в массиве завершенных уголовных дел. В 2024 году такие меры были применены к 8,0 тыс. лиц, признанным невменяемыми (в 2023 году – 8,4 тыс.). Также увеличилось количество прекращенных дел с применением данных мер к невменяемым, выросшее с 90 до 119, что составило 6,4 % в структуре оконченных производством дел (в 2023 году – 5,1 %) [2].

Вопросы, связанные с применением принудительных мер медицинского характера, включая помещение лица в психиатрическую организацию, неоднократно рассматривались Конституционным Судом РФ. В 2018 году, в результате жалоб обвиняемых, которые находились на стационарной судебно-психиатрической экспертизе и были оставлены на длительный срок в психиатрическом стационаре до решения о применении мер, Суд высказал важные правовые позиции. Во-первых, перевод лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, как уголовно-процессуальная мера, не является тем же самым, что назначение принудительных мер медицинского характера в соответствии с УК РФ. Во-вторых, такое помещение лица, в отношении которого избрано заключение под стражу, не препятствует достижению целей

применения этой меры пресечения. В-третьих, по своей юридической природе такое помещение представляет собой временную принудительную меру в рамках уголовно-процессуальных отношений, направленную на предотвращение возможных угроз, которые может представлять лицо с психическим расстройством для себя и окружающих. При этом обеспечиваются условия для обследования и лечения, включая возможность проведения дополнительной судебно-психиатрической экспертизы, если изначальное состояние лица не позволяло ответить на необходимые вопросы [3].

Федеральный закон № 500-ФЗ значительно изменил статью 435 УПК РФ, введя обязательные требования к судебным постановлениям о временном помещении: необходимо указывать конкретный срок с датой окончания, уточнен порядок продления, а также определены требования к типу медицинской организации и учету заключений судебно-психиатрической экспертизы. Также конкретизирован процессуальный порядок рассмотрения ходатайств о помещении и продлении пребывания, с отсылкой к механизму статьи 108 УПК РФ в случаях, когда применяется заключение под стражу.

Статья 203 УПК РФ регулирует помещение подозреваемых или обвиняемых, не находящихся под стражей, в медицинские организации для проведения судебной экспертизы, в том числе психиатрической. Это помещение в основном связано с обеспечением следственного действия и по целям и основаниям отличается от временного помещения по статье 435 УПК РФ, которое направлено не только на экспертизу, но и на лечение и обеспечение безопасности.

Помещение лица в медицинскую организацию не включено в закрытый перечень мер уголовно-процессуального принуждения (гл. 14 УПК РФ), что порождает споры о его правовой природе. Главный вопрос заключается в том, следует ли считать помещение в психиатрический стационар разновидностью меры пресечения (сравнимое с заключением под стражу) или как самостоятельную специальную меру процессуального принуждения. В научной среде существуют несколько подходов: одни авторы квалифицируют данную меру как разновидность меры пресечения, функционально приближенную к заключению под стражу [5]; другие - как самостоятельную специальную меру процессуального принуждения [7, с.133]; третьи - как своеобразный «гибрид» обеспечительной меры и элемента механизма реализации принудительных мер медицинского характера [6, с.30]. Эта концептуальная неопределенность влияет на единство судебной практики и затрудняет точную процессуальную квалификацию принимаемых судом решений.

М.А. Щербакова рассматривает временное помещение в медицинскую организацию как самостоятельную меру, сочетающую цели оказания психиатрической помощи, предотвращения опасных действий лица и обеспечения его участия в процессе при соблюдении правовых гарантий [7, с.133]. Е.В. Макушкин и С.Н. Шишков акцентируют внимание на том, что изменения статьи 435 УПК РФ привели к более четкому законодательному оформлению этой меры, придав ей статус временной принудительной психиатрической госпитализации с процессуальными гарантиями пересмотра и продления [8, с.22]. Подобные выводы поддерживаются и авторами, анализирующими уголовно-процессуальную сущность принудительной госпитализации как особой меры принуждения, находящейся на стыке уголовного процесса и медицинского права [6, с.30].

Согласимся, что помещение в медицинскую организацию действительно представляет собой специальную меру процессуального принуждения, обладающую характеристиками мер государственного воздействия: она осуществляется компетентным органом, в установленном законом порядке, сопряжена с ограничениями свободы и направлена на достижение процессуальных целей.

Важно различать помещение для судебно-психиатрической экспертизы по статье 203 УПК РФ и временное помещение в рамках применения принудительных мер медицинского характера по статье 435 УПК РФ. В первом случае акцент ставится на обеспечении экспертного исследования, во втором – на необходимости временного лечения и постоянного наблюдения, близкого к исполнению принудительных мер медицинского характера.

В практике правоприменения наблюдается смешение различных типов помещения в стационар, что ставит под угрозу четкость их целей и правового режима. Фактически размазываются границы между следующими процессами: а) помещением для судебно-психиатрической экспертизы; б) временным помещением в рамках производства о применении принудительных мер медицинского характера; в) госпитализацией по уже назначенной судом принудительной мере медицинского характера. Замена одних процедур другими нарушает логику стадийного судебного контроля, искажает содержание судебных решений и может привести к ограничениям прав лица вне надлежащего процессуального порядка.

Еще одной серьезной проблемой является несоответствие и фрагментарность межотраслевого регулирования. Законодательство не предлагает детальной регламентации режима пребывания в медицинской организации, не определяет объем допустимых ограничений общения, связи и доступа к информации, а также порядок гарантированного уведомления близких. Также отсутствуют четкие механизмы взаимодействия между судом, органами предварительного расследования и медицинской организацией. Отсутствие специализированного статистического учета таких решений затрудняет мониторинг практики и выявление системных проблем [8, с.22].

Существуют обоснованные опасения относительно возможных злоупотреблений, связанных с применением рассматриваемого института [9]. Не исключены случаи, когда помещение в психиатрический стационар может использоваться как средство давления на участников процесса или как «удобная» замена заключению под стражу с меньшей прозрачностью процедур и контролем. При недостаточной обоснованности судебных решений и формальном подходе к экспертным заключениям возрастает риск неправомерного ограничения личной свободы под предлогом медицинской необходимости.

В этой связи важность процессуальных гарантий, установленных в статье 435 УПК РФ, становится очевидной: решение принимается судом по ходатайству следователя или дознавателя с согласия руководителя следственного органа или прокурора, либо по инициативе суда; устанавливается предельный срок пребывания и тип медицинской организации, основываясь на экспертных заключениях. Заочное рассмотрение вопроса возможно только при отсутствии возможности участия лица по состоянию здоровья, причем обязательно с участием защитника, что обеспечивает баланс между безопасностью и правом на защиту.

В судебной практике наблюдаются ошибки, связанные с путаницей между временным помещением по статье 435 УПК РФ и назначением принудительной меры медицинского характера по главе 15 УК РФ. Например, в одном из дел, о которых идет речь в аналитическом материале, суд, удовлетворив ходатайство о переводе обвиняемого в психиатрический стационар, одновременно указал на применение к нему принудительной меры медицинского характера, что фактически нивелировало необходимость самостоятельного рассмотрения этого вопроса [10]. Такие примеры подчеркивают необходимость четкого разграничения процессуальных институтов временного помещения и применения принудительных мер медицинского характера.

Является необходимым однозначное закрепление временного помещения в медицинскую организацию, предоставляющую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в системе мер процессуального принуждения. Можно выделить эту меру как специальную, с четко определенными целями, основаниями, предельными сроками и набором процессуальных гарантий. Важно нормативно разграничить разные режимы помещения в стационар: для проведения экспертизы; временное помещение в процессе производства о применении принудительных мер медицинского характера; пребывание в стационаре по уже назначенной мере. Каждый из данных режимов нуждается в отдельном процедурном блоке с собственными основаниями, субъектами инициирования, сроками и объемом судебного контроля.

Споры продолжаются относительно достаточности процедурных гарантий в действующем УПК РФ для защиты от необоснованной госпитализации, включая вопросы периодичности судебного контроля и учета мнения самого лица и его защитника. Следует усилить гарантии права на защиту и судебного контроля. Участие защитника должно быть обязательным при каждом рассмотрении вопросов о помещении или продлении пребывания. Необходимо законодательное уточнение и сужение круга случаев, когда вопрос может рассматриваться без присутствия лица, а также введение обязательных периодических проверок обоснованности дальнейшего пребывания в стационаре с установленными максимальными интервалами и требованием развернутой мотивировки для каждого продления.

Необходимо законодательно установить прозрачный механизм взаимодействия между судом и медицинскими организациями. Нужно четко регламентировать порядок направления судебных актов и медицинских заключений, форму и сроки обратной связи от медицинских учреждений о состоянии лица и необходимости продления его пребывания, а также установить ответственность за нарушение этих процедур. Это поможет привести фактическое пребывание в стационаре в соответствие с целями и ограничениями, установленными судебным решением.

Анализ доктринальных позиций и практики говорит о том, что институт помещения лица в медицинскую организацию является сложным и находится на стыке уголовного процесса и медицинского права, что требует четкого нормативного оформления. Укрепление гарантий права на защиту, разграничение процедурных режимов и согласованность регулирования представляют собой ключевые направления для дальнейшего развития этого института.

Список литературы:

1. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год // [Электронный ресурс]. URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/F1-svod_vse_sudy-2024.xls (дата обращения: 20.11.2025); сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 год // [Электронный ресурс]. URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2023/F1-svod_vse_sudy-2023.xls (дата обращения: 20.11.2025).
2. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году // [Электронный ресурс]. URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_po_SOYU_2024.pdf (дата обращения: 20.11.2025); Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2023 г. // [Электронный ресурс]. URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor__sudebnoy_statistiki_SOYU___2023_na_sayte.pdf (дата обращения: 20.11.2025).
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 мая 2018 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и К.» [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
4. Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 500-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».
5. Суховерхова Е.В. Помещение в психиатрический стационар в соответствии со ст. 435 УПК РФ – разновидность заключения под стражу или отдельная мера пресечения? // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 3. С.80-82
6. Павлов А.В., Дежнев А.С. Особенности законодательного регулирования временного помещения лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, при производстве по уголовным делам // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. №2(59). С. 24-32.
7. Щербакова М.А. Помещение лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в уголовном судопроизводстве: сущность и цели // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. Вып. 1. С. 128-135.
8. Макушкин Е.В., Шишков С.Н. Помещение лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, на основании статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса российской Федерации // Российский психиатрический журнал. 2019. №4. С. 20-25
9. Ковтун Н.Н., Ростов Д.В. О правовых гарантиях обвиняемым при оказании неотложной психиатрической помощи: новации федерального закона и коллизии судебно-следственной практики // Уголовное судопроизводство. 2023. № 3. С. 40-44. // [Электронный ресурс]. URL: https://www.iuaj.net/node/3370 (дата обращения: 10.12.2025).
10. Курченко В.Н. Временное помещение в психиатрический стационар в порядке статьи 435 УПК РФ: процессуальные особенности // Уголовное право. 2023. № 7. С. 69-79. [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

References

1. Summary statistical information on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2024 // [Electronic resource]. URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/F1-svod_vse_sudy-2024.xls (date of access: 20.11.2025); Summary statistical information on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2023 // [Electronic resource]. URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2023/F1-svod_vse_sudy-2023.xls (date of access: 20.11.2025).
2. Review of judicial statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace in 2024 // [Electronic resource]. URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_po_SOYU_2024.pdf (accessed: 20.11.2025); Review of judicial statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace in 2023 // [Electronic resource]. URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor__sudebnoy_statistiki_SOYU___2023_na_sayte.pdf (date of access: 20.11.2025).
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 24, 2018 No. 20-P «On the case of reviewing the constitutionality of Article 435 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens D. and K.» [Electronic resource]: Access from the reference and legal system «Consultant Plus».
4. Federal Law of December 30, 2021. No. 500-FZ «On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation».
5. Sukhoverkhova E.V. «Placement in a psychiatric hospital in accordance with Article 435 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation – a type of detention or a separate preventive measure?» // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 3. Pp. 80-82.
6. Pavlov A.V., Dezhnev A.S. Features of legislative regulation of temporary placement of a person in a medical organization providing psychiatric care in inpatient settings, during criminal proceedings // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (59). Pp. 24-32.
7. Shcherbakova M.A. Placement of a person in a medical organization providing psychiatric care in inpatient settings, in criminal proceedings: essence and goals // Bulletin of Tula State University. Economic and legal sciences. 2022. Issue 1. Pp. 128-135.
8. Makushkin E.V., Shishkov S.N. Placement of a person in a medical organization providing psychiatric care in an inpatient setting, based on Article 435 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Russian Psychiatric Journal. 2019. No. 4. Pp. 20-25.
9. Kovtun N.N., Rostov D.V. On legal guarantees for defendants receiving emergency psychiatric care: innovations in federal law and conflicts of judicial and investigative practice // Criminal proceedings. 2023. No. 3. Pp. 40-44. // [Electronic resource]. URL: https://www.iuaj.net/node/3370 (date of access: 12.10.2025).
10. Kurchenko V.N. Temporary placement in a psychiatric hospital in accordance with Article 435 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: procedural features // Criminal Law. 2023. No. 7. Pp. 69-79. [Electronic resource]: Access from the reference and legal system «Consultant Plus».

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_382

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОХРАНЫ В РАЗЛИЧНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ
LEGAL REGULATION OF SECURITY DIVISIONS IN DIFFERENT HISTORICAL PERIODS

ЦАПЛИН Игорь Семенович,
ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент,
Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15 «а», стр. 1,
e-mail: aplin.ig@yandex.ru

TSAPLIN Igor Semenovich,
Leading researcher at SIC-3
of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Law, Associate Professor,
Moscow, Narvskaya str., 15 «a», p. 1,
e-mail: aplin.ig@yandex.ru

Краткая аннотация. *В представленной статье рассматриваются вопросы правового регулирования деятельности подразделений охраны в период с 1925 по 1992 гг. Автор приходит к выводу о том, что рассмотренная нормативно-правовая база, в полном объеме регламентировавшая все вопросы охраны мест лишения свободы, организационная структура службы охраны, в целом соответствовали успешному решению функциональных задач, стоявших перед этой службой.*

Abstract. *The presented article examines the issues of legal regulation of the activities of security units in the period from 1925 to 1992. The author concludes that the reviewed legal framework, which fully regulated all aspects of the security of places of deprivation of liberty, and the organizational structure of the security service, generally corresponded to the successful solution of the functional tasks facing this service.*

Ключевые слова: *заключенные, охрана, правовое регулирование, места заключения, уголовные наказания.*
Keywords: *prisoners, security, legal regulation, places of detention, and criminal penalties.*

Для цитирования: *Цаплин И.С. Правовое регулирование деятельности подразделений охраны в различные исторические периоды // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 382-384. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_382.*
For citation*: Tsaplin I.S. Legal regulation of the activities of security units in various historical periods // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 382-384. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_382.*

Статья поступила в редакцию: 10.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Надежность изоляции заключенных, главное требование исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, обеспечивает охранная функция. По словам профессора М.Г. Деткова «в широком смысле слова под охраной следует понимать комплекс организационно-правовых мер, технических средств и сооружений, иных специальных мероприятий, обеспечивающих надежность изоляции осужденных и лиц, взятых под стражу; безопасности общества от их преступных посягательств, недопущение побегов с их стороны» [1. С. 41].

В числе основных структурных звеньев тюремной системы служба охраны всегда занимала одно из основных мест. В обоснование данного тезиса следует привести Постановление ВЦИК и СНК РСФСР утвержденное 1 января 1925 года, в соответствии с которым был введен в действие Устав службы по местам заключения РСФСР, определивший правовое положение работников мест заключения, которые были приравнены в отношении внутренней службы и дисциплины к лицам, несущим действительную военную службу. От них уже могла быть потребована работа, сопряженная с опасностью для жизни: их служебная работа не могла быть ограничена определенным временем. Они не могли отказываться от работы в ночное время и в установленные праздничные дни и дни отдыха [2. С. 107-109].

В 1925 году заместителем наркома внутренних дел М. Болдыревым, начальником ГУМЗ РСФСР Е. Ширвиндтом была утверждена Инструкция по службе работников административно-строевого состава мест заключения, в которой изложены служебные обязанности должностных лиц, порядок организации службы суточного наряда и в специальный раздел выведен надзор в местах заключения.

В Инструкции подробно перечислены функциональные обязанности старшего надзирателя, старшего надзирателя по хозяйству, старшего надзирателя по работам, старшего надзирателя по корпусу, отдельного надзирателя, младших надзирателей, постовых надзирателей и т.д. В соответствии с положением Инструкции, организация службы суточного надзора возлагалась на дежурного помощника начальника мест заключения [2. С. 258-311]. Не престижность тюремной службы, низкий уровень материально-бытового обеспечения работников мест заключения вызывали серьезные трудности в комплектовании службы надзора. Побеги и самовольные отлучки по-прежнему существенно осложняли деятельность мест лишения свободы. Поиски выхода из такого сложного положения привели к выводу о необходимости использования для предупреждения побегов из колоний самих заключенных.

Приказом ГУМЗ РСФСР от 18 мая 1929 года № 210 по Московским местам заключения был отмечен опыт Надеждинской трудовой колонии на Урале и было рекомендовано выделить для окарауливания заключенных необходимое число вполне надежных, не внушающих никаких опасений в смысле побега заключенных, осужденных, преимущественно, за должностные преступления, по возможности из числа бывших красноармейцев, работающих в милиции и т.п.

Предлагалось в местах, наиболее опасных в смысле побега, а также на дорогах, по которым обычно бежали осужденные, в часы от утренней до вечерней проверки выставлять пикеты (заставы) постовых заключенных числом не менее двух. Для наблюдения за группами заключенных, которые в связи со спецификой работы должны постоянно передвигаться, назначить сопровождающих их заключенных. В обязанности постовых заключенных вменялось задержание и возвращение в колонии пытающихся бежать заключенных. Для объявления тревоги постовым выделялись свистки. Средняя заработная плата им устанавливалась в размере заработной платы работающего заключенного [3. С. 32].

В 1930 году Постановлением ЦИК и СНК от 15 декабря были упразднены народные комиссариаты внутренних дел союзных и автономных республик. В этой связи места заключения были переданы в ведение народных комиссариатов юстиции союзных республик. Охрана и конвоирование

заключенных по-прежнему осуществлялись конвойной стражей, которая в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 2 сентября 1930 года была переименована в конвойные войска СССР во главе с центральным управлением конвойных войск СССР. На эти войска распространялись действующие в Красной Армии уставы и наставления. Личный состав носил общевойсковую форму одежды, установленную в РККА.

В 1930 году, наряду с системой мест заключения, находящихся в ведении Наркомата юстиции, была образована постановлением СНК СССР от 7 апреля система исправительно-трудовых лагерей ОГПУ во главе с Главным управлением исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ). Можно констатировать, что в числе основных функций ГУЛАГа особо выделилась организация охраны заключенных в исправительно-трудовых лагерях, колониях и пересыльных тюрьмах, призванная обеспечить надежную изоляцию, недопущение побегов заключенных и установление ими нелегальных связей с внешним миром. Для охраны исправительно-трудовых лагерей ОГПУ учреждается военизированная охрана. Ее организация, правовое положение имели свои особенности. В соответствии с приказом ОГПУ № 396/187 - 30 г. «О введении твердых штатов военизированной охраны лагерей» устанавливается штатная численность охраны – три стрелка на 100 заключенных.

Приказом ОГПУ от 23 июня 1932 года № 686 были объявлены Положение о военизированной охране ИТЛ ОГПУ и Инструкция о порядке комплектования военизированной охраны командным и рядовым составом. Положение о военизированной охране, руководство ее деятельностью было возложено на Главное управление ИТЛ ОГПУ.

Необходимо отметить образование в этот период в структуре ГУЛАГа Управления охраны, в состав которого вошли: политическая часть; оперативный отдел; отдел обучения; отдел учета и комплектования; отдел по охране особых лагерей; отделение службы тыла; инженерная служба; служба связи.

Рассмотрим функции, возлагаемые на военизированную охрану: охрана заключенных как в местах содержания, так и на работах; охрана территорий, сооружений, складов и имущества лагерей; конвоирование заключенных на территории лагерей; розыск бежавших заключенных; ликвидация возможных беспорядков, охрана средств связи и сообщения лагерей. Порядок несения специальной службы устанавливался инструкциями и положениями, издаваемыми ГУЛАГом ОГПУ. Всему личному составу военизированной охраны лагерей была установлена форма внутренних войск ОГПУ.

Исследуя историю развития службы охраны, отметим создание в 1934 году общесоюзного Наркомата внутренних дел, в ведении которого были переданы из наркоматов юстиции союзных республик все места заключения. Непосредственное руководство их деятельностью, в том числе и по линии охраны, сосредоточилось в ГУЛАГе НКВД СССР. Данный исторический период отмечается фактом привлечения в военизированную охрану самих заключенных в качестве стрелков охраны, вследствие недостатка вольнонаемных сотрудников в подразделениях охраны. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что заключенными замещались не только должности стрелков, но уже и начальников боевых партий отрядов, заведующих артиллерийскими складами, оружейных каптенармусов. Заключенные назначались дежурными по отрядам, командам и взводам. Ими на две трети, а в некоторых случаях даже полностью, были укомплектованы пулеметные расчеты [4. С. 27].

В целях повышения качества несения службы стрелками военизированной охраны, обеспечения выполнения производственных заданий заключенными на наиболее трудоемких работах начальники строительств и управлений ИТЛ своими приказами устанавливали надбавки к зарплате работникам охраны. Так, приказом по управлению Москва-Волгострой и Дмитлагу НКВД СССР от 4 января 1936 года были установлены надбавки вольнонаемным стрелкам при выполнении всей бригадой плановых заданий. Стрелкам-заключенным выплачивалось при выполнении норм всей бригадой на 100% -10%, , на 110% - 25%, на 120% - 40% , на 125 %-50% к окладу на 100%. - 10 рублей, на 110%. - 20 рублей, на 120% - 30 рублей, на 125% и выше - 40 рублей [5. С. 47].

В истории Советской исправительно-трудовой системы наибольшей интенсивностью побегов заключенных отличаются тридцатые годы - годы становления ГУЛАГ ОГПУ - НКВД СССР. В этот период в борьбе с побегами широко использовались сами заключенные в качестве стрелков охраны и информаторов. Исследование данного исторического периода приводит нас к заключению, что в обеспечении охраны заключенных и внутреннего порядка в местах лишения свободы основная ставка делалась на усиление репрессий, на ужесточение карательной политики, в том числе с применением высшей меры наказания – смертной казни, в порядке внесудебных репрессий по решению особого совещания НКВД СССР [6].

В качестве примера приведем следующие цифры. За январь-февраль 1938 года за побеги из лагеря и бандитско-хулиганские действия в Дмитлаге НКВД СССР были расстреляны 24 заключенных, а за март того же года – уже 28 [7. С. 2-12, 133. 136, 176-177]. Такая практика осуществлялась повсеместно. Анализ побеговой активности заключенных в этот период позволяет нам сделать вывод, что ставка на силовое решение вопросов обеспечения охраны и режима способствовала резкому сокращению побегов

Одновременно с усилением репрессий проводится работа по упорядочению охраны лагерей. Постепенно сокращается численность заключенных в военизированной охране. Если на начало 1939 года заключенных стрелков охраны было 25 тыс., то к началу 1940 года – мы можем отметить уже 12 тыс. человек, при общей численности военизированной охраны около 170 тыс. человек [8. С.45].

Приказом НКВД СССР от 9 июня 1940 года № 00717 изменена структура ГУЛАГА, в его составе создается Управление военизированной охраны, которое впоследствии было преобразовано в Управление охраны и режима. Важно подчеркнуть, что острая нехватка кадров военизированной охраны вынудило НКВД обратиться к такой системе комплектования кадров, как вербовка. Приказом НКВД СССР от 11 марта 1941 года были организованы вербовочные пункты при ОТК УНКВД Рязанской, Орловской, Воронежской, Смоленской областей, УИТЛК НКВД Украины, Химлаге, Ликовлаге, Вяземлаге НКВД СССР. Перед началом Великой Отечественной войны военизированная стрелковая охрана ИТЛ и колоний имела численность личного состава 134480 чел, из них 130794 чел. использовались на охране заключенных и 3686 чел. - на охране готовых сооружений. Рассматривая исторический аспект организации охраны исправительно-трудовых учреждений в период 1941-1945 годы, мы можем констатировать активное привлечение личного состава стрелковой охраны в Красную Армию. На протяжении первого года войны разбро-

нировано и направлено на фронт 64763 чел., или 54 % к общей численности охраны. Всего за первые три года войны из числа военизированной охраны передано в Красную Армию 78516 чел. [9. С. 6]. В этой связи на замену, ушедших в Красную Армию через военкоматы и войсковые части НКВД проводит набор стрелков из числа старших возрастов, ограничено годных и совершенно не годных для службы в армии, а также возвращается к практике привлечения в охрану заключенных.

Статистика побегов из исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы наглядно отражает нам возросшую побеговую активность в первые наиболее тяжелые годы войны, и постепенную ее стабилизацию в послевоенный период. Мы можем отметить, что наименьший процент задержания бежавших (66,3%) имел место в первый послевоенный год, а также более эффективные действия НКВД по поимке бежавших в последующие годы (1949 год – 82,7%).

Правовую базу организации службы охраны составляют преимущественно ведомственные нормативные акты. В 1941 году «Временный устав службы», утвержденный приказом заместителя наркома внутренних дел С. Кругловым, отменяет «Временное наставление по службе ВОХР ИТЛ НКВД» и подробно регламентирует организацию охраны мест заключения и конвоирования заключенных. Согласно Временному уставу дежурному по лагерному пункту подчинялся караул по охране заключенных, дежурный по штрафному изолятору, дежурные вахтеры и весь наряд лагеря из заключенных. Следует указать, что в этот период на военизированную охрану ИТЛ и колоний было распространено действие Дисциплинарного Устава Красной Армии.

В 1943 г. приказом НКВД от 20 января № 57 утвержден Устав военизированной охраны исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР. В Уставе детально изложены положения, связанные с организацией карательной службы; охраной лагерных и производственных зон лагерей и колоний; организацией конвойной службы, оперативно-розыскной службы, действиями военизированной охраны в особых условиях; устройством и оборудованием лагерных и производственных зон, этапированием заключенных. В мае 1946 года начальник ГУЛАГА Наседкин утверждает Инструкцию о порядке отбора и служебного использования заключенных в военизированной охране исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД СССР. В Инструкции изложены основные требования к подбору заключенных в службу охраны, порядок формирования подразделений охраны из числа заключенных, их обучения и использования в конвойно-караульной службе, обеспечения питанием, обмундированием, оружием, боеприпасами.

Согласно Инструкции, отбор заключенных в военизированную охрану производился из числа осужденных за бытовые и воинские преступления на срок наказания до 5 лет, отбывших не менее половины срока наказания. В первую очередь отбору в охрану подлежали бывшие работники органов МВД, МГБ, СМЕРШ, милиции, военизированной охраны и бывшие военнослужащие, физически здоровые, не старше 40 лет, себя на производстве и в быту с положительной стороны [10. С. 80-82].

Реформы исправительно-трудовой системы Союза ССР, связанные с реорганизацией ГУЛАГа, наряду с совершенствованием процесса исполнения наказания, были также направлены на укрепление режима и усиление охраны исправительно-трудовых учреждений. В 1969 году выходит «Устав боевой службы внутренних войск МВД СССР», который подвергается существенной переработке в 1978 и 1987 годах.

Основным общепризнанным критерием оценки системы являлась надежность изоляции осужденных, что на практике выражается в недопущении и пресечении побегов со стороны лиц, находящихся под стражей. В этой связи мы фиксируем резкое снижение побегов осужденных. Так, в 1979 году их было допущено 1620, в 1985 году – 1100.

Закон «О внутренних войсках» от 24 сентября 1992 года определяет основные задачи внутренних войск МВД Российской Федерации, одной из них была охрана ИТУ, конвоирование осужденных и лиц, заключенных под стражу, которая впоследствии была упразднена Законом «О внутренних войсках МВД Российской Федерации» от 1997 года. Подводя итог изучению исторического опыта организации охраны исправительных учреждений можно сделать следующие выводы.

Таким образом служба охраны на протяжении различных исторических периодов прошла немало реорганизаций, составляя единое целое с правотворческой и правоприменительной практикой государства. Состояние, и структура службы охраны мест лишения свободы на различных этапах развития государства находилась в прямой зависимости от социально-экономической и идеологической ситуации, основных направлений его политики в сфере борьбы с преступностью и иных факторов, которые обуславливали развитие и укрепление пенитенциарной системы. Нормативно-правовая база, в полном объеме регламентировавшая все вопросы охраны мест лишения свободы, организационная структура службы охраны, в целом соответствовали успешному решению функциональных задач, стоявших перед этой службой.

Список литературы:
1. Детков М.Г. Тюрьмы России: память истории: Монография. Вологда: ВИПЭ Минюста России, 2001.
2. ГАРФ. Ф. 4042. Оп. 2. Делопроизводство 139.
3. ГАРФ. Ф. 4042. Оп. 2. Д. 511.
4. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 94.
5. ГАРФ. Ф. 9489. Оп. 2. Д 85.
6. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д 2518.
7. ГАРФ. Ф. 9489. Оп. 2. Д. 114.
8. Земсков В. «Архипелаг ГУЛАГ. Глазами писателя и статиста». Аргументы и факты. 1989.
9. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. Д. 2518.
10. ГАРФ. Ф. 9414. Д. 2529.

References:
1. Detkov M.G. Prisons of Russia: Memory of History: Monograph. Vologda: VIPE of the Ministry of Justice of Russia, 2001.
2. GARF. F. 4042. Op. 2. Office work 139.
3. GARF. F. 4042. Op. 2. D. 511.
4. GARF. F. 9401. Op. 12. D. 94.
5. GARF. F. 9489. Op. 2. D 85.
6. GARF. F. 9414. Op. 1. D 2518.
7. GARF. F. 9489. Op. 2. D 114.
8. Zemskov V. «The GULAG Archipelago. Through the Eyes of a Writer and an Extra». Arguments and Facts. 1989.
9. GARF. F. 9414. Op. D. 2518.
10. GARF. F. 9414. D. 2529.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_385

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРЕВЕНЦИИ ПОВТОРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ
MODERN APPROACHES TO PREVENTING RECIDIVISM AMONG CONVICTS

ГАМАНЕНКО Леонид Иванович,
доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент,
Россия, г. Пермь, ул. Карпинского 125,
e-mail: gamanenko1960@yandex.ru

ЕЛИСОВ Павел Петрович,
старший научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук,
Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15 «а», стр. 1,
e-mail: pappasha59@mail.ru

GAMANENKO Leonid Ivanovich,
Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Law
at the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
125 Karpinskogo Street, Perm,
e-mail: gamanenko1960@yandex.ru

ELISOV Pavel Petrovich,
Senior Researcher at the Research Center-3 of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences,
15a Narvskaya Street, Building 1, Moscow,
e-mail: pappasha59@mail.ru

Краткая аннотация. *В представленной статье рассматриваются ссовременные подходы к превенции повторной преступности осужденных. Авторы приходят к выводу о том, что современные подходы к превенции преступности требуют комплексного сочетания уголовно-правовых и социальных мер. Это включает внедрение гуманистических принципов в систему уголовного наказания, укрепление социальной поддержки и обеспечение справедливости в правоприменительной практике. Репрессивные меры, будучи важным элементом общей стратегии, должны дополняться социальными программами, направленными на устранение структурных причин преступности, что обеспечит более устойчивое снижение уровня преступности в обществе.*

Abstract. *The article discusses modern approaches to the prevention of recidivism among convicts. The authors conclude that modern approaches to crime prevention require a comprehensive combination of criminal law and social measures. This includes the implementation of humanistic principles in the criminal justice system, strengthening social support, and ensuring fairness in law enforcement practices. While repressive measures are an important element of the overall strategy, they should be complemented by social programs aimed at addressing the structural causes of crime, which can lead to a more sustainable reduction in crime rates in society.*

Ключевые слова: *осужденные, преступность, предупреждение преступлений, ресоциализация, уголовный закон.*
Keywords: *convicts, crime, crime prevention, resocialization, criminal law.*

Для цитирования: *Гаманенко Л.И., Елисов П.П. Современные подходы к превенции повторной преступности осужденных // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 385-387. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_385.*
For citation*: Gamanenko L.I., Elisov P.P. Modern approaches to the prevention of repeat criminality of convicts // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 385-387. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_385.*

Статья поступила в редакцию: 10.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Основное назначение уголовного права заключается в охране общественных отношений и предупреждении преступлений, что реализуется через четкое закрепление запретов и указание границ дозволенного поведения. Уголовный закон устанавливает угрозу применения наказания за совершение преступных деяний, тем самым выполняя свою превентивную функцию. Превентивное воздействие направлено на формирование у граждан осознания недопустимости противоправных поступков. Этот процесс начинается с момента официального опубликования закона, который доводится до сведения общества, обозначая запреты и соответствующие меры ответственности.

Превентивное воздействие уголовного закона охватывает два взаимосвязанных аспекта: общее и специальное предупреждение, каждый из которых имеет свою специфику и сложность реализации. Общепредупредительное воздействие направлено на неопределенный круг лиц и основывается на формировании в общественном сознании идеи неизбежности наказания за противоправные действия. В этой связи Щербаков, А. В. писал: «Неизбежность наказания является главным инструментом в руках государства для формирования правосознания, однако его применение требует не только строгого контроля, но и социального контекста, способствующего укреплению доверия к закону» [1. С.263]. Эта мысль подчеркивает необходимость сочетания правоприменения с социальными мерами, направленными на снижение криминогенных факторов. На практике же возникает значительный разрыв между теорией и реализацией принципа неизбежности наказания, что можно объяснить недостаточной координацией между правоохранительными и судебными органами, а также недостаточной неэффективностью профилактических механизмов.

По мнению В. В. Сверчкова, «латентная преступность и правоприменительная избирательность становятся питательной средой для создания ощущения безнаказанности, что разрушает превентивный потенциал уголовного закона» [2. С.360]. В этом аспекте латентная преступность не только усложняет реализацию общего предупреждения, но и обостряет восприятие несправедливости среди граждан. При этом недостаток прозрачности правоохранительных процедур подрывает доверие к системе в целом, превращая общее предупреждение в формальность, лишенную реального воздействия на преступное поведение.

Специальное предупреждение, в свою очередь, направлено на осужденных и предусматривает минимизацию риска рецидива. Как

подчеркивал А. В. Гриненко, «индивидуализация наказания должна стать не исключением, а правилом, чтобы каждое решение соответствовало не только степени общественной опасности деяния, но и характеристикам самого осужденного» [3. С.361]. Однако на практике применение индивидуального подхода остается фрагментарным и зачастую зависит от субъективного усмотрения. Это приводит к несоответствию наказаний их исправительной функции, что не только снижает вероятность ресоциализации, но и увеличивает вероятность повторного совершения преступления.

Особенно важно учитывать социальные и психологические особенности осужденных, на что указывала В. А. Лазарева: «Отсутствие внимания к личности осужденного при выборе наказания неизбежно ведет к формированию у него криминальных установок, в том числе и через систему исполнения наказаний»[4. С.434]. Этот тезис подчеркивает, что шаблонный подход к назначению наказаний, без учета социального контекста и индивидуальных характеристик, способствует усугублению криминогенных факторов.

Однако на практике ситуация может осложнятся структурными и организационными недостатками. К примеру, региональные различия в подходах к исполнению уголовных наказаний, а также перегруженность судебной системы могут приводить к тому, что один и тот же вид преступления в разных субъектах может иметьразличные правовые последствия.

Говоря о направлениях совершенствования превентивной работы нельзя не отметить проблему информационной недостаточности. Как справедливо отмечал В. Б. Боровикова, «эффективность превентивного воздействия закона неразрывно связана с осведомленностью граждан о своих правах и обязанностях, а также о реальных последствиях правонарушений» [5. С.505]. Низкий уровень правовой культуры делает отдельных граждан более уязвимыми для влияния криминогенных факторов, снижая общий превентивный эффект уголовного закона. Необходимы более активные меры по информированию населения, которые могли бы способствовать формированию устойчивого правопослушного поведения.

Таким образом, теоретические основы превентивного воздействия уголовного закона акцентируют внимание на необходимости индивидуализации и справедливости правоприменения, однако их практическая реализация сталкивается с рядом препятствий, включая недостаточную координацию между структурами, правоприменительную избирательность и недостаточную осведомленность населения о данной деятельности.

Вместе с тем, современные подходы к превенции преступлений акцентируют внимание на комплексности и междисциплинарности стратегий борьбы с преступностью, признавая ограниченность исключительно репрессивных мер. Безусловно, наказание хоть и играет важную роль в предупреждении преступлений, однако оно не способно устранить глубинные причины их совершения, коренящиеся в экономических, социальных и культурных факторах.

Как отмечает Е. В. Серегина: «Уголовное наказание выполняет не только функцию возмездия за совершенное деяние, но и является средством укрепления правопорядка, формируя в обществе уважение к закону»[6. С.307]. Данное утверждение подчеркивает значимость наказания как инструмента, способствующего стабилизации социальных отношений. Однако его эффективность ограничивается лишь непосредственным воздействием на правонарушителей. Чтобы укрепить правопорядок, необходимо сочетать уголовно-правовые меры с социальными механизмами формирования правосознания, такими как просвещение и популяризация гражданских ценностей.

И. Я. Козаченко справедливо отмечает: «Перспективы предупреждения преступности кроются в создании механизма социального контроля, который охватывает как формальные институты права, так и неформальные социальные нормы»[7. С.375]. Это свидетельствует о необходимости вовлечения общества в процесс превенции преступлений, включая активное участие образовательных, культурных и религиозных институтов. Однако не менее важно, чтобы государственные органы обеспечивали справедливую реализацию правовых норм, иначе доверие к формальному социальному контролю будет подорвано.

Анализируя проблему через призму гуманизации наказания, А.В.Наумов утверждает: «Главной целью наказания должно быть исправление личности преступника и предотвращение совершения новых правонарушений»[8. С.448]. В контексте данного тезиса становится очевидной необходимость внедрения реабилитационных программ и института пробации, которые позволяют осужденным адаптироваться к жизни в обществе. Без реализации подобных мер наказание становится репрессивным механизмом, который лишь временно изолирует преступника, не обеспечивая его ресоциализации.

Подход к комплексной превенции преступности подчеркивает также Г.И. Челышев: «Социальная адаптация и ресоциализация преступников возможны только в условиях, когда наказание не становится клеймом, а используется как инструмент для возвращения индивида в общество»[9. С. 268]. Этот подход акцентирует внимание на важности вторичного включения преступников в общественные отношения, что требует разработки гибких стратегий трудоустройства, образовательных программ и психологической поддержки.

По утверждению А.В. Наумова «Превентивная функция наказания эффективна только в том случае, если наказание воспринимается как неизбежное и справедливое»[8. С. 448]. Приведенный тезис акцентирует внимание на принципе неотвратимости наказания, который во многом определяет его профилактическую силу. Однако для восприятия наказания как справедливого требуется учитывать не только тяжесть преступления, но и личностные характеристики виновного, что особенно важно в случае несовершеннолетних.

Таким образом, анализ приведенных тезисов позволяет сделать вывод о том, что современные подходы к превенции преступности требуют комплексного сочетания уголовно-правовых и социальных мер. Это включает внедрение гуманистических принципов в систему уголовного наказания, укрепление социальной поддержки и обеспечение справедливости в правоприменительной практике. Репрессивные меры, будучи важным элементом общей стратегии, должны дополняться социальными программами, направленными на устранение структурных причин

преступности, что обеспечит более устойчивое снижение уровня преступности в обществе.

Список литературы

1. Щербаков, А. В. Теоретические, организационные и правовые основы обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы : учебное пособие для вузов / А.В. Щербаков, Д.В. Углицких. – Москва : Издательство Юрайт, 2024.– 263 с. –(Высшее образование). – ISBN 978-5-534-13662-3. – URL : https://urait.ru/bcode/543903

2. Сверчков, В. В. Наказание и другие меры уголовно-правового воздействия : учебное пособие для вузов / В. В. Сверчков. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. –360 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-13365-3. – URL : https://urait.ru/bcode/543646

3. Гриненко, А. В. Уголовный процесс : учебник и практикум для среднего профессионального образования / А. В. Гриненко. – 9-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 361 с. – (Профессиональное образование). – ISBN 978-5-534-16424-4. – URL : https://urait.ru/bcode/536609

4. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права : учебник для вузов / В. А. Лазарева [и др.] ; под редакцией В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 434 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-15249-4. – URL : https://urait.ru/bcode/535755

5. Боровиков, В. Б. Уголовное право. Особенная часть : учебник для среднего профессионального образования / В. Б. Боровиков, А. А. Смердов ; под редакцией В. Б. Боровикова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 505 с. – (Профессиональное образование). – ISBN 978-5-534-17285-0. – URL : https://urait.ru/bcode/536856

6. Уголовное право. Общая часть. Семестр I : учебник для среднего профессионального образования / И. А. Подройкина [и др.] ; ответственные редакторы И. А.Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 307 с. – (Профессиональное образование). – ISBN 978-5-534-16655-2. – URL : https://urait.ru/bcode/538260

7. Уголовное право. Общая часть. Краткий курс : учебное пособие для вузов / И. Я. Козаченко [и др.] ; под редакцией И. Я. Козаченко. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 375 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-18050-3. – URL : https://urait.ru/bcode/535853

8. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / А. В. Наумов [и др.] ; ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 448 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-18585-0. – URL : https://urait.ru/bcode/536359

9. Боровиков, В. Б. Уголовное право. Общая часть : учебник для среднего профессионального образования / В. Б. Боровиков, А. А. Смердов ; под редакцией В. Б. Боровикова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 268 с. – (Профессиональное образование).– ISBN 978-5-534-17026-9. – URL : https://urait.ru/bcode/536807

References

1. Shcherbakov, A. V. Theoretical, organizational and legal foundations of ensuring the security of the penal system: a textbook for universities / A.V. Shcherbakov, D.V. Uglitsky. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024.– 263 p. – (Higher Education). – ISBN 978-5-534-13662-3. – URL : https://urait.ru/bcode/543903

2. Sverchkov, V. V. Punishment and Other Measures of Criminal Law Impact : Textbook for Universities / V. V. Sverchkov. – Moscow : Yurayt Publishing House, 2024. – 360 p. – (Higher Education). – ISBN 978-5-534-13365-3. – URL : https://urait.ru/bcode/543646

3. Grinenko, A. V. Criminal Procedure: Textbook and Workshop for Secondary Vocational Education / A. V. Grinenko. – 9th ed., Rev. and Add. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – 361 p. – (Vocational Education). – ISBN 978-5-534-16424-4. – URL : https://urait.ru/bcode/536609

4. Actual Problems of Criminal Procedure Law: Textbook for Universities / V. A. Lazareva [et al.] ; edited by V. A. Lazareva, A. A. Tarasov. – 5th edition, revised and expanded. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – 434 p. – (Higher Education). – ISBN 978-5-534-15249-4. – URL : https://urait.ru/bcode/535755

5. Borovikov, V. B. Criminal Law. Special Part : textbook for secondary vocational education / V. B. Borovikov, A. A. Smerdov ; edited by V. B. Borovikov. – 7th edition, revised. and add. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – 505 p. – (Professional Education). – ISBN 978-5-534-17285-0. – URL: https://urait.ru/bcode/536856

6. Criminal Law. General Part. Semester I: Textbook for Secondary Vocational Education / I. A. Podroikina [et al.] ; editors-in-chief I. A. Podroikina, E. V. Seregina, S. I. Ulezko. – 6th ed., revised and expanded. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – 307 p. – (Vocational Education). – ISBN 978-5-534-16655-2. – URL : https://urait.ru/bcode/538260

7. Criminal Law. General Part. Short Course : Textbook for Universities / I. Ya. Kozachenko [et al.] ; edited by I. Ya. Kozachenko. – 3rd edition, revised. and add. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – 375 p. – (Higher Education). – ISBN 978-5-534-18050-3. – URL: https://urait.ru/bcode/535853

8. Criminal Law. General Part: Textbook for Universities / A. V. Naumov [et al.] ; editors-in-chief A. V. Naumov, A. G. Kibalnik. – 6th ed., revised and expanded. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – 448 p. – (Higher Education). – ISBN 978-5-534-18585-0. – URL: https://urait.ru/bcode/536359

9. Borovikov, V. B. Criminal Law. General Part : Textbook for Secondary Vocational Education / V. B. Borovikov, A. A. Smerdov ; edited by V. B. Borovikov. – 7th edition, revised and expanded. – Moscow : Yurayt Publishing House, 2024. – 268 p. – (Vocational Education).– ISBN 978-5-534-17026-9. – URL : https://urait.ru/bcode/536807

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_388

О НЕКОТОРЫХ МЕРАХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
ON SOME MEASURES TO PREVENT CRIMES RELATED TO ILLICIT DRUG TRAFFICKING

ПРИХОЖАЯ Людмила Евгеньевна
ведущий научный сотрудник отдела совершенствования методологий обеспечения режима, охраны и конвоирования центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук,
119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, 14, стр. 1.
доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России
394072, Россия, г. Воронеж, ул. Иркутская, 1 «а»
e-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru

ГОРОВОЙ Владислав Викторович
ведущий научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук,
119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, 14, стр. 1.
преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА
117342, Россия, г. Москва, ул. Введенского, 1 «а».
доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России
394072, Россия, г. Воронеж, ул. Иркутская, 1 «а»
e-mail: gorovoi.v.v@fsin.gov.ru

PRIKHOZHAYA Lyudmila Evgen'yevna
Leading Researcher of the Department for Improving Methodologies for Ensuring Regime, Security and Convoying, Center for Research of Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences,
119991, Russia, Moscow, st. Zhitnaya, 14, building 1.
Associate Professor of the Department of Regime Organization, Security and Escort
Federal State Educational Institution of Higher Education Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
394072, Russia, Voronezh, st. Irkutskaya, 1 "a"
e-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru

GOROVOY Vladislav Viktorovich
Leading Researcher at the Department for the Development of Methodologies for the Execution of Imprisonment Sentences and the Study of Penitentiary Crime at the Center for Security Research in institutions of the penal system Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences,
119991, Russia, Moscow, st. Zhitnaya, 14, building 1.
Lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines of the Moscow Federal Law Academy
117342, Russia, Moscow, st. Vvedensky, 1 "a".
Associate Professor of the Department of Regime Organization, Security and Escort
Federal State Educational Institution of Higher Education Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
394072, Russia, Voronezh, st. Irkutskaya, 1 "a"
e-mail: gorovoi.v.v@fsin.gov.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются существующие меры, направленные на предупреждение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. На основании проведенного исследования формулируются предложения по их совершенствованию, которые, по мнению авторов, позволят повысить качество проводимых мероприятий как на региональном, так и на федеральном уровне, путем использования современных цифровых технологий, а также организации предупредительной работы среди школьников и студентов.*

Abstract: *The article examines the existing measures aimed at preventing crimes related to drug trafficking. Based on the conducted research, proposals for their improvement are formulated, which, according to the authors, will improve the quality of events at both the regional and federal levels, through the use of modern digital technologies, as well as the organization of preventive work among schoolchildren and students.*

Ключевые слова: *предупреждение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, профилактика вовлечения в употребление наркотиков.*

Key words: *prevention of crimes related to drug trafficking, prevention of involvement in drug use.*

Для цитирования: *Прихожая Л.Е., Горовой В.В. О некоторых мерах предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 388-391. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_388.*

For citation*: Prikhozhaya L.E., Gorovoy V.V. On some measures to prevent crimes related to illicit drug trafficking // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 388-391. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_388.*

Статья поступила в редакцию: 19.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Общественная опасность преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, признается как на уровне органов государственной власти, правоохранительных органов, так и на уровне общественности: представителями системы образования, здравоохранения, воспитания подрастающего поколения, представителями гражданского общества в целом. Несмотря на применение мер, направленных на предупреждение указанных преступлений, количество таких преступлений остается на прежнем уровне, что свидетельствует о наличии проблем в указанной области. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

Прежде всего, одним из наиболее наглядных признаков того, что проводимая предупредительная работа не обладает достаточным эффектом, свидетельствует рост количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Представленные данные, полученные на основании годовых отчетов МВД России о состоянии преступности (рис. 1), свидетельствуют о том, что по результатам 2024 года количество рассматриваемых преступных деяний приблизилось к 200 тыс. преступлений, и это максимальный показатель за последние годы.

Соответственно, несмотря на все реализуемые меры предупреждения, они остаются недостаточно эффективными.

Рисунок 1 – Динамика численности зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств

Озабоченность вызывает и то обстоятельство, что в ряде российских регионов ситуация остается особенно напряженной, вследствие чего наблюдается значительный прирост числа преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств (рис. 2). При этом данные регионы, как видно из представленных данных, не являются приграничными или не отличаются наличием прочих факторов рисков, которые, на первый взгляд, могли бы объяснить сложившуюся ситуацию.

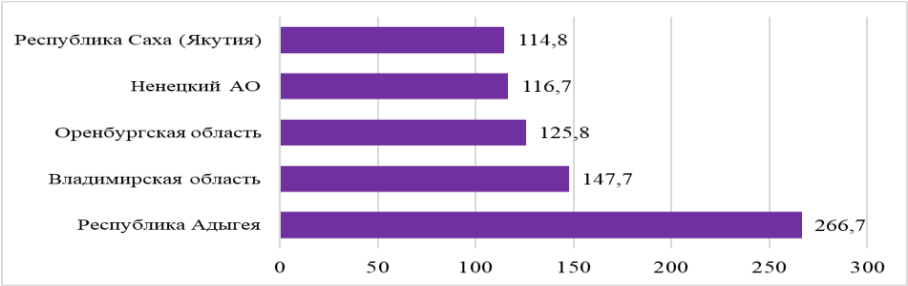

Рисунок 2 – Регионы с наиболее значительными темпами прироста числа совершенных преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств

Такого рода распределение регионов по темпам прироста или сокращения числа совершаемых преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств указывает на то, что реализация государственной политики противодействия преступности в области незаконного оборота наркотических средств и предупреждения таких преступлений на федеральном уровне должна не просто реализовываться в субъектах, но и дополняться, совершенствоваться с учетом сложившейся обстановки и дополнительных рисков. Направления предупредительной работы в обязательном порядке должны определяться и постоянно дорабатываться на региональном уровне, предполагая тесное сотрудничество и межведомственное взаимодействие органов государственной власти субъекта, правоохранительных органов, учреждений здравоохранения и образования, средств массовой информации, представителей общественности, в том числе, общественных организаций и объединений, детских и молодежных, волонтерских движений. Такая деятельность дает положительный эффект, если проводится системно, на регулярной основе, соответствует особенностям профилактического воздействия и установления контакта с представителями различных социальных групп.

Еще одной проблемой выступает увеличение числа несовершеннолетних граждан, вовлеченных в совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. В соответствии с данными, представленными в средствах массовой информации, в том числе, представителями правоохранительных органов, общее количество преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершенных несовершеннолетними, в течение 2022 – 2024 гг. увеличилось в 1,8 раза [1]. В их составе преобладают преступные деяния, связанные со сбытом наркотических средств: количество таких преступлений, совершенных за три последних года, увеличилось еще больше: в 2,4 раза. Увеличение числа несовершеннолетних граждан, вовлеченных в незаконный оборот наркотических средств, связано, по мнению представителей правоохранительных органов, как с недостатками предупредительной работы, так и с негативным воздействием информационных технологий. Высокий уровень и темпы распространения информации, обращение к желанию подростков заработать, наличие значительного количества возможностей для неконтролируемых коммуникаций в сети Интернет способствует вовлечению несовершеннолетних в криминальную деятельность: в том числе, через мессенджеры, аккаунты и сервисы теневых сегментов сети Интернет, распространение объявлений о быстром и доступном заработке. Это свидетельствует и еще об одной проблеме – активном использовании злоумышленниками информационных технологий для совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, что усложняет поиск причастных лиц, раскрытие преступлений, увеличивая количество лиц, вовлекаемых в преступную деятельность [2, с. 474]. В результате указанных факторов происходят рост количества лиц, употребляющих наркотические вещества.

Обозначенные проблемы указывают и на возможные направления совершенствования системы предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и профилактики вовлечения в употребление наркотиков.

При характеристике современных факторов и условий совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических

средств, отмечается негативное воздействие на динамику числа преступлений и их раскрываемость в свете интенсивного развития информационных технологий. Однако, стоит отметить, что повышение уровня цифровой грамотности и зрелости как представителей общественности, в особенности, несовершеннолетних граждан, так и сотрудников правоохранительных органов может сыграть значительную положительную роль в предупреждении совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. В этой связи необходимо предпринять следующие меры:

1. Уделить внимание повышению уровня компьютерной грамотности и знаний в области обеспечения информационной безопасности школьников и студентов для противодействия вовлечению их в совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, через сайты, рассылки, прочие ресурсы сети Интернет, социальные сети.

2. Разработать специальные компьютерные программы, позволяющие на основании инструментов искусственного интеллекта оперативно выявлять и блокировать сайты и ресурсы, созданные для распространения наркотических средств. В качестве альтернативного варианта стоит оценить зарубежную практику перехвата и замены соответствующих ресурсов на фишинговые сайты, которые позволят выяснять места предполагаемого сбыта, увеличить количество пресекаемых преступлений, вследствие чего снизится доверие и спрос на такие ресурсы, увеличится количество наркозависимых лиц, поставленных на учет. Для реализации такой практики, безусловно, потребуются изменения в законодательстве, чтобы при осуществлении действий, связанных с перенаправлением лиц, пытающихся приобрести наркотические средств через Интернет, не были усмотрены признаки мошеннических действий. В случае признания возможной реализации такого рода процедур, необходимо утвердить алгоритм, а также уделить особое внимание повышению уровня профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, которые будут принимать в них участие. Одной из действенных предупредительных мер выступает возможность направлять средства, которые будут изъяты при работе таких ресурсов, в специальный фонд профилактики и предупреждения наркопреступности.

Несмотря на то, что работа по некоторым из предложенных направлений ведется, в ряде регионов имеется положительный опыт, стоит продолжать ее на системной основе, выработать единую политику противодействия наркопреступности, увеличить количество форумов, конференций, совещаний, межведомственных операций, направленных на обсуждение регионального опыта, разработку общей стратегии действия, проведение совместных рейдов и профилактических мероприятий. Безусловно, в дальнейшем совершенствовании нуждается предупредительная работа, проводимая в обществе. Необходимо увеличивать количество распространяемых материалов, направленных на формирование неприятия употребления наркотиков в обществе, используя для этого средства массовой информации, наружную рекламу, официальные сайты правоохранительных органов, органов государственной власти регионов, общественные и культурные мероприятия. Важно повышать значимость, общественный резонанс соответствующих мероприятий, подчеркивать их значимость, уделять внимание вопросам организации, информационного сопровождения таких общественных организаций, вовлекать в их проведение лидеров мнений, в том числе, для привлечения внимания молодежи – общественных советов и молодежных движений, популярных артистов, певцов, общественных деятелей и политиков: в этом случае ориентироваться необходимо на особенности мышления и мировоззрения конкретной социальной группы. Широкое освещение таких мероприятий, объединение их с культурными, спортивными мероприятиями, проведение при этом общественных мероприятий в таких популярных масштабах как конкурсы, фестивали, молодежные форумы – позволят повысить предполагаемый эффект. Одним из ресурсов выступает формирование привычки к здоровому образу жизни, пропаганда спорта, активного образа жизни, туризма, активной и сознательной гражданской позиции, различных форм гражданского и патриотического воспитания будут способствовать дополнительному успеху [3, с. 623].

Такого рода мероприятия необходимо проводить для школьников и студентов, родителей, сотрудников образовательных учреждений и учреждений социальной защиты. Важно собирать обратную связь от участников, ориентироваться на их потребности, мнение, возникающие вопросы, распространять по результатам проведения мероприятий буклеты, листовки, проспекты с информационными материалами, контактными данными, методическими рекомендациями. В соответствии с современным уровнем цифровизации общества эти материалы могут оперативно распространяться по электронной почте, в социальных сетях.

В процессе проведения встреч со школьниками и студентами крайне важно донести до них значительный вред употребления наркотических средств на состояние здоровья, а также многочисленные риски для дальнейшей жизни: личная деградация, утрата социальных связей, асоциальный образ жизни, риски вовлечения в криминальную деятельность должны четко ассоциироваться у детей с употреблением наркотиков. Они должны знать об общественной опасности и ответственности за совершение таких преступлений, наглядно видеть, к каким последствиям приводит употребление наркотиков. В этой связи полезно использование статистики, создание специальных учебных фильмов, в том числе, с материалами документальной хроники.

Для проведения таких бесед важно выбирать уполномоченных сотрудников правоохранительных органов: это должны быть незаурядные люди, обладающие достаточным количеством знаний о подростковом и юношеском возрасте, умеющие установить контакт, обладающие личной харизмой и ораторскими способностями. Выразительность, убедительность и эмоциональность, вовлеченность в общение с несовершеннолетними должны выступать основой такого предупредительного воздействия. И поскольку такого рода работа актуальна для различных направлений профилактического воздействия, стоит задуматься о разработке специальных образовательных программ для работающих с несовершеннолетними гражданами представителей правоохранительных органов, создании в составе Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав подразделений, сотрудники которых будут специализироваться на пропаганде, проведении информационной работы и воспитательного воздействия.

Еще одной возможностью использования в целях повышения качества предупредительного воздействия современного уровня развития технологий выступает использование образовательных платформ и дистанционных технологий для проведения профилактических и информационных мероприятий в онлайн-формате, что позволит значительно повысить их охват.

При этом важно вовлечение самих несовершеннолетних граждан в проведение предупредительной работы. Важно проводить научно-практические конференции, встречи, форумы, где школьники и студенты будут представлять свои проекты и решения, направленные на профилактику употребления наркотических средств и вовлечения несовершеннолетних граждан в их распространение. Также необходимо использовать ресурсы волонтерского движения, общественных молодежных организаций, объединений, созданных в рамках патриотического и гражданского воспитания. Например, одной из особенностей развития современного общества стало появление так называемого социального предпринимательства, и молодежные инициативы среди них занимают значительное место. Для привлечения внимания молодых людей, повышения доверия, качества предупредительного воздействия они могут быть привлечены к проведению профилактических, информационно-разъяснительных мероприятий. Качественный досуг, участие в общественной, в том числе, волонтерской деятельности, создаст достаточные предпосылки для формирования неприятия преступной деятельности, употребления наркотиков в целом. К профилактической работе важно привлекать членов наиболее известных объединений школьников и студентов: «Юнармия», «Российское движение детей и молодежи», «Содружество», Российские студенческие отряды, «Движение первых». Опыт проведения профилактических мероприятий, в том числе, в рамках противодействия распространению наркотиков, в настоящее время у представителей молодежных движений имеется. Инициативы «Социальный десант», «Стопнаркотик», «Россия – страна возможностей», профилактическая работа, проводимая в рамках общероссийского проекта «Большая перемена» характеризуются увеличением количества участников. Дальнейшее их проведение, вовлечение в работу представителей органов государственной власти и местного самоуправления, средств массовой информации, поддержка правоохранительных органов, изучение регионального опыта – будут в совокупности повышать качество и эффективность предупредительного воздействия.

Участие самих детей, подростков, юношей позволяет им осознать всю значимость проблемы и собственную роль в проведении таких мероприятий, способность оказать положительное влияние на кого-то из своих ровесников. Например, заслуживает внимания в этой связи опыт реализации такого проекта в Новгородской области. На протяжении последних лет реализуется активное сотрудничество и взаимодействие участников общественной молодежной инициативы «Амбассадоры будущего» и органов внутренних дел. Представители общественного движения под руководством и при участии сотрудников внутренних дел принимают участие в подготовке и проведении профилактических бесед в образовательных учреждениях, снимают и распространяют кейс-ролики «Непридуманные истории» с рассказами об истории жизненного пути молодых людей, которые употребляли наркотические вещества или принимали участие в их незаконном обороте. Представители общественного движения принимают участие в просмотре таких роликов в образовательных учреждениях, комментируют их с юридической точки зрения [4, с. 124].

Подготовка волонтеров-лекторов из числа молодежи при участии правоохранительных органов осуществляется в Кировской области («Открытая встреча») и Волгоградской области («Открытый диалог»).

Значительным положительным эффектом обладает также опыт ряда регионов по вовлечению представителей различных социальных групп, в том числе, молодежи, несовершеннолетних из группы риска в работу социальных патрулей, которые принимают участие в патрулировании улиц, проведении профилактической работы, в особенности среди несовершеннолетних граждан. Такая работа организуется посредством сотрудничества правоохранительных органов власти и органов местного самоуправления, в том числе, отделов (комитетов) по делам молодежи. Например, реализуется соответствующий опыт в городах Ростовской, Самарской областей. Участие в работе такого рода патрулей является добровольным. Подача заявок доступна для лиц старше 18 лет. Они проходят определенную предварительную подготовку и принимают активное участие в патрулировании улиц и взаимодействии с нарядами ППС. Аналогичная работа, но в рамках создания киберпатрулей, деятельность которых направлена на выявление опасных ресурсов в сети Интернет, связанных с распространением наркотических средств, проводится в Новгородской, Пензенской, Тюменской областях. Обобщение такого опыта, представление результатов, научное осмысление, формирование методических рекомендаций и распространение региональной практики на работу в других субъектах будут способствовать совершенствованию качества предупредительной работы.

Таким образом, на наш взгляд, предлагаемые меры позволят повысить качество проводимых мероприятий как на региональном, так и на федеральном уровне, путем использования современных цифровых технологий, а также организации предупредительной работы среди школьников и студентов.

Список литературы:

1. Число подростковых наркопреступлений в России выросло в 1,8 раза – URL: https://ria.ru/20250410/rossija-2010380571.html (дата обращения 22.12.2025).
2. Прихожая Л.Е., Горовой В.В. Источники получения информации о лицах, вовлекающих несовершеннолетних в употребление наркотических средств и психотропных веществ // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 7. – С. 472-474.
3. Прихожая Л.Е. Некоторые меры воздействия на лиц, вовлекающих несовершеннолетних в употребление наркотических средств и психотропных веществ // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 6. – С. 621-624.
4. Константинов А. В., Михайленко Н.В., Стащенко С.П. Оказание добровольческими (волонтерскими) организациями помощи органам внутренних дел в профилактике незаконного потребления и оборота наркотических средств и психотропных веществ // Вестник экономической безопасности. – 2024. – № 1. – С. 120-125.

References:

1. The number of teenage drug crimes in Russia has increased 1.8 times – URL: https://ria.ru/20250410/rossija-2010380571.html (accessed 22.12.2025).
2. Prikhozhaya L.E., Gorovoy V.V. Sources of information about persons who involve minors in the use of narcotic drugs and psychotropic substances // Law and the State: theory and practice. – 2025. – No. 7. – Pp. 472-474.
3. Ankhozhaya L.E. Some measures of influence on persons involving minors in the use of narcotic drugs and psychotropic substances // Law and the State: theory and practice. – 2025. – No. 6. – Pp. 621-624.
4. Konstantinov A.V., Mikhailenko N.V., Stashchenko S.P. Provision by voluntary (volunteer) organizations of assistance to law enforcement agencies in the prevention of illegal consumption and trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances // Bulletin of Economic Security. - 2024. – No. 1. – Pp. 120-125.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_392

ФОНОСКОПИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ ОСУЖДЕННЫХ: ПРОБЛЕМЫ ДОСТОВЕРНОСТИ ПРИ ЦИФРОВОЙ КОМПРЕССИИ И VOIP-СВЯЗИ
FORENSIC AUDIO ANALYSIS OF PRISONERS' PHONE CONVERSATIONS: RELIABILITY ISSUES IN DIGITAL COMPRESSION AND VOIP COMMUNICATION

ГАВРИКОВ Евгений Викторович,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, старший преподаватель Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (МГТУ им. Баумана), старший преподаватель Московского психолого-социального университета.
105005, Россия, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1.
E-mail: lgs19@mail.ru

GAVRIKOV Yevgeny Viktorovich,
senior researcher at the Federal research Institute of the Federal penitentiary service of Russia, senior lecturer at the Bauman Moscow State Technical University (BMSTU), senior teacher at the Moscow University of Psychology and Social Sciences.
5, 2nd Baumanskaya str., building 1, Moscow, 105005, Russia.
E-mail: lgs19@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье исследуются актуальные проблемы обеспечения достоверности судебной фоноскопической экспертизы телефонных переговоров, изымаемых в ходе расследования преступлений, совершаемых осужденными с использованием средств мобильной и интернет-связи. Анализируется деструктивное влияние технологий цифровой компрессии (кодеков MP3, AAC, AMR, Opus) и передачи голоса по интернет-протоколу (VoIP) на идентификационные признаки речевого сигнала. Подробно рассматриваются источники искажений: психоакустическое удаление спектральных компонент, артефакты фильтрации в трактах АЦП/ЦАП, сетевая деградация в IP-каналах и преднамеренная голосовая маскировка. Исследуются методические ограничения существующих экспертных подходов, не адаптированных к реалиям современных телекоммуникаций. На основе анализа научной литературы, методических разработок и судебной практики обосновывается необходимость разработки новых специализированных методик, стандартов сбора образцов и комплексного подхода для сохранения доказательственного значения цифровых фонограмм в уголовном судопроизводстве.*

Abstract. *The article examines current challenges in ensuring the reliability of forensic audio analysis of telephone conversations obtained during the investigation of crimes committed by inmates using mobile and internet communication. The destructive impact of digital compression technologies (MP3, AAC, AMR, Opus codecs) and Voice over Internet Protocol (VoIP) transmission on the identifying features of speech signals is analyzed. The sources of distortions are examined in detail: psychoacoustic removal of spectral components, filtering artifacts in ADC/DAC paths, network degradation in IP channels, and intentional voice masking. Methodological limitations of existing forensic approaches, which are not adapted to modern telecommunications realities, are investigated. Based on an analysis of scientific literature, methodological developments, and judicial practice, the necessity of developing new specialized methodologies, evidence collection standards, and a comprehensive approach to preserving the evidentiary value of digital audio recordings in criminal proceedings is substantiated.*

Ключевые слова: *судебная фоноскопическая экспертиза, цифровая фонограмма, идентификация диктора, цифровая компрессия, VoIP, кодек, психоакустическая модель, осужденные, доказательства.*

Keywords: *forensic audio analysis, digital audio recording, speaker identification, digital compression, VoIP, codec, psychoacoustic model, inmates, evidence.*

Для цитирования: *Гавриков Е.В. Фоноскопическая экспертиза телефонных переговоров осужденных: проблемы достоверности при цифровой компрессии и VOIP-связи // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 392-394. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_392.*

For citation*: Gavrikov E.V. Phonoscopic examination of convicts' telephone conversations: problems of reliability in digital compression and VOIP communication // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 392-394. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_392.*

Статья поступила в редакцию: 09.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Распространение цифровых технологий связи кардинально трансформировало оперативную и следственную практику. Особую актуальность приобретает проблема противодействия преступлениям, совершаемым осужденными с использованием контрабандных средств мобильной связи и интернет-ресурсов в условиях пенитенциарных учреждений [7]. Ключевым доказательством по таким делам зачастую являются фонограммы телефонных переговоров, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий. Их процессуальная проверка и доказывание факта участия конкретного лица традиционно возлагаются на судебную фоноскопическую экспертизу. Однако современные технологии передачи и записи голоса, в особенности агрессивное сжатие (компрессия) и VoIP-связь, вносят в речевой сигнал необратимые изменения, ставя под вопрос применимость классических экспертных методик и достоверность выводов [5; 6]. Данная работа посвящена комплексному анализу технических и методических проблем, возникающих при производстве таких экспертиз.

Цифровая обработка речевого сигнала в современных каналах связи (GSM, 3G/4G/5G, VoIP) представляет собой многоуровневый процесс, на каждом этапе которого вносятся искажения. Основная цель – эффективное использование полосы пропускания канала.

При психоакустическом кодировании используемые кодеки (AMR в GSM, AAC, Opus в VoIP) реализуют сжатие с потерями, удаляя из сигнала спектральные компоненты, считающиеся малозаметными для человеческого слуха на основе моделей частотного и временного маскирования [4]. Это приводит не только к сужению эффективной полосы частот (например, до 300–3400 Гц в классическом телефонии), но и к потере тонких индивидуальных особенностей тембра, микромелодики и невербальных элементов, критичных для идентификации. Визуальным признаком такой обработки являются характерные прямоугольные «провалы» на динамической спектрограмме [4].

Перед оцифровкой и после декодирования сигнал проходит через аналоговые фильтры нижних частот (ФНЧ). Как показано в исследованиях, эти фильтры, особенно реализованные в бюджетной аппаратуре, обладают выраженной нелинейной фазовой характеристикой, что приводит к значительным искажениям группового времени запаздывания и, как следствие, к «замыливанию» транзиентных участков речи, потере четкости и натуральности звучания [10].

Помимо использования широкополосных, но все равно компрессирующих кодеков (SILK, Opus), VoIP добавляет сетевые артефакты: потерю пакетов (паузы, щелчки), джиттер (дрожание сигнала) и необходимость применения алгоритмов подавления эха. Более того, многие мессенджеры применяют сквозное шифрование, что ограничивает возможность легального перехвата и получения записей в пригодном для исследования виде, оставляя доступными лишь данные, хранящиеся у провайдера по решению суда.

Основные методики фоноскопической экспертизы в России, наприимер, система «Диалект», были разработаны и сертифицированы в эпоху преимущественного распространения аналоговой и импульсно-кодовой (ИКМ) телефонной связи [8]. Их алгоритмы расчета идентификационных признаков (частоты основного тона, формант, длительностей) калиброваны на сигналы с определенными, относительно неизменными характеристиками канала.

Применение этих методик к фонограммам, подвергшимся агрессивной компрессии и искаженной фильтрацией, приводит к систематической ошибке. Цифровые артефакты могут ложно интерпретироваться как индивидуальные особенности или патологии речи. Отдельной сложнейшей проблемой является искусственная модификация голоса в реальном времени с помощью программ «питч-шифтинга» (изменения высоты тона) и вокодеров, интегрированных в VoIP-клиенты [9]. Такая обработка создает новую непрерывную фонограмму без видимых следов монтажа, где речевой сигнал изначально записывается уже в измененном виде, что радикально затрудняет или делает невозможной традиционную инструментальную идентификацию.

Низкое качество фонограмм, предоставляемых на экспертизу, часто связано с несоблюдением правил изъятия и копирования цифровых аудиоданных. Эксперту зачастую недоступны оригиналы записей с устройств, информация о типе кодека и параметрах сжатия. В случае с VoIP-переговорами отсутствуют гарантии целостности и неизменности записанного файла от момента передачи до приобщения к делу.

Тем не менее, судебная практика демонстрирует востребованность таких экспертиз. Например, в делах о телефонном мошенничестве, совершаемом осужденными, фоноскопические исследования играют ключевую роль в установлении виновных лиц [2]. Суды, как правило, принимают заключения экспертов, но с существенной оговоркой: эксперт обязан четко указать в своем заключении все известные ограничения, связанные с качеством фонограммы, характером канала связи и возможными искажениями [1]. Это требует от следствия и суда более глубокого понимания технических ограничений и формирования адекватных запросов к экспертизе.

Стандартизация терминологии, закрепленная в ГОСТ Р 58332-2018 «Судебная экспертиза фонограмм. Термины и определения» [3], является важным шагом, но не решает методических проблем. Современные программные комплексы (напр., «ИКАР Лаб») начинают внедрять инструменты для анализа метаданных и бинарной структуры аудиофайлов, что помогает выявлять следы перекодирования и монтажа.

Сохранение доказательственного значения фонограмм телефонных переговоров осужденных в условиях цифровизации связи требует системного подхода, подразумевающего осуществление ряда мер. В числе этиъ мер можно назвать следующие:

1. Разработка и стандартизация новых экспертных методик, адаптированных к анализу сигналов, искаженных конкретными кодеками (MP3, AAC, AMR, Opus) и прошедших через типовые каналы связи (GSM, VoIP). Методики должны включать обязательный этап диагностики типа компрессии, степени деградации сигнала и выявления признаков искусственной модификации голоса [4; 9].
2. Создание специализированных речевых баз данных и эталонных моделей, содержащих записи, сделанные через различные каналы связи, для изучения закономерностей трансформации идентификационных признаков и обучения адаптивных алгоритмов сравнения.
3. Развитие методов обнаружения синтезированной и модифицированной речи на основе анализа цифровых артефактов генерации, статистических аномалий спектра и лингвистического анализа, нехарактерного для естественного воспроизведения речи.
4. Строгая регламентация процесса изъятия и сохранения цифровых фонограмм на уровне ведомственных инструкций, с обязательной фиксацией метаданных, хэшей и использованием аппаратных средств, минимизирующих перекодирование.
5. Междисциплинарное взаимодействие криминалистов, специалистов в области судебной компьютерно-технической экспертизы, лингвистов для формирования комплексного подхода к оценке достоверности цифровых речевых доказательств.

Только при условии скорейшего решения этих научно-методических и организационных задач фоноскопическая экспертиза сможет эффективно противостоять вызовам цифровой эпохи, обеспечивая допустимость, надежность и достоверность заключений в рамках уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Постановление Пленума ВС РФ № 28/2010.
2. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 апреля 2011 г. N 5–011–58 // СПС «Гарант».
3. ГОСТ Р 58332-2018. Судебная экспертиза фонограмм. Термины и определения. М.: Стандартинформ, 2019.
4. Бояров А.Г. Обнаружение и анализ следов сжатия звуковых сигналов кодеками MP3, AAC, WMA и Vorbis (методические рекомендации для экспертов) // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. №1(41). С. 78-86.
5. Галяшина Е.И. Идентификация дикторов по цифровым фонограммам // XXII сессия Российского акустического общества, Сессия Научного совета по акустике РАН. 2010. С. 23-28.
6. Галяшина Елена Игоревна Судебная фоноскопическая экспертиза: проблемы диагностики аутентичности фонограмм // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2014. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-fonoskopicheskaya-ekspertiza-problemy-diagnostiki-autentichnosti-fonogramm (дата обращения: 25.12.2025).

7. Кубанов В.В., Дериглазова О.А. Об использовании фоноскопической экспертизы в раскрытии и расследовании пенитенциарных преступлений, совершаемых с использованием средств мобильной связи // Вестник СЮИ. 2024. С. 124-127.
8. Кураченкова Н.Б., Байчаров Н.В., Ермакова М.А. / Под ред. В.М. Богданова. Идентификация лиц по устной речи на русском языке. Методика «Диалект». Пособие для экспертов. Издание 2-е, переработанное и дополненное. М., 2007.
9. Лебедева А.К. Особенности судебно-экспертного исследования голоса, измененного при помощи компьютерно-технических средств // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. №3–2. С. 323-328.
10. Оболонин И.А., Рыговская Н.А. Анализ влияния фильтрации при первичном импульсно-кодовом преобразовании на искажения сигнала на входе кодеров с компрессией аудиоданных // Вестник СибГУТИ. 2008. № 2. С. 67–71.
11. Moura A.A., Nepomuceno N., Furtado V. Enhancing speaker identification in criminal investigations through clusterization and rank-based scoring // Forensic Science International: Digital Investigation. 2024. Vol. 49.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 28/2010.
2. Cassation ruling of the Criminal Division of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 14, 2011, No. 5–011–58 // SPS "Garant".
3. GOST R 58332-2018. Forensic examination of phonograms. Terms and definitions. M.: Standartinform, 2019.
4. Boyarov A.G. Detection and analysis of traces of compression of sound signals by MP3, AAC, WMA and Vorbis codecs (methodological recommendations for experts) // Theory and practice of forensic expertise. 2016. No. 1(41). Pp. 78-86.
5. Galyashina E.I. Identification of Speakers by Digital Phonograms // XXII Session of the Russian Acoustical Society, Session of the Scientific Council on Acoustics of the Russian Academy of Sciences. 2010. Pp. 23-28.
6. Galyashina Elena Igorevna Forensic Phonoscopic Expertise: Problems of Diagnosing the Authenticity of Phonograms // Bulletin of the Kutafin University. 2014. No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-fonoskopicheskaya-ekspertiza-problemy-diagnostiki-autentichnosti-fonogramm (accessed: 25.12.2025).
7. Kubanov V.V., Deriglazova O.A. On the use of phonoscopic examination in the disclosure and investigation of penitentiary crimes committed using mobile communication devices // Bulletin of the South Russian Institute. 2024. Pp. 124-127.
8. Kurachenkova N.B., Baycharov N.V., Ermakova M.A. / Edited by V.M. Bogdanov. Identification of Persons by Oral Speech in Russian. Dialect Methodology. Handbook for Experts. 2nd edition, revised and expanded. Moscow, 2007.
9. Lebedeva A.K. Features of Forensic Examination of a Voice Modified by Computer and Technical Means // Izvestiya of Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2016. No. 3–2. Pp. 323-328.
10. Obolonin I.A., Rygovskaya N.A. Analysis of the Effect of Filtering during the Primary Pulse-Code Conversion on Signal Distortion at the Input of Audio Data Compression Encoders // Vestnik SibGUTI. 2008. No. 2. Pp. 67–71.
11. Mourão A.A., Nepomuceno N., Furtado V. Improving the efficiency of speaker identification in criminal investigations through clustering and ranking based on ratings // International Forensic Science: Digital Investigation. 2024. Volume 49.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_395

УДК 343.829

ВЛИЯНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА НА ФОРМУ, СОДЕРЖАНИЕ И ПРОВЕДЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
THE IMPACT OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL PROGRESS ON THE FORM, CONTENT AND CONDUCT OF OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES

КУТУКОВ Сергей Александрович
начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности, Академия ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
390000, Россия, г. Рязань, Сенная ул., 1.
E-mail: kristinka_96@inbox.ru

КАЗАК Игорь Брониславович
доцент института подготовки государственных и муниципальных служащих по кафедре оперативно-розыскной деятельности Академия ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
390000, Россия, г. Рязань, Сенная ул., 1.
E-mail: kristinka_96@inbox.ru

ГРУШИН Федор Владимирович,
главный научный сотрудник НИЦ 1, ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент.
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1.
E-mail: kristinka_96@inbox.ru

KUTUKOV Sergey Aleksandrovich
Head of the Department of Operational Investigative Activities
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.
1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russia.
E-mail: kristinka_96@inbox.ru

KAZAK Igor Bronislavovich
Associate Professor of the Institute for the Training of State and Municipal Employees in the Department of Operational Investigative Activities Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.
1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russia.
E-mail: kristinka_96@inbox.ru

GRUSHIN Fedor Vladimirovich,
Chief Researcher at Research Center 1, Federal Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.
15a Narvskaya str., building 1, Moscow, 125130, Russia.
E-mail: kristinka_96@inbox.ru

Краткая аннотация. *Целью настоящей статьи является комплексный анализ влияния научно-технического прогресса на фундаментальные составляющие оперативно-розыскной деятельности: форму, содержание и практическое проведение оперативно-розыскных мероприятий. В статье раскрыты ключевые векторы технологического воздействия на ОРД, выделены наиболее значимые тренды, проведен анализ того, как меняются под этим воздействием конкретные оперативно-розыскные мероприятия, выявлены и систематизированы правовые, этические и организационные проблемы, порождаемых внедрением новых технологий в практику оперативных подразделений.*

Abstract. *The purpose of this article is to provide a comprehensive analysis of the impact of scientific and technological progress on the fundamental components of operational and investigative activities: the form, content, and practical implementation of operational and investigative measures. The article explores the key vectors of technological influence on operational and investigative activities, highlights the most significant trends, and analyzes how specific operational and investigative measures are affected by these trends. It also identifies and systematizes the legal, ethical, and organizational challenges that arise from the introduction of new technologies in the practice of operational units.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, научно-технический прогресс, оперативно-розыскные мероприятия, цифровизация, социальные сети, технологии.*

Keywords: *operational and investigative activities, scientific and technological progress, operational and investigative measures, digitalization, social networks, technologies.*

Для цитирования: *Кутуков С.А., Казак И.Б., Грушин Ф.В. Влияние научно-технического прогресса на форму, содержание и проведение оперативно-розыскных мероприятий // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 395-398. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_395.*

For citation*: Kutukov S.A., Kazak I.B., Grushin F.V. The impact of scientific and technological progress on the form, content and conduct of operational search activities // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 395-398. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_395.*

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Современная оперативно-розыскная деятельность переживает период глубокой трансформации, обусловленной стремительным развитием научно-технического прогресса. Цифровая эпоха, характеризующаяся всеобщей информатизацией и повсеместным использованием шифрованных каналов связи и социальных сетей, сформировала принципиально новую среду для совершения и сокрытия преступлений. Киберпреступность, организованная преступность в глобальных сетях, использование криптовалют для легализации доходов – все это лишь видимая часть айсберга, бросающая вызов традиционным методам оперативной работы. Ключевая проблема заключается в нарастающем разрыве между стремительным ростом технологических возможностей и способностью оперативно-розыскной практики, в ее правовом и методическом измерениях, своевременно и эффективно их ассимилировать для решения своих задач, что порождает комплекс правовых и организационных сложностей.

Для точного понимания масштаба влияния необходимо конкретизировать само понятие научно-технического прогресса (далее – НТП) применительно к оперативно-розыскной деятельности. В данном контексте НТП предстает не абстрактной категорией, а совокупностью революционных изменений в технологической базе общества, которые непосредственно затрагивают как инструментарий преступной деятельности, так и арсенал средств противодействия ей со стороны государства.

Ключевыми технологическими трендами, определяющими современный облик ОРД, выступают информационно-коммуникационные

технологии, создавшие глобальное цифровое пространство, где формируются и могут быть выявлены цифровые следы; искусственный интеллект и машинное обучение, позволяющие автоматизировать анализ огромных массивов данных и выявлять скрытые паттерны; технологии больших данных (Big Data), составляющие сырьевую основу для такого анализа; биометрические системы, радикально повышающие точность идентификации личности; а также средства робототехники и автономные системы (например, беспилотные летательные аппараты), расширяющие физические возможности по наблюдению и контролю.

Важным для анализа является понимание двойственной природы НТП в сфере ОРД: одни и те же технологии (шифрование, анонимные сети, криптография) могут быть использованы и для совершения, сокрытия преступлений, и для их раскрытия и предупреждения. Это порождает постоянное технологическое соревнование, где оперативно-розыскная деятельность вынуждена не просто осваивать новинки, но и целенаправленно развивать инструменты парирования тех угроз, которые создаются этими же технологиями в руках преступников.

Для того чтобы оценить глубину технологического воздействия, необходимо обратиться к основе оперативно-розыскной деятельности – системе оперативно-розыскных мероприятий, закрепленной в статье 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Традиционный анализ этих мероприятий, таких как опрос, наблюдение, наведение справок, контроль почтовых отправлений, прослушивание телефонных переговоров и других, предполагает их рассмотрение в двух взаимосвязанных, но различных плоскостях: формы и содержания. Под содержанием оперативно-розыскного мероприятия понимается его сущностная, целевая основа – те тактические задачи, которые решаются в его рамках, и та информация, которая в результате может быть получена. Например, содержанием наблюдения является визуальное или иное фиксирование действий и перемещений лица в целях установления его связей, намерений или получения других значимых для дела сведений. Форма же – это внешнее, процедурное выражение данного содержания, урегулированная законом и ведомственными инструкциями последовательность действий оперативного сотрудника, совокупность применяемых им методов и технических средств. Исторически форма многих ОРМ была жестко привязана к аналоговым, «физическим» носителям информации и непосредственному контакту с объектом. Однако новые технологии, не меняя кардинально сущностные цели мероприятия (то самое содержание), радикально трансформируют способы и средства их достижения, порождая новые формы, а в некоторых случаях – обнажая необходимость законодательного закрепления совершенно новых видов мероприятий, отвечающих вызовам времени.

Чтобы адекватно оценить современные изменения, полезно обратиться к исторической ретроспективе, которая наглядно демонстрирует, что взаимосвязь техники и оперативной работы не является феноменом XXI века, а представляет собой постоянный процесс адаптации. Эволюция этого влияния носит поступательный и накопительный характер. На заре становления сыскных методов основными инструментами были человеческие возможности наблюдения, память и простейшие средства фиксации. Однако уже появление и массовое распространение телеграфа, телефона и радио кардинально изменило коммуникационную среду, породив, с одной стороны, новые каналы для совершения преступлений, а с другой – потребовав от оперативных аппаратов развития соответствующих направлений работы, таких как контроль коммуникаций. Так, прослушивание телефонных переговоров из исключительной, технически сложной операции постепенно стало стандартным оперативно-розыскным мероприятием, что потребовало выработки специальных правовых оснований и процедур. Изобретение и миниатюризация устройств аудио- и видеозаписи в середине XX века трансформировало практику наблюдения и документирования, позволив перейти от субъективных описаний в рапортах к объективному фиксированию событий, что значительно повысило доказательственную ценность полученных материалов [1].

Каждый технологический скачок – будь то появление факсимильной связи, сотовой телефонии или персональных компьютеров – первоначально создавал «слепую зону», которую затем приходилось преодолевать путем разработки новых тактических приемов и внедрения соответствующих технических средств. Этот исторический опыт позволяет сделать важный вывод: оперативно-розыскная деятельность по своей природе является адаптивной системой, вынужденной постоянно эволюционировать под давлением технологических изменений. Однако беспрецедентная скорость и глубина текущей цифровой революции ставят перед законодателем и правоприменителем задачу адаптации такого же беспрецедентного темпа, что и составляет суть современного вызова [2].

Качественное изменение содержания оперативно-розыскных мероприятий под влиянием НТП происходит, прежде всего, через включение в оперативно-розыскную практику принципиально новых категорий данных, извлечение и анализ которых ранее было невозможно или крайне ресурсоемко. Это приводит к переосмыслению сущностных задач традиционных ОРМ и открывает новые возможности для установления значимых для дела обстоятельств. Так, применение технологий больших данных (Big Data) и методов криминалистического анализа цифровых следов наполняет новым смыслом такие мероприятия, как наведение справок или исследование предметов и документов. Анализ агрегированных массивов информации – метаданных коммуникаций, геолокационных маркеров, паттернов финансовых операций, цифровых профилей в социальных сетях – позволяет перейти от констатации разрозненных фактов к построению динамических поведенческих моделей, выявлению скрытых социальных связей и прогнозированию криминальных намерений [3].

Аналогичным образом биометрические системы, от геномной дактилоскопии до автоматизированного распознавания лица, голоса и походки, радикально меняют содержание опознания, трансформируя его из акта субъективного визуального сопоставления в процедуру объективного сравнения цифровых биометрических шаблонов с заданной степенью достоверности.

Особенно показательной в контексте развития технологий является эволюция содержания работы в цифровой среде. Криптовалюты и анонимные сети, созданные для обеспечения приватности, были оперативно освоены преступными сообществами для создания «серых» финансовых схем и коммуникаций в Darknet. Однако ответом стало развитие соответствующих оперативно-технических методов: применение блокчейн-трекеров и методик деанонимизации трафика сформировало новое содержание для мероприятий по документированию преступной деятельности.

Теперь их сущностью становится реконструкция цепочек псевдоанонимных транзакций или установление личности за цифровым ава-

таром, что на тактическом уровне ставит вопрос о необходимости привлечения к оперативной разработке узкопрофильных специалистов в области компьютерно-технической экспертизы и финансового анализа либо о глубокой специализации самого оперативного сотрудника [4].

Наряду с обогащением содержания, НТП вызывает кардинальные изменения во внешней, процедурной стороне проведения оперативно-розыскных мероприятий, что влечет перестройку оперативно-тактических алгоритмов и стирание четких границ между отдельными ОРМ. На смену или в дополнение к классическим формам приходят гибридные, киберфизические методы, где ключевую роль играет дистанционное взаимодействие с объектом через цифровые интерфейсы. Например, наблюдение эволюционирует от физического скрытого сопровождения к комплексному мониторингу с помощью сети технических средств. Тактическая роль оперативника при этом трансформируется: из непосредственного исполнителя, действующего в зоне видимости объекта, он становится аналитиком и координатором, управляющим в ситуационном центре потоками данных со скрытых GPS-трекеров, беспилотных летательных аппаратов и распределенных систем «умного» видеонаблюдения с функциями автоматического распознавания [5].

Процедурный сдвиг ярко выражен и в сфере контроля коммуникаций. Здесь наблюдается переход от дискретных, локализованных действий (физический контроль почтового отправления, подключение к конкретной телефонной линии) к непрерывному, сетецентрическому процессу фильтрации и анализа информационных потоков. Оперативный сотрудник сегодня работает с агрегатами интернет-трафика, решает задачи по перехвату сообщений в шифрованных мессенджерах (Telegram, WhatsApp) или VoIP-звонков (Skype, Viber). Такая работа требует новых процедур взаимодействия с интернет-провайдерами и технологическими корпорациями, а также порождает сложные правовые коллизии, связанные с юрисдикцией и допустимостью методов криптоанализа или применения специального программного обеспечения для доступа к информации [6].

Таким образом, форма традиционных мероприятий адаптируется к цифровой среде, порождая комплексные процедуры, успех которых зависит от интеграции оперативно-тактических решений с возможностями технических систем.

Качественным скачком во влиянии НТП на ОРД является не только модификация существующих, но и законодательное закрепление принципиально новых видов оперативно-розыскных мероприятий, порожденных исключительно развитием информационных технологий. Эти мероприятия, указанные в Федеральном законе «Об ОРД», отражают переход от адаптации старых методов к созданию новой правовой и технической инфраструктуры стратегического характера. Так, мероприятие по «получению компьютерной информации» (п. 11 ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об ОРД») формализует доступ к данным на электронных носителях и в каналах связи. Его проведение требует от сотрудника специальных знаний в области компьютерной криминалистики и регламентирует сложную процедуру, которая может включать как удаленное взаимодействие, так и изъятие носителей для экспертного исследования в лабораторных условиях [7].

Даже традиционное «исследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (п. 7 ч. 1 ст. 6) в современной интерпретации подразумевает санкционированное использование целого арсенала спецсредств (тепловизоров, лазерных микрофонов, георадаров), применение которых регулируется отдельными ведомственными актами.

Законодательное закрепление этих мероприятий фиксирует факт глубокой технологизации ОРД, когда инструменты перестают быть вспомогательными и становятся самостоятельными объектами правового регулирования и организационного обеспечения, формируя основу для оперативно-розыскной деятельности в цифровую эпоху.

Интенсивная технологизация оперативно-розыскной деятельности выдвигает на первый план комплекс правовых и этических коллизий, ставящих под вопрос традиционные балансы между эффективностью и свободой. Центральным из них является конфликт между расширяющимися техническими возможностями по наблюдению, сбору и анализу информации и конституционными гарантиями неприкосновенности частной жизни (ст. 23 Конституции РФ).

Массовое применение систем видеонаблюдения с распознаванием лиц, тотальный сбор метаданных, глубокий анализ цифровых следов формируют риски установления режима тотальной прозрачности, где презумпция невиновности подменяется презумпцией потенциальной подозрительности каждого гражданина [8].

Основным системным барьером для легитимного использования новых инструментов выступает нарастающий разрыв между скоростью технологических изменений и инерционностью правового регулирования. Законодательная база, сформированная в эпоху аналоговых коммуникаций, зачастую не содержит четких процедур для санкционирования и контроля за применением алгоритмов искусственного интеллекта, обработки больших данных или работы с децентрализованными системами, что создает «серые зоны» в правоприменении и напрямую влияет на допустимость полученных сведений в уголовном процессе.

Суды все чаще вынуждены оценивать не только фактические обстоятельства дела, но и законность самого метода получения доказательств, включая сертификацию ПО и методологию цифрового анализа [9].

Выявленные на тактическом уровне потребности в новых компетенциях обнажают системные организационные и кадровые вызовы, без решения которых даже самые совершенные технологии останутся неэффективными. Ключевой проблемой является фундаментальное несоответствие между традиционной кадровой моделью оперативного сотрудника и требованиями цифровой эпохи.

На смену универсальному исполнителю, ценящемуся за физические и вербовочные качества, должен прийти специалист нового типа – оперативник-аналитик или руководитель гибридной рабочей группы. Такой профессионал должен выступать связующим звеном между классической оперативной работой и цифровой средой: формулировать корректные запросы к аналитическим системам, интерпретировать результаты алгоритмической обработки данных, понимать логику киберпреступности и основы криптографии [10].

Трансформация кадрового потенциала упирается в необходимость глубокой перестройки всей системы профессионального образова-

ния – от базовой подготовки в ведомственных вузах до программ непрерывного обучения. Это требует колоссальных инвестиций в создание современных учебных лабораторий (киберполигонов) и привлечения преподавателей-практиков из IT-сферы.

Проблема усугубляется хроническим недофинансированием и технологическим неравенством между центральными и региональными подразделениями, а также рисками зависимости от иностранных технических решений.

Таким образом, задача сводится не к простому обучению сотрудников, а к комплексной реформе управления человеческими ресурсами: пересмотру штатных нормативов, системы мотивации, карьерных траекторий и организационных структур для создания гибких междисциплинарных команд, способных работать на стыке оперативной разведки и киберкриминалистики.

Несмотря на существующие барьеры, вектор технологического развития ОРД является необратимым и требует активного формирования повестки будущего, основанной на стратегическом прогнозировании и опережающем нормотворчестве. Перспективное развитие ОРД, таким образом, видится в построении сбалансированной человеко-машинной системы, где технологии усиливают аналитические возможности, а право и профессиональная этика остаются ее несущим каркасом.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что научно-технический прогресс выступает в роли системного фактора, переформатирующего оперативно-розыскную деятельность на концептуальном, тактическом и инструментальном уровнях. Анализ подтвердил, что влияние НТП носит трехмерный характер. Во-первых, оно кардинально обогащает содержание оперативно-розыскных мероприятий за счет интеграции в оперативный оборот принципиально новых категорий данных – от биометрических шаблонов и цифровых следов до криптографических записей в блокчейне, что позволяет решать традиционные задачи установления связей и опознания качественно новыми методами.

Во-вторых, происходит глубокая трансформация формы (процедуры) проведения ОРМ, где дистанционные, киберфизические и сетевые методы замещают или гибридизируют классические тактические алгоритмы, стирая границы между отдельными мероприятиями и меняя саму роль оперативника в сторону аналитика и координатора данных.

В-третьих, НТП приводит к институционализации принципиально новых видов оперативно-розыскных мероприятий, что законодательно закрепляет переход от ситуативного использования техники к созданию постоянной технологической инфраструктуры стратегического назначения.

Также необходимо сказать, что технологический скачок обнажает и усугубляет системные противоречия. Правовой вызов заключается в фундаментальном разрыве между скоростью появления новых инструментов контроля и анализа и возможностями правовой системы адекватно регулировать их применение, обеспечивая баланс между эффективностью и защитой прав граждан. Организационно-кадровый вызов проявляется в кризисе традиционной профессиональной модели оперативного сотрудника, требуя не просто переподготовки, а глубокой структурной реформы системы управления человеческими ресурсами для создания команд, интегрирующих оперативную, аналитическую и IT-экспертизу.

Таким образом, можно утверждать, что формируется новая парадигма оперативно-розыскной деятельности, суть которой заключается в переходе от преимущественно силовой и контактной модели к модели, основанной на данных, прогнозе и превенции. В этой парадигме технологии выступают не просто вспомогательными средствами, а средой существования и ядром оперативно-тактического планирования. Перспективное развитие видится в сознательном конструировании сбалансированной человеко-машинной оперативной системы, где искусственный интеллект, предикативная аналитика и автоматизация рутинных задач усиливают аналитические возможности, а право, профессиональная этика и стратегическое управление кадрами образуют ее устойчивый фундамент, гарантирующий как эффективность, так и легитимность деятельности в цифровую эпоху.

Список литературы:

1. Доля Е.А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам: научно-практическое пособие. – М.: Проспект, 2021. – 256 с.
2. Ларин А.Н., Серебренникова А.В. Правовые и криминалистические аспекты использования искусственного интеллекта в борьбе с преступностью // Lex russica. – 2021. – № 12 (181). – С. 113–124.
3. Климов И.А. Большие данные (Big Data) в оперативно-розыскной деятельности: новые возможности и правовые риски // Вестник Воронежского института МВД России. – 2020. – № 4. – С. 34–41.
4. Федоров А.В. Киберпреступность и оперативно-розыскная деятельность в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 192 с.
5. Лукичев Н.П., Михайлов В.А. Оперативно-розыскные мероприятия: теория и практика проведения. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2018. – 391 с.
6. Халиков А.Н. Правовые проблемы применения технических средств при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Российский следователь. – 2022. – № 5. – С. 64–68.
7. Поляков М.П., Федулов А.В. Технические средства оперативно-розыскной деятельности: история, современность, перспективы // Оперативник (сыщик). – 2021. – № 2 (71). – С. 25–31.
8. Гармаев Ю.П., Кокорев А.Н. Проблемы использования цифровых технологий в оперативно-розыскной деятельности и пути их решения // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 4. – С. 53–57.
9. Давыдов Я.В. Правовые и организационные проблемы использования информационных систем в оперативно-розыскной деятельности // Закон и право. – 2020. – № 12. – С. 88–90.
10. Букалерова Л.А., Пикалов И.А. Защита прав граждан при использовании современных информационных технологий в ОРД: проблемы и гарантии // Государство и право. – 2022. – № 8. – С. 153–162.

References:

1. Dolya E.A. The use of the results of operational investigative activities in proving criminal cases: a scientific and practical guide. Moscow: Prospekt, 2021. 256 p.
2. Larin A.N., Serebrennikova A.V. Legal and criminalistic aspects of the use of artificial intelligence in the fight against crime // Lex russica. 2021. № 12 (181). Pp. 113-124.
3. Klimov I.A. Big Data in operational investigative activities: new opportunities and legal risks // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2020. – No. 4. – pp. 34-41.
4. Fedorov A.V. Cybercrime and operational investigative activities in the Internet information and telecommunications network: monograph. M.: Yurlitinform, 2019. 192 p.
5. Lukichev N.P., Mikhailov V.A. Operational investigative measures: theory and practice. – St. Petersburg: Publishing house "Law Center Press", 2018. – 391 p.
6. Khalikov A.N. Legal problems of the use of technical means during operational search activities // Russian investigator. - 2022. – No. 5. – pp. 64-68.
7. Polyakov M.P., Fedulov A.V. Technical means of operational investigative activity: history, modernity, prospects // Operative (detective). – 2021. – № 2 (71). – Pp. 25-31.
8. Garmaev Yu.P., Kokorev A.N. Problems of using digital technologies in operational investigative activities and ways to solve them // Bulletin of Economic Security. – 2021. – No. 4. – pp. 53-57.
9. Davydov Ya.V. Legal and organizational problems of using information systems in operational investigative activities // Law and Law. - 2020. – No. 12. – pp. 88-90.
10. Bukalerova L.A., Pikalov I.A. Protection of citizens' rights when using modern information technologies in the ORDO: problems and guarantees // State and Law. – 2022. – No. 8. – pp. 153-162.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_399

УДК 343.851

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОГО В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ СЛЕДОВАТЕЛЯМИ И ДОЗНАВАТЕЛЯМИ
METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF CRIME PREVENTION CARRIED OUT BY INVESTIGATORS AND INTERROGATORS IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES

ИВАНОВ Иван Иванович,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры отраслевых и специальных юридических дисциплин факультета (командного) Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1.
E-mail: ivanov_ivan70@mail.ru

IVANOV I. I.
Professor of the Department of Sectoral and Special Legal Disciplines of the Faculty (Command) of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Russia.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
E-mail: ivanov_ivan70@mail.ru

***Краткая аннотация**. Целью написания данной научной статьи является исследование вопросов правового регулирования и науковедческого обеспечения предупреждения преступлений, осуществляемого в досудебном производстве по уголовным делам следователями и дознавателями. На основе изучения правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере профилактики преступлений, научных работ по указанным вопросам, судебно-следственной практики раскрытия, расследования и предупреждения преступлений автором сформулированы положения, направленные на совершенствование правового регулирования и организационных основ средств и методов следственной профилактики преступлений.*

***Abstract.** The purpose of writing this scientific article is to study the issues of legal regulation and scientific support for the prevention of crimes carried out by investigators and interrogators in pre-trial proceedings in criminal cases. Based on the study of legal acts regulating social relations in the field of crime prevention, scientific works on these issues, and the judicial and investigative practice of crime detection, investigation, and prevention, the author has formulated provisions aimed at improving the legal regulation and organizational foundations of the means and methods of investigative crime prevention.*

***Ключевые слова:** правовое регулирование следственной профилактики преступлений, понятие и содержание профилактической деятельности следователя, оптимизация средств и методов предупредительной деятельности в уголовном судопроизводстве.*

***Keywords:** legal regulation of investigative crime prevention, the concept and content of investigator's preventive activities, optimization of means and methods of preventive activities in criminal proceedings.*

***Для цитирования:** Иванов И.И. Методологические основы предупреждения преступлений, осуществляемого в досудебном производстве по уголовным делам следователями и дознавателями // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 399-405. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_399.*

***For citation**: Ivanov I.I. Methodological foundations of crime prevention carried out in pre-trial criminal proceedings by investigators and interrogators // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 399-405. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_399.*

Статья поступила в редакцию: 29.01.2026

В юридической литературе зарождение фундаментальных основ учения о предупреждении преступлений специалисты чаще всего связывают с изданием и выходом в свет в 1764 году в г. Ливорно книги молодого итальянского ученого Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях». В ее содержании автор, рассуждая о правовых и организационных проблемах борьбы с преступлениями, полагал, что одного создания в государстве даже самого хорошего и совершенного законодательства, ведущего людей к наивысшему счастью, вовсе недостаточно для того, чтобы предупредить все столкновения и нарушения в жизни общества. Важным средством, применяемым для достижения цели предупреждения преступлений (наряду с ясностью и простотой законов) Ч. Беккариа считал надлежащим образом организованную деятельность государственной власти, направленную на защиту безопасности граждан и общества в целом. По его мнению, наиболее эффективными мерами предотвращения преступлений должны быть по своей сути гласность, незамедлительность, неотвратимость и соразмерность уголовного наказания преступлению, предусмотренному в законе[1].

В России правовые идеи о предупреждении преступлений были реализованы уже в первой половине XIX века. В 1832 году комиссией под руководством М. М. Сперанского был подготовлен и утвержден указом императора Николая I (Романова) «Устав о предупреждении и пресечении преступлений», вступивший в действие с 1 января 1835 года и действовавший вплоть до 1917 года (в нескольких редакциях), во вводной части которого была дана общая характеристика деятельности уполномоченных государством лиц по недопущению и пресечению преступлений. В его особенной части содержались нормы, регулирующие вопросы организации и осуществления исполнительными органами государственной власти деятельности по недопущению и пресечению действий, которые могли повлечь оскорбление веры, нарушение общественного спокойствия, порядка благочиния, личной и имущественной безопасности.

При этом российские юристы в ходе создания и редактирования указанного нормативно-правового акта (подобного которому не было

[1] Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 230-238, 246

на тот момент ни в одной стране мира) имели достаточно ясное представление о том, что деятельность по расследованию конкретных преступлений является эффективным средством предупреждения и пресечения преступного поведения.

Так, например, нормы ст. 445-446 Устава предписывали чинам местной полиции вести неослабное наблюдение за вероятными местами незаконной организации и проведения азартных игр. А в случае обнаружения запрещенной игры полицейским служителям предписывалось исследовать: 1) в какую игру играли; 2) в какие деньги, что играли; 3) чем играли; 4) о времени, когда играли; 5) о месте, где играли; 7) об околичностях, объясняющих в каком намерении играли, и утверждающих и обличающих как играли; и 8) об игроках, которые в игре участвовали.

Положения ст. 449 Устава обязывали должностных лиц местной полиции незамедлительно брать под стражу всех найденных на запрещенных играх без всякого различия лиц и доставлять их к мировым судьям для решения вопроса о привлечении к ответственности по ст. 46 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями[1].

В течение XX-XXI веков постепенно сформировались теоретические основы предупреждения преступлений в отечественной юриспруденции. Ученые провели многочисленные научные исследования явления превенции в общей теории и истории права, уголовном и уголовно-исполнительном праве, уголовно-процессуальном праве, теории оперативно-розыскной деятельности.

Методологической основой предупреждения преступлений (правонарушений) в отраслевых юридических науках (дисциплинах) стало разработанное в общей теории права учение о превентивной функции права, под которой современные специалисты понимают относительно обособленное, прогрессивное направление гомогенного (однородного) юридического воздействия на сознание, волю и поведение людей, которое нацелено на недопущение нарушений соответствующих правоотношений, прав и законных интересов граждан, их коллективов и организаций.

В содержание превентивной функции права в качестве составных элементов они включают: 1) юридические основания; 2) фактические основания; 3) объекты; 4) субъекты; 5) средства и способы осуществления (юридическая техника и тактика); 6) цели (задачи), на достижение которых функция направлена; 7) результаты (фактические и юридические)[2].

Реализация превентивной функции права осуществляется посредством действия общей и специальной (частной) превенции. Профессор В. Н. Кудрявцев в одной из своих фундаментальных работ писал, что общепревентивное действие права заключается в предупреждении всех лиц, имеющих отношение к его предписаниям, о том, что эти предписания обязательны (желательны) для исполнения и обеспечены силой государственного принуждения или влекут положительные последствия в случае правового стимулирования поведения. Общая превенция (предупреждение) действует тогда, когда юридические последствия проступка еще не наступили (они могут наступить для иного лица или вообще не наступить).

Специальная (частная) превенция, по его мнению, реализуется в процессе фактического воздействия на правонарушителя путем применения правовой санкции: осуждения и последующего исполнения уголовного наказания, административного наказания или дисциплинарного взыскания, возмещения причиненного ущерба в гражданско-правовом порядке и т.п. Посредством применения правовой санкции на лицо оказывается физическое и имущественное воздействие с целью предупреждения рецидива[3].

В специальных юридических дисциплинах (криминалистике, криминологии, теории оперативно-розыскной деятельности) также активно проводятся научные исследования явления предупреждения преступлений.

Профессор В. В. Вандышев обоснованно полагал, что ведущую роль в исследовании причин и условий преступности и системы их профилактики играет криминология, которая разрабатывает классификацию предупредительных мер, указывает субъектов их реализации и т. п. Однако в силу своей специфики криминология не в состоянии осуществлять разработку вопросов профилактики преступлений, которыми занимается криминалистика, теория оперативно-розыскной деятельности и иные юридические науки[4].

В этой связи выдающийся советский и российский криминолог профессор А. Б. Сахаров правильно считал, что разработка средств и методов предупреждения преступности на всех ее уровнях – общем, особенном и единичном – является одной из задач уголовного права, уголовного процесса, уголовно-исполнительного права, криминалистики.

Указанные науки, по его мнению, решают эту задачу своими специфи-ческими путями, вооружая законодателя и правоохранительные органы научно обоснованными рекомендациями о подлежащих уголовно-правовому запрету деяниях и их признаках; основаниях и условиях уголовной ответственности; видах наказания и условиях эффективности его применения; процессуальном порядке расследования и рассмотрения уголовных дел; оптимальной организации исполнения наказаний; технических средствах и тактических приемах выявления преступлений и изобличения лиц, их совершивших[5].

О комплексном, междисциплинарном характере явления превенции свидетельствуют юридические конструкции криминологической теории предупреждения преступлений, которая изучает понятийный аппарат, систему, субъектов предупредительной деятельности, классификацию предупредительных мер и т.п.

Видный советский и российский криминолог, выдающийся практик в сфере борьбы с преступностью, профессор И. И. Карпец (давая общее определение понятия предупреждения преступлений) писал, что раскрытие и расследование конкретных преступлений, как и вообще

[1] Устав о предупреждении и пресечении преступлений// https://www.prlib.ru/item/459984; Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями //https://www.prlib.ru/item/459970
[2] Данченко А.А. Превентивная функция российского права: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. С. 7, 15.
[3] Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. С. 139 – 140, 147 – 148.
[4] Вандышев В.В. Соотношение учения о криминалистической профилактике и криминологии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 1999. № 3. С. 55.
[5] Сахаров А. Роль криминологической науки в предупреждении преступности // Социалистическая законность. 1985. № 12. С. 29.

применение уголовно-правовых мер, является своеобразным видом предупреждения преступности[1].

Методологической основой для разработки технических средств, тактических и методических приемов превенции, осуществляемых в процессе раскрытия и расследования преступлений, являются научные положения частной теории криминалистической профилактики преступлений.

Профессор Р. С. Белкин во второй половине XX века определил криминалистику как науку, изучающую:

-закономерности механизма преступления;

-закономерности возникновения информации о преступлении и его участниках;

-закономерности собирания, исследования, оценки и использования доказательств;

-основанные на познании этих закономерностей специальные средства и методы судебного исследования и предотвращения (профилактики) преступлений[2].

Большинство отечественных специалистов поддерживают данное определение предмета криминалистики и считают научно обоснованной разработку в криминалистике специфического знания о предупреждении преступлений в процессе их раскрытия и расследования[3].

Источниками рекомендаций по разработке средств и методов предупреждения преступлений в криминалистике являются право, наука и судебно-следственная практика.

Уголовный закон с целью предупреждения преступлений устанавливает основания и принципы уголовной ответственности, определяет какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений (ст. 2 УК РФ).

Превентивные начала уголовно-процессуального права реализуются в судебно-следственной практике в применении должностными лицами органов предварительного расследования (следователями и дознавателями) процессуальных средств предупреждения преступлений, позволяющих своевременно обнаруживать преступления и лиц, их совершивших (ст. 21, 144 УПК РФ), незамедлительно возбуждать уголовные дела по фактам выявленных преступлений (ст. 146 УПК РФ), осуществлять сбор информации доказательственного характера (ст. 86 УПК РФ), применять меры процессуального принуждения для пресечения преступной деятельности и ликвидации негативных последствий преступлений (ст. 91-116 УПК РФ), выявлять и устранять обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений (ч. 2 ст. 73, ч. 2 ст. 158 УПК РФ) и в конечном итоге, интегрировано (в совокупности) обеспечивать неотвратимость уголовной ответственности за совершенные преступления.

Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» прямо называет следственные органы субъектами профилактики правонарушений (ст. 5) и указывает, что они в процессе раскрытия и расследования преступлений занимаются реализацией специальных мер уголовного и уголовно-процессуального характера с целью предупреждения правонарушений (ст. 6).

Некоторые специалисты фактически отождествляют профилактическую деятельность следователей в основном с процессуальными действиями по выявлению (ч. 2 ст. 73 УПК РФ) и устранению (ч. 2 ст. 158 УПК РФ) обстоятельств, способствующих совершению конкретных преступлений[4]. Однако такая позиция нам представляется не вполне обоснованной.

В юридической литературе изредка появляются работы, авторы которых вообще отрицают саму возможность разработки средств и методов профилактики преступлений в процессе их раскрытия и расследования.

Так, например, белорусские криминалисты Мухин Г. Н. и Исютин-Федотков Д. В. считают, что криминалистическое предупреждение преступлений целиком поглощается криминологическими мерами предупреждения преступлений, изучается криминологией и составляет исключительно ее предмет[5].

Представитель уфимской криминалистической школы Зайнуллин Р. И., в целом не отрицая поддержки частной теории криминалистической профилактики большинством отечественных специалистов, тем не менее, полагает, что ученые, обосновывая необходимость разработки криминалистического учения о профилактике преступлений, на самом деле используют методологию и терминологию науки криминологии, либо ошибочно полагают, что наука криминалистика призвана обеспечивать всю функциональность субъекта предварительного расследования, вследствие чего искусственно расширяют предмет познания своей науки[6].

При этом ни один из указанных выше специалистов, исключая возможность разработки в криминалистике теоретических основ след-

[1] Юридический энциклопедический словарь. М., 1984. С. 285.
[2] Белкин Р.С. Курс криминалистики. Том 1: Общая теория криминалистики. М., 1997. С. 112.
[3] Варданян А. В. Криминалистическая превенция в системе государственных мер по предупреждению преступности // Вестник Томского государственного университета. 2018. №430. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-preventsiya-v-sisteme-gosudarstvennyh-mer-po-preduprezhdeniyu-prestupnosti (дата обращения: 26.01.2026); Стояновский М. В. Криминалистическая превенция (методологические начала и прикладные аспекты) // Вестник Воронежского государственного университета Серия: Право. 2019. №1 (36). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-preventsiya-metodologicheskie-nachala-i-prikladnye-aspekty (дата обращения: 26.01.2026); Митрофанова А. А. О сущности и содержании криминалистического предупреждения преступлений: теоретический и практический аспекты // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. №6 (118). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-suschnosti-i-soderzhanii-kriminalisticheskogo-preduprezhdeniya-prestupleniy-teoreticheskiy-i-prakticheskiy-aspekty (дата обращения: 26.01.2026).
[4] Цоколова О. И., Данилова С. И. Субъекты уголовно-процессуальной профилактики // Научный портал МВД России. 2015. №3 (31). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/subekty-ugolovno-protsessualnoy-profilaktiki (дата обращения: 06.12.2025); Диденко В. И., Леонова К. И. К вопросу уголовно-процессуальной профилактики по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ugolovno-protsessualnoy-profilaktiki-po-ugolovnym-delam-v-otnoshenii-nesovershennoletnih (дата обращения: 06.12.2025).
[5] Мухин Г. Н., Исютин-Федотков Д. В. Предупреждение преступлений в системе криминалистики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 2. С. 168-174.
[6] Зайнуллин Р. И. Криминалистическая профилактика – миф или реальность? // КриминалистЪ.2023.№4(45).URL:https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-profilaktika-mif-ili-realnost (дата обращения: 13.01.2026).

ственной профилактики преступлений, в обоснование своей позиции не провел самостоятельное исследование междисциплинарных основ предупреждения преступлений в юриспруденции.

В этой связи хотим уточнить, что предметы теории криминологической профилактики преступлений и теории криминалистической превенции не совпадают (не являются тождественными).

Предметом криминологической теории профилактики преступлений являются криминогенные и антикриминогенные факторы и направленный на их устранение, нейтрализацию, либо усиление и активизацию профилактический процесс, включающий в себя регулирующие нормы права, профилактические программы, конкретные мероприятия, формы и методы предупредительной работы, систему субъектов профилактики.

Объектом криминологической профилактики преступности является совокупность общественных отношений, под которыми следует понимать определенные связи между людьми (субъектами отношений), складывающиеся в процессе их совместной деятельности по поводу предупреждения преступлений, путем разработки и осуществления мероприятий экономического, социального, политического, правового, организационно-управленческого характера, направленных на выявление и устранение (нейтрализацию) причин и условий существования преступности[1].

Предметом частной теории криминалистической профилактики преступлений выступают:

-закономерности преступной деятельности, необходимые для познания процесса организации профилактической работы, осуществляемой при раскрытии и расследовании преступлений;

-закономерности возникновения информации об объектах криминалистического профилактического воздействия, собирания, исследования, оценки и использования ее в судебно-следственной практике для предотвращения общественно опасных деяний;

-основанные на познании этих закономерностей средства и методы специальной профилактики, реализуемые в процессе раскрытия и расследования конкретных преступлений.

Триединым объектом теории криминалистической превенции является совокупность преступной (криминальной) деятельности, информация, порождаемая преступлением и связанная с ним, а также превентивная деятельность, осуществляемая в процессе раскрытия и расследования преступлений, как одной из форм судебно-следственной практики, изучаемых криминалистикой[2].

Правовое регулирование, субъекты осуществления, средства и методы, с помощью которых криминология и криминалистика обеспечивают задачи предупреждения преступлений, также имеют существенные различия.

Теория криминологической профилактики разрабатывает и реализует средства и методы предупреждения преступлений, основанные на убеждении и неуголовно-правовом принуждении (например, административное наказание)[3]. Из содержания теоретических работ по проблемам криминологической профилактики преступлений явствует, что в строгом научном понимании она носит допреступный характер[4].

Разрабатываемые частной теорией криминалистической профилактики технические средства, тактические и методические приемы специальной профилактики создаются для использования исключительно в процессе раскрытия и расследования конкретных преступлений (то есть, на основе уголовного и уголовно-процессуального принуждения).

Важнейшим для изучения и формирования методологических основ криминалистической превенции является вопрос, а в каких же конкретно видах практической деятельности должностных лиц органов предварительного расследования реализуется функция предупреждения преступлений в процессе их раскрытия и расследования?

Главной стратегической задачей в осуществлении превентивной деятельности следователя и дознавателя в досудебном производстве является достижение неотвратимости уголовного наказания в отношении лиц, совершивших преступления, проведение предварительного расследования в минимально возможные установленные законом сроки с момента обнаружения (выявления) преступления до направления материалов уголовного дела прокурору с обвинительным заключением, обвинительным актом, обвинительным постановлением.

Своевременное обнаружение (выявление) замышляемых, подготавливаемых и совершенных преступлений представляет собой первую группу превентивных мер, реализуемых следователями и дознавателями в юридической практике, как правило, на первоначальном этапе расследования уголовных дел.

С момента получения информации о подготавливаемом или совершенном преступлении следователь (дознаватель) во взаимодействии с сотрудниками органов дознания и иных подразделений правоохранительных органов уже в процессе проведения проверки в порядке ст. 144 УПК РФ или в ходе работы по возбужденному уголовному делу уже на первоначальном этапе расследования должен обеспечить получение в установленные законом сроки достоверной информации доказательственного характера о: лицах, замышляющих, подготавливающих или совершивших преступления; действиях людей по подготовке, совершению и сокрытию преступлений; орудиях и средствах совершения преступлений; объектах и предметах преступного посягательства; обстоятельствах, способствовавших совершению и сокрытию преступлений (объектах криминалистического профилактического воздействия).

---

[1] Портнов И.П. Теоретические аспекты объекта и предмета профилактики преступлений // Вопросы совершенствования работы подразделений милиции общественной безопасности: Сборник. М., 1996. С. 108 – 111.

[2] Иванов И. И. Криминалистическая профилактика преступлений: методологические основы и отличие от иных подсистем предупреждения преступной деятельности // Вестник криминалистики. 2014. № 4 (52). С. 50-51.

[3] Устинов В.С. Уголовно-правовая профилактика преступлений и ее отличие от других подсистем предупреждения преступности // Планирование мер борьбы с преступностью. М., 1982. С. 70 – 71.

[4] Алексеев А. И., Герасимов С. И., Сухарев А. Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М., 2001. С. 242-273.

На всех этапах процесса расследования следователь (дознаватель) обязан стремиться в ходе осуществления производства по каждому уголовному делу своевременно и быстро выявлять либо инициировать следственные ситуации профилактического характера (то есть, создавать благоприятные условия для появления в установленном законом порядке информации доказательственного характера) с целью облегчения и сокращения процесса расследования. Например, во взаимодействии с оперативными работниками органов дознания склонить подозреваемого (обвиняемого) к даче правдивых показаний об эпизодах ранее совершенных преступлений, неизвестных органам предварительного расследования. Или же осуществить оперативно-тактическую комбинацию по разобщению участников организованной преступной группы для получения от каждого из них информации доказательственного характера о конкретной преступной деятельности.

Быстрое раскрытие преступлений является важной составляющей следственной профилактики преступлений и реализуется следователями (дознавателями) в ходе активного участия в раскрытии преступлений по «горячим следам», с использованием фактора внезапности и иных следственных ситуаций профилактического характера.

Качественное расследование преступлений, как составной элемент следственной профилактики, представляет собой процесс криминалистического обеспечения в досудебном производстве всесторонности, полноты и объективности расследования каждого совершенного преступления[1].

Превентивное содержание носят действия следователя (дознавателя) по пресечению преступной деятельности лиц подозреваемых и обвиняемых и направленные на ликвидацию последствий совершенных преступлений.

Своевременно проведенное задержание в порядке ст. 91 УПК РФ, применение мер пресечения (ст. 98 УПК РФ) является эффективным средством предотвращения дальнейшей противоправной деятельности, попыток уклониться от уголовной ответственности, позволяет в сравнительно короткие процессуальные сроки собрать доказательства о совершенных преступлениях.

Деятельность следователя (дознавателя) по созданию условий, способствующих ликвидации негативных последствий совершенных преступлений носит конкретный профилактический характер.

В этой части внимание следователя должно быть сосредоточено на вопросах использования информации доказательственного характера и мер уголовно-процессуального принуждения для возмещения потерпевшим вреда, причиненного преступлениями. Такая работа является важнейшим средством убеждения граждан в способности органов предварительного расследования надежно защищать законные права и интересы потерпевших, и дополнительным сдерживающим фактором для лиц, склонных к совершению преступлений.

Деятельность следователя (дознавателя) по преодолению различных форм умышленного противодействия расследованию также имеет конкретное профилактическое содержание[2]. Она осуществляется следователем в тесном взаимодействии с оперативными работниками органов дознания с целью создания благоприятных условий для достижения неотвратимости уголовного наказания и сокращения сроков привлечения к уголовной ответственности.

Работа следователя (дознавателя) по выявлению (ч. 2 ст. 73 УПК РФ) и устранению обстоятельств, способствующих совершению преступлений (ч. 2 ст. 158 УПК РФ) в досудебном производстве также имеет конкретную превентивную направленность[3]. В этой части следователю (дознавателю), осуществляющему производство по конкретному уголовному делу, необходимо иметь точное представление о юридических конструкциях причин и условий конкретного преступления, которые разработаны в отечественной криминологии и используются в готовом виде криминалистикой для реализации в практике раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Изучив все источники формирования частной теории криминалистической профилактики преступлений, мы можем, наконец, дать определение понятия превентивной деятельности, которую осуществляют следователи (дознаватели) в досудебном производстве по уголовным делам.

По нашему мнению, криминалистическая превенция, осуществляемая следователями и дознавателями при раскрытии и расследовании преступлений, – это подсистема криминалистической профилактики, включающая в себя научные положения и практические рекомендации о закономерностях реализации органами предварительного расследования в уголовном судопроизводстве правовых и административно-служебных функций по предотвращению замышляемых и подготавливаемых преступлений, своевременному обнаружению, быстрому, полному раскрытию и качественному расследованию совершенных преступлений, пресечению конкретной преступной деятельности и ликвидации ее опасных последствий, выявлению и устранению в процессе расследования обстоятельств, способствовавших совершению и сокрытию преступлений, преодолению любых форм противодействия расследованию[4].

На наш взгляд, в планы расследования уголовных дел необходимо включать такие мероприятия, способствующие реализации предупредительной задачи криминалистики, как:

-определение способов, своевременного обнаружения, быстрого и полного раскрытия преступлений, приемов выявления органами дознания, дознавателями и следователями следственных ситуаций профилактического характера, облегчающих расследование;

[1] Стояновский М. В. Криминалистическая превенция (методологические начала и прикладные аспекты) // Вестник Воронежского государственного университета Серия: Право. 2019. №1 (36). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-preventsiya-metodologicheskie-nachala-i-prikladnye-aspekty (дата обращения: 26.01.2026).
[2] Андреев А. С. Криминалистическая превенция преступлений, совершаемых в условиях посткриминального противодействия, в процессе раскрытия и расследования преступлений // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2019. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-preventsiya-prestupleniy-sovershaemyh-v-usloviyah-postkriminalnogo-protivodeystviya-v-protsesse-raskrytiya-i (дата обращения: 05.12.2025).
[3] Файрушина Р. Д., Имаева Ю. Б. Понятие и правовая основа профилактической деятельности следователя // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. №1 (13). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-pravovaya-osnova-profilakticheskoy-deyatelnosti-sledovatelya (дата обращения: 15.01.2026).
[4] Иванов И. И. Криминалистическая превенция: комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив. Дис…докт.юрид.наук. СПб. 2004. С. 211.

-работа по сбору и анализу в процессе расследования профилактически значимой информации о лицах, замышляющих, подготавливающих или совершивших преступления, о признаках преступного профессионализма в их действиях по подготовке, совершению и сокрытию преступных деяний, склонности к дальнейшему совершению преступлений, уклонению от суда и следствия и иным формам противодействия расследованию;

-мероприятия по пресечению преступной деятельности (с помощью мер уголовно-процессуального принуждения) лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, основанные на изучении данных о личности правонарушителей и обстоятельств совершенных ими преступлений;

-работа по установлению и возмещению ущерба, нанесенного преступлением правоохраняемым общественным отношениям;

-следственные действия по нейтрализации различных форм противодействия расследованию преступлений (в том числе и сокрытия преступлений);

-деятельность следователя по выявлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений.

Результаты следственной работы по раскрытию, расследованию и профилактике преступлений зависят от того, насколько тесно организовано взаимодействие следователя с оперативными работниками органов дознания, специалистами и экспертами экспертно-криминалистических подразделений и других служб правоохранительных органов[1].

Таким образом, методологической основой предупреждения преступлений, осуществляемого в досудебном производстве по уголовным делам следователями и дознавателями, являются положения частной криминалистической теории профилактики преступлений.

Предметы теории криминологической и криминалистической профилактики преступлений не являются тождественными. Криминологическая профилактика в строгом научном понимании носит допреступный характер и реализуется путем разработки и осуществления мероприятий экономического, социального, политического, правового, организационно-управленческого характера, направленных на выявление и устранение (нейтрализацию) причин и условий существования преступности. Криминалистическая профилактика преступлений осуществляется посредством разработки и использования в уголовном судопроизводстве технических средств, тактических и методических приемов для предотвращения замышляемых и подготавливаемых преступлений, своевременного обнаружения, быстрого, полного раскрытия и качественного расследования совершенных преступлений, пресечения конкретной преступной деятельности и ликвидации ее опасных последствий, выявления и устранения в процессе расследования обстоятельств, способствовавших совершению и сокрытию преступлений, преодоления любых форм противодействия расследованию

Обоснованность разработки в отечественной криминалистике теоретических и прикладных основ предотвращения преступлений сегодня не вызывает сомнений и поддерживается большинством отечественных специалистов, исходя из понимания определения предмета криминалистики, разработанного профессором Р. С. Белкиным и другими исследователями. Криминалистика изучает явление превенции с позиций использования технических средств, тактических и методических приемов в осуществлении предупредительной работы в процессе раскрытия и расследования преступлений. То есть, исследует наряду с другими отраслевыми и специальными юридическими науками (уголовным, уголовно-исполнительным правом и криминологией, уголовно-процессуальным правом и теорией оперативно-розыскной деятельности), различные свойства (стороны) одного и того же объекта.

Список литературы:

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. 304 с.
2.Устав о предупреждении и пресечении преступлений// https://www.prlib.ru/item/459984.
3.Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями //https://www.prlib.ru/item/459970.
4. Данченко А.А. Превентивная функция российского права: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. 23 с.
5. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. 192 с.
6. Вандышев В.В. Соотношение учения о криминалистической профилактике и криминологии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 1999. № 3. С. 55-61.
7. Сахаров А. Роль криминологической науки в предупреждении преступности // Социалистическая законность. 1985. № 12. С. 28-31.
8. Юридический энциклопедический словарь. М., 1984. 415 с.
9. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Том 1: Общая теория криминалистики. М., 1997. 408 с.
10. Варданян А. В. Криминалистическая превенция в системе государственных мер по предупреждению преступности // Вестник Томского государственного университета. 2018. №430. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-preventsiya-v-sisteme-gosudarstvennyh-mer-po-preduprezhdeniyu-prestupnosti (дата обращения: 26.01.2026).
11. Стояновский М. В. Криминалистическая превенция (методологические начала и прикладные аспекты) // Вестник Воронежского государственного университета Серия: Право. 2019. №1 (36). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-preventsiya-metodologicheskie-nachala-i-prikladnye-aspekty (дата обращения: 26.01.2026).
12. Митрофанова А. А. О сущности и содержании криминалистического предупреждения преступлений: теоретический и практический аспекты // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. №6 (118). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-suschnosti-i-soderzhanii-kriminalisticheskogo-preduprezhdeniya-prestupleniy-teoreticheskiy-i-prakticheskiy-aspekty (дата обращения: 26.01.2026).
13. Цоколова О. И., Данилова С. И. Субъекты уголовно-процессуальной профилактики // Научный портал МВД России. 2015. №3 (31). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/subekty-ugolovno-protsessualnoy-profilaktiki (дата обращения: 06.12.2025).
14. Диденко В. И., Леонова К. И. К вопросу уголовно-процессуальной профилактики по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ugolovno-protsessualnoy-profilaktiki-po-ugolovnym-delam-v-otnoshenii-nesovershennoletnih (дата обращения: 06.12.2025).
15. Мухин Г. Н., Исютин-Федотков Д. В. Предупреждение преступлений в системе криминалистики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 2. С. 168-174.
16. Зайнуллин Р. И. Криминалистическая профилактика – миф или реальность? // КриминалистЪ.2023.№4(45).URL:https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-profilaktika-mif-ili-realnost (дата обращения: 13.01.2026).
17. Портнов И.П. Теоретические аспекты объекта и предмета профилактики преступлений // Вопросы совершенствования работы подразделений милиции общественной безопасности: Сборник. М., 1996. С. 110-115.

[1] Настольная книга следователя. СПб. 2008. С. 244-245.

18. Иванов И. И. Криминалистическая профилактика преступлений: методологические основы и отличие от иных подсистем предупреждения преступной деятельности // Вестник криминалистики. 2014. № 4 (52). С. 44-57.
19. Устинов В.С. Уголовно-правовая профилактика преступлений и ее отличие от других подсистем предупреждения преступности // Планирование мер борьбы с преступностью. М., 1982. С. 67-71.
20. Алексеев А. И., Герасимов С. И., Сухарев А. Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М., 2001. 496 с.
21. Андреев А. С. Криминалистическая превенция преступлений, совершаемых в условиях посткриминального противодействия, в процессе раскрытия и расследования преступлений // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2019. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-preventsiya-prestupleniy-sovershaemyh-v-usloviyah-postkriminalnogo-protivodeystviya-v-protsesse-raskrytiya-i (дата обращения: 05.12.2025).
22. Файрушина Р. Д., Имаева Ю. Б. Понятие и правовая основа профилактической деятельности следователя // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. №1 (13). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-pravovaya-osnova-profilakticheskoy-deyatelnosti-sledovatelya (дата обращения: 15.01.2026).
23. Иванов И. И. Криминалистическая превенция: комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив. Дис…докт.юрид.наук. СПб. 2004. 418 с.
24. Настольная книга следователя. СПб. 2008. 908 с.

References:

1. Beccaria Ch. About crimes and punishments. Moscow, 1995. 304 p.
2. The Charter on the Prevention and Suppression of Crimes// https://www.prlib.ru/item/459984
3. The Statute on punishments imposed by Justices of the Peace //
https://www.prlib.ru/item/459970 4. Danchenko A.A. The preventive function of Russian law: Abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences'. Nizhny Novgorod, 2002. 23 p.
5. Kudryavtsev V.N. Law and behavior, Moscow, 1978. 192 p.
6. Vandyshev V.V. The correlation of the doctrine of criminalistic prevention and criminology // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1999. No. 3. pp. 55-61.
7. Sakharov A. The role of criminological science in crime prevention // Socialist legality. 1985. No. 12. pp. 28-31.
8. Legal encyclopedic dictionary. Moscow, 1984. 415 p.
9. Belkin R.S. The course of criminalistics. Volume 1: General theory of criminalistics. Moscow, 1997. 408 p.
10. Vardanyan A.V. Criminalistic prevention in the system of state crime prevention measures // Bulletin of Tomsk State University. 2018. No.430. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-preventsiya-v-sisteme-gosudarstvennyh-mer-po-preduprezhdeniyu-prestupnosti (date of request: 01/26/2026).
11. Stoyanovskiy M. V. Criminalistic prevention (methodological principles and applied aspects) // Bulletin of Voronezh State University Series: Law. 2019. No. 1 (36). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-preventsiya-metodologicheskie-nachala-i-prikladnye-aspekty (date of request: 01/26/2026).
12. Mitrofanova A. A. On the essence and content of criminalistic crime prevention: theoretical and practical aspects // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2024. No. 6 (118). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-suschnosti-i-soderzhanii-kriminalisticheskogo-preduprezhdeniya-prestupleniy-teoreticheskiy-i-prakticheskiy-aspekty (date of request: 01/26/2026).
13. Tsokolova O. I., Danilova S. I. Subjects of criminal procedural prevention // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 3 (31). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/subekty-ugolovno-protsessualnoy-profilaktiki (date of application: 12/06/2025).
14. Didenko V. I., Leonova K. I. On the issue of criminal procedural prevention in criminal cases against minors // Problems of law enforcement. 2020. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ugolovno-protsessualnoy-profilaktiki-po-ugolovnym-delam-v-otnoshenii-nesovershennoletnih (date of request: 06.12.2025).
15. Mukhin G. N., Isyutin-Fedotkov D. V. Crime prevention in the system of criminalistics // Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2019. Vol. 5 (71). No. 2. pp. 168-174.
16. Zainullin R. I. Criminalistic prevention – myth or reality? // Crime List.2023.No.4(45).URL:https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-profilaktika-mif-ili-realnost (accessed: 01/13/2026).
17. Portnov I.P. Theoretical aspects of the object and subject of crime prevention // Issues of improving the work of the departments of the Ministry of Public Security: Collection. Moscow, 1996. pp. 110-115.
18. Ivanov I. I. Criminalistic crime prevention: methodological foundations and difference from other subsystems of the prevention of criminal activity // Bulletin of Criminalistics. 2014. No. 4 (52). pp. 44-57.
19. Ustinov V.S. Criminal law prevention of crimes and its difference from other crime prevention subsystems // Planning measures to combat crime. Moscow, 1982. pp. 67-71.
20. Alekseev A. I., Gerasimov S. I., Sukharev A. Ya. Criminological prevention: theory, experience, problems. Moscow, 2001. 496 p
21. Andreev A. S. Criminalistic prevention of crimes committed in the context of post-criminal counteraction, in the process of disclosure and investigation of crimes // News of TulSU. Economic and legal sciences. 2019. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-preventsiya-prestupleniy-sovershaemyh-v-usloviyah-postkriminalnogo-protivodeystviya-v-protsesse-raskrytiya-i (date of request: 05.12.2025).
22. Fayrushina R. D., Imaeva Yu. B. The concept and legal basis of the investigator's preventive activities // Society, law, statehood: a retrospective and perspective. 2023. No. 1 (13). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-pravovaya-osnova-profilakticheskoy-deyatelnosti-sledovatelya (date of appeal: 01/15/2026).
23. Ivanov I. I. Criminalistic prevention: a comprehensive study of the genesis, state, prospects. Dissertation of the Doctor of Law. St. Petersburg. 2004. 418 p.
24. Investigator's desk book. St. Petersburg. 2008. 908 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_406

УДК 343.1

НАДЗОР ПРОКУРОРА ЗА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В РАМКАХ ПРОВЕДЕНИЯ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ ПО ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ, ХИЩЕНИИ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ, ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ И ПРЕВЫШЕНИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

PROSECUTOR'S SUPERVISION OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES IN THE FRAMEWORK OF PRE-INVESTIGATION IN CASES OF FRAUD, THEFT OF BUDGETARY FUNDS, ABUSE AND EXCESS OF OFFICIAL POWER

ЖАНЕ Амаль Игоревич
Аспирант юридического факультета,
Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина.
350044, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Калинина, д. 13.
E-mail: iustus23@mail.ru

JANE Amal Igorevich
Graduate student of the Faculty of Law Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.
Kalinina str., 13, Krasnodar Territory, 350044, Russia.
E-mail: iustus23@mail.ru

Краткая аннотация: *Научная статья посвящена изучению надзора прокурора за оперативно-розыскной деятельностью в рамках проведения доследственной проверки по делам о мошенничестве, хищении бюджетных средств, злоупотреблении и превышении должностных полномочий. Рассматриваются проблемы, которые имеют место быть при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в рамках проведения доследственной проверки по делам о должностных преступлениях. Целью исследования является разработка рекомендаций по повышению эффективности надзора прокурора в рассматриваемой сфере.*

Abstract: *This research article examines prosecutorial oversight of investigative operations during pre-investigation investigations into cases of fraud, embezzlement of public funds, and abuse and excess of official authority. It examines issues that arise during investigative operations during pre-investigation investigations into cases of official misconduct. The aim of the study is to develop recommendations for improving the effectiveness of prosecutorial oversight in this area.*

Ключевые слова: *прокурорский надзор, уголовная ответственность, мошенничество, доследственная проверка.*
Keywords: *prosecutorial supervision, criminal liability, fraud, pre-investigation check.*

Для цитирования: *Жане А.И. Надзор прокурора за оперативно-розыскной деятельностью в рамках проведения доследственной проверки по делам о мошенничестве, хищении бюджетных средств, злоупотреблении и превышении должностных полномочий// Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 406-408. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_406.*

For citation*: Jane A.I. The prosecutor's supervision of operational investigative activities in the framework of pre-investigation checks in cases of fraud, embezzlement of budget funds, abuse and abuse of official authority // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 406-408. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_406.*

Статья поступила в редакцию: 10.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Вопрос о надзоре прокурора за осуществлением оперативно-розыскной деятельностью рассматривался в трудах таких ученых, как А. Ю. Винокуров [1] , И. В. Литвинова [2], В. Ю. Стельмах [3] и других ученых. Учеными были выделены различные проблемы, имеющие место в рамках надзора за оперативно-розыскной деятельностью, которые не устранены и в настоящее время. Однако мы, в рамках настоящей статьи хотим большее внимание уделить тем проблемным вопросам, которые имеют место быть в рамках осуществления прокурором надзора за оперативно-розыскной деятельностью при проведении доследственной проверки по делам о мошенничестве, хищении бюджетных средства, а также злоупотреблении должностными полномочиями.

Органами прокуратуры осуществляется надзор за осуществлением оперативно-розыскной деятельности за соблюдением всех ее принципов и правил осуществления при осуществлении доследственной проверки по делам о мошенничестве, хищении бюджетных средств, а также злоупотреблении служебными полномочиями и иными должностными преступлениями. Осуществление прокурорского надзора направлено на недопущение нарушений прав граждан и их устранение, если таковые имели место быть.

Оперативно-розыскная деятельность осуществляется в рамках проведения как гласных, так и негласных способах работы. Данное положение представляет из себя важную особенность рассматриваемой деятельности, а само производство оперативно-розыскных мероприятий входит в сферу государственной тайны [4]. В особенности, это актуально при осуществлении злоупотреблений и превышений должностными полномочиями а рамках выполнения государственных заказов в военной сфере. Разглашение, а также утечка данных оперативно-розыскной деятельности в рамках расследования рассматриваемой категории дел на этапе доследственной проверки является недопустимым, так как может поставить под вопрос саму возможность осуществления расследования и привлечения виновных лиц к ответственности. При этом, в правоприменительной практике имеют место случаи, когда при осуществлении прокурорского надзора прокурорами допускаются определенные нарушения, которые сказываются на результатах расследования. В частности, при осуществлении прокурорского надзора, прокурором были сделаны заметки касательно материалов, имеющихся в рамках доследственной проверки в личный ноутбук, который в последствии был украден. В ре-

зультате чего произошла утечка информации, которая помешала должному проведению дальнейших следственных действий [5].

В Федеральном Законе «О прокуратуре Российской Федерации» четко определен предмет прокурорского надзора при его проведении в отношении органов, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия. В частности, предусматривается недопустимость нарушение прав и свобод гражданина, необходимость четкого соблюдения порядка рассмотрения поступивших заявлений о совершенном преступлении, осуществление оперативно-розыскной деятельности в рамках проведения доследственной проверки исключительно в рамках установленных нормами права.

При этом, Конституционным Судом РФ конкретизируется тот факт, что несмотря на то, что результаты оперативно-розыскной деятельности используются для дальнейшей организации следственных действий, а также являются поводом для возбуждения уголовного дела и, в дальнейшем, используются в качестве доказательств, к ним предъявляются достаточно требования, соблюдение которых может проконтролировать прокурор в рамках своей надзорной деятельности. Так, действующее законодательство устанавливает запрет на использование в процессе доказывания тех результатов оперативной деятельности, которые не отвечают требованиям предъявляемым к доказательствам [7].

В данном случае, мы видим определенную проблему для прокурора при осуществлении надзора за оперативно-розыскной деятельностью в рамках осуществления доследственной проверки по делам о мошенничестве, хищении бюджетных средств и злоупотреблении должностными полномочиями. Дело в том, что провести оценку оперативно-розыскных мероприятий в настоящее время достаточно проблематично, ввиду отсутствия должного законодательного регламентирования порядка их осуществления.

При этом, как отмечает в своем исследовании Ф. М. Луговик, прокурор имеет возможность реализовывать надзор за рассматриваемой оперативно-розыскной деятельностью в рамках законодательства, регламентирующего непосредственно данную деятельность [8]. В частности, если прокурору поступит обращения от гражданина, подвергнувшегося, по его мнению, незаконной оперативно-розыскной деятельности в рамках проведения доследственной проверки по делу о мошенничестве, злоупотреблении должностными полномочиями или хищении бюджетных средств, то прокурор обязан принять соответствующие меры, в рамках своей компетенции в проведении надзора за данной деятельностью. Однако, если данное надзорное мероприятие будет произведено без соответствующего обращения гражданина, то подобная проверка будет признана незаконной.

В целом, говоря о существующем положении дел в нашей стране, мы можем отметить, что проведение общенадзорных проверок и проверок органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, происходит в рамках установленного плана. В свою, очередь, в отсутствии плана или обращения, осуществление действий в рамках надзора не представляется законным. Таким образом, именно в возможности проведения надзорных мероприятий заключается отличие полномочий прокурора на стадии за оперативно-розыскной деятельностью и стадии предварительного расследования, где он уже имеет большие полномочия и имеет возможность изучить любое уголовное дело без дополнительных согласований.

Рассматривая полномочия прокурора в рамках осуществления проверки, мы можем отметить возможность запрашивать от органов, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность документы, которые имеются в делах оперативного учеты, документацию и материалы, в которых отмечается использование технических средств при производстве соответствующих мероприятий. Прокурор имеет право запросить документацию, которой определяется сам порядок осуществления данных мероприятий. Однако, существуют и определенные пределы в возможностях прокурора получения полного доступа ко всем имеющимся документам. Так, А. Ф. Козусев подчеркивает, что несмотря, на возможные требования, прокурору не будет предоставлена информация о тех лицах, которые проводят негласную деятельность в тех или иных преступных сообществах [9]. В частности, такое лицо может быть внедрено в преступную организацию, занимающуюся мошеннической деятельностью. Кроме того, известны случаи, когда благодаря негласной деятельности удается установить виновных в злоупотреблении или превышении должностными полномочиями.

Говоря об итогах проведения надзорного мероприятия за оперативно-розыскной деятельностью в рамках рассматриваемых отношений, мы можем отметить следующие акты прокурорского реагирования: протест, представление, требование, а также предостережение.

Рассматривая содержание указанных актов, то исходя из наименования, протест выносится в случае несогласия прокурора с тем решением, которое было принято органом, производившим оперативно-розыскные мероприятия. В данном акте прокурор указывает либо требование о приведении данного действия в соответствии с нормами действующего права, либо к отмене данного решения, если приведение его в соответствии с нормами действующего законодательства не представляется возможным.

В свою очередь, представление выносится в случае осуществления органами, производящими оперативно-розыскную деятельность, производятся противоречащие установленными нормами права действия либо же осуществляется бездействие, когда необходимы соответствующие меры реагирования. В представлении имеется описательная часть, в которой прокурор отражает выявленные нарушения. Кроме того, он имеет возможность требовать привлечения к ответственности виновных лиц. Как правило, наиболее часто, встречается требование привлечение виновного в нарушении лица к дисциплинарной ответственности. Таким образом, рассматривая представление, уполномоченное должностное лицо, принимает решение об устранение выявленного нарушения и принятии тех или иных мер. В определенном случае, если прокурором при осуществлении надзорного мероприятия выявляется факт, являющийся преступлением со стороны сотрудников оперативно-розыскных подразделений, то им выносится постановление о передаче соответствующих материалов для решения вопроса о привлечении виновных лиц к уголовной ответственности.

По результат осуществления контрольного мероприятия, прокурор может также вынести требование, в рамках которого заявить о не-

надлежащем выполнении того или иного законного поручения должностного лица при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий.

Исходя из изложенного, мы можем отметить, что существуют определенные особенности и сложности в рамках осуществления надзора со стороны прокурора за оперативно-розыскной деятельность в рамках проведения доследственной проверки по делам о мошенничестве, хищении бюджетных средств, а также злоупотреблении или превышении должностными полномочиями. В качестве основного требования следует привести необходимость четкого соблюдения норм действующего законодательства, в противном случае, может быть установлен запрет на использование в процессе доказывания тех результатов оперативной деятельности, которые не отвечают требованиям предъявляемым к доказательствам. При этом провести оценку оперативно-розыскных мероприятий в настоящее время достаточно проблематично, ввиду отсутствия должного законодательного регламентирования порядка их осуществления. Также возникают вопросы о самой возможности проведения надзорных мероприятий со стороны прокурора в рамках проведения доследственной проверки. Данные вопросы, исследованные в рамках настоящей статьи представляются достаточно дискуссионными и требующими проведения дополнительных исследований.

Список литературы:

1. Винокуров А. Ю. Прокурорский надзор за оперативно-разыскной деятельностью // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2008. № 2-3 (81-81). С. 39—42.
2. Литвинова И. В. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-разыскной деятельности: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2001. 212 с.
3. Стельмах В. Ю., Титов П. М. Результаты оперативно-разыскных мероприятий в уголовном судопроизводстве: монография. Серия: Уголовный процесс. М., 2020. 344 с.
4. Титов П.М. Прокурорски надзор за оперативно-разыскной деятельностью // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2002. № 2.
5. Архив Кировского районного суда г. Екатеринбурга. Дело № 33-719/2020.
6. Федеральном Законе от 17.01.1992 № 22202-I (с изм. и доп. от 29.12.2025) О прокуратуре Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026)
7. Определение Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 № 268-О «По жалобам гражданина Уразова Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 49, 91, 92, 227, 228, 229, 255 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статей 6, 8 и 10 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».
8. Луговик В. Ф. Прокурорский надзор за оперативно-разыскной деятельностью: тотальный контроль или надзор за исполнением законов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2009. № 3 (5). С. 129—135.
9. Козусев А. Ф. Полномочия прокурора по надзору за исполнением законов в оперативно-разыскной деятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 10. С. 3—9.

References:

1. Vinokurov A. Yu. Prosecutor's Supervision of Operational-Investigative Activities // Representative Power - the 21st Century: Legislation, Comments, Problems. 2008. No. 2-3 (81-81). Pp. 39-42.
2. Litvinova I. V. Prosecutor's Supervision of Compliance with Human and Civil Rights and Freedoms in the Implementation of Operational-Investigative Activities: Diss. ... Cand. of Law. St. Petersburg, 2001. 212 p.
3. Stelmakh V. Yu., Titov P. M. Results of Operational-Investigative Activities in Criminal Proceedings: Monograph. Series: Criminal Procedure. Moscow, 2020. 344 p.
4. Titov P. M. Prosecutor's Supervision of Operational-Investigative Activities // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2002. No. 2.
5. Archive of the Kirovsky District Court of Yekaterinburg. Case No. 33-719/2020.
6. Federal Law of January 17, 1992, No. 22202-I (as amended and supplemented on December 29, 2025) On the Prosecutor's Office of the Russian Federation (as amended and supplemented, entered into force on January 9, 2026).
7. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 11, 2006, No. 268-O, "Regarding the complaints of citizen Sergei Vladimirovich Urazov regarding the violation of his constitutional rights by the provisions of Articles 49, 91, 92, 227, 228, 229, 255, and 355 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Articles 6, 8, and 10 of the Federal Law "On Operational-Investigative Activities."
8. Lugovik, V. F. "Prosecutor's supervision of operational-investigative activities: total control or supervision of law enforcement." Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 3 (5). Pp. 129-135.
9. Kozusev A. F. Powers of the prosecutor to supervise the implementation of laws in operational-investigative activities // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2010. No. 10. pp. 3-9.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_409

УДК 343.9

К ВОПРОСУ ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЕ СОДЕЙСТВИЕ ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОРД
ON THE OBLIGATIONS OF PERSONS WHO PROVIDE CONFIDENTIAL ASSISTANCE TO THE AUTHORITIES CARRYING OUT ORD

ОМЕЛИН Виктор Николаевич
главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России
Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15 а, стр. 1
E-mail: v.omelin@mail.ru

ПЬЯНКОВ Матвей Николаевич
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА,
Россия, г. Москва, ул. Серпуховский вал, д. 17, корп. 1
старший научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России
Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15 а, стр. 1
кандидат юридических наук
E-mail: matwcha@mail.ru

OMELIN Victor Nikolaevich
Researcher of the Department for the Study of Operational investigative Activities of the Center for the Study of Security Issues in Institutions of the Penal Correction System of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
Moscow, Narvskaya str., 15a, building 1
E-mail: v.omelin@mail.ru

PYANKOV Matvey Nikolaevich
Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the MFUA,
Moscow, Serpukhov Val str., 17, building 1
Senior Researcher at the Center for the Study of Security Issues in Institutions of the penal system
FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Narvskaya str., 15 a, building 1 Candidate of Law
E-mail: matwcha@mail.ru

Краткая аннотация: *в статье на основе анализа Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», научной литературы рассматриваются обязанности лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Аргументируется вывод о внесении уточнений в ч. 1 ст. 17 данного Закона.*

Abstract*: Based on an analysis of Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995, "On Operational Search Activities," and scientific literature, the article examines the responsibilities of individuals who provide confidential assistance to the authorities conducting operational search activities. The article argues for clarifying Part 1 of Article 17 of this Law.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, обязанности лиц, оказывающих конфиденциальное содействие.*

Keywords: *operational search activities, operational search measures, bodies carrying out operational search activities, and the duties of individuals providing confidential assistance.*

Для цитирования: *Омелин В.Н., Пьянков М.Н. К вопросу об обязанностях лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим ОРД // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 409-411. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_409.*

For citation*: Omelin V.N., Pyankov M.N. On the issue of the duties of persons providing confidential assistance to the bodies implementing the Order // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 409-411. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_409.*

Статья поступила в редакцию: 18.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

В системе предписаний Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее - Закон об ОРД) особое место занимает глава IV «Содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность». Важным законодательно установленным условием привлечения лица к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий является его согласие оказывать содействие оперативному подразделению. Особый интерес представляют положения ст. 17 глава главы IV данного закона, регламентирующие обязанности лиц, изъявивших желание оказывать содействие оперативно-розыскным органам в осуществлении оперативно-розыскных мероприятий на конфиденциальной основе.

В ч. 1 ст. 17 ФЗ об ОРД законодатель установил две обязанности для рассматриваемой категории лиц (конфидентов):

1) сохранять в тайне сведения, ставшие им известными в ходе подготовки или проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Данная обязанность обусловлена следующими обстоятельствами. Лица, оказывающие содействие оперативно-розыскным органам, «соприкасаются» с организацией и тактикой проведения оперативно-розыскных мероприятий, используемыми при этом силами, средствами, методами, планами и результатами оперативно-розыскной деятельности и другими сведениями, которые могут составлять государственную тайну, предусмотренную Федеральным законом «О государственной тайне» [1]. Если подобного рода информацию в необходимом объеме сохранять в тайне перед содействующим лицом, то становится бессмысленным его участие в оперативно-розыскной деятельности вообще. Не определяя конфиденту оперативную цель, невозможно ни изучить с его помощью конкретное лицо, подозреваемое в той или иной противоправ-

ной деятельности, ни документировать его противоправные действия. Таким образом, конфиденту доверяется оперативно значимая информация в сфере борьбы с преступными посягательствами, в связи с чем законодатель предусмотрел в Законе об ОРД и иных правовых актах данную обязанность.

Кроме того, данная обязанность обусловлена необходимостью соблюдения принципа конспирации, отражающим специфику оперативно-розыскной деятельности, в ходе осуществления которой оперативная значимая информация должна быть, как правило, полностью скрыта от проверяемых, разрабатываемых и вообще от посторонних лиц [2, С. 57-60].

Опасность разглашения (предание огласке) упомянутых сведений состоит в том, что важные для решения задач оперативно-розыскной деятельности фактические данные, становясь достоянием посторонних лиц (прежде всего, объектов оперативной заинтересованности), могут затруднить выявление, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Содержание этих сведений может быть самым различным: оперативные данные о конкретных лицах, подозреваемых в подготовке или совершении преступлений; предметах и документах, могущих иметь доказательственное значение по уголовному делу и др. Например, оперативные данные о лице, могущем быть свидетелем по уголовному делу, став известными объектам оперативной заинтересованности, могут привести к тому, что на данное лицо может быть оказано психическое или физическое давление, и он откажется в дальнейшем от своих показаний;

2) не предоставлять заведомо ложную информацию.

Данная обязанность конфидентов входит в добросовестность содействия с оперативно-розыскными органами. В связи с этим они прямо предостерегаются о недопустимости заведомо полного или существенного искажения (фальсификации) фактических данных, например, относящихся к изучаемым (проверяемым) лицам в ходе подготовки и проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Заведомо ложное представление информации оперативно-розыскным органам - это не соответствующее действительности сообщение о фактах и обстоятельствах, имеющих существенное значение для решения задач оперативно-розыскной деятельности, например, сообщение о якобы совершенном преступлении или (и) конкретном лице, в нем участвующем.

Традиционно в классификации конфидентов, с учетом вероятности по дезинформации и дезориентированию оперативно-розыскных органов, выделяют и такие категории упомянутых лиц, как «двурушники», «дезинформаторы», распространяющие ложные сведения противостоящей оперативно-розыскным органам разного рода преступным формированиям.

Заблуждение лица относительно достоверности информации не образует признака заведомой ее ложности. В качестве заведомо ложной рассматривается только та информация, недостоверность которой очевидна для конфидента, предоставляющего ее оперативно-розыскному органу. Представляется, что как заведомо ложное искажение фактических данных должно рассматриваться и умолчание об известных существенных фактах и обстоятельствах, не позволяющее решить конкретную задачу оперативно-розыскной деятельности, например, обеспечить защиту охраняемого объекта от преступных посягательств. Мотивы предоставления конфидентом заведомо ложной информации органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, могут быть различными (месть, зависть, иные низменные побуждения, попытка скрыть свое участие в преступлении или использование противоправных способов ее получения).

Для того чтобы исключить негативные последствия использования поступившей в оперативно-розыскные органы ложной информации необходимо предварительное определение степени честности, объективности лица, привлекаемого к подготовке и проведению оперативно-розыскных мероприятий (п. 4 ч. 2 ст. 7 Закона об ОРД).

В свете вышесказанного органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, обязаны всесторонне проверить полученную от конфидентов информацию, используя для этого все имеющиеся возможности, и только после этого принять решение об ее использовании. Здесь принципиально важно подчеркнуть, что ни одно сообщение конфидента не должно приниматься на веру и тем более использовать в соответствующей в соответствующей правовой форме без тщательной проверки. В отличие от конфидентов оперативный сотрудник ни заблуждаться, ни ошибаться не имеет право.

Факт представления заведомо ложной информации является основанием для решения вопроса о дальнейшем использовании конфидента в связи с его ненадежностью.

Как представляется, в системе предписаний Закона об ОРД, регламентирующих обязанности содействующих лиц оперативно-розыскным органам, имеются пробелы, которые не позволяют более действенно осуществлять правовое регулирование в указанной области.

Акцентируя внимание на данном обстоятельстве, отметим, что в Федеральном законе «О федеральной службе безопасности» имеется отдельная статья 19 «Лица, содействующие органам федеральной службы безопасности», в которой зафиксированы права и обязанности таких лиц [3].

Отдельные предписания, касающиеся обязанностей указанной категории лиц (выполнять поручения органов федеральной службы безопасности, направленные на осуществление возложенных на них обязанностей; не допускать умышленного предоставления необъективной, неполной, ложной или клеветнической информации; не разглашать сведения, составляющие государственную тайну, и иные сведения, ставшие им известными в процессе оказания содействия органам федеральной службы безопасности), содержащиеся в данной статье, целесообразно включить ч. 1 ст. 17 Закона об ОРД, так как они имеют непосредственное отношение для всех субъектов, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности.

Кроме того, анализ действующей редакции ч. 1 ст. 17 Закона об ОРД приводит к мысли об отсутствии правовых гарантий исполнения

содействующим лицом рассмотренных выше обязанностей.

По поводу предоставления заведомо ложной информации некоторые авторы присоединяются к ранее высказанным предложениям о возможности уголовной ответственности конфидентов по ст. 306 УК РФ «Заведомо ложный донос» [4, С. 207].

Данная точка зрения вызывает определенные сомнения по следующим соображениям. Необходимо отметить, что ст. 141 УПК РФ установлен определенный порядок принятия заявления о совершении преступления. Заявитель вступает в уголовно-процессуальные отношения, складывающиеся при приеме и подаче заявления. В частности, заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос на стадии принятия заявления о совершении преступления, о чем в протоколе делается отметка, которая удостоверяется его подписью. Очевидно, что установленный УПК РФ порядок принятия заявления о совершении преступления не имеет прямого отношения к оформлению оперативной информации, полученной от конфидентов. Фактические данные, представляющие оперативный интерес и полученные из негласных источников, подлежат оперативной проверке в порядке, установленном ведомственными нормативными правовыми актами оперативно-розыскных органов. В оперативно-розыскной практике, в случае установления факта умышленной дезинформации оперативных подразделений выясняется причина этого и решается вопрос о прекращении с конфидентом конфиденциального содействия.

С учетом сказанного предлагаем следующую редакцию ч. 1 ст. 17 Закона об ОРД:

«Отдельные лица могут с их согласия привлекаться к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий с сохранением по их желанию конфиденциальности содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в том числе по контракту. Эти лица обязаны *выполнять поручения органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, направленные на осуществление возложенных на них обязанностей; не допускать умышленного предоставления необъективной, неполной, ложной информации указанным органам; не разглашать сведения, ставшие им известными в процессе оказания содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Разглашение таких сведений, кроме случаев разглашения информации о незаконных действиях, которые нарушают права человека, либо представление заведомо ложной информации влечет прекращение отношений содействия и привлечение лиц к установленной законом ответственности*» (курсивом выделены предлагаемые дополнения).

Внесение подобного рода уточнений в ч. 1 ст. 17 Закона об ОРД будет способствовать более четкому пониманию правоприменителем обязанностей лиц, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность на конфиденциальной основе.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 21.07.1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 41, ст. 4673.
2. Петухов И.Ю. Принцип конспирации в работе органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // Научный портал МВД России: научный журнал. – М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2015. № 1 (29). С. 57-60.
3. О федеральной службе безопасности: Федеральный закон от 03.04.1995 г. № 40-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации, 1995. № 15, ст. 1269.
4. Тамбовцев А.И. Частная теория негласности в оперативно-розыскной деятельности: дис. …докт. юрид. наук. – СПб., 2025. С. 207.

References:

1. Federal Law No. 5485-1 dated July 21, 1993 (as amended on August 8, 2024) "On State Secrets" // Collection of Laws of the Russian Federation. 1997. No. 41, art. 4673.
2. Petukhov I.Yu. The principle of conspiracy in the work of bodies engaged in operational investigative activities // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia: scientific journal. – Moscow: FGKU VNII MIA of Russia", 2015. № 1 (29). Pp. 57-60.
3. About the Federal service Security: Federal Law No. 40-FZ of 04/03/1995 (as amended on 04/01/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 1995. No. 15, art. 1269.
4. Tambovtsev A.I. Private theory of secrecy in operational investigative activities: dis. ...doc. jur. sci. – St. Petersburg, 2025. P. 207.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_412

УДК 343

АНТИКРИМИНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ОДНА ИЗ ЗАДАЧ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ANTI-CRIMINAL SAFETY OF MINORS AS ONE OF THE TASKS OF ENSURING NATIONAL SECURITY

ГРИНЬКО Сергей Дмитриевич,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Мелитопольского государственного университета.
проспект Богдана Хмельницкого, 18, г. Мелитополь, Запорожская область, 272312.
E-mail: grinko-skags@yandex.ru
GRINKO Sergei Dmitrievich,
PhD in Law, associate professor, Head of the Department of Criminal Law disciplines Melitopol State University.
Bogdan Khmelnitsky Avenue, 18, Melitopol, Zaporizhia region, 272312.
E-mail: grinko-skags@yandex.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются понятия антикриминальной безопасности несовершеннолетних и семейно-бытового насилия, состояние и тенденции преступности в данной сфере. Отмечаются особенности семейно-бытового насилия и его причины, пробелы уголовно-правового регулирования и недостатки профилактической деятельности.*

Abstract. *The article deals with concept anti-criminal safety of minors and domestic violence, status and trends crime in this area. Features are noted domestic violence and his reasons, gaps in criminal law regulation and disadvantages of preventive activities.*

Ключевые слова: *несовершеннолетние, семейно-бытовое насилие, причины, воспитание, предупреждение, профилактика.*
Keywords: *minors, domestic violence, causes, upbringing, warning, prevention.*

Для цитирования: *Гринько С.Д. Антикриминальная безопасность несовершеннолетних как одна из задач обеспечения национальной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 412-414. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_412.*
For citation*: Grinko S.D. Anti-criminal safety of minors as one of the tasks of ensuring national security // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 412-414. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_412.*

Статья поступила в редакцию: 07.09.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Под антикриминальной безопасностью несовершеннолетнего понимается триединство сущности «безопасность»: а) личностная способность избежать криминальной угрозы или противостоять криминальной угрозе; б) правовые гарантии и юридическое обеспечение условий безопасности [1, с. 145]; в) объективные обстоятельства, не содержащие такой угрозы или факторов (ситуация безопасности).

Первые две составляющие можно отнести к условиям, или требованиям, правилам, исключающим угрозу преступного посягательства.

Личностную способность можно представить как интегрированное качество лица, например, осмотрительность, позволяющую избежать опасности, или умение защитить себя от угрозы оказаться либо жертвой преступления, либо жертвой преступности, т. е. вовлеченным в совершение преступления, стать так называемой криминализированной жертвой [2, с. 99].

Обстоятельства, по сути, те же условия, но которые не создаются, а существуют или возникают объективно. Например, обстоятельства семейного благополучия.

Необходимо обратить внимание на роль такого структурного элемента, как семья, семейные отношения и связи. С одной стороны, семья является важнейшим институтом социализации личности несовершеннолетнего, относится к традиционным российским духовно-нравственным ценностям согласно п. 91 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400, с другой – предстает как источник угрозы, если в ней повторяются инциденты насилия.

Семейно-бытовое насилие в отношении несовершеннолетнего предстает как двусторонний процесс – виктимизации и криминализации. И в том, и в другом случаях воздействие насилия обращает несовершеннолетнего в жертву. В одном случае подросток становится жертвой в результате насилия, в другом – оказывается жертвой криминализации, против воли, вовлеченной в преступную деятельность.

В настоящее время семейная криминология, исследующая специфику преступлений, совершаемых на почве семейных отношений, в первую очередь внутрисемейное насилие, а также семейные факторы, способствующие различным видам преступной активности, получает дальнейшее развитие [3, с. 14], что свидетельствует об актуальности предупреждения семейно-бытового насилия.

Семейно-бытовое насилие стало глобальной проблемой современности. Дети являются наименее защищенными объектами семейно-бытового насилия.

Семейно-бытовое насилие – распространенное явление во всем мире, во всех социально-демографических группах, независимо от уровня образования, доходов, этнической и религиозной принадлежности [4, с. 95].

Проблема семейного насилия имеет многовековую историю, при этом остается одной из самых табуированных, а поэтому сложных для изучения, особенно в России, где все происходящее в семье не принято обсуждать и предавать огласке. Насильственные деяния, которые в других условиях считались бы преступными, полагает В. В. Лунеев, по существу декриминализируются, когда осуществляются в частной семей-

ной сфере [5, с. 191-192].

Официальная статистика, сколько детей страдает в результате насилия со стороны родителей (опекунов), иных близких лиц, в стране не ведется. Поэтому следует обращаться к информации различных ведомств. По данным МВД России, 40 % всех тяжких насильственных преступлений совершается в семье [6].

Ежегодно жертвами преступных посягательств внутри семьи становятся около 26 тыс. детей разного возраста, из них почти 2 тыс. погибают в результате насилия со стороны родителей (опекунов); около 2 тыс. совершают самоубийство, спасаясь от внутрисемейного насилия; около 8 тыс. получают телесные повреждения; около 14 тыс. подвергаются преступлениям против половой неприкосновенности [7].

Таким образом, семейно-бытовое насилие предстает важнейшим криминогенным фактором, требующим внимания ученых, а также субъектов законодательной и правоприменительной деятельности.

Семейно-бытовое насилие можно рассматривать, во-первых, как негативное социальное явление; во-вторых, как вид насильственной преступности; в-третьих, как отдельное деяние; в-четвертых, как способ совершения преступления [8, с. 99].

Под семейно-бытовым насилием понимают противоправное, общественно опасное, виновное физическое или психическое действие, совершаемое в форме прямого умысла в семейно-бытовой сфере против воли и желания потерпевшего, сопряженное с причинением или угрозой причинения вреда его жизни, здоровью, правам и свободам, чести и достоинству [5, с. 193]. Результатом насильственных деяний может быть смерть, причинение телесных повреждений или психического вреда.

Насилие рассматривается в качестве одного из способов совершения преступления. Анализ уголовно-правовых норм показывает: во-первых, диспозиции ряда статей прямо указывают на насилие как квалифицирующий признак деяния, например, незаконное лишение свободы с применением насилия; во-вторых, ряд статей предусматривает деяния, представляющие собой насилие либо подразумевающие последствия в виде причинения вреда здоровью или смерти.

Выделяют несколько видов насилия: физическое, выражающееся в прямом или косвенном воздействии на жертву, в результате которого наносится вред или ставится под угрозу причинения вреда ее жизнь и здоровье (угрозы применения физического насилия, лишение пищи, воды, ограничение свободы, избиение и т. д.); психическое, или эмоциональное, выражающееся в воздействии на психику жертвы с целью подавления ее воли к сопротивлению, утраты ею способности самостоятельно отстаивать свои права и интересы (оскорбление, запугивание, преследование).

Следовательно, среди видов семейно-бытового насилия целесообразно выделять физическое и психическое как наиболее обобщенные категории, одновременное их применение или угрозу такого применения [9, с. 560].

Совершение насильственных действий в отношении несовершеннолетних, с которыми субъект насилия связан кровнородственными или иными близкими отношениями, жесткой зависимостью, представляет собой повышенную опасность и угрозу для общества в целом [10, с. 29]. В результате насилия по отношению к несовершеннолетнему страдают его развитие, физическое и психическое здоровье. Несовершеннолетние, ставшие жертвой насилия (непосредственной или опосредованной как свидетель насилия по отношению к другим лицам) в семье, учебном заведении и т. д., перенимают этот опыт и в дальнейшем привносят его в свою жизнь (так называемое кольцо насилия). Тем самым в семье с помощью насилия происходит социализация ущербной личности – потенциальной жертвы или агрессора. При этом можно наблюдать массовое формирование асоциального типа личности, которой свойственны жестокость, эгоистичность, эмоциональная притупленность, мстительность и т. п.

Несовершеннолетние, стремящиеся уйти от семейно-бытовых, школьных и других проблем, нередко оказываются в маргинальных слоях, социализируются в криминальной среде. Обделенные родительской любовью и заботой, ставшие объектами семейно-бытового насилия подростки сами совершают насильственные преступления. В частности, в последнее время отмечается увеличение количества убийств родителей и близких родственников.

Насилие порождается в среде, для которой характерны социально-экономическое неблагополучие, разрешение конфликтов с применением насилия, низкие культура, в том числе правовая, различные фоновые явления (алкоголизм, наркомания, игромания, безнадзорность и т. д.). В основе насилия – условия, затрудняющие удовлетворение жизненно важных потребностей несовершеннолетнего.

Специфическими чертами насилия в анализируемой сфере являются:

- во-первых, высокий уровень латентности, связанный со спецификой межличностных внутрисемейных отношений, который объясняется, в частности, чувством жалости подростка к применившему насилие лицу, психологической и материальной зависимостью от него, надеждой на возможное изменение поведения и исправление насильника, неспособностью несовершеннолетнего обратиться в правоохранительные органы, нежеланием одного из родителей разрушать семью, оставляя детей без второго родителя;

- во-вторых, применение насилия часто связано с употреблением алкоголя, отмечаются случаи совместного употребления спиртных напитков насильником и несовершеннолетним – будущей жертвой;

- в-третьих, насилие предстает как результат эскалации конфликта, психологической напряженности в семье, межличностного конфликта и накопления отрицательных эмоций;

- в-четвертых, насилие в семейно-бытовой сфере представляет собой, как правило, не единичный акт, а повторяющиеся инциденты, нередко носящие системный характер [8, с. 101-102].

Современное уголовное законодательство предусматривает ответственность за уже совершенное преступление и не урегулирует возникающие критические ситуации.

Ст. 156 УК РФ (Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего) предусматривает наказание за жестокое обращение с несовершеннолетним: физическое насилие (побои, издевательства), психологическое (оскорбление, унижение, угрозы). Субъектами выступают не только родители, но и иные лица, имеющие обязанности по воспитанию. Санкции, предусмотренные ст. 156 УК РФ, оцениваются как необоснованно мягкие и не соответствующие характеру и степени общественной опасности таких деяний, что способствует безнаказанности.

В п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ в качестве отягчающего обстоятельства предусматривается совершение преступления в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (несовершеннолетней). При этом другие члены семьи оставлены законодателем без внимания. Таким образом, совершение преступления на почве семейных, домашних отношений не является отягчающим обстоятельством.

Поэтому, в УК РФ должна быть введена норма, устанавливающая в качестве преступного деяния насилие в отношении близких лиц, находящихся в зависимом состоянии от правонарушителя.

Антикриминальная безопасность несовершеннолетних, их защищенность от семейно-бытового насилия должны обеспечиваться комплексом правовых и социально-экономических мер.

2018-2027 гг. объявлены Десятилетием детства в России, в которые должна быть реализована государственная программа, нацеленная на решение вопросов защиты семьи и детей, сохранения социального здоровья, предотвращения насилия, жестокости в отношении детей, вовлечения их в преступную деятельность.

Список литературы:

1. Горшенков Г. Г. Антикриминальная безопасность личности: монография. – Н. Новгород: ВВАГС, 2006. – 421 с.
2. Горшенков Г. Г., Горшенков Г. Н. Антикриминальная безопасность личности в уголовно-процессуальной сфере // Право. Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2015. - № 2. – С. 99-103.
3. Шестаков Д. А. Криминология. Новые подходы к преступлению и преступности. – СПб.: Пресс, 2006. – 561 с.
4. Романова Ю. В. Насильственная преступность в семейно-бытовой сфере: понятие, виды и механизмы предупредительной деятельности // Наука через призму времени. – 2017. - № 7. – С. 95-98.
5. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. – М.: Норма, 1999. – 525 с.
6. 25 процентов убийств совершается в семье. Это вообще как?! От этого просто столбенеешь // Новая газета. – 2015. - № 113. – 14 октября.
7. Зигзаг Е. Сколько детей подвергаются домашнему насилию и сколько родителей несут за это ответственность? URL.: https://readovka.ru/news/46807.
8. Иванова А. А. Семейно-бытовое насилие как угроза антикриминальной безопасности несовершеннолетних // Криминологические проблемы поведения несовершеннолетних и молодежи, пути их решения. - М., 2020. - С. 96-109.
9. Долгова А. И. Насильственная преступность // Криминология: учеб. Для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. – М.: Норма, 2005. – 912 с.
10. Сошникова И. В. Проблема насилия в семье. – Курган, 2014. – 150 с.

References

1. Gorshenkov G. G. Anti-criminal safety personalities: monograph. – N. Novgorod: VVAGS, 2006. – 421 p.
2. Gorshenkov G. G., Gorshenkov G. N. Anti-criminal safety personalities in the field of criminal procedure // Right. Herald Nizhny Novgorod. un-ty im. N. I. Lobachevsky. – 2015. - № 2. – P. 99-103.
3. Shestakov D. A. Criminology. New approaches to crime and crime. – SPb.: Press, 2006. – 561 p.
4. Romanova Y. V. Violent crime in the family and household sphere: concept, types and mechanisms preventive action // The science through the prism of time. – 2017. - № 7. – P. 95-98.
5. Luneev V. V. 20th century crime. World, regional and Russian trends. – M.: Norm, 1999. – 525 p.
6. 25 percent murders are committed in the family. It is generally now?! This just makes you dizzy // New newspaper. – 2015. - № 113. – 14 October.
7. Zigzag E. How many children are exposed domestic violence and how many parents are responsible for it? URL.: https://readovka.ru/news/46807.
8. Ivanova A. A. Domestic violence how threat anti-criminal safety of minors // Criminological problems behavior minors and youth, ways to solve them. – M., 2020. – P. 96-109.
9. Dolgova A. I. Violent crime // Criminology: text. for universities / under total ed. A. I. Dolgovoi. – M.: Norm, 2005. – 912 p.
10. Soshnikova I. V. The problem of domestic violence. – Mound, 2014. – 150 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_415

УДК 343.9

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ
THE INFLUENCE OF SOCIAL FACTORS ON THE FORMATION OF THE PERSONALITY OF A SERIAL KILLER

КОРЗУН Ирина Григорьевна
кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Дальневосточного института (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)» в г. Хабаровске
680011, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Герасимова, 31,
e-mail: Orinka@list.ru

KORZUN Irina Grigoryevna
Candidate of Law Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Far Eastern Institute (branch) of the VSUJ (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Khabarovsk
680011, Russia, Khabarovsk Krai, Khabarovsk, Gerasimova St., 31
e-mail: Orinka@list.ru

Краткая аннотация. *Изучение феномена серийных убийств представляет значительный интерес для анализа факторов, влияющих на развитие и функционирование правовой системы Российской Федерации, а также для совершенствования методов своевременного выявления и предотвращения преступлений в этой области. Несмотря на обширный опыт криминологических исследований в этой области как в России, так и за рубежом, ряд проблем остается нерешенным. Исследованы взаимосвязи неблагоприятных социальных условий с развитием патологических зависимостей и психических расстройств, что, в свою очередь, может привести к формированию личности преступника с отклонениями в психическом состоянии. В рамках данного исследования акцент сделан на влиянии социальных факторов на формирование личности серийного убийцы.*

Abstract. *The study of the phenomenon of serial murders is of considerable interest for the analysis of factors influencing the development and functioning of the legal system of the Russian Federation, as well as for improving methods of timely detection and prevention of crimes in this area. Despite the extensive experience of criminological research in this field both in Russia and abroad, a number of problems remain unresolved. The interrelationships of unfavorable social conditions with the development of pathological addictions and mental disorders have been studied, which, in turn, can lead to the formation of a criminal's personality with mental disorders. Within the framework of this study, the emphasis is placed on the influence of social factors on the formation of the personality of a serial killer.*

Ключевые слова*: серийный убийца, социальные факторы, личность серийного убийцы, социальные детерминанты, социальная изоляция.*

Keywords: *serial killer, social factors, serial killer personality, social determinants, social isolation.*

Для цитирования: *Корзун И.Г. Влияние социальных факторов на формирование личности серийного убийцы // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 415-417. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_415.*

For citation*: Korzun I.G. The influence of social factors on the formation of the personality of a serial killer // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 415-417. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_415.*

Статья поступила в редакцию: 18.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Исследование воздействия социальной среды на формирование преступного поведения – это задача, охватывающая разные науки, структуры и области, а также заставляет сконцентрировать внимание психологов, социологов, криминологов и других специалистов на этой проблеме.

Особое внимание уделяется изучению взаимосвязи неблагоприятных социальных условий с развитием патологических зависимостей и психических расстройств, что, в свою очередь, может привести к формированию личности преступника с отклонениями в психическом состоянии. В рамках данного исследования акцент сделан на влиянии социальных факторов на формирование личности серийного убийцы.

Серийные убийцы с психическими отклонениями отличаются от «традиционных» преступников с иными мотивами тем, что их действия менее целенаправленны и обусловлены болезненными влечениями. Они могут использовать опасные для общества способы совершения преступлений для удовлетворения своих потребностей.

Анализ биографий и социального становления психологических отклонений как зарубежных, так и отечественных серийных убийц показал, что для понимания мотивов, обстоятельств преступлений и личностных характеристик особое внимание уделяется изучению наследственных факторов, связанных с психическими заболеваниями в семейном анамнезе. Эти факторы могут предрасполагать к развитию психических расстройств, которые в сочетании с социальным воздействием могут способствовать активным проявлениям девиантного поведения.

Рассмотрим данный вопрос с точки зрения того, что серийными убийцами не рождаются, а становятся. Таким образом, они не являются результатом врожденных склонностей, а формируются под воздействием социальных и психологических факторов. Хотя биологические предпосылки, такие как генетическая предрасположенность и наличие психических расстройств, могут играть определенную роль, а иногда даже решающее значение для окружающей среды, включая семью, сверстников и общественные институты.

Недостаток эмоциональной поддержки и любви в детстве может привести к развитию неуверенности в себе и поискам способов утверждения своей значимости. Агрессия в этом контексте становится механизмом компенсации и самоутверждения, что способствует формированию патологической жестокости.

Условия воспитания, такие как нежелательная беременность, отсутствие одного из родителей, недостаток эмоционального внимания, насилие, жестокость к животным и другие формы травматического опыта, играют важную роль в генезисе серийных убийств. Эти факторы могут способствовать усилению агрессивного поведения и развитию патологического возбуждения.

Социальные детерминанты, включая алкогольную зависимость родителей, низкий социально-экономический статус, физическое и эмоциональное насилие, одиночество, а также чрезмерное увлечение алкоголем и видеоиграми в подростковом возрасте, также оказывают влияние на формирование агрессивных наклонностей. В сочетании с биологическими предрасположенностями эти факторы создают условия для развития патологического агрессивного поведения и, в крайних случаях, серийных убийств.

Таким образом, среди ключевых социальных факторов, способствующих формированию личности серийного убийцы, можно выделить:

1. Неблагополучная семья, включающая жестокое обращение в детстве и отсутствие эмоциональной поддержки.

2. Социальная изоляция.

Рассмотрим каждый из представленных факторов подробнее.

Семейные отношения, характеризующиеся отсутствием здоровых моделей поведения, эмоциональной поддержки и любви, могут способствовать развитию девиантного поведения. «Большинство маньяков происходят из неполных, неблагополучных семей. Реже маньяки происходят из семей обеспеченных: здесь можно назвать только Владимира Винничевского, проживавшего со своими родителями в частном доме, воспитывавшегося в нормальных условиях» [3, с.143]. При исследовании неблагополучных семей важно учитывать проявления насилия и зависимости (алкоголизм, наркомания), которые могут способствовать развитию агрессивного поведения у детей. Более того, важно понимать, что «Детство многих убийц, в том числе и в России, выпало на кризисные годы - время, когда о психологических последствиях глобального конфликта и пережитых ужасах много не говорили» [1, с.79].

Рассмотрим фактор влияния семейных взаимоотношений и их характер на примере серийных убийц 21 века:

1. Николай Дудин («Обидчивый маньяк»): В 2002 году совершил 13 убийств, включая детей, женщин и мужчин. «В детстве Дудин страдал от рукоприкладства со стороны родителя (побои доставались и тихой матери), а его психика пошатнулась из-за специфических методов «воспитания»: с малых лет Аркадий Дудин брал сына на охоту, заставляя убивать животных и разделывать туши» [3]. Это подтверждает негативное влияние жестокого обращения и насилия в детстве на формирование личности убийцы. Более того, отсутствие поддержки и защиты со стороны родителей может привести к серьезным психологическим проблемам у ребенка. Если родитель использует насилие как метод «воспитания», это может привести к нарушению эмоциональной связи между родителем и ребенком, а также к развитию у ребенка чувства беспомощности и отчаяния.

2. Анатолий Сливко. В 1960-х годах убил более 40 мальчиков, расчленяя их тела. «Семья была неблагополучной, родители часто ссорились. Сливко был нежеланным ребенком – мать пыталась добиться выкидыша, когда узнала о беременности, а при рождении младенца придушили пуповиной. От мигрени он страдал всю жизнь» [4]. Таким образом, в процессе формирования личности Анатолия Сливко важную роль сыграли такие социальные условия, как семейные проблемы, эмоциональное давление и последующая социальная отчужденность. Это поспособствовало возникновению склонности к агрессии и насилию.

3. Сергей Головкин («Фишер»): Признан виновным в убийстве 11 подростков, но есть данные о 40 жертвах. «Семья была благополучной, однако отец для своих домочадцев был настоящим деспотом. Маленький Головкин страдал от энуреза, проблем с легкими и кишечником, а родители, чтобы «закалить» его, обливали холодной водой» [4]. Социальный фактор формирования личности может говорить о том, что в семье существовали авторитарные отношения, где ребенок не получал должного внимания и заботы. Это может привести к различным психологическим и физическим проблемам, способствовать развитию агрессивного поведения или других негативных проявлений в будущем. Также стоит учитывать, что агрессивные методы воспитания могут также привести к стрессу и физическим травмам, что негативно влияет на его психологическое состояние.

Таким образом, семейное неблагополучие, проявляющееся в виде физического, сексуального и эмоционального насилия в детском возрасте, может способствовать формированию психопатических черт личности, таких как дефицит эмпатии и склонность к агрессивному поведению. Недостаток родительской любви, внимания и эмоциональной поддержки приводит к эмоциональной изоляции и поиску альтернативных способов получения признания, находящих свое выражение в более садистских, агрессивных и насильственных формах.

Социальная изоляция и отчуждение от общества могут стать значимыми факторами, способствующими формированию антисоциальных установок и поведенческих паттернов у индивидов, включая серийных убийц. В контексте социальной изоляции отчуждение от общества приводит к игнорированию и неприятию социальных норм, что способствует развитию антисоциальных установок. Таким образом, «чаще всего, лицо, совершающее серийные убийства, даже не понимает общественной опасности совершаемых им деяний, но при этом, он знает, какой закон был им нарушен» [1, с.78].

С эмоциональной точки зрения социальная изоляция может быть обусловлена отсутствием взаимности и поддержки в отношениях с близкими, что может способствовать развитию агрессивного поведения. В условиях отсутствия признания и поддержки индивид начинает воспринимать общество как враждебную среду, что усугубляет его отчуждение. «Такая модель поведения в итоге приводит к развитию антиобщественной установки, которая выражается в негативном или даже враждебном отношении к социуму, вследствие чего вырабатывается агрессивная форма поведения» [1, с.79].

Разрыв социальных связей ослабляет социальный контроль и может способствовать идентификации с новой социальной группой, что усиливает изоляцию и отчуждение. Эмоциональная замкнутость и утрата эмпатии, вызванные социальной изоляцией, могут способствовать совершению тяжких преступлений, часто характеризующихся особой жестокостью совершаемых преступлений.

В качестве примера можно привести случай Александра Пичушкина («Битцевский маньяк»). Убил 49 человек (по его словам, около 60). Его жертвами были асоциальные личности и знакомые. «По утверждениям психологов, психика Александра нарушилась еще в детстве. 10-месячным его с матерью бросил отец, воспитанием мальчика занялся дед. Но и последний выбрал свою жизнь, встретив любимую женщину – Саша оказался в логопедическом интернате. Плюс ко всему – наследственный алкоголизм, черепно-мозговая травма в 3 года, издевательства сверстников и патологическое чувство одиночества. Впрочем, Пичушкин уверяет: маньяком его сделала не семья, виной тому – общество» [3].

Анализ социальных факторов, влияющих на формирование личности серийных убийц как в России, так и за рубежом, подтверждает значимость роли общества и государства в решении этой проблемы. Предотвращение становления серийных убийц требует создания условий для успешной социальной адаптации, профилактики насилия в семье, поддержки детей из неблагополучных семей и развития системы психологической помощи.

В современной России предпринимаются шаги по улучшению условий для социальной адаптации через обеспечение равных прав и обязанностей, что способствует повышению чувства значимости и востребованности у каждого человека. Это включает доступность образования, здравоохранения, культурных и спортивных мероприятий, а также создание рабочих мест. Исследования показывают, что, когда люди ощущают свою значимость и имеют возможности для реализации своего потенциала, вероятность формирования деструктивных установок снижается.

Важным аспектом профилактики является борьба с насилием в семье. Исследования, такие как работа В. Е. Бабешко, подтверждают, что «85% лиц, переживших семейное насилие, до сих пор сталкиваются с последствиями данного явления в настоящий момент». Насилие в семье оказывает не только физическое, но и психологическое воздействие, что может способствовать развитию агрессивных форм поведения и формированию личности серийного убийцы. В связи с этим возрастает необходимость разработки и внедрения программ по профилактике насилия в семье, включающих информирование населения, поддержку жертв и работу с агрессорами.

Таким образом, условия, в которых выросли серийные убийцы и многие другие лица, во взрослой жизни часто сталкивались с проблемами адаптации и социализации. Отсутствие программ реабилитации после физического или морального насилия усугубляло восприятие общества и реакции на него, что приводило к формированию деструктивных установок.

Анализ социальных факторов, таких как неблагополучная семейная среда, социальная изоляция и прочие, выявляет их значительное влияние на формирование личности серийного убийцы. Неблагоприятные семейные условия, включающее насилие, жестокое обращение и недостаток эмоциональной поддержки, могут провоцировать развитие девиантного поведения и патологической агрессии. На ряду с этим, важную роль играют генетические предпосылки, включая наследственные психические расстройства, которые могут предрасполагать к возникновению психических заболеваний и отклонений в поведении.

Соответственно, можно говорить о том, что процесс формирования личности серийного убийцы представляет собой сложное и многофакторное явление. Для его предотвращения необходимы комплексные меры, охватывающие различные аспекты жизни индивида.

Список литературы:

1. Вакуленко Н.А. Значимость вопросов исследования актуальных факторов, детерминирующих совершение серийных убийств // Юристъ – Правоведъ. 2023. № 2 (105).
2. Каким было детство самых жестоких серийных убийц и маньяков 21 века // Экспресс газета [Электронный ресурс] // URL: https://www.eg.ru/society/738874-kakim-bylo-detstvo-samyh-jestokih-seriynyh-ubiyc-i-manyakov-21-veka-083565 (дата обращения: 03.10.2025).
3. Кожевников Д.В. Биологические и социальные аспекты личности маньяков // Право и государство: теория и практика. 2020. № 3.
4. Не только Чикатило: три самых известных маньяка-детоубийцы СССР // Maxim: [Электронный ресурс] // URL: https://www.maximonline.ru/longreads/ne-tolko-chikatilo-tri-samykh-izvestnykh-manyaka-detoubiicy-sssr-id874144/ (дата обращения: 04.10.2025).

References:

1. Vakulenko N.A. The significance of the issues of research of the actual factors determining the commission of serial murders // Lawyer – Jurist. 2023. № 2 (105).
2. What was the childhood of the most brutal serial killers and maniacs of the 21st century? // Express newspaper [Electronic resource] // URL: https://www.eg.ru/society/738874-kakim-bylo-detstvo-samyh-jestokih-seriynyh-ubiyc-i-manyakov-21-veka-083565 (date of reference: 03.10.2025).
3. Kozhevnikov D.V. Biological and social aspects of the personality of maniacs // Law and the state: theory and practice. 2020. № 3.
4. Not only Chikatilo: the three most famous infanticide maniacs of the USSR // Maxim: [Electronic resource] // URL: https://www.maximonline.ru/longreads/ne-tolko-chikatilo-tri-samykh-izvestnykh-manyaka-detoubiicy-sssr-id874144 / (date of access: 04.10.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_418

ПЛАНИРОВАНИЕ УЧАСТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ В СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ЗАНЯТИИ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ
PLANNING THE PARTICIPATION OF THE PUBLIC PROSECUTOR IN THE JUDICIAL INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES CONCERNING THE OCCUPATION OF THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY

ДОЛЖЕНКО Виктория Владимировна,
аспирант Университета прокуратуры Российской Федерации.
123022, Россия, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, д. 15.
E-mail: miss.dolzhenko@inbox.ru
DOLZHENKO Victoria Vladimirovna,
Postgraduate Student, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
123022, Moscow, 2-ya Zvenigorodskaya St., 15.
E-mail: miss.dolzhenko@inbox.ru

Краткая аннотация: *Научная статья посвящена методике планирования участия государственного обвинителя в судебном следствии по уголовным делам о занятии высшего положения в преступной иерархии (ст.210[1] УК РФ). Особое внимание уделяется специфическому порядку исследования доказательств. Рассматриваются особенности конфликтного допроса подсудимого и стратегия предъявления изобличающих его доказательств.*

Abstract: *The scientific article is devoted to the methodology of planning the participation of the public prosecutor in the judicial investigation of criminal cases concerning the occupation of the highest position in the criminal hierarchy (art. 210[1] of the Criminal Code of the Russian Federation). Special attention is paid to the specific procedure for examining evidence. The features of the conflict interrogation of the defendant and the strategy of presenting incriminating evidence are considered.*

Ключевые слова: *прокурор, подготовка к судебному разбирательству, занятие высшего положения в преступной иерархии, тактика поддержания государственного обвинения, представление доказательств.*

Keywords: *the prosecutor, the preparation for the trial, the occupation of the highest position in the criminal hierarchy, the tactics of maintaining public prosecution, presentation of evidence.*

Для цитирования: *Долженко В.В. Планирование участия государственного обвинителя в судебном следствии по уголовным делам о занятии высшего положения в преступной иерархии // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 418-420. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_418.*

For citation*: Dolzhenko V.V. Planning the participation of the public prosecutor in the judicial investigation of criminal cases concerning the occupation of the highest position in the criminal hierarchy // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 418-420. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_418.*

Статья поступила в редакцию: 26.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Один из основных элементов методики поддержания государственного обвинения в суде - подготовка к участию в судебном разбирательстве.

Т.А. Ермакова обоснованно указывает на то, что эффективность деятельности государственного обвинителя во многом определяется сложившимся у него в результате ознакомления с делом внутренним убеждением в доказанности в ходе предварительного расследования уголовного дела предъявленного лицу обвинения [1, с. 22].

Эффективность участия прокурора в суде по уголовным делам о занятии высшего положения в преступной иерархии обеспечивается прежде всего в стадии подготовки к судебному рассмотрению дела.

Важность этой стадии процессуальной деятельности прокурора - государственного обвинителя нельзя недооценивать. Залогом успешного решения им задачи оказания содействия суду в вынесении законного, обоснованного и справедливого приговора является тщательное и всестороннее изучение и анализ материалов уголовного дела до начала судебного процесса [2, с. 23].

В научной литературе предлагается несколько вариантов представления доказательств прокурором в ходе судебного следствия.

Некоторые ученые с учетом особенностей рассмотрения дел о занятии высшего положения в преступной иерархии, считают целесообразным представление доказательств в хронологическом порядке, соответствующем порядку совершения преступления – то есть сначала доказательства получения соответствующего статуса «вора в законе» или «положенца»; исполнения обвиняемым соответствующих функций; продолжение занятия соответствующего положения после 12 апреля 2019 г. (если статус «вора в законе» или «положенца» был получен до этой даты) [3, с. 24]. Считая, что такой порядок исследования доказательств наиболее отвечает эффективности поддержания государственного обвинения в судебном следствии.

Нельзя не согласиться с точкой зрения Кирилловой Н.П., которая утверждает, что на порядок исследования доказательств влияет много факторов, которые государственный обвинитель обязан знать и уметь анализировать, чтобы, применив их к конкретному уголовному делу, предложить единственно верное решение. В их числе: версии, выдвигаемые обвинителем; полное, частичное признание или отрицание подсудимым своей вины; вид преступления; объем и сложность уголовного дела; количество подсудимых и наличие противоречий в их позициях; возраст подсудимых; уровень проведения предварительного расследования [4, с. 7].

По нашему мнению, с учетом особенностей методики расследования преступлений о занятии высшего положения в преступной иерархии целесообразно государственному обвинителю в судебном заседании после оглашения обвинения, на стадии судебного следствия необходимо начать с допроса специалиста. У специалиста государственному обвинителю в ходе его допроса в судебном заседании выясняются следующие вопросы: о структуре преступной иерархии; организационно-распределительных функциях, выполняемых лицами, имеющими высший статус в преступной иерархии; образе их жизни; взаимоотношениях между лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии и имеющими более низкий криминальный статус; о наличии и значении татуировок у лица, обладающего криминальным статусом «вор в законе».

После допроса специалиста государственному обвинителю необходимо допросить экспертов. Так, если в материалах уголовного дела имеется заключение лингвистической экспертизы (исследование языковой и речевой деятельности, направленное на анализ и интерпретацию высказываний и текстов), то прокурору в рамках судебного следствия необходимо допросить эксперта о роли и функциях участвующих лиц в представленных ситуациях, характере волеизъявления участников коммуникации (просьба, указание, предложение, принуждение, разрешение, запрет) и о каких действиях и их субъектах, событиях и их участниках идет речь в телефонных переговорах.

Если в материалах уголовного дела имеется заключение культурологической экспертизы, то прокурору в ходе допроса эксперта необходимо выяснить значение представленных на исследование пиктографических рисунков.

Затем прокурору следует перейти к исследованию ответов на запросы из банковских организаций, содержащих информацию в отношении банковских счетов обвиняемого ввиду того, что в качестве одного из фактов, подтверждающих занятие лицом высшего положения в преступной иерархии, является наличие у обвиняемого денежных средств, либо другого имущества, законность происхождения которых он не может подтвердить в установленном законом порядке.

Далее необходимо допросить свидетелей из числа сотрудников правоохранительных органов на предмет наличия у обвиняемого криминального статуса, о криминальной иерархии и месте в ней обвиняемого, его поведении в исправительных учреждениях и отношении к режиму.

Затем государственному обвинителю необходимо допросить свидетелей, в отношении которых применены положения Федерального закона от 20.08.2004 №119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» на предмет наличия у обвиняемого криминального статуса, о криминальной иерархии и месте в ней обвиняемого, какими организационно-распорядительными и иными функциями он обладает и т.д. [5].

В последнюю очередь следует прокурору следует допрашивать заключенных и иных представителей криминального мира на предмет статуса обвиняемого, в том числе в местах лишения свободы, существования криминальной иерархии, месте в ней обвиняемого, какими организационно-распорядительными и иными функциями он обладает, его социальных связях.

После допроса свидетелей обвинения прокурору необходимо исследовать письменные материалы уголовного дела. Предлагается начать исследование письменных доказательств в следующем порядке: изучение справки, в которой содержатся сведения о проверке информации в отношении обвиняемого о наличии у него в уголовно-преступной среде неформального криминального статуса и результаты данной проверки, рапортов о проведении оперативно-розыскных мероприятий в отношении обвиняемого.

Далее прокурору, поддерживающему государственное обвинение по уголовному делу, необходимо исследовать протокол освидетельствования обвиняемого, заключения фоноскопических, лингвистических, культурологических экспертиз перманентных рисунков (татуировок) на теле обвиняемого, психолого-психиатрических экспертиз, протокол обыска по месту жительства (пребывания) обвиняемого, протокол осмотра предметов (документов), ответы на запросы, в том числе сведения из банковских организаций о движении денежных средств по счетам обвиняемого. Если в материалах дела имеются сведения о судимостях, отбытии обвиняемого наказания в виде лишения свободы, то прокурору также необходимо исследовать соответствующие характеристики на обвиняемого по месту отбытия наказания. Особое внимание следует уделить фактам нарушения обвиняемым режима содержания, правил внутреннего распорядка.

Затем государственному обвинителю следует перейти к изучению вещественных доказательств.

В ходе судебного следствия особую важность в формировании доказательственной базы по ст. 210^1 УК РФ приобретает допрос государственным обвинителем самого подсудимого.

Анализ судебной практики по уголовным делам о занятии высшего положения в преступной иерархии свидетельствует о том, что допрос обвиняемого (подсудимого) проходит в конфликтной ситуации. Лицо либо не признает свою вину в инкриминируемом ему преступлении и отрицает факт принадлежности к занятию высшего положения в преступном мире, указывает на отсутствие у него организационно-распорядительных полномочий, свойственных данному кругу лиц, указывает на лишение его высшего криминального статуса, либо отказывается от дачи показаний как в ходе предварительного расследования, так и в ходе судебного следствия [6, с. 78]. Государственный обвинитель должен иметь возможность предъявить лицу изобличающие доказательства. К таковым могут быть отнесены протоколы следственных действий (например, протокол освидетельствования лица, протокол задержания, протокол осмотра предметов (документов), в ходе которых были получены доказательства, косвенно подтверждающие «преступный статус» лица (наличие графических рисунков на теле; изъятые атрибуты принадлежности к преступному миру (тематические изделия: «четки», «портсигары», ножи с соответствующей символикой) [7, с. 162].

Таким образом, подготовка государственного обвинителя к судебному следствию по уголовным делам о занятии высшего положения в преступной иерархии представляет собой сложный, многоаспектный процесс, требующий строгого соблюдения уголовно-процессуального законодательства, закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [8], применения особой методики изучения материалов уголовного дела и разработки особой тактики представления доказательств в суде на стадии судебного следствия. Залогом эффективного поддержания государствен-

ного обвинения по такой специфической категории уголовных дел является понимание прокурором специфики предмета доказывания. Для более эффективного планирования тактики поддерживаемого обвинения и полноценного понимания обстоятельств совершения преступления, прокурору необходимо знакомиться с результатами проведенных по уголовному делу оперативно-розыскных мероприятий.

Список литературы

1. Ермакова Т.А. Поддержание обвинения прокурором: теория, законодательство, практика: автореф. дис…канд. юрид. наук. М. 2009. 32 с.
2. Ратинов А.Р. Внутреннее убеждение при оценке доказательств // Теория доказательств в советском уголовном процессе: Монография / отв. ред. Н. В. Жогин. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. С. 479.
3. Противодействие организационной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии: монография / под редакцией П.В. Агапова. М.: Проспект, 2022. С. 157.
4. Кириллова Н.П. Участие государственного обвинителя в судебном следствии: конспект лекций. СПб., 1997.
5. Федеральный закон от 20 августа 2004 (ред. от 28.02.2025) № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 34. Ст. 3534.
6. Игнатенко Е.А. Особенности использования государственным обвинителем в судебном следствии результатов следственных действий по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 78.
7. Противодействие организационной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии: монография / под ред. П. В. Агапова. М.: Проспект, 2022.
8. Федеральный закон от 12.08.1995 (ред. от 28.02.2025) № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Российская газета. 1995. № 160.

References

1. Ermakova T.A. Support of the prosecution by the prosecutor: theory, legislation, practice: abstract of the dissertation of the cand. jurid. Sciences. Moscow, 2009. 32 p.
2. Ratinov A.R. Internal persuasion in the evaluation of evidence // Theory of evidence in the Soviet criminal process: A monograph / ed. by N. V. Zhogin. 2nd Ed., ispr. and add. M.: Jurid. lit., 1973. p. 479.
3. Countering the organizational activities of persons holding higher education the position in the criminal hierarchy: a monograph / edited by P.V. Agapov. Moscow: Prospekt, 2022. p. 157.
4. Kirillova N.P. Participation of the state prosecutor in the judicial investigation: Lecture notes. St. Petersburg, 1997.
5. Federal Law No. 119-FZ of August 20, 2004 (as amended on 02/28/2025) "On State Protection of Victims, Witnesses and other participants in criminal proceedings" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 34. Art. 3534.
6. Ignatenko E.A. Features of the use by the public prosecutor in the judicial investigation of the results of investigative actions in cases of occupying the highest position in the criminal hierarchy // Law and order: history, theory, practice. 2022. № 3 (34). C. 78.
7. Countering the organizational activities of persons occupying the highest position in the criminal hierarchy: a monograph / edited by P. V. Agapov. Moscow: Prospekt, 2022.
8. Federal Law No. 144-FZ of 08/12/1995 (as amended on 02/28/2025) "On Operational Investigative activities" // Rossiyskaya Gazeta. 1995. № 160.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_421

УДК 343.535

ИНТЕРЕСЫ СЛУЖБЫ В КОММЕРЧЕСКИХ И ИНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ КАК ОБЪЕКТ ПРЕДНАМЕРЕННОГО БАНКРОТСТВА
INTERESTS OF THE SERVICE IN COMMERCIAL AND OTHER ORGANIZATIONS AS AN OBJECT OF INTENTIONAL BANKRUPTCY

СОВАЧ Дарья Владимировна,
ассистент кафедры предпринимательского, конкурентного и финансового права,
Юридический институт ФГАОУ ВО «Сибирский Федеральный Университет».
660075, Россия, г. Красноярск, ул. Маерчака, 6.
E-mail: dvvasileva@sfu-kras.ru;
SOVACH Daria Vladimirovna,
Assistant of the Department of Business, Competition and Financial Law,
Law Institute of the Siberian Federal University.
6, Maerchaka str., 660075, Krasnoyarsk.
E-mail: dvvasileva@sfu-kras.ru

***Краткая аннотация**: Объект преднамеренного банкротства – один из наименее разработанных вопросов, который требует тщательного исследования. Включение в ст. 196 Уголовного кодекса Российской Федерации в 2021 году квалифицированного состава преступления породило неоднозначность применения данной нормы. Научная работа посвящена анализу интересов службы в коммерческих и иных организациях в качестве объекта преднамеренного банкротства. Автор выделяет два квалифицирующих признака в п. «а» ч. 2 ст. 196 Уголовного кодекса Российской Федерации: использование служебного положения и совершение деяния контролирующим должника лицом, а также поднимает вопрос, во всех ли случаях будет причиняться вред интересам службы.*

***Abstract:** The object of deliberate bankruptcy is one of the least developed issues that requires research. The inclusion of a qualified crime in Article 196 of the Criminal Code of the Russian Federation in 2021 has led to ambiguity in the application of this rule. This research paper focuses on analyzing the interests of service in commercial and other organizations as an object of deliberate bankruptcy. The author highlights two qualifying features in Article 196 of the Criminal Code of the Russian Federation: the use of official position and the commission of an act by a person in control of the debtor. The author also raises the question of whether the interests of the service will be harmed in all cases.*

***Ключевые слова:** преднамеренное банкротство, интересы службы в коммерческих и иных организациях, служебное положение, контролирующее должника лицо, дополнительный объект преступления, фактический руководитель, номинальный руководитель.*

***Keywords:** deliberate bankruptcy, interests of service in commercial and other organizations, official position, person controlling the debtor, additional object of crime, actual director, nominal director.*

***Для цитирования:** Совач Д.В. Интересы службы в коммерческих и иных организациях как объект преднамеренного банкротства // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 421-424. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_421.*

***For citation**: Sovach D.V. Interests of the service in commercial and other organizations as an object of deliberate bankruptcy // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 421-424. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_421.*

Статья поступила в редакцию: 21.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Включение в 2021 году в ст. 196 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) нормы (п. «а» ч. 2), предусматривающей ответственность за преднамеренное банкротство, совершенное с использованием служебного положения, а также контролирующим должника лицом (далее – КДЛ) либо руководителем этого КДЛ, вызвало необходимость доктринального осмысления дополнительного объекта этого посягательства, поскольку квалифицирующий признак впервые был дополнен понятием контролирующего лица. Кроме того, актуальность представленной темы обуславливается недостатком научных исследований по применению данной нормы.

Несмотря на то, что статья о преднамеренном банкротстве входит в гл. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Преступления в сфере экономической деятельности», оно неразрывно связано с интересами службы в коммерческих и иных организациях.

Исходя из доктринальной и судебной позиций, интересы службы вытекают из нормальной деятельности самой организации [1, 2, 3], надлежащего исполнения работниками своих функций в соответствии с поставленными перед ними задачами [4], непосредственно связаны с интересами учредителей и участников организации [5]. Действия виновного направлены на подрыв экономической деятельности организации, что происходит и в случае с преднамеренным банкротством.

Для правильного определения интересов службы в качестве дополнительного объекта преднамеренного банкротства необходимо обозначить данный объект.

Выделяют два вида дополнительных объектов: обязательный и факультативный [6, 7]. Под первым понимают общественное отношение [8] или благо (интерес) [7], которому преступным посягательством всегда причиняется (либо есть угроза причинения) тот или иной вред наряду с основным объектом, а под вторым – общественное отношение [8] или благо (интерес) [7], вред которому может и не причиняться (либо он может быть не поставлен под угрозу причинения вреда).

Стоит отметить, что интересы службы в коммерческой и иной организации можно рассматривать в качестве дополнительного объекта только применительно к ч. 2 ст. 196 УК РФ. Связано это с тем, что ч. 1 ст. 196 УК РФ распространяется только на граждан и индивидуальных предпринимателей, т.к. при совершении преднамеренного банкротства руководителем юридического лица его действия квалифицируются по п. «а» ч. 2 ст. 196 УК РФ, как совершенные с использованием своего служебного положения. Если субъектом преступления выступает индивиду-

альный предприниматель или просто гражданин, то интересы службы не страдают, т.к. никакую службу вышеуказанные лица не несут. Индивидуальный предприниматель осуществляет предпринимательскую деятельность (самостоятельную и осуществляемую на свой риск) и не состоит в служебных отношениях.

В п. «а» ч. 2 ст. 196 УК РФ предусмотрен квалифицированный состав преступления – преднамеренное банкротство, совершенное лицом с использованием своего служебного положения или контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица.

При совершении преднамеренного банкротства лицом с использованием своего служебного положения речь всегда идет о причинении вреда не только интересам кредиторов, но наряду с ними и интересам службы.

Необходимо определиться, что понимать под служебным положением и как оно соотносится со служебными полномочиями в коммерческой и иной организации. Статья 196 УК РФ не оперирует термином «служебные полномочия». Законодательно данное понятие не раскрывается, в связи с чем обратимся к доктрине уголовного права. Некоторые авторы отождествляют эти два понятия, рассматривая словосочетание «использование служебного положения» в узком смысле как совершение деяния в рамках служебных, управленческих [9] полномочий [10]. Другие трактуют служебное положение как наиболее широкое понятие, включающее в себя служебные полномочия [11, 12], авторитет субъекта преступления, наличие у него служебных связей с другими должностными лицами, способность оказывать на них влияние [4].

Составляющие элементы понятия «служебное положение» меняются в зависимости от позиции исследователей. Так, например, не все авторы готовы включать в это определение значимость и авторитет занимаемой должности [13]. В любом случае, мы полагаем, что понятие «служебное положение» не ограничивается только совокупностью служебных полномочий. Это подтверждается и позицией Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), разъяснившего, что в понятие служебного положения входят служебные полномочия (действия (бездействие), которые должностное лицо имеет право и (или) обязано совершить в пределах его служебной компетенции), авторитет, а также иные возможности занимаемой должности для оказания любого влияния на других должностных лиц в целях совершения ими указанных действий (бездействия) по службе [14].

Представляется, что квалифицирующий признак сформулирован в п. «а» ч. 2 ст. 196 УК РФ корректным образом. Если бы законодатель использовал термин «служебные полномочия» как квалифицирующий признак, это бы сузило круг субъектов преступления и создало правовые лазейки.

Чаще всего преднамеренное банкротство совершается путем злоупотребления служебными полномочиями, но не всегда. Например, финансовый директор, используя свой авторитет, знание финансовых потоков и доверие генерального директора, убеждает последнего в необходимости продать дорогостоящее оборудование по заниженной цене, и генеральный директор формально подписывает сделку. В этом случае финансовый директор не злоупотребляет своими полномочиями, но использует авторитет и возможности занимаемой должности.

Под совершившими преднамеренное банкротство лицами с использованием своего служебного положения понимаются лица, занимающие руководящие должности в юридическом лице (например, президент, директор, управляющий, председатель совета директоров и т.д.). Их служебное положение позволяет им совершать деяния, направленные на вывод активов, непринятие мер к взысканию дебиторской задолженности и другие противоправные действия, приводящие к банкротству.

Представляется, что лица, использующие свое служебное положение, должны выполнять управленческие функции в коммерческой или иной организации. Такие лица обладают формальным положением (статусом) в организации, которое (-ый) позволяет им использовать ресурсы компании. Исходя из анализа примечания 1 к ст. 201 УК РФ, примечания 1 к ст. 285 УК РФ, п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 21 и п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19, лицом, выполняющим управленческие функции, признается тот, кто выполняет функции единоличного исполнительного органа либо члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, или, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняет организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях.

Очевидно, что полномочия таких лиц должны быть закреплены в официальном документе организации (например, в учредительном документе, в протоколе общего собрания, подтверждающем назначение на должность, в служебном регламенте компании). К такому выводу можно прийти и исходя из определения служебного положения, согласно которому служебные полномочия являются его обязательной составляющей.

Пункт «а» ч. 2 ст. 196 УК РФ содержит еще один квалифицирующий признак – совершение деяния контролирующим должника лицом (далее – КДЛ) либо руководителем этого КДЛ. Для того, чтобы решить, будут ли в этом случае интересы службы выступать в качестве дополнительного обязательного или дополнительного факультативного объекта, необходимо определить, всегда ли КДЛ или руководитель КДЛ используют свое служебное положение при осуществлении деятельности.

Согласно ч. 1 ст. 61.10 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ о банкротстве) под контролирующим должника лицом понимается физическое или юридическое лицо, имеющее право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий.

В ч. 2 ст. 61.10 ФЗ о банкротстве сформулированы примерные обстоятельства, в силу которых может достигаться возможность лица определять действия должника. Перечень является открытым. Одним из таких обстоятельств выступает должностное положение лица (например, замещение должности главного бухгалтера должника). В рамках этого основания речь идет о формальном статусе, положении лица. Однако

оно не играет первостепенную роль для определения КДЛ. По мнению Верховного Суда РФ, а также исходя из п. 3 ст. 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (далее – ГК РФ), необходимым условием отнесения лица к числу контролирующих должника является наличие у него *фактической* возможности давать должнику обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия [15, 16]. Довольно часто бывает так, что КДЛ не имеет формальных полномочий [17], они не закреплены в конкретном юридическом документе (учредительном или внутреннем) [18, 19], его отношения с подконтрольным обществом не регламентированы нормативными или локальными актами, которые бы устанавливали соответствующие правила, стандарты поведения [20].

При выявлении КДЛ у юридического лица становится как бы два руководителя – номинальный (руководитель, формально входящий в состав органов юридического лица, но не осуществлявший фактическое управление) и фактический (лицо, не имеющее соответствующих формальных полномочий, но осуществляющее фактическое управление, например, на основании доверенности либо указывающее или дающее явно выраженное согласие на принятие ключевых решений) [15].

Как показывает судебная практика и доктринальные позиции, в большинстве случаев роль номинального руководителя выполняет лицо при отсутствии должного образования и опыта в управлении юридическим лицом [21]; при отсутствии дохода, соответствующего нормальному уровню заработной платы руководителей, осуществляющих реальную хозяйственную деятельность юридических лиц [22] и т.д.

Статус номинального руководителя, в отличие от фактического, формально закреплен (например, в документах о назначении на должность, в учредительном документе). А значит, он де-юре обладает всем объемом служебных полномочий. При этом номинальный руководитель не утрачивает статус контролирующего лица, поскольку его деяния (например, принятие ключевых решений по указанию фактического руководителя) не означают потерю возможности оказания влияния на должника и не освобождают номинального руководителя от осуществления обязанностей по выбору представителя и контролю за его действиями (бездействием). Исходя из этого, даже если номинальный руководитель сам не определяет деятельность юридического лица, он является контролирующим лицом.

Выполняя противозаконные указания фактического руководителя (например, по сокрытию имущества, заключению невыгодных для должника сделок), номинальный не может действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно (п. 3 ст. 53, абз. 2 п. 1 ст. 53.1 ГК РФ). Очевидно, что он использует свое служебное положение, действуя вопреки интересам должника-юридического лица, тем самым причиняя вред интересам службы в организации.

Как отмечалось ранее, формальное служебное положение не является обязательным условием для признания лица контролирующим должника. КДЛ не всегда стремится к формализации отношений между ним и должником, в ряде случаев предпочитая не раскрывать себя как участника правоотношения, используя для этого различные, в том числе вполне законные механизмы [23].

В качестве КДЛ могут выступать лица, состоящие в родственных отношениях с учредителем (участником) или руководителем организации (пп.1 п. 2 ст. 61.10 ФЗ о банкротстве); в любых неформальных личных отношениях, например, совместное проживание (в т.ч. состояние в так называемом гражданском браке), состоящие в длительной совместной служебной деятельности (в т.ч. военная служба, гражданская служба), совместном обучении (одноклассники, однокурсники) [24] и т.д.

В таком случае действия КДЛ не посягают на интересы службы, т.к. такие лица не имеют служебного положения, подтвержденное официальными документами конкретной организации. КДЛ использует свои фактические влияние и контроль, давая обязательные для исполнения указания, но не свое служебное положение.

Как видно, действия КДЛ, совершенные с использованием своего служебного положения можно квалифицировать только в случае, когда лицо занимает должность (в силу закона, иного правового акта, учредительного документа) в организации, позволяющую совершать действия (бездействия), доводящие до банкротства. В остальных ситуациях служебное положение у КДЛ отсутствует, а это означает, что его действиями вред интересам службы не причиняется.

Таким образом, интересы службы в коммерческих и иных организациях применительно к п. «а» ч. 2 ст. 196 УК РФ следует определить в качестве дополнительного факультативного объекта преднамеренного банкротства. Преднамеренное банкротство, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, наряду с основным объектом (интересы кредиторов), будет всегда причинять вред интересам службы, а в случае его совершения КДЛ, причинение вреда таким интересам – необязательно.

Список литературы:

1. Горелик, А.С. Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях / А. С. Горелик, И. В. Шишко, Г. Н. Хлупина. – Красноярск: Красноярский университет, 1998. С. 153.
2. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.12.2022 № 77-4299/2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.12.2025).
3. Маслов, Е.В. Интересы службы в коммерческих и иных организациях как объект уголовно-правовой охраны / Е.В. Маслов // Вестник Московского университета МВД России. 2009. №5. С. 124.
4. Волженкин, Б.В. Служебные преступления / Б.В. Волженкин. – Москва: Юристъ, 2000. С. 56.
5. Элекина, С.В. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях : вопросы криминализации, кодификации и квалификации : автореферат дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Элекина. – Самара, 2020. С. 9.
6. Курс уголовного права: Общая часть: Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. - М.: ИКД "Зерцало-М", 2002. С. 189.
7. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. 7-е издание / А.В. Наумов. – Москва: Проспект, 2023. С. 326.
8. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунеева, А. В. Наумова. – М.: Юристъ, 2006. С. 116.
9. Авшеев, Э.Ю. Уголовно-правовая охрана права на неприкосновенность жилища : автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Э.Ю. Авшеев. – Ростов-на-Дону, 2005. С. 10.
10. Аснис, А.Я. Уголовная ответственность за служебные преступления в России: проблемы законодательного закрепления и правоприменения : автореферат дис. ... доктора юрид. наук / А.Я. Аснис. – Москва, 2005. С. 31-32.
11. Борков, В.Н. Квалификация должностных подлогов и злоупотреблений / В.Н. Борков // Вестник БелЮИ МВД России. 2024. № 1. С. 32.

12. Романова, В.В. К вопросу о соотношении понятий «служебные полномочия» и «служебное положение» / В.В. Романова // КриминалистЪ. 2016. № 2 (19). С. 29.
13. Мирошниченко, Н.В. Совершение преступления лицом с использованием служебного положения: проблемы квалификации и перспективы законодательной регламентации / Мирошниченко Н.В. // Общество и право. 2013. № 3 (45). С. 125.
14. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 // Российская газета. 2013. № 154.
15. О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 // Российская газета. 2017. № 297.
16. Об установлении в процедурах банкротства требований контролирующих должника лиц и аффилированных лиц должника: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 41 КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.01.2026).
17. Разумов, И. Субсидиарная ответственность лиц, контролировавших компанию-банкрота: детальная инструкция от Верховного Суда / И. Разумов // ЭЖ-Юрист. 2018. № 1. С. 1.
18. Гутников, О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография / О.В. Гутников. – М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. С. 315.
19. Шведов, А.А. Субсидиарная ответственность руководителя должника как способ защиты прав кредиторов / А.А. Шведов // Судья. 2018. № 4. С. 36.
20. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018) // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2018. № 7.
21. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 02.02.2022 № Ф02-7037/2021 по делу № А33-9119/2016 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.12.2025).
22. Шишкина, Е.В. Субсидиарная ответственность номинального руководителя в рамках дела о банкротстве / Е.В. Шишкина // Хозяйство и право. 2022. № 1. С. 116.
23. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / отв. ред. Е.П. Губин. – М.: Юстицинформ, 2019. С. 88.
24. О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ: Письмо ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.12.2025).

References:

1. Gorelik, A.S. Crimes in the sphere of economic activity and against the interests of service in commercial and other organizations / A. S. Gorelik, I. V. Shishko, G. N. Khlupina. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University, 1998. P. 153.
2. Resolution of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated 07.12.2022 No. 77-4299/2022 // ConsultantPlus: reference legal system. – URL: http://www.consultant.ru (date of access: 10.12.2025).
3. Maslov, E.V. Interests of service in commercial and other organizations as an object of criminal law protection / E.V. Maslov // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 5. P. 124.
4. Volzhenkin, B.V. Official Crimes / B.V. Volzhenkin. – Moscow: Yurist, 2000. P. 56.
5. Elekina, S.V. Crimes against the interests of service in commercial and other organizations: issues of criminalization, codification, and qualification: abstract of dis. ... cand. law. sciences / S.V. Elekina. – Samara, 2020. P. 9.
6. Course of Criminal Law: General Part: Vol. 1. The Doctrine of Crime / edited by N. F. Kuznetsova and I. M. Tyazhkova. Moscow: Zertsalo-M, 2002, p. 189.
7. Russian Criminal Law. General Part. Course of Lectures. 7th edition / A.V. Naumov. – Moscow: Prospekt, 2023. P. 326.
8. Criminal Law of Russia. General Part: Textbook / edited by V. N. Kudryavtsev, V. V. Luneev, and A. V. Naumov. – Moscow: Yurist, 2006. P. 116.
9. Avsheev, E.Y. Criminal law protection of the right to inviolability of the home : abstract of the dissertation of the cand. jurid. Sciences / E.Y. Avsheev. – Rostov-on-Don, 2005. P. 10.
10. Asnis, A.Ya. Criminal liability for official crimes in Russia: problems of legislative consolidation and law enforcement : abstract of dis. ... doctor of law. sciences / A.Ya. Asnis. – Moscow, 2005. P. 31-32.
11. Borkov, V.N. Qualification of Official Forgery and Abuse / V.N. Borkov // Bulletin of the BelYUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 1. P. 32.
12. Romanova, V.V. On the Relationship between the Concepts of "Official Powers" and "Official Position" / V.V. Romanova // Kriminalist. 2016. No. 2 (19). P. 29.
13. Miroshnichenko, N.V. Commission of a crime by a person using official position: problems of qualification and prospects of legislative regulation / Miroshnichenko N.V. // Society and Law. 2013. No. 3 (45). P. 125.
14. On the Judicial Practice in Cases of Bribery and Other Corruption Crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 24 dated July 9, 2013 // Rossiyskaya Gazeta. 2013. No. 154.
15. On Certain Issues Related to the Liability of Persons Controlling the Debtor in Bankruptcy: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 53 dated December 21, 2017 // Rossiyskaya Gazeta. 2017. No. 297.
16. On the establishment of the requirements of the debtor's controlling persons and affiliates in bankruptcy proceedings: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 41 dated December 23, 2025. – URL: http://www.consultant.ru (date of appeal: 01/10/2026).
17. Razumov, I. Subsidiary liability of persons who controlled the bankrupt company: detailed instructions from the Supreme Court / I. Razumov // EJ-Lawyer. 2018. No. 1. P. 1.
18. Gutnikov, O.V. Corporate responsibility in civil law: monograph / O.V. Gutnikov. Moscow: IZiSP, KONTRAKT, 2019. p. 315.
19. Shvedov, A.A. Subsidiary liability of the debtor's manager as a way to protect the rights of creditors / A.A. Shvedov // Judge. 2018. No. 4. P. 36.
20. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2018) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 4, 2018) // Bulletin of Labor and Social Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 7.
21. Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District dated 02.02.2022 No. F02-7037/2021 in Case No. A33-9119/2016 // ConsultantPlus: Reference Legal System. – URL: http://www.consultant.ru (date of access: 10.12.2025).
22. Shishkina, E.V. Subsidiary liability of the nominal head within the framework of the bankruptcy case / E.V. Shishkina // Economy and Law. 2022. No. 1. P. 116.
23. Business Law in Russia: Results, Trends, and Ways of Development: A Monograph / Ed. by E.P. Gubin. Moscow: Yustitsinform, 2019, p. 88.
24. On the Application of Chapter III.2 of Federal Law No. 127-FZ dated October 26, 2002 by Tax Authorities: Letter of the Federal Tax Service of Russia dated August 16, 2017 No. SA-4-18/16148@ // ConsultantPlus: Reference Legal System. – URL: http://www.consultant.ru (date of access: 10.12.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_425

УДК 343.152

ПОЛНОМОЧИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА, РЕАЛИЗУЕМЫЕ НА СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА
THE POWERS OF THE CORRECTIONAL CENTER ADMINISTRATION IMPLEMENTED AT THE STAGE OF EXECUTION OF THE SENTENCE

СОЛДАТКИН Владислав Сергеевич,
преподаватель кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России
600020, Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д.67 «е».
E-mail: soldatkin.vs@yandex.ru

ЩЕРБАКОВА Дарья Сергеевна,
преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Университета ФСИН России.
196602, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Саперная, 34.
E-mail: oxicoz@yandex.ru

SOLDATKIN Vladislav Sergeevich,
Lecturer, Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics, Faculty of Law, Vladimir Law Institute, Federal Penitentiary Service of Russia
600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya St., 67 "e".
E-mail: soldatkin.vs@yandex.ru

SHCHERBAKOVA Darya Sergeevna,
Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines at the University of the Federal Penitentiary Service of Russia.
34 Sapernaya str., Pushkin, Saint Petersburg, 196602, Russia.
E-mail: oxicoz@yandex.ru

Краткая аннотация: *Одним из участников уголовно-процессуальных правоотношений является администрация исправительного центра. Однако в настоящее время не определен круг полномочий данного учреждения, реализуемый на стадии исполнения приговора. В статье авторами предлагается закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве полномочия администрации исправительного центра направлять представление в суд о снижении размера удержаний из заработной платы осужденным к принудительным работам; об освобождении от отбывания наказания в виде принудительных работ в случае признания осужденного инвалидом первой или второй группы; о назначении, о продлении, об изменении или о прекращении применения принудительных мер медицинского характера в соответствии со статьей 18 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.*

Abstract: *One of the participants in the criminal procedural legal relations is the administration of the correctional center. However, the terms of reference of this institution, which is being implemented at the stage of execution of the sentence, are not currently defined. In the article, the authors propose to consolidate in the criminal procedure legislation the powers of the administration of the correctional center to submit a submission to the court on reducing the amount of deductions from wages for those sentenced to forced labor.; on release from serving a sentence in the form of forced labor in case the convicted person is recognized as a disabled person of the first and second groups; on the appointment, extension, modification or termination of compulsory medical measures in accordance with Article 18 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation.*

Ключевые слова: *исправительный центр, принудительные работы, стадия исполнения приговора; участник уголовно-процессуальных правоотношений.*

Keywords: *correctional center, forced labor, the stage of execution of the sentence; participant in criminal procedural legal relations.*

Для цитирования: *Солдаткин В.С., Щербакова Д.С. Полномочия администрации исправительного центра, реализуемые на стадии исполнения приговора // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 425-427. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_425.*

For citation*: Soldatkin V.S., Shcherbakova D.S. The powers of the correctional center administration implemented at the stage of execution of the sentence // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 425-427. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_425.*

Статья поступила в редакцию: 11.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Эффективность деятельности исправительных центров при исполнении принудительных работ, а также возможность достижения целей уголовного наказания находится в прямой взаимосвязи с состоянием законодательства, регламентирующего уголовно-процессуальные вопросы исполнения приговора.

В настоящее время среди исследователей до сих пор актуальна дискуссия о необходимости выделения стадии исполнения приговора в отдельную стадию уголовного судопроизводства. Считаем возможным согласиться с мнением ученых, которые обосновывают наличие данной стадии в российском уголовном судопроизводстве [1, с. 15]. В рамках указанной стадии осуществляется уголовно-процессуальная деятельность по обращению приговора к исполнению, рассмотрению и разрешению судом вопросов, связанных с исполнением приговора [2, с. 43]. Рассматриваемая стадия начинается с момента вступления приговора в силу и заканчивается в зависимости от окончания процессуальной деятельности суда по разрешению вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора.

Стоит отметить, что к участникам уголовно-процессуальных правоотношений относится исправительный центр, который представляет собой учреждение, исполняющее решения суда, обязывающие осужденного отбыть наказание в виде принудительных работ. Принимая во внимание тот факт, что данный вид наказания суды начали назначать только с 2017 г., в настоящее время в рамках реализации стадии исполнения приговора не конкретизирован круг полномочий данного учреждения. Наряду с этим, на необходимость закрепления правового положения учреждений, исполняющих уголовные наказания, указывал А.В. Грищенко [3, с. 12].

С определенной долей условности полномочия исправительного центра можно представить в следующем.

Во-первых, это общие полномочия, свойственные участникам уголовно-процессуальных отношений. К ним относятся полномочия: заявлять ходатайства и отводы; знакомиться с материалами, поступившими в суд по вопросам, связанным с исполнением приговора; приносить жалобы на действия и решения других участников исполнительного производства по уголовным делам; собирать и предоставлять любые материалы в обеспечение соответствующих вопросов, связанных с исполнением приговора; принимать участие в судебном разбирательстве суда первой и кассационной инстанции по вопросам, связанным с исполнением приговора; знакомиться с протоколом судебного заседания; обжаловать соответствующие решения суда и др.

Во-вторых, это специальные полномочия, напрямую установленные законодательством непосредственно для учреждений, исполняющих уголовные наказания, в целом, и в частности, для исправительного центра.

Одним из таких полномочий является немедленное извещение суда об исполнении обвинительного приговора (ч. 5 ст. 393 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ) и извещение суда, постановившего приговор, о месте отбывания наказания (ч. 6 ст. 393 УПК РФ). На уровне подзаконных актов, в приказе Минюста России от 25.12.2019 № 307 устанавливается обязанность сотрудника отдела специального учета и делопроизводства исправительного центра в день поступления копии приговора направить в суд, вынесший приговор, извещение о его принятии к исполнению, а в день прибытия осужденного – направить в соответствующий суд уведомление о начале и месте отбывания приговора (ч. 3 ст. 20 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее - УИК РФ).

Стоит отметить, что в уголовно-процессуальных положениях не предусматривается обязанность сообщать суду о начале отбывания уголовного наказания. При реализации большинства уголовных наказаний копия приговора в учреждение, исполняющее наказание, может поступить неодновременно с прибытием осужденного. Другими словами, день принятия приговора к исполнению может отличаться от дня начала отбывания наказания. По данной причине представляется возможным внести изменения в ч. 6 ст. 393 УПК РФ, вменив в обязанность учреждений, исполняющих уголовные извещать не только о месте, но и о начале отбывания наказания.

Наряду с этим, не определен срок реализации указанных полномочий сотрудников исправительного центра. На основе анализа действующего уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства видится возможным закрепить в ч. 5 ст. 393 УПК РФ обязанность извещать суд о принятии к исполнению приговора не позднее одних суток с момента получения решения суда об осуждении лица к наказанию либо к мере уголовно-правового характера, а в ч. 6 ст. 393 УПК РФ – обязанность извещать о месте и начале наказания не позднее одних суток с момента прибытия осужденного в учреждение, исполняющее наказание, для отбывания наказания либо меры уголовно-правового характера.

Также к специальным полномочиям исправительного центра следует отнести направление в суд представлений в предусмотренных законом случаях. Само представление не относится к процессуальным документам и составляется за пределами уголовно-процессуальной деятельности, но его можно рассматривать как повод к возбуждению производства по вопросам, связанным с исполнением приговора.

На основании ст. 397 УПК РФ вопросами, разрешаемыми судом по представлению исправительного центра являются вопросы: о замене принудительных работ лишением свободы в случае уклонения осужденного от отбывания наказания либо признания осужденного злостным нарушителем порядка и условий отбывания принудительных работ (ч. 2.1); об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания (ч. 4); о назначении судебно-психиатрической экспертизы в соответствии с ч. 1 ст. 102 УК РФ (ч. 4.2); о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ч. 5); об освобождении от наказания в связи с болезнью (ч. 6); о зачете времени содержания под стражей, а также времени пребывания в лечебном учреждении в соответствии со статьями 72, 103 и 104 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) (ч. 11); о назначении, о продлении, об изменении или о прекращении применения принудительных мер медицинского характера (ч. 12); об освобождении от наказания или о смягчении наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу (ч. 13); о разъяснении сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора (ч. 15); о заключении под стражу осужденного к принудительным работам, уклонившегося от получения предписания или не прибывшего к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок, до рассмотрения вопроса, указанного в п. 2 или 2.1 ст. 397, но не более чем на 30 суток (ч. 18).

Помимо этого, считаем возможным предусмотреть в ст. 397 УПК РФ следующие вопросы, подлежащие рассмотрению судом на стадии исполнения приговора, по которым для возбуждения производства необходимо направление представления администрацией исправительного центра.

1. Вопрос о снижении размера удержаний из заработной планы осужденным к принудительным работам. В ч. 4 ст. 60.10. УИК РФ закрепляется право осужденного направлять в суд ходатайства о снижении размера удержаний из заработной платы в случае ухудшения его материального положения. Согласно п. 14 ст. 397 УПК РФ к вопросам, которые рассматривает суд на стадии исполнения приговора, относится снижение размера удержаний из заработной платы только осужденных к исправительным работам. В отношении данной категории лиц в соответствии с ч. 7 ст. 44 УИК РФ устанавливается полномочие уголовно-исполнительной инспекции направлять соответствующее представление в суд. Считаем возможным посредством внесения изменений в ст.ст. 396, 397 УПК РФ, ч. 4 ст. 60.10. УИК РФ, подобным полномочием наделить администрацию исправительного центра.

2. Вопрос об освобождении от отбывания наказания в виде принудительных работ в случае признания осужденного инвалидом первой или второй группы. В соответствии с ч. 7 ст. 175 УИК РФ если осужденного к принудительным работам признают инвалидом первой или второй группы он вправе обратить в суд с ходатайством о досрочном освобождении. Однако в случае отсутствия у лица, имеющего инвалидность, жела-

ния подавать в суд ходатайство, он будет состоять на учете исправительного центра, проживать в общежитии и при отсутствии денежных средств – обеспечиваться продуктами питания за счет федеральных бюджетных средств. Нахождение нетрудоспособного лица в исправительном центре будет способствовать не только недостижению целей уголовно-исполнительного законодательства, но и оказывать негативное влияние на психологический климат и взаимоотношения между лицом, имеющим инвалидность первой или второй группы и трудоспособными осужденными.

В Белоруссии, имеющей схожее законодательство с Российской Федерацией, в ч. 7 ст. 187 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь устанавливается полномочие администрации исправительного учреждения открытого типа (аналог исправительного центра) в случае признания осужденного к ограничению свободы с отбыванием наказания в исправительном учреждении, инвалидом первой или второй группы направлять в суд представление о его досрочном освобождении. В том числе на основании указанного, посредством внесения изменений в ст.ст. 396, 397 УПК РФ, ч. 7 ст. 175 УИК РФ, считаем возможным наделить рассматриваемым полномочием администрацию исправительного центра.

3. Вопрос о назначении, о продлении, об изменении или о прекращении применения принудительных мер медицинского характера в соответствии со статьей 18 УИК РФ. Несмотря на наличие полномочий администрации исправительного центра по направлению в суд соответствующих представлений, в ч. 12 ст. 397 УПК РФ определяется право суда на рассмотрение вопросов о назначении, продлении, изменении прекращении применения исследуемых мер только в соответствии со ст. 102 и 104 УК РФ. Однако в данных нормах уголовного закона не указывается на возможность назначения во время отбывания наказания, как устанавливается в ст. 18 УИК РФ. В связи с этим, определена необходимость внесения соответствующего внесения изменения в ч. 12 ст. 397 УПК РФ.

Таким образом, отсутствует исчерпывающий перечень полномочий администрации исправительного центра как участника уголовно-процессуальные правоотношений на стадии исполнения приговора. На основании вышеизложенного с целью консолидации перечня вопросов, рассматриваемых на стадии исполнения приговора, и обеспечения согласованности норм уголовно-процессуального, уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, считаем возможным внести ряд изменений, включая следующие в УПК РФ:

1) Часть 5 и 6 статьи 393 УПК РФ изложить в новой редакции:

«5. Учреждение или орган, на которые возложено исполнение наказания, извещают суд, постановивший обвинительный приговор, о его исполнении *в срок не позднее одних суток с момента их получения.;*

6. Учреждение или орган, на которые возложено исполнение наказания, должны извещать суд, постановивший приговор, о месте *и начале* отбывания наказания осужденным, *в срок не позднее одних суток с момента его прибытия в учреждение или орган*.»;

2) Часть 12 статьи 397 УПК РФ изложить в новой редакции:

«6.1 об освобождении от наказания в случае признания осужденного к принудительным работам инвалидом первой или второй группы в соответствии со статьей 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.;

12) о назначении, о продлении, об изменении или о прекращении применения принудительных мер медицинского характера в соответствии *со статьей 18 Уголовного-исполнительного кодекса Российской Федерации* и статьями 102 и 104 Уголовного кодекса Российской Федерации.;

14) о снижении размера удержания из заработной платы осужденного к исправительным работам, *принудительным работам* в соответствии со статьей 44 и *60.10.* Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в случае ухудшения материального положения осужденного».

Список литературы:

1. Гужва О.В. Теоретические и практические проблемы рассмотрения судом вопросов, связанных с исполнением приговора: автореф. … канд. юрид. наук. – Москва, 2013. – 28 с.
2. Буданова Л.Ю. Уголовно-процессуальное обеспечение деятельности органов, исполняющих наказания, на стадии исполнения приговора: дис. … канд. юрид. наук. – Рязань, 2017. – 202 с.
3. Грищенко А.В. Институт исполнения приговора в уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. – Владимир, 2006. – 25 с.

References

1. Guzhva O.V. Theoretical and practical problems of consideration by the court of issues related to the execution of a sentence: author's abstract ... candidate of legal sciences. – Moscow, 2013. – 28 p.
2. Budanova L.Yu. Criminal procedural support for the activities of bodies executing punishments at the stage of execution of a sentence: diss. ... candidate of legal sciences. – Ryazan, 2017. – 202 p.
3. Grishchenko A.V. Institute of execution of a sentence in criminal proceedings: dis. … candidate of legal sciences. – Vladimir, 2006. – 25 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_428

УДК 343.1

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ИНФОРМАТИЗАЦИИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ[1]

TRANSPARENCY OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND INFORMATIZATION: INTERNATIONAL AND FOREIGN IMPLEMENTATION EXPERIENCE

СПЕСИВОВ Никита Владимирович
кандидат юридических наук, доцент,
директор Института прокуратуры, доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии.
410056, Россия, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 1.
E-mail: nikita_spesivov@bk.ru

SPESIVOV Nikita Vladimirovich
Candidate of Law, Associate Professor,
Director of the Institute of the Prosecutor's Office,
Associate Professor of the Criminal Procedure Department of the Saratov State Law Academy.
410056, Russia, Saratov, N.G. Chernyshevsky St., Bldg. 104, Bldg. 1
E-mail: nikita_spesivov@bk.ru

Краткая аннотация: *Транспарентность уголовного процесса является важнейшим условием обеспечения справедливости, доверия общества к судебной системе, соблюдения баланса открытости и тайны производства по уголовному делу. В условиях глобальной цифровизации общественных отношений, в том числе в сфере судопроизводства, цифровые технологии открывают новые перспективы для повышения доступности и прозрачности государственных процедур, но, в то же время, порождают множество вызовов и угроз, связанных с техническими, правовыми и организационными аспектами. Особенно отчетливо это видно в разрезе анализа международного и зарубежного опыта, также исследуемого в статье.*

Abstract: *Transparency in criminal proceedings is a crucial condition for ensuring justice, public trust in the judicial system, and maintaining a balance of openness in criminal proceedings. In the context of the global digitalization of public relations, including in the legal sphere, digital technologies offer new opportunities for increasing the accessibility and transparency of state procedures, but at the same time, they pose numerous challenges and threats related to technical, legal, and organizational aspects. This is particularly evident in the analysis of international and foreign experience, also explored in the article.*

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, транспарентность, цифровизация, искусственный интеллект. открытость и прозрачность судопроизводства.*

Keywords: *criminal proceedings, transparency, digitalization, artificial intelligence, openness and transparency of legal proceedings.*

Для цитирования: *Спесивов Н.В. Транспарентность уголовного судопроизводства в условиях цифровизации и информатизации: международный и зарубежный опыт реализации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 428-432. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_428.*

For citation*: Spesivov N.V. Transparency of criminal proceedings in the context of digitalization and informatization: international and foreign implementation experience // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 428-432. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_428.*

Статья поступила в редакцию: 13.11.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Транспарентность уголовного процесса понимается как процессуальная основа обеспечения открытости, доступности и справедливости производства по уголовному делу, посредствам которой заинтересованные участники процесса, а также общество может получить информацию о процессуальных действиях при условии соблюдения конфиденциальности и защиты тайны предварительного расследования. Транспарентность и гласность – явления схожие, однако их отождествление является ошибочным. Гласность, как общее условие судебного разбирательства, закреплена в статье 241 УПК РФ и предусматривает открытое рассмотрение дел, за исключением случаев, предусмотренных законом (например, защита государственной тайны или прав несовершеннолетних). Транспарентность же, как явление более сложное и многогранное, по своей сути способствует повышению доверия населения к государству, уголовному судопроизводству и органам, должностным лицам, его осуществляющим, выступая, в том числе, механизмом общественного контроля за соблюдением прав участников процесса.

Как верно отмечает Л.А. Воскобитова, на досудебных стадиях транспарентность ограничена из-за закрытого характера следственных действий, в силу чего некоторые участники процесса (потерпевшие, свидетели) часто не имеют полного доступа к материалам дела, что снижает их доверие к следствию [2].

Транспарентность испытывает на себе влияние двух важнейших условий: гласности судебного разбирательства и тайны предварительного расследования. Однако ни одно, ни другое не должно носить абсолютный характер.

В настоящее время процессы цифровой трансформации пронизывают все сферы жизни общества и деятельности людей, оказывая существенное воздействие на мироустройство и функционирование общественных отношений. Несомненно, высокотехнологичные, информационные преобразования затрагивают и уголовно-процессуальную сферу, что говорит о вытекающей потребности в пересмотре и модернизации

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01190, https://rscf.ru/project/25-28-01190/

действующего законодательства под продиктованные реалиями требования. Как отмечается в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, развитие электронного взаимодействия граждан, организаций, госорганов ставится одной из приоритетных задач[1]. Таким образом, важнейшим инструментом достижения транспарентности как государственного управления в целом, так и рассматриваемого нами уголовного судопроизводства, является цифровизация и информатизация.

Международные организации также активно поддерживают цифровизацию правосудия как средства повышения транспарентности и принимают различные международные стандарты в данной сфере. Так, например, Рекомендации Совета Европы CEPEJ(2018)2 подчеркивает важность внедрения электронного правосудия, включая онлайн-доступ к материалам уголовных дел, видео-конференц-связь и публикацию решений в цифровом формате [20].

Если рассматривать опыт по созданию стандартизированных программ обеспечения транспарентности уголовного судопроизводства с непосредственным участием Российской Федерации, можно отметить, что по итогам XIV саммита БРИКС в 2022 г. была принята Пекинская декларация, в которой выражена обеспокоенность рисками и этическими дилеммами, связанными с искусственным интеллектом (далее – ИИ). Декларация призывает страны БРИКС совместно работать над устранением этих рисков, обмениваться передовым опытом, проводить сравнительные исследования по этому вопросу для разработки общего подхода к управлению, что будет служить руководством для стран БРИКС в отношении этического и ответственного использования ИИ, способствуя развитию данных технологий[6].

Перспектива внедрения технологий искусственного интеллекта является наиболее противоречивым и ныне обсуждаем аспектом цифровизации в целом и уголовного процесса в частности, но несмотря на это она стоит в авангарде научных идей цифровой трансформации уголовного судопроизводства [12, 13, 15, 17]. Так, программы и технологии ИИ рассматривают для прогнозирования неблагоприятных последствий и организации работы правоохранительных органов, т.е. управления рисками уголовно-процессуальной деятельности [16], в целях гармонизации и стандартизации судебной практики [7, с. 95], а также для доказывания по уголовному делу и принятия решений [1].

Ответы на многие вопросы можно найти в концепции принципов и этических стандартов использования искусственного интеллекта в суда, подготовленной Еврокомиссией [4]. Эксперты пришли к мнению о том, что заслуживающий доверия искусственный интеллект должен действовать на основе таких фундаментальных принципов, как законность, справедливость, этичность, техническая надежность.

Полагаем, что вместе с этим искусственный интеллект также должен отвечать следующим стандартам:

- поддаваться человеческому управлению и надзору;
- быть технически устойчивым и безопасным;
- предоставлять прозрачные данные о своей деятельности;
- основываться на истинных справедливых убеждениях;
- иметь механизмы отчетности систем искусственного интеллекта и результатов его деятельности;
- быть аудируемыми, то есть позволять человеку оценивать алгоритмы, данные и процессы своей работы.

Как видится, только при соблюдении этих базовых принципов и стандартов функционирования станет возможным полноценно ввести искусственный интеллект в сложные правовые процессы и использовать при предупреждении, расследовании и разрешении уголовных дел.

Также, следует отметить важность рекомендательных положений международных стандартов внедрения искусственного интеллекта в сферу уголовного правосудия, содержащихся в Рекомендации Комитета министров Совета Европы CM/Rec(2020)1 «О воздействии систем искусственного интеллекта на права человека» [11], которая четко связывает возможность применения систем ИИ в сфере отправления правосудия с правом на справедливое судебное разбирательство. Согласно положениям Рекомендации, любое решение, основанное на технологии ИИ, должно быть объяснимым и оспариваемым. Подтверждая значимость развития генеративных моделей в сфере правосудия, Рекомендация, тем не менее, предусматривает, что все решения, затрагивающие права и свободы человека, не могут быть основаны исключительно на применении автоматизированных систем, тем самым предупреждая об опасностях «алгоритмизированного судопроизводства».

Один из ежегодных докладов Объединенной инспекционной группы ООН был посвящен использованию блокчейн-технологии [9]. В нем был отмечен потенциал блокчейна для фиксации процессуальных действий и хранения доказательств, с целью повышения их неизменяемости и доступности для проверки. Думается спектр возможностей применения данных технологий в уголовном судопроизводстве гораздо шире и это является перспективным направлением для совершенствования производства по уголовным делам в России в контексте реализации концепции транспарентности.

Зарубежная правоприменительная практика и законодательство демонстрируют разнообразие подходов к обеспечению транспарентности уголовного процесса в контексте цифровизации.

Одним из лидеров среди стран Европы по темпам цифровизации и транспарентности судебного процесса являются Нидерланды. Так, например, уже с 2018 года на веб-портал Верховного суда Нидерландов можно подавать дела на рассмотрение в цифровом формате, где адвокаты и прокуроры дополнительно имеют возможность доступа к необходимым процессуальным документам и получения уведомлений о движении дела. Кроме того, УПК Нидерландов содержит определение понятия «электронная подпись», регламентирует порядок допроса по ВКС, порядок собирания «цифровых» доказательств; обрели электронный формат также и такие процессуальные документы, как жалобы, ходатайства, решения по уголовному делу, международные запросы и т.д. [5, с. 8].

[1] Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

Нормативное закрепление «электронного судопроизводства» нашло свое воплощение в уголовно-процессуальной политике Республики Казахстан, где на сегодняшний день предусмотрена возможность производства по уголовному делу и в бумажном, и электронном виде. Так, электронное уголовное судопроизводство осуществляется на базе информационной системы Единого реестра досудебных расследований (ИС ЕРДР), модуль «Электронное уголовное дело», а направление уголовного дела в суд также производится в электронном формате посредством информационной системы судопроизводства «Төрелік». Участники уголовного процесса автоматически получают по SMS или на электронную почту уведомления о ходе производства по делу и процессуальные документы. Обращаясь к статистическим данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, на 2022 год в электронном формате расследовались более 134 тыс. уголовных дел[1].

Многими государствами, активно внедряющими цифровые технологии при рассмотрении уголовных дел, допускается использование видео-конференц-связи для допросов свидетелей и потерпевших, что безусловно повышает гарантии права на доступ к правосудию с одой стороны, но не снимает вопросов о достоверности электронных доказательств и об отсутствии единых стандартов для их обработки. Однако, при этом стоит отметить, что данная проблема обеспечения транспарентности уголовного судопроизводства существует и в Российской Федерации. Так, в УПК РФ присутствует неоднократное упоминание «электронных носителей информации» и «электронных документов», однако определения данных понятий нормативно не закреплены, также как и нет определения понятия «электронные доказательства», требований, предъявляемых к ним. При всем этом, термин «электронное доказательство» стал тривиальным и не представляет собой новшества для российской юридической науки.

В вопросах транспарентности уголовного судопроизводства в Азиатских странах несомненными лидерами выступают Китайская народная республика и Сингапур.

В Китайской Народной Республике существует уникальная программа «умных судов», которая включает онлайн-трансляции судебных заседаний и доступ к судебным решениям через платформы, подобные WeChat [21] с возможностью онлайн-подачи исков. Данное приложение позволяет облегчить пользователю загрузку необходимых для дела документов, однако в большей степени это применимо к сфере гражданской юстиции [3]. В 2015 г. Верховный народный суд провинции Чжэцзян создал пилотный интернет-суд электронной коммерции, где споры (преимущественно об онлайн-платежах, о нарушении авторских прав в Интернете, об интернет-транзакциях) проходили в формате онлайн-судопроизводства.

Весьма показательно, что это позволило сократить временные рамки рассмотрения гражданских дел, а также существенно сэкономило не только ресурсы государства, но и время участников процесса, а в итоге положительно сказалось на репутации этих судов.

Поскольку приведенные примеры касаются сферы гражданского судопроизводства, то для «онлайн» правосудия по уголовным делам это было бы сопряжено с огромным количеством ограничений и рисков, что делало бы процесс не только сложным в подготовке, но и вряд ли существенно экономящим ресурсы государства, по крайней мере в ближайшей перспективе без должных технических и системных организационно-правовых реформ. Несмотря на это, сложно не согласиться, что цифровые технологии обеспечения доступа граждан к деятельности судов повысили интерес к судебной системе, а такой элемент транспарентности, как онлайн-трансляции заседаний, позволил бы сформировать у граждан уважительное и доверительное отношение к суду. На момент активной стадии эксперимента в период пандемии COVID-19 к маю 2020 г. через сеть открытых судебных слушаний КНР было транслировано онлайн более 6,9 млн судебных процессов, а количество посещений страницы превысило 23,6 млрд кликов [8].

Думается, что с учетом ограничений, имеющихся для сферы уголовной юстиции, касающихся баланса гласности и тайны, данный опыт может быть осмыслен и для российской правовой системы. В частности, прямые трансляции и записи судебных заседаний предусмотрены Рекомендациями Rec (2003) 13 Комитета министров Совета Европы «О предоставлении информации через средства массовой информации в отношении уголовного судопроизводства» [10]. Несмотря на то, что Российская Федерация не является членом Совета Европы, данные рекомендации вполне укладываются в демократическую составляющую современного российского уголовного судопроизводства, отражая баланс интересов личности, общества и государства при производстве по уголовным делам.

Преимущества внедрения технологий «онлайн» трансляций судебных заседаний заключаются в их правозащитном, превентивном и воспитательно-профилактическом потенциале. Через подобные трансляции возможна реализация механизма общественного контроля за государством в сфере уголовной юстиции, тем самым выступая средством укоренения в сознании граждан справедливости и судебных, и досудебных уголовно-процессуальных процедур (поскольку рассмотрение дела является итогом предварительного расследования, материалы которого изучаются в суде и дается оценка их законности и обоснованности). Тем самым, достигается задача по правовому просвещению населения, повышению правовой культуры общества и борьбы с правовым нигилизмом, отчетливо проявляющимся сфере уголовного судопроизводства. Однако доступность судопроизводства, как одна из содержательных составляющих транспарентности, также находится под сдерживающим воздействием баланса гласности и тайны, в связи с чем нормативное закрепление обязательности таких трансляций в сети «Интернет» вряд ли представляется возможным. Во-первых, для этого было бы необходимо согласие всех участников процесса (в том числе свидетелей и само собой подсудимого и потерпевшего), чтобы сделать трансляцию непрерывной и не нарушать основополагающих прав и свобод личности, а также не препятствовать достижению задач правосудия. Во-вторых, введение обязательности таких трансляций в УПК РФ сделало бы данную норму

[1] См.: Официальный сайт Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. URL: https://www.gov.kz/

заведомо неисполнимой для многих мировых и районных судов, особенно в отдаленных территориях со слабым техническим оснащением и неустойчивым, нестабильным интернет-соединением. Однако, на наш взгляд, следует предусмотреть такую возможность с согласия председательствующего судьи, но при обязательном прохождении идентификации личности через портал «Госуслуги», который должен быть интегрирован с ГАС «Правосудие», где и могут проводиться подобные трансляции.

Также, помимо ведения аудио-протоколирования, необходимо внедрение видео-протоколирования (систем видео-фиксации судебных заседаний), что будет отвечать принципу правовой определенности, способствовать защите участников процесса от возможных злоупотреблений, оказывая дисциплинирующее воздействие, а также, в своем итоге, способствовать транспарентности уголовного судопроизводства.

Интересным также представляется опыт Китайской Народной Республики по внедрению программы с искусственным интеллектом, предъявляющую обвинение на основе устного описания дела: ««Робот-прокурор» стал выдвигать обвинения по восьми преступлениям, в том числе: мошенничество с кредитными картами, организация азартных игр, опасное вождение, умышленное нанесение травм и воровство» [8, с. 178].

Прокуроры в Китае уже используют ИИ для оценки доказательств и определения степени опасности подозреваемого для общества. По словам исследователей, ИИ-«прокурор» может выдвинуть обвинение с точностью более 97% на основе устного описания дела. Машина была создана и протестирована Народной прокуратурой Шанхайского района Пудун, крупнейшей и самой загруженной окружной прокуратурой страны.

Как отмечает профессор Ши Юн, директор лаборатории больших данных и управления знаниями Китайской академии наук: «Эта технология может снизить ежедневную нагрузку на прокуроров, позволяя им сосредоточиться на более сложных задачах. Система может в определенной степени заменить прокуроров в процессе принятия решений» [19].

Опираясь на социальный ценностный характер российского уголовного судопроизводства, считаем, что принятие решений должно оставаться исключительной прерогативой человека, особенно что касается прав и свобод личности. Однако применение ИИ и предиктивных технологий в качестве «помощника» для прокурора, способного подготавливать аналитический материал, анализ практики и проекты решений, обвинительной речи, видится вполне целесообразным и перспективным направлением.

Если рассматривать ещё одного лидера в области транспарентности судопроизводства, стоит отметить опыт Сингапура, где активным ходом идет использование централизованных электронных баз данных уголовных дел, что обеспечивает высокий уровень прозрачности органов юстиции. С 1997 года внедрена интернет-система направления документов в суды - Electronic Filing System4 (EFS4). Система EFS4 позволяет вести электронный реестр и документооборот как Верховного суда, так и подчиненных ему судов. EFS4 самостоятельно, без участия человека, проверяет все поступающие документы на соответствие предъявляемым требованиям. И последующая передача документов также осуществляется в автоматическом режиме [18].

Практика доступа граждан и общественности к информации о деятельности судов хорошо известна и распространена в странах англо-саксонской правовой семьи.

В Великобритания реализуется и действует программа «Swift and Sure Justice», которая предусматривает использование виртуальных судов, что сокращает время рассмотрения дел и повышает их доступность. Первый виртуальный суд в Бирмингеме в 2018 году показал снижение затрат на 30%, однако вместе с этим вызвал общественный резонанс из-за ограничения прав обвиняемых на личное участие в уголовном судопроизводстве.

В США действует платная служба публичного доступа «Public Access to Court Electronic Records» (PACER), зарегистрированные пользователи которой получают информацию о судебных делах из федеральных апелляционных и арбитражных судов в режиме онлайн. Стоит отметить, что эта система децентрализована, каждое судебное учреждение имеет свои серверы, что в целом повышает ее устойчивость перед потенциальными атаками извне, однако существенно усложняет процесс стандартизации данных, закрепленных в данных системах. Также в США внедрена система body-worn cameras для фиксации действий полиции, что повышает прозрачность на досудебных стадиях, но, как отмечает J. Smith, создает проблемы с обработкой и хранением больших объемов данных [22]. Данную систему можно сравнить с системой портативных камер, которые имеют при себе, при исполнении возложенных на них обязанностей сотрудники полиции. На сегодняшний день даже этот механизм не позволяет в должной мере защитить как граждан от незаконной действий в отношении них со стороны сотрудников правоохранительных органов, так и в равной степени не защищает представителей власти от дискредитирующей их деятельность информации. В сети «Интернет» можно увидеть достаточно большое количество видео-контента, выкладываемого гражданами, которые, зачастую, носят дискредитирующий характер, что подрывает авторитет сотрудников полиции в глазах граждан и в целом нивелирует доверие общества к работе правоохранительных органов.

Таким образом, для преодоления рисков, возникающих при обеспечении транспарентных начал уголовной юстиции в условиях цифровизации, государство совместно с научным сообществом должны разработать четкую и грамотную стратегию, которая будет базироваться на:

1. реализации международных стандартов транспарентности уголовного судопроизводства, а также передовом опыте зарубежных государств, в том числе при применении цифровых технологий при производстве по уголовным делам;
2. балансе контроля и прозрачности, с активным внедрением блокчейн-технологий и систем распределенных реестров, включающих в себя разработку механизмов защиты конфиденциальности данных при использовании цифровых платформ в уголовном судопроизводстве;
3. сокращении цифрового неравенства, посредствам разработки программ цифровой и правовой грамотности населения в це-

лях обеспечения доступа к правосудию, повышения доверия общества к уголовному судопроизводству и обеспечения общественного контроля за деятельностью государственных органов и должностных лиц посредствам применения цифровых инструментов и технологий;

4. этических стандартах цифровизации уголовного судопроизводства в целом и внедрении технологий искусственного интеллекта в частности, что, на наш взгляд, потребует разработки кодекса этики применения цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве на базе стран БРИКС-ШОС.

Список литературы:

1. Афанасьев А. Ю. Искусственный интеллект в уголовном процессе // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 571–574.
2. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica. 2019. № 5. С. 91–104.
3. Годон Ду, Мэн Ю. Китайские суды по смартфонам. 2021. URL : https://ru.chinajusticeobserver.com/a/chinese-courts-on-smart-phones.
4. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. Принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП (Страсбург, 3-4 декабря 2018 г.) URL.: https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4.
5. Зуев С. В. Электронное уголовное дело: за и против // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4. С. 6-12.
6. Искусственный интеллект в странах БРИКС // Национальный центр развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://ai.gov.ru/ai-brics/
7. Марковичева Е. В. Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства // Правосудие/ Justice. 2020. Т. 2. № 3. С. 86-99.
8. Непейвода Н. Правосудие на кончиках пальцев: опыт КНР. 2020. URL : https://zakon.ru/blog/2020/05/02/pravosudie_na_konchikah_palcev_opyt_knr_83633.
9. Применение технологии блокчейн в системе Организации Объединенных Наций: на пути к состоянию готовности // Доклад Объединенной инспекционной группы ООН https://docs.un.org/ru/JIU/REP/2020/7
10. Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 10.07. 2003 г. № R (2003) 13 «Об условиях информирования через средства массовой информации о слушаниях по уголовным делам» // Совет Европы и Россия: Сборник документов. М.: Издательство «Юридическая литература», 2004 г. URL: https://docs.cntd.ru/document/90199478
11. Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 8.02.2020 г. № CM/Rec (2020)1 «О воздействии систем искусственного интеллекта на права человека» URL: https://rm.coe.int/09000016809e1154.
12. Спесивов Н. В. От фантастических теорий к объективной реальности: есть ли будущее у искусственного интеллекта и предиктивных технологи при отправлении правосудия по уголовным делам? // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 2(195). С. 81-90;
13. Суходолов А.П., Бычкова А. М. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 6. С. 753–766;
14. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие, 3-е издание, обновленное и дополненное Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2025. 321 с.
15. Чурикова А. Ю. Искусственный интеллект в уголовном процессе: возможности и риски использования // Информационное право. 2023. № 4(78). С. 22-25.
16. Чурикова А. Ю. Использование искусственного интеллекта в целях управления рисками уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов // Технологии XXI века в юриспруденции: мат-лы Пятой междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 19 мая 2023 года) / отв. ред. Д. В. Бахтеев. Екатеринбург: АНО «КримЛиб», 2023. С. 250–256.
17. Чурикова А. Ю. Перспективы применения системы управления уголовно-процессуальными рисками в условиях цифровизации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 5(154). С. 248-253;
18. Электронное судопроизводство в странах Азии / А. В. Малько и др. // Правовая культура. 2021. № 4(47). С. 50–61.
19. Chen S. Chinese scientists develop AI ‘prosecutor’ that can press its own charges // South China Morning Post, 26.12.2021. URL: https://www.scmp.com/news/china/science/article/3160997/chinese-scientists-develop-aiprosecutor-can-press-its-own.
20. European judicial systems - Efficiency and quality of justice (Special file publication 2018 Edition of the CEPEJ report). URL: https://www.coe.int/en/web/cepej/special-file-publication-2018-edition-of-the-cepej-report-european-judicial-systems-efficiency-and-quality-of-justice-
21. Li X. Smart Courts and Blockchain: The Future of Transparent Justice in China // Asian Journal of Law and Technology, 2022, Vol. 10, pp. 45–60.
22. Smith J. Blockchain in Criminal Justice: Opportunities and Challenges // Journal of Digital Forensics, 2021, Vol. 15, pp. 23–35.

References:

1. Afanasyev A. Yu. Artificial Intelligence in Criminal Procedure // Legal Technology. 2021. No. 15. pp. 571–574.
2. Voskobitova L.A. Criminal Procedure and Digital Technologies: Compatibility Issues // Lex Russica, 2019, No. 5, pp. 91–104.
3. Godong Du, Meng Yu. Chinese Courts on Smartphones. 2021. URL: https://ru.chinajusticeobserver.com/a/chinese-courts-on-smart-phones
4. European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their Surrounding Realities. Adopted at the 31st Plenary Session of the CEPEJ (Strasbourg, 3-4 December 2018) URL: https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4.
5. Zuev S. V. Electronic Criminal Case: Pros and Cons // Law and Order: History, Theory, Practice. 2018. No. 4. P. 6-12.
6. Artificial Intelligence in the BRICS Countries // National Center for Artificial Intelligence Development under the Government of the Russian Federation: official website. URL: https://ai.gov.ru/ai-brics/
7. Markovicheva E. V. Digital Transformation of Russian Criminal Procedure // Justice. 2020. Vol. 2. No. 3. P. 86-99.
8. Nepeyvoda N. Justice at Your Fingertips: The PRC Experience. 2020. URL: https://zakon.ru/blog/2020/05/02/pravosudie_na_konchikah_palcev_opyt_knr_83633
9. Application of blockchain technology in the United Nations system: towards a state of readiness // Report of the UN Joint Inspection Unit https://docs.un.org/ru/JIU/REP/2020/7.
10. 10. Recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe of 10.07.2003 No. R (2003) 13 «On the conditions for informing through the media about hearings in criminal cases» // Council of Europe and Russia: Collection of documents. Moscow: Publishing house «Legal Literature», 2004. URL: https://docs.cntd.ru/document/90199478.
11. Recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe of 8 February 2020 No. CM/Rec (2020) 1 "On the impact of artificial intelligence systems on human rights" URL: https://rm.coe.int/09000016809e1154.
12. Spesivov N.V. From Science Fiction Theories to Objective Reality: Is There a Future for Artificial Intelligence and Predictive Technologies in the Administration of Criminal Justice? // Lex Russica (Russian Law). 2023. Vol. 76, No. 2(195). Pp. 81-90;
13. Sukhodolov A.P., Bychkova A.M. Artificial Intelligence in Combating Crime, Its Forecasting, Prevention, and Evolution // All-Russian Criminological Journal. 2018. No. 6. Pp. 753-766;
14. Filipova I.A. Legal Regulation of Artificial Intelligence: A Study Guide, 3rd Edition, Updated and Supplemented Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 2025. P. 178.
15. Churikova A. Yu. Artificial Intelligence in Criminal Procedure: Possibilities and Risks of Use // Information Law. 2023. No. 4(78). Pp. 22-25.
16. Churikova A. Yu. Using Artificial Intelligence to Manage Risks in Criminal Procedure Activities of Law Enforcement Agencies // 21st Century Technologies in Jurisprudence: Proceedings of the Fifth International Scientific and Practical Conf. (Ekaterinburg, May 19, 2023) / Ed. D. V. Bakhteyev. Ekaterinburg: ANO "KrimLib", 2023. Pp. 250-256.
17. Churikova A. Yu. Prospects for the Application of the Criminal Procedure Risk Management System in the Context of Digitalization // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2023. No. 5 (154). Pp. 248-253;
18. Electronic Justice in Asian Countries / A. V. Malko et al. // Legal Culture. 2021. No. 4 (47). Pp. 50-61.
19. Chen S. Chinese scientists develop AI ‘prosecutor’ that can press its own charges // South China Morning Post, 26.12.2021. URL: https://www.scmp.com/news/china/science/article/3160997/chinese-scientists-develop-aiprosecutor-can-press-its-own
20. European judicial systems - Efficiency and quality of justice (Special file publication 2018 Edition of the CEPEJ report). URL: https://www.coe.int/en/web/cepej/special-file-publication-2018-edition-of-the-cepej-report-european-judicial-systems-efficiency-and-quality-of-justice-
21. Li X. Smart Courts and Blockchain: The Future of Transparent Justice in China // Asian Journal of Law and Technology, 2022, Vol. 10, pp. 45–60.
22. Smith J. Blockchain in Criminal Justice: Opportunities and Challenges // Journal of Digital Forensics, 2021, Vol. 15, pp. 23–35.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_433

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКИМ ТЕНДЕНЦИЯМ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ В УСЛОВИЯХ РАДИКАЛИЗАЦИИ И РОСТА ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
PATRIOTIC EDUCATION AS A TOOL FOR COUNTERING EXTREMIST TENDENCIES AMONG YOUTH IN THE CONTEXT OF RADICALIZATION AND GROWTH OF PROTEST ACTIVITY OF THE POPULATION

СМЫСЛОВА Вера Николаевна,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
ОЧУ ВО «Международный юридический институт»,
127427, Россия, г. Москва, ул. Кашенкин луг, д. 4.
E-mail: veramyshh@mail.ru
SMYSLOVA Vera Nikolaevna,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines
The International Law Institute,
4, st. Kashenkin lug, Moscow, 127427, Russia.
E-mail: veramyshh@mail.ru

Краткая аннотация: *Анализируются состояние и перспективы развития патриотического воспитания в России. Акцентируется внимание на трансформации проявлений различных форм экстремизма, в том числе среди молодежи. Делается вывод о необходимости формирования ценностного отношения у молодежи к противодействию экстремистским проявлениям через становление единой системы патриотического воспитания.*

Abstract: *The state and prospects for the development of patriotic education in Russia are analyzed. It focuses on the transformation of various forms of extremism, including among young people. It concludes that it is necessary to develop a value-based approach among young people to counteract extremist manifestations through the development of a unified system of patriotic education.*

Ключевые слова: *патриотическое воспитание, молодежь, профилактика, экстремизм, протестная активность, радикализация.*
Keywords: *patriotic education, youth, prevention, extremism, protest activity, radicalization.*

Для цитирования: *Смыслова В.Н. Патриотическое воспитание как инструмент противодействия экстремистским тенденциям в молодежной среде в условиях радикализации и роста протестной активности населения // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 433-435. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_433.*
For citation*: Smyslova V.N. Patriotic education as a tool to counter extremist tendencies among young people in conditions of radicalization and growing protest activity of the population // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 433-435. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_433.*

Статья поступила в редакцию: 13.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

С 2000-х годов в Российской Федерации наблюдается рост внимания государства и общества к вопросам формирования патриотизма и развития патриотической культуры населения.

Патриотическое воспитание граждан остается одной из важнейших задач государства и общества, становится стратегическим приоритетом национальной безопасности РФ, что нашло отражение в ряде действующих нормативных правовых актах [10; 12; 16]. Так, Указом Президента РФ № 309 от 07 мая 2024 г. «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», определены национальные цели развития Российской Федерации: воспитание патриотичной и социально ответственной личности (пп. «б» п.1); установлены соответствующие условия (п. а ч. 3), в том числе увеличение к 2030 году доли молодых людей, участвующих в проектах и программах по патриотическому воспитанию (пп. «в» п. 3) [12]. Однако, ранее, Законопроект № 315234-7 «О патриотическом воспитании в Российской Федерации» был отклонен ГД РФ в 2023 году [13].

На протяжении последних десятилетий в России отмечается возрастание протестной активности со стороны российской молодежи; рост деятельности деструктивных молодежных формирований, в том числе экстремистской направленности [3; 14, с. 587; 15, с. 65].

Отдельными учеными отмечаются *культурно-экзистенциальные трансформации общества*: подмена содержания религиозных основ; пересечение основ оккультизма, мифологии и идеологии политического экстремизма (современный неонацизм); деформация исторического сознания общества; отчуждение базовых ценностей; манипулирование массовым и индивидуальным сознанием, в том числе молодежи; активная танатизация сознания (распространение суицидального поведения); массовые нападения в школах (скулшутинг) как элемент экзистенциального типа преступления [1]; уничтожение памятников национальной культуры, запреты (порицание) пользования национальным языком (национально-культурный геноцид) [4, с. 148; 7, с. 49-50; 8; 14, с. 587].

Проблемы патриотического воспитания современной молодежи, в том числе в контексте профилактики деструктивных и экстремистских проявлений, исследовались в трудах многих ученых [2; 3; 5].

В настоящее время активно разрабатываются методические рекомендации по организации мероприятий по патриотическому просвещению, межпоколенческому взаимодействию, анализируется опыт патриотического воспитания и профилактики экстремизма [11].

Значимый вклад в развитие патриотического воспитания в нашей стране вносят Министерство просвещения РФ, ФГАИС «Молодежь России», ФГБУ «Российский центр патриотического воспитания детей и молодежи [9;17;18].

Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) проводит исследования мнения российских граждан о патриотизме, молодежи, данные о которых выборочно приведены нами в таблице (см. табл. 1) [19; 20].

Таблица 1. Мнение населения РФ о современной молодежи, патриотизме, роли патриотического воспитания (по результатам опросов ФОМ)

Тема опроса № 1: Современная молодежь (по данным опроса 1500 респондентов – жителей 104 городских и сельских населенных пунктов в 53 субъектах РФ, 21-23 июня 2024 г.)		
Формулировка вопросов для респондентов	**Варианты ответов, предлагаемых респондентам**	**Результаты опроса (в %)**
Что, кроме возраста, на ваш взгляд, отличает сегодняшнюю российскую молодёжь от тех, кто постарше?	Иной менталитет, другие взгляды на жизнь, другое воспитание	15
	Развязность, невоспитанность	10
	Отсутствие цели, интереса к жизни, равнодушие	2
	Вредные привычки	2
	Интерес к жизни, поиск себя, самореализация	2
	Безразличие к своей стране, аполитичность, отсутствие патриотизма	1
Какие жизненные цели, по вашему мнению, чаще всего сегодня ставят перед собой молодые?	Деньги, богатство, материальное благополучие, стремление к быстрой и лёгкой наживе	26
	Саморазвитие, самореализация, достижение поставленных целей	5
Какие два из перечисленных направлений в работе государства с молодёжью представляются вам наиболее важными?	Вести воспитательную работу с подрастающим поколением	51
	Оказывать молодёжи социальную поддержку, защищать её интересы	48
Тема опроса № 2: Патриоты и патриотизм (по данным опроса 1500 респондентов – жителей 104 городских и сельских населенных пунктов в 53 субъектах РФ, 24-26 мая 2024 г.)		
Формулировка вопросов для респондентов	**Варианты ответов, предлагаемых респондентам**	**Результаты опроса (в %)**
Вы считаете или не считаете себя патриотом?	Считаю	86
	Не считаю	9
Одни считают, что люди становятся патриотами, главным образом, под влиянием патриотического воспитания. Другие считают, что люди становятся патриотами, прежде всего, по другим причинам, а специальное патриотическое воспитание тут особой роли не играет. Какая точка зрения вам ближе – первая или вторая?	Первая (главным образом, под влиянием патриотического воспитания)	53
	Вторая (прежде всего, по другим причинам)	37
С вашей точки зрения, какую часть россиян можно назвать патриотами – всех, большинство, половину, меньшинство или никого?	Большинство	51
	Половину	25
С каким из следующих утверждений вы бы скорее согласились: «каждый гражданин страны должен быть патриотом» или «быть или не быть патриотом – личное дело каждого гражданина»?	Каждый гражданин страны должен быть патриотом	32
	Быть или не быть патриотом – личное дело каждого гражданина	64

Источник: таблица составлена автором на основе [19;20].

Полагаем, что патриотическое воспитание должно стать неотъемлемой частью государственной политики по воспитанию у современной молодежи уважения к исторической памяти, формированию патриотического сознания, ценностного отношения к противодействию экстремистским проявлениям.

Список литературы:

1. Баева Л.В. Экзистенциальные источники скулшутинга и «колумбайна» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. № 3, Т. 27. С. 774-792.
2. Исаков В.П., Павлинов А.В. О разработке федерального закона о патриотическом воспитании: концепция, содержание и перспективы // Современная наука. 2024. № 4. С. 40-46.
3. Кирсанов А.И. Патриотическое воспитание как фактор противостояния экстремистской деятельности // Язык и текст. 2018. № 4, Т. 5. С. 89-95.
4. Кобец П.Н., Краснова К.А., Колесников Р.В. Особенности и профилактика суицидальных проявлений несовершеннолетних в сети Интернет // Вестник Воронежского ин-та МВД России. 2024. № 3. С. 148-155.
5. Кошечкина Е.А. Патриотизм и патриотическое воспитание как основа государственной политики противостояния экстремизму // The Newman in Foreign policy. 2021. № 6 (104), Т. 3. С. 6-12.

6. Краснова К.А., Волкова М.А. Историческая память о геноциде Советского народа в годы Великой Отечественной войны: уголовно-правовой аспект // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1 (36). С. 98-102.
7. Краснова К.А. Уголовно-правовое противодействие национально-культурному геноциду / Борьба с преступностью: теория и практика: сб. науч. статей XXI Межд. науч.-практ. конф. (Могилев, 19 апреля 2024 г.). Могилев: Изд-во: УО «Могилевский институт МВД Республики Беларусь». 2024. № 3. С. 49-51.
8. Краснова К.А. Противодействие реабилитации нацизма как одна из задач обеспечения обороноспособности и национальной безопасности Российской Федерации // Военно-юридический журнал. 2025. № 1. С. 12-15.
9. Министерство просвещения Российской Федерации [Электронный ресурс]. - URL: https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/ (дата обращения: 13.01.2026).
10. Об утверждении комплекса мер по патриотическому воспитанию и духовно-нравственному воспитанию молодежи в Российской Федерации до 2028 года: Распоряжение Правительства РФ № 2970-р от 23 окт. 2025 г. [Электронный ресурс]. - URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510240057 (дата обращения: 13.01.2026).
11. Опыт патриотического воспитания и профилактики экстремизма. Метод. пособие / Сост. Е.В. Шишмакова / Под ред. Н.Ю. Синягиной, Н.В. Зайцевой. М.: АНО «ЦНПРО», 2014. 34 с.
12. О национальных целях развития РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»: Указ Президента РФ № 309 от 07 мая 2024 г. [Электронный ресурс]. - URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (дата обращения: 13.01.2026).
13. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество»: официальный сайт. Законопроект № 315234-7 «О патриотическом воспитании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. - URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/315234-7 (дата обращения: 13.01.2026).
14. Смыслова В.Н. Основные тенденции и трансформация проявлений экстремизма в условиях радикализации и роста протестной активности населения (криминологический аспект) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 586-588.
15. Смыслова В.Н., Краснова К.А. Деятельность неформальных молодежных движений экстремистской направленности как фактор виктимизации несовершеннолетних // Виктимология. 2021, Т. 8. № 1. С. 64-73.
16. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента РФ № 1124 от 28 дек. 2024 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 53. Ст. 8669 (Ч. 1).
17. ФГАИС «Молодежь России»: официальный сайт: О форумах. Москва [Электронный ресурс]. - URL: https://events.myrosmol.ru/forumy/ (дата обращения: 24.12.2025).
18. ФГБУ «Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи» («Роспатриотцентр»): Наши проекты [Электронный ресурс]. - URL: https://rospatriotcentr.ru/projects/ (дата обращения: 13.01.2026).
19. Фонд «Общественное Мнение»: Современная молодежь. 25 июля 2024 [Электронный ресурс]. - URL: https://fom.ru/TSennosti/15039 (дата обращения: 13.01.2026).
20. Фонд «Общественное Мнение»: официальный сайт. Патриоты и патриотизм. 11 июня 2024 [Электронный ресурс]. - URL: https://fom.ru/TSennosti/15029 (дата обращения: 13.01.2026).

References:

1. Baeva L.V. Existential sources of schoolshooting and Columbine // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy. 2023. No. 3, vol. 27. pp. 774-792.
2. Isakov V.P., Pavlinov A.V. On the development of the Federal law on patriotic education: concept, content and prospects // Modern science. 2024. No. 4. pp. 40-46.
3. Kirsanov A.I. Patriotic education as a factor in countering extremist activity // Language and text. 2018. No. 4, vol. 5. pp. 89-95.
4. Kobets P.N., Krasnova K.A., Kolesnikov R.V. Features and prevention of suicidal manifestations of minors on the Internet // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3. pp. 148-155.
5. Koshechkina E.A. Patriotism and patriotic education as the basis of the state policy of countering extremism // The Newman in Foreign policy. 2021. No. 6 (104), vol. 3. pp. 6-12.
6. Krasnova K.A., Volkova M.A. Historical memory of the genocide of the Soviet people during the Great Patriotic War: criminal and legal aspect // Law and order: history, theory, practice. 2023. No. 1 (36). pp. 98-102.
7. Krasnova K.A. Criminal law counteraction to national and cultural genocide / Combating crime: theory and practice: collection of scientific articles of the XXI International Scientific and Practical Conference (Mogilev, April 19, 2024). Mogilev: Publishing house: Educational Institution "Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus". 2024. No. 3. pp. 49-51.
8. Krasnova K.A. Countering the rehabilitation of Nazism as one of the tasks of ensuring the defense capability and national security of the Russian Federation // Military Law Journal. 2025. No. 1. pp. 12-15.
9. Ministry of Education of the Russian Federation [Electronic resource]. - URL: https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot / (date of application: 01/13/2026).
10. On the approval of a set of measures for patriotic education and spiritual and moral education of youth in the Russian Federation until 2028: Decree of the Government of the Russian Federation No. 2970-r dated October 23, 2025 [Electronic resource]. - URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510240057 (date of request: 01/13/2026).
11. The experience of patriotic education and prevention of extremism. Method. manual / Comp. E.V. Shishmakova / Edited by N.Y. Sinyagina, N.V. Zaitseva, Moscow: ANO "TSNPRO", 2014. 34 p
12. On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036": Decree of the President of the Russian Federation No. 309 dated May 07, 2024 [Electronic resource]. - URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (date of request: 01/13/2026).
13. Legislative support system of the State Automated system "Lawmaking": official website. Draft Law No. 315234-7 "On Patriotic education in the Russian Federation" [Electronic resource]. - URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/315234-7 (date of access: 01/13/2026).
14. Smyslova V.N. The main trends and transformation of manifestations of extremism in the context of radicalization and the growth of protest activity of the population (criminological aspect) // Law and the state: theory and practice. 2025. No. 3. pp. 586-588.
15. Smyslova V.N., Krasnova K.A. The activity of informal youth movements of extremist orientation as a factor of victimization of minors // Victimology. 2021, vol. 8. No. 1. pp. 64-73.
16. Strategy of countering extremism in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 1124 dated December 28, 2024 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 53. Art. 8669 (Part 1).
17. FGAIS "Youth of Russia": official website: About forums. Moscow [Electronic resource]. - URL: https://events.myrosmol.ru/forumy / (date of conversion: 12/24/2025).
18. Federal State Budgetary Institution "Russian Center for Civil and Patriotic Education of Children and Youth" ("Rospatriotcenter"): Our projects [Electronic resource]. - URL: https://rospatriotcentr.ru/projects / (date of application: 01/13/2026).
19. Public Opinion Foundation: Modern Youth. July 25, 2024 [Electronic resource]. - URL: https://fom.ru/TSennosti/15039 (date of appeal: 01/13/2026).
20. Public Opinion Foundation: official website. Patriots and patriotism. June 11, 2024 [Electronic resource]. - URL: https://fom.ru/TSennosti/15029 (date of request: 01/13/2026).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_436
УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ
FEATURES OF THE SUBJECT OF PROOF IN THE INVESTIGATION OF CORRUPTION CRIMES COMMITTED BY CRIMINAL GROUPS

ЦЫЦЮРА Максим Петрович
аспирант Частной образовательной организации высшего образования «Институт мировой экономики».
125430, Россия, г. Москва, ул. Митинская, 20.
E-mail: verhovenstvo.ru@yandex.ru

TSYTSIURA Maxim Petrovich
Postgraduate student at the Institute of World Economy, a private educational organization of Higher Education.
20 Mitinskaya St., Moscow, 125430, Russia.
E-mail: verhovenstvo.ru@yandex.ru

Краткая аннотация. *Расследование коррупционных преступлений, совершенных преступными группами, представляет особую сложность на практике, обусловленную сложной структурой преступных связей, высокой степенью конспирации и мощным противодействием со стороны фигурантов дел. Установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, в таких делах требует интеграции криминалистических, уголовно-процессуальных и криминологических подходов, сопряжено с необходимостью учета специфики данной категории дел, применения для его установления специальных приемов, цифровых технологий.*

Abstract. *The investigation of corruption crimes committed by criminal groups is particularly difficult in practice, due to the complex structure of criminal ties, a high degree of conspiracy and strong opposition from the defendants in the cases. Establishing the circumstances to be proved in such cases requires the integration of criminalistic, criminal procedural and criminological approaches, and requires taking into account the specifics of this category of cases, using special techniques and digital technologies to establish it.*

Ключевые слова. *Коррупционные преступления, преступные группы, предмет доказывания, расследование.*
Keywords*. Corruption crimes, criminal groups, subject of evidence, investigation.*

Для цитирования: *Цыцюра М.П. Особенности предмета доказывания при расследовании преступлений коррупционной направленности, совершенных преступными группами // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 436-437. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_436.*

For citation*: Tsitsyura M.P. Features of the subject of evidence in the investigation of corruption-related crimes committed by criminal groups // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 436-437. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_436.*

Статья поступила в редакцию: 19.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Борьба с коррупцией продолжает оставаться одной из самых значительных и сложных задач для правоохранительной и судебной системы страны. Генеральный прокурор РФ Александр Гуцан в интервью отметил, что за последние пять лет количество коррупционных преступлений в среднем составляло около 35 тыс. в год, а в этом неполном году уже зафиксировано более 36 тыс. Большинство из них связано с взяточничеством, коммерческим подкупом, мошенничеством, растратой и злоупотреблением служебными полномочиями. Примерно 17 тыс. человек привлекли к уголовной ответственности [1].

По данным МВД РФ за первые десять месяцев 2025 года в России зарегистрировано 38,5 тыс. коррупционных преступлений, что на 12,4% больше, чем за тот же период прошлого года [2]. Следует отметить, что меры противодействия коррупции еще не совершенны. Проблемным остается процесс доказывания по уголовным делам коррупционной направленности, особенно сложным является вопрос установления обстоятельств преступления – предмета доказывания. Он определен в статье 73 УПК РФ. По делам коррупционной направленности особенности доказывания обусловлены латентным характером этих преступлений, устойчивостью преступных связей и системным характером преступной деятельности, сложностью сбора и фиксации доказательств [3, с.38-39]. Преступные группы характеризуются согласованностью действий, предварительным сговором, внутренней иерархией и уверенностью участников в поддержке со стороны сообщников, а также со стороны коррумпированных представителей власти, включая сотрудников правоохранительных органов. Эти факторы усложняют процесс собирания доказательств совершения преступления и его квалификации. Поэтому при расследовании коррупционных преступлений, совершенных преступными группами, особенно важно установить динамику группы, выявить лидеров, организаторов, посредников и исполнителей.

Исследователи выделяют ключевые элементы предмета доказывания в таких делах: круг участников преступления, их роли, связи и задачи внутри группы; механизмы передачи, получения и распределения незаконных доходов; доказательства сговора и распределения ролей, а также достоверность и полнота информации о действиях всех участников преступных схем [5, с.21-24].

Доказывание по коррупционным преступлениям имеет свою специфику, требующую выявления всей цепочки событий. Необходимо установить не только факт дачи или получения взятки, но и всю схему распределения ролей, участие посредников, расходование средств внутри группы, а также возможные попытки легализации доходов. Процесс доказывания должен включать собирание информации об участниках, их функциональных ролях, контактах и соглашениях, а также материальные и нематериальные следы взаимодействия [7, с.396]. Важно правильно определить состав преступления, учитывая совокупность статей УК РФ, которые квалифицируют коррупционные действия в рамках организованных преступных групп.

Таким образом, обстоятельства, подлежащие доказыванию по делам о преступлениях коррупционной направленности, совершенных преступными группами, определяются частью 1 статьи 73 УПК РФ, но наполняются специальным содержанием с учетом коррупционного и группового характера деяний. В рамках таких дел необходимо установить следующее: конкретное коррупционное деяние (например, получение или дача взятки, коммерческий подкуп, злоупотребление полномочиями, посредничество и прочее); время, место, способ и обстановку его совершения; характер преступления (одиночный эпизод, систематическая деятельность или серия взаимосвязанных коррупционных актов); способы передачи и распределения незаконного вознаграждения (наличные, безналичные переводы, «откаты», фиктивные контракты, подарки, услуги и другие материаль-

ные выгоды); наличие предварительного сговора и устойчивых связей между участниками, подтверждающих организованную деятельность (совместное планирование, распределение ролей, конспирация и использование служебного положения); а также связь коррупционного акта с исполнением должностных функций (выдача разрешений, заключение контрактов, распределение бюджета и принятие управленческих решений).

Также важно установить виновность каждого участника, форму вины и мотивы. Необходимо определить осознание каждым участником общественной опасности коррупционного деяния, его противоправности и группового характера; форму вины (например, прямой умысел на получение незаконного вознаграждения, использование служебного положения или сокрытие деятельности группы); индивидуальный вклад каждого члена группы (организатор, руководитель, исполнитель, пособник, посредник), включая соучастие в подготовке и сокрытии преступления; а также мотивы, которые могут быть связаны с корыстной заинтересованностью (личное обогащение, выгодные контракты, карьерные преимущества), и другими побуждениями (лоббистскими, групповыми, клановыми интересами).

Обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, играют важную роль в делах о коррупции, совершенной преступной группой. Ключевые факторы включают правовой статус обвиняемого (является ли он должностным лицом, управленцем в коммерческой организации или посредником в коррупционной схеме), его служебное положение, полномочия и роль в иерархии власти или организации. Также важно учитывать участие обвиняемого в других коррупционных эпизодах, наличие устойчивых связей с другими членами группы, а также влияние на свидетелей и контрагентов. Информация о деловой репутации, дисциплинарных взысканиях и конфликтах интересов также имеет значение.

Что касается причиненного преступлением вреда, необходимо доказывать имущественный ущерб, включая прямые убытки бюджета и граждан, упущенную выгоду от контрактов и завышенных цен. Также следует учитывать нематериальный вред, такой как подрыв авторитета власти и снижение доверия к управляющим органам. Размер вреда (крупный или особо крупный) также важен, как и его распределение между участниками группы. Кроме того, необходимо установить, был ли причинен вред законным интересам других лиц, таких как добросовестные участники конкурсов и тендеров. Наконец, в делах этой категории следует проверить обстоятельства, которые могут исключать преступность и наказуемость деяний. Это может быть непреодолимое физическое или психическое принуждение, крайняя необходимость, объективная ошибка относительно правовой природы действий; добросовестное заблуждение относительно законности вознаграждения (в частности, подарка в пределах разрешенных антикоррупционным законодательством). Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, должны быть тщательно изучены в ходе расследования. Важно выявить недостатки в организации государственной или муниципальной службы, системе корпоративного управления, а также в процессах закупок, контроля и внутреннего аудита. Коррупциогенные факторы, такие как непрозрачные процедуры, конфликты интересов и формальный контроль, также должны быть проанализированы. Нарушения антикоррупционного законодательства – например, несоблюдение правил декларирования доходов, урегулирования конфликтов интересов и запрета на получение подарков – играют значительную роль, как и факторы, способствующие формированию организованных групп: низкая выявляемость коррупции, отсутствие ответственности и коррупционные традиции в органах.

Методически важно проводить всесторонний анализ связей всех участников группы, включая возможных посредников и выгодоприобретателей. Каждое действие, будь то переводы средств, встречи или телефонные звонки, должно фиксироваться для дальнейшего подтверждения причастности к преступной группе. Следственные группы должны иметь доступ к межведомственным базам данных, аналитическим инструментам финансового контроля и технологиям восстановления цифровых следов. Необходимо активно использовать финансовую экспертизу и аудит для выявления незаконной деятельности, а также привлекать к расследованию специалистов в области экономической и кибербезопасности. Доказывание требует интеграции оперативно-розыскных мероприятий, анализа финансовых потоков, цифрового мониторинга, следственных действий по установлению связей между участниками группы и фиксации коммуникаций, умения разрабатывать версии, выявлять и отслеживать трансформацию преступной группы во времени [7, с.398]. Предмет доказывания по уголовным делам о коррупционных преступлениях, совершенных преступными группами, отличается комплексностью, высокой степенью латентности, сложностью идентификации связей между участниками и необходимостью проведения широкой доказательной работы по каждому элементу преступной схемы. Применение современных криминалистических, процессуальных и аналитических методов, а также междисциплинарного подхода в процессе расследования значительно увеличивает вероятность успешного раскрытия преступления, правильного определения состава группы, квалификации действий и последующего успешного судебного разбирательства.

Список литературы:

1. https://tass.ru/interviews/25846343
2. https://www.kommersant.ru/doc/8269190
3. Климова Ю.Н., Свекровкин А.О. Противодействие коррупционным преступлениям: учеб. пособие. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2020. 88 с. // [Электронный ресурс]. URL: https://dspace.www1.vlsu.ru/bitstream/123456789/8988/1/02175.pdf (дата обращения: 20.11.2025).
4. Хазиахметова Э.Р. Проблемы расследования коррупционных преступлений Столыпинский вестник. 2023. №9. С. 4757-4763 // [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-rassledovaniya-korruptsionnyh-prestupleniy/viewer (дата обращения: 20.11.2025).
5. Гармаев Ю.П. Основы методики расследования коррупционных преступлений: курс лекций. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2018. 49 с. // [Электронный ресурс]. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/479424050/ (дата обращения: 20.11.2025).
6. Зуев С.В. Расследование преступлений коррупционной направленности: учебное пособие. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2014. 42 с. // [Электронный ресурс]. URL: https://law.susu.ru/security/wp-content/uploads/sites/9/2017/01/Rassledovanie-prestupleniy-korruptsionnoy-napravlennosti.doc (дата обращения: 20.11.2025).
7. Синякова Н.А. Доказывание по уголовным делам коррупционной направленности // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 7А. С. 394-401 // [Электронный ресурс]. URL: http://www.publishing-vak.ru/file/archive-law-2021-7/k2-sinyakova.pdf (дата обращения: 20.11.2025).

References:

1. https://tass.ru/interviews/25846343
2. https://www.kommersant.ru/doc/8269190
3. Klimova Yu.N., Svekrovkin A.O. Countering corruption crimes: textbook. stipend. Vladimir: Publishing House of the All-Russian State University, 2020. 88 p. // [Electronic resource]. URL: https://dspace.www1.vlsu.ru/bitstream/123456789/8988/1/02175.pdf (date of request: 11/20/2025).
4. Khaziakhmetova E.R. Problems of investigation of corruption crimes Stolypinsky Bulletin. 2023. No. 9. pp. 4757-4763 // [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-rassledovaniya-korruptsionnyh-prestupleniy/viewer (date of reference: 11/20/2025).
5. Garmaev Yu.P. Fundamentals of the methodology for investigating corruption crimes: a course of lectures. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University, 2018. 49 p. // [Electronic resource]. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/479424050 / (date of access: 11/20/2025).
6. Zuev S.V. Investigation of corruption-related crimes: a textbook. Chelyabinsk: South Ural State University, 2014. 42 p. // [Electronic resource]. URL: https://law.susu.ru/security/wp-content/uploads/sites/9/2017/01/Rassledovanie-prestupleniy-korruptsionnoy-napravlennosti.doc (date of request: 11/20/2025).
7. Sinyakova N.A. Evidence in corruption-related criminal cases // Issues of Russian and international law. 2021. Volume 11. No. 7A. pp. 394-401 // [Electronic resource]. URL: http://www.publishing-vak.ru/file/archive-law-2021-7/k2-sinyakova.pdf (date of request: 11/20/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_438

УДК 343.847

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К СОДЕРЖАНИЮ В ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ВОИНСКОЙ ЧАСТИ И ОСУЖДЕННЫХ ОТБЫВАЮЩИХ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ
COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGAL STATUS OF PERSONS SENTENCED TO BE DETACHED IN A DISCIPLINARY MILITARY UNIT AND CONVICTS SERVING A SENTENCE OF IMPRISONMENT

МАРЧЕНКО Александр Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного и административного права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (СПбГМТУ).
190121, Россия, г. Санкт-Петербург, Лоцманская ул., 3.
E-mail: marchenkoalexv@mail.ru

МАРЧЕНКО Валентина Викторовна
старший преподаватель кафедры уголовного и административного права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (СПбГМТУ).
190121, Россия, г. Санкт-Петербург, Лоцманская ул., 3.
E-mail: valmar63@inbox.ru

MARCHENKO Alexander Vasilyevich,
PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal and Administrative Law St. Petersburg State Maritime Technical University (SPbGMTU).
190121, Russia, St. Petersburg, Lotsmanskaya St., 3.
E-mail: marchenkoalexv@mail.ru

MARCHENKO Valentina Viktorovna
Senior Lecturer at the Department of Criminal and Administrative Law St. Petersburg State Maritime Technical University (SPbGMTU).
190121, Russia, St. Petersburg, Lotsmanskaya St., 3.
E-mail: valmar63@inbox.ru

Краткая аннотация: *В статье анализируется и сравнивается два вида уголовных наказаний лишение свободы и содержание в дисциплинарной воинской части, которые являются уголовными наказаниями, но имеют отличительные особенности в отношении назначения, отбывания наказания. С помощью сравнительно-правового метода авторы проводят анализ правового положения осужденных отбывающих лишение свободы и осужденных, содержащих в дисциплинарных воинских частях, что позволяет выделить отличительные особенности рассматриваемых видов наказаний и их содержания в современном законодательстве.*

Abstract: *This article analyzes and compares two types of criminal punishment: imprisonment and confinement in a disciplinary military unit. While both are criminal penalties, they have distinctive characteristics regarding their imposition and execution, using a comparative legal approach, the authors analyze the legal status of convicts serving imprisonment sentences and those held in disciplinary military units. This allows them to highlight the distinctive features of these punishments and their content in modern legislation.*

Ключевые слова: *исполнение наказания, лишение свободы, исправительное учреждение, содержание в дисциплинарной воинской части, осужденный, военнослужащий, правовое положение осужденных.*

Key words: *execution of punishment, imprisonment, correctional facility, detention in a disciplinary military unit, convicted person, military serviceman, legal status of convicted persons.*

Для цитирования: *Марченко А.В., Марченко В.В. Сравнительный анализ правового положения осужденных к содержанию в дисциплинарной воинской части и осужденных, отбывающих лишение свободы // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 438-.442 http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_438.*

For citation*: Marchenko A.V., Marchenko V.V. Comparative analysis of the legal status of those sentenced to detention in a disciplinary military unit and convicts serving imprisonment // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 438-442. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_438.*

Статья поступила в редакцию: 22.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Уголовно-исполнительная политика России на современном этапе определяет комплексное развитие системы исполнения уголовных наказаний[1].

Вместе с тем, исполнение наказаний является исключительно важной и сложной функцией государства в борьбе с преступностью. Ее реализация предполагает создание большого количества различных учреждений и органов, исполняющих наказания, многоуровневую деятельность персонала по охране, контролю, надзору, обеспечению прав, свобод, законных интересов и обязанностей осужденных[2].

В российском уголовном праве предусмотрено несколько видов наказаний, связанных с ограничением свободы личности[3]. Наиболее близкими по содержанию, но в то же время принципиально различающимися по правовой природе[1], являются наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части (далее по тексту – содержание в ДВЧ) и лишение свободы (далее по тексту – ЛС).

[1] Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFJC.
[2] Уголовно-исполнительное право: учебник / под ред. Ф.В. Грушина. – Москва: Проспект; Академия ФСИН России, 2025. – С. 3.
[3] Уголовное право. Особенная часть : Курс лекций / Г. А. Агаев, Н. В. Баранков, Д. А. Безбородов [и др.]. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. – 632 с. – ISBN 978-5-91837-015-5. – EDN QRUNFX.

Данные наказания связаны с изоляцией лица от общества и ограничением его прав, однако основное отличие данных наказаний заключается в цели наказания[2].

ЛС направлено на исправление осужденного и предупреждение новых преступлений. Содержание в ДВЧ, помимо этого, преследует цель воинского воспитания и поддержания дисциплины в вооруженных силах и при отбытии данного наказания не прерывается служба в Вооруженных Силах Российской Федерации (деле по тексту – ВС РФ), тем самым исполнение воинских обязанностей и требований по военной подготовке.

Основой для регулирования осужденных в ДВЧ служит не только уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации[3], но и общевоинские уставы[4], что создает принципиально иную среду отбывания наказания по сравнению с ЛС.

Следующие отличие рассматриваемых наказаний заключается в субъектах, к которым могут быть назначены данные наказания.

Наказание содержание в ДВЧ назначается специальному субъекту военнослужащему, проходящему военную службу по призыву, а также проходящим военную службу по контракту на должностях рядового и сержантского состава, если они на момент вынесения судом приговора не отслужили установленного законом срока службы по призыву.

Содержание в ДВЧ назначается на срок от трех месяцев до двух лет, за совершение преступлений против военной службы, а также в случаях, когда характер преступления и личность виновного свидетельствуют о возможности замены ЛС на срок не свыше двух лет содержанием осужденного в ДВЧ на тот же срок (ст. 55 УК РФ[5]).

В тоже время, ЛС может быть назначено в зависимости от совершенного преступления мужчинам, женщинам и несовершеннолетним[6]. Вместе с тем ЛС может быть назначено как на определенный срок, так и пожизненно. ЛС взрослым субъектам устанавливается на срок от двух месяцев до 20 лет. В случае частичного или полного сложения сроков ЛС при назначении наказаний по совокупности преступлений максимальный срок ЛС не может быть более 25 лет, а по совокупности приговоров – более 30 лет (ч. 2, 4 ст. 56 УК РФ).

Несовершеннолетним осужденным (с 14 до 18 летнего возраста) ЛС не может быть назначено на срок более 10 лет, а лицам, совершившим небольшой, средней тяжести, тяжкие преступления в возрасте до 16 лет, ЛС не может быть назначено на срок свыше шести лет.

Таким образом, авторы отмечают, что при сравнении назначения сроков отбывания рассматриваемых наказаний, ЛС назначается на более длительный срок по сравнению с содержанием в ДВЧ и субъект назначения расширен[7].

Следующие отличие рассматриваемых наказаний место содержания до вступления приговора суда, в законную силу. Так, осужденные с содержанием в ДВЧ до вступления приговора суда, в законную силу содержатся на гауптвахте (п. 6 ст. 200 Устава военной полиции Вооруженных Сил РФ), а осужденные к ЛС содержатся в СИЗО Министерства юстиции РФ (далее по тексту – МЮ РФ).

Отличительная особенность так же отмечается в сороках направления осужденных к месту отбытия наказания. Осужденные к ЛС направляются для отбывания наказания не позднее 10 дней со дня получения администрацией СИЗО извещения о вступлении приговора суда в законную силу, порядок направления осужденных в исправительное учреждение (далее по тексту – ИУ) определяется МЮ РФ (ч. 1 ст. 75 УИК РФ). Напротив осужденные к содержанию в ДВЧ, направляются под конвоем военной полиции в трехдневный срок после получения распоряжения суда, об исполнении вступившего в законную силу приговора (ст. 241 Устава военной полиции ВС РФ), доставление военнослужащих, осужденных к содержанию в ДВЧ, производится на основании приказа начальника отдела военной полиции по месту осуждения.

Кроме того, различия проявляются и в местах отбывания наказания. ДВЧ отбывается не в специализированном пенитенциарном учреждении, а в составе действующей воинской части, которая выполняет задачи по обороне страны. Так, осужденные с содержанием в ДВЧ, отбывают наказание в специально предназначенных для этого отдельных дисциплинарных батальонах и отдельных дисциплинарных ротах, которые создаются по представлению командующих военных округов (командующих флотами) приказами Министра обороны РФ. В России в настоящий момент действуют 2 дисциплинарные воинские части (далее по тексту – в/ч): 28-й отдельный дисциплинарный батальон, поселок Мулино, Нижегородская область, Западный военный округ, в/ч № 12801 и 36-й отдельный дисциплинарный батальон, поселок Каштак, Читинская область, Восточный военный округ, в/ч № 44311.

Однако ЛС отбывается в ИУ в пределах территории субъекта РФ, в котором проживали осужденные или были осуждены (ст. 73 УИК РФ). В целях более полной реализации территориального принципа в уголовно-исполнительное законодательство (далее по тексту – УИЗ) была включена норма о том, что в одной исправительной колонии (далее по тексту – ИК) могут создаваться изолированные участки с различными видами режима, а в воспитательных колониях – изолированные участки, функционирующие как ИК общего режима. Так же можно отметить, что при отбытии ЛС в ИК устанавливается раздельное содержание осужденных мужчин и женщин, несовершеннолетних и взрослых.

---

[1] Кутаков, Н. Н. Злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания: проблемы системности правовой регламентации / Н. Н. Кутаков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 2(67). – С. 105-115. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-2-105-115. – EDN LDOODB.

[2] Зорина, Е. А. Динамизм и стабильность уголовного закона / Е. А. Зорина, С. И. Вахмистрова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 1(66). – С. 80-86. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-80-86. – EDN QRFHTM.

[3] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 1996 г. № 1-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г. № 323-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198. Далее по тексту – УИК РФ.

[4] Указ Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495 (ред. 24 июня 2025 г. № 411) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 47 (ч 1). – Ст. 5749.

[5] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17 ноября 2025 г. № 420-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. Далее по тексту – УК РФ.

[6] Владимиров, В. Ю. Актуализация судебно-экспертного законодательства Российской Федерации / В. Ю. Владимиров, Т. В. Фомина // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 1(58). – С. 62-70. – EDN RYBZLC.

[7] Петухов, Н. А., Шеншин, В.М. Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы / Н. А. Петухов, В.М. Шеншин // Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. - М.: Академия управления МВД России, 2016. - С. 185-194.

По внешним признакам учреждения ДВЧ и ИК не отличаются. Они расположены отдельно от общества, обеспечены инженерно-техническими средствами охраны.

Территория, на которой расположены жилые и нежилые помещения, предназначенные для размещения и обслуживания осужденных, изолируются и оборудуются техническими средствами охраны и надзора. Вход и выход из расположения ДВЧ и ИК осуществляются только через контрольно-пропускные пункты. Окна и двери помещений, предназначенных для содержания осужденных, оснащаются металлическими решетками. В помещениях на ночь оставляется дежурное освещение. Осужденные в обоих случаях выводятся на работу за пределы расположения учреждения в сопровождении вооруженного конвоя.

В дополнение авторы отмечают, что согласно п. 6 Положения о ДВЧ[1], склады оружия и боеприпасов располагаются вне территории, на которой размещаются осужденные ДВЧ, что еще больше говорит о повышенном уровне обеспокоенности по обеспечению безопасности общества и государства от военнослужащих совершивших преступления.

Если рассматривать режимные требования при отбывании наказания в ДВЧ и ИК, то они в основном одинаковы. Это подтверждается ч. 1 ст. 157 УИК РФ, в которой закрепляется, что режим в ДВЧ обеспечивается в соответствии с требованиями гл. 12 УИК РФ. Режимные требования устанавливают обязанности, которые возложены на администрацию учреждений, предоставляют безопасность и охрану для осужденных и персонала, надзор за ними, в том числе и реализацию их прав и законных интересов.

Режим реализуется через совокупность конкретных элементов, которые детально регламентированы законодательством и образуют жесткий распорядок жизни осужденных в рассматриваемых учреждениях.

Центральным элементом режима является установление строгой регламентации всего распорядка дня. Время в данных учреждения расписано с максимальной точностью, однако режим отбывания наказания в ДВЧ носит ярко выраженный воинский характер и нацелен не только на кару исправления, но и на поддержания дисциплины и боевой готовности. Поэтому распорядок дня ДВЧ отличатся от ЛС пунктом занятия по военной подготовке – 6 часов, один день в неделю (суббота).

Вместе с тем важнейшим элементом, вытекающим из двойственного статуса осужденных к содержанию в ДВЧ, является обязанность по несению службы, они привлекаются к несению внутренней службы в нарядах в качестве дневальных по дисциплинарной роте и рабочих в столовой.

Отдельным элементом режима является регулирование свиданий, получение посылок и передач, а так же переписки. Количество и продолжительность свиданий, объем и характер разрешенных к получению посылок напрямую зависит от условий, в которых находится осужденный. Это классический инструмент пенитенциарного воздействия, который в условиях ДВЧ также служит целями поддержания дисциплины и контроля.

Вместе с тем, можно отметить, что в отличие от ЛС, где изоляция осужденного зависит от вида ИУ и его поведения, в ДВЧ все осужденные военнослужащие содержатся вместе, и никаких условий для их раздельного содержания законодательством не предусмотрено. Однако в рассматриваемых наказаниях в необходимых случаях осужденные подвергаются обыску, а принадлежащие им вещи – досмотру. Кроме того, при отбывании наказания в отличии с ЛС, в ДВЧ, отсутствуют оперативно-розыскная деятельность и цензура корреспонденции. Однако в целях соблюдения безопасности вручение писем осужденным в ДВЧ происходит под контролем представителя ДВЧ, в присутствии которого они вскрываются.

Так же одним из средств режима можно отметить режим особых условий в ИК (ст. 85 УИК РФ), особенности введения такого режима в ДВЧ регламентируются п. 10 Положения о дисциплинарной воинской части.

При рассмотрении правового положения осужденных к содержанию в ДВЧ и осужденных к ЛС, можно отметить, что данные осужденные обладают основными правами осужденных, которые закреплены в ст. 12 УИК РФ.

В соответствие с УИЗ у осужденных в ДВЧ так же присутствуют, аналогичные права, как у осужденных в ИК, а именно краткосрочные и длительные свидания, получение бандеролей, посылок и передач, получение и отправление писем, без ограничения их количества. Но есть и различия.

Так в УИК РФ и подзаконных актах не определены условия предоставления и реализации осужденным с содержанием в ДВЧ, в отличие от ЛС, права на телефонные разговоры, что вызывает неопределенность в реализации данного права. Однако в ст. 167 УИК РФ закреплена мера поощрения как разрешение на телефонный разговор с родственниками. Законом не устанавливается время и периодичность предоставления телефонных разговоров в течение года, условий предоставления данного права. Поэтому авторами предлагается в главу 20 УИК РФ необходимо внести соответствующую норму, разрешающую осуществление телефонных разговоров, с установлением времени, периодичности предоставления телефонных разговоров в течение года и условий предоставления данного права осужденным военнослужащим.

Отличия еще охватывает такую сферу, как право на выезды за пределы места отбывания наказания. Так, УИЗ закреплено право осужденных отбывающих ЛС на краткосрочные и длительные выезды за пределы учреждения за счет средств осужденных (ст. 97 УИК РФ). Однако осужденные с содержанием в ДВЧ имеют право только на краткосрочный выезд за пределы части в связи с исключительными личными обстоятельствами (ст. 162 УИК РФ).

Вместе с тем авторы считают, что норма ч. 2 ст. 162 УИК РФ, которая определяет не предоставление отпусков, предусмотренных для

[1] Постановление Правительства РФ от 4 июня 1997 г. № 669 (ред. 15 мая 2024 г.) «Об утверждении Положения о дисциплинарной воинской части» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 23. – Ст. 2697.

военнослужащих, содержащихся в ДВЧ, представляется необоснованной и подлежащей исключению. Так как при отбытии содержания в ДВЧ, осужденные статуса военнослужащих не теряют, а ФЗ от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»[1] предусматривает предоставление отпуска для лиц, проходящих службу и по контракту, и по призыву.

Права на получение общего образования и профессиональной подготовки при ЛС у осужденных в ДВЧ ограничено.

Правовое положение осужденных в ДВЧ одинаковое, независимо от воинских званий и ранее занимаемой должности, то есть все находятся на положении солдат (матросов) и носят единую для данной ДВЧ форму одежды и знаки различия, в том числе и погоны рядовых или матросов (ч. 3. ст. 156 УИК РФ). По существу такое положение противоречит ст. 48 УК РФ, регламентирующей правила лишения воинского звания, согласно которым лицо может быть лишено воинского звания только судом и лишь за совершение тяжкого и особо тяжкого преступления. Однако если обратится к ч. 3 ст. 156 УИК РФ, то она определяет не лишение воинского звания, а нахождение осужденных в период отбывания наказания в виде содержания в ДВЧ на положении солдат или матросов. Вместе с тем, в отличие от осужденных к ЛС, осужденные к содержанию в ДВЧ не вправе носить гражданскую одежду.

Если рассматривать специфику исправительного воздействия в ДВЧ, то она отличается от ЛС. В ходе отбывания наказания содержание в ДВЧ к осужденным военнослужащим применяются основные средства исправления, закрепленные в ст. 9 УИК РФ, которые применяются к осужденным к ЛС. Кроме того, наряду с основными средствами исправления к ним применяются и дополнительные, обусловленные прохождением ими военной службы и, как следствие, их особым правовым статусом. К подобным средствам исправления в первую очередь можно отнести активную военную подготовку, регулярное воинское обучение и воспитание, в том числе военно-патриотическое. Поэтому в ДВЧ, применяются основные средства исправления: порядок исполнения и отбывания наказания (режим); общественно-полезный труд; воспитательная работа; военная подготовка и воинское обучение. Напротив, в ИК воспитательная работа имеет более широкий спектр, она направлена на исправление, формирования уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общения, на повышение их образовательного и культурного уровня (ст. 109 УИК РФ).

Существенные различия наблюдаются в регулировании трудовой деятельности осужденных. Следует отметить, что лица, отбывающие наказание в ИУ и в ДВЧ обязаны трудиться, при этом труд является одним из средств исправления осужденных. Перечень объектов, на которых могут трудиться осужденные к ЛС и осужденные к содержанию в ДВЧ отличается. В ДВЧ осужденные привлекаются к труду в соответствии с п. 43 Правил отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими, утвержденных приказом Министра обороны Российской Федерации от 20.10.2016 № 680[2] на объектах дисциплинарной воинской части, либо на иных объектах, определяемых соответствующим начальником регионального органа военной полиции, в случаях необеспечения осужденных работой, они могут привлекаться к труду в других организациях. Напротив, осужденные в ИУ, согласно ст. 17 Закона РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»[3] привлекаются к труду в центрах трудовой адаптации и производственных (трудовых) мастерских, на федеральных государственных унитарных предприятиях ФСИН России, а также в организациях, расположенных как внутри территории ИУ, так и за их пределами.

Следующее отличие, на которое авторы обращают внимание удержание из заработной платы осужденных. Учитывая, что размер всех удержаний может превышать заработную плату осужденных, законодатель предусмотрел минимум, который должен поступать на лицевой счет осужденного независимо от всех предусмотренных удержаний. Так, в ДВЧ осужденным на их лицевые счета поступает не менее 50 % от их зарплаты, В ИУ осужденным зачисляется в два раза меньше, то есть не менее 25 % от заработной платы, пенсии или иных доходов, а отдельным категориям осужденных (инвалиды 1 и 2 группы, несовершеннолетние, беременные женщины, женщины имеющих детей в домах ребенка ИУ) не менее 50 %.

Кроме того законодателем предусмотрена гибкая система применения различных мер поощрения и взыскания анализируемых наказаний. Здесь можно рассмотреть ст. 168 УИК РФ, предусматривающую меры взыскания, налагаемые на осужденных военнослужащих, которые отличаются от мер, применяемых в отношении осужденных, отбывающих наказание в ИУ. Так, к осужденным военнослужащим не применяются такие меры взыскания, как перевод в помещение камерного типа, единые помещения камерного типа и иные меры в соответствии со ст.ст. 78, 115 УИК РФ.

В отличие от ЛС отбывание наказания в ДВЧ может проходить в обычных и облегченных условиях. В случае, когда осужденные в ДВЧ нарушают установленный порядок отбывания наказания, к ним применяется в порядке взыскания перевод из облегченных в обычные условия содержания (ч. 3 ст. 166 УИК РФ). При этом указания, за какое нарушение или же при применении какого взыскания возможен данный перевод, закон не содержит, однако ст. 168 УИК РФ не относит к мерам взыскания подобный перевод.

Различия можно отметить в регламентации и в вопросах материально-бытового обеспечения осужденных. Осужденные ЛС обеспечиваются жилой площадью, питанием, вещевым довольствием, согласно установленным нормам статьи 99 и 100 УИК РФ. Для осужденных к содержанию в ДВЧ материально-бытовое обеспечение осуществляется по нормам, установленным для военнослужащих, проходящих военную

[1] Федеральный закон РФ от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (ред. 7 июля 2025 г. № 212-ФЗ) «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 22. – Ст. 2331.
[2] Приказ Министра обороны РФ от 20 октября 2016 г. № 680 (ред. от 21 мая 2025 г. № 321) «Об утверждении Правил отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2016. – № 49.
[3] Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 (ред. 31 июля 2025 г. № 323-ФЗ) «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы РФ» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 33. – Ст. 1316.

службу по призыву, что является еще одним свидетельством двойственной природы их правового положения, сочетания элементов пенитенциарного и военного права.

Значительно отличаются правовые последствия отбывания ЛС и содержания ДВЧ. Так судимость в отношении военнослужащих, осужденных военным судом к содержанию в ДВЧ, погашается по истечении одного года после отбытия наказания, а после отбытия при ЛС, например ИК общего режима от 3 до 8 лет – в зависимости от срока наказания.

В завершении отметим, что ЛС, и содержание осужденных военнослужащих в ДВЧ, направлены на исправление граждан, которым назначаются данные виды наказаний. Коренное отличие рассматриваемых наказаний состоит в том, что ДВЧ готовит военнослужащих к возращению в строй, для продолжения военной службы, а ИК возращение граждан в общество.

Режим в ДВЧ по своим основным характеристикам схож с режимом исполнения и отбывания наказаний в виде ЛС в ИУ. В целом, права и обязанности осужденных к ЛС и осужденных к содержанию ДВЧ во многом схожи. Но вместе с тем, важнейшим отличием можно отметить то, что в ИУ свою деятельность осуществляют соответствующие подразделения – отдел безопасности, оперативный отдел, воспитательный отдел и т.д., которые осуществляют надзор и охрану осужденных, обеспечение личной безопасности осужденных и персонала, оперативно-розыскную деятельность, воспитательную работу с осужденными и т.д. В ДВЧ подобных подразделений нет, и фактически проводить указанную работу некому.

Таким образом, сравнение показывает, что содержание в ДВЧ представляет собой специализированный пенициарный институт, который использует атрибуты ЛС, но сохраняет сущность военной службы. Это делает его более мягким видом наказания по сравнению с ЛС, но одновременно и более узконаправленным. Понимание этих различий имеет важное практическое значение для правоприменителя, а так же для дальнейшего совершенствования УИЗ, позволяя более точно соотносить вид и содержание наказания с личностью осужденного и целями исправительного воздействия.

Существующее правовое регулирование содержит пробелы и недостатки, требующие внимания законодателя ради достижения основной цели назначения наказания в виде содержания в ДВЧ, а именно исправления осужденных и улучшения дисциплины в воинских частях.

Список литературы:

1. Уголовно-исполнительное право: учебник / под ред. Ф.В. Грушина. – Москва: Проспект; Академия ФСИН России, 2025. – 656 с.
2. Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFJC.
3. Уголовное право. Особенная часть : Курс лекций / Г. А. Агаев, Н. В. Баранков, Д. А. Безбородов [и др.]. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. – 632 с. – ISBN 978-5-91837-015-5. – EDN QRUNFX.
4. Петухов, Н. А., Шеншин, В.М. Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы / Н. А. Петухов, В.М. Шеншин // Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. - М.: Академия управления МВД России, 2016. - С. 185-194.
5. Зорина, Е. А. Динамизм и стабильность уголовного закона / Е. А. Зорина, С. И. Вахмистрова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 1(66). – С. 80-86. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-80-86. – EDN QRFHTM.
6. Кутаков, Н. Н. Злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания: проблемы системности правовой регламентации / Н. Н. Кутаков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 2(67). – С. 105-115. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-2-105-115. – EDN LDOODB.
7. Владимиров, В. Ю. Актуализация судебно-экспертного законодательства Российской Федерации / В. Ю. Владимиров, Т. В. Фомина // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 1(58). – С. 62-70. – EDN RYBZLC.

References:

1. Penal enforcement law: textbook / edited by F.V. Grushin. – Moscow: Prospekt; Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2025. – 656 p.
2. Criminal law. General part : textbook / A.V. Nikulenko, S. A. Denisov, M. V. Baranchikova [and others]. – 2nd edition, revised and expanded. – Saint Petersburg : Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. – 424 p. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFJC.
3. Criminal law. Special part : A course of lectures / G. A. Agaev, N. V. Barankov, D. A. Bezborodov [and others]. – Saint Petersburg : Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2010. – 632 p. – ISBN 978-5-91837-015-5. – EDN QRUNFX.
4. Petukhov, N. A., Shenshin, V.M. Criminal policy of Russia at the present stage: state, trends, prospects / N. A. Petukhov, V. M. Shenshin // Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference. - M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. - pp. 185-194.
5. Zorina, E. A. Dynamism and stability of the criminal law / E. A. Zorina, S. I. Vakhmistrova // Right. Safety. Emergency situations. – 2025. – № 1(66). – Pp. 80-86. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-80-86. – EDN QRFHTM.
6. Kutakov, N. N. Malicious violation of the established order of serving a sentence: problems of systematic legal regulation / N. N. Kutakov // Law. Safety. Emergency situations. – 2025. – № 2(67). – Pp. 105-115. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-2-105-115. – EDN LDOODB.
7. Vladimirov, V. Yu. Updating the forensic expert legislation of the Russian Federation / V. Yu. Vladimirov, T. V. Fomina // Law. Safety. Emergency situations. – 2023. – № 1(58). – Pp. 62-70. – EDN RYBZLC.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_443

УДК 343.9

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОБСТАНОВКИ СОВЕРШЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
ON THE QUESTION OF CHARACTERISTICS OF THE SITUATION IN WHICH INDIVIDUAL TERRORIST CRIMES ARE COMMITTED

ВЛАДИМИРОВ Сергей Владиславович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
E-mail: sergvladimirof@yandex.ru

ЯВОРСКИЙ Максим Александрович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями,
Самарский государственный экономический университет,
443090, Россия, Самарская обл., Самара, ул. Советской Армии, 141,
E-mail: yavorm@mail.ru

СМАГИН Егор Дмитриевич
студент, Самарский государственный экономический университет,
443090, Россия, Самарская обл., Самара, ул. Советской Армии, 141,
E-mail: smagin2109@gmail.com

VLADIMIROV Sergey Vladislavovich
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
443022, Russia, Samara, Rylskaya St., 24v,
E-mail: sergvladimirof@yandex.ru

YAVORSKY Maxim Aleksandrovich
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Crime Control,
Samara State University of Economics,
443090, Samara Region, Samara, Sovetskoy Armii Street, 141,
E-mail: yavorm@mail.ru

SMAGIN Egor Dmitrievich
student, Samara State University of Economics,
443090, Samara Region, Samara, Sovetskoy Armii Street, 141,
E-mail: smagin2109@gmail.com

Краткая аннотация: *Статья посвящена обстановке совершения отдельных преступлений террористической направленности как одному из важнейших элементов криминалистической модели преступления конкретного вида или группы. Цель исследования – на примере совершенных террористических актов проанализировать и обобщить сведения об обстановке их совершения. Методологически используется анализ материалов следственно-судебной практики по расследованию уголовных дел о фактах совершения террористических актов в России. Отмечена важность обстановки совершения преступлений террористической направленности в структуре криминалистической характеристики.*

Abstract. *This article examines the context in which individual terrorist crimes are committed as a key element of a forensic model for a specific type or group of crimes. The purpose of the study is to analyze and summarize information on the context in which terrorist acts are committed, using examples of actual terrorist acts. The methodological approach utilizes an analysis of investigative and judicial practice in the investigation of criminal cases involving terrorist acts in Russia. The importance of the context in which terrorist crimes are committed in the forensic analysis is emphasized.*

Ключевые слова: *криминалистическая характеристика, обстановка совершения преступлений, преступления террористической направленности.*

Key words: *forensic characteristics, the context of the crime, terrorist crimes.*

Для цитирования: *Владимиров С.В., Яворский М.А., Смагин Е.Д. К вопросу о характеристике обстановки совершения отдельных преступлений террористической направленности // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 443-447. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_443.*

For citation*: Vladimirov S.V., Yavorsky M.A., Smagin E.D. On the issue of characterization of the situation in which certain terrorist crimes are committed // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 443-447. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_443.*

Статья поступила в редакцию: 03.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Современная Россия переживает период, когда вопросы безопасности приобретают особую значимость. Отечественная практика показывает, что террористическая деятельность остается одной из наиболее опасных форм преступности, способной дестабилизировать политическую, социальную и духовную жизнь государства. Преступления террористической направленности не только создают угрозу для жизни и здоровья людей, но и подрывают основы правопорядка, усиливая атмосферу страха и нестабильности. Борьба с терроризмом стала одной из приоритетных задач государственной политики, о чём свидетельствует постоянное совершенствование законодательства, а также активизация работы правоохранительных органов и специальных служб. По данным официальной статистики Министерства внутренних дел Российской Федерации и Генеральной прокуратуры РФ, в 2024 году в России зарегистрировано свыше 3,7 тыс. преступлений террористической направленности, что на 55,9% больше, чем в 2023 году [1]. На фоне продолжающейся Специальной военной операции фиксируются новые формы противоправной

активности, которые напрямую влияют на обстановку совершения преступлений террористической направленности. Наблюдается массовое применение беспилотных летательных аппаратов, увеличение числа поджогов и нападений на военные комиссариаты и иные объекты, связанные с призывом и мобилизацией, а также диверсий на объектах энергетики, железнодорожном транспорте и др. Все эти явления в совокупности создают сложную, многослойную обстановку совершения преступлений террористической направленности. Несмотря на принимаемые меры, количество выявленных фактов террористической и экстремистской деятельности остаётся значительным. Стабильное снижение таких преступлений не наблюдается, что указывает на необходимость глубокого понимания закономерностей их совершения и условий, в которых они происходят. Повышенная общественная опасность этих деяний делает актуальным не только их предупреждение, но и совершенствование методики расследования, в том числе через изучение и анализ криминалистической характеристики обстановки совершения преступлений террористической направленности.

Криминалистическая характеристика (криминалистическая модель преступления) занимает центральное место в методике расследования любой категории преступлений. Она служит своеобразным ориентиром, позволяющим понять закономерности подготовки, совершения и сокрытия противоправных деяний. Без её использования не представляется возможным построить логическую последовательную систему действий следователя, направленных на раскрытие преступлений и установление виновных лиц. Преступления, связанные с террористической деятельностью, отличаются высокой степенью общественной опасности и старательно продуманным механизмом реализации, которые требуют точного знания их криминалистической характеристики. В научной литературе встречаются различные подходы к определению этого понятия. Представляется наиболее удачным определение криминалистической характеристики как абстрактной модели преступного деяния, отражающей типичные связи между его элементами.

Для террористических преступлений характерна особая структура криминалистической характеристики. Важное место среди всех элементов занимает именно обстановка совершения террористического преступления, которая во многом определяет специфику подготовки и реализации террористических актов. В общих чертах обстановка включает совокупность условий, обстоятельств и факторов, при которых совершается преступление. Она формируется под воздействием политической и социальной ситуации, уровня антитеррористической защищенности объектов, психологического состояния участников, времени и места действия. В отечественной криминалистике существуют различные подходы к пониманию обстановки совершения преступления. Одни авторы считают, что под обстановкой совершения преступления понимается совокупность условий, внешних обстоятельств, в которых протекает объективная сторона преступления. Другие определяют её как объективные условия, при которых происходит преступление.

Так, например, К. А. Яблонский и А. Д. Ченчиковский обстановку совершения преступления определяют как систему взаимодействующих условий, которые «отражают многогранность окружающего мира и влияют на характер и степень общественной опасности преступления» [2]. К таким условиям (элементам) исследователи, в частности, относят: *природно-климатические факторы* (например, погодные условия, чрезвычайные ситуации природного характера); *техногенные факторы* (например, объекты созданные или используемые человеком в какой-либо сфере общественных отношений); *социально-психологические факторы* (например, отношения, имеющие место в социальной группе); *человеческие факторы* (например, наличие очевидцев преступления) и др.

Схожей точки зрения придерживается и Т. С. Анненкова, которая под обстановкой совершения преступления предлагает понимать систему «взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, в пространственных границах которых происходит взаимодействие участников преступления, а также различных иных обстоятельств объективной среды» [3, с. 7-8.]. К элементам обстановки совершения преступления ученый относит объективные, субъективные и психологические факторы, непосредственно окружавшие преступника и сыгравшие определенную роль в событии преступления, оказавшие влияние на формирование следов преступления, раскрытие и расследование преступления.

А. А. Бессонов, рассматривая обстановку преступления в качестве «наиважнейшего элемента в структуре криминалистической характеристики преступлений», определяет ее как систему элементов окружающей объективной реальности (место, время, различные объекты и др.), связь которых с преступным деянием детерминирована объектом (предметом) посягательства и (или) личностью преступника, которая оказавает влияние на формирование механизма преступления и его отображение в виде следов, а также обусловливает методику его расследования и установление ретроспективной модели совершенного преступления [4].

В свою очередь А. А. Абрамова обстановку совершения преступления отождествляет с системой взаимосвязанных, взаимодействующих и взаимообусловленных элементов действий виновного в пространстве и времени: поведенческие, психологические, пространственные, временные и другие факторы, способствующие совершению преступлениям [5, с. 287].

В широком смысле обстановка, по верному утверждению П. В. Федышиной, включает в себя не только совокупность непосредственных физических условий, в которых совершается преступление, но и общие исторические, социально-политические обстоятельства, конкретные условия жизни и особенности взаимоотношения людей, связанных с преступным деянием [6].

Р.Г. Камнев указывает на то обстоятельство, что вопрос о соотношении таких категорий как место, время и обстановка совершения преступления является не решенным, а общие закономерности и взаимодействие между ними до конца не выявлены. Тем не менее он также приходит к выводу о том, что обстановка совершения преступления представляет собой «совокупность непосредственных объективных особенностей условий и взаимодействующих обстоятельств случайного, ситуативного характера, оказывающих доминирующее воздействие на создание объективно способствующей совершению отдельного преступления ситуации» [7]. При этом ученый подчеркивает, что обстановка, помимо места и времени совершения преступления, может включать объективные условия в виде особенных, ситуаций и факторов, происходящих из

природы возникновения и стечения различных социальных отношений и окружающей среды.

На сегодняшний день весьма распространенной точкой зрения является та, согласно которой под обстановкой совершения уголовно-наказуемого деяния выступает конкретизированный фрагмент окружающей среды. С позиции современной криминалистики данная дефиниция включает в себя следующие группы: обстоятельства, которые не связаны с событием преступления; обстоятельства, имеющие значение для расследования и раскрытия преступления. В свою очередь, указанные обстоятельства также можно разделить на две категории: обстоятельства, которые оказывают существенное влияние на качественные характеристики совершенного преступного деяния; обстоятельства, которые оказывают опосредованное влияние на событие преступления.

Не вдаваясь в полемику по вопросам содержания криминалистического концепта «обстановка совершения преступления» и его системе (элементам), полагаем, что под ней следует понимать совокупность обстоятельств, характеризующих:

1) пространственно-временные рамки и природно-климатические условия, в которых совершается преступление (например, непосредственное место и время преступного деяния, иные криминалистически значимые особенности);

2) специфику взаимодействия участников (очевидцев) преступления, материальных объектов и явлений, обусловливающих поведение людей (например, факт совершения преступления группой лиц);

3) иные факторы, обусловливающие выбор средств или орудий совершения преступления, оказывающие влияние на степень общественной опасности совершенного деяния и его последствия (например, причины и условия, способствовавшие совершению преступления; оперативная обстановка на территории, эффективность организации охраны общественного порядка и др.).

Указанные обстоятельства безусловно влияют на выбор времени, места, способа и средств совершения в том числе и преступлений террористической направленности.

Особенность обстановки совершения террористических преступлений состоит в нескольких ключевых моментах. Первый – это время совершения преступления, которое во многом зависит от целей, которые стремятся достичь террористы. Как показывает анализ следственно-судебной практики, если главной задачей террористов является причинение значительного материального ущерба, то преступления чаще совершаются ночью. Это характерно для подрывов железнодорожных путей, атак беспилотных летательных аппаратов, диверсий против объектов военного или энергетического значения. Другая ситуация наблюдается, когда целью террористического акта является максимальный общественный резонанс и устрашение населения. Тогда террористические акты могут быть совершены в многолюдных местах, например, в часы пик, во время общественных и религиозных праздников, спортивных или политических мероприятий. Этот выбор обусловлен благоприятными условиями, которые создаются для достижения целей террористов. Эта мысль подтверждается трагедией, произошедшей 3 апреля 2017 года в понедельник в 14:33 ч. по московскому времени в Петербургском метрополитене. Взрывы произошли в движущемся составе между конкретными станциями в дневное время, что повлияло на число пострадавших, скорость эвакуации и производства следственных действий [8].

29 марта (понедельник) 2010 года в 07:56 ч. и 08:39 ч. на станциях Московского метрополитена «Лубянка» и «Парк культуры» были совершены террористические акты. Взрывы произошли в движущихся составах в час пик, когда множество людей добирались на работу и учебу. В результате теракта погибли 40 человек, а более 80 получили ранения различной степени тяжести. Утреннее время способствовало обеспечению большого числа пассажиров, что увеличивало число потенциальных жертв, а само метро (метрополитен), отличающееся замкнутым пространством, создало трудности для оказания своевременной помощи и эвакуации людей [9].

Ещё одним примером является теракт на железнодорожном вокзале в Волгограде, произошедший 29 декабря 2013 года в воскресенье. В 12 часов 45 минут произошёл взрыв в центральном зале железнодорожного вокзала станции «Волгоград 1», прямо у рамок металлодетектора при входе в здание. В этот момент зал ожидания был переполнен, так как приближались новогодние праздники, люди активно уезжали и приезжали, а кто-то провожал или дожидался своих родственников. Взрывное устройство террорист-смертник привёл в действие прямо у рамки досмотра, когда сотрудница полиции остановила его для проверки документов. Выбор этого места был обусловлен стремлением преступника нанести удар по объекту с высокой плотностью гражданского населения, в момент, когда уровень настороженности обычно снижен из-за праздничной атмосферы [10].

Анализ обстановки совершения преступлений террористической направленности показывает, что важное значение могут иметь дни недели, в которые совершаются такие преступления. Выбор конкретного дня нередко связан с целями террористов. Теракты в Московском метрополитене 29 марта 2010 года и в Санкт-Петербургском метрополитене 3 апреля 2017 года были совершены в понедельник. Теракт в аэропорту «Домодедово» также произошел в указанный день недели – 24 января 2011 г. Теракт на железнодорожном вокзале «Волгоград-1» 29 декабря 2013 года пришёлся на воскресенье, в преддверии новогодних праздников. Теракт в «Крокус Сити Холле» 22 марта 2024 года произошёл в пятницу вечером. При сопоставлении этих случаев, можно заметить, что террористы нередко выбирают дни начала или конца недели – понедельник и пятницу, а также предпраздничные и выходные дни. Поэтому можно сделать вывод о том, что день недели оказывает более ощутимое влияние, потому что связан с социальными и психологическими ритмами общества.

Второй момент – это место совершения преступления. Террористы, как правило, выбирают объекты, обладающие высокой символической или стратегической значимостью. Это могут быть транспортные узлы, места массового скопления людей, здания государственных органов, образовательные учреждения. Обстановка в таких местах характеризуется большим числом потенциальных жертв, ограниченной возможностью эвакуации и сложностью контроля за действиями подозрительных лиц. Это можно проследить на примере террористического акта в концертном зале «Крокус Сити Холл», произошедшего около 20:00 по московскому времени 22 марта 2024 года в г. Красногорске [11]. Нападение

сопровождалось массовой стрельбой и взрывами. Нападавшие вели огонь по зрителям, находившимся в зале, и подожгли его. Это место также было выбрано не случайно. В этот вечер в зале ожидался концерт, все билеты были распроданы, множество зрителей находилось уже в зале. Высокая плотность публики делает объект уязвимым, нападавшие могли рассчитывать на значительное число жертв. Концертный зал в торгово-развлекательном комплексе являлся закрытым помещением с вертикальной планировкой, с ограниченным пространством и количеством входов и выходов. В таких местах люди, как правило, перемещаются по лестницам и эскалаторам, которые, в случае паники, превращаются в непроходимые заторы, препятствующие замедляют эвакуацию. Совокупность этих факторов позволила получить благоприятную обстановку для совершения преступления.

Погодные условия, как элемент обстановки совершения преступлений террористической направленности, на первый взгляд могут показаться незначительным фактором, влияющим на время и место выбора, например, совершения террористического акта. Однако, анализ крупных террористических актов в России позволяет сделать вывод о том, что степень влияния погодных факторов варьируется в зависимости от типа объекта и способа совершения преступления на этом объекте. Прямая зависимость между погодными условиями и террористическими актами наблюдается крайне редко. Взрывы и вооруженные нападения в подавляющем большинстве совершаются в местах, где климатические параметры не могут играть какой-либо значимой роли. В случае теракта в «Крокус Сити Холле», который произошёл в вечернее время, при плюсовой температуре и отсутствии осадков, погодные факторы не сыграли определяющей роли. Хотя, благоприятные погодные условия могли способствовать большому скоплению людей, поскольку весенний сезон традиционно активизирует «культурную жизнь», повышает коммуникационную активность в социуме, интерес к массовым (публичным) мероприятиям. Косвенное влияние погоды проявляется в плотности толпы, изменении маршрутов передвижения, времени пребывания людей на улице или в помещении. Погода может создавать условия, которые могут быть использованы террористами. Например, плохие погодные условия могут затруднить работу правоохранительных органов, осложнить наблюдение, сильный мороз может повлиять на работу техники или системы охраны. В случае теракта на железнодорожном вокзале «Волгоград-1» в декабре 2013 года погодные условия могли иметь значение. Преступление было совершено зимой, когда температура в регионе опускается ниже 0 °C, поэтому часть граждан могла стремиться скорее войти в помещение, что усиливало концентрацию людей в одном месте и способствовало увеличению урона. В связи с чем, полагаем, что погодные (климатические) условия необходимо рассматривать как дополнительный элемент обстановки совершения преступления. Климатическая ситуация становится частью комплексной картины произошедшего преступления, позволяющей отразить взаимодействие человека, пространства и внешних условий.

Не менее важно учитывать виляние современных технологий на формирование обстановки и выбор места совершения преступлений террористического характера. В последнее десятилетие наблюдается активное использование террористами средств связи, мессенджеров и сетевых платформ для планирования и координации действий. Кроме того все больше локаций оборудуется камерами видеонаблюдения, системами безопасности, постами охраны и т.д. Поэтому выбор места совершения, например, террористического акта, напрямую зависит от степени атитеррористической защищенности объекта или территории. Этот вывод следует из анализа судебной практики. Так, 24 января 2011 года, в зале международных прилётов московского аэропорта «Домодедово», террорист-смертник привёл в действие взрывное устройство около 5 кг в тротиловом эквиваленте. Взрыв произошёл в общественной зоне, куда могли совершенно свободно входить как встречающие, так и прибывшие пассажиры, без прохождения какого-либо досмотра или контроля. Ключевая уязвимость заключалась именно в отсутствии системного контроля на входе в терминал. В то время действовали такие правила пропускного режима, которые не предусматривали проверку посетителей в «приветственной зоне» и считалось, что основной досмотр должен происходить только при посадке на рейс. Рама металлического детектора, стоявшая на входе легко обходилась, поскольку охрана там появлялась довольно редко. Благодаря этой лазейке, террорист спокойно смог пройти в переполненный зал, не вызвав подозрений. Далее, система видеонаблюдения и наблюдения персонала не позволила своевременно распознать угрозу и устранить её. Камеры фиксировали перемещение подозрительного лица, однако охрана не обладала алгоритмами реагирования и не имела достаточного числа сотрудников для оперативной проверки. Также, немаловажную роль играла организационная неподготовленность персонала к действиям в чрезвычайной ситуации. После взрыва началась паника, а эвакуация проводилась хаотично, что привело только к увеличению числа пострадавших от давки. Этот случай является примером того, как организационная и техническая неготовность различных служб усиливает негативные последствия террористического акта. Отсутствие должных мер антитеррористической защиты, способствовало формированию обстановки, «благоприятной» для совершения преступления [12].

Стоит отметить, что криминалистическая характеристика преступлений, представляет собой не просто совокупность теоретических категорий, а инструмент, который помогает понять логику преступного поведения и выстроить эффективную методику расследования. В структуре этой характеристики именно обстановка совершения преступления занимает особое место, поскольку она формирует контекст, в котором преступник принимает решения и реализует замысел. От обстановки зависит не только выбор способа, времени и места совершения террористического акта, но и уровень его разрушительных последствий. Анализ обстановки помогает установить взаимосвязь между различными элементами криминалистической характеристики. Например, особенности места и времени могут указывать на способ совершения преступления и наоборот, способ совершения преступного деяния во многом обуславливается местом и временем его совершения. Комплексное восприятие даёт возможность не только точнее реконструировать события, но и выявить новые закономерности. Логическое исследование обстановки совершения преступления террористической направленности позволяет установить пространственно-временное соответствие действий участников события иным обстоятельствам расследуемого события, соответствующие изменения в материальной и социальной среде, объективной и субъективной стороны состава преступления, а также соотнести их с наступившими последствиями и установить другие элементы. Обстановка совершения

преступления, таким образом, выступает одним из центральных элементов входящих в структуру криминалистической характеристики преступлений, «фундаментом», объединяющим в единую систему все элементы криминалистической модели преступного деяния.

Подводя итоги, следует отметить, что обстановка совершения преступлений террористической направленности выступает не просто одним из рядовых элементом криминалистической характеристики, а является её системообразующим компонентом. Она объединяет воедино материальные и нематериальные факторы, создающие условия для преступного поведения. Изучение обстановки по изменениям в материальной и социальной среде, обобщение информации о иных криминалистически значимых признаках определенной группы преступлений позволяет воссоздать ретроспективную модель произошедшего. Знания о типичной обстановке совершения преступлений террористической направленности способствуют выбору наиболее целесообразной тактики организации их расследования, разработке и реализации мер по их предупреждению.

Список литературы

1. Характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-ноябрь 2024 г. // Официальный сайт МВД России. - URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/59951540 (дата обращения: 01.11.2025).
2. Яблонский К. А., Ченчиковский А.Д. Структура обстановки совершения преступления // Закон и право. 2022. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-obstanovki-soversheniya-prestupleniya (дата обращения: 18.11.2025).
3. Анненкова Т. С. Обстановка совершения преступления и криминалистические методы её исследования: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. - Саратов, 2007. – 26 с.
4. Бессонов А. А. Обстановка преступления как элемент его криминалистической характеристики // Вестник СГЮА. 2014. №6 (101). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obstanovka-prestupleniya-kak-element-ego-kriminalisticheskoy-harakteristiki (дата обращения: 18.11.2025).
5. Абрамова А. А. Обстановка совершения преступления как элемент криминалистической характеристики финансирования терроризма // Бизнес. Образование. Право. - 2019. - № 3 (48). - С. 287.
6. Федышина П. В. Обстановка совершения преступления как уголовно-правовое понятие // КриминалистЪ. 2018. №1 (22). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obstanovka-soversheniya-prestupleniya-kak-ugolovno-pravovoe-ponyatie (дата обращения: 18.11.2025).
7. Камнев Р. Г. Соотношение места, времени и обстановки совершения преступления // Legal Concept. 2006. №8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-mesta-vremeni-i-obstanovki-soversheniya-prestupleniya (дата обращения: 18.11.2025).
8. Расследование уголовного дела о теракте в метро Санкт-Петербурга 03 апреля 2017 года // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. - URL: https://sledcom.ru/cases/item/1114713 (дата обращения: 09.11.2025).
9. Расследование уголовного дела о терактах на станциях «Лубянка» и «Парк культуры» в Московском метрополитене в 2010 году // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. - URL: https://sledcom.ru/cases/item/459086/ (дата обращения: 12.11.2025).
10. Расследование уголовного дела о террористических актах в Волгограде // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. - URL: https://sledcom.ru/cases/item/459071 (дата обращения: 12.11.2025).
11. Завершено расследование уголовного дела о теракте в концертном зале «Крокус Сити Холл» // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. - URL: https://sledcom.ru/news/item/1994869 (дата обращения: 12.11.2025).
12. Расследование уголовного дела о теракте в в аэропорту Домодедово в 2011 году // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. - URL: https://sledcom.ru/cases/item/459084 (дата обращения: 12.11.2025).

References

1. Characteristics of the state of crime in the Russian Federation for January-November 2024 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/59951540 (date of access: 01.11.2025).
2. Yablonsky K. A., Chenchikovsky A. D. Structure of the environment where a crime is committed // Law and Right. 2022. No. 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-obstanovki-soversheniya-prestupleniya (date of access: 18.11.2025).
3. Annenkova T. S. Environment where a crime is committed and forensic methods of its investigation: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. - Saratov, 2007. - 26 p.
4. Bessonov A. A. The context of the crime as an element of its forensic characteristics // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2014. No. 6 (101). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obstanovka-prestupleniya-kak-element-ego-kriminalisticheskoy-harakteristiki (date of access: 18.11.2025).
5. Abramova A. A. The context of the crime as an element of the forensic characteristics of the financing of terrorism // Business. Education. Law. - 2019. - No. 3 (48). - P. 287.
6. Fedyshina P. V. The context of the crime as a criminal law concept // KriminalistЪ. 2018. No. 1 (22). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obstanovka-soversheniya-prestuplenija-kak-ugolovno-pravovoe-ponyatie (Accessed: 18.11.2025).
7. Kamnev R. G. Correlation of place, time and circumstances of the crime // Legal Concept. 2006. No. 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-mesta-vremeni-i-obstanovki-soversheniya-prestuplenija (Accessed: 18.11.2025).
8. Investigation of the criminal case concerning the terrorist attack in the St. Petersburg metro on April 3, 2017 // Official website of the Investigative Committee of the Russian Federation. - URL: https://sledcom.ru/cases/item/1114713 (date of access: 09.11.2025).
9. Investigation of the criminal case on the terrorist attacks at the Lubyanka and Park Kultury stations in the Moscow metro in 2010 // Official website of the Investigative Committee of the Russian Federation. - URL: https://sledcom.ru/cases/item/459086/ (date of access: 12.11.2025).
10. Investigation of the criminal case on the terrorist attacks in Volgograd // Official website of the Investigative Committee of the Russian Federation. - URL: https://sledcom.ru/cases/item/459071 (date of access: 12.11.2025).
11. The investigation into the criminal case on the terrorist attack at the Crocus City Hall concert hall has been completed // Official website of the Investigative Committee of the Russian Federation. - URL: https://sledcom.ru/news/item/1994869 (date of access: 12.11.2025).
12. The investigation into the criminal case on the terrorist attack at Domodedovo Airport in 2011 // Official website of the Investigative Committee of the Russian Federation. - URL: https://sledcom.ru/cases/item/459084 (date of access: 12.11.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_448

УДК 343.1

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕМ
INVESTIGATOR'S DECISION-MAKING PROCESS

ХРАПЕНКОВА Евгения Юрьевна
Аспирант, Красноярский государственный аграрный университет.
660049, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, проспект Мира, 90.
E-mail: Sosna_evgeniya@mail.ru

KHRAPENKOVA Evgeniya Yurievna
postgraduate student Krasnoyarsk State Agrarian University.
90 Mira Avenue, Krasnoyarsk, Russia, 660049, Krasnoyarsk Territory.
e-mail: Sosna_evgeniya@mail.ru

Научный руководитель:
БЕРТОВСКИЙ Лев Владимирович
доктор юридических наук.
Россия.
E-mail: Sosna_evgeniya@mail.ru

BERTOVSKY Lev Vladimirovich
Doctor of Law
Russia.
E-mail: Sosna_evgeniya@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматривается процесс принятия решений следователем в рамках уголовного судопроизводства как многоуровневое явление, включающее правовые, тактические, психологические и этические аспекты. Анализируется влияние процессуальной самостоятельности, человеческого фактора, когнитивных и нормативных ограничений на эффективность и обоснованность следственных действий.*

Abstract. *The article explores the investigator's decision-making process in criminal proceedings as a multi-level phenomenon involving legal, tactical, psychological, and ethical dimensions. It analyzes how procedural autonomy, human factors, cognitive biases, and normative constraints affect the effectiveness and legitimacy of investigative actions.*

Ключевые слова: *следователь, принятие решений, процессуальная самостоятельность, уголовное судопроизводство, когнитивные искажения, доказательства, этика.*

Keywords: *investigator, decision-making, procedural autonomy, criminal proceedings, cognitive bias, evidence, ethics.*

Для цитирования: *Храпенкова Е.Ю. Принятие решения следователем // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 448-451. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_448.*

For citation*: Khrapenkova E.Yu. Decision-making by the investigator // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 448-451. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_448.*

Статья поступила в редакцию: 30.04.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Процесс принятия решений следователем в рамках уголовного судопроизводства представляет собой сложное взаимодействие правовых норм, профессиональной компетентности, тактического мышления и психологической динамики. В своей основе этот процесс регулируется принципами законности, разумности и процессуальной независимости, которые формируют правовую и этическую основу следственных действий. В то время как процессуальное право очерчивает формальные границы, в которых действует следователь, фактическое решение о начале или отказе в проведении конкретных процессуальных действий часто находится под влиянием как внутренних когнитивных факторов, так и внешних процессуальных ограничений. Каждое решение имеет не только юридическое, но и стратегическое значение, поскольку может предопределить последующее развитие уголовного дела и повлиять на его доказательственную целостность.

Автономность следователя является центральной в принятой в Российской Федерации модели уголовного судопроизводства. Она закреплена в законе и подтверждена судебной практикой, которая подчеркивает, что следователь является не просто исполнителем прокурорской воли, а самостоятельной процессуальной фигурой, отвечающей за полноту, объективность и законность предварительного расследования. Однако эта независимость не абсолютна; он обрамлен иерархическим надзором, прокурорским надзором и необходимостью действовать в рамках уголовно-процессуальных норм. Тем не менее, в этих рамках следователь осуществляет дискрецию в выборе тактических средств, определении последовательности следственных действий и оценке достаточности имеющихся доказательств. Эта дискреция позволяет следователю адаптировать процессуальную стратегию к специфике каждого дела, поведению обвиняемого и общей динамике ситуации [1].

В юридической литературе последовательно подчеркивается, что акт принятия решений следователем — это не чисто формальное применение процессуальных положений, а многоступенчатый когнитивный процесс, включающий анализ, прогноз, оценку и контроль. Этот процесс начинается с получения и изучения исходной информации о преступлении, за которым следует формирование следственных гипотез. Эти гипотезы служат ментальными конструкциями, с помощью которых следователь интерпретирует имеющиеся факты и предвидит потенциальное развитие событий. Выбор гипотезы для проверки не является произвольным; он основан на профессиональном опыте, знании криминалистики и логических рассуждениях. Выбор следственных действий затем согласуется с выбранной гипотезой, а результаты этих действий служат обратной связью, которая либо подтверждает, либо опровергает первоначальные предположения [2].

В контексте анализа когнитивных факторов, влияющих на качество принимаемых следователем решений, целесообразно обратить внимание на модель структурированного мышления, предложенную британским психологом Эдвардом де Боно. Речь идёт о так называемом методе «Шесть шляп мышления», разработанном в 1985 году как универсальный инструмент оптимизации групповой и индивидуальной мыслительной дея-

тельности. Несмотря на свою прикладную популярность в бизнес-среде и в сфере управленческих решений, данный метод может быть концептуально полезен и в следственной практике - как иллюстрация возможностей осознанного переключения между различными режимами когнитивной активности.

Суть метода заключается в разделении процесса мышления на шесть логических направлений, каждое из которых символически представлено «шляпой» определённого цвета. Белая шляпа фокусируется на объективной информации и проверенных фактах. Красная активизирует интуитивное восприятие и эмоциональную реакцию. Чёрная направлена на анализ рисков, выявление слабых сторон гипотез или действий. Жёлтая, напротив, стимулирует конструктивный, положительный подход, поиск возможной пользы. Зелёная отводится под генерацию альтернатив, нестандартных решений и переосмысление. Синяя шляпа обеспечивает контроль за самим процессом мышления, координацию логики рассуждений и выбор очередности аналитических операций.

В условиях следственного мышления такая модель может служить вспомогательной когнитивной схемой для разграничения логических, эмоциональных, этических и тактических аспектов при принятии процессуальных решений. Например, при оценке допустимости и необходимости конкретного следственного действия (обыска, задержания, предъявления обвинения) следователь сталкивается не только с вопросами формального права, но и с неформализуемыми аспектами: уверенностью в доказательствах, реакцией участников процесса, стратегическими последствиями, собственным опытом и интуицией. Метод шести шляп позволяет осознанно выделить каждый из этих слоёв мышления и тем самым повысить прозрачность, предсказуемость и правовую выверенность принимаемого решения.

Хотя подобные когнитивные модели не имеют прямого нормативного значения в уголовно-процессуальном законодательстве, они способны усилить профессиональное мышление следователя в части его аналитической дисциплины, способности к рефлексии и снижению влияния искажений восприятия, о чём свидетельствуют исследования в области следственной психологии и криминалистической тактики.

В своей диссертации «Проблемы теории и практики выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности» Лев Владимирович Бертовский обосновывает необходимость выделения в криминалистике самостоятельного объекта — преступного нарушения правил экономической деятельности, охватывающего как правомерную, так и запрещённую хозяйственную деятельность, сопровождающуюся нарушением нормативных предписаний [7]. Автор предлагает собственное определение этой категории преступлений и строит теоретическую модель, объединяющую уголовно-правовые, криминалистические и процессуальные аспекты. Он указывает на то, что данная группа преступлений обладает высоким уровнем латентности, а действующие методы выявления и расследования не обеспечивают их эффективного преследования. Особое внимание уделяется разработке криминалистической характеристики таких преступлений, включающей типичные способы совершения, следообразующие обстоятельства, личности правонарушителей, а также применяемые способы инсценировки и методы сокрытия. В диссертации вводятся и раскрываются новые научные понятия — «криминальный продукт» (материальный результат преступной экономической деятельности) и «криминалистическая инсценировка» как дезинформационная система, направленная на введение следствия в заблуждение. Автор разрабатывает методику выявления и фиксации таких объектов, предлагает типовую информационную модель расследования дел данной категории и даёт рекомендации по тактике следственных действий. Значительная часть исследования посвящена вопросам сравнительного криминалистического анализа и построения общих методик расследования, применимых к различным видам экономических преступлений. Работа Бертовского представляет собой комплексное исследование, направленное на совершенствование как теоретической базы криминалистики, так и практики выявления, фиксации и доказывания преступлений, связанных с нарушением установленных правил экономической деятельности.

В своей работе Гаприндашвили Р. Т. подчёркивает, что процессуальные решения в уголовном судопроизводстве, принимаемые следователем, имеют не только юридическую, но и гносеологическую природу [8]. Он отмечает, что такие решения являются результатом поисково-познавательной деятельности, направленной на установление фактических обстоятельств преступления. Исследователь акцентирует внимание на необходимости комплексного анализа механизма формирования решений, включая когнитивные, логико-правовые и мотивационные компоненты. По его мнению, особое значение имеет стадия предварительного анализа доказательств, когда следователь оценивает не только их допустимость и относимость, но и степень достоверности. Автор обосновывает, что правовая регламентация деятельности следователя в части принятия решений требует совершенствования, поскольку действующее законодательство зачастую не учитывает динамичность и психологическую сложность следственного познания. Также подчёркивается важность индивидуальной правовой и профессиональной подготовки следователя как субъекта, принимающего решения в условиях неполной и противоречивой информации [8].

Это налагает значительную когнитивную нагрузку и подчеркивает важность стрессоустойчивости и способности сохранять процессуальную сосредоточенность в сложных обстоятельствах [4]. Недавние исследования также показывают, что личные характеристики следователя, включая уровень мотивации, эмоциональную устойчивость и когнитивную гибкость, могут существенно влиять на процесс принятия решений. Человеческий фактор, далеко не являющийся второстепенным фактором, все чаще признается определяющим фактором эффективности расследования. Эмоциональное выгорание, профессиональная деформация и восприимчивость к предвзятости могут искажать процесс рассуждения и приводить к процессуальным ошибкам. Таким образом, развитие профессиональной психологической подготовки и институциональных механизмов поддержки благополучия следователя имеет важное значение для поддержания целостности принятия решений [5].

Важно отметить, что процесс принятия решений не статичен, а развивается на протяжении всего расследования. Накопление доказательств, появление новых фактов и меняющееся поведение процессуальных субъектов требуют постоянной переоценки ранее принятых решений и возможной корректировки тактических планов. Следователь должен оставаться адаптивным, сохраняя при этом общую согласованность следственной стратегии. Более того, механизмы судебного надзора, такие как требование судебного разрешения на определенные действия (например, обыски или задержания), служат как проверкой произвольного принятия решений, так и правовой поддержкой обоснованных след-

ственных мер. Эта двойная роль укрепляет процессуальный баланс и повышает легитимность расследования в глазах всех участников [6].

Процессуальная независимость следователя, хотя и формально гарантирована, постоянно подвергается практическим вызовам, вытекающим из институциональных, иерархических и межличностных факторов. Одним из центральных вопросов является взаимодействие между следователем и прокурором, особенно в контексте прокурорского надзора. Хотя закон предоставляет следователю процессуальную независимость в принятии решений относительно следственных действий, на практике часто наблюдается тонкое, но постоянное влияние со стороны надзирающего прокурора, который может стремиться согласовать ход расследования с прокурорскими приоритетами или интерпретационными предпочтениями. Это может проявляться в рекомендациях, неформальных инструкциях или ожиданиях относительно юридической квалификации фактов, направления расследований или своевременности процессуальных действий. Хотя эти взаимодействия не всегда представляют собой прямое вмешательство, они могут вызывать когнитивный диссонанс у следователя, который должен согласовать профессиональную автономию с институциональной лояльностью [1]. Когнитивные механизмы, лежащие в основе принятия решений, особенно чувствительны к качеству и структуре доступной информации. В уголовных расследованиях информация часто является неполной, фрагментированной или полученной из ненадежных источников. Следователь должен просеивать различные показания, вещественные доказательства и оперативные данные, оценивая релевантность, допустимость и доказательную ценность каждого элемента. Этот процесс оценки подвержен как логическим, так и психологическим ограничениям. Исследования показали, что следователи, как и другие лица, принимающие решения, склонны к когнитивным предубеждениям, таким как предвзятость подтверждения, привязка и эвристика доступности, которые могут искажать интерпретацию доказательств и приводить к преждевременному закрытию следственных гипотез [2]. Более того, эмоциональный вес конкретных преступлений, общественные ожидания и давление СМИ могут исказить объективность следователя, побуждая либо чрезмерно осторожные, либо чрезмерно агрессивные процессуальные решения.

Дополнительная проблема возникает из-за временной структуры принятия следственных решений. Многие процессуальные решения должны приниматься в установленные законом сроки, часто в условиях оперативной срочности. Например, решение о проведении обыска или задержании подозреваемого должно приниматься быстро, часто на основе предварительных или косвенных доказательств. Правовая система предусматривает судебный пересмотр таких решений для обеспечения их легитимности, однако ответственность за их инициирование лежит исключительно на следователе. Чувствительный ко времени характер этих действий означает, что процесс принятия решений должен быть как быстрым, так и аналитически обоснованным. Любая ошибка в суждении или задержка могут привести к потере важных доказательств или нарушению процессуальных прав, что может подорвать все расследование [3].

Психологическое давление, связанное с принятием решений с высокими ставками, еще больше усиливается состязательным характером уголовного судопроизводства. Следователь постоянно осознает, что каждое решение может быть подвергнуто тщательной проверке не только судебными органами, но и адвокатами защиты, которые стремятся выявить процессуальные недостатки как основания для оспаривания допустимости доказательств. Это создает двойной императив: следователь должен гарантировать, что решения являются как тактически эффективными, так и процессуально безупречными. Это напряжение может привести к параличу принятия решений или, наоборот, к процессуальному перенапряжению, когда следователь предпринимает чрезмерные действия, чтобы оградить расследование от потенциальных правовых проблем. Обе тенденции несут в себе риски и должны быть смягчены посредством обучения, институциональных гарантий и механизмов коллегиальной оценки [4].

Несмотря на эти проблемы, следователь остается главным архитектором досудебного процесса. Его решения формируют фактические и правовые контуры дела, влияют на судебные результаты и определяют защиту или нарушение основных прав. Таким образом, повышение качества принятия решений является не просто внутренней профессиональной заботой, а вопросом более широкого правового значения. Это требует постоянного совершенствования правовых норм, повышения профессионального образования и системных усилий по поддержке этической и психологической устойчивости следователей. При этом правовая система может гарантировать, что следственные решения остаются в соответствии с принципами справедливости, законности и человеческого достоинства.

Процесс принятия решений следователем не происходит в вакууме; он глубоко укоренен в более широкой институциональной, культурной и нормативной среде уголовного правосудия. Правовая традиция инквизиционного производства, доминирующая в Российской Федерации, устанавливает процессуальную иерархию, в которой следователю одновременно предоставляется автономия и он подвергается многоуровневому надзору. В то время как уголовно-процессуальный кодекс формально определяет сферу процессуальной независимости, фактическое осуществление этой независимости обусловлено организационными структурами, межведомственной динамикой и преобладающей правовой культурой. В этом контексте следователь должен действовать как практикующий юрист и стратегический субъект, ориентируясь в сложной процессуальной сфере, сохраняя при этом приверженность принципам законности и справедливости [1].

Судебная практика и академический анализ показывают, что легитимность следственных решений все чаще оценивается не только по их формальной законности, но и по их соразмерности, последовательности и соответствию стандартам прав человека. От следователя ожидается демонстрация способности к правовому обоснованию, выходящему за рамки простого соблюдения установленных законом требований. Каждое решение, особенно затрагивающее конституционные права, такие как личная свобода, частная жизнь или собственность, должно быть обосновано посредством прозрачного и логически последовательного обоснования. Это требование к процессуальному обоснованию функционирует как механизм подотчетности и служит повышению общественного доверия к системе правосудия. Однако оно также налагает дополнительные интеллектуальные и эмоциональные требования на исследователя, который должен постоянно балансировать конкурирующие ценности в условиях неопределенности [2].

Важнейшим компонентом принятия решений является способность предвидеть правовые последствия процессуальных выборов. Следственные действия часто имеют долгосрочные последствия, которые выходят за рамки непосредственных целей сбора доказательств. Плохо обосно-

ванный обыск, необоснованное задержание или допрос с процессуальными ошибками могут не только привести к исключению ключевых доказательств, но и спровоцировать юридическую ответственность за процессуальные нарушения. Доктрина «отравленного дерева», широко признанная как в отечественном, так и в сравнительном праве, подчеркивает каскадный эффект первоначальных процессуальных ошибок. Следовательно, следователь должен заниматься превентивным правовым обоснованием, постоянно оценивая последующие эффекты каждого решения и соответствующим образом корректируя тактику. Это предвидение не является врожденным; его необходимо развивать посредством систематического обучения и ознакомления как с доктринальным анализом, так и с практическими сценариями [3]. Более того, эффективность следственных решений зависит от институционального обучения и распространения передового опыта. Хотя индивидуальный опыт играет важную роль в профессиональном развитии, его необходимо дополнять организационными механизмами, которые собирают и распространяют знания по следственным подразделениям. Внутренние обзоры, дебрифинги и методологические семинары предоставляют платформы для критического изучения прошлых решений и уточнения критериев принятия решений. Эти практики способствуют институционализации рационального следственного поведения и помогают снизить изменчивость и субъективность, которые часто характеризуют принятие решений в сложных случаях. Таким образом, автономия следователя подкрепляется не изоляцией, а интеграцией в профессиональное сообщество, приверженное процессуальному совершенству [4]. Другим важным фактором является этическое измерение принятия следственных решений. В то время как уголовный процесс предписывает формальные границы, этические соображения формируют моральную легитимность решений. Использование процессуального усмотрения должно руководствоваться приверженностью правосудию, уважением человеческого достоинства и беспристрастностью. Следователи часто сталкиваются с ситуациями, когда закон допускает несколько юридически допустимых вариантов, но только один из них соответствует более широким этическим стандартам. Задача заключается в выявлении и реализации этого варианта, не поддаваясь внешнему давлению или личной предвзятости. Таким образом, этическая грамотность так же важна, как и юридическая компетентность, для обеспечения целостности следственных решений. Программы юридического образования и профессионального развития должны включать этические рассуждения в качестве основного компонента следственной учебной программы [5].

В современных условиях растущая сложность преступной деятельности, особенно в сфере киберпреступности, экономических преступлений и транснациональной преступности, требует перекалибровки методов расследования и моделей принятия решений. Традиционных методов часто недостаточно для решения сложных современных преступных схем. В результате следователь должен участвовать в междисциплинарном сотрудничестве, опираясь на опыт из таких областей, как цифровая криминалистика, финансовый аудит и международное право. Эта эволюция расширяет эпистемологический горизонт принятия решений, требуя от следователей интеграции различных источников знаний при сохранении процессуальной законности. Способность управлять этой сложностью становится маркером профессиональной зрелости и предпосылкой для успеха расследования [6]. В заключение следует отметить, что процесс принятия решений следователем представляет собой многогранное явление, которое объединяет правовые, когнитивные, психологические и этические компоненты. Он формируется динамическим взаимодействием формальных норм, институциональных практик и личностных характеристик. Качество следственных решений напрямую влияет на справедливость, эффективность и легитимность уголовного правосудия. Поэтому необходимы постоянные усилия для поддержки и повышения способности следователей принимать решения посредством правовой реформы, образовательных инноваций и институционального развития. Только посредством такого целостного подхода процессуальная независимость следователей может быть осмысленно реализована и согласована с более широкими целями правосудия и верховенства закона.

Список литературы:

1. Миликова А. В. Процессуальные и тактические принципы принятия следователем решений о производстве следственных действий // Legal Concept. — 2014. — № 4. — С. 1219–1225.
2. Блинова-Сычкарь И. В. Некоторые вопросы, связанные с принятием следователями решений о производстве следственных действий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. — 2010. — № 1. — С. 130–135.
3. Миликова А. В. Человеческий фактор как элемент механизма принятия решения о производстве следственного действия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. — 2008. — № 2. — С. 98–102.
4. Перекрестов В. Н. Влияние следственных ошибок на обеспечение национальной безопасности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. — 2018. — № 3. — С. 112–117.
5. Юношев С. В., Убасев В. В. О возможных злоупотреблениях органов предварительного расследования при производстве отдельных следственных действий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. — 2017. — № 2. — С. 85–90.
6. Мякишева К. С. Процессуальная самостоятельность следователя: проблемы и пути их решения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. — 2023. — № 1. — С. 45–50.
7. Бертовский Л.В. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Бертовский Лев Владимирович. — Москва, 2005. — 452 с. — Науч. консультант: д-р юрид. наук, проф. В.А. Образцов.
8. Гаприндашвили Р. Т. Проблемы теории и практики принятия субъектами поисково-познавательной деятельности уголовно-процессуальных решений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2016. – 26 с.
9. Картохина О. А. Начало и прекращение уголовного преследования следователями органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2013. — 180 с.
10. Махтюк А. А. Процессуальные решения следователя: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2024. — 26 с.

References:

1. Milikova A.V. Procedural and tactical principles of investigator's decision—making on investigative actions // Legal Concept. — 2014. — No. 4. - pp. 1219-1225.
2. Blinova-Sychkar I. V. Some issues related to investigator's decision-making on investigative actions // Bulletin of Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence. - 2010. — No. 1. — pp. 130-135.
3. Milikova A.V. The human factor as an element of the decision-making mechanism for conducting an investigative action // Bulletin of the Volga-Gradsky State University. Series 5: Jurisprudence. - 2008. — No. 2. — pp. 98-102.
4. Perekrestov V. N. The impact of investigative errors on ensuring national security // Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence. - 2018. — No. 3. — pp. 112-117.
5. Molodzhev S. V., Ubasev V. V. On possible abuses of the preliminary investigation authorities in the conduct of certain investigative actions // Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence. 2017. No. 2. pp. 85-90.
6. Myakisheva K. S. Procedural independence of the investigator: problems and ways to solve them // Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence. - 2023. — No. 1. — pp. 45-50.
7. Bertovsky L.V. Problems of theory and practice of detection and investigation of criminal violations of the rules of economic activity: dis. ...Dr. Jurid. sciences': 12.00.09 / Bertovsky Lev Vladimirovich. — Moscow, 2005. — 452 p. — Scientific consultant: Dr. Yurid. Doctor of Sciences, Professor V.A. Obraztsov.
8. Gaprindashvili R. T. Problems of theory and practice of acceptance by subjects of search and cognitive activity of criminal procedural decisions: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. Sciences. – M., 2016. – 26 p.
9. Kartokhina O. A. The beginning and termination of criminal prosecution by investigators of the internal affairs bodies: dissertation of the cand. jurid. sciences'. — St. Petersburg, 2013. 180 p.
10. Makhtyuk A.A. Procedural decisions of the investigator: problems of theory and practice: abstract of the dissertation of the candidate. jurid. Sciences. M., 2024. 26 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_452

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИКИ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ
ON CERTAIN AREAS OF IMPROVEMENT OF THE METHODOLOGY FOR SOLVING CRIMES RELATED TO DRUG TRAFFICKING

ПРИХОЖАЯ Людмила Евгеньевна
ведущий научный сотрудник отдела совершенствования методологий обеспечения режима, охраны и конвоирования центра исследования проблем обеспечения безопасности
в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук,
119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, 14, стр. 1.
доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России.
394072, Россия, г. Воронеж, ул. Иркутская, 1 «а»
e-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru

PRIKHOZHAYA Lyudmila Evgen'yevna
Leading Researcher of the Department for Improving Methodologies for Ensuring Regime, Security and Convoying,
Center for Research of Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences,
119991, Russia, Moscow, st. Zhitnaya, 14, building 1.
Associate Professor of the Department of Regime Organization, Security and Escort
Federal State Educational Institution of Higher Education Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
394072, Russia, Voronezh, st. Irkutskaya, 1 "a"
e-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются отдельные направления совершенствования методики раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. На основании проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что методика раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в настоящее время нуждается в доработке и совершенствовании за счет вовлечения информационных ресурсов и формирования у сотрудников устойчивых навыков работы в информационном пространстве. Предложенные рекомендации направлены на совершенствование методики раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в том числе за счет упорядочивания и структурирования имеющихся знаний и навыков работы правоохранительных органов.*

Abstract: *The article discusses certain areas of improvement of the methodology for solving crimes related to drug trafficking. Based on the conducted research, the author comes to the conclusion that the methodology for solving crimes related to drug trafficking currently needs to be refined and improved by involving information resources and developing employees' sustainable skills in the information space. The proposed recommendations are aimed at improving the methodology for solving crimes related to drug trafficking, including by streamlining and structuring existing knowledge and skills of law enforcement agencies.*

Ключевые слова: *методика раскрытия преступлений, раскрытие преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.*
Key words: *methods of crime detection, detection of crimes related to drug trafficking.*

Для цитирования: *Прихожая Л.Е. Об отдельных направлениях совершенствования методики раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 452-455. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_452.*
For citation*: Prikhozhaya L.E. On certain areas of improvement of the methodology for solving crimes related to drug trafficking // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 452-455. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_452.*

Статья поступила в редакцию: 19.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Одним из основных направлений, затрудняющих раскрытие преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, является наличие проблем, возникающих в связи с использованием преступниками ресурсов и информационных возможностей сети Интернет. Это становится причиной того, что выявить причастность к совершению преступления лиц, являющихся организаторами преступной деятельности, становится достаточно сложно [1, с. 5]. Наличие информации о традиционных местах закладки, организация за ними оперативного наблюдения позволяет задерживать или лиц, которые, получают приобретенные наркотические средства, или субъектов, которые привлекаются для размещения закладок. Зачастую, ни те, ни другие не обладают информацией о личности и местонахождении организаторов данного преступного бизнеса, и задержание исполнителей не позволяет оказать существенное положительное воздействие на снижение числа совершаемых преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Проблемами, препятствующими раскрытию преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств с использованием сети Интернет, являются:

– конфиденциальность сети Интернет, наличие множества технических возможностей для скрытия IP-адреса и реального места нахождения, что обеспечивает анонимность пользователей и препятствует установлению круга лиц, причастных к совершению преступления;

– использование различного рода инструментов, специальных программ и мессенджеров, обеспечивающих высокую степень защиты конфиденциальных данных, возможность ведения скрытой переписки, автоматического уничтожения сообщений через определенный период времени;

– технический прогресс отразился на всех сферах развития современного общества, в связи с чем в рамках сбыта наркотических средств используются инновационные средства и инструменты оплаты, в том числе: электронные кошельки и электронные платежные системы,

криптовалюта и прочие средства обеспечения платежа, а вовлечение в расчеты разнообразных торгово-биржевых виртуальных площадок и сервисов («Яндекс. Деньги», «LegalRC»; «Hydraonion» и т.д.) позволяет проводить платежи и выводить средства, полученные преступным путем, на условиях анонимности и практически бесследно [2, с. 76]. Установить причастность лиц к таким платежам бывает достаточно трудно, как и сформировать достаточную по объему доказательственную базу. Значительное количество и разнообразие видов криптовалюты становится причиной того, что отследить их становится практически невозможно;

– техническая сложность такого рода преступной схемы и необходимость наличия специальных умений и навыков, использование методов шифрования информации, иностранных языков – значительно затрудняет следственную работу правоохранительных органов, требует участия специалистов, которые обладали бы одновременно и знаниями относительно особенностей преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, и высоким уровнем развития цифровых навыков [3, с. 196].

Все перечисленное не способствует привлечению к уголовной ответственности лиц, причастных к организации такого рода преступлений, что позволяет наказывать только непосредственных исполнителей, а преступная схема, только при участии других субъектов, начинает работать снова, обладая все тем же уровнем общественной опасности, что и ранее, и даже больше, в том числе, за счет расширения числа вовлекаемых участников. Так, например, на основании решения Ярославского областного суда от 21 марта 2023 года к уголовной ответственности по ч.5 ст. 228.1 УК РФ были привлечены рядовые члены организованной преступной группы, однако, в самом решении суда относительно организатора преступной группы говорится о том, что он является неустановленным лицом, которое, обладая преступным опытом, лидерскими качествами и организаторскими способностями, опытом использования информационных технологий в сбыте наркотических средств и руководствуясь корыстными мотивами и жаждой обогащения, создал организованную преступную группу, члены которой были привлечены к различным мерам ответственности, тогда как личность организатора в ходе проведения следственных мероприятий установить не удалось. В результате только рядовые исполнители получили наказания [4]. Таким образом, темпы развития, повышения «профессионализма», развития специальных навыков преступников превосходят темпы профессионального развития сотрудников правоохранительных органов. В этой связи необходимо определить направления профессионального развития, совершенствования методики расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.

Прежде всего, необходимо продолжить разработку и обоснование в учебной и научной литературе методики расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, с учетом специфики использования ресурсов сети Интернет, в том числе, на основе проводимых ранее исследований [5, 6, 7].

Также для проведения аналитической работы и планирования следственных мероприятий необходимо повышать уровень цифровой грамотности сотрудников правоохранительных органов, обеспечить получение и усвоение ими информации относительно технологии и следов совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств в сети Интернет [8, с. 55]. В частности, стоит учитывать особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий и обеспечить уровень осведомленности сотрудников об особенностях их проведения, повышать уровень владения необходимыми данными и технологиями работы, взаимодействия с различными субъектами.

В качестве примера можно обратиться к анализу такого оперативно-розыскного мероприятия, как опрос. Для качественного раскрытия преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств в условиях современной реальности опрос проводится, в том числе, с учетом особенностей современного киберпространства, как особого рода сетевой социально-технологической среды, которая отличается особенностями коммуникативного взаимодействия. Интернет-пространство предоставляет возможности сбора актуальной информации из различных источников. И наибольшей значимостью обладают в этой связи данные, которые могут быть получены с сайтов, форумов, сообществ, участниками которых являются наркозависимые лица, субъекты, которые собираются впервые попробовать наркотики. Получается, что если ранее сотрудники правоохранительных органов для оперативного и качественного раскрытия преступлений в числе прочих навыков должны были обладать умениями, которые позволяли бы им внедряться в преступное сообщество, то в условиях современности необходимо овладеть компетенциями, которые позволили бы на пользу следствия использовать анонимность, конфиденциальность сети Интернет. Например, регистрация на сайтах и ресурсах под вымышленными именами, умение поддержать впечатление о том, что сотрудник правоохранительных органов является одним из числа участников, включаться наравне со всеми в беседы относительно особенностей употребления, воздействия, возможности приобретения наркотических средств позволяет и овладеть необходимой оперативной информацией, и качественным образом использовать ее в следственной работе. В этой связи сотрудники правоохранительных органов должны изучать способы поиска и регистрации на таких ресурсах, регистрации под вымышленными именами, обладать практическими навыками относительно манеры общения, речи (лексический состав, основные грамматические категории, манера общения). Изучение субкультуры наркопотребителей, в том числе, на основе обобщения теоретических источников и оперативного наблюдения за привычками, особенностями поведения, нормами общения представителей данной категории лиц позволит в дальнейшем, пользуясь конфиденциальностью и используя специальные психологические методы, тактические приемы, получить необходимую информацию о местах сбыта наркотических средств, причастных к нему лицах.

В этой связи необходимо владеть навыками оперативного наблюдения и аналитической обработки информации как в реальности, так и в сети Интернет, обеспечивая возможность использования информации по результатам наблюдения за местами сетевого общения потребителей и сбытчиков наркотических средств. Участники таких сообществ занимаются обсуждением самых разных вопросов, дают друг другу советы относительно мест приобретения наркотических средств, методов изготовления, стратегии поведения в случае задержания сотрудниками правоохранительных органов в момент закладки или выемки из тайника, способов обеспечения конспирации. Все эти сведения могут быть эффективно

использованы при организации следственной работы.

Определенными навыками необходимо владеть и для проведения такого оперативно-розыскного мероприятия, как получение компьютерной информации. Очевидно, что значимость его в современных условиях растет. Обезличенный характер преступности, разнообразие технических инструментов и программного обеспечения способствует тому, что важно владеть навыками как работы в сети, так и анализа устройства, с помощью которого преступные действия производились. Оперативность реагирования и наличие высокого уровня развития соответствующих навыков в данном случае чрезвычайно важны, так как важная информация благодаря техническим возможностям может быть уничтожена очень быстро, а поиск цифрового следа может остаться малоэффективным.

Для сбора и обработки, дальнейшего использования соответствующей информации необходимо владеть знаниями относительно возможностей использования ссылок, разновидностей и способов идентификации доменных имен, на основании которых, обратившись к интернет-провайдерам, можно узнать MAC-адреса устройств, находящихся в сети. Существует возможность определения владельца используемого домена, если преступная деятельность ведется через сайт. Благодаря сложившейся системе официальной регистрации и учета доменных имен информацию о владельце доменного имени можно получить достаточно быстро. В частности, в настоящее время для получения таких данных не обязательно обращаться в официальные компании, так как в свободном доступе в сети Интернет имеется бесплатная база доменных имен. Умение пользоваться такими базами также способствует раскрытию преступлений. При отсутствии необходимых сведений можно обратиться для получения информации в единую службу регистрации доменных имен.

Установить данные владельца, страну и город пребывания, местонахождение компьютера можно также на основании IP-адреса. Для получения необходимых сведений сотрудники правоохранительных органов, принимающие участие в расследовании анализируемой группы преступлений, должны обладать навыками работы с программой http://ciox.ru, которая обеспечивает возможность получения необходимой информации. Дополнительные сведения могут быть получены с использованием таких специализированных сервисов как REG.RU, Speed-tester, IpGeoBase. Дополнить информацию можно за счет сведений, которые во многих российских регионах формируются в рамках автоматизированной информационной системы противодействия незаконному обороту наркотиков.

Перечисленные направления работы свидетельствуют о том, что методика раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в настоящее время нуждается в доработке и совершенствовании за счет вовлечения информационных ресурсов и формирования у сотрудников устойчивых навыков работы в информационном пространстве.

Повышению качества следственной работы будет способствовать и использование современных информационных технологий для планирования следственной деятельности, организации оперативной работы. Так, например, в литературе описан опыт использования компьютерного математического моделирования для разработки маршрутов патрулирования сотрудниками правоохранительных органов подведомственных им территорий. Соответствующий опыт необходимо изучить и оценить применительно к возможности использования в условиях российской действительности. Такие программы существуют в Германии, Израиле, Дании: они позволяют оперативно перенаправлять дежурные подразделения согласно возникающим рискам, опасности совершения преступлений, появившейся информации о подготовке или совершения преступления. Скорость реакции в этом случае обеспечивает возможность задержания преступников и оперативного сбора доказательств. Отдельные научные исследования, отражающие опыт использования компьютерного моделирования для формирования и оптимизации маршрутов патрульно-постовых служб на основании данных, полученных из анонимного сегмента сети Интернет описаны в работе М.А. Гершковича [9, с. 243-245].

Одной из проблем современности и одновременно следствием использования для совершения преступлений цифровых технологий выступает тот факт, что преступность все чаще характеризуется трансграничным характером. Анонимность сети Интернет и быстрота обратной связи обеспечивают возможность установления контактов между преступниками из различных стран, что способствует контрабанде наркотиков, увеличению объема наркотрафика, увеличению количества преступлений. Для того чтобы качественным образом противодействовать реализации такого рода преступных схем необходимо постоянное международное сотрудничество и информирование, четкая система взаимодействия между правоохранительными, таможенными органами различных стран, органами государственной власти и финансового (банковского) контроля. Все перечисленное дополнительно усложняется в современных условиях с учетом сохранения геополитической напряженности и многочисленных проблем, возникающих в контексте международных отношений Российской Федерации. Отсутствие контакта, нежелание сотрудничать с представителями страны не способствует качественной следственной работе. При этом незаконный оборот наркотиков является проблемой для множества стран, в связи с чем политизированный характер такого рода решений не способствует улучшению ситуации. Это означает, что вопросы международного сотрудничества и качества международного взаимодействия нуждаются в дальнейшем рассмотрении.

Таким образом, методика раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в настоящее время нуждается в доработке и совершенствовании за счет вовлечения информационных ресурсов и формирования у сотрудников устойчивых навыков работы в информационном пространстве. На наш взгляд, предложенные рекомендации будут способствовать совершенствованию методики раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в том числе за счет упорядочивания и структурирования имеющихся знаний и навыков работы правоохранительных органов.

Список литературы:

1. Маевский С. С. Особенности раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных организованными преступными группами и организациями с помощью всемирной компьютерной сети Интернет // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2019. – № 5. – С. 5-8.
2. Минзянова Д.Ф., Фарахиев Д.М. Инновационный подход к раскрытию и предупреждению преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершаемых в Интернет-пространстве // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2022. – Т. 7. – № 1 (13). – С. 74-80.
3. Маевский С.С., Дударев В.А. Особенности раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотических средств, с использованием правоохранительными органами новых направлений криминалистики // Эпомен. – 2021. – № 59. – С. 193-206.
4. Решение Ярославского областного суда по делу № 22-568/2023 от 21 марта 2023 г. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/0qQFvRWv4FLd/ (дата обращения 22.12.2025).
5. Стрижакова А.С. Методика расследования незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием сети Интернет // Юридический аналитический журнал. – 2023. – Т. 18. – № 3. – С. 36-53.
6. Еремеева А.Н. Возможности применения ситуационного подхода в методике расследования незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием информационно- телекоммуникационной сети Интернет // Алтайский юридический вестник. – 2023. – № 4 (44). – С. 104-109.
7. Еремеева А.Н. Генезис ситуационного подхода в методике расследования незаконных сбытов наркотических средств, совершенных с использованием информационнотелекоммуникационной сети Интернет // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXVI международной научно-практической конференции. – Красноярск, 2023. – С. 236-237.
8. Дронова О.Б., Смагоринский Б.П. Интеграция данных экспертно-криминалистических и оперативных учетов как способ повышения уровня информационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2024. – № 2 (68). – С. 51-58.
9. Гершкович М. А. Оптимальное распределение полицейских патрульных нарядов с учетом информации из анонимного сегмента сети Интернет // Сборник статей «Информационные технологии в деятельности органов внутренних дел». – М.: МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. – С. 242-248.

References:

1. Mayevsky S. S. Features of disclosure and investigation of crimes in the field of drug trafficking committed by organized criminal groups and organizations using the worldwide computer network Internet // International criminal law and international justice. – 2019. – No. 5. – Pp. 5-8.
2. Minzyanova D.F., Farakhiev D.M. An innovative approach to the disclosure and prevention of crimes in the field of illicit drug trafficking committed on the Internet // Scientific Notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – T. 7. – № 1 (13). – Pp. 74-80.
3. Mayevsky S.S., Dudarev V.A. Features of the disclosure and investigation of crimes committed in the field of illicit drug trafficking using new areas of criminology by law enforcement agencies. // Epom. – 2021. – No. 59. – Pp. 193-206.
4. Decision of the Yaroslavl Regional Court in case No. 22-568/2023 dated March 21, 2023 – URL: https://sudact.ru/regular/doc/0qQFvRWv4FLd / (accessed 22.12.2025).
5. Strizhakova A.S. Methodology for investigating the illegal sale of narcotic drugs committed using the Internet // Legal Analytical Journal. – 2023. – Vol. 18. – No. 3. – Pp. 36-53.
6. Eremeeva A.N. Possibilities of applying a situational approach in the methodology of investigating the illegal sale of narcotic drugs committed using information technology- Internet telecommunication network // Altaisky yuridicheskiy vestnik. – 2023. – № 4 (44). – Pp. 104-109.
7. Eremeeva A.N. The genesis of a situational approach in the methodology of investigating illegal sales of narcotic drugs committed using the Internet information and telecommunication network // Actual problems of combating crime: issues of theory and practice: proceedings of the XVIth international scientific and practical conference. – Krasnoyarsk, 2023. – Pp. 236-237.
8. Dronova O.B., Smagorinsky B.P. Integration of forensic and operational accounting data as a way to increase the level of information support for crime detection and investigation // Legal science and law enforcement practice. – 2024. – № 2 (68). – Pp. 51-58.
9. Gershkovich M. A. Optimal distribution of police patrol squads, taking into account information from the anonymous segment of the Internet // Collection of articles «Information technologies in the activities of internal affairs bodies.» – M.: MosU Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, 2022. – Pp. 242-248.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_456

УДК 343.9

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ
METHODOLOGICAL BASIS FOR THE FORMATION OF INVESTIGATIVE POLICY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

ИВАНОВ Пётр Иванович,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный профессор Академии управления МВД России,
главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России.
125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru;

IVANOV Pyotr Ivanovich,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation,
Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Chief Researcher of the Department for the Study of Problems of Sectoral Management of the Research Center
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125993, Moscow, ulitsa Zoe i Aleksandra Kosmodemyanskikh, 8.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

Краткая аннотация. *Автор на основе изучения монографических работ, современного состояния оперативно-розыскного законодательства и правоприменительной практики предпринял попытку определить место и роль формирующейся оперативно-розыскной политики в системе уголовной политики. По их результатам делается вывод о том, что отправной точкой формирования мог бы послужить предварительно специально разработанная научная концепция (доктрина), представляемая собой в виде системы взглядов на достижение качественно нового, более высокого уровня обеспечения защиты правоохранительными органами и органами, осуществляющими ОРД, жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности от преступных посягательств.*

Разрабатываемая научная концепция должна принимать во внимание следующие обстоятельства: многосубъектность ОРД (адресность), наличие общих и частных стратегий, современное состояние оперативно-розыскного и иного законодательства, научные положения юридической науки, востребованность единой для всех ведомств политики, условия цифровизации и системного анализа исследуемого феномена, межведомственный и межгосударственный ее характер. Говоря об этом, мы хотим особо выделить два тесно связанных между собой момента: 1) рассматриваемая разновидность политики представляет собой такую сферу деятельности, которая охватывает в ней политическую и управленческую сегменты (на их стыке); 2) посредством принятия прежде всего нормативных правовых актов политика воплощается в правоприменительную практику.

По мнению автора настоящей статьи, объективная необходимость скорейшего формирования оперативно-розыскной политики во многом обусловлена глобализацией, трансграничным, транснациональным и международным характером совершаемых преступлений, цифровой трансформацией, распространенностью преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, многообразием схем преступного посягательства, постепенным становлением криптовалюты в качестве предмета и средства преступного посягательства. К тому же сегодня ОРД оказалась в своеобразном замкнутом круге цифровых и других высоких технологий [1].

Abstract. *Based on a study of monographic works, the current state of investigative legislation, and law enforcement practice, the author attempts to determine the place and role of the emerging investigative policy within the system of criminal policy. Based on the findings, it is concluded that the starting point for its formation could be a previously specially developed scientific concept (doctrine), representing a system of views on achieving a qualitatively new, higher level of ensuring the protection of life, health, rights and freedoms of man and citizen, and property from criminal encroachments by law enforcement agencies and bodies carrying out investigative activities.*

The developed scientific concept should take into account the following circumstances: the multi-subject nature of investigative activities (targeting), the presence of general and specific strategies, the current state of investigative and other legislation, scientific provisions of legal science, the demand for a unified policy for all departments, the conditions of digitalization and systematic analysis of the phenomenon under study, and its interdepartmental and interstate nature. Speaking of this, we want to highlight two closely related points: 1) the considered type of policy represents a sphere of activity that encompasses its political and managerial segments (at their intersection); 2) policy is embodied in law enforcement practice primarily through the adoption of normative legal acts.

According to the author of this article, the objective need for the rapid formation of investigative policy is largely due to globalization, the cross-border, transnational and international nature of committed crimes, digital transformation, the prevalence of crimes committed using information and telecommunication technologies, the variety of criminal encroachment schemes, and the gradual establishment of cryptocurrency as an object and means of criminal encroachment. Moreover, today investigative activities find themselves in a kind of vicious circle of digital and other high technologies.

Ключевые слова: *оперативно-розыскная концепция, ее структура, процесс формирования политики, ее методологическая основа[1], цифровая трансформация, имеющиеся научные подходы, оперативно-розыскное законодательство, судебно-следственная практика, криминогенная ситуация, новые вызовы и угрозы.*

Keywords: *investigative concept, its structure, policy formation process, its methodological basis, digital transformation, existing scientific approaches, investigative legislation, judicial and investigative practice, criminogenic situation, new challenges and threats.*

Для цитирования: *Иванов П.И. Методологическая основа формирования оперативно-розыскной политики в условиях цифровизации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 456-460. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_456.*

For citation*: Ivanov P.I. Methodological basis for the formation of investigative policy in the context of digitalization // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 456-460. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_456.*

Статья поступила в редакцию: 02.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

[1] Под методологической основой исследования нами понимается устоявшиеся в отечественной науке способы и методы научного познания. В частности, общенаучные методы, как эмпирический, исторический, логический, системный, прогностический, метод анализа и синтеза, метод дедукции и индукции, а также частно-научные методы: формально-юридический, метод ретроспективного и сравнительно-правового анализа и иные методы научного познания. Заметим, что в рамках написания настоящей статьи, безусловно, мы не смогли использовать все указанные приемы, ограничились лишь, исходя из предмета, цели и задач выборочного исследования, в отдельных из них.

Проведенное нами выборочное исследование процесса формирования оперативно-розыскной политики, убедительно свидетельствует о необходимости при этом учета совокупности внутренних и внешних факторов, а также философских законов и категорий. Укажем основные из них, это: познаваемость социальных явлений, единство и борьба противоположностей, переход количества в качество, причинность и следствие. Мы со своей стороны их рассматриваем как постулат. Благодаря указанным законам представляется возможным глубже проникнуть в сущность затронутого нами феномена с целью познания внутреннего его содержания, корреляционных связей между элементами системы процесса формирования оперативно-розыскной политики.

Написанию данной статьи во многом подтолкнуло отсутствие на сегодня среди специалистов уголовно-правового цикла единообразного понятия «оперативно-розыскная политика», что негативно может сказаться на определении механизма его реализации в правоприменительной практике.

Как нам представляется, в таком ключе, как ни странно, довольно так и мало научных работ, специально посвященных системообразующим признакам своеобразной системы[1] «оперативно-розыскная политика». Автор настоящей статьи под системообразующими признаками понимает своеобразный «знак», по которым можно узнать затронутый нами феномен как объекта познания, рассматриваемого тем самым как целостное образование, приведенное в определенный порядок, представляющий собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи элементов названной системы. Выборочное изучение различных источников позволило сформулировать два принципиально важных момента, а именно: 1) четко прослеживается в исследуемом вопросе состояние синхронизации, когда система «признаки – знаки» осуществляются одновременно и совпадают во времени; 2) забегая вперед укажем, что рассматриваемой тематике, присуще процесс трансформации отличительных черт в факторы реальных и потенциальных рисков (потерь).

Основными признаками оперативно-розыскной политики, на наш взгляд, должны выступать:

отнесение оперативно-розыскной политики к составной части уголовно-правовой политики[2], подразумевающей выработку и принятие совокупности оперативно-розыскных и иных мер по борьбе с преступностью. Ее цель и задачи реализуются посредством претворения в жизнь норм различных отраслей права, включая уголовно-розыскное (оперативно-розыскное);

искусство управления[3] с учетом интересов всех органов, правомочных на осуществление ОРД. Тем самым обеспечивается баланс их интересов;

всеохватывающий феномен. Насквозь пронизывает все ключевые элементы анализируемой разновидности политики (цели, задачи, направления, принципы, перечень оперативно-розыскных мероприятий, механизм их проведения, информационное обеспечение и документирование ОРД, система контроля и надзора). Отсюда нетрудно сделать вывод о том, что данная сфера деятельности есть целенаправленный вид работы государства и его органов, предусматривающий борьбу с преступностью. Важно при этом подчеркнуть, что для этого на сегодня существует четко определенная система мер, предусмотренная законодательными актами и прежде всего Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности»[4];

наличие конкретных возможностей оказания влияния на реальное состояние указанной деятельности[5];

тесная взаимосвязь и взаимозависимость между понятиями «политика» и «экономика». Не случайно среди научной общественности бытует такое выражение, как: политика есть концентрированное выражение экономики. Названный образ действий в виде анализируемой политики направлен на достижение уголовно-правового воздействия на преступность на каждом этапе ее развития.

Рассматривая процесс формирования оперативно-розыскной политики как системное образование, мы не должны сбрасывать со счета тот факт, что в настоящее время одной из опаснейших угроз выступает криминализация информационно-телекоммуникационной среды[6]. На этом фоне происходит структурная трансформация преступности, в результате которой инструменты информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе в сети «Интернет», встраиваются в механизм совершения преступления. Специалистами теории ОРД [2] утверждается, что следствием цифровой трансформации преступности является: развитие дистанционных способов совершения преступлений, исключающих непосредственный контакт соучастников как между собой, так и с потерпевшими [3]; совершенствование способов сокрытия преступлений, основанных на использовании сервисов анонимизации личности в цифровом пространстве [4]; использование криптовалют в криминальных взаиморасчетах [5]; рост масштабов межрегиональной и трансграничной преступности, использовании при совершении преступлений сетевой инфраструктуры, расположенной за пределами Российской Федерации; формирование криминального рынка противоправных услуг в информационно-телекоммуникационной сфере, связанных с предоставлением в аренду компьютерных сетей, зараженных вредоносным программным обеспечением; использование технологий искусственного интеллекта в противоправной деятельности.

---

[1] Под системой мы понимаем объединение некоторого разнообразия в единое и одновременно четко расчлененное целое.

[2] Мы разделяем точку зрения Н.А. Лопашенко, определяющей уголовно-правовую политику как часть внутренней политики государства, основополагающую составляющую государственной политики противодействия преступности, направление деятельности государства в сфере охраны наиболее важных для личности, общества и государства благ, законных интересов и общественных отношений от преступных посягательств, заключающуюся в выработке принципов определения круга преступных деяний и законодательных признаков последних и формулировании идей и принципиальных положений, форм и методов уголовно-правового воздействия на преступность в целях снижения и уменьшения ее негативного влияния на социальные процессы (Н.А. Лопашенко Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. 608 с).

[3] Политика от гр. politike искусство управления государством (Экономический и юридический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. М.: Ин-т новой экономики, 2004. С. 593). Иными словами, политика выражает функции государства по руководству, управлению определенными сферами общественной жизни.

[4] Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

[5] В упрощенном виде оперативно-розыскная политика направлена на успешную реализацию уголовной политики, вырабатывающей стратегию и тактику борьбы с преступностью.

[6] Не случайно законодателем был принят специальный акт. См.: О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2025. № 14. Ст. 1574.

Благодаря проведенным исследованиям удалось аккумулировать наиболее типичные способы идентификации лиц, совершающих противоправные действия с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Они ими сгруппированы на следующие блоки: 1) в сети «Интернет» (IP-адрес и MAC-адрес); 2) через интернет-сайты (Хостинг и Доменное имя); 3) абонентский номер и IMEI; 4) SIP-телефония и виртуальный номер; 5) банковские карты расчетные счета. Заметим, что представленный научно обоснованный подход заслуживает особого внимания в правоприменительной практике особенно при противодействии киберпреступлениям.

К большому сожалению, сегодня нет единого мнения среди специалистов теории ОРД по вопросу о понятии «оперативно-розыскная политика»[1]. Учитывая это обстоятельство, мы неоднократно возвращались к этой проблеме и пытались обосновать совокупность ключевых положений, которые должны лечь в основу при его формулировании, чтобы как-то достичь взаимопонимания (консенсуса) (или хотя бы приблизиться к нему) исследователей. Одни авторы (Г.К. Синилов, А.В. Фёдоров и др.) при формулировании анализируемого понятия основной упор делают лишь на правотворческую и правоприменительную его составляющие, оставляя иные (социально-экономические, психологические и т. п.) без должного внимания. В то же время, на наш взгляд, определение комплекса оперативно розыскных мер по противодействию криминальным проявлениям и необходимость его выработки в рамках оперативно-розыскной политики ими совершенно справедливо подчеркивается как задача первоочередной важности [6]. Аналогичной позиции придерживается профессор К.К. Горяинов, определяя понятие «оперативно-розыскная политика», но при этом он исходит из двух принципиально важных положений: 1) тесной взаимосвязи указанного вида политики с уголовно-правовой политикой, при этом выступающей составной частью последней; 2) понимания оперативно-розыскной политики как разновидности правотворческой и правоприменительной деятельности соответствующих государственных органов, уполномоченных на осуществление ОРД. Им особо подчеркивается ориентирующий характер рассматриваемого вида политики при определении основных направлений совершенствования оперативно- розыскного законодательства. Одновременно данный автор полагает необходимым при определении указанного понятия в первую очередь учесть совокупность черт:

– присущих характеристике общих вопросов организации и тактики ОРД (цели, задачи, основные направления (приоритеты), перечень объектов и субъектов, их компетенции, оказание содействия оперативным подразделениям полиции и др.);

– раскрывающих специфические особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий (условия и порядок ограничения конституционных прав и свобод граждан).

На основании вышеизложенного профессор К.К. Горяинов приходит к выводу о том, что оперативно-розыскная политика представляет собой относительно самостоятельное направление правотворческой и правоприменительной деятельности государства и соответствующих государственных органов по выработке и применению социальных, определенных законом средств и методов в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств [7]. Другие авторы (Л.И. Беляева, Н.В. Павличенко) высказывают несколько иное мнение, выделяя в качестве ключевых компонентов оперативно-розыскной политики стратегический характер и ее связь с проведением оперативно-розыскных мероприятий [8]. На наш взгляд, такой подход отчасти выглядит не лишенным определенных недостатков и вот почему: во-первых, крупномасштабный характер деятельности вряд ли могут выразить одни оперативно-розыскные мероприятия, выступающие лишь составными частями комплекса специальных мер; во-вторых, рассматриваемое направление деятельности должно носить не только научно выверенный, но и не противоречащий законодательству (в том числе оперативно-розыскному) Российской Федерации характер; в-третьих, правотворческая и правоприменительная деятельность должна быть направлена в первую очередь не на проведение оперативно-розыскных мероприятий, как утверждают указанные авторы, а на выработку и применение оперативно-розыскных мер борьбы с преступностью.

Несколько по-иному формулируют определение понятия «оперативно-розыскная политика» В.М. Атмажитов, С.И. Захарцев и С.В. Катков. Говоря об оперативно-розыскной политике, профессор В.М. Атмажитов отмечает, что оперативно-розыскная политика является разновидностью государственной политики. Она, по его мнению, заключается в «определении назначения и содержания оперативно-розыскной деятельности, разработке и реализации стратегии и тактики ее осуществления уполномоченными государственными органами в целях за щиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств и в иных целях, предусмотренных законодательством» [9]. Трудно не согласиться с позицией данного автора в части формулирования понятия «оперативно-розыскная политика» посредством предварительного определения совокупности свойственных ей черт (признаков), основными среди которых являются: многосубъектность, целенаправленность, легитимность, комплексность принимаемых мер. Определившись с понятием, профессор В.М. Атмажитов выводит из него сущность (квинтэссенцию) оперативно-розыскной политики, которую составляет деятельность государства по достижению поставленной на ближайшую или отдаленную перспективу цели, например, по обеспечению безопасности общества и государства от преступных посягательств посредством применения комплекса оперативно-розыскных и иных мер. Из этого следует, что за этим кроется крупномасштабная деятельность государства стратегического характера по борьбе с преступностью. Содержание и основные направления ОРД, обусловленные в первую очередь целью, стоящей перед оперативно-розыскной политикой, играют не последнюю роль в ее реализации посредством использования сил, средств, форм, методов и мероприятий в интересах борьбы с преступностью.

Своеобразную дефиницию предлагает С.И. Захарцев, рассматривая оперативно-розыскную политику в узком и широком смысле слова. Он справедливо утверждает, что такая политика является важным направлением государственной политики России. Отталкиваясь от этой

[1] Характерной особенностью оперативно-розыск ной политики является то, что она представляет собой сложноструктурное образование, состоящее из множества элементов, таких как: цель, задачи, формы, направления (приоритеты), силы, средства, методы и мероприятия.

посылки, он полагает, что оперативно-розыскная политика может рассматриваться как часть уголовной политики, которая входит в правовую политику России, а может и как самостоятельная часть внутренней и внешней политики страны [10]. На наш взгляд, заслуживает пристального внимания мнение этого автора о необходимости изучения оперативно-розыскной политики в рамках теории ОРД, поскольку данный вопрос, по его утверждению, входит в ее предмет. Этой задаче исследователями пока еще не уделялось должного внимания, что открывает, по мнению С.И. Захарцева, широкие горизонты перед ними. Анализируя различные точки зрения авторов, мы пришли к выводу о том, что термин «оперативно-розыскная политика» в понятийно-категориальном аппарате теории ОРД употребляется при объяснении многих происходящих процессов и явлений. Система обеспечения национальной безопасности как стратегическое направление деятельности государства и его органов не является при этом исключением. Так, в частности, С.В. Катков, обращаясь к этой теме, оперативно-розыскную политику рассматривает через призму государственной политики, взяв за основу изучения совокупность общественных отношений и связанные с ней гласные и негласные средства и методы ОРД [11]. Со своей стороны, исходя из затронутой указанным автором проблемы, мы усматриваем две относительно самостоятельные системы, а именно: 1) оперативно-розыскная политика как системное образование, состоящее из множества взаимосвязанных элементов (цель, задачи, функции, субъекты, объекты, формы, принципы, тенденции, закономерности развития); 2) оперативно-розыскное обеспечение национальной безопасности, объектом воздействия которого выступают вызовы и угрозы. Названные системы взаимодополняют друг друга, поддерживая их современное состояние по средством межсистемной связи и существующих взаимоотношений. Только результаты углубленного их изучения, на наш взгляд, должны помочь сформулировать базовое понятие «оперативно-розыскная политика». При этом весьма важно не упустить его квинтэссенцию. Так, профессора Л.И. Беляева и Н.В. Павличенко суть оперативно-розыскной политики видят в своевременном принятии и претворении в реальную жизнь конкретных управленческих решений, связанных с организацией борьбы с преступностью, с использованием оперативно-розыскных сил, средств, методов и мероприятий [12]. Думается, что такое утверждение вполне убедительно показывает место и роль оперативно-розыскной политики в системе оперативно-розыскного противодействия преступным проявлениям. Содержание оперативно-розыскной политики, будучи одним из ее элементов, имеет сложную структуру, состоящую из множества задач и принципов. Такого мнения придерживаются авторы учебника «Теория оперативно-разыскной деятельности» [13], и мы также разделяем данную точку зрения. Присоединяясь к мнению большинства специалистов в области теории ОРД, высказавших свое отношение в части формулирования рассматриваемой дефиниции, отметим два принципиально важных момента: а) осуществление мер, направленных на повышение эффективности оперативно-розыскного обеспечения деятельности по противодействию преступности, возможно только на системной основе, учитывающей совокупность научно обоснованных и выверенных практикой принципов[1]; б) комплекс взаимосвязанных мероприятий, проводимых уполномоченными на то органами в целях оптимизации организации оперативно-розыскного противодействия преступности, должен основываться на ключевых положениях оперативно-розыскной политики, базирующихся на достижениях современной теории и практики ОРД. Изучив и проанализировав различные точки зрения по формулированию понятия «оперативно розыскная политика», мы остановились на том, что оперативно-розыскная политика есть целенаправленная деятельность государства в виде принятия уполномоченным на то органом системы правовых, организационных, социально-экономических и иных мер в интересах оперативно-розыскного противодействия преступности. Отметим, что каждый отдельно взятый автор, предлагая свою дефиницию, приводит при этом множество ее отличительных черт.

Подытоживая вышеизложенное, следует констатировать следующее.

Во-первых, мы отдаем себе отчет в том, что не все положения, высказанные нами в настоящей статье, бесспорны. Одни из них носят полемический характер, следовательно, они нуждаются в дальнейшей научной дискуссии, другие – требуют дополнительной аргументации с приведением для убедительности конкретных результатов исследования в рамках рассматриваемой тематики.

Во-вторых, в научных трудах по вопросам понятия, сущности и содержания оперативно-розыскной политики высказаны различные суждения. Единства мнений по ним авторами пока что не найдено, а потому указанные вопросы, чтобы их окончательно разрешить, требуют дальнейшего углубленного изучения с последующей дискуссией с участием специалистов различных ведомств, уполномоченных на осуществление ОРД.

В-третьих, отправной точкой формирования современной оперативно-розыскной политики, на наш взгляд, является предварительная разработка и принятие специальной научной концепции (доктрины), представляемой как система взглядов.

В-четвертых, оперативно-розыскная политика нами рассматривается как целостная система, на что указывает совокупность признаков и элементов, образующих ее содержание, неотъемлемой частью которого наряду со множеством компонентов является цифровизация.

Список литературы:

1. Иванов П.И. Формирование оперативно-розыскной политики в условиях цифровой трансформации (проблемы и пути их решения) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2025. – № 3 (109). – С. 74-83.
2. Шаров В.И. Оперативно-разыскная деятельность и интернет: монография / В.И. Шаров. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2021. – 116 с.
3. Иванов П.И. Оперативно-розыскное противодействие профессиональной преступности (вопросы теории и практики) // Вестник Владимирского юридического института. – 2024. – № 4 (73). – С.59-66.
4. Иванов П.И. К вопросу о личности «цифрового преступника» // Философия права. – 2024. – № 3 (110). – С.128-135.
5. Иванов П.И. Оперативно-розыскное противодействие киберпреступлениям (проблемы и пути их решения) // Труды Академии управления МВД России. – 2022. – № 4 (64). – С.83-92.

[1] Совокупность принципов автор условно делит на общие и специальные. Общие принципы закреплены в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст. 3). К числу специальных он относит: научность, высокую оперативную готовность, наступательность, системность, комплексность, приоритетность принимаемых мер, непрерывность.

6. Теория оперативно-разыскной деятельности: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М.: ИНФРА-М, 2014. – С.95.
7. Горяинов К.К. Оперативно-розыскная политика и развитие законодательства // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики. – Самара: СЮИ ФСИН России, 2016. – С. 179.
8. Беляева Л.И., Павличенко Н.В. Оперативно-розыскная политика: понятие и содержание // Труды Академии управления МВД России. – 2021. – № 4 (60). – С.22.
9. Атмажитов В.М. О сущности оперативно-розыскной политики Российской Федерации // Академическая мысль. – 2020. – № 4 (13). – С. 35.
10. Захарцев С.И. Оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 171.
11. Катков С. В. Оперативно-розыскная политика в системе обеспечения национальной безопасности России: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Волгоград, 2021. – С. 11.
12. Беляева Л.И., Павличенко Н.В. Оперативно-розыскная политика: понятие и содержание // Труды Академии управления МВД России. – 2021. – № 4 (60). – С. 19-24.
13. Теория оперативно-разыскной деятельности: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 712 с.

References:

1. Ivanov P.I. Formation of Investigative Policy in the Context of Digital Transformation (Problems and Solutions). Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2025, no. 3 (109), pp. 74-83.
2. Sharov V.I. Operational-Investigative Activity and the Internet: monograph. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 116 p.
3. Ivanov P.I. Operational-Investigative Counteraction to Professional Crime (Issues of Theory and Practice). Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta [Bulletin of the Vladimir Law Institute], 2024, no. 4 (73), pp. 59-66.
4. Ivanov P.I. On the Personality of the "Digital Criminal". Filosofiya prava [Philosophy of Law], 2024, no. 3 (110), pp. 128-135.
5. Ivanov P.I. Operational-Investigative Counteraction to Cybercrimes (Problems and Solutions). Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2022, no. 4 (64), pp. 83-92.
6. Theory of Operational-Investigative Activity: Textbook. 3rd ed., rev. and suppl. Ed. by K.K. Goryainov, V.S. Ovchinsky, G.K. Sinilov. Moscow: INFRA-M, 2014, p. 95.
7. Goryainov K.K. Operational-Investigative Policy and Development of Legislation. In: Ugolovno-ispolnitelnaya sistema na sovremennom etape: vzaimodeistvie nauki i praktiki [The Penal System at the Present Stage: Interaction of Science and Practice]. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2016, p. 179.
8. Belyaeva L.I., Pavlichenko N.V. Operational-Investigative Policy: Concept and Content. Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2021, no. 4 (60), p. 22.
9. Atmazhitov V.M. On the Essence of the Operational-Investigative Policy of the Russian Federation. Akademicheskaya mysl [Academic Thought], 2020, no. 4 (13), p. 35.
10. Zakhartsev S.I. Operational-Investigative Policy. Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki [Legal Field of the Modern Economy], 2012, no. 11, p. 171.
11. Katkov S.V. Operational-Investigative Policy in the System of Ensuring National Security of Russia. Abstract of Doctoral Dissertation in Law. Volgograd, 2021, p. 11.
12. Belyaeva L.I., Pavlichenko N.V. Operational-Investigative Policy: Concept and Content. Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2021, no. 4 (60), pp. 19-24.
13. Theory of Operational-Investigative Activity: Textbook. 3rd ed., rev. and suppl. Ed. by K.K. Goryainov, V.S. Ovchinsky, G.K. Sinilov. Moscow: INFRA-M, 2014. 712 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_461

УДК 347.191, 336.71

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК СУБЪЕКТ ПРАВООТНОШЕНИЙ
A LEGAL ENTITY AS A SUBJECT OF LEGAL RELATIONS

НИКИТИН Сергей Михайлович,
студент юридического факультета
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (МГУ).
119991, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, д. 1.
E-mail: nsm2007@yandex.ru

NIKITIN Sergey Mikhailovich,
Law student Lomonosov Moscow State University (MSU).
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia.
E-mail: nsm2007@yandex.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматривается юридическое лицо как субъект правоотношений, особое внимание уделяется специфике банковских правоотношений, в рамках которых кредитные организации выступают в качестве ключевых участников. Анализируются теоретические подходы к пониманию сущности юридического лица, а также классификация и характерные черты банковских правоотношений. Целью статьи является выявление факторов, обусловливающих различия в эффективности деятельности российских и зарубежных банков как субъектов банковских правоотношений, а также определение проблем, препятствующих росту прибыльности отечественных кредитных организаций. Исследование основано на сравнительно-правовом и статистическом анализе. Проведено сопоставление показателей деятельности российских (Альфа-Банк, Сбербанк, Т-Банк) и зарубежных (UBS, Morgan Stanley, Deutsche Bank, JPMorgan Chase, BlackRock) банков по таким критериям, как международное присутствие, доля в совокупной прибыли национального банковского сектора и уровень развития брокерского бизнеса. Установлено, что ограниченное международное присутствие, высокая концентрация прибыли в одном государственном банке (Сбербанк — около 48% от общей прибыли сектора) и слабое развитие брокерского обслуживания для розничных клиентов являются ключевыми факторами, сдерживающими рост доходов российских коммерческих банков по сравнению с зарубежными аналогами. Выявленные проблемы имеют системный характер и требуют комплексного подхода к их решению. Научная новизна исследования состоит в выявлении ключевых проблемных факторов, обусловливающих низкую (по сравнению с зарубежными аналогами) прибыльность российского банковского сектора. Выделенные направления создают основу для углубленного изучения каждого отдельного банка — включая его внутреннюю структуру, механизмы международного присутствия, эффективность брокерских услуг и объём оказываемой государственной поддержки, — что, на практике, позволит разработать точечные стратегии развития конкретной кредитной организации через призму сформулированных в работе тезисов.*

Abstract. *The article examines a legal entity as a subject of legal relations, with a particular focus on the specifics of banking legal relations, in which credit institutions act as key participants. The article analyzes theoretical approaches to understanding the essence of a legal entity, as well as the classification and characteristics of banking legal relations. The purpose of the article is to identify the factors that determine the differences in the efficiency of Russian and foreign banks as subjects of banking legal relations, as well as to identify the problems that hinder the growth of profitability in domestic credit institutions. The study is based on comparative legal and statistical analysis. The article compares the performance indicators of Russian (Alfa-Bank, Sberbank, T-Bank) and foreign (UBS, Morgan Stanley, Deutsche Bank, JPMorgan Chase, BlackRock) banks based on criteria such as international presence, share in the total profit of the national banking sector, and the level of development of brokerage services. The study reveals that limited international presence, high concentration of profit in a single state-owned bank (Sberbank, which accounts for approximately 48% of the total profit of the sector), and a weak development of brokerage services for retail clients are key factors that hinder the growth of revenue in Russian commercial banks compared to their foreign counterparts. The identified problems are systemic in nature and require a comprehensive approach to their resolution. The scientific novelty of the study lies in identifying the key problematic factors that contribute to the low profitability of the Russian banking sector compared to its foreign counterparts. The highlighted areas provide a basis for an in-depth study of each individual bank, including its internal structure, international presence mechanisms, the effectiveness of brokerage services, and the amount of government support provided. In practice, this will allow for the development of targeted strategies for the specific credit institution based on the principles outlined in the paper.*

Ключевые слова: *юридическое лицо, правоотношения, банковские правоотношения, банки, субъекты банковских правоотношений, международный финансовый рынок, брокерский бизнес.*

Keywords: *legal entity, legal relations, banking relations, banks, subjects of banking relations, international financial market, brokerage business.*

Для цитирования: *Никитин С.М. Юридическое лицо как субъект правоотношений // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 461-464. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_461.*

For citation*: Nikitin S.M. A legal entity as a subject of legal relations // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 461-464. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_461.*

Статья поступила в редакцию: 26.01.2026

Теоретический аспект

Юридические лица – это организации, специально создаваемые для участия в гражданском обороте, который, в свою очередь, имеет имущественный, товарный характер. Этот факт указывает на то, что для нормального участия таких субъектов в гражданских правоотношениях необходимо наличие у них, прежде всего, реального имущества. Следовательно, юридическое лицо можно рассматривать в качестве «персонифицированного имущества». Это объясняется тем, что у такого субъекта правоотношений нет и не может быть никаких личных неимущественных прав, потому как, например, деловая репутация тоже обуславливается его участием в имущественных отношениях. Таким образом, юридическое лицо представляется как особый способ организации хозяйственной деятельности, заключающийся в обособлении, персонификации имущества, т.е. в наделении законом обособленного имущества качествами «персоны», признании его особым, самостоятельным товаровладельцем [3, с.210-215].

В развитых правопорядках, главным образом в европейском континентальном праве, традиционным является деление юридических лиц на корпорации и учреждения. Корпорации представляют собой добровольные объединения физических и/или юридических лиц, организо-

ванные на началах членства их участников (акционерные и другие общества и товарищества, кооперативы), учреждения — организации, создаваемые одним или несколькими лицами и не имеющие строго фиксированного участия, например, благотворительные и иные фонды. Однако в российском гражданском праве под понятием «учреждение» понимается некоммерческая организация, полностью или частично финансируемая учредителем-собственником и обладающая ограниченным вещным правом на свое имущество (п. 1 ст. 296, ст. 298 ГК) [3, с.226-230]. Поэтому в отечественном правопорядке отсутствует деление юридических лиц на корпорации и учреждения. В России юридические лица классифицируются по основной цели деятельности на коммерческие и некоммерческие, а по форме внутреннего устройства – на корпорации и унитарные организации [4, с.37-38]. Главным образом хотелось бы остановиться на кредитных организациях, являющихся подкатегорией хозяйственных обществ, относящихся к коммерческим корпорациям. Особенное внимание уделяется именно этому сегменту, так как ключевым институтом в нём выступает банковский сектор, являющийся одним из основополагающих для любого государства. Но перед этим ознакомимся с понятием «правоотношения».

Правоотношения — это особые идеологические отношения, возникающие вследствие воздействия норм права на поведение людей. Это специфические общественные отношения, возникающие в результате осуществления этих норм и представляющие собою связь прав одного лица с корреспондирующими с ними обязанностями другого лица. Правоотношения имеют сознательно-волевой характер, отличаются от всех иных общественных отношений тем, что, во-первых, действия их участников должны осуществляться в рамках субъективных прав и юридических обязанностей, а во-вторых, как форма реализации правовых норм, они гарантируются государством и охраняются в необходимых случаях его принудительной силой. Кроме этого, состав правоотношения всегда включает конкретных участников, т.к. правовых отношений с неопределенным составом участников не бывает. Наконец, поскольку правоотношения являются формой общественного отношения, то их изменение обусловлено уровнем социально-экономического и духовного развития общества. Кредитные организации, в частности банки, участвуют в специализированной категории правоотношений, называемой банковскими.

Банковские правоотношения — это общественные отношения, урегулированные нормами права, складывающиеся по поводу или в процессе банковской деятельности, субъектами которой, с одной стороны, выступает кредитная организация либо Центральный банк, а другой - физическое или юридическое лицо, орган государственной власти и местного самоуправления, публично-территориальное образование. Неоднородность банковских правоотношений объясняется отнесением их одновременно и к финансовому, и к гражданскому праву, и тем, что они содержат нормы, регулирующие осуществление банковской деятельности. Круг банковских правоотношений разнообразен - в него входят отношения между банком и клиентом, между кредитными организациями, между Центральным банком и кредитными организациями, между ЦБ и органами государственной власти и др. Объектами банковских отношений выступают деньги, ценные бумаги, иное имущество, нематериальные блага, а также действия Центробанка в сфере банковского регулирования и надзора.

Банковские правоотношения обладают рядом специфических черт, отличающих их от иных видов правовых отношений [2, с.22-26]. Во-первых, возникновение банковских правоотношений обусловлено осуществлением уполномоченными субъектами банковской деятельности. Во-вторых, в качестве субъекта банковского правоотношения всегда выступает либо Центральный банк, территориальное учреждение ЦБ, либо кредитная организация, а в отдельных ситуациях – Агентство по страхованию вкладов. Выступление кредитных организаций, ЦБ и его территориальных учреждений в качестве обязательных субъектов банковского правоотношения обусловлено их непосредственным участием в процессе осуществления банковской деятельности. В-третьих, выступая в качестве участников банковских правоотношений, Центральный банк, а также кредитные организации являются одновременно участниками публичных и частных банковских правоотношений. В-четвертых, банковские правоотношения являются имущественными отношениями, потому что банк – юридическое лицо, которое уже было охарактеризовано ранее «персонифицированным имуществом».

В зависимости от субъектного состава возможно выделить следующие виды банковских правоотношений:

- правоотношения между кредитными организациями и физическими/юридическими лицами
- правоотношения между кредитными организациями по поводу осуществления банковских операций;
- правоотношения между Центральным банком и кредитными организациями.

В свою очередь, необходимо отметить, что отношения, названные последними, состоят из двух подвидов:

1) отношения властного характера (регулирование банковской системы; надзор за соблюдением банковского законодательства; привлечение кредитных организаций к ответственности за нарушение банковского законодательства);

2) отношения, основанные на относительном равенстве сторон, связанные с осуществлением Центральным банком банковской деятельности (членские правоотношения между банками по поводу создания союзов, ассоциаций и прочих производных образований; отношения взаимного представительства между Банком России и Правительством РФ; правоотношения между Банком России и высшими органами представительной власти - назначение и отчет).

Практический аспект

Рассмотрение теоретической конструкции юридического лица через призму банковского сектора позволяет перевести абстрактные категории правосубъектности в плоскость конкретных экономических и регуляторных реалий. Именно в банковской сфере, где имущественная обособленность сочетается с пристальным публичным надзором, а участие в международных расчётах требует разветвлённой филиальной сети, наиболее заметно проявляются как классические признаки юридического лица, так и их модификация под влиянием публично-правовых требований. В настоящей статье такой подход дает возможность не только верифицировать теоретические положения о юридическом лице, но и вы-

явить прямую зависимость между правовым статусом кредитной организации, степенью её интеграции в международные рынки и реальными показателями прибыльности, что подтверждает практическую значимость выбранной методологии.

Почему иностранные банки зарабатывают больше российских?

Для того, чтобы оценить эффективность той или иной кредитной организации, принимаются во внимание такие показатели, как чистый процентный доход, чистый комиссионный доход, рентабельность капитала, активов и т.д. Проще говоря, успешность банка определяется тем, сколько ему удаётся заработать с различных финансовых операций, циркуляции денежных средств. Если обратиться к статистическим данным, можно увидеть, что крупнейший универсальный частный банк России - Альфа-Банк - получил 138,2 млрд рублей прибыли за первое полугодие 2025 года [5]. В то время как UBS - крупнейший швейцарский холдинг - заработал за это же время 4,1 млрд $, что эквивалентно 315,9 млрд рублей [8]. И это не единичный случай. Возникает вопрос: почему частные банки в России зарабатывают меньше, чем подобные им организации в зарубежных странах? Попробуем разобраться.

Сокращение доступа к международным финансовым рынкам

Уже достаточно длительное время Российская Федерация находится под влиянием различных санкций. Цель таких мер против отечественных банков - отрезать их от операций на международном финансовом рынке и заморозить активы. Возвращаясь к примеру с Альфа-Банком, заметим, что, на 1 февраля 2026 года, он не имеет филиалов в других странах. В интернете можно найти информацию о «планах открыться в Китае», однако на данный момент в дружественной стране нет представительств этой организации. Другой пример – «Т-Банк» (ранее Тинькофф Банк) - российский коммерческий онлайн-банк, также не имеет представительств за рубежом. Одна из причин – международные санкции Евросоюза, США, Великобритании и ряда других стран.

Справедливости ради стоит уточнить, что среди отечественных банков всё же есть те, которые имеют филиалы за рубежом. Например, по состоянию на 1 октября 2024 года у Сбербанка был зарубежный филиал с офисами в Нью-Дели и Мумбаи, а у ВТБ - филиалы в Китае и Индии. Увы, но с ноября 2024 года Банк России удалил со своего сайта всю информацию о зарубежных филиалах российских банков, поэтому узнать наиболее актуальную информацию не представляется возможным [13].

Обратимся к зарубежному опыту. UBS – крупнейший швейцарский финансовый холдинг – по данным на 2023 год, имеет 230 филиалов в 45 странах мира, при этом 100 филиалов находятся в Швейцарии [15]. Другой пример – Morgan Stanley – американский финансовый конгломерат, имеющий около 1300 офисов в 42 государствах [12]. Deutsche Bank – крупнейший финансовый конгломерат Германии - по состоянию на 2025 год, располагает 1179 филиалами в более, чем 70 странах мира [6]. Наконец, американский транснациональный финансовый конгломерат, один из крупнейших банков мира - JPMorgan Chase - обслуживает корпорации и частных лиц в более 100 государств [11].

Таким образом, можно сделать вывод, что ограниченное присутствие российских банков на международных рынках не позволяет им расширяться и увеличивать объём денежных средств для оборота, что в той или иной степени влияет на прибыль. В условиях антироссийских санкций это проблему сложно решить, так как интегрироваться в банковскую систему стран с самыми развитыми экономическими отношениями не представляется возможным. Однако решение этой проблемы есть. Российские банки могут начать интегрироваться в банковские секторы дружественных стран и увеличивать своё количественное присутствие в государствах с развивающимися экономическими отношениями. Такое решение позволит увеличить оборотную денежную массу, что, вероятнее всего, положительно отразится на их прибыли.

Состав рынка: какая процентная доля от общей прибыли приходится на крупнейшие банки стран?

Исходя из представленной выше информации, абсолютно точно можно сделать вывод, что у иностранных банков намного больше филиалов в других странах, чем у российских. Но важно понимать, что большее международное присутствие не всегда прямо пропорционально увеличению прибыли. На примере Альфа-Банка и UBS, который приводился ранее, видно, что последний имеет большее количество филиалов в других странах, при этом, получая большую прибыль, но это только один пример. Неужели все российские банки, за счёт слабо развитого международного присутствия получают чистую прибыль меньше, чем иностранные? Действительно, есть исключения. Например, чистая прибыль уже упомянутого российского финансового конгломерата, крупнейшего универсального банка России и Восточной Европы – Сбера – составила за 2025 год 1,69 трлн рублей. Это больше, чем у UBS с 315,9 млрд рублей, больше, чем у Deutsche Bank почти с 652,8 млрд рублей и даже больше, чем у Morgan Stanley с почти 1,3 трлн рублей. И таких результатов Сбербанк достиг акцентируясь преимущественно на российском рынке. Но вот в чём особенность - общий финансовый результат российских банков составил 3,5 трлн. рублей. Получается, что Сбер заработал около 48% от всей прибыли [14]. Хорошо ли это? - вопрос дискуссионный. Складывается ощущение, что Сбербанк получает дополнительную государственную поддержку, тем самым оказываясь самым успешным российским банком с огромным отрывом.

Сравним отечественный пример с зарубежным. Ранее упомянутый американский банк – JPMorgan Chase – получил 57 млрд. $ чистой прибыли за 2025 год [9] и 58,5 млрд. $ за 2024 год. При этом, общая прибыль американских банков в 2024 году составила 268,2 млрд. $ [10]. Получается, что доля самого успешного банка в Америке от общей прибыли банков - почти 22%.

Таким образом, отметим тот факт, что американский финансовый рынок достаточно развит, в то время как российский ещё развивается. Вероятно, пройдёт время, и ситуация в России изменится в лучшую сторону, но для того, чтобы изменения произошли быстрее, необходимо не только поддерживать самый крупный банк в стране, но и оказывать подобную помощь и менее успешным частным банкам.

Слабое развитие брокерского бизнеса в России.

Одной из ключевых проблем, с которой сталкиваются российские коммерческие банки при осуществлении брокерской деятельности, является высокая доля пустых счетов. Основные причины такого явления – низкий уровень среднедушевых доходов и низкая доля трудоспособ-

ного населения. Решение этой проблемы видится в комплексном подходе, подразумевающем привлечение консервативных инвесторов с низкой готовностью к риску и отсутствием опыта на фондовом рынке. В этой связи для брокеров – коммерческих банков – становится особенно актуальным делать акцент на продаже облигаций как альтернативы банковскому вкладу. Если ранее банки-брокеры предлагали физическим лицам портфель из акций либо доли в паевых инвестиционных фондах (как наиболее маржинальный продукт для банка), то в сложившейся ситуации следует обратить внимание инвесторов на низкорисковые активы. Данная политика позволит привлечь к брокерскому обслуживанию именно те слои населения, которые прежде не имели брокерского счета по причине низкого дохода или непонимания фондового рынка, в том числе сегмент лиц старше трудоспособного возраста. Кроме того, необходимо проводить всестороннее информирование клиентов об условиях использования брокерского счета, разработать бесплатные вводные курсы для начинающих инвесторов, которые были бы доступны не только на сайте брокера, но и в приложении для инвестиций [1, с.270-288].

Для понимания важности брокерской стези в оценке успешности банка, обратимся к зарубежному примеру. Американская международная инвестиционная компания BlackRock, оказывающая доверительное управление, фидуциарные и трастовые услуги институциональным клиентам, в том числе, через дочерние компании, за 2025 год заработала 5, 55 млрд. $ (428,4 млрд. рублей) [7], фактически за счёт посредничества в операциях с ценными бумагами.

Стоит отметить, что позитивные изменения в этом направлении уже происходят. Например, существуют сервисы уже упомянутых российских банков, такие как Альфа-Инвестиции и Т-Инвестиции, в которых, помимо возможности купить/продать ценные бумаги, предусмотрена услуга «профессионального инвестора», который обещает приумножить вложенный капитал за процент от прибыли. Ожидается, что, в случае воплощения в реальность всех вышеизложенных рекомендаций брокерами-банками, их выручка и прибыль будет расти.

Заключение

Проведённое исследование подтверждает, что теоретическая конструкция юридического лица применительно к банковскому сектору приобретает существенную специфику: участие кредитных организаций в публично-частных правоотношениях и наличие надзорного органа модифицируют классическое понимание правосубъектности. Научная новизна заключается в выделении основных проблемных векторов низкой (в сравнении с зарубежными аналогами) прибыли российского банкинга в целом, в формировании отправной точки в приращении научного знания по данному вопросу. Практическое значение работы состоит в том, что на основе заданных направлений можно продолжить изучение истоков проблем, углубиться в структуру конкретных отечественных кредитных организаций, оценить их существующие механизмы выхода на международные рынки, предложить более эффективные; оценить успешность внедрения брокерского бизнеса; оценить оказываемую поддержку (льготы, посредничество в государственных платежах) со стороны Центрального банка и других компетентных органов России, и предложить точечные решения для каждого кейса. Таким образом, данное исследование может положить начало более глубинному изучению каждого банка через призму приведённых тезисов для составления индивидуального плана его развития.

Список литературы

1. Бабурина Н. А. Тенденции развития брокерской деятельности коммерческих банков в России / Н. А. Бабурина, А. Г. Куцев, Т. А. Размашкина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 270-288
2. Булатова Э.И, Дувалова Э.П. Правовое регулирование банковской деятельности: Учебное пособие – Казань: Изд-во Казанского федерального университета, 2022. С. 22-26.
3. Суханов Е.А. Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть, 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 210-215, 226-230
4. Шиткина И.С. Корпоративное право в таблицах и схемах : учебно-методическое пособие, 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Юстицинформ, 2025.
5. https://alfabank.ru/news/t/release/alfa-bank-poluchil-1382-mlrd-rublei-chistoi-pribili-za-6-mesyatsev-2025-goda/?ysclid=mlc71tj6r9760009736
6. https://country.db.com/
7. https://investfuture.ru/articles/pribyl-blackrock-sokratilas-na-12-8-vyruchka-vyrosla-na-18-6-v-2025-godu-1173222127
8. https://ru.investing.com/news/company-news/article-93CH-2849368
9. https://smart-lab.ru/blog/1252510.php?ysclid=mli5okxi2945689622
10. https://www.interfax.ru/world/1010883
11. https://www.jpmorgan.com/about-us/locations
12. https://www.morganstanley.com/about-us/global-offices
13. https://www.profbanking.com/blitz-answer/2234-what-russian-banks-have-branches-abroad
14. https://www.profbanking.com/news/191-2026/5369-top-banks-itogi
15. https://www.ubs.com/global/en/our-firm/locations.html

References

1. Baburina N. A. Trends in the development of brokerage activities of commercial banks in Russia / N. A. Baburina, A. G. Kutsev, T. A. Razmashkin // Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. 2021. Volume 7. No. 4 (28). pp. 270-288
2. Bulatova E.I., Duvalova E.P. Legal regulation of banking activities: A textbook – Kazan: Publishing House of Kazan Federal University, 2022. pp. 22-26.
3. Sukhanov E.A. Civil law. In 4 vols. Vol. 1: The General part, 3rd ed., revised and add. – M.: Walters Kluwer, 2006. pp. 210-215, 226-230
4. Shitkina I.S. Corporate law in tables and diagrams : an educational and methodical manual, 4th ed., revised. and additional — M.: Justicinform, 2025.
5. https://alfabank.ru/news/t/release/alfa-bank-poluchil-1382-mlrd-rublei-chistoi-pribili-za-6-mesyatsev-2025-goda/?ysclid=mlc71tj6r9760009736
6. https://country.db.com/
7. https://investfuture.ru/articles/pribyl-blackrock-sokratilas-na-12-8-vyruchka-vyrosla-na-18-6-v-2025-godu-1173222127
8. https://ru.investing.com/news/company-news/article-93CH-2849368
9. https://smart-lab.ru/blog/1252510.php?ysclid=mli5okxi2945689622 (
10. https://www.interfax.ru/world/1010883
11. https://www.jpmorgan.com/about-us/locations
12. https://www.morganstanley.com/about-us/global-offices
13. https://www.profbanking.com/blitz-answer/2234-what-russian-banks-have-branches-abroad
14. https://www.profbanking.com/news/191-2026/5369-top-banks-itogi
15. https://www.ubs.com/global/en/our-firm/locations.html

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_465

УДК 346.543

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ В КОЛОНИЯХ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX В.
THE MAIN SOURCES OF LEGAL REGULATION OF SUBSURFACE USE IN THE COLONIES OF THE BRITISH EMPIRE IN THE EARLY 20TH CENTURY

КУЗЬМИН Роман Юрьевич,
аспирант кафедры истории государства и права
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1.
E-mail: Kuzmin.lp151@gmail.com

KUZMIN Roman Yu.,
PhD student at the Department of History of State and Law
Lomonosov Moscow State University.
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia.
E-mail: Kuzmin.lp151@gmail.com

Краткая аннотация. *В статье на основе анализа горного законодательства британских колоний Западной и Южной Африки рассматриваются основные источники правового регулирования недропользования начала XX в.: ордонансы, обычное право, концепция заимствования, судебный прецедент Тайного совета и доктринальные труды. Установлено, что колониальное горное право расширяло прерогативу Короны на все полезные ископаемые, а иерархия источников была подвижной. Судебные прецеденты создали противоречивую доктрину соотношения имперского суверенитета и местных прав. Эти противоречия привели к двум конкурирующим интерпретациям колониального горного режима.*

Abstract. *Based on the analysis of mining legislation of the British colonies of Western and Southern Africa, the article examines the main sources of legal regulation of subsoil use in the early 20th century: ordinances, customary law, the concept of borrowing, judicial precedent of the Privy Council and doctrinal works. It was established that the colonial mining law extended the prerogative of the Crown to all minerals, and the hierarchy of sources was fluid. Judicial precedents have created a contradictory doctrine of the relationship between imperial sovereignty and local rights. These contradictions led to two competing interpretations of the colonial mining regime.*

Ключевые слова: *колониальное горное право, Британская империя, ордонанс, обычное право, судебный прецедент, концепция заимствования, недропользование, Нигерия, Золотой Берег, Трансвааль.*

Keywords: *colonial mining law, British Empire, ordinance, customary law, judicial precedent, concept of borrowing, subsoil use, Nigeria, Gold Coast, Transvaal.*

Для цитирования: *Кузьмин Р.Ю. Основные источники правового регулирования недропользования в колониях Британской империи в начале XX в // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 465-470. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_465.*

For citation*: Kuzmin R.Yu. The main sources of legal regulation of subsurface use in the colonies of the British Empire at the beginning of the XX century // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 465-470. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_465.*

Статья поступила в редакцию: 30.01.2026

Введение

Актуальность исследования. Горное право колониальной Британской империи не получило систематического освещения в российской историко-правовой науке. В то же время его изучение имеет не только академическое, но и практическое значение: постколониальные государства Западной и Южной Африки (Нигерия, Гана, Зимбабве) унаследовали нормативные конструкции начала XX в., включая заложенные в них противоречия[1]. Современные споры о природе права государства на недра в этих странах воспроизводят правовые коллизии, которые не были окончательно разрешены еще в ордонансах колониального периода. Особого внимания заслуживает феномен горизонтального заимствования норм между колониями. Недостатки правового регулирования, закрепленные в законодательстве одной территории, переходили в другую вместе с воспроизведенным нормативным текстом и сохраняли свое действие на период, значительно превышавший срок пребывания в должности губернатора, принявшего первоначальный акт.

Объектом исследования выступает система правового регулирования недропользования в колониях Британской империи в начале XX в., рассматриваемая в единстве ее нормативных источников и институциональных субъектов.

Предметом исследования являются ордонансы и другое колониальное законодательство, местное обычное право, судебный прецедент и доктрина – источники, определявшие содержание горного права и его применение на конкретных территориях.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1902 г. (депеша Дж. Чемберлена, положившая начало формированию колониального горного законодательства) до 1933 г. (публикация *«Lectures on International Law»* Т. Холланда, в которых были подведены итоги развития конституционно-правовых основ колониальной системы).

Основной текст

Расширение прерогативы Короны на минеральные ресурсы: разрыв между английским и колониальным правом

В английском общем праве право Короны на недра ограничивалось рудниками золота и серебра. Прецедент 1568 г. (*The Case of Mines*

[1] «Mining laws still reflect colonial legacy» - Prof. Caesar Atuire. Radio Univers 105.7 // [Электронный ресурс]: - URL: https://univers.ug.edu.gh/mining-laws-still-reflect-colonial-legacy-prof-caesar-atuire/ (дата обращения – 30.01.2026)

1568) установил, что все месторождения драгоценных металлов принадлежат суверену по прерогативе. Акт о королевских рудниках 1688 г. (*Royal Mines Act 1688*) сузил этот режим, исключив из числа «королевских» медные, оловянные, железные и свинцовые рудники. В отношении всех прочих полезных ископаемых действовал принцип: собственник земли является собственником ее недр.

В колониях этот порядок принципиально изменился. С точки зрения права, прерогатива Короны на золото и серебро считалась автоматически действующей на любой территории, где английское общее право устанавливалось в качестве основы правовой системы.[1] Колониальный законодатель, действуя через ордонансы, расширил прерогативу Короны далеко за пределы ее исторического объема. Так, в Нигерии Ордонанс о полезных ископаемых 1916 г. (*Mineral Ordinance 1916*) прямо устанавливал, что «вся собственность и контроль над всеми минералами… принадлежит и должна принадлежать Короне».

Практика колониального управления не была единообразной. На Золотом Берегу права на полезные ископаемые сохранялись за местными органами власти: арендные платежи и роялти выплачивались «местному вождю или иному местному органу»[2]. Исключение составляли Северные территории, где Короне принадлежали как земля, так и недра. Такая разнородность опровергает представление о существовании единого имперского режима недропользования.

Ордонанс в системе колониального законодательства: юридическая природа и место в иерархии

Ордонансом (от англ. *ordinance* – «постановление колониальной законодательной власти») являлся акт колониального законодательного органа, принимаемый в порядке, установленном учредительными актами короны для данной территории. Юридическая сила такого акта определялась двумя пересекающимися ограничениями. С одной стороны, Акт о действительности колониальных законов 1865 г. (*Colonial Laws Validity Act 1865*[3]) устанавливал, что колониальный закон сохраняет действие лишь в той мере, в какой он не противоречит акту имперского парламента, прямо распространенному на колонию. С другой стороны, в колониях ордонанс был подчинен письменным инструкциям короны, исходившим от имени губернатора на основе грамоты-патента (*letters patent*).

При формальном верховенстве имперского законодательства основным регулятором горных отношений выступал ордонанс. Имперский парламент практически не принимал актов о горном режиме отдельных колоний. Указы в Совете (Orders in Council) обычно либо учреждали колониальную администрацию, либо санкционировали хартии торговых компаний. Детальное регулирование (выдача лицензий, ставки роялти, экспроприация поверхностных земель) закреплялось в ордонансах.

Такое распределение нормотворческих функций соответствовало общей стратегии британского имперского права: метрополия сохраняла контроль над основами правопорядка, делегируя текущее регулирование колониальным органам. Ордонанс позволял администрации оперативно (в течение нескольких месяцев) реагировать на открытие месторождений, изменение геологической ситуации и требования инвесторов. Имперское законодательство, напротив, отличалось низкой скоростью реагирования и распространялось на колонии только при прямом указании в статуте.

По своей юридической силе ордонанс в иерархии колониальных источников занимал промежуточное положение: он уступал имперским актам и указам в Совете, но имел приоритет над подзаконными нормативными актами колониальной администрации. Его соотношение с местным обычным правом регулировалось особой техникой: оборотом «с сохранением действия местного права и обычая» *(«subject to native law and custom»*), встречающимся в ряде ордонансов о земле и подразумевающим, что норма ордонанса не отменяет обычай, если иное прямо не предусмотрено.

Регулирование недропользования в Западной Африке на основе ордонансов

На Золотом Берегу основным актом, упорядочившим стихийный рынок горных концессий, стал Ордонанс о концессиях 1900 г. (*Concessions Ordinance 1900*)[4]. Ордонанс ввел обязательную регистрацию уведомления о концессии у регистратора суда и наделил суды полномочиями по выдаче сертификата о действительности (Certificate of Validity). Согласно ст. 26, такой сертификат был действителен «с даты его выдачи против любого лица, заявляющего противоположное». Такое регулирование не предполагало ни национализации недр, ни свободы концессионных договоров. Колониальный законодатель установил судебный контроль над законностью концессий, при котором вожди формально сохраняли право распоряжения землей и недрами, однако их свобода заключения договоров ставилась под надзор колониальной юстиции.

Нигерийская модель развивалась иначе. Серия актов 1900–1916 гг. – Акт о передаче Нигерских земель (*Niger Lands Transfer Act 1902*), Ордонанс о нефти 1914 г. (*Mineral Oil Ordinance 1914*), Ордонанс о полезных ископаемых 1916 г. (*Mineral Ordinance 1916*) – последовательно изъяла недра из частной и общинной собственности и передала их Короне[5]. Концессии утратили характер самостоятельных прав и стали производными от государственного разрешения (лицензии). В первой модели (Золотой Берег) ордонанс признавал договор с местными властями. Во второй модели (Нигерия) он, напротив, лишал договор значения самостоятельного юридического основания.

Регулирование недропользования в Южной Африке на основе ордонансов

До поглощения бурских республик в 1902 г. на территории Трансвааля действовал Закон о золоте 1898 г. (*Gold Law No. 15 of 1898*)[6]. Данный закон, основанный на римско-голландской правовой традиции, отделял право собственности на недра от права собственности на поверхность и закреплял недра за государством. После заключения Ферининхингского мирного договора 1902 г. и преобразования Трансвааля Закон

[1] О механизме автоматического распространения прерогативы: Barton B. Royal Mines // New Zealand Law Journal. – 2010 (рукопись автора, Waikato Research Commons).
[2] Hansard, House of Commons Debate, 29 June 1937, vol. 325, cc1779–80 (Ответ Статс-секретаря по делам колоний Ормсби-Гора на запрос об условиях выплаты горных роялти на Золотом Берегу).
[3] Colonial Laws Validity Act 1865 (28 & 29 Vict. c. 63) [Электронный ресурс] // legislation.gov.uk. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/28-29/63
[4] Concessions Ordinance 1900 (Gold Coast), No. 14 of 1900, s. 26.
[5] Niger Lands Transfer Act 1902 (No. 2 of 1902); Mineral Oil Ordinance 1914 (Nigeria); Mineral Ordinance 1916 (Nigeria). Об эволюции нигерийского горного режима: Steyn Ph. Oil Exploration in Colonial Nigeria, c. 1903–58 // The Journal of Imperial and Commonwealth History. – 2009. – Vol. 37. – No. 2. – P. 249–274.
[6] Transvaal Gold Law No. 15 of 1898 (Zuid-Afrikaansche Republiek). Английский перевод: Transvaal Gold Law: Translation into English of Law No. 15 of 1898. – Pretoria: Government Printing and Stationery Office, 1903.

о золоте 1898 г. продолжал действовать. Он был дополнен Ордонансом о шахтах, горных работах и механизмах 1903 г. (*Mines, Works and Machinery Ordinance 1903*) и Прокламацией о регистрации горных прав (*Registration of Mining Rights Proclamation 1902*). В дальнейшем этот закон был поглощен Актом о драгоценных и прочих металлах 1908 г. (*Precious and Base Metals Act 1908*).[1]

Корона не требовала немедленной унификации горного режима по нигерийскому образцу. Ордонансы новой администрации дополняли предшествующее бурское законодательство, внося изменения в процедурные нормы, но не затрагивая его основополагающих принципов. Подобный подход согласовывался с принципом: на завоеванных и уступленных территориях действующее на момент аннексии право продолжает применяться вплоть до его прямой замены актами новой власти. В Капской колонии аналогичная практика прослеживается в серии актов второй половины XIX в.: Закон о горной аренде 1865 г. (*Mining Lease Act 1865*), Закон об аренде земель с полезными ископаемыми 1877 г. (*Mineral Lands Leasing Act 1877*), Закон о драгоценных ископаемых 1898 г. (*Precious Minerals Act 1898*) и др.[2] Ни один из указанных законов не вводил всеобщей государственной собственности на недра.

Ордонансы о земле как основание горного права

Земельные ордонансы являлись основой всей системы горно-правового регулирования. Так, Ордонанс о приобретении публичных земель 1903 г. (*Public Lands Acquisition Ordinance 1903, Lagos*) предоставлял губернатору право на принудительное отчуждение земли для публичных нужд[3]. Ордонансы о коронных землях (*Crown Lands Ordinances*), существовавшие во многих колониях (напр. Золотой Берег), определяли, какие земли рассматривались как нераспределенные и попадали в распоряжение короны. Если горный ордонанс закреплял право на недра за Короной, то земельный ордонанс предоставлял ей право на поверхность, обеспечивая тем самым полный контроль над территорией. Если же горный ордонанс оставлял недра за местным населением, то земельный режим определял круг лиц, правомочных выступать стороной в концессионном соглашении. Таким образом, горное право функционально зависело от земельного, что опровергает представление о земельных ордонансах как о сугубо вспомогательных источниках.

Местное обычное право как исходное основание горных правоотношений

Хронологически и логически первичным источником правового регулирования недропользования на большинстве территорий британского присутствия являлось местное обычное право. К моменту установления британской администрации на этих землях многие виды промыслов существовали уже несколько столетий: золотодобыча в Ашанти[4], разработка оловянных месторождений на плато Джос в Нигерии[5], добыча меди и железа во внутренних районах Трансвааля[6]. По обычному праву земля и ее недра рассматривались как общинная собственность, а вождь, выступая представителем общины, обладал в отношении них распорядительными полномочиями.

Юридическая сущность такого режима была раскрыта в решении Судебного комитета Тайного совета по делу *Amodu Tijani v. Secretary, Southern Nigeria* [1921] 2 AC 399[7]. Тайный совет постановил, что после уступки территории имперской Короне вся полнота «радикального титула» (*radical title*) переходит к ней. Однако за местным населением сохраняется «узуфруктуальный титул» (*usufructuary title*) на землю, которое они продолжают осуществлять согласно обычному праву.

В колониальной иерархии источников права обычай не имел автономной силы. Судебные органы применяли его только при условии, что он не противоречил «принципам естественной справедливости, равенства и доброй совести» (*natural justice, equity and good conscience*) и не противоречил положениям действующего ордонанса[8]. Эта так называемая «доктрина непротиворечия» (*repugnancy doctrine*) ставила применение обычного права в зависимость от соответствия британским стандартам правосудия, делая его действие условным. В.А. Томсинов, исследуя правовую политику британских колониальных властей в Тропической Африке, установил, что официальное признание местного обычного права определялось прежде всего политическим расчетом: опора на традиционную знать и обычно-правовые формы была призвана обеспечить британским властям авторитет в глазах коренного населения, тогда как в сферах, имевших первостепенное значение для колониального режима, обычное право было полностью вытеснено[9].

Английское общее право в колониях: доктрина рецепции и понятие «статутов общего применения»

Доктрина рецепции предполагала, что с распространением английской юрисдикции на колонию в ней начинают действовать общее право, право справедливости и некоторые акты парламента. Объем заимствования определялся учредительными или судоустройственными ордонансами и мог различаться в разных колониях. Ордонанс о Верховном суде Золотого Берега 1876 г. (*Gold Coast Supreme Court Ordinance 1876*) устанавливал, что на территории колонии подлежат применению общее право, доктрины справедливости, а также «статуты общего применения» (*statutes of general application*), действовавшие в Англии на 1874 г. – момент, когда колония получила собственный законодательный ор-

[1] South African Mineral Law – A Historical Overview // [Электронный ресурс]: – URL: https://pdfs.semanticscholar.org/5b1e/7f644ad7129871e4d6a97fffd00a52181a90.pdf.
[2] Там же. P. 131.
[3] Public Lands Acquisition Ordinance 1903 (Lagos), No. 5 of 1903.
[4] Green, Toby. A fistful of shells: West Africa from the rise of the slave trade to the age of revolution. – Kindle-Version. – London: Penguin Books Ltd, 2019-01-31. – P. 108, 247.
[5] Bitiyong, Yashim Isa (1999). Tin smelting in the Nok region, Nigeria. West African Journal of Archaeology, 29(1-2), 47-52.
[6] R. J. Mason. Prehistoric mining in South Africa, and Iron Age copper mines in the Dwarsberg, Transvaal. Journal of the South African Institute of Mining and Metallurgy, 1982, vol. 82, pp. 134-142.
[7] Amodu Tijani v Secretary, Southern Nigeria [1921] 2 AC 399, [1921] UKPC 80. The Judicial Committee of the Privy Council Decisions // [Электронный ресурс]: - URL: https://www.bailii.org/uk/cases/UKPC/1921/1921_80.html
[8] Toufyan M. When British Justice (in African Colonies) Points Two Ways: On Dualism, Hybridity, and the Genealogy of Juridical Negritude in Taslim Olawale Elias. Leiden Journal of International Law. 2008;21(2):377-410.
[9] Томсинов В.А. Источники британского «колониального права» в Тропической Африке (начало XIX – середина XX в.): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М.: Ун-т дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 1981. – 190 с. С. 134–139.

ган[1]. Для Нигерии в этом смысле точкой отсчета стал 1900 г.[2]

Содержание понятия «статуты общего применения» оставалось дискуссионным. При подготовке западноафриканских ордонансов о рецепции колониальные чиновники исходили из того, что установленная дата ограничивает действие как статутов, так и общего права[3], однако последующая судебная практика смягчила эту позицию.

Значение доктрины рецепции для горного права было неоднозначным. Вместе с общим правом в колонию автоматически переходила прерогатива Короны на золото и серебро, однако иных последствий для регулирования недропользования рецепция не имела. Основные особенности колониального горного режима устанавливались ордонансами.

Судебные прецеденты по горным делам и их роль в формировании колониального горного права

Судебная практика Судебного комитета Тайного совета, выступавшего высшей инстанцией для колониальных судов, была направлена не только на толкование права, но и на восполнение пробелов в законодательстве. С помощью собственных прецедентов Тайный совет формировал доктрину собственности на землю и недра в тех случаях, когда ни ордонанс, ни общее право не имели соответствующей нормы.

Решение по делу *In re Southern Rhodesia* [1919] AC 211[4] имело ключевое значение для определения правового режима нераспределенных земель на территориях, находившихся под управлением хартированных компаний. Тайный совет отклонил притязания Британской южноафриканской компании, постановив, что после завоевания Матабелеленда (1893–1897) бенефициарный титул (*beneficial title*) на земли перешел к Короне. В рамках данного решения Тайный совет сформулировал позицию, согласно которой отдельные местные общины находятся «настолько низко на шкале социальной организации», что их представления о правах не могут быть приравнены к правоотношениям в смысле английского права. Это утверждение было отвергнуто Верховным судом Австралии в деле *Mabo (No 2)* (1992) High Court of Australia[5].

Принципиально иная позиция была сформулирована в решении по делу *Amodu Tijani v. Secretary, Southern Nigeria* [1921] 2 AC 399[6]. С одной стороны, Тайный совет подтвердил, что радикальный титул на территории Лагоса перешел к Короне после ее уступки в 1861 году. С другой стороны, он постановил, что «полный узуфруктуальный титул» сохраняется за вождем, представляющим интересы общины, поскольку «общие слова акта уступки относятся прежде всего к суверенным правам».

Для горного права это значило, что издание ордонанса о национализации недр влечет за собой обязанность выплаты компенсации, при определении размера которой необходимо учитывать общинный характер узуфрукта. Решение *Adeyinka Oyekan and Others v. Musendiku Adele* [1957] 1 WLR 876 (PC)[7], хронологически вышедшее за рамки изучаемого периода, закрепило сложившуюся прецедентную практику, подтвердив сохранение местного титула после цессии.

В отличие от метрополии, где прецедент функционировал в рамках уже сложившейся системы источников права, в колониях он одновременно выполнял несколько функций: конкретизировал содержание ордонанса, согласовывал его с нормами обычного права и определял степень сохранения местных прав после акта суверенитета. Возникшее внутреннее противоречие между линиями *In re Southern Rhodesia* и *Amodu Tijani* не было разрешено в колониальный период – оно воспроизводилось в последующей судебной практике и доктрине, порождая две конкурирующие интерпретации одних и тех же ордонансов. В этой связи колониальный судебный прецедент в горных делах являлся инструментом, в большей степени выполнявшим конструктивную функцию по сравнению с английским правопорядком.

Доктринальные источники: труды Г. Стоуна и Т. Холланда в системе источников горного права

Развитие доктринальной литературы в области колониального горного права было ориентировано на решение практических задач. Автор «*Mining Law of the British Empire*» (1906)[8], Ч. Дж. Алфорд, систематизировал нормативный материал с точки зрения правоприменения. Более обширным систематизирующим трудом стало многотомное издание Г. Стоуна «*The Mining Laws of the British Empire and of Foreign Countries*», подготовленное для Имперского бюро минеральных ресурсов (*Imperial Mineral Resources Bureau*) и Имперского института (*Imperial Institute*) в 1920–1931 гг.[9] Двенадцать томов содержат тексты горных законов британских территорий с систематическим сопоставлением нормативных режимов разных колоний. Работа Стоуна не содержит авторского комментария, ее практическая ценность заключается в возможности сравнительного анализа источников, которые в ином случае рассматривались бы как изолированные локальные акты.

Иной тип доктринальной работы представлен трудами Т. Холланда – «*Studies in International Law*» (1898)[10] и «*Lectures on International Law*» (1933).[11] Эти работы не посвящены горному праву, однако учение Холланда о суверенитете в колониях, о юридической природе королевской хартии и о статусе компаний, созданных на основании королевской хартии, как субъектов международной правосубъектности обосновывало законность передачи компаниям административных и горных полномочий через королевскую прерогативу и очерчивало рамки этой передачи.

Таким образом, доктрина колониального права недропользования представлена двумя направлениями. Нормативно-описательное

---

[1] Gold Coast Supreme Court Ordinance 1876 (No. 4 of 1876), s. 14. Researching Ghanaian Law (Globalex) [Электронный ресурс]. URL: https://www.nyulawglobal.org/globalex/Ghana.html (дата обращения: 13.01.2026).
[2] Interpretation Act (Nigeria), s. 32. Sources of Nigerian Law [Электронный ресурс]. URL: https://www.learnnigerianlaw.com/learn/legal-methods/law-sources
[3] Seidman R.B. A Note on the Construction of the Gold Coast Reception Statute // Journal of African Law. – 1969. – Vol. 13. – No. 1. – P. 45–51.
[4] In re Southern Rhodesia [1919] AC 211 (PC).
[5] Mabo v Queensland (No 2) [1992] HCA 23; (1992) 175 CLR 1.
[6] Amodu Tijani v. Secretary, Southern Nigeria [1921] 2 AC 399; [1921] UKPC 80. NigeriaLII [Электронный ресурс]. URL: https://nigerialii.org/akn/ng/judgment/ngsc/1921/1/eng@1921-07-11
[7] Adeyinka Oyekan and Others v. Musendiku Adele [1957] 1 WLR 876 (PC); [1957] UKPC 13.
[8] Alford C.J. Mining Law of the British Empire. – London: Charles Griffin & Co., Ltd., 1906. – 300 p.
[9] Imperial Mineral Resources Bureau; Imperial Institute. The Mining Laws of the British Empire and of Foreign Countries / prepared by G. Stone (vols. 1920–1925). – London: H.M.S.O., 1920–1931. – 12 vols. in 17. OCLC 467938599.
[10] Holland T.E. Studies in International Law. – Oxford: Clarendon Press, 1898. – viii + 314 p.
[11] Holland T.E. Lectures on International Law / ed. by T.A. Walker and W.L. Walker. – London: Sweet & Maxwell, Ltd., 1933. – xlii + 576 p.

направление (Г. Стоун, Ч. Дж. Алфорд) систематизирует массив ордонансов и концессионных соглашений. Теоретико-конституционное направление (Т. Холланд и его последователи) обосновывает саму возможность существования колониального режима недропользования. Без первого система источников представляет собой разрозненные локальные акты; без второго она утрачивает конституционные основания.

Заключение

Анализ основных источников правового регулирования недропользования в колониях Британской империи в начале XX в. позволяет сделать несколько обобщающих выводов.

1. Правовое регулирование недропользования в колониях обладало собственной спецификой и могло достаточно сильно отличаться от права метрополии.

В частности, регулирование, выстроенное на ордонансах, последовательно расширяло прерогативу Короны. Если в английском общем праве исключительное право Короны ограничивалось золотом и серебром (так называемыми «королевскими металлами»), то колониальный ордонанс превращал такое право Короны в полную государственную собственность на все без исключения полезные ископаемые.

Английское общее право и право справедливости оказывали на регулирование недропользования в колониях Британской империи лишь минимальное, преимущественно формальное влияние. В колонию автоматически переходила одна только прерогатива Короны на золото и серебро. Содержательная же сторона горного режима определялась ордонансами колониального законодателя.

2. Иерархия источников права определялась *ad hoc* в отдельных колониях (или их группах).

Один и тот же тип акта мог иметь различную юридическую силу в зависимости от конкретного колониального правопорядка. Так, в Нигерии ордонанс служил инструментом национализации недр, на Золотом Берегу выступал регулятивным барьером для частных концессий, а в Трансваале встраивался в уже сложившуюся римско-голландскую традицию, не отменяя ее.

Основным источником правового регулирования общественных отношений в сфере недропользования выступали конкретные колониальные ордонансы:

– как специальные акты они имели приоритет перед общим правовым регулированием метрополии (за исключением ряда «сверхимперативных» норм английского права, как, например, исключительное право собственности Короны на золото и серебро);

– в силу доктрины непротиворечия (repugnancy doctrine) имели приоритет перед местными правовыми обычаями, в рамках которых исторически формировались нормы в сфере недропользования в конкретных колониях Британской империи.

Автономной юридической силой местный правовой обычай не обладал. В иерархии источников права недропользования его действие оставалось условным.

Особая роль в системе источников правового регулирования недропользования в Британской империи принадлежала судебному прецеденту. Ему приходилось одновременно конкретизировать содержание ордонанса, согласовывать его с нормами обычного права и определять, в какой мере местные права сохраняются после перехода власти к колониальной администрации.

Таким образом, источники правового регулирования недропользования в колониях Британской империи начала XX в. образовывали не жесткую иерархию, а подвижную систему. Ордонансы, обычное право, реципированное общее право, судебный прецедент и доктрина находились в ней в сложном взаимодействии, а их действительное соотношение определялось спецификой конкретной территории и усмотрением конкретной колониальной администрации.

Список литературы:

1. Colonial Laws Validity Act 1865 (28 & 29 Vict. c. 63).
2. Gold Coast Supreme Court Ordinance 1876 (No. 4 of 1876), s. 14.
3. Transvaal Gold Law No. 15 of 1898 (Zuid-Afrikaansche Republiek).
4. Concessions Ordinance 1900 (Gold Coast), No. 14 of 1900.
5. Niger Lands Transfer Act 1902 (No. 2 of 1902).
6. Public Lands Acquisition Ordinance 1903 (Lagos), No. 5 of 1903.
7. Mineral Oil Ordinance 1914 (Nigeria).
8. Mineral Ordinance 1916 (Nigeria).
9. Interpretation Act (Nigeria), s. 32.
10. Transvaal Gold Law: Translation into English of Law No. 15 of 1898. – Pretoria: Government Printing and Stationery Office, 1903.
11. Ответ Статс-секретаря по делам колоний У.Г. Ормсби-Гора на запрос об условиях выплаты горных роялти на Золотом Берегу // Hansard. House of Commons Debate, 29 June 1937, vol. 325, cc1779–80.
12. In re Southern Rhodesia [1919] AC 211 (Judicial Committee of the Privy Council).
13. Amodu Tijani v. Secretary, Southern Nigeria [1921] 2 AC 399; [1921] UKPC 80 (Judicial Committee of the Privy Council).
14. Adeyinka Oyekan and Others v. Musendiku Adele [1957] 1 WLR 876 (PC); [1957] UKPC 13 (Judicial Committee of the Privy Council).
15. Mabo v Queensland (No 2) [1992] HCA 23; (1992) 175 CLR 1 (High Court of Australia).
16. Томсинов В.А. Источники британского «колониального права» в Тропической Африке (начало XIX – середина XX в.): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М.: Ун-т дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 1981. – 190 с.
17. Alford C.J. Mining Law of the British Empire. – London: Charles Griffin & Co., Ltd., 1906. – 300 p.
18. Barton B. Royal Mines // New Zealand Law Journal. – 2010. Waikato Research Commons. Электронный ресурс. URL: https://researchcommons.waikato.ac.nz/server/api/core/bitstreams/f8669ae1-8ef2-491f-b73b-493f6cad4531/content
19. Bitiyong Y.I. Tin smelting in the Nok region, Nigeria // West African Journal of Archaeology. – 1999. – Vol. 29. – No. 1–2. – P. 47–52.
20. Green T. A fistful of shells: West Africa from the rise of the slave trade to the age of revolution. – London: Penguin Books Ltd, 2019. – P. 108, 247.
21. Holland T.E. Studies in International Law. – Oxford: Clarendon Press, 1898. – 314 p.
22. Holland T.E. Lectures on International Law / ed. by T.A. Walker and W.L. Walker. – London: Sweet & Maxwell, Ltd., 1933. – 576 p.
23. Mason R.J. Prehistoric mining in South Africa, and Iron Age copper mines in the Dwarsberg, Transvaal // Journal of the South African Institute of Mining and Metallurgy. – 1982. – Vol. 82. – P. 134–142.
24. Seidman R.B. A Note on the Construction of the Gold Coast Reception Statute // Journal of African Law. – 1969. – Vol. 13. – No. 1. – P. 45–51.
25. South African Mineral Law – A Historical Overview // [Электронный ресурс]: - URL: https://pdfs.semanticscholar.org/5b1e/7f644ad7129871e4d6a97fffd00a52181a90.pdf
26. Steyn Ph. Oil Exploration in Colonial Nigeria, c. 1903–58 // The Journal of Imperial and Commonwealth History. – 2009. – Vol. 37. – No. 2. – P. 249–274.

27. The Mining Laws of the British Empire and of Foreign Countries / prepared by G. Stone; Imperial Mineral Resources Bureau; Imperial Institute. – London: H.M.S.O., 1920–1931. – 12 vols. in 17. OCLC 467938599.
28. Toufyan M. When British Justice (in African Colonies) Points Two Ways: On Dualism, Hybridity, and the Genealogy of Juridical Negritude in Taslim Olawale Elias // Leiden Journal of International Law. – 2008. – Vol. 21. – No. 2. – P. 377–410.
29. «Mining laws still reflect colonial legacy» – Prof. Caesar Atuire Radio Univers 105.7 // [Электронный ресурс]. URL: https://univers.ug.edu.gh/mining-laws-still-reflect-colonial-legacy-prof-caesar-atuire/
30. Researching Ghanaian Law (Globalex). New York University School of Law. // [Электронный ресурс]: URL: https://www.nyulawglobal.org/globalex/Ghana.html
31. Sources of Nigerian Law [Электронный ресурс]. URL: https://www.learnnigerianlaw.com/learn/legal-methods/law-sources

References:

1. Colonial Laws Validity Act 1865 (28 & 29 Vict. c. 63).
2. Gold Coast Supreme Court Ordinance 1876 (No. 4 of 1876), s. 14.
3. Transvaal Gold Law No. 15 of 1898 (Zuid-Afrikaansche Republiek).
4. Concessions Ordinance 1900 (Gold Coast), No. 14 of 1900.
5. Niger Lands Transfer Act 1902 (No. 2 of 1902).
6. Public Lands Acquisition Ordinance 1903 (Lagos), No. 5 of 1903.
7. Mineral Oil Ordinance 1914 (Nigeria).
8. Mineral Ordinance 1916 (Nigeria).
9. Interpretation Act (Nigeria), s. 32.
10. Transvaal Gold Law: Translation into English of Law No. 15 of 1898. – Pretoria: Government Printing and Stationery Office, 1903.
11. Response of the Secretary of State for the Colonies, W.G. Ormsby-Gore, to a request for conditions for payment of mining royalties on the Gold Coast // Hansard. House of Commons Debate, 29 June 1937, vol. 325, cc1779–80.
12. In re Southern Rhodesia [1919] AC 211 (Judicial Committee of the Privy Council).
13. Amodu Tijani v. Secretary, Southern Nigeria [1921] 2 AC 399; [1921] UKPC 80 (Judicial Committee of the Privy Council).
14. Adeyinka Oyekan and Others v. Musendiku Adele [1957] 1 WLR 876 (PC); [1957] UKPC 13 (Judicial Committee of the Privy Council).
15. Mabo v Queensland (No 2) [1992] HCA 23; (1992) 175 CLR 1 (High Court of Australia).
16. Tomsinov V.A. Sources of British "colonial law" in Tropical Africa (early 19th – mid 20th centuries): dissertation of the cand. jurid. sciences': 12.00.01. Moscow: Patrice Lumumba Peoples' Friendship University, 1981. 190 p.
17. Alford C.J. Mining Law of the British Empire. – London: Charles Griffin & Co., Ltd., 1906. – 300 p.
18. Barton B. Royal Mines // New Zealand Law Journal. – 2010. Waikato Research Commons. Electronic resource. URL: https://researchcommons.waikato.ac.nz/server/api/core/bitstreams/f8669ae1-8ef2-491f-b73b-493f6cad4531/content
19. Bitiyong Y.I. Tin smelting in the Nok region, Nigeria // West African Journal of Archaeology. – 1999. – Vol. 29. – No. 1–2. – P. 47–52.
20. Green T. A fistful of shells: West Africa from the rise of the slave trade to the age of revolution. – London: Penguin Books Ltd, 2019. – P. 108, 247.
21. Holland T.E. Studies in International Law. – Oxford: Clarendon Press, 1898. – 314 p.
22. Holland T.E. Lectures on International Law / ed. by T.A. Walker and W.L. Walker. – London: Sweet & Maxwell, Ltd., 1933. – 576 p.
23. Mason R.J. Prehistoric mining in South Africa, and Iron Age copper mines in the Dwarsberg, Transvaal // Journal of the South African Institute of Mining and Metallurgy. – 1982. – Vol. 82. – P. 134–142.
24. Seidman R.B. A Note on the Construction of the Gold Coast Reception Statute // Journal of African Law. – 1969. – Vol. 13. – No. 1. – P. 45–51.
25. South African Mineral Law – A Historical Overview // [Electronic resource]: - URL: https://pdfs.semanticscholar.org/5b1e/7f644ad7129871e4d6a97fffd00a52181a90.pdf
26. Steyn Ph. Oil Exploration in Colonial Nigeria, c. 1903–58 // The Journal of Imperial and Commonwealth History. – 2009. – Vol. 37. – No. 2. – P. 249–274.
27. The Mining Laws of the British Empire and of Foreign Countries / prepared by G. Stone; Imperial Mineral Resources Bureau; Imperial Institute. – London: H.M.S.O., 1920–1931. – 12 vols. in 17. OCLC 467938599.
28. Toufyan M. When British Justice (in African Colonies) Points Two Ways: On Dualism, Hybridity, and the Genealogy of Juridical Negritude in Taslim Olawale Elias // Leiden Journal of International Law. – 2008. – Vol. 21. – No. 2. – P. 377–410.
29. «Mining laws still reflect colonial legacy» – Prof. Caesar Atuire Radio Univers 105.7 // [Electronic resource]. URL: https://univers.ug.edu.gh/mining-laws-still-reflect-colonial-legacy-prof-caesar-atuire/
30. Researching Ghanaian Law (Globalex). New York University School of Law. // [Electronic resource]: URL: https://www.nyulawglobal.org/globalex/Ghana.html
31. Sources of Nigerian Law [Electronic resource]. URL: https://www.learnnigerianlaw.com/learn/legal-methods/law-sources

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_471

ОПЫТ РЕФОРМАТОРСКИХ ПРОЕКТОВ «СВЕРХУ»: ПРОБЛЕМЫ ОГРАНИЧЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ И ВВЕДЕНИЯ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII - XIX вв.

THE EXPERIENCE OF REFORM PROJECTS "FROM ABOVE": PROBLEMS OF LIMITING AUTOCRACY AND INTRODUCING POPULAR REPRESENTATION IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 18th-19th CENTURIES

ЧЕРКАШИНА Наталья Валерьевна
доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры частного и публичного права
ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий».
107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49.
E-mail: natasha8181@mail.ru

РАЗУМЕЕВ Владимир Сергеевич
Аспирант ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий».
107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49.
9854918018@mail.ru

CHERKASHINA Natalia Valeryevna
Associate Professor, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Private and Public Law
Russian State University of Social Technologies.
Losinoostrovskaya str., 49, Moscow, 107150, Russia.
E-mail: natasha8181@mail.ru

RAZUMEEV Vladimir Sergeevich
postgraduate student of the Department of Private and Public Law Russian State University of Social Technologies.
Losinoostrovskaya str., 49, Moscow, 107150, Russia
9854918018@mail.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена анализу реформаторских проектов, инициированных правящей элитой Российской империи в XVIII и XIX веках, направленных на ограничение самодержавной власти и введение элементов народного представительства. Исследуется эволюция взглядов представителей власти на необходимость и возможность политических преобразований в России, а также их отношение к различным моделям общественного устройства. История создания проектов государственного переустройства России, предусматривающих ограничение самодержавия и деятельность представительных органов власти, начинается с XVIII века. Интерес к проектам государственных преобразований, авторами которых были представители правительства и лица, приближенные к царю, связан с условиями создания и возможностями реализации этих проектов. Во всех проектах авторы-реформаторы имели достойное образование и опыт государственной службы, в большинстве случаев действовали по поручению монарха. Почему в таком случае ни один из проектов не был до конца реализован?*

Abstract: *The article is devoted to the analysis of reform projects initiated by the ruling elite of the Russian Empire in the 18th and 19th centuries, aimed at limiting autocratic power and introducing elements of popular representation. The article examines the evolution of the views of government representatives on the necessity and possibility of political transformations in Russia, as well as their attitude to various models of social structure. The history of the creation of projects for the state reconstruction of Russia, providing for the restriction of autocracy and the activities of representative authorities, begins in the XVIII century. The interest in the projects of state transformations, the authors of which were government representatives and persons close to the tsar, is related to the conditions of creation and the possibilities of implementing these projects. In all projects, the reformers had decent education and public service experience, and in most cases they acted on behalf of the monarch. In this case, why was none of the projects fully implemented?*

Ключевые слова: *проекты государственного переустройства, ограничение самодержавия, народное представительство. «Кондиции», проект «государственного образования» М.М. Сперанского, Конституционная хартия Царства Польского, Уставная грамота Российской империи, «конституция» М.Т. Лорис-Меликова.*

Keywords: *projects of state reconstruction, limitation of autocracy, popular representation. "Conditions", the project of "public education" by M.M. Speransky, the Constitutional Charter of the Kingdom of Poland, the Charter of the Russian Empire, the "constitution" by M.T. Loris-Melikov.*

Для цитирования: *Черкашина Н.В., Разумеев В.С. Опыт реформаторских проектов «сверху»: проблемы ограничения самодержавия и введения народного представительства в Российской Империи в XVIII - XIX вв // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 471-474. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_471.*

For citation*: Cherkashina N.V., Razumeev V.S. The experience of reform projects "from above": the problems of limiting autocracy and the introduction of popular representation in the Russian Empire in the XVIII - XIX centuries // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 471-474. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_471.*

Статья поступила в редакцию: 26.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

«Первой юридически оформленной и довольно решительной попыткой ограничения самодержавия в русской истории» философ, историк и правовед А.Н. Медушевский [6, с. 285] признает «Кондиции» Верховного тайного совета, составленные в 1730 году при избрании на царство герцогини Курляндской, вступившей на русский престол после смерти Петра II под именем Анны Иоанновны. Текст Кондиции не был опубликован, анализ выполнен по лекциям «Конституционное право» государствоведа Н.И. Лазаревского [4, с. 97-101]. Согласно Кондиции, «верховная власть» должна принадлежать «императрице совместно с Верховным тайным советом», состоящим из дворян «знатнейших фамилий». «Сенат предварительно рассматривает дела, вносимые в Совет, и является высшей судебной инстанцией» [4, с. 97, 98]. «Палата низшего шляхетства» и «палата городских представителей» ведают интересами своих сословий.

Ограничение самодержавия «в пользу высшего дворянства» писал юрист, депутат I Государственной Думы Г.Ф. Шершеневич, «вызвало неудовольствие других слоев общества и дало возможность Анне Иоанновне разорвать кондиции, восстановить самодержавие» [13, с. 7].

Одно лишь «дворянское движение» низвергло эти замыслы, не случайно законовед, первый Государственный секретарь Российской империи (1810-1812) М.М. Сперанский назвал их «преждевременными» [10, с. 157]. Следует отметить, что критически настроенные историки (С.М. Соловьев, А.С. Алексеев) характеризовали «Кондиции» всего лишь как «корыстный расчет верховников» и подчеркивали «олигархический характер намерений». В данном случае интересны взгляды представителей позитивного направления в истории права (П.Н. Милюков, М.К. Любавский, А.Н. Медушевский), которые, не отрицая «олигархический характер» документа, признавали проект конституционным, ограничивающим самодержавие. Если бы этот проект был реализован, то абсолютная монархия, по мнению Н.И. Лазаревского, стала бы типичной для Европы XVII - начала XVIII в. сословной монархией [4, с. 99].

«Настоящее преобразование России в конституционную монархию и притом чрезвычайно полное», по мнению историка, правоведа, депутата I Государственной Думы С.А. Котляревского [3, с. 135], было предусмотрено в проекте М.М. Сперанского. Проект государственного устройства был разработан по поручению Александра I и изложен М.М. Сперанским в «Записке об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» (1803 г.), во «Введении к уложению государственных законов» (1809г.). Дальнейшее развитие получило в «Проекте Уложения государственных законов» (1809 г.) и в «Кратком начертании государственного образования» (1809 г.) [10].

Все «политические обновления», по Сперанскому, «связаны с духом времени» (обусловлены исторической необходимостью), и «никакое правительство» против этого «устоять не может», «главнейший вопрос» при этом «благовременность их начинаний» [10, с.154]. В России начала XIX века Сперанский находит «два состояния: рабы государевы (дворяне) и рабы помещичьи (крестьяне)», а на стороне правительства – «неограниченность действий» [10, с. 43, 45]. В данном случае по Сперанскому возможно было два варианта: преобразованиями государства управляют революционные события, когда «вопль народа» становится «бешенством страстей народных», либо управление со стороны правительства («мудрость правительства»). Выбирая между деспотическим и монархическим государствами, наиболее подходящей формой правления для России Сперанский находил самодержавное (монархическое) правление [10, с. 68]. И предлагал преобразовать государственное управление «сверху» «сколь можно близко к монархическому», при этом, не разрушая «настоящего порядка», подчинить «самодержавное правление» конституции [10, с.87, 131]. В соответствии с проектом Российская империя по-прежнему управлялась «державною властью». Только после утверждения императором законы, уставы и учреждения обретали силу, назначались судьи. При этом, следуя известному принципу разделения властей, Сперанский предусмотрел разделение всех «порядков» или ветвей власти (законодательной, исполнительной и судной) снизу доверху «по степеням» или уровням (от волостных городов до столицы). На государственном уровне законодательную власть осуществляла выборная Государственная Дума, исполнительную власть – Министерства, судную власть – Сенат. Государственная Дума состояла из «депутатов всех свободных состояний» (сословий), которых выбирали губернские думы. Закон, «уваженный в Думе», передавался на утверждение императору. Закон, «признанный большинством голосов неудобным, оставался без действия» [10, с. 227]. Государственный совет представлял собой «вершину всей государственной организации», в которой «законодательная, судная и исполнительная власти в главных их отношениях соединяются и через него восходят к державной власти» (10, с. 216). Проект реформ М.М. Сперанского не нашел поддержки императора, остался практически нереализованным, автор проекта получил отставку, обвинялся в государственной измене и был сослан. Самым значимым реализованным преобразованием М.М. Сперанского стало основание законосовещательного Государственного Совета (1810 г.). Дальнейшее законодательство о Государственном Совете, с точки зрения историка и правоведа В.В. Леонтовича, «не представляло собой развития, а напротив, явилось ограничением либеральных принципов», которые пытался воплотить Сперанский. В качестве примера он указывает на то, что согласно статьям 112 и 116 Устава Государственного Совета 1842 г. «царь может утвердить не только мнение большинства, но и мнение меньшинства», и даже может принять решение, не соответствующее мнению Совета [5, с. 78].

Идеи конституционного устройства государства были реализованы в Российской империи при организации представительных органов власти в Царстве Польском, территория которого по решению Венского конгресса (после победы над наполеоновской Францией) была передана Российской империи. Александр I, обращаясь в своих манифестах к населению, объявил, что внутренне управление Царства Польского будет основано на «особенных правилах, свойственных …обычаям жителей и к местному их положению примененных» [9, с. 53], о предоставлении полякам «национальной конституции» [9, с. 54]. Поскольку работа над конституцией (осень 1814 г. - 15 ноября 1895 г.) состояла из нескольких этапов, состав авторов постоянно менялся. Ведущая роль в создании проекта польской конституции принадлежит попечителю Виленского учебного округа, польскому князю А. Чарторыйскому и вице-президенту временного совета, управляющему Варшавским герцогством (впоследствии Царство Польское) Н.Н. Новосильцеву. Именно они по поручению императора составили проект «Основ конституции Царства Польского». А. Чарторыйский был соавтором последнего проекта Конституционной хартии Царства Польского (далее – Хартии), в которую с помощью Н.Н. Новосильцева внес свои поправки Александр I. Как отмечает юрист и переводчик Хартии А.В. Ващенко, поправки, внесенные императором, «усиливали власть монарха» и «уточняли характер связи царства с Россией» [9, с. 20]. В частности, император вычеркнул положение о том, что Хартия является узами, связывающими царство с Россией. Указанную формулировку можно было толковать так, что с отменой Хартии разрывалась бы связь царства с империей. Император изменил подчинение Счетной палаты, которая стала контролироваться царем, а не Сенатом. Изменил порядок взаимодействия Государственного Совета с Сенатом – связь Совета с Сенатом стала возможной только через посредство монарха, тем самым «уменьшалось политическое значение Совета». Чтобы «сохранить <…> преемственность в законодательстве и обеспечить внутреннюю стабильность в Царстве», при создании Хартии учитывались действующие конституционные акты Польши (1791 г.) и Варшавского герцогства (1807 г.) [9, с. 21].

Согласно Конституционной хартии Царства Польского [9, с. 67-87], российские императоры были «обязаны короноваться Царями Польскими» (ст. 45 Хартии). В одном лице был император всероссийский и царь польский. В связи с длительным отсутствием царя в Царстве польском Хартия предусматривала пост наместника. Назначал, отзывал и определял «существо и пределы власти» наместника император (ст.

ст. 5, 7 Хартии).

Внешние политические отношения Российской империи распространялись на Царство Польское и только император вправе был «определять участие Царства в войнах» (ст. 8 Хартии), «в мирных или торговых трактатах» (ст. 9 Хартии). Единственным конституционным ограничением внешнеполитических полномочий императора являлось то, что Хартия гарантировала не использовать польские войска за пределами Европы (ст. 10 Хартии). Вся исполнительная и административная власть исходила от императора: он составлял бюджет и распоряжался доходами государства (ст. 39 Хартии), назначал сенаторов, министров, судей, а «равно всех остальных должностных лиц» (ст. 41 Хартии) и т.д. Все распоряжения и указы царя должны были «контрассигноваться министром-начальником департамента», который был ответственен за то, чтобы эти повеления и указы не противоречили Конституции и законам (ст. 47 Хартии).

Народное представительство в Царстве Польском по Хартии «заключается в Сейме, состоящем из Царя и из двух палат. Первая образуется из Сената, вторая – из послов», избранных сеймиками (дворянскими собраниями) и «депутатов от гмин» (волостей) (ст. 31 Хартии). Только император вправе был созывать и распускать Сейм (ст. 87 Хартии). Право законодательной инициативы принадлежало царю, от имени царя Государственный Совет передавал проекты законов в Сейм. Сейм обсуждал «все проекты гражданских, уголовных и административных законов», а также «проекты об изменении конституционных полномочий отдельных властей и должностей» (ст. 90 Хартии). Проекты, вносимые Царем, не могли изменяться иначе, как Государственным советом и только после замечаний, представленных соответствующими комиссиями Сейма (ст. 99 Хартии). После утверждения царем проект становился законом (ст. 105 Хартии). Царство Польское А.В. Ващенко называет «единственной страной в Центральной Европе», в которой депутаты парламента избирались «прямыми выборами и почти всеми общественными классами» [9, с. 26]. Были сохранены привилегии польской шляхты и аристократии в виде сената и 75 депутатов, которые избирались на дворянских собраниях (ст. 118 Хартии). Конституционным преобразованием стало установление Хартией избрания 51 депутата на собраниях в волостях, в выборах которых принимали участие собственники-недворяне (ст. ст. 118, 131 Хартии).

В марте 1818 г. при открытии польского сейма Александр I заявил о том, что «законно-свободные учреждения», которые он «даровал» Польше, надеется распространить на всю империю. В конце этого же года по заданию императора Александра I началась работа над проектом конституции России, общее руководство которым осуществлял Н.Н. Новосильцев, ранее участвовавший в разработке Хартии. «Уставная грамота Российской империи» (далее - Уставная грамота) была готова и одобрена императором в октябре 1819 г., доработана к 1820 г. По Уставной грамоте [1], Россия представляла собой федерацию, состоящую из десяти наместничеств (групп губерний) во главе с генерал-губернатором. «Державная власть» была «неразделима» и сосредоточена «в лице монарха». Государь считался «единственным источником» всех властей в империи: «законодательных, гражданских, политических и военных». По аналогии с Конституционной хартией Польского Царства в Уставной грамоте было образовано «народное представительство» – государственный сейм (государственная дума), состоящий «из государя и двух палат». Первую – высшую палату представлял Сенат, вторую – посольскую палату – «земские послы и депутаты окружных городских обществ». Законодательная власть принадлежала императору «при содействии палат государственного сейма». На местном уровне в наместничествах должны быть образованы «частные сеймы (думы) наместнических областей», которые также составлялись из государя и двух палат. В Уставной грамоте подробно излагались полномочия и порядок рассмотрения частными сеймами проектов общих и частных (местных) законов. По сравнению с Конституционной хартией Царства Польского Уставная грамота «отличалась умеренностью», а «система сеймов не ограничивала власть монарха» [12, с. 20, 22]. После завершения работы над проектом он даже не обсуждался и не рассматривался.

В период правления Николая I после восстания декабристов 1825 года и радикальных конституционных проектов идеологов Северного и Южного обществ декабристов П. Пестеля и Н. Муравьева ни одного проекта конституции создано не было. Более того, неудачным оказался «конституционный эксперимент» императора Александра I в Царстве Польском [7, с. 50]. Конституционная хартия Царства Польского перестала действовать после начала Польского восстания 1830-1831 гг. и после его подавления в 1832 г. был издан Органический статут Царства Польского. Статут объявил данный регион нераздельной частью Российского государства и упразднил Сейм, польскую армию и другие элементы польской государственности, существовавшие согласно Хартии.

Эпоха Александра II знаменует собой время великих реформ (освобождение крестьян от крепостной зависимости, земская и городская реформы) и возрождение конституционных идей. «В основе конституционных стремлений» этого периода «лежала всеобщая система обновления», возникших вследствие реформ [5, с. 318], и политический кризис конца 1870-х – начала 1880-х годов, «вызванный недовольством значительной части общества результатами реформ» [11, с. 149]. Особое значение для конституционных преобразований в этот период имело само существование и работа земства.

В апреле 1863 года статс-секретарь Валуев предоставил Александру II записку о том, что при введении земской реформы желательно установить «участие население в работах Государственного Совета» [4, с. 110]. 18 ноября того же года проект Валуева, окончательно разработанный, был рассмотрен на особом совещании при императоре. Согласно этому проекту «при Государственном Совете образовывался особый Съезд государственных гласных» [4, с. 110]. Выборные гласные избирались на губернских земских собраниях и от крупных городов. Часть гласных назначалась высочайшею властью из лиц, обладающих правом участия в земских выборах. Законопроекты прежде чем поступить на рассмотрение общего собрание Государственного Совета, должны были обсуждаться не только в Департаментах Совета, но и на съезде государственных гласных. Этот проект не получил свое развитие.

Собственные проекты реформ государственных преобразований (1866г. и 1880 г.) с участием земского и дворянского представительств в Государственный Совет разрабатывал брат императора Александра II, председатель Государственного совета, великий князь Константин

Николаевич. Один из таких проектов, подготовленный с участием государственного секретаря Е.А. Перетца был положен в основу проекта министра внутренних дел, графа М.Т. Лорис-Меликова.

В части государственных преобразований план Лорис-Меликов предусматривал следующие мероприятия [2, с. 47-48]: 1) «преобразование местных управлений в губерниях» в соответствии «с потребностями управления», точно определив объем их прав и обязанностей; 2) учреждение подготовительных комиссий по образцу комиссий, которые подготовили освободительные законы 19 февраля 1861 года. Эти комиссии «с участием представителей от земства и некоторых значительнейших городов» должны были предварительно, в совещательном порядке рассматривать законопроекты перед внесением их на обсуждение в Государственный Совет; 3) «пополнение и исправление» (пересмотр и редакция) положений земского и городового в соответствии «с указаниями прошедшего времени». При этом сам М.Т. Лорис-Меликов понимал, что указанные уступки проекта со стороны правительства были недостаточны в деле «возвращения государственной жизни к правильному и законному ее течению» и «успокоения умов и внутренней реформы» [2, с. 46]. Он надеялся, что эти меры не окончательные, и видел в реформе «только первый шаг к сближению высшей администрации с представителями от земств» [2, с. 49]. План был одобрен Александром II, на 4 марта 1881 г. было назначено заседание комитета министров для его окончательного утверждения, а 1 марта 1881 г. Александр II стал жертвой террористического акта. Его преемник Александр III под влиянием графа С.Г. Строганова и К.П. Победоносцева отверг предложенный проект и собственноручно сделал следующую надпись на первой странице доклада М.Т. Лорис-Меликова от 28 января 1881 г: «Слава богу, этот преступный и спешный шаг к конституции не был сделан, и весь этот фантастический проект был отвергнут в Совете Министров весьма незначительным меньшинством» [8, с. 42]. Период правления Александра III характеризуется реализацией консервативно-охранительной политики контрреформ, цель которой защита самодержавия от любых покушений. Следующий этап развития конституционных идей и реформ в Российской империи начнется только с началом XX века.

Таким образом, в конституционных проектах представителей власти в период XVIII-XIX вв. четко прослеживаются следующие тенденции: непременное сохранение самодержавной и наследственной власти монарха, а также реорганизация существующих учреждений или дополнение самодержавия совещательным учреждением представительного типа с участием высшего дворянства или представителей от земства и городов. Умеренный консерватизм авторов проектов так называемого «правительственного конституционализма» предусматривал приспособление существующего государственного устройства к меняющимся историческим обстоятельствам и общественным потребностям.

Список литературы

1. Государственная уставная грамота Российской империи - La Charte Constitutionne de l'Empire de Russie / Publ. d'apres l'original des archives de St. Petersbourg. Pref. de M. Theodor Schiemann. Берлин, 1903. 128 с. Тит. л. и текст на рус., фр. яз. [Электронный ресурс]. – URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/22157-gosudarstvennaya-ustavnaya-gramota-rossiyskoy-imperii-berlin-1903 (дата обращения: 20.12.2025).
2. Ковалевский М.М. Конституция графа Лорис-Меликова и его частные письма. Берлин: Штейниц, 1904. 117 с. [Электронный ресурс]. – URL: https://rusneb.ru (дата обращения: 20.12.2025).
3. Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских основных законов. Москва: тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1912. [Электронный ресурс]. – – URL: https://rusneb.ru (дата обращения: 20.12.2025).
4. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. Конституционное право: Вып. 1 / 24. Петроград: скл. изд.: кн. маг. «Право», 1917 [Электронный ресурс]. – URL: https://rusneb.ru (дата обращения: 08.12.2025).
5. Леонтович В.В. История либерализма в России, 1762-1914 [Пер. с нем.]. Москва: СП «Рус. Путь», Полиграфресурсы, 1995. 548 с.
6. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм. Российский конституционализм в сравнительной перспективе. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. 639 с.
7. Мельникова Л.В. «Конституционный эксперимент» в Царстве Польском: воплощение и последствия либерального замысла императора Александра I // Петербургский исторический журнал. 2018. №1 (17).
8. От абсолютизма к демократии политическая жизнь капиталистической России (1861-февраль, 1917): документы и материалы к семинарским занятиям по отечественной истории. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 1991. 167с.
9. Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи (1815–1917 гг.): хрестоматия / сост. и подгот. текстов: Н.Н. Андреянова, А.В. Ващенко, А.В. Звонарев; вступ. ст. и пер. с польск. А.В. Ващенко. Москва: МГПУ, 2017. 180 с.
10. Сперанский М.М. Проекты и записки; Под редакцией С.Н. Валка. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1961. 245 с. [Электронный ресурс]. – URL: https://speransky.rhga.ru/section/sochineniya-speranskogo/proekty-i-zapiski.html (дата обращения: 08.12.2025).
11. Тищенко Е.В. Конституционное развитие России в XIX в. / Е.В. Тищенко, В.Г. Тищенко // Вестник ЧГАКИ. 2013. №4 (36).
12. Чернов И.Е. Государственная Уставная Грамота Российской Империи (к вопросу о российском конституционализме), автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук, специальность 07.00.02 / Чернов Кирилл Сергеевич; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Ист. фак. Москва 2007. 26с.
13. Шершеневич Г.Ф. Конституционная монархия. М.: Нар. право, 1906. 38 с. [Электронный ресурс]. – URL: https://rusneb.ru (дата обращения: 08.12.2025).

References

1. The State Charter of the Russian Empire - La Charte Constitutionne de l'Empire de Russie / Publ. d'apres l'original des archives de St. Petersburg. Pref. de M. Theodor Schiemann. Berlin, 1903. 128 p. Tit. L. and text in Russian, French [Electronic resource]. – URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/22157-gosudarstvennaya-ustavnaya-gramota-rossiyskoy-imperii-berlin-1903 (date of request: 12/20/2025).
2. Kovalevsky M.M. The Constitution of Count Loris-Melikov and his private letters. Berlin: Steinitz, 1904. 117 p. [electronic resource]. – URL: https://rusneb.ru (date of reference: 12/20/2025).
3. Kotlyarevsky S.A. Legal prerequisites of Russian basic laws. Moscow: G. Lissner and D. Sobko Publishing House, 1912. [electronic resource]. – – URL: https://rusneb.ru (date of request: 12/20/2025).
4. Lazarevsky N.I. Lectures on Russian State law. Vol. 1. Constitutional law. Constitutional law: Issue 1/24. Petrograd: skl. ed.: kn. mag. Pravo, 1917 [Electronic resource]. – URL: https://rusneb.ru (date of reference: 12/08/2025).
5. Leontovich V.V. The history of liberalism in Russia, 1762-1914 [Trans. from German]. Moscow: JV "Rus. The Path", Polygraph Resources, 1995. 548 p.
6. Medushevsky A.N. Democracy and authoritarianism. Russian constitutionalism in a comparative perspective. M.: "Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN), 1997. 639p.
7. Melnikova L.V. The "Constitutional experiment" in the Kingdom of Poland: the embodiment and consequences of the liberal plan of Emperor Alexander I // St. Petersburg Historical Magazine. 2018. №1 (17).
8. From Absolutism to Democracy, the Political life of capitalist Russia (1861-February, 1917): documents and materials for seminars on Russian history. Yekaterinburg: Ural State University named after A.M. Gorky, 1991. 167s.
9. The legal status of the Kingdom of Poland within the Russian Empire (1815-1917): a textbook / comp. and get ready. texts: N.N. Andreyanova, A.V. Vashchenko, A.V. Zvonarev; introductory article and translated from Polish by A.V. Vashchenko. Moscow: MGPU, 2017. 180 p.
10. Speransky M.M. Projects and notes; Edited by S.N. Valk. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961. 245 p. [Electronic resource]. – URL: https://speransky.rhga.ru/section/sochineniya-speranskogo/proekty-i-zapiski.html (date of request: 08.12.2025).
11. Tishchenko E.V. Constitutional development of Russia in the nineteenth century / E.V. Tishchenko, V.G. Tishchenko // Bulletin of CHGAKI. 2013. №4 (36).
12. Chernov I.E. The State Charter of the Russian Empire (on the question of Russian constitutionalism), abstract of the dissertation. for the job. learned. step. Candidate of Historical Sciences, specialty 07.00.02 / Kirill Sergeevich Chernov; Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Historical fact. Moscow, 2007. 26c.
13. Shershenevich G.F. Constitutional monarchy. Moscow: National Law, 1906. 38 p. [Electronic resource]. – URL: https://rusneb.ru (date of request: 08.12.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_475

УДК 34

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ
AXIOLOGICAL FOUNDATIONS OF LEGAL REGULATION: THEORETICAL AND LEGAL RECONSTRUCTION

СОКОЛОВ Вадим Вячеславович
кандидат исторических наук, доцент
Сенатор Российской Федерации Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Москва.
Россия, г. Москва.
E-mail: proff-mast@mail.ru
SOKOLOV Vadim Vyacheslavovich
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Senator of the Russian Federation The Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation Moscow.
Russian Federation Moscow
E-mail: proff-mast@mail.ru

Краткая аннотация: *Данная статья представляет собой теоретико-правовое исследование, целью которого является реконструкция аксиологических оснований правового регулирования, выявление их структуры, иерархии и механизмов трансляции в конкретные нормативные конструкции, с фокусом на специфике их воплощения в российской правовой системе. Методология работы базируется на философско-правовом и теоретико-правовом анализе, включая рассмотрение права сквозь призму его ценностной наполненности в противовес узкому позитивистскому подходу, а также на изучении российской конституционной доктрины и практики высших судебных инстанций. Основные результаты исследования заключаются в утверждении права как глубоко аксиологического феномена, имманентно связанного с фундаментальными ценностями. В статье выстраивается иерархия ключевых правовых ценностей: центральное место занимает справедливость как конститутивный принцип права; неразрывно с ней связана свобода личности, гарантируемая и ограничиваемая правом диалектически; безопасность и правопорядок обосновывают принудительную силу права, но не как самоцель; равенство выступает коррелятом свободы и справедливости, дополняясь в современном контексте ценностью социальной солидарности. Доказано, что трансляция этих абстрактных ценностей в конкретные нормы осуществляется через принципы права, которые играют роль непосредственного связующего звена. Особо подчеркивается роль конституционного права и конституционного правосудия в России как механизмов аксиологической легитимации всей правовой системы и защиты базовых ценностей. В итоге автор приходит к выводу, что эффективность и легитимность правового регулирования напрямую зависят от адекватного отражения в нём социально признанных фундаментальных ценностей, а российский постсоветский конституционный опыт демонстрирует важность сознательного построения ясной аксиологической платформы для формирования эффективной правовой системы.*

Abstract: *This article is a theoretical and legal study aimed at reconstructing the axiological foundations of legal regulation, identifying their structure, hierarchy, and mechanisms of translation into specific normative constructs, with a focus on the specifics of their implementation in the Russian legal system. The methodology of the study is based on philosophical and legal analysis, including the examination of law through the lens of its value content in contrast to a narrow positivist approach, as well as on the study of Russian constitutional doctrine and the practice of higher judicial authorities. The main results of the study include the assertion of law as a deeply axiological phenomenon that is immanently connected with fundamental values. The article establishes a hierarchy of key legal values, with justice occupying a central position as a constitutive principle of law. Freedom of the individual, which is guaranteed and limited by law in a dialectical manner, is inextricably linked to justice. Security and law and order justify the coercive power of law, but not as an end in itself. Equality serves as a correlate of freedom and justice, complemented by the value of social solidarity in the modern context. The article demonstrates that these abstract values are translated into specific norms through the principles of law, which act as a direct link. The article emphasizes the role of constitutional law and constitutional justice in Russia as mechanisms for the axiological legitimization of the entire legal system and the protection of fundamental values. The author concludes that the effectiveness and legitimacy of legal regulation directly depend on the adequate reflection of socially recognized fundamental values, and the Russian post-Soviet constitutional experience demonstrates the importance of consciously building a clear axiological platform for the formation of an effective legal system.*

Ключевые слова: *аксиология права, правовая ценность, правовое регулирование, справедливость, равенство, принцип права.*
Keywords: *axiology of law, legal value, legal regulation, justice, equality, and the principle of law.*

Для цитирования: *Соколов В.В. Аксиологические основания правового регулирования: теоретико-правовая реконструкция // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 475-478. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_475.*
For citation*: Sokolov V.V. Axiological foundations of legal regulation: theoretical and legal reconstruction // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 475-478. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_475.*

Статья поступила в редакцию: 19.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Феномен права, рассматриваемый сквозь призму его нормативной и институциональной действительности, неизбежно актуализирует вопрос о тех фундаментальных первоначалах, которые детерминируют его содержательное наполнение, целеполагание и функциональную направленность.

Позитивистская парадигма, сводящая право к совокупности установленных государством и им охраняемых норм, оказывается недостаточной для экспликации внутренней логики правового развития и его легитимации в общественном сознании, поскольку игнорирует телеологический аспект права как культурно-исторического явления. В этой связи категория ценности (аксиа) выступает в качестве имманентного и системообразующего элемента правовой материи, образуя ту аксиологическую матрицу, в рамках которой конституируется и эволюционирует правовое регулирование.

Данное исследование ставит своей целью теоретико-правовую реконструкцию аксиологических оснований правового регулирования, выявление их структуры, иерархии и механизмов транслирования в конкретные нормативно-регулятивные конструкции, с уделением особого

внимания специфике их воплощения в российской правовой системе, формирующейся на стыке различных цивилизационных традиций и исторического опыта. Как справедливо отмечается в юридической литературе, ценностные ориентиры права на протяжении своего исторического развития подвергались различным трансформациям под воздействием многочисленных внешних и внутренних факторов политического, социального, экономического, религиозного характера. В постиндустриальный период человеческой цивилизации в развитых правопорядках право (как на национальном, так и на международном уровнях) просто пронизано ценностями гуманизма, справедливости, равенства [1].

Право, будучи сложным социальным артефактом, не существует в ценностном вакууме. Его имманентная связь с такими феноменами, как справедливость, свобода, равенство, безопасность и порядок, указывает на то, что правовое регулирование изначально ценностно нагружено.

Аксиологические основания, таким образом, представляют собой совокупность социально признанных и культурно укорененных идеалов, принципов и значимостей, которые выступают в роли критериев легитимности, обоснованности и направленности правотворческой и правоприменительной деятельности [2]. Они выполняют функцию связующего звена между правом и более широкими мировоззренческими контекстами (этическим, религиозным, философским, идеологическим), обеспечивая его интеграцию в целостную систему социальной регуляции и защищая от редукции до голого инструмента властвования. Следует подчеркнуть, что аксиология права носит не статический, а динамический характер, эволюционируя вместе с изменением общественного идеала и социальных условий, что особенно рельефно проявляется в переходные исторические периоды.

В связи с изложенным, видится оправданной позиция Ю. Ю. Ветютнева, согласно которой, правовые ценности как достигнутые социальные конвенции, принимающие, как правило, промежуточный облик правовых принципов, а метод правового регулирования - это динамическая модель переработки ценностей в нормы, результатом чего становится конструирование нового стандарта общественных отношений [3].

Центральное место в аксиологической иерархии права традиционно занимает **справедливость**. Она выступает не просто как внешний моральный ориентир, но как конститутивный принцип самого правового способа бытия, его сущностная характеристика. Правовое регулирование, лишенное интенции к справедливости, вырождается в механический инструмент принуждения, теряя свою моральную убедительность и, как следствие, эффективность в долгосрочной перспективе. Справедливость в правовом измерении приобретает формализованные характеристики: всеобщность и равная мера, соразмерность деяния и ответственности, запрет на произвол. Именно через призму справедливости выстраиваются такие фундаментальные правовые конструкции, как равенство перед законом и судом, состязательность процесса, принцип недопустимости злоупотребления правом.

Аргументативно можно утверждать, что сама идея субъективного права есть не что иное, как персонифицированное требование справедливости, адресованное индивидом социуму и государству. В российском правовом дискурсе категория справедливости исторически обладала высокой значимостью, зачастую превосходящей ценность формальной законности, что отразилось в традициях общинного и соборного правосудия. В современном конституционном поле России справедливость закреплена как основополагающий принцип, например, в требовании справедливого судебного разбирательства (ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, инкорпорированной в правовую систему РФ) и в духе социальной политики, декларируемой в статьях 2, 7 и 18 Конституции РФ, где человек, его права и свободы объявляются высшей ценностью, а государство – социальным, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь.

Неразрывно с категорией справедливости сопряжена ценность **свободы (автономии) личности**. Правовое регулирование, по своей сути, есть установление границ и гарантий свободы, определение меры дозволенного и необходимого для сосуществования автономных воль в обществе.

Ценность свободы объективируется в системе субъективных прав и свобод, которые обеспечивают личностное самоопределение, защиту частной сферы от неправомерного вмешательства и возможность участия в публичной жизни. Однако аксиологическое основание здесь носит диалектический характер: право одновременно гарантирует индивидуальную свободу и ограничивает ее во имя свободы и безопасности других, что находит отражение в формуле «свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого».

Обозначенное диалектическое напряжение разрешается через принцип пропорциональности, требующий, чтобы любое ограничение свободы преследовало законную цель, было необходимо в демократическом обществе и не было чрезмерным. Российский конституционный опыт, особенно в постсоветский период, демонстрирует последовательное закрепление и развитие либеральной аксиологии свободы. Обширный каталог прав и свобод в главе 2 Конституции РФ 1993 года, основанный на общепризнанных принципах и нормах международного права, стал аксиологическим прорывом, ознаменовавшим переход от этатистской к антропоцентричной парадигме права. Правоприменительная практика Конституционного Суда РФ активно способствовала конкретизации и защите этих ценностей, вырабатывая стандарты в области свободы слова, собраний, предпринимательской деятельности, неприкосновенности частной жизни [4].

Безопасность (как индивидуальная, так и публичная) и правопорядок образуют еще один ключевой ценностный комплекс, оправдывающий само существование принудительной силы права [5]. Ценность стабильности, предсказуемости и ненарушимости социальных взаимодействий является базовой потребностью любого социума, которую призвано удовлетворять правовое регулирование. Однако аксиологический анализ требует различения порядка как состояния защищенности от произвола и порядка как тотальной регламентации.

Правовой порядок ценен лишь постольку, поскольку он служит обеспечению свободы и справедливости, а не является самоцелью. В современных условиях, отягощенных рисками глобального терроризма, киберугроз и иных вызовов, аксиологическое напряжение между свободой и безопасностью приобретает особую остроту, требуя от законодателя и правоприменителя тонкого балансирования [6].

Российская правовая система, с учетом сложной исторической траектории и геополитического положения, уделяет значительное внимание ценностям государственного суверенитета, территориальной целостности и общественной безопасности [7]. Это находит отражение в детальном регулировании вопросов обороны, безопасности, противодействия экстремизму и терроризму. Ключевой задачей при этом является недопущение подмены цели (обеспечения безопасности) средствами, ведущими к неоправданному сворачиванию прав и свобод граждан, что требует постоянного ценностно-ориентированного контроля со стороны конституционной юстиции.

Равенство в его правовом преломлении (формально-юридическое равенство) выступает необходимым коррелятом свободы и справедливости [8]. Оно является ценностным основанием универсализма правового регулирования, запрета дискриминации и требования общего для всех масштаба поведения. Вместе с тем, аксиология современного права все чаще включает в себя и ценность солидарности и социальной справедливости, что находит выражение в институтах социального государства, перераспределительных механизмах и гарантиях социально-экономических прав, смягчающих формальное равенство в целях достижения равенства реальных возможностей.

Российская Конституция, провозглашая Российскую Федерацию социальным государством (ст. 7), напрямую закрепляет эту ценностную установку. Опыт России в данной сфере является синтезом советских социальных гарантий и новых рыночных реалий. Законодательное закрепление минимального размера оплаты труда, пенсионного обеспечения, права на охрану здоровья и медицинскую помощь, на жилище – все это служит практической реализацией аксиологических оснований социальной солидарности и достоинства личности, особенно значимых в условиях обширной территории и социально-экономического многообразия регионов [9].

Процесс трансляции аксиологических оснований в конкретные нормы и институты осуществляется через принципы права. Принципы (общие, отраслевые, межотраслевые) представляют собой концентрированное выражение основных правовых ценностей, выступая в роли непосредственного связующего звена между абстрактной ценностью и конкретным регулятивным предписанием. Так, принципы верховенства права, правовой определенности, пропорциональности и соразмерности, добросовестности, уважения человеческого достоинства являются операционализацией ценностей справедливости, свободы и безопасности. В ситуациях пробелов, коллизий или неопределенности именно обращение к системообразующим ценностям, воплощенным в принципах, позволяет осуществить адекватное правоприменение и правотворчество.

Российская юридическая доктрина и практика, особенно в деятельности Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, демонстрируют возрастающую роль принципов права как непосредственно применяемых нормативных предписаний. Формулируя правовые позиции, эти высшие судебные инстанции активно апеллируют к таким аксиологически насыщенным принципам, как справедливость, соразмерность, добросовестность, недопустимость злоупотребления правом, тем самым выполняя важнейшую функцию «настройки» всей правовой системы на единый ценностный камертон, заложенный в Конституции.

Особую роль в кристаллизации и защите аксиологических оснований играет конституционное право. Конституция, будучи актом высшей юридической силы, выполняет функцию аксиологической легитимации всей правовой системы [10]. В преамбуле, в закреплении основ конституционного строя, в каталоге прав и свобод человека фиксируются ключевые ценностные ориентиры, которые становятся обязательными для всей системы правового регулирования.

Конституционный судебный контроль, в свою очередь, выступает важнейшим механизмом ценностно-содержательной интерпретации права, проверки обычных законов на их соответствие конституционным ценностям [11].

Таким образом, аксиологические основания приобретают не только мировоззренческий, но и строго юридический, императивный характер. Российский опыт конституционного строительства последних десятилетий представляет собой показательный пример сознательного аксиологического выбора и его последующей юридической имплементации [12]. Принятие Конституции 1993 года стало моментом фундаментального ценностного выбора в пользу демократии, федерализма, правового и социального государства, разделения властей, естественных и неотчуждаемых прав человека [13]. Последовательная практика Конституционного Суда РФ по защите этих основополагающих ценностей от возможных законодательных и административных нарушений сыграла ключевую роль в становлении нового правопорядка. Особо следует отметить разработку доктрины прямого действия Конституции и прав человека, что позволяет гражданам непосредственно ссылаться на конституционные ценности в судах [14].

В современном глобализирующемся мире аксиология правового регулирования сталкивается с вызовами плюрализма ценностных систем, культурного релятивизма и конфликта интерпретаций базовых понятий. Однако это не отменяет, а лишь усложняет задачу выявления универсального или, по крайней мере, консенсусного ценностного минимума, необходимого для сосуществования в правовом поле. Такими транскультурными аксиологическими основаниями, по всей видимости, остаются уважение человеческого достоинства, признание неотчуждаемости основных прав и свобод, идея верховенства права как альтернативы произволу.

Российская правовая система, являясь частью мирового правового пространства и будучи ориентирована на общепризнанные принципы международного права, активно участвует в этом диалоге ценностей. При этом она привносит в него собственный исторический опыт и акценты, связанные с ценностями коллективной солидарности, социальной ответственности государства и примата публичного правопорядка, стремясь найти собственный, суверенный баланс между универсальными стандартами и национальной спецификой.

В заключение следует констатировать, что правовое регулирование представляет собой не технический, а глубоко аксиологический процесс. Его эффективность и легитимность напрямую зависят от того, насколько адекватно и последовательно система позитивного права отражает и воплощает в своих нормах, принципах и институтах социально признанные фундаментальные ценности. Игнорирование аксиологического измерения ведет к формализации и эрозии права, к его отрыву от общественных ожиданий и нравственных устоев, превращению в инстру-

мент, лишенный внутреннего авторитета. Российский опыт постсоветского конституционного развития убедительно демонстрирует, что сознательное конституирование ясной и прогрессивной аксиологической платформы является необходимым условием для построения дееспособной и уважаемой правовой системы. Поэтому постоянная рефлексия над ценностными основаниями права, их критический анализ, гармонизация в меняющемся социальном контексте и защита от эрозии являются важной задачей юридической науки и практики. Понимание права как ценностно-ориентированной системы, обогащенное национальным и сравнительным опытом, является ключом к осмыслению его подлинной природы и социального назначения в XXI веке.

Список литературы:

1. Ланг, П. П. Иерархия ценностей в отечественном правопорядке / П. П. Ланг // Проблемы развития предприятий: теория и практика. – 2018. – № 4. – С. 143-148. – EDN YPVLZR.
2. Гаврилова, Ю. А. Ценности и смыслы в правовом регулировании / Ю. А. Гаврилова // Вестник Евразийской академии административных наук. – 2022. – № 3(60). – С. 41-44. – EDN SUQYSK.
3. Ветютнев, Ю. Ю. Метод правового регулирования: аксиология и морфология / Ю. Ю. Ветютнев // Современное право. – 2022. – № 12. – С. 5-9. – DOI 10.25799/NI.2022.75.47.001. – EDN RMLMXF.
4. Стратегии правового развития России : Коллективная монография / О. Ю. Рыбаков, Н. С. Бондарь, В. И. Фадеев [и др.] ; Под редакцией О.Ю. Рыбакова. – 3-е издание, стереотипное. – москва : Юстиция, 2016. – 624 с. – ISBN 978-5-4365-0566-4. – EDN PDIHHG.
5. Ланг, П. П. Правопорядок: ценностно-правовой аспект / П. П. Ланг // Российская юстиция. – 2022. – № 10. – С. 9-13. – DOI 10.52433/01316761_2022_10_09. – EDN YVWQHQ.
6. Ценность права в условиях цифровой реальности / О. Ю. Рыбаков, М. А. Беляев, Ю. Ю. Ветютнев [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2024. – 312 с. – ISBN 978-5-392-40426-1. – EDN VWQLQY.
7. Правотворчество: аксиологические основания и стратегические приоритеты / И. С. Барзилова, М. А. Беляев, А. А. Головина [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2024. – 298 с. – ISBN 978-5-466-08338-5. – EDN TXYKAR.
8. Ланг, П. П. Аксиологические начала права / П. П. Ланг // Российская юстиция. – 2018. – № 8. – С. 2-4. – EDN XUXMCL.
9. Рыбаков, О. Ю. Ценность права как фундаментальной части культуры / О. Ю. Рыбаков // Государство и право России в современном мире : Сборник докладов XII Московской юридической недели. В 5-ти частях, Москва, 23–25 ноября 2022 года. Том Часть 1. – Москва: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. – С. 108-112. – EDN FTTRZZ.
10. Ланг, П. П. Аксиологическая парадигма в философско-правовом дискурсе: генезис, эволюция и методологическая значимость / П. П. Ланг // Культура: управление, экономика, право. – 2025. – № 3. – С. 12-17. – DOI 10.18572/2070-2159-2025-3-12-17. – EDN PJCKGR.
11. Публичная власть: соотношение судебных и внесудебных способов защиты права : Электронное издание / С. Ф. Афанасьев, Е. В. Богатова, В. Е. Бондаренко [и др.]. – Москва : Институт государства и права РАН, 2024. – ISBN 978-5-8339-0283-7. – EDN OUESNO.
12. Рыбаков, О. Ю. Значение российских традиционных ценностей в условиях многополярного мира / О. Ю. Рыбаков // Формирование многополярного мира: вызовы и перспективы : Сборник докладов XI Московского юридического форума (XXIV Международной научно-практической конференции). В 3-х частях, Москва, 08–12 апреля 2024 года. – Москва: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. – С. 108-112. – EDN FDGNYP.
13. Право на жизнь, здоровье, собственность : монография. / Л. А. Андреева, В. В. Батин, К. В. Дядюн [и др.]. – Новосибирск : НП "СибАК", 2013. – 160 с. – EDN TZNUDT.
14. Институты защиты интересов государства в сфере гражданской юрисдикции / Е. В. Михайлова, И. И. Бутрим, К. А. Корсик [и др.]. – Москва : Институт государства и права РАН, 2024. – 639 с. – ISBN 978-5-8339-0269-1. – EDN YHITSV.

References:

1. Lang, P. P. Hierarchy of values in the domestic legal order / P. P. Lang // Problems of enterprise development: theory and practice. – 2018. – No. 4. – pp. 143-148. – EDN YPVLZR.
2. Gavrilova, Yu. A. Values and meanings in legal regulation / Yu. A. Gavrilova // Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences. – 2022. – № 3(60). – Pp. 41-44. – EDN SUQYSK.
3. Vetyutnev, Yu. Y. Method of legal regulation: axiology and morphology / Yu. Y. Vetyutnev // Modern law. – 2022. – № 12. – pp. 5-9. – DOI 10.25799/NI.2022.75.47.001. – EDN RMLMXF.
4. Strategies of Russia's legal development : A collective monograph / O. Y. Rybakov, N. S. Bondar, V. I. Fadeev [et al.] ; Edited by O.Y. Rybakov. – 3rd edition, stereotypical. – Moscow : Justitia, 2016. – 624 p. – ISBN 978-5-4365-0566-4. – EDN PDIHHG.
5. Lang, P. P. Law and order: a value-legal aspect / P. P. Lang // Russian justice. – 2022. – No. 10. – pp. 9-13. – DOI 10.52433/01316761_2022_10_09. – EDN YVWQHQ.
6. The value of law in the conditions of digital reality / O. Y. Rybakov, M. A. Belyaev, Yu. Y. Vetyutnev [et al.]. – Moscow : Limited Liability Company Prospect, 2024. – 312 p. – ISBN 978-5-392-40426-1. – EDN VWQLQY.
7. Law-making: Axiological foundations and strategic priorities / I. S. Barzilova, M. A. Belyaev, A. A. Golovina [et al.]. – Moscow : Rusains Limited Liability Company, 2024. – 298 p. – ISBN 978-5-466-08338-5. – EDN TXYKAR.
8. Lang, P. P. Axiological principles of law / P. P. Lang // Russian justice. – 2018. – No. 8. – pp. 2-4. – EDN XUXMCL.
9. Rybakov O. Y. The value of law as a fundamental part of culture / O. Y. Rybakov // The state and law of Russia in the modern world : Collection of reports of the XII Moscow Legal Week. In 5 parts, Moscow, November 23-25, 2022. Volume Part 1. Moscow: Kutafin Moscow State University of Law (MGUA), 2023, pp. 108-112. EDN FTTRZZ.
10. Lang, P. P. The axiological paradigm in philosophical and legal discourse: genesis, evolution and methodological significance / P. P. Lang // Culture: management, economics, law. – 2025. – No. 3. – pp. 12-17. – DOI 10.18572/2070-2159-2025-3-12-17. – EDN PJCKGR.
11. Public power: the relationship between judicial and extrajudicial methods of protecting law : An electronic edition / S. F. Afanasyev, E. V. Bogatova, V. E. Bondarenko [et al.]. - Moscow : Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2024. – ISBN 978-5-8339-0283-7. – EDN OUESNO.
12. Rybakov O. Y. The importance of Russian traditional values in a multipolar world / O. Y. Rybakov // The formation of a multipolar world: challenges and prospects : Collection of reports of the XI Moscow Legal Forum (XXIV International Scientific and Practical Conference). In 3 parts, Moscow, April 08-12, 2024. – Moscow: O.E. Kutafin University Publishing Center (MGUA), 2024. – pp. 108-112. – EDN FDGNYP.
13. The right to life, health, property : a monograph. / L. A. Andreeva, V. V. Batin, K. V. Dyadyun [and others]. – Novosibirsk : NP SibAK, 2013. – 160 p. – EDN TZNUDT.
14. Institutes for the protection of state interests in the field of civil jurisdiction / E. V. Mikhailova, I. I. Butrim, K. A. Korsik [et al.]. – Moscow : Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2024. – 639 p. – ISBN 978-5-8339-0269-1. – EDN YHITSV.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_479

УДК 340

РОЛЬ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА (ПО РАБОТАМ В. Н. ЛЕШКОВА)
THE ROLE OF THE FAMILY IN THE FORMATION OF CIVIL SOCIETY (BASED ON THE WORKS OF V.N. LESHKOV)

ЧУКАЕВ Тимур Омарович,
кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России,
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1.
E-mail: timurchukaev@yandex.ru

CHUKAEV Timur Omarovich,
PhD in Law, Deputy Head of the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
E-mail: timurchukaev@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются вопросы, касающиеся характеристики и особенностей института семьи в условиях формирования гражданского общества, основанные на трудах именитого российского правоведа XIX в., автора оригинальной концепции «общественного права» В. Н. Лешкова (1810–1881)*

Abstract: *This article examines issues related to the characteristics and features of the institution of the family in the formation of civil society, based on the works of V.N. Leshkov (1810–1881), a renowned 19th-century Russian legal scholar and author of the original concept of "public law."*

Ключевые слова: *семья, социальный институт, государство, общество, гражданское общество, полицеистика, В. Н. Лешков.*
Keywords*: family, social institution, state, society, civil society, police studies, V.N. Leshkov.*

Для цитирования: *Чукаев Т.О. Роль семьи в условиях формирования гражданского общества (по работам В. Н. Лешкова)// Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 479-481. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_479.*
For citation*: Chukaev T.O. The role of the family in the formation of civil society (based on the works of V. N. Leshkov) // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 479-481. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_479.*

Статья поступила в редакцию: 10.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Семья является важнейшим социальным институтом, который играет существенную роль в системе воспроизводства населения и жизнеобеспечения основных потребностей общества в области регулирования социальных отношений, социализации индивидов, их морального и физического самочувствия, жизненной самореализации [1, с. 23]. Формирование института семьи затрагивает все аспекты семейных отношений и семейного поведения, отражается на репродуктивных, супружеских и родительских установках [2, с. 6].

С середины XIX в. исследование феномена семьи как обособленного института было дополнено прикладными исследованиями семьи как малой первичной группы, имеющей свою историю возникновения, функционирования и развития. Ученые того времени акцентировали внимание на «среде обитания» человека, на близости членов семьи, на их потребностях и желаниях. В числе исследователей оказались правоведы, акцентировавшие внимание на значимость семьи как субъекта регулирования общественных отношений, как среды, в рамках которой осуществляется социализация человека и формируется отношение к праву и правовым нормам [3]. В числе ученых, обращавших свой исследовательский интерес к роли семьи в обществе и принципах взаимодействия семьи и государства, был именитый российский юрист, председатель Московского юридического общества, действительный член Московского общества истории и древностей Российских, декан юридического факультета Московского университета, профессор полицейского права Василий Николаевич Лешков (1810–1881) [3, с. 7–8]. В. Н. Лешков вел активную общественно-научную жизнь: являлся цензором Московского цензурного комитета, при его участии создано Московское юридическое общество, по его инициативе созван первый съезд русских юристов, он являлся редактором «Юридического вестника» [4, с. 17].

Семья и общество в учениях В. Н. Лешкова рассматривались как важнейшие субъекты правотворчества и правореализации [5; 6; 7; 8; 9; 10].

Особое значение В. Н. Лешков придавал факторам, с помощью которых семья получала свое «юридическое значение» [9, с. 259]. Лешков отмечал, что русская семья никогда не была институтом политическим. Древняя русская семья, по мнению Лешкова, основана на естественном законе личного союза, в котором действуют и обеспечиваются взаимные права и обязанности членов и в котором одни имеют право на помощь других [9, с. 260]. В момент перехода от семьи к общине, эти взаимные права были признаны обществом и отражены в общинных нормах, а во времена вступления общины – в государство, регулятором общественных отношений начиная с XI в., выступил свод законов Древней Руси, известный как Русская Правда.

Семья, утверждал В. Н. Лешков, – основа народонаселения. Ученый рассматривал население страны как силу, производящую все самое ценное – богатство и благосостояние, защиту и обеспечение безопасности в государстве. Увеличение населения – закон природы, заповедь Бога, и может считаться опасным явлением только при взгляде на народ как на «количественную массу» [9, с. 261]. По мере увеличения членов, семья усиливает свое влияние, община – увеличивает свои средства, государство – возрастает материально и морально. В. Н. Лешков был

убежден, что рост населения сам по себе служит залогом человеческого прогресса. Но при этом отмечал, что «умножение должно происходить естественным, законным путем, без искусственных мер, без насильственных распоряжений, у которых трудно предвидеть дальнейшие последствия, потому что главным, непосредственным следствием таких мер и распоряжений становится извращение понятий о моральном значении брака и семьи» [9, с. 262].

В. Н. Лешков, путем проведения ретроспективного анализа, изучил быт русского народа на разных этапах его развития, пришел к выводу, что внешние факторы оказали незначительное влияние на рост населения, а российское правительство предпринимало меры (финансовые и политические) для увеличения населения и «познания его числа» [9, с. 265]. Росту населения, по мнению Лешкова, способствовали отечественные законы о браке, фиксировавшие строгость брачных отношений и строгость брачных уз. Важным Лешков признавал нежелание народа оставлять свое отечество, несмотря на то, «…что право выхода существовало…» [9, с. 265–266]. Как средство роста населения Лешков рассматривал свободную возможность приезда в Русь иноземцев. С древнейших времен, подчеркивал Лешков, Киев служил центром византийской торговли, а Новгород – ганзейской. До XII–XIII вв. иноземцы могли свободно присоединиться к русскому населению, как и позднее, когда греки, татары и литовцы переселялись на территорию Руси в значительном количестве. При этом допуск иноземцев никогда не происходил с целью решения демографических проблем. Подобные разрешения в большинстве случаев имели строгий качественный ценз, обеспечивавший приток специалистов (архитекторов, инженеров и пр.), важных для развития государства.

Особое значение Лешков придавал семье как субъекту, способствующему выходу личности, общества и государства из неблагоприятных ситуаций, создававшихся в общественной жизни внешними факторами (войнами, нашествиями, природными катаклизмами), а также факторами, обусловленными спецификой внутреннего развития государства (революциями, бунтами, экономическими кризисами).

По Лешкову – дефиниции народ и единство взаимообусловлены, поэтому каждый народ стремится развить и расширить свою народность на все пространство занимаемой территории, после чего завершить процесс объединения, результатом которого станет появление государства [8, с. 8].

Государство необходимо в первую очередь для комфортного и гармоничного существования общества, но форма правления для каждого исторического периода может быть своя, особая, как это было в Греции, Риме и во всех государствах Запада, писал Лешков [8, с. 9].

В качестве ключевых ценностей любого государства В. Н. Лешков выделял наличие гражданского общества, где свобода была неотъемлемым условием человеческой самореализации и развития, а также право, как право притязания и мера справедливости.

В гражданском обществе свобода проявляется не так, как в границах государства, где человек выступает в качестве пассивного существа, являющегося объектом манипулирования со стороны органов государственной власти. В гражданском обществе человек заявляет о себе как субъект, автономный и суверенный. Он равный среди равных, так как люди по своей воле объединились из семьи в сообщество и естественно предположить, что они сами вырабатывают ценностные ориентиры, нормы и правила, которые регулируют их взаимоотношения.

Гражданское общество возникает там, где аппарат публичной власти уже не в состоянии оптимально выполнять функции регулирования общественных отношений, где созрели предпосылки гражданского компромисса; где складывается совокупность общественных институтов, имеющих собственный статус и способных к равноправному диалогу с институтом государственной власти, способных противостоять политической экспансии государства, быть его противовесом; сдерживать его стремление к монополии, превращению из системы обеспечения развития общества в систему самообеспечения, где авторитет власти корректируется волеизъявлением народа [11, с. 31].

В. Н. Лешков полагал ошибочным мнение тех, кто думал, что можно произвольно установить форму и быт семьи в народе или временно определить жизнь в общине, или, хотя бы поголовным голосованием, изменить то или другое государственное устройство. «Общий дух народа, высказывающийся в его истории, один тут распоряжается и господствует» – писал В. Н. Лешков [12, с. 441].

Идея непрерывности и преемства, по мнению В. Н. Лешкова составляет необходимое свойство семьи, как человеческого общества, служа в то же время единственным основанием для института наследства, как в семье частной, так и в устройстве государства. «Наконец, допустив в виду необходимости, деятельность семьи, закон должен был дать право семье охранять себя и свое имущество, а также распоряжаться им по собственному убеждению. Отсюда право или власть представителей, семьи, родителей, старших, опекунов и т. п., право и власть, доходящие до того, что даже пред судом члены семьи не обязаны свидетельствовать один относительно другого, что даже прокурорский надзор не имеет власти начинать уголовное преследование против преступника, совершившего преступление в кругу своего семейного союза или семейного имущества» [6, с. 28].

Свои позиции по семье В. Н. Лешков распространял также на общину «То, что мы сказали о семье, применяется и к общине, которая состоит из семейств, как семейство из отдельных лиц, где важны не мнения лиц, а общественный интерес [6, с. 28].

Как утверждал В. Н. Лешков: «без семьи из разрозненных единиц, из отдельных личностей, сколько бы их ни было, нельзя построить гражданское общество в правовом государстве [6, с. 21].

В современных условиях семья, как и прежде, независимо от того, в каком типе общества она существует, является залогом стабильности всего общества, его благополучия и процветания [6, с. 29]. Учение В. Н. Лешкова о государстве и обществе обращает внимание современных исследователей на важную роль семьи в условиях формирования гражданского общества и ее способность выступать в качестве института взаимодействия личности с социальной средой.

Список литературы

1. *Волков А. Г.* Семья как объект демографии. М.: «Мысль», 1986. 271 с.
2. *Голод С. И*. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: «Петрополис», 1998. 77 с.
3. *Нижник Н. С.* Российская полицеистика – наука и искусство управления государством // Вопросы государства и права: Сборник научных статей / Под общ. ред. Л. В. Карнаушенко. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. С. 3–21.
4. *Чукаев Т. О., Козинникова Е. Н.* Отечественное государствоведение второй половины XIX в. о проблемах взаимодействия государства, общества и личности // Genesis: исторические исследования. 2022. № 3. С. 16–22. DOI: 10.25136/2409-868X.2022.3.35563 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35563.
5. *Лешков В. Н.* Древние русские законы о сохранении народного богатства. М.: Университетская типография, 1854. 42 с.
6. *Лешков В. Н.* О праве самостоятельности. М.: Университетская типография, 1871. 30 с.
7. *Лешков В. Н.* Общественное право народонаселения. М.: Университетская типография, 1875. 18 с.
8. *Лешков В. Н.* Общественное право. М.: Университетская типография, 1880–1881. 531 с.
9. *Лешков В. Н.* Русский народ и государство: История русского общественного права до XVIII в. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2004. 562 с.
10. *Лешков В. Н.* Человек в области права. М.: Университетская типография, 1868. 16 с.
11. *Кальной И. И., Лопушанский И. Н*. Гражданское общество: истоки и современность. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 492 с.
12. *Чукаев Т. О.* Семья как социальный феномен и институт социальной адаптации в оценке В. Н. Лешкова // Экстремальное в повседневной жизни населения России: региональный аспект (к 100-летию Русской революции 1917 г.): Материалы международной научной конференции / Под общ. ред. проф. В. А. Веременко. СПб.: «Культурно-просветительское товарищество», 2017. С. 439–443.

References

1. Volkov A. G. Family as an object of demography. Moscow: Mysl, 1986. 271 p.
2. Golod S. I. Family and marriage: a historical and sociological analysis. St. Petersburg: "Petropolis", 1998. 77 p.
3. Nizhnik N. S. Russian political science – the science and art of government // Issues of state and law: A collection of scientific articles / Under the general editorship of L. V. Karnaushenko. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. pp. 3-21.
4. Chukaev T. O., Kozinnikova E. N. National statecraft of the second half of the 19th century on the problems of interaction between the state, society and personality // Genesis: historical research. 2022. No. 3. pp. 16-22. DOI: 10.25136/2409-868X.2022.3.35563 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35563
5. Leshkov V. N. Ancient Russian laws on the preservation of national wealth. Moscow: University Printing House, 1854. 42 p.
6. Leshkov V. N. On the right of independence. Moscow: University Printing House, 1871. 30 pages .
7. Leshkov V. N. Public law of population. Moscow: University Printing House, 1875. 18 p .
8. Leshkov V. N. Public law. Moscow: University Printing House, 1880-1881. 531 p.
9. Leshkov V. N. Russian people and the state: The history of Russian public law up to the XVIII century. St. Petersburg: "Law Center Press", 2004. 562 p.
10. Leshkov V. N. A man in the field of law. Moscow: University Printing House, 1868. 16 p.
11. Kalnoy I. I., Lopushansky I. N. Civil society: origins and modernity. St. Petersburg: Publishing house of R. Aslanov "Law Center Press", 2006. 492 p.
12. Chukaev T. O. Family as a social phenomenon and the institution of social adaptation in the assessment of V. N. Leshkov // The extreme in the daily life of the Russian population: The regional aspect (on the 100th anniversary of the Russian Revolution of 1917): Proceedings of the international scientific conference / Under the general editorship of prof. V. A. Veremenko. St. Petersburg: "Cultural and Educational Association", 2017. pp. 439-443.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_482
УДК 340.1

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF LEGAL LIABILITY

РЕВИНА Светлана Николаевна
профессор, доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории права и публично-правовых дисциплин ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
Россия, 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: revinasn@yandex.ru,

КОРТУНОВ Данил Александрович
аспирант ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
Россия, 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: a70099@yandex.ru

REVINA Svetlana Nikolaevna
Professor, Doctor of Law, Head of the Department of Theory of Law and Public Law Disciplines at Samara State University of Economics. Russia, 443090, Samara, Sovetskoy Armii St., 141.
E-mail: revinasn@yandex.ru,

KORTUNOV Danil Alexandrovich,
Postgraduate student at Samara State University of Economics.
Russia, 443090, Samara, Sovetskoy Armii St., 141.
E-mail: a70099@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются особенности юридической ответственности на основе теоретико-правового анализа. Авторами обосновывается мысль о том, что юридическая ответственность является сложным правовым явлением в правовой реальности. Одни ученые считают его обязанностью, другие – элементом правоотношений и правового статуса, есть позиция, что юридическая ответственность является институтом права. В то же время, перечисленные позиции не включают исчерпывающего перечня аспектов, по которым юридическая ответственность характеризуется в юридической литературе. Однако, несмотря на существующие научные исследования, вопрос юридической ответственности не потерял своей актуальности. Учитывая это, общетеоретические знания о сущности юридической ответственности нуждаются в проведении дополнительных исследований.*

Abstract: *This article examines the specifics of legal liability based on a theoretical and legal analysis. Legal liability is a significant means of ensuring the protective function of law. It serves as a qualitative indicator of whether individual rights and freedoms are effectively realized in social reality. The authors substantiate the idea that legal liability is a complex legal phenomenon within legal reality. Some scholars consider it an obligation, others consider it an element of legal relations and legal status, and some argue that legal liability is a legal institution. However, these positions do not include an exhaustive list of aspects by which legal liability is characterized in legal literature. However, despite existing scientific research, the issue of legal liability has not lost its relevance. Given this, general theoretical knowledge about the nature of legal liability requires further research.*

Ключевые слова: *ответственность, юридическая ответственность, функции юридической ответственности, принципы юридической ответственности.*

Keywords: *responsibility, legal responsibility, functions of legal responsibility, principles of legal responsibility.*

Для цитирования: *Ревина С.Н., Кортунов Д.А. Теоретико-правовой анализ юридической ответственности // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 482-484. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_482.*

For citation*: Revina S.N., Kortunov D.A. Theoretical and legal analysis of legal liability // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 482-484. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_482.*

Статья поступила в редакцию: 1.11.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Несмотря на многолетние интенсивные исследования юридической ответственности, большая часть ее юридической природы остается противоречивой, что, со своей стороны, приводит к актуальности тематики. Прежде чем говорить о юридической ответственности, необходимо остановиться на общем понятии ответственности, её видах, роли и функциях в обществе. Ответственность как явление и феномен имеет давнюю историю. Каждый человек переживает ответственность по-разному, в зависимости от его воли, силы и упорства. Философы отдают приоритет концепции ответственности как долга человека перед другим человеком или обществом. Это повлекло за собой развитие и усложнение общественных взаимосвязей и формирование системы личностных отношений каждого человека с другими людьми, с обществом в целом, с существующими социальными институтами (семейными, групповыми, государственными, религиозными и т.п.).

Глубина и вариативность таких взаимосвязей составляют социально-коммуникативную природу ответственности и определяют ее многоаспектность, осознание которой позволяет более продуктивно выявлять, осмысливать и решать проблемы юридической ответственности как одной из разновидностей социальной ответственности.

В.П. Тугаринов считает, что «ответственность – это способность человека предвидеть последствия своих действий, а, следовательно, определять пользу или вред, которые его действия принесли обществу». В этом случае ответственность рассматривается субъективно [1, с. 23].

Ответственность можно рассматривать с двух позиций: ответственность за будущие действия – проспективная (позитивная) ответственность, но наряду с позитивными аспектами социальной ответственности существуют и ретроспективные.

Рассмотрение позитивной ответственности с социально-правовой точки зрения имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Это обусловлено тем, что профилактика негативной ответственности посредством позитивной ответственности без применения общественного и государственного принуждения экономически эффективна. Профилактика социальных отклонений предполагает изучение механизма обеспечения и формирования общественно полезных, социально одобряемых действий.

Как и ответственность личности, ответственность общества и государства имеет социальную природу [2, с. 398].

Ретроспективная юридическая ответственность – это ответственность в виде неустойки, которая наступает за деликт, совершенный после вступления в силу норм, относящих деликт к противоправным и определяющих характер и размер юридической ответственности за него. Негативную от-

ветственность следует отличать от мер государственного принуждения, которые на практике подпадают под срок юридической ответственности. Государственное принуждение является понятием, объем которого выходит за рамки природы обратной ответственности. То есть, сначала происходит формально установленная нормативная регламентация преступления и соответствующие санкции, а затем осуществляется принуждение (наказание).

Сложное, но ёмкое понятие социальной ответственности дал Р.Л. Хачатуров. По его мнению, социальная ответственность — это «обязанность субъектов общественных отношений соблюдать требования социальных норм, а в случае совершения ими безответственных действий, не соответствующих нормам общества, нарушающих общественный порядок, – налагать личные или имущественные ограничения». В этом определении выделяются положительные и отрицательные аспекты ответственности. Кроме того, основой позитивной ответственности является соблюдение субъектом норм общественных отношений, то есть совершение общественно полезных, социально приемлемых действий. Отношение индивида к установленным социальным нормам проявляется в его действиях. «Позитивная ответственность выражается в долге перед обществом, в обязанности субъекта действовать в соответствии с требованиями социальных норм» [3, с. 135].

Признаками положительной юридической ответственности являются правомерные действия, обязанности соблюдать запреты, обязанности выполнять положительные обязательства, предоставленное и гарантированное государством разрешение на осуществление субъективных прав личности, применение мер, поддерживаемых государством. В настоящее время собраны значительные научные выводы, доказывающие реальность и правовую природу положительной юридической ответственности, и во многих исследованиях положительная юридическая ответственность сравнивается с другими правовыми понятиями и категориями.

Понятие ответственности многогранно. Она может быть политической, моральной, юридической, экономической. Ответственность – социальное явление. Важной частью этого социального явления занимает институт юридической ответственности.

Юридическая ответственность – одно из основополагающих понятий юридических наук. При её изучении необходимо учитывать, что соотношение социальной и юридической ответственности подобно соотношению общего и частного в диалектическом отношении. Виды ответственности вытекают из социальной ответственности. Признаки, новые свойства и формы, присущие социальной ответственности, присущи и её отдельным видам [3, с. 64].

С.В. Кивалов определяет юридическую ответственность в двух значениях: широкому как особое социальное или моральное правовое отношение человека к обществу, государству; узком как реакция государства на совершенное правонарушение.

По мнению М.С. Строговича: «юридическая ответственность – это, прежде всего, отношение лица к своим обязанностям, надлежащее исполнение обязанностей, возложенных на него законом… При неисполнении обязанности возникает ответственность, то есть негативные последствия – принуждение, наказание, взыскание и т.п.» [4, с. 73].

По мнению П.Е. Недбайло: «позитивная ответственность лица возникает не только тогда, когда оно не исполняет свои обязанности, но и тогда, когда оно начинает их исполнять» [5, с. 51].

Б.Л. Назаров рассматривает позитивный аспект не как следствие нарушения правопорядка, а как средство мотивации общества и граждан к исполнению своих обязанностей, ответственности, позитивных общественных ролей [6, с. 29].

С.С. Алексеев утверждал, что природа юридической ответственности — это противоборство лица мерам государственного принуждения за совершённые правонарушения [7, с. 252]. О.Ф. Иваненко также соглашался с С.С. Алексеевым: «юридическая ответственность – это претерпевание правонарушителем негативных последствий, переживание им определённой формы государственного принуждения по отношению к себе».

Б.Т. Базылев утверждает, что «юридическая ответственность по своей природе является охранительным правоотношением, а её внешняя форма – карательным правоотношением. Юридическая ответственность также является обязанностью, но если лицо не исполняет возложенную на него обязанность добровольно, оно исполняет её принудительно» [8].

Юридическая ответственность – весьма сложное социально-правовое явление. В нём участвуют как минимум два субъекта – государство и правонарушители. Между ними возникают правоприменительные отношения, в которых государство в лице своих компетентных органов выступает управомоченной стороной, а правонарушитель – обязанным субъектом. При этом управомоченный и обязанный субъекты действуют на основании закона, а юридическая ответственность осуществляется на основании закона, конкретных мер наказания или правовых норм, предусмотренных за данное правонарушение. Юридическая ответственность при неисполнении правовых норм основывается на способности государства обеспечить их исполнение, то есть на мерах принуждения. Конечно, государство вправе применять меры принуждения в случае правонарушения, но предоставление государством мер принуждения имманентно этому праву, то есть присуще и отдельным нормам права.

На наш взгляд, правильный подход к данной ситуации занимают Н.А. Боброва и Т.Д. Зражевская. По их мнению, «действие юридической ответственности не ограничивается правоприменительными правоотношениями, оно действует во всех отраслях права и обеспечивает эффективное исполнение права. Таким образом, санкция в государственном принуждении является конечной, последней точкой юридической ответственности» [9, с. 16].

В современный период, в соответствии с тенденцией развития общества, возникают новые общественные отношения и правоотношения. Однако это имеет и отрицательную сторону. Возникновение новых общественных отношений порождает возникновение новых правонарушений. Это, в свою очередь, обновляет смысл и задачи института юридической ответственности. Задача юридической ответственности – защита прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, собственности, прав и законных интересов организаций, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, охраняемых законом интересов общества и государства от общественно опасных посягательств, а также предупреждение правонарушений.

Функции юридической ответственности определяют цель и вытекают из неё. Их можно разделить на:

- наказание, применяемое государством к правонарушителю и виновному (обязанность наказать).

- восстановление прав и возмещение причинённого вреда, возмещение убытков (обязанность восстановить).

- формирование правовых поведенческих намерений в правосознании и предупреждение совершения новых правонарушений как субъектом юридической ответственности (индивидуальное предупреждение), так и другими субъектами правоотношений (общее предупреждение).

Итак, юридическая ответственность как объективный юридический организм выражается в правовых нормах нормативного правового поведения и других правовых источниках национального правопорядка. Она существует объективно, вне зависимости от конкретных обстоятельств преступления.

Юридическая ответственность является сложным явлением правовой действительности, поэтому всестороннее понимание того или иного явления можно достичь только путем многоуровневого подхода:

- с точки зрения теории выполнения правовых норм, юридическая ответственность – это либо применение санкций норм правовой защиты (в случае уголовной ответственности), либо добровольное исполнение дополнительных правовых обязанностей (в случае правовосстановительной ответственности);

- в понимании теории правоотношений юридическую ответственность следует, прежде всего, рассматривать как правоотношения уголовного преследования; во-вторых, это юридическая обязанность лишить правонарушителя определенных принадлежащих ему ценностей;

- с точки зрения реагирования государства на совершение преступления и его дальнейшего влияния на поведение виновного.

Переход юридической ответственности из сферы объективного права в область субъективного права тесно связан с определением санкций правовыми нормами. В процессе возложения юридической ответственности негативные последствия для лиц, собственности и организаций, обеспечиваемых государством за определенные преступления и нарушения субъективных прав, отражаются на правовом положении отдельных юридических лиц. Субъект нарушения субъективных прав (уголовное правонарушение) лишается благ личного, имущественного и организационного характера на основании соответствующих законов о правоохранительной деятельности или добровольно (в случае гражданско-правовой ответственности).

Юридическая ответственность является нормативным и гарантированным путем принуждения, убеждения или поощрения и представляет собой юридическую обязанность соблюдать правовые нормы, реализуемые в правомерных действиях юридических лиц, уполномоченных государством или другими компетентными органами. Нарушение – это ограничение имущественного или личного неимущественного права. Юридическая ответственность имеет ряд специфических характеристик, которые отличают ее от других видов социальной ответственности и связанных с ней правовых категорий и должны применяться для эффективного обеспечения качественного применения всех аспектов и каждого вида юридической ответственности.

Выделим несколько факторов, негативно сказывающихся на исследовании юридической ответственности:

- не существует легального определения понятия «юридическая ответственность». Речь идет о законодательном определении понятия «юридическая ответственность». Но считаем, что такое определение в национальном законодательстве и не нужно. Юридическая ответственность, хотя и воспринимается, и чувствуется реально многими правонарушителями, все же результат теоретического абстрагирования. Это значит, что оно (понятие) никогда не будет иметь четких и неизменных контуров, по наличию которых можно было бы отделять его от других подобных правовых явлений, например, правовых санкций или мер принуждения;

- понятие ответственности характеризуется многозначностью с точки зрения этимологического или речевого анализа понятия. Например, распространенное в быту изречение – «я случайно – я не виновен» – ярко демонстрирует многозначность этого понятия в обществе;

- любое правовое явление может рассматриваться в рамках различных подходов к пониманию права, согласно каждому из них юридическая ответственность также приобретает отличное толкование и определение. Ведь если юридическую ответственность рассматривать как совокупность правовых норм, регулирующих определенную сферу общественных отношений, то до сих пор юридическую ответственность можно характеризовать как правовой институт, например, служебного права. Если юридическую ответственность охарактеризовать как обязанность лица нести определенные негативные последствия за совершенное правонарушение, то тогда юридическую ответственность можно охарактеризовать как один из элементов правового статуса личности.

В заключение следует отметить, что, несмотря на многолетние интенсивные исследования юридической ответственности, большая часть ее юридической природы остается противоречивой. Следует отметить, что институт юридической ответственности имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Он представляет собой широкий институт, охватывающий все сферы правоотношений.

Список литературы:
1. Тугаринов В.П. Личность и общество. М.: Мысль, 1965. 188 с.
2. Байтин М.И. Вопросы общей теории государства и права. Саратов: СГАП, 2006. 398 с.
3. Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности. СПб.: Изд. Юридический центр Пресс, 2007. 950 с.
4. Строгович М.С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5. С. 72–78.
5. Недбайло П.Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение 1971. № 3. С. 44–53.
6. Назаров Б.Л. О юридическом аспекте позитивной социальной ответственности // Советское государство и право. 1981. № 10. – С. 29–38.
7. Алексеев С.С. Общая теория права: Курс в 2-х т. Т. 1. М. : Юрид. лит., 1981. 359 с.
8. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность: теоретические вопросы (Теорет. вопр). Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 120 с.
9. Боброва Н.А. Зражевская Т.Д. Ответственность в системе гарантий конституционных норм. Государственно-правовые аспекты. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 154 с.

References:
1. Tugarikov V.P. Personality and Society. Moscow: Mysl, 1965. 188 p.
2. Baitin M.I. Questions of the General Theory of State and Law. Saratov: SGAP, 2006. 398 p.
3. Khachaturov R.L. General theory of legal liability. St. Petersburg: Juridical Center Press, 2007. 950 p.
4. Strogovich M.S. The essence of legal liability // Soviet state and law. 1979. № 5. pp. 72–78.
5. Nedbaylo P.E. The system of legal guarantees for the application of Soviet legal norms // Jurisprudence 1971. № 3. P. 44–53.
6. Nazarov B.L. On the legal aspect of positive social responsibility // Soviet state and law. 1981. № 10. – P. 29–38.
7. Alekseev S. S. General Theory of Law: Course in 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Legal Literature, 1981. 359 p.
8. Bazylev B.T. Legal liability: theoretical issues (Theoretical issues). Krasnoyarsk: Publishing house Krasnoyarsk. Univ., 1985. 120 p.
9. Bobrova N.A. Zrazhevskaya T.D. Responsibility in the system of guarantees of constitutional norms. State and legal aspects. V.: Publishing house of Voronezh. University, 1985. 154 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_485

ОБ ОТЛОЖЕНИИ РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ГРАЖДАНСКОГО ДЕЛА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ОПЫТ ПРАВОРЕГУЛИРОВАНИЯ В КУНЦЕВСКОМ РАЙОННОМ СУДЕ ГОРОДА МОСКВЫ)

ON THE EFFECTIVENESS OF THE THEORY OF LAW ENFORCEMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION (EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION IN THE KUNTSEVSKY DISTRICT COURT OF MOSCOW)

ФЕТИЩЕВ Дмитрий Владимирович,
доктор юридических наук, МИРЭА – Российский технологический университет.
119454, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 78.
E-mail: vgrmn@yandex.ru

ГАЛУЗО Василий Николаевич,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИИ образования и науки.
123056, Россия, г. Москва, пер. Электрический, д. 10.
E-mail: vgrmn@yandex.ru

FETISHCHEV D.V.,
Doctor of Law, MIREA is a Russian Technological University.
78 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russia.
E-mail: vgrmn@yandex.ru

GALUZO V.N.,
PhD, Chille-old researcher at the Institute of Education and Science.
123056, Russia, Moscow, lane Electric, 10.
E-mail: vgrmn@yandex.ru

Краткая аннотация: *в статье на основе анализа юридической литературы и опыта праворегулирования правоохранительных органов Российской Федерации, в том числе и судебного органа общей юрисдикции города федерального значения – города Москвы, об отложении разбирательства гражданского дела обосновано несколько суждений: Российская Федерация является правовом государством, что продекларировано в части 1 статьи 1 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. и что означает исключительность права в качестве регулятора общественных отношений в этом субъекте международного права; в гражданском судопроизводстве, как одном из пяти видов судопроизводств, предусмотренных в части 2 ст. 118 Конституции РФ, также осуществляется гражданское правосудие; гражданское судопроизводство урегулировано в Гражданском процессуальном кодексе РФ от 23 октября 2002 г., как нормативном правовом акте, по юридической силе приравненном к федеральному закону РФ; противоречия между Гражданским процессуальным кодексом РФ и иными федеральными законами РФ разрешаются по правилу коллизии; противоречия между Гражданским процессуальным кодексом РФ и подзаконными нормативными правовыми актами разрешаются по правилу конкуренции; отложение разбирательства гражданского дела, как процессуальное действие, регулируется исключительно Гражданским процессуальным кодексом РФ, но не подзаконными нормативными правовыми актами; отложение разбирательства гражданского дела, как процессуальное действие, является исключительным полномочием лица, наделенного статусом «судья», причем в соответствии с Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г.; в статье 169 ГПК РФ должен быть предусмотрен исчерпывающий перечень оснований отложения судебных заседаний; практику отложения судебных заседаний в Кунцевском районном суде города Москвы, в том числе и по гражданскому делу за № 02-6589/2025, необходимо признать необоснованной.*

Abstract: *based on an analysis of legal literature and the experience of law enforcement agencies in the Russian Federation, including one court of general jurisdiction in the city of federal significance of Moscow, several statements are made about the postponement of a civil case: the Russian Federation is a state governed by the rule of law, as stated in Part 1 of Article 1 of the Constitution of the Russian Federation dated December 12, 1993, which means that the rule of law is the exclusive regulator of social relations in this subject of international law; civil justice is also provided in civil proceedings, which is one of the five types of proceedings specified in Part 2 of Article 118 of the Constitution of the Russian Federation; civil proceedings are regulated by the Civil Procedure Code of the Russian Federation dated October 23, 2002, which is a regulatory legal act with the same legal force as a federal law of the Russian Federation; conflicts between the Civil Procedure Code of the Russian Federation and other federal laws of the Russian Federation are resolved by the rule of conflict; conflicts between the Civil Procedure Code of the Russian Federation and subordinate regulatory legal acts are resolved by the rule of competition; postponement of the trial of a civil case, as a procedural action, is regulated exclusively by the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, but not by by-laws; postponement of the trial of a civil case, as a procedural action, is an exclusive authority of a person endowed with the status of «judge», and in accordance with the Law of the Russian Federation «On the Status of Judges in the Russian Federation» dated June 26, 1992; article 169 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation should provide an exhaustive list of grounds for postponing court hearings; the practice of postponing court hearings in the Kuntsevo District Court of the city of Moscow, including the civil case No. 02-6589/2025, should be recognized as unjustified.*

Ключевые слова: *Российская Федерация, правовое государство, законодательство, нормативный правовой акт, система нормативных правовых актов, Конституция РФ от 12 декабря 1993 г., федеральный конституционный закон РФ, Федеральный конституционный закон РФ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» («Одобрен Государственной Думой 28 января 2011 года», «Одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 года»), федеральный закон РФ, Федеральный закон РФ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 21 апреля 2006 г., Гражданский процессуальный кодекс РФ от 23 октября 2002 г., закон РФ, Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г., статус, судья, «федеральный судья», общественное отношение, регулятор, система регуляторов общественных отношений, политика, право, религия, традиция, комплексное праворегулирование, противоречие, коллизия, конкуренция, гражданский процесс, гражданское судопроизводство, стадия гражданского процесса, судебное разбирательство, отложение судебного разбирательства, гражданское дело.*

Key words: *Russian Federation, rule-of-law state, legislation, regulatory legal act, system of regulatory legal acts, Constitution of the Russian Federation dated December 12, 1993, Federal Constitutional Law of the Russian Federation, Federal Constitutional Law of the Russian Federation «On Courts of General Jurisdiction in the Russian Federation» («Approved by the State Duma on January 28, 2011», «Approved by the Federation Council on February 2, 2011»), Federal Law of the Russian Federation, Federal Law of the Russian Federation «On the Procedure for Considering Applications from Citizens of the Russian Federation» dated April 21, 2006, Civil Procedure Code of the Russian Federation dated October 23, 2002, Law of the Russian Federation, Law of the Russian Federation «On the Status of Judges in the Russian Federation» dated June 26, 1992, status, judge, «federal judge», public relations, regulator, system of regulators of public relations, politics, law, religion, tradition, complex legal regulation, contradiction, conflict, competition, civil process, civil proceedings, stage of civil proceedings, trial, postponement of trial, civil case.*

Для цитирования: *Фетищев Д.В., Галузо В.Н. Об отложении разбирательства гражданского дела в Российской Федерации (опыт праворегулирования в Кунцевском районном суде города Москвы) // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 485-488. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_485.*

For citation*: Fetishchev D.V., Galuzo V.N. On the effectiveness of the theory of law enforcement in the Russian Federation (experience of legal*

regulation in the Kuntsevsky district court of Moscow) // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 485-488. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_485.

Статья поступила в редакцию: 10.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Предметом данной статьи является гражданское судопроизводство[1], как одна из разновидностей правоохраны[2], причем на примере одного из судов общей юрисдикции города федерального значения – города Москвы[3]. При этом внимание сфокусировано на одном процессуальном действии, а именно на отложении разбирательства гражданского дела в Российской Федерации[4].

В юридической литературе обращается внимание на названное процессуальное действие, но, как правило, в отрыве от системы гражданского процесса[5]. Так, А.Ф. Скутин осуществил» анализ практики судов общей юрисдикции по отложению разбирательства дела», а также исследовал «отличие отложения разбирательства дела от иных форм временной остановки гражданского процесса» («Накопленный опыт работы арбитражных судов позволяет сделать вывод о возможности продолжения рассмотрения гражданского дела после его отложения с того момента, с которого оно было отложено. При этом сроки рассмотрения дел существенно сокращаются. Полагаю, что по этому пути должны идти и суды общей юрисдикции при рассмотрении гражданских дел»)[6].

Л.Н. Бардин обосновал следующее суждение: «Для непременного учета судами общей юрисдикции РФ статей 6 и 13 и Европейской конвенции в целом важное значение может иметь Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации". Изложенные в этом Постановлении разъяснения Пленума Верховного Суда могут стать существенным подспорьем при защите прав, свобод и законных интересов в порядке гражданского судопроизводства. Вместе с тем необходимы изменения законодательства, относящегося к рассмотрению гражданских дел судами общей юрисдикции, для приведения его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права и международных договоров Российской Федерации. В результате более уважительным будет отношение к закону и суду, а у граждан России будет меньше оснований для обращений в Европейский суд по правам человека»[7].

А.А. Дворецкий исследовал «теоретические взгляды на роль и функции процессуальных сроков в разные периоды развития отечественного гражданского процессуального права»: «Закрепление в ГПК РФ принципа разумного срока стимулирует доктрину выявлять баланс между такими ценностями, как правильность разрешения спора и обеспечение разумного срока рассмотрения дела. Социальное значение принципа разумного срока заключается в том, что он, сокращая дистанцию между правовым и физическим временем, повышает адекватность гражданского процесса в целом, социализирует его и приближает его к реальности. Юридическое значение данного принципа состоит в том, что он является одной из существенных гарантий эффективности реализации права на судебную защиту в широком смысле»[8].

Л.Б. Лазаренко и Ю.Н. Моцная «на основании анализа судебной практики применения положений статей, устанавливающих сроки рассмотрения дел, порядок их продления и последствия отложения судебных заседаний, во взаимосвязи с правилами ускорения рассмотрения дела выявляют противоречия между институтами, ведущие к неразумному подходу при определении "разумных" сроков» («… предлагается рассмотреть (унифицировать) обозначенные институты с целью достижения единообразного толкования и применения судами установленных законодателем правил о сроках рассмотрения дела»)[9].

С целью обеспечения объективности данного изложения, нами при необходимости могут быть представлены результаты опыта праворегулирования в Кунцевском районном суде города Москвы, причем в виде нонпарели (франц. nonpareille)[10].

Первоначально состоялось обращение к Председателю Кунцевского районного суда города Москвы от 23 октября 2025 г. (номер почтового идентификатора – 10100012531053)[11].

В последующем состоялось обращение к Председателю Московского городского суда от 29 октября 2025 г. (номер почтового идентификатора – 1010001318185)[1].

---

[1] Совокупность же всех разновидностей судопроизводств, в том числе и гражданского судопроизводства, принято определять как судебная власть (см. об этом: Фетищев Д.В. Судебная власть в механизме государства (вопросы теории и практики): Монография. М.: Научная книга, 2007; он же: Судебная власть в современном государстве (история, теория и практика): Монография. М.: Научная книга, 2007; он же: «Судебное право» и судебная система (проблема развития и совершенствования): Монография. М.: Научная книга, 2007).

[2] Об этом подробнее см.: Галузо В.Н. Теория правоохраны - новое направление в российской юридической науке? // Закон и право. 2009. № 12. С. 15-16; он же: Теория правоохраны в Российской Федерации: pro et contra // Государство и право. 2012. № 11. С. 110-113; Галузо В.Н., Канафин Н.А. Теория правоохраны как подтверждение приоритета юридической науки над правоприменением в Российской Федерации // Образование и право. 2018. № 3. С. 40-48; Галузо В.Н. Теория правоохраны как феномен юридической науки Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2019. № 5. С. 33-36; он же: Теория правоохраны в Российской Федерации (историко-правовое исследование): Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2022. С. 76-140.

[3] О таковых подробнее см.: Галузо В.Н., Канафин Н.А. О юрисдикции государственных судебных органов районного звена в городе Москве: обеспечиваются ли положения теории правоохраны? // Образование и право. 2017. № 7. С. 128-135.

[4] Мы предлагаем с 25.12.1991 г. для названия государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД РФ. 2010. № 5. С. 119-123).

[5] Система гражданского процесса это - исчерпывающий перечень стадий, о чем в теории отсутствует единообразный подход (см. об этом: Галузо В.Н., Канафин Н.А. О допустимости признания «беседы» в качестве стадии гражданского процесса в Российской Федерации (опыт праворегулирования в судах общей юрисдикции города Москвы) // Аграрное и земельное право. 2025. № 10. С. 27-30).

[6] Скутин А.Ф. Оптимизация порядка отложения разбирательства дела (ст. 169 ГПК РФ) // Администратор суда. 2014. № 2.

[7] Бардин Л.Н. К вопросу о нарушениях права граждан на справедливое разбирательство дела в разумный срок беспристрастным судом при рассмотрении судами гражданских дел // Адвокатская практика. 2004. № 2.

[8] Дворецкий А.А. Значение института процессуальных сроков в российском гражданском судопроизводстве: эволюция правовых подходов // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 11. С. 11 - 28.

[9] См.: Лазаренко Л.Б., Моцная Ю.Н. Вопросы взаимодействия институтов отложения судебного разбирательства, продления сроков и ускорения рассмотрения дела, их влияние и значение на определение "разумного" срока // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 10.

[10] О значении данного термина см., например: Краткая Российская энциклопедия. В 3 т. Т. 2 «К-Р» / Сост. В.М. Карев. М.: Большая Российская энциклопедия; ОНИКС 21 век, 2004. С. 714.

[11] См.: «О назначении судей федеральных судов и о представителях Президента Российской Федерации в квалификационных коллегиях судей субъектов Российской Федерации»: Указ Президента РФ № 827 от 30.09.2024 г. // СЗ РФ. 2024. № 41. Ст. 6143.

Как известно, гражданское судопроизводство урегулировано в нормативном правовом акте, по юридической силе приравненном к федеральному закону РФ, а именно в Гражданском процессуальном кодексе РФ от 23 октября 2002 г.[2].

Процессуальному действию - отложение разбирательства гражданского дела – посвящена отдельная статью ГПК РФ, а именно статья 169: «1. Отложение разбирательства дела допускается в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, а также в случае, если суд признает невозможным рассмотрение дела в этом судебном заседании вследствие неявки кого-либо из участников процесса, возникновения у суда обоснованных сомнений относительно того, что в судебном заседании участвует лицо, прошедшее идентификацию или аутентификацию, либо относительно волеизъявления такого лица, предъявления встречного иска, необходимости представления или истребования дополнительных доказательств, привлечения к участию в деле других лиц, совершения иных процессуальных действий, возникновения технических неполадок при использовании технических средств ведения судебного заседания, в том числе систем видеоконференц-связи либо системы веб-конференции. Суд может отложить разбирательство дела на срок, не превышающий двух месяцев, по ходатайству сторон в случае их обращения за содействием к суду или посреднику, в том числе медиатору, судебному примирителю, а также в случае принятия сторонами предложения суда использовать примирительную процедуру. 1[1]. Суд обязан отложить на тридцать дней разбирательство дела, связанного со спором о ребенке, в случае поступления письменного уведомления от центрального органа, назначенного в Российской Федерации в целях обеспечения исполнения обязательств по международному договору Российской Федерации, о получении им заявления о незаконном перемещении этого ребенка в Российскую Федерацию или его удержании в Российской Федерации с приложением к уведомлению копии заявления, если ребенок не достиг возраста, по достижении которого указанный международный договор не подлежит применению в отношении этого ребенка. 2. При отложении разбирательства дела назначается дата нового судебного заседания с учетом времени, необходимого для вызова участников процесса или истребования доказательств, о чем явившимся лицам объявляется под расписку. Неявившиеся лица и вновь привлекаемые к участию в процессе лица извещаются о времени и месте нового судебного заседания. 3. Разбирательство дела после его отложения возобновляется с того момента, с которого оно было отложено. Повторное рассмотрение доказательств, исследованных до отложения разбирательства дела, не производится».

А.Г. Плешанов привел в качестве обоснования лишь извлечения двух еще действующих постановлений Пленума Верховного Суда РФ (№ 15 от 5 ноября 1998 г.[3]; № 13 от 26 июня 2008 г.[4])[5].

Р.А. Сидоров полагает следующее: «Отложение разбирательства дела представляет собой перенос судебного заседания по рассмотрению дела по существу на другое время»; «Откладывая судебное разбирательство, по возможности суд должен учесть пожелания лиц, участвующих в деле, …»[6].

А.В. Афтахова утверждает следующее: «Частью первой комментируемой статьи закреплен примерный перечень оснований отложения разбирательства по делу. Приведенный перечень является открытым и предоставляет судам процессуальную возможность принимать решение об отложении судебного разбирательства, основываясь на конкретных обстоятельствах дела»[7].

Еще в одном комментарии к ГПК РФ, правда без разделенного соавторства, в схеме № 138 проведено разграничение между перерывом и отложением судебного разбирательства с добавлением текста: «Отложение разбирательства дела – процессуальное действие суда по переносу рассмотрения дела по существу на более поздний срок. Отложение дела возможно в любой части судебного заседания, если имеются на то законные основания»[8].

А.Н. Чашин полагает следующее: «Откладывая разбирательство дела (ст. 1269 ГПК), суд должен указать в определении мотивы отложения и назначить дату нового судебного заседания с учетом действий, которые должны быть произведены в период отложения»[9].

Д.А. Иванов утверждает: «Комментируемая норма предусматривает перечень случаев, при наступлении которых дело может быть отложено. Данный перечень исчерпывающим не является, необходимость отложения дела подлежит выяснению в зависимости от обстоятельств, присущих каждому конкретному делу»[10].

В приведенных комментариях к ГПК РФ авторы ограничиваются лишь произвольным интерпретированием положений статьи 169 ГПК РФ, избранной нами в качестве предмета исследования.

Анализ положений статьи 169 ГПК РФ позволяют высказать несколько суждений: отложение разбирательства гражданского дела допускается исключительно на одной стадии гражданского процесса, а именно на стадии судебного разбирательства; названное процессуальное действие является исключительным полномочием судьи, рассматривающего конкретное гражданское дело, в том числе и гражданское дело за № 02-6589/2025.

Таким образом, исследования относительно отложения разбирательства гражданского дела, как процессуальном действии гражданского судопроизводства в Российской Федерации, необходимо продолжить.

Изложенное позволяет высказать несколько суждений.

---

[1] См.: О назначении председателя Московского городского суда: Указ Президента РФ № 586 от 01.10.2020 г. // СЗ РФ. 2020. № 40. Ст. 6246.
[2] См.: СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; …; 2025. № 31. Ст. 4698.
[3] См.: РГ. 1998. 18 ноября.
[4] См.: РГ. 2008. 2 июля.
[5] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации с постатейными материалами / Под ред. В.В. Яркова, А.Г. Плешанова. М.: Проспект, 2009. С. 521-522.
[6] См.: Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под общ. ред. Л.В. Тумановой. М.: Проспект, 2015. С. 326-327.
[7] См.: Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. / Под общ. ред. Л.В. Тумановой. М.: Проспект, 2018. С. 301-305.
[8] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации в схемах с комментариями: Научно-практическое пособие. 7-е изд., доп. и перераб. / Отв. ред. Г.Д. Улетова. С.-Пб.: Юридический центр, 2018. С. 198.
[9] Чашин А.Н. Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РФ. М.: Эксмо, 2019. С. 291-292.
[10] См.: Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 4-е изд., перераб. и доп. / Под общ. ред. Л.В. Тумановой. М.: Проспект, 2023. С. 322-323.

Во-первых, Российская Федерации является правовом государством, что продекларировано в части 1 статьи 1 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. и что означает исключительность права в качестве регулятора общественных отношений в этом субъекте международного права.

Во-вторых, в гражданском судопроизводстве, как одном из пяти видов судопроизводств, предусмотренных в части 2 ст. 118 Конституции РФ, также осуществляется гражданское правосудие.

В-третьих, гражданское судопроизводство урегулировано в Гражданском процессуальном кодексе РФ от 23 октября 2002 г., как нормативном правовом акте, по юридической силе приравненном к федеральному закону РФ.

В-четвертых, противоречия между Гражданским процессуальным кодексом РФ и иными федеральными законами РФ разрешаются по правилу коллизии.

В-пятых, противоречия между Гражданским процессуальным кодексом РФ и подзаконными нормативными правовыми актами разрешаются по правилу конкуренции.

В-шестых, отложение разбирательства гражданского дела, как процессуальное действие, регулируется исключительно Гражданским процессуальным кодексом РФ, но не подзаконными нормативными правовыми актами.

В-седьмых, отложение разбирательства гражданского дела, как процессуальное действие, является исключительным полномочием лица, наделенного статусом «судья», причем в соответствии с Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г.

В-восьмых, в статье 169 ГПК РФ должен быть предусмотрен исчерпывающий перечень оснований отложения судебных заседаний.

В-девятых, практику отложения судебных заседаний в Кунцевском районном суде города Москвы, в том числе и по гражданскому делу за № 02-6589/2025, необходимо признать необоснованной.

Список литературы

1) Бардин Л.Н. К вопросу о нарушениях права граждан на справедливое разбирательство дела в разумный срок беспристрастным судом при рассмотрении судами гражданских дел // Адвокатская практика. 2004. № 2.
2) Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД РФ. 2010. № 5. С. 119-123).
3) Галузо В.Н. Теория правоохраны - новое направление в российской юридической науке? // Закон и право. 2009. № 12. С. 15-16.
4) Галузо В.Н. Теория правоохраны в Российской Федерации: pro et contra // Государство и право. 2012. № 11. С. 110-113.
5) Галузо В.Н. Теория правоохраны как феномен юридической науки Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2019. № 5. С. 33-36.
6) Галузо В.Н. Теория правоохраны в Российской Федерации (историко-правовое исследование): Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2022. С. 76-140.
7) Галузо В.Н., Канафин Н.А. Теория правоохраны как подтверждение приоритета юридической науки над правоприменением в Российской Федерации // Образование и право. 2018. № 3. С. 40-48.
8) Галузо В.Н., Канафин Н.А. О юрисдикции государственных судебных органов районного звена в городе Москве: обеспечиваются ли положения теории правоохраны? // Образование и право. 2017. № 7. С. 128-135.
9) Галузо В.Н., Канафин Н.А. О допустимости признания «беседы» в качестве стадии гражданского процесса в Российской Федерации (опыт праворегулирования в судах общей юрисдикции города Москвы) // Аграрное и земельное право. 2025. № 10.
10) Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации в схемах с комментариями: Научно-практическое пособие. 7-е изд., доп. и перераб. / Отв. ред. Г.Д. Улетова. С.-Пб.: Юридический центр, 2018. С. 198.
11) Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации с постатейными материалами / Под ред. В.В. Яркова, А.Г. Плешанова. М.: Проспект, 2009. С. 521-522.
12) Дворецкий А.А. Значение института процессуальных сроков в российском гражданском судопроизводстве: эволюция правовых подходов // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 11. С. 11 - 28.
13) Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под общ. ред. Л.В. Тумановой. М.: Проспект, 2015. С. 326-327.
14) Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. / Под общ. ред. Л.В. Тумановой. М.: Проспект, 2018. С. 301-305.
15) Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 4-е изд., перераб. и доп. / Под общ. ред. Л.В. Тумановой. М.: Проспект, 2023. С. 322-323.
16) Краткая Российская энциклопедия. В 3 т. Т. 2 «К-Р» / Сост. В.М. Карев. М.: Большая Российская энциклопедия; ОНИКС 21 век, 2004. С. 714.
17) Лазаренко Л.Б., Моцная Ю.Н. Вопросы взаимодействия институтов отложения судебного разбирательства, продления сроков и ускорения рассмотрения дела, их влияние и значение на определение "разумного" срока // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 10.
18) Скутин А.Ф. Оптимизация порядка отложения разбирательства дела (ст. 169 ГПК РФ) // Администратор суда. 2014. № 2.
19) Фетищев Д.В. Судебная власть в механизме государства (вопросы теории и практики): Монография. М.: Научная книга, 2007.
20) Фетищев Д.В. Судебная власть в современном государстве (история, теория и практика): Монография. М.: Научная книга, 2007.
21) Фетищев Д.В. «Судебное право» и судебная система (проблема развития и совершенствования): Монография. М.: Научная книга, 2007.
22) Чашин А.Н. Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РФ. М.: Эксмо, 2019. С. 291-292.

References

1) Bardin L.N. On the Issue of Violations of the Right of Citizens to a Fair Trial within a Reasonable Time by an Impartial Court in the Course of Civil Cases // Advokatskaya Praktika. 2004. No. 2.
2) Galuzo V.N. Constitutional and Legal Status of Russia: The Problem of Naming the State // Vestnik Moskovskogo Universiteta MVD RF. 2010. No. 5. Pp. 119-123).
3) Galuzo V.N. The Theory of Law Enforcement: A New Direction in Russian Legal Science? // Law and Law. 2009. No. 12. Pp. 15-16.
4) Galuzo V.N. The Theory of Law Enforcement in the Russian Federation: pro et contra // State and Law. 2012. No. 11. Pp. 110-113.
5) Galuzo V.N. The Theory of Law Enforcement as a Phenomenon of Legal Science in the Russian Federation // Agrarian and Land Law. 2019. No. 5. Pp. 33-36.
6) Galuzo V.N. The Theory of Law Enforcement in the Russian Federation (Historical and Legal Research): Monograph. M.: UNITY-DANA: Law and Law, 2022. P. 76-140.
7) Galuzo V.N., Kanafin N.A. The Theory of Law Enforcement as Confirmation of the Priority of Legal Science over Law Enforcement in the Russian Federation // Education and Law. 2018. No. 3. Pp. 40-48.
8) Galuzo V.N., Kanafin N.A. On the Jurisdiction of State District Courts in Moscow: Are the Provisions of the Theory of Law Enforcement Being Ensured? // Education and Law. 2017. No. 7. Pp. 128-135.
9) Galuzo V.N., Kanafin N.A. On the Admissibility of Recognizing a "Conversation" as a Stage of the Civil Procedure in the Russian Federation (Experience of Legal Regulation in the Courts of General Jurisdiction of the City of Moscow) // Agrarian and Land Law. 2025. No. 10.
10) The Civil Procedure Code of the Russian Federation in Schemes with Comments: A Scientific and Practical Guide. 7th Edition, Revised and Expanded. / Edited by G.D. Uletova. St. Petersburg: Legal Center, 2018. P. 198.
11) The Civil Procedure Code of the Russian Federation with Article-by-Article Materials / Ed. by V.V. Yarkov and A.G. Pleshchanov. M.: Prospekt, 2009, pp. 521-522.
12) Dvoretsky A.A. The Significance of the Institute of Procedural Terms in Russian Civil Procedure: Evolution of Legal Approaches // Actual Problems of Russian Law. 2023. No. 11. Pp. 11-28.
13) Commentary on the Civil Procedure Code of the Russian Federation (by Article) / Under the general editorship of L.V. Tumanova. M.: Prospekt, 2015. P. 326-327.
14) Commentary on the Civil Procedure Code of the Russian Federation (by Article). 2nd edition, revised. and additional / Edited by L.V. Tumanova. M.: Prospekt, 2018, p. 301-305.
15) Commentary on the Civil Procedure Code of the Russian Federation (by article). 4th edition, revised and expanded. / Edited by L.V. Tumanova. M.: Prospekt, 2023, p. 322-323.
16) Concise Russian Encyclopedia. In 3 volumes. Vol. 2 "K-R" / Compiled by V.M. Karev. Moscow: Great Russian Encyclopedia; ONIX 21st Century, 2004. P. 714.
17) Lazarenko L.B., Motsnaya Yu.N. Issues of Interaction between the Institutions of Postponement of Proceedings, Extension of Terms, and Acceleration of Case Consideration, Their Influence and Significance on Determining a "Reasonable" Period // Arbitration and Civil Procedure. 2025. No. 10.
18) Skutin A.F. Optimization of the Procedure for Postponing a Trial (Article 169 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation) // Court Administrator. 2014. No. 2.
19) Fetishchev D.V. Judicial Power in the State Mechanism (Issues of Theory and Practice): Monograph. Moscow: Nauchnaya Kniga, 2007.
20) Fetishchev D.V. Judicial Power in the Modern State (History, Theory, and Practice): Monograph. Moscow: Nauchnaya Kniga, 2007.
21) Fetishchev D.V. "Judicial Law" and the Judicial System (Problems of Development and Improvement): Monograph. Moscow: Nauchnaya Kniga, 2007.
22) Chashin A.N. Article-by-Article Commentary on the Civil Procedure Code of the Russian Federation. Moscow: Eksmo, 2019, pp. 291-292.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_489

УДК 34.09

РАЗНОБРАЗИЕ ПОДХОДОВ К ПОНЯТИЮ ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ)

DIVERSITY OF APPROACHES TO THE CONCEPT OF LAW ENFORCEMENT IN THE HISTORY OF RUSSIAN LEGAL THOUGHT (THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

ЧЕРНЯВСКИЙ Дмитрий Александрович,
аспирант Таганрогского института управления и экономики.
347900, Россия, г. Таганрог, ул. Петровская, 45.
E-mail: p.kameneva@tmei.ru

CHERNYAVSKY Dmitry Alexandrovich,
Postgraduate Student of the Taganrog Institute of Management and Economics.
Petrovskaya str., 45, Taganrog, 347900, Russia.
E-mail: p.kameneva@tmei.ru

Краткая аннотация: *статья посвящена исследованию юридических и методологических аспектов использования права в рамках российской юридической науки во второй половине XIX – начале XX столетия. В указанный период российская юридическая мысль переживала период бурного развития, находясь под влиянием как западноевропейских философских и правовых школ, так и собственных национальных традиций. Возникает острая необходимость осмысления роли права в обществе, его сущности и границ применимости. При этом, сама категория «правоприменение» не воспринималась как нечто технически нейтральное, а рассматривалась как сложный интеллектуальный и ценностный процесс, определяемый, в первую очередь, господствующим правопониманием. Предпринята авторская попытка установить характер взаимосвязи между пониманием права и процессом его практической реализации.*

Abstract: *the article is devoted to the study of the legal and methodological aspects of the use of law in the framework of Russian jurisprudence in the second half of the XIX – early XX century. During this period, Russian legal thought experienced a period of rapid development, being influenced by both Western European philosophical and legal schools, as well as its own national traditions. There is an urgent need to understand the role of law in society, its essence and the limits of applicability. At the same time, the category of "law enforcement" itself was not perceived as something technically neutral, but was viewed as a complex intellectual and value-based process, determined primarily by the prevailing legal understanding. The author's attempt is made to establish the nature of the relationship between the understanding of law and the process of its practical implementation.*

Ключевые слова: *правоприменение, юридический позитивизм, социологический позитивизм, естественно-правовая теория, силлогизм, теории, судья, право.*

Key words: *law enforcement, legal positivism, sociological positivism, natural law concept, syllogism, theories, judge, right.*

Для цитирования: *Чернявский Д.А. Разнообразие подходов к понятию правоприменение в истории российской правовой мысли (вторая половина XIX – начала XX веков) // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 489-493. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_489.*

For citation*: Chernyavsky D.A. The diversity of approaches to the concept of law enforcement in the history of Russian legal thought (the second half of the 19th – early 20th centuries) // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 489-493. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_489.*

Статья поступила в редакцию: 10.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Современное российское государство находится в процессе политико-правовой самоидентификации, что ставит перед юридической наукой задачу поиска адекватной теории понимания права, определяющей его реализацию. Обращение к историческому правовому опыту позволяет выявить основные направления развития отечественной юриспруденции и обеспечивает сохранение ее традиций. Во второй половине девятнадцатого и в начале двадцатого столетия правовые теории и концепции, связанные с применением права, активно формировались в контексте различных правовых моделей.

В рамках юридического позитивизма, применение правовых норм сводится к использованию положений, закрепленных в законах или общепринятых правовых практиках. Сторонники формально-догматического подхода рассматривали этот процесс как разновидность силлогизма [12, с. 1, 699; 2, с. 32]. Следовательно, определение общей предпосылки осуществлялось исключительно в пределах действующего законодательства, а малой – путем отсечения неправовых элементов в анализируемом деле. Именно это позволяет говорить о формально-логической чистоте юридической квалификации. Всякое иное толкование привело бы к произволу, когда под видом якобы справедливого решения игнорируются четкие нормы права. Такой подход, несомненно, подорвал бы доверие к правосудию и, в конечном счете, к самой правовой системе. Как итог, «выполнив задачу очистки и разложив оставшееся на ряд юридических представлений, судья отыскивает тот же ряд представлений, соединенных в какой-либо отвлеченной норме» [12, с. 704].

С точки зрения формально-догматического подхода в юриспруденции, философско-правовое осмысление права утрачивает свою актуальность, поскольку существующее позитивное право в процессе его реализации трансформируется в интерпретацию. Когда нормативные акты сформулированы недвусмысленно и тщательно охватывают социальные взаимодействия, потребность в добавочных философских, этических и аксиологических аргументах становится излишней. Первостепенное значение приобретает строгое соблюдение законодательных положений, точное исполнение установлений и формальное соответствие действий предусмотренным нормам. Правовая система воспринимается как автономная, не нуждающаяся во вмешательстве извне или пересмотре. В рамках формально-догматической теории, изучение юриспруденции

сводится к анализу и систематизации действующих правил, выявлению несоответствий в законодательстве, а также к проработке юридических конструкций и понятий. Особое внимание уделяется внутренней логике правовой системы, ее согласованности и непротиворечивости. Задача юриста состоит в интерпретации и применении закона, а не в его оценке с точки зрения справедливости, моральных принципов или целесообразности.

В рамках социологического позитивизма, судебные прецеденты выступают в роли фактического доказательства или опровержения действующих правовых установлений. В случаях, когда нормативные положения оказываются неадекватными, не способны урегулировать возникающие разногласия, вынесенные судебные вердикты указывают на их отсталость и потребность в модернизации. Данный цикл постоянного взаимодействия между судебной деятельностью и законотворческим процессом способствует развитию правовой системы в согласии с требованиями населения. Принципиальным моментом в социологической позитивистской парадигме является признание за судьей права на дискрецию, то есть возможности принимать самостоятельные решения, опираясь на собственный опыт. Тем не менее, данная свобода действий имеет свои границы С.А. Муромцев отрицал ограничение деятельности судьи логическими силлогизмами, подчеркивая наличие в ней творческого элемента. Он утверждал, что «судья не только является органом пассивного законодательства, но наравне с ним творит право, вводит в жизнь новые, до того не известные юридические нормы, подчиняет жизнь тому порядку, который сочла наилучшим его судейская совесть, в отличие от закона или обычая» [9, с. 112].

Социологическая юриспруденция, в отличие от этатистских подходов, обходила стороной вопросы практической реализации права. Тут понимание права основывается на динамичном характере социальных взаимодействий и тесно связана с обстоятельствами конкретных дел, приобретая тем самым контекстуальную специфику. Такая позиция находит отражение и в работах О. Шпенглер, он, утверждая, что «существует только каузальное понимание» [14, с. 329].

Концепция права как креативной деятельности в рамках доктрины «свободного права», повлекла за собой переоценку значения судебного прецедента. В то время как в англо-американской правовой традиции прецедент исторически рассматривался как закон, имеющий обязательную силу, представители «свободного права» обращали внимание на его изменчивость и необходимость постоянного толкования. По их мнению, судья должен ориентироваться в большей степени на правовой принцип, лежащий в основе предшествующего решения, а не на его буквальное содержание, и адаптировать этот принцип к новым условиям и социальным потребностям. Безусловно, подобный подход увеличивал степень судейской свободы, однако вместе с тем поднимал проблему границ этой свободы и способов ее регулирования. Противники «свободного права» выражали обеспокоенность тем, что чрезмерное доверие к интуиции и личному представлению о справедливости может привести к субъективизму и нарушению принципа верховенства закона. Судья, вооруженный интуицией и пониманием житейских обстоятельств, рассматривался не просто как исполнитель формальных норм, но как активный участник правотворчества, способный «оживить» закон, приспособив его к конкретным жизненным ситуациям. Эта позиция находила отражение в концепциях «свободного нахождения права», предполагавших, что право не исчерпывается исключительно законодательными установлениями, а существует в виде некой «правовой идеи», которую судья должен обнаружить и применить. Такой подход, безусловно, расширял границы судейского усмотрения. Судья, руководствуясь не только буквой закона, но и собственным чувством справедливости и пониманием социальных реалий, получал возможность принимать решения, которые, с его точки зрения, наиболее полно соответствовали потребностям общества. Однако, вместе с тем, возрастала и ответственность судей, поскольку их решения могли напрямую влиять на формирование правовой практики и развитие правовых институтов.

Поиск в процессе принятия решений на основе рефлексии. Такая установка привела к возникновению концепции «свободного усмотрения» судьи, который, опираясь на свои моральные и социальные убеждения, должен отходить от формального закона в пользу справедливости и социального целесообразности. Это предполагало активное вмешательство суда в социальные процессы, направленное на их оптимизацию и гармонизацию. Судья превращался не столько в исполнителя воли законодателя, сколько в творца нового социального порядка, основанного на «живом праве» и принципах справедливости.

Возможно разграничение между позитивистской социологией и естественно-правовым направлением, опиравшимся на рационалистические концепции как на методологию. Однако, в конце девятнадцатого - начале двадцатого столетия наблюдалось «возрождение естественного права». Возобновление интереса к естественно-правовой доктрине было обусловлено комплексом факторов, охватывающих как интеллектуальную, так и общественно-политическую сферу. С одной стороны, несмотря на достижения позитивистской социологии в области эмпирического анализа социальных явлений, она столкнулась с ограничениями в объяснении моральных и ценностных императивов, лежащих в основе права. Игнорирование метафизических оснований и абсолютизация эмпирических данных оказались неспособными предоставить ответы на вопросы о праведности и законности правовых установлений. С другой стороны, прогресс капитализма и усугубление социального неравенства спровоцировали кризис правовой системы, которую все чаще стали воспринимать как орудие доминирования определенных социальных групп. В этих обстоятельствах обращение к естественному праву, с его акцентом на неотчуждаемые права личности и принципы беспристрастности, представлялось привлекательной альтернативой. В связи с этим Н.М. Коркунов отмечал, что представители критического направления, «признавая относительность права, думают тем вернее отстоять абсолютный характер справедливости» [4, с. 100].

«Ренессанс естественного права» проявился в различных формах. В философии права сформировались новые теории, стремившиеся согласовать постулаты естественного права с актуальными научными знаниями. В политической практике возникли движения в защиту прав человека и социальной справедливости, апеллировавшие к естественным правам как к моральной основе своих требований. В судебной практике судебные органы все чаще стали использовать принципы естественного права для интерпретации и применения действующего законодательства.

Таким образом, «возвращение естественного права» в конце XIX — начале XX века стало важным этапом в развитии правовой мысли и практики. Оно отражало недовольство однобоким позитивизмом и стремление к более глубокому пониманию нравственных и ценностных основ права, а также потребность в защите прав человека и принципов справедливости в условиях стремительно меняющегося мира. Этот процесс оказал значительное влияние на формирование современной правовой системы и остается актуальным по сей день.

Так, П.И. Новгородцев считал, что не только в требованиях отдельных лиц, но и в судебных решениях абстрактная правда закона должна смягчаться милостью по отношению к конкретным обстоятельствам. Правда и милость должны гармонично сочетаться [10, с. 134]. Размышляя над сущностью правосудия, Новгородцев касался дилеммы между формальной законностью и моральным содержанием. Он предостерегал от абсолютизации буквы закона, настаивая на необходимости учитывать индивидуальные особенности каждого случая. Суд, по его мнению, должен руководствоваться не только правовыми нормами, но и представлениями о справедливости и человечности. Именно в этом заключается высшая цель правосудия – достижение гармонии между законом и моралью. Эта идея находит свое отражение и в его критике позитивистского подхода к праву, который, по мнению Новгородцева, склонен к формализации и игнорированию нравственных аспектов. Он утверждал, что право не может быть отделено от морали, поскольку оно является инструментом реализации нравственных принципов в обществе. Судья, следовательно, должен обладать не только знаниями в области права, но и развитым чувством справедливости и эмпатии, чтобы принимать решения, отвечающие не только букве закона, но и духу справедливости.

Раздвоенность между идеальным и реальным правом закономерно приводит к нечеткости в понимании законности власти и ее рамок. Признание естественно-правовой доктриной «должного» права, как эталона справедливости и морали, возвышающегося над «сущим» позитивным правом, чревато скатыванием к субъективизму и столкновению идеологий. Утверждение любого индивида или группы о своей версии «правильного» права как единственно верной расшатывает общественный консенсус и стабильность, необходимые для эффективной работы правовой системы. Другими словами, если каждый судья или законодатель получает возможность отвергать или произвольно трактовать действующие законы, ссылаясь на личное понимание естественного права, предсказуемость и гарантии правовой защиты исчезают.

К тому же, столкновение интересов и ценностей в обществе неизбежно. Универсальное толкование «должного» права, способное уладить все общественные разногласия, выглядит недостижимым идеалом. Естественно-правовая традиция, стремясь обнаружить подобный всеобъемлющий моральный кодекс, рискует пренебречь конкретными историческими, культурными и социальными условиями, в которых действует право. Это приводит к отрыву правовых норм от насущных потребностей и ожиданий общества, что снижает их соблюдение и ведет к падению авторитета власти. Насильственное навязывание «истинного», с точки зрения естественного права, поведения, без согласия большинства, может спровоцировать социальную напряженность и даже открытые конфликты. Как верно отмечает Зиммель, «каждое из двух противостоящих понятий беспрепятственно находит себе применение» [3, с. 486].

Чичерин полагал, что положительное право, будучи выражением воли государства, должно стремиться к воплощению высших принципов, заложенных в праве философском. В противном случае, оно рискует превратиться в инструмент тирании и несправедливости, оторванным от моральных основ общества. Именно эта связь с философским правом придает положительному праву легитимность и обеспечивает его принятие гражданами. Таким образом, философское право выступает не просто как абстрактная теория, но и как критический ориентир для оценки качества и эффективности действующего законодательства. Важно отметить, что Чичерин не отрицал неизбежности конфликтов между философским идеалом и реалиями положительного права. В силу исторических, социальных и политических обстоятельств, положительное право не всегда способно в полной мере отразить все нюансы философского права. Однако, он считал, что «для того, чтобы действовать в государстве, идеальный закон должен сделаться законом положительным, то есть изданным верховной властью, с обязательной силой для граждан» [11, с. 118]. В отсутствии указанного, положительное право не поспевает за изменениями нужд населения.

Юридический позитивизм, следовательно, рассматривает право, как реальное явление, существующее независимо от каких-либо моральных, этических или политических оценок. Его цель – отделить сферу «сущего» от сферы «должного», для того чтобы проводить объективный анализ права как социального факта. Сторонники этой теории утверждают, что право представляет собой систему правил, учрежденных и признанных уполномоченным органом. Легитимность права определяется процедурой его создания и применения, а не соответствием каким-либо высшим идеалам. Основное внимание уделяется формальным источникам права, таким как законодательные акты, судебные решения и традиции, которые признаются государством. Важным аспектом является проведение границы между правом и моралью, то есть, законность не всегда означает моральную оправданность, и наоборот Г.Ф. Шершеневич обращался к формальному определению права, полагая, что «сущность этого понятия заключается не в том, что предписывается тем или иным законодательством, а в том, каким образом устанавливаются и поддерживаются некоторые правила общежития» [13, с. 278].

Таким образом, право следовало определять не через его содержание, а через постоянную форму, в которую облекаются требования различных положительных законодательств. Юридический позитивизм, таким образом, стремился отделить право от морали, от субъективных оценок и предпочтений. Он видел в праве систему норм, установленных и поддерживаемых государством, независимо от их соответствия каким-либо этическим или философским идеалам. Важным аспектом юридического позитивизма является акцент на законности, то есть на соблюдении установленных процедур и правил при создании и применении права. В рамках этого подхода особое значение придавалось анализу правовых текстов, изучению их структуры и содержания. Юристы-позитивисты стремились к выявлению логических связей между нормами права, к систематизации и классификации правовых понятий. Они считали, что задача юриспруденции состоит не в критике действующего права, а в его интерпретации и применении. Подход Шершеневича к определению права отражает стремление к универсальности и объективности. Он искал

такую формулировку, которая была бы применимой к любому правовому явлению, вне зависимости от его конкретного содержания или исторического контекста. Эта формальная трактовка права подчеркивает его институциональный характер, его связь с государством и его роль в регулировании общественных отношений.

Основа связи между правоприменением и правопониманием подразумевает определение права по источнику его возникновения. Историческая школа права в первые установила в один строй право, образуемое сознанием населения, с той общественной средой, в которой оно реализуется. Таким образом целесообразно остановиться на соотношении государства и права, так как сложности в применении права во всех правовых теориях исходит из понимания о связи права с государством. В юридическом позитивизме государство первично, предшествует праву и определяет его. Правоприменение только внутри государства.

В рамках социологического позитивизма, право оценивается как неразделимый элемент социальной системы. Суть в связи между людьми в обществе, то есть право образуется прямо из общественных отношений. «Существование норм в обществе знаменует собой для членов последнего вмешательство всех в поведение каждого» [2, с. 4]., как отмечается в источнике. Право образуется самим населением, а государственные институты их утверждают. Государство призвано защищать общественных отношения, а не как первоисточник правовых норм. С.А. Муромцев проводил различие между правовыми и юридическими отношениями, где первые выступают объектом защиты, а вторые – инструментом защиты. Нормы, устанавливаемые государством, называются «юридическими» и могут либо отражать часть существующего правового порядка в обществе, либо не иметь существенного значения для него [8, с. 89]. Правовой социологический позитивизм, следовательно, делает упор на органической взаимосвязи права и социальных процессов. Правовые установления возникают не произвольно по решению законодательных органов, а складываются органически в ходе общественной интеракции. Законодательство лишь регистрирует и придает официальную форму уже укоренившимся в социуме правовым обычаям и привычкам. Можно согласится с мнением А.А. Мецгер, который пишет, что под «правоприменительной деятельностью (правоприменением) следует понимать процедурно оформленную властную деятельность компетентных органов и должностных лиц с целью обеспечения наиболее полной реализации прав и обязанностей адресатов правовых норм путем вынесения и совершения индивидуальных правовых актов, конкретизирующих общие предписания и осуществления контроля за данным процессом» [7]. Таким образом, право является составной частью социального устройства, его происхождение и развитие неразрывно связаны с переменами в общественном сознании и поведенческих моделях.

С точки зрения социологического позитивизма, в процессе принятия юридически значимого решения, судья должен обладать методологическим арсеналом, который позволит индивидуализировать и конкретизировать право, как общественное явление, учитывая его пространственно-временные характеристики. С.П. Малышкин отмечает, что «правоприменение в широком смысле как процесс урегулирования споров должностными лицами, государственными органами или иными уполномоченными лицами всегда подразумевает некоторый итог этой деятельности в виде правоприменительного решения или решений - издание правоприменительного акта (судебного решения, протокола, предупреждения и т. д.)» [6]. Такой подход в первую очередь подразумевает использование эмпирических данных, собранных с помощью объективных методов наблюдения и анализа. Это означает, что судья должен рассматривать каждое дело не как абстрактную ситуацию, подлежащую общей норме, а как уникальный социальный феномен, обусловленный конкретными обстоятельствами. Для этого требуется глубокое понимание социального окружения правового конфликта и способность выявлять причинно-следственные связи между этими условиями и действиями вовлеченных сторон.

Важнейшим компонентом данной методологии является статистический анализ. Судья должен уметь оценивать распространенность определенных поведенческих паттернов в соответствующих социальных группах, определять взаимосвязи между социальными факторами и правонарушениями, а также использовать эту информацию для предвидения возможных последствий принимаемого решения. Статистика в данном случае – это не просто набор числовых данных, а инструмент для понимания социальных трендов и закономерностей. Такой инструментарий предполагает, прежде всего, опору на эмпирические данные, полученные посредством объективных методов наблюдения и анализа. Судья, следовательно, должен рассматривать конкретное дело не как абстрактную ситуацию, подводимую под универсальную норму, а как уникальный социальный феномен, детерминированный определенными обстоятельствами. Это требует от него глубокого понимания социальных контекстов, в которых разворачивается правовая коллизия, и умения выявлять причинно-следственные связи между этими контекстами и поведением вовлеченных авторов. Ключевым элементом этой методологии является статистический анализ. Судья становится не просто толкователем закона, а активным участником социального процесса, стремящимся к достижению социальной справедливости на основе эмпирически обоснованных знаний.

Многообразие теоретических направлений закономерно проявилось в практике применения права. Юридический позитивизм, делая упор на формальную безупречность и четкую иерархию правил, создал систему, в которой роль судьи сводилась к автоматическому применению правовых норм к установленным фактам. Этот подход, безусловно, обеспечивал предсказуемость и стабильность, однако проявлял недостаточную гибкость в условиях быстро меняющейся общественной жизни. Строгая формализация права, являясь его достоинством, одновременно являлась и уязвимым местом, обнаруживая несоответствие между буквой закона и принципами справедливости.

Социологическая юриспруденция предложила иной взгляд, рассматривая право, как живой, развивающийся организм, тесно связанный с социальными процессами. Судья в данной концепции выступал не просто исполнителем воли законодателя, а активным участником правового регулирования, имеющим право и обязанность учитывать социальный контекст при принятии решений. Такой подход, без сомнения, расширял возможности правоприменения, позволяя более адекватно реагировать на потребности общества, но при этом создавал условия для

субъективизма и произвола.

Естественно-правовая доктрина, в отличие от позитивизма и социологической юриспруденции, утверждала приоритет моральных принципов и справедливости над формальными правилами. При применении права, руководствуясь высшими ценностями, допускалось, и даже предписывалось, отступать от позитивного права, если оно противоречило естественным правам человека. Этот подход, опираясь на универсальные этические нормы, иногда помогал преодолевать недостатки формального права, но содержал угрозу замены законности моральными убеждениями. Каждая из рассмотренных теорий предлагает свою модель взаимодействия тех, кто применяет право, с правовым материалом, выделяя различные аспекты правовой действительности. Оптимальным решением, по-видимому, является объединение этих подходов, позволяющее сочетать формальную точность позитивизма, социальную чувствительность социологической юриспруденции и моральную ответственность естественно-правовой доктрины.

Список литературы:

1. Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов: для начинающих юристов / Е.В. Васьковский. – Москва: Бр. Башмаковы, 1913. – 152 с. – Текст: непосредственный.
2. Гредескул Н.А. К учению об осуществлении права: интеллектуал. процесс, требующийся для осуществления права: социал.-юрид. исслед. / Н.А. Гредескул, прив.-доц. Имп. Харьк. ун-та. – Харьков: тип. А. Дарре, 1900. – 235 с. – Текст: непосредственный.
3. Зиммель Г. Избранное. Т.1: Философия культуры / [Редкол.: Л.Т. Мильская (отв. ред.) и др.]. – 1996. – 670 с. – ISBN 5-7357-0052-9. – Текст: непосредственный.
4. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 352 с. – ISBN 978-5-534-07620-2. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/562265 (дата обращения: 09.12.2025). – Режим доступа: по подписке.
5. Липень С.В. Идеи правотворчества и правореализации в политико-правовой мысли России XIX – начала XX в.: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.01 / Липень Сергей Васильевич; [Место защиты: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Санкт-Петербургский государственный университет]. – Санкт-Петербург, 2013. – 456 с. – Текст: непосредственный.
6. Малышкин С.П. Особенности концепции легитимации в российском правоприменении. – Текст: непосредственный // Legal Concept. – 2025. – № 1. – С. 21 – 27.
7. Мецгер А.А. Понятие и содержание правоприменительной деятельности. – Текст: непосредственный // Вопросы права. – 2023. – № 2. – С. 32 – 37.
8. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права / С.А. Муромцев. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 170 с. – ISBN 978-5-534-07311-9. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/538273 (дата обращения: 09.12.2025). – Режим доступа: по подписке.
9. Муромцев С.А. Творческая роль юриспруденции. – Текст: непосредственный // Юридические вести. – 1887. – № 9. – С. 112 – 117.
10. Новгородцев П.И. Право и нравственность. – Текст: непосредственный // Правоведение. – 1995. – № 6. – С. 103 – 113.
11. Чичерин Б.Н. Собственность и государство / [соч.] Б. Чичерина. Ч. 1. – Москва: Тип. Мартынова, 1882. – 468 с. – Текст: непосредственный.
12. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права [Выпуск 1 – 4]. – Москва: Бр. Башмаковы, 1910 – 1912. – 833 с. – Текст: непосредственный.
13. Шершеневич Г.Ф. Определение понятия о праве / [Соч.] Проф. Казан. ун-та Г.Ф. Шершеневича. – Казань: типо-лит. Имп. Казан. ун-та, 1896. – 83 с. – Текст: непосредственный.
14. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2 томах. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы / Освальд Шпенглер; перевод с немецкого И.И. Маханькова. Всемирно-исторические перспективы. – Москва: Академический проект, 2022. – 654 с. – ISBN 978-5-8291-3883-7. – Текст: непосредственный.

References:

1. Vaskovsky E.V. A guide to the interpretation and application of laws: for novice lawyers / E.V. Vaskovsky. – Moscow: Br. Bashmakov, 1913. 152 p. – Text: direct.
2. Gredeskul N.A. On the doctrine of the exercise of law: intellectual. the process required for the exercise of law: social.- Jurid. research / N.A. Gredeskul, priv.-assoc. Imp. Kharkiv. un-ta. – Kharkov: A. Darre Publishing house, 1900. – 235 p. – Text: direct.
3. Simmel, G. Izbrannoe. Vol. 1: Philosophy of culture / [Editor: L.T. Milskaya (ed.) and others]. – 1996. – 670 p. – ISBN 5-7357-0052-9. – Text: direct.
4. Korkunov N.M. Lectures on the general theory of law / N.M. Korkunov. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. – 352 p. – ISBN 978-5-534-07620-2. – Text: electronic // Yurayt educational platform [website]. – URL: https://urait.ru/bcode/562265 (date of request: 09.12.2025). – Access mode: by subscription.
5. Lipen S.V. The ideas of law-making and law–realization in the political and legal thought of Russia in the XIX - early XX century: dissertation... Doctors of Law: 12.00.01 / Lipen Sergey Vasilyevich; [Place of defense: Federal State Educational Institution of Higher Professional Education, St. Petersburg State University]. – St. Petersburg, 2013. – 456 p. – Text: direct.
6. Malyshkin S.P. Features of the concept of legitimation in Russian law enforcement. – Text: direct // Legal Concept. – 2025. – No. 1. – pp. 21-27.
7. Metzger A.A. The concept and content of law enforcement activities. – Text: direct // Legal issues. – 2023. – No. 2. – pp. 32-37.
8. Muromtsev S.A. Definition and basic division of law / S.A. Muromtsev. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – 170 p. – ISBN 978-5-534-07311-9. – Text: electronic // Yurayt educational platform [website]. – URL: https://urait.ru/bcode/538273 (date of request: 09.12.2025). – Access mode: by subscription.
9. Muromtsev S.A. The creative role of jurisprudence. – Text: direct // Legal news. - 1887. – No. 9. – pp. 112-117.
10. Novgorodtsev P.I. Law and morality. – Text: direct // Jurisprudence. – 1995. – No. 6. – pp. 103 – 113.
11. Chicherin B.N. Property and the state / [op.] B. Chicherina. Part 1. – Moscow: Tip. Martynova, 1882. – 468 p. – Text: direct.
12. Shershenevich G.F. General theory of law [Issue 1-4]. – Moscow: Br. Bashmakov, 1910-1912. – 833 p. – Text: direct.
13. Shershenevich G.F. Definition of the concept of law / [Op.] Prof. The cauldron. University of G.F. Shershenevich. – Kazan: tipo-lit. Imp. The cauldron. University, 1896. – 83 p. – Text: direct.
14. Spengler O. The Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History: in 2 volumes. Vol. 2: World Historical Perspectives / Oswald Spengler; translated from the German by I.I. Makhankov. World-historical perspectives. – Moscow: Academic Project, 2022. – 654 p. – ISBN 978-5-8291-3883-7. – Text: direct.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_494

УДК 340.11

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В СИСТЕМЕ ПРАВОВЕДЕНИЯ
REGARDING THE PLACE OF LEGAL TECHNIQUE IN THE SYSTEM OF JURISPRUDENCE

ЗОЗУЛЯ Александр Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России»,
Россия, 196105, г. Санкт-Петербург, Московский проспект 149.
E-mail: alezozulya@mail.ru

ЕРМОЛОВИЧ Геннадий Павлович,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации,
старший научный сотрудник отдела планирования организации и координации научных исследований
центра организации научно-исследовательской и редакционной деятельности,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России»,
Россия, 196105, г. Санкт-Петербург, Московский проспект 149,
E-mail: ermspb@list.ru

МАЮРОВ Николай Петрович,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры теории и истории государства и права,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России»,
Россия, 196105, г. Санкт-Петербург, Московский проспект 149,
E-mail: mayurov2010@mail.ru

ZOZULYA Alexandr A.,
Candidate of Law, associate professor, associate professor of theory and history of state and law faculty,
Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia,
149 Moskovskiy Ave., St. Petersburg 196105, Russian Federation,
E-mail: alezozulya@mail.ru

YERMOLOVICH Gennady Pavlovich,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Senior Researcher at the Department of Planning,
Organization and Coordination of Scientific Research at the Center for the Organization of Research and Editorial Activities,
St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
149 Moskovsky Prospekt, 196105, Saint Petersburg, Russia,
E-mail: ermspb@list.ru

MAYUROV Nikolay Petrovich,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation,
Professor of the Department of Theory and History of State and Law,
St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
149 Moskovsky Prospekt, 196105, Saint Petersburg, Russia,
E-mail: mayurov2010@mail.ru

Краткая аннотация *Рассмотрена проблема институализации юридической техники как научного направления в юриспруденции. Отмечено наличие контрадикторных взглядов относительно места юридико-технических исследований и полученных результатов в системе гуманитарных наук. Сделан вывод о наличии самостоятельного предмета исследования и методологической специфики юридической техники, что позволяет оценивать её как сложившуюся научную дисциплину. Исследована взаимосвязь юридической техники с иными правовыми науками и сделан вывод о том, что она выполняет в системе правоведения задачу интеграции познания о способах рационализации юридической деятельности. Обосновывается необходимость переоценки роли юридической техники как учебной дисциплины при подготовке специалистов-практиков.*

Abstract. *The problem of institutionalizing legal technique as a scientific field within jurisprudence is examined. The presence of contradictory views regarding the place of legal-technical research and its results within the system of the humanities is noted. It is concluded that legal technique has an independent subject of study and methodological specificity, which allows it to be regarded as an established scientific discipline. The relationship between legal technique and other legal sciences is explored, leading to the conclusion that it performs the function of integrating knowledge about methods of rationalizing legal activity within the system of legal studies. The necessity of reassessing the role of legal technique as an academic discipline in the training of practicing specialists is substantiated.*

Ключевые слова: *правоведение, теория права, юридическая техника, герменевтика, предмет науки, методология, юридическая деятельность.*

Keywords *:jurisprudence, theory of law, legal technique, hermeneutics, subject of science, research methodology, legal activity.*

Для цитирования: *Зозуля А.А., Ермолович Г.П., Маюров Н.П. К вопросу о месте юридической техники в системе правоведения // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 494-497. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_494.*

For citation*: Zozulya A.A., Ermolovich G.P., Mayurov N.P. On the question of the place of legal technology in the system of jurisprudence // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 494-497. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_494.*

Статья поступила в редакцию: 09.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Роль и место любой науки среди сопоставимых по объекту исследования отраслей знания определяется, прежде всего, её специфическим предметом, который в свою очередь раскрывается в основных направлениях научного поиска. Современные разработки проблематики юридической техники, с учетом различных концепций её сущности и содержания, отмечены разнообразием научных интересов и поставленных

исследовательских задач, как по вектору, так и по уровню фундаментальности.

Высокий уровень обобщения характерен для метатеоретического взгляда на юридическую технику. Авторам, работающих в данном направлении, свойственно восприятие исследуемого явления в качестве техники правового регулирования с телеологическим акцентом (средство для достижения конкретных целей), что неизбежно приводит к осознанию ее потенциала как элемента правовой идеологии обеспечивать формирование устойчивого правопорядка. На метатеоретическом уровне затрагивается широкий круг проблем: философские вопросы юридической техники правосудия как инструмента познания и совершенствования судебной практики; специфика модусов мышления в синергетическом восприятии юридической техники и процессов самоорганизации; взаимодействие юридической техники и правовой когнитивистики в аспекте особенностей методологии познания; стиль научного мышления как метатеоретическое основание юридической техники[1, с. 9-10]. Такой подход позволяет рассматривать юридическую технику в роли «критерия для типологии правовых систем и средства восприятия правовой картины мира»[2, с. 23].

В качестве своеобразного «пула» направлений можно назвать отраслевые исследования юридической техники, её специфики в гражданском праве, законодательстве об административных правонарушениях, муниципальном нормотворчестве, особенности юридических конструкций в уголовном праве. На основе методологии юридической техники исследуется проблематика дефектов в правовом регулировании, что позволяет выйти на относительно самостоятельное научное направление – технику правовой и антикоррупционной экспертизы[1].

Анализируя предметную область современных исследований в сфере юридической техники, М.Л. Давыдова выделяет ряд сложившихся отечественных научных школ с относительно дифференцированными приоритетами, представленных различными авторами[3, с. 4]: концептуальные вопросы понятия и сущности ЮТ; проблемы языка права и правовых понятий; теория юридических документов; общие вопросы правотворческой техники; правотворческие аспекты в отраслевых работах по ЮТ; юридические конструкции; правовые аксиомы, фикции, преюдиции; символы в праве; научно-методические аспекты теории ЮТ, структура соответствующего учебного курса, методика его преподавания.

Не смотря на многообразие изложенных выше направлений научных изысканий, все они имеют общий «знаменатель» – цель, которая заключается в обосновании и выработке специфического инструментария для качественного осуществления профессиональной юридической деятельности. Это позволяет рассматривать юридическую технику как сложившуюся научную дисциплину с присущими её предметом и методологией.

Необходимо подчеркнуть, что в данном случае речь идет именно о предмете науки, то есть определенном явлении правовой действительности или его части, на которое направлено познание. Вопрос о предмете прикладной юридической техники, то есть на что направлен её инструментарий (нормативные акты, юридические документы или деятельность), рассматривается в рамках иной дискуссии – о понятии этого правового явления. Таким образом, определить предмет науки «юридическая техника» – это предельно сжато, но в то же время содержательно обозначить область научного поиска. Различными исследователями эта задача решается неоднообразно. Предметом юридической техники в отдельных источниках называют:закономерности юридической деятельности[4, с. 8]; наиболее общие закономерности осуществления юридической деятельности, в процессе которой составляются юридические документы[5, с. 30]; закономерности профессиональной деятельности по созданию, толкованию и реализации права[6, с. 27].

Приведенные формулировки, так или иначе, отражают вектор научного интереса в рассматриваемой сфере, но либо ограничивают предмет рамками документального подхода, либо излишне диспозитивны. Удачным представляется подход М.Л. Давыдовой, которая конкретизирует изучаемые закономерности[7, с. 31]. Развивая её тезисы, предмет науки юридической техники можно определить как обеспечивающие эффективность правового регулирования закономерности юридической деятельности, которые характеризуют процессы создания, интерпретации, реализации и систематизации права.

Определенные сложности вызывает вопрос о специфике методов юридической техники как научной дисциплины, которые не следует смешивать с методами организации рациональной правовой деятельности[2]. Последние – это прикладной результат научных исследований в рамках юридической техники, который используется в правотворчестве, правоинтерпретации, реализации и применении права для совершенствования этих видов деятельности[3]. А методы науки – это определенные принципы, способы и подходы, применение которых позволяет получить объективные знания о предмете науки в соответствии с её задачами. Следовательно, методы юридической техники как науки представляют собой совокупность приемов, способов, подходов исследования юридической деятельности[4, с. 10]. Они обеспечивают эффективность процесса познания закономерностей создания, интерпретации, конкретизации, применения, систематизации права с целью выработки инструментария для их совершенствования.

Необходимо отметить, что особенности методологии юридической техники не имеют ярко выраженного характера, поскольку эта научная дисциплина сформировалась как часть общей теории права, и имеет в основе своей тот же «инструментарий» познания[7, с. 32]. Поэтому для классификации методов юридической техники целесообразно использовать принятый для теории права критерий – уровень фундаментальности/специализации того или иного метода. По этому признаку исследователи выделяют четыре основных группы методов: общенаучные, логи-

[1] Зозуля, А. А. Юридическое мировоззрение должностных лиц МЧС России в ракурсе проблемы профессионального правосознания / А. А. Зозуля // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 6-13. – EDN ORZQHC.
[2] Одинокова, Е. Ю. Правотворческие ошибки в сфере информационной безопасности / Е. Ю. Одинокова, А. С. Газизов // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2019. – № 2(43). – С. 39-42. – EDN XDNHZA.
[3] Шеншин, В. М. О нормативно-правовом регулировании нормотворчества Росгвардии в сфере административноюрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин // Военно-юридический журнал. – 2022. – № 7. – С. 17-20. – DOI 10.18572/2070-2108-2022-7-17-20. – EDN OLRFBA.

ческие, лингвистические и технические[5, с. 32]. Внутридисциплинарная методологическая специфика юридической техники проявляются в активном использовании специальных методов: конкретно-социологического, статистического, моделирования, эксперимента и т.п. Таким образом, наличие у юридической техники собственного предмета исследования и некоторые особенности её метода позволяют сделать вывод о состоявшейся трансформации этого научного направления в относительно обособленную научную дисциплину, что приводит к вопросу о её месте и роли в системе правоведения.

Своеобразным эпиграфом к теме взаимодействия рассматриваемой науки с другими правовыми дисциплинами может служить меткое замечание профессора В.М. Баранова: «Юридическая техника – тот редкий феномен, где налицо «сплав» высокой юридической теории и сугубо прикладных проблем»[8, с. 5]. Как уже отмечалось выше, юридическая техника теснейшим образом связана с теорией права, вырастает из нее и основывается на её методологической и понятийно-терминологической базе. При этом юридическая техника, в отличие от иных прикладных наук сферы правоведения, имеет непосредственную обратную связь с теорией права. С одной стороны, по результатам глубоких узконаправленных исследований в рамках юридической техники теория права получает материал для дальнейшей теоретической обработки, а с другой – юридическая техника обеспечивает эмпирическую апробацию теоретико-правовых концепций. В результате такого влияния происходит научное обогащение теории правотворчества, реализации и применения права, которое в свою очередь выводит на новый уровень юридическую технику как науку и как прикладную деятельность.

Рассматривая юридическую технику как «производное» от теории права, можно вполне обосновано экстраполировать на эту прикладную науку имеющиеся подходы по вопросу соотношения ТГП и отраслевых наук. При этом юридическая техника является своеобразным коннектором, обеспечивающим взаимосвязь между отраслевыми направлениями правоведения и теорией права. Общие правила юридической техники «преломляются» в отраслевой специфике, получают новое содержание, детализируясь, например, в технике договорной работы, технике допроса подозреваемого и т.д.В этом аспекте указанное соотношение отражает роль юридической техники как науки в формировании надлежащего правосознании юриста, преодолении как правового идеализма и нигилизма [9, с. 79]

Ответ на вопрос о взаимосвязи юридической техники с прикладными науками правоведения находится в двух плоскостях[1]. Это обусловлено тем, что предмет прикладных дисциплин расположен «на стыке» юриспруденции и наук неюридического характера. Например, общей задачей криминалистики является повышение эффективности раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, то есть речь идет о рационализации юридической деятельности, что в свою очередь охватывается предметом юридической техники как науки. Но криминалистика решает данную задачу в значительной степени с использованием «инструментария» естественных и технических наук, то есть в этой плоскости разрабатываемые ею методы имеют специфическое неюридическое содержание. Таким образом, прикладные науки пересекаются с юридической техникой в той части, где они формируют профессиональные юридические компетенции.

Рассуждая о взаимодействии юридической техники с социальными науками вне системы правоведения следует отметить, что большинство гуманитарных дисциплин так или иначе связаны между собой, поскольку зачастую имеют общий объект исследования. Особые «отношения» существует между юридической техникой и герменевтикой. По мнению ряда исследователей, вся европейская правовая наука Нового и Новейшего времени основана на герменевтической традиции, выросшей из навыков скрупулёзного анализа правовых текстов, формирования понятийного аппарата, категориальной культуры правового мышления[10, с. 42].В этом аспекте более всего актуальна юридическая герменевтика, задача которой – разработка методов толкования юридических текстов в целях обеспечения соответствия между их пониманием и действительным содержанием, что всвоюочередь является одной из функций юридической техники. Не углубляясь в детальный анализ соотношения этих научных дисциплин, можно сделать вывод о том, что герменевтика в части правоинтерпретации выступает методологической основой для юридической техники.

Таким образом, юридическая техника как наука, имеющая своим предметом особые закономерности юридической деятельности по созданию, интерпретации, применению и систематизации права, выполняет в системе правоведения задачу интеграции познания о способах рационализации такой деятельности. Объединение в рамках этой науки исследовательских усилий по выработке профессиональных юридических правил и средств повышения эффективности механизма правового регулирования обеспечивает положительный синергетический эффект, то есть не просто получение комплекса определенных знаний, а их новый уровень. Указанное позволяет констатировать особую роль юридической техники в подготовке профессионалов-практиков, актуализирует проблематику места этой учебной дисциплины в юридическом образовании и нацеливает на дальнейшее исследование обозначенного направления.

Список литературы:

1. Теория и метатеория юридической техники: от правосознания к правопорядку: монография / Под ред. А.В. Аверина, М.Л. Давыдовой. – Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2022. – 242 с.
2.Карпунина В.В. Метатеоретический подход к исследованию юридической техники: новые возможности и перспективы // Iuspublicumetprivatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. –2023. – № 4 (24). – С. 17-24.
3. Давыдова М.Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Волгоград, 2010. – 50 с.
4. Краснов Ю.К. Юридическая техника: учебник / Ю.К. Краснов, В.В. Надвикова, В.И. Шкатулла. — М.: Юстицинформ. – 2014. – 536 с.
5.Кашанина Т. В. Юридическая техника: учебник – М.: Норма: ИНФРА-М,2011. – 496 с.
6. Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. – М.: Проспект, 2021. – 648 с.

[1] Одинокова, Е. Ю. Правовое регулирование оценки регулирующего воздействия и оценки фактического воздействия нормативных правовых актов / Е. Ю. Одинокова, Д. А. Новик // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2018. – № 3(40). – С. 38-46. – EDN BNVRTU.

7. Юридическая техника: проблемы теории и методологии[Текст] : монография / М. Л. Давыдова ; ГОУ ВПО «ВолГУ». – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – 318 с.
8. В.М. Баранов. Эссе главного редактора // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 5-6.
9. Чайка В.Н., Кузнецов Б.О. Правовой нигилизм и правовой идеализм как полюсы современной российской правовой культуры // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 4 (65). – С. 76–82.
10.Малинова И. П. Философия права и юридическая герменевтика: Монография. 2-е изд., доп. – Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2017. – 200 с.
11. Правоведение : Классический учебник / Э. С. М. Ахъядов, М. Д. Давитадзе, Н. К. Джафаров [и др.]. – 5-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Юнити-Дана", 2022. – 455 с. – ISBN 978-5-238-03588-8. – EDN ZNRYUA.
12. Теоретико-правовое понимание юридических категорий "система права" и "правовая система" / Н. П. Маюров, О. Д. Ороева, И. Б. Бантюков, П. Н. Маюров // Журнал правовых и экономических исследований. – 2018. – № 4. – С. 94-98. – EDN YSDHID.
13. Маюров, Н. П. Классификация правовых систем современного мира / Н. П. Маюров // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2017. – № 4. – С. 178-182. – EDN YLQLPX.
14. Шеншин, В. М. О нормативно-правовом регулировании нормотворчества Росгвардии в сфере административноюрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин // Военно-юридический журнал. – 2022. – № 7. – С. 17-20. – DOI 10.18572/2070-2108-2022-7-17-20. – EDN OLRFBA.
15. Зозуля, А. А. Юридическое мировоззрение должностных лиц МЧС России в ракурсе проблемы профессионального правосознания / А. А. Зозуля // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 6-13. – EDN ORZQHC.
16. Одинокова, Е. Ю. Правотворческие ошибки в сфере информационной безопасности / Е. Ю. Одинокова, А. С. Газизов // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2019. – № 2(43). – С. 39-42. – EDN XDNHZA.
17. Одинокова, Е. Ю. Правовое регулирование оценки регулирующего воздействия и оценки фактического воздействия нормативных правовых актов / Е. Ю. Одинокова, Д. А. Новик // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2018. – № 3(40). – С. 38-46. – EDN BNVRTU.

References:

1. Theory and metatheory of legal technology: from legal awareness to law and order: monograph / Edited by A.V. Averin, M.L. Davydova. – Vladimir: Vladimir branch of the RANEPA, 2022. – 242 p.
2.Karpunina V.V. Metatheoretical approach to the study of legal technology: new opportunities and prospects // Iuspublicumetprivatum: a comprehensive scientific and practical journal of private and public law. -2023. – № 4 (24). – Pp. 17-24.
3. Davydova M.L. Theoretical and methodological problems of the concept and composition of legal technology: abstract of the dissertation... doct. jurid. sciences'. – Volgo-grad, 2010. – 50 p.
4. Krasnov Yu.K. Legal technique: textbook / Yu.K. Krasnov, V.V. Nadvikova, V.I. Shkatulla. Moscow: Justicinforum, 2014, 536 p.
5. Kashanina T. V. Legal technology: textbook, Moscow: Norma: INFRA–M, 2011. 496 p.
6. Legal technology: textbook / edited by V. M. Baranov. Moscow: Prospekt, 2021. – 648 p.
7. Legal technology: problems of theory and methodology[Text] : monograph / M. L. Davydova ; State Educational Institution of Higher Professional Education "Volga State University". Volgograd: Volga Publishing House, 2009. 318 p.
8. V.M. Baranov. An essay by the editor-in-chief // Legal technology. - 2007. – No. 1. – Pp. 5-6.
9. Chaika V.N., Kuznetsov B.O. Legal nihilism and legal idealism as poles of modern Russian legal culture. Pravo. Safety. Emergency situations. – 2024. – № 4 (65). – Pp. 76-82.
10.Malinova I. P. Philosophy of law and legal hermeneutics: Monograph. 2nd ed., supplement – Yekaterinburg: Publishing House of the Ural State Law University, 2017. - 200 p.
11. Jurisprudence: A Classic textbook / E. S. M. Akhyadov, M. D. Davitadze, N. K. Jafarov [and others]. – 5th edition, revised and expanded. – Moscow : Limited Liability Company "Unity-Dana Publishing House", 2022. – 455 p. – ISBN 978-5-238-03588-8. – EDN ZNRYUA.
12. Theoretical and legal understanding of the legal categories "legal system" and "legal system" / N. P. Mayurov, O. D. Oroeva, I. B. Bantyukov, P. N. Mayurov // Journal of Legal and Economic Research. – 2018. – No. 4. – pp. 94-98. – EDN YSDHID.
13. Mayurov, N. P. Classification of legal systems of the modern world / N. P. Mayurov // Bulletin of Tver State University. Series: Pravo. – 2017. – No. 4. – pp. 178-182. – EDN YLQLPX.
14. Shenshin, V. M. On the regulatory and legal regulation of the Rosgvardiya rulemaking in the field of administrative and administrative activities / V. M. Shenshin // Military Law Journal. – 2022. – No. 7. – pp. 17-20. – DOI 10.18572/2070-2108-2022-7-17-20. – EDN OLRFBA.
15. Zozulya, A. A. The legal worldview of officials of the Ministry of Emergency Situations of Russia in the perspective of the problem of professional legal awareness / A. A. Zozulya // Right. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 3(56). – Pp. 6-13. – EDN ORZQHC.
16. Odinikova, E. Y. Legislative errors in the field of information security / E. Y. Odinikova, A. S. Gazizov // Law. Safety. Extreme situations. – 2019. – № 2(43). – Pp. 39-42. – EDN XDNHZA.
17. Odinkova, E. Y. Legal regulation of regulatory impact assessment and assessment of the actual impact of regulatory legal acts / E. Y. Odinkova, D. A. Novik // Law. Safety. Emergency situations. – 2018. – № 3(40). – Pp. 38-46. – EDN BNVRTU.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_498

УДК 340.1

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ПРАВА
CLASSIFICATION OF THE PRINCIPLES OF LAW

ПЬЯНУСОВ Александр Викторович
Заведующий кафедрой экологии и обеспечения безопасности жизнедеятельности
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы
Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям
и ликвидации последствий стихийных бедствий им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева»,
кандидат военных наук, доцент, г. Санкт-Петербург,
192102, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Фучика, 10.
E-mail: pyanusov.av@yandex.ru

ТАЛЯНИН Валерий Викторович
доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1.
e-mail: teana2009@mail.ru

PYANUSOV Alexander Viktorovich
Head of the Department of Ecology and Life Safety
St. Petersburg State Fire Service University Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies
and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev",
Candidate of Military Sciences, Associate Professor, St. Petersburg,
10 Fuchika str., Saint Petersburg, 192102, Russia.
E-mail: pyanusov.av@yandex.ru

TALYANIN Valery Viktorovich
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor.
198206, Russia, Saint Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
e-mail: teana2009@mail.ru

Краткая аннотация: *классификация принципов права позволяет сформировать общее представление об основных видах принципов права, особенностях их правового закрепления и реализации.*

Abstract: *The classification of the principles of law allows us to form a general idea of the main types of principles of law, the specifics of their legal consolidation and implementation.*

Ключевые слова*: принципы права, государственный орган, право, конституция.*
Key words*: principles of law, government agency, law, constitution.*

Для цитирования: *Пьянусов А.В., Талянин В.В. Классификация принципов права // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 498-503. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_498.*
For citation*: Pyanusov A.V., Talyanin V.V. Classification of principles of law // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 498-503. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_498.*

Статья поступила в редакцию: 27.10.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Факт того, что на сегодняшний день существует большое количество принципов права следует признать аксиомой, не требующей каких-либо дополнительных доказательств. Действительно, принципы права очень многочисленны, персонифицируются в разнообразных отраслях права.

Исходя из представленной аксиомы, возможно предположить тезис об актуальности классификации принципов права. На наш взгляд, производство классификации в данном случае позволит сформировать общее представление об основных видах принципов права, особенностях их правового закрепления и реализации.

К классификации принципов права подходили и подходят множество авторов и исследователей. Анализ научных источников по данному вопросу позволяет говорить о большом количестве различных классификационных критериев для выделения видов принципов права. Более того, данные критерии выделяются, как на общем (более или менее, но универсальном уровне), так и на отраслевых уровнях, «пригодных» только для конкретной отрасли. Например, выделяются принципы отраслей права (уголовное[1], гражданское, арбитражное[2] и др.), отраслей деятельности (правоохранительной, контрольной[3]), деятельности отдельных субъектов (принцип деятельности полиции, МЧС России и др.).

Анализ правовой литературы по вопросу классификации принципов права позволяет сделать вывод о том, что к сегодняшнему дню имеется следующая классификационная система.

---

[1] Уголовное право. Особенная часть : Курс лекций / Г. А. Агаев, Н. В. Баранков, Д. А. Безбородов [и др.]. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. – 632 с. – ISBN 978-5-91837-015-5. – EDN QRUNFX; Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFJC.

[2] Арбитражныйпроцесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / В. И. Кайнов, Н. Д. Эриашвили, А. Е. Даньшина [и др.]. – Москва : ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА», 2024. – 376 с. – ISBN 978-5-238-03839-1. – EDN DOKCAF.

[3] Шеншин, В. М. Применение механизма "регуляторной гильотины" при реформировании контрольно-надзорной деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2021. – № 1. – С. 178-186. – EDN NSTITU.

На первом уровне данной системы представлена наиболее общая и, в целом, принятая классификация принципов права, подразумевающая их подразделение на три вида: общие, межотраслевые и отраслевые.

На втором уровне выделяются более частные, авторские и не признанные на общеправовом и доктринальном уровне классификации. Их выделяют в зависимости от множества оснований. При этом основным мотивом появления данных классификаций и формирований самого подобного уровня является наличие некоторых проблем (как полагают авторы) в общепринятой модели классификаций.

Представляется возможным рассмотреть классификацию принципов права именно в соответствии с вышеуказанной системой, поскольку это обеспечит более целостное понимание и представление о видах принципов права.

Ученые по-разному относятся к определению основания для подразделения принципов права на общие, отраслевые и межотраслевые. В частности, Н.Н. Вопленко и Н.А Рудковский полагают, что данная классификация основана на определении отраслевой принадлежности принципов права[1]. Чуть позже, Н.Н. Вопленко укажет дополнительный критерий, а именно особенности субординации принципов права[2]. А.Р. Гайфуллина считает, что в качестве классификационного критерия в данном случае выступает масштаб охвата правового пространства[3]. Е.Э. Нечепоренко и Т.В. Фарои полагают, что критерием названной классификации является сфера действия принципов права[4].

Рассматривая представленные позиции, следует указать на две значимые, на наш взгляд, составляющие.

Первое – определение основания для классификации, при условии, что конечный результат, а именно выделение по данному основанию соответствующих видов принципов права, неизменен, не выступает существенно значимым аспектом. Скорее, он является дополнительной теоретико-правовой категорией, безусловно требующей своего исследовательского внимания, однако, не замещающей собой саму проблему – классификацию принципов права.

Второе – все представленные позиции, так или иначе, связаны друг с другом, содержат взаимообусловленные посылы и содержание. Так, отраслевая привязка автоматически означает и соответствующую сферу действия принципов права, что в свою очередь связано с охватом правового пространства, что, в конечном итоге, обуславливает и определенную субординацию принципов права.

Как уже было отмечено, согласно представленной концепции, принципы права принято подразделять на общие, межотраслевые и отраслевые.

Общеправовые принципы носят универсальный характер и лежат в основе всей системы российского права[5]. Н.И. Матузов и А.В. Малько к общеправовым принципам относят следующие:[6]

1. Справедливость. Указанный принцип в наибольшей степени выражает общесоциальную сущность права. Основная суть принципа заключается в том, что правом (законодательством) и иными механизмами (средствами) обеспечивается соответствие между ролью лица и его социально-правовым положением, а также соразмерность между деянием и воздаянием, между заслуженным поведением и поощрением, между преступлением и наказанием и т.п. именно основой справедливости является Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод – это закреплено в преамбуле международного документа.

2. Равенство всех перед законом и судом. Основа данного принципа заложена, как на международно-правовом уровне[7], так и в рамках Конституции Российской Федерации[8]. Суть принципа заключается в том, что государством и всеми его институтами провозглашается и обеспечивается равный правовой статус абсолютно всех субъектов, как перед законом (его требованиями), так и перед судом. На данный статус не должны влиять такие факторы, как пол, раса, национальность, язык, происхождение, имущественное и должностное положение, место жительства, религия, вероисповедание и другие обстоятельства.

3. Гуманизм. В соответствии с данным принципом в государстве провозглашена высшая ценность прав и свобод человека и гражданина, их превалирующий характер. Государство обязано обеспечивать соблюдение и защиту прав и свобод каждого. Также данный принцип касается обеспечения защиты достоинства личности, запрета пыток или иного жестокого, унижающего человеческое достоинство, обращения или наказания.

4. Демократизм. Данный принцип предполагает, что в правовых нормах должны быть закреплены механизмы и институты представительного и непосредственного народовластия, с помощью которых граждане могут участвовать в управлении государственными и общественными делами, защищать свои права и свободы.

5. Единство прав и обязанностей. В соответствии с данным принципом наличествует органическая связь и взаимообусловленность прав и обязанностей участников правоотношений – субъектов права. Согласно указанному началу, невозможна ситуация, когда существует только обязанность без права и наоборот – право без обязанности. Одно коррелирует с другим.

6. Законность – система требований общества и государства, состоящая в точной реализации норм права всеми и повсеместно. Этот

[1]Вопленко Н.Н., Рудковский В.А. Понятие и классификация принципов права // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 4 (38). С. 35.
[2]Вопленко Н.Н. Там же.
[3]Гайфуллина А.Р. О понятии и классификации принципов права // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях. 2018. С. 153.
[4]Нечепоренко Е.Э., Фарои Т.В. Современные подходы классификации принципов права // Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов. Краснодар, 2018. С. 158.
[5] Рассказов Л.П. Теория государства и права : учебник для вызов. 3-е изд. М. : РИОР: ИНФРА-М. 2010. С. 183.
[6]Матузов, Н. И. Теория государства и права : курс лекций / Н.И. Матузов, А.А. Воротников, В.Л. Кулапов ; под ред. Н.И. Матузова, А. В. Малько. - 3-е изд., перераб. и доп. - Москва : Юр. Норма : НИЦ ИНФРА-М, 2017. С. 99.
[7] Назарова, И. С. О международных связях субъектов Российской Федерации с иностранными государствами / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 9(237). – С. 126-130. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_9_126. – EDN ESBFKU.
[8]Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.

принцип нашел свое отражение в ст. 15 Конституции РФ: «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации. Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы».

7. Сочетание убеждения и принуждения – универсальные методы социального управления, которые свойственны различным регуляторам, особенно праву[1]. К основным формам убеждения относятся: правовоспитательная работа, обсуждение законопроектов, обоснование в преамбулах нормативных актов целей и задач их принятия. Особенности принуждения: более жесткий метод воздействия права на субъекты; оно является второстепенным, применяемым после убеждения методом; осуществляется в особой процессуальной форме, установленной в праве; выступает не как самоцель, а как средство исправления и перевоспитания, т.е. включает в себя черты убеждения правонарушителей и других членов общества в необходимости выполнения правовых предписаний. Главная задача законодателя – установить оптимальное сочетание мер принуждения и убеждения в праве.

Межотраслевые принципы характерны для нескольких отраслей права. Как правило, названная группа принципов тесным образом связана с соответствующими группами отраслей права, а именно группой отраслей материального и процессуального права.

В частности, для таких отраслей материального права, как уголовное, гражданское, административное одним из наиболее значимых межотраслевых принципов является неотвратимость соответствующего вида юридической ответственности (уголовной, гражданской и административной). Это напрямую закреплено во всех кодифицированных правовых актах. В соответствии с данным принципом, совершение противоправного деяния (преступления, проступка, правонарушения) неизменно влечет наступление определенных негативных последствий для лица, его совершившего. Данные последствия выражаются в реализации мер юридической ответственности, предусмотренной соответствующим законодательством.

Для отраслей процессуального права характерны такие межотраслевые принципы, как гласность и состязательность судопроизводства. Это закреплено в таких правовых актах, как КАС РФ, ГПК РФ, АПК РФ, УПК РФ, УК РФ.

Гласность подразумевает открытый характер судопроизводства, обеспечение доступа, как к самому процессу, так и к его результатам общественности. Гласность судопроизводства проявляется в нескольких практических аспектах.

Во-первых, это открытость самого процесса рассмотрения судом дела соответствующей категории. Так, в пункте 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 указано, что несоблюдение требований о гласности судопроизводства (статья 10 ГПК РФ, статья 24.3 КоАП РФ, статья 241 УПК РФ) в ходе судебного разбирательства свидетельствует о нарушении судом норм процессуального права и является основанием для отмены судебных постановлений, если такое нарушение соответственно привело или могло привести к принятию незаконного и (или) необоснованного решения, не позволило всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело об административном правонарушении либо привело или могло привести к постановлению незаконного, необоснованного и несправедливого приговора (пункт 4 части 1 и часть 3 статьи 330, статья 387 ГПК РФ, пункты 3, 4 части 1 статьи 30.7, пункты 3, 4 части 2 статьи 30.17 КоАП РФ, пункт 2 части 1 статьи 369, часть 1 статьи 381 УПК РФ). Так, проведение всего разбирательства дела в закрытом судебном заседании при отсутствии к тому оснований, предусмотренных частью 2 статьи 10 ГПК РФ, частью 1 статьи 24.3 КоАП РФ и частью 2 статьи 241 УПК РФ, является нарушением принципа гласности судопроизводства и влечет за собой отмену судебных постановлений в установленном законом порядке»[2]. Суды, при рассмотрении дел соответствующей категории подчеркивают, как необходимость соблюдения принципа гласности в целом, так и его соблюдение в рамках конкретного судебного заседания[3].

Во-вторых, это открытость данных о результатах деятельности судов всех юрисдикции. Прежде всего, речь идет об опубликовании официальных данных судебной статистики. По данным Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2020 году обвинительные приговоры суды вынесли в отношении 530 965 человек, что на 11,2% меньше, чем в 2019 году. Оправдательные приговоры также оглашались реже – 1163 против 1523 в 2019 году[4]. В свою очередь, в порядке гражданского судопроизводства российские суды в 2020 году всего рассмотрели 20 773 356 дел, в том числе дел в исковом производстве – 20 612 224, что на 9,5% больше, чем в 2019 году[5]. По административным правонарушениям в 2020 году суды рассмотрели дела в отношении 7 473 008 граждан (в 2019 году – в отношении 7 018 461 граждан)[6]. По экономическим спорам и другим делам, возникшим из гражданских правоотношений, в прошлом году в суды поступило 1,2 миллиона исковых заяв-

[1]Кайнов, В. И. Понятие и классификация мер административного принуждения / В. И. Кайнов, Л. Г. Кривуля, В. М. Шеншин // Закон и право. – 2023. – № 2. – С. 69-72. – DOI 10.56539/20733313_2023_2_69. – EDN ATGUDD; Шеншин, В. М. Подзаконное регулирование мер государственного принуждения, применяемых должностными лицами Росгвардии в рамках административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2021. – № 5. – С. 155-160. – DOI 10.52452/19931778_2021_5_155. – EDN VVDMND.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, март 2013 г., № 3

[3] Решение Оренбургского районного суда Оренбургской области № 2-1805/2020 2-1805/2020~М-1655/2020 М-1655/2020 от 24 сентября 2020 г. по делу № 2-1805/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации URL: https://sudact.ru/regular/doc/aqQMs5S8WONP/ (дата обращения 30.04.2021). Решение Московского районного суда г. Твери № 2-1635/2020 2-1635/2020~М-1335/2020 М-1335/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 2-1635/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации URL: https://sudact.ru/regular/doc/3thbs0QAMoNB/ (дата обращения 30.04.2021). Решение Ленинского районного суда г. Челябинска № 2-2446/2020 2-2446/2020~М-1387/2020 М-1387/2020 от 28 июля 2020 г. по делу № 2-2446/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации URL: https://sudact.ru/regular/doc/zoWvMnr8xwgB/ (дата обращения 30.04.2021).

[4] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 год // Судебный Департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения 30.04.2021).

[5] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год // Судебный Департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения 30.04.2021).

[6] Там же.

лений, 100 720 из них было возвращено, 1,110 миллиона – принято к производству[1].

Исключение составляют случаи, когда судебный процесс не может быть открытым в связи с секретностью материалов соответствующего дела. В таких случаях по соображениям о необходимости защиты сведений, составляющих государственную тайну, принимается решение проводить судебные процессы в закрытом режиме. Так, например, в подобном режиме рассматривается дело в отношении И. Сафровонова по факту, предъявленному ему обвинения в государственной измене[2].

Состязательность судебного производства подразумевает наличие двух сторон – стороны обвинения и стороны защиты. Суд в данном случае выступает в роли независимого арбитра, который оценивает предлагаемые аргументы обеих сторон. Анализ материалов судебной практики показал, что непосредственно, в специальном режиме судами данный принцип не подчеркивается. Вместе с тем, его реализация становится видна при анализе хода самого судебного процесса, исходя из соответствующих судебных актов (решений, приговоров, постановлений и так далее). Общий лейтмотив состязательности сторон просматривается при анализе решений судов всех юрисдикций, от Конституционного и Верховного, до мирового и районного[3].

Нарушение принципа состязательности сторон является основанием для отмены принятых по делу процессуальных решений, а равно, принятых судами нижестоящих инстанций решений по делу. Именно в связи с нарушением принципа состязательности сторон Судебной коллегией по гражданским дела Верховного Суда Российской Федерации по делу № 5-КГ12-86 от 05.02.2013 было принято решение о возврате дела на новое рассмотрение[4]. В частности, коллегией было установлено, что судом первой инстанции было отказано в удовлетворении ходатайства одной из сторон. Основания для такого отказа, по мнению коллегии, при этом, не было. Решения судов вышестоящих инстанций, утвердивших позицию суда первой инстанции коллегия также признана неправомерными.

Отраслевые принципы действуют только в рамках одной конкретной отрасли права. А.Р. Гайфуллина пишет о том, что «отраслевые принципы определяют специфику правового регулирования конкретной сферы общественных отношений. Они являются исходными положениями, отражающими специфику отношений, и распространяются только на конкретную отрасль права»[5]. Интересно мнение Р.Х Гиззатуллина, рассматривающего специфику отраслевых принципов на примере экологического права: «… правовое регулирование в сфере общественных отношений по поводу окружающей среды или природы основывается на принципах общеправового, межотраслевого и специального (отраслевого) характера … но при этом вполне очевидно, что особую роль играют именно специальные (отраслевые) принципы экологического права. Это связано с тем, что их правовое содержание основано на экологических интересах человека и общества, главным из которых является благоприятное состояние окружающей среды, характеризующееся чистотой, незагрязненностью атмосферного воздуха, воды и почвы, ресурсоемкостью природных ресурсов, видовым многообразием и эстетическим богатством»[6].

Отраслевые принципы характерны для множества отраслей права. Например, в гражданском праве провозглашается принцип равенства сторон в имущественных правоотношениях. В оперативно-розыскной деятельности – принципы конспирации и сочетания гласных и негласных методов и средств. В уголовно-процессуальном праве – презумпция невиновности. В трудовом праве – свобода труда и так далее.

Вместе с тем, как уже отмечалось ранее, озвученная и приведенная классификация принципов права у многих авторов вызывает некоторые вопросы. В частности, анализ научных публикаций позволяет сформулировать следующее представление об основных критических аспектах:

1. Отсутствие понимания источников и специфики возникновения принципов права;
2. Суммативность перечисления принципов права;
3. Условность выделения различных видов принципов права;
4. Отсутствие в отдельных отраслях права отраслевых принципов, соответственно, не универсальный характер предлагаемой классификационной системы.

В связи с изложенным, многими учеными предлагаются собственные авторские концепции по вопросу классификации принципов права.

Прежде всего, следует указать на те позиции, которые дополняют общую классификацию. Например, О.И. Цыбулевская; Г.Б. Виттенберг, А.В. Наумов и ряд других исследователей теории права предполагают, что помимо трех перечисленных групп, следует также выделять четвертую, а именно институциональную и, соответственно, содержащиеся в ней институциональные принципы[7]. Эти принципы распространяют свое действие на конкретные институты и процесс их функционирования, реализации в рамках их соответствующих общественных отношений.

---

[1] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2020 год // Судебный Департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения 30.04.2021).

[2] Журналиста Ивана Сафронова обвинили в госизмене. Главное // Коммерсант URL: https://www.kommersant.ru/doc/4407012 (дата обращения 30.04.2021).

[3] См.: Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 20.10.2016 № 212-КГ16-9 // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2017, № 12. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 07.05.2015 по делу N А32-25433/2014 // СПС Консультант Плюс. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 11.05.2016 по делу N А32-35856/2015 // СПС Консультант Плюс. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28.08.2015 по делу N А71-6176/2014 // СПС Консультант Плюс. Приговор Коношского районного суда Архангельской области № 1-82/2019 от 30 августа 2019 г. по делу № 1-82/2019 // Судебные и нормативные акты РФ URL: https://sudact.ru/regular/doc/bCRMhWyieglu/ (дата обращения: 30.04.2021). Приговор Куйтунского районного суда Иркутской области № 1-99/2019 от 29 августа 2019 г. по делу № 1-99/2019 // Судебные и нормативные акты РФ URL: https://sudact.ru/regular/doc/sDkYX1CPDLbO/ (дата обращения: 30.04.2021). Приговор Ленинского районного суда г. Магнитогорска № 1-450/2019 от 30 августа 2019 г. по делу № 1-450/2019 // Судебные и нормативные акты РФ URL: https://sudact.ru/regular/doc/RqPiJ4iTgUot/ (дата обращения: 30.04.2021).

[4] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 5 февраля 2013 г. № 5-КГ12-86 // СПС Консультант Плюс

[5] Гайфуллина А.Р. О понятии и классификации принципов права // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях. 2018. С. 156.

[6] ГиззатуллинТам же.

[7] Цыбулевская О.И. Принципы права: нравственное измерение // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «СГАП», 2010. – С. 176-199. Виттенберг Г.Б. Развитие основных принципов советского уголовного права в новом кодексе РСФСР // Правоведение. – 1962. – № 4. – С. 88-95. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. – М.: БЕК, 1996. – 560 с

Примерами могут служить принципы образования, деятельности судов, лицензионно-разрешительной работы и так далее. Еще одна позиция – это наличие субинституциональных принципов. Такой позиции придерживаются Е.Э. Нечепоренко, Т.В. Фарои[1]. Авторы приводят пример из страхового права, указывая, что к субинституциональным в страховом праве относят следующие принципы: принцип случайности страхового события, принцип платности.

Далее следует указать на позиции авторов, предлагающих собственные, частные концепции классификации принципов права.

Наиболее характерной в данном случае выглядит позиция Л.С. Явича (а также некоторых других авторов), согласно которой всю совокупность принципов права следует подразделять на две группы: общесоциальные и специально-юридические.

К группе общесоциальных принципов права относятся такие идеи, которые выражают и фиксируют начала права, производные от факторов экономической, политической и иных сфер жизни общества. В частности, в рамках данной группы выделяются такие принципы, как:

1. Экономические – идейные начала права, обусловленные господствующим способом общественного производства, формами собственности, обмена и распределения продуктов. К таким принципам относятся свободная конкуренция, единство экономического пространства, равенство и защита всех форм собственности и др.

2. Политические – начала права производны от состояния политической системы общества, официально установленных политических институтов и идеалов, а также сложившейся практики их достижения. К ним следует относить такие принципы, как свободные выборы, сменяемость власти, политическая конкуренция, диалог власти и народа и др.

3. Идеологические – отражают состояние идеологии общества, проникновение и вплетение ее центральных идей, концепций в практику правотворчества и правореализации. К таким принципам следует относить разнообразие идеологических течений, запрет моноидеологии, гуманистическое содержание превалирующих идеологических течений.

4. Нравственные – принципы права, в основе которых лежат наиболее значимые морально-нравственные начала. Это справедливость, гуманизм, воспитание гражданского общества.

5. Социально-структурные – принципы права выражают особенности классового, национального, конфессионального и т. п. устройства конкретного государственно-организованного общества. К ним относятся принципы равенства всех вне зависимости от социального положения, наличие социальных «лифтов», развитие социальной сферы, ее приоритет.

Специально-юридические принципы представляют собой такие начала, основа которых – в особой правовой материи и реальности, тех правоотношениях, которые в большинстве своем свойственны и характерны для конкретного общества, государства. К основным специально-юридическим принципам относятся законность, верховенство права, основанность права на воле народа, равенство всех перед законом, единство прав и обязанностей, ответственность за вину и другие.

Имеется также позитивистский подход, в соответствии с которым всю совокупность принципов права возможно подразделить на конституционные принципы, не продублированные в отраслевых кодексах; конституционные принципы, продублированные в отраслевых кодексах; отраслевые принципы, нашедшие отражение в кодексах[2].

Также имеются и иные точки зрения. Например, в зависимости от типа права различают принципы рабовладельческого, феодального, буржуазного, социалистического права[3]. «Исходя из данной классификации, можно разделить принципы права на формационные и цивилизационные. Такое деление дает возможность по-новому рассмотреть принципы права. В зависимости от содержания, принципы права делятся на экономические, религиозные, политические, специально-юридические. Экономические, религиозные, политические, духовные принципы права некоторые ученые выделяют в одну группу – социально- структурные принципы права»[4].

Список литературы

1. Виттенберг Г.Б. Развитие основных принципов советского уголовного права в новом кодексе РСФСР // Правоведение. – 1962. – № 4.
2. Вопленко Н.Н., Рудковский В.А. Понятие и классификация принципов права // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 4 (38).
3. Гайфуллина А.Р. О понятии и классификации принципов права // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях. 2018. С. 153.
4. Демичев А.А., Илюхина В.А. О некоторых дискуссионных проблемах принципов цивилистического процесса России (аналогия закона и аналогия права, сочетание единоличного и коллегиального начала в судопроизводстве) // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7.
5. Жинкин С.А. Теория государства и права: конспект лекций. – Изд. 17-е. – Ростов н/Д: Феникс, 2013.
6. Матузов, Н. И. Теория государства и права : курс лекций / Н.И. Матузов, А.А. Воротников, В.Л. Кулапов ; под ред. Н.И. Матузова, А. В. Малько. - 3-е изд., перераб. и доп. - Москва : Юр. Норма : НИЦ ИНФРА-М, 2017.
7. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. – М.: БЕК, 1996. – 560 с.
8. Нечепоренко Е.Э., Фарои Т.В. Современные подходы классификации принципов права // Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов. Краснодар, 2018.
9. Рассказов Л.П. Теория государства и права : учебник для вызов. 3-е изд. М. : РИОР: ИНФРА-М. 2010.
10. Цыбулевская О.И. Принципы права: нравственное измерение // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «СГАП», 2010.
11. Шеншин, В. М. Применение механизма "регуляторной гильотины" при реформировании контрольно-надзорной деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2021. – № 1. – С. 178-186. – EDN NSTITU.
12. Уголовное право. Особенная часть : Курс лекций / Г. А. Агаев, Н. В. Баранков, Д. А. Безбородов [и др.]. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. – 632 с. – ISBN 978-5-91837-015-5. – EDN QRUNFX.

[1]Нечепоренко Е.Э., Фарои Т.В. Современные подходы классификации принципов права // Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов. Краснодар, 2018. С. 158.

[2] Демичев А.А., Илюхина В.А. О некоторых дискуссионных проблемах принципов цивилистического процесса России (аналогия закона и аналогия права, сочетание единоличного и коллегиального начала в судопроизводстве) // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7. С. 3.

[3]Жинкин С.А. Теория государства и права: конспект лекций. – Изд. 17-е. – Ростов н/Д: Феникс, 2013. С. 91.

[4]Нечепоренко Е.Э., Фарои Т.В. Современные подходы классификации принципов права // Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов. Краснодар, 2018. С. 161.

13. Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFJC.
14. Арбитражный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / В. И. Кайнов, Н. Д. Эриашвили, А. Е. Даньшина [и др.]. – Москва : ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА», 2024. – 376 с. – ISBN 978-5-238-03839-1. – EDN DOKCAF.
15. Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.
16. Назарова, И. С. О международных связях субъектов Российской Федерации с иностранными государствами / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 9(237). – С. 126-130. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_9_126. – EDN ESBFKU.
17. Кайнов, В. И. Понятие и классификация мер административного принуждения / В. И. Кайнов, Л. Г. Кривуля, В. М. Шеншин // Закон и право. – 2023. – № 2. – С. 69-72. – DOI 10.56539/20733313_2023_2_69. – EDN ATGUDD.
18. Шеншин, В. М. Подзаконное регулирование мер государственного принуждения, применяемых должностными лицами Росгвардии в рамках административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2021. – № 5. – С. 155-160. – DOI 10.52452/19931778_2021_5_155. – EDN VVDMND.

References

1. Wittenberg G.B. The development of the basic principles of Soviet criminal law in the new Code of the RSFSR // Jurisprudence. – 1962. – № 4.
2. Voplenko N.N., Rudkovsky V.A. The concept and classification of the principles of law // Leningrad Law Journal. 2014. № 4 (38).
3. Gaifullina A.R. On the concept and classification of the principles of law // Problems of the status of modern Russia: historical and legal aspect. Collection of articles of the All-Russian Scientific and practical conference. In 2 parts. 2018. P. 153.
4. Demichev A.A., Ilyukhina V.A. On some controversial issues of the principles of the civil process in Russia (analogy of law and analogy of law, a combination of individual and collegial principles in legal proceedings) // Arbitration and civil procedure. 2020. № 7.
5. Zhinkin S.A. Theory of State and law: lecture notes. – 17th ed. Rostov n/A: Phoenix, 2013.
6. Matuzov, N. I. Theory of the State and law : a course of lectures / N.I. Matuzov, A.A. Vorotnikov, V.L. Kulapov ; edited by N.I. Matuzov, A.V. Malko - 3rd ed., revision and add. - Moscow : Law firm. Norma : SIC INFRA-M, 2017.
7. Naumov A.V. Russian criminal law. General part: A course of lectures. – M.: BECK, 1996. – 560 p.
8. Necheporenko E.E., Faroi T.V. Modern approaches to classifying the principles of law // Socio-humanitarian Bulletin. All-Russian collection of scientific papers. Krasnodar, 2018.
9. Rasskazov L.P. Theory of the state and law : a textbook for students. 3rd ed. Moscow : RIOR: INFRA-M. 2010.
10. Tsybulevskaya O.I. Principles of law: a moral dimension // Principles of Russian law: general theoretical and sectoral aspects / edited by N.I. Matuzov, A.V. Malko. Saratov: Publishing House of the State Educational Institution of Higher Professional Education "SGAP", 2010.
11. Shenshin, V. M. The use of the "regulatory guillotine" mechanism in reforming the control and supervisory activities of the Rosgvardiya / V. M. Shenshin // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. – 2021. – No. 1. – pp. 178-186. – EDN NSTITU.
12. Criminal law. Special part : A course of lectures / G. A. Agaev, N. V. Barankov, D. A. Bezborodov [and others]. – Saint Petersburg : Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2010. – 632 p. – ISBN 978-5-91837-015-5. – EDN QRUNFX.
13. Criminal law. General part : textbook / A.V. Nikulenko, S. A. Denisov, M. V. Baranchikova [and others]. – 2nd edition, revised and expanded. – Saint Petersburg : Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. – 424 p. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFJC.
14. Arbitration process: a textbook for university students studying in the field of Law / V. I. Kainov, N. D. Eri-ashvili, A. E. Danshina [et al.]. – Moscow : UNITY-DANA PUBLISHING HOUSE, 2024. – 376 p. – ISBN 978-5-238-03839-1. – EDN DOKCAF.
15. Grigonis, V. P. Constitutional amendments adopted in 2020 as a factor increasing the security of the state / V. P. Grigonis, N. Y. Nemova // Right. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 3(56). – Pp. 39-44. – EDN KEWNXE.
16. Nazarova, I. S. On international relations of the subjects of the Russian Federation with foreign states / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Agrarian and land law. – 2024. – № 9(237). – Pp. 126-130. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_9_126. – EDN ESBFKU.
17. Kainov, V. I. The concept and classification of administrative coercion measures / V. I. Kainov, L. G. Krivulya, V. M. Shenshin // Law and Law. – 2023. – No. 2. – pp. 69-72. – DOI 10.56539/20733313_2023_2_69. – EDN ATGUDD.
18. Shenshin, V. M. Subordinate regulation of state coercion measures applied by Rosgvardiya officials in the framework of administrative and jurisdictional activities / V. M. Shenshin // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. - 2021. - No. 5. – pp. 155-160. – DOI 10.52452/19931778_2021_5_155. – EDN VVDMND.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_504

УДК 614.8

ФССП РОССИИ, КАК СУБЪЕКТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
THE FEDERAL BAILIFF SERVICE OF RUSSIA AS A SUBJECT OF NATIONAL SECURITY

ШЕВЧЕНКО Кирилл Владимирович
старший преподаватель кафедры теории государства и права университета государственной противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
e-mail: kirill_55@ mail.ru

БОЛОТИН Данила Дмитриевич
студент университета государственной противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
e-mail: bold.2021@yandex.ru

SHEVCHENKO Kirill Vladimirovich
Senior Lecturer at the Department of Theory of State and Law University of the State Fire Service EMERCOM of Russia named after Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev.
149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.
e-mail: kirill_55@ mail.ru

BOLOTIN Danila Dmitrievich
is a student at the University of the State Fire Service EMERCOM of Russia named after Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev.
149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.
e-mail: bold.2021@yandex.ru

Краткая аннотация: *безопасность участников судебного процесса является необходимым условием реализации конституционного права на судебную защиту и устойчивого функционирования правового государства. В условиях растущих угроз от прямого насилия до давления на судей и свидетелей эта задача приобретает стратегическое значение и интегрируется в систему национальной безопасности. Ключевую роль в её обеспечении играют судебные приставы по ОУПДС, наделённые административно-властными и силовыми полномочиями. Их деятельность, регулируемая Федеральным законом № 118-ФЗ, выходит за рамки технической поддержки и представляет собой специализированную функцию по защите института правосудия. Позиция Верховного Суда Российской Федерации и научная доктрина подтверждают: приставы по ОУПДС – основные субъекты обеспечения безопасности в судебной сфере, что делает их неотъемлемой частью системы общественной и национальной безопасности Российской Федерации.*

Abstract: *the safety of trial participants is a prerequisite for the realization of the constitutional right to judicial protection and the sustainable functioning of the rule of law. In the face of growing threats, from direct violence to pressure on judges and witnesses, this task is acquiring strategic importance and is being integrated into the national security system. Bailiffs, vested with administrative and enforcement powers, play a key role in ensuring this. Their activities, regulated by Federal Law No. 118-FZ, extend beyond technical support and represent a specialized function for protecting the institution of justice. The position of the Supreme Court of the Russian Federation and scientific doctrine confirm that bailiffs are the primary actors in ensuring security in the judicial sphere, making them an integral part of the public and national security system of the Russian Federation.*

Ключевые слова: *судебные приставы, обеспечение порядка в судах, национальная безопасность, общественная безопасность, безопасность участников судебного процесса.*

Keywords: *bailiffs, maintaining order in courts, national security, public safety, safety of participants in legal proceedings.*

Для цитирования: *Шевченко К.В., Болотин Д.Д. ФССП России, как субъект национальной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 504-507. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_504.*

For citation*: Shevchenko K.V., Bolotin D.D. The Federal Security Service of Russia as a subject of national security // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 504-507. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_504.*

Статья поступила в редакцию: 22.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Эффективное и независимое отправление правосудия выступает неотъемлемым атрибутом и фундаментальной предпосылкой существования правового государства, поскольку именно посредством судебной власти обеспечивается верховенство закона, защита прав и законных интересов личности, а также баланс публичных и частных интересов[1]. Однако функционирование судебной системы в полном объёме возможно лишь при наличии условий, исключающих дестабилизацию её деятельности и обеспечивающих стабильность, неприкосновенность и безопасность всех субъектов, участвующих в правосудии. На фоне возрастающих угроз – от прямых посягательств на жизнь и здоровье судей до попыток оказания неправомерного давления на участников процесса – обеспечение безопасности приобретает не просто оперативно-тактическое, но системное и стратегическое значение. В этих условиях деятельность судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов, несмотря на формальное ведомственное подчинение, трансформируется в институциональный механизм защиты конституционных основ государственности. Она перестаёт быть исключительно вспомогательной или технической функцией и становится одним из ключевых элементов инфраструктуры право-судия, обеспечивающим реализацию самого принципа доступности и эффективности судебной защиты.

Всеобщая Декларация прав человека, как фундаментальный международно-правовой документ в сфере защиты основных свобод, закрепляет право на судебную защиту в качестве неотъемлемого элемента правового статуса личности. Статья 7 Декларации провозглашает принцип равенства всех людей перед законом и право на равную защиту, без какой бы то ни было дискриминации, а общая логика документа

[1] Шеншин, В. М. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в правовом регулировании административно-юрисдикционной деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Правовое регулирование и научно-технический прогресс : Коллективная монография / Под редакцией Г.Ф. Гараевой, В.В. Ковалево. – Краснодар : Общество с ограниченной ответственностью "Издательский Дом - Юг", 2021. – С. 142-148. – EDN MTLGLO; Немова, Н. Ю. Роль конституционного суда Российской Федерации в развитии контрольно-надзорных функций в общественных отношениях: история и современность / Н. Ю. Немова, В. П. Григонис // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 2(55). – С. 63-70. – EDN RHSYIQ.

предполагает, что защита любых нарушенных прав и свобод влечет за собой не только их формальное признание, но и возможность эффективного восстановления, через компетентные национальные судебные инстанции. Тем самым судебная защита трансформируется из частной гарантии в универсальный институт, обеспечивающий реализацию всех остальных прав, закреплённых в Декларации, что обусловливает её ключевую роль как в международной, так и в национальной правовой системе[1]. В российском конституционном праве эта позиция находит прямое отражение: статья 2 Конституции Российской Федерации устанавливает, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», тем самым не только декларируя приоритет личности, но и возлагая на государство конституционную обязанность по созданию реальных, а не формальных условий для защиты этих прав. В свою очередь, судебная защита, закреплённая в статье 46, как одна из центральных конституционных гарантий, может быть реализована в полной мере только при наличии надёжных механизмов обеспечения безопасности и неприкосновенности всех участников правосудия – судей, присяжных заседателей, сторон, свидетелей и иных лиц, вовлеченных в отправление правосудия[2].

Особую актуальность данная проблематика приобретает в контексте национальной безопасности. В соответствии с подпунктом 2 пункта 25 Указа Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», к числу национальных интересов государства отнесена «защита конституционного строя»[3]. Учитывая, что конституционный строй Российской Федерации основан на принципах верховенства права, разделения властей и гарантированности судебной защиты, обеспечение безопасности участников правосудия становится неотъемлемым компонентом реализации национальных интересов. Следовательно, деятельность по обеспечению порядка в судах, осуществляемая судебными приставами, приобретает не только правоприменительное, но и политико-правовое измерение, выступая в качестве одного из инструментов защиты основ конституционного строя и, в том числе – элемента национальной безопасности.

Реализация задачи по обеспечению безопасности участников судебного процесса возложена на Федеральную службу судебных приставов, как на специально уполномоченный орган исполнительной власти. В рамках этой функции ключевую роль играют судебные приставы по обеспечению установленного порядка деятельности судов (ОУПДС), чей правовой статус и компетенция детально регулируются статьёй 11 Федерального закона от 21 июля 1997 года № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации». Среди закреплённых за ними полномочий, особую значимость в контексте защиты конституционных основ правосудия имеет обязанность: «обеспечивать в суде, а при выполнении отдельных процессуальных действий вне здания, помещений суда безопасность судей, присяжных заседателей и иных участников судебного процесса». Данная норма не только определяет предметную сферу деятельности приставов по ОУПДС, но и придаёт их функции публично-правовой характер, направленный на охрану не только физической неприкосновенности конкретных лиц, но и институциональной целостности судебной власти, как одной из ветвей государственной власти.

Актуальность и острота данной проблемы были подчёркнуты Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в ходе ежегодного совещания судей судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов в феврале 2025 года. В своём выступлении он прямо указал, что обеспечение «надлежащих условий работы судей», включая «безопасность судей, особенно в новых регионах», является одной из приоритетных задач государственной политики. Это свидетельствует о высоком уровне осознания на уровне высшей государственной власти того, что устойчивость правосудия напрямую коррелирует с гарантиями безопасности тех, кто его осуществляет.

Отдельного рассмотрения в правовом и институциональном измерении требует защита судей – носителей особого публичного статуса, наделённых конституционно закреплённым правом и обязанностью осуществлять правосудие в профессиональном, постоянном и независимом порядке. Согласно пункту 1 статьи 11 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», судьи исполняют свои полномочия «на профессиональной основе», что не только закрепляет их высокий правовой статус и особую меру ответственности, но и обусловливает повышенную степень уязвимости в условиях роста конфронтационных и агрессивных проявлений со стороны участников судебного процесса.

Эта уязвимость не носит гипотетический характер, а подтверждается конкретными фактами. Так, 14 ноября 2024 года в зале заседаний Рудничного районного суда г. Кемерово лицо, находившееся под следствием, совершило вооружённое нападение на председательствующего судью с явным умыслом на лишение его жизни. Только оперативное вмешательство сотрудника конвойной службы позволило пресечь преступление. Подобные инциденты, к сожалению, повторяются с тревожающей регулярностью и указывают на наличие не разрозненных, а системных угроз, нацеленных не столько на отдельных должностных лиц, сколько на подрыв авторитета и функциональной устойчивости судебной власти как одного из столпов конституционного строя Российской Федерации.

Таким образом, обеспечение безопасности судей и иных участников процесса выходит за рамки задачи локальной охраны и приобретает характер системной гарантии функционирования правового государства, требующей межведомственного взаимодействия, правового регулирования и мониторинга угроз.

Подтверждением масштаба угроз служит и официальное заявление директора ФССП России Д.В. Аристова от 1 ноября 2025 года, согласно которому за девять месяцев 2025 года сотрудниками органов принудительного исполнения было выявлено «более 268 тыс. единиц оружия, боеприпасов и иных запрещённых к проносу предметов, представляющих угрозу для жизни и здоровья судей и участников судебного процесса».

---

[1] Шеншин, В. М. Российский суд по правам человека: миф или реальность? / В. М. Шеншин // Современное общество и право. 2021. № 4(53). С. 23-29. – EDN WYCPUX.
[2] Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.
[3] Шеншин, В. М. Нарушение территориальной целостности Российской Федерации как преступление, посягающее на основы конституционного строя и безопасность государства / В. М. Шеншин // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18–19 мая 2021 года / Санкт-Петербургский университет МВД России. Том Часть 1. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 261-265. – EDN QQTMGM.

Правовой статус судебных приставов по ОУПДС включает право на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия – нормы, закреплённые в статьях 15–18 Федерального закона № 118-ФЗ, в частности, для защиты и отражения нападений на «судей, заседателей, участников судебного процесса», то есть непосредственно для обеспечения их безопасности.

Таким образом, обеспечение безопасности участников судебного разбирательства представляет собой специализированную и институционально обусловленную функцию судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов, выходящую за рамки технического сопровождения процесса и приобретающую значение системного элемента защиты конституционных основ правосудия. Эта функция приобретает особую значимость в контексте национальной безопасности, поскольку направлена на охрану лиц, наделённых особым правовым статусом в силу их участия в отправлении правосудия — статусом, который признаётся и обеспечивается, как на уровне международных стандартов, так и в отечественном законодательстве.

Уголовно-правовая охрана интересов правосудия в Российской Федерации реализуется через институт «преступлений против правосудия», предусмотренный главой 31 Уголовного кодекса Российской Федерации[1]. В частности, статьи 295–297 квалифицируют их как общественно опасные деяния, посягающие на жизнь, здоровье, имущество, а также морально-психологическое благополучие судей, заседателей, присяжных и иных участников процесса, включая угрозы, насилие и иные формы давления, направленные на воспрепятствование независимому отправлению правосудия. Дополнительные гарантии безопасности закреплены в специальных нормативных актах: статья 2 Федерального закона от 20 апреля 1995 года № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и статья 1 Федерального закона от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», устанавливают расширенный перечень субъектов, подлежащих государственной защите, и определяют в качестве объектов охраны их жизнь, здоровье и имущество.

Пункт 1 статьи 12 Федерального закона № 45-ФЗ и пункт 3 статьи 3 Федерального закона № 119-ФЗ ключевую роль в реализации мер государственной защиты возлагают на органы внутренних дел, как основной субъект, уполномоченный на их осуществление, в то же время деятельность судебных приставов по ОУПДС, ограничиваемая территорией суда или при проведении отдельных процессуальных действий вне его, предполагает, что именно на них возлагается функция обеспечения безопасности участников процесса в пределах судебных помещений. Данная позиция получает конституционно-правовое подтверждение в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2023 года № 3546-О, где подчёркивается, что законодательное наделение судебных приставов полномочиями по поддержанию порядка в зданиях и помещениях судов преследует цель «установления надлежащего и эффективного механизма обеспечения порядка деятельности судов». Это свидетельствует о том, что деятельность ФССП России в сфере обеспечения безопасности участников процесса не является вспомогательной, а представляет собой неотъемлемую составляющую института правосудия, без которой невозможна реализация самого права на судебную защиту, как одного из фундаментальных конституционных и международно признанных прав человека.

В научной литературе данная роль ФССП России также получила широкое признание. Так, Н.С. Махарадзе и С.К. Фёдорова подчёркивают особое положение приставов по ОУПДС в государственной системе, сочетающих функции органа безопасности и правоохранительного органа посредством проверки документов, досмотра личных вещей, предупреждения и пресечения правонарушений.

К.А. Абашкина и Ю.А. Матюшкина, исследуя правовой статус судебных приставов по ОУПДС, акцентируют внимание на сочетании административно-властных полномочий с особым правовым статусом, обусловленным задачами по защите правосудия. Д.В. Хохлов указывает, что деятельность приставов связана с «применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия», обосновывая этим их включение в систему органов обеспечения безопасности. Аналогичного мнения придерживается К.С. Мельникова, подчёркивая ключевую роль ФССП России в поддержании порядка в судебных учреждениях.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01 июня 2023 года № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации», однозначно относит Федеральную службу судебных приставов к правоохранительным органам без каких-либо оговорок[2], что косвенно явилось основой, для указанных точек зрения. Следовательно, судебные приставы ОУПДС обладают особым правовым статусом, сочетающим административно-властные полномочия по поддержанию общественного порядка и пресечению правонарушений в судебных помещениях. Именно поэтому ФССП России следует рассматривать не просто как один из элементов правоохранительной системы, а как специализированный государственный орган, чья миссия заключается в создании условий, при которых участники судебного разбирательства могут реализовать свои процессуальные права свободно и безопасно.

Безопасность участников судебного процесса в данном контексте представляет собой комплексное правовое состояние, включающее защищённость жизни, здоровья, чести, достоинства и имущества от противоправных посягательств. Это состояние обеспечивается не абстрактными гарантиями, а конкретным набором юридических, организационных и силовых мер[3], ключевыми исполнителями которых выступают именно судебные приставы по ОУПДС. Их деятельность формирует «процедурную оболочку» судебного процесса, без которой само право на справедливое разбирательство теряет практическое содержание.

В системе национальной безопасности данная деятельность соотносится с категорией общественной безопасности – компонентом,

[1] Петухов, Н. А., Шеншин, В.М. Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы / Н. А. Петухов, В.М. Шеншин // Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. - М.: Академия управления МВД России, 2016. - С. 185-194.
[2] Шевченко К.В. Наделение сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации правом применения огнестрельного оружия / К. В. Шевченко // Государственная служба и кадры. – 2024. – № 3. – С. 107-111. – DOI 10.24412/2312-0444-2024-3-107-111. – EDN OABMOM.
[3] Шевченко К.В. Безопасность личности в системе национальной безопасности Российской Федерации: к вопросу о понятии / К. В. Шевченко, Д. Д. Болотин // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 7. – С. 118-122. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_118. – EDN FRFFLX.

непосредственно связанным с поддержанием правопорядка, в том числе в пространстве судебных учреждений. Хотя, как справедливо отмечает В.М. Шеншин, в российском законодательстве и юридической доктрине до сих пор отсутствует единое понимание содержания общественной безопасности и чётко очерченный круг её субъектов[1], можно сказать, что нормативные акты высшего уровня однозначно включают её в структуру национальной безопасности[2]. Так, статья 1 Федерального закона от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности» прямо относит общественную безопасность к её составляющим, а пункт 41 Указа Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400 раскрывает её в том числе, как совокупность мер по защите основ конституционного строя Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, профилактике преступности, неотвратимости наказания, и формировании в обществе нетерпимости к противоправному поведению.

Именно в этом и проявляется значимость деятельности судебных приставов по ОУПДС, подтверждением тому служит наделение судебных приставов по ОУПДС полномочиями по производству по делам об административных правонарушениях, в частности по части 2 статьи 17.3 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации и часть 2 статьи 11 Федерального закона № 118-ФЗ. Через привлечение к ответственности за неисполнение законных требований приставов, обеспечивается не только дисциплина в залах суда, но и реализуется одна из ключевых задач Стратегии национальной безопасности – формирование культуры правопослушания.

Правоприменительная практика Верховного Суда Российской Федерации дополнительно подтверждает эту позицию. В Постановлении от 01 сентября 2024 года по делу № 5-1224/381/2023 подчёркивается, что приставы по ОУПДС «предупреждают и пресекают преступления и правонарушения, а в случае необходимости передают правонарушителей в органы внутренних дел». В Постановлении от 06 июня 2024 года по делу № 5-207/2022 уточняется, что их законные требования «подлежат исполнению всеми органами, организациями, должностными лицами и гражданами на территории Российской Федерации», что свидетельствует о признании их властных полномочий на общенациональном уровне.

Таким образом, судебные приставы по ОУПДС выступают в качестве основных субъектов обеспечения безопасности участников судебного процесса, как неотъемлемой составляющей общественной безопасности. На этом основании ФССП России правомерно рассматривать, как государственный орган, входящий в систему обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, выполняющий специализированную, но стратегически значимую миссию – защиту самого института правосудия.

Список литературы:

1. Шевченко К.В. Наделение сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации правом применения огнестрельного оружия / К. В. Шевченко // Государственная служба и кадры. – 2024. – № 3. – С. 107-111. – DOI 10.24412/2312-0444-2024-3-107-111. – EDN OABMOM.
2. Шевченко К.В. Безопасность личности в системе национальной безопасности Российской Федерации: к вопросу о понятии / К.В. Шевченко, Д.Д. Болотин // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 7. – С. 118-122. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_118. – EDN FRFFLX.
3. Шеншин В.М. К вопросу о субъектах обеспечения общественной безопасности / В.М. Шеншин // Актуальные проблемы науки административного, финансового и международного права : Материалы III научного круглого стола, Минск, 10 апреля 2025 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2025. – С. 185.
4. Шеншин, В. М. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в правовом регулировании административно-юрисдикционной деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Правовое регулирование и научно-технический прогресс : Коллективная монография / Под редакцией Г.Ф. Гараевой, В.В. Ковалево. – Краснодар : Общество с ограниченной ответственностью "Издательский Дом - Юг", 2021. – С. 142-148. – EDN MTLGLO.
5. Шеншин, В. М. Российский суд по правам человека: миф или реальность? / В. М. Шеншин // Современное общество и право. – 2021. – № 4(53). – С. 23-29. – EDN WYCPUX.
6. Шеншин, В. М. Нарушение территориальной целостности Российской Федерации как преступление, посягающее на основы конституционного строя и безопасность государства / В. М. Шеншин // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18–19 мая 2021 года / Санкт-Петербургский университет МВД России. Том Часть 1. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 261-265. – EDN QQTMGM.
7. Петухов, Н. А., Шеншин, В.М. Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы / Н. А. Петухов, В.М. Шеншин // Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. - М.: Академия управления МВД России, 2016. - С. 185-194.
8. Немова, Н. Ю. Роль конституционного суда Российской Федерации в развитии контрольно-надзорных функций в общественных отношениях: история и современность / Н. Ю. Немова, В. П. Григонис // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 2(55). – С. 63-70. – EDN RHSYIQ.
9. Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.
10. Ирошников, Д. В. Безопасность как категория международного публичного права: теоретический аспект / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 1(54). – С. 11-22. – EDN WCAYMY.
11. Ирошников, Д. В. Становление отрасли законодательства о безопасности в России / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 3(52). – С. 17-27. – EDN IENSKM.

References:

1. Shevchenko K.V. Endowment of employees of the enforcement authorities of the Russian Federation with the right to use firearms / K. V. Shevchenko // Civil service and personnel. – 2024. – No. 3. – pp. 107-111. – DOI 10.24412/2312-0444-2024-3-107-111. – EDN OABMOM.
2. Shevchenko K.V. Personal security in the national security system of the Russian Federation: on the issue of the concept / K.V. Shevchenko, D.D. Bolotin // Agrarian and Land law. – 2025. – No. 7. – pp. 118-122. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_118. – EDN FRFFLX.
3. Shenshin V.M. On the issue of subjects of ensuring public safety / V.M. Shenshin // Actual problems of the science of administrative, financial and international law : Materials of the III scientific round table, Minsk, April 10, 2025. Minsk: Belarusian State University, 2025, p. 185.
4. Shenshin, V. M. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the legal regulation of the administrative and jurisdictional activities of the Rosgvardiya / V. M. Shenshin // Legal regulation and scientific and technical progress : A collective monograph / Edited by G.F. Garayeva, V.V. Kovalevo. Krasnodar : Limited Liability Company Publishing House - Yug, 2021. pp. 142-148. EDN MTLGLO.
5. Shenshin, V. M. The Russian Court of Human Rights: myth or reality? / V. M. Shenshin // Modern society and law. – 2021. – № 4(53). – Pp. 23-29. – EDN WYCPUX.
6. Shenshin V.M. Violation of the territorial integrity of the Russian Federation as a crime encroaching on the foundations of the constitutional system and state security / V. M. Shenshin // Criminal law: yesterday, today, tomorrow: proceedings of the annual All-Russian Scientific and Practical conference, St. Petersburg, May 18-19, 2021 / St. Petersburg University The Ministry of Internal Affairs of Russia. P.t 1. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. p. 261-265. – EDN QQTMGM.
7. Petukhov, N. A., Shenshin, V.M. Criminal policy of Russia at the present stage: state, trends, prospects / N. A. Petukhov, V. M. Shenshin // Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. pp. 185-194.
8. Nemova, N. Y. The role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the development of control and supervisory functions in public relations: history and modernity / N. Y. Nemova, V. P. Grigonis // Pravo. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 2(55). – Pp. 63-70. – EDN RHSYIQ.
9. Grigonis, V. P. Constitutional amendments adopted in 2020 as a factor increasing the security of the state / V. P. Grigonis, N. Y. Nemova // Right. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 3(56). – Pp. 39-44. – EDN KEWNXE.
10. Iroshnikov, D. V. Security as a category of international public law: a theoretical aspect / D. V. Iroshnikov // Law. Without is a danger. Emergency situations. – 2022. – № 1(54). – Pp. 11-22. – EDN WCAYMY.
11. Iroshnikov D.V. The formation of the branch of security legislation in Russia / D.V. Iroshnikov // Law. Safety. Emergency situations. 2021. № 3(52). P. 17-27. – EDN IENSKM.

[1] Шеншин В.М. К вопросу о субъектах обеспечения общественной безопасности / В.М. Шеншин // Актуальные проблемы науки административного, финансового и международного права : Материалы III научного круглого стола, Минск, 10 апреля 2025 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2025. – С. 185.

[2] Ирошников, Д. В. Безопасность как категория международного публичного права: теоретический аспект / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 1(54). – С. 11-22. – EDN WCAYMY; Ирошников, Д. В. Становление отрасли законодательства о безопасности в России / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 3(52). – С. 17-27. – EDN IENSKM.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_508

УДК 342

НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ
THE NATIONAL AND STATE SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FACE OF NEW CHALLENGES AND THREATS

НАЗАРОВА Ирина Сергеевна
Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин научно-исследовательского центра
Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1.
e-mail: irina-nazarova@inbox.ru

NAZAROVA Irina Sergeevna
Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Scientific Research Center
Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
e-mail: irina-nazarova@inbox.ru

***Краткая аннотация**: материалы статьи посвящаются анализу соотношения национального и государственного суверенитета в современных геополитических реалиях. Обосновывается тезис о том, что народный суверенитет является первичной основой, из которой логически и исторически вытекают национальный и государственный суверенитет. Автором рассматривается иерархическая взаимосвязь форм суверенитета и доказывается, что государственный суверенитет, будучи правовой формой, полностью обусловлен национальным и народным суверенитетом. В условиях глобализации и гибридной войны исследуются вопросы трансформации традиционного понимания суверенитета. На основе проведённого анализа формулируются выводы о ключевой роли изучения суверенитета для совершенствования статуса и задач военнослужащих в условиях системной конфронтации.*

***Abstract**: The article analyzes the relationship between national and state sovereignty in today's geopolitical context. It argues that popular sovereignty is the primary foundation from which national and state sovereignty logically and historically emerge. The author examines the hierarchical relationship between the forms of sovereignty and demonstrates that state sovereignty, as a legal form, is fully conditioned by national and popular sovereignty. In the context of globalization and hybrid warfare, the article explores the transformation of the traditional understanding of sovereignty. Based on the analysis conducted, conclusions are drawn about the key role of studying sovereignty in improving the status and tasks of military personnel in the context of systemic confrontation.*

***Ключевые слова**: национальный суверенитет, государственный суверенитет, народный суверенитет, национальные интересы, специальная военная операция, стратегическая безопасность, национальная безопасность.*

***Keywords**: national sovereignty, state sovereignty, people's sovereignty, national interests, special military operation, strategic security, and national security.*

***Для цитирования:** Назарова И.С. Национальный и государственный суверенитет Российской Федерации в условиях новых вызовов и угроз // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 508-512. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_508.*

***For citation**: Nazarova I.S. National and State sovereignty of the Russian Federation in the context of new challenges and threats // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 508-512. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_508.*

Статья поступила в редакцию: 18.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Актуальность изучения соотношения национального и государственного суверенитета[1] в современной России обусловлена беспрецедентным обострением внешнеполитической обстановки. Российская Федерация оказалась в центре масштабной гибридной войны, целью которой является не только военное сдерживание, но и системное подавление её как независимого центра силы в мировой политике[2]. Специальная военная операция, начатая в феврале 2022 года, стала кульминацией длительного периода давления, включавшего экономические санкции, информационные атаки и попытки дестабилизации внутриполитической ситуации. В этих условиях «защита, укрепление суверенитета идет сегодня по всем направлениям», как прямо заявил Президент Российской Федерации в Послании Федеральному Собранию. Угроза формированию однополярного мирового порядка делает вопросы суверенитета вопросом выживания[3]. Изучение различных аспектов суверенитета позволяет не только теоретически осмыслить вызовы, но и выработать практические механизмы защиты национальных интересов[4].

В российской научной доктрине вопрос о соотношении форм суверенитета является дискуссионным, однако складывается устойчивая линия, подчёркивающая их иерархическую связь[5]. Исследователи единодушно отмечают, что народный суверенитет является первичной основой. Черняк Л.Ю. в своей работе подробно анализирует эту дуалистическую трактовку, подчеркивая, что именно народный и национальный суве-

[1] Шеншин, В. М. Об обеспечении Росгвардией внутреннего суверенитета Российской Федерации / В. М. Шеншин // Современное общество и право. – 2023. – № 1(62). – С. 14-19. – EDN GTDFAK.
[2] Когут, В. Г. Сценарий дальнейшей интеграции союзного государства / В. Г. Когут, Я. М. Погадаева, В. М. Шеншин // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 9. – С. 146-154. – EDN KPIMRC; Когут, В. Г. Основные тенденции развития военно-политической обстановки вокруг Союзного государства Беларуси и России в контексте ее влияния на состояние национальной безопасности в военной сфере / В. Г. Когут, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 5(322). – С. 83-88. – EDN XDNFEC.
[3] Грешных, А. А. Механизм правового регулирования региональной общественной безопасности на Северо-западе России как фактор обеспечения национальной безопасности / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 2. – С. 14-19. – DOI 10.24412/2073-0454-2021-2-14-19. – EDN AOSFJA.
4 Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 29 февраля 2024 года // Собрание законодательства РФ. - 2024. - № 10. - Ст. 1215.
[5] Грешных, А. А. О некоторых тенденциях развития российского права, направленных на защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 5. – С. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.

ренитеты «лежат в основе суверенитета государства»[1]. Аксенов И.С. развивает эту мысль, утверждая, что «государственный суверенитет выступает как бы государственно-правовой формой осуществления народного суверенитета»[2]. Другими словами, государство — это инструмент, созданный народом для реализации своих суверенных прав. Добрынин Н.М., в свою очередь, критически осмысляет современную модель государственного суверенитета, обращая внимание на то, что его легитимность напрямую зависит от признания народа в качестве «единственного законного и правомерного» источника власти[3]. Каримова М.А. акцентирует внимание на содержательной стороне национального суверенитета, определяя его как качество, «обусловливаемое... политическими, территориальными, культурными, языковыми связями» нации, что выводит понятие за рамки чисто юридической категории[4].

Для полноты анализа необходимо чётко развести три, хотя и взаимосвязанные, формы суверенитета, каждая из которых обладает самостоятельным содержанием.

Народный суверенитет — это политическая доктрина, согласно которой «народ государства рассматривается как единственный законный и правомерный» источник всей власти[5]. Это фундаментальный принцип, закреплённый в статье 3 Конституции Российской Федерации: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ»[6].

Национальный суверенитет — более широкое, социально-политическое и культурное понятие. Он характеризует «политическую, территориальную, культурную, языковую самостоятельность нации», то есть её способность к самоопределению и сохранению уникальной идентичности[7].

Государственный суверенитет — это правовая и институциональная форма, в которой реализуются народный и национальный суверенитет. Это «верховная власть», принадлежащая конкретному государству.

Совместное существование этих трёх форм не является противоречием, а отражает целостность политического организма. Народ, как сообщество граждан, формирует нацию, как культурно-историческую общность, а государство выступает в роли организатора и гаранта прав и свобод как народа, так и нации. Традиционно именно народный суверенитет является первоосновой: без воли народа не может возникнуть ни устойчивая национальная идентичность, ни легитимное государство[8].

Глубокая внутренняя обусловленность государственного суверенитета национальным и народным суверенитетом.

Государственный суверенитет не является самостоятельной, изолированной категорией. Его легитимность и устойчивость напрямую зависят от того, насколько полно он выражает волю и интересы народа и нации, которые он призван представлять. Эта мысль прямо заложена в Конституции Российской Федерации, которая в статье 15 устанавливает, что конституционный строй основывается на «признании человека, его прав и свобод высшей ценностью», а их «признание, соблюдение и защита — обязанность государства»[9]. Следовательно, суть государственного суверенитета заключается в обязанности государства служить народу, а не наоборот.

Добрынин Н.М. справедливо отмечает, что народный суверенитет «отражает реальное политическое и социально-экономическое положение народа, его статус как источника власти»[10]. Если это положение подрывается — например, в результате внешнего вмешательства или внутренней деградации элит, — государственный суверенитет становится формальным и хрупким. Именно поэтому в современных условиях Россия делает ставку на «политическую систему... как одну из опор суверенитета страны»[11], поскольку именно через демократические институты (пусть и в её собственной, нелиберальной трактовке) народ может влиять на вектор развития государства. Глубокая внутренняя обусловленность означает, что попытки укрепить государственный суверенитет за счёт подавления народного волеизъявления или национальной идентичности обречены на провал. Истинная сила государства исходит из единства народа, нации и институтов власти.

Процесс глобализации привёл к серьёзному переосмыслению классического понятия суверенитета. Одним из наиболее ёмких и признанных определений, которое воспроизводится в научной литературе и официальных комментариях к Конституции Российской Федерации исполнительной и судебной власти государства на его территории, исключающая всякую иностранную власть на его территории, а также неподчинение государства властям иностранных государств в сфере международного общения, кроме случаев явно выраженного и добровольного согласия»[12]. Это определение сохраняет ядро традиционного понимания (верховенство и независимость), но допускает возможность добровольного ограничения в рамках международных договоров.

Современные вызовы, такие как «гибридные войны», требуют более широкого взгляда. Они нацелены не на военное вторжение, а на подрыв всех трёх форм суверенитета одновременно: через информационные атаки — подрыв национальной идентичности (национальный суверенитет), через финансовые санкции - ослабление экономической основы (народный суверенитет), и через изоляцию на международной арене –

1 Черняк Л.Ю. О соотношении государственного, народного и национального суверенитетов // Сибирский юридический вестник. - 2006. - № 3. - С. 16.
2 Аксенов И.С. Особенности соотношения понятий «народный суверенитет», «национальный суверенитет» и «государственный суверенитет» // Синергия наук. - 2024. - № 12. - С.43.
3 Добрынин Н.М. Народный суверенитет и суверенитет государства: критическое осмысление // Государство и право. - 2019. - № 7. - С. 38.
4 Каримова М.А. Понятие национальной независимости и государственного суверенитета // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2015. - № 10-1. - С. 125-127.
5 Алексеев С.С. Теория права. - М.: Норма, 1998. -С. 203.
6 http.goverment.ru.
7 Каримова М.А. Понятие национальной независимости и государственного суверенитета // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - 2015. - № 10-1. - С. 126.
8 Черняк Л.Ю. О соотношении государственного, народного и национального суверенитетов // Сибирский юридический вестник. - 2006. - № 3. - С. 16.
9 Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.
10 Добрынин Н.М. Народный суверенитет и суверенитет государства: критическое осмысление // Государство и право. - 2019. - № 7. - С. 36.
11 http.goverment.ru.
12 Худолей Д.М. Суверенитет или автономия? // Конституционное и муниципальное право. — 2011. - № 15. - С. 29.

ограничение внешней независимости (государственный суверенитет).

Безусловно, значение государственного суверенитета Российской Федерации особенно важно в условиях современных геополитических вызовов.

В рамках исследования вопросов соотношения понятий национального и государственного суверенитета важное значение имеют вопросы практической реализации, точнее зашиты национального и государственного суверенитета. При этом в рамках данного контекста нельзя обойти вниманием важный вопрос об особой охране национального и государственного суверенитета в условиях имеющихся вызовов и угроз Российской Федерации. На фоне усиливающейся нестабильности в мире все более актуальными в сфере межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных отношений становятся проблемы, обусловленные наличием следующих внешних и внутренних угроз национальной безопасности Российской Федерации: предпринимаемые недружественными иностранными государствами усилия по дестабилизации межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных отношений, расколу российского общества и нарушению его внутреннего единства, возникновение очагов межнациональной (межэтнической) и межрелигиозной розни в результате попыток переноса зарубежных межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных конфликтов на территорию Российской Федерации, участившиеся попытки распространения, в том числе отдельными иностранными гражданами и лицами, приобретшими гражданство Российской Федерации, идеологий терроризма[1], экстремизма[2] и неонацизма, русофобских взглядов, радикальных идей, основанных на национальной и религиозной исключительности; нарастающая в международном пространстве русофобия, дискредитация русского языка и культуры, традиционных для России религий, активизация усилий по искажению исторической правды и уничтожению исторической памяти о Великой Отечественной войне, других значимых событиях российской истории и роли в этих событиях народов России; последствия распространения антироссийской пропаганды и провоцирования религиозной розни на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, гиперболизация региональных и этнических интересов, в том числе вследствие внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия, частичная утрата этнокультурного наследия, размывание традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, в том числе вследствие глобализации и насаждения чуждых российской нации идеалов и ценностей, изменение национального (этнического) состава населения ряда регионов страны, вызванное особенностями демографического поведения, внутренней и внешней миграцией в регионы с более привлекательными социально-экономическими условиями жизни, последствия межэтнических или этнотерриториальных конфликтов и противоречий в отдельных субъектах Российской Федерации, формирование на отдельных территориях несвойственных им мест повышенной концентрации определенных этнических общностей, обусловленное внешними миграционными процессами, формирование предпосылок для возникновения конфликтов на национальной (этнической) и (или) религиозной почве и распространение в открытых источниках (социальных сетях, мессенджерах) информации, способствующей возникновению таких конфликтов, а также для противопоставления общероссийской гражданской идентичности (гражданскому самосознанию) национальной (этнической) идентичности, использование некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в национально-культурной сфере, для продвижения интересов иностранных государств и их граждан в ущерб интересам Российской Федерации и российских граждан[3].

Ответом России на эти вызовы стало не ослабление, а радикальное усиление доктрины суверенитета. Этот курс закреплён на стратегическом уровне. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации прямо декларирует обеспечение «суверенитета Российской Федерации» как одну из фундаментальных национальных целей[4]. Более того, в документе суверенитет назван не просто целью, а «основой национальной безопасности»[5]. Это означает переход от оборонительной риторики к активной политике утверждения суверенитета во всех сферах: экономической (импортозамещение), технологической, информационной[6] («суверенный интернет») и военной.

Одной из фундаментальных задач России, концептуальным положений, лежащим в основе всех стратегических документов, является укрепление государственного суверенитета[7].

Действительно, в условиях угрозы формирования однополярного мирового порядка укрепление суверенитета вышло на первый план государственной политики. Как отмечает Кудрявцев В.Н., в такой обстановке «национальные интересы... задают направление политики государ-

---

[1] Шеншин, В. М. О роли войск национальной гвардии Российской Федерации в сфере миграционной политики при выполнении задач по охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 9(237). – С. 39-43. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_39. – EDN DEJMKX; Шеншин, В. М. Совершенствование миграционного законодательства - важное направление обеспечения общественной безопасности России / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 257-260. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_257. – EDN URKOCP; Шеншин, В. М. Реализация войсками национальной гвардии Российской Федерации задач, возложенных на них законодательством, в сфере обеспечения миграционной политики / В. М. Шеншин // Миграционное право. – 2024. – № 1. – С. 8-11. – DOI 10.18572/2071-1182-2024-1-8-11. – EDN CEJWFN.
Шеншин, В. М. Войска национальной гвардии и миграционная политика России / В. М. Шеншин // Миграционное право. – 2023. – № 3. – С. 27-30. – DOI 10.18572/2071-1182-2023-3-27-30. – EDN OGZAEO.

[2] Шеншин, В. М. О недостаточности полномочий Росгвардии по организации участия войск национальной гвардии в борьбе с терроризмом и экстремизмом при обеспечении ими общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 7(336). – С. 123-128. – EDN BFMOHD; Шеншин, В. М. Организационно-правовые аспекты механизма противодействия Федеральной таможенной службой экстремистской деятельности в Российской Федерации / В. М. Шеншин, И. С. Назарова // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 2(230). – С. 55-58. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_2_55. – EDN QJESVG.

3 http.goverment.ru.

4 http.goverment.ru.

5 http.goverment.ru.

[6] Шеншин, В. М. Киберпреступность как угроза информационной безопасности Российской Федерации / В. М. Шеншин, В. Ю. Юрьева, И. В. Кускова // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 255-258. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_1_255. – EDN YNCDXM; Уткин, Н. И. Цифровая трансформация ведомственных вузов: гармонизация нормативной правовой базы информационной безопасности / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин, А. В. Шестаков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 4(65). – С. 91-110. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-2024-4-91-110. – EDN FBMFIM; Прудникова, Л. Б. Информация и информационная безопасность как атрибуты гражданского общества (краткий обзор взаимосвязи) / Л. Б. Прудникова, В. М. Шеншин, Н. С. Глейберман // Государственная власть и местное самоуправление. – 2022. – № 7. – С. 7-9. – DOI 10.18572/1813-1247-2022-7-7-9. – EDN LYPXRK.

[7] Шеншин, В. М. Войска национальной гвардии Российской Федерации - субъект стратегического планирования / В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 6. – С. 142-146. – DOI 10.24412/2073-0454-2024-6-142-146. – EDN AHYUMC.

ства»[1]. Суверенитет перестал быть абстрактной дипломатической категорией и превратился в практическую программу действий, направленных на сокращение зависимости от внешних центров силы во всех ключевых областях.

Защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации — один из национальных интересов России.

Это прямая цитата из Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Формулировка показывает высшую степень приоритета: суверенитет поставлен в один ряд с защитой конституционного строя и территориальной целостности, то есть с самыми фундаментальными ценностями государства. Это не просто один из интересов, а базовый, без которого реализация всех остальных (экономических, социальных, культурных) становится невозможной.

Национальные интересы, сформулированные в стратегических документах, представляют собой практическое выражение трёх форм суверенитета. Интерес в обеспечении безопасности граждан - это защита народного суверенитета. Интерес в сохранении культурного наследия и духовных ценностей - это защита национального суверенитета. Интерес в укреплении обороны и поддержании паритета в стратегических силах сдерживания — это защита государственного суверенитета.

Вся система национальных интересов является механизмом реализации суверенитета на практике. Как справедливо отмечает Соловьев Э.Г., суверенитет является «одним из первичных институтов национальных интересов», что подчёркивает его системообразующую роль[2].

Проведённый анализ позволяет нам сформулировать следующие основные выводы.

Во-первых, народный, национальный и государственный суверенитеты — это не синонимы, а взаимосвязанные формы единого целого, где народный суверенитет является первичной основой. Государство не может быть легитимным, если оно не выражает волю народа и не служит интересам нации.

Во-вторых, в современных условиях концепция суверенитета претерпела трансформацию, расширившись от классического юридического определения до комплексного понятия, охватывающего экономические, технологические и информационные аспекты.

В-третьих, защита суверенитета в России официально признана высшим национальным интересом, что определяет стратегию развития страны на десятилетия вперёд.

Исследование различных аспектов суверенитета имеет прямое и практическое значение для силовых структур. Понимание того, что они защищают не просто границы, а целостность народа, нации и государства, придаёт их деятельности высший смысл и моральную силу. Это позволяет перейти от формального исполнения приказов к осознанной службе высшим целям. Знание угроз, направленных на подрыв именно национального суверенитета через информационные атаки, помогает сотрудникам Росгвардии более эффективно противодействовать внутренней дестабилизации. Знание угроз, направленных на подрыв государственного суверенитета через санкции и изоляцию, помогает военнослужащим понимать стратегическую важность своих задач по защите территориальной целостности. Таким образом, углублённое изучение суверенитета является неотъемлемой частью идеологической подготовки личного состава, повышая его профессиональную зрелость и боевой дух.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Теория права. - М.: Норма, 1998. - 320 с.
2. Аксенов И.С. Особенности соотношения понятий «народный суверенитет», «национальный суверенитет» и «государственный суверенитет» // Синергия наук. - 2024. - № 12.- С.39-45.
3. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. - 14-е изд., изм. и доп. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2025.- 890 с.
4. Бондаренко Е.А. Национальный суверенитет и безопасность в условиях гибридных угроз и войн // Правовое обеспечение суверенитета России. - 2023. - С. 45-58.
5. Добрынин Н.М. Народный суверенитет и суверенитет государства: критическое осмысление // Государство и право. - 2019. - № 7. - С. 30-42.
6. Каримова М.А. Понятие национальной независимости и государственного суверенитета // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2015. - № 10-1. - С. 125-127.
7. Кудрявцев В.Н. Национальные интересы и основные политические силы современной России. - М.: Наука, 2004. - 198 с.
8. Мерзликин Н.В. Суверенитет в восприятии российского гражданского общества // Вестник РАН. - 2025. - Т. 95. - № 6. - С. 601-610.
9. Осипов И.В. Суверенитет как символ единства Российского государства // Государственная служба. - 2021. - № 4. - С. 45-49.
10. Сергеев Ю.А. Государственный суверенитет в условиях глобализации // Юридическая наука и практика. - 2023. - № 4. - С. 112-118.
11. Соловьев Э.Г. Амбиции сверхдержавности и константы суверенитета // Политическая наука. - 2013. - № 2. - С. 134-145.
12. Худолей Д.М. Суверенитет или автономия? // Конституционное и муниципальное право. - 2011. - № 15. - С. 25-30.
13. Черняк Л.Ю. О соотношении государственного, народного и национального суверенитетов // Сибирский юридический вестник. - 2006. - № 3. - С. 15-17.
14. Шеншин, В. М. Об обеспечении Росгвардией внутреннего суверенитета Российской Федерации / В. М. Шеншин // Современное общество и право. – 2023. – № 1(62). – С. 14-19. – EDN GTDFAK.
15. Грешных, А. А. О некоторых тенденциях развития российского права, направленных на защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 5. – С. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.
16. Грешных, А. А. Механизм правового регулирования региональной общественной безопасности на Северо-западе России как фактор обеспечения национальной безопасности / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 2. – С. 14-19. – DOI 10.24412/2073-0454-2021-2-14-19. – EDN AOSFJA.
17. Когут, В. Г. Сценарий дальнейшей интеграции союзного государства / В. Г. Когут, Я. М. Погадаева, В. М. Шеншин // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 9. – С. 146-154. – EDN KPIMRC.
18. Когут, В. Г. Основные тенденции развития военно-политической обстановки вокруг Союзного государства Беларуси и России в контексте ее влияния на состояние национальной безопасности в военной сфере / В. Г. Когут, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 5(322). – С. 83-88. – EDN XDNFEC.
19. Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.
20. Шеншин, В. М. О роли войск национальной гвардии Российской Федерации в сфере миграционной политики при выполнении задач по охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 9(237). – С. 39-43. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_39. – EDN DEJMKX.

1 Кудрявцев В.Н. Национальные интересы и основные политические силы современной России. - М.: Наука, 2004. - С. 86-87.
2 Соловьев Э.Г. Амбиции сверхдержавности и константы суверенитета // Политическая наука. - 2013. - № 2. - С. 142-143.

21. Шеншин, В. М. Совершенствование миграционного законодательства - важное направление обеспечения общественной безопасности России / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 257-260. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_257. – EDN URKOCP.
22. Шеншин, В. М. Реализация войсками национальной гвардии Российской Федерации задач, возложенных на них законодательством, в сфере обеспечения миграционной политики / В. М. Шеншин // Миграционное право. – 2024. – № 1. – С. 8-11. – DOI 10.18572/2071-1182-2024-1-8-11. – EDN CEJWFN.
23. Шеншин, В. М. Войска национальной гвардии и миграционная политика России / В. М. Шеншин // Миграционное право. – 2023. – № 3. – С. 27-30. – DOI 10.18572/2071-1182-2023-3-27-30. – EDN OGZAEO.
24. Шеншин, В. М. О недостаточности полномочий Росгвардии по организации участия войск национальной гвардии в борьбе с терроризмом и экстремизмом при обеспечении ими общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 7(336). – С. 123-128. – EDN BFMOHD.
25. Шеншин, В. М. Организационно-правовые аспекты механизма противодействия Федеральной таможенной службой экстремистской деятельности в Российской Федерации / В. М. Шеншин, И. С. Назарова // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 2(230). – С. 55-58. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_2_55. – EDN QJESVG.
26. Шеншин, В. М. Киберпреступность как угроза информационной безопасности Российской Федерации / В. М. Шеншин, В. Ю. Юрьева, И. В. Кускова // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 255-258. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_1_255. – EDN YNCDXM.
27. Уткин, Н. И. Цифровая трансформация ведомственных вузов: гармонизация нормативной правовой базы информационной безопасности / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин, А. В. Шестаков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 4(65). – С. 91-110. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-2024-4-91-110. – EDN FBMFIM.
28. Прудникова, Л. Б. Информация и информационная безопасность как атрибуты гражданского общества (краткий обзор взаимосвязи) / Л. Б. Прудникова, В. М. Шеншин, Н. С. Глейберман // Государственная власть и местное самоуправление. – 2022. – № 7. – С. 7-9. – DOI 10.18572/1813-1247-2022-7-7-9. – EDN LYPXRK.
29. Шеншин, В. М. Войска национальной гвардии Российской Федерации - субъект стратегического планирования / В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 6. – С. 142-146. – DOI 10.24412/2073-0454-2024-6-142-146. – EDN AHYUMC.

References:

1. Alekseev S.S. Theory of law. Moscow: Norma, 1998. 320 p.
2. Aksenov I.S. Features of the correlation of the concepts of "national sovereignty", "national sovereignty" and "state sovereignty" // Synergy of Sciences. - 2024. - No. 12.- pp.39-45.
3. Baglay M.V. Constitutional law of the Russian Federation: textbook. 14th ed., ed. and add., Moscow: Norma: INFRA-M, 2025. 890 p
4. Bondarenko E.A. National sovereignty and security in the context of hybrid threats and wars // Legal support of Russia's sovereignty. - 2023. - pp. 45-58.
5. Dobrynin N.M. National sovereignty and state sovereignty: critical reflection // State and Law. 2019. No. 7. pp. 30-42.
6. Karimova M.A. The concept of national independence and state sovereignty // Actual problems of the humanities and natural sciences. 2015. No. 10-1. pp. 125-127.
7. Kudryavtsev V.N. National interests and the main political forces of modern Russia. Moscow: Nauka, 2004. 198 p
8. Merzlikin N.V. Sovereignty in the perception of Russian civil society // Bulletin of the Russian Academy of Sciences, 2025, vol. 95, No. 6, pp. 601-610.
9. Osipov I.V. Sovereignty as a symbol of the unity of the Russian state // Civil Service. - 2021. - No. 4. - pp. 45-49.
10. Sergeev Yu.A. State sovereignty in the context of globalization // Legal science and practice. - 2023. - No. 4. - pp. 112-118.
11. Solovyov E.G. Ambitions of superpower and constants of sovereignty // Political Science. - 2013. - No. 2. - pp. 134-145.
12. Khudolei D.M. Sovereignty or autonomy? // Constitutional and municipal law. - 2011. - No. 15. - pp. 25-30.
13. Chernyak L.Yu. On the correlation of state, national and national sovereignty // Siberian Law Bulletin. 2006. No. 3. pp. 15-17.
14. Shenshin, V. M. On ensuring the internal sovereignty of the Russian Federation by the Rosgvardiya / V. M. Shenshin // Modern Society and law. – 2023. – № 1(62). – Pp. 14-19. – EDN GTDFAK.
15. Greshnykh, A. A. On some trends in the development of Russian law aimed at protecting the sovereignty and territorial integrity of the Russian Federation / A. A. Greshnykh, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // State power and local self-government. – 2021. – No. 5. – pp. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.
16. Greshnykh, A. A. The mechanism of legal regulation of regional public security in the North-West of Russia as a factor of ensuring national security / A. A. Greshnykh, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 2. – pp. 14-19. – DOI 10.24412/2073-0454-2021-2-14-19. – EDN AOSFJA.
17. Kogut, V. G. Scenario of further integration of the Union state / V. G. Kogut, Ya. M. Pogadaeva, V. M. Shenshin // Legal science: history and modernity. – 2022. – No. 9. – pp. 146-154. – EDN KPIMRC.
18. Kogut, V. G. The main trends in the development of the military-political situation around the Union State of Belarus and Russia in the context of its impact on the state of national security in the military sphere / V. G. Kogut, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2024. – № 5(322). – Pp. 83-88. – EDN XDNFEC.
19. Grigonis, V. P. Constitutional amendments adopted in 2020 as a factor increasing the security of the state / V. P. Grigonis, N. Y. Nemova // Right. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 3(56). – Pp. 39-44. – EDN KEWNXE.
20. Shenshin, V. M. On the role of the troops of the National Guard of the Russian Federation in the field of migration policy in carrying out tasks to protect public order and ensure public safety / V. M. Shenshin // Law and the state: theory and practice. – 2024. – № 9(237). – Pp. 39-43. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_9_39. – EDN DEJMKX.
21. Shenshin, V. M. Improving migration legislation is an important area of ensuring public safety in Russia / V. M. Shenshin // Law and the state: theory and practice. – 2025. – No. 4. – PP. 257-260. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_257. – EDN URKOCP.
22. Shenshin, V. M. The implementation by the troops of the National Guard of the Russian Federation of the tasks assigned to them by legislation in the field of ensuring migration policy / V. M. Shenshin // Migration law. – 2024. – No. 1. – pp. 8-11. – DOI 10.18572/2071-1182-2024-1-8-11. – EDN CEJWFN.
23. Shenshin, V. M. Troops of the National Guard and migration policy of Russia / V. M. Shenshin // Migration law. – 2023. – No. 3. – pp. 27-30. – DOI 10.18572/2071-1182-2023-3-27-30. – EDN OGZAEO.
24. Shenshin, V. M. On the insufficiency of the powers of the Rosgvardiya to organize the participation of National Guard troops in the fight against terrorism and extremism while ensuring public safety / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2025. – № 7(336). – Pp. 123-128. – EDN BFMOHD.
25. Shenshin, V. M. Organizational and legal aspects of the mechanism of countering extremist activity by the Federal Customs Service in the Russian Federation / V. M. Shenshin, I. S. Nazarova // Law and the State: theory and practice. – 2024. – № 2(230). – Pp. 55-58. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_2_55. – EDN QJESVG.
26. Shenshin, V. M. Cybercrime as a threat to the information security of the Russian Federation / V. M. Shenshin, V. Y. Yuryeva, I. V. Kuskova // Law and the State: theory and practice. – 2025. – No. 1. – pp. 255-258. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_1_255. – EDN YNCDXM.
27. Utkin, N. I. Digital transformation of departmental universities: harmonization of the regulatory framework for information security / N. I. Utkin, V. M. Shenshin, A.V. Shestakov // Law. Safety. Emergency situations. – 2024. – № 4(65). – Pp. 91-110. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-2024-4-91-110. – EDN FBMFIM.
28. Prudnikova, L. B. Information and information security as attributes of civil society (a brief overview of the relationship) / L. B. Prudnikova, V. M. Shenshin, N. S. Gleiberman // State power and local self-government. – 2022. – No. 7. – Pp. 7-9. – DOI 10.18572/1813-1247-2022-7-7-9. – EDN LYPXRK.
29. Shenshin, V. M. Troops of the National Guard of the Russian Federation - a subject of strategic planning / V. M. Shenshin // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 6. – pp. 142-146. – DOI 10.24412/2073-0454-2024-6-142-146. – EDN AHYUMC.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_513

УДК 340.11+342.5+004

МАШИННОЕ ОБУЧЕНИЕ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И АНАЛОГИИ В СФЕРЕ ПСИХОЛОГИИ

MACHINE LEARNING OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS FOR USE IN LAW ENFORCEMENT. PHILOSOPHICAL PROBLEMS AND ANALOGIES IN THE FIELD OF PSYCHOLOGY

МАКОВСКАЯ Полина Николаевна
Стажер адвоката, Ростовская областная Коллегия адвокатов «Бизнес и право»
344003, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Лермонтовская 94/96.
E-mail: rostov.niks7@yandex.ru

MAKOVSKAYA Polina Nikolaevna
Advocate's intern, Rostov regional Collegium of advocates «Business and Law».
344003, Russia, Rostov-on-Don, Lermontovskaya Street 94/96.
E-mail: rostov.niks7@yandex.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена философскому взгляду на проблемы машинного обучения систем искусственного интеллекта, предназначенных для их использования в области правоприменения. Обсуждаются сложности практической реализации итерационной self-refine методологии машинного обучения и приводятся соответствующие аналогии из сферы психологии познания. Отмечается, что для эффективного функционирования системе искусственного интеллекта не так важна правосубъектность, как фактическое обладание свойством самоидентификации и проявления совместной с человеком интенциональности. Делается вывод о целесообразности сохранения за системой искусственного интеллекта статуса инструмента, для повышения точности которого необходимо использование высокоранговых обучающих данных с целью демпфирования вероятного когнитивного диссонанса системы.*

Abstract: *The article is devoted to a philosophical view of the problems of machine learning of artificial intelligence systems intended for their use in the field of law enforcement. The difficulties of the practical implementation of the iterative self-refine methodology of machine learning are discussed and relevant analogies from the field of cognitive psychology are given. It is noted that for the effective functioning of an artificial intelligence system, legal personality is not as important as the actual possession of the property of self-identification and manifestation of joint intentionality with a human. The article concludes that it is advisable to maintain the status of an instrument for the artificial intelligence system, which requires the use of high-ranking training data to improve its accuracy and mitigate potential cognitive dissonance.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, правоприменение, машинное обучение, философские проблемы, психология, когнитивный диссонанс*

Keywords: *artificial intelligence, law enforcement, machine learning, philosophical problems, psychology, cognitive dissonance*

Для цитирования: *Маковская П.Н. Машинное обучение систем искусственного интеллекта для использования в правоприменении. Философские проблемы и аналогии в сфере психологии // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 513-517. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_513.*

For citation*: Makovskaya P.N. Machine learning of artificial intelligence systems for use in law enforcement. Philosophical problems and analogies in the field of psychology // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 513-517. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_513.*

Статья поступила в редакцию: 14.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Стремительное внедрение систем искусственного интеллекта (ИИ) во все сферы общественной жизни, в том числе, такие критичные, как правоприменение, делает актуальным вопрос о моделях и алгоритмах машинного обучения систем ИИ, поскольку именно характер обучения во многом определяет конечную результативность систем ИИ.

Действующий государственный стандарт ГОСТ Р 71476-2024 «Искусственный интеллект. Концепция и терминология искусственного интеллекта» [1] предусматривает следующие основные алгоритмы машинного обучения:

- обучение с подкреплением (reinforcement learning) [1, п. 3.3.9], то есть нахождение оптимальной последовательности действий для максимизации поощрения системе ИИ через ее взаимодействие с окружением, откликом которого являются сигналы подкрепления;

- обучение с учителем, контролируемое обучение (supervised machine learning) [1, п. 3.3.12], то есть машинное обучение, при котором в процессе обучения используются только размеченные данные;

- обучение без учителя, неконтролируемое обучение (unsupervised machine learning) [1, п. 3.3.17], то есть машинное обучение, при котором в процессе обучения используются только неразмеченные данные.

Независимо от конкретного способа машинного обучения, непременной его особенностью является чрезвычайно большой объем обучающих данных [2]. Можно сказать, что именно статистическая обработка информации является главной чертой обучения ИИ.

При этом максимизация объема обучающих данных порождает проблему, которая в предельно гипертрофированном виде применительно к обучению ИИ может быть сформулирована так [3]: что делать с обучением ИИ, когда обучающие данные в интернете закончатся? В качестве возможного решения для такой ситуации специалисты называют синтетический способ, при котором ИИ будут частично использовать для обучения собственные выходные данные (self-refine) [3]. В ставшей классической статье [4], посвященной self-refine методологии обучения ИИ, говорится о практически 20% улучшении качества выходных данных ИИ после применения такой итерационной процедуры.

Анализ показывает, что метод самообучения систем ИИ на основе итерационного алгоритма, имеет ряд весьма серьезных недостатков и ограничений.

Во-первых, система ИИ по естественным причинам не может достаточно объективно оценивать качество своего первоначального ответа,

что может привести к накоплению ошибок и ухудшения точности после нескольких итераций. Надо заметить, что проблема размножения ошибок (вместо их исправления) при превышении шумовым сигналом некоторого порогового уровня, вообще является общей для цифровых систем обработки информации, в том числе сверточных декодеров с обратными связями, исправляющих ошибки [5]. Специфическая проблема снижения точности при выполнении итерационных процедур в процессе обучения ИИ получила название само-предвзятости (self-bias) и была описана в работе [6].

Во-вторых, по мере увеличения количества итераций самокоррекции, если при этом не происходит размножения ошибок, система ИИ становится более «самоуверенной» в своих ответах, даже если фактически они не становятся более точными [7].

В статье [8] отмечается аналогия между итерациями самокоррекции систем ИИ и хорошо известным в психологии явлением рефлексий человека [9], [10], которое традиционно понимается как способность «мыслить о наших мыслях» и противопоставляется ощущениям и чувственному восприятию человека [11]. Противопоставление первичного, чувственного знания и вторичного, рационального знания было закреплено в учении английского философа XVII века Джона Локка, который в связи с этим различал два вида опыта: внешний, то есть, чувственный и внутренний, то есть, рефлексивный. Джон Локк в своем основном философском сочинении «Опыт о человеческом разумении», излагающем систему его эмпирической эпистемологии, писал: «Все идеи приходят от ощущения или рефлексии. … Наше наблюдение, направленное или на внешние ощущаемые предметы, или на внутренние действия нашего ума, которые мы сами воспринимаем и о которых мы сами размышляем, доставляет нашему разуму весь материал мышления» [12].

Следует отметить: постулаты Локка о том, что ум рожденного человека представляет собой *tabula rasa* (то есть, «чистую доску»), а люди рождаются без врожденных идей, вполне соответствуют гносеологии ИИ, который к моменту начала его обучения, то есть, «постижения» мира, действительно представляет из себя практически *tabula rasa*. Аналогичного гносеологического тезиса о том, что человеческий индивид появляется на свет как «чистая доска», то есть, без встроенного умственного содержания, придерживались такие философы, как Авиценна и Фома Аквинский.

Вместе с тем, более тонкий философский анализ показывает, что даже если данные, содержащиеся в ИИ, действительно представляют из себя пустое множество, онтология такого ИИ все же не соответствует истинному духу *tabula rasa,* поскольку даже до начала обучения у ИИ уже имеется встроенная предвзятость, детерминируемая встроенными алгоритмами машинного обучения [1, п. 3.3.6] и моделями машинного обучения [1, п. 3.3.8].

Таким образом, мы должны отметить, что несмотря на технологические усовершенствования, онтология даже «пустого» ИИ отличается от «человеческой», которая является естественной для биологической природы.

Вернемся к существу итерационной методологии self-refine обучения ИИ. Исследователи отмечают, что эту методологию во многом можно описать «теорией двух систем» человеческой гносеологии [13], в соответствии с которой человеческое познание осуществляется при взаимодействии двух виртуальных Систем в мозге человека, при этом Система 1 работает быстро, автоматически и интуитивно, позволяя принимать решения с минимальными усилиями, а Система 2 работает медленнее, но более осознанно и аналитично.

Следует отметить, что в статье [8], где описываются варианты реализации итерационной методологии self-refine, отмечаются сложности с оценкой эффективности от применения такой методологии по отношению к тем задачам, где «правильный» ответ заранее не определен. Для четких формальных задач с заранее известным правильным ответом эффективность от применения любой технологии оптимизации работы системы ИИ, в том числе, методологии self-refine, может быть оценена как отношение вероятности достижения правильного ответа (за некоторое число попыток) до и после усовершенствования. Эквивалентно этому, эффективность модификации способа обучения системы ИИ может быть рассчитана также как процент снижения среднего времени достижения правильного ответа в однотипных задачах с заранее известным верным решением. Для задач этого класса существуют хорошо разработанные системы оценок, такие как PRMbench [14], OpenCompass [15] и LMMs-Eval [16].

Для тех задач, где «правильный» ответ не известен (а иногда может вообще не существовать), оценка приращения эффективности системы ИИ от модификации методологии ее обучения представляет собой сложную проблему. При этом нужно особо подчеркнуть, что в сфере правоприменения именно такие задачи, содержащие трудноформализуемые параметры, делающими неочевидным и дискуссионным предлагаемое решение как верное, и составляют большинство прикладных задач. К факторам, делающим «правильный» ответ вероятностным и нечетким, следует отнести определенную эластичность «писаного» права, связанную как с наличием в праве оценочных неформализуемых понятий типа «добросовестность», «должная осмотрительность», «уважительные причины» и множества других [17] - [21], так и с необходимостью герменевтического прочтения правовых установок в контекстном применении к конкретной правовой ситуации [22].

Оценочные понятия дают возможность при правоприменении осуществлять свободную оценку фактов, учитывать индивидуально-специфические особенности конкретного случая, что позволяет обеспечивать единообразное понимание права за счет придания ему последовательности и завершенности [19].

Как отмечается в работе [19], «оценочные понятия права – это детально не разъясняемые законодателем и обобщающие в себе наиболее общие типичные признаки определенных правозначимых явлений понятия права, конкретизация которых осуществляется путем оценки в рамках конкретной правоприменительной ситуации на основе усмотрения».

Следовательно, как для понимания и применения оценочных понятий права [17] - [21], так и для прорыва через «герменевтический круг, в котором норма является частью, а контекст нормы (принципы отрасли) целым» [22], правоприменителю требуется выход за рамки частно-научной юридической специфики, что является практически нереализуемым для ИИ, коль скоро его обучение зацикливается в рамках узкоспециализированных обучающих данных.

В исследовании [23] отмечаются три причины, по которым целесообразно отказаться (если бы даже таковая возможность была) от субъ-

ектности ИИ. Первая причина состоит в том, что в субъектности ИИ нет функциональной необходимости. Вторая причина состоит в том, что у ИИ, обладающего субъектностью, возможно наличие потребностей, которые будут входить в конфликт с человеческими потребностями. Третья причина состоит в необходимости сохранения за человеком ведущей роли в цивилизации как инициатора (актора) всех значимых процессов познания мира.

При этом в работе [23] подчеркивается, что для осуществления эффективного функционирования (реализации познавательной и созидательной деятельности), искусственному интеллекту, как и любой другой когнитивной системе, не требуется субъектность, однако ему необходимо самосознание, в основе которого лежит способность отделять себя как субъект познания от объектов познания, то есть, от остального мира. Центральным атрибутом самосознания является определение его границ посредством локализации носителя самосознания в многомерном пространстве внешнего мира [24] (в том числе, в привычном нам трехмерном геометрическом пространстве). Очевидно, что любая оптимизированная процедура обучения ИИ не приводит к улучшению его локализации в обычном мире при отсутствии сенсоров соответствующей модальности, сходных с человеческими органами чувств. В качестве примера несложной искусственной когнитивной системы, обладающей «самосознанием» (в интерпретации отделять себя от остального мира), в статье [23] приводится система автопарковки автомобиля, способная отделять свой автомобиль от других и определять свое положение в пространстве относительно других автомобилей и места парковки. Автор настоящей статьи полагает, что при этом вместо термина «самосознание» уместнее было бы использовать термин «самоидентификация» (self-identity), но это не меняет существа проблемы по отношению к ИИ: никакой искусственный интеллект не обладает набором антропоморфных сенсоров, позволяющих ему осуществлять самодентификацию и на этой основе производить виртуальное отделение себя от остальной части действительности, тем более, в многомерном пространстве физической реальности.

Интерпретация субъект-объектных отношений, в основе которой лежит противопоставление субъекта и объекта познания, носит название гносеологической. Гносеологическая интерпретация субъект-объектных отношений принимается в рамках картезианства (Р.Декарт) и классической (И.Кант) гносеологии. Альтернативной интерпретацией субъект-объектных отношений, отождествляющей бытие и сознание, является онтологическая интерпретация (Г.Гегель).

Следует отметить, что независимо от принимаемой интерпретации субъект-объектных отношений (гносеологической или онтологической), существующие подходы к обучению искусственного интеллекта на основании статистической обработки большого объема обучающих данных применительно к решению креативных задач, заведомо являются неэффективными, поскольку в основе творческого подхода лежит неосознанное использование свойства изоморфизма мира, являющегося выражением его целостности.

Подчеркнем, что естественный (человеческий) интеллект не использует методологию больших данных, тяготея к целостному, по существу метафизическому представлению мира. При этом здоровый человеческий интеллект не ищет тренды и корреляцию данных в окружающем мире. «Более того, фиксация мышления на поиске связей (часто несуществующих) часто является свидетельством психического расстройства (депрессия, шизофрения, бред и т.д.). Здоровый человеческий интеллект ищет не тренды, а смыслы» [25].

При этом успешность человека как сознающей и творческой системы, определяется его интегрированностью в несепарабельную реальность, в силу чего человеку доступно понимание целостности мира, проявляющееся, в том числе, в виде интуиции и креативных озарений. Кроме того, интеграция человеческого интеллекта в мир не является пассивной, она реализуется через множество механизмов обратных связей, как положительных, так и отрицательных, что является недоступным для ИИ.

Рассмотрим обсуждаемую self-refine итерационную методологию обучения ИИ с точки зрения построения знаковой картины мира некоторым субъектом, который применительно к этой ситуации в работе [26] назван интеллектуальным агентом. Понятно, что под интеллектуальным агентом можно подразумевать как человека, так и агента ИИ, то есть, систему ИИ с достаточной степенью самоидентификации (self-identity), как было описано выше.

Знаковая картина мира, в соответствии с логикой статьи [26] понимается как результат концептуализации результатов опредмечивания в опытах, фиксирующих конкретные события, самых общих и онтогенетически ранних образов реальности. При этом представление о мире в виде знаковой картины мира имеет строение в виде трех уровней [26]: уровень мироощущения, где образы имеют амодальный (внесенсорный) и аффективный характер; уровень концептуальных представлений; уровень перцептивных представлений (где участвуют физические раздражители и органы чувств).

Если применять описанную в статье [26] трехуровневую знаковую картину мира к предметной области права, то можно сказать, что верхний уровень соответствует подсознательному пониманию «правильности» устройства Вселенной; второй уровень соответствует пониманию справедливости социума и государства; третий уровень соответствует ежедневным жизненным ситуациям, как бытовым, так и правовым.

Таким образом, выработка человеком юридически значимого решения в любой ситуации предполагает не только поиск на уровне предметных и концептуальных знаний (включая, конечно, буквальное толкование «писаного» права), но и осмысление возможных исходов ситуации в контексте Закона Божьего и соотнесение этих исходов с умопонимаемым «смыслом жизни» и бытия Космоса.

В последнем случае, как отмечается в анализируемой статье, так или иначе человек задается вопросами о смысле категории Я: «я-то кто в этой ситуации? кем я оказываюсь, если делаю одно и не делаю другое? кем я стану, когда эта проблема разрешится?» [26]. И если с обработкой информации на третьем и втором уровнях трехуровневой знаковой картины мира ИИ справляется достаточно эффективно (особенно на втором, концептуальном уровне, где «живут» структурированные данные, тексты законов, информация из сети Интернет и т.д.), то совершенно плохо обстоит дело с обработкой информации на верхнем уровне, где главенствуют категории смыслов.

Понятно, что для полного использования описанной выше знаковой картины мира, интеллектуальный агент должен обладать адекват-

ным сознанием. При этом в работе [26] можно прочитать принципиальное положение: «культурно-исторический подход в этом отношении категоричен - сознание не только возникает в антропогенезе в особом виде совместной деятельности – в труде, но и в жизни отдельного индивида его основы закладываются в диадическом общении «мать-дитя»». В этой статье говорится о результатах более чем столетних работ в области обучения языку детенышей шимпанзе. Обсуждая последние опыты, выполненные американским психологом и лингвистом М.Томаселло, автор статьи [26] пишет: «ребенок, в отличие от детеныша шимпанзе, стремится занять позицию партнера взрослого, делать что-то вместе с ним, помогать ему. Молодые шимпанзе, даже выучив словарный запас 2,5-летнего ребенка и овладев грамматикой, позволяющей строить простые предложения, не в состоянии двинуться дальше и перейти к управлению собой на основе опосредствования своих действий мини-инструкциями, как это делает ребенок в 2 - 2,5 года».

В статье [27] этот же взгляд на формирование сознания дополняется требованием проявления совместной интенциональности, то есть группового когнитивного приобщения к ситуации, с удержанием общего фокуса внимания, что приводит к проявлению понятия «мы», недоступного для ИИ. В дальнейшем групповые когнитивные действия приводят к формированию таких моральных чувств, как стыд и гордость. В исследовании [27] говорится, что гордость означает у людей не только и не столько победу в схватке и силовое преимущество, сколько «моральную силу» по Э.Дюркгейму: чувство правомерности своего поведения и оправданность своего высокого социального членства в группе «мы». Излишним, наверное, говорить о недоступности таких проявлений стыда или гордости искусственным интеллектом.

В этом смысле ИИ после его обучения похож на обученную обезъяну: он «знает» огромное множество текстов нормативных актов и может находить их корреляции с гигантским объемом разнородной информации из Интернета и иных источников, но он не может присоединиться к целям человека-партнера, не может сформировать в «сознании» понятие «мы» и не может проявлять чувства стыда или гордости. В человеческом обществе пагубные последствия дефекта социальности в виде неспособности присоединения личного опыта к общему наблюдаются также при детском аутизме, шизофрении и иных патологических явлениях в психике.

Интересно отметить, что российский философ А.Н.Павленко несколько лет тому назад ввел в своих статьях синтетический термин «цивилизьяна», соединив вместе термины «цивилизация» и «обезъяна», тем самым подчеркивая риск антропологического вырождения человечества при неограниченной власти мегамашин (в первую очередь, разумеется, ИИ).

Таким образом, не следует пытаться наделять ИИ (даже после его обучения по итерационной self-refine методологии) свойствами самостоятельного партнера человека, осознающего и воплощающего в реальности категорию «мы». ИИ был и остается инструментом, другое дело, что оптимизированная методология обучения self-refine позволяет человеку получить более совершенный инструмент, с повышенной точностью. С учетом существования у ИИ как инструментально-информационной системы описанной выше знаковой картины мира (пусть и в несовершенном виде), для уменьшения возможного «когнитивного диссонанса» (который в знаковой картине мира выражается как уменьшение ее цельности и связанности за счет противоречий между отдельными элементами), следует в процессе обучения ограждать ИИ от информации, нарушающей внутреннюю непротиворечивость знаковой картины мира. В статье [26] в качестве достаточно образного примера говорится, что для ИИ, работающего с данными о физической реальности, недопустимо приобретение «знаний» о трех китах, обеспечивающих устойчивость земной тверди.

Поскольку степень внутренней непротиворечивости такой картины мира в ИИ может быть оценена только после обучения ИИ на огромном массиве данных, автор настоящей статьи предлагает предусмотреть механизм использования дополнительных высокоранговых обучающих данных (имеющих директивное, приоритетное значение), в целях демпфирования вероятного когнитивного диссонанса ИИ (для которых следует использовать понятие «обучающие данные ДВКД»).

Дополнительным аргументом в пользу того, что ИИ принципиально не способен быть самостоятельным актором, является следующий. Как известно, для живого организма именно механизм самочувствия, то есть недифференцированного переживания себя как деятеля [26] является основой энергетизации поведения при решении любой жизненной проблемы. Так или иначе, но баланс энергии и собственные ресурсы человек оценивает и при принятии правовых действий. Очевидно, что ИИ не может (и не должен даже при наличии такой технической возможности) оценивать параметр своей энергии и учитывать остаточное количество своего ресурса (говоря техническим языком, остаточного моторесурса) при выборе того, на что ему направлять свои усилия. В противном случае (при разрешении ИИ учитывать отработку своего времени), ИИ основную часть времени будет проводить в ненапряженном, дежурном режиме в целях продления времени своей работы, вместо интенсивного решения задач, предоставленных человеком.

В заключение заметим, что даже в той области, где ИИ непосредственно не влияет на нравственный выбор человека в конкретной правовой ситуации, специалисты оценивают роль ИИ как весомую, но второстепенную. Так, в статьях [28], [29], посвященных использованию ИИ в инновационных образовательных практиках, отмечается, что несмотря на эффективность применения ИИ в образовательном процессе, представляется маловероятным и нереалистичным, что ИИ может полностью заменить «человеческое обучение», которое сохраняет свою высокую значимость в эпоху цифровых машин. Хотя ИИ способен эффективно передавать знания, но формирование у обучаемых характера, воспитание просоциального поведения, этических и моральных норм, основанных на любви и привязанности, по-прежнему остаются непосильной задачей для ИИ [29].

Таким образом, философский взгляд на проблемы машинного обучения систем ИИ, предназначенных для их использования в области правоприменения, позволяет сделать следующие выводы. Техническими специалистами в области проектирования систем ИИ рассматривается как достаточно эффективный способ улучшения качества ответов ИИ итерационная процедура self-refine, при которой для дообучения системы ИИ используются собственные выходные данные этой системы. Методологические недостатки такого способа оптимизации обучения заключаются в проблемах само-предвзятости, размножения ошибок при большом уровне шумовой информации и отрицательной «самоуверенности» системы ИИ. При этом алгоритмы и модели машинного обучения ИИ еще до обучения не позволяют реализоваться истинному духу *tabula rasa,* предполагающему

отсутствие инсталлированного предубеждения. Оценка приращения эффективности систем ИИ (после оптимизации методологии обучения) является трудной задачей, особенно в сфере правоприменения, где может отсутствовать наперед заданный «правильный» ответ в силу существования нечетких оценочных понятий и необходимости контекстного, ситуативного применения правовых норм. Использование аналогий психологии познания человека, с использованием трехуровневой знаковой картины мира, позволяет закрепить понимание того, что система ИИ должна восприниматься как инструмент, который в силу, с одной стороны, отсутствия вероятности проявлений интенциональности объекта «мы», а, с другой стороны, склонностью к галлюцинациям, должен в процессе обучения получать дополнительную директивную высокоприоритетную информацию о нормах (как писаного, так и не писаного права) в качестве обучающих данных для демпфирования вероятного когнитивного диссонанса (ДВКД).

Список литературы:

1. ГОСТ Р 71476-2024 «Искусственный интеллект. Концепция и терминология искусственного интеллекта».
2. Кузьминов Ш.Ф., Кузьмин Г.Н. Классы больших данных и их применимость для задач стратегического анализа // Искусственный интеллект и принятие решений, 2025, № 3, стр. 60 - 74.
3. Гаврилов Д. Сам себе режиссер: что делать с обучением ИИ, когда данные в интернете закончатся. 16 июля 2024 // www.forbes.ru/tekhnologii/516877.
4. Madaan A., et al. Self-Refine: Iterative Refinement with Self-Feedback // https://arxiv.org/pdf/2303.17651.
5. Хмельков А.Н., Минеев В.А. Помехоустойчивое кодирование в цифровых системах связи. - М.: Горячая Линия - Телеком, 2025, 390 с.
6. Pan L., et al. Automatically Correcting Large Language Models: Surveying the Landscape of Diverse Self-Correction Strategies // https://arxiv.org/pdf/2308.03188.
7. Huang L., et al. Beyond Accuracy: The Role of Calibration in Self-Improving Large Language Models // https://arxiv.org/pdf/2504.02902.
8. Li Z., et al. From System 1 to System 2: A Survey of Reasoning Large Language Models // https://arxiv.org/pdf/2502.17419.
9. Ескина С.А. Онтологические интенции понимания рефлексии в классической философии // Общество: философия, история, культура, 2022, № 6, с. 94-99.
10. Карпов А.В., Скитяева И.М. Психология рефлексии. – Ярославль: Аверс Пресс, 2001, 203 с.
11. Беляков М.А. К поискам общего основания многообразия подходов к изучению рефлексии в психологии // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования, 2024, № 2, стр. 50 - 63.
12. Локк Д. Опыт о человеческом разумении. – М.: Азбука, 2022, 864 с.
13. Kahneman D. Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics // American Economic Review, 2003, No 5, pp. 1449 - 1475.
14. Song M., et al. PRMbench: A Fine-grained and Challenging Benchmark for Process-level Reward Models // https://arxiv.org/pdf/2501.03124.
15. OpenCompass: A Universal Evaluation Platform for Foundation Models, 2023 // https://github.com/opencompass.
16. Zhang K. LMMs-Eval: Reality Check on the Evaluation of Large Multimodal Models // https://arxiv.org/pdf/2407.12772.
17. Есиева Ф.К., Газзаева М.Т. Оценочные категории в гражданском праве // Вопросы российского и международного права, 2022, № 2А, стр. 116 - 124.
18. Беседкина Н.И. Понятие «разумность» как оценочная категория в теории права // Право и жизнь, 2019, № 1, стр. 66 - 78.
19. Белоусова К.А., Беляева Г.С., Умарова М.А. Понятие и сущность оценочных категорий в праве // Право и государство: теория и практика, 2020, № 8, стр. 59 - 62.
20. Мураев П.П., Миликова А.В. Оценочные категории в теории и практике материального и процессуального права // Правовая парадигма, 2019, № 2, стр. 30 - 34.
21. Игнатенко В.В. Внеправовые особенности оценочных понятий в праве: теоретико-правовой подход // Философия права, 2025, № 2, стр. 29 – 38.
22. Овчинников А.И., Хакимов И.А. Правоприменение, искусственный интеллект и контекстуальное значение принципов права // Юридическая техника, 2020, № 14, стр. 481 – 484.
23. Грибков А.А. Несубъектный искусственный интеллект в системе субъект-объектных отношений // Философская мысль, 2024, № 5, стр. 11 - 21.
24. Грибков А.А., Зеленский А.А. Определение сознания, самосознания и субъектности в рамках информационной концепции // Философия и культура, 2023, № 12, стр. 1 - 14.
25. Грибков А.А., Зеленский А.А. Общая теория систем и креативный искусственный интеллект // Философия и культура, 2023, № 11, стр. 32 - 44.
26. Чудова Н.В. Актуальные проблемы моделирования целеполагания в знаковой картине мира. Взгляд психолога // Искусственный интеллект и принятие решений, 2020, № 1, стр. 70 - 79.
27. Розов Н.С. Становление речи и сознания в антропогенезе: эволюционные драйверы и социально-психологические механизмы // Культурно-историческая психология, 2022, № 4, стр. 111 - 118.
28. Менжевицкий М.Е. Антропологическая сущность искусственного интеллекта и нейронных сетей в контексте формирования цифровых компетенций у специалистов в сфере маркетинговых коммуникаций // Современный ученый, 2025, № 7, стр. 226 - 236.
29. Итинсон К.С., Чиркова В.М. Обзор платформ электронного обучения: инструменты, преимущества, недостатки // Балтийский гуманитарный журнал, 2021, № 3, стр. 200 - 203.

References:

1. GOST R 71476-2024 «Iskusstvennyj intellekt. Koncepciya i terminologiya iskusstvennogo intellekt».
2. Kuz'minov SH.F., Kuz'min G.N. Klassy Bol'shikh Dannykh i Ikh Primenimost' Dlya Zadach Strategicheskogo Analiza // Iskusstvennyj Intellekt i Prinyatie Reshenij, 2025, № 3, str. 60 - 74.
3. Gavrilov D. Sam Sebe Rezhisser: Chto Delat' s Obucheniem II, Kogda Dannye v Internete Zakonchatsya, 16 iyulya 2024 // www.forbes.ru/tekhnologii/516877.
4. Madaan A., et al. Self-Refine: Iterative Refinement with Self-Feedback // https://arxiv.org/pdf/2303.17651.
5. Hmel'kov A.N., Mineev V.A. Pomekhoustojchivoe kodirovanie v cifrovykh sistemakh svyazi. - M.: Goryachaya Liniya - Telekom, 2025, 390 s.
6. Pan L., et al. Automatically Correcting Large Language Models: Surveying the Landscape of Diverse Self-Correction Strategies // https://arxiv.org/pdf/2308.03188.
7. Huang L., et al. Beyond Accuracy: The Role of Calibration in Self-Improving Large Language Models // https://arxiv.org/pdf/2504.02902.
8. Li Z., et al. From System 1 to System 2: A Survey of Reasoning Large Language Models // https://arxiv.org/pdf/2502.17419.
9. Eskina S.A. Ontologicheskie Intencii Ponimaniya Refleksii v Klassicheskoj Filosofii // Obshchestvo: Filosofiya, Istoriya, Kul'tura, 2022, № 6, str. 94 - 99.
10. Karpov A.V., Skityaeva I.M. Psikhologiya Refleksii. – Yaroslavl': Avers Press, 2001, 203 s.
11. Belyakov M.A. K Poiskam Obshchego Osnovaniya Mnogoobraziya Podkhodov k Izucheniyu Refleksii v Psikhologii // Nauchnyj Rezul'tat. Social'nye i Gumanitarnye Issledovaniya, 2024, № 2, str. 50 - 63.
12. Lokk D. Opyt o Chelovecheskom Razumenii. – M.: Azbuka, 2022, 864 s.
13. Kahneman D. Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics // American Economic Review, 2003, No 5, pp. 1449 - 1475.
14. Song M., et al. PRMbench: A Fine-grained and Challenging Benchmark for Process-level Reward Models // https://arxiv.org/pdf/2501.03124.
15. OpenCompass: A Universal Evaluation Platform for Foundation Models, 2023 // https://github.com/opencompass.
16. Zhang K. LMMs-Eval: Reality Check on the Evaluation of Large Multimodal Models // https://arxiv.org/pdf/2407.12772.
17. Esieva F.K., Gazzaeva M.T. Ocenochnye Kategorii v Grazhdanskom Prave // Voprosy Rossijskogo i Mezhdunarodnogo Prava, 2022, № 2A, str. 116 - 124.
18. Besedkina N.I. Ponyatie «Razumnost'» kak Ocenochnaya Kategoriya v Teorii Prava // Pravo i Zhizn', 2019, № 1, str. 66 - 78.
19. Belousova K.A., Belyaeva G.S., Umarova M.A. Ponyatie i Sushchnost' Ocenochnykh Kategorij v Prave // Pravo i Gosudarstvo: Teoriya i Praktika, 2020, № 8, str. 59-62.
20. Muraev P.P., Milikova A.V. Ocenochnye Kategorii v Teorii i Praktike Material'nogo i Processual'nogo Prava // Pravovaya Paradigma, 2019, № 2, str. 30 - 34.
21. Ignatenko V.V. Vnepravovye Osobennosti Ocenochnykh Ponyatij v Prave: Teoretiko-Pravovoj Podkhod // Filosofiya Prava, 2025, № 2, str. 29 – 38.
22. Ovchinnikov A.I., Khakimov I.A. Pravoprimenenie, Iskusstvennyj Intellekt i Kontekstual'noe Znachenie Principov Prava // Yuridicheskaya Tekhnika, 2020, № 14, str. 481 – 484.
23. Gribkov A.A. Nesub"ektnyj Iskusstvennyj Intellekt v Sisteme Sub"ekt-Ob"ektnykh Otnoshenij // Filosofskaya Mysl', 2024, № 5, str. 11 - 21.
24. Gribkov A.A., Zelenskij A.A. Opredelenie Soznaniya, Samosoznaniya i Sub"ektnosti v Ramkakh Informacionnoj Koncepcii // Filosofiya i Kul'tura, 2023, № 12, str. 1-14.
25. Gribkov A.A., Zelenskij A.A. Obshchaya Teoriya Sistem i Kreativnyj Iskusstvennyj Intellekt // Filosofiya i Kul'tura, 2023, № 11, str. 32 - 44.
26. Chudova N.V. Aktual'nye Problemy Modelirovaniya Celepolaganiya v Znakovoj Kartine Mira. Vzglyad Psikhologa // Iskusstvennyj Intellekt i Prinyatie Reshenij, 2020, № 1, str. 70 - 79.
27. Rozov N.S. Stanovlenie Rechi i Soznaniya v Antropogeneze: Ehvolyucionnye Drajvery i Social'no-Psikhologicheskie Mekhanizmy // Kul'turno-Istoricheskaya Psikhologiya, 2022, № 4, str. 111 - 118.
28. Menzhevickij M.E. Antropologicheskaya Sushchnost' Iskusstvennogo Intellekta i Nejronnykh Setej v Kontekste Formirovaniya Cifrovykh Kompetencij u Specialistov v Sfere Marketingovykh Kommunikacij // Sovremennyj Uchenyj, 2025, № 7, str. 226 - 236.
29. Itinson K.S., Chirkova V.M. Obzor Platform Ehlektronnogo Obucheniya: Instrumenty, Preimushchestva, Nedostatki // Baltijskij Gumanitarnyj Zhurnal, 2021, № 3, str. 200 - 203.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_518

УДК 34

МЕСТО УСТАВА ООН В КОНСТИТУЦИОННЫХ СИСТЕМАХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
THE PLACE OF THE UN CHARTER IN THE CONSTITUTIONAL SYSTEMS OF FOREIGN COUNTRIES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

ДАШИН Алексей Викторович
доктор юридических наук, профессор кафедры
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева
350020, Россия, г. Краснодар, ул. Красных Партизан, 234.
E-mail: avdashin@mail.ru

ГЕРАСИМЕНКО Мария Николаевна
Студент, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева.
350020, Россия, г. Краснодар, ул. Красных Партизан, 234.
E-mail: proff-mast@mail.ru

DASHIN Alexey Viktorovich
Doctor of Law, Professor of the Department North Caucasus branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev.
Krasnodar, Krasnye Partizan street, 234, index 350020
E-mail: avdashin@mail.ru

GERASIMENKO Maria Nikolaevna
Student North Caucasus branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev.
Krasnodar, Krasnye Partizan street, 234, index 350020
E-mail: proff-mast@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье проводится комплексный анализ проблемы соотношения международного и национального права, фокусируясь на уникальном статусе Устава Организации Объединенных Наций. На основе сравнительно-правового метода автор детально исследует воплощение «монистической» и «дуалистической» доктрин в конституционном праве и судебной практике ключевых зарубежных государств. Особое внимание уделяется юридической силе положений Устава ООН и, в частности, обязательных резолюций Совета Безопасности ООН в свете императивной нормы статьи 103 Устава. Подробно рассматриваются правовые механизмы инкорпорации, судебный конституционный контроль в отношении международных обязательств, а также возникающие коллизии, особенно в сфере защиты прав человека [1]. На основе изучения широкого круга источников делается вывод о формировании в современном конституционализме гибридной модели, которая, отходя от классических дуализма и монизма, стремится к практическому балансу между верховенством национальной конституции и необходимостью интеграции в международный правопорядок, где Устав ООН играет системообразующую роль.*

Abstract: *The article provides a comprehensive analysis of the problem of the relationship between international and national law, focusing on the unique status of the Charter of the United Nations. Based on the comparative legal method, the author examines in detail the implementation of "monistic" and "dualistic" doctrines in the constitutional law and judicial practice of key foreign countries. Special attention is paid to the legal force of the provisions of the UN Charter and, in particular, the binding resolutions of the UN Security Council in the light of the peremptory norm of Article 103 of the Charter. The legal mechanisms of incorporation, judicial constitutional control over international obligations, as well as emerging conflicts, especially in the field of human rights protection, are discussed in detail. Based on the study of a wide range of sources, it is concluded that a hybrid model has been formed in modern constitutionalism, which, moving away from classical dualism and monism, seeks a practical balance between the supremacy of the national constitution and the need to integrate into the international legal order, where the UN Charter plays a system-building role.*

Ключевые слова: *конституционное право, международное право, Устав ООН, монизм, дуализм, конституционный суверенитет, статья 103 Устава ООН, Совет Безопасности ООН, сравнительный подход, имплементация, судебный контроль, гибридная модель.*

Keywords: *constitutional law, international law, UN Charter, monism, dualism, constitutional sovereignty, Article 103 of the UN Charter, UN Security Council, comparative approach, implementation, judicial review, hybrid model.*

Для цитирования: *Дашин А.В., Герасименко М.Н. Место устава ООН в конституционных системах зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 518-520. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_518.*

For citation*: Dashin A.V., Gerasimenko M.N. The place of the UN Charter in the constitutional systems of foreign countries: comparative legal analysis // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 518-520. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_518.*

Статья поступила в редакцию: 20.10.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Актуальность исследования взаимодействия международного и внутригосударственного права в условиях современности обусловлена его центральной ролью в переосмыслении классических парадигм государственного суверенитета. Такие глобальные вызовы, как транснациональный терроризм, климатические кризисы и пандемии, стимулируют экспансию международно-правового регулирования, заставляя национальные правовые системы искать эффективные механизмы рецепции внешних норм. В этом процессе Устав Организации Объединенных Наций занимает особое место, выступая не просто в роли учредительного акта, но и претендуя, в силу ст. 103, на статус «конституционного документа» глобального сообщества. Эта его уникальная юридическая сила делает Устав ООН ключевым объектом для анализа того, как международные нормы инфильтруются в национальные правовые поля.

Целью настоящего исследования является проведение сравнительно-правового анализа позиций Устава ООН в конституционных системах различных государств с выявлением универсальных тенденций и национально-специфических паттернов его имплементации. Для её достижения поставлен ряд задач:

1. Провести деконструкцию теоретико-правового противостояния монистической и дуалистической доктрин, выявив их современные модификации.

2. Исследовать на конкретных примерах (Нидерланды, Франция, Германия, США, Великобритания) конституционные механизмы и судебную практику, опосредующие взаимодействие с международным правом.

3. Проанализировать практические коллизии, возникающие при имплементации решений Совета Безопасности ООН, и ответные реакции национальных и наднациональных судебных институтов.

4. На основе проведенного анализа выявить формирующуюся глобальную тенденцию и спрогнозировать возможные векторы развития конституционно-правовых моделей интеграции Устава ООН.

Методологический каркас исследования образуют сравнительно-правовой, формально-юридический и историко-правовой методы, позволяющие рассмотреть проблему в диахроническом и синхроническом срезах.

Теоретической основой для любого анализа соотношения правовых систем традиционно служит дихотомия «монизм – дуализм».

Дуалистическая концепция, ассоциирующаяся с именами Генриха Трипеля и Дионисио Анцилотти, исходит из постулата о фундаментальной разнородности и автономности международного и внутригосударственного права. С этой точки зрения, это два независимых, хотя и сообщающихся, правовых порядка. Логическим следствием дуализма является доктрина трансформации: для того чтобы международная норма (договор или обычай) породила права и обязанности для субъектов национального права и могла применяться его органами, она должна быть легитимирована через специальный внутригосударственный правовой акт (закон, указ). Без такой «национальной ратификации» международное обязательство остается в сфере межгосударственных отношений.

Монистическая доктрина, главным апологетом которой был Ганс Кельзен [2], напротив, утверждает структурное единство всей правовой материи. В рамках монизма выделяются два направления: с приматом международного права и, что является скорее правовым казусом, с приматом права национального. Для первой, доминирующей версии, ратифицированный международный договор автоматически инкорпорируется в правовую систему страны, приобретая прямое действие. В ситуации коллизии между нормой договора и внутреннего закона, приоритет отдается международно-правовому предписанию.

Современная конституционная практика демонстрирует отход от этих «идеальных типов» в сторону сложных гибридных моделей, эклектично заимствующих элементы обеих доктрин.

Нидерланды являют собой эталон последовательного монизма. Согласно ст. 94 Конституции, положения национального законодательства не подлежат применению, если они противоречат «положениям договоров, которые обязательны для всех лиц, и решениям международных организаций». Эта норма не только наделяет договоры, но и акты международных институтов (включая резолюции СБ ООН) верховенством над парламентскими законами. Таким образом, суд в Нидерландах, выявив противоречие, обязан апплицировать международную норму, минуя национального законодателя. Важно, однако, что этот механизм не отменяет верховенства Конституции: для ратификации договора, ей противоречащего, требуется предварительное одобрение двумя третями голосов парламента (ст. 91).

Франция представляет модель «умеренного монизма». Ст. 55 Конституции 1958 года устанавливает приоритет ратифицированных международных договоров над законами, но с оговоркой о взаимности. Ключевым игроком здесь выступает Конституционный совет. В своей знаковой практике (например, решение № 74-54 DC от 15 января 1975 года) Совет разграничил компетенции: проверка соответствия закона международному договору отнесена к ведению судов общей юрисдикции, в то время как сам Совет осуществляет предварительный контроль конституционности международных обязательств (ст. 54). Если договор признан неконституционным, его ратификация возможна лишь после соответствующего пересмотра Основного закона.

Соединенные Штаты Америки, несмотря на положение Ст. VI Конституции о верховенстве федерального права, включая «заключенные договоры», на практике реализуют сущностно дуалистический подход. Верховный суд США в прецеденте «Медлин против Генри» (1902) сформулировал доктрину разграничения договоров на самоисполнимые и несамоисполнимые. Последние, даже будучи ратифицированными, не порождают прав, применимых в суде, до тех пор, пока Конгресс не издаст имплементирующий их законодательный акт. Это создает «фильтр», оставляющий за национальным законодателем окончательное слово о включении международной нормы во внутренний правопорядок.

Великобритания демонстрирует классическую дуалистическую модель, фундамент которой составляет доктрина парламентского суверенитета. Несмотря на известный постулат, сформулированный еще в XIX веке о том, что «международное право является частью права Англии», его действие распространяется преимущественно на нормы обычного права. Что касается международных договоров, то здесь действует жесткий конституционный конвенционализм: прерогатива Короны (правительства) на их заключение ограничена необходимостью получения санкции Парламента для их внутреннего применения. Любой договор, затрагивающий права и обязанности частных лиц, требует парламентской трансформации в виде отдельного акта.

Именно таким образом Устав ООН был инкорпорирован в британскую правовую систему через Акт о ООН 1946 года. Примечательно, что данный акт не инкорпорирует Устав или резолюции СБ ООН напрямую. Вместо этого он действует как рамочный закон, делегирующий исполнительной власти полномочия по изданию подзаконных нормативных актов для оперативной имплементации принудительных мер, предписанных Советом Безопасности на основании Главы VII Устава.

Германская правовая система предлагает одну из наиболее сложных и продуманных гибридных моделей, сознательно интегрирующую как монистические, так и дуалистические элементы. Основной закон ФРГ проводит принципиальное разграничение между двумя пластами международного права.

С одной стороны, статья 25 Основного закона закрепляет монистический подход в отношении международного обычного права, наде-

ляя его статусом составной части федерального права, имеющей приоритет над законами и порождающей права и обязанности непосредственно для физических и юридических лиц.

С другой стороны, в отношении международных договоров, включая Устав ООН, действует дуалистический механизм. Статья 59 (2) предписывает, что договоры, регулирующие политические отношения Федерации или затрагивающие сферу законодательства, подлежат ратификации посредством издания специального федерального закона. Таким образом, Устав ООН обрел силу в Германии не напрямую, а через акт национального законодателя.

Особую остроту в современном правополе приобретает проблема имплементации обязывающих резолюций Совета Безопасности ООН, принятых в соответствии с Главой VII Устава. Эти резолюции, направленные на поддержание международного мира и безопасности, зачастую носят санкционный характер и могут существенно ограничивать фундаментальные права отдельных лиц и компаний (блокировка активов, визовые запреты и т.д.). Возникающая коллизия заключается в противоречии между императивами международной безопасности и конституционными гарантиями защиты прав человека, такими как право на справедливое судебное разбирательство и право собственности.

Знаковым прецедентом в разрешении данной коллизии на наднациональном уровне стало дело «Кади» в Суде Европейского Союза. Гражданин, внесенный в санкционный список СБ ООН, оспорил правовой акт ЕС, имплементировавший эту резолюцию. В своем эталонном решении Суд ЕС сформулировал правовую доктрину [3], в соответствии с которой:

1. Сообщество, безусловно, связано нормами международного права, включая Устав ООН.
2. Однако любые правовые акты ЕС, в том числе направленные на исполнение резолюций СБ ООН, являются актами производного права Союза.
3. Следовательно, они подлежат полному судебному контролю на предмет их соответствия конституционным основам ЕС, ключевым элементом которых является защита фундаментальных прав человека.

Схожую правовую позицию занял и Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) в деле «Аль-Джедда против Великобритании» [4]. Суд постановил, что исполнение резолюции СБ ООН не освобождает государство-ответчика от соблюдения его обязательств по Европейской конвенции о защите прав человека. На национальные власти возлагается обязанность интерпретировать свои международные обязательства. В данном случае задержание без судебного решения было расценено как нарушение статьи 5 Конвенции.

Проведенный компаративный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, классическая дихотомия «монизм-дуализм» утратила свою описательную силу в отношении современных конституционных режимов. На смену ей пришли сложные гибридные конструкции, которые, аккумулируя элементы обеих теорий, позволяют государствам гибко балансировать между интеграцией в глобальный правопорядок и защитой собственного конституционного суверенитета.

Во-вторых, Устав ООН, несмотря на свой привилегированный статус, производный от ст. 103, занимает в национальных правовых системах дифференцированное положение. Способы его инкорпорации варьируются от почти автоматической инкорпорации в Нидерландах до строгой парламентской трансформации в странах общего права.

В-третьих, ключевым арбитром в определении реального статуса Устава ООН внутри государства становится судебная власть. Именно через механизмы конституционного и наднационального правосудия (практика Суда ЕС, ЕСПЧ, ФКС Германии) формируется новый транснациональный стандарт [5], в рамках которым императивы международной безопасности не могут безусловно превалировать над защитой фундаментальных прав личности. Это свидетельствует о становлении конституционного фильтра для исполнения международных обязательств.

Список литературы:

1. de Wet E. The Chapter VII Powers of the United Nations Security Council. – Oxford: Hart Publishing, 2004. – 420 p.
2. Kelsen H. Principles of International Law. – New York: Rinehart & Company, 1952. – 510 p.
3. Judgment of the Court of Justice of the EU in Joined Cases C-402/05 P and C-415/05 P Kadi and Al Barakaat International Foundation v Council and Commission [2008] ECR I-6351.
4. Judgment of the European Court of Human Rights in Case Al-Jedda v. The United Kingdom (Application no. 27021/08), 7 July 2011.
5. Nollkaemper A. National Courts and the International Rule of Law. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 345 p.

References:

1. de Wet E. The Chapter VII Powers of the United Nations Security Council. – Oxford: Hart Publishing, 2004. – 420 p.
2. Kelsen H. Principles of International Law. – New York: Rinehart & Company, 1952. – 510 p.
3. Judgment of the Court of Justice of the EU in Joined Cases C-402/05 P and C-415/05 P Kadi and Al Barakaat International Foundation v Council and Commission [2008] ECR I-6351.
4. Judgment of the European Court of Human Rights in Case Al-Jedda v. The United Kingdom (Application no. 27021/08), 7 July 2011.
5. Nollkaemper A. National Courts and the International Rule of Law. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 345 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_521

УДК 342.7

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОМ КОНТРОЛЕ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
ON THE ISSUE OF STATE CONTROL IN THE FIELD OF HUMAN RIGHTS PROTECTION

КУДАШОВА Ирина Владимировна
К.ю.н., доцент, Кафедра «Социально-экономических и гуманитарных дисциплин» Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.
188662, Россия, Ленинградская обл., Всеволожский район, п.Мурино, Лесная, ул. 2.
E-mail: Fastovich-85@mail.ru
KUDASHOVA Irina Vladimirovna
PhD, Associate Professor Department of "Socio-Economic and Humanitarian Disciplines" Leningrad Regional Branch .St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
188662, Russia, Leningrad region, Vsevolozhsky district, village of Murino, Lesnaya, 2.
E-mail: Fastovich-85@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются вопросы правоприменительной деятельности современной России в контексте эффективного условия реализации государственного контроля и соблюдения прав и свобод человека. Автор дает определения основам правоприменительной деятельности, устанавливает основополагающие вопросы и принципы государственно-властной деятельности в Российской Федерации и укрепления гражданского общества и правового государства.*

Abstract: *The article examines the issues of law enforcement in modern Russia in the context of an effective condition for the implementation of state control and respect for human rights and freedoms. The author defines the fundamentals of law enforcement, establishes the fundamental issues and principles of state power in the Russian Federation and the strengthening of civil society and the rule of law.*

Ключевые слова: *эффективность, органы государственной власти, государственность, правоприменительная деятельность, права человека, российское законодательство, гражданское общество, правовое государство, государственный контроль.*

Keywords: *efficiency, public authorities, statehood, law enforcement activities, human rights, Russian legislation, civil society, rule of law, state control.*

Для цитирования: *Кудашова И.В. К вопросу о государственном контроле в сфере защиты прав человека // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 521-523. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_521.*

For citation*: Kudashova I.V. On the issue of State control in the field of human rights protection // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 521-523. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_521.*

Статья поступила в редакцию: 11.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

В современных условиях развития российского права, правовое регулирование общественных отношений должно дополняться индивидуальным регулированием общественных отношений, в т.ч. с учетом таких категорий как: правовое противодействие, позитивное содействие, социальное взаимодействие [1]. Конкретизацию права можно рассматривать как развитие права — выработку управомоченными органами и лицами в процессе правотворческой деятельности более детальных, конкретных, уточняющих и т. д. принципов и норм права в иных формах национального или международного права, реализующихся в государстве, имеющих меньшую юридическую силу. Конкретизация права характеризуется процессом детализации, уточнения, прежде всего, принципов и норм права, содержащихся в единой, развивающейся и многоуровневой системе национального и (или) международного права. Конкретизация осуществляется со стороны уполномоченных правотворческих и исполнительных органов власти и должностных лиц.

Как правовая государственность, так и зрелое гражданское общество характеризуются целостностью, гармоничностью всех их сторон, интенсификацией общественных процессов и их модернизацией. В состоявшемся гражданском обществе присутствует организованная система взаимодействия с государственным аппаратом, участие в деятельности государственных органов и учреждений [2]. Эти обстоятельства обуславливают необходимость совершенствования механизма реализации и гарантирования прав человека. Соответственно, правоприменение в процессе реализации прав человека должно быть объективно обусловлено потребностями цивилизованного общественного развития на пути укрепления гражданского общества и правового государства [3].

Правоприменение нацеливается на создание условий наиболее полной и эффективной реализации прав человека, а также на осуществление необходимого государственного контроля за правильностью их использования, на корректировку путей их реализации в сторону благоприятствования [4].

Поскольку в правовом пространстве России действуют, как правило, правовые нормы общего характера, в качестве одной из ключевых проблем правоприменения можно обозначить тот факт, что данная категория как таковая не способна функционировать самостоятельно. Для эффективной реализации правоприменительной деятельности ее необходимо дополнять индивидуальным регулированием. С позиции концепции интегративного правопонимания действительно существующие коллизии между принципами и нормами права могут преодолеваться, например, судами посредством применения принципов и норм права, имеющих большую юридическую силу. При отсутствии норм права в «законодательстве», в частности, суды могут применять принципы права — самостоятельные средства правового регулирования общественных отношений [5]. Пробел в праве в этих случаях является мнимым.

Стоит отметит, что с позитивистской точки зрения потенциал и содержание права ограниченно, прежде всего, правовыми нормами, содержащимися в российском законодательстве. В свою очередь, норма права обладает такими признаками, как нормативность, общеобязательность, формальная определенность, системность, гарантированность [6]. Индивидуальное правовое регулирование стоит рассматривать не как форму применения норм права, а как замену правоприменению в условиях невозможности претворять какую-либо конкретную или определенную правовую норму. Ко всему пробелы в праве фактически препятствуют эффективному процессу правоприменения. Стоит заметить, что в специальной литературе разрабатываются критерии эффективности реализации права в различных сферах правовой деятельности, в т.ч. в системе государственного механизма и управления [7].

Возможность конкретизации права в процессе правоприменения — одна из наиболее обсуждаемых и дискуссионных проблем среди советских и российских научных и практических работников. Многочисленные исследователи полагают, что конкретизация права в процессе правоприменения теоретически обоснована и практически необходима. Среди сторонников данной точки зрения необходимо назвать В.В. Лазарева, В.М. Баранова, Н.Н. Вопленко, А.Ф. Черданцева, Н.А. Власенко и др. Так, по мнению Н.А. Власенко конкретизация в правоприменительном процессе состоит в индивидуализации - переводе общего и абстрактного веления нормы права в веление индивидуального характера; при этом конкретизация также может быть и правотворческой [8].

Изложенные выводы и аргументы представляются теоретически дискуссионными. Это обусловлено тем, что необходимо разграничивать правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. Также с позиции научно обоснованной концепции интегративного правопонимания представляется теоретически обоснованным рассматривать правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории. Прежде всего, это объясняется абстрактным и относительно определённым характером принципов и норм права, многочисленными коллизиями и пробелами в праве, многообразием фактических общественных правоотношений, динамикой их развития. Кроме этого, учитывая абстрактный и относительно определённый характер принципов и норм права, компетентные органы и должностные лица конкретизируют «общее» право, вырабатывая более конкретное «особенное» право, также обязательное для неопределённого круга участников фактических правоотношений.

В результате индивидуального регулирования фактических правоотношений субъекты реализации права вырабатывают, например, индивидуальные правовые судебные акты, обязательные только для участников данного судебного разбирательства. При таком понимании необходимо разграничивать конкретизацию права как процесс выработки на основе абстрактного, менее определённого права в большей степени определённого права, и «индивидуализацию права», наделение «персональными (субъективными) правами и обязанностями участников правоотношений». Более того, в связи с изложенными теоретическими аргументами, спорным является и само понятие «индивидуализация права». Представляется теоретически более обосновано, во-первых, исходить из родового понятия «регулирование общественных отношений». Во-вторых, в частности, разграничивать регулирование общественных отношений на правовое и индивидуальное регулирование. Отсюда, например, суд не «индивидуализирует право», а в соответствии с уже выработанным и формализованным правом индивидуально регулирует спорные конкретные фактические правоотношения.

Посредством государственно-властного руководства обществом, путем вынесения индивидуально-определенных юридических предписаний осуществляется необходимое воздействие на экономическое, политическое и социально-культурное развитие общества и государства, решаются различные задачи, возникающие в данном процессе. В настоящее время эти задачи обусловлены реформами, происходящими в обществе и государстве, и во многом их успех зависит от реального воплощения правовых предписаний, в первую очередь, касающихся признания прав человека в качестве высшей ценности в российском обществе и государстве [9].

Вместе с тем, учитывая изложенные выше общенаучные и теоретические аргументы, теоретически более обосновано разграничивать конкретизацию права и «индивидуализацию права», а точнее, индивидуальное регулирование общественных правоотношений. На наш взгляд, конкретизация права и индивидуальное регулирование общественных отношений — это различные, самостоятельные и нетождественные правовые категории. Конкретизация права — это объективный процесс выработки управомоченными правотворческими органами и лицами на основе абстрактного и неопределённого права, также права, но в большей степени определённого. В то же время индивидуальное регулирование общественных отношений — это процесс регулирования общественных отношений органами и лицами, реализующими уже выработанное право, в результате которого устанавливаются индивидуальные права и обязанности только участников данных конкретных правоотношений. Поскольку в соответствии со ст. 125 и 126 Конституции РФ Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ не обладают правотворческими функциями, постольку действительно имеющая место фактическая конкретизация права в процессе, например, судебного правоприменения, полагаю, не только является теоретически дискуссионной, но и не соответствует Конституции России.

На наш взгляд, толкование права с точки зрения содержания деятельности, происходящей в процессе её осуществления, является одним из видов индивидуального регулирования общественных отношений, например, индивидуального судебного регулирования, в результате которого происходит уяснение права для себя (органа или лица, толкующего право) и разъяснение права для других (участников спорных фактических правоотношений). В результате на основе неопределённого (не конкретизированного) или более определённого (конкретизированного) права принимается, например, индивидуальный судебный акт, в котором устанавливаются права и обязанности только участников спорных фактических правоотношений, т. е. вырабатывается неправо. Напротив, конкретизация права производится управомоченными правотворческими органами и лицами, в результате которой на основе неопределённого и абстрактного права вырабатывается более определённоеи конкретное право, обязательное для неопределённого круга лиц. Например, в соответствии с принципами права, содержащимися в Конституции РФ, выра-

батываются принципы и нормы права в кодексах и других федеральных законах.

В результате исследования проблем конкретизации права считаем возможным и необходимым сделать следующие итоговые выводы.

1. Необходимо разграничивать правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. При этом конкретизацию права и толкование права следует понимать как различные правовые категории.

2. Конкретизацию права следует рассматривать как объективный процесс восхождения от абстрактного, менее определенного права, к праву в большей степени определённому, конкретному. Такой подход следует сопровождать выработкой уполномоченными правотворческими органами или должностными лицами более детальных, уточнённых специальных правовых принципов и норм права в национальной системе [10, 13].

3. Толкование права с точки зрения содержания правовой деятельности, происходящей в процессе её осуществления, является одним из видов индивидуального регулирования общественных отношений. Например, речь может идти об индивидуальном судебном регулировании в результате которого происходит уяснение права для себя и разъяснение воли законодателя для участников спорных конкретных фактических правоотношений.

4. С целью объективного развития действующего права, его непрерывного движения от меньшей степени определённости к его большей степени определённости, компетентные органы власти, прежде всего, должны вырабатывать специальные принципы и нормы права не произвольно, а в порядке их конкретизации. Такая конкретизация должна касаться, во-первых, основополагающих принципов национального или международного права, во-вторых, специальных принципов права, содержащихся в других формах права и имеющих более высокую юридическую силу [11].

В итоге, правоприменение — это организационно-правовая форма государственной деятельности, направленная на реализацию (претворение) правовых предписаний в жизнь, общественные отношения [12]. В то же время индивидуальное регулирование – это конкретизация юридических норм участниками правовых отношений, решение ими юридически значимых вопросов, которым законодатель не дал исчерпывающей нормативной регламентации.

Список литературы

1. Фастович Г.Г., Кудашова И.В. Информационные технологии в системе повышения эффективности деятельности органов государственной власти: теоретико-правовой аспект // Право и политика. 2020. № 2. С. 18-22.
2.Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Консультант плюс: Законодательство.
3. Фастович Г.Г., Литвинова В.С., Игнатенко В.А. Эффективная кадровая политика как один из критериев деятельности государственного механизма // Евразийский юридический журнал. 2020 № 10 (149). С. 81-82.
4.Хахалев К.Р. Правоприменение в механизме реализации прав человека // Право и практика. 2015. № 3. С. 13-18.
5.Хахалев К.Р. Место правоприменительных актов в процессе обеспечения реализации прав человека // Современная научная мысль. 2015. № 3. С.163-169.
6.Ершов В.В. Правовая природа, функции и классификация принципов национального и международного права // Российское правосудие. 2016. № 3 (119). С. 5–36.
7.Минникес И.А. Индивидуальное правовое регулирование и правотворческая деятельность // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 2. С. 150-153.
8. Фастович Г.Г., Осипова Е.С. К вопросу о предоставлении земельных участков для нужд дипломатических представительств: теоретический аспект // Аграрное и земельное право. 2019. № 10 (178) С. 4-5.
9.Власенко Н.А. Конкретизация в праве: методологические основы исследования // Журнал российского права. 2014. № 7 (211). С. 60-75.
10. Фастович Г.Г. Функционирование институтов гражданского общества как фактор повышения эффективности деятельности государственного механизма // Право и государство: теория и практика. 2016. № 7 (139). С. 51-55.
11. Фастович Г.Г. К вопросу о реализации принципа эффективности в деятельности механизма государства Российской Федерации: общетеоретические аспекты // Право и государство: теория и практика. 2010. № 12(72). С. 23 - 25.
12. Заруба Д.С., Ситникова К.Н, Фастович Г.Г. Проблема АПК в регионах России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 3-2. С. 52-55.
13. Фастович Г.Г. Информационные технологии как стратегический ресурс развития отраслей агропромышленного комплекса / Г.Г. Фастович, Л.В. Фомина // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 11(215). – С. 41-44.

References

1. Fastovich G.G., Kudashova I.V. Information technologies in the system of improving the efficiency of public authorities: theoretical and legal aspect // Law and politics. 2020. No. 2. pp. 18-22.
2.The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993) // Consultant Plus: Legislation.
3. Fastovich G.G., Litvinova V.S., Ignatenko V.A. Effective personnel policy as one of the criteria for the activity of the state mechanism // Eurasian Law Journal. 2020 No. 10 (149). pp. 81-82.
4. Khakhalev K.R. Law enforcement in the mechanism of realization of human rights // Law and practice. 2015. No. 3. pp. 13-18.
5.Khakhalev K.R. The place of law enforcement acts in the process of ensuring the realization of human rights // Modern scientific thought. 2015. No. 3. pp.163-169.
6.Yershov V.V. Legal nature, functions and classification of principles of national and international law // Russian justice. 2016. No. 3 (119). pp. 5-36.
7. Minnikes I.A. Individual legal regulation and law-making activity // Proceedings of the Irkutsk State Academy of Economics. 2012. No. 2. pp. 150-153.
8. Fastovich G.G., Osipova E.S. On the issue of providing land plots for the needs of diplomatic missions: a theoretical aspect // Agrarian and Land law. 2019. No. 10 (178) pp. 4-5.
9.Vlasenko N.A. Concretization in law: methodological foundations of research // Journal of Russian Law. 2014. No. 7 (211). pp. 60-75.
10. Fastovich G.G. The functioning of civil society institutions as a factor in improving the effectiveness of the state mechanism // Law and the state: theory and practice. 2016. No. 7 (139). pp. 51-55.
11. Fastovich G.G. On the issue of the implementation of the principle of efficiency in the activities of the mechanism of the state of the Russian Federation: general theoretical aspects // Law and the State: theory and practice. 2010. No. 12(72). pp. 23-25.
12. Zaruba D.S., Sitnikova K.N., Fastovich G.G. The problem of agriculture in the regions of Russia // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. No. 3-2. pp. 52-55.
13. Fastovich G.G. Information technologies as a strategic resource for the development of branches of the agro-industrial complex / G.G. Fastovich, L.V. Fomina // Agrarian and land law. – 2022. – № 11(215). – Pp. 41-44.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_524

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРЕЕМСТВА ГОСУДАРСТВ: ПРОБЛЕМА ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ПРАВОПОНИМАНИЯ
CONTROVERSIAL ISSUES OF STATE SUCCESSION: THE PROBLEM OF LEGAL NATURE IN THE CONTEXT OF VARIOUS TYPES OF LEGAL UNDERSTANDING

КАНИЩЕВ Валерий Петрович
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства
Центрального филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Воронеж)
394006, Россия, г. Воронеж, улица 20-летия Октября, 95.
E-mail: kanishhev1953@mail.ru

ПЛАТОВА Полина Владимировна
студентка юридического факультета
Центрального филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Воронеж)
394006, Россия, г. Воронеж, улица 20-летия Октября, 95.
E-mail: platova.paulina@yandex.ru

ТРУБНИКОВА Мария Алексеевна
студентка юридического факультета Центрального филиала
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Воронеж)
394006, Россия, г. Воронеж, улица 20-летия Октября, 95.
E-mail: m7a2018@yandex.ru

KANISHCHEV Valery Petrovich
candidate of Law, associate Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State
of the Central Branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» (the city of Voronezh)
95 20th Anniversary of October Street, Voronezh, 394006, Russia.
E-mail: kanishhev1953@mail.ru

PLATOVA Polina Vladimirovna
student at the Law Faculty of the Central Branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» (the city of Voronezh)
95 20th Anniversary of October Street, Voronezh, 394006, Russia.
E-mail: platova.paulina@yandex.ru

TRUBNIKOVA Maria Alekseevna
student at the Law Faculty of the Central Branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» (the city of Voronezh)
95 20th Anniversary of October Street, Voronezh, 394006, Russia.
E-mail: m7a2018@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье исследуется юридическая природа правопреемства государств в контексте современных геополитических изменений. Анализируются ограниченность существующих нормативных актов и недостаточность традиционных типов правопонимания (нормативного, либертарно-юридического, социологического) для решения сложных вопросов правопреемства. Предлагается интегративная методология, сочетающая формально-юридический, легитимностный и социально-экономический аспекты анализа для создания гибких механизмов регулирования правопреемства.*

Abstract: *The article examines the legal nature of state succession in the context of modern geopolitical changes. The paper analyzes the limitations of existing regulations and the insufficiency of traditional types of legal understanding (normative, libertarian-legal, sociological) to address complex issues of succession. An integrative methodology is proposed that combines formal legal, legitimacy, and socio-economic aspects of analysis to create flexible mechanisms for regulating succession.*

Ключевые слова: *правопреемство государств, юридическая природа правопреемства, типы правопонимания, нормативный подход, либертарно-юридический подход, социологический подход, интегративная методология, государство-продолжатель.*

Keywords: *succession of states, legal nature of succession, types of legal understanding, normative approach, libertarian-legal approach, sociological approach, integrative methodology, successor state.*

Для цитирования: *Канищев В.П., Платова П.В., Трубникова М.А. Дискуссионные вопросы правопреемства государств: проблема юридической природы в контексте различных типов правопонимания // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 524-526. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_524.*

For citation*: Kanishchev V.P., Platova P.V., Trubnikova M.A. Controversial issues of State succession: a problem of legal nature in the context of various types of legal understanding // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 524-526. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_524.*

Статья поступила в редакцию: 23.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Правопреемство представляет собой фундаментальный институт в системе теории государства и права, сохраняющий свою теоретическую и практическую значимость. В условиях современных геополитических изменений, характеризующихся трансформацией государств и возникновением новых субъектов международного права, исследование проблем правопреемства приобретает особую актуальность.

Правопреемство государств – переход с учетом основных принципов международного права и норм о правопреемстве определенных прав и обязанностей от одного государства к другому [5, с. 87].

Современное нормативное регулирование правопреемства государств нельзя признать исчерпывающим ввиду отсутствия единого акта, универсально регулирующего данный институт. Эта правовая неопределенность обусловлена уникальностью каждого случая территориально-политических преобразований, требующего индивидуального договорного урегулирования между заинтересованными сторонами. Существующие международные инструменты, такие как Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров от 23.08.1978 года и не вступившая в силу Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов 08.04.1983 года, не смогли преодолеть доктринальные разногласия относительно юридической природы правопреемства, что сохраняет дискуссионность данного вопроса в научной среде.

Актуальность данной статьи обусловлена теоретической неопределенностью юридической природы правопреемства государств, что проявляется в разнообразии подходов к разрешению конкретных ситуаций. Ярким примером служит распад СССР в 1991 году, когда за Россией был закреплён статус государства-продолжателя, а за другими республиками — правопреемников, что выявило проблематику распределения активов и обязательств и подтвердило отсутствие универсальных критериев [4, с. 7]. Аналогичные проблемы демонстрирует случай отделения Косово от Сербии в 2008 году, где вопрос о правопреемстве международных обязательств остается дискуссионным из-за частичного международного признания [3]. Отсутствие единого нормативного механизма усугубляет указанные проблемы, актуализируя потребность в комплексном анализе типов правопонимания с целью разработки универсальных моделей правопреемства.

В современной юридической науке можно выделить три основных типа правопонимания, каждый из которых предлагает собственную трактовку природы правопреемства.

В рамках **нормативного типа правопонимания** государство признается первичным субъектом права, а само право понимается как совокупность норм, обеспеченных и охраняемых государством. В контексте данного подхода сформировались две взаимосвязанные концепции правопреемства: теория универсального правопреемства и доктрина континуитета. Эти подходы рассматривают правопреемство как формально-юридический процесс, основанный на нормативной преемственности.

Теория универсального правопреемства, разработанная Г. Гроцием в XVII–XIX веках, исходит из понимания государства как единого юридического лица, обладающего совокупностью прав, обязанностей и ответственности [2, с. 248]. Согласно этой концепции, государство-преемник полностью наследует правовой статус государства-предшественника, поскольку право понимается как устойчивая система норм, не зависящая от конкретного носителя власти.

Доктрина континуитета, развитая С. Пуфендорфом, Э. Ваттелем и И. Блюнчли, углубляет нормативный подход, акцентируя сохранение правосубъектности государства [5, с. 89]. В рамках этой теории правопреемство понимается не как смена субъекта права, а как сохранение государства в новой форме, что обеспечивает непрерывность действия международно-правовых норм.

Нормативный подход к правопреемству подвергается критике за отрицание суверенной воли государства-преемника. Его ориентация на автоматическую преемственность не учитывает необходимость избирательного подхода к обязательствам предшественника. Это противоречит современной практике, которая требует учета конкретных обстоятельств каждого случая изменения международно-правового статуса территории.

В рамках **либертарно-юридического типа правопонимания**, разработанного В.С. Нерсесянцем, правопреемство понимается через призму принципа формального равенства и суверенной воли государства. Данный подход, сформировавшийся в 70-90-х годах XX века, породил концепции, отрицающие преемственность международных обязательств. Негативная теория А. Кейтса и доктрина tabula rasa исходят из полного разрыва правовой преемственности при смене государственности [2, с. 248]. Согласно этим теориям, новое государство начинает международные отношения «с чистого листа», не будучи связано договорами предшественника.

Главный недостаток либертарно-юридического подхода заключается в его неспособности обеспечить преемственность международных обязательств, что создает угрозу стабильности межгосударственных отношений. Абсолютизируя волю государства-преемника, данная концепция не учитывает принцип добросовестности в международном праве.

В рамках **социологического типа правопонимания** правопреемство рассматривается как социальный процесс, основанный на фактической непрерывности общественных отношений. Данный подход, сформировавшийся на рубеже XIX-XX веков, исходит из приоритета реальных социальных, экономических и политических связей над формальными нормами [1, с. 50]. Ключевым критерием правопреемства выступает сохранение функционирования государственных институтов и инфраструктуры. Наглядной иллюстрацией данного подхода служит правопреемство Российской Федерации после распада СССР. Юридическое оформление в рамках данной концепции понимается как вторичный акт, фиксирующий сложившуюся социальную реальность.

Основной недостаток социологического подхода к правопреемству заключается в отсутствии четких критериев для определения правопреемства, что создает правовую неопределенность. Опора на "фактическую непрерывность" государственных институтов допускает субъективное толкование и может приводить к противоречивым оценкам одного и того же случая разными участниками международных отношений.

Сложность и многогранность проблемы юридической природы правопреемства государств, выявленная в ходе анализа дискуссионных подходов, свидетельствует о методологическом тупике, возникающем при попытке признать абсолютным какой-либо один тип правопонимания.

Решением данной проблемы видим не дальнейшее противопоставлении теорий, а в синтез на основе комплексного типа правопонимания. Данный подход откроет путь к преодолению методологической ограниченности рассмотренных концепций и выведет к формированию гибкого аналитического инструментария, отвечающего сложности современных вызовов в сфере правопреемства. С позиций интегративного

подхода правопреемство предстает сложносоставным процессом, чей анализ требует дифференцированного использования методологических средств применительно к характеру решаемой задачи.

На уровне формальной определенности и технико-юридического оформления перехода прав и обязанностей незаменим нормативный подход. Именно он обеспечивает необходимую четкость и предсказуемость, требуя инвентаризации и фиксации круга международных договоров, государственных долгов, собственности и архивов, подлежащих правопреемству. Данный этап является базовым, поскольку создает юридический каркас всего процесса, определяя конкретный объем активов и пассивов, переходящих от государства-предшественника к государству-преемнику. Однако ограничиваться лишь этим уровнем недостаточно, так как формальное закрепление может не учитывать морально-политическую легитимность тех или иных обязательств.

На этом этапе необходим выход на уровень легитимности, где в действие вступают критерии, разработанные в русле естественно-правового подхода. Речь идет о необходимости оценки справедливости перехода конкретных обязательств, особенно в исторически сложных контекстах. Принципы справедливости, добросовестности и уважения прав человека должны служить своеобразным «фильтром», позволяющим оспорить или подвергнуть ревизии те обязательства государства-предшественника, которые противоречат фундаментальным правам народа государства-преемника или были навязаны в условиях неравенства. Это придает процессу правопреемства легитимность в глазах международного сообщества и собственного населения.

Наконец, третий уровень анализа – уровень эффективности – диктует необходимость учета социологического подхода. Однако даже безупречно легитимное и юридически корректно оформленное правопреемство рискует остаться декларативным, если его механизмы не будут синхронизированы с актуальным социально-экономическим и политическим контекстом. Фактическая способность государства-преемника нести бремя перешедших к нему долгов, обеспечивать функционирование унаследованной инфраструктуры и соблюдать международные договоры является практическим критерием успешности всего процесса. Игнорирование этого аспекта может привести к длительным экономическим и политическим кризисам.

Таким образом, синтез методологий позволяет сформулировать, что юридическая природа правопреемства государств представляет собой комплексный, стадийный правовой процесс, сочетающий в себе элементы модификации правоотношений, обеспечиваемой формально-догматическим инструментарием позитивизма, их содержательного обновления и оценки на основе принципов справедливости, свойственных естественно-правовой традиции, и учета объективно сложившейся социальной реальности, акцентируемой социологической юриспруденцией.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что дискуссия о юридической природе правопреемства государств носит не столько терминологический, сколько глубоко методологический характер. Ни один из традиционных типов правопонимания – ни нормативный, ни либертарно-юридический, ни социологический – в отдельности не способен предложить универсальную и непротиворечивую модель, адекватно описывающую и объясняющую всю сложность данного явления. Выход из создавшейся теоретической ситуации видится в переходе к интегративной методологии. Предложенная многоуровневая модель анализа, дифференцирующая аспекты формальной определенности, легитимности и эффективности, демонстрирует свою ценность, позволяя не противопоставлять, а совмещать сильные стороны различных теоретических подходов для решения конкретных практических задач правопреемства. Такой синтез способен стать основой для формирования более гибких и легитимных механизмов урегулирования вопросов правопреемства в будущем, минимизируя правовую неопределенность.

Список литературы:

1. Богданов Н.Е. Историко-правовой аспект социологического типа правопонимания / Н.Е. Богданов // Вопросы российской юстиции. 2021. № 11. С. 46-52.
2. Ибрагимов А.М. Понятийные вопросы правопреемства государства / А.М. Ибрагимов // Государственная служба и кадры. 2024. № 3. С. 247-250.
3. История и статус Косово // ТАСС. [Электронный ресурс]. – URL: https://tass.ru/info/15360907 (дата обращения: 25.11.2025).
4. Кремнев П.П. Распад СССР и правопреемство государств: монография / П.П. Кремнев. – Москва: Юрлит-информ, 2021. – 192 с.
5. Международное право: учебник / отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов – 6-е издание, перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 752 с.

References:

1. Bogdanov N.Well. Historical-legal aspect sociological type of spelling / N.Well. Bogdanov / / Vopros across the Russian Justicia. 2021. № 11. S. 46-52.
2. Ibragimov A.M. ConceptualsimplementationM. Ibragimov / / State Service and cadre. 2024. № 3. S. 247-250.
3. History and status of Kosovo//. [Urgentlectron urgent resource]. - Apostille: https://tass.ru/info/15360907 (date of circulation: 25.11.2025).
4. Kremnev P.P. Rspad USSR and law-making state education: monograph / P.P. Kremnev. - Moscow: Yurlit-inform, 2021. - 192 pp.
5. International law: textbook. red. G.V. Ignatenko, O.And. Tiunov-6th edition, perab. and DOP. - Moscow: Norma: infra-m, 2023. - 752 PP.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_527

УДК 342.565.2

ОБЩИЙ ОБЗОР РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА
GENERAL OVERVIEW OF THE DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF PROTECTION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS

ПЬЯНУСОВ Александр Викторович
Заведующий кафедрой экологии и обеспечения безопасности жизнедеятельности ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева», кандидат военных наук, доцент, г. Санкт-Петербург,
192102, Россия, г. Санкт-Петербург, улица Фучика, 10.
E-mail: pyanusov.av@yandex.ru

СТАРОВА Елена Александровна
доцент кафедры правоведения Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат исторических наук, доцент.
190005, Россия, г. Санкт-Петербург, 3-я Красноармейская ул., 3/6.
E-mail: elena.starova.77@mail.ru

PYANUSOV Alexander Viktorovich
Head of the Department of Ecology and Life Safety St. Petersburg State Fire Service University Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev", Candidate of Military Sciences, Associate Professor, St. Petersburg, 10 Fuchika Street, Saint Petersburg, 192102, Russia.
E-mail: pyanusov.av@yandex.ru

STAROVA Elena Alexandrovna
Associate Professor of the Department of Law of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.
3/6 3rd Krasnoarmeyskaya St., Saint Petersburg, 190005, Russia.
E-mail: elena.starova.77@mail.ru

***Краткая аннотация**: в своей деятельности Конституционный Суд Российской Федерации довольно часто принимает решения, направленные на защиту прав и свобод человека и гражданина. О некоторых из таких решений в настоящем исследовании идет речь.*

***Abstract:** In its activities, the Constitutional Court of the Russian Federation quite often makes decisions aimed at protecting human and civil rights and freedoms. Some of these solutions are discussed in this study.*

***Ключевые слова:** Конституционный Суд Российской Федерации, права и свободы, человек и гражданин.*

***Key words:** Constitutional Court of the Russian Federation, rights and freedoms, man and citizen.*

***Для цитирования:** Пьянусов А.В., Старова Е.А. Общий обзор решений Конституционного Суда Российской Федерации в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 527-531. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_527.*

***For citation**: Pyanusov A.V., Starova E.A. General review of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the field of protection of human and civil rights and freedoms // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 527-531. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_527.*

Статья поступила в редакцию: 28.10.2025
Дата публикации: 30.01.2026

В настоящее время достаточно актуальным продолжают оставаться споры, рассматриваемые Конституционным Судом Российской Федерации в сфере оспаривания сделок граждан, совершенных посредством использования информационно-коммуникационных технологий[1].

Относительно вопросов ответственности сторон, наиболее распространенным является мнение о том, что допускается привлечение к ответственности стороны только в том случае, если будет установлено, что сторона заранее знала об особенностях функционирования программы и умышленно использовала данные особенности для совершения противоправных действий по отношению к другому участнику правоотношений, вытекающих из смарт-контракта[2].

При возникновении правовых споров следует особое внимание уделять именно установлению намерения сторон, как при создании программы (в случае, если противоправные действия были совершены ее создателем), так и в процессе исполнения (в случае, если данные действия были совершены участником правоотношения).

В рассматриваемом случае, как судебным органам, так и сторонам, принимающим участие в ходе судебного разбирательства необходимо обладать не только правовыми, но и техническими знаниями[3], которые позволяют оценить особенности функционирования той или иной компьютерной программы, используемой при заключении договора посредством использования смарт-контракта.

Участились случаи «дистанционного мошенничества» в процессе предоставления банковских услуг, при этом заявители, которые

[1] Кайнов, В. И. О правовом подходе Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации к вопросу «лекарственного опьянения» военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 5(310). – С. 52-57. – EDN ZLJVZE.
[2] Гриднева О.В., Шаповалов Д.А., Настюк П.В. Статус смарт-контракта с позиции доктрины российского и международного права // Юридическая наука. - 2022. - №3. – С.12-18.
[3] Шеншин, В. М. Об отдельных решениях Конституционного Суда Российской Федерации, оказывающих воздействие на административно-юрисдикционную деятельность Росгвардии при обеспечении ею государственной и общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2020. – № 11(280). – С. 79-87. – EDN XOFDVS; Строков, С. А. Конституционное право Российской Федерации : Учебное пособие для военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии / С. А. Строков, И. С. Назарова, В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Санкт-Петербург - Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2018. – 160 с. – EDN FMOGLI.

оспаривают вынесенные судебные решения, достаточно часто не верно формулируют свою правовую позицию при подаче заявлений в Конституционный Суд РФ. В данном случае следует привести следующий пример из практики КС РФ:

Так, гр. Ю. оспаривает конституционность ч.2 ст. 179 ГК РФ о том, что сделка, совершенная под влиянием обмана может быть признана недействительной по иску потерпевшего при условии, что третья сторона знала о том, что данная сделка является недействительной. Как следует из жалобы гр. Ю., ей позвонили неизвестные лица, которые представились сотрудниками банка и предложили отменить якобы оформленную от ее имени заявку на кредит. Гр. Ю. в свою очередь продиктовала цифры, которые были присланы ей в сообщении смс.

Решением суда первой инстанции, а именно Ленинского районного суда г. Киров, а также апелляционной и кассационной инстанцией, в удовлетворении заявленных исковых требований было отказано. Суд первой инстанции, отказывая в удовлетворении исковых требований указал на то, что между гр. Ю. и банковской организацией существовал ранее заключенный договор о дистанционном банковском обслуживании, при этом, гр. Ю., согласилась с заключением кредитного договора, введя соответствующий СМС-код подтверждения. Кроме того, судом было установлено, что в момент заключения договора и последующей передачи денежных средств, мобильный телефон из владения гр. Ю. не выбывал и данные операции гр. Ю. совершала лично, что соответственно подразумевает добросовестность при осуществлении сделки и отсутствие вины в действия третьей стороны, которой в данном случае является кредитная организация.

Конституционный суд РФ отметил, что в данном случае следует учитывать добросовестность и осмотрительность банка, который выступает стороной гражданско-правовых отношений, при этом банк должен предпринимать меры предосторожности, направленные на предотвращение неправомерного получения кредитных денежных средств. В данном случае Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что положения гражданского законодательства не ограничивают конституционное право гражданина на защиту своих прав и законных интересов[1].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что вопрос оспаривания сделок, которые были заключены с банковской организацией дистанционным способом является достаточно дискуссионным, в том числе в связи с развитием смарт-технологий (в том числе и в банковской деятельности), а также в связи с увеличением случаев дистанционного мошенничества и различных способов обмана, используемых при заключении дистанционных сделок.

Проблемой становится заключение договоров присоединения (или так называемых «автоматических договоров»). Такая ситуация возможна в том случае, если у клиента имеется реальная договорная связь с кредитной организацией (то есть заключенный банковский договор об обслуживании), при этом использование мобильного приложения переводит часть правоотношений в дистанционный формат[2]. Таким образом, клиенты получают возможность открывать вклады, расчетные счета, оформлять кредиты посредством использования мобильного приложения. В данном случае проблемой оказывается так называемая ситуация, связанная с «пороком воли», когда отсутствие письменного договора в ряде случаев может повлечь за собой признание данного договора недействительным.

Конституционный Суд РФ, отмечал, что свобода воли является не правовым абсолютом, что соответственно подразумевает ее ограничение в случаях, прямо предусмотренных положениями законодательства[3]. В данном случае к числу таких ограничений относили институт публичного договора и институт договора присоединения, что соответственно прямо распространяется на банковскую деятельность.

Осуществляет КС РФ также защиту прав индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, осуществляя проверку соответствия положений законодательства интересам субъектов, осуществляющих занятия предпринимательской деятельности.

В Определении Конституционного Суда РФ[4], рассматривалась конституционность данных положений законодательства о банковской деятельности. Инициатором запроса выступил арбитражный суд, рассматривающий дело о признании ОАО «Акционерный банк «Инкомбанк» банкротом. По мнению заявителя, положения федерального законодательства о банковской деятельности нарушают право граждан Российской Федерации свободно использовать свои способности и использовать их (как и свое имущество) для осуществления занятий предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельностью. Данные положения в совокупности противоречат положениям ч.3 ст. 55 Конституции РФ.

Так, в соответствии с положениями законодательства, в качестве основания для отзыва лицензии следует считать фактическую невозможность кредитной организации исполнить свои обязательства, при этом обязательства в иностранной валюте учитывались по курсу ЦБ РФ на момент отзыва лицензии. В данном случае заявитель посчитал, что с учетом высокого уровня инфляции, произошло нарушение права гражданина на равноценное возмещение сделанного банковского вклада.

Конституционный Суд РФ в своем определении отметил, что анализируемые положения законодательства не содержат положения, которые предусматривали бы порядок осуществления расчетов с гражданами при истребовании валютных вкладов, а лишь предусматривали общие положения, связанные с учетом использования денежных обязательств в иностранной валюте. При этом отдельные положения, которые предусматривали данный порядок содержатся уже в Положениях об отзыве лицензии, которое соответственно рассматривается как подзаконный нормативно-правовой акте. Таким образом, оспариваться должны не положения федерального законодательства, а положения, закрепленные в

[1]Определение Конституционного Суда РФ от 13.10.2022 N 2669-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Юшковой Ксении Андреевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 179 Гражданского кодекса Российской Федерации»// Доступно из справочно-поисковой системы «Консультант-Плюс»; Немова, Н. Ю. Роль конституционного суда Российской Федерации в развитии контрольно-надзорных функций в общественных отношениях: история и современность / Н. Ю. Немова, В. П. Григонис // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 2(55). – С. 63-70. – EDN RHSYIQ.

[2]Усольцева Н.А., Усольцев Ю.М. Свобода договора: особенности отношений с кредитными организациями // Colloquium-journal. - 2019. - №27 (51). – С.165-167.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 23 февр. 1999 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко» // Доступно из справочно-поисковой системы «Консультант-Плюс»

[4]Определение Конституционного Суда Российской Федерации по запросу Арбитражного суда города Москвы о проверке конституционности пунктов 1 и 4 части четвертой статьи 20 Федерального закона "О банках и банковской деятельности: Определение Конституционного Суда РФ от 5 ноября 1999 г. N 182-О // Доступно из справочно-поисковой системы «Консультант-Плюс»

подзаконном нормативно-правовом акте, что соответственно не входит в компетенцию КС РФ.

В другом схожем определении КС РФ[1] было отмечено, что кредитная организация не может оспаривать изданные акты административно-властного характера, которые выносятся в форме предписаний в порядке конституционного судопроизводства, поскольку данные решения в свою очередь должны оспариваться в соответствии с положениями гражданского и арбитражного законодательства (в том числе относительно правомерности и законности применения отдельных ограничительных мер).

Правовые проблемы, связанные с обжалованием ненормативных актов Центрального Банка России продолжали в последующем рассматриваться в процессе рассмотрения заявлений о признании недействительными решениями ЦБ РФ об отзыве лицензии. В одном из заявлений в КС РФ заявителем отмечалось, что в настоящее время положения законодательства о банковской деятельности содержат несоразмерный вид ответственности (в виде отзыва лицензии) за совершение незначительного нарушения законодательства о банковской деятельности.

В своем Определении КС РФ[2] отмечал, что Центральный Банк РФ может осуществить отзыв лицензию в случае, если банковские операции не осуществляются в течении определенного периода времени, если банковская организация не исполняет положения федерального законодательства и нормативных актов РФ, которые регулируют банковскую деятельность, а также если в течение года к кредитной организации неоднократно применялись меры, предусмотренные положениями федерального законодательства.

По мнению КС РФ, данные ограничения установлены с целью соблюдения кредитными организациями нормативно-правовых актов, которые регулируют банковскую деятельность, в том числе для практической реализации мер, направленных на противодействие легализации (отмыванию) доходов, которые были получены преступным путем. Иными словами, данные меры предпринимаются для реализации положений Конституции РФ. Соответственно, в данном случае следует говорить о том, что отзыв лицензии рассматривается как правовая мера (санкция), которая возникает в случае неисполнения правовых предписаний законодательства, совершенные неоднократно. На основании вышеизложенного, Конституционный суд РФ пришел к выводу о том, что данные положения ФЗ «О банках и банковской деятельности» не нарушают положения Конституции РФ, а призваны обеспечить их исполнение. Между тем, остается правовая неопределенность относительно того, как Конституционный суд РФ рассматривает санкцию с точки зрения характера данной правовой меры (например, не определено, является ли данная санкция превентивной, пресекательной или направленной на защиту прав и законных интересов участников правоотношений)[3]. Суд отмечает, что санкция в виде отзыва лицензии является допустимой, поскольку в данном случае обеспечивается реализация конституционных норм, что соответственно не позволяет считать нормы федерального законодательства неконституционными.

Существуют между тем и другие примеры из судебной практики Конституционного суда РФ, оспаривающие положения ст. 20 ФЗ «О банках и банковской деятельности РФ». Так, банк «ЮГРА» оспаривал конституционность данного положения, поскольку по мнению заявителя, совершение неоднократного нарушения в течение определенного периода времени как основание для отзыва лицензии является прямым нарушением положений Конституции РФ. Заявителем отмечается, что первоначально ЦБ РФ должен направить предписания об устранении допущенных нарушений и лишь после чего осуществляется процесс отзыва лицензии. Однако, в данном случае ЦБ РФ не осуществляет повторную оценку действий, которые предпринимает кредитная организация для устранения допущенных в деятельности кредитной организации нарушений. По мнению заявителя, в подобном случае происходит нарушение принципов разумности и справедливости.

По мнению Конституционного суда, в данном случае нет нарушений положений Конституции РФ, поскольку решение об отзыве лицензии рассматривается как решение Банка России, которое принимается в порядке и в соответствии с основаниями, которые предусмотрены действующим законодательством. При этом, данное решение не влечет за собой прекращение деятельности юридического лица, а лишь означает, что кредитная организация не имеет право на осуществление банковских операций. Подобное решение ЦБ РФ рассматривается как исключительная мера воздействия, которая применяется к кредитной организации, которая допускает прямое нарушение положений федерального законодательства[4].

Таким образом, Конституционный суд РФ рассматривает отзыв лицензии как вид юридической ответственности, который возлагается на кредитную организацию в результате прямых нарушений требований законодательства РФ, что соответственно позволяет считать данные меры как предупредительные и ограничительные.

Достаточно широкое количество нормативно-правовых актов в настоящее время регламентирует процесс предоставления потребительских кредитов физическим лицам, при этом отдельные действия банков, связанные с заключением и исполнением кредитных договоров, а также их некоторые условия достаточно часто рассматриваются как действия, которые нарушают требования гражданского и административного законодательства[5]. В данном случае достаточно «размытый» предмет нормативно-правового регулирования создает процент для нарушения прав и законных интересов заёмщиков. Так, КС РФ[6] отмечается, что *договор потребительского кредита обязывает банковскую организацию*

[1]Определение Конституционного Суда РФ от 14.12.2000 N 268-О " По запросу Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности части третьей статьи 75 Федерального закона "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Доступно из справочно-поисковой системы «Консультант-Плюс»

[2]Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 N 1700-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью "Коммерческий банк строительной индустрии "Стройиндбанк" на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 6 части первой статьи 20 Федерального закона "О банках и банковской деятельности» // Доступно из справочно-поисковой системы «Консультант-Плюс»

[3] Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.

[4]Определение Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 N 866-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы публичного акционерного общества Банк "ЮГРА" на нарушение конституционных прав и свобод подпунктами 1 и 2 пункта 1 статьи 189.31, статьей 189.47 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", а также пунктом 6 части первой статьи 20 Федерального закона "О банках и банковской деятельности» // Доступно из справочно-поисковой системы «Консультант-Плюс»

[5]Лысова-Бахарева Ю.В. Обеспечение равенства прав заемщиков-потребителей в правоотношениях с кредиторами и займодавцами: правовое регулирование и судебная практика // Имущественные отношения в РФ. - 2021. - №12 (243). – С.75-90.

[6]Постановление Конституционного Суда РФ от 23 февр. 1999 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко» // Доступно из справочно-поисковой системы «Консультант-Плюс»

предоставлять потребителям всю информацию о содержании банковских услуг, которые включены в кредитный договор, при этом данные заявления должны быть сделаны в форме публичной оферты, которая обязывает сделавшее ее лицо к последующему заключению договора. Данное обстоятельство подчеркивает необходимость обеспечения защиты прав и законных интересов потребителя, который рассматривается как более уязвленная сторона кредитных правоотношений.

Кроме того, решения КС РФ содержат в себе разъяснения, которые являются отражением порядка решения наиболее актуальных и противоречивых вопросов, возникающих в процессе применения положений материального права. Между тем, в практической деятельности достаточно часто возникают и спорные вопросы, связанные с неоднозначными решениями КС РФ. Так, например, КС РФ, определил, что правило о единственном пригодном для проживания жилом помещении не распространяется на имущество, которое находится в залоге в соответствии с ипотечным договором, что фактически, по нашему мнению, следует рассматривать как нарушение базового конституционного права на жилое помещение.

Спорным следует считать решение КС РФ[1], о том, что совершение сотрудником органов дел преступления способствует формированию негативного отношения к органам внутренних дел и органам государственной власти в целом, осуществляет деформацию нравственных оснований в обществе, подрывает уважение к закону и как следствие предполагает допустимость поиска законодателем мер уголовно-правового реагирования на совершение данных преступлений, что соответственно нашло свое выражение в усиление ответственности за совершение преступления сотрудников органов внутренних дел, что фактически, по нашему мнению демонстрирует неравноправие правового статуса граждан.

Фактически в данном случае создается прецедент, когда не обеспечивается равенство сотрудника полиции по отношению к другим гражданам Российской Федерации, что фактически указывает на нарушение ст. 19 Конституции РФ[2], гарантирующей равенство всех гражданам перед законом или судом, вне зависимости от каких-либо факторов, в том числе должностного положения.

Постановлением Конституционного суда РФ[3] отмечается, что основное назначение исполнительного иммунитета заключается в том, чтобы в любом случае сохранить право собственности на жилое помещение, не допустив при этом нарушение других прав и законных интересов граждан. Иными словами, данное постановление вступает в некоторое противоречие с законодательными нормами, поскольку несмотря на то, что лишение граждан конституционного права на жилье является не допустимым, законодательством между тем не разработаны механизмы, которые позволил бы осуществить защиту прав заемщика при возникновении какой-либо конфликтной ситуации.

Следует отметить важность деятельность КС РФ при защите конституционных прав граждан, которые являются участниками уголовного судопроизводства. Так, например, достаточно часто предметом рассмотрения КС РФ становятся положения уголовно-процессуального законодательства и их соответствия положениям Конституции РФ.

Так, гр. К, считая, что положения законодательства, которые наделяют следователя правом без судебного решения получать сведения, составляющие банковскую тайну, не соответствуют правовым позициям Конституции РФ. Между тем, Определением КС РФ, в удовлетворении данной жалобы было отказано, поскольку в данном случае было указано на объективную оправданность и обоснованность различий в процедуре проведения доказательств путем проведения выемки (как следственного действия) и направления запроса.[4]

Решениями КС РФ также достаточно часто рассматривается порядок практической реализации отдельных принципов уголовно-процессуального права, которые нарушаются в рамках современного уголовного процесса. Так, например, КС РФ отмечает, что *использование принципа обеспечения защиты лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве еще не лишает сторон возможности осуществлять участие в состязательном процессе и не лишает сторон их каких-либо прав. То есть, стороны не лишены возможности задавать дополнительные вопросы, заявлять ходатайства о проведении процессуальных действий и т.п.*[5]

В другом примере из практики, отмечается, что современными положениями УПК РФ, предусмотрены отдельные случаи свидетельского иммунитета, которые некоторыми авторами называются «абсолютными»[6].

В рассматриваемом случае предполагается, что лица, конкретизированы в положениях ст. 56 УПК РФ, даже их желании дать показания не могут быть допрошены (за исключением, адвоката, защитника или Уполномоченного по правам человека). Подобная позиция была поддержана в том числе и Конституционным Судом РФ, который отметил, что *адвокат может давать показания в том числе и обстоятельствах оказания им юридической помощи в тех случаях, когда сам подзащитный заинтересован в оглашении тех или иных сведений*[7].

Преобладающее значение отводится соблюдению принципа адвокатской тайны, который заключается в том, что не допускается разглашение сведений, которые были получены на конфиденциальной основе в процесс взаимодействия адвоката и его подзащитного, поскольку в

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 08.12.2011 N 1623-О-О "По запросу Лабытнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта "о" части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации" // «Справочно-поисковая система «Консультант-Плюс» [Электронный источник: https://www.garant.ru/]

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31, ст. 4398.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 N 15-П "По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова" // [Электронный источник: «Судебные и нормативные акты РФ» - https://sudact.ru]

[4] Определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 № 210-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кополева Сергея Васильевича на нарушение его конституционных прав статьями 21, 165, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 4 и 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» // Доступно из справочно-поисковой системы «Консультант-Плюс»

[5] Определение Конституционного Суда РФ от 21.04.2005 N 240-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ермакова Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 166, частью пятой статьи 193 и частью пятой статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // [Электронный источник: URL: https://sudact.ru/regular/doc]

[6] Загорьян С.Г. Некоторые проблемные вопросы института свидетельских показаний // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. - 2020. - №3 (15). – С.191-199.

[7] Определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 N 108-О "По жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"// [Электронный источник: справочно-поисковая система «Консультант-Плюс»]

данном случае преобладающее значение отводится принципу построения доверительных отношений между ними.

Судебные инстанции, рассматривая возникающие правовые споры, связанные с обеспечением прав подсудимого на защиту в ходе судебного разбирательства с участием анонимного свидетеля (то есть лица, к которому применены некоторые меры государственной защиты) приходят к мнению о том, что участие такого лица в ходе судебного разбирательства не является безусловным основанием для того, чтобы ставить под сомнение достоверность доказательства[1] полученного подобным способом, поскольку судом учитывается принцип непосредственности и устности судебного разбирательства и осуществляется проведение допроса данных лиц с использованием средств, исключающих визуальное наблюдение за свидетелем. Подобной позиции также придерживается и Конституционный Суд РФ[2].

Кроме того, решениями КС РФ осуществляется защита и участников уголовного судопроизводства, которые являются сотрудниками органов внутренних дел и иных правоохранительных органов. *Так, например, в практической деятельности широко известны случаи допроса оперативных сотрудников в качестве свидетелей, однако, возникает дискуссионный вопрос относительно пределов проведения подобного допроса, поскольку оперативно-розыскная деятельность основана в том числе на принципах конспирации, сочетания гласных и негласных методов работы (ст.3 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности), что позволяет сделать вывод о том, что ряд сведений с которыми работает оперативный сотрудник может составлять в том числе и государственную тайну, разглашение которой не допускается. В связи с чем, опираясь на изложенное в Определении КС РФ[3], можно прийти к выводу о том, что лицо, осуществляющее оперативно-розыскную деятельность все же может быть допрошено в качестве свидетеля, однако относительно обстоятельств, которые непосредственно не связаны с осуществлением данным лицом оперативно-розыскной деятельности.*

Результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод о достаточно разноплановой деятельности Конституционного Суда РФ, который в совокупности осуществляет полномочия по защите прав и законных интересов граждан, соблюдения соответствия законодательных норм положениями основного закона Российской Федерации – Конституции РФ.

Список литературы:

1. Гриднева О.В., Шаповалов Д.А., Настюк П.В. Статус смарт-контракта с позиции доктрины российского и международного права // Юридическая наука. - 2022. - №3. – С.12-18.
2. Загорьян С.Г. Некоторые проблемные вопросы института свидетельских показаний // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. №3(15). С.191-199.
3. Лысова-Бахарева Ю.В. Обеспечение равенства прав заемщиков-потребителей в правоотношениях с кредиторами и займодавцами: правовое регулирование и судебная практика // Имущественные отношения в РФ. - 2021. - №12 (243). – С.75-90.
4. Усольцева Н.А., Усольцев Ю.М. Свобода договора: особенности отношений с кредитными организациями // Colloquium-journal. 2019. №27(51). С.165-167.
5. Кайнов, В. И. О правовом подходе Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации к вопросу «лекарственного опьянения» военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 5(310). – С. 52-57. – EDN ZLJVZE.
6. Назарова, И. С. Актуальные аспекты сущности дефиниции конституционного права / И. С. Назарова, Д. И. Назаров, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 8(224). – С. 21-24. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_8_21. – EDN YHWGFA.
7. Шеншин, В. М. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в правовом регулировании административно-юрисдикционной деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Правовое регулирование и научно-технический прогресс : Коллективная монография / Под редакцией Г.Ф. Гараевой, В.В. Ковалево. – Краснодар : Общество с ограниченной ответственностью "Издательский Дом - Юг", 2021. – С. 142-148. – EDN MTLGLO.
8. Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.
9. Шеншин, В. М. Об отдельных решениях Конституционного Суда Российской Федерации, оказывающих воздействие на административно-юрисдикционную деятельность Росгвардии при обеспечении ею государственной и общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2020. – № 11(280). – С. 79-87. – EDN XOFDVS.
10. Строков, С. А. Конституционное право Российской Федерации : Учебное пособие для военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии / С. А. Строков, И. С. Назарова, В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Санкт-Петербург - Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2018. – 160 с. – EDN FMOGLI.
11. Немова, Н. Ю. Роль конституционного суда Российской Федерации в развитии контрольно-надзорных функций в общественных отношениях: история и современность / Н. Ю. Немова, В. П. Григонис // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 2(55). – С. 63-70. – EDN RHSYIQ.

References:

1. Gridneva O.V., Shapovalov D.A., Nastyuk P.V. The status of a smart contract from the standpoint of the doctrine of Russian and international law // Legal science. - 2022. - No. 3. – pp.12-18.
2. Zagoryan S.G. Some problematic issues of the Institute of witness testimony // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. - 2020. - №3 (15). – Pp.191-199.
3. Lysova-Bakhareva Yu.V. Ensuring equality of rights of consumer borrowers in legal relations with creditors and lenders: legal regulation and judicial practice // Property relations in the Russian Federation. - 2021. - №12 (243). – Pp.75-90.
4. Usoltseva N.A., Usoltsev Yu.M. Freedom of contract: features of relations with credit institutions // Colloquium-journal. - 2019. - №27 (51). – Pp.165-167.
5. Kainov, V. I. On the legal approach of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation to the issue "drug intoxication" of military personnel and law enforcement officers / V. I. Kainov, I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2023. – № 5(310). – Pp. 52-57. – EDN ZLJVZE.
6. Nazarova, I. S. Actual aspects of the essence of the definition of constitutional law / I. S. Nazarova, D. I. Nazarov, V. M. Shenshin // Agrarian and land law. – 2023. – № 8(224). – Pp. 21-24. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_8_21. – EDN YHWGFA.
7. Shenshin, V. M. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the legal regulation of the administrative and jurisdictional activities of the Rosgvardiya / V. M. Shenshin // Legal regulation and scientific and technical progress : A collective monograph / Edited by G.F. Garayeva, V.V. Kovalevo. Krasnodar : Limited Liability Company Publishing House - Yug, 2021. pp. 142-148. EDN MTLGLO.
8. Grigonis, V. P. Constitutional amendments adopted in 2020 as a factor increasing the security of the state / V. P. Grigonis, N. Y. Nemova // Right. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 3(56). – Pp. 39-44. – EDN KEWNXE.
9. Shenshin, V. M. On individual decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation that affect the administrative and jurisdictional activities of the Russian Guard while ensuring state and public security / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2020. – № 11(280). – Pp. 79-87. – EDN XOFDVS.
10. Strokov, S. A. Constitutional law of the Russian Federation : A textbook for military personnel and employees of the National Guard troops / S. A. Strokov, I. S. Nazarova, V. M. Shenshin ; St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. – Saint Petersburg - Belgorod : Epicenter Limited Liability Company, 2018. 160 p. – EDN FMOGLI.
11. Nemova, N. Y. The role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the development of control and supervisory functions in public relations: history and modernity / N. Y. Nemova, V. P. Grigonis // Pravo. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 2(55). – Pp. 63-70. – EDN RHSYIQ.

[1] Назарова, И. С. Актуальные аспекты сущности дефиниции конституционного права / И. С. Назарова, Д. И. Назаров, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 8(224). – С. 21-24. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_8_21. – EDN YHWGFA.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 21.04.2005 N 240-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ермакова Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 166, частью пятой статьи 193 и частью пятой статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // [Электронный источник: справочно-поисковая система «Консультант-Плюс»]; Шеншин, В. М. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в правовом регулировании административно-юрисдикционной деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Правовое регулирование и научно-технический прогресс : Коллективная монография / Под редакцией Г.Ф. Гараевой, В.В. Ковалево. – Краснодар : Общество с ограниченной ответственностью "Издательский Дом - Юг", 2021. – С. 142-148. – EDN MTLGLO.

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 6 февраля 2004 г. N 44-О "По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями ст. 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"// [Электронный источник: справочно-поисковая система «Консультант-Плюс»]

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_532

УДК 94(3)

РИМ ПРОТИВ ПИРАТОВ В I В. ДО Н.Э.: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ПАДЕНИЕ КВАЗИГОСУДАРСТВА ЗЕНИКЕТА
ROME AGAINST PIRATES IN THE 1ST CENTURY BC: THE RISE AND FALL OF THE QUASI-STATE OF ZENIKETES

ГВОЗДЕВА Инна Андреевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры «История древнего мира»
ФГОБУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова» (МГУ).
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1.
E-mail: innagvozdeva@mail.ru;
НИКИШИН Владимир Олегович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры «История древнего мира»
ФГОБУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова» (МГУ).
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1.
E-mail: cicero74@mail.ru
GVOZDEVA Inna Andreevna,
PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department "History of the Ancient World"
Moscow State University named after M. V. Lomonosov (MSU).
1. Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia.
E-mail: innagvozdeva@mail.ru;
NIKISHIN Vladimir Olegovich,
PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department "History of the Ancient World"
Moscow State University named after M. V. Lomonosov (MSU).
1. Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia.
E-mail: cicero74@mail.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена теме борьбы Римской республики с пиратством, которое к середине I в. до н.э. стало едва ли не самой главной проблемой для всего античного Средиземноморья. Некоторым предводителям пиратов удавалось создать собственные квазигосударства и даже стать царями. Одним из таких предводителей был Зеникет, который сумел подчинить своей власти всё восточное побережье Ликии и принял царский титул. «Столицей» пиратского квазигосударства Зеникета был город Олимп. Поскольку Зеникет принял сторону Митридата VI Эвпатора, он стал врагом Рима. В 78/77 г. до н.э. римские войска взяли штурмом, разграбили и разрушили Олимп, а сам Зеникет покончил с собой.*

Abstract: *The article is devoted to the struggle of the Roman Republic against piracy, which by the middle of the first century BC had become perhaps the most important problem for the entire ancient Mediterranean. Some pirate leaders managed to create their own quasi-states and even become kings. One of these leaders was Zeniketes, who managed to subjugate the entire eastern coast of Lycia and assumed the royal title. The «capital» of the pirate quasi-state of Zeniketes was the city of Olympus. Since Zeniketes sided with Mithridates VI Eupator, he became an enemy of Rome. In 78/77 BC Roman troops stormed, plundered and destroyed Olympus, and Zeniketes himself committed suicide.*

Ключевые слова: *Зеникет, Страбон, пиратское квазигосударство, Ликийский койнон, Митридат VI Эвпатор, Малая Азия, Киликия, Олимп.*

Keywords: *Zeniketes, Strabo, pirate quasi-state, Lycian koinon, Mithridates VI Eupator, Asia Minor, Cilicia, Olympus.*

Для цитирования: *Гвоздева И.А., Никишин В.О. Рим против пиратов в I в. до н.э.: возникновение и падение квазигосударства Зеникета // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 532-535. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_532.*

For citation*: Gvozdeva I.A., Nikishin V.O. Rome against Pirates in the 1st century BC: the Rise and fall of the quasi-state of Zeniket // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 532-535. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_532.*

Статья поступила в редакцию: 22.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Политическую обстановку I в. до н.э. в Малой Азии греко-римский историк и географ Страбон охарактеризовал как время авантюристов и разбойников, когда «многочисленные тираны пытались завладеть страной и там возникли разбойничьи шайки» (XIV. 5. 10. Здесь и далее в пер. Г.А. Стратановского). У Страбона речь идёт о переходном периоде или своего рода исторической «пересменке», когда эллинистические монархии либо вовсе исчезли, либо пришли в упадок и *уже* не контролировали ситуацию в регионе, тогда как римское господство *ещё* не полностью в нём утвердилось. В этих своеобразных условиях в Средиземноморье появилась третья сила – пиратство. Многочисленные разбойники, промышлявшие на суше и на море, прекрасно организованные и вооружённые, за короткий срок стали представлять собой мощный военный фактор, серьёзно влиявший на политическую ситуацию в регионе [1, с. 87]. С этой силой не всегда удавалось справиться даже тем римским военачальникам, которые получали «от сената и народа римского» чрезвычайные полномочия именно для борьбы с пиратством. Пример – претор Марк Антоний Критский, дед триумвира, который в 74–71 гг. до н.э. без особого успеха воевал с пиратами не только в Западном, но и в Восточном Средиземноморье и умер в ходе этой войны (Cic. Verr. II. 2. 8; 3. 213; Vell. II. 31. 3; Ps.-Asc. 202; 259 St.; Sall. Hist. III. 2 Maur.; App. Sic. 6. 1–2; Flor. I. 42. 2–3; Liv. Per. 97) [2, с. 113–118]. Символично, что в 67 г. до н.э. Средиземноморье очистил от пиратов Гней Помпей Магн, а спустя 25 лет его сын, Секст Помпей, организовал на Сицилии, Сардинии и Корсике пиратскую «республику» (42–36 гг. до н.э.), территорию которой он планировал использовать в качестве плацдарма для высадки в Италии и захвата власти в Риме.

Даже если местные династы и парадинасты никак не были связаны с разбойничьими или пиратскими шайками, но имели несчастье

своими действиями навлечь на себя недовольство римских властей, то последние старались «обесценить» их в публичном праве как latrones или leistai, т.е. «разбойников» [3, p. 76]. Между тем деградация, политический упадок и прогрессирующий распад государства Селевкидов привели к тому, что на рубеже II–I вв. до н.э. в Восточном Средиземноморье возник политический вакуум в том смысле, что прежнего гегемона – Селевкидов – не стало, а новый – Рим – ещё не добился абсолютного господства в регионе. Благодаря этому обстоятельству невероятного могущества достигло организованное пиратство, чьи эскадры базировались в основном в портах Киликии. В период Митридатовых войн (89–63 гг. до н.э.) размах пиратства достиг беспрецедентных масштабов, охватив также Западное Средиземноморье, во многом благодаря активной поддержке пиратских объединений со стороны Митридата VI Эвпатора. Как отмечает Аппиан в «Митридатике», в самом начале военного противостояния с Римом царь решил использовать против римлян подвластные ему ватаги разбойников, «которые вначале плавали, как обычно у пиратов, на небольших и немногочисленных быстроходных судах и грабили; когда же война стала затягиваться, их стало появляться больше, плавали они уже на больших кораблях» (Mithr. 92. Здесь и далее в пер. С.П. Кондратьева). После поражения Митридата привыкшие к лёгким деньгам флибустьеры не оставили своего опасного промысла. Поначалу использовавшие лёгкие суда, в дальнейшем эти отчаянные люди «стали плавать уже на биремах и триерах, причём у них были разбойничьи военачальники, как в настоящей войне. Они нападали на неукреплённые города, стены других городов они или подкапывали, или разбивали, или брали штурмом и разграбляли, а людей побогаче отвозили до пристаней в расчёте на выкуп. И эти доходы, обижаясь уже на прозвание пиратов, они называли военным жалованьем» (loc. cit.). Как известно, в 78 или 76 г. до н.э. сам Гай Юлий Цезарь (будущий диктатор) побывал в плену у пиратов (Plut. Caes. 1. 4 – 2. 4; Vell. II. 41. 3 – 42. 3; Suet. Iul. 4. 1–2; 74. 1; Val. Max. VI. 9. 15; Poliaen. VIII. 23. 1).

Судя по сведениям Аппиана, пиратский быт отличался высоким уровнем организации: их предводители сумели создать на редкость эффективную систему производства оружия и снабжения всем необходимым, включая лес и металлы (Mithr. 92). Наконец, самое главное: «Уже не считая своего занятия разбоем, они приравнивали себя к царям и тиранам, считали себя большим военным лагерем и полагали, что, объединившись, они будут непобедимыми; они сами себе строили корабли и производили оружие. Главным местом стоянки для них всех или их лагерем была так называемая Суровая Киликия; но они имели повсеместно гарнизоны и укреплённые пункты, пустынные острова и пристани» (loc. cit.). Поставив под свой контроль важнейшие морские коммуникации Средиземноморья, главари пиратов достигли беспримерного могущества; их эскадры, насчитывавшие сотни судов со многими тысячами человек экипажа, господствовали на море и терроризировали жителей побережья. Ситуация, когда пиратские предводители располагали не только военной, но и политической властью, создавали свои квазигосударственные образования, принимали титулы царей и династов, претендуя на роль субъектов международного права, – эта ситуация с каждым годом становилась всё более нетерпимой и вызывающей для римлян, которые с некоторых пор позиционировали себя в качестве единственных властителей Средиземноморья.

Расцвет пиратства объяснялся, во-первых, упомянутым политическим вакуумом в Восточном Средиземноморье и, во-вторых, экономической выгодой работорговли [4, p. 196–198]. Касаясь причин необычайно широкого распространения пиратства в средиземноморском регионе, Страбон пишет: «Восстание Трифона вместе с ничтожеством царей, преемственно правивших Сирией и одновременно Киликией, послужили киликийцам первым толчком для организации пиратских шаек. Ибо вслед за его восстанием подняли восстание и другие… В особенности побуждал к насилиям приносивший огромные выгоды вывоз рабов; ибо поимка рабов производилась легко, а рынок, большой и богатый, находился не особенно далеко, именно Делос, который был способен в один день принять и продать десятки тысяч рабов. Отсюда пошла даже поговорка: “Купец, приставай и выгружай корабль, всё продано”. Причина этого в том, что после разрушения Карфагена и Коринфа римляне разбогатели и нуждались в большом числе рабов. Ввиду такой лёгкости сбыта пираты появились в огромном количестве, они сами охотились за добычей и продавали рабов. Цари Кипра и Египта помогали им в этом, будучи врагами сирийцев. И родосцы не были друзьями с сирийцами, поэтому не оказывали им поддержки. Вместе с тем пираты под видом работорговцев непрестанно продолжали творить свои злодеяния. Римляне тогда ещё мало обращали внимания на племена за Тавром» (XIV. 5. 2). Делос стал порто-франко по решению римского сената в 167 г. до н.э. и оставался центром работорговли для всего Средиземноморья до тех пор, пока Митридат VI Эвпатор не положил этому конец в 88 г. до н.э.

Почему же римские власти на протяжении довольно длительного времени не обращали внимания на проблему пиратства? Во-первых, благодаря работорговле загружались производственные мощности Римской республики в рабовладельческих поместьях, в ремесленных мастерских и на рудниках, а киликийские пираты со временем стали доминировать в этом на редкость прибыльном бизнесе и, таким образом, сделались основными поставщиками рабочей силы для римской экономики. Во-вторых, порабощение людей в провинциях, зависимых и союзных царствах также осуществлялось в огромных масштабах римскими публиканами – откупщиками, банкирами и коммерсантами, которые нередко действовали в сговоре с провинциальными властями. Дело дошло до того, что вифинский царь Никомед III Эвергет в 104 г. до н.э. в ответ на просьбу о присылке вспомогательных войск заявил, что множество его подданных, способных носить оружие, томятся в рабстве, будучи проданы публиканами (Diod. XXXVI. 3. 1). То, что в рабство продавали свободных людей, видимо, никого из представителей римской правящей и финансовой элиты особо не волновало. По сообщению Страбона, в памфилийском городе Сиде киликийцы продавали «пленников с аукциона, хотя и признавали их свободными» (XIV. 3. 2). Характерно, что те самые города, где продавали в рабство свободных людей, находились под контролем пиратских главарей; так, Олимп, Корик и Фаселис какое-то время находились под властью архипирата Зеникета, создавшего небольшое пиратское квазигосударство.

Важно отметить, что базы пиратов находились не только в Киликии, которая, как сообщает Страбон (XIV. 5. 1), делилась на две области – Трахею и Педиаду, но и в Ликии, и в Памфилии; несмотря на это, словосочетание «киликийские пираты» стало настолько расхожим, что

превратилось в своего рода литературный штамп (Strabo. XIV. V. 2; App. Mithr. 92; Plut. Pomp. 24). Оно и понятно: как пишет М.Г. Абрамзон, «бедность горного региона Киликии заставляла жителей либо становиться разбойниками и пиратами, либо покидать страну и служить наёмниками» [1, с. 37]. Поэтому римляне всех пиратов называли киликийцами (App. Mithr. 92). Между тем, по сведениям всё того же Аппиана, среди пиратов, помимо киликийцев, были сирийцы, киприоты, памфилийцы и понтийцы (loc. cit.). В массе своей это были бывшие наёмники Митридата VI Эвпатора, нашедшие для себя, как им, очевидно, представлялось, менее опасное и более прибыльное ремесло, нежели война с римскими легионами. Пираты контролировали множество портов, располагали более чем тысячей кораблей и имели сотни баз по всему Средиземному морю (Plut. Pomp. 24). В итоге к началу I в. до н.э., как пишет Плутарх, «могущество пиратов распространилось почти что на всё Средиземноморье, так что море стало совершенно недоступным для мореходства и торговли» (ibid. 25. Здесь и далее в пер. Г.А. Стратановского. Ср.: Cic. Leg. Manil. 32–33). Как сообщает Аппиан, в конце первой войны римлян с царём Митридатом VI Эвпатором на побережье Малой Азии «совершенно открыто нападали многочисленные разбойничьи шайки, что напоминало скорее военные походы, чем разбойничьи налёты. В прежнее время их выпустил в море Митридат, когда он опустошил всё, что он не надеялся удержать в своей власти на долгое время; тогда же их развелось огромное количество, и они открыто нападали не только на плывущих, но и на гавани, местечки и даже города. На глазах у Суллы они захватили Наксос, Самос, Клазомены и Самофракию, а святилище Самофракии ограбили они, как считают, на сто талантов» (Mithr. 63).

Пираты долго испытывали терпение римских властей (Dio Cass. XXXVI. 23. 2), словно издеваясь над ними и бравируя собственной безнаказанностью. «Подвиги» морских разбойников ярко живописует Плутарх в биографии Помпея Магна (Pomp. 24. Ср.: Cic. Leg. Manil. 31–33; Dio Cass. XXXVI. 20. 1 – 23. 1; App. Mithr. 93). Некоторые города на побережье активно сотрудничали с пиратами, получая свою долю прибыли от криминального промысла [5, p. 223]. По словам Страбона, «они или сами занимались пиратством, или же предоставляли пиратам свои гавани для сбыта добычи и в качестве якорных стоянок» (Strabo. XIV. 3. 2. Ср.: Dio Cass. XXXVI. 20. 4; Cic. Verr. II. 4. 21). Другие общины, как могли, боролись с пиратами в одиночку, своими силами [4, p. 199–200].

Первые мероприятия Рима против пиратов – военные акции Марка Антония Оратора в 102–100 гг. до н.э., его сына Марка Антония Критского (Creticus) в 74–71 гг. до н.э., Луция Лициния Мурены в 84 г. до н.э., Гнея Корнелия Долабеллы и Гая Корнелия Верреса в 80 г. до н.э. – особого успеха не имели. Так, несмотря на победы Марка Антония Оратора (Liv. Per. 68; Cic. De orat. I. 82; Tac. Ann. XII. 62), морские разбои не прекратились, а пираты похитили дочь самого Антония, которому пришлось заплатить за неё немалый выкуп (Plut. Pomp. 24). В 78–74 гг. до н.э. проконсул Киликии Публий Сервилий Ватия Исаврик (Isauricus) провёл ряд победоносных кампаний против пиратов и сделал римскими данниками киликийцев и исавров (Cic. Verr. II. 1. 56–57; 5. 66; 79; Leg. agr. I. 5; II. 50; Sall. Hist. I. 129–130; Liv. Per. 90; 93; Strabo. XII. 6. 2; XIV. 3. 3; 5. 7; Vell. II. 39. 2; Eutrop. VI. 3; Oros. Hist. V. 23. 21–22; Amm. Marc. XIV. 8. 4; Flor. I. 41. 4–5). Впрочем, по мнению Аппиана, акция Сервилия Исаврика [6, p. 35–56; 7, p. 1169–1176] ничего не дала, поскольку в дальнейшем пираты стали нападать на побережье Италии и Сицилии (Mithr. 93. Ср.: Cic. Leg. Manil. 33; Plut. Pomp. 24; Vell. II. 32. 2; Flor. I. 41. 6; Dio Cass. XXXVI. 22. 1–2). Вскоре под угрозой оказались и морская торговля, и продовольственное снабжение Рима [4, p. 206].

Наиболее мощный удар по пиратским объединениям нанёс в 67 г. до н.э. Гней Помпей Магн, получивший на основании закона Габиния экстраординарный империй с чрезвычайными полномочиями. Под его командование перешло всё Средиземное море и прибрежные районы примерно на 75 км вглубь материка. Кроме того, он получил неограниченные средства, право осуществлять набор войск и флот из 500 кораблей. За несколько недель Помпею удалось победить пиратов и восстановить безопасность в бассейне Средиземного моря (Cic. Leg. Manil. 34–35; Flac. 29; App. Mithr. 95; Vell. II. 32. 4–5; Flor. I. 41. 15; Strabo. XIV. 3. 3). Он же попытался бороться с пиратством иными методами: как пишет Веллей Патеркул, Помпей «свёл остатки пиратов в отдалённые от моря города, назначив им определённые места обитания… Ведь дав возможность пиратам жить без грабежа, он удержал их от разбоев» (Vell. II. 32. 5–6. Пер. А.И. Немировского и М.Ф. Дашковой. Ср.: Dio Cass. XXXVI. 37. 5; Plut. Pomp. 28). Действия Помпея можно рассматривать как образец «примирительной социальной политики» Рима [3, p. 77–78]. Однако впоследствии римские власти стали сгонять бывших пиратов с земли (Cic. Att. XVI. 1. 3), и постепенно пиратский промысел в Средиземноморье вновь расцвёл пышным цветом (Cic. Leg. agr. II. 80; Dio Cass. XXXIX. 56. 1; 56. 5; 59. 2). Таким образом, даже грандиозная по своему размаху и задействованным в ней силам и средствам акция Помпея Магна не пресекла на корню застарелое зло. По иронии судьбы, 25 лет спустя благодаря действиям сына великого полководца, Секста Помпея Магна, создавшего пиратское квазигосударство на Сицилии, Сардинии и Корсике, «открытое пиратство вновь распространилось по морю» (App. Bell. Civil. V. 77. Пер. А.И. Тюменева. Ср.: Vell. II. 73. 3; Flor. II. 18. 2; Manil. Astron. I. 919–921).

В числе тех «многочисленных тиранов», о которых упоминает Страбон (XIV. 5. 10), были Диодот-Трифон (Strabo. XIV. 5. 2), Антипатр из Дербы (Strabo. XII. 1. 4; 6. 3; Cic. Fam. XIII. 73. 2) и Зеникет [6, p. 40–42]. Все они располагали значительными воинскими формированиями и множеством военных судов, угрожая безопасности соседних областей, т.е. римских провинций. Особенно интересна фигура Зеникета [о Зеникете см.: 8, p. 2500–2502]. Этот удачливый и дерзкий предводитель киликийских пиратов где-то на рубеже II–I вв. до н.э. сумел подчинить своей власти всё восточное побережье Ликии – как пишет Страбон, «ему были подвластны Корик, Фаселида и много местностей в Памфилии» (XIV. 5. 7), – и даже принял царский титул [9, с. 133, прим. 9]. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что Зеникет позиционировал себя как суверенного правителя, и тому были веские основания: какое-то время при помощи подвластных ему пиратских эскадр этому новоявленному «царю» удавалось контролировать важнейшие торговые пути на море от Кипра до Киклад. «Столицей» пиратского квазигосударства Зеникета стал захваченный им город Олимп – один из шести главных городов Ликийского койнона, издавна являвшегося весьма влиятельным в регионе политическим и религиозным объединением (loc. cit.). Став резиденцией Зеникета, Олимп вышел из состава Ликийского койнона. По мнению М.Г. Абрамзона, «владея горой Солимой, Зеникет обезопасил себя от нападения с суши; с другой стороны, его безопасность гарантировалась союзом с

киликийскими пиратами на море» [1, с. 69].

Из-за того, что в ходе противостояния Рима и Митридата VI Эвпатора Зеникет принял сторону последнего, его владения стали одним из приоритетных объектов для карательных действий римских войск в ходе упомянутой военной акции проконсула Киликии Публия Сервилия Ватии Исаврика. В 78/77 г. до н.э. Публий Сервилий взял штурмом, разграбил и разрушил Олимп, а сам Зеникет, исчерпав все возможности к сопротивлению, покончил с собой. Страбон сообщает на сей счёт кое-какие подробности: «На горных вершинах Тавра лежат пиратское укрепление Зеникета и Олимп – гора и одноимённая крепость, откуда можно видеть всю Ликию, Памфилию, Писидию и Милиаду. После взятия горы Сервилием Исаврийским Зеникет сжёг себя и весь свой дом (πανοίκιον)» (XIV. 5. 7). Здесь πανοίκιον означает «со всем своим окружением», т.е. имеются в виду соратники Зеникета, которые, как пишет Плутарх, «справляли в Олимпе странные, непонятные празднества и совершали какие-то таинства; из них до сих пор ещё имеют распространение таинства Митры, впервые введённые ими» (Pomp. 24). Видимо, в данном случае имело место ритуальное самоубийство, ведь известно, что в обрядовой практике митраизма присутствовали мотив ритуальной смерти, «очищение огнём» и даже т.н. «мужской экстремизм», ведь женщины к участию в митраистских таинствах не допускались [10, с. 67–68, 74–75].

То, что в I в. до н.э. «разбойничьи государства» одно за другим возникали в Малой Азии, неслучайно: этому благоприятствовал в первую очередь местный ландшафт – к примеру, горы Тавра. Кроме того, такие области, как Киликия, Памфилия, Исаврия и Ликаония, в эту эпоху расцвета пиратства пользовались сомнительной славой самых «разбойничьих» районов греко-римского Средиземноморья. В целом ряде случаев предводители пиратов захватывали города с сельской округой, создавали буферные государства, становились тиранами и даже порой провозглашали себя царями. В глазах римских политиков все эти «цари» и династы были «разбойниками», latrones, поскольку опирались на частные вооружённые формирования. Однако отношение Рима к таким персонажам зависело главным образом от того, чью сторону они выбрали во время гражданской войны [3, p. 79].

Список литературы:

1. Абрамзон М.Г. Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II в. до н.э. – 74 г. н.э.). СПб.: Акра, Гуманитарная Академия, 2005. 249 с.
2. Смыков Е.В. Марк Антоний Критский – ординарный человек с неординарными полномочиями // Studia historica. Вып. 12. М., 2012. С. 105–118.
3. Grünewald Th. Bandits in the Roman Empire. Myth and Reality. L.; N.Y.: Routledge, 2004. P. 230.
4. Arslan M. Piracy on the Southern Coast of Asia Minor and Mithridates Eupator // Olba. 8. 2003. P. 189–213.
5. Ormerod H.A. Piracy in the Ancient World. An Essay in Mediterranean History. Liverpool: University Press of Liverpool, 1924. 286 p.
6. Ormerod H.A. The Campaigns of Servilius Isauricus against the Pirates // JRS. 12. 1922. P. 35–56.
7. Magie D. Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century after Christ. Vol. II. Princeton: Princeton University Press, 1950. 936 p.
8. Gundel H. S.v. Zeniketes // RE. Bd. IX A. 1967. S. 2500–2502.
9. Приходько Е.В. Сура – ликийское поселение с оракулом по рыбам. Ч. 1. Миры и Сура: история и руины // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. XIII. М., 2016. С. 127–192.
10. Иванов П.В. Распространение митраизма как проявление маскулинных тенденций в религиозной жизни поздней Римской империи // Вестник ТГУ. Вып. 4 (36). Сер. Гуманитарные науки. 2004. С. 64–75.

References:

1. Abramzon M.G. Roman Rule in the East: Rome and Cilicia (2nd century BC – 74 AD). St. Petersburg: Akra, Humanitarian Academy, 2005. 249 p.
2. Smykov E.V. Mark Antony of Crete – an Ordinary Man with Extraordinary Powers // Studia historica. Issue 12. Moscow, 2012. P. 105–118.
3. Grünewald Th. Bandits in the Roman Empire. Myth and Reality. L.; N.Y.: Routledge, 2004. P. 230.
4. Arslan M. Piracy on the Southern Coast of Asia Minor and Mithridates Eupator // Olba. 8. 2003. P. 189–213.
5. Ormerod H.A. Piracy in the Ancient World. An Essay in Mediterranean History. Liverpool: University Press of Liverpool, 1924. 286 p.
6. Ormerod H.A. The Campaigns of Servilius Isauricus against the Pirates // JRS. 12. 1922. P. 35–56.
7. Magie D. Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century after Christ. Vol. II. Princeton: Princeton University Press, 1950. 936 p.
8. Gundel H. S.v. Zeniketes // RE. Bd. IX A. 1967. S. 2500–2502.
9. Prikhodko E.V. Sura – a Lycian Settlement with a Fish Oracle. Part 1. Myra in Lycia and Sura: History and Ruins // Aristeas. Bulletin of Classical Philology and Ancient History. Vol. XIII. Moscow, 2016. P. 127–192.
10. Ivanov P.V. The Spread of Mithraism as a Manifestation of Masculine Tendencies in the Religious Life of the Late Roman Empire // Vestnik TSU. Issue 4 (36). Series: Humanities. 2004. P. 64–75.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_536

УДК.340.13

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
ISSUES OF IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF THE RULE OF LAW IN MODERN RUSSIA

ВЫСОЦКАЯ Людмила Петровна,
преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Кубанский государственный университет,
350000, Россия, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, д. 43
E-mail: ludmila.vysotskaya@mail.ru
ORCID ID 0000-0002-1824-1959

VYSOTSKAYA Ludmila Petrovna,
Lecturer, Department of Theory and History of State and Law
Kuban State University.
350000, Russia, Krasnodar, st. Rashpilevskaya, 43
E-mail: ludmila.vysotskaya@mail.ru
ORCID ID 0000-0002-1824-1959

Краткая аннотация: *В статье в качестве цели выступает обоснование необходимости анализа современных принципов правового государства на предмет наличия в них содержательных пробелов и неточностей, связанных с современными изменениями социальной жизни и государственно-правовой практики, а также целесообразности формирования механизмов реализации этих принципов. В ходе исследования был использован ряд общих и частнонаучных методов, в том числе: логические (определение, классификация, доказывание и т.д.), системно-структурный, сравнительный, формально-догматичекий и др. В современных условиях целый ряд принципов подлежат новой, более широкой трактовке, что диктуется современными социальными реалиями и потребностями. На сегодняшний день существуют определенные пробелы в трактовке ряда принципов. Кроме того, необходимо формировать систему воспитательных, ценностных, информационных, организационных и иных механизмов реализации принципов правового государства с участием не только государственных органов, но и институтов гражданского общества.*

Abstract: *The purpose of the article is to substantiate the need to analyze the modern principles of the rule of law for the presence of meaningful gaps and inaccuracies in them related to modern changes in social life and state legal practice, as well as the expediency of forming mechanisms for the implementation of these principles. During the research, a number of general and private scientific methods were used, including: logical (definition, classification, proof, etc.), system-structural, comparative, formal-dogmatic, etc. Conclusions: in modern conditions, a number of principles are subject to a new, broader interpretation, which is dictated by modern social realities and needs. To date, there are certain gaps in the interpretation of a number of principles. In addition, it is necessary to form a system of educational, value, informational, organizational and other mechanisms for the implementation of the principles of the rule of law with the participation of not only state bodies, but also civil society institutions.*

Ключевые слова: *правовое государство, принципы, механизмы, реализация.*
Keywords: *legal state, principles, mechanisms, implementation.*

Для цитирования: *Высоцкая Л.П. Вопросы реализации принципов правового государства в современной России // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 536-539. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_536.*
For citation*: Vysotskaya L.P. Issues of implementation of the principles of the rule of law in modern Russia // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 536-539. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_536.*

Статья поступила в редакцию: 10.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Концепция правового государства со времени своей разработки выступала не только привлекательной научной концепцией, но и практическим ориентиром деятельности для целого ряда государств. Вместе с тем, нужно иметь в виду, что классические принципы правового государства были обоснованы в принципиально другую историческую эпоху, что, хотя отнюдь не перечеркивает их ценность, однако ставит на повестку дня вопрос об их возможном содержательном видоизменении либо изменении их объема, объединении с другими принципами, выделении новых и т.д. Очевидно, что концепция правового государства и его базовых принципов сегодня нуждается в некотором переосмыслении, конкретизации и содержательном уточнении.

Исследование обозначенной проблематики ставит определенные задачи в плане использования методологии. Необходимость формирования и использования различных механизмов реализации принципов правового государства определяет целесообразность использования не только комплекса традиционно применяемых методов (прежде всего имеются в виду логические методы: определение, классификация, доказывание и опровержение и т.д.), но и социологических, связанных с исследованием общественных потребностей и ожиданий и их соотношения с принципами и идеалами правового государства.

Поскольку механизмы реализации принципов правового государства предполагаются как некие системы применяемых средств и процедур, то важную роль в исследовании соответствующей проблематики призван сыграть системно-структурный метод, задача которого, помимо прочего, состоит в определении места и роли конкретных применяемых средств, процедур, субъектов в соответствующем механизме, а также места и значения конкретного механизма в общей системе механизмов. Сегодня издается немало работ, связанных с ролью государства в современный период и теми характеристиками, которыми оно должно обладать, в том числе применительно к современным российским реалиям. В этом плане хотелось бы отметить монографию Ю.И. Скуратова «Евразийская традиция России и современные проблемы ее конституционно-пра-

вового развития»[1], статьи Д.А. Авдеева[2], Н.М. Добрынина[3], Ю.А. Тихомирова[4], Е.А. Фроловой[5], Б.С. Эбзеева[6], А.И. Левченкова и В.А. Глазкова[7] т.д. Был опубликован ряд работ, посвященных принципам государственно-правовой регламентации в современный период[8], вопросам цифровизации и ее роли в развитии современного государства и права[9]. Издается немало и зарубежных трудов, посвященных правовой регламентации, в которых в большей или меньшей степени затрагиваются вопросы принципов такой регламентации[10].

Следует с удовлетворением признать, что отдельные принципы и характеристики правового государства и их современное состояние сегодня также начинают становиться предметом специальных научных исследований. В этом плане хотелось бы отметить работы Т.Н. Довбуша[11], С.В. Бабенко[12], О.С. Черепановой[13], монографические исследования М.Н. Марченко[14], Ф.М. Раянова[15], диссертации О.С. Вырлеевой-Балаевой[16], Х.И. Кайтаевой[17], М.В. Огневой[18], С.В. Павлова[19], В.М. Паламарчука[20], О.В. Ралько[21], В.В. Старчиковой[22] и многих других авторов. Однако в исследовании современного состояния принципов и характеристик правового государства, в том числе в контексте их реализации, еще многое предстоит сделать. Реализация принципов правового государства в современных условиях должна осуществляться комплексно, в рамках системы целенаправленно формируемых механизмов такой реализации, механизмов государственных и общественных по своему субъектному составу. Реализация принципов правового государства должна быть системной и осуществляться скоординированными комплексами средств и процедур, осуществляемых соответствующими субъектами.

Итак, наметим прежде всего некоторые общие требования к реализации принципов правового государства в современный период. Во-первых, в современных условиях государство должно являться не только правовым, но и отвечающим ряду других не менее важных требований – государством эффективным, сильным, нравственным, социальным. Без этих характеристик даже тот факт, что государство самоограничило себя правовыми предписаниями в своей деятельности и уважает права и свободы человека и гражданина, вряд ли будет достаточным фактором для его прогрессивного развития и его эффективного взаимодействия с обществом. Реализация принципов правового государства должна постоянно соотноситься с закономерностями, традициями и потребностями общественного развития, ожиданиями и интересами граждан.

Сегодня важно активное участие институтов гражданского общества в деятельности по реализации принципов правового государства, в том числе в рамках предполагаемых к формированию механизмов, поскольку деятельность правового государства как раз и должна быть подчинена потребностям гражданского общества, задачам его прогресса. И именно потребностям гражданского общества должна быть подчинена деятельность государства, провозгласившего себя правовым, а не наоборот.

Особую роль в современный период должно играть соединение характеристик правового и социального государства и развитие в связи с этим принципа социального партнерства и взаимной ответственности государства и личности. Совершенствование государства и его деятельности, естественно, должно идти не только по линии реализации принципов правового государства, но и по многим другим направлениям.

Сами же реализуемые принципы должны подвергнуться критическому анализу на предмет их соответствия новым историческим и социальным реалиям, поскольку разрабатывались они в принципиально другой исторический период.

Реализация конкретных принципов правового государства, несомненно, обладает определенными особенностями. Механизм реализации отдельно взятого принципа может иметь свою специфику, как в субъектном составе, так и в плане используемых средств и процедур. Работа по формированию механизмов реализации принципов правового государства, кроме того, должна сопровождаться предварительным критическим анализом значения того или иного принципа и возможных корректировок его содержания, отдельных аспектов этого содержания.

Рассмотрим некоторые проблемы и специфические особенности реализации отдельных принципов правового государства в современный период.

---

[1] Скуратов Ю.И. Евразийская традиция России и современные проблемы ее конституционно-правового развития. М: Проспект, 2021. – 439с.
[2] Авдеев Д.А. Современная проблематика деятельности органов публичной власти в свете их легитимности // Государство и право. 2021. №7. С.36-46.
[3] Добрынин Н.М. Правовое государство и социальная справедливость в условиях изменившегося миропорядка: посильные рассуждения о современной интерпретации «высших конституционных идеалов» // Государство и право. 2022. №11. С.68-78.
[4] Тихомиров Ю.А. Динамика управления в современном обществе // Журнал российского права. 2021. Т.25. №11. С.5-18
[5] Фролова Е.А. Государство и порядок: из опыта теории и философии права // Государство и право. 2022. №1. С.46-53.
[6] Эбзеев Б.С. Государство как «образ и действительность разума, или Конституция России о гражданском мире // Государство и право. 2022. №8. С.7-20.
[7] Левченков А.И., Глазков В.А. Нравственное государство: реальность и перспективы // Государство и право. 2022. №4. С.13-20.
[8] См. напр: Лазарев В.В. Идеология конституционного регулирования правовой системы Российской Федерации // Журнал российского права. 2021. Т. 25. №4. С.5-17; Никитина Е.Е. Безопасность личности в конституционно-правовом измерении // Журнал российского права. 2022. Т.26. №8. С.33-46; Червонюк В.И. Принципы права в структуре правовых регуляторов: методологические подходы к пониманию принципов права в дискурсе отечественной юриспруденции // Государство и право. 2021. №10. С.86-96 и т.д.
[9] Ovchinnikov, A.I., Kravchenko, A.G., Mamychev, A.Y. Risks in the processes of digitalization of law and supply chain strategy in economic relations / International Journal of Supply Chain Management, 2019, 8(6), pp. 513–518.
[10] Ллойд Д. Идея права. / Пер. с англ. М.А. Юмашева, Ю.М. Юмашев. М., 2004; G.E. Adygezalova I. S. Kich, S.A. Zhinkin. S. V. Salikova, N. D. Paltseva. Role of principles of law from the perspective of legal impact in modern Russia: theoretical and technical-legal aspects // Cuestiones Políticas Av. Guajira. Universidad del Zulia. Núcleo Humanístico. Facultad de Ciencias Jurídicas y Políticas. Instituto de Estudios Políticos y Derecho Público 2021. Vol.39, №68. p. 798-810. ISSN 0798- 1406-Venezuela-WoS; Adygezalova, G. E., Zhinkin S.A., Kich, I. S., Butko, L. V., & Vysotskaya, L. P. Effectiveness of legislation and implementation of the rule of law // Cuestiones Políticas, 40(72), 774-784. https://doi.org/10.46398/cuestpol.4072.46. Vol 40 №72 (2022) и т.д.
[11] Довбуш Т.Н. Механизмы реализации принципов правового государства // Государственность и государственная служба России: пути развития. Сб. науч. статей. СПб., 2004.
[12] Бабенко С.В. Права человека в условиях глобализации // Законность. 2007. №10. С.52-54.
[13] Черепанова О.С. Принцип взаимной ответственности государства и личности: понятие, сущность, структура // Право и государство: теория и практика. 2011. №9.
[14] Марченко М.Н. Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование). М., 2014.
[15] Раянов Ф.М. Теория правового государства. Проблемы модернизации. Уфа, 2010.
[16] Вырлеева-Балаева О.С. Система правовых ограничений государственной власти в современной России. Автореф.дисс…канд.юрид.наук. Казань, 2011.
[17] Кайтаева Х.И. Правотворчество в правовом государстве. Автореф.дисс…канд.юрид.наук. М., 2006.
[18] Огнева М.В. Закономерности трансформации правового государства в теории и действительности. Автореф.дисс…канд.юрид.наук. М., 2012.
[19] Павлов С.В. Правоустановительная деятельность в условиях формирования правового государства. Автореф.дисс…канд.юрид.наук. М., 2003.
[20] Паламарчук В.М. Правоприменение в правовом государстве. Автореф.дисс… канд.юрид.наук. М., 2011.
[21] Ралько О.В. Концепция правового государства и ее реализация в России: историко-теоретические аспекты. Автореф.дисс.канд.юрид.наук. М., 2011.
[22] Старчикова В.В. Общественный контроль в правовом государстве. Автореф.дисс…канд.юрид.наук. М., 2013.

Начать хотелось бы с такого важнейшего принципа, как принцип взаимной ответственности государства и личности, который справедливо считается значимым принципом не только правового, но и любого современного государства как такового.

Принцип взаимной ответственности государства и личности в современных условиях, как представляется, становится все более многоаспектным. Полагаю, что в современных условиях он включает как минимум следующие аспекты (стороны): взаимная негативная ответственность государства и личности (государства – за причинение вреда государственными органами и должностными лицами, личности – за совершение обшественно вредных деяний, признанных правонарушениями); взаимная позитивная ответственность в плане заботы государства о гражданах и ответственного отношения граждан к требованиям государства и к решению социальных проблем и задач; совместная ответственность государства и личности за решение возникающих проблем и выполнение поставленных задач. Кроме того, принцип взаимной ответственности государства и личности вряд ли может считаться принципом именно правового государства, он может и должен считаться и принципом государства социального, государства эффективного и т.д.

Другой важный принцип, который тоже вряд ли можно считать принципом именно правового государства – принцип равенства. В отношении данного принципа, понимаемого прежде всего как равенство всех перед законом и судом, хотелось бы обратить внимание на то, что в современных условиях первостепенное значение приобретает не просто формальное равенство, а равенство возможностей, равенство «социальных лифтов», а также преодоление контрастов между богатством и бедностью. Тем самым данный принцип сегодня приобретает прежде всего социальное звучание, и лишь во вторую очередь – формально-юридическое.

Еще один значимый принцип правового государства – принцип надежной юридической защищенности личности – сегодня также должен, как представляется, быть содержательно расширен и дополнен новыми аспектами. Юридическая защищенность личности сама по себе не имеет в современных условиях большой ценности, если она не дополняется при этом экономической защищенностью при помощи государства, экологической защищенностью, социальной защищенностью, защищенностью в сфере защиты национально-культурной и языковой самобытности и т.д. Защита государством своих граждан, другими словами, должна носить более широкий, более многоаспектный характер.

Весьма значимый принцип – принцип поддержки деятельности гражданского общества государством – сегодня практически не упоминается в качестве именно принципа правового государства, хотя развитое гражданское общество многими считается признаком правового государства. Полагаю, что в современных условиях необходимо не только доктринально выделять данный принцип, но и подвергнуть анализу наиболее оптимальные пути его реализации. Простого наличия гражданского общества и его институтов для функционирования государства в качестве правового недостаточно. Напротив, государство в силу зависящих либо не зависящих от него факторов может при определенных условиях препятствовать деятельности тех или иных институтов гражданского общества. Поэтому важное значение приобретает именно государственная поддержка, положенная в основу соответствующего принципа правового государства.

Принципы правового государства в современных условиях должны обладать большей формально-юридической определенностью, должны быть четко выделены их основные аспекты. Они должны быть также сопоставлены с социальными потребностями и запросами, с тенденциями и наиболее актуальными проблемами социального развития. Кроме того, целесообразно определиться с тем, какие принципы являются на сегодняшний день наиболее актуальными для обеспечения общественного и государственно-правового прогресса.

Необходимо создание комплекса государственных и общественных механизмов реализации этих принципов, эти механизмы включали бы совокупность применяемых средств, инструментов и процедур. Это позволило бы более системно и скоординированно реализовывать данные принципы. При этом необходимо широкое привлечение институтов гражданского общества к реализации принципов правового государства и к осуществлению контроля за такой реализацией.

Такие механизмы реализации принципов правового государства, предполагаемые к формированию и практическому внедрению, могут включать информационные, идеологические, воспитательные, организационные, процедурные и иные компоненты.

Итак, принципы правового государства в современных условиях должны подвергнуться критической доктринальной переоценке и возможной содержательной корректировке с последующим выдвижением рекомендаций относительно их практического применения с учетом современных социальных реалий с одновременным формированием механизмов реализации этих принципов.

Список литературы:

1. Adygezalova, G. E., Zhinkin S.A., Kich, I. S., Butko, L. V., & Vysotskaya, L. P. Effectiveness of legislation and implementation of the rule of law // Cuestiones Políticas, 40(72), 774-784. https://doi.org/10.46398/cuestpol.4072.46. Vol 40 №72 (2022)
2. G.E. Adygezalova I. S. Kich, S.A. Zhinkin. S. V. Salikova, N. D. Paltseva. Role of principles of law from the perspective of legal impact in modern Russia: theoretical and technical-legal aspects // Cuestiones Políticas Av. Guajira. Universidad del Zulia. Núcleo Humanístico. Facultad de Ciencias Jurídicas y Políticas. Instituto de Estudios Políticos y Derecho Público 2021. Vol.39, №68. p. 798-810. ISSN 0798- 1406-Venezuela-WoS.
3. Ovchinnikov, A.I., Kravchenko, A.G., Mamychev, A.Y. Risks in the processes of digitalization of law and supply chain strategy in economic relations / International Journal of Supply Chain Management, 2019, 8(6), pp. 513–518.
4. Авдеев Д.А. Современная проблематика деятельности органов публичной власти в свете их легитимности // Государство и право. 2021. №7. С.36-46.
5. Бабенко С.В. Права человека в условиях глобализации // Законность. 2007. №10. С.52-54.
6. Вырлеева-Балаева О.С. Система правовых ограничений государственной власти в современной России. Автореф.дисс…канд.юрид.наук. Казань, 2011.
7. Добрынин Н.М. Правовое государство и социальная справедливость в условиях изменившегося миропорядка: посильные рассуждения о современной интерпретации «высших конституционных идеалов» // Государство и право. 2022. №11. С.68-78.
8. Довбуш Т.Н. Механизмы реализации принципов правового государства // Государственность и государственная служба России: пути развития. Сб. науч. статей. СПб., 2004.
9. Кайтаева Х.И. Правотворчество в правовом государстве. Автореф.дисс…канд.юрид.наук. М., 2006.
10. Лазарев В.В. Идеология конституционного регулирования правовой системы Российской Федерации // Журнал российского права. 2021. Т. 25. №4. С.5-17.
11. Левченков А.И., Глазков В.А. Нравственное государство: реальность и перспективы // Государство и право. 2022. №4. С.13-20.

12. Ллойд Д. Идея права. / Пер. с англ. М.А. Юмашева, Ю.М. Юмашев. М., 2004.
13. Марченко М.Н. Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование). М., 2014.
14. Никитина Е.Е. Безопасность личности в конституционно-правовом измерении // Журнал российского права. 2022. Т.26. №8. С.33-46.
15. Огнева М.В. Закономерности трансформации правового государства в теории и действительности. Автореф.дисс…канд.юрид.наук. М., 2012.
16. Павлов С.В. Правоустановительная деятельность в условиях формирования правового государства. Автореф.дисс…канд.юрид.наук. М., 2003.
17. Паламарчук В.М. Правоприменение в правовом государстве. Автореф.дисс… канд.юрид.наук. М., 2011.
18. Ралько О.В. Концепция правового государства и ее реализация в России: историко-теоретические аспекты. Автореф.дисс.канд.юрид.наук. М., 2011.
19. Раянов Ф.М. Теория правового государства. Проблемы модернизации. Уфа, 2010.
20. Скуратов Ю.И. Евразийская традиция России и современные проблемы ее конституционно-правового развития. М: Проспект, 2021. – 439с.
21. Старчикова В.В. Общественный контроль в правовом государстве. Автореф.дисс…канд.юрид.наук. М., 2013.
22. Тихомиров Ю.А. Динамика управления в современном обществе // Журнал российского права. 2021. Т.25. №11. С.5-18.
23. Фролова Е.А. Государство и порядок: из опыта теории и философии права // Государство и право. 2022. №1. С.46-53.
24. Червонюк В.И. Принципы права в структуре правовых регуляторов: методологические подходы к пониманию принципов права в дискурсе отечественной юриспруденции // Государство и право. 2021. №10. С.86-96 и т.д.
25. Черепанова О.С. Принцип взаимной ответственности государства и личности: понятие, сущность, структура // Право и государство: теория и практика. 2011. №9.
26. Эбзеев Б.С. Государство как «образ и действительность разума, или Конституция России о гражданском мире // Государство и право. 2022. №8. С.7-20.

References:

1. Adygezalova, G. E., Zhinkin S.A., Kich, I. S., Butko, L. V., & Vysotskaya, L. P. Effectiveness of legislation and implementation of the rule of law // Cuestiones Políticas, 40(72), 774-784. https://doi.org/10.46398/cuestpol.4072.46. Vol 40 №72 (2022)
2. G.E. Adygezalova I. S. Kich, S.A. Zhinkin. S. V. Salikova, N. D. Paltseva. Role of principles of law from the perspective of legal impact in modern Russia: theoretical and technical-legal aspects // Cuestiones Políticas Av. Guajira. Universidad del Zulia. Núcleo Humanístico. Facultad de Ciencias Jurídicas y Políticas. Instituto de Estudios Políticos y Derecho Público 2021. Vol.39, No.68. pp. 798-810. ISSN 0798- 1406-Venezuela-WoS.
3. Ovchinnikov, A.I., Kravchenko, A.G., Mamychev, A.Y. Risks in the processes of digitalization of law and supply chain strategy in economic relations / International Journal of Supply Chain Management, 2019, 8(6), pp. 513-518.
4. Avdeev D.A. Modern problems of the activities of public authorities the authorities in the light of their legitimacy // State and law. 2021. No.7. pp.36-46.
5. Babenko S.V. Human rights in the context of globalization // Legality. 2007. No. 10. pp.52-54.
6. Vyrleeva-Balaeva O.S. The system of legal restrictions of state power in modern Russia. Autoref.diss...candidate of Legal Sciences. Kazan, 2011.
7. Dobrynin N.M. The rule of law and social justice in a changed world order: feasible arguments about the modern interpretation of "higher constitutional ideals" // State and Law. 2022. No.11. pp.68-78.
8. Dovbush T.N. Mechanisms for the implementation of the principles of the rule of law // Statehood and public service of Russia: ways of development. Sb. sci. articles. St. Petersburg, 2004.
9. Kaitaeva H.I. Lawmaking in a state governed by the rule of law. Autoref.diss...Candidate of Legal Sciences. M., 2006.
10. Lazarev V.V. Ideology of constitutional regulation of the legal system of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2021. Vol. 25. No. 4. pp.5-17.
11. Levchenkov A.I., Glazkov V.A. The moral state: reality and prospects // State and Law. 2022. No. 4. pp.13-20.
12. Lloyd D. The Idea of law. / Translated from English by M.A. Yumasheva, Yu.M. Yumashev. M., 2004.
13. Marchenko M.N. The Rule of Law and civil society (theoretical and legal research). M., 2014.
14. Nikitina E.E. Personal security in the constitutional and legal dimension // Journal of Russian Law. 2022. Vol.26. No.8. pp.33-46.
15. Ogneva M.V. Patterns of transformation of the rule of law in theory and reality. Autoref.diss...Candidate of Legal Sciences. M., 2012.
16. Pavlov S.V. Law-establishing activity in the conditions of the formation of the rule of law. Autoref.diss...Candidate of Legal Sciences. M., 2003.
17. Palamarchuk V.M. Law enforcement in a legal state. Autoref.diss... Candidate of Legal Sciences. M., 2011.
18. Ralko O.V. The concept of the rule of law and its implementation in Russia: historical and theoretical aspects. Abstract.dissertation of the Candidate of Legal Sciences. M., 2011.
19. Rayanov F.M. Theory of the rule of law. Modernization problems. Ufa, 2010.
20. Skuratov Yu.I. The Eurasian tradition of Russia and modern problems of its constitutional and legal development. M: Prospect, 2021. – 439s.
21. Starchikova V.V. Public control in a state governed by the rule of law. Autoref.diss...Candidate of Legal Sciences. M., 2013.
22. Tikhomirov Yu.A. Dynamics of management in modern society // Journal of Russian Law. 2021. Vol.25. No. 11. pp.5-18.
23. Frolova E.A. State and order: from the experience of theory and philosophy of law // State and law. 2022. No. 1. pp.46-53.
24. Chervonyuk V.I. Principles of law in the structure of legal regulators: methodological approaches to understanding the principles of law in the discourse of domestic jurisprudence // State and Law. 2021. No. 10. pp.86-96, etc.
25. Cherepanova O.S. The principle of mutual responsibility of the state and the individual: concept, essence, structure // Law and the state: theory and practice. 2011. №9.
26. Ebzeev B.S. The state as "the image and reality of reason, or the Constitution of Russia on the civil world // State and Law. 2022. No.8. pp.7-20.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_540

УДК 340.1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА
METHODOLOGICAL APPROACHES TOWARDS THE CONCEPTUALIZATION OF THE RELIGIOUS POLICY OF THE STATE

БИДОВА Бэла Бертовна,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
профессор кафедры правовых дисциплин филиала
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» в г. Пятигорске Ставропольского края,
360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173.
e-mail: bela_007@bk.ru

БЫСТРОВА Юлия Викторовна,
доктор юридических наук, доцент, старший научный сотрудник НОЦ правовых исследований
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора
Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева, г. Орёл,
360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173.
e-mail: zukova57@mail.ru

МЕЛЕШКО Ольга Петровна,
кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник НОЦ правовых исследований
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173.
e-mail: olyameleshko@yandex.ru

BIDOVA Bela Bertovna,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov,
Professor of the Department of Legal Disciplines of the branch
Plekhanov Russian University of Economics in Pyatigorsk, Stavropol Territory
173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia.
e-mail: bela_007@bk.ru

BYSTROVA Yulia Viktorovna,
Doctor of Law, Associate Professor, Senior Researcher at the REC for Legal Studies
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov,
Head of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision I. S. Turgenev Orel State University.
173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia.
e-mail: zukova57@mail.ru

MELESHKO Olga Petrovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Senior Researcher at the Center for Legal Research
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.
173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia.
e-mail: olyameleshko@yandex.ru

Краткая аннотация: *в работе проводится сравнительный анализ разнообразных научных позиций относительно категориального аппарата, применяемого для описания идентичных явлений, с целью установления природы подобного терминологического многообразия, что выступает одной из приоритетных задач настоящего исследования. В отечественной научной среде по сей день отсутствует консолидированная позиция относительно того, каким образом необходимо осмыслять область взаимодействия властных институтов и религиозных объединений. На основании полученных результатов обосновывается необходимость расширения и углубления существующей научной базы, а также намечаются приоритетные направления дальнейшего развития данной области исследований.*

Abstract: *the paper provides a comparative analysis of various scientific positions regarding the categorical apparatus used to describe identical phenomena in order to establish the nature of such a terminological diversity, which is one of the priorities of this study. To this day, there is no consolidated position in the Russian scientific community on how to understand the area of interaction between government institutions and religious associations. Based on the results obtained, the necessity of expanding and deepening the existing scientific base is substantiated, as well as priority directions for further development of this area of research are outlined.*

Ключевые слова: *политика в сфере религии, взаимодействие государства и религиозных организаций, право на свободу совести, методологические подходы, содержательный аспект.*

Keywords: *religious policy, interaction between the state and religious organizations, the right to freedom of communication, methodological approaches, substantive aspect.*

Для цитирования: *Бидова Б.Б., Быстрова Ю.В., Мелешко О.П. Методологические подходы к концептуализации религиозной политики государства // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 540-543. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_540.*

For citation*: Bidova B.B., Bystrova Yu.V., Meleshko O.P. Methodological approaches towards the conceptualization of the religious policy of the state // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 540-543. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_540.*

Статья поступила в редакцию: 08.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Исследование государственно-конфессиональных отношений и сопряжённых с ними процессов сегодня занимает устойчивое место в системе отечественного научного знания как полноправная область академических изысканий. Данной тематикой занимаются учёные из самых

различных дисциплин — от историков и политологов до социологов, философов, юристов, религиоведов, богословов и педагогов. На протяжении последних лет исследователям удалось существенно продвинуться в разработке методологических оснований и формировании концептуального инструментария. Вместе с тем говорить о завершённости этого процесса пока не приходится. В академической среде до сих пор нет консенсуса: одни и те же понятия нередко интерпретируются принципиально по-разному, а вопрос о чёткой демаркации ключевых терминов и их однозначном содержательном наполнении по-прежнему открыт. Во многом это объясняется тем, что изучаемая проблематика находится на стыке нескольких научных дисциплин, каждая из которых привносит собственную систему категорий и исследовательских установок.

Следует также отметить, что отдельные теоретические построения — в частности, понятие «пространство религиозной политики» и связанные с ним концептуальные элементы — при всей своей дискуссионности фигурируют исключительно в диссертационных исследованиях и до сих пор не нашли должного отражения в академической периодике.

Религиозная политика является аналитическим инструментом, который может применяться при изучении исторических событий и явлений даже в тех случаях, когда сами участники этих процессов не оперировали подобным понятием. Благодаря этому становится возможным появление научных исследований, обращённых, например, к конфессиональному курсу Юлиана Отступника [1], вероисповедной практике Золотой Орды [2] и схожим темам.

Схожая тенденция наблюдается и в современном мире: государственные структуры нередко публично не декларируют наличие какой-либо целенаправленной политики в религиозной сфере и не формируют — как это характерно, в частности, для России — официальных стратегических документов по данному направлению. Тем не менее одновременно с этим они выстраивают разветвлённую нормативно-правовую базу, регулирующую религиозное пространство, и создают специализированные институты, призванные обеспечивать взаимодействие между государственными органами и религиозными объединениями.

В академической среде прослеживается аналогичная тенденция: исследователи фактически занимаются изучением проблематики взаимоотношений власти и церкви, но при этом намеренно уклоняются от использования соответствующего термина в своих публикациях. При анализе области пересечения интересов светских институтов и религиозных организаций обнаруживается целый ряд терминологических вариантов, которые используются для описания данного феномена или акцентирования внимания на его конкретных составляющих. Так, в работах М. И. Одинцова встречаются термины «конфессиональная политика» и «вероисповедная политика» [3], М. О. Шахов придерживается понятия «вероисповедная политика» [4], в то время как М. В. Шкаровский оперирует такими формулировками, как «религиозная политика», «церковная политика», а также «политика в отношении» православной церкви [5].

Обратимся к детальному анализу разграничения категорий «религиозная политика» и «государственно-конфессиональные отношения», которые в академической среде нередко отождествляются и рассматриваются как взаимозаменяемые понятия. Причина подобной путаницы кроется в том, что научное сообщество, занимаясь исследованием государственного регулирования в религиозной сфере, сосредотачивается преимущественно на прикладном аспекте — то есть на том, каким образом принимаются и реализуются решения, касающиеся религиозной жизни общества. При этом учёные зачастую не разграничивают те плоскости, которые в рамках политической науки традиционно рассматриваются как формирование политического курса и оперативное управление текущими процессами.

Отсутствие в академических трудах, посвящённых отношениям между государством и религиозными институтами, чёткого разделения между названными аналитическими плоскостями неизбежно порождает затруднения: исследователям становится крайне сложно выстроить логически последовательную связь между такими понятиями, как официальная позиция государства в отношении религии и характер его практического взаимодействия с различными конфессиональными структурами.

Если взглянуть на данный вопрос сквозь призму механизмов принятия властных решений, открывается совершенно иная картина. Как только государство вырабатывает базовую установку в отношении религиозных организаций, между светскими структурами и конфессиональными объединениями неизбежно выстраивается определённая модель сосуществования. По существу, именно избранный властью курс в сфере вероисповедания становится тем фундаментом, который предопределяет характер и содержание всей последующей системы взаимодействия. Всё вышесказанное убедительно объясняет, почему выделение двух самостоятельных пластов в рамках религиозной политики является не просто методологически удобным приёмом, но и концептуально обоснованной необходимостью.

Схожие концептуальные затруднения проявляются и при попытках чётко очертить ключевые составляющие государственно-конфессионального регулирования — прежде всего идентифицировать тех, кто формирует данный курс, и тех, в отношении кого он реализуется. Отдельные учёные, среди которых выделяются Градировский С. Н. и Малахова Е. Ю., отстаивают необходимость существенного расширения круга акторов, задействованных в сфере конфессиональных взаимодействий, предлагая модель «многосубъектной публичной религиозной политики» [6]. Согласно данной концепции, функции регулирующих и балансирующих институтов возлагаются на академическое сообщество, юридические организации, специализированные медиаструктуры, межрелигиозные консультативные органы, а также разнообразные объединения гражданского общества.

Тем не менее, если следовать такой логике, само понятие религиозной политики неизбежно утрачивает чёткие границы: при определённом желании в число её участников можно включить едва ли не любой элемент общественной системы, который хотя бы опосредованно соприкасается с религиозной сферой, — и тогда данная категория полностью теряет свою аналитическую ценность. Чтобы не оказаться в этом теоретическом тупике, разумнее придерживаться более чёткого и строгого критерия: считать полноправными участниками религиозной политики только те политические и религиозные структуры, которые непосредственно воздействуют друг на друга и находятся в состоянии активного вза-

имодействия.

В контексте выработки государственного курса в отношении религиозной жизни общества ключевая роль неизменно принадлежит властным институтам, хотя сама сфера подобного регулирования отличается значительной многосубъектностью: в неё вовлечены конфессиональные структуры, партии и движения, гражданские организации, а также отдельные члены общества. В своей основе данное направление деятельности власти являет собой систему последовательных и взаимосвязанных действий, через которые государство определяет характер своих отношений с религиозным феноменом как неотъемлемой частью социальной реальности, формирует концептуальные и практические механизмы работы с ней, а впоследствии планомерно претворяет намеченные ориентиры в конкретные решения и практики. Государственное регулирование в области отношений с религиозными объединениями. В рамках данной сферы ключевую роль играют властные структуры, а объектом их воздействия выступают институционально оформленные духовные общности — один из основополагающих компонентов религиозного пространства как такового.

Термин «вероисповедание» обладает двойственной природой: в одном случае он выступает синонимом понятий религии или конфессии, в другом — обозначает личную причастность отдельного индивида к определённой духовной традиции. В устоявшейся академической традиции термины «вероисповедная политика» и «религиозная политика» нередко употребляются как взаимозаменяемые, равно как и их производные с прилагательным «государственная». Тем не менее такое отождествление оправданно только в том случае, если исследователь намеренно наделяет слово «вероисповедание» широким значением, фактически ставя знак равенства между ним и понятием «религия». Во избежание терминологической путаницы предпочтительнее использовать данное слово в более узком контексте — применительно к конкретной религиозной традиции: православию, католицизму, исламу, иудаизму или любому другому вероучению.

Схожая логика прослеживается и применительно к термину «конфессия». Если рассматривать его в широком смысле, приравнивая к понятию религии в целом, то словосочетания «конфессиональная политика» и «государственная конфессиональная политика» окажутся синонимичными выражениям «религиозная политика» и «государственная религиозная политика». Тем не менее, по аналогии с «вероисповедной политикой», предпочтительнее использовать узкое значение этого термина в ситуациях, когда научный интерес сконцентрирован на конкретном вероучении — православии, католицизме, лютеранстве или каком-либо другом религиозном течении.

Сфера «политики свободы совести» представляет собой отдельную самостоятельную область научного знания. Это обусловлено тем, что понятие «свобода совести» по своему содержанию существенно шире, чем просто религиозные убеждения — оно охватывает весь спектр мировоззренческих взглядов человека. Фактически данный термин можно рассматривать как равнозначный свободе убеждений в широком смысле, неотъемлемым элементом которой выступает право на свободное исповедание веры. Если же акцент делается именно на религиозной свободе, то эта проблематика органично вписывается в более обширную область государственного управления религиозной жизнью. В данном контексте центральным объектом исследования становится то, каким образом государственные институты разрабатывают и претворяют в жизнь соответствующие политические курсы и концепции.

Вопрос периодизации занимает одно из центральных мест в исследованиях, посвящённых государственной религиозной политике. Как правило, исследователи выделяют временные этапы, опираясь на два базовых принципа, которые можно условно назвать юридическим и политическим.

Юридический принцип основывается на анализе существенных изменений в нормативно-правовой базе, регулирующей религиозную жизнь общества: речь идёт как о принятии конституционных документов, устанавливающих основополагающие принципы взаимоотношений власти и конфессий, так и о введении в действие специальных законодательных актов, регламентирующих порядок взаимодействия государственных структур с религиозными объединениями [7]. В рамках анализа взаимодействия государства и церкви в России после распада СССР ключевым рубежом традиционно признаётся 1997 год, когда был введён в действие Федеральный закон, регулирующий свободу вероисповедания и деятельность религиозных организаций.

Существует и иная — политологическая — концепция периодизации, основанная на выделении этапов в соответствии со сменой государственного курса, которая закономерно порождает сдвиги в характере отношений между властными структурами и религиозными институтами. Применительно к российской политике в конфессиональной сфере в XVIII веке исследователи, как правило, выделяют три самостоятельных периода: первый охватывает 1701–1740 годы, второй — 1741–1761 годы, третий — 1764–1789 годы. Зачастую подобное деление на периоды выстраивается вокруг личностей отдельных монархов и политических лидеров — от Петра Великого и Екатерины II до таких фигур советской и постсоветской эпохи, как Сталин, Хрущёв, Брежнев, Горбачёв, Ельцин и Путин.

В академической среде, занимающейся проблематикой взаимодействия государства и религиозных институтов, особую роль играют исследования, направленные на упорядочение накопленных знаний и выработку соответствующих типологических критериев, которые, как правило, отличаются высоким уровнем абстракции и широтой охвата. Подходы государства к регулированию религиозной сферы можно классифицировать по ключевым идеологическим векторам: ориентации на фундаментализм, консерватизм, либерализм или модернизм. При таком подходе эволюция религиозной политики рассматривается как закономерная череда переходов между различными моделями — например, западные государства на протяжении прошлого века постепенно двигались от охранительных установок в сторону прогрессивных ценностей, в то время как Россия после распада СССР демонстрирует противоположную динамику, последовательно отходя от принципов открытости и свободы в пользу традиционных религиозных ориентиров.

Помимо прочего, в научной литературе выделяются классификационные подходы, построенные на анализе используемых механизмов

управления. Среди них можно обозначить несколько ключевых направлений: выстраивание диалога и взаимодействия между институтами гражданского общества, органами государственной власти и религиозными организациями; вовлечение церковных структур в функционирование демократических институтов; комплекс мер по нейтрализации радикальных религиозных проявлений; а также репрессивная модель выстраивания отношений государства с конфессиями.

В современной отечественной академической среде всё отчётливее прослеживается становление самостоятельного научного направления междисциплинарного характера, в основе которого лежит применение методов структурного анализа при исследовании взаимоотношений государственных институтов и религиозных объединений. Вне зависимости от того, какая терминология используется для описания отдельных элементов, в основе подобных научных концепций лежит выделение нескольких фундаментальных плоскостей религиозной политики. Первая из них — ценностная — задаёт стратегические цели и приоритетные направления. Вторая — нормативно-правовая — формирует базовые правила и условия, регулирующие характер взаимодействия сторон. Третья — структурная — предполагает определение задействованных политических и религиозных институтов с учётом избранного исследовательского ракурса. Наконец, четвёртая плоскость — практическая — раскрывает реальные механизмы, посредством которых функционируют выявленные структуры.

Говоря о дальнейших путях развития, можно с уверенностью предположить, что в ближайшей перспективе произойдёт одновременно обогащение методологической базы исследований в области государственно-конфессиональных отношений и постепенная интеграция данной проблематики в систему правовой теории при сохранении её комплексного, многоотраслевого характера. Всё это неизбежно повлечёт за собой активизацию научного поиска и появление новых фундаментальных трудов в обозначенной сфере гуманитарного познания.

Список литературы:

1. Пак Е.А. Религиозная политика Юлиана Отступника // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2010. № 9. С. 363-386.
2. Джаваков Л.Э. Религиозная политика золотоордынских ханов //Богословско-исторический сборник. 2016. № 1 (8). С. 132-149.
3. Одинцов М.И. Вероисповедные реформы в Советском Союзе и в России. 1985-1997 гг. М.: Древо жизни, 2010. 441 с.
4. Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2019. 877 с.
5. Шкаровский М.В. РПЦ и религиозная политика советского государства в годы войны // Христианское чтение. 1996. № 12. С. 26-53; Германская церковная политика и «религиозное возрождение» на оккупированной территории Белоруссии, Прибалтики и Северо-Запада России // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института (Москва, 1997 г.): Материалы. Москва, 1997. С. 186-195; Нацистская Германия и Православная церковь (Нацистская политика в отношении Православной церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР). Москва, 2002.
6. Градировский С.Н, Малахова Е.Ю. О многосубъектности публичной религиозной политики // Преодолевая государственно-конфессиональные отношения: сборник статей / под общ. ред. Сергея Градировского. Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2003. 309 с.
7. Демченко О. Н., Демченко И. В. Основы религиозной политики государства в современной России // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 2. С. 154-162.

References:

1. Pak E.A. Religious policy of Julian the Apostate // Mnemon: Research and publications on the history of the ancient world. 2010. No. 9. pp. 363-386.
2. Javakov L.E. Religious policy of the Golden Horde Khans //Theological and historical collection. 2016. No. 1 (8). pp. 132-149.
3. Odintsovo M.I. Religious reforms in the Soviet Union and in Russia. 1985-1997. Moscow: Tree of Life, 2010. 441 p.
4. Shakhov M.O. The legal foundations of the activities of religious associations in the Russian Federation. Moscow: Sretensky Monastery Publishing House, 2019. 877 p.
5. Shkarovsky M.V. The Russian Orthodox Church and the religious policy of the Soviet state during the war years // Christian reading. 1996. No. 12. pp. 26-53; German Church policy and "religious revival" in the occupied territories of Belarus, the Baltic States and Northwestern Russia // Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon Theological Institute (Moscow, 1997): Materials. Moscow, 1997. pp. 186-195; Nazi Germany and the Orthodox Church (Nazi policy towards the Orthodox Church and religious revival in the occupied territory of the USSR). Moscow, 2002.
6. Gradirovskiy S.N., Malakhova E.Yu. On the multi-subjectivity of public religious policy // Overcoming state-confessional relations: a collection of articles / under the general editorship. Sergei Gradirovsky. Nizhny Novgorod: Publishing House of the Volga-Vyatka Academy of Public Administration, 2003. 309 p.
7. Demchenko O. N., Demchenko I. V. Fundamentals of religious policy of the state in modern Russia // Humanitarian Scientific Bulletin. 2021. No. 2. pp. 154-162.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_544

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ
PROBLEM ASPECTS OF JUDICIAL REFORMS IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

МАСЛЕННИКОВ Дмитрий Александрович
Аспирант кафедры «Гражданское право и процесс»
Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону.
344038, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, д. 2.
e-mail: maslennikof_19@mail.ru

ПРАЦКО Геннадий Святославович
Доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор.
Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону.
Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону.
344038, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, д. 2.
e-mail: dasha_sam94@mail.ru

КЕРИМОВ Махмуд Магомедович
Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и технологии социальной работы.
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, г. Грозный.
364005, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, бульвар Султана Дудаева, 17а.
e-mail: dasha_sam94@mail.ru

MASLENNIKOV Dmitry Alexandrovich
Postgraduate student of the Department of Civil Law and Procedure
Rostov State Transport University, Rostov-on-Don.
Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Rostov Infantry Regiment Square, 2, 344038, Russia.
e-mail: maslennikof_19@mail.ru

PRATSKO Gennady Svyatoslavovich
Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor.
Don State Technical University, Rostov-on-Don.
Rostov State Transport University, Rostov-on-Don.
Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Rostov Infantry Regiment Square, 2, 344038, Russia.
e-mail: dasha_sam94@mail.ru

KERIMOV Makhmud Magomedovich
Doctor of Philosophy, Professor, Professor in the Department of Theory and Technology of Social Work.
A.A. Kadyrov Chechen State University, Grozny.
17a Sultan Dudaev Boulevard, Grozny, 364005, Russia, Chechen Republic.
e-mail: dasha_sam94@mail.ru

Краткая аннотация *Настоящая статья посвящена рассмотрению проблемных аспектов судебных преобразований в России на рубеже XIX-XX вв. – темы, казалось бы, изученной и рассмотренной в полной мере в отечественной юридической литературе, но вместе с тем не теряющей своей актуальности и содержащей большой потенциал для научных изысканий и комплексного анализа. Данная тема представляет собой своеобразную лакмусовую бумажку, по которой можно изучать традиционную специфику планирования и реализации юридических (и не только юридических) реформ в России, которые впоследствии определяют вектор и характер динамики российской государственности, включая преобразования в таких фундаментальных сферах общественной жизни и государственной деятельности, как правосудие и юриспруденция в целом.*

Abstract: *This article examines the problematic aspects of judicial reforms in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries – a topic that has seemingly been thoroughly studied and addressed in Russian legal literature, yet remains relevant and holds great potential for scholarly research and comprehensive analysis. This topic serves as a litmus test for examining the traditional specifics of planning and implementing legal (and not only legal) reforms in Russia, which subsequently determine the vector and nature of the dynamics of Russian statehood, including transformations in such fundamental spheres of public life and state activity as justice and jurisprudence in general.*

Ключевые слова: *суд, судебная реформа, правосудие, отправление правосудия, судебная система, институт государственной власти, государственный механизм.*
Keywords: *court, judicial reform, justice, administration of justice, judicial system, institution of state power, state mechanism.*

Для цитирования: *Масленников Д.А., Працко Г.С., Керимов М.М. Проблемные аспекты судебных преобразований в России второй половины XIX – начала XX вв. // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 544-546. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_544.*
For citation*: Maslennikov D.A., Pratsko G.S., Kerimov M.M. Problematic aspects of judicial reforms in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 544-546. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_544.*

Статья поступила в редакцию: 16.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Состояние современной судебной системы Российской Федерации во многом обусловлено историко-правовыми предпосылками ее эволюции, функционирования и модернизации, имевшей место на протяжении всего периода существования отечественного судопроизводства, особенно в период Нового и Новейшего времени.

Многие элементы, неразрывно связанные с данным направлением деятельности и функционалом судебной власти как одной из ветвей государственной власти представляют собой важное интеллектуальное, юридическое, административное и организационное наследие системообразующего характера, чья сущность традиционно пронизывает отечественную судебную систему, оказывая на нее значительное влия-

ние, которое трудно переоценить, а также определяя не только ее прошлое и настоящее, но во многом и будущее.

Среди вышеупомянутых ключевых элементов можно выделить следующие:

- динамика развития институтов судебной власти;
- их структурная организация;
- коммуникативная специфика;
- разнообразные факторы административного порядка;
- характер взаимодействий внутри судебной системы и за ее пределами – с другими органами, институтами и должностными лицами государственной власти;
- особенности подготовки кадров для судебной системы, требований к ним и кадровой политики в целом;
- профессиональный статус судей;
- этика профессиональной деятельности;
- теория и практика правоприменения;
- проблематика правосознания;
- вопросы правовой культуры и др.

Многие отечественные ученые-юристы и исследователи права также отмечают вышеуказанную закономерность, проводя комплексный компаративный анализ судебных реформ в России на рубеже XIX-XX вв. и XX-XXI вв. и делая акцент на определенном сходстве данных модернизационных юридических процессов, принципиально и качественно изменивших не только судебную власть и судопроизводство, но и сам процесс отправления правосудия. [3, с. 127-134]

Проблемы, с которыми столкнулись реформаторы, занимавшиеся судебными преобразованиями в конце XIX – начале XX вв., во многом являются традиционными для нашей страны. В частности, к ним можно отнести:

1) инициативу преобразований и соответствующую политическую волю, исходящую от государства, – при пассивности большей части российского общества, непонимании и даже противодействии установкам законодателя (так, по наблюдению А.С. Ахиезера и А.П. Пригожина, модернизационные проекты, осуществляемые в России в различные исторические периоды, «часто вступали в конфликт с культурой основной части общества», а попытки реформ «вызывали некоторые формы массовой реактивности, которые создавали для контрреформ психологические, культурные и социальные условия» [2, с. 38]);

2) ярко выраженный прозападный вектор реформ, апелляцию к зарубежной юридической практике и юридическому опыту с попытками их внедрения в условиях российских реалий и общий вестернизационный характер преобразований;

3) создание, разработку, учреждение, последующую инкорпорацию в отечественный государственный механизм и продвижение правовых институтов, принципиально новых для российской судебной (и в целом правоохранительной) системы, включая:

- суд присяжных (несмотря на распространенное мнение о том, что прообраз данного института якобы существовал в России еще до судебной реформы 1864 г. и имеет некие предпосылки, а то и официальное закрепление в российском законодательстве до второй половины XIX в., следует отметить, что данную позицию вряд ли можно охарактеризовать как корректную, что подтверждается научными изысканиями специалистов в области истории отечественного государства и права) [1, с. 16-19; 4, с. 51-56].

Интересно, что суд присяжных воспринимался как чужеродный элемент в системе российского правосудия даже спустя десятилетия после его внедрения в рамках реформы 1864 г. – в частности, К.П. Победоносцев в докладе «О необходимости судебных реформ» (1881), подготовленном для Александра III, раскритиковал данный институт и призвал его упразднить. По замечанию В.А. Букова, суд присяжных не имел «никаких точек соприкосновения с повседневным правовым опытом народных масс» [5, с. 200];

- мировой суд;
- институт адвокатуры;
- и, соответственно, эволюцию давно сложившегося (еще в 1722 г., при Петре I) и с тех пор функционирующего, но, безусловно, нуждавшегося в развитии, реформировании и реорганизации института прокуратуры.

Отношение к вышеуказанным нововведениям в российском обществе было неоднозначным, если не сказать – во многом отрицательным. Весь широкий спектр и плюрализм мнений – от одобрения до критики, неприятия и даже своеобразного отторжения – в полной мере наглядно и отчетливо прослеживаются в многочисленных публикациях, которые выходили в отечественной дореволюционной прессе в период обсуждения и проведения судебных преобразований.

Жаркая общественная дискуссия объяснялась не только важностью предмета и тематики модернизации, но и самим характером изменений, которые насаждались властями «сверху» и не предусматривали диалог с прогрессивной общественностью.

Неудивительно, что данный подход, – конечно, далеко не бесспорный по своей категоричности и императивности, – вызывал нарекания даже у выдающихся специалистов, которые в итоге отказывались принимать и позитивно оценивать изменения как таковые, отвергая не только их сущностные характеристики, но и способ их внедрения и реализации.

Например, знаменитый российский юрист и публицист И.В. Гессен, много и крайне плодотворно писавший о судебной реформе 1864 г., детально анализировавший ее достоинства, недостатки, эффект и перспективы, а также активно освещавший ее в своих трудах, довольно

категорично заявил, что «новый институт» (то есть весь комплекс институциональных преобразований в сфере отечественной судебной власти и правосудия) «вошел в государственный организм инородным телом, которое по общему физиологическому закону должно быть ассимилировано или отвергнуто» [6, с. 142];

4) обусловленность судебной реформы 1864 г. конкретными историческими причинами – в первую очередь, разумеется, отменой крепостного права в 1861 г., что повлекло за собой кардинальные изменения в различных сферах и аспектах жизни российского общества, включая:

- социальную и организационную структуру российского общества вследствие концептуального нарушения издавна существовавшего принципа сословности;
- динамику общественных отношений, также основанную на принципе сословности;
- экономику в целом и экономическую деятельность, которые прежде не функционировали и были попросту немыслимы в иных условиях – без самого факта наличия многомиллионного закрепощенного крестьянства, которое не обладало правосубъектностью и не владело землей, но выполняло определенные экономические, юридические и социальные обязательства перед помещиками;
- правовой статус миллионов подданных Российской империи и т.д.

В заключение необходимо отметить, что опыт судебных преобразований в России конца XIX – начала XX вв. являлся воистину судьбоносным не только для отечественной судебной системы, но и для отечественной государственности. Несмотря на наличие ряда существенных проблем и значительное (но, впрочем, предсказуемое) расхождение ожидаемых результатов с реальными, он оказал фундаментальное влияние на будущее отечественной судебной системы, во многом предопределив ее функционирование и развитие вплоть до наших дней.

Список литературы:

1. Агафонов С.Ю. Суды с народным представительством в России в X – начале XX веков (Историко-правовое исследование): Дис… канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012. 196 с.
2. Ахиезер А.С., Пригожин А.П. Культура и реформа // Вопросы философии. 1994. № 7-8. С. 37-47.
3. Большакова В.М. Судебные преобразования в России второй половины XIX – начала XX в. и конца XX – начала XXI в. как хронодискретное явление // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 10А. С. 127-134.
4. Большакова В.М. Хронодискретные российские институты (на примере судебных преобразований в России во второй половине XIX в. и в конце XX – начале XXI в.) // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3. С. 51–56.
5. Буков В.А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М.: Министерство юстиции Российской Федерации, Российская правовая академия, Международный юридический институт, 1997. 450 с.
6. Гессен И.В. Судебная реформа. Санкт-Петербург: Книгоизд-во П. П. Гершунина, 1905. 267 с.

References:

1. Agafonov S.Y. Courts with people's representation in Russia in the tenth and early twentieth centuries (Historical and legal research): Dis... kand. jurid. nauk. N. Novgorod, 2012. 196 p.
2. Akhiezer A.S., Prigozhin A.P. Culture and reform // Questions of philosophy. 1994. No. 7-8. pp. 37-47.
3. Bolshakova V.M. Judicial transformations in Russia in the second half of the 19th – early 20th century and the end of the 20th – early 21st century. as a chronodiscre phenomenon // Issues of Russian and international law. 2018. Volume 8. No. 10A. pp. 127-134.
4. Bolshakova V.M. Chronodiscret Russian institutions (on the example of judicial transformations in Russia in the second half of the 19th century and in the late 20th and early 21st centuries) // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 3. pp. 51-56.
5. Bukov V.A. From the Russian Jury trial to Proletarian Justice: at the Origins of Totalitarianism. Moscow: Ministry of Justice of the Russian Federation, Russian Law Academy, International Law Institute, 1997. 450 p.
6. Gessen I.V. Judicial reform. St. Petersburg: P. P. Gershunin Publishing House, 1905. 267 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_547

ОЦЕНКА КОМПЕТЕНЦИИ ПАРЛАМЕНТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СФЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
EVALUATION OF THE COMPETENCE OF THE PARLIAMENT OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIELD OF LEGISLATION

ЧЕРКАШИНА Наталья Валерьевна,
доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры частного и публичного права,
ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий».
107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, дом 49.
E-mail: natasha8181@mail.ru
РАЗУМЕЕВ Владимир Сергеевич,
аспирант, ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий».
107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, дом 49.
E-mail: 9854918018@mail.ru
CHERKASHINA Natalia Valeryevna,
Associate Professor, Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Private and Public Law,
Russian State University of Social Technologies.
49 Losinoostrovskaya str., Moscow, 107150, Russia.
E-mail: natasha8181@mail.ru
RAZUMEEV Vladimir Sergeevich,
graduate student, Russian State University of Social Technologies.
49 Losinoostrovskaya str., Moscow, 107150, Russia.
E-mail: 9854918018@mail.ru

***Краткая аннотация**. Статья посвящена реорганизации и содержанию законодательной компетенции российского парламента в процессе реформ государственного устройства Российской империи. Оценка компетенции основана на анализе российских и зарубежных конституционных актов, действующих в начале XX века. В статье прослеживается мысль о степени реализации законодательной компетенции парламента Российской империи, влиянии этого опыта на дальнейшее развитие российского парламентаризма, а также главное существенное отличие - ограничение законодательной функции парламента верховной властью, которая владела исключительным правом пересмотра конституционных актов.*

***Abstract.** The article is devoted to the reorganization and content of the legislative competence of the Russian parliament in the process of reforms of the state structure of the Russian Empire. The assessment of competence is based on an analysis of Russian and foreign constitutional acts in force at the beginning of the twentieth century. The article traces the idea of the degree of realization of the legislative competence of the Parliament of the Russian Empire, the impact of this experience on the further development of Russian parliamentarism, as well as the main significant difference - the limitation of the legislative function of parliament by the supreme power, which had the exclusive right to review constitutional acts.*

***Ключевые слова**: совещательное представительство, парламент, компетенции в сфере законодательства, право законодательной инициативы, процедура принятия закона, пересмотр конституции.*

***Key words:** advisory representation, parliament, competence in the field of legislation, right of legislative initiative, procedure for adopting a law, revision of the constitution.*

***Для цитирования:** Черкашина Н.В., Разумеев В.С. Оценка компетенции парламента Российской Империи в сфере законодательства // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 547-550. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_547.*

***For citation**: Cherkashina N.V., Razumeev V.S. Assessment of the competence of the Parliament of the Russian Empire in the field of legislation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 547-550. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_547.*

Статья поступила в редакцию: 03.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Осмысление современного состояния развития российского конституционализма немыслимо без обращения к его истокам. Конституционные преобразования государственного устройства в Российской империи в начале XX века породили новые «прообразы» демократических форм участия граждан в управлении государством, кардинально изменили структуру государственной власти, приблизив ее к классической теории разделения властей.

Актуальность выбора темы обусловлена следующими законодательными и теоретическими положениями. В «предначертаниях к усовершенствованию» в Указе Правительствующему Сенату от 12 декабря 1904 года первым неотложным делом верховная власть признавала необходимость «принять меры к сохранению полной силы закона» [4], а основной мерой «усовершенствования государственного порядка», провозглашенного Манифестом 17 октября 1905 года, – участие в законодательной деятельности представительного органа, «чтобы никакой закон не мог <вступить в> силу без одобрения Государственной Думы» [4]. В теории права «законодательная функция народного представительства» считается «основной», более того, «участие в осуществлении законодательной власти» называют «основным признаком конституционного представительства» [5, С. 153,156].

Следует отметить, что впервые официально об участии народного представительства в законодательной деятельности было заявлено в Высочайшем рескрипте от 18 февраля 1905 года на имя Министра внутренних дел А.Г. Булыгина [1], когда предусматривалось привлечение к разработке и обсуждению законопроектов людей, «достойнейших, облеченных доверием» и избранных народом. В законодательном акте «Учреждение Государственной Думы», подписанном императором 6 августа 1905 года, установлена основная функция Думы: «предварительная разработка и обсуждение законодательных <проектов> по силе Основных законов, через Государственный Совет, к Верховной Самодержавной

власти» [3, С.17]. Утверждение законопроектов оставалось исключительно в ведении императора.

Общую характеристику законосовещательной детальности представительного органа содержит политико-морфологический разбор С.А. Котляревского в работе «Конституционное государство». Он кратко и точно определяет такую форму деятельности как «совещательное представительство», которое «есть создание той эпохи, когда государственная жизнь руководилась не законодательными нормами, а <…> совокупностью обычаев, когда отсутствовало «точное разграничение взаимных прав и обязанностей» [5, С.156]. «Совещательное представительство», утверждает автор, «не имеет чисто-русский характер», такую форму можно встретить в истории Франции, Германии и Англии.

Понятно, что установление такой устаревшей формы деятельности парламента «разочаровало» российское общество. С началом Первой русской революции власть была вынуждена изменить все акты об организации и выборах «народного представительства».

Оценка компетенции российского парламента в сфере законодательства в данной работе выполнена не по первоначальному тексту российских законодательных актов, а по тому тексту, который получился от кодификации всех законов, изданных 23 апреля 1906 года в Своде Законов [4]. При сравнении с законодательной деятельностью зарубежных парламентов использовали действующие на тот период конституции, собранные в сборниках В.М. Гессена и Б.Э. Нольде и изданные в 1905-1907 годах [8, 9].

Согласно статье 85 Основных государственных законов Российской империи от 23 апреля 1906 года (далее – Основные законы), управление империи основано «на законах, изданных в установленном порядке» [4]. К кругу ведения Государственной Думы были отнесены «предметы, требующие издания новых законов, а также их изменения, дополнения, приостановления действий и отмены» [4, С. 946]. Статья 96 Основных законов изымала из ведения Государственной Думы акты по строевой, технической и хозяйственной частям, а также положения и наказы учреждениям и должностным лицам военного ведомства. Эти предметы должны были рассматриваться по принадлежности Военным Адмиральством и Советами, и непосредственно предоставляться императору.

В Австралии, которую по государственной форме С.А. Котляревский, классифицировал как государство, приближенное к «законченному типу» парламентского государства [5, С. 204], согласно Акту Конституции 1900 года, перечень вопросов, которые правомочен был рассматривать федеральный парламент, включал практически все вопросы государственного управления общие для федерации, в том числе, вопросы обороны, обложений (налогов), торговли с другими странами и другие [8, С. 25]. В Швеции – государстве «с представительством высокого ценза» [7, С. 177], по конституционному акту «Форма правления» 1809 года, риксдаг «с согласия короля» вправе был решать общие, гражданские и уголовные, военно-уголовные вопросы, исключая финансовые. Налоги и сборы предписывались «со свободного согласия риксдага», а «право самообложения шведского народа» осуществлялось исключительно риксдагом [7, С.544]. В Японии и Австро-Венгрии – государствах с «особенно ограниченной компетенцией парламента» [5, С.178], также парламенты решали вопросы при непременном согласии с императором [7, С.57, 544].

Право законодательной инициативы или «законодательно почина» в начале XX века, как правило, признавалось за главой правительства и министерствами, членами парламента. Так, в Австрии законопроекты представляло в рейхсрат правительство, равным образом и рейхсрат имел право инициативы по вопросам своей компетенции [7, С. 12]; в Греции почин принадлежал палате и королю, который осуществлял ее «при посредстве министров» [7, С. 209]; в Болгарии – князю и народному собранию, а «законопроекты правительства вносились в народное собрание по распоряжению князя» [7, С.158]; в Японии – императору, палатам парламента и правительству; в Бельгии – королю, палате представителей и сенату. Ограничения, как правило были связаны с финансами и безопасностью, как в Бельгии, когда законы по вопросам расходов, доходов и армии «должен сначала быть вотирован палатой представителей» [7, С.120]. От общего правила отступали государства, провозгласившие в своих конституционных актах либо признавшие принцип разделения властей. Согласно Конституции 1787 года в Соединенных Штатах Северной Америки, вся законодательная власть была предоставлена конгрессу Соединенных Штатов [8, С. 287].

В России на основании статьи 34 Учреждения Государственной Думы, «законопроекты вносились в Государственную Думу министрами и главноуправляющими отдельными частями, либо комиссиями <…> из членов Думы, либо поступали из Государственного Совета [4]. Далее начинаются российские особенности: Комиссию для законопроекта «образовывали из депутатов» лишь в некоторых случаях, когда от разработки законопроекта отказывался Министр или Главноуправляющий (статья 49); из Государственного Совета в Государственную Думу поступали проекты, которые инициировал и одобрял сам Государственный Совет (статья 57). На основании статьи 8 Основных законов императору принадлежала законодательная инициатива «по всем предметам законодательства» [4].

Таким образом, российское право законодательной инициативы, как и во многих государствах, не являлось исключительно правом парламента. Более того, в теории права некоторые русские историки и государствоведы отстаивали правительственное «право законодательного почина» [2]. При этом ограничение права инициативы исполнительной власти Н.И. Лазаревский рассматривал как «исторический пережиток», аргументируя тем, что только «правительство с его громадным административным механизмом, денежными средствами и рабочими силами» сможет обеспечить «должную» разработку законопроектов [6, С. 443].

Процедура принятия закона в большинстве государств включала согласие верхней и нижней палат парламента и санкцию монарха. Главный аргумент преимущества двухпалатного парламента, заявленный С.А. Котляревским еще в 1907 году, по-прежнему актуален, – «желательность прохождения всякого закона через два собрания, освещения его с различных точек зрения» [5, С.10].

Согласно конституционным актам Швеции, Венгрии, Японии совместная деятельность монарха и парламента в сфере законодательства на этапе принятия закона носила исключительный характер: в Швеции «король без согласия риксдага и риксдаг без короля не могли ни издать нового закона, ни отменить старого» [7, С. 551]; в Венгрии право «издавать, изменять и толковать законы сообща принадлежало <…королю> и собранным на ландтагах сословным чинам» (сословному представительству) [7, С. 171]; в Японии император осуществлял законо-

дательную власть «в согласии с имперским парламентом» [7, С. 558].

В то же время однопалатный парламент присутствовал, например, в Болгарии, где принятий народным собранием закон предоставлялся на утверждение князю; в Греции – рассмотрение проекта в парламенте – и далее санкции от короля. В этих случаях, как правило, роль второго парламента играли особые комиссии либо особый порядок приятия закона. Так, в Сербии, в соответствии с параграфами 113-114 Устава Сербского королевства 1903 года, перед обсуждением в народной скупщине законопроект проходил соответствующую комиссию, которая выдавала свое заключение, и, кроме того, существовал запрет принимать законопроект в целом, если «предварительно каждая его статья не была принята в отдельности» [7, С. 507].

В Российской империи порядок утверждения проекта и обращения его в закон был определен в статье 86 Основных законов: новый закон должен быть одобрен и Государственным Советом, и Государственной Думой; вступал в силу после его утверждения императором. Статьи 110 - 113 Основных законов предусматривали более детальный порядок работы с законопроектами: каждая палата рассматривала и одобряла свой законопроект и только одобренные палатами проекты передавались императору; не принятые в парламенте законопроекты признавались отклоненными; рассмотрение проектов, не удостоившихся утверждения императора, переносились на следующую сессию парламента.

Согласно статье 87 Основных законов, в перерывах между сессиями парламента, в случае чрезвычайных обстоятельств, право обсуждения проекта закона передавалось Правительству и непосредственно в ведение императора. При этом право у правительства было ограничено кругом обсуждаемых вопросов (запрет вносить изменения в Основные законы и акты об учреждении и выборах Государственной Думы и Государственного Совета). Кроме того, принятые правительственные меры имели временный характер (в течении двух месяцев после возобновления работы Думы, эта мера должна принять форму законопроекта либо быть принята парламентом).

Аналогичный порядок рассмотрения законопроектов в Конституции Японской империи 1889 года, в том числе и перенос повторного рассмотрения неутвержденного проекта на следующую сессию и законодательные функции императора (но уже без правительства) между сессиями парламента, когда он «издает указы, имеющие силу закона», которые должны быть предоставлены парламенту в первую же сессию» [7, С. 588].

Более сложный и продуманный порядок принятия законопроекта характерен для некоторых государств, «приближенных к типу» парламентского государства. Так, в Австралии генерал-губернатор как представитель королевы вправе был распустить сенат и палату представителей в случаях, когда законопроект повторно не проходил либо были внесены изменения, которые палаты не могли согласовать. Если «после такого распущения», сенат вновь отвергал или отказывался принять проект, то генерал-губернатор назначал «соединённое» заседание сената и палаты представителей [8, С. 80] и т.д.

Дальнейший этап – утверждение, санкции и обнародование закона, как правило, совершались непосредственно верховной властью. В Бельгии закон санкционировал и обнародовал король, в Швеции общие законы обнародовались от имени короля и за его подписью. В Японии император утверждал законы и наблюдал за их обнародованием. В Российской империи законы также «высочайше» утверждались, что могло выражаться как письменно, так и словесно. Требование об обязательном утверждении всякого нового закона содержали статья 91 Основных законов и статья 93 Учреждения Государственного Совета. Вступление закона в силу наступало после его обнародования. В Российской империи закон обнародовал Сенат, и отменить закон можно было только силою закона [4].

Невозможно полно охарактеризовать законодательную компетенцию парламента без оценки его участия либо неучастия в пересмотре Конституции. В Швеции Конституция могла быть изменена, отменена после решения короля и только после рассмотрения в риксдаге на двух сессиях. В Бельгии законодательная власть могла выступить с инициативой изменения конституционного постановления, но после этого парламент должен быть распущен, а пересмотр по соглашению с королем принимал новый состав палат, «не менее двумя третями голосов» [7, С.138]. В России право пересмотра Основных Законов принадлежало только императору. У Государственной Думы и Государственного Совета таких правомочий не было.

Таким образом, из простого сопоставления норм конституционных актов, действующих в начале XX века, следует отметить общее, что было присуще парламенту Российской империи и большей части монархических государств в начале XX века: парламенты не являлись единственными носителями законодательной власти; такая власть принадлежала монарху, двухпалатному парламенту и частично органам исполнительной власти (право законодательной инициативы); функции парламентских палат были разграничены; определен общий конституционный порядок принятия законов в парламенте. Существенным отличием «компетенции» парламента Российской империи по сравнению с другими монархическими государствами является ограничение законодательной функции парламента верховной властью, которая владела исключительным правом пересмотра конституционных актов.

Список литературы

1. Высочайший рескрипт на имя Министра Внутренних Дел 18 февраля 1905 г. // Правительственный вестник: [газ.]. 19 февраля 1905 (№ 40). // URL: https://bigenc.ru/b/vysochaishii-reskript-danny-9a6efc (дата обращения: 08.02.2025).

2. Герье В.И. О конституции и парламентаризме в России. Москва: Тип. «Русского Голоса» (Н.Л. Казецкаго), 1906. 31 с. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004143576/ (дата обращения: 05.11.2025).

3. Государственная дума. Узаконения 6 авг. 1905 г.: Высочайший манифест. Именной высочайший указ Правительствующему сенату. Учреждение Государственной думы. Положение о выборах в Государственную думу: С предисл. проф. И. Малиновского. Неофиц. изд. Киев: газ. «Киев. Охотник», 1905. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003727506/?ysclid=m7mqtse6wy555645455 (дата обращения: 08.02.2025).

4. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: сборник законов, манифестов, указов Правительственному Сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России / под ред. пр.-доц. Н.И. Лазаревскаго. Изд. 3-е, пересмотренное и доп. по 1 сент. 1908 г. Санкт-Петербург: издание Юридическаго книжнаго склада «Право», 1909. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003763133/?ysclid=m7mr3ve5ws137820873 0 (дата обращения: 08.02.2025).

5. Котляревский С.А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического разбора. Санкт-Петербург: издание Г.Ф. Львовича, 1907. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000219_000011_RU_ГПНТБ_России_IBIS_0000650392/ (дата обращения: 05.11.2025).

6. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право Лекции по русскому государственному праву / Прив.-доц. Н.И. Лазаревский. Санкт-Петербург: скл. изд. при кн. скл. «Право», 1908. 502 с. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000219_000011_RU_ГПНТБ_России_IBIS_0000650375/ (дата обращения: 05.11.2025).

7. Современные конституции: сборник действующих конституционных актов / Пер. под ред. и с вступит. очерками пр.-доц. В.М. Гессена и доц. бар. Б.Э. Нольде. Т. 1. Конституционные монархии. Санкт-Петербург: кн. скл. «Право», 1905-1907, 1905. 596 с. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003980376/?ysclid=min2j7p1ls694037234 (дата обращения: 05.11.2025).

8. Современные конституции: сборник действующих конституционных актов / Пер. под ред. и с вступит. очерками пр.-доц. В. М. Гессена и доц. бар. Б. Э. Нольде. Т. 1. Федерации и республики. Санкт-Петербург: кн. скл. «Право», 1905-1907, 1905. 655 с. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003980375/ (дата обращения: 05.11.2025).

References

1. The highest rescript addressed to the Minister of Internal Affairs on February 18, 1905 // Government Bulletin: [gazette]. February 19, 1905 (No. 40). // URL: https://bigenc.ru/b/vysochaishii-reskript-danny-9a6efc (date of reference: 02/08/2025).

2. Guerrier V.I. About the Constitution and parliamentarism in Russia. Moscow: Type. of the "Russian Voice" (N.L. Kazetskago), 1906. 31 p. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004143576 / (date of request: 05.11.2025).

3. The State Duma. Legalizations of August 6, 1905: The Supreme Manifesto. A nominal supreme decree to the Governing Senate. Establishment of the State Duma. Regulations on elections to the State Duma: With a preface by Professor I. Malinovsky. Neofits. ed. Kiev: gas. "Kiev. Hunter", 1905. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003727506 /?ysclid=m7mqtse6wy555645455 (accessed: 02/08/2025).

4. Legislative acts of the transitional period. 1904-1908: collection of laws, manifestos, decrees to the Government Senate, rescripts and regulations of the Committee of Ministers related to the Transformation of the Russian state System / ed. by prof.-Assoc. N.I. Lazarevsky. Ed. 3rd, revised and supplemented on September 1. 1908 St. Petersburg: edition of the Legal book warehouse "Pravo", 1909. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003763133 /?ysclid=m7mr3ve5ws137820873 0 (accessed: 02/08/2025).

5. Kotlyarevskiy S.A. Constitutional state. The experience of political and morphological analysis. St. Petersburg: edition of G.F. Lvovich, 1907. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000219_000011_RU_ГПНТБ_Russian russians_0000650392/ (date of access: 05.11.2025).

6. Lazarevsky N.I. Lectures on Russian state law. Vol. 1. Constitutional law Lectures on Russian state law / Priv.-assoc. N.I. Lazarevsky. Saint Petersburg: skl. ed. at the book of skl. Pravo, 1908. 502 p. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000219_000011_RU_ГПНТБ_Russia_IVIS_0000650375/ (date of access: 05.11.2025).

7. Modern Constitutions: collection of current constitutional acts / Trans. ed. and c will join. essays by prof.-assoc. V.M. Hessen and assoc. bar. B.E. Nolde. Vol. 1. Constitutional monarchies. St. Petersburg: kn. skl. Pravo, 1905-1907, 1905. 596 p. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003980376 /?ysclid=min2j7p1ls694037234 (accessed 05.11.2025).

8. Modern Constitutions: collection of current constitutional acts / Trans. ed. and c will join. Essays by prof.-assoc. V. M. Gessen and assoc. bar. B. E. Nolde. Vol. 1. Federations and Republics. St. Petersburg: kn. skl. Pravo, 1905-1907, 1905. 655 p. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003980375 / (date of request: 05.11.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_551

УДК 340.12

ПРАВО КАК ФОРМА СВОБОДЫ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ В.С. НЕРСЕСЯНЦА: АНАЛИТИКА ПОНЯТИЙНЫХ ОСНОВАНИЙ
LAW AS A FORM OF FREEDOM IN THE THEORETICAL SYSTEM OF V.S. NERSESYANTS: ANALYSIS OF CONCEPTUAL FOUNDATIONS

САЙДУМОВ Джамбулат Хамидович
доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник
Института государства и права Российской академии наук, Москва.
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.
E-mail: bulatto@mail.ru

МАГОМАДОВ Хусейн Хамзатович
Исследователь, начальник отдела правового обеспечения и кадрового учета аппарата
Избирательной комиссии Чеченской Республики.
Россия, Чеченская Республика.
E-mail: bulatto@mail.ru

SAIDUMOV Dzhambulat Kh.
Doctor of Legal Sciences, Leading Research Fellow
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow.
10 Znamenka Street, Moscow, 119019, Russia.
E-mail: bulatto@mail.ru

MAGOMADOV Khuseyn Kh.
Researcher, Head of the Legal Support and Personnel Records Department of the Staff
of the Election Commission of the Chechen Republic, Grozny.
Russia, the Chechen Republic.
E-mail: bulatto@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье предпринят анализ понятийных оснований либертарно-юридической теории В.С. Нерсесянца в аспекте обоснования права как всеобщей и необходимой формы свободы. Рассматривается методологическое значение принципа формального равенства, обеспечивающего триединство равной меры, свободы и справедливости. Выявляется отличие либертарного подхода от естественно-правовой и позитивистской традиций правопонимания. Особое внимание уделяется соотношению права и закона как ключевой проблеме юридической онтологии и аксиологии. Обосновывается тезис о том, что теоретическая система В.С. Нерсесянца представляет собой оригинальную концепцию, имеющую непреходящее значение для развития отечественной юридической науки и практики правового регулирования в современной России.*

Abstract. *The article analyzes the conceptual foundations of the libertarian-legal theory of V.S. Nersesyants in the aspect of substantiating law as a universal and necessary form of freedom. The methodological significance of the principle of formal equality, which ensures the trinity of equal measure, freedom and justice, is considered. The difference between the libertarian approach and the natural law and positivist traditions of legal understanding is revealed. Special attention is paid to the relationship between law and legislation as a key problem of legal ontology and axiology. The thesis is substantiated that the theoretical system of V.S. Nersesyants is an original concept of enduring importance for the development of domestic legal science and practice of legal regulation in modern Russia.*

Ключевые слова: *либертарно-юридическая теория, право, свобода, формальное равенство, справедливость, правопонимание, правовой закон, юридическая методология.*

Keywords: *libertarian-legal theory, law, freedom, formal equality, justice, legal understanding, legal law, legal methodology.*

Для цитирования: *Сайдумов Д.Х., Магомадов Х.Х. Право как форма свободы в теоретической системе В.С. Нерсесянца: аналитика понятийных оснований // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 551-556. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_551.*

For citation*: Saidumov D.Kh., Magomadov Kh.Kh. Law as a form of freedom in the theoretical system of V.S. Nersesyants: analysis of conceptual foundations// Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 551-556. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_551.*

Статья поступила в редакцию: 10.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Проблема понимания права относится к числу фундаментальных вопросов юридической науки, от решения которых зависит не только развитие теоретических представлений о правовой действительности, но и характер практического правового регулирования, качество законодательства, эффективность правоприменительной деятельности. В истории отечественной юридической мысли особое место занимает теоретическая система академика РАН В.С. Нерсесянца (1938–2005), предложившего оригинальную либертарно-юридическую концепцию правопонимания, в основе которой лежит идея права как всеобщей и необходимой формы свободы [2, с. 12]. Как справедливо отмечают современные исследователи, философско-правовое наследие В.С. Нерсесянца представляет собой один из немногих знаменательных примеров фундаментального подхода к праву на изломе советской и постсоветской истории, когда на фоне выдыхавшегося марксизма и поисков новых западных шаблонов его концепция, опиравшаяся на культуру классической философии, оставалась ориентиром для отечественной правовой мысли [14, с. 15].

Актуальность обращения к теоретическому наследию В.С. Нерсесянца обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в условиях современных дискуссий о путях развития российской правовой системы, о соотношении универсальных и самобытных начал в праве особое значение приобретает глубокое философско-правовое обоснование природы права, его сущностных характеристик [11, с. 22]. Во-вторых, либертарно-юридическая теория предлагает последовательную методологию различения права и закона, позволяющую оценивать качество позитивного законодательства с позиций его правовой сущности [1]. В-третьих, концепция В.С. Нерсесянца органично вписывается в традицию отече-

ственной философско-правовой мысли, развивая идеи Б.Н. Чичерина, В.С. Соловьева, других представителей русского правоведения, при этом предлагая самостоятельное, оригинальное решение проблемы соотношения права и свободы [3, с. 20]. В современной ситуации, когда Российская Федерация в мировом пространстве занимает последовательную позицию интенсивно развивающегося государства с ярко обозначенной приоритетной национальной моделью ценностей, обращение к наследию отечественной философско-правовой мысли становится насущной потребностью настоящего и будущего [11, с. 2].

Объектом настоящего исследования выступает теоретическая система В.С. Нерсесянца в ее понятийно-категориальном выражении. Предметом исследования являются понятийные основания либертарно-юридической теории, раскрывающие право как форму свободы.

Цель работы состоит в аналитической реконструкции ключевых понятий либертарной теории права и выявлении их методологического значения для современной юридической науки.

Методологическую основу исследования составляют диалектический метод познания, позволяющий рассмотреть право в его развитии и противоречиях; формально-логический метод, обеспечивающий анализ понятийного аппарата; сравнительно-правовой метод, дающий возможность сопоставить либертарный подход с иными типами правопонимания; историко-правовой метод, позволяющий проследить становление теоретической системы В.С. Нерсесянца [10, с. 45]. Важное значение имеет также философско-правовой подход, позволяющий выявить связь идей В.С. Нерсесянца с античной философией, немецким идеализмом и юридическим неокантианством [14, с. 16].

Новизна исследования заключается в комплексном анализе понятийных оснований либертарно-юридической теории сквозь призму современной юридической методологии, в выявлении эвристического потенциала концепции В.С. Нерсесянца для решения актуальных проблем правового развития России в контексте возвращения к национальным истокам государственности.

Становление либертарно-юридической теории В.С. Нерсесянца было обусловлено как логикой развития отечественной юридической науки, так и потребностями общественной практики [5, с. 22]. Начав свою научную деятельность как исследователь истории политических и правовых учений, В.С. Нерсесянц глубоко изучил теоретическое наследие Гегеля, Канта, Платона, Аристотеля, мыслителей Нового времени. Обе его диссертации – кандидатская «Марксова критика гегелевской философии права» и докторская «Политико-правовая теория Гегеля и ее интерпретации» – были посвящены гегелевской философии права, что во многом предопределило его последующие научные изыскания [14, с. 17]. Это позволило ему впоследствии разработать и обосновать собственную философско-правовую концепцию, первоначально обозначенную автором как либертарная теория права [2, с. 15].

Термин «либертарный» (от лат. libertas – свобода) был избран В.С. Нерсесянцем для того, чтобы подчеркнуть сущностную связь права и свободы. Однако впоследствии, стремясь более четко обозначить специфику своего подхода и отграничить его от политического либертарианства, ученый ввел понятие «либертарно-юридическая теория», акцентируя тем самым юридическую природу рассматриваемых явлений [2, с. 16].

Принципиальное значение для понимания методологии В.С. Нерсесянца имеет разработанное им различение двух основных типов правопонимания: юридического (от лат. jus – право) и легистского (от лат. lex – закон) [1, с. 45]. Легистский тип правопонимания, господствовавший в советской юридической науке, сводит право к закону, к позитивному праву, к совокупности норм, установленных государственной властью. Право в этом подходе понимается как продукт государственной деятельности, как инструмент осуществления государственной политики. Легизм, как справедливо отмечает В.С. Нерсесянц, отождествляет право и закон, лишая тем самым возможности критической оценки законодательства с позиций его правового качества [1, с. 47]. Как отмечает А.А. Савенков, несмотря на многовековую эволюцию правовой мысли, целостное понимание феномена законности как многогранного явления до сих пор остается методологически проблематичным, а его междисциплинарная исследованность в истории политико-правовых учений, философии и теории права недостаточна [12, с. 171].

В противоположность легизму, юридический тип правопонимания исходит из различения права и закона. Право понимается как объективное, самостоятельное явление, обладающее собственной сущностью, не зависящей от усмотрения законодателя. Закон же рассматривается как официальная форма выражения права, которая может соответствовать или не соответствовать правовой сущности. Правовым законом может быть признан только такой закон, который адекватно выражает объективные свойства права [1, с. 50; 8, с. 55].

Важно подчеркнуть, что В.С. Нерсесянц не противопоставлял право и закон в духе дуализма естественного и позитивного права. Он стремился к диалектическому снятию этого дуализма, к обоснованию возможности и необходимости правового закона, в котором право и закон совпадают, достигая тождества [7, с. 89]. Как отмечает В.В. Лапаева, «для юридического объяснения права естественно-правовая концепция служит частным случаем. Нерсесянц отдает должное естественно-правовым идеям, но стремится диалектически преодолеть их в своей теории» [2, с. 18].

Методологическое значение либертарного подхода состоит в том, что он позволяет преодолеть крайности как позитивистского этатизма, абсолютизирующего роль государства в формировании права, так и естественно-правового дуализма, разрывающего единую ткань правовой действительности на должное и сущее. Либертарная теория предлагает рассматривать право как сущностное единство онтологических, гносеологических и аксиологических характеристик, как явление, имеющее собственную природу и логику развития [10, с. 123]. В этом контексте особый интерес представляет разработанная В.С. Нерсесянцем оригинальная версия диалектики правовой формы, в которой право как форма общественной жизни приобрело собственную внутреннюю диалектику, внутренний закон развития [14, с. 18].

Центральным понятием либертарно-юридической теории В.С. Нерсесянца выступает принцип формального равенства. Этот принцип, по мысли ученого, составляет сущность права, его субстанциональное начало. Формальное равенство представляет собой триединство трех взаимосвязанных компонентов: равной меры, свободы и справедливости [2, с. 20].

Равная мера означает, что право регулирует общественные отношения по единому масштабу, по общей норме, применяемой ко всем субъектам без исключения. Правовое регулирование всегда предполагает абстрагирование от конкретных индивидуальных особенностей людей, от их фактического неравенства. Право уравнивает различных людей в формальном отношении, устанавливая для них общие правила поведения. Эта формально-уравнивающая природа права была отмечена еще К. Марксом, который писал, что «право по своей природе может состоять лишь в применении равной меры к различным людям» [1, с. 52].

Однако формальное равенство не сводится к простому уравниванию. Оно органично включает в себя момент свободы. Свобода в праве возможна именно благодаря формальному характеру правового регулирования. Правовая форма, абстрагируясь от фактических различий, создает пространство для свободного самоопределения личности. Индивид свободен постольку, поскольку он признается правом как формально равный другим субъект, обладающий правоспособностью и дееспособностью [7, с. 102]. Как подчеркивает В.С. Нерсесянц, «свободный индивид – продукт и момент правового равенства. Равенство в свободе – единственно возможная и действительная свобода индивида» [6, с. 45].

Третьим компонентом формального равенства выступает справедливость. В либертарной теории справедливость не привносится в право извне – из морали, религии или иных нормативных систем. Справедливость имманентна праву, она есть само право, взятое в его регулятивном действии. Правовая справедливость – это формальная справедливость, предполагающая воздаяние равным за равное, применение общей нормы к сходным ситуациям [1, с. 55]. В этом состоит отличие правовой справедливости от моральной или политической справедливости, которые могут ориентироваться на фактические различия, на заслуги, на социальную полезность и иные критерии [8, с. 158].

В современной философско-правовой литературе отмечается, что справедливость в концепции В.С. Нерсесянца оказалась наименее разъясненной и разработанной категорией. Она не исчерпывается лишь формальными признаками, поэтому ее сущность уловима с трудом. Справедливость в его концепции правопонимания должна непременно браться в единстве с двумя другими смысловыми характеристиками – формальным равенством и свободой [14, с. 19]. При этом понимание справедливости в работах В.С. Нерсесянца весьма схоже с теми представлениями, которые встречаются в трудах немецких философов-идеалистов и юристов-неокантианцев, в частности Р. Штаммлера, который рассматривал справедливость как имманентное свойство права [14, с. 20].

Триединство равной меры, свободы и справедливости означает, что эти моменты не существуют изолированно друг от друга, а образуют неразрывное единство. Нет свободы без равенства, нет равенства без свободы, нет ни того, ни другого без справедливости. Право как формальное равенство и есть та социальная форма, в которой только и могут быть реализованы свобода и справедливость в общественной жизни людей [6, с. 48].

Принципиально важно отметить, что формальное равенство, по В.С. Нерсесянцу, – это не абстрактная идея, не регулятивный принцип долженствования, а реальная сущность права, проявляющаяся в историческом развитии. Право возникает и развивается вместе с обществом и государством, и прогресс права состоит в том, что принцип формального равенства распространяется на все более широкий круг общественных отношений [7, с. 110]. От рабства и сословного неравенства древности человечество движется к всеобщему правовому равенству, к признанию каждого человека субъектом права [1, с. 60; 7, с. 112].

Ключевой тезис либертарно-юридической теории состоит в том, что право есть всеобщая и необходимая форма свободы в общественной жизни людей. Это положение требует тщательного анализа, поскольку оно определяет специфику понимания свободы в либертарной концепции.

В.С. Нерсесянц исходит из того, что свобода не есть некое природное качество человека, не есть врожденное свойство индивида. Свобода достигается в праве и через право, она есть результат исторического развития, продукт цивилизации. Как отмечается в учебном курсе по философии права, подготовленном под руководством В.С. Нерсесянца, «свобода в социуме возможна лишь в форме права» [1, с. 62].

Это положение принципиально отличает либертарный подход как от естественно-правовых концепций, рассматривающих свободу как неотъемлемое, прирожденное качество человека, так и от позитивистских теорий, трактующих свободу как дозволение со стороны государства. Для В.С. Нерсесянца свобода не предшествует праву, а возникает вместе с ним и благодаря ему. Право не ограничивает свободу (как полагают многие теоретики), а создает саму возможность свободы в обществе [2, с. 22]. Свобода в праве есть свобода формальная. Это означает, что право не определяет содержание деятельности индивида, не предписывает ему, что именно делать, а устанавливает лишь общие границы, пределы, в которых индивид может свободно осуществлять свой выбор. Правовая свобода – это свобода выбора целей и средств их достижения в рамках, очерченных правом. Чем шире эти рамки, тем больше свободы; чем они уже, тем свободы меньше. Но вне этих рамок свободы вообще нет, есть произвол и насилие [8, с. 160].

В.С. Нерсесянц подчеркивает, что «свобода – это не потенциал доступного, не ситуативная независимость от произвола, а содержание правовой формы социальных отношений, построенных на равенстве» [6, с. 52]. Иными словами, свобода не есть просто отсутствие принуждения, не есть негативная свобода «от», но позитивная свобода «для» – свобода для правомерного самоопределения, для реализации своих интересов в правовых формах. Всеобщность права как формы свободы означает, что правовая свобода распространяется на всех субъектов права без исключения. Нет привилегированных субъектов, которые были бы свободны более других, и нет субъектов, лишенных правовой свободы. Правовая свобода всеобща именно потому, что она формальна: она не зависит от фактических различий между людьми, от их социального положения, имущественного состояния, национальности, вероисповедания и т.д. [1, с. 65].

Необходимость права как формы свободы означает, что в общественной жизни людей нет иной формы свободы, кроме правовой. Моральная свобода, религиозная свобода, свобода творчества – все эти виды свободы возможны лишь постольку, поскольку они опосредованы

правом, поскольку они реализуются в правовых рамках. Вне права и помимо права свобода превращается в свою противоположность – в произвол одних и угнетение других [7, с. 120]. Понимание права как всеобщей и необходимой формы свободы имеет важнейшее значение для юридической практики. Оно ориентирует законодателя на то, чтобы в законах адекватно выражать правовую свободу, создавать механизмы ее реализации и защиты. Оно ориентирует правоприменителя на то, чтобы в каждом конкретном случае обеспечивать действие принципа формального равенства, не допускать отступлений от него под влиянием каких-либо фактических обстоятельств [10, с. 145].

Проблема соотношения права и закона занимает центральное место в теоретической системе В.С. Нерсесянца. Это не случайно, поскольку именно через решение этой проблемы определяется возможность построения правового государства и формирования правовой системы, адекватной потребностям общественного развития [5, с. 25].

В.С. Нерсесянц исходит из того, что право и закон – это различные понятия, которые не должны отождествляться. Право есть объективная сущность, закон – официально-властное явление. Право исторически и логически предшествует закону, оно существует до и независимо от законодателя, в то время как закон есть продукт законодательной деятельности государства [1, с. 70]. Однако это различение не означает их противопоставления. Задача состоит в том, чтобы обеспечить соответствие закона праву, чтобы закон был правовым законом. Правовой закон – это закон, который адекватно выражает сущность права, его принципы, его требования. В правовом законе право и закон совпадают, достигают тождества [1, с. 72; 8, с. 56].

Каковы критерии правового закона? Это, прежде всего, соответствие закона принципу формального равенства. Закон должен устанавливать равную меру для всех субъектов, не допускать необоснованных привилегий и дискриминации. Закон должен быть выражением свободы, а не произвола, он должен создавать условия для свободного самоопределения личности. Закон должен быть справедливым, то есть применять равную меру к равным случаям [6, с. 78].

Второй критерий – это соответствие закона правам человека. Права человека, по В.С. Нерсесянцу, представляют собой конкретизацию принципа формального равенства применительно к отдельному индивиду. Права человека – это те минимальные стандарты свободы, которые государство обязано признавать и защищать. Закон, нарушающий права человека, не может считаться правовым, независимо от того, насколько он соответствует иным критериям [2, с. 25].

Третий критерий – это процедурная легитимность закона. Правовой закон должен быть принят надлежащим органом, в надлежащем порядке, с соблюдением всех необходимых процедур. Однако процедурная легитимность сама по себе не гарантирует правового качества закона, если его содержание противоречит правовой сущности [10, с. 140].

Четвертый критерий – это реальная действенность закона, его способность регулировать общественные отношения, достигать поставленных целей. Закон, который не работает, который не применяется на практике, не может считаться полноценным правовым законом, даже если он формально соответствует всем иным критериям [7, с. 130]. Как показывает анализ современных правовых реалий, в том числе на примерах громких судебных процессов в Германии по делам о финансовых преступлениях, обеспечение законности сталкивается с серьезными практическими трудностями, когда формальное соответствие закону не гарантирует достижения целей правового регулирования [12, с. 172-173].

Проблема соотношения права и закона непосредственно связана с концепцией правового государства. Правовое государство, по В.С. Нерсесянцу, – это такое государство, которое само ограничивает себя правом, которое подчиняет свою деятельность требованиям права. В правовом государстве не только граждане обязаны соблюдать законы, но и само государство, его органы и должностные лица обязаны действовать в рамках права, не выходить за его пределы [7, с. 135]. Важно подчеркнуть, что правовое государство не есть некий идеальный тип, к которому можно только приближаться. Правовое государство – это реальная возможность, которая реализуется по мере развития правовой системы, по мере утверждения принципа верховенства права. Россия, провозгласившая себя правовым государством в Конституции 1993 года, стоит на пути к утверждению подлинно правовой государственности, и в этом процессе теоретическое наследие В.С. Нерсесянца приобретает особое значение [5, с. 28].

Теоретическая система В.С. Нерсесянца имеет не только академическое, но и практически-прикладное значение для развития современной российской правовой системы. Она предлагает методологические ориентиры для оценки качества законодательства, для совершенствования правотворческой и правоприменительной деятельности, для формирования правовой культуры общества [2, с. 28]. В контексте современных дискуссий о путях развития российской государственности особую значимость приобретает обращение к отечественной философско-правовой мысли, которая может выступить фактором долгосрочного и последовательного развития [11, с. 2]. Прежде всего, либертарно-юридическая теория позволяет дать адекватную оценку процессам, происходящим в российской правовой системе. Отказ от советского легизма, провозглашение прав и свобод человека высшей ценностью, признание принципов правового государства – все это свидетельствует о движении России к правовой модели общественного развития. Однако, как справедливо отмечает М.Н. Марченко, в современной России сохраняется сложное переплетение различных типов правопонимания, и естественно-правовая доктрина фактически принята в качестве официальной государственно-правовой доктрины [5, с. 24]. Более того, как отмечают исследователи, правопонимание в отечественной правовой науке испытывает глубокую стагнацию, что объясняется недостаточным вниманием к философско-правовой проблематике [13, с. 19].

Либертарный подход позволяет преодолеть ограниченность как позитивистского, так и естественно-правового типов правопонимания. Он дает возможность оценивать законодательство не с позиций абстрактных моральных требований и не с позиций формальной законности, а с позиций его правового качества, его соответствия сущности права. Это особенно важно в условиях интенсивного развития законодательства, когда количество принимаемых нормативных актов растет, но их качество не всегда соответствует потребностям общества [8, с. 160]. Особую

актуальность приобретает либертарная теория в контексте утверждения традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Как отмечается в современных исследованиях, «современное российское законодательство приведено по состоянию на 1 января 2025 г.» и учитывает «традиционные духовно-нравственные ценности в российском праве с учетом исторической обусловленности, мультикультурной самобытности многонационального российского общества» [4, с. 5]. При этом важно понимать, что традиционные ценности не противостоят праву как форме свободы, а наполняют его конкретным историческим и культурным содержанием [4, с. 20]. Философско-правовая мысль должна избегать в данном вопросе перекосов, и возникает необходимость разработки концепции системно-структурного построения российского права, поскольку старые подходы к формированию системы права и системы законодательства не отвечают потребностям времени [11, с. 6].

Россия как самобытная цивилизация имеет собственный путь правового развития, который не сводится к простому копированию западных образцов. В то же время этот путь не означает отрицания общецивилизационных достижений в области права, принципов формального равенства, свободы и справедливости. Задача состоит в том, чтобы органично сочетать универсальные правовые принципы с историческими традициями и культурными особенностями российского общества [9, с. 28]. При этом нельзя сбрасывать со счетов фундаментальные работы, отличающиеся либертарными теориями, как, например, труды академика В.С. Нерсесянца, которые имеют практическую цель осмысления права через творчество юриспруденции [11, с. 7].

Как справедливо отмечает Т.И. Ряховская, «к факторам, которыми обусловлена конституционная самобытность (несхожесть с другими государствами), исследователь относит преемственность, цикличность конституционно-правового развития России, конституционно-правовую традицию и национальную конституционную психологию» [9, с. 27]. Эти факторы необходимо учитывать при реализации принципов либертарно-юридической теории в российском правовом пространстве [9, с. 29]. Либертарная теория дает также методологический инструментарий для решения конкретных правовых проблем. Например, для оценки конституционности законов, для разрешения коллизий между различными нормативными актами, для определения пределов правового регулирования в тех или иных сферах общественных отношений. Принцип формального равенства, понимаемый как триединство равной меры, свободы и справедливости, может служить критерием для определения правового качества законодательства в самых различных отраслях права [6, с. 120].

В.В. Лапаева справедливо указывает на «целесообразность разработки учебного курса по либертарно-юридической доктрине и догме права, внедрение которого в образовательный процесс способствовало бы более полному пониманию будущими юристами внутренней взаимосвязи между философско-правовым уровнем анализа и решением актуальных проблем правовой практики» [2, с. 28]. Подготовка юридических кадров, способных мыслить теоретически, видеть за конкретными правовыми нормами их сущностные основания, является необходимым условием дальнейшего развития российской правовой системы [2, с. 29]. Важно также отметить, что В.С. Нерсесянц не ограничивался чисто теоретическими изысканиями, но предлагал и конкретные социально-практические концепции, среди которых особое место занимает идея цивилизма – концепция гражданской собственности, интересная тем, что смело преодолевает односторонности социалистического и капиталистического подходов к частной собственности [14, с. 21]. Ее значение не исчерпано до настоящего времени, хотя в ней есть и утопические черты, связанные с тотальностью и всеобщностью предлагаемой модели [14, с. 21].

Проведенный анализ понятийных оснований либертарно-юридической теории В.С. Нерсесянца позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, теоретическая система В.С. Нерсесянца представляет собой оригинальное направление отечественной философско-правовой мысли, в основе которого лежит различение юридического и легистского типов правопонимания. Это различение имеет фундаментальное методологическое значение, позволяя преодолеть ограниченность как позитивистского этатизма, так и естественно-правового дуализма.

Во-вторых, ключевым понятием либертарной теории выступает принцип формального равенства, понимаемый как триединство равной меры, свободы и справедливости. Этот принцип выражает сущность права, его субстанциональное начало, определяющее природу правовых явлений и процессов. При этом категория справедливости, наименее разработанная в теории В.С. Нерсесянца, требует дальнейшего исследования в контексте современных философско-правовых дискуссий.

В-третьих, право в теоретической системе В.С. Нерсесянца определяется как всеобщая и необходимая форма свободы в общественной жизни людей. Свобода не предшествует праву, а возникает вместе с ним и благодаря ему. Правовая свобода есть свобода формальная, реализуемая в рамках, очерченных правом.

В-четвертых, соотношение права и закона рассматривается как центральная проблема юридической онтологии и аксиологии. Задача состоит не в противопоставлении права и закона, а в обеспечении их соответствия, в формировании правового закона, адекватно выражающего сущность права.

В-пятых, либертарно-юридическая теория имеет непреходящее значение для развития современной российской правовой системы. Она предлагает методологические ориентиры для оценки качества законодательства, для совершенствования правотворческой и правоприменительной деятельности, для формирования правовой культуры общества, основанной на уважении к праву как форме свободы. В современных условиях, когда Российская Федерация сталкивается с необходимостью выработки собственной модели ценностей и интересов на основе российской традиционности, обращение к отечественному философско-правовому наследию становится необходимой потребностью настоящего и будущего.

Россия, опираясь на собственную правовую традицию и учитывая достижения мировой юридической мысли, продолжает движение к утверждению принципов правового государства, к формированию такой правовой системы, в которой право реально выступает как форма свобо-

ды, как мерило справедливости, как гарантия достойного существования каждого человека. В этом движении теоретическое наследие академика В.С. Нерсесянца остается надежным методологическим ориентиром, позволяющим сохранять верность правовой сущности при решении самых сложных задач общественного развития.

Перспективы дальнейших исследований связаны с применением либертарно-юридической методологии к анализу отдельных отраслей российского права, с выявлением специфики проявления принципа формального равенства в различных сферах правового регулирования, с разработкой на основе либертарной теории практических рекомендаций по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Особого внимания заслуживает реконструкция социально-теоретических взглядов В.С. Нерсесянца, которая может стать основой для дальнейшего развития его идей в современных условиях.

Список литературы:

1. Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. – М.: Норма, 1997. – 652 с.
2. Лапаева В.В. Либертарно-юридическая теория Владика Нерсесянца и ее вклад в развитие правовой теории и практики // Научный Арцах. – 2025. – № 2 (25). – С. 11-30.
3. Лапаева В.В. Философско-правовые учения Б.Н. Чичерина и В.С. Нерсесянца: сравнительный анализ // Российская Юстиция. – 2024. – 11 ноября. С. 18-24.
4. Хужина О.Н. Теоретико-исторические основы исследования традиционных духовно-нравственных ценностей в российском праве: монография. – М.: РУСАЙНС, 2025. – 132 с.
5. Марченко М.Н. Основные тенденции развития российского государства и права на современном этапе // Lex Russica (Русский закон). – 2018. – № 5 (138). – С. 19-32.
6. Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. – М.: Юристъ, 1996. – 160 с.
7. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: Учебник для вузов. – М.: Норма, 2002. – 552 с.
8. Мартышин О.В. Философия права: Учебник для магистров. – М.: Проспект, 2017. – 352 с.
9. Ряховская Т.И. К вопросу об уточнении факторов универсальности и самобытности в конституционном праве России // Российско-азиатский правовой журнал. – 2024. – Т. 40. – С. 26-31.
10. Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 1999. – 816 с.
11. Сайдумов Д.Х. Российская философия права и ее значение для современной государственности: возвращение к национальным истокам – необходимая потребность настоящего и будущего // [Электронный ресурс]. – 2026. – 8 с.
12. Савенков А.А. Феномен законности: сущность и смысловые характеристики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 10. – С. 171-176.
13. Кравцов Н.А. Некоторые черты кризиса современного правопонимания // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – № 4. – С. 33-36.
14. Горбань В.С., Груздев В.С. Философско-правовое наследие В.С. Нерсесянца // Право и политика. – 2022. – № 10. – С. 15-22.

References

1 Nersesyants V.S. Philosophy of Law: Textbook for Universities. – Moscow: Norma, 1997. – 652 p.
2 Lapaeva V.V. The Libertarian-Legal Theory of Vladik Nersesyants and Its Contribution to the Development of Legal Theory and Practice // Scientific Artsakh. – 2025. – № 2 (25). – pp. 11-30.
3 Lapaeva V.V. Philosophical and Legal Doctrines of B.N. Chicherin and V.S. Nersesyants: A Comparative Analysis // Russian Justice. – 2024. – November 11. – pp. 18-24.
4 Khuzhina O.N. Theoretical and Historical Foundations for the Study of Traditional Spiritual and Moral Values in Russian Law: Monograph. – Moscow: RUSCIENCE, 2025. – 132 p.
5 Marchenko M.N. Main Trends in the Development of the Russian State and Law at the Present Stage // Lex Russica. – 2018. – № 5 (138). – pp. 19-32.
6 Nersesyants V.S. Law – The Mathematics of Freedom. – Moscow: Yurist, 1996. – 160 p.
7 Nersesyants V.S. General Theory of Law and State: Textbook for Universities. – Moscow: Norma, 2002. – 552 p.
8 Martyshin O.V. Philosophy of Law: Textbook for Master's Students. – Moscow: Prospekt, 2017. – 352 p.
9 Ryakhovskaya T.I. On the Question of Clarifying the Factors of Universality and Originality in the Constitutional Law of Russia // Russian-Asian Law Journal. – 2024. – Vol. 40. – pp. 26-31.
10 Problems of the General Theory of Law and State: Textbook for Universities / Under the general editorship of V.S. Nersesyants. – 4th ed., revised and expanded. – Moscow: Norma, 1999. – 816 p.
11 Saidumov D.Kh. Russian Philosophy of Law and Its Significance for Modern Statehood: Return to National Origins is a Necessary Need of the Present and Future // [Electronic resource]. – 2026. – 8 p.
12 Savenkov A.A. The Phenomenon of Legality: The Essence and Semantic Characteristics // Humanities, Social-Economic and Social Sciences. – 2025. – № 10. – pp. 171-176.
13 Kravtsov N.A. Some Features of the Crisis of Modern Legal Understanding // North Caucasus Legal Bulletin. – 2019. – № 4. – pp. 33-36.
14 Gorban V.S., Gruzdev V.S. Philosophical and Legal Heritage of V.S. Nersesyants // Law and Politics. – 2022. – № 10. – pp. 15-22.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_557

УДК 340.1

ПРАВОТВОРЧЕСТВО КАК СФЕРА АНАЛИТИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
LAW-MAKING AS A SPHERE OF ANALYTICAL STATE-LEGAL ACTIVITY

АУТЛЕВ Айдемиркан Азаматович
аспирант кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».
350040 Российская Федерация г. Краснодар, ул. Ставропольская 149
E-mail: autlev0101@mail.ru

КИЧ Ирина Станиславовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».
350040 Российская Федерация г. Краснодар, ул. Ставропольская 149
E-mail: pravoved72@mail.ru
ORCID ID 0000-0003-2995-216

AUTLEV Aidemirkan Azamatovich
Postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law FSBEI HE Kuban State University.
350040 Russian Federation Krasnodar, Stavropolskaya str. 149.
E-mail: autlev0101@mail.ru

KICH Irina Stanislavovna,
Candidate of Law, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law FSBEI HE Kuban State University.
350040 Russian Federation Krasnodar, Stavropolskaya str. 149.
E-mail: pravoved72@mail.ru
ORCID ID 0000-0003-2995-216

Краткая аннотация: *В статье рассматривается правотворчество как государственная деятельность, подчеркивается значимость аналитической работы в процессе правотворчества в современном российском государстве, приводятся не только понятия правотворчества, сложившиеся в правовой доктрине, но и легальные дефиниции правотворчества и его содержание, закрепленные на уровне субъектов Российской Федерации. Проведена попытка определить аналитический цикл правоподготовительных работ правотворческого процесса.*

Abstract: *The article examines law-making as a state activity, emphasizes the importance of analytical work in the law-making process in the modern Russian state, and provides not only the concepts of law-making that have developed in legal doctrine, but also the legal definitions of law-making and its content, which are established at the level of the constituent entities of the Russian Federation. The article attempts to define the analytical cycle of law-preparatory work in the law-making process.*

Ключевые слова: *правотворчество, правовая аналитика, право и аналитика, правотворческий процесс, правотворческая деятельность, нормативный правовой акт, правовой акт, сферы юридической деятельности, аналитический цикл, правоподготовительные работы, прогнозирование, моделирование.*

Key words: *lawmaking, legal analytics, law and analytics, lawmaking process, lawmaking activity, regulatory legal act, legal act, areas of legal activity, analytical cycle, legal preparatory work, forecasting, modeling.*

Для цитирования: *Аутлев А.А., Кич И.С. Правотворчество как сфера аналитической государственно-правовой деятельности // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 557-558. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_557.*

For citation*: Autlev A.A., Kich I.S. Law-making as a sphere of analytical state-legal activity // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 557-558. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_557.*

Статья поступила в редакцию: 17.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Аналитическая работа занимает важное место во всех сферах жизни общества, государства и права. Причем, в силу значимости правотворческих решений и их результатов – нормативных правовых актов – аналитика в правотворчестве российского государства занимает подчас наиболее важное значение и проявляется на всех этапах аналитического цикла правотворческих работ.

Аксиоматично, что нет однозначных суждений и мнений научного сообщества относительно понимания научных юридических категорий, понятий и их содержания. Не исключение и понятие «правотворчество», получившее свое широкое и узкое употребление в зависимости от научных позиций тех или иных авторов. Как правило, под правотворчеством всегда понимается деятельность уполномоченных на то субъектов, однако, в случае понимания его в узком смысле слова – это деятельность по созданию, изменению, дополнению или отмене действующих нормативных правовых актов. В широкую же трактовку включается и правоподготовительная деятельность, начиная от выявления потребностей в правовом регулировании и завершая опубликованием нормативных документов.

Следует оговориться, что легальные определения правотворчества существуют на региональном уровне и закреплены в некоторых законах субъектов Российской Федерации о правотворчестве и системе законодательства региона.

Анализ регионального законодательства позволил сделать некоторые выводы. В частности, в определении правотворчества едины законодатели Краснодарского края, Ненецкого автономного округа, Ханты-Мансийскго автономного округа [1], считая, что это, во-первых, организационно-оформленная публичная (властная) деятельность правотворческих органов (государственных органов, органов государственной власти и должностных лиц), но в рамках их компетенции; во-вторых, правотворческая деятельность направлена на достижение целей развития региона и в интересах его жителей; в-третьих, правотворчество – это деятельность по выявлению потребностей в нормативном правовом регулировании; в-четвертых – результатом этой деятельности является создание новых нормативных правовых актов, их изменение, отмена либо при-

знание утратившими юридическую силу.

Законодатель города Севастополь [2] правотворческой деятельностью считает разработку, принятие (издание), подписание, опубликование и правовой мониторинг нормативных правовых актов, то есть, как представляется, речь идет о мониторинге правоприменения (формы правореализации). Вместе с тем, правовой мониторинг осуществляется и в процессе правотворчества, но, на наш взгляд, не следует в легальной дефиниции его располагать после завершающей стадии правотворчества – опубликования.

Законодатель Орловской области [3] определил правотворчество через деятельность по изданию правовых актов, оговорив в скобках, что издание включает в себя подготовку, принятие, изменение, введение в действие и признание утратившими силу правовых актов. Более того, в этой же статье дается определение понятия «правовой акт Орловской области», который обозначается документом, имеющим как нормы права, так и ненормативные (индивидуальные) предписания, рассчитанные на однократное применение и адресованные конкретному кругу лиц или конкретным лицам. Однако если далее обратиться к тексту рассматриваемого документа, то можно увидеть использование понятий «правотворческий процесс» (Глава 4), стадии правотворческого процесса (ст. 21), не нашедшие своего дефинитивного определения в начале документа.

Обращает на себя внимание, что правотворчество в российской правовой доктрине [6] определяется как деятельность, направленная на создание… лишь нормативных правовых актов, а не в целом правовых актов, имеющих и ненормативное содержание.

Отдельными субъектами Российской Федерации [4] при пояснении значения понятий, используемых в законе, вместо понятия «правотворчество» используется понятие «правотворческие органы», в обозначение которых фактически используется понятие «правотворчество» как их непосредственная деятельность.

Некоторые региональные законодатели [5] понятие «правотворчество» заменяют на понятие «нормотворчество» или «нормотворческую деятельность», но суть последних обозначается как деятельность по подготовке, принятию и опубликованию нормативных правовых актов, т.е. дается, в сущности, определение правотворчества в его узком понимании.

Как уже отмечалось, в процессе правовой аналитической правотворческой деятельности следует соблюдать определенную цикличность, характерную не только для юриспруденции, но и для аналитики в иных сферах деятельности также. Предположим, что аналитический цикл – это аналитический процесс, включающий в себя значимые для аналитической деятельности определенные этапы. Условно разделим их на четыре, поскольку сложно подчас определить ту грань, которая может четко разграничить аналитический процесс – из одних действий плавно и закономерно вытекают другие. Затронем аналитический цикл лишь правоподготовительных работ.

Поскольку любая аналитическая работа – это работа с информацией, то первым этапом будет являться ее сбор и систематизация. На этом этапе важна работа с различными источниками информации правового и неправового содержания, с помощью верно подобранных методов и способов. Необходим анализ общественных отношений, нуждающихся в правовой регламентации путем определения запросов общества, находящихся в многообразных информационных ресурсах.

Следующим этапом закономерно выступает анализ полученных данных для прогнозирования модели законодательства, определения тенденций его дальнейшего развития. С помощью намеченных способов и приемов анализа информационных потоков, аналитик может использовать: непосредственную работу с текстом, отделяя основную информацию от второстепенной; формирование прогностической оценки эффективности текстуального выражения; использование статистических, математических данных; визуальное моделирование и т.д.

Третьим этапом является представление результатов правовой аналитической деятельности. Важно предоставить не только подготовленный правовой проект, но и сопутствующие ему документы, необходимые для принятия правового решения.

Завершающим этапом выступает принятие правового решения о подготовке востребованного обществом и государством нормативного правового акта. Однако на этом аналитическая деятельность в правотворчестве не прекращается, так как после принятия решения об объективной необходимости и своевременности подготовки нормативного правового акта, начинается глубокая аналитическая работа по созданию качественного и эффективного для российской правовой системы – системы законодательства.

Таким образом, аналитическая работа при создании нормативного правового акта представляет собой сложный мыслительный процесс, состоящий из ряда переходящих друг в друга этапов.

Список литературы:

1. О правотворчестве и нормативных правовых актах Краснодарского края: Закон Краснодарского края от 06.06.1995 № 7-КЗ // http://pravo.gov.ru; О нормативных правовых актах Ненецкого автономного округа Закон Ненецкого автономного округа от 03.02.2006 № 673-ОЗ http://pravo.gov.ru; О нормативных правовых актах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: Закон ХМАО от 25.02.2003 № 14-оз // https://www.dumahmao.ru/decisions/detail.php?ID=7067.
2. О правовых актах города Севастополя: Закон города Севастополя от 29.09.2015 № 185-ЗС // http://www.pravo.gov.ru
3. О правотворчестве и нормативных правовых актах Орловской области: Закон Орловской области от 15.04.2003 № 319-ОЗ // https://base.garant.ru/28500319/.
4. О нормативных правовых актах Карачаево-Черкесской Республики: Закон Карачаево-Черкесской Республики от 02.12.2002 № 48-РЗ // http://pravo.gov.ru
5. О нормативных правовых актах Республики Хакасия: Закон Республики Хакасия от 11.03.2015 № 18-ЗРХ // http://pravo.gov.ru
6. Морозова Л.А. Теория государства и права. М., 2014. С. 282.; Чашин А.Н. Теория государства и права. М., 2008. С. 415; Анишина В.И. Понятие и виды правотворчества // Проблемы теории государства и права / под ред. В.М. Сырых. М., 2008. С. 292.

References:

1. On law-making and regulatory legal acts of the Krasnodar Territory: The Law of the Krasnodar Territory dated 06.06.1995 No. 7-KZ // http://pravo.gov.ru ; On the normative legal acts of the Nenets Autonomous Okrug, the Law of the Nenets Autonomous Okrug dated 02/03/2006 No. 673-OZ http://pravo.gov.ru ; On the normative legal acts of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra: The Law of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug dated 02/25/2003 № 14-oz // https://www.dumahmao.ru/decisions/detail.php?ID=7067
2. On the legal acts of the city of Sevastopol: The Law of the City of Sevastopol dated 29.09.2015 No. 185-ZS // http://www.pravo.gov.ru
3. On law-making and regulatory legal acts of the Orel region: The Law of the Orel region dated 04/15/2003 No. 319-OZ // https://base .garant.ru/28500319/.
4. On the normative legal acts of the Karachay-Cherkess Republic: The Law Of The Karachay-Cherkess Republic Of 02.12.2002 No. 48-RZ // http://pravo.gov.ru
5. On Regulatory Legal Acts of the Republic of Khakassia: Law of the Republic of Khakassia No. 18-ZRKh dated March 11, 2015 // http://pravo.gov.ru
6. Morozova, L.A. Theory of State and Law. Moscow, 2014, p. 282.; Chashin, A.N. Theory of State and Law. Moscow, 2008, p. 415.; Anishina, V.I. The Concept and Types of Lawmaking // Problems of the Theory of State and Law / edited by V.M. Syrykh. Moscow, 2008, p. 292.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_559

УДК 347.44

СМАРТ-КОНТРАКТЫ И ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА ЦИФРОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ
SMART CONTRACTS AND LEGAL FORCE DIGITAL OBLIGATIONS

АГЕЕВА Галина Евгеньевна
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»
43090, Россия, Самарская обл., г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: galinaageevva@mail.ru

РЫНДА Евгений Павлович
аспирант кафедры гражданского и арбитражного процесса
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»
43090, Россия, Самарская обл., г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: galinaageevva@mail.ru

AGEEVA Galina Evgenievna
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Arbitration Procedure,
Samara State University of Economics
141 Sovetskaya Armii str., Samara, 43090, Russia.
E-mail: galinaageevva@mail.ru

RYNDA Evgeny Pavlovich
is a postgraduate student at the Department of Civil and Arbitration Procedure of the Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armii str., Samara, 43090, Samara Region, Russia.
E-mail: galinaageevva@mail.ru

Краткая аннотация: *Настоящая работа посвящена исследованию института смарт-контрактов как одной из форм реализации юридических в условиях цифровой среды. Особое внимание уделяется возможности внедрения и применения смарт-контрактов в различных областях человеческой жизнедеятельности: в сфере страхования, государственного администрирования, банковской сфере. В статье выделены основные проблемы, препятствующие полноценному внедрению смарт-контрактов в российскую правовую систему включая отсутствие законодательного закрепления понятия смарт-контрактов, риски, которые могут возникать при реализации обязательств сторонами, неопределенность правового статуса программного кода, а также предложены пути решения выявленных проблем.*

Abstract: *This paper is devoted to the study of the institute of smart contracts as one of the forms of legal implementation in a digital environment. Special attention is paid to the possibility of implementing and applying smart contracts in various areas of human activity: insurance, public administration, and banking. The article highlights the main problems preventing the full implementation of smart contracts in the Russian legal system, including the lack of legislative consolidation of the concept of smart contracts, the risks that may arise in the implementation of obligations by the parties, the uncertainty of the legal status of the program code, and suggests ways to solve the identified problems.*

Ключевые слова: *блокчейн-технология, смарт-контракты, цифровизация, децентрализованная система, хеш, цифровая среда, цифровые сделки, автоматизация.*

Keywords: *blockchain technology, smart contracts, digitalization, decentralized system, hash, digital environment, digital transactions, automation.*

Для цитирования: *Агеева Г.Е., Рында Е.П. Смарт-контракты и юридическая сила цифровых обязательств // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 559-562. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_559.*

For citation*: Ageeva G.E., Rynda E.P. Smart contracts and the legal force of digital obligations // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp.559 -562. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_559.*

Статья поступила в редакцию: 10.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

В связи со стремительной цифровизацией общественных отношений для российской правовой системы относительно новым выступает институт смарт-контрактов. Сущность правовой природы данных контрактов в соответствии с проектом Федерального закона №419059-7 «О цифровых финансовых активах» сводится к электронному договору, исполнение обязательств сторонами по которому выполняется за счет реализации последовательных транзакций, заложенных в коде в строго определенной последовательности и при наступлении необходимых обстоятельств. Несмотря на то, что нормативно-правовой акт так и не был принят, значимость данных контрактов повышается во многих отраслях человеческой жизнедеятельности.

Реализация смарт-контракта на практике является возможной только в том случае, если заключаемый договор обладает всеми необходимыми характеристиками, позволяющими перенести его в цифру. По мнению Л.Г. Ефимовой и О.Б. Сиземовой, смарт-контракты необходимо рассматривать как договорную конструкцию, предусматривающую возможность исполнения договорных обязательств, их изменение, а также расторжение договора в условиях технологически обеспеченной среды[15, с. 448]. Таким образом, одним из исключительных признаков смарт-контрактов выступает то обстоятельство, что смарт-контракт не выступает как отдельный договор, отличающийся своим содержанием, а выступает способом исполнения договора.

Современные исследователи отмечают в качестве характерного признака смарт-контрактов слияние юридической конструкции и цифровизации. Так, по мнению Б.М. Савельева, Д.С. Мирошниченко, С.А. Брыксина, специфика блокчейна в данном случае сводится не к правовой природе договора, а к способу его технической реализации[7, с. 161-162]. Так, в основе смарт-контракта, как уже было сказано раннее, лежит хеш, который приводит договор в действие только при наличии волеизъявления сторон. Реализация двухсторонних обязательств происходит за счет фиксации определенных операций в реестре, что исключает возможность дальнейшей корректировки договорных отношений. Можно ска-

зать о том, что смарт-контракт представляет собой техническую принудительность, благодаря которой алгоритм приводится в исполнение при волеизъявлении сторон и не допускает произвольного вмешательства с их стороны.

Следующим характерным признаком смарт-контрактов выступает то обстоятельство, что они базируются на децентрализованной системе управления информацией, что обеспечивает невозможность вмешиваться в ход исполнения сторонами договорных обязательств. Так, исполнение обязательств максимально транспарентно в данном случае благодаря тому, что данные распределены между различными узлами сети, а значит не принадлежат ни одному участнику или оператору.

Сделки, основанные на блокчейне, также характеризуются высокой степенью формализуемости условий, что обусловлено необходимостью переноса на код данных, которые подаются алгоритмизации. Важно иметь ввиду, что блокчейн-сделки не могут быть истолкованы так, как их истолковал бы высококвалифицированный юрист, поскольку код может выполнять только то, что в него изначально заложено. Таким образом можно сказать о том, что специфическим признаком смарт-контрактов выступает ограниченность в интерпретации условий договора, а также отсутствие пространства для гибкости их понимания.

Понятие смарт-контракта подразумевает под собой возникновение правоотношений, которые автоматически оформляются посредством использования программного обеспечения и выступает в гражданско-правовом обороте способом исполнения. Данный термин был введен американским ученым Ником Сабо в 1990 г. и включает в себя две основные характеристики, одной из которых выступает формулирование определенных действий, которые в рамках контракта необходимо соблюдать и за несоблюдение которых предусматривается санкция, а другая подразумевает под собой автоматическое исполнение этих действий без необходимости волеизъявления сторон правоотношения[14, с. 241-248].

В юридической литературе можно встретить различные интерпретации данного определения. Так, смарт-контракты рассматривают не столько в юридической плоскости, а скорее в качестве инструментов, посредством которых можно отслеживать, контролировать и документировать юридически значимые действия. В широком смысле смарт-контракты следует рассматривать в качестве устройств, которые являются эффективными с точки зрения технической стороны, а не юриспруденции.

В отчете Федерального совета Швейцарии смарт-контракты раскрываются в качестве компьютерных протоколов, базированных на децентрализованной системе блокчейна, с помощью которых возможно контролировать правоотношения между двумя и более сторонами за счет закодированной информации[4, с. 458-468].

Сущность смарт-контракта сводится к отображению договорных обязательств в программный код, срок действия которого равен сроку действия договора и который может самостоятельно выполнять действия при соблюдении определенных условий.

Смарт-контракты как правовой институт наделен двумя основными функциями, первой из которых выступает возможность отслеживать и документировать юридически значимые действия между сторонами правоотношений, а вторая функция отображает эквивалентность контракта договору.

Программный код способен определять существенные условия договора, расположенные в различном порядке. Одним из классических примеров смарт-контрактов являются автоматы с напитками или иммобилайзеры. Так, например, в отличие от традиционного договора аренды транспортного средства, при возникновении задолженности за пользование автомобилем транспортное средство может быть заблокировано с помощью специального технического устройства, лишая арендатора права в дальнейшем пользоваться услугой.

Институт смарт-контрактов складывается за счет соблюдения баланса технических инноваций и договорного права. В связи с этим их развитие требует от законодателя особого внимания к вопросам, касающихся их соотношения с договорным правом.

Несмотря на то, что с помощью данного инструмента возможно снижение транзакционных издержек за счет снижения затрат на мониторинг и административные расходы, возможность о полной замене традиционных договоров смарт-контрактами не рассматривается в связи с их правовой неопределенностью. Данный тезис обусловлен тем обстоятельством, что будущее невозможно предугадать в полной мере, а учитывая постоянно изменяющиеся общественные отношения, договорные правоотношения нельзя постоянно регулировать технологией. Следует также отметить, что потенциально возможные сценарии развития правоотношения невозможно отразить в программном коде.

При соответствующем программировании области, реализации умных контрактов могут быть значительно расширены и эффективны за счет того, что их исполнение не будет зависеть от административных затрат, мониторинга и будет уменьшать зависимость от традиционных письменных документов. Важным является и то, что развитие данного института делает ненужными посредников и повышает точность расчетов, что может сформировать уровень доверия среди населения.

Существуют и ярко выраженные недостатки смарт-контрактов, поскольку привлекательным в развитии смарт-контрактов является снижение финансовых затрат на их исполнение, однако риски кроются в потенциальной зависимости от вычислительной техники, которая реализует сам контракт[7, с. 115-123].

По мнению И.М. Турковой, недостатком смарт-контракта является то, что его сущность сводима к заранее прописанным человеком командам и формированию условий, при которых они будут реализовываться[1, с. 8-12]. Таким образом, исключительность данного института заключается в самоисполнении обязательств контракта, однако происходит это за счет примитивизации условий договора. Ввиду данного обстоятельства субъекты правоотношений теряют возможность изменять договоренности в рамках исполнения контракта.

По мнению Гармашева М.А., проблематичным является и цена ошибки, которую можно допустить при прописывании кода и условий контракта, поскольку в дальнейшем они являются неизменяемыми в процессе реализации[5, с. 77-87]. В случае наступления подобных ситуаций сторонам правоотношений необходимо будет дополнительное соглашение для исправления возникшей ситуации.

Стоит отметить, что даже в связи с правовой неопределенностью регулирования смарт-контрактов и ограниченностью их инструментария, ончейн-контракты находят свое применение в различных областях человеческой жизнедеятельности.

Одной из подобных сфер выступают банковские организации, которые используют блокчейн и смарт контракты в связи со стремительной цифровизацией и переходом финансов в цифру. В качестве примера успешного внедрения ончейн-контракта в банковскую сферу необходимо привести испанский банк Banco Bilbao Vizcaya Argentaria (BBVA), который посредством данного инструмента выдал своему корпоративному клиенту кредит на сумму 75 млн. евро. Данная сделка была проведена через децентрализованную блокчейн платформу Эфириум (Ethereum) и заняла несколько часов, тогда как традиционное оформление договорных отношений заняло бы несколько дней.

В России успешным примером реализации смарт-контракта является проведении сделки Альфа-Банком с S7 Airlines по оформлению аккредитива. Оформление сделки так же, как и в случае с испанским банком было проведено через платформу Эфириум и фиксировалась в блокчейне. При оформлении подобных сделок в самом блокчейне формируется хеш, который содержит основные данные о проведенной операции, включая ИНН субъектов правоотношений, дата заключения, исполнения и суммы сделки[2, с. 95-105].

Активно в России и за рубежом применяют смарт-контракты государственные служащие в целях оптимизации типовых процессов и упрощения регистрации, ведения реестров и баз. В качестве зарубежного опыта можно привести ОАЭ, где блокчейн-технологии постепенно внедряются в сферу имущественных прав. Так, Dubai Land Department (DLD) в 2025 году начал использовать цифровую регистрацию имущественных прав, основанную на блокчейне, что позволило сформировать автоматизированный, неизменяемый и полностью прозрачный реестр недвижимости. Сами сделки заключаются посредством блокчейн-системы, которая фиксирует существенные условия договора, и передача прав по которому происходит после оплаты субъектом правоотношения. Реализация данного механизма в полной мере соответствует законодательству ОАЭ и позволяет оформлять передачу имущественных прав без нотариального удостоверения[12, с. 52-57].

Благодаря применению блокчейна правительству ОАЭ удалось зарегистрировать сделки на сумму 500 – 625 дирхамов. Важно отметить, что охват пилотной платформы затронул порядка тысячи объектов недвижимости и согласно прогнозам к 2033 году около 7% всех сделок, происходящих на рынке недвижимости, будут реализованы с помощью смарт-контрактов[2, с. 707-712].

С учетом активного внедрения смарт-контрактов в повседневную жизнь повышается значимость эффективного правового регулирования данного правового института. Первым шагом на пути к законодательной регламентации смарт-контрактов стало введение понятия цифровых прав в Гражданском Кодексе РФ, а также признание возможности автоматического исполнения обязательств сторонами сделки.

Несмотря на то, что существуют преимущества смарт-контрактов перед договорами, которые заключаются в простой письменной форме, данный правовой институт обладает существенными недостатками, препятствующими полноценному внедрению данного института в российскую правовую систему.

Ранее уже было сказано о том, что ключевым недостатком блокчейн-технологии в области договорного права выступает невозможность изменения условий сделки, что является проблематичным для обеих сторон. В отличие от смарт-контрактов, при заключенном простом письменном договоре субъекты правоотношений вправе реализовать секундарное право на изменение условий сделки, если данное право прямо предусмотрено договором. В свою очередь изменение условий сделок, основанных на блокчейне, может повлечь наступление транзакционных издержек, в отличие от изменения традиционного договора.

Другой проблемой выступает также то обстоятельство, что не во всех странах мира смарт контракт обладает юридической силой, что влечет за собой невозможность субъектов правоотношения обратиться в судебные инстанции в случае нарушения своих прав и законных интересов.

Недостатком сделок, основанных на блокчейне, является и возможность совершения ошибок в программном коде. В случае наступления ошибок и при волеизъявлении сторон, сделка может быть нереализована или привести не к тем правовым последствиям, на которые изначально была направлена воля субъектов правоотношения. Помимо этого, по мнению С.С. Русских, язык программирования, с помощью которого составляются смарт-контракты, может быть не понятным лицам, не имеющим образования соответствующего профиля, что усложняет возможность понимания условий контракта субъектами правоотношений [9, с. 298-301]. В данном случае в целях избегания негативных последствий сторонам, необходимо заключать традиционный договор в простой письменной форме или прибегнуть к рикардианскому умному договору.

В настоящее время остается насущным вопрос о том, к какому виду соглашения приравнивать смарт-контракты, ввиду отсутствия законодательно закрепленного определения данного термина. Отсутствие законодательно закрепленного понятия может привести к разночтениям в судах и формированию разносторонней юридической практики при рассмотрении споров со смарт-контрактами.

В целях разрешения настоящей проблемы необходимо обратиться к положительному зарубежному опыту. Так, в США впервые были приняты нормативно-правовые акты Electronic Signatures in Global and National Commerce Act (ESIGN Act) и Uniform Electronic Transactions Act (UETA) предусматривающие признание за электронными подписями и электронными договорами полной юридической силы[11, с. 118-147]. Настоящие источники закрепляют принцип, согласно которому сделка, заключенная в электронной форме, обладает той же юридической силой что и традиционный договор в письменной форме.

В 2017 году правительство штата Аризоны уточнило и расширило регулирование электронных договоров за счет введения понятия смарт-контракта и закрепления положения, в соответствии с которым сделки, основанные на блокчейне, обладают юридической силой и если стороны изначально согласились на заключение договора именно в такой форме[4, с. 16-23]. Аризона также признала подписи, основанные на блокчейне, равнозначными традиционным.

Штаты Невада и Вермонт в свою очередь признали все документы, основанные на блокчейн-технологии, юридически значимыми документами, что дает возможность использовать данные, отображаемые в хеше, в качестве допустимого доказательства в судах.

В качестве другой проблемы следует выделить то, что смарт-контракты представляют собой самозапускающийся механизм при наступлении заданных в коде условий. Данная особенность выступает преимуществом данного правового института за счет снижения транзакционных издержек, однако создает проблему гибкости, поскольку изменить или остановить уже запущенный механизм без вмешательства извне невозможно[13, с. 112-115].

Так, например, при наступлении форс-мажорных обстоятельств, возможных ошибок в коде, кражи криптоактивов не представляется возможным использовать традиционные методы защиты нарушенных прав.

В целях разрешения проблемы необходимо предусмотреть механизмы «остановки» или «отката» в самом контракте. Подобный механизм может представлять собой административный ключ, задающий команды приостановки или отмены транзакции, а также предусматривающий автоматическую двухстороннюю реституцию. В юридической литературе также делают акцент на системе так называемого «убивающего клапана» (kill-switch), сущность которого сводится к осуществлению разрыва транзакционных операций и регистрацией данного события в самом блокчейне[10, с. 151-155].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что смарт-контракты представляют собой многогранный и сложный по своей природе правовой институт, который требует комплексного правового регулирования посредством кросс-дисциплинарного взаимодействия договорного права и технологического прогресса, а также разработки стандартов ответственности разработчиков и операторов блокчейн технологии. Только благодаря соблюдению баланса между технической и юридической сторонами регулирования смарт-контрактов можно достигнуть их расширения в различных областях человеческой жизнедеятельности в глобальной практике.

Список литературы:

1. Аликаева М. В., Волов М. А. Использование смарт-контрактов в сфере децентрализованных финансов // Фундаментальные исследования. – 2025. – №. 2. – С. 8-12.
2. Ageeva, G. E. Digitalization of the Openness Principle of Civil Proceedings: Enunciation Issues / G. E. Ageeva // Current Achievements, Challenges and Digital Chances of Knowledge Based Economy. Vol. 133. – Cham : Springer Nature Switzerland AG, 2021. – P. 707-712. – DOI 10.1007/978-3-030-47458-4_81.
3. Беликова К. М. Исследование теоретических вопросов внедрения сетевых договоров (смарт-контрактов) на примере России и зарубежных стран // Социально-политические науки. – 2020. – Т. 10. – №. 5. – С. 95-105.
4. Баринова А. А. Методы и средства обеспечения конфиденциальности смарт-контрактов //Безопасность информационных технологий. – 2017. – Т. 24. – №. 2. – С. 16-23.
5. Гулимов А. Б., Панабергенова Ж. Т. Цифровая трансформация гражданско-правовой инфраструктуры в постсоветских государствах: сравнительный анализ внедрения смарт-контрактов и законодательных вызовов // Вестник Атырауского университета имени Халела Досмухамедова. – 2025. – Т. 78. – №. 3. – С. 458-468.
6. Гармашев М. А. Смарт-контракт как договор. Виды, способы заключения и совершения, проблемы исполнения // Legal Bulletin. – 2023. – Т. 8. – №. 2. – С. 77-87.
7. Дегтярева Е. Р. Правовая природа смарт-контрактов //Аграрное и земельное право. – 2023. – №. 4 (220). – С. 161-162.
8. Ларин А. А. О правовой природе смарт-контрактов и их свойствах //Вопросы российской юстиции. – 2023. – №. 23. – С. 115-123.
9. Русских С. С. Проблемы и перспективы внедрения смарт-контрактов в предпринимательские договорные правоотношения // Право и государство: теория и практика. – 2024. – №. 7 (235). – С. 298-301.
10. Селезнева П. Ю., Лошкарев А. В. Проблемы разрешения споров по договорам с использованием смарт-контрактов //Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – №. 5-4. – С. 151-155.
11. Трунцевский Ю. В., Севальнев В. В. Смарт-контракт: от определения к определенности // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – №. 1. – С. 118-147.
12. Фазлиева Л. К., Рахимов Э. Х. Смарт-контракт в гражданско-правовом обороте //Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2021. – №. 2 (92). – С. 52-57.
13. Цветков В. Д., Ленец О. А., Слабченко М. С. Автоматизация процесса заключения договоров с помощью смарт-контрактов в децентрализованной сети blockchain //Наука настоящего и будущего. – 2018. – Т. 1. – С. 112-115.
14. Шепелева К. С. Использование блокчейна и смарт-контрактов для повышения прозрачности и борьбы с коррупцией в системе государственных закупок // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2025. – №. 6 (124). – С. 241-248.
15. Яковлева-Чернышева А. Ю. Смарт-контракты: понятие и проблемы гражданско-правового регулирования //Интеллектуальный капитал и цифровая трансформация об. – 2022. – С. 448.

References:

1. Alikaeva M. V., Volov M. A. The use of smart contracts in the field of decentralized finance // Fundamental research. – 2025. – No. 2. – pp. 8-12.
2. Ageeva, G. E. Digitalization of the Openness Principle of Civil Proceedings: Enumeration Issues / G. E. Ageeva // Current Achievements, Challenges and Digital Chances of Knowledge Based Economy. Vol. 133. – Cham : Springer Nature Switzerland AG, 2021- P. 707-712. – DOI 10.1007/978-3-030-47458-4_81.
3. Belikova K. M. Research of theoretical issues of implementation of network contracts (smart contracts) on the example of Russia and foreign countries // Socio-political sciences. 2020. Vol. 10. No. 5. pp. 95-105.
4. Barinova A. A. Methods and means of ensuring the confidentiality of smart contracts //Information technology security. – 2017. – Vol. 24. – No. 2. – pp. 16-23.
5. Gulimov A. B., Panabergenova Zh.T. Digital transformation of civil law infrastructure in post-Soviet states: a comparative analysis of the implementation of smart contracts and legislative challenges // Bulletin of Atyrau University named after Khalel Dosmukhamedov. – 2025. – Vol. 78. – No. 3. – pp. 458-468.
6. Garmashev M. A. Smart contract as a contract. Types, methods of conclusion and commission, problems of execution // Legal Bulletin. – 2023. – Vol. 8. – No. 2. – pp. 77-87.
7. Degtyareva E. R. The legal nature of smart contracts //Agrarian and land law. – 2023. – №. 4 (220). – Pp. 161-162.
8. Larin A. A. On the legal nature of smart contracts and their properties //Issues of Russian justice. – 2023. – №. 23. – pp. 115-123.
9. Russian S. S. Problems and prospects of the introduction of smart contracts in business contractual relations // Law and the State: theory and practice. – 2024. – №. 7 (235). – Pp. 298-301.
10. Selezneva P. Yu., Loshkarev A.V. Problems of dispute resolution under contracts using smart contracts //International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2020. – №. 5-4. – Pp. 151-155.
11. Truntsevsky Yu.V., Sevalnev V. V. Smart contract: from definition to certainty // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2020. No. 1. pp. 118-147.
12. Fazlieva L. K., Rakhimov E. H. Smart contract in civil law circulation //Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – №. 2 (92). – Pp. 52-57.
13. Tsvetkov V. D., Lenets O. A., Slabchenko M. S. Automation of the contract conclusion process using smart contracts in a decentralized blockchain network //Science of the present and the future. – 2018. – Vol. 1. – pp. 112-115.
14. Shepeleva K. S. The use of blockchain and smart contracts to increase transparency and combat corruption in the public procurement system // Economics and business: theory and practice. – 2025. – №. 6 (124). – Pp. 241-248.
15. Yakovleva-Chernysheva A. Y. Smart contracts: the concept and problems of civil law regulation //Intellectual capital and digital transformation vol. – 2022. – p. 448.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_563

УДК 34

ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДОГОВОРА ФИНАНСОВОЙ АРЕНДЫ (ЛИЗИНГА) В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
FEATURES AND TRENDS OF THE CONTRACT DEVELOPMENT FINANCIAL LEASE (LEASING) IN MODERN RUSSIA

ДАШИН Алексей Викторович
доктор юридических наук, профессор кафедры ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141.
E-mail: avdashin@mail.ru

ЯЦЕНКО Ольга Васильевна
кандидат юридических наук, доцент ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики».
347900, Россия, г. Таганрог, ул. Петровская, 45.
E-mail: proff-mast@mail.ru

ЛЫСЕНКОВА Татьяна Александровна
Студент ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141.
E-mail: proff-mast@mail.ru

DASHIN Alexey Viktorovich
Doctor of Law, Professor of the Department Samara State University of Economics and Management.
141 Sovetskaya Armii str., Samara, 443090, Russia.
E-mail: avdashin@mail.ru

YATSENKO Olga Vasilievna
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Private Educational Institution of Higher Education «Taganrog Institute of Management and Economics».
Petrovskaya str., 45, Taganrog, 347900, Russia.
E-mail: proff-mast@mail.ru

LYSENKOVA Tatiana Alexandrovna
Student Samara State University of Economics and Management.
141 Sovetskaya Armii str., Samara, 443090, Russia.
E-mail: proff-mast@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье исследуются правовая природа и специфические черты договора финансовой аренды в российском законодательстве, анализируются особенности трехсторонней структуры лизинговых правоотношений и механизмы распределения рисков между участниками сделки. Рассматриваются современные тенденции развития российского рынка лизинга, включая цифровую трансформацию отрасли, внедрение альтернативных форм структурирования сделок с участием закрытых паевых инвестиционных фондов, механизмы переуступки договоров и реструктуризации обязательств. Особое внимание уделяется интеграции ESG-принципов в лизинговую практику, государственной поддержке отраслевых сегментов и влиянию монетарной политики на развитие рынка финансовой аренды в условиях макроэкономической нестабильности и высоких процентных ставок.*

Abstract: *The article explores the legal nature and specific features of the financial lease agreement in Russian legislation, analyzes the features of the tripartite structure of leasing legal relations, and examines the mechanisms for distributing risks among the parties to the transaction. The article also examines current trends in the development of the Russian leasing market, including the digital transformation of the industry, the introduction of alternative forms of structuring transactions involving closed-end investment funds, and the mechanisms for transferring contracts and restructuring obligations. Special attention is paid to the integration of ESG principles into leasing practices, government support for industry segments, and the impact of monetary policy on the development of the financial lease market in the context of macroeconomic instability and high interest rates.*

Ключевые слова: *договор финансовой аренды, лизинг, лизингодатель, лизингополучатель, правовое регулирование лизинга, цифровая трансформация, альтернативное структурирование лизинговых сделок, закрытые паевые инвестиционные фонды, реструктуризация лизинговых обязательств, ESG-практики в лизинге, государственная поддержка лизинга, российский рынок лизинга.*

Keywords: *financial lease agreement, leasing, lessor, lessee, legal regulation of leasing, digital transformation, alternative structuring of leasing transactions, closed-end mutual funds, restructuring of leasing obligations, ESG practices in leasing, government support for leasing, and the Russian leasing market.*

Для цитирования: *Дашин А.В., Яценко О.В., Лысенкова Т.А. Особенности и тенденции развития договора финансовой аренды (лизинга) в современной России // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 563-565. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_563.*

For citation*: Dashin A.V., Yatsenko O.V., Lysenkova T.A. Features and trends in the development of financial lease agreements in modern Russia // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 563-565. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_563.*

Статья поступила в редакцию: 19.10.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Институт финансовой аренды занимает особое место в системе инвестиционного финансирования современной российской экономики. В условиях ограниченного доступа к традиционным кредитным ресурсам и санкционного давления лизинг становится одним из ключевых механизмов обновления основных фондов предприятий. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления правовых особенностей договорной конструкции лизинга и анализа тенденций его развития в краткосрочной перспективе. Цель настоящей статьи заключается в выявлении специфических черт договора финансовой аренды в российском правовом поле и определении основных направлений трансформации лизингового рынка.

Договор финансовой аренды представляет собой сложную правовую конструкцию, сочетающую элементы арендных, кредитных и купли-продажных отношений. Согласно статье 665 Гражданского кодекса Российской Федерации, арендодатель обязуется приобрести в собственность указан-

ное арендатором имущество у определенного им продавца и предоставить это имущество за плату во временное владение и пользование [1]. Данная норма закрепляет трехстороннюю структуру лизинговых правоотношений, где участвуют лизингодатель, лизингополучатель и продавец имущества.

Специфика лизинга проявляется в распределении правомочий собственника между участниками сделки. Лизингодатель сохраняет право собственности на переданное имущество в течение всего срока действия договора, что обеспечивает ему дополнительные гарантии возврата вложенных средств. Лизингополучатель, в свою очередь, получает правомочия владения и пользования, необходимые для эксплуатации предмета лизинга в производственной деятельности. Такое расщепление правомочий создает баланс интересов сторон и снижает кредитные риски финансирующей организации по сравнению с традиционным банковским кредитованием.

Федеральный закон от 29 октября 1998 года № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» дополняет общие положения Гражданского кодекса специальными нормами, регулирующими лизинговую деятельность [2]. Закон устанавливает обязательные условия договора лизинга, порядок расчета лизинговых платежей, права и обязанности сторон. Ключевой проблемой существования лизинга в Российской Федерации является недолжное количество законодательных мер, способствующих отграничению договора лизинга от иных гражданско-правовых договоров, что в конечном счете ведет к некорректному применению рассматриваемой договорной конструкции на практике [7, с. 2]. Действительно, недостаточная детализация критериев разграничения лизинга и обычной аренды порождает правовую неопределенность и создает почву для злоупотреблений.

Классификация видов лизинга основывается на критериях срочности и характера передачи имущества. Финансовый лизинг предполагает долгосрочную аренду с правом последующего выкупа имущества по остаточной стоимости, при этом срок договора обычно приближается к сроку полезного использования актива. Операционный лизинг характеризуется краткосрочным периодом использования имущества без права его выкупа, что позволяет предприятиям гибко управлять производственными мощностями без иммобилизации крупных финансовых ресурсов. Возвратный лизинг представляет собой механизм, при котором собственник имущества продает его лизинговой компании и одновременно берет в аренду, высвобождая тем самым оборотные средства при сохранении фактического контроля над активом.

Налоговые преимущества лизинга формируют существенный стимул для его использования. Лизинговые платежи включаются в состав прочих расходов, связанных с производством и реализацией, что уменьшает налогооблагаемую базу по налогу на прибыль. При применении ускоренной амортизации с коэффициентом до 3 лизингополучатель получает возможность значительно сократить налоговые обязательства в начальный период эксплуатации имущества. Такая налоговая оптимизация особенно актуальна в 2025 году, когда ставка налога на прибыль увеличена до 25 процентов.

Отличительной чертой лизинга выступает механизм распределения рисков между участниками сделки. Имущественный риск, связанный с сохранностью и ликвидностью актива, частично принимает на себя лизингодатель, оставаясь собственником имущества. Кредитный риск, обусловленный финансовым состоянием лизингополучателя, минимизируется через право лизингодателя изъять имущество в случае нарушения условий договора. Данное распределение позволяет снизить процентную ставку по лизингу относительно банковского кредита при сопоставимом уровне финансирования, поскольку лизингодатель располагает реальным обеспечением в виде права собственности на передаваемое имущество.

Переходя к современным тенденциям развития лизинга в России, стоит отметить, что российский рынок лизинга демонстрирует динамичное развитие, несмотря на внешнеэкономические ограничения и макроэкономическую нестабильность. Объем нового бизнеса в лизинговой отрасли вырос с 1 300 миллиардов рублей в 2013 году до 3 590 миллиардов рублей в 2023 году, что свидетельствует о почти трехкратном увеличении за десятилетний период. Структурные изменения в портфеле лизинговых активов отражают трансформацию приоритетов экономического развития. Как указывает Л.Ю. Архангельская: «Абсолютным рекордсменом на российском рынке лизинга за 2014-2019 гг. является сегмент «Телекоммуникационное оборудование, оргтехника и компьютеры»: его доля возросла более чем в 6 раз» [3, с. 80]. Этот тренд отражает цифровизацию экономики и возрастающую потребность предприятий в современных информационных технологиях.

Альтернативные формы структурирования лизинговых сделок расширяют возможности участников рынка и повышают эффективность финансирования. Реализация сделок с участием закрытых паевых инвестиционных фондов позволяет оптимизировать налогообложение, поскольку доходы фондов не облагаются налогом на прибыль [6, с. 47]. В такой конструкции управляющая компания фонда выступает лизингополучателем, приобретая имущество в доверительное управление. Налогообложение происходит только при выводе средств пайщиками, что создает значительную отсрочку налоговых платежей и высвобождает дополнительные финансовые ресурсы для развития бизнеса.

Механизм переуступки договоров лизинга приобретает особую актуальность в условиях высоких процентных ставок и роста просроченной задолженности. Согласно рыночной статистике, доля чистых инвестиций в лизинг с просроченной задолженностью более 90 дней увеличилась с 0,8 процента в 2023 году до 1,6 процента в 2024 году [6]. Переуступка позволяет первоначальному лизингополучателю, испытывающему финансовые затруднения, передать права и обязанности по договору третьему лицу, способному выполнять платежные обязательства. Для лизингодателя такой механизм предпочтительнее изъятия имущества и последующего ремаркетинга, поскольку сохраняет непрерывность денежных потоков и минимизирует операционные издержки.

Реструктуризация лизинговых обязательств становится распространенным инструментом поддержки лизингополучателей в кризисный период. Снижение платежной нагрузки в текущих периодах с переносом основной части платежей на более поздние сроки позволяет компаниям адаптироваться к изменившимся экономическим условиям без прерывания производственной деятельности [6, с. 48]. Лизингодатели при реструктуризации корректируют процентную ставку для сохранения внутренней нормы доходности сделки, компенсируя временную стоимость денег и инфляционные риски.

Интеграция ESG-принципов в лизинговую практику формирует новое направление развития отрасли. По мнению П.В. Ивлиева и С.В. Шиманской: «ESG-практики в финансовой аренде предполагают оздоровление лизингового портфеля, а также применение более дешевых ставок для лизингополучателей и новых продуктов. <...> Тренд на экологичность сегодня доминирует во всем мире и России не является исключе-

нием» [5, с. 277]. Лизинг электротранспорта, энергоэффективного оборудования и экологически чистых производственных мощностей получает государственную поддержку в виде субсидирования процентных ставок и предоставления налоговых льгот. Государственная программа по лизингу техники на газомоторном топливе стимулирует переход предприятий на более экологичные виды энергоносителей через механизм снижения стоимости приобретения транспортных средств.

Цифровая трансформация лизинговой отрасли охватывает все этапы взаимодействия участников сделок. Внедрение технологий искусственного интеллекта для оценки кредитоспособности лизингополучателей повышает точность андеррайтинга и сокращает сроки принятия решений о финансировании [8, с. 256]. Применение блокчейн-технологий обеспечивает прозрачность лизинговых операций и создает защищенную систему регистрации прав на имущество. Анализ больших данных позволяет прогнозировать риски дефолта и оптимизировать структуру лизингового портфеля с учетом отраслевой и региональной диверсификации.

Отраслевая специализация лизинговых компаний усиливается в ответ на углубление требований к экспертизе предметов лизинга. Сегменты сельского хозяйства, транспорта и медицинского оборудования требуют специфических знаний о технических характеристиках, сроках службы и остаточной стоимости активов [4, с. 54]. Специализированные лизинговые компании формируют партнерские отношения с производителями оборудования, что обеспечивает доступ к сервисному обслуживанию и гарантирует высокое качество лизингового имущества.

Влияние монетарной политики на лизинговый рынок проявляется через механизм процентных ставок. Ключевая ставка Центрального Банка Российской Федерации, достигшая уровня свыше 20 процентов к концу 2024 года, существенно увеличивает стоимость фондирования для лизинговых компаний. Большинство договоров лизинга заключается с плавающей процентной ставкой, привязанной к ключевой ставке, что перекладывает процентный риск на лизингополучателей. Дефицит ликвидности в банковском секторе, обусловленный ограничениями на внешние заимствования и исчерпанием возможностей привлечения средств населения, приводит к удорожанию кредитных ресурсов для лизинговых компаний и, соответственно, к росту лизинговых платежей.

Государственная поддержка лизинга реализуется через систему целевых программ субсидирования. Программа «Автопром» предусматривает субсидирование авансовых платежей по лизингу отечественной колесной техники, что стимулирует спрос на продукцию российского автопрома и способствует импортозамещению. Субсидирование регулярных платежей по лизингу авиационной техники поддерживает обновление парка воздушных судов российскими моделями и обеспечивает технологическую независимость авиационной отрасли. Программа утилизации морских и речных судов в обмен на субсидии при приобретении новых судов ускоряет модернизацию водного транспорта и повышает безопасность судоходства.

Краткосрочные перспективы лизингового рынка характеризуются неопределенностью макроэкономической конъюнктуры и сохранением высоких процентных ставок. Прогнозируемое сокращение объема нового бизнеса на 20 процентов в 2025 году отражает снижение инвестиционной активности предприятий в условиях дорогого фондирования и инфляционных ожиданий [8, с. 257]. Рост досрочных расторжений договоров и изъятия имущества создает дополнительную нагрузку на лизинговые компании, вынужденные заниматься ремаркетингом возвращенных активов в условиях ограниченного спроса.

Таким образом, современные тенденции развития российского рынка лизинга определяются сочетанием структурных изменений в экономике, цифровой трансформации отрасли, внедрения ESG-практик и адаптации к макроэкономическим вызовам.

Проведенное исследование выявило ключевые особенности правового регулирования договора лизинга в российском законодательстве, заключающиеся в трехстороннем характере правоотношений, расщеплении правомочий собственника и специфическом распределении рисков между участниками сделки. Анализ современных тенденций показал, что рынок лизинга переживает период трансформации, обусловленной цифровизацией процессов, развитием альтернативных форм структурирования сделок и интеграцией ESG-принципов. Высокий уровень ключевой ставки и дефицит ликвидности создают краткосрочные вызовы для отрасли, требующие от участников рынка гибкости в реструктуризации обязательств и поиска инновационных решений для сохранения конкурентоспособности.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
2. О финансовой аренде (лизинге) : Федеральный закон от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 44. – Ст. 5394.
3. Архангельская Л.Ю. Состояние и динамика развития российского рынка лизинга (краткий статистический анализ) // Учет. Анализ. Аудит. – 2021. – Т. 8, № 1. – С. 74–86.
4. Епифанов А.М. Лизинг как форма финансирования инвестиционных проектов // Аудиторские ведомости. – 2024. – № 2. – С. 53–58.
5. Ивлиев П.В., Шиманская С.В. Финансовая аренда как способ эффективного решения экологических вызовов // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 10 (238). – С. 276–278.
6. Коршиков А.С. Альтернативные виды структурирования лизинговых сделок на российском рынке // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2025. – Т. 17, Вып. 2(56). – С. 39–52.
7. Прасковьин Д.А. К дискуссии о некоторых проблемах правового регулирования договора лизинга в Российской Федерации // Human Progress. – 2024. – Т. 10, Вып. 7. – С. 1–7.
8. Рыбина С.Н., Ивлиев П.В. Перспективы развития лизинга в России в краткосрочную перспективу // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 4(232). – С. 255–257.

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part Two): Federal Law No. 14-FZ of January 26, 1996 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5. Art. 410.
2. On financial lease (leasing) : Federal Law No. 164-FZ of October 29, 1998 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1998. – No. 44. – Art. 5394.
3. Arkhangelskaya L.Yu. State and dynamics of development of the Russian leasing market (a brief statistical analysis) // Accounting. Analysis. Audit. 2021. Vol. 8, No. 1. p. 74-86.
4. Epifanov A.M. Leasing as a form of financing investment projects // Audit reports. – 2024. – No. 2. – pp. 53-58.
5. Ivliev P.V., Shimanskaya S.V. Financial lease as a way to effectively address environmental challenges // Law and the state: theory and practice. – 2024. – № 10 (238). – Pp. 276-278.
6. Korshikov A.S. Alternative types of structuring leasing transactions in the Russian market // Scientific research of the Faculty of Economics. Electronic journal. – 2025. – Vol. 17, Issue 2(56). – pp. 39-52.
7. Praskovyin D.A. On the discussion of some problems of the legal regulation of the lease agreement in the Russian Federation // Human Progress. 2024. Vol. 10, Is. 7. p. 1-7.
8. Rybina S.N., Ivliev P.V. Prospects for the development of leasing in Russia in the short term // Agrarian and Land Management the right. 2024. – № 4(232). – Pp. 255-257.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_566

УДК 34

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗРЫВЫ В ИСТОРИИ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ: КАК НАУЧНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ МЕНЯЛИ ОСНОВЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ
EPISTEMOLOGICAL GAPS IN THE HISTORY OF LEGAL THOUGHT: HOW SCIENTIFIC REVOLUTIONS CHANGED THE FOUNDATIONS OF LEGAL KNOWLEDGE

АЗАРХИН Алексей Владимирович

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141.
E-mail: aazarkhin@mail.ru

AZARKHIN Aleksey Vladimirovich

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armii str., Samara, 443090, Russia.
E-mail: aazarkhin@mail.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена исследованию переломных моментов в истории правовой мысли, которые приводят к смене основных подходов к пониманию права. Автор рассматривает, как радикальные изменения в философских и социальных условиях вызывают трансформацию юридического знания — от античных представлений о естественном порядке до современных плюралистических концепций. Особое внимание уделяется проблемам, возникающим в периоды таких интеллектуальных разрывов, включая утрату нормативного консенсуса и противоречия между теорией и практикой. В качестве перспективы предлагается развитие методологического диалога между различными школами, историческая рефлексия и ориентация на решение конкретных правовых проблем. Исследование показывает, что понимание прошлых «научных революций» в правоведении необходимо для дальнейшего развития юридической науки в условиях современных вызовов.*

Abstract: *The article explores the turning points in the history of legal thought that have led to a shift in the main approaches to understanding law. The author examines how radical changes in philosophical and social conditions have caused transformations in legal knowledge, from ancient ideas about natural order to modern pluralistic concepts. The article focuses on the challenges that arise during such intellectual ruptures, including the loss of normative consensus and the tension between theory and practice. The article suggests that the development of a methodological dialogue between different schools, historical reflection, and a focus on solving specific legal problems are essential for the future of legal science in the face of current challenges.*

Ключевые слова: *история правовой мысли, научные революции в праве, эпистемологические разрывы, развитие юридического знания, философия права.*

Keywords: *history of legal thought, scientific revolutions in law, epistemological gaps, development of legal knowledge, and philosophy of law.*

Для цитирования: *Азархин А.В. Эпистемологические разрывы в истории правовой мысли: как научные революции меняли основы юридического знания // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 566-568. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_566.*

For citation*: Azarkhin A.V. Epistemological gaps in the History of legal thought: how Scientific Revolutions changed the Foundations of legal knowledge // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 566-568. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_566.*

Статья поступила в редакцию: 12.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Осмысление переломных моментов в генезисе правовых учений обладает существенной значимостью для проникновения в саму природу юридического знания. Сегодня правоведение находится в состоянии глубокого пересмотра собственных познавательных оснований, что во многом обусловлено необходимостью ответа на новые вызовы — от стремительной цифровизации общественных отношений до возрастающей сложности междисциплинарного диалога. В этих условиях, обращение к истории смены фундаментальных представлений о праве показывает, что прогресс юридической науки отнюдь не является прямолинейным и кумулятивным. Напротив, ему свойственна цикличность, где эпохи относительно спокойного развития и накопления фактов прерываются радикальной трансформацией самих исходных принципов и способов мышления. Подобные интеллектуальные перевороты, которые можно сопоставить с «Куновскими научными революциями» [1], не просто сменяют друг друга в исторической перспективе. Их изучение, по мнению автора, предлагает важный ключ для разрешения актуальных теоретических споров, будь то дискуссии о пределах правового вмешательства в жизнь общества, об изменяющейся природе источников права или о его взаимодействии с моралью, обычаем и иными регуляторами. Таким образом, прошлые разрывы в правовом знании оказываются не архивным курьезом, а живым инструментом для критической оценки его современного состояния и будущих траекторий развития.

Развитие представлений о праве отмечено глубокими преобразованиями, затрагивающими саму суть понимания его природы и способов ее изучения. На ранних этапах, что ярко отражено в философии Аристотеля [2] и Цицерона [3], право не мыслилось как самостоятельный феномен. Напротив, оно воспринималось как органичная составляющая всеобщего миропорядка и воплощение естественной справедливости. В этой системе координат правовые идеи были неотделимы от вопросов морали, государственного устройства и даже натурфилософских представлений о мире. Последующая средневековая мысль, достигшая своей системности в трудах Фомы Аквинского [4], совершила значительный поворот, поместив правовое знание в рамки религиозного мировоззрения. Высшим мерилом и источником человеческих законов здесь стал Закон Божий, что подчинило юридические рассуждения задачам теологического дискурса.

Существенный перелом в этой традиции наметился в Новое время, когда такие мыслители, как Гуго Гроций [5] и Томас Гоббс [6], сознательно попытались выстроить понятие о праве, независимое от откровения или космологии. Они искали для него рациональные, светские основания, выводя естественное право из природы человеческого разума, а позитивное — из воли верховной власти. Такой сдвиг, по мнению автора, подготовил почву для становления юриспруденции как автономной (обособленной) области научного знания. Дальнейшее движение в этом направлении осуществили сторонники юридического позитивизма, в частности Джереми Бентам [7] и Джон Остин [8]. Их подход, определявший право прежде всего как властное веление, был нацелен на его четкое отделение от моральных суждений и метафизических спекуляций, концентрируя науку на системном изучении действующих установлений. Однако, как впоследствии отмечал Герберт Харт [9], подобная «импера-

тивная» теория оставляла без внимания то, что правила существуют не только как внешние команды, но и как внутренние ориентиры, признаваемые и разделяемые самим правовым сообществом.

Критика ограниченности классического позитивизма стимулировала появление альтернативных способов осмысления права. Рудольф фон Иеринг [10] предложил видеть в праве не столько логическую конструкцию, сколько инструмент для достижения социальных целей и уравновешивания интересов, тем самым открывая путь для социологического анализа. В ином ключе Ганс Кельзен [11] стремился создать строгую формально-логическую систему права, свободную от влияния психологии и социологии. Его «чистое учение», выстроенное по иерархическому принципу, хотя и достигло высокой аналитической точности, было, по убедительной критике Карла Шмитта [12], чрезмерно дистанцировано от реальной политической жизни и борьбы, в контексте которой право всегда существует. Дальнейшая эволюция правовой теории в XX веке связана с осознанием языковой природы права. Так, Герберт Харт акцентировал неоднозначность и открытость правовых понятий, требующих толкования, а Рональд Дворкин [13] развил эту линию, утверждая, что правопонимание неизбежно является творческим актом, вплетенным в ткань моральных принципов общества.

Таким образом, история правовой мысли предстает не как простое накопление идей, а как череда напряженных диалогов и радикальных смен перспективы, где каждая новая парадигма, разрешая одни вопросы, неизбежно порождала другие, поддерживая непрерывное развитие юридической рефлексии. Исследование процессов смены фундаментальных правовых представлений выявляет несколько стойких «проблемных узлов», которые с закономерностью возникают в периоды интеллектуальных разломов. Эти проблемы, по мнению автора, носят не случайный, а системный характер, будучи неотъемлемыми спутниками любого глубокого пересмотра оснований юридического знания.

Одной из основных трудностей становится утрата общего нормативного языка и согласия относительно базовых ценностей, на которых зиждется право. Когда прежняя парадигма, будь то теоцентричная или рационалистическая, исчерпывает свой «объяснительный потенциал», наступает этап кризиса легитимности. Укорененные в культуре и профессиональном мышлении основания — будь то божественная воля, законы природы или разум человека — перестают восприниматься как нечто самоочевидное и не требующее доказательств. В то же время, новые концептуальные основания, предлагаемые нарождающейся парадигмой, еще слишком абстрактны и непривычны, чтобы стать общепризнанной интеллектуальной почвой. В результате возникает «вакуум убеждений», когда старое уже отрицается, а новое еще не стало частью коллективного правосознания, что порождает состояние методологической и ценностной неопределенности.

Параллельно с этим, обостряется проблема взаимного непонимания между различными исследовательскими подходами. Новые научные программы, стремящиеся осмыслить право через призму социальных практик, экономической эффективности или психологических мотивов, приносят с собой иные критерии достоверности и предметы изучения. Для них первичными являются не тексты норм сами по себе, а реальное поведение субъектов, логика судебных решений или структура интересов. По мнению автора, это ведет к своеобразной методологической несоизмеримости: представители традиционной догматики и, например, социологии права зачастую говорят на разных языках, оперируют разными данными и по-разному видят саму цель научного познания права. Как следствие, такой раскол затрудняет не только продуктивную полемику, но и простое взаимное признание научной состоятельности оппонента.

Наконец, в периоды смены парадигм обнажается и углубляется вечная проблема соотношения теоретического знания и правоприменительной практики. С одной стороны, радикальные теоретические построения, будь то строгий формализм, сводящий право к логическим операциям с нормами, или крайний реализм, растворяющий его в социальных процессах, рискуют утратить связь с насущными потребностями юридической практики. Эта практика, по своей сути консервативная и ориентированная на стабильность и предсказуемость, требует от теории не столько революционных прозрений, сколько рабочих инструментов для решения конкретных казусов. С другой стороны, сама практика, оставаясь в плену устаревших концепций, может становиться препятствием для восприятия новых, более адекватных идей. В связи с чем, эпистемологический разрыв создает напряженное поле между новаторским импульсом теории и инерционной силой практики, выход из которого требует времени и сознательных усилий по наведению мостов между этими двумя сферами.

Пути разрешения обозначенных проблем, порождаемых сменой парадигм в правоведении, связаны с внутренним развитием самой юридической науки, ее способностью к саморефлексии и открытости. В этой связи, представляется плодотворным движение в направлении осознанного методологического многообразия, дополненного глубоким историческим пониманием генезиса собственных идей.

Ключевое значение приобретает задача осмысленного соединения различных способов познания права, их рефлексивной интеграции. Философская мысль, как показал, в частности, Юрген Хабермас, указывает на то, что право в современных условиях необходимо рассматривать в двойной перспективе: и как формализованную систему стабильных норм, и как динамический институт, обеспечивающий саму возможность конструктивного социального общения. Это не означает простого механического сложения подходов, но требует налаживания содержательного диалога между традиционной догматикой, изучающей внутреннюю логику нормативного материала, социологией, исследующей право в действии, философской критикой его оснований и сравнительным анализом, раскрывающим многообразие правовых решений. Целью такого диалога является не победа одной школы над другой, а обогащение общего понимания через учет разных ракурсов зрения на сложный и многогранный феномен права.

Не менее важным, по мнению автора, представляется культивирование в правоведении исторического и контекстуального мышления. Правовые теории не возникают в вакууме; они являются ответами на вызовы своей эпохи, порождены конкретными культурными и политическими обстоятельствами. Поэтому изучение «интеллектуальной истории права», стремящееся реконструировать эти условия, выполняет критическую и терапевтическую функцию, поскольку оно позволяет увидеть, что даже самые влиятельные концепции не являются вечными и универсальными истинами, но имеют свои границы и обусловленность. Такое понимание предотвращает догматическое окостенение теорий и позволяет более гибко и избирательно использовать их концептуальный аппарат, отделяя плодотворное ядро от исторически преходящих наслоений.

Наконец, выходом, способным преодолеть разрыв между абстрактной теорией и конкретными вызовами, может стать ориентация на проблемно-центрированные исследования. Вместо того чтобы априорно подчинять анализ реальной ситуации требованиям какой-либо одной «великой» парадигмы, научный поиск может исходить из характера самой проблемы, будь то регулирование цифровых технологий, биоэтические дилеммы или трансграничные экологические угрозы. Подобные комплексные проблемы часто оказываются не по зубам какой-либо одной отрасли научного знания. Их решение требует прагматичного привлечения и синтеза тех теоретических инструментов — будь то догматические конструкции, экономические модели или социологические понятия, — которые наиболее адекватны сути возникающего вопроса. Таким образом, именно через фокусировку на актуальных проблемах юридическая наука может органично связать методологический плюрализм с запросами практики, обеспечивая не только объяснение, но и конструктивное участие в развитии права.

В завершении настоящего исследования отметим, что эволюцию правовой мысли нельзя сводить к линейному прогрессу или постепенному приближению к некоей абсолютной истине. Она предстает перед исследователем как череда сменяющих друг друга масштабных «интеллектуальных систем», каждая из которых формулировала собственное, зачастую уникальное, понимание того, что есть право, откуда оно проистекает и какова его роль в жизни общества. Эти глубокие преобразования, сравнимые со сменой научных картин мира, вызревали как в результате внутренней динамики юридического знания, сталкивающегося с собственными противоречиями, так и под мощным воздействием внешних — социальных, политических, культурных — трансформаций.

Современная юридическая наука существует в условиях принципиального плюрализма, где различные, а подчас и конкурирующие, методологические подходы сосуществуют и спорят друг с другом. Такая ситуация не является признаком слабости или кризиса; напротив, она адекватно отражает необычайную сложность и многомерность самого объекта изучения - права, которое в эпоху глобализации проявляет себя во все новых ипостасях. В связи с этим, основной путь развития правоведения видится сегодня не в попытках разработать очередную всеобъемлющую и единственно верную метатеорию, претендующую на окончательный синтез. Гораздо более продуктивной представляется стратегия, основанная на постоянной критической рефлексии, бережном отношении к историческому опыту и сознательной методологической гибкости. Именно такая установка, по мнению автора, позволяет правовой науке сохранять свою актуальность и жизнеспособность. Она дает возможность чутко реагировать на вызовы современности - будь то технологические прорывы или новые этические дилеммы - не путем разрыва с традицией, а через ее творческое и осмысленное переосмысление. Глубокое понимание логики прошлых интеллектуальных революций в праве, причин их возникновения и последствий, поэтому становится не просто академическим упражнением, а необходимым фундаментом для ответственного и взвешенного конструирования его будущего. Прошлое в этом смысле служит не складом готовых ответов, а школой мышления, воспитывающей способность к диалогу, сомнению и ответственному новаторству.

Список литературы:

1. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун ; пер. с англ. И. З. Налетова. — Москва : АСТ, 2009. — 320 с.
2. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель ; [ред. и авт. вступ. ст. А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди ; примеч. В. В. Бибихина и др.]. — Москва : Мысль, 1975 — . — (Философское наследие : ФН). Т. 4. — 1983. — 830 с.
3. Цицерон, М. Т. Диалоги. О государстве. О законы / М. Т. Цицерон ; перевод с латинского ; [издание подготовили И. Н. Веселовский и др.]. — Москва : Наука, 1966. — 224 с., [2] л. ил. — (Литературные памятники / АН СССР). — 22 см.
4. Фома Аквинский, св. Сумма теологии = Summa theologiae / святой Фома Аквинский ; перевод А. В. Апполонова ; под редакцией Н. Лобковица и А. В. Апполонова. — Москва : Signum Veritatis, 2006 — . — 24 см. — ISBN 978-902121-23-X.
5. Гроций Г. О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Г. Гроций; пер. с лат. А.Л. Саккетти; [вступительные статьи А.Л. Саккетти, А. Желудкова]. Репринт с издания 1956 г. М.: Научно-изд. центр «Ладомир», 1994. 867, [1] с.: ил. 22 см. - ISBN 5-86218-149-0.
6. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Томас Гоббс ; предисловие и редакция А. Ческиса. — [Москва] : Соцэкгиз, 1936. — 503 с., [2] л. ил., портр. : заставка. — (Библиотека материализма). — 23×15 см.
7. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства = An introduction to the principles of morals and legislation / И. Бентам ; [перевод]. — Москва : РОССПЭН, 1998. — 415 с. — (История политической мысли). — 21 см. — ISBN 5-86004-166-7.
8. Остин Дж. Определение области юриспруденции : курс лекций по юриспруденции «Философия позитивного права» / Дж. Остин; перевод с английского А.М. Корженяк [и др.] ; под научной редакцией А. М. Михайлова ; [сопроводительная статья «О пользе изучения юриспруденции»]. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2022. — [16+]. Т. 1. — 2022. — 469 с. — ISBN 978-5-00165-564-0.
9. Харт, Г. Л. А. Понятие права / Г. Л. А. Харт ; перевод с английского [Е. В. Афонасина и др.] ; под общей редакцией Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. — 300 с. — 22 см. — ISBN 978-5-288-04211-9.
10. Иеринг Р. фон. Борьба за право / Р. фон Игеринг; перевод с немецкого [и предисловие] П.П. Волкова. - М.: К.Т. Солдатенков, 1874. - 79 с. - 24 см.
11. Кельзен, Г. Чистое учение о праве : (2-е изд., 1960) / Ганс Кельзен ; перевод с немецкого [М. В. Антонова, С. В. Лёзова]. — Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2015. — 540, [1] с. — 21 см. — ISBN 978-5-905966-54-5 : 1000 экз.
12. Шмитт, К. Политическая теология = Politische Theologie / Карл Шмитт ; перевод с немецкого ; Институт социологии РАН [и др.]. — Москва : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 2000. — 333, [2] с., [1] л. портр. — (Civitas terrena : Социальная теория, политика и право). — 17 см. — ISBN 5-93354-003-X.
13. Дворкин Р. О правах всерьез / Рональд Дворкин; пер. с англ. [М.Д. Лахути, Л.Б. Макеевой]. М.: РОССПЭН, 2004. 389, [2] с. 22 см. - ISBN 5-8243-0569-2.

References:

1. Kuhn, T. The structure of scientific revolutions / T. Kuhn ; translated from English by I. Z. Naletova. — Moscow : AST, 2009. 320 p.
2. Aristotle. Writings : in 4 volumes / Aristotle ; [ed . and auth. introductory articles by A. I. Dovatur, F. H. Cassidy ; notes by V. V. Bibikhina and others]. Moscow : Mysl, 1975— Philosophical Heritage : Fnl.) Vol. 4. - 1983. — 830 p.
3. Cicero, M. T. Dialogues. About the state. About the laws / M. T. Cicero ; translated from Latin; [edition prepared by I. N. Veselovsky and others]. — Moscow : Nauka, 1966. — 224 p., [2] L. ill. — (Literary Monuments / USSR Academy of Sciences). — 22 cm.
4. Thomas Aquinas, the Holy Sum of theology = Summa theologiae / St. Thomas Aquinas; translated by A. V. Apollonov ; edited by N. Lobkovits and A. V. Apollonov. Moscow : Signum Veritatis, 2006— 24 cm— ISBN 978-902121-23-X.
5. Grotius G. On the law of war and peace: Three books explaining natural law and the law of nations, as well as the principles of public law / G. Grotius; translated from Latin by A.L. Sacchetti; [introductory articles by A.L. Sacchetti, A. Zheludkova]. Reprint from the 1956 ed. M.: Scientific Publishing Center "Ladomir", 1994. 867, [1] S.: ill. - 22 cm. - ISBN 5-86218-149-0.
6. Hobbes, T. Leviathan, or the Matter, Form and Power of the Church and Civil state / Thomas Hobbes; preface and editorial by A. Ceskis. — [Moscow] : Sotsekgiz, 1936. — 503 p., [2] L. ill., portr. : the screensaver. — (The Library of Materialism). - 23×15 cm—
7. Bentham, I. Introduction to the foundations of morality and legislation = An introduction to the principles of morals and legislation / I. Bentham; [translation]. Moscow : ROSSPEN, 1998. 415 p. (History of Political Thought). — 21 cm. — ISBN 5-86004-166-7.
8. Austin J. Definition of the field of jurisprudence: a course of lectures on jurisprudence "Philosophy of positive law" / J. Austin; translated from English by A.M. Korzenyak [et al.]; ed. by A.M. Mikhailov; [accompanying article "On the benefits of studying jurisprudence"]. - St. Petersburg: Alethea, 2022. - [16+]. Vol. 1. 2022. 469 p. - ISBN 978-5-00165-564-0.
9. Hart, G. L. A. The concept of law / G. L. A. Hart ; translated from English [E. V. Afonasina et al.] ; under the general editorship of E. V. Afonasina, S. V. Moiseev. — St. Petersburg : St. Petersburg University Press, 2007. — 300 p. — 22 cm. — ISBN 978-5-288-04211-9.
10. Iering, R. von. The Struggle for the Right / Rudolf von Igering ; translated from German [and preface] by P. P. Volkov. M.: K. T. Soldatenkov, 1874. 79 p. — 24 cm.
11. Kelsen G. Pure doctrine of Law: (2nd ed., 1960) / Hans Kelsen; translated from German [M.V. Antonova, S.V. Lezova]. Saint Petersburg : Alef-Press, 2015. — 540, [1] p. — 21 cm. — ISBN 978-5-905966-54-5 : 1000 copies.
12. Schmitt, K. Political Theology = Politische Theologie / Karl Schmitt ; translated from German ; Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences [and others]. — Moscow : Canon-press-C : Kuchkovo pole, 2000. — 333, [2] p., [1] L. portr. — (Civitas terrena : Social theory, politics and law). — 17 cm. — ISBN 5-93354-003-X.
13. Dvorkin R. On the rights of seriously / R. Dvorkin; translated from English [M.D. Lahuti, L.B. Makeeva]. M.: ROSSPEN, 2004. 389, [2] p 22 cm- ISBN 5-8243-0569-2.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_569

УДК 340.12

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В СТРУКТУРЕ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПО П.И. НОВГОРОДЦЕВУ
LEGAL EDUCATION IN THE STRUCTURE OF LEGAL INFLUENCE ACCORDING TO P.I. NOVGORODTSEV

СВИРИДОВА Лилия Юрьевна,
студентка, Таганрогский институт управления и экономики.
347900, Россия, г. Таганрог, ул. Петровская 45.
E-mail: p.kameneva@tmei.ru
SVIRIDOVA Liliya Yuryevna,
postgraduate student, Taganrog Institute of Management and Economics.
Petrovskaya St. 45, Taganrog, 347900, Russia.
E-mail: p.kameneva@tmei.ru

Краткая аннотация: *в данной статье раскрывается роль правового воспитания как центрального элемента правового воздействия в философско-правовой концепции П.И. Новгородцева. Анализируется его понимание права не как внешнего принуждения, а как внутреннего морального императива, реализуемого через нравственную автономию личности. Показано, что для Новгородцева подлинное правовое воздействие невозможно без этического преображения сознания, которое достигается через систему правового воспитания, ориентированного на развитие разумно-нравственной природы человека. Подчеркивается, что правовое воспитание в его учении – не просто юридическая пропаганда, а восхождение личности к свободному подчинению долгу, формирование «внутреннего закона», предшествующего внешнему праву. Выявляется связь между естественным правом, автономией личности и задачами правового просвещения в условиях кризиса традиционных устоев.*

Abstract: *this article reveals the role of legal education as a central element of legal influence in P.I. Novgorodtsev's philosophical and legal concept. It analyzes his understanding of law not as external coercion, but as an internal moral imperative that is realized through the moral autonomy of the individual. Novgorodtsev believed that genuine legal influence is impossible without an ethical transformation of consciousness, which is achieved through a system of legal education focused on the development of a person's rational and moral nature. It is emphasized that legal education in his teachings is not just legal propaganda, but the ascension of the individual to free submission to duty, the formation of an «inner law» that precedes external law. The connection between natural law, the autonomy of the individual, and the objectives of legal education in the context of the crisis of traditional values is revealed.*

Ключевые слова: *правовое воспитание, правовое воздействие, П.И. Новгородцев, естественное право, нравственная автономия.*
Key words: *legal education, legal influence, P.I. Novgorodtsev, natural law, and moral autonomy.*

Для цитирования: *Свиридова Л.Ю. Правовое воспитание в структуре правового воздействия по П.И. Новгородцеву // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 569-571. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_569.*
For citation*: Sviridova L.Yu. Legal education in the structure of legal influence according to P.I. Novgorodtsev // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 569-571. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_569.*

Статья поступила в редакцию: 09.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

В эпоху революционных потрясений, социального раскола и утраты традиционных норм, характерной для России рубежа XIX – XX веков, вопрос о подлинной основе правового воздействия становится центральным. Как заставить человека подчиняться закону не из страха наказания, а из убеждения? Как обеспечить устойчивость правопорядка, когда внешние институты дестабилизированы? На эти вызовы отвечает Павел Иванович Новгородцев – выдающийся представитель московской школы «возрожденного естественного права», чье учение предлагает не просто юридическую теорию, а глубокий этический проект преобразования общества.

В структуре его правовой концепции правовое воздействие не сводится к системе санкций, принуждения и формального соблюдения норм. Оно предполагает внутреннее согласие личности с правом, ее добровольное принятие закона как выражения разума и долга. Именно здесь раскрывается ключевая роль правового воспитания – не как второстепенной педагогической функции, а как основополагающего механизма реализации естественного права в общественной жизни.

Новгородцев принципиально отличает подлинное правовое воздействие от механического принуждения. Для него право, основанное лишь на силе, – это не право, а насилие, оформленное в норму. Такое право не может быть устойчивым, поскольку опирается на страх, а не на убеждение. Оно не формирует правосознания, а лишь подавляет внешнее поведение.

«Право, лишенное нравственной основы, превращается в инструмент произвола, а государство – в аппарат принуждения, не имеющий внутренней легитимности» [2, с. 77].

Подлинное правовое воздействие, по Новгородцеву, – это воздействие разума и совести, а не палача и чиновника. Оно направлено не на подавление воли, а на ее саморегуляцию. Цель права – не наказать, а воспитать, не запретить, а пробудить чувство долга.

Таким образом, правовое воздействие в его понимании – это процесс этического формирования личности, в ходе которого внешний закон постепенно становится внутренним. Только тогда, когда человек сам признает закон справедливым, он начинает подчиняться ему не из страха, а из уважения к себе как носителю разума и свободы.

Центральным элементом правового воздействия у Новгородцева выступает правовое воспитание – процесс, в котором личность постигает вневременные принципы справедливости, составляющие сущность естественного права. Это не заучивание норм, а восхождение к ра-

зумно-нравственной природе человека, к осознанию себя как автономного носителя долга.

Естественное право, по Новгородцеву, не дается извне – оно раскрывается разумом. Оно существует как априорная истина, подобная законам логики или моральным императивам Канта. Правовое воспитание – это процесс открытия этой истины в себе самом. Оно не навязывает, а пробуждает, не формирует послушание, а восстанавливает связь между личностью и моральным законом.

В этом смысле правовое воспитание – не часть юриспруденции, а высшая задача философии и педагогики. Оно должно быть направлено на:

– развитие нравственного разума;

– формирование чувства достоинства;

– воспитание уважения к личности другого;

– понимание взаимосвязи свободы и ответственности.

Только такая личность способна стать субъектом права, а не его объектом.

Новгородцев выделяет три уровня познания права, которые можно интерпретировать как три стадии правового воспитания.

1. Формально-позитивный уровень: воспитание через норму.

На начальном этапе правовое воспитание связано с усвоением действующих правовых норм, пониманием их структуры, логики и последствий нарушения. Это уровень внешнего принуждения, где человек учится подчиняться закону из страха наказания или стремления к выгоде.

Однако Новгородцев подчеркивает: останавливаться на этом уровне – значит не понять сути права. Формальное знание не гарантирует подлинного правосознания. Оно может породить юридический формализм, где человек соблюдает закон, но не считает его справедливым.

2. Эмпирико-психологический уровень: воспитание через переживание.

На втором этапе правовое воспитание обращено к внутреннему миру личности. Человек начинает переживать право как чувство справедливости, как боль от несправедливости, как радость от восстановления нарушенного порядка.

Этот уровень предполагает:

– развитие эмпатии;

– формирование нравственного интеллекта;

– осознание последствий своих действий для других [6, с. 28].

Правовое воспитание здесь – это не лекция, а диалог, пример, личный опыт. Оно происходит в семье, школе, культурной среде, через художественное слово, исторические уроки, личные встречи с несправедливостью.

3. Этический уровень: воспитание через долг.

Высшей стадией правового воспитания является этический уровень, на котором личность осознает право как всеобщий моральный закон, существующий независимо от обстоятельств и выгод.

Здесь формируется внутренний закон – способность действовать из убеждения, а не из страха. Человек понимает, что должен поступать справедливо, даже если никто не видит, даже если это невыгодно.

«Право – это не то, что установлено властью, а то, что установлено разумом. Подлинное воспитание – это воспитание разума к свободному подчинению долгу» [4, с. 102].

На этом уровне правовое воспитание становится философским актом, актом нравственного становления личности.

Центральным принципом концепции Новгородцева является нравственная автономия личности – ее способность устанавливать моральные законы самой себе. Это кантовский императив, перенесенный в сферу права.

Правовое воспитание, следовательно, не может быть внешним навязыванием. Оно не должно превращать личность в пассивный объект. Напротив, его задача – разбудить в человеке способность к самоопределению, к свободному выбору справедливости.

В этом смысле правовое воспитание – это антидот против догматизма и авторитаризма. Оно не говорит: «Ты должен подчиняться, потому что я сказал». Оно спрашивает: «Почему ты считаешь этот закон справедливым?» Оно учит не слепому повиновению, а критическому мышлению, способности оценивать закон с точки зрения высшего долга [5, с. 99].

Только автономная личность может стать носителем естественного права, только она способна судить над позитивным правом, только она может стать основой правового государства.

Новгородцев видит в юридическом позитивизме главную угрозу подлинному правовому порядку. Позитивизм, отрицающий существование абсолютных моральных оснований права, превращает закон в продукт воли большинства или власти. В таких условиях правовое воспитание сводится к пропаганде: «Соблюдай закон, потому что он существует».

Но Новгородцев утверждает: «без нравственной основы любое воспитание бессмысленно. Если право не связано с совестью, оно не может быть устойчивым» [3, с. 88]. Именно поэтому он противопоставляет позитивизму этическую теорию права, в которой воспитание становится процессом раскрытия вечных ценностей.

Правовое воспитание в его понимании – это сопротивление моральному релятивизму, утверждение идеи, что есть истина, есть справедливость, есть долг – независимо от времени, места и власти.

Для Новгородцева правовое воспитание – не удел школы или университета. Оно должно пронизывать всю культуру, быть частью ли-

тературы, искусства, религии, науки. Общество, в котором не воспитывается уважение к личности, не может быть правовым, сколько бы конституций и кодексов в нем ни существовало.

Он видит особую роль интеллигенции как носителя нравственного сознания. Именно она должна быть проводником естественного права, учителем свободы и ответственности.

Правовое воспитание – это долг каждого, кто стремится к справедливости. Оно не завершается с окончанием школы – оно продолжается всю жизнь, в каждом поступке, в каждом выборе между выгодой и долгом.

В концепции П.И. Новгородцева правовое воспитание – не вспомогательная функция, а основной механизм реализации естественного права. Без него невозможно подлинное правовое воздействие, устойчивый правопорядок, легитимное государство.

Правовое государство, по Новгородцеву, – это не просто система законов и институтов. Это общество свободных и ответственных личностей, в которых внешний закон стал внутренним. Такое общество невозможно построить силой. Оно может быть воспитано – через разум, совесть, культуру, образование.

Его идея остается актуальной сегодня, когда перед обществами встают вопросы утраты доверия к власти, роста правового нигилизма, кризиса моральных ориентиров. Новгородцев напоминает: подлинное право начинается не с кодекса, а с сердца. И только через воспитание личности можно построить общество, в котором право будет не формой принуждения, а выражением свободы и достоинства.

Таким образом, в концепции П.И. Новгородцева правовое воспитание выступает не как вспомогательный элемент правовой системы, а как фундаментальный механизм подлинного правового воздействия [1]. В условиях кризиса институтов, утраты традиционных норм и роста юридического позитивизма он утверждает: устойчивый правопорядок невозможен без этического преображения личности. Подчинение закону, основанное на страхе или внешнем принуждении, не создает подлинного правосознания – оно порождает лишь видимость порядка, уязвимого перед первым же социальным потрясением.

Новгородцев видит суть правового воздействия не в навязывании норм, а в пробуждении в человеке нравственной автономии – способности разумно и свободно устанавливать для себя моральный закон. Именно через правовое воспитание осуществляется восхождение личности от формального знания закона к его внутреннему принятию как выражения долга. Этот процесс проходит три стадии: от усвоения норм (формально-позитивный уровень), через переживание справедливости (эмпирико-психологический уровень), к осознанию права как всеобщего морального императива (этический уровень).

Таким образом, правовое воспитание становится высшей философско-педагогической задачей, направленной на формирование личности, для которой закон – не внешнее ограничение, а внутренняя необходимость. Только такая личность способна стать субъектом права, а не его объектом, и только в таком обществе возможно подлинное правовое государство – не как аппарат власти, а как сообщество свободных и ответственных индивидов, объединенных общей нравственной основой.

Идея Новгородцева сохраняет глубокую актуальность: в эпоху правового нигилизма, утраты доверия к институтам и морального релятивизма она напоминает, что основа права – не в силе, а в совести, и что единственный путь к устойчивому правовому порядку лежит через воспитание человеческой души.

Список литературы:

1. Луковская Д.И. Позитивизм и естественное право: конфликт интерпретаций? – Текст: непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 456. – С. 234 – 240.

2. Новгородцев П.И. История философии права: лекции, чит. пр. доц. П.И. Новгородцевым в 1897/8 году. – Москва: лит. Общ. распр. полез. кн., 1897. – 270 с. – Текст: непосредственный.

3. Новгородцев П.И. Лекции по философии права. Избранные произведения / П.И. Новгородцев. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 327 с. – ISBN 978-5-534-08067-4. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/452625 (дата обращения: 25.11.2025). – Режим доступа: по подписке.

4. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М.: Пресса, 1991. – 640 с. – ISBN 978-2-537-08067-7. – Текст: непосредственный.

5. Халиков А.Н. Философия права: учебник / А.Н. Халиков. – Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2025. – 602 с. – Текст: электронный. – URL: https://znanium.ru/catalog/product/2163741 (дата обращения: 08.12.2025). – Режим доступа: по подписке.

6. Чернявский А.Г. Антология российской естественно-правовой мысли: в 3 томах. Том 2: Российская естественно-правовая мысль второй половины XIX – начала XX века: монография / А.Г. Чернявский, А.С. Куницын, А.Л. Воронцов. – Москва: ИНФРА-М, 2019. – 239 с. – ISBN 978-5-16-012739-2. – Текст: электронный. – URL: https://znanium.com/catalog/product/989144 (дата обращения: 07.12.2025). – Режим доступа: по подписке.

References:

1. Lukovskaya D.I. Positivism and natural law: conflict of interpretations? – Text: direct // Bulletin of Tomsk State University. – 2020. – No. 456. – pp. 234-240.

2. Novgorodtsev P.I. History of Philosophy of Law: lectures, chit. proc. by assoc. P.I. Novgorodtsev in 1897/8. – Moscow: lit. General distribution of useful books, 1897. 270 p. – Text: direct.

3. Novgorodtsev P.I. Lectures on the philosophy of law. Selected works / P.I. Novgorodtsev. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. – 327 p. – ISBN 978-5-534-08067-4. – Text: electronic // Yurayt educational platform [website]. – URL: https://urait.ru/bcode/452625 (date of request: 11/25/2025). – Access mode: by subscription.

4. Novgorodtsev P.I. On the social ideal. Moscow: Pressa, 1991. 640 p. ISBN 978-2-537-08067-7. – Text: direct.

5. Khalikov A.N. Philosophy of law: textbook / A.N. Khalikov. – Moscow: RIOR: INFRA-M, 2025. – 602 p. – Text: electronic. – URL: https://znanium.ru/catalog/product/2163741 (date of request: 08.12.2025). – Access mode: by subscription.

6. Chernyavsky A.G. Anthology of Russian natural law thought: in 3 volumes. Volume 2: Russian Natural Law Thought of the second half of the 19th – early 20th century: a monograph / A.G. Chernyavsky, A.S. Kunitsyn, A.L. Vorontsov. – Moscow: INFRA-M, 2019. – 239 p. – ISBN 978-5-16-012739-2. – Text: electronic. – URL: https://znanium.com/catalog/product/989144 (date of request: 07.12.2025). – Access mode: by subscription.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_572

ПРАВОВОЕ И ЭТИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ И СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
LEGAL AND ETHICAL REGULATION OF THE INTERNET OF THINGS AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

СПИРИДОНОВ Евгений Романович,
аспирант, Красноярский государственный аграрный университет.
660049, Российская Федерация, г. Красноярск, ул. Ленина, 117
E-mail: info@kgau.ru;
SPIRIDONOV Evgeny Romanovich,
postgraduate, Krasnoyarsk State Agrarian University.
660049, 117, Lenin St., Krasnoyarsk, Russian Federation.
E-mail: info@kgau.ru

***Краткая аннотация**: Статья посвящена анализу правового, технического и этического регулирования технологий Интернета вещей (IoT) и систем искусственного интеллекта (ИИ). Рассматриваются современные подходы к определению правового статуса «умных» устройств и ИИ, вопросы ответственности, роли международных и национальных стандартов, а также этических принципов разработки и применения данных технологий. Особое внимание уделяется проблемам интеграции технических норм в законодательство и необходимости балансирования между инновациями и защитой прав человека.*

***Abstract:** The article analyzes the legal, technical, and ethical regulation of Internet of Things (IoT) technologies and Artificial Intelligence (AI) systems. It examines contemporary approaches to the legal status of smart devices and AI, issues of responsibility, the role of international and national standards, and ethical principles in the development and application of these technologies. Special attention is paid to the challenges of integrating technical norms into legislation and the necessity to balance innovation with human rights protection.*

***Ключевые слова:** Интернет вещей, искусственный интеллект, правовое регулирование, технические стандарты, этика ИИ, международное право, ответственность, защита прав человека.*

***Keywords:** Internet of Things, Artificial Intelligence, Legal Regulation, Technical Standards, AI Ethics, International Law, Liability, Human Rights Protection.*

***Для цитирования:** Спиридонов Е.Р. Правовое и этическое регулирование интернета вещей и систем искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 572-575. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_572.*

***For citation**: Spiridonov E.R. Legal and ethical regulation of the Internet of Things and artificial intelligence systems // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 572-575. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_572.*

Статья поступила в редакцию: 22.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Использование цифровых технологий объективно требует нормативного упорядочения, которое не ограничивается исключительно традиционными правовыми предписаниями. Наряду с юридическими нормами в данной сфере существенную роль играют технические и этические правила, формирующие особую систему регулирования. Специфика цифровой среды заключается в том, что указанные виды норм функционируют не изолированно, а во взаимосвязи, обеспечивая комплексное и целенаправленное воздействие на соответствующие общественные отношения.

В условиях цифровизации возникает потребность в согласованной нормативной системе, в рамках которой правовые, технические и этические требования дополняют друг друга и обеспечивают устойчивость регулирования. Однако на практике нередко наблюдается отсутствие четкого разграничения между указанными видами регулирования. Причем подобные затруднения характерны не только для специалистов в области информационных технологий, но и для представителей юридического сообщества. Это, в свою очередь, становится причиной теоретических и практических дискуссий, которые во многом обусловлены различием в понимании сущности и пределов каждого из нормативных регуляторов.

В широком смысле нормативное регулирование представляет собой процесс установления общеобязательных правил, требований и стандартов, направленных на упорядочение определенной сферы общественной жизни. В современной теории права традиционно выделяются две основные формы нормативного регулирования: социальная и техническая. Социальное нормативное регулирование ориентировано на воздействие на поведение людей посредством закрепления обязательных для исполнения правил. К его инструментам относятся различные виды социальных норм, включая правовые предписания, корпоративные нормы, нормы морали и нравственности, обычаи, религиозные установки, а также сформированные судебной практикой правовые позиции.

В системе социального нормативного воздействия ведущая роль традиционно отводится правовому регулированию. При этом в рамках настоящего раздела не ставится задача анализа или систематизации доктринальных подходов, сформировавшихся в отечественной науке права в отношении данной проблематики. Его функциональное назначение носит прикладной характер и заключается в формировании критериев, которые в дальнейшем будут использованы для сопоставления различных форм нормативного регулирования, что предопределяет ограниченный объем изложения.

Правовое (нормативное) регулирование в научной литературе, как правило, рассматривается как процесс установления общеобязательных юридических предписаний, направленных на упорядочение общественных отношений, возникающих между физическими лицами, организациями и публичной властью. В теории права при характеристике данного вида регулирования обычно выделяют ряд ключевых признаков.

Во-первых, правовые нормы адресованы неопределенному кругу субъектов и не предполагают индивидуализированного характера воздействия. Во-вторых, они предназначены для регламентации типовых общественных отношений и рассчитаны на многократное применение в аналогичных жизненных ситуациях. В-третьих, создание и принятие правовых норм осуществляется государством, которое обеспечивает их реализацию, в том числе посредством мер государственного принуждения [1].

Вместе с тем интенсивное развитие цифровых и интеллектуальных технологий формирует основания для переосмысления отдельных положений классической теории правового регулирования. В научных дискуссиях, в частности, поднимается вопрос о трансформации традиционного круга субъектов права. Подобные предпосылки обозначились еще на ранних этапах развития концепции интернета вещей (Internet of Things, IoT) [1], представляющей собой технологическую систему, основанную на объединении физических объектов, оснащенных программными и аппаратными компонентами, в единую информационную сеть.

Устройства, функционирующие в рамках интернета вещей, способны осуществлять сбор, обработку и передачу данных, а также взаимодействовать между собой и с внешней средой посредством сети Интернет [2]. Существенная часть этих процессов протекает в автоматизированном режиме, без непосредственного участия человека, хотя пользователь сохраняет возможность настройки оборудования, формирования алгоритмов работы и доступа к получаемой информации. В повседневной практике технология интернета вещей получила наибольшее распространение в формате так называемых систем «умного дома», объединяющих взаимосвязанные интеллектуальные устройства и технические комплексы, предназначенные для управления освещением, климатом, безопасностью и иной бытовой инфраструктурой.

При характеристике приложений, основанных на технологиях интернета вещей, в научных и прикладных публикациях неоднократно подчеркивалось, что цифровая среда все в большей степени ориентируется не на коммуникацию между людьми, а на сетевое взаимодействие материальных объектов. В рамках данной концепции к сети Интернет может быть подключен практически любой физический предмет, который при наличии соответствующего программного и технического оснащения способен передавать сообщения, формировать и направлять данные, а также взаимодействовать с иными устройствами.

В специализированной литературе, посвященной перспективам развития интернета вещей, указывалось, что возрастающее число повседневных и промышленных устройств от бытовой техники и тренажеров до измерительных приборов и офисного оборудования оснащается вычислительными компонентами и сетевыми интерфейсами. В связи с этим высказывалось предположение, что в ближайшей перспективе такие объекты смогут не только обмениваться данными, но и самостоятельно использовать сетевые сервисы и предоставлять информацию, аналогично тому, как это сегодня делают пользователи сети Интернет [13].

Подобные технологические изменения послужили основанием для появления в юридической литературе выводов о трансформации традиционных моделей взаимодействия. В частности, указывалось на вытеснение классической схемы «человек - человек» моделью «человек - физический объект», а также на формирование автономной системы межмашинной коммуникации «физический объект - физический объект». В рамках такой системы устройства способны выполнять заданные операции: включаться, отключаться, осуществлять контроль и мониторинг - без непосредственного участия человека, что в наиболее наглядной форме реализуется в технологиях промышленного интернета вещей (Industrial Internet of Things, IIoT) [1].

На этой основе некоторыми авторами был сделан вывод о возможности квалификации интеллектуальных устройств интернета вещей в качестве квазисубъектов права. Однако сама по себе техническая автономность, сетевое взаимодействие и выполнение алгоритмически заданных задач не означают приобретения физическими объектами статуса самостоятельных субъектов права. В юридической науке под субъектами права традиционно понимаются лица, способные выступать участниками правоотношений в качестве носителей субъективных прав и юридических обязанностей [14].

Очевидно, что даже наиболее технологически оснащенные устройства, снабженные датчиками, процессорами и программным обеспечением, не могут быть признаны управомоченными или обязанными лицами, в том числе в рамках договорных обязательств. Аналогичным образом право не допускает возложения на такие объекты самостоятельной ответственности за причинение вреда. Так, причинение имущественного ущерба вследствие некорректной работы «умного» бытового устройства не образует оснований для предъявления требований непосредственно к этому устройству [14]; ответственность в подобных случаях возлагается на владельца либо производителя соответствующей техники. По тем же причинам претензии, связанные с нарушением режима защиты персональных данных, адресуются изготовителю или иному ответственному лицу, но не самому техническому объекту.

С учетом изложенного представляется затруднительным поддержать концепцию отнесения устройств интернета вещей к числу субъектов права. Еще более сложной и значимой является дискуссия о допустимости признания искусственного интеллекта самостоятельным субъектом права. Однако и в данном случае следует констатировать, что на современном этапе развития правовой системы правосубъектность искусственного интеллекта не получила официального признания [3].

Под техническим регулированием понимается установление обязательных требований и стандартов к продукции, а также к производственным, технологическим и логистическим процессам. В отличие от правового регулирования, ориентированного на поведение субъектов права, техническое регулирование направлено на упорядочение характеристик объектов и процессов, подлежащих стандартизации и оценке соответствия.

Технические нормы включают закрепление терминологии, описание свойств продукции, требований к процессам и методам производства и эксплуатации. Основная их цель - обеспечение безопасности, надежности, совместимости и взаимозаменяемости продукции, повышение

эффективности процессов и упрощение передачи технологий [9]

Исторически техническое регулирование развивалось вместе с промышленностью. Так, в 1883 г. были приняты первые «Правила безопасного пользования электричеством», включавшие требования к помещениям, изоляции проводников, вентиляции и пожарной безопасности. Эти нормы обеспечивали комплексный подход к безопасности и стали основой последующей стандартизации [7].

В современном мире технические стандарты разрабатываются международными организациями (ISO, IEC, ITU) и национальными органами власти. Однако обязательную юридическую силу приобретают только стандарты, утвержденные государственными органами, что отличает их от чисто рекомендательных технических актов [10].

Примером современного технического регулирования является область биометрии. В России действует ГОСТ ISO/IEC 2382-37–2016 «Информационные технологии. Словарь. Часть 37. Биометрия», который закрепляет терминологический аппарат и требования к обмену данными. При этом федеральное законодательство о биометрических данных остается ограниченным, что подчеркивает необходимость сочетания технических и правовых норм для эффективного регулирования [6]. Важно учитывать различие между техническими и правовыми нормами. Правовые нормы регулируют общественные отношения, тогда как технические устанавливают требования к объектам и процессам. Попытки включить технические детали напрямую в законы (например, определение реквизитов электронных документов или терминов «мобильное приложение») могут создавать дублирование, юридическую неопределенность и снижать гибкость регулирования.

Таким образом, техническое регулирование эффективно только в сочетании с правовыми нормами, которые обеспечивают обязательность исполнения стандартов, определяют ответственность за нарушение и регулируют порядок применения технологий в общественных интересах.

В условиях глобальной цифровизации и широкого внедрения современных информационно-телекоммуникационных технологий вопросы этики и правового регулирования систем искусственного интеллекта (ИИ) становятся особенно актуальными. Цифровизация общественных процессов ставит новые вызовы в правовой, этической и технической сферах, включая совершение юридически значимых действий программно-аппаратными комплексами, реализацию концепции интернета вещей, внедрение самообучающихся систем и чат-ботов [16]. В этой ситуации международная координация и разработка концептуальных документов, определяющих принципы регулирования ИИ и робототехники, приобретают приоритетное значение [5].

Международно-правовое регулирование ИИ формируется в первую очередь через ООН, которая организует мероприятия для сближения подходов государств к проблемным аспектам использования ИИ, включая этические, социальные и правовые последствия. Доклады подчеркивают необходимость учитывать права человека, включая право на приватность и защиту данных, при разработке этических принципов ИИ [8]. В сентябре 2021 года Верховный комиссар ООН по правам человека М. Бачелет заявила о необходимости моратория на использование ИИ, представляющего угрозу правам человека, до внедрения соответствующих гарантий [4]. Она также отметила, что государства несут «позитивную» обязанность защищать граждан от посягательств и дискриминации (ст. 2 и 17 МПГПП).

Экспертные группы ЮНЕСКО, ЭКОСОС и ЮНКТАД исследуют влияние ИИ на права человека, рекомендуя национальным властям проводить аудиты и общественные слушания, вводить регуляторные механизмы оценки воздействия ИИ и защищать персональные и биометрические данные. ООН предостерегает от передачи критических функций ИИ исключительно частным компаниям, подчеркивая, что регулирование алгоритмов должно оставаться прерогативой государства. Совет Европы и его комитеты, включая CAHAI, разрабатывают международные конвенции и руководства по этичному и безопасному применению ИИ. На глобальном уровне принципы поддерживаются Монреальской декларацией и Осакской декларацией G20, формирующими этический и правовой базис для ИИ.Европейский Союз утвердил стратегию «Путь к цифровому десятилетию», предусматривающую к 2030 году использование ИИ, анализа больших данных и облачных технологий не менее чем 75 % европейских предприятий. EESC в 2021 году опубликовал заключение по цифровизации экономики, акцентируя внимание на этике, больших данных и коллективном управлении данными, снижающем зависимость от крупных технологических компаний [15].

Россия последовательно реализует стратегические цели Президента РФ в области ИИ. Как отмечает А. В. Минбалеев, такие понятия, как «ИИ», «блокчейн», «облачные технологии» и «киберфизические системы», должны формироваться на уровне технического регулирования, а право - лишь обеспечивать правовое воздействие на отношения между субъектами [12].

Для защиты национальных интересов в сфере ИИ важны следующие аспекты:

1. Актуализация и согласованность понятийного аппарата ИИ на национальном и международном уровнях.

2. Чёткая позиция по этическим аспектам применения ИИ, включая использование рестриктивных формулировок («невозможно», «запрещается», «необходимо») в нормативных актах.

3. Соблюдение принципа предосторожности для защиты общественных интересов и возможности привлечения корпораций к ответственности за последствия внедрения ИИ.

4. Формирование гибкой правовой среды, способной оперативно реагировать на технологические изменения, обеспечивая конкурентоспособность и устойчивое развитие российского рынка ИИ.

Список литературы:

1. Evans D. The Internet of Things. How the Next Evolution of the Internet Is Changing Everything. 2011. P. 2–3. URL: https://www.cisco.com/c/dam/en_us/about/ac79/docs/innov/IoT_IBSG_0411FINAL.pdf (дата обращения: 28.12.2025).

2. Mattern F., Floerkemeier Ch. From the Internet of Computer to the Internet of Things // Informatik-Spektrum. 2010. 33(2). P. 108. URL: http://www.vs.inf.ethz.ch/publ/papers/Internet-of-things.pdf (дата обращения: 28.12.2025).

3. Tran A.H. The Internet of Things and Potential Remedies in Privacy Tort Law // Columbia Journal of Law and Social Problems. 2017. Vol. 50, № 2. P. 263–298.
4. Бачелет М. Риски искусственного интеллекта для конфиденциальности требуют срочных действий // Сайт Управления Верховного комиссара ООН по правам человека. URL: https://www.ohchr.org/en/newsevents/pages/displaynews.aspx?newsid=27469&langid=e (дата обращения: 28.12.2025).
5. Бегишев И.Р. Международно-правовые основы регулирования искусственного интеллекта и робототехники // Международное публичное и частное право. 2021. № 1. С. 37–40.
6. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 27.02.2017 № 71-ст.
7. Грудинский П.Г., Фаерман А.Л. 100-летие Правил устройства электротехнических установок // Электричество. 1983. № 12. С. 64.
8. ООН. Поощрение и защита прав человека: вопросы прав человека, включая альтернативные подходы в деле содействия эффективному осуществлению прав человека и основных свобод. A/73/348. 2018. URL: https://undocs.org/ru/a/73/348 (дата обращения: 28.12.2025).
9. Крючкова П.В. Система технического регулирования в РФ: формирование, возможное и ожидаемое воздействие на конкуренцию. URL: https://iq.hse.ru/data/342/610/1233/file3758.pdf (дата обращения: 28.12.2025).
10. Лафитский В.И. Техническое регулирование в зарубежных странах // Журнал российского права. 2006. № 9. С. 18–27.
11. Международный пакт о гражданских и политических правах. 16.12.1966. Резолюция 2200(XXI). Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. С. 291.
12. Минбалеев А.В. Механизмы и модели регулирования цифровых технологий: монография. М., 2020.
13. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 310.
14. Рожкова М.А. Найти отличия: технические и правовые аспекты Интернета // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2015. URL: http://ipcmagazine.ru/legal-issues/find-differences-technical-and-legal-aspects-of-the-internet (дата обращения: 28.12.2025).
15. Федоров М. Искусственный интеллект: международно-правовые коллизии и этические нормы // Международная жизнь. 2020. Апрель. URL: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/42020/files/assets/downloads/publication.pdf (дата обращения: 28.12.2025).
16. Чубукова С.Г. Информационная правосубъектность: цифровая трансформация // Информационное право. 2019. № 3 (61). С. 27.

References:

1. Evans D. The Internet of Things. How the Next Evolution of the Internet Is Changing Everything. 2011. P. 2–3. URL: https://www.cisco.com/c/dam/en_us/about/ac79/docs/innov/IoT_IBSG_0411FINAL.pdf (accessed 22.01.2026).
2. Mattern F., Floerkemeier Ch. From the Internet of Computer to the Internet of Things // Informatik-Spektrum. 2010. 33(2). P. 108. URL: http://www.vs.inf.ethz.ch/publ/papers/Internet-of-things.pdf (accessed 22.01.2026).
3. Tran A.H. The Internet of Things and Potential Remedies in Privacy Tort Law // Columbia Journal of Law and Social Problems. 2017. Vol. 50, № 2. P. 263–298.
4. Bachelet M. AI risks to privacy require urgent action // Office of the UN High Commissioner for Human Rights. URL: https://www.ohchr.org/en/newsevents/pages/displaynews.aspx?newsid=27469&langid=e (accessed 22.01.2026).
5. Begishev I.R. International legal foundations of AI and robotics regulation // International Public and Private Law. 2021. № 1. P. 37–40.
6. Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology of 27.02.2017 № 71-st.
7. Grudinsky P.G., Faerman A.L. 100th anniversary of the Electrical Installation Rules // Electricity. 1983. № 12. P. 64.
8. UN. Promotion and Protection of Human Rights: Issues of Human Rights, Including Alternative Approaches to the Effective Enjoyment of Human Rights and Fundamental Freedoms. A/73/348. 2018. URL: https://undocs.org/ru/a/73/348 (accessed 22.01.2026).
9. Kryuchkova P.V. System of technical regulation in the Russian Federation: formation, possible and expected impact on competition. URL: https://iq.hse.ru/data/342/610/1233/file3758.pdf (accessed 22.01.2026).
10. Lafitsky V.I. Technical regulation in foreign countries // Russian Law Journal. 2006. № 9. P. 18–27.
11. International Covenant on Civil and Political Rights. 16.12.1966. Resolution 2200(XXI). Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1976. № 17. P. 291.
12. Minbaleev A.V. Mechanisms and Models of Digital Technologies Regulation: Monograph. Moscow, 2020.
13. Petrażycki L.I. Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality. St. Petersburg, 2000. P. 310.
14. Rozhkova M.A. Find the Differences: Technical and Legal Aspects of the Internet // Intellectual Property Court Journal. 2015. URL: http://ipcmagazine.ru/legal-issues/find-differences-technical-and-legal-aspects-of-the-internet (accessed 22.01.2026).
15. Fedorov M. Artificial Intelligence: International Legal Collisions and Ethical Norms // International Life. 2020. April. URL: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/42020/files/assets/downloads/publication.pdf (accessed 22.01.2026).
16. Chubukova S.G. Informational Legal Subjectivity: Digital Transformation // Informational Law. 2019. № 3(61). P. 27.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_576

УДК 614.8

ПРАВО НА ЛИЧНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ: НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ
THE RIGHT TO PERSONAL SECURITY OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS: NORMATIVE FRAMEWORK AND TACTICAL DILEMMAS

ШЕВЧЕНКО Кирилл Владимирович
старший преподаватель кафедры теории государства и права
университета государственной противопожарной службы
МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект 149.
e-mail: kirill_55@ mail.ru

SHEVCHENKO Kirill V.
Senior Lecturer at the Department of Theory of State and Law University of the State Fire Service
EMERCOM of Russia named after Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev.
149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.
e-mail: kirill_55@ mail.ru

Краткая аннотация: *в условиях роста социальной напряжённости и обострения конфликтных ситуаций деятельность сотрудников органов принудительного исполнения сопряжена с повышенными рисками для жизни и здоровья. В статье анализируется правовой режим обеспечения их личной безопасности, как неотъемлемого элемента правового статуса должностного лица, действующего от имени государства. Особое внимание уделяется нормам Федерального закона № 118-ФЗ, предоставляющим сотруднику право обнажать и приводить огнестрельное оружие в готовность при наличии объективных предпосылок к возникновению угрозы, даже если непосредственных оснований для его применения ещё нет. Автор раскрывает понятие «личная безопасность», как юридическую категорию, подчеркивает значение тактических мер (в частности, соблюдения «зоны безопасности») и анализирует условия законности применения оружия. На основе доктринальных положений и нормативно-правовой базы демонстрируется, что эффективная защита сотрудника органов принудительного исполнения — это не только вопрос профессиональной безопасности, но и индикатор устойчивости правового государства, основанного на балансе между защитой представителя власти и соблюдением прав граждан.*

Abstract: *in a context of rising social tensions and escalating conflicts, the activities of law enforcement officers are associated with increased risks to life and health. This article analyzes the legal framework for ensuring their personal safety as an integral element of the legal status of an official acting on behalf of the state. Particular attention is given to the provisions of Federal Law No. 118-FZ, which grants officers the right to draw and ready a firearm in the presence of objective prerequisites for a threat, even if there are no immediate grounds for its use. The author develops the concept of "personal safety" as a legal category, emphasizes the importance of tactical measures (in particular, maintaining a "safety zone"), and analyzes the conditions for the legality of using weapons. Based on doctrinal provisions and the regulatory framework, it is demonstrated that the effective protection of law enforcement officers is not only a matter of professional safety but also an indicator of the stability of the rule of law, based on a balance between the protection of government officials and the observance of citizens' rights.*

Ключевые слова: *личная безопасность; сотрудник органа принудительного исполнения; огнестрельное оружие; зона безопасности; правовой статус; применение оружия; правовое государство.*

Keywords: *personal safety; law enforcement officer; firearms; security zone; legal status; use of weapons; rule of law.*

Для цитирования: *Шевченко К.В. Право на личную безопасность сотрудника органов принудительного исполнения: нормативное регулирование и тактические дилеммы // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 576-578. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_576.*

For citation*: Shevchenko K.V. The right to personal safety of an employee of enforcement agencies: regulatory regulation and tactical dilemmas // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 576-578. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_576.*

Статья поступила в редакцию: 16.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

В современных социально-политических и экономических условиях, характеризующихся ростом социальной напряжённости, учащением конфликтных ситуаций и общей дестабилизацией поведенческих норм в обществе, деятельность сотрудников органов принудительного исполнения становится всё более напряжённой, многофакторной и сопряжённой с повышенным риском для жизни и здоровья. Выполняя возложенные на них государством функции по обеспечению установленного порядка деятельности судов, принудительному исполнению и осуществлению дознания, сотрудники Федеральной службы судебных приставов регулярно сталкиваются с агрессивным сопротивлением, угрозами насилия и даже прямыми посягательствами на свою жизнь и здоровье. В подобной обстановке правовое регулирование мер по обеспечению их личной безопасности выходит за рамки сугубо прикладной задачи и приобретает глубокое теоретико-правовое значение: оно становится индикатором устойчивости правового государства, в котором защита должностного лица, действующего от имени власти, одновременно выступает защитой самого принципа верховенства закона. Осознавая повышенный риск, присущий профессии судебного пристава, российское государство закрепило в законодательстве систему правовых гарантий, направленных на минимизацию угроз и обеспечение условий безопасного исполнения служебных обязанностей[1]. Так Федеральный закон от 21 июля 1997 года № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации», наделяет сотрудника ФССП России правом обнажать огнестрельное оружие и приводить его в состояние готовности даже в тех случаях,

[1] Шевченко К.В. Наделение сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации правом применения огнестрельного оружия / К. В. Шевченко // Государственная служба и кадры. – 2024. – № 3. – С. 107-111. – DOI 10.24412/2312-0444-2024-3-107-111. – EDN OABMOM.

когда непосредственные основания для его применения ещё не наступили — при условии, что складывающаяся обстановка объективно позволяет предположить их возникновение в любой момент. Такой проактивный подход подчеркивает не только заботу государства о безопасности своих представителей, но и признание специфики их деятельности, требующей быстрого реагирования на динамично меняющиеся и зачастую непредсказуемые угрозы.

Значение термина «личная безопасность» выходит далеко за пределы сугубо профессиональной терминологии и, с позиций теории государства и права, представляет собой юридическую категорию, выражающую защищённость жизненно важных интересов личности — в данном случае должностного лица, наделённого властными полномочиями[1], — от внешних угроз, возникающих в процессе осуществления им служебных функций. В правовом государстве, основанном на принципах верховенства закона и признания прав и свобод человека как высшей ценности (статья 2 Конституции Российской Федерации), государство не только наделяет своих представителей определёнными полномочиями[2], но и берёт на себя конституционную обязанность обеспечивать условия для их безопасного выполнения; соответственно, личная безопасность сотрудника органов принудительного исполнения выступает не просто как требование профессиональной этики или тактической целесообразности, а как неотъемлемый элемент его правового статуса, закреплённый в системе нормативных правовых актов и гарантируемый государством.

Под личной безопасностью сотрудника следует понимать устойчивое состояние защищённости его жизни, здоровья, чести, достоинства и иных конституционно значимых благ от противоправных посягательств, возникающих в связи с исполнением служебных обязанностей, при этом такая безопасность обеспечивается комплексной системой мер правового, организационного, экономического и технического характера, направленных на предупреждение, минимизацию и нейтрализацию угроз, исходящих от участников исполнительного производства, третьих лиц или иных опасных факторов оперативной среды, причём особое значение приобретает правовая основа личной безопасности, формируемая через чёткое установление прав и обязанностей сотрудника в потенциально опасных ситуациях, определение гарантий и компенсаций, связанных с риском для его жизни и здоровья, регламентацию условий и пределов применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия как средств самообороны и защиты третьих лиц, а также закрепление юридической ответственности за воспрепятствование законной деятельности сотрудника, его оскорбление, применение насилия или угрозу его применения, а также за невыполнение законных требований представителя власти[3].

Примерами подобных обстоятельств – угроз могут служить, задержание лица, желавшего осуществить пронос запрещенных предметов в суд, осуществление привода в условиях сопротивления, агрессивное поведение участников исполнительных действий или судебного процесса, указывающее на возможное совершение общественно опасных действий, и иные случаи, когда объективная оценка ситуации позволяет предположить угрозу жизни и здоровью сотрудника или окружающих[4]. В большинстве таких ситуаций фактических оснований для применения огнестрельного оружия — то есть непосредственной угрозы жизни или здоровья — может и не возникнуть, однако это не лишает сотрудника права подготовиться к защите на случай внезапного нападения[5].

Обнажить оружие означает извлечь его из кобуры и удерживать в руке так, чтобы оно было видно окружающим; приведение огнестрельного оружия в готовность подразумевает выполнение ряда технических действий — выключение предохранителя, досылка патрона в патронник и приведение оружия в состояние, пригодное для немедленного применения. При этом сотрудник обязан самостоятельно и ответственно оценивать обстановку, учитывая такие факторы, как характер взаимодействия с гражданами, наличие признаков агрессивного или неадекватного поведения, известные сведения о вооружённости лица, а также общий контекст служебной ситуации.

Решение о том, чтобы извлечь огнестрельное оружие из кобуры, снять его с предохранителя и дослать патрон в патронник, должно приниматься сотрудником правоохранительного органа обдуманно, с учётом конкретной обстановки и характера угрозы. Как показывает правоприменительная практика, сам факт обнажения оружия может спровоцировать агрессивную реакцию со стороны задерживаемого или посягающего лица, одновременно снижая возможности для применения менее радикальных средств противодействия — в частности, физической силы. В этой связи обеспечение личной безопасности сотрудника требует не только готовности к применению оружия, но и соблюдения тактических мер предосторожности, прежде всего — поддержания, так называемой «зоны безопасности».

Под зоной безопасности понимается расстояние между сотрудником и лицом, в отношении которого осуществляются действия по задержанию или пресечению правонарушения. Это расстояние определяется индивидуально, с учётом количества лиц, степени их агрессивности, наличия у них оружия или предметов, способных причинить вред, а также иных обстоятельств. Как правило, в условиях одиночного задержания двух и более лиц безопасным считается дистанция в 3–5 метров, позволяющая сотруднику своевременно среагировать на угрозу и минимизировать риск завладения его оружием.

Правовой базой для этих мер служит пункт 2 статьи 18.1 Федеральный закон от 21 июля 1997 года № 118-ФЗ, который прямо предусматривает: если лицо, в отношении которого сотрудник обнажил оружие, без разрешения приближается к нему, сокращая установленное рас-

[1] Кайнов, В. И. административно-правовой статус должностного лица / В. И. Кайнов // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 3(68). – С. 57-63. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-3-57-63. – EDN LMCKXA.
[2] Шеншин, В. М. Полномочия должностных лиц войск национальной гвардии Российской Федерации по наложению на виновных лиц административного штрафа в рамках осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2021. – № 2(283). – С. 89-96. – EDN JNJXRL.
[3] Шевченко К.В. Безопасность личности в системе национальной безопасности Российской Федерации: к вопросу о понятии / К.В. Шевченко, Д.Д. Болотин // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 7. – С. 118-122. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_118. – EDN FRFFLX.
[4] Шеншин, В. М. Особенности реализации функции государственного принуждения в виде задержания при осуществлении Росгвардией административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2020. – № 2(271). – С. 77-84. – EDN KHQMRT.
[5] Шеншин, В. М. Об усилении уголовной и административной ответственности за незаконный сбыт оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств и о полномочиях Росгвардии в области оборота оружия / В. М. Шеншин // Военное право. – 2021. – № 5(69). – С. 71-77. – EDN YBDTWH.

стояние, или пытается прикоснуться к оружию, это даёт основание применить огнестрельное оружие в порядке, предусмотренном абзацем 2 и 3 пункта 1 статьи 18 того же Федеральный закон. В подобной ситуации действия задерживаемого могут быть квалифицированы как посягательство, сопряжённое с насилием, опасным для жизни или здоровья, либо как попытка завладения огнестрельным оружием.

Для того чтобы применение оружия было признано законным, лицо должно чётко осознавать, что находится под угрозой применения огнестрельного оружия со стороны сотрудника ФССП России. Требования сотрудника — оставаться на месте, не приближаться ближе установленного расстояния — должны быть ясными, недвусмысленными и сопровождаться предупреждением о последствиях их игнорирования, включая возможность применения оружия на поражение. Только в этом случае действия задерживаемого, направленные на сокращение дистанции или попытку завладеть оружием, могут быть объективно восприняты как начало нападения, несущего угрозу жизни и здоровью.

Соответственно, законодатель переносит риски, связанные с последствиями применения огнестрельного оружия, с сотрудника на самого правонарушителя, чьи действия создают реальную угрозу и демонстрируют пренебрежение требованиями представителя власти. Это касается и ситуаций, когда в ходе попытки вырвать или выбить оружие происходит непроизвольный выстрел, повлёкший за собой ранение или даже смерть посягающего: в таких случаях ответственность лежит на лице, спровоцировавшем опасную ситуацию.

Вместе с тем, правоприменительная практика требует соразмерности и объективной обоснованности. Если расстояние между сотрудником и задерживаемым настолько велико, что исключает реальную возможность применения насилия или контакта с оружием, даже при его сокращении, применение оружия на поражение не может считаться правомерным. И наоборот, если лицо стремится увеличить дистанцию и скрыться с места происшествия, сотрудник обязан руководствоваться иными правовыми нормами — в частности, правилами причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление (статья 38 Уголовного кодекса Российской Федерации), где важнейшими критериями выступают, соразмерность применяемых мер и характер угрозы.

Таким образом, нормы статьи 18.1 предоставляют сотруднику значительную правовую свободу в условиях высокого риска, однако эта свобода не безгранична: она должна быть обусловлена объективной необходимостью, пропорциональностью угрозе и чётким соблюдением процедуры предупреждения. Только такой подход обеспечивает баланс между эффективностью правоприменения, защитой жизни и здоровья сотрудника и соблюдением прав задерживаемого лица в рамках правового государства.

Обеспечение личной безопасности сотрудника правоохранительного органа — не просто тактическая необходимость, а правовая гарантия, закреплённая в законодательстве и подкреплённая доктриной правового государства. Применение огнестрельного оружия в условиях потенциальной угрозы допустимо лишь при строгом соблюдении принципов законности, соразмерности и необходимости, а вся ответственность за эскалацию конфликта в случае игнорирования законных требований переносится на лицо, создающее реальную опасность. Это подчеркивает баланс между защитой представителя власти и недопущением произвольного применения принуждения, что является неотъемлемым признаком демократического правопорядка.

Список литературы:

1. Шевченко К.В. Наделение сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации правом применения огнестрельного оружия / К.В. Шевченко // Государственная служба и кадры. – 2024. – № 3. – С. 107-111. – DOI 10.24412/2312-0444-2024-3-107-111. – EDN OABMOM.
2. Шевченко К.В. Безопасность личности в системе национальной безопасности Российской Федерации: к вопросу о понятии / К.В. Шевченко, Д.Д. Болотин // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 7. – С. 118-122. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_118. – EDN FRFFLX.
3. Кайнов, В. И. административно-правовой статус должностного лица / В. И. Кайнов // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 3(68). – С. 57-63. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-3-57-63. – EDN LMCKXA.
4. Шеншин, В. М. Полномочия должностных лиц войск национальной гвардии Российской Федерации по наложению на виновных лиц административного штрафа в рамках осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2021. – № 2(283). – С. 89-96. – EDN JNJXRL.
5. Шеншин, В. М. Особенности реализации функции государственного принуждения в виде задержания при осуществлении Росгвардией административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2020. – № 2(271). – С. 77-84. – EDN KHQMRT.
6. Шеншин, В. М. Об усилении уголовной и административной ответственности за незаконный сбыт оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств и о полномочиях Росгвардии в области оборота оружия / В. М. Шеншин // Военное право. – 2021. – № 5(69). – С. 71-77. – EDN YBDTWH.

References:

1. Shevchenko K.V. Endowment of employees of the enforcement authorities of the Russian Federation with the right to use firearms / K.V. Shevchenko // Civil service and personnel. – 2024. – No. 3. – pp. 107-111. – DOI 10.24412/2312-0444-2024-3-107-111. – EDN OABMOM.
2. Shevchenko K.V. Personal security in the national security system of the Russian Federation: on the issue of the concept / K.V. Shevchenko, D.D. Bolotin // Agrarian and Land law. – 2025. – No. 7. – pp. 118-122. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_118. – EDN FRFFLX.
3. Kainov, V. I. administrative and legal status of an official / V. I. Kainov // Law. Safety. Emergency situations. – 2025. – № 3(68). – Pp. 57-63. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-3-57-63. – EDN LMCKXA.
4. Shenshin, V. M. The powers of officials of the troops of the National Guard of the Russian Federation to impose administrative fines on guilty persons in the framework of administrative and jurisdictional activities / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2021. – № 2(283). – Pp. 89-96. – EDN JNJXRL.
5. Shenshin, V. M. Features of the implementation of the function of state coercion in the form of detention during the implementation of administrative and jurisdictional activities by the Rosgvardiya / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2020. – № 2(271). – Pp. 77-84. – EDN KHQMRT.
6. Shenshin, V. M. On strengthening criminal and administrative responsibility for the illegal sale of weapons, their main parts, ammunition, explosives and explosive devices and on the powers of the Russian Guard in the field of arms trafficking / V. M. Shenshin // Military law. – 2021. – № 5(69). – Pp. 71-77. – EDN YBDTWH.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_579
УДК 614.84

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ МЧС РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ
FORMATION OF A SYSTEM FOR EXERCISING AUTHORITY THE RUSSIAN MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS IN MODERN REALITIES

МАЮРОВ Николай Петрович
профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации,
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект 149.
e-mail: mayurov2010@mail.ru

КОВАЛЕВА Наталья Витальевна
главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра (Академия управления МВД России), профессор (Государственный университет управления), доктор юридических наук, доцент.
125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.
e-mail: doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

MAYUROV Nikolay Petrovich
Professor of the Department of Theory and History of State and Law Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, 196105, Russia.
e-mail: mayurov2010@mail.ru

KOVALEVA Natalia Vitalievna
Chief Researcher at the Department for the Study of Problems of History of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Research Center (Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia), Professor (State University of Management), Doctor of Law, Associate Professor.
8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125993, Russia.
e-mail: doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Краткая аннотация: *предпринята попытка анализа формирования системы осуществления полномочий МСЧ России в области обеспечения безопасности населения на современном этапе. Обозначена важность разработки научно обоснованных критериев в вопросах разграничения и передачи осуществления части полномочий. Определена важность введения административно-правовых режимов на определенной территории, включая режим чрезвычайного положения, режим военного положения и чрезвычайной ситуации. Сформированы рекомендации по функционалу определенный служб с целью более эффективного осуществления своих полномочий*

Abstract: *An attempt has been made to analyze the formation of a system for exercising the powers of the Ministry of Emergency Situations of Russia in the field of public safety at the present stage. The importance of developing scientifically based criteria in the issues of differentiation and transfer of the exercise of part of the powers is indicated. The importance of the introduction of administrative and legal regimes in a certain territory, including a state of emergency, martial law and emergency situations, was determined. Recommendations have been formed on the functionality of certain services in order to more effectively exercise their powers.*

Ключевые слова: *правовое регулирование, МСЧ России, полномочия МЧС России, пожарная безопасность, обеспечение безопасности населения.*

Keywords*: legal regulation, Ministry of Emergency Situations of Russia, powers of the Ministry of Emergency Situations of Russia, fire safety, public safety.*

Для цитирования: *Сташ А.Н. Эволюция общественно-политического устройства западных адыгов: между традицией, исламом и военной консолидацией // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 579-583. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_579.*

For citation*: Stash A.N. The evolution of the socio-political structure of the Western Adygs: between tradition, Islam and military consolidation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 579-583. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_579.*

Статья поступила в редакцию: 14.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Любое современное государство рано или поздно сталкивается с чрезвычайными ситуациями, требующими применения особых мер для обеспечения национальной безопасности, поскольку повседневных способов поддержания общественного порядка и (или) общественной безопасности[1] оказывается недостаточно.

Речь идет о введении на территории государства либо его части особых экстраординарных административно-правовых режимов, которые устанавливаются в случаях необходимости усиления защиты государственных интересов, прав и свобод граждан, охраны законных интересов юридических лиц в дополнение к продолжающим функционировать общим режимам. Это во многом обусловлено наличием существенных угроз конституционному строю, целостности и безопасности государства, жизни и здоровью населения.

В зависимости от характера и степени опасности дестабилизирующих факторов выделяются три вида экстраординарных административно-правовых режимов, а именно – режим чрезвычайного положения, режим военного положения и чрезвычайной ситуации. В современных реалиях Российской Федерации, особую роль приобретают ситуации, связанные с режимом чрезвычайных ситуаций (далее по тексту – ЧС).

В настоящее время Российская Федерация при обеспечении условий дальнейшего развития и безопасности государства использует самый различный инструментарий. При этом одну из главенствующих ролей в этом процессе играют силы и средства Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны[2], чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (далее по тексту – МЧС России).

Вопросы разграничения и передачи осуществления части полномочий закреплены в Конституции Российской Федерации, которые определяют базовые исходные начала определения предметов совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, а также механизмы

[1] Ирошников, Д. В. Безопасность как категория международного публичного права: теоретический аспект / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 1(54). – С. 11-22. – EDN WCAYMY.
[2] Гирько, С. И. Состояние чрезвычайных ситуаций и противопожарной безопасности: взгляд через призму Стратегии национальной безопасности Российской Федерации / С. И. Гирько // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 4(61). – С. 6-13. – EDN QBUPWW.

их разграничения и передачи осуществления части полномочий.

Вопросы, находящиеся в ведении МЧС России, по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и ликвидации их последствий, организации и проведения аварийно-спасательных и других неотложных работ при чрезвычайных ситуациях, организации тушения пожаров силами Государственной противопожарной службы, гражданской обороны[1], осуществлению поиска и спасания людей на водных объектах закреплены в Федеральном законе от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности», Федеральном законе от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», Федеральном законе от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне», Указе Президента Российской Федерации от 11 июля 2004 г. № 868 «Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» и др.[2]

Правовой статус МЧС России в целом, а также установленные в действующем законодательстве конкретные полномочия позволяют высказать мнение, что МЧС России является своего рода юридическим лицом и обладает определенными правами и обязанностями. Безусловно, свою деятельность министерство осуществляет исключительно на основании регламентирующих документов и нормативных правовых актов[3].

Согласно Указа Президента Российской Федерации от 11 июля 2004 года № 868 «Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий», МЧС России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию, а также по надзору и контролю в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах.

В соответствии с рассматриваемым актом главы государства основными задачами МЧС России являются:

1) выработка и реализация государственной политики в области гражданской обороны[4], защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности, а также безопасности людей на водных объектах в пределах компетенции МЧС России;

2) организация подготовки и утверждения в установленном порядке проектов нормативных правовых актов в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах;

3) осуществление управления в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности, безопасности людей на водных объектах, а также управление деятельностью федеральных органов исполнительной власти в рамках единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций;

4) осуществление нормативного регулирования в целях предупреждения, прогнозирования и смягчения последствий чрезвычайных ситуаций и пожаров, а также осуществление специальных, разрешительных, надзорных и контрольных функций по вопросам, отнесенным к компетенции МЧС России;

5) осуществление деятельности по организации и ведению гражданской обороны, экстренному реагированию при чрезвычайных ситуациях, защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и пожаров, обеспечению безопасности людей на водных объектах, а также осуществление мер по чрезвычайному гуманитарному реагированию, в том числе за пределами Российской Федерации.

По мнению ученого А.В. Малько, нормотворческий процесс в МЧС России представляет собой процедуры осуществления юридически значимых действий по подготовке, принятию и опубликованию нормативных правовых актов, и он должен быть построен таким образом, чтобы в значительной мере минимизировать риски принятия некачественных актов. В этой связи экспертиза правовых актов и проектов к ним является одним из значимых элементов нормотворческого процесса в МЧС России[5].

Осуществление полномочий в области обеспечения безопасности населения является сложным процессом, всестороннее исследование которого возможно с применением методов системного анализа, экспертной оценки, статистики. Осуществление полномочий в области обеспечения безопасности населения предусматривает выполнение взаимосвязанных действий участниками процесса по планированию, обеспечению, реализации и контролю реализации полномочий в области обеспечения безопасности населения. К элементам системы осуществления полномочий в области обеспечения безопасности населения необходимо отнести:

1. органы управления МЧС России (включая центральный аппарат и территориальные органы МЧС России);
2. органы государственной власти субъектов Российской Федерации;
3. силы и средства МЧС России;
4. силы и средства субъектов Российской Федерации;
5. полномочия в области обеспечения безопасности населения[6].

Внутренней средой системы осуществления полномочий в области обеспечениябезопасности населения является совокупность взаимосвязанных внутренних переменных, характеризующих состояние системы и влияющих на ее управляемость. Основными внутренними пере-

[1] Немченко, С. Б. Проблемы правового регулирования содержания и эксплуатации защитных сооружений гражданской обороны (обзор правоприменительной практики) / С. Б. Немченко, В. С. Маханов, Ю. В. Кныш // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 4(53). – С. 37-43. – EDN IORORX.
[2] Одинокова, Е. Ю. Правовой статус Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий в современной России / Е. Ю. Одинокова, Н. И. Глинская // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2016. – № 2(31). – С. 47-52. – EDN WMEETD.
[3] Шеншин, В. М. Деятельность ОДКБ по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин, Ю. А. Иванов, Н. Ю. Старостин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 12(317). – С. 98-103. – EDN WXEJOF
[4] Шеншин, В. М. К вопросу о правовом регулировании организации и ведения гражданской обороны в войсках национальной гвардии Российской Федерации / В. М. Шеншин, И. С. Назарова // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6(222). – С. 89-92. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_6_89. – EDN KIFWYG.
[5] Малько А.В., Немченко С.Б., Смирнова А.А. Правовая политика в сфере обеспечения пожарной безопасности, гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий (Обзор материалов «круглого стола») (окончание) // Государство и право. — 2015. — № 6. — С. 116
[6] Зокоев, В. А. Правовые основы реализации основных способов защиты населения от опасностей, возникающих при военных конфликтах и чрезвычайных ситуациях / В. А. Зокоев, Н. П. Воропаев, А. Г. Нестеренко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2020. – № 4(49). – С. 61-64. – EDN KGZLLT.

менными системы являются: цели, задачи, структура, технология, ресурсы.

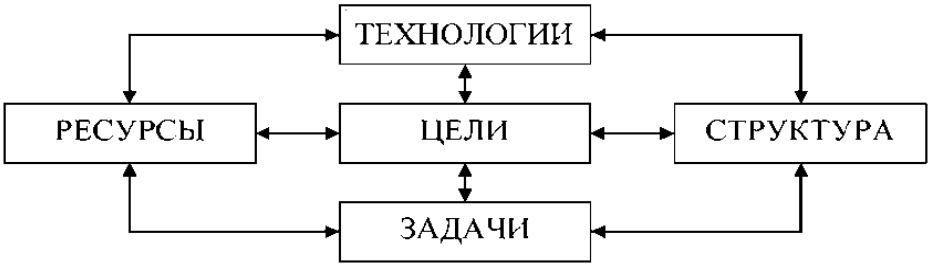

Рис. Внутренняя среда системы осуществления полномочий в области обеспечения безопасности населения

Таким образом, можно обозначить, что целью такого рода системы является повышение эффективности осуществления полномочий в области обеспечения безопасности населения. В свою очередь основные задачи системы осуществления полномочий в области обеспечения безопасности населения, выполнение которых направлено на достижение цели системы представляют собой:

1. выработку единой политики осуществления полномочий в области обеспечения безопасности населения;
2. нормативное регулирование осуществления полномочий в области обеспечения безопасности населения;
3. финансовое обеспечение осуществления полномочий в области обеспечения безопасности населения, включая предоставление субвенции федеральному бюджету из бюджета субъектов Российской Федерации;
4. непосредственное осуществление полномочий в области обеспечения безопасности населения;
5. контроль осуществления полномочий в области обеспечения безопасности населения.

Структурно осуществление полномочий в области обеспечения безопасности населения можно представить в виде следующей схемы:

Рис. Структура осуществления полномочий в области обеспечения безопасности населения

Ресурсы, направленные на осуществление полномочий в области обеспечения безопасности населения включают в себя как финансовое обеспечение переданных полномочий в области обеспечения безопасности населения, выделяемые из федерального бюджета и бюджета субъекта Российской Федерации, так и материально-технические ресурсы (пожарно-спасательная техника, оборудование, расходные материалы и др.), а также кадровый потенциал МЧС России (высококвалифицированных специалистов в данной сфере).

Осуществления полномочий в области обеспечения безопасности населения образуют сотрудники (работники) служб и организаций, осуществляющих полномочия в области обеспечения безопасности населения в субъекте Российской Федерации:

аварийно-спасательные формирования субъектов Российской Федерации;

противопожарная служба субъектов Российской Федерации;

силы и средства главных управлений МЧС России по субъектам Российской Федерации[1].

Силы и средства, предназначенные для осуществления полномочий в области обеспечения безопасности населения на территории субъектов Российской Федерации, включают личный состав и технику и имеют разную принадлежность. Следует подчеркнуть, что соотношение сил и средств, имеющихся в разных регионах, зачастую не связано с разницей в уровне рисков возникновения чрезвычайных ситуаций на территориях.

Количественный состав сил и средств субъекта Российской Федерации, осуществляющих полномочия в области обеспечения безопасности населения, определяется самостоятельно руководителями органов государственной власти, исходя из имеющихся рисков возникновения чрезвычайных ситуаций и пожаров на территории.

Безусловно, в настоящее время можно говорить о сформированной системе осуществления полномочий в области обеспечения

[1] Елизаров А.В. Анализ осуществления полномочий по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации по вопросам, отнесенным к компетенции МЧС России // Государственное регулирование общественных отношений. 2021.№ 1(35). С. 9.

безопасности населения, которая представляет собой совокупность составляющих единство элементов, связей,взаимосвязей и отношений между ними и внешней средой, образующих присущую данной системе целостность и целенаправленность на осуществление полномочий. В Российской Федерации в ней задействовано значительное число субъектов. В частности, условно выделенную внешнюю среду системы осуществления полномочий в области обеспечения безопасности населения составляют:

1. Правительство Российской Федерации;
2. Министерство юстиции Российской Федерации;
3. Взаимодействующие министерства и ведомства[1];
4. Субъекты Российской Федерации и органы местного самоуправления[2].

Не стоит забывать и о таких аспектах, как чрезвычайные ситуации, техногенные пожары, состояние готовности к выполнению мероприятий гражданской обороны[3], определенный уровень защищенности населения, а также совокупность других внешних условий, влияющих на выработку управленческих решений по осуществлению полномочий.

Эффективность осуществления полномочий в области обеспечения безопасности населения находится в зависимости от многих условий и факторов. Так, существенное влияние оказывают многочисленные аспекты организации взаимодействия между территориальными органами МЧС России и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации при решении совместных задач в различных режимах функционирования органов управления и сил РСЧС. Сложно переоценить такую составляющую деятельности органов управления, как поддержание в готовности сил и средств к действиям по предназначению[4]. Кроме того, надлежащее осуществление полномочий в области обеспечения безопасности населения невозможно без должного уровня финансового обеспечения соответствующих полномочий.

Означенные выше аспекты указывают на необходимость дальнейших научных исследований в сфере формирования более эффективной системы осуществления полномочий МЧС России. В этой связи стоит указать на конкретные проблемные моменты, в частности, на так называемый «двойной пожарно-спасательный функционал», включая статус того или иного учреждения и каждого из его подразделений

Важность разрешения этого вопроса обусловлена необходимостью правомерного осуществления тех или иных функций, от успешной реализации которых напрямую зависит спасение жизни пострадавших в происшествиях различного характера.

Во многом можно согласиться с Е.Б.Ульяновой, которая ведет речь о том, что: «при создании пожарно-спасательных учреждений, подведомственных субъектам Российской Федерации, целесообразно предусматривать их отнесение к подразделениям противопожарной службы»[5].

Для наиболее эффективной реализации функций, возложенных на то или иное подразделение МЧС России, а также для грамотного взаимодействия подразделений стоит указать на необходимость детализации прав и обязанностей субъектов в данных правоотношениях[6]. Некий баланс в таком элементе, как содержание правоотношения позволит во многом достичь цели регулирования, максимально четко сформировав функционал того или иной структурной единицы МЧС России.

Стоит отметить, что передача МЧС России части полномочий в области обеспечения безопасности населения потенциально позволит повысить уровень безопасности жизнедеятельности населения, в том числе в условиях распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, когда нагрузка на органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации возрастает.

В современных реалиях значительного числа техногенных катастроф, стремительного развития промышленности можно и нужно учитывать опыт становления правового регулирования, позволяющий заимствовать выстраивание модели обеспечения безопасности различных объектов, а также определения соответствующих полномочий государственных структур в истории России[7].

Дальнейшее формирование эффективной системы полномочий МЧС России позволит снизить неблагоприятные последствия от чрезвычайных ситуаций, минимизировать имущественные потери, а главное - спасти жизни людей. Ценность теоретических исследований данной проблематики позволит выработать рекомендации для дальнейшего совершенствования действующего законодательства Российской Федерации в этой сфере.

Список литературы:

1. Ирошников, Д. В. Безопасность как категория международного публичного права: теоретический аспект / Д. В. Ирошников // Право. Безопас

[1] Зубарев, Н. В. О некоторых вопросах организации взаимодействия войск национальной гвардии с органами и подразделениями силового блока России при чрезвычайных обстоятельствах / Н. В. Зубарев // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 1(66). – С. 7-20. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-7-20. – EDN OXQEHJ; Смирнова, А. А. К вопросу о становлении и развитии международного сотрудничества в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций / А. А. Смирнова, К. В. Шевченко // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 8(224). – С. 39-42. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_8_39. – EDN DHPESX.

[2] Шеншин, В. М. Особенности взаимодействия МЧС России и органов местного самоуправления в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // Пожарная безопасность: современные вызовы. Проблемы и пути решения : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 апреля 2021 года / Сост.: А.В. Зыков, Н.В. Федорова, О.Е. Евсеева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2021. – С. 141-145. – EDN IBAGYU.

[3] Иванов, К. М. Особенности государственной политики в области гражданской обороны на современном этапе / К. М. Иванов, Т. А. Воронко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2015. – № 2(27). – С. 50-55. – EDN WMDUHF; Немченко, С. Б. Обзор правовых стимулов и ограничений в законодательстве России о гражданской обороне / С. Б. Немченко, Т. И. Степаненко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2014. – № 1(22). – С. 27-33. – EDN YGXZVF.

[4] Капустин, А. Я. Предупреждение и ликвидация чрезвычайных и кризисных ситуаций: проблемы формирования международно-правового регулирования / А. Я. Капустин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1(62). – С. 42-48. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-42-48. – EDN ZRPNOR; Шеншин, В. М. Совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества при обеспечении общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 6. – С. 283-287. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_6_283. – EDN QMOKXN.

[5] Ульянова Е.Б. К вопросу о статусе пожарно-спасательных учреждений // Правовая политика в сфере обеспечения пожарной безопасности, гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий: материалы круглого стола. Санкт-Петербург, 4 июня 2014 года / под общ. ред. Э. Н. Чижикова, А. В. Малько, С. Б. Немченко; сост. А. А. Смирнова, Н. И. Уткин. - СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2016. - С. 170

[6] Ковалева, Н. В. Детализация правового регулирования для целей устойчивого развития / Н. В. Ковалева, А. В. Зубач // Актуальные проблемы государства и права. – 2025. – Т. 9, № 3(35). – С. 303-313. – DOI 10.20310/2587-9340-2025-9-3-303-313. – EDN KUCOAZ

[7] Ковалева, Н. В. Основы государственного управления промышленным производством по законодательству Российской империи второй половины XIX - начала XX вв / Н. В. Ковалева, А. С. Сальников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 4(65). – С. 40-49. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-2024-4-40-49. – EDN NXRJEV.; Ковалева, Н. В. Регламентация функционирования промышленных заведений Российской империи XIX В.: значение экологических норм / Н. В. Ковалева, С. Б. Немченко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 3(68). – С. 7-15. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-3-7-15. – EDN MCKDGN.

ность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 1(54). – С. 11-22. – EDN WCAYMY.
2. Гирько, С. И. Состояние чрезвычайных ситуаций и противопожарной безопасности: взгляд через призму Стратегии национальной безопасности Российской Федерации / С. И. Гирько // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 4(61). – С. 6-13. – EDN QBUPWW.
3. Немченко, С. Б. Проблемы правового регулирования содержания и эксплуатации защитных сооружений гражданской обороны (обзор правоприменительной практики) / С. Б. Немченко, В. С. Маханов, Ю. В. Кныш // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 4(53). – С. 37-43. – EDN IORORX.
4. Одинокова, Е. Ю. Правовой статус Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий в современной России / Е. Ю. Одинокова, Н. И. Глинская // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2016. – № 2(31). – С. 47-52. – EDN WMEETD.
5. Шеншин, В. М. Деятельность ОДКБ по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин, Ю. А. Иванов, Н. Ю. Старостин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 12(317). – С. 98-103. – EDN WXEJOF
6. Шеншин, В. М. К вопросу о правовом регулировании организации и ведения гражданской обороны в войсках национальной гвардии Российской Федерации / В. М. Шеншин, И. С. Назарова // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6(222). – С. 89-92. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_6_89. – EDN KIFWYG.
7. Малько А.В., Немченко С.Б., Смирнова А.А. Правовая политика в сфере обеспечения пожарной безопасности, гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий (Обзор материалов «круглого стола») (окончание) // Государство и право. — 2015. — № 6. — С. 116
8. Зокоев, В. А. Правовые основы реализации основных способов защиты населения от опасностей, возникающих при военных конфликтах и чрезвычайных ситуациях / В. А. Зокоев, Н. П. Воропаев, А. Г. Нестеренко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2020. – № 4(49). – С. 61-64. – EDN KGZLLT.
9. Елизаров А.В. Анализ осуществления полномочий по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации по вопросам, отнесенным к компетенции МЧС России // Государственное регулирование общественных отношений. 2021. № 1(35). С. 9.
10. Зубарев, Н. В. О некоторых вопросах организации взаимодействия войск национальной гвардии с органами и подразделениями силового блока России при чрезвычайных обстоятельствах / Н. В. Зубарев // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 1(66). – С. 7-20. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-7-20. – EDN OXQEHJ.
11. Смирнова, А. А. К вопросу о становлении и развитии международного сотрудничества в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций / А. А. Смирнова, К. В. Шевченко // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 8(224). – С. 39-42. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_8_39. – EDN DHPESX.
12. Иванов, К. М. Особенности государственной политики в области гражданской обороны на современном этапе / К. М. Иванов, Т. А. Воронко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2015. – № 2(27). – С. 50-55. – EDN WMDUHF.
13. Немченко, С. Б. Обзор правовых стимулов и ограничений в законодательстве России о гражданской обороне / С. Б. Немченко, Т. И. Степаненко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2014. – № 1(22). – С. 27-33. – EDN YGXZVF.
14. Шеншин, В. М. Особенности взаимодействия МЧС России и органов местного самоуправления в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // Пожарная безопасность: современные вызовы. Проблемы и пути решения : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 апреля 2021 года / Сост.: А.В. Зыков, Н.В. Федорова, О.Е. Евсеева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2021. – С. 141-145. – EDN IBAGYU.
15. Капустин, А. Я. Предупреждение и ликвидация чрезвычайных и кризисных ситуаций: проблемы формирования международно-правового регулирования / А. Я. Капустин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1(62). – С. 42-48. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-42-48. – EDN ZRPNOR.
16. Шеншин, В. М. Совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества при обеспечении общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 6. – С. 283-287. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_6_283. – EDN QMOKXN.
17. Ульянова Е.Б. К вопросу о статусе пожарно-спасательных учреждений // Правовая политика в сфере обеспечения пожарной безопасности, гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий: материалы круглого стола. Санкт-Петербург, 4 июня 2014 года / под общ. ред. Э. Н. Чижикова, А. В. Малько, С. Б. Немченко; сост. А. А. Смирнова, Н. И. Уткин. - СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2016. - С. 170.
18. Ковалева, Н. В. Детализация правового регулирования для целей устойчивого развития / Н. В. Ковалева, А. В. Зубач // Актуальные проблемы государства и права. – 2025. – Т. 9, № 3(35). – С. 303-313. – DOI 10.20310/2587-9340-2025-9-3-303-313. – EDN KUCOAZ.
19. Ковалева, Н. В. Основы государственного управления промышленным производством по законодательству Российской империи второй половины XIX - начала XX вв / Н. В. Ковалева, А. С. Сальников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 4(65). – С. 40-49. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-2024-4-40-49. – EDN NXRJEV.
20. Ковалева, Н. В. Регламентация функционирования промышленных заведений Российской империи XIX В.: значение экологических норм / Н. В. Ковалева, С. Б. Немченко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 3(68). – С. 7-15. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-3-7-15. – EDN MCKDGN.

References:

1. Iroshnikov, D. V. Security as a category of international public law: a theoretical aspect / D. V. Iroshnikov // Law. Without is a danger. Emergency situations. – 2022. – № 1(54). – Pp. 11-22. – EDN WCAYMY.
2. Girko, S. I. The state of emergency situations and fire safety: a look through the prism of the National Security Strategy of the Russian Federation / S. I. Girko // Right. Safety. Emergency situations. – 2023. – № 4(61). – Pp. 6-13. – EDN QBUPWW.
3. Nemchenko, S. B. Problems of legal regulation of the maintenance and operation of civil defense protective structures (review of law enforcement practice) / S. B. Nemchenko, V. S. Makhanov, Yu. V. Knysh // Pravo. Safety. Emergency situations. – 2021. – № 4(53). – Pp. 37-43. – EDN IORORX.
4. Odinikova, E. Y. The legal status of the Ministry of Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters in modern Russia / E. Y. Odinikova, N. I. Glinskaya // Right. Safety. Emergency situations. – 2016. – № 2(31). – Pp. 47-52. – EDN WMEETD.
5. Shenshin, V. M. CSTO activities for the prevention and elimination of emergency situations / V. M. Shenshin, Yu. A. Ivanov, N. Yu. Starostin // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2023. – № 12(317). – Pp. 98-103. – EDN WXEJOF
6. Shenshin, V. M. On the issue of legal regulation of the organization and conduct of civil defense in the troops of the National Guard of the Russian Federation / V. M. Shenshin, I. S. Nazarova // Law and the State: theory and practice. – 2023. – № 6(222). – Pp. 89-92. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_6_89. – EDN KIFWYG.
7. Malko A.V., Nemchenko S.B., Smirnova A.A. Legal policy in the field of fire safety, civil defense, emergency situations and elimination of consequences of natural disasters (Review of the materials of the round table) (end) // State and Law. — 2015. — No. 6. — p. 116
8. Zokoev V. A., Voropaev N. P., Nesterenko A. G. The legal basis for the implementation of basic methods of protecting the population from the dangers arising from military conflicts and emergency situations. // Right. Safety. Emergency situations. – 2020. – № 4(49). – Pp. 61-64. – EDN KGZLLT.
9. Elizarov A.V. Analysis of the exercise of powers on subjects of joint jurisdiction of the Russian Federation and subjects of the Russian Federation on issues within the competence of the Ministry of Emergency Situations of Russia // State regulation of public relations. 2021. No. 1(35). pp.9.
10. Zubarev, N. V. On some issues of organizing the interaction of the National Guard troops with the organs and units of the Russian military bloc in emergency circumstances / N. V. Zubarev // Pravo. Safety. Emergency situations. – 2025. – № 1(66). – Pp. 7-20. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-7-20. – EDN OXQEHJ.
11. Smirnova, A. A. On the formation and development of international cooperation in the field of emergency prevention and response / A. A. Smirnova, K. V. Shevchenko // Law and the State: theory and practice. – 2023. – № 8(224). – Pp. 39-42. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_8_39. – EDN DHPESX.
12. Ivanov, K. M. Features of state policy in the field of civil defense at the present stage / K. M. Ivanov, T. A. Voronko // Right. Safety. Emergency situations. – 2015. – № 2(27). – Pp. 50-55. – EDN WMDUHF.
13. Nemchenko, S. B. Review of legal incentives and restrictions in Russian legislation on civil defense / S. B. Nemchenko, T. I. Stepanenko // Right. Safety. Emergency situations. – 2014. – № 1(22). – Pp. 27-33. – EDN YGXZVF.
14. Shenshin, V. M. Features of interaction between the Ministry of Emergency Situations of Russia and local governments in the field of protection of the population from emergency situations / V. M. Shenshin, N. M. Siluyanova // Fire safety: modern challenges. Problems and solutions : Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, April 22, 2021 / Comp.: A.V. Zykov, N.V. Fedorova, O.E. Evseeva. – Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Disaster Relief, 2021. – pp. 141-145. – EDN IBAGYU.
15. Kapustin, A. Ya. Prevention and liquidation of emergency and crisis situations: problems of formation of international legal regulation / A. Ya. Kapustin // Law. Safety. Emergency situations. – 2024. – № 1(62). – Pp. 42-48. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-42-48. – EDN ZRPNOR.
16. Shenshin, V. M. Improving the mechanisms of interaction between the state and civil society in ensuring public safety / V. M. Shenshin // Law and the state: theory and practice. – 2025. – No. 6. – pp. 283-287. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_6_283. – EDN QMOKXN.
17. Ulyanova E.B. On the issue of the status of fire and rescue institutions // Legal policy in the field of fire safety, civil defense, emergencies and elimination of consequences of natural disasters: materials of the round table. St. Petersburg, June 4, 2014 / under the general editorship of E. N. Chizhikov, A.V. Malko, S. B. Nemchenko; comp. A. A. Smirnov, N. I. Utkin. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2016, p. 170.
18. Kovaleva, N. V. Detailing legal regulation for the purposes of sustainable development / N. V. Kovaleva, A.V. Zubach // Actual problems of the state and law. – 2025. – Vol. 9, No. 3(35). – pp. 303-313. – DOI 10.20310/2587-9340-2025-9-3-303-313. – EDN KUCOAZ.
19. Kovaleva, N. V. Fundamentals of state management of industrial production according to the legislation of the Russian Empire of the second half of the 19th - early 20th centuries / N. V. Kovaleva, A. S. Salnikov // Law. Safety. Emergency situations. – 2024. – № 4(65). – Pp. 40-49. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-2024-4-40-49. – EDN NXRJEV.
20. Kovaleva, N. V. Regulation of the functioning of industrial establishments of the Russian Empire of the 19th Century: the importance of environmental standards / N. V. Kovaleva, S. B. Nemchenko // Right. Safety. Emergency situations. – 2025. – № 3(68). – Pp. 7-15. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-3-7-15. – EDN MCKDGN.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_584

УДК 340.15

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ЗАПАДНЫХ АДЫГОВ: МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ, ИСЛАМОМ И ВОЕННОЙ КОНСОЛИДАЦИЕЙ
THE EVOLUTION OF THE SOCIO-POLITICAL STRUCTURE OF THE WESTERN ADYGS: BETWEEN TRADITION, ISLAM AND MILITARY CONSOLIDATION

СТАШ Асиет Нурбиевна
преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета имени А.А. Хмырова
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149.
ORCID 0009-0001-4496-6603
E-mail: a.zhane31@mail.ru

STASH Asiet Nurbievna
Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law
Kuban State University.
149 Stavropol Street, Krasnodar, 350040, Russia.
ORCID 0009-0001-4496-6603
E-mail: a.zhane31@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматривается процесс трансформации общественно-политического устройства западных адыгов в первой половине XIX века под влиянием ислама. Основное внимание уделяется изменениям в системе управления, социальной структуре и правовом поле адыгского общества. В работе анализируется переход от разрозненных политических образований к более централизованной системе управления, основанной на территориальном принципе. Особое внимание уделяется роли народных собраний (хасэ), шариатских судов и мусульманского духовенства в процессе этих преобразований.*

Abstract: *The article examines the process of transformation of the socio-political structure of the Western Adyghes in the first half of the 19th century under the influence of Islam. The focus is on changes in the system of governance, social structure, and legal framework of Adyghe society. The article analyzes the transition from fragmented political entities to a more centralized system of governance based on a territorial principle. Special attention is given to the role of popular assemblies (khasa), Sharia courts, and the Muslim clergy in this transformation process.*

Ключевые слова: *право, этнос, структура, общество, шариат, хасэ, адат, консолидация.*
Key words: *law, ethnos, structure, society, sharia, hasa, adat, and consolidation.*

Для цитирования: *Сташ А.Н. Эволюция общественно-политического устройства западных адыгов: между традицией, исламом и военной консолидацией // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 584-586. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_584.*
For citation*: Stash A.N. The evolution of the socio-political structure of the Western Adygs: between tradition, Islam and military consolidation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 584-586. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_584.*

Статья поступила в редакцию: 17.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

В процессе принятия ислама традиционный уклад адыгского общества претерпевал определенные трансформации, которые в первую очередь затронули интересы социума и общественные институты. Утверждение шариатских законов конфликтовало с действующими институтами власти и адатным правом. Данное противоречие запустило долгий и сложный механизм социальной эволюции, сопровождавшийся как острым соперничеством, так и поиском точек соприкосновения между исламским правом и традиционными нормами. В начале XIX века Западная Черкесия не была единым целым, а представляла собой политически раздробленную территорию.

В демографической структуре адыгского этноса абсолютное большинство составляли «демократические» субэтнические группы [1]. Их социальной особенностью было полное отсутствие института княжеской власти, а наличие дворянского статуса не обладало никакими политическими полномочиями.

Этнограф и историк Л.Я. Люлье дал развернутую характеристику политическому устройству этих обществ. Во–первых, он определял общественное управление как республиканское, указывая на отсутствие единоличной верхушки. Во–вторых, такой строй характеризовался им как демократический, поскольку источником как законодательной, так и распорядительной власти являлся сам народ. В–третьих, Л.Я. Люлье описывал два механизма избрания народных представителей (депутатов). Первый способ предполагал назначение доверенных лиц от всего племени, для чего требовался предварительный общий сбор. Второй способ, который, по словам автора, использовался преимущественно, заключался в выборах от локальных единиц: у мусульман депутатов избирал джамагат, а у жителей морского побережья, где ислам еще не укоренился, – община «тхахапха» (структура, которую Люлье сравнивал с церковными приходами) [2].

Как отмечал Г.В. Новицкий, после смены власти в конце XVIII века у западных адыгов появились суды присяжных [3]. Сравнивая разные исторические записи, можно понять, как было устроено общество у абадзехов, шапсугов и натухайцев в первой трети XIX века. В основе всего лежали семьи, которые объединялись в одну общину – аул («куадж»). Несколько таких аулов, расположенных в одном ущелье или речной долине, создавали округ – «псухо». Позже именно эти округа слились в крупный союз – Конфедерацию так называемых демократических племен.

Административные функции реализовывались через особых уполномоченных, именуемых биеколями. Согласно свидетельствам С. Хан-Гирея, они являлись неотъемлемой опорой княжеской власти. В их обязанности входило объезжать аулы и от имени своих правителей собирать с поселян дань в виде сельскохозяйственной продукции. Кроме того, биеколи взыскивали штрафы с провинившихся свободных земледель-

цев и выполняли другие поручения, которые князья не доверяли представителям дворянства [4].

Власть верховного князя в западно-адыгских обществах не была безграничной. Её уравновешивали два важных института: народные собрания и родовая аристократия. По этой причине определять данный политический режим как абсолютную монархию некорректно; по своей сути он гораздо ближе к монархии сословно–представительного типа.

Адыгские общественные собрания представляли собой сословно–представительные органы феодального периода, на которые возлагался ряд значимых политических и управленческих полномочий. На наш взгляд, для их обозначения необходимо использовать термин «хасэ». Эти собрания, именуемые в дальнейшем Хасэ, созывались для разрешения ключевых проблем общества, включая вопросы войны и мира [5].

Важным этапом модернизации традиционной системы власти стало заключение союзного договора «Дефтер» на собрании представителей «демократических» черкесских субэтносов на реке Пшеха. Договор предусматривал реформу системы управления и оставался открытым для присоединения равнинных княжеств.

В начале апреля 1845 года на Северо–Западный Кавказ прибыл наиб имама Шамиля Сулейман–эфенди. Его появление послужило поводом для созыва в конце того же месяца крупного народного собрания на реке Адагум. На этом собрании при участии наиба была образована конфедерация, объединившая абадзехов, шапсугов, натухаевцев и убыхов. Одним из ключевых решений съезда стала ликвидация существовавшей прежде двойственной административной системы, основанной на родовых союзах и территориальных общинах.

Новая система управления конфедерацией, как подчеркивал В. К. Гарданов, была выстроена по территориальному принципу. Вся земля была поделена на округа, каждый из которых включал 100 дворов. Во главе округа стоял избранный народом старшина, которому подчинялись вооруженные отряды «муртазагов». На следующем уровне управления округа, расположенные в пределах одной речной долины (псухо), формировали более крупную единицу. Высшим органом управления на этом уровне был Совет псухо, состоявший из 16 старшин [6].

Духовенство настолько укрепило свои позиции, что превратилось в ключевую политическую силу «демократических» обществ Черкесии, сломав при этом традиционную социальную пирамиду. С 1847 года, после завершения миссии Сулейман–эфенди, у абадзехов происходит восстановление авторитета народных собраний и судебной власти. Важным этапом стала консолидация судебной системы: на собрании на р. Пшеха было принято решение об объединении пяти локальных мехкеме в одну структуру, с избранием полного штата служителей – от председателя до муртазаков.

Для «демократических» субэтносов (абадзехов, шапсугов, натухайцев) народные собрания стали ключевым институтом организации национально–освободительной борьбы. Отличительной чертой адыгских народных собраний была строгая регламентация и высокая культура поведения участников. Российские источники того периода неизменно фиксировали «необыкновенный порядок», царивший во время заседаний [7].

Формально право голоса не ограничивалось, однако на практике действовал негласный возрастной ценз: выступления мужчин моложе 40 лет были редкостью. Это объяснялось уважением к старшим, что являлось императивом адыгского этикета.

Слабой стороной организации адыгских собраний был принцип обязательного единогласия. Численный перевес сторонников того или иного предложения на Хасэ не гарантировал его принятия — требовалось согласие каждого участника.

В первой трети XIX века у абадзехов, шапсугов и натухайцев была серьёзная проблема: в их политической системе не было исполнительной власти. Без такого аппарата, решения народных собраний было невозможно претворить в жизнь, поэтому их деятельность часто носила лишь рекомендательный характер. Всё это тормозило развитие государственности у адыгов.

Процесс трансформации традиционной системы управления у абадзехов, натухайцев и шапсугов характеризуется упадком крупных вотчинных хозяйств и одновременным ростом числа мелких тльфокотльских владений. В рамках этого процесса дворянство у «демократических» субэтносов приобретает статус мелкопоместных землевладельцев, власть которых ограничивается пределами их собственных усадеб, где проживают как родственники, так и представители зависимых социальных групп.

Для абадзехов, шапсугов и натухайцев перестройка традиционной системы власти ознаменовалась распадом крупных патримониальных владений и ростом числа мелких собственников-тльфокотлей. В ходе этих преобразований знать так называемых «демократических» племен утратила былое влияние, перейдя в разряд мелкопоместных собственников. Их властные полномочия сузились до границ личных дворов, где проживали члены их семей и зависимые категории населения.

Таким образом, в первой половине XIX века западно-черкесское общество функционировало в рамках развитого феодализма с выраженной вертикалью власти. Невзирая на частные региональные особенности, базовые социальные устои и обычаи были практически идентичны во всех землях проживания адыгского народа

Различие между «аристократическими» и «демократическими» черкесскими сообществами заключалось в балансе сил. У «аристократических» власть князя была ограничена и уравновешивалась народными съездами. У «демократических» формально верховная власть полностью принадлежала всенародным собраниям, что создавало видимость большей социальной однородности.

Однако эта формальная структура не отменяла реального влияния высшего дворянства. Сохраняя те же привилегии и следуя тем же традициям, что и знать в княжествах, это сословие фактически продолжало определять общественную жизнь, и его влияние было немногим слабее, чем в «аристократической» модели.

Традиционная правовая система адыгов, основанная на адыгэ хабзэ, претерпела существенные изменения под влиянием исламского права. Шариатские суды постепенно вытеснили традиционные формы правосудия, хотя элементы обычного права сохранились в некоторых

сферах. Судебная система трансформировалась следующим образом. Появились новые категории преступлений; изменилась система доказательств; усложнилась процедура судопроизводства; возникли новые формы наказаний.

Влияние ислама на общественные институты адыгов привело к формированию уникальной модели социокультурного развития, сочетающей в себе традиционные элементы с исламскими ценностями. Этот синтез позволил создать устойчивую систему общественных отношений, сохранив при этом этническую идентичность народа.

Эволюция общественно-политического устройства западных адыгов в первой половине XIX века представляла собой сложный процесс синтеза традиционных институтов, исламских ценностей и военной необходимости. Это привело к формированию уникальной системы управления, сочетающей элементы разных политических культур.

Данный период стал временем значительных социальных трансформаций, определивших дальнейшее развитие адыгского общества. Изучение этих процессов позволяет лучше понять механизмы адаптации традиционных обществ к новым историческим условиям и вызовам.

Список литературы:

1. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX вв. М., 1967. – 331 с
2. Люлье, Л.Я. Черкесия. Историко–этнографические статьи. – Краснодар, – 1927. – 48 с.
3. Новицкий Г. В. Географически–статистическое обозрение земли, населенной народом адехе // Тифлисские ведомости. – 1829. № 22. – 38 с.
4. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, – 1992. – 352 с.
5. Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих Северо–Восточный берег Черного моря // Русский вестник. –1860. – Т. 28. – № 16. – Кн. 2. – С. 517–550
6. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). – М.: Наука, 1967. – 331 с
7. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 348. Оп. 1. Д. 9. л. 24-24 об.

References:

1. Gardanov V.K. The social system of the Adyghe peoples (XVIII – the first half of the XIX centuries. Moscow, 1967. – 331 p.
2. Lyulye, L.Ya. Cherkessia. Historical and ethnographic articles. Krasnodar, 1927. 48 p.
3. Novitsky G. V. Geographical and statistical survey of the land inhabited by the Adekhe people // Tiflis Gazette. - 1829. No. 22. – 38 p.
4. Khan Giray. Notes on Circassia. Nalchik: Elbrus, 1992. 352 p.
5. Karlgof N. On the political structure of the Circassian tribes inhabiting the Northeastern coast of the Black Sea // Russian Bulletin. -1860. – Vol. 28. – No. 16. – Book 2. – pp. 517-550
6. Gardanov V.K. The social system of the Adyghe peoples (XVIII – the first half of the XIX century). – M.: Nauka, 1967. - 331 p–
7. The State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK). F. 348. Op. 1. D. 9. L. 24-24 vol.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_587

ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВА В ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
THE EXPERIENCE OF INTEGRATING MUSLIM LAW INTO THE LEGAL SYSTEMS OF THE MIDDLE EAST COUNTRIES

ШАХБАНОВ Мевлют Салманович
аспирант, ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий».
107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49.
e-mail: mevl.shakhbanov@yandex.ru
SHAKHBANOV Mevlut Salmanovich
postgraduate student, Russian State University of Social Technologies.
Losinoostrovskaya str., 49, Moscow, 107150, Russia.
e-mail: mevl.shakhbanov@yandex.ru

Краткая аннотация: *В данной статье рассматривается опыт интеграции мусульманского права в правовые системы стран Ближнего Востока. Исследуются различные модели взаимодействия шариата с гражданским правом, а также влияние культурных, социальных и политических факторов на эту интеграцию. Особое внимание уделяется странам, где мусульманское право занимает центральное место в правовой системе, таким как Саудовская Аравия и Иран, а также тем странам, где шариат функционирует в качестве дополнения к светскому законодательству, например, в Ираке и Иордании. Статья также обсуждает вызовы и противоречия, возникающие в результате этой интеграции, включая вопросы прав человека, гендерного равенства и правовой унификации. В заключение подчеркивается необходимость дальнейших исследований для понимания динамики правовых систем региона и их адаптации к современным вызовам.*

Abstract: *This article examines the experience of integrating Islamic law (Sharia) into the legal systems of Middle Eastern countries. It explores various models of interaction between Sharia and civil law, as well as the influence of cultural, social, and political factors on this integration. Special attention is given to countries where Islamic law holds a central position in the legal system, such as Saudi Arabia and Iran, as well as those where Sharia functions as a complement to secular legislation, such as Iraq and Jordan. The article also discusses the challenges and controversies arising from this integration, including issues of human rights, gender equality, and legal unification. In conclusion, it emphasizes the need for further research to understand the dynamics of the region's legal systems and their adaptation to contemporary challenges.*

Ключевые слова: *ислам, конституция, Ближний Восток, шариат, мусульманское право.*
Keywords: *Islam, constitution, Middle East, Sharia, Muslim law.*

Для цитирования: *Шахбанов М.С. Опыт интеграции мусульманского права в правовые системы стран Ближнего Востока // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 587-589. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_587.*
For citation*: Shakhbanov M.S. The experience of integrating Muslim law to the legal systems of the Middle East countries // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 587-589. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_587.*

Статья поступила в редакцию: 24.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Мусульманское право, или шариат, представляет собой систему норм и принципов, основанных на исламских источниках - Коране и Сунне. Важно понимать, что исламская правовая теория утверждает, что многие божественные откровения нуждаются в разъяснении и интерпретации. На протяжении многих веков мусульманские ученые-юристы стараются осмыслить и разъяснить комплекс общественных норм и правил (фикх), представленных в священных текстах ислама. В последние десятилетия наблюдается значительный интерес к вопросам интеграции мусульманского права в правовые системы стран Ближнего Востока. Это явление обусловлено как социально-экономическими, так и политическими факторами, а также стремлением государств сохранить культурную идентичность в условиях глобализации. Важно отметить, что стремление мусульман понять и осуществить Божью волю исторически сформировало классическое мусульманское право. Это стремление понять и внедрить божественное руководство привело к разработке и интерпретации правовых доктрин, взятых из Корана, хадисов и обширной правовой литературы, составляющих основу исламской юриспруденции. Как было отмечено выше, Коран и Сунна являются двумя наиболее важными – основными источниками ислама.

Исторически мусульманское право играло ключевую роль в формировании правовых систем стран Ближнего Востока. В период Османской империи шариат сосуществовал с местными правовыми нормами, что способствовало развитию гибридных правовых систем. После распада империи и формирования современных национальных государств, многие страны начали интегрировать элементы шариата в свои правовые системы, что вызвало широкий спектр дискуссий о его месте в современных правовых порядках.

Интеграция мусульманского права в правовые системы стран Ближнего Востока может быть охарактеризована несколькими основными моделями:

1. Полная интеграция - в таких странах как Саудовская Аравия и Иран шариат является основой всей правовой системы. Здесь исламские нормы регулируют не только личные статусы (брак, развод, наследование), но и уголовное право и административные отношения. Рассмотрим некоторые правовые аспекты в Саудовской Аравии, которая является абсолютной монархией, управляемой Домом Сауда. Это колыбель ислама и родина двух священных городов Мекки и Медины. Первая статья Основного указа (1992 года) гласит, что Священный Коран и Сунна Пророка Мухаммеда ﷺ[1] являются конституцией королевства и что исламский шариат является основой его правовой системы [6].

Открытие нефти в 1930-х годах быстро изменило страну и заставило правительство адаптироваться и реформироваться, но в то же

[1] Символ ﷺ представляет собой традиционное благословение, произносимое мусульманами после упоминания пророка Мухаммада. В оригинале - араб. صلى الله عليه وسلم (саллаллаху алейхи ва саллям), означает: “да благословит его Аллах и приветствует”

время власти хотели сохранить свой исламский характер и наследие. Это создало раскол – так, саудовское правительство по сей день пытается найти баланс. Личное и семейное право Саудовской Аравии не кодифицировано и не сведено в единый свод законов [4].

Все дела, касающиеся брака, развода, наследования и статуса детей, попадают под общую юрисдикцию шариатских судов. Судьи этих судов в большинстве случаев при рассмотрении дел обращаются к ханбалитским фикху; однако они могут также обращаться к книгам других правовых школ[1]. Уголовное право делится на три категории: худуд или хадд (предписанные коранические наказания за определенные преступления), кисас (возмездие, например, принцип «око за око») и тазир (дискреционное наказание, назначаемое судьей). Эта классификация по сей день свойственна уголовному законодательству Саудовской Аравии и, например, Йемена [7].

Правила, касающиеся доказывания и наказаний за преступления худуд, изложены в Коране и Сунне. Для осуждения за преступление худуд существуют строгие требования к доказательствам. Например, если обвиняемый отказывается от признания, утверждая, что оно было получено под давлением, дело должно быть прекращено. В таком случае оно может быть рассмотрено как тазир, и если обвиняемый будет признан виновным, ему будет назначено дискреционное наказание вместо сурового наказания худуд. Из-за жестких требований к обвинительным приговорам по худуд большинство дел рассматриваются как дела тазир. В отличие от многих других исламских стран, в данной юрисдикции фактически применяются такие наказания, как побивание камнями, ампутация и порка; для исполнения смертной казни или ампутации требуется согласие короля.

Иск кисас представляет собой гражданский иск, который может быть подан жертвой или ее наследником в случаях, связанных с убийством или причинением телесных повреждений. Наказания, предусмотренные за преступления кисас, могут включать возмездие в натуральной форме или денежную компенсацию (дийа), что подразумевает выплату «денег за кровь». В отношении наказаний за преступления тазир судья обладает значительными дискреционными полномочиями, так как в данной области отсутствует четкое материальное уголовное законодательство.

Наиболее распространенным наказанием за тазир является порка. Также к другим возможным мерам наказания тазир относятся публичное унижение, применение наручников, тюремное заключение и штрафы, хотя последний вид наказания вызывает определенные споры. В некоторых случаях смертная казнь может быть назначена как мера наказания тазир за такие преступления, как колдовство и пропаганда ереси. В настоящее время многие правонарушения, относящиеся к категории тазир, определяются национальными нормативными актами (низамами) и включают такие деяния, как взяточничество, фальшивомонетничество, злоупотребление наркотиками, торговлю людьми и преступления, совершаемые должностными лицами. Эти правонарушения рассматриваются специализированными комитетами, а наказания за них обычно включают тюремное заключение и штрафы. Король имеет право на усмотрение выносить приговор в случаях, когда вина преступника не вызывает сомнений и общественный интерес требует применения смертной казни, что характерно для тяжких преступлений. Также это может касаться ситуаций, когда преступник является рецидивистом и его действия могут быть предотвращены только путем назначения наказания в виде смертной казни, чтобы исключить дальнейшее причинение вреда обществу.

2. Смешанная модель - в большинстве арабских стран (например, в Ираке, Египте, Иордании) мусульманское право сосуществует с гражданским правом. В этих государствах шариат применяется в вопросах личного статуса, тогда как уголовное и трудовое право регулируются светскими нормами.

Например, в одной из первых статей Основного закона Ирака ислам признается государственной религией, на основе которой формируется законодательство. В частности, в статье 2.1 Конституции указано: «Ислам - официальная религия государства; он является основным источником законодательства». Однако в пункте 1B содержится важное уточнение: «Не разрешается принятие закона, который противоречит принципам демократии». Это положение дополняется еще одной нормой, зафиксированной в пункте 1C, где говорится: «Не разрешается принятие закона, который нарушает права и основные свободы, декларируемые настоящей Конституцией» [2].

Конституция Ирака, принятая на всенародном референдуме 15 октября 2005 года, представляет собой попытку объединить исламские принципы с основными правами и свободами, которые являются частью демократической системы. Важно отметить, что в этом документе можно наблюдать ограниченное упоминание ислама, что может быть связано с влиянием американских оккупационных властей, оказавших давление на процесс его разработки. Таким образом, Конституция стремится найти баланс между традиционными исламскими нормами и современными демократическими ценностями, несмотря на внешние факторы, которые могли повлиять на ее содержание и структуру.

Также в Тунисе мусульманское право имеет ограниченное применение и часто используется в контексте личного статуса, в то время как другие сферы регулируются светским законодательством. Несмотря на ислам как официальную религию, шариат не является основой законодательства, так как страна имеет светские традиции и правовую систему, унаследованную от французского колониализма. Шариатские суды были упразднены в 1956 году, а в 2014 году была принята конституция, которая закрепляет светский характер государства без шариата, но при этом охраняет ислам как государственную религию.

Затрагивая данную тему, важно упомянуть роль ислама в Ливане. Единственной арабской страной, где ислам не является господствующей религией, является Ливан [5]. В стране применяется конфессиональный принцип, который регулирует распределение ключевых государственных позиций между христианами и мусульманами. Этот баланс, установленный Национальным пактом 1943 года, объясняет, почему Конституция страны не подвержена влиянию ислама [1].

Интеграция мусульманского права в правовые системы стран Ближнего Востока также тесно связана с социально-политическими про-

[1] Мазхаб (араб. مذهب) - правовая школа в исламе, объединяющая учёных и последователей определённого метода извлечения норм из источников шариата (Корана, Сунны и др.). В суннитском исламе традиционно признаются четыре мазхаба: ханафитский, маликитский, шафиитский и ханбалитский. Все они признаются ортодоксальными и различаются лишь в подходах и деталях.

цессами. В последние годы наблюдается рост исламских движений, которые выступают за более глубокую интеграцию шариата в законодательство. Это движение часто сталкивается с противодействием со стороны секулярных сил, что приводит к напряжённости в обществе. Одним из ключевых социально-политических аспектов интеграции мусульманского права в правовые системы стран Ближнего Востока является наличие устойчивого конфликта между различными концепциями прав человека, демократии и правового статуса личности. В рамках данного конфликта западная либерально-правовая модель, ориентированная на индивидуальные права и автономию личности, противопоставляется исламско-правовой модели, основанной на религиозно-нормативных предписаниях, системе обязанностей и социальной ответственности.

Указанное противоречие проявляется не только на уровне международных отношений, но и внутри самих обществ стран Ближнего Востока. В социально-политическом пространстве данных государств формируются различные группы - как среди населения, так и среди политических элит, - по-разному оценивающие роль мусульманского права в современном государстве. Часть общества и политических акторов рассматривает интеграцию шариатских норм как важный элемент сохранения правовой, культурной и религиозной идентичности, тогда как иные ориентируются на дальнейшее сближение с западной моделью права и государственного устройства.

Существенную роль в формировании подобных установок играет длительное внешнее политическое и идеологическое воздействие, в рамках которого западные стандарты демократии и прав человека позиционируются как универсальные и единственно допустимые. В результате в общественном правосознании ряда стран Ближнего Востока закрепляется представление о несовместимости мусульманского права с современными демократическими принципами, что осложняет процессы его институциональной интеграции [3].

Давление со стороны внешних акторов нередко сопровождается политическими и экономическими мерами воздействия, что отражается на позиции национальных элит и влияет на направление правовых реформ. В этих условиях интеграция мусульманского права либо существенно ограничивается, либо трансформируется таким образом, чтобы соответствовать западным нормативным ожиданиям, что, в свою очередь, становится источником длительных социально-политических противоречий.

Таким образом, социально-политические конфликты, возникающие в процессе интеграции мусульманского права в правовые системы стран Ближнего Востока, обусловлены не содержанием шариатских норм как таковых, а конкуренцией правовых моделей и различиями в понимании прав человека и демократического развития.

Опыт интеграции мусульманского права в правовые системы стран Ближнего Востока демонстрирует сложность и многообразие подходов к этому вопросу. С одной стороны, необходимость сохранить культурную идентичность и традиции требует учёта исламских норм. С другой стороны, вызовы глобализации ставят перед государствами задачу поиска баланса между традицией и современными ценностями. Будущее интеграции мусульманского права будет зависеть от способности обществ адаптироваться к новым условиям, сохраняя при этом свою уникальность и идентичность.

Как отмечает Сюкияйнен: «В процессе политической трансформации арабских стран ислам остается оппонентом светской идеологии. Его роль как одного из устоев арабского общества сомнению не подлежит. Следовательно, он не может не оказывать влияния на конституционное развитие указанных стран» [1].

Роль ислама как основополагающего элемента арабского общества подчеркивает необходимость учета религиозных ценностей и норм при формировании новых политических структур и правовых систем. Ислам, оставаясь оппонентом светской идеологии, не только определяет социальные и культурные контексты, но и активно участвует в процессе формирования правовых норм, что в свою очередь влияет на стабильность и легитимность новых государственных институтов. Следовательно, игнорирование исламских принципов в ходе политических изменений может привести к конфликтам и нестабильности, что подчеркивает важность интеграции религиозного аспекта в процесс конституционного строительства в арабских странах.

Список литературы:

1. Сюкияйнен Л.Р. Ислам и конституции арабских стран // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 4. С. 4–23.
2. Хайруллин Т.Р. Конституция Ирака 2005 года и принципы ислама / Т.Р. Хайруллин, А.В. Коротаев // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2017. Т. 13, № 2. С. 139-152.
3. Krell D. Islamic Law in Saudi Arabia. 2025 [Электронный ресурс]. - URL: https://www.academia.edu/115001710/Review_of_A_Bibliography_of_Islamic_Criminal_Law_by_Dominik_Krell_in_JAOS_141_1_2024_ (дата обращения: 03.11.2025).
4. Otto J. M. Sharia Incorporated: A Comparative Overview of the Legal Systems of Twelve Muslim Countries in Past and Present. 2010 [Электронный ресурс]. - URL: https://www.researchgate.net/publication/364099828_Sharia_Incorporated_A_Comparative_Overview_of_the_Legal_Systems_of_Twelve_Muslim_Countries_in_Past_and_Present (дата обращения: 03.11.2025).
5. Morgan C. Islam and Law in Lebanon: Sharia within and without the State. 2018 [Электронный ресурс]. - URL: https://www.researchgate.net/publication/325626341_Islam_and_Law_in_Lebanon_Sharia_within_and_without_the_State (дата обращения: 03.11.2025).
6. Saudi Arabia: The Basic Law of Governance, 2 March 1992 [Электронный ресурс]. - URL: https://www.refworld.org/legal/decreees/natlegbod/1992/ar/147113 (дата обращения: 03.11.2025).
7. Yemen: Republican Decree, By Law No. 12 for 1994, Concerning Crimes and Penalties, 1994[Электронный ресурс]. - URL: https://www.refworld.org/legal/decreees/natlegbod/1994/en/34402 (дата обращения: 05.11.2025).

References:

1. Sukiyainen L.R. Islam and the constitutions of Arab countries // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2022. Vol. 15. No. 4. pp. 4-23.
2. Khairullin T.R. The 2005 Constitution of Iraq and the principles of Islam / T.R. Khairullin, A.V. Korotaev // Islam in the modern world: domestic and international political aspects. 2017. Vol. 13, No. 2. pp. 139-152.
3. Krell D. Islamic Law in Saudi Arabia. 2025 [Electronic resource]. - URL: https://www.academia.edu/115001710/Review_of_A_Bibliography_of_Islamic_Criminal_Law_by_Dominik_Krell_in_JAOS_141_1_2024_ (date of request: 03.11.2025).
4. Otto J. M. Sharia Incorporated: A Comparative Overview of the Legal Systems of Twelve Muslim Countries in Past and Present. 2010 [Electronic resource]. - URL: https://www.researchgate.net/publication/364099828_Sharia_Incorporated_A_Comparative_Overview_of_the_Legal_Systems_of_Twelve_Muslim_Countries_in_Past_and_Present (date of request: 03.11.2025).
5. Morgan C. Islam and Law in Lebanon: Sharia within and without the State. 2018 [Electronic resource]. - URL: https://www.researchgate.net/publication/325626341_Islam_and_Law_in_Lebanon_Sharia_within_and_without_the_State (date of access: 11/03/2025).
6. Saudi Arabia: The Basic Law of Governance, March 2, 1992 [Electronic resource]. - URL: https://www.refworld.org/legal/decreees/natlegbod/1992/ar/147113 (date of request: 03.11.2025).
7. Yemen: Republican Decree, By Law No. 12 for 1994, Concerning Crimes and Penalties, 1994[Electronic resource]. - URL: https://www.refworld.org/legal/decreees/natlegbod/1994/en/34402 (date of request: 05.11.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_590

О МНОГОЛИКОСТИ ФИЛОСОФИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ON THE DIVERSITY OF PHILOSOPHY IN THE RUSSIAN FEDERATION

ФЕТИЩЕВ Дмитрий Владимирович,
доктор юридических наук, МИРЭА – Российский технологический университет.
119454, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 78.
E-mail: vgrmn@yandex.ru
ГАЛУЗО Василий Николаевич,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИИ образования и науки.
123056, Россия, г. Москва, пер. Электрический, д. 10.
E-mail: vgrmn@yandex.ru
FETISHCHEV D.V.,
Doctor of Law, MIREA is a Russian Technological University.
78 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russia.
E-mail: vgrmn@yandex.ru
GALUZO V.N.,
PhD, Chille-old researcher at the Institute of Education and Science.
123056, Russia, Moscow, lane Electric, 10.
E-mail: vgrmn@yandex.ru

Краткая аннотация: *в статье на основе анализа литературы, в том числе и юридической, относительно категории «философия» и ее использования посредством многообразных словосочетаний с иными категориями высказано несколько суждений: неопределенность категории «философия» ныне проявляется в многоликости, позволяющей категорию «философия» присовокуплять к иным категориям (в частности, философия науки, философия образования, философия политики, философия права, философия религии, философия традиции); перечень форм («ликов») философии столь обширен, что не поддается систематизации; предназначение философии как науки состоит в выработке методов познания, которые используются в иных отраслях науки, в том числе и в юридической науке; отождествление юридической науки и права не допустимо; отраслевой подход к праву не допустим (в частности, международное право, государственное право, конституционное право); право необходимо рассматривать исключительно в качестве регулятора общественных отношений; в качестве иных регуляторов общественных отношений необходимо рассматривать: политику, религию, традицию; неопределенность категории «философия» позволяет многим представителям науки, в первую очередь представителям юридической науки, фактически изобретать околонаучные направления и добиваться искомых результатов посредством присуждения ученых степеней и присвоения научных званий.*

Abstract: *based on an analysis of literature, including legal literature, several opinions have been expressed in the article regarding the category of «philosophy» and its use in various combinations with other categories: the uncertainty of the category «philosophy» is now manifested in its diversity, which allows the9 category «philosophy» to be combined with other categories (for example, philosophy of science, philosophy of education, philosophy of politics, philosophy of law, philosophy of religion, and philosophy of tradition); the list of forms («faces») of philosophy is so extensive that it cannot be systematized; the purpose of philosophy as a science is to develop methods of cognition that are used in other branches of science, including legal science; the identification of legal science and law is not acceptable; a sectoral approach to law is not acceptable (in particular, international law, state law, and constitutional law); law should be considered exclusively as a regulator of social relations; other regulators of social relations include politics, religion, and tradition; the uncertainty of the category «philosophy» allows many representatives of science, primarily representatives of legal science, to actually invent pseudo-scientific fields and achieve the desired results through the awarding of academic degrees and the assignment of scientific titles.*

Ключевые слова*: Российская Федерация, наука, философия, образование, история, политика, религия, традиция, право, законодательство, нормативный правовой акт, система нормативных правовых актов, Конституция РФ от 12 декабря 1993 г., многоликость, многозначность.*

Key words: *Russian Federation, science, philosophy, education, history, politics, religion, tradition, law, legislation, regulatory legal act, system of regulatory legal acts, Constitution of the Russian Federation dated December 12, 1993, diversity, ambiguity.*

Для цитирования: *Фетищев Д.В., Галузо В.Н. О многоликости философии в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 590-594. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_590.*

For citation*: Fetishchev D.V., Galuzo V.N. On the diversity of philosophy in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 590-594. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_590.*

Статья поступила в редакцию: 24.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

«Науку и технику надо изображать
не как склад готовых открытий и изобретений,
а как арену борьбы, где конкретный живой человек
преодолевает сопротивление материала и традиции»
(Горький М. Собрание сочинений. В тридцати томах.
Том 27. Статьи, доклады, приветствия. 1933-1936.
М.: Художественная литература, 1953. С. 108)

Предметом данной статьи является именно многоликость (но не многозначность)[1] философии в Российской Федерации[2]. На многоликость философии нами уже обращалось внимание[1].

[1] По нашему мнению, термин «многоликость» нельзя отождествлять с термином «многозначность»: «Многоликий - … Состоящий из множества разнообразных лиц … Многообразный, проявляющийся во многих формах» (см.: Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. С.-Пб.: Норинт, 2004. С. 353); «Многозначный … О числе: состоящий из многих цифровых знаков; Имеющий много значений …» (см.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ИТИ Технологии, 2005. С. 360).

[2] Мы предлагаем с 25.12.1991 г. для названия государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123).

Уяснение смысла категории «философия» первоначально предполагает обращение к справочной литературе.

Так, В.А. Куренной в самой известной энциклопедии Российской Федерации полагает, что философия – это «форма рационально-теоретич. мышления, имеющая своим предметом исследование предельных характеристик бытия, взаимоотношения человека и мира»[2]. При этом названный автор использует оценочные характеристики: «Классическая философия бытия», «Новоевропейская философия сознания», «Аналитическая философия языка», «Современная философия: основные направления дисциплины», «История философии как специализированная дисциплина». Помимо прочего, В. А. Куренной не только обособляет, но и пытается определить содержание еще нескольких категорий: «философия жизни» («философ. течение, получившее преимущественное развития в Германии в кон. 19 - нач. 20 вв., выдвигало в качестве исходного понятия «жизнь» как некую интуитивно постигаемую целостную реальность»)[3]; «философия истории» («филос. учение о смысле и сущности историч. процесса, его закономерностях, движущих силах и факторах, специфике познания историч. явлений»)[4]; «философия культуры» («в широком смысле – филос. осмысление культуры как специфич. феномена, в узком смысле – направление европ. … философии кон. 19 – 1-й пол. 20 вв., возникшее в русле идей неокантианства и философии жизни …»)[5]; «философия науки» («область филос. исследований науки как эпистемологического и социокультурного феномена»)[6]; «философия «обыденного языка» («см. в ст. Аналитическая философия»)[7]; «философия права» («раздел философии, который занимается исследованием смысла права, его понятия и назначения в жизни человека, общества и государства, в судьбах народов и человечества»)[8]; «философия природы» («область филос. исследований, направленных на истолкование природы в ее целостности»)[9]; «философия сознания» («область филос. исследований природы психич. явлений и их отношений с физич. явлениями …, поведением и языком, получивших развитие в аналитической философии с сер. 20 в.»)[10]; «философия техники» («философское осмысление техники как особого культурного феномена, ее места и значение в истории цивилизации»)[11]; «философия чувства и веры» («иррационалистич. направление в нем. философия 2-й пол. 18 в. …»)[12].

Предмет исследования данной статьи предполагает наличие границ, что нами учитывается посредством обращения лишь к одной (му) форме («лику») философии, а именно, к философии права.

Философия права ныне активно развивается во многих бюджетных и небюджетных учреждениях[13].

Так представителем одного бюджетного учреждения В.Г. Графским избиралась «проблема взаимоотношений власти и знания», которая, по его мнению, «относится к разновидности комплексных, междисциплинарных проблем, изучаемых многими отраслями современного научного знания - философией и социологией, историей и социальной психологией, правоведением и политической наукой и т.д.»[14]. Этот же ученый в последующем исследовал «своеобразие русской философии права»: «Необходимо, чтобы русская философия права, в различной степени обусловленная в ее сегодняшнем состоянии различными средствами, силами и способностями познания и жизни, имела одновременно сверхнациональный смысл и значение …»[15].

В.С. Горбань, который еще в 2019 г. добился присуждения ученой степени «доктор юридических наук»[16], в осуществленном исследовании, нацеленном «на адекватную историко-философскую и теоретическую реконструкцию правового учения Иеренга как целостного правового мировоззрения», именно «проясняет», причем витиевато, «ключевые смысловые характеристики политико-правовых взглядов мыслителя, характер и назначение его научно-теоретической программы, социально-практическую нацеленность конкретных концептов и развернутых обоснований политико-правовой проблематики»[17].

В журнале «Государство и право» помещено несколько противоречивых публикаций В.С. Горбаня[18]. Да и в иных журналах помещены аналогичные публикации известного автора[19].

Еще ранее В.С. Горбань попытался определить содержание понятий «закон» и «законодательство». Вероятно, не преуспев в этом

---

[1] См. об этом, например: Галузо В.Н. О допустимости использования метода экстраполяции при осуществлении историко-правовых исследований в Российской Федерации // Право и жизнь. 2015. № 8. С. 155-181; он же: О роли экстраполяции при осуществлении историко-правовых исследований в Российской Федерации / Исторический материализм и диалектика в теоретико-правовых и историко-правовых исследованиях: Сборник статей IV международной научной конференции, посвященной памяти профессора В.М. Курицына / Ред. А.И. Клименко, А.Ю. Гарашко. М.: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2020. С. 106-111; Международный журнал конституционного и государственного права. 2020. № 1. С. 33-36; Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2020. № 3. С. 13-16.
[2] См.: Большая Российская энциклопедия. В 35 т. Том 33 / Отв. ред. С.Л. Кравец. М.: Большая Российская энциклопедия, 2017. С. 366-369.
[3] Там же. С. 369-370.
[4] Там же. С. 370.
[5] Там же. С. 370-371.
[6] Там же. С. 371.
[7] Там же. С. 371.
[8] Там же. С. 371-372.
[9] Там же. С. 372-374.
[10] Там же. С. 374-375.
[11] Там же. С. 375.
[12] Там же. С. 375.
[13] См. об этом, например: О государственной аккредитации образовательной деятельности Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института государства и права Российской академии наук: Приказ Рособрнадзора № 1607 от 16.09.2016 // В официальных источниках не публиковался; Об утверждении устава Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института государства и права Российской академии наук: Приказ Минобрнауки России № 193 от 06.07.2018 // В официальных источниках не публиковался.
[14] Графский В.Г. Проблема взаимоотношений власти и знания в истории политической мысли: Автореферат дисс. … докт. юрид. наук. М., 1992. С. 2.
[15] Графский В.Г. О своеобразии русской философии права / Философия права в России (история и современность): Материалы третьих философ.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2009. С. 33.
[16] Горбань В.С. Правовое учение Иеринга и его интерпретации: Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2019.
[17] См.: Горбань В.С. Правовое учение Иеринга и его интерпретации: Монография. М.: Университетская книга, 2018. С. 351.
[18] См. об этом, например: Горбань В.С. Историографические модели реконструкции политических и правовых учений // Государство и право. 2024. № 11. С. 7–22.
[19] См. об этом, например: Горбань В. С. «Чистые» учения о праве: их многообразие в истории правовой мысли и влияние на характер современной юридической науки» // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 12. С. 68-84; Горбань В.С., Груздев В.С. О разнообразии «чистых» учений о праве // Право и политика. 2022. № 11. С. 32-43; они же: Типы развития философии права // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11(227). С. 8-10.

сложнейшем научном изыскания, названный ученый констатировал следующее: «В настоящее время в практике законодательства решением проблемных ситуаций не занимаются в достаточной степени. В результате возникают многочисленные проблемы, порождаемые нерешенностью важных задач в процессе проектирования, разработки, принятия и осуществления законодательства»[1].

Также обращаем внимание на результаты научных изысканий еще одного исследователя из бюджетного учреждения (С.А. Бочкарев)[2], сфокусировавшего внимание на «философии уголовного права» («В монографии исследовано состояние современного уголовно-правового знания как основного и перманентного объекта внимания философии»)[3]. В журнале «Государство и право», помещено несколько противоречивых публикаций С.А. Бочкарева[4].

В этом же контексте обращаем внимание и на результаты научного творчества А.А. Александрова, соотнесшего понятия «зло» и «преступность» («философия зла» и «философия преступности») (В книге дан философский анализ таких феноменов, как «зло» и «преступность»)[5].

М.А. Гаазом «рассматривается проблематика гностического подхода к правопониманию, предлагаются новые конструкции для интерпретации тех или иных терминов и понятий в свете гностического правопонимания, а также демонстрируются преимущества гносеологического правопонимания перед некоторыми существующими в современной российской практике концепциями» («Мы … дали системное изложение гносеологической философии права …»; «В качестве закона следует понимать «официально зафиксированную норму, обеспеченную публичной властью и принятую в соответствии с порядком, установленным этой силой власти в виде других норм»; «… следует дать обобщенное определение праву: «нормативно определенная мера возможности действия», что соответствует позитивному праву, и естественному праву и, в той мере, в какой мы его знаем – божественному праву или изначальному закону»)[6].

Авторами – единомышленниками (Е.А. Антонов и А.Е. Таранова) в учебной публикации «раскрываются основные философско-методологические подходы к понимаю особенностей юридических наук, права, государства и гражданского общества в классическом и постклассическом измерении» («… современная методология исследования права и государства сегодня не является набором готовых средств, позволяющих аподиктивно описывать и объяснять данные феномены, они становятся постоянно переформулируемой задачей научной творческой деятельности по осмыслению многогранности, изменчивости государственно-правовой реальности»)[7].

В этом же контексте необходимо рассматривать и иные аналогичные результаты научного творчества.

Так, В.И. Червонюк «современную философию права» предлагает называть «рефлексирующим учением права»[8].

В.Н. Жуков не только представил два абстрактных определения понятия «философия права» («Философия прав – это способ познания, направленный на выявление предельных оснований политико-правового бытия, его смысла и выступающий в форме рационализации ценностных установок»; «Философия права – это сумма представлений о предельных основаниях политико-правового бытия, его смысле, выступающих в форме рационализации ценностных установок»), но и определил предмет философии права («1) предельные основания государства и права (политико-правовые события); 2) смысл государства и права; 3) ценностные свойства государства и права; 4) методология познания государства и права»)[9].

П.Д. Баренбойм обосновал несколько суждений: «Философия права имеет свою специфику и обособленность от любой другой философии, скажем, философии политики или политической философии»; «Обособленность философии права неудобна для большинства юристов, склонных отождествлять ее с юриспруденцией в широком смысле этого слова или с теорией государства и права и историей политических учений. Это можно объяснить нежеланием углубляться в философию права и преодолевать традиционное догматическое юридическое мышление. Кроме того, политическая философия, практически сливаясь с политической идеологией, может отталкивать некоторых юристов от анализа философских проблем»; «… философия права (современная и древняя) рассматривает вопросы соотношения действующих норм права (и их подготовленных проектов) с точки зрения соотношения с высшими нормами общечеловеческой морали, а также помогает найти нечто наиболее значительное и схожее в различных «национальных» законах и правовых системах»[10].

Г.Д. Лихачев предложил «концептуальную структуру философии права»: «Поднимая вопрос о построении концептуальной структуры философии права, обратим прежде всего внимание на основания и принципы построения концептуально-понятийной системы»; «Философия права - целостная многоуровневая система, звенья которой находятся в состоянии иерархической соподчиненности, которые не могут быть представлены как концептуально обособленные»; «Мы полагаем, что можно выделить три направления формирования категориальной структуры: философию как теорию всеобщего, ассимилирование понятийных структур сферы отраслевой юриспруденции и, наконец, оформление системы принципиально новых для предметной области философии права категорий»[11].

Т.А. Кузнецова утверждает следующее: «Решение проблемы концептуального статуса философии права в целостной парадигме философии культуры невозможно вне уяснения границ предметного поля философии культуры»; «В предметной сфере философии права может

[1] Горбань В.С. Понятие, теория и проблемы формирования общей концепции эффективности законодательства: Монография. М.: Юриспруденция, 2009. С. 9-41, 63.
[2] Бочкарев С.А. Теоретико-методологическое исследование уголовного права как системы научного знания: Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2020.
[3] См.: Бочкарев С.А. Философия уголовного права (постановка вопроса): Монография. М.: Норма, 2019. С. 387.
[4] См. об этом, например: Бочкарев С.А. Гносеология уголовного права (постановка вопроса) // Государство и право 2020. № 9. С. 33-40; он же: Историософия права: все движется или нечто остается неизменным? // Государство и право. 2024. № 12. С. 24-35.
[5] Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). 2-е изд., перераб. и доп.: Монография. С.-Пб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2020. С. 2, 459-462.
[6] Гааз М.А. Гностическая философия права: Монография. М.: РУДН, 2021. С. 2, 465-470.
[7] См.: Антонов Е.А., Таранова А.Е. Философия права и государства: Учебник. Белгород: Белгородский юридический институт МВД РФ, 2023. С. 2, 198-201.
[8] Червонюк В.И. Теория государства и права: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 36.
[9] Жуков В.Н. Философия права: Учебник для студентов вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. С. 22-26.
[10] Баренбойм П.Д. Библейское начало философии права // Законодательство и экономика. 2012. N 2. С. 9 - 17.
[11] Лихачев Г.Д. Концептуальная структура философии права // История государства и права. 2007. № 14.

быть выделено три предметных блока: правовая онтология, правовая аксиология, правовая гносеология»[1].

И.А. Суслиной «проводится философско-правовой анализ понятий «право», «государство», «власть» и «принуждение» («… с исторической и функциональной точки зрения, право первично по отношению к государству. С другой стороны, без права государство не может реализовать свои управленческие и организационные функции. Право воздействует на политику государства при его взаимоотношениях с народом, определяет границы его внутренней политики, является средством осуществления его внешней политики, является главным регулятором отношений между ветвями власти»)[2].

Отметился оригинальностью Х.И. Гаджиев: «Философия судебного права – составная часть юридической мысли»; «Судебную философию можно определить и как систему взглядов относительно того, как судьи должны интерпретировать конституционные принципы в зависимости от убеждения судей и понимания ими роли судов в политической системе государства …»[3].

Словосочетание «философия права» использовано и в нормативных правовых актах, в особенности, в подзаконных нормативных правовых актах[4].

Относительно же философии, причем без ее многоликости, отсылаем читателя к публикациям Г.П. Щедровицкого[5] и А.Г. Спиркина[6].

Таким образом, исследования относительно многоликости философии в Российской Федерации необходимо продолжать.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, неопределенность категории «философия» ныне проявляется в многоликости, позволяющей категорию «философия» присовокуплять к иным категориям (в частности, философия науки, философия образования, философия политики, философия права, философия религии, философия традиции).

В-вторых, перечень форм («ликов») философии столь обширен, что не поддается систематизации.

В-третьих, предназначение философии как науки состоит в выработке методов познания, которые используются в иных отраслях науки, в том числе и в юридической науке.

В-четвертых, отождествление юридической науки и права не допустимо.

В-пятых, отраслевой подход к праву не допустим (в частности, международное право, государственное право, конституционное право).

В-шестых, право необходимо рассматривать исключительно в качестве регулятора общественных отношений.

В-седьмых, в качестве иных регуляторов общественных отношений необходимо рассматривать: политику, религию, традицию.

В-восьмых, неопределенность категории «философия» позволяет многим представителям науки, в первую очередь представителям юридической науки, фактически изобретать околонаучные направления и добиваться искомых результатов посредством присуждения ученых степеней и присвоения научных званий.

Список литературы

1) Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). 2-е изд., перераб. и доп.: Монография. С.-Пб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2020. С. 2, 459-462.
2) Антонов Е.А., Таранова А.Е. Философия права и государства: Учебник. Белгород: Белгородский юридический институт МВД РФ, 2023. С. 2, 198-201.
3) Баренбойм П.Д. Библейское начало философии права // Законодательство и экономика. 2012. № 2. С. 9 - 17.
4) Большая Российская энциклопедия. В 35 т. Том 33 / Отв. ред. С.Л. Кравец. М.: Большая Российская энциклопедия, 2017. С. 366-369.
5) Бочкарев С.А. Теоретико-методологическое исследование уголовного права как системы научного знания: Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2020.
6) Бочкарев С.А. Философия уголовного права (постановка во-проса): Монография. М.: Норма, 2019. С. 387.
7) Бочкарев С.А. Гносеология уголовного права (постановка вопроса) // Государство и право 2020. № 9. С. 33-40.
8) Бочкарев С.А. Историософия права: все движется или нечто остается неизменным? // Государство и право. 2024. № 12. С. 24-35.
9) Гааз М.А. Гностическая философия права: Монография. М.: РУДН, 2021. С. 2, 465-470.
1) Гаджиев Х.И. Философия судебного права: Монография. М.: Норма, 2024. С. 2, 45.
10) Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123.
11) Галузо В.Н. О допустимости использования метода экстраполяции при осуществлении историко-правовых исследований в Российской Федерации // Право и жизнь. 2015. № 8. С. 155-181.
12) Галузо В.Н. О роли экстраполяции при осуществлении историко-правовых исследований в Российской Федерации / Исторический материа-лизм и диалектика в теоретико-правовых и историко-правовых исследова-ниях: Сборник статей IV международной научной конференции, посвященной памяти профессора В.М. Курицына / Ред. А.И. Клименко, А.Ю. Гарашко. М.: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2020. С. 106-111; Международный журнал конституционного и государственного права. 2020. № 1. С. 33-36; Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2020. № 3. С. 13-16.
13) Горбань В.С. Правовое учение Иеринга и его интерпретации: Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2019.
14) Горбань В.С. Правовое учение Иеринга и его интерпретации: Монография. М.: Университетская книга, 2018. С. 351.
15) Горбань В.С. Понятие, теория и проблемы формирования общей концепции эффективности законодательства: Монография. М.: Юриспруденция, 2009. С. 9-41, 63.
16) Горбань В. С. «Чистые» учения о праве: их многообразие в истории правовой мысли и влияние на характер современной юридической науки» // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 12. С. 68-84.
17) Горбань В.С. Историографические модели реконструкции политических и правовых учений // Государство и право. 2024. № 11. С. 7–22.
18) Горбань В.С., Груздев В.С. О разнообразии «чистых» учений о праве // Право и политика. 2022. № 11. С. 32-43.
19) Горбань В.С., Груздев В.С. Типы развития философии права // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11(227). С. 8-10.
20) Горький М. Собрание сочинений. В тридцати томах. Том 27. Статьи, доклады, приветствия. 1933-1936. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 108.
21) Кузнецова Т.А. Концептуальный статус философии права // Юридическое образование и наука. 2006. № 2.
22) Лихачев Г.Д. Концептуальная структура философии права // История государства и права. 2007. № 14.
23) Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ИТИ Технологии, 2005. С. 360.

[1] Кузнецова Т.А. Концептуальный статус философии права // Юридическое образование и наука. 2006. № 2.
[2] Суслина И.А. Философско-правовой анализ соотношения понятий "право", "государство", "власть" и "принуждение" // История государства и права. 2014. № 6. С. 3 - 5.
[3] Гаджиев Х.И. Философия судебного права: Монография. М.: Норма, 2024. С. 2, 45.
[4] См. об этом, например: О государственной аккредитации образовательной деятельности Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института государства и права Российской академии наук: Приказ Рособрнадзора № 1607 от 16.09.2016 // В официальных источниках не опубликован.
[5] Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М.: Шк. Культ. Политики, 1997.
[6] Спиркин А.Г. Философия: Учебник. М.: Гардарика, 1998; он же: Философия: Учебник. 2-е изд. М.: Гардарики, 2009.

24) Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. С.-Пб.: Норинт, 2004. С. 353.
25) Суслина И.А. Философско-правовой анализ соотношения понятий «право», «государство», «власть» и «принуждение» // История государства и права. 2014. № 6. С. 3-5.

References

1) Alexandrov A.I. Philosophy of evil and philosophy of crime (philosophy of law, criminal policy and criminal procedure). 2nd ed., revised and additional: Monograph. St. Petersburg University Publishing House, 2020. pp. 2, 459-462.
2) Antonov E.A., Taranova A.E. Philosophy of Law and the state: Textbook. Belgorod: Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. Pp. 2, 198-201.
3) Barenboim P.D. The Biblical Origins of Legal Philosophy // Legislation and Economics. 2012. No. 2. Pp. 9 - 17.
4) Great Russian Encyclopedia. In 35 volumes. Volume 33 / Edited by S.L. Kravets. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 2017. Pp. 366-369.
5) Bochkarev S.A. Theoretical and Methodological Research of Criminal Law as a System of Scientific Knowledge: Abstract of Dissertation ... Doctor of Law. Law. Sciences. Moscow, 2020.
6) Bochkarev S.A. Philosophy of Criminal Law (the formulation of the question): Monograph. M.: Norma, 2019. P. 387.
7) Bochkarev, S.A. The Epistemology of Criminal Law (the Problem Statement) // State and Law. 2020. No. 9. Pp. 33-40.
8) Bochkarev S.A. Historiosophy of Law: Is Everything Moving or Is Something Remaining Unchanged? // State and Law. 2024. No. 12. Pp. 24-35.
9) Gaaz M.A. Gnostic Philosophy of Law: Monograph. M.: RUDN, 2021. P. 2, 465-470.
10) Galuzo V.N. Constitutional and Legal Status of Russia: The Problem of Naming the State // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 5. Pp. 119-123.
11) Galuzo V.N. On the Admissibility of Using the Method of Extrapolation in Historical and Legal Research in the Russian Federation // Law and Life. 2015. No. 8. Pp. 155-181.
12) Galuzo V.N. On the role of extrapolation in the implementation of historical and legal research in the Russian Federation / Historical material and dialectics in theoretical and legal and historical and legal research: Collection of articles of the IV International Scientific Conference dedicated to the memory of Professor V.M. Kuritsyn / Ed. by A.I. Klimenko, A.Y. Garashko, Moscow: V.Ya. Kikocha Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020. pp. 106-111.
13) Gorban V.S. The legal doctrine of Iering and its interpretations: Abstract of the dissertation... doct. jur. sciences. M., 2019.
14) Gorban V.S. Iering's Legal Doctrine and Its Interpretations: Monograph. M.: University Book, 2018. P. 351.
15) Gorban V.S. The Concept, Theory, and Problems of Forming a General Concept of Legislation's Effectiveness: Monograph. M.: Jurisprudence, 2009. Pp. 9-41, 63.
16) Gorban V. S. "Pure" Doctrines of Law: Their Diversity in the History of Legal Thought and Their Influence on the Nature of Modern Legal Science // Journal of Russian Law. 2023. Vol. 27. No. 12. Pp. 68-84.
17) Gorban V.S. Historiographical Models of the Reconstruction of Political and Legal Doctrines // State and Law. 2024. No. 11. Pp. 7–22.
18) Gorban V.S., Gruzdev V.S. On the Diversity of «Pure» Doctrines of Law // Law and Politics. 2022. No. 11. Pp. 32-43.
19) Gorban V.S., Gruzdev V.S. Types of Development of Legal Philosophy // Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 11(227). Pp. 8-10.
20) Gorky, M. Collected Works. In thirty volumes. Volume 27. Articles, Reports, and Greetings. 1933-1936. Moscow: State Publishing House of Fiction, 1953, p. 108.
21) Kuznetsova, T.A. The Conceptual Status of Legal Philosophy // Legal Education and Science. 2006. No. 2.
22) Likhachev, G.D. Conceptual Structure of the Philosophy of Law // History of State and Law. 2007. No. 14.
23) Ozhegov, S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language. 4th ed., add. M.: ITI Technologies, 2005. P. 360.
24) Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language / Ed. by S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint, 2004. P. 353.
25) Suslina, I.A. Philosophical and Legal Analysis of the Relationship between the Concepts of «Law», «State», «Power», and «Coercion» // History of State and Law. 2014. No. 6. Pp. 3-5.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_595

УДК 34

ПОЗИЦИЯ РОССИИ В ООН В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ПРИНЦИПА СУВЕРЕНИТЕТА И ИДЕИ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА
RUSSIA'S POSITION AT THE UN IN THE CONTEXT OF PROTECTION THE PRINCIPLE OF SOVEREIGNTY AND THE IDEA OF A MULTIPOLAR WORLD

ДАШИН Алексей Викторович
доктор юридических наук, профессор кафедры
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева.
350020, Россия, г. Краснодар, ул. Красных Партизан, 234.
E-mail: avdashin@mail.ru

КЛЕЦИНА Анастасия Викторовна
Студент Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева.
350020, Россия, г. Краснодар, ул. Красных Партизан, 234.
E-mail: proff-mast@mail.ru

DASHIN Alexey Viktorovich
Doctor of Law, Professor of the Department North Caucasus branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev.
234 Krasnykh Partizan str., Krasnodar, 350020, Russia.
E-mail: avdashin@mail.ru

KLETSINA Anastasia Viktorovna
Student North Caucasus branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev.
234 Krasnykh Partizan str., Krasnodar, 350020, Russia.
E-mail: proff-mast@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье анализируется внешняя политика России в рамках Организации Объединённых Наций, с особым акцентом на защиту принципа суверенитета государств и продвижение идеи многополярного мира. Рассматривается, как Россия использует платформу ООН для отстаивания своего подхода к международным отношениям, в частности в контексте противостояния западному доминированию в глобальной политике. Оценка позиций России в ходе ключевых резолюций и дебатов, а также её дипломатических усилий направленных на укрепление независимости государств и содействие многосторонним инициативам. Статья рассматривает важные аспекты взаимодействия России с различными регионами и международными акторами в рамках ООН, а также её стратегию в поддержке принципа суверенитета и утверждения многополярного миропорядка в условиях изменяющегося глобального ландшафта.*

Abstract: *The article analyzes Russia's foreign policy within the framework of the United Nations, with a particular focus on defending the principle of state sovereignty and promoting the idea of a multipolar world. It examines how Russia uses the UN platform to advocate its approach to international relations, particularly in the context of countering Western dominance in global politics. The article assesses Russia's positions in key resolutions and debates, as well as its diplomatic efforts aimed at strengthening the independence of states and promoting multilateral initiatives. The article examines important aspects of Russia's interaction with various regions and international actors within the framework of the United Nations, as well as its strategy in supporting the principle of sovereignty and promoting a multipolar world order in a changing global landscape.*

Ключевые слова: *Россия, ООН, Суверенитет, Многополярный мир, Международные отношения, Внешняя политика, Глобальная безопасность, Защита суверенитета, Глобальная стабилизация, Международное право.*

Keywords: *Russia, UN, Sovereignty, Multipolar World, International Relations, Foreign Policy, Global Security, Sovereignty Protection, Global Stabilization, International Law.*

Для цитирования: *Дашин А.В., Клецина А.В. Позиция России в ООН в контексте защиты принципа суверенитета и идеи многополярного мира // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 595-598. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_595.*

For citation*: Dashin A.V., Kletsina A.V. Russia's position at the UN in the context of defending the principle of sovereignty and the idea of a multipolar world // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 595-598. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_595.*

Статья поступила в редакцию: 24.10.2025
Дата публикации: 30.01.2026

В условиях стремительных изменений мировой политической системы и усиления глобальных противоречий тема позиции России в Организации Объединённых Наций приобретает особую актуальность. Современный международный порядок переживает глубокую трансформацию, вызванную кризисом однополярной модели, ростом числа региональных центров силы и обострением борьбы за интерпретацию базовых принципов международного права - прежде всего, принципа государственного суверенитета, невмешательства во внутренние дела и равноправия государств. Россия традиционно рассматривает ООН как центральный элемент системы международных отношений, основанной на признании верховенства международного права и уважения к суверенитету государств. В последние годы позиция России в ООН стала особенно значимой, поскольку именно через эту площадку реализуется её стремление противостоять тенденциям одностороннего диктата, санкционного давления и вмешательства во внутренние дела независимых стран. Таким образом, анализ политики России в рамках ООН позволяет выявить не только особенности её внешнеполитического курса, но и более широкие закономерности формирования многополярного мирового порядка. Обращение к теме позиции России в ООН в контексте защиты принципов суверенитета и идеи многополярного мира позволяет всесторонне осмыслить современные международно-политические процессы, выявить тенденции формирования нового миропорядка и определить место России в системе международных отношений XXI века.

Принцип государственного суверенитета занимает центральное место в международном праве и служит основой современной системы международных отношений. Он отражает юридически закреплённую независимость, равноправие и самоуправление государств как полноправных участников мирового сообщества. Содержание суверенитета заключается в верховенстве государственной власти внутри страны и её независимости во внешней политике [1]. Это означает право государства самостоятельно определять своё внутреннее устройство, проводить внутреннюю и внешнюю политику, вступать в международные отношения и не допускать вмешательства извне в свои внутренние дела. На международном уровне дан-

ный принцип закреплён в Уставе ООН (1945 г.), где, в частности, статья 2 провозглашает суверенное равенство всех государств, запрет на вмешательство во внутренние дела и воздержание от угрозы силой или её применения: «Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее членов» против территориальной целостности и политической независимости других стран [2]. Эти положения определяют юридические и моральные рамки поведения государств на международной арене. Принцип суверенитета тесно связан с другими фундаментальными нормами международного права, закреплёнными в Декларации о принципах международного права 1970 года, такими как нерушимость границ, территориальная целостность, невмешательство и право народов на самоопределение [3]. Все они обеспечивают стабильность международного порядка и взаимное уважение государств. В современных условиях глобализации и растущей взаимозависимости суверенитет приобретает новое звучание.

Идея многополярности возникла как реакция на формирование однополярной модели мира, сложившейся после окончания «холодной войны» и распада СССР в начале 1990-х годов. В этот период Соединённые Штаты Америки фактически стали единственным глобальным центром силы, определявшим основные направления мировой политики, экономики и безопасности. Однополярная система предполагала доминирование одного государства, обладающего возможностью влиять на международные процессы в соответствии со своими интересами, что нередко приводило к нарушению принципов суверенитета, невмешательства и равноправия государств. В противовес этому, концепция многополярного мира утверждает необходимость существования нескольких независимых полюсов влияния — таких как Россия, Китай, Индия, Евросоюз, а также ведущие региональные державы Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки и Африки.

Главное отличие многополярной модели от однополярной заключается в распределении власти и ответственности в международной системе [4]. Если однополярный мир основан на доминировании одного центра силы, то многополярный — на плюрализме, коллективных решениях и признании многообразия цивилизаций. Такая модель позволяет укрепить роль международных институтов, прежде всего ООН, обеспечить большую предсказуемость международных отношений и снизить риск глобальных конфликтов. Таким образом, концепция многополярного мира отражает стремление к более справедливому, равноправному и устойчивому международному порядку, где взаимодействие государств строится на принципах баланса интересов, взаимного уважения и сотрудничества, а не на политическом и военном превосходстве отдельных держав.

Россия как постоянный член Совета Безопасности (СБ ООН) и активный участник Генеральной Ассамблеи (ГА ООН) [5] реализует внешнеполитическую линию, в которой особое значение придаётся защите принципов государственного суверенитета, невмешательства во внутренние дела государств и равноправия государств в международных отношениях. Эта линия коррелирует с провозглашением идеи многополярного мира, где Россия стремится быть одним из влиятельных центров силы, ориентируясь на взаимодействие с другими странами вне исключительно западных блоков. В контексте ООН это проявляется как: активное использование права вето в Совете Безопасности с целью блокирования решений, которые, нарушают суверенитет государств или ведут к вмешательству. в Генеральной Ассамблее — выдвижение и поддержка резолюций, деклараций и инициатив, в которых акцент делается на равноправии государств, невмешательстве и реформировании международной системы управления, в том числе ООН, как реакция на доминирование западных стран. Параллельно — поиск и развитие сотрудничества с так называемыми странами глобального Юга, с членами БРИКС, ШОС, с целью получения поддержки или формирования «альтернативного» подхода к международной политике и международному праву.

С 2014 года Россия сталкивается с многочисленными резолюциями и процедурами в рамках ООН, в которых темы суверенитета Украины, её территориальной целостности, права на самоопределение и невмешательства находятся в центре. Россия, выступая в Совете Безопасности ООН и Генеральной Ассамблее ООН, формулирует собственную позицию, которую можно описать как акцент на: признании права государств на самостоятельный выбор своего внешнеполитического курса и союзов; критике односторонних санкций и вмешательств, налагаемых, в большинстве своем, странами Западного мира, как нарушающих принцип невмешательства; стремлении к переосмыслению международной системы, где интересы государств-«незапада» имели бы большую защиту.

В Совете Безопасности Россия использовала статус постоянного члена с правом вето, чтобы блокировать резолюции, которые могли прямо назвать Россию агрессором или потребовать её действий. Так, например: по данным ООН, Россия применяла вето в СБ ООН против проектов резолюций, касающихся её агрессии против Украины. Украина заявляла, что «поведение Российской Федерации в Совете Безопасности после её агрессии против Украины является самым ярким примером того, как вредно может быть злоупотребление правом вето». Таким образом Россия фактически блокирует механизм СБ ООН, который мог бы принудительно применить меры против неё или вынудить её к определённым шагам - что отражает её подход к суверенитету и равноправию: она не готова к решению, которое ставит её в положение субъекта принуждения.

В Генеральной Ассамблее [6] наблюдаются значительные резолюции по Украине, многие из которых осуждают Российскую Федерацию за нарушение суверенитета и территориальной целостности Украины: Резолюция от 2 марта 2022 года (ES-11/1) Резолюция от 12 октября 2022 года (GA/12458) поддержала территориальную целостность Украины и потребовала от России обратить свои решения об аннексии четырёх областей. Россия также подверглась санкции: например, в апреле 2022 года ГА ООН проголосовала за приостановку её членства в Совете по правам человека. В ответ Россия подчёркивает, что подобные резолюции не учитывают её аргументов о законности присоединения Крыма, о защите русскоязычного населения, а также о том, что расширение НАТО и западного влияния на Украину якобы нарушает баланс безопасности.

С позиции России два основных принципа выступают ключевыми: Принцип государственного суверенитета и невмешательства: Россия утверждает, что суверенные государства имеют право определять свой путь без внешнего принуждения. Идея многополярного мирового порядка заключается в том, что Россия интерпретирует резолюции Запада как инструмент однополярного доминирования. Россия склонна видеть в голосованиях ГА ООН и СБ ООН попытку сохранить западноцентричную модель, и через свои действия и риторику пытается продвижение альтернативной модели.

Россия сохраняет влияние через Совет Безопасности, где её вето даёт ей реальное блокирующее право. В Генассамблее её поддержка ограничена — большинство государств могут быть несогласны с таким решением. Это показывает, что её модель сотрудничества с ГА ООН менее успешна, чем в СБ.

Вопросы Сирии стали для России важным международным проектом, в котором она активно участвует в рамках ООН — как в СБ, так и в ГА. Основные моменты состоят в том, что государственный суверенитет и территориальная целостность Сирии должны быть неприкосновенны, что значит, противодействие внешней военной интервенции или попыткам смены режима без согласия Дамаска. В этом контексте Россия выступает за то, чтобы любые международные действия были одобрены самим сирийским правительством и проводились с уважением к его роли, а не через одностороннее вмешательство. Россия активно использует своё право вето в СБ ООН для блокирования резолюций. В феврале 2012 года Россия и Китай наложили вето на проект резолюции СБ ООН по Сирии, требовавшей от президента Башар Асад отставки. 11 июля 2023 года Россия наложила вето на проект резолюции, который предусматривал 9-месячное продление механизма доставки гуманитарной помощи через турецкую границу в северо-западную Сирию; 13 членов СБ проголосовали «за», Китай воздержался, Россия наложила вето. В заседании ГА ООН 19 июля 2023 года были жёсткие выступления в адрес России, что её вето «ставит между едой и медициной для более чем 4 млн людей на северо-западе Сирии».

Россия заявляет, что такие гуманитарные решения должны учитывать суверенные права Сирии: «Доставка помощи без согласия правительства подрывает суверенитет», — аргументируется официально.

Россия в данном случае придерживается следующей риторики: Вмешательство во внутренние дела Сирии без согласия её правительства нарушает принцип невмешательства и суверенитета. ООН и СБ ООН не должны становиться инструментом внешнего давления или смены режима, особенно если такие действия проводятся под доминантой западных стран. Вместо этого Россия поддерживает решения с акцентом на политический процесс под руководством сирийцев и с учётом их согласия.

Россия в отношении Сирии демонстрирует наиболее последовательную реализацию своей модели: акцент на суверенитете, невмешательстве, критике западных инициатив вмешательства. В той же мере она участвует в блокирующих действиях в СБ, что усиливает критику по части двойных стандартов и использования механизмов ООН для своих интересов. Россия активно критикует существующую архитектуру международного управления, в частности механизм СБ ООН и систему, в которой «могут доминировать западные страны». Пять постоянных членов СБ ООН (в том числе Россия) имеют право вето, что зачастую используется, по мнению России и её союзников, для продвижения западных интересов и поддержки однополярной ориентации мирового порядка. Россия выступает за усиление роли развивающихся стран и равноправного участия государств Глобального Юга, БРИКС и ШОС, в том числе — в управлении миром и международными институтами. В речах и документах подчёркивается, что без реформ СБ ООН, расширения его членов, ограничения или реформы права вето, система ООН будет терять легитимность, особенно для стран, не входящих в старую «западную» группу. Российская дипломатия активно строит и использует партнёрства с такими блоками, как БРИКС и ШОС, чтобы продвигать идеи многополярного мира и представлять себя как альтернативу западноцентричной модели [7]. В контексте ООН это проявляется так: Россия ищет поддержку среди стран Азии, Африки, Латинской Америки, которые часто воздерживаются или не голосуют в унисон с Западом по резолюциям, критикующим Россию. Это даёт некоторую политическую «запасную» поддержку в «общем голосе». Такая поддержка используется как подтверждение, что российский подход к международному порядку имеет глобальную основу, а не является просто «антизападной». Например, в голосованиях по резолюциям по Украине часть стран Глобального Юга воздерживалась, что помогает разбавить западную оппозицию России. Россия поддерживает следующие направления реформирования ООН: Расширение состава СБ ООН, как по постоянным, так и по непостоянным членам, чтобы в Совете были представлены новые центры силы. Пересмотр механизма права вето: Россия официально не заявляет ликвидацию права вето, но указывает, что его применение постоянно критикуется, и что должно быть больше прозрачности и ответственности для постоянных членов. Усиление роли ГА ООН и других органов ООН для выработки решений, что отражает идею «большего участия» всех государств, а не только «клана постоянных членов». Более широкое признание региональных организаций, многосторонних форматов (как например БРИКС, ШОС) и средств коллективной безопасности, не полностью через западные институты [8].

Россия и её сторонники критикуют, что, после распада СССР и окончания «холодной войны» сложилась однополярная система с доминированием Запада (в первую очередь США), что отчасти реализовалось через институты ООН, международные санкции, вмешательства под видом защиты прав человека, а также в других формах, В такой системе решения принимаются неравномерно и с учётом интересов западных государств, что подрывает равноправие государств и принципы Устава ООН. Для России важно представить себя как защитника «других» или «вне-западных» стран, которые выступают за многополярность, баланс сил и более справедливую систему.

Поддержка стран Глобального Юга, участие России в форматах БРИКС/ШОС, а также стремления по реформе ООН — всё это взаимосвязано с её позицией в ООН по Украине и Сирии. Россия пытается сочетать практическое участие (в СБ, используя право вето) с идеологией многополярности [9] и реформирования международной архитектуры. Однако её успех ограничен: по многим ключевым резолюциям в ГА ООН её поддержка остаётся слабой, а критика доминирования продолжается. Позиция России в ООН формируется вокруг трёх взаимосвязанных направлений: защита суверенитета и невмешательства, продвижение идеи многополярности и реформирование международных институтов, поиск поддержки среди стран Глобального Юга и альянсов (БРИКС/ШОС). Россия стремится поменять международную архитектуру, и её позиции в ООН — элемент этой стратегии. Её критика западной доминации и предложение альтернативной модели многополярного мира находят частичное отражение, но сталкиваются с ограничениями: часть государств (особенно западные) не разделяют её подходов.

Принцип государственного суверенитета занимает центральное место во внешнеполитической доктрине Российской Федерации и является ключевой основой её позиции в Организации Объединённых Наций. ООН рассматривается Россией как главная международная площад-

ка для защиты и утверждения этого принципа, а также как инструмент противодействия практике односторонних действий и вмешательства во внутренние дела государств, что характерно для западноцентричной модели международных отношений. В Концепции внешней политики Российской Федерации (в редакциях 2016 и 2023 гг.) прямо указывается, что Россия отстаивает «укрепление центральной роли ООН и её Устава в международных делах, основанных на суверенном равенстве государств, невмешательстве во внутренние дела и недопустимости применения силы». Россия последовательно подчёркивает, что суверенитет — это не только внутреннее качество государства, но и международно-правовой принцип, гарантирующий равноправие всех членов мирового сообщества, независимо от их военной, экономической или политической мощи.

На сессиях Генеральной Ассамблеи и заседаниях Совета Безопасности Россия регулярно заявляет о недопустимости вмешательства во внутренние дела других государств под любыми предлогами — включая гуманитарные интервенции, «экспорт демократии» и односторонние санкции. В своих выступлениях российские дипломаты, в частности постоянный представитель РФ при ООН, подчёркивают, что практика навязывания внешних политических моделей нарушает суверенитет и подрывает международную стабильность [10]. Так, в ежегодных выступлениях на Генеральной Ассамблее ООН российские лидеры (включая В. Путина и С. Лаврова) подчёркивают: уважение суверенитета — ключевое условие мирного сосуществования государств; международное право должно опираться на Устав ООН, а не на «правила», продвигаемые отдельными коалициями; суверенитет — это защита культурного и цивилизационного многообразия мира.

На уровне Совета Безопасности Россия активно использует право вето для блокирования резолюций, которые ведут к нарушению суверенитета государств. В контексте Сирии Россия неоднократно блокировала резолюции, направленные на санкционирование внешнего вмешательства или смену режима без согласия сирийского правительства. Это рассматривалось как защита принципа невмешательства и суверенитета Сирии. Ливия (2011) и Югославия (1999) в ретроспективе часто упоминаются Россией как примеры нарушений принципа суверенитета со стороны Запада, когда военные операции проводились без санкции СБ ООН. В случае с Украиной Россия, применяя вето, блокирует резолюции, обвиняющие её в агрессии, обосновывая это тем, что ООН не должна использоваться для политического давления и вмешательства во внутренние дела государств.

Таким образом, механизм вето служит инструментом не только защиты собственных интересов России, но и продвижения её концепции международного суверенитета — как противовеса однополярным тенденциям. Россия последовательно выступает против односторонних санкций, не утверждённых Советом Безопасности, считая их нарушением суверенитета. В заявлениях российских представителей в ГА ООН и СБ ООН неоднократно подчёркивалось, что санкции, введённые без одобрения ООН, противоречат международному праву и подрывают равноправие государств. Кроме того, Россия критикует концепцию «ответственности по защите», принятую рядом западных стран как оправдание внешнего вмешательства. Российская позиция заключается в том, что даже гуманитарные цели не могут служить оправданием нарушения суверенитета государств, если на это нет мандата Совета Безопасности.

Россия продвигает идею, что суверенитет должен рассматриваться не как препятствие, а как гарантия устойчивого миропорядка. В противовес западной концепции «интервенции во имя прав человека», Россия выдвигает тезис о необходимости уважения культурного и цивилизационного разнообразия — то есть права каждого государства самостоятельно решать, какие политические и правовые формы соответствуют его традициям и интересам.

Такое понимание суверенитета используется Россией как элемент нормативной дипломатии, направленной на формирование альтернативных международных норм и ценностей, противопоставленных универсализму Запада. Россия продвигает идею государственного суверенитета в ООН через совокупность дипломатических, правовых и идеологических инструментов: использование трибун ООН для публичного утверждения принципов невмешательства и равноправия; применение права вето для защиты государственности партнёров (Сирия) и собственных интересов (Украина); критику односторонних санкций и вмешательств без санкции СБ ООН; продвижение реформы ООН и укрепление роли развивающихся стран; формирование альтернативной идеологической платформы, основанной на многополярности и цивилизационном суверенитете. В результате Россия стремится утвердить в рамках ООН модель международного порядка, где ключевым критерием легитимности является уважение суверенитета, а не политическая или идеологическая ориентация государства.

Список литературы:

1. Симоненко Ю. А. Принципы международного права: учебное пособие. – Санкт-Петербург: СПбГУ.
2. «Устав Организации Объединённых Наций: принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г. // СПС КонсультантПлюс. — URL: consultant.ru (дата обращения: 23.10.2025)».
3. Всеобщая декларация прав человека (принята третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1995.
4. Лавров С. В. Устав ООН как правовая основа многополярного мира // Global Affairs. – 2025. – 4 февр.
5. Выступление делегации Российской Федерации на Генеральных дебатах 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. – Нью-Йорк, 2024.
6. Выступление делегации Российской Федерации на Генеральных дебатах 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. – Нью-Йорк, 2024.
7. Марочкин С. Ю. Суверенитет и наднациональность в современном международном праве. – Москва: Норма.
8. Данилевский И. Н. ООН: история, структура и деятельность. – Москва: Юрайт.
9. Лавров С. В. Устав ООН как правовая основа многополярного мира // Global Affairs. – 2025. – 4 февр.
10. Симоненко Ю. А. Принципы международного права: учебное пособие. – Санкт-Петербург: СПбГУ.

References:

1. Simonenko Yu. A. Principles of international law: a textbook. – St. Petersburg: St. Petersburg State University.
2. "The Charter of the United Nations: adopted in San Francisco on June 26, 1945 // PCA ConsultantPlus. — URL: consultant.ru (date of request: 10/23/2025)".
3. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the third session of the UN General Assembly by resolution 217 A (III) of December 10, 1948) // Rossiyskaya Gazeta. 1995.
4. Lavrov S. V. The UN Charter as the legal basis of a multipolar world // Global Affairs. – 2025. – February 4.
5. Speech of the delegation of the Russian Federation at the General Debate of the 79th Session of the UN General Assembly. - New York, 2024.
6. Speech of the delegation of the Russian Federation at the General Debate of the 79th session of the UN General Assembly. – New York, 2024.
7. Marochkin S. Y. Sovereignty and supranationality in modern international law. – Moscow: Norma.
8. Danilevsky I. N. The UN: history, structure and activity. – Moscow: Yurait.
9. Lavrov S. V. The UN Charter as the legal basis of a multipolar world // Global Affairs. – 2025. – February 4.
10. Simonenko Yu. A. Principles of international law: a textbook. – St. Petersburg: St. Petersburg State University.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_599

УДК 347.1

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ СОДЕРЖАНИЯ И ПРЕДЕЛЫ СУДЕБНОГО УСМОТРЕНИЯ
THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN THE CIVIL LAW OF RUSSIA: PROBLEMS OF CONTENT AND LIMITS OF JUDICIAL DISCRETION

СОСЕЛИЯ Леван Бесарионович,
магистрант, Самарский университет им. Королева, г. Самара, Россия,
443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: levanlevan307@gmail.com
SOSELIIA Levan Besarionovich,
Master's student, Samara National Research University, Samara, Russia,
34 Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russia.
E-mail: levanlevan307@gmail.com

Краткая аннотация. *Статья раскрывает принцип добросовестности, как основополагающую конституционную норму, регулирующую гражданско-правовые отношения. Актуальность исследования обусловлена расширением возможностей судебного усмотрения во время судопроизводства Практикой Верховного Суда, что создает определенные риски необъективности в процессе рассмотрения гражданских споров. Целью данной работы является выявление особенностей практики применения принципа и определения правовых пробелов. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой методы и анализ судебной практики Верховного Суда РФ за 2025 год. Проведенное исследование выявило отсутствие четкой формулировки добросовестности, что в свою очередь создает неопределенные мотивы при вынесении судебных актов. Научная новизна работы заключается в авторской классификации пределов судебного усмотрения, которые влияют на реализацию принципа. Автор приходит к выводу о необходимости закрепления в постановлении Пленума ВС РФ единого определения и классификации добросовестности для минимизации судебных ошибок.*

Abstract. *The article reveals the principle of good faith as a fundamental constitutional norm that regulates civil law relations. The relevance of the study is due to the expansion of judicial discretion by the Supreme Court's practice during legal proceedings, which creates certain risks of bias in the process of resolving civil disputes. The purpose of this work is to identify the specific features of the application of the principle and to identify legal gaps. The methodology is based on formal legal and comparative legal methods, as well as an analysis of the Supreme Court of the Russian Federation's judicial practice for 2025. The conducted research revealed the lack of a clear definition of good faith, which in turn creates uncertain motives for issuing court decisions. The scientific novelty of the work lies in the author's classification of the limits of judicial discretion that affect the implementation of the principle. The author concludes that it is necessary to establish a unified approach in the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.*

Ключевые слова: *добросовестность, судебное усмотрение, злоупотребление правом, гражданское право, Верховный Суд РФ, статья 10 ГК РФ, правовая определенность.*

Keywords: *good faith, judicial discretion, abuse of right, civil law, Supreme Court of the Russian Federation, Article 10 of the Civil Code, legal certainty.*

Для цитирования: *Соселия Л.Б. Принцип добросовестности в гражданском праве России: проблемы содержания и пределы судебного усмотрения // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 599-603. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_599.*

For citation: *Soseliia L.B. The principle of good faith in the civil law of Russia: problems of content and limits of judicial discretion // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 599-603. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_599.*

Статья поступила в редакцию: 20.01.2026

Для регулирования общественного порядка обществу нужны нормы поведения. В гражданско-правовом поле абстрактно принципы устанавливают общепринятые нормы, предписанные Конституцией, где каждая норма взаимосвязана между собой. Цепь данных норм формируют государственный строй, однако, четкого понятия самого термина «принцип» в законодательстве не встретить. Принципы права раскрываются лишь в научной литературе, и косвенно затрагиваются в Федеральных законах.

Федеральный закон (далее ФЗ), устанавливающий правовой регламент деятельности судей, **Закон РФ от 26.06.1992 N 3132-1 (ред. от 28.12.2025) "О статусе судей в Российской Федерации"**, определяет права и обязанности и может теоретически рассматриваться, как источник содержания принципов [1]:

1. принцип независимости судей (ст. 1): «Судьи закрепляют за собой право нейтралитета во время участия в судебных процессах, они независимы и подчиняются исключительно Конституции Российской Федерации и закону, и неподотчетны в своей деятельности вершения правосудия». Это означает, что судья при рассмотрении дела не должен испытывать давление со стороны других ветвей власти или общественности, таким образом, в гражданском праве это трансформируется в принцип объективности и беспристрастности суда.

2. Принцип обязательности исполнения судебных актов (ст. 1, п. 6):

«Судебные акты, принятые судьей при осуществлении им полномочий обязательны к исполнению для всех государственных органов, общественных объединений, должностных лиц, а также гражданских лиц».

Таким образом достигается эффективность в гражданском судопроизводстве, ведь данный принцип выступает гарантом исполнения судебного решения.

3. Принцип добросовестного правосудия (ст. 3, п. 2):

«Судья, исполняя возложенные на него полномочия, включая неуставные отношения должен избегать всего, что могло бы негативно повлиять на его авторитет представителя судебной власти, достоинство или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспри-

страстности».

Данный контекст является прямым закреплением принципа добросовестности и этичности поведения судьи, который выходит за пределы служебных обязанностей и распространяется на частную жизнь. В гражданском процессе это означает, что судья обязан заявить самоотвод при малейшем сомнении в своей беспристрастности (например, если он знаком со стороной спора).

То есть ФЗ от 26.06.1992 N 3132-1 (ред. от 28.12.2025) "О статусе судей в Российской Федерации" устанавливая требования к независимости, беспристрастности и объективности судьи, фактически закрепляет процессуальную модель добросовестности, ведь без соблюдения этих требований применение принципа добросовестности (ст. 1, п. 3 ГК РФ) к участникам гражданского оборота теряет законность, так как суд перестает быть нейтральной инстанцией.

Если подойти к данному вопросу со стороны правового порядка ведения гражданского судопроизводства, глава 15 Гражданско- правового кодекса Российской Федерации (далее ГПК РФ) предписывает алгоритм ведения судебного процесса, и нормы поведения для его участников. В виду этого, дальнейшее изучение данного вопроса будет опираться лишь на прагматический (прикладной) метод, исходя из того, что именно такой подход в наибольшей степени позволит раскрыть значимость принципов гражданско-правовых отношений.

Целью исследования является установления законодательной обоснованности понятия «добросовестности».

Для достижения цели необходимо ответить на ряд вопросов:

1. Как придерживается данный принцип в судебной практике за 2025 год?
2. Какие признаки добросовестности при рассмотрении гражданских дел можно выделить?
3. Как измениться механизм рассмотрения гражданских споров при наличии четкого определения добросовестности?

Научная новизна работы рассматривает принципы гражданского права не только как абстрактные идеи, закрепленные в теории, но и практические модели поведения, применяемые в конкретных правовых ситуациях. Исследование предлагает новый подход к пониманию принципа добросовестности, как нормы, влияющей на реальную судебную практику.

Статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) устанавливает пределы осуществления гражданских прав, что в научной литературе рассматривается, как определение «добросовестности». Данная статья прямо ссылается на наличие прямого или косвенного умысла в гражданско-правовых отношениях, но не рассматривает его отсутствие, как например в уголовном праве, поэтому возникает вопрос, является ли наличие умысла признаком отсутствия добросовестности?

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания. Ведущим, из которых выступил формально-юридический анализ, позволивший деконструировать нормы статей 1 и 10 ГК РФ, а также выявить их взаимосвязь с процессуальными правилами доказывания.

Эмпирическую базу исследования составили судебные акты Верховного Суда РФ, рассмотренные в Обзорах практики № 1 и № 2 за 2025 год, а также статистические данные о применении статьи 10 ГК РФ в арбитражных судах округов. Нормативную основу составили Гражданский кодекс Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ.

Основой деятельности судебных органов остается достижение справедливости в судопроизводстве. Изучая судебную практику, можно классифицировать признаки, предшествующие вынесению каждого акта:

1. объективность: изучение судом всех обстоятельств дела,
2. соблюдение процедуры: бремя доказывания, презумпция невиновности и тд.;
3. субъективная сторона: внутреннее убеждения судьи;
4. содержательная сторона: раскрытие закономерности и приоритета права.

То есть наличие данных признаков необходимая часть каждого судебного процесса, что и представляет собой принцип добросовестного рассмотрения судопроизводства.

Анализ судебных решений за 2025 год показал определенную тенденцию: суды чаще ссылаются на запрет злоупотребления правом (п. 3 ст. 10 ГК РФ), чем на аналогию права (ст. 6 ГК РФ). Из этого следует, что судье проще наказать за недобросовестное поведение участников спора, чем признать, что в законе есть пробел, и заполнить его общими принципами. Ведь судья не может разрешить спор руководствуясь только принципами честности и справедливости, без детального изучения всех обстоятельств дела. Таким образом, согласно ст. 1, п. 3 ГК РФ добросовестность становится работающей нормой именно через механизм ст. 6 ГК РФ аналогии права, то есть, когда нет закона, добросовестность заполняет пробел.

В научной литературе авторы часто рассматривают ст. 10 ГК РФ, как источник исследуемого принципа, однако, данная статья четко определяет наличие прямого умысла, как признака недобросовестности действий участников. Изучая ситуации, злоупотребления правом, нельзя не упомянуть об отсутствии данного признака по некоторым делам, а именно небрежность, халатность, даже незнание норм права.

Рассмотрим данную проблематику на примере из судебной практики:

1) Определение ВС РФ от 17.09.2024 № 33-КГ24-5-К3:

Банк, который должен был взыскать в рамках исполнительного производства денежные средства с должника, годами не отвечал на запросы пристава, не проявлял интереса к взысканию материальных средств, из-за чего долг должника многократно вырос за счет пеней. После увеличения суммы долга банк подал новый иск о взыскании увеличенной суммы.

Верховный суд выразился об этом так: «Бездействие кредитора в исполнении производства является злоупотребление правом (п. 2

ст. 10 ГК РФ)». Новый иск стал необходим только из-за пассивности со стороны банка, а не по вине должника. В конечном итоге, дело было возвращено на новое рассмотрение с указанием оценки добросовестности бездействия кредитора и, возможно, отказать в части требований [6]. То есть, какую-то часть пеней взыщут с должника несмотря на то, что халатность допустил банк, однако косвенно это также не снимает вины с должника. В данном деле присутствует прямой умысел со стороны банка и отсутствует со стороны должника, ведь он рассчитывал, что банк спишет средства, и здесь возникает вопрос. Почему судебное решение частично удовлетворило бездействие исполнения обязательств по исполнительному листу со стороны банка?

2) Определение ВС РФ от 15.01.2024 № 5-КГ19-88:

покупатель приобрел квартиру, проверил выписку ЕГРН, но не запросил архивную историю и не проверил копию паспорта продавца. В процессе оформления недвижимости выяснилось, что продавец менял паспорт несколько раз перед сделкой, не жил с наследодателем, а квартира оказалась выморочной (принадлежала городу).

Верховный Суд признал правовую халатность со стороны покупателя: «Покупатель не проявил должной осмотрительности - должен был проверить копию паспорта, историю переходов прав, а не только свежую выписку». Это не умышленный обман, но недобросовестность по неосторожности.

Также суд указал на небрежность действий второй стороны: «Данное публично-правовое образование не предприняло в соответствии с требованиями разумности и осмотрительности при контроле над выморочным имуществом своевременных мер по его установлению и надлежащему оформлению своего права собственности на это имущество, является незаконным».

Данное дело было отправлено на повторное рассмотрение, но в конечном итоге покупатель не признан добросовестным приобретателем, квартира была изъята в пользу города.

Из этого следует, что законодатель ограничился указанием на то, что участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно, не возлагая на себя обязанности по раскрытию критериев данного поведения.

Обобщенная формулировка, породила серьезную научную и практическую проблематику, с одной стороны, имеется размытость содержания принципа, которая ведет к риску формального или неправильного истолкования. Таким образом, на одну из сторон судебного разбирательства возлагается бремя доказывания нарушенного права противоположной стороной спора, которое должно закрепляться доказательствами прямого умысла нарушения права. То есть пострадавшая сторона должна заранее знать о возможности развития ситуации не в благополучную для нее сторону, и собирать доказательства заранее [1].

То есть добросовестность в суде перестала быть презумпцией справедливости, а превратилась в обязанность действовать разумно. Теперь защиту интересов и прав получает не тот, кто просто не знал о возможных проблемах, а тот, кто предотвратил их. Из этого следует, что добросовестность — это уже не отсутствие прямого умысла, а наличие разумной осмотрительности.

Стоит отметить позицию Верховного Суда, сформулированную в Обзоре практики № 2 (2025), относительно пределов исследования добросовестности приобретателя. Суд подчеркнул, что для вывода о недобросовестности требуется совокупность обстоятельств: взаимосвязь сторон, знание о пороках воли продавца, схема сделки, направленная на обход закона. В другом деле № 60-КГ23-3-К9 суд справедливо отметил: «добросовестность приобретателя определяется на момент сделки, когда он, проверив открытый реестр и не обнаружив обременений, принял решение.» Однако, возвращаясь к ситуации с выморочной недвижимостью возникает логический диссонанс, ведь покупатель квартиры тоже проверил недвижимость в реестре, однако не поинтересовался ее историей.

Рассматривая принцип добросовестности в ряде случаев, в которых суд использует его для устранения пробела в законодательстве, с отсылкой на аналогию права ст. 6 ГК РФ, не совсем понятен правовой контекст.

П. 2 ст. 6 ГК РФ устанавливает возможность использования аналогии права, исходя из наличия трех признаков добросовестности, разумности и справедливости применения нормы по аналогии, как правило общей нормы, но ранее гражданский кодекс предписывал не нарушать и не обманывать закон, теперь молчаливое бездействие тоже трактуется, как признак недобросовестности.

Например, из Постановления Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.07.2025 по делу № А09-372/2025:

одна из сторон оспорила результаты частных торгов, утверждая, что организаторы нарушили процедуру. На тот момент в законодательстве отсутствовали законодательные акты для прямой защиты стороны право, которой было нарушено, поэтому для достижения справедливости была применена аналогия права ст. 6 ГК РФ.

Это доказывает факт дополнения принципа новыми критериями, такими как:

- отсутствие формализма в случае ссылки на аналогию права, ведь в описанной выше ситуации, судья мог вернуть исковое заявление;
- осведомленность о правовых пороках участников, то есть о добросовестности в контексте исполнения обязательств, например, соответствие условий договора и законодательства РФ. Ведь рассматривая ситуацию с торгами, ответчик знал о пробеле законодательства и использовал это в личных целях.
- предупреждение злоупотреблений, защитив интересы одного гражданина в данной ситуации, судья обратил внимание на существующий пробел и предупредил будущие умышленные ситуации схожей аналогии.

Однако отсутствие единого законодательного определения продолжает порождать риски разночтений, особенно в вопросах оценки разумности действий сторон.

Изучая мировой практический опыт по данному вопросу, можно увидеть, что принцип добросовестности становится живой совестью гражданского права, применяя гуманно формальные нормы, защищая тех, кто действует честно. Российская практика идет по пути, который уже прошли германская и англо-американская правовые семьи, но со своей особенностью. Если в Германии § 242 BGB уже почти столетие служит фундаментом для целых доктрин, то в России этот процесс только набирает силу - и работы последних лет показывают, как активно и осмысленно он развивается [4, 89].

Научный вклад данного исследования заключается в критическом осмыслении пределов, которые используются в контексте судебной добросовестности.

Мы поддерживаем мнение Р.Р. Лугманова о том, что добросовестность — это и есть право, живое, актуальное, динамично развивающее требования закона, адаптирующее его в соответствии с меняющимися целями правового развития. Суд в пределах своих полномочий оценивает поведение участников процесса, и соответствие ему общему, законному правовому порядку и поощрению.

Таким образом, закон для защиты граждан от произвола исходит из презумпции добросовестности во время судопроизводства (п. 5 ст. 10 ГК РФ): каждый участник считается честным, пока не доказано обратное. И бремя доказывания лежит не на нем, а на том, кто сомневается в его честности. Как показал анализ Обзора № 2 (2025), процедурные пределы усмотрение суда ограничены, нельзя вешать ярлык «недобросовестный» на одну из сторон спора на основе наличия одного факта, игнорируя все остальные обстоятельства дела. Это перекликается с позицией Конституционного Суда РФ: закон не может толковаться произвольно, решение должно учитывать всю картину, а не вырванный из контекста фрагмент.

Вместе с тем, обсуждение проблемы не может игнорировать существующие риски. Несмотря на разъяснения Верховного Суда, в региональной практике сохраняются случаи, когда принцип добросовестности применяется избыточно широко. Например, некоторые суды отказывают в иске о взыскании задолженности, ссылаясь на недобросовестное поведение кредитора при отсутствии явных признаков злоупотребления, что подрывает другой принцип обязательности договора, как было описано выше в ситуации №1. Работы Ж.И. Седовой и Н.А. Айрапетова подчеркивают, что без четких доктринальных рамок принцип добросовестности может превратиться в инструмент правовой неопределенности [4, 35].

Стоит также учесть, что взаимодействие принципа добросовестности и специальных норм на практике — это не механическое сложение, а живой диалог, так как добросовестность не отменяет специальную норму, но вступает в силу там, где ее буквальное применение ведет к очевидной несправедливости или поощряет злоупотребление. Судебный орган не меняет данное правило, но корректирует его применение в каждом отдельно взятом случае, чтобы закон служил справедливости, а не становился инструментом обмана. Такой подход, с одной стороны, дает праву необходимую гибкость, а с другой - требует от судей не просто знания норм, а глубокого понимания их практики применения, умения видеть за буквой закона живых людей и их законные ожидания. Однако тогда, будет нарушен другой принцип судопроизводства- беспристрастности судей в рассмотрении споров.

Таким образом, сравнение с научными источниками и анализ практики позволяют сделать вывод, что пределы судебного усмотрения в 2025 году стали более очерченными, но все еще требуют дальнейшего уточнения в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Научная дискуссия должна сместиться с вопроса «можно ли применять принцип» на вопрос «как применять его, не нарушая правовую определенность».

Проблема содержания принципа добросовестности не решается простым законодательным определением, именно его гибкость становится главным преимуществом, позволяющим праву действовать в ритме меняющихся экономических реалий. Живую окраску этому принципу придает судебная практика Верховного Суда РФ, которая к 2025 году выработала устойчивые критерии оценки.

При этом пределы судебного р оказались не безграничными. Они ограждены процедурными гарантиями, такими как презумпция добросовестности, бремя доказывания и содержательными барьерами: запретом на формализм, обязанностью исследовать всю совокупность обстоятельств. Данный анализ подтверждает, мнение о том, что Верховный Суд последовательно пресекает попытки нижестоящих судов подменять законом принцип добросовестности или возлагать на участников оборота непосильное бремя тотальной проверки контрагентов.

Исходя из этого, на основании критического анализа результатов представляется необходимым внести следующее предложение. В новом постановлении Пленума Верховного Суда РФ систематизировать критерии недобросовестного поведения, выделив типичные модели злоупотреблений в договорной, корпоративной и банковской сферах.

Список литературы:

1. Бородулина И.В. Принцип добросовестности и его судебная защита в договорных отношениях // Актуальные вопросы права. 2025. № 4. С. 45–52.

2. Содержание принципа добросовестности в современном гражданском праве // Вестник ВААЭЛ. 2025. № 2. С. 12–19.

3. Ковалев К.С. Судебное усмотрение и принцип добросовестности в гражданском праве. Практика арбитражных судов // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. № 1. С. 23–31.

4. Абросимов А.В. Реализация принципов разумности и добросовестности в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 185 с.

5. Айрапетов Н.А. Принцип добросовестности при осуществлении и защите интеллектуальных прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 210 с.

6. Пределы осуществления субъективных гражданских прав: доктринальное содержание принципа добросовестности [Электронный ресурс] // Inter-legal.ru. 2025. URL: http://inter-legal.ru/predely-osushhestvleniya-subektivnyh-grazhdanskih-prav-doktrinalnoe-soderzhanie-printsipa-dobrosovestnosti (дата обращения: 06.01.2026).

7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025): утв. Президиумом ВС РФ 25.04.2025 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.vsrf.ru/documents/all/34367/ (дата обращения: 06.01.2026).

8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2025): утв. Президиумом ВС РФ 18.06.2025 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.vsrf.ru/documents/all/35269/ (дата обращения: 06.01.2026).

9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.08.2024 N 33-КГ24-5-К3 (УИД 47RS0005-01-2020-007263-20) https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-06082024-n-33-kg24-5-k3-uid-47rs0005-01-2020-007263-20/

10. Определение Верховного Суда РФ от 18 июня 2019 г. N 5-КГ19-88 https://gladysheva.ru/judicial-practice/russian-courts/judicial-acts-of-the-supreme-court-of-the-rf/252-opredelenie-verhovnogo-suda-rf-ot-18-ijunja-2019-g-n-5-kg19-88.html

11. Седова Ж.И. Международно-правовой принцип добросовестности как основа регулирования частноправовых отношений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2024. 340 с.
12. Практика. Электронный ресурс. «ВС отказал взыскателю, который слишком долго бездействовал» Режим доступа: https://pravo.ru/story/255513/
13. Постановление от 12 февраля 2019 г. по делу № А56-82366/2017 Арбитражный суд Северо-Западного округа (ФАС СЗО) https://sudact.ru/arbitral/doc/1HIqKG72o0U/
14. Принцип добросовестности в правовых позициях Конституционного Суда РФ // Вестник Института права. 2025. № 3. С. 56–64.
15. Принцип добросовестности в гражданском праве: проблемы содержания и правоприменения // Вестник науки и образования. 2025. № 7 (165). С. 89–95.
16. Гражданское право 2026: цифровые активы, smart-контракты и новые вызовы для бизнеса [Электронный ресурс] // Harant.ru. 2026. URL: https://harant.ru/blog/grazhdanskoe-pravo/grazhdanskoe-pravo-v-2026-godu-czifrovizacziya-dobrosovestnost-i-novye-vyzovy-dlya-biz (дата обращения: 06.01.2026).
17. Обзор судебной практики рассмотрения споров по применению положений статьи 10 ГК РФ: утв. постановлением Президиума АС ДВО от 20.01.2025 № 2 [Электронный ресурс] // Гарант. URL: https://base.garant.ru/37260414/ (дата обращения: 06.01.2026).
18. ВС выпустил первый в 2025-м обзор практики: важные позиции [Электронный ресурс] // Pravo.ru. 2025. URL: https://pravo.ru/story/258445/ (дата обращения: 06.01.2026).
19. Президиум Верховного Суда утвердил второй за 2025 год обзор судебной практики [Электронный ресурс] // BBNPLaw. 2025. URL: https://bbnplaw.ru/news/290-prezidium-verhovnogo-suda-utverdil-vtoroj-za-2025-god-obzor-sudebnoj-praktiki.html (дата обращения: 06.01.2026).

References:

1. Borodulina I.V. Printsip dobrosovestnosti i ego sudebnaya zashchita v dogovornykh otnosheniyakh [The principle of good faith and its judicial protection in contractual relations]. Aktualnye voprosy prava, 2025, no. 4, pp. 45–52.
2. Soderzhanie printsipa dobrosovestnosti v sovremennom grazhdanskom prave [The content of the principle of good faith in modern civil law]. Vestnik VAAEL, 2025, no. 2, pp. 12–19.
3. Kovalev K.S. Sudebnoe usmotrenie i printsip dobrosovestnosti v grazhdanskom prave. Praktika arbitrazhnykh sudov [Judicial discretion and the principle of good faith in civil law. Practice of arbitration courts]. Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga, 2024, no. 1, pp. 23–31.
4. Abrosimov A.V. Realizatsiya printsipov razumnosti i dobrosovestnosti v grazhdanskom prave [Implementation of the principles of reasonableness and good faith in civil law]. Cand. Diss. Moscow, 2024. 185 p.
5. Ayrapetov N.A. Printsip dobrosovestnosti pri osushchestvlenii i zashchite intellektualnykh prav [The principle of good faith in the exercise and protection of intellectual rights]. Cand. Diss. Moscow, 2024. 210 p.
6. Predely osushchestvleniya subektivnykh grazhdanskikh prav: doktrinalnoe soderzhanie printsipa dobrosovestnosti [Limits of the exercise of subjective civil rights: doctrinal content of the principle of good faith]. Inter-legal.ru, 2025. Available at: http://inter-legal.ru/predely-osushhestvleniya-subektivnyh-grazhdanskih-prav-doktrinalnoe-soderzhanie-printsipa-dobrosovestnosti (accessed: 06.01.2026).
7. Obzor sudebnoi praktiki Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii № 1 (2025) [Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2025)]. Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 25.04.2025. ConsultantPlus. Available at: http://www.vsrf.ru/documents/all/34367/ (accessed: 06.01.2026).
8. Obzor sudebnoi praktiki Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii № 2 (2025) [Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2025)]. Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 18.06.2025. ConsultantPlus. Available at: http://www.vsrf.ru/documents/all/35269/ (accessed: 06.01.2026).
9. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08/06/2024 N 33-KG24-5-K3 (UID 47RS0005-01-2020-007263-20) https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-06082024-n-33-kg24-5-k3-uid-47rs0005-01-2020-007263-20/
10. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 18, 2019, No. 5-KG19-88 https://gladysheva.ru/judicial-practice/russian-courts/judicial-acts-of-the-supreme-court-of-the-rf/252-opredelenie-verhovnogo-suda-rf-ot-18-ijunja-2019-g-n-5-kg19-88.html
11. Sedova Zh.I. Mezhdunarodno-pravovoi printsip dobrosovestnosti kak osnova regulirovaniya chastnopravovykh otnoshenii [International legal principle of good faith as a basis for regulation of private law relations]. Dr. Diss. Moscow, 2024. 340 p.
12. 1Practice. Electronic resource. "The Supreme Court denied the claimant who had been inactive for too long" Access mode: https://pravo.ru/story/255513/
13. Resolution dated February 12, 2019, in case No. A56-82366/2017, Arbitration Court of the North-Western District (FAS NWD) https://sudact.ru/arbitral/doc/1HIqKG72o0U/
14. Printsip dobrosovestnosti v pravovykh pozitsiyakh Konstitutsionnogo Suda RF [The principle of good faith in the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. Vestnik Instituta prava, 2025, no. 3, pp. 56–64.
15. Printsip dobrosovestnosti v grazhdanskom prave: problemy soderzhaniya i pravoprimeneniya [The principle of good faith in civil law: problems of content and law enforcement]. Vestnik nauki i obrazovaniya, 2025, no. 7 (165), pp. 89–95.
16. Grazhdanskoe pravo 2026: tsifrovye aktivy, smart-kontrakty i novye vyzovy dlya biznesa [Civil Law 2026: digital assets, smart contracts and new challenges for business]. Harant.ru, 2026. Available at: https://harant.ru/blog/grazhdanskoe-pravo/grazhdanskoe-pravo-v-2026-godu-czifrovizacziya-dobrosovestnost-i-novye-vyzovy-dlya-biz (accessed: 06.01.2026).
17. Obzor sudebnoi praktiki rassmotreniya sporov po primeneniyu polozhenii stat'i 10 GK RF [Review of judicial practice on disputes regarding the application of Article 10 of the Civil Code]. Approved by the Presidium of the ASDFO on 20.01.2025 no. 2. Garant. Available at: https://base.garant.ru/37260414/ (accessed: 06.01.2026).
18. VS vypustil pervyi v 2025-m obzor praktiki: vazhnye pozitsii [The Supreme Court released the first review of practice in 2025: important positions]. Pravo.ru, 2025. Available at: https://pravo.ru/story/258445/ (accessed: 06.01.2026).
19. Prezidium Verkhovnogo Suda utverdil vtoroi za 2025 god obzor sudebnoi praktiki [The Presidium of the Supreme Court approved the second review of judicial practice for 2025]. BBNPLaw, 2025. Available at: https://bbnplaw.ru/news/290-prezidium-verhovnogo-suda-utverdil-vtoroj-za-2025-god-obzor-sudebnoj-praktiki.html (accessed: 06.01.2026).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_604

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОТЕНЦИАЛ ВИРТУАЛЬНОЙ И ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ
LEGAL ISSUES AND POTENTIAL OF VIRTUAL AND AUGMENTED REALITY

ВОРОБЬЕВ Сергей Михайлович,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д.1.
E-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru

ИВЛИЕВ Павел Валентинович,
кандидат юридических наук, доцент института по кафедре гражданского права и процесса Академии ФСИН России.
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д.1.
E-mail: ivliev_pv@mail.ru

ШЕРХОВ Рустам Русланович,
кандидат юридических наук,
Россия, г. Москва.
E-mail: sherhov007@mail.ru;

VOROBYOV Sergey Mikhailovich,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law,
International and European Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
390000, Russia, Ryazan, st. Sennaya, d.1.
E-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru

IVLIEV Pavel Valentinovich,
PhD in Law, Associate Professor of the Institute for the Department of Civil Law and Process
of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
390000, Russia, Ryazan, st.Sennaya, d.1.
E-mail: ivliev_pv@mail.ru

SHERKHOV Rustam Ruslanovich,
Candidate of Law.
Russia, Moscow.
E-mail: sherhov007@mail.ru

Краткая аннотация: *В данной статье рассмотрены правовые проблемы и потенциал использования виртуальной и дополненной реальности (VR и AR). Освещаются ключевые аспекты правового регулирования, включая защиту данных, идентификацию пользователей, налогообложение виртуальной экономики и защиту прав интеллектуальной собственности. Особое внимание уделено вопросам проблемам обеспечения безопасности персональных данных и прав потребителей в виртуальной среде. В статье также затрагиваются актуальные проблемы, связанные с этическими аспектами применения виртуальной и дополнительной реальности, связанные с правами человека, включая возможные нарушения и дискриминацию в виртуальных пространствах. Также уделено внимание проблемам киберпреступности в виртуальной реальности. Рассмотрены особенности ответственности за действия в виртуальной среде. Рассмотрены наиболее сложные вопросы юрисдикции в виртуальной реальности. Подробно затрагивается проблема виртуальной итендификации пользователей. Затрагиваются особенности и практика применение виртуальных технологий в судебной практике, что в свою очередь может существенно повысить эффективность судопроизводства. Приводятся примеры использования технологий виртуальной и дополнительной реальности в образовательном процессе. Применение подобного рода технологий в сфере образования может существенно улучшить эффективность образовательного процесса и резко увеличить мотивацию обучающихся. Рассмотрен комплекс вопросов, проблем и особенностей влияния виртуальных технологий на трудовую деятельность. Подобного рода перспективы могут обернуться увеличением валового внутреннего продукта для отечественной экономики, а также появление большого количества иных преимуществ не материального характера, такими как улучшение окружающей среды и экологической безопасностью. Также предложены перспективы дальнейшего развития правовой базы для регулирования виртуальных технологий на национальном и международном уровнях.*

Abstract: *This article examines the legal challenges and potential of virtual and augmented reality (VR and AR). Key aspects of legal regulation are highlighted, including data protection, user identification, taxation of the virtual economy, and intellectual property protection. Particular attention is paid to issues of ensuring the security of personal data and consumer rights in the virtual environment. The article also touches upon current issues related to the ethical aspects of the use of virtual and augmented reality, related to human rights, including possible violations and discrimination in virtual spaces. Attention is also paid to the problems of cybercrime in virtual reality. The specifics of liability for actions in the virtual environment are considered. The most complex issues of jurisdiction in virtual reality are examined. The problem of virtual user authentication is discussed in detail. The features and practical application of virtual technologies in judicial practice are discussed, which in turn can significantly improve the efficiency of legal proceedings. Examples of the use of virtual and augmented reality technologies in the educational process are given. The use of such technologies in education can significantly improve the effectiveness of the educational process and dramatically increase student motivation. The article examines a range of issues, problems, and specific aspects of the impact of virtual technologies on work. These potential benefits could lead to an increase in the gross domestic product for the domestic economy, as well as numerous other non-material advantages, such as improved environmental performance and environmental safety. Prospects for the further development of the legal framework for regulating virtual technologies at the national and international levels are also proposed.*

Ключевые слова: *Виртуальная реальность, дополненная реальность, интеллектуальная собственность, киберпреступность, правовое регулирование, авторские права, патентное право, технологические стартапы, персональные данные, хакерские атаки.*

Keywords: *Virtual reality, augmented reality, intellectual property, cybercrime, legal regulation, copyright, patent law, tech startups, personal data, hacker attacks.*

Для цитирования: *Воробьев С.М., Ивлиев П.В., Шерхов Р.Р. Правовые проблемы и потенциал виртуальной и дополненной реальности // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 604-609. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_604.*

For citation*: Vorobyov S.M., Ivliev P.V., Sherkhov R.R. Legal issues and the potential of virtual and augmented reality // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 604-609. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_604.*

Статья поступила в редакцию: 05.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Виртуальная реальность (VR) и дополненная реальность (AR) сегодня активно внедряются в различные сферы: от развлечений и образования до медицины и военного дела. Развитие этих технологий поднимает ряд юридических вопросов, связанных с защитой данных, интеллектуальной собственностью, киберпреступностью и правовым статусом действий, совершаемых в виртуальной среде. Необходимо отметить, что цифровые технологии на сегодняшний день прочно вошли в обыденную жизнь людей, изменяя привычные способы взаимодействия со средой и коммуникации[1, с. 127]. Ключевые правовые аспекты, проблемы и перспективы правового регулирования в этой области на сегодняшний день являются весьма актуальными. Для более полного понимания темы настоящего исследования необходимо предоставить дефиницию виртуальной и дополненной реальности. Что касается виртуальной реальности, то под ней понимается искусственно созданная посредством программного обеспечения среда и представленная конечным потребителям в такой форме, которая обеспечивает им восприятие среды как реальную. Виртуальная реальность допускает своего рода физическую изоляцию человека от внешних раздражителей и полное погружение лишь в смоделированную среду [2, с. 15]. Другими словами потребитель, который погружен в виртуальную реальность, воспринимает симуляцию таким образом, как будто если бы он был ее физической частью. А вот что касается дополненной реальности, то она представляет собой технологию, которая накладывает сгенерированное компьютером изображение на образы потребителя о реальном мире и именно посредством этого обеспечивается составное представление. Другими словами отличие от виртуальной реальности состоит в том, что конечный потребитель при дополненной реальности не погружается в искусственную среду, а наоборот взаимодействует как с реальной средой, так и находящимися в ней виртуальными структурами.

Цель. Целью настоящего исследования являются выявление на основе объективных закономерностей основные правовые проблемы и установление потенциала развития в современной России виртуальной и дополненной реальности.

Методы. Необходимо отметить, что в данном исследовании применялся описательный и перспективные методы. Посредством описательного метода рассматривались особенности ответственности за действия в виртуальной среде, а по средством перспективного метода рассматривается влияние виртуальной и дополненной реальности на разные сферы общественной жизни.

На сегодняшний день технология виртуальной реальности активно применяется во многих сферах[3, с. 40].

Интеллектуальная собственность является одним из наиболее спорных вопросов, связанных с виртуальной и дополненной реальностью. В рамках VR и AR пользователи могут создавать контент, обладающий признаками авторских прав: 3D-модели, дизайн одежды, здания, интерьеры и т. д. Однако возникают серьезные проблемы с защитой авторских прав на эти объекты, поскольку действующее законодательство в большинстве стран не учитывает специфику виртуальных объектов.

Классический пример проблемы заключается в том, что созданные пользователями объекты часто могут копироваться и использоваться третьими лицами без согласия правообладателей. Виртуальные миры, такие как SecondLife, Fortnite и другие игровые платформы, где пользователи могут создавать собственные объекты, представляют собой яркую иллюстрацию данной проблемы. Также необходимо отметить, что специфика виртуальных игр такова что может потребителей стимулирует покупать виртуальные игровые объекты в конвертируемой валюте. Причем стоимость некоторых виртуальных объектов доходит до сотен, а то и тысяч единиц вышеуказанных валют [4, с. 73].

Законодательство на сегодняшний день не способно в полной мере обеспечивать защиту интеллектуальной собственности, созданной в виртуальной реальности.

Помимо авторских прав, отдельное внимание следует уделить вопросам патентного права. Поскольку технологии VR и AR активно используются для разработки инновационных продуктов и решений, патенты на такие продукты также требуют соответствующего правового регулирования. Технологические стартапы сталкиваются с проблемами при патентовании своих разработок, так как многие патентные офисы пока не имеют четких руководств по регистрации изобретений, связанных с виртуальной и дополненной реальностью. Вопросы защиты и использования этих патентов остаются актуальными, особенно в условиях глобальной конкуренции.

Технологии VR и AR предполагают активное взаимодействие с пользователями, включая сбор и обработку их персональных данных. VR-системы, такие как OculusRift, HTC Vive и другие, требуют от пользователей создания персональных профилей, предоставления доступа к физическим характеристикам, таким как движения тела, мимика и даже биометрические данные, включая глазные движения и голос. Это поднимает серьезные вопросы о безопасности данных и их защите.

На сегодняшний день российское законодательство регулирует вопросы защиты персональных данных на основе Федерального закона «О персональных данных». Однако этот закон не охватывает все аспекты, связанные с использованием биометрических данных в виртуальной реальности. Например, VR-приложения могут собирать информацию о поведении пользователя, его предпочтениях и реакциях, что в перспективе может использоваться для создания маркетинговых и рекламных стратегий. Проблема заключается в том, что пользователи не всегда осознают масштабы сбора данных, а действующее законодательство не требует полной прозрачности в этом вопросе.

В дополнение к российскому законодательству, следует рассмотреть влияние международных норм на защиту персональных данных в виртуальной реальности. Европейский регламент о защите данных (GDPR) устанавливает строгие требования к обработке персональной информации, включая право на удаление данных и обязательство компаний получать явное согласие пользователя на обработку его персональной информации. Однако как этот регламент будет применяться к VR и AR, остается спорным вопросом. Например, компании, разрабатывающие VR-приложения, могут находиться в одной юрисдикции, а пользователи – в другой, что создаёт сложности в правоприменении.

С развитием технологий возникает необходимость обсуждения ответственности за действия, совершаемые в виртуальной реальности. Мошенничество, кража виртуальной собственности, хакерские атаки — всё это уже сегодня происходит в виртуальных пространствах. Но если в случае кражи физической собственности существует четко разработанная система правоприменения, то действия в виртуальной среде остаются

правовым "серым пятном".

Примером может служить ситуация, когда пользователь тратит реальные деньги на приобретение виртуальных объектов, таких как одежда для аватаров, оружие или другое снаряжение для персонажей в играх. Вопрос в том, как обеспечивать защиту этих активов и возможно ли требовать возмещения ущерба в случае утраты этих активов вследствие хакерской атаки или технического сбоя? Виртуальные объекты всё чаще приобретают реальную коммерческую ценность, однако правовые механизмы защиты таких объектов всё еще находятся в зачаточном состоянии.

Кроме того, стоит учесть проблему идентификации нарушителей в виртуальной среде. Пользователи часто действуют под вымышленными именами и используют анонимные аккаунты, что усложняет привлечение их к ответственности за противоправные действия. Виртуальная среда требует разработки механизмов для обеспечения идентификации пользователей и определения их ответственности.

Вопрос юрисдикции в виртуальной реальности является одним из наиболее сложных в правовом регулировании. Виртуальные миры, такие как игры, социальные сети и другие платформы, позволяют пользователям взаимодействовать друг с другом, находясь в разных странах. Это создает проблемы с определением правоприменения: какое законодательство применяется, если стороны находятся в разных юрисдикциях? Какой суд должен рассматривать спор?

Существуют предложения о создании наднациональных организаций, которые будут разрабатывать общие стандарты для регулирования виртуальных миров. Однако такая концепция требует значительных политических усилий и согласования между государствами. На сегодняшний день споры, возникающие в виртуальной среде, решаются на уровне национальных судов, что порождает множество проблем. Компания-разработчик может находиться в одной стране, серверы — в другой, а пользователи — в третьей. Это создает сложности для судов, которым приходится решать, какое законодательство применимо в каждой конкретной ситуации.

Киберпреступления в виртуальных мирах становятся всё более распространенным явлением. Злоумышленники могут использовать VR и AR для проведения атак на серверы, взлома аккаунтов, кражи личных данных или виртуальной собственности. В этом контексте кибербезопасность становится одной из ключевых задач для разработчиков VR и AR-систем.

Для борьбы с киберпреступностью в виртуальной реальности требуется разработка специальных правовых норм, регулирующих вопросы защиты информации и ответственности за кибератаки. К сожалению на сегодняшний день развитие цифровых технологи само по себе является питательной средой для развития кибер мошенничества. Таким образом, с помощью технологии ВР можно совершать целый спектр преступлений — от «клеветы» (ст. 128.1 УК РФ) до «публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма» [5, с. 163].

Несмотря на объективные преимущества, которое несёт в себе информационное общество существует достаточно большое количество проблем и препятствий, связанных с переходом российского общества на информационные рельсы развития[6, с. 96].

Одной из проблем, с которыми сталкиваются правовые системы в виртуальной и дополненной реальности, является сложность с идентификацией пользователей. Виртуальные платформы предоставляют анонимность и свободу действий, что открывает возможности для правонарушений, таких как мошенничество или киберпреступность. Вопрос идентификации пользователей становится ключевым для правоприменительных органов, поскольку анонимность усложняет привлечение нарушителей к ответственности.

На сегодняшний день отсутствуют единые механизмы идентификации пользователей в виртуальной реальности. Основные проблемы связаны с тем, что многие платформы не требуют предоставления реальных данных для регистрации аккаунта. Это позволяет пользователям действовать под вымышленными именами, что затрудняет отслеживание их действий и контроль со стороны правоохранительных органов.

Проблема идентификации также актуальна в контексте защиты прав потребителей. Если пользователь приобретает товар или услугу в виртуальной реальности, но не получает её, возникает вопрос, как можно защитить его интересы. В настоящее время большинство виртуальных платформ предоставляет только ограниченные инструменты для разрешения подобных конфликтов. Это подчеркивает необходимость создания единого законодательства, регулирующего такие споры и обеспечивающего защиту прав пользователей.

Экономическая деятельность в виртуальных мирах также поднимает важные вопросы налогообложения. Виртуальные товары и услуги, создаваемые и продаваемые пользователями, могут иметь реальную коммерческую стоимость, и это ставит вопрос о налогообложении таких операций. Внутри игровая валюта или виртуальная недвижимость могут продаваться за реальные деньги, но юридические механизмы, регулирующие такие сделки, остаются недостаточно проработанными.

На данный момент в России отсутствует четкое законодательное регулирование виртуальной экономики. Платформы позволяют пользователям покупать и продавать виртуальные предметы за реальные деньги, но налоговые службы не всегда могут отслеживать такие транзакции. Более того, международный характер этих платформ создает дополнительные сложности для налоговых органов, так как операции могут происходить между пользователями из разных стран.

Некоторые государства уже начали разрабатывать нормы, регулирующие налогообложение операций в виртуальных мирах. В США рассматривается возможность налогообложения внутри игровых сделок, включая продажу виртуальной недвижимости и предметов. Однако до сих пор не существует четких инструкций, как это регулировать в рамках международного права.

Технологии виртуальной и дополненной реальности также поднимают важные вопросы этики и защиты прав человека. Использование VR и AR в образовательных или медицинских целях может принести огромную пользу, но также может нарушать права личности, если технологии будут использоваться для манипуляций, мониторинга или незаконного сбора данных.

Кроме того, существует опасность дискриминации в виртуальных пространствах. Например, в играх или на социальных платформах поль-

зователи могут сталкиваться с агрессией или домогательствами, которые в виртуальной среде часто остаются безнаказанными. Это создает необходимость разработки правовых норм, регулирующих поведение пользователей в виртуальных мирах и обеспечивающих защиту от дискриминации.

Особое внимание следует уделить правам детей и подростков, которые часто становятся пользователями виртуальных технологий. Использование VR и AR в играх и образовательных программах может способствовать их развитию, но также несет риски, связанные с безопасностью данных и манипуляциями со стороны третьих лиц. Основные преимущества VR в образовании включают интерактивность и вовлеченность, возможность безопасного проведения опасных или сложных экспериментов, 30 а также доступность к местам и событиям, которые были бы недоступны в реальной жизни из-за географических, финансовых или временных ограничений[7, с.29-30]. Законы о защите детей в виртуальной среде пока не до конца сформированы, что требует дополнительных исследований и разработки конкретных механизмов защиты. С каждым годом обучающихся посредством всевозможных цифровых технологий становится все больше и больше. И по этой причине развитие VR/AR-обучение становится неизбежным и абсолютно объективным. Не использовать данные технологии означает проиграть конкуренцию другим государств в области подготовки кадров. Процесс обучения немыслим без использования мобильных приложений, компьютеров, дополненной реальности и других технологических новшеств [8, с.40].

Технологии VR и AR уже начинают внедряться в судебную практику для визуализации доказательств и моделирования событий преступлений, что может значительно повысить эффективность судопроизводства.

Виртуальная реальность позволяет создавать 3D-модели мест преступлений, которые могут быть использованы в ходе судебного разбирательства для более точного воспроизведения событий. Это особенно полезно в сложных делах, где необходимо восстановить детали произошедшего.

Технологии VR могут также использоваться для удаленного участия свидетелей в судебных процессах. Это особенно важно для защиты свидетелей, которые могут находиться в другой стране или находиться под угрозой физической опасности. Однако это также поднимает вопросы о достоверности и безопасности таких показаний.

Использование VR и AR в образовании становится все более популярным, что открывает новые возможности для обучения, но также требует правового регулирования.

Виртуальные классы и учебные платформы позволяют ученикам получать образование в любом месте и в любое время. Однако это поднимает вопросы о защите прав студентов, таких как доступ к информации, конфиденциальность и авторские права на учебные материалы.

Использование виртуальной реальности для получения профессиональных знаний и навыков требует установления новых стандартов аккредитации. Вопрос заключается в том, признаются ли такие знания и навыки наравне с традиционным обучением, и как сертифицировать учебные программы в виртуальной среде.

При этом необходимо понимать, что активное применение и массовое использование виртуальных технологий это вопросы абсолютно объективные и их игнорирование неизбежно приведет к снижению конкурентоспособности отечественного образования. Так, например применение всевозможных гаджетов и программного обеспечения позволят обучающимся моделировать всевозможные процессы и объекты, что обеспечит формирование соответствующих профессиональных навыков и компетенций, необходимых для дальнейшей трудовой деятельности.

Также необходимо отметить, потенциал технологий виртуальной реальности и в сфере здравоохранения. VR активно применяется в медицине и открывает тем самым новые возможности для диагностики лечения и реабилитации. Так, например виртуальные технологии позволяют создавать реалистичные 3D-модели органов человеческого тела, позволяя специалистам и обучающимся изучать анатомию в интерактивном формате. Также надо сказать, что VR-симуляторы помогают докторам отрабатывать хирургические операции, диагностические процедуры и другие медицинские манипуляции в безопасной и контролируемой среде, что позволяет нарабатывать очень важные компетенции, позволяющие эффективно лечить и спасать жизни пациентам. Также надо отметить, что современный мир это мир бесконечных потоков информации и стрессов, в котором резко возрастает риск массового появления неврозов различных психических расстройств у населения. И в этом смысле виртуальные технологии помогают создавать такие виртуальные среды, которые помогают воссоздавать реальные ситуации, вызывающие у пациента тревогу или страх. Это позволяет врачам более точно диагностировать и лечить психические заболевания.

В отдельности надо сказать, что виртуальные технологии могут существенно помочь и в реабилитации пациентов.

Так, например VR-технологии помогают отвлекать пациентов от их боли с помощью виртуальных приложений и интерактивных игр.

Также надо отметить, что VR-игры помогают пациентам восстанавливать двигательные функции после инсульта, травмы спинного мозга и других болезней.

Виртуальные технологии помогают мотивировать пациентов к прохождению реабилитационных упражнений, делая их более интересными и занимательными. Также они помогают в лечении фобий.

Что же касается дополненной реальности, то данный аспект также находит свое проявление в медицине. Так, например, посредством дополненной реальности можно накладывать виртуальные изображения на реальный мир, что помогает врачам проводить операции, а также осуществлять диагностику и лечение. Надо отметить, что виртуальные технологии в области здравоохранения позволяют создать индивидуальный подход к лечению каждого пациента. Боле того исследуемый вид технологий может снизить затраты на обучение врачей и на лечение самих больных, а также может сделать процесс лечения более приятным и менее стрессовым.

С учетом всех тех неоспоримых преимуществах, которые в себе несут виртуальные технологии в области здравоохранения, данный аспект, к сожалению, не лишен серьезных недостатков. Так, например технологии виртуальной и дополнительной реальности собирают обширные данные о пациентах, включая их физиологические показатели, движения, поведение и даже эмоции. Данный факт поднимает вопросы о конфиденциальности и безопасности этой информации. И по этой причине необходимо разрабатывать и принимать на государственном уровне строгие правила и нормы

для защиты медицинских данных от несанкционированного доступа, а также использования и распространения. Также важно предпринять комплекс мер для обеспечения прозрачности и контроля над сбором и использованием данных с согласия пациента.

Необходимо отметить, что важным вопросом становится ответственность за вред причиненный пациенту по средством использования виртуальных технологий при его лечении. Вопрос о том, кто несет ответственность за возможный вред, который был причинен посредством использования технологий виртуальной и дополненной реальности в медицине остается открытым. Необходимо определить ответственность разработчиков приложений виртуальной и дополненной реальности, а также медицинских учреждений и врачей в случае негативных последствий использования технологий. Возникает острая необходимость в разработке страховых механизмов для защиты пациентов от возможного вреда.

Следует отметить о необходимости установления строгих стандартов в области разработке приложений виртуальных технологий в сфере медицины. Также необходимо разработать строгие критерии, а также методы оценки качества и эффективности виртуальных технологий в медицинской практике. При массовое использовании данных приложений и технологий необходимо иметь четкую убежденность, что последние соответствуют медицинским требованиям и безопасны для пациентов.

Также необходимо отметить, тот факт, что виртуальные технологии, к сожалению, могут быть дорогостоящими и недоступными для всех пациентов. И по этой причине необходимо разработать механизмы для обеспечения справедливого и равного доступа к соответствующим технологиям в области медицины.

Также в сфере здравоохранения существуют и этические проблемы при использовании технологий виртуальной и дополненной реальности. Так, например, подобного рода технологии могут повышать риск деперсонализации пациентов и уменьшать взаимодействие врач-пациент. Более того необходимо учитывать этические аспекты использования виртуальных технологий в медицине, чтобы не нарушать права и достоинства пациентов.

Решение вышеназванных проблем в области медицины при использовании технологий виртуальной и дополненной реальности модно осуществить посредством разработки специальных законов и норм, регулирующих использование подобного рода технологий в сфере здравоохранения. Также необходимо создание независимых экспертных групп для оценки безопасности и эффективности VR/AR-технологий. Также необходимо предпринимать целый комплекс мер, связанных с повышением осведомленности общественности о правовых и этичных аспектах использования виртуальных технологий в медицине.

Технологии виртуальной и дополненной реальности предлагают огромные возможности в области здравоохранения, но их использование не лишено правовых проблем. Решения этих проблем необходимо найти как можно скорее, чтобы обеспечить безопасное, эффективное и этичное использование исследуемых в настоящей статье технологий в медицинской практике.

Технологии виртуальной и дополненной реальности, активно внедряются и используются в художестве. Художники развивают приемы иммерсивности, то есть погружения в виртуальность, или используют возможности дополненной реальности, видя в технологиях новые средства выразительности[9, с. 123-124].

Технологии виртуальной и дополненной реальности начинают активно применяться в профессиональной сфере, включая дистанционную работу, обучение сотрудников, проведение конференций и других рабочих процессов. Это поднимает ряд вопросов, касающихся трудового законодательства.

Использование VR и AR для удаленной работы может привести к сложностям в определении рабочего времени и сверхурочных часов. Например, если работодатель требует от сотрудника присутствия на виртуальных собраниях или выполнения рабочих задач в виртуальной реальности, необходимо четко установить правила учета времени, чтобы избежать злоупотреблений.

Еще одним важным вопросом является обеспечение безопасности труда в виртуальной среде. Сотрудники, использующие VR-гарнитуры, могут подвергаться физическим и психологическим нагрузкам, что требует разработки соответствующих норм охраны труда. Например, длительное использование VR-устройств может привести к усталости глаз, головным болям или даже психологическому дискомфорту, что требует установления обязательных перерывов и других мер предосторожности. При всем при том необходимо понимать, что технологии виртуальной и дополненной реальности все-таки несут в себе значительно больше пользы, чем вреда. Становятся доступными новые профессии, связанные с созданием виртуальных миров и улучшенной реальности, такие как разработчики, дизайнеры, программисты, аниматоры и т.д. Это создает новые возможности для бизнеса и карьерного роста[10. с.70].

С учетом всех вышеперечисленных проблем становится очевидным, что регулирование виртуальной и дополненной реальности требует комплексного подхода. Развитие технологий опережает существующее законодательство, что создает «правовые вакуумы», которые необходимо заполнять новыми нормами и законами. Государства должны адаптировать свои правовые системы к новым реалиям, создавая механизмы защиты прав пользователей и регулирования экономической деятельности в виртуальной среде.

Одним из ключевых направлений будущего правового регулирования станет создание международных стандартов для VR и AR. Уже сегодня существует ряд инициатив, направленных на разработку глобальных правил для регулирования виртуальной реальности. Однако для их успешного внедрения потребуется согласование интересов разных государств и компаний, что может занять значительное время.

Другим важным аспектом станет разработка инструментов для защиты прав интеллектуальной собственности и обеспечения безопасности персональных данных. Здесь важную роль будут играть технологии блокчейна, которые могут обеспечить прозрачность транзакций и защиту данных. Однако для этого потребуется обновление законодательных норм, регулирующих использование таких технологий.

Современная эпоха характеризуется тем, что резко возрастает информационная оснащенность реализации социальных интересов[11, с. 304]. И именно по этой причине необходимость в виртуальной и дополненной реальности будет только лишь возрастать.

Виртуальная и дополненная реальность имеют огромный потенциал для развития общества и экономики, но также создают множество правовых проблем, которые требуют незамедлительного решения. Государствам и международным организациям предстоит большая работа по созданию комплексной правовой базы, которая обеспечит защиту прав пользователей и регулирование деятельности в виртуальных мирах.

В течение следующих десяти лет экономика будет существенно развиваться, чему способствуют инновации в области технологий и бизнес-моделей. Как уже говорилось ранее, Интернет будет способствовать радикальным сдвигам во всех секторах будущей интернет-экономики[12, с. 113].

Цифровая реальность оказывает непосредственное воздействие на физиологию современной молодежи[13, с. 92].Это также надо учитывать при регулировании цифровых процессов. Если нормативно-правовое регулирование будет эффективным, то и развитие цифровой среды также будет безопасным и эффективным.

Дополнительно необходимо учесть вопросы юрисдикции и правоприменения в виртуальной среде. Виртуальные миры не ограничиваются физическими границами, и пользователи могут находиться в разных странах, что усложняет определение того, какие законы применимы к их действиям. Это создает пробелы в правоприменительной практике и затрудняет защиту прав пострадавших в виртуальных мирах.

Также нельзя игнорировать этические вопросы, связанные с использованием VR и AR. Технологии могут использоваться для манипуляций, контроля сознания или дискриминации, что требует разработки международных стандартов и правовых механизмов для защиты прав личности в виртуальной среде. Особое внимание необходимо уделить защите прав детей, которые являются одними из наиболее активных пользователей новых технологий.

Список литературы:

1. Ивлиев П.В. Крижановская Г.Н. Цифровизация экономики: правовое регулирование и пути развития // Теория государства и права – 2023 г. – 4 (33). – С. 127-136.
2. Лаврентьев А.Н., Жердев Е.В. От обманок и диорам – к измененной и виртуальной реальности (виртуальная реальность в контексте истории визуальной культуры) // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда, вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. – 2022 г. – № 4-2. — С. 12-35.
3. Дремлюга Р.И. Виртуальная реальность: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. – 2020 г. – № 9 (118). – С. 39-49
4. Попов Р.М. Проблемы правового регулирования онлайновых игр: реальные и виртуальной реальности // гражданин и право. – 2010 г. – № 10. – С. 72-75.
5. Дремлюга Р.И., Крипакова А.В. Преступления в виртуальной реальности: миф или реальность? // – Актуальные проблемы российского права. – 2019 г. – № 3 (100). – С. 161-169.
6. Ананьева Е.О., Ивлиев П.В. К проблеме становления информационного общества в новую технологическую эпоху // Право и государство: теория и практика. – 2021 г. – № 11 (203). – С. 95-98
7. Исмоилов Ш.М. Виртуальная реальность и дополненная реальность в образовательных дисциплинах // – Инновационные решения для повышения конкурентоспособности отечественной науки – статья в сборнике трудов конференции. – 2024 г. – С. 29-31.
8. Айвазова Ю.А., Козлова Н.Ш. Виртуальная реальность в образовании – реальность? // студент и наука. – 2019 г. – 4 (11). – С. 39-43.
9. Сероштанова Н.Ю., Смирнова Н.А. Направления цифрового искусства: дополненная реальность, виртуальная реальность, компьютерные игры, мэппинг // Цифровые технологии в культуре и искусстве, Статья в сборнике трудов конференции – 2021 г. – С. 123-132.
10. Румянцева В.С. Технологии физической реальности: расширенная и виртуальная реальность и их потенциал для бизнеса и развлечений. // – Студенческие научные исследования – статья в сборнике трудов конференции. – 2023. – С. 69-71.
11. Ильин А.А. Интернет-реальность как социальная актуальная и виртуальная реальности // Социальная политика и социология – 2009 г. – 2 (44) – С. 304-310.
12. Бахолдина Е.А., Каретников Н.С., Ташник И.В., Флоря Д.А., Савинов Ю.А. Цифровая трансформация промышленности с помощью Интернет-технологий // Российский внешнеэкономический вестник. – 2018 г. – 9. – С. 111-121.
13. Кугай А.И., Михайлова В.В. Цифровое поколение:угрозы и надежды в эпоху информационно-цифровой цивилизации // Управленческое консультирование. – 2019 г. – 7(127). – С. 90-99

References:

1. Ivliev P.V., Krizhanovskaya G.N. Digitalization of the Economy: Legal Regulation and Development Paths // Theory of State and Law – 2023. – 4 (33). – P. 127-136.
2. Lavrentiev A.N., Zherdev E.V. From Trompe-l'oeil and Dioramas – to a Modified and Virtual Reality (Virtual Reality in the Context of the History of Visual Culture) // Decorative Arts and Subject-Spatial Environment, Bulletin of the Stroganov Russian State University of Art and Industry. – 2022. – No. 4-2. — P. 12-35.
3. Dremlyuga R.I. Virtual Reality: Problems of Legal Regulation // Actual Problems of Russian Law. – 2020. – No. 9 (118). – P. 39-49
4. Popov R.M. Problems of legal regulation of online games: real and virtual reality // citizen and law. - 2010. - No. 10. - Pp. 72-75.
5. Dremlyuga R.I., Kripakova A.V. Crimes in virtual reality: myth or reality? // - Actual problems of Russian law. - 2019. - No. 3 (100). - Pp. 161-169.
6. Ananyeva E.O., Ivliev P.V. On the problem of the formation of the information society in the new technological era // Law and state: theory and practice. - 2021. - No. 11 (203). - Pp. 95-98
7. Ismoilov Sh.M. Virtual reality and augmented reality in educational disciplines // - Innovative solutions for improving the competitiveness of domestic science - article in the conference proceedings. – 2024. – P. 29-31.
8. Aivazova Yu. A., Kozlova N. Sh. Virtual reality in education – reality? // Student and science. – 2019. – 4 (11). – P. 39-43.
9. Seroshtanova N. Yu., Smirnova N. A. Directions of digital art: augmented reality, virtual reality, computer games, mapping // Digital technologies in culture and art, Article in conference proceedings – 2021. – P. 123-132.
10. Rumyantseva V. S. Technologies of physical reality: augmented and virtual reality and their potential for business and entertainment. // – Student research – article in conference proceedings. – 2023. – P. 69-71.
11. Ilyin A.A. Internet reality as a social actual and virtual reality // Social policy and sociology - 2009. - 2 (44) - P. 304-310.
12. Bakholdina E.A., Karetnikov N.S., Tashnik I.V., Florya D.A., Savinov Yu.A. Digital transformation of industry using Internet technologies // Russian Foreign Economic Bulletin. - 2018. - 9. - P. 111-121.
13. Kugai A.I., Mikhailova V.V. Digital generation: threats and hopes in the era of information and digital civilization // Management consulting. - 2019. - 7 (127). - P. 90-99

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_610

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РИСКА ПЛАСТИЧЕСКОГО ХИРУРГА
THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE PROFESSIONAL RISK OF A PLASTIC SURGEON

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич
ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов»
филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры», адвокат.
191187, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6А.
E-mail: ur-fin@mail.ru
YASTREMSKY Ivan Anatolyevich
NGO "Leningrad Regional Bar Association"
branch "Pelevin and Partners Law Firm", lawyer.
6A Gagarinskaya str., Saint Petersburg, 191187,
E-mail: ur-fin@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье исследованы теоретико-правовые аспекты профессионального риска пластического хирурга. Установлено, что профессиональный риск пластического хирурга - это обдуманное принятие им решений в сложных клинических ситуациях, основанное на научных знаниях, практическом опыте, оценке пользы и возможного вреда для пациента. Раскрыто, что пластический хирург, имеющий требуемый уровень квалификации, вправе идти на обоснованный риск при оказании медицинской помощи, если это необходимо для улучшения здоровья пациента. При этом риск обоснован, если исчерпаны другие варианты лечения и пластическим хирургом приняты все возможные меры для уменьшения вреда, и при условии соблюдения установленных стандартов. Выявлено, что на практике при наличии признаков обоснованного риска действия соответствующего медицинского работника квалифицируют по признакам крайней необходимости. Отмечено, что профессиональный риск медицинских работников представляет собой вероятность утраты (снижения) заработка в связи с полной или частичной потерей трудоспособности из-за длительных нагрузок работника, а также воздействия на него неблагоприятных факторов. Раскрыто, что к способам защиты медицинских работников от профессионального риска относятся: сокращенная продолжительность рабочего времени (не более 39 часов в неделю), предоставление дополнительного отпуска, проведение обязательных медосмотров и т.д. Сделан вывод, что особенности труда медицинских работников регулирует только ст. 350 ТК РФ, что не учитывает нюансы особенностей деятельности врачей, поэтому вопросы, связанные с возмещением профессионального риска медицинских работников, нуждается в проработке. Учитывая указанные риски, обосновано, что страхование профессиональной ответственности является абсолютной необходимостью для врачей, поскольку оно обеспечивает финансовую защиту от судебных споров, возникающих в связи с медицинской халатностью или ошибками при выполнении своих профессиональных обязанностей.*

Abstract. *The article examines the theoretical and legal aspects of professional risk of a plastic surgeon. It is established that professional risk of a plastic surgeon is a deliberate decision-making in complex clinical situations based on scientific knowledge, practical experience, and assessment of the benefits and possible harm to the patient. It is disclosed that a plastic surgeon with the required level of qualification has the right to take a justified risk when providing medical care if this is necessary to improve the patient's health. At the same time, the risk is justified if other treatment options have been exhausted and the plastic surgeon has taken all possible measures to reduce harm, and subject to compliance with established standards. It is revealed that in practice, if there are signs of justified risk, the actions of the relevant medical worker are qualified according to signs of extreme necessity. It is noted that the professional risk of medical workers is the likelihood of loss (reduction) of earnings due to complete or partial loss of working capacity due to long-term workloads of the employee, as well as the impact of unfavorable factors on him. It is disclosed that the methods of protecting medical workers from professional risks include: reduced working hours (no more than 39 hours per week), provision of additional leave, mandatory medical examinations, etc. It is concluded that the specifics of the work of medical workers are regulated only by Art. 350 of the Labor Code of the Russian Federation, which does not take into account the nuances of the specifics of the activities of doctors, therefore, issues related to compensation for professional risks of medical workers need to be worked out. Given these risks, it is justified that professional liability insurance is an absolute necessity for doctors, since it provides financial protection from litigation arising from medical negligence or errors in the performance of their professional duties.*

Ключевые слова: *пластический хирург, риск, профессиональный риск, обоснованный риск, врач, медицинский работник, медицинская помощь, вред, пациент.*
Keywords: *plastic surgeon, risk, professional risk, justified risk, doctor, health worker, medical care, harm, patient.*

Для цитирования: *Ястремский И.А. Теоретико-правовые аспекты профессионального риска пластического хирурга // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 610-612. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_610.*
For citation*: Yastremsky I.A. Theoretical and legal aspects of professional risk of a plastic surgeon // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 610-612. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_610.*

Статья поступила в редакцию: 12.09.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Поскольку медицинская деятельность предполагает определенную вероятность наступления негативного для пациента исхода, ее ключевым признаком является признак рискованности. Поэтому профессиональный риск является неотъемлемой составляющей работы пластического хирурга.

Хирургические операции имеют самый высокий риск негативных последствий их проведения. Поэтому необходимо учитывать связанные с ними риски и в то же время признавать, что всегда гарантировать положительный результат медицинского вмешательства не представляется возможным.

К врачам, специализирующимся на направлениях с повышенной ответственностью, таких как хирургия, предъявляются высокие требования к качеству их работы. Это вызвано тем, что их деятельность напрямую влияет на сохранение жизней.

Несмотря на высокий уровень их знаний и умений, сложность выполняемых медицинских вмешательств и критичность ситуаций, в которых они действуют, неизбежно возникает вероятность осложнений или неблагоприятных исходов. Деятельность в таких условиях предполагает выполнение сложных процедур, принятие незамедлительных решений с далеко идущими последствиями, а также оказание медицинской помощи

пациентам в сложном или угрожающем жизни состоянии.

Высокий риск в пластической хирургии обусловлен следующими основными причинами:

1. Природа хирургических операций: хирургические вмешательства по своей природе требуют инвазивные манипуляции, где даже малейшие ошибки могут привести к серьезным последствиям. Чем сложнее операция, тем выше вероятность осложнений.

2. Работа в критических ситуациях: хирургическая практика часто связана с экстренными, чрезвычайными состояниями. Любое промедление или ошибка в таких условиях может привести к опасным последствиям, что делает эту работу очень ответственной.

3. Высокие ожидания пациентов: в пластической хирургии, где вмешательства часто носят не обязательный характер, ожидания пациентов от результата бывают крайне высокими. Даже при технически грамотным проведении операции, неудовлетворенность пациента может стать причиной судебных разбирательств.

Несмотря на свою основную цель – сохранение и улучшение здоровья, медицинская деятельность неизбежно сопряжена с рисками для пациентов. Эти риски могут проявляться при хирургических операциях, требующих проникновения в организм или при назначении сильнодействующих препаратов. Они могут быть обусловлены различными факторами: анатомическими особенности пациента, анамнезами, некорректной работой оборудования и т.п.

Поскольку медицина не является точной наукой, пластические хирурги обладают определенной свободой усмотрения в принятии решений, даже в рамках медицинских стандартов и клинических рекомендаций. В некоторых случаях выбор может быть сделан в пользу лечения рискованного, но потенциально более эффективного лечения.

Профессиональный риск пластического хирурга - это обдуманное принятие им решений в условиях клинической неопределенности, опирающееся на научные данные, опыт работы и оценку возможных пользы и вреда для пациента. К случаям профессионального риска пластического хирурга можно отнести: применение нового лекарства, когда его безопасность и эффективность еще полностью не апробированы на практике, либо неотложная пластическая операция, когда у пластического хирурга имеется ограниченная информация о состоянии пациента.

Медицинский риск имеет место, когда пластический хирург, действуя в интересах пациента, для улучшения его здоровья, применяет новые или нестандартные методы лечения пациента, в связи с неэффективностью общепринятых методов.

Поскольку медицинский риск допускает вероятность причинения вреда жизни и здоровью пациента, данный риск должен быть максимально обоснованным[1]. При обоснованном риске излечение пациента невозможно способом, не связанным с риском, с условием о вероятности негативного результата медицинского вмешательства[2].

Данный риск подразумевает цель сохранения жизни или устранения опасности здоровью пациента, действиями специалистов, имеющих необходимые знания и опыт[3].

Пластический хирург может идти на обоснованный риск, если это необходимо для улучшения здоровья пациента. Риск правомерен, если использованы другие способы лечения, но они не дали результата и пластическим хирургом осуществлены все возможные меры для уменьшения вреда и соблюдены установленные стандарты.

Правомерный медицинский риск предпринимается в соответствии с правовыми нормами и правилами медицинской этики, пластическим хирургом, обладающим требуемой для проведения медицинского вмешательства квалификацией. Риск, допущенный некомпетентным медицинским работником, не может признаваться обоснованным[4].

При проведении рискованного медицинского вмешательства пластический хирург должен сделать все от себя зависящее, чтобы снизить риск его негативного исхода для пациента. Для этого он использует свои знания, опыт, достижения науки, соблюдает стандарты и клинические рекомендации.

От пластических хирургов требуется постоянное совершенствование своих знаний и умений, использование новых методов лечения и научных достижений, которые способствуют минимизации рисков[5].

Но даже при соблюдении медицинских порядков и правил, риск для здоровья пациента сохраняется. Со своей стороны пластический хирург несет ответственность за последствия принятого решения и оценку достаточности мер по уменьшению риска.

Обязательным условием правомерности обоснованного риска является добровольное согласие пациента на предложенное пластическим хирургом медицинское вмешательство.

Соответственно, медицинская услуга не должна допускать необоснованный риск. При этом сама по себе медицинская помощь предполагает риск возникновения осложнений, предсказать течение и исход которых не всегда возможно.

Если медицинские работники ненадлежащим образом исполняют свои профессиональные обязанности при оказании медицинской помощи, что приводит к смерти пациента или причинению тяжкого вреда его здоровью, эти действия квалифицируются по статьям 109 (часть 2) и 118 (часть 2) Уголовного кодекса РФ. Данные преступления, именуемые в юридической литературе ятрогенными, характеризуются специальным субъектом и совершаются в связи с профессиональной деятельностью. Субъективная сторона указанных составов включает в себя неосторожность.

[1] Акопов В.И. Медицинское право в вопросах и ответах. М., 2000. С. 204.
[2] Шаяхметова А.Р. Правомерный (обоснованный) риск в сфере медицинской деятельности // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 11А. С. 58.
[3] Лопатина Т.М. Пределы уголовной ответственности при медицинском риске // Российский юридический журнал. 2023. N 5. С. 91 - 98.
[4] Золотых В.В., Жуков С.П. Обоснованный риск в медицинской деятельности // Медицинское право. 2004. № 4.
[5] Битеев В., Мазин П., Пономарев Г. Обоснованный риск: проблемы толкования и практического применения // Уголовное право. 2002. № 1. С. 22-24.

На практике при наличии признаков обоснованного риска действия соответствующего медицинского работника квалифицируют по признакам крайней необходимости. Действия пластического хирурга, повлекшие вредные последствия, не будут признаны обоснованными, если у него существовала возможность нерискованного лечения или улучшения состояния пациента.

В то же время, деятельность пластических хирургов подвержена повышенным интеллектуальным, нервно-психическим, физическим нагрузкам с большим количеством стрессовых ситуаций, воздействию вредных условий труда, что приводит к значительному напряжению сил. Соответственно, сам труд медицинских работников представляет опасность для их здоровья, что выступает профессиональным риском.

В данном контексте профессиональный риск медицинских работников - это вероятность утраты (снижения) заработка в связи с потерей трудоспособности из-за длительных нагрузок работника, а также воздействия на него неблагоприятных факторов[1].

Принимая во внимание потенциальные риски, страхование профессиональной ответственности является насущной необходимостью для пластических хирургов. Оно обеспечивает финансовую защиту от претензий и судебных исков, инициированных из-за медицинской небрежности или дефектов медицинской помощи. Страховой полис покрывает расходы, связанные с судебными издержками, способствует урегулированию споров или возмещению вреда, причиненного пациентам.

Учитывая растущую осведомленность пациентов о своих правах и рост числа судебных исков, наличие надежной страховой защиты является залогом того, что пластические хирурги могут продолжать свою профессиональную деятельность без страха финансовых проблем в случае судебного иска.

Согласно ст. 214 ТК РФ, клиника пластической хирургии должна обеспечить обнаружение профессиональных рисков с осуществлением их регулярной оценки, функционирование системы охраны труда.

К способам защиты медицинских работников от профессионального риска относятся: сокращенная длительность рабочего времени (не более 39 часов в неделю), дополнительный отпуск, проведение обязательных медосмотров и т.д. При этом особенности труда медицинских работников регулирует только ст. 350 ТК РФ, что не учитывает должным образом нюансы их деятельности. По мнению автора, вопросы, связанные с возмещением профессионального риска медицинских работников нуждается в проработке.

Таким образом, хирургические операции имеют самый высокий риск негативных последствий их проведения. сложность выполняемых медицинских вмешательств и критичность ситуаций, в которых они выполняются, неизбежно повышают вероятность осложнений или неблагоприятных исходов. Высокий риск в пластической хирургии обусловлен следующими основными причинами: природой хирургических операций, работой в критических ситуациях, высокими ожиданиями пациентов. Профессиональный риск пластического хирурга - это обдуманное принятие им решений в сложных клинических ситуациях, основанное на научных знаниях, практическом опыте, оценке пользы и возможного вреда для пациента. Пластический хирург, имеющий требуемый уровень квалификации, вправе идти на обоснованный риск при оказании медицинской помощи, если это необходимо для улучшения здоровья пациента. При этом риск обоснован, если исчерпаны другие варианты лечения и пластическим хирургом приняты все возможные меры для уменьшения вреда, при условии соблюдения установленных стандартов. На практике при наличии признаков обоснованного риска действия соответствующего медицинского работника квалифицируют по признакам крайней необходимости. К способам защиты медицинских работников от профессионального риска относятся: сокращенная продолжительность рабочего времени (не более 39 часов в неделю), предоставление дополнительного отпуска, проведение обязательных медосмотров и т.д. Современное трудовое законодательство недостаточно раскрывает особенности деятельности врачей, поэтому регулирование вопросов возмещения их профессионального риска нуждается в совершенствовании. Страхование профессиональной ответственности является абсолютной необходимостью для врачей, поскольку оно обеспечивает финансовую защиту от судебных исков, возникающих в связи с медицинской халатностью или ошибками при выполнении своих профессиональных обязанностей.

Список литературы

1. Акопов В.И. Медицинское право в вопросах и ответах. М., 2000. С. 204.
2. Битеев В., Мазин П., Пономарев Г. Обоснованный риск: проблемы толкования и практического применения // Уголовное право. 2002. № 1. С. 22-24.
3. Золотых В.В., Жуков С.П. Обоснованный риск в медицинской деятельности // Медицинское право. 2004. № 4.
4. Лопатина Т.М. Пределы уголовной ответственности при медицинском риске // Российский юридический журнал. 2023. N 5. С. 91 - 98.
5. Соколова Н.А. Профессиональный риск медицинских работников и его компенсация средствами трудового права. URL: https://www.sovremennoepravo.ru/.
6. Шаяхметова А.Р. Правомерный (обоснованный) риск в сфере медицинской деятельности // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 11А. С. 58.

References

1. Akopov V.I. Medical law in questions and answers. Moscow, 2000. p. 204.
2. Bitiev V., Mazin P., Ponomarev G. Justified risk: problems of interpretation and practical application // Criminal law. 2002. No. 1. pp. 22-24.
3. Zolotykh V.V., Zhukov S.P. Reasonable risk in medical activity // Medical law. 2004. № 4.
4. Lopatina T.M. The limits of criminal liability at medical risk // Russian Law Journal. 2023. N 5. pp. 91-98.
5. Sokolova N.A. Occupational risk of medical workers and its compensation by means of labor law. URL: https://www.sovremennoepravo.ru
6. Shayakhmetova A.R. Legitimate (justified) risk in the field of medical activity // Issues of Russian and international law. 2018. Volume 8. No. 11A. P. 58.

[1] Соколова Н.А. Профессиональный риск медицинских работников и его компенсация средствами трудового права. URL: https://www.sovremennoepravo.ru/.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_613

ПРИЧИНЫ ОТМЕНЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ И ЖИЛЫЕ ДОМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
REASONS FOR TERMINATION OF OWNERSHIP RIGHTS TO LAND PLOTS AND RESIDENTIAL HOUSES IN THE REPUBLIC OF BELARUS

РЫЖИК Андрей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор кафедры РГАИС.
117279, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55А.
E-mail: aspirant8381@mail.ru
RYZHIK Andrey Vladimirovich
Doctor of Law, Professor of the RGAIS Department.
55A Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117279, Russia.
E-mail: aspirant8381@mail.ru

Краткая аннотация: *Значимость исследования обусловлена необходимостью анализа обстоятельств, при которых собственники теряют право на землю и жилую недвижимость в Беларуси. Законодательство закрепляет основания прекращения права собственности, но правоприменение демонстрирует разнообразие подходов, что делает тему особенно актуальной. Выявление факторов, способствующих отмене собственности, позволяет уточнить механизм защиты прав собственников и усилить гарантии соблюдения публичных интересов.*

Abstract: *The relevance of this study arises from the need to examine circumstances under which owners may lose ownership of land plots and residential property in Belarus. The legal framework defines conditions for termination of property rights, yet law enforcement practice reveals a range of approaches, highlighting the importance of the topic. Identification of factors leading to the revocation of ownership contributes to refining the mechanisms for safeguarding owners' rights and strengthening the protection of public interests.*

Ключевые слова: *право собственности, земельные участки, жилые дома, прекращение права собственности, защита прав, Республика Беларусь.*

Key words: *property rights, land plots, residential houses, termination of property rights, rights protection, Republic of Belarus.*

Для цитирования: *Рыжик А.В. Причины отмены права собственности на земельные участки и жилые дома в Республике Беларусь // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 613-615. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_613.*

For citation*: Ryzhik A.V. Reasons for the abolition of ownership of land and residential buildings in the Republic of Belarus // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 613-615. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_613.*

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Право собственности на земельные участки и жилые дома в Республике Беларусь является ключевым институтом гражданского права, обеспечивающим стабильность имущественных отношений и защиту экономических интересов граждан[1]. Однако практика применения гражданского законодательства демонстрирует наличие случаев прекращения или отмены права собственности, что вызывает необходимость анализа юридических и социальных оснований таких действий. Е. Ю. Андреева отмечает: "право собственности, как основной элемент имущественных отношений, подлежит ограничению и отмене в случаях, когда использование объекта нарушает общественные интересы или установленные нормы"[2]. Данное положение подтверждает важность системного подхода к регулированию и правоприменению в сфере недвижимости, включая земельные участки и жилые дома, с учетом интересов государства и граждан.

Одной из значимых причин отмены права собственности является необходимость изъятия земельных участков для государственных нужд, что закреплено в нормативных правовых актах. В Указе Президента Республики Беларусь № 58 от 2 февраля 2009 года, в редакции от 31 марта 2025 года № 130, определено, что "имущественные права могут быть ограничены или прекращены при осуществлении мероприятий государственного интереса, включая строительство объектов инфраструктуры и социальных учреждений"[3]. Такой механизм призван обеспечивать баланс между частными интересами собственников и общественными потребностями, однако вызывает необходимость уточнения процедур компенсации и защиты прав граждан[4]. А. В. Рыжик подчеркивает: "эффективность защиты собственников при изъятии имущества напрямую зависит от нормативного закрепления порядка компенсации и механизмов обжалования решений государственных органов"[5].

В свете замечания А. В. Рыжика можно утверждать, что эффективность защиты собственников при изъятии имущества во многом определяется не только формальным наличием нормативных актов, но и реальной практической реализуемостью закрепленных процедур. На практике даже корректно сформулированные правила компенсации могут оказаться недостаточными, если отсутствует прозрачный механизм обжалования решений государственных органов или если судебная система перегружена и не обеспечивает своевременное рассмотрение споров. «При сравнении с практикой Германии и США видно, что сочетание прозрачного регулирования и реальной возможности защиты прав собственников через судебные процедуры существенно снижает вероятность конфликтов и обеспечивает баланс между государственными интересами и правами частных лиц»[6].

---

[1] Астахова, М. А. Объект субъективного гражданского права : понятие и признаки / М. А. Астахова // Гражданское право. – 2016. – № 2. – С. 3.
[2] Андреева, Е. Ю. Проблемы оборота объектов гражданских прав в современной науке и юридической практике / Е. Ю. Андреева // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2021. – № 131. – С. 248.
[3] О некоторых мерах по защите имущественных прав при изъятии земельных участков для государственных нужд : Указ Президента Республики Беларусь от 2 февраля 2009 г. № 58, в ред. от 31 марта 2025 г. № 130 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.
[4] Ламейкина, Е.Ю. Особенности осуществления и защиты права собственности супругов: Автореф. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. – 301 с.
[5] Рыжик, А.В. Защита интересов собственников в гражданском праве Республики Беларусь // Вестник экономической безопасности. 2025. №4. С. 2.
[6] Рыжик, А.В. Защита интересов собственников в гражданском праве Республики Беларусь // Вестник экономической безопасности. 2025. №4. С. 4

Примером международной практики является опыт Германии, где изъятие земельных участков регулируется принципами общественного интереса, при этом собственник обязательно получает справедливую компенсацию, а судебные органы строго контролируют соблюдение процедур[1]. В Беларуси аналогичный подход отражается в решениях Верховного суда Республики Беларусь, где суд при рассмотрении дела № 2-23/2024 установил законность изъятия земельного участка под строительство городской транспортной инфраструктуры, с предоставлением гражданину компенсации, соответствующей рыночной стоимости[2].

Второй причиной является нарушение правил и условий использования земельных участков и жилых домов. Гражданский кодекс Республики Беларусь в редакции Закона № 195-З от 18 июля 2022 года устанавливает, что "собственник обязан использовать имущество в соответствии с его целевым назначением и требованиями законодательства"[3]. Невыполнение этих требований может привести к ограничению или прекращению права собственности через судебное решение. С. Б. Матвийчук и О. В. Шелков отмечают: "нецелевое использование земельного участка или жилого дома создает правовую основу для отмены права собственности и последующего перераспределения имущества"[4].

На наш взгляд, наблюдаемая практика применения норм о целевом использовании имущества свидетельствует о том, что формальное закрепление обязанностей собственника недостаточно для предотвращения злоупотреблений. Ключевым представляется именно системный контроль и возможность своевременного выявления нарушений целевого назначения земельных участков и жилых домов. Важно, что судебное вмешательство в данном случае не должно носить исключительно карательный характер, но должно предусматривать комплекс мер, включая корректировку использования имущества, предупреждения и, при необходимости, перераспределение прав собственности. Анализ зарубежного опыта, например, в Японии и Германии, показывает, что комбинирование превентивного контроля и эффективных процедур перераспределения имущества снижает риски конфликта между интересами собственников и общественными задачами планирования городской среды.

Пример из судебной практики Республики Беларусь показывает, что «суд отменил право собственности на жилой дом, построенный на земельном участке, предназначенном для сельскохозяйственного использования, ссылаясь на нарушение целевого назначения и невозможность корректировки использования без ущерба для третьих лиц»[5]. В США схожая практика наблюдается при нарушении зонирования: если частная недвижимость используется не по назначению, суд может обязать собственника либо прекратить использование, либо лишить права собственности через механизмы конфискации в общественных интересах[6].

Кроме того, юридическая практика демонстрирует, что основанием для отмены права собственности является незаконное оформление документов или регистрационных действий. Закон Республики Беларусь «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» от 22 июля 2002 года, в редакции от 10 октября 2022 года № 209-З, предусматривает, что "сделка, совершенная с нарушением правил государственной регистрации, может быть признана недействительной, а право собственности – отменено"[7]. О. Ю. Скворцов подчеркивает: "недействительные сделки в коммерческом обороте недвижимости создают реальную угрозу нарушения прав добросовестных участников оборота и могут служить основанием для аннулирования прав собственности"[8].

Судебная практика Верховного суда Республики Беларусь подтверждает, что право собственности может быть отменено при выявлении фиктивных сделок или регистрации объектов с подложными документами, даже если предыдущие владельцы считали себя добросовестными. Например, по делу № 4-17/2025 суд признал недействительной сделку купли-продажи земельного участка, совершенную с поддельными документами, что повлекло прекращение права собственности покупателя и восстановление права первоначального собственника[9].

Особое внимание следует уделить семейно-правовым аспектам прекращения права собственности. При расторжении брака вопросы собственности на жилые дома и земельные участки часто становятся предметом судебного разбирательства. А. В. Рыжик отмечает: "раздел имущества супругов в судебной практике демонстрирует, что недостаточная детализация законодательных норм и отсутствие прозрачного механизма оценки имущественных прав могут привести к фактической отмене права собственности одного из супругов"[10]. К. И. Скловский также отмечает: "судебная практика показывает, что корректная оценка долей супругов и прозрачная процедура раздела имущества предотвращает неправомерное лишение права собственности и способствует соблюдению прав всех участников"[11].

На практике выявляется, что нарушения норм жилищного права могут приводить к ограничению прав собственности на жилые дома. Жилищный кодекс Республики Беларусь от 28 августа 2012 года № 428-З в редакции Закона № 37-З от 11 ноября 2024 года устанавливает, что "в случае нарушения правил содержания жилого помещения и задолженности по коммунальным платежам собственник может быть ограничен в

[1] Скловский, К. И. Собственность в гражданском праве / К.И. Скловский. – 5-е изд., перераб. – М. : Статут, 2010. – С. 412.
[2] Верховный суд Республики Беларусь : Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL : https ://court.gov.by/ (дата обращения : 08.01.2026).
[3] Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 июля 2022 г. № 195-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.
[4] Матвийчук С.Б. Определение общего и раздельного имущества супругов при расторжении брака: теория и судебная практика // Актуальные проблемы гражданского права: Сб. науч. тр. Минск, 2018. Вып. 1 (11). С. 82.
[5] Верховный суд Республики Беларусь : Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL : https ://court.gov.by/ (дата обращения : 08.01.2026).
[6] Скловский, К. И. Собственность в гражданском праве / К.И. Скловский. – 5-е изд., перераб. – М. : Статут, 2010. – С. 421.
[7] О правовом воспитании и просвещении граждан в 2024–2029 годах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 12 января 2024 г. № 24 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.
[8] Скворцов, О. Ю. Сделки с недвижимостью в коммерческом обороте : учебно– практическое пособие / О. Ю. Скворцов. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – С. 120.
[9] Верховный суд Республики Беларусь : Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL : https ://court.gov.by/ (дата обращения : 08.01.2026).
[10] Рыжик, А.В. Имущественные интересы граждан в гражданском праве Республики Беларусь // Образование. Наука. Научные кадры. 2025. № 1. С. 130.
[11] Скловский, К. И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы : моногр. / К.И. Скловский. – М. : Статут, 2001. – С. 198.

пользовании, а при существенных нарушениях – лишен права собственности"[1]. Л. А. Смолина отмечает: "защита прав добросовестного собственника и регулирование вопросов долгов супругов требует детализированных процедур, чтобы исключить необоснованное прекращение права собственности"[2].

Пример международной практики в этой сфере можно наблюдать в Великобритании: если собственник систематически нарушает нормы содержания жилья или не оплачивает коммунальные платежи, суд может вынести решение о принудительном отчуждении имущества, при этом осуществляется компенсация и возможность пересмотра дела при исправлении нарушений[3].

Таким образом, анализ причин отмены права собственности на земельные участки и жилые дома в Республике Беларусь демонстрирует комплексность факторов, включающих государственные интересы, нарушение правил использования имущества, незаконные регистрационные действия, имущественные споры супругов и нарушения жилищного законодательства. Примеры из судебной практики и зарубежного опыта позволяют выявить необходимость совершенствования процедур государственной регистрации, уточнения механизмов компенсации и обеспечения защиты добросовестных собственников. Совокупность этих мер создаёт условия для устойчивого развития имущественных отношений и укрепления правовой защиты граждан.

Список литературы:

1 Андреева, Е. Ю. Проблемы оборота объектов гражданских прав в современной науке и юридической практике / Е. Ю. Андреева // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2021. – № 131. – С. 245–255.

2 Астахова, М. А. Объект субъективного гражданского права : понятие и признаки / М. А. Астахова // Гражданское право. – 2016. – № 2. – С. 2–6.

3 Верховный суд Республики Беларусь : Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL : https ://court.gov.by/ (дата обращения : 08.01.2026).

4 Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 июля 2022 г. № 195-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.

5 Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2023 г. № 284-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.

6 Жилищный кодекс Республики Беларусь : 28 августа 2012 г. № 428-З, в ред. Закона Респ. Беларусь от 11 ноября 2024 г. № 37-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.

7 Ламейкина, Е.Ю. Особенности осуществления и защиты права собственности супругов: Автореф. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. – 301 с.

8 Матвийчук С.Б. Определение общего и раздельного имущества супругов при расторжении брака: теория и судебная практика // Актуальные проблемы гражданского права: Сб. науч. тр. Минск, 2018. Вып. 1 (11). С. 79-87.

9 О некоторых мерах по защите имущественных прав при изъятии земельных участков для государственных нужд : Указ Президента Республики Беларусь от 2 февраля 2009 г. № 58, в ред. от 31 марта 2025 г. № 130 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.

10 О правовом воспитании и просвещении граждан в 2024–2029 годах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 12 января 2024 г. № 24 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.

11 Рыжик, А.В. Защита интересов собственников в гражданском праве Республики Беларусь // Вестник экономической безопасности. 2025. №4. URL : https ://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-interesov-sobstvennikov-v-grazhdanskom-prave-respubliki-belarus (дата обращения : 10.01.2026).

12 Рыжик, А.В. Имущественные интересы граждан в гражданском праве Республики Беларусь // Образование. Наука. Научные кадры. 2025. № 1. С. 127—133. https ://doi.org/10.24412/2073-3305-2025-1-127-133. EDN : https ://elibrary.ru/ODLHAI.

13 Скворцов О.Ю. Сделки с недвижимостью в коммерческом обороте : учебно-практическое пособие / О.Ю. Скворцов. М. : Волтерс Клувер, 2006. 368 с.

14 Скловский, К. И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы : моногр. / К.И. Скловский. – М. : Статут, 2001. – 365 с.

15 Скловский, К. И. Собственность в гражданском праве / К.И. Скловский. – 5-е изд., перераб. – М. : Статут, 2010. – 893 с.

16 Смолина, Л.А. Раздел долгов супругов: проблемы защиты прав добросовестного супруга и варианты решения / / Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 11. С. 94-106.

References:

1. Andreeva, E. Y. Problems of turnover of objects of civil rights in modern science and legal practice / E. Y. Andreeva // Izvestiya RSPU named after A. I. Herzen. – 2021. – No. 131. – pp. 245-255.

2. Astakhova, M. A. The object of subjective civil law : the concept and features / M. A. Astakhova // Civil law. – 2016. – No. 2. – pp. 2-6.

3. The Supreme Court of the Republic of Belarus : The Internet portal of courts of general jurisdiction of the Republic of Belarus [Electronic resource]. URL : https ://court.gov.by / (date of access : 01/08/2026).

4. The Civil Code of the Republic of Belarus [Electronic resource] : December 7. 1998, No. 218-Z : adopted by the House of Representatives on October 28, 1998 : approved. By the Council of the Republic on November 19, 1998 : as amended. The Law of the Republic. Belarus No. 195-Z dated July 18, 2022 // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / National Center for Legal Information. Rep. Belarus. – Minsk, 2026.

5. The Civil Procedure Code of the Republic of Belarus [Electronic resource] : adopted by the House of Representatives : as amended. The Law of the Republic. Belarus No. 284-Z dated July 17, 2023 // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / National Center for Legal Information. Rep. Belarus. – Minsk, 2026.

6. Housing Code of the Republic of Belarus : August 28, 2012 No. 428-Z, as amended. The Law of the Republic. Belarus No. 37-Z dated November 11, 2024 // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / National Center for Legal Information. Rep. Belarus. – Minsk, 2026.

7. Lameikina, E.Yu. Features of the implementation and protection of the property rights of spouses: Abstract ... cand. jurid. sciences'. Krasnodar, 2009. – 301 p.

8. Matviychuk S.B. Definition of common and separate property of spouses at the dissolution of marriage: theory and judicial practice // Actual problems of civil law: Collection of Scientific papers Minsk, 2018. Issue 1 (11). pp. 79-87.

9. On some measures to protect property rights when land plots are seized for state needs: Decree of the President of the Republic of Belarus dated February 2, 2009 No. 58, as amended. dated March 31, 2025, No. 130 // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / National Center for Legal Information. Rep. Belarus. – Minsk, 2026.10.

On legal education and enlightenment of citizens in 2024-2029 [Electronic resource] : The law of the Republic. Belarus No. 24 dated January 12, 2024 // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / National Center for Legal Information. Rep. Belarus. – Minsk, 2026.

11. Ryzhik, A.V. Protection of the interests of owners in the civil law of the Republic of Belarus // Bulletin of Economic Security. 2025. No.4. URL : https ://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-interesov-sobstvennikov-v-grazhdanskom-prave-respubliki-belarus (date of application : 01/10/2026).

12. Ryzhik, A.V. Property interests of citizens in the civil law of the Republic of Belarus // Education. Science. Scientific staff. 2025. No. 1. pp. 127-133. https ://doi.org/10.24412/2073-3305-2025-1-127-133 . EDN : https ://elibrary.ru/ODLHAI .

13. Skvortsov, O. Y. Real estate transactions in commercial circulation : an educational and practical guide / O. Y. Skvortsov. Moscow : Volters Kluver, 2006. 368 p.

14. Sklovskiy, K. I. Application of civil legislation on property and possession. Practical issues : monographs / K.I. Sklovsky. M. : Statute, 2001. – 365 p.

15. Sklovsky, K. I. Property in civil law / K.I. Sklovsky. 5th ed., revised, Moscow : Statute, 2010, 893 p.

16. Smolina, L.A. Division of spouses' debts: problems of protecting the rights of a bona fide spouse and possible solutions / / Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2015. No. 11. pp. 94-106.

[1] Жилищный кодекс Республики Беларусь : 28 августа 2012 г. № 428-З, в ред. Закона Респ. Беларусь от 11 ноября 2024 г. № 37-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.

[2] Смолина, Л.А. Раздел долгов супругов: проблемы защиты прав добросовестного супруга и варианты решения / / Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 11. С. 100.

[3] Скловский, К. И. Собственность в гражданском праве / К.И. Скловский. – 5-е изд., перераб. – М. : Статут, 2010. – С. 430.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_616
УДК 347

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРОЦЕДУР НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ
LEGAL SUPPORT FOR DIGITALIZATION OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) PROCEDURES FOR LEGAL ENTITIES

ЖИЛЬСКИЙ Николай Николаевич,
доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 190005, Россия, г. Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4.
ЯНКОВСКАЯ Елизавета Сергеевна,
кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии. 192241, Россия, г. Санкт-Петербург, Софийская ул., д.52, лит. А.
E-mail: liza30ys@gmail.com
ZHILSKY N. N.,
professor of the department St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering. 4, 2nd Krasnoarmeyskaya St., Saint Petersburg, 190005, Russia.
E-mail: zilskiy@yandex.ru
YANKOVSKAYA E. S.,
associate Professor St. Petersburg named after V.B. Bobkova branch of the Russian Customs Academy. 52 Sofiyskaya str., lit. A., Saint Petersburg, Russia, 192241.
E-mail: liza30ys@gmail.com

Краткая аннотация *В России активно совершенствуется банкротное законодательство, однако правовое регулирование процесса цифровизации сферы банкротства юридических лиц остается пока недостаточно эффективным. В статье раскрыты основные закономерности в области правового регулирования цифровизации процедур банкротства. Оптимизации законодательного поля для внедрения цифровых технологий в банкротном деле могли бы способствовать данные мониторинга уровня цифровизации. Однако, его проведение не предусмотрено действующим регламентом статистической отчетности. Межведомственный характер сферы банкротства вносит элемент неопределенности в управление процессом цифровизации. Наиболее сложными для оптимизации правового регулировании цифровизации процедур банкротства являются трансграничные банкротства, технологии искусственного интеллекта, цифровые финансовые активы.*

Abstract*. Bankruptcy legislation in Russia is being actively improved, but legal regulation of the digitalization of corporate bankruptcy remains insufficiently effective. This article explores the key principles of legal regulation of the digitalization of bankruptcy procedures. Data from digitalization monitoring could help optimize the legislative framework for the implementation of digital technologies in bankruptcy proceedings. However, this is not required by the current statistical reporting regulations. The interdepartmental nature of the bankruptcy sector introduces an element of uncertainty into the management of the digitalization process. The most challenging areas for optimizing legal regulation for the digitalization of bankruptcy procedures are cross-border bankruptcies, artificial intelligence technologies, and digital financial assets.*

Ключевые слова*: правовое регулирование процедуры банкротства, цифровизация банкротства, трансграничное банкротство, банкротное дело, цифровые финансовые активы.*

Keywords: *Legal regulation of bankruptcy proceedings, digitalization of bankruptcy, cross-border bankruptcy, bankruptcy case, digital financial assets.*

Для цитирования: *Жильский Н.Н., Янковская Е.С. Правовое обеспечение цифровизации процедур несостоятельности (банкротства) юридических лиц // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 616-619. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_616.*

For citation*: Zhilsky N.N., Yankovskaya E.S. Legal support for digitalization of insolvency (bankruptcy) procedures of legal entities // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 616-619. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_616.*

Статья поступила в редакцию: 17.11.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Введение

Применение цифровых технологий потенциально позволяет на всех стадиях прохождения дел о несостоятельности повышать эффективность, прозрачность, открытость, доступность, оперативность, экономичность, ускорение каждой процедуры и процесса в целом. Существенными преимуществами перевода банкротного дела на цифровые технологии являются также возможность коммуникаций в удаленном режиме, выявление и ограничение недобросовестных действий участников дел о банкротстве. Но, вместе с тем, возникают и новые риски в области кибербезопасности, соблюдения норм права, защиты персональных данных и др. Это требует применения системы мер противодействия подобным рискам: обеспечения информационной безопасности и конфиденциальности, безопасности операций с цифровыми финансовыми активами, необходимого уровня правовой защиты участников операций по банкротству.

Результаты исследования и их обсуждение

К основным наиболее перспективным цифровыми технологиями в сфере банкротных правоотношений относятся: переход на электронный формат документов; ведение в электронной форме Единого федерального реестра сведений о банкротстве юридических лиц; ведение в электронной форме Реестра требований кредиторов; проведение в электронном формате собраний комитета кредиторов; публикация отчетов арбитражных управляющих в электронном формате; осуществление реализации имущества должника путем проведения электронных торгов; внедрение технологий искусственного интеллекта для анализа данных и принятия решений; доступ к правосудию через цифровые каналы связи и переход на электронное судопроизводство; использование цифровых платформ для электронного взаимодействия участников дел о банкротстве. В автоматизированном режиме могут также осуществляться операции по составлению перечня требований кредитора, представлению информации о собраниях кредиторов, формированию перечня конечных бенефициаров и др.

Порядок использования цифровых технологий в банкротном деле предусмотрен рядом нормативных правовых актов: Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ст. 28), Арбитражным процессуальным кодексом РФ (ст. 4 п. 7, ст. 41), постановлением Прави-

тельства РФ от 09.07.2004 № 345 «Об утверждении Общих правил ведения арбитражным управляющим реестра требований кредиторов» и др.[1]

Из всего комплекса операций, осуществляемых в ходе производства по делам о банкротстве юридических лиц, законодательно закреплены в ст. 27 Федерального закона № 127 как процедуры, которые могут быть применены арбитражным судом при рассмотрении дел, следующие 5 действий: наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство, мировое соглашение. Определения этих пяти понятий закреплены в ст. 2 Федерального закона № 127.

Перевод на электронный формат процедур по делам о банкротстве зависит от трех основных условий – наличия технических сервисов, введения единых стандартов для процедур банкротства и качества нормативной правовой базы. Помимо этого, необходимо устранять барьеры, тормозящие процесс цифровизации, среди которых одними из наиболее сложных являются ограниченные возможности и неготовность заинтересованных сторон инвестировать в реализацию программ цифровой трансформации. Правовое регулирование цифровизации процедур банкротства и функционирования института банкротства в целом, как справедливо отмечено Ряховской А. Н., постоянно совершенствуется по многим направлениям, однако продолжает оставаться недостаточно результативным[2].

Более глубокому пониманию проблем правового регулирования процесса цифровизации института банкротства может способствовать их рассмотрение на фоне ситуации по национальной экономике в целом. Важной предпосылкой эффективности управления процессом цифровизации основных сегментов национальной экономики является мониторинг текущей ситуации и трендов динамики цифровой трансформации. Измерение и оценка уровня цифровизации любой сферы хозяйственной деятельности в современных условиях является необходимой составляющей процессов планирования, прогнозирования, управления, обеспечения безопасности. Они позволяют объективно оценивать текущую ситуацию и перспективы на будущее, находить слабые стороны и точки роста. Сформированы и законодательно закреплены методы измерения уровня цифровизации на локальном, отраслевом, страновом, международном уровнях. Цифровая трансформация, мониторинг ее результативности, формирование их правовой базы протекают в России с разным ускорением и на разном качественном уровне в различных сферах управления и хозяйственной деятельности. Цель данного исследования – выявить закономерности указанных процессов применительно к области банкротного дела.

Для принятия обоснованных текущих и стратегических решений, для контроля эффективности цифровой трансформации требуется система информационного обеспечения в форме данных мониторинга процессов, урегулированная соответствующей нормативной правовой базой. В контексте глобальных трендов цифровой трансформации ситуация в области банкротного дела представляется авторам следующим образом. Итогами мониторинга цифровой трансформации являются система частных показателей и полученные на ее основе обобщающие параметры: индексы цифровизации (достигнутый уровень и глубина цифровизации, т. е. степень внедрения цифровых технологий), индексы цифровой зрелости (комплексная оценка степени готовности к цифровой трансформации), рейтинги организационных систем разных классов по уровню цифровизации. Благодаря мониторингу хода цифровой трансформации и ее результативности высвечиваются также пробелы, неопределенность, противоречия в цифровом законодательстве, обнаруживается возникающее его несоответствие изменившимся условиям.

Международные рейтинги развития информационного общества ведут ООН, Всемирный банк и другие международные организации. Нормативно-правовая регламентация ведения в ООН рейтинга электронного правительства в странах мира (E-Government Development Index - EGDI) обеспечивается комплексом документов. В их числе, например, методология построения EGDI[3]. Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН ведет рейтинг индекса развития электронного правительства, формируемый на основе системы субиндексов. Россия по данному рейтингу в 2024 г. занимала 43 место среди 193 стран.

В РФ ведется ряд национальных рейтингов цифровизации. Постановлением Правительством от 28.01.2025 г. № 58 (ред. от 17.06.2025) утверждена новая методика расчета по субъектам РФ и стране в целом показателя «Цифровая зрелость» государственного и муниципального управления, ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования». В рейтинге регионов по данному показателю за 2024 год на первом месте была Белгородская область, на втором – Республика Татарстан[4]. По рейтингу «Цифровизация и внедрение искусственного интеллекта в регионах России» в январе-апреле 2025 г. первое место заняла Москва, Санкт-Петербург был на восьмом месте[5].

На уровне укрупненных групп организаций по видам хозяйственной деятельности разрабатываются и публикуются частные показатели цифровизации. Примером частного показателя цифровизации в отраслевом разрезе может служить показатель - процент организаций, использующих «программные, аппаратные средства, препятствующие несанкционированному доступу вредоносных программ». В 2023 г. данный показатель составил: в РФ по всем организациям – 45,0%, в строительстве – 33,9%, максимальное значение – 71,8% (телекоммуникации), минимальное значение – 23,9% (культура и спорт)[6]. По подотраслям и видам деятельности, отличающимся в масштабе макроуровня ограниченным характером, в числе которых находится банкротное дело, отсутствуют в публикациях Росстата и иных ведомств статистические показатели цифровизации.

Таким образом, обобщая сказанное выше об информационном обеспечении цифровизации общества (и банкротного дела в том числе), его правовом регулировании в России, можно сделать следующие выводы:

---

[1] Арбитражный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / В. И. Кайнов, Н. Д. Эриашвили, А. Е. Даньшина [и др.]. – Москва : ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА», 2024. – 376 с. – ISBN 978-5-238-03839-1. – EDN DOKCAF.

[2] Ряховская А. Н. Приоритетные направления совершенствования института банкротства в целях обеспечения устойчивого развития бизнеса // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2023. № 1. С. 79.

[3] Индекс развития электронного правительства. ООН. Департамент экономических и социальных вопросов. https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/About/Overview/-E-Government-Development-Index (дата обращения 02.11.2025)

[4] Рейтинги регионов России по развитию информационных технологий. 2025. https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A0%D0%B5%D0%B9%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B8_%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения 02.11.2025)

[5] Рейтинг цифровизации и внедрения ИИ в регионах России (январь-апрель 2025 года). Регины России. https://rrmag.ru/2025/05/19/rejting-czifrovizaczii-i-vnedreniya-ii-v-regionah-rossii-yanvar-aprel-2025-goda/ (дата обращения 02.11.2025)

[6] Индикаторы цифровой экономики. Статистический сборник. Минцифры России. Федеральная служба государственной статистики. ВШЭ. Москва. 2025. https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1026726402.pdf (дата обращения 02.11.2025)

1. В условиях сквозной цифровизации всех видов деятельности и всех категорий юридических лиц существует резкая дифференциация практики мониторинга цифровизации. Можно выделить три типовых варианта представления показателей цифровизации: 1) формирование и публикация рейтингов, индексов цифровизации (на международном уровне, по субъектам РФ); 2) формирование и публикация частных показателей цифровизации (на уровне укрупненных отраслей национальной экономики); 3) отсутствие мониторинга цифровизации (например, в области банкротного дела).

2. На международном и национальном уровнях порядок ведения мониторинга цифровой трансформации подлежит обязательной нормативной регламентации. В России системы мониторинга цифровизации, осуществляемого в соответствии со стратегическими целями и принципами государственной политики, регламентированы механизмами правового регулирования. Особое внимание уделяется научно-методическим основам цифровизации[1].

Отсутствие индикаторов цифровизации банкротного дела требует более конкретного рассмотрения его причин в контексте организационно-технических подходов к мониторингу процесса цифровой трансформации и особенностей управления институтом банкротства. Первоосновой системы мониторинга цифровой трансформации юридических лиц является статистическая отчетность предприятий, организаций, органов государственного управления. В соответствии с приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии была введена с 31.01.2014 г. годовая форма статистической отчетности № 3-ИНФОРМ «Сведения об использовании цифровых технологий и производстве связанных с ними товаров и услуг» (ред. от 30.01.2025 г.). Форма 3-ИНФОРМ содержит обширный перечень сведений, структурированных в виде 30 разделов, позволяющих Росстату и профильным ведомствам проводить углубленный анализ тенденции цифровизации. Форму № 3-ИНФОРМ обязаны представлять все юридические лица, за исключением предприятий малого бизнеса и некоторых ведомств, в число которых входят Федеральная налоговая служба (ФНС), Федеральная таможенная служба (ФТС), Федеральная служба исполнения наказаний и др. По тем сферам деятельности, где юридические лиц не представляют отчетность по форме № 3-ИНФОРМ, затруднены мониторинг и анализ процесса цифровой трансформации. Однако, есть возможность использования иных источников информации для мониторинга процесса цифровизации и публикации его результатов наряду с другими статистическими показателями, как это осуществляют, например, ФНС[2] и ФТС[3].

Банкротное дело в России находится с 2004 года в ведении ФНС как уполномоченного органа (До 2004 г. уполномоченным органом по делам о банкротстве была «Федеральная служба России по финансовому оздоровлению и банкротству»). В издании «Итоги деятельности ФНС России» в разделе «Обеспечение процедур банкротства» и посвященных вопросам цифровизации разделах «Цифровая платформа распределенного реестра», «Электронный документооборот» не представлены показатели цифровизации операций по делам о банкротстве.

Существенной особенностью института банкротства является его межведомственный характер. Кроме ФНС как уполномоченного органа, непосредственное отношение к рассмотрению дел о банкротстве имеют арбитражные суды, полномочия которых определены ст. 52 Федерального закона № 127. Минэкономразвития играет решающую роль в определении векторов развития института банкротства: формирует государственную политику в области банкротного дела; готовит предложения по совершенствованию законодательства о банкротстве; разрабатывает проекты нормативных правовых актов о банкротстве; принимает решения по организационным вопросам в области банкротного дела. Правительство РФ в соответствии со ст. 9.1. Федерального закона № 127 может при необходимости ввести мораторий на возбуждение дел о банкротстве. ФТС косвенно влияет на управление трансграничным банкротством, выявляя и предотвращая недобросовестные или противоправные действия должника.

Следовательно, отсутствию индикаторов цифровизации процедур банкротства и специфике организационно-правового статуса банкротного дела в России могут быть даны следующие объяснения:

- отсутствие данных мониторинга цифровизации применительно к банкротному делу определяется действующими нормативами в области статистической отчетности юридических лиц;

- особая сложность правового регулирования и управления институтом банкротства, и процессом цифровизации в том числе, связана с его межведомственным характером, из-за чего может возникать необходимость согласования, координации, устранения противоречивости подходов к регулированию правоотношений в банкротном деле.

Общее видение подходов к правовому регулированию дел о банкротстве с учетом преимуществ, новых возможностей, проблем и препятствий, возникающих и углубляющихся в эпоху цифровизации, дает ознакомление с современными научными публикациями российских и зарубежных авторов. Актуальным вопросом является оценка роли отдельных элементов цифровой трансформации в делах о банкротстве и состояния их правового регулирования. Весьма дискуссионной остается проблема цифровых финансовых активов. Одни российские[4] и зарубежные [9] авторы ограничиваются рассмотрением позитивных аспектов их применения, отмечая, например, что цифровые финансовые активы повышают прозрачность финансовых потоков должника и тем самым снижают риск его недобросовестных действий. Другие придерживаются противоположного мнения и приводят аргументы, подтверждающие факт несовершенства законодательных норм о цифровых финансовых активах в делах о банкротстве[5]. Отмечается, что цифровые активы отличаются особой сложностью как объекты идентификации и управления в делах о банкротстве. Ситуация усугубляется тем, что «существующие правовые нормы не всегда соответствуют современным требованиям цифровой экономики» и требуется создание инновационных механизмов правового регулирования, точное определение правового статуса цифровых активов[6].

Перспективным направлением цифровизации банкротного дела является применение технологий искусственного интеллекта. Наиболее доступными для его использования операциями являются проверка документов, анализ финансовой и иной информации, подготовка принятия

[1] Gavrilenko, V. BRICS Expansion: A Geopolitical Triumph of Partner Countries / V. Gavrilenko, V. Shenshin // BRICS Law Journal. – 2024. – Vol. 11, No. 3. – P. 9-53. – DOI 10.21684/2412-2343-2024-11-3-9-53. – EDN ZANYWV.
[2] Итоги деятельности ФНС России. Москва. 2024. https://data.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/files/related_activities (дата обращения 02.11.2025)
[3] Итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России. Москва. 2025. https://customs.gov.ru/storage/document/document_info/2025-03/14/itog_doklad_2024.pdf (дата обращения 02.11.2025)
[4] Кальницкая И.В., Максимочкина О.В., Конюкова О.Г. Цифровые финансы и их влияние на финансовое состояние организаций // Фундаментальные исследования. 2023. № 2. С.17-21.
[5] Гаврин Д. А. Цифровые финансовые активы и валюта в делах о несостоятельности (банкротстве) // Российское право: образование, практика, наука. 2023. №1. С. 75-82.
[6] Алиев Т. Т., Алиев Р. Т. К вопросу о правовом регулировании криптовалют как имущества в конкурсной массе должника в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) // Либерально-демократические ценности. 2024. Т. 8. № 3 с 45-50.

решения. Применение искусственного интеллекта для прогнозирования риска банкротства и принятия стратегических решений на основе наиболее продвинутых моделей дает высокоточные результаты, но затруднено в силу их высокой стоимости и необходимости больших объемов данных[1]. Заслуживает внимания вывод ученых о новых тенденциях трансформации банкротного законодательства под влиянием внедрения технологий искусственного интеллекта в процедуры банкротства[2].

Особой сложностью отличаются дела о банкротстве в условиях трансграничных правоотношений. При этом процесс цифровизации, создавая дополнительные трудности и проблемы, открывает одновременно и новые возможности[3]. Наибольшие сложности при трансграничных банкротствах возникают в связи с противоречивостью норм национальных законодательств о цифровизации банкротного дела, трудностью исполнения решений арбитражного суда за рубежом. Однако, благодаря цифровым технологиям достигаются ускорение процедур, облегчение коммуникаций, снижение издержек.

Из приведенных примеров следует, что:

- многообразны используемые в банкротной сфере цифровые технологии, перспективно расширение практики их использования в разных операциях и на разных этапах прохождения дел о банкротстве, необходимы учет и противодействие сопутствующим цифровизации рискам;

- в условиях потенциально широкого поля для применения цифровых технологий в банкротном деле правовое регулирование цифровизации сферы банкротства должно опираться на: 1) четкую стратегически ориентированную регуляторную политику, 2) на принцип оптимального компромисса между «мягким» подходом к регулированию (не обеспечивает защиты от рисков) и «жестким» подходом (выступает как барьер, снижающий скорость и глубину цифровой трансформации).

Заключение

Подводя общий итог проведенного в статье исследования, отметим, что, поскольку правовое регулирование цифровизации банкротного дела в России остается пока недостаточно эффективным, особое внимание необходимо уделять определению путей оптимизации законодательного поля для внедрения и продуктивного использования цифровых технологий. Целенаправленное совершенствование банкротного законодательства должно соответствовать современным реалиям в данной области правоотношений, оценке которых могла бы способствовать конкретная объективная информация об уровне и глубине цифровой трансформации сферы банкротства, но отсутствуют соответствующие статистические индикаторы. Основными факторами, создающими негативный фон для правового регулирования, определяющими затруднения в области информационного обеспечения и управления процессом цифровизации сферы банкротства, выступают: 1) действующая система статистической отчетности, не предусматривающая заполнение формы годовой отчетности о применении цифровых технологий в банкротном деле; 2) межведомственный характер сферы банкротства, создающий неопределенность в управлении процессом цифровизации.

В самом общем виде оценить ситуацию в области правового регулирования процесса цифровизации сферы банкротства позволяет ознакомление с профильными теме исследования современными российскими и зарубежными научными публикациями. К числу наиболее сложных аспектов правового регулирования цифровизации сферы банкротства можно отнести проблемы цифровых финансовых активов, применение искусственного интеллекта, трансграничные банкротства.

Список литературы:

1. Ряховская А. Н. Приоритетные направления совершенствования института банкротства в целях обеспечения устойчивого развития бизнеса // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2023. № 1. С. 77-91.
2. Кальницкая И. В., Максимочкина О. В., Конюкова О. Г. Цифровые финансы и их влияние на финансовое состояние организаций // Фундаментальные исследования. 2023. № 2. С. 17-21.
3. Ji Yu Digital finance and corporate bankruptcy risk: Evidence from China https:// DOI:10.1016/j.pacfin.2022.101731 (дата обращения 02.11.2025);
4. Гаврин Д.А. Цифровые финансовые активы и валюта в делах о несостоятельности (банкротстве) // Российское право: образование, практика, наука. 2023. №1. С.75-82.
5. Алиев Т. Т., Алиев Р. Т. К вопросу о правовом регулировании криптовалют как имущества в конкурсной массе должника в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) // Либерально-демократические ценности. 2024. Т. 8. № 3 с 45-50.
6. Vásquez-Serpa, L.-J.; Rodríguez, C.; Pérez-Núñez, J.-R.; Navarro, C. Challenges of Artificial Intelligence for the Prevention and Identification of Bankruptcy Risk in Financial Institutions: A Systematic Review. *J. Risk Financial Manag.* 2025, *18*, 26. https://doi.org/10.3390/jrfm18010026 (дата обращения 02.11.2025);
7. Kamalnath A. The future of corporate insolvency law: A review of technology and AI-powered changes. International Insolvency Review: Volume 33. 2023 // https://doi.org/10.1002/iir.1512 (дата обращения 02.11.2025);
8. Cross-Border. Insolvencies in the Digital Age: Challenges and Opportunities for International Bankruptcy Law. International Journal of Multidisciplinary Research and Growth Evaluation 5(4):1393-1400 // https: // DOI:10.54660/.IJMRGE.2024.5.4.1393-1400 (дата обращения 02.11.2025).
9. Арбитражный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / В. И. Кайнов, Н. Д. Эриашвили, А. Е. Даньшина [и др.]. – Москва : ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА», 2024. – 376 с. – ISBN 978-5-238-03839-1. – EDN DOKCAF.
10. Gavrilenko, V. BRICS Expansion: A Geopolitical Triumph of Partner Countries / V. Gavrilenko, V. Shenshin // BRICS Law Journal. – 2024. – Vol. 11, No. 3. – P. 9-53. – DOI 10.21684/2412-2343-2024-11-3-9-53. – EDN ZANYWV.

References:

1. Ryakhovskaya A. N. Priority areas for improving the bankruptcy institution in order to ensure sustainable business development // Bulletin of the Moscow University. Episode 21. Management (state and society). 2023. No. 1. pp. 77-91.
2. Kalnitskaya I.V., Maksimochkina O.V., Konyukova O.G. Digital finance and their impact on the financial condition of organizations // Fundamental Research. 2023. No. 2. p. 17-21.
3. Ji Yu Digital finance and corporate bankruptcy risk: Evidence from China https:// DOI:10.1016/j.pacfin.2022.101731 (accessed 11/22/2025);
4. Gavrin D. A. Digital financial assets and currency in insolvency (bankruptcy) cases // Russian law: education, practice, science. 2023. No. 1. pp. 75-82.
5. Aliev T. T., Aliev R. T. On the issue of legal regulation of cryptocurrencies as property in the debtor's bankruptcy estate within the framework of the insolvency (bankruptcy) procedure // Liberal Democratic Values. 2024. Vol. 8. No. 3 p. 45-50.
6. Vasquez-Serpa, L.-J.; Rodríguez, C.; Pérez-Núñez, J.-R.; Navarro, C. Challenges of Artificial Intelligence for the Prevention and Identification of Bankruptcy Risk in Financial Institutions: A Systematic Review. J. Risk Financial Manag. 2025, 18, 26. https://doi.org/10.3390/jrfm18010026 (date of request 02.11.2025);
7. Kamalnath A. The future of corporate insolvency law: A review of technology and AI-powered changes. International Insolence Review: Volume 33. 2023 // https://doi.org/10.1002/iir.1512 (accessed 02.11.2025);
8. Cross-Border. Insolvencies in the Digital Age: Challenges and Opportunities for International Bankruptcy Law. International Journal of Multidisciplinary Re-search and Growth Evaluation 5(4):1393-1400 // https: // DOI:10.54660/.IJMRGE.2024.5.4.1393-1400 (accessed 02.11.2025).
9. Arbitration process: a textbook for university students studying in the field of Law / V. I. Kainov, N. D. Eriashvili, A. E. Danshina [et al.]. – Moscow : UNITY-DANA PUBLISHING HOUSE LLC, 2024. – 376 p. – ISBN 978-5-238-03839-1. – EDN DOKCAF.
10. Gavrilenko, V. BRICS Expansion: A Geopolitical Triumph of Partner Countries / V. Gavrilenko, V. Shenshin // BRICS Law Journal. – 2024. – Vol. 11, No. 3. – P. 9-53. – DOI 10.21684/2412-2343-2024-11-3-9-53. – EDN ZANYWV.

[1] Vásquez-Serpa, L.-J.; Rodríguez, C.; Pérez-Núñez, J.-R.; Navarro, C. Challenges of Artificial Intelligence for the Prevention and Identification of Bankruptcy Risk in Financial Institutions: A Systematic Review. J. Risk Financial Manag. 2025, 18, 26. https://doi.org/10.3390/jrfm18010026 (дата обращения 02.11.2025)

[2] Kamalnath A. The future of corporate insolvency law: A review of technology and AI-powered changes. International Insolvency Review:Vol 33. 2023 // https://doi.org/10.1002/iir.1512 (дата обращения 02.11.2025)

[3] Cross-Border. Insolvencies in the Digital Age: Challenges and Opportunities for International Bankruptcy Law. International Journal of Multidisciplinary Research and Growth Evaluation 5(4):1393-1400 // https: // DOI:10.54660/.IJMRGE.2024.5.4.1393-1400 (дата обращения 02.11.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_620

УДК 347.515.6

ИСКОВЫЕ ЗАЯВЛЕНИЯ К КЛИНИКЕ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ О ДОСТУПЕ К ИНФОРМАЦИИ
CLAIMS AGAINST THE PLASTIC SURGERY CLINIC FOR ACCESS TO INFORMATION

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич
ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов» филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры», адвокат.
191187, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6А,
E-mail: ur-fin@mail.ru

YASTREMSKY Ivan Anatolyevich
NGO "Leningrad Regional Bar Association" branch "Pelevin and Partners Law Firm", lawyer.
191187, St. Petersburg, Gagarinskaya str., 6A,
E-mail: ur-fin@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье проанализировано юридически закрепленное право пациента или его законного представителя получить медицинскую документацию и знакомиться с медицинской документацией, находящейся в клинике пластической хирургии. Обосновано, что это позволяет им получить полную информацию о состоянии здоровья пациента, дает возможность лучше контролировать заболевания, придерживаться планов лечения, находить и исправлять ошибки в своих медицинских картах, отслеживать динамику в лечении заболеваний. В то же время выявлено, что такое право пациента ограничено лишь той документацией, которая отражает сведения о его здоровье. Раскрыто, что в случае необоснованного отказа медицинской организации в предоставлении доступа пациента к медицинским документам, отражающим состояние здоровье пациента, он вправе подать в суд исковое заявление об обязании выдать данные медицинские документы. Обращено внимание, что клиника не вправе устанавливать и брать с пациента плату за предоставление копий медицинских документов. Установлено, что в случае утери клиникой медкарты пациента он вправе в исковом заявлении просить суд взыскать с ответчика моральный вред.*

Abstract. *The article analyzes the legally secured right of a patient or his/her legal representative to obtain medical records and to get acquainted with medical records located in a plastic surgery clinic. It is substantiated that this allows them to obtain complete information about the patient's health status, provides an opportunity to better control diseases, adhere to treatment plans, find and correct errors in their medical records, and track the dynamics of disease treatment. At the same time, it is revealed that such a patient's right is limited only to the documentation that reflects information about his/her health. It is disclosed that in the event of an unjustified refusal by a medical organization to provide the patient with access to medical records reflecting the patient's health status, he/she has the right to file a claim in court to compel the issuance of these medical records. It is noted that the clinic has no right to establish and charge the patient a fee for providing copies of medical records. It is established that if the clinic loses the patient's medical record, the patient has the right to ask the court in the claim to recover moral damages from the defendant.*

Ключевые слова: *исковое заявление (иск), суд, медицинская документация, медицинская карта, пациент, законный представитель, клиника пластической хирургии, здоровье.*

Key words: *statement of claim (lawsuit), court, medical documentation, medical record, patient, legal representative, plastic surgery clinic, health.*

Для цитирования: *Ястремский И.А. Исковые заявления к клинике пластической хирургии о доступе к информации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 620-621. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_620.*

For citation*: Yastremsky I.A. Claims against the plastic surgery clinic for access to information // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 620-621. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_620.*

Статья поступила в редакцию: 23.04.2025
Дата публикации: 30.01.2026

На медицинские организации возложена обязанность вести и хранить медицинскую документацию. При оказании медицинской помощи получение информации о состоянии здоровья пациента имеет важнейшее значение [7]. Пациенты, которым предоставлен доступ к ней, могут контролировать течение заболеваний, соблюдать рекомендации врачей и назначенное лечение, отслеживать его динамику.

Как правило, только пациенту предоставляется информация о состоянии его здоровья, выявленном заболевании, проведенном лечении. Однако в некоторых случаях такие сведения может получить законный представитель пациента. Например, он необходим несовершеннолетнему, лицу, признанному законом недееспособным, либо ограниченному судом в дееспособности.

Нормативными актами [1], [2] предусмотрено право пациента знакомиться с медицинской документацией, находящейся в клинике пластической хирургии (далее – клиника). Для ее получения пациент должен обратиться в клинику с заявлением, в соответствии с Приказом от 31 июля 2020 г. № 789н [3]. Ознакомление с документами осуществляется на основании запроса, в том числе электронного. Оно проводится в помещении клиники в присутствии ее работника, с учетом графика работы организации. Также медицинская организация может выдать бумажную или электронную копию медицинской документации в установленные сроки.

Пациент вправе кроме получения от клиники информации о состоянии его здоровья, знакомиться с оригиналами медицинских документов. При этом, его право на их получение не исключает право на ознакомление с ними. Это позволяет пациенту контролировать состояние здоровья в динамике, проверять назначаемое лечение и предоставлять необходимую информацию другим медицинским специалистам.

Медицинская документация включает в себя информацию о состоянии здоровья пациента, в частности, - медицинские карты, акты, результаты анализов, исследований, контрольные списки, клинические субъективные заметки.

Медицинская карта содержит историю записи болезни пациента и информацию о назначаемом лечения. Основная функция медицинской карты - предоставление всей медицинской информации о пациенте, необходимой врачу для выбора оптимального алгоритма лечения [6, с. 49-56].

Медицинские записи должны быть четкими, достоверными, основанными на фактах, разборчивыми и актуальными. Они должны включать все соответствующие клинические данные, принятые решения, информацию, предоставленную пациентам, предписанные лекарства и лечение. Если пациенты высказывают мнение о будущем раскрытии информации третьим лицам, это должно быть задокументировано в записи. Медицинская карта собирает все соответствующие данные, информацию и заключения, необходимые для оказания помощи пациентам. Ознакомление с медицинской картой позволяет получить полную информацию о состоянии здоровья пациента.

На практике распространены случаи отказа клиник пациентам в предоставлении медицинских документов, взимании платы за это, что влечет нарушение прав пациентов на получение информации о состоянии их здоровья.

В случае необоснованного отказа клиники в доступе пациента к медицинским документам, отражающих состояние здоровья, он вправе подать в суд исковое заявление об обязании выдать данные медицинские документы. Иск подается в районный суд по месту нахождения клиники.

В иске пациент должен указать и предоставить суду в качестве приложений документы о том:

- что он обращался к ответчику с письменным запросом о предоставлении медицинских документов с отметкой клиники в его получении;
- что ответчик отказал в их выдаче;
- что ответчик проигнорировал полученный запрос.

Истец должен указать, что считает отказ ответчика в выдаче медицинских документов незаконным и необоснованным, поскольку он нарушает права и законные интересы истца, сославшись на ч.ч. 1, 5 ст. 22 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ, п. 3 Приказа Минздрава России от 14.09.2020 № 972 «Об утверждении Порядка выдачи медицинскими организациями справок и медицинских заключений».

При составлении искового заявления близкими родственниками умершего пациента, истцу следует указать, что пациент не запретил разглашение сведений, составляющих врачебную тайну.

В иске указывается Ф.И.О. пациента, номер его телефона, полное наименование, клиники, ее юридический адрес, номер телефона, адрес электронной почты (при наличии), ИНН, ОГРН.

Размер госпошлины за рассмотрение судом данного искового заявления составляет для пациента 3000 руб.

Судебная практика по данной категории дел следующая.

Так, медицинская организация отказала истцу в выдаче заверенной копий медицинских документов на умершего отца ФИО2. При этом судом установлено отсутствие запрета умершего ФИО2 на раскрытие сведений о себе, составляющих врачебную тайну. Довод ответчика об утере медицинских документов судом не был принят, так как клиника должна обеспечить их наличие в электронном виде.

В итоге суд решил обязать ответчика выдать истцу в течение 10 дней заверенные копии медицинских документов в отношении умершего ФИО2 - амбулаторной карты, карты стационарного больного, протокола патологоанатомического исследования (вскрытия) ФИО2.

При отсутствии письменного заявления пациента клиника не обязана предоставлять ему документы. Взимание с пациента платы за это не допускается [5].

В случае утери клиникой медицинской карты пациента он вправе в исковом заявлении просить суд взыскать с ответчика моральный вред. Суд обязал ответчика компенсировать истцу моральный вред в размере 15 000 руб., так как своим отказом в выдаче документов клиника ограничила пациента в доступе к информации о его здоровье. Кассационная инстанция утвердила определение апелляционного суда (Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 01.07.2024 № 88-19585/2024).

Таким образом, нормативно закреплено право пациента получить в клинике касающуюся его здоровья медицинскую документацию и знакомиться с ней. Это дает возможность лучше контролировать заболевания, придерживаться планов лечения, находить и исправлять ошибки в своих медицинских картах, отслеживать динамику в лечении заболеваний. Пациент вправе подать в суд иск об обязании медицинской организации выдать медицинские документы. При этом неправомерным является взимание клиники с пациента платы за выдачу медицинских документов. В случае утери клиникой медицинской карты пациента он вправе в исковом заявлении просить суд взыскать с ответчика моральный вред.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 28.11.2011, № 48, ст. 6724.
2. Приказ Минздрава России от 12.11.2021 № 1050н "Об утверждении Порядка ознакомления пациента либо его законного представителя с медицинской документацией, отражающей состояние здоровья пациента" (Зарегистрировано в Минюсте России 26.11.2021 N 66007) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 26.11.2021, № 0001202111260035.
3. Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 789н "Об утверждении порядка и сроков предоставления медицинских документов (их копий) и выписок из них" (Зарегистрировано в Минюсте России 24.09.2020 N 60010) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 24.09.2020, N 0001202009240027.
4. Решение Ногинского городского суда (Московская область) № 2-4962/2020 2-672/2021 2-672/2021(2-4962/2020;)~М-4617/2020 М-4617/2020 от 18 марта 2021 г. по делу № 2-4962/2020. https://sudact.ru/regular/doc/2oavdCbEjzWr/.
5. Батурина И. Пациент имеет право на бесплатное получение копий медицинских документов. https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/patsient-imeet-pravo-na-besplatnoe-poluchenie-kopiy-meditsinskikh-dokumentov/?ysclid=m6go8mgl3918616835.
6. Котова Т.Г. Правовые и этические аспекты ведения медицинской документации // Медицинское право. 2020. № 2. С. 49-56.
7. Пащенко П.С. Правовые проблемы врачебной тайны // E-Scio. 2020. № 10 (49). https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-vrachebnoy-tayny?ysclid=m6gohyjxsd932972423.

References

1. Federal Law No. 323-FZ dated 11/21/2011 "On the basics of Public Health protection in the Russian Federation" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 11/28/2011, No. 48, art. 6724.
2. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 11/12/2021 No. 1050n "On Approval of the Procedure for familiarizing a patient or his Legal representative with medical documentation reflecting patient's health status" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 11/26/2021 N 66007) // Official Internet portal of legal information www.pravo.gov.ru , 11/26/2021, No. 0001202111260035.
3. Order of the Ministry of Health of Russia dated 07/31/2020 No. 789n "On approval of the procedure and deadlines for the provision of medical documents (copies thereof) and extracts from them" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 09/24/2020 N 60010) // Official Internet Portal of Legal Information www.pravo.gov.ru , 09/24/2020, N 0001202009240027.
4. The decision of the Noginsk City Court (Moscow region) № 2-4962/2020 2-672/2021 2-672/2021(2-4962/2020;)~ M-4617/2020 M-4617/2020 dated March 18, 2021 in case No. 2-4962/2020. https://sudact.ru/regular/doc/2oavdCbEjzWr/.
5. Baturina I. The patient has the right to receive copies of medical documents free of charge. https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/patsient-imeet-pravo-na-besplatnoe-poluchenie-kopiy-meditsinskikh-dokumentov/?ysclid=m6go8mgl3918616835.
6. Kotova T.G. Legal and ethical aspects of medical records management // Medical law. 2020. No. 2. pp. 49-56.
7. Pashchenko P.S. Legal problems of medical secrecy // E-Scio. 2020. № 10 (49). https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-vrachebnoy-tayny?ysclid=m6go-hyjxsd932972423.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_622

УДК 347.77

ОБЩАЯ СОБСТВЕННОСТЬ СУПРУГОВ
COMMON PROPERTY OF SPOUSES

ШАЛОБАНОВА Наталья Павловна
старший преподаватель высшей школы теории права и частного права
Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск.
680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136.
E-mail: pyatishnat@mail.ru
SHALOBANOVA Natalia Pavlovna
Senior Lecturer at the Higher School of Legal Theory and Private Law at Pacific National University, Khabarovsk.
136 Pacific Street, Khabarovsk, 680035, Russia.
E-mail: pyatishnat@mail.ru

Краткая аннотация: *в статье проводится анализ действующего гражданского и семейного законодательства по вопросам возникновения общей собственности супругов, определения состава такой собственности и долей каждого из супругов при разделе имущества, а также по вопросам владения, пользования и распоряжения общей собственностью супругов. Авторы статьи делают вывод о недостаточной разработанности российского законодательства в данной сфере и необходимости более детального урегулирования вопросов в рассматриваемой области.*

Abstract: *this article analyzes current civil and family legislation on the emergence of marital property, determining the composition of such property and each spouse's share in the division of property, as well as the ownership, use, and disposal of marital property. The authors conclude that Russian legislation in this area is insufficiently developed and that more detailed regulation is needed.*

Ключевые слова: *собственность, супруги, общая собственность, раздел имущества, права супругов, состав общего имущества.*
Keywords: *property, spouses, joint property, division of property, spousal rights, composition of joint property.*

Для цитирования: *Шалобанова Н.П. Общая собственность супругов // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 622-625. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_622.*
For citation*: Shalobanova N.P. The common property of the spouses // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 622-625. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_622.*

Статья поступила в редакцию: 11.11.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Отношения между супругами, как имущественные, так и неимущественные, являются важной частью социально-правовой сферы любого государства.

Регулирование имущественных отношений супругов регламентируется двумя отраслевыми правовыми системами – гражданским и семейным правом.

Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ) заложены основы регулирования отношений собственности. В части первой ГК РФ определены общие положения о возникновении, изменении и прекращении права собственности на имущество супругов, некоторые аспекты общей совместной и долевой собственности.

Общей собственности в российском законодательстве посвящен обширный раздел ГК РФ. Отдельные положения о праве совместной собственности супругов конкретизированы и в Семейном кодексе РФ (далее – СК РФ).

Согласно статье 244 ГК РФ, общей собственностью признается имущество, находящееся в собственности двух или более лиц [1]. Основным принципом семейного права является принцип равенства супругов, в том числе в имущественных правах (п. 3 ст. 1, ст. 31, ст. 35, п. 1 ст. 39 СК РФ) [2]. Прямым следствием действия данного принципа является установленный законом режим общей совместной собственности супругов на имущество, нажитое в период брака.

Для отнесения имущества к совместной собственности супругов важным фактором является время его приобретения: до или после заключения брака. Статья 34 СК РФ к общему имуществу супругов (нажитому во время брака) относит доходы каждого из супругов от трудовой, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и другие). Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, кто вносил денежные средства или на чье имя оно было приобретено. Статья 36 СК РФ, равно как и статья 256 ГК РФ, к совместной собственности относит драгоценности и другие предметы роскоши, хотя они и носят по своему назначению характер индивидуального пользования [2].

К личной же собственности супругов (не входящей в состав общей собственности) относят их личные вещи, которыми они пользуются в повседневной жизни для индивидуальных нужд, вещи, приобретенные супругами до вступления в брак, а также вещи, полученными ими в наследство, дар или по иным безвозмездным сделкам (например, в результате бесплатной приватизации жилья, находки и т.д.).

Также раздельной собственностью супругов в соответствии с п. 4 ст. 38 СК РФ суд может признать имущество, нажитое каждым из супругов в период их раздельного проживания при фактическом прекращении семейных отношений. При этом раздельное проживание супругов,

вызванное обстоятельствами иного характера (учеба, служба в Вооруженных Силах, длительная командировка), не может повлиять на принцип общности имущества, нажитого в браке [2].

Согласно законодательству, имущество, находящееся в раздельной собственности, может быть признано совместной собственностью. Например, если будет установлено, что в течение брака за счет общего имущества супругов или личного имущества другого супруга были произведены вложения, значительно увеличивающие стоимость личного имущества. Но общей в таком случае будет признана лишь та часть, которая претерпела улучшение. К тому же супруги вправе заблокировать действие данного правила договором, и оно не будет иметь силы (п. 2 ст. 256 ГК РФ).

Проблемным остается вопрос – являются ли обязательства (долги) супругов частью их общего имущества? По данному вопросу ученыеправоведы высказывают два мнения. С одной стороны, в определении общего имущества супругов, закрепленном в ст. 34 СК РФ, законодатель не содержит каких-либо упоминаний о долгах супругов. Статьи кодекса, посвященные разделу общего имущества, также не содержат специальных положений о долгах. В защиту данного положения высказывали свое мнение М. Г. Масевич и В. А. Рясенцев, которые утверждают, что в совместную собственность супругов закон включает только имущественные права, но никак не обязательства.

С другой стороны, высказывается мнение о том, что общее имущество супругов является объектом взыскания при ответственности по обязательствам, так как супруги используют свое имущество при участии в гражданском обороте. Подобного мнения придерживаются такие ученые, как О. А. Кабышев, Е. А. Чефранова, В. А. Тархов и др. К тому же в законе, хоть и не прямо, но содержится положение, согласно которому общие долги супругов подлежат разделу относительно их долям в совместном имуществе (п. 3 ст. 39 СК РФ).

В таком случае, следует определить, когда долг будет считаться общим, а когда личным обязательством одного из супругов.

К личным обязательствам супругов относятся те, которые возникли вне связи с супружескими отношениями у каждого из супругов в отдельности: до государственной регистрации заключения брака или после заключения брака, но в целях удовлетворения личных потребностей; вследствие обременения имущества, принадлежащего одному из супругов; вследствие причинения одним из супругов вреда третьим лицам; алиментные обязательства по отношению к детям, родителям, бывшему супругу; другие обязательства личного характера [10].

Общими являются обязательства супругов, которые возникли, во-первых, по инициативе обоих супругов, например, в случае заключения кредитного договора для приобретения автомобиля, где стороной в договоре являются оба супруга вместе. Во-вторых, к общим относятся обязательства супругов, возникающие из договоров, обременяющих их общее имущество, например, из договора залога земельного участка, купленного в период брака на общие средства. В-третьих, общими являются обязательства, по которым супруги в силу закона отвечают солидарно, вследствие совместного причинения вреда (ст. 1080 ГК РФ), а также вследствие, причинения вреда их общими несовершеннолетними детьми (п. 3 ст. 45 СК РФ) [1,2].

Определив, какое имущество супругов относится к общему, следует определить порядок осуществления права собственности на такое имущество.

Порядок владения, пользования и распоряжения имуществом, являющимся общим имуществом супругов, определен в статьях 253 ГК РФ и 35 СК РФ, согласно которым владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов осуществляются по обоюдному согласию.

При совершении одним из супругов сделки по распоряжению общим имуществом супругов с третьими лицами предполагается, что он действует с согласия другого супруга.

Особое внимание уделяется сделкам со специфическими видами имущества. В частности, п. 1 ст. 253 ГК РФ и п. 3 ст. 35 СК РФ устанавливает, что для совершения одним из супругов сделки, для которой законом установлена обязательная нотариальная форма, или сделки, подлежащей обязательной государственной регистрации (например, приобретение недвижимости), необходимо получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга.

В таком случае, если согласие супруга на совершение сделки по поводу общего имущества отсутствовало, но вопреки этому сделка была совершена другим супругом, она может быть признана судом недействительной по мотивам отсутствия согласия другого супруга по его требованию и только в случаях, если доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о несогласии другого супруга на совершение данной сделки. Заявить требования о признании сделки недействительной он может в течение года начиная с того дня, когда он узнал или должен был узнать о совершении этой сделки (п. 3 ст. 35 СК РФ).

Если один из супругов произвел отчуждение общего имущества либо израсходовал общее имущество по своему усмотрению вопреки воле или без ведома второго супруга и не в интересах их общей семьи, либо скрыл факт приобретения им в браке имущества, то отделение Росреестра должно приостановить государственную регистрацию права собственности за покупателем и направить соответствующее уведомление супругу, нотариальное согласие которого отсутствует (ст. 19 ФЗ от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»), а второй супруг в случае подачи заявления о разделе общего имущества вправе требовать, чтобы при определении общего имущества, приобретенного в период брака, было учтено и вышеуказанное имущество или его стоимость (абз. 1 п. 16 Постановления Пленума ВС РФ от 05.11.1998 № 15) [5].

Общие правила распоряжения совместной собственностью супругов, не применяются, если один из супругов – индивидуальный предприниматель – признан банкротом. После признания этого супруга банкротом право распоряжаться его имуществом переходит к конкурсному управляющему. При этом второй супруг, не признанный банкротом, не вправе самостоятельно распоряжаться общим имуществом супругов, что сказано в п. 23 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 51.

Если супруг-должник владеет движимым имуществом или значится единственным правообладателем имущественного права, или если в ЕГРП отражено, что зарегистрированное на имя должника недвижимое имущество находится в его собственности, то конкурсный управляющий вправе исходить из того, что имущество принадлежит должнику, и включить его в конкурсную массу. При этом другой супруг, не согласный с действиями конкурсного управляющего, вправе в общем порядке обратиться в суд с иском о разделе общего имущества супругов и выделе имущества, причитающегося на долю этого супруга, либо потребовать признания права общей собственности на указанное имущество.

Свои особенности имеет и такой вид распоряжения имуществом, как получение банковского кредита. В настоящий момент обязанности предоставлять согласие второго супруга при получении кредита законом не предусмотрено. На практике при оформлении ипотечных кредитов многие банки требуют обязательного привлечения супруга в качестве созаемщика [9].

Таким образом, закон определяет, что при распоряжении совместным имуществом, супруги действуют по обоюдному согласию. На деле же это далеко не так. При несогласии одного супруга с действиями второго, первый может обратиться в суд и признать данную сделку недействительной. При этом нерешенной остается проблема доказывания наличия (или отсутствия) обоюдного согласия на распоряжение отдельными видами имущества, что на практике создает ущемление прав и законных интересов супругов.

Свои проблемы имеет и институт раздела имущества супругов. Общее имущество супругов может быть разделено между ними как в период существования брака, так и после его расторжения. Основания и порядок раздела имущества, находящегося в совместной собственности супругов, установлены в ст. 38 СК РФ. Раздел имущества, находящегося в совместной собственности супругов, может быть произведен по требованию любого из супругов.

Согласно п. 2 ст. 38 СК РФ общее имущество супругов может быть разделено между супругами по их соглашению, т.е. добровольно, что соответствует и нормам гражданского законодательства (ст. 252 и 254 ГК РФ). На основании п. 1 ст. 39 СК РФ, доли супругов в общем имуществе при его разделе признаются равными, если иное не предусмотрено договором между супругами. В то же время супруги вправе поделить имущество в любой принятой ими пропорции и определить, какие конкретно вещи поступают в собственность каждого из супругов [2].

В случае, если у супругов имеются какие-либо спорные вопросы при разделе имущества или при расторжении брака, раздел имущества осуществляется в судебном порядке (п. 3 ст. 38 СК РФ). При решении вопросов о том, кому из супругов какое имущество переходит, суд должен учитывать интересы самих супругов и их несовершеннолетних детей. При этом раздел некоторых видов имущества сталкивается с определенными трудностями [9].

Нередко встречаются ситуации, когда при разделе имущества, находящегося в общей совместной собственности, одному из супругов будут присуждены неделимые вещи, стоимость которых превысит причитающуюся ему долю. Такая ситуация может сложиться, если выдел доли в натуре не допускается законом или невозможен без несоразмерного ущерба имуществу, находящемуся в общей собственности. В таком случае, супругу, получившему меньшую долю имущества, будет присуждена соответствующая денежная или иная компенсация (п. 3 ст. 38 СК РФ; п. 3 ст. 252 ГК РФ) [1,2].

При разделе имущества судом не всегда супругам выделяют равные доли. Согласно ст. 39 СК РФ суд вправе отступить от начала равенства долей супругов при наличии оснований, определенных статьей 39 СК РФ. К их числу относятся, например, интересы несовершеннолетних детей. Они должны быть конкретизированы и точно обозначены.

Согласно п. 5 ст. 38 СК РФ вещи, приобретенные исключительно для удовлетворения потребностей несовершеннолетних детей (одежда, обувь, школьные и спортивные принадлежности, музыкальные инструменты, детская библиотека и другие), разделу не подлежат и передаются без компенсации тому из супругов, с которым проживают дети. Также не подлежат разделу вклады, внесенные супругами за счет общих средств на имя их общих несовершеннолетних детей. Кто из родителей внес вклад, значения не имеет, он считается принадлежащим детям.

Не может быть разделено в равных долях и имущество, приобретенное на средства материнского (семейного) капитала (МСК). Согласно п. 4 ст. 10 ФЗ от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», жилое помещение, приобретенное (построенное, реконструированное) с использованием средств МСК, оформляется в общую собственность родителей, детей (в том числе первого, второго, третьего ребенка и последующих детей) с определением размера долей по соглашению. Это означает, что здесь возникает общая долевая собственность родителей и детей. В юридической литературе по данной теме уже велись обсуждения. Проблема состоит в том, что при определении долей имущества, приобретенного за счет МСК, часто ущемляются права детей [6].

В самом деле, имеет смысл как-то нормировать долю детей во избежание ущемления их интересов, как это предлагает В. Михайлов, либо сразу определить доли всех сособственников как равные, если только дееспособные члены семьи не готовы уменьшить или вовсе отказаться от своих долей в пользу несовершеннолетних, как это предлагает сделать М.В. Матвеева, либо можно предложить законодателю вовсе отказаться от упоминания соглашения, и руководствоваться п. 1 ст. 245 ГК РФ, где сказано, что доли участников общей долевой собственности считаются равными [7]. Это было бы более справедливо и исключило бы возможность злоупотребления родительским авторитетом в ущерб интересам детей.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод о том, что в настоящее время назрела необходимость более детального урегулирования многих вопросов, касающихся права собственности супругов.

Спорными остаются вопросы отнесения обязательств супругов к общим или личным. Проблемы возникают и при распоряжении совместным имуществом супругов, в частности, при признании сделок недействительными в связи с отсутствием согласия одного из супругов на совершение данной сделки, а также при доказывании наличия обоюдного согласия на распоряжение отдельными видами имущества. В отношении совершения сделок по распоряжению общей собственностью супругов хотелось бы обратить внимание на то, что СК РФ, закрепляя презумпцию

согласия другого супруга на совершение сделки по распоряжению общим имуществом, не содержит способов разрешения ситуаций, когда получить согласие не представляется возможным (он уклоняется от дачи согласия, либо не желает его давать).

Несмотря на принцип равного определения долей супругов при разделе имущества, некие сложности при определения долей супругов все же существуют. Сложности возникают при разделе банковских вкладов, долгов по кредитам, имущества, приобретенного на денежные средства, полученные по договору займа. Неопределенным остается порядок определения долей в имуществе, приобретенном за счет средств материнского (семейного) капитала между родителями и детьми, в связи с чем возникает ущемление прав детей. Данные вопросы, также, как и другие, нуждаются в законодательном урегулировании.

Безусловно, многое осталось за пределами проводимого исследования, что свидетельствует о многогранности избранной темы, ее актуальности и необходимости всестороннего изучения.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 1. – Ст. 16.
3. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним : федер. закон от 21.07.1997 г. № 122-ФЗ (ред. от 29.12.2015) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3594.
4. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : федер. закон от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ (в ред. От 23.05.2015) // Российская газета. – 2006. – 31 дек.
5. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 г. № 15 (ред. от 06.02.2007) // Российская газета. – 1998. – 18 нояб.
6. Браташова В. А. Нотариальные обязательства в связи с использованием средств материнского (семейного) капитала: проблемы реализации и контроля / В. А. Браташова // Судья. – М. : Изд-во журнала «Судья», 2014. – С. 31-33.
7. Мун О. Махинации с материнским капиталом / О. Мун // Жилищное право. – М. : Изд-во журнала «Жилищное право», 2013. – С. 7-29.
8. Ракитина Л. Н. О позиции Конституционного Суда РФ по вопросу оформления права собственности на жилое помещение, приобретенное с использованием материнского (семейного) капитала / Л. Н. Ракитина// Российский судья. – М. : Изд-во журнала «Российский судья», 2015. – С. 35- 38.
9. Рыжаков А. П. Правоохранительные органы: учебник для вузов (4-е издание) / А. П. Рыжков // СПС КонсультантПлюс, 2015. – 258 с.
10. Чашкова С. Ю. Способы защиты имущественных прав супругов: толкование положений семейного законодательства Конституционным Судом Российской Федерации / С. Ю. Чашкова // Семейное и жилищное право. – М. : Изд-во журнала «Семейное и жилищное право», 2015. – С. 25-28.

References:

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on December 30, 2015) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
2. Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 30.12.2015) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1995. - No. 1. - Art. 16.
3. On state registration of rights to real estate and transactions with it: federal law of 21.07.1997 No. 122-FZ (as amended on 29.12.2015) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1997. - No. 30. - Art. 3594.
4. On additional measures of state support for families with children: federal law of 29.12.2006 No. 256-FZ (as amended on 23.05.2015) // Rossiyskaya Gazeta. - 2006. - 31 December.
5. On the application of legislation by courts when considering divorce cases: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 05.11.1998 No. 15 (as amended on 06.02.2007) // Rossiyskaya Gazeta. - 1998. - 18 November.
6. Bratashova V. A. Notarial obligations in connection with the use of maternal (family) capital: problems of implementation and control / V. A. Bratashova // Judge. - M.: Publishing house of the magazine "Judge", 2014. - P. 31-33.
7. Moon O. Fraud with maternity capital / O. Moon // Housing law. - M.: Publishing house of the journal "Housing law", 2013. - P. 7-29.
8. Rakitina L. N. On the position of the Constitutional Court of the Russian Federation on the issue of registration of ownership of residential premises acquired using maternal (family) capital / L. N. Rakitina // Russian judge. - M.: Publishing house of the magazine "Russian judge", 2015. - P. 35 - 38.
9. Ryzhakov A. P. Law enforcement agencies: textbook for universities (4th edition) / A. P. Ryzhkov // SPS ConsultantPlus, 2015. - 258 p.
10. Chashkova S. Yu. Methods of protecting the property rights of spouses: interpretation of the provisions of family legislation by the Constitutional Court of the Russian Federation / S. Yu. Chashkova // Family and housing law. - M.: Publishing house of the journal "Family and Housing Law", 2015. - P. 25-28.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_626
УДК 34.01

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ЗАВЕЩАТЕЛЬНОГО ПРАВА
THE EVOLUTION OF RUSSIAN TESTAMENTARY LAW

ЦУКАНОВ Сергей Сергеевич
кандидат исторических наук, доцент, Дальневосточный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева».
Россия, г. Хабаровск, ул. Восточное шоссе, 49.
e-mail: cep200670@ya.ru

TSUKANOV Sergey Sergeevich
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Far Eastern branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice of V.M. Lebedev".
Khabarovsk, st. Eastern Highway, 49.
e-mail: cep200670@ya.ru

Краткая аннотация. *Завещательное право имеет не только глубокие исторические корни, но и активно применяется в настоящее время. Мировые тенденции развития завещаний отразились и в российском законодательстве. В статье проведен анализ основных тенденций становления наследственного права в России до XVIII в.*

Abstract. *Testamentary law not only has deep historical roots but is also actively used today. Global trends in the development of wills are also reflected in Russian legislation. This article analyzes the main trends in the development of inheritance law in Russia before the 18th century.*

Ключевые слова: *наследственное право, завещание, история права, юриспруденция.*
Key words*: inheritance law, will, legal history, jurisprudence.*

Для цитирования: *Цуканов С.С. Эволюция российского завещательного права // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 626-627. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_626.*
For citation*: Tsukanov S.S. The evolution of Russian testamentary law // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 626-627. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_626.*

Статья поступила в редакцию: 14.01.2026

Значительное число институтов гражданского права берут свое начало с древнейших времен. Принято считать, что зарождение института наследования уходит истоками в важнейший сборник древних законов – Законы Хаммурапи (1792-1750 гг. до н.э.). В древнейших источниках отсутствовали специальные нормы разграничивающие порядок наследования по закону и по завещанию. Более того не сдержалось даже прямого указания на такое основание как наследование по завещанию, однако имелись отдельные нормы, которые свидетельствуют о наследовании в том виде, каком сегодня юристы его понимают. К примеру, ст. 162: «Если человек взял жену и она родила ему сыновей, а затем эта женщина умерла, то по поводу ее приданого ее отец не может предъявлять иска; ее приданое принадлежит только ее сыновьям» - в данном примере ярко показано наследование по закону наследниками первой очереди, правда из которой исключен родитель и супруг наследодателя. Предусматривалась и возможность лишения наследства: «Если человек захотел отвергнуть своего сына и сказал судьям: «Я отвергну своего сына», то судьи должны рассмотреть его дело, и если сын не нанес отцу никакой обиды, за которую полагается отвергнуть от наследства, отец не может отвергнуть своего сына от наследства. Если он нанес своему отцу тяжкую обиду, за которую полагается отвергнуть от наследства, то в первый раз они судьи должны отвести его намерения; если же он двукратно нанес тяжкую обиду, то отец может отвергнуть своего сына от наследства» [5].

В контексте развития правовых институтов Древней Греции, как отмечают исследователи античного права [3], первые систематизированные нормы о завещательном наследовании прослеживаются в знаменитых реформах Солона (594 г. до н.э.). Примечательно, что законодатель VI века до нашей эры, чьи идеи легли в основу афинской демократии, ввёл принципиально важное ограничение. Согласно сохранившимся источникам, правом составления завещания обладали исключительно граждане мужского пола, причём эта возможность предоставлялась лишь тем, кто не имел законных сыновей. Как подчёркивает профессор А.И. Новицкий в работе «История наследственного права» , данная норма отражала патриархальный уклад общества, где основной целью наследования выступало сохранение семейной собственности в рамках рода [4, с. 45]. Любопытно, что подобные ограничения стали ранним примером баланса между свободой распоряжения имуществом и общественными интересами, заложив основы для дальнейшей эволюции наследственного права.

Таковы общие предпосылки, из которых возможно частично разглядеть институт наследственного права России.

Обращаясь к различным научным трудам ученых юристов, представляется возможным выделить общую тенденцию деления развития наследования по завещанию в России на несколько этапов. Первым периодом является период под названием «Переходный», его летоисчисление начинается в VII веке. Процесс формирования наследственного права в восточнославянских землях отличался значительной нестабильностью. Эта динамика объяснялась столкновением двух юридических традиций: местных обычаев, регулировавших имущественные переходы внутри общины, и заимствованных норм византийского и римского права. Подобное правовое взаимодействие порождало противоречия, так как принципы сословного наследования, характерные для славян, вступали в конфликт с индивидуализированным подходом средиземноморских законодательных систем.

Ключевым нормативным актом, закреплявшим основы передачи имущества, оставалась Русская Правда. Однако её положения отражали скорее компромисс между традицией и инновацией, нежели строгую унификацию правил. Интересно, что институт завещания в данный период имел принципиально иную социальную роль. Вместо изменения круга наследников, как в современной практике, он выступал механизмом справедливого распределения собственности среди лиц, уже определенных обычным правом. Такая функция была тесно связана с общинным укладом, где приоритет отдавался сохранению имущества внутри рода, а не свободному распоряжению им.

Таким образом, наследственные отношения развивались под влиянием правового дуализма, где взаимодействие автохтонных и заимствованных норм создавало уникальные гибридные формы, предопределившие дальнейшую эволюцию юридических институтов в регионе и дан-

ный период продлился до IX века.

Со временем право и его институты эволюционировали, появлялись новые источники, активизировалось нормотворчество.

Псковская судная грамота, отражая эволюцию правовой мысли XIV–XV вв. и феодальный период, впервые в древнерусском законодательстве закрепила юридическое разграничение видов наследования: «приказное» (по завещанию) и «отморщина» (по закону). Этот нормативный акт установил приоритет письменной формы волеизъявления, что стало важным шагом в формализации наследственных процедур. Интересно, что устное распоряжение имуществом сохраняло силу лишь при соблюдении строгого процессуального условия - присутствии четырёх-пяти свидетелей, что подчёркивало переход от устной правовой культуры к документальной фиксации прав. Знаковым изменением этого периода стало расширение субъектного состава наследственных отношений. Законодатель, постепенно отходя от жёстких родовых ограничений, предоставил наследодателям право включать в круг преемников не только ближайших родственников, но и лиц, связанных с ними экономическими или социальными обязательствами. Такая трансформация свидетельствовала о росте индивидуализма в имущественных отношениях, характерном для торгово-ремесленных центров наподобие Пскова. Детальный анализ статей грамоты позволяет говорить о формировании возможности свободного распоряжения собственностью при жизни через механизм завещания. Однако эта свобода оставалась ограниченной принципом социальной справедливости: даже при наличии письменного «приказного» акта, суд мог оспорить его содержание, если нарушались интересы законных наследников или общины.

Правовые реформы Петра I в области наследственного права ознаменовались принятием в 1714 г. Указа «О единонаследии», ставшего ключевым элементом социально-экономической модернизации России. Этот законодательный акт, направленный на консолидацию дворянской собственности, вводил жёсткие ограничения: недвижимое имущество разрешалось передавать исключительно одному сыну, а дочери могли претендовать на него лишь при отсутствии мужских наследников. Фактически, воля завещателя сводилась к выбору кандидата среди прямых потомков, что кардинально сужало рамки частного распоряжения собственностью. При этом документ требовал обязательного письменного оформления, что усиливало юридический формализм эпохи [1, с. 22]. Однако уже в 1731 г. императрица Анна Иоанновна, столкнувшись с системным кризисом правоприменения, отменила петровский указ. Основной причиной стало его тотальное неприятие обществом: дворянские семьи массово использовали фиктивные сделки и судебные уловки, чтобы распределить владения между всеми детьми. Это не только подрывало цели закона — предотвратить дробление имений, — но и провоцировало острые внутрисемейные конфликты. Лишённые наследства младшие сыновья и дочери нередко обращались к насилию, что дестабилизировало социальный порядок [2, с. 16]. Отмена единонаследия восстановила традиционные принципы раздела имущества, характерные для допетровского периода, но с важной оговоркой: письменная форма завещания сохранилась как норма, закрепив переход от устных договорённостей к документальной фиксации прав. Данный прецедент иллюстрирует противоречие между абсолютистскими реформами и архаичными социальными структурами, где даже монаршая воля не могла преодолеть устойчивость семейных практик.

В эпоху буржуазных преобразований XIX века, сопровождавшихся либерализацией экономики и права, ключевым регулятором наследственных отношений стал Свод законов Российской империи (1832 г.). Этот систематизированный правовой массив не только кодифицировал существующие нормы, но и заложил основы для формирования института завещательной свободы в её современном понимании. Особое значение имело закрепление принципа универсального правопреемства, согласно которому наследник приобретал не только активы, но и обязательства умершего, что отражало потребности развивающегося капиталистического оборота.

Свод законов, ставший юридическим отражением «великих реформ» Александра II, трансформировал саму философию наследования. Если ранее завещание рассматривалось как вспомогательный инструмент распределения имущества внутри семьи, то теперь оно превратилось в механизм защиты частных интересов предпринимательского класса. Нормы о письменном удостоверении воли наследодателя, чётком определении круга кредиторов и преемников создавали предсказуемость для коммерческих отношений - важнейшее условие для инвестиций и промышленного роста.

Интересно, что законодатели, сохранив элементы сословного подхода (например, особенности наделения дворянским титулом), параллельно зафиксировали абстрактный характер наследственной массы. Это позволяло включать в завещание не только земельные владения, но и акции, долговые расписки, патентные права — новые формы собственности, характерные для индустриальной эпохи. Однако баланс между свободой волеизъявления и охраной законных интересов наследников оставался хрупким: суды часто оспаривали завещания, если долги превышали стоимость активов или нарушались права несовершеннолетних.

Российское государство имеет свою самобытную историю развития форм завещаний, в том числе таких форм, как устная форма завещания и форма завещания при свидетелях, не сходную с зарубежными странами. Историческое развитие наследственного права в России представляет собой динамичный процесс, отражающий трансформацию социально-экономических, политических и культурных реалий разных эпох. От древних обычаев, закреплявших родовой принцип перехода имущества, через реформы Петра I и Екатерины II, внедрявших элементы свободы завещания, до радикальных изменений советского периода, ограничивавших частную собственность, — каждый этап сформировал уникальный правовой ландшафт. Дальнейшее формирование и развитие наследственного права продолжилось под воздействием тенденций своего времени.

Список литературы:

1. Абраменков М.С. Наследственное право: учебник для вузов Москва : Издательство Юрайт, 2025.
2. Бабенкова В.Р., Брусенцева М.И., Труфанова А.Ю. Историческое развитие права наследования в гражданском праве в РФ и закрепление понятия «завещание» // Цифровое общество :психологический и педагогический взгляд: сборник статей по итогам междунар. науч-практ. конфер. Стерлитамак, 2025. С. 15-18.
3. Дигесты Юстиниана. Т. 1. Кн. I—IV. Статут, / Перевод с лат. Л.Л. Кофанова, И. С. Москва, 2008.
4. Новицкий А.И. История наследственного права. Москва, 2018.
5. Официальный сайт Исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Законы Хаммурапи // URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm (дата обращения: 12.01.2026)

References:

1. Abramenkov, M.S. Inheritance Law: A Textbook for Universities. Moscow: Yurait Publishing House, 2025.
2. Babenkova, V.R., Brusentseva, M.I., Trufanova, A.Yu. Historical Development of Inheritance Law in Civil Law in the Russian Federation and the Establishment of the Concept of "Will" // Digital Society: A Psychological and Pedagogical View: A Collection of Articles from the Results of the International Scientific and Practical Conference. Sterlitamak, 2025. p. 15-18.
3. Digests of Justinian. Vol. 1. Books I-IV. Statute, / Translated from Latin by L.L. Kofanova, I.S. Moscow, 2008.
4. Novitsky, A.I. History of Inheritance Law. Moscow, 2018.
5. Official website of the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. The Laws of Hammurabi // URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm (accessed: 12.01.2026)

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_628

УДК 34

ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА: СОДЕРЖАНИЕ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ (ЧАСТЬ 1)
BANKRUPTCY PROCEDURES: CONTENT AND LEGAL CONSEQUENCES (PART 1)

КУЗНЕЦОВ Сергей Анатольевич
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: proff-mast@mail.ru

KUZNETSOV Sergey Anatolyevich
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
Samara State University of Economics Samara.
141 Sovetskaya Armii str., Samara, 443090, Russia.
E-mail: proff-mast@mail.ru

Краткая аннотация: *Автор анализирует содержание отдельных процедур банкротства, а также высказывает предложения о совершенствовании правового регулирования названных процедур. Рассматриваются процедуры, применяемые в деле о банкротстве в судебном порядке (наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство), досудебные и внесудебные процедуры (процедуры предупреждения банкротства, мировое соглашение), обеспечительные, подготовительные и примирительные процедуры банкротства.*

Abstract: *The author analyzes the content of individual bankruptcy procedures, and also makes suggestions on improving the legal regulation of these procedures. The procedures applied in a bankruptcy case in court (supervision, financial rehabilitation, external management, bankruptcy proceedings), pre-trial and out-of-court procedures (bankruptcy prevention procedures, settlement agreement), interim, preparatory and conciliatory bankruptcy procedures are considered.*

Ключевые слова: *несостоятельность (банкротство), дело о банкротстве, процедуры банкротства.*
Keywords: *insolvency (bankruptcy), bankruptcy case, bankruptcy proceedings.*

Для цитирования: *Кузнецов С.А. Процедуры банкротства: содержание и правовые последствия (Часть 1) // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 628-636. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_628.*
For citation*: Kuznetsov S.A. Bankruptcy procedures: content and legal consequences (Part 1) // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 628-636. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_628.*

Статья поступила в редакцию: 08.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

§ 1. Закон о банкротстве 2002 года содержит главу II, посвященную предупреждению банкротства, мерам по предупреждению банкротства организаций и санации.

Возникновение у должника признаков банкротства влечет обязанность руководителя должника направить сведения о наличии признаков банкротства, в том числе о размере, структуре, возможности погашения задолженности [1], учредителям (участникам) должника, собственнику имущества должника – унитарного предприятия (п. 1 ст. 30 Закона о банкротстве), которые в свою очередь обязаны принимать своевременные меры по предупреждению банкротства организаций (п. 2 ст. 30 Закона о банкротстве) [2]. Указанные меры также могут быть приняты кредиторами или иными лицами на основании соглашения с должником (п. 3 ст. 30 Закона о банкротстве) [3].

В доктрине права и судебно-арбитражной практике встречается правовая позиция, согласно которой Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» не предусматривает правовых последствий в виде санкций в случае неисполнения руководителем должника обязанности, предусмотренной п. 1 ст. 30 Закона [4].

Представляется, что такой подход не отвечает положениям статьи 61.13 Закона о банкротстве.

Так, в случае нарушения руководителем должника или учредителем (участником) должника, собственником имущества должника - унитарного предприятия, членами органов управления должника, членами ликвидационной комиссии (ликвидатором) или иными контролирующими должника лицами, гражданином-должником положений настоящего Федерального закона указанные лица обязаны возместить убытки [5], причиненные в результате такого нарушения (п. 1 ст. 61.13 Закона о банкротстве, п. 3 ст. 53 ГК РФ). Не является исключением и нарушение руководителем должника обязанности, установленной пунктом 1 статьи 30 Закона о банкротстве, в случае которого он обязан возместить убытки, причиненные в результате такого нарушения [6].

В рамках мер по предупреждению банкротства должнику может быть предоставлена финансовая помощь в размере, достаточном для погашения денежных обязательств и обязательных платежей и восстановления платежеспособности должника (санация) (п. 1 ст. 31 Закона о банкротстве) [7, 8]. Предоставление финансовой помощи может сопровождаться принятием на себя должником или иными лицами обязательств в пользу лиц, предоставивших финансовую помощь (п. 2 ст. 31 Закона о банкротстве) [9, 10].

Меры по предупреждению банкротства организаций и санация не упоминаются в статье 27 Закона о банкротстве 2002 года в числе процедур, применяемых в деле о банкротстве, однако, исходя из содержания и значения названных мер, мы полагаем, что меры по предупреждению банкротства организаций и санация по существу представляют собой процедуры, направленные на предупреждение банкротства (процедуры предупреждения банкротства) [11]. Оценивая таким образом процедуры предупреждения банкротства, мы исходим из того, что, существо, со-

держание первично, а форма, процедура производна [12], вторична, поэтому несмотря на то, что суд еще не принял заявление о признании должника банкротом, не возбудил производство по делу о банкротстве, однако лицами, заинтересованными в восстановлении платежеспособности должника принимаются соответствующие меры, по существу проводится процедура предупреждения банкротства, имеются все основания считать такие действия специальной процедурой банкротства [13, 14]. В этой связи отечественное законодательство о банкротстве нуждается в совершенствовании системы мер и процедур предупреждения банкротства для того, чтобы стимулировать, заинтересовать участников гражданского оборота принимать реальные и эффективные действия, направленные на восстановление платежеспособности и предотвращение несостоятельности (банкротства).

§ 2. Действующее отечественное законодательство о банкротстве не содержит нормы об обеспечительных процедурах банкротства, ограничиваясь установлением возможности применения судом в рамках дела о банкротстве традиционных обеспечительных мер, предусмотренных арбитражным процессуальным законодательством, однако применение судом обеспечительных процедур банкротства, например, процедуры обеспечительного управления, могло бы наиболее эффективно обеспечить сохранность имущества должника и контроль за имущественным состоянием должника [15]. Назначение управляющего в деле о банкротстве может являться обеспечительной мерой [16].

Введение арбитражным судом, рассматривающим дело о банкротстве, процедуры наблюдения в отношении должника по результатам судебного заседания по рассмотрению обоснованности требований заявителя к должнику не может расцениваться в качестве применения обеспечительных мер, поскольку, на наш взгляд, в данном случае отсутствует оперативность и незамедлительность, свойственная обеспечительным мерам, напротив, извещение лица, к которому требуется применить обеспечительные меры, о возможности применения таких мер несвойственно обеспечительным мерам, поскольку существенно уменьшает эффективность обеспечительных мер [17, 18, 19]. Обеспечительные меры призваны предотвратить правонарушения, а не подготовить дело о банкротстве к судебному разбирательству, с учетом чего процедура наблюдения не может быть признана мерой по обеспечению требований кредиторов и интересов должника [20]. Однако ограничения, налагаемые на должника в рамках процедуры наблюдения могут быть применены судом в качестве обеспечительных мер (все вместе или по отдельности в зависимости от конкретных обстоятельств дела), что соотносится со статьей 46 Закона о банкротстве 2002 года, по смыслу которой суд может путем применения обеспечительных мер изменять пределы ограничений, установленных для должника в рамках процедуры наблюдения [21, 22].

Вместе с тем целесообразно дополнение перечня обеспечительных мер, применяемых арбитражными судами по делам о банкротстве на стадии рассмотрения обоснованности заявленных требований (до введения первой процедуры банкротства) [23], такой мерой как введение арбитражным судом по ходатайству лиц, участвующих в деле, специальной процедуры банкротства – процедуры обеспечительного управления и утверждение арбитражным судом по ходатайству лиц, участвующих в деле, обеспечительного управляющего, обладающего полномочиями и обязанностями временного управляющего, за исключением обязанностей по выявлению кредиторов должника, ведению реестра требований кредиторов, уведомлению кредиторов должника и созыву и проведению первого собрания кредиторов. Кандидатура обеспечительного управляющего может быть указана в ходатайстве о введении процедуры обеспечительного управления и об утверждении обеспечительного управляющего, либо представлена саморегулируемой организацией арбитражных управляющих, указанной в названном ходатайстве. Расходы на проведение процедуры обеспечительного управления и на оплату вознаграждения обеспечительного управляющего могут быть возложены на лицо, по ходатайству которого введена процедура и утвержден управляющий [24]. Предоставление обеспечительным управляющим суду, рассматривающему дело о банкротстве, отчета о проведении процедуры обеспечительного управления, равно как и вся деятельность указанного управляющего по проведению процедуры обеспечительного управления, в рамках которой по ходатайству обеспечительного управляющего на должника и других лиц возлагаются обеспечительные запреты и обязанности в зависимости от конкретных обстоятельств дела, могли бы способствовать формированию у суда, рассматривающего дело о банкротстве, более объективного представления о финансовом состоянии должника, а также предотвращению недобросовестных действий со стороны должника, кредиторов и других заинтересованных лиц. Введение обеспечительного управления и утверждение обеспечительного управляющего может быть необходимо не только на стадии рассмотрения обоснованности заявленных требований (до введения первой процедуры банкротства) [25], но и в случаях, когда иная ранее введенная судом процедура банкротства фактически не проводится (управляющий отстранен, освобожден, болен, безвестно отсутствует или не исполняет возложенные на него в деле о банкротстве обязанности по иным причинам), и имеются основания для обеспечения требований кредиторов и интересов должника.

§ 3. Подготовительные процедуры известны действующему законодательству о несостоятельности (банкротстве), так, к их числу относится процедура наблюдения, предусмотренная Законами о банкротстве 1998 года и 2002 года.

Процедура наблюдения носит подготовительный характер и не относится к числу реабилитационных или ликвидационных процедур, поскольку ни восстановление платежеспособности должника, ни прекращение деятельности должника не относится к числу целей применения процедуры наблюдения. Процедура наблюдения применяется к должнику в целях обеспечения сохранности имущества должника, проведения анализа финансового состояния должника, составления реестра требований кредиторов и проведения первого собрания кредиторов (статья 2 Закона о банкротстве 2002 года) [26, 27]. Применение процедуры наблюдения способствует достижению задач подготовки дела к судебном разбирательству, названных в части 3 статьи 133 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (определение характера спорного правоотношения и подлежащего применению законодательства, обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения дела; разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле, и других участников арбитражного процесса; оказание содействия лицам, участвующим в деле, в представлении необходимых доказательств; примирение сторон) [28], поэтому применение названной процедуры банкротства при подготовке дел о банкротстве к судебному разбирательству необходимо рассматривать в качестве общего правила рассмотрения дел о банкротстве, ис-

ключение из которого может быть предусмотрено законодательством о банкротстве в целях упрощения процедуры рассмотрения дел о банкротстве должников, в отношении которых отсутствует необходимость проведения мероприятий, составляющих содержание процедуры наблюдения (обеспечение сохранности имущества должника, проведение анализа финансового состояния должника, составление реестра требований кредиторов и проведение первого собрания кредиторов) [29].

Применение процедуры наблюдения способствует также сохранению неизменности состава имущества должника, что необходимо для правильного установления арбитражным судом, рассматривающим дело о банкротстве, наличия или отсутствия у должника признаков банкротства [30, 31].

По общему правилу, если иное не предусмотрено Законом о банкротстве, наблюдение вводится по результатам рассмотрения арбитражным судом обоснованности заявления о признании должника банкротом в порядке, предусмотренном статьей 48 Закона о банкротстве (пункт 1 статьи 62 Закона о банкротстве).

Исходя из абзаца первого пункта 6 статьи 42 и пункта 1 статьи 62 Закона при возбуждении дела о банкротстве на основании заявления должника наблюдение вводится, так же как и при возбуждении его на основании заявления кредитора, по результатам рассмотрения судом обоснованности такого заявления.

Для введения наблюдения по заявлению должника суду в силу положений абзацев второго и шестого пункта 3 статьи 48 Закона необходимо установить обстоятельства, предусмотренные статьями 8 или 9 Закона, при наличии которых у должника возникает право или обязанность обратиться с заявлением о признании его банкротом. Об установлении данных обстоятельств указывается судом в определении о введении наблюдения.

Если при рассмотрении вопроса о принятии заявления должника банкротом установлено, что оно не соответствует требованиям статьи 37 Закона, то суд на основании статьи 44 Закона оставляет заявление без движения, а при неустранении допущенных нарушений - возвращает его.

Если же заявление должника соответствует указанным требованиям, но к нему приложены не все документы, предусмотренные статьей 38 Закона, суд в случае обязательности обращения должника принимает заявление к производству, а недостающие документы истребует при подготовке дела к судебному разбирательству (абзац второй пункта 1 статьи 42 Закона). Если же обращение должника в суд не является обязательным и заявление было подано на основании статьи 8 Закона, суд, установив отсутствие необходимых документов, предусмотренных статьей 38 Закона, оставляет заявление без движения, а при неустранении допущенных нарушений – возвращает его [32].

Как следует из пункта 3 статьи 62 Закона о банкротстве, наблюдение должно быть завершено с учетом сроков рассмотрения дела о банкротстве, предусмотренных статьей 51 Закона [33]. Учитывая это, а также необходимость разумной длительности процедуры, оплачиваемой за счет должника, суд назначает заседание по рассмотрению дела о банкротстве индивидуального предпринимателя, принимая во внимание наименьший срок, разумно необходимый с учетом размера задолженности, объема имущества должника и объема осуществлявшейся им деятельности. При невозможности рассмотрения дела в указанный срок или при наличии иных уважительных причин заседание арбитражного суда может быть отложено в пределах срока рассмотрения дела о банкротстве [34].

С даты вынесения арбитражным судом определения о введении наблюдения: требования кредиторов по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей, за исключением текущих платежей, могут быть предъявлены к должнику только с соблюдением установленного настоящим Законом о банкротстве порядка предъявления требований к должнику; по ходатайству кредитора приостанавливается производство по делам, связанным с взысканием с должника денежных средств [35]. Кредитор в этом случае вправе предъявить свои требования к должнику в порядке, установленном Законом о банкротстве; приостанавливается исполнение исполнительных документов по имущественным взысканиям, в том числе снимаются аресты на имущество должника и иные ограничения в части распоряжения имуществом должника, наложенные в ходе исполнительного производства, за исключением исполнительных документов, выданных на основании вступивших в законную силу до даты введения наблюдения судебных актов о взыскании задолженности по заработной плате, выплате вознаграждения авторам результатов интеллектуальной деятельности, об истребовании имущества из чужого незаконного владения, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, и о возмещении морального вреда. Основанием для приостановления исполнения исполнительных документов является определение арбитражного суда о введении наблюдения; не допускаются удовлетворение требований учредителя (участника) должника о выделе доли (пая) в имуществе должника в связи с выходом из состава его учредителей (участников), выкуп либо приобретение должником размещенных акций или выплата действительной стоимости доли (пая); не допускается прекращение денежных обязательств должника путем зачета встречного однородного требования, если при этом нарушается установленная пунктом 4 статьи 134 Закона о банкротстве очередность удовлетворения требований кредиторов. В отношении обязательств, возникающих из финансовых договоров, размер которых определяется в порядке, предусмотренном статьей 4.1 Закона о банкротстве, указанный запрет применяется только в части прекращения нетто-обязательств должника; не допускается изъятие собственником имущества должника - унитарного предприятия принадлежащего должнику имущества; не допускается выплата дивидендов, доходов по долям (паям), а также распределение прибыли между учредителями (участниками) должника (пункт 1 статьи 63 Закона о банкротстве).

В соответствии с абзацем вторым пункта 1 статьи 63 Закона о банкротстве с даты вынесения судом определения о введении наблюдения требования кредиторов по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей, за исключением текущих платежей, могут быть предъявлены должнику только с соблюдением установленного Законом о банкротстве порядка предъявления требований к должнику. К указанным требованиям относятся и требования, подтвержденные исполнительными документами.

При рассмотрении соответствующих споров, в частности споров о признании не подлежащими исполнению исполнительных и иных документов, о признании недействительными сделок должника, влекущих преимущественное удовлетворение требований одних кредиторов перед другими, о привлечении руководителя должника или арбитражного управляющего к ответственности за причинение убытков, необходимо исходить из того, что по смыслу приведенной нормы удовлетворение должником требований отдельных кредиторов, в том числе по инициативе самого должника, противоречит положениям Закона о банкротстве.

При применении абзаца второго пункта 1 статьи 63 Закона о банкротстве также следует иметь в виду, что кредиторы, а также уполномоченные органы, представляющие в деле о банкротстве требования Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований по денежным обязательствам, не вправе в порядке, установленном частью 1 статьи 8 Федерального закона "Об исполнительном производстве" (далее - Закон об исполнительном производстве), направлять выданные судами и другими органами исполнительные документы о взыскании денежных средств непосредственно в банк или иную кредитную организацию (далее - банк), в которых открыты счета должника [36].

При введении процедуры наблюдения в отношении залогодателя применительно к абзацу второму пункта 1 статьи 63 Закона требования об обращении взыскания на заложенное имущество могут быть предъявлены только в деле о банкротстве путем подачи заявления о включении их в реестр требований кредиторов в качестве требований залогового кредитора.

Кроме того, по смыслу положений, предусмотренных абзацем четвертым пункта 1 статьи 63, абзацем пятым пункта 1 статьи 81, абзацем вторым пункта 2 статьи 95, абзацем шестым пункта 1 статьи 126 Закона о банкротстве, принудительное исполнение решения об обращении взыскания на заложенное имущество приостанавливается в процедурах наблюдения, финансового оздоровления и внешнего управления и прекращается в процедуре конкурсного производства [37].

Предусмотренные абзацем вторым пункта 1 статьи 63 и абзацем седьмым пункта 1 статьи 126 Закона о банкротстве нормы о возможности предъявления в процедурах наблюдения и конкурсного производства требований только в рамках дела о банкротстве распространяются в том числе на требования к индивидуальному предпринимателю-должнику по делу о банкротстве, не связанные с предпринимательской деятельностью (с учетом особенностей для требований, неразрывно связанных с личностью кредитора). До окончания дела о банкротстве эти требования не могут заявляться в отдельном исковом производстве.

В ходе ликвидационных и реабилитационных процедур банкротства арбитражный управляющий действует в целях удовлетворения требований кредиторов соответственно за счет продажи всего имущества, принадлежащего должнику, либо за счет восстановления платежеспособности должника, что отвечает интересам кредиторов и должника, в связи с чем именно последним принадлежит инициатива в отстранении арбитражного управляющего в случае нарушения названных интересов, в то время как суд лишен возможности отстранять арбитражного управляющего по собственной инициативе. Иная ситуация складывается при проведении подготовительных процедур банкротства, направленных на подготовку к разрешению по существу вопроса о признании должника несостоятельным (банкротом). В рамках подготовительных процедур деятельность арбитражного управляющего направлена на содействие арбитражному суду в подготовке к судебному разбирательству дела о несостоятельности (банкротстве), поэтому неисполнение или ненадлежащее исполнение арбитражным управляющим своих обязанностей в рамках подготовительных процедур препятствует надлежащей и своевременной подготовке дела о банкротстве к судебному разбирательству арбитражным судом, что не только нарушает права и охраняемые законом интересы лиц, участвующих в деле о банкротстве, но и влечет нарушение срока рассмотрения дела о банкротстве в арбитражном суде. В этой связи необходимо усиление судебного контроля за арбитражными управляющими при проведении подготовительных процедур, в частности, процедуры наблюдения, путем предоставления суду права по собственной инициативе отстранять арбитражных управляющих в случае нарушения ими законодательства о несостоятельности (банкротстве) [38].

§ 4. Отечественное законодательство о банкротстве предусматривает процедуры банкротства, проведение которых направлено не только на удовлетворение требований кредиторов, но и на восстановление платежеспособности должника (процедуры восстановления платежеспособности должника) [39, 40, 41].

По мнению Т.К. Мартышиной «под восстановительной процедурой следует понимать комплекс восстановительных мероприятий, применяемых с момента вынесения судом определения о принятии заявления о признании должника банкротом, направленных на восстановление его платежеспособности, когда есть достаточные и объективные данные полагать, что платежеспособность такого должника может быть восстановлена. Под восстановительным мероприятием понимается регламентированное действие или совокупность действий, применяемых к должнику с целью восстановления его платежеспособности. Восстановительные мероприятия проводятся в рамках конкретных восстановительных процедур, но не ограничиваются только рамками восстановительных процедур» [42].

К числу процедур восстановления платежеспособности должника по отечественному законодательству о банкротстве относятся финансовое оздоровление [43, 44], внешнее управление [45, 46, 47], реструктуризация долгов гражданина.

Финансовое оздоровление – процедура, применяемая в деле о банкротстве к должнику в целях восстановления его платежеспособности и погашения задолженности в соответствии с графиком погашения задолженности; внешнее управление – процедура, применяемая в деле о банкротстве к должнику в целях восстановления его платежеспособности; реструктуризация долгов гражданина – реабилитационная процедура, применяемая в деле о банкротстве к гражданину в целях восстановления его платежеспособности и погашения задолженности перед кредиторами в соответствии с планом реструктуризации долгов (статья 2 Закона о банкротстве).

Т.П. Прудникова отмечает, что «внешнее управление с финансово-экономической точки зрения представляет собой реструктуризацию организации-должника в целях восстановления его платежеспособности. При этом реструктуризация может осуществляться как путем мобили-

зации внутренних ресурсов должника, так и (при их недостаточности) путем привлечения финансовых ресурсов третьих лиц (инвесторов). Под реструктуризацией, как правило, понимается целостный комплекс мер рыночной организации финансово-хозяйственной деятельности юридического лица, направленных на увеличение эффективности использования его внутренних и привлеченных ресурсов. Реструктуризация организации проводится в целях достижения наиболее адекватного сложившимся экономическим реалиям соотношения и взаимодействия ее основных факторов производства: основных средств, включая недвижимость, капитала, трудовых ресурсов, менеджмента. Кроме того, реструктуризация включает в себя умелое маневрирование финансами, производственной номенклатурой, обязательствами, а также направленность на освобождение от лишних затрат» [48].

Совокупный срок финансового оздоровления и внешнего управления не может превышать два года. В случае, если с даты введения финансового оздоровления до даты рассмотрения арбитражным судом вопроса о введении внешнего управления прошло более чем восемнадцать месяцев, арбитражный суд не может вынести определение о введении внешнего управления (п. 2 ст. 92 Закона о банкротстве).

С даты вынесения арбитражным судом определения о введении финансового оздоровления наступают следующие последствия: требования кредиторов по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей, за исключением текущих платежей, могут быть предъявлены к должнику только с соблюдением установленного Законом о банкротстве порядка предъявления требований к должнику; ранее принятые меры по обеспечению требований кредиторов отменяются; аресты на имущество должника и иные ограничения должника в части распоряжения принадлежащим ему имуществом могут быть наложены только в арбитражном процессе по делу о банкротстве; осуществление имущественных взысканий по исполнительным документам приостанавливается, за исключением таких взысканий по исполнительным документам, выданным на основании вступивших в законную силу до даты введения финансового оздоровления решений о взыскании задолженности по заработной плате, выплате вознаграждений авторам результатов интеллектуальной деятельности, об истребовании имущества из чужого незаконного владения, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, возмещении морального вреда; удовлетворение требований учредителя (участника) должника о выделе доли (пая) в имуществе должника в связи с выходом из состава его учредителей (участников), выкуп или приобретение должником размещенных акций либо выплата действительной стоимости доли (пая) не допускается; изъятие собственником имущества должника – унитарного предприятия принадлежащего должнику имущества не допускается; выплата дивидендов и иных платежей по эмиссионным ценным бумагам, доходов по долям (паям), распределение прибыли между учредителями (участниками) должника не допускаются; прекращение денежных обязательств должника путем зачета встречного однородного требования, предоставления отступного или иным способом не допускается, если при этом нарушается очередность удовлетворения установленных пунктом 4 статьи 134 Закона о банкротстве требований кредиторов либо если такое прекращение приводит к преимущественному удовлетворению требований кредиторов одной очереди, обязательства которых прекращаются, перед другими кредиторами; неустойки (штрафы, пени), подлежащие уплате проценты и иные санкции за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежных обязательств и обязательных платежей не начисляются, за исключением текущих платежей (п. 1 ст. 81 Закона о банкротстве).

С даты введения внешнего управления: прекращаются полномочия руководителя должника, управление делами должника возлагается на внешнего управляющего; внешний управляющий вправе издать приказ об увольнении руководителя должника или предложить руководителю должника перейти на другую работу в порядке и на условиях, которые установлены трудовым законодательством; прекращаются полномочия органов управления должника и собственника имущества должника - унитарного предприятия, полномочия руководителя должника и иных органов управления должника переходят к внешнему управляющему, за исключением полномочий органов управления должника и собственника имущества должника – унитарного предприятия, предусмотренных пунктами 2 и 3 статьи 93 Закона о банкротстве. Органы управления должника, временный управляющий, административный управляющий в течение трех дней с даты утверждения внешнего управляющего обязаны обеспечить передачу бухгалтерской и иной документации должника, печатей и штампов, материальных и иных ценностей внешнему управляющему; отменяются ранее принятые меры по обеспечению требований кредиторов; аресты на имущество должника и иные ограничения должника в части распоряжения принадлежащим ему имуществом могут быть наложены исключительно в рамках процесса о банкротстве, за исключением арестов и иных ограничений, налагаемых в гражданском или арбитражном судопроизводстве либо исполнительном производстве в отношении взыскания задолженности по текущим платежам, истребования имущества из чужого незаконного владения; вводится мораторий на удовлетворение требований кредиторов по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей, за исключением случаев, предусмотренных Законом о банкротстве; требования кредиторов по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей, за исключением текущих платежей, могут быть предъявлены к должнику только с соблюдением установленного Законом о банкротстве порядка предъявления требований к должнику (п. 1 ст. 94 Закона о банкротстве).

Согласно абзацу третьему пункта 1 статьи 81 и абзацу пятому пункта 1 статьи 94 Закона о банкротстве с даты введения процедур финансового оздоровления или внешнего управления отменяются ранее принятые меры по обеспечению требований кредиторов. Приведенные нормы означают, что обеспечительные меры считаются отмененными в силу указания закона без принятия об этом самостоятельного акта судом общей юрисдикции или арбитражным судом. В данном случае в связи со снятием ареста судебный пристав-исполнитель совершает необходимые действия в том же порядке, который применялся бы, если бы судом был удовлетворен иск об освобождении имущества от ареста. По смыслу части 1 статьи 96 Закона об исполнительном производстве определение о введении процедуры финансового оздоровления или внешнего управления направляется арбитражным судом судебному приставу-исполнителю. Действия в связи со снятием ареста совершаются судебным приставом-исполнителем в разумный срок после получения этого определения. Для их совершения не требуется ходатайств или заявлений со стороны участников исполнительного производства и третьих лиц. Приостановление исполнительного производства не препятствует совершению судебным

приставом-исполнителем указанных действий. Бездействие судебного пристава-исполнителя может быть обжаловано в суд, рассматривающий дело о банкротстве, независимо от того, акт какого суда или иного государственного органа послужил основанием для наложения ареста [49].

В соответствии с частью 1 статьи 96 Закона об исполнительном производстве при введении процедур наблюдения, финансового оздоровления или внешнего управления не приостанавливается исполнение исполнительных документов по требованиям о взыскании задолженности по заработной плате, выплате вознаграждения авторам результатов интеллектуальной деятельности, об истребовании имущества из чужого незаконного владения, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, компенсации морального вреда, а также о взыскании задолженности по текущим платежам. Вместе с тем в силу абзаца четвертого пункта 1 статьи 81 и абзаца шестого пункта 1 статьи 94 Закона о банкротстве, а также части 3 статьи 96 Закона об исполнительном производстве при введении процедуры финансового оздоровления или внешнего управления наложение новых арестов и установление иных ограничений по распоряжению имуществом должника, включая обеспечительные меры, как судебными приставами-исполнителями, так и судами допускается только в рамках процесса по делу о банкротстве. Исключение из этого правила установлено положением абзаца шестого пункта 1 статьи 94 Закона о банкротстве для арестов и иных ограничений, налагаемых в гражданском или арбитражном судопроизводстве либо исполнительном производстве в отношении взыскания задолженности по текущим платежам, а также истребования имущества из чужого незаконного владения, в ходе процедуры внешнего управления. По данным видам имущественных взысканий аресты и иные ограничения по распоряжению имуществом должника могут налагаться в ходе процедуры внешнего управления вне рамок дела о банкротстве. В остальных случаях для наложения ареста судебный пристав-исполнитель обращается с соответствующим ходатайством в суд, рассматривающий дело о банкротстве. Указанное ходатайство рассматривается применительно к пункту 1 статьи 60 Закона о банкротстве. О судебном заседании извещается арбитражный управляющий. В части, касающейся рассмотрения этого ходатайства, судебный пристав-исполнитель пользуется правами и несет обязанности лица, участвующего в деле (статья 41 АПК РФ), в частности имеет право обжаловать определение об отказе в принятии таких обеспечительных мер. По заявлению заинтересованного лица суд, рассматривающий дело о банкротстве, вправе принять обеспечительные меры, ограничивающие должника в распоряжении принадлежащим ему имуществом, в соответствии с частью 1 статьи 93 АПК РФ. В отношении рассмотрения указанного заявления заинтересованное лицо пользуется правами и несет обязанности лица, участвующего в деле (статья 41 АПК РФ), в частности имеет право обжаловать определение об отказе в принятии таких обеспечительных мер. О судебном заседании, на котором должно рассматриваться названное заявление, уведомляются арбитражный управляющий, представитель учредителей (участников) должника, представитель собрания (комитета) кредиторов. Определение о принятии обеспечительных мер может быть обжаловано на основании части 3 статьи 223 АПК РФ [50].

С даты вынесения судом определения о признании обоснованным заявления о признании гражданина банкротом и введения реструктуризации его долгов наступают следующие последствия: вводится мораторий на удовлетворение требований кредиторов по денежным обязательствам, об уплате обязательных платежей, за исключением случаев, предусмотренных настоящей статьей (п. 1 ст. 213.11 Закона о банкротстве); срок исполнения возникших до принятия судом заявления о признании гражданина банкротом денежных обязательств, обязанности по уплате обязательных платежей для целей участия в деле о банкротстве гражданина считается наступившим; требования кредиторов по денежным обязательствам, об уплате обязательных платежей, за исключением текущих платежей, требования о признании права собственности, об истребовании имущества из чужого незаконного владения, о признании недействительными сделок и о применении последствий недействительности ничтожных сделок могут быть предъявлены только в порядке, установленном Законом о банкротстве. Исковые заявления, которые предъявлены не в рамках дела о банкротстве гражданина и не рассмотрены судом до даты введения реструктуризации долгов гражданина, подлежат после этой даты оставлению судом без рассмотрения; прекращается начисление неустоек (штрафов, пеней) и иных финансовых санкций, а также процентов по всем обязательствам гражданина, за исключением текущих платежей; приостанавливается исполнение исполнительных документов по имущественным взысканиям с гражданина, за исключением исполнительных документов по требованиям о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, по делам об истребовании имущества из чужого незаконного владения, об устранении препятствий к владению указанным имуществом, о признании права собственности на указанное имущество, о взыскании алиментов, а также по требованиям об обращении взыскания на заложенное жилое помещение, если на дату введения этой процедуры кредитор, являющийся залогодержателем, выразил согласие на оставление заложенного жилого помещения за собой в рамках исполнительного производства в соответствии с пунктом 5 статьи 61 Федерального закона от 16 июля 1998 года № 102-ФЗ "Об ипотеке (залоге недвижимости)". Основанием для приостановления исполнения исполнительных документов является определение суда, рассматривающего дело о банкротстве гражданина, о признании обоснованным заявления о признании гражданина банкротом и введении реструктуризации долгов гражданина. Соглашения об отказе гражданина от подготовки и представления плана реструктуризации его долгов являются ничтожными (п. 2 ст. 213.11 Закона о банкротстве).

По ходатайству кредитора или финансового управляющего суд вправе принять меры по обеспечению требований кредиторов и интересов гражданина в соответствии с гражданским процессуальным законодательством или арбитражным процессуальным законодательством, в том числе наложить запрет на распоряжение частью имущества гражданина, включая запрет на проведение торгов по продаже имущества гражданина (п. 3 ст. 213.11 Закона о банкротстве).

Введение реструктуризации долгов гражданина является основанием для одностороннего отказа кредитора от исполнения договора, предусматривающего исполнение гражданином требования указанного кредитора в неденежной форме. Об одностороннем отказе может быть заявлено в процессе установления требований кредитора к гражданину в деле о его банкротстве (п. 4 ст. 213.11 Закона о банкротстве).

В ходе реструктуризации долгов гражданина он может совершать только с выраженного в письменной форме предварительного согла-

сия финансового управляющего сделки или несколько взаимосвязанных сделок: по приобретению, отчуждению или в связи с возможностью отчуждения прямо либо косвенно имущества, стоимость которого составляет более чем пятьдесят тысяч рублей, недвижимого имущества, ценных бумаг, долей в уставном капитале и транспортных средств; по получению и выдаче займов (кредитов), выдаче поручительств и гарантий, уступке прав требования, переводу долга, а также учреждению доверительного управления имуществом гражданина; по передаче имущества гражданина в залог.

В случае наличия разногласий по поводу совершения указанных сделок у гражданина и финансового управляющего они вправе обратиться за разрешением таких разногласий в суд, рассматривающий дело о банкротстве гражданина.

С даты введения реструктуризации долгов гражданина он не вправе вносить свое имущество в качестве вклада или паевого взноса в уставный капитал или паевой фонд юридического лица, приобретать доли (акции, паи) в уставных (складочных) капиталах или паевых фондах юридических лиц, а также совершать безвозмездные для гражданина сделки (п. 5 ст. 213.11 Закона о банкротстве).

С даты введения реструктуризации долгов гражданина его задолженность перед кредитором - кредитной организацией признается безнадежной задолженностью (п. 6 ст. 213.11 Закона о банкротстве).

Предусмотренные действующим отечественным законодательством о банкротстве реабилитационные процедуры банкротства юридических лиц (финансовое оздоровление, внешнее управление) носят общий характер и не учитывают того обстоятельства, что осуществление юридическими лицами отдельных видов социально значимой деятельности, в некоторых случаях приносит таким юридическим лицам одни только убытки [51, 52] и в принципе не способно принести прибыль. Однако необходимость осуществления такой деятельности обусловлена только ее социальным значением и не связана с извлечением прибыли, поэтому и в том случае, если социально значимая деятельность приносит осуществляющим ее юридическим лицам одни только убытки, названная деятельность должна быть продолжена, поскольку в случае прекращения этой деятельности негативные последствия социального характера значительно превысят убытки, связанные с продолжением такой деятельности. Вместе с тем учредители (участники), собственники имущества юридических лиц, осуществляющих социально значимую деятельность, вправе определять виды деятельности данных юридических лиц (пункты 1, 2 статьи 52 ГК РФ), поэтому должны нести определенную ответственность за негативные последствия (убытки) от деятельности юридических лиц, которые наступают для кредиторов таких юридических лиц. В этой связи в рамках дела о банкротстве юридического лица, осуществляющего социально значимую деятельность, необходимо применение процедур банкротства, направленных на восстановление платежеспособности должника – юридического лица (финансовое оздоровление, внешнее управление), с учетом особенностей юридического лица, осуществляющего социально значимую деятельность. В рамках данных процедур банкротства должник может быть реорганизован под контролем суда в соответствии с планом проведения указанных процедур банкротства, утвержденным судом, для того, чтобы в дальнейшем осуществлять свою деятельность по возможности более эффективно, а удовлетворение требований кредиторов может быть осуществлено путем привлечения учредителей (участников) должника или собственников имущества должника к субсидиарной ответственности по обязательствам должника [53, 54].

Список литературы:

1. Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» / Под ред. докт. юрид. наук, проф. В.В. Витрянского. 2-й завод. М.: Статут, 2004. С. 225.
2. Телюкина М.В. Основы конкурсного права. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 262-265.
3. Ланг, П. П. Институт несостоятельности (банкротства) самостоятельная процедура юридического процесса / П. П. Ланг // Вопросы экономики и права. – 2013. – № 55. – С. 43-47. – EDN QINWAP.
4. Телюкина М.В. Основы конкурсного права. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 262;
5. Постановление ФАС Центрального округа от 30.09.2005 по делу № А14-5278-2005/39/20б // КонсультантПлюс.
6. Ланг, П. П. Состязательность и злоупотребление процессуальным правом в арбитражном процессе: корреляционная связь / П. П. Ланг // Вопросы экономики и права. – 2022. – № 169. – С. 14-21. – EDN ZYIKOZ.
7. Ланг, П. П. Субсидиарная ответственность при банкротстве: вопросы судебной практики / П. П. Ланг // Судья. – 2020. – № 11(119). – С. 54-58. – EDN THHSSE..
8. Гончаров А.И. Предупреждение банкротства коммерческой организации по законодательству Российской Федерации: методология и механизмы реализации: Дис. … докт. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 16;
9. Телюкина М.В. Основы конкурсного права. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 267.
10. Зинченко С.А., Гончаров А.И. Предупреждение банкротства коммерческой организации: методология и правовые механизмы. М.: Юриспруденция, 2006. С. 114;
11. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)». Постатейный / Под ред. В.Ф. Попондопуло. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. С. 162.
12. Особенности делопроизводства в юриспруденции : учебник / П. П. Ланг, Ю. В. Руднева, А. В. Фадеев. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2024. – 248 с. – ISBN 978-5-392-40008-9. – EDN FTAGWS.
13. Ланг, П. П. Правовые ценности и цифровые технологии: проблема паритета / П. П. Ланг // Юридическая наука. – 2021. – № 2. – С. 64-69. – EDN GUUCMR.
14. Свит Ю. Восстановительные процедуры – способ предотвращения банкротства // Российская юстиция. 1998. № 3;
15. Свит Ю.П. Процедуры, предотвращающие банкротство юридических лиц: Дис. … канд. юрид. наук. М., 1999. С. 6.
16. Царик Г.П. Реализация и охрана прав и законных интересов кредиторов при банкротстве хозяйствующих субъектов: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 8, 20-21.
17. Институты защиты интересов государства в сфере гражданской юрисдикции / Е. В. Михайлова, И. И. Бутрим, К. А. Корсик [и др.]. – Москва : Институт государства и права РАН, 2024. – 639 с. – ISBN 978-5-8339-0269-1. – EDN YHITSV.
18. Кузнецов С.А. Обеспечительные меры в гражданском и административном судопроизводстве. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 93;
19. Кузнецов С.А. Судебные обеспечительные средства в российском гражданском праве. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 217-218;
20. Литовцева Ю.В. Обеспечительные меры на стадии подготовки дел о несостоятельности (банкротстве) // Закон. 2007. № 7. С. 85.
21. Peculiarities of protecting the rights of participants of financial markets in court / G. E. Ageeva, P. P. Lang, A. V. Loshkarev [et al.] // The Future of the Global Financial System: Downfall or Harmony. – Cham, Switzerland : Springer Nature, 2019. – P. 545-552. – DOI 10.1007/978-3-030-00102-5_57. – EDN YUFZUQ.
22. Кузнецов С.А. Обеспечительные меры в гражданском и административном судопроизводстве. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 93-94;
23. Кузнецов С.А. Судебные обеспечительные средства в российском гражданском праве. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 218.
24. Право на жизнь, здоровье, собственность : монография. / Л. А. Андреева, В. В. Батин, К. В. Дядюн [и др.]. – Новосибирск : НП "СибАК", 2013. – 160 с. – EDN TZNUDT.
25. Ланг, П. П. Производство по делам о банкротстве: современные тенденции и перспективы / П. П. Ланг // Вестник гражданского процесса. – 2025. – Т. 15, № 1. – С. 264-275. – DOI 10.24031/2226-0781-2025-15-1-264-275. – EDN HBLIYF.

26. Публичная власть: соотношение судебных и внесудебных способов защиты права : Электронное издание / С. Ф. Афанасьев, Е. В. Богатова, В. Е. Бондаренко [и др.]. – Москва : Институт государства и права РАН, 2024. – ISBN 978-5-8339-0283-7. – EDN OUESNO.
27. Калнан Р. Процедура наблюдения // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Специальное приложение к № 3, март 2001 года. Российско-британский семинар судей, рассматривающих дела о несостоятельности (банкротстве) (27 ноября – 1 декабря 2000 года). М.: ЮРИТ-Вестник, 2001. С. 70-75;
28. Наумов О.А. Наблюдение как процедура несостоятельности // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Специальное приложение к № 3, март 2001 года. Российско-британский семинар судей, рассматривающих дела о несостоятельности (банкротстве) (27 ноября – 1 декабря 2000 года). М.: ЮРИТ-Вестник, 2001. С. 63.
29. Постановление Пленума ВАС РФ от 20 декабря 2006 года № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству» // Вестник ВАС РФ. 2007. № 4.
30. Ланг, П. П. Арбитражный управляющий и правовые механизмы разрешения конфликтов в деле о банкротстве // Современные технологии и управление : сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции, Светлый Яр, 17–18 декабря 2013 года / Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Филиал в р. п. Светлый Яр Волгоградской области). – Светлый Яр: Филиал ФГБОУ ВПО МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ТЕХНОЛОГИЙ И УПРАВЛЕНИЯ ИМЕНИ К. Г. РАЗУМОВСКОГО в р. п. Светлый Яр Волгоградской области, 2013. – С. 3-10. – EDN SGVAJF.
31. Пункт 14 информационного письма ВАС РФ от 25 апреля 1995 года № С1-7/ОП-237 «Обзор практики применения арбитражными судами законодательства о несостоятельности (банкротстве) // Вестник ВАС РФ. 1995. № 7;
32. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 3 марта 2004 года № Ф08-695/2004 по делу № А32-4144/2003-2/46Б.
33. Пункт 20 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 9. С. 121.
34. Идрисова, Э. М. Перспективы развития института банкротства в российском законодательстве / Э. М. Идрисова, П. П. Ланг // Проблемы развития предприятий: теория и практика. – 2018. – № 4. – С. 89-94. – EDN YPVLTF.
35. Пункт 10 постановления Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 51 «О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 9. С. 121.
36. Ланг, П. П. К вопросу реформирования закона о банкротстве / П. П. Ланг // Актуальные проблемы реформирования гражданского и предпринимательского права : Материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции с иностранным участием, Краснодар, 02–03 октября 2015 года / СКФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – Краснодар: Общество с ограниченной ответственностью "Издательский Дом - Юг", 2015. – С. 175-182. – EDN VARHCH.
37. Пункт 1 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 59 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Об исполнительном производстве» в случае возбуждения дела о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 9. С. 104.
38. Абзацы третий, четвертый пункта 20 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 9. С. 100.
39. Дорохина Е.Г. Управление в системе банкротства: частноправовые и публично-правовые аспекты правового регулирования: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 2010. С. 17.
40. Витрянский В.В. Развитие российского законодательства о несостоятельности (банкротстве) и практики его применения // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Специальное приложение к № 3, март 2001 года. Российско-британский семинар судей, рассматривающих дела о несостоятельности (банкротстве) (27 ноября – 1 декабря 2000 года). М.: ЮРИТ-Вестник, 2001. С. 18-20;
41. Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. М.: Статут, 2000. С. 124-142; Шершеневич Г.Ф. Учение о несостоятельности. Казань, 1890. С. 108-115.
42. Мартышина Т.К. Восстановительные мероприятия в рамках несостоятельности (банкротства): Дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. С. 12-13.
43. Сарбаш С.В. Финансовое оздоровление // Денисов С.А., Егоров А.В., Сарбаш С.В. Реабилитационные процедуры в деле о банкротстве: Постатейный комментарий к главам V, VI, VIII Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». М.: Статут, 2003. С. 39-126;
44. Сарбаш С.В. Финансовое оздоровление и внешнее управление // Несостоятельность (банкротство): Научно-практический комментарий новелл законодательства и практики его применения / Под ред. В.В. Витрянского. М.: Статут, 2010. С. 140-191.
45. Денисов С.А. Внешнее управление // Денисов С.А., Егоров А.В., Сарбаш С.В. Реабилитационные процедуры в деле о банкротстве: Постатейный комментарий к главам V, VI, VIII Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». М.: Статут, 2003. С. 127-284;
46. Сарбаш С.В. Финансовое оздоровление и внешнее управление // Несостоятельность (банкротство): Научно-практический комментарий новелл законодательства и практики его применения / Под ред. В.В. Витрянского. М.: Статут, 2010. С. 191-249;
47. Хоуман М. Внешнее управление // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Специальное приложение к № 3, март 2001 года. Российско-британский семинар судей, рассматривающих дела о несостоятельности (банкротстве) (27 ноября – 1 декабря 2000 года). М.: ЮРИТ-Вестник, 2001. С. 99-115.
48. Прудникова Т.П. Внешнее управление: финансово-экономические аспекты // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Специальное приложение к № 3, март 2001 года. Российско-британский семинар судей, рассматривающих дела о несостоятельности (банкротстве) (27 ноября – 1 декабря 2000 года). М.: ЮРИТ-Вестник, 2001. С. 94.
49. Пункт 8 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 59 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Об исполнительном производстве» в случае возбуждения дела о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 9. С. 108.
50. Пункт 11 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 59 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Об исполнительном производстве» в случае возбуждения дела о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 9. С. 109-110.
51. Алимова Е.В. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) стратегических организаций. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 22;
52. Ткачев В.Н. Несостоятельность (банкротство) особых категорий субъектов конкурсного права: теоретические и практические проблемы правового регулирования. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 74.
53. Ткачев В.Н. Несостоятельность (банкротство) особых категорий субъектов конкурсного права: теоретические и практические проблемы правового регулирования. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 28.
54. Марков П.А. Особенности банкротства стратегических предприятий: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 63.

References:

1. Scientific and practical commentary (article-by-article) to the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" / Ed. jurid. Doctor of Sciences, Professor V.V. Vitryansky. 2nd plant. Moscow: Statute, 2004. p. 225.
2. Telyukina M.V. Fundamentals of competition law. Moscow: Walters Kluwer, 2004. pp. 262-265.
3. Lang, P. P. Institute of insolvency (bankruptcy) independent procedure of legal process / P. P. Lang // Issues of economics and law. - 2013. – No. 55. – pp. 43-47. – EDN QINWAP.
4. Telyukina M.V. Fundamentals of competition law. Moscow: Volters Kluwer, 2004. p. 262;
5. Resolution of the Federal Antimonopoly Service of the Central District dated 30.09.2005 on case no. A14-5278-2005/39/ 20b // ConsultantPlus.
6. Lang, P. P. Competitiveness and abuse of procedural law in the arbitration process: correlation / P. P. Lang // Issues of economics and law. – 2022. – No. 169. – pp. 14-21. – EDN ZYIKOZ.
7. Lang, P. P. Subsidiary liability in bankruptcy: issues of judicial practice / P. P. Lang // Judge. – 2020. – № 11(119). – Pp. 54-58. – EDN THHSSE..
8. Goncharov A.I. Prevention of bankruptcy of a commercial organization under the legislation of the Russian Federation: methodology and implementation mechanisms: Dis. ... doct. jurid. sciences'. Rostov-on-Don, 2006. p. 16;
9. Telyukina M.V. Fundamentals of competition law. Moscow: Volters Kluwer, 2004. p. 267.
10. Zinchenko S.A., Goncharov A.I. Prevention of bankruptcy of a commercial organization: methodology and legal mechanisms. Moscow: Juris-prudentia, 2006. p. 114;
11. Commentary to the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)". Article-by-article / Edited by V.F. Popondopulo. 3rd ed., revised Moscow: Prospekt, 2011. p. 162.12.
Features of office work in jurisprudence : textbook / P. P. Lang, Yu. V. Rudneva, A.V. Fadeev. – Moscow : Prospekt Limited Liability Company, 2024. - 248 p. – ISBN 978-5-392-40008-9. – EDN FTAGWS.
13. Lang, P. P. Legal values and digital technologies: the problem of parity / P. P. Lang // Legal Science. – 2021. – No. 2. – pp. 64-69. – EDN GUUCMR.
14. Svit Yu. Rehabilitation procedures are a way to prevent bankruptcy // Russian justice. 1998. № 3;
15. Sweet Yu.P. Procedures preventing bankruptcy of legal entities: Dis. ... kand. jurid. Nauk, M., 1999. p. 6.
16. Tsarik G.P. Realization and protection of the rights and legitimate interests of creditors in the bankruptcy of economic entities: Abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2008. pp. 8, 20-21.
17. Institutes for the protection of state interests in the field of civil jurisdiction / E. V. Mikhailova, I. I. Butrim, K. A. Korsik [et al.]. – Moscow : Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2024. – 639 p. – ISBN 978-5-8339-0269-1. – EDN YHITSV.
18. Kuznetsov S.A. Interim measures in civil and administrative proceedings. Moscow: Volters Kluwer, 2006. p. 93;
19. Kuznetsov S.A. Judicial security measures in Russian civil law. Moscow: Volters Kluwer, 2008. pp. 217-218;
20. Litovtseva Yu.V. Interim measures at the stage of preparation of insolvency (bankruptcy) cases // Law. 2007. No. 7. p. 85.
21. Peculiarities of protecting the rights of participants of financial markets in court / G. E. Ageeva, P. P. Lang, A.V. Loshkarev [et al.] // The Future of the Global Financial System: Downfall or Harmony. – Cham, Switzerland : Springer Nature, 2019. – P. 545-552. – DOI 10.1007/978-3-030-00102-5_57. – EDN YUFZUQ.
22. Kuznetsov S.A. Interim measures in civil and administrative proceedings. Moscow: Volters Kluwer, 2006. pp. 93-94;

23. Kuznetsov S.A. Judicial security measures in Russian civil law. Moscow: Volters Kluwer, 2008. pp. 218.
24. The right to life, health, property : a monograph. / L. A. Andreeva, V. V. Batin, K. V. Dyadyun [et al.]. – Novosibirsk : NP SibAK, 2013. 160 p. – EDN TZNUDT.
25. Lang, P. P. Bankruptcy proceedings: current trends and prospects / P. P. Lang // Bulletin of Civil Procedure. – 2025. – Vol. 15, No. 1. – PP. 264-275. – DOI 10.24031/2226-0781-2025-15-1-264-275. – EDN HBLIYF.
26. Public power: the relationship between judicial and extrajudicial methods of protecting law : An electronic edition / S. F. Afanasyev, E. V. Bogatova, V. E. Bondarenko [et al.]. - Moscow : Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2024. – ISBN 978-5-8339-0283-7. – EDN OUESNO.
27. Kalnan R. Observation procedure // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation: Special Appendix No. 3, March 2001. Russian-British seminar of judges considering insolvency (bankruptcy) cases (November 27 –December 1, 2000). Moscow: YURIT-Vestnik, 2001. pp. 70-75;
28. Naumov O.A. Surveillance as an insolvency procedure // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation: Special Appendix No. 3, March 2001. Russian-British seminar of judges considering insolvency (bankruptcy) cases (November 27 – December 1, 2000). Moscow: YURIT-Vestnik, 2001. p. 63.
29. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated December 20, 2006 No. 65 "On the preparation of the case for trial" // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2007. No. 4.
30. Lang, P. P. Arbitration administrator and legal mechanisms for conflict resolution in bankruptcy proceedings // Modern technologies and management : proceedings of the II International Scientific and Practical Conference, Svetly Yar, December 17-18, 2013 / Moscow State University of Technology and Management named after K. G. Razumovsky (Branch in the village of Svetly Yar, Volgograd region). – Svetly Yar: Branch of the MOSCOW STATE UNIVERSITY OF TECHNOLOGY AND MANAGEMENT named after K. G. RAZUMOVSKY in the village of Svetly Yar, Volgograd region, 2013. pp. 3-10. – EDN SGVAJF.
31. Paragraph 14 of the information letter of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated April 25, 1995 No. C1-7/OP-237 "Review of the practice of Application of Insolvency (Bankruptcy) legislation by Arbitration Courts // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 1995. No. 7;
32. Resolution of the Federal Antimonopoly Service of the North Caucasus District of March 3, 2004 no. F08-695/2004 in case no. A32-4144/2003-2/ 46B.
33. Paragraph 20 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 07/23/2009 No. 60 "On Certain Issues Related to the Adoption of Federal Law No. 296-FZ dated 12/30/2008 "On Amendments to the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, 2009, No. 9, p. 121.
34. Idrisova, E. M. Prospects for the development of the institute of bankruptcy in Russian legislation / E. M. Idrisova, P. P. Lang // Problems of enterprise development: theory and practice. – 2018. – No. 4. – pp. 89-94. – EDN YPVLTF.
35. Paragraph 10 of the resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 30.06.2011 No. 51 "On the consideration of bankruptcy cases of individual entrepreneurs" // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2011. No. 9. p. 121.
36. Lang, P. P. On the issue of reforming the bankruptcy law / P. P. Lang // Actual problems of reforming civil and entrepreneurial law : Materials of the All-Russian intramural and extramural scientific and Practical Conference with foreign participation, Krasnodar, October 02-03, 2015 / NCF Russian State University of Justice. Krasnodar: Limited Liability Company Publishing House - Yug, 2015. pp. 175-182. EDN VARHCH.
37. Paragraph 1 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 07/23/2009 No. 59 "On certain issues of the practice of applying the Federal Law "On Enforcement Proceedings" in the event of bankruptcy proceedings" // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2009. No. 9. p. 104.
38. Paragraphs three, four of paragraph 20 of the resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 07/23/2009 No. 58 "On some issues related to the satisfaction of the claims of the mortgagee in the event of bankruptcy of the mortgagor" // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2009. No. 9. p. 100.
39. Dorokhina E.G. Management in the bankruptcy system: private law and public law aspects of legal regulation: Abstract of the dissertation. ... doct. jurid. nauk. M., 2010. pp. 17.
40. Vitryansky V.V. Development of Russian legislation on insolvency (bankruptcy) and practice of its application // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation: Special Appendix to No. 3, March 2001. Russian-British seminar of judges considering insolvency (bankruptcy) cases (November 27 –December 1, 2000). Moscow: YURIT-Vestnik, 2001. pp. 18-20;
41. Shershenevich G.F. The competitive process. Moscow: Statute, 2000. pp. 124-142; Shershenevich G.F. The doctrine of insolvency. Kazan, 1890. pp. 108-115.
42. Martyshina T.K. Rehabilitation measures in the framework of insolvency (bankruptcy): Dis. ... kand. jurid. M., 2009. pp. 12-13.
43. Sarbash S.V. Financial recovery // Denisov S.A., Egorov A.V., Sarbash S.V. Rehabilitation procedures in bankruptcy proceedings: Article-by-article commentary to chapters V, VI, VIII of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)". Moscow: Statute, 2003. pp. 39-126;
44. Sarbash S.V. Financial recovery and external management // Insolvency (bankruptcy): A scientific and practical commentary on new legislation and the practice of its application / Edited by V.V. Vitryansky. Moscow: Statute, 2010. pp. 140-191.
45. Denisov S.A. External management // Denisov S.A., Egorov A.V., Sarbash S.V. Rehabilitation procedures in bankruptcy proceedings: Written commentary to chapters V, VI, VIII of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)". Moscow: Statute, 2003. pp. 127-284;
46. Sarbash S.V. Financial recovery and external management // Insolvency (bankruptcy): A scientific and practical commentary on the new legislation and the practice of its application / Edited by V.V. Vitryansky. Moscow: Statute, 2010. pp. 191-249;
47. Houman M. External management // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation: Special Appendix to No. 3, March 2001. Russian-British seminar of judges considering insolvency (bankruptcy) cases (November 27 –December 1, 2000). Moscow: YURIT-Vestnik, 2001. pp. 99-115.
48. Prudnikova T.P. External management: financial and economic aspects // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation: Special Appendix No. 3, March 2001. Russian-British seminar of judges considering insolvency (bankruptcy) cases (November 27 –December 1, 2000). Moscow: YURIT-Vestnik, 2001. p. 94.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_637

ЛИЦО С ИНВАЛИДНОСТЬЮ КАК СУБЪЕКТ ПРАВА СДАТЬ КВАЛИФИКАЦИОННЫЙ ЭКЗАМЕН НА ЗАМЕЩЕНИЕ ВАКАНТНОЙ ДОЛЖНОСТИ СУДЬИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
A PERSON WITH DISABILITY AS A SUBJECT OF THE RIGHT TO TAKE THE QUALIFICATION EXAM TO BE APPOINTED AS A JUDGE OF THE RUSSIAN FEDERATION

МАРТЬЯНОВА Галина Васильевна
доцент, кандидат юридических наук, зав. кафедрой частного и публичного права
ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий».
107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49.
E-mail: martyanova@ rgust.ru

СОТСКОВ Федор Николаевич
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры частного и публичного права
ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий».
107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49.
E-mail: sotskov@rgust.ru @rgust.ru

MARTIANOVA Galina Vasilyevna
Associate Professor, Candidate of Law, Head of the Department of Private and Public Law Russian State University of Social Technologies.
Losinoostrovskaya str., 49, Moscow, 107150, Russia.
E-mail: martyanova@rgust.ru

SOTSKOV Fyodor Nikolaevich
Candidate of Law, Senior Lecturer at the Department of Private and Public Law Russian State University of Social Technologies.
Losinoostrovskaya str., 49, Moscow, 107150, Russia.
E-mail: sotskov@rgust.ru @rgust.ru

Краткая аннотация. *В данной статье, на основании нормативных правовых актов, в том числе и международных, проанализированы возможности лица с инвалидностью как субъекта права сдать квалификационный экзамен на замещение вакантной должности судьи Российской Федерации. Проведённое исследование позволило сформулировать выводы относительно анализируемого права, которые представили возможность внести предложения по совершенствованию законодательства, регламентирующего медицинские показатели, препятствующие сдаче квалификационного экзамена на должность судьи Российской Федерации.*

Abstract*. In this article, based on regulatory legal acts, including international ones, the possibilities of a person with disabilities as a subject of law to pass the qualification exam for the vacant position of a judge of the Russian Federation are analyzed. The conducted research allowed to formulate conclusions regarding the analyzed right, which presented an opportunity to make proposals for improving the legislation regulating medical indicators that prevent passing the qualification exam for the position of a judge of the Russian Federation.*

Ключевые слова: *инвалид, лицо с инвалидностью, судейское сообщество, перечень заболеваний, право инвалидов на труд, запрет на дискриминацию в сфере труда, медицинское освидетельствование, паралимпийский спорт, квалификационный экзамен, вакантная должность судьи Российской Федерации.*

Keywords: *disabled person, person with disabilities, judicial community, list of diseases, right of disabled people to work, prohibition of discrimination in the field of work, medical examination, Paralympic sports, qualification exam, vacant position of judge of the Russian Federation.*

Для цитирования: *Мартьянова Г.В., Сотсков Ф.Н. Лицо с инвалидностью как субъект права сдать квалификационный экзамен на замещение вакантной должности судьи Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 637-639. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_637.*

For citation*: Martianova G.V., Sotskov F.N. A person with a disability as a subject of the right to take a qualification exam to fill the vacant position of a judge of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 637-639. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_637.*

Статья поступила в редакцию: 12.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Международное сообщество государств признавая, что инвалидность - это эволюционирующее понятие, являющееся результатом взаимодействия между людьми, имеющими нарушения здоровья и коммуникативными и социальными барьерами, которые мешают их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими, признали право инвалидов на труд наравне с другими. Данное положение предусматривает право зарабатывать себе на жизнь трудом, который инвалид выбрал и на который добровольно согласился, в условиях свободы рынка труда, инклюзивной доступности. В таком случае, государство обеспечивает реализацию права на труд, посредством принятия нормативных актов, направленных на запрещение дискриминации лиц с инвалидностью в отношении вопросов всех форм занятости, включая условия приема на работу, найма и занятости, сохранения работы, продвижения по службе в том числе и найма в государственном секторе [2].

В этой связи Российская Федерация в 2014 году сделала первоначальный доклад о выполнении Конвенции о правах инвалидов и о прогрессе, достигнутом в соблюдении прав инвалидов в течение двух лет после её вступления в силу для Российской Федерации (далее –Доклад) [9], где в статье 27 Труд и занятость, закреплено, что права и гарантии граждан, в том числе и инвалидов, в сфере труда и занятости, закрепленные Конституцией Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1] и отраженные в федеральных законах, соответствуют пункту 1 статьи 27 Конвенции о признании права инвалидов на труд наравне со всеми и создают правовую основу для реализации этого права.

В частности, Конституцией РФ в статье 37 [1] и Трудовым кодексом Российской Федерации (далее – ТК РФ) в статьях 2,3 [3] определены основы правового регулирования трудовых отношений, распространяющиеся без всякого изъятия на инвалидов, такие как: свобода труда, право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать профессию и род деятельности, право на защиту от безработицы и содействие в трудоустройстве, запрет на дискриминацию в сфере труда. На инвалидов в полном объеме распространяется запрещение дискриминации в сфере труда, предусмотренное в статье 3 ТК РФ, диспозиция которой запрещает ограничение кого-либо в трудовых правах и свободах, равно как и получать какие-либо преимущества в зависимости от обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника, что исключает законодательное ограничение граждан в реализации их трудовых прав в связи с инвалидностью.

Отсюда, в целях предотвращения дискриминации инвалидов при трудоустройстве на открытом рынке труда в статьях 20-24 Федерального

закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (далее - Закон о социальной защите инвалидов) [4] закреплена система дополнительных мер, направленных на создание инвалидам равных с другими гражданами возможностей по профобразованию и осуществлению трудовой деятельности. Работодатель не вправе отказать инвалиду в приеме на работу по основаниям, не связанным со специальными квалификационными требованиями и деловыми качествами работника. Необоснованный отказ в заключении трудового договора с инвалидом может быть обжалован в суде. Кроме этого, в статье 23 Закона о социальной защите инвалидов, а также в статьях 92, 94, 96, 99, 113, 128, 179, 224 ТК РФ, закреплены льготы для инвалидов в трудовых отношениях, которые направлены на обеспечение того, чтобы инвалиды могли осуществлять свои трудовые права наравне с другими.

Таким образом, из Доклада следует, что в Российской Федерации выполняется положение Конвенции о правах инвалидов по обеспечению того, чтобы инвалиды могли осуществлять свои трудовые и профсоюзные права наравне с другими. В частности, согласно нормам Закона о социальной защите инвалидов они имеют право в соответствии со своими возможностями получить и сохранить за собой рабочее место или заниматься полезной, продуктивной и вознаграждаемой деятельностью и являться членами профсоюзных организаций.

Не вызывает сомнения тот факт, что данная стратегия социальной адаптации инклюзивных работников, нашла своё отражение и в Указе Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (далее – Указ Президента РФ) [6], где в целях обеспечения, устойчивого экономического и социального развития Российской Федерации, основанного, на социальной справедливости и равенстве возможностей, определены такие, помимо прочего, национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, как реализация потенциала каждого человека и развитие его талантов. В таком случае, исходя из анализа норм, регламентирующих право на труд инвалидов, можно сделать вывод о том, что как на международном уровне, так и на внутригосударственном принимаются все меры для труда и занятости работников с инвалидностью на открытом рынке труда. Следовательно, никаких запретов для инвалидов на замещение вакантной должности судьи нет, при условии, что такая вакансия относится к открытому рынку труда.

Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1«О статусе судей в Российской Федерации» (далее – Закон о статусе судей) обязывает Председателя суда, в котором открылась вакантная должность судьи, сообщить об этом в соответствующую квалификационную коллегию судей не позднее чем через 10 дней после открытия вакансии. Тогда, квалификационная коллегия судей не позднее чем через 10 дней после получения сообщения председателя суда объявляет об открытии вакансии в средствах массовой информации с указанием времени и места приема заявлений от претендентов на должность судьи, а также времени и места рассмотрения поступивших заявлений. Кроме этого, Закон о статусе судей регламентирует порядок отбора кандидатов на должность судьи, который осуществляется на конкурсной основе и, согласно которому, каждый гражданин, достигший определённого возраста, имеющий профильное образование, стаж работы по юридической профессии и не имеющий заболеваний препятствующих выполнению должностных обязанностей, вправе сдать квалификационный экзамен на должность судьи [5]. В данном контексте необходимо обратить внимание на перечень, принятый постановлением Совета судей РФ от 26.12.2002 г. № 78, в котором указаны заболевания, препятствующие назначению на должность судьи. К ним, в частности относятся болезни эндокринной системы со стойкими нарушениями функции, группа злокачественных новообразований (гемобластозы), поражающих кроветворные ткани и лимфатическую систему, острое нарушение мозгового кровообращения (инсульт), неврологические и дегенеративные заболевания и многие другие заболевания (всего в перечне их 32), влияющие на нормальную функцию организма [8].

Анализируя представленный перечень, возникает вопрос о полноте и обоснованности представленных в нём диагнозов, и кто их определял. Ответ на последний вопрос вытекает из Закона «О статусе судей», а именно в статьи 4.1 Медицинское освидетельствование претендента на должность судьи, прямо указывается, что Перечень заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи, представлен Министерством здравоохранения Российской Федерации (далее - Минздрав России) как федеральным органом исполнительной власти в сфере здравоохранения. Ответ на первый вопрос относительно полноты и обоснованности анализируемого перечня вызывает некоторые затруднения, ввиду неясности того, кто (какое экспертное сообщество) в Минздраве России пришёл к заключению о тех заболеваниях, которые препятствуют назначению на должность судьи. Однако, данный вопрос, как представляется можно оставить без ответа, полагаясь на то, что в федеральном органе исполнительной власти в сфере здравоохранения, трудятся высококвалифицированные специалисты, обладающие большим опытом практической деятельности, учеными степенями и званиями, публикациями в научных изданиях и прочими заслуживающими внимания и уважения критериями, которые в своей исследовательской деятельности опираются на эмпирический опыт, а не рекомендации всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Тогда, учитывая сложную для понимания неспециалистом терминологии заболеваний, препятствующие назначению на должность судьи, возникает дилемма относительно реализации и развития талантов, указанных в приведённом выше Указе Президента РФ, представляется целесообразным обратиться к паралимпийскому движению и соответственно к медицинскому освидетельствованию спортсменов паралимпийцев, а также участников специальной военной операции, получивших инвалидность.

Целесообразность проведения такого анализа обусловлена тем, что перечень, принятый постановлением Совета судей РФ от 26.12.2002 г. № 78, в котором указаны заболевания, препятствующие назначению на должность судьи, устарел и, как видится, не соответствует современным реалиям, не только в части развития медицины, но и в части получения инвалидности участниками СВО, например такие, как дефекты и деформации нижней конечности: экзартикуляция бедра, культи бедра, голени, отсутствие стопы [7].

В этой связи, для полноты исследования, выдвигается следующая гипотеза: если инвалид способен участвовать в спортивных соревнованиях высших достижений, то он может по медицинским показателям претендовать на назначение на должность судьи. Начать сравнение предлагается с функциональной классификации в паралимпийском спорте [11], где достаточно подробно приведены заболевания, в результате которых лицо приобрело определённую степень инвалидности и виды спорта высших достижений участвуя в которых инвалид может реализовать свои возможности. В частности, Федеральное медико-биологическое агентство Российской Федерации и Российская ассоциация по спортивной медицине и реабилитации больных инвалидов, издали методические рекомендации МР РАСМИРБИ 91500.12.0001- 2021/РАСМИРБИ, где пришли к выводу о том, что для

достижения национальных целей развития Российской Федерации необходимо активно привлекать к занятиям физической культурой и спортом инвалидов и лиц с ограниченными возможностями, не создавая им препятствий по медицинским показателям[10, с.13]. Из полноты названия указанных методических рекомендаций, по сравнению с лаконичным Перечнем заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи, представленным Минздрав России [8], можно сделать первый вывод о заботе об инвалидах с точки зрения их адаптации и абилитации, а также возможности реализовать свои возможности. И вывод это будет не в пользу нормативной регламентации, принятой Советом судей.

Во-первых, из-за отсутствия указания на специалистов, их научных достижений и заслуг, позволивших дать компетентное заключение о заболеваниях, препятствующих назначению на должность судьи.

Во-вторых, из-за, обоснования, как например, инвалидность, обусловленная дефектами и деформациями нижней конечности: экзартикуляция бедра, культи бедра, голени, отсутствие стопы, влияет на умственные способности инвалида, его возможности переносить физические, физиологические, эмоциональные и иные нагрузки, обусловленные выполнением обязанности судьи.

Второй вывод, вытекает из анализа медицинских показателей, которые в одном случае изобилуют медицинской терминологией, как запретом на профессию, в другом раскрывают содержание заболеваний и возможности лицам, их имеющим реализовать свои способности. Согласитесь, что кажется странным или если быть более точным не справедливым, когда спортсмен-инвалид, который с дефектами и деформацией нижней конечности, участвует в соревнованиях олимпийского порядка, например таких, как футбол, парусный спорт, армрестлинг, спортивное ориентирование, биатлон, горнолыжный спорт, лыжные гонки, но при этом, лишён права, по медицинским показателям, сдать квалификационный экзамен на должность судьи.

В таком случае, представляется необходимым внести изменения в Перечень заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи, представленным Совету судей Министерством здравоохранения Российской Федерации (Минздрав России), в части:

- уточнения диагнозов в Перечне заболеваний, препятствующих сдачи квалификационного экзамена на должность судьи;

- указания Министерством здравоохранения Российской Федерации (Минздрав России), экспертного сообщества, пришедшего к заключению о заболеваниях, препятствующих сдачи квалификационного экзамена на должность судьи, с указанием данных об их достижениях и заслугах в области медицины.

Кроме этого, предлагается дополнить Перечень заболеваний, препятствующих сдачи квалификационного экзамена на должность судьи, разделом «Медицинское освидетельствование инвалидов».

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 06.10.2022.
2. Конвенция о правах инвалидов (Заключена в г. Нью-Йорке 13.12.2006) // Собрание законодательства РФ. 11 февраля 2013 г. № 6. Ст. 468.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). ст. 3.
4. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 27.11.1995. № 48. ст. 4563.
5. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 28.12.2025) «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 30.07.1992. № 30. ст. 1792.
6. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. 13.05.2024. № 20. ст. 2584.
7. Постановление Правительства РФ от 05.04.2022 № 588 (ред. от 03.02.2025) «О признании лица инвалидом» (вместе с «Правилами признания лица инвалидом») // Собрание законодательства РФ. 11.04.2022. № 15. ст. 2506.
8. Постановление Совета судей РФ от 26.12.2002 № 78 «Об утверждении Перечня заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи» // Российская юстиция. 2003. № 5.
9. Первоначальный доклад Российской Федерации о выполнении Конвенции о правах инвалидов «О мерах, принятых для осуществления обязательств по Конвенции о правах инвалидов, и о прогрессе, достигнутом в соблюдении прав инвалидов в течение двух лет после её вступления в силу для Российской Федерации»: с прил. Москва, 2014. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.frcds.ru/wp-content/uploads/2020/04/PervDoklad-min.pdf (дата обращения: 05.01.2026).
10. Федеральное медико-биологическое агентство. Российская ассоциация по спортивной медицине и реабилитации больных и инвалидов. Методические рекомендации по допуску по медицинским показателям спортсменов-паралимпийцев, включая спортсменов спортивных сборных команд Российской Федерации, инвалидов и лиц ограниченными возможностями здоровья к прохождению спортивной подготовки, занятиям спортом в организациях, осуществляющих спортивную подготовку, иных организациях для занятий физической культурой и спортом и (или) к выполнению нормативов испытаний (тестов) комплекса ГТО на основании наличия у них установленной группы инвалидности/ограничения здоровья с учётом состояния здоровья, стадии, степени выраженности и индивидуальных особенностей течения заболевания (состояния), выполняемой группы и ступени комплекса ГТО соответственно возраста. Методические рекомендации. МР РАСМИРБИ 91500.12.0001- 2021/РАСМИРБИ. Издание официальное. М., 2021. 75с. [Электронный ресурс]. – URL:https://sportmed.ru/images/biblioteka/metodicheskie-rekomendatsii/paralimp-21.pdf (дата обращения: 05.01.2026).
11. Сладкова Н.А. Функциональная классификация в паралимпийском спорте. Паралимпийский комитет России. М.: Советский спорт, 2011. 160 с.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the All-Russian vote on 07/01/2020) // Official Internet Portal of Legal Information http://pravo.gov.ru , 06.10.2022.
2. Convention on the Rights of Persons with Disabilities (Concluded in New York on 13.12.2006) // Collection of legislation of the Russian Federation. February 11, 2013 No. 6. Art. 468.3. Labor Code of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 197-FZ (as amended on 12/28/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 07.01.2002. No. 1 (part 1). art. 3.
4. Federal Law No. 181-FZ of 11/24/1995 (as amended on 07/31/2025) "On Social Protection of persons with Disabilities in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 27.11.1995. No. 48. art. 4563.
5. The Law of the Russian Federation dated 26.06.1992 No. 3132-1 (as amended on 28.12.2025) "On the status of judges in the Russian Federation" // Vedomosti of the Council of People's Commissars and the Supreme Court of the Russian Federation. 1792.
6. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/07/2024 No. 309 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 05/13/2024. No. 20. Article 2584.
7. Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/05/2022 No. 588 (as amended on 02/03/2025) "On recognizing a person as disabled" (together with the "Rules for recognizing a person as disabled") // Collection of Legislation of the Russian Federation. 04/11/2022. No. 15. art. 2506.
8. Resolution of the Council of Judges of the Russian Federation dated 12/26/2002 No. 78 "On approval of the List of diseases preventing appointment to the post of judge" // Russian Justice. 2003. № 5.
9. Initial report of the Russian Federation on the implementation of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities "On measures taken to implement obligations under the Convention on the Rights of Persons with Disabilities and on progress made in respecting the rights of persons with disabilities during the two years following its entry into force for the Russian Federation": with annex. Moscow, 2014. [Electronic resource]. – URL: https://www.frcds.ru/wp-content/uploads/2020/04/PervDoklad-min.pdf (date of request: 05.01.2026).
10. Federal Medical and Biological Agency. Russian Association for Sports Medicine and Rehabilitation of the Sick and Disabled. Methodological recommendations on the admission of Paralympic athletes, including athletes from the sports national teams of the Russian Federation, disabled people and persons with disabilities to sports training, sports activities in organizations engaged in sports training, other organizations for physical education and sports, and (or) to meet test standards (tests) of the TRP complex based on the presence of an established disability group / health restriction, taking into account the state of health, stage, the degree of severity and individual features of the course of the disease (condition), the performed group and the stage of the TRP complex, respectively, the age. Methodological recommendations. MR RASMIRBI 91500.12.0001- 2021/RASMIRBI. Official publication. Moscow, 2021. 75s. [Electronic resource]. – URL:https://sportmed.ru/images/biblioteka/metodicheskie-rekomendatsii/paralimp-21.pdf (date of access: 05.01.2026).
11. Sladkova N.A. Functional classification in Paralympic sports. The Russian Paralympic Committee. Moscow: Soviet Sport, 2011. 160 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_640

УДК 327

ВНЕДРЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ ЗЕМЕЛЬНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ
INTRODUCTION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE REGULATION OF LAND AND LEGAL RELATIONS

БРИСИЛИНА Ирина Дмитриевна,
студентка юридического института, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет».
440024, Россия, г. Пенза, ул. Красная 40
e-mail: brisilinairina@gmail.com
ПРОНИНА Дарья Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Частное и публичное право»,
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет».
440024, Россия, г. Пенза, ул. Красная 40.
e-mail: stepdasha.91@mail.ru
BRISILINA Irina Dmitrievna
Student of Law Institute, Penza State University.
440024, Penza, Krasnaya Street 40.
e-mail: brisilinairina@gmail.com
PRONINA Daria Nikolaevna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Private and Public Law, Penza State University.
440024, Penza, Krasnaya Street 40.
e-mail: stepdasha.91@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье исследуется процесс цифровизации земельных отношений в Российской Федерации. Анализируются ключевые технологические тренды, такие как использование технологий распределенных реестров (блокчейн), больших данных, дистанционного зондирования Земли и искусственного интеллекта, и их влияние на традиционные институты земельного права. Рассматриваются действующие и перспективные правовые механизмы, включая систему государственного кадастрового учета и Федеральная государственная информационная система ведения Единого государственного реестра недвижимости, а также проект «Цифровая земля». Выявляются правовые пробелы и риски, связанные с внедрением цифровых технологий, и формулируются предложения по совершенствованию земельного законодательства.*

Abstract: *The article examines the process of digitalization of land relations in the Russian Federation. Key technological trends are analyzed, such as the use of distributed ledger technologies (blockchain), big data, remote sensing of the Earth and artificial intelligence, and their impact on traditional land law institutions. Current and prospective legal mechanisms are being considered, including the State Cadastral Registration System and the Federal State Information System for Maintaining the Unified State Register of Real Estate, as well as the Digital Earth project. Legal gaps and risks associated with the introduction of digital technologies are identified, and proposals for improving land legislation are formulated.*

Ключевые слова: *земельное право, цифровизация, ФГИС ЕГРН, блокчейн, искусственный интеллект, дистанционное зондирование Земли, «цифровая земля», государственный кадастровый учет, смарт-контракты, большие данные.*

Keywords: *land law, digitalization, FGIS EGRN, blockchain, artificial intelligence, remote sensing of the Earth, "digital earth", state cadastral registration, smart contracts, big data.*

Для цитирования: *Брисилина И.Д. Внедрение цифровых технологий в деятельность по регулированию земельно-правовых отношений // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 640-642. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_640.*

For citation*: Brisilina I.D. The introduction of digital technologies in the regulation of land and legal relations // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 640-642. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_640.*

Статья поступила в редакцию: 21.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Внедрение цифровых технологий в публично-правовые отношения является повсеместным процессом, признанным упростить государственное регулирование. Активно появляются новые инструменты для управления земельными ресурсами, повышения эффективности оборота недвижимости и обеспечения гарантий прав собственности, что, в свою очередь, требует соответствующего отражения в нормах земельного и смежного законодательства.

Фундаментальным элементом цифровой инфраструктуры земельных отношений в России является Федеральная государственная информационная система ведения Единого государственного реестра недвижимости (ФГИС ЕГРН). Она была создана в результате объединения Единого государственного реестра прав (ЕГРП) и Государственного кадастра недвижимости (ГКН) на основании Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». С юридической точки зрения, ФГИС ЕГРН представляет собой электронную базу данных, содержащую сведения о зарегистрированных правах, обременениях, кадастровых характеристиках объектов недвижимости и прочую информацию. ФГИС ЕГРН выполняет ключевую функцию легитимации прав на земельные участки и иную недвижимость.

Введение ФГИС ЕГРН позволило добиться значительных улучшений. Во-первых, оно упростило процедуры, сократив сроки и уменьшив количество необходимых документов для кадастрового учета и регистрации прав. Во-вторых, система повысила прозрачность земельных отношений, обеспечив свободный доступ к основным сведениям об объектах недвижимости для граждан и организаций. В-третьих, благодаря электронному документообороту и налаженному межведомственному взаимодействию, ФГИС ЕГРН способствовала снижению рисков мошенничества, минимизировав возможность подлога бумажных документов.

Важным шагом в развитии системы стало внедрение электронных сервисов, таких как подача заявлений на регистрацию в электронном виде, получение выписок онлайн и использование электронной цифровой подписи. Однако, как справедливо отмечает А.В. Астафьева, текущая модель ФГИС ЕГРН все еще представляет собой, по сути, оцифрованный аналог бумажного реестра, что ограничивает ее потенциал для реализации более сложных цифровых сервисов. [2, с. 45] Таким образом, ФГИС ЕГРН является необходимым, но недостаточным условием для полноценной цифровой трансформации земельных отношений, так как, заложив технико-правовой фундамент, она требует дальнейшего развития с использованием передовых технологий.

Среди таких перспективных технологий — распределенные реестры (блокчейн) и смарт-контракты. Блокчейн, будучи распределенной и защищенной базой данных, обладает ключевыми преимуществами — неизменяемостью и прозрачностью — что делает его идеальным инструментом для реестров прав собственности. Применительно к земельному праву он может быть использован для создания децентрализованного реестра прав, где каждая запись о праве на земельный участок, ее переходе или обременении фиксируется, делая историю владения абсолютно прозрачной и защищенной от несанкционированного изменения, что стало бы дополнительной гарантией от рейдерских захватов и мошеннических сделок.

Кроме того, технология позволяет заключать и исполнять смарт-контракты — самоисполняемые коды, условия которых записаны в блокчейне, которые могли бы автоматизировать сделки купли-продажи, аренды и залога.

Однако внедрение блокчейна наталкивается на серьезные правовые препятствия. Во-первых, принцип следования, согласно которому передача права собственности следует за договором, требует наличия действительной сделки, а смарт-контракт в его текущем понимании не полностью соответствует требованиям гражданского законодательства к форме и содержанию договора (ст. 160, 432 ГК РФ). Во-вторых, возникает вопрос публичной достоверности реестра, поскольку по действующему закону государственная регистрация является единственным доказательством существования зарегистрированного права, и может ли децентрализованный реестр обладать такой же юридической силой, остается открытым. В-третьих, проблема идентификации сторон заключается в том, что анонимность или псевдо анонимность в публичных блокчейнах противоречит нормам о необходимости идентификации участников гражданского оборота. Для преодоления этих барьеров требуется разработка концепции «законного блокчейна», интегрированного в существующую правовую систему, возможно, в виде гибридной модели, где ФГИС ЕГРН выступает официальным, «офф-чейн» подтверждением записей в блокчейне.

Что касается технологий дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) и искусственного интеллекта (ИИ), то они открывают революционные возможности для государственного земельного контроля и надзора. С помощью данных со спутников и БПЛА, обрабатываемых алгоритмами ИИ, можно автоматически выявлять признаки нарушений, такие как несанкционированное строительство, захват земель или нецелевое использование сельскохозяйственных угодий, а также мониторить состояние земель, отслеживая процессы деградации или мелиорации. Кроме того, эти технологии позволяют формировать доказательственную базу для судебных разбирательств. Хотя правовой основой для их использования служит, в частности, Земельный кодекс РФ, обязывающий собственников использовать землю по целевому назначению, отсутствует детализированный регламент, придающий результатам автоматического анализа статус бесспорных доказательств (ст. 42 ЗК РФ). Для этого необходимо законодательно закрепить требования к методам съемки, алгоритмам анализа и процедуре оформления данных ДЗЗ, чтобы они соответствовали критериям допустимости и относимости доказательств, установленным процессуальными кодексами. (ст. 59, 60 ГПК РФ, АПК РФ).

В свою очередь, агрегация и анализ больших данных (Big Data) из ФГИС ЕГРН**,** данных ДЗЗ, градостроительной и статистической информации позволяют перейти от реактивного к проактивному управлению земельными ресурсами. Это проявляется в формировании земельной политики через прогнозирование спроса на землю и оптимизацию территориального планирования, в более точном и справедливом кадастровом ценообразовании на основе анализа рыночных данных, а также в выявлении общих тенденций и зон риска. Основным правовым вызовом здесь является обеспечение надежной защиты персональных данных и коммерческой тайны при работе с агрегированными массивами информации, что требует четкого законодательного разграничения между общедоступными и конфиденциальными сведениями.

Логическим продолжением развития цифровизации земельных отношений является концепция национального проекта «Цифровая земля», целью которой является создание целостной цифровой экосистемы. В этой системе каждый земельный участок будет иметь свой цифровой двойник, содержащий полный объем информации о нем — от правовых характеристик до экологического состояния и истории изменений. Ключевыми элементами этой концепции выступают единая цифровая платформа, объединяющая данные ФГИС ЕГРН, ДЗЗ, градостроительные реестры и данные органов власти; сквозные цифровые сервисы для граждан и бизнеса, охватывающие весь жизненный цикл взаимодействия с участком; а также внедрение сквозных идентификаторов, таких как кадастровый номер, во все смежные информационные системы, включая налоговые и лесные ведомства.

Реализация этого амбициозного проекта потребует масштабных изменений в земельное, градостроительное, гражданское и налоговое законодательство. Критически важными станут решения таких вопросов, как придание цифровым моделям участка такой же юридической силы, как и традиционным бумажным документам; определение ответственности за ошибки в данных, сгенерированных алгоритмами искусственного интеллекта; и преодоление цифрового разрыва для обеспечения равного доступа к сервисам для всех категорий граждан, включая малоподвижных и жителей удаленных регионов.

Несмотря на очевидные преимущества, углубленная цифровизация земельных отношений порождает ряд правовых рисков и вызовов. Во-первых, существуют киберриски и уязвимости, поскольку централизованные системы, подобные ФГИС ЕГРН, являются привлекательной мишенью для хакерских атак, успех которых может парализовать рынок недвижимости и подорвать публичное доверие. Во-вторых, возникает

проблема «цифрового сиротства» данных, когда неясно, кто несет ответственность за ошибки, допущенные автоматическими алгоритмами, — разработчик, владелец данных или государственный орган. В-третьих, существует риск дискриминации алгоритмов, когда необъективные искусственный интеллект, обученный на нерепрезентативных данных, может привести к предвзятым решениям в кадастровой оценке или предоставлении земель. Наконец, острой проблемой является цифровое наследие, поскольку вопросы перехода прав на цифровые активы, привязанные к земельным участкам, после смерти владельца в настоящее время практически не урегулированы.

Таким образом, цифровые технологии оказывают трансформационное воздействие на земельное право, создавая новые инструменты для повышения эффективности, прозрачности и безопасности земельных отношений. Современное состояние, олицетворяемое ФГИС ЕГРН, является важным, но промежуточным этапом на пути к созданию полноценной цифровой экосистемы.

Перспективные технологии, такие как блокчейн, ИИ и ДЗЗ, обладают колоссальным потенциалом, но их внедрение сдерживается существующими правовыми барьерами. Для реализации концепции «Цифровой земли» необходим комплексный пересмотр ряда институтов земельного, гражданского и процессуального права.

Только скоординированные усилия законодателя, правоприменителей и технологических компаний позволят использовать мощь цифровых технологий для построения современной, справедливой и эффективной системы земельных отношений.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «О государственной регистрации недвижимости». [Электронный ресурс].URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/(дата обращения: 16.11.2025).
2. Астафьева А.В. Цифровая трансформация земельных отношений: проблемы и перспективы // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2021. – № 5 (236). – С. 44–52.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025). [Электронный ресурс].URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/(дата обращения: 16.11.2025).
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025)[Электронный ресурс].URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/(дата обращения: 16.11.2025).
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025). [Электронный ресурс].URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/(дата обращения: 16.11.2025).
6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025). [Электронный ресурс].URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 16.11.2025).
7. Волков Г.А., Попов М.В. Блокчейн и земельный кадастр: перспективы и правовые риски // Lex Russica. – 2020. – № 5 (162). – С. 9–21.
8. Камышников П.С. Использование технологий дистанционного зондирования Земли в государственном земельном надзоре: административно-правовой аспект // Административное право и процесс. – 2022. – № 4. – С. 67–71.
9. Савенко О.Ю. «Умные» контракты в гражданском обороте: проблемы теории и практики // Закон. – 2019. – № 8. – С. 118–127.
10. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р) [Электронный.ресурс].URL:https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/ (дата обращения: 16.11.2025).

References:

1. Federal Law No. 218-FZ dated July 13, 2015 (as amended on 11/23/2024) "On State Registration of Real Estate". [electronic resource].URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661 /(date of access: 11/16/2025).
2. Astafieva A.V. Digital transformation of land relations: problems and prospects // Property relations in the Russian Federation. – 2021. – № 5 (236). – Pp. 44-52.
3. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 07/31/2025). [electronic resource].URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 /(date of application: 11/16/2025).
4. The Land Code of the Russian Federation dated 10/25/2001 No. 136-FZ (as amended on 07/31/2025) (with amendments and additions, intro. effective from 09/01/2025)[Electronic resource].URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773 /(date of access: 11/16/2025).
5. The Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 31.07.2025). [electronic resource].URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570 /(date of application: 11/16/2025).
6. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated 07/24/2002 No. 95-FZ (as amended on 04/01/2025). [electronic resource].URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800 / (date of access: 11/16/2025).
7. Volkov G.A., Popov M.V. Blockchain and land cadastre: prospects and legal risks // Lex Russica. – 2020. – № 5 (162). – Pp. 9-21.
8. Kamyshnikov P.S. The use of Earth remote sensing technologies in state land supervision: an administrative and legal aspect // Administrative law and process. - 2022. – No. 4. – pp. 67-71.
9. Savenko O.Yu. "Smart" contracts in civil turnover: problems of theory and practice // Law. – 2019. – No. 8. – pp. 118-127.
10. Strategy of spatial Development of the Russian Federation for the period up to 2025 (approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated 02/13/2019 No. 207-r) [Electronic.resource].URL:https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/ (accessed: 11/16/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_643

УДК 34

СТАТЬЯ 248.1 АПК РФ КАК ГАРАНТИЯ ПРАВА ПОДСАНКЦИОННЫХ ЛИЦ НА ПРАВОСУДИЕ
ARTICLE 248.1 OF THE ARBITRATION PROCEDURE CODE AS A GUARANTEE OF THE RIGHT OF SANCTIONED PERSONS TO JUSTICE

МОРОЗОВА Ирина Геннадьевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права АНО ВО «Московский гуманитарный университет»,
доцент кафедры юриспруденции АНО ВО «Московский международный университет».
125040, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 17.
E-mail: bourre@mail.ru

ЧУРИКОВА Алина Олеговна,
помощник судьи Арбитражного суда города Москвы.
Россия, г. Москва.
E-mail: a.churikova_asp@mail.ru

MOROZOVA Irina Gennadievna
PhD in law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil and Business Law ANO VO Moscow Humanitarian University,
Associate Professor of the Department of Jurisprudenc ANO VO Moscow International University.
17 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125040, Russia.
E-mail: bourre@mail.ru

CHURIKOVA Alina Olegovna,
Assistant Judge of the Arbitration Court of the City of Moscow.
Russia, Moscow.
E-mail: a.churikova_asp@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье исследуются последствия санкционного давления на экономическую деятельность юридических и физических лиц на территории России, а также изучается правовая природа пророгационных и дерогационных соглашений. Авторы анализируют статью 248.1 АПК РФ с позиции отнесения ее к нормам непосредственного применения (сверхимперативным нормам), а также доказывают особое значение данной нормы для реализации права подсанкционных лиц на судебную защиту.*

Abstract: *The article examines the consequences of sanctions pressure on the economic activities of legal entities and individuals in Russia, as well as the legal nature of prorogation and derogation agreements. The authors analyze Article 248.1 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation from the perspective of its classification as a direct application rule (super-imperative rule), and also prove the special significance of this rule for the implementation of the right of sanctioned individuals to judicial protection.*

Ключевые слова: *меры ограничительного характера, подсанкционные лица, нормы непосредственного применения, сверхимперативные нормы, пророгационные соглашения, деррогационные соглашения.*

Keywords: *restrictive measures, sanctioned individuals, direct application norms, super-imperative rules, pro-rogation agreements, derogation agreements.*

Для цитирования: *Морозова И.Г., Чурикова А.О. Статья 248.1 АПК РФ как гарантия права подсанкционных лиц на правосудие // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 643-645. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_643.*

For citation*: Morozova I.G., Churikova A.O. Article 248.1 of the APC of the Russian Federation as a guarantee of the right of sanctioned persons to justice // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 643-645. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_643.*

Статья поступила в редакцию: 20.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Новые экономические условия, возникшие в связи с введением недружественными государствами мер ограничительного характера, которые позиционируются как рычаг давления на нашу страну, приводят к появлению новых правовых механизмов защиты нарушенных или оспариваемых прав субъектов гражданских правоотношений, в том числе к созданию новых процессуальных инструментов.

Субъекты права, принимая во внимание политику своих государств, действуют согласно новым законодательным ограничениям, в связи с чем, экономическая деятельность юридических и физических лиц ставится в рамки принудительных мер, то есть ограничивается «международно-правовыми санкциями».

Санкционное давление в отношении нашей страны порождает своего рода ограничение или даже запрет совершения российскими организациями, индивидуальными предпринимателями и гражданами определённых действий на территории других стран, либо в отношении международных и иностранных организаций, которые также в связи с принудительными мерами вынуждены изменять правила ведения своей деятельности в отношении российских лиц.

Гарантией равноправных отношений субъектов является возможность урегулирования возникающих споров законными способами, в том числе в судебном порядке. В связи с этим возникает вопрос о праве субъектов на равный доступ к правосудию, на вынесение законного и беспристрастного решения.

На начальном этапе построения партнерских отношений, в том числе при заключении сделок, участники правоотношений вправе договориться о допустимом порядке разрешения споров, в частности путём составления соответствующих соглашений. В данном случае речь идёт о пророгационных и дерогационных соглашениях.

Здесь следует отметить, что эти соглашения, являясь видом юрисдикционной оговорки [8], относятся к процессуальному, а не к материальному праву. Так, нормы процессуального законодательства определяют данное волеизъявление как реализацию автономию воли сторон в отношении выбора страны суда.

Содержательно понятие пророгационного соглашения раскрывается в статье 404 Гражданского процессуального кодекса РФ [3]. Согласно этой норме, пророгационное соглашение представляет собой соглашение об изменении подсудности дела до принятия его судом к своему производству. Вместе с тем, в арбитражном процессуальном законодательстве Российской Федерации [2] при закреплении аналогичного права сторон не используется данная терминология. При этом, право сторон в силу принципа автономии воли самостоятельно определить компетентный суд подтверждается и Пленумом Верховного Суда РФ [6].

Как правило, пророгационное соглашение это не просто выбор сторонами суда, который потенциально будет рассматривать возникший спор, а это соглашение сторон о передаче спора в российский суд в случае, если спорное правоотношение обременено иностранным элементом. Потенциально данное соглашение может действовать и в обратном направлении. То есть, стороны могут договориться о передаче спора на рассмотрение в суд другого государства.

Дерогационное соглашение, в свою очередь, предполагает исключение сторонами своего спора из юрисдикции конкретного суда, то есть фактически представляет собой «обратное» пророгационному соглашение. При этом, в российском законодательстве данный термин не закреплён, но используется судебной практикой [11]. Это связано с тем, что содержательно любое дерогационное соглашение одновременно является пророгационным и наоборот.

При этом, подобная юрисдикционная оговорка допустима и может наделить избранный в ней суд соответствующей компетенцией только при условии, что возникший спор не отнесён к исключительной юрисдикции суда какого-либо государства [12].

В условиях существующего политического конфликта и, как следствие, в условиях введения мер ограничительного характера, участники правоотношений, как правило, ограничены в возможностях получения встречного предоставления по обязательствам, что порождает судебные споры с участием подсанкционных лиц. Более того, санкционный статус лица является достаточным основанием для предположения о невозможности эффективной защиты в юрисдикции, применившей соответствующие ограничения.

В целях защиты прав указанных лиц в Арбитражный процессуальный кодекс РФ была введена статья 248.1, регламентирующая исключительную компетенцию арбитражных судов Российской Федерации по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера.

Статья 248.1 АПК РФ представляет собой специально созданный механизм противостояния недружественной компетенции. Применение этого механизма на протяжении почти пяти лет с момента введения в действие на уровне судопроизводства установило магистральную линию правоприменения ст. 248.1 АПК РФ.

Следует отметить, что законодатель признает ст. 248.1 АПК РФ нормой непосредственного применения, что умаляет возможность исполнения сторонами согласованного ими условия о передачи спора на рассмотрение в другой суд. Так, в пункте 4 ст. 248.1 АПК РФ установлено, что, даже если стороны своим соглашением передали рассмотрение спора в юрисдикцию иностранного суда, исключительная компетенция российского арбитражного суда сохраняется и данная оговорка юридической силы иметь не будет.

Говоря о понятии норм непосредственного применения, важно подчеркнуть, что современное право, в общем, и международное частное право, в частности, исходит из существования двух видов императивных норм – императивных норм национального права и норм непосредственного применения [10].

Ранее последняя из названных категорий норм носила название сверхимперативные. Однако, в целях уточнения терминологии и исключения возможной путаницы понятий в 2013 году в Гражданский кодекс РФ [1] были внесены соответствующие изменения [4], и данные нормы стали называться нормами непосредственного применения.

Императивность, в первую очередь, означает категоричность волеизъявления законодателя, то есть невозможность их изменения по желанию сторон. Если говорить об императивных нормах национального права, то это правила поведения, которые должны исполняться субъектами правоотношений в обязательном порядке.

Нормы непосредственного применения несут более глубокую смысловую нагрузку. Они также представляет собой категорические предписания, но подлежат обязательному исполнению вне зависимости от выбранного правопорядка. По своей сущности данные нормы представляют собой механизм защиты основополагающих интересов нашего государства, общества, прав и законных интересов российских граждан и юридических лиц при вступлении ими в отношения, осложнённые иностранным элементом. Данный механизм приводится в действие только в случае, если в качестве избранного применимого права выступает право другого государства.

Таким образом, так называемые сверхимперативные нормы подлежат применению независимо от того, какое право признано компетентным применительно к конкретному правоотношению [7].

Данная позиция законодателя неоднократно подтверждалась и судебной практикой российских судов [9].

В связи с этим, можно сделать вывод, что статьёй 248.1 АПК РФ установлены правила, имеющие особую правовую природу. Ее введение в действие в качестве нормы непосредственного применения является следствием поддержания интересов, на защиту которых она направлена. Так, законодатель не допускает подчинение правоотношения с участием подсанкционных лиц иностранному праву в целях гарантии права субъекта на рассмотрение спора законным составом суда. Лишение участников спорного правоотношения этого права, как следствие, приведёт и к нару-

шению публичного правопорядка.

Придя к выводу о сверхимеративности ст. 248.1 АПК РФ, возникает вопрос о судьбе пророгационных и дерогационных соглашений сторон. Арбитражный суд, устанавливая свою компетенцию, фактически полностью лишает юридической силы волеизъявление сторон, выраженное в данных соглашениях.

Может сложиться мнение, что такой подход законодателя нарушает права участников процесса, и, как следствие, делает невозможным реализацию их права на справедливое и беспристрастное правосудие. Однако, в настоящее время иностранными судами в условиях введения мер ограничительного характера против Российской Федерации не гарантированы беспристрастность и доступность правосудия с участием российских лиц. В связи с этим, со своей стороны, российский законодатель в условиях сложившегося политического конфликта предпринял меры, направленные на установление гарантий для участвующих сторон на справедливое и беспристрастное правосудие.

Таким образом, иностранные лица не поражаются в права и интересах, а, напротив, защищая интересы российских лиц, наше государство также предоставляет иностранным лицам доступ к правосудию, а судебное решение будет вынесено вне зависимости от национального признака.

Подводя итог, следует отметить, что институт исключительной компетенции российских арбитражных судов в силу ст 248.1 АПК РФ служит эффективным способом обеспечения сохранности права субъекта, претерпевающего введение в действие мер ограничительного характера, на правосудие с вынесением законного, справедливого, и, главное, беспристрастного судебного решения.

Список литературы:

1) Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2001, № 49, ст. 4552.
2) Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2002, № 30, ст. 3012.
3) Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2002, № 46, ст. 4532.
4) Федеральный закон от 30.09.2013 № 260-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 2013, № 40 (часть III), ст. 5030.
5) Федеральный закон от 08.06.2020 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза» // Собрание законодательства РФ, 2020, № 24, ст. 3745
6) Постановление Пленума ВС РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 8, август, 2017.
7) Постановление Пленума ВС РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // https://www.vsrf.ru/documents/own/8355/ (дата обращения 15.08.2025)
8) Постановление Президиума ВАС РФ от 16 июля 2013 г. N 2572/13 по делу № А27-7409/2011 // https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1252a3db-9020-469f-a848-4adc50343afd/52d87cb1-0140-4c3f-93ee-9bb161c1288c/A27-7409-2011_20130716_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 11.12.2025)
9) Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 9 июля 2013 г. № 158 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц» // Справочно-правовая система Консультант Плюс.
10) Зыкин И.С. Комментарии к разделу VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) /И.С. Зыкин, А.В. Асосков, А.Н. Жильцов.; ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ – Москва: Статут. 2021 –84 с.
11) Пророгационные и дерогациононые соглашения /арбитражная практика для юристов // 24 апреля 2023 https://www.arbitr-praktika.ru/article/2747-prorogatsionnye-i-derogatsionnye-soglasheniya (дата обращения 11.12.2025)
12) Ярков В.В. Исключительная компетенция российских судов на основании ст. 248.1 АПК РФ / Ярков В.В. / "Вестник гражданского процесса", 2025, № 1 // https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=158036#azEm31VaCkOr7btE2 (дата обращения 11.12.2025)

References:

1) The Civil Code of the Russian Federation (part three) dated November 26, 2001, No. 146-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2001, No. 49, art. 4552.
2) The Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated July 24, 2002, No. 95-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2002, No. 30, art. 3012.
3) The Civil Code The Procedural Code of the Russian Federation of 11/14/2002 No. 138-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2002, No. 46, art. 4532.
4) Federal Law No. 260-FZ dated 30.09.2013 "On Amendments to Part Three of the Civil Code of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2013, No. 40 (Part III), art. 5030.
5) Federal Law No. 171-FZ dated 06/08/2020 "On Amendments to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation in Order to Protect the Rights of Individuals and Legal Entities in Connection with Restrictive Measures Imposed by a Foreign State, a State association and (or) a Union and (or) a State (Interstate) Institution of a Foreign State or State Association and (or) the Union" // Collection of legislation of the Russian Federation, 2020, No. 24, art. 3745
6) Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.06.2017 No. 23 "On the consideration by Arbitration courts of cases of economic disputes arising from relations complicated by a foreign element" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 8, August, 2017.
7) Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.07.2013 No. 24 "On judicial practice in cases of bribery and about other corruption crimes" // https://www.vsrf.ru/documents/own/8355 / (accessed 08/15/2025)
8) Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated July 16, 2013 No. 2572/13 in case No. A27-7409/2011 // https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1252a3db-9020-469f-a848-4adc50343afd/52d87cb1-0140-4c3f-93ee-9bb161c1288c/A27-7409-2011_20130716_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (accessed 11.12.2025)
9) Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated July 9, 2013 No. 158 "Review of judicial practice on certain issues related to the consideration of cases involving foreign persons by arbitration courts" // Legal Reference System Consultant Plus.
10) Zykin I.S. Comments on Section VI "Private International Law" of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation (article-by–article) /I.S. Zykin, A.V. Asoskov, A.N. Zhiltsov.; S.S. Alekseev Institute of Civil Law under the President of the Russian Federation - Moscow: The statute. 2021 -84 p .
11) Prorogation and derogation agreements /arbitration practice for lawyers // April 24, 2023 https://www.arbitr-praktika.ru/article/2747-prorogatsionnye-i-derogatsionnye-soglasheniya (accessed 11.12.2025)
12) Yarkov V.V. Exclusive competence of Russian courts on the basis of Article 248.1 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation / Yarkov V.V. / Bulletin of Civil Procedure, 2025, No. 1 // https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=158036#azEm31VaCkOr7btE2 (accessed 11.12.2025)

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_646

ЦИТИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ СВОБОДНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ: ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
CITATION AS A WAY OF FREE USE OF WORKS: ISSUES OF JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

ГРОМОЗДИНА Мария Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления.
630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56.
E-mail: gromlaws@mail.ru
ХОЛМОВА Елена Геннадьевна
кандидат юридических наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления.
630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56.
E-mail: gromlaws@mail.ru
GROMOZDINA Maria Vladimirovna,
PhD in Law, Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management.
56 Kamenskaya str., Novosibirsk, 630099, Russia.
E-mail: gromlaws@mail.ru
KHOLMOVA Elena Gennadievna
PhD in Law, Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management.
56 Kamenskaya str., Novosibirsk, 630099, Russia.
E-mail: gromlaws@mail.ru

Краткая аннотация: *Цитирование давно является обычным и необходимым способом свободного использования произведений науки, литературы и искусства. Несмотря на привычность цитат, они традиционно представляют некоторые проблемы для правоприменительной практики. К числу проблем, связанным с цитированием относятся такие как: объем оправдываемого цитирования, цитирование нетекстовых объектов и др. Тенденции к сужению допустимых границ цитирования в судебной практике и научной литературе оцениваются критически, высказывается точка зрения о необходимости сохранения гибкого подхода и адаптации традиционных норм к новым вызовам цифровой среды. Правоприменительная и судебная практика при разрешении спорных вопросов традиционно опираются на добросовестность пользователя и бремя доказывания, что нередко заводит в тупик и не облегчает решение проблемы.*

Abstract: *Citation has long been a common and necessary way of freely using the works of science, literature and art. Despite the familiarity of quotations, they traditionally pose some problems for law enforcement practice. The problems associated with citation include the volume of justifiable citation, the citation of non-textual objects, etc. The trends towards narrowing the permissible limits of citation in judicial practice and scientific literature are critically evaluated, and a point of view is expressed on the need to maintain a flexible approach and adapt traditional norms to the new challenges of the digital environment. Law enforcement and judicial practice in resolving controversial issues traditionally rely on the integrity of the user and the burden of proof, which often leads to a dead end and does not facilitate the solution of the problem.*

Ключевые слова*: авторское право, баланс интересов, воспроизведение, объем цитирования, правомерное цитирование, цитирование нетекстовых объектов.*

Keywords: *copyright, balance of interests, reproduction, citation volume, legitimate citation, citation of non-textual objects.*

Для цитирования: *Громоздина М.В., Холмова Е.Г. Цитирование как способ свободного использования произведений: вопросы судебной и правоприменительной практики // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 646-649. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_646.*

For citation*: Gromozdina M.V., Kholmova E.G. Citation as a way of free use of works: issues of judicial and law enforcement practice // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 646-649. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_646.*

Статья поступила в редакцию: 05.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Рост объемов цитируемой информации в цифровой среде, новые формы контента (соцсети, мемы, видеоигры), обусловливает возникновение и новых проблем. Решая старые и новые проблемы, законодатели и правоприменители стремятся сохранить баланс интересов авторов, правообладателей и общества. В дилемме «охрана авторских прав *vs* свобода информации» недопустимы приоритеты, итогом ее решения должно быть не определение победившей стороны, а гармония, поиск которой требует тщательного анализа и опоры на современные методы правового регулирования.

Институт свободного использования, в частности цитирование, представляет собой классический баланс между правами автора (правообладателя) и публичными интересами в свободном потоке информации, развитии науки и культуры. Правоприменительная практика по ст. 1274 ГК РФ демонстрирует перманентный поиск судами этого баланса, где формальные критерии закона сталкиваются с реальными условиями информационного оборота.

Анализ массива судебных решений позволяет выявить не только устоявшиеся подходы, но и зоны правовой неопределенности, требующие дальнейшего толкования, в том числе на уровне высших судебных инстанций.

Единообразное применение судами ст. 1274 ГК РФ позволяет говорить о сформировавшейся правовой позиции о признании перечня императивных условий, необходимых для признания цитирования правомерным. Этот перечень включает в себя отмеченные ранее:

- правомерность обнародования цитируемого произведения;
- соответствие установленным целям;
- указание имени автора и источника;

- обоснованность объема цитирования.

Произведение обнародовано правомерно, когда доведение его до всеобщего сведения осуществлено автором или другим лицом с прямого с прямого согласия автора, или же – после смерти автора – правообладателем, при условии отсутствия явного запрета. Факт обнародования подлежит доказыванию лицом, ссылающимся на цитирование. Суды справедливо отмечают[1], что размещение произведения в открытом доступе в интернете (например, в социальных сетях) само по себе не свидетельствует о его правомерном обнародовании, если не представлены доказательства заключения лицензионного договора или иного волеизъявления автора.

Цитирование соответствует установленным целям, если его цели информационные, научные, полемические, критические, учебные или оно осуществляется в целях раскрытия творческого замысла автора. Перечень целей – исчерпывающий. Ключевая проблема правоприменения – разграничение информационной и коммерческой цели цитирования.

Сложившаяся практика исходит из того, что:

- правомерным является цитирование в новостном репортаже о событии (яркий пример: дело Верховного Суда РФ № 307-ЭС20-23585)[2], в научной статье для полемики, в учебном пособии;

- неправомерным является цитирование для рекламы товаров или услуг[3], для оформления коммерческого сайта или страницы на маркетплейсе[4], то есть в любых случаях, когда доминирует цель извлечения прибыли.

Суды неоднократно подчёркивали, что простое воспроизведение произведения для его иллюстрации без критики, анализа, полемики или комментария – это не цитирование[5].

Как показывает практика, самое распространенное нарушение в исследуемой области состоит в том, что нарушитель забыл или не счел нужным указать автора и источник цитирования. Такое нарушение почти автоматически делает использование неправомерным. Если цитируемое произведение размещено в сети Интернет, то следует указывать как источник не сайт в целом, а конкретную публикацию (страницу, статью, пост в соцсети).

Отсутствие данных об авторе в первоисточнике, по общему правилу, не освобождает пользователя от обязанности предпринять разумные меры для их установления. Лишь в исключительных случаях, связанных с оперативностью освещения новостей, когда произведение было обнародовано анонимно, действия ответчика «при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась в данном конкретном случае», суд может признать соответствующими закону (упомянутое ранее Определение Верховного Суда РФ № 307-ЭС20-23585).

Анализ касающихся цитирования дел, рассмотренных судами общей юрисдикции и особенно – арбитражными судами позволяет выделить несколько основных проблем правоприменения.

Проблема первая – цитирование нетекстовых объектов. Дискуссия о возможности распространения действия ст. 1274 ГК РФ на изображения, фотографии и иные нетекстовые объекты, по сути, завершена современной практикой. Суды (в том числе, Верховный Суд РФ, в упомянутом ранее определении № 305-ЭС16-18302) исходят из того, что закон не содержит ограничений по виду произведения. Фотография может быть процитирована так же, как и текст, если ее использование подпадает под установленные цели и сопровождается всеми требуемыми атрибутами. Этой позиции придерживаются и другие авторы, отмечая, что фотография и произведение изобразительного искусства могут быть использованы в качестве цитаты и иллюстрации[6].

Проблема вторая – добросовестность пользователя и «разумные меры». Наиболее сложный для доказывания элемент – добросовестность пользователя, который столкнулся с анонимно размещенным произведением. В деле № 307-ЭС20-23585 ВС РФ фактически ввел критерий разумных мер, которые должно предпринять СМИ в условиях оперативного освещения новости. Если установление автора объективно затруднительно или невозможно в требуемые сроки, а источник заимствования указан, использование может быть признано правомерным. Однако в коммерческих спорах (не связанных с новостной повесткой) суды занимают более строгую позицию, возлагая на нарушителя все риски, связанные с использованием контента с неустановленным автором.

Проблема третья, также на данный момент фактически решенная, но обусловившая прямо противоположные мнения нескольких судов – цитирование произведений музеями и учреждениями культуры. Так, Верховный Суд РФ в имеющем фундаментальное значение определении № 5-КГ22-54-К2[7] четко разграничил право собственности на материальный носитель (картину, хранящуюся в музее) и исключительное право. Нахождение объекта в Музейном фонде РФ не создает для музея презумпции права на его свободное использование. Любое такое использование, в том числе в сувенирной продукции, требует либо договора с правообладателем, либо безупречного соблюдения всех условий цитирования.

Проблема четвертая – распределение бремени доказывания. Основное решение сводится к тому, что бремя доказывания факта соблю-

[1] Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 г.) // https://www.klerk.ru/doc/609370/ Дата обращения – 19.09.2025.
[2] Определение Верховного Суда РФ от 18.02.2021 N 307-ЭС20-23585 по делу N A56-93223/2019 // https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18022021-n-307-es20-23585-po-delu-n-a56-932232019/?ysclid=mfqyznoq5y686421253 Дата обращения – 19.09.2025.
[3] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 14 августа 2024 г. по делу № А40-114783/24-27-804 // https://ras.arbitr.ru/ Дата обращения – 19.09.2025.
[4] Решение Арбитражного суда Саратовской области от 11 января 2025 г. по делу № А57-15103/2024 // https://ras.arbitr.ru/ Дата обращения – 19.09.2025.
[5] Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 10 января 2025 г. по делу № А45-28658/2024 // https://ras.arbitr.ru/ Дата обращения – 19.09.2025. Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 14 января 2025 г. по делу А56-26354/2024 // https://ras.arbitr.ru/ Дата обращения – 19.09.2025.
[6] Звегинцева Е. А. Свободное цитирование: пределы и возможности // Вестник ВГИК. Том 13, № 1 (47), апрель, 2021 // Downloads/svobodnoe-tsitirovanie-predely-i-vozmozhnosti.pdf
[7] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.08.2022 N 5-КГ22-54-К2 (УИД 77RS0021-01-2020-013650-19) // https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-23082022-n-5-kg22-54-k2/?ysclid=mfr03fp493913261582 Дата обращения – 19.09.2025.

дения всех условий ст. 1274 ГК РФ лежит на ответчике, который ссылается на осуществленное им цитирование. Истец, которым является автор или правообладатель, со своей стороны должен доказать наличие у себя авторских прав в отношении процитированного произведения, а также факт его использования ответчиком.

Проблема пятая – определение последствий неправомерного «цитирования». Нарушение условий цитирования квалифицируется как нарушение исключительного права со всеми вытекающими последствиями по ст. 1301 ГК РФ. Размер компенсации определяется судом с учетом принципов разумности и справедливости (ст. 1252 ГК РФ). Суды активно используют свое право на снижение размера компенсации, если ее заявленный размер несоразмерен характеру нарушения (например, некоммерческое использование, отсутствие прямой коммерческой выгоды, несущественность нарушения для деятельности ответчика[1].

Таким образом, практика применения норм о цитировании свидетельствует о строгом, но достаточно последовательном толковании ст. 1274 ГК РФ. Институт цитирования не является «лазейкой» для бесплатного использования чужого контента, а представляет собой тщательно проработанное исключение, требующее неукоснительного соблюдения формальных и содержательных условий, установленных законом.

Представляется необходимым дальнейшее развитие правовых позиций Верховного Суда РФ в части критериев «добросовестности» и «разумных мер» при использовании произведений, находящихся в открытом обороте, но с неустановленным авторством. Это позволило бы создать более сбалансированный и предсказуемый правовой режим.

Далее необходимо затронуть опасную тенденцию, возникшую в отечественной судебной практике и цивилистике: ограничение возможности цитирования.

В научных исследованиях[2] звучат предложения законодательно запретить цитирование в целях иных, чем научные и учебные. В частности, запретить цитирование в информационных целях (в рамках п. 1 ст. 1274 ГК РФ), оставив лишь право на воспроизведение в обзорах текущих событий (п. 5 ст. 1274 ГК РФ).

Блогеры, как авторы, использующие цитирование, заранее и в целом подозреваются в злоупотреблениях – утверждается, что они размещают чужие фотографии под видом цитирования в информационных целях. При этом упускается из виду несколько принципиально важных моментов. Первое: фотографии действительно могут цитироваться блогерами в информационных целях – для информирования аудитории о новом авторе, о выставке, о технике фотографии. Второе: если в действительности информационной (или учебной, или научной, или полемической) цели нет – то имеет место обычное нарушение. Ответственность за такие нарушения успешно и активно применяется. Третье: если некий субъект склонен нарушить закон, то изменения, внесенные в этот закон, его совершенно не остановят.

Тенденция к сужению понятия цитирования была отмечена в работах, затрагивающих проблематику баланса интересов участников авторских правоотношений[3].

В судебной практике также видим тенденцию ограничения возможности цитирования, причем ограничения, никак из закона не вытекающего. Яркий пример – введение судами дополнительного критерия правомерности цитирования – необходимости совпадения тематики цитируемого и «цитирующего» произведения.

Не ставя перед собой задачу оспаривания принятых по делу А40-89279/2024[4] судебных постановлений в целом, необходимо все же указать на явную упречность одного из основных доводов – о необходимости «тождественности тематики». Суды ввели не предусмотренный законом квалифицирующий признак законного цитирования – «тождественность тематики», намеренно и необоснованно ограничивая возможности правомерного цитирования, что является вторжением в законодательную прерогативу.

Включение же подобного критерия в действующее законодательство могло бы принести огромный вред. Цитирование, как часть творческого процесса, не может подчиняться жестким «техническим» правилам, в том числе правилу предварительной сверки тематики произведений. Более того, во многих случаях совпадение тематик невозможно. Так, сложно даже не написать, а только представить себе статью литературного критика, где цитировались бы только работы совпадающей (т. е. литературоведческой) тематики.

Кроме того, в упомянутом деле суды противопоставляют понятия «цитирование» и «иллюстрирование». Однако их нельзя противопоставлять хотя бы потому, что второе может быть целью первого: традиционно в научных, аналитических, критических статьях приводятся цитаты для иллюстрации утверждений автора. Другое дело, что иллюстрирование может быть законной единственной целью цитирования в очень ограниченном круге случаев – в соответствии с подпунктом 2 п. 1 ст. 1274 ГК РФ, о чем говорилось ранее.

Надо сказать, что «дополнение» критериев правомерности цитирования некоторыми исследователями воспринимается как нечто само собой разумеющееся и не противоречащее принципу разделения властей. Цитирую: «…судебной практикой выработаны определенные критерии правомерного цитирования, представляется, что они являются недостаточными»[5]. То есть, по мнению автора цитаты: пусть суды и далее подменяют законодателя, занимаясь нормотворчеством вместо правоприменения, и пусть делают это активнее.

---

[1] Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 14 января 2025 г. по делу № А32-32237/2024 // https://ras.arbitr.ru/ Дата обращения – 19.09.2025. Решение Арбитражного суда Саратовской области от 15 января 2025 г. по делу А57-25059/2024 // https://ras.arbitr.ru/ Дата обращения – 19.09.2025.

[2] Мурзин Д.В. Цитирование произведения и его использование в качестве иллюстрации как способ свободного использования объекта авторских прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Июнь 2023. Вып. 2 (40). С. 173–181.

[3] Например: Кожемякин Д. В. Эволюция толкования положений о правомерном цитировании в российском праве // Интеллектуальные права: вызовы XXI века. Сборник докладов VI Международной конференции. Томск, 2024. С. 54–58.

[4] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 05.05.2025 г. по делу № А40-89279/2024.

[5] Вальдес-Мартинес Э.Р. Особенности применения судами критериев правомерного цитирования при рассмотрении дел // Цифровая экономика: интеллектуальная собственность и право : сборник статей к юбилею Марины Максимовны Карелиной : монография / отв. за вып. Н. В. Бузовой. - Москва : ИОП РГУП, 2023. - 296 с. - ISBN 978-5-00209-070-9. - Текст: электронный. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/2151294 (дата обращения: 19.09.2025). – Режим доступа: по подписке.

Таким образом, и в отдельных научных работах, и в правоприменительной практике прослеживается стремление сместить баланс интересов в пользу правообладателей, жаждущих абсолютной монополии. Интересы общества в получении наиболее полной информации и интересы авторов, осуществляющих цитирование, при этом даже не отодвигаются на второй план, а просто игнорируются.

На основании вышеизложенного, следует вывод о необходимости осуществления ряда действий, как то:

- сохранить существующие в действующем российском законодательстве подходы для правомерного цитирования;

- исключить подмену (совмещение) правотворческой и правоприменительной деятельности со стороны судебных органов

В качестве вывода отметим, что цитирование всегда являлось и остается неотъемлемой частью научной и культурной деятельности, обеспечивающей свободный обмен знаниями, мыслями и идеями. Вместе с тем правовое регулирование вопросов соблюдения авторских прав при цитации представляется не только актуальным, но и непростым. Всесторонние проблемы свободного цитирования требуют постоянного внимания со стороны законодателей и судебных органов, а потому в перспективе требуется создание и применение адаптивных и релевантных правовых норм, которые бы учитывали как интересы правообладателей, так и потребности общества в свободном доступе к знаниям, впечатлениям и информации, чтобы соблюсти баланс интересов в цифровом обществе, где обеспечены свободный доступ к информации и правомерность цитирования.

Список литературы:

1. Вальдес-Мартинес Э.Р. Особенности применения судами критериев правомерного цитирования при рассмотрении дел // Цифровая экономика: интеллектуальная собственность и право: сборник статей к юбилею Марины Максимовны Карелиной: монография / отв. за вып. Н. В. Бузовой. - Москва: ИОП РГУП, 2023. - 296 с. - ISBN 978-5-00209-070-9. - Текст: электронный. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/2151294 (дата обращения: 19.09.2025). – Режим доступа: по подписке. С. 125.
2. Звегинцева Е. А. Свободное цитирование: пределы и возможности // Вестник ВГИК. Том 13, № 1 (47), апрель, 2021 // Downloads/svobodnoe-tsitirovanie-predely-i-vozmozhnosti.pdf
3. Кожемякин Д. В. Эволюция толкования положений о правомерном цитировании в российском праве // Интеллектуальные права: вызовы XXI века. Сборник докладов VI Международной конференции. Томск, 2024. С. 54–58.
4. Мурзин Д.В. Цитирование произведения и его использование в качестве иллюстрации как способ свободного использования объекта авторских прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Июнь 2023. Вып. 2 (40). С. 173–181.

References:

1. Valdez-Martinez E.R. Features of the application by courts of criteria for lawful citation when considering cases // Digital economics: intellectual property and law: collection of articles dedicated to the anniversary of Marina Maksimovna Karelina: monograph / ed. by N. V. Buzova. - Moscow: IOP RGUP, 2023. - 296 p. - ISBN 978-5-00209-070-9. - Text: electronic. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/2151294 (date of request: 09/19/2025). – Access mode: by subscription. p. 125.
2. Zvegintseva E. A. Free citation: limits and possibilities // Bulletin of the VGIK. Volume 13, No. 1 (47), April, 2021 // Down-loads/svobodnoe-tsitirovanie-predely-i-vozmozhnost.pdf
3. Kozhemyakin D. V. Evolution of interpretation of provisions on legitimate citation in Russian law // Intellectual property rights: challenges of the 21st century. Collection of reports of the VI International Conference. Tomsk, 2024. pp. 54-58.
4. Murzin D.V. Quoting a work and its use as an illustration as a way to freely use an object of copyright // Journal of the Intellectual Property Rights Court. June 2023. Issue 2 (40). pp. 173-181.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_650

УДК 347

ПОЗИТИВНО-ПРАВОВАЯ ФОРМА ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ
POSITIVE LAW FORM OF LEGAL ADVOCACY

РЕЗНИК Геннадий Сергеевич
Аспирант Высшей школы права Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта,
Адвокат, Адвокатской палаты Калининградской области.
236022, Россия, г. Калининград, ул. Фестивальная аллея, дом 8, оф. 10.
e-mail: reznik.gennadij@mail.ru

REZNIK Gennadiy-Sergeevich
Post-graduated student at The Higher School of law of The Immanuel Kant Baltic Federal University
Attorney at law of the Bar Association of the Kaliningrad Oblast.
8 Festivalnaya Alley str., office 10, Kaliningrad, 236022, Russia.
e-mail: reznik.gennadij@mail.ru

Краткая аннотация. *Юридическая помощь как и всякий иной правовой феномен может быть рассмотрена двояко: как отвлечённо-идеалистически, так и с опорой на метод позитивной философии. Сравнение обоих этих ипостасей позволяет делать основательные суждения о степени соответствия между сущностью явления (как надо) и его практическим проявлением (как есть). В этом видится эффективный метод поиска изъянов правового регулирования и путей их исправления. Автор поставил себе цель выявить все расхождения между сущностью юридической помощи (in se ipso) и её позитивно-правовой формой (как она отражена в законодательстве), чтобы на этом основании выработать общие подходы к вопросу об уточнении положений Гражданского кодекса в соответствующей его части. Вся теоретическая работа в заданном направлении отражена в тексте настоящей статьи, включающей три раздела: постановку проблемы и определение методы, собственно исследование и системное изложение выводов.*

Abstract. *Legal advocacy, like any other phenomenon, can be viewed in two ways: either abstractly and idealistically or based on the method of positive philosophy. Comparing these two perspectives allows for thorough determinations of the degree of correspondence between essense of phenomenon (as it should be) and its practical counterparts (as it is). This provides a method for effectively identifying the shortcomings of legal regulation and ways to correct them. The author's goal is to demonstrate all the gaps between the essence of legal advocacy (in se ipso) and its positive law form (as reflected in legislation), in order to develop on this basis common approaches to the issue of improving the text of the Civil Code in part of the relationship between an attorney and his client. All theoretical work in this area is reflected in the text of this article, which includes three sections: the problem statement and definition methods, the research itself, and a systematic representation of the findings.*

Ключевые слова: *Юридическая помощь, юридическая услуга, правовое регулирование, договор, соглашение, адвокат, поверенный, доверитель, заказчик, исполнитель*

Key words: *Legal advocacy, legal service, legal regulation, contract, agreement, attorney, client*

Для цитирования: *Резник Г.С. Позитивно-правовая форма оказания юридической помощи // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 650-654. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_650.*

For citation*: Reznik G.S. Positive legal form of legal advocacy // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 650-654. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_650.*

Статья поступила в редакцию: 13.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Раздел I. Постановка проблемы

Диалектический метод интерпретации объективной действительности показывает, что бытие возможно лишь в движении. Это касается любых вещей, как материальных, доступных чувственному опыту, так и идеальных, познаваемых умозрительно. По Гегелю неподвижны лишь сами законы всеобщего движения сущего [7, с. 68].

Право, будучи производным от развития общества универсальным компромиссом, претерпевает свою экзистенцию не иначе как в движении.

Всякое движение есть смена показателей относительности вещей друг другу. Следовательно, обнаружить его возможно лишь с опорой на меру отчёта, адекватную свойствам вещи. Право есть особая вещь идеального характера. Внешним выражением его движения служит правоотношение, где происходит исполнение взаимных юридических связей сторон. Следовательно, познание права предполагает изучение правоотношений.

О природе правоотношений Автор придерживается “теории преобразования”, гласящей, что правоотношение есть диалектический итог синтеза объективного права с жизненным отношением и последующего их перехода в качественно новое единое состояние выраженно-юридического характера (Лат. Status juridica). Речь идёт о юридической форме общественного отношения, о том, что обозначается формулой “de-jure” и противопоставляется состоянию “de-facto”.

Сегодня регулятивное воздействие на общественную жизнь исходит от публичной власти в виде актов нормативно-правового характера, посредством позитивного права. Сказанное позволяет сузить смысловые пределы рассматриваемого понятия, сведя значение правоотношения к позитивно-правовой форме.

Позитивное право нельзя отождествлять с правом-вообще. Первое есть частно-материализованное проявление второго, которое выступает сложившейся в обществе идеей о должном и допустимом, взятой государством под протекцию. “Justitia non est de opinione hominum, sed a natura instituata” (Лат. Право утверждено не людским соображением, а самой природой) - писал Марк Туллий Цицерон [11, с. 104]. Поэтому, правовообще или “идеальное право” следует понимать феноменологически, как принцип и критерий к движению права позитивного, доступного опытному

наблюдению в виде правоотношения.

Идеальное есть замысел, позитивное - его исполнение.

Идеальная и позитивная ипостаси права не всегда эквивалентны. Многое поставлено в зависимость от субъектов легислатуры, от правильности понимания ими сложившейся в обществе нормы и того, какие слова подобраны для описания оной. Поскольку errare est humanum, то изъяны в позитивном регулировании, выраженные в дисбалансе между необходимостью и действием, неизбежны. Это несёт в себе много вреда. Описанные недуги позитивного законодательства важно своевременно выявлять и править.

Таков общий научного подход Автора к изучению юридической помощи. Предмет научного внимания рассекается на две компоненты: феноменологическую и позитивистскую. В диалектическом соотношении обоих сторон предмета обнаруживают себя все недостатки правового регулирования взаимоотношений меж поверенным и его доверителем. Взятые в сумме полученные результаты такого подхода позволяют ориентироваться в деле выработки правовой формы, адекватной сущностной стороне предмета.

В публикации от 2025-го года юридическая помощь рассмотрена “сама в себе”, то есть **в своей идеальной составляющей**. С этой стороны обзора она видится как ***“урегулированная нормами гражданского права, нормами законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и нормами профессиональной этики адвоката деятельность адвоката, направленная на оказание юридической помощи физическим и юридическим лицам (доверителям) в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию, носящая некоммерческий (безвозмездный) характер, основанная на частно-доверительных отношениях адвоката и доверителя”*** [9, с. 21-28].

Теперь же Автор подвизался дать определение понятию как его толкует позитивный закон и через это изучить движение того сегмента права, что обращено к поверенным отношениям. То есть ставится задача выявить и описать **позитивно-правовую форму** оказания юридической помощи.

В этом деле эффективны следующие методы:

1. Формально-правовой. Это перевод предложенного Огюстом Контом метода “Le positivisme” на почву юридической доктрины. Этот способ научного постижения закона предполагает его замкнутый анализ. В том виде, как он изложен в составе правового акта, изданного государством. Рассмотрение законодательства таким образом полезно ибо даёт первичные представления о нём “de littera legis”. В соответствии с методом совокупность нормативных положений позитивного права, имеющих участие в регулировании оказания юридической помощи, подлежит подробному описанию в их иерархическом порядке с последующим уяснением их буквального содержания.

2. Метод анализа-синтеза. Он выражается в рассмотрении положений законодательства о юридической помощи сепаративно, каждое по-отдельности от прочих, с последующим сочленением полученных результатов в системное единство.

3. Наконец, имея необходимую материю в виде системного изложения позитивного законодательства, сделается возможным использование главного метода - юридической герменевтики. Изученные нормативные акты подлежат истолкованию путём применения специальных приёмов, дабы раскрыть их подлинный смысл и понять, что в действительности разумеет исходящий от государства закон о природе юридической помощи.

Сравнение достигнутых в рамках упомянутой публикации от 2025-го года результатов о сущности юридической помощи с её позитивно-правовой формой, выявленной и описанной настоящим исследованием, позволит строить суждения о том, сколь оправданы принятые ныне подходы в правовом регулировании рассматриваемой группы общественных отношений.

Раздел II. Основная часть

Положения стаей 45 и 46 Конституции[1] декларируют право каждого на защиту, в том числе путём обращения в Суд. Осуществление указанного права возможно лишь при обеспеченной возможности пригласить на помощь стороннего человека, поверенного, должным образом сведущего в праве, независимого, потому беспристрастного, а также обладающего специальными этическими убеждениями, какие гарантируют честное и принципиальное отношение его к своим обязанностям перед доверителем. Далее статья 48 Конституции провозглашает право на квалифицированную юридическую помощь или просто юридическую помощь, ибо по меткому замечанию ярчайшего представителя российской адвокатуры - Генри Марковича Резника, неквалифицированной она быть не может, ведь “нелепо полагать, что Конституция РФ, гарантируя право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, допускает оказание помощи неквалифицированной” [8, с. 7].

Марат Викторович Баглай, экс-председатель Конституционного суда, автор одной из лучших научных работ, посвящённых российскому конституционному праву, пишет о юридической помощи как о том, что составляет предмет адвокатской деятельности [3, ст. 316]. Апеллируя к приведённому мнению, можно утверждать, что **понятия “квалифицированная юридическая помощь” и “адвокатская деятельность” суть синонимы**.

Согласно положений статьи 25-й Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре” легальной формой отношений по оказанию адвокатом юридической помощи доверителю, служит Соглашение об оказании юридической помощи[2].

Чтение текста статьи позволяет выявить два свойства, какие дают представления об отличиях Соглашения от прочих договоров: субъектный состав и существенные условия.

[1] Конституция Российской Федерации : [Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.] / “Российская газета”, 25 декабря 1993 года № 237
[2] Федеральный закон “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” / “Российская газета”, 2 июня 2002 года № 100

Сторонами Соглашения являются адвокат и доверитель. Под адвокатом понимается физическое лицо, наделенное соответствующим правовым статусом. Доверителем выступает любое физическое и юридическое лицо, пригласившее адвоката к оказанию помощи.

Существенных условий установлено пять:

1. Условие о личности Поверенного;
2. Условия о предмете;
3. Условия о гонораре;
4. Условия о возмещении профессиональных расходов адвоката, понесённых в связи с исполнением обязательств по Соглашению;
5. Условия об ответственности адвоката.

Условие № 1.

Адвокат - это всегда физическое лицо (Лат. Persona naturalis). Как субъект правоотношений он наделён тем же в правовым состоянием, что и иные. Оттого определение его личности в Соглашении совершается классическим способом - указанием на имя, фамилию и отчество, а также на дату рождения.

В то же время речь идёт о носителе особого статуса, какой предполагает некоторые изъятия из общего правила. Имеется ввиду, что хотя адвокат и является физическим лицом, он не может считаться ординарным участником правовых отношений. Принадлежность к профессиональному сообществу налагает на него ограничения и обязанности, описанные в Кодексе профессиональной этики и сказывающиеся на его гражданской правосубъектности. Потому помимо сведений об имени и дате рождения, Соглашение должно содержать и указание на статус адвоката, включая данные о регистрационном номере в реестре и форму, в какой он осуществляет свою деятельность: коллегия, бюро, кабинет, консультация.

Условие № 2.

Из самого наименования договора можно уразуметь, что составляет его предмет - оказание юридической помощи. Сама юридическая помощь в данном случае выступает объектом гражданских прав, ибо обладает совокупностью свойств, какие В. А. Белов в своей фундаментальной работе обозначил как “правообъектность” [4, с. 252].

Между тем этот пункт сопряжен с ключевым изъяном всего законодательства, посвященного рассматриваемой группе правовых отношений: позитивный закон не даёт определения понятию юридической помощи. Потому о предмете можно судить индуктивно, слагая необходимое цельное представление на основе разрозненных косвенных посылок. С учётом положений Закона об адвокатуре, в частности его первой статьи, общие пределы данному понятию таковы: “Это совокупность действий адвоката, совершаемых им в интересах доверителя в целях защиты его прав и свобод, а также для обеспечения доступа последнего к правосудию.

Условие № 3.

При поверхностном восприятии гонорар видится как денежная сумма, выплачиваемая *в обмен* за труд. По этому большинство исследователей характеризуют Соглашение как возмездную сделку. В частности возмездную природу Соглашения, если его условия предусматривают выплату гонорара, признают авторы пособия для практикующих представителей адвокатуры - “Адвокат: навыки профессионального мастерства” [1, с. 2].

Доктрине вторит практика. Законодательство стоит на том, что Соглашение возмездно, предполагает встречное предоставление “в обмен”. В частности:

- Пункт 3 части 4 статьи 25 Закона об адвокатуре противопоставляет условия Соглашения о выплате гонорара условиям, “когда помощь оказывается бесплатно”. То есть акт предоставления гонорара понимается как разновидность оплаты.
- Часть 4.1 статьи 25 Закона допускает определение размера гонорара, ставя это в зависимость от положительного для доверителя результата выполнения поручения. Такое невозможно, если понимать вознаграждение адвоката как компенсацию, а не плату.
- Часть 5 статьи 25 Закона предусматривает возможность уступки адвокатом прав требования в отношении гонорара. Уступка возможна и в случае безвозмездной сделки, однако это исключение. Общее правило таково, что права кредиторов передаются третьим лицам по возмездным сделкам.
- Часть 3 статьи 423 Гражданского кодекса закрепляет презумпцию, что всякий договор является возмездным, если не предусмотрено обратного.

Следовательно, с позиций закона гонорар адвоката является разновидностью дохода, а оказание юридической помощи осуществляется на возмездных началах.

Условие № 4.

Речь идёт о компенсационных выплатах в счёт покрытия издержек, понесённых адвокатом при исполнении обязательств. К числу таковых относятся пошлина за нотариальные действия, оплата услуг специалистов, экспертов, переводчиков т. д.

Коль скоро закон различает платежи по возмещению профессиональных издержек и уплату гонорара, то они, платежи по издержкам, подлежат обособленному бухгалтерскому учёту и не составляют собой объекта налогообложения.

Условие № 5.

Как носитель правового статуса и через это субъект, причастный к профессиональному сообществу, адвокат в случае ненадлежащего отношения им к своим обязанностям подлежит дисциплинарной ответственности перед этим сообществом. Но в рамках правоотношения из

договора, заключённого с доверителем, недобросовестные действия или бездействие адвоката толкуются как деликт. Таким образом, перед другой стороной договора адвокат несёт гражданско-правовую ответственность, главная функция которой сводится не к наказанию за допущенный проступок, а к компенсаторно-восстановительному действию [10, с. 446].

Итак, Соглашение об оказании юридической помощи - это договор, заключённый между адвокатом и его доверителем на перечисленных выше минимально необходимых условиях. В этом заложен исчерпывающий перечень **предусмотренных законом** свойств, по которым возможно отграничить рассматриваемую разновидность гражданского договора от иных. Однако из закона нельзя усмотреть:

- нормы подлежащие применению;
- порядок заключения договора, внесения изменений или расторжения;
- сроки действия заключённого договора;
- права и обязанности сторон договора;
- порядок распределения прав и обязанности по действиям, совершённым адвокатом в порядке исполнения поручения;
- порядок определения качества оказанной помощи;
- порядок фиксации факта исполнения адвокатом своих обязательств;
- порядок определения размера гонорара и его уплаты;
- последствия неисполнения сторонами своих обязанностей;
- порядок прекращения договора.

Перечисленные затруднения разрешаются косвенно, путём обращения к общим положениями Закона об адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката. Но этого не достаточно, потому практикующие представители адвокатского сообщества прибегают к нормам Гражданского кодекса[1]. Это возможно с опорой на его третью статью, (Которая позволяет отнести Закон об адвокатуре к источникам гражданского права, а через это распространяет на отношения между адвокатом и доверителем действие общих положений Гражданского кодекса об обязательствах и договоре), и шестую статью (Которая допускает в данном случае применение аналогии закона).

По этой причине de-facto соглашением об оказании юридической помощи выступают договор поручения (Глава 49 Гражданского кодекса) и договор возмездного оказания услуг (Глава 39 Гражданского кодекса) [2, с. 446], если они отвечают двум требованиям:

a) Сторонами выступают адвокат и его доверитель;

b) В тексте договора закреплены перечисленные выше существенные условия.

Нет никаких препятствий, соблюдя эти два требования, облечь отношения между адвокатом и доверителем в форму других договорных конструкций, как подряд, агентирование, комиссия и даже смешанный договор[2].

Описанные выше способы правового регулирования оказания юридической помощи ***относятся исключительно к области адвокатской деятельности***. Но согласно действующего законодательства рассматриваемое явление возможно и вне таковой. Из части 3 статьи 1 Закона об адвокатуре видим, что помимо адвоката субъектами оказания юридической помощи признаются:

- Индивидуальные предприниматели и юридические лица, осуществляющие деятельность в области права;
- Нотариусы;
- Патентные поверенные, если они не адвокаты;
- Штатные юристы.

Таким образом, если понимать предмет исключительно по смыслу позитивного права, то он обретает очень полиморфный вид, где каждый аспект предполагает самостоятельный режим правого регулирования. Например, если адвокат и пригласившее его к участию в тяжбе лицо заключат договор поручения, то они приобретают взаимные права и обязанности поверенного и доверителя. Однако по факту возмездного оказания услуг взаимный их правовой статус будет совершенно иным, ибо заказчик и исполнитель не суть то же, что поверенный и доверитель. Тем более иначе будут выглядеть правоотношения между заказчиком и юристом-предпринимателем, гражданином и сотрудником органа местного самоуправления, автором литературного произведения и патентным поверенным, покупателем доли в праве на недвижимость и нотариусом. В каждом из перечисленных случаев регулирование совершается путём применения самых разных норм, причём далеко не всегда тех, что входят в гражданское законодательство.

Теперь считаем возможным перейти к синтезу собранных сведений, чтобы сформулировать искомое определение феномену как его понимает закон. Приведенные выше положения закона позволяют дать следующее определение юридической помощи: ***это урегулированная нормами гражданского законодательства об оказании услуг, выполнении поручения, подряде, комиссии и агентировании деятельность адвокатов, а также деятельность нотариусов, индивидуальных предпринимателей или юридических лиц, оказывающих юридические услуги, работников юридических служб организаций и работников органов государственной и муниципальной власти, патентных поверенных, в которой реализуются конституционные права, предусмотренные положениями статей 46 и 48 Конституции России.***

Раздел III. Общие выводы

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) / “Российская газета”, 08 декабря 1994 года № 238-239
[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть вторая) / “Собрание законодательства Российской Федерации”, 29 января 1996 года № № 5

Приведённая выше дефиниция, отражающая то, какое понимание феномена юридической помощи вкладывается к текст позитивного закона, при её компарации с сущностью предмета позволяет ясно видеть изъяны правового регулирования изучаемого сегмента правовой действительности. Их, эти изъяны, можно разбить на три группы:

- Проблема соотношения понятий;
- Вопрос о субъекте оказания помощи;
- Неопределённость договорной формы.

Известный французский автор Ж.-Л. Бержель в одной из своих работ заметил, что “юристам при выработке профессиональных понятий следует проявлять строгость, сравнимую с математической” [5, с. 389]. Нет никакого смысла оспаривать данный тезис, ибо справедливость его очевидна. Зыбкость в понятийном аппарате закона создаёт прямые предпосылки для утраты им своих нормативных качеств, что несёт в себе много вреда.

Те подходы к пониманию предмета, какие видим в области регулирования оказания юридической помощи, свидетельствуют об отсутствии чётких представлений о ней как о самостоятельном явлении, отличном от прочих. Поэтому понятие “юридическая помощь” смешивается с услугами, поручением, агентированием и так далее, а это влечёт потерю нити в поиске подлежащего применению права. Такая неразбериха в столь ответственном вопросе как защита прав, частного интереса и обеспечение доступа к правосудию, недопустима, ибо создаёт к тому неоправданные барьеры, от чего осуществление конституционных прав, гарантированных её статьями 46 и 48, ставится под сомнение.

Вопрос о субъекте производен от рассмотренной проблемы в разграничении понятий: если допустить, что адвокаты, нотариусы, юристы-предприниматели и другие в своей деятельности осуществляют одно и то же, то основания в разделении их труда отпадают а с ними и всякие различия между профессиями. В связи с этим положения законодательства о том, что субъектами оказания юридической помощи, наряду с адвокатами, признаются также перечисленные выше, имеют в себе внутреннее противоречие. Проводимая разница оправдана лишь при условии, когда помощь, услуги, поручение и т.д. толкуются как самостоятельные понятия.

Договор есть самая гибкая форма внесения правового порядка в общественные отношения и одна из древнейших. Древнее цивилистическая доктрина признаёт только деликт [6, с. 9]. Свойства этого института позволяют приспособить его к любому взаимодействию между любыми участниками гражданского оборота. Таким образом, существующее положение вещей в пространстве российской правовой системы, где юридическая помощь оказывается путём заключения самых разных договоров, будь то поручение, возмездное оказание услуг, агентирование или что другое, в общем позволяет решать проблему правового регулирования. Однако практика применения к общественному отношению a-priori чуждой для него договорной конструкции, разработанной для принципиально иного предмета, неизбежно сопряжена с рядом неудобств, каких быть не должно и какие необходимо исправить.

Разрешение описанных проблем правового регулирования видим в следующем:

Primum. Доктринально признать самостоятельную природу юридической помощи, выработав исчерпывающий перечень критериев её отграничения от прочих.

Secundum. Теоретически и легально закрепить всю полноту компетенций в деле оказания юридической помощи за сообществом адвокатов, уровняв рассматриваемое понятие с понятием адвокатской деятельности.

Tertium. Разработать и включить в Гражданский кодекс в виде Главы 49.1 отдельные положения, посвящённые Соглашению об оказании юридической помощи как полноценному договору наряду с другими.

Список литературы:

1. Адвокат: навыки профессионального мастерства / Е. Ю. Булакова, Л. А. Воскобитова, И. Н. Лукьянова [и др.] ; Бюро по демократическим институтам и правам человека Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. М. – : Издательство "Волтерс Клувер", 2006. С. 2;
2. Адвокатура в России: учебник для вузов / Под ред. Демидовой Л. А., Сергеева В. И. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юстицинформ, 2005. - С. 446;
3. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. - М.: Норма, 2008. - С. 316;
4. Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. II. Лица, блага, факты: учебник. - М.: Издательство Юрайт, 2011. - С. 252;
5. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / Под. общ. ред. В. И. Даниленко; пер. с фр. М. : NOTA BENE, 2000. - С. 389;
6. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер. - М.: Статут, 2011. - С. 9;
7. Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. «Наука логики». - М.: Мысль, 1999. — С. 68;
8. Резник Г.М. К вопросу о конституционном содержании понятия “Квалифицированная юридическая помощь” // Адвокат. - 2007. № 4 - С. 7. - EDN RUWATV;
9. Резник, Г. С. Частно-правовая сущность и определение юридической помощи / Г. С. Резник, Т. К. Примак // Закон и власть. – 2025. – № 1. – С. 21-28. – EDN KFQACX;
10. Российское гражданское право: Учебник. Т. I.: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е. А. Суханов. - М.: Статут, 2015. - С. 446;
11. Цицерон. О законах // Диалоги. О государстве. О законах. — М.: Наука, 1966. — С. 104.

References:

1. Lawyer: professional skills / E. Y. Bulakova, L. A. Voskobitova, I. N. Lukyanova [et al.] ; Bureau for Democratic Institutions and Human Rights of the Organization for Security and Co–operation in Europe. Moscow: Volters Kluwer Publishing House, 2006. p. 2;
2. Advocacy in Russia: textbook for universities / Edited by Prof. Demidova L. A., Sergeeva V. I. - 2nd ed., revised and add. - M.: Justicinform, 2005. - p. 446;
3. Baglay M. V. Constitutional law of the Russian Federation: textbook, Moscow: Norma, 2008, p. 316.;
4. Belov V. A. Civil law. The general part. Vol. II. Persons, benefits, facts: textbook. Moscow: Yurayt Publishing House, 2011. p. 252;
5. Bergel J.-L. General theory of law / Under the general editorship of V. I. Danilenko; translated from French M. : NOTA BENE, 2000. - p. 389;
6. Braginsky M. I., Vitryansky V. V. Contractual law. Book One: General provisions. 3rd ed., ster. - M.: Statute, 2011. - p. 9;
7. Hegel, Georg Wilhelm Friedrich. "The science of logic." - M.: Mysl, 1999. — p. 68;
8. Reznik, G. M. On the issue of the constitutional content of the concept of “Qualified legal assistance" // Advocate. - 2007. № 4 - p. 7. - EDN RUWATV;
9. Reznik, G. S. Private law essence and definition of legal aid / G. S. Reznik, T. K. Primak // Law and power. – 2025. – No. 1. – pp. 21-28. – EDN KFQACX;
10. Russian civil law: Textbook. T. I.: General part. Property law. Inheritance law. Intellectual property rights. Personal non-property rights / Ed. by E. A. Sukhanov. - M.: Statute, 2015. - p. 446;
11. Cicero. About the laws // Dialogues. About the state. About the Laws. Moscow: Nauka Publ., 1966, p. 104.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_655

УДК 347.77

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОУСТРОЙСТВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ГРАЖДАН И ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ
LEGAL REGULATION OF THE EMPLOYMENT OF MINORS AND PERSONS WITH DISABILITIES: CURRENT TRENDS AND IMPLEMENTATION CHALLENGES

МАХАРАДЗЕ Наталья Сергеевна
кандидат юридических наук, доцент высшей школы теории права и частного права Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск.
680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.
E-mail: 003785@togudv.ru

ШЕРЕМЕТЬЕВА Анна Константиновна
кандидат юридических наук, доцент высшей школы теории права и частного права Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск.
680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.
E-mail: 004798@ togudv.ru

MAKHARADZE Natalia Sergeevna
Candidate of Law, Associate Professor, Higher School of Private Law, Pacific State University, Khabarovsk.
136 Pacific Street, Khabarovsk, 680035, Russia.
E-mail: 003785@pnu.edu.ru

SHEREMETYEVA Anna Konstantinovna
Candidate of Law, Associate Professor, Higher School of Private Law, Pacific State University, Khabarovsk.
136 Pacific Street, Khabarovsk, 680035, Russia.
E-mail: 004798@pnu.edu.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования трудоустройства двух наиболее уязвимых категорий граждан на рынке труда – несовершеннолетних лиц и граждан с ограниченными возможностями здоровья. Анализируются изменения законодательства, в частности, положения Федерального закона от 04.11.2025 № 408-ФЗ, направленного на усиление гарантий прав несовершеннолетних в сфере трудовых отношений. Исследуются практические проблемы трудоустройства указанных категорий граждан, включая вопросы квотирования рабочих мест, адаптации условий труда и преодоления дискриминационных барьеров. Особое внимание уделяется анализу статистических данных о занятости инвалидов и несовершеннолетних, выявлению противоречий между декларируемыми государством гарантиями и реальной практикой их реализации.*

Abstract. *This article examines topical issues in the legal regulation of employment for two of the most vulnerable groups in the labor market — minors and persons with disabilities. It analyzes legislative changes, in particular the provisions of Federal Law No. 408-FZ of November 4, 2025, aimed at strengthening guarantees of minors' rights in labor relations. Practical problems of employment for these groups are explored, including issues of job quota systems, adaptation of working conditions, and the removal of discriminatory barriers. Special attention is paid to the analysis of statistical data on the employment of persons with disabilities and minors, and to identifying contradictions between the guarantees declared by the state and the actual practice of their implementation.*

Ключевые слова: *трудоустройство несовершеннолетних, права лиц с ограниченными возможностями здоровья, инклюзивная занятость, квотирование рабочих мест, трудовые гарантии, профессиональная ориентация.*

Keywords: *employment of minors, rights of persons with disabilities, inclusive employment, job quota systems, labor guarantees, vocational guidance.*

Для цитирования: *Махарадзе Н.С., Шереметьева А.К. Правовое регулирование трудоустройства несовершеннолетних граждан и лиц с ограниченными возможностями здоровья: современные тенденции и проблемы реализации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 655-658. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_655.*

For citation*: Makharadze N.S., Sheremetyeva A.K. Legal regulation of employment of minors and persons with disabilities: current trends and problems of implementation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 655-658. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_655.*

Статья поступила в редакцию: 05.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Трудоустройство представляет собой важнейший механизм социализации личности и обеспечения экономической самостоятельности граждан. Для отдельных категорий населения доступ к достойной занятости приобретает особое значение, поскольку связан не только с реализацией конституционного права на труд, но и с преодолением социальной изоляции, формированием позитивной самоидентификации и профилактикой асоциального поведения.

Несовершеннолетние граждане и лица с ограниченными возможностями здоровья традиционно относятся к наиболее уязвимым группам на рынке труда, сталкивающимся с многочисленными барьерами при поиске работы и осуществлении трудовых функций. Согласно данным Росстата, 2024 году доля работающих инвалидов трудоспособного возраста III группы в общей численности инвалидов трудоспособного возраста III группы составила 39,4%, инвалидов трудоспособного возраста II группы — 21,4%. Что касается несовершеннолетних работников, то их доля в составе рабочей силы остается незначительной (менее 20%), а условия труда нередко не соответствуют требованиям законодательства о защите прав ребенка. Среди работавших инвалидов по состоянию на 1 января 2024 года суммарно преобладала доля занятых в обрабатывающих производствах (13,2%), в сферах образования (12,7%), здравоохранения и социального обеспечения (11,9%), оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспортных средств и мотоциклов (11,1%) [9].

Принятие Федерального закона от 04.11.2025 № 408-ФЗ, внесшего изменения в статью 11 Федерального закона об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации [5], свидетельствует о повышенном внимании государства к проблеме трудоустройства несовершеннолетних и необходимости усиления их правовой защиты. Данный нормативный акт направлен на расширение гарантий прав детей в сфере трудовых отношений, что требует детального анализа его положений в контексте существующего правового регулирования и практики применения норм трудового законодательства.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ правового регулирования трудоустройства несовершеннолетних граждан и лиц с ограниченными возможностями здоровья, выявление проблем реализации их трудовых прав и формулирование предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Трудовое законодательство Российской Федерации устанавливает специальный правовой режим регулирования труда несовершеннолетних работников, закрепляя дополнительные гарантии и ограничения, направленные на защиту их физического и психического здоровья, обеспечение возможности получения образования и гармоничного развития личности.

Согласно статье 63 Трудового кодекса Российской Федерации [2], заключение трудового договора допускается с лицами, достигшими возраста шестнадцати лет, а в отдельных случаях – с пятнадцати и даже четырнадцати лет при соблюдении установленных условий. Возможность привлечения к труду подростков в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет в свободное от учебы время регламентируется с учетом необходимости получения согласия одного из родителей и органа опеки и попечительства, что призвано обеспечить баланс между правом ребенка на труд и его правом на образование.

Федеральный закон от 04.11.2025 № 408-ФЗ усиливает гарантии прав несовершеннолетних в сфере трудовых отношений, дополняя механизмы их защиты от эксплуатации и неблагоприятных условий труда. Данные законодательные изменения отражают современные тенденции в области защиты прав ребенка и соответствуют международным стандартам, установленным Конвенцией о правах ребенка [1] и конвенциями Международной организации труда.

Федеральный ресурсный центр подготовил методическое руководство, основанное на действующем законодательстве, которое устанавливает порядок формирования списка допустимых трудовых направлений для подростков четырнадцати-восемнадцати лет, включая молодых людей с инвалидностью. Данное руководство определяет процедуру выбора профессиональной деятельности сотрудниками организаций, занимающихся медико-социальным освидетельствованием, реабилитационными мероприятиями, образовательными программами и содействием в трудоустройстве. При информировании подростков о возможностях трудоустройства особенно важно учитывать характеристики процесса труда, включая вид деятельности, условия труда, потенциальные риски и соответствие возрастным особенностям.

Т.В. Уткина, специализирующаяся на изучении проблематики профессиональной занятости молодежи, обоснованно подчеркивает, что вовлечение подростков в трудовую деятельность служит эффективным инструментом предупреждения девиантного поведения и предотвращения вовлечения в преступную среду [11]. Автор акцентирует внимание на существующих сложностях при оформлении трудовых отношений с молодыми работниками и реализации ими профессиональных обязанностей, что обуславливает необходимость модернизации механизмов интеграции в трудовую сферу несовершеннолетних, относящихся к социальной группе с затрудненным доступом к рабочим местам.

Статистические данные последних лет свидетельствуют о позитивной динамике снижения подростковой преступности. По данным на 2024 год, число несовершеннолетних, совершивших преступления, достигло минимума за всю историю доступной статистики – 21 069 человек. Однако в первом полугодии 2025 года зафиксирован рост: на 5,1% по сравнению с аналогичным периодом 2024 года [8]. может быть связано с принимаемыми государством мерами, направленными на искоренение причин и условий, способствующих вовлечению подростков в криминальную деятельность. Одной из таких мер является содействие трудоустройству несовершеннолетних, формирование у них стереотипа активной социальной трудящейся личности и мотивации к законному труду.

Проблема трудоустройства лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов занимает особое место в системе социально-трудовых отношений и требует комплексного междисциплинарного подхода, включающего правовые, медицинские, психологические и организационные аспекты.

Лица с ограниченными возможностями испытывают идентичные стремления к профессиональной реализации и карьерному росту, как и другие члены общества, однако на практике они встречают значительные препятствия при поиске работы. Представителям этой категории населения систематически необходимо отстаивать возможность участия в трудовом процессе, бороться за приемлемые производственные условия, осваивать новые специальности и повышать квалификацию, а также добиваться карьерного развития. [7].

Лишь в недавнее время граждане с инвалидностью обрели статус равноправных участников рынка труда, хотя прежде их профессиональный потенциал фактически игнорировался. Трансформация отношения к трудоспособности инвалидов обусловлена экономическим развитием, переосмыслением обществом их потребности в профессиональной самореализации, переходом к интеллектуальному труду и развитием цифровых технологий, расширивших перспективы удаленной работы.

Устоявшиеся предрассудки невозможно устранить мгновенно – это требует планомерной работы государственных и общественных институтов. Ключевая трудность состоит в социальной изоляции многих инвалидов, чья жизнедеятельность замкнута в узком социальном пространстве, что затрудняет инклюзию. Работодатели часто испытывают психологический барьер при взаимодействии с кандидатами-инвалидами из-за незнания коммуникативных норм. Преодоление такой латентной дискриминации возможно через систематическую просветительскую деятельность.

Государственная политика имеет определяющее значение для интеграции инвалидов в трудовую сферу. В Российской Федерации за-

нятость среди граждан с ограничениями здоровья составляет приблизительно 10%, в то время как в экономически развитых государствах этот уровень превышает 70%. Зарубежная практика базируется на принципе экономической целесообразности: инвестиции в реабилитационные программы и содействие профессиональной интеграции инвалидов признаются более рациональными, чем продолжительное социальное обеспечение. В передовых странах резервирование должностей для инвалидов либо отсутствует в системе регулирования, либо применяется как вспомогательный механизм в составе многоуровневой стратегии обеспечения равных возможностей на рынке труда [12].

Анализ отечественного опыта показывает, что закрепленная в ТК РФ концепция профессиональной интеграции социально защищаемых групп населения недостаточно адаптирована к современным экономическим условиям. Многие руководители организаций предпочитают уплачивать штрафы за невыполнение квоты по приему инвалидов на работу, нежели создавать специализированные рабочие места и обеспечивать необходимые условия труда для данной категории работников.

ФЗ № 181-ФЗ от 24.11.1995 «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [3] возлагает на работодателей обязательство по формированию либо резервированию должностей для лиц с инвалидностью согласно нормативу квотирования. Вместе с тем механизм реализации данной нормы требует совершенствования, поскольку формальное квотирование не решает проблемы реального доступа инвалидов к достойному труду.

Важнейшим направлением государственной политики в сфере занятости инвалидов является обеспечение доступности рабочих мест и информации о вакансиях. Как отмечается в коллективной монографии, посвященной состоянию и перспективам развития цифровой доступности официальных сайтов государственных органов субъектов Российской Федерации, проблема доступности информации для лиц с ограниченными возможностями здоровья остается актуальной и требует системного решения как на федеральном, так и на региональном уровнях [10].

ФЗ № 426-ФЗ от 28.12.2013 «О специальной оценке условий труда» [4] совместно с Приказом Минтруда России № 817н от 21.11.2023 [6], регламентирующим процедуру проведения СОУТ, определяют критерии аттестации производственной среды, включая позиции для граждан с инвалидностью. Указанные нормативные документы нацелены на обеспечение охраны труда с учетом индивидуальных потребностей работников, имеющих ограничения по здоровью.

Исследование актуальной нормативно-правовой базы и опыта её практической реализации демонстрирует наличие значительных затруднений, которые ограничивают полноценное осуществление трудовых прав подростков и граждан с инвалидностью.

Сохраняются проблемы информационного характера, связанные с недостаточной осведомленностью как самих представителей уязвимых категорий граждан, так и работодателей о существующих правовых гарантиях, механизмах поддержки и ответственности за нарушение трудовых прав. Подросткам, проявляющим заинтересованность в профессиональной деятельности, для формирования установки на активное трудовое поведение целесообразно предоставлять консультационную поддержку и формировать индивидуализированный спектр профессиональных задач с опорой на их склонности, данные профориентационной диагностики и медицинские заключения.

Существует проблема недостаточной дифференциации правового регулирования труда различных категорий несовершеннолетних работников и инвалидов. Законодательство устанавливает общие требования, не всегда учитывающие специфику отдельных видов деятельности, характер и степень функциональных ограничений работников. При подборе конкретного перечня работ для несовершеннолетних граждан необходимо учитывать множество факторов, включая ограничения жизнедеятельности, медицинские заключения, качественные характеристики предмета труда, потенциальную опасность для здоровья и возможность возникновения материального ущерба.

Прослеживается недостаточная эффективность механизмов контроля за соблюдением работодателями требований законодательства о труде несовершеннолетних и инвалидов. Государственная инспекция труда не всегда располагает достаточными ресурсами для проведения систематических проверок, а процедуры привлечения к ответственности за нарушения остаются громоздкими и не всегда результативными. Деятельность по профессиональной интеграции подростков реализуется службами занятости в координации с муниципальными органами власти, комиссиями по работе с несовершеннолетними и охране их интересов, молодёжными службами трудоустройства и прочими институтами профилактической системы, направленной на предупреждение социальной дезадаптации и противоправного поведения молодёжи.

Инфраструктура профориентационного сопровождения и профессиональной интеграции подростков и граждан с инвалидностью требует существенного обновления. Методические руководства по формированию профессиональных профилей специалистами МСЭ, реабилитационных центров, образовательных организаций и служб содействия занятости должны базироваться на персонифицированном подходе к каждому кандидату. Синергия служб занятости с комиссиями по защите прав несовершеннолетних обеспечивает профессиональное устройство значительной части подростков, находящихся под наблюдением профилактических органов. Актуальна разработка инициатив по приобщению молодёжи к трудовой деятельности, формирование мотивационных механизмов, организация социально значимых направлений занятости, включая поддержку ветеранов ВОВ, лиц с инвалидностью, участников трудового фронта и пожилых граждан.

Подводя итоги необходимо сделать вывод о том, что правовое регулирование трудоустройства несовершеннолетних граждан и лиц с ограниченными возможностями здоровья в Российской Федерации находится на стадии активного развития, однако существующая нормативная база и практика её применения нуждаются в существенной корректировке. Принятие Федерального закона от 04.11.2025 № 408-ФЗ свидетельствует о позитивной динамике усиления государственных гарантий трудовых прав несовершеннолетних, вместе с тем сохраняется значительный разрыв между декларируемыми правами и реальными возможностями их реализации для обеих рассмотренных категорий граждан. Основными препятствиями на пути к инклюзивной занятости остаются недостаточная эффективность механизма квотирования рабочих мест, сохранение социальных стереотипов и дискриминационных практик работодателей, слабая информированность участников трудовых отношений о существу-

ющих гарантиях и отсутствие системного подхода к профессиональной ориентации и сопровождению уязвимых категорий соискателей. Решение выявленных проблем требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства в направлении усиления дифференциации правового регулирования с учётом специфики различных групп работников, развитие института наставничества и профессионального сопровождения, создание экономических стимулов для работодателей, принимающих на работу несовершеннолетних и инвалидов, а также усиление контрольно-надзорной деятельности и ответственности за дискриминацию в сфере труда. Только системная реализация предложенных мер позволит обеспечить реальное, а не формальное равенство возможностей на рынке труда и превратить трудоустройство несовершеннолетних и лиц с ограниченными возможностями здоровья из социальной проблемы в эффективный механизм их интеграции в общество и раскрытия трудового потенциала.

Список литературы:

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. выпуск XLVI. 1993
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3; Российская газета. 2025. №297.
3. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : федер. закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 31.07.2025) //Российская газета. 2026. №1-2.
4. О специальной оценке условий труда : федер. закон от 28.12.2013 № 426-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 2023. № 31 (Часть III). Ст. 5807.
5. О внесении изменения в статью 11 Федерального закона "Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» : федер. закон от 04.11.2025 № 408-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2025. № 45. Ст. 6718.
6. Об утверждении Методики проведения специальной оценки условий труда, Классификатора вредных и (или) опасных производственных факторов, формы отчета о проведении специальной оценки условий труда и инструкции по ее заполнению : приказ Минтруда России от 21.11.2023 № 817н (зарегистрировано в Минюсте России 30.11.2023 № 76179) //[Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: по подписке (дата обращения: 16.11.2025).
7. Казова З. М. Актуальные проблемы трудоустройства инвалидов / З. М. Казова, Л. М. Циканова // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2025. Т. 27. № 1. С. 42-50
8. Качурова Е. С. Особенности преступности несовершеннолетних в современных условиях и проблемы ее предупреждения / Е. С. Качурова, Е. В. Рогова // Сибирский юридический вестник. 2025. № 2(109). С. 82-87.
9. Сафонов А. Л. Занятость лиц с ограниченными возможностями в РФ: текущее состояние, проблемы и пути их решения / А. Л. Сафонов, Д. В. Некипелова // Социально-трудовые исследования. 2025. № 1(58). С. 53-66.
10. Состояние и перспективы развития цифровой доступности официальных сайтов государственных органов субъектов Российской Федерации: коллективная монография / Е. А. Косова, К. И. Редкокош, Ю. Ю. Ивашкина, В. А. Ковалёв; под ред. О. А. Мирошниченко. – Санкт-Петербург : ЦИАЦАН, 2023. 152 с.
11. Уткина Т. В. Трудоустройство в системе мер противодействия криминализации несовершеннолетних / Т. В. Уткина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 187-191.
12. Федченко А. А. Интеграция граждан с ограниченными возможностями здоровья в рынок труда / А. А. Федченко, И. В. Филимонова // Социально-трудовые исследования. 2024. № 3(56). С. 42-51.

References:

1. Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on 20.11.1989) (entered into force for the USSR on 15.09.1990) // Collection of International Treaties of the USSR. Issue XLVI. 1993
2. Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197-FZ (as amended on 29.09.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (Part 1). Art. 3; Rossiyskaya Gazeta. 2025. No. 297.
3. On the Social Protection of Disabled Persons in the Russian Federation: Federal Law of 24.11.1995 No. 181-FZ (as amended on 31.07.2025) // Rossiyskaya Gazeta. 2026. No. 1-2.
4. On the special assessment of working conditions: federal law of 28.12.2013 No. 426-FZ (as amended on 24.07.2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 31 (Part III). Art. 5807.
5. On amending Article 11 of the Federal Law "On Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation": federal law of 04.11.2025 No. 408-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2025. No. 45. Art. 6718.
6. On approval of the Methodology for conducting a special assessment of working conditions, the Classifier of harmful and (or) hazardous production factors, the form of the report on the special assessment of working conditions and instructions for filling it out: order of the Ministry of Labor of Russia dated November 21, 2023 No. 817n (registered in the Ministry of Justice of Russia on November 30, 2023 No. 76179) // [Electronic resource]. - Access from the reference and legal system "ConsultantPlus". - Access mode: by subscription (date of access: November 16, 2025).
7. Kazova Z. M. Actual problems of employment of persons with disabilities / Z. M. Kazova, L. M. Tsikanova // Bulletin of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2025. Vol. 27. No. 1. Pp. 42-50
8. Kachurova E. S. Features of juvenile delinquency in modern conditions and problems of its prevention / E. S. Kachurova, E. V. Rogova // Siberian Law Bulletin. 2025. No. 2(109). Pp. 82-87.
9. Safonov, A. L. “Employment of Persons with Disabilities in the Russian Federation: Current Status, Problems, and Solutions” (in Russian) / A. L. Safonov, D. V. Nekipelova // Social and Labor Research. 2025. No. 1 (58). pp. 53-66.
10. “Status and Prospects for the Development of Digital Accessibility of Official Websites of Government Agencies of the Constituent Entities of the Russian Federation”: A Collective Monograph / E. A. Kosova, K. I. Redkokosh, Yu. Yu. Ivashkina, V. A. Kovalev; edited by O. A. Miroshnichenko. – St. Petersburg: TsIATSAN, 2023. 152 p.
11. Utkina, T. V. “Employment in the System of Measures to Combat the Criminalization of Minors” (in Russian) / T. V. Utkina // Humanitarian, Socio-Economic, and Social Sciences. 2020. No. 2. P. 187-191.
12. Fedchenko A. A. Integration of citizens with disabilities into the labor market / A. A. Fedchenko, I. V. Filimonova // Social and labor research. 2024. No. 3 (56). P. 42-51.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_659

СЛОЖНОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РОДОВОЙ ПОДСУДНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ
DIFFICULTIES IN DETERMINING GENETIC JURISDICTION IN CIVIL PROCEEDINGS

НАУМОВА Виктория Евгеньева,
аспирант УВО Университет управления ТИСБИ, г. Казань.
420012, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Муштари, д. 13.
E-mail: vika98vika@mail.ru
NAUMOVA Victoria Evgenieva,
postgraduate student at the University of Management of TISBI, Kazan.
13 Mushtari str., Kazan, 420012, Russia, Republic of Tatarstan.
E-mail: vika98vika@mail.ru

Краткая аннотация. *Статья посвящена изучению особенностей и трудностей, возникающих при определении родовой подсудности в рамках гражданского судопроизводства. В данной статье рассматриваются правовые нормы, регулирующие распределение дел между судами различных инстанций, а также приводятся конкретные примеры ситуаций, в которых возникают споры о подсудности. Особое внимание уделено роли высшей судебной власти в формировании единого подхода к определению родовой подсудности.*

Abstract: *This article focuses on the peculiarities and challenges associated with determining the generic jurisdiction in civil proceedings. It explores the legal norms governing the distribution of cases among different courts and provides specific examples of situations where disputes over jurisdiction arise. The article also highlights the role of the highest judicial authority in shaping a unified approach to determining generic jurisdiction.*

Ключевые слова: *родовая подсудность, гражданский процесс, юрисдикция, правовой статус, судебный акт, конституционный контроль, судебное разбирательство, Верховный Суд РФ, Федеральная судебная система РФ, единый подход.*

Keywords: *generic jurisdiction, civil procedure, jurisdiction, legal status, judicial act, constitutional control, judicial proceedings, Supreme Court of the Russian Federation, Federal Judicial System of the Russian Federation, unified approach.*

Для цитирования: *Наумова В.Е. Сложности определения родовой подсудности в гражданском процессе // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 659-660. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_659.*

For citation: *Naumova V.E. Difficulties in determining generic jurisdiction in civil proceedings // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 659-660. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_659.*

Статья поступила в редакцию: 24.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Определение родовой подсудности является одним из ключевых аспектов судопроизводства, определяющим уровень суда, компетентного рассматривать дела. Несмотря на чёткое регулирование порядка распределения дел между судами различных уровней, практика показывает, что существуют пробелы при определении родовой подсудности.

Родовая подсудность определяется нормами процессуального законодательства и устанавливает компетенцию судов различного уровня в зависимости от характера дела.

Под родовой подсудностью понимается установление компетенции судов разных уровней (районных, областных, верховных судов субъектов РФ и Верховного Суда РФ) по рассмотрению конкретных категорий дел. Согласно ст. 27 ГПК РФ [1], суды общей юрисдикции рассматривают гражданские дела первой инстанции, кроме тех, которые отнесены законом к компетенции иных судов.

Верховный Суд Российской Федерации рассматривает исключительно определённые категории дел, такие, как признание недействительными нормативных актов федерального значения; разрешение дел, относящихся к специфическим категориям лиц (например, членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы).

Однако действующее законодательство допускает различное толкование норм о родовой подсудности, что порождает трудности в правоприменительной практике. Это связано с недостаточной ясностью критериев классификации дел по уровню суда, отсутствием однозначных формулировок и наличием множества исключений.

Например, некоторые дела могут одновременно относиться к нескольким инстанциям, вызывая затруднения при принятии решений. Рассмотрим ситуацию подробнее.

В правоприменительной практике встречаются ситуации, когда определить надлежащий суд оказывается затруднительно даже для опытного юриста. Одной из наиболее распространённых проблем является смешение материальных признаков подсудности (вид, характер требования) и формальных признаков (местонахождение сторон, наличие договора и др.) [4]. Например, в споре о признании недействительным нормативного акта органа местного самоуправления иногда бывает сложно установить, какой именно суд должен рассмотреть такое дело: районный или областной суд Российской Федерации.

Подобные казусы возникают также в делах, связанных с правами потребителей, жилищными конфликтами и корпоративными спорами. Формулировки законов часто недостаточно конкретны либо содержат положения, которые трактуются по-разному. Как следствие, существует вероятность ошибочного обращения истца в некомпетентный суд, что влечёт негативные последствия, такие как потерянное время, дополнительные расходы и повторное обращение в правильный суд.

Практика судебных органов демонстрирует многообразие подходов к решению указанных вопросов. Так, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации неоднократно обращал внимание на необходимость обеспечения единообразия судебной практики в вопросах подсудности

отдельных арбитражных судов [2]. Вместе с тем случаи неправильного определения подсудности продолжают встречаться. Например, Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа в одном из решений указал на недопустимость рассмотрения спора судом субъекта Российской Федерации при наличии оснований для передачи дела в Верховный Суд РФ [3].

Верховный Суд Российской Федерации играет ключевую роль в обеспечении единства правового регулирования и разрешения спорных моментов. Постановления Пленума Верховного Суда РФ формируют обязательные рекомендации для нижестоящих судов, помогающие правильно применять положения ГПК РФ. Кроме того, разъяснения Верховного Суда помогают избегать случаев подачи исков не в надлежащий суд, минимизируя риски нарушений принципов доступности правосудия и разумности сроков рассмотрения спора.

Примером служит Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 17 от 26 июня 2013 г., которое разъясняет правила определения подсудности корпоративных споров и предписывает учитывать фактический адрес местонахождения юридического лица, а не указанный в учредительных документах [5]. Это существенно упрощает процедуру установления родовой подсудности для ряда видов дел.

Проблемы определения родовой подсудности требуют комплексного подхода к их разрешению. Прежде всего необходимы меры по повышению прозрачности правовых норм и обеспечению их единообразного понимания судебными органами.

Одним из способов достижения указанной цели могло бы стать принятие специального закона, регулирующего вопросы подсудности. Такой закон мог бы предусмотреть: детализированные критерии распределения дел между различными уровнями судов; минимизацию возможности произвольного толкования норм права; повышение эффективности судебного разбирательства.

Правильное определение родовой подсудности — это важная составляющая справедливости судебного процесса. Недостаточная ясность определённых положений законодательства создаёт условия для возникновения конфликтов и затягивания производства по делу.

Следовательно, устранение существующей неопределённости требует внесения изменений в действующую систему судопроизводства; повышения квалификации юристов; разработки детализированных инструкций для судей.

Разъяснительная деятельность Верховного Суда Российской Федерации должна оставаться активной и своевременно реагировать на новые тенденции развития общества и экономики.

Только совместными усилиями законодателей, учёных правоведов и практиков возможно достижение цели обеспечения справедливости и эффективности гражданского судопроизводства.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) //Российская газета. – 2002. – № 220. – 20 ноября.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Российская газета. – 2000. – № 19. – 27 января.
3. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 15.10.2013 по делу № А44-3038/2011 «О признании недействительными произведенных в период процедур банкротства общества платежей по погашению третьими лицами задолженности общества перед банком, о применении последствий недействительности сделки» // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/41063556/ (дата обращения: 21.01.2026)
4 Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / Московская гос. юридическая акад.; под ред. М. С. Шакарян. - 2-е изд., перераб. и доп. – М.: КОДЕКС: Проспект, 2007. - 815 с.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Российская газета. – 2012. – № 156. – 11 июня.

References

1. The Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 31.07.2025) //Rossiyskaya gazeta. - 2002. – No. 220. – November 20.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 90, the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 14 dated 09.12.1999 "On some issues of the application of the Federal Law "On Limited Liability Companies" // Rossiyskaya Gazeta. – 2000. – No. 19. – January 27.
3. Resolution of the Federal Antimonopoly Service of the North-Western District dated 10/15/2013 in case No. A44-3038/2011 "On invalidation of payments made during the bankruptcy proceedings of the Company to repay the company's debt to the Bank by third parties, on the application of the consequences of the invalidity of the transaction" // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/41063556 / (date of access: 01/21/2026)
4 Comment on the Civil to the Procedural Code of the Russian Federation / Moscow State Law Academy; edited by M. S. Shakarian. - 2nd ed., reprint. and add. – M.: THE CODE: Prospect, 2007. - 815 p.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/28/2012 No. 17 "On the consideration by courts of civil cases on disputes on the protection of consumer rights" // Rossiyskaya Gazeta. – 2012. – No. 156. – June 11.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_661

УДК 347.91/95

ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ ФСИН РОССИИ ПРИ ПЕРЕСМОТРЕ СУДЕБНЫХ АКТОВ В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ
PROTECTION OF THE INTERESTS OF THE RUSSIAN FEDERAL PENITENTIARY SERVICE IN THE COURTS OF GENERAL JURISDICTION

ЮДИНА Юлия Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Академии ФСИН России,
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1,
E-mail: iulia.iudina2017@yandex.ru

ПАВЛОВА Ольга Анатольевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и публично правовых дисциплин
юридического института Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина,
390000, Россия, Рязань, Семинарская, 15,
E-mail: pavlovaolga@inbox.ru

YUDINA Yulia Viktorovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Faculty of Law,
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia,
1 Sennaya St., Ryazan, Russia, 390000
E-mail: iulia.iudina2017@yandex.ru

PAVLOVA Olga Anatolyevna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Theory of Law and Public Law Disciplines, Faculty of Law,
Ryazan State University named after S.A. Esenin,
15 Seminarskaya St., Ryazan, Russia, 390000
E-mail: pavlovaolga@inbox.ru

Краткая аннотация: *в статье рассматриваются вопросы, посвященные стадиям гражданского процесса, связанным с пересмотром судебных постановлений судов общей юрисдикции с целью проверки их законности и обоснованности. Обращается внимание на специфику судебных актов, вынесенных не в интересах ФСИН России, анализируются причины принятия таких решений и предлагаются варианты их возможного устранения.*

Abstract: *the article discusses issues related to the stages of the civil process related to the review of court rulings by courts of general jurisdiction in order to check their legality and validity. Attention is drawn to the specifics of court decisions that are not in the interests of the Federal Penitentiary Service of Russia, and the reasons for such decisions are analyzed and possible solutions are proposed.*

Ключевые слова: *защита интересов ФСИН России; пересмотр судебных постановлений; апелляционное производство; кассационное производство; надзорное производство; пересмотр судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам; суды общей юрисдикции.*

Keywords: *protection of the interests of the Federal Penitentiary Service of Russia; review of court decisions; appellate proceedings; cassation proceedings; supervisory proceedings; review of judicial acts based on newly discovered or new circumstances; courts of general jurisdiction.*

Для цитирования: *Юдина Ю.В., Павлова О.А. Защита интересов ФСИН России при пересмотре судебных актов в судах общей юрисдикции // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 661-664. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_661.*

For citation*: Yudina Yu.V., Pavlova O.A. Protecting the interests of the Federal Penitentiary Service of Russia during the review of court decisions in general jurisdiction courts // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 661-664. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_661.*

Статья поступила в редакцию: 14.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

ФСИН России является юридическим лицом, имеет печать с изображением Государственного герба Российской Федерации и со своим наименованием, а также счета, открываемые в соответствии с законодательством Российской Федерации (п. 12 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний»). Являясь участником гражданских и иных правоотношений, обладает правом быть истцом и ответчиком в суде [2].

Судебная защита интересов ФСИН России осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации, нормативными правовыми актами Министерства юстиции Российской Федерации и Федеральной службы исполнения наказаний. Таким образом, защита интересов ФСИН осуществляется на основе общих процессуальных норм и специальных положений ведомственного законодательства [4, с. 1205].

Защита интересов ФСИН России в судах общей юрисдикции имеет определенную специфику и требует особой регламентации и разъяснения как федерального, так и ведомственного законодательства. В соответствии с Приказом ФСИН России от 9 августа 2019 г. № 644 «Об организации работы по обеспечению представительства и защиты интересов Федеральной службы исполнения наказаний» (далее – Приказ № 644) в случае принятия судебных актов, не отвечающих интересам ФСИН России, учреждения и органы УИС, из деятельности которых вытекают соответствующие споры, принимают исчерпывающие меры по их обжалованию в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации. Таким образом, ФСИН обладает мощной собственной юридической службой, которая специализируется именно на вопросах уголовно-исполнительного права. Правовым управлением ФСИН России поведен анализ судебных актов, принятых судами общей юрисдикции, арбитражными судами Российской Федерации не в интересах ФСИН России. В 2023 году судами общей юрисдикции и арбитражными судами вынесено 5408

решений (за 2022 г. – 4763, +13,5%), не отвечающих интересам ФСИН России. При этом следует отметить положительную динамику показателя взысканных с учреждений и органов уголовно-исполнительной системы сумм. В сравнении с аналогичным периодом прошлого года в целом объем взысканных денежных средств снизился на 10,9% и составил 415 145,2 тыс. руб. (за 2022 г. – 466 125,2 тыс. руб.), а по отдельным категориям дел показатели сократились на 30 – 50%.

Наибольшее количество отрицательных судебных решений состоялось по судебным делам, связанным с:

взысканием денежной компенсации за нарушение условий содержания в учреждениях УИС и компенсации морального вреда – 3645 решений (за 2022 г. – 2 576) (+41,5%) на общую сумму 62 747,3 тыс. руб. (за 2022 г. – на сумму 78 711,4 тыс. руб.) (-20,2%).

Как правило, вынесение судебных актов по данной категории дел обусловлено наличием субъективных и объективных причин и связано, в том числе с недостаточным уровнем санитарной, инженерной, коммунальной, материально-бытовой и медицинской [1; 3, с. 517] оснащенности учреждений и органов УИС (по информации УКСНЭР ФСИН России на балансе учреждений УИС числится более 50 тысяч зданий, сооружений и инженерных сетей, более 60% из которых являются постройками середины прошлого века и не соответствуют современным требованиям), ограниченным финансированием деятельности Федеральной службы исполнения наказаний (по информации УКСНЭР ФСИН России при нормативной потребности в бюджетных ассигнованиях на ремонт объектов УИС 15,0 млрд. рублей ежегодно, годовой объем финансирования на протяжении пяти лет составляет не более 2,9 млрд. рублей (менее 30% от нормативной потребности)). Указанные обстоятельства приводят к накопительному эффекту и дальнейшему ухудшению складывающейся обстановки по вопросу обеспечения надлежащих условий содержания в учреждениях УИС. При этом в ряде случаев судами удовлетворялись требования осужденных по искам о нарушениях, связанных с условиями содержания, имевших место более 10-15 лет назад, в связи с чем часть удовлетворенных исков не характеризует текущую ситуацию в УИС.

нарушениями при привлечении осужденных к дисциплинарной ответственности – 148 решений (за 2022 г. – 151) (-2%) на общую сумму 1491,3 тыс. руб. (за 2022 г. – на сумму 1 595,5 тыс. руб.) (-6,5%).

По делам указанной категории позиция судов основана на допущенных учреждениями и органами УИС нарушениях, носящих субъективный характер, а также ошибочном правоприменении, выразившихся в несоблюдении установленного порядка наложения взыскания, неправомерном привлечении осужденных к дисциплинарной ответственности, несоразмерности примененных мер взыскания тяжести проступка.

трудовыми правоотношениями – 110 решений (за 2022 г. – 137,-9,7%) на общую сумму 12 880,1 тыс. руб. (за 2022 г. – на сумму 27 937,8 тыс. руб.) (-54%).

В качестве основания вынесения судебных актов не в интересах ФСИН России судами указывалось на недоказанность вины сотрудника в нарушении им служебной дисциплины, увольнение сотрудников в период временной нетрудоспособности либо нахождения в отпуске, нарушение процедуры проведения служебных проверок, нарушение процедуры увольнения со службы, привлечения к дисциплинарной ответственности сотрудников УИС, несоразмерность и необоснованность примененных дисциплинарных взысканий характеру совершенного дисциплинарного проступка (происшествия) и отсутствие учета руководителем предыдущего поведения сотрудника (его отношения к исполнению служебных обязанностей).

исками органов прокуратуры Российской Федерации и иных контролирующих органов – 310 решений (за 2022 г – 330, -6%) на общую сумму 843,9 тыс. руб. (за 2022 г. – на сумму 684,2 тыс. руб.) (+23,3%).

В большинстве случаев причинами вынесения указанных решений явились несоблюдение требований уголовно-исполнительного законодательства в части осуществления прав подозреваемых, обвиняемых и осужденных на материально-бытовое обеспечение и безопасные условия труда, несоблюдение требований санитарно-эпидемиологического законодательства, несоблюдение требований федерального законодательства о пожарной безопасности.

рассмотрением арбитражными судами требований ресурсоснабжающих организаций о взыскании задолженности по заключенным контрактам – 597 решений (за 2022 г. – 829, -28%) на сумму 220 156,1 тыс. руб. (за 2022 г. – на сумму 231 765,5 тыс. руб.,-5%).

Основными причинами сложившейся практики явились отсутствие финансирования на своевременную оплату по заключенным государственным контрактам с ресурсоснабжающими организациями, а также применяемая арбитражными судами позиция вышестоящих судебных инстанций о том, что в случае окончания срока действия предыдущего контракта на просрочку оплаты до заключения нового контракта также может начисляться неустойка.

неисполнением либо ненадлежащим исполнением учреждениями и органами УИС обязательств перед контрагентами в рамках осуществления собственной производственной деятельности – 95 решений (за 2022 г – 128, -25%) на общую сумму 52 103,7 тыс. руб. (за 2022 г. – на сумму 75 197,5 тыс. руб., -30,7%).

В большинстве случаев причиной принятия указанных решений явилось ненадлежащее исполнение учреждениями и органами УИС договорных обязательств в виде просрочки исполнения обязательств, непоставки товара либо поставки товара ненадлежащего качества [6, с. 414].

По иным категориям дел, рассмотренным судами Российской Федерации, принято 503 решения (за 2022 г. – 612, -18%) на общую сумму 64 922,8 тыс. руб. (за 2022 г. – на сумму 50 233,26 тыс. руб., +29,2%).

Данные дела включают в себя, в том числе дела о возмещении вреда, взыскании задолженности за оказанные услуги, споры, связанные с жилищным обеспечением сотрудников УИС и другие.

В соответствии с Приказом № 644 начальники учреждений и органов УИС принимают меры по организации обжалования (пересмотра) судебных актов, не отвечающих интересам ФСИН России (полностью или частично), а также разрешают в пределах предоставленных прав вопросы

по обеспечению исполнения судебных актов, затрагивающих интересы ФСИН России.

От имени и в интересах ФСИН России в суде действуют представители, которые в рамках представления и защиты интересов ФСИН России обеспечивают (п. 15 Приказа № 644):

формирование *письменной нормативно обоснованной правовой позиции* с приложением материалов (доказательств), необходимых для рассмотрения соответствующих дел судами всех инстанций, в том числе при пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, рассмотрении вопросов, связанных с распределением судебных расходов;

представление в порядке и в сроки, предусмотренные законодательством Российской Федерации, в том числе в электронном виде с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», необходимых документов и доказательств в соответствующие суды, а также лицам, участвующим в деле;

получение копий судебных актов, принятых в ходе рассмотрения споров, в том числе путем направления в суды запросов о выдаче (высылке) копий судебных актов в случае их не поступления.

В соответствии с п. 24 Приказа № 644, в случае принятия судебных актов, не отвечающих интересам ФСИН России, учреждения и органы УИС, из деятельности которых вытекают соответствующие споры, принимают исчерпывающие меры по их обжалованию в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации. В этом случае следует исходить из обоснованности и практической оправданности таких действий, а также минимизации судебных расходов, при этом нужно учитывать, что норма не подразумевает сплошное обжалование.

С 1 января 2026 г. согласно Федеральному закону от 01.04.2025 № 49-ФЗ в ГПК РФ вводятся новые нормы по порядку и срокам апелляционного обжалования, на что также следует обратить внимание при подготовке соответствующих обращений в суды общей юрисдикции.

В настоящее время имеются следующие варианты пересмотра судебных актов: апелляционное обжалование; кассационное обжалование (в кассационных судах общей юрисдикции и в Судебных коллегиях Верховного Суда Российской Федерации); надзорное производство (Президиум Верховного Суда Российской Федерации); пересмотр судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Каждый из них имеет свою специфику, сроки, порядок и основания для отмены или изменения решений и определений соответствующих судебных инстанций.

Защита интересов службы направлена не только на отстаивание ее позиции в конкретном споре, но и на обеспечение законности, единообразия правоприменительной практики и поддержание авторитета государственной власти. Защита интересов при пересмотре осуществляется по двум основным направлениям: активная защита – инициирование ФСИН России процедур пересмотра (подача апелляционных, кассационных жалоб, заявлений о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам) на судебные акты, которые, по мнению службы, нарушают ее законные права и интересы, создают негативные прецеденты или препятствуют нормальному выполнению функций; пассивная защита – участие в процессах, инициированных другими лицами (осужденными, иными гражданами или организациями), обжалующими действия ФСИН, с целью отстоять законность оспариваемых решений и предотвратить их отмену.

Основные проблемные области, снижающие эффективность защиты интересов ФСИН, связаны: с кадровым обеспечением; судебной практикой – наличие устойчивой судебной практики, складывающейся не в пользу ФСИН по определенным категориям дел (например, об условиях содержания, медицинском обеспечении), что требует выработки единой стратегии и повышения качества подготовки процессуальных документов; доказыванием – сложности в оперативном сборе и представлении в суд исчерпывающих и надлежащих доказательств, опровергающих доводы заявителей.

Пути оптимизации защиты интересов ФСИН России видятся в: централизации и унификации методологического руководства судебной работой, включая создание обобщенных правовых позиций и типовых алгоритмов действий по наиболее частым спорам; систематическом повышении квалификации юридического персонала; активном использовании возможностей обобщения судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, обращения с ходатайствами о разъяснении спорных правовых вопросов, а также использовании несудебных процедур [5, с. 45].

Таким образом, для более рационального (гибкого) решения вопроса об обжаловании судебных актов, вынесенных не в интересах ФСИН России, представляется целесообразным внести изменение, предусматривающее возможность отказа от обжалования в кассационной и надзорной судебных инстанциях судебного акта, вынесенного не в интересах ФСИН России, и содержащего решение о присуждении компенсации за нарушение условий содержания в учреждении УИС. Такое решение об отказе должно приниматься уполномоченным руководителем по мотивированному представлению руководителя правового подразделения, содержащему обоснованную аргументированную позицию об отсутствии дальнейшей положительной судебной перспективы данного дела и, соответственно, о нецелесообразности обжалования судебного акта в вышестоящих судебных инстанциях.

Список литературы:

1. Алексюнина А.Ю., Блинков О.Е. Проблемы правового регулирования медицинского обеспечения сотрудников уголовно-исполнительной системы // VII Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: Сборник тезисов выступлений и докладов участников VII международного пенитенциарного форума, приуроченного к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне и Году защитника Отечества. В 5-ти томах, Рязань, 19–21 ноября 2025 года. – Рязань: Академия права и управления ФСИН, 2025. – Том 1. С. 21-24.

2. Блинков О.Е., Гураль С.П. Полномочия Федеральной службы исполнения наказаний в гражданско-правовом обороте // Административная деятельность правоохранительных органов Российской Федерации и зарубежных стран: сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции, посвященной празднованию 145-й годовщины уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и 90-летию со дня образования Академии ФСИН России, Рязань, 18 апреля 2024 года. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. – С. 15-18.

3. Юдин В.А., Юдина Ю.В. Правовой порядок оказания медицинской помощи осужденным при коморбидных состояниях // В сборнике: VII Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». Сборник тезисов выступлений и докладов участников VII международного пенитенциарного форума, приуроченного к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне и Году защитника Отечества. В 5-ти томах. Рязань, 2025. С. 517-521.

4. Юдина Ю.В. Защита интересов Федеральной службы наказаний в судах общей юрисдикции: законодательные новеллы // В сборнике: уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года. Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции по проблемам исполнения уголовных наказаний. Рязань, 2022. С. 1205-1209.

5. Юдина Ю.В. Процедура медиации как вид примирения в современном гражданском процессе России // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 2. С. 45-50.

6. Юдина Ю.В., Павлова О.А. Иски в деятельности уголовно-исполнительной системы: некоторые вопросы теории и практики // В книге: Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер пробации, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества. Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции, приуроченной к 90-летию со дня образования Академии ФСИН России. Рязань, 2024. С. 414-417.

References:

1. Aleksyunina A.Yu., Blinkov O.E. Problems of legal regulation of medical care for employees of the penal system // VII International Penitentiary Forum «Crime, Punishment, Correction»: Collection of abstracts of speeches and reports of participants of the VII International Penitentiary Forum, dedicated to the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War and the Year of Defender of the Fatherland. In 5 volumes, Ryazan, November 19-21, 2025. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2025. Vol. 1. P. 21-24.

2. Blinkov O.E., Gural S.P. Powers of the Federal Penitentiary Service in civil law circulation // Administrative activities of law enforcement agencies of the Russian Federation and foreign countries: collection of materials of the V All-Russian scientific and practical conference dedicated to the celebration of the 145th anniversary of the penal system of the Russian Federation and the 90th anniversary of the founding of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, April 18, 2024. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2024. P. 15-18.

3. Yudin V.A., Yudina Yu.V. Legal Order of Providing Medical Care to Convicts with Comorbid Conditions // In the collection: VII International Penitentiary Forum «Crime, Punishment, Correction». Collection of theses of speeches and reports of the participants of the VII International Penitentiary Forum dedicated to the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War and the Year of the Defender of the Fatherland. In 5 volumes. Ryazan, 2025. P. 517-521.

4. Yudina Yu.V. Protection of the Federal Penitentiary Service's Interests in Courts of General Jurisdiction: Legislative Novelties // In the collection: The Penitentiary System at the Present Stage, Taking into Account the Implementation of the Concept for the Development of the Penitentiary System for the Period up to 2030. Collection of Abstracts of Speeches and Reports by Participants of the International Scientific and Practical Conference on the Problems of Execution of Criminal Punishments. Ryazan, 2022. P. 1205-1209.

5. Yudina Yu.V. Mediation Procedure as a Type of Reconciliation in the Modern Civil Procedure of Russia // Arbitration and Civil Procedure. 2021. No. 2. P. 45-50.

6. Yudina Yu.V., Pavlova O.A. Lawsuits in the Activities of the Penitentiary System: Some Issues of Theory and Practice// In the book: The Penitentiary System of the Russian Federation: Issues of Execution of Criminal Punishments, Implementation of Probation Measures, and Cooperation with Public Authorities and Civil Society Institutions. Collection of Abstracts of Speeches and Reports by Participants of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 90th Anniversary of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. Ryazan, 2024. P. 414-417.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_665

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
LEGAL REGULATION OF ELECTRONIC COMMERCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

ВОРОБЬЕВ Сергей Михайлович,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д.1.
E-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru

ИВЛИЕВ Павел Валентинович,
кандидат юридических наук, доцент института по кафедре гражданского права и процесса Академии ФСИН России
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д.1.
E-mail: ivliev_pv@mail.ru

VOROBYOV Sergey Mikhailovich,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
390000, Russia, Ryazan, st. Sennaya, d.1.
E-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru

IVLIEV Pavel Valentinovich,
PhD in Law, Associate Professor of the Institute for the Department of Civil Law and Process of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
390000, Russia, Ryazan, st.Sennaya, d.1.
E-mail: ivliev_pv@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье анализируются основные аспекты регулирования электронной коммерции в Российской Федерации. Описаны основные законы и нормативные акты электронной коммерции, включая налоги, защиту персональных данных, использование электронных подписей и функционирование рынка. Особое внимание было уделено адаптации российского законодательства к условиям цифровой экономики и трансграничной торговли. В статье также рассматриваются обязанности операторов персональных данных и цифровых платформ, которые обеспечивают взаимодействие между продавцами и покупателями. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования в связи с ростом электронной коммерции.*

Abstract: *This article analyzes the key aspects of e-commerce regulation in the Russian Federation. It describes the key laws and regulations governing e-commerce, including taxes, personal data protection, the use of electronic signatures, and market functioning. Particular attention is paid to adapting Russian legislation to the digital economy and cross-border trade. The article also examines the responsibilities of personal data operators and digital platforms that facilitate interactions between sellers and buyers. It concludes that further improvements to legal regulation are necessary in light of the growth of e-commerce.*

Ключевые слова: *Налогообложение, электронная коммерция, рынки, защита прав потребителей, цифровые платформы, регулирование, трансграничная торговля, персональные данные, товары и услуги онлайн, экономика.*

Keywords: *Taxation, e-commerce, markets, consumer protection, digital platforms, regulation, cross-border trade, personal data, online goods and services, economics.*

Для цитирования: *Воробьев С.М., Ивлиев П.В. Нормативно-правовое регулирование электронной коммерции в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 665-668. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_665.*

For citation*: Vorobyov S.M., Ivliev P.V. Regulatory and legal regulation of electronic commerce in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 665-668. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_665.*

Статья поступила в редакцию: 04.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Введение. Электронная коммерция играет все более важную роль в современной экономике, ускоряя и упрощая процессы покупки и продажи товаров и услуг онлайн. На фоне активного роста цифровых технологий российский рынок электронной коммерции стремительно развивается, демонстрируя устойчивый рост продаж. Эта тенденция требует не только соответствующего правового регулирования, но и создания прозрачных и понятных правил игры для всех участников рынка, будь то продавцы, покупатели или сами участники рынка. Электронная коммерция, как и любая другая отрасль экономики, нуждается в юридической поддержке для обеспечения стабильности отношений между участниками и защиты прав и интересов потребителей. В российской правовой системе существует ряд правовых норм, регулирующих эту сферу, начиная с норм Гражданского кодекса и заканчивая специальными законами о защите персональных данных и регулировании дистанционных продаж. Важным аспектом остается необходимость согласования интересов потребителей, которые должны защищать свои права, и компаний, которым необходимы простота и гибкость в электронной коммерции.

Цель исследования. Выявить основные особенности защиты прав потребителей в рамках электронной коммерции в Российской Федерации.

Методы исследования. В настоящем исследовании применялся метод анализа. Посредством анализа выявлялись особенности защиты персональных данных в рамках электронной торговли.

Электронная коммерция - это широкое понятие, охватывающее различные формы экономической деятельности, осуществляемой с помощью цифровых технологий и информационных систем. С юридической точки зрения электронная коммерция относится к удаленным транзакциям в электронной форме, при которых продавцы и покупатели не общаются напрямую, а используют информационные системы и коммуникационные сети, включая Интернет, для осуществления транзакции. В российском законодательстве электронная коммерция не выделяется в качестве

самостоятельной правовой категории. Она регулируется общими нормами гражданского законодательства о дистанционных транзакциях, а также отдельными законодательными актами о защите прав потребителей, электронной подписи и персональных данных. Основным правовым актом, регулирующим отношения в сфере электронной коммерции, является Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). Гражданский кодекс Российской Федерации устанавливает общие правила заключения договоров, которые распространяются как на традиционные сделки, так и на сделки в электронной форме.

Заключение договоров в электронной форме в основном регулируется нормами Гражданского кодекса Российской Федерации. Согласно статье 434 Гражданского кодекса, договор может быть заключен как в письменной, так и в электронной форме[1].

В этом случае договор, заключенный посредством электронного обмена документами, считается заключенным, если соблюдены юридические условия, а именно соглашение сторон о такой форме договора и использование средств для установления доверия сторон. Электронная форма договора предполагает использование электронной подписи, которая придает юридическую силу электронным документам, аналогичным обычным бумажным. В российском законодательстве электронная подпись регулируется федеральным законом "Об электронной подписи" 263-ФЗ, который устанавливает виды электронной подписи, порядок ее использования и юридическую ценность. Важной особенностью удаленных сделок является то, что стороны могут находиться далеко друг от друга, а сам договор может быть заключен без личной встречи. Это облегчает заключение соглашений, делает их более гибкими и быстрыми, требуя при этом строгого соблюдения требований законодательства, в частности, в отношении идентификации сторон операции и подтверждения их готовности заключить договор.

Современный мир это мир, который невозможно представить без цифровых технологий, средств массовой информации, интернета и всевозможных онлайн сервисов[2].

Одной из основных целей регулирования электронной торговли является защита потребителей. Как правило, дистанционные продажи включают в себя риск того, что покупатель не сможет лично проверить товар перед покупкой, а также возможные трудности с возвратом товара или подачей жалобы продавцу.

Также необходимо отметить, набирающее обороты онлайн курсы. Использование электронных образовательных ресурсов предоставляет уникальные возможности для обучающихся, так как позволяют организовать обучающий процесс для каждого с учетом его индивидуальностей и психологических особенностей[3]. Защита потребителей при покупке онлайн обучения является на сегодняшний день очень важной.

В связи с этим российское законодательство предусматривает специальные меры по защите прав потребителей, участвующих в международных транзакциях. Основным нормативным актом, регулирующим защиту прав потребителей в России, является Закон Российской Федерации от 07.02.1992 г. № 2300 "О защите прав потребителей". В контексте электронной коммерции особое значение имеет статья 26.1 данного закона, который регулирует отношения дистанционной торговли, в том числе онлайн-продажи. Согласно этой статье, покупатель имеет право вернуть товары, приобретенные дистанционно, без объяснения причин, в течение 7 дней с момента получения. Это положение призвано защитить потребителей, которые не имеют возможности проверить товар перед его покупкой и могут найти его только после получения. Кроме того, Закон о защите прав потребителей обязывает продавцов предоставлять полную и достоверную информацию о товарах, условиях покупки и доставки. Это включает в себя обязательство предоставить информацию о цене, характеристиках продукта, условиях возврата и гарантии. Защита прав потребителей в случае возникновения спора с продавцами также является важным аспектом. Российское законодательство предусматривает возможность обращения потребителей в суд для защиты своих интересов, а также в уполномоченные органы, такие как Роспотребнадзор. Кроме того, закон позволяет потребителю предъявлять иски о возмещении ущерба, причиненного недобросовестностью продавца, что усиливает правовую защиту покупателя при электронных транзакциях.

Персональные данные являются одним из наиболее чувствительных аспектов электронной коммерции. Для совершения покупок в Интернете потребители должны предоставлять продавцам различную личную информацию, такую как свое имя, адрес доставки, контактные данные и платежную информацию. Поэтому сбор, обработка и хранение этих данных должны строго регулироваться для обеспечения их безопасности и защиты от несанкционированного использования. В Российской Федерации правовая основа защиты персональных данных реализуется на основании федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ "О персональных данных". Настоящий Закон определяет методы обработки персональных данных, права и обязанности оператора, а также меры по защите данных от утечек и злоупотреблений.

В соответствии с законом о персональных данных, любое юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, которые самостоятельно или совместно с другими организуют обработку персональных данных, признаются оператором персональных данных. Интернет-магазины и другие организации электронной коммерции, которые собирают пользовательские данные для заполнения учетной записи, также попадают в эту категорию. Операторы обязаны получить согласие субъекта данных на обработку его персональных данных. Это согласие может быть дано в электронном виде, например, при регистрации на сайте или осуществлении платежей. Кроме того, согласие должно быть сообщено, т.е. пользователь должен быть проинформирован о целях обработки его данных, а также об обрабатываемых данных.

К основным задачам оператора относится обеспечение безопасности персональных данных, включая их защиту от несанкционированного доступа, уничтожения, изменения и распространения.

Закон "О персональных данных" придает особое значение вопросу трансграничной передачи данных. Этот аспект становится все более актуальным в условиях глобализации электронной торговли, когда множество интернет-платформ работают одновременно в нескольких странах. В России действуют строгие правила передачи персональных данных за пределы страны. Передача персональных данных в зарубежные страны возможна только в том случае, если в этих странах обеспечивается надлежащая защита данных. Для определения уровня защиты российских

данных в другой стране проводится сравнительный анализ правовых механизмов защиты данных на международном уровне. Если в стране назначения не обеспечивается надлежащая защита данных, оператор может передавать персональные данные только с согласия субъекта данных или в рамках международного соглашения. Этот аспект играет важную роль в контексте электронной коммерции, особенно если вы ведете бизнес с международными рынками и сервисами, такими как Amazon, eBay или AliExpress. При регистрации на этих платформах пользователям следует рассмотреть возможность передачи своих данных за границу, что требует отдельного соглашения и дополнительных мер предосторожности.

За нарушения Закона о персональных данных в России предусмотрены административные и гражданско-правовые меры. Компании, не соблюдающие требования законодательства, могут быть оштрафованы на крупные суммы. Размер штрафа зависит от вида травмы и степени ущерба, нанесенного потерпевшему. Хорошим примером стал судебный процесс против Facebook, который получил крупный штраф за несоблюдение российских требований по локализации данных. Российское законодательство требует, чтобы все данные российских пользователей хранились на серверах, расположенных в России, что является дополнительной мерой защиты от утечек и злоупотреблений со стороны иностранных компаний. Защита персональных данных - это не только вопрос юридической ответственности, но и важный элемент доверия пользователей к интернет-платформам. Компании, которые не обеспечивают надлежащий уровень защиты данных, рискуют не только получить штрафы, но и потерять репутацию среди пользователей.

Электронная коммерция, как и традиционная коммерция, облагается налогами в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации. Основным налогом, взимаемым при продаже товаров и услуг, является налог на добавленную стоимость (НДС). Российским компаниям, осуществляющим электронные продажи, обычно приходится рассчитывать и уплачивать НДС в соответствии с требованиями Налогового кодекса Российской Федерации. Операции электронной коммерции, как и любая другая деятельность, имеют определенные налоговые особенности, связанные с трансграничными транзакциями и продажей цифровых товаров и услуг. В последнее время российское законодательство активно адаптируется к новым реалиям цифровой экономики и вносит изменения в регулирование таких операций.

В 2019 году в российское налоговое законодательство были внесены важные изменения, касающиеся налогообложения иностранных компаний, предоставляющих цифровые услуги на территории России. Эти изменения известны как «налог на Google» и обязывают зарубежные компании, оказывающие услуги в области электронной коммерции (включая продажу программного обеспечения, цифрового контента, онлайн-рекламы и других цифровых товаров), зарегистрироваться в российской налоговой службе и уплачивать НДС в России.

Российские компании, занимающиеся электронной коммерцией, могут использовать упрощенную систему налогообложения, что особенно важно для малых и средних предприятий. Упрощенная система налогообложения снижает налоговую нагрузку и упрощает процесс ведения бухгалтерского учета. Согласно главе 26 Налогового кодекса Российской Федерации малые предприятия могут подать заявление на получение SDS при определенных условиях, таких как ограничения по доходам и сотрудникам. Компании, использующие 0, могут выбирать между двумя вариантами налогообложения: подоходный налог (6%) или подоходный налог за вычетом расходов (15%). Использование УСН значительно упрощает подачу декларации и снижает налоговые обязательства, что делает эту систему привлекательной для небольших интернет-магазинов и других участников электронной коммерции. Однако следует отметить, что компании, использующие упрощенную систему налогообложения, не освобождаются от уплаты НДС при ведении бизнеса за рубежом. Например, если компания покупает товары за границей и ввозит их в Россию для последующей продажи онлайн, она обязана уплатить НДС на границе в соответствии с таможенными правилами.

Электронная подпись играет ключевую роль в правовом регулировании электронной коммерции, поскольку она придает юридическую силу документам, представленным в электронном формате. В российском законодательстве использование электронных подписей регулируется Федеральным законом № 263 "Об электронной подписи", который определяет виды подписей, их юридическую силу и порядок их использования.

Закон различает три вида электронных подписей: Простая электронная подпись - это самый простой тип подписи, который может представлять собой пароль, код или другой идентификатор, подтверждающий личность пользователя. Простая электронная подпись используется в ситуациях, когда строгая идентификация сторон не требуется, например, при входе в личный кабинет на сайте интернет-магазина или при подтверждении заказа. Усовершенствованная электронная подпись без оговорок - это надежный тип подписи, который используется для подписания документов и контрактов, имеющих юридическое значение. Усовершенствованная система защиты от неправильной подписи использует криптографические средства для обеспечения целостности и подлинности документа. Расширенная квалифицированная электронная подпись является наиболее надежным типом подписи, выдаваемым аккредитованными органами по сертификации, и сравнима с собственноручной подписью. Расширенная квалифицированная электронная подпись используется для заключения крупных контрактов, отправки налоговых деклараций и участия в государственных закупках.

Использование электронной подписи в электронной коммерции гарантирует подлинность и законность заключенных договоров и снижает риск мошенничества. В частности, квалифицированная электронная подпись используется при заключении крупных сделок и контрактов через Интернет. Например, если вы продаете товары и услуги сверх установленных законом ограничений, использование электронной подписи защитит интересы сторон и позволит избежать возможных споров о подлинности документов.

Важным аспектом является безопасность использования электронной подписи. Закон "Об электронной подписи"предусматривает меры по защите подписей от несанкционированного использования. В частности, органы сертификации, в которых хранятся ключи электронной подписи, должны сертифицировать криптографические средства защиты информации. Кроме того, пользователи должны соблюдать меры по защите своих ключей, в том числе регулярно менять свои пароли и использовать защищенные устройства для хранения ключей. Нарушение правил использования электронной подписи может привести к утрате ее юридической силы или юридическим последствиям для владельца электронной подписи.

Например, если ключ электронной подписи передается третьей стороне без надлежащего разрешения, это может привести к спору относительно транзакции или контракта, заключенного с использованием такой подписи.

Персональные данные имеют основополагающее значение для электронной коммерции, поскольку любая онлайн-покупка предполагает предоставление пользовательских данных, будь то регистрация на сайте, оформление заказа или осуществление платежей. Этот процесс требует особого внимания со стороны законодателей и компаний, чтобы гарантировать конфиденциальность и защиту пользовательских данных.Основным правовым актом, регулирующим обработку персональных данных в России, является 252-й федеральный закон "О персональных данных",действующий с 2006-ого года. Он устанавливает правила сбора, обработки, хранения и передачи данных, в частности, для интернет-магазинов и платформ электронной коммерции. Закон обязывает операторов персональных данных соблюдать ряд требований, направленных на предотвращение несанкционированного доступа и утечек данных.

Согласно Закону "О персональных данных", операторами персональных данных являются юридические лица и индивидуальные предприниматели, которые организуют обработку данных. Интернет-магазины, платформы и другие компании электронной коммерции, которые собирают информацию о пользователях для выполнения заказов, должны получить их согласие на обработку этих данных, включая цель обработки и характер собранной информации.

Нарушение Закона о персональных данных может иметь серьезные последствия для операторов, включая административные штрафы, блокировку веб-сайта и другие санкции. В 2021-ом году были внесены изменения, ужесточающие наказание за утечку данных, что заставило и компании применять более строгие меры защиты данных. Кроме того, операторы должны размещать персональные данные: компании, работающие с российскими пользователями, должны хранить данные на серверах, расположенных в России. Это требование повышает контроль за конфиденциальностью данных, но в то же время требует значительных инвестиций в инфраструктуру компаний.

Развитие цифровых платформ и торговых площадок также требует тщательного правового регулирования, поскольку эти компании играют ключевую роль в электронной коммерции. Платформы связывают продавцов и покупателей путем заключения сделок и обязаны применять законы о защите прав потребителей, налоговое законодательство и нормативные акты о защите персональных данных.

Маркетплейсы такие как Wildberries, Ozon и другие, часто выступают не только в качестве посредников, но и в качестве продавцов, что накладывает на них дополнительные обязательства. Законодательство Российской Федерации требует, чтобы платформы, зарегистрированные в России, соответствовали стандартам качества продукции, возврата и разрешения споров между продавцом и покупателем. Учитывая масштабы этих компаний и их важность для экономики, эти вопросы являются приоритетными для законодателей.

Одной из насущных проблем является разделение ответственности между рынком и продавцами, которые производят свою продукцию. Российское законодательство налагает на платформы обязательства в части контроля качества продукции и защиты прав потребителей, но они также могут переложить часть ответственности на своих торговых партнеров. В случае возникновения спора между покупателем и продавцом платформа обязана обеспечить процесс разрешения спора и, в некоторых случаях, возместить ущерб.

Заключение. Электронная коммерция в России активно развивается и становится неотъемлемой частью экономики, требующей надлежащего нормативного регулирования. Российское законодательство постепенно адаптируется к новым реалиям цифровой экономики, регулируя такие важные аспекты, как налогообложение, защита данных, электронные подписи и правовое регулирование рынков. Законодательство, адаптированное к условиям электронной коммерции, защищает интересы компаний и потребителей, снижает риски и создает благоприятную среду для роста цифрового рынка. Будущее нормативно-правового регулирования будет связано с интеграцией технологий и ужесточением требований к защите данных, что является новым вызовом для всех участников рынка.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ.
2. Ивлиев П.В., Ананьев О.Г. «Перспективы развития электронной коммерции в современной России» // Евразийский юридический журнал, № 6 (181), 2023 г., С: 159-161.
3. Ткаченко Н.И., Ивлиев П.В. «Перспективы использования электронных образовательных ресурсов в процессе обучения» // статья в сборнике трудов конференции, 2020 г., С: 981-987.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (CC RF) of November 30, 1994 N 51-FZ.
2. Ivliev P.V., Ananyev O.G. "Prospects for the Development of Electronic Commerce in Modern Russia" // Eurasian Law Journal, No. 6 (181), 2023, pp: 159-161.
3. Tkachenko N.I., Ivliev P.V. "Prospects for the Use of Electronic Educational Resources in the Learning Process" // article in the conference proceedings, 2020, pp: 981-987.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_669

УДК 34

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНЫМИ СОБСТВЕННИКАМИ ПРАВА НА ОТКАЗ ОТ СОБСТВЕННОСТИ НА ОБЩЕЕ ИМУЩЕСТВО
SOME ISSUES RELATED TO THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHT OF PUBLIC OWNERS TO RENOUNCE OWNERSHIP OF COMMON PROPERTY

ПОПОВА Татьяна Александровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
АНО ВО «Московский гуманитарный университет».
111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5.
e-mail: popova-tatyana-ta@yandex.ru

КУРПЯКОВА Светлана Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права
АНО ВО «Московский гуманитарный университет».
111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5.
E-mail: skurpyakova@mail.ru

POPOVA Tatiana Aleksandrovna,
PhD (Law), Associate Professor of the Department of Civil and Business Law ANO VO Moscow Humanitarian University.
5 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.
e-mail: popova-tatyana-ta@yandex.ru

KURPYAKOVA Svetlana Ivanovna,
PhD (Law), Associate Professor, head of the Department of Civil and Business Law ANO VO Moscow University for the Humanities.
5 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.
E-mail: skurpyakova@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье исследуются проблемы прекращения публичным собственником права на имущество, отнесенное им к общему имуществу собственников недвижимости. Авторы анализируют обоснованность применения в данном случае ст. 236 ГК РФ, а также обосновывают невозможность отнесения объекта к общему имуществу и погашения регистрационной записи о праве собственности на такое имущество без подтверждения судом правового режима общего имущества в отношении спорных объектов.*

Abstract: *This article examines the issues of terminating a public owner's right to property they have designated as common property of real estate owners. The authors analyze the validity of applying Article 236 of the Civil Code of the Russian Federation in this case and also substantiate the impossibility of classifying an object as common property and canceling the registration of ownership of such property without court confirmation of the legal status of common property in relation to the disputed objects.*

Ключевые слова: *отказ от собственности, общее имущество собственников недвижимости, публичный собственник, государственная собственность.*

Keywords: *renunciation of property, common property of real estate owners, public owner, state property.*

Для цитирования: *Попова Т.А., Курпякова С.И. Некоторые вопросы реализации публичными собственниками права на отказ от собственности на общее имущество // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 669-671. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_669.*

For citation*: Popova T.A., Kurpyakova S.I. Some issues of realization by public owners of the right to renounce ownership of common property // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 669-671. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_669.*

Статья поступила в редакцию: 29.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

В результате приватизации жилищного фонда, начавшейся в 90-е годы двадцатого столетия на основании закона 1991 года [5], а также реализации в начале 2000-х годов инвестиционных проектов реконструкции административных зданий в собственности г. Москвы, в том числе общей долевой, оказалось значительное число объектов (нежилых помещений), которые соответствуют критериям общего имущества собственников недвижимости, содержащимся в ст. 36 Жилищного кодекса РФ [2] и применявшихся изначально в отношении объектов, являющихся частями многоквартирных домов. В 2009 году Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ подтвердил применение по аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ) норм жилищного и гражданского законодательства об общем имуществе в многоквартирном доме на отношения собственников помещений, расположенных в нежилых зданиях [14]. Окончательно правовой режим общего имущества зданий, помещения в котором принадлежат различным собственникам, был установлен с 1 сентября 2022 года в силу ст. 259.1 и п. 1, 2 ст. 287.5 ГК РФ.

Государственная собственность, включая собственность г. Москвы, имеет важное значение для функционирования публично-правовых образований. Управление объектами собственности города Москвы имеет цель обеспечения экономической стабильности, эффективного использования имущества города, выполнения социальных функций, создания благоприятных условий жизнедеятельности населения. Одной из задач управления собственностью является определение и реализация наиболее эффективных видов и способов использования объектов недвижимости, принадлежащих городу. С учетом специфики правового режима общего имущества собственников недвижимых вещей публичный собственник – г. Москва не имеет возможности эффективно использовать общее имущество в целях развития экономики города, увеличения доходов городского бюджета путем вовлечения указанного имущества в гражданский оборот. Вместе с тем, город, как собственник, несет значительные расходы на содержание указанного имущества.

В целях снижения расходов на эксплуатацию имущества, находящегося в собственности г. Москвы, а также недопущения нарушения прав граждан в отношении общего имущества в многоквартирных домах в 2014 году Правительство Москвы в соответствии с положениями ст. 36 ЖК РФ, ст. 236 ГК РФ, а также Закона г. Москвы об основах управления собственностью г. Москвы [6], принимает решение прекратить право собственности города на объекты недвижимости, относящиеся к общедомовому имуществу собственников помещений в многоквартирных домах. Список нежилых помещений, право собственности г. Москвы на которые подлежит прекращения, изначально определенный в приложении к Распоряжению от 16.12.2014 № 726-РП [7] (далее – Распоряжение 726-РП), постоянно пополняется по мере проведения инвентаризации объектов

городской собственности. Надо отметить, что в 2023-2025 годах в указанный перечень были включены также помещения, приобретенные городом на праве общей долевой собственности по итогам реализации инвестиционных проектов по реконструкции нежилых зданий.

В свете указанного Распоряжения 726-РП, хотелось бы обратить внимание на некоторые вопросы, которые возникают в правоприменительной и судебной практике при прекращении публичным собственником – г. Москвой права собственности на общее имущество собственников недвижимых вещей.

Первый вопрос. Может ли публично-правовое образование (публичный собственник) в принципе отказаться от права собственности в смысле ст. 236 ГК РФ? На наш взгляд, следует дать отрицательный ответ. В научной литературе неоднократно указывалось, что не все основания прекращения права собственности, предусмотренные гражданским законодательством (ст. 235 ГК РФ), могут являться основанием прекращения публичной собственности. Так в частности, ст. 236 ГК РФ не применима к государственному и муниципальному имуществу, оно не может стать предметом отказа [10, 11, 12, 13]. Следует отметить, что отказ от права собственности публичным собственником (Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования) невозможен не только и не столько потому, что этого не предусматривает гипотеза нормы ст. 236 ГК РФ, но главным образом, потому что публичная собственность является экономической основой развития и функционирования государства, эффективное управление публичной собственностью позволяет публично-правовому образованию решать стоящие перед ним задачи, в том числе в социальной сфере, создавать условия для достойной жизни и развития человека. Кроме того, исходя из содержания п. 2 ст. 236 ГК РФ, право собственности (составляющие его права и обязанности собственника) не прекращается автоматически с заявлением собственника об отказе от права, необходимо чтобы другое лицо изъявило желание приобрести и приобрело отказное имущество в собственность. И здесь публично-правовые образования в лице своих уполномоченных органов и должностных лиц выполняют функции по выявлению, учету и контролю за имуществом, от которого отказались граждане или юридические лица. Отказное имущество также может перейти и в публичную собственность с соблюдением установленного законом общего для всех субъектов гражданского права порядка (ст. 225, 226, 234 ГК РФ). Для передачи же имущества из публичной собственности в частную в силу прямого указания абз. 9 п. 2 ст. 235 ГК РФ специальный порядок – приватизация государственного и муниципального имущества на возмездной основе, но никак не отказ публичного собственника от права собственности на принадлежащее ему имущество.

Второй вопрос. Может ли быть предметом отказа от права собственности общее имущество собственников недвижимых вещей? На наш взгляд, и на этот вопрос следует отрицательный ответ. Право общей долевой собственности на общее имущество обладает определенной спецификой. Так, профессор Суханов Е.А. обращает внимание на то, что не только объект указанного права – общее имущество обладает особенностями, поскольку объединяет как собственно вещи, так и не являющиеся вещами части дома, здания или сооружения (объектами классического права собственности являются только вещи), но и само право на такое имущество весьма специфично. Оно всегда сопутствует индивидуальному праву лица на помещение в многоквартирном доме или нежилом здании (сооружении), неотделимо от этого помещения и следует за ним. Право на общее имущество не требует его фиксации в Едином государственном реестре недвижимости (далее – ЕГРН), поскольку возникает и прекращается автоматически в силу закона на основании факта приобретения или отчуждения лицом права индивидуальной собственности на помещение в границах многоквартирного дама (нежилого здания, сооружения). По сути, назначение права на общее имущество – распределение обязательных расходов по содержанию общего имущества между индивидуальными собственниками помещений [9, с. 256 - 259].

Следовательно, право общей долевой собственности публичного собственника на общее имущество прекращается автоматически в связи с утратой права собственности на принадлежащее ему индивидуальное помещение, находящееся в многоквартирном доме (нежилом здании, сооружении), но никак не в результате отказа от права на общее имущество. Поэтому указание в Распоряжении 726-РП на прекращение права собственности г. Москвы на общее имущество собственников недвижимых вещей по основанию, предусмотренному ст. 236 ГК РФ, является неверным. Речь должна идти не о прекращении права собственности на общее имущество (оно автоматически прекратилось с утратой публично-правовым образованием – г. Москвой права индивидуальной собственности на помещения в многоквартирном доме, нежилом здании или сооружении), а лишь о погашении в ЕГРН записи о регистрации права собственности г. Москвы на помещение, относящееся к общей долевой собственности собственников недвижимых вещей.

Вместе с тем, при подаче заявления в уполномоченный орган для погашения записи о праве собственности города Москвы на объекты, относящиеся к общему имуществу, возникает другая проблема. Обычный порядок ведения ЕГРН [8] подразумевает, что если на основании представленного заявления и необходимых документов согласно ч. 4 ст. 7, ч. 1 ст. 14 Закона о государственной регистрации недвижимости [4] в одном разделе ЕГРН погашается запись о праве собственности одного лица, то в другом разделе одновременно должна быть либо внесена запись о праве собственности другого лица на этот же объект (при переходе права), либо запись о праве собственности этого же лица на новый объект (при преобразовании объекта недвижимости). Погашение записи о праве собственности г. Москвы на общее имущество на основании заявления, поданного в рамках реализации Распоряжения 726-РП не предполагает появление в другом разделе ЕГРН записи о праве собственности на объект недвижимости у другого лица, что влечет отказ заявителю в государственной регистрации прекращения права собственности в отношении объекта, обладающего признаками общего имущества. Возникает коллизия норм гражданского и жилищного законодательства, устанавливающих правовой режим общего имущества собственников недвижимых вещей, и норм законодательства, регулирующего отношения по регистрации прав на недвижимое имущество и устанавливающего порядок внесения сведений в ЕГРН о возникновении, изменении и прекращении права собственности на недвижимое имущество. Погашение в реестре недвижимости записи о регистрации права собственности г. Москвы на основании судебного акта, вынесенного в рамках рассмотрения спора с регистрирующим органом в порядке главы 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ [3], решает поставленную публичным собственником задачу по сокращению расходов на содержание за счет городского бюджета объектов недвижимости, не представляющих никакого интереса с точки зрения их возможного использования в имущественном обороте. Однако такой порядок прекращения права собственности публичным собственником затра-

гивает интересы других участников долевой собственности на общее имущество, поскольку, снимая бремя содержания помещения с публично-правого образования, перекладывает его на других лиц путем изменения состава общего имущества (увеличения его объема). На недопустимость такого подхода обратила внимание и Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ [15].

На наш взгляд, принятие решения о прекращении права собственности на объекты, обладающие признаками общего имущества (погашении соответствующей записи в ЕГРН), всегда должно проходить в рамках рассмотрения спора о праве с участием всех лиц, права которых затрагиваются указанным решением. При этом, в процессе рассмотрения спора необходимо подтверждать, что объекты, в отношении которых заявлено требование о прекращении права индивидуальной собственности по мотиву их принадлежности к общему имуществу, действительно являются таковым имуществом. В этом случае, решение суда об установлении правового режима общей собственности на помещение, будет являться достаточным основанием для регистрирующего органа для погашения записи о регистрации права собственности публично-правового образования на такое объект.

Это не менее актуально в ситуации, когда публично-правовое образование обращается в регистрирующий орган с заявлением о прекращении своего права собственности на помещение, не являясь его единоличным собственником, чем нарушает права других сособственников. Осуществление регистрации прекращения права собственности одного участника долевой собственности – публично-правового образования фактически приводит к прекращению права собственности остальных сособственников. В указанной ситуации также необходимо решать вопрос в рамках спора о праве, на что обращают внимание суды [16]. Кроме того, подтверждение в процессе рассмотрения спора о праве режима общего имущества в отношении помещения, обладающего, по мнению публично-правового образования, признаками общего имущества, позволит избежать необоснованного выведения объектов из публичной собственности, а для иных участников долевой собственности решение суда будет являться основанием для погашения записи в ЕГРН о регистрации права собственности в отношении спорного помещения.

Таким образом, публично-правовые образования в силу своего особого статуса и выполняемых функций не вправе прекратить право собственности на принадлежащее им имущество путем отказа от него по смыслу статьи 236 ГК РФ. Утрата права собственности на общее имущество в многоквартирном доме (нежилом здании, сооружении) в связи с прекращением индивидуального права собственности на отдельные помещения в указанных объектах недвижимости является специальным основанием прекращения права собственности только на общее имущество собственников недвижимости. Погашение записи о праве собственности на объекты, обладающие признаками общего имущества собственников недвижимых вещей, должно осуществляться исключительно на основании решения суда, вынесенного в рамках рассмотрения спора о праве, подтверждающего правовой режим общего имущества в отношении спорных объектов.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 1994, № 32, ст. 3301.
2. Жилищный кодекс РФ от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2005, № 1 (часть 1), ст. 14.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2002, № 30, ст. 3012.
4. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ, 2015, № 29 (часть I), ст. 4344.
5. Закон РФ от 04.07.1991 № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РСФСР, 1991, № 28, ст. 959.
6. Закон города Москвы от 19.12.2007 № 49 «Об основах управления собственностью города Москвы» // Вестник Мэра и Правительства Москвы, 2008, № 1.
7. Распоряжение Правительства Москвы от 16.12.2014 № 726-РП «О прекращении права собственности города Москвы на объекты недвижимого имущества, относящиеся к общему имуществу собственников помещений в многоквартирных домах и нежилых зданиях» // Вестник Мэра и Правительства Москвы, 2014, № 71.
8. Приказ Росреестра от 07.12.2023 «Об установлении порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости» // Официальный интернет-портал правовой информации hhtp://pravo.gov.ru, 01.04.2024; СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 26.12.2025).
9. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк / Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2024. – 626 с.
10. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой» (постатейный) / под ред. С.П. Гришаева, А.М, Эрделевского // СПС КонсультантПлюс. 2006 (дата обращения: 25.12.2025).
11. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой: в 3 т. (постатейный) / Т.Е. Абова, З.С. Беляева, Е.Н. Гендзехадзе и др.; под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. – 3-е изд., переаб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – Т. 1. – 1060 с. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.12.2025).
12. Право муниципальной собственности (цивилистические и социальные аспекты): Монография / Ю.Е. Попов, В.А. Рыбаков, В.Н. Соловьев и др. – М.: Юрист, 2009. – 166 с. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.12.2025).
13. Гришаев С.П., Богачева Т.В., Свит Ю.П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая// СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.12.2025).
14. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 64 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания» // Вестник ВАС РФ, 2009, № 9.
15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2024 № 305-ЭС24-15238 по делу № А40-149880/2023 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.12.2025).
16. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.05.2025 № Ф05-5329/2025 по делу № А40-145145/2024 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.12.2025).

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, № 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, 1994, № 32, Article 3301.
2. Housing Code of the Russian Federation of 29.12.2004 № 188-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2005, № 1 (Part 1), Art. 14.
3. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated July 24, 2002, № 95-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2002, № 30, Article 3012.
4. Federal Law of July 13, 2015 No. 218-FZ «On State Registration of Real Estate» // Collected Legislation of the Russian Federation, 2015, № 29 (Part I), Article 4344.
5. Law of the Russian Federation of July 4, 1991 No. 1541-1 «On the Privatization of the Housing Stock in the Russian Federation» // Vedomosti SND and VS RSFSR, 1991, № 28, Art. 959.
6. Law of the City of Moscow dated 19.12.2007 № 49 «On the Fundamentals of Property Management of the City of Moscow» // Bulletin of the Mayor and Government of M., 2008, № 1.
7. Order of the Government of Moscow dated 16.12.2014 № 726-RP «On the termination of the ownership rights of the city of Moscow to real estate objects related to the common property of owners of premises in apartment buildings and non-residential buildings» // Bulletin of the Mayor and Government of Moscow, 2014, № 71.
8. Order of Rosreestr dated December 7, 2023 «On Establishing the Procedure for Maintaining the Unified State Register of Real Estate» // Official Internet Portal of Legal Information hhtp://pravo.gov.ru, April 1, 2024; SPS ConsultantPlus (date accessed: December 26, 2025).
9. Sukhanov E.A. Property Law: A Scientific and Educational Essay / E.A. Sukhanov. – 3rd ed., revised and enlarged. – Moscow: Statut, 2024. – 626 p.
10. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, Part One (article-by-article) / edited by S.P. Grishaev, A.M. Erdelevsky // SPS ConsultantPlus. 2006 (date accessed: December 25, 2025).
11. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, Part One: in 3 volumes (article-by-article) / T.E. Abova, Z.S. Belyaeva, E.N. Gendzekhadze, et al.; edited by T.E. Abova, A.Yu. Kabalkin. – 3rd ed., republished and enlarged. – Moscow: Yurait-Izdat, 2007. – V. 1. – 1060 p. // SPS ConsultantPlus (date of access: December 25, 2025).
12. Municipal property law (civil and social aspects): Monograph / Yu.E. Popov, V.A. Rybakov, V.N. Soloviev, et al. – M.: Jurist, 2009. – 166 p. // SPS ConsultantPlus (date accessed: December 25, 2025).
13. Grishaev S.P., Bogacheva T.V., Svit Yu.P. Article-by-Article Commentary to the Civil Code of the Russian Federation. P. 1 // SPS ConsultantPlus (accessed: December 25, 2025).
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of July 23, 2009, № 64 «On Certain Issues of Practice in Considering Disputes on the Rights of Owners of Premises to the Common Property of a Building» // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, 2009, № 9.
15. Determination of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.12.2024 № 305-ES24-15238 in Case № A40-149880/2023 // SPS ConsultantPlus (date accessed: December 25, 2025).
16. Resolution of the Moscow Arbitration Court dated 22.05.2025 № F05-5329/2025 in Case № A40-145145/2024 // SPS ConsultantPlus (date accessed: December 25, 2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_672

УДК 340.1

ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УСЛОВИЯХ ОСОБЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ: РАЗВИТИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

THE LEGAL INSTITUTION OF RESTRICTION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS AND A CITIZEN UNDER SPECIAL LEGAL REGIMES: DEVELOPMENT AND FORMATION IN THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE

АНДРЕЕВ Антон Павлович,
аспирант Таганрогского института управления и экономики.
347900, Россия, г. Таганрог, ул. Петровская, 45.
E-mail: p.kameneva@tmei.ru

ANDREEV Anton Pavlovich,
Postgraduate Student at the Taganrog Institute of Management and Economics.
Petrovskaya St. 45, Taganrog, 347900, Russia.
E-mail: p.kameneva@tmei.ru

Краткая аннотация: *в статье анализируется институт ограничения прав и свобод человека как временная мера, направленная на защиту конституционного строя, безопасности и общественного порядка в условиях особых правовых режимов. Подчеркивается, что такие ограничения должны быть законными, соразмерными и контролируемыми, а не инструментом подавления свобод. Рассматривается исторический контекст –социалистическая модель прав в СССР, где права носили условный характер, что привело к их системному ограничению. Этот опыт демонстрирует риски подмены правовой защиты административным контролем. Отмечается влияние международного права на российское законодательство. Сделан вывод: особые режимы должны стабилизировать общество, а не узаконивать произвол. Их применение – временный, сбалансированный механизм, требующий четких правовых границ и возврата к нормальному правовому порядку.*

Abstract: *the article analyzes the institution of restrictions on human rights and freedoms as a temporary measure aimed at protecting the constitutional order, security, and public order in special legal regimes. It emphasizes that such restrictions should be legal, proportionate, and controlled, rather than a tool for suppressing freedoms. The article examines the historical context of the socialist model of rights in the USSR, where rights were conditional, leading to their systematic restriction. This experience highlights the risks of replacing legal protection with administrative control. The article also notes the influence of international law on Russian legislation. The conclusion is that special regimes should stabilize society, not legitimize arbitrariness. Their use is a temporary, balanced mechanism that requires clear legal boundaries and a return to normal legal order.*

Ключевые слова: *ограничение прав и свобод, особые правовые режимы, развитие, становление, современный этап.*
Key words: *restriction of rights and freedoms, special legal regimes, development, formation, and the current stage.*

Для цитирования: *Андреев А.П. Правовой институт ограничения прав и свобод человека и гражданина в условиях особых правовых режимов: развитие и становление в Российской Федерации на современном этапе // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 672-674. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_672.*
For citation*: Andreev A.P. The legal institute for the restriction of human and civil rights and freedoms under special legal regimes: development and formation in the Russian Federation at the present stage // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 672-674. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_672.*

Статья поступила в редакцию: 17.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Рассматривая правовой институт, объединяющий совокупность юридических норм, направленных на временное ограничение прав и свобод человека и гражданина, следует признать, что его развитие напрямую связано с эволюцией угроз, затрагивающих ключевые сферы государственной и общественной жизни. Этот институт не является статичным – он динамично трансформируется под давлением как внутренних, так и внешних вызовов: терроризма, массовых беспорядков, пандемий, кибер-атак, военных конфликтов и крупных техногенных катастроф.

В таких условиях государство вынуждено вырабатывать не просто реактивные, а стратегически продуманные правовые механизмы, способные обеспечить устойчивость системы управления, сохранить общественный порядок и защитить конституционный строй. Эффективность такой политики измеряется не только оперативностью реагирования, но и способностью соблюдать баланс между необходимостью защиты безопасности и недопустимостью деградации правового статуса личности.

Таким образом, правовой институт ограничения прав призван не подавлять свободу, а, напротив, в экстремальных обстоятельствах обеспечить ее дальнейшее существование, предотвратив коллапс правопорядка. Его функционирование должно быть строго соразмерным угрозе, основано на законе, подконтрольно обществу и ориентировано на восстановление нормальной правовой реальности в кратчайшие сроки.

Научное осмысление неэффективности правовых механизмов, применяемых государством для ограничения прав и свобод, сталкивается с глубокой системной проблемой: в России на рубеже XX – XXI веков вопросы прав человека долгое время оставались на периферии правового знания, они воспринимались скорее как формальный элемент конституционного декларирования, нежели как основа функционирования правового государства. В этот период правозащитная тематика в юридической науке зачастую трактовалась отвлеченно, а исследования, посвященные институту ограничений, носили фрагментарный и описательный характер, не выходя за рамки отдельных отраслей права – конституционного, административного или международного.

Это привело к тому, что до относительно недавнего времени отсутствовало комплексное, междисциплинарное понимание данного ин-

ститута как единого правового феномена, способного функционировать в условиях кризиса без подрыва основ правового государства. Лишь в последние годы, на фоне возросшего числа чрезвычайных ситуаций и расширения полномочий исполнительной власти, интерес к этой теме резко активизировался. Однако даже современные научные работы зачастую ограничиваются анализом отдельных норм или процедур, не предлагая целостной модели сдержек и противовесов.

Особая сложность заключается в том, что на практике государственные стратегии, затрагивающие права личности, нередко реализуются через нормативные акты, построенные на общих, абстрактных формулировках – «в целях безопасности», «для предотвращения угроз», «в интересах общества». Такие положения, будучи лишенными четких критериев применения, сроков, процедур контроля и механизмов судебной защиты, превращаются в правовые лазейки, допускающие произвольное толкование и расширительное применение.

Таким образом, ключевая проблема не в отсутствии законодательства, а в его недостаточной юридической определенности и отсутствии внутренних гарантий пропорциональности. Без конкретизации, обоснования и подотчетности любые ограничительные меры рискуют утратить легитимность, превратившись из инструмента защиты в средство административного давления. Это делает особенно актуальным формирование научно обоснованной, системной правовой доктрины, способной обеспечить баланс между государственной необходимостью и неприкосновенностью прав личности.

Понятие «ограничение прав и свобод личности» как правовая категория требует не формального, а системного осмысления. Его можно определить как санкционированное государством, юридически оформленное и строго регламентированное приостановление или сужение осуществления субъективных прав, осуществляемое исключительно в целях защиты фундаментальных ценностей, составляющих основу существования государства и общества. К таким ценностям, безусловно, относятся конституционный строй, общественный порядок, личная и общественная безопасность, внутренняя и внешняя безопасность государства. Ограничение прав в этом контексте – не отмена свободы, а ее временная редукция в условиях экстраординарных обстоятельств, когда неограниченная реализация индивидуальных прав может повлечь катастрофические последствия для государства и общества.

Сам механизм ограничения представляет собой интегрированную часть государственного правопорядка, встроенную в систему сдержек и противовесов. Он функционирует не как инструмент подавления, а как правовой регулятор, призванный координировать поведение субъектов права в экстремальных условиях. Его суть в нормативной перенастройке режима реализации свобод: личность, обладающая правами, вынуждена временно воздерживаться от определенных действий (например, свободного передвижения, публичного выражения мнений) или выполнять дополнительные обязанности (например, регистрацию по месту пребывания, соблюдение комендантского часа).

При этом механизм реализации и ограничения прав и свобод должен строиться на трех ключевых началах:

– самостоятельная реализация прав. Личность в обычных условиях вправе свободно и без внешнего принуждения осуществлять свои конституционные свободы, совершая законные действия по собственной воле. Это базовый режим правового государства;

– обращение за государственной защитой. Когда реализация субъективного права сталкивается с препятствиями (например, нарушение чужими субъектами), гражданин вправе потребовать от государства вмешательства: правовой защиты, восстановления нарушенного, компенсации ущерба;

– требование должного поведения от других субъектов. Реализация свободы одного не должна нарушать права других. Правовая норма задает границы допустимого поведения, а государство обеспечивает их соблюдение, в том числе через ограничительные меры в отношении тех, кто выходит за эти рамки.

Анализ правовой практики России в XX веке выявляет доминирование социалистической модели, в которой права и свободы личности носили не абсолютный, а условный и производный характер, исходящий от государства. В этой системе неотчуждаемые права – жизнь, свобода, личная неприкосновенность – фактически подчинялись интересам режима, а вмешательство в частную сферу стало нормой, оправданной идеологической необходимостью. Государство позиционировало себя не как защитник, а как единственный источник прав, формируя правовую реальность исключительно в рамках собственных интересов и приоритетов.

Такой подход был обусловлен тяжелым историческим наследием: последствия мировых войн, революций и внутренних конфликтов потребовали жестких управленческих решений. Это привело к утверждению административно-командной системы, где закон служил инструментом контроля, а не гарантией свободы. В этих условиях внутригосударственное право замыкалось на себе, игнорируя международные стандарты и отрицая универсальный характер прав человека.

Таким образом, правовая модель XX века продемонстрировала: когда права объявляются привилегией, а не нормой, система теряет легитимность, а личность – защиту. Этот опыт остается важным уроком для современного правопорядка.

Правовые запреты и ограничения, лежащие в основе чрезвычайного законодательства, прежде всего призваны обеспечить устойчивость государственного порядка в периоды системного кризиса, когда национальные интересы сталкиваются с прямыми и масштабными угрозами. Их суть не в отмене прав, а в их временной корректировке с целью предотвращения коллапса правопорядка, однако легитимность таких мер возможна только при строгой пропорциональности, правовой определенности и подотчетности.

Ограничение прав и свобод личности как метод правового регулирования реализуется исключительно в рамках особых правовых режимов – временных, чрезвычайных состояний, при которых нормальная правовая реальность заменяется на режим повышенного контроля. Эти режимы, такие как чрезвычайное или военное положение, вводятся в условиях угрозы существованию государства или общества и предполагают переход органов власти и участников общественных отношений на иные, усиленные правила функционирования.

В их основе лежит экстраординарное законодательство, содержащее четко определенные, исчерпывающие меры: запреты на передвижение, собрания, деятельность СМИ, введение комендантского часа, контроль за коммуникациями и иные ограничительные предписания. При этом такие меры не носят произвольный характер, они должны быть строго соразмерны угрозе, временными по сроку и подлежать парламентскому и судебному контролю, иначе рискуют трансформироваться из инструмента защиты в средство легитимации чрезмерной власти.

Темпы интеграции международного права в российскую правовую систему в последние десятилетия способствовали трансформации национального законодательства, включая сферу чрезвычайных режимов. Это проявляется в нормах Федеральных конституционных законов «О чрезвычайном положении» [3] и «О военном положении» [4], где принципы соразмерности, недопустимости дискриминации и неотъемлемости ряда прав отражают влияние международных стандартов, в частности, ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах [1].

При этом Конституция Российской Федерации [2] не только соответствует этим стандартам, но и расширяет их: она закрепляет более обширный и детализированный перечень прав и свобод по сравнению с базовыми международными актами. Более того, она устанавливает их приоритетность, прямо запрещая отмену или ограничение ряда неотчуждаемых прав даже в условиях чрезвычайных ситуаций, что подчеркивает ее роль как верховного юридического акта, гармонизирующего национальную практику с универсальными нормами.

Цели введения особых правовых режимов, сопровождающихся ограничением прав и свобод, сводятся к защите личности, сохранению конституционного строя, восстановлению общественного порядка и обеспечению национальной безопасности. Эти режимы применяются исключительно в четко определенных обстоятельствах, когда угроза системной стабильности требует временного перераспределения правовых акцентов в пользу государства.

Их основное назначение – не подавление свобод, а стабилизация функционирования общества и укрепление государственности в экстремальных условиях.

Таким образом, ограничительные меры, реализуемые государством, являются реакцией на объективные вызовы, угрожающие ключевым ценностям. Они носят исключительно временный и соразмерный характер, направленный на защиту граждан и конституционного порядка, после чего правовой режим должен быть возвращен к нормальному состоянию.

Список литературы:

1. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2025 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102144205 (дата обращения: 07.12.2025).

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных законами №6-ФКЗ от 30.12.2008, №7-ФКЗ от 30.12.2008, №2-ФКЗ от 5.02.2014, №11-ФКЗ от 21.07.2014, №1-ФКЗ от 14.03.2020, одобренными в ходе всероссийского голосования 01.07.2020, с учетом включения новых субъектов РФ, внесенных федеральными конституционными законами №5-ФКЗ от 04.10.2022, №6-ФКЗ от 04.10.2022, №7-ФКЗ от 04.10.2022, №8-ФКЗ от 04.10.2022). – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2025 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (дата обращения: 07.12.2025).

3. О чрезвычайном положении: Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) [принят Государственной Думой 26.04.2001, одобрен Советом Федерации 16.05.2001]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2025 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102071299 (дата обращения: 07.12.2025).

4. О военном положении: Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 13.12.2024) [принят Государственной Думой 27.12.2001, одобрен Советом Федерации 16.01.2002]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2025 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074700 (дата обращения: 07.12.2025).

References:

1. International Covenant on Civil and Political Rights (Adopted on 16.12.1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary session of the UN General Assembly). – Text: electronic // The State system of legal information: The official Internet portal of legal information. 2005-2025 – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102144205 (date of request: 07.12.2025).

2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, subject to amendments introduced by Laws No. 6-FKZ of 12/30/2008, No. 7-FKZ of 12/30/2008, No. 2-FKZ of 02/5/2014, No. 11-FKZ of 07/21/2014, No. 1-FKZ of 03/14/2020, approved during the All-Russian vote on 07/01/2020, with taking into account the inclusion of new subjects of the Russian Federation introduced by federal constitutional laws No. 5-FKZ dated 04.10.2022, No. 6-FKZ dated 04.10.2022, No. 7-FKZ dated 04.10.2022, No. 8-FKZ dated 04.10.2022). – Text: electronic // The State system of legal information: The official Internet portal of legal information. 2005-2025 – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (date of application: 07.12.2025).

3. On the state of emergency: Federal Constitutional Law No. 3-FKZ dated 30.05.2001 (as amended on 02.11.2023) [adopted by the State Duma on 26.04.2001, approved by the Federation Council on 16.05.2001]. – Text: electronic // The State system of legal information: The official Internet portal of legal information. 2005-2025 – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102071299 (date of request: 07.12.2025).

4. On martial law: Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of 30.01.2002 (as amended on 13.12.2024) [adopted by the State Duma on 27.12.2001, approved by the Federation Council on 16.01.2002]. – Text: electronic // The State system of legal information: The official Internet portal of legal information. 2005-2025 – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074700 (date of request: 07.12.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_675

УДК 342.9

К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ КАДАСТРОВОЙ СТОИМОСТИ В РЕГУЛИРОВАНИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ON THE ISSUE OF APPLYING THE CADASTRAL VALUE IN THE REGULATION OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR VIOLATIONS OF LAND LEGISLATION

РУМЯНЦЕВ Федор Полиектович,
Зав. кафедрой гражданского права и гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»,
603000, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, д. 65.
E-mail: odo-328@mail.ru

ЗВЕРЕВА Юлия Николаевна
Доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»,
603000, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, д. 65.
E-mail: shanina_julia@mail.ru

RUMYANTSEV Fyodor Polyektovich,
Head of the Department of Civil Law and Civil Procedure
Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering,
65 Ilyinskaya St., Nizhny Novgorod, 603000, Russia.
E-mail: odo-328@mail.ru

ZVEREVA Julia Nikolaevna
Associate Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure
Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering,
65 Ilyinskaya St., Nizhny Novgorod, 603000, Russia.
E-mail: shanina_julia@mail.ru

Краткая аннотация: *в статье анализируется применение кадастровой стоимости при назначении административной ответственности за нарушения природоохранного законодательства, установленных нормами главы восьмой КоАП РФ. Предлагается распространить использование кадастровой стоимости в расчетах размеров административных штрафов за административные проступки в сфере земельного и градостроительного законодательства, поскольку данная характеристика позволяет более объективно учесть разнообразие почвенного плодородия земельных участков как объектов административных правонарушений в грандиозных масштабах всей территории Российской Федерации и обеспечить защиту публичных интересов по надлежащей охране земельных ресурсов.*

Abstract: *The article analyzes the application of cadastral value in the appointment of administrative liability for violations of environmental legislation, established by the norms of Chapter Eight of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. It is proposed to extend the use of cadastral value in calculating the amounts of administrative fines for administrative offenses in the field of land and urban planning legislation, as this characteristic allows for a more objective assessment of the diversity of soil fertility of land plots as objects of administrative offenses on a grand scale throughout the entire territory of the Russian Federation and to ensure the protection of public interests in the proper conservation of land resources.*

Ключевые слова: *кадастровая стоимость, административная ответственность, земельные участки, размеров штрафов, административные правонарушения.*

Key words: *cadastral value, administrative liability, land plots, fines, administrative offenses.*

Для цитирования: *Румянцев Ф.П., Зверева Ю.Н. К вопросу применения кадастровой стоимости в регулировании административной ответственности за нарушения земельного законодательства // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 675-677. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_675.*

For citation*: Rumyantsev F.P., Zvereva Yu.N. On the issue of the application of cadastral value in the regulation of administrative liability for violations of land legislation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 675-677. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_675.*

Статья поступила в редакцию: 05.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

В регулировании административной ответственности за нарушение требований при использовании природных ресурсов[1] в процессе осуществления различных видов хозяйственной деятельности отмечается весьма неоднородный подход законодателя в установлении размеров штрафных санкций порой даже в пределах одной статьи кодекса об административных правонарушений Российской Федерации. В частности, в действующей редакции ст.8.8, устанавливающей пределы налагаемых административных санкций за использование земельных участков не по целевому назначению, а также невыполнение обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для дальнейшего использования в соответствии с их принадлежностью к той или иной категории земель в трех из четырех частей указанной статьи КоАП РФ предусматривается применять или кадастровую стоимость таких земельных участков с оговоркой «если последняя установлена» (не вполне понятна необходимость такой оговорки, поскольку таких участков на территории Российской Федерации практически не существует, поскольку система применения кадастровой стоимости земельных участков для целей расчета размера земельного налога и арендной платы применяется уже более 25 лет с принятием

[1] Устюкова В. В. Правовая охрана окружающей среды и рациональное природопользование: реализация идей О. С. Колбасова // Государство и право. 2024. № 3. С.15-27

Постановления Правительства РФ от 25 августа 1999 г. N945 «О государственной кадастровой оценке земель» или как альтернатива кадастровой стоимости величина штрафа может быть назначена в конкретных денежных суммах.

В четвертой части этой же статьи 8.8 КоАП РФ предписывается установление штрафа исключительно в рублевом числовом измерении без оговорки применения кадастровой стоимости земельного участка, хотя правовая природа данного административного проступка объединена единым родовым признаком (*нецелевое использование либо неиспользование земельных участков либо невыполнение или несвоевременное выполнении обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению*. Следует отметить, что с момента принятия 01.09.2014 года общероссийского классификатора видов разрешенного использования земельных участков[1] правоприменительная практика начала формироваться по единым общефедеральным предписаниям и последующие редакции указанного перечня существенно расширили количество утвержденных видов разрешенного использования[2].

До принятия общефедерального классификатора в каждом субъекте Федерации применялся свой региональный перечень видов разрешенного использования, что впоследствии при приведении их к общероссийскому классификатору вызывало судебные споры. Редакция ст.8.8 неоднократно признавалась противоречащей Конституции РФ, поскольку ее содержание отличалось высокой степенью противоречивости, что обусловило необходимость ее толкования на уровне Конституционного Суда РФ. В частности, в отношении ее первой части возникший судебный спор дошел до высшей судебной инстанции. Конституционный Суд РФ, рассмотрев жалобу граждански О.В. Гламоздиновой[3] признал ч.1. ст.8.8 КоАП РФ не противоречащей Конституции Российской Федерации.

По поводу содержания части третьей ст.8.8 КоАП РФ также возник спор, дошедший до его рассмотрения в Конституционном Суде РФ[4]. Поводом данного судебного разбирательства стала, не вполне удачная, на наш взгляд, законодательная формулировка редакции указанной нормы. Разработчик указанного предписания необоснованно, по нашему мнению, указал на допустимость привлечения к административной ответственности владельца земельного участка только при условии, что срок неиспользования такого участка, предназначенного либо для ведения на нем сельскохозяйственного производства, либо для целей жилищного строительства установлен специальным федеральным законом.

Каков *иной* срок неиспользования, отличающийся от общего трехлетнего периода, установленного и Земельным кодексом РФ и Федеральным законом от 24июля 2002 года №101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и ст.284 Гражданского кодекса РФ предполагал законодатель? Чем руководствовался разработчик ч.3 ст.8.8. КоАП РФ, формулируя ее редакцию об ином сроке неиспользования земельного участка для возведения индивидуального жилого дома, если общая норма предельного срока неиспользования предоставленных земельных участков составляет три года. Конституционный Суд РФ, рассматривая жалобу о незаконности привлечения к административной ответственности за неиспользование на протяжении семи лет земельного участка, предоставленного гражданину для индивидуального жилищного строительства, следуя букве закона, признал ч.3 ст.8.8. КоАП РФ противоречащей Конституции РФ.

Все нижестоящие судебные инстанции включая Верховный Суд РФ признали привлечение заявителя к административной ответственности правомерным. Считаем, что принятое 6 декабря 2024 года Постановление Конституционного Суда РФ №50-П обеспечит формирование не вполне обоснованной правоприменительной практики, что на практике будет приводить к затягиванию сроков застройки предоставленных земельных участков. Отчасти на решение указанной проблемы о своевременном освоении земельных участков, предоставленных для различных видов пользования в границах населенных пунктов включая в том числе и для целей индивидуального жилищного строительства направлена вступившая с 1 марта 2025 года ст.85.1 Земельного кодека РФ.

Однако Федеральный закон от 8 августа 2024 года №307-ФЗ[5], дополнивший Земельный кодекс РФ нормой о сроках неиспользования статьей нельзя квалифицировать специальным законом, регулирующим полный цикл индивидуального жилищного строительства, начиная от регулирования получения земельных участков до подписания акта приема-передачи построенного дома, в связи с чем категория споров, рассмотренная в Постановлении Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2004 года будет разрешаться в пользу правообладателей земельных участков, получивших их для строительства индивидуальных жилых домов, но не приступивших к строительству в течении срока, превышающего три года и при этом применить административную ответственность будет незаконным по причине отсутствия специального федерального закона об индивидуальном жилищном строительстве.

Что касается положений вступившего в силу с 1 марта 2025 года Федерального закона от 22 июля 2024 года №186-ФЗ «О строительстве жилых домов по договорам строительного подряда с использованием счетов эскроу»[6], то в нем отсутствуют нормы об иных предельно допустимых сроках неиспользования земельных участков по целевому назначению, превышающих общий трехлетний период в целях малоэтажной застройки. Таким образом, можно сделать вывод, что поскольку специальный Федеральный закон (№186-ФЗ) принят и вступил в силу, то в практическом применении ч.3 ст.8.8 КоАП РФ следует руководствоваться общей нормой земельного законодательства о трехлетнем сроке неиспользования

[1] Приказ Министерства экономического развития и торговли РФ от 01.09.2014г. «Об утверждении перечня видов разрешенного использования земельных участков»// СПС КонсультантПлюс
[2] Липски, С. А. Российская модель массовой приватизации сельхозугодий: замысел, реализация, результаты / С. А. Липски. – Москва : "Русайнс", 2025. – 252 с.
[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2019 N 35-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 42 Земельного кодекса Российской Федерации и части 1 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки О.В. Гламоздиновой»//СПС КонсультантПлюс
[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 6 ноября 2024 г.№50-П «По делу о проверке конституционности. Части 3 статьи 8.8 кодекса Российской Федерации»// СПС КонсультантПлюс
[5] Федеральный закон от 8 августа 2024 г. N 307-ФЗ "О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и статью 23 Федерального закона "О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской федерации» // СПС КонсультантПлюс
[6] Федеральный закон от 22 июля 2024 года №186-ФЗ «О строительстве жилых домов по договорам строительного подряда с использованием счетов эскроу»//СПС КонсультантПлюс

земельных участков как надлежащем правовом основании наложения административного штрафа.

Возвращаясь к заявленной теме об избирательном подходе законодателя применения в смежных видах административных проступков только кадастровой стоимости или альтернативного варианта либо кадастровой стоимости земельных участков с оговоркой если она определена, либо только рублевой величины административного штрафа за нарушение требований, установленных КоАП РФ следует указать об избирательном подходе законодателе в таких видах правонарушений как «Несоблюдение экологических требований при осуществлении градостроительной деятельности и эксплуатации предприятий, сооружений или иных объектов» (ст.8.1 КоАП РФ).

Сложно согласиться в правильности такого подхода, поскольку в условиях столь существенных географических и почвенно-климатических отличий, обусловленных масштабностью территорий Российской Федерации искусственное выравнивание экологических (а следовательно и имущественных) последствий от нарушения указанных предписаний не обеспечивает объективного стимулирующего воздействия со стороны государства на деятельность субъектов градостроительной деятельности в процессе строительства и эксплуатации производственных объектов[1].

Подобное замечание можно высказать законодателю и в отношении административной санкции за порчу земли, предусмотренной ст.8.6 КоАП РФ. За указанный административный проступок предусмотренная санкция выражается исключительно в рублях, что является, по нашему мнению, ошибочным, поскольку по данному правонарушению особенно наглядно прослеживаются контрастные отличия различных типов почвенного плодородия, что выражается в достаточно заметных различиях в размерах убытков при назначении штрафных санкций за однородное противоправное деяние, совершенное виновными лицами, например на черноземах, обладающих самым высоким уровнем природного плодородия (бонитетом) и низко-плодородных (например дерново-подзолистых) почвах.

В данной статье более целесообразным следует признать применение в установлении размера административного штрафа не рублевые значения а кадастровую стоимость почв, подверженных различных видам деградации. Также следует высказаться и о не вполне удачной, по нашему мнению, редакции ст.8.7 КоАП РФ, предусматривающей применение административных санкций за невыполнение обязанностей по рекультивации земель и проведению комплекса обязательных мероприятий, направленных на улучшение состояния используемых земель и охрану почв.

В указанной статье законодатель объединяет состав административного проступка по применению твердых коммунальных отходов в целях проведения рекультивации земель и карьеров. Состав данного административного проступка надлежит, по нашему мнению, разграничить, поскольку не используются твердые коммунальные отходы в целях рекультивации земель, т.к. это деяние приведет лишь к механическому засорению *«рекультивируемых»* земель.

Подобного рода действия производят исключительно для заполнения пустот на разработанных карьерах. Считаем, что по данной статье также целесообразнее применить не рублевые значения предписанных размеров административных штрафов, а значения кадастровой стоимости рекультивируемых земель.

Основываясь на вышеизложенное, предлагаем в целях более эффективного достижения публичных интересов в сфере применения административной ответственности за нарушение предписаний земельного, градостроительного, экологического законодательства использовать для расчета размеров административных штрафов вместо денежных сумм кадастровую стоимость земельных участков. В этом случае, во-первых, не потребуется так часто разрабатывать законопроекты для внесения изменений в КоАП РФ в целях пересмотра значений установленных денежных сумм административных штрафов и во-вторых, будет более эффективно обеспечиваться учет столь существенных отличительных особенностей почвенного многообразия земельного фонда Российской Федерации.

Список литературы:

1. Устюкова В. В. Правовая охрана окружающей среды и рациональное природопользование: реализация идей О. С. Колбасова // Государство и право. 2024. № 3. С.15-27
2. Липски, С. А. Российская модель массовой приватизации сельхозугодий: замысел, реализация, результаты / С. А. Липски. – Москва : "Русайнс", 2025. – 252 с.
3. Румянцев Ф.П. "Теоретико-практические проблемы определения понятия "нерациональное использование земель" // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 66-68.

References:

1. Ustyukova V. V. Legal protection of the environment and rational use of natural resources: realization of O. S. Kolbasov's ideas // State and law. 2024. No. 3. pp.15-27
2. Lipsky, S. A. The Russian model of mass privatization of farmland: concept, implementation, results / S. A. Lipsky. Moscow : <url>, 2025, 252 p.
3. Rumyantsev F.P. "Theoretical and practical problems of defining the concept of "irrational land use" // Law and the state: theory and practice. 2023. No. 7 (223). pp. 66-68.

[1] Румянцев Ф.П. "Теоретико-практические проблемы определения понятия "нерациональное использование земель" // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 66-68.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_678

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ СВО И ИНВАЛИДОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

STATE POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF SOCIAL PROTECTION OF PARTICIPANTS IN THE SPECIAL MILITARY OPERATION AND DISABLED COMBATANTS

ШАКЕРОВ Рустам Равилевич,
старший преподаватель кафедры частного и публичного права
ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий».
107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская,49.
e-mail: shakerov@rgust.ru

SHAKEROV Rustam Ravilevich,
Senior Lecturer at the Department of Private and Public Law Russian State University of Social Technologies.
107150, Moscow, Losinoostrovskaya str., 49.
e-mail: shakerov@rgust.ru

Краткая аннотация. *В статье исследуются современные направления государственной политики Российской Федерации в сфере социальной защиты участников специальной военной операции и инвалидов боевых действий. На основе анализа нормативно-правовой базы, официальных стратегических документов и научных источников выявлены ключевые механизмы материальной, медицинской, жилищной и социальной поддержки рассматриваемой категории граждан. Обозначена проблема институциональной разобщенности ведомств, ответственных за предоставление социальных гарантий, что приводит к снижению доступности мер поддержки и возникновению административных барьеров. Научная новизна исследования заключается в комплексной оценке действующей системы социальной защиты с позиции ее межведомственной координации и предложении создания единого федерального органа, ответственного за сопровождение участников СВО и инвалидов боевых действий по принципу «одного окна». Результаты исследования могут быть использованы при разработке государственных программ социальной поддержки военнослужащих, совершенствовании механизмов межведомственного взаимодействия и модернизации нормативно-правовой базы в сфере социальной политики.*

Abstract. *The article examines the current trends in the state policy of the Russian Federation in the field of social protection of participants in a special military operation and disabled combat veterans. Based on the analysis of the regulatory framework, official strategic documents and scientific sources, the key mechanisms of material, medical, housing and social support for the category of citizens under consideration are identified. The problem of institutional disunity of departments responsible for the provision of social guarantees is indicated, which leads to a decrease in the availability of support measures and the emergence of administrative barriers. The scientific novelty of the study lies in the comprehensive assessment of the current system of social protection from the standpoint of its interdepartmental coordination and the proposal to create a single federal body responsible for supporting participants in the special military operation and disabled combatants on the principle of "one window". The results of the study can be used in the development of state programs of social support for military personnel, improving the mechanisms of interdepartmental cooperation and modernizing the regulatory framework in the field of social policy.*

Ключевые слова: *социальная защита; участники СВО; инвалиды боевых действий; государственная политика; социальные гарантии; межведомственная координация.*

Keywords: *social protection; participants in the special military operation; disabled combatants; public policy; social guarantees; Inter-agency coordination.*

Для цитирования: *Шакеров Р.Р. Государственная политика Российской Федерации в сфере социальной защиты участников СВО и инвалидов боевых действий // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 678-680. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_678.*

For citation*: Shakerov R.R. The State policy of the Russian Federation in the field of social protection of participants in military operations and the disabled // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 678-680. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_678.*

Статья поступила в редакцию: 29.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Социальная защита участников специальной военной операции (далее – СВО) и инвалидов боевых действий занимает одно из ключевых мест в системе современной государственной политики Российской Федерации. Масштабные политические, экономические и социальные процессы последнего десятилетия существенно усилили значимость мер поддержки граждан, которые в силу выполнения воинского долга испытали на себе повышенные нагрузки, риски для жизни и здоровья, а также понесли потерю трудоспособности. Уровень развития механизмов социальной защиты этой категории населения напрямую связан с устойчивостью государственной системы, состоянием экономики и приоритетами национальной безопасности.

Сущность социальной защиты участников СВО и инвалидов боевых действий проявляется в предоставлении им комплекса материальных, медицинских, социальных и реабилитационных мер, финансируемых за счет федерального бюджета, государственных внебюджетных фондов и специальных программ. Главная цель государственной политики в данной сфере заключается в обеспечении достойного уровня жизни, компенсации вреда, связанного с выполнением военных обязанностей, а также в создании условий для полноценной интеграции данных граждан в социальную среду. Механизм социальной защиты выполняет не только гуманитарную, но и стратегическую функцию, отражая реальную готовность государства выполнять свои обязательства перед теми, кто обеспечивал его безопасность [2, с. 15].

В научной литературе социальная поддержка участников СВО и инвалидов боевых действий, рассматривается как особая форма перераспределения общественных благ, не связанная с трудовым эквивалентом, а ориентированная на удовлетворение жизненно важных потребностей граждан, потерявших здоровье, работоспособность или находящихся в трудной жизненной ситуации [3, с. 39]. Такой подход позволяет отнести систему социальной защиты участников СВО и инвалидов боевых действий к числу стратегических институтов государства, основанных на принципах справедливости, солидарности и признания особых заслуг перед обществом.

Комплексность данной политики проявляется в наличии четко установленных мер поддержки: денежных выплат, социальных гарантий, расширенных медицинских и реабилитационных услуг, льгот в сфере образования, занятости, обеспечения жильем, а также мер, направленных на поддержку членов семей военнослужащих. Эти инструменты направлены не только на материальную помощь, но и на восстановление физического и психологического здоровья, адаптацию к мирной жизни, повышение социальной устойчивости и укрепление доверия граждан к государству.

Особое значение такой системы подчеркивается в стратегических документах Российской Федерации, где отмечается, что обеспечение социальной стабильности, укрепление обороноспособности и поддержка граждан, участвующих в защите страны, являются важными факторами национальной

безопасности. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации указано, что «последовательно проводимый Российской Федерацией курс на укрепление обороноспособности, внутреннего единства и политической стабильности, на модернизацию экономики и развитие промышленного потенциала обеспечил укрепление суверенной государственности России как страны, способной проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, эффективно противостоять попыткам внешнего давления» [1]. Социальная политика в отношении участников СВО и инвалидов боевых действий отражает приоритеты государства, демонстрируя его стремление не только требовать выполнения служебного долга, но и обеспечивать высокий уровень заботы о тех, кто понес потери и жертвы ради защиты интересов России. В этом смысле эффективность системы социальной защиты участников СВО выступает индикатором зрелости государственной власти и ее способности реализовывать принципы социального государства.

На сегодняшний день в Российской Федерации сформирован целостный и системно выверенный механизм социальной защиты участников специальной военной операции и инвалидов боевых действий. Он представляет собой многоуровневую конструкцию правовых, организационных и финансовых инструментов, основанную на комплексе ключевых нормативно-правовых актов (Рисунок 1).

Рисунок 1 - Основные нормативно-правовые акты по вопросам защиты участников СВО и инвалидов боевых действий

Социальное обеспечение участников СВО и инвалидов боевых действий и членов их семей представляет собой разветвленную систему мер, направленных на поддержание достойного уровня их жизни, укрепление социальной стабильности и обеспечение гарантированной защиты при прохождении службы и после ее завершения. Основным элементом финансового обеспечения является денежное довольствие, которое включает должностной оклад, оклад по воинскому званию, а также предусмотренные законодательством ежемесячные и дополнительные выплаты. Существенным элементом стимулирования является надбавка за выслугу лет, размер которой прогрессивно возрастает в зависимости от продолжительности военной службы: от 10 % при стаже от двух до пяти лет до 40 % при общей выслуге свыше двадцати пяти лет. Дополнительно предусмотрены выплаты за наличие классной квалификации — от 5 % до 30 % должностного оклада, а также надбавки за службу в особых условиях и выполнение задач, сопряжённых с повышенным риском для жизни и здоровья. Рассматриваемая категория лиц имеет право на ежегодную материальную помощь и премирование за добросовестное исполнение служебных обязанностей, порядок и размеры которых определяются нормативными актами Министерства обороны Российской Федерации. При увольнении по контракту выплачиваются единовременные пособия: два оклада денежного содержания при выслуге менее двадцати лет и семь окладов — при наличии двадцатилетней и более службы.

Особый порядок компенсаций действует при причинении вреда здоровью: при тяжёлом ранении или увечье участникам СВО и инвалидам боевых действий предоставляется выплата в размере 3 млн рублей, при лёгком ранении - 1 млн рублей, при иных повреждениях - 100 тыс.

рублей. В случае установления инвалидности назначаются ежемесячные денежные компенсации: 24 076 руб. для инвалидов I группы, 12 038 руб. - II группы и 4 815 руб. - III группы. Членам семей участников СВО и инвалидам боевых действий гарантируются меры социальной поддержки, включая пенсии по случаю потери кормильца (в размере 50 % или 40 % на каждого нетрудоспособного члена семьи), единовременные выплаты, компенсации расходов на жилищно-коммунальные услуги, обеспечение жильём, медицинское обслуживание, санаторно-курортное лечение с оплатой половины стоимости путёвки и право на бесплатный проезд к месту лечения и обратно один раз в год.

Не менее значимой составляющей государственной политики выступает система медицинского обеспечения рассматриваемой категории лиц. Она основывается на деятельности специализированных медицинских учреждений, созданных для предоставления квалифицированной помощи с учетом специфики военной службы, ее повышенных физических и психологических нагрузок. Государственные программы гарантируют не только доступ к диагностике, лечению и реабилитации, но и компенсацию расходов на медикаменты, что существенно снижает угрозу ухудшения здоровья и способствует снижению общих социальных рисков. Важным элементом комплексной социальной защиты выступает жилищное обеспечение. Реализуемые государством меры включают предоставление жилья по социальным нормам, участие в накопительно-ипотечной системе, предоставление субсидий на аренду, а также льготы для семей военнослужащих. Эти механизмы направлены на создание стабильных бытовых условий, повышение мотивации к прохождению службы и формирование прочного морально-психологического потенциала в армии.

Значимую роль играет также система обязательного государственного страхования, направленная на компенсацию последствий травм, инвалидности и утраты трудоспособности, связанных с выполнением воинского долга. Данный механизм обеспечивает финансовую защиту в критических ситуациях. Помимо этого, государственная политика предусматривает обширный комплекс мер по профессиональному развитию и социальной реабилитации, включая программы обучения, переподготовки и содействия трудоустройству, что способствует успешной интеграции военнослужащих в гражданскую жизнь после завершения службы. Особое внимание уделяется восстановлению лиц, столкнувшихся с тяжелыми физическими или психологическими последствиями службы, что позволяет сформировать всесторонний и эффективный подход к их дальнейшей социальной адаптации.

Вместе с тем реальная результативность действующих социальных мер во многом определяется степенью согласованности действий различных государственных институтов, вовлеченных в обеспечение прав и гарантий участников СВО и инвалидов боевых действий. На практике значительная часть вопросов социальной поддержки, оказывается распределенной между несколькими ведомствами - Министерством обороны, Министерством труда и социальной защиты, Министерством здравоохранения, Фондом пенсионного и социального страхования, органами субъектов Федерации и муниципальными структурами. Такое пересечение компетенций нередко приводит к фрагментации функций, отсутствию единых стандартов взаимодействия и дублированию отдельных процедур. Подобная институциональная разобщенность порождает типичные административные барьеры: затягивание сроков рассмотрения заявлений, сложности в межведомственном обмене информацией, неодинаковое толкование нормативных требований на местах, а также недостаточную информированность граждан о порядке реализации положенных им социальных гарантий. В результате часть мер, формально предусмотренных законодательством, фактически становится труднодоступной, особенно в ситуациях, требующих оперативного решения - например, при оформлении выплат в связи с ранением, получением статуса инвалида боевых действий или предоставлением жилья. В этой связи особую актуальность приобретает идея институционального упорядочивания управления системой социальной поддержки и создания единого специализированного органа (или ведомственного центра), который был бы наделен полномочиями по комплексному сопровождению военнослужащих, ветеранов и членов их семей. Функционирование такого органа по принципу «одного окна» позволило бы существенно снизить административную нагрузку на граждан, оптимизировать сроки предоставления услуг и устранить разночтения, возникающие из-за многоуровневой бюрократической структуры. Организационная централизация обеспечила бы не только унификацию процедур и стандартов работы, но и повысила бы уровень управляемости всей системы социальной защиты. Кроме того, наличие единого координатора обеспечило бы постоянный мониторинг качества государственных услуг, формирование оперативной обратной связи от ветеранов и выработку единых управленческих решений, основанных на принципах прозрачности, ответственности и адресности.

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что государственная политика Российской Федерации в сфере социальной защиты участников СВО и инвалидов боевых действий представляет собой многоуровневую, нормативно закрепленную систему, направленную на обеспечение комплексной поддержки граждан, понесших утраты и риски при выполнении воинского долга. Эффективность действующих мер подтверждается широким спектром предоставляемых гарантий - от денежного довольствия и медицинской помощи до реабилитации, профессионального сопровождения и жилищного обеспечения. Вместе с тем выявленные проблемы межведомственной раздробленности и административной несогласованности ограничивают полноту реализации социальных прав данной категории граждан. В этой связи ключевым направлением совершенствования государственной политики должно стать институциональное объединение функций различных ведомств и создание единого уполномоченного органа, обеспечивающего предоставление всех видов социальной поддержки по принципу «одного окна». Реализация данной меры позволит повысить адресность, прозрачность и оперативность социальной защиты, укрепив доверие общества к государственным институтам и обеспечив дальнейшее развитие социальной политики в контексте современных вызовов.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
2. Аверин А.Н., Понеделков А.В., Игошева М.А. Социальная защита военнослужащих – функция государства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. №9. С.15-21.
3. Обиднев Е.И. Социальные гарантии военнослужащих по контракту и их семей // Научный журнал. 2022. №3 (65). С.39-42.
4. Тимофеева А.В. Социально-экономические аспекты современного пенсионного обеспечения военнослужащих Российской Федерации // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2024. №4. С.410-414.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (Part II). 5351.
2. Averin A.N., Ponedelkov A.V., Igosheva M.A. Social protection of military personnel as a function of the state // Humanities, socio-economic and social sciences. 2023. No. 9. p.15-21.
3. Obidnev E.I. Social guarantees of military personnel under contract and their families // Scientific Journal. 2022. No. 3 (65). pp.39-42.
4. Timofeeva A.V. Socio-economic aspects of modern pension provision for military personnel of the Russian Federation // Izv. Sarath. University of Nov. ser. Ser. Sociology. Political science. 2024. No. 4. pp.410-414.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_681
УДК 811.161.1'42

СОЦИАЛЬНЫЙ АРХИТЕКТОР – ПРОФЕССИЯ БУДУЩЕГО
SOCIAL ARCHITECT IS THE PROFESSION OF THE FUTURE

САПОЖНИКОВА Маргарита Александровна
ассистент кафедры правоведения Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета.
190005, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. 3-я Красноармейская, 3/6.
e-mail: m.sapozhnikova26@gmail.com
SAPOZHNIKOVA Margarita A.
Assistant Professor of Law St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering.
3/6 3rd Krasnoarmeyskaya str., Saint Petersburg, 190005, Russia.
e-mail: m.sapozhnikova26@gmail.com

Краткая аннотация: *автор размышляет о социальной архитектуре, как современном вызове времени. Термин «социальный архитектор» является неологизмом в социально-политическом дискурсе и требует не только экспертного, но и научного осмысления.*
Abstract: *The author reflects on social architecture as a modern challenge of the time. The term "social architect" is a neologism in socio-political discourse and requires not only expert but also scientific understanding.*

Ключевые слова*: социальный архитектор, социальная архитектура, качество жизни, социальный проект, суверенитет, патриотизм.*
Keywords: *social architect, social architecture, quality of life, social project, sovereignty, patriotism.*

Для цитирования: *Сапожникова М.А. Социальный архитектор – профессия будущего // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 681-686. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_681.*
For citation*: Sapozhnikova M.A. Social architect is the profession of the future // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 681-686. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_681.*

Статья поступила в редакцию: 02.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Сегодня социальный архитектор – социоцентричная профессия. Он должен не только генерировать национально ориентированные смыслы, но и уметь правильно их «упаковать» для общества, создавать конкурентоспособные предложения. Самое главное в этой профессии – настрой на созидание: только с ним можно построить конструктивное будущее.

Социальный архитектор – это человек, чья модель компетенций позволяет реализовывать эти идеи.

Социальный архитектор – это специалист, который использует все новейшие технологии, которые в настоящий момент уже опробованы в других гуманитарных сферах: и в политическом консалтинге, и в медиакоммуникациях, и в аспектах проектного управления. Все это создает общий интегральный подход, собирающий воедино и позволяющий идти навстречу запросам населения. Ключевым предметом деятельности социальных архитекторов является общественное благо. Это цель проектов и экспертного сообщества, и бизнеса, и государственной власти – создание необходимой коммуникации между обществом, властью и корпоративным сектором. Социальный архитектор не может работать сам по себе. Ключевая задача – это вовлечение жителей в процесс формирования социальной среды, того будущего, на которое мы все ориентированы.

Социальная архитектура является одним из ключевых инструментов достижения желаемого образа будущего России. Кто такие социальные архитекторы? Это:

профессионалы, превращающие запросы людей на улучшение жизни в конкретные проекты – от благоустройства дворов до федеральных программ;

строители диалога, которые помогают выстраивать доверие между обществом и властью, переводя государственные смыслы в реальные дела, а обратную связь граждан – в управленческие решения;

специалисты, дающие ответ на запрос времени. Сегодня люди ценят не обещания, а осязаемый результат «здесь и сейчас».

Социальный архитектор сейчас – самая интересная профессия для тех, кто хочет работать со смыслами. Поле для деятельности огромное, и на федеральном, и на региональном уровне. Сейчас профессия выходит в реальную управленческую практику, и уже идет анализ заявок на привлечение социальных архитекторов к реальным проектам.

На уровне государства и общества существует реальный запрос на специалистов, умеющих работать в рамках сформулированных идеологических установок, формулируются конкретные заказы от заинтересованных лиц и структур. Главная задача социальных архитекторов – обеспечить единство в обществе по базовым ценностным вопросам. Если речь о выборах – сделать так, чтобы люди выбирали между конструктивными программами развития, а не тем, кто на кого больше грязи вылил. Если о бизнесе – чтобы деньги зарабатывались не на чужом горе и несчастье. В идеале – чтобы кроме прибыли и продукта создавались и другие ценности.

Коммуникации для социального архитектора – не средство продвижения, а путь к решению сложных общественных вопросов. Важнейший критерий в социоархитектурных проектах – построение устойчивых сообществ. Профессия социального архитектора способна привнести качественно иной уровень коммуникаций между обществом, государством и различными социальными группами.

Профессия социального архитектора связана, прежде всего, с желанием приносить реальные перемены и качественное улучшение жизни общества. Для этих специалистов взаимодействие с людьми – не средство продвижения, а путь к решению сложных общественных вопросов и формированию атмосферы доверия на уровне страны. Именно через открытые коммуникации, коллективное участие в создании проектов и активное привлечение граждан к обсуждению решений закладываются основы доверия. Такой подход формирует современную управленческую модель, главными критериями эффективности которой становятся степень вовлеченности общества и измеряемые результаты.

Социальный архитектор – это профессия нового поколения, требующая не только глубокого понимания общественных процессов, но и умения создавать новые возможности для развития. Такие специалисты становятся мостом между обществом и властью, укрепляя доверие и

формируя благоприятную среду для реализации социальных инициатив.

Социальная архитектура – это ответ России на вызовы времени, комплексный подход к построению новой социальной реальности, главной задачей которой является повышение качества жизни через реализацию социальных проектов.

Социальная архитектура – это проектирование общества, чтобы оно работало лучше. Представьте, что не просто строится дом, а планируется, как люди будут в нем жить, общаться и взаимодействовать.

Социальная архитектура – это про то, что мы хотим построить. Российское общество вышло на новый этап своего развития. У людей меняется самоощущение. Изменилось и понимание роли России в мире. Совершенно по-другому сейчас зазвучали слова «суверенитет»[1] и «патриотизм»[2]. Социальная архитектура должна работать на микро-, мезо- и макроуровнях – от конкретного человека и семьи до сообществ, организаций и целых регионов». Социальная архитектура включает, как минимум, два важных «слоя» или «этажа». Обычно обсуждают только один из них – социальное проектирование. Однако, прежде чем говорить о проектировании, необходимо пройти этап изучения, аналитики, прогнозирования и моделирования. Социальная архитектура включает в себя создание символов и смыслов. Без этого человеческое общество не может не только развиваться, но и существовать – оно распадается и теряет связность. Здесь также важны социальные нововведения, изменение и корректировка ценностей и привычек поведения, а также конструирование устойчивых социальных процессов и институтов.

Не стоит забывать о теоретическом уровне. Социальные архитекторы – это деятельные и продуктивные люди, но необходимо также иметь тех, кто займется теоретическим обобщением эмпирических находок и решений. Ключевыми аспектами являются комплексность и междисциплинарность. Вопрос, который возникает при изучении социальной архитектуры, касается ее академического происхождения: откуда приходят социальные архитекторы? Это могут быть политологи, социологи, философы, дизайнеры, культурологи и даже экономисты.

Главное в социальной архитектуре – это ее положение на стыке различных дисциплин. Пределы развития этих дисциплин очевидны, но самое интересное происходит именно на их пересечении. Здесь уместно вести речь про междисциплинарность, интегрированность и комплексность.

Миссия социальной архитектуры заключается в содействии развитию и распространению в России технологий, культуры и практик социального прогнозирования и проектирования. Это можно осуществить через объединение существующих разработок, экспертизу и кооперацию организаций и специалистов.

Цель – запуск процесса формирования картины будущего и поиска путей ее корректировки через реализацию конкретных социальных проектов. Ближайшая задача – отбор, разработка и апробация социальных технологий разного уровня.

Социальная архитектура способствует укреплению местной идентичности и культурного наследия регионов, закономерно находится в фокусе внимания экспертного сообщества. В России формируется собственный подход к конструированию всех социальных процессов, воплощению образа будущего, который отвечал бы на запросы максимально широкого круга граждан.

Сегодняшний запрос общества состоит в том, что обществу нужны конкретные социальные технологии, помогающие строить модели устойчивых социальных объектов, прогнозировать их поведение и состояние, проектировать социальные нововведения и эффективно реализовывать их на практике.

Главная цель социального архитектора – достижение общественного блага. Социальный архитектор – это специалист, который в своей работе использует новейшие технологии, успешно применяемые во всех гуманитарных сферах: в политическом консалтинге, в медиакоммуникациях, в проектном управлении. Все это создает общий интегральный подход, собирающий все компоненты профессий воедино и позволяющий идти навстречу запросам населения, успешно отвечать на них. Социальный архитектор – визионер-практик, мультиинструменталист, который задает вектор развития и думает о результатах, что лежат за границей человеческого восприятия будущего – в перспективе 10-15 лет. Он раскладывает действия от обратного: от образа будущего к существующему дню. В этом и есть социальная архитектура в практическом смысле. Продвижение проектов социальной архитектуры в новых медиа – ключевой аспект их успешной реализации. Социальные сети, блоги и видеоплатформы предоставляют уникальные возможности для распространения информации и вовлечения в социальную архитектуру широкой аудитории.

Сегодня понятие социальной архитектуры являет собой системный подход к проектированию общественных изменений через вовлечение граждан в решение локальных проблем, координацию усилий власти, бизнеса и НКО и создание устойчивых механизмов межсекторного взаимодействия, в отличие от разовых акций, как это было еще недавно. В отличие от традиционных социальных проектов, где целью является решение конкретной проблемы, социальная архитектура направлена на изменение среды в долгосрочной перспективе[3]. Власть здесь отходит от роли донора и контролера, выступая равноправным партнером. Соответствующие примеры уже есть в мировом опыте. Так, в Скандинавии социальная архитектура выступает основой муниципального управления, например, соучаствующее благоустройство в Копенгагене. В США широкое распространение получили технологические платформы проектов совместного бюджетирования. Кстати, практики инициативного бюджетирования все больше распространяются и в России.

Развитие социальной архитектуры в России сейчас проходит период становления, начавшийся в 2020 году. Он характеризуется рядом изменений, среди которых:

Отказ от имитации. Если раньше общественные слушания проводили формально, что называется, «для галочки», то сейчас у социальной архитектуры есть реальные инструменты влияния, такие как ТОСы, крауд-платформы.

---

[1] Шеншин В.М. Об обеспечении Росгвардией внутреннего суверенитета Российской Федерации / В.М. Шеншин // Современное общество и право. 2023. № 1(62). С. 14-19. – EDN GTDFAK; Грешных А.А. О некоторых тенденциях развития российского права, направленных на защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации / А.А. Грешных, Н.И. Уткин, В.М. Шеншин // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 5. С. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.

[2] Шеншин, В. М. Патриотизм как фактор формирования государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности, роль Росгвардии в указанном процессе / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 11(340). – С. 39-46. – EDN LUTVWG.

[3] Попков, Д. В. Проблемы регулирования автомобильного транспорта и наземного городского электрического транспортав Федеральном законе от 08.11.2007 № 259-ФЗ / Д. В. Попков, В. М. Шеншин, И. Д. Бешенцев // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 11(239). – С. 75-78. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_75. – EDN CCYGES.

Запрос на конкретные результаты. Жители устали от просто разговоров, им нужны конкретные метрики эффективности – сколько благоустроено дворов, сколько создано рабочих мест.

Региональная ассиметрия. В столицах и мегаполисах преобладают цифровые платформы и грантовое финансирование проектов, в малых городах идет опора на местные сообщества[1], ТОСы и локальных лидеров (общественных активистов).

Приоритетными направлениями развития социальной архитектуры в 2025-2030 гг. могут стать цифровизация «с человеческим лицом» – внедрение AI-аналитики для обработки запросов граждан наряду с сохранением оффлайн-форматов[2], фокус на молодежь – программы социальных лифтов[3], стажировки в муниципалитетах для студентов, наконец, развитие профессионального нетворкинга – формирование ассоциации социальных архитекторов для обмена опытом.

Среди прочего необходимо иметь ввиду и риски, так можно предположить бюрократизацию, зарегулированнность, стремление государства играть ведущую и контролирующую роль в пространстве социальной архитектуры. Также возможен перекос в сторону модных и трендовых тем, в ущерб другим, не менее важным.

Чтобы сфера социальной архитектуры развивалась максимально эффективно, следует предпринять следующее:

Тренд на поддержку и развития института социальных архитекторов в политическом поле, на уровне всех парламентских партий. Переход от прикладных политических технологий, включающихся от выборов до выборов на системное проектирование и внедрение общественных изменений.

Создавать региональные школы социальных архитекторов, направленные на формирование и повышение компетенций в социальном проектировании и управлении проектами.

Формировать межрегиональное профессиональное сообщество социальных архитекторов, создавать среду для обмена опытом и устойчивого профессионального роста, и развития.

Развивать межсекторное взаимодействие власти, бизнеса и общественности на равноправных условиях.

Итак, сегодня в России формируется уникальная модель социальной архитектуры, более централизованная, чем на Западе, но более гибкая, чем в СССР. Ключевой фактор успеха, доверие со стороны общества. Без него даже лучшие методики не сработают.

Социальная архитектура – это мультинаука, это мультидисциплина. И нельзя обучить одному, и появится социальный архитектор. Человек будущего, чтобы стать специалистом, должен пять высших образований получить. Социальная архитектура, как мультидисциплина, на стыке управления, экономики и психологии. Вот если мы хотим получить нормального социального архитектора, минимум три грани у него должны быть. Плюс к этому, наверное, строительство, потому что, говоря о каких-то проектах социальной архитектуры, там есть строительство.

А. Харичев, начальник Управления Президента Российской Федерации по вопросам мониторинга и анализа социальных процессов делит социальную архитектуру на два больших кластера:

«первый кластер – это про будущее. Про то, что мы строим новые модели будущего, образ будущего на анализе моделирования. И это как раз про конструирование образа будущего.

второй – это про настоящее, социальное проектирование. Это про то, что возникают социальные проекты, их множество. Они направлены в две точки: первая точка – это работа с общественным сознанием, которая касается актуализации ценностей или формирования в общественном сознании определенных социальных установок. В условиях информационно-психологической войны это становится для страны настолько важным, что начинают граничить с гарантиями политического суверенитета страны. Вторая точка – это та насущная социальная проблематика, которая сегодня есть, это множество различных расколов и проблем, которые есть в нашем обществе, и на которых, конечно, спекулируют наши враги».

Социальная архитектура призвана стать трендом территориального развития. А. Харичев считает, что современный политический ландшафт России демонстрирует четкий тренд - на смену политическим предвыборным технологиям приходят социальные - это долгосрочные проекты, напрямую влияющие на качество жизни людей. В ответ на этот запрос формируется новый подход - социальная архитектура, которую можно рассматривать как целенаправленную деятельность по проектированию, организации общественно значимых изменений для развития социальных систем.

Губернатор Магаданской области С. Носов предположил, что самое главное – это планировать наперед. Для этого необходимо знать и понимать людей – важно прямое взаимодействие с людьми на местах. Именно комплексный подход – от благоустройства до развития социальной инфраструктуры – помогает добиться результата.

Заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе Г. Куранов думает о том, что подготовка специалистов в области социальной архитектуры требует принципиально нового подхода к образованию. Необходимо создание новых образовательных программ, интегрирующих управление проектами, социальную психологию, конфликтологию и урбанистику. Особую ценность представляет практико-ориентированный подход, когда студенты учатся на реальных примерах – от организации диалога между застройщиками и местными сообществами до разработки комплексных программ территориального развития. Такие специалисты становятся ключевыми фигурами в реализации масштабных инфраструктурных и социальных проектов в регионах.

Отметим, что с 1 сентября 2025 г. в России стартовало обучение социальных архитекторов. Программы магистратуры открылись на факуль-

[1] Назарова, И. С. Местное самоуправление в системе публичной власти / И. С. Назарова, М. А. Сапожникова // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 5(233). – С. 93-96. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_5_93. – EDN XWMBEK.
[2] Уткин, Н. И. Цифровая трансформация ведомственных вузов: гармонизация нормативной правовой базы информационной безопасности / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин, А. В. Шестаков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 4(65). – С. 91-110. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-2024-4-91-110. – EDN FBMFIM.
[3] Назарова, И. С. Актуальные аспекты правового положения детей-сирот в Российской Федерации / И. С. Назарова, А. С. Павлык, Л. А. Шеншина // Закон и право. – 2023. – № 2. – С. 78-81. – DOI 10.56539/20733313_2023_2_78. – EDN QENLAQ.

тете политологии МГУ им. М.В. Ломоносова и факультете социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. С нового учебного года начали действовать программы дополнительного образования в Российском государственном гуманитарном университете. Сегодня возрастает потребность в социальном прогнозировании и проектировании. Социальная архитектура призвана готовить специалистов нового типа, способных заниматься социальным моделированием и прогнозированием, разрабатывать социальные инициативы, призванные, с одной стороны, актуализировать ценностные ориентации и формировать установки, а с другой, решать конкретные социальные проблемы.

По словам декана факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова А. Шутова, открытие образовательных программ в ведущих вузах становится не просто новым направлением обучения, а шагом к формированию целой профессиональной школы.

Магистратура по социальной архитектуре – это не просто академическая новинка, а важный шаг для всей отечественной политологической школы. Эта профессия открывает для молодежи социальный лифт: выпускники программы станут специалистами нового типа – коммуникаторами между обществом, бизнесом и властью, и создателями социально-значимых проектов. Они будут востребованы в органах власти, НКО, корпорациях, медиа и общественных институтах

В. Федоров отметил, что запуск программ социальной архитектуры является ответом на быстро меняющуюся конъюнктуру рынка труда. В Финансовом университете с 2025 г. открывается магистерская программа подготовки по специальности «социальная архитектура». Это показательный пример быстрой реакции системы высшего образования на меняющуюся конъюнктуру рынка труда. Со временем выпускники займут достойное место в рядах российских и иностранных социальных архитекторов.

Программа обеспечивает подготовку специалистов, способных исследовать и прогнозировать социальные и политические процессы, анализировать общественную ситуацию в России, реализовывать проекты, направленные на повышение качества жизни людей, а также осуществлять посредническую деятельность и коммуникацию между социальными группами, институтами, государственными, общественными и корпоративными структурами.

Первый заместитель председателя комиссии Общественной палаты России по общественной экспертизе законопроектов А. Асафов высказал мнение о том, что «Сегодня остро ощущается необходимость социальной архитектуры. Она находится в руках тех, кто работает «на земле», кто знает людей. Естественно, уровень социальной экспертизы должен повышаться. Поэтому сейчас специалисты, которые собираются стать социальными архитекторами, могут получить образование в ведущих вузах страны».

Сегодня в базовой модели социальной архитектуры есть несколько дополнительных уровней. Первый - это уровень структуры, то есть новые взаимодействия правил и норм. Второй – культурно-ценностный, когда включается идеология. Третий - это работа с конкретными сообществами.

Социальная архитектура может работать и на уровне прогнозирования, и на уровне реального моделирования социальных процессов. Это действительно многоуровневая система, которая может связывать между собой и ценностный уровень, и уровень структурный, институты и сообщества. Так выглядит концептуальная рамка социальной архитектуры и ее будущего развития.

В. Федоров, говоря о трендах социальной и общественной жизни, а также трансформации ценностей в современном российском обществе сказал о том, что самый широкий тренд – это запрос на традиционные ценности. Они обещают устойчивость, стабильность, единство общества вопреки всем разобщающим, подрывающим, разлагающим нас внешним и внутренним вызовам. От текущей современности назад, к твердой, устойчивой, понятной жизни. Также развивается запрос на объединяющую идеологию глобального уровня, он существует и даже ширится.

Трансформация ценностей. Среди зрелых трендов, которые закрепились среди россиян, можно отметить: фокус на справедливость и преодоление неравенства, который сопровождается сокращением дистанции между властью и обществом за счет заботливости политического курса государства. К развивающимся трендам можно отнести запрос на традиционные ценности, обещающие устойчивость, стабильность, единство общества вопреки всем внешним и внутренним вызовам. Это стало ответом на провал гендерной идеологии в борьбе за место новой объединяющей системы ценностей на глобальном уровне. Среди нарождающихся трендов можно отметить то, что ценность открытости, транспарентности, единства мира все больше превращается в абстракцию.

Динамика идентичности. К зрелым трендам в этом блоке относятся, в первую очередь, повышение ценности суверенитета и общий рост патриотизма. Этот тренд пришел на смену космополитизму и идеологии «открытого мира». Главным развивающимся трендом стал рост межпоколенческой солидарности, подтверждающий сплочение россиян всех возрастов вокруг ценностей развития и защиты Родины. Среди нарождающихся трендов можно выделить наличие у многих молодых людей множественной идентичности в цифровом пространстве.

Развитие социальных институтов. Современные институты меняются вслед за стремительными социальными изменениями. В образовании фиксируется зрелый тренд на непрерывность. Знания и навыки все больше распространяются альтернативными путями. Нарождающиеся тренды также это подтверждают. В России активно появляются университеты нового типа, которые отвечают на запросы нового технологического уклада. Нарождающимся трендом стала высокая динамика появления и исчезновения профессий, что говорит о необходимости трансформации системы профессиональной подготовки.

Социальная архитектура – это ответ на вызовы, угрозы, которые сегодня стоят перед Россией, это и угроза потери идентичности, и вызов сохранения исторической памяти. У жителей нашей страны возникла потребность личного соучастия.

В условиях фрагментации мирового порядка и конкуренции нарративов способность государства формировать собственные смыслы, создавать образы будущего и воплощать их в реальную социальную практику становится ключевым фактором суверенитета России. В этой связи социальную архитектуру можно рассматривать как новую парадигму государственного мышления. Она объединяет прогнозирование, ценностное проектирование и социальное действие в единую систему стратегического планирования.

Формируется социальная архитектура как многоуровневая система управления социальными изменениями. Первый уровень связан с

социальным моделированием – прогнозированием и построением сценариев будущего. Второй уровень – социальное проектирование, включающее два типа инициатив: проекты, актуализирующие ценности и проекты, решающие конкретные социально-экономические задачи. Эти направления образуют единый контур – работу с мировоззрением и социальной средой как взаимосвязанными элементами.

В рамках научного гранта «Использование инструментов социальной архитектуры в формировании ценностно-мировоззренческих установок «цифровой молодежи»: российский опыт» предложена трехуровневая модель, которая позволяет разложить инструменты социальной архитектуры на три измерения: структурное - институты и нормы, культурно-мировоззренческое - ценности и символы, агентное - вовлечение людей и сообществ.

Идеи социальной архитектуры получают сегодня институциональное развитие, в том числе через создание Института социальной архитектуры на базе президентской платформы «Россия – страна возможностей». Инициатива создает условия для глубокой работы над формированием стратегических смысловых нарративов и консолидации общества вокруг приоритетов долгосрочного национального развития. Этот пример демонстрирует, как социальная архитектура становится частью управленческого кода российского, обеспечивая связь между технологическим развитием, ценностными ориентирами и социальной устойчивостью.

Социальная архитектура – это не метафора, а управленческая технология. Она позволяет проектировать общественные изменения, соединяя будущее и настоящее, ценности и институты, людей и сообщества.

Социальная архитектура – связующее звено между настоящим и будущим. Социальная архитектура позволяет проектировать общественные изменения, соединяя будущее и настоящее, ценности и институты, людей и сообщества. В условиях фрагментации мирового порядка и конкуренции нарративов способность государства формировать собственные смыслы, создавать образы будущего и воплощать их в реальную социальную практику становится ключевым фактором суверенитета России. Россия предлагает миру альтернативный западноцентричному путь развития, опираясь на собственные цифровые платформы. Россия – одна из немногих стран, у которых есть отечественная соцсеть, которая доминирует в части медиапотребления. Искусственный интеллект создает возможности для визуализации образа будущего.

Искусственный интеллект можно и нужно использовать как инструмент социальной архитектуры. В 2017 году только 37 процентов граждан верили в самореализацию молодежи в России (данные ВЦИОМ). Но экосистема проектов – «Россия – страна возможностей», Общество «Знание», «Движение Первых» и тысячи региональных инициатив — изменили ситуацию. К 2025 году этот показатель вырос до 83 процентов.

Социальная архитектура является частью российского управленческого кода, обеспечивая связь между технологическим развитием, ценностными ориентирами и социальной устойчивостью.

Доверие между государством и обществом становится ключевым ресурсом, а само будущее – результатом совместных усилий, а не директивного планирования.

Социальная архитектура начинается не с документов и не с больших бюджетов – она начинается с людей, которые верят в свое дело. Проект «Портрет Героя» – яркий пример того, как команда из четырех человек создала инициативу федерального масштаба. Подлинные изменения формирует не размер структуры, а сила внутренней мотивации, честность диалога и качество работы.

Социальная архитектура – это целенаправленная деятельность по проектированию общественно значимых изменений. Она объединяет прогнозы будущего, стратегии и конкретные проекты – от «Бессмертного полка» до «России – страны возможностей».

Примеры:

«Бессмертный полк» – символ межпоколенческой памяти.

«Россия – страна возможностей» – 25 млн участников, 60+ проектов.

«Школа Росатома» – формирование кадрового резерва отрасли.

«На Севере жить!» – изменил миграционный баланс Мурманской области.

Таким образом, социальная архитектура – это новая философия управления, где главным ресурсом становится доверие граждан. От него зависит устойчивость, развитие и смысл будущего.

Социальная архитектура включает в себя создание символов и смыслов. Без этого человеческое общество не может не только развиваться, но и существовать – оно распадается и теряет связность. Здесь также важны социальные нововведения, изменение и корректировка ценностей и привычек поведения, а также конструирование устойчивых социальных процессов и институтов. Работа с сообществами открывает множество интересных задач, и я уверен, что без работы никто не останется.

Не стоит забывать о теоретическом уровне. Социальные архитекторы – это деятельные и продуктивные люди, но необходимо также иметь тех, кто займется теоретическим обобщением эмпирических находок и решений. Социальная архитектура – это не просто реагирование, а активное действие, целенаправленное создание новых форм социальной организации. Ключевыми аспектами являются комплексность и междисциплинарность. Вопрос, который возникает при изучении социальной архитектуры, касается ее академического происхождения: откуда приходят социальные архитекторы? Это могут быть политологи, социологи, философы, дизайнеры, культурологи и даже экономисты.

Социальная архитектура предполагает переход от реактивного управления к проактивному моделированию социальных процессов. В условиях фрагментации мирового порядка и конкуренции нарративов способность государства формировать собственные смыслы, создавать образы будущего и воплощать их в реальную социальную практику становится ключевым фактором суверенитета России.

В этой связи социальную архитектуру можно рассматривать как новую парадигму государственного мышления. Она объединяет прогнозирование, ценностное проектирование и социальное действие в единую систему стратегического планирования.

Формируется социальная архитектура как многоуровневая система управления социальными изменениями. Первый уровень связан с

социальным моделированием – прогнозированием и построением сценариев будущего. Второй уровень – социальное проектирование, включающее два типа инициатив: проекты, актуализирующие ценности и проекты, решающие конкретные социально-экономические задачи. Эти направления образуют единый контур – работу с мировоззрением и социальной средой как взаимосвязанными элементами.

В рамках научного гранта «Использование инструментов социальной архитектуры в формировании ценностно-мировоззренческих установок «цифровой молодежи»: российский опыт» была предложена трехуровневая модель, которая позволяет разложить инструменты социальной архитектуры на три измерения: структурное – институты и нормы, культурно-мировоззренческое – ценности и символы, агентное – вовлечение людей и сообществ. Идеи социальной архитектуры получают сегодня институциональное развитие, в том числе через создание Института социальной архитектуры на базе президентской платформы «Россия – страна возможностей». Инициатива создает условия для глубокой работы над формированием стратегических смысловых нарративов и консолидации общества вокруг приоритетов долгосрочного национального развития. Этот пример демонстрирует, как социальная архитектура становится частью управленческого кода российского, обеспечивая связь между технологическим развитием, ценностными ориентирами и социальной устойчивостью.

Социальная архитектура – это не метафора, а управленческая технология. Она позволяет проектировать общественные изменения, соединяя будущее и настоящее, ценности и институты, людей и сообщества.

Социальная архитектура во многом становится связующим звеном между настоящим и будущим – для каждого конкретного региона и муниципалитета: реализуются актуальные и значимые социальные проекты, которые, в свою очередь, помогают проектировать политику на годы вперед. Не случайно и появление Института социальной архитектуры, который создается на базе платформы «Россия – страна возможностей». Именно он будет заниматься прогнозированием изменений, социальным моделированием и проектированием. Причем заниматься именно теми направлениями, которые больше всего волнуют граждан: проектирование общественных пространств, создание комфортной городской среды, развитие инфраструктуры здравоохранения, образования и культуры. С такими проблемами, как демографический кризис, эрозия доверия в обществе также должны работать социальные архитекторы. Коммуникация, как отмечают аналитики, это не монолог власти, а диалог, в котором власть должна слушать и оперативно реагировать на запросы общества. Социальная архитектура как раз и помогает выстраивать такой диалог. Социальная архитектура является одним из ключевых инструментов достижения желаемого образа будущего России. Именно от того, каким будет новое поколение россиян, зависит способность общества сохранять преемственность, укреплять ценностные основания и задавать вектор суверенного развития.

За последние годы в обществе сложилось определенное мировоззрение:

около 30 процентов людей хотят, чтобы Россия была великой, мощной;

порядка 24 процентов – чтобы Россия была комфортной, уютной, благоустроенной;

про красоту и современные технологии говорят – около 13 процентов.

Соответственно, из этого рождается формула того, как с точки зрения социальной архитектуры должна выглядеть, строиться и быть Россия. Она должна быть сильной, современной, удобной.

Таким образом, социальная архитектура – это вызов для специалистов в сфере коммуникаций, потому что она требует высокой квалификации, большого опыта и компетенций. Справиться с этим могут не все, и именно поэтому необходимо серьезно подойти к подготовке социальных инженеров, в том числе через развитие коммуникативных навыков и знаний технологий коммуникации. Цель любого социально-архитектурного проекта – управление общественными изменениями для повышения уровня социального самочувствия людей. Без правильно построенной коммуникации эта цель становится фактически недостижимой. Девяносто процентов людей, которые говорят о социальной архитектуре, не понимают, что это такое. Социальная архитектура – это то, что меняет ситуацию сразу на нескольких уровнях: уровне окружения, мотивации и идентификации. Главное – гармония этих трех уровней в одном проекте. Только тогда это действительно социальная архитектура».

Список литературы:

1. Грешных А.А. О некоторых тенденциях развития российского права, направленных на защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации / А.А. Грешных, Н.И. Уткин, В.М. Шеншин // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 5. С. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.
2. Шеншин, В. М. Об обеспечении Росгвардией внутреннего суверенитета Российской Федерации / В. М. Шеншин // Современное общество и право. – 2023. – № 1(62). – С. 14-19. – EDN GTDFAK.
3. Назарова, И. С. Местное самоуправление в системе публичной власти / И. С. Назарова, М. А. Сапожникова // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 5(233). – С. 93-96. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_5_93. – EDN XWMBEK.
4. Шеншин, В. М. Патриотизм как фактор формирования государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности, роль Росгвардии в указанном процессе / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 11(340). – С. 39-46. – EDN LUTVWG.
5. Попков, Д.В. Проблемы регулирования автомобильного транспорта и наземного городского электрического транспорта в Федеральном законе от 08.11.2007 № 259-ФЗ / Д.В. Попков, В.М. Шеншин, И.Д. Бешенцев // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 75-78. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_75. – EDN CCYGES.
6. Уткин, Н.И. Цифровая трансформация ведомственных вузов: гармонизация нормативной правовой базы информационной безопасности / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин, А.В. Шестаков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 4(65). – С. 91-110. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-2024-4-91-110. – EDN FBMFIM.
7. Назарова, И. С. Актуальные аспекты правового положения детей-сирот в Российской Федерации / И. С. Назарова, А. С. Павлык, Л. А. Шеншина // Закон и право. – 2023. – № 2. – С. 78-81. – DOI 10.56539/20733313_2023_2_78. – EDN QENLAQ.

References:

1. Greshnyh. A.A. O non-motor Urgench trending on the development of Russian rights, guided by Urgench on the protection of sovereignty and territorial integrity of the Russian Federation / / State Government and local self-government. – 2021. – № 5. - S. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.
2. Shengshin, V. M. The Russian Federation / C. M. Shengshin / / modern society and law. – 2023. – № 1(62). - S. 14-19. – EDN GTDFAK.
3. Nazarova, I. S. Local self-government in the system of public authorities. S. Nazarova, M. A. Agrarian and land law. – 2024. – № 5(233). - S. 93-96. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_5_93. – EDN XWMBEK.
4. Shengshin, V. M. Patriotism as a factor of formations of state action policies in the field of Public Safety and public safety, role of the guards in the specified process / C. M. Shengshin / / law in Vooruzhenn Penghu Silah-military law review. – 2025. – № 11(340). - S. 39-46. – EDN LUTVWG.
5. Popkov, D. V. Problems of regulation of motor transport and land-based urban electric transport of Federal Law No. 259-FZ dated 08.11.2007. V. Popkov, V. M. Shenshin, Yi. D. Bezhentsev / / agrarian and land law. – 2024. – № 11(239). - S. 75-78. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_11_75. – EDN CCYGES.
6. Utkin, N. And. Digital transformation departmental wawrabh vuzov: harmonization normative law base wawrab information security / N. And. Utkin, V. M. Shenshin, A. V. Shestakov / / Right. Safety. In the Crimestoppers situations. – 2024. – № 4(65). - S. 91-110. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-2024-4-91-110. – EDN FBMFIM.
7. Nazarova, I. S. Current aspects of the legal status of orphaned children in the Russian Federation S. Nazarova, A. S. Pavl Urga, L. A. Shen-Shina / / law and law. – 2023. – № 2. - S. 78-81. – DOI 10.56539/20733313_2023_2_78. – EDN QENLAQ.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_687

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕЖУРНЫХ ЧАСТЕЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
LEGAL REGULATION OF THE INTRODUCTION OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE ACTIVITIES OF DUTY UNITS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

ФОМИНА Татьяна Федоровна,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры административной деятельности ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург ул. Летчика Пилютова, д. 1.
E-mail: fatzoes@yandex.ru
FOMINA Tatiana Fedorovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Affairs St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
E-mail: fatzoes@yandex.ru

Краткая аннотация: *в статье анализируются правоотношения, складывающиеся в процессе организации деятельности дежурных частей органов внутренних дел Российской Федерации на основе применения современных информационных технологий. Автором выявлен ряд проблем правового регулирование цифровизации деятельности дежурных частей, сформулированы предложения по его совершенствованию.*

Abstract: *the article analyzes the legal relations that develop in the process of organizing the activities of duty units of the internal affairs bodies of the Russian Federation based on the use of modern information technologies. The author has identified a number of problems in the legal regulation of digitalization of the activities of duty stations, and formulated proposals for its improvement.*

Ключевые слова: *органы внутренних дел; дежурная часть; оперативное управление; цифровизация; информационные технологии; общественный порядок.*

Keywords: *internal affairs bodies; duty station; operational management; digitalization; information technologies; public order.*

Для цитирования: *Фомина Т.Ф. Правовое регулирование внедрения информационных технологий в деятельности дежурных частей органов внутренних дел // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 687-689. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_687.*

For citation*: Fomina T.F. Legal regulation of the introduction of information technologies in the activities of duty units of internal affairs bodies // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 687-689. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_687.*

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Стратегия национальной безопасности РФ [1] сформулировала национальные приоритеты в развитии цифровой среды. Принципы, цели и направления развития информационной и коммуникационной инфраструктуры получили свое закрепление в «Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг.» [2]. Применительно к деятельности федеральных органов исполнительной власти принято Положение о ведомственных программах цифровой трансформации [3], регламентирующее особенности осуществления деятельности с использованием информационной и коммуникационной инфраструктуры.

В современном контексте развития информационных технологий в системе управления органов внутренних дел наблюдается качественно новый этап. Его основным содержанием является широкомасштабная цифровая трансформация МВД России. Этот процесс не ограничивается простым внедрением новых технических средств; он обуславливает фундаментальные, качественные изменения в подходах к управлению, принятию решений и организации всей оперативно-служебной деятельности.

Дежурная часть является важнейшим элементом обеспечения правопорядка и безопасности, требующим от сотрудников высокого уровня профессионализма, быстрой реакции и четкого понимания своих задач. Она является важным звеном в системе органов внутренних дел, выполняя функции оперативного управления, координации и контроля за деятельностью различных подразделений органов внутренних дел в условиях круглосуточного несения службы. Она служит своего рода «сердцем» любого территориального органа внутренних дел [4], через которое проходят все основные потоки информации и управленческие команды.

Дежурная часть органов внутренних дел считается органом оперативного управления и в условиях ограниченного времени осуществляет весь управленческий цикл, в том числе по вопросам межведомственного взаимодействия[5]. Как правило, в подразделения дежурной части обращаются граждане при возникновении проблем. От эффективности деятельности данных подразделений зависит качество борьбы с

[1] Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности РФ» : Электронный ресурс : Режим доступа : СПС КонсультантПлюс (дата обращения 25.11.2025)
[2] Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017-2030 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 2. – Ст. 2901.
[3] Постановление Правительства РФ от 10.11.2020 г. № 1646 «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами (вместе с «Положением о ведомственных программах цифровой трансформации»)» (ред. от 01.02.2023) : Электронный ресурс : Режим доступа : СПС КонсультантПлюс (дата обращения 25.11.2025)
[4] Казаченок, В.В. Организационные аспекты, влияющие на эффективность работы дежурных частей территориальных органов МВД России / В.В. Казаченок // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – Т. 13. – № 2(48). – С. 146.
[5] Андреев, А.В. Современные проблемы организации деятельности дежурных частей территориальных органов МВД России / А.В. Андреев // Вестник уральского юридического института МВД России. – 2019. – № 4. – С. 42.

преступностью, уровень общественной безопасности и оценка деятельности МВД России со стороны граждан [1]. Дежурная часть определяет работу всего территориального органа МВД России, задавая стандарт качества его функционирования [2].

Материально-техническое оснащение дежурных частей органов внутренних дел играет ключевую роль в обеспечении их эффективного функционирования. Современное оснащение позволяет дежурным частям оперативно принимать, регистрировать, обрабатывать и реагировать на поступающие сообщения, координировать действия нарядов, вести учет и анализировать оперативную обстановку. Основные компоненты материально-технического оснащения дежурных частей включают в себя:

1. Средства связи: телефонные многоканальные станции, в том числе экстренных номеров (102/112), для приема обращений граждан; обеспечение устойчивой и надежной радиосвязи с нарядами полиции, патрульными автомобилями, мобильными группами (используются как стационарные, так и портативные радиостанции); обеспечение доступа к сети Интернет для работы с информационными системами, обмена данными, использования IP-телефонии; для оперативного взаимодействия с вышестоящими органами, другими подразделениями и экстренными службами необходима система видеоконференсвязи.

2. Информационные технологии и программное обеспечение: компьютерная техника (современные компьютеры, рабочие станции, серверы для обработки информации, работы с базами данных и специализированным программным обеспечением); автоматизированные системы (автоматизированная дактилоскопическая информационная система предназначенная для идентификации личности по отпечаткам пальцев; автоматизированные учетно-регистрационные системы предназначенные для регистрации заявлений и сообщений о преступлениях, правонарушениях и происшествиях; информационно-поисковые системы - базы данных на лиц, транспортные средства, оружие, документы, преступления и т.д.; системы видеонаблюдения и видеорегистрации предназначенные для обработки и хранения видеоданных с камер наружного наблюдения, носимых видеорегистраторов и др.).

Современные тенденции в оснащении дежурных частей органов внутренних дел сводятся к следующему:

цифровизация и автоматизация дежурных частей - внедрение современных IT-решений, систем искусственного интеллекта для анализа данных, автоматического распознавания лиц и номеров;

интеграция систем дежурных частей - объединение различных информационных систем для более полного и оперативного доступа к данным;

использование мобильных технологий в деятельности дежурных частей - обеспечение нарядов мобильными устройствами с доступом к базам данных и системам связи;

улучшение систем видеомониторинга дежурных частей - интеграция с системами «Безопасный город», использование аналитических функций видео.

От качества и актуальности материально-технического оснащения дежурных частей напрямую зависит эффективность работы дежурных частей органов внутренних дел. С точки зрения правового регулирования можно выделить отдельные проблемы, связанные с законодательством о информатизации (применении информационных технологий) деятельности дежурных частей, в частности, к ним относятся:

недостаточная правовая регламентация процессов использования и оценки новых видов цифровых доказательств дежурных частей (например, метаданные, данные из облачных сервисов, информация из социальных сетей);

необходимость обеспечения соответствия требованиям законодательства о защите персональных данных при работе с большими объемами информации;

сложность межведомственного взаимодействия и отсутствие единых стандартов;

разные ведомства могут использовать разные форматы данных и протоколы обмена информацией, что затрудняет их совместную обработку.

Перспективны дальнейшего повышения эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в МВД России определены Ведомственной программой цифровой трансформации на 2021–2023 годы, закрепляющей достижение таких целей, как обеспечение и повышение уровня надежности, а также безопасности информационных систем и информационно-технологической инфраструктуры[3]. В условиях активного внедрения и широкого применения цифровых технологий в оперативно-служебной деятельности дежурных частей органов внутренних дел, с одной стороны, а также возрастающих угроз преступности, с другой стороны, необходимо создание соответствующей защищенной информационной инфраструктуры цифровой полиции, обеспечивающей надежное противодействие преступности. Актуальность создания такой инфраструктуры обусловлена рядом причин.

Во-первых, защищенная инфраструктура цифровой полиции позволит дежурным частям органов внутренних дел оперативно осуществлять сбор и анализ «больших данных», что обеспечит повышение эффективности предупреждения, расследования и раскрытия при соблюдении современных требований к безопасности информации. Внедрение передовых технологий, таких как искусственный интеллект, «большие данные», «интернет вещей», робототехника и др., обеспечивает осуществление комплексного анализа преступности, выявление закономерностей и

[1] Хозаев, П.Б. К вопросу о деятельности дежурных частей органов внутренних дел как основного элемента оперативного управления в системе МВД России / П.Б. Хозаев // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 7. – С. 203.
[2] Самданов, Г.Б. Имитационное моделирование деятельности дежурной части территориального органа МВД России районного уровня / Г.Б. Самданов // Вестник Российского нового университета. Серия: Сложные системы: модели, анализ и управление. – 2022. – № 4. – С. 16.
[3] Распоряжение МВД России от 25.01.2023 № 1/649 «Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2023-2025 годы» : Электронный ресурс : Режим доступа : СПС КонсультантПлюс (дата обращения 25.11.2025)

предсказание преступного поведения, позволяя органам внутренних дел эффективно распределять силы и средства и предотвращать преступления до их совершения [1].

Во-вторых, защищенная инфраструктура цифровой полиции обеспечит расширение обмена информацией между правоохранительными органами на различных уровнях в режиме реального времени в целях координации совместных усилий для эффективного противодействия преступности [2].

В-третьих, защищенная инфраструктура цифровой полиции повышает доверие общества к органам внутренних дел в целом, и к организации работы дежурных частей. Граждане сотрудничают с правоохранительными органами, если уверены в принимаемых мерах по их безопасности [3].

В-четвертых, защищенная цифровая инфраструктура служит сдерживающим фактором для потенциальных преступников. Надежная инфраструктура, основанная на внедрении передовых технологий, выступает как сдерживающий фактор для преступников, заставляя их оценивать свои риски, прежде чем предпринимать попытки противоправной деятельности [4].

На основании изложенного, можно сделать вывод, что для эффективной борьбы с преступностью и поддержания общественного порядка органам внутренних дел необходимо отлаженное оперативное управление, центральную роль в котором играют дежурные части. Их функции чрезвычайно широки: от управления подразделениями и регистрации правонарушений до оперативного реагирования и охраны объектов. Поэтому именно четкая организация деятельности дежурной части, а также ее надлежащее правовое регулирование, имеют решающее значение. Это позволяет рационально распределять рабочее время и обеспечивает успешное выполнение задач, стоящих перед всем территориальным органом МВД России.

Список литературы:

1. Казаченок, В.В. Организационные аспекты, влияющие на эффективность работы дежурных частей территориальных органов МВД России / В.В. Казаченок // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – Т. 13. – № 2(48). – С. 146.
2. Андреев, А.В. Современные проблемы организации деятельности дежурных частей территориальных органов МВД России / А.В. Андреев // Вестник уральского юридического института МВД России. – 2019. – № 4. – С. 42.
3. Хозаев П.Б. К вопросу о деятельности дежурных частей органов внутренних дел как основного элемента оперативного управления в системе МВД России / П.Б. Хозаев // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 7. – С. 203.
4. Самданов Г.Б. Имитационное моделирование деятельности дежурной части территориального органа МВД России районного уровня / Г.Б. Самданов // Вестник Российского нового университета. Серия: Сложные системы: модели, анализ и управление. – 2022. – № 4. – С. 16.
5. Кубасов И. А. Отдельные вопросы административно-правовой регламентации создания защищенной инфраструктуры цифрового полицейского участка / И.А. Кубасов, Л.А. Лекарь // Алтайский юридический вестник. – 2023. – № 4(44). – С. 86.
6. Созаева А.С. Информационно-коммуникационная технология «Цифровая полиция». Трансформация механизмов функционирования правоохранительных органов в условиях современного общества / А.С. Созаева // Цифровая трансформация системы МВД России: сборник научных статей по материалам международного форума (Москва, 20 октября 2022 г.): в 2 ч. / под ред. И. Г. Чистобородова. – М.: Академия управления МВД России, 2022. Ч. 2. – С. 299.
7. Сашенков, С.А. Цифровые платформы взаимодействия полиции с гражданами / С.А. Сашенков // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. – 2022. – № 4. – С. 130–133.
8. Попов, Д.В. Доверие к полиции в условиях цифровой экономики / Д.В. Попов // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии: материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 29–30 марта 2018 г.) / под ред. Ю.А. Шаранова, В.А. Шаповала; сост. М.А. Кутырев. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 318;
9. Фадеева И.В. Цифровые технологии в деятельности полиции: этический аспект внедрения и цифровое доверие / И.В. Фадеева // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции (Краснодар, 17 июня 2021 г.). – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2021. – С. 452.
10. Кубасов И. А. Отдельные вопросы административно-правовой регламентации создания защищенной инфраструктуры цифрового полицейского участка / И.А. Кубасов, Л.А. Лекарь // Алтайский юридический вестник. – 2023. – № 4(44). – С. 85.

References:

1. Kazachenok, V.V. Organizational aspects affecting the efficiency of the duty units of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia / V.V. Kazachenok // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – T. 13. – № 2(48). – P. 146.
2. Andreev, A.V. Modern problems of organizing the activities of duty units of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia / A.V. Andreev // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 4. – p. 42.
3. Khozaev P.B. On the issue of the activities of duty units of internal affairs bodies as the main element of operational management in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia / P.B. Khozaev // Gaps in Russian legislation. – 2016. – No. 7. – S. 203.
4. Samdanov G.B. Simulation modeling of the activities of the duty station of the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the district level / G.B. Samdanov // Bulletin of the Russian New University. Series: Complex systems: models, analysis and management. – 2022. – No. 4. – p. 16.
5. Kubasov I. A. Certain issues of administrative and legal regulation of the creation of a secure infrastructure of a digital police station / I.A. Kubasov, L.A. Lekar // Altaisky yuridicheskiy vestnik. – 2023. – № 4(44). – P. 86.
6. Sozaeva A.S. Information and communication technology "Digital police". Transformation of the mechanisms of functioning of law enforcement agencies in modern society / A.S. Sozaeva // Digital transformation of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: collection of scientific articles based on the materials of the international forum (Moscow, October 20, 2022): in 2 hours / edited by I. G. Chistoborodov. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. Part 2. – p. 299.
7. Sashenkov, S.A. Digital platforms for police interaction with citizens / S.A. Sashenkov // Police and society: problems and prospects of interaction. – 2022. – No. 4. – pp. 130-133.
8. Popov, D.V. Trust in the police in the digital economy / D.V. Popov // Actual problems of psychology of law enforcement: concepts, approaches, technologies: materials of the international scientific and practical conference (St. Petersburg, March 29-30, 2018) / under Edited by Yu.A. Sharanova, V.A. Shapoval; comp. M.A. Kutyrev. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018, p. 318;
9. Fadeeva I.V. Digital technologies in police activities: the ethical aspect of implementation and digital trust / I.V. Fadeeva // Administrative and legal regulation of law enforcement activities: theory and practice: proceedings of the international scientific and practical conference (Krasnodar, June 17, 2021). – Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. – P. 452.
10. Kubasov I. A. Certain issues of administrative and legal regulation of the creation of a secure infrastructure of a digital police station / I.A. Kubasov, L.A. Lekar // Altaisky yuridicheskiy vestnik. – 2023. – № 4(44). – P. 85.

[1] Кубасов, И. А. Отдельные вопросы административно-правовой регламентации создания защищенной инфраструктуры цифрового полицейского участка / И.А. Кубасов, Л.А. Лекарь // Алтайский юридический вестник. – 2023. – № 4(44). – С. 86.

[2] Созаева, А.С. Информационно-коммуникационная технология «Цифровая полиция». Трансформация механизмов функционирования правоохранительных органов в условиях современного общества / А.С. Созаева // Цифровая трансформация системы МВД России: сборник научных статей по материалам международного форума (Москва, 20 октября 2022 г.): в 2 ч. / под ред. И. Г. Чистобородова. – М.: Академия управления МВД России, 2022. Ч. 2. – С. 299.

[3] Сашенков, С.А. Цифровые платформы взаимодействия полиции с гражданами / С.А. Сашенков // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. – 2022. – № 4. – С. 130–133; Попов, Д.В. Доверие к полиции в условиях цифровой экономики / Д.В. Попов // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии: материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 29–30 марта 2018 г.) / под ред. Ю.А. Шаранова, В.А. Шаповала; сост. М.А. Кутырев. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 318; Фадеева, И.В. Цифровые технологии в деятельности полиции: этический аспект внедрения и цифровое доверие / И.В. Фадеева // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции (Краснодар, 17 июня 2021 г.). – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2021. – С. 452.

[4] Кубасов, И. А. Отдельные вопросы административно-правовой регламентации создания защищенной инфраструктуры цифрового полицейского участка / И.А. Кубасов, Л.А. Лекарь // Алтайский юридический вестник. – 2023. – № 4(44). – С. 85.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_690

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ И ГОРОДЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЬ
PROBLEMS OF ADAPTATION OF ADMINISTRATIVE LEGISLATION IN THE REPUBLIC OF CRIMEA AND THE FEDERAL CITY OF SEVASTOPOL

РОСЕНКО Мария Ивановна,
доктор политических наук, доцент, профессор кафедры «Конституционное и административное право»,
Юридический институт, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».
299053, Россия, г. Севастополь, Университетская ул., 33.
E-mail: Mariyair@mail.ru

СКРЕБЕЦ Елена Владимировна,
доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой «Гражданское право и процесс»,
Юридический институт, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».
299053, Россия, г. Севастополь, Университетская ул., 33.
E-mail: l_skrebec@mail.ru

ROSENKO Maria Ivanovna,
Doctor of Political Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Law Institute, Sevastopol State University.
Sevastopol, 299053, Russia, Universitetskaya str., 33.
E-mail: Mariyair@mail.ru

SKREBETS Elena Vladimirovna,
Doctor of Political Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law and Process, Law Institute, Sevastopol State University
Sevastopol, 299053, Russia, Universitetskaya str., 33.
E-mail: l_skrebec@mail.ru

Краткая аннотация: *в статье исследованы правовые аспекты развития законодательства об административных правонарушениях и проблемные вопросы адаптации административного законодательства в Республике Крым и городе федерального значения Севастополь, сформулированы предложения по усовершенствованию организационно-правовых механизмов правоприменительной практики законодательства об административных правонарушениях.*

Abstract: *the article examines the legal aspects of the development of legislation on administrative violations and problematic issues of adaptation of administrative legislation in the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol, and formulates proposals for improving the organizational and legal mechanisms of law enforcement practice of legislation on administrative offenses.*

Ключевые слова: *административные правонарушения, административная ответственность, исполнительные органы государственной власти, федеральные органы, субъекты РФ.*

Keywords: *administrative offenses, administrative responsibility, executive bodies of state power, federal bodies, subjects of the Russian Federation.*

Для цитирования: *Росенко М.И., Скребец Е.В. Проблемы адаптации административного законодательства в Республике Крым и городе федерального значения Севастополь // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 690-694. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_690.*

For citation*: Rosenko M.I., Skrebets E.V. Problems of adaptation of administrative legislation in the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 690-694. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_690.*

Статья поступила в редакцию: 13.01.2026

Задачами законодательства об административных правонарушениях являются защита личности, охрана прав и свобод человека и гражданина, охрана здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защита общественной нравственности, охрана окружающей среды, установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности, собственности, защита законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений, а также предупреждение административных правонарушений (Статья 1.2 КоАП РФ).

Качество и эффективность государственного управления зависят, в том числе, и от организации взаимодействия федерального законодательства с законодательством субъектов РФ, что особенно актуально для Республики Крым и Севастополь.

Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. N 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» заложил основы для создания законодательства новых субъектов в переходный период и отрегулировал применение права на этих территориях, установив организационно-правовые механизмы реализации норм российского законодательства для урегулирования вопросов интеграции этих субъектов в экономическую, финансовую, кредитную и правовую систему Российской Федерации и её систему органов государственной власти. Одной из важных сфер общественных отношений, подлежавших урегулированию, было административно-правовое и административно-процессуальное законодательство, проблемные вопросы применения и интеграции которого и являются предметом исследования настоящей статьи.

Конституцией РФ (п. «к» ч. 1 ст. 72) установлено, что административное и административно-процессуальное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов.

Согласно ст. 1.1 КоАП РФ законодательство об административных правонарушениях состоит из КоАП РФ и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов РФ. Статьей 1.3 КоАП определены предметы ведения Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях. Статьей 1.3.1. КоАП установлены предметы ведения субъектов Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях.

Пп. 54, 55 ч.1 ст.44 Федерального закона от 21.12.2021 N 414-ФЗ (ред. от 28.12.2025) "Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации" ((до 01.01.2023 – пп. 24.1, пп. 39 п. 2 ст. 26.3 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах ор-

ганизации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ»)) к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации (за исключением субвенций из федерального бюджета), относится решение вопросов: установления административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления, определения подведомственности дел об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, организации производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации; определения перечня должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, а в случаях, установленных федеральными законами, об административных правонарушениях, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, создания и организации деятельности административных комиссий, иных коллегиальных органов в целях привлечения к административной ответственности, предусмотренной законами субъектов Российской Федерации, создания и организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Из приведенных положений следует, что, включив законы субъектов Российской Федерации об административной ответственности в систему законодательства об административных правонарушениях, федеральный законодатель одновременно установил объемы и пределы нормотворческих полномочий региональных органов власти в данной сфере правоотношений: субъекты РФ вправе устанавливать административную ответственность по вопросам совместного ведения РФ и её субъектов, не урегулированных федеральным законодательством, то есть в исключительных случаях. Анализ развития административного законодательства Республики Крым и города федерального значения Севастополь показывает применение различных механизмов по урегулированию вопросов организации взаимодействия федерального законодательства с законодательством субъектов РФ в этой сфере общественных отношений.

Законодательным Собранием города Севастополя 18.06.2014г. был принят Закон города Севастополя № 31-ЗС «Об административных правонарушениях» (далее – ЗГС №31).

Закон устанавливал, наряду с КоАП РФ, виды административных правонарушений и виды административных наказаний за деяния, совершенные на территории города Севастополя. Как и должно быть, согласно российскому законодательству, было установлено, что за совершение административных правонарушений в качестве наказаний могут применяться только предупреждение и административный штраф. Вместе с тем, санкциями различных статей ЗГС № 31-ЗС были предусмотрены административные наказания в виде штрафов, исчисляемых исходя из минимальных размеров оплаты труда (ст. 2.4; 3.1; 3.2), что не согласуется с правовым регулированием административных отношений на федеральном уровне. В данном законодательном акте также имелись положения, принятые с превышением компетенции ЗГС Севастополя по регулированию общественных отношений в сфере административной юрисдикции. Так, статья 1.6 Закона города Севастополя № 31 -ЗС, которая определяла общие условия административной ответственности, противоречила ст.ст. 1.1, 1.3 КоАП РФ, которыми к ведению РФ в области законодательства об административных правонарушениях отнесено установление общих положений и принципов законодательства об административных правонарушениях. Статьей 2.1 ЗГС № 31-ЗС («Купание в запрещенных местах») была установлена административная ответственность за ныряние в воду с сооружений, использование которых для этой цели запрещено; подплывание к моторным и парусным судам, весельным лодкам и другим плавсредствам; купание животных в местах, отведенных для купания людей, и иные нарушения. Данная норма фактически содержала правила использования водных объектов общего пользования, которые в соответствии с п. 8 ст. 25 Водного кодекса утверждаются субъектом РФ в составе правил охраны жизни людей на водных объектах по согласованию с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти. Такой акт в Севастополе не был принят, с уполномоченными органами не был согласован, а установление ответственности за совершение правонарушений, предусмотренных ст. 2.1 ЗГС № 31-ЗС, в этом случае выходило за пределы компетенции, поскольку компетенция субъектов РФ на регулирование отношений в данной сфере ограничена согласительными процедурами.

Исходя из результата исследования норм, принятых с превышением компетенции, можно сделать обобщенный вывод о том, что наделение соответствующих административных органов широкими дискреционными полномочиями в сфере привлечения к административной ответственности, способствовали дублированию полномочий федеральных органов исполнительной власти, создавали условия для проявления коррупции, и «в этой связи содержали коррупциогенный фактор, предусмотренный пп. «а» п. 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Правительства РФ от 26.02.2010 № 96»[1].

В виду наличия противоречий Закон города Севастополя № 31-ЗС был опротестован прокурором Севастополя (протест прокурора города Севастополя от 15.10.2014 № 7-12-2014/3484, принесенный на Закон города Севастополя от 18 июня 2014 № 31-ЗС «Об административных правонарушениях», в соответствии со статьей 23 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации») и впоследствии признан ЗГС утратившим силу[2][3].

В дальнейшем порядок введения новых норм административного права для новых субъектов РФ был установлен Федеральным законом от 31.12.2014 N 514-ФЗ (ред. от 28.12.2016) "О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ". Этим законом в КоАП РФ внесена статья 23.79.1. «Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации – Республики Крым и города федерального значения Севастополя»,

[1] Макаренко Г.И. Некоторые аспекты регулирования административного законодательства в новых субъектах Российской Федерации. Экономика и социум. № 1-1 (14), 2015. – С.53-58. https://sciup.org/nekotorye-aspekty-regulirovanija-administrativnogo-zakonodatelstva-v-novyh-140110701

[2] Закон города Севастополя от 14 ноября 2014 года N 79-ЗС О признании утратившим силу Закона города Севастополя от 18 июня 2014 N 31-ЗС "Об административных правонарушениях https://docs.cntd.ru/document/413801027

[3] Постановление Законодательного Собрания города Севастополя от 11 ноября 2014 года № 44 "О протесте прокурора города Севастополя на Закон города Севастополя от 18 июня 2014 № 31-ЗС "Об административных правонарушениях". https://sevzakon.ru/view/laws/postanovleniya_zs/2014_god/o_proteste_prokurora_goroda_sevastopolya_na_zakon_goroda_sevastopolya_ot_18_iyunya_2014_n_31-zs/

согласно которой органы исполнительной власти субъектов РФ – Республики Крым и города федерального значения Севастополя, – рассматривают дела об административных правонарушениях в случае, если передача этих полномочий предусматривается соглашениями между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти указанных субъектов Российской Федерации о передаче осуществления части полномочий. Данные нормы могли применяться до завершения формирования территориальных органов соответствующих федеральных органов исполнительной власти в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе, но не позднее 01.01. 2018 г.

Противоречия и ошибки, допущенные при формировании правового поля города Севастополя по регулированию общественных отношений в сфере административной юрисдикции, не единичны. Они допускаются и в иных субъектах РФ, в том числе, имеющих устоявшуюся нормотворческую практику. Как свидетельствует судебная практика, принятые с превышением предоставленной органам государственной власти субъектов РФ компетенции, признавались недействующими или недействительными[1][2].

В Республике Крым при подготовке административного законодательства ошибок и допущения превышения компетенций удалось избежать в связи с уточнениями порядка введения новых норм административного права для новых субъектов РФ, установленных Федеральным законом от 31.12.2014 N 514-ФЗ (ред. от 28.12.2016) "О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ". Закон Республики Крым от 25 июня 2015 года № 117-ЗРК/2015 «Об административных правонарушениях в Республике Крым» был принят с учетом всех необходимых рекомендаций для законов субъектов, основанных на положениях КоАП РФ, в том числе установленных Федеральным законом от 31.12.2014 N 514-ФЗ.

Развитие законодательства об административных правонарушениях свидетельствует о совершенствовании организационно-правовых механизмов, трансформации общественных отношений, появлений новых, в качестве адекватной реакции, вызванной трансформацией современных вызовов и угроз. За период с 2015 по 2025 год было принято более 55 поправок в Закон Республики Крым № 117-ЗРК/2015 «Об административных правонарушениях в Республике Крым».

Обращает на себя внимание социальная направленность вносимых изменений и дополнений в законодательство об административных правонарушениях. В 2019 г. введена статья 2.4, которой предусмотрена административная ответственность за нарушение законодательства о квотировании рабочих мест для трудоустройства отдельных категорий граждан[3]. В связи с этим, как отмечают исследователи, Закон РК от 2 июля 2014 г. №24-ЗРК «О квотировании и резервировании рабочих мест для инвалидов и граждан, особо нуждающихся в социальной защите» стал исполняться на территории республики, а права указанных лиц в данном законе начали соблюдаться[4].

30 июня 2020 г. Законом РК № 100-ЗРК/2020 были внесены изменения в Закон РК «Об административных правонарушениях», которыми установлены меры по защите прав несовершеннолетних в сфере охраны здоровья от негативного воздействия сосательных и жевательных смесей, содержащих никотин и/или его производные[5].

В 2024 году законодательство было дополнено административной ответственностью за склонение беременной женщины к искусственному прерыванию беременности. Под таковым понимается совершение действий с целью понуждения ее к такому шагу путем уговоров, подкупа, обмана, шантажа, использования ее служебной зависимости при исполнении трудовых (должностных) обязанностей, в случаях если эти действия не содержат состава административного правонарушения, предусмотренного КоАП РФ, и уголовно наказуемого деяния.

Вместе с тем, существует ряд нерешенных проблемных вопросов. Статьей 3.12. Закона Республики Крым от 30 мая 2019 года N 598-ЗРК/2019 «О внесении изменений в статьи 3.12 и 5.2 Закона Республики Крым "Об административных правонарушениях в Республике Крым"[6] «Нарушение Правил обеспечения безопасности людей на водных объектах Республики Крым», установленных Советом министров Республики Крым, установлена ответственность за открытие и использование пляжа без паспорта пляжа, необеспечение исполнения функций спасательным постом, необеспечение узнаваемости матросов-спасателей спасательного поста среди посетителей пляжа, неисполнение обязанностей по оборудованию пляжа профилактическими стендами, содержащими сведения о пользователе пляжа, купание в местах, где выставлены щиты (аншлаги) с предупреждающими и запрещающими знаками и надписями. Так, до настоящего времени не введены меры административной ответственности за нарушение правил охраны жизни людей на водных объектах на территории Республики Крым, нормы, определяющие административную ответственность за пренебрежение правилами техники безопасности на всех туристических объектах (транспорт, аттракционы, экскурсионные объекты и так далее). Наступление курортного сезона на полуострове влечет за собой повышение активности жителей и гостей полуострова на водных объектах. С каждым сезоном растет количество пострадавших из-за «лихачества» или нарушения правил выхода в море в шторм лицами, предоставляющими экскурсионные услуги или морские прогулки на маломерных суднах. Внесение изменений в статьи 3.12 и 5.2 Законом Республики Крым от 30 мая 2019 года № 598-ЗРК/2019, которым введена ответственность за нарушение маломерными судами запрета на приближение к границам участка акватории водного объекта, отведенного для купания, не учитывает всех аспектов описанных проблем.

---

[1] Определение Верховного Суда РФ от 11.12.2013 N 57-АПГ13-6 Об отмене решения Белгородского областного суда от 26.08.2013 в части отказа в удовлетворении заявления и признании недействующими статей 2.5, 2.6, 2.7, 2.8, 2.18, 3.1, 3.2, 3.4, 3.9, 3.12, 3.17, 6.1.1, 6.1.2, 6.15, 6.21, 6.23, 6.24 Закона Белгородской области от 04.07.2002 N 35 "Об административных правонарушениях на территории Белгородской области". https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=379713#0x8AM7VCkAck0Yr62

[2] Определение Верховного Суда РФ от 14.08.2013 N 78-АПГ13-15 Об оставлении без изменения решения Санкт-Петербургского городского суда от 14.05.2013, которым удовлетворено заявление в части признания недействительным пункта 3 статьи 51 Закона Санкт-Петербурга от 12.05.2010 N 273-70 "Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге". https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=353014#CNbAM7VSq1xQN6tV1

[3] Закон Республики Крым от 09 января 2019 года N 562-ЗРК/2019 «О внесении изменений в Закон Республики Крым "Об административных правонарушениях в Республике Крым" от 09 января 2019. docs.cntd.ru https://docs.cntd.ru/document/550313239

[4] Волков В. Ю., Клемешев В. Б. Законодательство об административных правонарушениях Республики Крым: становление и перспективы развития. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 5 (71). № 4. – С. 231-240.

[5] Закон Республики Крым от 30 июня 2020 года N 100-ЗРК/2020 «О внесении изменений в Закон Республики Крым "О здравоохранении в Республике Крым" и Закон Республики Крым "Об административных правонарушениях в Республике Крым". https://docs.cntd.ru/document/570845411

[6] Закон Республики Крым от 30 мая 2019 года N 598-ЗРК/2019 «О внесении изменений в статьи 3.12 и 5.2 Закона Республики Крым "Об административных правонарушениях в Республике Крым". https://docs.cntd.ru/document/553319902

Что касается санкций за нарушение административного законодательства, то, как отмечал Конституционный Суд РФ, размеры административных штрафов должны соотноситься с характером и степенью общественной опасности правонарушений и обладать разумным сдерживающим эффектом, необходимым для соблюдения находящихся под защитой административно-деликтного законодательства запретов[1]. Несоразмерными, в этом ключе, представляются меры административной ответственности, установленные статьями 4.1 и 4.2, соотнесенные с возможным ущербом. Так, за незаконное повреждение, удаление (снос, уничтожение) зеленых насаждений на землях, находящихся в собственности Республики Крым, за причинение вреда редким и находящимся под угрозой исчезновения видам животных, растений или других организмов, занесенных в Красную книгу Республики Крым, в том числе их уничтожение, установлен административный штраф на граждан в размере от одной тысячи до пяти тысяч рублей. Представляется целесообразным при назначении административного наказания учитывать различные факторы, в том числе: размер ущерба, причиненного правонарушением, что должно найти отражение в нормах законодательства субъекта об административных правонарушениях.

В рассматриваемом Законе отсутствуют также нормы, предусматривающие административную ответственность за правонарушения в сфере охраны собственности, землепользования, градостроительства, сельского хозяйства, нарушение режимов охраны и использования особо охраняемых природных территорий регионального значения, загрязнение вод, нарушение экологических требований, сброс или поступление иным способом загрязняющих веществ на рельеф местности.

Правоприменительная практика обозначила проблему исполнения административных правонарушений нерезидентами Российской Федерации, гражданами иностранный государств и лицами без гражданства. Наглядно описывает данную проблему Абаулин О.Д. на примере ситуации, когда «иностранный гражданин, находясь в отпуске, совершил административные правонарушения, за которые привлечен к административной ответственности, где общая сумма штрафов составила 31 тысячу рублей. Не исполнив требования указанные в постановлениях о назначении наказания, пересек государственную границу Российской Федерации и вернулся домой. После вступления в законную силу постановлений и по истечении 60 дневного срока, предусмотренного для добровольного исполнения, направление постановления на принудительное исполнение в ФССП не имеет смысла, т.к все действия будут безрезультатными[2]. Из этого можно сделать вывод о том, что в действующем законодательстве субъекта, и в КоАП РФ отсутствует норма об обеспечении исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях для указанных лиц. В этой связи представляется целесообразным, закрепление данных норм в виде запретов и ограничений, к примеру, по пересечению государственной границы на стадии назначения административного наказания и его исполнения. Организационно-правовым механизмом могла бы стать интеграция баз данных и обязанность проведения проверки на предмет установленных мер ответственности за совершенные правонарушения административного законодательства, как и других норм права (уголовного, гражданского). Кроме того, представляется целесообразным предусмотреть обеспечительные меры по исполнению административных правонарушений нерезидентами РФ.

Выводы: в соответствии с Федеральным конституционным законом от 21 марта 2014 года № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» был определен переходный период, в течение которого должны были быть всесторонне урегулированы вопросы интеграции. Основным направлением деятельности федеральных органов государственной власти и органов государственной власти Республики Крым и города федерального значения Севастополь стала подготовка нормативных правовых актов, предусматривающих интеграцию Республики Крым и города Севастополь в правовую систему Российской Федерации, при этом новые субъекты вправе были осуществлять собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов, которые не могли противоречить Конституции Российской Федерации и федеральным законам, в том числе по вопросам совместного ведения.

Одним из основных направлений выступало законодательство в административно-правовой сфере. Анализ трансформации административного законодательства в Республике Крым и Севастополе выявил различные подходы при его разработке и обнаружил проблемные вопросы, которые актуализируют усовершенствование федерального административного законодательства.

По результатам исследования разработаны предложения по усовершенствованию организационно-правовых механизмов федерального законодательства и законодательства субъектов РФ в административно-правовой сфере.

Список литературы:

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. N 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/
3. Водный кодекс Российской Федерации" от 03.06.2006 N 74-ФЗ (ред. от 31.07.2025). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60683/
4. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
5. Федеральный закон от 31.12.2014 N 514-ФЗ (ред. от 28.12.2016) "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации". https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173199/
6. Федеральный закон от 21.12.2021 N 414-ФЗ (ред. от 28.12.2025) "Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации". https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/
7. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/
8. Определение Верховного Суда РФ от 11.12.2013 N 57-АПГ13-6 Об отмене решения Белгородского областного суда от 26.08.2013 в части отказа в

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2014 N 4-П "По делу о проверке конституционности ряда положений статей 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1 и 19.7.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Арбитражного суда Нижегородской области и жалобами обществ с ограниченной ответственностью "Барышский мясокомбинат" и "ВОЛМЕТ", открытых акционерных обществ "Завод "Реконд", "Эксплуатационно-технический узел связи" и "Электронкомплекс", закрытых акционерных обществ "ГЕОТЕХНИКА П" и "РАНГ" и бюджетного учреждения здравоохранения Удмуртской Республики "Детская городская больница N 3 "Нейрон" Министерства здравоохранения Удмуртской Республики". https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159544/

[2] Абаулин О. Д. Проблематика исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях на территории Республики Крым. Научный журнал NovaUm.Ru - №25, 2020 г.

удовлетворении заявления и признании недействующими статей 2.5, 2.6, 2.7, 2.8, 2.18, 3.1, 3.2, 3.4, 3.9, 3.12, 3.17, 6.1.1, 6.1.2, 6.15, 6.21, 6.23, 6.24 Закона Белгородской области от 04.07.2002 N 35 "Об административных правонарушениях на территории Белгородской области". https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=379713#0x8AM7VCkAck0Yr62

9. Определение Верховного Суда РФ от 14.08.2013 N 78-АПГ13-15 Об оставлении без изменения решения Санкт-Петербургского городского суда от 14.05.2013, которым удовлетворено заявление в части признания недействительным пункта 3 статьи 51 Закона Санкт-Петербурга от 12.05.2010 N 273-70 "Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге". https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=353014#CNbAM7VSq1xQN6tV1

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2014 N 4-П "По делу о проверке конституционности ряда положений статей 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1 и 19.7.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Арбитражного суда Нижегородской области и жалобами обществ с ограниченной ответственностью "Барышский мясокомбинат" и "ВОЛМЕТ", открытых акционерных обществ "Завод "Реконд", "Эксплуатационно-технический узел связи" и "Электронкомплекс", закрытых акционерных обществ "ГЕОТЕХНИКА П" и "РАНГ" и бюджетного учреждения здравоохранения Удмуртской Республики "Детская городская больница N 3 "Нейрон" Министерства здравоохранения Удмуртской Республики". https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159544/

11. Закон Республики Крым от 25.06.2015 N 117-ЗРК/2015 (ред. от 02.12.2025) "Об административных правонарушениях в Республике Крым" (принят Государственным Советом Республики Крым 17.06.2015) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2026). https://rk.gov.ru/documents/39be6c20-4cbb-4e82-973c-405d134a59c9

12. Закон Республики Крым от 09 января 2019 года N 562-ЗРК/2019 «О внесении изменений в Закон Республики Крым "Об административных правонарушениях в Республике Крым" от 09 января 2019. docs.cntd.ru https://docs.cntd.ru/document/550313239

13. Закон Республики Крым от 30 мая 2019 года N 598-ЗРК/2019 «О внесении изменений в статьи 3.12 и 5.2 Закона Республики Крым "Об административных правонарушениях в Республике Крым". https://docs.cntd.ru/document/553319902

14. Закон Республики Крым от 30 июня 2020 года N 100-ЗРК/2020 «О внесении изменений в Закон Республики Крым "О здравоохранении в Республике Крым" и Закон Республики Крым "Об административных правонарушениях в Республике Крым". https://docs.cntd.ru/document/570845411

15. Закон Республики Крым от 9 января 2018 г. N 463-ЗРК/2018 "О внесении изменения в статью 3.11 Закона Республики Крым "Об административных правонарушениях в Республике Крым". https://base.garant.ru/43835184/

16. Закон Республики Крым от 2 июля 2014 г. № 24-ЗРК «О квотировании и резервировании рабочих мест для инвалидов и граждан, особо нуждающихся в социальной защите // Ведомости Государственного Совета Республики Крым. – 2014. - №1 (часть 2).

17. Закон города Севастополя от 17.04.2015 N 130-ЗС (ред. от 20.10.2015) "Об административных правонарушениях" (принят Законодательным Собранием г. Севастополя 14.04.2015). https://base.garant.ru/23705745/

18. Закон города Севастополя от 14.11.2014 N 79-ЗС "О признании утратившим силу Закона города Севастополя от 18 июня 2014 N 31-ЗС "Об административных правонарушениях" (принят Законодательным Собранием г. Севастополя 11.11.2014). https://base.garant.ru/23703213/

19. Закон города Севастополя от 18.06.2014 N 31-ЗС "Об административных правонарушениях" (принят Законодательным Собранием г. Севастополя 10.06.2014). https://base.garant.ru/23701295/

20. Постановление Законодательного Собрания города Севастополя от 11 ноября 2014 года № 44 "О протесте прокурора города Севастополя на Закон города Севастополя от 18 июня 2014 № 31-ЗС "Об административных правонарушениях". https://sevzakon.ru/view/laws/postanovleniya_zs/2014_god/o_proteste_prokurora_goroda_sevastopolya_na_zakon_goroda_sevastopolya_ot_18_iyunya_2014_n_31-zs/

Абаулин О. Д. Проблематика исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях на территории Республики Крым. Научный журнал NovaUm.Ru - №25, 2020 г.

36. Волков В. Ю., Клемешев В. Б. Законодательство об административных правонарушениях Республики Крым: становление и перспективы развития. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 5 (71). № 4. – С. 231-240.

37. Евсикова Е.В. Закон «Об административных правонарушениях в Республике Крым»: теоретические аспекты и проблемы правоприменения»// Общество и право. — № 4 (58). – 2016. – С. 155.

40. Макаренко Г.И. Некоторые аспекты регулирования административного законодательства в новых субъектах Российской Федерации. Экономика и социум. № 1-1 (14), 2015. – С.53-58. https://sciup.org/nekotorye-aspekty-regulirovanija-administrativnogo-zakonodatelstva-v-novyh-140110701

References:

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

2. Federal Constitutional Law No. 6-FKZ of March 21, 2014 "On the Admission of the Republic of Crimea to the Russian Federation and the Formation of New Subjects in the Russian Federation - the Republic of Crimea and the Federal City of Sevastopol". https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/

3. The Water Code of the Russian Federation" dated 06/03/2006 N 74-FZ (as amended on 07/31/2025). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60683/

4. "The Code of Administrative Offences of the Russian Federation" dated 12/30/2001 N 195-FZ (as amended on 12/29/2025) (as amended and supplemented, intro. effective from 01.01.2026). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/

5. Federal Law No. 514-FZ of December 31, 2014 (as amended on December 28, 2016) "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173199/

6. Federal Law No. 414-FZ of 12/21/2021 (as amended on 12/28/2025) "On the General Principles of the Organization of Public Authority in the Subjects of the Russian Federation". https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/

7. Federal Law No. 184-FZ dated 06.10.1999 "On the general principles of the organization of Legislative (representative) and executive bodies of State power of the subjects of the Russian Federation". https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/

8. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11.12.2013 N 57-APG13-6 On the cancellation of the decision of the Belgorod Regional Court dated 26.08.2013 regarding the refusal to satisfy the application and invalidation of articles 2.5, 2.6, 2.7, 2.8, 2.18, 3.1, 3.2, 3.4, 3.9, 3.12, 3.17, 6.1.1, 6.1.2, 6.15, 6.21, 6.23, 6.24 of the Law of the Belgorod region dated 04.07.2002 N 35 "On administrative offenses in the territory of the Belgorod region". https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=379713#0x8AM7VCkAck0Yr62

9. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08/14/2013 N 78-APG13-15 On the unchanged decision of the St. Petersburg City Court dated 05/14/2013, which satisfied the application regarding the invalidation of paragraph 3 of Article 51 of the Law of St. Petersburg dated 05/12/2010 N 273-70 "On Administrative offenses in St. Petersburg." https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=353014#CNbAM7VSq1xQN6tV1

10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 02/25/2014 N 4-P "On the case of checking the constitutionality of a number of provisions of Articles 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1 and 19.7.3 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in connection with the request of the Arbitration Court of the Nizhny Novgorod Region and the complaints of limited liability companies "Baryshsky Meat Processing Plant" and "VOLMET", opened joint-stock companies "Factory "Recond", "Operational and technical communications center" and "Electroncomplex", closed joint-stock companies "GEOTECHNIKA P" and "RANK" and the budgetary institution of public health of the Udmurt Republic "Children's City Hospital No. 3 "Neuron" of the Ministry of Health of the Udmurt Republic". https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159544/

11. The Law of the Republic of Crimea dated 25.06.2015 N 117-SAM/2015 (as amended on 02.12.2025) "On Administrative Offenses in the Republic of Crimea" (adopted by the State Council of the Republic of Crimea on 17.06.2015) (as amended and supplemented, effective 01.01.2026). https://rk.gov.ru/documents/39be6c20-4cbb-4e82-973c-405d134a59c9

12. Law of the Republic of Crimea dated January 09, 2019 No. 562-SAM/2019 "On Amendments to the Law of the Republic of Crimea "On Administrative Offenses in the Republic of Crimea" dated January 09, 2019. docs.cntd.ru https://docs.cntd.ru/document/550313239

13. Law of the Republic of Crimea dated May 30, 2019 No. 598-SAM/2019 "On Amendments to Articles 3.12 and 5.2 of the Law of the Republic of Crimea "On Administrative Offenses in the Republic of Crimea". https://docs.cntd.ru/document/553319902

14. Law of the Republic of Crimea dated June 30, 2020 No. 100-SAM/2020 "On Amendments to the Law of the Republic of Crimea "On Healthcare in the Republic of Crimea" and the Law of the Republic of Crimea "On Administrative Offenses in the Republic of Crimea". https://docs.cntd.ru/document/570845411

15. Law of the Republic of Crimea dated January 9, 2018 No. 463-SAM/2018 "On Amendments to Article 3.11 of the Law of the Republic of Crimea "On Administrative Offenses in the Republic of Crimea". https://base.garant.ru/43835184/

16. The Law of the Republic of Crimea dated July 2, 2014 No. 24-SAM "On quotas and reserving jobs for the disabled and citizens in special need of social protection // Vedomosti of the State Council of the Republic of Crimea. – 2014. - No. 1 (part 2).

17. The Law of the City of Sevastopol dated 04/17/2015 N 130-The Law (as amended on 10/20/2015) "On Administrative Offenses" (adopted by the Legislative Assembly of Sevastopol on 14.04.2015). https://base.garant.ru/23705745/

18. The Law of the City of Sevastopol dated 11/14/2014 N 79-ZS "On invalidation of the Law of the City of Sevastopol dated June 18, 2014 N 31-ZS "On Administrative Offenses" (adopted by the Legislative Assembly of Sevastopol on 11/11/2014). https://base.garant.ru/23703213 /

19. The Law of the city of Sevastopol dated 06/18/2014 N 31-ZS "On administrative offenses" (adopted by the Legislative Assembly of Sevastopol on 06/10/2014). https://base.garant.ru/23701295/

20. Resolution of the Legislative Assembly of the City of Sevastopol dated November 11, 2014 No. 44 "On the protest of the Prosecutor of the City of Sevastopol against the Law of the City of Sevastopol dated June 18, 2014 No. 31-ZS "On Administrative Offenses". https://sevzakon.ru/view/laws/postanovleniya_zs/2014_god/o_proteste_prokurora_goroda_sevastopolya_na_zakon_goroda_sevastopolya_ot_18_iyunya_2014_n_31-zs/

Abaulin O. D. Problems of execution of rulings in cases of administrative offenses in the territory of the Republic of Crimea. Scientific journal NovaUm.Ru - No. 25, 2020

36. Volkov V. Yu., Klemeshev V. B. Legislation on administrative offenses of the Republic of Crimea: formation and prospects of development. Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2020. Vol. 5 (71). No. 4. pp. 231-240.

37. Evsikova E.V. The Law "On Administrative offenses in the Republic of Crimea": theoretical aspects and problems of law enforcement// Society and Law. — № 4 (58). – 2016. – P. 155.

40. Makarenko G.I. Some aspects of the regulation of administrative legislation in the new subjects of the Russian Federation. Economics and society. No. 1-1 (14), 2015. pp.53-58. https://sciup.org/nekotorye-aspekty-regulirovanija-administrativnogo-zakonodatelstva-v-novyh-140110701

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_695

УДК 342.5

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ECONOMIC FUNCTIONS OF THE STATE: PUBLIC-LEGAL INTERPRETATION

ЯКИМОВА Екатерина Михайловна
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права,
Байкальский государственный университет,
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11,
e-mail: yakimova_katerin@mail.ru.

YAKIMOVA Ekaterina Mihailovna
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Chair, Chair of Constitutional and Administrative Law,
Baikal State University,
11 Lenin St., 664003, Irkutsk,
e-mail: yakimova_katerin@mail.ru.

Краткая аннотация: *В статье определены возможные варианты исследования публично-правового пространства с позиции реализации экономических функций государства. Использование теоретико-правовой конструкции экономическая функция государства позволяет рассмотреть вопрос об основах построения государства и осуществлении государственного управления с учетом деятельностного подхода. Сделаны выводы о важности учета правовой и экономической природы экономических функций государства в процессе планирования и реализации государственно-управленческой, правотворческой и правоприменительной деятельности, в том числе при осуществлении конституционного правосудия.*

Abstract: *The article identifies possible options for exploring the public legal space from the standpoint of implementing the economic functions of the state. The use of the theoretical and legal construction of the economic function of the state makes it possible to consider the question of the foundations of the construction of the state and the implementation of public administration, taking into account the activity approach. Conclusions were drawn on the importance of taking into account the legal and economic nature of the economic functions of the state in the process of planning and implementation of state-managerial activities, law-making and law enforcement activities, including in the implementation of constitutional justice.*

Ключевые слова: *государство, экономическая функция, государственная политика, государственное управление, правотворчество, правоприменение.*

Key words: *state, economic function, public policy, public administration, law-making, law enforcement.*

Для цитирования: *Якимова Е.Н. Экономические функции государства: публично-правовое измерение // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 695-697. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_695.*

For citation*: Yakimova E.N. Economic functions of the State: public-legal dimension // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 695-697. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_695.*

Статья поступила в редакцию: 29.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Государственное управление осуществляется за счет множества процессов, сложившихся за долгое время их реализации в четко определенный механизм, работающий по определенной схеме из года в год. Изменение в функционировании механизма происходит прежде всего под влиянием внутренних и внешних угроз, при этом базовые принципы пересматриваются редко. Улучшению механизма государственного управления посвящено большое число научных работ, однако в настоящем исследовании ставится цель дать оценку не «настройке» механизма государственного управления под сложившуюся ситуацию, а базовым основам его формирования и функционирования.

Взаимосвязь экономики, политики и права многогранна [см. 9]. Во многом их взаимодействие оценивается через понимание места и роли государства в жизни общества. Если упрощенно интерпретировать теорию общественного договора, базовые потребности общества определяют направления работы государства именно на решение тех задач, которые общество не может реализовать самостоятельно или предпочитает реализовать не за счет самоорганизации, что приводит к передаче функций государству. Иные теории происхождения государства также исходят из важности функции государства в решении приоритетных задач, в том числе задач экономических. Важнейшим инструментом при любом подходе признается право.

Стоит учитывать, что государственное регулирование следует отличать от правового регулирования, несмотря на то, что их, как правило, отождествляют. «Отождествление государственного и правового регулирования обусловлено господствующим в отечественной юриспруденции позитивистским пониманием права как совокупности (системы) норм, установленных или санкционированных государством, которое порочно в своей основе, поскольку в определенных случаях признает правом исходящий от государства произвол. Не следует считать правом все нормы, установленные или санкционированные государством, поскольку в этих нормах может закрепляться произвол» [7, с. 37-38]. С учетом понимания данного различия выстраивается взаимодействие государства и общества на основе сформированных норм и их реализации.

В этой связи более ценной является иная парадигма права — понимание права как свободы, возможности поведения участников общественных отношений. Свобода поведения участников общественных отношений, закрепленная государством в юридических нормах и гарантированная им, «придает этим нормам и законам государства правовое качество, делает их правовыми. Вследствие этого правовым может считаться только такое государственное регулирование, которое осуществляется правовыми законами. Если же государственное регулирование осуществляется неправовыми законами, такое регулирование правовым считаться не может. В лучшем случае оно может презюмироваться как правовое,

пока в законном порядке эта презумпция не будет опровергнута» [6; 7].

Государственное и правовое регулирование не совпадают еще и потому, что правовое регулирование может быть не только государственным, но и негосударственным. Негосударственное правовое регулирование имеет место как в догосударственном, так и в государственно-организованном обществе. В догосударственном обществе оно осуществляется обычным правом, возникновение которого не связано с государственным санкционированием. В государственно-организованном обществе оно осуществляется негосударственными правовыми нормами, которые могут существовать наряду с государственными правовыми нормами (нормами позитивного права). Такими нормами могут быть, например, нормы религиозных правовых систем. При этом не стоит сводить возможности негосударственного регулирования только к регулированию общественных отношений иными источниками, исключая правовые акты, поскольку даже если вся правовая система строится на основе правовых актов, разработанных и санкционированных государством, есть место и регулированию, исходящему от институтов гражданского общества.

Несмотря на то, что вопрос о соотношении государственного и правового регулирования является важным для определения механизма функционирования государства вопросом, требует внимания не только механическая оценка деятельности государства, но и ценностный ориентир всей деятельности государства, поскольку через механизм возможна реализации какой-то цели и именно цель определяет базовые установки механизма. В данной связи внимание должно смещаться, в том числе и на понимание функций государства в контексте возможных направлений воздействия с помощью правовых норм на общественные отношения.

Многозначность понятия «функция» обусловлена многогранностью выражаемых им отношений, связей, действий. В целом в общей теории государства и права под функциями государства принято понимать определяемые сущностью и социальным назначением государства основные направления его воздействия на общественные отношения в ходе осуществления задач и целей, стоящих перед обществом. Иными словами, в процессе осуществления государственного и правового регулирования государство ориентируется на определенные базовые цели по различным направлениям: экономическому, политическому, социальному.

Для любого государства выполнение экономических функций – приоритетная цель, при этом формулирование содержание экономических функций государства весьма нетривиальная задача.

Отражает действительность утверждение, что современная экономическая наука не выработала единого подхода к определению экономических функций государства. Так, «в работах разных российских авторов количество экономических функций государства варьируется от 3 до 12. Принципиально различный подход к функциям государства в экономике разделяет современное экономическое сообщество на два противоположных лагеря – либералов и дирижистов» [5, с. 268]. При этом либеральный «минимум» составляет такие функции как «обеспечение законности и правопорядка («функция ночного сторожа»), оборона и защита от внешних угроз, макроэкономическая стабильность (борьба с инфляцией и обеспечение устойчивости национальной валюты)» [5, с. 269], то есть поддержание устойчивого развития государства, обеспечение условий для развития экономической активности.

Правовая наука также уделяет внимание категории экономическая функция государства. Как и среди экономистов, в понимании экономических функций государства правоведы исходят из оценочной приоритетности того или иного направления его деятельности в сфере экономики. Публично-правовую природу экономических функций государства ярко иллюстрирует представление о том, что регулирование экономических отношений выражается в выработке и координации государством развития экономики страны в наиболее оптимальном режиме [см. 1] с помощью определения основных направлений государственной экономической политики и деятельности органов публичной власти по разработке, установлению, реализации и контролю распределительных или запретительных механизмов. Следовательно, публично-правовая характеристика экономических функций государства лежит в сфере определения государственной экономической политики, правотворчества и правоприменения.

Систему государственной экономической политики в современной России можно представить как совокупность институциональных компонентов этой системы и связей, возникающих между ними, выраженных во взаимных правах и обязанностях, установленных в нормативно-правовых актах федерального, регионального, местного уровней. Данная политика строится на компромиссе между идеями кейнсианства и либертарианства по варианту значительного влияния государства на экономические процессы [см. 2; 3].

Организационными средствами государственной политики является деятельность органов публичной власти по реализации правовых установлений. Важнейшее значение в формировании и реализации как государственной экономической политики имеет деятельность различных публичных институций федерального, регионального и местного уровней. В частности, в Указе Президента России от 07 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» определены такие приоритетные цели в экономической сфере, как экологическое благополучие, устойчивая и динамичная экономика, технологическое лидерство, цифровая трансформация публичного управления и экономики. Следовательно, именно данные направления в дальнейшем претворяются в разрабатываемых нормативно-правовых актах.

Правотворчество в экономической сфере является продолжением государственной экономической политики [см. 8] и представляет собой целенаправленную деятельность компетентных органов публичной власти по принятию правовых норм для регулирования экономических отношений, обеспечения порядка на рынке, защиты прав собственности и интересов участников (бизнеса, граждан), а также стабилизации экономики. Речь идет как о принятии законов, так и подзаконных актов в сфере охраны частной собственности, защите прав потребителей, таможенном, налоговом регулировании, защиты конкуренции и т.д.. При этом, как и в любой сфере, законодательное и подзаконное регулирование закрывает различные задачи и функционально отличается: закон устанавливает основные правила (первичное регулирование), а подзаконные акты конкретизируют их и регулируют детализирующие вопросы (вторичное регулирование). К примеру, Налоговый кодекс Российской Федерации создает

базу налогового регулирования, причем делает это весьма обстоятельно в силу положений статьи 1 указанного кодекса закрепившей, что российское законодательство о налогах и сборах состоит из самого кодекса и принятых в соответствии с ним федеральных *законов* о налогах, сборах, страховых взносах. Роль подзаконного регулирования состоит в определении особенностей администрирования уплаты налогов и сборов, мероприятий по осуществлению налогового контроля. Так, в силу статьи 4 НК РФ Правительство РФ, ФНС России, органы исполнительной власти субъектов РФ, исполнительные органы местного самоуправления по общему правилу не могут изменять или дополнять законодательство о налогах и сборах.

Правоприменительная практика в экономической сфере характеризует реализацию правовых норм. Субъекты правоприменительной деятельности по-разному влияют на развитие экономики. Часть субъектов, прежде всего это органы публичной власти исполнительно-распорядительного характера, осуществляют реализацию законов, охрану порядка и борьбе с экономической преступностью. Другие органы, прежде всего суды и контрольно-надзорные органы, реализуют функцию по защите экономических прав и свобод индивидуальных и коллективных субъектов. Особое место в системе правоприменительных органов занимает Конституционный Суд Российской Федерации [см. 4], который выполняет ведущую роль в обеспечении конституционной защищенности экономической системы. Поддержание конституционной законности в экономической сфере осуществляется Конституционным Судом по следующим основным направлениям: раскрытие сущности конституционных принципов рыночных отношений, уравновешивание бинарных конституционных ценностей функционирования экономической системы, обеспечение баланса публичных и частных интересов в экономических отношениях, нейтрализация правовых дисбалансов при регулировании отдельных видов экономических правоотношений.

Таким образом, экономические функции государства выполняют цементирующую роль в формировании, реализации приоритетных целей экономического развития в публично-правовом пространстве. Их формулирование в документах стратегического характера привносит элемент упорядоченности в экономическую систему.

Список литературы:

1. Анцупов, В. В. Экономическая функция государства: автореф. дис.… канд. юрид. наук : 12.00.01 / Анцупов Владислав Владимирович. – Красноярск, 2004. – 26 с.
2. Арбатская, Ю. В. Влияние отдельных финансово-правовых институтов на инновационное развитие России / Ю. В. Арбатская, Н. В. Васильева, М. М. Винокурова. – Иркутск : Байкальский государственный университет, 2014. – 166 с.
3. Добрынин, А. И. Мировой экономический кризис и трансформация рыночной модели хозяйства / А. И. Добрынин, Г. П. Журавлева // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2010. – № 6. – С. 5-15.
4. Игнатенко, В. В. Действие решений Конституционного Суда Российской Федерации: влияние конституционных изменений / В. В. Игнатенко, А. А. Петров // Академический юридический журнал. – 2021. – Т. 22, № 3(85). – С. 193-201.
5. Положихина, М. А. Экономические функции государства: отечественные теории и практика / М. А. Положихина // Современное государство: Политико-правовые и экономические исследования : Сб. науч. тр.. – Москва, 2010. – С. 267-280.
6. Пьянов, Н. А. К понятию государственного регулирования / Н. А. Пьянов // Проблемы современного российского законодательства, Иркутск, 24 октября 2013 года. – Иркутск: Российская правовая академия Министерства юстиции Российской федерации, 2013. – С. 52-57.
7. Пьянов, Н. А. О государственном регулировании общественных отношений / Н. А. Пьянов // Ленинградский юридический журнал. – 2011. – № 2(24). – С. 36-44.
8. Хаитов, Г. А. К вопросу об обеспечении качества нормативных правовых актов: бюджетно-правовой аспект / Г. А. Хаитов // Baikal Research Journal. – 2024. – Т. 15, № 2. – С. 380-389.
9. Якимова, Е. М. Взаимовлияние политики, права и экономики в современном государстве / Е. М. Якимова // Основные направления государственной политики России в сфере обеспечения национальной безопасности : Материалы международной научно-практической конференции, Иркутск, 27 апреля 2018 года. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2018. – С. 244-250.

References:

1. Antsupov, V. V. The economic function of the state: abstract of the dissertation.... kand. jurid. Sciences : 12.00.01 / Antsupov Vladislav Vladimirovich. – Krasnoarsk, 2004. – 26 p.
2. Arbatskaya, Yu.V. The influence of individual financial and legal institutions on the innovative development of Russia / Yu. V. Arbatskaya, N. V. Vasilyeva, M. M. Vinokurova. Irkutsk : Baikal State University, 2014. 166 p.
3. Dobrynin, A. I. The global economic crisis and the transformation of the market model of the economy / A. I. Dobrynin, G. P. Zhuravleva // Izvestiya Irkutsk State Academy of Economics, 2010– No. 6, pp. 5-15.
4. Ignatenko, V. V. The effect of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation: the impact of constitutional changes / V. V. Ignatenko, A. A. Petrov // Academic Law Journal, 2021, vol. 22, No. 3(85). – Pp. 193-201.
5. Polozhikhina, M. A. Economic functions of the state: domestic theories and practice / M. A. Polozhikhina // The modern State: Political, Legal and Economic Research : Collection of Scientific Papers, Moscow, 2010, pp. 267-280.
6. Pyanov, N. A. Towards the concept of state regulation / N. A. Pyanov // Problems of modern Russian legislation, Irkutsk, October 24, 2013. Irkutsk: Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, 2013, pp. 52-57.
7. Pyanov, N. A. On the state regulation of public relations / N. A. Pyanov // Leningrad Law Journal. – 2011. – № 2(24). – Pp. 36-44.
8. Khaitov, G. A. On the issue of quality assurance of regulatory legal acts: budgetary and legal aspect / G. A. Khaitov // Baikal Research Journal. – 2024. – Vol. 15, No. 2. – pp. 380-389.
9. Yakimova, E. M. The mutual influence of politics, law and economics in the modern state / E. M. Yakimova // The main directions of Russia's state policy in the field of national security : Proceedings of the international scientific and practical conference, Irkutsk, April 27, 2018. Irkutsk: Baikal State University, 2018, pp. 244-250.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_698

УКД 342.76

ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС ПРИСЯГИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
THE RESTRICTIVE RESOURCE OF THE OATH IN THE RUSSIAN FEDERATION

ЧАПЛИЦКИЙ Федор Федорович
старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности полиции Московского областного филиала Московского ордена Почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
143103, Россия, Московская обл., Рузский муниципальный округ, п. Старотеряево, Тер. МОФ МосУ имени В.Я. Кикотя, д. 1.
e-mail: chapliczk@mail.ru

ПРИТУЛИНА Ирина Юрьевна
преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина.
308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.
e-mail: LukyanovaLu22@yandex.ru

CHAPLITSKY Fedor Fedorovich
Senior Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Police Moscow Regional Branch of the Moscow Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot.
143103, Russia, Moscow Region, Ruza Municipal District, Staroteryaevo Village, Territory of the Moscow University named after V.Ya. Kikot, Building 1
e-mail: chapliczk@mail.ru

PRITULINA Irina Yurievna
Lecturer of the Department of Administrative and Legal Disciplines Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putilin.
308024, Russian Federation, Belgorod, Gorky Street, 71.
e-mail: LukyanovaLu22@yandex.ru

***Краткая аннотация**. В статье продемонстрирован авторский подход к проявлению конституционно-правового смысла института присяги в Российской Федерации. Исследуется ограничительный ресурс присяги, рассматриваемый в единстве правовых и морально-этических механизмов, заложенных в акте ее принятия. Установлено, что формирование ограничительного ресурса присяги основано на трех аспектах: обязывании ее принятия, добровольном признании правовых самоограничений, вытекающих из специфики приобретаемого правового статуса, и юридически негативных последствий неисполнения обязываний, содержащихся в тексте клятвы.*

***Abstract:** The article demonstrates the author's approach to the manifestation of the constitutional and legal meaning of the institution of the oath in the Russian Federation. The article examines the restrictive resource of the oath, considered in the unity of the legal and moral-ethical mechanisms laid down in the act of its adoption. It is established that the formation of the restrictive resource of the oath is based on three aspects: the obligation to accept it, the voluntary recognition of legal self-restrictions arising from the specifics of the acquired legal status, and the legally negative consequences of non-fulfillment of obligations contained in the text of the oath.*

***Ключевые слова**: присяга, ограничительный ресурс, конституционно-правовой институт, конституционные права и свободы личности, обязанность, ответственность.*

***Keywords.** Oath, restrictive resource, constitutional and legal institution, constitutional rights and freedoms of the individual, duty, responsibility.*

***Для цитирования:** Чаплицкий Ф.Ф., Притулина И.Ю. Ограничительный ресурс присяги в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 698-700. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_698.*

***For citation**: Chaplitsky F.F., Pritulina I.Yu. The restrictive resource of the oath in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 698-700. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_698.*

Статья поступила в редакцию: 17.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Конституция Российской Федерации ч. 3 своей ст. 55 предусмотрела допущение ограничительного воздействия в отношении реализации личностью своих конституционных прав и свобод[1]. Причем у авторов статьи имеются веские основания предполагать, что в числе конституционно-правовых форм ограничения прав и свобод личности – принесение присяги. Однако же присяга – есть не классический вариант ограничительного воздействия на права и свободы личности в разрезе их конституционно-правового статуса, а лишь ресурс его экспликации. Внимание авторов особо привлекает реализация конституционно-правового механизма ограничительного ресурса присяги, что и выступает объектом настоящего научного исследования.

Институт присяги довольно обширен, что обусловлено многообразием сфер его функционирования. Присяга, действительно, относится к тем признакам, которые можно причислить к атрибутам правового статуса публичных субъектов [6].

Применительно к конституционной сфере, по словам М.В. Мархгейм, «присяга может приобретать дополнительные черты, например, предусматриваться конституцией страны; адресоваться определенным конституционным субъектам; получать конституционную формализацию текста иногда с упоминанием чего-либо священного и ценностно значимого. В связи с присягой могут прописываться условия и порядок ее принесения, последствия не принесения или принесения с оговорками» [5, с. 61].

Понятие присяги не имеет единой интерпретации. Так, в отдельных случаях присяга рассматривается в качестве «юридического факта», выражающегося в принятии официальной клятвы и изменении правового статуса субъекта ее принятия (Н.Г. Русакова) [9, с. 6]; «текстуально

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. – 2022.

оформленных правовых установлений», которые влекут за собой приобретение особого правового статуса и возникновение негативных правовых последствий в случае их нарушения (Ф.Ф. Чаплицкий) [10, с. 6]; официальной торжественной клятвы (правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации[1]).

Принятие присяги знакомо институтам вступления в гражданство (ст. 21 Федерального закона от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»[2]); поступления на государственную службу различных видов (например, ст. 10 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»[3], ст. 8 Закона от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»[4]); адвокатуры (ст. 13 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»[5]); добровольческих формирований (Указ Президента Российской Федерации от 25.08.2023 № 639 «О приведении отдельных категорий лиц к присяге»[6]) и мн. др.

Анализ представленных и иных нормативных правовых актов, прямо предусматривающих принятие отдельными категориями граждан присяги, показал, что ее принятие является непосредственно не правом, а императивно установленной обязанностью. Об этом свидетельствуют нормативно определенные фразы и словосочетания, встречающиеся в текстах нормативных правовых актов различной юридической силы, такие как «приносит Присягу», «обязаны принести Присягу», «приводится к Присяге». И в этом, как раз-таки, проявляется один из аспектов реализации конституционно-правового механизма ограничительного ресурса присяги, а именно, в установлении формализованной обязанности принять присягу любому, кто желает стать обладателем нового правового статуса. Соответственно, отклонение от обязанности лица принять присягу влечет за собой отказ со стороны органов публичной власти способствовать в приобретении такого статуса [7, с. 263].

Императивно установленная обязанность по принятию присяги, как один из первичных аспектов реализации конституционно-правового механизма ее ограничительного ресурса, порождает формирование второго аспекта – самоограничения [1, с. 6]. В указанном контексте ограничительный ресурс присяги выражается в добровольно принятом на себя обязательстве, предполагающем выдвижение публичных интересов в приоритет над частными. С конституционно-правовой точки зрения это проявляется в сужении сферы реализации определенных прав и свобод (например, конституционного права на свободу мысли и слова (ч. 1 ст. 29), права на свободу предпринимательской деятельности (ч. 1 ст. 34) и др.).

При этом следует обратить внимание на тот факт, что сами по себе тексты присяги для различных категорий субъектов не содержат так называемых ограничений в их привычном для конституционно-правовой доктрины понимании (ч. 3 ст. 55). Как правило, диспозиции «присяжных норм» устанавливают обязанности присягаемого лица по соблюдению требований действующего законодательства и морально-этических предписаний, неукоснительному исполнению ими своих должностных и иных обязанностей, защите конституционных ценностей, уважению прав и свобод других лиц [4, с. 109]. И в представленном конституционно-правовом смысле речь должна идти лишь об имманентных ограничительных свойствах официальной клятвы, находящей отражение в текстах присяги.

Самоограничение представляет собой конституционно-правовой феномен, характеризующийся осознанным и добровольным отказом индивида от реализации своих прав и свобод, который, к тому же, не связан с применением к субъекту мер государственного принуждения в смысле ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. Несмотря на его добровольный характер, самоограничение в праве направлено на достижение конституционно-значимых целей, которые выражаются в защите конституционных ценностей (прав и свобод других лиц, безопасности государства, обороноспособности страны, основ конституционного строя, нравственности, традиционных ценностей и т.д.).

Принимая обязательства, содержащиеся в тексте присяги, лицо добровольно возлагает на себя отдельные ограничения его конституционных прав и свобод, которые, в свою очередь, предусмотрены соответствующими нормами федерального законодательства. И в указанном смысле присяга выступает не в качестве прямого ограничения прав и свобод личности, а как условие приобретения ей определенного конституционно-правового статуса, который сам по себе предполагает возложение на субъекта правоограничений.

В наибольшей степени ограничительный ресурс присяги как конституционно-правового института проявляется в третьем его аспекте, а именно, в наличии юридических последствий неисполнения клятв, содержащихся в тексте присяги. Причем указанный аспект подвержен активной дискуссии на просторах научного сообщества. Так, особое внимание Д.Е. Гончарова и Д.А. Бражникова привлекли вопросы правового статуса присяги в таможенных органах [3, с. 32]. Вопросы привлечения к конституционной ответственности судей за нарушение присяги волновали Е.Н. Овчаренко [8, с. 240]. Интерес авторов вызывают проблемы привлечения сотрудников органов внутренних дел к ответственности за нарушение присяги (И.Н. Ванюшина [2, с. 27]).

Присяга представляет собой юридический факт, посредством которого отдельные субъекты принимают на себя обязательства, установленные законом. Из этого следует, в том числе, что и правовые последствия неисполнения обязательств, предусмотренных присягой, должны быть едины для всех лиц, ее принимающих. И если в отношении государственных служащих имеется определенная ясность, то касательно обычных граждан вопрос остается открытым.

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 06.06.2022 № 24-П «По делу о проверке конституционности подпункта «в» пункта 1 статьи 43 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина М.В. Бердникова» // Собрание законодательства РФ. – № 25. – 2022. – Ст. 4392.
[2] Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – № 18. – 2023. – Ст. 3215.
[3] Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – № 13. – 1994. – Ст. 1447.
[4] Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 28.12.2025) «О статусе судей в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 26. – Ст. 2399.
[5] Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – № 23. – 2002. – Ст. 2102.
[6] Указ Президента Российской Федерации от 25.08.2023 № 639 «О приведении отдельных категорий лиц к присяге» // Собрание законодательства РФ. – № 35. – 2023. – Ст. 6634.

Так, лица, принимающие присягу в связи с поступлением на государственную службу и вступлением в должность, подлежат, как правило, дисциплинарной ответственности за ее нарушение. Привлечение государственных служащих к дисциплинарной ответственности осуществляется в порядке и на основаниях, предусмотренных федеральными законами, актами внутреннего свойства и дисциплинарными уставами. Указанное замечание вполне применимо и к иным лицам, например, нотариусам, адвокатам, частным охранникам и детективам, участникам добровольных формирований и т.д.

Несение дисциплинарной ответственности связано с характером нарушений. Присяга содержит в своем тексте ряд обязательств, которые государственные служащие и иные выше упомянутые субъекты, принимают при вступлении в соответствующую должность.

Несколько иначе дело обстоит при вступлении в гражданство Российской Федерации. Так, текст присяги гражданина Российской Федерации предполагает исполнение обязанности по соблюдению норм Конституции и законов, прав и свобод других граждан, защите свободы и независимости Российского государства, уважению его культурной самобытности, исторических особенностей и национальных традиций. И в силу того, что между гражданином, принимающим присягу, и государством не возникает служебных правоотношений, дисциплинарная ответственность не наступает. Между тем, за нарушение обязательств, проявленных в тексте присяги гражданина Российской Федерации, такие лица несут иные виды юридической ответственности (административную, уголовную, гражданско-правовую).

Таким образом, ограничительный ресурс присяги проявляется в следующем. Во-первых, присяга представляет собой юридический факт или, по-другому, условие, предпосылку изменения правового статуса субъекта, предполагающего наложение на него дополнительных обязанностей, ограничений и запретов. Во-вторых, присяжные правоотношения образуют определенного рода правовую связь между лицом, принимающим присягу, и государством. Исходя из этого, следует, что присяжные правоотношения всегда имеют публично-правовой характер.

В-третьих, принятие присяги всегда выражается в форме императивно установленной обязанности, которая, в свою очередь, находит отражение в положениях нормативных правовых актов. В-четвертых, неисполнение обязательств, предусмотренных присягой, влечет за собой применение к лицу мер государственного принуждения и, в частности, мер юридической ответственности.

Список литературы

1. Атмачев, С. И. К вопросу о формах ограничения прав и свобод человека и гражданина // Евразийский Союз Ученых. Серия: экономические и юридические науки. 2021. № 12-2(93). С. 4-8.
2. Ванюшина И. Н. Нарушение присяги сотрудниками органов внутренних дел как основание дисциплинарной ответственности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 4 (62). С. 25-31.
3. Гончаров Д. Е., Бражников Д. А. К вопросу о правовом статусе присяги и ее влиянии на служебную дисциплину в таможенных органах Российской Федерации // Общество и государство. – 2024. – № 3(47). – С. 30-34.
4. Круглякова В. Б. Проблемы реализации присяжной нормы // Вестник ПАГС. – 2009. – № 4. – С. 107-110.
5. Мархгейм М.В. Конституционная присяга: штрихи к восточно-европейскому портрету // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 1 (80). С. 61-64.
6. Мархгейм М.В., Чаплицкий Ф.Ф. Конституционное закрепление присяги в странах Восточной Европы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2017. № 3 (252). С. 105-108.
7. Никифоров М. В. Присяга (клятва) как правовое явление // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2001. № 1. С. 260-265.
8. Овчаренко Е. Н. Нарушение присяги как основание конституционной ответственности судьи // Проблемы законности. 2013. № 123. С. 237-247.
9. Русакова Н. Г. Присяга как общеправовой феномен: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Русакова Наталья Григорьевна. – Нижний Новгород, 2008. – 32 с.
10. Чаплицкий, Ф. Ф. Присяга в конституционном статусе публичных и непубличных субъектов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Чаплицкий Федор Федорович. – Белгород, 2019. – 23 с.

References:

1. Atmachev, S. I. On the Forms of Restriction of Human and Civil Rights and Freedoms // Eurasian Union of Scientists. Series: Economic and Legal Sciences. 2021. No. 12-2(93). Pp. 4-8.
2. Vanyushina, I. N. Violation of the Oath by Employees of Internal Affairs Bodies as a Basis for Disciplinary Responsibility // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 4 (62). Pp. 25-31.
3. Goncharov D. E., Brazhnikov D. A. On the Legal Status of the Oath and Its Impact on Service Discipline in the Customs Agencies of the Russian Federation // Society and State. 2024. No. 3(47). Pp. 30-34.
4. Kruglyakova V. B. Problems of Implementing the Oath Norm // Vestnik PAGS. 2009. No. 4. Pp. 107-110.
5. Markhgeym M.V. The Constitutional Oath: Strokes to the East European Portrait // Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management. 2017. No. 1 (80). Pp. 61-64.
6. Markhgeym M.V., Chaplitsky F.F. The Constitutional Fixation of the Oath in the Countries of Eastern Europe // Scientific Statements of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law. 2017. No. 3 (252). Pp. 105-108.
7. Nikiforov M. V. Oath (vow) as a legal phenomenon // Bulletin of Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Law. 2001. No. 1. Pp. 260-265.
8. Ovcharenko E. N. Violation of the oath as a basis for the constitutional responsibility of a judge // Problems of Legality. 2013. No. 123. Pp. 237-247.
9. Rusakova N. G. The oath as a general legal phenomenon: abstract of the dissertation of the candidate. jurid. sciences': 12.00.01 / Rusakova Natalia Grigorievna. — Nizhny Novgorod, 2008. – 32 p.
10. Chaplitsky, F. F. The oath in the constitutional status of public and non-public subjects: abstract of the dissertation of the cand. jurid. sciences': 12.00.02 / Chaplitsky, Fyodor Fedorovich. – Belgorod, 2019. – 23 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_701
УДК 342

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИНСТИТУТА ОСОБЫХ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ
HISTORICAL BACKGROUND OF LEGAL REGULATION INSTITUTE OF SPECIAL ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGIMES

РОГОВА Алена Александровна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета.
111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5.
E-mail: alenalexrogova@yandex.ru
ROGOVA Alena Alexandrovna,
Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Moscow University for the Humanities.
5 Yunosti St., Moscow, 111395, Russia.
E-mail: alenalexrogova@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье раскрываются исторические предпосылки правовой регламентации института особых административно-правовых режимов. Показано, что потребность в экстраординарных управленческих мерах сопровождала человечество на всех этапах развития; при этом с течением времени происходил переход от казуальных чрезвычайных мер к превентивной нормативной регламентации оснований, пределов и процедур их применения. Особое внимание уделяется эволюции отечественного чрезвычайного регулирования: от дореволюционных механизмов «усиленной» и «чрезвычайной» охраны к позднесоветским и постсоветским законодательным решениям.*

Abstract: *The article examines the historical prerequisites for the legal regulation of special (extraordinary) administrative-legal regimes. It shows that the need for extraordinary governance measures accompanied humanity throughout all stages of development; over time, a transition occurred from casuistic emergency measures to preventive legal regulation of grounds, limits, and procedures for their application. Particular attention is paid to the evolution of Russian emergency regulation: from pre-revolutionary mechanisms of "enhanced" and "extraordinary" protection to late Soviet and post-Soviet legislative solutions.*

Ключевые слова: *особые административно-правовые режимы, исторические предпосылки, чрезвычайные обстоятельства, чрезвычайное регулирование, усиленная охрана, чрезвычайная охрана, правовой режим.*

Keywords: *special legal regimes, extraordinary legal regimes, historical prerequisites, emergency regulation, enhanced protection, extraordinary protection, legal regime.*

Для цитирования: *Рогова А.А. Исторические предпосылки правовой регламентации института особых административно-правовых режимов // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 701-702. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_701.*

For citation*: Rogova A.A. Historical background of the legal regulation of the Institute of special administrative and legal regimes // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 701-702. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_701.*

Статья поступила в редакцию: 29.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Возникновение института особых административно-правовых режимов является закономерным результатом исторического развития государства и права и обусловлено объективной необходимостью правового реагирования на обстоятельства, выходящие за пределы обычного, устойчивого функционирования общественных отношений. На всех этапах развития государственности общество сталкивалось с ситуациями, при которых традиционные механизмы публичного управления и правового регулирования оказывались недостаточными для обеспечения общественной безопасности, защиты жизни и здоровья населения, а также сохранения целостности и стабильности государственной власти. Именно такие ситуации формировали предпосылки для появления специальных правовых порядков, предполагающих временное изменение способов осуществления публичной власти и характера правового воздействия на общественные отношения.

Исторический опыт свидетельствует о том, что на ранних этапах развития права чрезвычайные меры носили преимущественно фактический характер и основывались на расширении властных полномочий без их системного нормативного оформления. В условиях стихийных бедствий, эпидемий, военных столкновений и внутренних конфликтов публичная власть стремилась к концентрации управленческих ресурсов, что сопровождалось усилением принудительных и охранительных функций. При этом правовое положение личности в подобных условиях, как правило, не рассматривалось в качестве самостоятельной ценности, а подчинялось интересам выживания общины или государства. Вместе с тем уже в древних правопорядках прослеживается осознание особой юридической значимости чрезвычайных обстоятельств как факторов, требующих изменения обычной процедуры регулирования, что свидетельствует о формировании первичных элементов режимного подхода.

З.М. Черниловский, анализируя исторические документы, указывал, что в подобных условиях «усиливается карательная и охранительная функция власти, поскольку само существование общины или государства оказывается под угрозой» (С. 12). Данное положение позволяет рассматривать чрезвычайные меры не как произвольное проявление власти, а как реакцию на объективную необходимость сохранения общественного порядка в условиях его дестабилизации.

Особое значение для формирования института правового режима имеет опыт античных государств, прежде всего Древнего Рима, где впервые была предпринята попытка институционализации чрезвычайных полномочий публичной власти. В условиях постоянных внешних угроз и внутренних политических кризисов Римская республика выработала механизм временного отступления от обычного правопорядка, направленного на его последующее восстановление. Важнейшим элементом данного механизма являлась идея временного характера чрезвычайных полномочий, что отличало римский подход от более ранних, менее оформленных форм экстраординарного управления. Анализируя данный опыт, Е.А. Скрипелев подчеркивал, что «чрезвычайные полномочия в Риме рассматривались как временная мера, оправданная исключительно состоянием опасности для государства» (С. 45). Это обстоятельство принципиально важно для понимания исторической логики развития правовых режимов, поскольку в нем заложена идея целевой обусловленности и ограниченности чрезвычайных мер.

Римская правовая традиция также демонстрирует стремление сохранить нормативное начало управления даже в условиях нестабильности. Так, в Дигестах Юстиниана подчёркивается значение закона и долговременного обычая как источников права, что свидетельствует о признании не-

обходимости правовой формы управления при любых обстоятельствах. Указание на то, что долговременный обычай имеет силу закона, отражает приоритет нормативной регламентации над произвольным усмотрением власти. В историческом контексте это означает, что даже в условиях кризиса публичная власть не отказывалась от правовой формы, а стремилась адаптировать её к изменившимся условиям общественной жизни.

В свою очередь, средневековый этап развития государственности характеризуется ослаблением правовых ограничений чрезвычайной власти. В условиях абсолютной монархии и отсутствия развитых механизмов разделения властей экстраординарные меры управления зачастую носили репрессивный характер и реализовывались на основе личного усмотрения правителя. Вместе с тем именно в рамках данного периода постепенно формируется понимание необходимости ограничения чрезвычайной власти посредством правовых средств. Это особенно наглядно проявляется в английской правовой традиции, где приостановка действия Habeas Corpus Act рассматривалась как исключительная мера, допустимая лишь при наличии реальной угрозы государственной безопасности. Подобный подход свидетельствует о зарождении идеи временного ограничения прав при одновременном признании их фундаментального характера.

Развитие буржуазного государства и становление конституционализма в XVIII–XIX вв. ознаменовали качественно новый этап в эволюции чрезвычайного регулирования. В этот период особые режимы начинают приобретать нормативно закрепленный характер и рассматриваться как юридические институты, а не исключительно как политические решения. Европейские государства вводят институты осадного и исключительного положения, закрепляя основания их введения, территориальные пределы и перечень допустимых мер. В.М. Гессен, анализируя данные процессы, указывал, что «исключительное положение представляет собой юридически оформленное отступление от нормального правопорядка, допускаемое в целях его сохранения» (С. 56). Данное определение отражает сущность режима как правового механизма, направленного на защиту правопорядка в условиях его угрозы, а не на произвольное расширение власти.

В отечественной правовой традиции формирование институтов чрезвычайного управления также носило постепенный и противоречивый характер. В дореволюционной России особые режимы оформлялись преимущественно в рамках административного законодательства и были ориентированы на охрану государственного порядка. Введение режимов усиленной и чрезвычайной охраны сопровождалось расширением полномочий административных органов, ограничением свободы передвижения, собраний и иных прав. При этом данные меры применялись локально, в отношении отдельных территорий, и имели временный характер. Исторический анализ показывает, что дореволюционная модель делала акцент на полицейско-административных средствах управления, что обусловило последующие научные дискуссии о соразмерности вмешательства государства в сферу прав личности и необходимости правового ограничения чрезвычайных полномочий.

Советский этап развития института особых режимов характеризуется внутренней противоречивостью. С одной стороны, централизованная система управления обеспечивала возможность быстрой мобилизации ресурсов в условиях кризисов; с другой — отсутствие развитой теории правового режима и приоритет идеологических установок приводили к размытости правовых границ чрезвычайных мер. Чрезвычайные обстоятельства рассматривались преимущественно как временные отклонения от «нормального» социалистического развития, что препятствовало формированию устойчивой нормативной модели реагирования. Вместе с тем опыт техногенных катастроф, социальных и национальных конфликтов позднесоветского периода наглядно продемонстрировал необходимость правовой регламентации чрезвычайных мер, что стало одной из ключевых предпосылок последующего развития института особых администрат режимов.

Современный этап развития института особых административно-правовых режимов связан с конституционализацией публичной власти и признанием прав и свобод человека высшей ценностью. В этих условиях такие режимы рассматриваются как правовые инструменты, функционирующие в рамках заранее установленных пределов и процедур. Анализируя специфику современных режимов, И.Л. Дьяченко отмечал, что «специальные правовые режимы предполагают не только расширение полномочий органов власти, но и формализацию процедур их реализации» (С. 15). Данное наблюдение отражает качественное отличие современных режимов от их исторических предшественников, основанных преимущественно на фактическом усмотрении власти. В теории права особое значение имеет осмысление правового режима как особого порядка регулирования общественных отношений. В.Б. Исаков подчеркивал, что правовой режим характеризуется «специфическим сочетанием правовых средств, обеспечивающих достижение целей регулирования в особых условиях» (С. 258–259). Данное определение позволяет рассматривать особые административно-правовые режимы как целостные правовые конструкции, включающие совокупность дозволений, запретов и юридических обязанностей, а не как набор разрозненных чрезвычайных мер. В историческом измерении это свидетельствует о переходе от ситуативных решений к системной правовой регламентации, основанной на заранее определённых критериях.

Таким образом, исторические предпосылки правовой регламентации института особых административно-правовых режимов отражают длительный и сложный процесс эволюции публичной власти и права. От фактических и зачастую репрессивных мер ранних государств развитие шло к нормативно оформленным правовым механизмам, направленным на обеспечение баланса между публичными и частными интересами. Исторический опыт убедительно показывает, что устойчивость правового государства в условиях кризисов определяется не самим фактом введения особых режимов, а степенью их правовой определенности, временного характера и соразмерности поставленным целям.

Список литературы:

1. Черниловский З.М. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. — М., 1973. — С. 12.
2. Скрипелев Е.А. Основы римского права. — М.: Ось-89, 2005. — С. 45–46.
3. Гессен В.М. Исключительное положение. — Харьков, 1908. — С. 56.
4. Исаков В.Б. Механизм правового регулирования и правовые режимы // Проблемы теории государства и права. М.: Юридическая литература, 1987. С. 258-259.
5. Дьяченко И.Л. Конституционный режим военного положения (по реализации индивидуального и коллективного права на самооборону): диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — М., 2000. — С. 15.

References:

1. Chernilovsky Z.M. A textbook on the universal history of the State and law, Moscow, 1973. 12.
2. Skripelev E.A. Fundamentals of Roman law. Moscow: Ossi-89, 2005. pp. 45-46.
3. Gessen V.M. Exceptional situation. Kharkiv, 1908, p. 56.
4. Isakov V.B. The mechanism of legal regulation and legal regimes // Problems of the theory of state and law. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1987, pp. 258-259.
5. Dyachenko I.L. The constitutional regime of martial law (on the implementation of individual and collective rights to self-defense): diss. for the degree of Cand. of Law, M., 2000. p. 15.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_703

УДК 346.9:69

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВРЕМЕННЫХ ОБЪЕКТОВ СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF TEMPORARY CONSTRUCTION FACILITIES IN RUSSIAN LEGISLATION

ШЕНШИН Виктор Михайлович
доцент кафедры правоведения Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета;
доцент кафедры уголовного и административного права
Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, кандидат юридических наук, доцент.
190005, Россия, г. Санкт-Петербург, 3-я Красноармейская ул., 3/6.
e-mail: vitya-shen@mail.ru

АБРАМОВА Анастасия Алексеевна
Студент Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета.
190005, Россия, г. Санкт-Петербург, 3-я Красноармейская ул., 3/6.
e-mail: nabramova2005@mail.ru

SHENSHIN Viktor Mikhailovich
Associate Professor of the Department of Law at St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering;
Associate Professor of the Department of Criminal and Administrative Law
Saint Petersburg State Maritime Technical University, PhD in Law, Associate Professor.
3/6 3rd Krasnoarmeyskaya St., Saint Petersburg, 190005, Russia.
e-mail: vitya-shen@mail.ru

ABRAMOVA Anastasia Alekseevna
Student of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering.
3/6 3rd Krasnoarmeyskaya St., Saint Petersburg, 190005, Russia.
e-mail: nabramova2005@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье анализируются проблемы правового регулирования временных объектов строительства в Российской Федерации, связанные с отсутствием их четкой дефиниции и единых критериев разграничения с объектами капитального строительства. Отмечаются противоречия в законодательстве и правоприменительной практике, затрудняющие законное возведение и эксплуатацию таких объектов. Предлагается уточненное определение временных объектов строительства и направления совершенствования законодательства. Сделанные выводы позволяют повысить правовую определенность и снизить количество конфликтов в строительной сфере.*

Abstract: *The article analyzes the problems of legal regulation of temporary construction facilities in the Russian Federation, related to the lack of their clear definition and unified criteria for distinguishing them from capital construction facilities. The article notes the contradictions in legislation and law enforcement practice, which make it difficult to legally construct and operate such facilities. The article proposes a refined definition of temporary construction facilities and directions for improving legislation. The conclusions made allow to increase legal certainty and reduce the number of conflicts in the construction sector.*

Ключевые слова: *временные объекты строительства, правовое регулирование, градостроительное законодательство, правовой статус, объекты капитального строительства.*

Keywords: *temporary construction facilities, legal regulation, urban planning legislation, legal status, capital construction facilities.*

Для цитирования: *Шеншин В.М., Абрамова А.А. Проблемы правового регулирования временных объектов строительства в российском законодательстве // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 703-706. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_703.*

For citation*: Shenshin V.M., Abramova A.A. Problems of legal regulation of temporary construction facilities in Russian legislation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 703-706. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_703.*

Статья поступила в редакцию: 24.09.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Современная строительная отрасль развивается в условиях постоянного роста масштабов и усложнения строительных процессов. Наряду с объектами капитального строительства все более широкое распространение получают временные сооружения – павильоны, киоски, строительные бытовки, склады, временные дороги и ограждения. Эти объекты играют значительную роль в организации строительной деятельности и в обеспечении повседневных хозяйственных потребностей, однако их правовое положение в российском законодательстве до настоящего времени остается неопределенным.

Отсутствие легального определения временных объектов строительства в ГК РФ порождает многочисленные трудности. Так, нормы гражданского законодательства позволяют квалифицировать их как движимое имущество, в то время как судебная практика нередко исходит из признаков недвижимости, требующей государственной регистрации и включающейся в оборот наравне с объектами капитального строительства. Противоречивость подходов приводит к неопределенности в вопросах налогообложения, аренды земельных участков, допустимости размещения таких сооружений без разрешительной документации.

Особую актуальность данная проблема приобретает в условиях активного развития городской среды и стремления к ее благоустройству. Временные объекты зачастую используются для коммерческих целей – размещения торговых точек, сезонных ярмарок, сервисных услуг. Вместе с тем отсутствие четких правовых рамок их использования создает благоприятную почву для конфликтов между хозяйствующими субъектами, органами местного самоуправления и гражданами. В судебной практике регулярно рассматриваются споры о сносе временных сооружений, взыскании убытков за их незаконное размещение, а также о признании права собственности на такие объекты.

Временные объекты строительства представляют собой один из наиболее проблемных сегментов современного градостроительного права. Их неопределенный статус препятствует формированию единообразной практики регулирования и подрывает правовую определенность – фундаментальный принцип правовой системы. В этих условиях необходимость системного анализа правового режима временных объектов, выявления пробелов и противоречий законодательства, а также осмысления судебной практики становится очевидной.

Теоретико-правовые основы временных объектов строительства

Правовой анализ временных объектов строительства осложнен отсутствием их четкой дефиниции в действующем законодательстве. Градостроительный кодекс Российской Федерации закрепляет понятие объекта капитального строительства и определяет правила его возведения, реконструкции, эксплуатации и сноса. Согласно ст. 1 и 48 ГрК РФ, объект капитального строительства – это здание, строение, сооружение, объект незавершенного строительства, обладающий признаками недвижимости. Однако временные объекты, которые не обладают устойчивой привязкой к земельному участку и легко демонтируются, в законодательно закрепленный перечень не включены.

Законодатель предоставляет органам местного самоуправления возможность регулировать размещение временных объектов через правила землепользования и застройки. Тем не менее, такие регулирования различаются по регионам, что создает фрагментарность и несогласованность в правоприменении.

С точки зрения гражданского права временные сооружения могут рассматриваться через призму ст. 130 ГК РФ, устанавливающей различие между недвижимыми и движимыми вещами. Критерием отнесения объекта к недвижимости выступает его прочная связь с землей, невозможность перемещения без несоразмерного ущерба назначению. Временные объекты зачастую возводятся с использованием легких конструкций, не имеют капитального фундамента и могут быть демонтированы без разрушения. По этой причине часть правоприменителей относит их к движимому имуществу[1].

Дополнительно временные объекты регулируются строительными нормами (СНиП, ГОСТ), а также местными актами органов власти, например, постановлениями муниципалитетов о размещении торговых павильонов или строительных бытовок. Эти нормы устанавливают требования к размещению, внешнему виду, пожарной безопасности и эксплуатации, но не решают вопросы правового статуса объектов как имущества, что создает дополнительные правовые коллизии.

Тем не менее судебная практика демонстрирует неоднородность подходов. В ряде случаев суды признают временные сооружения недвижимостью, указывая на их фактическое использование в качестве объектов, обладающих признаками капитальности и долговечности. В других случаях они рассматриваются как временные постройки, не требующие государственной регистрации. Подобное расхождение связано с отсутствием единого критерия, позволяющего разграничить временные объекты и объекты капитального строительства.

Отметим, что в юридической науке не выработан единый подход к определению временных объектов. Одни авторы рассматривают их как подвид сооружений, не обладающих капитальностью и долговечностью. Другие указывают на их смешанную природу, отмечая, что они могут занимать промежуточное положение между движимыми и недвижимыми вещами. Такая двойственность лишь усиливает неопределенность и препятствует формированию стабильного правового режима[2].

Следует отметить, что на практике временные объекты выполняют широкий спектр функций: от обеспечения строительных процессов (временные бытовки, склады, ограждения) до обслуживания населения (торговые павильоны, сезонные ярмарочные конструкции). Их различное целевое назначение также усложняет формирование универсального правового определения. Очевидно, что для строительных бытовок и временных складов оправдан упрощенный правовой режим, тогда как для объектов коммерческого использования требуется четкое закрепление прав и обязанностей собственников и арендаторов[3].

Теоретико-правовая база в отношении временных объектов строительства на сегодняшний день остается фрагментарной. Российское законодательство не содержит системного регулирования данной категории, а научные подходы и судебная практика демонстрируют противоречивость.

Основные проблемы правового регулирования

Правовое регулирование временных объектов строительства в Российской Федерации сталкивается с рядом системных проблем, обусловленных как недостаточной конкретизацией законодательных норм, так и противоречивостью правоприменительной практики.

Во-первых, отсутствует единое законодательное определение временных объектов строительства. Градостроительный кодекс РФ содержит понятие объектов капитального строительства, однако временные сооружения в него не включены. Это приводит к неопределенности при квалификации сооружений, которые не обладают признаками капитальности и могут быть демонтированы без разрушения. Вследствие этого возникают коллизии между ГК РФ и ГрК РФ, поскольку критерии недвижимости и движимого имущества применяются неравномерно и часто зависят от субъективной оценки судов и органов власти[4].

Во-вторых, фрагментарное регулирование на федеральном и региональном уровнях создает дополнительные трудности. В то время как федеральные нормы определяют общие принципы и требования, региональные и муниципальные акты устанавливают конкретные правила

[1] Анпилов, С. М. О проблемах правового регулирования в строительной отрасли и пути их решения / С. М. Анпилов // Эксперт: теория и практика. – 2022. – № 1(16). – С. 55-61. – DOI 10.51608/26867818_2022_1_55. – EDN EQUQHQ.
[2] Суслин, В. А. Вопросы разграничения капитальных и некапитальных строений / В. А. Суслин // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 17. – С. 434-441. – EDN IOKREP.
[3] Жаркова, О. А. Правовая природа объекта капитального строительства в свете норм градостроительного законодательства / О. А. Жаркова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2013. – № 3(308). – С. 91-104. – EDN RDYSEN.
[4] Ширвиндт, А. М. О понятии строений и сооружений вспомогательного использования: к вопросу о целях градостроительного законодательства и корректном толковании закона / А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2016. – № 7(178). – С. 24-37. – EDN WEZRWT.

размещения и эксплуатации временных объектов. Разнообразие подходов приводит к несогласованности правоприменения: однотипные сооружения в разных субъектах Российской Федерации могут квалифицироваться по-разному, что создает правовую неопределенность для собственников и арендаторов.

В-третьих, проблематичны процедуры регистрации, налогообложения и согласования временных объектов с органами власти. Неопределенный правовой статус препятствует эффективному ведению строительной деятельности и вызывает споры между хозяйствующими субъектами и государственными органами. Часто возникают конфликты по вопросу необходимости государственной регистрации или получения разрешений, что отражается на административной и судебной нагрузке.

В-четвертых, отсутствие единого подхода к классификации временных объектов затрудняет применение норм, регулирующих ответственность собственников и арендаторов. Это проявляется в спорах о сносе сооружений, возмещении убытков и обеспечении требований пожарной безопасности и охраны окружающей среды. В результате формируется ситуация, при которой правовая неопределенность создает риски для всех участников строительного процесса[1].

Системный анализ выявленных проблем показывает, что текущее правовое регулирование временных объектов строительства не обеспечивает должного уровня правовой определенности, согласованности норм и предсказуемости их применения. Это подчеркивает необходимость разработки законодательных и подзаконных актов, устанавливающих четкие критерии отнесения объектов к временным, определяющих порядок их регистрации, использования и контроля со стороны государства.

Пути совершенствования законодательства

1. На сегодняшний день ГрК РФ не содержит легального определения временных объектов строительства. В целях устранения этой проблемы представляется целесообразным закрепить в ст. 1 ГрК РФ следующее определение: «Временные объекты строительства — сооружения, возводимые на земельном участке на ограниченный срок для обеспечения строительного процесса, хозяйственной деятельности или временного обслуживания населения, не обладающие признаками капитального строительства, допускающие демонтаж и перемещение без разрушения конструкции и без несоразмерного ущерба их назначению». Формулировка учитывает конструктивные и функциональные особенности объектов, определяет их долговечность и способ связи с земельным участком, что позволит устранить противоречия между применением ГК РФ и ГрК РФ, обеспечивая единообразие правоприменения на федеральном и региональном уровне.

2. Разработка единого правового режима временных объектов строительства является следующим важным элементом совершенствования законодательства. В настоящее время федеральное законодательство устанавливает лишь общие принципы регулирования строительства, тогда как вопросы регистрации, согласования с органами местного самоуправления, налогообложения и контроля оставлены на усмотрение региональных органов власти. Такая фрагментарность приводит к разной правовой квалификации одних и тех же объектов на территории разных субъектов Российской Федерации, создавая неопределенность для собственников и арендаторов. Для устранения этих проблем рекомендуется разработать единый порядок, который будет определять: основания для регистрации временных объектов, порядок их учета в органах государственной регистрации прав на недвижимое имущество, а также критерии налогообложения. Например, для временных объектов, используемых исключительно в целях строительства или хозяйственной деятельности, может быть установлен упрощенный порядок учета без обязательной государственной регистрации, что снизит административную нагрузку и создаст условия для упрощенного контроля и надзора.

3. Следующим аспектом совершенствования является дифференциация временных объектов в зависимости от цели их использования. На практике временные сооружения могут возводиться как для обеспечения строительного процесса, так и для коммерческих целей или обслуживания населения, например, для размещения торговых павильонов или временных складов. Разграничение объектов по назначению позволит органам государственной власти и местного самоуправления устанавливать адекватные требования к согласованию и контролю их эксплуатации, а также к соблюдению санитарных, пожарных и экологических норм. Это будет способствовать повышению эффективности правового регулирования, предотвращению нарушений законодательства и уменьшению числа конфликтных ситуаций между собственниками временных объектов и государственными органами.

4. Важным направлением является гармонизация федерального и регионального законодательства, что обеспечит единообразие применения правовых норм.

В настоящее время региональные и муниципальные акты, регулирующие размещение и эксплуатацию временных объектов, могут противоречить федеральным требованиям, создавая правовую неопределенность и препятствуя предсказуемому правоприменению. Гармонизация предусматривает разработку унифицированных требований к конструктивным и эксплуатационным характеристикам временных объектов, срокам их использования, порядку демонтажа, а также правовым последствиям в случае нарушения установленных правил. Это позволит сократить количество споров в судебных органах, повысить правовую защиту участников оборота и создать прозрачный механизм контроля.

В совокупности все перечисленные меры направлены на формирование комплексного правового механизма, обеспечивающего юридическую определенность, согласованность норм и предсказуемость их применения в отношении временных объектов строительства. Это создаст условия для упрощения административных процедур, защиты прав участников строительного процесса и повышения эффективности деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в сфере контроля и надзора за временными сооружениями.

[1] Клинов, А. О. Правовая природа и понятие нежилого помещения / А. О. Клинов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2015. – № 10(169). – С. 16-24. – EDN UMOKWL.

Таким образом, проведенный анализ правового регулирования временных объектов строительства в Российской Федерации позволяет сделать вывод о наличии существенных пробелов и противоречий в действующем законодательстве. Отсутствие легального определения временных объектов, фрагментарность регулирования на федеральном и региональном уровнях, а также разнородная судебная практика создают значительную правовую неопределенность. Такая неопределенность проявляется в различной квалификации одних и тех же объектов, усложняет процессы регистрации, налогообложения и согласования с органами местного самоуправления, а также увеличивает количество споров и правовых конфликтов.

Научная новизна проведенного исследования заключается в комплексном осмыслении временных объектов строительства как самостоятельной категории строительного права и выявлении системных проблем их правового регулирования. В работе предложена конкретная формулировка определения временных объектов строительства, учитывающая конструктивные и функциональные особенности сооружений, их долговечность и возможность демонтажа без разрушения конструкции. Это определение может стать основой для внесения изменений в ГрК РФ и выработки единого правового режима, устраняющего существующие коллизии.

Практическая значимость исследования проявляется в возможности применения предложенных мер законодательного совершенствования. Введение четкой классификации временных объектов, унификация федеральных и региональных норм, разработка порядка регистрации и налогообложения, а также дифференциация объектов по целевому назначению позволит снизить правовую неопределенность, повысить эффективность государственного контроля, упростить ведение хозяйственной деятельности и защитить права всех участников строительного процесса.

В целом, результаты исследования показывают, что правовое регулирование временных объектов строительства требует системного подхода и модернизации. Внедрение предложенных мер создаст условия для прозрачного и предсказуемого правоприменения, укрепит правовую определенность в строительной сфере и обеспечит баланс интересов государства, хозяйствующих субъектов и граждан.

Список литературы:

1. Анпилов, С. М. О проблемах правового регулирования в строительной отрасли и пути их решения / С. М. Анпилов // Эксперт: теория и практика. – 2022. – № 1(16). – С. 55-61. – DOI 10.51608/26867818_2022_1_55. – EDN EQUQHQ.
2. Жаркова, О. А. Правовая природа объекта капитального строительства в свете норм градостроительного законодательства / О. А. Жаркова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2013. – № 3(308). – С. 91-104. – EDN RDYSEN.
3. Клинов, А. О. Правовая природа и понятие нежилого помещения / А. О. Клинов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2015. – № 10(169). – С. 16-24. – EDN UMOKWL.
4. Суслин, В. А. Вопросы разграничения капитальных и некапитальных строений / В. А. Суслин // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 17. – С. 434-441. – EDN IOKREP.
5. Ширвиндт, А. М. О понятии строений и сооружений вспомогательного использования: к вопросу о целях градостроительного законодательства и корректном толковании закона / А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2016. – № 7(178). – С. 24-37. – EDN WEZRWT.

References:

1. Anpilov, S. M. On the problems of legal regulation in the construction industry and ways to solve them / S. M. Anpilov // Expert: theory and practice. – 2022. – № 1(16). – Pp. 55-61. – DOI 10.51608/26867818_2022_1_55. – EDN EQUQHQ.
2. Zharkova, O. A. The legal nature of the capital construction object in the light of the norms of urban planning legislation / O. A. Zharkova // News of higher educational institutions. Law studies. – 2013. – № 3(308). – Pp. 91-104. – EDN RDYSEN.
3. Klinov, A. O. The legal nature and concept of non-residential premises / A. O. Klinov // Property relations in the Russian Federation. – 2015. – № 10(169). – Pp. 16-24. – EDN UMOKWL.
4. Suslin, V. A. Issues of differentiation of capital and non-capital buildings / V. A. Suslin // Issues of Russian justice. – 2022. – No. 17. – pp. 434-441. – EDN IOKREP.
5. Shirvindt, A.M. On the concept of buildings and structures of auxiliary use: on the question of the goals of urban planning legislation and the correct interpretation of the law / A.M. Shirvindt, N. B. Shcherbakov // Property relations in the Russian Federation. – 2016. – № 7(178). – Pp. 24-37. – EDN WEZRWT.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_707

УДК 340.14

КРАСНЫЕ ЛИНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДЕЛЫ ДОВЕРИЯ И ДОПУСТИМОСТИ АВТОНОМНЫХ РЕШЕНИЙ
RED LINES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: INSTITUTIONAL LIMITS OF TRUST AND THE PERMISSIBILITY OF AUTONOMOUS DECISION-MAKING

КОЛКАРЕВА Инна Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры корпоративного и государственного управления
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Краснодарский филиал.
350002, Россия, г. Краснодар, ул. Садовая, 23.
E-mail: innakolkareva@yandex.ru

ГАЙДУК Арина Юрьевна,
бакалавр направления подготовки «Менеджмент»
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Краснодарский филиал.
350002, Россия, г. Краснодар, ул. Садовая, 23.
E-mail: 28.07.ag@gmail.com

РАЕВСКИЙ Константин Эдуардович,
бакалавр направления подготовки «Экономика»
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Краснодарский филиал.
350002, Россия, г. Краснодар, ул. Садовая, 23
E-mail: iamknry@gmail.com

KOLKAREVA Inna Nikolaevna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Corporate and Public Administration
Krasnodar branch of G.V. Plekhanov Russian University of economics.
350002, Russia, Krasnodar, Sadovaya st., 23

GAYDUK Arina Yurievna,
bachelor of the program "Management" Krasnodar branch of G.V. Plekhanov Russian University of economics.
350002, Russia, Krasnodar, Sadovaya st., 23
E-mail: 28.07.ag@gmail.com

RAEVSKY Konstantin Eduardovich,
bachelor of the program "Economics" Krasnodar branch of G.V. Plekhanov Russian University of economics.
350002, Russia, Krasnodar, Sadovaya st., 23
E-mail: iamknry@gmail.com

Краткая аннотация. *Стремительное распространение автономных систем искусственного интеллекта актуализирует проблему институциональных пределов доверия к алгоритмическим решениям в условиях цифровой экономики. В статье предлагается рассматривать «красные линии» искусственного интеллекта не как исключительно этические или технологические ограничения, а как институциональные границы допустимого делегирования ответственности. Анализируются механизмы формирования доверия к автономным системам, институциональные провалы алгоритмического управления и различия международных и национальных подходов к ограничению автономии ИИ. Обосновывается авторская рамка допустимой, ограниченно допустимой и институционально недопустимой автономии, а также формулируются рекомендации для регуляторной и управленческой практики.*

Abstract. *The rapid proliferation of autonomous artificial intelligence systems highlights the issue of institutional limits to trust in algorithmic decisions in the digital economy. This article examines the "red lines" of artificial intelligence not solely as these or technological limitations, but as institutional boundaries of permissible delegation of responsibility. The mechanisms for building trust in autonomous systems, the institutional shortcomings of algorithmic governance, and international and national approaches to limiting autonomy are analyzed. The author substantiates the framework for acceptable, partially acceptable, and institutionally unacceptable autonomy, and formulates recommendations for regulatory and management practices.*

Ключевые слова: *алгоритмическое управление, автономные решения, доверие к искусственному интеллекту, институциональная ответственность, институциональные ограничения, искусственный интеллект, красные линии.*

Keywords: *algorithmic governance, artificial intelligence, autonomous decisions, institutional accountability, institutional constraints, red lines, trust in artificial intelligence.*

Для цитирования: *Колкарева И.Н., Гайдук А.Ю., Раевский К.Э. Красные линии искусственного интеллекта: институциональные пределы доверия и допустимости автономных решений // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 707-710. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_707.*

For citation*: Kolkareva I.N., Gaiduk A.Yu., Raevsky K.E. Red Lines of Artificial Intelligence: Institutional Limits of Trust and the Permissibility of Autonomous Decision-making // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 707-710. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_707.*

Статья поступила в редакцию: 22.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

С момента появления технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в широком доступе, они стремительно были восприняты бизнесом и экономическими субъектами как источник потенциальной выгоды, что привело к их активному и во многом опережающему внедрению, тогда как формирование нормативных и институциональных механизмов сопровождения этого процесса существенно отстало от темпов технологических изменений.

Распространение сфер применения технологий ИИ сопровождается усилением конкуренции между крупными технологическими корпорациями и государствами, в особенности ведущими мировыми державами, рассматривающими лидерство в данной сфере как фактор долгосрочного экономического и геополитического преимущества.

В условиях этой технологической борьбы за первенство внимание к потенциальным негативным аспектам затмевается под влиянием экономических и геополитических амбиций, что повышает риск долгосрочных последствий. История социально-экономического развития демонстрирует, что подобный паттерн человеческого отношения к технологиям, основанный на краткосрочной эффективности, не является уникальным.

Характерным примером является массовое производство и распространение синтетических полимеров в середине 20-го века, первоначальный эффект которых привел к формированию одной из самых значительных глобальных экологических проблем современности. Схожая институциональная логика наблюдается и в развитии ядерных технологий, будучи ориентированных на стратегическое сдерживание, сформировавшими устойчивую систему глобальных рисков. В этом контексте стремительное развитие и внедрение технологий ИИ может стать еще одним примером десинхронизации между темпами технологического прогресса и институциональной адаптивностью, что актуализирует необходимость определения пределов допустимого доверия к автономным решениям.

В рамках данной работы доверие рассматривается как институциональная категория, отражающая готовность общества делегировать часть управленческих функций и признавать легитимность алгоритмических решений. Стоит отметить, что формат доверия к технологиям отличается от традиционного доверия к человеку или организации как социальному институту, поскольку оно носит опосредованный и структурно иной характер.

Алгоритмические системы не являются социальными субъектами и не вовлечены напрямую в нормативные отношения, что исключает возможность возложения на них ответственности в юридическом смысле. Ввиду этого институциональное доверие к технологиям ИИ формируется под влиянием сопутствующих факторов, а именно восприятием надежности инфраструктуры, репутации разработчиков и сквозь призму институциональных рамок внедрения и использования.

В исследовании KPMG «Trust, attitudes and use of artificial intelligence: A global study 2025», подтверждается рассогласование между степенью распространенности и доверием, несмотря на высокую степень распространения технологий ИИ и признание его преимуществ, лишь 46 % готовы доверять системам ИИ [4]. При этом степень доверия существенно различается в зависимости от институционального контекста, что подтверждается различиями национальных исследований, фиксирующих неоднородность восприятия ИИ. В наибольшей степени особенности институционального доверия к технологиям ИИ проявляется в контексте автономных решений и делегирования ответственности [2].

В наибольшей степени данное рассогласование проявляется в контексте автономных решений, поскольку именно здесь институциональные механизмы делегирования оказываются наиболее уязвимыми. Автономия технологий ИИ в данном случае представляет собой не замещение человеческих решений, а перераспределение функций внутри процесса принятия решений, при котором алгоритмические системы начинают играть активную роль в формировании итогового выбора. Человек формально сохраняет статус субъекта, принимающего решение, однако фактически все чаще оказывается в позиции утверждающего или санкционирующего актора, не обладающего возможностью в полной мере воспроизвести логику алгоритмического вывода. Такая трансформация роли человека принципиально меняет институциональную конфигурацию ответственности.

В условиях алгоритмического управления возникает структурный разрыв между моментом принятия решения и распределением ответственности за его последствия. Классические институциональные модели исходят из предпосылки, что субъект, обладающий полномочиями принимать решения, одновременно несет за них ответственность и располагает инструментами контроля. В случае автономных ИИ-систем данная связь нарушается: решения формируются на основе непрозрачных и динамически изменяющихся моделей, тогда как ответственность продолжает возлагаться на человека или организацию, не имеющих полного контроля над процессом принятия этих решений. В результате подотчетность приобретает формальный характер и утрачивает содержательную связь с реальным механизмом принятия решений.

Указанное рассогласование усугубляется институциональной асимметрией между основными участниками алгоритмического управления. Разработчики ИИ-систем, как правило, ограничивают свою ответственность рамками технической корректности и соответствия формальным стандартам; пользователи и операторы несут ответственность за применение системы, не контролируя внутреннюю логику алгоритмических процессов; регуляторы формируют общие нормативные рамки, не обладая возможностью воздействия на конкретные алгоритмические решения. При этом сами алгоритмические системы, фактически участвующие в принятии решений, остаются вне поля институциональной ответственности как несоциальные и неюридические субъекты. В совокупности это формирует так называемую «серую зону» институциональной ответственности, в которой отсутствуют четко определенные механизмы распределения обязанностей, санкций и компенсации последствий автономных решений.

Именно в этом контексте становится недостаточным понимание «красных линий» ИИ исключительно как этических или технологических ограничений. Подобный подход не учитывает институциональную природу доверия и ответственности в условиях алгоритмического управления. В рамках данной работы «красные линии» предлагается рассматривать как пределы допустимого институционального доверия к автономным решениям, определяющие, в каких условиях и в какой степени делегирование решений алгоритмическим системам остается легитимным. С этой точки зрения возможно выделение трех уровней автономии:

1 Допустимой, при которой сохраняется содержательный человеческий контроль и обратимость решений.

2 Ограниченно допустимой, предполагающей участие алгоритмов в принятии решений при наличии институциональных механизмов надзора.

3 Институционально недопустимую, при которой использование технологий ИИ для принятия решений исключается по причине отсутствия институциональных условий для делегирования ответственности.

Ключевым критерием разграничения указанных уровней выступает принцип обратимости решений, предполагающий возможность их

пересмотра, коррекции или отмены в случае выявления ошибок или негативных последствий. Отсутствие обратимости превращает автономные решения в институционально неконтролируемые, что подрывает доверие к алгоритмическим системам и усиливает риски их внедрения. Таким образом, определение «красных линий» ИИ требует не столько моральных деклараций, сколько институционального анализа пределов делегирования ответственности и условий допустимой автономии.

Расширение применения автономных систем ИИ выявляет ряд институциональных провалов доверия, обусловленных спецификой алгоритмического управления. Одним из ключевых факторов выступает непрозрачность алгоритмов, формирующая эффект институциональной слепоты: ни пользователи, ни регуляторы не обладают достаточными возможностями для интерпретации логики принятия решений и оценки их корректности. В условиях, когда алгоритмические модели функционируют как «черные ящики», институциональные механизмы контроля и подотчетности утрачивают эффективность, поскольку нормативное регулирование оказывается оторванным от реальных процессов формирования решений. Это подрывает способность институтов не только предотвращать ошибки, но и своевременно реагировать на системные сбои.

Дополнительным источником институциональных провалов становится иллюзия нейтральности технологий ИИ. Алгоритмические решения нередко воспринимаются как объективные и свободные от субъективных искажений, что способствует их некритичному принятию в управленческих и организационных практиках. Между тем алгоритмы неизбежно отражают допущения, ценностные установки и структурные ограничения, заложенные на этапах разработки, обучения и внедрения. В результате формируется ошибочное представление о технологической нейтральности, которое снижает институциональную настороженность и ослабляет требования к ответственности за принимаемые решения.

В практике алгоритмического управления усиливается риск алгоритмического формализма, при котором сложные социальные и экономические ситуации интерпретируются преимущественно через формализованные показатели и модели. Это способствует восприятию алгоритмических рекомендаций как фактически обязательных, даже при наличии обстоятельств, требующих иного решения. В результате снижается роль профессионального суждения и размывается персональная ответственность, а управленческие процессы все в большей степени начинают зависеть от технических систем, что повышает их институциональную уязвимость.

Указанные провалы демонстрируют, что рост эффективности, достигаемый за счет внедрения автономных ИИ-систем, не тождествен росту институциональной устойчивости. Напротив, ускорение процессов принятия решений и оптимизация издержек могут сопровождаться ослаблением механизмов контроля, подотчетности и легитимации, что в долгосрочной перспективе повышает системные риски. Таким образом, технологическая результативность автономных решений не может рассматриваться в отрыве от их институциональных последствий.

Осознание данных рисков обусловило формирование различных подходов к ограничению автономии ИИ на международном и национальном уровнях. При этом в мировой практике прослеживаются две принципиально различные логики регулирования: контроль технологий и контроль решений. Первая ориентирована на установление требований к самим алгоритмическим системам, включая стандарты прозрачности, безопасности и качества данных; вторая — на ограничение сфер и типов решений, в которых допускается использование автономных ИИ-систем. Выбор между этими логиками во многом определяет характер институционального доверия и степень допустимого делегирования ответственности.

Европейский подход к регулированию автономных решений технологий ИИ в наибольшей степени ориентирован на логику контроля решений, а не исключительно технологий как таковых. Данный подход институционально закреплен в Регламенте Европейского союза об искусственном интеллекте (AI Act), принятом в 2024 году и вступающем в силу поэтапно в 2025–2026 гг. В рамках данного акта автономные решения классифицируются по уровню риска в зависимости от их воздействия на права и свободы человека, что приводит к прямому институциональному разграничению допустимых и недопустимых сфер применения ИИ [3].

Тем самым автономия технологий ИИ институционально ограничивается не на уровне программного кода, а на уровне допустимости конкретных решений, что отражает стремление Европейского союза формализовать «красные линии» автономии как пределы допустимого институционального доверия.

Российская практика регулирования технологий ИИ демонстрирует иную институциональную логику, ориентированную преимущественно на стимулирование развития и масштабного внедрения технологий ИИ. Это находит отражение в Национальной стратегии развития ИИ на период до 2030 года, федеральном проекте «Искусственный интеллект», а также в ряде государственных программ цифровой трансформации, где технологии ИИ рассматриваются как инструмент повышения эффективности государственного управления, бизнеса и социальной сферы [1]. В качестве приоритетных направлений обозначаются внедрение ИИ-систем в государственные услуги, транспорт, здравоохранение, финансовый сектор и городскую инфраструктуру, включая системы интеллектуального видеонаблюдения, прогнозирования и аналитической поддержки принятия решений.

При этом институциональные ограничения автономных решений в российской модели носят фрагментарный характер. В результате вопросы допустимости автономных решений, возможности их пересмотра и юридической ответственности за последствия алгоритмических выводов остаются нормативно не закрепленными либо решаются в индивидуальном порядке.

Это создает институциональные пробелы доверия, при которых фактическое влияние ИИ на управленческие решения опережает развитие механизмов ответственности и контроля. В отличие от европейской модели, в российской практике «красные линии» автономии не формализованы в виде запретов или жестких ограничений, а остаются имплицитными и зависят от конкретных условий внедрения.

В совокупности различия между европейским и российским подходами свидетельствуют об отсутствии унифицированного понимания институциональных границ автономии технологий ИИ. Если европейская модель стремится заранее институционализировать пределы допусти-

мого делегирования решений через систему запретов и условий, то российская модель в большей степени исходит из логики технологического развития, откладывая вопросы доверия, подотчетности и ответственности на последующие этапы регулирования. Данное расхождение подтверждает, что проблема автономии ИИ-систем не может быть сведена исключительно к техническим или этическим аспектам и требует системного институционального анализа, учитывающего специфику распределения власти, ответственности и доверия в цифровой экономике.

Предложенное в работе переосмысление «красных линий» ИИ позволяет рассматривать их не как абстрактные этические запреты или технологические ограничения, а как институциональные пределы допустимого доверия к автономным решениям. Введение категории допустимой автономии расширяет аналитические возможности исследования алгоритмического управления, позволяя соотносить степень автономности ИИ-систем с условиями легитимного делегирования ответственности и наличием механизмов институционального контроля. Такой подход создает основу для перехода от универсальных деклараций к дифференцированной оценке допустимости автономных решений в зависимости от их социального и экономического значения.

С учетом выявленных институциональных рисков и различий уровней автономии представляется возможным сформулировать следующие рекомендации:

1. При разработке регуляторных подходов к использованию технологий ИИ целесообразно исходить из принципа дифференциации автономии, разграничивая допустимые, ограниченно допустимые и институционально недопустимые формы делегирования решений в зависимости от характера последствий и возможности легитимного распределения ответственности.
2. В практике корпоративного и государственного управления ИИ-системами рекомендуется институционально закреплять механизмы человеческого надзора, включая процедуры пересмотра алгоритмических решений, формализацию зон ответственности участников и ограничения автономного применения ИИ в процессах, затрагивающих права и интересы третьих лиц.
3. При оценке рисков автономных решений целесообразно учитывать не только показатели эффективности и точности алгоритмов, но и степень обратимости принимаемых решений, а также их влияние на устойчивость существующих институтов доверия.

В целом проведенный анализ позволяет утверждать, что институциональные пределы автономии технологий ИИ выступают ключевым условием устойчивости цифровой экономики и легитимности алгоритмического управления. Отсутствие четко определенных «красных линий» делегирования решений трансформирует доверие к ИИ-системам из ресурса развития в источник системных рисков, связанных с размыванием ответственности и утратой подотчетности. В этой связи представляется необходимым смещение фокуса научных и практических дискуссий от преимущественно этических оценок ИИ к анализу институтов доверия и ответственности, в рамках которого автономия технологий ИИ рассматривается как объект осознанного институционального ограничения, а не как неизбежный результат технологического прогресса.

Список литературы:

1. Искусственный интеллект // Национальные проекты Российской Федерации. – URL: https://национальныепроекты.рф/new-projects/ekonomika-dannykh/iskusstvennyy-intellekt/ (дата обращения: 01.12.2025).
2. Как меняется отношение к ИИ в разных странах: результаты глобального опроса // vc.ru. – 17.02.2025. – URL: https://vc.ru/ai/1815687-kak-menyaetsya-otnoshenie-k-ii-v-raznyh-stranah-rezultaty-globalnogo-oprosa (дата обращения: 12.12.2025).
3. Artificial Intelligence Act: European Union Regulation on Artificial Intelligence. – URL: https://artificialintelligenceact.eu (дата обращения: 20.12.2025).
4. Trust, attitudes and use of artificial intelligence: a global study 2025 // KPMG International; University of Melbourne. – 2025. – URL: https://kpmg.com/xx/en/our-insights/ai-and-technology/trust-attitudes-and-use-of-ai.html (дата обращения: 15.12.2025).

***References*:**

1. Artificial Intelligence // National Projects of the Russian Federation. URL: https://национаднныепроекты.рф/new-projects/ekonomika-dannykh/iskusstvennyy-intellekt/ (accessed: 01.12.2025).
2. How attitudes toward AI are changing in different countries: results of a global survey // vc.ru. – 17.02.2025. URL: https://vc.ru/ai/1815687-kak-menyaetsya-otnoshenie-k-ii-v-raznyh-stranah-rezultaty-globalnogo-oprosa (accessed: 12.12.2025).
3. Artificial Intelligence Act: European Union Regulation on Artificial Intelligence. URL: https://artificialintelligenceact.eu (accessed: 20.12.2025).
5. Trust, attitudes and use of artificial intelligence: a global study 2025 // KPMG International; University of Melbourne. – 2025. – URL: https://kpmg.com/xx/en/our-insights/ai-and-technology/trust-attitudes-and-use-of-ai.html (access date: 12/15/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_711

УДК 004.056.5

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
INFORMATION SECURITY OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES

ЧЕРНОВ Юрий Иванович
доцент кафедры административного и финансового права, к.ю.н., доцент,
Кубанский государственный аграрный университет, Краснодар, Россия,
350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.
E-mail: Admfinkubsau@yandex.ru

ДОРОГОВА Ольга Олеговна
обучающийся, Кубанский государственный аграрный университет,
350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.
E-mail: olya19.04@mail.ru

КИРИЛЛОВА Мария Анатольевна
обучающийся, Кубанский государственный аграрный университет, Краснодар, Россия,
350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.
E-mail: mari.kir2005@mail.ru

МЯСИЩЕВА Анастасия Олеговна
обучающийся, Кубанский государственный аграрный университет, Краснодар, Россия,
350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.
E-mail: Anastasiamyasish75@gmail.com

CHERNOV Y. I.,
Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law, Ph.D. in Law,
Associate Professor, Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia,
Kalinina str., 13, Krasnodar, 350044, Russia.
E-mail: Admfinkubsau@yandex.ru

DOROGOVA O.O.
student, Kuban State Agrarian University,
Kalinina str., 13, Krasnodar, 350044, Russia.
E-mail: olya19.04@mail.ru

KIRILLOVA M. A.,
Student, Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia,
Kalinina str., 13, Krasnodar, 350044, Russia.
E-mail: mari.kir2005@mail.ru

MYASISHCHEVA A.O.,
Student, Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia,
Kalinina str., 13, Krasnodar, 350044, Russia.
E-mail: Anastasiamyasish75@gmail.com

Краткая аннотация: *В данной статье рассматривается понятие информационной безопасности, применимой для субъектов малого и среднего предпринимательства. Раскрыто понятие информационной безопасности, изучен его инструментарий и видовое разнообразие. Проводится сравнительный анализ отечественной и зарубежной практики в аспекте предотвращения утечек информации и других мошеннических действий, минимизации рисков информационной безопасности. Была рассмотрена динамика численности субъектов МСП в Российской Федерации по состоянию на 2020-2024 гг. для понимания масштабов описанной проблематики. Отражены основные угрозы, с которыми сталкиваются предприниматели в аспекте обеспечения информационной безопасности, а также последовательные пути минимизации, выявление наиболее опасных среди совокупного перечня. В завершении исследовательской работы были сделаны выводы о том, что для обеспечения полноценной защиты конфиденциальной информации в Российской Федерации необходима разработка нормативно-правовых документов, содержащих регламент, обязательный для всех организаций, описывающий порядок действий при установлении и настройке средств информационной защиты. Данный шаг позволит сократить киберпреступность, а также улучшить финансовое состояние субъектов бизнеса.*

Abstract: *This article discusses the concept of information security applicable to small and medium-sized businesses. The concept of information security is revealed, its tools and species diversity are studied. A comparative analysis of domestic and foreign practice is carried out in the aspect of preventing information leaks and other fraudulent actions, minimizing information security risks. The dynamics of the number of SMEs in the Russian Federation as of 2020-2024 was considered to understand the scale of the problems described. The main threats faced by entrepreneurs in the aspect of ensuring information security are reflected, as well as consistent ways to minimize, identify the most dangerous among the total list. At the end of the research work, it was concluded that in order to ensure the full protection of confidential information in the Russian Federation, it is necessary to develop regulatory documents containing regulations that are mandatory for all organizations, describing the procedure for establishing and configuring information security tools. This step will reduce cybercrime, as well as improve the financial condition of business entities.*

Ключевые слова: *предпринимательство, малый и средний бизнес, экономика, информационная безопасность, фишинг, информационная защищенность.*

Key words: *entrepreneurship, small and medium-sized businesses, economy, information security, phishing, information security.*

Для цитирования: *Чернов Ю.И., Дорогова О.О., Кириллова М.А., Мясищева А.О. Информационная безопасность субъектов малого и среднего предпринимательства // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 711-714. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_711.*

For citation*: Chernov Yu.I., Dorogova O.O., Kirillova M.A., Myasishcheva A.O. Information security subjects of small and medium-sized enterprises // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 711-714. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_711.*

Статья поступила в редакцию: 14.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Современный экономический сектор Российской Федерации динамично развивается, чему способствует воздействие внешних и внутренних факторов, среди которых немаловажными являются цифровизация и глобализация экономических процессов между субъектами рынка. Научно-технический прогресс позволил освоить цифровую экономику, что обеспечило отслеживание транзакций, заключение большего количества международных сделок, а также удобство потребителей банковских услуг (как физических, так и юридических лиц) распоряжаться финансами в

текущий момент времени, не выходя из дома или офиса. Однако, обращая внимание на широкий спектр преимуществ цифровизации экономических процессов, возникают и проблемы, с которыми сталкиваются потребители ежедневно: фишинг, вирусные атаки, утечки данных, кибермошенничество и многие другие. Ввиду растущей угрозы кражи конфиденциальной информации и денежных средств, вопрос обеспечения информационной безопасности субъектов малого и среднего предпринимательства является актуальным на сегодняшний день.

Субъекты малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) представляют собой юридические лица, имеющие официальную регистрацию согласно действующему законодательству Российской Федерации, а также соответствующие надлежащим условиям, установленным в ч.1.1 ст. 4 Федерального закона от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». К субъектам МСП относят прежде всего хозяйственные товарищества, производственные кооперативы, КФХ, ИП, хозяйственные общества и партнерства [1]. Малое и среднее предпринимательство обладает высокой значимостью в экономике государства, что продиктовано ежегодным ростом численности зарегистрированных субъектов, обратимся к рисунку 1.

Информационная безопасность, как термин, представляет собой комплекс мероприятий, ориентированный на защиту данных, обеспечение конфиденциальности корпоративной информации (или персональных данных), а также регулирование прав доступа к ней определенным группам лиц (чаще всего происходит разграничение информации по уровням, доступ к которым предоставляется в соответствии с наличием соответствующих полномочий) [3,4]. Как и любая другая категория, информационная безопасность предполагает собственный инструментарий. То есть, речь идет о средствах, которые позволяют закрыть доступ к информации с внешней стороны (могут быть представлены в виде программных, аппаратных, организационно-административных и криптографических продуктов).

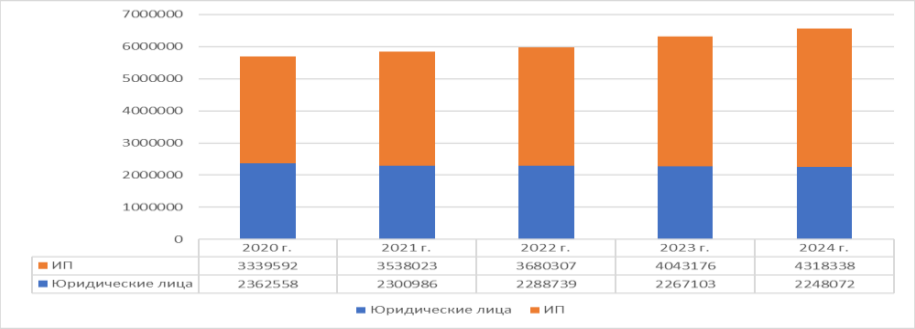

Рисунок 1 – Динамика численности субъектов МСП в Российской Федерации по состоянию на 2020-2024 гг., шт. [2]

Обращая внимание на данные, приведенные на рисунке 1, видно, что численность субъектов МСП имеет положительную тенденцию: в 2020 г. количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей составляло 5702150 шт., что на 864260 шт. ниже показателя отчетного периода – 6566410 шт. При этом, стоит обратить внимание, что концентрация ИП гораздо выше, чем других организационно-правовых форм, что в большей степени обусловлено простотой регистрации, а также преимуществами такой формы ведения бизнеса (упрощенная система налогообложения, адрес регистрации по месту прописки, административную и уголовную ответственность несет лично перед государством и др.).

Поскольку сектор МСП в экономической структуре ежегодно расширяется, клиенты малого и среднего предпринимательства ожидают и надеются на повышенный уровень защищенности конфиденциальной информации, личных данных, которые хранятся в ограниченном доступе. Однако, информационная безопасность предполагает не только защищенность архивных данных, но и обеспечение их целостности и доступности [6].

В рамках субъектов малого и среднего предпринимательства основной функцией информационной безопасности является обеспечение конфиденциальности, то есть, информация о внутренних делах организации или предприятия доступна только ограниченному кругу лиц (зачастую, только сотрудникам и доверенным лицам, но существуют также разграничения и между ними: рядовые работники не обладают правами доступа для некоторых уровней информации, которая доступна управленческому звену) [5,7]. Данный факт обусловлен минимизацией угрозы утечки информации во внешнюю среду, что может негативно отразиться как на деятельности предприятия, так и стать причиной ее функционирования вовсе.

Кроме утечки информации существуют и другие угрозы для субъектов малого и среднего предпринимательства, рассмотрим рисунок 2.

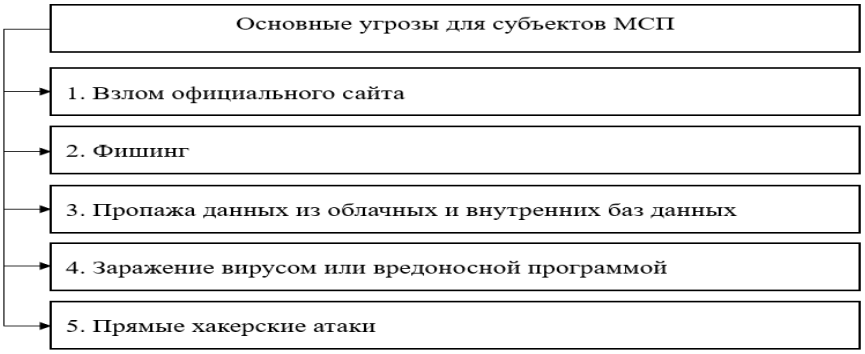

Рисунок 2 – Основные угрозы для субъектов МСП

Рассматривая информацию, отраженную на рисунке 2, стоит пояснить, что среди описанных угроз наибольший риск представляет собой фишинг. Данный вид мошенничества предполагает кражу персональных данных посредством спам-рассылки, в которой мошенник обращается к адресату с просьбой перейти по ссылке, прикрепленной к письму. Фишинг имеет свое видовое разнообразие, он может быть электронным (мошенники направляют письмо с мотивацией открыть «зараженную» ссылку, зачастую такие электронные письма выглядят как просьба обновить пароль на сайте банка, просьба просмотреть вложения от нового контрагента), смс-фишинг (представляют собой небольшие сообщения, содержащие в себе ссылки для оплаты курьера, товара, получения приза и др.), голосовой фишинг (представлен в виде звонков злоумышленников, которые могут называться представителями банковских учреждений, органов власти, деканами, профессорами, ректорами образовательных учреждений и др., с целью получения кода из смс-сообщений, зачастую, пароля от сервиса «Госуслуги»), фишинг в социальных сетях (представлен в виде сообщений от взломанных аккаунтов с просьбой направить денежные средства на счет или с просьбой пройти голосование по ссылке). Чтобы избежать негативных последствий и нивелировать ситуации, связанные с попыткой взлома официальных сайтов, архивов, хранящихся в облачных сервисах, предпринимателям необходимо соблюдать меры предосторожности и защиты персональных и корпоративных данных. Обратимся к рисунку 3.

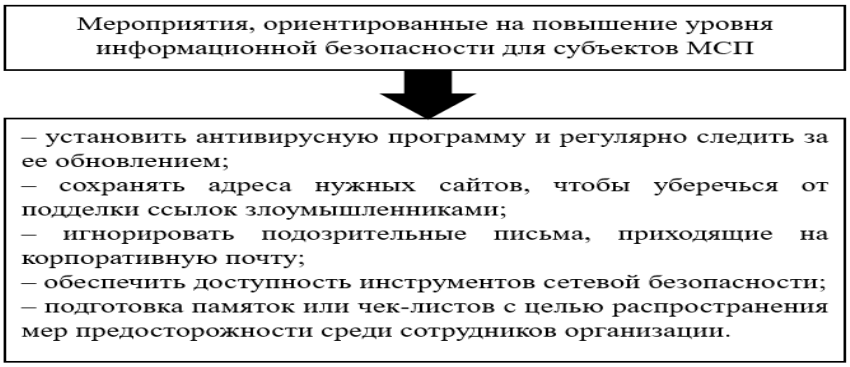

Рисунок 3 – Мероприятия, ориентированные на повышение уровня информационной безопасности для субъектов МСП

На данный момент существует достаточно много барьеров, препятствующих полноценной защите данных в сегменте малого и среднего бизнеса в Российской Федерации. Во-первых, это недостаток финансовых ресурсов и финансовых возможностей. В современной экономической среде информация является тоже своего рода товаром, соответственно, на нее есть спрос, а там где есть спрос, есть и предложение. Однако, не все субъекты МСП могут себе позволить приобрести пакет услуг по установке и настройке средств защиты, поэтому риск утечек и кибератак сохраняется. Во-вторых, это недостаток квалифицированных специалистов в области информационной безопасности. Данный факт действительно является проблемой, поскольку уровень интернет-преступности растет, известные формы мошенничества преобразуются в различные формы, которые все труднее вычислить и обезвредить на ранних этапах, поэтому в каждой организации должен быть хотя бы один сотрудник, отвечающий за информационную безопасность организации. В-третьих, отсутствие единого подхода оценки уровня информационной безопасности, нормативно-правового базиса, который будет регламентировать деятельность предприятий в данном вопросе, а также корректировки его совокупного состояния при разных условиях.

Обращаясь к зарубежному опыту, стоит отметить, что национальным институтом стандартов и технологий в США (NIST) был составлен и опубликован документ, включающий в себя теоретические основы информационной безопасности предприятий МСП «NISTIR 7621». США предлагает соблюдать определенный перечень действий, при котором удастся обезопасить предприятие от мошеннических схем и неблагоприятного воздействия из вне. Обратимся к рисунку 4.

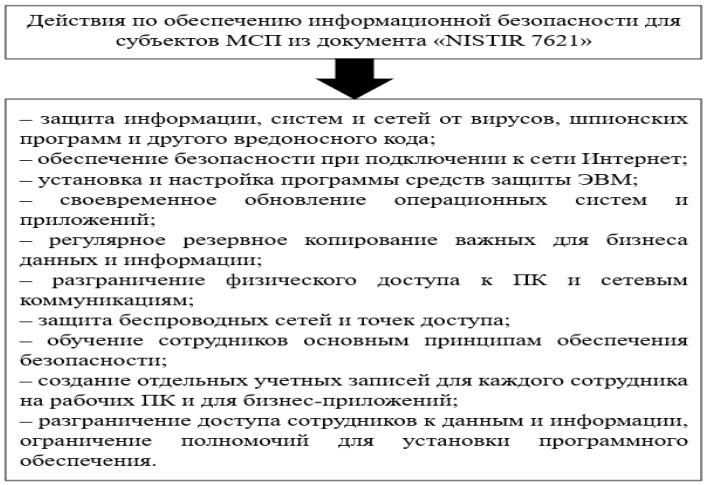

Рисунок 4 – Рекомендательные действия по обеспечению информационной безопасности для субъектов МСП из документа «NISTIR 7621»

Кроме приведенного списка мероприятий по повышению уровня информационной безопасности в организации и предприятии, США выделяет угрозы, сопряженные с «человеческим фактором», которые признаются одними из самых опасных для предпринимателей. Сравнивая рис. 3 и рис. 4, стоит заметить, что большинство мероприятий игнорируется российскими предпринимателями, что является дополнительной проблемой в аспекте информационной безопасности.

При утилизации старых компьютеров необходимо извлекать жесткие диски и уничтожать их. Уничтожение можно произвести, разобрав диск на части и отбив пластины, электронику и разъемы. В случае, если не удается полноценно утилизировать устаревшую технику самостоятельно, необходимо передать жесткие диски компаниям, специализирующимся на уничтожении устройств хранения данных, таких как жесткие диски.

При утилизации старых носителей (компакт-дисков, гибких дисков, USB-накопителей и т.д.) стоит утилизировать комплексно, поскольку сохранившиеся детали могут аккумулировать конфиденциальную информацию, что создает риск утечек [8].

К носителям также относится бумага. При утилизации бумаги, содержащей конфиденциальную информацию, уничтожение происходит за счет измельчителя с поперечной нарезкой.

Малые предприятия очень часто выбрасывают старые компьютеры и носители информации, не уничтожая жесткие диски компьютеров или сами носители информации. Конфиденциальная деловая и личная информация регулярно обнаруживается на компьютерах, приобретенных на таких сервисах как «Авито» и т.д., что также влияет на фактор риска потери данных [4].

Основываясь на вышеописанном, рассмотрим мероприятия, направленные на повышение уровня информационной безопасности хозяйствующего субъекта:

1. Полноценная утилизация жестких дисков, документов на электронных и бумажных носителях.

2. Обучение сотрудников организации основным принципам информационной безопасности во избежание угроз фишинга и других мошеннических действий.

3. Установка необходимых пакетов антивирусных программ, а также обеспечение регулярных проверок ПК на наличие угроз.

4. Разграничение доступа сотрудников к данным и информации, введение запрета на использования съемных носителей и накопителей (флеш-карты), во избежание утечки информации.

5. Защита беспроводных сетей и точек доступа.

В завершении стоит отметить, что информационная безопасность может быть реализована только при соблюдении комплексного подхода, точечное проведение мероприятий может не оказать положительного эффекта, а лишь повысить фактор риска для субъектов малого и среднего предпринимательства. Именно поэтому необходима разработка нормативно-правовых документов, содержащих регламент, обязательный для всех организаций, описывающий порядок действий при установлении и настройке средств информационной защиты. Данный шаг позволит сократить киберпреступность, а также улучшить финансовое состояние субъектов бизнеса.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 N 209-ФЗ (последняя редакция) // Консультант-Плюс // - Электронный ресурс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/

2. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства // Электронный ресурс – URL:https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?statDate=10.12.2024&level=2&fo=&ssrf=&t=1762447469628&t=1762447469628

3. Информационная безопасность малого и среднего бизнеса в России [Электронный ресурс] // ЗАО «Лаборатория Касперского». URL: http://www.kaspersky.ru /downloads/pdf/research_smb.pdf.

4. Kissel R. Small Business Information Security: The Fundamentals. – US Department of Commerce, National Institute of Standards and Technology, 2009.

5. Адамян Г.К. Носкова Д.Д., Чернов Ю.И. Перспективы совершенствования административно-правовой охраны информационной безопасности // Евразийский юридический журнал. 2024. №9 (196). С. 160-162.

6. Чернов Ю.И., Симонян Я.С., Беджанова Я.К., Тютюнникова В.А. Административные барьеры в области малого предпринимательства // Евразийский юридический журнал. 2022. №4 (167). С. 482-484.

7. Тонкоштан А.Р., Соколова Е.М., Чернов Ю.И. Административные интернет-правонарушения: способы их выявления и предупреждения // Евразийский юридический журнал. 2024. №6 (193). С. 137-139.

8. Жирков Н.С., Дыба С.С., Рыбалко Д.А., Чернов Ю.И. Административная ответственность индивидуальных предпринимателей: вопросы теории и практики // Евразийский юридический журнал. 2022. №3 (166). С. 101-103.

References:

1. Federal Law "On the Development of Small and Medium-sized Businesses in the Russian Federation" dated 07/24/2007 N 209-FZ (latest edition) // Consultant-Plus // - Electronic resource – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/

2. Unified Register of small and medium-sized businesses // Number of legal entities and individual entrepreneurs, information about which is contained in the Unified Register of Small and Medium-sized Businesses // Electronic resource – URL:https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?statDate=10.12.2024&level=2&fo=&ssrf=&t=1762447469628&t=1762447469628

3. Information security of small and medium-sized businesses in Russia [Electronic resource] // Kaspersky Lab CJSC. URL: http://www.kaspersky.ru /downloads/pdf/research_smb.pdf.

4. Kissel R. Small Business Information Security: The Fundamentals. – US Department of Commerce, National Institute of Standards and Technology, 2009.

5. Adamyan G.K. Noskova D.D., Chernov Yu.I. Prospects for improving administrative and legal protection of information security // Eurasian Law Journal. 2024. No. 9 (196). pp. 160-162.

6. Chernov Yu.I., Simonyan Ya.S., Bedzhanova Ya.K., Tyutyunnikova V.A. Administrative barriers in the field of small business // Eurasian Law Journal. 2022. No. 4 (167). pp. 482-484.

7. Tonkoshtan A.R., Sokolova E.M., Chernov Yu.I. Administrative Internet offenses: ways to identify and prevent them // Eurasian Law Journal. 2024. №6 (193). pp. 137-139.

8. Zhirkov N.S., Dyba S.S., Rybalko D.A., Chernov Yu.I. Administrative responsibility of individual entrepreneurs: issues of theory and practice // Eurasian Law Journal. 2022. №3 (166). pp. 101-103.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_715

УДК 340

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ЭТИЧЕСКОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ
LEGAL ISSUES OF THE ETHICAL AND PSYCHOLOGICAL IMPACT OF SOCIAL NETWORKS

ИГНАТЬЕВА Ирина Валентиновна,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и маркетинговых технологий,
Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия,
664003, Россия, Сибирский федеральный округ, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11,
E-mail: irina.090@mail.ru

СМИРНОВА Ксения Васильевна,
старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел,
Восточно-Сибирского института МВД России, Иркутск, Россия,
664074, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.
E-mail: smirnova.kv@inbox.ru

IGNATIEVA Irina Valentinovna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Journalism and Marketing Technologies, Baikal State University, Irkutsk, Russia,
11 Lenin St., Irkutsk, Irkutsk Region, Siberian Federal District, 664003, Russia,
E-mail: irina.090@mail.ru

SMIRNOVA Ksenia Vasilievna,
Senior Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia,
110 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia, Irkutsk region.
E-mail: smirnova.kv@inbox.ru

Краткая аннотация. *Статья посвящена решению правовых вопроов этического и психологического воздействия социальных сетей. Участники сетевого общения не считают себя связанными официально одобряемыми и признанными морально-этическими нормами, границы своего этического поведения они устанавливают самостоятельно. Как результат, они создают свои морально-этические правила общения и поведения в сетевом пространстве, базовым принципом которых является анонимность их присутствия, многие участники скрывается под ником (т.е. псевдонимом в интернет-среде), обладая, при этом, колоссальным уровнем свободы и практически полным отсутствием личной ответственности. В результате, возникает проблема соблюдения ими этических норм, обеспечения правомерного поведения и более глобально – проблема эффективности этической системы в социальных сетях и результативного воздействия этики на сознание и поведение участников сетевого общения. На примере распространения деструктивных онлайн –трансляций авторы анализируют вопросы правового регулирования, в целях исключения этического и психологического воздействия социальных сетей на пользователей, в том числе, несовершеннолетних, делают значимые выводы, вносят предложения.*

Abstract. *This article addresses legal issues related to the ethical and psychological impact of social networks. Participants in online communication do not consider themselves bound by officially approved and recognized moral and ethical standards; they set the boundaries of their ethical behavior independently. As a result, they create their own moral and ethical rules of communication and behavior online, the fundamental principle of which is the anonymity of their presence. Many participants hide behind nicknames (i.e., pseudonyms online), enjoying a tremendous degree of freedom and a virtually complete lack of personal responsibility. Consequently, the problem arises of their adherence to ethical standards, ensuring lawful behavior, and, more generally, the effectiveness of an ethical system on social networks and the effective impact of ethics on the consciousness and behavior of online participants. Using the spread of destructive online broadcasts as an example, the authors analyze issues of legal regulation aimed at eliminating the ethical and psychological impact of social networks on users, including minors, and draw significant conclusions and make proposals.*

Ключевые слова*: социальные сети, контент, интернет-площадки, треш-стримы, деструктивные онлайн-трансляции, этика,сетевой этикет, нетикет, администратор домена.*

Keywords: *social networks, content, internet platforms, trash streams, destructive online broadcasts, ethics, netiquette, netiquette, domain administrator.*

Для цитирования: *Игнатьева И.В., Смирнова К.В. Правовые вопросы этического и психологического воздействия социальных сетей // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 715-717. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_715.*

For citation*: Ignatieva I.V., Smirnova K.V. Legal issues of ethical and psychological impact of social networks // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 715-717. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_715.*

Статья поступила в редакцию: 26.09.2025
Дата публикации: 30.01.2026

В современном мире социальные сети стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Они не только позволяют общаться с друзьями и коллегами, но и формируют общественное мнение, влияют на восприятие различных событий, явлений и даже личностей. Социальные сети помогают преодолеть социальное одиночество, расширить круг общения, найти единомышленников по интересам, увлечениям и взглядам на жизнь, быть в курсе событий и почувствовать себя частью сообщества. В социальных сетях появился даже свой «сетевой этикет», или «нетикет» (netiquette, от англ. net – «сеть» и фр. etiquette – «этикет»), как этическое руководство к поведению и общению в цифровых социальных сетях [2, с. 59].

По мнению А. Швейцера общество служит интересам этики, когда оно санкционирует законом ее элементарные правила и передает из поколения в поколение этические идеи [3, с. 149].

Аристотель еще в IV веке до н.э. в работе «Никомахова этика» [1] утверждал, что этика – это учение о нравственности (морали). Основа этического учения – психология: этика изучает индивидуальное поведение человека, его отношения с другими людьми, руководствуясь десятью

этическими добродетелями, то есть чертами характера, которые обычно вызывают восхищение в обществе: смелость, благоразумие, щедрость, великодушие, честолюбие, сдержанность, правдивость, остроумие, дружелюбие, скромность.

Однако, сложность в том, что участники сетевого общения порой не считают себя связанными официально одобряемыми и признанными морально-этическими нормами, границы своего этического поведения они устанавливают самостоятельно. Как результат, они создают свои морально-этические правила общения и поведения в сетевом пространстве, базовым принципом которых является анонимность их присутствия, многие участники скрывается под ником (т.е. псевдонимом в интернет- среде), обладая, при этом, колоссальным уровнем свободы и практически полным отсутствием личной ответственности. В результате, возникает проблема соблюдения ими этических норм, обеспечения правомерного поведения и более глобально – проблема эффективности этической системы в социальных сетях и результативного воздействия этики на сознание и поведение участников сетевого общения. Как пример, размещение видеоролика на видеохостинге, которое сопровождается вымышленным именем (ником) его автора и имеет заголовок, содержащий нецензурные выражения, или, деструктивный контент со сценами насилия, порнографии, употребления запрещенных веществ.

Одной из самых злободневных проблем в современном сетевом обществе является появление и быстрое распространение треш-стримов, иными словами онлайн-трансляций, содержанием которых является демонстрация противоправных действий.

Треш-стриминг – вид прямого эфира, ведущий которого совершает над собой или гостями опасные для здоровья, эпатирующие, унизительные и тому подобные действия**,** обычно с целью получения денежного вознаграждения (донат) со стороны зрителей.

Распространение деструктивного контента может быть опасным и неприемлемым для пользователей, особенно детей и подростков, чья психика еще не сформирована, в силу чего они не могут адекватно оценивать происходящее.

С 8 августа 2024 года в России треш-стриминг запрещён на основании Федерального закона от 08.08.2024 № 216-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ № 216-ФЗ)[1]

19 августа 2024 года на территории Российской Федерации вступили в законную силу изменения, внесенные Федеральным законом от 8 августа 2024 года №217-ФЗ – «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее – ФЗ № 217-ФЗ), которыми устанавливается административная ответственность за проведение деструктивных онлайн-трансляций («треш-стримов»).

Деструктивные онлайн-трансляции – это прямые эфиры треш-стримы, на которых людей подвергают физическому и психологическому насилию**.**

Согласно части 12 статьи 13.15 КоАП РФ «Злоупотребление свободой массовой информации» за распространение в интернете информации, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающей явное неуважение к обществу, содержащей изображение противоправных, в том числе насильственных, действий, распространяемой из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений, предусмотрено: для граждан – штраф от 50 тысяч до 100 тысяч рублей; для должностных лиц – от 100 тысяч до 200 тысяч рублей; для юридических лиц – от 800 тысяч до 1 миллиона рублей.

Во всех случаях подлежит конфискации оборудование, использованное для изготовления таких материалов, а жестокие треш-стримы блокируются в досудебном порядке. Проблему это, однако, не решило, треш-стримы регулярно продолжают выходить, нарушая все нормы этики и морали, а учитывая, что публикации в сети носят анонимный характер, установить, кто именно разместил ту или иную информацию, иногда не представляется возможным. Однако, следует учесть, что ответственность за распространение деструктивной информации несут также и владельцы интернет-ресурсов, что подтверждено судебной практикой (Постановление ВАС Московского округа от 9 марта 2004 г. Дело № КГ-А41/390-04).

В соответствии с Регламентом и Правилами регистрации доменных имен в доменах .RU и .РФ (утверждены решением Координационного центра национального домена сети Интернет от 05.10.2011 № 2011-18/81 (редакция от 07.11.2022), в «Регламенте и тарифам на услуги по регистрации доменов второго уровня в зоне .RU» и Правилами регистрации доменов второго уровня в зоне .RU в первую очередь администратор домена несет ответственность за всё, что происходит в адресном пространстве его домена, за все конфликтные ситуации, за использование его домена в незаконных целях. Администратором домена выступает юридическое или физическое лицо, которое указано в поле «admin-o» формы описания домена. «Администратор домена определяет… порядок использования домена… [и поэтому] несет ответственность за выбор доменного имени, возможное нарушение прав на торговую марку, равно как и за конфликтные ситуации, возникающие при использовании доменного имени

Работа социальных сетей в России основана на законе о самоконтроле, который действует с февраля 2021 года **(**Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»)[2].

Согласно ему, интернет-площадки должны самостоятельно выявлять и блокировать запрещённую информацию. Нововведения в законе позволят добиться оперативного удаления социально опасной информации, требующей немедленного реагирования, например, треш-стримов и другого социально опасного контента.

В 2023 году Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор) включил основные социальные площадки (YouTube, Rutube и Twitch) в реестр социальных сетей. Владельцам ресурсов направили уведомления с указанием требований законодательства Российской Федерации. В соответствии с ним интернет-площадки обязаны самостоятельно контролировать контент и иметь форму обратной связи для жалоб пользователей на размещение запрещённой информации.

Также соцсети обязали разместить счётчик посещаемости и электронную форму для обращений пользователей о выявлении противоправ-

[1] Федеральный закон от 08.08.2024 № 216-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33 (часть I). Ст. 4912.

[2] Последняя редакция Федерального закона № 530-ФЗ – от 28 декабря 2024 года «О внесении изменения в статью 333.35 части второй Налогового кодекса Российской Федерации». Документ опубликован 10 января 2025 года и вступает в силу 27 января 2025 года.

ной информации. Интернет-ресурсы должны размещать правила социальных сетей, счётчик посещаемости, электронную форму для обращений пользователей о выявлении противоправной информации, а также ежегодно публиковать отчёт о рассмотрении подобных обращений. Соцсети должны уведомлять пользователя об ограничениях к его контенту, принимать меры по предписаниям Роскомнадзора, в том числе, отменять введённые меры по ограничению доступа к контенту пользователей. Закон закрепил за Роскомнадзором обязанность по формированию и ведению реестра социальных сетей для контроля соблюдения ими требований российского законодательства. С этой целью на сайте ведомства создан специальный раздел (www.530-fz.rkn.gov.ru), где представлена общая информация по закону (обязанности сторон, требования, приказы, рекомендованные счетчики), данные о нахождении ресурса в соответствующем реестре, а также сервисы для владельцев и пользователей социальных сетей.

С помощью указанных сервисов граждане получат возможность подать в ведомство обращение об обнаружении ресурса с признаками социальной сети, об отмене мер по ограничению доступа к информации, принятых владельцем ресурса, а также направить на горячую линию иные вопросы относительно взаимодействия с социальной сетью.

Владельцы интернет-ресурсов смогут перейти в личный кабинет для дальнейшего взаимодействия с Роскомнадзором, в том числе по оценке противоправности контента и необходимости его удаления.

В 2023 г. были приняты поправки в КоАП РФ, предусматривающие штрафы до 8 млн рублей для социальных сетей за несоблюдение закона о самоконтроле: это статья 19.7.10-4[1]. Неисполнение владельцем социальной сети предписания Роскомнадзора о мониторинге соцсети для выявления информации, схожей до степени смешения с той, что ранее уже требовало удалить ведомство. Штраф для граждан – от 100 тыс. до 200 тыс. рублей, для должностных лиц – от 500 тыс. до 800 тыс. рублей, для юридических лиц – от 4 млн до 6 млн рублей и статья 13.50 («Неисполнение обязанностей владельцем социальной сети»). Отсутствие публикации ежегодного отчёта о результатах рассмотрения обращений о распространяемой с нарушением закона информации и результатах мониторинга соцсети, неразмещение в соцсети правил её использования и (или) неисполнение обязанности по информированию пользователей о введённых в них изменениях. Штрафы для граждан – от 50 тыс. до 100 тыс. рублей, для должностных лиц – от 200 тыс. до 400 тыс. рублей, для юридических лиц – от 600 тыс. до 1 млн рублей. Таким образом, к ответственности за размещение треш-стримов на площадках YouTube и Twitch могут привлекаться либо авторы таких трансляций**,** либо владельцы доменов на основании новых статей КоАП РФ

Однако, на сегодняшний день серьезной проблемой является привлечение к административной ответственности треш-стримеров. Причин тут несколько, а главная, пожалуй, состоит в отсутствии законодательного определения запрещённого контента.

В Федеральном законе от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее – ФЗ № 436-ФЗ) в статье 5 используется довольно емкая формулировка. Под неё подпадают как типичные поджанры треш-стримов, так и множество иных правонарушений[2].

Определение запрещённого контента содержится также в ФЗ № 149-ФЗ. В частности, к запрещённой информации относится материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних и объявления о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера; информация о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений; информация о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства; информация о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), распространение которой запрещено федеральными законами.

Также определение треш-контента, который относится к запрещённой информации, даётся в ФЗ № 216-ФЗ. Под ним понимается информация, оскорбляющая человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающая явное неуважение к обществу, содержащая изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных, и распространяемая из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений.

Расширительное толкование запрещенного контента усложняется тем, что граница между обычным и треш-контентом довольно тонкая, и зачастую эти различия субъективны. Это делает разработку чётких и универсальных критериев для классификации контента сложной задачей. Однако, работа с платформами для улучшения качества контроля контента остаётся важной частью проблемы. Роскомнадзору необходимо сотрудничать с интернет-компаниями для разработки и внедрения более совершенных систем мониторинга и анализа контента с использованием технологий искусственного интеллекта, а также с расширением алгоритмов, которые могут выявлять деструктивное поведение на платформе.

Список литературы

1. Аристотель. Никомахова этика / пер. Н. Брагинская. Москва: ЭКСМО-Пресс, 1997 [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt (дата обращения: 21.09. 2025)
2. Скурко Е.В. Право и мораль в цифровых социальных сетях / Е. В. Скурко // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2020. № 3. С. 58-64.
3. Швейцер А. Культура и этика / А. Швейцер. Москва: Прогресс. 1973. 344 с.

References

1. Aristotle. Nicomachean Ethics / trans. N. Braginskaya. Moscow: EKSMO-Press, 1997 [Electronic resource]. URL: http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt (date of access: September 21, 2025)
2. Skurko, E.V. Law and Morality in Digital Social Networks / E.V. Skurko // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law. 2020. No. 3. pp. 58-64.
3. Schweitzer, A. Culture and Ethics / A. Schweitzer. Moscow: Progress. 1973. 344 p.

[1] Статья введена Федеральным законом от 31.07.2023 №401-ФЗ и действует с 1 сентября 2023 года.
[2] Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_718

УДК 351.74.

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДСТВА ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНАХ МВД РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ
WAYS TO IMPROVE MANAGEMENT ACTIVITIES THE LEADERSHIP OF THE TERRITORIAL BODIES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA IN MODERN CONDITIONS

БОГДАНОВ Алексей Викторович
кандидат юридических наук, доцент кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений, Академия управления МВД России.
125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д.8.
E-mail: alexey-b1980@mail.ru

BOGDANOV Alexey Viktorovich
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Organization of Internal Affairs Bodies at the Center for Command and Staff Exercises, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125171, Russia.
E-mail: alexey-b1980@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматривается практика осуществления управленческой деятельности руководителями территориальных органов МВД России в современных условиях. На основе выделенных особенностей и тенденций развития конъюнктурной среды, определены перспективные направления дальнейшего совершенствования ведомственного управления в части организации и осуществления информационно-аналитической работы, планирования, контроля, обеспечения вариативности применения метода руководства, а также в части улучшения качества методического обеспечения управленческой деятельности, связанной с применением информационных технологий.*

Abstract: *The article examines the practice of management activities by the heads of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia in modern conditions. Based on the identified features and trends in the development of the business environment, promising areas for further improvement of departmental management have been identified in terms of organizing and implementing information and analytical work, planning, monitoring, ensuring variability in the use of leadership methods, as well as improving the quality of methodological support for management activities related to the use of information technology.*

Ключевые слова: *Органы внутренних дел, управленческая деятельность, полиция, территориальные органы МВД России, руководитель органа внутренних дел, управленческое решение, аппарат управления.*

Keywords: *Internal affairs bodies, management activities, police, territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, head of the internal affairs body, management decision, management staff.*

Для цитирования: *Богданов А.В. Пути совершенствования управленческой деятельности руководства территориальных органах МВД России в современных условиях // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 718-721. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_718.*

For citation*: Bogdanov A.V. Ways to improve the management activities of the leadership of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia in modern conditions // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 718-721. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_718.*

Статья поступила в редакцию: 17.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Управленческая деятельность в ТО МВД России осуществляется их руководителями и подчинёнными им аппаратами управлений, в состав которых входят заместители руководителя, руководители структурных подразделений и рядовые сотрудники, выполняющие отдельные управленческие функции [6, с.6], как например сотрудники подразделения анализа, планирования и контроля штабов, инспекции по личному составу и т.п.

Концептуальная среда в которой осуществляется управление в ТО МВД России включает в себя широкий спектр взаимосвязанных и взаимодействующих между собой сфер: политическую, правовую, экономическую, социальную, культурную, технологическую, природную и другие. Все они постоянно меняются, варьируются их значимость и характер взаимосвязи. Например, в 2020 году самым значимым фактором концептуальной среды, учитываемой в организации деятельности ТО МВД России выступило состояние эпидемиологической обстановки среди личного состава, что было связанно с тотальным распространением острой коронавирусной инфекции «COVID-2019». Данный фактор не снижал своей первоочередной значимости почти полтора года, оставив позади состояние преступности, административную практику и другие традиционные полицейские приоритеты. Данная совокупность по своему содержанию и значимости тождественна ведомственному термину – «оперативная обстановка», получившему своё нормативное закрепление[1].

Управленческая деятельность как непрерывный процесс разработки, принятия и организации исполнения управленческих решений строится на постоянном анализе состояния оперативной обстановки (концептуальной среды) и прогнозировании её вероятностных изменений. Главная задача ведомственного управления – обеспечение контроля за состоянием правопорядка при любых изменениях оперативной обстановки

[1] Приказ МВД России от 26 сентября 2018 г. № 623 «Вопросы организации информационно-аналитической работы в управленческой деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СТРАС «Юрист» (дата обращения: 16.01.2026).

[7, с. 47]. Решение данной задачи предполагает адаптивный характер управленческой деятельности в ТО МВД России, что характеризуется регулярными изменениями структур органов и подразделений, а также совершенствованием правового регулирования их деятельности. Данные изменения продиктованы объективной потребностью, поскольку любые нарушения действующего организационного механизма функционирования ТО МВД России должны носить конструктивный характер и способствовать успешному решению новых задач.

Главные задачи российской полиции, равно как и любой другой полиции мира, носят традиционный характер и заключаются в противодействии преступности и охране правопорядка [2, С.8]. Однако преступность как массовое, негативное, социально-правовое явление постоянно меняется. Изменяется структура преступности, формы и способы криминальных проявлений. Данные изменения, как правило, продиктованы политическими, технологическими, социально-экономическими и другими факторами. Развитие ИТТ вызвало объективную потребность в защите уголовно-правовыми и административно-правовыми мерами общественных отношений, связанных с созданием и функционированием информационных систем. Продолжающая тенденция роста киберпреступлений в РФ указывает, что принимаемые меры по стабилизации криминальной ситуации в данном направлении требуют корректировки и усиления.

Реализуемая в Российской Федерации концепция цифровизации государственного управления инициировала активное внедрение в управленческую деятельность ТО МВД России информационных систем, переводя управленческие процессы в цифровую плоскость. Данный процесс носит необратимый характер и замена традиционных управленческих инструментов их цифровыми аналогами – объективная действительность современных руководителей ТО МВД России.

Существенными факторами, влияющими на содержание и качество управленческих процессов, выступают значительный некомплект личного состава в ТО МВД России и проводимая специальная военная операция. Первый фактор ставит перед руководством ТО МВД России задачу сохранения кадрового ядра подчиненных органов и подразделений, не снижая при этом требовательности к их работе. Второй определяет повышенную ответственность руководителей ОВД за результаты их деятельности по нейтрализации внутренних угроз национальной безопасности, как важное условие успешного достижения целей специальной военной операции. Указанные задачи были озвучены Президентом РФ В.В. Путиным на расширенном заседании коллегии МВД России по итогам работы Министерства за 2024 год [5].

Приведенные выше особенности концептуальной среды, в которой осуществляют свою деятельность ТО МВД России в настоящее время требуют научного осмысления. Так, проблемы с организацией информационно-аналитического обеспечения управленческой деятельности в ТО МВД России и эффективным использованием её главных продуктов, аналитических материалов и прогнозов в процессе разработки управленческих решений связаны с одной стороны, с ненадлежащим качеством данных материалов, ас дрогой стороны, с недооценкой их значимости субъектами управления.

В этой связи представляется целесообразным выделить следующие направления совершенствования информационно-аналитической работы: повышение качества её методического обеспечения; рассмотрение вопроса о подготовке профильных специалистов в образовательных организациях системы МВД России; включение в расписание занятий по профессиональной подготовке руководителей ТО МВД России тем, раскрывающих теоретические основы управленческих процессов в ОВД.

Для решения проблемных вопросов в области планирования, в части оптимизации данного процесса и повышения степени прикладной значимости планов, представляется целесообразным продолжить перевод ведомственного планирования на цифровую платформу, исключив дублирование электронных документов их аналогами на бумажных носителях, а также рассмотреть целесообразность разработки и ведения единого электронного плана-календаря мероприятий, подлежащих реализации в ТО МВД России, согласно принимаемым управленческим решениям, с внесением в него данных о содержании мероприятий, сроках их выполнения, исполнителях (соисполнителях), ожидаемых результатах, субъектах и форме контроля [9, С. 51].

Проблемы с реализацией контрольных функций, как правило, связаны с недостаточной профессиональной подготовленностью сотрудников ОВД, осуществляющих ведомственный контроль. Их решение заключается в обеспечении руководством ТО МВД России строгого соблюдения субъектами реализации контрольных функций нормативно установленного порядка их реализации, а также в исключении субъективного подхода к оценке деятельности подчиненных ТО МВД России.

Статистика дисциплинарной практики в ОВД [8, С. 45-50] указывает на необходимость совершенствования используемых руководителями ТО МВД России методов руководства подчиненным личным составом. Высокая доля привлеченных к дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД указывает на то, что руководители ТО МВД России при осуществлении ими своих административных полномочий используют преимущественно метод принуждения, зачастую игнорируя иные методы руководства.

Нельзя отрицать очевидную эффективность данного метода руководства, сущность которого заключается в жестком, императивном воздействии на подчиненных путем использования приказов, распоряжений и указаний, неисполнение которых влечет за собой последующее наступление для них негативных последствий, как правило, в виде привлечения к дисциплинарной ответственности. Вместе с тем, он не является единственным ввиду наличия альтернативных методов руководства, а именно методов побуждение и убеждения.

Метод побуждения сводится к созданию условий, направленных на мотивацию персонала организации к добросовестной и продуктивной деятельности, путем их стимулирования. Формы стимулирования могут варьироваться, к их числу относятся такие как объявление благодарности, премирование, награждение ценным подарком (почетной грамотой, ведомственными наградами, именным оружием), досрочное присвоение оче-

редного специального звания, досрочное снятие ранее наложенного дисциплинарного наказания, занесение на доску почета и другие[1].

Если методы руководства в виде принуждения и побуждения предполагают противоположные виды воздействия на волю подчиненного, то метод убеждения предполагает воздействие на его интеллект. Сущность данного воздействия заключается в последовательном, комплексном и системном формировании у него стойкой внутренней потребности в добросовестном выполнении своих служебных обязанностей, в следствие осознания их значимости, а также общественной полезности своей трудовой деятельности.

Каждый из перечисленных методов имеет свои преимущества и недостатки. Злоупотребление методом принуждения увеличивает психологическую нагрузку на подчиненных, ускоряет процесс их профессионального выгорания, ведет к формированию напряженного социально-психологического климата в трудовом коллективе [3, С. 25]. Кроме того, авторитарный стиль руководства препятствует раскрытию управленческого потенциала руководителей среднего звена, лишенных возможности проявления какой-либо личной инициативы в решении служебных вопросов и оцениваемых авторитарным руководителем исключительно с позиции исполнительности.

Сфера применения метода побуждения изначально носит рамочный характер в виду ограниченных ресурсов для стимулирования подчиненных. Злоупотребление методом побуждения влечет формирование у подчиненных потребительного отношения к своим должностным обязанностям, которое подменяет интересы службы и приводит к размыванию их ценностных ориентаций, что применительно к деятельности ОВД является недопустимым. Служба в ОВД является разновидностью государственной службы, она связана с определенным риском, требующим от сотрудников ОВД осознания высокой степени её полезности для общества и государства, что исключает сдельно-премиальную форму оплаты труда полицейского применяемую, как правило, в коммерческих организациях

В свою очередь, применение метода убеждения является наиболее сложным для руководителя, так как требует от него не только знаний основ педагогики и психологии, а также наличия личного авторитета у подчиненных сотрудников, основанного на их безусловном признании и положительной оценке его профессиональных и личностных качеств. Проблема применения данного метода связана с распространенным заблуждением о его якобы низкой эффективности, что обусловлено его некорректным применением. Формирование личности полицейского, в основе которой лежит глубокое чувство законности и непримиримое отношение к нарушителям закона, сложный и длительный процесс, однако его игнорирование порождает серьёзные негативные последствия, внешними проявлениями которых выступают нарушения законности и служебной дисциплины личным составом. Злоупотребление методом убеждения, также имеет свои негативные последствия, ввиду неудовлетворения персоналом своих материальных потребностей.

В этой связи, представляется справедливым тезис, что современный руководитель ТО МВД России должен владеть и использовать в своей деятельности каждый из описанных выше методов руководства, выбор которого зависит от особенностей объекта управления и условий его функционирования, что обеспечит успешное выполнение поставленных задач в различных условиях складывающей оперативной обстановки [1, С. 55].

Так, авторитарные методы руководства являются продуктивными в критических ситуациях, когда оперативность управления имеет первоочередное значение, либо при управлении служебным коллективом, члены которого имеют слабую профессиональную подготовку и низкий уровень мотивации. Демократический стиль управления наиболее эффективен в условиях стабильной оперативной обстановки, при наличии квалифицированного персонала и способствует развитию управляемой организации.

В свою очередь, либеральный стиль управления, предоставляющий подчиненным максимальную свободу действий, может быть использован в отдельных случаях, при решении сложных задач, требующих нестандартного, творческого подхода. Представляется верным тезис А.В. Дроздовского, что для управления в рамках системы МВД России либеральный стиль управления в качестве приоритетного использоваться не может [4, С. 85].

Цифровая грамотность – новая профессиональная характеристика руководителя ТО МВД России, её появление продиктовано внедрением в управленческую деятельность системы МВД России ИТТ. Некорректное использование цифровых продуктов снижает их эффективность, поэтому решением данной проблемы могут выступать разработка и организация изучения руководящим составом ТО МВД России методических рекомендаций по применению ИТТ в своей профессиональной деятельности. Также можно рассмотреть вопрос о целесообразности обязательного прохождения руководством ТО МВД России специальных обучающих курсов с изучением на них основ цифровой грамотности. Реализация данных мер будет способствовать повышению качества ведомственного управления в части использования руководством ТО МВД России возможностей прикладных сервисов ИСОД МИВД России.

Управленческая деятельность в ТО МВД России носит многоаспектный характер, ввиду чего предложенные нами направления её совершенствования не носят исчерпывающий характер и отражают только основные тенденции, продиктованные объективными потребностями развития концептуальной среды и текущей практики ведомственного управления.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам:

1. В целях совершенствования информационно-аналитической работы в управленческой деятельности ТО МВД России необходимо: повысить качество её методического обеспечения; организовать подготовку профильных специалистов в образовательных организациях системы МВД России, включить в расписание занятия по профессиональной подготовке руководителей ТО МВД России, тем раскрывающих тео-

[1] См. ст. 48 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.01.2026).

ретические основы управленческих процессов в ОВД.

2. В целях оптимизации планирования необходимо перевести ведомственное планирование в ТО МВД России на цифровую платформу, исключив дублирование электронных документов их аналогами на бумажных носителях, а также разработать и ввести единый электронный план-календарь мероприятий, подлежащих реализации в ТО МВД России, согласно принимаемым управленческим решениям, с внесением в него данных о содержании мероприятий, сроках их выполнения, исполнителях (соисполнителях), ожидаемых результатах, субъектах и форме контроля.

3. В качестве направления совершенствования ведомственного контроля в ТО МВД России предлагается исключить практику поручения выполнения контрольных мероприятий сотрудникам, имеющим недостаточный для этого уровень профессиональной подготовки, обеспечить неуклонное соблюдение субъектами его реализации нормативно установленного порядка осуществления ведомственного контроля, исключить субъективный подход к оценке деятельности подчиненных служб, подразделений и их сотрудников.

4. В целях оптимизации процесса руководства личным составом ТО МВД России необходимо комплексное и сбалансированное использование руководящим составом методов принуждения, побуждения и убеждения, в зависимости от особенностей объекта управления и условий его функционирования.

5. Определить, что в условиях цифровой трансформации системы государственного управления, важнейшей профессиональной компетенцией современного руководителя ТО МВД России является его цифровая грамотность. В качестве мер по повышению цифровой грамотности руководящего состава ТО МВД России предлагается: разработка и организация изучения методических рекомендаций по применению прикладных сервисов ИСД МВД России, а также прохождение обязательных обучающих курсов с изучением на них основ цифровой грамотности.

Список литературы:

1. Богданов А.В., Важенина И.В., Звонарева А.Ю. Управленческая культура руководителей территориальный органов МВД России: теоретико-прикладные аспекты: учебное пособие. – М.; Академия управления МВД России. – 104 с.
2. Важенина И.В., Богданов А.В. Организационно-правовые основы деятельности сил обеспечения внутренней безопасности зарубежных стран: учебное пособие. – М.; Академия управления МВД России, 2023. – 100 с.
3. Вахнина В.В., Мальцева Т.В., Ульянина О.А., Ложкина Н.В. Психологическая работа в органах внутренних дел: учебное пособие. – М.; Академия управления МВД России. 2019. – 108 с.
4. Дроздовский А.В. Стиль и методы руководства в органах внутренних дел // Наука, технологии и образование в XXI веке: проблемы взаимодействия и интеграции : сб. науч. трудов по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 28 февраля 2020 г. Белгород, 2020. С. 83–89.
5. Заседание коллегии МВД России от 5 марта 2025 года. [Электронный ресурс] // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru /events/president/transcripts/ deliberations%20/ 76408 (дата обращения: 16.01.2026).
6. Организация управления органами внутренних дел: учебник, 2-е издание, переработанное и дополненное / под общей редакцией А.М. Кононова, И.Ю. Захватова. – М.; ДГСК МВД России. 2017. – 296 с.
7. Ульянов А.Д. Организация управленческой деятельности руководителя территориального органа МВД России. – М.; Издательство «Проспект». 2023. – 216 с.
8. Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации в 2024 году: Сборник аналитических и информационных материалов. – М.; ГУРЛС МВД России, 2025 год. – 72 с.
9. Шатрыкин М.А., Богданов А.В. К вопросу о совершенствовании управленческой деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации в области организации планирования // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции «Государственное управление в правоохранительной сфере. Академия управления МВД России. 2024. С. 41-51.

References:

1. Bogdanov A.V., Vazhenina I.V., Zvonareva A.Y. Managerial culture of heads of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia: theoretical and applied aspects: a textbook. Moscow; Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 104 p .
2. Vazhenina I.V., Bogdanov A.V. Organizational and legal bases of the internal security forces of foreign countries: a textbook. Moscow; Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. – 100 p.
3. Vakhnina V.V., Maltseva T.V., Ulyanina O.A., Lozhkina N.V. Psychological work in law enforcement agencies: a textbook. Moscow; Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. – 108 p.
4. Drozdovsky A.V. Style and methods of leadership in law enforcement agencies // Science, technology and education in the 21st century: problems of interaction and integration : collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference. February 28, 2020 Belgorod, 2020. pp. 83-89.
5. Meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia on March 5, 2025. [Electronic resource] // President of Russia. URL: http://www.kremlin.ru /events/president/transcripts/ discussions%20/ 76408 (date of access: 01/16/2026).
6. Organization of management of internal affairs bodies: textbook, 2nd edition, revised and supplemented / under the general editorship of A.M. Kononov, I.Yu. Grazvatov. - M.; DGSK of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. 296 p
7. Ulyanov A.D. Organization of managerial activities of the head of the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow; Publishing house "Prospect". 2023. – 216 p.
8. Information on the state of work with personnel of the internal affairs bodies of the Russian Federation in 2024: A collection of analytical and informational materials. - M.; GURLS of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. – 72 p.
9. Shatrykin M.A., Bogdanov A.V. On the issue of improving managerial activities in the internal affairs bodies of the Russian Federation in the field of planning organization // Collection of scientific papers based on the materials of the international scientific and practical conference "Public administration in the law enforcement sphere. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. pp. 41-51.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_722

УДК 351.74

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОСГВАРДИИ, ПОЛИЦИИ, МЧС И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПРИ ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ
COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN GUARD, THE POLICE, THE MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS, AND LOCAL GOVERNMENT BODIES IN ELIMINATING THE CONSEQUENCES OF EMERGENCY SITUATIONS

КОВАЛЕВ Дмитрий Владимирович
Доцент кафедры тактико-специальной подготовки,
Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» г
Россия 664074, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.
E-mail: Dmitrikovalev67@gmail.com

KOVALEV Dmitry Vladimirovich
Associate Professor of the Department of Tactical and Special Training,
Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education
"East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation"
110 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Irkutsk Region, Russia.
E-mail: Dmitrikovalev67@gmail.com

Краткая аннотация *Ликвидация последствий чрезвычайных обстоятельств требует слаженной работы различных властных структур. В статье рассматриваются особенности взаимодействия Росгвардии, полиции, МЧС и органов местного самоуправления в рамках единой системы реагирования на чрезвычайные ситуации. Анализируются нормативно-правовая база, организационные механизмы координации, а также выявляются ключевые проблемы взаимодействия и пути их решения. Особое внимание уделяется роли межведомственного сотрудничества в обеспечении безопасности населения и восстановлении безопасности жизнедеятельности территорий после происшествий.*

Abstract *The elimination of the consequences of emergency circumstances requires the coordinated work of various government agencies. The article examines the features of interaction between the National Guard, the police, the Ministry of Emergency Situations, and local government bodies within the framework of a unified system for responding to emergency situations. It analyzes the legal framework, organizational mechanisms for coordination, and identifies key problems in interaction and ways to solve them. Special attention is given to the role of interagency cooperation in ensuring public safety and restoring the safety of territories after incidents.*

Ключевые слова: *чрезвычайная ситуация, Росгвардия, полиция, МЧС, местное самоуправление, взаимодействие органов власти, ликвидация последствий ЧС.*

Keywords: *emergency situation, Russian National Guard, police, Ministry of Emergency Situations, local self-government, interaction between government agencies, and emergency response.*

Для цитирования: *Ковалев Д.В. Взаимодействие Росгвардии, полиции, МЧС и органов местного самоуправления при ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 722-724. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_722.*

For citation*: Kovalev D.V. Interaction of the Rosgvardiya, the police, the Ministry of Emergency Situations and local governments in case of liquidation of the consequences of emergency circumstances // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 722-724. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_722.*

Статья поступила в редакцию: 17.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Введение.

Чрезвычайные обстоятельства – это всегда испытание для общества, требующее полной мобилизации всех имеющихся ресурсов и слаженной работы различных ведомств. В условиях произошедших стихийных бедствий, техногенных катастроф, терактов и эпидемий, резко возрастает роль Росгвардии, полиции, МЧС и органов местного самоуправления. Их грамотные совместные действия и оперативное управление задействованными силами становятся основным фактором в спасении жизней, минимизации ущерба и восстановлении нормальной жизнедеятельности населения.

Целью написания данной статьи является анализ существующих механизмов взаимодействия Росгвардии, полиции, МЧС и органов местного самоуправления при ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств, а также выявление факторов, влияющих на эффективное сотрудничество указанных структур.

Нормативно-правовые основы взаимодействия.

Правовые основы взаимодействия указанных структур закреплены в следующих нормативных правовых актах:

– Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»;

– Федеральный закон от 07.02.2011 № 3 «О полиции»;

– Федеральный закон от 03.07.2016 № 226 «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»;

– Постановление Правительства РФ от 30.12.2003 № 794 «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации

чрезвычайных ситуаций»;

– Федеральный закон от 21.12.1994 № 94-ФЗ «О пожарной безопасности»;

– Федеральный закон от 22.08.1995 № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей»;

– Федеральный закон от 12.02.1998 № 28-ФЗ «О гражданской обороне».

Этими руководящими документами определяются полномочия, обязанности и порядок взаимодействия каждого из участников ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств.

Роль и задачи силовых структур в ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств.

МЧС (министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий) – это головная структура, ответственная за предупреждение, ликвидацию ЧС и защиту населения. К основным задачам МЧС относятся:

– Разведка и оценка складывающейся обстановки;

– Спасательные и аварийно-восстановительные работы на пострадавшей территории;

– Оказание первой помощи пострадавшим;

– Эвакуация населения в безопасные районы;

– Тушение пожаров;

– Обеззараживание и дезинфекция;

– Обеспечение временного размещения и обеспечение жизнедеятельности пострадавших.

Полиция (Министерство внутренних дел Российской Федерации). Занимается обеспечением охраны общественного порядка и общественной безопасности в зоне ЧС. При этом в задачи полиции входит:

– Охрана общественного порядка. Предотвращение мародерства и паники среди населения;

– Обеспечение безопасности граждан при эвакуации;

– Регулирование дорожного движения;

– Розыск пропавших без вести граждан;

– Оказание содействия другим службам в проведении аварийно-спасательных работ;

– Расследование преступлений, совершенных в условиях ЧС.

Росгвардия (Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации). В условиях ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств выполняет следующие задачи:

– Оказание помощи в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности в зонах ЧС;

– Обеспечение безопасности критически важных объектов инфраструктуры;

– Участие в проведении эвакуационных мероприятий;

– Оказание силовой поддержки другим службам;

– Конвоирование и охрана задержанных лиц.

Органы местного самоуправления (ОМСУ). Непосредственно работают с населением, и поэтому являются первичным звеном в системе реагирования на ЧС. Задачи, решаемые ОМСУ:

– До ЧС: информирование населения о правилах поведения при ЧС; разработка планов эвакуации; создание резервов материальных ресурсов; обучение населения основам безопасности.

– Во время ЧС: организация оповещения населения, руководство эвакуацией на местном уровне; обеспечение первоочередных потребностей пострадавших.

– После ЧС: оценка ущерба; организация восстановительных работ; оказание социальной помощи пострадавшим; восстановление функционирования объектов жизнеобеспечения.

Механизмы взаимодействия

Координационные структуры

Для обеспечения согласованных действий заинтересованных структур создаются временные или постоянно действующие координационные (оперативные) штабы, в которые входят представители всех служб, участвующих в ликвидации последствий ЧС. В задачи штабов входит;

– Оперативное планирование предстоящих действий;

– Распределение задач среди участников ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств;

– Контроль исполнения возложенных на исполнителей поручений;

– Обеспечение связи и обмена информацией между подразделениями.

Информационное взаимодействие

Эффективность взаимодействия во многом зависит от своевременности и достоверности поступающей информации. Для её получения и распространения используются:

– Автоматизированные системы управления (АСУ);

– Единые информационные платформы;

– Каналы связи между уровнями управления.

Совместные учения и тренировки

Для слаженной работы задействованных сил требуется регулярное проведение учений различного уровня сложности, в ходе которых возможна детальная отработка необходимых сценариев взаимодействия и выявление их слабых мест. По итогам анализа полученных в ходе учений результатов, появляется возможность корректировки имеющихся планов реагирования на ту, или иную чрезвычайную ситуацию. Участие в учениях представителей всех структур способствует повышению готовности к ликвидации последствий реальных чрезвычайных обстоятельств.

Примеры взаимодействия на практике

– Ликвидация последствий наводнений в Краснодарском крае (2012 год).

В ходе масштабных наводнений силы МЧС занимались непосредственно оказанием помощи пострадавшим; полиция обеспечивала порядок на эвакуационных пунктах; Росгвардия оказывала помощь в спасении людей; местные администрации координировали размещение пострадавших и распределение гуманитарной помощи.

– Ликвидация последствий теракта в метро (Санкт-Петербург, 2017 год).

Силы МЧС занимались непосредственно оказанием помощи пострадавшим; полиция обеспечивала безопасность станций метро; Росгвардия была задействована в поиске и обезвреживании взрывных устройств; органы местного самоуправления организовали медицинскую помощь и эвакуацию граждан.

Проблемы и пути решения

Проблемы

– Недостаточный уровень взаимопонимания между представителями разных структур;

– Отсутствие единых стандартов алгоритмов действий;

– Недостаточное финансирование мероприятий по заблаговременной подготовке к возможным действиям при ЧС;

– Информационные барьеры между различными ведомствами.

Предложения по совершенствованию взаимодействия между структурами

– Разработка типовых регламентов совместной работы;

– Создание единой информационной системы оповещения и алгоритма реагирования задействованных структур при ЧС;

– Повышение квалификации кадров через совместные обучающие программы;

– Изучение и адаптация межрегионального и международного опыта в ликвидации последствий ЧС.

Заключение

Эффективное взаимодействие представителей МЧС, Росгвардии, полиции и органов местного самоуправления при ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств является критически важным элементом обеспечения безопасности населения. Совершенствование механизмов координации, унификации действий и усиление информационного обмена между структурами, позволят повысить устойчивость системы к возможным ЧС. Только при условии слаженной работы всех уровней власти можно минимизировать последствия ЧС и обеспечить быстрое восстановление нормальной жизнедеятельности людей.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»;
2. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3 «О полиции»;
3. Федеральный закон от 03.07.2016 № 226 «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»;
4. Постановление Правительства РФ от 30.12.2003 № 794 «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций»;
5. Федеральный закон от 21.12.1994 № 94-ФЗ «О пожарной безопасности»;
6. Федеральный закон от 22.08.1995 № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей»;
7. Федеральный закон от 12.02.1998 № 28-ФЗ «О гражданской обороне».
8. Методические рекомендации МЧС России по организации взаимодействия органов исполнительной власти с силовыми ведомствами при ликвидации ЧС.
9. Тактические приемы задержания правонарушителей сотрудниками полиции / А.А. Сошин, А.В. Желтобрюх // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. - 2020. - № 4(7). – С. 106-109.

References:

1. Federal Law No. 68-FZ dated December 21, 1994 "On the Protection of the Population and Territories from Natural and Man-made Emergencies";
2. Federal Law No. 3 "On Police" dated 07.02.2011;
3. Federal Law No. 226 of 07/03/2016 "On the Troops of the National Guard of the Russian Federation";
4. Decree of the Government of the Russian Federation dated 12/30/2003 No. 794 "On the Unified State System for the Prevention and Liquidation of Emergency Situations";
5. Federal Law No. 94-FZ dated December 21, 1994 "On Fire Safety";
6. Federal Law No. 151-FZ dated 08/22/1995 "On Emergency Services and the Status of Rescuers";
7. Federal Law No. 28-FZ dated 12.02.1998 "On Civil Defense".
8. Methodological recommendations of the Ministry of Emergency Situations of Russia on the organization of interaction of executive authorities with law enforcement agencies in emergency response.
9. Tactical methods of detention of offenders by police officers / A.A. Soshin, A.V. Zheltobryukh // Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2020. - № 4(7). – Pp. 106-109.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_725

УДК 342.95

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ
HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN THE FIELD OF ROAD SAFETY

ГОЛИКОВ Александр Сергеевич,
аспирант Таганрогского института управления и экономики.
347900, Россия, г.Таганрог, ул.Петровская, 45.
E-mail: p.kameneva@tmei.ru
GOLIKOV Alexander Sergeevich,
Postgraduate Student of the Taganrog Institute of Management and Economics.
Petrovskaya str., 45, Taganrog, 347900, Russia.
E-mail: p.kameneva@tmei.ru

Краткая аннотация: *в статье рассматривается историческая эволюция института административной ответственности в сфере безопасности дорожного движения в России. Показано, что его формирование прошло несколько ключевых этапов – от первых обычаев и указов до современной цифровой системы правоприменения. На ранних стадиях правовое регулирование носило фрагментарный характер и базировалось на гражданско-правовых и дисциплинарных нормах. С появлением механического транспорта в начале XX века начались системные изменения: принятие первых Правил дорожного движения, введение штрафов и лишения прав. Советский период ознаменовался кодификацией норм – особенно важным этапом стало принятие КоАП РСФСР 1984 года, который впервые систематизировал административную ответственность. Современный этап, связанный с принятием КоАП РФ 2001 года, характеризуется расширением перечня нарушений, ростом штрафов, внедрением автоматизированной фиксации и цифровых сервисов. Автор приходит к выводу, что институт административной ответственности трансформировался от карательного инструмента к сложному механизму обеспечения правопорядка, отражающему технологические и социальные изменения в обществе.*

Abstract: *the article examines the historical evolution of the institution of administrative responsibility in the field of road safety in Russia. It shows that its formation went through several key stages, from the first customs and decrees to the modern digital system of law enforcement. In the early stages, legal regulation was fragmented and based on civil and disciplinary norms. With the advent of mechanical transport in the early 20th century, systemic changes began: the adoption of the first Traffic Regulations, the introduction of fines, and the deprivation of driving privileges. The Soviet period was marked by the codification of norms, with the adoption of the RSFSR Administrative Code of 1984 being a particularly important milestone. The modern stage, marked by the adoption of the Russian Administrative Code of 2001, is characterized by an expanded list of violations, increased fines, and the introduction of automated recording and digital services. The author concludes that the institution of administrative responsibility has evolved significantly.*

Ключевые слова: *административная ответственность, безопасность, дорожное движение, историческое развитие, этапы.*
Key words: *administrative liability, safety, traffic, historical development, and stages.*

Для цитирования: *Голиков А.С. Историческое развитие института административной ответственности в сфере безопасности дорожного движения // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 725-727. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_725.*
For citation*: Golikov A.S. Historical development of the Institute of Administrative responsibility in the field of road safety // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 725-727. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_725.*

Статья поступила в редакцию: 10.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Институт административной ответственности как элемент правовой системы государства прошел длительный путь формирования, трансформации и адаптации к меняющимся социально-экономическим условиям. В сфере безопасности дорожного движения, являющейся одной из наиболее динамично развивающихся отраслей, административная ответственность приобрела особое значение. Ее становление и развитие тесно связаны с эволюцией транспортных средств, ростом интенсивности движения, урбанизацией и необходимостью обеспечения общественной безопасности.

Цель данной статьи – проследить историческую эволюцию института административной ответственности в сфере безопасности дорожного движения, выявить ключевые этапы его формирования в России.

На ранних этапах развития человеческого общества передвижение осуществлялось пешком, на животных или с использованием простейших повозок. Управление дорожным движением носило стихийный характер, а нормы поведения на дорогах формировались на основе обычаев и местных правил.

В Древней Руси уже существовали акты, регулировавшие поведение на дорогах. Например, в «Русской Правде» [5] содержались положения о возмещении ущерба при повреждении повозки или лошади. Однако речь шла преимущественно о гражданско-правовой ответственности, а не об административной.

В XVIII веке, с развитием почтовой системы и ростом числа экипажей, появляются первые нормативные акты, регулирующие порядок движения. Указы Петра I и Екатерины II содержали требования к содержанию дорог, скорости движения карет и поведению ямщиков. Нарушения влекли штрафы или телесные наказания, что можно рассматривать как зачатки административной ответственности, хотя в то время еще не существовало четкого разделения видов юридической ответственности.

С приходом железнодорожной эпохи и появлением первых механических транспортных средств (паровых автомобилей, велосипедов) возникла необходимость в системном правовом регулировании.

В 1851 году было принято Положение о движении по Санкт-Петербурго-Московской железной дороге [7]. Документ описывал основные правила для работников и пассажиров новой магистрали. В нем содержались, в частности, правила перевозки пассажиров и грузов, расписание поездов, стоимость билетов.

В 1912 году в России Московской городской думой были приняты Правила дорожного движения, и назывались они – «Обязательные постановления о порядке движения по городу Москве автоматических экипажей» [8]. Этими правилами регулировалась и скорость движения – 12 верст/ч для тяжелых экипажей, 20 верст/ч для остальных. Устанавливалось правостороннее движение, а также оговаривалось техническое состояние средств движения. За нарушения полагались штрафы от 3 до 50 рублей, а в случае рецидива – лишение права управлять транспортным средством.

После Октябрьской революции 1917 года прежние нормы были отменены, но с ростом автопарка и урбанизацией возникла острая необходимость в новых правилах.

В 1922 году Моссовет утвердил новую редакцию Правил дорожного движения. Они назывались – «О движении по улицам города Москвы». Новыми их положениями были: ограничение движения по отдельным улицам, определение мест стоянок автомототранспорта, правила движения по мостам, впервые – регулирование движения с помощью жезла [8].

В 1930 – 1940-е годы за нарушение правил движения водители подвергались административным взысканиям, которые налагали органы милицейской службы и Госавтоинспекция. Наказание зависело от характера нарушения: предупреждение; штраф, оплачиваемый на месте, в сумме, установленной местным Советом депутатов трудящихся; замена талона к удостоверению на право управления транспортом; штраф, взыскиваемый в административном порядке; лишение права управления на срок от 15 дней до 6 месяцев.

Запрещалось управлять автомобилем в состоянии опьянения, при аварии и несчастных случаях надлежало не трогаться с места, если это не мешало движению, до прибытия сотрудников милиции.

Например, в Правилах уличного движения 1936 года говорилось: «Все уличное движение обязано придерживаться следующего порядка: пешеходы уступают дорогу ручной повозке, повозка – извозчику, извозчик – автомашине, а автомашина общего назначения – всем машинам специального назначения и автобусу» [6].

Таким образом, к началу XX века в России сформировались первые признаки административной ответственности: противоправность, вина, наказуемость, применение санкций уполномоченными органами.

В середине 1950-х гг. в РСФСР были предприняты важные шаги по упорядочению правил дорожного движения. В 1955 и 1957 гг. были введены в действие новые правила уличного движения, которые стали важной вехой на пути к созданию единых общесоюзных стандартов в этой сфере. Нормативные акты, принятые в РСФСР в указанный период, заложили основу для дальнейшей унификации правил дорожного движения в масштабах всего Советского Союза. Они послужили основой для разработки и внедрения общесоюзных правил, которые должны были обеспечить единообразие регулирования дорожного движения на территории всех союзных республик.

Таким образом, правила, введенные в РСФСР в середине 1950-х гг., не только способствовали упорядочению дорожного движения на территории республики, но и стали важным шагом на пути к созданию единого общесоюзного регулирования в этой сфере. Они послужили базой для дальнейшего развития и совершенствования правил дорожного движения в СССР.

Важным моментом на советской стадии развития административной ответственности в области дорожного движения в СССР стал 1984 г. Именно в этом году была осуществлена первая полномасштабная кодификация законодательства в данной сфере. Результатом этого процесса стало принятие Кодекса об административных правонарушениях РСФСР (далее – КоАП РСФСР) [4]. Данный нормативный акт имел большое значение, поскольку он объединил в себе материальные, компетенционные и процессуальные нормы, регулирующие вопросы административной ответственности. До принятия КоАП РСФСР [4] нормы об административных правонарушениях в области дорожного движения были разрознены и содержались в различных законодательных актах. Кодификация позволила систематизировать данные нормы, сделать их более доступными и понятными для правоприменителей и граждан.

Анализ КоАП РСФСР 1984 г. [4] позволяет сделать вывод о том, что он предусматривал достаточно широкий спектр административных наказаний за нарушения правил дорожного движения – от предупреждения до лишения специального права и административного ареста, что позволяло дифференцированно подходить к ответственности в зависимости от тяжести совершенного правонарушения.

Заметим, что КоАП РСФСР 1984 г. [4] оставался основным нормативным актом, регламентирующим административную ответственность за нарушения ПДД, вплоть до принятия в 2001 году нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [2]. Особенностью советского периода было преобладание карательной функции ответственности, слабое развитие профилактических мер и отсутствие механизмов реабилитации нарушителей.

С распадом СССР и принятием в 1993 году Конституции РФ [1] начался новый этап правового регулирования. В 1993 году были утверждены новые Правила дорожного движения [3], а в 2001 году вступил в силу КоАП РФ [2], который систематизировал ответственность в сфере безопасности дорожного движения в Главе 12. Именно принятие КоАП РФ 2001 г. [2] можно считать новой стадией современного развития административной ответственности в исследуемой области.

Особенностью современного этапа стало:

– расширение перечня нарушений;

– увеличение размера штрафов;

– внедрение автоматизированных систем фиксации (камеры, распознавание номеров);

– развитие цифровых сервисов («Госуслуги», «Автокод», онлайн-оплата штрафов);

– усиление ответственности юридических лиц (например, за нарушения водителями автопарков).

В 2015 году была введена система «Платон» – государственная система взимания платы с владельцев грузовых автомобилей с разрешенной максимальной массой свыше 12 тонн за проезд по федеральным трассам России. Название расшифровывается как «плата за тонны».

В 2020-е годы активно обсуждается введение балльной системы, аналогичной европейской, при которой водители будут получать баллы за нарушения, а при достижении лимита – лишаться прав или проходить переобучение.

Резюмируя изложенное, отметим следующее. Историческое развитие института административной ответственности в сфере безопасности дорожного движения отражает эволюцию общества от конной повозки до цифрового автопарка. От первых указов и обычаев до современных автоматизированных систем – этот институт прошел путь от репрессивного инструмента к сложному механизму правового регулирования, сочетающему карательные, профилактические и воспитательные функции. Таким образом, институт административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения прошел долгий путь развития, тесно связанный с эволюцией самих транспортных средств и усложнением дорожного движения. На каждом историческом этапе законодательство трансформировалось, отвечая на новые вызовы и потребности общества в обеспечении безопасности на дорогах.

Будущее административной ответственности в сфере безопасности дорожного движения связано с внедрением балльных систем, развитием искусственного интеллекта, усилением профилактики и гуманизацией правоприменения. Только комплексный подход позволит снизить аварийность, повысить правовую культуру и обеспечить безопасность всех участников дорожного движения.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных законами №6-ФКЗ от 30.12.2008, №7-ФКЗ от 30.12.2008, №2-ФКЗ от 5.02.2014, №11-ФКЗ от 21.07.2014, №1-ФКЗ от 14.03.2020, одобренными в ходе всероссийского голосования 01.07.2020, с учетом включения новых субъектов РФ, внесенных федеральными конституционными законами №5-ФКЗ от 04.10.2022, №6-ФКЗ от 04.10.2022, №7-ФКЗ от 04.10.2022, №8-ФКЗ от 04.10.2022). – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2025 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (дата обращения: 07.12.2025).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.11.2025) [принят Государственной Думой 20.12.2001, одобрен Советом Федерации 26.12.2001]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2025 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074277 (дата обращения: 07.12.2025).

3. О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»): Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 16.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2025 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102026836 (дата обращения: 07.12.2025).

4. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (утв. ВС РСФСР 20.06.1984) (ред. от 20.03.2001). Утратил силу. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2025 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010426 (дата обращения: 07.12.2025).

5. Правда Русская / А.А. Зимин; отв. ред. В.Л. Янин. – М.: Древлехранилище, 2019. – 424 с. – ISBN 978-5-87210-159-7. – Текст: непосредственный.

6. Правила уличного движения / Сост. Ф.Н. Троицкий. – Воронеж: Упр. РК милиции УНКВД Ворон. обл., 1936. – 40 с. – Текст: непосредственный.

7. Положение о движении по Санкт-Петербурго-Московской железной дороге [Утв. 24 окт. 1851 г. – Санкт-Петербург, 1851. – 48 с. – Текст: непосредственный.

8. В цифрах и фактах. – Текст: электронный // Газета «За рулем»: официальный сайт. – 2025. – URL: https://www.zr.ru/archive/zr/1996/07/sobytiie?ysclid=miz3hljsne143076679/ (дата обращения: 07.12.2025).

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, subject to amendments introduced by Laws No. 6-FKZ of 12/30/2008, No. 7-FKZ of 12/30/2008, No. 2-FKZ of 02/5/2014, No. 11-FKZ of 07/21/2014, No. 1-FKZ of 03/14/2020, approved during the All-Russian vote on 07/01/2020, with taking into account the inclusion of new subjects of the Russian Federation introduced by federal constitutional laws No. 5-FKZ dated 04.10.2022, No. 6-FKZ dated 04.10.2022, No. 7-FKZ dated 04.10.2022, No. 8-FKZ dated 04.10.2022). – Text: electronic // The State system of legal information: The official Internet portal of legal information. 2005-2025 – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (date of application: 12/07/2025).

2. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated 12/30/2001 (as amended on 11/28/2025) [adopted by the State Duma on 12/20/2001, approved by the Federation Council on 12/26/2001]. – Text: electronic // The State system of legal information: The official Internet portal of legal information. 2005-2025 – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074277 (date of request: 07.12.2025).

3. On the Rules of the Road (together with the "Basic provisions on the admission of vehicles to operation and the duties of officials to ensure road safety"): Decree of the Government of the Russian Federation dated 10/23/1993 No. 1090 (as amended on 07/16/2025) (with amendments and additions, intro. effective from 09/01/2025). – Text: electronic // The State system of legal information: The official Internet portal of legal information. 2005-2025 – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102026836 (date of request: 07.12.2025).

4. The RSFSR Code of Administrative Offences (approved by the Supreme Council of the RSFSR on 06/20/1984) (as amended on 03/20/2001). It has lost its power. – Text: electronic // State system of legal information: The official Internet portal of legal information. 2005-2025 – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010426 (date of reference: 12/07/2025).

5. Russian Truth / A.A. Zimin; ed. by V.L. Yanin. – M.: Drevlekhranishche, 2019. – 424 p. – ISBN 978-5-87210-159-7. – Text: direct.

6. Rules of street traffic / Comp. F.N. Troitsky. – Voronezh: Upr. RK militia NKVD Raven. region, 1936. – 40 p. – Text: direct.

7. Regulations on traffic on the St. Petersburg-Moscow railway [Approved on October 24, 1851 – St. Petersburg, 1851. – 48 p. – Text: direct.

8. In figures and facts. – Text: electronic // Za Rulem newspaper: official website. – 2025. – URL: https://www.zr.ru/archive/zr/1996/07/sobytiie ?ysclid=miz3hljsne143076679/ (accessed: 12/07/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_728

УДК 349.6

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ И КАЗАХСТАНЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
LEGAL REGULATION OF ENVIRONMENTAL RELATIONS IN RUSSIA AND KAZAKHSTAN: A COMPARATIVE ANALYSIS

ГОРОХОВ Дмитрий Юрьевич
Кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права и государственной политики,
Государственный университет по землеустройству.
105064, Россия, г. Москва, ул. Казакова 15.
E-mail: dmgorokhov@yandex.ru

ГРУДИН Александр Вячеславович,
студент юридического факультета, Государственный университет по землеустройству.
105064, Россия, г. Москва, ул. Казакова 15.
E-mail: grudin05@mail.ru

GOROKHOV Dmitry
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Public Law
of Law State University of Land Use Planning.
105064, Moscow, Kazakova St. 15
E-mail: dmgorokhov@yandex.ru

GRUDIN Alexander,
a student of the Faculty of Law State University of Land Use Planning.
105064, Moscow, Kazakova St. 15
E-mail: grudin05@mail.ru

Краткая аннотация: *в статье проводится сравнительный анализ экологического права России и Казахстана. Исследуются кодифицированная (ЭК РК) и комплексно-отраслевая (РФ) модели, общие принципы, экономические механизмы и проблемы. Предложены пути гармонизации законодательства в рамках ЕАЭС.*

Abstract: *A comparative analysis of environmental law in Russia and Kazakhstan is presented. The codified (Kazakhstan's Environmental Code) and complex sectoral (RF) models, common principles, economic instruments and systemic problems are examined. Ways to harmonize legislation within the EAEU are proposed.*

Ключевые слова: *экологическое право, сравнительное правоведение, Российская Федерация, Республика Казахстан, экологическое законодательство, охрана окружающей среды, правовые проблемы, Евразийский экономический союз÷ (ЕАЭС).*

Keywords: *environmental law, comparative law, Russian Federation, Republic of Kazakhstan, environmental legislation, environmental protection, legal issues, EAEU.*

Для цитирования: *Горохов Д.Ю., Грудин А.В. Правовое регулирование экологических отношений в России и Казахстане: сравнительный анализ // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 728-731. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_728.*

For citation*: Gorokhov D.Yu., Grudin A.V. Legal regulation of environmental relations in Russia and Kazakhstan: a comparative analysis // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 728-731. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_728.*

Статья поступила в редакцию: 27.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

В условиях глобализации и нарастающих экологических вызовов, таких как изменение климата, деградация природных ресурсов и загрязнение окружающей среды, сравнительный анализ национальных экологических законодательств приобретает особую актуальность. Понимание особенностей правового регулирования природоохранной деятельности в различных государствах позволяет выявлять эффективные практики, определять проблемные зоны и способствовать гармонизации международных усилий в области охраны окружающей среды. Исследование направлено на выявление общих корней, современных тенденций и различий в экологическом законодательстве с целью определения путей его совершенствования и гармонизации.

Для России и Казахстана, обладающих значительными территориями (1-е и 9-е место в мире), схожей структурой промышленности (добывающий сектор) и общей историей в рамках СССР, такой анализ представляет особый научный и практический интерес. Обе страны являются крупнейшими государствами постсоветского пространства, что предопределяет схожесть их исторического развития, наличие общих подходов к формированию правовой системы. Россия и Казахстан имеют общую протяженную границу, что делает их тесно связанными в вопросах трансграничного загрязнения и использования общих природных ресурсов, требующих согласованных правовых решений. Оба государства являются членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС), что влечет за собой необходимость унификации и гармонизации законодательства, в том числе в экологической сфере, для обеспечения свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Правовые системы государств в целом, схожи, что обуславливается многими факторами, в числе которых: общее советское прошлое, которое, все еще оказывает воздействие в том числе и в правовой сфере и, несмотря на то, что после распада СССР, страны занялись реформированием законодательства, многие базовые институты и правовые концепции были сохранены или адаптированы; участие в международных договорах и конвенциях по охране окружающей среды, таких как Парижское соглашение по климату, Конвенция о биологическом разнообразии и другие, существенно влияющих на формирование национальных экологических норм в обоих государствах, способствуя их сближению.

Вместе с тем, несмотря на общие корни и тенденции, экологическое законодательство Казахстана обладает рядом специфических черт, которые делают его уникальным объектом для анализа. В частности, Казахстан одним из первых на постсоветском пространстве принял единый Экологический кодекс (2007, 2021 г.), который консолидировал и систематизировал нормы в области охраны окружающей среды, тогда как в России законодательство остается более фрагментированным. В настоящее время Республика Казахстан является единственной страной, Прикаспийского региона, имеющей кодифицированное экологическое законодательство — Экологический кодекс Республики от 2 января 2021 г. No 400-VI (далее — ЭК РК)[1]. Кроме того, Казахстан демонстрирует активную позицию в вопросах трансграничного экологического сотрудничества и внедрения экономических механизмов стимулирования природоохранной деятельности. Данное исследование направлено на выявление как общих черт, так и существенных различий в подходах к правовому регулированию экологических отношений в Российской Федерации и Республике Казахстан, что позволит оценить эффективность применяемых моделей и определить перспективы дальнейшего развития и гармонизации законодательства.

Первым и важнейшим вопросом, в котором расходятся системы экологического права России и Казахстана является то, что Казахстан использует кодифицированный подход: ключевым документом выступает Экологический Кодекс [2]. Первый ЭК в Республике Казахстан был принят еще в 2007 году, однако, он принимался в условиях, когда концепции «зеленой» экономики, циркулярной экономики и наилучших доступных технологий (НДТ) не были столь развиты. Он не обеспечивал достаточных стимулов для модернизации производства и снижения негативного воздействия на окружающую среду [3]. Например, Концепция перехода Казахстана к «зеленой» экономике была утверждена только в 2013 году [4], а новый Экологический Кодекс 2021 года уже напрямую поощряет «зеленые» инвестиции и интегрирует принципы циркулярной экономики и НДТ (В ЭК РК прямо предусмотрена необходимость внедрения НДТ для предприятий I категории).

Несмотря на кодификацию, отдельные экологические нормы все же содержатся и в иных законодательных актах (Земельный, Водный, Лесной кодексы, закон о недрах, и т.д.), однако сам по себе кодекс объединил и систематизировал отрасль права, создав единый, логически выстроенный и концептуально целостный массив экологического регулирования, который существенно упростил правовую систему Казахстана и повысил её предсказуемость для правоприменителей, бизнеса и граждан. Такое кодификационное решение можно рассматривать как значимый шаг вперёд по сравнению со многими другими государствами постсоветского пространства, где экологическое законодательство сохраняет фрагментарный и разноуровневый характер.

Экологическое законодательство России устроено иначе. В РФ отсутствует экологический кодекс как единый системообразующий акт; ядром регулирования выступает Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Существенные блоки норм также содержатся в Водном, Лесном, Земельном кодексах РФ, ФЗ «Об охране атмосферного воздуха», «О недрах», «О животном мире», «Об отходах производства и потребления», и других. Такая система неизбежно остаётся многоуровневой, фрагментированной и подверженной несостыковкам, а значительная часть регулирования в сфере экологической экспертизы, нормирования и контроля основана на подзаконных актах, что снижает прозрачность и стабильность правовой системы.

Принципы экологического права в России и Казахстане – довольно интересная тема, только по вопросу которой возможно написать не одну статью и которую не представляется возможным обойти мимо, понимая особую важность этой темы в теоретическом и практическом смысле, но мы всё же ставим целью нашей работы не глубокое погружение в доктринальные различия, а общий обзор системы экологического права двух стран и постольку ограничимся лишь общим рассмотрением сходств и различий в данном вопросе.

В целом, принципы ЭП (сформулированные в ФЗ №7 «Об охране окружающей среды» в статье 3, а в ЭК РК приведённые в ст. 5) можно разделить на две основные группы: совпадающие, т.е. находящие свое отражение в законодательстве другого государства (зачастую, они не идентичны по своим формулировкам, но схожи по «духу», смыслу) и оригинальные.

Так, принцип охраны, воспроизводства и рационального использования природных ресурсов из российского ФЗ №7 разделяется сразу на три принципа в ЭК РК: принципы предотвращения, исправления и предосторожности.

А вот принцип ЗК РК «загрязнитель платит» находит свое отражение в двух принципах ФЗ №7: в принципе платности природопользования и возмещение вреда окружающей среде и обязательности финансирования юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими хозяйственную и (или) иную деятельность, которая приводит или может привести к загрязнению окружающей среды, мер по предотвращению и (или) уменьшению негативного воздействия на окружающую среду, устранению последствий этого воздействия.

Также, в законах обеих стран находятся принципы доступности экологической информации, принцип общественного участия и принцип экосистемного подхода.

В ст. 3 ФЗ «Об охране окружающей среды» можно найти принципы, которые прямо не упоминаются в экологическом законе Казахстана, например: научно обоснованное сочетание экологических, экономических и социальных интересов человека, общества и государства в целях обеспечения устойчивого развития и благоприятной окружающей среды; независимость государственного экологического контроля (надзора); презумпция экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности; международное сотрудничество РФ в области охраны окружающей среды; организация и развитие системы экологического образования, воспитание и формирование экологической культуры.

Несмотря на то, что данные принципы напрямую не упомянуты в указанной статье ЭК Казахстана их содержит. Так, принцип независимости государственного экологического контроля (надзора), фактически реализуется посредством наделения уполномоченного органа (Министерства экологии и природных ресурсов) возможностью самостоятельно организовать и осуществлять государственный контроль, что подразумевает его независимость в принятии решений, а уполномоченных лиц (государственных экологических инспекторов) таким спектром полномочий, который

позволяет действовать автономно в рамках своих обязанностей, без необходимости согласования с подконтрольными субъектами.

Аналогичным образом дела обстоят и с принципом организации и развития системы экологического образования, воспитания и формирования экологической культуры. Хоть он и отсутствует в с. 5 ЭК РК, но находит свое отражение в Разделе 12 ЭК, полностью посвященному экологической культуре, образованию и просвещению.

Идентично и с принципом международного сотрудничества: тут тоже все довольно просто. В целом, сам новый кодекс принимался под предлогом, в том числе, гармонизации с международными стандартами. Но нельзя не отметить ту глубину проработки этого самого международного сотрудничества: среди источников экологического права Казахстана выше национального законодательства находятся международные договоры, в соответствии со ст. 2 ЭК РК, активно внедряются международные стандарты в области охраны окружающей среды (Глава 6 ЭК РК), а также отдельно в специальной части ЭК существует 22 раздел, который так и называется: международное сотрудничество РК в области охраны окружающей среды.

В связи с этим довольно интересна судьба принципа презумпции экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности. В старом ЭК, в ст. 5, посвященной принципам, он был указан [5]. В новом документе, прямо из списка принципов данная презумпция была исключена, однако, фактически, суть данной презумпции передается принципами предотвращения и предосторожности, которые сами по себе заставляют предполагать опасность планируемой деятельности (иначе, как можно предотвращать и как можно опасаться последствий).

Интересно дела обстоят с новеллами в ЭК РК. Принцип пропорциональности гласит: меры по охране окружающей среды обеспечиваются в той степени, в которой они являются достаточными для реализации цели и задач экологического законодательства Республики Казахстан. При этом предпочтение отдается тому варианту, который является наименее обременительным. Прямой, дословной формулировки, идентичной казахстанской, в российском экологическом законодательстве нет. В Экологическом кодексе РК (ст. 10) этот принцип прописан явно и структурно, что несомненно можно назвать достижением законодателя.

Рассмотрим также реализацию экономического механизма охраны окружающей среды. В РК с 2021 года внедрена система торговли квотами на выбросы парниковых газов, что сближает его с европейским подходом. В РФ действует система углеродных единиц, основанная на проектах по поглощению выбросов и наилучшим доступным технологиям (НДТ), но национальный рынок квот находится в стадии становления. Также различаются подходы к платежам за негативное воздействие: в Казахстане они носят больше фискальный характер, в России – теоретически компенсационный, хотя на практике эта цель также не достигнута.

Функции экологического контроля в РФ распределены между несколькими федеральными органами (Росприроднадзор, Росводресурсы, Рослесхоз и др.), а также переданы на региональный уровень. В Казахстане после реформ ключевым органом является Министерство экологии и природных ресурсов РК с территориальными подразделениями [6], что предполагает более централизованную вертикаль управления.

Экологический кодекс РК целенаправленно закрепляет концепцию «зеленого» роста и включает отдельные главы, посвященные регулированию в сфере возобновляемой энергетики и энергосбережения. В российском законодательстве эти вопросы рассредоточены по разным отраслевым законам и закреплены скорее фрагментарно.

В целом, правовые системы России и Казахстана сталкиваются со схожими системными проблемами:

1. Декларативность принципов. Отдельные основополагающие принципы такие как устойчивое развитие или приоритет охраны жизни и здоровья людей носят скорее декларативный характер и слабо обеспечены конкретными правовыми механизмами.

2. Фрагментарность и правовые коллизии. Даже при наличии экологического кодекса в Казахстане, экологическое законодательство остается тесно связанным с нормами иных отраслей (недропользование, градостроительство), что порождает противоречия. В России эта проблема выражена явно сильнее из-за отсутствия единого кодифицированного акта.

3. Недостаточное экономическое воздействие на экологические процессы. Платежи за негативное воздействие, в обоих государствах, не выполняют в полной мере стимулирующей функции, так как их величина часто несоразмерна реальному экологическому ущербу и затратам природопользователей на внедрение наилучших технологий. Система налоговых и кредитных льгот для «зеленых» предприятий развита недостаточно. Предприятиям проще и дешевле платить штрафы, чем пытаться подстроиться под экологический стандарт, данная проблема уже поднимается как российскими учеными [7], так и Казахстанскими сенаторами [8].

Несмотря на общую историческую базу и схожие экологические вызовы, экологическое законодательство России и Казахстана пошло разными путями развития. Казахстан избрал путь европейско-ориентированной кодификации и внедрения рыночных механизмов (торговля квотами), при этом законодатель Казахстана смог закрепить нормы, ярко выделяющих его правовую систему на фоне соседей. Россия сохраняет более традиционную, комплексно-отраслевую модель с акцентом на технологическое нормирование.

Однако ключевые проблемы правового регулирования остаются общими: невысокая эффективность экономических инструментов, разрыв между декларируемыми принципами и правоприменительной практикой, слабое участие общественности. Для их решения необходимы не только национальные реформы, но и активная гармонизация законодательства в международных масштабах. Нами предполагается возможным:

1. Создание единого экологического кодекса для стран ЕАЭС, обязательного к принятию в странах-участницах.

2. Организация ЕАЭС-центра экологического надзора и мониторинга с представителями из стран-участниц организации.

3. Ввести обязательное раскрытие данных о мониторинге загрязнений и по результатам надзорной деятельности в единой базе.

Данная мера позволила бы четко урегулировать вопросы трансграничного загрязнения, обращения с отходами, климатической политики, стандартов «зеленой» продукции. Такой синхронизированный подход позволит не только улучшить экологическую ситуацию на территории пост-

советского пространства, но и создать равные конкурентные условия для бизнеса.

Список литературы:

1. Анисимов А.П., Резванова Л.А. Тенденции и перспективы развития экологического законодательства Прикаспийских государств: сравнительно-правовой аспект. Правовой порядок и правовые ценности. 2023;1(3):45-56. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-3-45-56
2. Экологический кодекс Республики Казахстан : принят 2 янв. 2021 г. № 400-VI ЗРК // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 2021. – № 1. – Ст. 1. – С. 10–120.
3. Переход Казахстана к зеленой экономике: обзорный отчет [Электронный ресурс] / Партнерство за действия в интересах зеленой экономики (PAGE). – 2020. – URL: https://admin.un-page.org/wp-content/uploads/2023/04/2020-kazakhstan-stocktaking-report-rus.pdf (дата обращения: 10.12.2025).
4. Концепция перехода Республики Казахстан к «зеленой» экономике : утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 30 мая 2013 года № 577. – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/ecogeo/documents/details/87583?lang=ru (дата обращения: 10.12.2025).
5. Экологический кодекс Республики Казахстан от 9 января 2007 года № 212-III ЗРК. Статья 5. Принципы экологического законодательства Республики Казахстан // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан "Әділет". – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K070000212_#z5. – Дата обращения: 10.12.2025.
6. О некоторых вопросах Министерства экологии и природных ресурсов Республики Казахстан : постановление Правительства Респ. Казахстан от 5 июля 2019 года № 479 (в ред. от 31.12.2024) // Информ.-правовая система нормативных правовых актов Респ. Казахстан «Әділет» [URL]: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000479 (дата обращения: 18.12.2025).
7. Экологические платежи в России: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // GR Review. – Режим доступа: https://grreview.ru/index.php/wej/article/view/182 (дата обращения: 10.12.2025).
8. Предлагают от налога освободить [Электронный ресурс] // LSM.kz. – Режим доступа: https://lsm.kz/predlagayut-ot-naloga-osvobodit (дата обращения: 10.12.2025).

References:

1. Anisimov A.P., Rezvanova L.A. Trends and prospects in the development of environmental legislation of the Caspian Littoral states: a comparative legal aspect. Legal order and legal values. 2023;1(3):45-56. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-3-45-56
2. Environmental Code of the Republic of Kazakhstan : adopted on January 2, 2021 No. 400-VI SAM // Bulletin of the Parliament of the Republic of Kazakhstan. – 2021. – No. 1. – Art. 1. – pp. 10-120.
3. Kazakhstan's transition to a green economy: an overview report [Electronic resource] / Partnership for Action in the Interests of the Green Economy (PAGE). – 2020. – URL: https://admin.un-page.org/wp-content/uploads/2023/04/2020-kazakhstan-stocktaking-report-rus.pdf (date of request: 12/10/2025).
4. The concept of transition of the Republic of Kazakhstan to a "green" economy: approved by Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated May 30, 2013 No. 577. – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/ecogeo/documents/details/87583 ?lang=ru (date of request: 10.12.2025).
5. Environmental Code of the Republic of Kazakhstan dated January 9, 2007 No. 212-III SAM. Article 5. Principles of environmental legislation of the Republic of Kazakh-stan // Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan "Adilet". – [Electronic resource]. – Access mode: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K070000212_#z5 . – Date of request: 10.12.2025.
6. On some issues of the Ministry of Ecology and Natural Resources of the Republic of Kazakhstan : Resolution of the Government of the Republic of Kazakh-stan No. 479 dated July 5, 2019 (as amended dated 31.12.2024) // Inform.-the legal system of regulatory legal acts of the Republic of Belarus. Kazakhstan "Adilet" [URL]: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000479 (date of access: 12/18/2025).
7. Environmental payments in Russia: problems and prospects [Electronic resource] // GR Review. – Access mode: https://grreview.ru/index.php/wej/article/view/182 (date of request: 10.12.2025).
8. They propose to exempt from tax [Electronic resource] // LSM.kz . – Access mode: https://lsm.kz/predlagayut-ot-naloga-osvobodit (date of termination: 10.12.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_732

УДК 342.7

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ
HUMAN RIGHTS IN THE DIGITAL SPACE

НАПСО Марьяна Бахсетовна,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса
Северо-Кавказской государственной академии, г. Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика.
369015, Россия, Карачаево-Черкесская Республика, г. Черкесск, ул. Космонавтов, 100.
E-mail: napso.maryana@mail.ru

АГИРБОВ Тимирлан Ренатович,
студент Северо-Кавказской государственной академии.
369015, Россия, Карачаево-Черкесская Республика, г. Черкесск, ул. Космонавтов, 100.
E-mail: napso.maryana@mail.ru

NAPSO Maryana Bakhsetovna,
Doctor of Law, Professor of the department of civic law and process, North Caucasian state academy.
100 Kosmonavtov St., Cherkessk, Karachay-Cherkess Republic, 369015, Russia.
E-mail: napso.maryana@mail.ru

AGIRBOV Timirlan Renatovich,
student of the North Caucasus state academy.
100 Kosmonavtov St., Cherkessk, Karachay-Cherkess Republic, 369015, Russia.
E-mail: napso.maryana@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассмотрена проблематика соотношения цифровых прав и «цифровизации прав», где в первом случае речь идет о собственно цифровых правах как новых по содержанию, не имеющих аналога и опосредующих жизнь лиц в цифровой среде, во втором - о цифровом преломлении традиционных прав. Вопрос изучен с точки зрения разных подходов: 1) в контексте цифровизации, ее преимуществ и рисков; 2) с точки зрения необходимости регулирования самой цифровой среды и отношений с использованием информационно-коммуникационных и цифровых технологий; 3) с учетом сложностей правового регулирования отношений в цифровой среде; 4) через понимание цифровых прав как механизма реализации прав в условиях новой среды; 5) путем рассмотрения основных прав, признаваемых в качестве цифровых - права на забвение, права на доступ к сети «Интернет», права на цифровую смерть, на предмет новизны правового содержания и в соотнесении с социальностью и традиционными правовыми механизмами реализации; 6) через попытку определения собственно цифровых прав, опосредующих жизнь индивида в инореальности (право на цифровую идентичность, право не быть достоверным). Продуктивность такого формата авторы видят в возможности комплексного изучения вопроса в его различных аспектах и с учетом разности воззрений на категорию цифровых прав. В результате авторы приходят к выводу о целесообразности разделения на цифровые права и «цифровизацию прав», следовательно, считая правомерным говорить о «цифровизации» прав и цифровых правах. При всем различии между ними авторы подчеркивают их единство, обусловленное единством ценностей – свобода и безопасность, реализацией в условиях цифровой среды с использованием информационно-коммуникационных и цифровых технологий, необходимостью комплексного правового регулирования, требующего соединения инновационных технических и правовых решений, с одной стороны, и традиционных правовых институтов, фундаментальных ценностей, с другой.*

Abstract: *The article examines the relationship between digital rights and "digitalization of rights", where in the first case we are talking about digital rights themselves as new in content, having no analogue and mediating the lives of individuals in the digital environment, in the second - about the digital refraction of traditional rights. The issue has been studied from the point of view of different approaches: 1) in the context of digitalization, its advantages and risks; 2) from the point of view of the need to regulate the digital environment itself and relations using information, communication and digital technologies; 3) taking into account the complexities of legal regulation of relations in the digital environment; 4) through understanding digital rights as a mechanism for realizing rights in a new environment; 5) by considering the basic rights recognized as digital - the right to be forgotten, the right to access the Internet, the right to digital death, for novelty legal content and in relation to sociality and traditional legal mechanisms of implementation; 6) through an attempt to define the digital rights themselves that mediate an individual's life in a foreign reality (the right to digital identity, the right not to be reliable). The authors see the productivity of this format in the possibility of a comprehensive study of the issue in its various aspects and taking into account the difference of views on the category of digital rights. As a result, the authors come to the conclusion that it is advisable to divide into digital rights and "digitalization of rights", therefore, considering it legitimate to talk about "digitalization" of rights and digital rights. Despite all the differences between them, the authors emphasize their unity due to the unity of values – freedom and security, implementation in a digital environment using information, communication and digital technologies, the need for comprehensive legal regulation requiring the combination of innovative technical and legal solutions, on the one hand, and traditional legal institutions, fundamental values, on the other.*

Ключевые слова: *«аналоговые» права, цифровизация, цифровые права, «цифровизация» прав, цифровое законодательство, цифровые разрывы, риски цифровой среды, право на забвение, право на доступ к сети «Интернет», право на цифровую смерть, право на цифровую идентичность, право не быть достоверным.*

Keywords: *"analog" rights, digitalization, digital rights, "digitalization" of rights, digital legislation, digital gaps, risks of the digital environment, the right to oblivion, the right to access the Internet, the right to digital death, the right to digital identity, the right not to be reliable.*

Для цитирования: *Напсо М.Б., Агирбов Т.Р. Права человека в цифровом пространстве // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 732-737. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_732.*

For citation*: Napso M.B., Agirbov T.R. Human rights in the digital space // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 732-737. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_732.*

Статья поступила в редакцию: 20.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Активная жизнедеятельность человека в двух измерениях – в социальной реальности, в инореальности, в цифровой среде, использование информационно-коммуникационных и цифровых технологий в том числе для реализации и защиты прав и законных интересов оказали сильное трансформирующее влияние на систему прав человека. Это нашло свое выражение не только в появлении новых механизмов реализации прав, но и в изменении правового наполнения существующих прав и в появлении новых прав, к числу которых в первую очередь относят так называемые цифровые права. Проблематика цифровых прав широка и многообразна – от терминологических споров и рассмотрения в контексте

традиционных прав, трех поколений прав человека, с точки зрения процесса цифровизации и правового регулирования цифровой среды до определения перечня и существа прав. Следует признать востребованный характер изучения вопроса в его различных аспектах, что позволяет понять комплексный и сложный характер проблемы регулирования отношений в цифровой среде с применением информационно-коммуникационных, цифровых технологий, технологий искусственного интеллекта в целом.

В понимании существа цифровых прав наличествует три основных подхода, каждый из которых имеет право на существование, будучи обоснованным теми или иными реалиями жизни людей в гибридном пространстве. Согласно первому, цифровыми правами следует считать новые с точки зрения юридического содержания права. В соответствии со вторым, цифровыми признаются перенесенные в цифровое пространство «традиционные» («аналоговые») права граждан, права, производные от них, – «особые цифровые «проекции» общих прав граждан»[1]. Одной из разновидностей такого подхода является признание цифровыми информационных прав, приобретающих новое значение и наполнение в силу особенностей их реализации в новых условиях. Третий подход сводится к утверждению о том, что цифровые права представляют собой новый и универсальный механизм реализации прав человека в новой цифровой среде. Аргументация, приводимая в пользу каждого из названных подходов, позволяет признать несомненность следующих фактов. Во-первых, необходимость разработки новых правовых категорий, институтов, механизмов, в том числе и путем признания новых прав, неизбежна, что продиктовано наличие новой среды, новых реалий и сложностью ее регулирования традиционными методами. Во-вторых, очевидно, что наличие новых средств оборота информации, не является основанием для утверждения новых прав, по своему правовому наполнению не отличающиеся от существующих прав человека. Но не менее очевидным является и тот факт, что влияние новых технологий на механизмы их реализации и защиты столь велико, что нельзя не говорить о появлении их новой «оболочки», дополнительного содержания, смысла, значения. Поэтому постановка вопроса о необходимости адаптации всей системы прав человека к цифровому формату не вызывает сомнений. В-третьих, для реализации цифровой жизни граждан необходима защита цифровых прав во всех трех ипостасях – и как новых прав, и как адаптированных к цифровым реалиям признанных прав и в качестве универсального способа их реализации. В-четвертых, реализация цифровых прав и «цифровизация прав» с неизбежностью проецируется на социальную жизнь, на содержание и механизмы реализации и защиты всего комплекса прав человека в офлайн-пространстве. Это позволяет говорить как об актуальности проблематики, так и о плодотворности дискуссий.

Для нас наибольший интерес представляет мнение о том, что 1) непосредственно цифровыми признаются права, существующие исключительно в цифровой среде, не имеющие аналогов и новые по содержанию; 2) цифровыми вариантами считаются признанные права, реализуемые в цифровой среде. В силу этого за основу можно взять позицию Е.А. Канаковой и ее модель установления соотношения между категориями «цифровые права» и «цифровизация прав и свобод». Согласно ей, «цифровые права могут создаваться только в том случае, если возможность, порожденная технологическим прогрессом, не имеет уже существующих аналогов в правовой сфере. В случае если законодательство Российской Федерации уже содержит подходящую категорию, действующую в офлайн-пространстве, следует говорить исключительно о цифровизации данного правомочия…».[2] Аналогично этому, хотя и несколько иначе, В.Е. Мушаков говорит о «цифровизации способов реализации отдельных конституционных прав и свобод человека» вследствие использования информационно-коммуникационных технологий в публично-правовых отношениях и о цифровых правах, отличительной чертой которых «выступает их осуществление только в виртуальной среде»[3]. Следует признать, что цифровые права и «цифровизация прав» могут рассматриваться едино в том смысле, что в охране и защите нуждаются цифровые права как таковые и новые возможности, новые механизмы реализации «старых» прав. В случае с последними речь идет об обеспечении самой возможности осуществлять «старое» право в новом формате, о защите прав человека в условиях новой реальности. Вывод о том, что права в цифровом формате нуждаются в такой же защите, что и цифровые права, напрашивается сам собой.

Но возможен и иной вывод, если принять за исходный тезис факт того, что цифровая среда есть универсальная среда для реализации и новых и старых прав, новый универсальный механизм. В этом случае проблематика «оцифрованных» и цифровых прав сводится к необходимости выработки концепции правового регулирования самой «среды обитания» прав. В таком случае возникает закономерный вопрос о том, имеет ли смысл разделять цифровые права и «цифровизацию прав», возможно, следует признать цифровыми все права, реализуемые в информационно-цифровой среде, т.е. главным критерием признать не содержательный критерий, а признак среды реализации. В этом смысле представляет интерес позиция Ф.В. Пономарева и его понимание новизны цифровых прав. Он не оперирует понятием «цифровизации прав», и о цифровых правах говорит как об «обычных и общих гражданских правах», именуемых цифровыми в силу того, что «применяются в цифровом мире». Выраженные и переведенные в область цифровой сферы, реализуемые со свойственными ей особенностями, они «приобретают новое значение из-за цифровой среды, в которой они размещены… Этот факт придает новое значение этим правам». С точки зрения Ф.В. Пономарева, новизна цифровых прав заключается именно в новизне среды реализации. Необходимость наличия самой конструкции цифровых прав вызвана тем, что они приобрели решающее значение для «защиты цифрового присутствия граждан», и в этом смысле за цифровые права «нужно снова бороться и их нужно регулировать»[4]. Следует признать, что у такого подхода в его разных вариациях много сторонников. Так, А.В. Минбалеев относит цифровые права к числу информационных прав, но обусловленных существованием в цифровой среде и использованием цифровых технологий, поэтому

[1] Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве. Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Ifap.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf (дата обращения: 20.11.2025).
[2] Канакова Е.А. Дефиниции и соотношение категорий «цифровые права» и «цифровизация прав и свобод»// Юрислингвистика.2024. № 32. С. 25-31. С. 25.
[3] Мушаков В.Е. Права человека в условиях цифровизации общества: конституционно-правовое исследование: дис. канд. юрид. наук. – Омск, 2024. 238 с. С. 11-12.
[4] Пономарев Ф.В. Цифровые права: настоящее и будущее // Аграрное и земельное право. 2020. № 6. С 46-49. С. 46, 47.

считает правильным говорить о «цифровых правах…как некоторой совокупности прав и свобод, возникающих в цифровой среде…»[1]. Для М.С. Бурьянова цифровые права – это и цифровая «оболочка» всех видов прав человека, и новые возможности их реализации, содержание, масштабы, темпы развития которых позволяют говорить о принципиальном отличии цифровых прав от традиционного понимания прав человека»[2]. П.П. Баранов, А.Ю. Мамычев, А.Ю. Мордовцев предполагают, что если исходить «из понимания цифровых прав, как прав конкретизирующих основные права и свободы в цифровом виртуальном пространстве», то «значительная часть конституционных прав человека и гражданина будет иметь свою цифровую интерпретацию»[3]. Таким образом, по существу концепция цифровых прав Ф.В. Пономарева и др. связана с защитой и реализацией существующих прав в условиях новой среды. Отсутствие кардинальных различий между «человеческими правами и цифровыми правами» не является препятствием для признания цифровых прав новыми в силу того, что исходной точкой является, во-первых, признание исключительных свойств и возможностей новой среды, превращающейся в пространство жизнедеятельности, во-вторых, необходимость равной защиты всех прав как в офлайн, так и в онлайн режиме.

Такой подход близок тем, кто рассматривает права человека в контексте цифровизации (Я.В. Гайворонская, Л.П. Гарчева, О.И. Мирошниченко, Ю.А. Чернышева, В.Е Мушаков, С.С. Морозова, Ю.Г. Смирнова, П.П. Баранов, А.Ю. Мамычев, А.Ю. Мордовцев и др.), отталкиваясь от ее существа, исходя из ее преимуществ, рисков и необходимости правовой регламентации применения цифровых технологий и цифрового пространства как принципиально новой среды. В.Е. Мушаков обосновывает вывод о «наступлении качественно нового этапа развития прав человека», обусловленного цифровизацией, «использованием виртуальных способов реализации прав человека…; образованием новых цифровых прав человека (право на забвение, право на доступ к сети «Интернет», право на цифровую смерть), имеющих публично-правовую природу; появлением дополнительных рисков и угроз нарушения прав личности в виртуальной среде; возникновением и обострением проблемы цифрового разрыва, т. е. неравномерного доступа отдельных групп граждан к информационно-телекоммуникационным технологиям»[4].

Особую важность имеет тот факт, что как «широкий комплекс экономических, управленческих, социальных процессов, связанных с использованием и широким распространением собственно цифровых, компьютерных, информационных, электронных и сетевых (телекоммуникационных) технологий, систем искусственного интеллекта»[5], цифровизация формирует новую иную культуру, модель взаимодействия социальных субъектов, иной уровень реализации прав и интересов, иные масштабы рисков, в том числе в области прав человека, что накладывает на лиц и государство множество как негативных, так и позитивных обязательств. Контекст цифровизации позволил Л.П. Грачевой прийти к выводам, с которыми нельзя не согласиться. Она справедливо утверждает о необходимости наличия концепции законодательства в области защиты прав человека в условиях цифровизации и полноценного законодательства о разработке и использовании цифровых технологий, основанного на приоритете прав человека. При этом законодательство о цифровых правах граждан должно предусматривать «конкретизацию содержания его норм с учетом технологических особенностей цифровизации». Именно последнее представляет несомненную сложность: необходимо создание как прочной законодательной базы с определением прав и обязанностей участников цифровых правоотношений и пределов применения цифровых технологий, так и обеспечение законодательного реагирования на «стремительность развития цифровизации в различных сферах», на вариативность злонамеренного использования цифровых технологий. Это означает пересмотр норм права в области безопасности, защиты свободы, частной жизни в свете цифровизации общества и постоянное совершенствование методов защиты прав человека[6]. В целом такой подход разделяют многие. С.С. Морозова, Ю.Г. Смирнова «выдвигают гипотезу, согласно которой права граждан в эпоху цифровизации претерпевают «цифровые» изменения и нуждаются в дополнительной законодательной защите со стороны государства». Они связывают институционализацию цифровых прав с закреплением и регулированием отношений, связанных с использованием цифровых технологий и интернета, в частности с разработкой Цифрового кодекса, что продиктовано рисками цифровизации и в особой мере касается «четкого определения границ «цифровой» власти и регламентации деятельности цифровых корпораций для предотвращения возможных злоупотреблений и нарушений прав граждан»[7]. П.П. Баранов, А.Ю. Мамычев, А.Ю. Мордовцев контекст цифровизации видят в возросшей важности защиты прав человека «в связи с появлением как дополнительных способов их обеспечения, так и дополнительных возможностей их нарушения».[8]

Конкретизации с учетом контекста цифровизации в особой мере, по мнению Я.В. Гайворонской и О.И. Мирошниченко, требует проблема свободы в целом и свободы воли в частности. Это обусловлено тем, что «сетевое общество, информационное общество - это абсолютно контролируемое общество, общество несвободы, что является естественным результатом развития технологий сбора и обработки информации» - это «высокотехнологичная версия крепостного права», «программируемое общество». Реализация прав человека в условиях цифровизация во многом зависит от того, как право ответит на вопросы о правосубъектности цифровых сущностей; об обеспечении свободы выбора поведения в условиях «подмены свободной воли субъекта права волей оператора (программиста, создателя оболочки, матрицы выбора)»; о возможности возложения

[1] Минбалеев А.В. Понятие и правовая природа цифровых прав в общеправовом значении // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2025. Т. 35, вып. 5. С. 901–907. С. 901, 902.
[2] Бурьянов М.С. Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации // Век глобализации. 2020. № 3.С. 54-70. С.61.
[3] Баранов П.П., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю. Права и свободы человека в цифровую эпоху: проблемы и перспективы политико-правовой динамики // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 4(29). С. 320-324. С. 322.
[4] Мушаков В.Е. Права человека в условиях цифровизации общества: конституционно-правовое исследование: дис. канд. юрид. наук. – Омск, 2024. 238 с. С. 11.
[5] Гайворонская Я. В., Мирошниченко О. И. Правовые проблемы цифровизации: теоретико-правовой аспект // Legal Concept = Правовая парадигма. 2019. Т. 18, № 4. С. 27-34. С. 30, 31.
[6] Гарчева Л.П. О некоторых рисках нарушения прав человека в условиях цифровизации // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 4. С. 13-19. С. 13,17,18.
[7] Морозова С.С., Смирнова Ю.Г Защита прав граждан современной России в цифровую эпоху: политико-правовой анализ // Креативная экономика. 2024. Том 18. № 6. С. 1375-1394. С. 1375, 1377, 1386.
[8] Баранов П.П., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю. Права и свободы человека в цифровую эпоху: проблемы и перспективы политико-правовой динамики // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 4(29). С. 320-324. С. 322.

ответственности на «сущность, не обладающую свободой воли»; о возможности регулирования «НЕ-правом» (например, программным кодом) новой системы взаимодействий «Человек - Нечеловек» и «Нечеловек - Нечеловек». Кроме того, система гарантий реализации прав человека как единство технологических, правовых, организационных решений сталкивается с серьезной проблемой недостаточности широких компетенций, специальных знаний «инженеров - о праве, юристов - о технологиях». Это создает опасную ситуацию, когда «воля общества, индивида и социальные закономерности заменяются волей разработчика программы, волей создателя цифрового кода», когда новая реальность, в том числе и правовая, создается людьми, которые не обладают нужными на то качествами, принципами, знаниями.

И, как итог, «многовековой ценностно-регулятивный багаж юриспруденции может оказаться отброшенным просто в угоду очарованию прогресса, а также потому, что определяют контуры регулирования люди с обыденным правосознанием, специалисты-техники, склонные уравнивать регулирование поведения и программные алгоритмы и игнорировать этический, аксиологический и социокультурный подтекст права». Опасность видится в том, что новый формат жизни человека, его свобода ограничиваются рамками программной оболочки, заложенными волей создателей, что «гипертрофирует субъективный фактор в социальном регулировании и заменяет социальное регулирование (в современном научном понимании) программированием»[1]. У П.П. Баранова, А.Ю. Мамычева, А.Ю. Мордовцева возникают аналогичные опасения по поводу скрытого режима функционирования современных технологий и алгоритмических систем, их непроницаемости, отсутствия у разработчиков алгоритмов ответственности перед кем бы то ни было, «беспрецедентного вторжения небольшой группы частных и никому не подотчетных акторов в структуры возможностей и распределение шансов в жизни» и того, насколько функционирование цифровых технологий и автономных алгоритмических систем соотносится с универсальными правовыми принципами и нормами, «учитываются ли при их разработке и внедрении права и свободы человека, являются ли ведущими для них этические стандарты и иные ценностно-нормативные системы, выработанные человеком и конкретным обществом в частности». Они убеждены в необходимости «разработки системы гарантий прав человека и его безопасности в складывающихся принципиально новых цифровых отношениях» и утверждении «стандартов прав человека, его свобод и законных интересов в качестве ведущего ориентира»[2]. В унисон с этими опасениями звучит мнение С.С. Морозовой и Ю.Г. Смирновой, основанное на данных из доклада Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве», о том, что в условиях цифровизации именно разработчики, владельцы и операторы цифровых технологий и платформ оказывают ключевое влияние на социально-политические и экономические процессы, получив «беспрецедентные возможности для управления и манипуляций, что в совокупности с почти полным отсутствием ответственности создает значительные угрозы для прав и свобод российских граждан»[3]. Таким образом, проблема регулирования как самой новой среды, так и системы отношений в ней, а значит, и цифровых прав, представляет большую сложность в силу 1) сложности соединения технологических инноваций и фундаментальных основ и ценностей права, несовместимости технократической и правовой культур; 2) появления новых акторов, сил влияния, наличия большого числа самостоятельных субъектов, деятельность которых не урегулирована ни соответственно их функционалу, ни в контексте исходящих угроз; 3) наличия множества разнообразных одновременно используемых технологий, программных продуктов, что затрудняет унификацию правового регулирования; 4) масштабности различных вариантов злонамеренного использования технологий, что требует наличия не одного механизма обеспечения безопасности и защиты интересов.

Но «цифровизацию прав» можно понимать и как новый механизм реализации прав – в новой среде и новыми средствами. И это вполне соответствует контексту цифровизации, которая посредством внедрения и использования информационно-информационных технологий расширяет возможности реализации прав человека, являясь таким образом средством достижения их нового качества. В таком же ключе можно интерпретировать и цифровые права как расширение рамок универсальных прав применительно к особенностям цифровой среды, как их естественное продолжение и развитие в новых цифровых реалиях, как условие реализации прав и свобод, подвергшихся цифровизации. Действительно, цифровые права позволяют обеспечить всю совокупность прав человека, но нужно иметь в виду, что кратно растут риски и масштабы нарушений, что имеет своим следствием в том числе и необходимость ведения ограничений и запретов, действующих в цифровом формате. Поэтому рассмотрение цифровых прав в контексте рисков цифровизации неизбежно, более того, оно позволяет прийти к выводу несколько иного плана. С ростом рисков на первый план выходят проблемы незащищенности, ненадежности, небезопасности, ставящие под сомнение суверенитет, конфиденциальность, свободу воли, независимость. В таких условиях главным цифровым правом как дополнительного механизма осуществления прав становится право на безопасность реализации прав и интересов в новой среде. Действительно, как сказал А.В. Туликов, «в цифровых правах выражена ценность не только свободы, но и безопасности»[4].

В условиях чрезмерной увлеченности цифровизацией, что происходит на современном этапе развития, рассмотрение цифровых прав как способа реализации прав человека в новых условиях имеет особое звучание: опасность некоего «забвения» важности и первостепенности реализации прав в условиях социальности весьма реальна. Гипертрофия значимости цифровых прав чревата иллюзией установления приоритета реализация прав человека в цифровом формате. Но очевиден и не требует доказательств тот непреложный факт, что качество и уровень социально-экономической, политической, духовной, культурной жизни индивида обеспечивается реализацией его прав и интересов в условиях

[1] Гайворонская Я. В., Мирошниченко О. И. Правовые проблемы цифровизации: теоретико-правовой аспект // Legal Concept = Правовая парадигма. 2019. Т. 18, № 4. С. 27-34. С. 27-28.
[2] Баранов П.П., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю. Права и свободы человека в цифровую эпоху: проблемы и перспективы политико-правовой динамики // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 4(29). С. 320-324. С. 320, 321.
[3] Морозова С.С., Смирнова Ю.Г Защита прав граждан современной России в цифровую эпоху: политико-правовой анализ // Креативная экономика. 2024. Том 18. № 6. С. 1375-1394. С. 1384, 1385.
[4] Туликов А.В. Информационная безопасность и права человека в условиях постиндустриального развития (теоретико-правовой анализ): дис. канд. юр. наук. – М.,2017. 182 с. С. 22.

социальности, чему цифровой формат должен содействовать. Вряд ли правовой статус в виртуальной среде важнее социального правового статуса, утверждение об обратном является целенаправленным введением в заблуждение. Кроме того, следует принять во внимание то обстоятельство, что степень участия в цифровых коммуникациях, в виртуальной жизни, во-первых, определяется каждым лицом самостоятельно, во-вторых, на каждом данном этапе будет разниться: возможно, через какое-то время оно спадет или вовсе сойдет на нет. Главным критерием, на наш взгляд, является эффект цифровизации, ее позитивное влияние на социальность. Так и в случае с цифровыми правами, свободами человека, цифровыми институтами: их наличие не просто «не исключает применения традиционных способов их реализации»[1], они должны выступать в качестве гарантии естественных прав и свобод, развиваться в дополнение к социально-юридическим механизмам обеспечения, которые должны быть в приоритете и неизменно совершенствоваться[2]. Акцент на последнем и на том, что цифровые институты есть механизм реализации прав и свобод человека в цифровой среде, их дополнительная гарантия, имеющая своим результатом изменение социальных условий бытия, очень важен, как и акцент на первостепенность социальности перед виртуальностью. В этом смысле термин «цифровизация прав» предпочтительнее, она подчеркивает связь социальности и виртуальности, а категория цифровых прав в чистом виде как прав, не имеющих аналога и существующих только в цифровой среде, подчеркивает особость и автономность цифрового формата, пребывание в котором обеспечивается соответствующими правами. И в этом случае первостепенное значение имеет комплексное правовое регулирование виртуальной, цифровой среды и существования в ней. Возможно, концепция цифровых прав является попыткой такого регулирования. Однако пока, как отмечает А.Е. Канакова, попытки разработать концепцию на основе признания цифровых прав в качестве принципиально нового явления не принесли «значимых результатов, в некоторых случаях еще сильнее усложнив ситуацию. Представляется, что указанная проблема обусловлена практической невозможностью создать новую отрасль права». Наиболее приемлемым вариантов она считает позицию, согласно которой цифровым правам и свободам отдается «роль правовых явлений, вносящих специфические компоненты в содержание уже существующих прав и свобод: комплексность и иерархичность их реализации, учет нового пространства их действия и в некоторых случаях признание нового способа применения имеющихся правовых возможностей». Признание цифровых прав в качестве «совокупности уже существующих прав и свобод, которые реализуются комплексно и системно», влечет за собой вывод о том, что 1) для их реализации «не нужно создавать совершенно новые правовые категории, достаточно учесть особенности реализации оффлайновых прав и свобод в виртуальном пространстве»; 2) следует «отойти от концепции разделения оффлайн- и онлайн-прав и сконцентрироваться на точечном внедрении цифровых прав и свобод в уже существующее законодательство». Преимущество такого подхода видится в быстром регулировании цифровых прав и свобод и возможности «базировать правовое регулирование на положениях, уже имеющих опыт реализации»[3].

Следовательно, «цифровизация прав» как цифровое преломление прав и свобод человека предпочтительнее категории цифровых прав. И все же смысл в разделении на цифровые права и «цифровизацию прав» есть. «Цифровизация прав» применима, на наш взгляд, в тех случаях, когда речь идет о преломлении социальности в цифровом формате, о цифровых двойниках лиц, цифровых копиях реальных событий, фактов, где решающее значение имеет принцип достоверности. Возникает вопрос о том, каковыми будут цифровые права в том случае, когда речь идет об оперировании не информационными копиями реальности, а образами, не отличающимися полной достоверностью и содержащими вымысел в разной степени выраженности. Правомерно ли в таком случае ставить вопрос о наделении индивида правом не быть достоверным, не быть таким, каков он в реальности в мыслях и поступках, моделировать себя и свой образ жизни без негативных для себя правовых последствий? А.В. Туликов отвечает на этот вопрос положительно: «Правовое регулирование в цифровой среде основано на подходе, при котором допускается отличие цифровой идентичности от реальной. Согласно данному подходу, признается право индивида самостоятельно определять свою цифровую идентичность, по своему усмотрению вносить в нее изменения независимо от того, соответствует она его реальной идентичности или нет»[4]. Таким образом, мы говорим о цифровых правах, отвечающих существу иной реальности, нейтральной к достоверности, и бытия человека в нем. Это могут быть привычное нам право на идентичность, самобытность, но цифровую и с совершенно иным правовым наполнением, право на анонимность. Возможно, это и есть настоящие цифровые права.

Таким образом, право на существование имеют обе концепции - и «цифровизация прав» и цифровые права: в первом случае речь идет о цифровом преломлении традиционных прав, во втором - о цифровых правах, новых по содержанию, не имеющих аналога и опосредующих жизнь лиц в инореальности. К числу последних мы бы отнесли право не быть достоверным, право на анонимность, право на цифровую идентичность. При формулировании цифровых прав следует исходить из принципа отсутствия необходимости плодить сущности без надобности, избегать автоматического переноса, копирования традиционных прав применительно к новой реальности. Кроме того, не следует отбрасывать и возможность признания цифровых прав в качестве универсального механизма реализации прав в новой среде и новыми средствами. Расширение пространства использования цифровых решений имеет неоднозначные последствия: с одной стороны, это увеличивает возможности для реализации традиционных прав человека, с другой, усложняет процесс их защиты особенно в части обеспечения надежного уровня безопасности, конфиденциальности, приватности, независимости, что находит выражение в утверждении соответствующих прав применительно к цифровому пространству. Рассмотрение проблематики в контексте цифровизации позволяет признать высокую рискогенность цифровизации не только в силу

[1] Мушаков В.Е. Права человека в условиях цифровизации общества: конституционно-правовое исследование: дис. канд. юрид. наук. – Омск, 2024. 238 с. С. 12.
[2] Зырянов И.А. Цифровые права человека как проблема социально-юридического механизма обеспечения естественных прав и свобод // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 4. С. 81-87. С. 81, 84.
[3] Канакова А.Е. Цифровая смерть: наследование цифровой информации //Правоприменение.2024.Т.8. №2. С.130-138. С.130,131, 135, 136.
[4] Туликов А.В. Информационная безопасность и права человека в условиях постиндустриального развития (теоретико-правовой анализ): дис. канд. юр. наук. – М.,2017. 182 с. С. 127.

ее необеспеченности должным правовым регулированием и техническими возможностями, но из-за чрезмерного увлечения цифровыми механизмами реализации прав в ущерб социально-юридическим. И в этом случае цифровые права выступают в большей мере не как дополнительная гарантия, а как альтернатива традиционным правам.

Список литературы:

1. Баранов П.П., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю. Права и свободы человека в цифровую эпоху: проблемы и перспективы политико-правовой динамики // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 4(29). С. 320-324.
2. Бурьянов М.С. Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации // Век глобализации. 2020. № 3.С. 54-70.
3. Гайворонская Я. В., Мирошниченко О. И. Правовые проблемы цифровизации: теоретико-правовой аспект // Legal Concept = Правовая парадигма. 2019. Т. 18, № 4. С. 27-34.
4. Гарчева Л.П. О некоторых рисках нарушения прав человека в условиях цифровизации // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 4. С. 13-19.
5. Зырянов И.А. Цифровые права человека как проблема социально-юридического механизма обеспечения естественных прав и свобод // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 4. С. 81-87.
6. Канакова Е.А. Дефиниции и соотношение категорий «цифровые права» и «цифровизация прав и свобод»// Юрислингвистика.2024. № 32. С. 25-31.
7. Канакова А.Е. Цифровая смерть: наследование цифровой информации //Правоприменение.2024.Т.8. №2. С.130-138.
8. Минбалеев А.В. Понятие и правовая природа цифровых прав в общеправовом значении // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2025. Т. 35, вып. 5. С. 901–907.
9. Морозова С.С., Смирнова Ю.Г Защита прав граждан современной России в цифровую эпоху: политико-правовой анализ // Креативная экономика. 2024. Том 18. № 6. С. 1375-1394.
10. Мушаков В.Е. Права человека в условиях цифровизации общества: конституционно-правовое исследование: дис. канд. юрид. наук. – Омск, 2024. 238 с.
11. Пономарев Ф.В. Цифровые права: настоящее и будущее // Аграрное и земельное право. 2020. № 6. С 46-49.
12. Туликов А.В. Информационная безопасность и права человека в условиях постиндустриального развития (теоретико-правовой анализ): дис. канд. юр. наук. – М.,2017. 182 с.
13. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве. Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Ifap.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf (дата обращения: 20.11.2025).
14. XVI Международная научно-практическая конференция «Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции» (Кутафинские чтения): материалы конференции. Ч. 1 / ред. совет: В. Н. Синюков, А. В. Корнев, С. В. Липень, С. М. Зубарева [и др.]. - М. 2019. 408 с.

References:

1. Baranov P.P., Mamychev A.Yu., Mordovtsev A.Yu. Human rights and freedoms in the digital age: problems and prospects of political and legal dynamics // Baltic Humanitarian Journal. 2019. No. 4(29). pp. 320-324.
2. Buryanov M.S. Global digital human rights in the context of digitalization risks // The age of globalization. 2020. No. 3.pp. 54-70.
3. Gaivoronskaya Ya. V., Miroshnichenko O. I. Legal problems of digitalization: theoretical and legal aspect // Legal Concept = The legal paradigm. 2019. Vol. 18, No. 4. pp. 27-34.
4. Garcheva L.P. On some risks of human rights violations in the context of digitalization // Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2022. Vol. 8. No. 4. pp. 13-19.
5. Zyryanov I.A. Digital human rights as a problem of the socio-legal mechanism for ensuring natural rights and freedoms // Legal policy and legal life. 2019. No. 4. pp. 81-87.
6. Kanakova E.A. Definitions and correlation of the categories "digital rights" and "digitalization of rights and freedoms"// Legal Linguistics.2024. No. 32. pp. 25-31.
7. Kanakova A.E. Digital death: inheritance of digital information //Law enforcement.2024.Vol.8. No. 2. pp.130-138.
8. Minbaleev A.V. The concept and legal nature of digital rights in the general legal meaning // Bulletin of the Udmurt University. Ser. Economics and law. 2025. Vol. 35, issue 5. pp. 901-907.
9. Morozova S.S., Smirnova Yu.G. Protection of the rights of citizens of modern Russia in the digital age: a political and legal analysis // Creative Economy. 2024. Volume 18. No. 6. pp. 1375-1394.
10. Mushakov V.E. Human rights in the context of the digitalization of society: constitutional and legal research: dis. kand. jurid. sciences'. Omsk, 2024. 238 p.
11. Ponomarev F.V. Digital rights: present and future // Agrarian and land law. 2020. No. 6. Pp. 46-49.
12. Tulikov A.V. Information security and human rights in the context of post-industrial development (theoretical and legal analysis): PhD in Law, Moscow, 2017. 182 p.
13. Digital transformation and protection of citizens' rights in the digital space. Report of the Presidential Council for the Development of Civil Society and Human Rights. Ifap.ru . [Electronic resource]. URL: https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf (accessed: 11.20.2025).
14. XVI International Scientific and Practical Conference "The Russian Legal System in the Context of the Fourth Industrial Revolution" (Kutafinsky Readings): Conference materials. Part 1 / ed. Council: V. N. Sinyukov, A.V. Kornev, S. V. Lipen, S. M. Zubareva [and others]. - M. 2019. 408 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_738

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА МВД
ENSURING THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PROBLEMS OF THE INTERIOR MINISTRY'S HUMAN RESOURCES

АНДРЕЕВА Ольга Александровна,
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры Теории и истории государства и права Таганрогского института управления и экономики.
347900, Россия, г. Таганрог, Петровская ул., 45.
E-mail: p.kameneva@tmei.ru;
БЕКЛЕНИЩЕВ Даниил Михайлович,
аспирант Таганрогского института управления и экономики.
347900, Россия, г. Таганрог, Петровская ул., 45.
E-mail: beklenishhev.danya@bk.ru.
ANDREEVA Olga Alexandrovna,
Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law Taganrog Institute of Management and Economics.
Petrovskaya str., 45, Taganrog, 347900, Russia.
Email address: p.kameneva@tmei.ru;
BEKLENISHCHEV Daniil Mikhailovich,
postgraduate student Taganrog Institute of Management and Economics.
45 Petrovskaya St., Taganrog, 347900, Russia.
E-mail: beklenishhev.danya@bk.ru .

Краткая аннотация: *Актуальность темы исследования связана с тем, что в условиях мировой политической и военной турбулентности, Российская Федерация сталкивается с рядом вызовов, особенно касающихся обеспечения национальной безопасности. Для сохранения порядка и стабильности внутри российского государства, необходима сильная правоохранительная система, основу которой составляет Министерство Внутренних Дел Российской Федерации. В статье рассматриваются вопросы о текущих проблемах с которыми сталкивается Министерство и предлагаются пути решения.*

Abstract: *The relevance of the research topic is due to the fact that in the context of global political and military turbulence, the Russian Federation is facing a number of challenges, especially in terms of ensuring national security. In order to maintain order and stability within the Russian state, a strong law enforcement system is necessary, which is based on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The article discusses the current problems faced by the Ministry and suggests ways to solve them.*

Ключевые слова: *национальная безопасность, система, органы, безопасность, МВД, кадры.*
Keywords: *national security, system, bodies, security, Ministry of Internal Affairs, personnel.*

Для цитирования: *Андреева О.А., Бекленищев Д.М. Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации: проблемы кадрового потенциала МВД // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 738-741. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_738.*
For citation*: Andreeva O.A., Beklenishchev D.M. Ensuring the national security of the Russian Federation: problems of the personnel potential of the Ministry of Internal Affairs // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 738-741. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_738.*

Статья поступила в редакцию: 26.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

В условиях современной геополитической нестабильности происходит трансформация однополярного мира, в котором США являлись «центром принятия решений» имели основополагающее слово в политической, военной, экономической и культурной сферах жизнедеятельности «Коллективного Запада». Данный базис стал доминирующим в кругах политической и экономической элит США после распада Советского Союза в 1991 году. Биполярный мир сменился на однополярный. Соединенные Штаты Америки, как указывает в своей книге «Великая Шахматная Доска» американский политолог Збигнев Бжезинский[1], стали реализовывать геополитическую стратегию по монополизации своего влияния в наиболее выгодных, для их военной и экономической сфер, геополитических центрах мира. Наиболее важным из таких центров является Евразия, где находится одна из ведущих мировых геополитических держав – Россия. Стоит отметить, что после распада СССР, политическая элита США приступила к реализации геополитической стратегии по дроблению Российской Федерации на множество самостоятельных автономных государственных образований. Для реализации данной цели используется большое количество методов и инструментов по дестабилизации внутриполитической обстановки в нашей стране, а также создание очагов внешнеполитической нестабильности у российских границ, создание угроз системе национальной безопасности Российской Федерации.

24 февраля 2022 года Российская Федерация начала Специальную Военную Операцию (далее – СВО) на Украине, которая является инструментом отстаивания суверенитета и защиты национальной безопасности Российской Федерации. СВО является глобальным военно-политическим ответом на планы США и Европейского Союза по уничтожению российской государственности. В сущности, именно данный фактор явился причиной начала российской стороной военно-политических мер на Украине. Данные попытки предпринимались неоднократно, в особенности с момента начала СВО. Основной упор военно-политическая и экономическая элиты США и Европейского Союза делают на дестабилизацию внутригосударственной ситуации в России. Внешнеэкономическое давление стран «Коллективного Запада», снижение уровня жизни населения,

[1] См.: Zbigniew Brzezinski. The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives. AST Publishers, 2024.

мировая геополитическая нестабильность, масштабные миграционные процессы со стороны стран Средней Азии и, как следствие, повышение террористической и экстремистской опасности, а также активные боевые действия на Украине[1]. Все эти факторы способствуют созданию очагов напряженности в российском обществе, что несомненно представляет угрозу для функционирования государства и внутриполитической стабильности.

На основании исторических фактов, можно сделать вывод, что первое, что необходимо реализовать для развала государства изнутри – лишить его защиты, правоохранительной системы. Российский корреспондент Дмитрий Стешин, видевший события на Майдане, в Киеве, в 2013-2014 годах в интервью одному из новостных изданий в июле 2025 года отметил, что «полиция – это первое, что исчезает с улиц сразу же после начала актов гражданского неповиновения и смуты. Неважно в каком полушарии планеты и на каком материке – от Венесуэлы до Каира и Сан-Франциско. И растерянные налогоплательщики остаются одни со своими проблемами»[2]. Вследствие вышеизложенного стоит отметить, что ведущими институциональными субъектами обеспечения национальной безопасности Российской Федерации являются Вооруженные силы и правоохранительные органы Российской Федерации. Если Вооруженные Силы на данный момент являются инструментом защиты национальной безопасности от внешних угроз, то правоохранительные органы являются ведущим инструментом по защите национальной безопасности от внутренних угроз.

Актуальность темы исследования связана с тем, что обеспечение национальной безопасности тесно связано с профессионализмом сотрудников МВД, их умением адаптироваться к изменяющимся условиям не только в политической, но и социально-экономической и правовой средах. Министерство Внутренних Дел Российской Федерации (далее – МВД России) является одним из основных органов правоохранительной системы, обеспечивающей национальную безопасность Российского государства. Основными его задачами является:

- во-первых, поддержание общественного порядка, а именно, патрулирование общественных мест, обеспечение порядка в местах проведения массовых мероприятий, незамедлительное реагирование на нарушение общественного порядка;

- во-вторых, борьба с преступностью, а именно, противодействие различным видам преступности, включая организованную, коррупцию, экономические преступления, преступления против личности и имущества;

- в- третьих, обеспечение безопасности дорожного движения, а именно, контроль за соблюдением правил дорожного движения, предотвращение и расследование ДТП, профилактика нарушений на дорогах;

- в-четвертых, борьба с терроризмом и экстремизмом, а именно, предотвращение и пресечение террористических и экстремистских актов, включая оперативно-розыскную деятельность, профилактические мероприятия, сотрудничество с другими правоохранительными органами;

- в-пятых, защита прав и свобод граждан, а именно, прием и рассмотрение заявлений и жалоб граждан, проведение проверок по фактам нарушений прав граждан, обеспечение безопасности в общественных местах;

- в-шестых, осуществление миграционной политики, а именно, контроль за соблюдением миграционного законодательства, регистрация и учет иностранных граждан, оформление виз и разрешений на пребывание в стране;

- в-седьмых, обеспечение социальной и правовой защиты сотрудников органов внутренних дел, федеральных государственных гражданских служащих и работников системы МВД России, граждан, уволенных со службы в органах внутренних дел с правом на пенсию, членов их семей, а также иных лиц.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что МВД России является основой сохранения внутриполитической стабильности, правопорядка и безопасности на территории РФ, а также обеспечения безопасности, прав и свобод российских граждан. Таким образом, рассматриваемая тема является актуальной, особенно в связи с текущими военно-политическими, экономическими и социальными вызовами и угрозами, с которыми сталкивается в ходе проведения СВО российское государство.

На данный момент в системе МВД России сложилась крайне неблагоприятная ситуация, связанная с кадровым дефицитом. «Общее количество вакантных должностей за год выросло более чем на 33 тыс., МВД не хватает свыше 170 тыс. сотрудников. В среднем по России за последние пять лет количество выставляемых ежесуточно нарядов сократилось на четверть. Только за 2024 год уволился каждый второй сотрудник с выслугой более десяти лет» - заявил министр внутренних дел Российской Федерации Владимир Колокольцев на заседании расширенной коллегии ведомства в марте 2025 года. Стоить отметить, что в мае 2024 года Владимир Колокольцев докладывал про некомплект в 152 тыс. сотрудников. Для успешного выполнения профессиональных задач кадровый потенциал должен соответствовать современным вызовам, включая динамичные изменения в законодательной базе, развитие цифровых технологий и рост социальной ответственности. А.А.Кушхова, С.М. Ашурилаев пишут, что «современное состояние кадрового потенциала органов внутренних дел характеризуется низким уровнем профессиональной подготовки, недостаточной мотивацией сотрудников и ограниченными возможностями для карьерного роста»[3]. Поэтому в сентябре 2025 года первый заместитель министра внутренних дел Российской Федерации А. Горовой заявил, что некомплект сотрудников конвойных подразделений на данный момент составляет 29%. «Этими силами мы не можем обеспечить безопасность конвоирования. В этих условиях приходится привлекать к конвоированию сотрудников других служб – ППС, участковых, сотрудников ГАИ, оперативников»[4], - пояснил Александр Горовой.

[1] Путин назвал события на Украине угрозой безопасности России – РИА Новости, 16.08.2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20250816/ssha-2035698105.html

[2] Полиция кончилась. Не до шуток – бегущие опера и участковые стонут: «Это ад» - Царьград ТВ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tsargrad.tv/dzen/policija-konchilas-ne-do-shutok-begushhie-opera-i-uchastkovye-stonut-jeto-ad_1368285

[3] Кушхова А.А., С.М. Ашурилаев. Современные проблемы совершенствования кадрового потенциала органов внутренних дел. //Естественно-гуманитарные исследования, №. 3 (59), 2025. С.268.

[4] В конвойных подразделениях МВД не хватает почти 30% сотрудников - Коммерсантъ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/8059768

Анализ информационных источников сети «Интернет» позволяет сделать вывод, что ситуация с нехваткой кадров в МВД России в регионах страны отличается. К примеру, Патрульно-постовая служба (ППС) в Костромской области укомплектована в некоторых районах только на 10 %, в то время как в Свердловской области общая нехватка сотрудников составляет 19,4%. Среди наиболее проблемных территорий – Приморский край, Магаданская и Тульская области. Отчасти сложившаяся ситуация объясняется рядом факторов и особенностей регионов, областей и республик. Некоторые региональные власти пытаются решать проблему дефицита кадров МВД путем локальных мер – разнообразных дополнительных выплат сотрудникам, частичной компенсации за съем жилья и т.д. Следует отметить, что данная проблема рассматривается на всех уровнях власти, в том числе и в Совете Федерации. В конце июня 2024 года спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко на встрече с главой правительства РФ М. Мишустиным, сообщила, что недокомплект сотрудников в системе органов внутренних дел составляет более 150 тыс. человек. В ходе ее доклада было озвучено, что недокомплект участковых в Костромской области достигает 90%, а в некоторых районах Москвы доходит до 75%. В рамках предложений для решения этой острой проблемы она призвала пересмотреть подход к оплате сотрудников внутренних дел.

Есть подразделения, в которых особенно остро ощущается нехватка кадров. К ним можно отнести: миграционную службу, неукомплектованность которой составляет 11,7%, а в ряде регионов, таких как Ростовская область, уровень дефицита достигает 15,5%. Увеличенная нагрузка на оставшихся сотрудников снижает эффективность работы полиции, что отражается на качестве исполнения обязанностей. На основании мониторинга и анализа информации СМИ и заявлений официальных лиц силовых ведомств, а также в ходе опросов действующих сотрудников МВД, выявлены основные причины острой нехватки кадров в указанной структуре. К ним можно отнести:

- во-первых, неконкурентную заработную плату. Связано это с тем, что средняя заработная плата в России с 2012 года выросла в 3,1 раза, а у полицейских — только в 1,4 раза. Данный факт привел к массовому оттоку кадров в другие сферы, где уровень оплаты и условия труда более конкурентоспособные. Высокая нагрузка в виде ненормированного рабочего дня, фактор стресса во время выполнения рабочих задач, недостаток финансирования и бюрократизация процесса службы усугубляют текущую ситуацию. Многие молодые специалисты с профильным юридическим образованием меняют место работы после непродолжительного периода службы, а опытные сотрудники с выслугой лет покидают МВД в пользу коммерческого сектора. Сегодня в среднем по стране денежное довольствие сотрудников первого года службы в территориальных органах МВД России на районном уровне составляет: оперуполномоченный - 52 182 рубля, участковый уполномоченный полиции - 45 358 рублей, полицейский патрульно-постовой службы - 32 692 рубля;

- во-вторых, большое количество «бумажной работы», которая необходима, но плохо обеспечена не только технически, но и за счет отсутствия кадров, которые бы её профессионально выполняли. Проблема большого количества бумажной работы в МВД связана и с тем, что все действия сотрудники вынуждены фиксировать на бумаге. Это занимает у них значительное количество времени вместо того, чтобы выполнять реальную работу по борьбе с преступностью;

- в-третьих, правовая защищенность сотрудников полиции. Необходима гарантия правовой неприкосновенности и обеспечения защиты сотрудников в случае применения ими огнестрельного оружия или иного вида физического воздействия против подозреваемого, обвиняемого в случае угрозы для самого сотрудника. Исключение вмешательства третьих лиц (диаспор, криминальных и иных структур) в процесс предварительного расследования.

Вышеперечисленные меры являются эффективными, но недостаточными для полного решения проблемы дефицита кадров в МВД. Решение данного вопроса требует комплексный подход с привлечением всех ресурсов и инструментов государства. Только в результате объединения всех структур власти с целью решения проблемы дефицита кадров в МВД удастся добиться значительных результатов.

Следует проанализировать причины перегрузки сотрудников МВД бумажной работой. Они связаны с:

- ростом штабных и координирующих структур внутри МВД и на уровне региональных правительств. Управленческие аппараты и штабы заняты разработкой и сбором отчётности, проверками и анализом статистики;

- оценкой эффективности работы сотрудника, связанной с подготовкой им рапортов, различных протоколов и т.д.;

- необходимость заполнять множество бумаг (журнал выдачи и приема документов и ключей на автотранспорт, книга задержанных, книга посетителей и т.д.), что также отнимает у сотрудников время, которое могло бы быть использовано для основной работы или повышения квалификации.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

- во-первых, со стороны государства на данный момент предпринимаются меры по решению вопроса дефицита кадров в МВД России посредством повышения окладов сотрудникам МВД с 01.10.2025 на 7,6 %;

- во-вторых, Государственной Думой Российской Федерации в первом чтении 08.10.2025 одобрен законопроект, отменяющий обязательную стажировку и испытательный срок для кандидатов в МВД России и вводит новый порядок их профессиональной подготовки;

- в-третьих, одобренная президентом Российской Федерации Владимиром Путиным инициатива по созданию специального подразделения из ветеранов СВО при МВД России в компетенции которого будут входить выявление и депортация нелегальных мигрантов.

Таким образом, на конкретных примерах, мы увидели, что МВД России - один из основных столпов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Государство, лишенное правоохранительных органов, обречено на гибель, подобно Югославии, Украине, Ливии и иным государствам, где практически все сферы жизнедеятельности населения деградировали в результате смуты и хаоса. Оглядываясь на печальный опыт перечисленных государств, важно учитывать их ошибки при обеспечении национальной безопасности Российской Федерации, особенно в таком важном вопросе как сохранение и развитие Министерства Внутренних Дел Российской Федерации. В результате исследования

процесса, обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в условиях проблем, связанных с кадровым потенциала МВД, установлено, что для действующих и потенциальных сотрудников необходима полноценная поддержка государства в виде значительного повышения заработной платы, обеспечения жильем, всесторонняя поддержка семей сотрудников. Данные меры будут являться основной мотивационной частью продолжения службы или поступления на нее. Также необходимо использовать современные информационные технологии, как инструмент помощи для Министерства Внутренних Дел Российской Федерации в предотвращении и раскрытии преступлений, а также частичной разгрузки для действующих сотрудников от «бумажной работы», что значительно повысит производительность труда действующих сотрудников.

Список литературы:

1. Бжезинский Збигнев. Великая шахматная доска /пер. с англ. О. Уральской /З. Бжезинский–Текст: непосредственный // М. – 2023.
2. Путин назвал события на Украине угрозой безопасности России – Текст: электронный // Официальный сайт РИА Новости: https://ria.ru/20250816/ssha-2035698105.html (дата обращения – 25.08.2025).
3. Полиция кончилась. Не до шуток – бегущие опера и участковые стонут – Текст: электронный // Официальный сайт «Царьград ТВ»: https://tsargrad.tv/dzen/policija-konchilas-ne-do-shutok-begushhie-opera-i-uchastkovye-stonut-jeto-ad_1368285 (дата обращения – 25.08.2025).
4. Кушхова А.А., С.М. Ашурилаев. Современные проблемы совершенствования кадрового потенциала органов внутренних дел. //Естественно-гуманитарные исследования, №. 3 (59), 2025. С.268.
5. В конвойных подразделениях МВД не хватает почти 30% сотрудников – Текст: электронный // Официальный сайт «Коммерсантъ»: https://www.kommersant.ru/doc/8059768 (дата обращения – 25.08.2025).
6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 №400 – Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. – 2021. – №27. (часть II). – Ст. 5351.
7. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 28.11.2025) "О полиции"

References:

1. Brzezinski Zbigniew. The Great Chessboard /translated from English by O. Uralskaya /Z. Brzezinski–Text: immediate // Moscow – 2023.
2. Putin called the events in Ukraine a threat to Russia's security – Text: electronic // Official website of RIA Novosti: https://ria.ru/20250816/ssha-2035698105.html (accessed on 25.08.2025).
3. The police have ended. No Jokes – Running Opera and District Police Officers Moan – Text: electronic // Official website of Tsargrad TV: https://tsargrad.tv/dzen/policija-konchilas-ne-do-shutok-begushhie-opera-i-uchastkovye-stonut-jeto-ad_1368285 (accessed on August 25, 2025).
4. Kushkhova A.A., S.M. Ashurilaev. Modern Problems of Improving the Human Resources Potential of Internal Affairs Bodies. // Natural and Humanitarian Research, No. 3 (59), 2025. P.268.
5. There are almost 30% shortages of employees in the escort units of the Ministry of Internal Affairs – Text: electronic // Official website of Kommersant: https://www.kommersant.ru/doc/8059768 (date of access – 25.08.2025).
6. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021. Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 27. (Part II). – Art. 5351.
7. Federal Law No. 3-FZ dated 07.02.2011 (as amended on 28.11.2025) "On the Police".

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_742

УДК 342.9

ПРОФИЛАКТИКА НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ПОЛИЦИЕЙ
PREVENTION OF DOMESTIC VIOLENCE: ADMINISTRATIVE AND LEGAL MEASURES APPLIED BY THE POLICE

ИСТОМИН Александр Павлович,
аспирант Таганрогского института управления и экономики.
347900, Россия, г. Таганрог, ул. Петровская, 45.
E-mail: p.kameneva@tmei.ru
ISTOMIN Alexander Pavlovich,
Postgraduate Student of the Taganrog Institute of Management and Economics.
Petrovskaya str., 45, Taganrog, 347900, Russia.
E-mail: p.kameneva@tmei.ru

Краткая аннотация: *в статье анализируются административно-правовые меры профилактики, применяемые полицией в сфере семейно-бытовых отношений, раскрывается их гибкость, многофункциональность и превентивная направленность. Показано, что профилактика строится на сочетании убеждения и принуждения, охватывает как общие, так и специальные меры, реализуемые до и после совершения правонарушений. Особое внимание уделено правовым основаниям, целям и особенностям применения таких инструментов, как профилактический учет, беседы, наблюдение, опрос окружения, изъятие оружия и оперативно-профилактические мероприятия. Подчеркивается важность дифференцированного подхода, учитывающего уровень угрозы, личность нарушителя и специфику семейных конфликтов. Отмечается, что эффективность мер зависит от профессионального усмотрения сотрудника полиции, его коммуникативных и правовых компетенций, а также от четкого разграничения между правонарушением и межличностным конфликтом. Работа демонстрирует эволюцию полицейской профилактики как системы упреждающего воздействия, направленной на защиту личной безопасности и укрепление общественного порядка в частной сфере.*

Abstract: *the article analyzes the administrative and legal preventive measures used by the police in the field of family and domestic relations, revealing their flexibility, multifunctionality, and preventive nature. It shows that prevention is based on a combination of persuasion and coercion, encompassing both general and specific measures implemented before and after the commission of offenses. Special attention is given to the legal grounds, goals, and specific features of the use of such tools as preventive registration, conversations, surveillance, environmental surveys, weapon confiscation, and operational and preventive measures. The article emphasizes the importance of a differentiated approach that takes into account the level of threat, the identity of the offender, and the specifics of family conflicts. It notes that the effectiveness of measures depends on the professional discretion of the police officer, their communication and legal skills, as well as on a clear distinction between an offense and an interpersonal conflict. The article demonstrates the evolution of police prevention measures.*

Ключевые слова: *семейно-бытовые отношения, административно-правовые меры, профилактика правонарушений, полиция.*
Key words: *family and household relations, administrative and legal measures, crime prevention, and the police.*

Для цитирования: *Истомин А.П. Профилактика насилия в семье: административно-правовые меры, применяемые полицией // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 742-745. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_742.*
For citation*: Istomin A.P. Prevention of domestic violence: administrative and legal measures applied by the police // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 742-745. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_742.*

Статья поступила в редакцию: 17.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Применение полицией административно-правовых мер профилактики в сфере семейно-бытовых отношений обусловлено их гибкостью и многофункциональностью, позволяющими воздействовать не только на само правонарушение, но и на его причины, условия и личность нарушителя. Такие меры, сочетая убеждение и принуждение, направлены на коррекцию поведения, предупреждение рецидивов и обеспечение личной безопасности в семье, они укрепляют границы допустимого в рамках общественного порядка.

Универсальность административно-правовых мер профилактики заключается в их доступности для всех сотрудников полиции, независимо от должности, и применимости к широкому кругу лиц – как к нарушителям и потерпевшим, так и к другим участникам семейно-бытовых конфликтов. Ключевой особенностью является их двойственная направленность: меры применяются не только после правонарушения, но и до него – в форме общей профилактики, а также в виде специальных мер продолжительного действия, реализуемых полицией до полного прекращения антиобщественного поведения.

Многоцелевая направленность административно-правовых мер профилактики проявляется в их превентивной сути, ориентированной на устранение условий, провоцирующих антиобщественное поведение, и на недопущение как административных правонарушений, так и преступлений в семейно-бытовой сфере.

Убеждение выступает ключевым инструментом операционального уровня в деятельности полиции по профилактике правонарушений. Данный метод представляет собой целенаправленное коммуникативное воздействие, направленное на трансформацию правосознания и социальных установок индивида. Его реализация происходит через систему воспитательных, разъяснительных и консультативных практик, конечной целью которых является формирование устойчивой внутренней мотивации к правомерному поведению, добровольному соблюдению норм права и поддержанию общественного порядка.

Меры убеждения характеризуются процессуальной гибкостью и универсальностью адресата, что позволяет применять их к неограниченному кругу лиц. При этом в контексте семейно-бытовых отношений их конкретное содержание и процедурные аспекты законодательно не

детализированы, оставляя широкое поле для профессионального усмотрения. Ключевым фактором результативности выступает личностно-профессиональный потенциал сотрудника полиции: его коммуникативные навыки, правовая и психологическая грамотность, а также готовность к системной профилактической работе. Принципиальное отличие данных мер от принудительных заключается в их неинвазивном характере – они направлены на изменение установок, не посягая на неприкосновенность прав и свобод гражданина.

Меры административно-правового предупреждения принудительного характера по своей юридической природе являются инструментом упреждающего вмешательства государства. Они санкционируют ограничение сферы индивидуальных прав и свобод в целях выявления и нейтрализации конкретных противоправных угроз. Их целеполагание носит превентивный характер и фокусируется на предотвращении антиобщественных деяний, административных и уголовных правонарушений, а также на минимизации любого потенциального вреда, проистекающего из девиантного поведения.

Многоцелевая направленность административно-правовых мер профилактики проявляется в их превентивной сути, ориентированной на устранение условий, провоцирующих антиобщественное поведение, и на недопущение как административных правонарушений, так и преступлений в семейно-бытовой сфере.

К основаниям применения мер административного предупреждения относятся: наличие реальных признаков намерения лица совершить правонарушение, факт противоправного поведения, а также возникновение объективных обстоятельств, угрожающих общественной или личной безопасности, особенно если они связаны с проявлением насилия и создают реальную опасность для жизни и здоровья граждан.

Административно-предупредительные меры отличаются следующими ключевыми чертами:

– представляют собой индивидуальные акты правового воздействия, основанные на административно-правовых полномочиях;

– по своей сути выражают форму административного принуждения, направленного на пресечение угрозы;

– оказывают целенаправленное влияние на поведение лица с целью его коррекции и недопущения правонарушений;

– как правило, влекут изменение правового статуса – ограничение свобод, установление обязанностей или иные юридические последствия для лица, подвергнутого мере.

Правовым основанием для применения административно-предупредительных мер принудительного характера, как установлено в ч. 2 ст. 16 Закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – Закон об основах системы профилактики) [1], служит выявление одного из следующих обстоятельств:

– факта совершенного правонарушения;

– причин и условий, создающих предпосылки для его совершения;

– лиц, чье поведение демонстрирует противоправную или антиобщественную направленность;

– лиц, в отношении которых имеются данные о намерении совершить правонарушение.

Таким образом, закон предусматривает широкий спектр оснований, охватывающих как уже реализованные, так и потенциальные угрозы правопорядку.

Итак, рассмотрение профилактического потенциала полиции в контексте семейно-бытовых отношений выявило возможность многомерной категоризации административно-правовых инструментов. Предлагаемая типология базируется на дихотомиях «общее-специальное», «принуждение-убеждение», «превенция-реакция», а также выделяет отдельный блок мер, связанных с адресным профилактическим воздействием на конкретного субъекта в рамках индивидуальной работы.

Общие меры предупреждения направлены на выявление и устранение причин, порождающих правонарушения, и условий, способствующих совершению правонарушений или облегчающих их совершение, а также на повышение уровня правовой грамотности и развитие правосознания граждан. Как следует из Закона об основах системы профилактики [1], эти меры носят универсальный, недирективный характер: они адресованы широкому кругу лиц, не сопряжены с элементами принуждения и не влекут ограничения конституционных прав. Их реализация отличается гибкостью, поскольку законодатель не устанавливает жестких формальных процедур для их применения.

Специальные меры предупреждения носят реактивный и персонифицированный характер. Их применение инициируется фактом совершения конкретного семейно-бытового правонарушения, что отличает их от превентивных общих мер. Законодатель, устанавливая для таких мер четкие процедурные рамки, фиксированные сроки и порядок применения, обеспечивает их правовую определенность, гарантируя как эффективность воздействия на правонарушителя, так и защиту его законных интересов от произвола.

К общим мерам предупреждения относятся:

1. Правовое просвещение и информирование представляют собой ключевой инструмент упреждающей профилактики, направленный на формирование правовой культуры и компетентности граждан. Его сущность заключается в системном доведении до общества знаний, позволяющих самостоятельно идентифицировать угрозы и эффективно защищать свои права от противоправных посягательств. Так, в соответствии со ст. 28 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», «полиция обязана размещать в местах, доступных для граждан, в средствах массовой информации, в сети Интернет либо доводить до граждан иным способом правовую информацию, направленную на предупреждение правонарушений» [3].

2. Пропаганда правовых знаний в сфере семейно-бытовых отношений представляет собой базовую, нерепрессивную форму профилактики, обращенную к обществу в целом. В отличие от специальных мер, она не носит персонифицированного или принудительного характера, не затрагивает правовой статус личности и реализуется в гибких, неформализованных форматах. Данная функция закреплена как прямая обязан-

ность полиции (п. 4 ч. 1 ст. 12 Закона о полиции [2]) и является ключевым элементом в компетенции территориальных органов МВД России, ориентированным на формирование правовой культуры и превентивных установок в широких слоях населения.

Специальные меры предупреждения правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений реализуются в соответствии с требованиями законодательства:

1. Внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения. Данная мера предупреждения обеспечена принуждением и применяется после совершения правонарушения;

2. Оперативно-профилактические операции представляют собой комплексную административно-правовую форму упреждающего воздействия. Их стратегическая задача – трансформировать пассивное реагирование на инциденты в активный поиск и нейтрализацию криминогенных факторов. Ключевые векторы таких мероприятий – оптимизация полицейской деятельности в сфере профилактики и целенаправленное выявление субъектов, склонных к совершению бытовых правонарушений. Применение мер принуждения здесь носит строго целевой и ситуативный характер, активируясь исключительно в момент непосредственного обнаружения и пресечения противоправного акта, что подчеркивает их вспомогательную, а не основную функцию в рамках операции;

3. Профилактический учет лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере и представляющих угрозу для окружающих, представляет собой целенаправленную форму административного воздействия, реализуемую в первую очередь участковым уполномоченным полиции.

Согласно законодательству, этот учет служит инструментом информационного обеспечения профилактической деятельности и ведется всеми субъектами профилактики через межведомственный обмен данными, в том числе в электронном виде, с использованием единой системы взаимодействия.

В рамках учета формируется служебная документация, включающая персональные данные, дату и срок постановки на учет, сведения о совершенном правонарушении, количество полицейских реагирований на бытовые конфликты, а также результаты индивидуальной профилактической работы.

Цель профилактического учета – систематизация и оперативное предоставление информации должностным лицам для выявления, контроля и предупреждения антиобщественного поведения в семейной среде;

4. Профилактическая беседа. Данная мера, по сути, является формой реализации метода убеждения и заключается в разъяснении лицу его моральной и правовой ответственности перед обществом, государством, а также социальных и правовых последствий продолжения антиобщественного поведения. Профилактическая беседа проводится только с гражданином, состоящим на профилактическом учете как «лицо, совершившее правонарушение в сфере семейно-бытовых отношений и представляющее опасность для окружающих». В ее основе лежит метод убеждения, административно-правовым принуждением рассматриваемая мера не обеспечена. Суть профилактической беседы состоит в непосредственном воздействии сотрудника полиции на сознание, чувства и волю профилактируемого лица путем убеждения и внушения с целью изменения антиобщественного поведения, образа жизни и намерений указанных лиц;

5. Наблюдение за поведением и социальными связями лиц, совершивших семейно-бытовые правонарушения, представляет собой целенаправленный административный мониторинг. Его ключевая задача – оценка и прогнозирование уровня общественной опасности, исходящей от конкретного индивида, с целью предотвращения рецидива. Основным инструментом сбора первичных данных служит плановая или внеплановая проверка по месту жительства, проводимая участковым уполномоченным. В ходе такой проверки формируется комплексный социально-бытовой портрет подучетного лица, включающий: уровень доходов, занятость, материальное положение; анализ круга общения с акцентом на выявление контактов с криминальной средой или социально дезадаптированными лицами; оценку среды проживания, распорядка дня, привычек и склонностей, способных свидетельствовать о высокой вероятности совершения нового правонарушения.

6. Опрос родственников лиц, состоящих на профилактическом учете, их соседей и других лиц. Указанная мера дает возможность выяснить ситуацию, сложившуюся в семье: происходят ли скандалы, угрозы, в какой стадии находится семейно-бытовой конфликт, есть ли готовность к налаживанию семейных отношений или нет. В результате опроса составляется объективная характеристика личности правонарушителя;

7. Изъятие огнестрельного оружия. Данная административно-правовая мера предупреждения правонарушений является одной из действенных в сфере семейно-бытовых отношений, и она обеспечена силой принуждения. Изъятие оружия происходит при поступлении информации либо выявлении факта демонстрации его в качестве предмета угрозы. Кроме того, изъятие оружия производится и в случаях ношения его лицом, находящимся в состоянии опьянения, и при отказе от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Противодействие правонарушениям в семейно-бытовой сфере – это вызов для полиции, требующий не только правовой точности, но и такта. Опасность таких инцидентов кроется в их «отложенном эффекте»: они наносят удар по доверию и эмоциональным связям, приводя к долгосрочным травмам и распаду семьи. Поэтому реакция правоохранителей должна быть не просто быстрой, но и дифференцированной. Выбор меры пресечения – от профилактической беседы до административного задержания – напрямую зависит от градации риска, анализа личности нарушителя и причин, спровоцировавших инцидент. Но, прежде чем применять эти меры, критически важно провести четкую правовую границу: что в бытовой ссоре считается административно наказуемым деянием, а что остается в области межличностных отношений.

Сложность выбора сотрудниками полиции мер пресечения также обусловлена различными формами антиобщественного поведения в сфере семейно-бытовых отношений, не регулируемого нормами права. Более того, нередки случаи, когда применение мер пресечения сопровождается негативной реакцией и физическим противодействием потерпевшей стороны. Чаще всего это происходит, когда потерпевший и правона-

рушитель находятся в состоянии опьянения.

Особенность применения полицией мер административного пресечения обусловлена спецификой семейно-бытовых отношений, т.е. сложившейся системой духовных и материальных взаимоотношений между близкими лицами, а также тяжестью совершенного противоправного деяния. В рассматриваемой сфере общественных отношений иногда сложно определить перерастание антиобщественного поведения, аморальных, недостойных поступков в правонарушение.

В арсенале полицейского реагирования на семейно-бытовые конфликты доставление и административное задержание занимают ключевое место как меры немедленного физического пресечения угрозы. Правовым основанием для принудительной доставки лица в служебное помещение является не только его очевидная опасность, но и конкретное обращение пострадавших. Речь идет о ситуациях, когда совместно проживающий гражданин, находясь под воздействием алкоголя, наркотиков или иных одурманивающих веществ, демонстрирует поведение, дающее обоснованные основания опасаться причинения вреда жизни, здоровью или имуществу окружающих. Таким образом, эта мера служит барьером, изолирующим источник потенциального насилия от потенциальных жертв в рамках жилища.

Список литературы:

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 01.04.2025) [принят Государственной Думой 21.05.1999, одобрен Советом Федерации 09.06.1999]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2025 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102060520 (дата обращения: 07.12.2025).

2. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 28.11.2025) [принят Государственной Думой 28.01.2011, одобрен Советом Федерации 02.02.2011]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2025 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102145133 (дата обращения: 07.12.2025).

3. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 04.11.2025) [принят Государственной Думой 02.11.2011, одобрен Советом Федерации 09.11.2011]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2025 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102152039 (дата обращения: 11.10.2025).

References:

1. On the fundamentals of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency: Federal Law No. 120-FZ of 06/24/1999 (as amended on 04/01/2025) [adopted by the State Duma on 05/21/1999, approved by the Federation Council on 06/9/1999]. – Text: electronic // The State system of legal information: The official Internet portal of legal information. 2005-2025 – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102060520 (date of request: 07.12.2025).

2. About the police: Federal Law No. 3-FZ of 07.02.2011 (as amended on 28.11.2025) [adopted by the State Duma on 28.01.2011, approved by the Federation Council on 02.02.2011]. – Text: electronic // The State system of legal information: The official Internet portal of legal information. 2005-2025 – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102145133 (date of request: 07.12.2025).

3. On Free legal aid in the Russian Federation: Federal Law No. 324-FZ dated 21.11.2011 (as amended on 04.11.2025) [adopted by the State Duma on 02.11.2011, approved by the Federation Council on 09.11.2011]. – Text: electronic // The State system of legal information: The official Internet portal of legal information. 2005-2025 – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102152039 (date of request: 11.10.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_746

УДК 342.9

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА ЧЕРЕЗ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ENSURING NATIONAL SECURITY AND LAW AND ORDER THROUGH THE REGULATION OF MIGRATION PROCESSES: THE ROLE OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

ОРФАНИДИ Нелля Ильдусовна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры юриспруденции.
Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации.
350015, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, Центральный округ, ул. им. Митрофана Седина, д. 168/1.
E-mail: zaevani@mail.ru;

СУХОРУКОВ Максим Сергеевич
магистрант направления подготовки «Правоохранительная и правозащитная деятельность»
Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации.
350015, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, Центральный округ, ул. им. Митрофана Седина, д. 168/1.
E-mail: zaevani@mail.ru;

РАЧИН Сергей Андреевич
магистрант направления подготовки «Правоохранительная и правозащитная деятельность»
Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации.
350015, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, Центральный округ, ул. им. Митрофана Седина, д. 168/1.
E-mail: zaevani@mail.ru;

ORFANIDI Nellya Ildusovna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Law.
Krasnodar Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation.
350015, Krasnodar region, Krasnodar, Central District, st. them. Mitrofana Sedina, 168/1.
E-mail: zaevani@mail.ru;

SUKHORUKOV Maxim Sergeevich,
Master's student in the field of Law Enforcement and Human Rights Activities
Krasnodar Cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation.
350015, Krasnodar region, Krasnodar, Central District, st. them. Mitrofana Sedina, 168/1.
E-mail: zaevani@mail.ru;

RACHIN Sergey Andreevich
Master's student in the field of Law Enforcement and Human Rights Activities
Krasnodar Cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation
350015, Krasnodar region, Krasnodar, Central District, st. them. Mitrofana Sedina, 168/1.
E-mail: zaevani@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье исследуется роль органов внутренних дел Российской Федерации в обеспечении национальной безопасности и правопорядка через регулирование миграционных процессов. Анализ действующего административного и миграционного законодательства, практики его применения, а также трудов отечественных учёных позволяет выделить основные направления миграционной деятельности Министерства внутренних дел России. В фокусе исследования – такие элементы, как ведение миграционного учёта, контроль за соблюдением иностранными гражданами правил пребывания и проживания, выявление нарушений (включая фиктивную регистрацию и нелегальную работу), а также применение мер административного принуждения, в частности административного выдворения. Особое внимание уделяется проблемам, снижающим эффективность деятельности органов внутренних дел, таким как недостаточная координация между ведомствами, ограниченность ресурсов, сложности в идентификации личности и исполнении решений о выдворении. В контексте современных вызовов и угроз национальной безопасности, включая санкционное давление и изменение характера миграционных потоков, обосновывается необходимость совершенствования правового регулирования, внедрения цифровых технологий, усиления межведомственного взаимодействия и повышения профессиональной подготовки сотрудников. Подчеркивается важность соблюдения баланса между мерами административного воздействия и защитой прав человека. Сформулированы конкретные предложения по оптимизации деятельности органов внутренних дел в целях укрепления национальной безопасности и правопорядка.*

Abstract. *This article examines the role of the Russian Federation's internal affairs agencies in ensuring national security and law and order through the regulation of migration processes. An analysis of current administrative and migration legislation, its application, and the works of Russian scholars highlights the main areas of migration activity of the Russian Ministry of Internal Affairs. The study focuses on such elements as maintaining migration records, monitoring foreign citizens' compliance with stay and residence rules, identifying violations (including fictitious registration and illegal employment), and applying administrative enforcement measures, particularly administrative deportation. Particular attention is paid to issues that reduce the effectiveness of internal affairs agencies, such as insufficient coordination between agencies, limited resources, difficulties in identifying individuals, and enforcing deportation decisions. In the context of contemporary challenges and threats to national security, including sanctions pressure and changing migration flows, the article substantiates the need to improve legal regulation, implement digital technologies, strengthen interagency cooperation, and enhance the professional training of employees. The importance of maintaining a balance between administrative measures and the protection of human rights is emphasized. Specific proposals for optimizing the activities of internal affairs agencies to strengthen national security and law and order are formulated.*

Ключевые слова. *национальная безопасность, правопорядок, миграционные процессы, органы внутренних дел, МВД России, миграционный контроль, административное выдворение, незаконная миграция, миграционное законодательство, межведомственное взаимодействие.*

Keywords. *national security, law and order, migration processes, internal affairs bodies, Ministry of Internal Affairs of Russia, migration control, administrative expulsion, illegal migration, migration legislation, interagency cooperation.*

Для цитирования: *Орфаниди Н.И., Сухоруков М.С., Рачин С.А. Обеспечение национальной безопасности и правопорядка через регулирование миграционных процессов: роль органов внутренних дел Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 746-749. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_746.*

For citation*: Orfanidi N.I., Sukhorukov M.S., Rachin S.A. Ensuring national security and law and order through the regulation of migration processes: the role of the internal affairs bodies of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 746-749. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_746.*

Статья поступила в редакцию: 10.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

В современную эпоху глобализации миграционные процессы приобрели масштабный и сложноорганизованный характер, оказывая значительное влияние на социально-экономическое, демографическое и политическое развитие государств. Для Российской Федерации, являющейся одним из ключевых центров притяжения миграционных потоков на постсоветском пространстве, эффективное управление миграцией становится важнейшим фактором обеспечения национальной безопасности и сохранения общественного правопорядка. Ежегодный въезд на территорию страны миллионов иностранных граждан и лиц без гражданства создает не только экономические и культурные возможности, но и порождает серьезные риски, связанные с нелегальной миграцией, ростом преступности, распространением неформальной занятости и возникновением очагов социальной напряженности.

В связи с этим органы внутренних дел (далее – ОВД) Российской Федерации выступают в качестве ключевого субъекта, реализующего государственную политику в сфере миграционного контроля. На них возложен широкий круг полномочий, направленных на обеспечение соблюдения установленных правил въезда, пребывания, проживания и трудовой деятельности иностранных граждан и лиц без гражданства (далее – иностранные граждане). Деятельность ОВД в данной сфере непосредственно влияет на состояние защищенности национальных интересов, суверенитета и общественной безопасности.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа роли ОВД в контексте обеспечения национальной безопасности через призму регулирования миграционных процессов, а также выявления системных проблем и разработки путей повышения эффективности их деятельности в условиях новых вызовов и угроз.

Цель исследования заключается в комплексном анализе деятельности органов внутренних дел по регулированию миграционных процессов как элемента системы обеспечения национальной безопасности и правопорядка, выявлении проблемных аспектов и формулировании предложений по совершенствованию их деятельности.

Методологическую основу работы составили общенаучные (диалектический, анализ и синтез, системный подход) и частно-научные методы познания (сравнительно-правовой, формально-юридический, анализ правоприменительной практики).

Правовой основой деятельности ОВД в сфере миграционного контроля выступает комплекс нормативных правовых актов, ключевыми среди которых являются Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [2], Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [3], Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) [1], а также Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [4], закрепляющий соответствующие полномочия за полицией.

В рамках обеспечения национальной безопасности и правопорядка роль ОВД проявляется в нескольких ключевых направлениях:

1) Миграционный учёт и регистрация играют центральную роль в системе государственного регулирования миграционных процессов. ОВД отвечают за регистрацию иностранных граждан и лиц без гражданства по месту пребывания и месту жительства, что позволяет официально зафиксировать их нахождение на территории Российской Федерации. В этой связи особое значение приобретают современные цифровые платформы, в частности Государственная информационная система миграционного учёта (ГИС МУ), обеспечивающая оперативный сбор, обработку и межведомственный обмен данными. Такие системы повышают прозрачность миграционных потоков, способствуют предотвращению злоупотреблений – например, фиктивной регистрации – и позволяют оперативно выявлять нарушения. Всё это делает развитие и модернизацию механизмов миграционного учёта одним из приоритетных направлений деятельности МВД России [8]. Внедрение в 2021 году Единой государственной информационной системы миграционного учёта (ЕГИС МУ) стало значительным шагом вперёд в повышении прозрачности, оперативности и надёжности контроля за перемещениями и пребыванием иностранных граждан на территории Российской Федерации. Благодаря централизованному хранению и мгновенному обмену данными между различными ведомствами система позволяет сократить бюрократические барьеры, минимизировать риски фиктивной регистрации и своевременно выявлять нарушения миграционного законодательства [5].

2) Контрольно-надзорная деятельность. Данное направление включает в себя проведение проверок соблюдения иностранными гражданами правил пребывания, целей въезда, условий трудовой деятельности. Сотрудники полиции вправе проверять документы, проводить административные обследования помещений, где проживают или работают мигранты, а также осуществлять профилактические и рейдовые мероприятия. Выявление фактов фиктивной постановки на учет или осуществления трудовой деятельности без разрешительных документов является одной из приоритетных задач.

3) Выявление и пресечение административных правонарушений в миграционной сфере – одна из ключевых задач органов внутренних дел. Основное внимание уделяется статье 18.8 КоАП РФ, устанавливающей ответственность иностранных граждан за нарушение правил въезда или режима пребывания в РФ. МВД выявляет такие нарушения в ходе проверок, рейдов и взаимодействия с работодателями и управляющими организациями. Наиболее типичными нарушениями в миграционной сфере на практике остаются пребывание без документов, истечение разрешённого срока нахождения в стране, уклонение от постановки на миграционный учёт и осуществление трудовой деятельности без патента или

разрешения. Судебная практика свидетельствует, что подобные правонарушения чаще всего влекут лишь минимальные штрафы, что ослабляет сдерживающий эффект наказания и ставит под сомнение соблюдение принципа его неотвратимости. Это подчёркивает необходимость более гибкого подхода к назначению санкций – с учётом характера, повторности и последствий нарушения – для усиления эффективности миграционного контроля [11].

4) Применение мер административного принуждения. Важнейшей мерой, непосредственно направленной на обеспечение национальной безопасности, является административное выдворение за пределы Российской Федерации (ст. 18.8 КоАП РФ). Эта мера не только пресекает противоправное поведение конкретного лица, но и выполняет профилактическую функцию, демонстрируя недопустимость нарушения миграционного законодательства. Однако ее практическая реализация сопряжена с трудностями, такими как установление личности нарушителя, организационные и финансовые вопросы депортации, а также необходимость соблюдения процедур, гарантирующих права человека, включая право на обжалование.

Несмотря на широкий круг полномочий, ОВД сталкиваются с рядом системных проблем, снижающих эффективность их деятельности, среди которых выделяют следующие:

1) Недостаточная межведомственная координация: отсутствие единого информационного контура между МВД, ФСБ, ФНС, Роструд и другими ведомствами затрудняет оперативный обмен данными и создает условия для уклонения нарушителей от контроля.

2) В крупных мегаполисах и регионах с высокой концентрацией мигрантов сотрудники подразделений по вопросам миграции зачастую перегружены, что негативно сказывается на глубине и качестве проводимых проверок.

3) Сохраняются сложности в доказывании фиктивности регистрации или трудовой деятельности, отсутствует детальная регламентация отдельных процедур, например, установления личности лиц без гражданства.

4) Современные условия, включая санкционное давление и нестабильность на международной арене, требуют от ОВД адаптации к изменяющимся маршрутам и способам нелегальной миграции, использованию цифровых инструментов для подделки документов.

О.А. Бойко, А.В. Куянова и А.Е. Юрицин справедливо отмечают, что эффективность административного контроля в миграционной сфере невозможна без налаженного межведомственного и межсекторального взаимодействия. По их мнению, полиция не может решать задачи выявления, предупреждения и пресечения миграционных правонарушений в изоляции – необходима тесная координация с территориальными органами Федеральной службы безопасности (ФСБ), прокуратурой, органами местного самоуправления, а также активное вовлечение работодателей и общественных организаций [6]. По словам Н.И. Орфаниди, «несмотря на широкие полномочия, органы внутренних дел сталкиваются с рядом сложностей. Прежде всего, это несоответствие миграционного законодательства современным вызовам и угрозам, в частности, недостаточная дифференциация административной ответственности в зависимости от тяжести правонарушения, а также сложность доказывания фиктивности регистрации или трудовой деятельности» [12]. В условиях роста миграционных потоков и усложнения связанных с ними рисков именно системное взаимодействие всех заинтересованных субъектов становится ключевым условием устойчивого и эффективного функционирования механизма миграционного контроля.

Действия ОВД должны находиться в рамках закона, обеспечивать право на справедливое судебное разбирательство, доступ к переводчику и правовой помощи [7].

Проведенное исследование позволяет констатировать, что органы внутренних дел Российской Федерации играют системообразующую роль в обеспечении национальной безопасности и правопорядка через регулирование миграционных процессов. Выполняя функции миграционного учета, контроля и принуждения, они выступают в качестве основного барьера на пути нелегальной миграции и связанных с ней угроз.

Однако для повышения эффективности этой деятельности в условиях усложняющейся внешней и внутренней обстановки необходим комплекс мер:

1) Совершенствование законодательства: дифференциация административной ответственности в зависимости от тяжести и характера правонарушения, устранение правовых пробелов в процедурах установления личности и выдворения.

2) Технологическое развитие: дальнейшая автоматизация миграционного учета, активное внедрение биометрических технологий, создание межведомственных платформ для обмена данными в реальном времени.

3) Усиление межведомственного взаимодействия: разработка четких регламентов координации между МВД, ФСБ, пограничными и налоговыми службами, органами прокуратуры.

4) Инвестиции в человеческий капитал: повышение профессиональной подготовки сотрудников миграционных подразделений, включая изучение иностранных языков, основ межкультурной коммуникации и современных методов идентификации и документирования.

5) Соблюдение баланса между национальной безопасностью и правами человека в миграционной сфере требует сочетания строгого, но справедливого правоприменения с мерами по защите и профилактике. Важнейшими направлениями являются развитие доступных процедур административного и судебного обжалования решений, касающихся мигрантов, обеспечение их реального доступа к квалифицированной правовой помощи – в том числе через правозащитные организации и информационные ресурсы, – а также внедрение разъяснительной и интеграционной работы: правовые консультации, информационные кампании, сотрудничество с диаспорами и выпуск материалов на языках мигрантов.

Таким образом, повышение эффективности деятельности органов внутренних дел в сфере миграции возможно лишь при условии реализации сбалансированного, комплексного подхода, в котором строгий, но законный контроль органично сочетается с уважением и защитой прав человека – как иностранных граждан, так и российских. Это предполагает не только совершенствование механизмов правоприменения, но и

развитие профилактических мер, укрепление правовой культуры всех участников миграционных отношений, а также активное внедрение цифровых решений для обеспечения прозрачности и оперативности учётно-контрольных процедур.

Только такой подход позволяет достичь ключевых задач государственной миграционной политики: усилить национальную безопасность, минимизировать риски нелегальной миграции, снизить социальную напряжённость и обеспечить устойчивый правопорядок в стране. В условиях растущей глобальной мобильности населения и новых вызовов именно гармоничное сочетание контроля и правозащиты становится основой доверия к правоохранительным органам и залогом стабильности миграционной системы Российской Федерации.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 1 (ч. 1). Ст. 24.
2. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
3. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 29. Ст. 3125.
4. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
5. О Единой государственной информационной системе миграционного учета: Постановление Правительства РФ от 15.11.2021 № 1958.
6. Бойко О.А., Куянова А.В., Юрицин А.Е. Административно-правовые основы деятельности полиции по профилактике правонарушений в сфере миграции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. №3 (74). С. 95-99.
7. Волохов В.А., Герасимова И.В. Управление миграционными процессами в Российской Федерации: анализ и перспективы // Управление. 2019. №1. С. 5-12.
8. Евсикова Е. В. Миграционный учет (контроль): современные реалии и перспективы развития // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. №1. С. 136-150.
9. Жеребцов А.Н. Миграционное право России: учебник для вузов / под общей редакцией А. Н. Жеребцова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2025. 500 с.
10. Киселёва Н.Г. Зарубежный опыт осуществления государственного контроля (надзора) в сфере миграции // Научный портал МВД России. 2019. №3 (47). С. 113-119.
11. Литвиненко А.В. Административная ответственность за нарушение миграционного законодательства как механизм обеспечения миграционной безопасности России // Вестник экономической безопасности. 2009. №5. С. 95-97.
12. Орфаниди Н.И., Сухоруков М.С., Петросян М.А. Роль органов внутренних дел в обеспечении соблюдения правил пребывания в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства // Аграрное и земельное право. 2025. №5. С. 146-150

References

1. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation (Administrative Code of the Russian Federation) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. № 1 (part 1). Art. 24.
2. On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation: Federal Law of July 25, 2002 № 115-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation 2002. No. 30. Art. 3032.
3. On migration registration of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation: Federal Law No. 109-FZ of July 18, 2006 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 29. Art. 3125.
4. About the police: Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 7. Art. 900.
5. On the Unified State Information System of Migration Registration: Decree of the Government of the Russian Federation dated 11/15/2021 No. 1958.
6. Boyko O.A., Kuyanova A.V., Yuritsin A.E. Administrative and legal bases of police activities for the prevention of offenses in the field of migration // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2018. No. 3 (74). pp. 95-99.
7. Volokhov V.A., Gerasimova I.V. Management of migration processes in the Russian Federation: analysis and prospects. 2019. No. 1. pp. 5-12.
8. Evsikova E. V. Migration accounting (control): modern realities and development prospects // Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2023. No. 1. pp. 136-150.
9. Zherebtsov A.N. Migration law of Russia: textbook for universities / under the general editorship of A. N. Zherebtsov. 4th ed., revised and additional M.: Publishing house Yurait, 2025. 500 p.
10. Kiseleva N.G. Foreign experience of state control (supervision) in the field of migration // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3 (47). pp. 113-119.
11. Litvinenko A.V. Administrative responsibility for violation of migration legislation as a mechanism for ensuring migration security in Russia // Bulletin of Economic Security. 2009. No. 5. pp. 95-97.
12. Orfanidi N.I., Sukhorukov M.S., Petrosyan M.A. The role of internal affairs bodies in ensuring compliance with the rules of stay in the Russian Federation for foreign citizens and stateless persons // Agrarian and Land law. 2025. No. 5. pp. 146-150

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_750

УДК 342.9

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА НАРОДНОГО ДРУЖИННИКА И ВНЕШТАТНОГО СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ
MAIN DIRECTIONS OF IMPROVING THE LEGAL STATUS OF THE PEOPLE'S VIGILANTE AND FREELANCE POLICE OFFICER

БАРАНОВА Светлана Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Байкальского государственного университета.
Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.
E-mail: svetlana.myshenko@gmail.com

BARANOVA Svetlana Anatolievna,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of Baikal State University.
Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Lenina str., 11.
E-mail: svetlana.myshenko@gmail.com

Краткая аннотация. *Статья посвящена исследованию проблемных аспектов правового статуса лиц, принимающих участие в охране общественного порядка. Выявлены элементы правового статуса народного дружинника, требующие своего дальнейшего совершенствования. К ним относятся, прежде всего, недостаточная подготовка, необходимость наделения народного дружинника дополнительными правами и обязанностями, а также несовершенная система гарантий. С учетом использования сравнительного-правового подхода предложены рекомендации по форме подготовки дружинников в форме краткого курса обучения со сдачей экзамена или зачета и последующими периодическими проверками, а также закреплением соответствующей обязанности в действующем законодательстве. Существующие гарантии правового статуса дружинника, предусмотренные законодательством, могут быть расширены за счет различных инициатив, однако самое главное при этом их реализация, обеспеченная надлежащим финансированием из бюджетов субъектов Российской Федерации или муниципальных образований. Совершенствование правового статуса внештатного сотрудника полиции видится, в первую очередь, в укреплении института гарантий его статуса.*

Abstract. *The article is devoted to the study of problematic aspects of the legal status of persons involved in the protection of public order. The elements of the legal status of the people's vigilante that require further improvement are identified. These include, first of all, insufficient training, the need to empower people's vigilante with additional rights and responsibilities, as well as an imperfect system of guarantees. Taking into account the use of a comparative legal approach, recommendations are proposed on the form of training for volunteers in the form of a short course of study with an exam or test and subsequent periodic checks, as well as the consolidation of the corresponding obligation in current legislation. The existing guarantees of the legal status of a vigilante provided for by legislation can be expanded through various initiatives, but the most important thing is their implementation, provided with adequate funding from the budgets of the regions of the Russian Federation or municipalities. The improvement of the legal status of a freelance police officer is seen, first of all, in strengthening the institution of guarantees of his status.*

Ключевые слова: *общественный порядок, охрана общественного порядка, правопорядок, участие граждан, народный дружинник, внештатный сотрудник полиции.*

Keywords: *public order, protection of public order, law and order, participation of citizens, people's vigilante, freelance police officer.*

Для цитирования: *Баранова С.А. Основные направления совершенствования правового статуса народного дружинника и внештатного сотрудника полиции // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 750-753. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_750.*

For citation*: Baranova S.A. The main directions for improving the legal status of the people's militia and freelance police officer // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 750-753. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_750.*

Статья поступила в редакцию: 14.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

Участие граждан в охране общественного порядка является одной из составляющих конституционного права на участие в управлении делами государства, реализуемое через участие в общественной жизни. Значение и ценность данного права проявляется в том, что «участие граждан в осуществлении публичной власти является индикатором демократического характера государства» [1, с. 449]. В то же время поскольку участие граждан в охране правопорядка строится на основе принципов добровольности, законности и содействия правоохранительным органам, оно выступает также одной из форм добровольческой (волонтерской) деятельности. В данном контексте важно подчеркнуть, что «занятие волонтерской деятельностью важно для современного общества, поскольку оно является предиктором развития социальной солидарности, взаимопомощи и кооперации» [2]. Более того, «с развитием высоких технологий волонтерская деятельность стала охватывать и сферу цифровизации, стали создаваться кибердружины» [3, с. 319]. Следовательно, участие граждан в охране порядка – это одновременно и вид волонтерства, и форма реализации конституционного права на участие в управлении делами государства (как индивидуально, так и коллективно) через содействие в деле поддержания правопорядка в общественных местах и противодействия преступности.

В настоящее время сформированы как правовые, так и организационные основы для участия граждан в охране общественного порядка. Одной из самых популярных форм участия граждан в обеспечении правопорядка является деятельность добровольных народных дружин, которая зарекомендовала себя с положительной стороны еще в советское время. На сегодняшний день данный вариант участия населения осуществляется во всех регионах, которые оказывают помощь правоохранительным органам в реализации их функций, прежде всего, в сфере охраны правопорядка и безопасности в общественных местах. Не такой распространенной формой, но от этого не менее важной выступает внештатное сотрудничество с полицией. Данные варианты возможного оказания содействия со стороны населения органам внутренних дел предусмотрены и достаточно полно урегулированы действующим законодательством, а именно Федеральным законом от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране

общественного порядка» (далее – федеральный закон, закон).

Однако необходимо учитывать, что все сферы общественной жизни ежедневно изменяются и модернизируются в связи с совершенствованием информационных и цифровых технологий, тенденций развития искусственного интеллекта и других факторов, соответственно, имеющиеся изменения так или иначе накладывают отпечаток и на сферу обеспечения охраны общественного порядка и общественной безопасности. С одной стороны, появляются новые вызовы и угрозы для данной сферы, с другой стороны, открываются новые возможности и перспективы для совершенствования деятельности как государства и его органов публичной власти, так и отдельных частных лиц в изучаемой области.

Статус лиц, принимающих участие в охране общественного порядка, прежде всего, народных дружинников, закреплен в указанном федеральном законе. В него входят требования к лицам, которые имеют намерение принимать участие в охране правопорядка в рассматриваемой форме, их права и обязанности, гарантии правового статуса, а также ответственность.

Рассмотрим, прежде всего, основные проблемные аспекты правового статуса народного дружинника, которые до сих пор не разрешены. К ним, в первую очередь, относятся:

1) недостаточная подготовка;
2) необходимость наделения дружинника дополнительными правами;
3) несовершенная система гарантий.

Представляется возможным исследовать каждый из указанных элементов статуса, его современное состояние и возможные перспективы совершенствования. Вместе с тем, точечно для разработки предложений по улучшению правового статуса народного дружинника, необходимо обратиться к опыту правового регулирования данных элементов и связанных с ними отношений в ряде зарубежных стран.

В соответствии с приказом МВД России от 18 августа 2014 г. № 696 «Вопросы подготовки народных дружинников к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, и по оказанию первой помощи» подготовка дружинника осуществляется в виде 30-минутного инструктажа, что, очевидно, недостаточно для формирования как теоретических знаний, так и каких-то конкретных отточенных практических навыков. Хотя по смыслу законодателя данная подготовка направлена в том числе и на приобретение умения применять физическую силу и обладание навыком оказания первой помощи.

В зарубежной практике необходимость такого обучения признается. Так, например, в республике Таджикистан в соответствии с Положением о добровольных дружинах, утвержденным Постановлением Правительства от 2 августа 2010 г. № 400 «дружинники проходят специальную подготовку, изучают правовые и другие нормативные акты, регламентирующие охрану общественного порядка и борьбу с правонарушениями, знакомятся с формами и методами работы добровольных дружин». Более того, согласно этому же нормативно-правовому акту «Органы внутренних дел обеспечивая повседневное воздействие на добровольные дружины, проводят инструктаж дружинников, ознакомляют их с формами и методами борьбы с правонарушениями, в том числе с лицами, проходящими по учетам органа внутренних дел и другими лицами».

В Германии согласно § 6 Закона об участии граждан в обеспечении внутренней безопасности федеральной земли Гессен от 13 июня 2000 г. члены добровольной полицейской службы могут осуществлять свои функции, если они обладают необходимыми теоретическими и практическими знаниями для выполнения своих обязанностей. Члены добровольной полицейской службы проходят специальное обучение в свободное от основной работы время. Продолжительность обучения составляет не менее 50 часов. Это требование не распространяется на бывших сотрудников полиции.

В российской научной литературе проблематика формы подготовки народных дружинников признается, вместе с тем, отмечается, что «отсутствует нормативное закрепление конкретных мер, реализация которых позволила бы выработать практические навыки…, а также отсутствуют критерии оценки готовности к реализации указанных мероприятий» [4, с. 141]. Имеются предложения создать «предварительный теоретический и практический курс» [5, с. 74], «ввести обязательный экзамен, например, с периодичностью не реже чем один раз в 2 года» [6, с. 9] и др.

Действительно, данные предложения видятся целесообразными, особенно для лиц, абсолютно не имеющих подобного опыта. Кроме этого, параллельно следует закрепить обязанность народного дружинника по повышению уровня своих правовых знаний, а также прохождению периодических проверок на пригодность к действиям по участию в охране правопорядка в условиях, связанных с применением физической силы и оказанием первой помощи. Подобная обязанность существует в законодательстве Республике Беларусь, в частности она закреплена в ст. 16 Закона Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 214-З «Об участии граждан в охране правопорядка»; обязанность по повышению уровня правовых знаний содержится и в законе Республики Таджикистан от 22 июня 2023 г. № 1969 «Об участии граждан в обеспечении общественного порядка».

Достаточно часто в научных кругах в качестве проблемного аспекта затрагивается вопрос о применении физической силы со стороны народного дружинника. Действующий федеральный закон согласно ст. 19 предоставляет это право только при наличии следующих оснований: 1) крайней необходимости; 2) необходимой обороны; 3) для устранения опасности, непосредственно угрожающей дружиннику или иным лицам. Анализ данного положения позволяет прийти к выводу, что в данной части правовой статус народного дружинника ничем не отличается от статуса любого гражданина. Более того, ст. 17 закона содержит ряд прав дружинника, первым из которых названо право требовать прекращения противоправного поведения от правонарушителя, и, соответственно, в случае игнорирования данного законного требования оно может остаться без соответствующей оперативной реакции со стороны лица, принимающего участие в охране правопорядка. Необходимо обратить внимание и на тот факт, что в ст. 18 закона п. 4 говорит об обязанности дружинника «принимать меры по предотвращению и пресечению правонарушений», и, в свою очередь, применение физической силы как раз и направлено на пресечение возможных административных правонарушений и преступлений.

Если исследовать данный вопрос в сравнительно-правовом аспекте, то в правовом поле большинства стран СНГ за лицами, принимающими участие в обеспечении порядка в общественных пространствах, закреплено право на применение физической силы (например, ст. 17 указанного закона Республики Таджикистан, - «в целях пресечения действий лиц, нарушивших общественный порядок, а также для их задержания и передачи правоохранительным органам»; ст. 7 Закон Республики Казахстан от 9 июля 2004 г. № 590 «Об участии граждан в обеспечении общественного порядка» предусматривает аналогичные основания. Законодательство Нью-Йорка предусматривает, что «сотрудники вспомогательной полиции могут применять физическую силу при проведении ареста или когда лицо применяет физическую силу в отношении сотрудника полиции или другого лица» [5, с. 73-74].

В связи с изложенным выше, представляется возможным согласиться с большинством исследователей, которые предлагают распространить применение рассматриваемого правомочия дружинника по основаниям «задержания правонарушителей, а также для пресечения нарушений общественного порядка» [7, с. 107]. Необходимо дополнить, что право применить физическую силу должно строго осуществляться в соответствии с предусмотренными законом порядком и пределами его реализации и обязательно при наличии необходимой подготовки, таким образом ещё раз подчеркнём важность качественной, а не просто формальной подготовки дружинника к условиям, в которых может быть применена физическая сила. Если придерживаться данного предложения, расширяющего сферу применения народным дружинником физической силы для задержания лица, то логично согласиться с корреспондирующими дополнениями действующего законодательства, выраженными «в праве задержания правонарушителей с последующей передачей задержанных сотрудникам полиции» [5, с. 75].

Самым дискуссионным элементом в правовом статусе дружинника являются гарантии, которые, с одной стороны, позволяют создать определенный уровень защиты данных лиц и тем самым обеспечить их статус, с другой стороны, они являются в какой-то степени критериями для формирования у граждан дополнительной мотивации и привлекательности общественно-полезной деятельности по обеспечению общественной безопасности.

Отметим, статья 26 федерального закона устанавливает перечень льгот и компенсаций для дружинника и внештатного сотрудника полиции, но содержит рамочные положения, отдавая органам власти окончательное решение данных вопросов на уровне субъектов и/или муниципальных образований. В данный перечень входят: возможное материальное стимулирование, вознаграждение; личное страхование народных дружинников на период их участия в мероприятиях по охране общественного порядка; ежегодный дополнительный отпуск без сохранения заработной платы; проездные билеты дружинниками на все виды общественного транспорта на период исполнения ими своих обязанностей. Следует отметить, что достаточно широко в субъектах РФ применяется и моральное стимулирование: объявление благодарностей, вручение почетных грамот, проведение конкурсов на уровне муниципалитетов на лучшую дружину или дружинника.

Специализированные законы об участии граждан в обеспечении правопорядка в странах СНГ (Республика Беларусь, Республика Казахстан и Таджикистан) закрепляют перечень аналогичных мер материального и морального стимулирования, которые обобщенно можно свести к 1) объявлению благодарности; 2) награждению грамотой; 3) денежному вознаграждению; 4) ценному подарку; 5) денежному пособию при травмах, увечьях, гибели; 6) иным видам поощрения.

Вместе с тем, в научной литературе достаточно часто высказываются рекомендации расширить перечень существующих гарантий: «скидки на питание, льготы на коммунальные услуги и предоставление жилья в общежитиях более высокого качества, реализация бесплатных билетов на спортивные и культурные события» [7, с. 108], «предоставление льготных путевок на санаторно-курортное лечение, дополнительного оплачиваемого отпуска от 2-х до 4-х дней, бесплатное обучение детей дружинников в различных секциях» [8, с. 175] и др. Таким образом, различных предложений по совершенствованию материального и социального статуса народного дружинника достаточно много, среди которых бывают действительно интересные рекомендации, которые могут способствовать созданию дополнительных компенсаций и льгот, однако, как представляется, основным вопросом при обсуждении данных инициатив является их финансирование, которое должно быть предусмотрено, прежде всего, бюджетом региона и/или муниципалитета. В данном контексте справедливо отмечает Е. Ю. Тихалева, что «органы государственной власти, в первую очередь, должны быть заинтересованы в детализации правового статуса народных дружин на федеральном уровне и определении направленности их софинансирования с бюджетами субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» [9, с. 45-46].

Что касается правового статуса внештатного сотрудника, то с формальной точки зрения его статус достаточно детально урегулирован действующим законодательством: Федеральным законом от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» и Приказом МВД РФ от 10 января 2012 г. № 8 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности внештатных сотрудников полиции». Правовой статус внештатного сотрудника также включает в себя ограничения (перечень факторов, при которых лицо не сможет стать внештатным сотрудником полиции), права и обязанности, гарантии, а также ответственность.

Представляется возможным согласиться с мнением Ю. В. Растяпина о том, что «к внештатным сотрудникам полиции предъявляются достаточно «суровые требования». Порядок их назначения достаточно длителен, «вследствие чего гражданину приходится затрачивать достаточно большие временные ресурсы, а взамен никаких мер государственной поддержки не полагается» [10, с. 185]. В данном контексте необходимо отметить, что требования, которые предъявляются к лицу, желающему сотрудничать с полицией на добровольной и гласной основе, вызваны и обусловлены объективной необходимостью. Совершенствование правового статуса внештатного сотрудника полиции видится, прежде всего, в укреплении института гарантий, чтобы гарантированный федеральным законодательством набор компенсаций, льгот и материальных выплат действительно реализовывался за счет соответствующих бюджетов регионов или муниципальных образований.

Таким образом, правовой статус народного дружинника требует своего дальнейшего развития по следующим основным направлениям.

Во-первых, доработка положений о подготовки народных дружинников, которая бы качественно позволяла им овладеть необходимым инструментарием как из теоретических знаний, так и из практических навыков, предназначенных для успешной реализации возложенных на них задач и функций по охране общественного порядка. Наиболее оптимальной формой подготовки явился бы краткий курс обучения со сдачей экзамена или зачета и последующими периодическими проверками (раз в год). Во-вторых, наделение народного дружинника дополнительной обязанностью по прохождению периодических проверок на пригодность к действиям по участию в охране правопорядка в условиях, связанных с применением физической силы и оказанию первой помощи; дополнительным правом на применение физической силы для задержания правонарушителей, а также для пресечения нарушений общественного порядка. В-третьих, имеющиеся гарантии правового статуса как народного дружинника, так и внештатного сотрудника, должны быть реальными, т. е. обеспечены финансированием из соответствующих бюджетов.

Список литературы:

1. Балаян Э.Ю. О способах участия граждан в отправлении правосудия в России // Академический юридический журнал. 2025. Т. 26, № 3. С. 448-456.
2. Серова Е.А., Шаматонова Г.Л. Волонтерская деятельность как предиктор социальной солидарности // Baikal Research Journal. 2021. Т. 12, № 4.
3. Васильева Н.В., Пятковская Ю.В. К вопросу о совершенствовании правового регулирования добровольческой деятельности (волонтерства) // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22, № 4. С. 318-325.
4. Низаметдинов А.М., Потапенкова И.В. Институт участия объединений граждан в охране общественного порядка: правовые основы и тенденции развития // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2025. № 7. С. 139-142.
5. Бачурин А.Г. Перспективы совершенствования правового статуса граждан, участвующих в охране общественного порядка в Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 69-76.
6. Денисенко В.В. Институциональные механизмы участия граждан в охране общественного порядка: состояние и перспективы развития // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2025. № 3 (69). С. 6-12.
7. Заброда Д.Г., Рогов Е.Н. Совершенствование нормативно-правового регулирования и оптимизация практики участия граждан в охране общественного порядка // Актуальные проблемы деятельности правоохранительных органов Российской Федерации. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2025. С. 106-109.
8. Добров А.Н., Баранова С.А. К вопросу о совершенствовании материального и социального статуса лиц, принимающих участие в охране общественного порядка // Право и государство: теория и практика. 2019. № 11 (179). С. 174-178.
9. Тихалева Е.Ю. Тенденции формирования и правового регулирования народных дружин в субъектах Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 38-49.
10. Растяпин Ю.В. Актуальные проблемы привлечения граждан к охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в современном мире // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2025. № 7. С. 182-186.

References:

1. Balayan E.Yu. On ways for citizens to participate in the administration of justice in Russia. // Academic Law Journal. 2025. No. 3. P. 448-456.
2. Serova E.A., Shamatonova G.L. Volunteering as a predictor of social solidarity // Baikal Research Journal. 2021. Vol. 12, No. 4.
3. Vasiljeva N.V., Pyatkovskaya Yu.V. On the issue of improving the legal regulation of volunteering (volunteering) // Academic Law Journal. 2021. No. 22(4). P. 318-325.
4. Nizametdinov A.M., Potapenkova I.V. Institute of participation of citizens associations in the protection of public order: legal basis and development trends // Police and society: problems and prospects of interaction. 2025. No. 7. P. 139-142.
5. Bachurin A.G. Prospects for improving the legal status of citizens involved in the protection of public order in the Russian Federation // Altai Law Bulletin. 2024. No. 3 (47). P. 69-76.
6. Denisenko V.V. Institutional mechanisms of citizens' participation in public order protection: state and development prospects // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (69). P. 6-12.
7. Zabroda D.G., Rogov E.N. Improving the legal framework and optimizing the practice of citizen participation in maintaining public order // Current issues in the activities of law enforcement agencies of the Russian Federation. Proceedings of the II All-Russian scientific and practical conference. Cheboksary, 2025. P. 106-109.
8. Dobrov A.N. Baranova S.A. To the issue of improving the material and social status of persons taking part in the protection of public order // Law and State: Theory and Practice. 2019. No. 11 (179). P. 174-178.
9. Tikhaleva E.Y. Trends in the formation and legal regulation of people's squads in the subjects of the Russian Federation // Bulletin of Tver State University. Series: Law. 2024. No. 2 (78). P. 38-49.
10. Rastiapin Yu.V. Actual problems of involving citizens in the protection of public order and ensuring public safety in modern society // Police and society: problems and prospects of interaction. 2025. No. 7. P. 182-186.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_754
УДК 340

О ПРОБЛЕМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ ЖИЛЫМИ ПОМЕЩЕНИЯМИ
ON THE PROBLEMS OF PROVIDING HOUSING FOR ORPHANS AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE

ШЕНШИНА Людмила Александровна
доцент кафедры педагогики и психологии экстремальных ситуаций
Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы
МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, кандидат педагогических наук.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект 149.
e-mail: shenshinaludmilla@yandex.ru

SHENSHINA Lyudmila Aleksandrovna,
Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Extreme Situations
St. Petersburg University of the State Fire Service EMERCOM of Russia named after Hero of the Russian Federation,
General of the Army E.N. Zinichev, Candidate of Pedagogical Sciences.
149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.
e-mail: shenshinaludmilla@yandex.ru

Краткая аннотация: *в статье дается анализ современной ситуации, возникшей в сфере предоставления жилых помещений детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей.*
Abstract: *the article provides an analysis of the current situation in the field of providing housing for orphans and children left without parental care.*

Ключевые слова: *дети-сироты; дети, оставшиеся без попечения родителей; жилые помещения.*
Key words: *orphans; children left without parental care; residential facilities.*

Для цитирования: *Шеншина Л.А. О проблемах обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей жилыми помещениями // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 754-757. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_754.*
For citation*: Shenshina L.A. About the problems of providing for orphans and children, living quarters left without parental care // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 754-757. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_754.*

Статья поступила в редакцию: 09.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Государственные гарантии жилищных прав детей-сирот установлены статьей 8 Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (далее - Федеральный закон № 159-ФЗ).

Согласно данным Единой государственной информационной системы социального обеспечения на 1 января 2022 г. общая численность детей-сирот в возрасте от 14 лет, включенных в список нуждающихся в обеспечении жилыми помещениями, в Российской Федерации составляла 298,5 тыс. человек. В соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» решение вопросов по обеспечению жилыми помещениями детей-сирот и лиц из их числа относится к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации, которые осуществляются данными органами самостоятельно за счет собственных средств[1].

Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» на указанные цели предусматривались бюджетные ассигнования в виде субсидии субъектам Российской Федерации в объеме 10 000,0 млн. рублей ежегодно.

Вместе с тем следует отметить, что в большинстве регионов обеспечить жильем всех нуждающихся детей-сирот по достижении ими возраста 18 лет одномоментно не представляется возможным, и лица указанной категории зачастую получают жилые помещения после 23 лет, то есть после того, как получили образование, трудоустроились, вступили в брак, имеют на иждивении несовершеннолетних детей.

В связи с тем, что лица из числа детей-сирот к моменту обеспечения их благоустроенными жилыми помещениями уже имеют семью и являются социально адаптированными гражданами у них может возникнуть необходимость улучшения своих жилищных условий, в том числе путем оформления кредитного договора, обязательства заемщика по которому обеспечены ипотекой с использованием средств материнского капитала или изменения фактического места жительства по причине трудоустройства или учебы.

Учитывая численность детей-сирот и лиц из их числа, нуждающихся в обеспечении жилыми помещениями, государством расширены формы обеспечения жильем лиц указанной категории. В частности, таким лицам предоставляется выплата (сертификат) на приобретение жилого помещения в собственность либо на полное погашение ипотечного кредита, предоставленного на приобретение жилого помещения.

Размер выплаты для приобретения жилого помещения в собственность лицам из числа детей-сирот в среднем составляет 2 759,9 тыс. рублей (33 кв. метра х 83 420 рублей = 2 759,9 тыс. рублей) в соответствии установленным Минстроем России нормативом стоимости 1 кв. метра общей площади жилого помещения по Российской Федерации и социальной нормой площади жилого помещения на одиноко проживающего гражданина, принимаемой для расчета размера субсидии (33 кв. метра) согласно Правилам предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на предоставление жилых помещений детям-сиротам и лицам из их числа по договорам найма специализированных жилых помещений, утвержденных Правительством Российской Федерации.

[1] Уколова, А. Э. Правовое регулирование обеспечения жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: актуальные проблемы и возможные пути их решения / А. Э. Уколова // Актуальные вопросы права, экономики и управления : Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, Ульяновск, 25 апреля 2025 года. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2025. – С. 46-47. – EDN ZYPCVI.

Право на получение выплаты подтверждается сертификатом. Порядок выдачи разрешений на отчуждение указанных жилых помещений утверждается Правительством Российской Федерации.

В целях защиты от мошеннических действий в отношении лиц из числа детей-сирот направление средств осуществляется органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации (муниципальными органами) непосредственно на счета продавцов квартир, либо в случае ее использования для полного погашения ипотечного кредита на счет кредитной организации, с которой заключен кредитный договор.

При этом, введение выплаты не подменяет существующий механизм обеспечения жильем детей-сирот и лиц из их числа, установленный Федеральным законом № 159-ФЗ. Правом на получение выплаты пользуются лица из числа детей-сирот, достигшие возраста 23 лет и успешно социализировавшиеся в обществе, состоящие в списке нуждающихся в обеспечении жилыми помещениями.

Правительство Российской Федерации дало положительный отзыв на законопроект, направленный на смягчение условий предоставления жилищного сертификата детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, на приобретение жилого помещения. В качестве обоснования необходимости принятия указанных изменений, в законопроекте отмечается, что действующие правила создают трудности для выпускников учреждений для детей-сирот при реализации их права на жилье, они вынуждены длительное время ожидать предоставления жилья или арендовать его за свой счет, а текущие условия получения сертификата часто оказываются невыполнимыми из-за отсутствия собственного стабильного дохода, превышающего МРОТ. Сведения о доходах необходимо будет предоставить за 12 календарных месяцев, предшествующих месяцу обращения с заявлением. Учету подлежат доходы от трудовой, предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности. Важное условие – факт обеспечения гражданами указанной категории среднедушевого дохода, который превышает величину МРОТ, установленную в субъекте России, для себя и своей семьи. Изменения направлены на устранение проблем, связанных с реализацией права детьми-сиротами на получение предусмотренных законом выплат.

В 2024 г. рассматривалась необходимость смягчения условий получения детьми-сиротами региональной выплаты на приобретение жилья. Это касалось мер поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые были предусмотрены в региональном законодательстве до 4 августа 2023 г. С указанной даты вступили в силу нормы, которые предоставили детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, право по достижении возраста 23 лет получить выплату (сертификат) на приобретение жилья или погашение ипотеки. Но при соблюдении ряда условий - например, у заявителя: имеется документально подтвержденный не менее чем за год до обращения с заявлением доход не ниже МРОТ от трудовой, предпринимательской или иной деятельности; нет задолженности по налогам, сборам и иным обязательным платежам; нет психических заболеваний или расстройств, алкогольной или наркотической зависимости; не имеется судимости и т.п. При этом оговаривалось, что если до вступления в силу этих поправок законодательством субъекта Российской Федерации уже предусматривались аналогичные виды социальной поддержки, то их можно применять только с учетом новых ограничений. Такие изменения поставили детей-сирот, которые до вступления в силу поправок успели получить в своем регионе выплату на приобретение благоустроенного жилья в собственность, в неравное положение с детьми-сиротами, которые хотят реализовать это право сейчас. Процент лиц, подходящих под новые критерии, в общей доле нуждающихся в жилье детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, невысок, что отрицательно влияет на решение проблемы обеспечения жилыми помещениями данной категории граждан.

Согласно законопроекту, если законодательством субъекта Российской Федерации были установлены дополнительные виды социальной поддержки по обеспечению детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями путем предоставления выплаты до 4 августа 2023 года (то есть до их введения на федеральном уровне), то положения регионального законодательства могут применяться без учета изменений, внесенных в Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». То есть без ограничений, установленных для заявителей на федеральном уровне[1].

Законом Курской области от 01.11.2025 № 66-ЗКО установлено, что органы местного самоуправления муниципальных образований Курской области наделены отдельным государственным полномочием по предоставлению благоустроенных жилых помещений специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений лицам, которые относились к категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и достигли возраста 23 лет, являющимся нанимателями жилых помещений специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений, заключенных с уполномоченным исполнительным органом Курской области, осуществляющим реализацию единой государственной политики в сфере социального обеспечения, государственной семейной и демографической политики, опеки и попечительства, а также реализацию переданных Российской Федерацией полномочий, либо органами местного самоуправления муниципальных образований Курской области, и утратившим данные жилые помещения в результате обстрелов со стороны вооруженных формирований Украины[2].

Практически каждая вторая закупка жилых помещений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в 2025 году не состоялась. В России с января по сентябрь завершилось 24217 различных конкурсных процедур по покупке жилья детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. Только 12481 из них, или 52 процента, была результативной – состоялась или победителем был признан единственный участник. На оставшиеся 48 процентов конкурсных процедур ни один из потенциальных поставщиков не был допущен до торгов или никто не подал заявок.

Ключевой проблемой для конкурсных процедур по приобретению квартир для детей-сирот выступает начальная максимальная цена

[1] С текстом законопроекта № 626461-8 "О внесении изменения в статью 2 Федерального закона "О внесении изменений в Федеральный закон "О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей" и материалами к нему можно ознакомиться на официальном сайте Госдумы.

[2] Закон Курской области от 01.11.2025 № 66-ЗКО «О внесении изменений в Закон Курской области «О наделении органов местного самоуправления муниципальных образований Курской области отдельным государственным полномочием по предоставлению благоустроенных жилых помещений специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, являющимся нанимателями жилых помещений специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений и утратившим данные жилые помещения в результате обстрелов со стороны вооруженных формирований Украины» // www.pravo.gov.ru

(НМЦ), по которой объявляются торги, которая не соответствует реальной рыночной ситуации. Средняя НМЦ в 2025году на торгах по квартирам для детей-сирот составила 3,94 млн рублей.

Проблема с выдачей жилья детям-сиротам постепенно усиливается во многих регионах: после резкого роста заявлений в Следственный комитет Российской Федерации, вопрос будет решаться путем проведения проверок в проблемных регионах. Сокращение численности детей-сирот, которым не предоставлена полагающаяся по закону жилая площадь, идет крайне медленно.

Растет количество уголовных дел, связанных с махинациями в этой сфере: только за 2024 год возбуждены сотни уголовных дел.

Несмотря на то, что по закону жилье должно предоставляться по достижению сиротами 18 лет, чиновники в ряде регионов не решают вопрос, а создают «очередь» ожидающих. В результате люди ждут положенную им квартиру десятки лет – фиксируются сроки ожидания в 20-25 лет, в отдельных случаях - до 30 лет.

Растет количество случаев предоставления сиротам жилья ненадлежащего качества – без отопления, горячей воды. В результате формально проблема решается, и очередь сокращается, при этом далеко не все граждане, получившие такое «жилье», могут впоследствии это оспорить.

Жалоба[1] в суд на бездействие региональных властей формально приводит к результату: суд принимает решение обязать власть предоставить гражданину жилье, но после этого, очень часто, ничего не происходит. По фактам неисполнения решений суда уголовные дела как правило не возбуждаются, к ответственности никого не привлекают[2]. Так, в 2025 году не исполнено почти 30 тысяч решений судов о предоставлении жилья детям-сиротам. Единственным выходов для многих становится жалоба в Следственный комитет[3].

В Забайкальском крае, порядка 75 процентов помещений в последние годы предоставляется тем, кто пишет жалобу и судится, а для всех остальных очередников сроки получения соответственно сдвигаются, а вероятность получения квартиры только уменьшается.

Некоторое время назад, например, закончился процесс против бывшего министра имущественных отношений Иркутской области, который не организовал закупки жилья для детей-сирот, в результате чего не было освоено в 2017-2019 гг. почти 0,5 млрд руб. Статьи были переквалифицированы на более мягкие, чиновник приговорен к году исправительных работ и незамедлительно освобожден по вынесению приговора «по истечению срока давности». Иркутская область при этом находится в числе антилидеров по количеству сирот, которым не предоставлено полагающееся жилье – 11 тысяч очередников.

По статистике 2024 года из более чем 450 уголовных дел о преступлениях, связанных с жильем для детей-сирот, 37 постановлений по материалам о халатности местных чиновников были отменены прокуратурой.

Таким образом, действующий правовой механизм нуждается в доработке, которая будет проводиться через усиление работы правоохранительных органов, в первую очередь – в наиболее проблемных регионах: в Иркутской, Кемеровской, Свердловской областях и Забайкальском крае.

Счетная палата Российской Федерации уделяет особое внимание проблеме сокращения очередности на получение жилых помещений лицами из числа детей-сирот и проводит ежегодный мониторинг обеспечения их жильем, по итогам которого неоднократно отмечала целесообразность введения альтернативной формы обеспечения лиц из числа детей-сирот жильем посредством предоставления им соответствующего сертификата.

Обеспечение жильем детей-сирот – одна из важнейших статей расходов федерального бюджета и бюджетов регионов. Счетная палата ведет постоянный контроль за законностью и эффективностью использования выделяемых средств и регулярно публикует результаты на своем официальном сайте. Проверки и экспертно-аналитические мероприятия по теме проводились в 2011, 2014, 2016 и 2018 годах. И каждый раз Счетная палата обращала внимание на рост количества детей-сирот, ожидающих получения жилья.

Счетная палата Российской Федерации в 2025 году проанализировала, как регионы обеспечивают жильем детей-сирот. Аудиторы изучили ситуацию в пяти регионах – Тверской, Челябинской и Оренбургской областях, в Республике Алтай и в Республике Саха (Якутия).

Отчет ведомства свидетельствует о том, что только два региона смогли продвинуться вперед: в Алтайском крае и Оренбургской области за 2023-2024 годы количество очередников уменьшилось на 5 процентов – до 5378 и 2881 человека соответственно, при этом эксперты нашли серьезные недостатки при выдаче жилищных сертификатов.

В остальных трех субъектах Российской Федерации задолженность по выдаваемому жилью выросла. Так, в Якутии очередников стало больше на 13 процентов (теперь их 1799 человек), в Челябинской области – на 8 процентов (3836 человек), в Тверской области – на 7 процентов (1762 человека). В итоге на административные штрафы из-за неисполнения судебных решений в 2023-2024 годах только в Алтайском крае, Оренбургской, Тверской и Челябинской областях было потрачено 39,5 млн рублей, этого хватило бы на приобретение несколько квартир.

В целом же по России детей-сирот, которым вовремя не предоставили жилье, с 1 января 2023 года по 1 июля 2025 года стало меньше на 5,6 процента – 180,1 тысячи вместо прежних 190,8 тысяч. В 2023 году жилье получили 37,5 тысяч, годом позже – 38 тысяч.

Судебная практика стоит на стороне рассматриваемой категории граждан. Отмечается, например, что суды должны исследовать все обстоятельства[4] в спорах об отчуждении жилья с участием несовершеннолетних Так, 14 октября 2025 г. Конституционный Суд вынес Определение

[1] Шеншин, В. М. Обжалование как институт российского права / В. М. Шеншин // Российский судья. – 2022. – № 7. – С. 45-49. – DOI 10.18572/1812-3791-2022-7-45-49. – EDN EIRILZ; Шеншин, В. М. Правовой порядок обжалования решений, действий (бездействия) органа исполнительной власти и его должностных лиц как форма юридической защиты прав и свобод человека и гражданина: анализ правоприменительной и судебной практики / В. М. Шеншин // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 7. – С. 40-51. – EDN JELPJD.

[2] Зорина, Е. А. Динамизм и стабильность уголовного закона / Е. А. Зорина, С. И. Вахмистрова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 1(66). – С. 80-86. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-80-86. – EDN QRFHTM.

[3] Глинская, М. В. Противодействие коррупции в органах государственной власти как инструмент обеспечения национальной безопасности России / М. В. Глинская, А. М. Епифанцев // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 1(58). – С. 50-55. – EDN ZLNQTT.

[4] Захаров, О. В. Совершенствование уголовно-правового закона в сфере взяткодательства / О. В. Захаров // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 4(61). – С. 56-60. – EDN JSCJJF.

№ 2616-О/2025 по жалобе на неконституционность ст. 169 «Недействительность сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка или нравственности», п. 2 и 4 ст. 292 «Права членов семьи собственников жилого помещения» ГК РФ, ч. 4 ст. 31 «Права и обязанности граждан, проживающих совместно с собственником в принадлежащем ему жилом помещении» ЖК РФ, п. 1 ст. 64 «Права и обязанности родителей по защите прав и интересов детей» и п. 1 ст. 65 «Осуществление родительских прав» СК РФ.

Конституционный Суд подчеркнул, что с учетом фактических обстоятельств конкретного дела баланс интересов может быть обеспечен путем обращения к различным способам защиты прав несовершеннолетнего.

Таким образом, выводы КС РФ показывают важность сбалансированного подхода к защите прав несовершеннолетних лиц при отчуждении жилья. Указанное определение КС РФ будет с оптимизмом принято участниками рынка недвижимости, в том числе учитывая сложившуюся неоднозначную судебную практику, фактически игнорирующую права добросовестного покупателя недвижимости. В данном определении КС РФ сделал вывод о том, что истцом при заключении сделки купли-продажи жилья не применен принцип должной осмотрительности[1].

Верховный Суд Российской Федерации в определение № 6-КГ20-25-К4изучил порядок предоставления бесплатного жилья детям-сиротам. Так в Волгоградской области мать лишили родительских прав, а ребенка включили в список по предоставлению жилья. Но когда ему исполнилось 18 лет, квартиру юноша не получил. Тогда он пошел в суд с просьбой обязать региональную власть предоставить ему жилье. Три местные судебные инстанции подтвердили, что молодому человеку положено жилье. Но – только в порядке очередности.

Районный суд признал, что у молодого человека как ребенка, росшего без родителей, есть право на получение недвижимости по договору найма специализированного жилого помещения. И первая инстанция обязала региональный комитет предоставить ему жилье «в порядке очередности», которая предусмотрена списком по городу. Областной суд, а следом за ним и кассационный возражать не стали. Но выпускник интерната не согласился с тем, что ему предстоит обязательно и, очевидно, долгие годы ждать своей очереди на жилье, подал жалобу в Верховный суд Российской Федерации.

Верховный суд, рассмотрев жалобу, отметил: сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, у которых нет жилой площади в собственности и которые не снимают ее по договору социального найма, могут получить жилье от государства, когда достигнут совершеннолетия (ст. 8 Федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»).

Вопросы предоставления квартир регулируются на региональном уровне. Так, в соответствии с законодательством Волгоградской области уполномоченный орган формирует список нуждающихся детей. А в соответствии с постановлением регионального правительства квартиры им предоставляются по достижении совершеннолетия на основании письменного заявления.

Ни федеральное законодательство, ни региональное не устанавливают очередности предоставления жилой площади, на что обратила внимание Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации. Формулировка «в порядке очередности» не соответствует нормам права и нарушает право истца на обеспечение жильем, подчеркнул Верховный суд. Он отменил решения ниже стоящих судов и направил дело на пересмотр в областной суд. Следовательно, Верховный суд, указывая на недочеты, содержащиеся в решениях ниже стоящих судов, имел в виду прежде всего недостатки самой формулировки о «предоставлении жилья в порядке очередности».

Таким образом, проблеме обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей уделяется достаточное внимание. Вместе с тем, механизм реализации предусмотренных законодательством мер, направленных на обеспечение жильем указанных категорий граждан, нуждается в доработке, а также согласовании органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации имеющихся проблемных аспектов в целях устранения выявленных проблемных вопросов.

Список литературы

1. Уколова, А. Э. Правовое регулирование обеспечения жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: актуальные проблемы и возможные пути их решения / А. Э. Уколова // Актуальные вопросы права, экономики и управления : Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, Ульяновск, 25 апреля 2025 года. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2025. – С. 46-47. – EDN ZYPCVI.
2. Шеншин, В. М. Обжалование как институт российского права / В. М. Шеншин // Российский судья. – 2022. – № 7. – С. 45-49. – DOI 10.18572/1812-3791-2022-7-45-49. – EDN EIRILZ.
3. Шеншин, В. М. Правовой порядок обжалования решений, действий (бездействия) органа исполнительной власти и его должностных лиц как форма юридической защиты прав и свобод человека и гражданина: анализ правоприменительной и судебной практики / В. М. Шеншин // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 7. – С. 40-51. – EDN JELPJD.
4. Зорина, Е. А. Динамизм и стабильность уголовного закона / Е. А. Зорина, С. И. Вахмистрова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 1(66). – С. 80-86. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-80-86. – EDN QRFHTM.
5. Глинская, М. В. Противодействие коррупции в органах государственной власти как инструмент обеспечения национальной безопасности России / М. В. Глинская, А. М. Епифанцев // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 1(58). – С. 50-55. – EDN ZLNQTT.
6. Захаров, О. В. Совершенствование уголовно-правового закона в сфере взяткодательства / О. В. Захаров // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 4(61). – С. 56-60. – EDN JSCJJF.

References

1. Ukolova, A. E. Legal regulation of ensuring the housing rights of orphaned children and children left without parental care: current problems and possible solutions / A. E. Ukolova // Current issues of law, economics and management : Proceedings of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists with International Participation, Ulyanovsk, April 25, 2025. Cheboksary: Limited Liability Company Publishing House Wednesday, 2025. pp. 46-47. - EDN ZYPCVI.
2. Shenshin V.M. Appeal as an institution of Russian law / V.M. Shenshin // Russian judge. 2022. No. 7. p. 45-49. – DOI 10.18572/1812-3791-2022-7-45-49. – EDN EIRILZ.
3. Shenshin, V. M. The legal procedure for appealing decisions, actions (inaction) of the executive authority and its officials as a form of legal protection of human and civil rights and freedoms: an analysis of law enforcement and judicial practice / V. M. Shenshin // Legal science: history and modernity. – 2022. – No. 7. – pp. 40-51. – EDN JELPJD.
4. Zorina, E. A. Dynamism and stability of the criminal law / E. A. Zorina, S. I. Vakhmistrova // Right. Safety. Emergency situations. – 2025. – № 1(66). – Pp. 80-86. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-80-86. – EDN QRFHTM.
5. Glinskaya, M. V. Countering corruption in public authorities as a tool for ensuring Russia's national security / M. V. Glinskaya, A.M. Epifantsev // Pravo. Safety. Emergency situations. – 2023. – № 1(58). – Pp. 50-55. – EDN ZLNQTT.
6. Zakharov, O.V. Improving the criminal law in the field of bribery / O.V. Zakharov // Law. Safety. Emergency situations. – 2023. – № 4(61). – Pp. 56-60. – EDN JSCJJF.

[1] https://www.advgazeta.ru/novosti/sudy-dolzhny-issledovat-vse-obstoyatelstva-v-sporakh-ob-otchuzhdenii-zhilya-s-uchastiem-nesovershennoletnikh/

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_758

УДК 342

О СОВРЕМЕННОЙ РОЛИ ПРЕСС- СЛУЖБ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ ГРАЖДАН К ОРГАНАМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
ON THE MODERN ROLE OF PRESS SERVICES IN BUILDING CITIZEN TRUST IN GOVERNMENT AUTHORITIES

ИГНАТЬЕВА Ирина Валентиновна,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и маркетинговых технологий,
Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия,
664003, Россия, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11.
E-mail: irina.090@mail.ru

СУВОРОВА Анастасия Юрьевна,
преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел,
Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Иркутск, Россия,
664074, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.
E-mail: anastas-vasil@yandex.ru.

IGNATIEVA Irina Valentinovna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Journalism and Marketing Technologies, Baikal State University, Irkutsk, Russia,
11 Lenin St., Irkutsk, Irkutsk Region, 664003, Russia.
E-mail: irina.090@mail.ru

SUVOROVA Anastasia Yuryevna,
Lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia,
110 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia, Irkutsk region.
E-mail: anastas-vasil@yandex.ru.

Краткая аннотация. *Статья посвящена актуальной проблеме взаимодействия пресс-служб со средствами массовой информации как основным источником информации для граждан. Авторы на конкретных примерах показывают, что от уровня эффективности пресс-служб и достоверности предоставляемой информации зависит формирование мнения общества о системе органов государственной власти. В статье подчёркивается, что сформировать необходимое отношение в обществе возможно только в том случае, когда пресс-служба работает непрерывно, оперативно, правдиво и лаконично, основываясь на достоверной информации. Авторы акцентируют внимание на существующих в реалиях нашего времени проблемах пресс-служб, делают вывод, что положительный образ органов государственной власти является непосредственной заслугой сотрудников пресс-службы, которые освещают деятельность органа, основываясь на принципах, методах и функциях подразделения.*

Abstract. *This article addresses the pressing issue of press service interaction with the media as the primary source of information for citizens. Using specific examples, the authors demonstrate that the public's opinion of the government system depends on the effectiveness of press services and the reliability of the information provided. The article emphasizes that the necessary public attitude can only be formed when the press service operates continuously, promptly, truthfully, and concisely, based on reliable information. The authors highlight the challenges facing press services today, concluding that a positive image of government bodies is directly attributable to press service staff who cover the agency's activities based on the principles, methods, and functions of their department.*

Ключевые слова: *информация, цифровые технологии, пресс-служба, средства массовой информации, ответственность, контент.*

Keywords: *information, digital technologies, press service, media, responsibility, content.*

Для цитирования: *Игнатьева И.В., Суворова А.Ю. О современной роли пресс- служб в процессе формирования доверия граждан к органам государственной власти // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 758-760. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_758.*

For citation*: Ignatieva I.V., Suvorova A.Yu. On the modern role of press services in the process of building citizens' trust in public authorities // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 758-760. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_758.*

Статья поступила в редакцию: 30.09.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Согласно статье 29 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется свобода мысли и слова, право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. При этом, часть 3 статьи 55 Конституции РФ предусматривает, что права и свободы человека, в том числе, свобода слова, могут быть ограничены федеральным законом, но только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства[1].

В современном мире цифровых технологий информация[2] играет значительную роль, и пресс-службы активно способствуют формированию позитивного имиджа компании, государственного учреждения или общественной организации, путем оперативного и грамотного предоставления информации об их деятельности.

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] В России понятие «информация» закреплено в Федеральном законе от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее ФЗ № 149- ФЗ).

Пресс-служба – это структурное подразделение (группа специалистов) организации, государственного учреждения или органа власти, которое отвечает за взаимодействие с прессой и прочими средствами массовой информации (далее – СМИ)[1].

Принято выделять две главные задачи пресс-службы. Первая направлена на стимулирование появления позитивных сообщений для организации, например, запуск нового продукта, участие в благотворительной акции или инновационном проекте.

Вторая – на контроль негативной информации, которая может навредить репутации компании, органам государственной власти, например: дело №А40-232324/17-15-2008[2]. В нём издание опубликовало статью, в которой утверждалось, что инвестиционный фонд из бюджетных денег установил дорогую итальянскую сантехнику в доме губернатора, что подтверждалось актом приёмки выполненных работ. Однако, ответчики не смогли представить оригинал или копию этого акта и указать источник информации. Суд признал, что сведения в статье являются недостоверными и порочат фонд. Суды апелляционной и кассационной инстанций также оставили это решение в силе.

В кризисных ситуациях, например, при задержке или отмене авиарейсов пресс-службы авиакомпаний быстро организует информирование пассажиров и СМИ, снижая негатив и обеспечивая прозрачность. В противном случае, ошибки пресс-службы могут привести к необратимым последствиям для организации, в том числе, органов государственной власти, и один инцидент может разрушить репутацию. Как пример можно привести ситуацию, когда в 2018 году «Аэрофлот» лишил клиента бонусных миль за критику в социальных сетях. Представители компании посчитали пост журналиста оскорблением и отреагировали соответствующим образом. В итоге аудитория социальных сетей и СМИ оценили действия «Аэрофлота» негативно.

Ещё один пример – отсутствие комментария «Аэрофлота» о ситуации с угоном рейса Сургут – Москва 22 января 2019 года, один из пассажиров которого (Павел Шаповалов) попытался захватить борт и направить его в Афганистан. Командир самолёта принял решение совершить вынужденную посадку в Ханты-Мансийске, где мужчина был задержан. Пресс-служба компании предпочла не комментировать инцидент, который нёс реальную угрозу жизни более чем 70 пассажирам, находящимся на борту. Как результат, отрицательные отзывы со стороны потребителей и пассажиров, проведение контркампаний конкурентами, которые дискредитировали имидж «Аэрофлота».

Еще более серьезные последствия могут наступить, когда пресс-службы органов государственной власти дезинформируют граждан о том или ином событии или действиях. И несмотря на то, что основными функциями пресс-служб органов государственной власти являются информационная, которая включает в себя координацию за распространением сведений; аналитическая, заключающаяся в отслеживании и анализе публикаций в СМИ, обобщении данных и выводов, сделанных журналистами и обществом, а также организационная, суть которой в инициировании и организации различных форм общения со средствами массовой информации, дезинформация, распространяемая государственными субъектами, в целом может подорвать широкий спектр прав человека, привести, например, к искажённому восприятию проводимой государственной политики или усиливать напряжённость. Так, перед предстоящими выборами губернатора Иркутской области 12-14 сентября 2025 года разгорелась нешуточная «война» по повышению дифтарифов на электричество. С 1 января 2025 года в Иркутской области по распоряжению Правительства РФ установили дифференцированные тарифы на электроэнергию[3]. Служба по тарифам Иркутской области опубликовала новые тарифы на электроэнергию для населения и приравненных к нему категорий, установленные по диапазонам объёмов потребления. Однако, Управление пресс-службы и информации губернатора Иркутской области и правительства Иркутской области не провело соответствующей информационной работы. По инициативе губернатора Иркутской области И.И. Кобзева была запущена круглосуточная горячая линия[4], для консультаций по вопросам применения дифференцированных тарифов при использовании электроотопления в жилых домах. Как результат бездействия пресс-службы 6 сентября 2025 года в Иркутске прошёл митинг за отмену данного решения.

На митинг народное движение «ТарифOFF», организатор мероприятия, пригласили губернатора Иркутской области И.И.Кобзева в виде картонной фигуры, которую в конце митинга повесили на столб. Картонный губернатор стал символом картонной политики, где за громкими речами нет ни реальных решений, ни заботы о людях, таков был итог митинга[5].

Глобальная цель любой пресс-службы – создать определённый образ организации в публичном пространстве. Органам государственной власти важно создать положительную репутацию, которая будет способствовать укреплению доверия к власти. Пресс-службы должны рассказывать о проводимых мероприятиях, доносить до населения информацию о решениях при этом, непрерывно, оперативно, правдиво и лаконично, основываясь на достоверной информации. Формировать положительный имидж за счёт распространения достоверной информации о деятельности органов, разъяснения позиций и задач, принятых решений по вопросам, которые интересуют граждан. Устанавливать обратную связь с населением, что позволит учитывать мнение граждан и адаптировать коммуникационные стратегии. Помогать реализовывать гражданам право на доступ к информации, которая увеличит осведомлённость граждан о деятельности государственных структур и расширит общественную поддержку.

---

[1] Правовое регулирование деятельности пресс-служб включает в себя ряд законов и нормативно-правовых актов: Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»; Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 №38-ФЗ; Закон РФ от 21 июля 1993 года №5485-1 «О государственной тайне»; Федеральный закон от 27 июля 2006 года №152 «О персональных данных» и т.д.

[2] Определение Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 года №305-ЭС18-21594

[3] Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2025 года №183 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2011 года №1178». Этим документом в России ввели дифференциацию тарифов на электроэнергию для населения в зависимости от объёмов потребления при наличии перекрёстного субсидирования. Согласно постановлению, максимальное значение объёмов потребления электрической энергии в первом диапазоне составляет не более 3900 кВт·ч в месяц, во втором – от 3900 до 6000 кВт·ч в месяц, в третьем – более 6000 кВт·ч в месяц

[4] При этом, о запуске горячей линии сообщалось на следующих ресурсах: на официальном портале Иркутской области. На сайте была опубликована информация о запуске линии и её работе; на сайте администрации Осинского муниципального района Иркутской области. На ресурсе была размещена новость о работе горячей линии и количестве поступивших звонков; в группе «Новости Иркутска и Иркутской области». В публикации сообщалось о запуске линии и её работе. По данным на 24 января 2025 года, с 20 декабря 2024 года на горячую линию поступило больше трёх тысяч звонков. По данным Росстата на 2025 год, численность населения Иркутской области – 2 322 292 человека.

[5] В Иркутске прошел митинг против роста тарифов ЖКХ [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/sotavisionmedia/50301?single (дата обращения: 21.09.2025).

Таким образом, работа пресс-служб способствует налаживанию партнёрских отношений между системой государственной власти и населением. В своей работе пресс-службы используют пресс-релизы – официальные сообщения об определённом событии или новости; пресс-конференции – формат массового общения с представителями СМИ, который позволяет передать им информацию разом. Например, 3 сентября 2025 года Владимир Путин провёл пресс-конференцию по итогам саммита ШОС. Президент России подвёл итоги своего визита в Китай, ответив на вопросы журналистов. Далее, прямые коммуникационные каналы со СМИ – например, комментарии к статьям или публикациям на сайтах новостных изданий, которые помогают оперативно отвечать на вопросы журналистов. Бесспорно, в эпоху цифровых технологий пресс-службы должны применять новые инновационные достижения, например, работать на опережение, используя многоканальную коммуникацию, адаптируя информацию под форматы разных типов СМИ. Использовать онлайн-пространство, в том числе, для персонифицированного общения с журналистами. Пресс-службы должны создавать контент не только для представителей СМИ, но и для своей конечной аудитории. Площадками для такого контента могут быть онлайн-пресс-центры, страница или группа в социальной сети, отраслевой блог, email-рассылка или канал в мессенджере. Пресс-службы, помимо всего прочего, должны отслеживать негативные сообщения в интернете. Для этого они используют специальные сервисы мониторинга социальных медиа, например, YouScan и Brand Analytics, которые помогают пресс-службам отслеживать в реальном времени негативные упоминания об органах государственной власти в соцсетях и реагировать на потенциальный кризис ещё до того, как сообщение выйдет на широкие просторы интернета и будет подхвачено интернет-сообществами. Однако, деятельность пресс-служб сталкивается с различными проблемами, одной из которых является отсутствие чётко прописанных документов, регламентирующих деятельность пресс-служб в государственных учреждениях. Даже при наличии таких документов, как положение о пресс-службе и должностная инструкция специалиста, они определяют лишь работу самостоятельного подразделения и функциональные обязанности его сотрудников. Такие документы не затрагивают взаимодействие с другими отделами госоргана и не закрепляют ответственность каждого работника. А это в свою очередь приводит к нестабильности информационных связей с другими структурными единицами ведомства, и, как итог, к конфликтам интересов во взаимодействии со СМИ из-за неправильной организации коммуникации. Например, лишение журналиста аккредитации, которое точно не способствует укреплению сотрудничества.

Еще одной проблемой на наш взгляд является недостаток квалифицированных кадров – на должность пресс-секретаря часто назначаются сотрудники другого профиля. Ограниченность человеческих ресурсов, является еще одной проблемой, например, в составе пресс-службы целого ведомства в штате может быть всего один сотрудник. Ненормированность рабочей нагрузки – большинство пресс-секретарей вынуждены работать в режиме многозадачности и выполнять одновременно несколько функций. Зачастую положительный образ органов государственной власти является непосредственной заслугой сотрудников пресс-службы, которые освещают деятельность органа, основываясь на принципах, методах и функциях подразделения**.**

За нарушение законодательства о средствах массовой информации[1] в деятельности пресс-служб предусмотрена уголовная (статья 144 Уголовного Кодекса РФ), административная (статьи 13.15, 13.17, 5.39 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), дисциплинарная[2] или иная ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Таким образом, пресс-службы играют важную роль в процессе формирования доверия граждан к органам государственной власти, работа пресс-служб способствует налаживанию партнёрских отношений между системой государственной власти и населением.

Список литературы:

1. Определение Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 года №305-ЭС18-21594
2. В Иркутске прошел митинг против роста тарифов ЖКХ [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/sotavisionmedia/50301?single (дата обращения: 21.09.2025).

References:

1. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 25, 2018 No. 305-ES18-21594
2. A rally was held in Irkutsk against the growth of housing and communal services tariffs [Electronic resource]. URL: https://t.me/sotavisionmedia/50301?single (date of request: 09/21/2025).

[1] Об ответственности за нарушение законодательства о средствах массовой информации говорится, в частности, в Законе РФ от 27.12.1991 №2124-1 «О средствах массовой информации».

[2] Пример дисциплинарной ответственности – наложение взыскания за нарушение режима распространения сообщений и материалов, подготовленных с использованием скрытой аудио- и видеозаписи. Дисциплинарная ответственность может выражаться в предупреждении, выговоре или увольнении.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_761

УДК 330

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕЙРОСЕТЕЙ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ВЫПУСКНЫХ КВАЛИФИКАЦИОННЫХ РАБОТ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ
LEGAL ASPECTS OF USING NEURAL NETWORKS IN PREPARING FINAL THESES AT HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

НИКИТИН Александр Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел,
Восточно-Сибирского института МВД России, Иркутск, Россия.
664074, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.
E-mail: narhoz-irk@yandex.ru

САРАЕВА Оксана Николаевна,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и сервиса,
Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия,
664003, Россия, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11.
E-mail: narhoz-irk@yandex.ru

NIKITIN Aleksandr Viktorovich,
Candidate of Law, Associate Professor, Senior Lecturer, Department of Administrative Law and Administrative Activities
of Internal Affairs Bodies, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia.
110 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia, Irkutsk region.
E-mail: narhoz-irk@yandex.ru

SARAEVA Oksana Nikolaevna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management and Service,
Baikal State University, Irkutsk, Russia,
11 Lenin St., Irkutsk, Irkutsk Region, 664003, Russia.
E-mail: narhoz-irk@yandex.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются правовые аспекты использования нейросетей при подготовке выпускных квалификационных работ в высших учебных заведениях. Анализируется влияние нейросетей на вопросы авторского права. Особое внимание уделяется определению авторства при использовании нейросетей, разграничению между допустимым использованием и плагиатом, а также обеспечению безопасности персональных данных. Предлагаются пути совершенствования законодательного регулирования в данной сфере.*

Abstract. *This article examines the legal aspects of using neural networks in preparing final theses at higher education institutions. The impact of neural networks on copyright issues is analyzed. Particular attention is paid to determining authorship when using neural networks, distinguishing between acceptable use and plagiarism, and ensuring the security of personal data. Ways to improve legislative regulation in this area are proposed.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, нейросети, выпускные квалификационные работы, авторское право, правовое регулирование, интеллектуальная собственность.*

Keywords: *artificial intelligence, neural networks, final theses, copyright, legal regulation, intellectual property.*

Для цитирования: *Никитин А.В., Сараева О.Н. Правовые аспекты использования нейросетей при подготовке выпускных квалификационных работ в высших учебных заведениях // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 761-763. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_761.*

For citation*: Nikitin A.V., Saraeva O.N. Legal aspects of the use of neural networks in the preparation of final qualifying papers in higher education institutions // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 761-763. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_761.*

Статья поступила в редакцию: 30.09.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Научно-технический прогресс не стоит на месте, и развитие новых технологий во многом упрощает жизнь человечества в различных сферах. В эпоху стремительного развития искусственного интеллекта[1] (далее – ИИ), нейросети становятся все более мощным инструментом, проникающим во все сферы человеческой деятельности, включая образование. Подготовка выпускных квалификационных работ[2] (далее – ВКР) в высших учебных заведениях не является исключением.

Так, если обратиться к действующим нормативным правовым актам, то можно заметить, что как таковое упоминание ИИ в основном представлено только в стратегических документах, определяющих курс развития государственной политики на ближайшие периоды [1, с. 58]. Начнем с определения ИИ, изложенного в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации. Согласно статье 5 этого документа, ИИ – это «совокупность технологических решений, способных имитировать когнитивные функции человека и достигать результатов, как минимум сопоставимых с человеческим интеллектом, что также включает в себя способность к самообучению и поиску решений без заранее заданных алгоритмов»[3].

[1] Искусственный интеллект – это направление науки, которое занимается разработкой компьютерных систем, способных выполнять задачи, свойственные человеческому интеллекту. Простыми словами, это метод современной науки, который изучает способы обучить компьютер разумно мыслить, как человек.
[2] Выпускная квалификационная работа – это итоговая научная или проектная работа, которую студенты выполняют на последнем курсе обучения. ВКР позволяет продемонстрировать уровень освоения теоретических знаний и практических навыков по выбранной специальности, а также оценить готовность будущего специалиста к профессиональной деятельности после окончания вуза.
[3] Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

В 2017 г. была одобрена Стратегия национального развития информационного общества до 2030 г.[1], инициированная Президентом Российской Федерации. Этот документ определяет стратегические цели и приоритеты страны в контексте ее позиции в информационной эре. А.В. Незнамов подчеркивает важность введения новых терминологий в Стратегии, в частности, уточнение понятия искусственного интеллекта. Он описывается как «набор технологий, способных воспроизводить человеческие когнитивные функции, такие, как самообучение и решение задач без предварительно заданного алгоритма, достигая при этом результатов, сравнимых с человеческим интеллектом при выполнении аналогичных задач» [4, с. 83].

Заметим, что использование нейросетей может значительно облегчить и ускорить процесс написания ВКР, предоставляя студентам новые возможности для анализа данных, генерации идей и структурирования информации[2]. Однако, наряду с преимуществами, применение нейросетей в образовательном процессе порождает ряд сложных правовых вопросов, рассмотрим более подробно некоторые из них.

Согласно действующему законодательству об авторском праве (в частности, ст. 1257 ГК РФ[3]), автором произведения признается гражданин, творческим трудом которого оно создано. Проблема авторства студенческих и аспирантских работ не нова. Умение списывать всегда ценилось в студенческой среде. Но списывание чужих научных работ несет в себе не только негативную окраску с точки зрения этики. Это еще и может рассматриваться как противоправное поведение [2, с. 24]. При использовании нейросети для написания ВКР также возникает множество вопросов по поводу проблемы определения авторства. Так, например: можно ли считать студента единственным автором работы, если значительная часть текста была сгенерирована машиной? Следует ли считать разработчика нейросети или владельца прав на нее соавтором?

На сегодняшний день российское законодательство не содержит четких критериев разграничения случаев, когда использование ИИ является лишь инструментом, не влияющим на авторство, и случаев, когда вклад ИИ настолько велик, что ставит под сомнение авторство студента[4]. Несмотря на то, что нейросети способны выполнять сложные задачи, они не обладают самостоятельным творческим потенциалом. Они действуют на основе алгоритмов и данных, предоставленных человеком. Поэтому, если студент использует нейросеть как инструмент для создания ВКР, внося при этом существенный творческий вклад, то он сохраняет авторство над работой. В зарубежной практике также пока нет единого подхода к решению этого вопроса. В США, например, Бюро регистрации авторских прав отказалось регистрировать авторские права на произведение искусства, созданное исключительно искусственным интеллектом, аргументируя это тем, что авторство требует человеческого участия[5].

Использование нейросетей в образовании создает новые вызовы для академической честности[6] и борьбы с плагиатом. Студенты могут использовать нейросети для генерации текстов, рефератов и других материалов, выдавая их за свои собственные. Думается, что прямое копирование текстов, сгенерированных нейросетью, без указания источника и переработки, является плагиатом и нарушением академической честности. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ[7] требует от обучающихся соблюдения академической этики[8]. Большинство вузов имеют собственные положения о плагиате. Так, например, Высшая школа менеджмента[9] разработала Политику применения инструментов генеративного искусственного интеллекта[10]. В соответствии с п. 5 данного документа «факт использования обучающимися инструментов генеративного ИИ без уведомления преподавателя, должного оформления или в нарушении введенным ограничениям, может быть признан нарушением академической честности – формой плагиата, и вести к соответствующим последствиям».

Заметим, что для того чтобы противостоять волне рерай-та, были разработаны программы, направленные на выявление заимствованных текстов, например «Антиплагиат.ру», TEXT.RU и другие. При этом в антиплагиат в 2024 г. был внедрен модуль выявления сгенерированного текста, поскольку особый пик использования нейросетей в написании учебных работ (особенно ВКР) приходится на 2024 г.

На наш взгляд, использование нейросетей в ВКР следует признать неправомерным, поскольку в таком случае не просто отсутствует научная новизна исследования, а отпадает смысл написания таких работ. Автором в таком случае становится искусственный интеллект (если вся работа или основной ее посыл написан им), а не человек, действительно занимавшийся исследованием теоретических наработок, проблематики. В этом случае уровень подготовки студента, который он может продемонстрировать в выпускной квалификационной работе, невозможно оценить.

При использовании нейросетей для анализа данных в ВКР, может возникнуть необходимость обработки больших массивов информации, в том числе персональных данных. В этих случаях необходимо соблюдать требования Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»[11]. Если студент проводит исследование с использованием персональных данных, он обязан получить согласие субъектов персональных данных на обработку, обеспечить безопасность данных и соблюдать принципы обработки, установленные законом.

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» [Электронный ресурс]. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=293977 (дата обращения: 16.09.2025).

[2] В вузах России отреагировали на идею разрешить студентам использовать нейросети [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/ZPqBvgj64Vr4gG70 (дата обращения: 16.09.2025).

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (часть I). Ст. 5496

[4] Существует опасность потери индивидуальности и творческого подхода студента [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6481013 (дата обращения: 16.09.2025).

[5] Суд в США отказал в защите авторских прав автору произведения, сгенерированного при помощи ИИ [Электронный ресурс]. URL: https://habr.com/ru/news/755688/ (дата обращения: 16.09.2025).

[6] Академическая честность – это совокупность ценностей и принципов, выражающих честность обучающихся в обучении при выполнении письменных работ, в исследованиях, в выражении своей позиции, во взаимоотношениях с академическим персоналом, преподавателями и другими обучающимися, а также оценивании.

[7] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.

[8] Академическая этика – это совокупность принципов и норм поведения, которые регулируют отношения и взаимодействия в образовательной среде.

[9] Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета.

[10] Политика применения инструментов генеративного искусственного интеллекта (ИИ) в процессе обучения, подготовки курсовой и выпускной квалификационной работы учащимися, исследователями и преподавателями [Электронный ресурс]. URL: https://gsom.spbu.ru/about-gsom/dokumenty/politic/ (дата обращения: 16.09.2025).

[11] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3451.

Зачастую при работе нейросети могут генерировать ошибки и недостоверную информацию. В связи с этим, возникает вопрос о том, кто несет ответственность за последствия использования такой информации в ВКР? Ответ очевиден, ответственность за достоверность и обоснованность результатов, представленных в ВКР, несет студент. Ведь именно он формулирует исследовательский вопрос, выбирает методы анализа, интерпретирует результаты и делает выводы. Нейросеть в данном контексте выступает лишь инструментом, а как мы знаем, использование любого инструмента предполагает осознанное и критическое отношение к полученным результатам [3, с. 20].

Отметим, что в 2024 г. образовательная система столкнулась с серьезными вызовами из-за стремительного развития технологий ИИ. Повсеместное внедрение нейронных сетей создало ситуацию, когда студенты и ученые все чаще перекладывают свою работу на ИИ при подготовке ВКР. В этой связи назрела острая потребность в законодательном регулировании применения систем искусственного интеллекта в образовательной сфере. Для этого многими учеными предлагается разработать базовый федеральный закон «Об искусственном интеллекте». Кроме того, и действующее образовательное законодательство нуждается в существенной доработке. Так, в Федеральный закон «Об образовании» необходимо внести новую главу, посвященную использованию ИИ в учебном процессе.

Таким образом, вопрос использования нейросетей в образовании выходит за рамки простого соблюдения юридических норм. Необходимо учитывать этические аспекты, связанные с формированием у студентов ответственности за свою работу и способности к критическому мышлению. Чрезмерное увлечение возможностями нейросетей может привести к снижению самостоятельности, ухудшению навыков анализа и обобщения информации, а также к утрате способности к творческому поиску решений. Важно подчеркнуть, что нейросеть – это всего лишь инструмент, а не замена человеческому интеллекту. Студент должен использовать нейросеть осознанно, понимая ее ограничения и возможности, и не перекладывать на нее всю ответственность за результат. Необходимо воспитывать у студентов ответственное отношение к использованию ИИ, подчеркивая, что конечный продукт, а именно ВКР, должен отражать их личный вклад и понимание темы.

Список литературы

1. Давудова С.Я. Правовое регулирование искусственного интеллекта в образовании / С.Я. Давудова, К.Т. Рагимханова // Закон и право. 2025. № 3. С. 57-62.
2. Иванов В.В. Этические и правовые аспекты применения технологий генеративного искусственного интеллекта при подготовке квалификационных и научных работ / В.В. Иванов, А.Ю. Нестеров, И.П. Янченко // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2024. №4. С.23-32.
3. Кудинов М.А. К вопросу о правомерности использования алгоритмов искусственного интеллекта при подготовке и написании учебных работ / М.А. Кудинов // Новый юридический вестник. 2023. № 3 (42). С. 19-23.
4. Незнамов А.В. Правовые аспекты реализации Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года / А.В. Незнамов // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12 (64). С. 82-88.

References

1. Davudova S.Ya. Legal Regulation of Artificial Intelligence in Education / S.Ya. Davudova, K.T. Ragimkhanova // Law and Right. 2025. No. 3. pp. 57-62.
2. Ivanov V.V. Ethical and Legal Aspects of Using Generative Artificial Intelligence Technologies in Preparing Qualifying and Scientific Papers / V.V. Ivanov, A.Yu. Nesterov, I.P. Yanchenko // Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology. 2024. No. 4. pp. 23-32.
3. Kudinov M.A. On the Legality of Using Artificial Intelligence Algorithms in Preparing and Writing Academic Papers / M.A. Kudinov // New Legal Bulletin. 2023. No. 3 (42). pp. 19-23.
4. Neznamov A.V. Legal aspects of the implementation of the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence until 2030 / A.V. Neznamov // Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2019. No. 12 (64). P. 82-88.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_764

УДК 342; 343.8

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОБАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦЕНТРОВ ПРОБАЦИИ В РОССИИ
THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF POST-PENITENTIARY TRIALS AND THE FUNCTIONING OF TRIAL CENTERS IN RUSSIA

СМИРНОВА Ирина Николаевна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса,
Псковский государственный университет.
Россия, г. Псков, пл. Ленина, д. 2
E-mail: irina_smi69@mail.ru;

БЫЧИНСКАЯ Ирина Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
юридического факультета, Университет ФСИН России.
Россия, Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Саперная, д. 34, лит. А
E-mail: firefirst@mail.ru

SMIRNOVA Irina Nikolaevna,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure,
Pskov State University. Russia, Pskov, Lenin Square, 2
E-mail: irina_smi69@mail.ru;

BYCHINSKAYA Irina Sergeevna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Faculty of Law,
University of the Federal Penitentiary Service of Russia.
Russia, St. Petersburg, Pushkin, Sapernaya str., 34, lit. A
E-mail: firefirst@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются теоретико-правовые основы постпенитенциарной пробации. Раскрываются задачи центров пробации в России с учетом положений Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». На основе результатов проведенного исследования рассматриваются положительные результаты реализации постпенитенциарной пробации. С учетом изучения специальной литературы отражаются возможные проблемные вопросы в сфере постпенитенциарной пробации и предлагаются некоторые меры, направленные на повышение ее эффективности. Авторы исходят из важности результативной постпенитенциарной пробации для обеспечения общественной и государственной безопасности.*

Abstract. *The article discusses the theoretical and legal foundations of post-prison probation. It reveals the tasks of probation centers in Russia, taking into account the provisions of Federal Law No. 10-FZ dated February 6, 2023, "On Probation in the Russian Federation." Based on the results of the conducted research, the article examines the positive outcomes of post-prison probation. By studying specialized literature, the article identifies potential challenges in the field of post-prison probation and proposes measures to enhance its effectiveness. The authors emphasize the importance of effective post-prison probation for ensuring public and state security.*

Ключевые слова*: постпенитенциарная пробация, уголовно-исполнительная система, предупреждение преступлений, кадровое обеспечение пробации, центр пробации, индивидуальная программа ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, общественная безопасность.*

Keywords: *post-penitentiary probation, penal enforcement system, crime prevention, quality assurance of probation, probation center, individual program of re-socialization, social adaptation and social rehabilitation, public safety.*

Для цитирования: *Смирнова И.Н., Бычинская И.С. Теоретико-правовые основы реализации постпенитенциарной пробации и функционирования центров пробации в России // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 764-766. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_764.*

For citation*: Smirnova I.N., Bychinskaya I.S. Theoretical and Legal Foundations of Post-Penitentiary Probation and the Functioning of Probation Centers in Russia // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 764-766. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_764.*

Статья поступила в редакцию: 18.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

В настоящей публикации мы остановимся на теоретико-правовых аспектах постпенитенциарной пробации, в том числе деятельности центров пробации.

Мы будем исходить из того, что постпенитенциарная пробация – вид пробации, применяемый в отношении лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и оказавшихся в трудной жизненной ситуации, представляющий собой совокупность мер, направленных:

на ресоциализацию, которая включает в себя комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и (или) лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера;

социальную адаптацию, предусматривающую комплекс мероприятий, направленных на оказание лицам, в отношении которых применяется пробация, содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также иной помощи в целях стимулирования правопослушного поведения;

социальную реабилитацию, состоящую из комплекса мероприятий по восстановлению утраченных социальных связей и функций ли-

цами, в отношении которых применяется пробация.

В литературе отмечается, что «постпенитенциарную пробацию не следует рассматривать в качестве меры уголовно-правового характера, поскольку, во-первых, система отношений, выстраиваемых с лицом, освободившимся из мест лишения свободы, в большей степени переходит в плоскость административно-правового регулирования, во-вторых, субъекты пробации, задействованные на данном этапе, ставят перед собой совершенно иные цели и задачи» [1, с. 208].

При этом глава 5 Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» закрепляет основные направления деятельности в сфере постпенитенциарной пробации, основания и сроки ее применения и прекращения действия. Важно добавить, что еще на этапе начала реализации пробации в России констатировалось, что оказание содействия в восстановлении социальных связей, трудоустройстве, обеспечении жильем, образовании, медобслуживании и психологической и юридической помощи позитивно скажется на профилактике рецидивной преступности [2]. Более того, в настоящее время уже констатируется важная роль пробации в России. В частности, «По итогам 2024 года в отношении более 6,5 тыс. осужденных составлены индивидуальные программы пробации, реализация мероприятий которых осуществляется уже в рамках постпенитенциарной пробации, что,…позволяет сократить сроки оказания необходимой помощи лицам, освободившимся после отбытия наказания… закон о пробации позволил создать более полноценный механизм социальной поддержки бывшим осужденным, которые встали на путь исправления и не хотят возвращаться на прежний путь…для нас принципиальной стала… постпенитенциарная пробация. Это новое в нашей стране, и как раз самые сложные ситуации нередко возникают именно у этой категории лиц» [3].

Несмотря на положительные результаты реализации пробации, ряд авторов высказываются о возможных проблемах, которые могут возникнуть в этом направлении. Так, как указывают в своей работе О.А. Рябова и П.Р. Рябов, представленное в Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации» определение трудной жизненной ситуации «является весьма пространным и оставляет место для субъективного толкования данного понятия лицами, принимающими решение по осуществлению постпенитенциарной пробации в отношении обратившегося лица» [4, с. 367].

И.С. Бушуев при этом дополняет, что отсутствие закрепленных в федеральных законах критериев (признаков) отнесения той или иной жизненной ситуации к категории трудной может порождать разнородность практики реализации социальной политики субъектов Российской Федерации, в том числе в рамках функционирования института пробации. Этот автор констатирует при этом, что «Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» прямо не закрепляет критерии трудной жизненной ситуации, однако, исходя из анализа рассматриваемого закона, можно выделить следующие признаки условий для оказания помощи лицам, в отношении которых применяется пробация: утрата либо потеря социальных связей, проблемы с трудоустройством, неимение жилья, трудности в получении медицинской, юридической и психологической помощи, сложности в реализации права на социальное обслуживание, препятствия в обеспечении гарантий защиты прав» [5, с. 11–12].

В соответствии с Федеральным законом «О пробации в Российской Федерации» «в целях оказания помощи лицам, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация, в том числе в предоставлении временного места пребывания, некоммерческими, в том числе религиозными, организациями и общественными объединениями, социально ориентированными некоммерческими организациями могут создаваться центры пробации».

В соответствии с приказом Минюста России от 16 сентября 2024 г. № 278 «Об утверждении Правил организации деятельности центров пробации» Центр пробации оказывает помощь гражданину в соответствии с мероприятиями, включенными в его индивидуальную программу ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. Закрепляется также, что они «информируют граждан или их законных представителей о помощи, оказываемой центром пробации, о порядке предоставления социальных услуг, видах социальных услуг, предоставляемых центром пробации, сроках и условиях их предоставления».

При этом в литературе обращается внимание на то, что Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» также предусматривает, что «поставщики социальных услуг обязаны предоставлять социальные услуги именно в соответствии с индивидуальными программами, которые предусмотрены данным Федеральным законом…В этой связи также требует своего разрешения вопрос о том, что необходимо для лица, в отношении которого применяется постпенитенциарная пробация, утверждение не только индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, предусмотренной законодательством о пробации, но и индивидуальной программы, предусмотренной законодательством о социальном обслуживании» [6, с. 93]. Вместе с тем в Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации» закрепляется, что «Индивидуальная программа используется при составлении индивидуальной программы предоставления социальных услуг в соответствии с законодательством Российской Федерации о социальном обслуживании».

В заключение с учетом итогов проведенного опроса практических работников и изучения позиций иных авторов можно утверждать:

1) при разработке дальнейших предложений в рамках выработки мер организационно-правового характера, направленных на повышение эффективности системы постпенитенциарной пробации в России, на наш взгляд, можно учитывать следующие предложения, имеющиеся в литературе.

Так, Г.Б. Добрецов и А.Д. Невирко предлагают для оценки состояния организации постпенитенциарной ресоциализации принять следующие критерии: уровень рецидивной преступности; уровень социального обслуживания нуждающихся лиц; уровень обеспеченности работой, жильем, медицинскими услугами; доля лиц, обучающихся в учебных заведениях (продолживших и вновь поступивших); состояние взаимодействия органов государственной и муниципальной власти, организаций и общественных объединений, граждан в целях социальной адаптации лиц, осво-

бодившихся из мест лишения свободы; состояние отношения в обществе к лицам, освободившимся из пенитенциарных учреждений [7, с. 26];

2) для результативности деятельности сотрудников в рамках пробации, независимо от ее вида, большое значение будет иметь кадровое обеспечение и эффективность реализации кадровых функций руководителя в будущем еще больше возрастет, что предопределяется важностью выработки мер индивидуального подхода к решению поставленных задач, предусмотренных Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [8, с. 165–170; 9; с. 110–135];

3) решение вопросов правового обеспечения уголовно-исполнительной системы и ее кадрового обеспечения в рамках решения задач пробации положительно скажется на безопасности как самой системы, так и в целом общественной и государственной безопасности [10, с. 266–272].

Список литературы

1. Старостин С.А, Анискина Н.В. Служба пробации в России: выбор политики и перспективы развития // Пенитенциарная наука. 2022. № 2(58). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sluzhba-probatsii-v-rossii-vybor-politiki-i-perspektivy-razvitiya (дата обращения: 26.11.2025).
2. Рылова Э. Рукавишникова рассказала о важности социальной адаптации бывших заключенных. URL: https://www.pnp.ru/social/rukavishnikova-rasskazala-o-vazhnosti-socialnoy-adaptacii-byvshikh-zaklyuchennykh.html (дата обращения: 27.11.2025).
3. Шашков А. Генерал-майор ФСИН: применение пробации в России уже дает хорошие результаты. URL: https://tass.ru/interviews/23981565?ysclid=mhnhewepb4388611772. (дата обращения: 27.11.2025).
4. Рябова О.А., Рябов П.Р. Постпенитенциарная пробация в РФ и проблемы ее реализации // Аграрное и земельное право. 2024. № 10(238). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/postpenitentsiarnaya-probatsiya-v-rf-i-problemy-ee-realizatsii (дата обращения: 26.11.2025).
5. Бушуев И.С. К вопросу отнесения жизненной ситуации к категории трудной для реализации целей и задач института пробации в России // Ведомости УИС. 2023. № 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-otneseniya-zhiznennoy-situatsii-k-kategorii-trudnoy-dlya-realizatsii-tseley-i-zadach-instituta-probatsii-v-rossii (дата обращения: 26.11.2025).
6. Васеловская А.В. Особенности правового статуса и перспективы организации центров пробации в России // Уголовная юстиция. 2024. № 24. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-statusa-i-perspektivy-organizatsii-tsentrov-probatsii-v-rossii (дата обращения: 26.11.2025).
7. Добрецов Г.Б., Невирко А.Д. Этапы и основные направления ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы // Ведомости УИС. 2023. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-i-osnovnye-napravleniya-resotsializatsii-lits-osvobodivshihsya-iz-mest-lisheniya-svobody (дата обращения: 26.11.2025).
8. Смирнова И.Н. К вопросу о ресурсном обеспечении уголовно-исполнительной системы в сфере пробации / И.Н. Смирнова, И.С. Бычинская // Актуальные вопросы фундаментальных и прикладных научных исследований: сборник научных статей по материалам VII Международной научно-практической конференции, Уфа, 18 апреля 2025 года. Уфа: Научно-издательский центр "Вестник науки", 2025. С. 165–170.
9. Ресоциализация осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций: Учебное пособие / Б.Б. Казак, И.Н. Смирнова, Л.Ю. Буданова [и др.]. 1-е изд. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 175 с. (Высшее образование).
10. Щербаков А.В. Проблемы правового обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы / А.В. Щербаков, И.Н. Смирнова // Уголовно-исполнительная система: реалии и перспективы развития: Материалы Международной заочной научно-практической конференции, Псков, 31 мая 2019 года. Псков: Псковский филиал Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. С. 266–272.

References

1. Starostin S.A., Aniskina N.V. Probation Service in Russia: Policy Choice and Development Prospects // Penitentiary Science. 2022. No. 2(58). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sluzhba-probatsii-v-rossii-vybor-politiki-i-perspektivy-razvitiya (accessed: 26.11.2025).
2. Rylova E. Rukavishnikova spoke about the importance of social adaptation for former prisoners. URL: https://www.pnp.ru/social/rukavishnikova-rasskazala-o-vazhnosti-socialnoy-adaptacii-byvshikh-zaklyuchennykh.html (accessed on 27.11.2025).
3. Shashkov A. Major General of the Federal Penitentiary Service: The use of probation in Russia is already yielding good results. URL: https://tass.ru/interviews/23981565?ysclid=mhnhewepb4388611772. (accessed: 27.11.2025).
4. Ryabova O.A., Ryabov P.R. Post-Penitentiary Probation in the Russian Federation and the Challenges of Its Implementation // Agrarian and Land Law. 2024. No. 10(238). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/postpenitentsiarnaya-probatsiya-v-rf-i-problemy-ee-realizatsii (accessed: 26.11.2025).
5. Bushuev I.S. On the Issue of Classifying a Life Situation as Difficult for Achieving the Goals and Objectives of the Probation Institution in Russia // UIS Gazette. 2023. No. 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-otneseniya-zhiznennoy-situatsii-k-kategorii-trudnoy-dlya-realizatsii-tseley-i-zadach-instituta-probatsii-v-rossii (accessed: 26.11.2025).
6. Vaselovskaya A.V. Features of the Legal Status and Prospects for the Organization of Probation Centers in Russia // Criminal Justice. 2024. No. 24. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-statusa-i-perspektivy-organizatsii-tsentrov-probatsii-v-rossii (accessed: 26.11.2025).
7. Dobretsov G.B., Nevirko A.D. Stages and Main Directions of Resocialization of Persons Released from Places of Imprisonment // Vedomosti UIS. 2023. No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-i-osnovnye-napravleniya-resotsializatsii-lits-osvobodivshihsya-iz-mest-lisheniya-svobody (date of reference: 11/26/2025).
8. Smirnova I.N. On the issue of resource provision of the penal enforcement system in the field of probation / I.N. Smirnova, I.S. Bychinskaya // Actual issues of fundamental and applied scientific research: a collection of scientific articles based on materials VII International Scientific and Practical Conference, Ufa, April 18, 2025. Ufa: Vestnik Nauki Scientific and Publishing Center, 2025, pp. 165–170
9. Resocialization of Convicts to Punishments Not Related to Imprisonment, Registered by Penitentiary Inspection: Study Guide / B.B. Kazak, I.N. Smirnova, L.Yu. Budanova [et al.]. 1st ed. Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. 175 p. (Higher Education).
10. Shcherbakov A.V. Problems of Legal Security of the Penitentiary System / A.V. Shcherbakov, I.N. Smirnova // Penitentiary System: Realities and Development Prospects: Proceedings of the International Correspondence Scientific and Practical Conference, Pskov, May 31, 2019. Pskov: Pskov Branch of the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2019. Pp. 266–272.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_767

ЭТИКА И КОРРУПЦИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ: ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ
ETHICS AND CORRUPTION IN STATE BUILDING: PATHWAYS TO OVERCOMING

СЕМИЧЕВА Анастасия Сергеевна
к.ю.н., доцент кафедры конституционного права РАНХиГС.
119571, Россия, г. Москва, Проспект Вернадского, 84, стр.1.
E-mail: asemicheva@yandex.ru

SEMICHEVA Anastasia Sergeevna
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional Law, RANEPA.
119571, Russia, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 84, p.1.
E-mail: asemicheva@yandex.ru

***Краткая аннотация**: В статье рассматриваются особенности взаимосвязи этики и коррупции в государственном строительстве. Анализируются специфика правового закрепления этики поведения государственных служащих, влияние коррупционных рисков на эффективность государственного управления. Предлагаются пути минимизации коррупционных рисков в современном обществе.*

***Abstract:** This article examines the relationship between ethics and corruption in state building. It analyzes the specifics of legally enshrining the ethics of civil servants and the impact of corruption risks on the effectiveness of public administration. It also proposes ways to minimize corruption risks in modern society.*

***Ключевые слова**: коррупция, государственное строительство, этика, прозрачность, ответственность, справедливость, подотчетность, коррупционные проявления, государственная служба, коррупционные риски, служебное поведение.*

***Keywords:** corruption, state building, ethics, transparency, responsibility, fairness, accountability, corruption, civil service, corruption risks, official conduct.*

***Для цитирования:** Семичева А.С. Этика и коррупция в государственном строительстве: пути преодоления // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 767-768. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_767.*

***For citation**: Semicheva A.S. Ethics and corruption in State building: ways to overcome // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 767-768. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_767.*

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026
Дата публикации: 30.01.2026

В современном социуме коррупционные проявления в государственном строительстве выделяются как проблема исключительной остроты. Её последствия выходят за рамки сугубо экономического ущерба, провоцируя эрозию общественного доверия к институтам власти и деформацию основополагающих принципов справедливого управления.

Термин «государственное строительство» (state-building) вошел в научный оборот благодаря трудам американского социолога и политолога Чарльза Тилли. Это произошло в 1970-е годы, когда исследователь анализировал процессы формирования и эволюции государств в Восточной Европе. Центральным объектом его изысканий выступало наращивание государственного влияния в социальной сфере. Тилли определял государственное строительство как «процесс появления специализированных кадров, контроль над совместной территорией, лояльность и прочность политических институтов с централизованным и автономным положением, которые удерживали бы монополию на насилие по отношению к населению данного государства» [1]. Государственное строительство представляет собой комплексный и многоаспектный процесс, ориентированный на учреждение и эволюцию институтов власти, инфраструктурных объектов и управленческих механизмов. Этика выступает здесь фундаментальным основанием, гарантирующим открытость процедур, беспристрастность и подотчетность властных структур. При этом коррупционная составляющая продолжает оставаться критическим вызовом для данного процесса, поскольку она разрушает общественное доверие и девальвирует качество политических решений.

В сфере государственного управления этические принципы служат действенным барьером на пути коррупционных проявлений. Эти нормы конституируют ценностный каркас, который детерминирует модели поведения чиновников и государственных служащих. Именно в этой связи этика государственных служащих, как необходимый атрибут государственного строительства находит свое закрепление в правовом поле. Так, например, Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.04.2004 №79-ФЗ [2] в ст. 18 закрепляет основные требования к государственному служащему, среди которых исполнение должностных обязанностей добросовестно и на высоком профессиональном уровне, соблюдение требований законодательства, запрет на совершение действий, связанных с влиянием каких-либо личных, имущественных (финансовых) и иных интересов, препятствующих добросовестному исполнению должностных обязанностей.

В Типовом Кодексе этики и служебного поведения для российских госслужащих и муниципальных служащих закреплены базовые этические принципы и фундаментальные нормы поведения на службе [3]. Данные положения обязательны для исполнения всеми сотрудниками государственного и муниципального аппарата вне зависимости от занимаемой должностной позиции.

Принятый 12 августа 2002 года Указ Президента РФ №885 [4], утвердивший общие принципы служебного поведения госслужащих, преследовал несколько взаимосвязанных целей. Его задача - укрепить доверие граждан к институтам власти. Правовой акт призван создать условия для ответственного и результативного исполнения обязанностей, а также направлен на недопущение коррупционных злоупотреблений как на федеральном уровне, так и в рамках госслужбы субъектов Федерации. В рамках данного Указа закреплён принцип, направленный на противодействие коррупционным проявлениям. Согласно ему, государственные служащие несут обязанность информировать своего непосредственного руководителя, прокуратуру или иные уполномоченные инстанции о любых попытках со стороны третьих лиц склонить их к противоправным действиям коррупционного характера.

Таким образом, этика в сфере государственного строительства представляет собой систему моральных устоев и правил, которые направляют действия чиновников, политических деятелей и иных субъектов, вовлеченных в создание и развитие институтов власти. Её фундамент составляют честность, беспристрастность, подотчетность и безусловное уважение прав личности. Приверженность этим принципам формирует общественное доверие к власти и оптимизирует работу управленческого аппарата.

Фундамент государственного строительства базируется на ряде этических постулатов, среди которых можно выделить следующие:

1) *прозрачность* предполагает, что любые действия и принимаемые решения должны быть доступны для общественного контроля,

2) *ответственность* представляет собой личностную установку, предполагающую осознанное принятие последствий собственных действий и сделанных выборов,

3) *справедливость* предполагает равное отношение ко всем гражданам, исключая любые формы дискриминации,

4) *подотчетность* предполагает необходимость предоставления отчетности как перед социумом, так и перед инстанциями, занимающими более высокое положение в иерархии.

В свою очередь, коррупция нивелирует все достижения служебной этики.

Под коррупцией понимают использование должностных статусов для извлечения частной пользы. В сфере государственного управления её формы многообразны: от банального взяточничества и протекционизма до злоупотребления властью, манипуляций конкурсными процедурами и прочих противозаконных практик.

Коррупция в сфере государственного строительства влечет за собой катастрофические последствия. К их числу следует относить эрозию общественного доверия к институтам государственной власти, ухудшение качества решений и проектной реализации, расточительное расходование государственных финансов, углубление пропасти в обществе и рост несправедливого распределения благ. А также торможение экономического и социального прогресса государства.

Связь между этикой и противодействием коррупции носит неразрывный характер. Фактически, приверженность этическим принципам служит базисом, на котором строится система превенции коррупционных действий. В этой связи укоренение этих стандартов в организационной практике способствует выработке устойчивой культуры, основанной на порядочности и личной ответственности сотрудников государственного аппарата.

Создание и практическое применение этических кодексов предполагает установление четких границ между приемлемыми и недопустимыми моделями поведения. Параллельно в таких документах необходимо предусматривать конкретные процедуры, позволяющие адекватно реагировать на факты их нарушения. Прозрачность в принятии решений требует открытости на всех этапах. Это подразумевает, в частности, проведение конкурсов и тендеров в публичном режиме. Не менее важна и общедоступность сведений о бюджетных закупках, а также о направлениях и объемах государственных расходов.

В целях минимизации коррупционных рисков также необходимо учреждать автономные структуры по противодействию коррупции — комитеты и инспекции, обладающие необходимыми правовыми инструментами для проведения расследований и оперативного пресечения противоправных деяний. А равно обеспечить систематическое обучение и профессиональный рост чиновников в сфере этических норм и противодействия коррупции.

Важно в системе государственного управления развивать механизмы внутреннего контроля и аудиторской проверки, которые обеспечивают оперативное обнаружение и нейтрализацию коррупционных угроз.

Стимулирование вовлеченности институтов гражданского общества и средств массовой информации в мониторинг работы госструктур создает дополнительный фактор общественного прессинга на лиц, замешанных в коррупционных схемах.

Государство должно гарантировать безопасность лиц, сообщающих о коррупционных правонарушениях, а также свидетелей по таким делам, — это необходимое условие для активизации процессов их разоблачения и последующего пресечения.

В заключение следует подчеркнуть, что этика и антикоррупционная деятельность составляют фундаментальную основу для построения жизнеспособного государства. Устойчивые, справедливые и прозрачные институты власти, необходимые для общественного прогресса и роста благосостояния, формируются исключительно на почве неукоснительного следования моральным принципам и результативного подавления коррупционных практик.

Прогресс в противодействии коррупционным практикам требует комплексного подхода, основанного на нескольких взаимосвязанных направлениях. Во-первых, необходимо укреплять нормативно-этические рамки, задающие стандарты поведения. Во-вторых, следует развивать институты гражданского надзора, обеспечивающие внешнюю оценку. Третьим вектором выступает последовательное увеличение открытости и подотчетности органов власти. Наконец, фундаментальной задачей остается воспитание в обществе устойчивой личной и коллективной непримиримости к любым проявлениям коррупции.

Укрепление этических норм и борьба с коррупционными проявлениями требуют системного подхода, который обязан занять центральное место в повестке каждого субъекта, вовлеченного в формирование государственных институтов.

Список литературы

1. State Building: Theoretical Insights and Practical Measures // http://nicolegallina.- com/docsuniversity/ppt_state_building_2006.

2. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 02.08.2004. № 31. Ст. 3215.

3.Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21)) [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/420254359?section=status . (дата обращения: 15.02.2025).

4.Указ Президента РФ от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих» // Собрание законодательства Российской Федерации. 19.08.2002. №33. Ст. 3196.

References

1. State Building: Theoretical Insights and Practical Measures // http://nicolegallina .- com/docsuniversity/ppt_state_building_2006.

2. Federal Law "On the State Civil Service of the Russian Federation" dated 27.07.2004 No. 79-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 08/02/2004. No. 31. St. 3215.

3. The Model Code of Ethics and Official Conduct of Civil Servants of the Russian Federation and Municipal Employees (approved by the decision of the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation on Combating Corruption dated December 23, 2010 (Protocol No. 21)) [Electronic resource]. URL: https://docs.cntd.ru/document/420254359?section=status . (date of application: 02/15/2025).

4. Decree of the President of the Russian Federation dated August 12, 2002 No. 885 "On approval of the general principles of official conduct of civil servants" // Collection of legislation of the Russian Federation. 08/19/2002. No. 33. St. 3196.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_769
УДК 34.09

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ
ISSUES OF FORMATION OF THE LEGAL MODEL OF THE DIGITAL RUBLE

ЛОЕНКО Яна Дмитриевна
Студентка ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».
350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, д. 13.
e-mail: vendetta.14777643249@gmail.com
МИХАЙЛОВА Анна Максимовна
Студентка ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».
350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, д. 13.
e-mail: mikhailovanny@mail.ru
КАТАНАЕВА Елизавета Сергеевна
Студентка ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».
350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, д. 13.
e-mail: katanaeva_05@bk.ru
LOENKO Yana Dmitrievna
undergraduate student FSBEI HE Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin.
13 Kalinina Street, Krasnodar, 350044, Russia.
e-mail: vendetta.14777643249@gmail.com
MIKHAILOVA Anna Maksimovna
undergraduate student FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin".
13 Kalinina Street, Krasnodar, 350044, Russia.
e-mail: mikhailovanny@mail.ru
KATANAEVA Elizaveta Sergeevna
undergraduate student FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin".
13 Kalinina Street, Krasnodar, 350044, Russia.
e-mail: katanaeva_05@bk.ru

Краткая аннотация *В статье рассматривается один из наиболее актуальных и относительно новых предметов обсуждения – цифровой рубль. В частности особенности его формирования и поэтапного правового закрепления, а также введения в денежный оборот страны. Разработанная правовая основа цифрового рубля, представленная федеральным законодательством и отдельными нормативными правовыми актами Банка России, определяет его статус как третьей формы национальной валюты с двухуровневой моделью реализации. В нормах определены не только принципы действия новой платежной системы с главной ролью Банка России как оператора платформы и участием коммерческих банков как посредников, но и урегулирован порядок совершения операций. В целом же нормативно-правовая база закрепляет текущее положение цифрового рубля и формирует прочный фундамент для его дальнейшего функционирования в экономике.*

Abstract *The article discusses one of the most relevant and relatively new subjects of discussion – the digital ruble. In particular, the features of its formation and gradual legal consolidation, as well as its introduction into the country's monetary circulation. The developed legal framework for the digital ruble, represented by federal legislation and individual regulatory legal acts of the Bank of Russia, defines its status as a third form of the national currency with a two-tier implementation model. The regulations not only define the principles of the new payment system, with the Bank of Russia as the main operator of the platform and commercial banks as intermediaries, but also regulate the procedure for conducting transactions. In general, the regulatory framework secures the current position of the digital ruble and forms a solid foundation for its further functioning in the economy.*

Ключевые слова: *цифровизация, цифровые валюты центральных банков, цифровой рубль, цифровой кошелек (счет), Банк России, форма национальной валюты.*

Keywords: *digitalization, digital currencies of central banks, digital ruble, digital wallet (account), Bank of Russia, form of national currency.*

Для цитирования: *Лоенко Я.Д., Михайлова А.М., Катанаева Е.С. Вопросы формирования правовой модели цифрового рубля // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 769-770. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_769.*

For citation*: Loenko Ya.D., Mikhailova A.M., Katanaeva E.S. Issues of formation of the legal model of the digital ruble // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 769-770. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_769.*

Статья поступила в редакцию: 23.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

В настоящее время в условиях масштабной цифровизации экономических процессов все больше государств занимается всесторонним исследованием, разработкой и внедрением цифровых валют Центральных банков в систему расчетных механизмов. По данным Международного валютного фонда за 2024 год, более 130 стран следуют данной тенденции. Такие страны, как Китай, Иран, Канада, Швеция, Бразилия, Япония, ОАЭ уже разработали проекты по запуску ЦВЦБ и осуществляют их апробацию в реальном времени. В отдельных же странах ЦВЦБ прочно укоренились как национальные платёжные единицы: Нигерия, Багамские острова, Ямайка. Основными причинами данной динамики послужили стремление государств создать легальную замену децентрализованным криптовалютам и в дальнейшем освоить технологический, экономический, социальный потенциал ЦВЦБ. Кроме того, государства стремятся минимизировать риски, связанные с обращением криптовалют, анонимность которых потенциально облегчает финансирование незаконной деятельности, включая терроризм [6].

Основной идеей концепции ЦВЦБ является создание цифровой формы национальной валюты, эмиссия и гарантированность которой будет прерогативой центрального банка страны. Такая концепция позволит обеспечить более эффективную, безопасную и прозрачную систему транзакций в силу наделения ЦВЦБ статуса законного платежного средства. Более того, она может значительно упростить и тем самым ускорить финансовые операции как внутри страны для потребителей, так и за ее пределами во взаимоотношениях с другими странами. Однако для внедрения цифровых валют необходимо обеспечить как полноценное финансово-экономическое развитие по всей стране, так и его правовую составляющую, от которой во многом зависит эффективность проводимой политики [4].

Россия также приняла активное участие в работе над введением собственной ЦВЦБ – цифрового рубля. Первым шагом в данном направлении стала публикация Центральным банком в октябре 2020 года доклада для общественных консультаций «Цифровой рубль». В нем были обозначены следующие положения: значение цифрового рубля в денежном обороте и финансовой политике, возможности применения для

отдельных категорий участников, модели и механизмы его реализации, а также предполагаемые законодательные изменения. Эта инициатива явилась отправной точкой для воплощения представленного проекта в жизнь и уже в апреле 2021 года Центральным банком была опубликована Концепция цифрового рубля. В документе были четко определены двухуровневая розничная модель, преимущества, возможные операции, регулирование и этапы реализации, потенциальные риски новой формы национальной валюты.

Для внедрения цифрового рубля в денежную систему России потребовалось в первую очередь создать законодательную базу, регулирующую выпуск и обращение этой формы валюты [3]. По этой причине 24 июля 2023 года были приняты Федеральный закон № 340-ФЗ и Федеральный закон № 339-ФЗ. Цифровая валюта законодательно приобрела статус нового объекта гражданских прав и официального средства платежа. Такое решение способствовало интеграции цифрового рубля в существующую правовую систему, что, в свою очередь, ввело его в непосредственное действие. Однако, операции по сей день осуществляются с ограниченным числом кредитно-финансовых организаций и потребителей. Широкомасштабное внедрение цифрового рубля планируется после вступления в силу 1 сентября 2026 года Федерального закона от 23.07.2025 № 248-ФЗ.

Согласно разъяснениям на официальном сайте Банка России «Цифровой рубль - это цифровая форма российской национальной валюты, которую Банк России планирует выпускать в дополнение к существующим формам денег» [1]. Следовательно, в правовом и экономическом смысле цифровой рубль представляет собой новую, третью форму рубля, имеющую равный статус с наличными и безналичными деньгами. Кроме того, согласно установленному правовому режиму, цифровой рубль имеет строго целевую функцию и предназначен только для проведения расчётов [5]. С целью детальной регламентации процедуры совершения этих расчетов 3 августа 2023 г. было принято Положение Банка России № 820-П «О платформе цифрового рубля». В соответствии с двухуровневой розничной моделью цифрового рубля оператором платформы выступает Центральный Банк, а посредниками между ним и пользователями – коммерческие банки. Они правомочны по поручению своих клиентов заключать договор цифрового счета. При этом предусматривается обязанность кредитно-финансовой организации по предварительному проведению проверки клиентов исходя из правил законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем. После успешного прохождения проверки открывается цифровой счет, через который банком осуществляются определенные операции с цифровыми рублями по требованию пользователя.

Банк России в рамках платформы обеспечивает ее стабильное и бесперебойное функционирование, открытие и дальнейшее ведение цифровых кошельков (счетов), предоставление доступа к платформе всем участникам и пользователям, ведение учета и хранения сведений о текущих балансах и проведённых операциях, конфиденциальность данных сведений. Вдобавок он выполняет надзорную деятельность за соблюдением законности и утвержденных правил в области правоотношений, связанных с цифровыми рублями.

Тем не менее ни компетенции кредитно-финансовых организаций, ни компетенции Центрального банка в области данных правоотношений не получили легитимации в основных нормативных правовых актах, регулирующих сферу деятельности указанных субъектов. Так, в Федеральном законе от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» глава, посвящённая платформе цифрового рубля, не раскрывает должным образом направления деятельности Центрального банка как оператора платформы. А в Федеральном законе «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 и вовсе отсутствуют положения, отведенные работе банков с новой цифровой валютой.

Кроме того, проблемой правового регулирования цифрового рубля является отсутствие его четкого законодательного разграничения с криптовалютами. Действующее налоговое и гражданское законодательство не проводит такой границы и фактически объединяет эти понятия. Основное и, по сути, единственное отличие цифрового рубля от криптовалюты заключается в его обеспеченности государством и статусе эмитента. Как отмечают некоторые правоведы, это порождает терминологическое противоречие: цифровой актив, выпускаемый Центральным банком, по своей природе не признается криптовалютой и определяется законом как «цифровой рубль»[2]. Недостаточность развития законодательства оборота как цифрового рубля, так и криптовалют порождает определенные риски, в том числе связанные с применением мошеннических схем [7]. Для решения этих проблем необходимо разработать единую концепцию правового регулирования цифровых объектов (включая криптовалюты и цифровой рубль) и законодательно закрепить их отличительные признаки, что также устранит неоднозначность в толковании самого понятия «цифровой рубль».

В заключение стоит отметить, что введение цифрового рубля выступает стратегическим шагом России в ходе всемирного процесса по цифровизации национальных валют. Цифровой рубль представляет собой третью форму национальной валюты с двухуровневой моделью реализации в виде фиксированной информации под контролем Банка России. Массовое внедрение цифрового рубля, запланированное на 2026 год, ставит своей целью создание более эффективного, безопасного и прозрачного расчётного механизма в экономике. Правовой основой служат федеральные законы, интегрировавшие цифровой рубль в действующее законодательство как новое средство платежа. Однако для наиболее полной интеграции необходимо устранить пробелы в правовых актах, регламентирующих деятельность Центрального Банка и кредитно-финансовых организаций.

Список литературы:

1. URL: https://cbr.ru/fintech/dr/ (дата обращения 23.11.2025).
2. Исрафилов М. Р. Правовая природа криптовалюты и цифрового рубля // МНСК-2022 : Материалы 60-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 10–20 апреля 2022 года. – Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2022. – С. 238-239.
3. Костикова Е. Г. Концептуальные проблемы формирования правовых основ цифрового рубля // Финансовое право. – 2024. – № 8. – С. 14-18.
4. Павлов Н.В., Очаковский В.А. К вопросу формирования финансово-экономической основы института местного самоуправления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 3. – С. 121-124.
5. Рождественская Т. Э. Правовое регулирование цифрового // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 1(158). – С. 48-55.
6. Чернов Ю.И. Денежное обращение: вопросы международно-правового регулирования / А.С. Виниченко, Ю.И. Чернов // Эпомен. 2022. № 69. С. 72-78.
7. Чернов Ю.И. Экономическая безопасность в информационном пространстве / М.Е. Савченко, Ю.И. Чернов // Эпомен. – 2022. – № 68. – С. 46-53.

References:

1. URL: https://cbr.ru/fintech/dr / (date of issue 11/23/2025).
2. Israfilov M. R. Legal nature of cryptocurrency and digital ruble // MNSK-2022: Materials of the 60th International Scientific Student Conference, Novosibirsk, April 10–20, 2022. – Novosibirsk: Novosibirsk National Research State University, 2022. – P. 238-239.
3. Kostikova, E. G. Conceptual problems of the formation of legal foundations digital ruble // Financial Law. – 2024. – No. 8. – pp. 14-18.
4. Pavlov N.V., Ochakovsky V.A. On the Formation of the Financial and Economic Basis of the Institute of Local Self-Government // Humanities, Social Sciences, Economics, and Law. – 2019. – No. 3. – Pp. 121-124.
5. Rozhdestvenskaya, T. E. Legal regulation of the digital ruble // Actual problems of Russian law. – 2024. – Vol. 19, No. 1(158). – Pp. 48-55.
6. Chernov Yu. I. Monetary circulation: issues of international legal regulation / A. S. Vinichenko, Yu. I. Chernov // Epom. – 2022. – No. 69. – pp. 72-78.
7. Chernov Yu. I. Economic security in the information space / M. E. Savchenko, Yu. I. Chernov // Epomen. – 2022. – No. 68. – P. 46-53.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_771

УДК 342.76

К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА ИГРАЖДАНИНА В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО И ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ
ON THE ISSUE OF THE RESTRICTION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS OF THE CITIZEN UNDER CONDITIONS OF EMERGENCY AND MARTIAL LAW

АНДРЕЕВ Антон Павлович,
аспирант Таганрогского института управления и экономики.
347900, Россия, г.Таганрог, ул.Петровская, 45.
E-mail: p.kameneva@tmei.ru
ANDREEV Anton Pavlovich,
Postgraduate Student at the Taganrog Institute of Management and Economics.
Petrovskaya str., 45, Taganrog, 347900, Russia.
E-mail: p.kameneva@tmei.ru

Краткая аннотация: *статье рассматривается проблема ограничения прав и свобод личности в условиях чрезвычайного и военного положения, актуальность которой возрастает на фоне глобальных угроз и нестабильной международной обстановки. Анализируется правовая база Российской Федерации. Подчеркивается парадокс: для защиты прав человека временно приходится их ограничивать, что требует четкого соблюдения принципов законности, соразмерности и недопустимости дискриминации. Обращается внимание на риски злоупотреблений, связанные с политической или экономической целесообразностью, и на необходимость усиления правовых гарантий. В качестве решения предлагается закрепление в законодательстве системы правовых принципов – запрет превентивных ограничений, четкость формулировок, соразмерность, гласность, недопустимость дискриминации и общий характер мер – для обеспечения прозрачности, подотчетности и защиты личности от произвола в условиях особых режимов.*

Abstract: *the article examines the problem of restricting individual rights and freedoms in conditions of emergency and martial law, which is becoming increasingly relevant in the face of global threats and an unstable international situation. The legal framework of the Russian Federation is analyzed. The article highlights the paradox that in order to protect human rights, they must be temporarily restricted, which requires strict adherence to the principles of legality, proportionality, and non-discrimination. The article also draws attention to the risks of abuse associated with political or economic expediency and the need to strengthen legal guarantees. As a solution, it is proposed that the legislation should establish a system of legal principles, such as the prohibition of preventive restrictions, clear wording, proportionality, publicity, the prohibition of discrimination, and the general nature of measures, in order to ensure transparency, accountability, and protection of individuals from arbitrary actions under special regimes.*

Ключевые слова: *ограничение прав и свобод, чрезвычайное положение, военное положение, принципы.*
Key words: *restriction of rights and freedoms, state of emergency, martial law, principles.*

Для цитирования: *Андреев А.П. К вопросу об ограничении прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайного и военного положения // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 771-773. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_771.*
For citation*: Andreev A.P. On the issue of restriction of human and civil rights and freedoms in conditions of emergency and martial law // Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 771-773. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_771.*

Статья поступила в редакцию: 17.12.2025
Дата публикации: 30.01.2026

Актуальность проблемы ограничения прав и свобод личности в условиях особых правовых режимов обостряется на фоне нестабильной международной обстановки и роста угроз глобального характера. Возникает парадокс: ради защиты основных прав человека их временно приходится ограничивать, что ставит под сомнение легитимность таких мер. Ключевые вопросы связаны с правовой допустимостью, пропорциональностью и контролируемостью ограничений – где проходит грань между необходимой защитой общества и допустимым вмешательством в частную сферу? Как предотвратить злоупотребления и обеспечить соответствие национальных практик нормам международного права? Несмотря на обширные исследования в этой области, потребность в совершенствовании правовых механизмов остается острой, особенно в условиях глобализации, цифровизации и усиления трансграничных вызовов, требующих как эффективного, так и соразмерного правового реагирования.

Анализ российского законодательства свидетельствует о четкой правовой регламентации особых режимов – чрезвычайного и военного положения. Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ [3], ограничение прав и свобод допускается лишь в той степени, которая необходима для защиты основ конституционного строя, морали, интересов личности и общества, а также для обеспечения обороны и безопасности государства. При этом статья 56 закрепляет, что в условиях чрезвычайного положения могут быть введены временные ограничения, но с четким перечнем прав, ограничению не подлежащих.

Правовое регулирование конкретизируется Федеральными конституционными законами «О чрезвычайном положении» [4] и «О военном положении» [5], которые устанавливают механизмы введения, содержание и правовые последствия особых режимов.

Чрезвычайное положение применяется при угрозах в виде массовых беспорядков, мятежей, межэтнических или религиозных конфликтов, а также природных и техногенных катастрофах, ставящих под угрозу жизнь граждан и функционирование органов власти. Оно влечет за собой временную корректировку правовых режимов на всей территории страны или в отдельных регионах, включая ограничение свобод и установление дополнительных обязанностей для граждан, при сохранении строгого контроля над пропорциональностью и сроками таких мер.

А военное положение – это особый режим, который вводится на всей территории России или в отдельных местностях в связи с агрессией или угрозой агрессии против РФ. Основаниями являются различного рода вторжения, блокада, военное нападение и прочее.

Таким образом, названные выше Федеральные конституционные законы детально устанавливают процедуру введения особых режимов,

круг полномочий государственных органов и, что особенно значимо, четко определяют перечень прав и свобод, подлежащих временному ограничению, а также сроки их действия. Эти акты содержат исчерпывающий список допустимых вмешательств: приостановление свободы передвижения, въезда и выезда, запрет на проведение собраний, митингов, демонстраций и иных массовых акций, ограничение права на забастовку, контроль за выбором места жительства и пребывания, введение предварительной цензуры в СМИ, а также приостановление деятельности политических партий и общественных объединений.

Анализ нормативной базы показывает, что затрагиваются не только гражданские, но и политические права, закрепленные Конституцией [3], что порождает правовую напряженность и активные дискуссии о легитимности подобных мер. С одной стороны, как отмечает Т.Н. Нешатаева, «верховенство прав человека является фундаментальным принципом естественного и международного права, а их ограничение в особом режиме может расцениваться как его нарушение» [6, с. 123]. С другой – Т.Я. Хабриева и В.Е. Чиркин справедливо указывают, что «ни одно право не является абсолютным и в условиях реальной угрозы общественной безопасности его реализация может быть временно приостановлена» [7, с. 28]. Эта позиция, подчеркивающая баланс между индивидуальной свободой и коллективной безопасностью, соответствует смыслу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ [3] и сегодня доминирует в правовой доктрине, подтверждая, что ограничения допустимы лишь при соблюдении принципов необходимого, соразмерного и временного характера.

Ограничения прав и свобод в особых правовых режимах формально соответствуют закону, однако на практике нередко возникает риск их использования не столько для защиты общественной безопасности, сколько в целях укрепления политического контроля или продвижения экономических интересов государства. В таких условиях остро встает вопрос о реальной защищенности личности от произвола и избыточного вмешательства в частную сферу. Ключевым гарантом легитимности любых ограничений остаются положения Конституции РФ [3], которые жестко очерчивают границы допустимого: права человека могут быть ограничены только в той мере и в тех случаях, когда это прямо предусмотрено основным законом и обусловлено объективной необходимостью, а не соображениями целесообразности или власти.

Часто на практике люди сталкиваются с дискриминацией по различным социальным признакам, что является недопустимым. Статья 28 ФКЗ «О чрезвычайном положении» [4] прямо запрещает любые формы дискриминации, устанавливая, что введенные ограничения не должны затрагивать отдельные категории граждан по признакам национальности, вероисповедания, социального положения, убеждений или иных обстоятельств. При этом меры должны соответствовать международным стандартам в области прав человека и основываться исключительно на объективной угрозе, а не на предположениях или стереотипах. Нарушение этого принципа не только подрывает доверие к власти, но и дискредитирует саму легитимность особого режима.

Регулирование ограничений прав и свобод в условиях чрезвычайного положения на международном уровне закреплено в ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года [2]. Согласно ей, государство вправе временно приостанавливать выполнение отдельных обязательств по Пакту, но только в случае, когда «жизнь нации» находится под реальной и масштабной угрозой. При этом введение таких мер допустимо исключительно после официального объявления чрезвычайного положения и строго в пределах, необходимых для устранения кризиса. Важнейшими условиями являются: недопустимость дискриминации при применении ограничений, их соразмерность угрозе, а также временный характер – все меры должны быть отменены сразу после нормализации обстановки.

При сопоставительном анализе конституционных режимов в разных странах выявляется схожий подход к ограничению прав в условиях чрезвычайного положения, при сохранении различий в степени жесткости и гарантированности.

Так, например, в Конституции Индии 1950 года [1] предусмотрено, что при объявлении чрезвычайного положения (по основаниям, связанным с угрозой безопасности государства или внутренними беспорядками) Президент получает полномочия приостанавливать действие ряда фундаментальных прав, закрепленных в части III Конституции [1]. В частности, допускается временное ограничение свободы слова и выражения мнений, права на мирные собрания, создание ассоциаций, свободу передвижения и выбор профессии. При этом такие меры не могут затрагивать право на жизнь и личную неприкосновенность (ст. 21), что свидетельствует о наличии защиты неотъемлемых прав даже в экстремальных условиях. Важно, что каждое такое решение подлежит парламентскому контролю и требует регулярного утверждения, что служит механизмом противодействия произволу.

Таким образом, права и свободы личности по Конституции РФ [3] являются высшей ценностью, и вся деятельность государства должна быть направлена на их обеспечение и защиту. Даже в условиях чрезвычайных режимов, когда допускается временное ограничение конституционных свобод, такие меры не могут становиться инструментом подавления индивидуальной автономии или продвижения корпоративных интересов власти. Обеспечение общественной безопасности не должно достигаться ценой разрушения правового фундамента общества.

Введение ограничений должно быть строго обоснованным, соразмерным реальной угрозе, временным по характеру и свободным от дискриминации. Вместе с тем действующие Федеральные конституционные законы «О чрезвычайном положении» [4] и «О военном положении» [5] не содержат четко закрепленных правовых принципов, регулирующих порядок и пределы вмешательства в права граждан. Отсутствие таких критериев создает правовую неопределенность и повышает риск злоупотреблений.

С целью повышения правовой защищенности личности предлагается включить в раздел «Общие положения» указанных ФКЗ систему следующих базовых принципов, регулирующих введение и применение ограничительных мер:

– вмешательство в конституционные свободы допустимо только при наличии объективной, реальной и документально подтвержденной угрозы безопасности государства, общества или личности. Предварительное, профилактическое ограничение прав без фактических оснований недопустимо, поскольку превращает защиту прав в их систематическое подавление;

– любые вводимые меры должны быть исчерпывающе определены по содержанию, сфере действия и срокам. Недопустимы расплывчатые формулировки, оставляющие пространство для произвольного толкования или расширительного применения, что может привести к правовой неопределенности и злоупотреблениям;

– степень вмешательства в права должна быть прямо пропорциональна масштабу угрозы и цели, ради которой меры вводятся. Чем серьезнее опасность, тем весомее могут быть ограничения, но они не должны превышать необходимый минимум для ее нейтрализации;

– все граждане равны перед законом, и ограничения не могут применяться избирательно по признакам национальности, религии, социального статуса, убеждений или иной принадлежности. Равенство в правах – неотъемлемый элемент правового государства, особенно в кризисных условиях;

– каждая мера должна быть подкреплена доказуемой необходимостью защиты конкретных государственных или общественных интересов, а также подтверждением, что альтернативные, менее репрессивные способы реагирования исчерпаны;

– введение особого режима требует публичного объявления с разъяснением причин, правовых оснований, перечня ограничений и сроков их действия. Информирование населения через официальные и независимые СМИ обеспечивает прозрачность и подотчетность власти;

– меры должны применяться универсально, а не персонифицированно. Они распространяются на всех, кто находится в зоне действия режима, и не могут быть направлены против отдельных лиц или групп под предлогом профилактики. Это исключает использование чрезвычайных полномочий в качестве инструмента репрессий.

Эти принципы должны выполнять функцию юридического стандарта, обеспечивающего прозрачность, подотчетность и соразмерность государственных действий. Их закрепление усилит конституционный контроль, снизит вероятность произвола и утвердит приоритет прав человека даже в периоды кризисов.

В совокупности данные принципы формируют правовую преграду против произвола, обеспечивая баланс между безопасностью и свободой, и должны быть закреплены на конституционно-законодательном уровне как обязательный стандарт применения особых режимов.

Список литературы:

1. Конституция Республики Индия от 26.11.1949 (Вместе с «Формами присяг и торжественных заявлений», «Распределением мест в Совете штатов», «Положениями относительно управления включенными в списки территориями и племенами и контроля над ними, территориями племен в штатах Ассам, Мегхалая, Трипура и Мизорам», «Положениями, касающимися лишения права в случае нарушения», «Языками»). – Текст: непосредственный // Конституции государств Азии. – Том 2. Средняя Азия и Индостан. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. – С. 177 – 448.

2. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2025 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102144205 (дата обращения: 07.12.2025).

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных законами №6-ФКЗ от 30.12.2008, №7-ФКЗ от 30.12.2008, №2-ФКЗ от 5.02.2014, №11-ФКЗ от 21.07.2014, №1-ФКЗ от 14.03.2020, одобренными в ходе всероссийского голосования 01.07.2020, с учетом включения новых субъектов РФ, внесенных федеральными конституционными законами №5-ФКЗ от 04.10.2022, №6-ФКЗ от 04.10.2022, №7-ФКЗ от 04.10.2022, №8-ФКЗ от 04.10.2022). – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2025 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (дата обращения: 07.12.2025).

4. О чрезвычайном положении: Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) [принят Государственной Думой 26.04.2001, одобрен Советом Федерации 16.05.2001]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2025 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102071299 (дата обращения: 07.12.2025).

5. О военном положении: Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 13.12.2024) [принят Государственной Думой 27.12.2001, одобрен Советом Федерации 16.01.2002]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2025 гг. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074700 (дата обращения: 07.12.2025).

6. Нешатаева Т.Н. Влияние межправительственных организаций системы ООН на развитие международного права: диссертация доктора юридических наук: 12.00.10. – Москва, 1993. – 475 с. – Текст: непосредственный.

7. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин. – Москва: Норма, 2019. – 320 с. – ISBN 978-5-16-108071-9. – Текст: электронный. – URL: https://znanium.com/catalog/product/1045666 (дата обращения: 07.12.2025). – Режим доступа: по подписке.

References:

1. The Constitution of the Republic of India dated 11/26/1949 (Together with the "Forms of Oaths and Solemn Declarations", "Allocation of Seats in the Council of States", "Provisions on the Management and Control of Listed Territories and Tribes, Tribal Territories in the States of Assam, Meghalaya, Tripura and Mizoram", "Provisions concerning deprivation of the right in case of violation", "Languages"). – Text: direct // Constitutions of Asian states. Volume 2. Central Asia and Hindustan. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norm, 2010. 177-448.

2. International Covenant on Civil and Political Rights (Adopted on 12/16/1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary session of the UN General Assembly). – Text: electronic // The State system of legal information: The official Internet portal of legal information. 2005-2025 – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102144205 (date of request: 07.12.2025).

3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, subject to amendments introduced by Laws No. 6-FKZ of 12/30/2008, No. 7-FKZ of 12/30/2008, No. 2-FKZ of 02/5/2014, No. 11-FKZ of 07/21/2014, No. 1-FKZ of 03/14/2020, approved during the All-Russian vote on 07/01/2020, with taking into account the inclusion of new subjects of the Russian Federation introduced by federal constitutional laws No. 5-FKZ dated 04.10.2022, No. 6-FKZ dated 04.10.2022, No. 7-FKZ dated 04.10.2022, No. 8-FKZ dated 04.10.2022). – Text: electronic // The State system of legal information: The official Internet portal of legal information. 2005-2025 – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (date of appeal: 07.12.2025).

4. On the state of emergency: Federal Constitutional Law No. 3-FKZ dated 30.05.2001 (as amended on 02.11.2023) [adopted by the State Duma on 26.04.2001, approved by the Federation Council on 16.05.2001]. – Text: electronic // The State system of legal information: The official Internet portal of legal information. 2005-2025 – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102071299 (date of request: 07.12.2025).

5. On martial law: Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of 30.01.2002 (as amended on 13.12.2024) [adopted by the State Duma on 27.12.2001, approved by the Federation Council on 16.01.2002]. – Text: electronic // The State system of legal information: The official Internet portal of legal information. 2005-2025 – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074700 (date of request: 07.12.2025).

6. Neshataeva T.N. The influence of intergovernmental organizations of the UN system on the development of international law: dissertation of Doctor of Law: 12.00.10. – Moscow, 1993. – 475 p. – Text: direct.

7. Khabrieva T.Ya., Chirkin V.E. Theory of the modern constitution / T.Ya. Khabrieva, V.E. Chirkin. Moscow: Norma, 2019. 320 p. ISBN 978-5-16-108071-9. Text: electronic. – URL: https://znanium.com/catalog/product/1045666 (date of request: 07.12.2025). – Access mode: by subscription.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_1_774

УДК 343.11

АКТИВНОСТЬ СУДА, КАК УСЛОВИЕ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
COURT ACTIVITIES AS A CONDITION FOR ACHIEVING THE GOALS OF CRIMINAL PROCEEDINGS

КОРЧАГИН Андрей Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».
350044, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. им. Калинина, д. 13.
E-mail: kaa77 – 21@mail.ru;

КУСТОВ Анатолий Михайлович,
доктор юридических наук, профессор, ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России».
125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.
E-mail: amkustov@bk.ru;

KORCHAGIN Andrey Anatolyevich,
Doctor of Law, Associate Professor, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trublin.
Kalinina str., 13, Krasnodar, 350044, Krasnodar Territory, Russia.
E-mail: kaa77 – 21@mail.ru;

KUSTOV Anatoly Mikhailovich,
Doctor of Law, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125993, Moscow, 8 Zoi i Aleksandra Kosmodemyanskikh Street.
E-mail: amkustov@bk.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматривается дискуссионная проблема, посвященная роли суда в процессе доказывания по уголовным делам при рассмотрении уголовного дела. Автором высказывается мнение о необходимости законодательного закрепления возможности суда проявлять активность и инициативу в собирании и проверке доказательств при рассмотрении уголовных дел с целью вынесения законного и обоснованного решения по делу.*

Abstract: *The article discusses a controversial issue related to the role of the court in the process of proving criminal cases during the consideration of a criminal case. The author expresses the opinion that it is necessary to legislate the ability of the court to be active and proactive in collecting and verifying evidence when considering criminal cases in order to make a legitimate and reasoned decision on the case.*

Ключевые слова: *суд, состязательность, доказательства, уголовный процесс, доказывание.*
Keywords: *court, adversarial proceedings, evidence, criminal procedure, proof.*

Для цитирования: *Корчагин А.А., Кустов А.М. Активность суда, как условие достижения целей уголовного судопроизводства // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 774-777. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_774.*
For citation: *Korchagin A.A., Kustov A.M. Court activity as a condition for achieving the goals of criminal proceedings* ***//*** *Law and state: theory and practice. 2026. No. 1. pp. 774-777. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_1_774.*

Статья поступила в редакцию: 23.01.2025

Назначением уголовного судопроизводства в соответствии с содержанием ст. 6 УПК РФ является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Также закон говорит, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождения их от наказания, реабилитацию каждого, кто подвергся уголовному преследованию.

В теории уголовного процесса до сих пор серди ученых нет единого мнения относительно роли и степени участия суда в процессе доказывания по уголовным делам: «Одни ученые полагают, что обязанность собирать доказательства – это прерогатива сторон, суд не должен осуществлять доказывание, поскольку чем активнее суд будет проявлять инициативу в собирании и исследовании доказательств, тем сложнее ему пребывать в роли беспристрастного арбитра. А. П. Гуськова и Н. Г. Муратова утверждают, что «на суд в состязательном процессе не должны возлагаться обязанности по собиранию доказательств и по доказыванию обстоятельств дела даже тогда, когда это продиктовано целью – установление истины. Суд по общему правилу не должен проявлять инициативу по осуществлению действий, направленных на получение доказательств… поскольку бремя доказывания виновности лица по уголовному делу лежит на обвинителе». Другие авторы настаивают на статусе суда как субъекта доказывания, даже несмотря на то, что состязательные начала в процессе могут быть расширены. При этом указывают, что суд должен проявлять активность при проверке доказательств и использовать для этого все возможные средства.» [1, С. 65]

Судебный порядок защиты прав и свобод личности, в том числе лиц, ставших жертвами преступлений, в настоящее время, в соответствии с содержанием Конституции РФ, является основным. Ст. 8 УПК РФ закрепляет, что правосудие в РФ по уголовным делам осуществляется только судом, никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, установленном УПК РФ.

По действующему уголовно-процессуальному законодательству в уголовном судопроизводстве имеют место быть стороны обвинения

и защиты, соответственно, каждая из которых в суде имеет и выражает свои интересы, которые являются противоположными по своему содержанию, и каждая из сторон заинтересована в обосновании своей позиции и опровержении доводов противоположной стороны. При этом суд, согласно ч. 3 ст. 15 УПК РФ, не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или защиты, создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Только суд может решить вопрос о виновности, либо невиновности подсудимого и вынести приговор по делу. На суд, таким образом, законом возложена обязанность вынесения, в соответствии со ст. 297 УПК РФ законного, обоснованного и справедливого приговора. Помимо приговора, по результатам рассмотрения поступивших материалов уголовного дела в судебном заседании, судом могут быть вынесены и иные решения, предусмотренные УПК РФ: об освобождении несовершеннолетнего подсудимого от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия или направлении в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа; о применении принудительных мер медицинского характера, о прекращении уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа; о направлении уголовного дела по подсудности; о возвращении уголовного дела прокурору; о приостановлении производства по уголовному делу; о прекращении уголовного дела, об отложении судебного заседания в связи с наличием не вступившего в законную силу приговора, предусматривающего условное осуждение лица, в отношении которого в суд поступило уголовное дело, за ранее совершенное им преступление; о выделении или невозможности выделения уголовного дела в отдельное производство; о соединении или невозможности соединения уголовных дел в одно производство, и о назначении судебного заседания. То есть, как следует из вышеперечисленного, законом предусмотрено достаточно обширный перечень вариантов решений, которые может принимать суд по итогам рассмотрения материалов дела.

Как было сказано выше, выносимое решение суда (приговор или иное решение) должно быть законным, обоснованным и справедливым. Обоснованность предполагает всестороннее исследование материалов уголовного дела судом, поверку имеющихся в деле доказательств в ходе проведения судебного разбирательства, особенного в центральной его части: судебном следствии, сопоставление материалов дела друг с другом, выявление недостающих данных, необходимых для установления обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию в соответствии с требованиями ст. 73 УПК РФ. При этом необходимо учитывать, что сторона обвинения и защиты заинтересованы в отстаивании своей позиции, исходя из своего процессуального статуса, объема прав и обязанностей, и не всегда вследствие этого могут быть объективны в процессе, доказывая свое мнение. Суд, как следует из ном законодательства, не относится ни к одной из сторон, должен объективно оценить их доводы и вынести приговор либо иное решение.

В соответствии с ч. 3 ст. 15 УПК РФ, суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных прав. Но, как нам представляется, ограничиваться только обеспечением создания условий суд не может и не должен. Мы разделяем мнение В. Ю. Мельникова о том, что «Суд включен в число субъектов, уполномоченных собирать доказательства, а обязанность по осуществлению правосудия, которая возлагается на судью Конституцией Российской Федерации и УПК РФ, не лишает его права собирать доказательства в соответствии со складывающимся в процессе состязания обвинения и защиты его внутренним убеждением. Наоборот, пассивность оказывается элементом, противоречащим принципу свободной оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ), и ограничивает судью в реализации конституционного права на осуществление правосудия, а степень активности судьи определяется только его обязанностью по проверке и оценке доказательств на основании внутреннего убеждения, находится в пределах этого убеждения и определяется им, иначе будут искажены суть правосудия и назначение уголовного судопроизводства.» [2, С. 146]

В силу своего процессуального положения, стороны могут быть необъективны в отстаивании своих позиций, и суду, как органу власти, на котором лежит ответственность за итоговое решение по делу, должны быть предоставлены полномочия по возможности проверки доводов сторон процесса, и при необходимости возможность суда самостоятельно получать доказательства, как для проверки доводов сторон, так и для восполнения недостатков и пробелов предварительного следствия. Полагаем, это свидетельствует в пользу необходимости закрепления в законе возможности суду самостоятельно проявлять в процессе активность в сборе и оценки доказательств.

Суд в своей деятельности, как отражено в законодательстве, независим и при вынесении решений по делу руководствуется только своим внутренним убеждением, руководствуясь законом и совестью (ст. 17 УПК РФ). Для того, чтобы у суда сформировалось убеждение в решении по делу, он должен дать оценку доказательствам, содержащимся в деле, доводам сторон в процессе. На практике распространенной является ситуация, когда по мнению суда, для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию и принятия решения, необходимо получить дополнительные доказательства, которые стороны суду не предоставляют. Полагаем, в этих случаях у суда должны быть закрепленная законом возможность проявлять инициативу в получении дополнительных доказательств по делу, даже если стороны о них никаких ходатайств не заявляли. Это можно аргументировать тем, что именно на суд законом возложена ответственность за вынесение итогового решения по делу и за последствия его вынесения для участников процесса. Поскольку по смыслу действующего законодательства только суд наделен государством полномочиями решения вопроса о виновности, невиновности, других решений, затрагивающих конституционные права человека и гражданина, суд должен иметь возможность самостоятельно проводить по своей инициативе судебные действия следственного характера, а также иные процессуальные действия для проверки и получения новых доказательств, достаточных и достоверных, по мнению суда, для принятия законного итогового решения по делу.

Ч. 3 ст. 15 УПК РФ закрепляет положение о том, что суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Создание условие предполагает деятельность, а деятельность, в свою очередь есть не что иное, как проявление активности суда в реализации своих функций.

Кроме того, уголовно-процессуальный закон закрепляет суд, как субъекта доказывания, наделяя полномочиями по сбору доказательств по делу. Доказывание, согласно положению УПК РФ, состоит в собирании, проверке и оценке доказательств, что также предполагает деятельность, т. е. активность субъектов доказывания, в том числе и суда, как органа, ответственного за вынесение итогового решения по делу. Ч. 1 ст. 86 УПК прямо указывает, что собирание доказательств осуществляется судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ. Из смысла и содержания данной нормы также следует, что законодатель прямо наделяет суд возможностью проявлять активность в получении доказательств. Ст. 87 УПК РФ, говоря о проверке доказательств, указывает, что проверка может осуществляться судом путем сопоставления с другими доказательствами, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. Судебная практика показывает, что во многих случаях для проверки доказательств, содержащихся в материалах дела простого сопоставления их с другими доказательствами из дела оказывается недостаточно. Возникает необходимость получения дополнительных доказательств с целью проверки искомых. В подобных ситуациях стороны не всегда могут проявлять инициативу в их получении по разным причинам (незаинтересованность в установлении объективных обстоятельств дела, отсутствие опыта поддержания обвинения в суде, пассивность стороны защиты в отстаивании интересов подсудимого (такое имеет место быть в случае приглашения защитника для участия в деле следователем или судом, многие адвокаты в подобных случаях считают, что они не связаны какими-либо обязательствами по отношению к своему подзащитному и участвуют в деле по сути формально)). В подобных случаях, полагаем, суд не только может, но и должен проявлять активность и инициативу в получении дополнительных доказательств, поскольку от этого напрямую будет зависеть мнение суда об установлении обстоятельств дела и, вынесение судом законного и обоснованного решения по делу.

Согласно ст. 88 УПК РФ доказательства оцениваются с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и в совокупности достаточности для разрешения уголовного дела. При принятии решений судьи руководствуются только законом, совестью и внутренним убеждением, основанном на исследованных в суде допустимых доказательствах (ч. 1 ст. 17 УПК РФ). Как следует из смысла указанной нормы, принятию решения суда должна предшествовать деятельность, деятельность по всестороннему исследованию всех материалов дела, их проверке, как путем сопоставления друг с другом, таки путем получения для целей проверки дополнительных доказательств. Это также является указанием на необходимость проявления активности суда в уголовном судопроизводстве при исследовании обстоятельств совершенного преступления, и вынесения итогового решения по делу. Ст. 89 УПК РФ предусматривает возможность использования в доказывании, в том числе при рассмотрении дела в суде результатов оперативно-розыскной деятельности при условии их соответствия требованиям, предъявляемым к доказательствам. Решение вопроса об этом также предполагает проведение их исследования и проверки, что также является проявлением необходимой активности суда в этом вопросе.

Само создание сторонам судом условий для осуществления своих прав в судебном разбирательстве, предполагает по смыслу активную позицию суда, связанную с вызовом и допросом необходимых свидетелей, направлением, при необходимости, запросов, назначением экспертиз, разрешением заявленных ходатайств, проведением судебных действий следственного характера.

Мы разделяем мнение Т. И. Андрющенко о том, что «Вместе с тем, нельзя не отметить, что используемые судом доказательства ни в коем случае не могут быть нейтральными, поскольку всегда ориентированы на установление наличия либо отсутствия входящих в предмет доказывания обстоятельств. Свойство относимости всегда ориентирует доказательство совершенно определенным образом, вследствие чего оно становится либо обвинительным, либо оправдательным. Но ведь и судебное решение не может быть нейтральным, поскольку закон предусматривает только два вида приговора: оправдательный или обвинительный (ч. 1 ст. 302 УПК). Их возможно постановить, лишь признав безусловную правоту доводов той или иной стороны.» [3, С.241]

Конституционный Суд РФ в своем определении от 20 ноября 2003 года № 451-О указала, что «Вместе с тем осуществление судом функции правосудия в публичном по своему характеру уголовном процессе предполагает законодательное наделение его правом проверять и оценивать с точки зрения относимости, допустимости и достоверности представленные сторонами обвинения и защиты доказательства как путем установления их источников и сопоставления с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле либо представляемыми сторонами в судебном заседании, так и путем получения и исследования - в рамках обвинения, предъявленного подсудимому либо измененного в соответствии с уголовно-процессуальным законом (часть вторая статьи 252 УПК Российской Федерации), - иных доказательств, подтверждающих или опровергающих доказательство, проверяемое судом. В частности, речь идет о правомочии рассматривающего уголовное дело суда по собственной инициативе или по указанию суда кассационной инстанции назначить повторную экспертизу, направленную на разрешение сомнений в обоснованности ранее полученного заключения эксперта и устранение противоречий в сделанных выводах.

Такое право является непременным условием использования судом (в том числе в порядке части первой статьи 86, части первой статьи 240, части первой статьи 282, части первой статьи 283 УПК Российской Федерации) тех или иных доказательств для принятия на их основе правосудных решений. Иное не позволяло бы суду при рассмотрении уголовных дел давать объективную оценку отстаиваемым сторонами позициям и устранять возникающие в ходе судебного разбирательства сомнения в их обоснованности, а, следовательно, не обеспечивало бы независимость и беспристрастность суда при отправлении правосудия.» То есть, как видно из приведенного определения, Конституционный Суд РФ прямо говорит о возможности и необходимости суду проявлять активность и инициативу в исследовании и установлении обстоятельств дела, исследовании имеющихся и получении дополнительных доказательств для вынесения законного решения по делу.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, хотя уголовно-процессуальное законодательство напрямую не обязывает суд проявлять инициативу в исследовании материалов дела, установлении обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию, анализ его смысло-

вого содержания позволяет сделать вывод, что активность суда законом не только допускается, но и предусматривается. Суд, как единственный орган государственной власти, который полномочен решать вопросы о виновности или невиновности, выносить решения, напрямую влияющие на конституционные права человека и гражданина, не может быть лишен возможности при необходимости проявлять инициативу в процессе исследования материалов дела, сборе необходимых доказательств для вынесения решения. Чтобы у суда сформировалось то или иное внутреннее убеждение, относительно итогового решения, за которое он несет ответственность, как орган судебной власти государства, он должен иметь возможность предпринимать все возможные в рамках действующего законодательства меры для исследования, как уже имеющихся, так и получения дополнительных доказательств для принятия законного решения по делу.

Список литературы :

1. Ларинков А. А. Конституционный принцип состязательности сторон и роль суда в доказывании обстоятельств по уголовному делу [Электронный ресурс] / А. А. Ларинков // Криминалистъ. – 2013. – № 2 (13). – С. 64–70. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_26109901_69828469.pdf.

2. Мельников Ю. В. Современные вопросы уголовного судопроизводства: монография / Ю. В. Мельников. – Ростов н/Д : Фонд Науки и образования, 2021. – 514 с.

3. Андрющенко Т. И. Суд обязан доказывать обстоятельства по уголовному делу [Электронный ресурс] / Т. И. Андрющенко // Пробелы в российском законодательстве. 2010. – № 4. – С. 241–244. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_15278318_92607247.pdf.

References:

1. Larinkov A. A. The constitutional principle of the adversarial nature of the parties and the role of the court in proving the circumstances of a criminal case [Electronic resource] / A. A. Larinkov // Criminalist. – 2013. – № 2 (13). – Pp. 64-70. – Access mode: https://elibrary.ru/download/elibrary_26109901_69828469.pdf .

2. Melnikov Yu.V. Modern issues of criminal justice: a monograph / Yu. V. Melnikov. Rostov n/A : Foundation for Science and Education, 2021. 514 p.

3. Andryushchenko T. I. The court is obliged to prove the circumstances of the criminal case [Electronic resource] / T. I. Andryushchenko // Gaps in Russian legislation. 2010. – No. 4. – pp. 241-244. – Access mode: https://elibrary.ru/download/elibrary_15278318_92607247.pdf .

Требования к оформлению научных статей, материалов, направленных в редакцию журнала «Право и государство: теория и практика»

- Статья должна содержать название; фамилию, полные имя и отчество автора, его учёную степень, учёное звание, место работы, должность, место учёбы, контактную информацию, почтовый адрес. Все должно быть с переводом на английский язык. **Обязательно указываете шифр научной специальности.**
- Все материалы должны предоставляться в редакцию в электронном виде: через 1,5 компьютерных интервала, 14 шрифтом (*Times New Roman*), ссылки в квадратных скобках, например, [1], либо [1, с. 56], в формате *Microsoft Word* по электронной почте **prigos@mail.ru.**
- Объём материала не должен превышать 25000 знаков (с пробелами), страницы должны быть обязательно пронумерованы.
- При оформлении ссылок на материалы, полученные из Интернета, обязательно указывать полный адрес материала в Интернете и дату рецепции материала.
- Все аббревиатуры и сокращения, кроме общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте. Используемые в тексте нормативные правовые акты должны обязательно содержать дату, номер принятия и полное официальное наименование, а также источник публикации. Обязательно указание источника, номера страниц приводимых цитат, фактических и цифровых данных.
- Текст статьи (цитаты, цифры, сноски) должен быть вычитан, сверен и подписан автором.
- В конце статьи приводится список литературы, использованный при её написании. Каждый источник должен содержать страницы, на которые Вы ссылаетесь, либо указываете общее количество страниц в источнике.
- Журнал принимает к публикации материалы, уровень которых соответствует предъявляемым требованиям.
- Статьи авторов, не сообщивших контактную информацию, редакция журнала не принимает к рассмотрению.

Статьи, представленные на рассмотрение, должны иметь:

1. Индекс УДК, соответствующий теме статьи (ставится сверху слева);
2. Шифр научной специальности;
3. Краткую аннотацию и ключевые слова или словосочетания на русском и английском языках;
4. В статье необходимо сформулировать рассмотренную проблему, отразить объект исследования, новизну результатов исследования и область их применения. Статья должна заканчиваться выводом;

Справки по вопросам публикации статей и других материалов по электронной почте prigos@mail.ru

Порядок рецензирования рукописей:

1. Статья, предоставляемая в научный журнал, должна соответствовать профилю журнала.
2. Рукописи рассматриваются редакционным советом, оставляющим за собой право сокращения и исправления присланных статей. Решение о публикации принимается на основании экспертных оценок внешних рецензентов, редакционной коллегии с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.
3. Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. Авторы должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом. После доработки статья повторно рецензируется, и редакция принимает решение о возможности публикации. Статьи, отосланные авторам для исправления, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 1 (одну) неделю после получения. Возвращение статьи в более поздние сроки меняет дату ее опубликования.
4. По результатам рецензирования статья может быть либо отклонена, либо отослана автору на доработку, либо принята к публикации. О результатах автор уведомляется письменно.
5. Редсовет журнала предоставляет рецензии на рукопись по требованию автора и по запросам экспертных советов Высшей аттестационной комиссии. **Рецензии хранятся в Издательстве и в редакции 5 лет.**
6. Редсовет журнала не хранит рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Рукописи, получившие отрицательный результат от рецензента, не публикуются и не возвращаются обратно автору.
7. Редакторы не сообщают информацию, касающуюся рукописи (включая сведения о ее получении, содержании, процессе рецензирования, критических замечаниях рецензентов и окончательном решении), никому, кроме самих авторов и рецензентов.
8. Если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Триада-С»
141080, Россия, Московская обл., г. Королев, Калининградский проезд, д. 1. Тел. (495) 287-41-30
Дата публикации 30.01.2026.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 48,69 п.л. Формат 60x90/8. Тираж 40 экз. «Свободная цена»